ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1845.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

а) *Проза.*

б) *Стихи.*

II. УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

III. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ГРАВЮРЫ

ПЕРВАГО ТОМА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

I. ПОРТРЕТЫ.

II. ВИДЫ ГОРОДОВЪ, СЕЛЪ, ДЕРЕВЕНЬ, и проч.

III. ЦЕРКВИ, ПУБЛИЧНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗДАНІЯ.

IV. ВИДЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ МѢСТОПОЛОЖЕНІЙ И ЯВЛЕНІЙ ВЪ ПРИРОДѢ.

V. ПАМЯТНИКИ, СТАТУИ, КАРТИНЫ И ДРУГІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

VI. ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

VII. СЦЕНЫ И КАРТИНКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и пр.

VIII. НАРОДНЫЯ СЦЕНЫ.

IX. ФАБРИКИ, МАНУФАКТУРЫ И ПРОМЫСЛЫ.

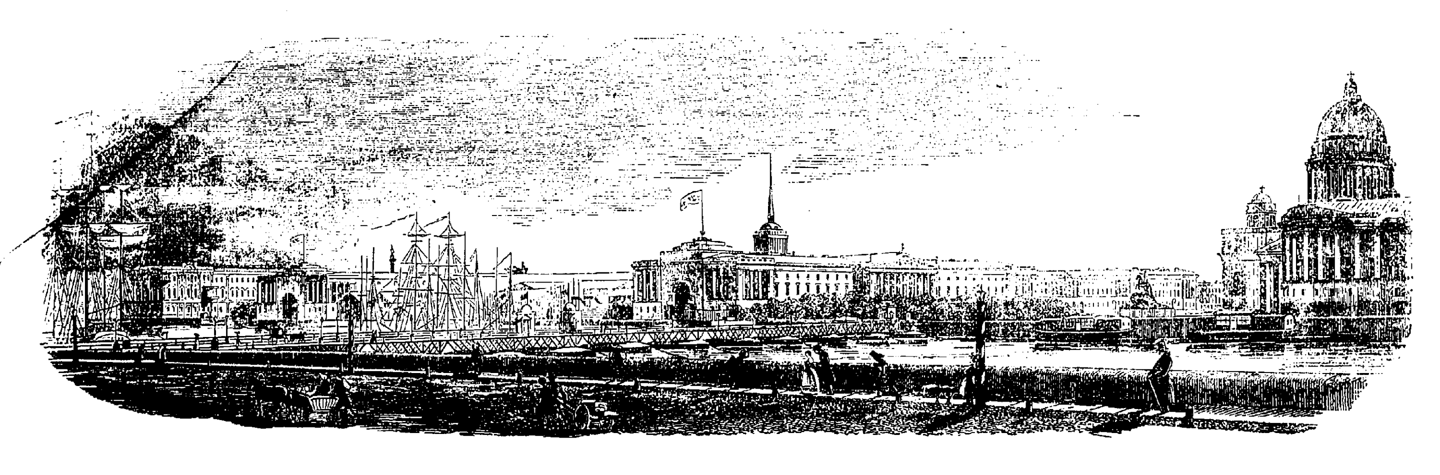
X. ДВОРЦЫ, ЗАМКИ, ЧАСТНЫЕ ДОМА, ДАЧИ ПОКОИ и проч.

XI. КАРРИКАТУРЫ И ТИПЫ.

XII. СМѢСЬ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер.
и пересылкою На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 1. — Суббота 31 Марта 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При всѣхъ затрудненіяхъ, которыхъ не могла и предвидѣть Редакція, Иллюстрація является въ срокъ по обѣщанію. О внутреннемъ и наружномъ ея достоинствѣ пусть судитъ зритель и читатель; но нѣкоторыя объясненія необходимы.

Общій голосъ требовалъ оригинальныхъ гравюръ, оригинальныхъ статей. Иллюстрація сама сознаетъ справедливость подобнаго требованія. По мѣрѣ силъ и возможности Редакція о томъ старается.

Французская Иллюстрація имѣетъ 160,000 подписчиковъ, Англійская не многимъ больше, Нѣмецкая 30 тысячь, — и всѣ безъ исключенія заимствуютъ одни у другихъ, статьи и гравюры, помѣщаютъ гравюры изъ новыхъ иллюстрованныхъ изданій; тѣмъ знакомятъ съ ними своихъ читателей; читатели не жалуются. Русская Иллюстрація, какъ сказано въ объявленіи, будетъ дѣлать тоже въ соразмѣрномъ числѣ и съ строгимъ выборомъ относительно достоинства, литературнаго или художественнаго, статей и гравюръ. Во Франціи, Англіи и даже Германіи граверамъ и счету нѣтъ. У насъ число ихъ не составляетъ и сложной цыфры. До десяти мы еще не досчитались.

Русская Иллюстрація выходитъ съ апрѣля: это для подписчиковъ не совсѣмъ удобно. Мы приложимъ старанія догнать время, почему нѣкоторые нумера будутъ выходить въ кратчайшіе сроки.

Первый нумеръ — есть программа изданія на дѣлѣ. Она не измѣнится. — Нѣкоторыя подробности и въ этомъ отношеніи требуютъ объясненія. Иныя отдѣленія постоянны, другія переходящія. Русская литература не богата. Но русскіе писатели, о чемъ безъ изъявленія живѣйшей признательности говорить не можемъ, хоромъ увѣряютъ насъ, что не оставятъ своимъ содѣйствіемъ изданія. Не смотря на то оригинальная русская повѣсть не есть всегдашняя принадлежность каждаго нумера. Есть — помѣстимъ; нѣтъ — будемъ довольствоваться хорошею переводною; есть та и другая — напечатаемъ обѣ. Въ статьяхъ ученыхъ и художественныхъ будемъ руководствоваться тѣмъ же правиломъ. Но главное отдѣленіе нашего изданія всегда будетъ и останется: описаніе Россіи въ ея общественныхъ и частныхъ зданіяхъ, въ подвигахъ и трудахъ замѣчательныхъ соотечественниковъ, въ нравахъ и обычаяхъ народа, въ художествахъ, искуствахъ и наукахъ. До сихъ поръ Редакція имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи слѣдующія литературныя статьи: Ошибки, разсказъ А. П. Башуцкаго, Замѣтки петербургскаго жителя, Графа В. А. Соллогуба, Бани Е. П. Ковалевскаго, Переходъ черезъ Балканы его же, русская сказка Н. А. Полеваго, Русскіе подъячіе въ трехъ вѣкахъ, его же, О повѣрьяхъ и предразсудкахъ русскаго народа, Казака Луганскаго, Нарвская Легенда П. Р. Фурманна, Повѣсть Е. П. Гребенки, Вольный Гетманъ Панъ Савва Редактора и другія. О новыхъ книгахъ, нотахъ, гравюрахъ и проч. говорить будемъ; но съ строгимъ разборомъ; иллюстрованныя изданія будутъ разсматриваться преимущественно предъ другими; изъ лучшихъ будутъ помѣщаемы политипажныя оттиски; читатель будетъ знакомиться въ одно время и съ литературнымъ и съ художественнымъ достоинствомъ книги. — Дальнѣйшее направленіе этого отдѣленія читатели усмотрятъ въ продолженіи изданія. — Содержаніе Смѣси разсказать трудно. Программа этого отдѣленія — Смѣсь перваго нумера.

Не безъ смущенія начинаемъ изданіе. Отъ вниманія публики и отъ усердія Редакціи зависитъ успѣхъ и достоинство Иллюстраціи. За послѣднее можемъ ручаться; на снисходительное вниманіе публики возлагаемъ всѣ наши надежды.

ЯНВАРЬ.

Печальны первые шаги новаго 1845 года; тяжела утрата, которою Провидѣнію угодно было взыскать Августѣйшій Домъ и всю Россію... Что можно прибавить къ трогательнымъ словамъ Высочайшаго Манифеста, возвѣстившаго о кончинѣ Великой Княгини Елисаветы Михайловны, Супруги Владѣтельнаго Герцога Адольфа Нассаускаго? Эта вѣсть еще болѣе разстравила и глубокую горесть о недавней утратѣ, память о коей не умретъ никогда, а сердечныя раны не заживутъ скоро...

Въ этомъ же январѣ Россія лишилась увѣнчаннаго лаврами побѣды, мужа. 18-го Января здѣсь въ С. Петербургѣ, скончался

(Адмиралъ А. С. Грейгъ).

Адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ. По фамиліи онъ былъ Англичанинъ, по рожденію принадлежитъ Россіи; отецъ Алексѣя Самойловича принятъ въ 1764 году въ русскую службу капитаномъ 1 ранга, и вскорѣ новому отечеству оказалъ немаловажныя услуги. Въ 1765 году онъ вооружилъ по новому способу фрегатъ: «Св. Сергій», въ 1768 корабль «Трехъ Іерарховъ»; этотъ способъ коллегія распространила на всѣ корабли. Въ послѣдствіи Самуилъ Карловичъ участвовалъ въ чесменскомъ и другихъ дѣлахъ; выходъ на берегъ и нападеніе на Чесму доставили Грейгу Георгія 2 ст. — Шведская война открыла Самуилу Карловичу обширнѣйшій кругъ дѣйствія, потому что здѣсь онъ могъ дѣйствовать съ большею самостоятельностію; побѣда, одержанная имъ надъ непріятельскимъ флотомъ, подъ начальствомъ Герцога Зюдерманландскаго, была весьма значительна; семидесятипушечный корабль «Принцъ Густавъ», вице-адмиралъ съ экипажемъ, достались въ плѣнъ побѣдителю; шведскій флотъ принужденъ былъ укрыться за твердыни Свеаборга.

Послѣ сраженія уже, за сильною ночною темнотою, одинъ изъ нашихъ кораблей попался между четырехъ непріятельскихъ и былъ уведенъ..... Грейгъ поспѣшилъ къ Свеаборгу; четыре шведскіе корабля, стоявшіе на рейдѣ близь порта, отрубили якоря и пошли на уходъ; преслѣдованіе было весьма сильно; въ поспѣшности одинъ изъ этихъ кораблей «Густавъ-Адольфъ» ударился о подводный камень; въ виду непріятельскаго флота и крѣпости карабль былъ сожженъ; капитанъ съ экипажемъ взятъ въ плѣнъ. Долго ожидалъ адмиралъ, не выйдетъ ли непріятель въ морѣ, не дождался и, принявъ всѣ мѣры предосторожности, пришелъ въ Ревель, но узнавъ, что изъ Карльскроны идутъ къ непріятельскому флоту пять кораблей, Грейгъ снова вышелъ въ морѣ, заперъ выходы изъ Свеаборга, ожидалъ со всею вѣроятностію весьма важныхъ послѣдствій; но тутъ же у свеаборгскихъ скалъ, на кораблѣ «Ростиславль» постигнутъ былъ тяжкою болѣзнію, отъ которой и умеръ 15 Октября 1788 года. Въ воспоминаніе его заслугъ выбита медаль въ 1790 году, а въ ревельской церкви сооруженъ мраморный памятникъ.

Есть преданіе, что сынъ Самуила Карловича, Алексѣй Самойловичъ, еще до рожденія, пожалованъ былъ Императрицею мичманомъ, условно, что если родится дочь, то будетъ фрейлиною. Это сходно съ Исторіей, потому что Грейгъ и родился и означенъ мичманомъ въ 1775 году. 10 лѣтъ уже, по Высочайшему повелѣнію, посланъ былъ въ Англію, гдѣ находился на судахъ въ кампаніи. По возвращеніи оттуда, въ 1788 году, поступилъ на корабль «Мстиславъ» подъ командою капитана Моловскаго и пожалованъ въ капитанъ-лейтенанты. Но въ слѣдующемъ году Грейгъ снова былъ отправленъ въ Англію, для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, совершилъ путешествіе въ Остъ-Индію, и возвратился въ Россію уже въ 1791 году. Въ 1792-мъ году снова поѣхалъ въ Англію и сдѣлалъ, въ качествѣ волонтера, кампанію въ Средиземномъ Морѣ. По возвращеніи (1796) поступилъ на корабль «Ратвизанъ», подъ командою бригадира Чичагова, а въ 1798, назначенный командиромъ того же корабля, совершилъ кампанію къ берегамъ Англіи. Въ эту кампанію Грейгъ участвовалъ въ дессантѣ, сдѣланномъ на голландскій берегъ, и былъ при взятіи Гельдерской крѣпости и голландскаго флота. По возвращеніи въ Кронштадтъ, въ чинѣ капитана 1-го ранга, назначенъ презусомъ коммиссіи для исправленія кронштадтскаго порта и членомъ комитета для исправленія флота вообще. Украшенный знаками Монаршаго Благоволенія, Ал. Сам. вступилъ на военное поприщѣ съ нѣкоторою самостоятельностію уже въ 1804 году. Въ званіи капитанъ-командора онъ отправился съ эскадрою изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ въ Корфу; усиленный тамъ находившимися судами и англійскимъ дессантнымъ войскомъ, Грейгъ пришелъ въ началѣ 1805 года къ Неаполю, высадилъ войска, но по причинѣ слишкомъ превышающихъ французскихъ силъ, дессантъ возвратился на корабли, эскадра отплыла къ Корфу и поступила подъ начальство знаменитаго Сенявина. Подвиги русскаго флота, подъ руководствомъ Сенявина, слишкомъ извѣстны; Грейгъ принималъ въ этихъ событіяхъ дѣятельное участіе; командовалъ дессантомъ при взятіи Тенедоса, преслѣдовалъ и заставилъ стать на мель непріятельскіе корабли. Послѣ сраженія, 10 Маія 1805, овладѣлъ ост. Лемносомъ; въ генеральномъ сраженіи 17 Іюня участвовалъ при взятіи турецкаго адмиральскаго корабля и сжегъ въ заливѣ Монте-Санто одинъ корабль и два непріятельскіе фрегата. — Чинъ контръ-адмирала и орденъ Св. Анны перваго класса были наградами за подвиги противу Турокъ; но съ этого времени наступилъ довольно продолжительный періодъ бездѣйствія. А. С. проживалъ въ Москвѣ до 1812 года. Въ этомъ уже достопамятномъ году Грейгъ опять явился на военномъ поприщѣ; въ Молдавіи командовалъ адмиралъ Чичаговъ и возлагалъ на Грейга важныя дипломатическія порученія, съ коими А. С. ѣздилъ въ Одессу, Константинополь, Мальту и Сицилію, и въ началѣ уже 1813 года черезъ Англію воротился въ Россію, и явился къ Императору Александру прямо въ Калишь. Здѣсь поручено было А. С. наблюдать за всѣми непріятельскими судами, по мѣрѣ занятія портовъ, опредѣлять которыя изъ нихъ должно считать призами, а которыя свободными. Вслѣдъ за тѣмъ А. С. назначенъ главнымъ начальникомъ всей гребной флотиліи и парусныхъ судовъ, которыя должны были вести блокаду Данцига. Въ это время пожалованъ въ вице-адмиралы.

Въ 1816-мъ году назначенъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ и Николаевскимъ и Севастопольскимъ военнымъ губернаторомъ. На этомъ мѣстѣ Грейгъ награжденъ орденами Александра Невскаго, брилліянтовыми на сей орденъ знаками и Владиміра 1 ст. — Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю турецкую кампанію, А. С. принималъ дѣятельное участіе при покореніи Анапы и Варны; кромѣ другихъ наградъ пожалованъ за отличіе въ адмиралы, а за осаду и покореніе Варны орденомъ Св. Георгія 2 ст. По окончаніи войны съ Портою А. С. Всемилостивѣйше пожалованъ Шифръ Его Императорскаго Величества.

Въ 1830 году ад. Грейгъ былъ на время вызванъ въ Петербургъ, для предсѣдательствованія въ комитетѣ улучшеній по флоту; лѣтомъ 1831 года возвратился въ Николаевъ, но не на долго; преклонныя лѣта, въ званіи члена государственнаго совѣта, А. С. провелъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 18 Января 1845 года, 70-ти лѣтъ отъ роду.

Безъ сомнѣнія жизнь и подвиги его будутъ *описаны съ подробностью, какой заслуживаютъ. Мы помѣстили краткую только некрологію, какую намъ удалось собрать изъ разныхъ источниковъ. — Съ величайшимъ удовольствіемъ мы помѣстимъ всякія прибавленія къ этому легкому очерку, если знавшіе А. С. ближе, удостоятъ Редакцію сообщеніемъ этихъ интересныхъ дополненій. Возвратимся къ нашей и печальной и бѣдной хроникѣ.*

Въ этомъ же январѣ 7-го числа, въ имѣніи своемъ, въ мѣстечкѣ Яготинѣ, въ Полтавской Губерніи, скончался генералъ отъ кавалеріи Князь Николай Григорьевичъ Рѣпнинъ-Волконскій, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, на 67 году отъ рожденія. Онъ служилъ отечеству на полѣ бранномъ и на поприщахъ дипломатическомъ и гражданскомъ; былъ посланникомъ при дворахъ братьевъ Наполеоновыхъ, Іеронима и Іосифа; послѣ знаменитой Лейпцигской битвы управлялъ Саксонскимъ Королевствомъ, и потомъ осьмнадцать лѣтъ Малороссіею. Онъ былъ со стороны матери, родной внукъ знаменитаго генералъ-фельдмаршала Князя Николая Васильевича Репнина, и его воспитанникъ.

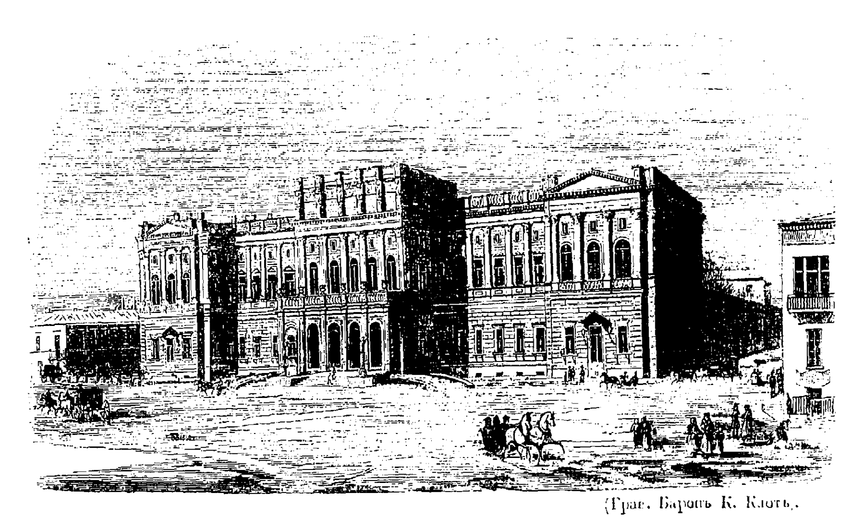
—

Важнѣйшій вопросъ настоящаго времени въ Россіи — безъ сомнѣнія есть устройство желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга. Намъ обѣщаютъ черезъ два года окончаніе этого гигантскаго труда; страшно и подумать, что желѣзный путь ляжетъ на пространствѣ 590 верстъ; Москва приближится къ Петербургу, къ Европѣ на сто верстъ и сверхъ того еще на два дня. И не одна Москва, почти вся Россія, передвинется поближе къ Европѣ, сократится на тѣ же сто верстъ и на тѣ же два дня. Уничтожить сто верстъ разстоянія географическаго значитъ уничтожить столько же и разстоянія нравственнаго. Это петровскій шагъ; съ этой сотней верстъ и сто лѣтъ со счетовъ долой. Многіе и премного толковали, что полезнѣе было бы прежде сократить Россію хорошими сообщеніями въ отдаленнѣйшихъ и маловодныхъ провинціяхъ. Кто споритъ? Пользы было бы много; но всѣ эти пути возникнутъ и образуются сами собой; набѣгутъ на московскую желѣзную дорогу толпой; въ огромномъ образцѣ огромны и опыты; они разрѣшатъ тысячи задачъ, облегчатъ тысячи затрудненій; отсѣкутъ тьму препятствій. Развѣ мы не видимъ, что попытки нѣкоторыхъ провинціальныхъ сообщеній, отъ которыхъ ожидали богатыхъ послѣдствій, на опытѣ расползлись какъ снѣгъ отъ лица огня; Петербургъ голова; Москва желудокъ; отъ нихъ и черезъ нихъ изволитъ здравствовать вся Россія; тутъ источникъ и связь всей Имперіи, тутъ и быть поскорѣе желѣзной дорогѣ. И какъ можно поскорѣе. Въ этомъ не только общая польза, но и личный интересъ Иллюстраціи. Великолѣпныя зданія на выѣздахъ, красивыя станціи, хитрые мосты, остроумныя выдумки механики... все это такъ и просится подъ рѣзецъ граверовъ. А край, по которому пролегаетъ дорога? Есть провинціи, которыхъ становится жаль, когда подумаешь, что ихъ окуютъ желѣзными дорогами; вообразишь, что ѣдешь уже въ душномъ вагонѣ; на каждомъ шагу только и думаешь, какъ бы остановить могучій паръ и полюбоваться живописной окрестностью. Тутъ совсѣмъ другое; овраги, лѣса, болота, еще болота, потомъ опять болота, изъ состраданія кое-гдѣ рѣчки, которыя названы рѣчками также изъ состраданія... О везите поскорѣе! Нельзя ли въ часъ, въ полъ-часа промчаться по этимъ 500-мъ верстамъ; не видѣть окрестностей, не замѣтить рѣчекъ и очутиться въ Москвѣ истинно живописной; срисовать не только весь городъ, но и всѣ его окрестности; награвировать руками русскихъ художниковъ (и это обѣщаетъ московская желѣзная дорога) и помѣстить въ русскихъ иллюстраціяхъ. Два года! Лети время скорѣй, пока у насъ и такъ довольно матеріаловъ; на глазахъ возникаютъ вѣковыя зданія, творятся чудеса зодчества. Тутъ исполинскій мостъ, тамъ гигантскій соборъ... По матеріалу, Исаакія можно назвать драгоцѣннымъ; малахитъ, бронза, мраморъ, гранитъ, съ низу до верху. И весь этотъ матеріалъ свой; въ далекой Сибири трудятся для того же собора, для котораго работаютъ въ глухомъ углу Ладожскаго Озера. Странно, что богатства нѣдръ земли такъ близко покоились возлѣ насъ, почти полтораста лѣтъ, въ совершенной неизвѣстности. Мраморы разныхъ цвѣтовъ и порфиры смирно лежатъ по ладожскому прибрежью и по близости; ждутъ призыва встать и перейти на удивленіе и украшеніе Русской Столицы. Сама природа облегчаетъ трудъ человѣку. У ногъ мраморныхъ скалъ лежитъ глубокое озеро, котораго волны несетъ Нева по Петербургу; въ средѣ горъ падутъ водопады, пока праздные, которыхъ можно заставить работать за шесть сотъ и болѣе лошадей. И все это мы знаемъ только по разсказамъ хотя и достойнаго вѣры очевидца. Извѣстіе это мы получили теперь и считаемъ принадлежностью Января; Иллюстрація тотчасъ же исполнила свою обязанность и, можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени перомъ и карандашемъ ознакомитъ читателей съ ладожскими богатствами. Сѣверъ нашъ, не смотря на суровость климата, обиленъ прекрасными предметами для Иллюстраціи; не лишенъ жизни и даже торговой дѣятельности. Предпріятіе — соединить воды живописной Саймы съ Балтійскими, посредствомъ канала, для Финляндіи стоитъ московской желѣзной дороги; тутъ только одна, и то поэтическая, опасность; чрезъ отводъ Саймы, не пострадаетъ ли великолѣпный водоскатъ Иматры?... Право, стоитъ принять противу этого несчастія мѣры. Одна бѣда. Мы умѣемъ мастерски заимствовать; изобрѣтаемъ трудно. Гдѣ наши изобрѣтенія за январь мѣсяцъ? Въ Англіи вѣроятно въ это время найдено сто секретовъ, открыто сто новыхъ механическихъ и химическихъ способовъ, — а у насъ полевые инженеры штабсъ-капитанъ Павелъ Роше и Николай Болдыревъ, да с. петербургскій купецъ Михайло Огородниковъ изобрѣли печь для обжиганія извести, а фридрихсгамскій первостатейный купецъ Иванъ Вавиловъ — снарядъ для очищенія ламповаго масла! И то благо. Не худо бы при этомъ случаѣ изобрѣсти и лучшій способъ дѣланія кирпича. Случилось намъ видѣть англійскій кирпичикъ. Прессъ-папье — хоть на дамскій столъ; чисто, гладко, безъ ноздринки; оттого и кладка плотнѣе и садиться нечему; тутъ и секрета никакого нѣтъ. Можно бы перенять эту полезную хитрость безъ всякихъ расходовъ, безъ всякаго труда для головы... Мы же любимъ заимствованія до нельзя; у насъ и литература, и театры только и живутъ заимствованіями. Когда-то расплатимся съ ученымъ и литературнымъ міромъ

важными и достойными всеобщаго вниманія произведеніями. Много причинъ упадка нашей литературы. Объ нихъ и вспоминать грустно; объ нихъ каждому извѣстно иовѣдомо. Попытайтесь спросить на Невскомъ перваго встрѣчнаго — отъ чего наша литература хромаетъ? Каждый вамъ скажетъ гдѣ она ушиблась; сколько приставлено піявокъ, кто ее лечитъ и такъ далѣе. Такъ нечего и повторять всѣмъ извѣстнаго; притомъ эти причины довольно отдалены, къ январю 1845 не принадлежатъ. Напротивъ въ январѣ книжная торговля увидѣла на Невскомъ-Проспектѣ старыя свои знамена, подъ которыми еще такъ недавно подвизалась съ честію. Скромная вывѣска возвѣстила, что А. Ф. Смирдинъ возвратился изъ добровольнаго уединенія, возвратился къ дѣятельности полезной, основательной. — Привычка къ имени начинаетъ возобновляться; посѣтители умножаются, и нѣтъ сомнѣнія, что весьма скоро самостоятельность этого магазина упрочится. Для того нужны изданія, да изданія. Предпринятое въ пользу А. Ф. Смирдина изданіе изъ трудовъ русскихъ литераторовъ и художниковъ подвигается впередъ довольно быстро. Многія статьи уже доставлены; въ томъ числѣ произведенія Графини Растопчиной, Бенедиктова, Губера, Луганскаго и другихъ. Многія пишутся и уже извѣстны по содержанію и заглавію; книга будетъ имѣть большую занимательность и отразитъ настоящее состояніе нашей литературы. Другое изданіе — Альманахъ Графа Соллогуба, составленный изъ прекрасныхъ статей, украшенный трудами любимѣйшихъ писателей — также подвигается съ успѣхомъ; первые выпуски готовы. Наконецъ, главное предпріятіе А. Ф. Смирдина, необходимое и полезное изданіе для каждаго Русскаго — приготовляется къ печати. — Это Русскіе Классики въ уютномъ форматѣ, по самой дешевой цѣнѣ. Вотъ безъ сомнѣнія пріятнѣйшая новость въ Январѣ.

Русская журналистика съ новымъ годомъ не измѣнила своихъ началъ. Первыя книжки 1845, точно такія же, какъ и послѣднія прошедшаго года. — Слѣдственно и тутъ мало новаго. Что дѣлать? Посмотримъ не были ль мы счастливѣе въ театрахъ, въ увеселеніяхъ въ музыкѣ?

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

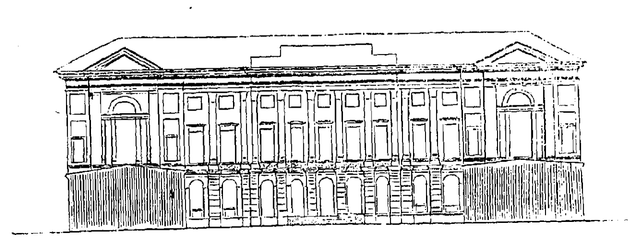


(Грав. Баронъ К. Клотъ).

Дворецъ Ея И. В. В. К. Маріи Николаевны).

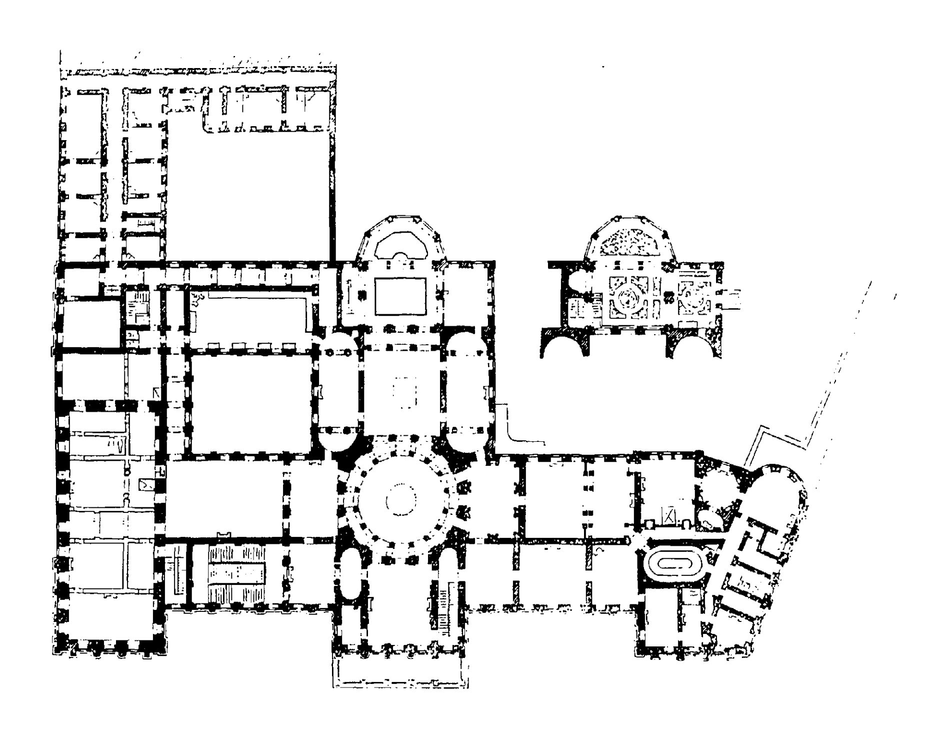
ДВОРЕЦЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Между Вознесенскимъ проспектомъ и Новымъ переулкомъ, на лѣвомъ берегу Мойки, фасомъ на Синій мостъ, на глубокомъ дворѣ, съ высокой оградой, вызвышалось съ важностію вельможеское зданіе временъ Екатерины. То былъ старый Чернышевскій Дворецъ построенный архитекторомъ Ламотомъ. Этотъ зодчій участвовалъ въ Екатерининскихъ пристройкахъ къ Зимнему Дворцу и въ другихъ зданіяхъ; но архитектура его не отличалась особенною граціей. Онъ, кажется, искалъ величія въ тяжелыхъ формахъ, изъящества въ условныхъ размѣрахъ, и потому не произвелъ ничего такого, чтобы сохраняло его имя подобно трудамъ Растрелли, Кокоринова, Камерона, Гваренги. Подобной архитектуры былъ и старый Чернышевской Дворецъ, который обращенъ, послѣ покупки въ казну, на помѣщеніе Юнкерской Гвардейской Школы. Въ 1838 или 1839 году для Дворца Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны избрано мѣсто, ко-



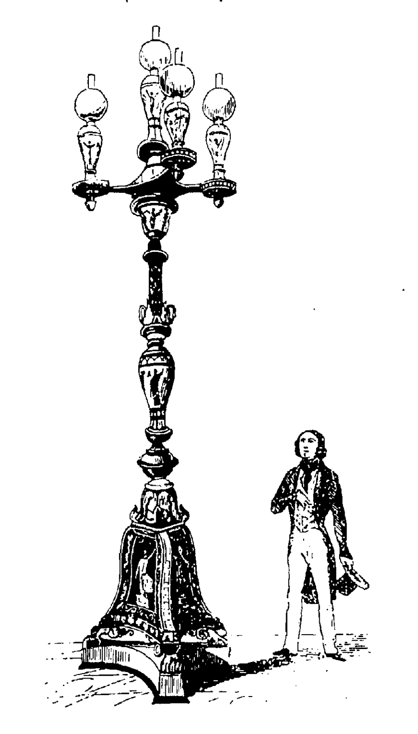
(Бывшій домъ Графа Чернышева).

торое занимали Чернышевскій Дворецъ и еще три соприкосновенные къ нему дома Гг. Вульферта, Демута-Малиновскаго и Савенка. Въ короткое время составленъ былъ архитекторомъ А. И. Штакеншнейдеромъ проэктъ новаго Дворца, удостоенный Высочайшаго Утвержденія въ 1839 году, а въ 1840 — Дворецъ уже былъ готовъ въ чернѣ; отдѣлка его продолжалась до исхода 1844 года; въ началѣ 1845 Маріинскій Дворецъ открыли для любопытной публики. Толпы посѣтителей тѣснились въ покояхъ; и мы воспользовались этою милостью; съ истиннымъ наслажденіемъ повторили пріятную прогулку и спѣшимъ подѣлиться нашими воспоминаніями съ тѣми, которымъ неудалось побывать внутри этого превосходнаго зданія.



(Планъ Дворца.)

Наружный видъ самъ за себя говоритъ; довольно взглянуть на гравюру, чтобы поставить Дворецъ Ея Высочества въ число лучшихъ зданій, можетъ быть, не одного Петербурга, а всѣхъ европейскихъ столицъ. Общій видъ лучшаго чистаго стиля; великолѣпный балконъ, по размѣрамъ, можно сравнить съ обширной залой; подъѣздъ широкъ и въ архитектурѣ сохраняетъ важность, зданію соотвѣтственную; масса, вѣнчающая, зданіе едвали не сообщаетъ всему дворцу царственное величіе. Какъ въ лицѣ человѣка, какъ въ произведеніяхъ природы, такъ и въ архитектурѣ, незначительная по объему часть, нерѣдко одна черта, даетъ всѣмъ остальнымъ частямъ опредѣленную связь съ яснымъ значеніемъ. Не все то величественно, что огромно. Можно бы указать, на многіе тому примѣры. Есть зданія и длиннѣе и выше Дворца Ея Императорскаго Высочества, а сравнительно, они кажутся гораздо меньше. Такъ иногда размѣры увеличиваются для глаза отъ однихъ только остроумноугаданныхъ между ними же отношеній. Не должно забыть, что зодчій былъ въ этомъ трудѣ стѣсненъ старымъ Чернышевскимъ домомъ, который не былъ срытъ, а вошелъ костьми своими въ тѣло новаго Дворца; художникъ не могъ творить изъ ничего, — это условіе художественнаго творчества, а долженъ былъ подчинить фантазію остаткамъ Ламотовыхъ мыслей; скрыть, поглотить ихъ, не разрушая. И въ этомъ отношеніи Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ изъ затруднительнаго своего положенія вышелъ весьма счастливымъ побѣдителемъ. Въ величественной наружности дворца не видно и тѣни стѣсненія. Какъ будто мысль дворца излилась во всей



(Канделябръ во Дворцѣ)

цѣлости, полнотѣ и свѣжести изъ подъ руки зодчаго; какъ будто Чернышевскій домъ былъ сломанъ вмѣстѣ съ сосѣдними и Дворецъ воздвигся на чистомъ полѣ. Мы знали, мы видѣли это затрудненіе еще прежде, когда лѣса обхватывали старыя ребра Ламотовскаго зданія; мы боялись за зодчаго и на счётъ наружнаго вида и на счетъ внутренняго расположенія покоевъ. Въ послѣднемъ отношеніи представлялось для архитектора еще болѣе трудностей. Цѣлая внутренняя стѣна, капитальная, постоянно и нерушимо поставляла каменную преграду всѣмъ соображеніямъ художника; но если вы не знали бы объ этомъ обстоятельствѣ прежде, то при обзорѣ Дворца вы бы и не замѣтили какихъ трудовъ стоило архитектору удовлетворительно исполнить свою обязанность. Для полноты прибавимъ, что весь цоколь дворца гранитный, а подъѣздъ, поясъ, пьедесталы, наличники, базы и проч., все изъ гапсальскаго камня. Теперь пойдемъ во Дворецъ. Въ сѣняхъ васъ пріятно займутъ не только удачные размѣры, но и колоны изъ прекраснаго финляндскаго розоваго мрамора. На лѣво лѣстница; по полу, выложенному изъ ревельской плиты въ елку, вы подыметесь на лѣстницу и войдете въ пріемную, изъ которой на право — ходъ на балконъ, на лѣво — въ залы.. не знаемъ, какъ должно сказать *залы* или *одинъ залъ*, потому что пріемная есть начало цѣлаго ряда четырехъ залъ, раздѣленныхъ между собою колонами и аркадами. Трое дверей въ слѣдующую залу, сливаютъ съ нею и пріемную, украшенную великолѣпною агатовою вазою въ $1\frac{1}{2}$ аршина вышиною. Она покоится на порфировомъ пьедесталѣ, изъящно исполненномъ на колыванскихъ заводахъ. Трое дверей, превосходной врѣзной работы, сдѣланы въ Мюнхенѣ. Наконецъ любопытство одолѣетъ и вы пойдете во второе отдѣленіе залы или въ такъ называемую круглую, греческаго вкуса; она вся бѣлая; только поля во фризахъ и потолкѣ вызолочены по орнаментамъ. Третіе отдѣленіе или квадратная зала также въ греческомъ вкусѣ, съ живописью: стѣны и потолокъ расписаны съ позолотою художникомъ Дроллингеромъ. Въ этой-то квадратной залѣ величественно по угламъ стоятъ замѣчательныя по формѣ и матеріалу стойки для ламиъ, или какъ ихъ назы-

вали посѣтители, канделабры. Они исполнены на Александровскомъ фарфоровомъ заводѣ по рисункамъ архитектора А. И. Штакеншнейдера; и рисунокъ и самое исполненіе превосходно. Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить ихъ портретъ въ гравюрѣ.

Четвертое отдѣленіе или четвертый залъ можно назвать верхней галлереей зимняго сада; горшечныя растенія и теперь уже наполняютъ этотъ залъ и производятъ свой эффектъ, но это еще весьма далеко отъ того, что будетъ, что должно быть, когда изъ нижняго саду, между этихъ галлерей, проникнутъ вершины пальмъ и другихъ рѣдкихъ растеній; это четвертое отдѣленіе выходитъ на солнце. Согласитесь, какой видъ готовится съ приближеніемъ весны во всѣхъ эти четырехъ залахъ, отъ балкона или агатовой вазы изъ пріемной...? Возлѣ этой цвѣточной галлереи находится небольшая, но свѣтлая, веселая комнатка, вся на солнцѣ, а внутренній видъ на зелень сада; изъ нее можно пройти и въ садъ и въ овальную гостинную, въ которой бѣглый даже взглядъ не можетъ не замѣтить камина изъ карарскаго мрамора, весьма замѣчательнаго по мелкой и тщательной работѣ; изъ овальной гостиной ходъ во внутреннія покои и въ квадратную залу, гдѣ уже мы были; но пройдемся еще разъ, чтобы еще посмотрѣть на живопись, на канделабры; перейдемъ еще разъ по сосѣдству и черезъ круглую залу и повернемъ черезъ трое дверей въ танцовальную залу. Здѣсь большой фризъ расписанъ покойнымъ художникомъ Виги. У всякаго своя слава. Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ. Такъ говоритъ пословица и говоритъ правду. Бѣда, когда всѣ живописцы захотятъ быть Рафаэлями, всѣ музыканты Моцартами; тогда, при обиліи художниковъ, некому расписать комнаты, некому сочинить французскаго кадриля. Тогда только и видишь плохія историческія картины, дурныя оперы. У насъ и теперь не много художниковъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ писать вывѣски поручали заграничнымъ живописцамъ. Архитекторъ Бренна, строитель Михайловскаго Замка, выписалъ покойнаго Виги болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Виги тогда уже славился въ этомъ родѣ, и утверждаютъ будто бы въ Михайловскомъ Замкѣ есть или были его работы. Мы этого ни отвергнуть, ни подтвердить пока не можемъ, но достовѣрно только то, что съ тѣхъ поръ Виги расписывалъ покои во всѣхъ дворцахъ въ Петербургѣ и въ загородныхъ при здѣшней Столицѣ; въ глубокой старости онъ не оставлялъ кисти; родъ его обратился уже въ привычку, въ навыкъ, такъ что хотя уже рисунокъ нерѣдко сталъ измѣнять старцу, но при всемъ томъ въ его работахъ сохранилось много граціи и вкуса. Въ танцовальной залѣ новаго Дворца—послѣдняя работа Виги. Онъ умеръ весьма недавно, на 81 году отъ рожденія. Право, Виги достоинъ признательнаго воспоминанія; достоинъ большей извѣстности. Мы бы помѣстили его портретъ и біографію въ Иллюстраціи, еслибы намъ удалось достать ихъ. Но возвратимся во Дворецъ. Къ танцовальной, по проэкту зодчаго, примыкала большая столовая зала, но эта зала обращена въ запасную половину, мимо которой проходитъ галлерея въ помпейскомъ вкусѣ и ведетъ въ библіотеку, которая можетъ вмѣстить гораздо болѣе пятидесяти тысячъ томовъ. Это сокровищница наукъ и художествъ; это не кабинетная библіотека, въ которой должны помѣщаться книги справочныя и для текущаго чтенія. Такая библіотека есть нѣкотораго рода ученое заведеніе съ своимъ внутреннимъ управленіемъ и порядкомъ, почему она и не должна примыкать къ жилымъ комнатамъ. Вотъ почему, кажется, библіотека отдалена отъ жилыхъ комнатъ. Изъ нея ходъ въ малую столовую, а изъ этой мы опять возвращаемся въ квадратную залу. Черезъ овальную, изъ круглой, и наконецъ изъ пріемной, можно войти во внутренніе жилые покои, раздѣленные на двѣ половины. Обращенная по главному фасаду на Синій Мостъ принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому и отличается особенно простотой внутренняго убранства; въ покои Ея Императорскаго Высочества главный ходъ изъ круглой залы. Изъ пріемной ходъ въ овальную гостинную, о которой мы говорили и въ парадный кабинетъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Богатая драпировка раздѣляетъ кабинетъ на двѣ части. Колонны четырехугольныя; по нимъ въ золотомъ полѣ лѣпные арабески; потолокъ расписанъ Дроллингеромъ; богатая мебель, въ томъ числѣ старинные изъящные секретари; на стѣнахъ картины Гайвазовскаго, Тиронова, Нефа, Риделя и другихъ... За ними спальня, уборная и малый кабинетъ съ картинами Карла Дольче, Гвидо Рени и другихъ древнихъ мастеровъ; изъ кабинета ходъ въ небольшой, но въ полномъ смыслѣ изъящный будуаръ, во вкусѣ обновленія искуствъ, какъ весьма ошибочно называли времена Людовиковъ XIV и XV. Объ этихъ вкусахъ когда нибудь кстати поговоримъ особо. Въ этомъ будуарѣ à la Pompadour не хочется заводить спора; тутъ такъ хорошо, такъ весело, такъ роскошно. Что тутъ составляетъ ткань или главное рѣшить трудно; кругомъ и вверху—зеркала; но тамъ же изъящная рѣзная работа, ярко вызолоченная; тамъ же штофъ блистаетъ своею шелковитою роскошью; тамъ же расброшаны картины въ родѣ Вато. Это ослѣпительная смѣсь изъящной мелочи, которая сама себя умножаетъ до безконечности. Но возвратимся въ малый кабинетъ, по дорогѣ замѣтимъ, что отсюда проведена въ отдѣленіе Его Высочества слуховая труба, такъ что изъ этого покоя можно покойно вести разговоръ черезъ нѣсколько комнатъ, и перейдемъ въ остальныя отдѣленія Дворца... Отдохните!

Н. Кукольникъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

ОШИБКИ.

Въ безчисленности безподобнаго, *созданнаго* людьми (*crée*), есть.... Позвольте,— нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, еще не вошли въ состояніе рѣшительнаго *прогресса*, а потому, для нихъ, я долженъ объясниться.

Извѣстно, (тѣмъ, которые то знаютъ), что люди нынѣ въ полномъ *успѣхѣ* (*progrès*), и справедливо почитаютъ совершенно непристойнымъ заниматься чѣмъ либо, кромѣ *творчества*, или, если угодно, *создавательства*. Конечно, это утѣшительно-возвышенное; но, увы! еще не всѣми понимаемое стремленіе, породило, какъ и все прекрасное, тѣ ничтожныя, хотя громогласныя жалобы *непрогрессовавшихся*, которыя печально повторяются со всѣхъ сторонъ: о всеобщей будто бы падкости къ деньгамъ,—о владычествѣ интереса надъ всѣмъ въ мірѣ,—о поклоненіи и принесеніи жертвъ лишь златому тельцу,—о продажности и подкупности всего! — Но, что же дѣлать? Бѣдные, отсталые въ спасительномъ *успѣхѣ* крикуны, не уразумѣли еще необъятнаго различія понятій о прежнихъ и нынѣшнихъ путяхъ и началахъ, коими человѣчество могло или должно стремиться (*прогрессовать*) отъ успѣха къ успѣху, и коими, какъ утверждаютъ, оно достигаетъ совершенства. Для нихъ, нищихъ духомъ, дико и трудно сообразить: что извлечь и прибавить къ грудѣ своего золота, еще груды, хотя бы изъ вонючей атмосферы кабака, простыми дѣйствіями подмѣшиванія, подталкиванія, оббиранія и выталкиванія выработанныя, — что построить прочный домъ изъ цемента непрочныхъ связей интереса, — что купить имѣніе въ десятки тысячь чистаго дохода, изъ дѣлъ мрачныхъ и нечистыхъ,—что обратить въ брильянты и жемчугъ соленую воду, скопляющуюся у каждаго человѣка подъ глазами, вѣроятно, для того лишь, чтобъ ее можно было оттуда вылить, — что все это, и многое другое, есть не что иное какъ *создавать*, *творить* (créer). Создавать значеніе, успѣхъ, будущность, судьбу, т. е. въ переводѣ на современные языки: состояніе, деньги, золото! Быть *творителемъ*; стать на степень могущества, обнаруживающагося чудесами, вполнѣ положительными; и все это—изъ ничего, или изъ гораздо худшаго нежели ничего!!.. Будемъ надѣяться, что и печальные крикуны наши тоже дойдутъ въ свою очередь, по законамъ улучшаемости, до мудрости сей, и что тогда прогрессъ, ставъ всеобщимъ, наведетъ наконецъ вѣкъ въ полномъ смыслѣ золотой.

глчанинъ; спутникъ его принадлежалъ къ сословію нисшей драгомановъ, сословію обширному, невѣжественному и дерзкому, къ перотамъ, по преимуществу.

— Чтожъ мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Англичанинъ, обращаясь къ своему чичероне.

«Раздѣвайтесь!

—Я хочу, чтобы меня раздѣвали по здѣшнему.

Чичероне подозвалъ нагаго теллака, парильщика, и сказалъ что-то по турецки, сердито указывая на Англичанина. Теллакъ взялъ его подъ руки и, притащивъ къ дивану, опустилъ его на подушку между двумя бородатыми и чалмоносными Турками, потомъ, видя, что Англичанинъ все таки не начинаетъ раздѣваться, поднялъ вверхъ его руки и началъ тащить съ него сюртукъ; то же сдѣлалъ съ ногами, скидая сапоги, опрокинулъ на бокъ, чтобы стащить нижнее платье, приподнялъ опять и сбросилъ рубаху; теллакъ, наученный злымъ проводникомъ, поступалъ безъ всякихъ церемоній, словно мясникъ съ тушею говядины. Англичанинъ терпѣлъ, полагая, конечно, что все это въ обычаѣ страны. Ему повили голову, подвязали фартухъ, который закрывалъ его до колѣнъ, и пододвинули высокія деревянныя башмаки. Англичанинъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на своего проводника.

— Обувайтесь, сказалъ тотъ холодно.

«Какъ, чтобы я привѣсилъ къ своимъ ногамъ эти колодки?

— Безъ того сожжете подошвы ногъ на горячемъ полу.

«А въ колодкахъ я двадцать разъ упаду и непремѣнно разшибусь объ мраморный полъ.

— Васъ поведутъ.

«Не хочу, чтобы меня водили какъ двѣнадцати-мѣсячнаго ребенка.

— А сами поступаете хуже ребенка: вѣдь вы хотѣли знать здѣшнее обхожденіе вполнѣ, а тутъ упрямитесь.

Это были магическія слова для Англичанина: онъ смирился и сталъ вдѣвать ногу въ петлю, которая прикрѣпляла ее къ деревянной колодкѣ, сдѣланной въ видѣ высокаго башмака; дѣло кое-какъ уладилось при пособіи теллака, и наконецъ Англичанина повели подъ руки торжественно въ баню, словно передъ свѣтлое лице средне-азіискаго хана.

А ты что? спросилъ онъ своего проводника, замѣтивъ, что тотъ не слѣдуетъ за нимъ.

— Ничего.—

«Ступай за мною!

— А что я тамъ буду дѣлать: васъ будутъ парить и мыть—дѣло обыкновенное и тутъ нечего разсуждать: теллакъ знаетъ лучше меня что ему дѣлать.

«Теллакъ скотина. А мнѣ надобно не только все испытать, но и знать, что я испытываю: ты будешь объяснять мнѣ дѣйствія теллака.

Чичероне, ворча и косясь, побрѣлъ за нимъ. Вторая зала или передняя часть собственно бани была также обширна какъ и передъ баньею: полъ бѣлаго мрамора, кругомъ мраморные скамьи, и у каждыхъ двухъ прекрасный мраморный же бассейнъ съ холодною и горячею водою; на одну изъ этихъ скамей посадили закутаннаго съ ногъ до головы въ простыни Англичанина: эта первая часть операціи, совершаемой въ Константинополѣ съ удивительною точностью, посвящена предварительному потѣнію. Англичанину сунули чюбукъ въ зубы и чашку кофе въ руки, и не смотря на то, что дымъ табака въ жару бани чрезвычайно непріятенъ, а турецкій кофе—черная гуща, которую съ трудомъ станетъ пить Европеецъ, Англичанинъ, послушный волѣ своего тирана, курилъ и пилъ, и потѣлъ невыносимо; онъ очень страдалъ, но терпѣлъ. Въ такомъ положеніи оставался онъ болѣе четверти часа; только по временамъ подходилъ къ нему парильщикъ, щупалъ его и сомнительно качалъ головою, указывая на жилистыя руки его и дѣлая какія-то замѣчанія проводнику. Сердитый проводникъ двигалъ плечами, какъ бы желая сказать: что будешь дѣлать? Таковы ужъ эти Англичане.

«Что онъ говоритъ, что вы нашли необыкновеннаго въ моемъ тѣлѣ?

— Ничего.

Англичанина повели въ третью храмину, — комнатой нельзя назвать эту величественную залу: здѣсь была температура выше температуры нашихъ русскихъ бань, а по угламъ находились маленькія комнатки, гдѣ жаръ былъ еще сильнѣе и уже рѣшительно невыносимъ: мнѣ стало страшно за несчастнаго Англичанина, я боялся, чтобы его не повели въ эти пышущія раскаленнымъ паромъ жерлы; но, кажется, вожатые сами опасались, что онъ не вынесетъ такого испытанія, не смотря на свое крѣпкое сложеніе; впрочемъ и то сказать, что съ нимъ ничего не дѣлали такого, чего бы не сдѣлали съ другими обычными посѣтителями бани, если бы они не требовали для себя исключенія. Англичанинъ вымѣщалъ свои страданія на бѣдномъ своемъ чичероне: онъ потащилъ его за собою и сюда.

Посреди высокой куполообразной залы возвышалось обширное мраморное ложе, которое, какъ и вся баня, нагрѣвалось снизу; но тутъ было еще жарче, чѣмъ на полу, такъ что я никакъ не могъ улежать долго здѣсь и парился на боковыхъ скамьяхъ; но моего Англичанина положили на этой жаровнѣ, распеленавъ его прежде, какъ во-

дится; онъ все терпѣлъ; только по временамъ обращался къ своему вожатому, ругая его. Начались «испытанія»: парильщикъ ударялъ его ладонью по мягкимъ частямъ тѣла, прислушивался къ звуку удара, который рѣзко отдавался подъ обширными сводами, и сомнительно качая головою, стоялъ надъ нимъ въ бездѣйствіи.

«Чего онъ ждетъ?

— Еще не готовъ.

«Кто не готовъ?

— Ваша милость!

«Какъ не готовъ: развѣ онъ хочетъ меня зажарить на этой сковородѣ?

Проводникъ, ничего не отвѣчая, далъ знакъ баньщику, чтобъ тотъ не дожидалъ болѣе пока Англичанинъ «созрѣетъ» и начиналъ свою операцію.

Парильщикъ мялъ свою бѣдную жертву кулаками словно тѣсто, и расправлялъ его составы, вытягивая и стряхивая руки и ноги; только хрустѣніе членовъ и пыхтѣніе Англичанина доходило до меня; оставался «прощальный ударъ», которому рѣдкій рѣшается подвергнуться: онъ состоитъ въ томъ, что простертому на банномъ жертвенникѣ паціэнту складываютъ на груди руки, словно покойнику, и упершись на нихъ колѣнкомъ, стискиваютъ ихъ такъ сильно къ груди, что на минуту дыханіе захватываетъ, кажется грудь провалится: мой Англичанинъ геройски перенесъ и эту операцію, послѣ которой парильщикъ прижалъ пальцемъ жилу и, увидѣвъ, что она наливается кровью удовлетворительно, произнесъ значительно: хорошо,—и торжественно указавъ это обстоятельство Англичанину, перевелъ его во второе отдѣленіе бани. Тутъ обыкновенно моютъ густою душистой пѣной кандійскаго мыла и, перебравъ свой субъектъ, такъ сказать, по составамъ, ощупавъ съ ногъ до головы, и убѣдившись, что онъ очищенъ отъ гадкихъ соковъ и омытъ отъ всей грязи, внутри и наружи находящейся, пеленаютъ его опять и переводятъ въ первую залу, гдѣ укладываютъ на коротенькой постелѣ такимъ образомъ, чтобы голова никакъ не опускалась, боясь прилива къ ней крови.

Бѣднаго Англичанина, полуживаго, перенесли въ эту комнату; ему опять сунули «чюбукъ» и маленькую чашку кофе, но изнеможенный, онъ уже не курилъ и не пилъ: онъ вполнѣ испыталъ «сильныя ощущенія» и вѣрно въ другой разъ не захочетъ ихъ отвѣдывать въ турецкой банѣ. Красивъ онъ былъ въ своихъ пеленкахъ, съ громадною повязкою на головѣ; два Турка, лежавшіе по сторонамъ его, не смотря на свою неподвижную серьёзность, не могли не улыбнуться, глядя на него. Впрочемъ, старшій изъ нихъ вскорѣ опомнился отъ такого соблазна и плюнувъ, чуть не въ лице собакѣ — гяуру, отворотился отъ него, бормоча: ля илляге и проч.; другой, какъ видно, болѣе вольнодумный и полагавшій, конечно, что передъ нимъ находится самъ хекимъ—башъ, глава всѣхъ европейскихъ докторовъ, мудрецъ изъ мудрецовъ, — высунулъ ему языкъ и протянулъ руку, давая пощупать свой пульсъ: отъ этого отвернулся Англичанинъ. — Невѣжливо, замѣтилъ ему проводникъ.—Убирайся къ чорту! отвѣчалъ ему Англичанинъ, истощившій весь запасъ своего терпѣнія.

Турки проводятъ по нѣсколько часовъ въ банѣ, большею частію утромъ, на тощій желудокъ, боясь, чтобы сильный жаръ не причинилъ удара. — Въ мужскихъ баняхъ молчатъ и курятъ; въ женскихъ баняхъ болтаютъ, сплетничаютъ, ѣдятъ и пьютъ: это ихъ клубъ, ихъ казино, ихъ единственная отрада, въ которой не смѣетъ имъ отказать самый ревнивый мужъ. Даже нищіе могутъ наслаждаться нѣгою бань, потому, что строители ихъ, иногда посторонніе благотворительные люди, назначаютъ нѣкоторыя суммы на этотъ предметъ, и всякая баня имѣетъ свою долю такихъ нищихъ, которые моются и парятся безденежно. Для Русскихъ, привыкшихъ къ баннымъ наслажденіямъ, — турецкая баня — блаженство. Иные сѣтуютъ, что нѣтъ пару; но эта равномѣрность жару, доведенная въ маленькихъ комнаткахъ, о которыхъ я говорилъ, до степени температуры высшей, чѣмъ на нашихъ верхнихъ полкахъ, гораздо пріятнѣе, не представляетъ опасности простудиться, переходя съ этажа на этажъ и перемѣняя безпрестанно температуру, и наконецъ очень легка для дыханія. Правда, безъ пару нѣтъ и бичеванія вѣниками, столь любезнаго намъ, но мытье тѣла, правленіе составовъ, и вообще всѣ пріемы, представляющіе нѣкоторую степень магнетизма, доставляютъ своего рода нѣгу и упоеніе чувствъ. А эта обширность залы, въ которой разметанные по лавкамъ люди кажутся затерянными точками, это величіе, эта таинственность огромныхъ сводовъ, эта торжественная манипуляція теллаковъ, — все заставляетъ васъ думать, что вы присутствуете при совершеніи какого нибудь таинства древнихъ. Конечно, одно мое мнѣніе не можетъ имѣть вѣса въ столь важномъ дѣлѣ, но по мнѣ турецкія бани далеко лучше нашихъ русскихъ, хорошихъ бань; только чрезмѣрная простота въ аарахъ, покрытыхъ одними цыновками, кидается въ глаза Европейцу, и непріятно поражаетъ его, особенно среди роскоши мраморовъ и бассейновъ, которой Турки вовсе и не замѣчаютъ, полагая, что лучше и быть не можетъ.

Ег. Ковалевскій.

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je jette mes idées sur le papier.
Elles deviennent ce qu'elles peuvent.
Diderot.

Есть добрые люди, которые имѣютъ трогательную привычку вести каждый день свои записки.

—

Примѣръ I. Всталъ въ 9 часовъ. Поутру ходилъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ гостяхъ. Говорили объ италіянской оперѣ. Погода была дурная. Шелъ снѣгъ. Легъ въ 11 часовъ.

—

Примѣръ II. Всталъ рано. Пилъ кофе. Брился. Курилъ съ удовольствіемъ. Былъ у меня Иванъ Ивановичъ. Говорили объ италіянской оперѣ. Погода была дурная. Шелъ снѣгъ.

—

Примѣръ III. Нынче ничего не было замѣчательнаго. Былъ у сосѣдей. Говорили объ италіянской оперѣ. Погода была очень дурная и шелъ снѣгъ.

—

Этого рода записки самыя невинныя.

=

Одинъ акуратный Нѣмецъ началъ однажды 1-го января свой дневникъ слѣдующимъ образомъ:

Heute war ich etwas besoffen.

На другой день отмѣтилъ онъ только «idem», и потомъ каждый день записывалъ тоже самое.

—

Объ этихъ запискахъ не льзя сказать, чтобъ онѣ были невинныя.

=

Есть еще люди взволнованные книжно-поэтическимъ вдохновеніемъ, которые пренебрегаютъ скромными фактами вседневной дѣйствительности и выражаютъ въ своемъ дневникѣ только однѣ сильныя ощущенія.

—

Примѣръ I. О жизнь... (много точекъ). Какъ ты обманчива!.. Ты улыбаешся какъ милая дѣва, а въ улыбкѣ твоей обманъ... (еще болѣе точекъ).

—

Примѣръ II. Что такое счастіе? Звукъ пустой, который долетаетъ до нашего слуха, когда струны сердца уже порваны.

—

Примѣръ III. Я люблю мечтать. Мечты, какъ фіалки, украшаютъ и пестрятъ путь нашей жизни.

—

Этого рода записки самыя безсмысленныя и самыя несносныя.

=

Наконецъ есть еще родъ скучныхъ записокъ: Дневникъ во время путешествія, въ особенности за границей.

Онъ пишется обыкновенно по чужимъ впечатлѣніямъ. На примѣръ: видѣлъ музеумъ.—(Тутъ выписка изъ каталога). Осматривалъ соборъ.—(Тутъ историческая ученость, заимствованная за нѣсколько грошей у церковнаго пономаря. А тамъ разныя наблюденія, разныя описанія, выписанныя изъ путеводителей).

—

Этого рода записки самыя опасныя, потому что онѣ угрожаютъ печатаніемъ.

=

Человѣкъ — странное созданіе. Онъ все приводитъ къ своей личности, все занимается только самимъ собой.—Воображаетъ, что цѣлый свѣтъ глядитъ на него одного и любуется имъ однимъ.

—

Къ одному губернатору пришли однажды являться нѣкоторыя лица. — Въ числѣ ихъ былъ толстый помѣщикъ въ мундирѣ. Послѣ первыхъ поклоновъ, губернаторъ учтиво спросилъ у помѣщика : съ кѣмъ имѣю я честь, говорить?.. Со мной-съ, отвѣчалъ, кланяясь, помѣщикъ. Я спрашиваю про фамилію вашу, продолжалъ немного раздосадованный губернаторъ. —Слава Богу, здорова-съ... Въ уѣздѣ осталась.

—

Мнѣ кажется, что всѣ люди похожи на этого помѣщика.

—

Впрочемъ, люди бываютъ различнаго рода на свѣтѣ. — Одинъ капельдинеръ раздѣлилъ ихъ весьма премудро на лица, персоны и особы. Вотъ по какому случаю.— Одинъ молодой человѣкъ требовалъ себѣ настоятельно билетъ для какого-то театральнаго представленія. — Капельдинеръ отказывалъ съ свойственной ему жестокостью. — Помилуйте, сказалъ молодой человѣкъ... Я думаю здѣсь всякое лице имѣетъ одинакое право за свои деньги. — Позвольте, прервалъ его капельдинеръ, во первыхъ вы вовсе не лице, а просто только персона... А нынче много даже лицъ не нашли себѣ мѣстъ, столько собралось особъ.

—

Этотъ анекдотъ приводитъ меня къ первому отдѣлу моихъ записокъ, т. е. къ разсужденію о цѣломъ сборищѣ персонъ, лицъ и особъ, то есть къ полному объему петербургскаго быта, къ нашей общественной жизни.

—

Если читатель соскучится, читая эти строки, я не виноватъ. Я предварялъ его, что нѣтъ въ мірѣ ничего скучнѣе дневника.

Графъ В. Соллогубъ.

(Продолженіе впредь).

ДЖЕННИ ЛИНДЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Вотъ наконецъ опять пѣвица перваго разряда, первообразная, поэтическая сила, возбуждающая восторгъ въ знатокахъ и не знатокахъ, болѣе нежели призванная, избранная, дѣвственная жрица лирико-драматическаго искуства!

Скромно, почти неизвѣстная большей части публики, безъ журнальнаго шума, безъ великодушнаго хлопанія, удѣла даже и посредственныхъ пѣвицъ, дебютировала *Дженни Линдъ* (въ роли Нормы) и имѣла успѣхъ рѣшительный, какого умѣла достигнуть въ новѣйшія времена только геніальная Віардо-Гарсія.

Прежде нежели приступимъ къ описанію ея дѣйствій въ Берлинѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о біографіи этой артистки, коей пріобрѣтеніемъ обязанъ Берлинъ знаменитому Мейерберу.

Дженни Линдъ родилась въ Стокгольмѣ 6 октября 1821 года; она слѣдственно нѣсколькими мѣсяцами моложе *Полины Віардо-Гарсіи*, родившейся въ Парижѣ 18 іюля 1821. Никто не могъ узнать отъ нее званія ея родителей; она сказала только, что они были бѣдны, и что отецъ ея обладалъ большимъ музыкальнымъ, поэтическимъ талантомъ, не зная ни одной ноты. Дѣтство маленькой Дженни было довольно скучное и безцвѣтное; она весьма тиха была, слишкомъ скрытна для ребенка (она и теперь такова же и вѣрно никто не слыхалъ громкаго ея смѣха) нѣсколько неловка, и не очень хороша; она никогда не была хорошенькимъ ребенкомъ; но уже на третьемъ году оказался у нее маленькій дѣтскій голосокъ, удивительная память, сохранявшая нѣсколько разъ слышанные напѣвы, и всѣ признаки того, что музыка производитъ на душу ребенка рѣшительное впечатлѣніе. Маленькая Дженни вскорѣ выучила наизусть множество шведскихъ народныхъ пѣсенъ, и пѣла безпрестанно при всѣхъ своихъ занятіяхъ. Ей было около 9 лѣтъ, когда шведская придворная актриса *Г-жа Лундбергъ* узнала этого рѣдкаго ребенка, который по музыкальнымъ привычкамъ своимъ уже сдѣлался нѣсколько извѣстнымъ. Проницательная артистка узнала въ этомъ ребенкѣ, наружно мало развитомъ и весьма обыкновенномъ, кромѣ прелестнаго голоса и большой музыкальной памяти, раннее дѣйствіе серьезный поэтической душевной силы, и усильно увѣщевала родителей *Дженни* посвятить дочь ихъ театру; сначала это предложеніе чрезвычайно поразило этихъ добрыхъ, но простыхъ людей. Но умная и добрая *Г-жа Лундбергъ* достигла того, чтобъ сдѣлали это предложеніе самой *Дженни*, которая во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ оказывала уже часто рѣшительно развитое сужденіе, и предоставили выборъ ея произволу. Ребенокъ принялъ предложеніе съ живѣйшею радостію; оно представляло ей явственно то, о чемъ внутренній голосъ намѣкалъ ей такъ часто безсознательно. Тогда *Г-жа Лундбергъ* тотчасъ повезла *Дженни* къ старому *Креліусу*, весьма уважаемому въ Стокгольмѣ учителю музыки. Добраго старика почти испугали удивительныя способности ребенка, который все такъ легко понималъ и помнилъ, какъ будто бы зналъ отъ самаго рожденія, и только долженъ былъ нѣсколько вспомнить, чтобъ опять узнать совершенно. Онъ повелъ *Дженни* къ тогдашнему директору стокгольмскаго придворнаго театра, Графу *Пейко*. Графу восторженный старикъ, представлявшій ему боязливаго невзрачнаго ребенка какъ величайшую надежду для театра и оперы, показался почти самъ ребенкомъ. Но старый *Креліусъ* не смѣшался, и сказалъ благородному графу, что какъ директоръ шведской оперы онъ обязанъ покровительствовать отечественный талантъ, и что онъ долженъ покрайней мѣрѣ выслушать ребенка, коему Богъ даровалъ столь чудесныя способности; если же графъ не найдетъ въ немъ ни голоса ни таланта, то онъ, *Креліусъ*, долженъ конечно у него попросить извиненія за безпокойство; но все останется при своей мысли, и тогда будетъ продолжать образованіе ребенка на собственный счетъ. Графъ согласился выслушать *Дженни*. Нѣсколько тактовъ излечили графа отъ предубѣжденія; онъ былъ человѣкъ благородный, и согласился взять *Дженни* подъ свое покровительство; такимъ образомъ принята она была въ королевскую шведскую театральную школу, и вскорѣ появилась въ дѣтскихъ роляхъ съ величайшимъ успѣхомъ, вскорѣ усилившимся до восторга, такъ что собственно для нее стали писать оперетки. Ребенокъ-диво, вполнѣ заслуживавшій это названіе, порученъ былъ руководству молодаго, искуснаго учителя пѣнія, *Г. Берга*, который главнѣйше занялся музыкальнымъ ея образованіемъ. Онъ разсуждалъ совершенно справедливо, что пѣвица, безъ основательныхъ познаній въ гармоніи, останется всегда только дилеттанткою. До двѣнадцати лѣтъ *Дженни Линдъ* была любимицею всего Стокгольма. Всѣ старались наперерывъ доставлять геніальному, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшному, ребенку всевозможныя удовольствія; его приглашали въ знатнѣйшія общества, или лучше сказать она симъ обществамъ сообщала присутствіемъ своимъ блескъ и прелесть, вездѣ сопровождающій истинный геній. Но на 12-мъ году печальное событіе темнымъ покрываломъ заволокло свѣтлый горизонтъ артистической ея жизни. *Дженни* потеряла голосъ; сталъ линять голосъ, совсѣмъ какъ у мальчиковъ; высокія сребристыя ноты, восхищавшія дотолѣ всѣхъ, исчезли, и немногія низкія, у нее оставшіяся, не имѣли ни звучности, ни пріятности. Это измѣненіе женскаго голоса, явленіе чрезвычайно рѣдкое; но геній часто и въ физическомъ отношеніи необыкновененъ и оригиналенъ. Можно представить себѣ горесть бѣднаго, задумчиваго ребенка и его родителей, учителей и истинныхъ друзей, видѣвшихъ какъ однимъ ударомъ уничтожились самыя цвѣтущія ихъ надежды. По свѣтскому обыкновенію знатные покровители ребенка-дива вскорѣ его забыли: онъ не имѣлъ уже голоса, и болѣе не показывался.

Прошло четыре года печали и безголосности; *Дженни* продолжала усердно учиться музыкѣ. Наконецъ концертъ былъ поводомъ ввести ее вновь въ міръ ея, въ міръ искуства. Надлежало исполнить въ день концерта четвертый актъ «Роберта» *Мейербера*; никто не хотѣлъ взять на себя партіи Алисы, у которой здѣсь только нѣсколько тактовъ соло; *Бергъ* вспомнилъ о своей ученицѣ, онъ прошелъ съ нею маленькое соло, и довольно удачно; но въ вечеръ представленія голосъ Дженни, вѣроятно въ слѣдствіе душевнаго волненія и раздраженія нервовъ, получилъ звучность и блескъ; публика вновь услышала волшебные звуки своей любимицы, и послѣ немногихъ тактовъ, исполненіе которыхъ она приняла по необходимости и съ скромностію, голосъ пѣвицы покрылъ громъ рукоплесканій. Звѣзда счастія, скрывшаяся для ребенка, вновь засіяла надъ головою 16 лѣтней дѣвицы; вскорѣ послѣ того пѣла она партію Агаты въ Фрейшюцѣ на сценѣ съ успѣхомъ, до того безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ шведскаго театра. Уже въ дѣтствѣ роль эта составляла цѣль пламенныхъ ея желаній, и Дженни принялась за нее съ необыкновеннымъ вдохновеніемъ; она еще никогда не играла серьезной роли, и такъ какъ она даже въ послѣдней пробѣ стояла неподвижно, и партію свою спѣла, какъ въ концертѣ, безъ жестовъ, и точно также вела разговоръ, то опасались за успѣхъ, вечеромъ; но она не только устранила всѣ опасенія, но превзошла всѣ ожиданія; и въ этотъ вечеръ, въ Фрейшюцѣ, впервые проявился лирико-драматическій талантъ *Дженни Линдъ* въ полномъ увлекающемъ могуществѣ своемъ. Ее тотчасъ ангажировали на амплуа первой пѣвицы стокгольмской оперы, и съ каждою ролею усиливался восторгъ публики. Тогда артистка, со всею энергіею строгаго характера своего, приступила къ болѣе тонкой обработкѣ прекраснаго, но весьма негибкаго ея голоса. Она имѣла рѣшительное отвращеніе отъ треллей и продолжительныхъ crescendo et smorzando. Но люди, подобные Демосѳену, умѣютъ помочь себѣ, и твердая воля побѣждаетъ всякое вещественное препятствіе. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, *Дженни Линдъ* пѣла всѣ большія партіи: Агату, Эвріанту, Алису, Рецію, Весталку и т. п. и голосъ молодой дѣвушки, едва успѣлъ надлежащимъ образомъ упрочиться, и уже усталъ отъ этихъ безпрерывныхъ усилій, что она при этомъ безпрерывно сольфеджировала. Артистка, не смотря на безпрестанно возрастающій восторгъ своихъ соотечественниковъ, почувствовала, что для первоклассной пѣвицы нужно болѣе того, чему она дотолѣ училась, и что идеала, носившагося предъ ея воображеніемъ, нельзя достигнуть безъ образцовъ, и рѣшилась, чтобъ довершить свое образованіе какъ пѣвица, отправиться на нѣкоторое время въ Парижъ, и брать уроки у *Гарсіи* (брата *Малибранъ* и *Віардо-Гарсіи.)*

Любимицѣ двора и всего Стокгольма легко было бы получить для этой цѣли вспомоществованіе; но художническая гордость не дозволила Дженни Линдъ сообщить кому либо о своемъ намѣреніи. Чтобы добыть средство къ этому путешествію она воспользовалась временемъ вакансій театра, и давала концерты во всей Швеціи и Норвегіи принявъ на себя труды путешествія и устройства концертовъ. Къ счастію, усилія ея увѣнчались успѣхомъ и въ денежномъ отношеніи; она возвратилась въ Стокгольмъ, и потребовала отпу-

ска на годъ для путешествія; она получила его, и не взирая на всѣ возраженія родителей, отправилась одна въ Парижъ. Всѣ знавшіе серьозный строго-нравственный характеръ этой дѣвицы, нашли поступокъ ея совершенно натуральнымъ.

Прибывъ въ Парижъ, *Дженни* тотчасъ отправилась къ *Гарсіи*, къ которому имѣла лучшія рекомендаціи. Стоя передъ нимъ, она трепетала, полагая, что отъ его сужденія о ея голосѣ и талантѣ зависитъ вся судьба ея. Гарсія заставилъ ее пѣть, выслушалъ ее покойно до конца, и сказалъ столь же покойно: «*Дитя мое, у васъ нѣтъ голоса*». Увидѣвъ ужасное смущеніе молодой дѣвушки, которая едва стояла на ногахъ, онъ присовокупилъ: «я хочу сказать, что голосъ вашъ весьма усталъ, и что вы три мѣсяца вовсе не должны пѣть». Въ слезахъ и безъ надежды возвратилась бѣдная артистка въ уединенное свое жилище; къ грусти о невѣрной будущности присоединилась еще величайшая тоска по отчизнѣ, коей народныя напѣвы звучали въ душѣ ея, когда она тщетно искала сна, чтобы хотя на минуту забыть свое горе. Вотъ тернистый путь, по которому большею частію долженъ шествовать геній.

Нигдѣ человѣкъ не болѣе уединенъ и безпомощенъ какъ въ большомъ чужомъ городѣ; тоска по отчизнѣ *Дженни* возрасла до физическаго страданія, до болѣзни; она плакала день и ночь. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, пришла она опять къ *Гарсіи*; отъ рыданія едва могла произнести слово, и тогда началось ученіе, но весьма необыкновеннымъ образомъ. *Гарсія* вскорѣ узналъ, что несчастная ученица его обладаетъ первоклассным музыкальнымъ талантомъ; онъ въ присутствіи ея училъ другихъ, а именно соотечественницу *Дженни*, *Генріетту Ниссенъ* изъ Готенбурга, одаренную хорошимъ голосомъ и не страдавшую тоскою по отчизнѣ. Дженни молча сидѣла и внимала урокамъ учителя. Послѣ такого урока, за который она должна была платить, какъ будто бы онъ былъ ей одной, она иногда могла дома учиться нѣсколько времени, но вскорѣ болѣзненная тоска снова овладѣла ею. Такимъ образомъ прошло девять мѣсяцевъ, въ которые Гарсія ни раза не услышалъ ея голоса. Единственными признаками музыкальнаго таланта ея служили нѣсколько исполненныхъ вкуса форматныхъ гаммъ и пассажей, которые она писала дома, и часто нравились *Гарсіи*, такъ что онъ ихъ списывалъ для себя. Онъ часто говорилъ: Жаль, что у васъ нѣтъ голоса *Нисссенъ*, вы сдѣлались бы первою пѣвицею міра.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

ДРАМАТУРГІЯ.

Итальянская опера.

(Вѣнокъ, подаренный Рубини).

Нѣмцы говорятъ будто бы Драматургія — наука о сценическомъ искуствѣ, не смотря на то, что Лессингъ этимъ громкимъ именемъ называлъ свои замѣтки на гамбургскій театръ. Лессингъ былъ правъ. Сужденія его были здравы; сильны въ основныхъ истинахъ; рѣзки — въ мысляхъ; вѣжливъ — въ отношеніи къ авторамъ и артистамъ, хотя и тѣмъ и другимъ приходилось весьма часто слушать горькую правду; намъ понравилась Драматургія Лессинга, и мы рѣшились усвоить Иллюстраціямъ это названіе, хотя бы изъ одной только новости. И такъ, не ждите сухаго изложенія науки, хотя по временамъ мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи поговорить о ея началахъ и развитіи. Въ нашей, какъ и во всякой Драматургіи, соединяются сценическія зрѣлища всякаго рода, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые своевольно, безъ разрѣшенія музъ, тѣшатъ народъ святочными увеселеніями въ храмѣ Таліи, Мельпомены и сестрицъ. Петербургская Драматургія — чрезвычайно сложная, даже можно сказать запутанная... Какъ тутъ учредить какую либо классификацію, когда у насъ: италіянская опера, русская опера, балетъ, нѣмецкая трагедія, комедія и фарсъ, французская трагедія, комедія и фарсъ, наконецъ тѣ же отдѣленія и на русскомъ театрѣ. Слѣдственно о классификаціи и думать нечего. Большой театръ, большая опера, большая публика — всѣ преимущества на сторонѣ италіянцевъ; начнемъ и мы съ залетныхъ соловьевъ, которые для отличія отъ соловьевъ птичьяго рода прилетаютъ зимовать на Сѣверъ. Впрочемъ, въ этой статьѣ мы не принимаемъ на себя право произносить судъ о томъ, что дѣлается или дѣлалось на Императорскихъ театрахъ, объ игрѣ артистовъ, о постановкѣ піесъ на сцену и проч.; о подобныхъ предметахъ слѣдовало бы говорить тотчасъ послѣ представленія пьесъ — и это составило бы родъ театральной лѣтописи. Мы только излагаемъ общія идеи о томъ, что дѣлается въ современномъ русскомъ мірѣ по части изящныхъ искуствъ, а какъ музыка изящнѣйшее изъ изящныхъ искуствъ, то есть итальянская опера составляетъ въ настоящее время главный предметъ въ этомъ разрядѣ событій, то мы погрѣшили бы противъ нашей обязанности, если бы умолчали о ней и о первоклассныхъ ея дѣятеляхъ, когда о нихъ говоритъ все, что имѣетъ ухо и сердце! Эти соловьи пропѣли, если не ошибаемся, семьнадцать оперъ: одну Моцарта, — четыре Россини, — четыре Беллини, — одну А. О. Львова — и семь оперъ Доницетти (*. Изъ списка, въ выноскѣ помѣщеннаго видно, что Драматургіи тутъ совершенно не было что дѣлать. Оперу Моцарта Драматургія знаетъ уже около вѣка, а до многихъ изъ прочихъ ей рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Прослушала Драматургія Донъ Жуана, покачала головой и пріуныла. Она невольно подумала, что и для этой оперы уже настаетъ потомство, тогда какъ до представленій 1844 года, она всегда полагала, что свѣжесть и вѣрность мелодіи, драматическія движенія, разнообразіе характеровъ, инструментовка, даже сюжетъ, не выпустятъ этой оперы съ репертуара на вѣки и вѣки. Съ прискорбіемъ извѣщая о своемъ затруднительномъ положеніи, она оставляетъ въ покоѣ Донъ Жуана. Въ операхъ италіянскихъ вставляются ad libitum нумера изъ другихъ оперъ, даже и не изъ оперъ, а изъ скрипичнаго репертуара. Впрочемъ въ томъ и не мало искуства, чтобы спѣть то, что надо играть на инструментѣ. Такъ арія Бальфа, приплетенная къ Донъ-Паскале, намъ показалась собраніемъ скрипичныхъ пассажей; но за то исполненіе этихъ смертельныхъ скачковъ въ устахъ Г-жи Віардо наполнило театръ такими рукоплесканіями, что ихъ вѣроятно слышалъ самъ авторъ піесы. Обширность не таланта, а талантовъ Г-жи Віардо, дѣлала праздникомъ каждое представленіе, въ которомъ она участвовала. Скажите, отъ чего это въ каждой роли — Г-жа Віардо была на мѣстѣ, дома, въ характерѣ... Драматургія отъ нея въ восхищеніи. Отъ чего это во всѣхъ операхъ партіи Г-жи Віардо такъ рельефно отдѣляются отъ общаго плана? Отъ чего каждая нотка, въ какомъ бы сложномъ составѣ голосовъ ни отзывалась, сохраняетъ колоритъ характера, единожды даннаго артисткой всей партіи? Отъ чего и въ тѣлодвиженіяхъ та же правда, та же вѣрность? Драматургія удивляется! Даже въ Нормѣ — для Драматургіи Г-жа Віардо, вопреки мнѣнію многихъ, исполнила свою роль съ отчетомъ, какимъ владѣетъ только высокій талантъ. Мы въ Нормѣ видѣли Сабину Гейнефетеръ и Пасту! Первая была хороша, вторая неподражаема. Но эти представленія поселили понятіе о дородствѣ Нормы. Еслибы исторію театральной Нормы внести въ дѣйствительную исторію, то слѣдовало бы написать такъ: Лѣта 250 по Рожд. Христ. проконсулъ Галліи Маркъ Антоніи Полліонъ, проникнувъ въ священныя рощи Друидовъ, встрѣтился съ дочерью первосвященника, по имени Нормой, и полюбилъ ее; отъ чего Норма принесла проконсулу потомство, изъ двухъ дѣтей состоявшее. Прошло нѣсколько лѣтъ; — проконсулъ полюбилъ другую дѣву, Адальгизу; Норма воскипѣла ревностью; ослѣпленнаго страстію проконсула Друиды поймали въ лѣсу и привели къ Нормѣ на закланіе, но великодушная дщерь Первосвященника призналась въ своемъ преступленіи и сгорѣла на одномъ кострѣ съ любимцемъ сердца. Норма была роста высокаго, полна и дородна, погибла въ лѣтахъ зрѣлыхъ, досчитывая четвертый десятокъ отъ рожденія.... — Въ послѣднемъ преданіи этой исторіи заключается разгадка, отъ чего игра и пѣніе Г-жи Віардо въ Нормѣ показались неудовлетворительными для многихъ. Но если забыть, что Нормѣ подъ сорокъ лѣтъ, что Норма отличалась полнотою, и допустить, что душевныя страданія имѣли на жрицу естественное дѣйствіе, тогда и въ этой роли, въ подробностяхъ, можно сравнивать Г-жу Віардо даже съ Пастою. Паста играла Норму, сообразуясь съ истинной и физическими своими средствами; точно также исполняла эту роль Г-жа Віардо, придавъ характеру Нормы болѣе дикости, болѣе раздражительности, часто самой кипящей ярости. Мы осмѣлились сдѣлать сравненіе, хотя Драматургія рѣшительно воспрещаетъ эту пошлую критическую фигуру. Но ужъ если позволить себѣ сравнивать Г-жу Віардо съ другими пѣвицами, то ужъ безъ сомнѣнія съ Пастой, Малибранъ, Персіани — и баста! Если репертуаръ нынѣшняго музыкальнаго года и не былъ богатъ достоинствомъ оперъ, то за то въ девяти вновопоставленныхъ — было много простора для драматическаго таланта Тамбурини. Въ Семирамидѣ — среднеазійскій царь древняго вавилонскаго міра и солдатъ въ Любовномъ Эликсирѣ; Пуританинъ старецъ — и Фигаро; Генрихъ VIII и простолюдинъ швейцарской долины... Теперь, когда италіянскіе спектакли — уже воспоминанія, кажется, что эти роли исполнялись разными и всегда отличными артистами. Драматургія отъ Тамбурини въ полномъ удовольствіи; отъ чего это, скажите, онъ позволяетъ себѣ даже фарсы, но и тѣ фарсами не кажутся. Когда въ Севильскомъ Цирюльникѣ, Бартоло гоняется за Фигаро, Тамбурини бѣжитъ, на бѣгу садится за фортепіанъ, ударилъ по клавишамъ, вскочилъ и дальше въ путь — шутка школьника, но она умѣстна, простодушна; это игра, не фарсъ. И этотъ шалунъ является облитый златомъ въ Семирамидѣ, и въ каждомъ движеніи, въ каждомъ пріемѣ, обнаруживается царственная важность; или выходитъ Генрихъ VIII, рыжій Генрихъ, историческій; въ этомъ Генрихѣ не видно Тамбурини; умѣть одѣваться для театра важное достоинство въ актерѣ, талантъ придаточный и весьма рѣдкій. Тамбурини вездѣ превосходно одѣтъ, вездѣ превосходно играетъ, но у каждаго артиста есть лучшія мѣста, свѣтлыя, высшія точки искуства. Сцена проклятія, въ Линдѣ, безспорно одна изъ этихъ точекъ въ репертуарѣ Тамбурини....

У несравненнаго Рубини вся Драматургія въ голосѣ. Рубини величайшій актеръ когда поетъ; а о пѣніи его даже и говорить совѣстно. Будь онъ во времена языческія — непремѣнно попалъ бы въ боги, а ужъ за недостаткомъ только вакансій въ полубоги; истинный Орфей — и теперь онъ сопер-

---

*) 1.) Донъ Жуанъ, 2.) Отелло, 3.) Семирамида, 4.) Ченерентола, 5.) Севильскій Цирюльникъ, 6.) Сомнамбула, 7.) Норма, 8.) Пиратъ, 9.) Пуритане, 10.) Бьянка и Гвальтьеро, 11.) Луція, 12.) Любовный Эликсиръ, 13.) Лукреція Борджія, 14.) Робертъ Деврe, 15.) Анна Болена, 16.) Линда ди Шамуни, и 17.) Донъ Паскале.

шаетъ орфеевскіе подвиги... Объ немъ даже наукѣ говорить страшно, потому что онъ выше науки; онъ пѣвецъ, который не можетъ, не долженъ имѣть ни послѣдователей, ни преслѣдователей... Метода верхъ искуства, которой однакоже искуство ни одному пѣвцу совѣтовать не будетъ. Къ сожалѣнію онъ участвовалъ изъ семьнадцати только въ одиннадцати операхъ. Иза то признательны. Наслажденіе слушать пѣніе Рубини — слѣдовало бы назначать въ награду за добрыя дѣла.

—

Віардо-Гарсія, Рубини и Тамбурини — основатели и столбы нашей италіянской оперы. Въ прошедшемъ году у насъ были Ассандри и Казини. Первая въ Москвѣ была счастливѣе, чѣмъ у насъ. Мы слышали отъ людей, знающихъ искуство и служащихъ ему съ честію и усердіемъ, что Г-жа Ассандри весьма удовлетворительно исполняетъ свои партіи, и порадовались, потому что намъ казалось, что петербургская публика не совсѣмъ была права въ отношеніи къ этой пѣвицѣ, точно также какъ и въ отношеніи Казини. Въ настоящемъ оперномъ году мѣсто Ассандри заняла Г-жа Кастеллавъ, пѣвица съ прекрасною наружностью, чистымъ свѣжимъ голосомъ, обладающая своимъ искуствомъ въ весьма высокой степени. Мѣсто Казини занялъ Г. Унануэ. Сверхъ того оперная труппа была усилена замѣчательными талантами Г-жъ Альбони, Иссенъ и Г. Ровере. Дѣвица Давидъ пѣла, кажется, всего разъ или два; г. Тамбурини сынъ, только разъ; прочіе италіянскіе артисты дополняли труппу вмѣстѣ съ нашими. Изъ послѣднихъ должно отдѣлить Гг. Петрова и Артемовскаго. — Но какъ они были между Италіянцами — гости, самостоятельность же ихъ утверждена на другомъ поприщѣ, то мы и будемъ объ нихъ говорить особо въ статьѣ о русской оперѣ. — И такъ эта отличная италіянская труппа кончила свои театральные подвиги! Надеждъ любителей на будущее повторять не станемъ. Кто можетъ поручиться за будущее? Лучше поблагодарить за прошедшее, что русская публика и исполнила самымъ блистательнымъ, самымъ трогательнымъ образомъ. Рубини увѣнчали, а Г-жѣ Віардо-Гарсіи и г. Тамбурини поднесли подбукетникъ и вазу, для того, что бы въ нихъ они могли хранить цвѣты, которыми зимою ихъ осыпала петербургская Флора. Если этотъ обычай укоренится и распространится на другіе театры, цвѣточная промышленность должна будетъ прибѣгнуть къ устройству новыхъ и весьма обширныхъ теплицъ. Все имѣетъ свою пользу... Но въ то время, когда на большомъ театрѣ совершались торжества Италіянцевъ, что дѣлала русская, національная опера?...

(Ваза, подаренная Тамбурини).

МУЗЫКА.

Польки Кажинскаго. Музыка и живопись. Глинка и концертъ Г. Берліоза въ Парижѣ. Русскія оперы. Полька-Загадка Лядова.

—

Полька? И спрашивать не надо, что такое Полька? Дѣти пляшутъ Польку, взрослые танцуютъ Польку до упада; старики напѣваютъ Польку; спектакли обратились въ Польку; и музыка рѣшительно стала Полькой; того и ждутъ, что Глинка, Мейерберъ, Доницетти напишутъ оперу Польку. Самовластіе моды обратитъ скоро матеріи, экипажи, мебель, покрои, шляпы, палки, сапоги въ Польку. Танцы выиграли отъ этого дѣйствительно граціознаго пріобрѣтенія. Богемская народная пляска подала возможность сдѣлать изъ нее красивый зальный танецъ, и прекрасно... Кадрили, вальсы, галопы надоѣли. Бальный міръ освѣжился. Но музыка... Музыка!!! Даровитый Кажинскій пишетъ Польки да Польки; скоро, кажется, ихъ будетъ цѣлая дюжина. Можетъ быть въ эту минуту, когда вы читаете статью, В. М. Кажинскій переступилъ уже и это завѣтное число... Но вотъ что страшно. Кажинскій — врагъ моднаго вкуса въ музыкѣ. Онъ можетъ быть даже съ нѣкоторымъ пристрастнымъ увлеченіемъ, внушаемымъ гибельнымъ для современныхъ произведеній сравненіемъ съ образцовыми твореніями, изустно и письменно преслѣдуетъ новую италіянскую оперную школу, — онъ, благоговѣйно изучая древнихъ композиторовъ, подобно имъ чествуетъ искуство и его основные законы — и — пишетъ Польки! Странное это противурѣчіе легко объяснить, посмотрѣвъ, прочитавъ Польки Кажинскаго. Оказывается, что это вовсе не Польки, а нѣчто въ родѣ трагедій Расина и Сатиръ Боало. Это учено-музыкальныя усилія: вмѣстить въ опредѣленныхъ формахъ Польки — полныя цѣльныя мысли. — Полька здѣсь форма и заглавіе; душа — музыка, а не пляска. Тоже сдѣлалъ Шопенъ во множествѣ своихъ мазурокъ, изъ которыхъ многіе не сохраняютъ даже и Tempo пляски. Только и сходства что въ дѣленіи такта. Мазурки Шопена мы когда-то сравнили съ элегіями; Польки Кажинскаго можно сравнить съ сонетами, по строгости формы, такъ что хотя мы и не жалуемъ этой условности во многихъ случаяхъ, въ этомъ подосадовали на автора, что онъ въ послѣднихъ полькахъ начинаетъ себѣ позволять вставочныя фразы, съ замедленіями (Rallentando), отъ чего строгость формы нарушается. Или отвергните условность формы вовсе и пишите фантазію, или соблюдите свято эти вымышленныя условія, которымъ вы себя подчинили добровольно. — Музыка такое же искуство какъ и живопись, какъ и поэзія; у нея тѣже эстетическія основанія и раздѣленія. Эстетика не выдумка, если она утверждается на естественныхъ началахъ. А эти начала въ началѣ началъ всего земнаго — въ логикѣ. Эстетика предлагаетъ для всѣхъ искуствъ однѣ и тѣ же категоріи. Изобрѣтеніе, сочиненіе, рисунокъ, выраженіе и освѣщеніе. Въ живописи эти начала виднѣе, потому что живопись надо видѣть; но если присмотритесь, или правильнѣе прислушаетесь, къ музыкальной логикѣ, найдете совершенно тѣ же категоріи. — Для того, чтобы создать, надо изобрѣсти и сочинить, то есть сдѣлать выборъ предмета въ цѣлости и сочинить его, то есть расположить его части согласно съ мыслію цѣлаго. Для того, чтобы исполнить — надо начертать всѣ части въ вѣрномъ рисункѣ фразъ, мотивовъ и темъ; дать имъ выраженіе общей мысли и сообщить имъ характеръ внѣшній, то есть, какъ говорится въ искуствѣ, дать колоритъ. Объ изобрѣтеніи говорить не станемъ. Эта категорія совершенно подчинена волѣ таланта. Моцартъ изобрѣлъ свою симфонію, свою драму, свой квартетъ, Гайднъ — также, Гейденъ, Бетговенъ, Веберъ, — также. Тутъ можно судить только о степени впечатлѣній, какія производитъ тотъ или другой родъ поэтическихъ замысловъ. Но категорія сочиненія уже можетъ быть подчинена отчету. И не посвященный въ таинства музыки замѣтитъ, что напримѣръ увертюра Волшебной Флейты, какъ будто мысль цѣльная, полная, вылита въ одинъ звукъ; въ увертюрѣ Фрейшюца есть части менѣе удовлетворительныя нежели другія; увертюра Вильгельма Теля какъ будто сложена изъ многихъ піесъ. Изобрѣтено можетъ быть прекрасно, но швы сочиненія замѣтны. Рисунокъ обнаруживаетъ силу, обширность

таланта; это мысли, которыя въ совокупности должны переселить въ воображеніе слушателя общую мысль композиціи; каждая изъ нихъ имѣетъ свое подлежащее и сказуемое, и простите, виноваты, въ наше время случается нерѣдко слушать музыкальныя подлежащія безъ сказуемыхъ. Чтобы не обвинили насъ въ голословности, укажемъ на басовую арію въ Лукреціи Борджіи; въ главномъ, въ первомъ рисункѣ — нѣтъ сказуемаго; начало не имѣетъ конца, а неестественнымъ оборотомъ оканчивается самимъ собой, то есть тѣмъ же началомъ, въ родѣ фразы словесной, напримѣръ: италіянская опера — есть —... италіянская опера. Другой родъ непріятныхъ музыкальныхъ рисунковъ можно назвать натянутыми, напримѣръ въ Жидовкѣ: рисунокъ большой аріи, которая, кажется, по нѣмецки начиналась такъ: Meine Klage... Звуки неестественно перепалзываютъ съ одного конца гаммы въ другую безъ всякой видимой причины. О категоріи музыкальнаго рисунка можно написать томы, а какъ въ нашемъ изданіи всего два листа, то мы и переходимъ къ выраженію. Оно заключается въ украшеніяхъ и разстановкѣ звуковъ, въ распредѣленіи силы каждой ноты, въ ходѣ или движеніи цѣлой мысли. Часто весьма порядочный рисунокъ не дѣлаетъ эффекта въ Largo или въ Adagio, и тотъ же самый рисунокъ, ускоренный до allegro и даже presto, производитъ самое сильное впечатлѣніе; значитъ, что звуки даны мысли несвойственно... Наконецъ, колоритъ, какъ въ живописи въ краскахъ, здѣсь заключается въ акомпаньаментѣ. Мелодія, какъ рисунокъ сама себя выражаетъ; въ гармоніи вся музыкальная свѣто-тѣнь, всѣ краски предмета. Чѣмъ больше красокъ, тѣмъ лучше; чѣмъ болѣе инструментовъ тѣмъ лучше; еслибы это сравненіе простереть до схоластики, то мелодію можно назвать контуромъ, съ акомпаньаментомъ клавесина — рисункомъ съ тѣнями, съ квартетомъ — сепія или гвашъ, — съ полнымъ оркестромъ — со всѣми красками палитры. — Согласитесь, что въ ряду мазурокъ, полекъ, квартетовъ и тому подобныхъ схоластическихъ формъ, сочиненіе почти не играетъ никакой роли. Сочиненіе готово, какъ матрица, въ которую отливаютъ гипсовые экземпляры медальона. Но за то исполнительныя части могутъ быть хороши и дурны; рисунки Кажинскаго большею частію оригинальны и, главное, въ складкѣ своей заключаютъ много народнаго. Если хотите нарисовать Калмыка, вы непремѣнно должны сохранить въ лицеочертаніи его національныя формы... Музыка также имѣетъ свои національныя черты, и славянскій типъ весьмо хорошо усвоенъ Полькамъ; выраженіе совершенно соотвѣтствуетъ мелодіи, а колоритъ такъ хорошъ, что можно бы пожелать *слышать* мазурки Кажинскаго, расписанныя всѣми красками большаго оркестра. — Оркестръ, впрочемъ, также дѣло условное. Онъ можетъ состоять изъ полнаго числа инструментовъ, и можетъ быть чудовищно умноженъ инструментами и голосами. Намъ кажется, что это совершенно механическое условіе акустики. Малый оркестръ съ малымъ хоромъ въ небольшой залѣ совершенно то же, что огромное число исполнителей въ огромномъ помѣщеніи. Если акустическія отношенія нарушены, — то отъ множества людей эффектъ не умножится; напротивъ оглушитъ, истерзаетъ слухъ, измучитъ. Потому то намъ все равно сто или пять сотъ человѣкъ исполняютъ піэсу. Многочисленность сама по себѣ не умножаетъ въ насъ желанія слышать концертъ, на который приглашаетъ афишка въ полтора квадратныхъ аршина, на которой... Да вотъ чего лучше? Передъ нами лежитъ парижская афишка, которая любопытна и для всѣхъ Русскихъ. — Во первыхъ объявлено, что 16-го марта, по нашему 4-го, въ Олимпійскомъ Циркѣ на Елисейскихъ Поляхъ въ два часа (?) дано будетъ третіе большое или великое, ad libitum, музыкальное празднество, подъ дирекціей Гектора Берліоза. При семъ случаѣ сказано: что зала будетъ отоплена и освѣщена (въ два часа?). За тѣмъ исчисляются піэсы: 1.) Увертюра (Spectre,) сочиненія Швейнеффера. 2.) Рондо, т. е. арію Степаниды изъ оперы Жизнь за Царя — Г. Глинки, будетъ пѣть по Русски Г-жа Соловьева, пѣвица Императорскаго С. Петербургскаго Театра. 3.) Молитва изъ Moise Россини. 4.) Dies Irae и tuba mirum, изъ Requiem Г. Берліоза. *По всеобщему востребованію, Generalement redemandés* (sic). Мы слышали этотъ истинно печальный Requiem, про который можно бы сказать безъ лицепріятія: Requiescat in pace! Но въ Парижѣ видно онъ еще нравится и воскресъ въ третіе музыкальное празднество, дабы напомнить безсмертной музыкѣ: Memento mori. — За тѣмъ: 5.) Большая танцовальная арія (Grand air de Danse... какъ же это перевести иначе?) на кавказскія и крымскія (?) темы изъ русской оперы Русланъ и Людмила (Loudmila) Г. Глинки. 6.) Піэса или піэсы, наполняющія всю вторую часть музыкальнаго торжества изъ Ромео и Юліи, треххорной симфоніи Г. Берліоза на слова Эмиля Дешанъ; партію Лоренца исполнялъ Г. Даже. Торжество окончилось приглашеніемъ къ танцамъ Вебера, инструментованнымъ для большаго оркестра Г. Берліозомъ. Оркестромъ дирижировалъ самъ Г. Берліозъ, а хорами Лами, Дитшъ и Таріо. Tuba mirum и клятву Капулетти исполняли 500 артистовъ; а слушатели платили за все это по десяти въ нумерованныхъ мѣстахъ, а въ прочихъ по пяти франковъ!

И такъ, Парижъ слышалъ сочиненія композитора, которымъ смѣло можетъ гордиться Россія. По частнымъ письмамъ изъ Парижа — были извѣстія будто Михайло Ивановичъ началъ писать для парижской комической оперы; весьма сблизился съ Оберомъ и другими знаменитостями... Но до сихъ поръ слухи о новой оперѣ не подтверждаются. Да и едвали на чужбинѣ произнесъ нашъ Глинка цѣлую оперу. Какъ то не вѣрится. Нѣсколько летучихъ романсовъ, два три пылкіе страстные вальса, мимолетныя, такъ сказать, дорожныя вдохновенія можетъ быть раньше насъ услышатъ чужеземцы;... но оперу — едвали! Да и придется ли эта опера по вкусу Парижу, гдѣ одинаково вкушаются — творенія Керубини и Галеви, Обера и Адама, Бетховена — и Берліоза.... Мы ждемъ Глинку съ оперой въ Петербургъ, гдѣ Руслана и Людмилу начинаютъ называть оперою избитой и громко повторяютъ, что Робертъ Девре и свѣжѣе и новѣе, не два ли не лучше нашихъ доморощенныхъ продуктовъ; такъ нынѣ выражается музыкальная критика. Тогда какъ именно нынѣ русскія оперы, каковы бы онѣ ни были, умножаются, если не на театрѣ, то въ портфеляхъ композиторовъ. Бьянка и Гвальтіеро, опера А. О. Львова, дана Италіянцами на Большомъ Театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Мы не можемъ повести о ней слова, потому что удалось слышать только разъ, безъ необходимыхъ приготовленій; а въ сужденіяхъ о трудѣ соотечественника, трудѣ добросовѣстномъ, многолѣтнемъ, возбудившемъ вниманіе музыкальной публики въ Германіи, всякая опрометчивость уже не ошибка, а преступленіе. Всякая неумѣренная похвала въ этихъ случаяхъ обиднѣе привязчивыхъ обвиненій; мы не подвергнемъ себя справедливой отвѣтственности и позволимъ себѣ говорить объ этой оперѣ, когда изучимъ ее съ тою же подробностью, съ какою изучали сочиненія другихъ отечественныхъ композиторовъ. Въ такомъ же непріятномъ положеніи находимся мы и въ отношеніи къ произведеніямъ московскихъ композиторовъ. Намъ даже неизвѣстно, что пишутъ Алябьевъ, Варламовъ, Верстовскій; даже небольшихъ ихъ піэсъ вы не найдете въ петербургскихъ музыкальныхъ магазинахъ, точно также какъ въ нашихъ книжныхъ лавкахъ не допищетесь многихъ московскихъ книгъ, какъ будто бы между двумя столицами лежало три океана. Чтобы сказать что либо положительное о движеніи литературы и музыки въ Москвѣ, надо дождаться желѣзной дороги. И такъ до свиданія! Въ слѣдующихъ годахъ мы будемъ говорить о московской музыкѣ. Теперь только скажемъ, что изъ печатныхъ и письменныхъ документовъ явствуетъ, что Г. Верстовскій написалъ новую оперу, а Г. Алябьевъ пишетъ. Г. Даргомыжскій давно окончилъ Эсмеральду; Г. Струйскій занимался оперой: Травля въ Колисеѣ, а Г. Арнольдъ оперой — Послѣдній день Помпеи. Тутъ уже рѣшительно ни какому обвиненію не подлежатъ композиторы... Учатся, стараются, трудятся, производятъ много хорошаго... Но увы! у насъ мало участія къ отечественному. — Французы — поставили своихъ Галеви, Адамовъ и Берліозовъ на высокую степень знаменитости, можетъ быть и въ половину незаслуженной, — а мы — скучаемъ, слушая мотивы Глинки и восхищаемся Робертомъ Девре... Но неволѣ русскіе композиторы станутъ писать Польки, которыя теперь уже до того размножились, что петербургскій Страусъ, Г. Лядовъ, долженъ былъ, вмѣсто заглавія, поставить во весь листъ французскій rébus. — Остроумная насмѣшка. Въ наше время существо и достоинство музыки стали загадками!

ГЕЛІОСТАТЪ

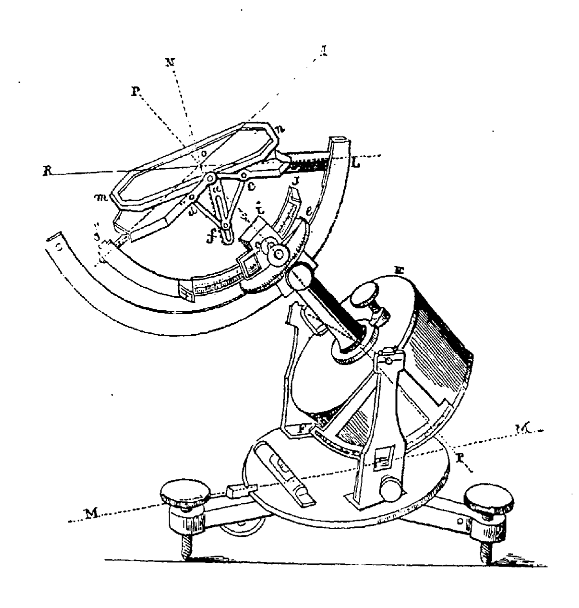
ЗИЛЬБЕРМАННА.

При оптическихъ операціяхъ и опытахъ часто бываетъ необходимо устанавливать солнечный лучъ на одной и той же точкѣ и на продолжительное время, не смотря на видимое движеніе солнца; эта необходимость послужила поводомъ къ изобрѣтенію *геліостата*, инструмента, съ помощію котораго солнечный лучъ, посредствомъ зеркала, постоянно падаетъ на извѣстную точку, между тѣмъ какъ самое зеркало измѣняетъ свое направленіе такимъ образомъ, что лучъ — въ то время, когда солнце принимаетъ другое направленіе къ зеркалу, — неизмѣнно падаетъ на послѣднее подъ однимъ и тѣмъ же угломъ, что весьма способствуетъ направленію отраженія его въ отверзтіе камеры-обскуры.

Фаренгейтъ, с'Гревсендъ и Гамбей — особенно с'Гревсендъ — устроивали геліостаты по разнымъ системамъ и, не смотря на всѣ преимущества Гамбеева; въ общемъ употребленіи находится по сію пору с'Гревсендовъ; хотя употребленіе его сопряжено съ нѣкоторыми предварительными опытами и требуетъ большаго навыка.

Въ послѣднее время Зильберманнъ устроилъ новаго рода геліостатъ, изображеніемъ и описаніемъ котораго мы надѣемся оказать услугу нашимъ читателямъ. Инструментъ этотъ имѣетъ всѣ достоинства Гамбеева, но гораздо проще и дешевле; всякое въ немъ повреждение легко можетъ быть исправлено каждымъ часовщикомъ.

Самый инструментъ состоитъ изъ подножки, которая съ помощію винта и ватерпаса приводится въ горизонтальное положеніе. Къ подножкѣ придѣланы двѣ стойки, между которыми коробка E, содержащая главный механизмъ, и на которой вмѣстѣ съ тѣмъ находится кругъ, — привѣшена такимъ образомъ, что столбикъ, надъ коробкой утвержденный, можно поставить въ какое угодно положеніе къ горизонту. Послѣднее совершается съ помощію винта съ зубчатымъ колесомъ, цѣпляющимся за другіе зубцы, находящіеся на особой дугѣ F, прикрѣпленной къ коробкѣ E. Этимъ способомъ удобно придать оси инструмента PP направленіе оси, опредѣляемой по извѣстной широтѣ каждаго мѣста. Также должно привесть эту ось на вертикальную плоскость меридіана того мѣста, что весьма легко исполнить, проведя направленіе MM этого меридіана на основаніи инструмента. Отъ механизма идетъ внутри столбика винтъ, приводящій въ движеніе дугу JJ и придающій такимъ образомъ зеркалу mn надлежащее направленіе. Это металлическое зеркало mn должно постоянно отражать солнечный лучъ NO, измѣняющій свое направленіе вмѣстѣ съ видимымъ движеніемъ солнца, — по одному и тому же направленію ROh и, слѣдовательно, соотвѣтственно солнцу измѣнять свое положеніе.



По чертежу видно, что средняя линія этого зеркала поддерживается переломленной рамкой, образованной изъ двухъ вилъ, точка соединенія и обращенія которыхъ находится въ a; на этой же точкѣ находится еще небольшая стойка af съ прорѣзомъ, прямоотвѣсно утвержденная на плоскости зеркала и отъ которой идутъ полосы df и cf къ обѣимъ виламъ, къ которымъ онѣ прикрѣплены такимъ образомъ, что могутъ свободно обращаться. Черезъ прорѣзъ идетъ винтъ f, связывающій въ этомъ мѣстѣ обѣ полосы.

При взглядѣ на общее устройство можно видѣть, что если, на примѣръ, поднять точку F, то повысится и сообщающаяся съ нею вила, а за нею и точки d и f, слѣдовательно зеркало постоянно измѣняетъ свое положеніе вмѣстѣ съ движеніемъ дуги JJ.

Положимъ, что инструментъ поставленъ такимъ образомъ, что ось его PP и направленіе LR лежатъ по вертикальной плоскости меридіана, и что съ помощію дуги F, ось PP поставлена по направленію земной оси, то въ прорѣзѣ ставятъ дугу JJ на степень настоящаго направленія солнца и обращаютъ всю верхнюю часть инструмента до тѣхъ поръ около оси PP, пока, наконецъ, стрѣлка e не означитъ на принадлежащемъ къ ней кругѣ настоящее время того мѣста, на которомъ инструментъ находится. Если завесть механизмъ, то онъ будетъ передвигать дугу JJ соотвѣтственно движенію солнца; точка J'' будетъ измѣнять свое положеніе, соотвѣтственно движенію дуги; въ слѣдствіе этого будутъ измѣнять положеніе точки d и f, а съ ними и стойка af, которая будучи утверждена прямоотвѣсно на плоскости зеркала, будетъ измѣнять и его положеніе такимъ образомъ, что солнечный лучъ NO будетъ падать подъ такимъ угломъ, что онъ постоянно долженъ отражаться по направленію LOR.

Кромѣ того, при этомъ инструментѣ находится еще аппаратъ для повѣрокъ, котораго мы не показали на чертежѣ, во избѣжаніе сбивчивости и запутанности.

—

СМѢСЬ.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

Позвольте намъ, многоуважаемые читатели, примкнуться въ уголкѣ этого листка со *словцомъ*. Словцо бываетъ *красное*, называемое по русски анекдотомъ; бываетъ *острое*, *отрѣзное* — если кстати сказано; оно бываетъ и *вѣщее* у того, кто далеко впередъ видитъ; но все это не то. Наше слово будетъ просто словцо русское, какъ говоритъ, сирота, которой нельзя же не дать гдѣ нибудь пріюта. Поставимъ кружку на бѣдность и на счастье сироты — и будемъ класть туда мимоходомъ по ногатѣ, приглашая и другихъ къ тому же. Авось найдутся и вкладчики и добрые соучастники, которые станутъ пускать добро это въ оборотъ.

Съ одной стороны, въ подобномъ дѣлѣ нельзя не попасть иногда въ крайности, — хотя понятіе объ этой крайности зависитъ отъ личнаго взгляда, почему и могутъ ошибаться оба, и вкладчикъ и браковщикъ; съ другой, ничего нѣтъ легче, какъ поднять любое слово на лубокъ. Направленіе письменности нашей очень склонно теперь къ такимъ пересмѣшкамъ, не заботясь о дѣлѣ, а только о потѣхѣ, которой должно стать на одинъ мѣсяцъ, до слѣдующей книжки журнала. Станемъ ли мы вѣрить съ докторомъ Панглосомъ, что все на свѣтѣ къ лучшему — или будемъ полагать, что всякій, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, долженъ заботиться о томъ, что по убѣжденію его добро и благо; — во всякомъ случаѣ должны мы итти каждый своимъ путемъ: поспоривъ на миръ слово покидать, не гнѣваться на *острое* словцо, если оно у кого съ языка сорвется; не вѣрить слѣпо всякому *вѣщему* слову, потому-что не всякъ правъ, кто божится; а затѣмъ — держаться своего, *русскаго слова*, какъ каждый народъ держится своего.

В. Луганскій.

1. Вмѣсто принятаго, но неудобнаго для русскаго произношенія слова *аліоръ* (allure), у насъ есть свое: *побѣжка*. Слово *походка* выражаетъ иное, тутъ, кромѣ мѣры скорости, подразумѣвается и осанка или пріемы; *поступь* выражаетъ также не то, подразумѣвая медленное движеніе, и притомъ стать, осанку или также пріемы. Но *побѣжка*, относительно лошади, выражаетъ вполнѣ то, что слово allure, то есть, скорость и способъ или образъ шага, который бываетъ различнаго вида:

2. Ступа, лошадь идетъ ступою — шажкомъ; едва переставляваетъ ноги.

3. Шагъ — лошадь идетъ мѣрнымъ шагомъ, частымъ шагомъ, бойкимъ шагомъ.

4. Хода — средняя побѣжка между иноходи и шага, шагъ съ иноходью. Лошадь съ ходой.

7. Перебой, или въ три ноги — испорченная побѣжка, порокъ: средняя между иноходи и рыси.

6. Иноходь — лошадь съ иноходью, иноходецъ.

7. Грунь или рысца; въ притруску. Пошли на груняхъ, поѣхалъ груницой, т. е. самой малой рысью.

8. Рысь — итти полной рысью, пустить во всю рысь; крупная, мелкая, тряская, плавная рысь; рысистая лошадь — рысакъ.

9. Меть — лошадь пошла метью, то есть побѣжкой, которую у насъ принято называть галопомъ, курцъ-галопомъ. У коня казистая, красивая меть.

10. Скачь, скачью или вскачь. Лошадь поскакала во весь духъ, во весь опоръ; на Украйнѣ говорятъ *навзаводы*. *Скакунъ*, скаковая лошадь относится собственно до этой побѣжки, тогда какъ *бѣгунъ* говорится какъ о рысакѣ, такъ и объ иноходцѣ.

11. Насылка — адрессъ. Пишите мнѣ по насылкѣ въ Новгородъ, такому-то, на такой-то улицѣ. Приказные и теперь пишутъ : по насланному предписанію или указу и проч.

12. Поступить на своихъ — поступникъ на своихъ есть измѣнникъ.

13. Заломъ — нишъ или ниша. Кровать стоитъ въ заломѣ, убранномъ бархатными занавѣсами. Вдоль стѣны шесть полукруглыхъ заломовъ, а въ нихъ по мраморному сосуду на стоялахъ изъ дикаго камня. *Стояло* или подножье — по русски пьедесталъ.

14. Поличіе въ Великороссіи, а *подобень* на Украйнѣ называется портретъ. Физіономію можно перевести *обликъ*.

15. Путь — почти то же, что дорога ; слова : путникъ, попутчикъ, и проч. также извѣстны. Менѣе употребительны : *путевикъ* — то есть дорожный дневникъ, записки ; *путина*, что у моряковъ *рейсъ*, поѣздка, особенно рѣкой или моремъ, въ одинъ конецъ ; напр. плаваніе изъ Нижняго до Астрахани и обратно составляетъ двѣ путины. *Спопутность* — что удобно, по пути, сподручно — благопріятныя обстоятельства. *Путничать* — быть въ дорогѣ, на пути, путешествовать.

16. Украду двѣ замѣтки — эту и слѣдующую — у добрыхъ пріятелей, у Вельтмана и у Надеждина. Слова *бердышъ* и *протазанъ* означаютъ одно и то же орудіе — первое употреблялось у насъ прежде, ранѣе, а послѣднее позже. Но чему приписать такое преобразованіе одного и того же слова, гдѣ едва ли можно узнать общій корень ? Откуда произошло бердышъ — не знаю ; но оно древнее, и отъ насъ перешло къ народамъ Готскимъ, которые, по свойству языка своего, придали ему окончаніе *анъ* или *энъ* ; изъ чего и вышло *бердышанъ*. Изъ слова бердышанъ, Нѣмцы сдѣлали partisane, а Французы pertuisane, что обошло кругомъ и возвратилось опять къ намъ подъ видомъ *протазана*.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Петербургѣ прибылъ недавно Г. Піотровскій съ новоизобрѣтеннымъ имъ инструментомъ : аккордометромъ. — Открытіе это такъ важно для всей музыки, что мы непремѣнно опишемъ его со всею подробностію. Теперь только удостовѣримъ читателей нашихъ въ важности сего изобрѣтенія тѣмъ, что знаменитый Эльснеръ, Корифей высокой музыки, со всею торжественностію печатно увѣнчалъ аккордометръ своею похвалою.

—

Къ общему огорченію всѣхъ знавшихъ Эльснера, мы должны сообщить полученныя изъ Варшавы извѣстія. — Увѣдомляютъ, что знаменитый старецъ подвергся сильному апоплексическому удару. — Всѣ почитатели Эльснера, т: е: вся Варшава обнаружили необыкновенное участіе къ больному. — Конечно, Эльснеръ достигъ глубокой старости, но дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ его болѣзни мы ожидаемъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и грустію.

—

Когда-то мы дождемся желѣзныхъ дорогъ по всему пространству нашей безмѣрной Имперіи ; а между тѣмъ сообщенія наши чрезвычайно затруднительны даже съ важнѣйшими городами. Кто задумаетъ поѣхать на югъ Россіи, долженъ покупать или собственный экипажъ, или страдать на перекладныхъ повозкахъ. По этому съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили мы въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленія о дилижансахъ по нѣкоторымъ направленіямъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ еще всѣхъ губернскихъ вѣдомостей и потому не можемъ сообщить подробныхъ свѣдѣній обо всѣхъ облегченіяхъ въ сообщеніи по Россіи. Положительно же можемъ сказать только, что съ 1-го января 1845 года дилижансы обѣщаютъ ходить изъ Москвы въ Тулу, Орелъ, Нижній Новгородъ, Казань, Кіевъ, Курскъ и Харьковъ; цѣна мѣстъ весьма умѣренная, — отправленіе два раза въ недѣлю... Исчисленные пункты занимаютъ значительное пространство Россіи. Желательно было бы имѣть послѣдователей хорошему предпріятію и въ другихъ пунктахъ Имперіи.

—

На мюнхенскомъ придворномъ театрѣ была дана во второй разъ, 13 января н. ст. большая Opera-Seria, написанная собственно для сцены этого театра. Въ первый разъ она была играна — 64 года тому назадъ. Эта старо-новая опера — *Идоменей*, Моцарта. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ настоящихъ посѣтителей театра не помнитъ перваго представленія, слѣдовательно второе было дано предъ новымъ поколѣніемъ. Моцарту было 24 года, когда онъ написалъ эту оперу ; сердце его было еще полно пламенною любовію къ искуству и вдохновеніемъ ; онъ мечталъ о славѣ и безсмертіи ; онъ былъ въ тѣхъ золотыхъ лѣтахъ, когда и самый прозаическій юноша дѣлается на мгновеніе поэтомъ !.... Публика собралась въ театръ не въ надеждѣ услышать дивную музыку, которую новѣйшія прозаическія геометрически-музыкальныя соображенія содѣлали для нея непонятною, но болѣе изъ уваженія къ памяти безсмертнаго композитора. Мало по малу, однакожъ, всѣ слушатели были увлечены вдохновенными звуками великаго композитора. Второе представленіе *Идоменея* увѣнчалось самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

— Въ Англіи *Софоклъ* также вошелъ въ моду. Въ началѣ нынѣшняго года играли въ Лондонѣ *Антигону*. Не пора ли и намъ ?

— Профессоръ *Речеръ*, теперешній драматургъ берлинскаго придворнаго театра, ведетъ съ литераторомъ *Руге* критическій споръ о необходимости смерти Корделіи въ «Королѣ Лирѣ.» — Есть объ чемъ спорить ! !

— Многія газеты вступили въ *весьма важный* споръ о томъ, имѣлъ ли право режиссеръ кобленцскаго театра, какъ членъ театра, надѣть по окончаніи одной оперы на пѣвицу *Сабину Гейнефеттеръ* лавровый вѣнокъ ?.... Какъ вы думаете ? Намъ кажется, что слѣдовало бы теперь умножить театральный штатъ и учредить особенное должностное лице, для вѣнчанія артистовъ и поднесенія букетовъ и другихъ изъявленій театральнаго восторга.

— Извѣстный нѣмецкій драматическій писатель *Гуцковъ* написалъ новую комедію : *Оригиналъ Тартюфа*. Пьеса эта играна уже на всѣхъ германскихъ театрахъ, имѣла и имѣетъ вездѣ самый блистательный успѣхъ. Сюжетъ основанъ на интригахъ президента Ламоаньона (служившаго Мольеру образцомъ для Тартюфа). Ламоаньонъ, какъ извѣстно, всячески старался, чтобы Людовикъ XIV не позволилъ играть Тартюфа. Гуцковъ воспользовался хитрыми происками президента, расположилъ ихъ съ искуствомъ, придалъ каждому лицу особую характеристику, однимъ словомъ, создалъ классическую комедію, которая одна, по мнѣнію германскихъ журналистовъ, могла бъ упрочить славу его. — Гуцковъ пишетъ теперь, или уже написалъ, новую драму : *Пугачевъ*.

—

ПРЕФЕРАНСЪ.

Воззваніе.

—

Не право о вещахъ тѣ думаютъ Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

—

Нѣтъ, стекло, и хрупко, и ранитъ, но приноситъ величайшую пользу, какъ Преферансъ, игра съ поэзіей, съ сильными ощущеніями, съ тактикой и стратегіей, словомъ Orbis pictus, маленькій міръ, на 32 страницахъ. Если степенную кадриль можно сравнивать съ важнымъ вистомъ ; головокружащій вальсъ съ головоломнымъ бостономъ, то ужъ Преферансъ рѣшительно можно сравнить съ граціозной полькой. Тамъ надо непремѣнно *умѣть* играть, тутъ умѣть танцовать. — Полька и Преферансъ даются самоучкамъ только съ геніальными способностями, а иначе глядѣть приторно, когда неграціозно играютъ въ Преферансъ или вяло пляшутъ польку. Но умѣнье предполагаетъ науку? Истина не опровержимая. И потому то стольже интересно поспорить о правилахъ Преферанса, о важнѣйшихъ случаяхъ этой разнообразной игры какъ о томъ, какъ должно писать всякія русскія слова, которыя теперь пишутъ и еще долго будутъ писать разно. Тутъ языкъ — тамъ оттачивается игра ; изданныя о Преферансѣ книги, кажется, не соотвѣтствуютъ важности предмета. Въ изложеніи господствуетъ сухость, какъ будто пишутъ о какомъ нибудь вистѣ, или ужъ отпускаютъ такія шуточки, что подумаешь дѣло идетъ о дурачкахъ. Нѣтъ, Мм. Гг., и на балетные танцы прежде смотрѣли какъ на акробатическія представленія паяцовъ ; явилась Таліони и танецъ въ балетѣ — получилъ художественное значеніе. Всему виною Грація. Ревнуя объ очищеніи правилъ Преферанса, я убѣдился, что сей великой цѣли можно достигнуть не иначе, какъ аналитическимъ путемъ, разсматривая сначала частные случаи, и располагая ихъ по соотвѣтственнымъ категоріямъ. Извѣстныхъ уже мнѣ случаевъ не мало ; но что они могутъ значить, когда въ одной здѣшней столицѣ, изъ 400,000 жителей ежедневно играютъ въ Преферансъ 399,000?! Если допустить, что съ каждымъ изъ нихъ въ продолженіи десяти лѣтней практики случился только одинъ странный примѣръ — согласитесь, что изъ нихъ наука Преферанса должна сложиться нѣсколько сотенъ разъ, — а мы до сихъ поръ не только и не имѣемъ, но къ стыду нашему громко повторяемъ, что эта наука и существовать не можетъ. — Чтобы спасти игру игоръ, карточную польку, отъ столь несправедливыхъ обвиненій, мы упросили Редакцію отвести на листахъ Иллюстраціи уголокъ для постройки великолѣпнаго зданія, гдѣ современемъ должна возрасти и процвѣсти теорія игры, повсемѣстно господствующей. Почему и приглашаемъ всѣхъ любителей и знатоковъ карточнаго міра сообщать замѣчательнѣйшіе случаи, которые на нихъ или на противниковъ наводили недоумѣніе, страхъ, ужасъ, или поражали совершенствомъ искусства въ розыгрышѣ трудныхъ игоръ. Любопытнѣйшіе случаи, съ дозволенія Редакціи, будутъ помѣщаться въ Иллюстраціяхъ, а смотря по ихъ важности, прилагаться и гравюры... Обожатели, и вы, простые любители игры игоръ! Да не оскудѣетъ усердіе ваше къ общему дѣлу. — На первый случай вамъ предлагается юридическій вопросъ : какимъ образомъ, не участвуя въ игрѣ, можно поставить ремизъ? Предупреждаемъ, тутъ нѣтъ никакой коварной хитрости. И вопросъ и разрѣшеніе его — возникли изъ фактовъ и подлежатъ разсмотрѣнію карточной юриспруденціи.

В. н. П. П. и Д. П.

—

ПЕРЕПИСКА.

Въ М. — Н. Н. Б-ну. Мы получили нѣсколько писемъ, одинакаго съ Вашимъ содержанія. — Вѣнецъ и Кубокъ — вы уже видѣли. Подбукетника и браслета мы еще не могли достать рисунковъ, не успѣли къ первому нумеру изготовить гравюры.

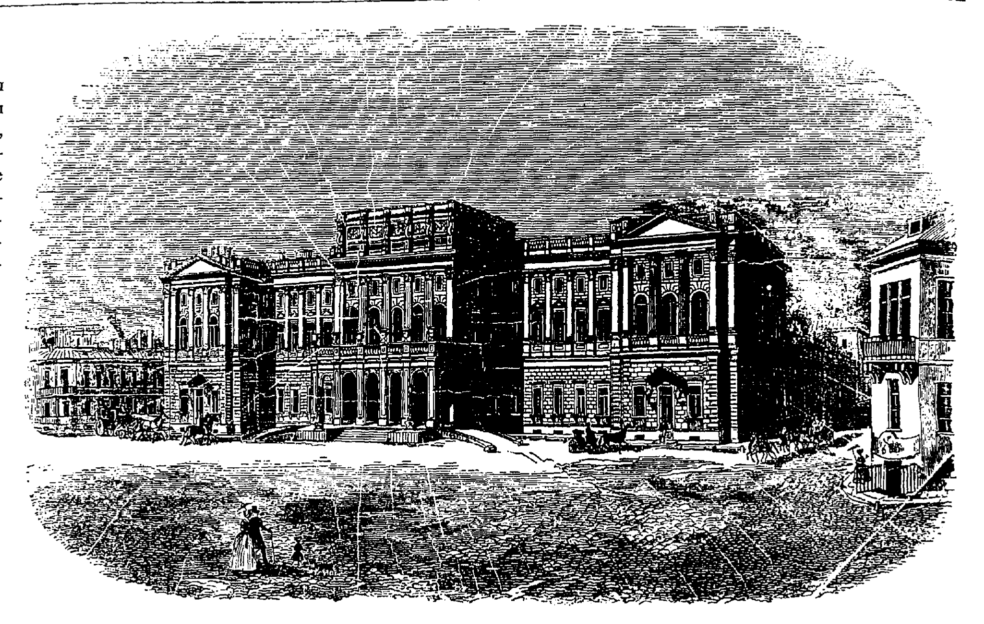
Въ К. — Г. А. С. — Вы ошибаетесь. Что полезно, то не можетъ быть скучно. Не спрашивайте позволенія, а присылайте какъ можно болѣе такихъ статей. Все, что касается до промышленности, торговли, мануфактуръ-фабрикъ и прочее, мы будемъ помѣщать съ преимуществомъ даже предъ литературою. Если вы обремените насъ большимъ числомъ техническихъ гравюръ, то предупреждаемъ, или вы должны принять художественные расходы на вашъ счетъ, или мы уменьшимъ число это и ограничимся только необходимыми. Такъ дѣлаютъ всѣ заграничныя Иллюстраціи при многихъ тысячахъ подписчиковъ, а мы еще начинаемъ. Прибавьте къ тому, что техническія статьи заключаютъ интересъ частный, хотя и пользу общую.

Примѣчаніе. Редакція не можетъ еще дать отвѣта на множество полученныхъ ею писемъ ; особенно на тѣ, въ которыхъ сообщаются ей городскіе на-счетъ Иллюстраціи слухи. Теперь эти письма сортируются, и если окажется нужнымъ, напечатаемъ отвѣты на каждый родъ писемъ особо.

—

СЮРПРИЗЪ.

Читатели, которымъ конечно извѣстны разныя сомнѣнія, предсказанія, гаданія и привязки насчетъ изданія Иллюстраціи, вѣроятно ни отъ кого изъ этихъ распространителей неблагопріятныхъ слуховъ не слыхали съ какими затрудненіями соединяется, въ особенности у насъ, исполненіе подобнаго предпріятія. Вотъ образчикъ. Первый нумеръ уже набранъ; достоинство главной гравюры, съ рисунка, сдѣланнаго чуть-ли не въ микроскопъ, и исполненной барономъ К. К. Клотомъ съ поразительною отчетливостію — требовало, чтобы для безопасности и для сохраненія ея въ отливкахъ, была сдѣлана форма..... Гравюра довѣрена опытнымъ рукамъ; но подъ кипящимъ составомъ она растреснулась и Редакція принуждена была распорядиться, чтобы дворецъ былъ нарисованъ во второй разъ, и во второй разъ вырѣзанъ. Объ издержкахъ не говоримъ, но потрудитесь сосчитать сколько лишнихъ дней потеряно, а такіе сюрпризы въ меньшемъ видѣ случаются на каждомъ шагу. Они извѣстны только Редакціи, и Редакція сочла нужнымъ подѣлиться съ читателями своимъ печальнымъ опытомъ, который нѣкоторымъ образомъ можетъ служить залогомъ ея усердія къ совѣстливому и старательному исполненію всего изданія.



АНЕКДОТЫ.

Всѣ націи имѣютъ свои собственные анекдоты, историческіе, общіе, частные, провинціальные, театральные, музыкальные, какіе угодно. Есть цѣлыя многотомныя коллекціи анекдотовъ. Эти собранія полезны, необходимы, рисуютъ вѣка, моды, обычаи, нравы, понятія, свойства и качества не только цѣлой націи, но отдѣльныхъ провинцій, кастъ и т. д. До сихъ поръ были уже и у насъ попытки изданій въ этомъ родѣ, но въ маломъ объемѣ, не всегда съ удачнымъ выборомъ. Иллюстрація открываетъ и для этой части ежедневныхъ разговоровъ особое мѣстечко. Безъ сомнѣнія въ анекдотахъ многіе будутъ встрѣчаться съ знакомцами, но анекдотовъ нельзя выдумывать, сочинять. Анекдоты — были бывалыя. Ихъ знаютъ только очевидцы и тѣ, которымъ отъ нихъ удалось слышать; для прочихъ и самые старые анекдоты будутъ имѣть и достоинство и существо новыхъ. У насъ анекдоты можно раздѣлить преимущественно на историческіе, малороссійскіе, въ коихъ наиболѣе юмору, солдатскіе и гостинные.

Для начала, помѣщаемъ найденный нами въ кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ историческій анекдотъ, о которомъ мы давно знали, но безъ любопытныхъ подробностей, утверждающихъ его подлинность. Вотъ онъ;

Покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ, проѣзжая разъ Екатеринославскую Губернію, остановился на одной станціи пить чай. Пока его готовили, Императоръ разговорился съ станціоннымъ смотрителемъ и, увидѣвъ у него на столѣ Новый Завѣтъ въ довольно подержанномъ видѣ, спросилъ: «а часто ли ты заглядываешь въ эту книгу?»

— «Постоянно читаю, Ваше Величество!»

— Хорошо, отвѣчалъ Императоръ, читай, читай, это дѣло доброе. Будемъ искать блага души, найдемъ и земное счастіе. А гдѣ ты остановился въ послѣднее чтеніе?»

— «На Евангеліи Св. Матѳея».

Императоръ выслалъ за чѣмъ-то смотрителя, и въ его отсутствіе проворно развернулъ книгу, бѣгло отыскалъ одну страницу Евангелія отъ Матѳея, и положивъ пять сотенныхъ ассигнацій, закрылъ книгу.

Прошло около полугода, Императоръ на возвратномъ пути въ Петербургъ, проѣзжая той же станціею, приказалъ остановиться.

— «Здравствуй старый знакомый, сказалъ Онъ, входя къ смотрителю. А читалъ ли ты безъ меня свое Евангеліе?»

— «Какъ же Ваше Величество, ежедневно читалъ».

— «И далеко дошелъ?»

— «До Св. Луки».

«Посмотримъ!»

Государь раскрылъ книгу и на томъ же мѣстѣ нашелъ положенныя имъ деньги.

— «Ложь великій грѣхъ!» сказалъ милосердый Монархъ, и, вынувъ ассигнаціи, указалъ смотрителю на прикрытую ими страницу, сказавъ: «читай:»

Смотритель съ трепетомъ прочелъ: «ищите прежде царствія Божія, а прочая приложатся вамъ.»

— «Ты не искалъ царствія Божія и недостоинъ царскаго приложенія,» сказалъ Александръ Благословенный, и съ этими словами вышелъ изъ дому, роздалъ деньги бѣднымъ, сѣлъ въ свой экипажъ, и уѣхалъ.

НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ: въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ №№ 4—5.

ЗАГАДКА.

Разгадка будетъ помѣщена въ слѣдующемъ нумерѣ.

Печатать позволяется, С. Петербургъ. Марта 25 дня 1845 года. Цензоры: *А. Очкинъ* и *А. Никитенко.* Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 2. — Суббота 7 Апрѣля 1845.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЯНВАРЬ.

(Окончаніе).

Увеселенія? Театры? Концерты? — Были. Какъ не быть? На то карнавалъ. Италіянская Опера въ полнѣйшемъ составѣ, съ новыми плохими операми, съ новою русскою піэсой А. О. Львова... Александринскій театръ съ убылью, слишкомъ чувствительною... Французскій въ превосходномъ комплектѣ съ малымъ числомъ посѣтителей... Нѣмецкій — съ Ладдеемъ... Концерты здѣшнихъ артистовъ, въ которыхъ они принимали нѣкоторое участіе, а пѣли Италіянцы. — Маскерады, горы, пикники — все было. Какъ не быть; на то карнавалъ. Въ Италіянской Оперѣ даны въ январѣ Донъ-Пасквала и Біанка и Гвалтіеро. Съ первою мы знакомы нѣсколько по партитурѣ и журнальнымъ разборамъ.

(Е. И. Колосова.)

Со второю не успѣли познакомиться потому, что слышали только одинъ разъ. По нашему мнѣнію величайшая дерзость — произносить приговоръ труду долговременному, добросовѣстному, основываясь на впечатлѣніяхъ одного и то перваго представленія. Извѣстно каждому, сколько нибудь знакомому съ закулиснымъ міромъ, что̀ значитъ первое представленіе. Аріи еще исполняются и отдѣлются довольно хорошо; но совмѣстное пѣніе комкается, не имѣетъ надлежащей отчетливости, не твердо въ движеніяхъ; хоры въ первое представленіе, особенно если имѣютъ входы въ пѣніе перваго плана, идутъ еще хуже. Репетицій также нельзя дѣлать много, потому что у всякаго италіянскаго артиста есть свой бенефисъ; каждый хочетъ блеснуть новостію, а все это съѣдаетъ время. — Александринскій Театръ лишился — Александры Михайловны Каратыгиной. Въ послѣдній разъ она явилась въ бенифесѣ В. А. Каратыгина, въ небольшой комической ролѣ. Отходъ Александры Михайловны отъ театра, событіе весьма важное. Въ газетахъ достойно оплакали эту потерю; а въ небольшой брошюрѣ съ литографированымъ ея портретомъ, довольно удовлетворительно начертана ея біографія. В. В. В., сочинитель брошюры, имѣетъ собственный взглядъ на искуство, съ которымъ не можемъ согласиться; почему въ этой брошюрѣ для насъ дороги только факты. Хотя брошюра и носитъ названіе біографіи, однакоже годъ рожденія — пропущенъ. — Начинается прямо съ художническаго воспитанія артистки. Отецъ Александры Михайловны былъ музыкантомъ при театрѣ и хотѣлъ, чтобы дочь посвятила себя музыкѣ; мать — Евгенія Ивановна Колосова, какъ говоритъ сочинитель біографіи, славилась въ балетахъ. При нынѣшнемъ состояніи балета, эта фраза не подаетъ о прекрасномъ талантѣ Евгеніи Ивановны никакого понятія. Тогда въ балетахъ выплясывали на точно также, какъ теперь выплясываютъ ихъ въ операхъ, — весьма не много, малыми пріемами, изрѣдка..... а балетъ во всемъ блескѣ богатой постановки двигался на сценѣ какъ драма и увлекалъ зрителей содержаніемъ. Тогда не считали сколько секундъ выстоитъ дѣвушка на носкѣ, или сколько разъ на воздухѣ искреститъ ногами антрша. Тогда смотрѣли на нѣмую игру артистовъ, угадывая тайный смыслъ ихъ безсловеснаго разговора. Тогда заботились о выраженіяхъ лица, теперь хлопочутъ о выраженіяхъ ногъ. И конечно, Евгенія Ивановна славилась въ балетахъ, но игрой, силой выраженія страстей, правдой тѣлодвиженій и мимики. Теперь въ балетѣ эти достоинства и непонятны. Талантъ Таліони сдѣлалъ съ нимъ то же, что новые виртуозы съ фортепіанной игрой. — Евгенія Ивановна имѣла болѣе расположенія къ трагическимъ балетамъ, хотя вездѣ обладала высокой граціей. Помѣщаемъ портретъ Е. И. Колосовой, съ оригинальнаго портрета, давнымъ давно написаннаго покойнымъ профессоромъ Варнекомъ. Костюмъ придаетъ лицу мужественность, но при всемъ томъ въ портретѣ не мало сходства. А. М. воспитывалась въ пансіонахъ Нейместеръ и Мюссаръ; училась русскому языку у Н. И. Греча, музыкѣ у Фильда; Семенова уговаривала ее обратиться къ комедіи, Шаховской къ трагедіи, Катенинъ и къ той и къ другой. Все такъ, но кажется, что къ трагическому поприщу всесильно увлекали А. М. игра Семеновой, балеты Дидло и успѣхи въ нихъ Евгеніи Ивановны. Можно утверждать положительно, что сама А. М. въ началѣ не имѣла особеннаго расположенія къ комедіи; что дарованія Семеновой и Е. И. возбуждали то художническое волненіе, которое зиждетъ высокій талантъ подъ непремѣннымъ вліяніемъ того, что въ сильной степени нравится публикѣ. — Три дебюта, одинъ за другимъ, поставили А. М. весьма высоко въ мнѣніи публики и дирекціи. Антигона въ трагедіи Эдипъ въ Афинахъ (16 дек. 1818 г.), Моина и наконецъ Эсѳирь очаровали всѣхъ и каждаго. Въ то же время А. М. сыграла Молодыхъ Супруговъ, піэсу, въ которой молодость, красота и общественные таланты микроскопически должны были увеличить высокія дарованія артистки. Тогда только А. М. заключила

(А. М. Каратыгина.)

съ дирекціей контрактъ, за 1750 руб. жалованья, 250 руб. на квартиру, 300 на гардеробъ и *8 сажень дровъ ежегодно*. Въ этомъ первомъ періодѣ службы А. М. играла роли Ифигеніи, Заиры, Креузы вмѣстѣ съ Семеновой, Лизы въ Притворной Невѣрности, Эльдемоны въ старомъ Отелло и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ перемѣною контракта получила 4-т руб. жалованья; но вскорѣ, какъ вездѣ и всегда, начались неудовольствія... Евгенія Ивановна продала брилльянты и увезла на эти деньги А. М. въ Парижъ. Тамъ въ теченіи года она успѣла изу-

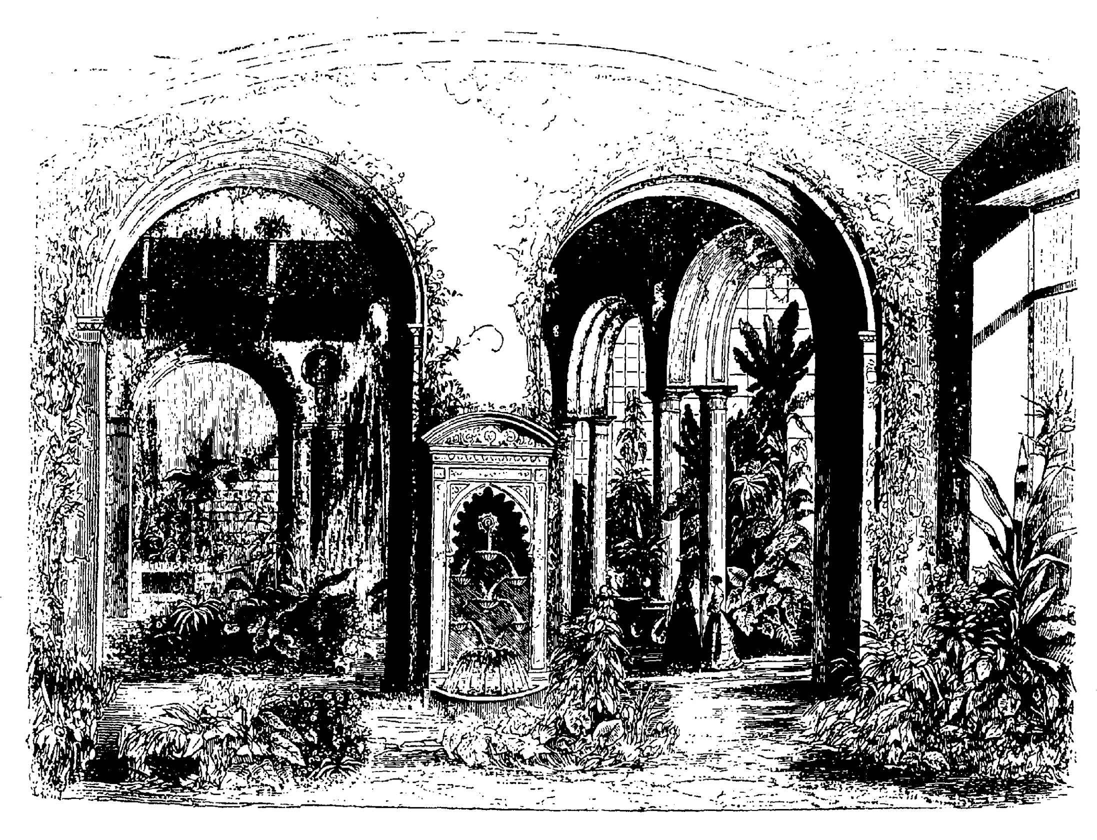
чить знаменитыхъ актрисъ Дюшенуа, Жоржъ и Марсъ, воспользоваться совѣтами Тальмы и, возвратясь, выступила на любимое поприще въ роли Герміоны. Рядъ успѣховъ въ Петербургѣ и Москвѣ послужили поводомъ къ новымъ неудовольствіямъ; 5 января 1825 года, Колосова была отставлена отъ театра; но въ апрѣлѣ того же года участіе, ея въ концертѣ А. Каталани, напомнило объ ней публикѣ, помирило съ дирекціей. — Съ этихъ поръ, подъ именемъ Колосовой, она играла до 1827 года; а замужемъ за В. А. Каратыгинымъ продолжала службу до 1845 года непрерывно, играя въ классическихъ и романтическихъ трагедіяхъ и комедіяхъ, всегда съ успѣхомъ, часто возбуждая восторгъ и заслуженное удивленіе. Репертуаръ А. М. былъ столь огроменъ, что біографъ не могъ исчислить всѣхъ піэсъ, въ которыхъ А. М. участвовала. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ біографіи пропущена одна поѣздка въ Москву, если не ошибаемся, въ 1834 или 1835 году.

Но не въ этомъ дѣло. Брошюры В. В. В. нельзя назвать біографіей; это легкій очеркъ кстати, потому, что потеря А. М. весьма чувствительна для всѣхъ любителей сцены, а для русскаго театра незамѣнима. Главнѣйшая и огромная заслуга А. М. — это та, что она безъ предшественницъ создала высокую русскую комедію и оставила мѣсто свое даже безъ кандидатокъ; облагородила игру тогда, когда у насъ не было иностранныхъ образцевъ. Мельпомена долго будетъ грустить и тосковать по ней; Талія всегда оплакивать.

Французскій театръ — игрушка и жертва моды, былъ убитъ Италіянскою Оперою. Не смотря на превосходные таланты артистовъ, столь счастливо соединенные въ одну труппу, — Михайловскій Театръ во время французскихъ спектаклей пустъ... тогда какъ прежде одинъ талантъ привлекалъ въ ту же залу всю столицу. Въ гостиныхъ, гдѣ прежде только и слышны были словопренія о Бурбье и Алланъ, теперь идетъ странный разговоръ о сравнительномъ достоинствѣ... — кого бы вы думали, — Кастелланъ и... Віардо-Гарсіа... А между тѣмъ французская труппа не была у насъ въ такомъ великолѣпномъ составѣ. Можетъ быть, въ частности въ Парижѣ найдутся артисты лучше нашихъ, но всѣ вмѣстѣ... Нѣтъ, положительно, такой труппы нѣтъ и въ Парижѣ... Естественно, что при такомъ несправедливомъ равнодушіи къ Французскому театру, не было и нужды освѣжать его новыми сюжетами, даже новыми піэсами. Притомъ же въ январѣ кто рѣшится ѣхать въ Петербургъ, гдѣ во время парижской весны двадцать градусовъ мороза.

Нѣмецкій театръ — у насъ въ Петербургѣ нѣчто народное. Такъ какъ и русскій, онъ держится собственными средствами, пополняется случайно гостьми; изъ нихъ Ладдей — весьма замѣчателенъ; но въ сіяніи Италіянской Оперы и онъ едва примѣтенъ...

Концерты — принадлежность марта. Въ январѣ они неумѣстны, излишни, какъ желѣзная печка въ комнатѣ, въ которой и безъ того жарко. На большомъ театрѣ вѣчный концертъ и едвали италіянскую оперу не должно называть концертомъ огромнаго размѣра. Еслибы еще концерты давались съ начала оперной поры, пока слушатели не привыкли къ артистамъ, дѣло иное, могли бы быть и хорошій сборъ и занимательность, а то въ январѣ, когда уже и фанатики утомились, когда тѣхъ, которыхъ ставили выше Пасты и Малибранъ, уже считаютъ обыкновенными пѣвицами, когда вызываютъ любимицъ, вмѣсто двадцати, только по десяти разъ — какія тутъ могутъ быть концерты? Въ залахъ было холодно, въ кассахъ — голодно... Остальныя увеселенія января не были лучше. Въ маскерадахъ было просторно; къ концу плясали польку... Вообще и тутъ никакого одушевленія... Словомъ, нынѣшній январь не походилъ ни на одинъ изо всѣхъ бывшихъ на нашей памяти январей. Петербургъ зябъ отъ скуки и морозовъ... кашлялъ, лечился — и только въ аптекахъ можно было слышать похвальное словечко новому году. Но иногда дурное начало ведетъ къ хорошему концу... Иллюстрація, какъ себѣ, такъ всѣмъ и каждому, желаетъ, чтобы одиннадцать мѣсяцевъ 1845 года не походили на этотъ несносный январь.

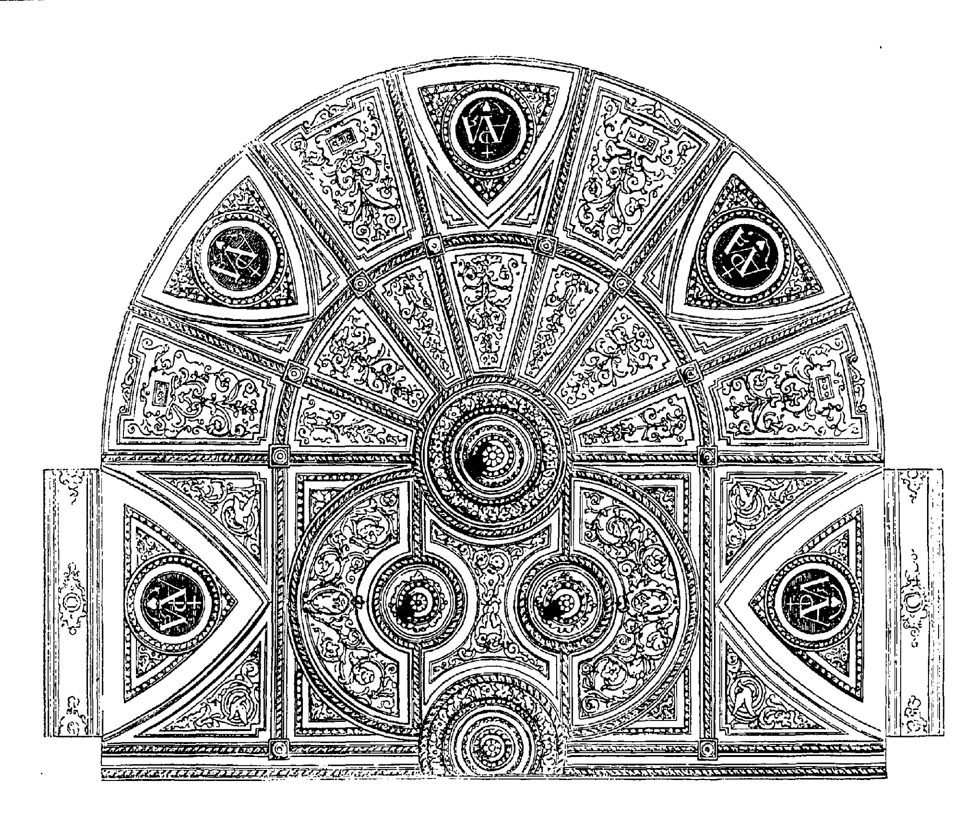


(Зимній садъ во Дворцѣ).

ДВОРЕЦЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
великой княгини
МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ
въ
С.-Петербургѣ.

(Окончаніе).

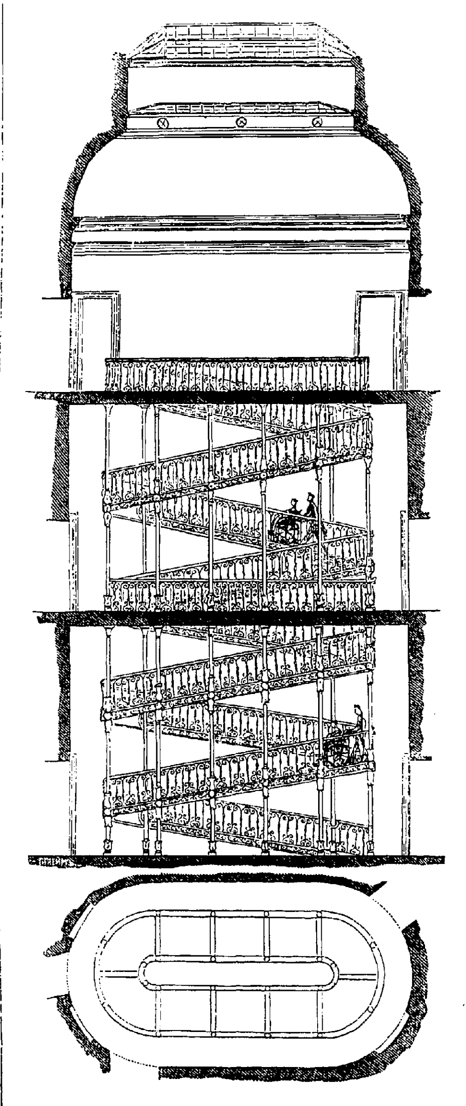
Въ прошедшемъ нумерѣ мы осмотрѣли почти весь бель-этажъ; почти, говоримъ потому, что немалая часть этого жилья въ переулокъ занята запасною половиною, и служебными покоями, а на Вознесенскій Проспектъ почти на все протяженіе Дворца идутъ также служебные покои; только будуаръ à la Pompadour и часть малаго кабинета выходятъ на эту улицу. Нельзя не замѣтить въ этомъ особеннаго расчета — удалить жилыя комнаты отъ городскаго шума, отъ грохота экипажей, отъ пронзительнаго пѣнія разнощиковъ, соединяя съ тѣмъ и важное хозяйственное удобство, которое состоитъ въ томъ, что вся важнѣйшая, необходимѣйшая прислуга для обоихъ отдѣленій, такъ сказать, подъ рукою. Сверхъ того эти комнаты, по необходимости, были бы мрачны, потому что Вознесенскій Проспектъ не похожъ на петербургскую улицу по размѣрамъ. Тѣсно. За то половина Ея Высочества такъ счастливо расположена, что всѣ комнаты отъ малаго кабинета до зимняго сада включительно — кажутся ликующими. Солнце какъ встанетъ, какъ только разгонитъ утренніе туманы и обильный дымъ безчисленныхъ трубъ столицы, — первый визитъ — въ эти комнаты, и ужъ весь день гоститъ здѣсь безъ устали, позлащая тропическую зелень зимняго сада, или играя въ красивыхъ орнаментахъ, или



(Потолокъ во Дворцѣ).

освѣщая произведенія искусной кисти. Вотъ ужъ истинно in loco aprico, какъ говорили Римляне, на припекѣ, на солнцѣ, подъ солнцемъ, и вѣроятно подъ солнцемъ нѣтъ ни одного дворца, который бы передъ новымъ имѣлъ преимущество въ этомъ отношеніи. Правда, въ иныхъ мѣстахъ бѣгутъ отъ солнца; строятъ портики въ нѣсколько рядовъ колоннъ, чтобы заставить лѣнивый воздухъ двигаться, вліяніе солнечныхъ лучей ослабить; обращаютъ окна на сѣверъ...такъ ли еще ухищряются; напримѣръ Мавры дѣлали длясолнечныхъ лучей лабиринты, чтобы они путались и приходили внутрь зданія измученные, усталые, слабые; словомъ, отворачиваются отъ солнца; но у насъ въ Петербургѣ въ зимніе мѣсяцы солнце—роскошь. Гомеопатически свѣтитъ оно нѣсколько часовъ, подъ такимъ угломъ, что видѣтъ видимъ солнце, но не ощущаемъ его благодѣтельныхъ свойствъ. Зимою оно похоже у насъ на безстрастную луну. Если можно, было бы весьма не дурно вмѣсто зеркальныхъ ставить въ окна зажигательныя, тогда можетъ быть нѣсколько минутъ позволительно было-бы зимнее солнце называть солнцемъ. Но ужъ если у дневнаго свѣтила нельзя добыть тепла, берегите покрайней мѣрѣ свѣтъ—и эта экономія въ новомъ дворцѣ соблюдена въ полномъ смыслѣ.

Внутренняя лѣстница ведетъ вверхъ въ уютную и весьма эффектно освѣщенную церковь, внизъ въ дѣтскую половину и обширныя внутреннія сѣни съ подъѣздомъ на дворѣ. Эта лѣстница если и не отличается безнужнымъ просторомъ, то за то составляетъ особенныя удобства. Заприте всѣ парадныя комнаты, всѣ двери въ пріемную, круглую, квадратную и садовую залу; заприте три четверти Дворца, между тремя жилыми половинами и службами, сообщеніе не прервется. Кромѣ этого пути домашняго сообщенія, еще двѣ дороги снизу вверхъ и обратно: подъемное кресло и скатъ, или элиптическая наклонность, по которой можно ѣздить на колесахъ и ходить пѣшкомъ безъ одышки. Устройство этого пути весьма замѣчательно, и такъ какъ подобныя вещи надо не читать, а видѣть, то мы и прилагаемъ рисунокъ. Какимъ угодно путемъ перейдемъ въ отдѣленіе дѣтское. Размѣры комнатъ огромны, особенно въ высоту, что̀ весьма важно и, какъ замѣчено, имѣетъ доброе вліяніе на здоровье; къ этимъ комнатамъ примыкаетъ прелестная рекреаціонная зала съ выходомъ въ нижній или собственно въ зимній садъ, очаровательный и весьма живописный. Онъ раздѣляется на двѣ неравныя половины, большая подъ галлереями, меньшая подъ свѣтлой угловой комнатой. Пальмы и тропическія растенія должны найти гостепріимный пріютъ подъ особеннымъ покровительствомъ сѣвернаго солнца, которому вмѣнено въ обязанность свѣтить изовсѣхъ силъ на этотъ уголъ. Въ большомъ саду бьетъ фонтанъ въ четыре сажени вышиною и, освѣжая, питаетъ растенія. Бояться сырости нечего; мозаичный полъ ее не приметъ. Въ меньшемъ саду также вода, но она какъ будто обливаетъ родъ камина, перебѣгая изъ раковинки въ раковинку тонкими струями; онѣ встрѣчаются и расходятся, чтобы опять сойтись и разбѣжаться. Изъ этого садика видѣнъ и большой, и верхняя галлерея, и лѣстница на нее, какъ мож-

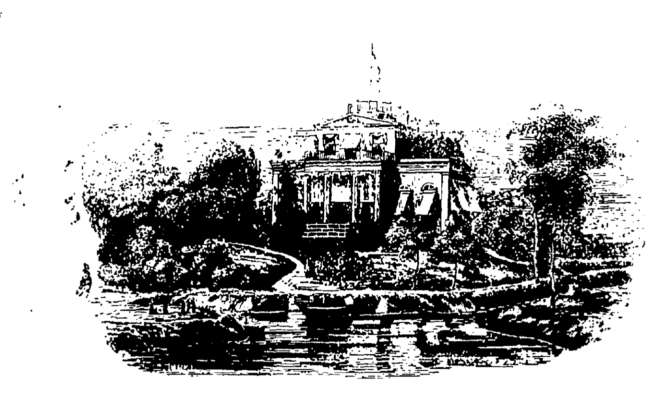


(Лѣстница во Дворцѣ).

по замѣтить въ гравюрѣ; а по милости этой лѣстницы можно пройти прямо въ парадныя залы. Здѣсь мы остановимся и обратимъ вниманіе на эту непрерывную связь большихъ залъ. Она заключаетъ то удобство, что хотя, повидимому, нѣтъ ни одной колоссальной залы, но совокупное пространство парадныхъ комнатъ, которыя, между прочимъ, всѣ въ два свѣта, столь велико, что по нашему мнѣнію онѣ могутъ безъ тѣсноты вмѣстить самое огромное число посѣтителей. Для большаго собранія не будетъ тѣсно, а при среднемъ числѣ гостей, не будетъ въ покояхъ грустной пустоты. Въ нижнемъ этажѣ Дворца надо еще побывать въ небольшой молельнѣ, въ которой, одно окно, или лучше сказать одна картина, освѣщаетъ покой. Она писана весьма хорошо на стеклѣ въ Мюнхенѣ.

Нельзя безъ особеннаго удовольствія не замѣтить, что достойный художникъ-зодчій и внутри Дворца одержалъ надъ всѣми затрудненіями, которыя ему поставляли три старыя стѣны, ту же побѣду, какая увѣнчала его и въ созданіи наружнаго вида. Слѣдовало бы и въ техническомъ отношеніи указать на многія и весьма немаловажныя достоинства построенія. Техника — скучна, особенно въ статьѣ, которая назначается для всеобщаго чтенія. Но нельзя не сказать, что во всемъ Дворцѣ, кромѣ паркетовъ, все камень и металлъ; всѣ своды выведены изъ кирпича; есть и горшечныя; но всѣ поразительной плоскости, такъ что и не подумать будто это своды. — При старомъ Чернышевскомъ домѣ, также были и садъ, и конюшни, и манежъ, и особый служебный домъ; но всѣ эти принадлежности подчинились общей идеѣ, и преобразились въ полномъ согласіи съ главнымъ зданіемъ. Но оставимъ технику. Объ ней, или много (а было бы что) говорить, или не упоминать вовсе. Лучше обратимся къ изящной сторонѣ зданія. Прочность постройки, удобство расположенія, все это прекрасно, все это чувствительно для живущихъ въ домѣ; но отдѣлка художественная, принадлежитъ всѣмъ. Это достояніе народнаго искусства. И въ этомъ отношеніи новый Дворецъ удивляетъ утонченностію и благородствомъ вкуса въ украшеніяхъ богатымъ разнообразіемъ въ подробностяхъ. Возьмемъ для примѣра одни только потолки. Двухъ, одинъ на другаго, похожихъ не найдете, а между тѣмъ ни одинъ, въ художественномъ смыслѣ, не хуже представляемаго въ нашей гравюрѣ. Такое же разнообразіе, съ одинакимъ изяществомъ формъ, господствуетъ и въ комнатахъ; то же замѣтите въ полахъ, то же въ мебели. Всякую дальнѣйшую похвалу считаемъ излишнею. Дѣло говоритъ само за себя. Заключимъ статью нашу тѣмъ, что сокровищница русскихъ художествъ въ этомъ Дворцѣ сдѣлала огромное пріобрѣтеніе; зодчій, уже давно извѣстный своимъ талантомъ, оправдалъ, если не превзошелъ ожиданія, а мы счастливы тѣмъ, что изданіе, посвященное всему полезному и изящному могли начать новымъ изящнымъ, и великолѣпнымъ плодомъ русскихъ художествъ, доказывающимъ осязаемо, до какой степени они достигли уже въ наше время.

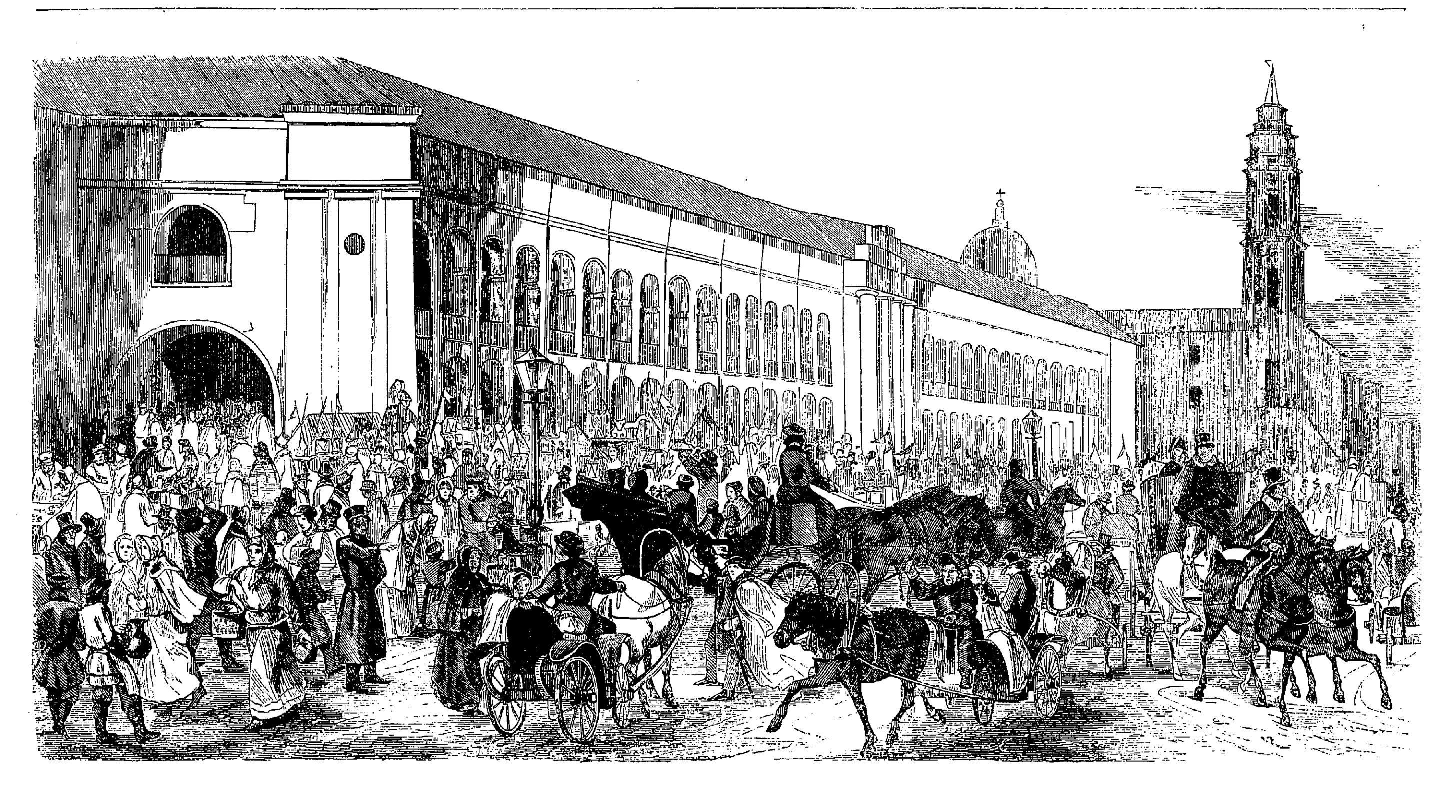
Н. Кукольникъ.



(Домъ въ Колымягахъ.)

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

Люди ко всему привяжутся, лишь бы погулять, повеселиться, другихъ посмотрѣть, а пуще себя показать. Вы можете замѣтить это въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ. Положимъ, въ Седмицу Ваій кстати продавать вербы; допустимъ даже, что по близости свѣтлаго праздника, можно бы сбывать фарфоровыя и другія писанки; но поѣзжайте въ концѣ этой недѣли на Невскій Проспектъ и вы найдете огромный колоссальный магазинъ, раскинутый на открытомъ воздухѣ во всю длину гостинаго двора и въ двухъ главнѣйшихъ галлереяхъ этого зданія. Покупатели волнами валятъ въ галлереяхъ, толпами медленно двигаются по гладкимъ плитамъ широкаго тротуара; во всю ширину Невскаго Проспекта кареты и коляски едва примѣтно передвигаются цѣпью; въ нихъ множество маленькихъ гостей... И все это покупатели? Нѣтъ! Они купятъ что нибудь, но случайно, нечаянно; а пришли сюда всѣ, кромѣ дѣтей, другихъ посмотрѣть, себя показать. У торговцевъ такая же смѣсь товаровъ... Не только игрушки, съѣстное продаютъ на вербномъ базарѣ, и едва ли не съ большею выгодою. Разъ въ годъ вы можете насладиться гальвой и другими греческими конфектами. Отошли вербы и греческіе конфекты прячутся, такъ что ихъ съ огнемъ не отыщешь. Но вербное гулянье имѣетъ свой особенный характеръ Тутъ гости не такъ много безпокоятся о своемъ костюмѣ, потому что петербургская весна едва начинаетъ отапливать землю; грязь, давка, толкотня и гулянье отличается простотою одеждъ; гуляющіе большею частію принадлежатъ къ среднему кругу; большой свѣтъ въ миніатюрныхъ своихъ представителяхъ покойно и сухо пребываетъ въ экипажахъ. Таково наше вербное гулянье. Бываетъ ли оно въ другихъ городахъ, мы не знаемъ; вѣроятно бываетъ. Тѣмъ болѣе, что въ исходѣ марта и въ началѣ апрѣля въ другихъ мѣстахъ уже тепло даже сухо. Если получимъ объ иногородныхъ вербахъ статьи и рисунки, помѣстимъ ихъ въ будущемъ году, а теперь извольте любоваться общимъ видомъ петербургскаго вербнаго гулянья. Давно ли этотъ обычай вошелъ въ моду, опредѣлить трудно. Безъ сомнѣнія въ первыхъ вѣкахъ христіанства. У насъ въ Москвѣ была на этой недѣлѣ патріаршая церемонія. Въ Европѣ, въ странахъ Римско-Католическаго исповѣданія, празднуютъ только одно вербное воскресеніе, которое и называютъ пальмовымъ, цвѣточнымъ, голубымъ; на деревянномъ ослѣ съ колесами везутъ въ процессіи статуэту Спасителя по главнымъ улицамъ города. Но цвѣточной, подобно нашей, выставки, кажется, нигдѣ не бываетъ. Къ стати о цвѣтахъ. Не смотря на то, что у насъ солнце еще только о веснѣ намекаетъ, въ лавкахъ пропасть цвѣтовъ; но эти цвѣты непомѣрно дороги; нѣтъ приступу; горшечекъ съ розой, цвѣтущей не болѣе одного дня — два рубля серебромъ; нѣжный гіацинтъ или нарцисъ — не меньше четвертака. Такъ весна не можетъ нравиться, а все напоминаетъ между тѣмъ о ея приближеніи; нечего дѣлать; недостаточные люди бѣгутъ къ гостинному двору; накупаютъ себѣ тафтяной зелени, восковыхъ плодовъ и цвѣтовъ и встрѣчаютъ съ ними весеннее солнце, которое презираетъ ихъ признательность, даже сердится, и гдѣ ему попадется цвѣтокъ



или плодъ, топитъ нещадно. — Петербургскому жителю и въ веснѣ мало утѣшенія... Она придетъ волшебница въ концѣ маія; и по Петербургу встанутъ столбы пыли. Куда отъ нея дѣваться? На дачи? Охъ, ужъ эти дачи. И тутъ хорошо одному богатому, а недостаточный долженъ переселиться въ родъ какого-то деревяннаго шатра, удовольствоваться березками и рябиной своего полисадника; купаться въ болотномъ прудѣ, или гнилой рѣчкѣ; ѣздить въ городъ съ утра на тележкѣ и тѣмъ же поѣздомъ возвращаться къ обѣду, чтобы покушать и ввечеру успокоить измученныя кости сномъ сладкимъ; подышать вечернимъ туманомъ и опять лечь спать, чтобы запастись силами для завтрашняго путешествія. Физіономія нашихъ дачь, какъ и физіономія петербургскихъ окрестностей, чрезвычайно разнообразна. Вокругъ всего Петербурга по всѣмъ направленіямъ тянутся цѣлые загородные города; какъ же иначе назвать Царское Село, Петергофъ, Ораніенбаумъ, Павловскъ, Стрѣльну, Гатчину? Въ каждомъ тысячи дачь; между этими загородными городами много большихъ и малыхъ деревень: Колпино, Ижора, Славянка, Ѳедоровка, Антропшина, Кузьмино, Пулково, Рыбацкая, Усть Ижоры, Гражданка, Колымяги, Парголово, Осиновая Роща, Лопухинка, Мурино... И вездѣ всѣ дома заняты столичными гостьми, ищущими чистаго воздуха, природы и уединенія... Каждое мѣсто имѣетъ своихъ приверженцевъ, которые предпочитаютъ его всѣмъ прочимъ окрестностямъ Петербурга. Такъ напримѣръ гости Парголова спорятъ съ своими сосѣдами въ Колымягахъ о преимуществахъ избраннаго каждымъ мѣста. Споръ этотъ начался недавно, когда Колымяги оживились по милости радушныхъ хозяевъ. Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаемъ мы праздникъ въ Колымягахъ, бывшій въ 1843 году лѣтомъ, и отдѣленіе живописныхъ окрестностей Петербурга начинаемъ съ этого дома, съ этихъ прудовъ, надъ которыми толпилось множество гостей, гремѣла музыка, веселіе оживляло этотъ новосозданный садъ; ввечеру праздникъ заключился блистательнымъ фейерверкомъ. Положеніе Колымягъ истинно живописное. Зимнее время не позволило снять вида, который намъ очень понравился... Но мы предупредили нашихъ читателей; у насъ никогда не будетъ видимаго порядка, наводящаго на читателя уныніе своимъ однообразіемъ. Правда, въ Колымягахъ все еще было ново; деревья недоростки; работы не докончаны; дорожки вчера утоптаны. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь уже все это устроилось, развернулось, подобрѣло и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ лѣта, чтобы завернуть въ Колымяги въ обществѣ съ художникомъ и снять съ нихъ вѣрный портретъ для Иллюстраціи. Много, много впереди. Море интереснаго, живописнаго волнуется передъ нами; какъ птица, у которой отрастаютъ крылья, Иллюстрація рвется собрать и заключить въ своихъ столбцахъ всѣ эти загородные города, всѣ эти городскія деревни, а между тѣмъ средства наши еще незначительны; препятствій на каждомъ шагу пропасть; борьба тяжела, хотя мы убѣждены совершенно, что выйдемъ изъ борьбы этой съ честію. Пока мы обойдемъ этотъ удивительный кругъ любопытныхъ окрестностей Петербурга, нѣтъ сомнѣнія, что возникнутъ многія новыя деревни, великолѣпныя дачи. Съ шлиссельбургскаго парохода во многихъ мѣстахъ вы замѣтите, что наша Нева по обоимъ берегамъ украшается, заселяется, застроивается. Скоро у Невы не будетъ ни одного клочка вольнаго берега; поля, примыкающія къ ея волнамъ, уйдутъ и спрячутся за строенія, за вѣтвистые сады. Шлиссельбургскій пароходъ будетъ плыть по самой роскошной и живописной улицѣ сѣверной столицы; это время недалеко. У насъ въ годъ проходитъ десять лѣтъ, и въ будущемъ году, привѣтствуя весну, мы, можетъ быть, укажемъ на нѣсколько новыхъ загородныхъ мѣстъ, которыя теперь еще покрыты зеленью хлѣба, болотами или лѣсомъ.

ОШИБКИ.

(Окончаніе).

Во время оно рѣдки были мудрецы на свѣтѣ, а когда и случались, то какіе же то были жалкіе мудрецы! Одинъ, едва-ли не мудрѣйшій изъ нихъ, изъ всей своей жизни вынесъ и завѣщалъ человѣчеству безъ обиняковъ слѣдующее великое, по его мнѣнію, открытіе:—«Друзья мои, я знаю лишь то, увы! что ничего не знаю»! — Вотъ, явились мудрецы новые, которые, смекнувъ дѣло, не говорили прямо ни знаю, ни не знаю, а съ двусмысленною улыбкой хитренько повторяли только: «*какъ-де намъ знать?*»—Нѣсколько позже стало ихъ появляться поболѣе, и (по закону улучшаемости) становились они получше съ часу на часъ, такъ что одни начали говорить, что знаютъ *кое-что*, — другіе объявили, что знаютъ *многое*, и наконецъ пришли наилучшіе, которые громко возгласили, что уже

знаютъ *все!!* Вотъ, что значитъ прогрессъ! —По видимому, хлопотали они все о той же нагой красавицѣ, объ истинѣ, которая, какъ извѣстно, въ мірѣ одна, такъ что, узнавъ ее единожды, обознаться врядъ-ли возможно, къ тому же и ходитъ она безъ нарядовъ и безъ маски; — и такъ, узнавъ ее въ точности, эти благодѣтели, для блаженства человѣчества, вздумали не медля познакомить его съ нею, и стали писать съ нее портреты преподробные и научать людей: кто она, — что она, — отъ куда идетъ, — какъ себя ведетъ и какъ съ нею столкнуться, и какъ, безошибочно, именно съ нею свести компанство? — Побѣжало людство толпами покупать и слушать; создались стаи мудрецовъ—учениковъ, которые около себя собрали толпы другихъ, и полилось было рѣкою, и разошлось портретовъ истины и ученій о ней несмѣтно. Что-жъ вышло? — оказалось, что нѣтъ и двухъ схожихъ между собою. — Думали, гадали, всякій защищалъ свое, дрались, кричали, были сбитые носы, опрокинутые домы, кое гдѣ пожалуй и теперь еще перебраниваются, изводятъ много ума и бумаги, но это единственно для препровожденія времени и поддержанія собственной чести, — въ существѣ же: — *Условились*! Вскорѣ, каждый, —по правамъ человѣка, свободнаго духомъ и всесильнаго разумомъ, уже прогрессовавшимъ, улучшеннымъ, двинувшимся къ совершенству, махнувъ рукою на все, началъ *создавать* себѣ свою домашнюю истину, наивыгоднѣйшую для обихода и привычекъ создавателя. — Дѣтей же, до извѣстнаго возраста, учили старинной истинѣ, съ которою они являлись въ свѣтъ горяченькіе, преисполненные высокихъ надеждъ, готовые на одряхлѣлыя благородныя пожертвованія, и Богъ вѣдаетъ на какія прекрасныя дѣйствія; — но съ перваго ихъ шага свѣтъ объявлялъ неопытнымъ, съ родительскою полудобродушною улыбкою, что школьное необходимо лишь для школъ, а что тутъ—уже *условились* и потому порядки во всемъ иные.—И прекрасно! Вся хитрость жизни въ условіи, это очевидно. Понявъ это, дѣти тотчасъ сами дѣлались людьми.—Да, все въ условіи.

Было же однажды, — это всѣмъ извѣстно въ богоспасаемомъ градѣ О., что жившій тамъ мудрецъ живописнаго искуства, строго вникавъ въ природу всякаго вещества и существа, рѣшился, для усовершенствованія соотчичей своихъ, изображать, по образцу понятій собственныхъ, все, что бывало покажется, по глубокимъ домысламъ его, наиполезнѣйшимъ. Вотъ написалъ онъ *нѣчто*, въ родѣ лоханки, на четырехъ подставкахъ, изъ которой свѣшивались, съ одной стороны-будто бы разстрепанное помело, съ другой—разсученная на концѣ веревка. Долго недоумѣвали любознательные жители добронравнаго городка,—что бы могло то быть? — Нѣсколько дней мудрецъ нашъ утѣшался простодушіемъ соотчичей; но какъ онъ былъ мудрецъ истинный, то не хотѣлъ ввергать невинность въ страшную бездну обмана, и вмѣсто открытія публичнаго курса, печатанья огромнаго ученаго трактата, прибиванія афишъ къ домамъ или т. п, просто написалъ подъ изображеніемъ: *«се левъ, а не собака»*. — Лѣтъ 17 спустя, въ достопамятный проѣздъ Геръ-Шушермахера, съ разными другими животными чрезъ О, его русскіе зайцы, сурки, ящерки, и волчаты, были съ великимъ одобреніемъ приняты за индійскихъ дивныхъ зверей; — но за настоящаго, хотя конечно весьма инвалиднаго африканскаго льва, отняли отъ Шушермахера собранныя имъ деньги, и самъ онъ едва спасся за упорство, съ которымъ требовалъ, чтобъ это животное было названо львомъ; соглашались признать его пожалуй строфокамиломъ, левіафаномъ, чѣмъ угодно неизвѣстнымъ городу, — но львомъ?... извините!! Людей, наученныхъ мудрецомъ, глубокимъ знатокомъ дѣла, и послѣ того размышлявшихъ тоже кое о чемъ лѣтъ 17-ть, не такъ то легко надуть даже и въ градѣ О., (а повыше уже и говорить нечего) —какъ кажется то съ перваго взгляда какому нибудь Геръ-Шушермахеру. Дѣло въ томъ, что истина была уже *условлена*, и кончено до новаго условія, а въ немъ еще не настояло ни особенной надобности, ни, что важнѣе, выгоды...

«Помилуй, любезный, ты, кажется, заснулъ!» — Крикнулъ мнѣ на ухо мой пріятель.—«Какъ можно, въ прекрасномъ обществѣ, просидѣть отъ обѣда до ужина филиномъ?—Мы провели вечеръ премило; —развѣ ты не играешь!

Не умѣю; — я смотрю...

«Великая радость смотрѣть не понимая! Ошибка, ошибка, повѣрь мнѣ, играть необходимо...

Но если не играть есть ошибка, то вмѣстѣ и наслажденіе, — это согласно, кажется, съ твоею теоріей, которая занимала меня все время вашей игры...

«И которая есть истина, въ чемъ ты вѣроятно убѣдился теперь, пообдумавъ?»

Почти...

«Къ стати, пока не пойдутъ ужинать, я подтвержу это примѣромъ рѣшительно побѣдоноснымъ.—Видишь-ли тамъ, у камина, красавца, съ лоснящимися каскадами волосъ? Матушкинъ сынокъ, страстный ко всему, а потому и къ игрѣ, малый малѣйшій изъ малыхъ, бойкій, горячій, умница, благородный въ полномъ смыслѣ слова, въ долгу по уши, и къ довершенію... бываютъ же такіе баловни случая!.. племянникъ старой княгини Фифи, — этого довольно, чтобъ вполнѣ оцѣнить все его будущее. Онъ влюбился, братецъ, — и въ кого же? въ маленькую актрису танцовщицу. Не бѣда, можетъ быть, скажешь ты? Для меня было бы вѣроятно не бѣда, но для него — дѣло другое. Онъ влюбился именно такъ, какъ слѣдовало, или, пожалуй, какъ бы не слѣдовало влюбиться такому человѣку. Онъ привязалъ къ предмету своей страсти сердце, душу, умъ — все; онъ весь, безраздѣльно, отдалъ себя любви, и внѣ ея въ мірѣ все для него погибло! — Дѣвочка была столько же обворожительна, сколько образована, умна, чиста и благородна чувствами; скромно живя въ семьѣ своей, она не принимала ни кого, — съ его же стороны въ этомъ отношеніи не могло быть и попытокъ; онъ любилъ ее, какъ ты видишь, не такъ; онъ ею жилъ, дышалъ; онъ былъ поистинѣ превосходенъ, высокъ въ этой прекрасной, хотя смѣшной, любви! Вообрази кутерьму въ семействѣ, въ огромномъ пышномъ родствѣ, въ двадцати семьяхъ, гдѣ навѣрное считали на будущую возможность разныхъ *комбинацій*?... Вообрази ужасъ тётокъ, маменекъ, *дядюшекъ*; краску стыда на всѣхъ этихъ пергаминныхъ лицахъ, игру крови, привыкшей и въ привязанностяхъ лишь воспаляться подъ инфлуенціями разсчета?.. Драмы, cher ami, — мистеріи внутреннихъ покоевъ, достойныя пера любаго описывателя современныхъ тайнъ! — Въ первое время страсти, онъ, казалось, сдѣлался еще прекраснѣе, счастливѣе, здоровѣе, блестящѣе; но домашнія ли напиеки, о которыхъ я упомянулъ, — борьба-ли собственныхъ убѣжденій съ законами чужихъ требованій, или глубокій огонь столь рѣдкаго, какъ говорятъ *настоящаго* чувства, сперва согрѣвающій и окончательно пожигающій человѣка, — что бы то ни было, тоска налегла на эту цвѣтущую жизнь, и роскошь ея стала видимо и страшно блекнуть и гаснуть; онъ измѣнялся духомъ и тѣломъ; онъ таялъ, и геройски перемогалъ себя единственно для того лишь, чтобъ оживиться иногда взглядомъ изъ ложи на милую сердцу. Наконецъ болѣзнь сломила остатокъ энергіи, приковала бѣднаго къ постели и никто уже не смѣлъ льстить себя надеждою, чтобы этотъ странный мученикъ несовременной страсти — могъ остаться въ живыхъ. Представь, снова, положеніе родни»?

Прискорбно,—досадно... но, признаюсь, я уважаю невольно этого молодаго человѣка.

«А я, и—вовсе не невольно, — уважаю его вдвое, какъ за эту, такъ и болѣе еще за остальную часть исторіи; не говорю уже о томъ, что и сегодня онъ проигралъ мнѣ около четырехъ тысячь, что весьма благородно; но въ этомъ отношеніи я просто обвороженъ имъ какъ истинно превосходнымъ, какъ совершеннымъ, что говорится: beau joueur!—Вотъ еще и вчера, вообрази, онъ сѣлъ по три рубля серебромъ въ...

Продолженіе первой исторіи, признаюсь, для меня любопытнѣе...

— «На чемъ мы остановились?... Да; — ему уже было крайне худо, — знала-ли о томъ артистка, — имѣла-ли она даже какое нибудь понятіе о чувствахъ его, — не было-ли на нихъ и въ ея душѣ тайнаго отвѣта, — объ этомъ предоставлено лишь догадываться; — вдругъ она тоже занемогла.

Съ нею дѣло шло несравненно скорѣе;—ея лѣта, нѣжность сложенія, а можетъ быть и разстройство сердечное, кто знаетъ чувства этихъ бѣдненькихъ?... Какъ бы то ни было, лихою кавалерійскою атакою болѣзнь опрокинулась на это милое созданіе — и въ нѣсколько недѣль уничтожила его!— Перенесись самъ мысленно къ тётенькамъ, кузинамъ, маменькамъ, имѣвшимъ дочерей невѣстъ, ко всѣмъ родственникамъ, свойственникамъ больнаго, и возсоздай себѣ картину ихъ радости; смерть этой милой дѣвушки была для нихъ какъ будто убіеніемъ какого нибудь чудовищнаго пифона, или минотавра, не насытимо пожиравшаго избранныя жертвы. — Само собою разумѣется, что отъ больнаго отдаляли съ величайшимъ усиліемъ, всякій намекъ, всякое напоминаніе о предметѣ его страсти, а потому онъ, казалось, не могъ знать ни о болѣзни, ни о смерти. — Гордое родство, бывшее въ совершенномъ отчаяньи, ожило торжественными надеждами! — По сочувствію-ли, по случаю-ли, но именно на канунѣ похоронъ, больной выпыталъ, узналъ все. — Никто не думалъ, не гадалъ, когда онъ, давно не встававшій съ постели, бодро вскочилъ, одѣлся и выѣхалъ съ видомъ такой рѣшимости, что испуганный человѣкъ его посмотрѣлъ: не взялъ-ли баринъ съ собою писто летовъ.

«Не доѣзжая дома, въ которомъ жила покойница, онъ встрѣтилъ погребальный кортежъ, и, пробивъ густую толпу, пошелъ вплоть за гробомъ, не глядя ни на кого, ни на что, съ видомъ человѣка, который, съ горяча, самъ выскочилъ на минуту изъ своего гроба. Чрезмѣрность печали придала ему и силы неестественныя; онъ шелъ бодро, но внутренно рыдая безъ слезъ, и на каждомъ шагѣ, такъ сказать, отдиралъ часть собственнаго сердца, чтобъ бросить послѣднюю съ драгоцѣннымъ прахомъ въ могилу. Онъ шелъ — какъ самъ говорилъ послѣ,— съ твердою увѣренностію, что его похоронятъ, что его *должно* похоронить вмѣстѣ; по скорбь, которая его грызла, ему ничего не оставалось въ жизни, ему не было ничего нужно отъ міра. — Такъ дошли до кладбища; онъ сталъ въ сторонѣ, неподвиженъ, полумертвъ, и лишь тогда, какъ совершены были всѣ обряды, и толпа провожавшихъ мертвеца къ покою нерушимому рѣдѣя, постепенно наконецъ вся утекла къ привычнымъ заботамъ своимъ, онъ подошелъ къ могилѣ. Каменьщики собирались закладывать сводъ; — постойте, сказалъ онъ имъ, бросая крупную ассигнацію, — и сѣлъ на окраину ямы.

Тутъ, опустивъ голову на руки, онъ любовно погрузился въ горечь своей утраты, и капля по каплѣ страдалъ тѣмъ чистѣйшимъ, возвышеннѣйшимъ страданіемъ, которое когда либо можетъ быть дано человѣку; открылись источники слезъ — и онъ плакалъ, сколько можно плакать, до тѣхъ поръ пока не уразумѣлъ, что все кончено, что все сказано, что жизнь надломлена, что въ ней нѣтъ, быть не можетъ для него, ни въ самомъ себѣ, ни внѣ — ничего болѣе, что остается положить первый и послѣдній поцѣлуй надъ неоцѣнимою головой усопшей, — и ѣхать къ себѣ, чтобъ умереть.— Смерть была тутъ столь же обыкновеннымъ послѣдствіемъ, необходимостью, столь же простою и вѣрною, какъ сонъ послѣ послѣдней потяготы дремлющаго.

Онъ спустился въ яму, припалъ къ гробовой крышѣ, и лежалъ на ней, какъ бы *глядя* сквозь нее въ незабвенныя очи, какъ бы вдыхая сквозь доску свою душу въ гробъ, вшептывая въ него свою любовь, переводя себя въ него; - все совершилось!! Онъ всталъ приклонился къ бронзовой доскѣ изголовья, чтобъ прочитать въ послѣдній разъ безпредѣльно любимое имя, — прочиталъ... Оживъ отъ внезапнаго изумленія, выскочилъ, и опрометью пустился домой!

Представь, cher ami, онъ *ошибся*;—покойницу повезли на Волково, а онъ попалъ въ кортежъ какого-то смотрителя госпиталей, и надъ гробомъ этого нузана выплакалъ всѣ слезы, —выстрадалъ всю возможность страдать, — вылилъ изъ души всю страсть, — изъ сердца все чувство, все обаяніе!... то была *ошибка*; но онъ постигалъ, что не менѣе того въ немъ ничего этого не оставалось уже и на волосъ, было отдано, кончено. Онъ по ошибкѣ не оставилъ въ себѣ ни любви, ни страданія, ни горя, ни страсти; не оставилъ даже и слѣда ихъ. — Онъ негодовалъ, бѣшенствовалъ, возбуждалъ себя.. напрасно, — опять ошибка!! Все было кончено!...

— «Помилуйте, господа, мы почти отужинали! — кричалъ намъ появившійся въ дверяхъ хозяинъ дома, съ салфеткою въ петлѣ сюртука и съ рюмкою брильянтоваго с. пере, на тонкій ароматъ котораго пріятель мой вскочилъ и вылетѣлъ изъ комнаты какъ птица.

Я обезумѣлъ почти такъ же, какъ герои разсказа, я разтерялся и, едва-ли не безъ шляпы, добрелъ домой, въ глубокомъ раздумьи.

А. Башуцкій.

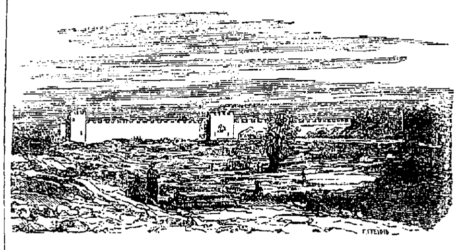
ХУДОЖЕСТВА.

Палестина. Виды, рисованные съ натуры Академиками Г. и Н. Чернецовыми въ 1842 и 1843 годахъ, тетради 1, 2, и 3. Цѣна тетради два рубля серебромъ.

Въ подвигахъ искусства насъ не рѣдко поражалъ не геній, не талантъ, а жизнь даровитыхъ людей и пути, коими они достигали почетной извѣстности. Пріятно видѣть, какъ мечты художника изъ одной только любви къ искусству изобрѣтаютъ сами себѣ цѣлые хребты препятствій и опасностей; съ художественнымъ героизмомъ восходятъ на высочайшую точку ими созданнаго подвига и торжествуютъ побѣду, понятную только для нихъ и для немногихъ соглядатаевъ внутренней жизни художниковъ. — Насъ удивляютъ путешествія многихъ смѣльчаковъ, проникающихъ въ страны дикихъ или враждебныхъ народовъ; мы любуемся ихъ самопожертвованіемъ, тогда какъ предметы ихъ поѣздокъ на край свѣта — иногда — рыба, моржъ, птица, травка, даже букашка. Иногда политическая цѣль, иногда религіозная мысль заводитъ путешественника въ адъ тропическаго зноя, въ смертельные холода странъ полярныхъ; но всѣ путешественники должны въ опасностяхъ уступить преимущество художникамъ. Вся страна волнуется, если замѣтитъ иноземный карандашъ, передающій бумагѣ ихъ натуру. Имъ кажется, что хотятъ похитить рѣки и холмы, или очаровать ихъ, или ужъ по малой мѣрѣ высмотрѣть мѣстность съ враждебными намѣреніями. Самые спокойные мѣшаютъ художникамъ своимъ любопытствомъ. Прибавьте къ тому, что художникъ для вида взбирается туда, гдѣ орлы вьютъ гнѣзда; для другаго путешественника довольно было бы бросить взглядъ бѣглый и сбѣжать съ подоблачныхъ мѣстъ. Художникъ горитъ подъ перпендикулярными лучами солнца, или мерзнетъ въ стужѣ заоблачныхъ слоевъ воздуха, но не оставитъ своей добычи, пока послѣдняя черта его завоеванія не ляжетъ на бумагѣ. Много еще и другихъ спеціальныхъ препятствій, но подобныхъ не мало и у каждаго путешественника. Академики Чернецовы могутъ называться, по преимуществу, художниками-путешественниками. Они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ мечтали о путешествіи въ Палестину, но до того времени успѣли посѣтить почти всю живописную Россію. Крымъ доставилъ много картинъ, много этюдовъ; съ протока Волги отъ Рыбинска до устья они собрали богатую дань; около пяти сотъ рисунковъ осталось въ ихъ альбомахъ отъ Волги; наконецъ, въ 1840 году, взявъ съ собою меньшаго брата, ученика Академіи Художествъ, отправились въ Италію.

Разно думаютъ о пользѣ путешествія художниковъ въ Италію. Нѣкоторые допускаютъ даже странную мысль, что пейзажистамъ теперь нечего дѣлать въ Италіи, что тамъ все нарисовано, перерисовано, писано и переписано тысячу разъ; но въ этомъ, кажется, и заключается польза Италіи для пейзажистовъ. Критики, многоглаголивые резонеры, можетъ быть невзначай и скажутъ дѣльное слово; но эта критика мертва, часто оскорбительна для художническаго самолюбія, потому что живое слово громко; его можетъ подслушать третій; да и всегда ли правдиво это слово? тогда какъ произведенія великихъ предшественниковъ, состязаніе современниковъ заключаютъ нѣмую, но страшную всегда поучительную и всегда безошибочную практическую критику. Предметъ этотъ гораздо важнѣе, нежели съ

перваго взгляда кажется... Въ статьѣ настоящей онъ вползъ только намекомъ, а потому обращаемся къ Чернецовымъ. Они понимали важность Италіи и провели два года во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Старшій братъ, Григорій, успѣлъ побывать и въ Венеціи. Насытясь природою Европейской Академіи Художествъ, увлекаемые мечтами юношескихъ лѣтъ, моремъ отправились они изъ Неаполя на Востокъ, прямо въ Александрію. Упрекать ли ихъ за невниманіе къ живописной классической Морѣ съ Греческими Островами? Не всегда впрочемъ и можно согласить желанія съ дѣйствительною необходимостью, и Чернецовы явились въ Александріи. Россійскій генеральный консулъ представилъ ихъ намѣстнику Египта. Мегметъ-Али принялъ Чернецовыхъ весьма благосклонно, далъ имъ буюрулды, открытые листы, предписалъ каирскому пашѣ оказывать имъ содѣйствіе и защиту. — Посѣтивъ Абукиръ, Чернецовы отправились въ Розетту; отсюда началось ихъ плаваніе по Нилу до Каира. Думаемъ, многіе еще помнятъ балетъ Кесарь въ Египтѣ, въ которомъ и было только хорошаго, что подвижная декорація береговъ Нила, которые проходили мимо Кесаря, а Кесарь и публика должны были думать, что не берега идутъ, а лодка. Многіе такъ и думали. Мы вспомнили этотъ балетъ, разсматривая альбомъ Чернецовыхъ. Видъ за видомъ, зданіе за зданіемъ, весь Нилъ, хоть не ѣздить по немъ; онъ весь тутъ въ самыхъ вѣрныхъ рисункахъ... Наконецъ, вотъ и Каиръ. Едва ли въ мірѣ есть другой городъ, въ которомъ бы общій видъ имѣлъ такое сходство съ общимъ видомъ Москвы; купола, минареты, разноцвѣтность... точь-въ-точь Москва... Но въ Каирѣ рамазанъ; въ мечетяхъ толпится народъ; путешественникамъ туда нѣтъ доступа, даромъ что паша, внявъ гласу намѣстника, познакомился съ гостьми и благоволилъ имъ какъ умѣлъ и могъ; далъ имъ кулассу-агассу, т. е. пристава. Въ ожиданіи, пока кончится этотъ рамазанъ, который для однихъ Чернецовыхъ заперъ на семь ключей всѣ мечети, они рисовали съ натуры что могли. Остатки арабской архитектуры, колоссальный сфинксъ, пирамиды съ разныхъ сторонъ, все было тщательно срисовано, вымѣрено, записано. Чернецовы не подражали художникамъ туристамъ, которые, окинувъ быстрымъ взглядомъ окрестность, уносили съ собою не всегда точныя воспоминанія, и въ спокойной комнатѣ доканчивали рисунки съ помощью собственнаго воображенія; нѣтъ, они вымѣривали каждый камень, оканчивали все съ натуры, взбирались на темя пирамиды, гдѣ положительно не былъ ни одинъ путешественникъ-художникъ, и разгоряченные отъ восхожденія, они дрогли отъ стужи высшей атмосферы, но съ точностію собирали великолѣпную панораму, окружающую пирамиды. Они попирали ногами гигантовъ, которыхъ однимъ присутствіемъ Наполеонъ обращалъ солдатъ въ героевъ. — Но за эту дерзость разгнѣвалось на нихъ солнце. Рисуя подъ палящими, почти отвѣсными, лучами, они скоро почувствовали гибельныя послѣдствія климата. Глаза воспалялись; египетская болѣзнь — господствующая здѣсь въ большой силѣ, угрожала имъ слѣпотою... Потерять художникамъ глаза!!... Чернецовы не дождались окончанія рамазана... Бѣжали... И кудаже? Изъ огня да въ полымя; изъ ослѣпляющаго Каира, въ сыпучіе пески Суэзскаго Перешейка... Скоро недостало воды; зной палилъ; жажда томила; протекли двѣ ужасныя недѣли — и тамъ, на западномъ углу священнаго Сіона, противу такъ называемаго Дома Давыдова, жители Іерусалима увидѣли свѣжую могилу и не знали кто легъ тутъ, потому что надписи на камнѣ по Гречески и по Русски... А тамъ написано «Поликарпъ Чернецовъ скончался «1842 года, на 19-мъ году отъ рожденія...»



Потеря нѣжно любимаго брата въ священной столицѣ, куда съ юныхъ лѣтъ стремились мечты Чернецовыхъ... Ударъ гибельный, оглушительный; отъ него не легко опомниться... И тутъ любовь къ искуству поддержала усердныхъ путешественниковъ. Девять недѣль посвятили они тщательному собранію видовъ Іерусалима; срисовали—рѣшительно все, что только имѣетъ на себѣ тѣнь историческую; съ тою же подробностію обошли они и окрестности Іерусалима: Іордань, Мертвое Море, Виѳлеемъ, Горнюю и т. д. Истощивъ всѣ достопримѣчательные предметы, простясь съ дорогимъ покойникомъ, можетъ быть на всегдашнюю земную разлуку.. тяжело объ этомъ думать и въ чужѣ... неутомимые странствователи отправились въ Яффу съ намѣреніемъ сухимъ путемъ проѣхать Финикію. Но достигнувъ горы Кармила, повернули къ Назарету и посѣтили Ѳаворъ, Галилею и Тиверіадское Озеро. Изъ Капернаума они опять вернулись къ Кармилю; проѣхали берегомъ черезъ Акру въ Бейрутъ; тутъ не много отдохнули и снова пустились въ путь, черезъ Смирну въ Константинополь. И говорить не надо, что всѣ эти посѣщенія разныхъ мѣстъ доставили имъ богатую живописную жатву, такъ, что альбомъ Чернецовыхъ, по одному только Востоку, заключаетъ до 600 рисунковъ разнаго рода, и всѣ сняты съ натуры, *съ Чернецовскою точностью*, а она право стоитъ того, чтобы обратить ее въ терминъ, въ народный эпитетъ.

Первые плоды этихъ тяжкихъ трудовъ, запечатлѣнныхъ драгоцѣнною утратою — передъ нами, съ новымъ доказательствомъ доброй совѣсти и уваженія къ художеству. Литографіи исполнены самими художниками безъ посторонней помощи. Они не рѣшились довѣрить чужимъ рукамъ даже труда механическаго, опасаясь, чтобы литографы по званію, не исказили точности и вѣрности рисунковъ, стараясь придать литографіямъ случайный эффектъ. Можетъ быть найдутся люди, которые и за это обвинятъ Чернецовыхъ; мы, напротивъ, не можемъ скрыть нашей признательности и за этотъ родъ самоотверженія.— Въ скромной программѣ къ изданію Видовъ Палестины сказано: изданіе Палестины будетъ выходить въ свѣтъ тетрадями, состоящими каждая изъ шести видовъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, сверхъ того, будутъ прилагаемы планы. Не смотря на то, что подобное изданіе требуетъ большихъ средствъ, художники не рѣшились прибѣгать къ подпискѣ, дабы неумышленно не быть виновными въ глазахъ публики; они надѣются, что публика будетъ благосклонна къ труду ихъ, требующему терпѣнія и... Но довольно! Публика будетъ благосклонна! Нѣтъ публика поступила жестоко. Не смотря на интересъ предмета, не смотря на едва вѣроятную дешевизну изданія, публика весьма лѣниво раскупаетъ эту коллекцію, которой въ Парижѣ, въ Германіи, вездѣ, давно бы уже не стало въ продажѣ. Эта жестокая невнимательность публики намъ рѣшительно не понятна. И достоинство труда, и занимательность предмета, и жертвы художниковъ не могутъ остаться безъ вниманія, у насъ, гдѣ уже могутъ существовать безъ постороннихъ пособій магазины, въ которыхъ продаются исключительно гравюры и литографіи. Должно полагать, что коллекція Чернецовыхъ еще мало извѣстна въ публикѣ, мало объ ней говорили наши журналы и газеты, мало ознакомили съ нею любителей и всякаго, потому что эти изображенія священны для каждаго. Въ первой тетради: 1) Общій видъ Іерусалима, 2) Видъ въ Рамлѣ или Древней Аримаѳеѣ, 3). Замокъ Давыдовъ и купальня Вирсавіи, 4) Мечеть Эльакса, на мѣстѣ, гдѣ была Святая Святыхъ, 5) Видъ Яффы и 6) Самсонова гора въ Газѣ. Во второй тетради: 1) Вертепъ Рождества Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ, 2) Долина пастырей, близь Виѳлеема, 3) Входъ въ погребальную пещеру Пресвятой Богородицы, 4) Входъ къ Ея источнику, 5) Баштя Ирода, 6) Іорданская Долина и 7) Планы. Въ третьей; 1) Назаретъ, 2) Мѣсто Благовѣщенія, 3) Гротъ, гдѣ жила Св. Дѣва, 4) Камень трапезы, 5) Пруды Соломона и 6) Домъ Давида. Довольно было

бы, кажется, одного этого исчисленія, чтобы обратить на это изданіе вниманіе всего христіанскаго міра.. Но, повторимъ, холодность публики къ этому достойному вовсѣхъ отношеніяхъ труду случайна. Публика тутъ безъ вины виновата, и мы съсовершеннымъ спокойствіемъ увѣрены и увѣряемъ, что первыя тетради Палестины Чернецовыхъ скоро придется перепечатывать. Четвертая тетрадь уже почти готова; о выходѣ каждой, Иллюстрація не замедлитъ своевременно увѣдомлять своихъ читателей.

МУЗЫКА.

И такъ, концертное время кончилось. Завтра кончится. Мы уже не называемъ этого времени музыкальною порою, какъ бывало. Съ грустію мы выходимъ изъ этого круга, утомленные, измученные, едва переводимъ дыханіе. Больше иныхъ однако же намъ понравились пластическіе концерты Раппо и эластическіе Ризлея. Одни насъ заставили лукаво улыбнуться, пожать плечами и уйти; другіе ужаснуться, пожать плечами и уйти. Покрайней мѣрѣ и Раппо и Ризлей отпускаютъ своихъ посѣтителей не безъ впечатлѣній; за то отъ музыки остался только шумъ въ ушахъ, какъ будто утопающему удалось выпрыгнуть изъ волнъ морскихъ, но въ ушахъ вода; безъ медицинскихъ мѣръ — надо оглохнуть. Важнѣйшій виртуозъ этого времени почитается Делеръ, не только по игрѣ, но и по числу данныхъ имъ концертовъ. Не помнимъ сколько именно, но много, очень много. Но это число еще ничтожно въ сравненіи съ подвигами знаменитаго піаниста въ Лондонѣ, гдѣ онъ въ прошедшемъ году въ двадцати двухъ дневное пребываніе, съ 7 октября по 1 ноября, далъ 34 концерта; десять дней по одному, и двѣнадцать по два концерта!! Объ игрѣ его говорить не смѣемъ. Знаменитость, признанная Европою — и кончено. При всемъ томъ концерты Делера были весьма интересны участіемъ Итальянцевъ и віолончелиста Піатти. Віардо-Гарсія, Рубини и Петровъ пропѣли въ одномъ концертѣ Делера — тріо изъ оперы Жизнь за Царя; тріо — трижды прослушала публика и конца бы не было этой піесѣ, еслибы восторгъ могъ продолжаться какъ скука. Дивные звуки пронеслись по тому самому театру, въ которомъ публика такъ не давно еще скучала, слушая тоже тріо и удивлялась, какъ можно писать оперы русскія изъ русскихъ пѣсень! Подобные отзывы встрѣчались и въ печати. Для того, что бы русскія пѣсни нравились русскимъ, надо, чтобы ихъ пѣли Италіянцы. Грустная игра своенравія! Віолончелистъ Піатти насъ истинно порадовалъ. Мы забыли уже, что есть на свѣтѣ инструментъ, который къ человѣческому голосу еще ближе скрыпки. — Віолончель былъ лишенъ своего прекраснаго права. На немъ показывали штуки, которыя, подобно Ризлею, веселили ужасъ, недоумѣніе. Г. Піатти игралъ на старой віолончелѣ временъ Ромберга, то есть пѣлъ; твердый смычекъ, чистота и вѣрность интонаціи, чувство въ игрѣ... на этомъ морѣ концертовъ, смычекъ Піатти заставлялъ забывать объ опасностяхъ пятинедѣльнаго плаванія и пріятно обманывалъ ухо: слушая его одушевленное, чистое, выразительное пѣніе, вѣра въ существованіе музыки воскресала. Но не надолго... Опять концерты, опять... Да! 25-го марта былъ весьма интересный концертъ, къ которому мы готовили нашъ слухъ около двухъ недѣль — и увы! Въ самый день концерта насъ посѣтила петербургская музыкальная болѣзнь: насморкъ — и мы не слыхали музыки г. Арнольда; два нумера изъ любопытной оперы: Послѣдній день Помпеи, пропѣли Италіянцы безъ насъ... Насморкъ перешелъ въ катаральную горячку отъ огорченія; слухамъ нельзя вѣрить; притомъ же они были такъ сбивчивы и несогласны, что не было возможности вывести какое либо положительное заключеніе. Весьма жаль. Труды г. Арнольда по музыкальной части не маловажны. Онъ первый у насъ завелъ родъ публичной школы, употребилъ на нее много своихъ денегъ; терпѣлъ лишенія, чтобы дать заведенію ходъ; боролся и борется съ различными препятствіями; съ уваженіемъ глядимъ мы на безкорыстныхъ оратаевъ этой у насъ неблагодарной почвы. Не только школа, академія музыки могла бы процвѣтать у насъ, еслибы привились только истинно музыкальныя начала, и вкусомъ нашимъ не управляло мгновенное расположеніе. Намъ извѣстны мысли объ этомъ предметѣ знаменитаго Эльснера, М. И. Глинки, Липинскаго и другихъ опытныхъ и знающихъ людей; есть у насъ и еще одинъ, можетъ быть мечтательный, проэктъ усерднаго поклонника музъ; всѣми этими соображеніями мы подѣлимся съ читателями... Теперь, какъ нарочно, стало по легче; надо итти въ концертъ, слушать... охъ, страшно... Но на этотъ разъ опасенія наши не сбылись. Мы слышали удивительный струнный инструментъ; на немъ шестнадцать струнъ, играютъ на немъ однимъ смычкомъ четыре виртуоза, братья Миллеры, и слава Богу, играютъ старую музыку... по эту гармонію разнесутъ завтра же новые концерты. Такъ и случилось. Извините! Нѣтъ никакихъ силъ. Нѣтъ возможности слушать, и ужъ если возложено рокомъ на обязанность человѣка въ эти пять недѣль заниматься музыкой... извольте, запираемся; станемъ лучше читать музыку; пусть глаза помучатся, да отдохнетъ истерзанный слухъ. Читаемъ:

— Кадриль Rebus, Лядова...

— Контрадансъ, Лядова...

— Пять мазурокъ, Ивана Абрамовича.

— Тарантела Г. Булгакова, переписанная Карломъ Вольвейлеромъ для фортепіана....

Съ чего это она переписана? Не написано, а мы не отгадчики. Но это миленькая піэска... Дальше — Полька... Контрадансъ... Мазурка... Полька... Контрадансъ... Мазурка... — Балъ! У нотъ балъ! У музыки балъ! Она только и думаетъ, что о танцахъ. Можно ручаться, что изъ италіянскаго репертуара много перешло въ танцы. Такъ и есть... Линда ди Шамуни занялась своимъ дѣломъ и пляшетъ контрадансъ... Арія Бальфа — вся изъ скачковъ, годится въ мазурку и вышла премилая мазурка... Неправду ли мы говорили въ предъидущей статьѣ, что перемѣните или угадайте tempo и дѣленіе такта, изъ посредственной — случайно выйдетъ хорошая, иногда и прекрасная мелодія... Но музыка устала плясать; умѣрила свою веселость, пошла скорымъ шагомъ подъ военный маршъ Барона Раля. Этотъ скорый шагъ очень хорошъ, воинственъ, веселъ; но и тутъ италіянская музыка оказала свое дѣйствіе. Впрочемъ музыка Доницетти весьма хороша для маршей. Вотъ еще мелодія: Das ferne Land, переписанная Гензельтомъ... Вотъ это дѣло другое... Эту мелодію можно и прочесть и прослушать и проиграть, если у кого три руки, похоже на три руки и писано. Но какъ теперь у многихъ піанистовъ и піанистокъ числится по три руки, то мелодія можетъ быть пропѣта, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, съ удобствомъ и удовольствіемъ. Вотъ еще романсъ Р. Таля, переписанный также А. Гензельтомъ. Прочтемъ:

— Да это, кажется, Романсъ Молли М. И. Глинки на слова: Не требуй пѣсень отъ пѣвца? — Первый и главный рисунокъ точь въ точь, нота въ ноту. Столкновеніе... Случайность... Въ дальнѣйшемъ развитіи и обработкѣ гармонической нѣтъ сходства, и эта піэска проиграется съ большимъ удовольствіемъ поющими на фортепіанѣ дилеттантами. Deux nocturne, pour le Piano-forte, dediés à Mademoiselle J. W. Stirling, par F. Chopin op. 55. Съ какимъ-то душевнымъ веселіемъ мы всегда встрѣчаемся съ этимъ знаменитымъ ученикомъ знаменитаго Эльснера. Печать геніальности лежитъ на каждой бездѣлицѣ, выходящей изъ подъ пера его, и этими двумя Ноктурнами не наиграешься, не налюбуешься... Остается еще нѣсколько новыхъ изданій. Досидимъ, дочитаемъ... Полька, мазурка, кадриль, мазурка, полька. Уши болятъ отъ концертовъ, голова закружилась отъ танцевъ... Но вотъ пристань... Утихнетъ все. На долго ли? Скажемъ и слово утѣшенія. Въ Брюсселѣ, какъ пишутъ, принимаютъ на театръ оперу нашего даровитаго композитора А. С. Даргомыжскаго: Эсмеральду. Оттуда по желѣзной дорогѣ она вѣроятно переѣдетъ въ Парижъ, а тогда можетъ быть пожалуетъ и къ намъ. Милости просимъ! Еще пріятная новость. Концертъ г. Варламова... Нѣтъ объ немъ надо по говорить на покоѣ, не подъ враждебнымъ вліяніемъ всей массы прошедшихъ концертовъ.

ДЖЕННИ ЛИНДЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

(Окончаніе).

Отсутствіе *Дженни Линдъ* изъ Стокгольма продолжалось годъ; талантливый композиторъ оттуда прибылъ въ Парижъ и звалъ ее назадъ, потому что въ Стокгольмѣ опять хотѣли слышать оперу и многіе дилеттанты этого города тосковали такъ по ней, какъ она по отчизнѣ. Радость при свиданіи съ землякомъ-артистомъ, надежда скоро возвратиться въ отечество оживили душу и голосъ Дженни, развившійся блистательно въ нѣсколько дней, такъ что Мейерберъ, котораго шведскій артистъ ввелъ къ Дженни, настоятельно требовалъ пробы съ полнымъ оркестромъ въ залѣ королевской академіи. Услышавъ артистку въ главныхъ сценахъ изъ Роберта, Нормы и Фрейшюца, Мейерберъ тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе для берлинской оперы; но она дала слово черезъ годъ возвратиться въ Стокгольмъ и слово для нея столь же свято, какъ клятва.

Она возвратилась въ Стокгольмъ, появилась на сценѣ и можно вообразить себѣ восторгъ тамошней публики.

Прошедшею весною Мейерберъ пригласилъ ее пріѣхать въ Берлинъ, чтобы сыграть нѣсколько ролей по случаю открытія новой оперы. Какъ ни лестно было приглашеніе знаменитаго maestro, но она съ горестію помышляла, что должна вновь оставить отечество; лучшіе друзья и поклонники ея уговаривали ееоднакоже принять приглашеніе и такимъ образомъ сдѣлать имя свое болѣе извѣстнымъ въ музыкальномъ мірѣ; Дженни взяла отпускъ и въ августѣ истекшаго года прибыла въ Дрезденъ, куда и Мейерберъ пріѣхалъ изъ Берлина, чтобъ безпрепятственно заняться новою своею оперою. Мѣсяцъ спустя уѣхала она опять, по приглашенію, въ Стокгольмъ, чтобъ пѣть тамъ при празднествахъ, данныхъ по случаю коронаціи. Тогда, замѣчая, что *Дженни Линдъ* приготовляется къ продолжительнѣйшей отлучкѣ, начали опасаться въ Стокгольмѣ потерять навсегда несравненную артистку. Нѣсколько важнѣйшихъ капиталистовъ, сдѣлали ей предложеніе, что они въ продолженіи десяти лѣтъ будутъ вносить въ банкъ ежегодно значительную сумму, съ тѣмъ, чтобъ по истеченіи сего времени составился для нея достаточный капиталъ, если она останется въ Стокгольмѣ; скромную артистку глубоко тронуло это вниманіе; но она дала Мейерберу слово — и уѣхала. Точно также, по истеченіи отпуска, она, безъ письменнаго обязательства, по данному слову, возвратилась въ Стокгольмъ.

Въ ноябрѣ 1844 *Дженни Линдъ* прибыла въ Берлинъ, и съ желѣзнымъ трудолюбіемъ принялась за изученіе нѣмецкаго языка. Когда она въ началѣ января впервые появилась въ новомъ оперномъ театрѣ, въ ролѣ Нормы, то едва ли два мѣсяца занималась еще нѣмецкимъ языкомъ, а въ этомъ представленіи никто не произносилъ текста явственнѣе и чище; въ разговорѣ, конечно, замѣтенъ еще недостатокъ словъ и формъ и чужестранное произношеніе, но рѣдко прерываетъ теченіе рѣчи. Она для драматическаго пѣнія предпочитаетъ нѣмецкій языкъ шведскому, именно для речитатива, потому что первый, говоритъ она, имѣетъ болѣе энергіи. Въ этомъ отношеніи *Глюкъ* предпочиталъ французскій языкъ италіянскому.

До появленія *Дженни Линдъ* на берлинской сценѣ, артисткою овладѣла та же тоска по отчизнѣ,

какъ и въ Парижѣ; къ этому присоединился удобоизъяснимый страхъ пѣть и играть предъ большою чужою публикою и на чужомъ языкѣ. Но Мейерберъ съ женою умѣли устранить всѣ опасенія артистки, и когда въпробѣ Нормы, при первомъ выходѣ, весь оркестръ загремѣлъ оглушительными рукоплесканіями, исчезло послѣднее сомнѣніе скромной артистки, и на другой день она безъ страха явилась предъ чуждою публикой.

Театръ былъ полонъ, отъ оркестра до райка, и ожиданіе столь велико, что интродукція, прекрасно исполненная *Беттихеромъ* съ хоромъ, прошла безъ значительнаго участія и одобренія, равно какъ и выходъ Севера. Наконецъ прозвучали слова «Norma Viene» и она явилась—стройная, нѣсколько болѣе обыкновеннаго женскаго роста, бѣлокурая. Въ чудныхъ голубыхъ глазахъ выражалось глубокое музыкальное чувство и тоска по отчизнѣ; ее нельзя назвать театральною красотою.

Первые такты речитатива спѣла артистка безъ смущенія, но вскорѣ, прерванный громомъ одобренія, возвысился серебристый, стройный голосъ ея, который, подобно звуку *Паганини*, отличается не столько силою, сколько необыкновенною сладостію.

Въ самой аріи (Casta Diva) артистка явилась пѣвицею первоклассною. Интонація чистоты жемчужной, и именно такой, которая основана на точномъ знаніи гармоніи, и обозначаетъ каждый интервалъ модуляціи съ искуствомъ и нѣжностію, столь пріятными для слуха, отличная твердость голоса и развитіе онаго; точность въ діатоническихъ и хроматическихъ гаммахъ безъукоризненная трель, и mezzavoce, подобное тихому дыханію эоловой арфы, но притомъ густоты наполняющей звукомъ отдаленнѣйшіе точки амфитеатра... вотъ качества, составляющія первоклассную пѣвицу и *Дженни Линдъ* обладаетъ ими вполнѣ. Въ равной, степени обладаетъ она всѣми качествами драматической пѣвицы, отличной драматической актрисы, и изъ всѣхъ великихъ артистокъ, которыхъ видѣли и слышали въролѣ Нормы, *Дженни Линдъ* первая и единственная, которая съ точностію поняла катастрофу характера, и передала ее съ прекрасною истиною; сочинитель либретто, болѣе самъ *Беллини*, сдѣлалъ ошибку въ томъ, что рѣшительный переворотъ характера Нормы (около 20 тактовъ передъ послѣднимъ маленькимъ дуэтомъ въ sol majeur al Qu cor tradisti) основанъ на моментѣ одного такта. Тактомъ ранѣе Норма еще въ твердой рѣшимости пожертвовать мести своей Северомъ и Адальгизою. *Норма* (къ хору:) «Si preparate il zago!» *Северъ*: «Oh! ancor ti prego.... Norma, pietà!» *Хоръ*: «La svela!» *Норма*: «Udite!» (и теперь еще одинъ тактъ) («Jo real l'innocente accusar del fallo mio?») — *Хоръ*: «Parla, chi é desta?» — *Северъ*: «Ah! non lo dir!» *Норма*: «Son io!» *Дженни Линдъ*, послѣ рѣшительнаго «udite» даетъ оркестру, впадающему въ это время въ аккордъ септимы (fa diézé, la, do mibemol) продолжать этотъ аккордъ tremolando нѣсколько времени, медленно подходитъ къ оркестру и поетъ вставочную фразу, будто въ себѣ, совершенно sotto voce, и завернувшись въ покрывало, до словъ Севера «Ah! non lo dir!» и за тѣмъ слѣдуетъ «son io!» съ тѣлодвиженіемъ, прелести неподражаемой. Всю роль она выдерживаетъ съ необыкновеннымъ благородствомъ и женскою нѣжностію, что и весьма правильно; многія знаменитыя артистки, дѣлающія изъ этой роли какую-то Медею, забываютъ, что Норма совершенная противуположность Медеи, и дѣлаетъ все для спасенія дѣтей своихъ, которыхъ наконецъ поручаетъ покровительству отца.

Норму *Дженни Линдъ* пѣла три раза, и четыре раза являлась въ роли *Фанни*, въ новой оперѣ Мейербера, которую дѣвица *Тучекъ* до того пѣла пять разъ съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Само собою понимается, что дѣвица Линдъ, какъ трагическая актриса, лучше исполняетъ фантастическую и серьозную сторону этой роли. За тѣмъ она вѣроятно будетъ пѣть Эвріанту, которую дадутъ въ пользу памятника *Вебера*, по желанію *Мейербера*, который будетъ самъ дирижировать эту оперу.

—

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ЛУГАХЪ И ОБРАБОТКѢ ИХЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

(Статья 1).

Весьма замѣчательное разсужденіе иностраннаго инженера Г. Бетге, проживающаго теперь въ Петербургѣ и посвящающаго себя тѣмъ предметамъ, о коихъ онъ излагаетъ здѣсь свое мнѣніе, — почти окончано. Небольшими пріемами мы надѣемся передать весь этотъ трактатъ нашимъ читателямъ, прилагая гдѣ нужно и рисунки; чего, а болотъ въ Сѣверной Россіи достаточно, а сѣна мало, и то дорого; по этому совѣты Г. Бетге, можетъ быть принесутъ пользу, найдутъ признательныхъ послѣдователей.

Природа, мудрѣйшая изъ всѣхъ хозяекъ, въ каждой странѣ заставляетъ землю производить именно то, что болѣе всего приличествуетъ мѣстности. Она особенно одарила сѣверныя страны разнаго рода травами; — на высотахъ, въ долинахъ, на равнинахъ и въ лѣсахъ преобладаетъ травная растительность; слѣдовательно въ каждомъ мыслителѣ невольно долженъ родиться вопросъ: не для того ли сѣвернымъ странамъ назначено преимущественно производить травы, чтобы вознаградить ихъ за недостатокъ плодородія почвы въ отношеніи къ хлѣбнымъ растеніямъ? Въ Сѣверной Россіи, гдѣ хлѣбопашество и разведеніе картофеля доставляютъ весьма незначительные доходы, хорошіе луга могутъ быть опорой скотоводства и хлѣбопашества; они могутъ составлять главныя источникъ благосостоянія помѣщиковъ. Тамъ, гдѣ зима такъ продолжительна и гдѣ запасы корма для скота на зиму должны быть такъ велики, необходимо, чтобы каждый хозяинъ—агрономъ имѣлъ для луговъ такое же пространство земли, какъ и для пашни; даже болѣе, если возможно.

Въ Германіи обработка луговъ относится къ хлѣбопашеству какъ 1 къ 5; но тамошніе луга обработываются иначе; тамъ хозяинъ разводитъ множество кормовыхъ травъ, необходимыхъ для прокормленія своего скота; эти травы у насъ, въ Россіи, также трудно разводить, какъ и сушить.

Русскіе сѣверные помѣщики имѣютъ обыкновенно такія обширныя равнины, что еслибъ захотѣли обратить въ хорошіе луга только нѣкоторыя, годныя къ тому части, то никогда бы не нуждались въ трудномъ разведеніи растеній, которыя въ томъ климатѣ никогда и не могутъ быть доходны.

Люди, по обыкновенію, обращаютъ мало вниманія на то, чѣмъ природа наградила ихъ въ изобиліи; они безпрестанно гоняются за тѣмъ, что не дано имъ, и такимъ образомъ пренебрегаютъ выгодами, находящимися у нихъ подъ руками.

Смотря на огромныя массы сѣна, доставляемаго ежегодно въ Петербургъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній, и на неимовѣрныя цѣны, которыя платятъ за нихъ, должно невольно удивляться тому, что помѣщики не заботятся объ улучшеніи равнинъ, предназначенныхъ самой природой къ разведенію прекраснѣйшихъ луговъ. Всѣ природные луга, къ которымъ не прикасались еще человѣческія руки, доставляютъ весьма малое количество сѣна, такъ, что часто доходъ не покрываетъ издержекъ.

Съ природныхъ луговъ на высотахъ, равнинахъ, болотахъ и въ лѣсахъ добываютъ сѣна въ Сѣверной Россіи обыкновенно отъ 30 до 50 пудовъ съ десятины, между тѣмъ какъ съ удобренныхъ и хорошо содержимыхъ луговъ можно получать покрайнѣй мѣрѣ 500 пудовъ съ десятины; какъ же послѣ этого не стараться обработывать обширныя, дикія равнины? Тѣмъ болѣе, что это, большею частію, можетъ быть произведено безъ значительныхъ издержекъ, которыя вознаграждаются въ семь, восемь разъ.

Естественные луга можно раздѣлить на четыре рода:

Во-первыхъ на такіе, которые лежатъ при рѣкахъ и ручьяхъ и во время разливовъ покрыты водою.

Во-вторыхъ, на полевые луга, образуемые изъ низменныхъ мѣстъ, или также сто ками воды при полевыхъ межахъ. При сильныхъ дождяхъ вода, непроникающая въ землю, стекаетъ съ полей въ низменныя мѣста, унося съ собою черноземъ и другія плодотворныя частицы. Очевидно, что подобные луга чрезвычайно плодородны, если грунтъ не слишкомъ плотенъ и легко всасываетъ воду; въ противномъ же случаѣ, а именно если грунтъ состоитъ изъ глины, то образуются лужи а на большемъ протяженіи и цѣлыя болота.

Къ третьему роду естественныхъ луговъ относятся луга, орошаемые ручьями; они лежатъ на скатахъ или у подножія горъ и возвышенностей: дождевая вода, стекающая туда, образуя ручьи, оплодотворяетъ почву; эти луга бываютъ обыкновенно очень плодородны. Если же стекающая вода содержитъ въ себѣ желѣзистыя частицы или кислоты, или же проистекаетъ изъ болотъ, лежащихъ выше, то почва способна производить только такія растенія, на которыя эти частицы не имѣютъ вреднаго вліянія.

Четвертый и обширнѣйшій родъ сѣверныхъ луговъ составляютъ тундры, которыя можно раздѣлить на возвышенныя и низменныя. Первыя лежатъ на пространныхъ плоскихъ возвышенностяхъ; грунтъ ихъ состоитъ, обыкновенно, изъ кварцовыхъ частицъ и вязкой глины, и на нихъ произрастаютъ, большею частію, только верескъ, да дикія ягодныя растенія. Другія возвышенныя тундры и болота находятся въ гористыхъ мѣстахъ, на скатахъ горъ или въ котловинахъ; тогда грунтъ состоитъ изъ гранита, гнейса, аспида и несчаника; изрѣдка торфъ находится на извѣстнякѣ или на известковомъ мергелѣ. Эти тундры имѣютъ отъ двухъ до трехъ слоевъ, проникнутыхъ насквозь жидкою, бурою массою; первый слой состоитъ изъ остатковъ растеній, не подвергшихся еще гніенію, такъ что въ нихъ еще ясно можно различить мохъ, лишаи и травы. Въ нихъ жидкая, бурая масса имѣетъ болѣе желтый цвѣтъ. Второй и третій слой содержитъ болѣе согнившія растительныя частицы и въ нихъ преобладаетъ бурая слизисто-жидкая масса. Эта бурая масса, будучи высушена, даетъ хорошій, твердый, смолистый торфъ.

Низменныя тундры находятся на мѣстахъ разливовъ рѣкъ, также на берегахъ моря и озеръ, или же на обширныхъ равнинахъ, составлявшихъ нѣкогда дно моря или озера. Составныя части ихъ тѣ же, какъ и возвышенныхъ тундръ, съ тою только разницею, что онѣ содержатъ менѣе смоляныхъ частей. Молодыя болота покрыты зеленью водяныхъ растеній, которыя ежегодно разростаются и усиливаются; когда, наконецъ, они достигаютъ такой силы или высоты, что сырость не можетъ уже проникать къ верхнимъ растеніямъ, то на нихъ начинаютъ образовываться верескъ и роды ягодныхъ растеній, которыя мало по малу покрываютъ всю поверхность.

Всѣ эти, природой созданные луга, болота и тундры могутъ быть болѣе или менѣе, смотря по мѣстности, грунту земли и составнымъ частямъ, обращены въ плодородные и доходные луга;—съ помощію искуства и настойчивости можно превратить эти дикія, необработанныя равнины въ плодоносныя, изобильныя поляны.

Чтобъ осушать болота употребляютъ различныя средства, но общеупотребительнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1. Уравненіе мѣстности, истребленіе низкаго, тернистаго кустарника и кочекъ, уничтоженіе стараго и разведеніе новаго *рода травъ.*

2. Правильное осушеніе грунта проведеніемъ каналовъ, сверленіемъ колодцевъ и образованіемъ ручьевъ.

3. Орошеніе грунта, если по близости имѣются рѣки, ручьи или источники. Искуственное жъ орошеніе зависитъ отъ положенія мѣста, отъ количества и качества воды, и отъ грунта земли. По этому и придуманы различныя методы орошенія, которыя можно раздѣлить на три главные разряда.

a) Орошеніе грунта изъ запасовъ воды въ каналахъ и колодцахъ.

b) Орошеніе грунта изъ прудовъ, образуемыхъ помощію земляныхъ *плотинъ.*

c) Орошеніе грунта посредствомъ искуственныхъ разливовъ рѣчной воды.

Этотъ способъ орошенія луговъ состоитъ въ ежегодномъ разлитіи рѣкъ и ручьевъ по прибрежнымъ низменнымъ мѣстамъ. Вода, какъ естественное такъ и искуственное, средство, весьма способствуетъ растительности; это признано всѣми агрономами и потому всѣ стараются извлечь изъ нея всевозможную пользу въ отношеніи къ луговодству. Въ Германіи, Англіи, Швейцаріи и другихъ странахъ, введеніемъ методы орошенія, въ послѣднее время получены неимовѣрныя выгоды; Мекленбургъ, Голштинія и Люнебургъ особенно отличаются своими искуственно орошаемыми лугами, съ которыхъ получается отъ 500 до 700 пудовъ сѣна съ десятины.

d) Старое, весьма хорошее, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующее большихъ издержекъ средство есть, удобреніе луговъ навозомъ. Для унавоживанія агрономы употребляютъ, смотря по требованіямъ почвы и преобладающихъ на ней растеній, болѣе или менѣе хорошія животныя, растительныя или даже минеральныя навозныя частицы.

Теперь разсмотримъ естественные луга порознь, и какія средства могутъ быть съ особенною пользою употребляемы для каждаго рода луговъ отдѣльно.

К. Бетге.

Продолженіе впредь.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Фридриха Великаго. Текстъ Өедора Кони, рисунки А. Менцеля. Изданіе М. К. Липса. С. Петербургъ 1844. Цѣна 10 рублей серебромъ.

Унасъ уже не мало было попытокъ подобныхъ иллюстрованныхъ исторій. Наполеонъ, Суворовъ, Петръ Великій, для взрослыхъ и для дѣтей,—подверглись иллюстраціямъ, менѣе болѣе исполненнымъ добропорядочно.—Исторія Фридриха Великаго относительно рисунковъ вся заимствована у Нѣмцевъ. О текстѣ сказано на заглавіи, что онъ—есть собственность и принадлежность Өедора Кони. Слѣдственно Исторію Фридриха сочинилъ Өедоръ Кони. Намъ до этого и дѣла нѣтъ. По тексту эта книга и не подходитъ подъ условія, постановленныя для Библіографіи нашей: но иллюстраціямъ она неотъемлемо принадлежитъ нашему разбору. Дѣло истинно удивительное; гравированіе на деревѣ едвали у Нѣмцевъ не у первыхъ возникло и развилось до весьма хорошей степени; въ настоящее время всѣ иллюстрованныя изданія Германіи далеко уступаютъ французскимъ и англійскимъ. Если угодно, есть у нихъ и рисунокъ и отчетливость, но недостаетъ вкуса, изящной оконченности, художнической недоконченности; сверхъ того много вредитъ нѣмецкимъ гравюрамъ недостатокъ въ хорошихъ печатникахъ. Многія гравюры показались бы восто разъ лучше, еслибы были оттиснуты опытною искусною рукою. Этотъ недостатокъ еще болѣе чувствителенъ у насъ. Не смотря на то, изданіе М. К. Липса можно рекомендовать безъ стыда и зазрѣнія совѣсти. Жизнь великаго короля-философа каждому извѣстна. Пріятно припоминать ее по рисункамъ Менцеля.—Этотъ старый Фрицъ, громитель австрійскихъ и французскихъ силъ, намъ врагъ и союзникъ, зиждитель Прусской Монархіи, въ молодости любезничалъ какъ и всѣ; писалъ французскіе стихи, плясалъ до упаду; въ замкѣ Рейнсфельдѣ жизнь его походитъ истинно на какую то царственную идиллію. Молодость Фридриха не обѣщала такой блистательной будущности; Баронъ Бильфельдъ, и самъ участвовавшій въ Рейнсбергской идиліи, описалъ эту аркадскую жизнь довольно подробно. «Замокъ Рейнсфельдъ, говоритъ онъ... (за неимѣніемъ подъ рукою подлинника, удерживаемъ переводъ г. Кони).

Забавы въ замкѣ Рейнсфельдъ).

Замокъ Рейнсфельдъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе. Огромное озеро обмываетъ его стѣны. Противуположный берегъ озера окаймленъ дубовыми и осиновымъ лѣсомъ. За нимъ въ полупанорамѣ видны окрестныя села и города. Прежній замокъ состоялъ изъ главнаго корпуса и флигеля съ башнею. Архитекторъ Кнобельсдорфъ, по приказанію и плану Фридриха, пристроилъ въ симетрію, еще флигель также съ башнею. Обѣ башни соединены галлереею, состоящею изъ двойной колонады такъ, что весь замокъ получилъ видъ четвероугольника. Входъ украшенъ четырмя статуями, держащими фонари. На дворъ ведетъ великолѣпный порталъ.

Внутренность замка роскошна, и отдѣлана съ большимъ вкусомъ.

Вездѣ блеститъ золоченная рѣзьба и скульптура. Принцъ любитъ скромныя цвѣта; по этому всѣ обои, гардины, мебели—свѣтло-лиловыя, свѣтло-зеленыя, небеснаго и тѣлеснаго цвѣта. Зала, которая должна быть украшеніемъ всего замка, еще неотдѣлана окончательно. Ее одѣваютъ въ мраморъ и украшаютъ зеркалами и бронзою. Знаменитый Пень расписываетъ плафонъ. Сады Рейнсберга еще не разрослись, но расположеніе ихъ граціозно».

«Всѣ, живущіе въ замкѣ, пользуются совершенною свободой. Они видятъ Принца и супругу его только за столомъ, за игрой, на балахъ, концертахъ, увеселеніяхъ, въ которыхъ имъ дозволено принимать участіе. До обѣда каждый занимается чѣмъ хочетъ, въ своей комнатѣ. Потомъ, всѣ собираются въ столовую залу, къ общему столу; всѣ занятія Принца обличаютъ человѣка съ душой. За столомъ онъ много говоритъ, и говоритъ умно и остро. На каждый предметъ находитъ онъ множество новыхъ и оригинальныхъ замѣчаній.

«Остроуміе его походитъ на вѣчный огонь весты. Онъ любитъ противорѣчія и радъ, когда съ нимъ спорятъ. Онъ часто шутитъ и даже дразнитъ, но безъ всякаго обиднаго намека, и самъ первый смѣется остроумному возраженію на шутку.»

«Библіотека принца прелестна. Она помѣщается въ одной изъ башень и окнами обращена въ садъ и на озеро. Въ шкафахъ съ стеклами, собрано небольшое количество лучшихъ французскихъ книгъ. Портретъ Вольтера во весь ростъ есть единственное украшеніе библіотеки. Онъ любимый писатель Принца. Вообще Фридрихъ очень приверженъ ко всѣмъ нынѣшнимъ прозаикамъ и поэтамъ Франціи»

«Послѣ обѣда всѣ собираются въ боковой залѣ, около кофейнаго стола. Одна изъ дамъ, по очереди, разливаетъ кое. Тутъ шуткамъ и любезностямъ нѣтъ конца.»

«Вечеръ посвященъ музыкѣ. Обыковенно Принцъ составляетъ концертъ и самъ въ немъ играетъ на флейтѣ. Онъ мастерски владѣетъ этимъ инструментомъ: въ игрѣ его много чувства и вкуса. Онъ самъ сочинилъ нѣсколько сонатъ. На концерты эти приглашаются жители замка по выбору.»

Фридрихъ отличается и въ танцахъ. Онъ ловокъ и граціозенъ. Онъ любитъ всѣ удовольствія, кромѣ охоты. Вотъ какъ онъ объ ней выражается:

Это не удовольствіе, а убійство души, потеря времени и столь же полезное занятіе, какъ сметаніе пыли въ каминѣ».

«Принцеса есть идеалъ красоты, доброты и любезности. Ея кроткій и радушный нравъ привязываетъ къ ней всѣ сердца.»

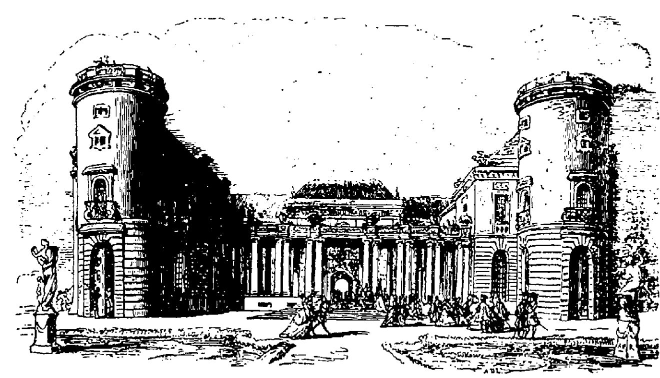
«Не давно у принца былъ прелестный балъ, который скорѣе можно назвать маскерадомъ. Принцъ явился не въ мундирѣ, а въ богатомъ шелковомъ кафтанѣ, и такомъ же камзолѣ, вышитымъ золотомъ. Весь его дворъ послѣдовалъ его примѣру. Многіе одѣлись пастухами золотаго вѣка, а дамы постушками. Эта идиллія въ лицахъ началась въ саду тотчасъ послѣ обѣда. Нельзя пересказать всѣхъ наслажденій этого вечера, гдѣ роскошь затмѣвалась простотой, а простота возвышалась свободой и вкусомъ. — Замокъ здѣшній настоящій храмъ чудесъ. Превосходный столъ, чудесное вино, прелестныя женщины, отличная музыка, упоительные праздники, и все волшебство искуствъ и наукъ соединено здѣсь, чтобъ обворожить человѣка и дать новую прелесть жизни.

Но эта Идиллія была непродолжительна. Отецъ призвалъ Фридриха къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, замѣтивъ способности, и убѣдясь въ характерѣ наслѣдника, умеръ спокойно; и надежды не обманули никого. Не одно оружіе, занятія мирныя стоили генеральныхъ побѣдъ; возникла академія, привиты и развиты искуства, построенъ великолѣпный театръ архитекторомъ Кнобельсдорфомъ. Все удавалось Великому Королю. Одно не имѣло ожидаемаго успѣха: «Всего труднѣе, писалъ Фридрихъ Вольтеру — завести во всѣхъ

(Фридрихъ въ Лиссѣ).

Происшествіе въ Лиссѣ походитъ на сказку Король почти одинъ взялъ крѣпость; Австрійскіе генералы вмѣсто того, что бы захватить короля, и схватить оружіе, схватили свѣчи и освѣщали путь побѣдителю безъ выстрѣла, за что и поплатились плѣномъ. Вообще вся Исторія Фридриха какъ будто сложена изъ самыхъ занимательныхъ анекдотовъ, и вотъ почему такъ и просится подъ карандашъ. Вечеръ жизни Фридриха походилъ на утро его въ Рейнсбергской Аркадіи. Въ прекрасномъ дворцѣ своемъ Санъ Суси онъ продолжалъ играть на флейтѣ, участвовалъ въ домашнихъ концертахъ пока не выпали зубы... Великая жизнь Великаго догорѣла. Лучшія сочиненія о Фридрихѣ — это его собственныя напечатанныя во многихъ томахъ; но для изданія иллюстрованнаго они показались бы сухи, лишили бы читателей множества анекдотовъ, которыхъ не помнилъ, покрайней мѣрѣ не записывалъ Король. Исторія Ментцеля въ рисункахъ очень хороша и за изданіе ихъ на русскомъ, съ какимъ бы то ни было текстомъ, нельзя не поблагодарить Г. Липса. Съ сочиненіемъ иллюстрованнымъ полагаемъ лучше всего знакомить читателей посредствомъ самыхъ Иллюстрацій, почему мы помѣщаемъ нѣсколько гравюръ, соотвѣтствующихъ нашей статьѣ. Нельзя при этомъ случаѣ не сказать, что Исторія Фридриха, усердіемъ издателя, окончилась печатаніемъ весьма быстро; это заставляетъ насъ желать, чтобы Г. Липсъ не остановился на этомъ первомъ и удачномъ опытѣ. Предметовъ много; нужно только денегъ и усердія; иногда и одного усердія довольно. Къ тому же наша публика признательна и за малое добро, лишь бы оно было исполнено совѣстливо, исправно и проворно.

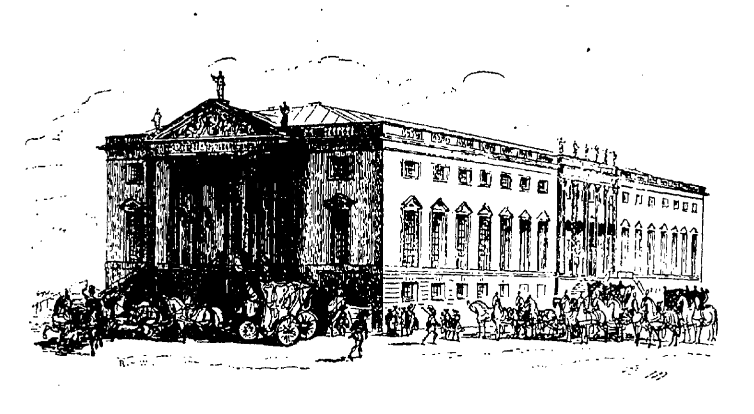
(Кессельдорфское сраженіе).



(Замокъ Рейнсфельдъ).

У насъ пока Библіографія иллюстрованныхъ изданій слишкомъ коротка. Почему? Это очень понятно, особенно для Редакціи; всѣхъ граверовъ на деревѣ и десяти нѣтъ; изъ нихъ не всѣ еще возьмутся рѣзать по рисунку сколько нибудь замысловатому; слѣдственно изданіе съ оригинальныхъ рисунковъ дѣло у насъ не только трудное, но удивительное; каждое поглащаетъ времени чуть не многія лѣта, а денегъ — цѣлый капиталъ; оттого изданія становятся дороги не для читателей, а для издателей; прекрасные труды глохнутъ въ ожиданіи лучшихъ временъ, или же издаются въ Парижѣ, теряя такимъ образомъ въ большой мѣрѣ національное достоинство. Красиваго изданія Тарантаса, красиваго разсказа Графа В. А. Сологуба едва дождались, мы прежде съ удовольствіемъ видѣли многіе оттиски съ гравюръ этой книги; болѣе полугода знаемъ и вѣдаемъ о новомъ изданіи со-

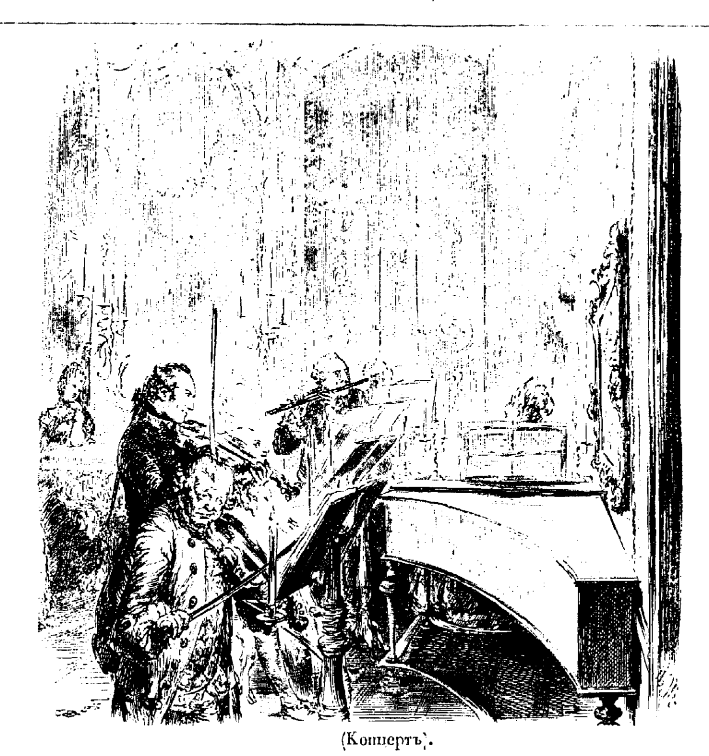
областяхъ хлѣбные магазины, которые бы могли обеспечить государство на полтора года..» Грянула Семилѣтняя Война, въ которой и мы Русскіе, принимали такое важное, но перемѣнчивое участіе. Пруссія была наша, тамъ управлялъ русскій генералъ-губернаторъ. Семь лѣтъ великихъ испытаній усѣяны безчисленными подвигами Короля Героя... Онъ выигрывалъ и проигрывалъ, всегда однакоже съ барышемъ, большія сраженія; являлся къ непріятелямъ иногда чуть не одинъ, и величіе охраняло его посреди неминуемыхъ опасностей..



(Театръ).

чиненій Державина, гдѣ гравюра на деревѣ также принимаетъ участіе; книга : Русскіе Полководцы, также что-то не выходитъ, а для нея усердіемъ К. И. Жернакова изготовлены прекрасныя гравюры... Кажется и все. Вотъ наша иллюстрованная литература. Она должна, принуждена жить перепечатками. Мелкія физіологіи, картинки нравовъ, Листокъ для Свѣтскихъ Людей не могли развить этого искусства, хотя отдѣльно и заключаютъ весьма милыя гравюры. Мы собираемъ Иллюстрованную Исторію Русской Иллюстраціи; не только для того, чтобы сохранить ее для общей Исторіи Художествъ въ Россіи, но и для того, чтобы поставить читателей въ извѣстность — какими средствами до нынѣ можетъ пользоваться и наше изданіе. Можетъ быть тогда и нашу цѣль и наши усилія удостоитъ благосклонный читатель улыбкой одобренія и патріотической признательности.

Изъ книгъ неиллюстрованныхъ, принадлежащихъ къ нашей Библіографіи и вышедшихъ въ январѣ мѣсяцѣ, мы можемъ смѣло обратить вниманіе публики на небольшую книгу : Странствователь по Морямъ и Сушѣ; на новый романъ Г-жи Ишимовой, на Юридико-популярную книгу: Указатель Законовъ — и пока довольно. Хорошаго понемножку. По возможности дадимъ и объ нихъ отчетъ хотя краткій; мѣста нѣтъ. Матеріаловъ много; гравюръ еще мало. Съ каждымъ днемъ ожидаемъ присылки изъ Парижа лучшихъ политипажей; они уже въ дорогѣ, но дорога теперь вездѣ, даже и за границей, приводитъ въ отчаяніе путешественниковъ. Для насъ продолжительность нынѣшней зимы гораздо чувствительнѣе чѣмъ даже для сельскихъ хозяевъ.



(Концертъ).

СМѢСЬ

Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, послѣ десяти часовъ вечера, по Англійской Набережной, возлѣ Сената, заходили огни; цѣпь каретъ тянулась безконечно. Весь высшій кругъ здѣшняго общества не безъ труда помѣстился въ великолѣпной и блистательно освѣщенной залѣ графа И. Н. Лаваль. — Г-жа Віардо-Гарсія и Гг. Рубини и Тамбурини пропѣли избранныя и любимѣйшія піэсы изъ современнаго италіянскаго репертуара. Какъ назвать подобный вечеръ: музыкальнымъ баломъ, раутомъ, или просто вечеромъ, но съ какимъ либо блистательнымъ эпитетомъ? Не льзя было довольно налюбоваться истинно великолѣпнымъ видомъ залы, которую должно признать одною изъ самыхъ обширныхъ залъ Петербурга и вмѣстѣ образцовымъ произведеніемъ зодчества. Конечно, теперь уже много въ Петербургѣ частныхъ нарядныхъ залъ, очаровательныхъ пріемныхъ гостинныхъ, прелестныхъ будуаровъ. Но при всемъ томъ эта величественная зала ничего не теряетъ и сохраняетъ свое художественное достоинство. Петербургъ хорошѣетъ не только снаружи; съ гордостію мы можемъ указать на быстрое распространеніе вкуса утонченнаго, изящнаго. Радуемся, что въ скоромъ времени мы представимъ не сухія описанія внутренности нашихъ боярскихъ хоромъ въ столицѣ и за городомъ; но портреты съ возможной вѣрностію и отчетливостію. Художники, принимающіе постоянное и дѣятельное участіе въ Иллюстраціи, уже приступили къ собранію рисунковъ въ нѣкоторыхъ домахъ. Мы надѣемся, что, если только гравированіе не замедлится, читатели скоро увидятъ въ подробныхъ рисункахъ нѣкоторые покои домовъ княгини А. Г. Бѣлосельской-Бѣлозерской, графа И. И. Воронцово-Дашкова и графа Д. Н. Шереметева. Частная архитектура въ Россіи дѣлаетъ ежедневные успѣхи. Иллюстрація спѣшитъ исполнить свое назначеніе. Не только зданія общественныя, не только домы боярскіе, но каждаго рода частныя строенія, внутренній видъ комнатъ, съ ихъ художественною отдѣлкою, а также фасады, и внутреннее расположеніе разныхъ частныхъ заведеній и фабрикъ, словомъ, частную архитектуру во всѣхъ ея видахъ Иллюстрація будетъ помѣщать съ удовольствіемъ, прилагая пояснительный текстъ. Но расходовъ, по части художественной, она, подобно другимъ Иллюстраціямъ, не можетъ принять на себя. Составленіемъ описательной статьи, всѣми художническими хлопотами, Редакція скучать не будетъ, пользуясь случаемъ доставить каждому удовольствіе и вмѣстѣ сохранить на столбцахъ своихъ живые памятники современнаго вкуса, изобрѣтательности и тщательнаго художественнаго исполненія. Порядокъ помѣщенія статей съ гравюрами, по отдѣленію частной архитектуры — принятъ Редакціею — *хронологическій*..

—

ОДЕССА.

(Статья 1.)

Въ Русской Имперіи не одинъ только Петербургъ, какъ говорится, свѣчи и воску; есть, право есть еще многіе города, въ которыхъ проявляется дѣятельная жизнь, даже со всѣми условіями роскоши, съ театромъ, литературой и т. д. Но непонятно и непостижимо, что мы объ этихъ городахъ столь же мало имѣемъ свѣдѣній, сколько о внутреннихъ пустыняхъ Африки. Хотя въ Москвѣ, Рязани, Кіевѣ и Одессѣ выходятъ русскія книги, издаются журналы; однакоже книгъ этихъ не найдете въ Петербургѣ, свѣдѣній объ нихъ прочесть негдѣ. Развѣ случайно, пріятельское словцо проберется на столбцы летучей газеты и умретъ вмѣстѣ съ листкомъ, назначеннымъ для сегодня. Между тѣмъ не многія эти книги иногда любопытнѣе всѣхъ петербургскихъ повѣстей и романовъ; извѣстія о жизни этихъ городовъ исполнены самаго живаго интереса для каждаго Русскаго. Вотъ, хотя бы и въ этомъ году, намъ въ Петербургѣ не чѣмъ похвастать; почти ни одной важной книги въ три мѣсяца. Въ Одессѣ вышло уже весьма замѣчательное сочиненіе А. Скальковскаго подъ заглавіемъ: Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украйну въ XVIII столѣтіи. Многіе смѣшивали Гайдамакъ съ Запорожцами, тогда какъ это были злѣйшіе враги. Мы надѣемся въ скоромъ времени собрать ближайшія и полнѣйшія свѣдѣнія о литературѣ Новороссійскаго края; теперь же не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить нашимъ читателямъ статью того же автора, помѣщенную въ Одесскомъ Вѣстникѣ, которая можетъ послужить лучшимъ вступленіемъ въ описаніе Одессы и всего Новороссійскаго края :

Одесса окончила, въ минувшемъ году, свое полувѣковое существованіе и въ это время сдѣлала столь гигантскіе успѣхи, что не только возбуждаетъ любопытство всякаго наблюдателя, Русскаго и иностранца, но даже родила зависть къ своему развитію и благосостоянію. Одни, основываясь на математическихъ вычисленіяхъ, считаютъ быть ея очень непрочнымъ; другіе же, глубокіе политики, полагаютъ ея цвѣтущее состояніе временнымъ, блестящимъ феноменомъ, который скоро исчезнетъ, какъ блескъ потѣшнаго огня. Третьи, наконецъ, и это уже, можно сказать, недоброжелательные къ ней писатели, принявъ за непреложную истину ложное правило — что торговля не есть прочное основаніе народнаго богатства, бросаютъ на всѣ цвѣтущіе или возникающіе порты наши : Одессу, Ростовъ, Маріуполь, Бердянскъ, родившіеся и окрѣпшіе отъ торговли, — самые полновѣсные свои громы. Трудно спорить съ скептиками, особенно несвѣдущими, или чуждыми хозяйству государственному; но долгъ нашъ, долгъ статистиковъ мѣстныхъ, велитъ намъ разсѣевать хотя малую часть заблужденій и поражать ихъ не словами, не полемикою, къ которой прекрасный русскій языкъ такъ мало созданъ, но силою фактовъ, цыфръ и документовъ. Мы представимъ здѣсь, какъ бы для поздравленія города съ новымъ годомъ его жизни, одинъ изъ важныхъ статистическихъ выводовъ, — это усиленіе и постоянное процвѣтаніе коммерческаго народонаселенія въ Одессѣ, и въ общемъ или этнографическомъ, числительномъ смыслѣ, и въ отношеніи чисто торговомъ, т. е. гильдейскомъ. Просимъ благосклоннаго вниманія у читателей нашихъ къ этимъ простымъ и, быть можетъ, сухимъ фактамъ и таблицамъ.

Если читателямъ нашимъ знакомы : «*Первое тридцатилѣтіе исторіи г. Одессы*», изданное въ 1837-мъ году и «*Взглядъ на Очаковскую Область*» (*), то уже, вѣроятно, имъ извѣстно, что началомъ Одессы было великодушное, русскому сердцу свойственное, гостепріимство; что этотъ городъ спасенъ, при самомъ своемъ рожденіи, торгующимъ въ немъ сословіемъ; а поддержанъ, обогащенъ и обращенъ въ казнохранилище всего юго-западнаго россійскаго края — торговлею. Но такъ какъ многіе, вѣроятно, и не слыхали объ упомянутыхъ нами книгахъ, то мы повторимъ здѣсь, что послѣ занятія, въ 1789-мъ году, замка *Енидунья* или *Новаго Свѣта*, въ Хаджибейской бухтѣ, Императрица Екатерина II-я сама назначила этотъ портъ для убѣжища и поселенія Грековъ архипелажскихъ, которые, въ достославную войну 1770-хъ годовъ, сражались подъ знаменами русскихъ полководцевъ, что въ 1801 году, когда именными указами (1796 и 1797), бытъ рождавшагося города, оклеветаннаго предъ Императоромъ Павломъ І-мъ, былъ уже почти уничтоженъ, — нѣсколько одесскихъ

(*) Помѣщенный въ 1-мъ томѣ *Записокъ Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей.*

купцовъ, а именно: *Иларіонъ Портновъ*, *Евтѣй Кленовъ*, *Панаіотъ Варвати*, *Иванъ Замятинъ*, *Иванъ Андросовъ*, *Корнѣй Бодянскій*, *Иванъ Константиновъ*, *Мануилъ Лашкаревъ*, *Іосифъ Сапожниковъ*, *Петръ Родици и Ѳедоръ Зайченко*, (теперь уже всѣ умершіе), узнавъ о вступленіи на престолъ блаженной памяти Государя Императора Александра I-го, отправили въ столицу депутатами: любимаго своего согражданина и чиновника, коллежскаго совѣтника *Михаила Кирьякова* и двухъ купцовъ *Кленова* и *Варвати*. Ихъ стараніями возстановленъ бытъ города, испрошеніемъ новыхъ милостей царскихъ, особенно дарованныхъ указами 24-го января и 16-го марта 1802-го года, и возобновленіемъ милостивыхъ жалованныхъ граматъ и правъ, дарованныхъ Императрицею Екатериною II-ю. Съ того времени подъ мощнымъ и мудрымъ покровительствомъ монарховъ, присылавшихъ городу сперва герцога Ришельё, а послѣ и другихъ достойныхъ своихъ намѣстниковъ, городъ болѣе и болѣе устроивался и обогащался, и теперь — въ 42-мъ году послѣ упомянутаго указа 1802-го года, стоитъ уже на 3-мъ мѣстѣ въ іерархіи городовъ.

И такъ, отдавая должную дань благодарности купечеству г. Одессы, основавшему его благосостояніе, — скажемъ нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи этого сословія, главнаго двигателя общественнаго богатства, о числѣ его капиталовъ и услугахъ, сдѣланныхъ для города и края.

Одесское купечество, какъ и вездѣ, въ актахъ и оффиціально именуется коммерческимъ или торговымъ сословіемъ, обществомъ (corps de comerce), — хотя нигдѣ, быть можетъ, оно менѣе не связано въ однообразную и одноязычную общину, какъ въ Одессѣ (*). Это явное разъединеніе происходитъ не отъ зависти и соперничества, а просто отъ различія націй, а съ тѣмъ вмѣстѣ, обычаевъ и понятій, — различія, слишкомъ еще рѣзкаго, чтобы можно было ожидать въ скорости ихъ общественнаго или домашняго сближенія. Настоящія два поколѣнія одесскаго народонаселенія (считая съ основанія города) едва только загладили первобытныя черты всякаго племени, здѣсь поселившагося; тѣмъ болѣе, что значительная часть онаго водворяется въ городѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ, съ понятіями уже принятыми и усвоенными; но пойдетъ еще пройдетъ, и большая часть его сдѣлается русскимъ, или близкимъ къ русскому, народомъ. И не только въ Одессѣ, но и во всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы, это разъединеніе существуетъ во всей силѣ, и никто объ этомъ нимало не тоскуетъ. Спросите людей наблюдательныхъ: можно ли, напримѣръ, мысли и понятія караима, или армянскаго сефера (банкира) согласить съ мыслями и обычаями дебелаго и бородатаго торговца сѣверной Россіи, или щегольскихъ пришельцевъ западной Европы, сблизить съ богатыми *первобытными* Греками, сидящими цѣлые дни въ казино, съ четками въ рукахъ и съ поджатыми подъ себя ногами? Мы не говоримъ здѣсь объ исключеніяхъ и должно сказать къ чести Одессы, о довольно частыхъ исключеніяхъ изъ этого правила. Много людей достойныхъ уваженія и высоко образованныхъ, найдете вы во всѣхъ одесскихъ націяхъ, христіянскихъ и нехристіянскихъ; люди просвѣщенные вездѣ одни и вездѣ между собою сходны, не смотря на различіе вѣры, языка и костюма. Но массы торгующихъ въ Одессѣ составляютъ, и въ торговыхъ своихъ операціяхъ, столько же отдѣльныхъ областей, сколько ихъ находится на географическихъ картахъ Европы. Иностранцы, торгующіе въ Одессѣ, суть: Греки (Турецко и Греческо-подданные), Славяне, т. е. Болгары, Иллирійцы, Сербы и др.; Итальянцы, особенно Генуэзцы, древніе гости южной Россіи; Нѣмцы, Англичане и австрійскіе евреи, преимущественно банкиры. Испанцевъ, Армянъ и Румуновъ Одесса имѣетъ немного; а Шведовъ, Датчанъ, Голландцевъ и Турокъ всегда мало, а теперь и вовсе нѣтъ. Русское купечество, самое многочисленное, состоитъ однако-жъ не изъ однихъ природныхъ Русскихъ; большая половина его считаетъ въ своемъ обществѣ Грековъ, Нѣмцевъ, Евреевъ и Караимовъ. Въ послѣдніе годы занялись торговлею Малороссіяне и Поляки, но еще не въ большомъ числѣ; за то всѣ почти шкипера каботажныхъ лодокъ суть чистыя дѣти Гетманщины или Запорожья, рожденныя въ Малой или Новой Россіи.

Вотъ общая цыфра торговаго народонаселенія за послѣдніе годы:

	Всего народонасел.	купцовъ.
1) Въ 1840-мъ году. . . .	68,765	3,199
2) » 1841-мъ »	73,888	3,163
3) » 1842-мъ »	76,862	3,134
4) » 1843-мъ »	77,778	3,041

Слѣдственно $^{1}/_{23}$ всего народонаселенія принадлежитъ къ торговому сословію; но здѣсь показаны только тѣ, которые записаны въ гильдіи и ихъ семейства; всѣ же другіе, участвующіе въ торговлѣ безъ платежа гильдіи, какъ-то лавочники и разносчики и ихъ семейства, увеличатъ цыфру купечества, по-крайней-мѣрѣ, 2,000-ми душъ обоего пола. Такимъ образомъ смѣло можно сказать, что все чисто-торговое народонаселеніе г. Одессы, вовсѣхъ его классахъ, простирается до 5,000 душъ обоего пола.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

(*) На счетъ этой разнородности замѣтимъ только, что на общественныхъ выборахъ, при приведеніи къ присягѣ, должны присутствовать: православный, армянскій и католическій священники, лютеранскій пасторъ, реформатскій министръ, еврейскій раввинъ и караимскій учитель или гахамъ.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Облегченіе въ сообщеніяхъ оживляетъ торговлю и промышленность; у насъ много рѣкъ, по коимъ возможенъ паровой ходъ; по нѣкоторымъ пароходы уже ходятъ, для другихъ уже строятся.

Пароходъ Соколъ, принадлежащій И. О. Соколовскому, съ 1842 года уже ходитъ между Астраханью, Саратовомъ и Нижнимъ Новгородомъ...

Превосходное устройство этого парохода даетъ ему возможность проходить безъ затрудненія всѣ волжскія мели, составляющія преграды и остановки для тамошняго судоходства, а замѣчательная быстрота хода подали мысль употребить его для пассажирскаго плаванія; и послѣднее назначеніе исполнено имъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1843 году: имъ доставлено 96 пассажировъ изъ Нижняго Новгорода (съ ярмарки) въ Астрахань, менѣе чѣмъ въ 10 дней. — Въ прошломъ году, отплывши изъ Нижняго Новгорода 31 августа по утру уже съ 120 пассажирами, и имѣя на буксирѣ судно съ дровами, пароходъ Соколъ прибылъ въ Астрахань въ 8 часовъ утра, 8 сентября, т. е. менѣе чѣмъ въ 9 сутокъ, совершивъ болѣе 2000 верстъ, со включеніемъ приуготовленія пара, дѣйствительнаго хода машины и времени простоя у разныхъ приволжскихъ городовъ, для высадки и пріема пассажировъ и для погрузки дровъ, необходимыхъ въ пути для топлива парохода.

Трудность сообщеній въ Закавказскомъ краѣ и неопредѣленность плаванія на Каспійскомъ Морѣ парусными судами были постоянными непреодолимыми преградами для выгоднѣйшаго направленія тамошней торговли на Астрахань; что же касается до сухопутной перевозки, то она и дороже и медленнѣе, и опаснѣе. Устранить же эти препятствія въ состояніи только два предпріятія: устройство пароходства за Кавказомъ, по рѣкѣ Курѣ, и на Каспійскомъ Морѣ. И вотъ эти благодѣтельныя мысли осуществляются: отечески попечительное Правительство наше въ предстоящую навигацію откроетъ пароходное плаваніе по Каспію тремя желѣзными стосильными пароходами, съ таковыми же желѣзными баржами, которые, сверхъ крейсерства, перевозить будутъ и пассажировъ и купеческіе товары; — а частная компанія (какъ пишутъ съ Кавказа) предпринимаетъ устройство пароходства и по Курѣ.

Въ одесской гавани складывается выписанный изъ Англіи пароходъ и въ наступающую навигацію будетъ ходить по Днѣстру. Это истинное благодѣяніе для Одессы и для приднѣстровскихъ жителей, которыхъ, такъ сказать, держали до сихъ поръ въ рукахъ своихъ нѣсколько человѣкъ промышленниковъ; они впередъ нанимали всѣ подводы, и какъ пшеницу надо было выгружать около Бендеръ, въ разстояніи отъ Одессы въ 130 верстахъ и отправлять къ порту сухимъ путемъ, то можно себѣ представить какимъ убыткамъ и остановкамъ подвергались донынѣ владѣльцы пшеницы. Пароходство устранитъ большую часть неудобствъ, а современемъ и всей днѣстровской торговлѣ дастъ правильное и выгодное направленіе.

—

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ТЕАТРОВЪ.

Было время, и такъ еще не давно, во всей Россіи, кромѣ двухъ столицъ, въ губернскихъ городахъ театровъ почти не было. Въ Ригѣ, Вильнѣ и Одессѣ бывали всегда спектакли, да не русскіе. Въ другихъ городахъ самыя плохія труппы кочевали и бѣдствовали. Теперь многіе губернскіе города уже имѣютъ постоянные театры. Въ Симферополѣ труппа Г. Зелинскаго произвела восторгъ, въ особенности самъ начальникъ труппы, который отличается равно въ комическихъ и трагическихъ роляхъ — и во многихъ достигаетъ, какъ пишутъ, *совершенства*. Г. Зелинскій не остановился на комедіи и трагедіи. Въ продолженіе поста онъ обѣщалъ дать со всею труппою и оркестромъ нѣсколько концертовъ — *въ костюмахъ*, и вѣроятно исполнилъ обѣщаніе. Но музыка, кажется, не такъ нравится въ Симферополѣ. Нѣкто Г. Фетъ давалъ тамъ на фортопьянѣ концертъ, какъ сказано, *безъинтересно*, но публика и даромъ не хотѣла слушать. Это уже явственная антипатія къ музыкѣ. А жаль. И пѣвцы, и актеры, и музыканты, по мнѣнію многихъ драматурговъ, должны всегда предварительно испытывать свои силы на провинціальныхъ театрахъ. Это разсадникъ, натуральная академія сценическаго искуства. Получившій первую золотую медаль, удостоенный общей, единогласной похвалы пусть ѣдетъ за границу — въ Петербургъ. — Ни столица, ни провинціи не потеряютъ. Первая будетъ пополнять свой персоналъ опытными актерами не безъ дарованія; для провинціальныхъ артистовъ будетъ лестная цѣль, которая одна только можетъ возбудить соревнованіе.

—

ДЛЯ ХОЗЯЕВЪ.

Весною, передъ тѣмъ какъ начнутъ распускаться листки, надобно расколоть дерево вдоль, отъ самой вершины до начала происхожденія вѣтвей; деревянною лопаткою очистить весь древесный мозгъ (сердцевину), и сложивъ расколотыя половинки, завязать ихъ крѣпко веревкою, залѣпивъ всѣ скважины воскомъ (или глиною). Сила растительности соединитъ опять расколотое дерево, и черезъ два года выростутъ вишни безъ косточекъ.

—

ДЛЯ ДАМЪ.

— Отрѣзанные цвѣты обыкновенно сохраняются въ стаканѣ съ водою. Если въ эту воду подбавить нѣсколько распущенной камфоры, то цвѣты не только будутъ долѣе сохраняться, но еще будутъ цвѣсти ярче и красивѣе.

—

ПОХОРОНЫ ШИЛЛЕРА.

Шиллера хоронили три раза. Первое погребеніе Шиллера было самое простое и дешевое. Цѣхъ портныхъ — самый дешевый — былъ нанятъ для того, чтобы проводить тѣло усопшаго поэта. Съ большимъ трудомъ удалось одному молодому ученому, принявшему на себя всѣ издержки, похоронить Шиллера болѣе достойнымъ его образомъ. Въ то же время молодой скульпторъ испросилъ у родныхъ Шиллера позволеніе снять съ него маску для себя; только этому обстоятельству обязаны мы сохраненіемъ смертныхъ останковъ поэта; ибо когда, 21 годъ спустя, Людвигъ, король баварскій, проѣзжая черезъ Веймаръ, пожелалъ видѣть могилу Шиллера, то веймарцы не мало перепугались: — никто не зналъ, гдѣ она находилась.

Бургомистръ Швабе, который былъ въ числѣ провожавшихъ гробъ Шиллера, приступилъ къ

розысканіямъ. Склепъ, въ который поставили гробъ поэта, былъ мраченъ и сыръ; каждый имѣлъ право покупать себѣ мѣсто въ этомъ склепѣ; гробы стояли одинъ на другомъ; верхніе давили своею тяжестію старые, полусогнившіе, — а сосновый гробъ Шиллера стоялъ въ этомъ склепѣ уже 21 годъ!.... Онъ давно уже сгнилъ, мѣдныя дощечки съ именемъ Шиллера съѣла ржавчина.....

Однакожъ, Швабе употребилъ всѣ усилія для того, чтобы отыскать хотя кости поэта. Ночью, въ одиннадцать часовъ, спустился онъ въ склепъ вмѣстѣ съ гробовщикомъ, который дѣлалъ гробъ и съ 87-ми лѣтнимъ могильщикомъ. Девять гробовъ полусохранившихся были сняты; потомъ сложили двадцать три черепа въ мѣшокъ и снесли ихъ въ домъ бургомистра.

Туда были призваны ученые хирурги; соображаясь съ маской Шиллера, стали припаравливать къ ней всѣ черепы, и наконецъ нашли одинъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ маскѣ. Рѣшили, что это и есть черепъ Шиллера. Въ слѣдующую ночь черепы были опять снесены въ склепъ и гробы поставлены на мѣсто. А черепъ Шиллера съ церемоніей и погребальной музыкой былъ внесенъ въ библіотеку; тамъ говорили рѣчи о заслугахъ и славѣ великаго поэта, словомъ, тутъ было все, что обыкновенно бываетъ при погребеніи.

Долгое время спустя, Гете пришла мысль собрать весь скелетъ Шиллера, къ чему могъ служить во-первыхъ самый черепъ, а во-вторыхъ и то, что всѣмъ было извѣстно, что у Шиллера были весьма длинныя руки.

Склепъ открыли во вторый разъ и съ большимъ трудомъ составили скелетъ, который, по общему рѣшенію носилъ тѣло Шиллера.

Король приказалъ взять черепъ изъ библіотеки, сложить его вмѣстѣ съ другими костями въ нѣсколько крѣпкихъ, дорогихъ гробовъ, которые и были поставлены въ древнемъ княжескомъ склепѣ.

—

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

17. Откуда взялись слова: *подлинный*, и *подноготный?* Что такое правда подлинная? Узнать всю подноготную? — Въ пыткѣ русской, въ оны времена, было истязаніе *длинники* — прутья, палки, которыми били; и была пытка *подноготная*. Отъ этого писалось и говорилось: такой-то *подъ длинниками* показалъ то и то, а *въ подноготной* вотъ-что. Ясно, кажется, что *подлинная* и *подноготная* взяты именно отъ этихъ двухъ словъ.

18. Поднять на попа — поставить тюкъ или бочку торчмя.

19. Изножье — понятно по слову *изголовье*: изножье кровати.

20. Истора — проволочка, задержка, убытокъ, растрата.

21. Ухожи — надворное хозяйственное строеніе.

22. Слово *ферма* замѣняется, смотря по значенію его, словами: дача, усадьба, хуторъ (украинское), заимка (сибирское). Иногда ферма означаетъ просто птичникъ или скотный дворъ, базъ, какъ говорятъ въ Малороссіи, или базки у казаковъ.

23. Солнопекъ — мѣсто, откуда солнце весь день не сходитъ, также первыя проталинки весною.

24. Земляная вода — первая вешняя вода, когда овражки въ полѣ заиграютъ, называется снѣговою или береговою; тогда бываетъ первый разливъ рѣкъ, которыя обыкновенно опять вскорѣ вступаютъ въ русла свои; затѣмъ пойдетъ уже вода съ горъ, бываетъ второй разливъ и говорится *земляная* вода пошла.

25. Стрежень — самая быстрина на руслѣ.

26. Перекатъ или сагма — мелкое мѣсто, поперечная гряда въ рѣкѣ, черезъ которую вода прорывается съ силою.

27. Лбище — мысъ, особенно если онъ выдается круто, скалою. *Мысомъ* называютъ болѣе низменную землю, выдавшуюся въ воду.

28. Старица — покинутое рѣкою русло — сухое, сухая старица; или мокрое, собственно *ерикъ*. Много рѣчекъ измѣняютъ русло свое почти каждую весну, послѣ разлива, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или изгибахъ: на каждомъ поворотѣ быстрой рѣки бываетъ, прямо по направленію теченія, *прибой* и *отбой* въ противный берегъ; отъ этого отъ прибоя подмываетъ берегъ, а отбоемъ наноситъ песокъ, пока наконецъ перешеекъ огибаемаго полуострова не источится весь; тогда рѣка прокладываетъ новое русло свое прямо, заноситъ устье поворота, гдѣ и остается старица. Вовсе отдѣлившіяся старицы иногда обращаются изъ ериковъ въ озера. Новое русло рѣки, прорвавшейся черезъ перешеекъ, получаетъ названіе *прорвы*, какъ называютъ нерѣдко и вновь оторванную къ тому или другому берегу часть земли. *Отокъ* называется островъ или полуостровъ: Соловецкій монастырь на отоцѣ; Каменецъ-Подольскъ стоитъ также на отокѣ рѣки Смотричь.

29. Отопокъ, отъ глагола отоптать, обносокъ башмака или сапога: барышни прогуливаются въ отопочкахъ.

30. Босовики, туфли, утренніе сапоги.

31. Поползень — пролазъ, низкопоклонный льстецъ.

32. Марево по-русски миражъ; — довольно странно, что у насъ для явленія, свойственнаго въ особенности нашимъ степямъ, принято французское слово. Недавно въ одномъ изъ журналовъ нашихъ была цѣлая статья объ этомъ замѣчательномъ явленіи, но о маревѣ нашемъ не сказано было ни слова. Киргизы называютъ марево *жаждою сайги*, увѣряя, что стада сайгъ гоняются по степи за этимъ призракомъ воды. Слово марево происходитъ не отъ глагола морить, какъ можно бы предположить по сходству понятій, а отъ слова *мара* (морока, морочить); мара означаетъ навожденіе, обманъ чувствъ, явленіе призрака, и потому марево очень вѣрно выражаетъ свой предметъ.

33. Безотвѣтный человѣкъ, на котораго можно взвалить все, который исполняетъ все безъ отговорки, у котораго нѣтъ привычки или нѣтъ средствъ оправдываться и отговариваться.

34. Въ память Суворова осталось у насъ слово *немогузнайка* — нерасторопный человѣкъ, который живетъ спустя рукава, по пословицѣ: день да ночь — и сутки прочь; такъ и отваливаетъ.

35. Зарница, на Украйнѣ *блыскавиця*, называется отдаленная молнія; а *зорница* — утренняя звѣзда, какъ предвѣщательница зари. Одного корня съ этимъ глаголъ *зорить*, очищать, прояснять; напримѣръ, зорить масло, то есть дать ему отстояться и очиститься. Глаголъ *зорить* означаетъ совсѣмъ иное и притомъ непріязненное дѣйствіе; отъ него происходятъ: разорить, озорникъ, или зорникъ, озорничать и проч.

36. Плеяды называются у простолюдиновъ *утинымъ гнѣздомъ, волосожары, высожары*, или *стожары*. Слова эти сложены изъ: волоса и жаръ, высота и жаръ, сто (множество) и жаръ.

37. Подзимки: зима безъ трехъ подзимковъ не стоитъ. Ранніе морозы или снѣгъ, послѣ которыхъ опять бываетъ оттепель.

38. Примѣръ или промѣръ — выраженія торговыя: примѣръ, — излишекъ въ аршинномъ товарѣ противъ показанной мѣры; промѣръ — недостатокъ. Въ спиртовыхъ напиткахъ, относительно крѣпости ихъ, употребляются въ томъ же смыслѣ выраженія *пергаръ* и *недогаръ* и еще третье *пригаръ*, означающее не пригорѣлость, а случайный излишекъ выгонки изъ затора.

39. Побывка — солдатъ пришелъ домой въ отпускъ на побывку.

В. Луганскій.

—

ПЕРЕПИСКА.

Л. А. Г. Мы совершенно согласны и убѣждены, что ваша статья и умна, и дѣльна, и даже справедлива, но Иллюстрація не только личныхъ преній, антикритики, полемики и тому подобнаго знать не хочетъ, но и отъ критики, отъ разбора того, что проходитъ чрезъ сферу ея наблюдательности, говоритъ неохотно, если должна сказать что и кому либо непріятное. Иллюстрація — созданіе миролюбивое, нѣжное, чувствительное; у нее цѣлый міръ на глазахъ; она больше расположена любоваться хорошимъ, отъ плохаго отворачивается; даже о тѣхъ, которые стараются сдѣлать ей огорченіе, она сожалѣетъ изрѣдка, потому изрѣдка, чтобы безполезнымъ состраданіемъ не раздражить своей чувствительности, не отвлечь своего вниманія отъ полезнаго и изящнаго; она знаетъ поводы, заставляющіе кипѣть чужую желчь, и потому бережетъ свою. Здоровье — верховное земное благо, а человѣкъ злой — всегда боленъ; страждетъ печенью, головой или водобоязнью.. Не ужели вы хотите попасть въ эту ужасную больницу... — Другіе... скажете вы... Оставьте другихъ въ покоѣ. Вамъ только такъ кажется; а мы васъ смѣло можемъ увѣрить, что русская литература очень близка къ выздоровленію. Припадки недуга, который угрожалъ ей могилой, повторяются рѣже... Право такъ. Бросьте личности, шуточки, колкости, антикритику, полемику и всю эту желтуху. Увидите, только вы на это рѣшитесь, тотчасъ почувствуете хорошій апетитъ; сладкій крѣпительный сонъ васъ освѣжитъ и вы пришлете въ Иллюстрацію дѣльную, полезную статью... Не правда-ли?

—

АНЕКДОТЫ.

— Лечившись желѣзными водами въ Олонцѣ, Петръ Великій сказалъ однажды своему лейбъ-медику: «Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ примѣрами; и въ томъ и другомъ исцѣленіе вижу медленное: все рѣшитъ время; на Бога полагаю надежду».

— Петра Великаго просили дозволить сдѣлать съ него, по его кончинѣ, статую, «дабы потомство, взирая на нее, и по смерти ему удивлялось». Тутъ же предложили: «чтобы статуя имѣла движеніе и могла подниматься». — «Подниматься!» возгласилъ удивленный Петръ: «*для кого?*»... За симъ сказалъ онъ съ видомъ кроткимъ: «*Не лучше ли, друзья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ во всю жизнь безпокоился*».

— Когда Петру Великому доложили, что въ Петербургъ пріѣхали плясуны, балансеры и другіе фокусники, представляющіе разныя удивительныя штуки, то Государь отвѣчалъ генералъ-полицій-мейстеру Девіеру: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры. Я видѣлъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ. Петербургъ не Парижъ; пускай чиновные смотрятъ дурачества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не больше гривны, а для простаго народа выставить сихъ бродягъ безденежно предъ моимъ садомъ на лугу; потомъ выслать изъ города вонъ. Къ такимъ праздностямъ пріучать не должно. У меня и своихъ фигляровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ пляшутъ, и головами внизъ становятся на мачтовомъ верхнемъ мѣстѣ. Пришельцамъ шатунамъ сорить деньги безъ пользы, грѣхъ.»

Историческими анекдотами мы богаче многихъ царствъ и народовъ. И не удивительно; у насъ былъ Петръ, была Екатерина, были великіе люди по всѣмъ частямъ. Вотъ, напримѣръ, анекдотъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ, случившійся весьма незадолго до его кончины. Былъ гдѣ-то обѣдъ — весьма богатый и гостьми обильный. На искосокъ отъ И. А. сидѣлъ незнакомый ему вовсе человѣкъ и много разсказывалъ. Подаютъ рыбу, огромную, одну изъ тѣхъ колоссальныхъ гостей Волги или Урала, которыми обыкновенно гордятся и славятся русскіе пиры.

— Ай да рыба!.. сказалъ кто-то.

— Что это за рыба?.. перебилъ говорливый незнакомецъ. Такія ли я рыбы видывалъ на моемъ вѣку, а ужъ одной никогда не забуду. Повѣрите-ли, что эта стерлядь... именно стерлядь, — такъ вотъ какъ: — ростомъ она была какъ отъ меня до Ивана Андреевича...

Знаменитый Баснописецъ сталъ легонько отодвигаться отъ стола и, обратясь къ незнакомцу, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ:

— Да не мѣшаю ли я вамъ?...

—

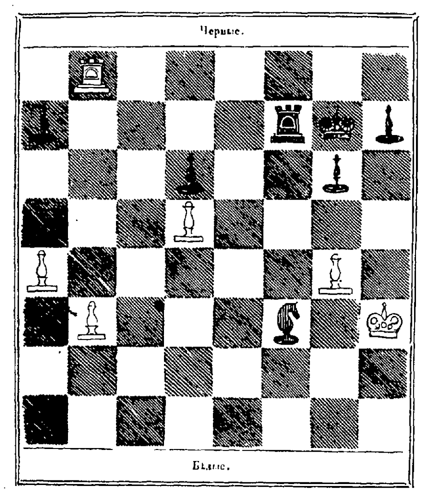
МОДЫ.

Балы въ Парижѣ кончились на минуточку. Дамы теперь ѣздятъ слушать краснорѣчиваго доминиканца Лакордера и аббата Равиньяна, пожалованныхъ на сихъ дняхъ въ Боссюэты и Бурдалу. Теперь не до нарядовъ, или лучше сказать, теперь приготовляются наряды весенніе. Законодательницы модъ, по довѣренности, открываютъ приближеннымъ свои туалетныя тайны; эти тайны по-секрету печатаются, потому, что теперь разныя тайны въ модѣ; мы читаемъ и никакой тайны не видимъ. Все по старому. Плотныя шелковыя матеріи отправляются въ шестимѣсячный отпускъ; на ихъ мѣсто бѣгутъ легкія ткани. Свѣтлые цвѣта будутъ въ большой модѣ. Шелковыя матеріи большею частію съ бѣлымъ фономъ и по немъ лиловыя, розовыя, свѣтлозеленыя, или свѣтло-голубые разводы. Если фонъ цвѣтной, то разводы бѣлые, серебристые. — Мужчины на вечерахъ носятъ черные или темносиніе фраки, жилеты изъ бѣлаго пике, панталоны изъ глянцевитаго трико. Щеголи по утрамъ ходятъ въ панталонахъ темносѣрыхъ, гороховыхъ и полосатыхъ; сертуки однобортные, жилеты безъ шали, съ пуговками также въ одинъ рядъ. Сертуки чуть чуть не доходятъ до колѣнъ.

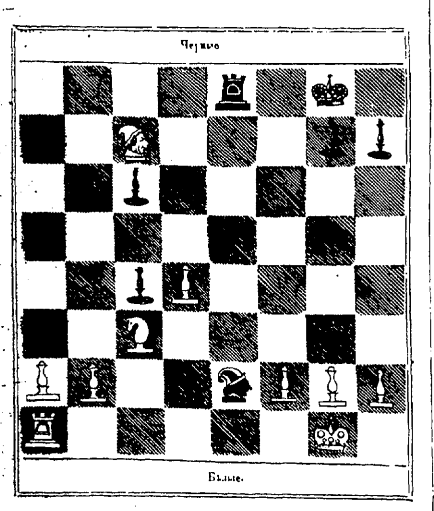
Дѣти также ходятъ по модѣ, но сами еще неимѣютъ права *изобрѣтать*, почему дѣтскимъ щегольствомъ занимаются портные Марле и Ребуръ, которые въ этомъ дѣлѣ пріобрѣли авторитетъ.

ШАХМАТНАЯ ИГРА ПО ПЕРЕПИСКѢ МЕЖДУ ПАРИЖСКИМЪ И ПЕСТСКИМЪ ШАХМАТНЫМИ КЛУБАМИ.

Первая партія.



Вторая партія.



Съ ноября 1842 года, играются двѣ, еще не конченныя партіи по перепискѣ между Парижскимъ и Пестскимъ (въ Венгріи) шахматными клубами. Обѣ партіи играются *въ одно время*: въ одной первую выступку имѣлъ Парижскій, въ другой Пестскій клубъ. Пари въ 1250 франковъ. На размышленіе о всякомъ ходѣ каждой сторонѣ предоставлено крайнимъ срокомъ шесть дней, за всякий лишній день размышленія платится 25 франковъ штрафа. Въ головѣ Парижскаго клуба г. Сентъ-Аманъ, въ головѣ Пестскаго г. Шенъ (Szen); оба игрока имѣютъ Европейскую знаменитость. Противъ всякаго ожиданія, Парижъ игралъ не хорошо, и судя по нынѣшнему положенію партіи, нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что онъ обѣ проиграетъ. Вотъ всѣ сдѣланные до сихъ поръ удары:

ПЕРВАЯ ПАРТІЯ.

Нумера ходовъ	Бѣлыя (Парижъ.)	Черныя (Пестъ.)
1	П. Кр. 2 мѣста.	П. Кр. 2 м.
2	К. Кр. на 3 кл. своего С.	К. Ф. на 3 кл. своего С.
3	С. Кр. на 4 кл. С. Ф.	С. Кр. на 2 кл. Кр.
4	Рокируетъ.	К. Кр. на 3 кл. своего С.
5	П. Ф. 2 мѣст.	П. Ф. 1 мѣст.
6	П. Ф. впередъ.	К. Ф. на свою кл.
7	С. Кр. на 3 кл. Ф.	Рокируетъ.
8	П. Л. Кр. 1 м.	П. С. Ф. 1 мѣсто.
9	П. С. Ф. 2 мѣст.	П. беретъ П.
10	П. С. Ф. беретъ П.	К. Кр. на кл. Кр.
11	Ф. на 2 кл. С. Ф.	П. К. Кр. 1 мѣсто.
12	К. Кр. на 2 кл.* своей Л.	К. Кр. на 2 кл. свою.
13	П. С Кр. 2 м.	П. С. Кр. 2 мѣста.
14	П. беретъ П.	Ф. даетъ *шахъ*.
15	Кр. на кл. Л.	К. Кр. на 4 кл. своей Л.
16	Л. на 3 кл. С. Кр.	П. С. Кр. беретъ П.
17	С. Кр беретъ П.	Л. беретъ Л.
18	П. беретъ Л.**	С. Ф. беретъ П.
19	К. Кр. на 4 кл. свою.	К. даетъ *шахъ*.
20	Кр. на 2 кл. Л.	С. беретъ К.
21	П. беретъ С.	К. беретъ С.
22	Ф. беретъ К.	К. на 2 кл. Ф.
23	П. К. Ф. 1 м.	Ф. на 7 кл. С. Кр. *шахъ*.
24	Ф. на 2 кл. К. Кр.	Ф. на 8 кл. Кр.
25	С. на 2 кл. К. своего.	С. на 4 кл. К. Кр.
26	К. на 2 кл. Ф.	С. даетъ *шахъ*.
27	Кр. на 3 кл. Л.	Ф. на 6 кл. Кр. *шахъ*.
28	К. на 3 кл. С. Кр.	С. беретъ П.
29	С. беретъ С.	К. беретъ С.
30	Л. на кл. Кр.	Ф. беретъ К. *шахъ*.
31	Ф. беретъ Ф.	К. беретъ Ф.
32	Л. на 7 кл. Кр.	Л. на кл. С. Кр.
33	Л. беретъ П. К. Ф.	Л. на 2 кл. С. Кр.
34	Л. даетъ шахъ.	Кр. на 2 кл. К.
35	П. Л. Ф. 2 м.	

* Весьма слабый ходъ слѣдовало ступить С. Ф. на 6 кл. Л. Кр. и потомъ подвинуть П. К. Кр. на 2 мѣста.

** Парижу слѣдовало сдѣлать игру *ничью*, взявши Л. Конемъ, тогда черные удовольствовались бы безпрерывными шахами Коня.

ВТОРАЯ ПАРТІЯ.

Нумера ходовъ	Бѣлыя (Пестъ.)	Черныя (Парижъ).
1	П. Кр. 2 мѣста.	П. Кр. 2 мѣста
2	К. Кр. на 3 кл. С. своего.	К. Кр. на 3 кл. С. своего.
3	К. беретъ П.	П. Ф 1 мѣсто.
4	К. Кр. на 3 кл. С. своего.	К. беретъ П.
5	П. Ф. 2 мѣста.	П. Ф. 1 мѣсто.
6	С. Кр. на 3 кл. Ф.	С. Кр. на 3 кл. Ф.
7	Рокируетъ.	Рокируетъ.
8	П. С. Ф. 2 м.	С. Ф. на 3 кл. Кр.
9	Ф. на 2 кл. С. своего.	П. С. Кр. 2 м.
10	Ф. на 3 кл. К. своего.	П. беретъ П.
11	Ф. беретъ П. К. Ф.	П. находящ. на 2 кл. С. Ф. 1 м.*
12	С. беретъ К.	П. беретъ С.
13	К. Кр. на 5 кл. свою.	С Ф. на 4 кл. С. Кр.
14	К. Ф. на 3 кл. С. Ф.	Ф. на 2 кл. свою.
15	Ф. беретъ Ф.	К беретъ Ф.
16	К. Кр. беретъ П. Кр.	С. Кр. на 2 кл. С. Ф.
17	Л. Кр. на кл. Кр.	Л. Ф. на кл. К. своего.
18	Л. Кр. на 2 кл. Кр.	К. на 3 кл. К. Ф.
19	К. Кр. на 5 кл. С. Ф.	С. Кр. на 3 кл. Ф
20	К. Кр. на 4 кл. Кр.	С. Кр. на 2 кл. С. Ф.
21	К. Кр. на 5 кл. С. Ф.	С. Кр. не 3 кл. Ф.
22	К. Кр. на 4 кл. Кр.	С. Кр. на 2 кл. С. Ф.
23	К. Кр. на 5 кл. С. Ф.	С. Кр. на 3 кл. Ф.
24	К. Кр. на 4 кл. Кр.	С. Кр. на 2 кл. С. Ф.
25	К. Кр. на 5 кл. С. Ф.	С. Кр. на 3 кл. Ф.
26	К. Кр. на 4 кл. Кр.	С. Кр. на 2 кл. С. Ф.
27	К. Кр. на 5 кл. С. Ф.	С. Ф. на 6 кл. Ф.**
28	Л. Кр. на 3 кл. Кр.	С. Ф. на 7 кл. свою.
29	К. Кр. на 6 кл. Кр.	Л. Кр. на 2 кл. С. Кр.
30	К. беретъ С.	Л. беретъ К.
31	Л. Кр. на 2 кл. Кр.	С. на 6 кл. Ф.
32	С. Ф. на 4 кл. С. Кр.	С. беретъ Л.
33	С. беретъ Л.	Л. на кл. Кр.

* Это ошибка, слѣдовало выйдти К. Ф. на 2 кл. Ф. и игра черныхъ была бы хороша.

** Ударъ неосмотрительный, надобно было продолжать по прежней системѣ, и обратить игру въ *ничью*, переходя съ мѣста на мѣсто.

Настоящее положеніе обѣихъ партій изображено въ двухъ чертежахъ, изъ которыхъ видно, что въ первой партіи Венгерцы уже имѣютъ лишняго коня, а въ другой лишнюю пѣшку.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Да не осудятъ читатели что до сихъ поръ нѣтъ иностранныхъ граворъ какъ обѣщано. Доски давно въ дорогѣ и ожидаются въ Петербургѣ со дня на день. Конечно дурныя дороги причиною замедленія; впрочемъ обѣщаніе наше исполняется съ точностію; и въ первомъ и во второмъ нумерахъ граворъ *не менѣе* десяти.

—

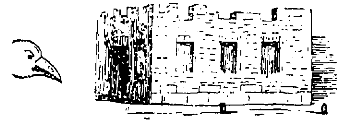
РАЗГАДКА.

И дикъ передъ прямой дорогой;
Враги пола-ютъ нот стан-утъ, т. е.

Иди впередъ прямой дорогой;
Враги полаютъ и отстанутъ.

—

ЗАГАДКА.



S

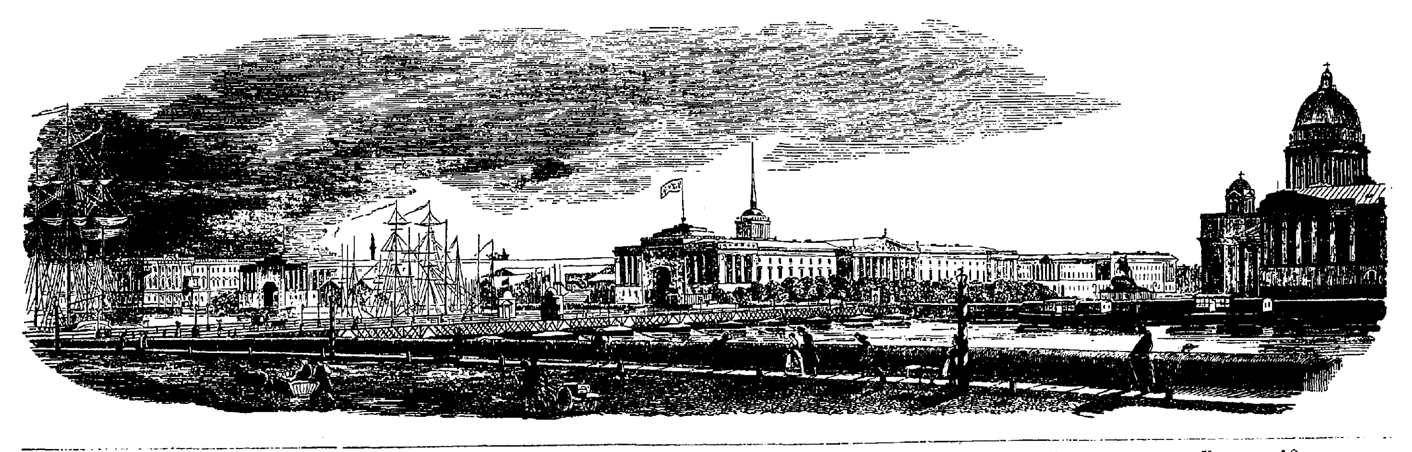
ИТЬ

ТОГО НЕЯ

Печатать позволяется, С. Петербургъ. Апрѣля 5 дня 1845 года. Ценсоры *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 3.—Суббота, 14 Апрѣля 1843.

Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ФЕВРАЛЬ.

Жаль, что нельзя сочинить содержанія для нашего еженедѣльника, который теперь, догоняя время, вмѣщаетъ по двѣ, а иногда и по четыре недѣли. Чтобы не отстать и отъ современнаго, въ отдѣльныхъ статьяхъ, мы сообщаемъ любопытнѣйшее собственно въ мірѣ нашихъ художествъ; здѣсь только общій взглядъ, грустный взглядъ, такъ и хочется зажмуриться. Двадцать восемь дней прошло, а объ нихъ съ трудомъ можно написать двадцать восемь строчекъ. 16-го февраля скончался В. Г. Анастасевичь, который когда-то издавалъ у насъ журналъ Улей, перевелъ Федру Расина и похвальное слово прекрасному полу Легуве, издалъ Кормчую Книгу и любилъ книги вообще ad nec plus ultra!... Въ томъ же февралѣ, на Александринскомъ Театрѣ, скончалось нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ піэсъ; заключился рядъ италіянскихъ спектаклей... Ахъ, кстати! Вѣнокъ Рубини и кубокъ Тамбурини вы видѣли. Не безъ хлопотъ намъ удалось достать рисунокъ съ подбукетницы, подаренной петербургскими меломанами Г-жѣ Віардо-Гарсіи; но браслетъ до сихъ поръ переходитъ изъ рукъ въ руки; мы гонялись за нимъ какъ за рѣдкимъ мотылькомъ, выбились изъ силъ, и на прощанье сказали ему : ты самъ виноватъ, что тебя не увидятъ провинціи. Ты слишкомъ хорошъ и любопытство не можетъ тобою налюбоваться.

На ножкѣ написано: Hommage d'admiration et de reconnaissance, offert à Mme Viardot-Garcia le 25 Fevr. 1843, а на листкахъ, по глаголу парижскихъ журналовъ, всѣ роли, игранныя Г-жею Віардо въ Петербургѣ. Парижскимъ журналамъ очень не понравились и наше удивленіе и наша признательность. Но что дѣлать? На всѣхъ не угодишь. Лишь бы остались довольны тѣ, для которыхъ подарки сдѣланы.

Исключительность врагъ успѣха, или какъ изъясняется А. П. Башуцкій, врагъ прогресса. Италіянская музыка сама по себѣ; а у насъ есть заповѣдный и неизсякающій источникъ высокаго музыкальнаго наслажденія — Императорскій придворный хоръ пѣвчихъ, который въ своей прекрасной залѣ исполнилъ нѣсколько концертовъ съ благотворительною цѣлію. Какою высокою, торжественною бурею потрясаетъ и смущаетъ человѣческую душу пѣніе духовное. Какая странная разница между впечатлѣніями, производимыми разными родами музыки, хотя и тамъ и тутъ — тѣ же звуки. Не звуки по этому дѣйствуютъ на душу, а ихъ тайная, словами необлекаемая мысль. Въ порядкѣ звуковъ есть по этому нравственное значеніе. Слѣдственно и тутъ должны быть соблюдены съ точностію не только знаки препинанія, но и условія вѣрнаго выраженія, хотя исполняетъ не одинъ человѣкъ, а цѣлая огромная масса, и какихъ голосовъ!! Точность выраженія высокихъ мыслей церковнаго пѣнія доведена до такой степени въ Императорской капеллѣ, что мы не рѣдко этотъ дивный хоръ представляемъ себѣ въ образѣ единаго колоссальнаго пѣвца. При этомъ случаѣ не можемъ не вспомнить о весьма хорошемъ, частномъ хорѣ, пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева. Не знаемъ какъ теперь, но года четыре тому назадъ этотъ хоръ поразилъ насъ согласіемъ, стройностію и точностію выраженій... Едва ли у кого изъ вельможъ въ Русскомъ Царствѣ есть подобный. — Не лишаемъ себя надежды поговорить о немъ

поподробнѣе... На этихъ массахъ голосовъ великіе композиторы создали великія зданія; но, кажется, многое еще можетъ быть воздвигнуто. Мы не входимъ въ разборъ значенія разныхъ частей духовнаго пѣнія; но осмѣлимся замѣтить, что и свѣтскія піэсы, приличныя случаю и мѣсту, могли бы производить дивные эффекты, еслибы ихъ исполняли подобные хоры. Пѣсни торжественныя — ихъ достояніе. Гдѣ замѣшаются женскіе голоса, эффектъ не тотъ. Иногда въ ораторіяхъ вы ощущаете это свойство женскаго голоса, хотя принимаютъ участіе только двѣ пѣвицы. Происходитъ ли это отъ неуравнительной звучности женскаго голоса съ мужскими, отъ рѣзкаго отдѣленія женскихъ нотъ отъ густой массы мужескаго хора, или отъ другихъ причинъ, — не знаемъ; но это непріятное свойство всегда производило на насъ впечатлѣніе, всегда заставляло себя замѣтить. Повторимъ, однакоже, то, что мы уже сказали въ 1 нумерѣ Иллюстраціи, что массу мы не опредѣляемъ многочисленностію. Тысяча, милліонъ пѣвцовъ не сильнѣе четырехъ, если голоса имѣютъ между собою естественное гармоническое отношеніе; а это отношеніе заключается не въ аккордѣ, а въ свойствѣ голосовъ. Правда, мы сѣтовали, что теперь мы не въ Парижѣ; но не потому, что 500 человѣкъ исполняли Requiem Берліоза, а потому, что неудалось собственными глазами видѣть: какое впечатлѣніе произвела оригинальная музыка М. И. Глинки на Парижанъ, у которыхъ слухъ по неволѣ сталъ космополитомъ. C'est sauvage, mas c'est beau! восклицали они. Николай Ивановичь Гречь свидѣтельствуетъ о неистовомъ ихъ восторгѣ; и очень естественно... Послѣ Беллини, что̀ слушали Парижане столько лѣтъ?... Давно ли они вкусили Фрейшица? Давно ли поняли Донъ-Жуана, если еще ихъ восторги искренни. За Донъ-Жуана нельзя ручаться. Онъ давно имъ извѣстенъ въ произведеніяхъ другихъ композиторовъ, черпавшихъ изъ этого неизсякаемаго источника и нерѣдко и мѣтко. Но Веберъ и Глинка... ихъ богатства еще не успѣли расхитить смѣтливые списатели нотъ. Произведенія обоихъ народныхъ композиторовъ, безъ предтечь, явились въ Парижѣ въ неискаженномъ, первоначальномъ своемъ видѣ — и восторгъ былъ искренній, неподдѣльный... За это можно ручаться. Извѣстіе объ успѣхѣ музыки М. И. Глинки весьма утѣшительно и потому еще, что можетъ быть и у насъ въ Россіи вмѣсто посредственныхъ италіянскихъ арій, еще посредственнѣе исполняемыхъ, станутъ пѣть музыку Глинки; сначала по рекомендаціи Парижа, потомъ по сознанію музыкальнаго ея превосходства. А то, читая губернскія вѣдомости, и даже петербургскія афишки, видишь съ грустью, что италіянскія піэсы распѣваются не одними Италіянцами... Прискорбно и за Русь и за Италію. Только и утѣшенія, что всѣ эти провинціальные концерты большею частію учреждаются съ благотворительною цѣлію...

Русская благотворительность! Это особаго рода колоссъ, ему же нѣтъ мѣры. Конечно, главные ея подвиги въ Петербургѣ. Недавно мы видѣли умилительный образецъ готовности на доброе дѣло, и не хотимъ въ ней подозрѣвать другой побудительной причины. Въ пользу Общества Сестеръ Милосердія, объявлена 20 февраля лоттерея, въ которой разыгрывались три невастроенныя мѣ-

ста. Съ первыхъ дней толпы требователей осадили мѣста раздачи билетовъ... Черезъ нѣсколько дней, на стеклянныхъ дверяхъ магазиновъ, показались домашнія объявленія : билетовъ нѣтъ, нѣтъ билетовъ. Публика не вѣрила, и 25,600 билетовъ разнеслись какъ пухъ по воздуху... Теперь перечтемъ всѣ концерты, данные въ пользу разныхъ бѣдныхъ сословій и благотворительныхъ заведеній... Неисчерпаема сострадательность русскаго сердца. На другомъ концѣ Россіи, въ другой части свѣта , въ Иркутскѣ, 6 января данъ былъ балъ съ маскерадомъ и съ подпискою для бѣдныхъ ; въ другихъ городахъ, чтобы не сказать во всѣхъ губернскихъ городахъ, давались подобные балы ; въ нѣкоторыхъ устроивались качели , театральныя зрѣлища п все для бѣдныхъ. Право, русская благотворительность имѣетъ свою оригинальную сторону, которая достойна самаго строгаго вниманія мыслителя. Память едвали можетъ вмѣстить всѣ учрежденія, основанныя въ помощь просвѣщенію, болѣзни, старости и нищетѣ. Какъ-то пришло намъ на мысль собрать только одни фасады высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній, больницъ, богадѣлень, воспитательныхъ учрежденій для бѣдныхъ и т. д. съ цѣлію вмѣстить ихъ въ нѣсколько нумеровъ Иллюстраціи. Множество ихъ насъ изумило ; мы пожалѣли о нашихъ средствахъ ; принуждены были отказаться отъ намѣренія, которое могло бы иностранцамъ доказать, что просвѣщеніе у насъ сдѣлало неимовѣрные успѣхи , чему даже самые кроткіе изъ нихъ еще не вѣрятъ. — Самый характеръ русской благотворительности имѣетъ источникъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и смиреніи; ею не руководствуютъ суетные поводы самолюбія, хвастовства, чванства; оттого издалече чужеземцы прибѣгаютъ къ помощи Русскихъ.

(Соломонъ Даудъ).

Вотъ и теперь у насъ есть замѣчательный гость, прибывшій въ Петербургъ изъ Палестины. Соломонъ Даудъ, арабъ-христіанинъ греческаго исповѣданія, родился въ Іерусалимѣ. Туда на поклоненіе пришла между прочими русская молельщица ; Соломонъ Даудъ съ нею познакомился; они другъ другу понравились, и русская вышла за Соломона замужъ ; чтобы не отличаться отъ туземокъ и она перемѣнила костюмъ , и теперь путешественникъ, встрѣчаясь съ нею, никакъ не будетъ подозрѣвать, что возлѣ, подъ бѣлою кадрою, ходитъ Русская. А Соломонъ Даудъ продолжалъ свою мелочную торговлю на одномъ изъ іерусалимскихъ базаровъ. Покупатели рѣдки, промежутки между ихъ посѣщеніями рѣдки. Соломонъ, поджавъ ноги, сидитъ у своей лавочки, и золотомъ, или разноцвѣтными шелками, вышиваетъ узоры на платьяхъ. Отъ жены онъ перенялъ кое-что по-русски и о Русскихъ ; сидя за своей работой, онъ поглядываетъ на проходящихъ, и какъ только завидитъ Русскаго, игла останавливается, и Соломонъ привѣтливо говоритъ путешественнику «здравствуй!» Теперь Соломону лѣтъ 30; но онъ постоянно жилъ въ Іерусалимѣ, знаетъ наизусть всѣ достопримѣчательности Святаго Града и окрестностей ; знакомъ съ мѣстными обычаями и нравами жителей, на которыхъ опасно полагаться. Для Русскаго онъ охотно убираетъ свою лавочку, бросаетъ шитье и служитъ надежнымъ путеводителемъ. Но сладкій покой жизни Соломона въ послѣднее время былъ нарушенъ. Феллахи ограбили его, раззорили. Соломонъ вспомнилъ, что есть Московія, тамъ живутъ родственники его жены , его іерусалимскіе знакомцы , и добрые люди ; простился съ женою на время и, къ удивленію своихъ тропическихъ знакомцевъ, явился въ Петербургъ ; не знаемъ, какъ ему понравилась наша столица, слушалъ ли онъ италіянскую оперу, былъ ли въ концертахъ, взялъ ли билетъ на лоттерею незастроенныхъ мѣстъ и на лоттерею художественную?

Было время, когда, при открытіи первой художественной лоттереи, въ нѣсколько дней не стало билетовъ. Иногородные безпокоили своихъ знакомыхъ утомительною перепискою : нельзя ли билетцовъ. Точь въ точь на италіянскій абонементъ. —Но этотъ жаръ простылъ скоро. При слѣдующихъ лоттереяхъ пошло тише. Каково-то сойдетъ шестая. По крайней мѣрѣ при первой лотереѣ, въ обществахъ только и разговаривали что о французскомъ театрѣ, возвращеніи Брюллова и Бруни, оперѣ Жизнь за Царя и о художественной лоттереи.. Теперь не удалось намъ о ней слышать и словечка, тогда какъ во многихъ домахъ замѣтили даже александровскій дилижансъ и удостоили пожертвовать этому полезному заведенію нѣсколько словъ. Всему есть свое время. Видно теперь о художествахъ говорить не своевременно. Молчимъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вечеръ у А. Б В.

1. Иванъ Романычъ! Что вы тамъ зачитались?..

И. Р. Такъ себѣ... разсматриваю Русскую Иллюстрацію...

2. Бросьте! Что за охота! Мы подписались по приглашенію...

И. Р. Да не по принужденію. Никто васъ не неволилъ ; вѣроятно ужъ и это поставятъ Редакціи въ вину. У насъ ничего не читаютъ, а жалуются на бѣдность литературы ; не стараются поддержать дорогихъ изданій, и упрекаютъ за неисправность.

3. Да вы кажется за Иллюстрацію! Помилуйте! Что это такое. Картинокъ будто на лекарство. Вѣдь это Иллюстрація...

И. Р. Да вы читали объявленіе.

3. Не читалъ , и читать не стану. Иллюстрація такъ Иллюстрація. Кончено. Картинокъ, какихъ угодно, только картинокъ...

И. Р. Въ объявленіи сказано — не менѣе десяти...

3. Да что вы пристали съ вашимъ объявленіемъ ! Посмотрите Французскую Иллюстрацію... Двадцать , двадцать пять картинокъ...

И. Р. Заимствованныхъ изъ иллюстрованныхъ изданій...

3. Откуда хотите берите, только подавайте намъ...

И. Р. Да откуда же ихъ взять? Тамъ выходитъ каждый день нѣсколько иллюстрованныхъ изданій ; тамъ издатели люди умные, образованные, они понимаютъ, что помѣщеніе гравюръ изъ ихъ изданій въ Иллюстраціи не только не повредитъ , а пособитъ предпріятію ; тамъ объ этомъ стараются, добиваются , платятъ. Только для мелочныхъ торгашей это непонятно — и я вамъ могу указать на нумера Иллюстраціи, въ которыхъ помѣщено по двадцати гравюръ изъ одного изданія, а у насъ объ иллюстрованномъ изданіи объявляютъ какъ объ историческомъ событіи... Гдѣ же взять?..

1. Какъ гдѣ взять? Да отчего же не выбрать лучшихъ французскихъ , англійскихъ нѣмецкихъ...

И. Р. Теперь вы такъ говорите , а вотъ Редакція скоро получитъ иностранные клише , помѣститъ въ нумерѣ два три — вы же закричите : перепечатка ! похищеніе !

1. Да вы ужъ не участвуете-ли въ изданіи Русской Иллюстраціи.

И. Р. Вы угадали !

ХОРЪ.

Такъ бы и сказали ! Современности , картинокъ, животрепещущаго, интереснаго, занимательнаго изъ нашего быта !..

И. Р. (взглянувъ съ грустію на современниковъ) У васъ?

Почтенная персона. Послушай, любезный! Въ этомъ много правды ! Иллюстрація должна быть зеркаломъ современности, того, что называется : Actualité ! Это такъ !

И. Р. Кто вамъ сказалъ ?

Почтенная персона. Да ужъ такъ, любезный ! Не спорь ! Всѣ говорятъ ; ужъ такъ условились...

И. Р. О чемъ же прикажете писать?..

Почт. персона. Какъ о чемъ? Вотъ Италіянцы въ модѣ , пиши объ Италіянцахъ; умеръ кто-нибудь ,—словцо о покойникѣ ; строятъ что ни есть,—о постройкѣ... Полька— о полькѣ , тутъ повѣстушку, тамъ очеркъ, знаешь, тутъ острое словцо, тамъ дѣльное... вотъ этакъ знаешь...

Ив. Р. (улыбается)

ХОРЪ.

А что же не правда ? Истина ! Противу этого и сказать нечего.

Почт. персона (осклабляясь). Вѣдь то-то и есть ! Умничаютъ ! Взяли бы въ руки Французскую Иллюстрацію, да и держались бы того же плана.

ХОРЪ.

Истина не опровержимая!

И. Р. Да какой же тамъ планъ ?

Почт. персона. Планъ ! И кончено ! Долженъ же быть планъ! Не станутъ же Французы издавать безъ плана ! А то первый нумеръ — то и дѣло — продолженіе впредь да впредь...

Ив. Р. А во Французскихъ? Безпрерывныя продолженія, на двадцать нумеровъ...

Человѣкъ оригинальный: Вотъ то-то и бѣда, что у насъ все подражаніе... Во Французской Иллюстраціи — общій видъ Парижа въ заглавіи, и у насъ тоже ; у Французовъ два листа; и у насъ тоже ; тамъ моды—и у насъ ; тамъ Rebus — и у насъ;.. то есть просто fac — simile...

Почтенная особа. Да , да !

ХОРЪ.

Это истина не опровержимая !

И. Р. Которая изъ двухъ?

Дама. Скажите , а модъ у васъ въ самомъ дѣлѣ не будетъ. Въ первомъ нумерѣ нѣтъ. Вы насъ будете подчивать словарями? Чѣмъ еще?

И. Р. Не знаю, чѣмъ случится. Во второмъ нумерѣ будетъ весьма интересная статья объ осушеніи болотъ.

Левъ. Объ осушеніи болотъ! Очень нужно; и съ картинами? Предметовъ интересныхъ бездна, а пишутъ о болотахъ. По больше бы пустяковъ, дурачествъ, знаете, такихъ ежедневныхъ глупостей, салонныхъ слуховъ.

И. Р. О чемъ?

Левъ. У насъ ли за этимъ дѣло станетъ? Вотъ напримѣръ теперь во всѣхъ салонахъ только и рѣчи, что графиня SS не поѣдетъ на это лѣто за границу, а будетъ жить въ какомъ-то далекомъ городкѣ, безъ мужа, но не одна. Мужъ тоже будетъ жить не близко, тоже безъ жены, тоже не одинъ...

И. Р. И знаете, приложить бы портреты...

Левъ. О! Тысяча лишнихъ подписчиковъ!.. Или знаменитый ренопсъ... Или напримѣръ происшествіе на горахъ, вы слыхали? А вотъ тоже о пріѣздѣ Виконта; какъ его приняли въ салонахъ. Какія онъ пишетъ про насъ мемуары; или чего вамъ лучше! Это романъ! просто романъ! Вы вѣрно слышали исторію, что была на послѣднемъ раутѣ. Присплеповатый баронъ Z, вмѣсто дочери, объяснился въ любви матери. Вы знаете матушку-то? Допотопная жрица Киприды; она очень обрадовалась, но за то баронъ послѣ опечалился...

И. Р. И дочь не утѣшила его?..

Левъ. (самодовольно) Ей было кого утѣшать и безъ барона... (значительно улыбаясь, опускаетъ глаза и постукиваетъ тросточкой).

И. Р. Душевно васъ благодарю! Славная исторія! Въ слѣдующій нумеръ!

Почт. персона. Не совѣтую. Баронъ мнѣ родня; и не одному мнѣ. Что за шутки? Мало ли и безъ того интересныхъ сюжетовъ. Алжирія, Марокко, королева Помаре. Своихъ не трогайте; можете нажить себѣ непріятности.

И. Р. Душевно васъ благодарю! Исторія изъ слѣдующаго нумера исключается... Но ваши нападки приводятъ меня въ отчаяніе. До открытія навигаціи не могу придумать никакой интересной современности...

ХОРЪ.

А съ открытіемъ навигаціи?..

И. Р. Устрицы...

ХОРЪ (изъявляетъ удовольствіе)

И съ картинками?

И. Р. Непремѣнно. Полагается сдѣлать много картинъ: общій видъ фленсбургской устрицы, разрѣзъ; общій видъ неаполитанской устрицы, разрѣзъ; потомъ картины нравовъ: потребленіе устрицъ на биржѣ, у Смурова, Елисѣева; разнощикъ тухлыхъ устрицъ, потребленіе въ отдаленныхъ частяхъ столицы.

ХОРЪ.

Мы подписываемся! Но съ того нумера, гдѣ будутъ устрицы...

И. Р. А пока?

Левъ. Пока будемъ скучать...

И. Р. О! не будьте такъ строги къ изданію въ пеленкахъ. Вы можете спасти Иллюстрацію до открытія навигаціи!

— *Левъ.* Я?

И. Р. Вы... Что вамъ стоитъ. Совершите какую нибудь интересную современность! Что вамъ значитъ возбудить всеобщее вниманіе; но не забывайте, что эта интересная современность, которую вы совершите—должна подойти подъ всѣ условія періодическаго изданія и быть живописною. Не забудьте, вашъ подвигъ надо представить въ гравюрѣ...

Левъ. (отступая) Что я вамъ за карикатура такая?..

И. Р. Вы не хотите, такъ не угодно ли кому нибудь изъ гостей дать позволеніе...

ХОРЪ.

Личностей допускать не должно!.. Не отшучивайтесь! Это не спасетъ вашей Иллюстраціи... Нечего тутъ говорить и толковать. Мы всѣ люди понимаемъ дѣло и можемъ, кажется, судить обо всемъ. —

Почт. персона. Что правда, то правда любезный! Ужъ чего, кажется, и отпечатать не умѣли; на послѣдней страницѣ что это за оттискъ. Погляди самъ! Вѣдь это будто разбитая гравюра...

И. Р. Да она и есть разбитая... Прежде прочтите!

ХОРЪ.

Зачѣмъ читать! Мы судимъ.

И. Р. (взявъ шляпу). Отъ того и приговоры такъ основательны...

ХОРЪ.

Куда вы?

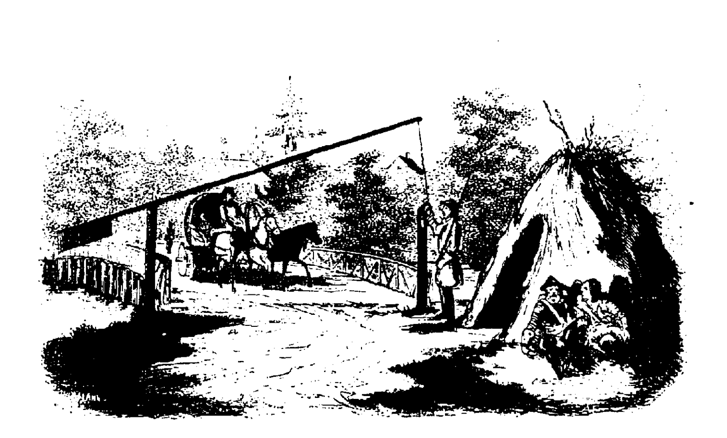
И. Р. Поѣду въ саняхъ прокатиться по морю...

ХОРЪ.

Ночью?

И. Р. Ночью, безбрежная снѣговая пустыня можетъ быть внушитъ мнѣ какую нибудь интересную статью объ нашей современности.

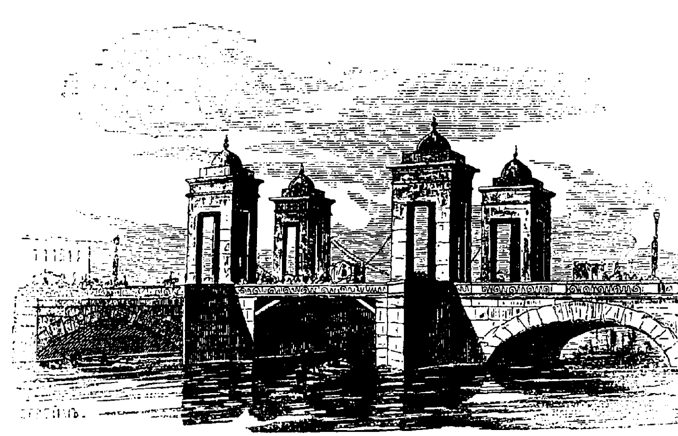
Сотрудникъ.



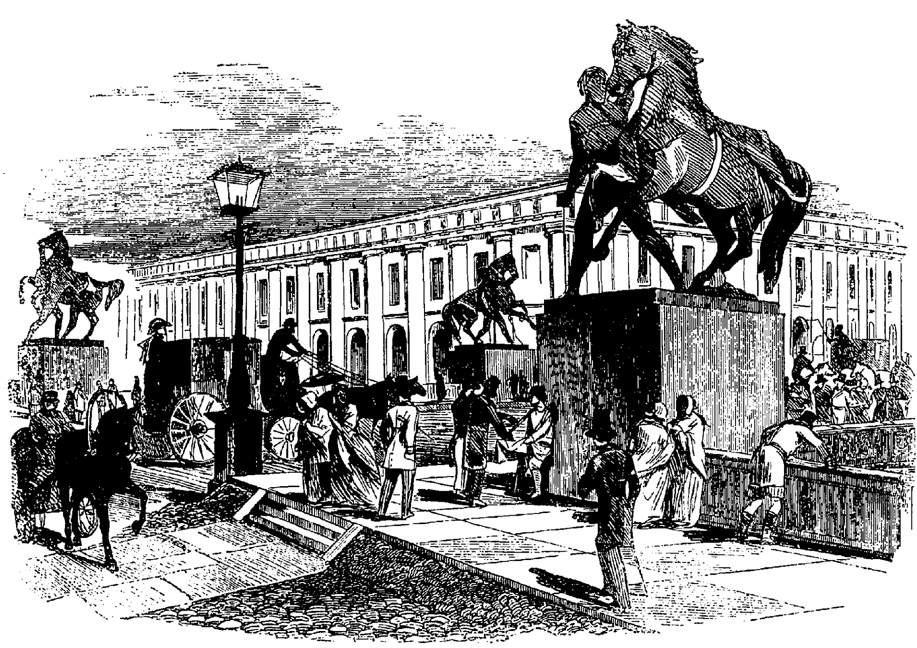
Мостъ на Фонтанкѣ при Петрѣ I.

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

На Англійской Набережнѣ для меня еще холодно. Отъ Невы такъ морозомъ и дышетъ. Я боюсь ея почернѣвшаго савана. Объ Лѣтнемъ Садѣ и думать нечего. Стою себѣ въ раздумьи на Аничковомъ Мосту; не безпокоюсь о грязной Фонтанкѣ. Попирая ее ногами черезъ великолѣпный мостъ, воздвигнутый такъ недавно, на нашихъ глазахъ... Мостъ! Легко сказать мостъ! прежде мосты чуть-чуть не принадлежали къ чудесамъ свѣта. — Порядочный мостъ былъ рѣдкость; смотрѣть нанего приходили изъ далекихъ странъ. Маркъ Фабрицій управлялъ какою-то далекою провинціей нѣсколько лѣтъ; когда сенатъ отозвалъ его, Маркъ повиновался; пріѣхалъ въ Римъ, но на мостъ не хотѣлъ въѣхать. Поворачивай назадъ. Это не Римъ. Тутъ видишь мостъ, а что бы выстроить такое чудо надо покрайней мѣрѣ десять люстровъ... На силу увѣрили почтеннаго мужа, что онъ точно въ Римѣ. Это былъ тотъ самый мостъ, который защищалъ баснословный Горацій Коклесъ; называли его pons Sublicius, построенъ былъ изъ дерева, безъ желѣза. Эмилій Лепидъ перестроилъ его изъ камня и мостъ сталъ называться pons Aemilianus. Тиверій возстановилъ его; но видно плохо; мостъ разрушился. Антонинъ опять построилъ его изъ мрамора и вышелъ pons Marmoratus; теперь и слѣда нѣтъ отъ этой постройки! Другой мостъ въ Римѣ — былъ тріумфальный, pons Vaticanus. третій сенаторскій. Фабрицій, этотъ самый, который не хотѣлъ въѣхать въ Римъ по новому мосту. былъ назначенъ попечителемъ дорогъ, curator viarum, и въ одинъ люстръ построилъ самъ мостъ, который уцѣлѣлъ донынѣ. Мостъ Адріана или Сентъ-Анжело, мостъ Salarius, возстановленный Нарсесомъ, и т. д. Видите, что мосты — тѣ же памятники, каждый съ своей исторіей. Римляне пѣшеходы; они не любили морскихъ путей какъ Греки; эти строили корабли, а Римляне мосты и дороги, — и множество памятниковъ оставили они въ исторіи путей сообщенія не только въ Европѣ, но и въ Азіи, гдѣ встрѣчаются еще и понынѣ остатки ихъ мостовъ и дорогъ. Теперь мосты, размножась до безчисленности, потеряли свое монументальное достоинство. Теперь мосты— просто мосты; принадлежность не роскоши, а городскаго комфорта. Наша столица, со всѣхъ сторонъ облитая водою, разрѣзанная вдоль и поперегъ каналами, при Петрѣ Великомъ не имѣла мостовъ на главныхъ пунктахъ. По рукавамъ Невы рѣшительно мостовъ не находимъ. Первый историческій мостъ въ Петербургѣ былъ Петровскій, на рѣчкѣ Ждановкѣ, и соединялъ Петербургскій Островъ съ крѣпостью. А на этой рѣчкѣ Фонтанкѣ, въ Петрово время было три моста: на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь стою, — у дома Генерала Дюпре на московской дорогѣ и въ Калинкиной деревнѣ, на выѣздъ въ Лифляндію. Мо-


(Аничковъ мостъ при Екатеринѣ II).

сты? Какъ угодно называйте: плотиной или мостомъ, мнѣ рѣшительно все равно; я знаю только то, что на Аничкиномъ Мосту, или можетъ быть, тогда онъ иначе назывался, была городская застава, хотя города ни по сю, ни по ту сторону Фонтанки не было; съ этой стороны былъ лѣсъ, а за нимъ царскія конюшни; по ту сторону лѣсъ, а въ лѣсу б-я-скія дачи. У заставы изъ вѣтвей и соломы слѣпленная будка, въ которой пребывала стража и мытари. Тутъ разсматривались паспорты или виды; а въ 9 часовъ вечера прекращался въѣздъ и выѣздъ; да и съ этой стороны почти некому было ѣздить такъ поздно; съ барскихъ дачь были перевозы, которыми могла пользоваться барская дворня. Для стражи—это былъ самый покойный постъ, для мытарей самое бездоходное мѣсто. Неизвѣстно, взимались ли мостовыя пошлины съ этой плотины? Кажется нѣтъ. И правду сказать, было бы не за что. Прошло послѣ смерти Великаго съ небольшимъ десять лѣтъ. Невскій флотъ его уже не существовалъ; черезъ широкую Неву протянулся пловучій мостъ; по Мойкѣ вездѣ переброшены мосты, по Фонтанкѣ очутились они также;


(Нынѣшній Аничковъ Мостъ).

тамъ, гдѣ нынѣ Семіоновскій, Прачешный и другіе, не было мостовъ почти вовсе; а въ 1738 стало ихъ вдругъ 40, и всѣ безъименные. Титуловали ихъ какъ кому было угодно. Надо было прекратить такой безпорядокъ, и мосты получили оффиціальныя названія: Нѣмецкій, Конюшенный, Бѣлый, Цвѣтной, Желтый, Синій, Красный и т. д. Аничкова еще и въ этой росписи я не помню. Мостъ былъ, но подъ какимъ названіемъ неизвѣстно. Вѣроятно мостъ получилъ прозваніе вмѣстѣ съ домомъ, построеннымъ для графа Разумовскаго; а домъ получилъ прозваніе будто бы отъ *Аничковой* слободы; а слобода отъ подполковника Аничкова, который командовалъ квартировавшими здѣсь баталіонами... Все это можетъ быть и такъ и не такъ; но мостъ былъ, назывался Аничковымъ и Аничковскимъ ad libitum, и дожилъ въ своемъ невзрачномъ видѣ до временъ Екатерины II. Правда, его перестроивали два раза въ 1742 и 1749 годахъ, но при этихъ работахъ о наружности его не думали, и онъ достоялъ на сваяхъ до 1783 года. Императрица повелѣла одѣть берега Невы и нѣкоторыхъ каналовъ гранитомъ. Семь мостовъ предположено было построить одинаково на каменныхъ устояхъ съ арками и съ четырьмя башенками. Работы открылись въ 1782 году съ Семіоновскаго Моста; а въ 1787,—всѣ семь, въ томъ числѣ и Аничковъ — были окончаны. Величественно, прекрасно, но однообразно. Аничковъ же мостъ, переходя Фонтанку на Невскомъ Проспектѣ, гдѣ самый ужасный разъѣздъ экипажей, вѣчная давка пѣшеходовъ, въ дурную пору года,—оказался весьма неудобнымъ. Одна ломовая телега съ неумѣреннымъ грузомъ прекращала сообщеніе, экипажи останавливались, или должны были дѣлать далекіе объѣзды черезъ сосѣдственные мосты. — Ударилъ часъ и этому гранитному мосту; запрудили Фонтанку; между рыбой оказался моръ; но это необходимое зло въ многоводномъ Петербургѣ не страшно. Вольно же рыбѣ не переселиться заблаговременно въ безопасныя мѣста; работы пошли быстро и цѣлый Невскій Проспектъ, во всю ширину свою, прошелъ черезъ Фонтанку; по угламъ великолѣпнаго моста поставлены группы коней съ водничими, работы Барона Клота, возбудившія справедливыя похвалы всѣхъ знатоковъ художествъ и лошадей. Такія же колоссальныя группы художникъ, по повелѣнію Государя Императора, исполнилъ и самъ отвезъ въ Берлинъ, для Его Величества Короля Прусскаго; за что удостоился получить прусскій орденъ.

Я смотрю на эти мастерскія произведенія и сравниваю коней Барона Клота съ конями Растрелли, Фальконета и даже древними. Тѣ нравились, ими восхищались, поставляли въ образецъ — и чтожъ,—кони Б. К. доказываютъ осязаемо, что тѣ знаменитыя животныя были не кони; анатомія лошади ни какъ бы ихъ не приняла для руководства при лекціяхъ. И тѣ имѣютъ достоинства не малыя, но на мѣстѣ, въ общемъ эффектѣ; снимите ихъ съ пьедесталовъ, подвергните анатомическому разбору,—явится новый родъ животныхъ въ зоологіи, но лошадей не найдете. Въ коняхъ Б. Клота столько же натуры, какъ и въ живыхъ прекрасныхъ лошадяхъ. И эти группы обратили Аничковъ Мостъ въ Римскій; сдѣлали его произведеніемъ монументальнымъ...

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
ВСЕЙ РОССІИ.

Всегда было нашею пріятнѣйшею мечтою сдѣлать путешествіе по безмѣрному Царству, занимающему положительно седьмую часть земли нашей Планеты. Но для того надо достать сапоги самоходы, и неразмѣнный червонецъ. Должно удовольствоваться чужими опытами; какъ въ калейдоскопѣ, будутъ являться у насъ живописнѣйшія и любопытнѣйшія страны безмѣрной Державы, въ случайномъ порядкѣ, какъ Богъ пошлетъ, статьи и картинки. На первый случай мы предлагаемъ нашу сосѣдку Нарву, малоизвѣстную не только отдаленнымъ провинціямъ, но и Петербургу. Впрочемъ—это столичная мода. Живемъ на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери, а знаемъ про сосѣда только по мѣдной доскѣ, на которой вырѣзаны его имя, отчество и фамилія. Очеркъ Нарвы, набросанный очевидцемъ г.

Фурманомъ, и украшенный рисунками его же руки, по мнѣнію нашему, достаточно полонъ. Исторія города, романтическія объ немъ сказанія занимательны для всѣхъ; но въ особенности для лѣтнихъ посѣтителей—купальниковъ, въ немаломъ числѣ проводящихъ жаркіе мѣсяцы года въ Нарвѣ и окрестностяхъ. Наше балтійское поморье усыпано теперь купальнями. Ближайшія на берегу нарвскомъ; а какъ время года приближаетъ насъ къ этимъ лѣтнимъ морскимъ наслажденіямъ, то мы и постараемся обойти сосѣдей безъ всякаго пристрастія; разскажемъ, что видѣли сами; пусть разскажутъ другіе что они видѣли. На первый случай пусть разсказываетъ г. Фурманнъ. И такъ — въ Нарву!

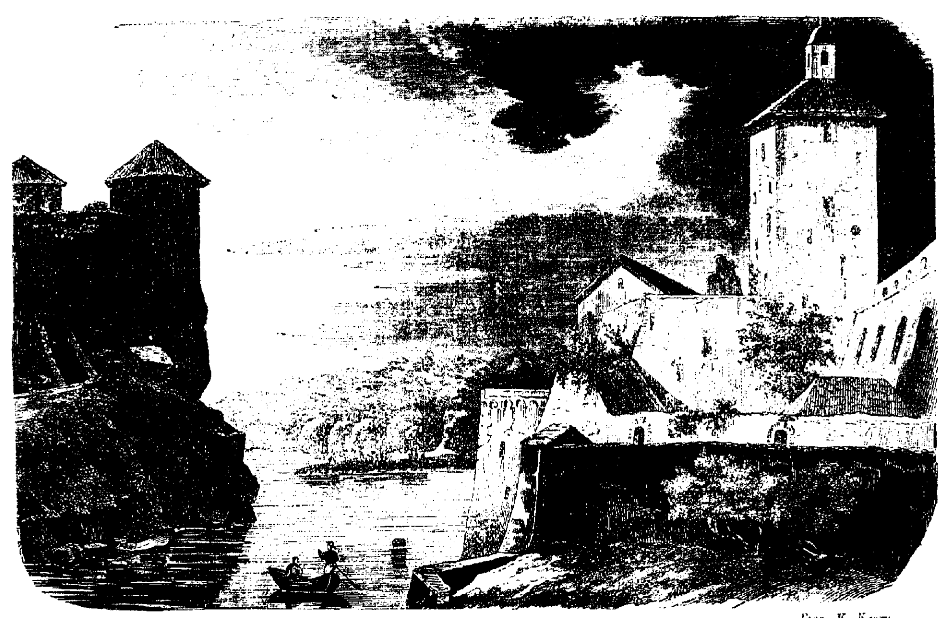


Рис. Фурманнъ. Грав. К. Клотц.

(Видъ двухъ крѣпостей въ Нарвѣ).

НАРВА.

Пріѣздъ въ Нарву. Дворецъ Петра Великаго. Крѣпости. Начало Исторіи. Начало Легенды.

......Въ два часа утра выѣхалъ я изъ Петербурга съ цѣлію прогуляться по родинѣ своей, Лифляндіи, съ портфелемъ подъ мышкой. Быстро мчатъ лошади бричку мою по гладкому шоссе, и чѣмъ болѣе удаляюсь отъ столицы, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе—такъ бы и хотѣлось воротиться. Странныя мы существа! Съ какимъ восторгомъ думалъ я о предстоящемъ путешествіи, а теперь, когда желаніе мое приводится въ исполненіе — грустно! Бросилъ бы все, да воротился бъ въ Петербургъ. Что за причина?

Часу въ седьмомъ пріѣхалъ я въ Ямбургъ. Въ этомъ чистенькомъ, гладенькомъ, вытянутомъ въ линію городкѣ, не осталось рѣшительно никакихъ слѣдовъ исторической древности. Это нѣчто въ родѣ Царскаго Села, въ меньшемъ и менѣе красивомъ видѣ. Кто-то сравнилъ Ямбургъ съ Гельсингфорсомъ. Это, какъ бы сказать, Колтовская и Большая Милліонная. У всякаго свой взглядъ,—но у иныхъ взгляды очень странные.

Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Ямбурга, мы подъѣхали къ Нарвѣ. Вечеръ былъ пасмурный, туманный, и я, напившись чаю, тотчасъ же легъ спать, чтобы на другое утро встать по раньше и идти любоваться Нарвой. Я говорю *любоваться*, потому что сквозь туманъ и наступавшія сумерки я замѣтилъ-таки живописныя башни и развалины, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ станціи.

Утро было прекрасное. Только вдали, на горизонтѣ, черная, тяжелая масса тучъ не предвѣщала ничего добраго. Я вышелъ на крыльцо. Рыжій станціонный коммиссаръ, въ форменномъ сюртукѣ, вѣжливо подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ:

— Ужъ извините, надо будетъ подождать; вотъ только-только что почтовый брикъ отъѣхалъ; остались только *кульерскія*...

— Ничего, мнѣ не къ спѣху! отвѣчалъ я, къ немалому изумленію и, можетъ быть, неудовольствію коммиссара.

— А! вы изволите здѣсь остаться?

— Дня на три, на четыре. Что у васъ особенно примѣчательнаго въ городѣ?

— Какъ вы изволили сказать?

— Что у васъ примѣчательнаго въ городѣ?

— То есть, по какой части-съ? Есть у насъ, таво-съ, трахтиръ Поля-съ, отличный! Есть также-съ кандитерская съ разными товарами таво... какъ бишъ его... нѣмца... я, изволите видѣть, русскій, такъ всѣхъ нѣмецкихъ фамилій-то не упомню; ахъ, ты Боже мой, какъ бишъ его зовутъ-то...

Пока онъ придумывалъ фамилію кандитера, я поблагодарилъ его и поскорѣе пошелъ къ городу. По сю сторону быстрой Наровы, на лѣво, стоятъ развалины древняго *Иванъ-Города*. Перейдя красивый мостъ, вошелъ я въ городъ... Нельзя выразить впечатлѣнія, какое производитъ на петербургскаго жителя этотъ городъ своею нѣмецкою оригинальностію. Нарва вся разбросана по горамъ, и изъ улицы въ улицу надо, то подыматься, то опускаться. Я помнилъ, что въ этомъ городѣ есть домикъ, называемый *Дворцомъ Петра Великаго*, потому что въ немъ останавливался Великій Монархъ всякій разъ, когда бывалъ въ Нарвѣ. Мнѣ указали дорогу къ этому дворцу.

У самаго вала, близъ *темныхъ воротъ* (узкаго, сыраго и грязнаго прохода къ валу), стоитъ простенькій двухъ-этажный, каменный домъ, съ мезониномъ. Начальство города бережетъ этотъ домикъ какъ святыню; — онъ чистъ, выкрашенъ свѣтлой желтой краской; передъ нимъ, на мостовой, гдѣ рѣдко, рѣдко проѣдетъ экипажъ, вы не увидите ни одной травки, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда мостовая похожа на лужокъ. Только въ послѣднее время, и то съ одной стороны, въ нижнемъ этажѣ, сдѣланы окна; прежде только во второмъ этажѣ были окна; даже, *говорятъ*, будто не было дверей; — впрочемъ, это довольно вѣроятно, потому что въ компаткѣ, находящейся предъ кабинетомъ Петра, есть дверь на балконъ, откуда подъемный мостикъ на цѣпяхъ спускался прямо на валъ. Мостъ этотъ цѣлъ и понынѣ.

О внутренности этого дворца я не имѣю хорошей идеи, потому что въ то время перекладывали полы, чинили печи, подкра-

(Домъ Петра Великаго въ Нарвѣ).

шивали стѣны и проч.; слѣдовательно все было въ безпорядкѣ, и мебель убрана. Плафонъ комнаты, служившей кабинетомъ Великому Императору, расписанъ разными аллегорическими фигурами, изъ которыхъ на главной представлена Ливонія, въ видѣ женщины, которую фигура Побѣды освобождаетъ отъ оковъ, съ надписями:

Erepta restituit.

По угламъ и сторонамъ еще восемъ такихъ картинъ, какъ напр. лодка, пристающая къ гавани, не смотря на огромныя волны, съ надписями:

Sabitur sic videre partum.

Нептунъ съ трезубцомъ.

Imperat mari. и др.

Досадуя на маляровъ, которые вполнѣ разрушали очарованіе этой минуты заунывными чухонскими пѣснями своими, я вышелъ изъ дворца, и по узенькой, крутой, деревянной лѣстницѣ взобрался на валъ...

Тамъ я былъ вполнѣ вознагражденъ за минутную досаду. Прекрасная, рѣдкая картина представилась глазамъ моимъ. Широкой полосой лежала предо мною Нарова. По обѣимъ сторонамъ ея, на высокихъ берегахъ, высились крѣпости; по правую Ливонская, прекрасно уцѣлѣвшая, не смотря на то, что построена въ XIII столѣтіи; а на лѣво Русская пограничная крѣпость, Иванъ-Городъ. Хотя послѣдняя построена двумя столѣтіями позже первой, однакожъ стѣны ея безпрестанно обваливаются. Нѣкоторыя мѣста даже отгорожены и къ нимъ никого не пускаютъ. Сѣрыя, полуразвалившіяся стѣны окружаютъ два живые остатка: церковь Успѣнія Божіей Матери и арсеналъ Карла XII, обращенный въ пороховой магазинъ. По угламъ стѣнъ стоятъ круглыя башни, съ остроконечными, безпрестанно обваливающимися крышами.

Какъ хищныя птицы гнѣздились лифляндскіе рыцари на высокихъ неприступныхъ мѣстахъ; окружали себя двойными, тройными стѣнами; на нѣсколько верстъ въ окружности вырубали лѣса, чтобы издали завидѣть непріятеля. Желая оживить убѣжища свои, рыцари приглашали къ себѣ купцовъ, обѣщали имъ защиту и покровительство, а между тѣмъ безпощадно ихъ грабили и всячески унижали. Укрѣпясь, такимъ образомъ, во многихъ мѣстахъ Лифляндіи, они буйными толпами неожиданно нападали на Псковитянъ и Новгородцевъ. Грабили, жгли и били чего не могли унести съ собою. Защититься отъ нихъ было трудно, а потому Псковитяне и Новгородцы часто обращались къ Великимъ Князьямъ Россійскимъ съ просьбой о помощи противу опасныхъ сосѣдей-разбойниковъ.

Наконецъ, около 1492 года, Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ, видя неимовѣрно возрастающую дерзость Лифляндцевъ, рѣшился укрѣпить *противу ихъ безпокойнаго права* границы свои, построеніемъ крѣпости. Выборъ мѣста для построенія этой крѣпости заключаетъ мысль изумительно смѣлую. Вскорѣ, на другомъ берегу Наровы, противу самой лифляндской крѣпости, возвысились стѣны и башни крѣпости, которую Великій Князь во имя свое назвалъ *Иванъ-Городомъ*. Невесело смотрѣли съ высокой башни своей рыцари на построеніе крѣпости, стѣны которой возвышались съ удивительною быстротою.

И въ самомъ дѣлѣ, крѣпость эта довольно долго держала Ливонцевъ въ нѣкоторомъ спокойствіи. Четыре года спустя по основаніи Иванъ-Города, къ нему подошли семдесятъ шведскихъ судовъ, въ расплохъ напали на крѣпость, разбили гарнизонъ, и съ богатой добычей и множествомъ плѣнныхъ воротились во свояси. Это обстоятельство открыло лифляндскимъ рыцарямъ слабость пограничной русской крѣпости, и они стали безпрестанно нападать на нее. Въ то же время Юрьевскіе и Рижскіе Лифляндцы опять напали на Псковитянъ, опустошали и грабили ихъ область, о чемъ слухи дошли до Москвы.

Въ концѣ 1501 года, Великій Князь послалъ трехъ знатныхъ воеводъ своихъ на Лифляндцевъ съ приказаніемъ не щадить ихъ. Упорно, храбро защищались рыцари, но сила русскихъ войскъ одолѣла. Не встрѣчая болѣе сильнаго сопротивленія, русскіе добрались до Колывани (Ревеля); на возвратномъ пути опустошили всю страну и съ *знатною корыстію* воротились въ Иванъ-Городъ.

У всякаго древняго замка, у всѣхъ развалинъ въ Лифляндіи, есть своя легенда. Въ Нарвѣ почти каждый изъ жителей разскажетъ вамъ что нибудь про славную крѣпость свою. Вотъ одна изъ легендъ о нарвской крѣпости.

═

Съ криками мщенія разсѣялись русскіе воины по улицамъ нарвскимъ въ половинѣ ноября 1501 года. Никому не было пощады. Рыцари въ безпорядкѣ выступили изъ города, оставивъ на жертву побѣдителямъ имущество, женъ и дочерей!..

Только одинъ свирѣпый Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ, жесточайшій врагъ Русскихъ, не отступилъ. Мужественно защищалъ онъ домъ свой, съ толпою преданныхъ ему воиновъ. Онъ рѣшился погибнуть на порогѣ этого дома, въ которомъ было драгоцѣннѣйшее сокровище его, единственное существо, которое имѣло благодѣтельное вліяніе на рыцаря-разбойника и смягчало огрубѣлое его сердце. То была молодая жена. Воины Индрика ослабѣвали, между тѣмъ какъ число наступавшихъ ежеминутно увеличивалось...

Отчаяніе начинало овладѣвать рыцаремъ, и онъ готовъ уже былъ войдти въ домъ свой, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ пламенно любимою женою, какъ вдругъ сверху послышался пронзительный крикъ.... Индрикъ вздрогнулъ, онъ узналъ этотъ голосъ... забылъ собственную опасность, бросился стремглавъ по лѣстницѣ въ верхнюю часть дома... тамъ все было въ пламени.., непрія-

тель по лѣстницамъ влѣзалъ въ окна; въ одномъ углу сидѣла на скамьѣ жена рыцаря, прижавъ къ груди ребенка; молодой русскій бояринъ, какъ бы пораженный ея красотою, недвижный стоялъ передъ нею...

Толпа воиновъ, ворвавшись въ окна, бросилась къ женѣ рыцаря; но молодой бояринъ поднялъ мечь, сталъ предъ красавицей и объявилъ себя ея защитникомъ.

— Все ваше! закричалъ онъ буйной толпѣ, но красотка моя!...

Не успѣлъ онъ выговорить послѣднихъ словъ, какъ рыцарь Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ бросился на него. Завязался страшный бой. Одинъ противу цѣлой толпы дрался Индрикъ, защищая свое сокровище. Пламя обхватило уже деревянныя стропила крыши, и черепицы съ шумомъ валились на улицу. Крѣпкія стальныя латы защищали рыцаря отъ страшныхъ ударовъ непріятелей, но отъ пламени, стали раскаляться... Рыцарь ослабѣвалъ... тогда ужасная мысль, достойная тѣхъ варварски-героическихъ временъ, сверкнула въ головѣ его... Одинъ взмахъ тяжелаго меча, и жена, пораженная смертельно, упала къ ногамъ его... ребенокъ остался живъ, но онъ уже былъ въ непріятельскихъ рукахъ; всѣ старанія рыцаря освободить его остались тщетными; съ яростію наносилъ онъ страшные удары врагамъ и, пробившись сквозь толпу ихъ, вышелъ на улицу. Въ тоже самое мгновеніе послышался ужасный трескъ... Крыша и верхняя часть дома Индрика обрушилась... Всѣ, пораженные ужасомъ, на минуту умолкли; только и слышно было какъ грозный рыцарь, уходя, кричалъ:

— Мщеніе! мщеніе! мщеніе!

Жестоко отомстили Русскіе за безпрерывныя оскорбленія. Они опустошили всѣ замки, лежавшіе на пути отъ Нарвы къ Ревелю, и съ богатою добычею воротились домой, оставивъ по себѣ грозную память, которая, какъ думали, на долго удержитъ Лифляндцевъ отъ нападеній на русскія границы.

Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ сталъ еще угрюмѣе. Онъ удалялся отъ общества другихъ рыцарей, не принималъ никакого участія въ безпорядочныхъ, дикихъ увеселеніяхъ. Иногда всходилъ онъ на башню и оставался тамъ по цѣлымъ часамъ, не спуская глазъ съ ненавистнаго для него Иванъ-Города. Онъ замышлялъ мщеніе врагамъ, за жену и сына, о которомъ не имѣлъ никакого извѣстія.

Чрезвычайно удивились рыцари, когда на одномъ изъ совѣщаній въ ратушѣ, увидѣли они Индрика. Въ этотъ день онъ пришелъ ранѣе другихъ и, молча, съ мрачнымъ видомъ, занялъ мѣсто свое. Когда собрались всѣ рыцари, то Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ медленно поднялся съ кресла и просилъ, чтобы ему позволили говорить.

Молча и съ невольно боязненнымъ чувствомъ ожидали всѣ его рѣчи.

— Благородные рыцари и братья! — началъ онъ, — вы всѣ знаете, что я былъ счастливъ... болѣе, нежели человѣку позволено быть счастливымъ. Русскіе лишили меня всего. Я съ радостію пошелъ бы на встрѣчу смерти, еслибъ одна мысль не услаждала жизни моей — мысль о мщеніи! Она изгнала изъ сердца моего тоску, горе и страданія, она дала мнѣ силы переносить жизнь. Мысль эта созрѣла, я нашелъ средство привести ее въ исполненіе... ненавистная крѣпость! продолжалъ онъ съ большимъ жаромъ, со взоромъ, сверкавшимъ ненавистію, и протянувъ руку къ окну, изъ котораго были видны сѣрыя стѣны Иванъ-Города. Я встрѣчусь лицемъ къ лицу съ тѣмъ, черты котораго навѣки врѣзались въ памяти моей, и увидимъ... дрогнетъ ли рука моя!.. Но часъ мщенія не наступилъ еще. Слишкомъ много грѣховъ лежитъ на душѣ моей — они ослабляютъ силу воли. Я долженъ покаяться, долженъ искупить ихъ, и тогда, тогда!.. Свирѣпымъ взглядомъ, брошеннымъ на русскую крѣпость, дополнилъ Индрикъ слова свои. — Благородные рыцари! Не позже какъ завтра сойду я съ двумя вѣрными слугами своими въ *Могилу* (*)...

— Въ могилу! повторили рыцари съ изумленіемъ и ужасомъ.

—Одной милости прошу я у васъ, друзья и братья — не забудьте, что въ пропасти, откуда еще не выходилъ никто живой, будутъ находиться три человѣка, жизнь которыхъ дорога для васъ и всей Лифляндіи, потому что они посвятили ее на отмщеніе опаснѣйшимъ врагамъ нашимъ... Когда раздастся звукъ колокола, который надо будетъ устроить надъ пропастью, то дайте намъ опять взглянуть на свѣтъ Божій...

Рѣшимость Индрика была слишкомъ тверда. Ничто не могло поколебать ее. Въ тотъ же день устроенъ былъ колоколъ; и къ пропасти, къ могилѣ, въ которую добровольно заключался мрачный рыцарь съ двумя, приверженными къ нему, слугами, приставленъ былъ сторожъ, который долженъ былъ опускать къ нимъ ежедневную пищу.

На другой день мрачная процессія тянулась по улицамъ города. Впереди шелъ епископъ, въ черномъ облаченіи; за нимъ Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ въ черныхъ латахъ, а поверхъ ихъ монашеское одѣяніе; за рыцаремъ, въ монашескомъ же одѣяніи, съ опущенными капюшонами, вѣрные слуги; шествіе оканчивалось толпой рыцарей съ факелами въ рукахъ. Купцы и граждане, въ религіозномъ страхѣ, толпились около стѣнъ... Издали, завидѣвъ процессію, снимали они шляпы и преклоняли колѣна...

(*) Das Grab. Такъ называлась пропасть, въ которую опускали преступниковъ, осужденныхъ на голодную смерть. Пропасть эта, которую по справедливости можно назвать *бездонною*, и теперь существуетъ при Нарвской крѣпости.

Могила была устроена выступомъ, внѣ стѣны, окружавшей замокъ; ходъ въ нее былъ изъ одного изъ верхнихъ корридоровъ, устроенныхъ внутри стѣнъ.

У маленькой дубовой двери, съ желѣзными запорами и замкомъ, стояла машина; она походила на орудіе пытки: огромное колесо, около котораго была обвита желѣзная цѣпь; тутъ остановился епископъ и прочелъ краткую молитву. Потомъ, обратившись къ Индрику, спрашивалъ, нѣтъ ли кромѣ объявленныхъ уже, и другихъ причинъ, которыя заставляютъ Индрика наложить на себя столь тяжкое испытаніе?

— Нѣтъ! отвѣчалъ твердымъ голосомъ Индрикъ.

Трижды повторилъ епископъ вопросъ свой и трижды Индрикъ отвѣчалъ: нѣтъ!

— Добровольно ли вы слѣдуете за нимъ? продолжалъ епископъ, обращаясь къ слугамъ рыцаря.

— Добровольно! отвѣчали оба единогласно.

Тогда, по знаку, данному епископомъ, была отворена маленькая дубовая дверь... она заскрипѣла на петляхъ и изъ *могилы* пахнуло удушливымъ, сырымъ воздухомъ. При свѣтѣ факеловъ можно было разсмотрѣть за дверью висячій на цѣпяхъ мостикъ, сколоченный изъ досокъ.

— Да даруетъ тебѣ Господь силы перенесть испытаніе! Богъ съ тобою, сынъ мой! произнесъ епископъ надъ рыцаремъ и слугами его, когда они цѣловали крестъ, которымъ благословлялъ ихъ священнослужитель.

Рыцари запѣли requiem и глухо разносились погребальные звуки подъ тяжелыми сводами... Индрику и слугамъ его вручили факелы; медленно переступили они черезъ порогъ и были уже на мостикѣ... пронзительно заскрипѣло огромное колесо, стуча, стала разматываться цѣпь, и мостикъ опускался;.. тогда Индрикъ громкимъ голосомъ запѣлъ хвалебный гимнъ, который, сливаясь съ звуками погребальнаго пѣнія рыцарей, производилъ глубокое дѣйствіе на присутствовавшихъ. Колесо вертѣлось все скорѣе и скорѣе, чаще и чаще разматывалась цѣпь, тише и тише слышалась хвалебная пѣснь Индрика... Вдругъ колесо съ сильнымъ ударомъ остановилось... цѣпь затряслась и выпрямилась... все утихло... только сторожъ медленно запиралъ дубовую дверь...

— Аминь! произнесъ епископъ.

— Аминь! повторили рыцари, и всѣ молча разошлись по домамъ.

═

Прошло четыре года, а колоколъ молчалъ. Каждый день, въ особомъ ящикѣ, опускалась въ пропасть пища, и всегда ящикъ возвращался пустой.

Однажды вбѣжалъ въ ратушу, запыхавшись, сторожъ. Онъ услышалъ звонъ коло-

кола и поспѣшилъ доложить о томъ рыцарямъ. Менѣе, нежели черезъ часъ, всѣ, можетъ быть, болѣе съ любопытствомъ, нежели съ участіемъ, стояли у дубовой двери... съ нетерпѣніемъ смотрѣли рыцари на цѣпь, медленно наматывавшуюся на колесо;.. но вотъ что-то стукнуло... Это былъ мостикъ, однакожъ на немъ никого не было... только, когда факелы освѣтили мракъ пропасти, тогда присутствовавшіе увидѣли, что доски, изъ которыхъ былъ сколоченъ мостикъ, были разобраны — оставалась только рама и крестообразная перекладина — на ней лежало что-то черное...

Это былъ трупъ одного изъ слугъ, послѣдовавшихъ за Индрикомъ!

Съ движеніемъ обманутаго ожиданія отступили рыцари отъ холоднаго трупа, который лежалъ предъ ними недвижимъ и безмолвенъ! Руки, сложенныя на груди, были жестки и грубы, на желтомъ лицѣ видны были слѣды побѣжденныхъ страданій, — но какихъ?.. Тайну эту душа унесла съ собою!..

И опять былъ забытъ Индрикъ; опять другія, личныя заботы заняли нарвскихъ рыцарей; только сторожъ по привычкѣ, не думая о томъ, зачѣмъ и для кого онъ это дѣлаетъ, опускалъ хлѣбъ и сушеную рыбу въ пропасть...

Такимъ образомъ прошло еще шесть лѣтъ.

Вторично собрались рыцари у дубовой двери, по призыву колокола, звонъ котораго разносился по корридорамъ крѣпостной стѣны. Мостикъ поднялся... рыцарь Индрикъ-фонъ-Баренгауптъ и вѣрный слуга его вышли изъ страшной пропасти, въ которой они провели десять лѣтъ жизни своей, вдали отъ свѣта и людей.

Индрика нельзя было узнать. Черные, густые волосы его посѣдѣли; цвѣтъ лица былъ блѣдно-желтый; глаза сверкали лихорадочнымъ огнемъ, подъ нависшими сѣдыми бровями; щеки его впали; длинная, всклокоченная борода лежала на груди; ржавчина покрывала латы...

Однимъ взглядомъ окинулъ онъ всѣхъ присутствовавшихъ, которые съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, не сводили глазъ съ живаго скелета, и хранили глубокое молчаніе; потомъ подошелъ онъ къ епископу, преклонилъ колѣно, всталъ и поцѣловалъ крестъ.

— Привѣтствую васъ, братья!.. Произнесъ Индрикъ глухимъ голосомъ, какъ бы выходившимъ изъ могилы, такъ что суевѣрные рыцари невольно вздрогнули. Благослови меня еще разъ святой отецъ... и онъ преклонилъ голову предъ священнослужителемъ, потомъ продолжалъ съ дикою радостью:

— Я исполнилъ долгъ свой! Мечты мои осуществились. За мной, благородные рыцари, за мной, въ ратушу! Тамъ вы все узнаете!

— Въ ратушу! въ ратушу! раздались восклицанія, и вслѣдъ за епископомъ, Индрикомъ и слугой его, рыцари пошли къ ратушѣ, между двумя рядами гражданъ, съ нѣмымъ благоговѣніемъ смотрѣвшихъ на Баренгаупта.

Крѣпко были затворены всѣ двери ратуши, когда рыцари вошли туда. На высокомъ крыльцѣ и на каждомъ углу поставлены были часовые. Долго продолжалось совѣщаніе. Поздно вышли рыцари изъ ратуши и пировали до глубокой ночи, по случаю возвращенія Индрика и по случаю возведенія слуги его въ рыцарское достоинство...

П. Р. Фурманъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 1).

Шиллеръ сказалъ: «и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокій смыслъ», — а Шекспиръ: «и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, что мудрецы ваши не видывали и во снѣ». Это можно примѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣнія составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе безплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокомѣрное презрѣніе къ предмету, нерѣдко служащее личиной невѣжества особеннаго рода, — то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ лицемѣрное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличія гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора, — сами вѣрятъ имъ втихомолку, или по крайней мѣрѣ изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ понедѣльникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суевѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частица народной жизни: это путы, кои человѣкъ надѣлъ на себя — по своей ли винѣ, или по необходимости, по большему уму, или по глупости, — но въ коихъ онъ долженъ жить и умереть, если не можетъ стряхнуть ихъ и быть свободнымъ. Но гдѣ и когда можно или должно сдѣлать то или другое, — этого нельзя опредѣлить, не разобравъ во всей подробности смысла, источника, значенія и силы каждаго повѣрья. И самому глупому и вредному суевѣрію нельзя противудѣйствовать, если не знаешь его и не знакомъ съ духомъ и съ бытомъ народа.

Повѣрьемъ называемъ мы вообще всякое укоренившееся въ народѣ мнѣніе или понятіе, безъ разумнаго отчета въ основательности его. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрье можетъ быть истинное и ложное; въ послѣднемъ случаѣ оно называется собственно *суевѣріемъ*, или по новѣйшему выраженію, *предразсудкомъ*. Между этими двумя словами разницы мало; предразсудокъ есть понятіе болѣе тѣсное и относится преимущественно къ предостерегательнымъ, суевѣрнымъ правиламъ, что, какъ и когда дѣлать или не дѣлать. Изъ этого усматривается еще въ третьемъ значеніи, важность предмета, о коемъ мы говоримъ: онъ дастъ намъ полную картину жизни и быта извѣстнаго народа.

Не только у всѣхъ народовъ земнаго шара есть повѣрья и суевѣрія, но у многихъ они довольно схожи между собою, указывая на одинъ общій источникъ и начало, которое можетъ быть трехъ родовъ: или повѣрье, возникшее въ древности, до раздѣленія двухъ народовъ, сохранилось по преданію въ обѣихъ; или, родившись у одного народа, распространилось и на другіе; или же наконецъ повѣрье, по свойству и отношеніямъ своимъ къ человѣку, возникло тутъ и такъ независимо одно отъ другаго. Въ этомъ отношеніи есть много ученыхъ указаній у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только повѣрьями русскаго народа, или даже почти исключительно тѣмъ, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное изслѣдованіе этого предмета, а только не большой сборникъ или собраніе подручныхъ въ настоящее время запасовъ (*).

Сѣверъ нашъ искони славится преимущественно большимъ числомъ и разнообразіемъ повѣрій и суевѣрій о кудесничествѣ разнаго рода. Едва ли большая часть этого не перешла къ намъ отъ чудскихъ племенъ. Кудесники и знахори сѣверной полосы отличаются также злобою своею, и всѣ разсказы о нихъ носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. На югѣ видимъ болѣе поэзіи, болѣе связныхъ, сказочныхъ и забавныхъ преданій и суевѣрій, въ коихъ злобные чернокнижники являются только, какъ необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигдѣ не услышите вы столько о порчѣ, изурочаніи, какъ на Сѣверѣ нашемъ; нигдѣ нѣтъ столько затѣйливыхъ и забавныхъ разсказовъ, какъ на Югѣ.

Повѣрья мѣстныя, связанныя съ извѣстными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч. — не могли войти въ эту статью главнѣйше потому, что такое собраніе вышло бы нынѣ еще слишкомъ неполно и отрывочно. Если бы у насъ много лѣтъ сряду занимались повсемѣстно сборомъ этихъ преданій, тогда только можно бы попытаться составить изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но преданія эти гибнутъ невозвратно; ихъ вытѣсняетъ суровая вещественность, — которая новыхъ замысловатыхъ преданій не рождаетъ.

Все на свѣтѣ легче осмѣять, чѣмъ основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьи есть или могло быть нѣкогда смысла, на чемъ основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто — это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое милліонами людей за истину, было изобрѣтено и пущено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка. Коли есть повѣрья,

(*) Я съ намѣреніемъ не перечитывалъ теперь сочиненій ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборникъ, запасъ, какой случился. Праздничныхъ обрядовъ я мало касаюсь, потому что предметъ этотъ обработанъ г. Снегиревымъ; а повторенія того, что уже помѣщено въ *Сказаніяхъ* г. Сахарова, произошли случайно, изъ одного и того же источника. Я дополнилъ статью свою изъ одной только печатной книги: *Русскихъ суевѣрій*, Чулкова, въ которой впрочемъ весьма не много русскаго.

рожденныя однимъ только празднымъ вымысломъ, то ихъ очень не много; — и даже у этихъ повѣрьевъ есть, по крайней мѣрѣ, какой нибудь источникъ, напримѣръ: молодцеванье умниковъ или бойкихъ надъ смирными; стараніе поработить умы самымъ сильнымъ средствомъ: общественнымъ мнѣніемъ, противъ котораго слишкомъ трудно спорить.

У насъ есть повѣрья — остатокъ или памятникъ язычества; они держатся потому только, что привычка обращается въ природу; а отмѣна стараго обычая всегда и вездѣ встрѣчала сопротивленіе. Сюда же можно причислить всѣ повѣрья русскаго баснословія, которое, по всей вѣроятности, въ связи съ отдаленными временами язычества. Другія повѣрья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать или не дѣлать того, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Застращавъ и поработивъ умы, можно заставить ихъ повиноваться, тогда какъ пространныя разсужденія и доказательства, ни малаго, ни глупаго, не убѣдятъ, и, во всякомъ случаѣ, допускаютъ докучливыя опроверженія.

Повѣрья третьяго разряда, въ сущности своей, основаны на дѣлѣ, на опытахъ и замѣчаніяхъ; по этому ихъ неправильно называютъ суевѣріями; они вѣрны и справедливы, составляютъ опытную мудрость народа, а потому знать ихъ и сообразоваться съ ними полезно. Эти повѣрья безспорно должны быть всѣ объяснимы изъ общихъ законовъ природы: но нѣкоторые представляются до времени странными и темными.

За симъ непосредственно слѣдуютъ повѣрья, основанныя также въ сущности своей на явленіяхъ естественныхъ, но обратившіяся въ нелѣпость по безсмысленному ихъ примѣненію къ частнымъ случаямъ.

Пятаго разряда повѣрья изображаютъ духъ времени, игру воображенія, иносказанія — словомъ, это народная поэзія, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣріе.

Къ шестому разряду, наконецъ, должно причесть — можетъ быть только до поры, до времени — небольшое число такихъ повѣрій, въ коихъ мы не можемъ добиться никакого смысла. Или онъ былъ утраченъ по измѣнившимся житейскимъ обычаямъ, или въ слѣдствіе искаженій самого повѣрья, или же мы не довольно изслѣдовали дѣло; или, наконецъ, можетъ быть, въ немъ смыслу нѣтъ и не бывало. Но какъ всякая вещь требуетъ объясненія, то и должно замѣтить, что такія вздорныя, уродливыя повѣрья произвели на свѣтъ, какъ замѣчено выше, или умничанье, желаніе знать болѣе другихъ и указывать имъ, какъ и что дѣлать, — или пытливый, любознательный умъ простолюдина, доискивающійся причинъ непонятнаго ему явленія; эти же повѣрья не рѣдко служатъ извиненіемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ въ случаяхъ, гдѣ болѣе не къ чему прибѣгнуть. Съ другой стороны, можетъ быть, нѣкоторыя безсмысленныя повѣрья изобрѣтены были также и, съ тою только цѣлію, чтобы, пользуясь легковѣріемъ другихъ, жить на чужой счетъ. Этого разряда повѣрья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумѣется, что разряды эти на дѣлѣ не всегда можно такъ положительно разграничить; есть переходы, а многія повѣрья безъ сомнѣнія можно причислить и къ тому и къ другому разряду; опять иныя упомянуты у насъ, по связи своей съ другимъ повѣрьемъ, въ одномъ разрядѣ, тогда какъ они въ сущности принадлежатъ къ другому. Такъ напримѣръ, всѣ лицедѣи нашего баснословія принадлежатъ, и остаткамъ язычества, и къ разряду вымысловъ піитическихъ, и къ крайнему убѣжищу невѣжества, которое не менѣе, какъ и самое просвѣщеніе, хотя и другимъ путемъ, ищетъ объясненія непостижимому и причины непонятныхъ дѣйствій. Лица эти живутъ и держатся въ воображеніи народномъ частію потому, что въ быту простолюдина, основанномъ на трудахъ и усиліяхъ тѣлесныхъ, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а какъ духъ этотъ не можетъ жить въ бездѣйствіи, хотя онъ и усыпленъ невѣжествомъ, то онъ и уносится, посредствомъ мечты и воображенія, за предѣлы здѣшняго міра. Не менѣе того пытливый разумъ, изыскивая и не находя причины различныхъ явленій, въ особенности бѣдствій и несчастій, также прибѣгаетъ къ помощи досужаго воображенія, олицетворяетъ силы природы въ каждомъ ихъ проявленіи, сваливаетъ все на эти мнимыя лица, на коихъ нѣтъ ни суда ни расправы, — и на душѣ какъ будто легче.

Вопросъ, откуда взялись баснословныя лица, о коихъ мы хотимъ теперь говорить — возникалъ и въ самомъ народѣ: это доказывается сказками объ этомъ предметѣ, придуманными тамъ же, гдѣ въ ходу эти повѣрья. Домовой, водяной, лѣшій, вѣдьма и проч. не представляютъ собственно нечистую силу; но, по мнѣнію народа, созданы ею, или обращены изъ людей, за грѣхи или провинности. По мнѣнію иныхъ, падшіе ангелы, спрятавшіеся подъ траву *прострѣлъ*, поражены были громовою стрѣлою, которая пронзила стволъ этой травы, употребляемой по этому поводу для залеченія ранъ — и низвергла падшихъ духовъ на землю; здѣсь они разсыпались по лѣсамъ, полямъ и водамъ и населили ихъ. Всѣ подобныя сказки явнымъ образомъ изобрѣтены были уже въ позднѣйшія времена; можетъ быть древнѣе ихъ мнѣніе, будто помянутыя лица созданы были нечистымъ для услугъ ему и для искушенія человѣка; но что домовой, напримѣръ, который вообще добродѣтельнѣе прочихъ, отложился отъ сатаны — или, какъ народъ выражается, отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

В. Луганскій.

ДРАМАТУРГІЯ.

РУССКАЯ ОПЕРА.

Что дѣлала русская опера во время пребыванія Италіянцевъ въ нашей столицѣ? Восхищалась вмѣстѣ съ старыми своими поклонниками тѣми же Италіянцами. Многіе сѣтуютъ на то, что русская опера, которая стала было подыматься, теперь упала. Едва ли это справедливо. Намъ кажется на оборотъ. Пребываніе въ Петербургѣ Италіянцевъ создастъ русскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ. До нихъ, мы пѣли себѣ и воображали, что достигли до значительной степени совершенства; пріѣхали соловьи, мы замолкли въ смущеніи, но до времени; увидите, услышите, и наше предсказаніе несомнѣнно сбудется: на Большомъ Театрѣ раздастся сильный, звучный и образованный голосъ русскаго пѣвца или пѣвицы. Это не балетъ; пѣніе задѣваетъ за живое; слушая Рубини или Віардо самомому хочется пѣть; врожденная способность откликнется на ихъ родные звуки; и въ тишинѣ, въ неизвѣстности, голоса сотворятся, созрѣютъ и главное, имъ будетъ гдѣ образоваться. Вотъ почему на италіянскую оперную труппу мы смотримъ съ признательностію. Вспомнимъ старину. Часто намъ удается слышать про какую-то рускую оперную труппу, которая распѣвала Красную Шапочку, Калифа Багдадскаго и проч. Такая опера и теперь есть. Предусмотрительная Дирекція Императорскихъ Театровъ не распустила труппы. Завтра, еслибы понадобилось, русская труппа могла бы исполнить не только Калифа, но одну изъ труднѣйшихъ оперъ. И въ оныя блаженныя времена представленія какъ-то исполнялись, нравились, восхищали, да слухъ у насъ былъ не тотъ; бритва рѣжетъ волосъ, чуть примѣтный для глаза, едва примѣтнымъ остріемъ, пила пилитъ бревна, а остріе у нея чуть не парадная лѣстница въ барскихъ хоромахъ. Пилили мы дрова; остріе вкуса стало равнятся; многіе ухомъ слышатъ недостатки на волосъ, какъ говорится; ощущаютъ такія же достоинства, о которыхъ прежде и не мечтали. И про то блаженное время еще живутъ воспоминанія. Бывало пѣвецъ споетъ, самъ думаетъ, что кончилъ, уйдетъ за кулисы, а оркестръ доигрываетъ его партію (Зловъ). Публика ничего и не замѣчаетъ, напротивъ весьма довольна и вызываетъ артиста. Нынѣшняя руская труппа для тѣхъ временъ показалась бы тѣмъ, чѣмъ для настоящаго времени кажутся Италіянцы. Тѣмъ, которые восхваляютъ оную труппу, восхищаются Италіянцами и позволяютъ себѣ дѣлать разныя замѣчанія современнымъ рускимъ артистамъ, пожалуйте не вѣрьте. Они сами себя обличаютъ. Напротивъ, едва ли когда мы имѣли Петрова и Артемовскаго, едва ли когда слышали, и прежде и послѣ, такой контръ-альто, какимъ обладала А. Я. Петрова. О г-жѣ Степановой старшей также грѣхъ вспомнить безъ признательности. Труппа наша не разрушилась, опера не погибла; напротивъ, она остается въ прежнемъ составѣ; совершенствуется незамѣтно, и если прибавится одно, два лица къ настоящему персоналу — труппа выдержитъ съ честью сравненіе съ лучшими нѣмецкими и французскими оперными труппами. Первое мѣсто по впечатлѣніямъ, какія въ памяти нашей сохранились, по справедливости, принадлежитъ А. Я. Петровой. Голосъ ея проникалъ въ тотъ уголокъ сердца, которому, по хозяйственному распоряженію человѣческой природы, назначено чувствовать музыку и наслаждаться. Даже Италіянцы не могли истребить въ насъ, и во многихъ искреннихъ любителяхъ музыки, этихъ сладостныхъ впечатлѣній. Одушевленная игра А. Я. проникнута была всегда неподдѣльною теплотою. Критикѣ тутъ нѣтъ мѣста; можетъ быть и были недостатки; да и какъ имъ не быть; но мы забыли ихъ; мы помнимъ то, что никогда не забывается. — О. А. Петровъ... — онъ стяжалъ двоякое уваженіе. Вспомните, что онъ пришелъ издалече, съ провинціальнаго театра; вступивъ на Императорскій, попѣвалъ себѣ русскія пѣсни въ русскихъ мелодрамахъ. Безъ образцевъ и наставниковъ шелъ впередъ да впередъ; останавливался, отдыхалъ, но не возвращался и не за хотѣлъ на всегда усѣстся на одномъ мѣстѣ. Теперь онъ въ италіянской оперѣ вмѣстѣ съ Тамбурини, и согласитесь пѣніе заальпійскихъ гостей не лишаетъ васъ удовольствія слушать Петрова; а слушая его, вы радуетесь — и мы съ вами, отъ всей души, отъ всего сердца. Каждое представленіе мы слышимъ, мы видимъ, какой шагъ онъ сдѣлалъ въ недѣлю, въ мѣсяцъ... Г. Артемовскій рздѣляетъ лавры Петрова; — но Артемовскій былъ въ Италіи, имѣлъ случай образовать свой талантъ... Охъ! жизнь артистовъ похожа на пилу; по этой лѣстницѣ не пройдешь, не разъязвивъ ногъ; колючій, крутой путь. И г. Артемовскій испыталъ всѣ удовольствія этой непріятной дороги. Было ему легче

ишти нежели Петрову, но это еще не значитъ *легко*. Артемовскій вмѣстѣ съ Италіянцами пѣлъ многія партіи, вездѣ удовлетворительно, иногда съ большимъ успѣхомъ, какъ, напримѣръ, роль Мазетто въ Донъ Жуанѣ и въ Пуританахъ; и на его долю приходились заслуженные вызовы; музыкальныя способности свои онъ показалъ въ особенности при одномъ представленіи оперы: Лукреція Борджіа. Артемовскій проходилъ басовую партію когда-то въ Италіи, но такъ, между прочимъ, *для себя*, на театрѣ не пѣлъ. Въ день представленія болѣзнь Тамбурини поставила въ опасность вечерній спектакль, ни замѣнить, ни отмѣнить оперы нельзя. Остается нѣсколько часовъ. Ударило наконецъ семь. Подымается занавѣсъ. Артемовскій участвуетъ въ представленіи, поетъ, опера идетъ гладко, публика довольна и даже вызываетъ нашего артиста. Повторяемъ, для подобнаго усилія надо имѣть не малыя музыкальныя способности. И у насъ нѣтъ руской трупы? Я не исчисляю весьма многихъ сюжетовъ, которые весьма удовлетворительно пѣли до пріѣзда Италіянцевъ; даже восхищали тѣхъ, которые теперь, слушая ихъ, дѣлаютъ недовольную гримасу.

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи...

Эти цѣнители и судьи не пойдутъ теперь слушать тѣ оперы, которыми прежде восхищались. Такъ что же дѣлать теперь и русской труппѣ? Передразнивать Италіянцевъ, или ждать времени, когда вліяніе гостей выйдетъ изъ своихъ зеренъ, возрастетъ и начнетъ приносить цвѣты и плоды... Мы согласны лучше ждать, нежели слушать не только старинныя комическія оперы, но еще и произведенія Адама съ комп. — Что касается до того, что русскіе композиторы сами мало заботятся о созданіи и поддержаніи русской оперы, въ этомъ спорить и прекословить не будемъ. Конечно, Жизнь за Царя и Русланъ и Людмила, при всей колосальности своей, не могли утвердить самостоятельности русской оперы; самые размѣры, свойство достоинствъ этихъ оперъ принадлежатъ къ разряду, которымъ начинается и оканчивается каждая самостоятельная опера. Но что дѣлали другіе композиторы? Какіе сюжеты избраны ими для русскихъ оперъ, въ какомъ стилѣ пошла у нихъ обработка?.. Подождемъ выхода этихъ оперъ въ свѣтъ, на какомъ бы то ни было театрѣ, потому что не хотимъ объявлять наши убѣжденія безъ осязаемыхъ доказательствъ.

(А. Е. Варламовъ).

МУЗЫКА.

1-го апрѣля, въ воскресенье, въ залѣ здѣшняго университета, былъ русскій народный концертъ; пѣла русская пѣвица Александра Яковлевна Билибина, въ пользу Г-на Варламова, сочиненія егоже исключительно, а вы знаете, что сочиненія Г. Варламова, въ самомъ обширномъ смыслѣ, русскія. На дняхъ, въ одномъ парижскомъ, журналѣ увидѣли, мы статейку: Русская Музыка, и обрадовались. Думали, что прочтемъ о музыкѣ Глинки и Даргомыжскаго... Но читаемъ и что же?.... Около половины послѣдняго столѣтія капельмейстеръ Императрицы Елисаветы, нѣкто І. А. Маречь (?), родомъ Чехъ, изобрѣлъ музыку на охотничьихъ рогахъ, которая до сихъ поръ сохраняется при Дворѣ, и доведена до значительной степени совершенства. За симъ слѣдуетъ описаніе, что такое эта *Русская* Музыка; затѣмъ написано: князь Потемкинъ, любившій все величественное и чрезвычайное, находилъ особенное наслажденіе слушать роговую музыку. У него былъ роговой оркестръ, который съ нимъ неразлучался и на войнѣ. Послѣ его смерти оркестръ разсѣялся. Сохранились до сихъ поръ подробности страннаго празднества, бывшаго въ Москвѣ въ 1765 году; при этомъ случаѣ роговая музыка была употреблена съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Это было во время карнавала. *На безмѣрныхъ саняхъ уставили холмъ въ 6 тоазовъ вышины и въ сорокъ въ окружности; холмъ обсадили деревьями и кустарниками; и въ этомъ искуственномъ лѣсу открыли охоту на оленей, зайцевъ и лисицъ. Охотниковъ не было видно; можно было только замѣтить ихъ живописныя шапки. Вдругъ раздался концертъ истинно магическаго эффекта. Двадцать два разныхъ красивыхъ украинскихъ быковъ тащили эту громаду по городу* (вѣроятно для свободнаго ея путешествія на время срыли нѣсколько улицъ; а когда сани проѣхали, опять отстроили). *Сани, закрытыя искуственною зеленью, остановились передъ домомъ генерала Бецкаго, у котораго обѣдала Императрица, и во время стола оркестръ исполнилъ нѣсколько піесъ и возбудилъ всеобщее удивленіе.* Вотъ въ чемъ заключается Русская музыка!

Не скоро еще произведеніямъ русской музыки дадутъ, въ музыкальномъ мірѣ, право гражданства; точно также какъ Послѣдняго дня Помпеи не хотѣли признать въ Парижѣ главою современной живописи. Ни зачто не хотѣли; сердились, злились, даже лично на выставкѣ нападали на художника съ ожесточеніемъ фанатическимъ. Въ мірѣ искуствъ и художествъ мы должны утверждать наши права побѣдами блистательными, сильными; иначе мы будемъ только пѣть русскія пѣсни и писать на нихъ варіаціи для скрыпки, фортепіано и проч..... У насъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не мало талантливыхъ композиторовъ: повторимъ имена ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, которыя сами знаемъ или помнимъ: Г. Алябьевъ, Г. Арнольдъ, Г. Бахметевъ, Г. Варламовъ, Г. Верстовскій, Графъ М. Ю. Віельгорскій, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжскій, Г. Кажинскій, Г. Ломакинъ, А. О. Львовъ, Н. Н. Норовъ, Г. Струйскій, Г. Титовъ, О. М. Толстой, Г. Яковлевъ.... Не мѣшаетъ напоминать о достойныхъ соотечественникахъ. Если не всѣ изъ нихъ произвели много, то можетъ быть причиною тому то равнодушіе, которое оттолкнуло и отталкиваетъ еще до сихъ поръ многихъ отъ благороднаго, высокаго поприща искуствъ и художествъ. Концертъ Г. Варламова утѣшилъ насъ многочисленностію посѣтителей; значитъ мы уже начинаемъ сочувствовать родному; уже чужеземное не заглушаетъ совершенно призыва къ самостоятельности. Явленіе тѣмъ болѣе пріятное, что Италіянцы еще здѣсь и, со своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, каждый день напоминаютъ о своемъ присутствіи. Александра Яковлевна Билибина, не будучи артисткою по званію, не подлежитъ, ни журнальной похвалѣ, ни журнальнымъ пересудамъ. Но не можемъ не сказать, что одушевленное, проникнутое глубокимъ чувствомъ пѣніе, доставило истинное наслажденіе всѣмъ слушателямъ. Университетская зала великонька, и потому пѣніе самого композитора не могло быть слышно вполнѣ и для всѣхъ, и отъ того другіе много потеряли. Надо слушать его вблизи, не въ большой залѣ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предаться тому же чувству, которое одушевляетъ композитора, наслаждаться его же наслажденіями. Несмотря на то, авторъ Краснаго Сарафана былъ принятъ блистательно; проводили его громкія рукоплесканія.... И онъ дѣйствительно заслужилъ это вниманіе своими прелестными и многочисленными русскими элегіями. Складъ его музыкальныхъ фразъ совершенно русскій; общій колоритъ заключаетъ довольно народности; къ характеру, болѣе общему, онъ прибѣгаетъ иногда въ ритурнеляхъ; отъ чего текстъ не теряетъ и даже выигрываетъ, съ большею силою оттѣняясь отъ введенія и финала. Г. Варламовъ поднесъ свой красивый нарядный маршъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и удостоился получить драгоцѣнный бриллиантовый перстень. Поговариваютъ, что Г. Варламовъ остается навсегда въ Петербургѣ. Это было бы весьма хорошо и для него и для Петербурга. Мы сочли обязанностію помѣстить въ нашемъ изданіи его портретъ, и ожидаемъ спасибо отъ всѣхъ цѣнителей и любителей отечественныхъ талантовъ.

Въ тоже воскресенье была еще русская музыка: Stabat mater Перголези... Истинно русская музыка, потому что навѣрно въ цѣломъ мірѣ нѣтъ подобныхъ хоровъ. Дивно! Превосходно! Восхитительно! Всякія дальнѣйшія ученыя и неученыя разсужденія были бы совершенно здѣсь не у мѣста....

За тѣмъ, на вербной еще были концерты, пѣли много; играли на инструментахъ еще больше; но мы, какъ сказали, уже читали... да не музыку... Вы знаете уже, что мы прочитали всю петербургскую музыку меньше чѣмъ въ часъ; нѣтъ, мы читали музыкальныя газеты.

Странно, а правда: есть такіе люди, никогда ихъ ни видѣлъ, ни слышалъ, а полюбилъ какъ родныхъ; ищешь объ нихъ извѣстій вездѣ, хочешь посмотрѣть каковы они собою; въ этомъ любопытствѣ право есть изящное участіе; оно доставляетъ такое же наслажденіе, какъ и поэтическая мысль, когда ее зародишь и носишь вездѣ, и въ шумѣ свѣта, и въ тишинѣ уединенія, и даже во снѣ. Дженни Линдъ, ея поэтическая жизнь, ея худож-

ническія страданія, еяТоска породинѣ, неумѣрная и самыми лестными побѣдами, — все это возбуждало какое-то сладкое участіе, желаніе ее видѣть, слышать. Будь желѣзная дорога... многіе бы отправились въ Берлинъ; за себя не ручаемся... Нельзя ли хотя увидѣть гдѣ нибудь ее, поэтическую Дженни? — Мы не нашли нигдѣ ея портрета.... но продолжали искать, и вдругъ встрѣчаемъ отлично литографированной портретъ, прибывшій въ Петербургъ по особенному случаю; велика была наша радость; но мы не эгоисты и спѣшимъ подѣлиться дорогою находкою съ нашими читателями. Вотъ Дженни Линдъ....

(Дженни Линдъ).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ЛУГАХЪ И ОБРАБОТКѢ ИХЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

(Статья I. Окончаніе)

Луга, подъ разливами рѣкъ и ручьевъ, причисляются обыкновенно къ первому разряду. Они бываютъ наводняемы ежегодно, большею частію весною; вода наноситъ на нихъ питательныя вещества и способствуетъ развитію густой и сочной травы. Если же послѣ разлива вода долго на лугахъ застоится, то они производятъ однѣ негодныя, кислыя, болотныя травы.

Если берега высоки и имѣютъ крутой скатъ, если грунтъ довольно сухъ, то съ особенною пользою можно употребить *поливаніе*. Если же берега отлоги, луга болотисты, теченіе рѣки не быстрое, берега низки и извилисты, то должно стараться придать берегамъ большую покатость, рѣкѣ болѣе прямое теченіе и выкопать каналы для осушенія луга; потомъ уже доставлять ему свѣжую пищу, или устроивъ каналы и шлюзы, или остановя воды въ каналахъ, или же, если возможно, употребивъ поливаніе. — Если же рѣка или ручей такъ малы, что не имѣютъ достаточнаго количества воды для поливки, и если притомъ берега довольно сухи, то обыкновенно удерживаютъ воду въ каналахъ. Оттуда она проникаетъ въ сосѣдственные слои земли, освѣжаетъ растенія и такимъ образомъ способствуетъ ихъ растительности. Если же, напротивъ, берега не слишкомъ сухи, если весной рѣка или ручей широко разливается и наноситъ много растительныхъ и минеральныхъ удобряющихъ частицъ, тогда удерживаютъ воду шлюзами и плотинами, чтобы удобряющія землю частицы имѣли время осѣсть на луга, и съ появленіемъ живительныхъ лучей весенняго солнца воду спускаютъ; тогда начинаетъ быстро и въ изобиліи расти прекрасная трава.

Для устройства искуственныхъ орошеній необходимо, *во первыхъ:* узнать опредѣлительно кубическую массу воды, разливающуюся изъ рѣки или ручья въ одинъ часъ или день въ теченіи лѣта или всего года; *во вторыхъ:* узнать величину наводняемой плоскости, чтобы сообразно съ этимъ опредѣлить раздѣленіе воды; *въ третьихъ:* должно предварительно нивеллировать и измѣрить, какъ рѣку, такъ и все наводняемое мѣсто, чтобы по этому уже составить планъ и смѣту предполагаемаго орошенія.

Чтобы улучшать луга, имѣющіе плотный грунтъ, и на которыхъ вода застаивается до средины лѣта, или даже въ продолженіи цѣлаго года, употребляютъ буреніе. — На глубочайшемъ пунктѣ такихъ луговъ просверливаютъ плотные слои глины до слоя песчаника и ставятъ металлическую или деревянную трубу въ просверленную дыру; если же слои не слишкомъ глубоки, то сверлятъ нѣсколько дыръ, не вставляя въ нихъ трубъ — вода скоро уходитъ на песчаные слои и земля осушается. Если же посредствомъ нивеллировки можно узнать, что вода можетъ быть спущена каналами въ болѣе низкое мѣсто, и если издержки, въ отношеніи къ доходамъ, не слишкомъ велики, то осушеніе каналами должно предпочесть буренію.

Проведя отводный каналъ до глубочайшаго пункта луга, выкапываютъ, обыкновенно, еще нѣсколько маленькихъ каналовъ на самомъ лугу, по которымъ вода стекаетъ въ главный каналъ. При осушеніи луговъ должно, однако же, наблюдать, чтобы не сдѣлать ихъ слишкомъ сухими, ибо въ такомъ случаѣ главная цѣль не будетъ достигнута.

Чтобы помочь растительности на осушенныхъ лугахъ, должно по временамъ унавоживать ихъ, употребляя такой навозъ, который соотвѣтствовалъ бы почвѣ, произрастающимъ на ней травамъ, и улучшалъ бы ихъ. Луга, лежащіе по близости имѣнія или хозяйственнаго заведенія, гдѣ въ изобиліи имѣется навозъ, неоцѣненны для помѣщика, особенно въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ подъ рукою воды для искуственнаго орошенія.

Если луга, орошаемые ручьями и составляющіе у насъ третій разрядъ, даютъ дурныя травы; если грунтъ земли проникнутъ желѣзистыми частицами, кислотами и болотною водою, — то для улучшенія ихъ необходимо отыскать начало источниковъ, содержащихъ въ себѣ эти вредныя частицы, и посредствомъ каналовъ дать имъ другое направленіе. — Такимъ образомъ улучшенные луга также должно унавоживать. Луга же, имѣющіе чистые, освѣжительные источники, можно сдѣлать еще болѣе доходными, если провести правильные жолобы или стоки. Жолоба проводятся такимъ образомъ, чтобы всѣ части луга одинаково были орошаемы источниками; сверхъ того, проводятъ еще маленькіе каналы, извлекающіе изъ земли излишнюю воду, которую она вбираетъ въ себя; такимъ образомъ какъ будто бы устроивается подземная искуственная поливка. Луга эти обыкновенно очень покаты и грунтъ земли ихъ рыхлый, почему вода легко проникаетъ въ верхніе слои и потомъ стекаетъ къ низу.

Улучшеніе этихъ луговъ, вышеописаннымъ способомъ, сопряжено съ весьма незначительными издержками, и хозяева могутъ всегда имѣть прекрасные и доходные сѣнокосы, потому что неурожаи на нихъ чрезвычайно рѣдки.

Обращеніе болотъ и тундръ въ луга и пахатную землю, одинаково удачно можетъ быть произведено проведеніемъ каналовъ для осушки грунта, истребленіемъ низкаго, тернистаго кустарника, уравненіемъ мѣстности съ помощію особенныхъ орудій, пониженіемъ слишкомъ возвышенныхъ и повышеніемъ слишкомъ низкихъ мѣстъ луга, и наконецъ выжиганіемъ прежней, дурной основы травной растительности.

Почти всѣ тундры, безъ исключенія, могутъ быть обращены въ хорошіе луга; но для этого необходимо вѣрно нивеллировать тундру, измѣрить глубину ея и избрать какой нибудь ниже лежащій пунктъ, къ которому, съ помощію главнаго канала, могла бы быть проведена болотная вода. Когда этотъ пунктъ найденъ, то, сообразно съ мѣстностію, опредѣляютъ глубину и покатость главнаго канала, а по немъ и побочныхъ каналовъ; а потомъ уже приступаютъ къ практическимъ работамъ. Осушивъ болото, начинаютъ урз-

вливать и чистить землю; въ хорошее лѣто и при толстомъ слоѣ тундры не худо употребить выжиганіе; послѣ того вспахиваютъ два или три раза осушенное мѣсто и засѣваютъ осенью или весной.

Такимъ образомъ улучшенные луга, часто, въ первые уже годы, вознаграждаютъ вдвое или втрое всѣ издержки. Если же черезъ болото протекаетъ еще рѣка или ручей, довольно богатый водою, то лугъ можетъ доставить хозяину еще болѣе значительныя выгоды.

До сихъ поръ почти всѣ болотистыя мѣста служатъ пастбищами; они даютъ скоту скудную и даже вредную пищу; древесная растительность на нихъ болѣе нежели въ жалкомъ состояніи; торфа, въ Сѣверной Россіи, доставляютъ они весьма немного; притомъ они весьма способствуютъ сырости сѣвернаго климата, въ жаркое лѣто производятъ туманы, служащіе причиной многихъ болѣзней и, наконецъ, имѣютъ даже вредное вліяніе на самое хлѣбопашество.

Неужели этихъ причинъ недостаточно, чтобы побудить каждаго помѣщика, имѣющаго подобныя болота и тундры, испытать предлагаемыя средства къ обработкѣ луговъ?.. Въ естественномъ состояніи они не только не доставляютъ выгодъ, но даже вредны, между тѣмъ какъ въ улучшенномъ—онѣ увеличиваютъ цѣнность имѣнія, умножая доходы его и улучшая скотоводство.

На осушеніе такихъ болотъ, гдѣ не имѣется по близости чистой воды для дальнѣйшаго орошенія, должно обратить особенное вниманіе. Проведеніемъ слишкомъ глубокихъ каналовъ можно отнять у болотъ слишкомъ много воды, такъ что они сдѣлаются слишкомъ сухи и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ превращаются въ настоящія степи, производящія однѣ дурныя травы и верескъ.

Вотъ общій взглядъ на весьма важный предметъ сельскаго хозяйства. Если вамъ не скучно, мы сообщимъ и подробности съ рисунками.

К. Бетге.

СМѢСЬ.

ЕГИПЕТСКАЯ ХИТРОСТЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТУШКА.

Фараонъ Рамсинитъ, жившій около 1250 года до Р. Х., собралъ несмѣтныя сокровища; желая скрыть ихъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ выстроить особенное каменное зданіе. Архитекторъ, которому поручено было строеніе, расположилъ камни такъ искусно, что одинъ человѣкъ могъ отодвинуть довольно большой камень, и такимъ образомъ войти въ зданіе. Нѣсколько времени спустя, когда Фараонъ велѣлъ отнести въ него свои сокровища, архитекторъ опасно заболѣлъ, и, почувствовавъ приближеніе смерти, открылъ тайну двумъ сыновьямъ своимъ; онъ описалъ имъ камень весьма ясно, и открылъ способъ какъ отодвинуть его.

Архитекторъ умеръ; сыновья не преминули воспользоваться наслѣдствомъ; отправились почью къ сокровищницѣ, нашли камень, отодвинули его безъ большаго труда и унесли значительныя суммы; операція повторилась нѣсколько разъ, такъ что, однажды, Рампсинитъ, навѣстивъ свою казну, удивился, увидѣвъ, что сосуды, гдѣ хранились деньги, до половины опустѣли; онъ не зналъ кого обвинить, потому что все было на-крѣпко заперто и печать на дверяхъ не была тронута. Не имѣя никакого подозрѣнія, онъ велѣлъ однако же поставить около сосудовъ капканы. На другую ночь воры опять явились, одинъ изъ нихъ подходя къ сосуду, попалъ въ западню; не видя возможности освободиться, онъ позвалъ своего брата, который въ то время стоялъ на стражѣ, и просилъ, чтобы онъ отрубилъ ему тотчасъ голову. Онъ не хотѣлъ, чтобы завтра узнали его, тогда бы обоимъ братьямъ угрожала казнь и стыдъ. Тотъ, сколько могъ, отговаривался, но скоро убѣдился въ ужасной необходимости; поставилъ камень на мѣсто и воротился домой съ головою брата.

На другой день, на разсвѣтѣ, Фараонъ навѣстилъ свои сокровища; онъ крайне удивился, когда нашелъ въ капканѣ вора, но безъ головы; удивленіе его еще болѣе возрасло, когда не смотря на всѣ розысканія, не могли найти какимъ путемъ приходили воры. Фараонъ приказалъ повѣсить трупъ на наружной стѣнѣ, и поставить вокругъ тайную стражу; ей приказано хватать всѣхъ тѣхъ, которыхъ это ужасное зрѣлище сколько нибудь тронетъ.

Между тѣмъ оставшійся въ живыхъ воръ, возвратясь домой, былъ очень дурно принятъ матерью. Узнавъ, что трупъ ея сына выставленъ публично, она приказала живому сыну достать убитаго во что бы то ни стало, грозя въ противномъ случаѣ объявить обо всемъ Фараону. Сынъ принужденъ былъ повиноваться.

Онъ нагрузилъ на нѣсколько ословъ мѣха съ виномъ, и погналъ животныхъ до того мѣста, гдѣ былъ выставленъ трупъ брата; тамъ развязалъ онъ нѣсколькихъ мѣховъ; потомъ вино полилось; онъ началъ кричать съ отчаяніемъ; стражи прибѣжали, чтобы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; молодой человѣкъ въ величайшемъ гнѣвѣ бранилъ винопійцъ; но тѣ старались его утѣшить; онъ на это соизволилъ, утѣшился, и какъ будто изъ благодарности за то, что они помогли ему остановить ословъ и завязать мѣха, далъ имъ еще вина.— Вино сдружаетъ; по убѣдительной просьбѣ стражей, онъ самъ сѣлъ съ ними, и напоилъ ихъ такъ, что къ вечеру они заснули мертвымъ сномъ. Настала ночь, мнимый погонщикъ ословъ отвязалъ трупъ, положилъ его на одного изъ ословъ своихъ, и, чтобы посмѣяться надъ стражами, у каждаго изъ нихъ обрилъ правую щеку, и возвратился къ матери.

Фараонъ пришелъ въ сильный гнѣвъ. Желая всѣми мѣрами открыть вора, онъ велѣлъ объявить, что отдастъ руку своей дочери тому, кто удовлетворительно отвѣтитъ на ея вопросы. А дочери приказалъ спрашивать у каждаго: какія онъ совершилъ въ жизни самыя дурныя и самыя хитрыя дѣла; и если кто нибудь похвастаетъ, что унесъ тѣло вора, то схватить его и никакъ не выпускать изъ рукъ.

Архитекторъ, угадалъ мысль Фараона, и вздумалъ еще разъ пошутить надъ его прозорливостью. Онъ отрѣзалъ у человѣка, только что умершаго, руку по локоть, спряталъ ее подъ плащъ, и явился къ царевнѣ; на вопросы ея онъ отвѣчалъ, что самое дурное дѣло было то, что онъ отрубилъ брату своему голову; а самое хитрое, что увезъ его тѣло, оберегаемое тайной стражей; царевна тотчасъ бросилась на него и хотѣла удержать; но было темно, онъ подалъ ей руку мертвеца, которую она схватила, а между тѣмъ онъ, отворилъ проворно дверь, и скрылся.

Эта хитрость возбудила въ Рампсинитѣ уже не гнѣвъ, а удивленіе; онъ велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ своего царства, что не только не накажетъ виновнаго, но осыплетъ его богатствами. Воръ повѣрилъ Фараону и не раскаялся; тотъ отдалъ за него дочь, почитая его самымъ искуснымъ и мудрымъ человѣкомъ между Египтянами, которые считались хитрѣйшими между всѣми другими народами древности. Повѣрите ли вы этому сказанію; но Греки вѣрили, пока вѣрили Иродоту и его египетскимъ источникамъ.

—

ОДЕССА.

(Окончаніе).

Но самые любопытные выводы представляетъ слѣдующая таблица, составленная нами изъ подлинныхъ гильдейскихъ списковъ, за 8 прошедшихъ лѣтъ, о числѣ и національности капиталовъ, объявленныхъ по всѣмъ тремъ гильдіямъ г. Одессы. Мы вполнѣ надѣемся, что она обратитъ на себя вниманіе читателей нашихъ.

Всѣхъ капиталовъ въ г. Од.	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844
объявл. было купц.	765	765	758	695	719	702	705	700
Въ томъ числѣ было:								
1) Русскихъ подданныхъ	598	602	589	578	582	584	589	588
2) Иностранцевъ	167	165	159	115	127	118	115	112
Изъ нихъ:								
1) Христіянъ было	586	584	550	499	518	480	432	468
2) Евреевъ	160	168	177	185	190	215	214	221
3) Караимовъ	19	15	11	9	11	7	8	11

Теперь сдѣлаемъ тѣ же замѣчанія о каждой гильдіи порознь.

1-я гильд. Всѣхъ кап. въ 1-й гил.	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844
было	67	66	65	57	48	45	45	45
Въ томъ числѣ было:								
1) Русскихъ под.	45	45	55	52	29	29	35	30
2) Иностранцевъ	22	25	28	25	19	14	10	15
Изъ нихъ:								
1) Христіянъ	56	56	54	50	41	36	35	37
2) Евреевъ	11	10	9	7	7	7	8	6

2-я гильдія состоитъ вся изъ Русскихъ под. Всѣхъ кап. во 2-й гил.	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1855	1844
было	54	58	68	62	65	61	61	57
Въ томъ числѣ:								
1) Христіянъ	46	47	55	48	54	50	48	42
2) Евреевъ	4	8	9	11	8	8	9	11
3) Караимовъ	4	3	4	5	3	3	4	4

3-я гильдія.

Всѣхъ капиталовъ по 3-й гил. объявл.	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844
	644	641	607	574	606	598	600	600
Въ томъ числѣ было:								
1) Русскихъ под.	499	501	494	491	495	501	495	501
2) Иностранцевъ	145	140	113	83	111	97	105	99
Изъ нихъ было:								
1) Христіянъ	494	482	441	401	423	394	398	389
2) Евреевъ	135	149	159	167	175	200	198	204
3) Караимовъ	15	10	7	6	8	4	4	7

Разсмотримъ теперь, какіе результаты для статистики вывести можно изъ приведенной нами таблицы.

1) Первое и самое утѣшительное замѣчаніе, которое можемъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что главное число капиталовъ, слѣдственно главную часть торгующаго сословія г. Одессы, составляютъ природные Русскіе, или тѣ изъ иностранцевъ, которые, пріобрѣвъ, на основаніи льготъ 1795-го и 1803-го года, недвижимыя имущества въ городѣ, и послѣ принявъ русское подданство, если не

сами, то хотя дѣти ихъ, воспитанныя въ русскихъ училищахъ, сдѣлаются уже совершенно Русскими. На слишкомъ 700 капиталовъ, составляющихъ одесское купечество, только $^1/_6$ часть объявлена гостьми или иностранцами. Не смѣемъ рѣшать вопроса: полезно-ли это для здѣшней торговли, или нѣтъ? но замѣтимъ, что и это число чужеземныхъ капиталовъ безпрестанно уменьшается, особенно по 1-й гильдіи, какъ это видно изъ нашей таблицы. Въ 1837-мъ году было ихъ еще вообще 167 конторъ, — въ 1844-мъ — только 112; — въ томъ числѣ по 1-й гильдіи въ 1837-мъ г. — 22; въ 1839 — 1840-мъ — 25; — а теперь едва 11 капиталовъ. Но изъ этого числа (112 кап.) должно еще отдѣлить 30 капиталовъ, т. е. лицъ, которые записаны въ гильдіи, но сами торговли не производятъ, да и капиталовъ *существенно* не объявляютъ, а *служатъ* только по торговлѣ, таковы суть: директоры страховыхъ конторъ, первые прикащики (commis), маклера, нотаріусы, содержатели рабочихъ при портѣ артелей, содержатели стиваdоровъ и спасительныхъ барказовъ и пр. Мы не можемъ здѣсь не удалиться на минуту отъ нашего предмета, чтобы не спросить: во что-жъ обратятся громкія и великолѣпныя фразы мнимыхъ патріотовъ, гордыя замѣтки иностранныхъ туристовъ-невѣждъ, даже траги-комическія жалобы отечественныхъ писателей, — что Одесса-городъ совсѣмъ иностранный, чуждый русской великой цѣлости, какъ будто бы черта порто-франко положила таинственную грань между этимъ городомъ и остальною Имперіею? Русскій-ли городъ Одесса, когда онъ на 78,000 душъ обоего пола своего народонаселенія не имѣетъ и 7,000 об. п. иностранцевъ, включая въ эту цыфру слишкомъ 1,900 нѣмецкихъ колонистовъ, вѣрноподданныхъ Россіи, Болгаръ, Словаковъ, Сербовъ, добрыхъ сыновъ русскаго языка и русской церкви, наконецъ Грековъ, которыхъ Великая Екатерина II-я, какъ *единовѣрныхъ*, милостями и привиллегіями призвала на жительство въ Россію. Правда, что въ числѣ русскаго народонаселенія мы помѣщаемъ до 5.000 Евреевъ. Но когда Евреи наши не были самыми покорными, послушными, а иногда и полезными слугами русскаго народа? Съ ними вмѣстѣ все *нерусское* народонаселеніе Одессы, все еще не составитъ и шестой доли всей массы ея жителей. Даже самая торговля этого города преимущественно русская, ибо, говоря языкомъ Кольберта и Тюрго, *балансъ* русскихъ произведеній, отпускаемыхъ за границу, всегда превышаетъ и будетъ несравненно превышать заграничные товары, къ намъ привозимые, хотя бы порто-франко было учреждено на цѣлыя столѣтія.

2). Другое замѣчательное явленіе, которое легко видѣть въ таблицѣ нашей, есть уменьшеніе 1-й и увеличеніе 2-й, а еще болѣе 3-й гильдіи (разумѣется въ сравненіи съ общею цыфрою ежегодно объявляемыхъ капиталовъ). Иной, глубокій политикъ, сочтетъ этотъ фактъ явнымъ доказательствомъ упадка нашей заграничной торговли; но, къ его сожалѣнію, онъ убѣдится въ противномъ, если только возьметъ трудъ сравнить цыфры, ежегодно печатаемыя въ Одесскомъ Вѣстникѣ. По нашему крайнѣму разумѣнію, три главныя этому причины: а.) первая и самая важная есть прекращеніе льготы, Высочайше дарованной городу, которая гражданамъ, здѣсь поселявшимся и выстроившимъ домы, фабрики или магазины, давала право записываться въ гильдіи, внося только половину гильдейской повинности. Такъ какъ большая часть одесскаго купечества начинала, да и теперь дѣйствуетъ съ малыми капиталами, то издержка 660 руб. сер. ежегодной платы за право торговли по первой гильдіи, падающая естественно на чистый доходъ конторы или торговаго дома, казалось, особенно иностранцамъ, къ тому непривыкшимъ за границею, весьма тяжкою (*). Такимъ образомъ, люди побогаче, сдѣлались купцами 2-й гильдіи, имѣющей въ Одессѣ право заграничной торговли съ нѣкоторыми ограниченіями; бѣдные же рѣшились войти въ 3-ю гильдію, или производить торговлю *при помощи* платящихъ 1-ю гильдію. б.) Второю причиною было пожалованіе нѣкоторыхъ купцовъ въ почетное гражданство, (въ Одессѣ теперь считается до 150-и душъ об. п.), дозволившее лицамъ этого сословія, не желавшимъ торговать, отдохнуть отъ заботъ и оставить вовсе, или большую часть, своей торговли. Нѣкоторые же вошли въ 3-ю гильдію, не смотря на свое званіе, — *во избѣжаніе расходовъ*. в.) Съ концомъ льготнаго времени, продолжавшагося съ 1802-мъ по 1840-й годъ, иностранцы лишились права записываться въ гильдіи иначе, какъ платя взносъ, опредѣленный купцамъ 1-й гильдіи. По особой Высочайшей милости, нѣкоторые только купцы 3-й гильдіи, основавшіе отличные магазины, или другія торговыя заведенія, получили *личное* право платить повинность по этому разряду. Остальные, или сдѣлались русскими подданными (и такихъ было не мало), или оставили вовсе торговлю. Но нѣкоторые, особенно главные иностранные наши торговцы, охотно платятъ полную гильдію, хотя число ихъ, какъ мы видимъ изъ таблицы, очень невелико, и, въ 1843-мъ году, уменьшившись до 10-и, опять увеличилось 3-мя только капиталами въ нынѣшнемъ году.

3). Весьма замѣчательный фактъ статистическій есть приращеніе въ гильдіяхъ еврейскихъ капиталовъ. Не должно думать, чтобы это обстоятельство было маловажно, или произошло отъ причинъ случайныхъ. Замѣтимъ, что ихъ было всего:

въ 1837.	160	капиталовъ.
въ 1838.	163	
въ 1839.	177	
въ 1840.	183	
въ 1841.	190	
въ 1842.	213	
въ 1843.	214	
въ 1844.	221	

Слѣдственно, въ 8 лѣтъ прибавилось 61 капиталъ, преимущественно во 2-й (отъ 4-хъ до 11-и) и 3-й гильдіи (отъ 135-и до 204-хъ). Нѣкоторое вліяніе на это явленіе произвело устройство новаго зданія для одесской биржи, которая открыта была въ маѣ 1837-го года, на правилахъ, нарочно для того начертанныхъ, и которая устроена здѣсь по образцу петербургской, тріэстской и другихъ важнѣйшихъ биржъ въ Европѣ. Одесское отдѣленіе коммерческаго совѣта, исполняющее здѣсь должность биржеваго комитета, внимательно наблюдаетъ за правильностію биржевыхъ операцій, и, зная сколь выгодны для маклеровъ дѣла по учету векселей и тратъ (affaires de change), строго воспрещаетъ участіе въ нихъ незаконныхъ, т. е. неприсяжныхъ биржевыхъ маклеровъ (courtiers marons), извѣстныхъ здѣсь подъ общимъ именемъ *факторовъ*. Это заставило многихъ изъ послѣднихъ (да нѣкоторыхъ и христіянъ) ходатайствовать о правахъ присяжнаго маклерства, или законнаго производства банковыхъ дѣлъ; а какъ полученіе онаго сопряжено съ запискою въ 3-ю гильдію, то число купцовъ этого класса естественно умножилось.

Мы должны еще замѣтить, что въ числѣ 700, показанныхъ нами капиталовъ, должно считать круглымъ числомъ 80 иногородныхъ: великороссійскихъ, рижскихъ, варшавскихъ, даже Евреевъ изъ Бродъ, допущенныхъ къ постоянному, или временному производству торговли въ Одессѣ, согласно съ званіемъ всякаго. Но за то не показаны купцы изъ торгующихъ крестьянъ, которые платятъ повинности 1-й, 2-й или 3-й гильдіи и имѣютъ право производить обширную торговлю, не пользуясь личными къ нимъ присвоенными правами. Мы не упоминаемъ вовсе о лавочникахъ, т. е. торгующихъ въ разницу товарами, безъ платежа гильдіи, и только по особымъ свидѣтельствамъ, получаемымъ изъ казначейства, ибо они общины коммерческой не составляютъ и повинностей личныхъ и гильдейскихъ не несутъ.

Теперь, въ заключеніе очерка нашего, скажемъ еще нѣсколько словъ объ услугахъ, которыя купечество приноситъ, какъ городу, въ которомъ оно живетъ, такъ и всему краю. Первая и самая важная услуга есть *торговля*, въ которой они круглымъ числомъ двигаютъ капиталомъ въ 20 милліоновъ рублей серебромъ ежегодно, давая хлѣбъ цѣлымъ тысячамъ народа трудящагося, единственно служащаго этой вѣтви государственной промышленности. Есть конторы, которыя на однихъ своихъ шерстомойкахъ содержатъ до 200 душъ об. п. рабочихъ, а въ городѣ употребляютъ, каждая. 5 или 6 артелей извощиковъ, биндюжниковъ, подсѣвальщиковъ и мѣрщиковъ. Если положимъ, что 1,000,000 четв. пшеницы и 200,000 четв. льнянаго сѣмени привозятся ежегодно сухимъ путемъ въ Одессу, то надобно, по крайней мѣрѣ, 200,000 повозокъ, чтобы транспортировать этотъ товаръ со всѣхъ концовъ южнаго края Россіи. Если положимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякая повозка сдѣлаетъ три вояжа въ лѣто (что очень трудно), то вотъ болѣе 66,000 человѣкъ и 132,000 воловъ, употребленныхъ на одну хлѣбную торговлю. Считая теперь круглымъ числомъ по $3^1/_2$ рубля серебромъ за четверть пшеницы и 6 рублей за четверть сѣменъ маслобойныхъ, выйдетъ, что землепашество Новой и Западной Россіи пріобрѣтаетъ отъ одной одесской торговли 4,000,000 руб. сер. ежегодно, и то изъ капиталовъ, взятыхъ за границею. Вторая услуга состоитъ въ *казенномъ доходѣ*. Сумма, вносимая ежегодно купцами, и то впередъ, за гильдію, т. е. за право торговли, равняется почти 90,000 руб. сереб. Это прямой, личный налогъ, падающій на чистый доходъ купечества, ибо онъ не измѣняется постепенно съ состояніемъ торговли и пріобрѣтенныхъ отъ оной выгодъ и барышей или терпимыхъ потерь. Третья услуга состоитъ въ исполненіи разныхъ гражданскихъ должностей. Болѣе 100 лицъ несутъ, безъ жалованья, государственную и общественную службу, не только въ думѣ и магистратѣ, но и въ коммерческомъ совѣтѣ, коммерческомъ судѣ, коммерческомъ банкѣ, таможнѣ, приказѣ общественнаго призрѣнія и его богоугодныхъ заведеніяхъ, экспедиціи пароходныхъ сообщеній съ Константинополемъ и пр. Наконецъ, скажемъ, что, и въ минуту злополучій, или трудныхъ дней для Имперіи, одесское купечество съ энтузіасмомъ и усердіемъ участвовало въ жертвахъ на алтарѣ отечества. Свидѣтельствуютъ: чума, бывшая въ 1812-мъ, 1829-мъ и 1837-мъ годахъ, холера, война съ Турціею, а еще болѣе отечественная война 1812-го года, когда герцогъ Ришелье призвалъ Одессу къ денежнымъ пожертвованіямъ на пользу общую; тогда въ городѣ, имѣвшемъ едва 25,000 д. об. п. жителей, греческое купечество внесло 100,000, русское 94,000, а иностранцы, тогда еще очень немногочисленные, 18,250 руб. Нѣкоторые купцы, уже умершіе, достойны всегдашней памяти своихъ согражданъ, таковы: графъ Протъ Потоцкій, Липковскій, Варвати, Деступисъ, Гаторно, Славичъ, Андричъ, Мариновичъ, Рено, Карлъ Сикардъ, Понсіо, Лучичъ, Новиковъ Ростовцевъ, и др., не говоря уже объ оставившихъ городъ, но еще живыхъ, какъ Гари и Вальтеръ. — Всѣ они, или основали, или оживляли въ Одесѣ торговлю, слѣдственно способствовали обогащенію Одессы, Новороссійскаго края и всей Имперіи.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

У насъ очень много книжныхъ магазиновъ, лавокъ, лавочекъ, лотковъ, мѣшковъ, и другихъ разныхъ проводниковъ литературы. Всѣ хороши, прекрасны, безподобны, лучше и желать нельзя. Всѣ!.. Не взыщите, что мы хвалимъ на убой; если бы мы стали находить дурное — вѣдь не поможетъ; такъ ужъ лучше хвалить и мы хвалимъ на прямки, безъ оговорокъ, безъ намековъ; но въ этихъ превосходныхъ магазинахъ вы найдете всѣ журналы, превосходные, всѣ произведенія современной литературы, тоже превосходные или немного превосходнѣе журналовъ, словомъ, все превосходное; но дрянныхъ книжекъ, такъ называемыхъ *классическихъ*, годныхъ только для дѣтскаго по-

(*) Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Парижѣ свидѣтельство (la patente) на право банкира, платимое напр. *Ротшильдомъ*, *Лафитомъ*, или *Агвадо*, не превышаетъ 500 фр. въ годъ. Въ *Лондонѣ* же и Генуѣ, важнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы, купцы не платятъ рѣшительно ничего; ибо ихъ гильдейская повинность раскинута въ консуммаціонной подати или таможенной пошлинѣ съ самыхъ товаровъ.

требленія, всѣхъ, въ одномъ магазинѣ, даже въ самомъ превосходномъ, не найдете; а если станете ихъ собирать по разнымъ мѣстамъ, то проѣздите на извощикахъ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ стоятъ дрянныя книжки. Нельзя не поблагодарить Г. Эйперлинга за учрежденіе Библіотеки классическихъ книгъ на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ классовъ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Лютеранской Церкви, надъ кандитерскою Доминика. Не ошибитесь, не подумайте, что въ этой Библіотекѣ можно получить Виргилія, Цицерона, Эсхила, Расина, Боало, Каченовскаго и другихъ классиковъ; нѣтъ, по смыслу и содержанію каталоговъ — безошибочно видѣть можно, что это заведеніе есть Библіотека учебныхъ книгъ и пособій.

—

ПЕРЕПИСКА.

Ив. Ак. Б. А. С. И. Льву Р. Вы спрашиваете, М. м. Гг., отъ чего это уже въ двухъ нумерахъ вы не находите иностранныхъ гравюръ, и неужели Редакція полагаетъ цѣлый годъ помѣщать только русскія?

На сіе имѣю честь отвѣтствовать, что Редакція до сихъ поръ гравюръ иностранныхъ не получила; онѣ въ дорогѣ; будутъ помѣщаемы какъ обѣщано, что же касается до русскихъ, то если бы и могла, не рѣшилась бы на эту исключительность.

К-ну К. К. Въ статьѣ вашей о сельскомъ хозяйствѣ — весьма много хозяйства нѣмецкаго; а намъ нужно русское.

Б. въ Г. Г. Стиховъ у насъ очень много. Чтобы не обидѣть ни кого, послѣдовало постановленіе помѣщать стихи по очереди поступленія ихъ въ Редакцію. Спасительное правило и пріучаетъ поэтовъ къ терпѣнію. Мѣра исправительная.

Он. Як. Б.... Вѣримъ, потому только, что не имѣемъ чести быть съ вами знакомы. Другимъ не вѣримъ, по обратному правилу, т. е. потому, что слишкомъ коротко ихъ знаемъ.

—

ИГРЫ.

I.

ЛОТО.

— Дневникъ современника — или исторія немногихъ дней.

31 *Января.* 18... Получилъ мѣсячное жалованье 33 р. 33⅓ к. серебромъ.

1. *Февраля.* Проигралъ въ лото 6 р. с. Ничего. Не шло.

2 *Февраля.* Проигралъ въ лото 9 руб. с. Несчастіе... Не всегда же проигрывать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

3 *Февраля.* Тьфу пропасть, еще проигралъ 12 р. сер. Ужасное несчастіе. На моемъ же столѣ, возлѣ меня, этотъ сѣдой съ крестомъ, три раза прошелъ. Терпѣніе! Видно счастіе ко мнѣ приближается...

4 *Феврвля.* 6 р. сер... почти каждый разъ по двѣ кватерны... Видимо фортуна приближалась ко мнѣ, и не хватило денегъ!.. Это еще хуже несчастія.

5 *Февраля.* Жидоморъ! далъ впередъ 6 цѣлковыхъ... проигралъ... хоть бы разъ пройти!...

7 *Февраля.* Я потерялъ день; не былъ въ должности; искалъ денегъ; досталъ 6 цѣлковыхъ, прибѣгаю; поздно; ни одного мѣста; съ утра расквatали. Это ужъ ясно видно, что фортуна меня дурачитъ... А — сегодня... ни одного амба!!..

8 *Февраля.* Я не игралъ. Не на что. Дома сидѣть холодно. Ѣсть нечего. Я смотрѣлъ какъ играютъ. Согрѣлся. Меня поподчивалъ ужиномъ Борисъ Ивановичъ... Я попросилъ у Назарія 3 цѣлковые... Скряга!.. Притворился будто нѣтъ... Что будетъ завтра? Гдѣ бы достать?

9. Боже мой! Боже мой! Семенъ Ивановичъ поручилъ мнѣ подписаться на журналъ. Соблазнилъ нечистый! Десять цѣлковыхъ... пропали... Меня зовутъ къ Семену Ивановичу... Боже мой, Боже.

— *Дневникъ Доктора.*

9 *Февраля.* Поступилъ новый больной... Отъ сидячей жизни — сильный приливъ крови къ головѣ. Опасенъ.

10 *Февраля.* Воспаленіе въ мозгу.

11 *Февраля.* Умеръ.

II.

ПРЕФЕРАНСЪ.

— *Дневникъ другаго современника.* 31 *Января.* Получилъ мѣсячное жалованье 33 р. 33⅓ к. сер.

1 *Февраля.* Проигралъ въ преферансъ 2 р. 12 к. сер. Играли въ старыя карты. Анна Акимовна хотѣла было подать новыя, да ба! Не удалось. А курьозный случай проскочилъ вчера. Иванъ Андреичъ... а у Ивана Андреевича тузъ дама козырей, да еще три туза, повистовалъ, и безъ одной! Я весь вечеръ смѣялся.

2 *Февраля.* Выигралъ 2 р. 13 к. сер. Вотъ вчерашнее и вернулось. Заплатилъ за квартиру 25 р. ас., за столъ 30 р. ас. Потапу сполна 10 р. ас. За дрова 9 р. ас. Сапожнику въ счетъ 7, и портному 6, итого 13, а всего 77 р. асс. — 11 р. сер. осталось на преферансъ...

3 *Февраля.* Проигралъ 5 р. с., а все это Анна Акимовна; непремѣнно возьми новыя карты! Играйте по 2 копѣйки! Карты засусляились... Ну, новыя такъ новыя, по 2 такъ по 2, вотъ тебѣ и по двѣ...

4 *Февраля.* Очень огорчился. Вчерашній проигрышъ съ ума не шелъ. Принесли обѣдъ; не ѣлъ... Былъ знакомый докторъ... Совѣтовалъ прогуляться, да не было охоты... Просидѣлъ весь день дома.

5 *Февраля.* Дурно. Боленъ. Весь день тоска. Изъ канцеляріи насилу домой добрелъ.

6 *Февраля.* Хуже. Сижу дома. Очень дурно. 7 часовъ, а мнѣ ужъ спать хочется. Вотъ, что называется хандра, гипохондрія... надо бы послать за докторомъ... Звонятъ. Ужъ не онъ ли?

P. S. Чудесно! Спасибо товарищамъ! Навѣстили! Пульку затѣяли! Я съ королемъ самъ другъ восемь въ червяхъ сыгралъ — и выздоровѣлъ, безъ доктора. Нравоученіе — явствуетъ.

—

БЫВАЛО и ТЕПЕРЬ.

АФОРИЗМЫ.

Съ нѣмецкаго.

Бывало, молодой человѣкъ, вступая на сцену, питалъ невольное уваженіе ко всякому старшему актеру, хотя бы онъ былъ и не изъ лучшихъ. Завидѣвъ его издали, новичекъ снималъ предъ нимъ шляпу и былъ чрезвычайно счастливъ и доволенъ, когда тотъ удостоивалъ его ласковаго слова; онъ былъ въ восторгѣ, когда старому актеру было угодно обратить вниманіе на его игру и подать ему добрый совѣтъ.

Теперь, старый актеръ снимаетъ предъ новичкомъ шляпу, кланяется ему чуть ни въ поясъ и проситъ у него совѣта; чѣмъ бездарнѣе начинающій, тѣмъ онъ безстыднѣе, наглѣе, грубѣе, и тѣмъ болѣе воображаетъ о себѣ. Приличія, вѣжливости, уваженія онъ не знаетъ; изящное и драматургія для него пустыя слова; онъ закидываетъ назадъ голову, безпощадно бранитъ все и всѣхъ, критикуетъ, насмѣхается, и служитъ оракуломъ нѣкоторыхъ трактировъ и ресторацій.

Бывало старшій актеръ умѣлъ держать младшаго въ почтительномъ разстояніи; *теперь* же они вмѣстѣ кутятъ и бразничаютъ.

Бывало, когда молодой человѣкъ съ дарованіемъ вступалъ на сцену, то объ немъ рецензенты упоминали изрѣдка съ похвалою, — весьма умѣренною, достаточною *для* того, чтобы поощрить молодаго человѣка, котораго, только 3 или 4 года спустя; называли *даровитымъ начинающимъ. Теперь,* стоитъ только посредственно сыграть одну или двѣ роли съ переодѣваньемъ, чтобы прослыть *великимъ артистомъ* и заслужить похвалы всѣхъ журналовъ.

Это ведетъ къ погибели искуства и убиваетъ всякое дарованіе.

Бывало, рецензенты уважали достойныхъ и заслуженныхъ артистовъ; не произносили надъ ними по прихоти или, что еще хуже, по какимъ либо личнымъ отношеніямъ, несправедливаго, дерзкаго суда; *теперь* же, всякій мальчикъ, только что сорвавшійся со школьной скамьи, имѣетъ право печатать нелѣпыя сужденія объ искуствѣ и достойныхъ представителяхъ его.

Бывало, артистъ, изъ уваженія къ самому себѣ, презиралъ подобныя сужденія; *теперь* же, онъ унижаетъ себя, отвѣчая на нихъ.

Бывало, публика любила актера и восхищалась имъ; но восхищеніе это было скромное, почтительное; зрители рѣдко апплодировали, еще рѣже вызывали. Когда артистъ появлялся въ публикѣ, то всѣ обращали на него вниманіе; одинъ говорилъ другому: «Это такой-то; знаете ли вы его?» — Всѣ охотно разговаривали съ нимъ, и радовались его скромности и образованности.

Теперь, каждому, мало-мальски сносному, актеру (особенно актрисамъ) апплодируютъ отчаянно; ихъ вызываютъ съ бѣшенствомъ разъ по десяти въ вечеръ. Цвѣты и вѣнки, величайшая награда артиста, превратилась въ насмѣшку. Тотъ артистъ, который теперь скроменъ и вѣжливъ, ничего не знаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго дарованія; кто же важничаетъ и остритъ въ трактирахъ, со всякимъ братается, насмѣхается надъ товарищами, вездѣ говоритъ только о себѣ, — тотъ настоящій артистъ, тому всѣ вѣрятъ каждое слово того — законъ!

Отчего бы это было?...

Бывалый.

—

АНЕКДОТЫ.

I.

— Одинъ честный мусульманинъ, въ трудномъ случаѣ, рѣшился обратиться къ ростовщику, не честному жидку, и занять, натурально подъ надежный залогъ, certum quantum...

Жидъ согласился, но потребовалъ 9 процентовъ въ мѣсяцъ.

— Не боишься ты пророка!.. воскликнулъ мусульманинъ...

— Э! Пророкъ на небесахъ, смотритъ сверху; онъ не 9, а только 6 видитъ...

II.

— Въ маленькомъ нѣмецкомъ театрѣ, бывшемъ еще на дворцовой площади, собралось очень много народа; такъ много, что, къ общему удивленію, пустыхъ ложъ было только десять, а въ партерѣ пустаго мѣста оставалось не больше, какъ человѣкъ на сто. Публика сидѣла, натурально, уже до семи часовъ въ потьмахъ; въ семь часовъ фонари освѣтили любопытныхъ зрителей; въ половинѣ осьмаго проиграли небольшую симфонію, сочиненія Орфея, или кого либо изъ ближайшихъ его наслѣдниковъ... Наконецъ, около осьми часовъ, появилась на сценѣ дѣвица Б. Тогда были другіе обычаи, другіе нравы. Публика приняла артистку отлично, то есть смолкла, и въ залѣ стало такъ тихо, что слышно было какъ за кулисами спали нѣкоторыя дѣйствующія лица, которыя перемѣняли декораціи. — Режиссеръ принялъ противу этого безпорядка мѣры, и публика въ безмолвіи наслаждалась и лицезрѣніемъ и одушевленною игрою герман-

ской гостьи. Но скоро тишина нарушилась сама собою; актрисса возбуждала общую веселость болѣе и болѣе; стали хохотать не стѣсняясь; въ особенности одинъ нѣмецъ въ очкахъ смѣялся до-слезъ, въ восторгѣ размахивалъ руками и прикрикивалъ: Allerliebst Allerliebst! Возлѣ него сидѣлъ русскій левъ, хотя львовъ тогда не было, франтъ, волокита. Онъ не зналъ по-нѣмецки ни одного слова; но слыхалъ, что пріѣзжая гостья большая красавица, и полагалъ, что этого уже довольно для сценическаго наслажденія. Созерцая счастіе сосѣда въ очкахъ, онъ сталъ завидовать и жалѣть, что не понимаетъ языка. Одно мѣсто произвело такой восторгъ, что сосѣдъ запрыгалъ на скамьѣ, неистово махнулъ рукой и возбудилъ любопытство франта въ высшей степени.

— Должно быть очень смѣшно... сказалъ онъ сосѣду...

— Очень смѣшно! весьма смѣшно! совсѣмъ смѣшно.

— Не можете ли мнѣ передать, что она такое сказала смѣшное...

— Послѣ, послѣ...

— Какъ послѣ?

— Вы ужъ только смѣйтесь; а я вамъ послѣ все разскажу...

III.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ раненъ смертельно зять Кутузова, графъ Тизенгаузенъ, прекрасный молодой человѣкъ. Движимый духомъ мужества, онъ стремился въ самыя опасныя мѣста; пуля пробила ему грудь, онъ упалъ съ лошади.

Кутузовъ, узнавъ объ этомъ печальномъ извѣстіи, не изъявилъ ни малѣйшаго знака наружной скорби: казалось, онъ былъ совершенно покоенъ, и отдавалъ приказанія въ продолженіе цѣлаго сраженія съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Но, на другой день, приближенные застали его въ невыразимой горести; слезы текли ручьями; онъ рыдалъ неутѣшно надъ трупомъ любимаго сына, погибшаго въ первыхъ лѣтахъ юности.... Желая его успокоить, нѣкоторые изъ приближенныхъ рѣшились сказать, что они не ожидали видѣть его въ такомъ отчаяніи, послѣ того великодушія, съ которымъ перенесъ онъ вчера этотъ ударъ. —,, Вчера" — отвѣчалъ Кутузовъ — «я былъ начальникъ, а сегодня — отецъ!»

—

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Ихъ не много, но замѣчательны:

* Тарантасъ — иллюстрованный разсказъ графа В. А. Соллогуба. И мы скажемъ пока, какъ намъ Нѣмецъ въ анекдотѣ. Вы только покупайте, а мы послѣ вамъ все разскажемъ.

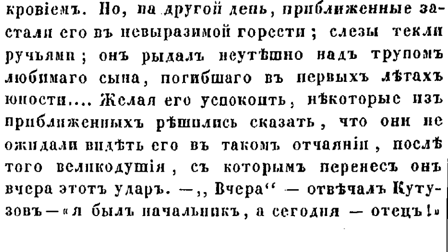
* Физіологія Петербурга, также иллюстрована, также послѣ все скажемъ, потому что все это надо прочесть, а мы теперь читаемъ превосходныя

* Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Прочесть эту книгу — надо времени и вниманія. Такъ извините. Мы не занимаемся Библіографіей въ нынѣшнемъ ея значеніи и непремѣнно хотимъ прочесть все то, о чемъ хотимъ поговорить съ нашими читателями. Вотъ еще новое и весьма любопытное изданіе:

* Вчера и Сегодня. Альманахъ въ тетрадяхъ, собранный графомъ В. А. Сологубомъ, изданіе А. Смирдина. Сколько подарковъ на свѣтлый праздникъ! Прогуливаясь по Невскому, подойдите къ этому окну, къ этому новому книжному магазину. Радушный хозяинъ въ окнѣ, А. Ф. Смирдинъ найдетъ чѣмъ занять ваше любопытство; впереди у него много затѣй на пользу словесности новой, во славу словесности старой.

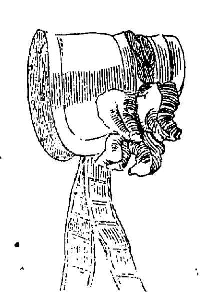
ЗАДАЧА № 1.

Бѣлые ходятъ, и въ пять ходовъ даютъ матъ.



МОДЫ.

Парижъ въ уныніи — и вся Европа скучаетъ. Моды рѣшительно истощились. Нѣтъ модъ; рѣшительно нѣтъ. Теперь все старо. Перехода, отъ



зимнихъ костюмовъ къ весеннимъ, почти не замѣтили. Вотъ два платья, сколько нибудь замѣча-

тельныя по уборкѣ. Въ первомъ она изъ той же матеріи какъ и платье, но перехваты изъ лентъ; во второмъ изъ узенькой шелковой бахрамы, и это

совершенная новость, небывалая, хитрая и весьма красивая. Корсажъ застегивается сзади и съ переди, смотрянно желанію, но въ послѣднемъ случаѣ

надо строго наблюдать, чтобы концы уборки приходились ровно одинъ противъ другаго; иначе все погибло. Произойдетъ непріятной безпорядокъ. Лица на гравюркахъ не хороши; но на лица также бываетъ мода. Теперь въ модѣ точно такія. Печатному вѣрить должно. Впрочемъ, если эти лица вамъ не понравятся, надѣньте на нихъ двѣ шляпки, которыя мы нарочно приложили для этой цѣли, и любуйтесь, потому что эти соломенныя шляпки точно хороши, особенно та, что съ перьями... Пока все. Но, вѣроятно, этотъ бѣдный и скучный антрактъ будетъ непродолжителенъ. Это тишь передъ бурей.

НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ — Въ *Москвѣ* : у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ : въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NNо 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ПОДЪ ФИРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта, поступили въ продажу:

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ, литературный сборникъ, составленный графомъ *В. А. Соллогубомъ*, изданный *Александромъ Смирдинымъ*. Книжка первая. Спб. 1845 бол. 8 д. съ заглавною виньеткою. Ц. 1 р. 50 к. с.

КРАТКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ, для постройки сельскихъ жилыхъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ, съ рисунками, составленное *А. Сапожниковымъ* и *Тамянскимъ*. Спб. 1845 г. ц. 3 р. сер. вѣс. за 3 ф.

Вновь отпечатанный, посвященный Государынѣ Императрицѣ, историческій романъ :

ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ, ИЛИ МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ, продолженіе романа Князь Скопинъ-Шуйскій, сочиненіе того же автора (О. П. Шишкиной). 4 тома, въ 8 д. л, на веленевой бумагѣ. 1845 г. Цѣна 5 р. сер. вѣсовыхъ за 4 ф.

КАРТИНЫ изъ Исторіи Дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ. Переводъ съ француз. подъ редакціею *Михаила Чистякова*. Съ 6-ю картинками. Спб. 1845 г. въ 16 д. л. ц. 1 р. 50 коп. сер. вѣс. за 1 ф.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ, съ 12-ю превосходно литографированными картинками, и прекрасно напечатанные на лучшей веленевой бумагѣ. Спб. 1845 г. ц. 80 коп. сер.

ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ, Азбука, съ примѣрами для постепеннаго чтенія, украшенная картинками. К. Т. Спб., 1845 г. ц. 30 к. с. съ раскрашенными картинками 50 к. с.

ПОВѢСТИ И СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, подарокъ къ празднику, съ 12-ю картинками. Спб. 1845 г. въ 12 д. л. ц. 1 р. 50 к.

ЧТЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ перваго возраста. Сочиненіе *Александры Ишимовой*, съ картинками. Спб. 1845 г. ц. 1 р. с. вѣс. за 1 ф.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный магазинъ, на имя *Ивана Федоровича Бевена*.

—

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ :

ОДЕОНЪ,

На углу Большой Морской и Гороховой, въ *домѣ Штрауха* :

1) Masurque sur l'air favori de Balfe, pour le Pf. par de Liadoff, 30 c. arg.
2) Galop (à M. Laskowsky) par Liadoff, 43 c. arg.
3) Contredanse françoise (Linda di Chamounix), pour le Pf. par Liadoff, 50 c. arg.
3) Galop (à M. de Bulhakow) pour le Pf. 50 c. arg.
4) Camelien Galop. p. le Pf. par Liadoff. 50 c. arg.
6) Fanny-Polka, pour le Pf. par Liadoff, 40 c. arg.

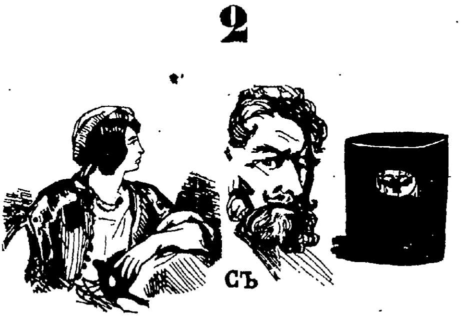
РАЗГАДКА.

Клевъ-этажъ-эсъ-токъ-огонь-итъ того кто отъ нея убѣгаетъ.

Клевета жестоко гонитъ того, кто отъ нея убѣгаетъ.

—

ЗАГАДКА.

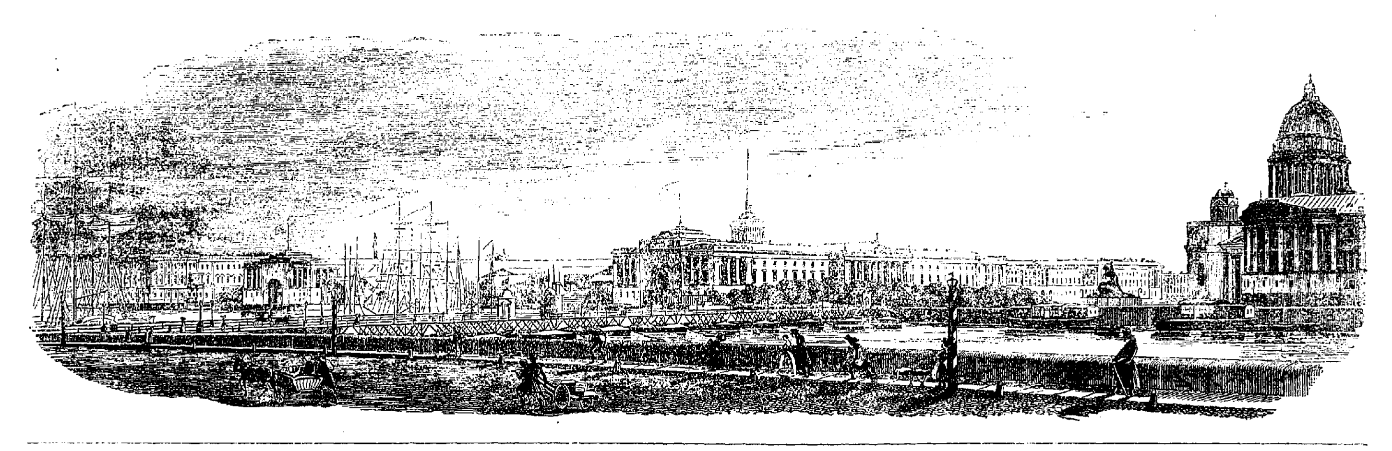


Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. Четыре остальныя недѣли назначены для праздниковъ. Посему 4 нумеръ выйдетъ въ Субботу, 28 апрѣля.

Печатать позволяется, С. Петербургъ, Апрѣля 11 дня 1845 года. Цензоры : *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 4.—Суббота, 28 Апрѣля 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

МАРТЪ.

Жизнь каждаго человѣка—поэма; но въ иной больше смысла, въ другой вовсе смысла нѣтъ; въ той легки, красивы стихи, въ этой грубоваты, но исполнены высокихъ мыслей; а въ этой ни мысли, ни стиха; есть поэмы въ прозѣ, а лучше нежели всѣ прочія въ стихахъ; есть, наконецъ, поэмы совершенно прозаическія. Жизнь человѣка потерпѣла тысячи сравненій, и всѣ удачны, потому, что все въ мірѣ живетъ жизнію особенною и сходною съ жизнію человѣка. Въ исходѣ марта сталъ новый гробъ между нами; гробъ, вмѣстившій остатки маститаго старца, стяжавшаго общее уваженіе и любовь. Скончался Графъ Н. С. Мордвиновъ. Мы стали собирать матеріалы для его біографія; но она не можетъ?вмѣститься въ легкій, журнальный очеркъ, и требуетъ продолжительной и тщательной обработки. Нечего дѣлать. Мы должны на этотъ разъ удовольствоваться только однимъ портретомъ и, миновавъ съ благоговѣніемъ могилу добродѣтельнаго мужа, обратиться къ предметамъ ежевдненымъ....

(Графъ Н. С. Мордвиновъ).

Въ концѣ того же марта родилась Иллюстрація. Она возбудила много толковъ pro и contra. Поговорили, пошумѣли и успокоились. Иллюстрація прошла черезъ эту заставу, показала свой паспортъ; выдержала всю скуку вопросовъ и совѣтовъ, и пошла впередъ своей дорогой, соблюдая строгое равнодушіе ко-всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли обеспокоить ее по дорогѣ. Вотъ и весь мартъ.

—

АПРѢЛЬ.

Было вербное гулянье. Много игрушекъ, салоповъ, извощиковъ и крашеныхъ писанокъ.

Погода прекрасная.

Италіянцы пропѣли тріо изъ оперы Жизнь за Царя нѣсколько разъ. Г-жа Віардо-Гарсія—каватину изъ оперы Русланъ и Людмила....

За тѣмъ наступила Страстная Недѣля.

Погода прекрасная.

За Страстною послѣдовала Святая.

На первый день погода прекрасная. — Но на второй, о ужасъ!

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой...
Сыпалъ иней пушистый...

Хуже... Бросалъ кучи снѣга, который сначала обращался въ грязь; но скоро Борей получилъ самостоятельность и легъ на улицахъ столицы бѣлою пеленою. Унасъ всегда въ апрѣлѣ мелькнетъ нѣсколько свѣтлыхъ дней; люди обрадуются и вынимаютъ окна; — гуляютъ въ лѣтнихъ салопахъ и пальто; это наша весна; ежегодный опытъ имъ не въ науку, и чтожъ? — Эта весна быстро умчалась. Борей въ окнахъ производитъ ужасную музыку, къ которой пристаютъ хоромъ чуть не всѣ жители Петербурга, — кто кашляя, кто завывая отъ боли зубовъ. Это настоящая петербургская весна; мы бы совѣтовали не снимать теплой одежды и не вынимать оконъ до тѣхъ поръ, пока Нева не разойдется и не пройдетъ холодный ледъ и воздухъ не обогрѣется хорошенько. Говорятъ, что въ медицинскія правила хотятъ включить этотъ весьма справедливый афоризмъ: ходи какъ можно долѣе весной въ теплой, — осенью въ холодной одеждѣ! На Святой въ Петербургѣ былъ зимній праздникъ или увеселеніе, но о немъ смотри ниже. Это особъ-статья. Въ балаганахъ мы не были, потому что не хотѣли отбивать у другихъ любимаго сюжета. Во все это время мы перебирали по косточкамъ половину апрѣля, чтобы найти для читателей что либо интересное... Но, увы... Кромѣ ужасной погоды, не нашли ничего. Развѣ къ концу апрѣль разъиграется, хотя бы изъ состраданія, къ еженедѣльнику Иллюстраціи.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВСЕЙ РОССІИ.

—

НАРВА.

(Окончаніе).

Окончаніе легенды; окончаніе Исторіи; Водопадъ.

Ночь была темная, ненастная. Тишина ея прерывалась завываніемъ вѣтра и отдаленнымъ шумомъ нарвскаго водопада. Какъ двѣ враждующія, недовѣряющія другъ другу силы, отдѣлялись отъ темно-синяго неба черныя массы двухъ крѣпостей.

Въ Иванъ-Городѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ; только часовые, вздрагивая отъ холода, перекликались, или ночныя птицы, оставляя гнѣзда свои, съ рѣзкимъ крикомъ, подобнымъ воплю, пересѣкали воздухъ. Вдругъ послышался тихій, но продолжительный свистъ, а за тѣмъ какъ будто бъ звукъ оружія... Часовые приподняли головы и обратили все вниманіе на лифляндскую крѣпость; тамъ все было тихо, незамѣтно было ни малѣйшаго движенія, нигдѣ не видно было огонька; ни одна ладья не пересѣкала волновавшейся поверхности Наровы... Но вотъ опять свистъ съ другаго уже конца крѣпости и опять звукъ оружія. Часовые стали чаще и громче перекликаться, какъ вдругъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, занимавшихъ главнѣйшіе посты, напали вооруженные воины, и въ то же время съ шумомъ плеснула вода, какъ будто бъ отъ паденія въ нее тяжелаго тѣла...

И опять все утихло на нѣсколько минутъ. Вдругъ со всѣхъ концовъ Иванъ-Города послышался рѣзкій, дикій крикъ и вскорѣ яркое пламя освѣтило страшную картину. Безоружные защитники крѣпости были безпощадно убиваемы лифляндскими воинами, вооруженными съ ногъ до головы. Кровопролитіе было ужасное! Рыцари-разбойники предавали все огню и мечу, со всѣхъ сторонъ слышались клики мести, смѣшанные съ проклятіями, воплями женъ и дѣтей, звукомъ оружія!...

Враги не успѣли еще добраться до дома воеводы, которому ввѣрено было начальство надъ крѣпостію, какъ онъ успѣлъ одѣться; но въ то самое время, когда онъ опоясывалъ мечъ, послышались сильные удары въ дверь, которая вскорѣ уступила усиліямъ наступавшихъ, или, лучше сказать, наступавшаго, потому что на порогѣ воевода увидѣлъ рыцаря въ черныхъ латахъ, съ опущеннымъ забраломъ...

— Га! наконецъ! вскрикнулъ рыцарь съ звѣрскою радостію, окинувъ быстрымъ взглядомъ всю комнату; потомъ, поднявъ забрало, обратилъ къ воеводѣ лицо, на которое упалъ свѣтъ отъ лампады, теплившейся предъ иконами. — Бояринъ! Знаешъ ли ты меня? Небо справедливо! Ты могъ попасться другому въ руки, могъ погибнуть отъ чужаго меча — однакожъ нѣтъ! Само Небо направило шаги мои! Помнишь ли ты красотку, которую хотѣлъ ты сдѣлать жертвой звѣрской страсти своей, и которая погибла отъ руки мужа, отъ моей руки! Я поклялся мстить тебѣ, и ты самъ видишь теперь, сдержалъ ли я слово свое...

— Я дорого продамъ жизнь свою! вскричалъ воевода и, поднявъ мечъ, бросился на Индрика, который ловко отклонилъ отъ себя ударъ и свиснулъ... Въ то же мгновеніе нѣсколько лифляндскихъ воиновъ вбѣжали въ комнату.

— Связать его! вскричалъ Индрикъ, указывая на воеводу; горе тому, кто лишитъ его хоть одного волоса—онъ мой, онъ весь мой! прибавилъ онъ съ злобною радостію.

Воевода защищался съ отчаяннымъ мужествомъ. Нѣсколько человѣкъ уже пало подъ ударами его, но ему самому были нанесены опасныя раны; сильное напряженіе, потеря крови, лишили его силъ—онъ сталъ отступать; какъ вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, вбѣжала молодая дѣвушка и бросилась на грудь воеводы, восклицая:

— Пощадите, ради Бога, пощадите! Это отецъ мой!

Нѣсколько человѣкъ бросились къ молодой дѣвушкѣ, которой по виду было не болѣе пятнадцати лѣтъ, но Индрикъ остановилъ ихъ, грозно вскрикнувъ:

— Справляйтесь-ка лучше съ нимъ — красотка моя!

Дѣвушка еще разъ вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ. Отецъ ея былъ обезоруженъ и въ рукахъ непріятелей. Индрикъ отдавалъ приказанія воинамъ, когда юноша, красивой наружности, поспѣшно вбѣжалъ въ комнату.

— Прочь мальчишка, вскричалъ Бяренгауптъ, съ силой оттолкнувъ юношу; ты не созрѣлъ еще для меча моего!

— Господь дастъ мнѣ силу смирить гордость твою! произнесъ смѣло молодой человѣкъ, наступая на рыцаря.

— Такъ помолись же Богу, часъ твой пробилъ! глухо вскричалъ Индрикъ, и какъ бы неохотно занесъ мечъ надъ юношей....

— Остановись, рыцарь! не убивай роднаго сына своего!...

Едва воевода произнесъ эти слова, Бяренгауптъ остановился, какъ бы громомъ пораженный,—тяжелый мечъ выпалъ изъ руки его; настало глубокое молчаніе...

Между тѣмъ зарево надъ Иванъ-Городомъ обратило на себя вниманіе воеводъ, стоявшихъ съ войсками въ полѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ крѣпости; ударили тревогу и, полчаса спустя, къ Иванъ-Городу подоспѣла помощь и защита. Всѣ мѣры были приняты, чтобы ни одинъ непріятель не ушелъ изъ крѣпости. Вѣсть о внезапномъ появленіи защитниковъ дошла и до Индрика; не говоря ни слова, бросился онъ къ сыну, взбросилъ его на плечо и, забывъ о воеводѣ, пустился бѣжать...

Кто опишетъ изумленіе и ужасъ Русскихъ, когда, обойдя и обыскавъ Иванъ-Городъ, они не нашли ни одного Нѣмца!.. Исчезли, какъ сквозь землю провалились. Суевѣрно крестясь и оглядываясь со страхомъ, стояли Русскіе въ глубокомъ молчаніи.

—

Въ одной изъ комнатъ дома своего сидѣлъ Индрикъ. Передъ нимъ стоялъ сынъ его, съ опущенною на грудь головою и съ выраженіемъ глубокой грусти на лицѣ.

— Отто, сынъ мой! говорилъ рыцарь, не ужели они употребили чародѣйство, чтобы совершенно изгнать изъ сердца твоего любовь къ отцу?

— Не чародѣйствомъ, отецъ мой, а добрымъ обхожденіемъ и благодѣяніями! Не думай, чтобы въ умѣ моемъ не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о смерти матери моей; послѣдній взглядъ ея врѣзался въ сердцѣ моемъ такъ точно, какъ черты защитника ея...

— Несчастный! неужели ты и теперь еще не понимаешъ, съ какою цѣлію бояринъ защищалъ ее?

— Прости мнѣ, отецъ мой, но я не могу дурно думать о томъ, кто былъ благодѣтелемъ моимъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ имѣть дурныхъ намѣреній на мать мою, потому что тогда онъ уже былъ женатъ.

— Это еще не все! вскричалъ молодой человѣкъ, упавъ на колѣни предъ отцомъ; я воспитанъ Русскими въ вѣрѣ ихъ...

— Несчастный! и Индрикъ закрылъ руками лицо. — Завтра же ты долженъ будешь опять принять вѣру предковъ своихъ!

— Никогда! Меня никто не приневоливалъ принять русскую вѣру — я поступилъ по убѣжденію. Послушай, отецъ мой, послушай сокровеннѣйшую тайну моего сердца и сжалься надъ несчастіемъ сына! Я люблю дочь воеводы, начальствующаго надъ Иванъ-Городомъ, и любимъ ею! Если когда либо любовь проникала въ воинственную душу твою, то ты поймешь мученія мои. Отецъ! отпусти меня къ Русскимъ, тамъ цвѣтетъ для меня счастіе, тамъ родина моя — здѣсь я чужой!

Индрикъ всталъ. Въ мрачномъ взорѣ его сверкнулъ лучь надежды...

— Отто! произнесъ онъ торжественно; ты спрашиваешь, понимаю ли я что такое любовь? Ребенокъ, можетъ ли слабое чувство твое, мягкое какъ воскъ, сравниться съ тѣмъ, которое ощущалъ отецъ твой! Я любилъ мать твою — и рыцарь задрожалъ — и любовь эта, пресѣченная въ самой силѣ, рѣшила всю будущность мою! Ты спрашиваешь любилъ ли я?... Поймешь ли ты, какъ дорожилъ я этимъ чувствомъ, когда, лишившись его, я согласился зарыться живой въ могилу на десять лѣтъ, чтобы вырвать сердце у того, который изъ сердца моего вырвалъ любовь! Тамъ, въ страшной пропасти, съ двумя преданными мнѣ слугами, мы мечами своими сдѣлали себѣ лопаты изъ досокъ, сорванныхъ съ мостика, опустившаго насъ въ душную могилу! Тамъ, съ неутомимымъ трудомъ и терпѣніемъ, пробили мы въ толстой стѣнѣ окно, оно приходилось надъ самой поверхностью Наровы, чтобы хоть изрѣдка дохнуть чистымъ воздухомъ, посмотрѣть на свѣтъ Божій и находить новыя силы къ продолженію труда неимовѣрнаго! Въ десять лѣтъ, питаясь хлѣбомъ и сушеною рыбою, прорыли мы ходъ подъ Наровой до самой русской крѣпости!..

И величественно-гордо посмотрѣлъ Индрикъ на сына...

— Мы прорыли этотъ ходъ, и вчера уже воспользовались имъ съ успѣхомъ... Неужели ты опять спросишь, понимаю ли я что такое любовь?.. Ты любишь дочь воеводы —что же! Завтра же она будетъ въ стѣнахъ нашихъ, завтра же она будетъ рабой, невольницей твоей...

— Ради Бога! съ ужасомъ вскричалъ молодой человѣкъ, схвативъ руку отца — ради Бога! не принимайте ни какихъ насильственныхъ мѣръ... Отецъ ея благодѣтель мой, и скорѣе я самъ соглашусь быть рабомъ ея, нежели...

— Замолчи! произнесъ съ невольнымъ презрѣніемъ Индрикъ; ты, потомокъ одной изъ славнѣйшихъ ливонскихъ фамилій, хочешь быть рабомъ смазливенькой дѣвчонки... онъ замолчалъ и, мгновеніе спустя, судорожно сжавъ руки, произнесъ тихимъ голосомъ: Боже Всесильный! за что ты меня такъ жестоко наказуешь!.. Послушай, Отто, продолжалъ онъ спокойнымъ, почти умоляющимъ голосомъ, неужели просьбы отца тво-

его не имѣютъ на тебя никакого вліянія? Скажи одно слово, и та, которую ты любишь, будетъ здѣсь; ей будутъ отдаваемы всевозможныя почести какъ будущей супругѣ рыцаря Отто фонъ Бяренгаупта... Согласенъ ли ты?

Отто молчалъ, опустивъ голову на грудь. Отецъ въ боязненномъ ожиданіи смотрѣлъ на него. Минуту спустя, юноша покачалъ головой и отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Отпусти меня къ Русскимъ! Здѣсь я чужой!

Смертная блѣдность разлилась по лицу Индрика; руки его судорожно сжались; какъ бы въ изнеможеніи опустился онъ въ кресла... Наступила минута глубокаго, торжественнаго молчанія. Индрикъ пришелъ въ себя. Онъ всталъ, подошелъ къ юношѣ и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я тебѣ болѣе не отецъ... Какъ лифляндскій рыцарь, какъ судья стою я предъ измѣнникомъ. — Индрикъ поднялъ руку, и тяжело опустилась она на щеку молодаго человѣка. — Иди теперь, ты обезчещенъ!

Съ обнаженнымъ мечемъ бросился Отто на отца,—но остановился, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и выбѣжалъ изъ комнаты...

—

Прошло нѣсколько дней. Отто исчезъ. Ненависть Индрика къ Русскимъ еще болѣе увеличилась. По просьбамъ его, рыцари согласились вторично воспользоваться проходомъ, вырытымъ подъ Наровою, и напасть на Иванъ-Городъ.

Выбравъ самую темную ночь, они по одиначкѣ спускались въ отверстіе, пробитое въ одномъ изъ подземелій замка, у самаго прохода, вырытаго Индрикомъ. Проходъ этотъ былъ такъ узокъ, что только два человѣка могли идти рядомъ.

Едва прошли они въ молчаніи до половины дороги, какъ Индрикъ задрожалъ. Вдали, на противуположномъ концѣ прохода, увидѣлъ онъ огонекъ и услышалъ приближавшіеся шаги...

— Адъ и проклятіе! произнесъ онъ шопотомъ — измѣна!..

При этомъ восклицаніи рыцари скоро и въ безпорядкѣ стали отступать, чтобы принять нужныя мѣры и приготовиться къ защитѣ, но проходъ былъ слишкомъ узокъ, они отступали чрезвычайно медленно. Индрикъ былъ еще довольно далеко отъ выхода, какъ услышалъ за собою шаги Русскихъ и восклицанія ихъ:

— Смѣлѣе, смѣлѣе, Богъ помогъ намъ предупредить враговъ, нападемте на нихъ!

Видя неизбѣжную погибель, Индрикъ рѣшился дорого продать жизнь свою... онъ обернулся и встрѣтился лицомъ къ лицу съ сыномъ...

— Измѣнникъ! ты умрешь отъ руки моей! закричалъ рыцарь и бросился къ молодому человѣку, прикрывая такимъ образомъ отступленіе товарищей своихъ...

Завязался страшный бой, при свѣтѣ факеловъ, тускло горѣвшихъ въ удушливой атмосферѣ подземнаго хода. Одинакая ярость выражалась на лицахъ двухъ противниковъ; съ одинакимъ бѣшенствомъ нападали они другъ на друга, — не какъ отецъ и сынъ встрѣтились они, но какъ злѣйшіе враги... Глубокій стонъ вырвался изъ груди Индрика, онъ покачнулся... мечь выпалъ изъ руки его... Сынъ убилъ отца!

— Проклятіе! было послѣднее слово Индрика.

Но откуда происходитъ этотъ шумъ, подобный реву водопада? Какая причина этой суматохи, воплямъ, крикамъ?...

Часть прохода обвалилась, вода съ шумомъ прорывалась въ отверзтіе и поглотила отцеубійцу!...

. . . .

Мнѣ показывали входъ въ этотъ древній туннель и выходъ изъ него. Изъ низкаго свода, въ одномъ изъ подземелій, разливается вода; въ черномъ пространствѣ, остающемся между поверхностію воды и потолкомъ подземнаго хода, сквозной вѣтеръ уныло завываетъ... это, говорятъ, стонетъ душа отцеубійцы, не находящая покоя...

—

Возвратимся къ Исторіи.

Въ 1559 году, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ русскими войсками въ Лифляндіи, магистръ Вильгельмъ Фюрстембергъ, видя несчастное положеніе отчизны своей, уговорилъ меченосцевъ просить у Царя Іоанна IV Васильевича міра, и между тѣмъ, въ ожиданіи рѣшенія Царя, заключилъ перемиріе на сорокъ дней.

Всѣ непріятельскія дѣйствія прекратились и рыцарскіе послы шли уже къ Москвѣ, когда нечаянный случай подвергъ Лифляндію бо́льшему гнѣву Царя. Одинъ изъ свирѣпыхъ начальниковъ Нарвы, непримиримѣйшій врагъ Русскихъ, прохаживался однажды по высокимъ стѣнамъ замка. Оттуда увидѣлъ онъ на площадкѣ Иванъ-Города толпу Русскихъ; по одѣянію онъ узналъ, что то были бояре и воеводы. Пробудилась звѣрская злоба въ душѣ рыцаря, не могъ онъ унять ее... Надѣясь, что поступокъ его не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій, онъ собственноручно направилъ пушку къ толпѣ Русскихъ, выстрѣлилъ и многихъ убилъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ меченосецъ далѣе; но выстрѣлъ этотъ былъ принятъ другими начальниками нарвской крѣпости за знакъ прекращенія перемирія, и всѣ направили пушки на Иванъ-Городъ. Воевода *Иванъ Шарановъ* сынъ *Замыцкій*, хотя видѣлъ явное нарушеніе заключеннаго перемирія, но въ слѣдствіе строгаго приказанія Царя свято и ненарушимо хранить святость договора, старался только защищаться отъ нападеній непріятеля, и въ тоже время послалъ къ Іоанну гонца съ вѣстію.

Уже назначенъ былъ день, въ который послы рыцарскіе должны были представиться Царю, когда вдругъ пришло извѣстіе о вѣроломномъ нарушеніи перемирія. Раздраженный Іоаннъ принялъ пословъ и сказалъ имъ:

— Вѣроломство ваше будетъ наказано; возвратитесь, отнесите къ вашему магистру посланное отъ него ко мнѣ злато; а я вскорѣ съ огнемъ и мечемъ буду къ вамъ!

Русская сила обложила и принудила Нарву къ сдачѣ. Но подоспѣли ревельскіе рыцари; Русскіе вышли на битву; изъ Нарвы ударили въ тылъ Русскимъ, и хотя рыцари и не одержали побѣды, но Русскіе потеряли Нарву.

Въ 1559 году, 11-го мая, въ Нарвѣ сдѣлался страшный пожаръ. Едва сильный огонь, быстро распространившійся по городу, былъ замѣченъ русскими войсками, то они немедленно стали переправляться черезъ Нарову, на плотахъ и на лодкахъ. Нарвскіе жители, пораженные ужасомъ и приведённые въ смятеніе, не думали о защитѣ...

Узнавъ о взятіи Нарвы, Іоаннъ позволилъ жителямъ этого города по прежнему жить въ немъ, заниматься дѣлами своими и производить торговлю. Въ то же время Царь показалъ усердіе свое къ вѣрѣ; архіепископъ новгородскій, прибывшій по повелѣнію его въ Нарву, съ большимъ числомъ духовенства, обошелъ весь городъ съ крестами и окропилъ святою водою...

Въ продолженіи ста сорока лѣтъ, Лифляндія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Переходила она изъ рукъ въ руки; торговля начинала упадать; рыцари предавались самой изнѣженной, развратной жизни, и не имѣя собственныхъ силъ, по неволѣ должны были прибѣгать къ помощи сосѣднихъ государствъ.

Между тѣмъ на престолъ русскій вступилъ Великій Царь. Дѣянія его должны были возвеличить и прославить на вѣки Россію!..

Нарва находилась во власти шведскаго короля Карла XII, когда въ 1700 году, 9-го сентября, русское войско подошло къ стѣнамъ ея. Начальникомъ этого войска былъ молодой герцогъ де Кроа, который недавно оставилъ австрійскую службу и поступилъ къ Петру. Порученіе, данное ему Царемъ, состояло въ томъ, чтобы овладѣть Иванъ-Городомъ и Нарвой. Но 19-го ноября выступилъ смѣлый Карлъ изъ Нарвы и, пользуясь снѣжнымъ вихремъ, подошелъ къ Русскимъ на 10 шаговъ. Русскіе приведены были въ смятеніе, и Карлу легко было одержать побѣду. Есть преданіе объ измѣнѣ; о хитромъ содѣйствіи Карлу какого-то простолюдина. Какъ бы то ни было, Русскіе были разбиты; де Кроа, Аллартъ взяты въ плѣнъ, другіе подверглись той же участи измѣной Карла своему слову. Плѣнники отосланы подъ строгимъ присмотромъ въ Стокгольмъ. Только герцогъ де Кроа, по особой милости короля, получилъ позволеніе остаться въ Ревелѣ, гдѣ черезъ годъ и скончался въ такой бѣдности, что, по настоянію кредиторовъ, въ слѣдствіе закона, воспрещавшаго хоронить должниковъ, тѣло его было лишено погребенія.

Велика была потеря Русскихъ, но мало было чести Шведамъ. Вотъ что написано въ журналѣ Петра Великаго, (стр 25 и 26).

«И такъ надъ нашимъ войскомъ Шведы «викторію получили, что есть безспорно; но «надлежитъ разумѣть, надъ какимъ вой-«скомъ оную получили? Ибо одинъ только «старый лефортовскій полкъ былъ, да два «полка гвардіи были только у Азова, а по-«левыхъ боевъ, паче же съ регулярными «войсками, никогда не видали; прочіе же «полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, «какъ офицеры, такъ и рядовые самые, «были рекруты. Къ томужъ за позднимъ «временемъ и за великими грязьми и провіан-«та доставать не могли; и единымъ сло-«вомъ сказать, казалось, все то дѣло яко «младенческое играніе было, а искусства ни-«же вида: то какое удивленіе, такому ста-

«рому, обученному и практикованному вои-«ску, надъ такими неискусными сыскать «викторію?»

Между тѣмъ быстро распространялись побѣды Петра надъ Шведами, и въ 1704 году онъ опять обратился къ Нарвѣ. Изъ перехваченнаго письма узналъ Великій Государь о томъ, что нарвскіе жители ждутъ къ себѣ на помощь шведское войско, подъ предводительствомъ генерала Шлиппенбаха. Тогда Петръ употребилъ слѣдующую воинскую хитрость : на той дорогѣ, по которой изъ Нарвы ожидали прибытіе вспомогательныхъ войскъ, онъ скрылъ два пѣхотныхъ и два конныхъ полка въ синихъ мундирахъ, какіе были у Шведовъ, и съ ихъ знаменами; потомъ приказалъ князю Рѣпнину и Меншикову аттаковать эти полки, которыхъ нарвскіе жители приняли за своихъ и вышли къ нимъ на помощь. Нарвскій гарнизонъ былъ разбитъ, однакожъ часть его успѣла спастись бѣгствомъ, и Нарва осталась еще во владѣніи Шведовъ. Видя упорство осажденныхъ, Петръ, 30-го іюля, приказалъ бомбардировать Нарву. Разрушительное дѣйствіе русской артиллеріи было ужасно. Сжалившись надъ раззореніемъ, которому подвергалась такая сильная крѣпость, и щадя непріятелей, Государь послалъ къ нарвскому коменданту Горну письмо, съ увѣщаніемъ сдаться на честный аккордъ. Мужественный, но неблагоразумный Горнъ, не хотѣлъ ничего слушать, и отвѣчалъ, что не смотря на всѣ опасности, онъ намѣренъ защищаться до послѣдней капли крови.

Мужество Горна достойно было лучшей участи; но Петръ, огорченный тѣмъ, что кровопролитіе и разрушеніе должно еще продолжаться, приказалъ объявить отвѣтъ коменданта предъ всѣмъ войскомъ, дабы оно знало, что Онъ вынужденъ упорствомъ осажденныхъ приступить ко взятію Нарвы штурмомъ. Нѣсколько дней спустя, а именно 9-го августа, Русскіе взобрались на стѣны и вломились въ ворота. Нарва пала.

Долгое сопротивленіе Шведовъ до того ожесточило солдатъ русскихъ, что, не повинуясь начальникамъ и забывъ строгій наказъ Монарха не убивать и не грабить побѣжденныхъ, они нападали даже на женщинъ и дѣтей. Тщетно старались начальники возстановить порядокъ... Тогда Петръ, съ обнаженною шпагою въ рукахъ, бросился на грабителей, вырывалъ изъ рукъ ихъ несчастныя жертвы, кричалъ, чтобы они унялись отъ грабежа и кровопролитія, и нѣкоторыхъ, непослушныхъ, закололъ на мѣстѣ!... Потомъ объѣхалъ верхомъ всѣ улицы, утѣшалъ побѣжденныхъ, и, для большей безопасности ихъ, разставилъ вездѣ караулы, особенно жъ къ церквамъ и лучшимъ домамъ богатыхъ гражданъ.

Въ ратушу, которая наполнена была гражданами, Петръ, покрытый пылью и кровію, вошелъ и, бросивъ шпагу свою, обагренную кровію, на столъ, воскликнулъ :
— «Смотрите, шпага сія не шведскою, «но россійскою обагрена кровію: Я умер-«твилъ ею собственныхъ моихъ воиновъ, «чтобъ удержать ихъ отъ страшнаго гра-«бительства и убійства въ городѣ, и спа-«сти бѣдныхъ жителей отъ конечнаго ис-«требленія!»

Первымъ дѣйствіемъ великаго монарха было попеченіе объ утвержденіи безопасности новыхъ подданныхъ своихъ, объ устроеніи порядка въ городѣ и о постановленіи правилъ къ спокойной жизни гражданъ. Видя такое милостивое обращеніе Монарха, Иванъ-городскій комендантъ сдалъ крѣпость на договоръ. Тогда принесено было Господу торжественное благодареніе..

Съ тѣхъ поръ утвердилось спокойствіе и благоденствіе Нарвы. Страшныя, неприступныя крѣпости красуются, какъ живописныя развалины, на голыхъ равнинахъ; гдѣ такъ часто встрѣчались русскіе и ливонскіе мечи, разбросаны красивенькіе домики, образующіе форштаты; на крутыхъ берегахъ Наровы воздвиглись фабрики и заводы. Все кипитъ жизнію и промышленною дѣятельностію...

Въ трехъ верстахъ отъ города лежитъ прекрасный нарвскій водопадъ.

Въ тихую погоду у самаго города слышится однообразный шумъ водопада. По мѣрѣ приближенія къ нему, шумъ усиливается и, наконецъ, обращается въ оглушительный ревъ.

Разсказываютъ, что Державинъ, не находя силъ окончить въ городскомъ шумѣ безсмертную свою оду : *Богъ*, поѣхалъ въ Нарву ; уединился по близости водопада, и тамъ, въ тѣсной хижинѣ, написалъ послѣднюю строфу этой оды...

Нарвскій водопадъ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ выступающею изъ воды частію скалы, на которой выстроенъ огромный лѣсопильный заводъ. Первая изъ этихъ частей обширнѣе: широкое, черное озеро, усѣянное маленькими островками, покрытыми густыми группами деревъ, съ высоты восьми или болѣе саженъ, стремится внизъ водопадомъ, образующимъ почти полукружіе и подобнымъ бѣлому цилиндру, какъ бы вертящемуся около своей оси, и приводитъ въ дѣйствіе множество фабрикъ и мельницъ, выстроенныхъ на берегу.

(Нарвскій водопадъ).

Другая часть водопада гораздо живописнѣе ; тамъ стремленіе его встрѣчаетъ на каждомъ шагу каменныя препятствія и, въ борьбѣ съ ними, образуетъ множество живописнѣйшихъ видовъ. Деревянный мостъ, проведенный близь самаго водопада и ведущій къ лѣсопильному заводу, дрожитъ подъ ногами проходящаго, котораго въ жаркій лѣтній день освѣжаетъ влажная пыль, наполняющая воздухъ...

И все это, въ 140 верстахъ отъ Невскаго Проспекта.

Н. Фурманъ.

МУЗЫКА.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ОРАТОРІЯ.

Въ 1839 году, во время пребыванія здѣсь, въ Петербургѣ знаменитаго Корифея музыки, Іосифа Эльснера, намъ нерѣдко удавалось бесѣдовать съ этимъ, осмѣлимся такъ выразиться, музыкальнымъ мудрецомъ пожаловаться на недостатокъ сюжетовъ, какъ для Русскихъ оперъ, такъ и вообще сочиненій русскаго оригинальнаго характера. Въ тѣхъ же бесѣдахъ мы осмѣливались предлагать г. Эльснеру, нѣкоторые вопросы, непосредственно относившіеся до русской оперной труппы. Эльснеръ Космополитъ въ высшей степени. Онъ бы готовъ учить всѣ націи, возбуждая между учениками только художническое соревнованіе. Онъ опровергалъ наши сомнѣнія съ живостью и краснорѣчіемъ ; указывалъ на сюжеты и на средства къ возвышенію музыкальной части въ Россіи; но такъ какъ во время разго-

вора вспомнилъ, что ему куда-то надо было ѣхать, съ свойственною ему живостью всталъ и сказалъ: «нѣтъ! нѣтъ и нѣтъ! Я напишу», и уѣхалъ... 24-го іюня 1839-го же года, мы получили двѣ неоцѣненныя тетрадочки. Вотъ одна: она названа въ подлинникѣ: Планъ исторической ораторіи — Петръ Великій.

Вообразите себѣ, пишетъ Эльснеръ, какой либо торжественный случай. Ораторъ предметомъ для рѣчи своей избралъ жизнь и дѣянія Петра Великаго.

Эта рѣчь произвела на слушателей впечатлѣніе столь глубокое, что они какъ будто перенеслись въ тѣ времена, и передъ глазами ихъ раскинулась великолѣпная картина, изображающая тогдашнія событія; они сочувствуютъ благодѣтельнымъ предположеніямъ Преобразователя. Когда ораторъ сталъ говорить уже объ успѣхѣ Его усилій, они радуются, восторгъ возрастаетъ, такъ что наконецъ слушатели оставляютъ залу при общихъ торжественныхъ восклицаніяхъ, выражающихъ ихъ радость о настоящемъ огромномъ величіи Россіи въ ея пространствѣ, могуществѣ и просвѣщеніи, чему Петръ Великій положилъ основаніе.

Эта самая рѣчь могла бы быть предметомъ исторической ораторіи; впечатлѣніе, тою же рѣчью произведенное на слушателей, — цѣлью ораторіи. Поэтъ, въ формѣ стихотворенія, избралъ бы изъ жизни Петра Великаго такія событія, которыя могутъ произвести глубокое впечатлѣніе на умы слушателей. Вмѣсто оратора прошедшее пусть бы разсказывали геніи и хоры. Можно допустить и самого Петра и нѣсколько окружавшихъ его лицъ.

Такимъ образомъ поэма исторической ораторіи раздѣлилась бы на три части: въ первой — исторія, прошедшее; во второй — подвиги и впечатлѣнія отъ нихъ на слушателей; въ третьей — тріумфъ въ настоящемъ.

Вступленіе (Introduzione, Exordium) поэтъ составитъ изъ немногихъ стиховъ, выражающихъ поводъ собранія, ожиданія, чувства слушателей, въ формѣ воззванія къ Генію хранителю Россіи, или въ видѣ молитвы къ Творцу міровъ. Слѣдуетъ историческая часть: поэтъ можетъ описать затрудненія при вступленіи Петра Великаго на престолъ; надежды при началѣ его царствованія, бунтъ стрѣльцовъ, устройство Царства, основаніе Петербурга, учрежденія, и тому подобныя занимательныя событія его жизни; поводы событій и сопровождавшія ихъ обстоятельства должны быть разсказаны геніемъ; а самыя событія — современникомъ Петра Великаго.

Само собою разумѣется, что и лицу Петра Великаго дать можно нѣсколько словъ, но эти слова должны облпчать величіе Его какъ Царя, не только возбудить удивленіе современниковъ, но и въ потомствѣ породить чувства глубочайшаго благоговѣнія и неизгладимой признательности. Слова эти, по возможности, должны имѣть историческую подлинность. Вообще историческая часть должна быть весьма коротка, потому что она представляетъ только матеріалы для тѣхъ впечатлѣній, которыя должна произвести вся ораторія.

Въ отвѣтъ на историческую часть поэтъ изображаетъ сочувствіе слушателей, какое они должны обнаружить къ каждому историческому событію, къ каждому великому подвигу. Увлеченные живымъ представленіемъ исторіи, они какъ будто мыслію переносятся въ то время, и выражаютъ своя чувства аріями, дуэтами и т. п., или хорами; но такъ, чтобы эти *впечатлѣнія* (или хоръ I) такъ сказать объясняли *историческую часть* (или хоръ II). Тутъ причина, тамъ дѣйствіе. Слѣдственно, каждый хоръ, или арія, или вообще нумеръ, долженъ заключать одну достопамятную эпоху.

Въ концѣ исторической части Геній хранитель Россіи, предвидя славную будущность, предвозвѣститъ настоящее огромное величіе Имперіи въ пространствѣ, могуществѣ и просвѣщеніи; за тѣмъ уже непосредственно и какъ бы самъ собою послѣдуетъ тріумфъ настоящаго, какъ отвѣтъ потомства Генію, выраженный немногими стихами; ихъ поетъ III-й хоръ воиновъ. Съ этимъ хоромъ сливается сочувствіе хора I, это сочувствіе также возбуждено предвѣщаніемъ Генія (хора II). Всѣ три хора, такимъ образомъ, сходятся, и вмѣстѣ возглашаютъ народный гимнъ, — чѣмъ историческая ораторія и заключается. Въ композиціи этой исторической ораторіи также должны проявиться и господствовать три рода или три стиля музыки.

Историческая часть должна сопровождаться такими инструментами, которые дѣйствуютъ болѣе на воображеніе, нежели на чувство; къ первому роду принадлежатъ арфы, фортепіаны, гитары и, отчасти, *военные инструменты*; ко второму — струнные и духовые; что касается до мелодіи и ритма, то вообще музыкальная обработка всего этого отдѣла должна быть въ духѣ народномъ.

Вторая часть, или *впечатлѣнія*, раздѣляется на аріи, дуэты и хоры; музыка этой части должна быть облечена въ форму новѣйшую, современную, но въ стилѣ возвышенномъ; это необходимо и для художественнаго контраста съ обработкою исторической части; того же стиля должна быть и интродукція.

Предвѣщаніе Генія — хранителя Россіи должно сопровождаться только мелодраматически, не только для того, чтобъ нѣсколько дать отдохнуть отъ кадансовъ мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, и тѣмъ усилить контрастъ и эффектъ, но и для того, чтобъ не заглушить стиховъ поэта, которые должны быть въ этомъ мѣстѣ согрѣты лирическимъ жаромъ и мужественною силою, и не отнять у декламаціи свободнаго паденія.

Тріумфъ (хоръ III), долженъ быть написанъ совершенно въ марціальномъ стилѣ и сопровождаемъ военнымъ оркестромъ; хоръ I сливается съ нимъ, но сохраняетъ русскій національный характеръ; всѣ инструменты оркестра пристаютъ постепенно во всемъ финалѣ: какъ лучи свѣта пробиваются мелодіи марціальной музыки, какъ будто освѣщая картину могущества Россіи, воздвигнутаго на основаніяхъ народныхъ — просвѣщеніемъ.

Вообще композиція должна идти въ нѣкоторой постепенности; пусть интересъ возрастаетъ по мѣрѣ развитія поэтомъ всей картины, такъ что бы финалъ, который композиторъ можетъ обработать различнымъ образомъ, былъ достойнымъ вѣнцомъ всей композиціи.

У меня такое правило, что, для обсужденія музыкальнаго творенія, или лучше композитора, который, кромѣ вдохновенія, въ своемъ искуствѣ, такъ сказать, и архитекторъ звуковъ, — мало слышать композицію, надо и видѣть ее. Почему, я полагаю, что на обстановку и размѣщеніе оркестра должно смотрѣть какъ на музыкальную картину, въ коей группы хоровъ, пѣвцовъ-солистовъ, инструментовъ, представляютъ дѣйствующія лица, — это содѣйствуетъ успѣху творенія и облегчаетъ исполненіе. Въ поэмѣ и композиціи три отдѣла, въ оркестрѣ должно быть не меньше пяти, потому что музыкальная система состоитъ изъ 5 линій. Каждое отдѣленіе должно быть выше другаго покрайней мѣрѣ на 4 ступени; сверхъ того, въ каждомъ изъ нихъ, для оркестровъ, должно устроить еще соразмѣрное возвышеніе; то же соблюсти надо и для отдѣльныхъ голосовъ, солистовъ и въ особенности для дирижера. Мы бы расположили всю массу исполнителей такъ:

Оркестръ артиллер.	Пѣхотный оркестръ Хоръ III. Дирижеръ. Хоръ III.	Оркестръ кавалер.
	Арфа. Фліано Арфа. Soli. Soli.	
Басс. віол.	Хоръ III. Хоръ III. Дирижеръ.	Басс. віол.
Басс. віол. Оркестр. Солист. вторые	Тимп. Бас. Віол. Тимп. Дух. Инст. втор. — Дух. Ин. вт. вторые вторые Басс. Віол. Скрипки вторые. Скрип. вт. Дирижеръ. Скрип. перв. Скрип. перв. Солисты.	Басс. віол.
Басс. віол.	Солисты Дух. инстр. Віол. Віол. Хоръ I. Фліано. Хоръ I. Дирижеръ. Солисты. Солисты.	Басс. віол.
	Слушатели.	

Само собою разумѣется, что такое расположеніе я нахожу удобнымъ собственно только для исполненія ораторіи: Петръ Великій.

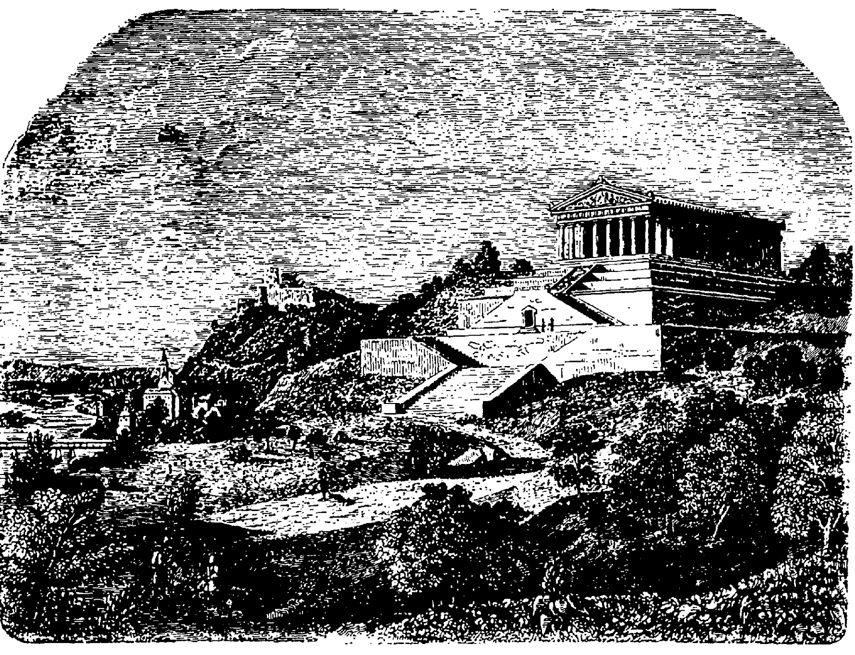
I. Эльснеръ.

С. П. бургъ $\frac{25\ \text{Іюня}}{5\ \text{Іюля}}$ 1839.

ВАЛГАЛЛА.

Едва ли во всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи, зодчество обнаруживаетъ такую дѣятельность, и съ такимъ успѣхомъ какъ въ Баваріи. Не одинъ Мюнхенъ, съ которымъ, какъ съ европейскими современными Аѳинами, мы постараемся познакомить читателей, заключаетъ плоды художественной дѣятельности въ Баваріи. Довольно указать на великолѣпную Валгаллу; она заложена 18 октября 1840 года и открыта 18 октября 1842. Король Людвигъ Баварскій задумалъ еще въ 1807 г. воздвигнуть храмъ для всѣхъ знаменитостей германскаго происхожденія. Валгалла построена на довольно крутой высотѣ, близь мѣстечка Донаустауфа, въ средоточіи Баваріи, близь древней границы Германіи съ Римскою Имперіею, не далеко отъ Регенсбурга, и противъ почтенныхъ развалинъ замка Стауфа, бывшаго нѣкогда свидѣтелемъ многочисленныхъ битвъ, въ особенности во время Тридцати-лѣтней Войны. Валгалла или Валголлъ значитъ собственно рай Одиновъ, Скандинавскія Елисейскія Поля. Туда могли входить только герои, окончившіе земное поприще съ мечемъ въ рукахъ. Въ этомъ воинственномъ раю, блаженные цѣлый день изволятъ сражаться; но на рапирахъ съ замшевой пуговицей, потому что тутъ никого не убиваютъ, потому что тутъ должны быть всѣ безсмертны. Они себѣ только такъ, для забавы и движенія, подерутся передъ обѣдомъ, и безъ раны отправляются въ чертогъ Одина, гдѣ Валькиріи, очень хорошенькія прислужницы, потчуютъ ихъ медомъ и пивомъ. Изъ этого видно, что названіе — Валгалла не соотвѣтствуетъ назначенію зданія, точно также какъ нелѣпо названіе Панѳеона для парижскаго музея, въ память знаменитостей Франціи. Но что за дѣло до клички; лишь бы зданіе было хорошо. И дѣйствительно, нѣмецкій рай знаменитыхъ покойниковъ великолѣпенъ.

Стѣны Валгаллы — огромныя мраморныя глыбы; во внутренность ведутъ великолѣпныя двери, снаружи обитыя чугуномъ, а внутри обдѣланы кленомъ. Полъ храма, изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, составляетъ торжество мозаичнаго искуства; потолокъ изъ металлическихъ отполированныхъ и позолоченыхъ листовъ. Фонъ въ клѣткахъ лазореваго цвѣта, въ нихъ бѣлыя платиновыя звѣздочки, розетки, головки винтовъ и шипки; выступы клетокъ вызолочены и украшены цвѣтными листьями. На верху, между оконъ, помѣщены фигуры изъ миѳологіи и героической исторіи Сѣвера. Эти металлическія фигуры отчасти бѣлыя и отчасти вызолоченыя; въ крышѣ окна съ зеркальными стеклами. Во всю длину храма идутъ попарно пиластры изъ краснаго мрамора, похожаго на древній африканскій. Они поддерживаютъ *архитравъ*. Надъ ними по двѣ каріатиды; въ углубленіяхъ, между пиластрами, поставлены бюсты; въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи, шесть крылатыхъ *Валькирій*; по стилю это *Побѣды* Греческаго Олимпа, но одѣты согласно съ обычаями Древней Германіи, какъ должны были по преданіямъ одѣваться воинственныя дѣвы германской миѳологіи. Эти крылатыя Валькиріи смотрѣли за героями, и чуть который умиралъ на полѣ битвы, они уносили его въ Валгаллу; статуи Валькирій съ вѣнцами; они подчиваютъ покойниковъ не медомъ и пивомъ, а честію и безсмертіемъ; всѣ онѣ изъ каррарскаго мрамора, работы Рауха.



Общій видъ Валгаллы.

(Зала).

Въ глубинѣ храма оставлено особое мѣсто съ оградой, украшенное 6 іоническими колоннами; вверху большой балконъ, поддерживаемый также каріатидами Валькирій. Балконъ назначается для помѣщенія оркестра въ торжественныхъ случаяхъ. Съ балкона идетъ узкая галлерея внутри храма и образуетъ надъ пиластрами родъ нижняго яруса. Еще 14 каріатидъ Валькирій, изваянныхъ изъ дунайскаго мрамора, расположены надъ пиластрами между ложъ; всѣ онѣ работы мюнхенскаго скульптора, А. Шванталера. Смѣсь цвѣтовъ въ ихъ костюмахъ производитъ весьма оригинальный эффектъ; нагое тѣло цвѣта слоновой кости, волосы свѣтло-русые, длинные, распущенные; медвѣжья шкура вся золотая, верхняя тюника свѣтло-фіолетовая, нижняя бѣлая; все это съ расписанными и вызолоченными украшеніями.

Шесть сѣдалищъ и восемъ канделябровъ изъ мрамора, дополняютъ украшеніе Валгаллы. Стѣны, на которыхъ расположены бюсты изъ бѣлаго мрамора, одѣты всѣ цвѣтными мраморами, подобранными съ большимъ вкусомъ; только эти бюсты и верхніе фризы изъ бѣлаго мрамора; все прочее испещрено золотомъ и разноцвѣтными красками.

Фронтоны двухъ фасадовъ храма работы Шванталера, каждый изъ 15 полукруглыхъ статуй изъ тирольскаго мрамора. Южная група, обращенная къ Дунаю, представляетъ, въ срединѣ, Германію; по правую руку Австрію съ Майнцомъ, Баварію съ Ландау, Виртембергъ съ Юношею, представляющимъ малыя владѣнія Союза; по лѣвой: Пруссія съ Кельномъ, Ганноверъ съ Люксембургомъ, Гессенъ и Саксонія. По угламъ фронтона опираются на урны пограничныя рѣки, Рейнъ и Мозель. Группа сѣвернаго фронтона представляетъ сраженіе, въ которомъ Германъ (Арминій) разбилъ Римлянъ и спасъ независимость германскихъ племенъ отъ ига всемірной столицы. Во внутренности Валгаллы, верхній фризъ исполненъ *Мартыномъ Вагнеромъ*; онъ раздѣленъ на 8 отдѣловъ, соотвѣтствующихъ осьми періо-

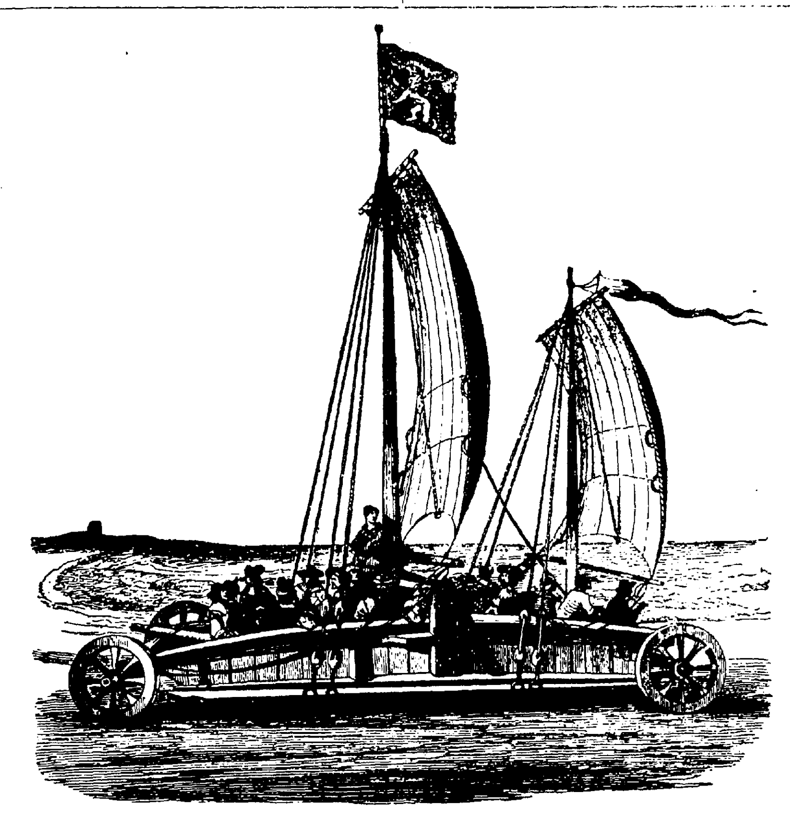
дамъ древней германской исторіи.

Число грудныхъ бюстовъ великихъ мужей, удостоенныхъ чести занять мѣсто въ этомъ германскомъ раю, дошло до 95, всѣ равной величины, разставлены въ два ряда вдоль четырехъ стѣнъ, одни на кронштейнахъ, другіе на столикахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пошелъ уже третій рядъ бюстовъ, такъ много въ Германіи великихъ людей; впрочемъ, и въ Германіи многіе великіе люди сохранились только въ памяти народной, или даже въ памяти книжной. Для многихъ лицъ не отыскали моделей, и бюсты замѣнены надписями. Въ верхней части храма помѣщены щиты; на нихъ начертаны великія имена германской исторіи золотыми буквами на бѣломъ мраморномъ полѣ.

Мы не хотимъ обременить статьи нашей именами великихъ германскихъ людей; для многихъ этотъ инвентарь не можетъ быть любопытенъ. Между бюстами помѣщены изображенія Императрицы Екатерины II, Барклая де Толли и графа Дибича-Забалканскаго, наконецъ и Коперника; послѣдній ужъ рѣшительно неизвѣстно почему попалъ въ Валгаллу. Всѣ эти бюсты исполнены лучшими ваятелями Германіи, коихъ списокъ чуть чуть не равняется списку блаженныхъ Валгаллы.

КРЫЛАТЫЙ ЭКИПАЖЪ.

Люди все испытали и перепробовали для того, чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе удобствъ въ жизни. Пуще всего они хлопотали и хлопочутъ о дорогахъ. Огонь, воду, воздухъ — въ очередь запрягали люди въ свои экипажи; и дошли таки до того, что первыя двѣ стихіи склонили покорно выю подъ ярмо человѣка; и пошли чинно, смирно, какъ хорошо уѣзженныя лошади. Теперь принялись вплотную за воздухъ... И опыты уже обратились въ доказанную истину, что по желѣзнымъ дорогамъ можно ѣздить посредствомъ давленія нашей атмосферы. Но въ XVI вѣкѣ не было еще желѣзныхъ дорогъ; а въ Голландіи устроили повозку, которая имѣла почти всѣ свойства нынѣшнихъ паровозовъ. Въ этой плоской странѣ, на ровномъ берегу, вздумали примѣнить къ повозкѣ паруса, которыя могли ускорять ея движеніе, такъ что повозка быстро пробѣгала значительное разстояніе. Этотъ крылатый вагонъ возбудилъ общее любопытство. Пейрескъ, ученый, котораго Байль называлъ генералъ-прокуроромъ литературы, слѣдившій за всѣми открытіями въ области наукъ и искуства, осматривалъ въ 1606 году эту повозку. Вотъ, что пишетъ Гассенди о впечатлѣніи, какое эта повозка произвела на его друга.



(Крылатый Экипажъ).

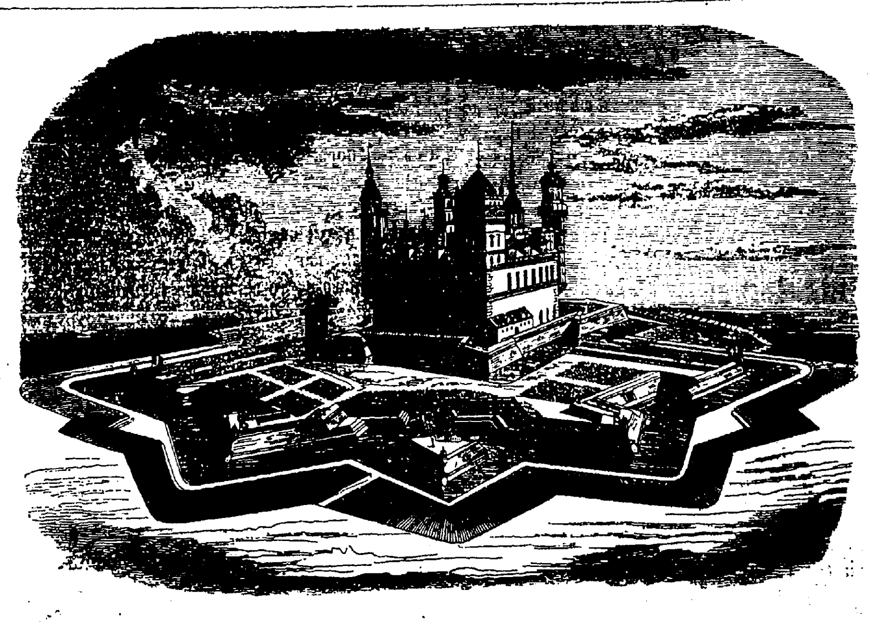
Онъ поѣхалъ въ Шевелингъ. Желая убѣдиться собственными глазами въ быстротѣ хода повозки, устроенной за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ такимъ искуствомъ, что на парусахъ, она летѣла по берегу какъ корабль по морю. Ему сказывали, что Морицъ Нассауской, въ 1600 году, послѣ Ньюпортской побѣды, сѣлъ въ эту повозку съ плѣнникомъ своимъ Францискомъ Мендозою, и въ два часа прибылъ въ мѣстечко Пультене, въ 14 миляхъ отъ Шевелинга. Пейрескъ повторилъ этотъ опытъ, и потомъ часто разсказывалъ, что не могъ довольно надивиться, когда, влекомый сильнымъ вѣтромъ, онъ не могъ его замѣтить, потому что быстрота ѣзды была равна быстротѣ вѣтра; довольно глубокіе рвы повозка перелетала едва касаясь поверхности водъ. Казалось, что скороходы, отправленные впередъ, идутъ назадъ; предметы, самые отдаленные, мгновенно оставались позади путешественниковъ. Пейрескъ разсказывалъ еще не мало подобныхъ чудесъ.

Но, къ сожалѣнію, Гассенди не повторилъ его разсказовъ; и вотъ все, что намъ осталось отъ любопытнаго экипажа, крылатаго совмѣстника, а можетъ быть и отца паровозовъ.

ВХОДЪ ВЪ ЗУНДЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Не безпокойтесь, я вамъ не наскучу. Мои путевыя записки—короче дамской расходной книжки, куда она, мужа ради, записываетъ нѣсколько статей вдругъ, чтобы не подвергнуться докучливымъ вопросамъ. Мнѣ случилось войти въ Зундъ на купеческомъ кораблѣ. «Это что?» спросилъ я, испуганный мрачною громадой, которая торча на остроконечномъ мысѣ острова Зеланда, однимъ видомъ своимъ увѣряла, что дальше пройти трудно, нельзя, безъ позволенія которой нибудь изъ этихъ башенъ, насаженныхъ на огромную квадратную массу камней.



— Это Кронсборгъ... отвѣчалъ мнѣ шкиперъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. — Это ключь Балтики, или лучше сказать застава. Видите тамъ туманныя горы,—то Швеція; вотъ синѣютъ Кулленскія Скалы. Когда-то ихъ называли Геркулесовыми Столбами, Гибралтаромъ.

Я на моемъ вѣку видѣлъ такъ много Гибралтаровъ, такъ много неприступныхъ крѣпостей,

что не обратилъ бы никакого вниманія на это сравненіе, еслибы Кронсборгская твердыня, своимъ страннымъ, воинственнымъ видомъ, не возбудила моего любопытства...

— Когда-то!.. сказалъ я... Отъ чего же когда-то?..

— Отъ того, что это было очень давно, и Балтика и Нѣмецкое Море когда-то были покрыты корсарами, съ которыми нашему брату торговому, трудно управляться. За всѣхъ и для всѣхъ — вызвалась войти въ это дѣло Данія... Въ Гельзингерѣ...

— Гельзингеръ, а гдѣ же онъ?..

— А вотъ тутъ же! Сейчасъ увидишь! Вошла въ это дѣло Данія, а съ насъ за то по одному проценту. Разбойниковъ давно нѣтъ, а мы все платимъ; нѣсколько вѣковъ насъ безпокоятъ здѣсь, осматриваютъ, оцѣниваютъ наши товары, берутъ съ насъ милліоны и милліоны; говорятъ — Данія имѣетъ право, утвержденное всею Европой;— спорить нечего, и вся Европа платитъ. Во времена оныя, Данія, защищая это морское ущелье, держала не малый флотъ, а теперь — одинъ фрегатъ правитъ пошлину съ цѣлаго міра. Вотъ видишь, таможенные насъ замѣтили... Вотъ бросаются въ лодкахъ за добычей...

— И долго эта исторія протянется?

— О! день, если не два...

— Такъ я успѣю съѣздить на берегъ.

— Въ Копенгагенъ если угодно...

Я съѣхалъ съ корабля, но совсѣмъ не для того, чтобы съѣздить въ Копенгагенъ, а чтобы посмотрѣть на могилу Гамлета. Я вспомнилъ декорацію въ трагедіи Шекспира. Эльзиноръ, площадка передъ замкомъ;—спросилъ, гдѣ могила Гамлета?.. Всѣ мальчишки бросились показывать дорогу... Я нашелъ дѣйствительно полуразвалившійся камень, постоялъ надъ нимъ, подумалъ, въ качествѣ путешественника помечталъ, сталъ складывать даже стихи, но видъ Кронсборга меня увлекъ. Я засмотрѣлся. И туда взялись проводить меня. Я не отказался; осмотрѣлъ этотъ любопытный замокъ, построенный въ XIV вѣкѣ Фридерикомъ Вторымъ. Меня поразила ужасно-огромная рыцарская зала; меня испугала мрачная и сырая келья, гдѣ томилась королева Матильда, ожидая англійскаго фрегата, который долженъ былъ увезти ее въ Германію изъ нѣдръ собственнаго королевства. Красота и юность не помогли... Мнѣ стало грустно... Я почтительно поклонился Кронсборгу, еще почтительнѣе могилѣ Гамлета, не посмотрѣлъ на Гельсингеръ, и вздохнулъ свободно уже въ каютѣ, гдѣ таможенные завтракали и хвалили вкусъ шкипера; я догадался, что они оцѣнили товаръ нашего корабля милостиво и заслужили благодарность хозяина... Не смотря на магическое вліяніе хорошихъ яствъ и напитковъ, церемонія продолжалась до темнаго вечера, и мы ушли изъ Гельсингера уже на другой день утромъ. Съ палубы я еще разъ засвидѣтельствовалъ мое глубочайшее почтеніе могилѣ Гамлета и Кронсборгской твердынѣ, которую при семъ и прилагаю.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

—

Есть сѣно, такъ есть и хлѣбъ.

Во 2-мъ и 3-мъ NN Иллюстраціи была весьма дѣльная, по нашему мнѣнію, статья, объ осушеніи болотъ въ Сѣверной Россіи. Важность этого предмета доказывается уже тѣмъ вниманіемъ, которое въ послѣднее время обратили на него всѣ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе хозяева и агрономы, не смотря на то, что у нихъ луговодство и безъ того уже въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи господинъ *Деземерисъ* прочелъ донесеніе о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, которыя необходимы настоящему земледѣлію. Представляемъ извлеченіе изъ этого донесенія:

«Гиппократъ заслужилъ названіе отца медицины за то, что первый отдѣлилъ эту науку отъ философіи. Онъ вполнѣ понялъ, что медицина, исцѣляющая физическіе недуги, не имѣетъ ничего общаго съ медициной философовъ.

«Земледѣліе ждетъ своего Гиппократа, который утвердилъ бы независимость его отъ наукъ. Онѣ подъ видомъ вспомогательныхъ, владычествуютъ надъ нимъ. Агрономическія теоріи, заимствованныя у этихъ наукъ, доселѣ не имѣютъ прочнаго основанія; теорія находится еще въ дѣтствѣ, между тѣмъ какъ наука земледѣлія богата практическими свѣдѣніями, вѣрными, неизмѣнными.

«Слѣдовательно самое вѣрное сужденіе, самый вѣрный способъ обработыванія земли есть тотъ, который основанъ не на теоретическихъ выводахъ, а на опытности. Обратимся жъ, для опредѣленія основныхъ началъ агрономіи, къ опытности.

«Разсматривая и сравнивая сочиненія агрономовъ, топографіи, статистику, подробности о произведеніяхъ земли разныхъ странъ, или даже разныхъ частей одной страны, невольно поражаетъ насъ разнообразіе способовъ земледѣлія, и чрезвычайное однообразіе результатовъ, опредѣляющихся слѣдующими словами:

«Вездѣ и всегда произведенія и доходы земле-«дѣлія соотвѣтствуютъ количеству удобренія, а «слѣдовательно и объему полей, назначенныхъ «для корма скота».

Исчисливъ множество примѣровъ улучшенія хозяйствъ посредствомъ распространенія луговъ, авторъ донесенія представляетъ болѣе поразительные примѣры:

«Не прошло еще трехъ четвертей столѣтія, говоритъ онъ, какъ Германія имѣла не болѣе луговъ, какъ сколько нужно было для корма домашняго скота, и производила едва достаточное количество ржи и полбы, для пропитанія малочисленнаго народонаселенія. Шубартъ первый ввелъ сѣяніе клевера; знаменитый Тэеръ перенесъ въ Германію правила англійскаго земледѣлія, и съ той поры богатство германскихъ хозяйствъ стало развиваться съ изумительною быстротою. Оттого, что сѣяли болѣе травы и менѣе ржи, постепенно улучшались и скотъ и хлѣбныя растенія; такъ какъ со дня на день возрастало количество навоза, то вскорѣ на холодныхъ и песчаныхъ поляхъ, дотолѣ съ большимъ трудомъ производившихъ рожь, стали уже сѣять пшеницу; и наконецъ, такъ какъ искуственныя луга будучи однажды разведены, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не требовали ни какого воздѣлыванія, то вмѣстѣ съ возрастаніемъ количества произведеній, уменьшались расходы на обработку земли.

«Въ другомъ вѣкѣ и другой странѣ мы видимъ ту же перемѣну и въ такомъ же огромномъ размѣрѣ, только въ обратномъ смыслѣ. Мы говоримъ о древней Италіи. Изъ вѣрныхъ и положительныхъ источниковъ, мы извлекли слѣдующія подробности:

«До II-го столѣтія, до христіянской эры, у всѣхъ народовъ, обитавшихъ на Италійскомъ Полуостровѣ, произведенія земледѣлія были въ невѣроятномъ изобиліи. На землѣ Римлянъ, одной изъ менѣе плодоносныхъ, урожаи были въ самъ-пятнадцать и даже самъ-двадцать.

«Сто лѣтъ спустя урожаи уже были въ самъ-семъ и рѣдко въ самъ-десятъ.

«Еще сто лѣтъ спустя, и въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, урожаи были самые ничтожные, и урожай въ самъ-четвертъ считался значительнымъ.

«Какая причина этой изумительной перемѣны? Весьма простая. Въ первыя столѣтія получались такіе изобильные урожаи потому, что въ Италіи было тогда значительное количество скота. Извѣстно, что въ тѣ времена на 500 jugera (около 125 десятинъ) считалось около ста пятидесяти головъ крупнаго рогатаго скота!.. Вотъ точка, до которой въ настоящее время достигли богатѣйшія провинціи Англіи и Германіи, гдѣ съ десятины собираютъ до 40 гектолитровъ ржи. Въ послѣдствіи же скотъ въ Италіи пришелъ въ самое жалкое состояніе, такъ что у хозяевъ, кромѣ тяглаго скота, другаго не было. Очень естественно, что и количество навоза, доставляемаго имъ, было крайне недостаточно для удобренія земли.

«И такъ, мы видимъ на Сѣверѣ и на Югѣ, на Востокѣ и Западѣ тѣ же результаты отъ тѣхъ же причинъ. Просмотримъ весь земный шаръ, всю исторію его отъ сотворенія міра до нашихъ временъ,—и нигдѣ не найдемъ ни одной страны, которая когда либо уклонилась отъ власти этого закона, неизмѣннаго какъ сама природа.

«Такимъ образомъ оправдывается великая истина, издавна открытая здравымъ смысломъ простаго народа, и высказанная въ пословицѣ:

«*Есть сѣно, такъ есть и хлѣбъ.*

«Всѣ факты, мною приведенные, такъ просты, такъ осязательны, что можно бы подумать, что они всякому хозяину должны быть хорошо извѣстны. Между тѣмъ ихъ знаютъ весьма немногіе, иначе земледѣліе былобы вездѣ въ одинаково цвѣтущемъ состояніи.

«Мы не смѣемъ предполагать, чтобы люди, которымъ хотя отчасти извѣстны вѣрнѣйшие источники хозяйственнаго благосостоянія, стали бы колебаться принять методу, доходную и весьма простую, состоящую въ томъ, *чтобы обратить, по крайней мѣрѣ, половину всей своей пахатной земли въ луга и сѣнокосы.* Нашъ долгъ всячески стараться о распространеніи свѣдѣній, дѣйствительность которыхъ бросается въ глаза. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ еще одинъ примѣръ:

«Въ Англіи, гдѣ земледѣліе доведено до высокой степени совершенства, четыре пятыхъ частей всей пахатной земли производятъ кормовыя травы, между тѣмъ какъ только одна пятая часть обращена подъ хлѣбныя растенія».

НАША СТАТУЭТКА.

Каждый изъ насъ, въ самомъ себѣ, имѣетъ свою статуэтку. Долгъ каждаго ее обработывать.

Окончательно исполненная наша статуэтка — наша біографія.

Душамъ наивнымъ и прямымъ, точно такъ какъ и генію, искуство легко дается: статуэтка ихъ доканчивается сама собой.

Добрый, милый ребенокъ, душа котораго улетаетъ изъ колыбели, оставляетъ въ сердцахъ родителей свою статуэтку, которая вѣчно будетъ жить въ нихъ.

Молодая дѣвушка, нѣжныя вѣжди которой сомкнетъ ранняя смерть, вѣчно живетъ въ памяти знавшихъ ее; въ сердцахъ ихъ она имѣетъ свой пьедесталъ и свою статуэтку, столь же прелестную и нѣжную, какъ прелестнѣйшія и нѣжнѣйшія статуи Фидія или Кановы.

Но въ тѣ лѣта, когда слишкомъ часто теряется непорочность души, когда страсти помрачаютъ чистоту совѣсти и возмущаютъ глубину души, какъ тяжекъ и неблагодаренъ тогда трудъ!.. Какъ трудно тогда искать, найдти свою статуэтку! Сколько людей исчезаютъ, не понявъ себя, не будучи понятыми, не разгадавъ цѣли жизни! Они подобны тѣнямъ, проскользнувшимъ по блѣдному горизонту, не оставивъ по себѣ даже отраженія своего образа!

Всѣмъ, однакожъ, былъ данъ кусокъ чистаго мрамора и вѣчная мысль!

Принимайся за трудъ, душа, соберемъ всѣ наши силы, призовемъ на помощь все наше мужество, послѣдуемъ наставленіямъ и примѣру учителей.

Прежде всего, найдемъ общее и опредѣлимъ очеркъ. Всѣ части статуэтки имѣютъ одинакую важность въ отношеніи къ совершенству общаго. Займемся челомъ, глазами, ртомъ, но не забудемъ и другихъ частей. Вообще не будемъ обращать большее, нежели слѣдуетъ, вниманіе, на одну какую нибудь отдѣльную часть. Подобно художнику будемъ постепенно разсматривать трудъ нашъ вблизи и издали: красота заключается въ отношеніяхъ и пропорціяхъ.

Будемъ также изучать статуэтки окружающихъ насъ, будемъ любить достойнѣйшія и восхищаться ими; тѣ, которые скромны и не такъ бросаются въ глаза, часто самыя лучшія. Не будемъ ни одной подражать рабски. Истратить всю жизнь на то, чтобы произвесть копію — напрасный и жалкій трудъ!

Великій геній, дивная душа, и я оставлю по себѣ статуэтку; но она будетъ скромна и мала! Позволь мнѣ окончить ее возлѣ твоей, и пусть она найдетъ пріютъ подъ сѣнію вѣнка, готовящаго тебѣ. Пусть нѣсколько дружескихъ взоровъ остановятся на ней съ выраженіемъ доброжелательства, сожалѣнія, и я буду щедро вознагражденъ. Небольшому числу тѣхъ, которые любили меня, я хочу оставить малоцѣнный, но вѣрный образъ моего внутренняго, несовершеннаго существа, которое вскорѣ, быть можетъ, подъ другою оболочкой, по волѣ Господа, переселится въ иной міръ.

—

АНЕКДОТЫ.

I.

Въ благословенной Малороссіи, у молодаго панича, слуга попросился на базаръ, т. е. на рынокъ, за какимъ-то дѣломъ. Паничъ отпустилъ его; но, зная привычку слуги заспживаться, напомнилъ ему, чтобы онъ не забылъ исправить свое дѣло поскорѣе... Лакей обѣщалъ возвратиться въ четверть часа. Проходитъ часъ, — Степана нѣтъ; проходитъ два, — нѣтъ; наступило и обѣденное время, не возвращается; наконецъ стало смеркаться, — Степанъ приходитъ съ базара въ глубокомъ размышленіи. Баринъ естественно встрѣтилъ его, какъ слѣдуетъ, упреками.

— Вотъ видишь, я говорилъ, что ты пойдешь и пропадешь. Гдѣ ты это былъ до сихъ поръ?

— Гдѣ же я былъ? Извѣстно, гдѣ я былъ. На базарѣ...

— Да что же ты дѣлалъ на базарѣ?

— Ничего не дѣлалъ.

— Такъ чего же ты сидѣлъ на базарѣ.

— Я не сидѣлъ, а стоялъ и слушалъ какъ про Француза разговаривали.

— Ну, и что же ты слышалъ про Француза?

— Ничего, потому что *далеко стоялъ*.

II.

— О скупцахъ тма анекдотовъ; но эта изобрѣтательная страсть каждый день умножаетъ свою исторію. У одной скупой женщины проживала небогатая постоялица. Понадобилось послѣдней угостить кое-кого, и она рѣшилась испечь пирогъ. Надо было истопить русскую печку, но по условію, въ общемъ пользованіи была только плита, а русскую печку постоялица должна была топить на свой счетъ; хозяйка отпустила дрова и записала; но когда замѣтила, что для пирога купленъ славный сигъ, и другія свѣжія принадлежности, ощутила сильный апетитъ къ подобной диковинкѣ...

— Послушайте, сказала она постоялицѣ, вы уже и мнѣ и мужу моему и дѣткамъ по ломтику пирога не пожалѣете...

— Матушка! Да не знаю, станетъ ли на своихъ.

— Э, полно, полно, я уже за то съ васъ за дрова считать не буду. Вѣдь оно на одно и тоже выйдетъ...

— Извольте, если вамъ этого такъ хочется...

Прошелъ мѣсяцъ. Стали расчитываться. На счету поставлено за дрова въ день такого-то праздества — столько-то.

— Помилуйте, вскричала постоялица, а пирогъ?

— Да, пирогъ за русскую печку, а подъ плитой чей огонь былъ? Вѣдь не мой же. Мы ничего для себя не варили. Пирогомъ сыты были.

—

СВѢТСКІЯ НОВОСТИ.

Не все же намъ говорить о грустныхъ некрологіяхъ, о постройкахъ и зданіяхъ, о вѣчномъ торжествѣ Рубини. — Поговоримъ о другомъ. Но сперва завьемся по модѣ, надѣнемъ новый фракъ, напялимъ желтыя перчатки и облечемся въ бѣлый галстухъ. Мы отправляемся въ большой свѣтъ, мы ѣдемъ на Дворцовую набережную... Мы приглашены на вечеръ въ аристократическія палаты Графа В. Д. — Что же тамъ такое? — Балъ вѣрно? — Лучше. — Раутъ, что ли?.. Веселѣе. — Не концертъ ли? — Лучше, веселѣе и интереснѣе. Что же такое? — Домашній театръ, благородный спектакль... что говорю я? Сіятельный Спектакль, въ которомъ участвуетъ сама хозяйка дома.

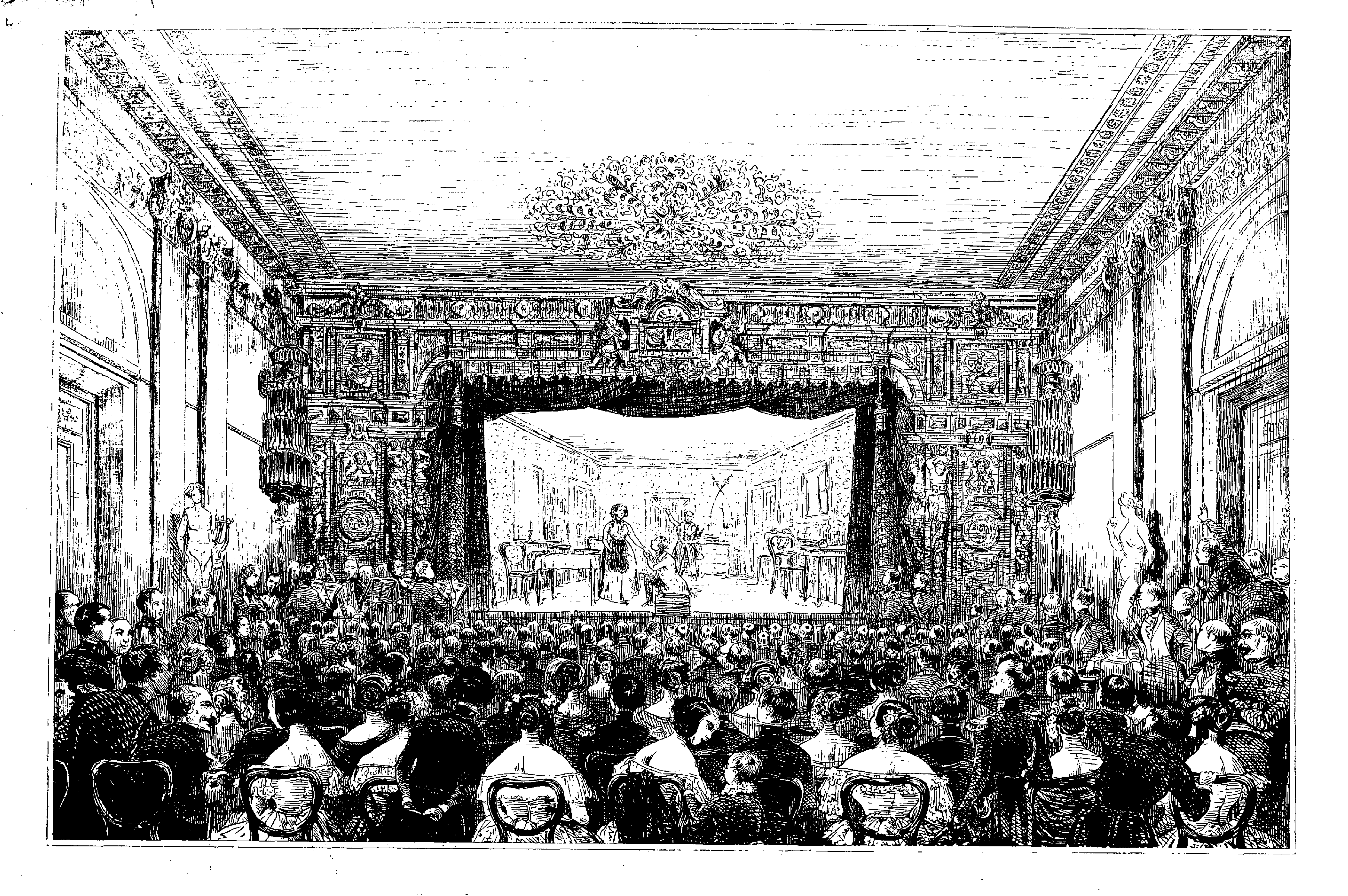
Петербургскія свѣтскія удовольствія приняли съ нѣкотораго времени какое-то художественное, изящное направленіе. Весь Петербургъ говоритъ о прекрасныхъ живыхъ картинахъ, выставляемыхъ каждый понедѣльникъ въ роскошномъ домѣ С. С. Б-ой. — Въ этихъ картинахъ сіяютъ поочередно всѣ наши сѣверныя красавицы, и глядя на нихъ, душа смѣшивается со взорами: и, все глядѣлъ бы на нихъ и никогда бы не вышелъ изъ этого чарующаго, живаго эрмитажа. — Мы слышали тоже, что въ домахъ Г. Т. и Графини Б., исполнено было любителями нѣсколько піесъ, съ большимъ успѣхомъ. — Во многихъ другихъ домахъ готовятся также играть комедію. Въ добрый часъ! — Это удовольствіе истинно отборное. Для него нужны и умъ и чувство и образованность, всѣ отличія, которыя должны знаменовать избранныхъ высшаго круга.

Но читатель напоминаетъ намъ объ вечерѣ 18-го апрѣля; — просимъ не много терпѣнія! — Во-первыхъ, мы должны дождаться, пока длинная лента каретъ, вытянутая у подъѣзда, дотянетъ насъ до крыльца. — Наконецъ подъѣхали. Пойдемъ по мягкому ковру лѣстницы... Вотъ дверь на-лѣво... Сюда, что ли? — Нѣтъ, здѣсь вседневные покои, здѣсь живетъ хозяинъ запросто, здѣсь принимаетъ онъ своихъ короткихъ друзей съ радушіемъ и пышнымъ хлѣбосольствомъ, такъ какъ живали въ старину русскіе вельможи. — И эти вседневные покои, до того роскошны, убраны съ такимъ вкусомъ, что могли бы прославить любой дворецъ (*). — Но теперь хозяевъ нѣтъ дома... Они въ парадномъ этажѣ, гдѣ собрался цвѣтъ петербургскаго общества, — всѣ наши дамы въ легкихъ нарядахъ, увѣнчанныя цвѣтами, осыпанныя бриллiантами, всѣ наши щеголи, всѣ наши сановники. — Пройдемъ черезъ рядъ пышныхъ гостиныхъ, и вызолоченыхъ, и штофныхъ; проберемся, при ослѣпительномъ блескѣ свѣчей, сквозь густую толпу, до дверей главной залы, гдѣ устроенъ г-мъ Журделемъ прекрасный театръ. — Всѣ сидятъ уже по мѣстамъ. — Оркестръ играетъ увертюру. — Занавѣсь поднялась. — У играющихъ сердце бьется. — Зрители готовятъ рукоплесканія. — И надо отдать справедливость и зрителямъ и актерамъ. — Зрители расточали знаки одобренія, а актеры ихъ заслужили вполнѣ. — Первой піесой былъ, не переводимый по заглавію на русскій языкъ, по вѣроятно читателю извѣстный, прелестный водевиль Скриба le Chaperon. — Всѣ оттѣнки, всѣ остроумныя тонкости французскаго плодовитаго водевилиста, были переданы съ изумительной вѣрностью. — Дамскія роли исполняли Графини К. и Б. Одно ихъ появленіе было ужъ подаркомъ для щегольской публики. — Иллюстрація сокрушается сердцемъ, что не можетъ и не смѣетъ передать хотъ въ слабомъ очеркѣ ихъ стройныя, прекрасныя черты. Но тутъ онѣ доказали, что имъ недостаточно быть петербургскими красавицами; онѣ желали новой славы, новыхъ успѣховъ. Графиня К. выполнила роль свѣтской вдовы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, и притомъ съ такой свѣтской величавостью; Графиня Б. изобразила молодую дѣвушку съ такимъ наивнымъ полу-дѣтскимъ кокетствомъ, — что между зрителями иныя пожалѣли вѣрно, что они уже болѣе не молоды, а другіе, что они еще не стары. — Одушевленіе Графа Б. и прекрасная отчетливая игра г. Ж. содѣйствовали вполнѣ совершенному успѣху первой пьесы. — Послѣ нея играть было не выгодно. — Однако и вторая піеса, старая любовь, — les vieilles amours, была сыграна превосходно. — Не думайте, что тутъ дѣло шло о той старой любви, брюзгливой и сердитой, которая считаетъ года своего существованія десятками и кутается въ фланелевый халатъ. Сохрани Богъ! — Эта старая любовь, — любовь живая, необузданная любовь парижской гризетки и добраго хотя безрасуднаго студента. Это любовь, — та, что устаетъ отъ счастья и разгарается снова, кипучая и страстная, отъ перваго препятствія. — Графиня В. Д., хозяйка дома, исполнила роль гризетки, Графъ С. роль студента. — Онъ игралъ и, въ особенности, пѣлъ замѣчательно хорошо. — Но, что сказать Графинѣ? — Графини тутъ не было. — Тутъ была та милая гризетка, которая дѣлаетъ изъ Парижа первый городъ въ мірѣ; веселая, беззаботная, вѣчно поющая, закладывающая все для того, кого любитъ, не думая даже о томъ; довольная всѣмъ, только не было бы дождя, да работы было бы вдоволь, да можно бы было потанцовать въ Тиволи на воскресномъ балѣ. Графъ Б., въ комической ролѣ піесы, заслужилъ новыя справедливыя рукоплесканія. — И кончилось представленіе. Студентъ ушелъ учиться. Гризетка исчезла; но на мѣстѣ ея появилась Графиня, такъ какъ мы ее знаемъ, владычицей петербургской моды, привѣтливой хозяйкой пышнаго дворца. — Вечеръ немало длился еще и на этомъ вечерѣ, среди поздравленій и похвалъ, среди общихъ толковъ и разговоровъ, раздавалась вѣсть о благотворительныхъ аукціонахъ, о благотворительномъ базарѣ въ пользу бѣдныхъ сиротъ, гдѣ наши красавицы, и въ томъ числѣ Графиня В. Д., должны были сами продавать разныя бездѣлки. Большой свѣтъ не забываетъ страждущихъ братій, даже въ самомъ разгарѣ прихотливыхъ своихъ удовольствій. Всѣ на прекрасномъ вечерѣ единодушно вызвались на прекрасное дѣло. — Кончился вечеръ, и базаръ, бывшій 20 апрѣля въ залѣ П. Н. Мятлевой, тоже прошелъ. — Но чувство добраго дѣла не прошло, но доброе дѣло живетъ и приноситъ каждый день новыя благословенія.

—

(*) Почтенный Сотрудникъ нашъ, котораго мы должны поблагодарить за обязательное сообщеніе любопытныхъ подробностей о изящномъ праздникѣ, гласитъ совершенную истину. Покои средняго этажа, въ домѣ Графа И. И. В. Д., представляютъ образцы изящества и великолѣпія. Просимъ пока довольствоваться домашнимъ спектаклемъ, въ верхнемъ или парадномъ этажѣ. Залы и эти покои въ скоромъ времени украсятъ листы Иллюстраціи.

Редакція.



Домашний спектакль въ домѣ графа И. И. Воронцова-Дашкова 18 апрѣля 1845.

ИНСТРУМЕНТЪ.

повѣсть изъ временъ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

—

На платья и шляпки мода,—на людей — мода; какъ же не быть модѣ и на мѣста? Еще на нашей памяти Екатерингофское гулянье волновало каретниковъ и модистокъ за мѣсяцъ впередъ; а ужъ про тѣхъ, которые ѣздятъ въ каретахъ къ модисткамъ,—и говорить нечего... Теперь все глуше, глуше это пріятное мѣсто: экипажей меньше, людей все таки не мало, но — эта публика неизмѣняетъ ни себѣ, ни Екатерингофу — этому дорогому старику, который помнитъ Петра Великаго. Въ этой рощѣ много пролетѣло тайныхъ рѣчей политическаго, высокаго, страстнаго и забавнаго содержанія; изъ нихъ бы можно написать чудные мемуары; но гдѣ эти рѣчи?—Ихъ носитъ сѣверный вѣтеръ надъ мутной хлябью Финскаго-Залива.

— Въ исходѣ марта 17...-го года, Нева разошлась. Государь на буерѣ отправился въ Шлиссельбургъ, куда ожидали Царицу Параскевію Ѳеодоровну съ дочерьми и съ Царевнами Наталіей, Маріей и Ѳеодосіей Алексѣевнами. Не могу доложить какимъ, сухимъ или мокрымъ путемъ онѣ пожаловали въ Шлиссельбургъ; кажется, сухимъ, потому, что Пелагеѣ Андреевнѣ Кутеяровой, комнатной боярышнѣ Марьи Алексѣевны, на царскомъ буерѣ стало дурно... Не будь этого происшествія никто бы и не замѣтилъ, да и не могъ бы замѣтить Пелагеи Андреевны, потому что она сидѣла между двумя сундуками съ золотною одежою Царевны, и закутала лице какимъ-то платкомъ и теплымъ и удушливымъ. Безъ сомнѣнія отъ этой предосторожности ей и сдѣлалось дурно; она свалилась какъ снопъ; перепугала царственныхъ путешественницъ и самого Государя обезпокоила.

— Что такое? спросилъ Государь...

— Ничего! — отвѣчалъ молодой рослый денщикъ, раскутывая боярышню,—придушило маленько; видишь какую рогожу намотала... Ахти!... И денщикъ отскочилъ, будто его въ ногу змѣя ужалила...

— Что тамъ еще?...

— Ничего! отвѣчалъ денщикъ, покраснѣвъ до ушей и нагибаясь, чтобы поднять платокъ, которымъ была обмотана Пелагея Андреевна, и который выпалъ изъ рукъ его, когда его что-то ужалило...

— Какъ ничего?...

— Оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь такъ ничего,—отвѣчалъ онъ, собираясь съ духомъ,—да видно тутъ гвоздь какой, больно перепужался...

— Да что же ты подымаешь платокъ, когда боярышня лежитъ. Подними боярышню!...

— Я? Ни за что!... Руки обожжетъ; погляди какая разкрасавица...

— Вотъ что!... Ну такъ помоги мнѣ...

— Не могу! Стыдно...

— Я велю тебѣ...

— Ужъ развѣ велишь!

И деньщикъ, дрожащими руками, сталъ подымать боярышню; но какъ человѣкъ предусмотрительный, зажмурился. Боярышня безъ чувствъ не могла удержаться на ногахъ и упала на грудь своего спасителя; деньщикъ раздвинулъ руки въ ужасѣ, будто вилы; коленки у него пригнулись; уста какъ-то мимоходомъ коснулись безъ поцѣлуя холодной щеки Пелагеи Андреевны; онъ вздрогнулъ и закричалъ во все горло: Караулъ! Рѣжутъ! Караулъ!..

Потрясены ли были нервы у боярышни отъ этого неистоваго крика, или отъ вліянія воздуха, только она очнулась въ вилообразныхъ объятіяхъ деньщика, не могла его видѣть въ лице, потому что онъ отвернулся, какъ отворачивается сонная собачка, когда ее подчиваютъ табакомъ... Пелагея Андреевна, замѣтивъ свое положеніе, вспыхнула, вспрыгнула, вскрикнула: Ахти, Господи, срамъ какой!... и закрыла лице руками.

«Ахти, Господи, срамъ какой!» повторилъ денщикъ и тоже закрылся.

Трудно описать какое впечатлѣніе произвело на присутствующихъ все это зрѣлище... Буеръ, миновавъ развалины Ніэншанца, сталъ подъ крылья свои подбирать свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ; матросы забѣгали; заскрипѣли мачты; холсты передвинулись, и не тише парохода, подобно широкрылой гальціонѣ, буеръ плавно и шибко спустился къ новой крѣпости, и свернулъ крылья у Троицкой пристани. Зрѣлище новой столицы заставило позабыть о денщикѣ и боярышнѣ. Съ нѣмымъ вопросомъ поглядывали Царица и Царевны на Петербургъ и на Петра. Удивленіе и грусть выражались въ этомъ взорѣ; всѣ были печальны; только лице Петра сіяло многозначащей улыбкой. Онъ смотрѣлъ на бѣдныя лачуги города, какъ страстно любящая мать на ребенка, когда онъ не по лѣтамъ говоритъ остроумныя рѣчи. Буеръ давно стоялъ на мѣстѣ, давно узкая лѣстница была перекинута на деревянную пристань, но, и хозяинъ, и гости утопали въ глубокой, хотя и совершенно разнородной думѣ. Трезвонъ съ колокольни Троицкаго Собора, радостные клики съ деревянныхъ мостковъ, которые вели съ пристани во дворецъ, или домикъ Петра Великаго,—ихъ пробудили. Окутанная въ теплую душегрѣю, на несцовомъ мѣху, придерживая бѣлоснѣжною рукою голландскій платочекъ на головѣ, статная, стройная, румяная, легко и торопливо бѣжала на встрѣчу мужу и гостямъ, очаровательная хозяйка; прибѣжала, смутилась, поникла чудной головкой, но взоръ и рѣчь Петра — одушевили Государыню...

— Катя! Вотъ я тебѣ привезъ всю родню.. Теперь мы всѣ вмѣстѣ...

Было и грязно, и на дворѣ не слишкомъ свѣтло, и вѣтеръ; не до церемоніала. И Царица и Царевны вышли вслѣдъ за Государемъ запросто. Буеръ опустѣлъ; остались на немъ только деньщикъ, да боярышня, да матросы. Придворные лакеи сняли сундуки съ золотнымъ приборомъ и унесли; пошла за ними и Пелагея Андреевна, и дошла было до самой лѣсенки; но деньщикъ убралъ царскій полушубокъ, кожаный передникъ, морскія рукавицы и сапоги, все это навьючилъ на лѣвую руку и подошелъ въ одно время съ боярышней къ лѣсенкѣ. Сошлись, взглянулись, и въ ужасѣ присѣли.

— Омутъ! Просто омутъ!» ворчалъ деньщикъ:» Діавольское навожденіе. И за чѣмъ это Государь приказалъ этимъ бабамъ носить лица наружу. Вотъ теперь и пошло колдовство. Въ бѣлый день туманъ наводятъ...

— Онъ меня съѣстъ, разбойникъ!» ворчала боярышня:» батюшки свѣты, такъ и глядитъ волкамъ... Второпяхъ фату обронила... и прикрыться не чѣмъ... Ну, сторонка безстыдная; экой позоръ, прости Господи! На женское лице глядятъ будто на торговку.... Охъ, сгорю отъ стыда!..

— Ой, не-смогу... Чуръ меня! Наше мѣсто свято. .

— Пошелъ прочь! Отвяжись, безстыдникъ! Не позорь меня черным глазомъ... Сгинь, пропади...

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся...

Неизвѣстно, до чего бы они договорились... На бѣду — у самаго буера пробѣгалъ въ эту минуту одинъ изъ шутовъ царскихъ. Сцена его остановила; видно уже ему не въ первый разъ. Дуракъ смѣкнулъ въ чемъ дѣло и съ хохотомъ закричалъ:

— Полно чиниться! Поцѣлуйтесь! Суженаго конемъ необъѣдешь...

Эти слова, что искра въ порохъ; съ крикомъ отчаянья и деньщикъ и боярышня рванулись на узкую лѣсенку; на несчастіе веревка для опоры была со стороны деньщика. Столкнулись, его удержала веревка; но Пелагея Андреевна перекувырнулась и бухъ въ воду... Тутъ все было забыто... Проворно царскія вещи были сложены на лѣсенку; деньщикъ перекрестился, спрыгнулъ въ воду, досталъ оглушенную паденіемъ боярышню, вынесъ, поставилъ лицемъ прямо въ огородъ царскій и безъ оглядки пустился бѣжать, самъ не зная куда, и отъ кого... Царицыны боярышни поспѣшили на помощь Пелагеѣ Андреевнѣ, и провели ее въ мазанку, назначенную временно для пребыванія Маріи Алексѣевны. Царевна уже была тамъ. Досада разливалась по выразительному лицу ея; она сидѣла въ задумчивости и думала Богъ знаетъ о чемъ.

— Гдѣ ты это пропадала Палашка?

— Матушка, Государыня Царевна! Отомсти! Не дай срамить вѣрныхъ слугъ твоихъ...

— Что съ тобою? спросила Царевна съ участіемъ.

— Драгунъ проклятый, нѣмецкій этотъ людорѣзъ долговязый, хотѣлъ съѣсть меня...

— Глупости...

— Какія, матушка Царевна, глупости! Какъ только ты ушла, мое солнышко, онъ прискочилъ и загородилъ дорогу.

— Ну....

— Загородилъ, вижу что не чистый, у него полымя изъ глазъ такъ и пышетъ.

— Ну...

— Вдругъ какъ бросится на меня...... и столкнулъ въ воду.

— Въ воду?! Середь бѣла дня, чуть не на глазахъ нашихъ? Хорошъ пріемъ! Кто же тебя изъ воды вынесъ?

— Ужъ не знаю, чай водяной выкинулъ... Государыня Царевна, заступись и помилуй!..

— Чего же ты хочешь?..

— Чтобъ его окаяннаго самого въ воду столкнули, чтобы глаза ему выкололи, грѣховоднику; пусть на женскую наготу не глядитъ, когда случай фату сдернетъ; матушка...

— Перестань!... Нѣмецъ.... Насъ съ тобою не послушаютъ. Гляди еще скажутъ, что ты его обидѣла; выдадутъ ему головой...

— Помилуй, Государыня Марья Алексѣевна!....

— Нѣтъ! Палаша! Я тебя люблю и вотъ что сдѣлаю. Спрячу! Скажу, что тебя черный глазъ испортилъ, такъ я тебя къ матери съ обозомъ отослала...

— Вѣкъ не забуду милостей твоихъ....

— Кто-то идетъ! Вѣрно за тобою... Спрячься...

Палаша спряталась за высокую спинку огромнаго кресла, и присѣла. Вошла комнатная дѣвушка и доложила, что какой-то Нѣмецъ пришелъ.

— Такъ и есть!

— Господи, спаси и помилуй.

— Зови! Нельзя отказать....

— Не пускай... спюхаетъ...

Но было поздно. Вошелъ точно Нѣмецъ. На высокихъ ногахъ, какъ на двухъ шестахъ, болтались кафтанъ, камзолъ и манжеты; лице подъ огромнымъ парикомъ казалось съ кулакъ; руки висѣли, будто маятники; дугой вошелъ онъ; въ комнатѣ согнулся въ полукругъ и тихо спросилъ:

«Гдѣ больна?»

— Здорова, батюшка, давно здорова. Испужалась маленько; прошло... Теперь спитъ... Прощай....

— Моя глюбошайшая аттенція.... И Нѣмецъ ушелъ. И Царевна и Палаша отъ радости запрыгали, и вдругъ испугались.

Раздалась музыка на дворѣ; играли на трубахъ и флейтахъ, и такъ громко, какъ будто надъ головою. Проиграли.... и мѣрно, таинственно, протяжно глухимъ звукомъ раздались удары колокола. Девять разъ пробили часы и въ крѣпости ударили въ барабанъ. Этотъ бой подходилъ къ мазанкамъ ближе, и ближе. Дѣвушки одна къ другой прижались и съ трепетомъ ожидали, чѣмъ все это кончится. Но бой ушелъ, какъ пришелъ, и все затихло.

— Ну, городокъ,» сказала Палаша: «колдуньи разные страхи на волѣ себѣ такъ и ходятъ. А хоромы-то, хоромы. Потолокъ рукой достанешь; поглядѣть изволь, дождь тутъ на сквозь проходитъ; окна будто на той лодкѣ.... чтобъ она.... Чуръ меня..... не вспомнить страшно. Хороши терема, нечего сказать. На Москвѣ у конюховъ жилье лучше.....

Царевна печально улыбнулась и вздохнула...

— О чемъ, Государыня Царевна?...

— Охъ!.. На Москвѣ, не приведи Богъ, что мнѣ разсказывали...

— Что, матушка Царевна?...

Марья Алексѣевна пригнулась и сказала шепотомъ: Баили, что всѣхъ насъ въ новый городъ выписали, чтобы замужъ за Нѣмцевъ поотдавать.

Палаша перекрестилась:

— Для Аннушки Ивановны пріискали уже какого-то Нитавскаго короля...

— Господи прости!..

— А для племянницы Катиньки, хоть и подростокъ, а все таки пріискали кого-то въ запасъ....

Слушай! раздалось почти у самыхъ оконъ мазанки. Это слово было сказано не отрывисто, не разговорнымъ маперомъ, а нараспѣвъ. На бѣду у часоваго голосъ былъ такой пронзительный, что собесѣдницы поблѣднѣли, и обмерли, когда часовой вытянулъ свою безконечную ноту и смолкъ. Царевна указала на окно, шепнула: Насъ подслушиваютъ... На цыпочкахъ, переступая легонько, добралась до постели; нераздѣваясь, улеглась, и занавѣсь опустилась... Палаша не знала, гдѣ ея постель, выдти спросить-боялась. Измученная, она недолго боролась съ благодатнымъ сномъ; но увы! и тамъ ей не было покоя. Нѣмецъ съ буера то и дѣло являлся, пламя изъ глазъ, вотъ такъ и жжетъ.... Палаша проснется, плюнетъ, отчурается, и опять задремлетъ; да ба,—Нѣмецъ съ другой стороны подходитъ. Едва къ утру ей удалось совершенно отчураться и уснуть какъ слѣдуетъ...

II.

— Это вамъ, господинъ денщикъ, очень можно говорить; но имѣйте милость присмотритъ, что въ Катарингофѣ—не много домà. При дворца только кухня и людской домъ. Этотъ можно сдѣлать чиста. Большой флюгель; тамъ можна жить шесть персонъ; подзорной маякъ-Царь нужно; оранжереи-мой нужно; на калинкинска скотна дворъ—тамъ только холодной альтана; въ рощахъ четыре альтана, тожъ холодной; теперь за рѣчкой, гдѣ парники....

— Да не умничай, Гаврило Карлычъ! Сказано—и кончено. Изволь таскать цвѣты въ садъ.

— Всѣ умирать будутъ....

— Не твое дѣло. Государыня съ Царицей и Царевнами помѣстятся во дворцѣ...

— Десять апартаментовъ на верху; внизу девять; внизу жить не можетъ...

— Послушай, ты Гаврило! Не болтай много. Выноси цвѣты, а не то вѣдь у меня канонирская команда; свиснý, такъ мы сами все перетаскаемъ и тебя въ цвѣтникѣ на самой серединѣ вмѣсто подсолнечника посадимъ; близорукой твоей плешивой головы никто и не различитъ отъ....

— Господинъ денщикъ!...

— Ну, поворачивайся....

— Извольте, я поворачиваюсь....

Гаврило Карлычъ Шуретъ, придворный садовникъ, дѣйствительно поворотилъ къ оранжереямъ, которыя были тамъ, гдѣ теперь тріумфальныя нарвскія ворота; насвистывая, пошелъ скорымъ шагомъ; а денщикъ отправился къ лодкамъ, цѣлью стоявшимъ между Гутуевскимъ Островомъ и частью берега, нынѣ застроеннаго улицами между Обводнымъ Каналомъ, Таракановкой, Фонтанкой и Невой. Все это пространство входило въ составъ Екатерингофской дачи. Недалеко отъ устья Фонтанки стоялъ тотъ флюгель, гдѣ, по словамъ Гаврилы Карловича, можно было жить шести персонамъ. Лодки стояли противу самаго флигеля; канониры выгружали изъ нихъ на Гутуевскій Островъ разные большіе и малые шесты, колеса, щиты, и тому подобное; фейерверкеры все это уставляли противу большой альтаны или бесѣдки, мимо фундамента коей теперь проходитъ Обводный Каналъ. Денщикъ подошелъ къ берегу, посмотрѣлъ на работы и сказалъ: Ладно! У васъ дѣло идетъ скоро. Да что же кухня и прислуга не ѣдетъ?..

—За лѣсомъ, Константинъ Ивановичъ, ничего не видно; чай теперь уже противу боярскихъ дачь (гдѣ теперь заводъ Берда и другіе).

Константинъ Ивановичъ вынулъ изъ-за пазухи большой листъ и сталъ читать Инструкцію, какъ всему чину празднества быть, гдѣ кому изъ придворныхъ жить, какія мѣста очистить отъ листьевъ подъ царскіе экипажи... И въ это самое время, какъ онъ перечитывалъ Инструкцію, вѣроятно въ десятый разъ, изъ Большой Невы, въ узкій рукавъ, обмывающій западный берегъ Екатерингофскаго Острова, вошелъ на всѣхъ веслахъ и даже съ парусами катеръ; на немъ тма перинъ, подушекъ, женщинъ; но лицъ не льзя было видѣть; густыя покрывала заслоняли ихъ непроницаемо... Только камеръ-медхены и камеръ-фрейлины Царицы Екатерины Алексѣевны одѣты были по Европейски, и лицъ не скрывали; напротивъ, онѣ съ удовольствіемъ замѣтили на берегу Константина Ивановича, который, замѣтивъ, съ своей стороны, что на катерѣ женскій полъ, покраснѣлъ какъ ракъ и нарочно погрузился въ чтеніе Инструкціи. Напрасная предосторожность; катеръ причалилъ; раздались тоненькіе голосишки:

— Константинъ Иванычъ, полно умницу корчить; что ты тамъ читаешь?

— Штрументъ Его Царскаго Величества.

— Полно пыль въ глаза пускать, сказала пожилая, но весьма еще пригожая дама. Подавай-ка руку; помоги намъ изъ катера на сушу перебраться....

— Хороша суша! Грязь по косточки; не успѣли вамъ дороги намостить. Посидите лучше въ катерѣ, пока мои люди съ огненною потѣхою управятся.

— А когда же мы съ нашимъ дѣломъ управимся? Подавай руку! До флигеля кое-какъ доберемся, а тамъ до самого дворца битый путь.

— Ну, не льзя совсѣмъ. Въ молодой дубовой рощѣ, что Государь у флигеля прошлой осенью насадилъ и запретъ на нее положилъ... тамъ битый путь, что кисель. Какое теперь время для гулянья....

— Ты, Константинъ Ивановичъ, Государю про это скажи!...

— А Государь отвѣтитъ: не твое дѣло, а еще заикнусь, такъ и дубинкой....

— И по дѣломъ. Не умничай, а подавай руку; вѣдь ты же сухо стоишь; трава подъ тобой; вся поляна обсохла. Ну, поворачивайся Константинъ Ивановичъ!

Нечего дѣлать, Константинъ Ивановичъ протянулъ руку вмѣстѣ съ инструментомъ. Женщины, сначала личныя, а потомъ и безличныя, опираясь на руку деньщика, перепрыгивали на вязкую, влажную сушу; осталась одна и никакъ не хотѣла итти съ катера.

— Пелагея Андреевна, сказала та же дама, что же ты! Пора тебѣ съ здѣшнимъ обычаемъ освоиться. Вѣдь Константинъ Ивановичъ не укуситъ. Вѣдь у него лице такое грозное, а сердце доброе. Вѣдь тутъ не на царскомъ буерѣ; онъ тебя не столкнетъ въ воду.... Ступай, Пелагея Андреевна!

Константинъ Ивановичъ, на дрожащихъ ногахъ, сталъ осѣдать, будто каменная башня на шаткомъ фундаментѣ; но стыдъ держалъ его въ прежней позитурѣ; правая рука съ инструментомъ торчала впередъ и будто указывала дорогу въ Кронштатъ. Пелагеѣ Андреевнѣ также стало стыдно, что она середь бѣла дня боится драгуна; откуда взялась

смѣлость. Ббойко пошла она къ Константину Ивановичу, схватила его за руку пониже локтя, такъ сильно, что Константинъ Ивановичь вскрикнулъ, уронилъ Инструментъ, и когда боярышня оторвала свою руку, будто отъ куста крыжовника, Константинъ Ивановичь стоялъ въ грязи на одномъ коленѣ.... Придворный женскій штатъ весьма забавлялся зрѣлищемъ; тѣ, которыя были съ лицами, такъ и заливались звонкимъ смѣхомъ; безличныя—однѣ улыбались и завидовали тѣмъ, что съ лицами; другія—дулись и досадовали на соблазнъ невскихъ нравовъ. Къ которому разряду принадлежала Пелагея Андреевна? Какъ вы думаете?

— Ну, господинъ Фатермистѣръ,—сказала дама,—пошутили, теперь разводи по фатерамъ; чай для Пелагеи Андреевны новый домъ успѣлъ построить... Отвѣчай же, куда кому итти?...

— Боже мой!

— Что тамъ такое?

— Царскій штрументъ!..

— Какой штрументъ?

— Тотъ, гдѣ все прописано, чему быть и чему не быть. Пропала моя головушка!

— Батюшки свѣты! Царскій наказъ! воскликнули всѣ личныя и безличныя... Да гдѣ же онъ!

— Утонулъ, въ Кронштотъ унесло; пожалуй еще къ свейскому королю доплыветъ! Ахъ Пелагея Андреевна!... шепотомъ досказалъ Константинъ Ивановичь. Погубила ты меня ни за алтынъ, ни за два... Богъ тебѣ судья! Что я теперь стану дѣлать?...

Дѣвушки бываютъ злы и добры такъ, отъ нечего дѣлать, какъ случится, какъ вздумается. Чуть не всѣ бросились къ берегу, тонули въ грязи, высматривали... наказа нигдѣ не было видно... Пелагея Андреевна также было сдѣлала шага три на помощь драгуну... Но кровь бросилась къ головѣ, она схватилась за дерево и едва удержалась на ногахъ....

Поиски и утѣшенія были напрасны. Какъ вкопаный стоялъ Константинъ Ивановичь надъ мутными волнами рукава Невы, и думалъ, думалъ, думалъ....

— Ничего! закричалъ онъ торжественно. Всѣ помню, семьнадцать пунктовъ; всѣ по пальцамъ перечелъ; всѣ есть; благо, что память у меня не штопаная; ни одинъ не ускользнулъ... Пунктъ первый; ступайте за мной. Я покажу, гдѣ кому мѣститься...

Но дѣвушки не шли; окружили Константина Ивановича со всѣхъ сторонъ, и давай распрашивать, какъ указано быть празднику....

— Не ваше дѣло. Секретность, которую я законсервовать обязанъ. Пусть его утонетъ, лишь бы кому въ руки прежде времени не попался...

— Да вѣдь мы не разболтаемъ сюрпризовъ.

— Не могу....

— Пелагея Андреевна, попроси ты.

— Ну, такъ теперь нарочно не скажу. Вотъ вамъ...

— Не скажешь?

— Не скажу ни за что....

— Ну, коли такъ, постой же... Оставьте, не просите его... Мы ему отплатимъ...

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Н. Кукольникъ.

—

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Вчера и Сегодня. Литературный Сборникъ, составленный Гр. В. А. Сологубомъ, изданный А. Смирдинымъ. Книжка первая. Санктпетерб. 1845. стр. 164, цѣна 1 р. 50 к. с.

2. Двѣ Судьбы, быль Аполлона Майкова. Спб. 1845. стр. 80, цѣна 1 р. с.

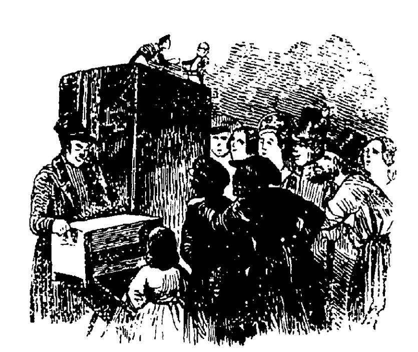
3. Наѣзды Гайдамаковъ на Западную Украйну, въ XVIII столѣтіи, 1733—1768 годы. А. Скальковскаго, Одесса. 1845. Стр. 250.

4. Типы современныхъ нравовъ, представленные въ иллюстрованныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемыхъ подъ редакціей Николая Кирилова. Спбргъ. 1845. Выпускъ 1. Тертый калачь, съ 38 рисунками Е. Ковригина, гравированными на деревѣ барономъ Петельгорстомъ.

Вчера и Сегодня! Грустное заглавіе! — Горькій намекъ на прошедшее и настоящее состояніе Руской Литературы. Вчера — въ этой литературѣ было много достойныхъ дѣятелей; ихъ уважала публика, любовалась и наслаждалась ихъ трудами. Сегодня въ этомъ кругу многихъ нѣтъ; остальные производятъ мало, лѣниво, не охотно и если бы ихъ увлекало не призваніе, безъ сомнѣнія бросили бы перо и занялись другимъ дѣломъ, потому что литературное поприще стало не свободно отъ совмѣстниковъ, съ которыми не всякому пріятно состязаться. Въ людяхъ съ талантами, покрайней мѣрѣ съ умомъ или чувствомъ, есть сознаніе собственнаго достоинства; но на публичномъ поприщѣ литературы оно безнаказанно можетъ подвергнуться несправедливымъ нападкамъ людей, которые это высокое поприщѣ считаютъ своимъ базаромъ; эту благородную арену — оброчною своею статьею. Мы ни кого не называемъ. Но не могли не обратить вниманія на поводы, уменьшившіе число литераторовъ въ Россіи, которыхъ замѣнили другія лица съ барышемъ для себя, съ убыткомъ для публики, съ ущербомъ для націи. Вотъ почему нельзя безъ грусти смотрѣть на колкое и справедливое заглавіе Альманаха, выходящаго подъ редакціей графа Сологуба въ новой, повременной формѣ. Недавно вышелъ Тарантасъ, имъ же написанный, исполненный свѣтскаго ума, игривости и вмѣстѣ проницательной наблюдательности. О картинкахъ не будемъ говорить. Мы знаемъ по опыту, какъ трудно у насъ украсить изданіе картинками, которыя бы вполнѣ удовлетворяли изящному вкусу. Но въ Тарантасѣ онѣ еще очень хороши, и если бы были тщательнѣе отпечатаны, ихъ можно бы объявить удовлетворительными. Еще намъ неправится форматъ... И такъ, все то, что намъ неправится, принадлежитъ не къ Тарантасу, забавному, веселому, изрѣдка колкому; но въ этихъ насмѣшкахъ нѣтъ *нашей* литературной соли. Авторъ обнаружилъ въ этомъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, что и по руски можно шутить мило и забавно, не забѣгая за остротою въ харчевни и другія невзрачныя заведенія. Онъ пишетъ, будто *вчера*, и потому *сегодняшнимъ* онъ не нравится, хотя сегодняшніе безпрестанно увѣряютъ, что они ученики Карамзина. На покойниковъ грѣхъ взводить напраслину и, полагаясь на невозможность очной ставки, записываться въ друзья Пушкину, Грибоѣдову, Дмитріеву, Крылову. Вѣдь есть живые люди, которые помнятъ, какъ эти именитые покойники безпокоили своихъ незванныхъ друзей эпиграммами, и вообще весьма невыгодно отзывались о своихъ посмертныхъ благопріятеляхъ. — Вчера учились и доучивались; сегодня недоученые учатъ... Мы вспомнили по этому случаю анекдотъ. Гдѣ-то на водахъ, въ Германіи, Рускій путешественникъ заговорилъ на родномъ языкѣ съ дамою. Старый какой-то любезникъ вмѣшался въ разговоръ на дурномъ русскомъ діалектѣ, который обнаруживалъ въ немъ не рускаго и сталъ даже поправлять путешественника. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на старика и спросилъ: «Да съ чего вы взяли поправлять меня? Слава Богу, я учился въ университетѣ, кончилъ курсъ, получилъ ученую степень, — а вы?.. — А я — отвѣчалъ старикъ, нимало не смущаясь, — я вмѣстѣ съ Французами гостилъ въ XII году въ Москвѣ, слѣдственно имѣлъ случаи познакомиться коротко съ вашимъ языкомъ въ сердцѣ Россіи». Забавное право!... не менѣе того старикъ считалъ его достаточнымъ. Таковъ вѣкъ. Всѣ любятъ учить, а не учиться; оно и легче. Сегодня такъ. Вчера было иначе. И въ этомъ отношеніи мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ на первой книжкѣ Альманаха поставлено: Вчера и Сегодня. Тутъ всѣ будто вчерашніе. Сегодняшнихъ нѣтъ и духу, и не будетъ; за это можемъ поручиться. Но кто будетъ читать Вчера и Сегодня? И читателей вчерашнихъ мало нынче теперь любятъ журнальную перебранку или коверканье того Паяица, что въ Тарантасѣ. Теперь читатель уснетъ надъ капитаномъ Бопномъ; статей: о Каменева. Шиллерѣ и Гете не разрѣжетъ; надъ каждымъ стихотвореніемъ зѣвнетъ; прочтетъ только Артемія Семеновича Бербенковскаго, статью гр. Толстаго, и Собачку графа Сологуба... Прочтетъ и скажетъ: хорошо! да ужь слишкомъ чинно; благородно что-то; недостаетъ ѳрфикусу; никому недосталось; никто не разруганъ; по карманамъ никого не приударили: не современно; видно, что новички: что это, собачка, а никого не укусила, никому не больно; будто дамамъ разсказано. То ли дѣло, когда писатель самъ смахиваетъ на звѣря; такъ и заливается; любо дорого читать; будто видишь какъ его подмываетъ. — Вотъ литература, а это что... Въ старину было бы хорошо, а мы люди образованные, у насъ другіе потребности; сегодня не вчера! — И чтожъ. Читатель не виноватъ, какъ ребенокъ, который всю жизнь только и видѣлъ какъ его гувернеры бранились и ссорились; онъ и въ свѣтѣ будетъ искать тѣхъ же зрѣлищъ, къ которымъ пріучили его гувернеры. — Быль г. Майкова принадлежитъ къ двумъ періодамъ; герой поэмы — человѣкъ сегодняшній: хотя вчера въ немъ было нѣсколько добра; но за то стихи вчерашніе, хотя и написаны сегодня... Много чувства, много хорошихъ мыслей и стиховъ; надежда прекрасная, и — увы — безнадежная. — Сегодняшніе не дадутъ ей сбыться. Вотъ еще книга, изданная для вчерашнихъ и сегодняшнихъ. Наѣзды Гайдамаковъ на Украйну. Вчерашніе найдутъ любопытную картину этого страннаго сброда лихихъ разбойниковъ, наполнявшихъ ужасомъ южныя области старой Польши, въ XVIII вѣкѣ. Гайдамаковъ напрасно смѣшивали съ Запорожцами. Кошъ преслѣдовалъ ихъ сколько могъ и содѣйствовалъ къ истребленію этихъ опасныхъ ватагъ. Вся книга написана для одной исторической повѣсти о ужасной сѣчѣ, произведенной Гайдамаками въ г. Уманѣ. Исторія стоитъ романа, ужасами своими неуступающаго всей новѣйшей школѣ французской, съ Вѣчнымъ Жидомъ включительно. Повѣсть эта объяснена предварительными статьями и обогащена весьма любопытными приложеніями. Для *сегодняшнихъ* — также будетъ занятіе; въ этой книгѣ тма опечатокъ... До сихъ поръ о Наѣздахъ почти ничего не писано; вѣроятно не читаны. Мы открываемъ для аргонавтовъ Колхиду... г. Скальковскій не приложилъ къ своей книгѣ — критики, не исчислилъ опечатокъ.

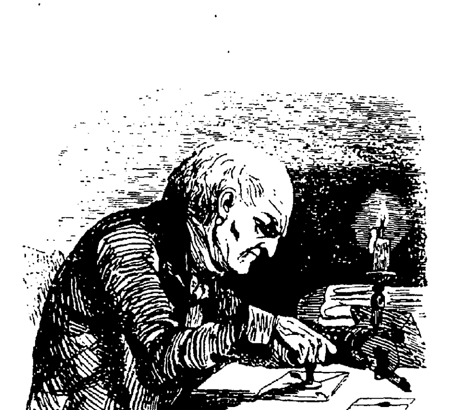
Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о новомъ иллюстрованномъ изданіи Г. Кирилова. Издатель и сочинитель перваго Типа увлекся, кажется, школою Гоголя и обратилъ ратное копіе свое противу мелкихъ уѣздныхъ чиновниковъ, которымъ теперь, можетъ быть, и не по заслугамъ достается. При всемъ томъ мы прочли весь разсказъ, пересмотрѣли всѣ картинки. Завелся теперь во многихъ иллюстраціяхъ такой обычай, что не находя картинности въ текстѣ, рисовальщики привязываются къ случайному сравненію, къ риторическимъ фигурамъ изложенія, и разрисовываютъ, такъ сказать, постороннія мысли автора. Для знакомства читателей нашихъ съ художественною стороною изданія Г. Кирилова, прилагаемъ нѣсколько политипажей изъ этой книги; считаемъ обязанностію прибавить, что прочія гравюры не хуже приложенныхъ.

(Городничій въ азартѣ).



(Шарманщикъ).

(Вѣсть о Ревизорѣ).



(Почмейстеръ).

(Потѣхи на Крестовскомъ).

(Уѣздная барышня).

(Засѣдатель).

(Встрѣча Ревизора).

(Растлитель опекунъ).

(Птицеловъ).

(Занятіе Ревизора въ столицѣ).

(Открытіе уѣзднаго бульвара).

СМѢСЬ

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Если на землѣ нѣтъ ничего любопытнаго, то за то на небесахъ на этой недѣлѣ происходили такія явленія, которыя полтораста лѣтъ тому назадъ перепугали бы всю Россію. Кольцеобразное солнечное затмѣніе, по маршруту, данному астрономами, началось въ Петербургѣ во вторникъ въ 11 ч. 22 м. утра. Но, противъ ожиданія, особенной темноты не было. И знаешь законы, и понимаешь естественность явленія, а все таки на сердцѣ какъ-то неловко, на душѣ холодомъ вѣетъ. Къ солнцу, къ лунѣ, и къ вѣчнымъ звѣздамъ мы привыкли, и порядокъ явленій такъ пріучилъ наши понятія къ ихъ необходимости, что ни одно ежедневное свѣтило не заставляетъ насъ мыслить о механизмѣ природы; но затмѣніе солнца, потрясая нашъ организмъ благоговѣйнымъ трепетомъ, въ то же время возбуждаетъ вопросы и диктуетъ отвѣты, которые не слишкомъ нравятся человѣческому самолюбію. Въ Петербургѣ нельзя было замѣтить произвело ли затмѣніе какое вліяніе на животныхъ; хотя достовѣрно извѣстно, что и безсловесные въ этихъ случаяхъ раздѣляютъ тоску человѣка.

—Кометы не подлежатъ маршрутамъ астрономическихъ обсерваторій; приходятъ и уходятъ безъ позволенія. Мы ихъ не видимъ, и потому о нихъ не безпокоимся; а кометы почти всегда гуляютъ по нашей системѣ; вотъ и теперь сколько ихъ у насъ въ гостяхъ. Г. Араго донесъ парижской академіи наукъ, что новая комета открыта въ Пармѣ, 5-го февраля, господиномъ Колла; что та же комета замѣчена въ Неаполѣ, 7-го февраля, господиномъ Куперомъ; и что г. Петерсъ сдѣлалъ объ ней приблизительныя исчисленія. Состояніе неба до сихъ поръ препятствовало парижскимъ астрономамъ видѣть эту комету. Въ журналѣ Англійской Гвіаны помѣщено извѣстіе объ открытіи кометы, 16-го декабря 1844 года. Кромѣ того, г. Араго сообщилъ академіи письмо г. Вико, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ объ открытіи телескопической кометы съ обсерваторіи римскаго университета, 25-го февраля. Комета находилась въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы; 6-го марта, то есть прежде, нежели извѣстіе это дошло до Парижа, комета была уже замѣчена тамъ г. Фейемъ.

—На этой недѣлѣ мы получили парижскія письма отъ М. И. Глинки и о М. И. Глинкѣ. Берліозъ написалъ статью о нашемъ композиторѣ, и помѣстилъ ее въ Journal des Debats. Молчимъ пока. Но, кажется, придется представить на судъ читателей нѣкоторыя объясненія по поводу этой статьи. Ожидаемъ еще нѣкоторыхъ извѣстій и справокъ. М. И. Глинка отправляется теперь въ Испанію, проведетъ лѣто въ Мадритѣ, зиму въ Андалузіи. Думаемъ, что въ музыкальномъ отношеніи Испанія для М. И. принесетъ больше пользы, чѣмъ Парижъ. Тамъ онъ намѣревается заняться—оперой, а ужъ если не оперой, то во всякомъ случаѣ—композиціей....

—Если мы бѣдны новостями, то по крайней мѣрѣ утѣшительно то, что и иностранцы не богаче насъ. Журналы наполнены сплетнями и мелочными толками о томъ, какое платье было на графинѣ или княгинѣ такой-то, во время такого-то весенняго гулянья; какая актриса намѣревается ѣхать изъ Парижа въ Лондонъ, или обратно; какой актеръ отходитъ отъ одного театра къ другому; какіе прелестные *чаи* даетъ Рашель; кто у нея бываетъ; какъ авторы ссорятся съ издателями; какой процессъ г-жа Берто, актриса, затѣяла съ директоромъ за то, что изъ уборной ея убрали одну лампу; какую нелѣпую драму написалъ мосье д'Арленкуръ; какъ Люсиль Гранъ, по словамъ французскихъ же журналовъ, переломившая въ Петербургѣ ногу, въ Лондонѣ танцуетъ фантастическую, упоительную мазурку и проч. и проч.

—Всѣ французскіе журналы толкуютъ о смерти князя Тюфякина, и разсказываютъ о немъ тысячу анекдотовъ. Князь Тюфякинъ, въ послѣднее время постоянно проживавшій въ Парижѣ, началъ поприще свое тѣмъ, что поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Выйдя въ отставку, онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, женился, и въ короткое время лишился жены. Въ 1801 году, онъ оставилъ Петербургъ и пріѣхалъ въ Парижъ, во время консульства. Около 1811 года, князь Тюфякинъ воротился въ Россію, вмѣстѣ съ посланникомъ Куракинымъ. Послѣ кончины Нарышкина, онъ былъ пожалованъ директоромъ петербургскихъ и московскихъ театровъ и находился въ этой должности до 1820 года. Князь Тюфякинъ, какъ страстный приверженецъ всего французскаго, пригласилъ въ Петербургъ Боельдье, всѣ сочиненія котораго были играны въ то время на столичныхъ театрахъ. Кромѣ того, въ его же время были играны въ Петербургѣ и Москвѣ всѣ балеты парижскаго репертуара: *Телемакъ*, *Нина*, *Павелъ* и *Виргинія* и др.

Въ 1820 году, князь Тюфякинъ опять уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и оставался до іюльской революціи. Тогда онъ посѣтилъ Вѣну, Неаполь и послѣ двухлѣтняго путешествія опять вернулся въ Парижъ, гдѣ и скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

—Молодому Французскому композитору пришла мысль, достойная нашей эпохи: онъ хочетъ положить романы Вальтеръ-Скотта на музыку. Первый выпускъ: *Замокъ Кенильвортъ*, уже вышелъ.

—Съ нѣкотораго времени стали тревожить прахъ древнихъ писателей. Берлинъ первый подалъ примѣръ всей Европѣ, и онъ же превзошелъ всю драматическую Европу: столица Пруссіи влечетъ за собою прочія столицы къ *прогрессу*. Въ послѣднее время была играна въ Берлинѣ комедія Плавта *Менехмы* — но какъ играна? На *латинскомъ языкѣ* студентами!.. Въ то же представленіе были пропѣты четыре оды Горація, положенныя на музыку г. Тауберомъ.

—На настоящей парижской художественной выставкѣ особенно замѣчательна *страница изъ современной исторіи*, какъ говорятъ Французы, картина Гораса Верне: *Взятіе Смалы*. Она имѣетъ 25 метровъ длины и 5 метровъ вышины. Кромѣ того публика толпится у картинъ: *Казнь Марино Фаліеро*, г. Роберта Флери; *Чтеніе духовной*, г. Гюпена; *Мастерская Алхимика*, г. Шабе; и *Пейзажи*, г. Гоштейна и Леона Флери.

—

ПЕРЕПИСКА.

С. Приносимъ живѣйшую признательность за доставленіе губернскихъ вашихъ вѣдомостей,—и должно сказать откровенно, что едвали ваши не лучшія. Впрочемъ, всѣхъ мы не получаемъ; говоримъ о тѣхъ, съ которыми удалось познакомиться. — Нашъ совѣтъ, продолжайте, какъ начали... Время обогатитъ вашу неофиціальную часть мѣстными любопытными свѣдѣніями, потому что вы объ этомъ заботитесь, и совершенно постигаете назначеніе этого отдѣла. Тогда только онъ сдѣлается интереснымъ для всей Россіи, когда будетъ заключать историческія, статистическія, географическія и топографическія спеціальныя статьи, собственно до вашей губерніи относящіяся. Желаніе ваше, кажется, исполнено, а за присылку газеты еще разъ благодаримъ.

Р. И. С. — Подумаемъ.

А. А. въ К. Не бойтесь! Кто дѣйствуетъ по доброй совѣсти, съ усердіемъ и желаніемъ добра всѣмъ и каждому, тому нечего бояться.

SS. Простите; мы пошутили не думая, что шутка наша найдетъ виноватаго; сердиться не за что; сердитесь — на себя. —

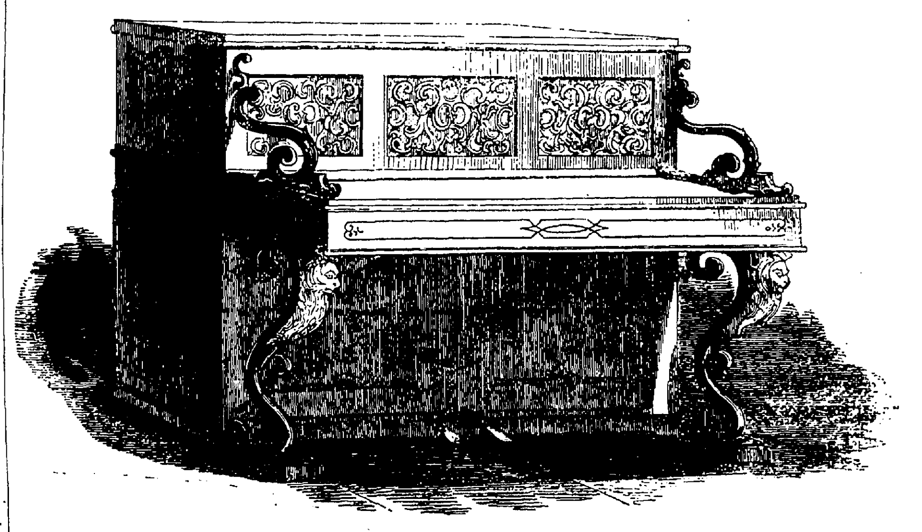
Л. Л. Трактатъ вашъ о преферансовой задачѣ весьма основателенъ, но — не то; вы не угадали. Мы отложили разгадку, чтобы дать вамъ время глубже вникнуть въ этотъ странный случай.

Въ Варшаву Z. Z. Порто—стоитъ дорого. Иллюстрація получается у васъ и потому можемъ писать печатно. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій объ Эльснерѣ; не менѣе того свѣдѣній о молодыхъ лѣтахъ Шопена и о другихъ композиторахъ, вышедшихъ изъ школы Эльснера и Вюрфеля. Книгъ мы еще не получали. Рисунковъ также; впрочемъ послѣдними не спѣшите. Мы послали въ Парижъ болѣе ста рисунковъ; у нашихъ граверовъ полны руки работъ; въ Редакціи много рисунковъ, которыхъ и дать некому рѣзать. Недостатка не предвидимъ. Варшавскіе подоспѣютъ къ своему времени. Лучше позже, да поаккуратнѣе.

—

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Въ Библіотекѣ для Чтенія и въ другихъ журналахъ, что-то очень дружно заговорили о инструментахъ г. Лихтенталя. У всякаго свое воззрѣніе, свой вкусъ и свое ухо. Слѣдственно и сужденія бываютъ различны; но именно для того, чтобы судить о музыкальныхъ инструментахъ, надо имѣть и вкусъ и ухо и свѣденія въ механикѣ. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Библіотеки и, не ссылаясь ни на мнѣнія Листа, ни на другія свидѣтельства, считаемъ обязанностію обратить вниманіе нашихъ читателей на произведенія, выходящія изъ мастерской г. Лихтенталя. Кто споритъ, у насъ и до Лихтенталя дѣлались инструменты, и дѣлаются, и покупались, и покупаются. Въ этомъ



выгода спекуляторовъ; но мы переслушали лучшіе изъ нихъ и при бойкой игрѣ, напр. Деллера, ощущали въ ухѣ какой-то хаосъ звуковъ, путаницу нотъ, и не обвиняли артиста, потому что знали, гдѣ причина. Лихтенталя нельзя сравнивать съ другими мастерами. Не унижая никого, должно сознаться, что онъ не фабрикантъ, а художникъ. Его четыреугольные ройяли, его компактные флигели, его смычковые клавесины, и вообще подробности фортепіанныхъ механисмовъ Лихтенталя, заслуживаютъ особенное вниманіе и уничтожаютъ возможность всякаго сравненія. На первый случай представляемъ компактный флигель, который нынѣ г. Лихтенталь оканчиваетъ для Ея Импера-

торскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Если бы вы не заскучали, мы бы вамъ показали и внутренность, напримѣръ квадратнаго, ройяля, который имѣетъ совершенно ту же силу, что и обыкновенный ройяль. Ожидаемъ вашего приказанія.

—

МОДЫ.

Такъ и есть! Мы не ошиблись! Буря модъ началась! Появились вышитые шарфы, въ алжирскомъ родѣ. Это названіе конечно ничего не объясняетъ; но мы не нашли рисунка и успокоились; довольно, что эти шарфы вышиты; любительницамъ шитья — пріятное занятіе, но вышивайте поскорѣе, потому, что вѣдь это мода. Какъ поручиться, что покуда вы получите наши листы, пока поставите пяльцы, подберете шелки, въ Парижѣ не будетъ уже ни одного, не только вышитаго, никакого шарфа. Вотъ мантильи — дѣло иное. Парижъ имъ обѣщаетъ не долговѣчность, а вѣчность, но и тутъ есть важныя реформы. Во-первыхъ черныхъ тафтяныхъ уже не носятъ; черный цвѣтъ сползъ съ мантилій; извольте ихъ дѣлать изъ матеріи цвѣта такъ называемаго de Fantaisie, лиловые съ бѣлымъ, зеленые съ лиловымъ отливомъ; сзади не угодно ли вашимъ мантильямъ дать круглый покрой, а спереди убрать не большимъ рюшемъ изъ атласныхъ лентъ — и у васъ будетъ модная парижская мантилья. Съ шляпками — бѣда. Поля внизу разошлись на ужасную дистанцію; хорошо если вы носите локоны, а нѣтъ, такъ мы ужъ и не знаемъ, какъ помочь горю. Впрочемъ, за тайну, мы вамъ скажемъ, что и въ Парижѣ эта мода плохо принимается; дамы бунтуютъ; такія шляпки замѣчены только на самыхъ отчаянныхъ щеголихахъ; въ Петербургѣ онѣ еще и не показывались.

Платья очень скромны, какъ видите; съ передникомъ изъ лентъ и кружевъ и съ такими же наручниками; корсажъ застегнутъ будто мундиръ и довольно высокій; само собою разумѣется, что это утренній костюмъ.

Между мужчинами и мужскими модами все еще миръ и тишина; фраки съ длинной и широкой таліей; носятъ и тѣ и другіе; но первыхъ больше. Вотъ жилеты, тѣ больно длинны, шалью, больше всего желтые или свѣтлосѣрые.

Сюртуки — въ таліи крѣпко узки.

Шляпы не высоки, а поля узенькія и подняты вверхъ... Наконецъ... Это самая важная новость: шейные шарфы завязываются гораздо короче, и уже не закрываютъ, какъ прежде, рубашки.

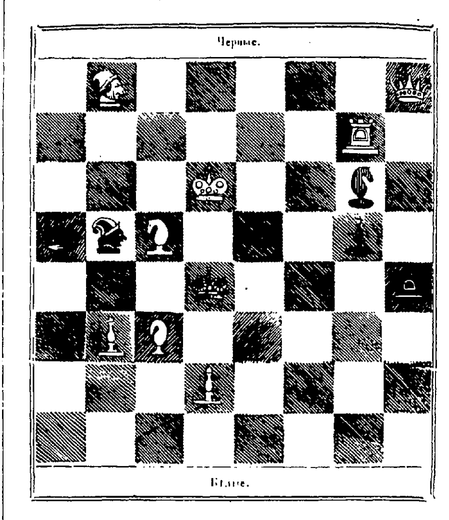
—

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 1.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1. Сл. на 6 м. К. своего.	П. Сл. 1 м.
2. П. Л. 1 мѣсто.	П беретъ П.
3. Сл. на 7 м. сп.	П. Л. 1 м.
4. Сл. на 4 м. Сл. Кор.	П. Л. 1 м.
5. Сл. на 2 м. Ф. — и матъ.	

ЗАДАЧА № 2.

Бѣлые ходятъ, и въ пять ходовъ даютъ матъ.



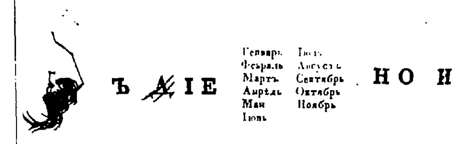
РАЗГАДКА.

Шутъ-каша-луна не разъ сняла маску съ лицемѣра.

Шутка шалуна не разъ сняла маску съ лицемѣра.

—

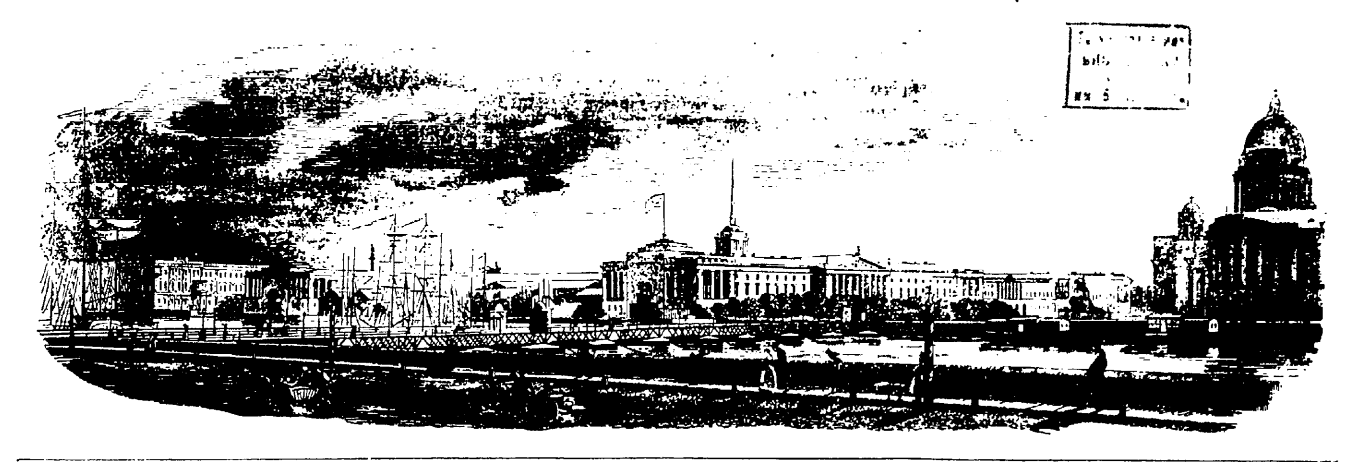
ЗАГАДКА № 4.



Печатать позволяется. С. Петербургъ. Апрѣля 25 дня 1845 года. Цензоры *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 5.—Суббота, 5 Мая 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ИНСТРУМЕНТЪ.

повѣсть изъ временъ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Окончаніе).

—

— Не боюсь я васъ чечотокъ...

— Поглядимъ, посмотримъ!

И дѣвушки вошли во флигель и стали заниматься своимъ дѣломъ; а деньщикъ, повторяя въ полголоса: пунктъ второй, пунктъ третій... и, заучивая, такимъ образомъ, наизусть инструкцію, пошелъ къ Гаврилѣ Карловичу...

— Ну, — Палаша, сказала дѣвушка съ лицемъ,—поддѣла ты парня знатнаго; только онъ, слышно, большой ярыга; говорятъ, на многихъ сватался.

Пелагея Андреевна въ это время разкутывала свое покрывало; вдругъ вскрикнула и присѣла.

— Что такое, Палаша?

— Ничего, ничего,—отвѣчала она, дрожа, и спрятала руки назадъ.

— Какъ ничего?

— Таракашка по стѣнѣ такой большой пробѣжалъ, черный такой, ухъ... страшно...

— Еще бы! Тутъ зимою кто живетъ? Холопья, сторожа,—такъ и не диво... Ну, однако, пойдемъ во дворецъ, надо покои поубрать, постели переслать; дѣвушки однѣ и не смогутъ, и все таки присмотръ нуженъ; пойдемъ, Палаша...

— Сей часъ! Бостроги поправлю... Ступайте! Я догоню! Ушли.—Ахъ ты Господи! А штрументъ-то у меня въ фатѣ заплутался. Отдай имъ! Какъ бы не такъ! Вѣдь чего добраго, есть и грамотныя,—прочтутъ; всю тайность Царевнамъ перескажутъ; Государь разсердится.... Бѣдный Константинъ Ивановичь! Что съ нимъ будетъ!—А какъ Государь спроситъ про этотъ штрументъ. Государю лгать нельзя. Потерялъ, обронилъ... Опять достанется. Бѣдный Константинъ Ивановичь! Пропалъ,—а мнѣ какъ ему помочь? Самой отдать? на смѣхъ подымутъ; и такъ только въ дѣвичьихъ и рѣчи, что про него. Упаси Господи, какъ узнаютъ. Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

— Палаша!

— Вотъ тебѣ разъ... Зовутъ... Видно смѣкаютъ, за мною присматриваютъ.

— Палаша! Бѣги скорѣе, шуты пріѣхали.

— А мнѣ что за дѣло. Не шуты, а шутихи. Вамъ бы только чтобъ надъ Константиномъ Ивановичемъ смѣяться. Что онъ вамъ сдѣлалъ? Не васъ онъ въ воду обронилъ? Меня... Такъ мнѣ съ нимъ и расчитываться... А ужъ штрумента вамъ не видать какъ ушей своихъ.

— Государь ѣдетъ! раздался голосъ въ саду.

— Боже мой! Сгубила я Константина Ивановича! И съ этими словами, спрятавъ за пазуху роковой инструментъ, боярышня выбѣжала изъ флигеля, и сама не-своя, остановилась у пристани, въ то самое время, когда Государь, стоя на рулѣ краснаго катера, проѣзжалъ мимо. Между гребцами можно было узнать Меншикова, Апраксина, Зотова, другихъ вельможъ и многихъ иностранныхъ резидентовъ. Константинъ Ивановичь былъ уже на своемъ мѣстѣ и салютовалъ Царскій катеръ семью пушечными выстрѣлами. Царственная семья вышла на берегъ въ большихъ цвѣтникахъ. Гаврило Карлычь успѣлъ выставить въ главный или собственный садъ чуть не всѣ цвѣты изъ теплицъ. Хотя деревья чуть чуть опушались мелкой зеленью и какъ будто на весну собирались; но за то въ цвѣтникахъ было полное лѣто, іюль мѣсяцъ. Гости, одни за правду, другіе притворно, дивились. Только Государь не обращалъ вниманія на цвѣты; простился съ своими, и въ сопровожденіи одного только Константина Ивановича, отправился на легкой лодкѣ на взморье. Посѣтилъ свой маякъ, объѣхалъ Трухтановъ Островъ, и, по Таракановкѣ, обошелъ большую часть Екатерингофской дачи, до того мѣста, гдѣ за теплицами подымалась красивая семья молодыхъ дубовъ, насажденныхъ собственною рукою Великаго Хозяина.

— Стой! закричалъ Государь, это уже не буря, а рука злаго человѣка. Гдѣ сторожъ?

Но сторожа не было. Гаврило Карлычь, откуда ни возьмись, и доложи Государю, что третій сторожъ сбѣжалъ уже съ этого поста; что тайный воръ приходитъ правильно каждую недѣлю разъ, выворнетъ три дуба съ корнемъ и пропадетъ, будто сквозь землю провалится; что всѣ предосторожности оказались безуспѣшными. Государь слушалъ Гаврилу Карлыча съ неудовольствіемъ; но не сказалъ ни слова; махнулъ рукой и пошелъ ко дворцу по аллеѣ, которая существуетъ и нынѣ, но уже не аллея, а улица, довольно пустынная, многозаборная.

— Слушай, Костя! Я этимъ Нѣмцемъ недоволенъ. Плутуетъ. Это его штуки. Пай сторожей остается у него въ карманѣ. Много рабочихъ дней на дубовую рощу даромъ написано; будто онъ шалости воронскія каждый день исправляетъ. Понимаешь?

— Понимаю.

— Такъ мнѣ кажется. Надо изловить вора. Не можешь ли ты?

— Могу, Государь, коли для того только усердіе нужно,...

— Ну, такъ займись этимъ.

Государь вошелъ во дворецъ, а Константина Ивановича неволя подмыла и понесла прямо къ флигелю, гдѣ у открытыхъ оконъ сидѣли комнатныя боярышни. Смеркалось. Но въ глубинѣ нижней комнаты Константинъ Ивановичь замѣтилъ Пелагею Андреевну, и не зналъ, итти ли впередъ, или обратно. Но у молодости орлиное зрѣніе; дѣвушки завидѣли деньщика и хоромъ звали его подойти къ окну.

— Что, Константинъ Ивановичь! Не нашли штрумента?

— А гдѣ его найдешь? Да и не нужно. Я все помню, у меня все въ порядкѣ. Государь доволенъ...

— А какъ узнаетъ, что штрументъ пропалъ, плохо будетъ.

— Повинюсь, помилуетъ, вѣдь ненарокомъ.... Ну, прощайте чечоточки. Пора на

покой. До свѣта надо за дѣло приниматься...

— А ты во дворцѣ выплясывать сегодня заморской пляски не будешь?

— Что я, медвѣдь ученый, что ли? У насъ, по деревнямъ, дворянъ этой потѣхѣ не учили, такъ ужъ не подъ стать въ мои лѣта ноги себѣ выламывать. Мое дѣло солдатское. Вотъ пойду вора сегодня стеречь въ дубовой рощѣ, что за теплицами. Чай думаетъ: теперь тамъ веселіе, имъ не до меня. А я его изловлю, да въ клѣтку и закупорю. Прощайте! Желаю веселиться...

— Мы-то будемъ веселиться, сказала одна боярышня, оправляя на себѣ венгерское платье, какъ тогда называли; а ужъ ты поплатишься за то, что не сказалъ, какъ завтра насъ тѣшить будутъ... Чай дуракъ ужъ проговорился. Камеръ идетъ; видно за нами....

Боярышня угадала, камеръ-лакей объявилъ, что во дворцѣ ждутъ дамъ. Всѣ поднялись. Къ общему удивленію, Палаша стала одѣваться, и пока другія охорашивались передъ зеркаломъ, она уже была готова и пошла вслѣдъ за подругами, смѣло, бойко, какъ будто вся старина разомъ съ плечь ея свалилась. На дорогѣ она маленько поотстала и завела рѣчь съ камеромъ; но скоро присоединилась къ вереницѣ боярышень и вмѣстѣ съ ними вошла во дворецъ.

Во дворцѣ... Мы ужъ привыкли всѣ домики Петра Великаго называть дворцами, хотя они даже меньше чѣмъ домики. Вспомните Нарвскій, Ревельскій, Петербургскій и другіе, — и, не правда ли, они не многимъ отличаются отъ сардамской квартиры Великаго Мастера? Почему и не удивительно, что Екатерингофскій, даже сами царственныя особы, называли дворцемъ, потому что тутъ была и есть довольно большая зала, въ которой удобно могъ исполняться менюэтъ въ 8 паръ. Верхнія комнаты были убраны великолѣпно, — по тогдашнему; китайскія ширмы и мебели возбуждали удивленіе не только Царицы Параскевіи и Царевенъ, но даже и резидентовъ. Послѣднимъ, только не извѣстно почему, не совсѣмъ нравились мѣдныя обронныя картины съ латинскими надписями, Slusselburg iactu, Petropolis fundat, Narua expugnato, Proelium Kalisz... Петръ Великій поглядывалъ задумчиво на эти изображенія. Ему были уже извѣстны планы короля шведскаго на Россію; но онъ еще не зналъ навѣрно, куда: на Сѣверъ, Югъ или Востокъ направитъ стопы свои Карлъ XII. — Въ другихъ комнатахъ верхняго этажа мебель была еще самая простая; но уже въ одной изъ нихъ стояли англійскіе часы съ курантами, и разыгрывали какую-то штуку къ неописуемому удивленію боярышень, которыя собрались сюда и ждали пока укажутъ плясать. Между боярышнями ныряли шуты; другой прислуги не было.

«Графъ!» сказала пожилая дама, съ которою мы уже не много знакомы: «Что же ты, про штрументъ разсказалъ?»

— Не могу къ Нему подойти! отвѣчалъ Дакоста, — Нѣмцы кругомъ да около стоятъ заборомъ; все знаешь тузы; ихъ задирать не приказано. Балакиревъ разъ проврался что-то о Нитавскомъ королѣ, такъ потомъ и самъ не радъ былъ... А тутъ теперь, погляди все какіе: цесарской, аглецкой, Богъ знаетъ кого нѣтъ. Говорятъ самъ водяной изъ моря окіана прислалъ посла; такъ гдѣ уже тутъ нашему сіятельству, между такихъ персонъ, путаться... Еще успѣемъ... А будетъ потѣха; намоютъ Константину Ивановичу голову; и по дѣломъ; важничаетъ. Когда я, или Балакашка, или другая букашка изъ нашихъ, мимо проходитъ, — онъ непремѣнно плюнетъ.... Постой, постой, теперь ты отъ меня не отплюешься. Ну, на силу! Видно-то Константинъ Иванычъ самыя плохія лодки подъ флейты поставилъ. Видишь, чуть не о полуночи пожаловали....

Графъ Дакоста, главный шутъ царскій, сказавъ это, побѣжалъ по всѣмъ верхнимъ комнатамъ и кричалъ: Кто въ плясъ, кто въ присядку? Милости просимъ, пожалуйте, а я на бубнахъ буду играть съ музыкой.... а вы подтягивайте!...

Всѣ вняли приглашенію и сошли въ нижнюю комнату, которая называлась большое зало. Музыканты играли на крыльцѣ; мужчины подходили къ дамамъ благочинно, чуть не на цыпочкахъ, составлялись пары. Государь окинулъ взоромъ собраніе и спросилъ: а гдѣ же Костя? Онъ у меня на завтра комендантомъ.

— Костя? лукаво спросилъ Графъ: «Изволитъ штрументъ отыскивать, что Ты ему далъ...

— Какъ? Онъ потерялъ мою записку? Быть не можетъ. Позовите его сюда!

Пелагея Андреевна задрожала, поблѣднѣла. Забывшись, выступила было впередъ, но, замѣтивъ, что всѣ мужчины глядятъ на нее съ жадностію, бросилась въ другую комнату; оттуда на широкое деревянное крыльцо, гдѣ стояла музыка; оттуда въ аллею, и тутъ ужъ безъ оглядки пустилась бѣжать все прямо, да прямо, къ дубовой рощѣ... На бѣгу она не замѣтила, да и на тихомъ ходу не могла бы увидѣть, что по дорожкѣ, вершка на три отъ земли, протянута веревка. Само собою разумѣется, что она зацѣпилась, упала, и, только благодаря времени года, не ушиблась, потому что земля походила на кисель. Но лучше бы ушибиться, чѣмъ встать, какъ встала Пелагея Андреевна...

«Попался!» съ громкимъ смѣхомъ раздалось со всѣхъ сторонъ:

«Сюда! Сюда! Огня, огня!»

Первый прибѣжалъ Константинъ Ивановичъ, и со всѣхъ ногъ, всѣмъ корпусомъ своимъ, повалился на Пелагею Андреевну, продолжая кричать: Огня, огня!..

Канониры, отвернувъ потаенные фонари, освѣтили клочекъ земли, гдѣ происходила сцена... Константинъ Ивановичъ хотѣлъ повернуть къ свѣту лице пойманнаго вора; но воръ упрямо защищался.

— Постой, постой, не удастся! Видишь какой хитрый. Въ женскій полъ нарядился; вотъ я тебя лицемъ прямо къ Государю поставлю... Ну, показывай свою воровскую рожу!

— Да, вы Константинъ Ивановичъ, пощекочите; можетъ воръ щекотки боится, сказалъ канониръ, подставляя фонарь какъ можно ближе къ Палашѣ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ.

— Константинъ Ивановичъ, Константинъ Ивановичъ, помилуй! Закричавъ истерически, Пелагея Андреевна схватила за руки деньщика... Константинъ Ивановичъ забормоталъ на какомъ-то дикомъ языкѣ, хотѣлъ вырвать руки, но Палаша, боясь щекотки, не пускала.

— За правду женскій полъ! сказали канониры и отступили.

— Господи Боже мой, спаси и помилуй! бормоталъ невнятно Константинъ Ивановичъ. Наше мѣсто свято, чуръ меня. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази... Выручайте, ребята... Оборотень... Оборотень... Пелагеей Андреевной перекинулся... Эй ребята, ухватите меня за мундѣръ... тащитъ.... право тащитъ.... не выдайте, ребята!

— Константинъ Ивановичъ! жалобно прошептала боярышня. Да это я...

— Не ты, не ты! Лжешь! Не обманешь... Голубчики товарищи, что же вы? Не я буду, нечистая сила, рукъ не могу высвободить, помогите!

Геніальная мысль посѣтила простодушную дѣвушку...

— А пускай посмѣютъ подступиться. Я—вѣдьма! За чѣмъ въ мою рощу ходите. Всѣхъ васъ изжарю. Вонъ отсюда!..

Канониры, и такъ уже приготовленные къ чему-то сверхъестественному, какъ будто только и ждали этого приказанія; побросали фонари и брызнули въ разныя стороны. Канониры были счастливѣе боярышни: они знали, гдѣ Константинъ Ивановичъ разставилъ свои сѣти, и, благополучно миновавъ капканы, бросились въ лодку; раздался шумъ веселъ по Таракановкѣ. Константинъ Ивановичъ во все это время кричалъ? Помогите! — а Пелагея Андреевна: Замолчи, послушай.... Я Пелагея Кутеярова, я не вѣдьма... Ты погубишь меня, осрамишь, я хотѣла тебя выручить, — принесла штрументъ...

— Штрументъ? — Это слово привело въ чувство Константина Ивановича. Наказъ? Гдѣ онъ, пропалъ или попалъ...

— Ко мнѣ въ руки! Вотъ онъ, неблагодарный! На! возьми, негодяй, только выручи и меня! Посадилъ ты меня въ западню; одежду испачкала; гдѣ хочь достань мнѣ другую; не могу же я такой замарашкой и во флюгель показаться.

— Пелагея Андреевна! О, не дурачь меня... Право умру и отъ стыда и отъ радости, и отъ досады; такъ душу на клочки и рветъ... Наказъ царскій — цѣлехонекъ... И кто мнѣ принесъ его?!.. Господи! Не пойму моего счастія. Растолкуй!

— Что тутъ за распросы. Въ фатѣ моей заплутался, а въ воду не падалъ. Не хотѣла я тебя погубить; никому его не показала; а какъ услышала въ царской бесѣдкѣ, что Государю на тебя доносятъ, что ты наказъ потерялъ... Уже не знаю какъ, бѣгомъ къ тебѣ бѣжать пустилась, а ты...

— Матушка Пелагея Андреевна! Помилуй, не буду! завопилъ Константинъ Ивановичъ, и съ этими словами бухъ ей въ ноги...

— Что ты! Что ты это, Константинъ Ивановичъ! Мундѣръ испачкаешь....

— Матушка, прости и помилуй!

— Да полно кричать, и такъ чай уже услышали...

— Не встану, хоть убей не встану, пока не простишь...

— Богъ проститъ, только выручи меня...

— Тебя!

Константинъ Ивановичъ схватилъ боярышню на руки и понесъ къ оранжереямъ; только и успѣлъ онъ сдѣлать и ста шаговъ, какъ показались факелы. На крыльцѣ стоялъ Государь и всѣ гости; не куда, да и нельзя было спрятаться. Въ отчаяньи онъ не зналъ, что дѣлать. Изъ верхняго этажа дворца замѣтили въ дубовой рощѣ огни; слышали отдаленный крикъ, спѣшили итти на мѣсто дѣйствія; поджидали только факеловъ; но дѣйствующія лица сами явились на площадкѣ передъ крыльцемъ дворца. Не оставалось другаго исхода этой траги-комедіи, какъ принести повинную... Что и деньщикъ и боярышня, какъ будто условясь, исполнили съ надлежащимъ церемоніаломъ...

— Ага, сказалъ Графъ Дакоста: видишь какую любовь затѣялъ. Не давай ему, Государь, въ жены Пелагеи Андреевны. Пусть прежде подастъ Твою записку.

Константинъ Ивановичъ вынулъ записку и подалъ Государю. Графъ онѣмѣлъ; не одна заговорщица до крови прикусила себѣ губы. Государь гнѣвно посмотрѣлъ на Дакосту и сказалъ Константину Ивановичу....

— Тутъ что-то не такъ, но ты мнѣ послѣ самъ разскажешь....

— Зачѣмъ послѣ? Могу и теперь.

Пелагея Андреевна вскочила и грязной ручкой заслонила ротъ деньщику.

— Говори! сказалъ Государь.

И тѣ же грязныя руки закрыли испачканное лице Пелагеи Андреевны, а Константинъ Ивановичъ разсказалъ все отъ слова до слова докладно, и, кончивъ, отступилъ почтительно.

Государь улыбнулся и сказалъ: Ступайте. Умойтесь!

Всѣ разошлись по домамъ. Боярышни объявили Палашу между собою безстыдницей, и не хотѣли быть съ ней въ одной комнатѣ. Въ слезахъ она накинула на себя теплую душегрѣю и пошла куда глаза глядятъ.... Дошла она до пристани задумавшись, ничего не видѣла, даже и того, что Государь съ Константиномъ Иванычемъ надъ самою пристанью стоятъ и потѣшнымъ огнемъ на завтра распоряжаютъ.

— Куда ты? спросилъ Государь, но Палаша не узнала его голоса.

— Богъ мнѣ судья! отвѣчала она...

— И я не множко. Куда же ты идешь?

— Иду топиться.

— Иди лучше за-мужъ за Костю, такъ и концы въ воду....

— За-мужъ?...

Пелагеѣ Андреевнѣ показалось, что земля ее поглащаетъ; но на этотъ разъ она проснулась въ объятіяхъ Константина Ивановича, не испугалась, и даже поцѣловала жениха тѣмъ спокойнѣе, что на всемъ берегу только онъ одинъ и былъ. Вотъ какъ измѣняются нравы людскіе! Пелагея Андреевна блаженствовала, но не долго: вѣстовая пушка возвѣстила, что наступило 1-е мая.... Все утро у дворца играла музыка. Флотъ яликовъ и шлюпокъ прибылъ изъ Петербурга; обѣдали въ саду на помостѣ, настланномъ усердіемъ Константина Ивановича. Послѣ обѣда на лодкахъ посѣтили подзорный дворецъ, побывали въ Петербургѣ, воротились къ вечеру въ Екатерингофъ, и вышли у большой альтаны, гдѣ усердіемъ того же Константина Ивановича приготовленъ былъ полдникъ. Смерклось, и на Гутуевскомъ заходили огни и заползали какія-то черныя тѣни. По сигналу, вспыхнула великолѣпная иллюминація. Праздникъ заключился блистательнымъ фейерверкомъ: послѣдняя картина представляла весну, разсыпающую розы разныхъ цвѣтовъ. Зрѣлище привело въ восторгъ всѣхъ, но больше другихъ восхищалась Палаша, и, когда разлилась огнемъ послѣдняя картина, она не выдержала, и сказала такъ громко и свободно, какъ будто бы тутъ никого не было:

«Господи, Боже мой! Какая я счастливая! Вѣдь это все мой Константинъ Ивановичъ выдумалъ!..»

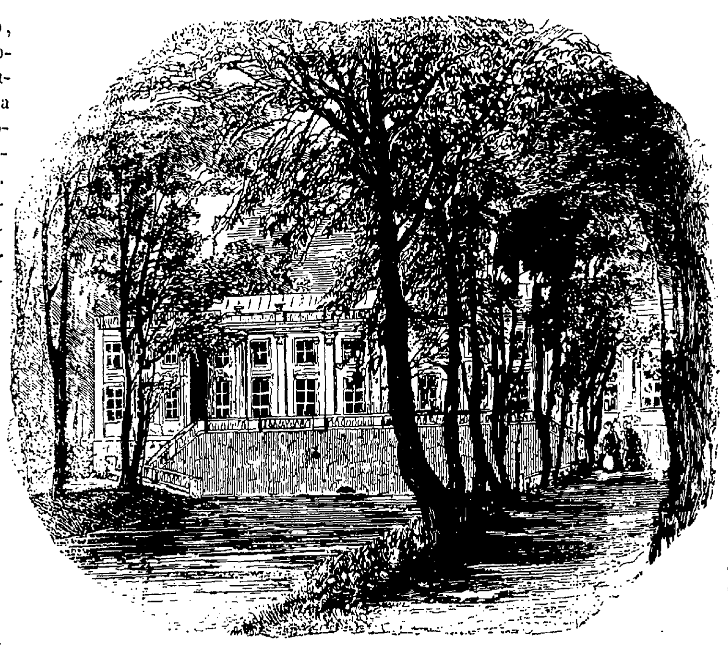
—

IV.

Непрочны радости на этомъ свѣтѣ. Не успѣли молодые люди поближе познакомиться, какъ Государь получилъ въ Екатерингофѣ извѣстіе отъ Шаутбенахта своего, Боциса, что городъ Борго очищенъ отъ шведскихъ войскъ, и что дѣлать дальше? Посланецъ захворалъ, а надо было послать человѣка вѣрнаго, расторопнаго и въ морѣ бывалаго. Жребій палъ на Константина Ивановича. Не говоря ни слова невѣстѣ, онъ ночью пустился въ путь. Въ отлучкѣ былъ не долго, но воротился хромой..... Шведъ подстрѣлилъ Константина Ивановича въ ногу... Слава Богу, не изуродовалъ, но хромой слуга не находка. Кстати, Гаврило Карлычъ какъ-то провинился и Константинъ Ивановичъ, съ молодою женою, поселился въ Екатерингофѣ на вѣчное житье,—главнымъ смотрителемъ всей дачи. На вѣчное житье потому, что не только эта чета, но дѣти, внуки, правнуки не хотѣли разстаться съ Екатерингофомъ, и я слышалъ все, мною выше разсказанное, отъ одного изъ отдаленныхъ потомковъ Константина Ивановича и Пелагеи Андреевны. При жизни Петра Великаго, Екатерингофъ цвѣлъ какъ роскошная оранжерея; но ударилъ часъ, и его забыли совершенно, такъ, что нѣсколько лѣтъ живая душа сюда не заходила; только охотники, проѣздомъ на Трухтановъ Островъ и далѣе на взморье, посѣщали Константина Ивановича, чтобы обогрѣться. Отъ нихъ узнавалъ онъ, что дѣлается въ Петербургѣ; отъ нихъ узналъ онъ, что умеръ Петръ II, вступила на престолъ Анна Іоанновна. Дальше онъ ничего не узналъ на этомъ свѣтѣ: переселился въ вѣчность. Пелагея Андреевна не отстала отъ нѣжно любимаго супружника, и умерла нарочно въ тотъ же день, оставивъ взрослыхъ сына и двухъ дочерей. Сынъ женился на дочери прядильнаго фабриканта, ближайшаго своего сосѣда. Онъ, подобно родителямъ, любилъ Екатерингофъ, можетъ быть, нѣсколько болѣе, потому что это была его родина. Тутъ было все, что можетъ быть дорого сердцу. Онъ съ грустію смотрѣлъ, какъ съ каждою весною болѣе и болѣе разрушался старый дворецъ. Онъ даже два раза ѣздилъ въ Питеръ, рапортовалъ о необходимыхъ починкахъ, но канцелярія отъ строеній на рапорты его не обращала никакого вниманія. Рощи заглохли, дорожки расползлись, стала по всей дачѣ грязь непроходимая, такъ что и смотрителю не было возможности оставаться на этой топи. Изъ остатковъ развалившихся бесѣдокъ, онъ построилъ себѣ, съ помощію двухъ сыновей, небольшой домъ, на другомъ берегу Таракановки, и завелъ отъ нечего дѣлать австерію для охотниковъ, коихъ число съ каждымъ годомъ умножалось, и очень естественно: дичь въ этихъ мѣстахъ плодилась какъ грибы. Въ 1745 году, неожиданный ударъ постигъ Ивана Константиновича: на двадцать верстъ кругомъ Петербурга запретили охоту. По проекту Миниха, послѣдовалъ указъ 27 мая: старый лѣтній дворецъ раздѣлить на двѣ части и поставить по обѣимъ сторонамъ Екатерингофскаго дворца... Указъ этотъ, до 1749 года, не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ этомъ же году лѣтній дворецъ разобрали, къ Екатерингофскому пристроили флигеля; а всю дачу съ прилежащими къ ней землями до Лиговскаго Канала, Московской дороги и Емельяновки обнесли частоколомъ и окопали рвомъ для звѣринца. Такимъ образомъ Иванъ Константиновичъ со всею семьею попалъ въ звѣри, но не надолго. Онъ умеръ, а дѣти его, придворные оберъ-егеря, посвятившіе себя моднымъ тогдашнимъ занятіямъ — охотѣ, проводили время довольно весело до 1765 года; въ этомъ году звѣринецъ уничтоженъ; сдѣланъ новый проектъ. Екатерингофская дача сократилась и вошла въ прежнія границы. Предполагалось, около дворца полукругомъ, раскинуть садъ и разрѣзать девятью аллеями, которыя всѣ сходились бы ко дворцу и перерѣзались полукруглыми и поперечными дорогами. Узнавъ объ этомъ, оберъ-егеря весьма опечалились, и напрасно. Планъ остался планомъ. Екатерингофъ заглохъ; сыновья Ивана Константиновича умерли; послѣ старшаго остался сынъ Лаврентій Константиновичъ. Онъ замѣтилъ, что горожане болѣе и болѣе начинаютъ посѣщать Екатерингофъ. Самъ онъ не служилъ, жена его была знатной хозяйкой. Вотъ онъ и разставилъ въ рощѣ двѣ палатки: въ одной торговалъ всякимъ яствомъ и напиткомъ самъ, въ другой супружница. Тогда Екатерингофъ самъ собою оживился до того, что комитетъ для уравненія повинностей, вошелъ съ докладомъ, чтобы мѣсто въ Екатерингофѣ оставить незастроеннымъ, *и, слѣдуя народному влеченію*, обратить его въ публичное гульбище. Но для того надо было въ глуши этой сдѣлать просѣки, поставить мосты, устроить лавочки. Всѣ эти работы поручены артиллеріи капитану Шванебаху, а денегъ на расходы ассигновано 4000 рублей. Указъ, утвердившій докладъ комитета, послѣдовалъ 19 іюля 1804 года. Тѣмъ и кончилась средняя исторія Екатерингофа.... Новая начинается съ 1823 года.

Графъ М. А. Милорадовичъ, бывшій с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губерна-

торомъ, полюбилъ это мѣсто, и по представленію его, съ іюня того же 1823 года, подъ надзоромъ инженеръ-полковника Сакера и градскаго главы Жербина, открылись весьма сложныя и немалотрудныя работы. На Екатерингофскую дачу избрано мѣсто при впаденіи Таракановки въ Неву, соотвѣтствующее четвертой части всего прежняго пространства. Эти болота, *можно сказать*, осушены каналами, отъ чего появилась въ паркѣ и садѣ порядочная вода, а земля выросла значительно. Битый путь для экипажей и для пѣшеходовъ легъ по всѣмъ направленіямъ. Дворецъ Петра Великаго перебрали съ основанія и возстановили въ первоначальномъ видѣ. Построены вновь: красивый воксалъ, ферма, русская изба, такъ называемый Павильонъ Львовъ, устроены игры, насажено болѣе 1000 разнаго рода деревъ, клумбы, цвѣтники, партеры. Весною 1824 года, все это уже было готово; все удивляло городскихъ гостей. Гулянье 1 мая, которое тутъ правильно каждый годъ имѣло мѣсто съ неизвѣстнаго времени, стало блистательно. Каретниковъ и модистокъ оно истинно обогащало; другъ передъ дружкой старались блеснуть новостью фасона ширококрылаго ландо, или лодочки-коляски, или ловкаго фаэтона. — Прошло нѣсколько лѣтъ, и страсть къ Екатерингофу умѣрилась. 1-е мая привлекало туда многочисленную публику, но между извощицкими изрѣдка уже блистали великолѣпныя новинки. Еще нѣсколько лѣтъ и Екатерингофское гулянье обратилось въ народное. Посѣтители отправляются туда на лодкахъ, или на извощикахъ въ одиночку. Садъ и паркъ набиты простымъ и среднимъ народомъ, который, *слѣдуя влеченію своему*, крѣпится и неизмѣняетъ старику, драгоцѣнному для народной гордости. Случалось мнѣ входить въ разговоры съ бородатыми посѣтителями Екатерингофа. Каждый зналъ, что построилъ его Петръ Великій въ воспоминаніе побѣды, одержанной поблизости отъ этого мѣста надъ Шведами, и въ честь матушки Государы и Екатерины Алексѣевны. Судебъ Екатерингофа, его исторіи никто не зналъ; даже во всѣхъ книгахъ, изданныхъ о Петербургѣ, я не нашелъ полнаго описанія всѣхъ обстоятельствъ, которыя, впрочемъ, могли быть собраны. Конечно, мнѣ много помогъ Константинъ Лаврентьевичь, но что касается до фактовъ, составляющихъ собственно исторію Екатерингофа, я все нашелъ въ актахъ и печатныхъ книгахъ, безъ малѣйшаго затрудненія.



Вы вѣрно спросите, кто этотъ Константинъ Лаврентьевичь? Неужели вы такъ недогадли-

вы? Это потомокъ Константина Ивановича и Пелагеи Андреевны,—по прямой линіи. Бури и всякіе житейскіе перевороты лишили его наслѣдства, недвижимаго и движимаго. Но нравственное осталось при немъ. Онъ сохранилъ къ Екатерингофу прадѣдовскую приверженность; и 30 апрѣля, не смотря ни на погоду, ни на другія препятствія, онъ переѣзжаетъ на дачу въ Екатерингофъ, т: е: въ какую нибудь лачужку въ близъ лежащихъ деревняхъ, и тамъ проводитъ вечера въ созерцаніи величія своихъ предковъ. Вечера, сказали мы, потому, что онъ служитъ, и каждый день поутру, для моціона, прогуливается въ канцелярію и обратно, къ особенной досадѣ извощиковъ, пѣшкомъ, и къ особенному удовольствію доброй жены, потому что, возвратясь, онъ всегда хвалитъ обѣдъ и чистоту воды, которою запиваетъ вкусное кушанье... Во вторникъ я видѣлъ его у палатки, поминающаго предковъ на чужой счетъ и потомъ встрѣтилъ на обратномъ пути. Онъ несъ своего наслѣдника на рукахъ, потому что маленькій Иванъ Константиновичъ крѣпко усталъ. Но не одинъ Константинъ Лаврентьевичъ возвращается домой съ Екатерингофскаго гулянья въ такомъ экипажѣ. Оно и дешево и удобно. Не похвалятъ этихъ подвиговъ родительской нѣжности только каретники, да извощики.

Н. Кукольникъ.

ПРАДО.

ГУЛЬБИЩЕ ВЪ МАДРИДѢ.

Прадо, прославленный испанскими романами и комедіями, и одно имя котораго напоминаетъ столько любовныхъ приключеній, интригъ и политическихъ заговоровъ, служитъ любимѣйшимъ мѣстомъ гулянья Испанцамъ, тѣмъ болѣе, что внутри Мадрида другаго и нѣтъ. Оно начинается у Атохскаго Монастыря, и простирается до Францисканскихъ Воротъ, образуя такимъ образомъ, на протяженіи болѣе двухъ верстъ, поясъ около одной части города.

Долгое время Прадо не заслуживалъ своей извѣстности. Дорожки въ немъ были запущены, не ровны, извилисты; нигдѣ даже не было деревьевъ: онъ казался безплодною пустыней. Близость двора, находившагося обыкновенно въ Буэнъ-Ретиро, привлекало въ Прадо толпу; неровность же мѣстоположенія была очень удобна для поединковъ, для которыхъ преимущественно выбирались уединеннѣйшія мѣста гульбища, которое, наконецъ сдѣлалось мѣстомъ весьма опаснымъ.

Карлъ III приказалъ выровнять его, насадить деревья, поставить мраморные фонтаны, статуи, и съ тѣхъ только поръ Прадо въ самомъ дѣлѣ сдѣлался очаровательнымъ гульбищемъ, какихъ мало въ цѣломъ свѣтѣ, не столько по прелести мѣстоположенія, какъ по огромному стеченію народа, собирающагося туда ежедневно, отъ семи до десяти часовъ вечера. Прадо представляетъ въ это время такую оживленную, разнообразную картину, о которой никакія гульбища въ свѣтѣ не могутъ подать идеи.

Широкая, нѣсколько возвышенная аллея и двѣ маленькія, находящіяся по сторонамъ, простираются отъ одного конца Прадо до другаго: средняя назначена для экипажей, боковыя для пѣшеходовъ. Верхушки деревъ обрѣзаны, отчего самыя деревья имѣютъ почти уродливую форму.

(Фонтанъ въ Прадо)

Вокругъ основанія каждаго дерева сдѣланы маленькіе бассейны, выложенные кирпичемъ, и куда, въ извѣстные часы, проводятъ воду, чрезъ подземныя трубы: безъ этой мѣры предосторожности, пыль и солнечный зной давно истребили бъ деревья.

Изъ Прадо представляется прекрасный видъ на Буэнъ-Ретиро и на ботаническій садъ, возлѣ котораго онъ идетъ до Альколаскихъ Воротъ. Остается желать, чтобы и по лѣвую сторону его были воздвигнуты дома или расположены сады.

Аристократическая публика обыкновенно гуляетъ между фонтанами Цибелы и Нептуна. Тамъ находится фешьонебльное мѣсто, называемое *Салономъ* и уставленное стульями. Отъ Салона идетъ поперечная аллея, называемая Парижской. Это самая пыльная, солнечная и неудобная часть гульбища, не смотря на то, тамъ всегда такъ толпится народъ, что даже негдѣ повернуться.

Не смотря на изумительное стеченіе народа, Прадо довольно скученъ и однообразенъ. Дамы, прогуливающіяся въ экипажахъ, никогда не выходятъ изъ нихъ, и все держатся главной аллеи. Пѣшкомъ, въ мантильяхъ, прогуливаются только женщины средняго сословія. *Мантильями* называются черные или бѣлые кружевные вуали, прикрѣпляющіеся къ косѣ.

Во всемъ Прадо нѣтъ ни кофейныхъ, ни трактировъ; за то по обѣимъ сторонамъ его стоятъ торговцы, продающіе *воду*, которая въ самомъ дѣлѣ необходима, по причинѣ пыли и сильныхъ жаровъ. Стаканъ воды стоитъ одинъ *кварто*, около денежки.

Прадо простирается и загородъ, подъ именемъ *Услажденія*. Это гульбище расположено недавно, по образцу Прадо, и простирается отъ Атохскихъ Воротъ до Мансанаресскаго Канала.

АПРѢЛЬ.

Ледъ прошелъ. Наступила весна, сухіе скелеты деревьевъ становятся гуще и гуще и скоро опушатся свѣжею, нѣжною зеленью, прелестный запахъ которой забросятъ намъ въ сердце грустное чувство, которое можно назвать *тоской по родинѣ*. И точно, не общая ли наша родина природа, какая бы она ни была, но все-таки природа, безъ душ-

ныхъ кирпичныхъ громадъ, безъ мощеныхъ улицъ, безъ воды, окованной въ гранитные, вытянутые въ линію берега!.. Мы уже говорили, и еще разъ скажемъ, что страсть петербургскихъ жителей къ дачамъ есть прекрасная, утѣшительная черта ихъ характера. Конечно, не безъ маленькихъ непріятностей и дачная жизнь, но... гдѣ ихъ нѣтъ? Впрочемъ, *настоящіе* дачники никогда не жалуются на эти непріятности. О нихъ кричатъ только тѣ люди, для которыхъ Россія холодна, Италія жарка, Швейцарія гориста, Германія скучна, Англія туманна. Настоящій же дачный житель торжествуетъ съ той самой минуты, когда прочитаетъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, что ѣзда по Невѣ воспрещается. Онъ устанавливаетъ окна свои цвѣтами, когда прочтетъ, что въ столькихъ-то верстахъ отъ Петербурга тронулся ледъ. Наконецъ, когда раздадутся первые звуки пастушьяго рожка, — ему уже не сидится на мѣстѣ. — Замѣтьте, что онъ, какъ человѣкъ опытный и предусмотрительный, нанялъ дачу уже съ прошлаго года, или, по крайней мѣрѣ, съ февраля мѣсяца. Зазеленѣютъ деревья — и по всѣмъ направленіямъ отъ Петербурга тянутся тяжелые возы, нагруженные мебелью... Дачникъ счастливъ! Первую землянику онъ ѣстъ на дачѣ, трубочку покуриваетъ на чистомъ, иногда очень холодномъ воздухѣ, чай пьетъ на балконѣ или на крылечкѣ, вмѣсто супу ѣстъ творогъ, катается въ лодочкѣ, удитъ рыбу, стрѣляетъ воробьевъ, ѣздитъ верхомъ или въ тележкахъ!.. Даже изъ маленькихъ непріятностей дачникъ извлекаетъ пользу: зимой, собравшись въ кружокъ или четыреугольникъ (т. е. за преферансомъ) съ добрыми пріятелями, онъ вспоминаетъ объ этихъ непріятностяхъ, отъ души смѣется надъ ними и, окончивъ разсказъ, обыкновенно восклицаетъ:

— Чудо, какъ весело было!

Это доказываетъ, что непріятности такого рода не оставляютъ ни въ умѣ, ни въ душѣ грустныхъ, тяжкихъ воспоминаній. И такъ, да здравствуетъ дачная жизнь! да здравствуютъ дачники! къ числу которыхъ принадлежимъ и мы, грѣшные.

Просимъ прощенія, что заговорились о томъ, о чемъ по настоящему рѣчь еще впереди, но — что на сердцѣ, то и на языкѣ.

Кстати упомянемъ о двухъ вновь заведенныхъ дилижансахъ, которые будутъ ходить отъ Петербурга къ монастырю Св. Сергія и въ Парголово. Первый будетъ принимать пассажировъ на Никольской Площади, а второй по правую сторону Казанскаго Собора. Нельзя безъ удовольствія видѣть размноженія дилижансовъ и омнибусовъ, которые только въ такомъ случаѣ могутъ служить удобнымъ средствомъ сообщенія, когда ихъ много. Но и тутъ, какъ почти во всякомъ дѣлѣ, нужна постепенность и благоразумная обдуманность. Мы слышали, что какой-то *прожектеръ* (что на Руси значитъ — *человѣкъ безъ денегъ*) задумалъ было разомъ завесть 200 омнибусовъ по образцу парижскихъ, которые бы ходили во всѣ концы Петербурга. Намъ кажется, что пришлось бы съ голоду умереть — конечно лошадямъ, а не прожектеру, потому что подобные люди всегда выходятъ сухи изъ воды.

Страстная недѣля прошла спокойно, мирно и тихо. Послѣдніе дни ознаменовались, какъ по обыкновенію, *драгоцѣнными* фельетонами о кондитерскихъ, и, въ особенности, о кондитерахъ Иванѣ Ивановичѣ такомъ-то и Карлѣ Ѳедоровичѣ такомъ-то, выхваляемыхъ за *безкорыстіе*, конфекты, честность, пирожки и т. п.

Наступила Святая. Посыпался народъ съ праздничными лицами на Адмиралтейскую площадь, огласился воздухъ разгульными пѣснями веселившагося народа, зашумѣла музыка, заходили паровозы, приводимые въ движеніе измученными клячами, запрыгали паяцы, заговорили хозяева *райковъ*... Были толки о томъ, что въ нынѣшнемъ году форма балагановъ будетъ изящнѣе. Ничего не бывало! Они были еще уродливѣе. Отчего бы, кажется, не строить балагановъ покрасивѣе? Неужели это стоитъ дороже? Не надо ни вычуръ, ни орнаментовъ. Пусть употребятъ тотъ же матеріалъ, но пусть, по крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ фасады покрасивѣе, а то, право, эти уродливые, четыреугольные сундуки, такъ сами и напрашиваются на вывѣски, подобныя той, которая украшала (?) одинъ изъ обширнѣйшихъ балагановъ: *Новыя пріѣзжающія компаніи конныхъ вольтажировъ и другіе пантомимы.* Хороша была вывѣска и на томъ балаганѣ, гдѣ *показывали магію*. Публика особенно тѣснилась у трехъ балагановъ: Легата, Родольфа и Раппо, — особенно у послѣдняго. У Легата Арлекинъ надувалъ Кассандра, волочился за Коломбиной, билъ Пьеро; дуракъ Пьеро билъ всѣхъ другихъ, не-дураковъ, какъ то часто бываетъ и въ свѣтѣ, гдѣ дураки бьютъ *умныхъ*. — У Легата, какъ это водится, спектакль оканчивался одноцвѣтнымъ освѣщеніемъ разноцвѣтныхъ декорацій и не граціозными группами небритыхъ геніевъ. Родольфъ показывалъ то же самое, что мы уже тысячу разъ видѣли, съ тою только разницею, что въ балаганѣ это было хуже, нежели въ Дѣтскомъ Театрѣ и домѣ Косиковскаго. Раппо — о немъ *открыто* говорить нельзя, надо прибѣгнуть къ миѳологіи. Многіе удивлялись и удивляются, гдѣ Раппо могъ набрать столько стройныхъ, прекрасно сложенныхъ — статуй. Мы не находимъ въ этомъ ничего удивительнаго. Это дѣло закрытое, а потому кто знаетъ, сколько въ немъ таится ваты!.. Что же касается до кривляній компаніи Раппо, то онѣ отвратительны. Скажите, что въ томъ хорошаго, что человѣкъ искривится до нельзя, превратится въ лягушку? По нашему мнѣнію, это физическое кривлянье похоже на то, что если бы кому вздумалось показывать за деньги, какъ онъ кривитъ душою, какіе изгибы умѣетъ онъ придавать ей, чтобы обмануть ближняго. Довольно.

Въ первый праздникъ многіе отослали шубы къ скорнякамъ; на улицахъ видны были только пальто, да пестрыя мантильи, которыя, мимоходомъ сказать, очень некрасивы. Но на второй день подулъ сѣверный вѣтеръ, повалилъ снѣгъ, опять наступила зима и опять стали ѣздить на саняхъ. Бѣдные паяцы не смѣли высунуть носа на балконъ, и балаганы были пусты. На третій день еще снѣгъ, на четвертый оттепель, на пятый грязь, на шестой стало засыхать, на седьмой сухо, на осьмой можно уже было идти гулять къ качелямъ, но увы! разрушительный топоръ плотниковъ уже глухо стучалъ въ стѣны балагановъ... Въ утѣшеніе остались діорама и театръ. Діорама, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно устроена, и свѣтоизмѣненія весьма эфектны; неменѣе эфектно и объявленіе объ этой діорамѣ: «*Пять этихъ картинъ частію въ пейзажахъ, частію архитектонически величины до двухъ сотъ стопъ (!!), писанныя масляными красками, смотрится безъ всякихъ увеличивающихъ стеколъ.*» Въ русскомъ театрѣ нѣтъ ничего новаго. Полька да Преферансъ, Преферансъ да Полька. На Михайловскомъ театрѣ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ г. Варле. Онъ вступилъ на амплуа Дюфура. Г. Варле еще довольно молодъ, имѣетъ пріятную наружность, играетъ съ чувствомъ, съ жаромъ, съ благородствомъ. Нѣкоторая неумѣренная живость въ жестахъ, которая, быть можетъ, нравилась въ Парижѣ, у насъ въ Петербургѣ кажется странною. Впрочемъ, это пройдетъ, когда г. Варле свыкнется со вкусомъ и пойметъ требованія нашей публики. Въ слѣдующемъ нумерѣ мы надѣемся поподробнѣе поговорить о г. Варле, точно такъ какъ и о германскомъ трагикѣ, г. Кунстѣ, который вторично пріѣхалъ въ Петербургъ съиграть нѣсколько ролей въ качествѣ гостя.

На прошлой недѣлѣ былъ шестой балъ Дворянскаго Собранія, продолжавшійся до полуночи. Въ 12 же часовъ открылся общій для Купечества и Дворянства маскарадъ *съ продолженіемъ танцевъ*. Было весело, интриговали, плясали, кушали мороженое, ужинали и разошлись по домамъ.

Въ прошлое воскресенье въ залѣ г. Энгельгардта было презабавное представленіе. Цѣль была хорошая, но исполненіе... Что бы дать о немъ понятіе, достаточно сказать, что любители вздумали съиграть *Сида*, Корнеля. Не довольно быть хорошимъ педагогомъ или хорошо знать исторію литературы, чтобы быть и хорошимъ актеромъ. Гораздо было бъ лучше, если они съиграли какой нибудь водевиль или комедію, а то — Сида!.. Впрочемъ, между господами актерами, однако же, были нѣкоторые, которые очень удовлетворительно выполнили свое дѣло.

Въ тотъ же день былъ концертъ, г. Давида, также изъ любителей; но про эти приватныя консерваторіи говорить весьма затруднительно. Нельзя не хвалить исполнителей и за намѣреніе и запѣніе. Это еще не было бы трудно; но слѣдовало бы поговорить о разныхъ методахъ пѣнія. Этотъ вопросъ слишкомъ важенъ. Подумайте, сколько во всей Европѣ учителей пѣнія и какъ мало превосходныхъ учениковъ и ученицъ. Вѣдь у всѣхъ у нихъ, если и не было горлышекъ Віардо Гарсіи, но былъ же голосъ, было же ухо; иначе бы онѣ и не стали учиться... И отчего же онѣ и поютъ трудно, и слышатъ не совсѣмъ вѣрно? Отъ чего это? безъ-сожалѣнія говорить не можемъ. Намъ случалось слушать натуральное пѣніе дѣвушекъ, восхищавшее насъ полнотою и чистотою звука, и теплотою чувства... Поучились у професоровъ — годъ, два и все погибло! Ужъ вѣрно сама наука въ этомъ невиновата. Это доказываютъ знаменитые учители пѣнія, у которыхъ и слабые голоса развиваются легко, свободно и достигаютъ своего относительнаго совершенства. Въ этихъ немногихъ случаяхъ наука вполнѣ оправдана. Лучше обойтись вовсе безъ науки, нежели погубить голосъ, это чудное сокровище, наукой ложной... Повторяемъ, что этотъ вопросъ такъ важенъ, что мы отказываемся, по крайней мѣрѣ на сей разъ, говорить объ немъ. Подождемъ болѣе благопріятнаго случая...

Впрочемъ мы стали не разговорчивы о музыкѣ, кажется, въ слѣдствіе пресыщенія... Довольно... Довольно!..

Вотъ наконецъ кончился и Апрѣль мѣсяцъ. Кстати мы вспомнили о *шестой художественной лотереи* Общества Поощренія Художниковъ. На билетахъ было объявлено, что розыгрышъ предполагается въ Апрѣлѣ, но взявшіе билеты не могутъ сердиться на то, что вотъ начинается и май, а розыгрыша нѣтъ, — потому что на билетѣ же сказано, немедленно по раздачѣ всѣхъ билетовъ... но къ крайнему сожалѣнію розобрана только половина билетовъ, — грустно и жалко! Тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году въ лотереѣ находятся такія картины, какихъ въ прежнихъ не бывало. Всякъ можетъ удостовѣриться въ справедливости нашихъ словъ. Выставка художественныхъ произведеній отъ Общества Поощренія Художниковъ недалеко; сколько коренныхъ петербургскихъ жителей проходятъ мимо выставки и — быть можетъ, не знаютъ даже существованія ея! Она находится въ домѣ Голландской Церкви, у Полицейскаго Моста. Пріятно было бъ услышать въ самомъ скоромъ времени о розыгрышѣ лотереи, на которую невольно заманиваютъ произведенія Айвазовскаго, Тыранова, Деладвеза, Чернецова, Капкова, Дорогова, Иванова, Антонова и Пономарева.

Конецъ баламъ, маскарадамъ, концертамъ, полькамъ и мазуркамъ; пора за городъ. Петербургскіе жители, подобно юнымъ пташкамъ, расправляютъ крылышки, чтобы летѣть на Екатерингофское гулянье и развѣдать скоро ли можно переселиться на дачу...

ЗАПИСКИ
ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je jette mes idées sur le papier,
Elles deviennent ce qu'elles peuvent.
Diderot.

I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

У насъ жалуются, что въ Петербургѣ нѣтъ общественной жизни. — Это, можетъ быть, отъ того, что у насъ нѣтъ общества.

—

Какъ, спросите вы, почтенная особа, краса и слава подписавшихся лицъ, добрый, благосклонный читатель, принимающій участіе въ подвигахъ литературныхъ персонъ... Какъ? спросите вы?.. Какъ нѣтъ

общества?.. а Марья Андреевна, а Иванъ Лукичъ, а домъ Крючкиныхъ, а вечера Трехолкиныхъ, а знакомые шляпочные и сердечные!.. Развѣ это не общество, не пріятное, не утѣшительное общество?..

—

Я питаю уваженіе къ дому Крючкиныхъ... Я не отвергаю удовольствія, вкушаемаго у Трехолкиныхъ. Но соберите пять сотъ домовъ, со всѣми ихъ родственниками, и все таки изъ этого не выйдетъ общества.

—

Для общества нужно что-то въ родѣ мысли, что-то одушевляющее совокупными заботами и попеченіями. — У насъ много Марій Андреевенъ и много Ивановъ Лукичей, много персонъ, много лицъ, много особъ отдѣльно. — Но, спросите у любаго съ кѣмъ имѣю я честь говорить?.. Онъ вамъ скажетъ: со мной-съ, потому что никого кромѣ себя не признаетъ.

—

Гдѣ же, о читающая особа, поискать у насъ общественной жизни?.. Право, не знаю... Подумаемъ, поищемъ вмѣстѣ.

—

Въ литературномъ стремленіи, о читатель, читающій сіи строки, вѣроятно, гдѣ нибудь въ кандитерской,.. какъ вамъ покажется эта грустная шутка!..

—

Виноватъ... можетъ быть въ любви къ искусству, въ правдивой оцѣнкѣ художниковъ. Нѣтъ, читатель! Вы важная особа... да знатокъ, то вы плохой. — Вы ищете шума въ искусствѣ, а не наслажденія, а не духовной общественной жизни... Я это отъ того пишу, что включаю васъ въ число особъ, составляющихъ нашу почтенную публику.

—

Ужъ не въ любви ли къ наукѣ?.. О, читатель мой, не обижайтесь... Я ничего не хочу напоминать вамъ непріятнаго.

—

Помилуйте, не въ сплетняхъ ли, не въ служебныхъ ли домогательствахъ, не въ пустой ли болтовнѣ, не въ скучныхъ ли гуляньяхъ, не въ безконечной ли полькѣ?.. О, нѣтъ, нѣтъ читатель!.. Не вѣрится, не хочется вѣрить!.. Вы добрая особа. Я не хочу лишить себя отраднаго объ васъ мнѣнія. Вы не рождены для мелочнаго бездѣлья. Въ васъ, я знаю, высшія потребности, лучшія потребности... Помогите же мнѣ, гдѣ поискать мнѣ общественной жизни?

—

Новая мысль блеснула молніей въ моей головѣ. — Скажите изъ милости: не въ преферансѣ ли?.. Читатель, вы улыбаетесь!.. Вы улыбаетесь, читатель!..

—

Поговоримъ объ обществѣ безъ общественнаго значенія.

—

Петербургское общество раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ. — Въ каждомъ есть, впрочемъ, лица, персоны и особы, только не въ равномъ числѣ. Самый главный отдѣлъ называется большимъ свѣтомъ, и вмѣщаетъ самое значительное количество особъ.

II.

БОЛЬШОЙ СВѢТЪ.

Что такое большой свѣтъ? Почему онъ свѣтъ? Почему онъ большой?..

—

Въ этомъ свѣтѣ мало свѣтлаго, въ этой величинѣ много мелочи.

—

Свѣтъ онъ карсельный, свѣтъ онъ темныхъ чувствъ омраченной жизни.

—

Большой свѣтъ увѣренъ, что онъ составляетъ какую-то особую стихію, въ которой не призванному участвовать невозможно. Однако же онъ ошибается. Чтобъ попасть въ большой свѣтъ, у насъ не нужно ни богатства, ни аристократическаго имени, ни славнаго таланта, ни замѣчательнаго ума, ни даже чиновнаго отличія. Нужно имѣть добрую волю, приличную наружность, порядочный фракъ и способность дѣлать визиты.

—

Основаніемъ большаго свѣта служитъ притворство. Молодые притворяются влюбленными, старые притворяются молодыми или дѣловыми, всѣ притворяются учтивыми.

—

Молодые женщины господствуютъ въ большомъ свѣтѣ. Старыя терпятся только изрѣдка и то по особымъ причинамъ, когда напримѣръ, онѣ держатъ открытый домъ или возятъ съ собой дочерей, упорно выплясывающихъ себѣ супружество.

—

Свѣтская женщина довольно жалкое созданіе. Въ дѣтствѣ она кукла, въ молодости вывѣска, въ старости чучело. — Вся жизнь ея обманъ: сперва обманываетъ она отца и мать, потомъ мужа, потомъ любовника, потомъ самую себя. Свѣта только не можетъ она обмануть. Свѣтъ похожъ на совѣсть. Отъ него ничего не скроешь.

Графъ Соллогубъ.

Продолженіе впредь.

НЕРАСПЕЧАТАННОЕ ПИСЬМО.

(Изъ путевыхъ записокъ М. Ѳ. К:)

Мы плыли покойно, какъ обыкновенно плаваютъ опытные путешественники, которые умѣютъ разсчитать не только деньги, сколько ихъ нужно на всѣ путевые расходы, но и самую погоду... Разсчетъ оказался вѣрнымъ, погода стояла ясная, теплая, мы плыли весьма покойно. Въ Европѣ совсѣмъ дѣло другое. Въ гаваняхъ ожидаютъ только пароходовъ, приходящихъ въ урочный часъ; о другихъ судахъ небезпокоятся. Эти суда не принесутъ ничего политическаго; новости кипятъ на пароходахъ; это лучшая кладь, лучшій грузъ морскаго экипажа на колесахъ. Онъ какъ будто самъ знаетъ про достоинство своихъ товаровъ и спѣшитъ на мѣсто, для того, чтобы новости не устарѣли, не затухли. Въ новомъ свѣтѣ каждое парусное судно имѣетъ свойства пароходовъ: едва завидѣли вѣтрила, цѣлые города приходятъ въ волненіе. Какъ хотите, а всѣ эти царства и города Новаго Свѣта до сихъ поръ еще Финикійскія Колоніи, и потому неудивительно, что какъ только мы замахали крыльями въ виду Квебека, городъ взволновался. Всѣ тридцать тысячъ жителей высыпали на улицы и составился амфитеатръ въ три яруса. Въ верхнемъ городѣ или крѣпости, помѣщалась, какъ я послѣ узналъ, вся чиновность и духовенство съ двумя епископами, каѳолическимъ и англиканскимъ; но эту часть публики мало интересовало прибытіе нашего корабля. О насъ болѣе заботился Подолъ или низшій городъ, который, впрочемъ, гораздо болѣе похожъ на городъ, чѣмъ верхній; тамъ узкія тѣсныя улицы, грязь — и все это закрыто ужасными стѣнами, покрыто крышами и башнями церквей; снаружи кажется чудо не городъ, а Подолъ — пломимъ предмѣстьемъ; между тѣмъ въ существѣ выходитъ на оборотъ. На Подолѣ широкія улицы, красивые удобные дома, словомъ весьма порядочный европейскій городъ. Третій ярусъ море. Этотъ ярусъ не заботится, а уже хлопочетъ о своихъ гостяхъ; толпы любопытныхъ на лодкахъ встрѣтили и облѣпили корабль со всѣхъ сторонъ; какъ ни увлекалъ меня видъ Квебека, но я не могъ не замѣтить небольшой лодки съ однимъ гребцомъ; изо всѣхъ силъ онъ спѣшилъ къ намъ, но когда узналъ откуда мы, повернулъ, какъ говорится, оглобли; снялъ весла; бросился на скамью лодки и волны понесли его къ берегу...

— Что за чудакъ... подумалъ я, и глядѣлъ, то на Квебекъ, то на него. Пока насъ выпустили, лодка его качалась уже у берега. Онъ спалъ или мечталъ, не знаю; но когда пассажиры, въ томъ числѣ и я, потащились и потащили свои чемоданы въ гостинницу, онъ выскочилъ изъ лодки и догналъ насъ уже въ общей залѣ, гдѣ, по случаю обѣденнаго времени, было не мало гостей...

— Нѣтъ никого изъ Испаніи? спросилъ онъ по англійски и потомъ по французски... И на томъ и на другомъ языкѣ онъ говорилъ дурно; по произношенію я узналъ въ немъ Испанца...

— Нѣтъ... отвѣчалъ я ему по испански.» Мы всѣ Нордмане... Звуки роднаго языка, его поразили, онъ присталъ ко мнѣ, познакомился, отобѣдалъ вмѣстѣ и послѣ стола предложилъ мнѣ показать городъ. И дѣйствительно, онъ мнѣ показалъ два собора, Урсулинскую и Шотландскую церкви, казармы, арсеналъ, лучшіе дома; разсказалъ, что Квебекъ основанъ въ 1608 г. Французами, взятъ Англичанами въ 1629, возвращенъ, опять отнятъ, и такъ далѣе, такъ что въ часъ съ небольшимъ я прослушалъ полную исторію Канады вообще, и въ частности ея столицы. Въ заключеніе онъ хотѣлъ повезти меня въ Адамову Долину, гдѣ палъ генералъ Вольфъ. Предлагалъ посмотрѣть на знаменитые водопады Монморанси и la Chaudière, которые не очень далеко отъ Квебека, но я напомнилъ ему, что я только что окончилъ трудное путешествіе, что мнѣ надо поберечь силы и для дѣлъ и для дальнѣйшаго путешествія...

— Куда же вы поѣдете? спросилъ онъ съ живостію.

— Въ Испанію! отвѣчалъ я, улыбаясь. Съ моей стороны это была неумѣстная шутка. Испанецъ измѣнился въ лицѣ, нахмурилъ брови и взглянулъ на меня такъ злобно, что я подумалъ: ну, наша дружба кончилась...

— Въ Испанію... повторилъ я безъ улыбки... Надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ я уже буду на пути въ Малагу...

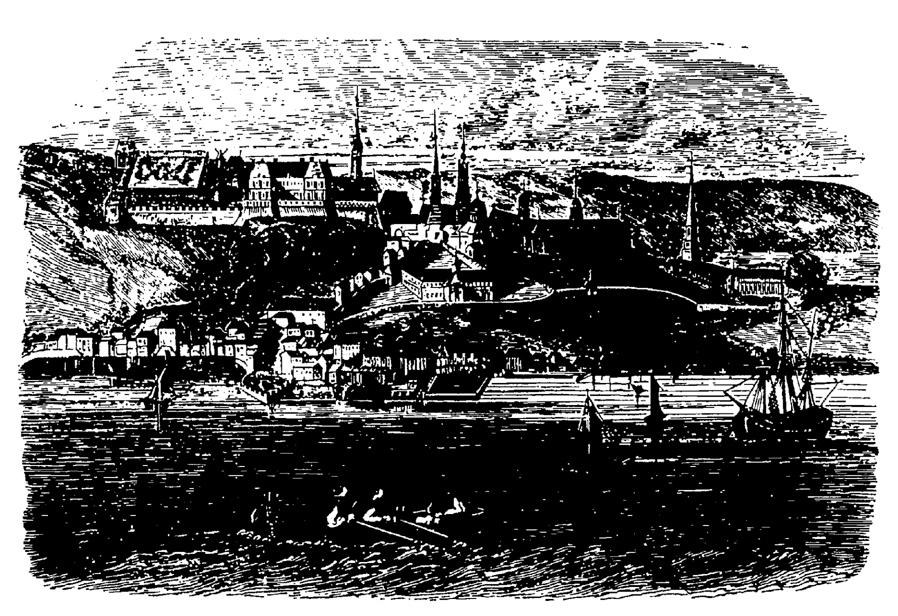
— Въ Малагу?

Испанецъ побагровѣлъ..

— Чтожъ съ вами? Я не шучу... продолжалъ я, не потому, чтобы я въ самомъ дѣлѣ не шутилъ, а потому, чтобы успокоить собесѣдника. Выходя на американскій берегъ, мнѣ и въ умъ не приходила Испанія... Я располагалъ осмотрѣть обѣ Америки, и тогда уже подумать, куда мнѣ ѣхать... Но увѣреніе мое не помогло. Молча довелъ онъ меня до трактира; молча простился и ушелъ Богъ знаетъ куда...

День, два еще я помнилъ о странномъ собесѣдникѣ; онъ мнѣ даже снился. Но потомъ дѣла меня разсѣяли, разсердили. Я видѣлъ необходимость возвратиться въ Европу, плыть въ мое Черное Море, въ мой родимый городъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ опять побывать въ Америкѣ ж, можетъ быть, опять на мѣсяцъ. — Сто кораблей могутъ

лежать покойно въ Квебекской гавани, а всего тутъ было шесть или семь судовъ, и всѣ собирались плыть въ Англію, или Голандію... Ни одного попутчика.... Отыскался одинъ вольный шкиперъ, но суденышко у него было плохое. По океану еще туда-сюда; но по Средиземному, а потомъ по Черному и думать было нечего.. Пусть, подумалъ я, довезетъ до Малаги, а тамъ ужъ вѣрно найду попутчиковъ: виноградъ, изюмъ и фрукты... Условились. Назначили день отъѣзда; но не дождались. Вѣтеръ позвалъ насъ раньше въ море. Когда запачканный матросъ несъ на лодку мой чемоданъ, когда я, слѣдуя за нимъ, безмолвно разсуждалъ, что можетъ быть, навсегда оставляю Новый Свѣтъ, на пристани кто-то остановилъ меня.



(Видъ города Квебека.)

— Куда? спросилъ Испанецъ.

— Въ Малагу... отвѣчалъ я сухо. Признаюсь, я и забылъ съ кѣмъ говорилъ...

— Неужели? закричалъ онъ радостно и съ поспѣшностью сталъ шарить въ карманахъ: о ради Бога! У самаго собора! Вотъ тутъ подробный адресъ.... Вы спѣшите, вамъ нельзя меня слушать. Скажите ей, что я умру съ нею въ мысляхъ, съ нею въ сердцѣ, съ нею на устахъ... Вы отдадите это письмо?..

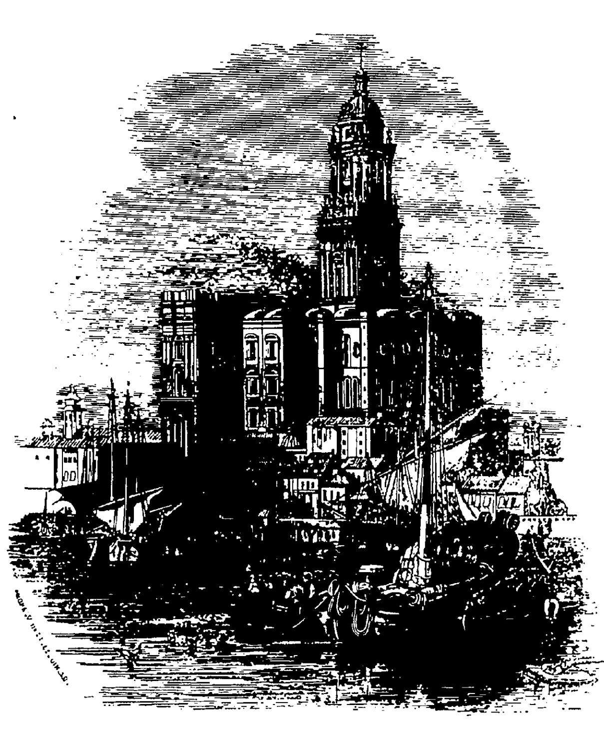
— Непремѣнно.

— Простите! Меня зовутъ Мигуэль Гамба!

— А меня М. О. К. Простите! До свиданія...

Человѣкъ умѣетъ утѣшать себя. На кораблѣ я увѣрилъ себя, что оборотъ дѣлъ моихъ доставилъ мнѣ только удовольствіе побывать въ Испаніи и побольше издержать денегъ... Пріѣзжаю въ Малагу. Само собою разумѣется, что я посмотрѣлъ еще разъ на надпись любовнаго письма. Я зналъ ее наизустъ; не менѣе того я повторилъ громко: «Доньѣ Ирмѣ Лась Кадосъ»... затѣмъ съ точностью слѣдовалъ адресъ...

—Вотъ, гдѣ живетъ она, сказалъ я и протянулъ руки къ великолѣпному собору, которому не могъ вдоволь надивиться. Вообще Малага произвела на меня сильное впечатлѣніе. Епископскій дворецъ, водопроводы, дома, все это представляло чудную смѣсь архитектуры, исторіи и дѣйствительности. Портъ кипѣлъ народомъ; кораблей цѣлый лѣсъ... Все это вамъ, можетъ быть, также извѣстно какъ и мнѣ... Но Ирма.... но Мигуэль.... я почти побѣжалъ къ собору, но на дорогѣ уже опомнился. Я могу все испортить, подумалъ я; надо прежде разузнать, справиться и, устроивъ домашнія дѣла на скорую руку, я пошелъ на Аламеду, народное гульбище, отъ котораго цѣлая часть города также называется. Народа много, но особенной жизни я не замѣтилъ, мужчины ходили и курили табакъ; дамъ не было; скучно; время было вечернее. Меня опять потянуло къ собору; но тамъ была толпа: ордена монаховъ съ факелами и крестами стояли на улицѣ, и готовились проводить кого-то на кладбище.



(Кафедральный Соборъ въ Малагѣ).

— Кого хоронятъ?

— Донью Ирму Лась Кадосъ... отвѣчалъ толстый монахъ. Я такъ былъ перепуганъ, смущенъ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, что почтительно снялъ передъ монахомъ шляпу, поклонился и сказалъ: «съ чѣмъ ~~васъ~~ и поздравляю...»

— И есть съ чѣмъ! Такихъ богатыхъ похоронъ у насъ давно не бывало...

Мнѣ стало и грустно и смѣшно... Я бросился въ церковь; я видѣлъ Ирму, я помогъ положить на прелестный трупъ богатую крышу съ тяжелыми кистями, и воспользовался этимъ случаемъ: я исполнилъ обѣщаніе и отдалъ письмо Мигуэля по адресу... Ирма унесла его съ собою въ могилу...

Въ Малагѣ я прожилъ двѣ недѣли. Богатые похороны дали мнѣ право распрашивать про покойницу. Бѣдный Мигуэль!... Онъ убилъ брата любимой дѣвушки, засватанной за другаго; онъ бѣжалъ отъ отца, который преслѣдовалъ его со всѣмъ гренадскимъ ожесточеніемъ. Корабль унесъ его въ Америку...

Счастливый Мигуэль! — Онъ утонулъ во время бури, застигшей его далече въ морѣ, утонулъ, но не зналъ, что тотчасъ послѣ смерти встрѣтится съ Ирмой на поляхъ Елисейскихъ.

ДРЕВНОСТИ.

Древность! — Очень радъ. Прохожу мимо, потому что въ этой древности кромѣ древности, нѣтъ ничего любопытнаго... Я знаю, что если вы найдете гвоздикъ, которому двѣсти лѣтъ, будь онъ сто разъ хуже того гвоздя, на которомъ вы вѣшаете вашу шубу, все таки вы его поставите подъ стекло въ вашемъ кабинетѣ, и будете съ наслажденіемъ поглядывать на покрытое ржавчиною желѣзо... Такимъ образомъ составились огромные музеи древностей съ огромными каталогами. Легли въ нихъ огромныя суммы; огромные дома наполнились или лучше опустѣли, потому что въ нихъ расположились эти пустыя безполезныя коллекціи, необъясняющія ничего, ни къ чему непригодныя. Мы совсѣмъ не противу древностей. Напротивъ того, мы любимъ, обожаемъ старину, но если она что либо объясняетъ на истертыхъ листахъ исторіи или же отличается изяществомъ отдѣлки и мыслію. Правда, такихъ древностей вездѣ не много; еще меньше въ Россіи; но если бы собрать всѣ эти *древности-редкости*, которыми обладаютъ наши вельможи, можетъ быть составилась бы коллекція, достойная европейскаго вниманія... Мы знаемъ про нѣкоторыя. Постараемся познакомить съ ними и нашихъ читателей. Начнемъ съ древности, принадлежащей Его Высокопревосходительству Сергію Семеновичу Уварову. Въ изданіи Цанетти и Гори она названа мраморной люцерной или свѣтильникомъ. Можетъ быть оно и такъ, можетъ быть и не такъ. Въ это мы не входимъ, мы не антикварии, да Иллюстрація, читателей ради, положила за правило не погружаться въ эту пыль,

не возмущать праха, отъ котораго болятъ глаза дѣлается насморкъ. Но, въ общихъ словахъ, не мѣшаетъ сказать кое-что для объясненія гравюръ. Вотъ, извольте видѣть: Цанетти—хорошая венеціанская фамилія, прославилась тѣмъ, что трое изъ нихъ были хорошими антикваріями. Графъ Антонъ Марія Цанетти (1766) былъ настоящимъ антикваріемъ, потому что онъ собиралъ древности какъ и какія могъ, такъ что кабинетъ его почитался однимъ изъ богатѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ. Онъ издалъ въ 1743 году [comm series exmuseo suo. Графъ Цанетти для Иллюстраціи спеціально важенъ. Онъ изобрѣлъ способъ

гравированія на деревѣ разными красками. Этотъ способъ затерялся и теперь замѣненъ другими. Александръ Цанетти (1778), консерваторъ библіотеки Св: Марка, написалъ пять книгъ о венеціанскихъ живописцахъ и умеръ. Гвидо Цанетти, консерваторъ ферарскаго музея древностей, издалъ новое собраніе италіянскихъ монетъ и также умеръ.—Всѣ умерли,—но эта лючерна осталась. Она была подарена первому Цанетти, настоящему антикварію, Графомъ Кауницомъ, въ 1736 году; а по смерти уже втораго хозяина, много лѣтъ спустя, пріобрѣтена Его Высокопревосходительствомъ Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ. Она

сдѣлана изъ пароскаго мрамора. Трудно разсказать словами сочиненіе этого страннаго сосуда: это

козлище; у него одна голова впереди, другая человѣко-чудовищная съ разверзтою пастію наверху; подъ этой головой крылья ночной птицы; а подъ дномъ двѣ ноги. Все это странно; но въ древности могло имѣть смыслъ, котораго мы ищемъ и будто бы находимъ. Въ описаніи говорится, что эта лючерна могла быть употребляема во время ночныхъ оргій, въ честь Вакха. Можетъ быть она и сама была посвящена богу вина и веселія; можетъ быть, принадлежала къ храмовой его утвари, все это можетъ быть;—но положительно, что чистота отдѣлки въ ней превосходна; рѣзцомъ, изваявшимъ лючерну, владѣла твердая и опытная рука знаме-

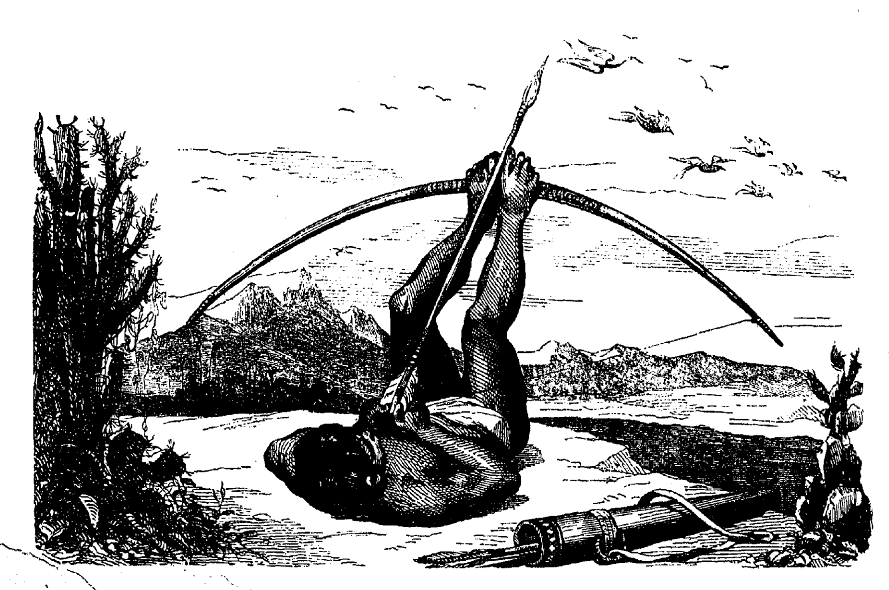
нитаго художника. Въ гравюрахъ не только на деревѣ, но и на мѣди далеко нѣтъ и не могло быть той отчетливости, и вмѣстѣ художнической бойкости рѣзца, чѣмъ эта изящная лючерна отличается въ натурѣ. Такимъ свѣтильникомъ можно освѣщать только группу Лаокоона и подобныя произведенія.

КАБОКЛЫ,

или

КАТОЛИЧЕСКІЕ ИНДѢЙЦЫ ВЪ БРАЗИЛІИ.

Въ областяхъ Ріо-Жанейро называютъ Кабоклами всѣхъ Индѣйцевъ, принявшихъ христіянскую вѣру, и тѣмъ сдѣлавшихъ первый шагъ къ просвѣщенію. Вышедъ такимъ образомъ изъ дикаго состоянія, и сблизившись съ городскими жителями, Кабоклы, въ РіоЖанейро, продаютъ плетеныя изъ тростника рогожи и глиняную посуду; или же исправляютъ должность носильщиковъ и лодочниковъ. Иные служатъ гребцами на императорскихъ яликахъ, и съ семействами своими живутъ въ арсеналѣ. Въ окрестностяхъ городовъ они занимаются земледѣліемъ и охотою. Сила и искуство ихъ изумительны. Путешественники, жившіе въ Бразиліи, часто бывали свидѣтелями необычайнаго искуства Кабокловъ въ метаніи стрѣлъ изъ лука. Одинъ, изъ весьма достовѣрныхъ путешественниковъ, разсказываетъ, что для Кабокла ничего не значитъ лечь на спину, и въ этомъ положеніи пустить стрѣлу такъ далеко, что она изъ виду пропадаетъ. Для этой штуки Кабоклъ всегда выбираетъ самый маленькій лукъ; потомъ, для контраста, встаетъ и, выпрямившись, пускаетъ стрѣлу вверхъ прямо надъ головою, такъ что взвившись, высоко, она обратно упадаетъ на землю у самыхъ ногъ стрѣлка, въ кругѣ, начертанномъ на землѣ, и въ центрѣ котораго стоитъ самъ Кабоклъ. Эти, удивительно ловкіе стрѣлки, весьма полезны путешествующимъ естествоиспытателямъ, которыхъ они сопровождаютъ въ путешествіяхъ чрезъ непроходимые лѣса. Благодаря стрѣламъ ихъ — наука запасается рѣдкими животными, а караванъ имѣетъ пищу.



ТЕРГОШЪ
или
ЭОЛОВА АРФА.

(Разсказъ М. Ѳ. К.)

—

I.

Вы знаете поэтическую исторію бога Финновъ, Вейнемейнена. Вамъ извѣстна его неисходная страсть пѣть и запѣваться до слезъ, до изнеможенія. Читайте въ этомъ миѳѣ тайный смыслъ, и вы услышите въ пѣсняхъ Вейнемейнена завываніе бурнаго вѣтра, ужасные, потрясающіе душу, аккорды звуковъ, дробящихся на тысячу ладовъ о голыя скалы гранитныхъ береговъ Финляндіи. Можетъ быть, этимъ звукамъ безъ ужаса и боли не будетъ внимать музыкально образованное ухо; но прибрежный Финнъ слушаетъ эту музыку съ такимъ наслажденіемъ, какъ Наполеонъ слушалъ звонъ колоколовъ. Финнъ любитъ эти звуки, Финнъ любитъ бурю; съ дѣтства онъ уже свыкается и съ морскою волной, и съ морскимъ вѣтромъ. Нѣтъ еще силенки управлять весломъ, онъ заберется

на острый камень роднаго взморья, съ двумя суковатыми дубинками, размахиваетъ ими будто веслами: волны и вѣтеръ такъ и льнутъ къ любимцу своему; а онъ имъ поетъ морскую пѣсню, неимѣющую каденціи, подобно многимъ русскимъ, и въ безконечномъ ея паденіи доносится до слезъ...

Таковъ былъ Суомъ или Финнъ Тергошъ, сынъ гусляра или бродящаго музыканта, который на струнномъ инструментѣ, въ родѣ лиры, игралъ, а голосомъ, похожимъ на финскій вѣтеръ, воспѣвалъ славу Вйнемейнена. Рѣдко проживалъ онъ дома, собиралъ свой ясакъ съ далекихъ деревень. Городовъ тогда во всей финской землѣ не было; у береговъ и деревень не было, потому что, нордманскіе гости разъѣзжали по всей Балтикѣ, и, не брезгая бѣдностью Финновъ, забирали и пожитки и людей, разсуждая, что и эти дикари къ чему нибудь пригодятся...

Кипѣло море, буря злилась, Тергошъ блаженствовалъ, сидя на камнѣ. Цѣлуясь съ родными валами, или разсѣкая ихъ суковатыми дубинками, припѣвалъ имъ разныя морскія привѣтствія... Ему тогда было не болѣе девяти, десяти лѣтъ. Онъ уже ѣздилъ одинъ и на лодкѣ, но въ тихую погоду; поѣхалъ бы онъ и въ бурную, до отецъ не позволялъ, а когда не было отца дома, такъ не было и лодки. Да за чѣмъ Тергошу лодка? У него есть камень, дубинки; впечатлѣнія тѣ же и — онъ пѣлъ, наслаждался. Вдругъ откуда ни возьмись, будто подстрѣленная гальціона, когда она рапснымъ крыломъ бьетъ по чернымъ волнамъ, — прямо на камень Тергоша, неслось бокомъ нордманское суденышко, касаясь вѣтриломъ бѣшеныхъ валовъ... Не замѣтилъ гостей Тергошъ, и вскрикнулъ тогда уже, когда эта полулодка, или полукорабль, мѣдною грудью ударилась объ его камень. Тергошъ не столько испугался, сколько изумился неожиданному появленію Нордманнъ. Драконъ, такъ назывался кораблик, отъ удара выпрямился. Пловцы уже выглянули изъ-за-бортовъ, и длинными баграми уперлись въ камень...

— Не такъ!.. сказалъ Тергошъ... Обойдите камень, бросьте на него якорь, и пусть море сердится. Ваша ладья будетъ подъ вѣтромъ...

Нордманны не понимали маленькаго Финна. Онъ сталъ размахивать руками; этотъ языкъ былъ понятнѣе. Обошли камень, закинули якорь, и Драконъ безъ вѣтрилъ покойно качался въ глубокомъ бассейнѣ, междумножествомъ подъ-и-надводныхъ камней. Но таковъ уже былъ нравъ у Нордманновъ. Не успѣли стать на безопасное мѣсто, какъ лоцманъ и спаситель ихъ былъ схваченъ, связанъ и брошенъ на дно Дракона, по которому прогуливались страшные люди, наводившіе ужасъ не на однихъ дикарей финскихъ, но на Францію и весь европейскій берегъ, отъ янтарныхъ отмелей кругомъ до Византіи.

На этотъ разъ, Тергошъ испугался. При каждомъ взглядѣ Нордманна, ему казалось, что это вооруженное чудовище собирается скушать его, какъ сырую рыбу, которою, по разсказамъ отца и другихъ Финновъ, питались эти люди. Но, къ удивленію и удовольствію, Тергошъ замѣтилъ на томъ же днищѣ Дракона связанную женщину, чудной красоты. Она спала, или была въ безпамятствѣ; на нее страшные люди не поглядывали, только одинъ смотрѣлъ, Робертъ Керонъ, и не только смотрѣлъ, но держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, вѣроятно, стараясь отогрѣть застывшую красавицу... Балтійское Море и товарищъ его балтійскій вѣтеръ — своенравны оба; перешепнулись и буря утихла, вѣтеръ перекувыркнулся въ небесахъ и потянулъ къ западу. Забѣгали страшные люди, раскинулись вѣтрила, и Драконъ быстро пошелъ въ обратный путь... Было лѣто; тепло; золотой вечеръ выглянулъ изъ-за-тучъ, красавица проснулась. Тергошъ смотрѣлъ ей въ голубые глаза и забылъ обо всемъ, даже объ отцѣ и домѣ; даже о камнѣ своемъ, котораго за высокими бортами Дракона онъ бы не могъ и видѣть... Красавица проснулась и стала плакать. И Тергошъ заплакалъ. Красавица стала проклинать похитителей; и Тергошъ понималъ ее, и проклиналъ воровъ, не за себя, за красавицу... Долго шелъ Драконъ; солнце нѣсколько разъ смѣнилось съ часовъ; на его мѣстѣ ходилъ рогатый мѣсяцъ; красавица не ѣла, не пила; и Тергошъ тоже... Но слезъ не стало; горе зачерствѣло; на шутки и утѣшенія спутниковъ красавица улыбнулась — и Тергошъ улыбнулся; и обоимъ развязали руки; и обоихъ накормили и подарили Тергоша красавицѣ, и оба обрадовались; на Драконѣ еще его расчесали, умыли, одѣли въ красивую курточку пажа и велѣли служить красавицѣ. Тергошъ и не вспомнилъ про отца, домъ и камень, служилъ красавицѣ, и на Драконѣ уже болталъ на языкѣ хищниковъ...

Конецъ благополучну бѣгу.

Въ устьѣ Лоары Драконъ бросилъ якорь. На красавицу и на Тергоша накинули мѣшки, и сняли ихъ въ богатой нарядной залѣ. Красавицу усадили въ возглавіе длиннаго стола. Тергошъ подавалъ ей кушанья, которыя приносили огромные слуги въ красивыхъ одеждахъ... Начался пиръ; пили много. Тергошъ уже зналъ, что Робертъ Керонъ начальникъ шайки, но не вѣдалъ, что онъ хозяинъ замка и...

Кончился пиръ... Тергоша разлучили съ красавицей; она сама не хотѣла съ нимъ разставаться, кричала, плакала; но слезы и крикъ не помогли... Красавицу унесли, а Тергоша съ побоями вытолкали въ кухню... Прошла ужасная ночь... Хозяинъ и всѣ его гости уѣхали верхомъ неизвѣстно куда... И красавица и Тергошъ бросились искать, вѣроятно, выхода; не нашли, но встрѣтились. И красавица, обнявъ своего пажа, стала рыдать такъ громко, такъ страшно, что бѣдный Тергошъ дрожалъ какъ листъ, лепеталъ по-фински, пробормоталъ всѣ датскія слова, какія зналъ; но, въ отчаяньи, видя, что ничто не помогаетъ, сталъ пѣть свою морскую пѣсню. Новость ли напѣва, странность ли выходки ребенка, не знаю, но только красавица перестала рыдать, отерла слезы, съ выраженіемъ горя и состраданія глядѣла на Тергоша, а онъ, примѣтивъ впечатлѣніе своей пѣсни, кричалъ пуще и пуще... Красавица будто что-то вспомнила...

— Не умѣетъ ли онъ играть! прошептала она: тамъ я видѣла инструментъ, похожій на финскую арфу...

Красавица ушла, и воротилась дѣйствительно съ лирой, довольно большой для ребенка, такъ, что онъ, стоя, сталъ пробовать строй... Красавица угадала. Хотя и плохо, началъ онъ играть, хотя и плохо игралъ онъ, но красавица слушала не безъ удовольствія... Замѣтивъ это, Тергошъ, въ отсутствіе хозяина, усердно упражнялся на великолѣпной лирѣ. Дни, недѣли, мѣсяцы уходили, онъ игралъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Красавица слушала его покойнѣе, потому что и сама, повинуясь необходимости, стала привыкать къ своему положенію. Хозяина всѣ называли барономъ, красавицу баронессой... Ее уже не запирали въ замкѣ. Она могла гулять въ саду и съ высокой стѣны любоваться Лоарой и окрестными видами... Тергошъ былъ неразлучно съ нею; лира также ходила прогуливаться... Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; хозяйка занемогла... Тергоша къ ней не пускали; а приставили какую-то старуху... Но Тергошъ зналъ гдѣ ея окно; и сидя подъ дупловатымъ дубомъ, тѣшилъ красавицу нѣмой игрой... Однажды, подъ вечеръ, онъ заигрался, и не замѣтилъ какъ вернулся хозяинъ. Было поздно; хозяина провожали со свѣчами. Блуждающій свѣтъ по окнамъ заставилъ Тергоша смолкнуть; онъ догадался кто пріѣхалъ. Въ большой залѣ вспыхнули огни; по саду раздался крикъ; звали пажа. Въ испугѣ онъ повѣсилъ лиру на вѣтку дуба, и блѣдный, дрожащій, явился предъ страшныя очи Барона...

— Гдѣ ты былъ?..

— Гдѣ я былъ?..

— Да! Гдѣ ты пропадалъ весь вечеръ... Тебя никто въ замкѣ не видѣлъ и не слышалъ... Вѣрно ты нашелъ дорогу къ черному лѣсу, и тамъ записался въ колдуны.

— Въ колдуны! съ ужасомъ спросилъ Тергошъ...

— Не даромъ говорятъ, что по моему саду ходятъ звуки; неизвѣстныя пѣсни играетъ невидимка... Это вздоръ...

— Вздоръ, Баронъ!

— Тебя не спрашиваютъ! Кстати о пѣсняхъ; вчера на охотѣ я услышалъ хитрую пѣсню, спѣть не спою... Но, кажется, съиграю. Тергошъ, подай мою лиру...

— Лиру?

— Ну, да! что же ты стоишь!

— Я не знаю какую лиру; я не видалъ вашей лиры...

— Что ты врешь! Бастіанъ принеси!

Бастіанъ пошелъ и воротился въ ужасѣ.

— Нѣтъ лиры... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ...

— Гдѣ же она?..

Въ это мгновеніе толпа слугъ вбѣжала въ залу; на лицахъ былъ написанъ паническій страхъ.

— Что такое! спросилъ Баронъ.

— Будетъ бѣда! дубъ поетъ!

— Какой дубъ?..

— Отворите окно, сами услышите!

Баронъ отворилъ окно въ садъ и отступилъ въ ужасѣ. Стройнымъ аккордомъ лились изъ подъ завѣтнаго дуба дивные звуки: то, усиливаясь, то слабѣя, ихъ заглушалъ сильный порывъ вѣтра; то разносилъ рѣзкіе несвязные отголоски... Холодный потъ проступилъ на лицѣ Барона; но и Тергошу было не легче...

— Злой духъ, ты хочешь обличить меня!.. Ты заигралъ на моихъ струнахъ... Такъ нѣтъ же, я уйду отъ Барона....»

Такъ подумалъ Тергошъ, и будто стрѣла изъ лука бросился въ двери, на дворъ, въ ворота. Суматоха, произведенная въ замкѣ эоловой арфой, не дала никому замѣтить бѣгства Тергоша. Онъ подъ шумокъ проскользнулъ и черезъ ворота, и безъ оглядки пустился по пустой дорогѣ. И *свои* такимъ позднимъ вечеромъ не ѣздили по-большимъ дорогамъ. Нордмане не боялись никого, но опасались другъ друга... Скоро добѣжалъ Тергошъ до чернаго лѣса, и тутъ только вспомнилъ про колдуновъ. Впередъ — страшно; назадъ — ни зачто.... Долго стоялъ Тергошъ у опушки чернаго лѣса въ раздумьи, пока...

Но дальнѣйшія похожденія его долго разсказывать, а въ существѣ въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Онъ нашелъ себѣ другаго хозяина въ черномъ лѣсу, старика отшельника, у котораго Нордмане отняли жену и замокъ. Отчаянье и месть загнали его въ лѣсъ. Прошли годы. Отчаянье утихло, месть умолкла, издыхая въ видимой невозможно-

сти, потому что Нордманы не только не ослабѣли, но опустошили кругомъ все, и стали полновластными владыками и устья Лоары, и Поморья, и отдаленныхъ городовъ на этой рѣкѣ. Первое чувство Тергоша, когда онъ попался въ лапы отшельнику, былъ паническій страхъ; но когда онъ съ нимъ освоился, въ ребенкѣ поселилась невольная довѣрчивость. Онъ разсказалъ старику всю свою исторію. Онъ слушалъ все съ участіемъ, но конецъ разсмѣшилъ его. Онъ объяснилъ Тергошу въ чемъ дѣло.

— И у меня есть подобная лира,» сказалъ онъ. «Я покажу тебѣ. По ночамъ, когда я знаю, что во всемъ околодкѣ нѣтъ ни одного Нордманна, я вѣшаю ее надъ взморьемъ, и она мнѣ поетъ дивныя пѣсни. Эти варвары — большія невѣжи; они ничего не знаютъ, кромѣ грѣшныхъ вожделѣній. Нѣтъ, сынъ мой, не знаю земли твоей, по вижу, что ты не рожденъ злодѣемъ. Возьми мою лиру и ступай въ глубину Франціи, куда нога Нордманновъ еще не заходила. Они грабятъ только по большимъ рѣкамъ, далеко отъ проклятыхъ лодокъ своихъ не отходятъ. Тамъ ты найдешь добрыхъ слушателей, благочестивыхъ помощниковъ несчастію. Ступай сей часъ, мой сынъ; я увѣренъ, что они тебя станутъ искать даже въ очарованномъ этомъ лѣсу. Въ бѣшенствѣ они готовы перейти межу, которую очертило вокругъ нашей дубравы ихъ собственное невѣжество....

═

Прошло семь, восемь лѣтъ. У того же замка, на пристани, остановилась лодка. Вышелъ красивый юноша съ золотыми кудрями, съ голубыми очами, съ коротенькой карманной лютней подъ мышкой. То былъ Тергошъ; но его уже называли Раймондомъ Соловьемъ, и даже въ Нормандіи, куда неполитическія новости не проникали, случайно знали и слышали про соловья Раймонда. Было лѣто. Хозяинъ былъ далече, у береговъ Калабріи; но хозяйка была дома. Франція была въ то время такъ безсильна, что не смотря на отсутствіе главныхъ разбойниковъ, не рѣшалась истребить ихъ гнѣзда, которыя охранялись самыми незначительными гарнизонами. Впрочемъ, благодаря этой хозяйкѣ, замокъ Росбергъ считался самымъ добрымъ разбойничьимъ притономъ по всей Лоарѣ. На предмѣстьи даже завелась ярмарка, куда окрестные жители довѣрчиво приносили свои продукты. Баронесса бодрствовала, и гости были безопасны. Стояла подъ Росбергомъ ярмарка, когда Тергошъ или Раймондъ туда пріѣхалъ. На ярмаркѣ онъ возбудилъ общій восторгъ, получилъ полную шляпу денегъ, и удостоился приглашенія въ замокъ. Сильно забилось сердце юноши, когда онъ проходилъ черезъ знакомыя ворота. На лѣстницѣ у него духъ занялся, въ залѣ онъ едва держался на ногахъ отъ душевнаго волненія. Пусть ему тогда было и десять лѣтъ, но красота семнадцатилѣтней дѣвушки, также несчастной, какъ и онъ, его госпожи, его подруги, о!.. и въ десять лѣтъ уже натура учитъ любить, и еще какъ ужасно, какъ постоянно. И вотъ юноша восемнадцати лѣтъ, видѣвшій всѣхъ баронессъ и графинь Франціи, за чѣмъ пришелъ въ замокъ? Чтобы еще разъ взглянуть на царицу души своей, кому служилъ, для кого пѣлъ онъ такъ долго... Но баронесса была въ саду; ему указали дорогу. Подъ тѣмъ самымъ дубомъ, который рѣшилъ участь Тергоша, на красивой рѣзной скамьѣ сидѣла Баронесса. Передъ ней на большой полянѣ играло двое дѣтей: старшей дочери уже было лѣтъ семь, вѣтеръ игралъ ихъ золотыми кудрями, разрѣзвился, и ударилъ въ струны лиры, висѣвшей на дубовой вѣткѣ.

— Боже мой! прошепталъ Раймондъ: Та самая лира!»

Баронесса не слушала и не слышала его. Взглянувъ на лиру, она вздохнула и грустно улыбнулась. Бѣдный Раймондъ едва удержался. Баронесса была такъ хороша, куда лучше, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тогда она походила на высокую ноту лиры, сладостную, но тонкую. Теперь красота ея звучала роскошью полнаго упоительнаго аккорда... Замѣтивъ чужаго, она не удостоила его и взглядомъ, и сказала весьма равнодушно:

— Ты Раймондъ Соловей! Очень рада! Спой что нибудь!

— Лора!» отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, который походилъ на звуки эоловой арфы, и Баронесса вздрогнула: «Я не Раймондъ, Лора, я твой рабъ, Тергошъ, финскій плѣнникъ...»

— Боже мой, Боже мой!.. Кристина, Кристина! Убери дѣтей! Уходи Тергошъ, уходи! Его ждутъ! Онъ узнаетъ тебя. Нашъ...

— Вы велите, Баронесса... Я уйду...

— О нѣтъ, останься... Спой одну пѣсню...

— Не могу... Блаженство васъ видѣть... Для этого нѣтъ звуковъ, развѣ небесные...

Эолова арфа заиграла, или лучше сказать завздыхала такъ нѣжно, такъ упоительно, что и у Баронессы и у Раймонда на глазахъ навернулись слезы...

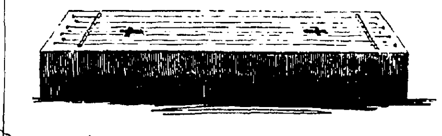
— И она здѣсь? спросилъ тихо Раймондъ, стараясь воспоминаніями придать себѣ бодрости...

— На зиму я прячу ее; на лѣто вѣшаю. Вѣтеръ за тебя тѣшилъ меня своими заунывными пѣснями.

— О, этотъ случай, сказалъ Тергошъ, внушилъ мнѣ много мыслей. Вотъ, Баронесса, для васъ я трудился болѣе года и, кажется, мнѣ удалось достигнуть цѣли.

Тергошъ преклонилъ колѣно и подалъ Баронессѣ небольшой сосновый ящикъ: въ серединѣ онъ былъ пустъ, на верхней доскѣ съ двумя отдушинами, какъ въ скрипкѣ, протянуты были семь струнъ.

— Что это? спросила Баронесса.



— Эолова арфа! Такъ ее прозвали во Франціи. Она играетъ такъ чисто, какъ никогда не удастся рукѣ человѣческой. Чуть вѣтеръ, поставьте ее на окно вашей комнаты...

Долго еще бесѣдовали они. Пользуясь вѣтромъ, заставляли арфу играть. Вечеръ упалъ, а они и не думали разстаться. Ночью люди становятся или трусы, или черезъ чуръ смѣлы... Раймондъ, слово за словомъ, объяснился въ любви. Баронесса; не думая о томъ, что говоритъ, также высказалась. Безконечный поцѣлуй кончилъ рѣчь. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась бесѣда, но эолова арфа надъ головами любовниковъ заиграла, и Баронесса вскочила, вырвалась изъ жаркихъ объятій и убѣжала... Раймондъ забылъ, что обстоятельства перемѣнились. Всю ночь онъ игралъ и пѣлъ; но на другой день ему сказали, чтобы онъ себѣ убирался съ Богомъ. Онъ хотѣлъ видѣть Баронессу; ему объявили, что она больна и принять его не можетъ. Онъ видѣлъ, что упрямиться безполезно. На другой день его не впустили даже въ замокъ; на третій сказали, что если онъ не уберется изъ Росберга по добру по здорову, то его выживутъ другими средствами. — Нечего дѣлать, Раймондъ пересталъ ходить въ ворота, нашелъ путь по развалившейся стѣнѣ въ садъ... Но и съ этой стороны не только двери, но и окна были плотно заперты. Лира снята. Какъ видно, Баронесса не хотѣла и воспоминаній: она стыдилась дѣтей; каялась предъ своимъ долгомъ, поцѣлуй день и ночь жегъ ее упрекомъ...

— Постой же! въ бѣшенствѣ сказалъ Тергошъ. И черезъ три дня явился въ садъ съ разнымъ снарядомъ. Одно огромное бревно онъ укрѣпилъ въ корняхъ дуба, другое въ его вѣтвяхъ; послѣднее выдавалось больше къ сѣверу; на эти бревна Раймондъ натянулъ струны необыкновенной толщины и длины.

— Ты меня услышишь! сказалъ онъ, и отправился къ своей лодкѣ, но тамъ ждали его люди Баронессы, схватили и привели прямо во внутреннія ея комнаты. Она не спала, лампа блѣднымъ свѣтомъ освѣщала этотъ странный будуаръ средняго вѣка, гдѣ всѣ украшенія составляли оружіе, кресты, и стеклянныя картины.

— Оставьте насъ однихъ! сказала она твердымъ голосомъ. Слуги удалились...

— Тергошъ! Ты безуменъ! Чего ты хочешь отъ меня.

— Любви, Лора...

— Безумецъ, я мать...

— Будь моею богиней... Бѣги со мной!..

— О, ты помѣшался. Ты былъ мнѣ милъ, я ласкала тебя, жаловала, но любить... Никогда...

— Лора, Лора! А поцѣлуй?..

— Я забылась, и думала, что цѣловала прежняго ребенка... Но, довольно, я не хочу твоего несчастія... Бѣги, Тергошъ!

— Куда? — Куда я убѣгу отъ тебя, Лора! Богъ съ тобой! Будь счастлива, не люби меня, но не выгоняй меня изъ твоего дома. Я буду слишкомъ счастливъ уже тѣмъ, если увижу сквозь щель дверей локонъ твой, или въ окно, небесную — тѣнь твоей головки... Лора, Лора!...

— Я мать, я супруга! сказала Баронесса отчаяннымъ голосомъ...

— Будь матерью, будь супругою, а мнѣ сестрою, Лора!

— Сестрою! Нѣтъ, мѣсяцъ мой серебристый, нѣтъ, тѣнь моей мечты, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... И страстная она схватила обѣими руками головку Финна и осыпала жаркое лице юноши поцѣлуями. Но, вдругъ опомнясь, оттолкнула его съ ужасомъ:

— Прочь, змѣя ядовитая! Спаси меня, Раймондъ, на колѣняхъ умоляю тебя, бѣги! Я мать, я жена... Я женщина...

И Лора точно была у ногъ Раймонда. Несчастный, онъ видѣлъ борьбу страстной, но высокой души, не захотѣлъ выпустить изъ рукъ своей добычи. Страсти перемѣнили роли. — Онъ пылалъ грѣшнымъ огнемъ; она только покорствовала... Но, шумъ въ замкѣ, прекратилъ эту сцену; шаги приближались... Лора схватила юношу, заперла въ своей молельнѣ, потушила свѣтильникъ и убѣжала въ спальню. Видно, въ замкѣ всѣ любили Баронессу, не жаловали Барона. Никто не сказалъ ему про тайнаго гостя; но при всемъ томъ Баронъ смекалъ, что дома есть что-то не доброе... Испытующимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на Лору, на дѣтей, на обоихъ... Баронесса съ трудомъ переносила пытку; но когда Баронъ взялъ на руки старшую дочь и нѣжно сталъ ласкать малютку, Баронесса не выдержала, упала на колѣни, и молча подала мужу ключь отъ молельни...

— Что это значитъ? спросилъ Баронъ; но Лора не могла досказать, и упала безъ чувствъ къ ногамъ мужа...

— Ключь отъ молельни! шепталъ онъ, задыхаясь отъ ревности и страшныхъ догадокъ. Посмотримъ!

Въ молельнѣ спокойно сидѣлъ Раймондъ и любовался Лоарой. Башня, въ которой помѣщалась эта комната, стояла надъ самой рѣкой, и пятой упиралась въ волны. На открытомъ окнѣ стояла Эолова арфа, подарокъ Раймонда. Вѣтеръ игралъ, но слабо. Арфа молчала, но едва Баронъ отперъ двери, сквозной вѣтеръ коснулся струнъ и онѣ запѣли... Баронъ отступилъ въ страхѣ. Мысль, что жена предалась колдовству и тайно занимается этимъ богопротивнымъ ремесломъ тамъ, гдѣ должна молиться за него, грѣшника и за дѣтей, — возбудила въ Баронѣ ужасъ. Онъ прихлопнулъ дверь часовни, поспѣшилъ къ женѣ, около которой хлопотали дѣти...

— Не прикасайтесь къ грѣшницѣ!.. сказалъ Баронъ, едва выговаривая слова: она отравитъ, погубитъ васъ! Прочь изъ этого вертепа. Это она перенесла мою лиру подъ дубъ, въ потѣху злымъ духамъ — своимъ сообщникамъ; это она съ ними бесѣдуетъ въ молельнѣ!!.. Поздно она проснулась!!..

— Да! Я проснулась! Я исполнила страшный долгъ супруги... Хотя я была твоей женой, поневолѣ; хотя... ты убилъ моихъ родителей! Тергошъ! Тергошъ!..

Тергошъ воспользовался испугомъ Барона, и тихо вышелъ изъ молельни. Вспомнивъ, что въ этой комнатѣ, гдѣ такъ странно встрѣтила его Баронесса, висѣло оружіе, онъ ощупью нашелъ мечь, собираясь въ случаѣ выйти изъ замка силой. Въ это самое время онъ услышалъ имя свое и сталъ прислушиваться...

— Тергошъ-! заревѣлъ Баронъ: «Твой братъ по чорту... Ты колдовала съ нимъ вмѣстѣ!.. И теперь ты призываешь его на помощь. Поздно!

— Боже! ты убилъ его! Ахъ, я несчастная! Ненавистный извергъ... Я любила одного Тергоша! Тебя всю жизнь ненавидѣла; возьми же и эту жизнь.

— О, за этимъ дѣло не станетъ...

Раздались звуки, какихъ ни вы, ни я не слыхали. Казалось, будто самъ сатана съ цѣлымъ адомъ заигралъ на ужасныхъ контрабасахъ. Стекла въ окнахъ задрожали; крѣпчалъ вѣтеръ, и не Эолова, а скорѣе Плутонова арфа ревѣла такъ оглушительно, что дѣти подлѣзли подъ постели, а Баронъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ожидая только того, что весь замокъ развалится отъ чертовской музыки... Блѣдная Лора испугалась бы не менѣе барона, еслибы близость смерти не придала ей высшихъ силъ. Героизмъ жены показался Барону только доказательствомъ ея преступной связи съ нечистымъ... Смерть Лоры теперь представлялась ему необходимостью... Въ неистовствѣ онъ бросился на Лору; но Тергошъ былъ уже въ спальнѣ.

— Прежде раздѣлайся со мной, разбойникъ! закричалъ онъ, схвативъ за руку Барона.

— Тергошъ!..

— Ты узналъ меня, морской воришка! Духи тьмы, возмите вашего сообщника...

И, подъ звуки ужасной арфы, онъ напалъ на своего хищника; онъ отомстилъ за себя, за баронессу, за ея родителей. Баронъ палъ — и вы сами докончите легенду о Эоловой Арфѣ, въ которой пропасть историческаго. — Скажу вамъ только, что новый баронъ Раймондъ, по просьбѣ своей супруги, баронессы Лоры, уничтожилъ чудовищную арфу; но за то чуть дохнетъ вѣтерокъ и баронъ и баронесса бѣгутъ въ молельню и слушаютъ невидимую игру сосноваго ящика, съ любовью и благодарною молитвой...

—

Эолова арфа, какъ увѣряютъ, каледонскаго происхожденія; но изъ этой легенды должно заключать, что она родилась и возрасла во Франціи, на нормандскомъ поморьи. Игру этой арфы присвоивали одни добрымъ, другіе злымъ духамъ. Подарокъ Тергоша потерялся, хотя всѣ обыкновенныя Эоловы арфы совершенно того же устройства. Сказаніе и о чудовищной арфы также осталось не безъ послѣдствій. Въ 1787 году, Вентанъ, бургомистръ въ Буркли, близь Базеля, устроилъ колоссальную арфу: пятьнадцать металлическихъ струнъ, огромной длины, укрѣпленныхъ на двухъ цилиндрахъ, стояли у него въ саду. Интервалы между струнами были отъ двухъ до трехъ дюймовъ; самая тонкая струна была толщиною въ линію, самая толстая въ шесть линій. Замѣчательно, что эта арфа ставилась съ горизонтомъ подъ угломъ отъ 20 — 30°, и всегда наклонялась въ направленіи отъ Сѣвера къ Югу. Если ее ставили въ направленіи отъ Востока къ Западу, арфа не хотѣла играть; за то уже если играла, то силою равнялась органу и наводила ужасъ на все мѣстечко. — Не дѣлайте такихъ арфъ! Что за охота пугать людей; а такую, сосновую, карманную, совѣтую сдѣлать и подарить вашей Лорѣ.

М. Ѳ. К.

ДОМОВОЙ.

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 2)

Домовой, домовикъ, дѣдушка, старикъ, постень или *постѣнъ,* также *лизунъ,* когда живетъ въ подпольѣ съ мышами,—а въ Сибири *сусѣдко,*—принимаетъ разные виды; по обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичекъ, который ходитъ въ короткомъ смуромъ зипунѣ, а по праздникамъ и въ синемъ кафтанѣ, съ алымъ поясомъ. Лѣтомъ также въ одной рубахѣ; но всегда босикомъ и безъ шапки, вѣроятно потому, что мороза не боится и притомъ всюду дома. У него порядочная сѣдая борода, волосы острижены въ скобку, но довольно косматы и частію застилаютъ лице. Домовой весь оброс мягкимъ пушкомъ, даже подошвы и ладони; но лице около глазъ и носа нагое.

Косматыя подошвы выказываются иногда зимой, по слѣду, подлѣ конюшни; а что ладони у домоваго также въ шерсти, то это знаетъ всякій, кого дѣдушка гладилъ ночью по лицу: рука его шерститъ, а ногти длинные, холодные. Домовой, по ночамъ, иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые однако обыкновенно не болятъ; онъ дѣлаетъ это тогда только, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ. Это повѣрье весьма естественно объясняется тѣмъ, что люди иногда, въ работѣ или хозяйствѣ, незамѣтно зашибаются, забываютъ потомъ объ этомъ, и, увидѣвъ черезъ день или болѣе синякъ, удивляются ему и приписываютъ его домовому. Иные, впрочемъ, если могутъ опамятоваться, спрашиваютъ домоваго, когда онъ щиплется: любя или не любя? Къ добру или къ худу? и удостоиваются отвѣта, а именно: домовой плачетъ или смѣется; гладитъ мохнатой рукой, или продолжаетъ зло щипаться; выбранитъ, или скажетъ ласковое слово. Но, домовой говоритъ очень рѣдко; онъ гладитъ мохнатой рукой къ богатству, теплой къ добру вообще, холодной или шершавой, какъ щетка, къ худу. Иногда домовой просто толкаетъ ночью, будитъ, если хочетъ увѣдомить о чемъ хозяина, и на вопросъ: что добраго? предвѣщаетъ тѣми же знаками, добро или худо. Случается слышать, какъ люди хвалятся, что домовой погладилъ ихъ такой мягкой ручкой, какъ собольимъ мѣхомъ. Онъ вообще не злой человѣкъ, а больше причудливый проказникъ: кого полюбитъ, или чей домъ полюбитъ, тому служитъ, ровно въ кабалу къ нему пошелъ; а ужъ кого невзлюбитъ, такъ выживетъ и, чего добраго, со свѣту сживетъ. Услуга его бываетъ такая, что онъ чиститъ, мететъ, скребетъ и прибираетъ по ночамъ въ домѣ, гдѣ что случится; особенно онъ охочь до лошадей: чиститъ ихъ скребницей, гладитъ, холитъ, заплетаетъ гривы и хвосты, подстригаетъ уши и щетки; иногда онъ сядетъ ночью на коня и задаетъ конецъ, другой по селу. Случается, что кучеръ или стремянный сердятся на домоваго, когда баринъ бранитъ ихъ за то, что лошадь ѣздой или побѣжкой испорчена; они увѣряютъ тогда, что домовой наѣздилъ такъ лошадь, и не хуже цыгана сбилъ рысь на иноходь или въ три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то онъ обижаетъ ее: не даетъ ѣсть, ухватитъ за уши, да и мотаетъ голову; лошадь бьется всю ночь, топчетъ и храпитъ; онъ свиваетъ гриву въ колтунъ и, хоть день за день расчесывай, онъ ночью опять собьетъ хуже прежняго: лучше не трожь. Это повѣрье основано на томъ, что у лошади, особенно коли она на плохомъ корму и не въ холѣ, дѣйствительно иногда образуется колтунъ, который отстригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядетъ на лошадь, которую не любитъ, то приведетъ ее къ утру всю въ мылѣ и вскорѣ лошадь спадетъ съ тѣла. Такая лошадь пришлась *не по двору*, и ее непремѣнно должно сбыть. Если же очень осерчаетъ, такъ перешибетъ у нея задъ, либо проташитъ ее бѣдную въ подворотню, вертитъ и мотаетъ ее въ стойлѣ, забьетъ подъ ясли, даже иногда закинетъ ее въ ясли къ верху ногами. Нерѣдко онъ ставитъ ее и въ стойло запузданную, и иному барину самому удавалось это видѣть, если рано пойдетъ на конюшню, когда еще кучеръ, послѣ ночной прогулки, не успѣлъ проспаться и опохмѣлиться. Ясно, что всѣ повѣрья эти принадлежатъ именно къ числу мошенническихъ, и служатъ въ пользу кучеровъ. Такъ напр. кучеръ требовалъ однажды отъ барина, чтобы непремѣнно обмѣнять лошадь на другую, у знакомаго барышника, увѣряя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовой невзлюбилъ и изведетъ. Когда же баринъ, не смотря на всѣ явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обѣщанныя могорычи, то лошадь точно, наконецъ, взбѣсилась вовсе, не вынесши мукъ домоваго и околѣла. Кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дроби въ ухо; а какъ у лошади, ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь эта не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было

пасть жертвою злобы мнимаго домоваго. Домовой любитъ особенно вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, а чаще всего обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.

Домовой вообще хозяйничаетъ исключительно по ночамъ; а гдѣ бываетъ онъ днемъ, это неизвѣстно. Иногда онъ забавляется, какъ всякій знаетъ, вскочивъ сонному колѣнями на грудь и, принявшись, ни съ того, ни съ сего, душить человѣка: у другихъ народовъ есть для этого припадка названіе, альпъ, кошемаръ, а у насъ нѣтъ другаго, какъ домовой душилъ. Онъ, впрочемъ, всегда отпускаетъ душу на покаяніе и никогда не душитъ на смерть. При этомъ домовой иногда бранится чисто по-русски, безъ зазрѣнія совѣсти; голосъ его грубый, суровый и глухой, какъ будто раздается вдругъ съ разныхъ сторонъ. Когда онъ душитъ, то отогнать его можно только такою же русскою бранью;—кто можетъ въ это время произнести ее, того онъ сей же часъ покидаетъ, и это вѣрно: если въ семъ припадкѣ удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и въ это время также спрашиваютъ: къ добру или къ худу? и дѣдушка завываетъ глухо: къ ху—у—у! Вообще, онъ болѣе знается съ мущинами, но иногда проказитъ и съ бабами, особенно если онѣ крикливы и безтолковы. Расхаживая по дому, онъ шаркаетъ, топаетъ, стучитъ, гремитъ, хлопаетъ дверьми, бросаетъ чѣмъ попало, со страшнымъ стукомъ; но никогда не попадаетъ въ человѣка: онъ иногда подыметъ гдѣ нибудь такую возню, что хоть бѣги безъ оглядки. Это бываетъ только ночью, въ подпольѣ, въ клѣти, сѣняхъ, чуланѣ, въ порожней половинѣ, или на чердакѣ; иногда онъ стаскиваетъ и сваливаетъ ворохомъ все, что попадется. Передъ смертью хозяина, онъ садится иногда на его мѣсто, работаетъ его работу, надѣваетъ его шапку; по этому, вообще, увидать домоваго въ шапкѣ—самый дурной знакъ. Перебираясь въ новый домъ, должно, перекрестившись въ красномъ углу, оборотиться къ дверямъ и сказать: «хозяинъ домовой, пойдемъ со мной въ домъ.» Коли ему полюбится житье, то станетъ жить смирно и ходить около лошадей; а нѣтъ, такъ станетъ проказить. Голосъ его почти никогда не услышишь, развѣ выбранитъ кого нибудь, или зааукаетъ на дворѣ, либо станетъ дразнить лошадей, заржавъ по-конинному. Слѣды проказъ его нерѣдко видны и днемъ: напримѣръ посуда вся очутится за-ночь въ поганомъ ушатѣ, сковородники сняты съ древка и надѣты на рога ухвата, а утварь сидѣлая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены всѣ въ одну кучу. Замѣчательно, что домовой не любитъ зеркала; иные даже полагаютъ, что его можно выкурить этимъ средствомъ изъ такой комнаты, гдѣ онъ много проказитъ. Но онъ положительно не терпитъ сорокъ, даже мертвыхъ, почему и полезно подвѣшивать на конюшнѣ убитую сороку. Въ какихъ онъ сношеніяхъ съ козломъ, неизвѣстно; но козелъ на конюшнѣ также удаляетъ или задабриваетъ домоваго. Въ этомъ повѣрьи нѣтъ однако же связи съ тѣмъ, что козелъ служитъ вѣдьмѣ; покрайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы домовой ѣздилъ на козлѣ. Иные объясняютъ повѣрье это такъ: лошади потѣютъ и болѣютъ, если въ конюшнѣ водится ласочка, которая въ свою очередь будто не любитъ козла и отъ него уходитъ.

Въ иныхъ мѣстахъ никто не произнесетъ имени домоваго, и отъ этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, какъ напр. лихорадку—домовой получилъ столько иносказательныхъ кличекъ, а въ томъ числѣ почетное званіе дѣдушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ ему свойство оборотня и говорятъ, что онъ катится иногда комомъ снѣга, клочкомъ сѣна, или бѣжитъ собакой.

Для робкихъ, домовой бываетъ всюду, гдѣ только ночью что нибудь скрыпнетъ или стукнетъ; потому что и домовой, какъ всѣ духи, видѣнія и привидѣнія, ходитъ только въ ночи, и особенно передъ свѣтомъ; но, кажется, что домовой не стѣсняется первымъ крикомъ пѣтуха, какъ большая часть прочихъ духовъ и видѣній. Для недогадливыхъ и невѣждъ, домовой служитъ объясненіемъ разныхъ непонятныхъ явленій, окон-

чивая докучливые спросы и толки. А сколько разъ плуты пользовались и будутъ пользоваться покровительствомъ домоваго! Кучера, подъименемъ его, катаются всю ночь на пролетъ и загониваютъ лошадей, или воруютъ и продаютъ овесъ, увѣряя, что домовой замылилъ лошадь или не даетъ ей ѣсть; а чтобы выжить постылаго постояльца или сосѣда, плутоватый хозяинъ не разъ уже ночи три или четыре на пролетъ возился на чердакѣ, въ сѣняхъ и конюшнѣ и достигалъ иногда цѣли своей. Нерѣдко впрочемъ и случайныя обстоятельства поддерживаютъ суевѣріе о домовомъ. Во время послѣдней польской войны, нашъ эскадронъ стоялъ въ извѣстномъ замкѣ, въ Пулавѣ, и домовой сталъ выживать незваныхъ постояльцевъ: впродолженіе всей ночи въ замкѣ, особенно въ комнатѣ, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стукъ, что нельзя было уснуть; а между тѣмъ самыя тщательныя розысканія ничего не могли открыть, нельзя было даже опредѣлить съ точностію, гдѣ, въ какомъ углу или мѣстѣ домовой возится, — хотя стукъ былъ слышенъ каждому. Плутоватый кастелянъ пожималъ плечами и увѣрялъ, что это всегда бываетъ въ отсутствіе хозяина, котораго домовой любитъ и уважаетъ, и при немъ ведетъ себя благочинно. Случайно открылось, однакоже, что домовой иногда и безъ хозяина успокоивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшнѣ. Сдѣлали нѣсколько опытовъ и дѣло объяснилось: конюшня была черезъ дворъ; не менѣе того, однакоже, въ одной изъ комнатъ замка пришлась какъ-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топотъ лошадей раздавался въ ней такъ звучно, что казалось будто стукъ этотъ выходитъ изъ подполья или изъ стѣнъ. Открытіе это кастеляну было очень не по вкусу.

Въ народѣ есть повѣрье о томъ, какъ и гдѣ домоваго можно увидѣть глазами, если непремѣнно захотѣть: должно выскать (скатать) такую свѣчу, которой бы стало, чтобы съ нею простоять въ страстную пятницу у страстей, а въ субботу и въ воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обѣдни, въ свѣтлое воскресенье, зажечь свѣчу эту и итти съ нею домой, прямо въ хлѣвъ или коровникъ: тамъ увидишь дѣдушку, который сидитъ, притаившись въ углу, и не смѣетъ тронуться съ мѣста. Тутъ можно съ нимъ и поговорить (*).

В. Луганскій.

МУЗЫКА.

Теперь уже и птицы поютъ, слѣдственно люди мало занимаются музыкой. До Павловска никакой музыки ни гдѣ быть не имѣетъ, а до Павловска, кажется, еще осталось три дня. У насъ 15 мая день торжественнаго открытія весны. Странно, простите, а право странно, что около Петербурга болѣе двадцати мѣстъ, гдѣ публика собирается на прогулку, а постоянная музыка только въ одномъ Павловскѣ, и то для поощренія охотниковъ ѣздить по желѣзной дороги. Въ другихъ мѣстахъ музыка бываетъ только въ урочные дни и то съ спеціальною поощрительною цѣлію. Въ нѣкоторыхъ только по воскресеньямъ, въ остальныхъ черезъ годъ, черезъ два, разумѣется въ праздничные дни, или никогда. Въ Германіи, чуть гдѣ два дерева и лавочка съ пивомъ, вмѣсто Швейцара — музыкантъ, два и т. д. Это наводитъ большое сомнѣніе на счетъ нашей музыкальности, которою Петербургъ, въ послѣднее время по праву можетъ похвалиться. Композиторы наши тоже мало заботятся о нашей музыкальности. М. И. Глинка уѣхалъ въ Мадридъ. Когда-то мы его увидимъ и услышимъ. А. С. Даргомыжскій вернулся изъ путешествія и отдыхаетъ. В. М. Кажинскій кончилъ очарованный кругъ полекъ, и кончилъ блистательно; послѣднія Украинская, Рубини и Станислава-Польки едва ли не лучшія. Въ особенности намъ понравилась названная имъ Украинскою, какъ по мелодіи, такъ и по тщательной, хотя и незатѣйливой отдѣлкѣ. Польки Кажинскаго напечатаны разными издателями; почему каждый изъ нихъ объявляетъ только о тѣхъ, которыя самъ издалъ; между тѣмъ какъ у каждаго вы найдете всѣ. И потому, чтобы не оставить нашихъ читателей въ неизвѣстности о подвигахъ г. Кажинскаго, на поприщѣ Польки, считаемъ обязанностію снова перечесть ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) Petersburger Polka — 2) Amata — 3) Leonoren — 4) Marien — 5) Chopin — 6) Sophien — 7) Elisabeth — 8) Zephyren — 9) Loisa — 10) Украинская — 11) Rubini — 12) Stanislas Polka. — Замѣчательно, что всѣмъ полькамъ приданы нѣмецкія названія, за что Чехи пожурили композитора; впрочемъ въ журналѣ *Кељты*, отъ 11 Лѣдна, т. е. Января, говорятъ съ большою похвалою, что *знаменитый Гудебникъ* (виртуозъ), *а складатель* (сочинитель) Кажинскій написалъ нѣсколько отличныхъ полекъ *въ духу словинскемъ а ческемъ слоіу*. При семъ случаѣ Чехи отзываются, что и Grand List *непостигнулъ уплне* (совершенно) *разъ* (характера) мазурокъ Шопена, подобныхъ элегіямъ Овидія. Мейербееръ услышавъ въ Берлинѣ, у Графини Росси какъ ихъ играетъ Кажинскій, сказалъ: Mais c'est un véritable poème. Польки Кажинскаго, какъ и мазурки Шопена писаны болѣе *про гру*, для игры, и когда онъ самъ ихъ *грае*, онѣ кажутся отрывками Чешской народной поэзіи. *Кромѣ полекъ, Кажинскій* написалъ также: «Поздравени» привѣтъ Германіи, галопъ и мазурка и «Велике Дуэтто» (Duo Concertant pour le Pf et Violon), которое Кажинскій исполнилъ въ Дражданахъ (Дрезденѣ) съ знаменитымъ Липинскимъ и заслужилъ одобреніе всѣхъ знатоковъ.

Галопъ и мазурку, о коихъ упоминаютъ Чехи, вы можете также получить и въ здѣшнихъ музыкальныхъ магазинахъ равно, какъ и еще два его же вальса Валеріи и Mélodieuse, которые вамъ непремѣнно понравятся.

Мы очень рады, что польки дошли до Чеховъ; ихъ судъ въ этомъ случаѣ важнѣе всѣхъ нашихъ рецензій; если они въ полькахъ нашли и словянскій духъ и чешскій слогъ, такъ ужъ кажется никто спорить не станетъ въ ихъ національномъ достоинствѣ; о ученомъ — наше мнѣніе извѣстно.

Въ этой же статейкѣ Чехи и намъ сдѣлали несправедливый упрекъ; *Русове*, говорятъ они: *посудъ* (по сію пору) насъ, Чеховъ, называютъ Богемцами, научась насъ знать *трубу нѣмецку*, черезъ нѣмцевъ. — Кто вамъ это сказалъ, добрые Чехи? Писали, правда, можетъ быть и теперь пишутъ, но *Руссіе* писатели всегда говорятъ и пишутъ Чехи, въ Чехахъ, а Богемія и Богемцы остались только въ старыхъ географіяхъ.

Но здѣсь не мѣсто филологическимъ спорамъ; эти странички посвящены музыкѣ. Мы пересказали вамъ почти всѣ новости. Не знаю должно ли почитать новостью новаго изданія тріо изъ Жизни за Царя, хотя оно дѣйствительно обновилась въ превосходномъ пѣніи италіянскихъ гостей. Теперь даже и Русскіе покупаютъ и поютъ это тріо. Вышли еще Маріенъ-Галопъ г. *Раля*... Fon-Meserhen, — это вальсъ г. Гунгля... Наконецъ польскій г. Абрамовича, на мотивы оперы Лючія ди Ламермуръ. Это польскій *не на мотивы, а мотивы цѣликомъ* переписанные для фортопіанъ и украшенные заглавіемъ: *Польской*, такъ что вы этотъ самый Польскій можете играть и съ клависинной партитуры, безъ затрудненія. Этотъ родъ сочиненій заслуживаетъ признательность издателей, но не исполнителей. Ожидаемъ новаго, а читаемъ старину.

Ecrive qui voudra. Chacun à ce métier
Peut perdre impunément de l'encre et du papier!

СМѢСЬ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Вѣдомостяхъ С. Петербургской Полиціи напечатано объявленіе о большой трехгодичной выставкѣ художественныхъ произведеній, которая имѣетъ быть въ сентябрѣ сего 1845 года.

Выставка откроется для публики на другой день послѣ публичнаго собранія Академіи.

Такъ какъ размѣщеніе въ залахъ художественныхъ произведеній требуетъ довольно времени, то пріемъ произведеній будетъ продолжаться съ 15-го августа по 1-е сентября, и за тѣмъ одинъ разъ уставленныя произведенія перемѣщаемы не будутъ.

По сему художники должны представлять свои работы непремѣнно въ означенный двухъ-недѣльный срокъ. Тѣ, которые сего не исполнятъ, должны будутъ приписать собственной винѣ невыгоду освѣщенія, въ которомъ поставлены могутъ быть ихъ произведенія, поступившія въ Академію поздно.

Произведенія, предназначаемыя для выставки, должны быть доставляемы къ хранителю музея, Академику А. Ухтомскому, и по окончаніи выставки отъ него же принимаемы обратно тѣми, кому принадлежатъ.

Послѣ публичнаго собранія Академіи и открытія выставки, художественныя произведенія на оную отъ художниковъ принимаемы не будутъ.

—

На драматической обсерваторіи усматривается также немаловажное явленіе. В. А. Каратыгинъ уѣзжаетъ за границу, и русская драма — ложится спать на все лѣто; за то вѣроятно писатели наши для александринской сцены встрѣтятъ воз-

---

(*) *Отъ редакціи:* Вотъ, что мы нашли объ этомъ же предметѣ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:

Малороссіяне не только вѣрятъ въ существованіе домовыхъ, т: е: полузлыхъ и полудобрыхъ духовъ, живущихъ въ домахъ; но даже приписываютъ имъ большое вліяніе на домашнее хозяйство. Ежели хозяинъ, или хозяйка дома, дурно спитъ; ежели во снѣ грезятся имъ, какія либо страшилища; ежели, наконецъ, случатся съ ними приливъ крови или удушье, — тогда обыкновенно говорятъ, что «*домовой не взлюбилъ ихъ, и потому душитъ*». Въ Малороссіи часто можно слышать разсказы о томъ, какъ душилъ кого-либо домовой: всѣ они, болѣе или менѣе, схожи одинъ на другаго. Вотъ, что разсказывала объ этомъ одна почтенная старушка: «Се було торокъ, якъ разъ на самый Чистый Четвергъ. Я спала па лежанцѣ. Отъ такъ, якъ опоивночи прокинулась, слухаю, хтось ходитъ по хатѣ, та все такъ иначе стрыбъ, стрыбъ.... Я только що хотѣла крикнуть, якъ тутъ, не при васъ кажучи, вонъ якъ скочитъ на мене... Я такъ и оболѣла. Що хочу перекреститься — такъ я руки не пидыйму. Та до самыхъ пѣвнивъ нечистый мучивъ мене.»

Простолюдины не только боятся бранить домоваго; но даже что-либо говорить объ немъ, особливо противъ ночи, чтобъ не подвергнуться чрезъ то его неумолимому гнѣву. Ежели домовой не полюбитъ хозяина, или кого-либо изъ членовъ семейства, то онъ дѣлаетъ всѣ возможныя пакости, бѣгаетъ и стучитъ по крышѣ дома; тревожитъ младенцевъ въ колыбели, пугаетъ взрослыхъ, особливо ежели случится кому проходить темную комнату или коридоръ; перепутываетъ гривы лошадямъ и ѣздитъ на нихъ по ночамъ; отъ чего лошади всегда бываютъ худы и измучены. Утверждаютъ даже, какъ безпрекословную истину, что ежели рано утромъ взойти на конюшню, то лошадь, на которой ѣздилъ домовой будетъ вся въ поту. Чтобы избавить лошадей отъ ѣзды домоваго въ конюшняхъ, обыкновенно держатъ или бѣлаго козла (цапа), или же вѣшаютъ надъ станкомъ лошади убитую сороку или ястреба.

Иногда домовой до того надоѣдаетъ хозяину своими шалостями и проказами, что заставляетъ его переходить на другое мѣсто-жительства. Но за то ежели, какъ говорятъ, домовой полюбитъ хозяина, въ домѣ все идетъ какъ нельзя лучше; особливо лошади всегда бываютъ сыты и чисты.

Въ каждомъ домѣ непремѣнно есть свой домовой; кромѣ того пустые неосвященные дома, развалины, а особливо мельницы и старые винокуренные заводы, служатъ по мнѣнію Малороссіянъ, постояннымъ сборищемъ домовыхъ. Тутъ-то онѣ предаются всѣмъ своимъ увеселеніямъ: бѣгаютъ, стучатъ, кричатъ, бросаютъ камнями во внутренности зданія и за окошка.

Думаютъ, что домовой чаще всего принимаетъ видъ человѣка, — особливо трубочиста; другіе представляютъ его въ видѣ какого-то мохнатаго существа, на которомъ шерсть бываетъ влажная, какъ бы послѣ воды.

враценіе В. А. новыи піэсами. Оно бы такъ и слѣдовало. Можетъ быть высокій талантъ нашего артиста возбудитъ большее участіе въ публикѣ, когда на него поглядятъ иностранцы, хоть не на сценѣ, а такъ на улицѣ, на гуляньи. Вѣдь намъ все равно, лишь бы совершилъ путешествіе въ Западную Европу. Побывайте въ Тильзитѣ, въ Мемелѣ — въ васъ уже гораздо болѣе вѣса; вы видѣли Европу, свѣтъ... Не споримъ, велика польза въ путешествіяхъ, особенно для артиста, но иногда у насъ и эту пользу преувеличиваютъ безъ всякаго повода, точно такъ, какъ умаляютъ безпричинно и достоинства. — Мы увѣрены, однако же, что это путешествіе принесетъ много существенной пользы для отечественной сцены. Она нуждается въ какомъ либо сильномъ переворотѣ; своей дремотой она наводила уныніе; пусть теперь выспится; можетъ быть проснется къ лучшему.

—

Нѣтъ худа безъ добра. Все на свѣтѣ къ лучшему. Въ справедливости этого я удостовѣрился еще на дняхъ.

Погода была чудесная. Голубое небо, свѣтлые и теплые лучи весенняго солнца такъ и манили меня на чистый воздухъ. А нельзя было идти гулять. Кучи иностранныхъ журналовъ и газетъ лежали предо мною и бросали длинную тѣнь на моемъ письменномъ столѣ. Надо было прочесть эти журналы, почерпнуть изъ нихъ любопытнѣйшія извѣстія для нашихъ читателей. Скрѣпя сердце и опустивъ штору, я принялся читать. Прочиталъ одну газету — ничего интереснаго; другую — ничего; въ третьей, наконецъ, нашелъ маленькую замѣтку.

Только что я хотѣлъ приняться писать, какъ взоръ мой невольно остановился на узенькой, блестящей какъ золото, полосѣ свѣта, пробивавшагося изъ подъ шторы. По этой полосѣ преважно прогуливались двѣ мухи, расправляя крылышки, обнюхивая незамѣтныя крошки. Я засмотрѣлся или лучше сказать, зазѣвался на мухъ. Я любовался черно-синей, лоснящейся ихъ спинкой, тонкой тканью крылышекъ, быстрыми движеніями тоненькихъ ногъ,.. а тѣнь отъ газетъ ложилась все длиннѣе и длиннѣе на моемъ столѣ...

Я съ досадой прогналъ мухъ и принялся писать, т. е. переводить извѣстія. Не нахожу словъ. Перья не пишутъ. Чернила густы. Попадается мнѣ собственное имя и я въ разсѣянности ищу русское значеніе его въ лексиконѣ... А на небѣ ни одного облачка, солнышко грѣетъ, тротуары сухи, и злодѣйки мухи опять прогуливаются по свѣтлой полосѣ...

Что́ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, читатель? Вы бросили бъ журналы и газеты, надѣли бы пальто и пошли бы гулять. Я такъ и сдѣлалъ, и повторяю:

Нѣтъ худа безъ добра. На свѣтѣ все къ лучшему.

Выхожу на Невскій. Чудо, какъ хорошо! Какъ-то дышу свободнѣе... По Фонтанкѣ плывутъ еще кое-гдѣ льдинки, отправляющіяся въ заливъ, точно отсталые Французы, бѣгущіе изъ Москвы, съ тою только разницею, что первыхъ гонитъ солнышко, между тѣмъ какъ вторые бѣжали отъ мороза.

Гуляющихъ на Невскомъ было столько, что прямо идти было невозможно, надо было лавировать между густою *смѣсью одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!..* Есть люди, которые могутъ гулять *такъ*, ничего не думая; есть также люди, которые, гуляя, думаютъ — только о себѣ. И тѣ, и другіе достойны наблюденія. Изучивъ ихъ прилежнѣе, мы когда нибудь поговоримъ о нихъ съ читателями. Наконецъ, есть еще люди, которые ничего не дѣлаютъ, даже не гуляютъ безъ цѣли. Первые поэты, люди живущіе изо-дня въ день или погруженные въ созерцаніе своего *Я*. Послѣдніе — прозаики, люди положительные. Первые гуляютъ потому, что сшили себѣ платье по послѣдней модѣ; послѣдніе стараются не слишкомъ отставать отъ моды, потому что иначе и гулять нельзя — пальцами будутъ указывать. А чудная вещь мода! Бранятъ моду, порицаютъ ее, а между тѣмъ она себѣ на умѣ. Вздумалось ей потрунить, взяла ножницы — разъ, два, скроила какой нибудъ уродливый балахонъ и пустила въ свѣтъ. Умные люди сначала покачиваютъ головами, пожимаютъ плечами, потомъ перестаютъ обращать вниманіе. Проходитъ день, другой, они привыкаютъ къ новому, уродливому покрою, и уже находятъ страннымъ покрой собственнаго платья, а тамъ — смотришь, и сами одѣты по модѣ... Но увы! прихотница не терпитъ умниковъ. Лишь только замѣтитъ она, что и они пристали къ ней, какъ опять за ножницы, — и опять новый покрой!.. Мода за что-то разсердилась на цырюльниковъ, и всѣ фешьонебли стали отращивать — усы? Мало; бакенбарты? Мало; эспаньолки? Мало; козлиныя бородки? Мало, мало, Настоящія *рассейскія* бороды, которыя куда-какъ нейдутъ къ фраку!..

— Здравствуйте! Куда вы идете? произнесъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

— Гуляю, отвѣчалъ я, узнавъ одного изъ знакомыхъ мнѣ молодыхъ людей.

— Что же вы подѣлываете?

Я пожалъ плечами, не зная какъ отвѣчать на этотъ нескромный вопросъ; не объяснять же каждому своихъ занятій.

— Ну, что Иллюстрація? спросилъ опять молодой человѣкъ.

— Слава богу, здорова.

— А горько ей досталось; я ужъ думалъ, что она сляжетъ въ постель отъ этого лекарства.

— Э, помилуйте! Развѣ вы не знаете, что шарлатаны только пыль въ глаза пускаютъ, и что лекарства ихъ — мутная, грязненькая водица.

— Ужъ не хотите ли вы этимъ сказать, что *мы* ловимъ рыбу въ этой мутной водицѣ?

— Нѣтъ; я этого не хотѣлъ сказать; это ваша собственная идея.

Молодой человѣкъ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что у него открылась, случайно, *собственная идея*, гордо поднялъ голову и продолжалъ:

— А пропо, скажите пожалуста, зачѣмъ вы въ Иллюстраціи такъ мало говорите о томъ, что дѣлается за границей? *Всѣ* этимъ недовольны.

— Да что же тамъ особенно интереснаго?

— Какъ что?.. Помилуйте, да вы не читаете, вѣрно, иностранныхъ журналовъ?

Я вспомнилъ о кипѣ журналовъ, которые лежали у меня на столѣ, и вздохнулъ.

— Вотъ хоть бы, напримѣръ, весьма любопытная исторія съ Гарсіей (не Віардо), съ мадамъ Кастелланъ, Маріо и лордомъ ***, въ Лондонѣ. Вообразите себѣ, что Кастелланъ произвела furore въ Лондонѣ, гдѣ уже до нея была Гарсія. Послѣдняя стала завидовать первой; къ зависти примѣшалась и ревность, потому что она замѣтила, что Кастелланъ была неравнодушна къ Маріо, а вы знаете, что Гарсія безъ ума отъ пѣвца-красавца. Замѣтьте, что Кастелланъ, тотчасъ по прибытіи въ Лондонъ, нашла уже себѣ покровителя, въ Лордѣ ***. Во время одного представленія, гдѣ Маріо пѣлъ съ Кастелланъ нѣжный дуэтъ, по окончаніи дѣйствія, послѣдняя выходитъ за кулисы. Тамъ ее встрѣчаетъ, подобно разъяренной львицѣ, Гарсіа — и встрѣчаетъ чѣмъ же? Какъ бы вы думали? Парой пощечинъ. Лордъ ***, который случился тутъ, разгнѣвался на Гарсію и отплатилъ ей тою же монетою. Маріо, заступаясь за Гарсію, употребилъ тотъ же способъ, чтобы наказать лорда. И такъ изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ этой траги-комедіи, безъ пощечинъ остался только одинъ — обожатель Гарсіи (повторяемъ, не Віардо-Гарсіи). Но увы! его ожидала болѣе плачевная участь. На другой день онъ стрѣлялся съ лордомъ и — былъ убитъ.

— Можетъ ли это быть!

— Да; впрочемъ, новѣйшія газеты говорятъ, что это неправда; очень хладнокровно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Я невольно захохоталъ.

— Помилуйте, зачѣмъ же вы это мнѣ разсказывали?

— Какъ примѣръ ловкости французскихъ журналистовъ: нѣтъ никакихъ извѣстій, такъ они выдумываютъ, а потомъ говорятъ, что слухи, дошедшіе до нихъ, несправедливы.

— Справедливо, отвѣчалъ я улыбнувшись.

— А вотъ еще новость...

— Ужъ не опять ли о какомъ нибудь англійскомъ лордѣ?

— Именно; впрочемъ эта новость для васъ кстати. Вѣдь вы уже писали о Дженни Линдъ. Знаете ли вы, что третій сынъ лорда Вестморленда, англійскаго посланника въ Берлинѣ, страстно влюбился въ очаровательную пѣвицу? Но такъ какъ она была равнодушна къ любви молодаго дворянина, то самъ старикъ, посланникъ, явился къ ней съ предложеніемъ сдѣлаться женою его сына. Но пѣвица объявила, что сердце ея уже не свободно. Счастливый смертный, которому оно принадлежитъ, никто иной, какъ молодой шведскій профессоръ. Молодой Англичанинъ былъ очень огорченъ отказомъ.

Я молчалъ.

— Что же вы молчите? продолжалъ молодой человѣкъ, неужели и эта новость не интересна?

— Очень; но я жду, что вы скажете, что и это выдумка.

— Нѣтъ; объ этомъ говорятъ всѣ журналы. А вы не знаете, что знаменитаго карлика, Тома Пуса, чуть не загрызла большая собака, и что у него украли часы, подаренные ему англійской королевой?

— Неужели?

— Да, съ важностью отвѣчалъ любитель иностранныхъ извѣстій. Томъ Пусъ игралъ главную роль въ одной пьесѣ, которую нарочно для него написалъ Мери. Говорятъ, что онъ хочетъ пріѣхать на будущую зиму къ намъ. Очень бы хорошо сдѣлалъ. Впрочемъ, онъ встрѣтилъ соперниковъ, цѣлую семью карликовъ, которые уже ѣдутъ въ Парижъ. Отецъ ихъ нѣкто Джонъ Финлей, Англичанинъ. Старшему сыну уже за двадцать лѣтъ, а онъ ростомъ только два фута четыре дюйма. За нимъ идетъ сестра, которая еще меньше, и наконецъ, третье дитя, на которое, какъ говорятъ, надо смотрѣть въ увеличительное стекло. Но это еще не все: вторымъ соперникомъ Томъ Пуса — великанъ Колоссъ...

— Нѣтъ ли чего нибудь поинтереснѣе?

— Мало; замѣчательнѣйшіе французскіе писатели на лѣто разъѣзжаются въ разныя стороны. Мейербэра ждутъ въ Парижъ, для постановки на сцену оперы его *Африканка;* нѣмецкія знаменитости лѣтомъ сажаютъ картофель... Ахъ да! Паста, знаменитая Паста, возъимѣла чудную мысль. Она хочетъ построить въ Италіи новую Валгаллу, новый Пантеонъ, для помѣщенія бюстовъ прославившихся пѣвцъ.

— Мысль хорошая, но будетъ ли она приведена въ исполненіе?

— Объ этомъ журналы ничего не говорятъ. Что бы вамъ еще разсказать?... Да, нѣтъ ничего больше.

— Тѣмъ лучше, потому что мнѣ пора домой. До свиданія.

— Прощайте; пожалуйста, помѣщайте иностранныя извѣстія.

— Постараюсь.

Мы разстались; но молодой человѣкъ тотчасъ же опять догналъ меня.

— Постойте! сказалъ онъ, — въ заключеніе разскажу вамъ одинъ забавный случай: въ Дублинѣ недавно давали: *Антигону*. По окончаніи спектакля публика шумно стала вызывать автора. Такъ какъ авторъ не являлся, то нетерпѣніе зрителей возрастало и чуть не дошло до неистовства. Режиссеръ долженъ былъ выдти и объявить, что почтенный авторъ Антигоны, Софоклъ, скончался за 2000 лѣтъ тому назадъ. Прощайте.

Я пришелъ домой и отъ души смѣялся надъ искуствомъ молодаго знакомца моего въ выборѣ интересныхъ извѣстій. Но увы! Я смѣялся не долго; перебралъ, пересмотрѣлъ, перечиталъ всѣ журналы и нашелъ, — что все то, что мнѣ разсказалъ любитель иностранныхъ извѣстій, было въ самомъ дѣлѣ самое интересное...

И такъ не прогнѣвайтесь, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

—

АНЕКДОТЫ

I.

Гдѣ нашли, откуда взяли вы тотъ или другой анекдотъ? Объ этомъ отвѣтъ тому, кто имѣетъ дѣйствительное право просить, а не всякому встрѣчному, поперечному, который, какъ попугай, имѣетъ только право болтать всякій вздоръ безъ пошлины. Станетъ врать человѣкъ, присутствующимъ непріятно, отворачиваются, уходятъ; станетъ врать попугай, или кривляться обезьяна, смѣются. И право, смѣшно! Мы каждый день развлекаемъ себя подобной безсмыслицей, даже прячемъ въ запасъ на случай, если иной день нашъ попугай или обезьяна захвораютъ... лучше всего мы любимъ когда нашъ попугай болтаетъ о честности. Честенъ есьмь... лепечетъ и тутъ же крадетъ сахаръ. — Охъ, попушка, ужъ не съ тобой ли случился этотъ анекдотъ въ кондитерской...

— Какой? Всѣ анекдоты ложь, выдумка!

— Ахъ ты попугай, попугай! Для тебя нѣтъ свидѣтелей, а можно бы ихъ представить цѣлый полкъ.

Человѣкъ отъявленый своею безсовѣстностію гулялъ съ дѣтьми по улицѣ, и зашелъ въ кондитерскую; хозяинъ перепугался; онъ боялся безсовѣстныхъ; чтобы умолить отца, сталъ по извѣстной политикѣ ухаживать за дѣтьми; отворилъ имъ ящики съ конфектами, приглашалъ откушать. Дѣти взяли по конфеткѣ и отступили.

— Что же вы? спросилъ кондитеръ: кушайте на здоровье! Чтожъ это ваши дѣти?... не берутъ...

Отецъ поглядѣлъ съ презрѣніемъ на собственныхъ дѣтей и сказалъ громко съ улыбкой:

— Еще глупы! Совѣстятся...

II.

А. былъ въ Парижѣ. А. любитъ потолковать о литературѣ французской — по Русски, хотя и былъ въ Парижѣ. А. сталъ толковать о литературѣ французской и началъ натурально съ Русской, честя ее по своему.

— Ужасъ, что у насъ печатаютъ, говорилъ онъ вѣдь книгъ много, да все такая дрянь, что изъ рукъ вонъ. Вотъ я былъ въ Парижѣ. Тамъ, напримѣръ, сколько домовъ на улицахъ, столько книгъ выходитъ въ день; тамъ пишутъ обо всемъ; о Россіи гораздо больше дѣльныхъ сочиненій, чѣмъ у насъ... Не успѣешь прочитать всего хорошаго...

— Кстати, спросилъ Б.: читалъ ты Crimes Célèbres...

— Какъ же братецъ не читалъ! Чудо! Вотъ, неправду ли я говорилъ? Видишь, у насъ ни брошюрки, а въ Парижѣ уже вышла славная книга, а кажется *Крымъ* у насъ подъ носомъ.

А. собирается ѣхать въ Лондонъ, чтобы также на мѣстѣ изучить и англійскій языкъ.

—

ПЕРЕПИСКА.

А. А. А. въ С. Что дѣлается хорошаго въ нашей литературѣ? Вольно же вамъ не читать русскихъ журналовъ; въ нихъ сосредоточивается вся наша литература; въ огромныхъ библіографіяхъ, помѣщаемыхъ въ нѣкоторыхъ огромныхъ журналахъ, вы найдете тму — какъ выражаются книгопродавцы — *званій*, но что въ нихъ? Рѣдкая книга, изданная отдѣльно, заслуживаетъ вниманія. Все и вся — въ журналахъ, хотя правду сказать и тамъ не много — литературнаго. Тамъ большею частію даютъ совѣты граматическіе, погрѣшая на каждомъ шагу противу граматики, логики, а чаще противу важнѣйшихъ достоинствъ образованнаго человѣка. Вы не читаете русскихъ журналовъ и любите русскую литературу. Странное противурѣчіе. Мы читаемъ только отдѣленія, такъ называемыя: изящная словесность. Въ этомъ году изъ этого отдѣленія понравились намъ въ особенности два небольшія стихотворенія — одно въ Москвитянинѣ, подписанное авторомъ, другое: Хавронья, — въ Отечественныхъ Запискахъ, хотя и не подписанное, но обличающее и опытное перо Сатирика и Хавронью. Вы не читаете журналовъ, такъ мы посылаемъ къ вамъ эти были въ Иллюстраціи. Подобныя классическія произведенія слѣдовало бы перепечатывать во всѣхъ журналахъ и газетахъ, въ науку всѣмъ и каждому. Вотъ онѣ:

ИЗЪ МОСКВИТЯНИНА:

Къ усопшимъ льнетъ, какъ червь, Фигляринъ неотвязный.
Въ живыхъ ни одного онъ друга не найдетъ.
За то, когда изъ лицъ почетныхъ кто умретъ,
Клеймитъ онъ прахъ его своею дружбой грязной.

Такъ что же? Тутъ расчетъ: онъ съ прибылью двойной:
Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымѣщаетъ,
И, чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой,
Онъ души мертвыя скупаетъ.

Кн. П. Вяземскій.

ХАВРОНЬЯ.

Свинья въ театръ когда то затесалась, —
И хрюкаетъ себѣ, кому хвалу,
Кому хулу.
Не за свое взялась, Хавронья; ты зазналась.
Театръ не по тебѣ; ты знай свой задній дворъ,
Гдѣ, не жалѣя рыла,
Ты съ наслажденьемъ перерыла
Навозъ и соръ.
Какой ты знаешь толкъ въ искуствѣ, въ пѣснопѣньяхъ,
Ушамъ твоимъ понять ихъ не дано;
Въ твоихъ замѣткахъ и сужденьяхъ
И брань и похвала — все хрюканье одно.
Въ роскошный тотъ цвѣтникъ, гдѣ въ изобильи милом,
По вкусамъ и глазамъ, разбросаны цвѣты,
Незваная, съ своимъ поганымъ рыломъ,
Не суйся ты.
И въ розѣ прелесть есть, и прелесть есть въ лилеѣ:
Та яркостью беретъ, а эта чистотой. —
Соперницы ль онѣ? Одна ль другой милѣе?
Нѣтъ нужды! Радуйтесь и тою и другой.
Но мой совѣтъ цвѣтамъ, гнать отъ себя Хавронью.
И хрюканьемъ ея себя не обольщать.
. . . .
. . . .

Послѣдніе два стиха слишкомъ сильны для Иллюстраціи, но вы можете угадать ихъ содержаніе. Оно является какъ заключеніе въ силлогисмѣ.

—

НОВАЯ КНИГА.

Опытъ Исторіи Русской Литературы, сочиненіе Э. Профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Университета Доктора Философіи А. Никитенко. *Книга первая. Введеніе. С. Петербургъ 1845. Стр. 152. Цѣна 1 руб. серебромъ.*

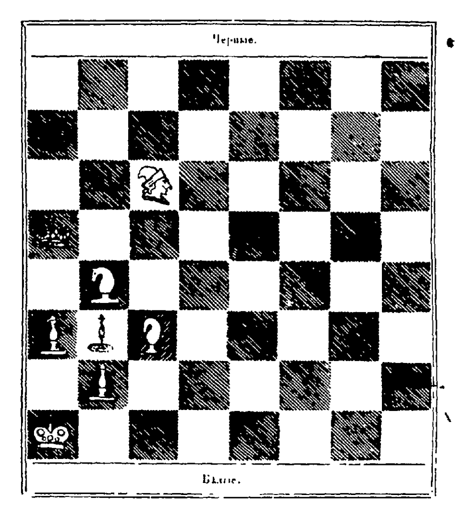
Есть и другія новыя книги, но мы нарочно отдѣлили эту, потому что всѣхъ вышедшихъ вмѣстѣ нельзя назвать книгами. Первая книга труда обширнаго, добросовѣстнаго отдѣланнаго съ любовію и большимъ искуствомъ освѣжила наше вниманіе, утомленное ничтожностью другихъ явленій и ежедневною пустотою ежедневной литературы. Мы прочли книгу такъ быстро, какъ будто бы въ этой скромной чистенькой оберткѣ была самая живая интересная повѣсть, а между тѣмъ это не больше какъ введеніе въ Исторію Литературы; четыре простенькіе вопроса: идея и значеніе Исторіи Русской Литературы, метода ея изученія, источники и раздѣленіе. Тутъ право кажется и матеріи нѣтъ для полутораста страницъ. Но въ томъ и достоинство этого труда; тутъ много воззрѣній новыхъ; хорошія старыя прекрасно развиты по новому; тутъ есть и знаніе и ученая скромность опытнаго педагога; изложеніе ясное, языкъ чистый, слогъ теплый, словомъ не только для занимающихся литературою ex officio, но для всякаго, даже для иностранцевъ это начало обѣщаетъ пользу и удовольствіе, а труду почетную извѣстность и Литературный авторитетъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ выпусковъ.

—

Виноваты! Простите! Дважды виноваты! Пѣшка бѣлая нарочно, на зло намъ, въ предшествовавшей задачѣ отпечаталось на черной клѣткѣ, но это не бѣда; каждый могъ догадаться, что она на бѣлой; но вотъ ужъ то не простительно, что задано дать матъ въ пять шаговъ, когда слѣдуетъ кончить игру въ три хода. Это заставляетъ насъ объявить о нашей винѣ, отложить разгадку до слѣдующаго нумера, и принести повинную. За то въ вознагражденіе предлагаемъ случай или матъ, данный извѣстнымъ Гольдеромъ. Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ три хода. По нашему остроумно, хотя для большихъ игроковъ этотъ матъ, можетъ быть и не представитъ особенной хитрости.

ЗАДАЧА № 4.

Бѣлые ходятъ, и въ пять ходовъ даютъ матъ.



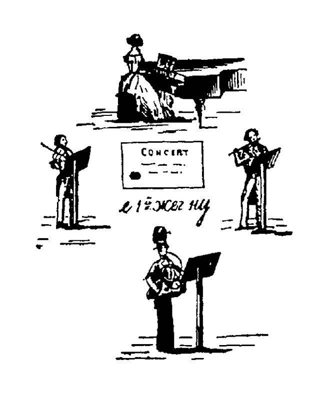
РАЗГАДКА.

Усъ-еръ-діе, безъ де-не годъ-но-и — лачуги-не-постъ-ро-итъ.

Усердіе безъ денегъ одно — и лачуги не построитъ.

ЗАГАДКА № 5.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА



Печатать позволяется. С. Петербургъ. Мая 4 дня 1846 года. Цензоры *А. Никитенко и А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 6.—Суббота, 12 Мая 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Nomina sunt odiosa.

Очевидное — кажется очевидно. Но на опытѣ выходитъ совсѣмъ другое. Люди любятъ и писать и говорить противу очевидности : одни изъ желанія поспорить, другіе изъ зависти; послѣдніе низошли на степень, которой ужъ конечно никто не позавидуетъ — и что же? И у завистниковъ есть своя публика, составленная изъ такихъ же завистниковъ... Пороку нечего удивляться ; объ немъ должно сожалѣть. Нѣтъ совершенства нигдѣ... Для картины пороковъ нѣтъ рамъ; станемъ ли послѣ этого удивляться пошлымъ, избитымъ, обыкновеннымъ завистникамъ?

Но есть люди, которые далече отъ горнила, въ которомъ зависть стряпаетъ свои стрѣлы и могутъ быть невольно вовлечены въ заблужденіе, особенно, когда въ нападки, украшенныя именами собственной честности, любви къ правдѣ, чистосердечнаго желанія добра, вмѣшивается ложь съ компаніей. Могутъ повѣрить : чѣмъ добрѣе люди, тѣмъ легковѣрнѣе.

Эта практическая философія, нѣкоторымъ образомъ, прилагается и къ Иллюстраціи.

Nomina sunt odiosa! Личность — ненавистна, и мы никого не называемъ, но съ выходомъ шестаго нумера, составляющаго осьмую долю годоваго изданія, позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ, именно для тѣхъ, которые не будучи завистниками, могутъ невольно попасть въ эту недостойную категорію.

Въ чемъ можно обвинить Иллюстрацію?

Въ томъ ли, что она въ шести нумерахъ помѣстила шестьдесятъ русскихъ гравюръ?

Подумайте, что за эти шестьдесятъ русскихъ гравюръ вы заплатили рубль серебромъ ; остальныя гравюры и весь текстъ вы получили даромъ...

На пользу русскихъ художествъ вы принесли рубль серебромъ и недовольны, что за эту цѣну цѣлая отрасль искуства у насъ оживилась ; невѣрите, спросите у самихъ художниковъ. Не имѣютъ работы только тѣ, которые на первыхъ порахъ хотѣли воспользоваться необходимыми потребностями Иллюстраціи и непомѣрно возвышали цѣну на свой трудъ. Но, потрудитесь пересмотрѣть всѣ шесть нумеровъ. Баронъ К. К. Клотъ, для всякаго нумера, сдѣлалъ одну или двѣ гравюры. Г. Дерикеръ участвовалъ также почти во всѣхъ нумерахъ. Гг. Линкъ, Греймъ, Бернадскій, Баронъ Нетельгорстъ, — не знаете ли вы еще русскихъ граверовъ? Мы знаемъ еще двухъ любителей Гг. М* и К* и тѣхъ работы въ Иллюстраціи... Со времени изданія первыхъ нумеровъ, у всѣхъ поименованныхъ граверовъ, появились ученики потому — что для художниковъ, по этой части, представилась возможность существованія.

Вы не обратили вниманія на эту пользу отъ изданія Иллюстраціи.

Теперь обратимся къ исполненію. Въ числѣ этихъ шестидесяти гравюръ неужели вы незамѣтили какими достоинствами рѣзца отличаются Маріинскій Дворецъ, садъ и плафонъ тамъ же, Екатерингофскій дворецъ, портреты Графа Мордвинова, Дженни-Линдъ, Германа, виды Петербурга, Нарвы и пр. и пр. Этими гравюрами можно бы украсить самое прихотливое иностранное изданіе. Вы ихъ и увидите за границей; но согласитесь, не больно ли Редакціи слушать несправедливые толки. Иллюстрація рада бы лучше вѣрить, что порицатели ея руководствуются только завистію; тогда, покрайней мѣрѣ, не было бы повода подозрѣвать въ недостаткѣ художественныхъ свѣденій.

Во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ хвастовства. Очевидное — очевидно. И что можетъ быть очевиднѣе достоинства поименованныхъ гравюръ?

Въ чемъ еще можно обвинить Иллюстрацію?

Въ недостаткѣ литературныхъ статей? Не такъ ли? Кто въ Петербургѣ пишетъ прозой и стихами? чья проза и чьи стихи читаются съ удовольствіемъ?

В. А. Бенедиктовъ, В. А. Владиславлевъ, Князь П. А. Вяземскій, Е. П. Гребенка, А. И. Данилевскій-Михайловскій, Е. П. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Корфъ, В. И. Луганскій, Н. И. Надеждинъ, Князь В. И. Одоевскій, Ив. Ив. Панаевъ, Н. А. Полевой, А. П. Башуцкій, Графъ В. А. Соллогубъ, П. Р. Фурманнъ и весьма не многіе другіе.

Вотъ наша петербургская литература, съ весьма незначительными исключеніями. Теперь удостойте обратить ваши страшные взоры на шесть нумеровъ, составляющихъ всего двѣнадцать печатныхъ листовъ. Въ нихъ помѣщено однѣхъ повѣстей семь ; — въ нихъ вы встрѣтите имена Е. П. Ковалевскаго, В. И. Луганскаго, Н. А. Полеваго, А. П. Башуцкаго, Графа В. А. Соллогуба, П. Р. Фурманна. Само собою разумѣется, что о статьяхъ Кукольника здѣсь упоминать не мѣсто ; а о статьяхъ М. Ѳ. К. не говоримъ. Неизвѣстный, за то что скрывается, неимѣетъ права на вниманіе публики. Многіе разсказъ его Эолову Арфу, приняли за иностранную также какъ и рисунки. Считаемъ обязанностію объявить что и тѣ и другіе — оригинальны. Изъ другихъ исчисленныхъ писателей В. А. Владиславлевъ, Е. П. Гребенка, А. И. Данилевскій-Михайловскій, Н. И. Надеждинъ, и другіе, доставили уже статьи свои въ Редакцію.

Такой недостатокъ литературныхъ статей едвали можетъ обратиться въ обвиненіе.

Въ чемъ еще обвиняютъ Иллюстрацію?

За чѣмъ нѣтъ нотъ!

За тѣмъ, что наборныхъ нотъ еще нѣтъ въ типографіи, а текстъ уже имѣется, а именно сочиненія Глинки, Даргомыжскаго, Кажинскаго, Липинскаго и еще одного композитора — дамы, который, или кот рая, талантомъ своимъ извѣстенъ, или извѣстна, въ высшемъ кругу нашего общества, а сочиненіями своими станетъ въ первомъ ряду композиторовъ. Иллюстраціи пріятно, что ей дано милостивое соизволеніе доказать это музыкальному свѣту...

Въ чемъ еще обвиняется Иллюстрація?

Въ недостаткѣ современныхъ извѣстій! На это и отвѣчать не слѣдуетъ. Доказательство — во многихъ отдѣленіяхъ Иллюстраціи : въ Еженедѣльникѣ, въ Смѣси, въ Свѣтскихъ новостяхъ; можетъ быть Иллюстрація въ особенности виновата тѣмъ, что наши вельможи удостоиваютъ ее лестнаго довѣрія помѣщать домашнія свои забавы, которыя занимаютъ столицу ; тѣмъ, что наши сановники снисходятъ къ ней, и на листахъ Иллюстраціи позволяютъ печатать очерки полезныхъ трудовъ своихъ. Домашній спектакль въ домѣ Графа И. И. Воронцова-Дашкова былъ уже описанъ и нарисованъ въ Иллюстраціи ; въ непродолжительномъ времени она же представитъ сравнительную картину успѣховъ межеванія. За все за это, кажется, нечего сердиться. При этомъ случаѣ мы вспомнили острое словцо извѣстнаго нашего сатирика про одного господина, который добивался попасть въ кругъ порядочныхъ людей. Отъ чего онъ такъ злится, бѣснуется, спросилъ кто-то... Сатирикъ отвѣчалъ : онъ сердится на повора, что готовитъ кушанье на столъ, за которымъ ему нѣтъ прибора...

Нѣтъ ли еще обвиненій?

Есть...

Но всѣхъ не перечесть. Прямо и косвенно, изустно и печатно, продолжаются эти нападенія. При этомъ случаѣ самые усердные порицатели пишутъ сами къ себѣ письма изъ Вѣны, изъ Парижа ; въ азартѣ бросаются на иностранныя иллюстраціи; обвиняютъ ихъ въ помѣщеніи рисунковъ съ фабрикъ, магазиновъ и проч. Такъ какъ эти господа вовсе незнакомы съ западомъ, то и въ этихъ письмахъ обнаруживаютъ тоже незнаніе, какъ и во всемъ, чего ни коснутся. Не только нѣмецкія, но англійскія и французскія иллюстраціи помѣщаютъ гравюры и статьи о разныхъ фабрикахъ и магазинахъ; не только помѣщаютъ, но и получаютъ деньги на художественные расходы, превосходящія обыкновенные расходы редакціи. — И безъ сомнѣнія ни одинъ благомислящій и знающій

дѣло читатель не обвиняетъ иностранныхъ иллюстрацій. Вотъ, если бы иллюстраціи брали за помѣщеніе статей взятки, — вотъ это достойно было бы и порицанія и преслѣдованія; но этого не дѣлаетъ ни одна иллюстрація, разумѣется и Русская, которая будетъ помѣщать и частные дома, и фабрики и магазины, но не будетъ принимать на свой счетъ художественныхъ расходовъ. Въ Иллюстраціи на 1845 годъ будутъ помѣщены гравюры съ покоевъ Графа И. И. Воронцова-Дашкова, Графа Д. Н. Шереметева, Князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго; обо всѣмъ объ этомъ она уже объявила. Будутъ помѣщены и фабрики и магазины, какъ напр. фабрики В. Г. Жукова, и невская бумажная; гальванопластическое заведеніе К. И. Іохима, мебельный магазинъ Г. Гамбса. Условіе иллюстраціи явно, объявлено во 2 нумерѣ; причины объяснены.

Нѣтъ ли еще чего?

Какъ не быть! А опечатки?

Гдѣ ихъ нѣтъ! это репейникъ, необходимый на литературной нажити... Но это не пища для людей образованныхъ и благонамѣренныхъ. Пусть этимъ забавляются тѣ, которые любятъ опечатки. Suum cuique. Мы не оправдываемся, но объясняемъ; и, боясь наскучить благомыслящимъ, съ патріотическимъ усердіемъ содѣйствующимъ каждому доброму начинанію, спѣшимъ обратить ихъ просвѣщенное вниманіе на предметы, болѣе достойные... Не хотители изъ этой мутной стихіи оперчатокъ природы, перебраться въ міръ поэзіи и подышать ея цѣлебнымъ воздухомъ.

Право, мы сами говоримъ объ этихъ недостаткахъ порицателей нашихъ только изъ состраданія къ ихъ слабости; изъ опасенія, что бы и благонамѣренные, но нетвердые въ своихъ мнѣніяхъ, не впали въ обманъ, хотя и очевидный...

Таріэль, Барсова кожа — грузинская поэма XI вѣка. Эта чудная закавказская Иліада переводится на русской языкъ вся; такіе переводы обогатили бы каждую литературу. Помѣщаемъ первую пѣснь; она можетъ дать понятіе о достоинствѣ и подлинника и перевода.

ТАРІЕЛЬ, БАРСОВА-КОЖА.

ПОЭМА.

1. Въ Аравіи былъ Ростеванъ, государь возлелѣянный Богомъ,
Великій, и щедрый, и кроткій, и мощный народомъ и войскомъ,
Прозорливый, умный судья, любившій и правду и милость,
Умѣвшій владѣть и меча и рѣчи властительной силой.

2. Имѣлъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока,
Которое въ сонмѣ планетъ поражало могуществомъ блеска;
Она отнимала у всѣхъ, и разумъ, и сердце, и душу;
Хвалить ее могъ лишъ мудрецъ языкомъ, многозвучно-высокимъ.

3. Царевна звалась Тинатиной (1). И вотъ, когда перси прекрасной
Вполнѣ развились, и она стала соперницей солнца,
Возсѣвъ величаво на тронъ, посреди визирей своихъ вѣрныхъ,
Повелъ съ ними ласковый царь благосклонныя царскія рѣчи.

4. Онъ началъ къ нимъ такъ: » Я желалъ узнать ваше общее мнѣнье.
«Когда въ ароматномъ саду засохнетъ увядшая роза,
«На мѣсто изчезнувшей тамъ появится роза иная.
«Свѣтило ужъ гаснетъ... и вотъ вы видите сумракъ безлунный. (2)

5. «Я старъ, я съ недугомъ борюсь, который лютѣе болѣзней;
«Не нынче, такъ завтра умру,-таковъ нашъ удѣлъ въ этомъ мірѣ.
«И что за свѣтило, когда его поглащаетъ ужъ сумракъ!
«Не лучшель возвесть намъ на тронъ младую соперницу солнца?»

6. Вельможи сказали царю: » Государь, что смущаетъ васъ старость?
«Когда бы царица садовъ и увяля—довольны мы ею:
«Ея ароматъ и краса плѣняли насъ долго и пышно.....
«И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающей полной луною?»

7. «Не думайте такъ государь,—онъ живъ еще, цвѣтъ вашей розы;
«И дряхлый совѣтъ вашъ намъ лучше чужаго. Желали
«Вы только излить полноту умиленнаго сердца—и лучше
«Избрать вамъ въ наслѣдницы дочь, владычицу яркаго свѣта.»

8. «Она хоть и дѣва (3), но даръ, народу ниспосланный Богомъ,
«И царствомъ съумѣетъ владѣть,—о томъ ужъ судили мы прежде.
«Ея красота и дѣла ея чисты, какъ свѣтлое небо;
«А полъ львиной крови, пусть тотъ иль другой, что за нужда!»

9. Рожденъ отъ вождя, Автандилъ былъ первымъ вождемъ Ростевана.
Онъ станомъ стройнѣй кипариса, а ликомъ, и свѣтелъ, и ясенъ;
Еще безбородъ—а душой подобенъ кристалу алмаза.
Густыя рѣсницы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

10. Таилъ онъ на сердцѣ любовь,—и въ долгой разлукѣ съ прекрасной,
Ланитъ его розы гасили свой пурпуръ, а встрѣтясь,—
Румянцемъ онъ вспыхивалъ вновь—и рана суровѣй болѣла...
Печальна нѣмая любовь, мертвитъ она юное сердце!

11. Когда аравійскій престолъ назначенъ былъ юной царевнѣ,
Сокровищемъ вѣсти такой въ немъ сердце исполнилось; думалъ
Онъ: часто теперъ я могу любоваться кристаломъ базальта; (4)
Быть можетъ, грядущее вновь оживитъ потухающій цвѣтъ мой!

12. Владыка Аравіи, такъ обнародовалъ царскую волю:
«Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой.
«Да свѣтитъ народамъ она, какъ ликъ лучезарнаго солнца!
«Теките—и зрите ее, достойные славить царицу!»

13. Текутъ, и стеклись племена, умножилось множество храбрыхъ;
Тогда Автандилъ солнцеликій, какъ вождь многочисленной рати,
И визирь Согратъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ сановниковъ трона,
Поставили пышный престолъ неисчислимой цѣнности злата.

14. Ведетъ Тинатину отецъ,—ликъ его блещетъ весельемъ;
Возвелъ на престолъ, возложилъ корону на голову дѣвы,
И юныя плеча одѣлъ въ багряныя ткани порфиры....
Свѣтла Тинатина, какъ солнце,—и взоръ ея мудрости полонъ.

15. Тогда отдаляются всѣ, и, воздавъ поклоненье, царицей
Ее нарѣкаютъ. Пришельцы, странъ чуждыхъ, хвалы ей приносятъ.
Кимвалы и трубы звучатъ торжественнымъ, сладостнымъ гласомъ.
Окраины врановыхъ крылъ (1) колеблются — плачетъ царица!....

16. Она почитала себя недостойною отчаго трона,—
И полонъ слезою росы садъ пышно-рдѣющей розы. (2)
Отецъ говоритъ Танатинѣ:—а сладки отцовскія рѣчи!
«Пока не сбылось это, жегъ непрерывный огонь мою душу!»

19. «Не плачь моя дочь, продолжалъ онъ, и что говорить буду,—слушай:
«Отнынѣ царицею ты къ могуществу призвана мною;
«Отнынѣ Аравію всю тебѣ, моя дочь, поручаю.
«Будь мудрой и кроткой въ дѣлахъ, и славу снищи себѣ въ мірѣ.»

18. «На прахъ и на розу равно сіяетъ роскошное солнце,—
«И ты изливай свою милость равно на могущихъ и слабыхъ.
«Щедротой привяжешъ ты всѣхъ; а какъ тотъ, кто привязанъ, ужъ связанъ,
«То щедро даруй; есть приливъ, есть и отливъ въ Океанѣ.

19. «Шедроты царей даютъ плодъ, какъ чинары цвѣтущаго рая;
«Онѣ налагаютъ узду даже на нравъ вѣроломный.
«Напитки и яства полезны, но тщетно хранить ихъ безъ нужды:
«Подашь ихъ—себѣ же въ добро; чего не подашь, то пропало!»

20. Такіе совѣты отца Тинатина внимала разумно,
Склонивъ къ нимъ весь слухъ,—и они не казались ей долги и скучны.
Царь дѣлаетъ пиръ и на немъ веселится радушно. Царица
Въ тотъ день краше солнца, а солнце въ тотъ день соревнуетъ царицѣ.

21. Призвавъ передъ тронъ свой слугу, надежнаго вѣрной заслугой,
Она повелѣла ему: » Изъ сокровищницъ прежнихъ царевны,
«Поди, принеси всѣ богатства.»—Посланникъ пошелъ, и принесъ ихъ.
Взяла-и разсыпала всѣ рукою безмѣрной и полной....

22. Въ тотъ день раздарила она хранимое съ ранняго дѣтства,
Такъ, что изчерпалась вся кошница сокровищъ обильныхъ.
Потомъ повелѣла, сказавъ: » Послушна я отческой волѣ,
«И нынѣ, изъ прежнихъ богатствъ, да не будетъ ничто мною скрыто.»

23. «Подите, раскройте, гдѣ есть, мои всѣ сокровища злата!,
«Конюшій! иди и вернись дикихъ коней съ табунами!»
Исполнено. Все раздала безмѣрно..... Щедрота сълюбилась!
Сокровища хитилъ народъ, какъ ненасытный грабитель...

24. Расхитили все, что дано, будто добычу отъ боя:
И тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней многоцѣнныхъ....
Такъ вихри и мычутъ и рвутъ даянье обильное снѣга....
Ни кто не забытъ на пиру, нѣтъ гостя съ пустыми руками!

25. Минулъ пиршества первый день,—пили и ѣли роскошно!
Воиновъ много съ царемъ толпами сидѣли на пирѣ.
Вдругъ голову царь опустилъ и чело его пасмурно стало....
Взглянулись гости, и каждый спросилъ тревожно: что случилось?

26. Сидѣлъ впереди Автандилъ, онъ цѣль и желаніе взоровъ,
Вождь арміи, быстрый, какъ тигръ, и сильный, какъ левъ многомощный,
А рядомъ съ нимъ, старецъ ужъ дряхлый, визирь Согратъ. Разсуждали
Они межъ собой: отчего государь такъ задумчивъ и мраченъ?

27. И, зная, что тутъ на пиру онъ не былъ ничѣмъ опечаленъ,
Рѣшили, что царь увлеченъ какой нибудь грустною думой.
Сограту сказалъ Автандилъ: » Пойдемъ къ государю, да спросимъ?
«Или попробуемъ шутку,—быть можетъ и то намъ удастся!»

(1) Тинатина, собственное имя у Грузинъ. Оно означаетъ отраженный блескъ солнца.

(2) Царь объясняетъ, что онъ угасаетъ безъ наслѣдника престола.

(3) На Востокѣ женщины не наслѣдуютъ престола. Потому воцареніе Тинатины случай необыкновенный. У Грузинъ жена царя называется «Дедопали», а царствующая женщина» Мепе; слѣдовательно для Тинатины, избираемой на престолъ, нѣтъ пристойнаго имени царицы.

(4) На Востокѣ женщины скрываютъ свои лица. Но царь не можетъ править народомъ, скрывая свое лице. Вотъ надежды Автандила.

(1) Брови.

(2) Лице.

28. Поднялся согбенный Сограт, встал Автандил солнцеликій;
Палили кубки вином, тихо пошли к государю,
И стали пред ним на колѣна. С улыбкой веселой,
Краснорѣчивый Сограт начал шутить с Ростеваном:

29. «Владыка Арабов! О чем бы так много печали глубокой?
«Не тщетноль растрачены здѣсь богатства казны твоей царской?
«Царица их мечеть в народ рукою роскошной.... ну что же:
«Вольно было трон отдавать, вольно уязвлять себѣ сердце!...»

30. Услыша все то, Ростеван посмотрѣл смѣючись на Сограта;
Казалися дивом ему такія отвага и дерзость....
«Хитро поступил ты; спасибо». — Слова ободрили придворных....
«Но кто говорил, что я скуп, тот вѣрно желал сказать шутку.

31. «Не то огорчает нас, визирь, — иная забота на сердцѣ:
«Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала дни молодые!...
«А нѣту в Аравіи всей такого надежнаго мужа,
«Ктоб мог замѣнить вам меня навычкою ратнаго дѣла.»

32. «Одна у меня только дочь, царица возросшая в нѣгѣ,
«А сына Бог не дал, — и то печалью мой вѣк коротает....
«Хоть тѣнь бы метателя стрѣл, иль в мячь игрока удалаго!
«Кой-как Автандил.... да и то от того, что воспитан он мною.»

33. Молча и гордо внимал юноша царскія рѣчи, —
И тихо склонясь, улыбнулся.... Прекрасен был смѣх Автандила:
Блеснула зубов бѣлизна — и разсыпался луч ея в полѣ!..
«Чему засмѣялся ты вдруг, и что ты скрываешь в улыбкѣ?» —

34. Потом повторил:» Но, мой глаз! что тебя так забавляет?»
— «Скажу, государь, если вы повелите; но только боюся
«Тѣм огорчить ваше сердце, навесть на досаду, прогнѣвать.
«Не сдѣлайте смѣлым меня, и если скажу, не взыщите.»

35. — «Но развѣ случалось, чтоб ты меня своею смѣлостію гнѣвал?
«Клянуся лучем Тинатины, соперницей солнца клянуся!» —
И стал говорить Автандил:» Не хвастаясь меткой стрѣльбою,
«Я скромно свое, государь, осмѣлюсь сказать вам условье:

36. «Великій стрѣлец с тетивы! Я прах перед вами.... однакож,
«Позвольте заклад предложить. Свидѣтелем будет нам войско.
«Слова: кто сравнится со мной! — один только звук, без побѣды,
«Пусть спор об искуствѣ рѣшат: мячь, да открытое поле!»

37. — «Смотри Автандил, не спущу я даром подобной отваги!»
— «Так будем стрѣлять, государь; — но слова назад не возмите!
«Надежных людей изберем в свидѣтели нашего спора, —
«И послѣ увидим, кому достанется слава побѣды?»

38. Царь принял условье вождя — и договор был окончан.
Шутили, смѣялись, и всѣх равно увлекало веселье.
Когда назначали заклад, то условились так меж собою:
Чтобы побѣжденный ходил три дня без чалмы в наказанье. (1).

39. Двѣнадцать наѣздников царь назначил себѣ для прислуги:
Они помогают ему подачею стрѣл на охотѣ.
Один Шермандин Автандилу; но он стоит дюжины цѣлой! —
И всѣм им вѣрнѣе считать подстрѣленных или убитых.

40. Охотникам царь повелѣл объѣхать обширное поле
И высмотрѣть больше звѣрей; за тѣм и послал их немедля.
Глядѣть на теченіе игр пригласили все войско толпами;
Окончили пир торжества; — и все ликовало весельем.

41. С зарею явился уж он, стройная лилія сада,
Одѣянный в пурпур, с лицем, подобным кристалу рубина;
Украшен оружьем, чело увито чалмой золотою,
На бѣлом конѣ, под окном стоял он — и звал государя...

42. Скоро явился и царь и, сѣв на коня, с ним поѣхал.
Поприще вкруг обошли; толпы любопытных стѣснились;
Разсыпались воины в полѣ; все звучно, торжественно было....
Чтоб выиграть смѣлый заклад, много стрѣляли и били!

43. Прислугѣ велѣл государь слѣдовать ближе, и быстро
Давать им тугіе луки и пернатыя стрѣлы, да вѣрный
Счет вести выстрѣлам всѣм и сравнивать раны в охотѣ.
Вот уж стекается дичь, гонимая шумной облавой:..

44. Пестро и огромно все стадо! Тут прыгают легкія серны,
Вѣтвисто-рогатый олень и канджар и пугливыя козы;
Соперники прянули к ним.... Смотрите, картина прекрасна!
Вот луки и стрѣлы в руках, вращаемых с ловкою силой.

45. Копытами взрытая пыль клубится и день омрачает;
Свистящія стрѣлы летят, бьют, — и кровавѣет поле;
Пустые колчаны царя и вождя наполняют стрѣлами,
Подстрѣленный звѣрь недвижим, — он падает тут же на мѣстѣ.

46. Помчались по лугу, согнали звѣрей в необъятную кучу, —
И били их грудами тут, так, что прогнѣвали Бога.
Багровѣло поле от крови; соперники облиты ею;
Младой Автандил, как чинар, багряно-цвѣтущій в Эдемѣ!

47. Но вот Ростеван с Автандилом уж минули поле до края;
За полем струится рѣка и скалы нависли над нею;
Пугливые звѣри бѣгут и кроются в лѣс недоступный;
Отстали от них Автандил и царь, утомленные битвой...

48. Они говорили друг другу с улыбкой: побѣда за мною!
И шутки мѣнялись у них, как у равных товарищей поля.
Подъѣхали слуги; они обратились к ним с общим вопросом, —
Сказав: говорите нам сущую правду, без лести.

49. И слуги осмѣлились им отвѣчать: «Не дерзнем ошибиться;
«Но царь, мы не можем сказать, что сравнились вы с Автандилом.
«Во гнѣвѣ властны вы казнить нас, но это не даст вам побѣды;
«Мы видѣли мѣткость вождя: от стрѣл его падали звѣри.

50. «Убитых в облавѣ звѣрей начли мы двѣ тысячи ровно;
«И противу вас, государь, Автандил двадцатью убил больше.
«Стрѣлы с его тетивы без промаху сыпались в стадо;
«А ваших, поднятых с земли, довольно пустили мы в дѣло!»

51. Царь, слушая эти слова, цѣнил их как выигрыш в нарди (1):
Отрадны для старца хвалы питомцу его молодому.
Любуется им государь, как соловей своей розой,
И шутит с улыбкой: нашел он радость печальному сердцу.

52. У дерева сѣли они оба под тѣнью прохладной,
Войско стекалось вокруг — и стало, как тучная жатва.
Двѣнадцать храбрѣйших из слуг, столпились от них не далеко,
И живо шутя меж собой, глядѣли на волны потока...

АРАВІЙСКІЙ ЦАРЬ ВИДИТ ЮНОШУ, НОСЯЩАГО БАРСОВУ КОЖУ.

53. Смотрят, а юноша дивный сидит над потоком и плачет;
Покоясь как лев, в поводу он держит коня воронаго.
Оружье, сѣдло и прибор разубраны жемчугом пышно...
Плачь сердца слезами тоски обынеўил свѣжую розу (3).

54. Могучіе члены красавца окинуты кожею барса,
И барсовой кожей покрыто чело молодаго героя,
С ним, крѣпкій окованный кнут, толще руки Голіафа...
Узрѣли — и взоров отвесть не могли, удивляясь видѣнью.

55. И послан слуга пригласить юношу, полнаго скорби,
Поникшаго блѣдным челом, с очами без жизни и взора.
Слезы хрустальным дождем каплют с гебеновых шерлов (3)..
Слуга подошел, и молчит: не до рѣчей ему стало!

56. Тут море тоски — он не может слышать посланника рѣчи,
Ни криков веселых от войск, разсыпанных вдоль по зарѣчью;
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее в пламя,
Плачь с кровью прохлынывал в очи, как волны сквозь щели преграды.

57. Проникнутый ужасом раб, не смѣет начать к нему рѣчи,
И долго глядит с изумленьем, хоть сердце в нем тверже алмаза;
Но вот, подошед со смиреньем, донес ему царскую волю;
А юноша, плача, не внемлет: он чужд впечатлѣнія жизни!

58. Далеко летал он душой под мрачным вліяніем думы.
Осмѣлился посланный вновь донесть ему зов государя...
Но он его вновь не услышал, он слез и тоски не покинул,
Он уст не раскрыл — этих уст, подобных младенчеству розы.

59. Когда он оставил слугу без отвѣта, слуга воротился,
И так Ростевану донес: «Приглашенья он слышать не может;
«Померкли глаза мои, будто от солнца, — а сердце печально:
«Не мог я дозваться его, хотя и промѣшкал так долго».

60. Прогнѣвался царь удивленный, вскипѣло в нем сердце обидой.
Двѣнадцать он стражей позвал, стоявших при нем безотлучно,
И отдал такой им приказ: «Возьмите оружье для боя,
«Идите привесть мнѣ сюда того, кто сидит у потока.»

61. И воины быстро пошли, послышался звук оружій...
Очнулся тогда только он, полный и слез и печали!
Окинув глазами вездѣ, увидѣл идущих он стражей —
И тяжко, и тяжко вздохнул... Но встрѣчу им слова не молвил.

62. Руку лишь поднял к очам; слезы горячія выжал;
Поправил оружье, потом ободрил мускулистыя руки;
Сѣл на коня — и поѣхал сторонкой... не бросив на стражу
Ни взора вниманья, царю не вылечив сердца в недугѣ!

63. Но воины руки простерли, чтоб взять молодаго упрямца...
Горе! что с ними сбылось, то видѣть врагу былоб жалко!
Он бил друг об друга их всѣх — для помощи не было мига...
Иных убивал он кнутом, разсѣкая по самыя груди...

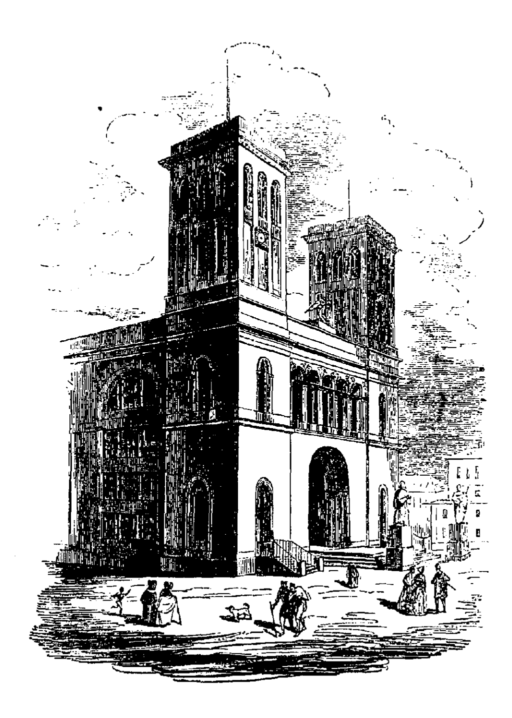
(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

(1) Величайшій позор на Востокѣ.

(1) Особая игра в шашки.
(2) Сдѣлал ее блѣдною. От инея.
(3) Черные камни, которым автор уподобляет глаза.

ПРОГУЛКА ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

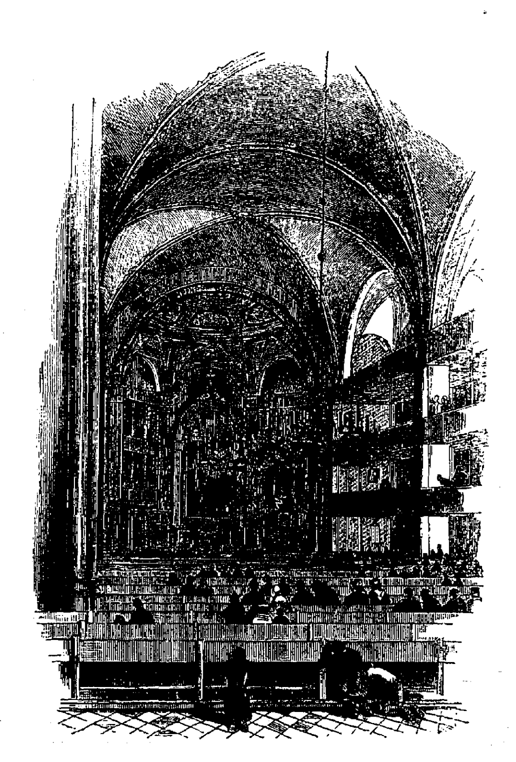
По окрестностямъ? — Дѣло невозможное! Исключите это изъ заглавія статьи, покрайней мѣрѣ на этотъ нумеръ. Ни шага за заставу; развѣ по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ; но тамъ что дѣлать? Мерзнуть и вязнуть? Не только за городомъ, въ Петербургѣ, кромѣ Невскаго Проспекта, ходить еще не гдѣ; тутъ только еще грѣетъ весеннее солнышко, не такъ сильно продуваетъ весенній вѣтеръ. *Сегодня воскресенье*. Но я не замѣчаю никакой разницы между воскреснымъ и обыкновеннымъ днемъ. Правда, гостинный дворъ запертъ, серебряныя лавки подъ Думою также; нѣсколько магазиновъ также заперты; но въ движеніи народа и экипажей эти пустоты и незамѣтны. И вчера, и третьяго дня, все было тоже и также. Помню я, случилось мнѣ пріѣхать въ воскресенье въ русской городокъ О. Было время обѣдень. Я подумалъ, что въ городкѣ нѣтъ жителей. Говорю буквально, я не встрѣтилъ ни одной живой души; въ трактирѣ некому было меня принять. Я самъ себя принялъ, самъ себя усадилъ у красиваго окна на дворъ, самъ себя убаюкалъ — и съ дороги заснулъ сномъ крѣпкимъ. Колокола разбудили меня... Скоро пришла трактирная челядь... Я сдалъ себя ей на руки... Меня заняли кой-какой бесѣдой, накормили кой-какимъ обѣдомъ и стали снаряжать въ дорогу... Я расчиталъ, что покуда заложатъ лошадей и уложатъ вещи, я обойду весь городъ съ переулками. Выхожу на улицу.... Гулянье! У воротъ сидятъ старики и старушки, богато одѣтыя. Жемчугъ въ повязкахъ, жемчугъ на шеѣ, галуны по сарафанамъ, рубашки бѣлѣе снѣга. Молодые парни группами тамъ и сямъ разговариваютъ, орѣхи щелкаютъ, иногда смѣхомъ разольются; а дѣвушки, обнявшись, взводами, вдоль улицы гуляютъ и поютъ пѣсни. Ручаюсь, это все я видѣлъ и слышалъ не въ деревнѣ, а въ уѣздномъ, весьма добропорядочномъ торговомъ городѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, я замѣтилъ и чиновниковъ: они шли съ женами и дѣтьми, чинно, медленно, какъ слѣдуетъ лицамъ офиціальнымъ; старики подымались и кланялись имъ, тоже какъ слѣдуетъ лицамъ зажиточнымъ; а пѣсни гремѣли; ничто не нарушало живописнаго однообразія картины. Я увлекся. Самъ сталъ гулять по чиновничьи; удостоился такихъ же привѣтовъ; но меня это не занимало; я тогда былъ очень молодъ; я все наровилъ какъ бы поближе подойти къ пѣвицамъ, унаровилъ таки, подошелъ и, признаюсь, ахнулъ. Кровь съ молокомъ одна другой краше; мнѣ показалось будто я въ Малороссіи... Но это было совсѣмъ не въ Малороссіи, напротивъ въ одной изъ болотныхъ губерній, на границахъ Литвы, — и я вспомнилъ, что недаромъ сюда дѣлали экспедиціи и Рыцари, и Поляки, и Литва *за красотою*... Недѣлю пробылъ я въ дорогѣ; пріѣхалъ въ Петербургъ также въ воскресенье и, виноватъ, искалъ *красоты*. Простительно покойному 1833 году, когда мнѣ было... Но какое дѣло до лѣтъ? Такъ вы пожалуй узнаете сколько мнѣ теперь. А мужчины не хуже женщинъ. Есть возрасты, когда мужчины, при нескромномъ вопросѣ о лѣтахъ, *ошибаются*.... Я помню одного маститаго воина; четыре года я ходилъ къ исповѣди въ одну съ нимъ церковь; когда приходилось расписываться, я уступалъ ему шагъ и слово, и онъ диктовалъ: 78; на другой годъ — 87, на третій — 78; на четвертый — 87; на пятый онъ умеръ. Ошибался,



(Лютеранская церковь Св. Петра въ Петербургѣ).

думалъ я; но изъ біографіи я узналъ, что онъ просто потерялъ счетъ, потому что въ годъ смерти ему было 92 года.

Однимъ словомъ, я былъ молодъ и обрадовался воскресенью. Тутъ то, въ столицѣ, увижу я красавицъ. На Невскомъ толпа. Удивительныя шляпки, великолѣпные капоты; ноги всѣ въ шнуровкахъ, будто мухи выбѣгаютъ изъ подъ широкихъ полъ... У меня голова закружилась отъ великолѣпія; глаза заболѣли; толпа сбивала меня съ ногъ; тутъ что-то строилось; я отошелъ въ сторонку.... хотѣлъ протереть глаза, и вдругъ мимо меня мелькнула такая талія, что упаси Господи.... Тополь, пальма, именно пальма, потому что на головѣ, подобно пальмовымъ листьямъ, колыхались пушистыя перья... Лица я не видѣлъ, и, натурально, хотѣлъ броситься за пальмой, обогнать, взглянуть, но знакомый голосъ остановилъ меня, знакомая рука держала меня за пуговицу: Давно ли, откуда?



(Внутренность Лютеранской церкви Св. Петра.)

«Сегодня, оттуда....»

«Ты вѣрно любопытствуешь видѣть новую постройку Александра Павловича...»

«Какого Александра Павловича?

«Брюллова!»

«А гдѣ же она?

«А вотъ за тобою....

«Этотъ заборъ?. Да что же тутъ интереснаго?

«Э, братецъ! Мы ужъ такъ привыкли къ однообразію нашихъ зданій, что малѣйшая варіяція производитъ пріятную сенсацію. Еще зданіе не поднялось отъ земли, а въ магазинахъ продаютъ уже видъ Лютеранской церкви Св. Петра, и, признаюсь, я порадовался, что нашъ великолѣпный Невскій Проспектъ, это общество красивыхъ зданій, пріобрѣтетъ еще одного изящнаго члена... Знаешь ли, что покойной церкви ровно теперь сто лѣтъ, если не больше. Она у насъ историческая. Именно она построена въ 1728 году, была каменная съ башней. Ты слыхалъ про извѣстнаго доктора Бишинга. Въ 1760 году онъ распространилъ церковь и основалъ при ней училище, въ которомъ и имѣлъ удовольствіе воспитываться, извѣстномъ во всей Россіи подъ именемъ Peterschule. Пора, пора было старушкѣ переодѣться.... Да ты меня не слушаешь?..

Я былъ молодъ, и не Бишингъ, а пальма занимала меня; но увы! Напрасно я пробѣжалъ весь Невскій Проспектъ туда и назадъ трижды... Прошло пять лѣтъ. Я видѣлъ много разныхъ шляпокъ, капотовъ, талій и ножекъ, но пальмы моей не встрѣтилъ. Въ 1839 году, на весеннемъ гуляньи по Невскому Проспекту, издали я замѣтилъ пальму; давай догонять; но вотъ она повернула въ Peterkirche, вотъ она на паперти, я поспѣшилъ за нею, и могъ взглянуть на лице пальмы уже внутри церкви; взглянулъ.... и пожалѣлъ, что я могъ пять лѣтъ думать о такой пальмѣ, которая едвали не ровесница каирскимъ пальмамъ... Но я былъ благодаренъ этому случаю. Съ особеннымъ удовольствіемъ я занялся разсматриваніемъ внутренности церкви; просторъ, помѣстительность, щегольская отдѣлка... я перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ — вездѣ было слышно.... Я вспомнилъ моего пріятеля и согласился съ нимъ въ душѣ, что Петербургъ пріобрѣлъ изящное зданіе... Утоливъ зрѣніе видомъ общаго, я подошелъ поближе къ главному образу, изображающему Распятіе Спасителя, письма Карла Павловича Брюллова, и погрузился въ сладкія, высокія размышленія... Выходя, я покраснѣлъ... я вспомнилъ, что завело меня сюда; но тутъ же и утѣшился. Не я первый, не я послѣдній! Сколько въ Петербургѣ изящнаго, рѣдкаго, достойнаго самого тщательнаго разсмотрѣнія — и можно поручиться, что если кто и видѣлъ кое-что изъ этой сокровищницы, то вѣрно по случаю, который ни чѣмъ не лучше моего.

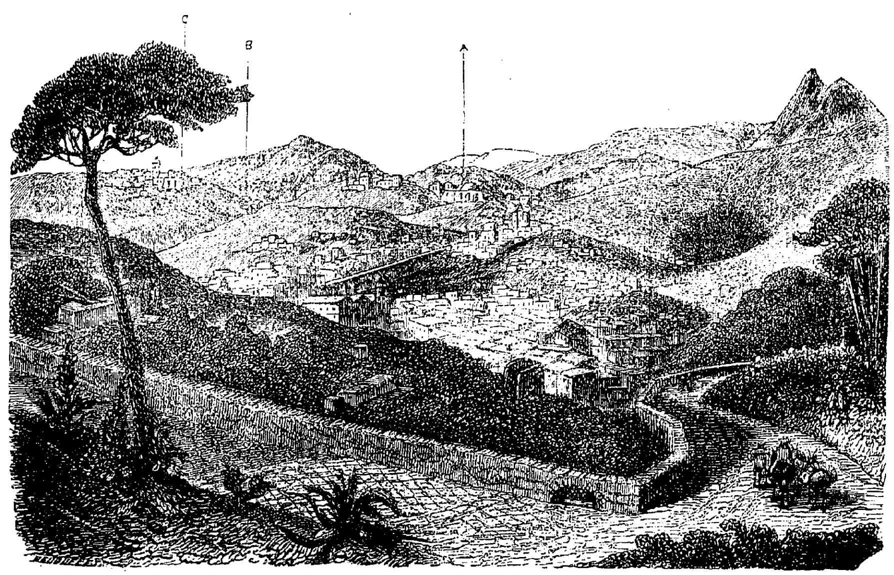
СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ ГУАНАХУАТО, ВЪ МЕКСИКѢ.

Гуанахуато, основанный въ 1554году, возведенный на степень города въ 1741 году, въ настоящее время считается столицей Гуанахуатской Области, одной изъ тѣхъ, которыя составляютъ Мексиканскую Конфедерацію. Подъ правленіемъ испанскимъ, онъ былъ главнымъ городомъ интендантства того же имени.

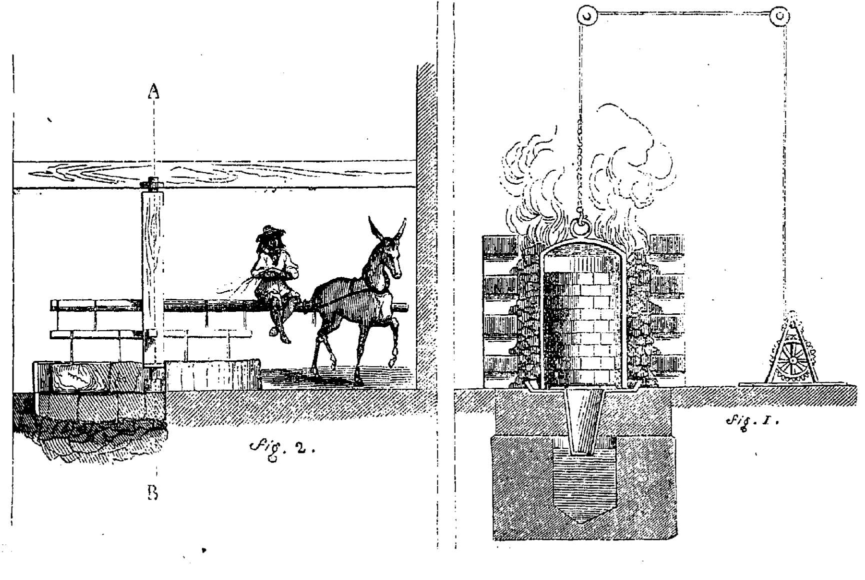
Въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ Гуанахуато, находится обширная лощина, именуемая *Канада де Марфилъ*. Это единственная дорога, ведущая въ городъ. Въ Канаду стекаютъ всѣ воды окрестныхъ высотъ, покрытыхъ заводскими строеніями, зелеными дубами, соснами, или увѣнчанныхъ громадными массами порфира, издали кажущимися разрушенными стѣнами, башнями и валами; во время дождей, эта лощина вся превращается въ обширный потокъ наполненный иловатой водой. Надъ городомъ, неправильно расположенномъ, на скатѣ другихъ лощинъ, возвышается цѣпь горъ, заключающихъ въ нѣдрахъ своихъ металлоносныя жилы, изъ коихъ главная Veta-Madre *(Мать жила)*. Наклоненіе этой жилы, столь правильно названной, находится въ 45° къ ю. з.; ширина ея, имѣющая въ рѣдкихъ мѣстахъ менѣе 4 саженъ, достигаетъ часто до 20 и 25, обширныя разработки, въ средоточіи коихъ она находится, занимаютъ пространство болѣе 12 верстъ; главнѣйшія изъ нихъ: *Валенсіана, Мельядо* и *Раясъ*.

Гуанахуато, въ коемъ разработки составляютъ, такъ сказать, предмѣстіе, городъ богатый и цвѣтущій, хотя онъ еще не поправился послѣ несчастій, постигшихъ его въ 1810 году. Въ окрестностяхъ его вспыхнула война за независимость; онъ почти немедленно былъ взятъ инсургентами, и опустошенъ съ тѣмъ безчеловѣчіемъ, которое и въ наше время характеризуетъ воиновъ Испанской Америки. Рудники были на долго оставлены, и они вскорѣ были залиты водою.

(Видъ Гуанахуато).



(Другой видъ Гуанахуато).



(Машина толкущая руду), (Спарялъ для очищенія серебра).

Рудникъ Раясъ былъ скорѣе другихъ осушенъ англійскими компаніями, начавшими въ 1822 году работы свои. Доходы были не значительны, и въ концѣ 1841 года, по истеченіи срока контракта, компанія требовала такихъ выгодныхъ условій, что владѣльцы рудниковъ предпочли разработывать ихъ на свой счетъ. Работы, производимыя соединившимися для общихъ выгодъ рудокопами, требуютъ весьма умѣренныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ затѣйливая и роскошная администрація Англичанъ истратила огромные капиталы.

Подземные работы въ Раясѣ, самыя замѣчательныя во всей Мексикѣ. Три шахты, соотвѣтствующія тремъ ярусамъ штольнъ, назначены для транспорта руды и выкачиванія воды, поднявшейся до первой штольны, посредствомъ зубчатыхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе мулами.

Видъ этихъ огромныхъ копей производитъ глубокое впечатлѣніе. Безчисленные столбы въ скалѣ образуютъ арки, и вокругъ нихъ блестятъ, при свѣтѣ факеловъ, металлическія жилы. Со звуками голосовъ тысячи работниковъ, перекликающихся съ разныхъ сторонъ, сливается грохотъ падающей руды и шумъ воды, по каплѣ стекающей въ сдѣланныя для того отверзтія. По временамъ, при свѣтѣ зажженой пакли, видны ряды работниковъ, несущихъ руду, и какъ бы выходящихъ изъ нѣдръ земли, или же

на невидимыхъ нитяхъ, висящихъ вдоль отвѣсныхъ стѣнъ скалы.

Руда скалывается киркою; еслижъ она слишкомъ тверда то ее взрываютъ порохомъ. Чиновникъ взвѣшиваетъ руду, по мѣрѣ того, какъ работники приносятъ ее къ нему; потомъ ее завязываютъ въ кожаный мѣшокъ, который быстро подымаютъ вверхъ чрезъ tiro или главную шахту.

Шахта эта, имѣющая глубины около 200 саженъ, вырыта осьмиугольникомъ, для облегченія дѣйствій восьми *малакатовъ*. Діаметръ ея содержитъ восемь *варъ* или аршинъ. Малакатомъ называютъ огромный блокъ, приводимый въ движеніе двумя лошадьми. Два каната безпрерывно навертываются на него и развертываются, и попеременно подымаютъ мѣшокъ изъ воловьей кожи, содержащей воду и мѣшки, заключающіе въ себѣ руду. Къ машинамъ этимъ припряжены девять лошадей, которыя почти безпрерывно идутъ вскачь, и работаютъ по четыре часа въ сутки. Въ каждомъ мѣшкѣ находится около 20 пудовъ руды; кожаный же мѣшокъ, самъ собою наполняется внизу водою, пока вверху разгружаютъ руду.

На каждой недѣлѣ одинъ день назначенъ для продажи. Утромъ рано, buscones (продавцы) кладутъ руду на попоны; они, по возможности, стараются украшать свой товаръ, и въ назначенный часъ управляющій приступаетъ къ продажѣ, производимой безъ пробы и взвѣшиванія; руда достается тому, кто предложитъ большую цѣну. Половина выручки принадлежитъ *бусконамъ*, что составляетъ имъ весьма значительный доходъ, особенно, если принять въ соображеніе, что, въ 1839 году, половина цѣнности руды, представляющая плату за работу рудокоповъ, простиралась до 84,485 піастровъ, около 130,000 руб. серебромъ; а въ 1840 году до 97,260 піастровъ или около 140,000 рублей серебромъ. Такъ какъ всѣ издержки на выломку руды, относятся на счетъ разработывающихъ, то изъ ихъ барыша надлежитъ исключить эти издержки.

Предлагаемъ нѣкоторыя подробности о различныхъ операціяхъ обработки руды, отъ выхода ея изъ рудника до превращенія въ слитки.

Руда сначала разбивается ручнымъ молоткомъ, на маленькіе куски, чтобы можно было отдѣлить тѣ, которые не содержатъ достаточнаго количества металлическихъ частицъ, для вознагражденія издержекъ обработки. Послѣ разбора, руду относятъ въ *похкастенъ* (molino). Эта машина, состоящая изъ 8 деревянныхъ толчей, снабженныхъ у нижней оконечности кубами изъ кованаго желѣза, приводится въ движеніе валомъ, иногда обращается гидравлическимъ колесомъ, а чаще лошадьми или мулами. Руда, превращенная, такимъ образомъ, въ крупный травій (granza), проходитъ сквозь сито, изъ кожи, въ которой пробиты круглыя дыры. Эта операція производится весьма скоро: хорошій *похкастенъ*, можетъ въ сутки размельчить тридцать четыре груза руды, по 14 *аррабовъ* каждый, или около 370 пудовъ. Granza потомъ порфиризируется посредствомъ другихъ машинъ, называемыхъ arrastras или tahonas: это большія круглыя творила, имѣющія въ діаметрѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ сажени; края ихъ возвышаются на $\frac{1}{2}$ аршина надъ дномъ, составленнымъ изъ продолговатыхъ кубовъ порфира, длиною въ 1 аршинъ, а шириною и толщиною въ $\frac{1}{3}$ аршина. Края круга обложены глиною и досками, для удержанія руды. Въ средоточіи этого творила или бассейна находится стулъ, на которомъ, посредствомъ желѣзнаго шпиля, упирается и вертится отвѣсно поставленная ось; на этой оси находятся два крестообразно расположенные бруска. Къ каждому изъ этихъ брусковъ, длиною около $\frac{1}{2}$ сажени, привѣшенъ камень, называемый voladora. Только одинъ изъ брусковъ, или частей креста, имѣетъ достаточную длину, чтобъ можно было привязять къ нему одного или двухъ муловъ рядомъ, которые въ 25 или 30 секундъ дѣлаютъ оборотъ. Машина эта, чрезвычайно простая въ дѣйствіи, скоро растираетъ руду, какъ бы она тверда ни была, въ мельчайшій порошокъ, потому что для выровненія дна и камней, и для плотнѣйшаго соприкосновенія ихъ, заставляютъ машину дѣйствовать нѣсколько дней безъ руды, и каждый камень voladora вѣсомъ не менѣе 8 пудовъ.

Для избѣжанія непріятной для надсмотрщика, находящагося въ средоточіи 4 или 6 *аррострами*, пыли, его отъ времени до времени обливаютъ водою; отъ чего образуется густая грязь, которая будучи порфиризирована до надлежащей степени, раскладывается на дворѣ, плотно и ровно выстланномъ плитой, гдѣ на солнцѣ изъ этой грязи и испаряется вся жидкость. Количество, собираемое для составленія круглыхъ кучь порфиризированной грязи, простирается до 4,300 пудовъ руды; каждая куча составляетъ такъ называемую torta.

Потомъ производится амальгамированіе слѣдующимъ образомъ: въ torta насыпаютъ сначала количество морской соли, въ пропорціи около $2\frac{1}{4}$ %; руду мѣшаютъ деревянными лопатами, и послѣ минутъ нѣсколько часовъ подъ ногами 12 или 15 лошадей; потомъ кладутъ извѣстную пропорцію обожженой мѣди. Когда соль и мѣдь достаточно перемѣшаются, начинаютъ подливать ртути, сначала наливаютъ только $\frac{2}{5}$ всего количества, назначеннаго для употребленія въ дѣло, а это количество равняется 6 разъ вѣсу серебра, которое можно надѣяться получить. За тѣмъ опять мѣшаютъ вышеописаннымъ способомъ. По истеченіи 22, 30 или 40 дней, послѣ продолжительнаго растиранія, человѣкъ, коему поручена эта работа извѣщаетъ, что изъ *торты* вышло все серебро, которое ртуть могла отъ нея отдѣлить. Тогда приступаютъ къ размывкѣ. *Размывкою* называютъ очищеніе ртути отъ каменистой части руды. Наконецъ, оставшуюся амальгаму помѣщаютъ на столахъ, крытыхъ мѣдью, и сжимаютъ въ треугольныхъ деревянныхъ формахъ. Это необходимо для того, чтобъ легче было составить изъ этихъ кусковъ столбъ, покрываемый бронзовымъ колпакомъ (capellina), который, посредствомъ жара, содѣйствуетъ отдѣленію отъ ртути серебра.

Эта операція, называемая refohar, состоитъ въ покрытіи колпакомъ столба амальгамы, помѣщеннаго на желѣзной подпоркѣ, которая сама стоитъ на каменномъ резервуарѣ, всегда наполненномъ равнымъ количествомъ воды. Бронзовый колпакъ спускается сверху съ помощію блока. Его обкладываютъ круглыми кирпичами, оставляя между ними и колпакомъ промежутокъ, наполняемый зажженнымъ углемъ, жаръ котораго достаточенъ для улетучиванія ртути, которая послѣ сгущается въ токѣ холодной воды, находящемся въ нижней части снаряда. Послѣ 8—10 часовъ нагрѣванія, операція кончена; ртуть собрала въ массу всѣ частицы серебра; она же сама отъ него отдѣлилась, и остается только сплавить въ слитки дорогой металлъ, извлеченный изъ каменной оболочки. И все это исполнено просто, легко, безъ большихъ издержекъ, съ помощію снаряда, существующаго уже около трехъ сотъ лѣтъ и даже не нуждающагося въ усовершенствованіи.

Чтобы осмотрѣть раясскіе рудники, я спустился чрезъ штольны; вышелъ же я изъ нихъ другимъ путемъ. Къ одному изъ канатовъ, опускающихся и восходящихъ постепенно въ большой шахтѣ привязали записку, чтобъ увѣдомить, что кто-то сбирается подняться. Получивъ сверху отвѣтъ на меня надѣли широкую куртку, и панталоны, изъ грубой шерстяной саржи и дали въ руки палку изъ скрученной кожи; потомъ, продѣли мнѣ подъ мышки и въ паху широкій кожаный ремень, который и привязали къ канату. Проводника моего, вооруженнаго факеломъ, привязали надъ моею головою, и насъ подняли.

По влажному туману, насъ окружавшему, я понялъ пользу шерстяной одежды. Мы подымались кружась; палкой я упирался въ скалу, чтобы не удариться о нее. Факелъ проводника освѣщалъ слабо; внизу все было черно; вверху туманно виднѣлся день—какъ сумерки. Я со страхомъ удивлялся теплымъ бѣлымъ парамъ, спирально подымавшимся изъ бездны къ небу, вдоль стѣнъ, мѣстами покрытыхъ мхомъ, или почернѣвшихъ отъ пороху, или изрытыхъ буравомъ. Иногда машина останавливалась; канатъ какъ будто вытягивался, и опускалъ насъ въ бездну; потомъ мы опять начинали подвигаться. Наконецъ, четверть часа спустя, мы достигли входа въ шахту.

Вечеромъ, возвратившись въ городъ, я невольно остановился, увидѣвъ на стѣнѣ противъ церкви, подъ навѣсомъ, на сажень отъ земли, двѣ восковыя свѣчки, освѣщавшія руку, отрубленную надъ суставомъ кисти. Знакомый мнѣ голосъ произнесъ за мною:

— Кавалеръ, такъ ли у васъ наказываютъ святотатцевъ?

Я оглянулся и увидѣлъ за собою человѣка въ шляпѣ, съ широкими полями и украшенной золотымъ галуномъ,—фіолетовый плащь, накинутый на лѣвое плечо, также обшитъ былъ золотомъ. Это былъ праздничный костюмъ перваклассного *Махо*.

— Не ужели вы не узнаете, сказалъ онъ мнѣ, товарища, подымавшагося съ вами изъ раясскихъ рудниковъ?

— Я не забылъ ни рудниковъ, ни проводника; но этотъ костюмъ...

— Понимаю; неужели жъ вы хотите, чтобы не было разницы между рудокопомъ, который былъ почти нагой, чтобъ ловчѣе работать, и рудокопомъ кончившимъ работу? Не забудьте, что ремесло наше выгодное!... И впредь, если увидите въ городѣ на комъ либо красивый, богато вышитый плащь, то можете быть увѣрены, что это нашъ братъ, рудокопъ!

СКАЗКА

ОБЪ

Иванѣ,—царевичѣ и царь-дѣвицѣ, гусляхъ-самогудахъ, скатерткѣ-хлѣбосолкѣ, сапогахъ-самоходахъ и шапкѣ-невидимкѣ.

Не бѣлые лебеди по небу вереницей летятъ, а русскіе люди сказки говорятъ. Сказка — быль не быль, да и не вранье, а бывальщина старыхъ годовъ; — вѣрьте ей не вѣрьте, а слушать — слушайте до конца, — конецъ всему дѣлу вѣнецъ, авось послышется. А вѣдь русская пословица не мимо мол-

вится : не любо не слушай, а лгать не мѣшай. Да, то еще не сказка, а присказка, а сказка-то впереди будетъ! Начинается наша сказка отъ правды, растетъ на выдумкѣ, жнутъ ее вымысломъ, молотятъ шутками, провѣваютъ прибаутками, продаютъ за ласковое слово сказочнику. Просимъ теперь, честные господа, пожалуйте сюда, нашей сказки послушать. Нашли мы ее въ свиткахъ старинныхъ, на столбцахъ длинныхъ, разбирали по складамъ три дня съ приденкомъ ; чего не разобрали — не осудите : свитки были ветхіе, а скоропись на нихъ нечеткая.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за бѣлымъ моремъ за окіянскою пучиною, на мѣстахъ раздольныхъ, среди луговъ привольныхъ, стоялъ городъ великій, а въ томъ городѣ царствовалъ царь—Умная голова съ царицею, а какъ ее звали, не знаю, —зналъ, да забылъ. Жили они жили, и родилась у нихъ на утѣшенье дочь, царевна прекрасная, которую назвали Неоцѣной, а на другой годъ родилась царю-Умной головѣ и другая дочь, такая-же прекрасная, и назвали ее царевной Безцѣной. Радовался, потѣшался, гулялъ, пилъ, ѣлъ и веселился царь-Умная голова на радостяхъ ; меду триста три вари воеводамъ выпоилъ ; на пиво съ народа особую подать велѣлъ собирать, угощать пивомъ все свое царство по три дня, кто сколько хочетъ пей — душа мѣра : тогда перестань какъ душа принимать не станетъ. Даже придворному карлику велѣлъ царь новыя чоботы купить, такъ ужъ судите каковы были награды большимъ воеводамъ : вѣдь кораблю большому и плаванье большое. Когда окончились всѣ пиры и потѣхи, началъ царь-Умная голова о томъ думу думать, какъ ему своихъ любезныхъ дочерей вспоить, вскормить, вырастить, да подъ златъ вѣнецъ поставить. Ну, да до свадьбы еще далеко, а о томъ думать было надобно, какъ дочерей царскихъ и отъ лихаго глаза уберечь, и здоровье ихъ сохранить, и чтобы имъ никакого зла и вреда не причинилось. Велики были царскія о дочеряхъ заботы : кормили ихъ только киселемъ, да кашей, съ серебрянаго блюда, золотыми ложками, спать клали на пуховыхъ ложахъ, покрывали собольими одѣялами, и по три няньки было приставлено мухъ отгонять, когда царевны спать лягутъ ; вѣдь муха, что подъячій прильнетъ, такъ не отстанетъ. И велѣлъ царь-Умная голова такъ дочерей своихъ беречь, чтобы и самое солнышко лучами своими въ ихъ теремъ не забиралось, роса холодная не пала на нихъ, и вѣтеръ перелетный пахнуть не смѣлъ. И для обороны и сохранности приставилъ царь къ дочерямъ своимъ семдесятъ семь нянекъ и семдесятъ семь дядекъ. Такъ ему одинъ мудрый человѣкъ присовѣтовалъ. И какъ было царю-Умной головѣ не послушать мудраго человѣка, когда у того мудраго человѣка борода была сѣдая, въ два локтя длиною, ѣлъ онъ за трехъ, пилъ за четверыхъ, а на головѣ была у него шапка съ египетскими фигурками, которыхъ никто прочитать не умѣлъ, а мудрый человѣкъ читалъ ихъ словно русскую грамату, потому что онъ всѣ книги на всѣхъ языкахъ прочелъ, да и самъ написалъ книгу толстую, съ серебряными застежками, которую три арапа за нимъ носили.

Вотъ такъ-то жили, да поживали царь-Умная голова съ царицей и съ двумя дочерьми. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло не знаю сколько лѣтъ, и начали царевны подрастать, полнѣть, хорошѣть, и сдѣлались такія красавицы и дородницы, что ихъ персоны за рѣдкость на ярмаркахъ продавали. Начали уже и женихи къ царю пріѣзжать, но царь-Умная голова замужествомъ дочерей не торопился. Думалъ онъ, что если суженой, такъ его и на конѣ не объѣдешь, а несуженой, такъ хоть тремя цѣпями желѣзными прикуй, оторвется. Пока онъ думалъ такъ и разсуждалъ, слышитъ онъ однажды, что что-то такое сдѣлалось : всполошились, взбѣгались у него во дворцѣ, няньки плачутъ, слезно воютъ, дядьки голосомъ ревутъ, царица жалобно кричитъ, а у всѣхъ бояръ и воеводъ рожи стали такія кислыя, какъ будто они хрену нанюхались. Выбѣжалъ царь-Умная голова, спрашиваетъ, что такое сдѣлалось? Повалились къ нему въ ноги семдесятъ семь нянекъ и семдесятъ семь дядекъ — «виноваты,» говорятъ : «нѣтъ царевенъ-то Неоцѣны и Безцѣны, вихремъ унесло !» Чудное дѣло случилось: вышли царевны въ царскій садъ погулять, пестрыхъ бабочекъ половить, зеленаго маку пощипать, наливными яблочками полакомиться. Откуда ни возмись, взвилось надъ ними черное облако, завѣяло пылью глаза нянькамъ и дядькамъ, а какъ они опомнились, глаза протерли, обѣихъ царевенъ слѣдъ простылъ, видомъ не-видать, слыхомъ неслыхать. Взъѣлся, всходился царь-Умная голова— «всѣхъ васъ,» говоритъ, «злой смерти предамъ, въ тюрьмѣ уморю, на воротахъ велю горохомъ разстрѣлять ! Какъ семдесятъ семь васъ нянекъ, да семдесятъ семь васъ дядекъ, а двухъ царевенъ устеречь не могли!» Видно забылъ царь, что и у семи нянекъ дитя безъ глазу бываетъ, а у семидесяти семи и вовсе очей не досчитаешся, да и шутка ли дѣвушекъ устеречь ? Этакія науки едвали и сѣдобородый мудрый человѣкъ зналъ.

Но время переходчиво. Вѣкъ человѣческій словно ткань пестрая, что цвѣтами черными и красными перетканa. Покручинился царь-Умная голова, попечалился, и началъ Бога молить, чтобы послалъ ему Богъ на утѣшенье сына, либо дочь. Прошло сколько времени, не знаю, и родилось у царя чадо, только ужъ не царевна, а царевичь. Возрадовался царь-Умная голова, назвалъ онъ сына Иваномъ, приставилъ къ нему дядекъ, пѣстуновъ, мудрыхъ учителей, храбрыхъ воеводъ. И началъ Иванъ царевичъ расти да подрастать, будто пшеничное тѣсто на доброй опарѣ всходитъ ; растетъ, не по днямъ, а по часамъ, что за красота диковинная, что за-стать молодецкая — бровью поведетъ, такъ сердце дѣвичье, какъ птичка въ клѣткѣ, бьется, а взглянетъ на кого, такъ отъ любви къ нему пресильной красная дѣвица три ночи не спитъ. Одно только сокрушало царя-Умную голову : хорошъ, пригожъ былъ Иванъ царевичь, да не было въ немъ молодецкой удали, богатырской ухватки : у товарищей головъ онъ не отрывалъ, рукъ и ногъ не ломалъ ; не любилъ онъ играть ни копьемъ булатнымъ, ни мечемъ закаленымъ, крѣпостей не строилъ, и съ воеводами не бесѣдовалъ. Хорошъ, пригожъ былъ Иванъ царевичь, удивлялъ умомъ, разумомъ, а главная-была у него потѣха играть на звончатыхъ гусляхъ-самогудахъ. И игралъ же Иванъ царевичъ такъ, что всѣ его заслушивались. Какъ положитъ пальцы на гусли, онѣ запоютъ-загудятъ, словно райская птица, такимъ чуднымъ голосомъ, что отъ заунывной пѣсни и глухой заплачетъ, а отъ веселой безногой плясать пойдетъ. Хороша пѣсня, да вѣдь казны царской ею не наполнишь, царства не защитишь, и злаго непріятеля не побьешь. Велѣлъ позвать къ себѣ царь-Умная голова Ивана царевича и говоритъ ему : «Сынъ мой возлюбленный! хорошъ ты и пригожъ, и вельми я тобою доволенъ. Одно сокрушаетъ меня : не вижу я въ тебѣ молодецкой удали, богатырской ухватки. Не любишь ты копья булатнаго, не милъ тебѣ мечь кладенецъ. Вотъ я старъ становлюсь, а есть у насъ вороги лихіе — придутъ они къ намъ, царство наше завоюютъ, воеводъ и бояръ смерти предадутъ, а меня съ царицей въ полонъ возьмутъ, а ты защищать насъ не учишься.» Выслушалъ Иванъ царевичь рѣчи царя-Умной головы ; очи ясные его затуманились, а изъ очей слезы, какъ жемчугъ перекатный, покатились. «Государь-царь батюшка! говоритъ онъ царю-Умной головѣ, —не силой города берутъ, а хитростью, не дубиной бьютъ ворога, а рѣчью умною. Испытай ты силу богатырскую, испытай удаль молодецкую. Вотъ, слышалъ я, были у меня двѣ сестры царевны, и унесъ ихъ вихорь перелетный, и вѣсть объ нихъ запала, словно мятелью слѣдъ занесло. Созови всѣхъ своихъ князей, богатырей, сильныхъ воеводъ и вели имъ сослужить тебѣ службу, отыскать царевенъ-сестеръ моихъ. Пусть берутъ мечи булатныя, копья желѣзныя, стрѣлы каленыя, воинства безчисленныя, и если кто тебѣ такую службу сослужитъ, отдай тому царство мое, а мнѣ вели у него поваренкомъ и быть кострюли мыть. Еслиже никто не возмется сослужить такую службу, я сослужу ее тебѣ, а тогда увидишь ты, что умное слово острѣе меча булатнаго, и умная дума крѣпче копья закаленаго. Понравилась царю-Умной головѣ рѣчь Ивана-царевича; созвалъ онъ бояръ, воеводъ сильныхъ, могучихъ богатырей, говоритъ имъ : есть ли кто изъ васъ, бояре, воеводы сильные, могучіе богатыри, такой молодецъ, чтобы взялся отыскать мнѣ дочерей моихъ? Такому я любую изъ нихъ на выборъ дамъ, и полъ-царства за нею въ приданое.» Оглянулись другъ на друга бояре воеводы, богатыри, другъ за друга прячутся, никто рѣчи не начинаетъ ; въ тѣ поры Иванъ царевичь поклонился родителю, и говоритъ : «Государь батюшка! если никто не берется тебѣ сослужить такую некорыстную службишку, благослови меня въ путь дорогу! Пойду я, отыщу сестеръ моихъ, и за то никакого царскаго твоего жалованья мнѣ не надобно. «Хорошо, отвѣчалъ царь-Умная голова — вотъ тебѣ мое благословенье ; бери казны, злата, серебра, каменья самоцвѣтнаго ; воинства ли надобно — сто тысячь бери конниковъ, да сто тысячь пѣшаго.» — «Не надобны мнѣ, говоритъ Иванъ царевичъ, ни серебро, ни золото, ни конные, ни пѣшіе, ни конь богатырскій, ни мечь, ни копье. Возьму я съ собою только гусли-самогуды звончатыя. А ты, государь-царь, дожидайся меня три года, — не пріѣду на четвертый годъ, избирай себѣ наслѣдника.»

Вотъ, по сказанному, какъ по писанному, принялъ Иванъ-царевичь отцовское благословеніе, Богу помолился, взялъ подъ мышку свои гуслисамогуды, и пошелъ путемъ дорогой, куда глаза глядятъ. Гдѣ идти, гдѣ сестеръ найти ? Языкъ до Кіева доводитъ. Чего самъ не знаешь, спроси — не скажетъ старый, такъ скажетъ бывалый. Вотъ и шелъ онъ, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, —скоро сказка сказывается, а нескоро дѣло дѣлается. Солнышко его печетъ, дождичекъ его мочитъ, да который его Богъ вымочилъ, тотъ и высушитъ. День идетъ за днемъ, а Иванъ-царевичь идетъ впередъ подвигается, пѣсни на гусляхъ поигрываетъ, настанетъ утро — онъ встанетъ, да плетется своей дорогой; настанетъ ночь — онъ ляжетъ на муравѣ шелковой, подъ теплымъ одѣяломъ — темною ночью, подъ широкимъ покрываломъ — небеснымъ сводомъ съ частыми звѣздами. И зашелъ онъ наконецъ въ лѣсъ дремучій. Стоятъ такіе дубы, да сосны, что сквозь нихъ и свѣта божьяго невидно, и въ чащѣ ихъ и птичка летать и щебетать не смѣетъ, а воютъ сѣрые волки, да ревутъ мохнатые медвѣди. Слышитъ Иванъ царевичь недобро : волка бояться, въ лѣсъ не ходить, а тутъ ужъ не волкъ воетъ, не медвѣдь реветъ и не громъ гремитъ. Трещитъ дремучій лѣсъ, будто кто его ломаетъ — стукотня, грохотня по лѣсу; то захохочетъ что-то, такъ, что каждый волосъ на головѣ вытягивается, будто солдатъ исправный; то завоетъ кто-то такимъ неблагимъ матомъ, что цыганскій потъ прошибетъ того, кто заслышитъ; потомъ опять застучитъ загремитъ, захохочетъ по лѣсу. Чтожъ ? думалъ Иванъ-царевичь — семи смертей не будетъ, а одной не миновать ! Пошелъ страху въ глаза, и видитъ-стоятъ два лѣшіе и дерутся. Одинъ колотилъ другаго дубомъ коренястымъ, а другой по ребрамъ товарища возилъ сосной сажень въ пятдесятъ — бьются изовсей бѣсовской силы. Подошелъ къ нимъ Иванъ-царевичь, снялъ гусли и заигралъ плясовую. Лѣшіе опѣшали, затянули какую-то чертовскую пѣсню, да какъ пустились трепака, такъ до неба копоть поднялась. Плясали они, плясали, уморились, на землю свалились, а Иванъ царевичь съ ними бесѣду повелъ: «Ну что вы, говоритъ, деретесь, — вы оба ребята добрые, лѣшіе исправные, а деретесь словно люди !—Говоритъ ему одинъ изъ лѣшихъ : какъ же намъ не драться, разсуди ты самъ : шли мы путемъ дорогой и нашли находку ; я говорю — моя, а онъ говоритъ-моя; —дѣлиться начнемъ, раздѣлить не можемъ ! — А какая ваша находка? спросилъ Иванъ-царевичь. А вотъ какая : скатерткахлѣбосолка, сапоги-самоходы, да шапочка-невидимка. Захочешь попить, поѣсть — разстели скатертку, и двѣнадцать молодцовъ и двѣнадцать дѣвицъ принесутъ тебѣ питья медвяныя, и ѣства сахарныя — ѣшь не хочу! А пошелъ куда нибудь,

надѣнь сапоги-самоходы, и начнешь шагать по семи верстъ, а чуть пошагистѣе, такъ четырнадцать, такъ что за тобой птицѣ не улетѣть, и вѣтру не угнаться. А коли грозитъ тебѣ бѣда неминучая, надѣнь шапочку-невидимку, и сгинешь такъ, что собака чутьемъ не отыщетъ. — Да о чемъ же вамъ драться? Хотите, я подѣлю находку, если дадите на могарычъ? — Лѣшіе согласились, а Иванъ-царевичь сказалъ имъ: «Вотъ бѣгите вы по той дорожкѣ, и кто изъ васъ кого перегонитъ, тому скатертка, сапоги и шапочка. «Ахти! говорятъ лѣшіе, да вѣдь ты насъ на умъ навелъ! Побереги находку, а мы побѣжимъ! — И ударились они бѣжать, только пятки видны, скоро скрылись за лѣсомъ; а Иванъ-царевичь не сталъ ихъ дожидаться, надѣлъ сапоги на ноги, шапку на голову, скатертку взялъ подъ мышку и былъ таковъ — поминай, какъ звали. Лѣшіе прибѣжали назадъ — только мѣсто знать, а Иванъ-царевичь шагалъ пошагистѣе, изъ лѣсу вышелъ, видѣлъ какъ лѣшіе его обгоняли, перегоняли, слѣдъ нюхали, ничего не нашли и рукой махнули.

И шелъ, пошелъ Иванъ-царевичъ путемъ дорогой, устанетъ — приляжетъ, а ѣсть захочетъ — скатертку развернетъ; на постоялые дворы не заходитъ, овса и сѣна не покупаетъ, съ мужиками не торгуется. Отдохнетъ, опять шагать начнетъ. Шелъ онъ, шелъ, шагалъ, шагалъ, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и пришелъ онъ на чистое поле; три дороги лежатъ, а на перекресткѣ стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается. Молвилъ Иванъ-царевичъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ,» вошелъ въ избушку Иванъ-царевичъ, и видитъ — сидитъ Баба-Яга костяная-нога, что на Лысую Кіевскую гору въ ступѣ ѣздитъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. «Фу, фу, фу!» говоритъ Баба-Яга — русскаго духа доселева видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русскій духъ въ очью является! За чѣмъ ты ко мнѣ пожаловалъ добрый молодецъ? — Охъ, ты, говоритъ ей Иванъ-царевичъ, старая баба, неразумная, волосъ дологъ, а умъ коротокъ! Ты бы печку истопила, опару поставила, блиновъ напекла, да меня, добраго молодца, накормила, а то на голодное брюхо спрашиваешь!» Вскочила Яга-Баба, откуда ноги взялись — печку истопила, опару поставила, блиновъ напекла, накормила Ивана-царевича, и стала его спрашивать: «Куда ты, добрый молодецъ, идешь, куда путь держишь? «Иду я, говорилъ ей Иванъ-царевичъ, ищу сестеръ своихъ, царевну Неоцѣну и царевну Безцѣну. А ты бабушка, если знаешь, скажи, по которой дорогѣ мнѣ идти? гдѣ ихъ найдти? — «Гдѣ живетъ царевна Неоцѣна, знаю, говоритъ Баба-Яга, идти къ ней по средней дорогѣ, а живетъ она въ палатахъ бѣлокаменныхъ у стараго мужа, Лѣснаго Чуда. Да, только дорога трудна, идти далеко, и придешь, такъ толку мало: Лѣсное Чудо съѣстъ тебя! — «Ну, бабушка, авось подавится — вѣдь Русскій костливъ, а Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ! Прощай, спасибо за хлѣбъ, за соль!» И вотъ шагнулъ отъ нея Иванъ царевичъ, смотритъ: забѣлѣлись во чистомъ полѣ каменны палаты, только палаты не «дружка любезнаго,» а Чуда Лѣснаго. Подошелъ къ нимъ Иванъ царевичь и видитъ вороты, а у воротъ сидитъ какой-то бѣсенокъ, говоритъ: «пускать не велѣно!» — Пусти, пріятель, отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ, пусти пожалуста — на водку дамъ!» Бѣсенокъ на водку взялъ, а въ ворота все таки не пускалъ, точь-точь какъ дѣлаютъ подьячіе.

Тутъ Иванъ царевичъ обошелъ кругомъ палатъ, и задумалъ перелѣзть черезъ стѣну, полѣзъ, да бѣды не замѣтилъ: на верху стѣны протянуты были и струны, какъ только Иванъ царевичъ за одну струну ногой задѣлъ, пошли звоны и трезвоны, въ колокола зазвонили, изъ пушекъ палить начали. Глядитъ Иванъ царевичь — выскочила на крыльцо сестра его, царевна Неоцѣна, говоритъ: «Ужъ не ты ли пришелъ, братъ возлюбленный, Иванъ царевичъ?» — Я, отвѣчалъ Иванъ-царевичъ. И обнялись и разцѣловались братъ съ сестрой — «куда, говоритъ царевна Неоцѣна, спрятать мнѣ тебя отъ Лѣснаго Чуда, — я чую, что онъ сей-часъ придетъ!» Не бойся, сказалъ ей Иванъ-царевичъ, — куда ты меня спрячешь? Вѣдь я не иголочка — въ игольникъ не положить, не бабья сплетня — мимоушей не пропустишь! Вотъ говорятъ еще они — загудѣлъ вихорь, погода, задрожали палаты, явилось Чудо Лѣсное, а Иванъ царевичъ шапочку невидимку надѣлъ и невидимъ сталъ. Чудо Лѣсное ободрился и говоритъ: «а гдѣ у тебя гость, что черезъ стѣны лѣзъ? — Никакого гостя у меня нѣтъ, отвѣчала царевна Неоцѣна. — Какъ, нѣтъ никакого гостя? А отъ чего же струны звенѣли? — А я почему знаю? Можетъ воробей летѣлъ, крыломъ зацѣпилъ! — Какой воробей! Я слышу будто здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ? — Съ чего тебѣ мерещится! Бѣгаешь, рыщешь по бѣлому свѣту, нанюхаешься всякаго духу, да на другихъ и сваливаешь! — Не сердись царевна Неоцѣна, я вѣдь твоему гостю никакого лиха не причиню, а только мнѣ теперь позавтракать хочется, такъ я его съѣмъ! «сказалъ Чудо Лѣсное. Иванъ-царевичъ снялъ свою шапочку-невидимку, Лѣсному Чуду поклонился, «на что же, говоритъ, тебѣ меня ѣсть — видишь какой я сухопарый. А лучше я угощу тебя такимъ завтракомъ, какого ты отродясь не ѣдалъ, — смотри только, берегись: языка не проглоти!» Развернулъ Иванъ-царевичъ скатертку-хлѣбосолку, и явились двѣнадцать молодцовъ, двѣнадцать дѣвицъ, начали Чудо Лѣсное угощать — ѣшь, не хочу! Ѣлъ, ѣлъ, Чудо Лѣсное, напился, съ мѣста встать не можетъ, гдѣ сидѣлъ, тутъ и заснулъ. «Теперь прощай, моя сестра любезная, сказалъ Иванъ-царевичъ, и скажи ты мнѣ: не знаешь ли ты, гдѣ живетъ младшая сестра наша, царевна Безцѣна? Знаю, отвѣчала ему царевна Неоцѣна: ѣхать къ ней по морю Окіяну, за Буданскій островъ, живетъ она въ Окіянской пучинѣ, у стараго мужа, Чуда Морскаго, да только дорога трудна, плыть далеко, а толку мало — приплывешь ты къ Чуду Морскому, такъ онъ съѣстъ тебя! — Ну, говоритъ Иванъ царевичъ, авось пожуетъ, да не проглотитъ. Прощай, сестра!» Началъ шагать Иванъ-царевичъ: какъ шагнетъ — семь верстъ, а пошагистѣе — четырнадцать. И шелъ онъ близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, пришелъ къ морю Окіяну. Стоитъ у берега ладья морская, такая, что русскіе люди на Грумантъ ходятъ, снасти лыковыя, паруса рогоженныя, гвоздями не сбита, а только берестой сшита. И на той ладьѣ корабельщики собираются за море Окіянъ, за Буданскій островъ плыть. «Не возмете ли, говоритъ имъ Иванъ-царевичъ, меня съ собой? За провозъ я вамъ ничего не заплачу, а буду дорогой вамъ сказки сказывать, такъ вамъ и дороги замѣтить будетъ некогда.». Согласились корабельщики, поплыли по морю Окіяну, проплыли Буданскій островъ, Иванъ-царевичъ имъ сказки сказываетъ, а ладья плыветъ, да плыветъ, словно русскій человѣкъ съ похмѣлья. Вдругъ, откуда ни возмись, налетѣла буря, затрещала ладья. — «Охти! закричали корабельщики, — мы присказокъ заслушались, а не въ домѣкъ намъ, что приплыли мы на Окіянскую пучину! Дѣлать нечего — надобно Морскому Чуду дань платить — кидайте жеребій — онъ виноватаго сыщетъ!» Кинули жеребій и упалъ онъ на Ивана царевича. «Толковать, братцы, нечего, сказалъ Иванъ царевичъ, за хлѣбъ, за соль спасибо — прощайте, да не поминайте лихомъ! И вотъ, взяли добраго молодца корабельщики, раскачали, и — бухнули въ море Окіянъ...

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

МУСЬЕ БАЛЬБЕНЪ,

БУЛАВОЧНИКЪ.

(Разсказъ).

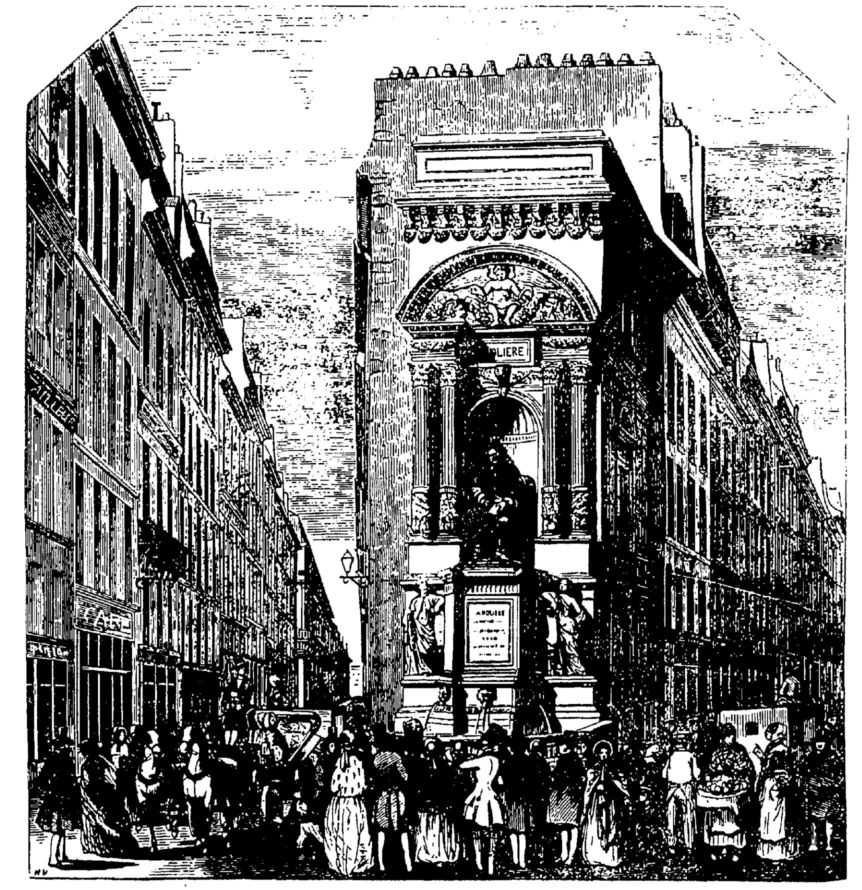
Я старъ, и потому не удивляйтесь моей болтливости. Когда я пересматриваю Univers Pittoresque, или Conversations Lexicon, или другое какое энциклопедическое изданіе, мнѣ становится смѣшно. Все старые знакомцы, я ихъ видѣлъ всѣхъ, слышалъ, говорилъ съ ними и объ нихъ читалъ. — Обо многихъ предметахъ могу разсказать кое-что новое, т: е: такое, что еще нигдѣ не напечатано; и разсказываю потому, что я старъ, разсказывать хочется; къ тому же я полюбилъ Иллюстрацію; она отъ меня не сторонитъ; помѣщаетъ мои статейки (*). Чего же мнѣ, старику, еще надобно?.. возможности еще пошататься по свѣту, но гдѣ? — Я вездѣ былъ, все видѣлъ. Жду, не откроютъ ли еще одной Америки... Чего добраго... Въ наше время и за этимъ дѣло не станетъ... И такъ, давайте разсказывать...

Не помню, когда это было, потому что я на хронологію не мастеръ. У памяти много граней; у меня ариѳметическая попстерлась. Такъ, въ какомъ это году было, не помню, только знаю что люди жили тогда на свѣтѣ превеликіе какихъ и прежде и потомъ не бывало. Рафаэль недавно скончался, Микель Анджело еще жилъ, такъ и расчитывайте когда это было.

Вѣкъ былъ хуже нашего испорченъ. Господа литераторы плутовали, брали взятки не только со всѣхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, но съ городовъ и владѣтельныхъ особъ. Хвалили только тѣхъ, кто имъ платилъ или кланялся. Это и теперь въ обычаѣ; но теперь все это дѣлается благовидно, теперь себѣ печатно творитъ всякую неправду, и тутъ же клянется и божится, что самъ тоонъ честенъ. Знаетъ, что не повѣрятъ, а все таки увѣряетъ; а тогда и этой маски не носили; прямо писали: дай денегъ, похвалю; не дашъ, разругаю. И люди темные платили; писатель утопалъ въ роскоши; хвалился своею дерзостію; смѣялся надъ потомствомъ; но за то потомство мстило его потомкамъ. Таковы были Павелъ Іовій, Петръ Аретино и другіе, которые нашли послѣдователей и въ позднѣйшіе вѣка.

(Павелъ Іовій).

(Портъ Coon Cave).



(Фонтанъ Мольера въ Парижѣ).

Павелъ Іовій изъ медика (тогда званіе это было кладязь учености) задумалъ сдѣлаться Титомъ Ливіемъ, и сдѣлался. Папа Левъ X, котораго онъ превознесъ паче Константина, Юстиніана и Августа, приказалъ публично сопричислить Павла Іовія къ Титу Ливію въ счастливые соперники, и Павелъ Іовій, jure et titulo, наложилъ на всѣхъ князьковъ Италіи поголовную подать. Папа Левъ сдѣлалъ изъ Павла Іовія не только Тита Ливія, но и епископа Ночеры; а князьки на свой счетъ построили ему на берегу Комо великолѣпную виллу, гдѣ онъ ихъ бранилъ и хвалилъ съ аукціона. Всего больше пороковъ у тѣхъ, которые ищутъ пороковъ въ другихъ. Когда именно, не помню, но только Павелъ Іовій—сталъ отцемъ. Сынъ не зналъ его лично, потерялъ отца ребенкомъ, но къ несчастію зналъ,—что онъ сынъ Павла Іовія. Мать этимъ хвастала, гордилась; сынъ также; онъ уже былъ порядочнымъ живописцемъ, но мать не хотѣла отпустить его въ Римъ, или Флоренцію, гдѣ художества процвѣтали и сосредоточивались.

(*) Съ удовольствіемъ и признательностію; и рады случаю, когда къ вашимъ разсказамъ можемъ прилагать соотвѣтственныя гравюры. На этотъ разъ помѣщаемъ портретъ Павла Іовія, портъ о которомъ вы упоминаете, и фонтанъ Мольерэ.

Какъ придетъ фортуна, такъ и уйдетъ, говоритъ пословица; такъ и случилось. Разорилась матушка, и сынъ Павла Іовія Бальбо, по неволѣ, пошелъ отыскивать бѣглянку, фортуну во Флоренцію. Тогда у многихъ вельможъ были огромныя галлереи какихъ теперь и у многихъ королей не найдете. Но тѣ, которые не могли собрать тысячи картинъ, не хотѣли имѣть сотни: собирали камеи, портреты и т. д. Во Флоренціи особенно славилась портретная коллекція купца-гражданина Никанори, гдѣ ежедневно собирались почитатели италіянскихъ знаменитостей и — производили диспуту. Въ этотъ клубъ допускали каждаго — и Бальбо въ первые дни нашелъ нужнымъ явиться въ этотъ кругъ ученыхъ и художниковъ, объявить свое имя, которое онъ считалъ дипломомъ на всеобщее уваженіе и содѣйствіе.

Въ портретной залѣ онъ точно нашелъ *всѣхъ*. Споръ былъ громокъ, шуменъ; но примѣтно господствовалъ человѣкъ небольшаго роста, въ шапочкѣ или ярмолкѣ, съ орлинымъ носомъ, съ живыми глазами. Какъ нарочно— онъ стоялъ у великолѣпнаго портрета Павла Іовія; какъ нарочно—кто-то изъ присутствующихъ, какъ доказательство, привелъ слова Павла Іовія. Человѣкъ въ шапочкѣ расхохотался.

— Такіе люди, сказалъ онъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на портретъ, пока живутъ—огромные нули, они гнѣтутъ единицы своимъ ничтожествомъ; но потомъ сокращаются и не оставляютъ на этомъ свѣтѣ даже точки.

Бальбо поблѣднѣлъ.

— Творенія ихъ — памятники позора той земли, которую тяготили и оскверняли они своею жизнію и смертію.—Жизнь ихъ оскорбляетъ, смерть утѣшаетъ человѣчество. Жаль людей, которые ихъ боялись; нельзя не презирать тѣхъ, которые выкупали свой страхъ постыдною податью.

Бальбо — уже сидѣлъ; ноги не могли держать его.

— Теперь они еще нѣсколько интересны. Покрайнеі мѣрѣ, есть надъ чѣмъ смѣятся; но эти насмѣшки нравственные черви: они источатъ память о нихъ даже до воспоминанія.

За что? закричалъ Бальбо... За что такая ненависть къ Титу Ливію?

Человѣчекъ въ шапочкѣ одушевился, и не замѣчая, кто его спрашиваетъ, разсказалъ ужасную біографію, эту цѣпь низостей и гнусной торговли перомъ и совѣстію. Бальбо не дослушалъ; онъ былъ уже далече. Оставивъ Тоскану, онъ хотѣлъ узнать, что объ отцѣ его думаютъ въ Римѣ... Но Римъ былъ еще неумолимѣе къ Титу Ливію; и Бальбо казалось, что всѣ знаютъ кто онъ, что всѣ его презираютъ, ненавидятъ, какъ порожденіе отвратительнаго чудовища.

На берегу Калабріи есть странная пещера. Я видѣлъ ее: она очень похожа на извѣстный портъ Coon Cave, до того, что, видя послѣдній, мнѣ показалось, будто я въ Калабріи, будто я въ той пещерѣ, гдѣ проживалъ Бальбо, гдѣ укрывался отъ славы своего отца, италіянскаго Тита Ливія. Нужда, голодъ, холодъ заставили его выдти изъ своего подземнаго убѣжища, присоединиться къ прибрежнымъ бѣднякамъ, ходить въ близь лежащіе города на промыслъ. Не знаю, гдѣ удалось ему пристать къ какому-то богатому путешественнику и уѣхать изъ Италіи...

—Тамъ, за горами, можетъ быть, не знаютъ про Тита Ливію, по крайней мѣрѣ, тамъ я могу скрыть, что онъ мнѣ отецъ...

И въ качествѣ лакея, Бальбо явился въ Парижъ. Онъ не ошибся. Тутъ никто не зналъ Тита Ливія которые знали — тѣ забыли; но ужъ то навѣрно, что никто не подозрѣвалъ, что задумчивый Бальбо—сынъ Павла Іовія.

Пришла пора. Бальбо полюбилъ хорошенькую Аннету и весьма ей понравился; женился; умеръ, оставивъ сына, отъ котораго пошелъ цѣлый рядъ Бальбеновъ. Одинъ изъ нихъ былъ современникомъ Моліера. Бальбо стыдился своего отца; Бальбенъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ Павла Іовія; но, несмотря на знаменитость предка, онъ не былъ даже лакеемъ; а только игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ и фарсахъ. Казалось Немезида платила по заслугамъ Павлу Іовію въ десятомъ поколѣніи. Но тутъ она умилостивилась. — Бальбена сдѣлали привратникомъ въ театрѣ Ришелье. Съ тѣхъ поръ и потомки проживали въ улицѣ Ришелье неисходно.

Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Парижѣ, открывали памятникъ Моліера. Можно себѣ представить, какъ было тѣсно въ этихъ узкихъ улицахъ; окошки близь лежащихъ домовъ отдавались въ наймы за ужасную плату; я рѣшился достать себѣ мѣстечко — и досталъ въ десятомъ этажѣ, хуже чѣмъ на чердакѣ, у булавочнаго мастера М-сье Бальбена. За нѣсколько часовъ до открытія памятника, я взошелъ на эту альпійскую гору. М-сье Бальбенъ встрѣтилъ меня въ праздничномъ платьѣ; всѣ рабочіе инструменты были убраны; комната, или лучше сказать антресоль, была вычищена, вымыта выпылена. Я сѣлъ у окна на низенькой скамейкѣ, чуть не на полу, хозяинъ помѣстился возлѣ. Надо было вступить въ разговоръ и естественно я спросилъ:

— Давно ли вы тутъ живете?..

— Тридцать лѣтъ, и постараюсь прожить до смерти...

— Вы такъ любите это мѣсто?..

— Да какъ-же мнѣ и не любить его: въ этомъ домѣ родились и умерли всѣ Бальбены; когда въ этихъ же улицахъ родился, жилъ и умеръ Моліеръ...

— Что же общаго у васъ съ Моліеромъ?..

— Мой предокъ былъ товарищемъ знаменитаго комика.

Къ особенному моему удивленію, М-сье Бальбенъ сталъ мнѣ разсказывать біографію Моліера такъ подробно, какъ я не читалъ ни въ одной книгѣ... Вообще въ низшихъ классахъ Парижа господствуетъ ужасное невѣжество; и вдругъ булавочникъ прочелъ мнѣ лекцію исторіи французской литературы съ такими занимательными подробностями, что я и забылъ зачѣмъ воздвигся на эту каланчу.

— Наконецъ, заключилъ онъ: его похоронили на кладбищѣ С. Жозефъ, въ улицѣ Монмартръ, 21 февраля... Великая нація! Италія чествовала Тита Ливія своего, а моего предка Павла Іовія, а Французы — забыли славу всемірную, знаменитость несравненную. Сто лѣтъ спустя, въ 1773 году, Лекенъ предлагалъ поставить памятникъ Моліеру; и слышать не хотѣли. Въ 1778 году, поставили его бюстъ между бюстами академиковъ; въ 1792 году выкопали кости, неизвѣстно чьи, неизвѣстно за чѣмъ; семь лѣтъ они валялись; уже въ 1799 году перенесли ихъ въ музей Августиніанъ меньшихъ; оттуда опять перенесли ихъ на кладбище. Три раза составляли проэктъ памятника Моліеру въ 1818, 1829 и въ 1836 годахъ; всѣ похваляли мысль, кричали, писали, а памятника и начинать не думали. Наконецъ, нѣкто Ренье, членъ французской комедіи (компаньонъ въ основномъ капиталѣ этого театра), въ 1838 году предложилъ префекту украсить фонтанъ, который предполагали построить на углу этихъ двухъ улицъ (Traversière и Richelieu), статуей Моліера. Согласились; это неудивительно; но вотъ что удивительно... исполнили. 111,000 франковъ легло въ эти камни недаромъ. Я счастливъ, что дожилъ до этого дня. Планъ памятника, архитектора Висконти, — очень хорошъ. Сидячая бронзовая статуя Моліера утверждена на полукругломъ піэдесталѣ; его поддерживаютъ Фарсъ и Комедія, двѣ статуи Прадье; статуя Моліера—работы Серра старшаго (Seurre): Моліеръ поитъ Французовъ чистой водой; пусть занимаютъ его соль; она для нихъ и для всего свѣта никогда не потеряетъ своей остроты. Это не Скрибъ, хотя я очень люблю и Скриба. Одно жаль—дорого, — а булавки ремесло не приходное...

— Но вы бы могли посвятить себя другимъ занятіямъ...

— Какимъ?

— Вы такъ хорошо разсказываете; теперь разсказы въ ходу; пишите!

— Э! Моліеромъ не будешь...

Шумъ на улицѣ прекратилъ нашу бесѣду. И для васъ, благосклонные читатели, я болтливости моей поставлю здѣсь точку. До свиданія!

М. Ѳ. К.

ТАБАКЪ.

(Торговля, фабрики, мануфактуры, промыслы, ремесла и пр. Статья 1).

При одномъ словѣ: табакъ, тотъ хватается за трубку, этотъ ищетъ сигарочницу, другой тащитъ изъ кармана табакерку. Всѣ курятъ, почти всѣ нюхаютъ. Италіянцы не ѣдятъ кислой капусты,— но курятъ табакъ; Русскіе не употребляютъ лягушекъ—а курятъ табакъ; Турки—не ѣдятъ свинины, не пьютъ вина—курятъ табакъ. Табакъ вознаграждаетъ за всѣ лишенія, вольныя и невольныя, табакъ другъ молчаливой думѣ и шумной бесѣдѣ. Съ табакомъ люди пріятно и встрѣчаютъ и провожаютъ день. Весь свѣтъ въ дымѣ,—но табачномъ, и никто не жалуется на ѣдкія свойства заморскаго зелья; напротивъ каждый старается сдѣлать себѣ табачную атмосферу, въ ней жить и умереть. Безпредѣльное потребленіе табака не есть мода, потому что эта мода продолжается триста пятьдесятъ лѣтъ и ежедневно болѣе и болѣе распространяется. Въ будущемъ, 1846 году, Европа можетъ отпраздновать, истинно на нашъ курсъ серебряный, триста пятидесятилѣтній табачный юбилей, теперь же юбилеи въ модѣ. Монахъ Романъ Пане, въ 1496 году, проходя часть острова С. Доминго, спросилъ: какъ зовутъ область... Ему показали на поле, усѣянное страннымъ растеніемъ... Монахъ не понялъ. Проводникъ сорвалъ листъ и поднесъ къ его длинному носу; тотъ чихнулъ и отвернулся.

— Это Табаго, ядовитое растеніе.

— Это наша провинція; этотъ ядъ мы жжемъ, упиваемся его дымомъ и блаженствуемъ. Теперь

намъ, кромѣ этого сладкаго дыма, ничего не осталось. Наши домы, свободу, счастіе жгутъ Европейцы и упиваются золотымъ дымомъ нашего пепелища... Одного боимся, что бы вы не позавидовали и этому бѣдному счастію и не увезли бы съ острова послѣдняго нашего утѣшителя...

Монахъ лукаво улыбнулся — и въ золотомъ ящикѣ табакъ явился при испанскомъ дворѣ... Попробовали покурить этимъ зельемъ въ комнатахъ дворца; но отъ смрада всѣ уѣхали въ загородный дворецъ, выкуривали ядъ цѣлую недѣлю и монаху не сказали за табакъ спасибо. Возвратившіеся изъ военной экспедиціи Испанцы не раздѣляли удовольствія курить табакъ съ своими невольниками, даже наказывали ихъ за куренье отвратительной травы. Химики, или паче алхимики, добивались: не въ немъ ли таится золото Новаго Свѣта, которое, стараясь скрыться отъ Европейцевъ, одѣвается въ желтое растеніе и откуривается отъ себя искателей смраднымъ дымомъ... Въ остальной Европѣ о табакѣ и не слыхали... Неудивительно. Въ многолюднѣйшихъ городахъ Германіи Новый Свѣтъ считали сказкой, выдуманной однимъ изъ шутовъ испанскаго короля. Но въ 1560 году изъ Португаліи въ Парижъ возвратился посланникъ Жанъ Нико (Nicot) и въ числѣ подарковъ Французской королевѣ — поднесъ табачку. Королевѣ сдѣлалось дурно, придворнымъ также, но Жанъ Нико — передалъ табакъ по принадлежности ученымъ. Тѣ тотчасъ распорядились по своему: внесли зѣлье въ метрическую книгу растеній и дали имена. Одни въ честь королевы, — прозвали его королевскимъ растеніемъ другіе — никоціаной... Возникъ споръ, но время его рѣшило и приказало называть табакъ табакомъ.

Великій герой былъ тотъ, кто первый рѣшился съѣсть рака. Великъ и тотъ, кто выкурилъ первую трубку табаку. Для этого непремѣнно надо быть Англичаниномъ. Такъ и случилось. Нѣкто Рафеленги, возвратясь изъ Виргиніи, курилъ себѣ табакъ и другихъ научилъ курить, и пошли истреблять табакъ всѣ, кто только имѣлъ много лишнихъ денегъ, потому что табакъ былъ ужасно дорогъ... Но эта дороговизна была причиною, что въ табачныхъ мѣстахъ Америки возникли огромныя плантаціи, — и въ короткое время употребленіе табака сдѣлалось повсемѣстнымъ... Заглянулъ онъ и въ старую Россію, но тутъ онъ встрѣтилъ ужасныхъ и сильныхъ противниковъ. Еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ состоялся указъ, въ 1634 году, воспрещавшій держать и *пить* табакъ, *подъ смертною казнію.* Этотъ законъ вошелъ въ уложеніе и сохранялъ дѣйствіе до Петровой Реформы. Сначала на ввозъ и продажу табака дана была привиллегія Маркизу Кармартену, англійскому министру; вскорѣ она замѣнилась откупомъ, потомъ разведеніе и продажа этого зѣлья предоставлена всѣмъ и каждому.

И за что было такое гоненіе на табакъ; оно зелье доброе, покорное; растетъ на всякой землѣ; но чѣмъ оно кормится, отъ того принимаетъ и свойства. На пескѣ у него, и стебель малъ, и остроты и силенки меньше; на тучной землѣ беретъ такую силу, что бѣда, и потому лучшая почва для табака средняя, не слишкомъ жирная, безъ селитряныхъ частицъ. Посѣютъ семена, выйдетъ разсада; ее и переведутъ на другое поле и окопаютъ словно картофель; пройдетъ мѣсяцъ — табакъ обрѣжутъ и оберутъ нижнія листья; каждую недѣлю разъ ополютъ и очистятъ отъ насѣкомыхъ; пройдетъ шесть недѣль, — зѣлье подрастетъ и потемнѣетъ, тогда табакъ срѣзываютъ и сваливаютъ въ кучу; цѣлую ночь онъ прѣетъ, а по утру выносятъ на чердаки, или вообще на вольный воздухъ. Послѣ четырехъ или пяти недѣль снимаютъ зѣлье съ чердаковъ въ сырую погоду и вѣшаютъ на веревки или палки, чтобы оно еще попрѣло; отъ 8 до 14 дней продержавъ табакъ на шестахъ, приступаютъ къ разборкѣ листьевъ и корешковъ; каждый родъ вяжутъ въ пучки и тогда уже сушатъ; а какъ высушатъ, — укладываютъ въ бочки, особо листья, особо корешки, и отправляютъ на всѣ четыре концы свѣта.

Видите ли, что во всемъ этомъ большой хитрости нѣтъ. Отъ чего же иной табакъ лучше, другой хуже... И это очень просто. Лучшій табакъ въ Америкѣ мариландскій и виргинскій. 100,000 бочекъ этого табаку приходитъ въ Европу. Другіе табаки и не дерзаютъ входить въ состязаніе съ Мариландомъ. Истинно золотой табакъ, самаго прекраснаго золотаго цвѣта. Есть табакъ и подороже Мариланда, напримѣръ гаванскій листъ, изъ котораго дѣлаются канастеръ и мелкій нюхательный испанскій табакъ. Лучшіе сорты называются: варинаскапастеръ и означаются буквами G. B. A. и Y. Названіе канастеръ происходитъ отъ коробокъ изъ тростника (canastra), въ которыхъ его привозятъ въ Европу. Хороши еще табаки: бразильскій (Legitimo и Curassao), марангао, порторико, и другіе. Въ Европѣ табакъ также ростетъ, и въ большомъ количествѣ. Венгерскій и украинскій, оба перешли изъ Альбаніи. Турецкій табакъ составляетъ особую статью. Сверхъ того въ Европѣ завелись плантаціи и американскихъ табаковъ, но объ нихъ мы не имѣемъ еще достаточныхъ и достовѣрныхъ свѣденій. Знаемъ только, что и у насъ въ Россіи занимаются табоководствомъ, но съ какимъ успѣхомъ?.. Знаемъ, что у насъ курятъ миѳологическое количество никоціаны, которая выдѣлывается на русскихъ фабрикахъ — но изъ какого табака?.. Увѣряютъ, что достоинство табака не мало зависитъ и отъ приготовленія, говорятъ, что у каждаго фабриканта есть свои секреты; полно такъ ли? Поговоримъ и о фабричномъ приготовленіи любезнаго зѣлья; но тутъ возникаетъ весьма важный вопросъ: что вы изволите курить? трубку или сигару? Турецкій табакъ, или американскій? Можетъ быть папиросы? Наконецъ, съ позволенія спросить, пахитосы?.. Мы сами куримъ турецкіе папиросы; но въ качествѣ редакторовъ Иллюстраціи должны прежде всего думать о большинствѣ, и потому первое мѣсто — трубкѣ!.. Для трубки — лучшій табакъ у насъ — такъ называемый жуковскій. Онъ приготовляется въ Петербургѣ, на фабрикѣ В. Г. Жукова, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, на Фонтанкѣ, и мы отправляемся обозрѣть это любопытное заведеніе, чтобы передать все то, что увидимъ, всѣмъ и каждому, кто только держитъ въ рукахъ трубку.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Всѣ бѣгутъ изъ Петербурга, изъ теплыхъ квартиръ, изъ удобныхъ домовъ въ сквозныя бесѣдки, ихъ же именуютъ дачами. Всѣ здоровы, сухи, веселы, бѣгутъ для того, чтобы хворать, мокнуть, скучать. Отъ скуки — спасетъ преферансъ; отъ дождя — деньга, которая и крышу поправитъ, и постелетъ деревянные мостки, и купитъ галоши и зонтикъ; но отъ болѣзни — что спасетъ васъ? — Докторъ и аптека! Докторъ на дачѣ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ тоже хлопочетъ о своемъ здоровьѣ, гуляетъ, а погулявши спѣшитъ въ Петербургъ, чтобы не отстать отъ практики. — Положимъ, что вы отыщете доктора, онъ запишетъ вамъ рецептъ, вы заплатите за рецептъ, за визитъ и за экипажъ, и этотъ дорогой рецептъ пошлете куда нибудь въ аптеку... Куда нибудь! верстъ за шесть или и десять... Во всѣхъ мѣстахъ, назначаемыхъ для лѣтней жизни, около Петербурга слѣдовало бы имѣть аптеки. Въ прошедшемъ году больно наплакались парголовскіе дачники, потому что не было аптеки, которая отъ парголовскаго здороваго воздуха получила чахотку и переѣхала въ другое, болѣе теплое мѣстечко.

—

Вы улыбаетесь, благосклонный читатель, видя эту черточку. Вы улыбаетесь, потому что въ числѣ необходимыхъ нападеній на каждое новое и общеполезное предпріятіе, по принятой у насъ съ нѣкотораго времени модѣ, было и такое: тѣсно печатаютъ; негдѣ отдохнуть глазу; текстъ льется, какъ вода. Иллюстрація, по миролюбивому характеру, готова на всякую уступку, лишь бы доставить вамъ удовольствіе. Извольте, и мы опять ставимъ черточку.

—

Вы уѣзжаете изъ Петербурга, само собою разумѣется, за границу? Кудаже больше и ѣхать? Вы больны, благосклонный читатель, очень страждете, спѣшите найти облегченіе въ цѣлебныхъ водахъ Германіи. Весенній недугъ всей Россіи. Европа усѣяна русскими путешественниками. Всѣ они тамъ или для излеченія, или для усовершенствованія себя въ наукахъ и искуствахъ. Другихъ нѣтъ; а что говорятъ, будто многіе для того только таскаются за границу, чтобы посѣтить всѣ трактиры, отвѣдать всѣхъ винъ, поволочиться за всѣми гризетками, актрисами и танцовщицами, опустошить свой карманъ до-тла, разстроить состояніе дѣтей, — да это явственная клевета. Чтобы Русскій могъ путешествовать не для того, что бы образовать свой умъ съ пользою для отечества, чтобы онъ каждую минуту не думалъ о своей родинѣ, чтобы не тосковалъ о ней и не мечталъ какъ бы, окончивъ ученый курсъ путешествія, поскорѣе воротиться домой на службу отчизнѣ, — да мы этому рѣшительно не вѣримъ, не хотимъ вѣрить, а если и есть тамъ вышеописанные, то ужъ вѣрно не Русскіе. — Богъ съ ними. Къ чему и говорить объ нихъ. При мысли одной о такихъ путешественникахъ лучше поскорѣе поставить черточку.

—

Вы уѣзжаете изъ Петербурга, вѣроятно, на Балтійское поморье: въ Гельсингфорсъ, Ревель, Либаву, Гапсаль, или наконецъ Нарву... О послѣдней вы знаете почти все, о Гельсингфорсѣ скоро узнаете... Уѣзжайте! Уѣзжайте въ Россію, куда угодно; вы дома; не жаль вашихъ денегъ; вы увидите покрайней мѣрѣ хотя одну точечку своего Отечества.

—

Вы уѣзжаете на дачу? Куда? въ Павловскъ? Очень жалѣемъ, что васъ тамъ ждетъ большое огорченіе. Вы не найдете тамъ вашего любимца Германа! Теперь, когда его тамъ нѣтъ, для васъ остается только одно удовольствіе — благодарное воспоминаніе.. Конечно, мы и не въ Павловскѣ еще, а уже тоскуемъ по Германѣ. Онъ стоитъ грусти, онъ стоитъ ближайшаго знакомства. Онъ не случайный какой нибудь кочующій музыкусъ, а музыкантъ съ большими свѣденіями, съ добрымъ сердцемъ, съ благороднымъ характеромъ.

Германъ родился въ Бреславлѣ, гдѣ музыка тоже, что у насъ теплая одежда. Безъ нея выйти на улицу нельзя. Шести лѣтъ, лишась родителей, онъ былъ принятъ въ монастырь, гдѣ уже открылись его музыкальныя способности; онъ пѣлъ дискантомъ и обращалъ на себя вниманіе знатоковъ и любителей. Поступивъ въ гимназію, онъ и тамъ удивлялъ наставниковъ успѣхами въ наукахъ. Въ весьма молодыхъ лѣтахъ былъ уже школьнымъ ректоромъ; но музыка, его стихія, — совлекла его съ педагогическаго пути и поглотила въ волнахъ своихъ. И на этомъ морѣ онъ скоро выбился изъ посредственности. Познаніями своими въ музыкѣ, пріобрѣтенными подъ руководствомъ Шнабеля и Бернера, извѣстныхъ композиторовъ и капельмейстеровъ, Германъ скоро сталъ достойнымъ ихъ соперникомъ и былъ назначенъ директоромъ народной музыки. Знаете ли, что значитъ въ германскихъ городахъ народная музыка?.. Это хоръ и оркестръ, составленный изо всѣхъ горожанъ, которые умѣютъ пѣть или играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Нужно, — они окружаютъ соборные органы; — въ спектаклѣ — одни сидятъ и работаютъ въ оркестрѣ, другіе на сценѣ поютъ; праздникъ городской, — они въ залѣ ратуши играютъ и поютъ, а ввечеру на открытомъ воздухѣ — гдѣ нибудь въ саду разъигриваютъ Бетховена, Моцарта, Гайдна и т. д. Директоръ долженъ знать всѣ роды музыки, имѣть самыя разнородныя способности.

Въ Вѣнѣ возникъ вальсъ Штрауса и особенные для него оркестры. Германъ составилъ такой же въ Бреславлѣ и достигъ знаменитости до того, что оркестръ Германа не уступалъ ни одному изъ извѣстныхъ, превосходилъ многіе оркестры согласіемъ и одушевленіемъ общей игры. Отъ временъ Роде до послѣднихъ годовъ пребыванія въ Бреславлѣ, Германъ акомпанировалъ съ своимъ ор-

кестромъ всѣмъ извѣстнѣйшимъ солистамъ; довольно назвать самого Роде, Бернарда Ромберга, Каталани, Паганини, Липинскаго и др. Близость Варшавы соблазнила Германа: какъ не съѣздить въ эту столицу, какъ не посмотрѣть другихъ и себя не показать. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Но три поѣздки поселили желаніе побывать и дальше, и Германнъ явился на площадкѣ Павловскаго Воксала.

Германъ создалъ оркестръ свой какъ будто нарочно для петербургской публики. Выборъ піэсъ всегда у него былъ отличный, исполненіе всегда равно превосходное. Ни разу намъ не случилось замѣтить небрежности. Онъ былъ всѣми любимъ, но за то какъ и онъ любилъ и уважалъ публику. Только для разнообразія, изрѣдка, позволялъ онъ себѣ пошутить и употребить такъ называемый музыкальный скандалъ, что не совсѣмъ вѣрно выражается соблазномъ: это два галопа съ бродящей трубой и паровозъ или желѣзная дорога съ стукомъ, шумомъ и свистомъ; но за то эти піэсы (впрочемъ краснаго музыкальнаго рисунка) искупались богатымъ изящнымъ и всегда новымъ репертуаромъ. — Библіотека Германа по этой части едвали не самая богатая между библіотеками всѣхъ этого рода оркестровъ. Обязательность Германа умѣла соглашать всѣ желанія, обыкновенно самыя разнообразныя, удовлетворять всѣмъ требованіямъ, иногда своенравнымъ и назойливымъ. Всѣ и всегда были довольны. Онъ любилъ, обожалъ свою публику. Публика умѣла цѣнить своего усерднаго слугу и оказывала ему свою признательность словомъ и дѣломъ. Германъ былъ удостоенъ вниманія даже Августѣйшихъ Особъ. Любя отъ души Русскихъ, онъ любилъ и русскую музыку. Вспомните, какъ онъ исполнялъ вальсъ Глинки, эту удивительную элегію, исполненную любви, нѣги и тоски, или болеро; вспомните піэсы Даргомыжскаго, Кажинскаго, Струйскаго, попурри изъ русскихъ оперъ. Какую разницу можно было найти въ исполненіи этихъ піэсъ съ другими, заморскими? Никакой! потому что совѣстливый Германъ — былъ всегда художникомъ — космополитомъ. — Благословляя и прославляя Россію, называлъ ее вторымъ отечествомъ и служилъ этой второй отчизнѣ какъ добрый и честный сынъ... И неужели онъ разстанется съ нами! Не ужели мы лишимся этого образцоваго оркестра! Германъ и самъ не въ состояніи рѣшиться на такую разлуку.

—

Вы знаете Безбородкинскую Дачу на Невѣ! Вы помните, что этотъ край дачной провинціи чрезвычайно живописенъ. Всѣ домы и домики кругомъ заняты жильцами; каждый день тамъ много гостей; и близко, и сообщеніе теперь такое удобное: въ дилижансѣ вы покойно и дешево съѣздите и туда и обратно, чуть не за грошъ. Пріятности этого мѣста еще въ прошедшихъ годахъ привлекали туда болѣе и болѣе посѣтителей. Теперь оно войдетъ въ соперничество съ лучшими загородными гульбищами. Угощеніемъ, за умѣренную плату, будетъ управлять лучшій нашъ кондитеръ И. И. И. Вы найдете въ палаткѣ его все, чего только ни потребуетъ ваше прихотливое гастрономическое воображеніе, — и въ то же время, на той же дачѣ, на особенномъ острову — ежедневный изысканный концертъ. Оркестръ будетъ разыгрывать все новѣйшее, все любимѣйшее. Оркестромъ будетъ дирижировать Германъ! Мы воображаемъ какъ оживятся всѣ дачныя области по правому берегу Невы, эти безъ сомнѣнія лучшія мѣста для лѣта близъ Петербурга... Скоро ли? Когдаже? Не правда ли, вы всѣ спрашиваете съ нетерпѣніемъ. — Объ этомъ возвѣстятъ ежедневныя газеты.

(Вѣнскій трагикъ Кунстъ).

—

Павловскій воксалъ не остается безъ оркестра. Это само собою разумѣется. Изъ объявленія о желѣзной дороги, каждый уже знаетъ, что въ Павловскѣ будетъ играть оркестръ Гунгля изъ Берлина. Это братъ берлинскаго Іосифа Гунгля. Другихъ никакихъ объ немъ свѣдѣній еще неимѣемъ... Недолго ждать: оркестръ Гунгля пріѣдетъ съ первымъ пароходомъ.

—

У васъ остается еще четыре дня съ сегодняшнимъ включительно. Сего дня, если вы еще не видѣли, и если будетъ французскій спектакль, постарайтесь побывать въ Михайловскомъ Театрѣ и посмотрѣть игру Варле. — Онъ занялъ амплуа — Дюфура.

—

Завтра, и объ этомъ просимъ любителей драмы, не забудьте посмотрѣть игру вѣнскаго перваго трагика Кунста. Онъ соперникъ Девріена, — и обладаетъ прекрасными сценическими качествами.

—

Послѣ завтра зайдите еще въ діораму Гропіуса. Пять картинъ, которыя тамъ увидите, не всѣ равнаго достоинства; но альпійскій видъ и въ особенности рыцарская зала въ Маріенбургѣ — прелесть. Въ послѣдней обманъ перспективы и свѣта доведенъ досовершенства.

За тѣмъ садитесь въ дилижансъ, пароходъ, или паровозъ и отправляйтесь на дачу. Но въ слѣдующую субботу не забудьте прислать за 7 нумеромъ Иллюстраціи.

—

(Капельмейстеръ Германнъ).

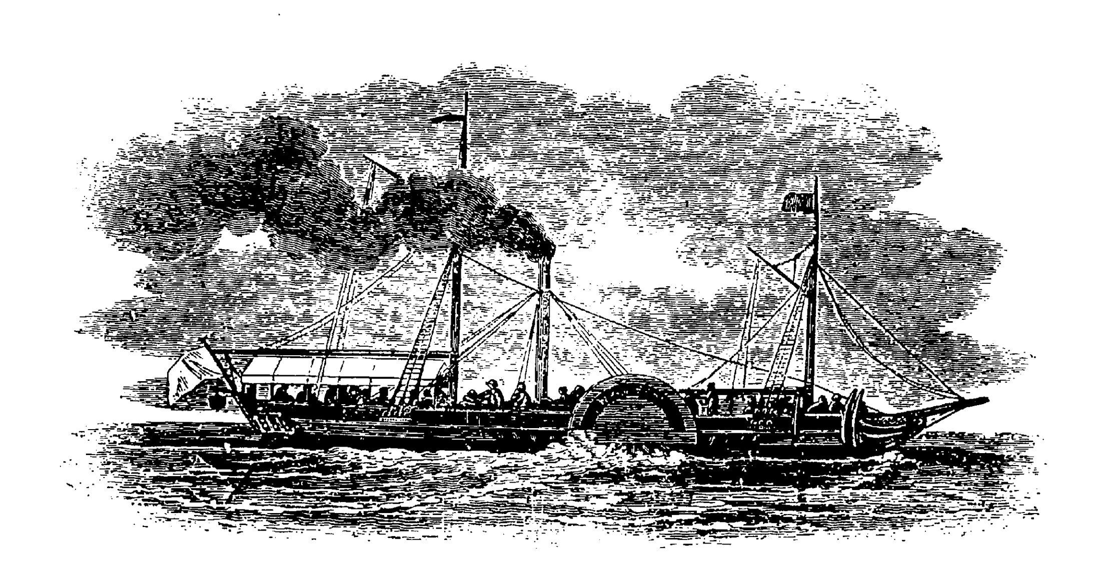
СМѢСЬ

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

Вы уѣзжаете на лѣто изъ Петербурга. Это намъ извѣстно. Но куда? Вы еще не рѣшились, потому что у васъ нѣтъ опредѣленной цѣли; лишьбы уѣхать изъ Петербурга, вотъ ваше опредѣленное намѣреніе. Иллюстрація спѣшитъ вамъ представить всѣ возможности уѣхать изъ Петербурга — моремъ. Извольте выбирать. Чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Такъ садитесь на пароходъ Mairmed и уѣзжайте въ Лондонъ. Въ дорогѣ вы пробудете только 7 дней, потому что пароходъ въ 600 силъ, но, предупреждаемъ, онъ ходитъ только разъ въ мѣсяцъ. Не хотите въ Лондонъ, поѣзжайте въ Гавръ, за 100 р. с. Тажъ или Амстердамъ отвезутъ васъ туда когда угодно, потому что они смѣняются каждыя двѣ недѣли. Вамъ угодно видѣть прежде Германію. Извольте. Можете ѣхать каждую середу на пароходахъ Николай I, Александра и Наслѣдникъ. Васъ отвезутъ въ Любекъ, отдуда куда заблагоразсудите; если же вамъ Любекъ почему либо не нравится, можете ѣхать въ Штетинъ, но въ такомъ случаѣ обождите до Іюня, потому что пароходъ еще неготовъ; если же вы хотите непремѣнно ѣхать въ Любекъ и въ жару вашихъ капризовъ располагаете отправиться не изъ Петербурга, а изъ Риги — можете: изъ Риги въ Любекъ будетъ ходить пароходъ Двина, принадлежащій рижскому купечеству; не забудьте, что за семейную каюту, на четыре персоны до Любека, вы заплатите только 115 р. с. — Еще можете, если угодно отправиться въ Hull. Пароходъ туда будетъ ходить только разъ въ мѣсяцъ.

Но нѣтъ, вы раздумали. Вамъ некогда ѣхать за границу; вамъ можно пропутешествовать съ мѣсяцъ не больше; и въ это время побывать будтобы заграницей — въ такомъ случаѣ каждую середу можете уѣхать черезъ Ревель и Гельсингфорсъ въ Стокгольмъ: между Гельсингфорсомъ, Або и Петербургомъ попрежнему будетъ ходить Муртаіа со скотомъ и людьми. Неудобства отъ компаніи съ животными вознаграждаются прекрасными видами, которыми вы налюбуетесь до-сыта, потому что Муртаіа не слишкомъ храбрый пароходъ и плыветъ шкерами. Не хотите и Финляндіи, можете каждую субботу уѣхать въ Ревель, на Эзель, въ Ригу, на бердовыхъ пароходахъ Нева и Дарія. Боитесь моря, а поплавать на пароходѣ хочется, можете каждый день въ 9 часовъ утра и въ 6 пополудни уѣхать въ Кронштатъ, на трехъ пароходахъ, и на трехъ же въ Петергофъ, также два раза въ день въ 9 часовъ ут. и въ 4 п. п. И такъ прощайте! Желаемъ веселаго пути и здоровья. Но если послѣднее можетъ пострадать отъ морскаго воздуха, доктора запрещаютъ ѣхать водою, садитесь въ дилижансы; мы и объ нихъ собиремъ справки и о послѣдующемъ донесемъ съ первой субботой.



Предсказаніе наше сбылось. Италіянцы развели около Петербурга такое множество цвѣточныхъ теплицъ, что букеты въ началѣ мая, за которые платили такъ недавно 1 и 2 рубля серебр., вдругъ стали продавать по двугривенному. Хорошо, что теперь нѣтъ Италіянцевъ; совѣстно было бы бросать такіе дешевые цвѣты.

—

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПАРНИКОВЪ И ХОЖДЕНІИ ЗА НИМИ.

Парники всего лучше устроивать въ такомъ мѣстѣ, которое во весь день освѣщается солнцемъ, а ночью защищено стѣнами, строеніями, или какимъ нибудь другимъ образомъ. Продолжительное освѣщеніе солнцемъ нужно для парниковъ потому, что растенія возращаются въ нихъ дѣйствіемъ солнечной теплоты. Глубина и ширина ямы подъ парникъ зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отъ цѣли, съ какою онъ устроивается. Тоже самое должно сказать и о числѣ рамъ въ парникѣ. Но самые главные предметы суть: навозъ и земля. Лошадиный навозъ для парниковъ самый удобнѣйшій отъ того, что онъ имѣетъ наиболѣе горячительныхъ свойствъ, и, слѣдовательно, всего лучше можетъ производить въ парникѣ нужную теплоту. Для парниковъ требуется свѣжій навозъ, а отнюдь не старый, или превратившійся уже въ черноземъ, потому что такой навозъ лишился горячительнаго свойства. Смотря по времени года, въ парникъ кладется свѣжій навозъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ. Рано весною нуженъ слой навоза въ три фута вышиною; въ послѣдствіи же достаточно, ежели онъ будетъ имѣть отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 футовъ вышины. Навозъ долженъ быть не мокрый и не комковатый, чтобы его можно было навалить ровно и такъ плотно, чтобы ни гдѣ не осталось промежутка или пустоты, а особливо въ самомъ исподнемъ слоѣ. Наваливши навозъ въ парникъ, слѣдуетъ его крѣпко утоптать, и если гдѣ окажутся углубленія, то наполнять ихъ свѣжимъ навозомъ, покуда вся поверхность сдѣлается ровною и гладкою; потомъ наложить ящикъ или раму, которая должна окружить парникъ и плотно приходиться къ нему со всѣхъ 4 сторонъ, а вслѣдъ за тѣмъ насыпать на слой навоза самую хорошую и тучною, но не слишкомъ жирную землю. Для такого употребленія весьма пригодны: илъ и земля изъ прудовъ, долго пролежавшая въ кучѣ и сдѣлавшаяся совершенно мелкою и разсыпистою, также перегнившій хорошій дернъ, перегной лиственный, или изъ сорныхъ травъ, пенья и т. д. Но всегда лучше земля, состоящая изъ всѣхъ этихъ веществъ, въ смѣси съ рѣчнымъ пескомъ. Вообще, земля для парника требуется очень мелкая и класть ее надобно толстымъ слоемъ, чтобы корни растеній могли свободно въ ней распространяться.

Кому еще не случалось ухаживать за парниками и кто находитъ сказанное нами не довольно яснымъ, тотъ вѣрно не поскучаетъ прочесть дальнѣйшія о нихъ подробности. Съ парниками вообще должно поступать слѣдующимъ образомъ: на южной или полуденной сторонѣ огорода, либо сада, выкопать яму отъ 5 до 6 футовъ шириною и

отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ футовъ глубиною, длины же произвольной. На мѣстѣ, гдѣ будетъ задняя стѣна парника, вколотить въ землю колья не болѣе 5 футовъ (2 арш.) длиною, такъ чтобы они торчали изъ земли только на 9 или 10 дюймовъ, и притомъ въ косвенномъ направленіи и въ разстояніи слишкомъ 4 футовъ одинъ отъ другаго. Къ кольямъ прикрѣпить доски, одну надъ другою, помѣщая ихъ на ребро и стараясь, чтобы верхняя доска выдавалась изъ-за кольевъ вверхъ дюйма на 4. Когда задняя стѣна готова, то построить переднюю, которой колья должны, однакожъ, высовываться изъ земли только на 4 дюйма. Для задней стѣны требуются $2\frac{1}{2}$ доски, укрѣпленныя одна надъ другою, а для передней достаточно двухъ досокъ. Окончивъ и переднюю стѣну, остается задѣлать парникъ съ боковъ. При такомъ устройствѣ, парникъ имѣетъ наклонное положеніе къ югу или полудню, и наиболѣе и сильнѣе нагрѣвается солнечными лучами. По задѣлкѣ парника и съ боковъ, надобно набивать въ него хорошаго, теплаго, не очень сухаго, лошадинаго навоза, накладывая его, посредствомъ вилъ, слоями и выравнивая поверхность. Навозъ, въ которомъ не слишкомъ много соломы, самый удобный для парника. Наполнивъ парникъ этимъ матеріаломъ на 8 дюймовъ въ вышину и плотно умявъ его вилами, нужно положить еще слой разсыпчатаго навоза въ 2 дюйма толщиною, выровнять всю поверхность и сгладить ее лопатою. Тогда останется пустаго пространства только на 6 дюймовъ въ вышину; изъ нихъ 4 или 5 дюймовъ, считая вверхъ отъ навоза, должна занять хорошая тучная земля, такъ что при нижней стѣнѣ парника свободнаго пространства будетъ уже не болѣе на 1 или на 2 дюйма въ вышину, а при задней вѣрно останется еще на 6 дюймовъ пустаго мѣста, котораго и достаточно для возращенія молодыхъ растеній. Дыни же, огурцы и т. п., требуютъ нѣсколько большаго простора. Землю можно употреблять одну и ту же каждый годъ, но въ такомъ случаѣ, при снимапіи земли съ парника осенью, помощію лопаты, конечно, нужно захватывать, вмѣстѣ съ нею, и нѣкоторое количество сгнившаго навоза.

Однако жъ тотчасъ сѣять въ парникѣ нельзя, а должно обождать нѣсколько дней, именно покуда онъ столько остынетъ, что не станетъ уже дымиться, и когда можно будетъ просунуть руку въ землю до навоза, не чувствуя жара; иначе же всходы совершенно сопрѣютъ и попалятся. Теплота для парника требуется постоянно одинаковая, и въ немъ не должно быть ни слишкомъ холодно, ни очень жарко, потому, что то и другое весьма вредитъ растеніямъ. Когда парникъ замѣтно остываетъ, то по бокамъ накладываютъ болѣе или менѣе значительное количество свѣжаго лошадинаго навоза, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ. Для раннихъ парниковъ свѣжій навозъ можетъ понадобиться даже по прошествіи двухъ недѣль. При весьма холодной погодѣ парникъ должно содержать въ теплѣ, именно закрыть и укупорить всѣ отверстія, на стекольныя рамы наложить соломенныя щиповки и накрыть ихъ еще рогожами, а особливо на ночь. Но днемъ парниковыя рамы надобно открывать то съ той, то съ другой стороны, соображаясь съ направленіемъ вѣтра, потому, что скопляющимся въ парникѣ парамъ необходимо нужно доставлять выходъ, чтобы они не препятствовали росту растеній. При яркомъ сіяніи солнца, рамы можно открывать нѣсколько болѣе обыкновеннаго, но, безъ сомнѣнія, не въ то время, когда дуетъ холодный вѣтеръ.

Рано весною, парниковыя растенія должно поливать небольшимъ количествомъ воды и отнюдь не часто, а только тогда, какъ листочки начнутъ желтѣть. Дыни почти вовсе не нуждаются въ поливкѣ. При первомъ тихомъ и тепломъ дождѣ, нужно снять съ парника всѣ рамы; но если приближается гроза, и когда можно ожидать, что пойдетъ градъ, то опять закрыть рамами весь парникъ. Чѣмъ сильнѣе начнетъ печь солнце, тѣмъ болѣе надобно пріучать парниковыя растенія къ свободному воздуху. Когда отъ морозовъ не предстоитъ уже опасности и ночи довольно теплы, то днемъ можно раскрывать весь парникъ, а на ночь, смотря по свойству растеній, прикрывать его только слегка.

—

АНЕКДОТЫ.

I.

Скупой шелъ однажды вечеромъ по весьма каменистой, неровной дорогѣ. Такъ какъ было уже темно и никто не могъ его видѣть, то онъ снялъ сапоги. Дорогой онъ разсчитывалъ, сколько бы онъ могъ сберечь въ годъ денегъ, еслибъ была мода ходить безъ сапоговъ; вдругъ наткнулся на острый камень и повредилъ себѣ большой палецъ.

Хромая, добрался онъ домой и, разсказавъ женѣ свое несчастіе, прибавилъ:

— Слава Богу, что я еще догадался снять сапоги, а то я непремѣнно прорвалъ бы ихъ!

II.

Плохой актеръ поссорился однажды съ однимъ рецензентомъ. Актеръ сталъ говорить грубости; рецензентъ разсердился и отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ ему такую штуку, какой онъ еще отродясь не зналъ.

— Что можете вы мнѣ сдѣлать? вскричалъ насмѣшливо актеръ.

— А вотъ увидимъ! отвѣчалъ критикъ, и вышелъ.

Черезъ четверть часа слуга вошелъ въ комнату и сказалъ актеру, что его кто-то спрашиваетъ. Актеръ вышелъ и въ передней нашелъ рецензента, который закричалъ ему:

— Я сдержалъ свое слово; я сдѣлалъ вамъ то, чего съ вами еще не бывало: я вызвалъ васъ.

—

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

У насъ и въ зимніе мѣсяцы нельзя собрать порядочной библіографіи изъ порядочныхъ книгъ; а ужъ лѣтомъ — о книгахъ кто думаетъ? Только одни издатели, которые, подобно пчеламъ, трудятся, чтобы зимою медъ ихъ разошелся по свѣту и принесъ пользу и пчеламъ и потребителямъ. Только на этотъ медъ частенько при самомъ выходѣ его изъ улія нападаютъ трутни и другіе насѣкомые, и безполезно уничтожаютъ народное достояніе часто несправедливымъ, всегда пристрастнымъ порицаніемъ.

Каждое доброе начинаніе вы думаете принимается у насъ радушно, любовно? Полагаете, что литераторы, съ честностію и правдою на устахъ, спѣшатъ пригрѣть подымающуюся изъ земли травку, изъ которой можетъ возрости дерево. О нѣтъ! для многихъ, кромѣ своихъ статей, все чертополохъ; безъ разбора они стараются вырвать изъ этой почвы все то, что только намѣревается расти, и вотъ почему наша литература теперь пустая. Полынь, да другія вредныя травы на волѣ, ѣдятъ соки Русскаго Слова.

Мало печатныхъ нападеній, — это не удовлетворяетъ ихъ желчи; напишутъ и по улицамъ объясняютъ, что написать хотѣли; подбирая подъ свою стать слушателей, толкуютъ терпѣливому поколѣнію, что критикой своей сразили такого, положили во гробъ, опустили въ могилу и теперь даже воспоминаніе объ немъ исчезло съ лица земли. Приписываютъ критикѣ своей такія ужасныя свойства, которыя тотчасъ, по выходѣ ея въ свѣтъ, не только заставляютъ не подписываться, но приводятъ читателей въ неистовство; тѣ идутъ въ книжныя лавки и требуютъ назадъ свои деньги.

Забавно смотрѣть на это безполезное кипѣніе вредныхъ страстей въ половинѣ XIX вѣка, въ столицѣ, которая считается образованной. Если предметомъ этой злобы молодой, начинающій писатель, то ядъ дѣйствуетъ; есть и слушатели той же стати; и сколько, можетъ быть, весьма хорошихъ надеждъ погибло, даже незамѣченныя публикою.

Можно порицать (и легче порицать), но не изданія, изъ которыхъ можетъ выйти прокъ. Такъ напримѣръ Финскій Вѣстникъ подвергся, можно назвать, обиднымъ нападеніямъ, обиднымъ для самой литературы. Говорили и утверждали, будто есть такія литературы, въ которыхъ не только ни одно изданіе, но ни одна фабрика не можетъ пойти успѣшно, если не заплатитъ журнальной пошлины. Фарфоровая фабрика — пожалуйте дюжину чашекъ; кондитерская — покормите пирогами и конфектами; погребъ — пришлите коробочку вина... Литераторъ натурально подноситъ экземпляръ книги... Э, нѣтъ, извините. Что намъ въ этой макулатурѣ; мы любимъ бумагу, да не ту; въ эту заверните другую бумагу, хоть сотенную, тогда ваша книга будетъ расхвалена, иначе разругана въ пухъ.

Говорили и утверждали, будто это дѣлается гласно, явно, даже при свидѣтеляхъ. При этомъ случаѣ разсказывали анекдотъ, что редакція одного иностраннаго продажнаго журнала приняла товаръ отъ одного фабриканта, а отъ другаго голословную просьбу; разсердилась, и въ сердцахъ ошиблась. Разругала щедродателя и похвалила просителя. Вотъ должно было послѣдовать любопытное объясненіе. Жаль, что при немъ не было нашего П. А. Каратыгина...

Мы забываемъ, что все это говорили и утверждали... Но кто этому повѣритъ? Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, владѣющій перомъ литератора дошелъ до такой низости. Нѣтъ, это клевета на иностранныхъ журналистовъ.

Не вѣримъ, не вѣримъ — и возвращаемся къ Финскому Вѣстнику, который должно считать болѣе книгой, нежели журналомъ. Можетъ быть Редакторъ и молодой человѣкъ, но это право еще не такъ худо; можетъ быть онъ сколотилъ свои книжки изъ разныхъ статей, переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, или заимствованныхъ изъ губернскихъ вѣдомостей; но въ трехъ книгахъ этого журнала, какъ явствуетъ изъ оглавленія, напечатаннаго на обертке 3-го тома, помѣщены произведенія А Майкова, В. Солоницына, В. Бенедиктова, Е. Гребенки, Е. Ковалевскаго, А. Старчевскаго, А. Башуцкаго, В. Луганскаго, В. Майкова, Д. Успенскаго и другихъ.

Можетъ быть статьи остальныя и не такъ хороши, можетъ быть даже дурны, но за многія изъ исчисленныхъ ручаются имена авторовъ.

Слушатели означенной статьи, если послушаютъ также означенныхъ критиковъ лишатъ себя добровольно удовольствія прочесть нѣсколько хорошихъ статей писателей, съ которыми они не встрѣтятся никогда въ ихъ любимыхъ журналахъ и газетахъ. Не здѣсь ли и причина, возбудившая грозу на Финскій Вѣстникъ, которому, какъ и всякому изданію всѣхъ родовъ и видовъ, желаемъ полнаго успѣха, но если только онъ будетъ подвизатся съ доброю цѣлію, путями добрыми. Уваженіе публики къ изданію зиждетъ его существованіе, хотя и медленно, но за то прочно. Принудить къ этому можно только дѣломъ, а не словами... Не только Финскій Вѣстникъ, и другія изданія окрѣпли и подобрѣли отъ тѣхъ же причинъ... Вотъ напримѣръ Листокъ для свѣтскихъ людей.

Все это листки, журналы, газеты, а гдѣ же *новыя книги?*

— Гдѣ? Новыя книги всѣ въ листкахъ, журналахъ и газетахъ. Отдѣльно теперь книгъ совсѣмъ нѣтъ... Говорятъ, что къ осени выйдетъ ихъ нѣсколько. А. Ф. Смирдинъ собираетъ матеріалы для составленія книгъ; также собираютъ сочиненія покойнаго Косичкина, напечатанныя и не напечатанныя. Поговариваютъ, будто бы даже съ иллюстраціями. Всѣ благомыслящіе читатели, вѣроятно, одобрятъ подобное предпріятіе.

—

ПЕРЕПИСКА.

Н. Л. С. — Некогда.

10—12. — idem.

П. П. ** — idem.

З.—В. въ Калугу. Покорнѣйше благодаримъ. Дай Богъ вашими устами медъ пить.

О. Е. Л. въ Кіевъ. Трудно нарисовать, еще труднѣе вырѣзать. Умозрѣнія въ загадкахъ—дважды загадки. И такъ есть у насъ такіе отгадчики, которые негодуютъ зачѣмъ наши загадки такъ трудны. Мы когда-то игрывали *въ шарады* на словахъ. Пришелъ одинъ пріятель, усѣлся на софѣ, слушалъ наши задачи и сказалъ: ну теперь я загадаю... Первое *а*—второе—*фишка*—а цѣлое на стѣнѣ виситъ... «Не противъ тебя ли?» спросили мы, со смѣхомъ, потому что дѣйствительно на особой доскѣ противъ гостя, висѣла афишка... Впрочемъ будутъ и легкія. Вспомнивъ про нашего гостя, мы вспомнили и о шарадахъ. На первый случай загадали слово легкое. Не знаемъ, понравится ли?

Господ. Г-ву въ С. Пбургъ.—Рыцарь Иллюстраціи! Что вамъ за охота спорить? Развѣ не замѣчаете, кто ваши противники? Поберегите себя, пожалѣйте ихъ, а за доброе расположеніе—русское спасибо.

—

ПРЕФЕРАНСЪ.

Пора исполнить обѣщаніе. Возвратясь изъ двадцати осьми мѣсячнаго отпуска, даннаго мнѣ Иллюстраціей, я нашелъ много преферансовыхъ, вистовыхъ, пикетныхъ и другихъ важныхъ дѣлъ запущенными, и между прочимъ процессъ, о коемъ объявлено въ первомъ нумерѣ Иллюстраціи. Поспѣшно составилъ я докладную записку, бѣгу въ шестой нумеръ, становлюсь на свое мѣсто, излагаю дѣло:

1844 года, мѣсяца Іануарія, въ двадесять пятый день, въ восемъ часовъ пополудни, положивъ шляпы на окна и, снявъ перчатки, приняли гости изъ рукъ хозяина карты и усѣлись за ломберные столы; на одномъ изъ оныхъ играло четверо въ преферансъ. Игрокъ на первой рукѣ—спасовалъ: у него никакой игры не было, отъ того только онъ и спасовалъ; второй купилъ, потому что имѣлъ нѣкоторыя печальныя надежды въ пикахъ, или по нуждѣ и въ трефахъ, по все таки черныя; третій сыгралъ, потому что у него была игра араратская (новый терминъ, замѣняющій нынѣ игру съ гору; нововведеніе это одобрено, потому что прежній терминъ неточенъ, гора можетъ быть и небольшая и заоблачная, а ужъ Араратъ—вещь извѣстная и слово благозвучное); третій объявилъ въ червяхъ; первый уныло произнесъ пасъ, положилъ карты, и съ горя посмотрѣлъ прикупку....

«Позвольте, позвольте», воскликнулъ второй съ черными надеждами: «я васъ приглашаю!»

—Я видѣлъ прикупку,.. отвѣчалъ первый, еще печальнѣе...

—За чѣмъ же вы смотрѣли? Пусть теперь съ вашими картами вистуетъ сдающій...

Первый отдалъ свои карты четвертому, а самъ удалился, пошелъ прогуляться по комнатѣ, или сказать знакомому пару словъ...

Сдающій, онъ же и четвертый—сдѣлалъ ренонсъ...Сдававшій, или четвертый, объявилъ, что онъ ставитъ ремизъ—не желаетъ, понеже не за себя игралъ... Споръ... Всѣ ломберные столы и заштатные ассистенты слушали и приговорили, что ремизъ—долженъ поставить первый, за то, что онъ прогуливался, а прогуливался потому, что посмотрѣлъ талонъ, а какъ второе преступленіе было послѣдствіемъ перваго, то и отвѣтственость падаетъ на посмотрѣвшаго противузаконно прикупку. О чемъ и объявляется для всеобщаго свѣдѣнія и въ подобныхъ случаяхъ для надлежащаго исполненія.

—

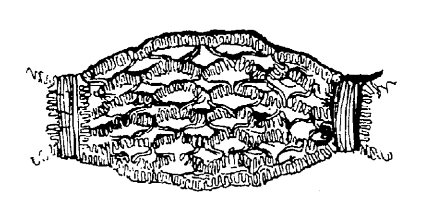
—

НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ: въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Шрпаева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ №No 4—5.

МОДЫ.

Теперь самое *мантильное* время. Мантилій тма разныхъ родовъ, фасоновъ и матерій; но самые модные такъ называемыя Бедуинки, ихъ дѣлаютъ изъ кашемира, свѣтлыхъ цвѣтовъ, и больше всего изъ бѣлаго; обшиваютъ аграмантомъ двухцвѣтнымъ, непремѣнно двухцвѣтнымъ. Тѣже Бедуинки еще лучше, когда вышиты такъ называемымъ *суташемъ*. Въ этомъ послѣднемъ родѣ чудесныя Бедуинки можно найти въ Англійскомъ Магазинѣ; также онѣ и полны и нарядны, а эти условія не вездѣ соблюдаются съ надлежащею строгостію. Изъ шелковыхъ мантилій лучшія les Albertines; онѣ легки, весьма хороши для компатъ, и потому замѣняютъ кацавейки, которыя господствовали столько лѣтъ. Альбертинки убираются бахрамой и кружевами.



Соломенныя шляпки выступаютъ уже на сцену; теперь въ модѣ сквозныя изъ шитой италіянской соломы; больше всего убираются цвѣтами, которые, по подобію капусты, окружаютъ головку шляпки. Ленты по прежнему — клѣтчатыя, также и марабу цвѣтные раздѣляютъ право развѣваться на дамскихъ головкахъ вмѣстѣ съ цвѣтами и страусовыми перьями.

—

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 3.

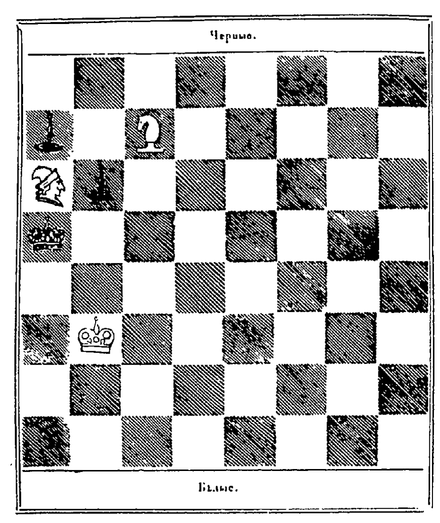
БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1. Л. на 7 кл. Ф.	К. беретъ Ф.
2. К. что на 3 кл. Сл.—на 2 Кл. Кор.	Сл. 6. К.
3. Кор. на 6 кл. Сл. Ф. и матъ.	

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ. № 4.

1. К, что на 3 кл. Сл. Ф.—на 5 кл. Ф.	П. Л. 1. мѣсто
2. К. что на 4. кл. своей на 2 м. Л.	П. беретъ Коня.
3. П. К. два мѣста и матъ.	

ЗАДАЧА № 5.

Бѣлые ходятъ, и въ семь ходовъ даютъ матъ.



РАЗГАДКА.

Изъ Петербурга Билетъ с пер-вой-ну-зажегъ между музыкантами.

Изъ Петербурга Биле теперь войну зажегъ между музыкантами.

ЗАГАДКА № 6.

Дворянинъ	Крестьянинъ	Бѣдный
Купецъ	Казакъ	Достаточный
Мѣщанинъ	Богатый	Нищій.

ШАРАДА № 1.

Первое мое.........

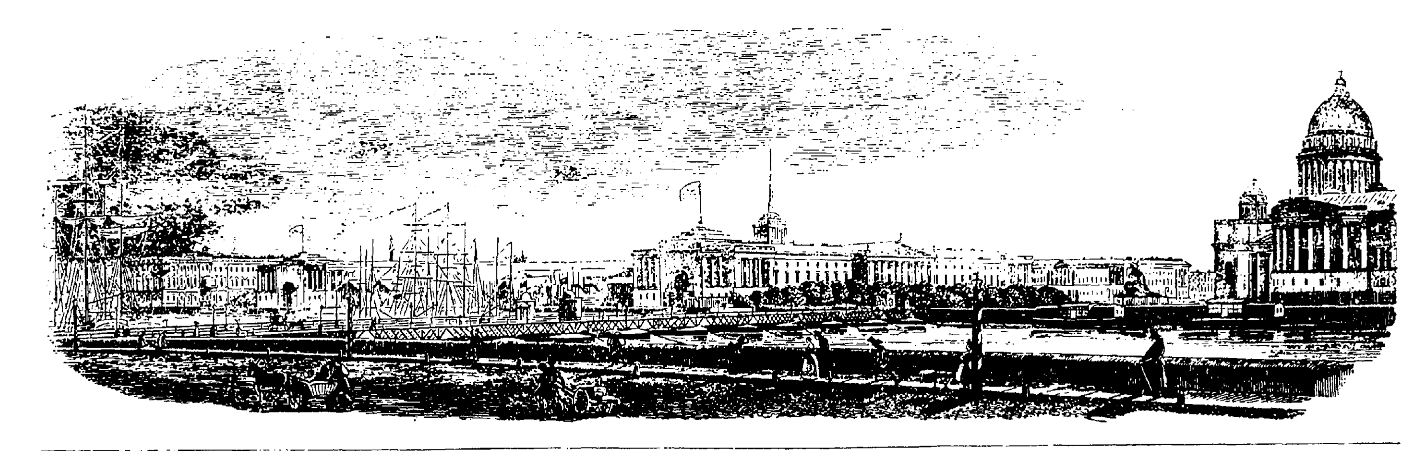
Второе................ Ъ

а цѣлое — въ этомъ нумерѣ СИДИТЪ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Мая 11 дня 1845 года. Цензоры: *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 7.—Суббота, 19 Мая 1845.** Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ТАРІЕЛЬ, БАРСОВА-КОЖА.

ПОЭМА.

(окончаніе)

64. Безъ мѣры прогнѣвался царь : «За нимъ !» онъ скомандовалъ войску.
А юноша также безпеченъ, покамѣсть его не нагнали.
Но тѣхъ, кто его настигалъ, онъ въ прахъ превращалъ — и могучій,
Людями въ людей онъ металъ, и тѣмъ унижалъ Ростевана...

65. Возсѣлъ государь съ Автандиломъ на быстрыхъ коней, — и погнались.
А юноша, гордъ и безпеченъ, ѣдетъ, да зыблется станомъ...
Конь его движется тише, чѣмъ лучь, разостлавшійся въ полѣ,
Но чувствуетъ всадникъ : за нимъ звучно несется погоня !..

66. Увидѣвъ ужъ близко царя, стегнулъ онъ кнутомъ свою лошадь,
И мигомъ отъ взоровъ изчезъ, какъ молнія. Похоже то было,
Что онъ, или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился сквозь землю.
Искали слѣдовъ, — не нашли и слѣда, забытаго въ полѣ !..

67. Ходили по лугу они и смутно дивилися чуду :
Какъ человѣку пропасть, подобно крылатому духу !
Войско плакало по мертвымъ, а раненымъ помощь давали...
И молвилъ задумчивый царь : «конецъ моихъ радостей близокъ !»

68. «Вижу, наскучило Богу веселіе дней моихъ долгихъ ;
«Время смѣнить ихъ душѣ раскаянья скорбными днями.
«Отнынѣ я въ гробъ понесу неисцѣлимую рану...
«Но воля да будетъ Творца — то воля Его благодати !»

69. Сказавъ это, царь омраченный тихо поѣхалъ въ палаты.
Ни звука на мѣстѣ забавъ : горе лишь множилось горемъ,
Охота растроилась, слышенъ шопотъ въ народѣ ; иные
Думаютъ : правъ государь... другой уповаетъ на промыслъ !

70. Мраченъ задумчивый царь, вошелъ въ почивальный чертогъ свой.
Любимый какъ сынъ, Автандилъ одинъ при монархѣ печальномъ.
Изчезли веселья столицы, притихли семейства въ народѣ,
Уныніе царствуетъ вкругъ, — сладостнѣй арфа и лютня !

71. Едва Тинатина узнала о томъ, что родитель печаленъ,
Пришла ко дверямъ почивальни и, тихо позвавъ казнодара,
Спросила его : «Государь не спитъ ?» — Отвѣчалъ царедворецъ :
«Изволитъ сидѣть у себя задумчивый, ликъ его блѣденъ».

72. «Сегодня съ нимъ юноша дивный встрѣтился послѣ охоты ;
«И это его огорчило. Теперь онъ одинъ съ Автандиломъ». —
Царица сказала : «Не время ; уйду. Но когда государю
«Будетъ угодно спросить обо мнѣ, то скажи, что была здѣсь».

73. Время прошло и спросилъ : «А желанная дочь моя гдѣ же ?
«Вода моя мирная, радость, веселіе дней моихъ долгихъ !»
Придворный сказалъ : «Приходила. Но, свѣдавъ о вашей печали,
«Встревожилась тѣмъ, и пошла слезами умыть свою розу». —

74. «Иди же ; какъ могъ я безъ ней несть мое бремя печали !
«Скажи ей — души моей жизнь, зачѣмъ не вошла она прежде ?
«Пусть горе развѣетъ мнѣ лаской, пусть язву мнѣ сердца излечитъ ;
«Предъ ней я раскрою мой духъ, утратившій свѣтлую радость !» —

75. Послушна родительской волѣ, вошла въ почивальню царица,
Подобная лику луны, когда она въ полномъ сіяніи.
Отецъ посадилъ ее подлѣ и, лобызая въ ланиты,
Сказалъ ей : «зачѣмъ не при мнѣ ; зачѣмъ ожидала ты зова ?» —

76. И дочь отвѣчала ему : «Государь, кто увидитъ васъ грустнымъ,
«Отваженъ какъ ни былъ бы онъ, и хотя бы вознесся гордыней
«Къ планетамъ небесъ — и тогда повергнетъ его ваше горе.
«Но мудрому лучше искать средствъ, чѣмъ предаться печали.» —

77. «Дитя мое, — царь говорилъ, — я боленъ глубокою скорбью ;
«А взоръ твой и жизнь молодая дышатъ весельемъ и счастьемъ,
«Они уврачуютъ мнѣ скорбь, какъ яхонтъ цѣлительной пылью ; (*)
»Послушай : быть можетъ сама, узнавъ, ты поймешь мое горе.

78. «Сегодня, охотясь, я встрѣтилъ юношу чуднаго вида ;
«Лицомъ своимъ онъ озарилъ небо и землю до края.
«Незнаю, о чемъ онъ рыдалъ, и что его такъ угнетало ;
«Но онъ не пришелъ на мой зовъ — я распалился отъ гнѣва !

79. «Завидѣвъ меня, онъ отеръ слезу и вскочилъ ужъ на лошадь, —
«Какъ я повелѣлъ его взять... А онъ, истребивъ мое войско,
«Изчезъ предъ глазами, какъ духъ... О, такъ не встрѣчаются люди !
«Понять не могу : на яву то было, иль грезу я видѣлъ ?»

80. »И сладость даровъ всемогущаго стала мнѣ горечью лютой ;
«Забылъ я тѣ дни, когда жизнь улыбалась мнѣ кроткимъ весельемъ.
«Всѣ лица, всѣ люди мнѣ въ тягость, — ни что не порадуетъ старца;
«Влачить мнѣ подъ бременемъ скорби дней оскудѣвшій остатокъ !»

81. И дочь говоритъ : «Доложу мое неразумное слово.
«Къ чему, Государь, безъ нужды роптать на судьбу и на Бога ?
«Къ чему искать горечи тамъ, гдѣ сладость находятъ другіе ?
«Свершится ли бѣдствіе съ тѣмъ, кто былъ лишь виновникомъ блага?»

82. «Отецъ мой ! Вы царь надъ царями, обширна Аравія ваша,
«И звукъ царской рѣчи достичь не можетъ до граней далекихъ.
«Пошлите повсюду гонцовъ развѣдать о томъ незнакомцѣ, —
«И скоро вы будете знать, человѣкъ онъ, иль духъ безтѣлесный.»

83. Призвали рабовъ и велѣли : «Идите отъ края до края,
«Ищите по всѣмъ сторонамъ, всѣ мысли на то устремите,
«Несите труды, не щадя головъ, — и найдите мнѣ радость.
«Гдѣ сами не можете быть, туда посылайте указы». —

84. Гонцы полетѣли, — и годъ минулъ со дня ихъ отъѣзда.
Искали, обшарили всюду, не знали конца переспросамъ,
И видѣли весь Божій міръ, — а о юношѣ ни слуху ни духу !
Съ стыдомъ и печалію въ сердцѣ вернулись гонцы къ Ростевану.

85. Они доложили царю : «Всю сушь обошли мы до края,
«А юноши дивнаго нѣтъ, даже нѣтъ и людей такихъ въ царствѣ,
«Кому бъ онъ встрѣчался когда нибудь. — Этой службой не можемъ
«Порадовать васъ, государь ; придумайте средства иныя».

86. Царь выслушалъ все и сказалъ : «Мудро судила царица.
«Скитающій духъ то предсталъ, отверженный высями неба ;
«И онъ то меня обоялъ навожденіемъ силы нечистой.
«Покинемъ же грусть и печаль, — и будемъ счастливы, какъ прежде !»

(*) Яхонтовый порошокъ почитался цѣлительнымъ. Изъ него составляли родъ каши и такимъ образомъ употребляли.

87. Сказалъ — и воскресло веселіе, умножились игры и радость ;
Фигляровъ, свирѣльщиковъ всѣхъ нашли и собрались отвсюду ;
Дворецъ былъ отворенъ гостямъ, царь сыпалъ дарами по-царски ;
Кто въ пышности ровенъ ему, океану богатства и силы ?

88. Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небреженъ сидѣлъ въ своей спальнѣ
Безпечно онъ пѣлъ ; подъ рукой звучала стогласная арфа...
Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины:
«Чинаровый станъ, — онъ сказалъ, — встань и иди къ луноликой !»

89. Судьба привела, наконецъ, Автандилу быть позвану къ милой.
Онъ всталъ и одѣлся въ кабу драгоцѣннѣйшей ткани Востока.
Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданіе къ розѣ...
О, сладко любезную видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной!

90. Съ достоинствомъ чистой души идетъ Автандилъ величавый
Къ тѣмъ взорамъ, чей лучь непорочный такъ много далъ слезъ ему тайныхъ.
Она, несравненная, краше луны перловидной, сидѣла , —
И будто сурова, красуясь, какъ молнія блистала очами.

91. На перси нагія нескромно упалъ горностай пуховидный ;
Безцѣнной чалмою небрежно увито чело молодое ;
Такъ шли къ ней движенья рѣсницъ, длинныхъ, пронзающихъ сердце;
И черныя пряди волосъ вкругъ шеи змѣями вилися.

92. Потупясь, сидѣла она въ роскошныхъ волнахъ багряницы...
И воина сѣсть пригласила движеніемъ кроткимъ и тихимъ.
Рабъ сѣльни поставилъ ему , — благоговѣйно сѣлъ воинъ , —
И полнъ благодати восторга, возводитъ свой взоръ на царицу...

93. Онъ молвилъ : «что смѣю сказать ? Ужасаюсь коснуться до рѣчи !
«Луна изчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно горящаго солнца !
«Страшусь за себя самаго и мыслей собрать не могу я...
«Повѣдайте вы мнѣ, царица, о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ !»

94. И дѣва съ нимъ рѣчь повела увлекательно, тихо, пристойно :
«Отъ нуждъ моихъ ты удаленъ былъ всегда. Удивляюсь, какъ нынѣ,
«Вдругъ довелось тебѣ знать то, что таилось такъ долго.
«Но прежде открою тебѣ то, чѣмъ больна я на сердцѣ.»

95. «Помнишь охоту; когда съ царемъ вы звѣрей истребляли?
«Тамъ юноша встрѣтился вамъ : онъ утиралъ себѣ слезы...
«Думы объ этомъ видѣньи растронили такъ мою душу,
«Что нынѣ рѣшаюсь просить: ищи его съ края до края!»

96. «Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
«Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ тобою:
«Знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на ланиты;
«Ты розой уколотъ, ты любишь, страждетъ въ плѣну твое сердце.»

97. «Исполни же просьбу мою, вдойнѣ я владѣю тобою:
«Ты подданный мой — и тебѣ нѣтъ соперника въ царствѣ;
«Потомъ... Говорятъ ты влюбленъ... Но надежны ли слухи объ этомъ?—
«Ищи же, далеко ли, близколь, гдѣ бъ ни былъ изчезнувшій воинъ.»

98. «Заслуга и преданность мощны , они укрѣпятъ твое чувство.
«Чтобъ дать облегченье мнѣ въ грусти , низвергни нечистаго духа.
«Будь сердцу надеждой; сажая фіалку, осыпь ее розой, —
«И послѣ иди, мой левъ, къ солнцу : мы встрѣтимъ другъ друга привѣтно.»

99. «Три года даю тебѣ сроку: ищи, выполняй порученье.
«Отыщешь, лети побѣдитель, съ веселою вѣстью къ царицѣ,
«Не сыщешь-повѣрю, то правда, онъ духъ безтѣлесный , незримый.
«И розу тебѣ сохраню, какъ даръ непорочный и чистый.»

100. «Даю тебѣ клятву : иной не будетъ супругомъ мнѣ въ жизни.
«Хоть солнце явись во плоти, необрачу ему сердца.
«Или пусть рая лишусь я, пусть адъ поглотитъ меня въ бездну,
«И страсть твоя сердце мнѣ мучитъ, какъ ножъ обоюду язвящій.»

101. Юноша молвилъ ей :» Солнце, чьи черные камни (1) мигали мнѣ !
«Что я осмѣлюсь сказать? Что могу говорить предъ тобою?
«Съ трепетомъ смерти я ждалъ, а ты призвала меня къ жизни...
«Какъ рабъ предаюсь я тебѣ, вдвойнѣ. Я слуга твой отнынѣ!»

102. «Солнце!—примолвилъ онъ,-вижу, Богъ избралъ тебя быть свѣтиломъ,
«Которому бъ солнца земли раболѣпно служили во прахѣ.
«Что слышалъ изъ устъ я твоихъ — неизрѣченная милость !
«Увянетъ ли роза моя; когда лучь твой такъ щедръ благодатью!»

103. Условились. Клятвы слетѣли взаимно отъ устъ на уста ихъ ;
Рѣзвыя шутки вскипѣли, — и рѣчь побѣжала потокомъ.
Забыта печаль Автандила : онъ веселъ, онъ блещетъ улыбкой;
Зубовъ бѣлизна отражаетъ сіянье прозрачнаго свѣта.

104. Умножа веселье и ласки, они сѣли вмѣстѣ, и скоро
Сплелись четою кристалы рубина и чернаго шерла (2).....
И юноша молвилъ ей :» Солнце! Ты взоромъ мрачишь мнѣ разсудокъ.
Чудно объялъ меня огнь твой, онъ жжетъ, онъ палитъ мое сердце!...

(1) Глаза.
(2) Восточные писатели ничего не скажутъ безъ уподобленія. Тутъ надо понимать поцѣлуй Тинатины и Автандила.

105. И тихо пошелъ.... Только мысль не могла оторваться отъ милой
Часто назадъ озирался онъ; взоры блуждали безумно...
Кристалы росили о розѣ (*), а статное тѣло дрожало...
О, сердце онъ съ сердцемъ сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна.

106. «Солнце !—мечталъ онъ,—для розы разлуки вотъ будетъ примѣта :
«Рубина румяный кристалъ превращу я въ янтарь желтоцвѣтный!
«Что будетъ со мной, если я не увижусь съ тобою такъ долго ?
«Но смерть за роднаго сладка, — то радость , то долгъ человѣка!...

107. Рыдая, на ложе онъ палъ—и можноль унять эти слезы?
Какъ тополь отъ вѣтра : то сложитъ, то взмечетъ тоскливые члены;
Едва позабудется сномъ, и образъ любезной предстанетъ....
Вздрогнетъ онъ и воскреснетъ.... Любовь волненіемъ множитъ страданье.

108. Разлука съ подругою сердца томила въ немъ ревностью душу.
Пусть катится жемчугъ очей и нѣжитъ тоскливую розу!
На утро съ зарею онъ всталъ, и богато убравшись въ доспѣхи,
Поѣхалъ въ палаты царя, предстать передъ свѣтлыя очи.

109. Элжиби былъ посланъ донесть такія слова Автандила:
«Аравія вся, государь, полна вашей царственной славы;
«Народы Аравіи всей покорны мечу Ростевана,
«Пусть вѣдаютъ славу его — и вострепещутъ сосѣди !»

110. «Да будетъ позволено мнѣ противустать и сразиться:
«Я сердце враговъ поражу могущимъ мечемъ Тинатины.
«Кто станетъ покорнымъ, тѣмъ благо, но горе врагамъ непокорнымъ!
«Дары за дарами пришлю вамъ, и съ ними поклонъ за поклономъ.

111. Царь слушалъ его благосклонно, и такъ отвѣчалъ Автандилу :
«Я знаю, мой левъ молодой, не тебѣ уклоняться отъ битвы ;
«И вижу, порывъ твой вполнѣ соотвѣтствуетъ доблести юной.
«Ступай! Но прискорбно душѣ не видать тебя долгое время.»

112. Вошелъ Автандилъ къ Ростевану съ поклономъ за царскую милость.
Онъ молвилъ : «Я радъ, государь, удостоясь похвалъ вашихъ мудрыхъ.
«Быть можетъ, Господь озаритъ мнѣ невѣдомой дальности сумракъ,
«И, возвратясь, я найду свѣтлый вашъ ликъ также свѣтлымъ.»

113. Царь далъ ему руку и самъ цѣловалъ его въ очи, какъ сына.
Единственны были и царь и воспитанникъ, вождь его юный.
Ушелъ Автандилъ. Этотъ день вполнѣ походилъ на разлуку :
Разумный и добрый монархъ самъ прослезился съ печали.

114. Отправился юноша въ путь; и путешественникъ бодрый,
Онъ двадцать, и дней, и ночей, ѣхалъ дорогою дальной.
И былъ онъ веселіемъ всѣхъ, безцѣннымъ предметомъ усердья.
И всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ!

115. Когда онъ на родину прибылъ, восторгъ разлился повсемѣстно.
Вельможи встрѣчали его съ дарами богатыми. Каждый
Изъ нихъ ощущалъ передъ нимъ въ очахъ своихъ радости перлы.
Но Автандилъ солнцеликій здѣсь путь не замедлилъ свой дальный.

116. Онъ городъ имѣлъ на границѣ, крѣпкій и страшный сосѣдямъ;—
Вокругъ него скалы вздымались нерукотворной оградой.
Въ этомъ привольѣ охоты онъ пробылъ три дня, и туда же ,
Сбираясь въ безвѣстный свой путь, призвалъ на совѣтъ Шермандина.

117. Юный слуга Шермандинъ выросъ подъ сѣнью чинара.
Онъ преданъ и служитъ вождю, не щадя головы своей вѣрной.
Скрывалъ отъ него Автандилъ любовь къ незабвенной... Но нынѣ
Упалъ благовонный покровъ съ этой сладостной тайны свѣтила....

118. Юноша молвилъ ему : «Шермандинъ, я стыжусь тебя. Прежде
«Ты зналъ всѣ дѣла мои, зналъ — и всегда выполнялъ ихъ усердно.
«Но ты не видалъ еще слезъ, кипѣвшихъ на сердцѣ палимомъ.
«Та, кѣмъ терзалось оно, теперь его нѣжитъ надеждой.»

119. «Она мнѣ сказала : иди, отыскивай скрывшійся призракъ ;
«Когда возвратишься ко мнѣ, утолю я любви твоей жажду.
«Всѣ чуждыми будутъ мнѣ, ты лишь будешь супругомъ желаннымъ.
«О, какъ цѣлебна была та рѣчь изнывавшему сердцу !»

120. «Усердье обязанность слугъ; безъ службы нельзя быть слугою.
«Я молодъ, я жажду служить лучезарной царицѣ Арабовъ.
«Она утолила мой огнь сладкимъ елеемъ надежды . —
«И я-ль уклонюсь отъ бѣды, я-ль не пойду къ ней отважно!

121. «Мы ближе съ тобою, чѣмъ всѣ рабы и владыки вселенной.
«Внемли же въ сей часъ, Шермандинъ, быть можетъ, послѣдній мой голосъ.
«Останься намѣстникомъ здѣсь и вмѣстѣ начальникомъ войска.
«Другому подобную власть, ты знаешь, вручить не могу я.»

122. «Вождями и войскомъ моимъ предводи ты къ добычѣ и славѣ :
«Надежныхъ гонцевъ отъ себя къ царю посылай за вѣстями ;
«Пиши къ нему вмѣсто меня, шли роскошно дары за дарами ,
«И всякую мысль устрани, что нѣтъ меня здѣсь, на границѣ.»

(*) Опять употребленіе : *глаза плакали.*

123. «Въ охотѣ и въ битвахъ своихъ старайся быть сходнымъ со мною;
«Свято храни мою тайну, и жди меня ровно три года:
«Если Чинаръ не падетъ, — онъ вновь осѣнитъ тебя тѣнью;
«Если же въ срокъ не вернусь, — плачъ по мнѣ воплемъ посмертнымъ».

124. «Тогда отнеси ты къ царю вѣсть, нежеланную мною;
«Повѣдай кончину, и будь, какъ фіалка, колеблема бурей.
«Скажи, что постигла меня неотразимая участь,
«И бѣднымъ раздай по душѣ богатую милость казною.

125. «По смерти старайся мнѣ быть еще больше полезнымъ и добрымъ,
«Не забудь меня, милый! и вспоминай о мнѣ чаще.
«Распорядивъ все, какъ должно, пекись о душѣ моей скорбной,
«И сердце свое уподобь ты любящему сердцу родимой!...

126. Когда Шермандинъ то услышалъ, объялъ его ужасъ и трепетъ.
Горячій, обильный жемчугъ покатился на блѣдныя щеки.
Онъ возрыдалъ: «Безъ тебя какое-жъ мнѣ, сирому, счастье?
«А воля твоя непреклонна, я знаю, и стражду тѣмъ болѣ!»

127. «Остаться намѣстникомъ мнѣ! Какъ вымолвилъ ты это слово?
«Могуль быть вождемъ твоихъ войскъ? И чѣмъ же я сходенъ съ тобою?
«Я стану жить памятью сердца, земля здѣсь одромъ моимъ будетъ!..
«Нелучше ли скрыться намъ вмѣстѣ? Пусти меня въ слѣдъ за тобою!..

128. Юноша молвилъ ему: «Я правду скажу тебѣ, слушай:
«Одинъ я царицею посланъ, одинъ и свершу мое дѣло.
«Несыплется даромъ жемчугъ намъ, когда онъ не купленъ трудами.
«Да будетъ истерзанъ копьемъ лжеязычный измѣнникъ любимой!»

129. «И тайну свою, Шермандинъ, кому же другому я ввѣрю?
«Кто будетъ намѣстникомъ здѣсь, когда ты поѣдешь со мною?
«Останься, и будь на границѣ грозой безпокойныхъ сосѣдей!
«Если угодно то Богу, я возвращусь невредимымъ.»

130. «Бѣдствіе губитъ равно одного человѣка и многихъ.
«Паду-ль и одинъ, если Богъ сохранитъ меня силами неба?
«Я выдалъ указъ, чтобъ народъ узналъ въ немъ вполнѣ мою волю,
«Если же въ срокъ не вернусь... облеки себя, въ ризу печали!..»

УКАЗЪ АВТАНДИЛА КЪ ПОДДАННЫМЪ.

131. «Добрые слуги мои; народъ, возлелѣянный мною!
«Вы, чьи усердье и вѣрность тысящелиственной сѣнью
«Пріосѣнили мой умъ, полный заботами блага, —
«Стекитесь на голосъ мой всѣ: да повѣдаю вамъ волю!»

132. «Узнайте вы, что Автандилъ, земля ваша, (*) пишетъ къ вамъ нынѣ.
«Собственной мыслью своей, своею рукою и сердцемъ:
«На время рѣшился я бросить радости нѣги и чаши,
«А пищу свою возложить на Промыслъ, да лукъ съ тетивою.»

133. «Лежитъ на мнѣ бремя и долгъ покинуть родимыя горы,
«И, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ одинокимъ быть странникомъ въ мірѣ,
«Добрые слуги мои, народъ возлелѣянный мною! —
«Храните мнѣ царство мое отъ крушенья вражды и крамолы.

(*) Это выраженіе соотвѣтствуетъ русскому: кормилецъ, батюшко.

130. «Да будетъ вамъ вмѣсто меня Шермандинъ мой намѣстникомъ царства,
«Пока отъ меня не получитъ онъ вѣсть о судьбѣ моей темной.
«Да свѣтитъ на васъ онъ, какъ солнце, и розу снѣжитъ безувядно, (*)
«И топитъ крамолу, какъ воскъ, опаляя огнемъ правосуднымъ.»

135. «Вѣдомо вамъ, Шермандинъ возросъ при мнѣ братомъ любимымъ;
«Будьте жъ покорны ему, какъ были бы мнѣ вы покорны.
«Когда загрохочетъ набатъ, онъ поведетъ васъ къ побѣдѣ...
«А если я въ срокъ не вернусь — плачьте о мнѣ, мои слуги!..»

—

136. Кончивъ указъ этотъ, онъ водозвучный и сладкорѣчивый,
Собрался въ безвѣстный свой путь, всталъ, опоясался златомъ (**),
Велѣлъ себѣ вывесть коня въ поле, гдѣ собрано войско, —
И въ ту же минуту пошелъ, стараясь не мѣшкать напрасно.

137. Придворныхъ своихъ отпустилъ онъ, желая остаться безъ свиты.
Выйдя на лугъ, онъ вскочилъ на коня, повернулъ его ловко,
И быстро помчался въ свой путь одинокій... И въ мысляхъ печальныхъ,
Всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ!..

138. Промчавшись по полю одинъ, онъ удалился отъ войска.
И кто бы изъ смертныхъ возмогъ слѣдить за нимъ взоромъ иль мыслью,
Когда его въ путь повела десница невидимой силы,
А бремя тоски наложили тяжкія трудъ и заботы?..

139. Воины, кончивъ охоту, искали звѣзду своей славы...
Но онъ, солнцеликій, невидимъ; ихъ взоръ не нашелъ его въ полѣ.
Тогда, вмѣсто криковъ веселья, вопли послышались всюду:
Воины бросились въ поискъ, нудя коней быстроногихъ...

140. Рыскали долго они и вѣстниковъ брали повсюду.
Тщетно! Ужъ вождь на границѣ... Въ недоумѣньи великомъ,
Войско, убитое сердцемъ, утратило мужество духа.
О левъ! Провидѣнье кого пошлетъ имъ взамѣну утраты?

141. Придворныхъ собравъ и вельможъ, Шермандинъ съ отуманеннымъ взоромъ,
Передалъ имъ и указъ и рѣчи пропавшаго друга.
Эта внезапная вѣсть всѣхъ поразила глубоко:
Не было ока безъ слезъ, не было сердца безъ раны.

142. Подумавъ, рѣшили они: » Хоть намъ безъ царя и прискорбно,
«Но кромѣ тебя, Шермандинъ, тронъ свой кому бы онъ ввѣрилъ?
«Будемъ покорны тебѣ, свято почтимъ твою волю!..
И тутъ же призналъ весь народъ Шермандина намѣстникомъ царства.

И. Бартдинскій.

(*) Обременяетъ себя заботами правленія и трудится неистощимо.

(**) Еще и теперь есть на Руси у насъ въ употребленіи остатокъ обычаевъ татарскихъ — длинные кожаные мѣшки, служащіе вмѣстѣ и кушакомъ и кисою. Народная поговорка: нука, распоясывайся! — употребляемая простолюдинами къ понужденію кого-нибудь сдѣлать расходъ, подтверждаетъ это.

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je jette mes idées sur le papier,
Elles deviennent ce qu'elles peuvent
Diderot.

Мнѣ кажется, что женщинъ уже сравнивали съ цвѣтами.

—

Свѣтская женщина похожа на камелію. Всѣмъ бы хороша, да запаха нѣтъ. Сердитая женщина похожа на репейникъ, скромная на ландышъ, чувствительная на незабудку, надменная на піонъ, а любимая похожа вѣчно на розу.

—

Есть женщины, которыя похожи на рѣпу, на капусту; но объ нихъ думать не хочется.

—

Главное занятіе свѣтскихъ женщинъ, такъ называемыхъ львицъ, заключается въ кокетствѣ.

—

Кокетство не что иное, какъ особаго рода онѣмѣніе, которое становится со временемъ совершеннымъ пьянствомъ. Иногда оно временное, запойное, иногда оно случайное, иногда, и это бываетъ часто, — совершенно сливается съ жизнью женщины и становится для нея необходимымъ условіемъ существованія, какъ пища и воздухъ.

—

Кокетство карикатура любви.

—

Однакоже бываютъ случаи, когда кокетство доходитъ до нѣкоторой теплоты. Это добродѣтель порока. Свѣтскія женщины увѣряютъ себя тогда, что онѣ любятъ, уважаютъ въ себѣ несуществующія мученія, принуждаютъ себя къ какой то мнимой борьбѣ и выдумываютъ себѣ искуственную любовь, потому что къ настоящей онѣ неспособны.

—

Добродѣтель женщинъ похожа на англійскія горы. — Стоитъ только поскользнуться... а тамъ уже и пошло безъ оглядки. — Вотъ отъ чего, можетъ быть, англійскія горы у насъ въ такой модѣ.

—

Никакое чувство не было такъ оклеветано какъ любовь. — Подъ предлогомъ любви скрываются не рѣдко самыя грубыя чувства, самыя гадкія дѣла.

—

Въ нынѣшнее время ловеласы болѣе не существуютъ, женщины не увлекаютъ краснорѣчіемъ, а просто выбираютъ. Для приличія только говорятъ онѣ своимъ избраннымъ, что онѣ не могли имъ противустоять. Это льститъ мужскому самолюбію и извиняетъ женскую слабость.

—

Женщина никогда не прощаетъ человѣку, не съумѣвшему воспользоваться ея расположеніемъ.

—

Между страстью и порокомъ то различіе, что первое происходитъ отъ нашей силы, а второй отъ нашей слабости.

Графъ Соллогубъ.

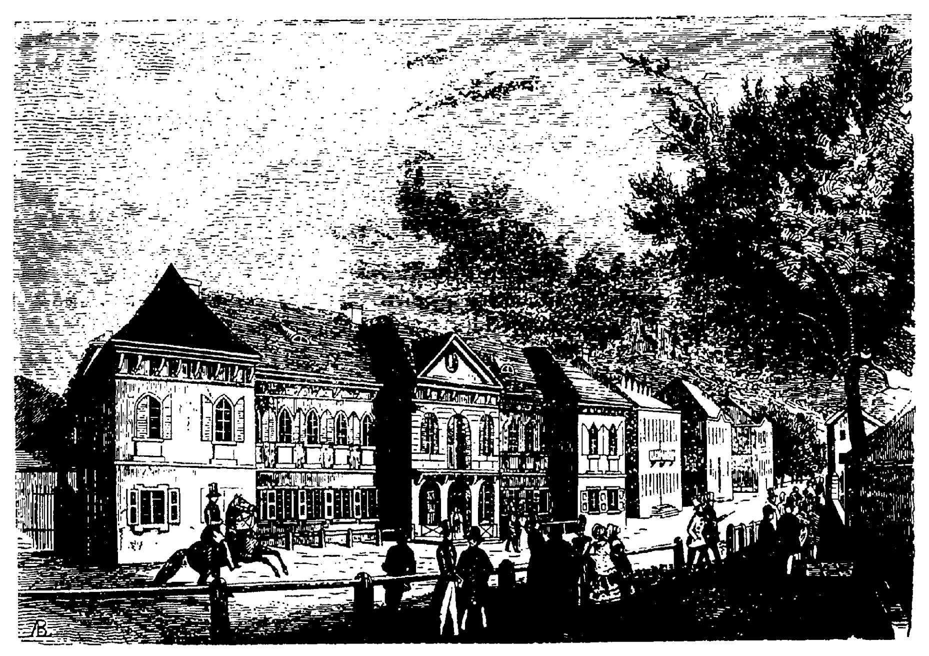
(*Продолженіе впредь*).

(Источникъ Рагоцци въ Киссингенѣ).

КИССИНГЕНЪ.

Какой пріятный зефиръ вѣетъ? Не только снѣга, какъ будто сама природа таетъ, и въ воздухѣ разливается та цѣлительная теплота, которой одной довольно, чтобы больному, если не выздоровѣть, такъ покрайней мѣрѣ возстановить силы на столько, чтобы доползти до цѣлебныхъ источниковъ. Мы бы вамъ посовѣтовали, страдальцы, отправиться къ олонецкимъ марціальнымъ водамъ, въ Старую Руссу, въ Пятигорскъ и въ другія цѣлительныя мѣста Россіи; но вы насъ не послушаете, потому что у васъ два недуга, и Богъ знаетъ, который сильнѣе? Нечего дѣлать, наша обязанность — угождать вашимъ желаніямъ, даже причудамъ. Поднимаемъ заставу. Извольте ѣхать... Но куда? Въ Карльсбадъ? Въ Баденъ-Баденъ, въ Киссингенъ? Всѣхъ цѣлительныхъ мѣстъ въ Европѣ не перечтешь, не опишешь. Мы знаемъ, что больные, въ самомъ дѣлѣ, скорѣе поѣдутъ въ Киссингенъ, и потому на этотъ разъ поговоримъ объ этомъ истинно очаровательномъ мѣстечкѣ.

Оно лежитъ въ Нижнефранконской Области Королевства Баварскаго. Нѣкоторые изъ минеральныхъ источниковъ Киссингена извѣстны уже нѣсколько вѣковъ; но ими пользовались только ближайшіе сосѣди. И на минеральныя воды — мода. Киссингенъ преобразился въ людный городъ только въ послѣднія десять лѣтъ. Теперь туда собираются тысячи гостей. Древній городъ, извѣстный уже въ девятомъ вѣкѣ подъ именемъ Киццике или Хицциггей, лежитъ въ веселой долинѣ, на берегахъ такъ называемой Франконской Салы или Залы. Эта небольшая рѣка извивается по плодоноснымъ полямъ и роскошнымъ лугамъ, и впадаетъ при Гминдѣ въ Майнъ. Вся долина Залы чудесный пейзажъ; и сверхъ того весьма плодородна; луга, испещренныя прекраснѣйшими цвѣтами, поля покрытыя моремъ колосьевъ, виноградники, одѣтые самою сочною зеленью, въ рамкѣ темныхъ лѣсовъ, на каждомъ шагу. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ все роскошнѣе. По долинѣ, на которой лежитъ Киссингенъ, пролегаютъ двѣ большія дороги, въ Вирцбургъ и Бамбергъ. Близлежащія горы защищаютъ Киссингенъ отъ вреднаго вліянія западныхъ и, столь опасныхъ здѣсь, южныхъ вѣтровъ; температура почти всегда одинаковая средняя; са-

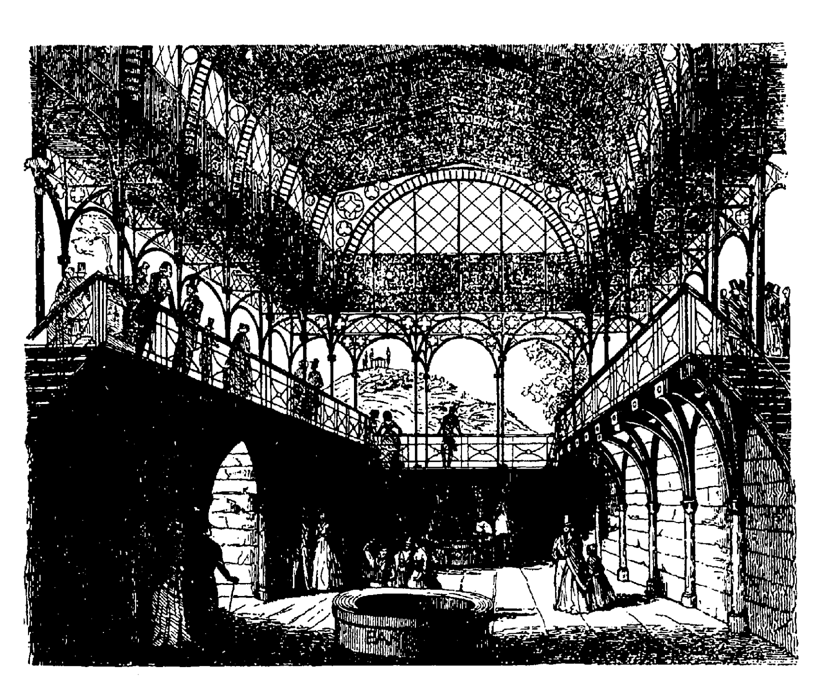


(Домъ для общихъ собраній въ Киссингенѣ).

мый климатъ уже вселяетъ въ посѣтителя радостную надежду на близкое исцѣленіе. Между жителями прекрасной этой долины вы рѣдко встрѣтите продолжительную болѣзнь; въ лазаретѣ, основанномъ нынѣ царствующею королевою, весьма немного больныхъ. Жители Киссингена и окрестные просты, веселы, предупредительны, кроткаго нрава; радушно встрѣчаютъ гостей. Вы улыбаетесь. Вы полагаете, что корыстный расчетъ творитъ въ людяхъ кротость... Можетъ быть, но Киссингенцы и въ домашнемъ образѣ жизни весьма просты и умѣренны: рѣдко встрѣтите между ними пьянаго; вмѣсто крѣпкихъ напитковъ пьютъ свою цѣлебную воду. И дешево и здорово.

Городокъ былъ прежде весьма малъ; въ самыя древнія времена его защищали башни, окружали стѣны и глубокіе рвы. Двое воротъ и калитка вели въ городъ. Жителей считалось въ то время около тысячи. Теперь все измѣнилось; явились новые улицы; стѣны и вороты изчезли; осталась только калитка, воспоминанія ради того что и Киссингенъ когда то былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Число жителей возрасло значительно; вездѣ возвышаются новыя зданія, улицы правильны; правда, дома обходятся строителямъ дешево, но не лишены вкуса, растутъ какъ грибы, помѣстительны, убраны хорошо и удобно. Лучшіе, красиво отдѣланные дома на улицѣ Людвига; только новая аптека, почта, и нѣсколько также новыхъ зданій могутъ сравниться съ этими домами. Лучшее же зданіе, домъ братьевъ Бальцано, въ которомъ обыкновенно живутъ знатные посѣтители во все время водопійства. Онъ отстроенъ въ хорошемъ стилѣ, снабженъ всѣмъ необходимымъ; владѣльцы имѣютъ усердіе и всѣ средства что бы исполнять самымъ предупредительнымъ образомъ всѣ желанія гостей. Жильцы этого дома имѣютъ важное удобство: имъ не надо совершать дальнихъ путешествій къ водамъ; они могутъ прямо проходить въ купальни, которыя въ связи съ столовыми и игральными залами. Столъ и услуга въ этомъ домѣ весьма хороши, можетъ быть и по тому, что это заведеніе подъ надзоромъ дирекціи водъ. Впрочемъ, въ Киссингенѣ вездѣ прекрасный столъ; кушанье и вина хороши и дешевы. За общимъ столомъ въ разныхъ мѣстахъ можно всегда найти избранное общество, а угодно—можно обѣдать въ своей комнатѣ; и между общими столами все таки лучшій братьевъ Бальцано. Заслуги ихъ по устройству всего заведенія водъ столь значительны, что они на продолжительное время назначены исключительными королевскими откупщиками. Теперь только одинъ Бальцано, потому что братъ его умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но отъ этого ничто не измѣнилось. Петръ Бальцано созданъ для своего мѣста. Въ огромной столовой его собираются ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ сотни гостей; тутъ же всегда и минеральный прокуроръ—врачь; онъ наблюдаетъ за діэтою. Изъ врачей въ Киссингенѣ особенно славится докторъ Масъ (Dr. Maas), докторъ Баллингъ и весьма искусный докторъ Вельшъ который поселился здѣсь послѣ смерти веселаго и любезнаго Бухлера. Теперь объ удовольствіяхъ. Эта статья иногда интересуетъ больныхъ болѣе нежели доктора, аптеки и устройство купаленъ. Въ дурную погоду гости собираются въ великолѣпной залѣ; въ хорошую въ прекрасномъ тѣнистомъ саду. Расположеніе сада и постройки необыкновенно хороши. Тутъ вы найдете такъ называемыя аркады, залу, чугунный павильонъ надъ колодцемъ, съ полосатой крышей, будто вы въ палаткѣ, новый магазинъ Кружекъ и т. д. Для прогулки вездѣ прекрасныя аллеи, вездѣ красивыя бесѣдки въ италіянскомъ вкусѣ. Хотите за городъ? Ступайте по берегу Залы до Линдлевой мельницы и дальше, если угодно. Руина Баденлаубе, на горѣ, около четверти часа пути отъ Киссингена, весьма интересна; сюда послѣ обѣда собирается веселое общество наслаждаться прелестями природы; насупротивъ гора Альтенбергъ съ храмомъ. Прискучило? Прогуляйтесь въ долину Баскады, Клаусгофъ, посѣтите купальню Боклетъ, развалины Зальцбурга, временъ Каролинговъ, Купальню Бриннау; всѣ отличаются живописнымъ и пріятнымъ мѣстоположеніемъ; а если уже поздно, или погода дурна, въ прекрасныхъ залахъ устроенъ хорошій кабинетъ для чтенія; тутъ лучшіе нѣмецкіе, англійскіе и французскіе журналы; сверхъ того есть особенная библіотека для чтенія и книжная лавка Югеля, изъ Франкфурта на Майнѣ. Жить въ Киссингенѣ весьма сходно, и даже дешевле чѣмъ на другихъ водахъ. Тутъ и деньги расходовать пріятнѣе, потому что вы ихъ выдаете по необходимости, а между тѣмъ онѣ идутъ не на обогащеніе какого-либо спекулянта, а на поддержаніе заведеній и вспомоществованіе бѣдныхъ. Впрочемъ, почти для всѣхъ главнѣйшихъ расходовъ опредѣлены цѣны

(Зала гдѣ пьютъ воды).



(Павильонъ).

директоромъ водъ. На музыку вы также должны сдѣлать небольшое пожертвованіе; но ужъ за то можете слушать ее во все время водопійства безъ всякой платы.

Киссингенъ, не смотря на прекрасное мѣстоположеніе и окрестности, менѣе былъ бы извѣстенъ и посѣщаемъ, еслибъ въ нѣдрахъ земли не лежалъ тутъ магнитъ привлекающій ежегодно тысячи посѣтителей. Это цѣлебные ключи. Источниковъ, донынѣ употребляемыхъ, пять; извѣстнѣйшій изъ нихъ Рагоци или цѣлебный колодезъ, открытый въ 1737 году въ старомъ руслѣ Залы; вода бьетъ изъ земли съ шумомъ; множество газовыхъ пузырьковъ, особенно при теплой погодѣ, дѣлаютъ воду мутною; она цвѣта желтаго, солено-кислаго вкуса, и покрываетъ стѣнки сосуда красноватымъ осадкомъ; при вскипяченіи воды замѣчается особенный запахъ брома. Этотъ колодецъ назначается преимущественно для внутренняго употребленія; воду пьютъ либо у самаго источника, или же она идетъ въ разсылку. Второй колодецъ Пандуръ или Купальный, нѣсколько столѣтій употреблялся только для ваннъ, а теперь изъ него и пьютъ. Третій Золеншпрудель, замѣчательный, какъ по обилію воды, такъ и по любопытному явленію, которое повторяется неправильно; вода бьетъ высоко отъ 2 до 5 часовъ; вдругъ, при глухомъ подземномъ шумѣ, она опадаетъ въ свою шахту, и остается тамъ около $^3/_4$ часа совершенно покойно. Мало по малу она подымается опять съ сильнымъ шумомъ и кипѣніемъ. Источникъ этотъ доставляетъ ежедневно достаточно воды для тысячи ваннъ, и еще гораздо значительнѣйшее количество разсола для близъ лежащихъ соловарень 4, колодезъ Манса или кислый. 5 Источникъ Терезіи, близъ Мансава обдѣланъ только въ 1828 году и съ тѣхъ поръ употребляется для лѣченія. Кромѣ минеральныхъ водъ въ Киссингенѣ еще есть цѣлебныя средства, употребляемыя съ особенною пользою для больныхъ; между прочимъ, солено-кислый паръ, подымающійся съ котловъ соловаренныхъ, употребляется для ванны, и вдыханія въ томъ же заведеніи гдѣ пьютъ воды. Вотъ очеркъ Киссингена и главнѣйшіе виды этого благословеніе мѣста. Прочее, кому нужно доскажутъ услужливые медики; эта часть разсказа намъ не нравится; потому что она интересна только для больныхъ, а мы всѣмъ и каждому желаемъ добраго и полнаго здоровія.

СКАЗКА

ОБЪ

ИВАНѢ, — ЦАРЕВИЧѢ И ЦАРЬ-ДѢВИЦѢ, ГУСЛЯХЪ-САМОГУДАХЪ, СКАТЕРТКѢ-ХЛѢБОСОЛКѢ, САПОГАХЪ-САМОХОДАХЪ И ШАПКѢ-НЕВИДИМКѢ.

(Окончаніе).

Вотъ... Да, чуть было не забыли мы сказать, когда кинули въ море Ивана царевича, взялъ онъ съ собой сапоги самоходы, скатертку хлѣбосолку, шапочку невидимку, да гусли самогуды, и ужъ потомъ раскачали его добраго молодца и бросили въ Океянскую пучину.

Стихло море, поплыла ладья, а Иванъ царевичъ пошелъ, какъ ключъ ко дну, и — прямо сталъ на ноги въ чертогахъ Морскаго Чуда, предиковинныхъ, преузорчатыхъ. Сидитъ Морское Чудо, а подлѣ него царевна Безцѣна, и говоритъ Чудо Морское: «Давно, давно, не ѣлъ я свѣжаго мяса — здорово, пріятель, да подика сюда, я посмотрю, съ котораго конца начать тебя!» — Тутъ Иванъ царевичъ началъ говорить, что онъ братъ царевнѣ Безцѣнѣ, и что такъ добрыхъ людей не водится, людьми не обѣдаютъ. «Вотъ еще, зарычалъ Морское Чудо, въ чужую обитель съ своимъ уставомъ пришелъ!» Видитъ Иванъ царевичъ, что быть худу, взялъ гусли самогуды, и какъ заигралъ заунывную, такъ Чудо Морское загорюнился, вздыхаетъ, словно кузнечными мѣхами дуетъ, плачетъ, что вдова по мужѣ, охаетъ, словно иголку съѣлъ. Какъ пріударитъ Иванъ царевичъ «по столику похаживаютъ,» такъ не только что другое, и чертоги-то его подбоченились, да плясать пустились, а Чудо Морское, какъ пошелъ въ присядку, такъ и не уймутъ; ногами топаетъ, пальцами щолкаетъ, глазами хлопаетъ, а рожей такія штуки корчитъ, что рыбы сбѣжались — хохочутъ помираютъ! Понатѣшился Чудо Морское «Ну, говоритъ, такого молодца грѣшно ѣсть! Оставайся, живи у насъ, садись, гость будешь! Эй! вы, сельди, щуки, лещи, окуни! Подавайте на столъ, кормите, поите, дорогаго гостя! — Вотъ сѣли Иванъ царевичъ, царевна Безцѣна и Чудо Морское, пили, ѣли, прохлаждались; китъ передъ ними Нѣмецкую пляску плясалъ, сельди хоромъ пѣсни пѣли, а караси на разныхъ инструментахъ играли. Послѣ обѣда Чудо Морское задремалъ, а царевна Безцѣна говоритъ: «Братъ мой возлюбленный! рада я тебѣ, дорогому гостю, да убирайся поскорѣе. Проснется Чудо Морское, съѣстъ онъ тебя, если придется подъ лихой часъ! — Скажи мнѣ, сестра любезная, отвѣчалъ Иванъ царевичъ, надо мнѣ сестру нашу Неоцѣну отъ Чуда Лѣснаго, а тебя отъ Чуда Морскаго освободить. Если хочешь, такъ можешь счастья отвѣдать, сказала царевна, да только плохо вѣрится. Есть тутъ за моремъ Океяномъ царство великое, а царитъ въ немъ не царь, а царица, по названію царь-Дѣвица. Если ты къ ней въ царство проберешься, въ ея заповѣдные сады войдешь, то царь-Дѣвица тебѣ супругой будетъ, и будешь ты царемъ подъ царствомъ и ея супружникомъ, и она можетъ насъ освободить, и къ отцу, къ матери доставить. Да, только та бѣда — стража у нея строгая, никому на берегъ выйдти не дастъ — пушками уставлено, копьями утыкано, и на каждомъ копьѣ по головѣ воткнуто — все тѣ головки молодцовъ, что къ царь-Дѣвицѣ пріѣзжали. Бывали цари царевичи, короли королевичи, сильные могучіе богатыри, съ войскомъ приходили, съ кораблями приплывали, да ничего сдѣлать не смогли: — изъ пушекъ аспидовъ застрѣляютъ, булатными мечами зарубятъ, въ море Океянѣ потопятъ, калеными стрѣлами засыплютъ, голову отрѣжутъ и на копье! — Вотъ, говоритъ Иванъ царевичъ, есть чего бояться! Страшна гроза небесная, да велика и милость Божья — гдѣ корабль тонетъ, тамъ лодка проплыветъ, а не мытьемъ возьмемъ, такъ катаньемъ. Ты скажи только, какъ мнѣ до царства царь-Дѣвицы добраться. — Добраться туда мудреное ли дѣло — дамъ я тебѣ моего любимаго осетра; садись на него, да и поѣзжай, а дорогу показывать поплыветъ передъ вами мой скороходъ, стерлядь носатая. Простились братъ съ сестрой, сѣлъ Иванъ царевичъ на осетра, погоняетъ, а стерлядь спереди плыветъ, путь показываетъ. Раки встрѣчаются, Ивану царевичу усами честь отдаютъ, въ барабаны клешнями бьютъ, а мелкую рыбу стерлядь съ дороги гонитъ — убирайся, дрянь этакая! Развѣ не видишь, что Галицкой воевода ѣдетъ! — По морю не то, что по суху — нѣтъ ни пенька, ни о задоринки, дорога гладкая, катись, что по маслу. Катитъ Иванъ царевичъ, надѣлъ шапочку невидимку, смотритъ, что стражи царь-Дѣвицы глаза таращатъ, въ даль глядятъ а подъ ногами ничего не видятъ, пушки чистятъ, ружья продуваютъ, мечи точатъ, стрѣлы острятъ. А Иванъ царевичъ къ берегу подъѣхалъ, осетръ его къ пристани причалилъ, поклонился, на водку попросилъ, и вышелъ на берегъ Иванъ царевичъ, мимо сторожей прошелъ, не поклонился, въ заповѣдные сады вошелъ, словно хозяинъ ходитъ, разхаживаетъ, любуется, ѣстъ яблоки наливчатые. А велики и узорчаты были сады царь-Дѣвицы — деревья золотыя, листья на нихъ серебряные; дорожки жемчугомъ усыпаны; на деревьяхъ сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія, сороки щебечутъ, сказки сказываютъ, а величиною были сады таковы, что съ одного конца до другаго въ три перестрѣла стрѣлу не докинешь изъ тугаго лука. Рѣчки текутъ, серебромъ звенятъ, а въ прудахъ ясный мѣсяцъ, небесный княжичъ, всякій вечеръ умывается.

Вотъ, ждетъ подождетъ Иванъ царевичъ, видитъ, что прилетѣли къ пруду двѣнадцать бѣлыхъ голубицъ, ударились о землю, и стали двѣнадцать дѣвицъ, такихъ прекрасныхъ, какъ звѣзды небесныя, и такихъ дородныхъ, что кровь съ молокомъ! Между ними царь-Дѣвица павой ходитъ, и говоритъ: «Подруги мои любезныя! Жарко стало — видите солнышко горячо, словно пирогъ изъ печи! Станемъ мы купаться, а насъ здѣсь лихой глазъ не сглазитъ. Стоитъ у меня на берегу крѣпкая стража — муха не проскочитъ! — Муха не проскочитъ, такъ коза проскочила! сказалъ Иванъ царевичъ, снялъ шапочку невидимку, и низко царь-Дѣвицѣ поклонился. Царь-Дѣвица и подруги ея, по дѣвичьему обычаю, разахались, раскричались, думаютъ бѣжать, да не бѣгутъ, хотятъ не глядѣть, да поглядываютъ, прищурясь. — Царь-Дѣвица, и вы красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, сердечныя погубницы! молвилъ Иванъ царевичъ, чего вы меня боитесь? Вѣдь я не медвѣдь, не кусаюсь; сердца неволей не возьму, а коли есть изъ васъ моя суженая, такъ я ей ряженый. Тогда царь-Дѣвица закраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, подала Ивану царевичу руку бѣлую, говоритъ: «Добро пожаловать, добрый молодецъ! Царь ли ты царевичъ, король ли королевичъ, не знаю, а если ты пришелъ ласковымъ гостемъ, такъ пріемъ тебѣ будетъ привѣтливый. Приходили ко мнѣ невѣжды, охреяны, хотѣли дѣвичье сердце силой взять, чего отъ начала свѣта не слыхано. Пойдемъ въ мои чертоги бѣлокаменные, въ мои терема хрустальные, угощу я тебя, чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ и сердечную думу въ двоемъ раздумаемъ. Пошли Иванъ царевичъ и царь-Дѣвица въ чертоги бѣлокаменные, въ терема хрустальные. Услышалъ народъ, что пришелъ къ ихъ царицѣ, царь-Дѣвицѣ, женихъ по сердцу, толпой привалили, старый и малый, шумятъ, гамятъ, веселятся на распашку; велѣла царь-Дѣвица отдать имъ на разбой свой царскій погребъ, изъ пушекъ на радости палить, въ бубны и литавры бить, на дудкахъ играть, а на другой день веселымъ пиркомъ и свадебку сыграли, потому что у нея было не пиво варить, не вино курить, а свадебное платье давно готово, и два воза горшковъ было еще дѣдушкою царемъ куплено, на свадьбѣ внучки бить. Были пиры по три дня, было веселье три недѣли. И говоритъ потомъ Иванъ царевичъ супругѣ своей о томъ, какъ бы его сестеръ, одну отъ Лѣснаго Чуда, а другую отъ Морскаго Чуда освободить. «Супругъ мой возлюбленный, Иванъ царевичъ!» отвѣчала она ему, «чего я для тебя не сдѣлаю? Пошлите мнѣ ерша подъячаго, да воробья писаря; пусть напишутъ указы Лѣсному Чуду и Морскому Чуду, отпустить сестеръ Ивана царевича, а не то я велю ихъ въ приказъ привести и злой смерти предать! И написали ершъ подъячій, да воробей писарь указы, и послали ихъ. И нечего было дѣлать Лѣсному Чуду и Морскому Чуду, отпустили они царевну Неоцѣну и царевну Безцѣну. Написалъ Иванъ царевичъ грамотку отцу своему, царю Умной Головѣ — «Видишь, царь-государь, не все берутъ силой, да храбростью, а также умомъ и хитростью, и гусли самогуды иногда лучше меча кладенца, хоть и есть присловье, будто плеть обуха не перестегаетъ; пріѣзжай ко мнѣ въ гости, а я къ тебѣ и самъ буду, готовь пиръ богатый, а я тебѣ многолѣтняго здравія желаю.» И началъ Иванъ царевичъ жить поживать, добро наживать, а худо велѣлъ со двора метлами гнать, и жилъ онъ долго царствовалъ славно, а сказкѣ

Н. Полевой.

ВОЛЬНЫЙ ГЕТМАНЪ

ПАНЪ САВВА.

КРАСНОРУССКАЯ ЛЕГЕНДА.

И у цѣлыхъ народовъ, какъ у простыхъ людей, есть отцы, матери, братья, сестры, словомъ всѣ виды родства. А ужъ едвали у кого изъ народовъ такъ много родныхъ, какъ у матушки Руси. Сестрица наша Красная Русь или Галиція сначала вышла замужъ за Поляка, а потомъ за Нѣмца. Въ какой степени она приняла привычки, нравы и языкъ послѣдняго мужа, намъ неизвѣстно; но отъ перваго много потерпѣла, многому научилась и языкъ свой крѣпко на его ладъ измѣнила. У ней, сказать лучше, стало два языка. Вѣрная своему происхожденію, она сохранила старинный, а въ угодность мужу научилась и новому, его языку. И стала пѣсни пѣть и свои и польскія; и тѣ и другія обилуютъ первообразными красотами, которыхъ не изобрѣтетъ остроумное художество. Венцеславъ Олесскій (Wacław z Oleska) и знаменитый виртуозъ Липинскій, тщательно собрали эти драгоцѣнные памятники народной поэзіи, и сохранили для потомства не только слова, но и напѣвы. Недавно случилось мнѣ въ разномъ хламѣ отыскать повѣсть малороссійскую о Панѣ Саввѣ. Я вспомнилъ, что и въ галицкихъ пѣсняхъ что-то поютъ про Пана Савву. Обѣ легенды не полны, но вмѣстѣ становятся совершенно понятны и удовлетворительны; въ одной начало, въ другой конецъ. Хотите познакомиться съ Паномъ Саввой, слушайте. Разскажу, какъ умѣю.

Въ какое время происходило все то, что буду разсказывать, опредѣлить трудно. Было себѣ когда то. Были тогда и Татаре и Турки, и было Казачество. Украйна простиралась отъ Кавказа до Карпата, а на югъ до Балкановъ. Была себѣ Украйной, вольной землей, которую считали своимъ наслѣдіемъ всѣ сосѣди, а въ существѣ то былъ край безъ господина, земля безъ управы, вѣчная данница и кормилица гостей; только войны продолжительныя между сосѣдями давали ей мнимый отдыхъ; мнимый, говорю, потому что тогда на просторѣ, свободно и безнаказно разыгрывалось казацкое молодечество. Свои, не хуже Татаръ, грабили богатыхъ, уводили въ плѣнъ красавицъ; казакъ съ верховій Буга съ товарищами гостилъ на берегахъ чистаго Псла, а у него въ тоже время въ гостяхъ пировали степные наѣздники по своему; и теперь въ Малороссіи тяжба въ модѣ, но только на бумагѣ, а тогда таже вѣчная тяжба, только на *шабелькахъ*.

Пріѣхалъ такимъ гостемъ и Панъ Савва, казакъ высокій, статный, краснолицый, но и въ благообразіи его что-то было такое, что какъ посмотришь на него, такъ и въ широкой одеждѣ тѣсно сдѣлается; пріѣхалъ онъ въ село Усманьку, куда со многихъ окрестныхъ и далекихъ мѣстъ съѣзжались гости къ Рождеству Христову; потому что въ той Усманькѣ была церковь во имя Рождества Христова; уцѣлѣла эта церковь отъ военныхъ гостей, потому только, что черезъ Усманьку не шла ни одна дорога на какой либо важный городъ; стояла себѣ Усманька въ сторонкѣ; казаки прилежно ходили въ церковь и благодарили Бога за свою безъизвѣстность. Въ послѣдній проѣздъ Татаръ, опасность была слишкомъ близка; въ Усманькѣ слышали крикъ и шумъ сраженія. Небольшой лѣсъ скрывалъ и скрылъ село отъ страшнаго непріятеля. Тамошніе казаки пошли въ обходъ Татарамъ и ночью отбили обозъ, отставшій отъ войска. Много грабленнаго серебра нашли въ обозѣ. Большею частію церковное серебро, оклады, подсвѣчники, лампады, чаши... Отнесли казаки серебро къ отцу Прокопу, а отецъ Прокопъ поѣхалъ въ Кіевъ и сдѣлалъ на образъ Рождество Христово серебряныя ризы; мастерамъ за работу казаки три года платили, и вотъ только что расплатились, какъ пришелъ и праздникъ храмовый; казаки слушали службу съ умиленіемъ и нечего грѣха таить, съ гордостію. Гости любовались на богатство иконы, хвалили казацкое безкорыстіе и благочестіе, а пуще всѣхъ Панъ Савва.

— «Не я буду» говорилъ Панъ Савва, «коли въ Львовѣ-городѣ, или во Владимірѣ, или гдѣ ни есть на бѣломъ свѣтѣ, найдется такое чудо. Жидъ бы умеръ съ горя, еслибы посмотрѣлъ на такое богатство».

— «Умеръ бы, можетъ быть и не умеръ» отвѣчалъ казакъ Терешко, раскручивая свои сѣдые усы, «а ужъ бы лихорадка затрясла его до смерти; вотъ тогда бы и умеръ...»

— «Я прото и говорю, Пане Терентій.»

— А! прото; такъ оно на ваше и выйдетъ. Нуте, Панове казаки вольные и гости честные, уже вы мнѣ будете помогать отца Прокопа угощать. И отецъ мой Терешко, и дѣдъ мой Терешко, такъ уже пускай и я буду Терешко. Въ нашемъ дому этотъ праздникъ Усманька всегда *обходила*; такъ пускай уже и сей годъ по старинѣ будетъ...»

— Пускай будетъ по вашему, Пане Терентій! Кланяемся! отвѣчали и казаки и гости. Терешко не спрашивалъ кто и откуда. Домъ у него былъ обширенъ. Меду, пива, горѣлки и даже виноградпаго вина много. Жена была мастерица на кухнѣ; дочка красавица... Понятно теперь, что всѣ возрасты охотно приняли приглашеніе. Отецъ Прокопъ благословилъ пищу и питіе — и пошелъ пиръ, котораго нечего описывать. Такихъ пировъ много бывало и на дѣлѣ и на бумагѣ; а кому знать нужно, прочти о томъ у Основьяненка. Тамъ все прописано. Извѣстное дѣло, что тогда пира безъ пьянства не бывало. Терешко на томъ стоялъ, чтобы другіе стоять не могли. Свалилъ онъ Прокопа, одолѣлъ и другихъ казаковъ; одинъ Савва съ нимъ тягался...

— Вотъ здоровый бѣсъ! сказалъ Терешка: Постой-же! Недолго и ты у меня потягаешься. Оленочка, а подай-ка пугаръ, что на именинахъ ходитъ...

Оленочка принесла не пугаръ, то есть не чару, а нѣчто въ родѣ кострюли. Эта чаша отличалась отъ кухонной посуды металломъ и работою украшеній, а впрочемъ добрая кострюля, такъ что на малую семью можно бы и борщъ сварить...

«Хлопче!» — сказалъ Терешко: а нука, поди до пивницы, нацѣди того меду, на которомъ кленовая вѣтка лежитъ; нѣтъ братику, отъ имениннаго пугара и отъ имениннаго меду спасуешь...

— Да не спасую же...

— А вотъ же спасуешь.

— А вотъ же нѣтъ. Что дашь!

— А ужъ если неспасуешь, бери все, что хочешь...

— А потомъ скажешь: не можно.

— Какъ же я это скажу, коли уже иначе сказалъ... Не скажу.

— Ну, такъ гдѣ пугаръ! Гляди!!...

— Постой братику. Одинъ не выпьешь, пополамъ со мною; и то много...

— Не мѣшай — и Савва осушилъ кострюлю и надѣлъ ее себѣ на голову... Терешко выпуча глаза глядѣлъ на гостя; не вѣрилъ тому, что видѣлъ...

— «Съ нами крестная сила», сказалъ онъ наконецъ, «это уже не человѣкъ; это уже хуже... Уходить отъ него...»

Да ба! панъ Терешко ноги пропилъ; стояли подъ столомъ не Терешковы ноги, а колоды. Ни съ мѣста. Страхъ отъ того еще болѣе выросъ.

— «Ого» подумалъ Терешко: «Это уже онъ такъ зачаровалъ ноги, что будто я цѣлую пивницу выпилъ.» И сталъ креститься.

— Молись Оленочка!» продолжалъ онъ: «не хорошо тутъ что то!»

— Это вамъ не стыдно пане Терентій, сказалъ Савва: «Вы простой хамъ, что-ли, что такую дурь Оленочкѣ въ голову вбиваете. Гдѣ же такіе теперь колдуны?...»

— Въ Нѣжинѣ есть, въ Кіевѣ есть, въ разныхъ мѣстахъ есть. Вы пане Савва откуда?...

— Изъ далече. Изъ Немирова.

— Это уже подъ Ляхомъ?

— Такъ какъ вы подъ Татарами.

— Такъ и у васъ доброе казачество еще не пропадаетъ.

— А зачѣмъ ему пропадать?

— Подите же, спросите, что кіевскій воевода разсказываетъ...

— Да что онъ разсказываетъ. Языка ему не привяжешь. Пускай болтаетъ, вѣтеръ носитъ.

— Вотъ это по казацки. Давайте руку, пане Савва. Разумныхъ людей люблю слушать. Тотъ Воевода, чтобъ ему добра не было, и въ Усманьку хотѣлъ быть, людей обдирать, своихъ приставниковъ заводить, то, другое, да мы ему шляхи (дороги) попортили; мосты подрубили; недоѣхалъ; вернулся; недоброе на насъ замышляетъ. Хорошо, что не близко. А вы Пане Савва до Кіева поѣдете...

— Нѣтъ, пане Терентій! Хорошо, что Оленочка ушла. Я за другимъ дѣломъ въ Усманькѣ...

— А нуте! За какимъ же тамъ дѣломъ?

— Охъ пане Терентій!

— Охъ пане Савва...

— Да вамъ чего вздыхать.

— Такъ себѣ вздыхается. А вамъ чего...

— Дошла до насъ вѣсточка, что тамъ за лѣсомъ въ сторонкѣ, не то что красавица, а ужъ и не знаю какая дивчина есть; и правду говорили люди. Пріѣхалъ я такъ; отъ чего же мнѣ на Украйнѣ дива не посмотрѣть. А поѣду дурень, дурнемъ. Голову, знаете, совсѣмъ ошеломило...

— А я говорилъ, пане Савва, что и медъ и пугаръ...

— Да не медъ, пане Терентій, что вашъ медъ! А то, что слаще меду.

— А что по вашему слаще меду; попашему...

— Да и по вашему, думаю, тоже...

— А что по вашему? А? Ужъ я смѣкаю, пане Савва! Тò?

— Да ужъ чему же быть, какъ не тому.

— Да это и дитя знаетъ. Такъ которая вамъ приглянулась? У насъ, что ни взглянешь, такъ цвѣтокъ...

— Можетъ оно и такъ. Только ужъ та подсолнечникъ противу другихъ...

— Вотъ что! Попалъ я и въ сваты...

— Коли захочешь, такъ и въ отцы...

— Ты, можетъ, про Оленочку думаешь...

— Да не можетъ, а просто таки про Оленочку...

— Охъ пане Савва! За чѣмъ ты у насъ прошлой зимы на святкахъ не былъ... А ужъ теперь она отсюда изъ Усманьки, черезъ рѣчку за мужъ не пойдетъ. Тутъ при честной Иконѣ нашей, что мы казацкимъ обычаемъ снарядили, тутъ ей и жить и умирать... На томъ мы старшіе казаки стали и положили и на сходкѣ приговорили, что сынкамъ нашимъ добывать вольныхъ женъ, а дочкамъ вольныхъ парней, что бы у всякаго была добрая воля въ Усманькѣ оставаться...

— И я вольный казакъ...

— Да ужъ другой есть. Вонъ храпитъ молодикъ Доня Трофимъ; тотъ Оленочку полюбилъ и Оленочкѣ полюбился. Далече съ Десны въ Усманьку на житье перешелъ. Послѣ Трехъ Волхвовъ вѣнчаться будутъ.

Панъ Савва лукаво улыбнулся и сталъ головой кивать, будто хмѣль разбирать его

началъ. Панъ Терентій очень обрадовался дѣйствію своего ужаснаго меду; высусилъ что было подъ рукою и заснулъ сномъ крѣпкимъ. Проснулся. Пана Саввы уже не было; гости хлопотали около Трофима и шепотомъ говорили: «Цытьте, цытьте! Что бы Оленочка не почуяла...»

— Что тамъ такое? Спросилъ Терешко...

— Цытьте, пане Терентій, не то Оленочка услышитъ. Трофима нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? А этожъ кто у васъ въ рукахъ.

— Трофимъ, да мертвый. Вотъ это у васъ всегда на праздникъ до смерти допотчуютъ. А еще хвалитесь пивницей...

— Такъ Трофимъ.

— Умеръ...

Терешко ударилъ объ полы руками и воскликнулъ:

— Отъ также!..

Подняли Трофима, освидѣтельствовали и нашли, что онъ былъ задушенъ, но кѣмъ и чѣмъ, это оставалось загадкой не долго. Терешко разсказалъ про подвиги и сватовство пана Саввы; тайное удаленіе его оправдывало подозрѣніе.

— Уже и съ виду — я говорилъ что разбойникъ...

— Да я и по лицу это видѣлъ...

— И что на немъ, и что на конѣ его было. Съ молодецкой добычи не возьмешь...

— Давайте его искать...

— А гдѣ же мы его найдемъ! Развѣ погнаться въ ту сторону, куда онъ поѣхалъ...

— А въ какую жъ сторону поѣхалъ...

— Глядите, панове, можетъ онъ на всѣ четыре стороны поѣхалъ.

— А можетъ во что нечистое перекинулся. И пришелъ безъ дороги, и ушелъ безъ пути; можетъ гдѣ нибудь сидитъ подъ землею, да свѣжимъ дерномъ прикрылся, или пескомъ себя засыпалъ. Пойдемъ, не найдемъ ли.

И точно, казаки и слуги, всѣ разбрелись по саду, огороду, двору, и улицамъ, вездѣ искали слѣдовъ, куда панъ Савва провалился... При этомъ обыскѣ поколотили жида, что шинковалъ въ Усманьской корчмѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что онъ за одно съ паномъ Саввой; но всѣ поиски оказались напрасными. Воротились. Трофимъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшились сказать Оленочкѣ о постигшемъ ее несчастіи, но и ее не нашли. Усманька взволновалась. Поиски возобновились. Молодежь стала поворотливѣе; старики шумливѣе... Переискали до послѣдней щелки. Многіе отворяли такіе сундучки, въ которые не только Оленочка, но и рука ее не помѣстилась бы, а никому и въ голову не пришло заглянуть въ церковь. Одинъ отецъ Прокопъ, и то по должности, пошелъ служить вечерню, отворилъ дверь, да и крикнулъ на все село. —

Вотъ гдѣ она! Ловите!...

Неизвѣстно, зачѣмъ онъ хотѣлъ ловить Оленочку, потому что она смирнехонько стояла передъ богатой иконой и молилась...

— Оленочко, сердце мое... такъ началъ было Терешко... Но она встала весьма покойно и также покойно сказала толпѣ, указывая на Икону...

— Не журитесь, добрые люди! Такъ Имъ угодно. Сами грѣхъ попустили, сами и грѣшника отъищутъ. Похоронимъ Трофима, а тамъ и Божью волю увидимъ...

И впервые Усманьскія Святки прошли въ общей печали и сокрушеніи. Тутъ ужъ не до веселья. Съ горя, казаки стали поминать Трофима въ очередь. Тутъ ужъ не до шутокъ. На поминальныхъ пирахъ проливали горячія слезы и услаждали ихъ горечь сладкимъ медомъ; не дотянули до Трехъ Волхвовъ и трехъ дней. Рано по утру, передъ обѣдней, по всей Усманькѣ, слухъ пронесся, ужъ точно самъ собою, потому что никто не зналъ кто принесъ. Да и въ село никто ни вчера, ни въ тотъ день не приходилъ; да еслибы и захотѣлъ притти, такъ нельзя было за сугробами и мятелью. Усманька, что островъ, кругомъ бѣлымъ полемъ облилась; ни стежки не стало видно. Не смотря на то старшіе собрались къ Терешкѣ и открыли совѣтъ.

— Этого еще не бывало, говорили казаки: «Татарва зимою не рыскаетъ, можетъ то и не Татарва, а такъ себѣ, проѣздомъ кто нибудь...

— А чего же они на Усманьку тянутъ? Или Воевода Кіевскій или Татарва. Другихъ гостей быть не можетъ. И не воевода; идетъ безъ шляху.

— Вотъ Момля пускай вернется. Узнаемъ. А вотъ и Момля... Ну, что?

— Татарва проклятая! Видно съ плѣну какого ворочаются. Ободранные, на коникахъ разнаго росту; и збруя разношерстая, и одежа будто краденая; на Усманьку тянутъ, видно что бы большимъ шляхомъ не итти, чтобы не переловили.

— А много ихъ?

— Да гдѣ тамъ много.

— Переловимъ ихъ пане Терентій, да воеводѣ въ Кіевъ пошлемъ въ гостинецъ...

— Переловимъ! Кони готовы! Садятесь на коней и съ Богомъ! Это уже не война, а полеванье...

И въ полчаса, безъ малаго, вся Усманька, то есть мужской полъ, высыпала на добрыхъ коняхъ въ поле; Момля ѣхалъ впереди, путь указывалъ. Не проѣхали и полъ версты, какъ дѣйствительно увидали не большую шайку неизвѣстныхъ людей; поскакали казаки шибче, но и шайка не зѣвала, мигомъ снялась съ поля и въ порядкѣ пошла на уходъ; казаки за ними; Усманьскія женщины проводили своихъ до конца села, тутъ на пригоркѣ остановились и провожали ихъ глазами; исчезли казаки въ дали, а женщины, разсуждая по своему, разошлись по домамъ. Оленочка вошла въ свою комнатку и сѣла на скамьѣ у окна задумавшись... Ей показалось, что то шевелится въ избѣ; оглянулась; то былъ панъ Савва. Потемнѣло у Оленочки въ глазахъ; страхомъ ротъ заперло; дрожитъ бѣдная, что черешня отъ вѣтру...

— Оленочко, сердце мое! Не бойся! Это я! Не смогъ я съ моею любовью; выманилъ я мужской полъ изъ Усманьки; и до вечера не догонятъ и вернутся съ пустыми руками; и ужъ тамъ, какъ себѣ хочешь, а будешь ты Оленочка моею любою женою. Со всей Украйны соберу я для тебя Оленочка китайки, атласы, дорогіе дамашки; будешь ѣздить по Украйнѣ воеводихой на вороныхъ коняхъ; будешь въ милостыню раздавать битые талеры, будешь...

— Пане Савва, пане Савва, а что скажетъ на то Терешко, что скажетъ Трофимъ въ могилѣ?..

— Тотъ, что въ могилѣ ничего не скажетъ, а панъ Терешко пріѣдетъ къ намъ въ гости, погуляетъ, наше счастье посмотритъ и дастъ благословенье...

— А что скажетъ отецъ Прокопъ? Онъ слышалъ какъ я клялась, что не отойду отъ Усманьской Иконы даже въ гости въ чужое село. Съ нею жить, съ нею умирать поклялася...

— Грѣхъ на мнѣ Оленочка! Я увезъ тебя неволей.

— И то правда. Постой же, пане Савва, на дворѣ холодно, пускай вздѣну теплую свиту, да и поѣдемъ. Видно мнѣ уже такъ на роду написано...

— Не мудруй, Оленочка! Ступай, одѣвайся а если ты зло какое задумала, такъ хуже будетъ. Я въ Усманькѣ не одинъ...

Оленочка видно не разслушала этой угрозы. Не за шубой, нѣтъ, на улицу бросилась она съ крикомъ. Панъ Савва за ней. Село огласилось воплемъ женщинъ и рѣзкимъ свистомъ Саввы; изъ за плетней поднялись въ разныхъ мѣстахъ дюжіе страшные сподвижники Саввы. Въ ужасѣ женщины попрятались и заперлись въ домахъ; а Оленочка въ церковь, и упала на лѣсенькѣ передъ Иконой, только и успѣла ухватиться за толстую мѣдную проволоку, которою низъ образа былъ обведенъ трижды. Вошелъ Савва, вошли и его сподвижники; накинули на Оленочку теплую одежду; стали тащить ее отъ образа; но рука ея какъ будто приросла къ проволокѣ; еще усиліе и образъ оторвался; казаки подхватили его; первый панъ Савва...

— Уходите съ паперти! сказалъ товарищъ Саввы: «казаки уже назадъ ѣдутъ съ погони...»

И Оленочку вмѣстѣ съ Иконой вынесли изъ церкви, изъ села, въ лѣсъ; тамъ ожидали ихъ добрые кони и еще товарищи, и когда казаки въѣхали въ свое село, оглушаемые воплемъ женщинъ, Савва со своими былъ уже далече. Само собою разумѣется, что казаки ударились за нимъ въ погоню, но Савва не промахъ; безъ устали мчались добрые кони; десять разъ перемѣнялъ онъ путь свой и обманывалъ погоню, и только на третій день, миновавъ Владиміръ, сталъ помышлять о покоѣ...

— Вотъ же Оленочка, сказалъ Савва, оставшись съ нею на единѣ въ теплой хатѣ и разматывая разные платки, которые дѣлали ее нѣмою: «Видно такъ уже Богу угодно, чтобы ты была мнѣ женою. И клятва твоя съ тобою. Не разсталась ты съ своею Иконою; будетъ она стоять въ твоей спальнѣ; дѣти и внуки наши будутъ ей молиться. Ну, моя Оленочка; тутъ у меня много въ селѣ знакомыхъ. До дому далече. Тутъ и поженихаемся, тутъ и оженимся. Я уже и къ попу послалъ.»

Безсмысленно глядѣла Оленочка на пана Савву, какъ будто не понимала, что съ нею дѣлается. Откуда ни возьмись пришли дѣвицы, чинно и не безъ страха кланялись Саввѣ, и потомъ уже невѣстѣ; посадили Оленочку на скамейку, стали расплетать ей косу и запѣли:

Ой нѣту, нѣту батюшки дома,
Ой поѣхалъ батюшка до Львова,
Съ бѣлой рыбы бѣлый гребень покупать,
Оленочкѣ косу чесать...

Савва все время стоялъ передъ красавицей и пожиралъ ее пламенными взорами.

— Мамочко! Оленочко! сказалъ онъ съ чувствомъ; усмѣхнись, а не можешь, то заплачь! Все будетъ сердцу легче!..»

— Будетъ плакать! Еще наплачется! сказала шепотомъ одна изъ дѣвицъ. Но Оленочка въ томъ же оцѣпенѣніи чувствъ молчала и сидѣла на скамьѣ будто каменная. Дѣвушки расплели косу; накрыли Оленочку тонкимъ полотенцомъ и тотчасъ же начали пѣть пѣсню:

Въ воскресеніе рано
Синее море играло.
Ой не море играло,
А Оленочка утопала,
Все отца поджидала.
Спасай меня, батюшка, спасай,
Не дай мнѣ утонуть,
Въ этомъ морѣ погибнуть...
Отецъ бросился на берегъ:
Ни челна, ни весла
Все волна унесла...

Вы видите; что я не перевожу этихъ драгоцѣнныхъ пѣсенъ, а переписываю только на русскій языкъ слово въ слово. Съ послѣднимъ стихомъ дѣвушки подхватили Оленочку и, можно сказать, унесли въ церковь. Священникъ съ причтомъ ожидалъ молодую чету. Увидавъ Савву, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и возвелъ глаза къ небу...

— Нуте, отецъ Яковъ!» сказалъ ему Савва грубо: «поворачивайтесь живо. Дома ждутъ...»

Обрядъ совершился въ какомъ-то страшномъ молчаніи; никто не плакалъ, никто не радовался; всѣ сохраняли суровую важность, а пуще всѣхъ Савва... Оленочка, словно кукла, исполняла все, что ей приказывали. Савва вывелъ ее изъ церкви за руку, сѣлъ въ сани и воротился въ свою хату, гдѣ тѣ же дѣвушки встрѣтили молодую опять пѣснею:

Спрашивалъ соколъ кумушку:
Гдѣ ты кумушка была?
Гдѣ ты ножки загрязнила,
Гдѣ ты перья заросила? —

Въ тихомъ я бродѣ была,
Студену воду пила,
Тамъ я ноги загрязнила,
Тамъ я перья заросила.

Спрашивалъ ее отецъ:
Гдѣ Оленочка была,
Гдѣ заплакала глаза,
Слезами личико облила?

Въ домѣ Божіемъ была,
Три раза присягала,
Тамъ заплакала глаза,
Тамъ лице слезами залила..

Докликалась эта пѣсня до сердца Оленочки. Она оглянулась, будто опомнилась, засмѣялась и съ привѣтомъ подошла къ дѣвушкамъ...

— Спасибо, сестрицы, спасибо! Дай Богъ и на вашихъ свадьбахъ гулять! А на моей погуляйте! А что же это пане Савва, свадьба безъ подарковъ?

— А какихъ же тебѣ подарковъ надо?...

— По три битые талеры каждой дѣвушкѣ...

— На, роздай!..

— Не хотимъ! Не хотимъ! закричали дѣвушки.

— Ну такъ хоть медомъ угости!

— Сей часъ, мамочка моя, сердце мое; вотъ такъ бы давно. Я сбѣгаю только до здѣшняго пана...

И Савва на радости бросился изъ хаты бѣгомъ. Оленочка усѣлась съ подобающею важностію и спросила:

— А отъ чего же сестрицы нашего серебра не захотѣли.

— Бѣдная Оленочка! За коршуна ты вышла! Серебро то все грабленое; про твоего Савву вся Украйна знаетъ, а пуще наше село. Видно дорога въ домъ его черезъ наше село проходитъ. Раза два три въ годъ забѣгаетъ съ своимъ казачествомъ. Всякій разъ наберетъ денегъ, пива, меду, живности всякой, да еще въ придачу красную дѣвушку... То еще у него доброе есть, что отъ отца, отъ матери дитяти не возьметъ, а сироту подай ему, хоть недоростка, лишь бы лицемъ хороша была... Можетъ быть, какъ теперь женился, такъ уходится.

Оленочка улыбнулась. Нельзя было про-

должать любопытнаго разговора, потому что панъ Савва вернулся, притащилъ съ собой и другаго пана, владѣльца того села, и паню, и дѣтей, и еще пришли какіе-то гости. Нанесли между тѣмъ со двора и вина, и пива, и меду, и всякой всячины. Оленочка хозяйничала на чудо. Панъ Савва былъ въ восторгѣ и клялся и заклинался, что даетъ этому селу льготу, что если гостемъ проѣзжать будетъ—такъ не возьметъ ни деньги, ни добра, ничего, а что возьметъ, платить будетъ... На радости панъ Савва охмѣлѣлъ, гости разъѣхались, но къ удивленію Оленочки въ хатѣ остались два казака, которыхъ она прежде и не замѣчала.

Одинъ уже старый, страшной наружности, покрылъ пана Савву свитой и сказалъ сосмѣхомъ.

— Спи, пане Савва! Стерегъ ты насъ на гулянкахъ; никогда пьянъ не былъ. Отъ радости охмѣлялъ. Ложись пани Савиха и ты спать. Я, Онисимъ Чубъ, насторожѣ. Такъ уже не страшно.

Оленочка не отвѣчала. Прилегла и притворилась спящею; но изрѣдка поглядывала на свою стражу и, посмотрѣвъ на другаго казака, чуть не вскочила. То былъ молодикъ Доня Трофимъ, только послѣ смерти сталъ моложе и краше прежняго; на томъ свѣтѣ у него видно и усы и бородку отняли; ни дать, ни взять дѣвушка. Разговоръ его съ Онисимомъ объяснилъ ей многое...

— Такъ это и есть самъ панъ Савва? спросилъ онъ. Онисимъ кивнулъ головой.

— Не чудо, что онъ на Украйнѣ такихъ дѣлъ надѣлалъ.

— Какихъ дѣлъ?

— Про него за Днѣпромъ разсказываютъ, что Савва до самой Туречины доходилъ; во всѣхъ селахъ гостилъ; что у него красавицъ, больше чѣмъ у самаго Султана.

— А на что ему тѣ красавицы. За нихъ не только некрещеная Татарва, да и Ляхи дорого платятъ. Вотъ себѣ взялъ красавицу, такъ эта и его; а не женись онъ на ней и Оленочка была бы наша. Продали бы. Ему три талера съ десяти, а семь наши...

— А ужъ, Онисимъ, надо правду сказать, что Оленочка красавица.

—Диво, что у пана жена хороша. Да и выбирали мы братику лѣтъ шесть; всю Украйну переискали. Боюсь только, братику, что теперь дома станетъ заси́живаться; на заработки не такъ часто ходить будетъ... Казачество запуститъ. Ты вотъ къ намъ присталъ подъ самой Усманькой; тебѣ наше житье полюбилось; такихъ много, а коли панъ Савва не захочетъ быть Гетманомъ, тогда, братику, другіе нашихъ передушатъ. И такъ на него зубы острятъ. Въ нашей землѣ, подъ Немировымъ, панъ Савва —точно паномъ живетъ, никого не трогаетъ. Большіе паны у него въ гостяхъ бываютъ, и за походы его на Украйну хвалятъ и подарки засылаютъ. Подъ Немировымъ насъ ни кто не тронетъ...

— А далеко еще до Немирова...

— Да это послѣднее вражье село. А тамъ ужъ пойдутъ все пріятели; тамъ мы панами поѣдемъ. И остановились мы тутъ, чтобы веселье на чужой счетъ справить...

— Ты уже пане Онисимъ меня своею лаской не оставь. Научи меня и ремеслу, и службѣ, и всему...

— Да ужъ научимъ мы тебя всему доброму... Постой! Кажется панъ Савва вздохнулъ; сей часъ встанетъ; поди скажи казакамъ пускай коней готовятъ; мы тутъ долго не останемся; досвѣту уѣдемъ...

Трофимъ ушелъ, а Савва дѣйствительно потянулся раза два, всталъ, поглядѣлъ на Онисима, да и сказалъ спасибо! Поглядѣлъ на Оленочку, да и молвилъ: ой мнѣ, дурню. Обрадовался не во время...

Но будить жены не рѣшился. Та старалась спать съ такимъ усердіемъ, что уже и солнце поднялось, и казаки на дворъ собрались, и ѣхать торопились, а она все спала, да спала. И когда уже старшіе рѣшились войти въ хату къ своему Гетману, тогда Оленочка вскочила, будто встрепанная; всѣ признаки безсонницы и сильной душевной бури явственно отражались на прекрасномъ ея лицѣ; при всемъ томъ она старалась казаться веселою, довольною; хлопотала только о завѣтной Иконѣ, уложенной въ ящикъ и тщательно закрытой; панъ Савва, какъ одурѣлый, глазъ не сводилъ съ своей жены и невольно исполнялъ всѣ ея прихоти. Она господствовала полновластно въ этой удалой арміи, къ общему неудовольствію Гайдамаковъ; пуще другихъ дулся Онисимъ.

— Вотъ себѣ и нажили въ Гетманы бѣлую голову. Увидите, что она всѣхъ насъ заведетъ на висѣлицу. Съ бою взяли; невольница; а она носъ задираетъ, будто уже и родилась паней.

Такъ говорилъ Онисимъ; то же повторяли Гайдамаки во всю дорогу, до самого Немирова, гдѣ пана Савву встрѣтилъ у воротъ города панъ Якубъ, воевода Немировскій, съ полной чашей, съ хоромъ пѣсень; встрѣтилъ, поздравилъ, да на Саввиху и заглядѣлся.

— Ну, сосѣдъ, сказалъ панъ Якубъ: я и не думалъ, чтобъ на Украйнѣ такія водились. То краше воеводихи Львовской; а можетъ и въ самомъ Краковѣ не встрѣтишь такой женщины. Не показывай сосѣдъ своей жены панамъ раднымъ. Поссоришься. Перестанутъ съ тобою хлѣбъ—соль и дружбу водить. Будутъ до твоей жены добираться...

Послушался панъ Савва пана Якуба. Отгулявъ день въ Немировѣ, потянулъ со своими до своей усадьбы, красиво расположенной на берегу небольшаго озера. Столѣтнія сосны кругомъ обступили ее со всѣхъ другихъ сторонъ и закрывали отъ взоровъ любопытнаго путешественника. Съ трепетомъ вступила Оленочка въ новый домъ свой; передъ нею несли завѣтный ящикъ; вскрыли; уставили Икону на мѣсто и разошлись; остались въ комнатѣ только панъ Савва да Оленочка. Оленочка поблѣднѣла, но за то панъ Савва раскраснѣлся. Ушелъ отъ нея панъ Савва счастливый, довольный; оставилъ Оленочку въ слезахъ, на колѣняхъ, передъ святымъ образомъ. Такого пиру въ Саввиной усадьбѣ никогда не бывало. Гуляли казаки до другой ночи; прогулялибъ и недѣлю, еслибы до пана Саввы не пріѣхали два жида съ турецкой границы. Принесли пану Саввѣ вѣсть, что ѣдутъ купцы изъ Туречины съ атласами и китайками; везутъ товары до Кіева; вспомнилъ панъ Савва, что обѣщалъ Оленочкѣ цѣлую комору набить дамашками, да атласами, а другую пушнымъ товаромъ... Дали жидамъ по три талера, сѣли на коней и полупьяные пустились въ далекій путь. Панъ Савва и забылъ проститься съ Оленочкой; хотя для нея и походъ предпринялъ. Гайдамаки не дали ему опомниться, боясь, что красота дѣвушки удержитъ его дома и товары уйдутъ изъ рукъ. Далече уже вспомнилъ панъ Савва, что не простился, и сказалъ: вотъ тебѣ разъ... Да возвращаться было и поздно и смѣшно. Надежда поскорѣе ограбить купцовъ и воротиться къ Оленочки съ дорогими подарками утѣшала вольнаго Гетмана, и кони неслись безъ дороги по путямъ, извѣстнымъ только звѣздамъ Божіимъ, да казацкому коню... И Онисимъ далече уже вспомнилъ про Трофима, но Трофима съ ними не было. А гдѣ же Трофимъ? Остался на усадьбѣ и рано по утру, когда Оленочка вышла на крыльцо, чтобы спросить воротился ли панъ Савва съ ночной гулянки, одинъ, Трофимъ, стоялъ на крыльцѣ съ голою саблей...

— Боже! воскликнула она: Трофимъ!

— Не Трофимъ, а Прохоръ, Оленочка, стоитъ у дверей твоихъ за брата Трофима. Тотъ уже не встанетъ; сладко ему подъ землею. Передалъ мнѣ Трофимъ и свою обиду и свое горе...

— Ты братъ Трофимовъ?

— А то кто же! Послышали мы подъ Черниговомъ, что сталось на Усманькѣ. Отецъ и позвалъ меня. Сѣдлай коня хлопче. Скачи до Усманьки. Городамъ не кланяйся. Бѣги шибче, а то слѣды нашего Трофима захоронятъ. У того вора, что убилъ Трофима, отыми жизнь, да привези мнѣ его голову, чтобы я самъ зналъ, что ты убилъ того вора. Съ Богомъ! — Поѣхалъ я и доѣхалъ, да не до Усманьки, а на большомъ шляху вашъ свадебный поѣздъ встрѣтилъ. Прикинулся Гайдамакой, что службы ищетъ; присталъ до пана Саввы... Охъ, сердечко мое бѣдное! Лучше было не приставать?..

— Отъ чего же Прохоръ?

— Про то ты одна знаешь...

Зарумянилась Оленочка, да скорѣй въ свою спальню. Сердце у ней такъ забилось, что она поспѣшила крѣпче запереть двери, чтобы Прохоръ не услышалъ. Сладко и страшно ей было новое чувство. Прохоръ былъ краше и моложе покойника; тотъ ей нравился. Прохора она полюбила. Со страху, что полюбила, не смѣла она къ дверямъ подойти. Приходили прислужницы; приносили кушанья.

— Не хочу. Не нужно. Я уже сплю... Такіе отвѣты давала Оленочка, и дрожала отъ ужаса, что такъ сильно полюбила... Наступила и ночь. Оленочка тихо встала, полуотворила дверь на крыльце. Луна на саблѣ Прохора играла своимъ серебромъ. Онъ ходилъ передъ крыльцемъ, чтобы не замерзнуть...

— Прохоръ! Уходи Прохоръ!» шептала она.

— А за чѣмъ я пойду. Тутъ мое мѣсто...

— Замерзнешь! Ей Богу, замерзнешь, стужа...

— Тепло у меня на сердцѣ... Тамъ что-то горитъ такъ хорошо. Есть у чего погрѣться...

— Прошу тебя Прохоръ, уходи!

— Да куда я пойду? Не стану я къ твоей челяди стучаться; мнѣ и тутъ хорошо.

Оленочка была въ отчаяньи. Она сама чувствовала суровость стужи; она видѣла какъ Прохоръ переминается и руками и ногами...

— Прохоръ, Прохоръ, право, ей Богу замерзнешь!

— Пускай замерзну! Что же мнѣ на этомъ свѣтѣ! Брата нѣтъ; кровь Саввы его не воротитъ, а моего сердца не залечитъ. Замерзну себѣ и не услышу, какъ умру...

— Такъ знаешь что, Прохоръ! Ты за чѣмъ тутъ ходишь...

— Берегу покой твой!

— Такъ ступай въ теплыя сѣни; сиди тутъ съ своей саблей; а чуть свѣтъ, уходи, чтобы злые люди чего не выдумали... Поди сюда, Прохоръ!

Прохоръ былъ не промахъ; повиновался; вошелъ въ теплыя сѣни; а Оленочка вынесла ему каганецъ и скамѣйку...

— Садись, бѣдный Прохоръ; тутъ и заснуть можешь...»

— Гдѣ уже мнѣ тамъ спать; на дворѣ было холодно; тутъ будетъ душно...

— Молись Богу, Прохоръ! Только онъ намъ и поможетъ.

— А тебѣ какая кручина! Стала пани богатая, хорошая, мужъ молодой, словно тополь стройный, будто дубъ плечистый; счастья у тебя цѣлая миса съ верхомъ.

— Нѣтъ, Прохоръ... Да, Прохоръ, твоя правда... А все Богу молиться не мѣшаетъ... Я пойду молиться.

— Ужъ и за меня Оленочка...

— И за тебя, мой бѣдный Прохоръ...

Разошлись. Но черезъ двери обоимъ было

слышно, что подъ этой крышей нѣтъ спа. То Оленочка, то Прохоръ, на выпередки вздыхаютъ.

— Что ты не спишь Прохоръ?

— Не спится, Оленочка!

— Ты бы пѣсню запѣлъ...

— Тебѣ мѣшать буду...

— Нѣтъ, Прохоръ! Я подъ пѣсни всегда засыпала.

— Люди услышатъ...

— Ты такъ запути, не заслышатъ. Челяди въ хоромахъ нѣтъ. И Прохоръ запутилъ, то есть въ полъ-голоса запѣлъ:

Ой ты дывчино заручена,
Чего ты ходишь засмучена?
Ой якъ я маю весела буты;
Кого я люблю, тяжко забуты.

Ой ты дывчино, чорныи очи,
И въ день ея журишь и неспышь въ ночи,
Чорныи очы прынаду далы,
Душу и тило вразъ зъжытьемъ взялы...
Ой ты дывчино, мыслями лудышъ,
Сама не знаешь, кого ты любышь...
Ой знаю, знаю, кого кохаю
Гна не знаю съ кимъ жыты маю!

Этой пѣсни я не осмѣлился переписывать на русскій языкъ! Слова ея всякому понятны; въ перепискѣ она лишилась бы той прелести, которая сдѣлала ее любимою пѣснію западныхъ Украинцевъ. Конечно, эта пѣсня отличается отъ малороссійскихъ языкомъ, но тогда мѣнялись казаки по всей Украйнѣ и посѣщеніями и пѣснями; и новая думка, привезенная съ дальней стороны, перенималась скорѣе и радушнѣе чѣмъ нынѣшніе Шубертовскіе романсы... И впечатлѣнія отъ нихъ были и проще и сильнѣе. Вотъ и доказательство. Оленочка не выдержала. Зарыдала и завопила:

— Ой знаю, знаю, кого кохаю (люблю), знаю... Но не велитъ Богъ и его Святая Вѣра...

— Кого же ты любишь?.. спросилъ Прохоръ и, забывшись, вбѣжалъ въ спальню. Оленочка стояла на колѣнахъ передъ своей Иконой и съ твердостію, глядя на образъ, сказала:

— Тебя Прохоръ! Но вотъ тебѣ крестъ передъ Богомъ, пока я жена Саввы, я вижу тебя въ послѣдній разъ. Прохоръ, прощай! Уходи до дому! Не то я скажу Саввѣ... Я отдалась волѣ Божіей — и это уже грѣхъ, что сказала, что допустила...

И безъ дальнихъ разговоровъ Оленочка встала, схватила за руки Прохора, повернула и вытолкала не только изъ спальни, но изъ сѣней, на тотъ же морозъ, который за минуту заставилъ ее неумѣстно разчувствоваться. Разумѣется, остатокъ ночи провела Оленочка не то что въ безсонницѣ, а въ горячкѣ, въ бреду; къ утру приуснула, но не надолго... Пришли слуги, достучались, и объявили, что молодой казакъ видно соскучилъ службой; взялъ съ конюшни гайдамацкаго коня воронаго и уѣхалъ.

— Слава Богу! сказала Оленочка и съ кроткимъ, благодарнымъ умиленіемъ взглянула на Икону...

Куда же это опять дѣвался Прохоръ? Онъ былъ на послѣдней гулянкѣ, онъ слышалъ, что разсказывали жиды, и пустился за Гайдамаками въ погоню... Но не зная дороги, сбился, и попалъ въ Усманьку; тамъ все было тихо, какъ на монастырѣ; весна возвращалась; зелень пробивалась, между прочимъ и на могилѣ Трофима. Мужской полъ весь былъ въ походѣ, а женщины даже не умѣли объяснить, куда уѣхали казаки. Прохоръ помянулъ брата, поѣхалъ искать казаковъ, но не находя слѣдовъ, вернулся; поѣхалъ въ другую сторону; и тамъ ничего не узналъ; опять воротился.

— Лучше же я ихъ подожду здѣсь; когда нибудь да воротятся,» такъ говорилъ Прохоръ; но весна прошла; поля засѣяли, стали бабы и косарей нанимать изъ чужихъ селъ; дошло дѣло и до жатвы; Прохоръ, въ нетерпѣніи сдѣлалъ еще нѣсколько безполезныхъ поисковъ; пожелтѣлъ и яровой хлѣбъ; малъ и старъ, все было въ полѣ; по пустому селу въ глубокой думѣ прогуливался Прохоръ одинъ однисхонекъ. Казаку стыдно было бабскимъ дѣломъ заниматься; на то есть черныя руки; а казакъ на поле гарцуетъ, а не работаетъ; ходилъ Прохоръ, ходилъ, да соскуки до шинка зашелъ, выпилъ *лампочку* доброй перцовки, закусилъ свѣже-просольнымъ огурцомъ, хотѣлъ опять идти на свою однообразную прогулку, да послышалъ стукъ копытъ; черезъ оконце корчмы увидалъ на конѣ пана Савву; бросился въ стодолу (корчемный сарай) и завалился за сѣно...

— Чортъ бы ихъ побралъ.» Было первое слово Саввы: «Убили моего Онисима. Не будь Усманька, родина моей Оленочки, за Онисима пожегъ бы я ихъ домы съ землею... А знатно бился Онисимъ. Досталось моему тестю. Хотѣлъ зятя сгубить, вотъ тебѣ на память. Ну, тутъ намъ попасывать нечего. Перекусимъ, да и дальше. Что то моя Оленочка дѣлаетъ?..

И точно перекусили у жида, пошумѣли и отправились въ путь... Прохоръ выползъ изъ своей засады и могъ еще видѣть, какъ панъ Савва тянулъ со своими на закатъ солнца; за войскомъ его тянулись возы, покрытые кожами подъ охраненіемъ самыхъ отчаянныхъ Гайдамаковъ.

Не успѣлъ Прохоръ проводить глазами пана Савву, какъ съ другой стороны въ Усманьку вступили казаки; передъ ними на носилкахъ несли Терешку, изуродованнаго, полуживаго. Но бодрость духа не оставляла старика.

— Чтобъ его огонь испекъ, бурчалъ онъ, «чтобъ ему добра не было ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Чародѣй поганый... Несите меня до церкви! Тамъ я на него еще Богу пожалуюсь. Вѣрую и повѣю, что правому моему дѣлу поможетъ...»

Громко молился Терешко, но молитву его заглушили вопли женщинъ, возвратившихся съ поля...

— Гдѣ мой Андрей? Гдѣ мой Антонъ? Гдѣ мой женихъ, гдѣ братъ... Раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Побилъ ихъ Савва, будь онъ проклятъ, отвѣчалъ Терешко: Не журитесь! Отыщемъ мы его берлогу; Богъ научитъ, гдѣ его воровской притонъ.

— Подъ Немировымъ! сказалъ Прохоръ: «Тамъ и Оленочка, тамъ и Святая Икона наша; туда потянулъ и панъ Савва. Я былъ тамъ. Видѣлъ Оленочку, видѣлъ Икону...

— Ага!» воскликнулъ Терешко: «А не говорилъ же я вамъ, что Богъ научитъ. Служи, отче, по битымъ панихиду, а намъ напутственный молебень...

Но Терешко не дослушалъ службы; изнемогъ; отнесли его въ пустой домъ; Прохоръ сталъ ходить за нимъ, что за отцемъ роднымъ; сообщилъ ему все, не скрылъ даже и любви своей и объясненія... Терешко рвался въ походъ; но самое нетерпѣніе его замедляло выздоровленіе. Тоже не терпѣніе одушевляло и Прохора.

— Пане Терентій! Ты лучше останься! Мы сами пойдемъ!...

— Эге! набѣжалъ онъ на купцовъ кіевскихъ; ограбилъ; казаки совсѣхъ сторонъ пошли на выручку. Что сдѣлали? Полъ-года гонялись. Чародѣй все насъ обманывалъ, да съ досады, что его на грѣхъ до Оленочки не пущаютъ, въ какое село не придетъ, всѣ пожитки и животы заберетъ, да на первомъ торгу продастъ, да снова въ сторону; мы за нимъ, а онъ у насъ подъ носомъ село ограбитъ, да и уйдетъ, сатана его знаетъ, куда. Наскучило казакамъ за чародѣемъ гоняться, да и своего достатка жаль стало. Мы одни Усманьцы остались; подъ самой Усманькой мы дорогу ему загородили; прорвался; теперь уже далеко. Нѣтъ. Не такъ надо. Позову я все казачество; коли уже берлога открыта, пойдутъ всѣ. Да безъ меня не пойдутъ...

Старый Терешко былъ правъ. Когда онъ уже видѣлъ близкую возможность выступить въ походъ, послалъ гонцевъ во всѣ стороны; въ концѣ сентября собралось много казаковъ въ Усманькѣ. На канунѣ дня, назначеннаго для выступленія въ походъ, Терешко задалъ гулянку въ саду подъ черешнями. Отслужили по утру обѣдню и молебствіе и поѣхали. Панъ Савва не ожидалъ гостей у себя дома; правду сказать, онъ и не спѣшилъ домой; въ томъ же селѣ, гдѣ вѣнчался, увидѣлъ онъ молодицу, жену богатаго казака.

— Не Оленочка, правда, сказалъ онъ: а все таки больно хороша.» Да и присталъ къ ней, а того не разузналъ, что панъ Якубъ изъ Немирова къ той же молодицѣ въ гости ѣздитъ и казацкое богатство множитъ... Въ Немировѣ панъ Якубъ не встрѣтилъ друга у воротъ. Принялъ холодно и примѣтно обрадовался, когда панъ Савва объявилъ ему, что онъ распустилъ своихъ Гайдамакъ съ добычей по домамъ на зимовку; свою долю отправилъ съ хлопцами на усадьбу, а самъ только съ однимъ мальчикомъ къ другу заѣхалъ. Не выдержалъ панъ Якубъ и объявилъ пану Саввѣ свое неудовольствіе. Панъ Савва не промахъ. Сѣдлай хлопче коня! Не успѣлъ панъ Якубъ распорядиться, какъ панъ Савва уже былъ въ чистомъ полѣ... Странная тоска разлилась по сердцу Вольнаго Гетмана. Съ грустью взглянулъ онъ на веселую свою усадьбу. Трепетно ступилъ на крыльцо. На встрѣчу ему высыпала вся челядь и стала поздравлять его... Что такое случилось?.. Родила пани сына... Другой бы обрадовался, а пану стало такъ тяжело, такъ душно, тѣсно, что онъ сѣлъ за столъ и головой поникъ, будто присужденный къ казни... Предчувствіе его не обмануло.

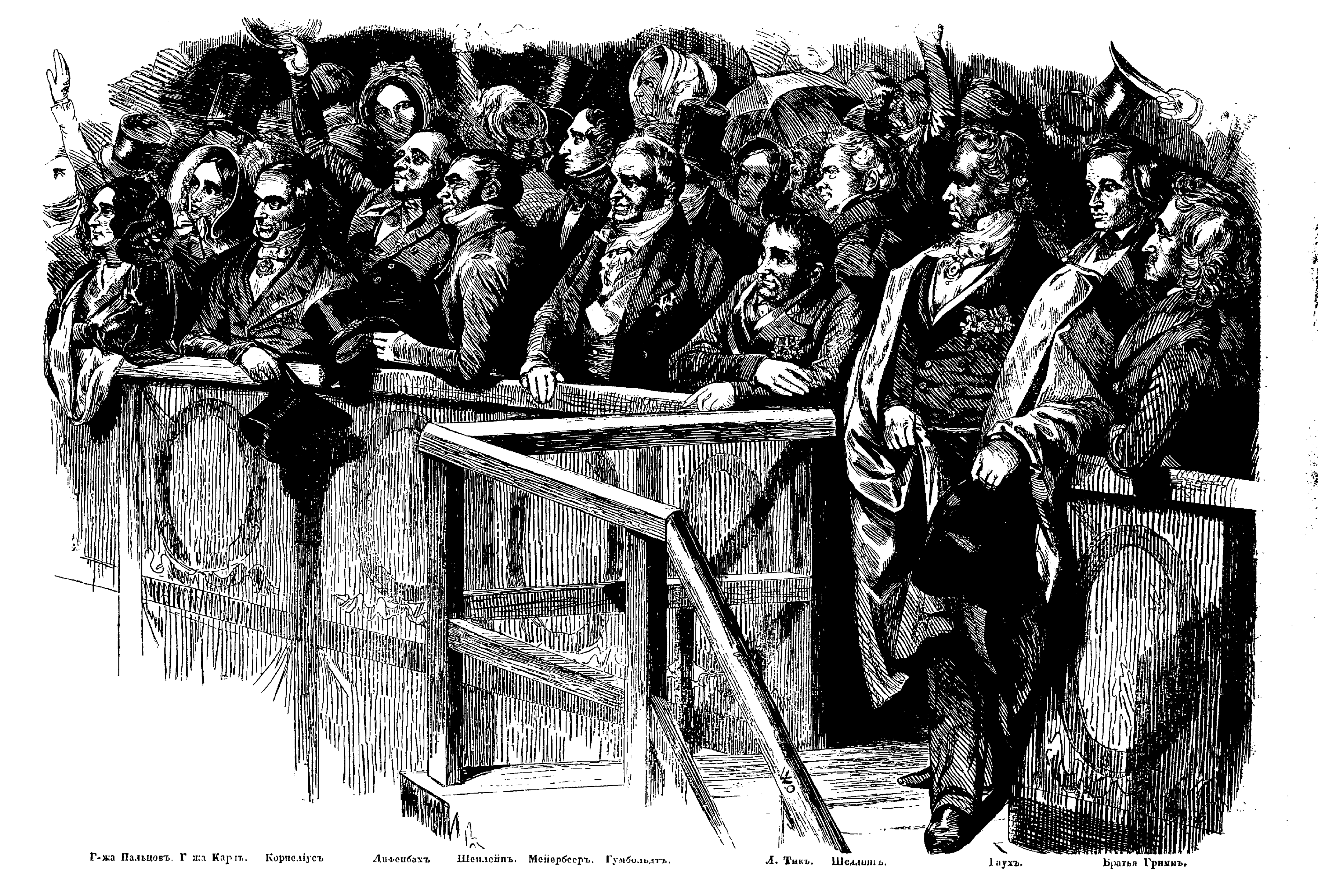
Гости! Гости! кричала челядь...

— Какіе то гости... дико сказалъ Савва, и въ этотъ разъ необманулся. Точно страшный гость сталъ на порогѣ. Терешко съ топоромъ, а за нимъ толпа казаковъ...

Поздно же вечеромъ, казаки торжественно возвращались уже съ своего дальняго похода. Впереди почетные казаки несли Икону; за нею Оленочка ѣхала въ саняхъ, обьбокъ съ Прохоромъ, тамъ Терешко и казаки на пикахъ несли трупъ пана Саввы; за ними тянулся обозъ, нагруженный богатствами Вольнаго Гетмана; темпѣло, но путь казакамъ освѣщало зарево Саввиной усадьбы... Панъ Якубъ у воротъ встрѣтилъ своихъ мстителей. И въ другихъ селахъ съ такимъ же торжествомъ встрѣчали казачество; а въ Усманькѣ отецъ Прохоръ со крестомъ и слезами привѣтствовалъ шествіе... Терешко опять задалъ гулянку и на гулянкѣ объявилъ Оленочку невѣстой Прохора. Голову Саввы отослали съ почетными гонцами къ отцу Трофима и просили благословенія Прохору... Воротились послы съ самимъ отцомъ. Опять загуляло казачество на свадьбѣ въ домѣ Терешки... Разплясались, разыгрались казаки, но больше всего утѣшала ихъ пѣсня, сложенная кочующимъ слѣпцомъ, которую заставляли повторять безпрестанно. Пѣсня дошла до потомства. Мы нашли ее въ собраніи Липинскаго и въ любопытномъ сочиненіи Г. Скальковскаго о Гайдамакахъ. Есть разности и въ текстахъ и въ самыхъ преданіяхъ. Но въ главномъ обѣ согласны, и между собою, и съ отысканнымъ мною началомъ Легенды.

Пѣсня казакамъ до того нравилась, что они хоромъ повторяли многіе стихи и смѣялись.

Н. Кукольникъ.



Г-жа Пальцовъ. Г-жа Карлъ. Корнеліусъ Дифенбахъ Шенлейнъ. Мейербееръ. Гумбольдтъ. Л. Тикъ. Шеллингъ. Раухъ. Братья Гриммъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Огромна семья Славянскихъ народовъ; — каждый имѣетъ свой языкъ, изученіе коего необходимо для познанія всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Мы очень мало знакомы съ трудами западныхъ нашихъ соплеменниковъ. Чехи сдѣлали много для словенскаго языко-знанія; немало и въ другихъ мѣстахъ, занятыхъ народами славянскаго происхожденія, вышло сочиненій, весьма важныхъ для Исторіи и Литературы Славянъ; нѣкоторые труды достойны ближайшаго знакомства. Въ Галиціи, въ прошломъ году, скончался отличный литераторъ Графъ Дунинъ-Борковскій, весьма въ молодыхъ лѣтахъ. Краткая жизнь его была — постоянное ученіе. Книги — замѣняли для него все; мертвые образцы поэзіи — уничтожали для гр. Дунина всякую живую дѣйствительность; онъ жилъ какъ будто за гробомъ въ семьѣ именитыхъ покойниковъ. Стихотворенія его весьма уважаются, но для насъ болѣе любопытны его переводы древнихъ классиковъ. Не смотря на молодыя лѣта, онъ перевелъ уже большую часть Одиссеи Гомера, Ѳеогонію Гесіода, всего Аполлодора и двѣ книги Геродота. Мы не имѣемъ еще подробныхъ свѣденій, какіе, сверхъ того, остались въ его бумагахъ переводы древнихъ классиковъ. Для сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ, что теперь дѣлается необходимостію для каждаго русскаго литератора, желающаго изучать языкъ свой въ источникахъ и въ историческомъ развитіи — подобные переводы весьма важны. Помѣщаемъ портретъ почтеннаго филолога, снятый съ него уже въ то время, когда ученыя усилія, разрушивъ здоровье, неумолимо влекли его къ могилѣ.

(Графъ Дунинъ).

—

ХУДОЖЕСТВА.

Профессоръ Кригеръ.

Когда профессоръ Кригеръ былъ первый разъ въ Петербургѣ, всѣ только и говорили о знаменитомъ живописцѣ; газеты, кажется, также писали о немъ. Покрайней мѣрѣ Художественная помѣстила довольно подробную статью о трудахъ этого, во всѣхъ отношеніяхъ знаменитаго, художника.

Кригеръ опять въ Петербургѣ — и о немъ не слышно. Газеты молчатъ; публика — тоже. Чтобы это значило? Неужели Кригеръ съ тѣхъ поръ измѣнился, упалъ въ художествѣ? О нѣтъ! Тогда онъ съ большою робостію только еще обращался къ портретной живописи; портретъ покойнаго Короля Прусскаго былъ однимъ изъ первыхъ опытовъ Кригера въ этомъ родѣ и опытъ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ первое пребываніе Кригера въ Петербургѣ, онъ былъ осчастливленъ дозволеніемъ испытать силы свои въ изображеніи особъ Августѣйшей Императорской Фамиліи; портреты эти всѣмъ и всякому извѣстны въ литографіяхъ, которыя едвали до нынѣ не лучшія. Въ первое же пребываніе свое въ Петербургѣ, онъ произвелъ около двадцати портретныхъ картинъ, въ натуральную величину, до 50 оконченныхъ портретовъ корпусными красками, около 60 карандашныхъ (мѣловыхъ) совершенно оконченныхъ, множество эскизовъ и, можетъ быть, болѣе ста профильныхъ портретовъ. Онъ создалъ особенный кригеровскій родъ портретовъ. На свѣтло-сѣрой бумагѣ, растушкой, и черными, бѣлыми, желтоватыми и сѣроватыми мѣловыми карандашами, въ одинъ присѣстъ, онъ оканчивалъ портретъ съ невѣроятною вѣрностью. — Кригеръ оставилъ послѣ себя въ Петербургѣ между художниками и любителями самое пріятное воспоминаніе. Съ тѣхъ поръ онъ произвелъ много, но лучшимъ его, колоссальнымъ произведеніемъ почитается большая картина, изображающая выходъ Его Величества Короля Прусскаго къ народу по восшествіи на престолъ. Вся картина въ гравюрѣ для иллюстраціи была бы слишкомъ мелка; мы помѣщаемъ только одну группу, потому что она интересна въ высшей степени, представляя весьма схожіе портреты современныхъ берлинскихъ знаменитостей. Первая фигура въ этой группѣ на первомъ планѣ — г-жа Пальцовъ, съ которою уже знакомы читатели Библіотеки для чтенія, какъ съ писательницею романовъ. За нею въ шляпкѣ — г-жа Карль, возлѣ Корнеліусъ, мюнхенскій живописецъ; за нимъ, поднявъ шляпу, стоитъ Дифенбахъ, знаменитый операторъ, бывшій и у насъ въ Россіи; возлѣ Шенлейнъ, а за нимъ Мейербееръ въ профиль, которая весьма характерна. Далѣе Гумбольтъ со звѣздою; возлѣ Тикъ; а за Тикомъ Шеллингъ въ профиль, скульпторъ Раухъ въ плащѣ поставленъ во всю фигуру, за нимъ братья Гриммы.

(Профессоръ Кригеръ).

Поприще такого таланта, какъ Кригеръ, безконечно; мы увѣрены, что много, много мастерскихъ произведеній еще впереди. Не упустимъ случая ближе познакомить читателей съ его произведеніями. Кригера, по значительности его работъ для Августѣйшаго нашего Монарха, мы считаемъ почти *своимъ*, и помѣщаемъ для перваго знакомства, его портретъ, гравированный Барономъ Клотомъ.

Н. К.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Теплый дождь окропилъ поля и лѣса, солнышко пригрѣло ихъ и все опушилось свѣжею зеленью...

Кому какая надобность теперь до городскихъ новостей, извѣстій, сплетней? Да и гдѣ взять новостей? Ихъ нѣтъ, рѣшительно нѣтъ, потому что вниманіе всѣхъ обращено уже за городъ. Театры пусты, не смотря на бенефисы любимыхъ публикою артистовъ. Въ бенефисахъ ничего замѣчательнаго, о чемъ бы стоило поговорить. Есть одна грустная новость... Преждевременная смерть вырвала прелестнѣйшій цвѣтокъ, не вполнѣ еще распустившійся, изъ красиваго нашего театральнаго букета! Шлефохтъ умерла, — умерла въ цвѣтѣ лѣтъ, когда ей предстояло такое блистательное поприще... и что отъ нея осталось? Бѣдные драматическіе артисты! Не жалѣйте цвѣтовъ, господа театралы, не жалѣйте рукоплесканій, поощряйте, награждайте тѣхъ, отъ которыхъ къ потомству перейдетъ — одно имя, и то не всегда!.. Грустно.

Оставимъ театръ, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго; оставимъ даже столицу, потому что въ ней теперь нѣтъ ничего новаго, и поговоримъ лучше о дачахъ. Нынѣшній годъ дачникамъ раздолье. Куда угодно довезутъ ихъ омнибусы и за самую умѣренную плату — одно только нехорошо: вмѣстѣ съ размноженіемъ омнибусовъ, т. е. съ облегченіемъ сообщенія, вздорожали дачи, но увы! въ этомъ случаѣ мы невольно должны повторить съ *Емелей* Вельтмана: нѣтъ добра безъ худа. Впрочемъ это *худо* выкупается многими выгодами и удобствами.

Бывало въ воскресный или праздничный день бѣдный отецъ семейства, которому дѣла не позволяютъ нанять дачу, цѣлую недѣлю, глотая пыль мечталъ о воскресеньи и предстоящемъ удовольствіи. Наступитъ воскресенье. Не смотря на то, что провизія, самоваръ и прочія нужныя вещи собраны и уложены уже съ вечера, сборы продолжаются, однакожъ, довольно долго. Уже утомленные этими сборами бѣдняки отправляются за-городъ, и приходятъ туда усталые, измученные. Надо отдохнуть. Потомъ надо закусить. Наконецъ, когда представляется возможность погулять — надо идти домой, потому что поздно, дѣти спать хотятъ и ревутъ благимъ матомъ; сыро, дѣти простудятся. На другой день у всѣхъ болятъ ноги, всѣ жалуются на мозоли...

Теперь же — угодно вамъ погулять въ прелестномъ саду, побывать на водахъ, послушать оркестръ Германа, поѣзжайте въ Полюстрово. Неболѣе какъ въ полчаса довезетъ васъ туда удобный, спокойный омнибусъ, съ которымъ вы можете и возвратиться, потому что онъ ходитъ восемь разъ въ день, а именно: *Изъ города въ Полюстрово:* утромъ въ 8 и 9 часовъ; а по полудни въ $2^1/_2$, $3^1/_2$, $4^1/_2$, $5^1/_2$, $10^1/_2$ и $11^1/_2$ часовъ. *Обратно*: утромъ въ 7, 8, 9 и 10 часовъ; а по полудни въ $3^1/_2$, $4^1/_2$, $9^1/_2$ и $10^1/_2$ часовъ.

Въ городѣ омнибусъ будетъ стоять на Невскомъ Проспектѣ, у Императорской Публичной Библіотеки.

Такимъ образомъ за 30 коп. серебромъ вы можете съѣздить въ Полюстрово и обратно, *даромъ* послушать прекрасный оркестръ Германа и погулять въ саду, гдѣ и простору и всякихъ затѣй довольно.

Отъ этого же мѣста будутъ отправляться еще два омнибуса, за ту же плату, т. е. по 15 коп. серебромъ въ одинъ конецъ, а именно одинъ на Крестовскій, а другой въ Тентелеву Деревню. На Крестовскій, по нашему мнѣнію, одного омнибуса мало, потому что тамъ слишкомъ многочисленное народонаселеніе. Обитатели Петровскаго, безъ всякаго сомнѣнія, также будутъ пользоваться

этимъ омнибусомъ. А сколько домовъ на Крестовскомъ? Это цѣлый губернскій городъ. Одна чухонская деревня поглощаетъ цѣлую треть петербургскихъ ремесленниковъ. Впрочемъ, справедливо и то, что эти добрые люди того мнѣнія, что Господь далъ людямъ ноги не только для того, чтобъ было на чемъ носить сапоги.

На Крестовскій, а именно *въ Чухонскую деревню*, омнибусъ отправляется утромъ въ $8\frac{1}{2}$ часовъ, а по полудни въ 3 часа, 5 и 11 часовъ. *Обратно:* въ $7\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ часовъ утра; а по полудни въ 4 часа и 10 часовъ.

Тентелево — другой рай любителей природы. Оно близко отъ города, окружено прекрасными садами и дачами, и защищено отъ пыли, тѣмъ, что лежитъ въ сторонѣ отъ дороги. За Тентелевой деревней находятся поля и болота, гдѣ можно охотиться; тамъ же протекаетъ маленькая рѣчка, Таракановка, по которой между красивыми дачами и менѣе красивыми огородами, можно доѣхать до Екатерингофа и до взморья.

Въ Тентелево омнибусъ отходитъ: утромъ въ 9 часовъ, а по полудни въ $3\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ часовъ; *обратно*: утромъ въ 8 и 10 часовъ; а по полудни въ $4\frac{1}{2}$ часа и $10\frac{1}{2}$ часовъ.

Предпочитаете вы Екатерингофъ, со множествомъ близлежащихъ острововъ, на которыхъ цѣлое лѣто слышатся безпрерывные выстрѣлы, или гдѣ затѣйливыя лодки на парусахъ и безъ нихъ, въ тихую, а преимущественно въ бурную погоду безпокоятъ морскія волны; любите ли вы *морскія сцены*, то есть лодки садящіяся на-мель или опрокидывающія любителей мореплаванія въ грязь, такъ и въ этомъ случаѣ можно угодить вамъ.

Екатерингофскій омнибусъ, будетъ отъѣзжать отъ Думы: утромъ въ 8 часовъ, а по полудни въ $2\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ; *обратно*: утромъ въ 7 и 9 часовъ; а по полудни въ $5\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ часовъ. Цѣна таже, т. е. 15 коп. серебромъ въ одинъ конецъ.

Неужели этого мало? А между тѣмъ это еще не все. На Невскомъ же проспектѣ, противъ Думы, будутъ стоять еще два омнибуса, одинъ въ Новую Деревню, другой на Черную Рѣчку. Эти омнибусы ходили и въ прошломъ году, и вѣроятно, по этой причинѣ, въ Новой Деревнѣ и на Черной Рѣчкѣ все рѣшительно было занято. Но въ этихъ мѣстахъ ощутительна нѣкоторымъ образомъ близость города. Тутъ проявляется уже мода, со всѣми своими видо-измѣненіями, именующимися бурнусами, мантильями, кардиналками, матеріями à la и проч., а потому необходимо все вліяніе чистаго воздуха, живописныхъ береговъ красивой Невы и близость Строгоновскаго Сада, чтобы скука, неразлучная спутница этикета, не воцарилась тамъ полновластной владычицей.

Въ Новую деревню омнибусъ отправляется: утромъ въ 8 часовъ, а по полудни въ $2\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ; *обратно*: утромъ въ 7 и 9 часовъ, а по полудни въ $5\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ часовъ.

На Черную рѣчку: утромъ въ 9 часовъ; пополудни въ $3\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ часовъ; *обратно*: утромъ въ 8 и 10 часовъ; пополудни въ $4\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ.

Кромѣ того въ Новую же и Старую Деревню будутъ отъѣзжать омнибусы отъ Большаго Проспекта, по 1-й линіи, на Васильевскомъ Острову.

Въ Новую деревню: утромъ въ $9\frac{1}{2}$ часовъ; пополудни въ 4, 6 и 12 часовъ; *обратно*: утромъ въ $8\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ; а по полудни въ 5 и 11 часовъ.

Въ Старую деревню, чрезъ *Петровскій*, *Крестовскій* и *Елагинъ*: утромъ въ $8\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 3, 5 и 11 часовъ; *обратно*: утромъ въ $7\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 4 и 10 часовъ.

Во всѣхъ этихъ омнибусахъ мѣста стоятъ — 15 копѣекъ серебромъ. Кажется, нельзя дешевле, а между тѣмъ никто въ убыткѣ не будетъ; и публикѣ удобно и выгодно и содержатели съ пользою употребляютъ *свой досугъ и свое достояніе*. Невольно воскликнешь:

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ».

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ дороже и платить надо. Перейдемте же къ двадцатипяти копѣечному дилижансу, пренебрегающему названіемъ омнибуса, которое хорошо *для всѣхъ*, но не для кушелевскаго 18-ти мѣстнаго, который будетъ ходить въ столицу и обратно пять разъ въ день, а именно:

Изъ Кушелевки: утромъ въ 8 часовъ; по полудни въ 2, $6\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ; изъ *столицы*: утромъ въ $9\frac{1}{2}$ и $12\frac{1}{2}$ часовъ; а по полудни въ 4, 8 и 12 часовъ.

Мѣста, неизвѣстно какимъ образомъ, раздѣлены на *общія* и *особенныя*; за первыя 25, а за вторыя 35 коп. серебромъ. Дороговенько, въ сравненіи съ другими, но утѣшьтесь, читатель и читательница, за то вы будете сидѣть только съ персонами, какъ весьма остроумно выражается графъ Соллогубъ; съ одними *персонами*, въ чистѣйшихъ мантильяхъ и новомоднѣйшихъ пальто, потому что кушелевскій *дилижансъ* не *принимаетъ внутрь*, ни простолюдиновъ, ни лакеевъ; для нихъ имѣются мѣста противъ кондуктора и на козлахъ, возлѣ кучера. Чинно, благопристойно.

До сихъ поръ мы не слишкомъ удалялись отъ города. Отправимтесь дальше. Одинъ изъ лучшихъ и, безъ всякаго сомнѣнія, выгоднѣйшихъ для содержателя дилижансовъ, есть Александровскій. Онъ идетъ отъ Гостиннаго Двора во весь конецъ Невскаго Проспекта, мимо Невскаго *Монастыря*, *Стекляннаго*, *Чугуннаго* и *Фарфороваго* заводовъ, до села *Александровскаго* (что противъ Мануфактуры), и за весь этотъ конецъ платитъ не болѣе какъ 25 коп. серебромъ, на общихъ мѣстахъ, а 35 коп. серебромъ на особенныхъ, устроенныхъ для *лицъ*. (См. Замѣтки Петербургскаго Жителя).

Кромѣ того съ 1-го іюня заведеніе александровскихъ дилижансовъ доставитъ живущимъ въ *Мурзинкѣ*, *Рыбацкомъ*, *на Бугоркахъ* и *въ Саратовской Колоніи*, удобное и дешевое средство сообщенія со столицей. Изъ села Александровскаго въ извѣстные часы будетъ ходить крытый омнибусъ два раза въ день, въ тѣ самые часы, когда приходитъ и отходитъ александровскій дилижансъ, такъ что пассажирамъ безостановочно можно будетъ продолжать путь. Цѣна мѣстамъ въ омнибусѣ изъ Александровскаго до Рыбацкаго 20 коп. серебромъ.

Изъ Александровскаго въ Рыбацкую будетъ отправляться омнибусъ: въ $10\frac{1}{4}$ часовъ утра и $8\frac{1}{4}$ часовъ вечера; *обратно* въ 11 часовъ утра и 9 часовъ вечера.

Прекрасно придумано! Многіе ли изъ петербургскихъ жителей знаютъ деревни, селенія и колоніи, о которыхъ мы упомянули? А между тѣмъ какъ онѣ живописны и какъ пріятно глазу отдохнуть на безъискуственной природѣ, послѣ вычуръ и затѣй садовниковъ безъ вкуса и малѣйшаго эстетическаго чувства, стригущихъ, обрѣзающихъ деревья и брѣющихъ, такъ сказать, траву! Съ помощію омнибусовъ и дилижансовъ мы можемъ бѣжать отъ этихъ садовъ въ лѣса.

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ».

Всѣ живущіе на дачахъ, по Петергофской дорогѣ до самаго Сергіевскаго Монастыря, будутъ имѣть удобное сообщеніе съ городомъ. Большая непріятность, которой подвергаются тамошніе дачники, есть та, что въ хорошую погоду по этой дорогѣ ужасная пыль, а въ дурную грязь по колѣна; но за то окрестности прекрасны. *Сергіевскій дилижансъ* отправляется ежедневно отъ Казанскаго Моста въ 8 часовъ утра, а *отъ Сергія* въ $2\frac{1}{2}$ часа; наканунѣ же воскресныхъ и табельныхъ дней онъ отправляется еще *отъ Казанскаго Моста* въ 5 часовъ, а *отъ Сергія* въ 9 часовъ вечера; цѣна 50 коп. серебромъ въ одинъ конецъ.

Мы объѣздили всѣ окрестности Петербурга и нарочно въ заключеніе оставили — Парголово. Туда влекутъ дачниковъ ни музыка, ни канатные плясуны, ни подстриженныя деревья, ни гулянья съ фейерверками, — а сама природа! Чистый, здоровый воздухъ, прелестное мѣстоположеніе, озера, лѣса, горы и множество деревень, живописно разбросанныхъ по холмамъ. Въ Парголовѣ нѣтъ той сырости, которою отличаются почти всѣ наши дачи, и вообще самые домики выстроены какъ-то прочнѣе, не ситомъ. Наконецъ и послѣднее неудобство Парголова, отдаленность отъ города, устранена заведеніемъ двухъ 12-ти-мѣстныхъ дилижансовъ, которые будутъ ежедневно ходить изъ Парголова на Спасскую мызу, и двухъ 18-ти мѣстныхъ, которые будутъ ходить изъ Спасской мызы въ столицу и обратно, въ слѣдующіе часы:

Изъ Петербурга въ Спасскую мызу: утромъ, въ 9 и 10 часовъ; по полудни въ 2, 4, 6, 7, 11 и 12 часовъ; *изъ Спасской мызы въ Парголово:* утромъ въ 8 и $10\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 3, 5, 7, 8 и 12 часовъ.

Обратно: *изъ Парголова въ Спасскую мызу:* утромъ въ $6\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ часовъ; *изъ Спасской мызы въ столицу:* утромъ въ $7\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, $11\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ $12\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$, $9\frac{1}{2}$ и $10\frac{1}{2}$ часовъ.

Цѣна изъ Столицы въ Спасскую мызу 25 коп. серебромъ; и изъ Спасской мызы въ Парголово 25 коп. серебромъ.

Не дорого; но тутъ представляется вопросъ: если, напримѣръ, вы имѣете въ столицѣ дѣло, нетерпящее отлагательства, садитесь въ Парголовѣ въ дилижансъ, положимъ, хоть въ половинѣ одинадцатаго, пріѣзжаете въ Спасскую мызу, а тамъ въ немедленно отъѣзжающемъ дилижансѣ всѣ мѣста заняты — что тогда? Allez vous promener!... Предлагаемъ этотъ вопросъ господамъ водевилистамъ; пусть они разовьютъ его на потѣху публики Александрынскаго Театра.

Кажется, теперь всѣ дилижансы? Нѣтъ, виноватъ, если хотите еще дальше бѣжать отъ петербургской пыли, спѣшите на пароходъ *Елизавета*, отъѣзжающій отъ Англійской Набережной два раза въ день, а именно въ 9 часовъ утра и въ 4 часа по полудни. За 80 или 40 коп. серебромъ, смотря по вашему желанію, вы пріѣдете въ Петергофъ. Едва вступите вы на пристань, какъ увидите два дилижанса, протягивающіе къ вамъ руки. Выбирайте любой, первый за 50 коп. серебромъ *доставитъ васъ въ цѣлости* въ *Ораніенбаумъ;* онъ отходитъ ежедневно, послѣ каждаго прибытія парохода. Другой отвезетъ васъ въ лечебное заведеніе *Лопухинку;* онъ отходитъ изъ Петергофа только по средамъ и субботамъ; возвращается же изъ Лопухинки по понедѣльникамъ и четвергамъ. На пути дилижансъ будетъ останавливаться на полчаса, въ *Гостилицахъ*. Цѣна по 2 рубля серебромъ съ персоны, лица или особы безъ различія.

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ.»

Страшно подумать! Чего добраго, какъ при всѣхъ этихъ удобствахъ сообщенія въ какой нибудь воскресный или табельный день опустѣетъ Петербургъ... тѣмъ болѣе что наконецъ, даже свирѣпѣйшимъ противникамъ омнибусовъ и дилижансовъ будетъ средство погулять, повеселиться и даже побывать *на водахъ*, не выходя изъ города, а именно въ заведеніи, находящемся на гласисѣ Петропавловской Крѣпости; тамъ, каждый день отъ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера можно пользоваться минеральными ваннами...

Петербургъ такъ совершенствуется, что вскорѣ не-зачѣмъ будетъ ѣхать за границу; но — увы! Какъ волка не корми, а онъ все смотритъ въ лѣсъ...

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Ужасъ, что я вижу? Во французскихъ иллюстраціяхъ нѣмецкія клише! Вѣрить ли глазамъ моимъ? Нѣтъ, вѣрно послѣдній нумеръ французскихъ иллюстрацій поддѣлали Нѣмцы и подослали сюда. Постойте, постойте, а эта что? Телескопъ Лорда Росса. Это изъ англійскихъ иллюстрацій; но какая въ томъ нужда. Унасъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ можно найти такъ много хорошаго. Вотъ, напримѣръ у насъ *знаменитыя* газеты прозябаютъ только перепечатками изъ губернскихъ вѣдомо-

стей. — Да что грѣха таить; Иллюстрація и сама странствуетъ по губерніямъ, и занимательнѣйшее занимаетъ. Нѣтъ тутъ худа, какъ говорилъ одинъ изъ пресловутыхъ учениковъ Карамзина и друзей Грибоѣдова и Пушкина, которыхъ, между прочимъ, онъ видѣлъ случайно одинъ разъ на петергофскомъ гуляньи. Нѣтъ тутъ худа, и чудовищный телескопъ Росса достоинъ всякаго вниманія. Діаметръ большаго зеркала имѣетъ 6 анг. ф. Ночью, 5 марта, Лордъ Россъ, докторъ Робинсонъ и Джемсъ Сутъ забавлялись созерцаніемъ неба въ этотъ телескопъ — и послѣдній раскричался отъ восторга; онъ увѣряетъ, что его ахроматическая труба, въ сравненіи съ этимъ телескопомъ, тоже что вооруженный глазъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ зрѣніемъ, безо всякаго орудія. Все это удивительно, но не такъ еще какъ новое изобрѣтеніе, о которомъ Mechanic's Magazine говоритъ съ увѣренностію, и велитъ насильно вѣрить, а вѣрить не хочется. Представьте (Tubi mirum!) труба, посредствомъ разставленныхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ паровыхъ машинъ, переноситъ письма на сто миль въ часъ, слѣдственно въ день на 2 400 миль. Корреспонденты приходятъ въ отчаяніе. Они не будутъ успѣвать отписываться. Ихъ горе умножается еще и тѣмъ, что устройство этой почтовой трубы стоитъ 150,000 франковъ на милю. Изобрѣтатель Г. Джемсъ пусть прежде выдумаетъ машину, какъ поскорѣе думать и писать, а тогда уже пересылать произведенія мысли и пера. — Что, еслибы такую трубочку провести изъ Петербурга въ Одессу. Можно бы мѣняться извѣстіями, по-крайней мѣрѣ, разъ въ день. Правда писать нечего; но еслибы завелась такая трубочка, завелись бы и извѣстія.

Въ Редакцію поступили на сихъ дняхъ слѣдующія статьи: Анекдотъ о князѣ Багратіонѣ, разсказанный А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. О пневматическихъ печахъ, Н. А. Амосова. Софійская церковь въ Константинополѣ и Балканы, Е. П. Ковалевскаго. Елена, разсказъ А. П. Струговщикова. Чужая голова — темный лѣсъ, повѣсть Е. П. Гребенки. Очерки Ораніенбаума — Л. А. Кавелина. Стихотворенія и Лихорадка, повѣсть А. И. Пальма, Лѣтній Садъ — повѣсть Н. Кукольника.

—

Извѣстный композиторъ нашъ А. С. Даргомыжскій возвратился изъ путешествія. Письма его съ дороги заключаютъ чрезвычайно много интереснаго; Редакція получила обязательное дозволеніе помѣстить въ Иллюстраціи извлеченіе изъ этихъ занимательныхъ писемъ, чѣмъ и не замедлитъ воспользоваться.

—

Критикусы, которымъ изо всей мочи хочется, бранить Иллюстрацію, рѣшились судить теперь о художествахъ. Ихъ храбрость изволитъ называть передъ лицемъ всей Русской публики, что гравюры въ Иллюстраціи лубочныя. Это безъ сомнѣнія относится къ работамъ Барона К. К. Клота и Дерикера, исполняющихъ гравюры со всею совѣстливостію и тщаніемъ. Мы помѣщаемъ теперь такія же *лубочныя* картинки Киссингена и группы изъ картины Кригера. Не выдаемъ себя за знатоковъ и всезнаекъ, но ужъ утвердительно можемъ сказать, что оные *Руськіе* критикусы, по представленнымъ образцамъ своего вкуса, съ такою же вѣрностію могутъ судить о художествахъ, какъ судили до нынѣ о *пѣніи* и *музыкѣ*. Извѣстіе, что картинки въ Иллюстраціи лубочныя, не должно удивлять людей знающихъ. Тѣ же *Руськіе* критикусы недавно печатно объявили, что Давидъ поетъ теноромъ. Не правда ли, это уже храбрость! Возвышая достоинства пѣвца, отъ чего же не возвысить и его голоса на цѣлый діапазонъ? Авось повѣрятъ!

—

Лѣтомъ не только у насъ, но и за границей большой недостатокъ въ извѣстіяхъ и новостяхъ; но иностранные, а особенно французскіе журналисты хитрѣе и смышленѣе насъ. Вы потребуете отъ насъ новостей, и мы, въ простотѣ душевной, отвѣтимъ вамъ:

— Гдѣ же ихъ взять?

Подобную ошибку, bévue, Французъ никогда не сдѣлаетъ. Для Французовъ въ мірѣ нѣтъ ничего новаго, говоритъ Альфонсъ Карръ въ своихъ «Осахъ», а потому у нихъ всегда есть новости, даже тогда, когда ихъ нѣтъ. Загадочно, но очень просто. Кстати мы упомянули объ Каррѣ, неустрашимомъ обличителѣ тайнъ не одного Парижа, но цѣлой Франціи; вотъ какъ онъ объясняетъ способъ французскихъ журналистовъ добывать новости:

«Во первыхъ, когда у нашихъ журналовъ нѣтъ рѣшительно никакихъ новостей, то они обращаются къ запасному шкафу, въ которомъ валяются книги, присланныя въ редакцію за полгода, и которыхъ она не удостоила никакого вниманія. Послѣ ловкаго введенія, книги эти разругаютъ или расхвалятъ, смотря по обстоятельствамъ.

«Такъ какъ недостатокъ въ извѣстіяхъ бываетъ каждый годъ всегда почти въ одно и то же время, то всегда можно встрѣтить слѣдующія двѣ новости:

—

«Тридцатилѣтняя женщина родила 14 мая, въ Каэнѣ, двадцатаго ребенка. Она три года тому назадъ вступила во вторичный бракъ. Старшая дочь ея вышла за брата втораго ея мужа; слѣдовательно она приходится невѣсткой своей дочери, бабушкой и вмѣстѣ теткой своей внучкѣ; дочь же ея приходится теткой своимъ роднымъ братьямъ и сестрамъ; а новорожденный приходится дядей своей теткѣ.

«Недавно трехлѣтній ребенокъ упалъ въ Марну; по близости не было ни одного человѣка. По счастію тутъ случился пудель, который тотчасъ же бросился въ воду, успѣлъ схватить ребенка и счастливо вынесъ его на берегъ. Умная собака такъ осторожно схватила малютку, что на всемъ тѣлѣ его не оказалось признака зубовъ.

«P. S. Третьяго года ребенокъ упалъ въ Лоару, а прошлаго въ Сену; но за то прошлаго году пудель слегка укусилъ его въ руку.

«Въ это глухое время пустѣйшіе стишки, *первыя попытки, майскіе цвѣты, мои мечты, первые порывы* и проч. и проч., заслуживаютъ вниманія. Журналы говорятъ объ нихъ — хорошо или дурно, смотря по обстоятельствамъ.

—

«Это самое удобное время для выполненія подвиговъ. — Въ обыкновенное время, сытное, спасите кому угодно жизнь, журналы промолчатъ. Въ голодное время, скажите прохожему, что онъ потерялъ носовой платокъ, замѣтьте дамѣ, что у нея развязался башмакъ, — и ваше имя появится во всѣхъ газетахъ, съ подробнымъ описаніемъ человѣколюбиваго подвига, и приличными похвалами оной».

Скажемъ еще, что это *глухое* и *голодное* время теперь именно наступило для иностранныхъ журналовъ, и читатели простятъ намъ, что мы разсказываемъ такъ мало новостей.

—

Бюстъ покойнаго поэта и драматическаго писателя, Казиміра Делавиня конченъ. Онъ будетъ поставленъ въ королевскомъ французскомъ театрѣ, въ Парижѣ. Делавинь оканчивалъ курсъ въ университетѣ, по юридическому факультету. Но ему было не до изученія свода законовъ: съ малолѣтства онъ полюбилъ поэзію и писалъ стихи, сначала довольно плохія. Одинъ изъ дядей Казиміра былъ друженъ съ Андріеи, однажды, далъ ему прочесть стихи молодаго человѣка.

— Что ему за охота заниматься этимъ вздоромъ! отвѣчалъ Андріе; пусть онъ лучше прилежнѣе займется своимъ дѣломъ и сдѣлается хорошимъ адвокатомъ!

Нѣсколько времени спустя, ему опять принесли одинъ изъ первыхъ, уже не дѣтскихъ опытовъ Казиміра, стихи на *рожденіе римскаго короля*. Андріе прочиталъ ихъ внимательно, пожалъ плечами и сказалъ:

— Нѣтъ, теперь я самъ вижу, что ему хоть запрещай, хоть не запрещай, а онъ таки-себѣ будетъ писать стихи, потому что онъ, негодяй, самъ чувствуетъ, что они хороши! Приведите его ко мнѣ.

И съ тѣхъ поръ Андріе заботился о молодомъ поэтѣ какъ отецъ.

—

Фредерикъ Леметръ, знаменитый парижскій трагикъ, провелъ весь апрѣль въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ огромнѣйшій успѣхъ. Завистники ли, или *голодные* журналы, распустили слухъ, что Леметръ, играя роль плута, негодяя, Роберъ-Макера, привѣсилъ на лохмотья свои крестъ Почетнаго Легіона. Возвратившись въ Парижъ, Леметръ немедленно послалъ въ Journal des Débats письмо слѣдующаго содержанія:

«Господинъ редакторъ,

«Фельетонъ журнала Débats, который я не хочу и не имѣю права обвинять въ зломъ противу меня умыслѣ, получилъ ложное извѣстіе о томъ, что въ роли Роберъ-Макера было у меня на груди. Я слишкомъ уважаю знакъ отличія, которымъ удостоиваются достойнѣйшіе изъ моихъ соотечественниковъ: на груди у меня былъ не крестъ Почетнаго Легіона, а простая жестяная медаль, на желтой, черной и розовой ленточкѣ. Надѣясь, что никто не усомнится въ справедливости моихъ словъ, я, для большаго удостовѣренія, могу представить свидѣтельства моихъ товарищей, игравшихъ въ этой пьесѣ вмѣстѣ со мною.»

—

Пишутъ, что въ началѣ іюня Дженни-Линдъ собирается въ Парижъ. Тамошніе судьи готовятся строго судить милую и даровитую артистку, очаровавшую всю Германію.

—

Въ Гаврѣ былъ актеръ, которому директоръ давалъ довольно значительныя роли по какимъ-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ. Публика терпѣть не могла этого актера, но не смотря ни на свистки, ни на вареный картофель, которымъ бросали въ него, онъ все-таки появлялся въ значительныхъ роляхъ. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго мѣсяца, публика подняла страшный шумъ и настоятельно требовала, чтобы актеръ немедленно сошелъ со сцены и не смѣлъ болѣе на ней являться. Взбѣшенный актеръ выбѣжалъ на авансцену, показалъ зрителямъ кулакъ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Вы всѣ скоты! — и исчезъ.

По счастію онъ въ тотъ же вечеръ успѣлъ скрыться и уѣхать изъ Гавра, а не то ему пришлось бы плохо.

—

Скрибъ и Оберъ написали новую комическую оперу, *Баркаролла*, которая имѣетъ блистательный успѣхъ въ Парижѣ.

—

Понсаръ, авторъ расхваленной *Лукреціи* написалъ еще трагедію *Аньеса де Мерони*, которая, вѣроятно, будетъ играна не ранѣе какъ осенью.

—

Рашель, въ началѣ іюня, уѣзжаетъ на все лѣто изъ Парижа. Она намѣрена дать представленія въ Марсели, Ліонѣ и Нанси. Кромѣ того она ангажирована на шесть представленій въ Баденъ, театръ котораго, по этому случаю, перестроиваютъ; новыя декораціи заказаны знаменитому Чичери.

—

Въ Парижѣ выбита медаль въ честь драматической писательницы госпожи Ансло, жены академика и директора водевильнаго театра. Съ одной стороны медали сдѣланъ портретъ писательницы, съ надписью: Virginie Ancelot; съ другой стороны изображены кисть и перо, связанныя ленточкой и надпись: Mores effinxit et vultus. Госпожа Ансло занимается также живописью.

—

Носятся слухи, что госпожа Жоржъ-Зандъ написала либретто для оперы, взявъ сюжетъ изъ своего романа Consuelo, и что Шопенъ пишетъ къ нему музыку.

—

По приказанію правительства въ Нассаускомъ Герцогствѣ, на водахъ, закрыты всѣ игорные дома.

—

Знаменитый дрезденскій мостъ, съ изумительною смѣлостію перекинутый чрезъ Эльбу, разрушается. Сильный ледъ, шедшій нынѣшнею весною по Эльбѣ, поколебалъ основаніе моста. Пишутъ, что на дняхъ двѣ арки значительно покривились.

—

Гг. Бальзакъ, Альфредъ Мюссе и Фредерикъ Сулье получили орденъ Почетнаго Легіона. Вотъ объчемъ кричатъ газеты: что эти литтераторы орденовъ *не просили*, а имъ дали таки безъ просьбы. Это въ самомъ дѣлѣ и удивительно и назидательно. Подобные примѣры рѣдки, и слѣдовало бы къ этимъ непрошеннымъ орденамъ прибавить еще знаки для отличія.

—

Во французской академіи споръ: кому дать награду, назначенную за трагедію, лучшую изъ написанныхъ въ 10 лѣтъ. Какъ бы вы думали за кѣмъ остался споръ? За Лукреціей Понсара и Калигулой Дюма. Видно великая нація истощилась по трагической части.

—

АНЕКДОТЫ.

I.

Одному провинціалу, въ первый разъ пріѣхавшему прошлою зимою въ Петербургъ, пріятель одолжилъ билетъ въ кресла на одно изъ представленій италіянскихъ оперъ. На другой день провинціалъ пришелъ благодарить пріятеля.

— Ну что, спросилъ послѣдній, понравилась ли вамъ опера.

— Я въ музыкѣ не большой знатокъ, скромно отвѣчалъ провинціалъ, только должно полагать, что на мою бѣду, вчера пѣвцы и пѣвицы очень дурно исполняли свое дѣло. Ни одной пѣсни не могли спѣть сразу; все почти заставляли ихъ повторять.

II.

Какой-то плохой писака сказалъ однажды г. ***:

— Повѣрите ли, моей книги, въ теченіи года, разошлось два изданія, между тѣмъ какъ вашего романа и половину не раскупили!

— Неудивительно! отвѣчалъ г. ***: нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежегодно въ десять тысячъ разъ болѣе съѣдаютъ желудей, нежели ананасовъ; но дѣло въ томъ — кто ѣстъ желуди?

III.

Малороссіянинъ шелъ однажды съ жидомъ изъ деревни въ городъ. День былъ жаркій, идти было далеко. Дорогой они зашли въ корчму, выпили водки и отдохнули. Собираясь идти дальше, малороссъ сталъ рыться въ карманахъ.

— Якій бисъ! вскричалъ онъ; я забувъ взять денегъ съ собой; а будь же такъ добръ, Шмуль, заплати за меня, я тебѣ въ городѣ отдамъ.

— Азп гдѣ зе ты тамъ возьмешъ?.. спросилъ жидъ.

— Слѣдуетъ получить.

— Азп дай закладъ.

— На, возьми корзину съ личиной, которую я несу въ городъ.

— Хоросо, только я прездѣ корзины не отдамъ, пока ты не отдасъ денегъ.

— Ладно, ладно.

Жидъ заплатилъ, взялъ корзину и вмѣстѣ съ малороссомъ пошелъ дальше.

Прибывъ въ городъ, малороссъ остановился.

— Постой, Шмуль, сказалъ онъ жиду, вынимая изъ кармана деньги, которыя онъ ему задолжалъ: вотъ тебѣ твои деньги; спасибо за то, что ты пронесъ корзину. Она мнѣ плечи отдавила.

—

ПЕРЕПИСКА.

Л. С. Н. — Повѣсть ваша принята быть не можетъ по объему. До сей поры Редакція только въ одной необходимости раздѣляетъ повѣсти, но неболѣе какъ на два нумера. Отъ субботы до субботы легко можно забыть связь происшествій. Если Иллюстрація по какому либо случаю будетъ выходить въ кратчайшіе сроки, тось удовольствіемъ помѣститъ эту повѣсть, но для того требуется ваше разрѣшеніе.

Г-ну В-ву. Эпиграмма ваша несравненно лучше печатной, на которую служитъ отвѣтомъ. Но Редакція никакихъ личностей не допускаетъ, а это была бы уже почти личность. И за чѣмъ обращать вниманіе на стишонки безъ смысла, обнаруживающіе только безсильную злобу на всѣхъ. Есть люди которые до того нерасчетливы, что не умѣютъ скрыть своихъ недостатковъ. Кто нибудь напишетъ два три слова о какой либо слабости, или порокѣ, они тотчасъ принимаютъ ихъ на свой счетъ. Ужъ лучше бы молчать; мы невидимъ, не встрѣчаемъ во всей нашей литтературѣ ни какихъ эпиграммъ, а ужъ и того менѣе памфлетовъ и т. п. А люди обижаются. Право странно. Отъ чего бы это?

Л. А. К-ну. Въ Ораніенбаумъ. Отвѣтъ найдете въ началѣ Смѣси, а здѣсь примите признательность Редакціи. Другой отвѣтъ получите по необходимости черезъ почту.

Ам. С. И. Извините! Редакція не возвращаетъ присылаемыхъ для Иллюстраціи статей! Дѣло невозможное! Досихъ поръ получено до трехъ сотъ, изъ коихъ пришлось-бы отослать до двухъ сотъ осьмидесяти. Но если вамъ угодно, статья ваша будетъ сохранена и отдана тому, кому лично взять ее изъ Редакціи вы поручите.

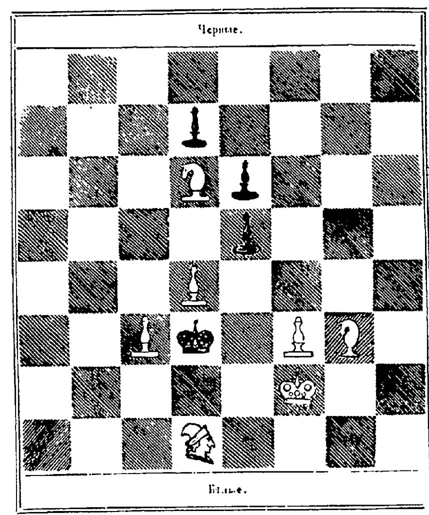
—

ШАХМАТЫ № 6.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) Сл. на 5 кл. К.	Вынужденные ходы.
2) Сл. на 6 кл. свою.	
3) К. на 8 кл. Л.	
4) Кор. на 4. кл. Сл.	
5) Кор. на 5 кл. Сл.	
6) К. на 6 кл. свою.	
7) К. на 4 кл. Сл. — и матъ.	

ЗАДАЧА № 7.

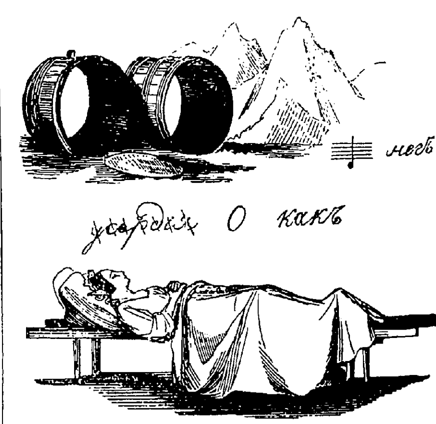
Бѣлые ходятъ, и даютъ матъ въ девять шаховъ.



ЗАГАДКИ.

Мы нашли неудобнымъ помѣщать двойныя загадки съ разгадкою каждой части особо; а потому разгадка № 6 будетъ помѣщена съ разгадкою № 8., а здѣсь помѣщаемъ вторую половину разгадки № 5.

ЗАГАДКА № 7.



ШАРАДА № 1.

1) Моль 2) еръ 3) Мольеръ.

ШАРАДА № 2.

Первое мое заключаетъ въ себѣ ни больше ни меньше 40. Впрочемъ, если угодно, то ни больше ни меньше 1280, если и этого мало — то ни б. ни м. 3840.

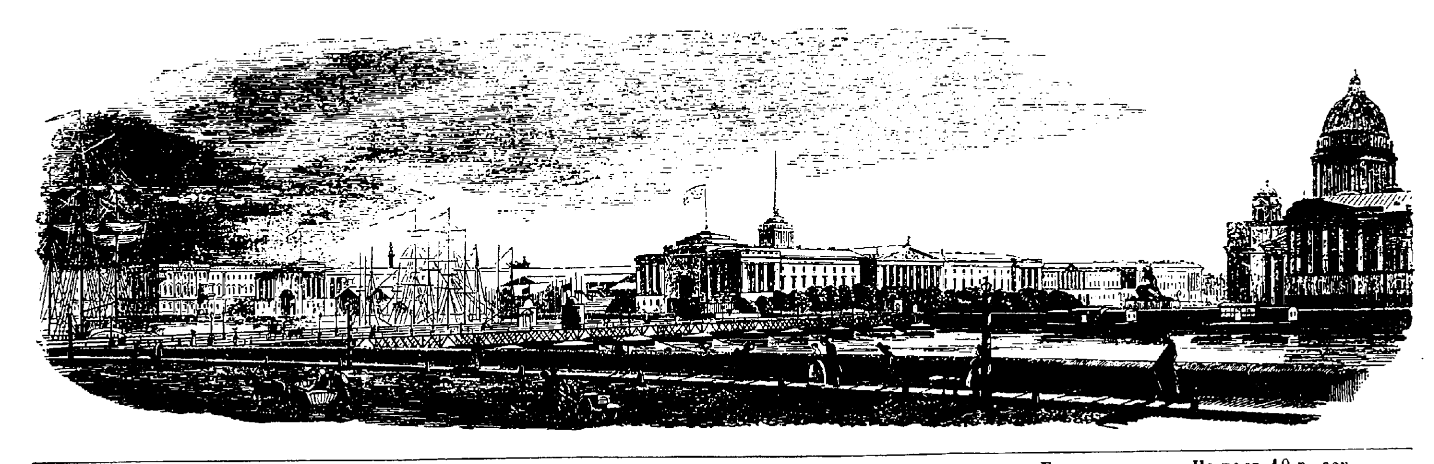
Второе мое въ иностранномъ счисленіи безъ чиселъ — равно 11.

Цѣлое — стригутъ и моютъ, но оно само завивается.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Мая 18 дня 1845 года. Цензоры: *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. Т. I. № 8.—Суббота, 26 Мая 1845. Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЧУЖАЯ ГОЛОВА—ТЕМНЫЙ ЛѢСЪ.

Если вы разъ проѣзжали городъ Б., то вѣрно его помните; онъ хотя и стоитъ на большой дорогѣ, однако мало измѣнилъ свои первобытныя формы; въ немъ еще много домовъ, напоминающихъ терема, вышки и переходы, рѣзные, настекленные, много еще ходитъ женщинъ подъ азіятскими покрывалами, много разныхъ обычаевъ, напоминающихъ времена, покрайней мѣрѣ, Царя Алексѣя Михайловича; но если вамъ эти отличія города Б. не бросились въ глаза, то вѣрно вы никогда не забудете ведущей въ него дороги, особливо если ѣхали лѣтомъ. Отъ послѣдней станціи до города 20¼ верстъ, заэто количество, покрайней мѣрѣ, берутъ съ васъ прогоны, хотя на верстахъ написано только 18, а ямщики считаютъ 25, на какомъ основаніи? сами не знаютъ. — Отъ станціи ¼ версты идетъ прекрасная дорога по твердому глинистому грунту, который только весной и осенью, да еще лѣтомъ, во время дождей, растворяется въ непроходимую липкую грязь. Далѣе, верстъ около десяти, идетъ дорога лиственнымъ лѣсомъ, вашъ экипажъ безпрестанно прыгаетъ по корнямъ, ползущимъ поперегъ дороги, и вдругъ, верстахъ въ десяти отъ города, только что вы проѣдите красный постоялый дворъ съ зеленымъ рѣзнымъ пѣтухомъ на кровлѣ, вашъ экипажъ перестаетъ прыгать и мягко покатится, словно по подушкѣ: васъ обдастъ бальзамическій смолистый воздухъ; вамъ любо, но не радуйтесь; вы въѣхали въ сосновый боръ; ямщики кричатъ, суетятся, хлопаютъ арапниками, ничто не помогаетъ, усталые лошади въ силу бредутъ, какъ по водѣ, по сыпучему песку, и этакъ дорога тянется до самой городской заставы Б. Если день жаркій и вы, притомъ, нетерпѣливы, то ѣзда становится своего рода пыткой; лошади останавливаются, мелкая песчаная пыль ѣстъ ваши глаза, удушливый смолистый воздухъ давитъ вашу грудь, впереди тянется длинная безконечная просѣка, на право сосны, налѣво сосны, подъ ногами песокъ, надъ головой длинная полоса голубаго неба. Утомительно!.. Скучно!.. Спать бы хорошо, но если вы и способны вздремнуть подъ хлопанье и вопли ямщиковъ, то явятся рои кровожадныхъ насѣкомыхъ и непремѣнно разбудятъ васъ, будто говоря: не спи, наслаждайся природой! И точно, вамъ по неволѣ придется, или ботанизировать, т. е., идя сторопой дороги, срывать тощіе цвѣточки, сравнивать ихъ, подбирать подъ цвѣтъ и бросать, или щипать ягоды, если онѣ найдутся, или собирать грибы и, наконецъ, *пріѣхать* въ Б. усталымъ, измученнымъ. Надѣюсь, кто разъ проѣзжалъ Б. тотъ его непремѣнно помнитъ. И такъ, если вы помните Б., помните его дремучій сосновый боръ и сыпучую дорогу, которая началась отъ зеленаго пѣтуха на кровлѣ, то я вамъ разскажу одно приключеніе, которое случилось въ этомъ бору не теперь, не въ сороковыхъ годахъ, но и нетакъ давно.

Постоялый дворъ, съ зеленымъ пѣтухомъ на кровлѣ, принадлежалъ мѣщанину города Б., Ивану Өедоровичу. Иванъ Өедоровичъ былъ человѣкъ пожилой, съ длинной бородой по поясъ, съ лысиной отъ праваго уха до лѣваго, немного грамотѣй, немного плутоватъ, какъ всякій содержатель постоялаго двора на большой дорогѣ, впрочемъ, онъ отъ природы имѣлъ доброе сердце и былъ человѣкъ набожный. Съ проѣзжаго барина онъ бывало возметъ и за квартиру и за дрова, что сгорятъ у него въ печкѣ, и еще прикинетъ грошъ другой за огонь, т: е: за искру, которою подожжетъ дрова, и всегда говаривалъ: «Это Богъ послалъ за грѣхи наши! Съ кого же взять нашему брату какъ не съ барина?...

Бывало, знакомые извощики остановятся у Ивана Өедоровича ночевать; Иванъ Өедоровичъ привѣтливо встрѣтитъ ихъ, накормитъ, напоитъ и уложитъ въ теплой избѣ спать, приговаривая: спите ребята, а кони съѣдятъ сѣно, я уже самъ задамъ овса.

— Ладно, ладно, говорили извощики, мы знаемъ тебя, Иванъ Өедоровичъ, лучше насъ накормишь.

Извощики спали, а Иванъ Өедоровичъ засыпалъ конямъ гнилаго овса, — думая, люди знакомые, повѣрять не станутъ.

Если-бъ вы вздумали замѣтить ему, что это дѣло нечистое, онъ бы очень хладнокровно отвѣтилъ: нельзя батюшка, наше дѣло торговое, нелегко хлѣбъ достается, а имъ ничего, почихаютъ гнѣдки версту другую, еще лучше корму возмутся, — а намъ куда дѣвать гнилой овесъ.

— Зачѣмъ покупать гнилой овесъ?

— Богъ избавилъ отъ такого грѣха, заплатилъ занего цѣну какъ за свѣжій, самого надулъ Онуфрій Евдокимовичъ. Богъ ему судья, показалъ пробу такую, а взялъ деньги да овесъ доставилъ этакой... сбывай какъ хочешь, а съ него взятки гладки: шуринъ исправника, въ коляскѣ ѣздитъ, съ форейторомъ!...

Зато ни одинъ нищій не отходилъ отъ порога Ивана Өедоровича безъ подаянія; послѣдній коровай бывало передѣлитъ съ неимущимъ. Такова была натура старика Ивана Өедоровича.

У Ивана Өедоровича была жена почти ему ровесница, Аксинья Марковна; жилъ онъ съ нею лѣтъ сорокъ, дѣтей у нихъ было многое множество, да всѣ перемерли, то отъ оспы, то отъ обжоги, то отъ угару на масляницѣ; остался только на утѣшеніе старости Ивана Өедоровича одинъ однимъ сынъ Ваня, дѣтина лѣтъ двадцати, свѣжій, здоровый, его не брала ни оспа, ни угаръ, ни другія немочи.

Старикъ Иванъ Өедоровичъ и его жена, какъ говорится, души не слышали въ своемъ Ванѣ; онъ былъ для нихъ все, утѣшеніе и подпора старости, для него они жили, для него собирали добро, имъ радовались и просили Бога, чтобъ помогъ оженить Ваню, да понянчить внуковъ, тогда-бы дескать и умереть не страшно.

И вотъ на радость имъ Ваня полюбилъ Аленушку, дѣвушку румяную, пригожую, не бѣдную, и хорошихъ родителей, дочку содержателя постоялаго двора на той-же дорогѣ, верстахъ въ пяти отъ Ивана Өедоровича, туда по дальше къ станціи. — Ваню сговорили съ Аленушкой и назначили быть свадьбѣ недѣлю спустя послѣ ярмарки въ Б.

Накануне ярмарки день былъ жаркій, лѣтній. Солнце стало клониться къ закату, шумъ поутихъ; изъ воротъ постоялаго дома, у котораго на кровлѣ сидѣлъ зеленый пѣтухъ, выѣхалъ самый неудобный въ мірѣ экипажъ, именуемый русская телѣга — переднія колеса въ сажень, заднія въ полъаршина; благодаря этому художественному устройству, ноги жертвы, ѣдущей въ подобномъ экипажѣ, всегда находятся выше головы. Выѣхавшая изъ воротъ телѣга была запряжена одной лошадью; спереди, на облучкѣ, торчала борода, шляпа и кнутъ, въ телѣгѣ было навалено множество чего-

то краснаго, голубаго и ярко-желтаго. — Иванъ Ѳедоровичь съ женой и сыномъ вышли за ворота.

— Просимъ прощенія! сказалъ Иванъ Ѳедоровичь, кланяясь телѣгѣ.

И вдругъ все, красное, синее и желтое зашевелилось и запищало; прощайте Иванъ Ѳедоровичь! прощайте Аксинья Марковна, прощайте—Иванъ Ивановичь! — Телега была биткомъ набита бабами.

— Прощай сватъ Иванъ Ѳедоровичь, сказала борода, взмахнувъ кнутомъ. И телѣга двинулась въ путь.

—Съ Богомъ, сватъ Акимычь, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичь, кланяясь.

Борода былъ отецъ Аленушки, а въ телѣгѣ сидѣла сама Аленушка, ея мать, сестра, да двѣ или три тетки.

— Не забудь Иванъ Ивановичь купить краснаго кумачу на сарафанъ, проситъ Аленушка, кричала съ повозки мать.

— Ладно, ладно, кричалъ Ваня, мотая кудрями.

— Каленыхъ орѣховъ для Аленушки, кричали издали тетушки.

— Еще... ....скую коврпшку... ....шка! чуть слышно отдавался голосъ другой тетушки.

Ваня безъ словъ, кивалъ, головой, и махнулъ руками, изъ телѣги ему тожъ махали бѣлымъ платкомъ; но вотъ телѣга скрылась изъ виду, дорога опустѣла, только вдали словно точка виднѣлся какой-то прохожій; онъ шелъ къ постоялому двору.

— Ну, Ваня, сказалъ Иванъ Ѳедоровичь, входя въ избу, теперь хоть и съ Богомъ, жаръ прошелъ, къ ночи будешь въ городѣ.

—Ты бы далъ ему Савраску, замѣтила Аксинья Марковна.

— Вона! сама матушка знаешь что дѣлаемъ, Савраскѣ вчера кровь кидали, натужить сего дня по песку не приходится... А ему, что Ванѣ? парень молодой, затянетъ пѣсню дома, не успѣетъ кончить, а ужъ и городъ передъ носомъ.. далеко ли тутъ. Въ старину, говорятъ, мальчишки бѣгали къ бабушкѣ за семь верстъ киселя хлѣбать, а онъ у насъ не мальчишка, вишь какой!...

Старуха, улыбаясь, посмотрѣла на сына.

—Слушай, Ваня, вотъ тебѣ сотенная ассигнація, ступай въ городъ, переночуешь хоть у станціоннаго, кланяйся ему отъ насъ и на свадьбу проси, да можетъ статься будутъ у него обратныя, такъ завтра на нихъ и самъ подъѣдешь и покупки привезешь, а не то найди знакомаго и съ нимъ пріѣдешь, тебя не учить стать. Одѣвайся-ка, да съ Богомъ.

— Не потеряй Ваня денегъ, сто рублей не шутка, замѣтила Аксинья Марковна, положи ихъ въ мошну, да надѣнь на шею...

Ваня сталъ одѣваться въ дорогу, а въ избу вошелъ человѣкъ небольшаго роста, широкоплечій, рыжая бородка клиномъ, на головѣ узкая высокая шляпа, почти безъ полей, въ рукахъ длинная палка, за спиной коробка.

— Хозяйка! можно водицы испить? сказалъ незнакомецъ.

—Для чего! да вотъ въ кувшинѣ квасъ есть, милости просимъ.

Незнакомецъ спустилъ съ плечь коробку, поставилъ къ стѣнѣ палку, снялъ шляпу, перекрестясь напился и, отдавая кувшинъ, сказалъ: спасибо матушка!... Жаркій денекъ выдался!...

— На здоровье батюшко!...

— А изъ-далека? спросилъ Иванъ Ѳедоровичь.

— Московскіе, по селамъ ходилъ съ товаромъ, а сего дня верстъ двадцать прошелъ.

— Товаръ-то по краснорядной части, али бакалейной?

— Всякій былъ, и ситцы, и платочки, и перецъ, и сережки, и перстеньки, а теперь все распродалъ, вотъ иду въ городъ на ярмарку свѣжаго закупить, что ни наесть помоднѣе, по фасонистѣе; не прикажите ли вамъ занести чего?...

— Спасибо, мы вотъ сами сынишку отправляемъ въ городъ.

— Доброе дѣло, такъ мнѣ и попутчикъ будетъ...

— Ладно, ладно, и мнѣ будетъ веселѣе, сказалъ Ваня, а я уже и готовъ. Ну, прощайте батюшка и матушка, я завтра вернусь къ обѣду...

— Прощай Ваня! сказалъ Иванъ Ѳедоровичь, да не покупай краснаго товару у Корочкина, онъ человѣкъ добрый, и пріятель хорошій, да товаръ держитъ лежалый, ломитъ въ три-дорога, а торговаться съ нимъ по дружбѣ не годится... Лучше бери у Захлябузина, онъ насъ не знаетъ, такъ надуть побоится.

— Прощай Ваня! сказала Аксинья Марковна, попроси тетку Михайловну, чтобы сама выбрала кумачь для Аленушки, мы наше бабье дѣло лучше знаемъ... да вернись къ обѣду!

Ваня ушелъ съ кочующимъ торговцемъ-коробочникомъ, когда уже длиннѣе и длиннѣе вытягивались по песчаной дорогѣ тѣни отъ сосенъ; и вотъ скоро солнце спустилось за деревья, верхи высокихъ деревъ горѣли словно золоченые, а въ бору разстилался легкій сумракъ... Жаркой дневный воздухъ, напитанный запахомъ смолы, смѣнился прохладой, благоухающей какими-то вечерними цвѣтами, ночныя насѣкомыя зажужали въ воздухѣ, надъ дорогой пестрый дятелъ долбилъ высокую сосну и звонкое эхо далеко разносило по лѣсу его стукъ, который смѣшивался вдали съ крикомъ какой-то птицы, очень похожимъ и на свистъ и на хохотъ и на мяуканье. Ваня и самъ запѣлъ пѣсню, товарищъ, идя рядомъ, ему подтягивалъ въ полголоса рѣзкимъ теноромъ, а ночь все подходила ближе и ближе, накидывая на окрестности свои мрачныя тѣни. Вотъ уже на постояломъ дворѣ Ивана Ѳедоровича засверкалъ въ окнахъ привѣтливый огонекъ. Не много спустя пріѣхалъ къ Ивану Ѳедоровичу ночевать какой-то помѣщикъ, ѣдущій на ярмарку, долго онъ пилъ чай, колотилъ своего слугу, потомъ ѣлъ жареную курицу, наконецъ и онъ усталъ, заснулъ, и все кругомъ спало; полная луна высоко шла по небу. Настала пора чудная, обаятельная, пора покоя и сладострастной мечты, пора преступленій и суевѣрнаго страха, пора свиданій тайныхъ, гдѣ человѣкъ передъ человѣкомъ, лицемъ къ лицу, дрожитъ и замираетъ, или отъ восторга не смѣя вѣрить своему блаженству, своему счастію, или дрожитъ отъ страха и замираетъ отъ ужаса, не смѣя вѣрить страшному неотвратимому злу, которое выросло передъ нимъ какъ привидѣніе, и грозно, неумолимо глядитъ на свою жертву, — словомъ, настала глубокая ночь.

На завтра ждали старики Ваню къ обѣду, ждали къ ужину,— Ваня не приходилъ. Ужъ не заболѣлъ ли? подумали они, и грустно легли спать. На утро нѣтъ Вани. — Вотъ ѣдетъ изъ города знакомый человѣкъ, пріѣхалъ, поставилъ лошадь у забора, вошелъ въ комнату. Старики съ вопросомъ: не видалъ ли въ городѣ ихъ сына? — Знакомый отвѣчаетъ: не видалъ! Отдохнулъ, выпилъ кружку пива и уѣхалъ. Странно, Б. городъ небольшой, знакомый, говоритъ, покупалъ красные товары у купца Захлябузина, тамъ и Ваня долженъ покупать, у Захлябузина только и есть хорошіе товары по сходной цѣнѣ. Отчего же Ваня не встрѣтился съ знакомымъ? Къ обѣду проѣхало еще человѣкъ пять знакомыхъ, и никто, говорятъ, не видѣлъ Вани.

— Эка притча, подумалъ Иванъ Ѳедоровичь, куда бы дѣваться парню?... Въ разныя художества онъ у меня, кажись, не ударяется, не то чтобы чарка... или прочее... Солдатчины передъ намъ нѣтъ, одиночка, не попадетъ въ очередь... Благо бы нагрубилъ какому проѣзжающему большому барину, да ушелъ въ лѣсъ, пока тотъ по-простынетъ. Кажись, и этого не бывало?... Притча да и только!

Старуха плакала...

— Полно плакать, сказалъ Иванъ Ѳедоровичь, слезами не поможешь; Саврасый оправился, ѣхать можно, семъ-ка я самъ смахаю въ городъ, да пораспрошу хорошенько, не угодилъ ли малый въ полицію...

— За что ему, сердечному, сидѣть въ полиціи, онъ и водой не помутитъ.

— Разсказывай! бабій умъ! За что въ полицію попалъ?... Просто, такъ, шелъ да и попалъ. Бѣда не по дереву ходитъ, а по людямъ; попасть-то легко, а подитко его выручи!...

Иванъ Ѳедоровичь запрегъ саврасаго въ телѣгу, взялъ въ карманъ рублей десять мелочи, про всякій случай, и поѣхалъ въ Б.

Поздно вечеромъ вернулся Иванъ Ѳедоровичь изъ города; жена ждала его.

— А что? робко спросила она.

— Ничего! печально отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичь.

Старуха зарыдала; Иванъ Ѳедоровичь отеръ кулакомъ глаза.

Такъ прошло дни три; кто бы ни ѣхалъ изъ города, всѣмъ одинъ вопросъ: не видали ли? не слыхали ли? И у всѣхъ одинъ отвѣтъ: не видали, не слыхали.

На четвертый день прибѣжалъ изъ полиціи хожалый или дневальный, Богъ его знаетъ кто, оборваный мужичекъ, весь въ поту, въ пыли, усталый, запыхался, и спрашиваетъ: кто хозяинъ?

— Мы-съ, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичь.

— Меня прислалъ писарь, Ѳедотъ...

— Ѳедотъ Михайловичь? что ли?

— Да, Михайловичь... сказалъ: бѣги, молъ, скорѣе, вотъ туда, да туда, къ самому хозяину Ивану Ѳедоровичу, да скажи молъ радостную вѣсточку, что ихъ сынъ отыскался.

— Отыскался?!! вскрикнулъ Иванъ Ѳедоровичь!

— Отыскался!!! — закричала Аксинья Марковна.

— Отыскался, отыскался, отыскался, повторялъ хожалый скороговоркою.

— Гдѣ же онъ?

— Отыскался, здѣсь, здѣсь находится, тутъ!

— Гдѣ тутъ?

— Гдѣ онъ мой соколикъ, кричала старуха.

— Писарь сказалъ: здѣсь находится, тутъ, отыскался, стало быть въ полиціи.

— Въ полиціи?

— Да, въ полиціи, говоритъ, здѣсь въ полиціи, ступай, говоритъ, скорѣе, скажи, что

сынъ молъ отыскался, Иванъ Ивановичъ, говоритъ, здѣсь, въ полиціи.

— Слава Богу! сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, набожно перекрестясь.

— Ахъ! онъ бѣдненькой, таки угодилъ въ полицію!... подъ карауломъ никакъ?...

— Молчи жена, слава Богу нашелся, а то Богъ вѣдаетъ какія мысли налегали... Что же, онъ тамъ давно сидитъ?...

— Этого ужъ не вѣдаю.

— И не знаешь за какое дѣло? и за что? и какъ?

— Не вѣдаю, мнѣ сказалъ писарь: ступай молъ поскорѣе, да скажи, что отыскался, молъ, сынъ, Иванъ Ивановичъ, есть, тутъ, въ полиціи.

— Ну, братъ, спасибо, удружилъ! вотъ тебѣ гривенникъ на водку, отдохни маленько, да мы тебя подвеземъ въ городъ.

— Ждать не приходится, назадъ побѣгу, писарь велѣлъ не мѣшкать, неравно старшой спроситъ... Вы пескомъ шагомъ поѣдете, а я сторонкою да бочкомъ, да черезъ канавки мигомъ добѣгу.

— Дѣлай какъ знаешь... прощай.

— Да еще писарь наказывалъ, нельзя ли продать табаку съ полфунта, въ городѣ, говоритъ, не такой.

— Возьми фунтъ, скажи: фунтомъ кланяюсь за добрыя вѣсти, поступилъ дескать по пріятельски.

Хожалый ушелъ. Иванъ Ѳедоровичъ проворно началъ запрягать саврасаго въ телѣгу, а Аксинья Марковна стала бѣгать по избѣ, суститься изъ угла въ уголъ; то коравай ситника возьметъ, завяжетъ въ платокъ, то вынетъ ситникъ, а положитъ булку, да рыбы вяленой, да вязанку баранковъ, и все свяжетъ въ узелъ, то опять развяжетъ и прибавитъ туда десятокъ яблоковъ, кусокъ мыла... приговаривая: ахъ, онъ мой соколикъ, проголодался чай, что его занесло туда, моего ненагляднаго?... О — охъ!...

Иванъ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ воротъ на телѣгѣ; изъ дому вышла Аксинья Марковна; платокъ на головѣ по дорожнему, подъ мышками связки, въ рукахъ узелки...

— А ты куда? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Извѣстно съ тобой, въ городъ къ Ванѣ.

— Что ты, жена? бабье ли дѣло ходить по полиціямъ?...

— Нѣтъ, уже не отстану, вотъ какъ соскучила, душа болитъ по Ванѣ; я ему повезу и покушать чего, и бѣлье перемѣнить, вѣдь онъ у меня одинъ, что синь порохъ въ глазѣ... Что мы безъ него на старости? сироты несчастныя!

— Ну, ну, быть по твоему, садись проворнѣй.

Съ легкостію молодой дѣвушки, вспрыгнула старуха на телѣжку, перекрестилась, Иванъ Ѳедоровичъ взмахнулъ кнутомъ и Саврасый потянулъ телѣгу по сыпучему песку мѣрнымъ шагомъ.

Въ городѣ Б. полиція и земскій судъ и острогъ—все это заключается въ одномъ длинномъ низенькомъ деревянномъ домѣ, почернѣвшемъ отъ времени; къ этому дому прямо подъѣхала телѣга Ивана Ѳедоровича. Иванъ Ѳедоровичъ слѣзъ съ телѣги съ своею супругой, нанялъ за пятакъ мѣди какого-то отставнаго солдата постеречь лошадь и подошелъ къ крыльцу. На крыльцѣ стоялъ человѣкъ въ засаленомъ нанковомъ сертукѣ съ продранными локтями, и привѣтствовалъ Ивана Ѳедоровича восклицаніемъ: а!

— Наше вамъ почтеніе, Ѳедотъ Михайловичъ, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ засаленому человѣку, много благодарны за вѣсточку.

— Какъ же, какъ же, вѣдь надо услужить благопріятелю, тутъ вашъ сынишка попалъ сюда, я сейчасъ дневальнаго... бѣги молъ... на свою шею послалъ.

— Много благодарны! — Можно видѣть Ваню?

— Можно. Идите за мной.

— Что его намъ можно будетъ взять? спросила Аксинья Марковна.

— Вотъ этого не знаю, говорилъ писарь, ведя ихъ по темному коридору; впрочемъ, если попросить, я полагаю, отдать вамъ согласятся.

— Я поручительство хоть какое поставлю чиновное... началъ было Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какое поручительство! перебилъ писарь, зачѣмъ тутъ поручительство, просто можно отдать.

— Будьте благодѣтелемъ... ужъ мы не постоимъ... да какъ же это онъ попалъ сюда? скажите на милость.

— Сего-дня, на разсвѣтѣ, привезли изъ лѣсу, вотъ тутъ не далеко, подъ городомъ лежалъ.

— Больной, али хмѣльной?..

— Какое! говорилъ писарь, отворяя дверь въ небольшую мрачную комнатку.

— Ай!.. и старики остановились на порогѣ, словно каменные.

Передъ ними лежалъ трупъ ихъ Вани... но я не стану описывать этой страшно-отвратительной картины.

Трупъ Вани нашли въ лѣсу бабы, собиравшія бруснику, почти подъ городомъ, недалеко отъ большой дороги; горло перерѣзано, голова избита, поясъ снятъ, а синій чекмень и другое платье оставлено, только изорвано. Мертвое тѣло привезли въ городъ, завели дѣло, нарядили слѣдствіе, взяли допросы съ кого только можно было, — но убійцу не отыскали. Остался въ сильномъ подозрѣніи рыжій *коробочникъ*. Гдѣ онъ? Кто онъ? Откуда онъ? — Никто не зналъ. Во время ярмарки многіе купцы видѣли его: онъ покупалъ у нихъ товаръ, не сильно торговался, въ одно утро нагрузилъ свою коробку всякими галантерейностями и изчезъ.

Иванъ Ѳедоровичъ съ супругой похоронили сына, и въ нѣсколько дней постарѣли нѣсколькими годами. Горе не молодитъ—говоритъ пословица, а горе стариковъ было сильное. Аксинья Марковна мало ѣла, мало спала, все плакала, стенала, вопила; сердце надрывалось, со стороны ее слушая. Иванъ Ѳедоровичъ не плакалъ, онъ молчалъ угрюмо, часто задумывался, иногда, глядя на небо, крестился и читалъ въ полголоса молитвы.

Несчастнѣе всѣхъ была Аленушка, она разомъ потеряла и жениха, за котораго такъ ей хотѣлось выйти замужъ, и лишилась краснаго сарафана, который ей давно уже даже снился, а скупой отецъ не хотѣлъ покупать; она плакала неутѣшно три дня и три ночи, похвалялась броситься въ колодецъ, да отецъ сказалъ ей: «Я изъ тебя дурь-то повыгоню!.. Только ты мнѣ подойди къ колодцу... будешь помнить;» — и въ силу всилу при началѣ осени, позволила уговорить себя выйти замужъ за отставнаго унтеръ-офицера, высокаго молодца, съ двумя медалями и крестикомъ.

—Ахъ, она противная! закричала Аксинья Марковна, узнавъ о свадьбѣ Аленушки, вишь какъ любила! Умеръ женихъ, извели моего Ваню, моего соколика ненагляднаго,—а она, черезъ пять недѣль, и замужъ вышла, вѣдь за другаго вышла!

Хоть годокъ бы поплакала да поскучала... дрянь дѣвчонка, змѣя этакая грѣховодная!.. Божья благодать, что покойникъ на ней не женился!

Уже зимой попался на глаза Ивану Ѳедоровичу кушакъ Вани; кушакъ былъ на проѣзжающемъ. Иванъ Ѳедоровичъ присталъ къ проѣзжающему: кто онъ? откуда? гдѣ взялъ кушакъ?

— Я человѣкъ извѣстный, отвѣчалъ проѣзжающій, крѣпостной *такого-то* помѣщика, меня въ городѣ всѣ знаютъ и землемѣръ и засѣдатели и откупщикъ; живу я верстахъ въ тридцати отъ города, въ деревнѣ N управляющимъ, а поясъ я купилъ лѣтомъ на Спасовъ день, у разнощика-коробочника.

— А каковъ онъ былъ собой? не помнишь?

— Какъ не помнить, больно не казистъ, приземистый, рябая рожа, словно пряничная форма, рыжая борода клинушкомъ сошлась.

— Клинушкомъ сошлась?!.

— Клинушкомъ.

— Такъ и есть!.. Это онъ... сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Онъ окаянный, завопила Аксинья Марковна, онъ извелъ моего Ваню!.. Какъ теперь гляжу, какъ онъ уводилъ моего голубчика, вонъ по той дорогѣ, прямо въ лѣсъ, какъ овцу велъ подъ ножъ, а я, старая дура, еще имъ путь-дорогу перекрестила! — Поѣзжай Иванъ Ѳедоровичъ въ городъ, кланяйся, да проси, пусть его изловятъ!..

Поѣхалъ Иванъ Ѳедоровичъ въ городъ, волей неволей поѣхалъ съ нимъ и проѣзжающій—разсказалъ, что зналъ, записали разсказанное куда слѣдуетъ, и опять все утихло.

Прошелъ годъ. Было лѣто; была въ Б. ярмарка; много народу ѣхало въ городъ и изъ города, много телѣгъ останавливалось на постоялномъ дворѣ; весело глядѣлъ на нихъ зеленый пѣтухъ съ кровли, весело, бывало, глядѣлъ на нихъ и самъ хозяинъ Иванъ Ѳедоровичъ, а теперь онъ былъ скученъ, мраченъ, словно даромъ, по приказу, кормилъ и поилъ всѣхъ изъ своего кармана. Выпроводивъ послѣднихъ гостей изъ двора, онъ сѣлъ у воротъ на лавочку, Аксинья Марковна сѣла подлѣ него — и оба задумались. Чужая голова—темный лѣсъ, говорятъ люди, Богъ вѣдаетъ о чемъ думали старики, можетъ быть они вспомнили, что въ это время потеряли сына, что на эту самую ярмарку пошелъ онъ и пошелъ навѣки изъ отцовскаго дома, — а можетъ быть ихъ растрогала послѣдняя телѣга, отъѣхавшая отъ ихъ двора. Телѣга сама по себѣ предметъ вовсе нетрогательный, а дѣло вотъ въ чемъ: въ этой телѣгѣ ѣхала Аленушка съ мужемъ, они остановились на нѣсколько минутъ у воротъ и попросили топора починить колесо. Пока унтеръ-офицеръ возился около колеса, Аксинья Марковна не вытерпѣла, подошла къ телѣгѣ посмотрѣть на Аленушку; Аленушка сидѣла полная, здоровая, румяная, такая же какъ была и въ прошлое лѣто, только потолстѣла немного; спустивъ сорочку, она кормила грудью ребенка.

— Твой? Аленушка, спросила Аксинья Марковна.

— Мой, бабушка.

— Бабушка... прошептала старуха печально, кивая головой. Какъ зовутъ?

— Ваня, робко отвѣчала Аленушка.

— Божья милость!.. сказала Аксинья Марковна

дрожащимъ голосомъ тихо перекрестила ребенка и — зарыдала.

Аленушка тоже заплакала.

Смѣхъ и слезы, говорятъ, прилипчивы.

Скоро колесо было исправлено, телѣга уѣхала, старуха сѣла подлѣ Ивана Ѳедоровича на лавочкѣ и задумалась.

Вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ вздрогнулъ. Жена! сказалъ онъ, есть у насъ что перекусить ?..

— На что тебѣ ? развѣ голоденъ ?

— Не слышишь? *несчастные* идутъ!

Точно, въ лѣсу отдавалось брянцанье, вдали показалась пыль, изъ нея вырѣзывались и сверкали на солнцѣ штыки, впереди ѣхалъ казакъ съ пикой.

— Ахти ! вскрикнула Аксинья Марковна, да сколько ихъ, а у меня кромѣ двухъ пироговъ да молока ничего нѣтъ.

— Давай ихъ сюда, пироги и молоко... Богъ велитъ накормить *несчастныхъ*.

— Извѣстное дѣло... сей часъ вынесу, и старуха ушла за молокомъ и пирогами.

Между тѣмъ толпа въ стройномъ порядкѣ приближалась къ постоялому двору. Это была партія ссыльныхъ, которыхъ русскій народъ такъ добродушно называетъ *несчастными*, они шли скованные попарно, на спинѣ ихъ одеждъ была нашита роковая заплата.

Иванъ Ѳедоровичъ попросилъ у конвойнаго ефрейтора позволенія угостить несчастныхъ молокомъ и пирогами. Сдѣлали привалъ, ружья въ козлахъ, преступники бросились на землю. Аксинья Марковна вынесла на деревянной тарелкѣ нѣсколько пироговъ, за ней баба несла два большіе кувшина молока.

— Милости просимъ, сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, покушайте на здоровье во имя Спасителя. Жена угощай.

Аксинья Марковна подошла къ первому преступнику, который ничкомъ лежалъ на землѣ, и сказала ему : «перекуси пирожка, да прихлѣбни молочка, коли усталъ сердечный». Вскрикнула и уронила пироги :

Преступникъ поднялъ голову :это была та самая скулистая знакомая голова съ рыжей бородой и клиномъ, это былъ купецъ знакомый—коробочникъ.

Съ ужасомъ Иванъ Ѳедоровичъ самъ отступилъ немного отъ преступника.

— Будь проклятъ... завопила Аксинья Марковна, отворачиваясь отъ преступника.

— Молчи жена, строго сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, зажимая ей ротъ рукою; не намъ судить его, Богъ наказалъ его, онъ уже *несчастный!..* помолись лучше за его душу...

— Что бы я молилась?!. за него?!!.

— Да, помолимся вмѣстѣ, а теперь накорми его... Любите враговъ вашихъ, сказалъ Христосъ, грѣхъ жена не слушать Его.

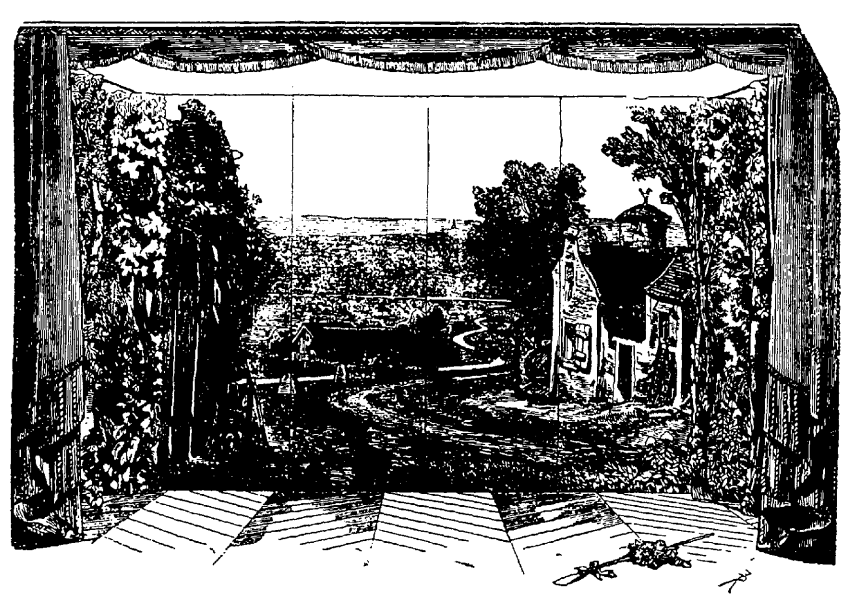
И дрожа отъ страху, Аксинья Марковна подала рыжему пирогъ и крынку молока.

Когда ушли ссыльные, Иванъ Ѳедоровичъ крѣпко обнялъ старуху. Они опять сѣли у воротъ, но были спокойнѣе, даже, можно безъ преувеличенія сказать, стали веселѣе.

Отъ чего бы это ?

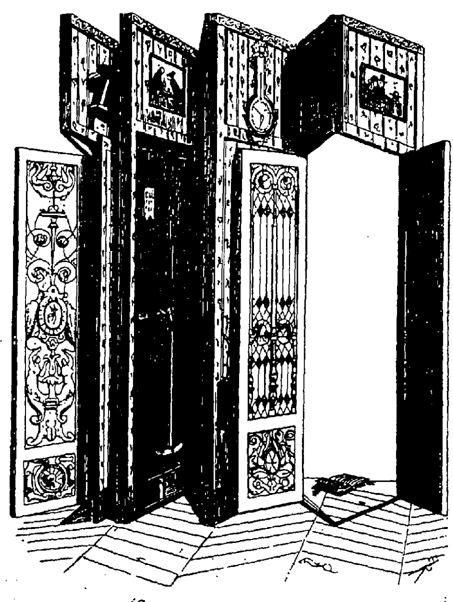
Чужая голова — темный лѣсъ, скажете вы. Можетъ быть и такъ.

Е. Гребенка.

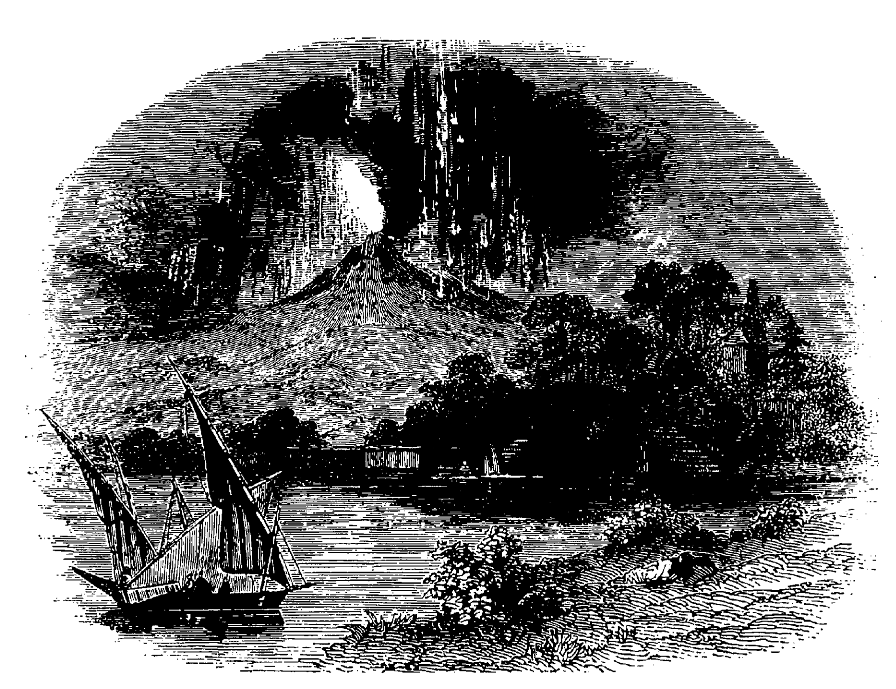


(Домашній театръ.)

Одна изъ лучшихъ, изъ прекраснѣйшихъ модъ нашей столицы—это, безъ сомнѣнія, моды на домашніе спектакли. На дняхъ опять были у у насъ спектакли, великолѣпные, изящные; нѣтъ сомнѣнія, и помоги Аполлонъ со всѣми девятью музами, что домашніе спектакли распространятся и въ нашихъ провинціяхъ. Переносные театры тѣмъ хороши, что для нихъ не надо устроивать особой залы; тамъ же, гдѣ вы будете танцовать, поставьте ширмы, на которыхъ написанъ сельскій видъ; сзади крючки сцѣпятъ рамки и вытянутъ всю заднюю декорацію въ линію; хотите сдѣлать перемѣну, разстегните крючки, соберите ширмы, переверните, вытяньте въ линію, застегните тѣ же крючки, ваша вторая декорація, представляющая залу, готова; съ этими двумя декораціями можете играть тысячу піэсъ. Въ саду и въ комнатѣ совершается дѣйствіе всемірнаго репертуара. О боковыхъ декораціяхъ и говорить нечего, тутъ ровно не нужно ничего кромѣ ширмъ. Конечно, у насъ еще нѣтъ переносныхъ театровъ въ лавкахъ, тогда какъ въ Парижѣ продаются готовые; фабриканты обоевъ изготовляютъ ихъ во множествѣ. Для образца представляемъ одинъ ; пока этимъ займутся въ Петербургѣ, совѣтуемъ не терять времени; домашнему столяру заказать рамки, купить въ ближайшемъ городѣ обоевъ, и театръ готовъ. Эта забава—и зимняя и лѣтняя ; для нея всегда время. Еслибы и мода прошла, можно позабавиться и безъ моды. Теперь въ Петербургѣ изготовляется такой театръ съ большимъ тщаніемъ ; если замѣтимъ какія улучшенія, облегченія, особенныя удобства и проч. тотчасъ сообщимъ читателямъ.



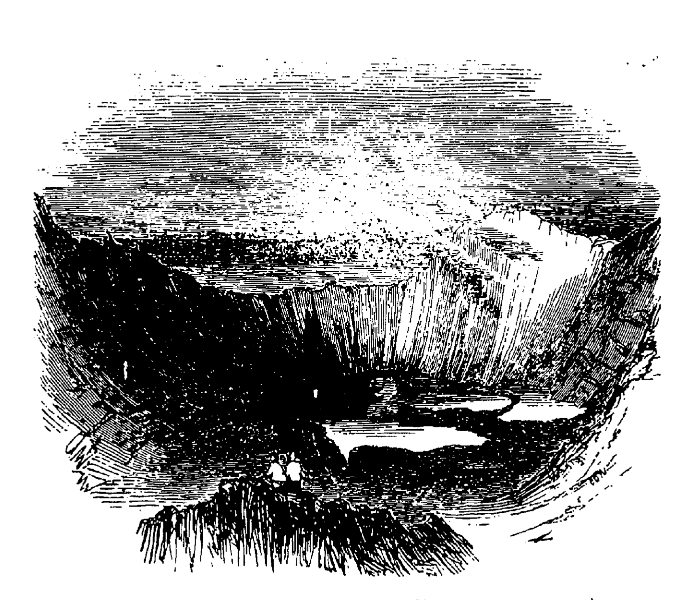
(Складныя кулисы.)



Изверженіе Этны въ Декабрѣ 1842 года.

О ВОЛКАНИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ.

Между разнороднѣйшими, болѣе или менѣе величественными, явленіями природы, особенно подвергаются изслѣдованіямъ ученыхъ мужей, каковы Гумбольдтъ, Леопольдъ фонъ Бухъ и другіе, замѣчательныя изверженія подземныхъ огней и лавы, бьющія гейзерскіе источники, и вообще всѣ волканическія явленія, такъ какъ они представляютъ простому зрителю — величественную картину, наблюдателю — тайную и чудную игру природы, всѣмъ — примѣръ могущества и премудрости Всевышняго!.. Въ этихъ явленіяхъ представляются наблюдателю тысячи задачъ и онъ стремится поднять завѣсу, прикрывающую тайны внутренности земли, и невыразимая радость наполняетъ его сердце, если ему удастся приподнять хоть уголокъ этой завѣсы. Съ изумленіемъ смотритъ человѣкъ на громадныя мастерскія природы, и тысячи воспоминаній объ огромныхъ переворотахъ, произведенныхъ неисчислимыми силами природы, толпятся въ умѣ его...



Кратеръ огнедышащій горы Кальдейра, на Корво, одномъ изъ Азорскихъ Островов.

Тутъ изъ нѣдра земли поднялись новыя горы, тамъ вѣковыя горы погрузились въ безконечную пучину и обширныя разсѣлины перерѣзали землю. Цѣлые города были погребены подъ волканическимъ пепломъ и горячей лавой, широкіе огненные потоки стремились по цвѣтущимъ лугамъ и превратили ихъ въ мертвыя пустыни. Съ необъяснимою силою вылетали изъ нѣдръ земли кипящія массы и тучи пепла омрачали дневной свѣтъ; даже изъ пучины морской вылетало пламя, и тамъ, гдѣ прежде жили однѣ рыбы, образовались новые острова, которые, или населялись людьми и животными, или же опять погружались въ бездонную пучину!..

Между всѣми этими явленіями, однакожъ, особенно замѣчательны *волканы* или *огнедышащія горы*.

Горы эти имѣютъ почти всѣ конусообразную форму; на самой вершинѣ ихъ находится углубленіе, въ видѣ опрокинутаго конуса, изъ котораго, какъ изъ трубы, исходятъ въ глубинѣ образующіеся газы, истекаетъ лава и извергаются отдѣльныя твердыя массы. Углубленіе это называютъ *кратеромъ*, жерломъ. Отъ большой массы жидкой лавы, прорывающей иногда накопившіяся по краямъ жерла массы, также и отъ другихъ причинъ, кратеръ и даже вся вершина огнедышащей горы часто измѣняетъ свою форму. Иногда изверженіе бываетъ не изъ глубины имѣющагося жерла, а изъ боковыхъ стѣнъ конуса, отчего происходятъ новые побочные конусы, какъ на пр. на Этнѣ. Иногда въ глубинѣ жерла образуется другой, меньшій конусъ, имѣющій свое собственное жерло. На многихъ волканахъ, какъ на пр. на Везувіѣ, можно въ спокойное время спускаться во внутрь кратера.

По мнѣнію Леопольда фонъ Буха всѣ волканы на земномъ шарѣ могутъ быть раздѣлены на два совершенно-различныхъ рода, на *центральные* и *рядовые*. Первые образуютъ центръ многихъ, во всѣ стороны дѣйствующихъ, изверженій. Вторые же лежатъ рядами, часто въ незначительныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго.

Центральные волканы суть: на Липарскихъ островахъ — *Стромболи*; въ Сициліи — *Этна*; на Ишіѣ — *Экзоласръ*; близъ Неаполя — *Везувій*; въ Исландіи — *Гекла*; на Азорскихъ-Островахъ — Пико, С-тъ Георгъ; на Канарскихъ Островахъ — Пико де Тейде, на Тенерифѣ; на островахъ Зеленаго Мыса — *Фуэго, Асценсіонъ;* и многіе другіе на Сандвичевыхъ, Маркизскихъ и на островахъ Дружбы и Товарищества.

Рядовые же волканы суть: на греческихъ ос-

тровахъ — *Санторинъ, Мило* и другіе; въ Западной Австраліи — *Танна, Амбримъ, Санта-Круцъ*, огненныя горы Новой Британіи и Гвинеи; на Сондскихъ Островахъ — Ваваии; на Молукскихъ, Филиппинскихъ, Японскихъ, Алеутскихъ, Маріанскихъ и Антильскихъ островахъ, въ Камчаткѣ, Хили, Квито, Гватамалѣ и Мексикѣ. Кромѣ того къ нимъ же можно отнести постоянно дымящійся Геббель-Теаръ, на берегахъ Аравіи, и Черро-де-ла-Гиганта, въ Калифорніи.

Это соединеніе волкановъ, то въ отдѣльныя *круглыя* группы, то въ длинные ряды, служитъ яснымъ доказательствомъ, что волканическія дѣйствія не зависятъ отъ малыхъ, близкихъ къ поверхности земной, причинъ, но суть великія явленія, слѣдствія глубокихъ и огромныхъ внутреннихъ переворотовъ.

Перейдемъ теперь къ самымъ волканическимъ изверженіямъ. Они, безспорно, принадлежатъ къ самымъ дивнымъ явленіямъ природы, величественной прелести ихъ и словами описать нельзя. Подобно сигналу предшествуетъ столь же величественному, какъ и ужасному зрѣлищу изверженія, легкое колебаніе земли, которое предъ сильными изверженіями переходитъ въ разрушительное землетрясеніе. Иногда этимъ явленіямъ предшествуетъ теплая температура, источники высыхаютъ, трава вянетъ. Послѣ землетрясенія изъ жерла начинаютъ клубиться густыя, черныя массы дыма, собирается гроза, начинаетъ сверкать молнія по разнымъ направленіямъ; грому подобный шумъ, во внутренности земли, становится все сильнѣе и сильнѣе; вдругъ вспыхиваетъ пламя и вмѣстѣ съ нимъ летятъ въ воздухъ раскаленныя массы лавы и пемзы, то медленно, то съ ужасною быстротою. За тѣмъ начинается изверженіе лавы... огненными потоками стремится она во всѣ стороны и надъ нею возвышаются огненныя полосы, освѣщающія черныя, массивныя тучи дыма и пепла, которые иногда отлетаютъ на цѣлыя мили, безпрестанно освѣщаемыя молніями, сверкающими въ воздухѣ. Сначала прекращается изверженіе золы и горючихъ веществъ, а тамъ и лавы. Иногда съ волкановъ стремятся потоки горячей воды, когда вершины ихъ покрыты снѣгомъ. По совершенномъ прекращеніи изверженія, изъ разсѣлинъ и отверзтій волкана выходятъ ядовитые пары, убійственные для людей и животныхъ.

Изверженія волкана продолжаются нѣсколько часовъ, иногда цѣлые дни, постоянно или съ промежутками. Что же касается до теченія лавы, то оно быстро только близъ кратера, но по мѣрѣ соприкосновенія ея съ внѣшнимъ воздухомъ, она начинаетъ остывать, густѣть и течетъ все медленнѣе и медленнѣе. Обыкновенно верхніе слои твердѣютъ, между тѣмъ какъ нижніе продолжаютъ течь; часто даже, только нѣкоторыя части лавы крѣпнутъ и плаваютъ по кипящей, стремящейся массѣ, подобно льдинамъ. Внутренность массы медленно остываетъ и даже, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, когда лава давно уже остановилась, въ ней проявляются еще слѣды внутренняго жара.

Послѣ общаго описанія волкановъ, мы сообщимъ нѣкоторыя изъ любопытнѣйшихъ наблюденій надъ отдѣльными огнедышащими горами. Начнемъ съ Этны, такъ какъ изверженія ея въ 1843 году, вѣроятно, памятны еще многимъ изъ нашихъ читателей.

Этна лежитъ на восточномъ берегу Сициліи и возвышается болѣе нежели на 10,900 футовъ (болѣе трехъ верстъ) надъ поверхностью моря; теперь она состоитъ уже не изъ одного колоссальнаго конуса, но составляетъ, такъ сказать, цѣлый хребетъ конусовъ, образовавшихся въ слѣдствіе частыхъ изверженій. У подножія она имѣетъ около 20 нѣмецкихъ миль въ окружности и мѣста, лежащія у этого подножія, настоящій рай для тамошнихъ жителей. Земля тамъ чрезвычайно плодородна, климатъ умѣренный, здоровый; по всѣмъ направленіямъ простираются роскошныя поля, луга, виноградники и сады. Только мѣстами, какъ бы для увеличенія живописности этого мѣста, торчатъ голыя массы лавы. Еще большую прелесть придаютъ этой странѣ многочисленныя, разбросанныя въ окружности, селенія и города. Зеленый лѣсистый поясъ покрываетъ среднюю часть склона горы; высокіе дубы и цѣлые лѣса каштановъ, и растущія между ними ароматныя травы, распространяютъ въ воздухѣ благоуханія. Тутъ же находится Castagno di cento cavalli, т. е. *каштановое дерево ста лошадей*. Стволъ этого дерева, какъ гласитъ преданіе, имѣлъ такой объемъ, что въ дуплѣ его помѣщалась сотня лошадей. Но разрушительное дѣйствіе времени почти не оставило слѣдовъ этого дерева; только нѣсколько зеленыхъ сучьевъ выходятъ еще изъ сохранившагося корня и образуетъ кругъ, имѣющій 152 фута (около 22 саженъ) въ окружности. Тамъ, гдѣ прежде въ дуплѣ дерева была хижина, для отдыха путниковъ, теперь растетъ мягкая, густая трава. Впрочемъ, этимъ не ограничиваются чудеса этого лѣса; въ немъ сохранилось еще множество деревъ, изумительныхъ по своему объему. Далѣе, за этимъ зеленымъ поясомъ, начинается унылая пустыня, зимой и лѣтомъ покрытая снѣгомъ и льдомъ.

Какъ по трудностямъ, которыя должно преодолѣть, такъ и по отдаленности (отъ Катаніи до вершины Этны считается восемь миль), путешествіе на Этну считается важнымъ предпріятіемъ. Однакожъ, его громадность, вышина и разнообразные виды, представляющіеся съ его вершины, часто завлекали туда путешественниковъ, изъ которыхъ многіе описали и издали свои наблюденія. Къ нимъ принадлежитъ *Якоби*, поднявшійся на волканъ въ 1787 году. Онъ разсказываетъ, что путешествіе по верхней полосѣ чрезвычайно затруднительно и утомительно, по причинѣ множества острыхъ осколковъ лавы, которыми усыпана дорога. Посреди лѣта — 7-го іюля — холодъ былъ тамъ такъ проницателенъ, что путешественники часто должны были сходить съ лошаковъ и согрѣваться скорой ходьбой. Жидкость воздуха въ тѣхъ странахъ затрудняла дыханіе. Кратеръ Этны, изъ котораго постоянно выходитъ дымъ, имѣетъ въ объемѣ около 500 шаговъ; глубина его, по наблюденіямъ Спаланцани, содержитъ около полумили — итальянской; внутреннія стѣны почти отвѣсны. На днѣ жерла замѣтилъ онъ круглую дыру, саженей трехъ въ діаметрѣ, откуда выходили густыя сѣрныя облака дыму и въ глубинѣ которой по временамъ показывалась жидкая, огненная масса. Внутреннія стѣны кратера и дно были перерѣзаны полосами нашатыря и сѣры, оранжеваго цвѣта. Само по себѣ разумѣется, что послѣ каждаго изверженія измѣняется какъ внутренняя, такъ и внѣшняя форма кратера.

Объ изверженіяхъ Этны, до христіанскаго лѣтосчисленія, мы не имѣемъ опредѣлительныхъ извѣстій. Начиная съ 40 года по Р. Х. было болѣе 60 изверженій, а отъ 1160 до 1659 было самое сильное, почти безпрерывно продолжавшееся и сопровождаемое ужасными землетрясеніями. Въ городѣ Катаніи были тогда разрушены многія зданія и погибло до 16,000 людей. Въ 1329 году было ужасное изверженіе пепла, который покрылъ всю страну и достигъ даже до сосѣдняго острова Мальта. Въ 1755 году изъ жерла вытекло такое количество воды, что всѣ окрестности и дороги были залиты; вода эта была горяча, имѣла соленый вкусъ и причинила много вреда окрестнымъ поселянамъ. За водой послѣдовали изверженія огня и лавы, которая, пробивъ себѣ проходъ на самомъ днѣ кратера, ринулась внизъ потокомъ въ 600 футовъ ширины. Во время изверженія 1785 года поднялись надъ жерломъ огненные столбы, и вся вершина казалась раскаленною. Въ 1819 году Катанія была въ великой опасности; однакожъ, счастливое направленіе вѣтра избавило ее отъ густаго пепельнаго дождя, и потокъ лавы, имѣвшій въ ширину двѣ мили, а въ толщину 15 футовъ, въ недальнемъ разстояніи отъ города, принялъ другое направленіе. Объ изверженіи 27-го ноября 1842 года, очевидецъ пишетъ слѣдующее:

«Весь кратеръ былъ объятъ пламенемъ, и надъ нимъ высилась колонна изъ раскаленныхъ камней, разлетавшихся въ разныя стороны. Милліоны раскаленныхъ массъ летѣли вверхъ и внизъ, нѣкоторыя изъ нихъ какъ бы терялись въ темной синевѣ неба. Край кратера раскололся и изъ него лился огненный потокъ. Огромнѣйшія массы, вѣсомъ въ нѣсколько центнеровъ, были вскидываемы на 2 и 3,000 футовъ въ воздухѣ. Часть этихъ массъ, перпендикулярно взлетавшихъ, ниспадала обратно въ огненное жерло, другая съ грохотомъ и трескомъ упадала на наружныя стѣны конуса и катилась внизъ. Лава раздѣлилась на нѣсколько потоковъ; величайшій имѣлъ до 600 футовъ ширины. По счастію это раскаленное море текло по неразработанной землѣ и не причинило никакого вреда».

Объ изверженіи, бывшемъ 17-го ноября 1843 года, профессоръ Дженомелларо, въ Катаніи, пишетъ къ извѣстному геологу Леонгарду слѣдующее:

«Не прошло еще году послѣ изверженія, начавшагося 27-го ноября 1842 и кончившагося 28-го декабря того же года, какъ 17-го ноября нынѣшняго года, по полудни въ два часа, на западномъ склонѣ, и а пустынной части горы, открылись постепенно 15 жерлъ, извергавшія дымъ, раскаленные каменья и волканическій песокъ; въ въ то же время затряслась земля и послышался подземный грохотъ. Десять этихъ жерлъ были въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что вытекавшая изъ нихъ лава вскорѣ образовала одну разсѣлину, длиною около 400, а шириною около 50 шаговъ. Изъ этой разсѣлины полилась лава съ такою необыкновенною силою и быстротою, что въ самое короткое время достигла до Алернскаго и Маллетоскаго лѣса, по близости Монти-Чигитто и Сеперо. На слѣдующій день лава прошла чрезъ обработанныя земли Монте-Папаріа, опустошая все на своемъ пути. По прямой линіи шла она къ городу Бронте и привела въ неописанный ужасъ тамошнихъ жителей, но по счастію, попала на возвышеніе Ла Витторіа и оттуда направилась къ дорогѣ, ведущей изъ Палермо въ Мессину. Тамъ она потекла медленнѣе и около 26-го числа совсѣмъ остановилась. Въ это же время изъ большаго кратера выходили столбы густаго дыму; растенія, на которыя онъ опускался, а именно апельсинныя и лимонныя деревья, немедленно сгорали; особенно пострадала восточная и южная сторона, куда вѣтеръ гналъ дымъ. Въ полдень, 24-го ноября, мы замѣтили, что на сѣверной части большаго кратера, на мѣстѣ, называемомъ Коріаццо, открылось еще жерло, изъ котораго вскорѣ полилась лава въ незначительномъ количествѣ и направилась къ лѣсу Малетто. Въ тотъ же день, въ половинѣ втораго часа, по полудни, совершился чрезвычайно изумительный и разрушительный феноменъ въ долинѣ Симето. Широкій потокъ лавы, о которомъ мы выше упомянули, достигъ этого чрезвычайно плодороднаго мѣста. Множество народу спѣшило рубить лѣсъ, чтобы не оставить его на жертву огненной рѣки. Они приняли всевозможныя предосторожности, но въ то самое время, когда лава коснулась долины, и когда, по настоящему, работникамъ нечего было еще опасаться, раздался страшный взрывъ, и большая часть работниковъ

осталась на мѣстѣ; немногіе, спасшіеся, были опасно ранены. Это ужасное обстоятельство и то, что лава опустошила плодородную страну, доставлявшую пропитаніе всѣмъ окрестнымъ жителямъ, суть плачевнѣйшія событія послѣдняго изверженія».

Везувій состоитъ изъ двойной горы, вышиною въ 3600 футовъ; основаніе его имѣетъ отъ 30 до 40 англійскихъ миль въ окружности. На томъ же основаніи лежитъ длинный рядъ скалъ Сомма, имѣющихъ видъ полукружія, обращеннаго выпуклою частію къ юго-востоку, а концами на востокъ и западъ. Западная дуга отдѣляется глубокой долиной отъ горы, называемой Кантороли. Между Сомма и Везувіемъ находится также глубокая долина, прозываемая Atrio del Cavallo, *конюшней*, а въ центрѣ высится конусъ Везувія, мрачный и безплодный, между тѣмъ какъ самая гора не имѣетъ ничего устрашительнаго, такъ какъ болѣе двухъ третей его обработаны и только вершина безплодна; на послѣдней прекращается всякая растительность, и когда онъ покрытъ тучами, то весь Везувій представляетъ дивную картину. На лавѣ, излившейся нѣсколько столѣтій тому назадъ изъ Везувія и полосами простирающейся черезъ поляны до моря, расположены дома, селенія, города, окруженные садами, виноградниками и обработанными полями; однакожъ, невольное чувство страха стѣсняетъ сердце при мысли, что подъ этимъ плодороднымъ грунтомъ погребены дома, сады, цѣлые города!..

Портичи выстроенъ на засыпанномъ Геркуланѣ, а въ недальнемъ разстояніи находится Помпея, засыпанная въ 79 году по Р. Х., при сильномъ изверженіи горы. Весь восточный берегъ неаполитанскаго залива былъ опустошенъ въ то же время, и отъ Геркулана до Стабіи представляетъ рядъ голыхъ скалъ и изверженныхъ массъ. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ временъ, было еще 411 изверженій; изъ послѣднихъ были особенно сильны и опустошительны изверженія 1776, 1777 и 1779 годовъ, преимущественно послѣднее. Во весь іюль мѣсяцъ того года гора находилась въ сильномъ броженіи; слышались подземные удары и грохотъ, густыя облака дыму по временамъ вырывались изъ жерла, выбрасывая съ силою камни и золу. Наконецъ, 5-го августа, вышло сѣрное облако изъ кратера и вмѣстѣ съ нимъ множество каменьевъ поднялись на 2000 футовъ въ воздухъ. Жидкая лава перелилась черезъ края кратера, и съ девяти сторонъ полилась внизъ по горѣ. Тучи красноватой сажи омрачили воздухъ; въ полночь 7-го августа надъ кратеромъ поднялся огненный столбъ, неимовѣрной вышины, и распространилъ такой яркій свѣтъ, что на разстояніи цѣлой мили можно было разсмотрѣть мельчайшіе предметы; на слѣдующій вечеръ, послѣ сильнаго удара, поднялся другой огненный столбъ, вышиною около 10,000 футовъ, и въ то же время лава полилась съ большею быстротою. Городъ Оттаяно чуть не подвергся участи Помпеи.

Одно изъ послѣднихъ изверженій Везувія было 22 октября 1822 г. Обстоятельства, предшествовавшія этому трагическому событію, были такъ поразительны и сильны, что всѣ окрестные жители въ страхѣ и боязни ожидали какого-то чуда. Молнія сверкала по всѣмъ направленіямъ, и такой сильный взрывъ, какъ будто бъ весь земной шаръ лопнулъ на двѣ части, потрясъ воздухъ и землю, и низвергнулъ въ пропасть цѣлыя скалы. Самая природа была поражена яростію огненной стихіи, потому что въ воздухѣ появилась огненная масса, какъ бы готовая освѣтить послѣдній день міра!.. Жители были въ ужасѣ и со страхомъ ожидали участи, постигшей Геркуланъ и Помпею, двухъ славныхъ городовъ, исчезнувшихъ съ лица земли. Свѣтъ утренняго солнца не проникъ сквозь черное покрывало, которое облегло все небо... Около вечера, разгнѣванный колоссъ сталъ успокоиваться... но вдругъ воспламенился огненный токъ атмосферы и снова загрохоталъ кратеръ. Адскій потокъ лавы съ трескомъ прорвался изъ стѣны кратера, и весь Везувій былъ объятъ пламенемъ, пересѣкаемымъ мѣстами непроницаемыми массами дыма. Тридцать шесть часовъ сряду жители были въ смертельномъ страхѣ... Большая часть, покинувъ имущество, обратилась въ бѣгство...

Минута была ужасная... подобная той, которую такъ дивно постигнулъ великій художникъ нашъ, Карлъ Брюлловъ...

Послѣ нѣсколькихъ ужасныхъ взрывовъ, въ то время, когда лава опустошала въ яростномъ теченіи своемъ окрестныя поля и села, изъ тучъ, обложившихъ Везувій, выпалъ обильный дождь... Тучи разсѣялись и окрестные жители не узнавали своего стараго, сердитаго сосѣда, — такъ измѣнилась его форма. Онъ походилъ на переломленый въ серединѣ конусъ. Дождь, смѣшиваясь съ летавшею въ воздухѣ золою, падалъ на землю грязными брызгами.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію другихъ волкановъ, мы должны сообщить еще нѣкоторыя замѣчанія о Везувіѣ, собранныя докторами Мажанди и Джемсомъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ:

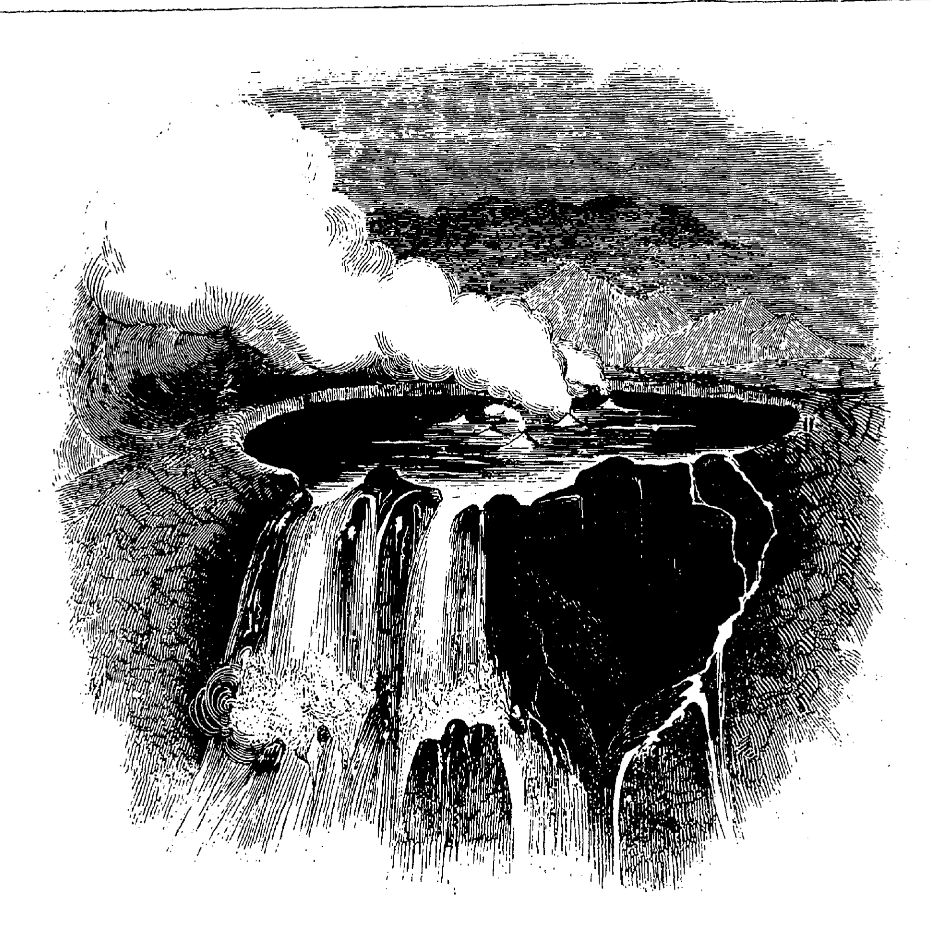
«Былъ первый часъ, когда я достигъ до обители пустынника — эрмитажа. Я ожидалъ встрѣтить тамъ почтеннаго монаха, но ошибся. Пустынникъ этотъ ни что иное, какъ обыкновенный трактирщикъ, очень дорого продающій очень дурное вино. На немъ пустынническаго только шерстяное платье, капуцинъ и огромная связка ключей, которымъ недостаетъ только замковъ. За эрмитажемъ дорога сдѣлалась непроходима; мы вступили въ безплодную, мертвую пустыню, усыпанную сѣрыми волканическими массами, острые концы которыхъ торчали вверхъ и затрудняли путь. На лѣво отъ насъ находился полуразвалившійся кратеръ прежняго конуса, называемаго Монте ди Сомма, засыпавшаго Геркуланъ, Помпею и Стабію; направо лежала широкая полоса лавы, протекшей во время изверженія 1839 года; передъ нами конусъ, на который мы взбирались. По моему термометру было 19 градусовъ; тамъ и сямъ подымались столбы дыма и слышался подземный ревъ волкана. Дорога становилась все непроходимѣе и непроходимѣе; мы мѣстами по колѣни погружались въ пепелъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ вершинѣ конуса, тѣмъ теплѣе становился пепелъ. Я опустилъ въ него термометръ: онъ поднялся до 55 градусовъ. Наконецъ, въ три часа мы достигли вершины. Какъ описать то, что мы ощущали, когда достигли своей цѣли.. Начинало свѣтать. Земля была такъ горяча, что нельзя было долго стоять на одномъ мѣстѣ. Кратеръ имѣетъ форму огромной воронки; на днѣ его, въ самой серединѣ, возвышается тупой конусъ, на верхушкѣ котораго находится настоящее жерло огнедышащей горы. Выкидываемые камни падаютъ или обратно въ жерло, или вокругъ маленькаго конуса.

Изверженія повторяются каждыя 10 секундъ; имъ предшествуетъ глухой ропотъ и устье волкана раскаляется; затѣмъ слышится взрывъ, подобный пушечному выстрѣлу и вмѣстѣ съ нимъ вытекаетъ лава. Каменья и другія выбрасываемыя изъ горы массы рѣдко подымаются выше 40 футовъ. Внутреннія стѣны кратера образуютъ косую волнистую поверхность; скатъ, однакожъ, такъ крутъ, что по немъ прямо спускаться невозможно; проводникъ нашъ шелъ впередъ, ощупывая палкой сомнительныя мѣста. Земля такъ горяча, что невозможно было спускаться ползкомъ. Мы нашли много сѣры всевозможнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ оттѣнковъ, и на каждомъ шагу встрѣчались съ сѣрнымъ дымомъ, заставлявшимъ насъ кашлять. Температура была въ 60 градусовъ; опустивъ въ мѣста, откуда выходилъ дымъ, термометръ, мы увидѣли, что онъ поднялся до 95 градусовъ и чуть не лопнулъ. Въ 6 часовъ мы наконецъ сошли на дно кратера; оно было зернисто, подобно асфальтовому тротуару и состояло изъ охладѣвшей лавы, твердой какъ камень. Только по одной трети его можно было свободно прогуливаться, потому что на остальную часть текла лава. Я опустилъ нѣсколько монетъ въ жидкую лаву; онѣ немедленно расплавлялись. При каждомъ изверженіи волкана дрожала земля и слышался подземный ревъ. Я покрылъ платкомъ одно мѣсто, на которомъ лава остыла, и приложилъ ухо... Сначала подземный трескъ оглушилъ меня, но послѣ я разслышалъ въ глубинѣ волкана шумъ, подобный морскому, и журчанье, происходившее отъ отдѣленія газа отъ жидкости.»

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на нѣкоторые волканы въ Океаніи, которые въ послѣднее время сдѣлались замѣчательными по многимъ сильнымъ изверженіямъ. Мы говоримъ о волканахъ, на Гаваіи-Овайзи, — юговосточнаго и величайшаго изъ острововъ Сандвическаго Архипелага. Хотя горы этого острова высоки и волканическаго свойства, однакожъ скаты ихъ рѣшительно не имѣютъ дикаго характера европейскихъ волкановъ. Самый высочайшій изъ этихъ волкановъ, образующій какъ-бы вершину горнаго хребта острова, *Мауна-Кеа*, имѣетъ 15,000 футовъ вышины; за нимъ слѣдуетъ *Мауна-Роа*, лежащій болѣе въ серединѣ и имѣющій 13,176 футовъ вышины; на востокъ отъ *Мауна-Роа*, лежитъ величайшій кратеръ на земномъ шарѣ, *Кирау-Еа*, имѣющій только 4000 футовъ вышины. Меньшій волканъ острова называется *Мснхуа-рарари*. Ужасно было изверженіе горы *Кирау-Еа*, въ маѣ 1840 года. В. Эллисъ описываетъ этотъ кратеръ слѣдующимъ образомъ:

«Стѣны жерла, образованныя изъ потоковъ лавы, совершенно отвѣсны, и имѣютъ 400 футовъ вышины. Эти сѣрыя стѣны, разсѣлины, перерѣзывавшія ихъ, сѣрные слои, живое и постоянное дѣйствіе безчисленнаго множества маленькихъ кратеровъ, густые столбы дыма и, наконецъ, окружныя голыя скалы, возвышавшіяся въ иныхъ мѣстахъ отвѣсно на 300—400 футовъ, составляли картину, ужасное, грозное впечатлѣніе которой усиливалось постояннымъ ревомъ, слышавшимся во внутренности земли.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1843 года началъ бушевать Мауна-Роа и вскорѣ послѣдовало одно изъ ужаснѣйшихъ изверженій, описанныхъ очевидцемъ, миссіонеромъ Титусомъ Кономъ; 10-го января 1843 года, на зарѣ, показался сильный потокъ огненной, жидкой массы близъ вершины Мауна-Роа. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, теченіе лавы со дня на день усиливалось, такъ что небо и земля покрылись огненнымъ заревомъ, которое исчезло не прежде, какъ когда лава разлилась по окрестностямъ и достигла до горы Мауна-Кеа. Нѣсколько недѣль спустя, миссіонеръ, съ нѣкоторыми пріятелями, слѣдуя по дорогѣ, по которой лилась лава, достигъ до вершины огнедышащей горы, гдѣ открылъ источникъ лавы, огром-



Волканическое изверженіе Мауна-Роа, на Сандвичевыхъ островахъ, 10 Января 1844 года.

ный кратеръ, находившійся по среди вѣчныхъ снѣговъ. По поверхности горы не струилась болѣе лава, потому что на 50, а мѣстами и на 100 футовъ отъ поверхности земли, она прорыла себѣ подземный каналъ, по которому съ невыразимою быстротою стремился огненный потокъ, что можно было разсмотрѣть сквозь разсѣлины, образовавшіяся на поверхности горы.

Въ заключеніе Миссіонеръ говоритъ:

«Путешествіе наше было сопряжено со многими опасностями и невыразимыми трудностями, однакожъ мы ни разу не раскаявались въ томъ, что предприняли его, и осмотрѣвъ все, что можно было осмотрѣть, вступили въ обратный путь, удивляясь величію и всемогуществу Творца Вселенной.»

Волканъ Эребусъ, на Викторія-Лендѣ, открытый капитаномъ Россомъ.

Иванъ Ивановичъ написалъ цѣлый Романъ; неподумалъ о развязкѣ; гдѣ ее взять? Въ отчаяніи онъ ищетъ ее по своей комнатѣ саженными шагами.

Ловитъ счастливую мысль въ табачномъ дымѣ.

Роется въ домашнихъ архивахъ.

Грызетъ перо.

Предается математтическимъ соображеніямъ.

А ларчикъ просто отворялся. Развязка отыскалась въ книгѣ,—не его сочиненія.

ДВА ДЕВИЗА.

ПОВѢСТЬ.

Въ Серне, въ конторѣ дилижансовъ, ждали двое молодыхъ людей, взявшихъ мѣста въ Кейзерсбергъ. Обоимъ, казалось, не болѣе двадцатичетырехъ лѣтъ; но въ физіономіи ихъ была замѣчательная разница.

Одинъ изъ нихъ былъ ниже ростомъ; волосы его были почти черны, лицо блѣдно, движенія быстры и живы; въ немъ съ перваго взгляда можно было угадать уроженца Юга; другой — высокій, бѣлокурый и румяный, представлялъ совершенный типъ жителя Альзаціи, гдѣ французская живость умѣряется нѣмецкимъ добродушіемъ. Передъ обоими лежали маленькіе чемоданы съ адрессами, прикрѣпленными сургучемъ. На одномъ изъ нихъ было написано: Генрихъ Фортенъ, изъ Марсельи; а по угламъ адресса, на сургучѣ, былъ отпечатанъ слѣдующій девизъ: *мое право.* На другомъ было написано: Жозефъ де Мюльценъ, изъ Страсбурга; а на печатяхъ девизъ: Caritas.

Конторщикъ только что записалъ имена путешественниковъ въ книгу, съ обычной замѣткой: *съ двумя чемоданами,* когда Генрихъ потребовалъ, чтобы ихъ взвѣсили. Конторщикъ объявилъ, что это будетъ сдѣлано въ Кейзерсбергѣ; но молодой человѣкъ, желая избавиться хлопотъ, въ минуту прибытія, возразилъ, что онъ имѣетъ право требовать, чтобы это было исполнено немедленно. Конторщикъ заупрямился; тщетно Жозефъ старался уговорить Генриха, замѣтивъ, что имъ надо еще обѣдать и что дилижансъ скоро отправится. Марсельскій уроженецъ никогда не уступалъ, когда полагалъ, что требованія его справедливы, а вѣрный своему девизу, онъ всегда считалъ ихъ справедливыми. Споръ продолжался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, конторщикъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился уйти. Генрихъ хотѣлъ было заспорить съ писаремъ; но, по счастію, тотъ говорилъ только по-нѣмецки, такъ что молодой человѣкъ по неволѣ долженъ былъ послѣдовать за своимъ товарищемъ, на котораго онъ обратилъ весь свой гнѣвъ.

— Чортъ возьми! ты хоть кого взбѣсишь! вскричалъ онъ, оставшись съ нимъ на единѣ. Ты даже не заступился за меня, когда я спорилъ съ этимъ упрямымъ конторщикомъ!

— Мнѣ кажется, возразилъ Жозефъ, улыбаясь, что ты не нуждался въ заступничествѣ: ты спорилъ съ такимъ жаромъ, какъ будто бъ дѣло шло о всемъ твоемъ состояніи, или о твоей чести.

— По твоему лучше было бъ отступиться отъ своихъ правъ?

— Когда это право не стоитъ того, чтобы объ немъ хлопотать...

— Ну, такъ! прервалъ Генрихъ съ жаромъ; ты всегда готовъ уступить; чтобы тебѣ пришла охота защищаться, надобно наступить тебѣ на горло. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на свѣтъ, какъ на поле битвы, ты смотришь на него, какъ на гостиную, гдѣ надо говорить всѣмъ комплименты.

— Нѣтъ, сказалъ Жозефъ; но какъ на большой корабль, на которомъ всѣ пассажиры должны быть дружны и снисходительны одинъ къ другому. Всякой человѣкъ мнѣ другъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не объявитъ себя моимъ врагомъ.

— А я считаю всякаго человѣка моимъ врагомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не докажетъ, что онъ мнѣ другъ, возразилъ сынъ Юга; я никогда не раскаявался въ этой предосторожности, и совѣтую тебѣ взять съ меня примѣръ, когда мы будемъ въ Кейзерсбергѣ. Мы встрѣтимся тамъ съ другими наслѣдниками нашего дяди, которые, вѣроятно, постараются прибрать къ рукамъ наслѣдство; но я рѣшился никому и ничего не уступать.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья дошли до гостинницы *Бѣлаго-Коня.* Столовая, въ которую они вошли, была пуста; но на одномъ концѣ ея стоялъ большой столъ, на который хозяйка только что поставила три прибора. Генрихъ приказалъ поставить еще два.

— Извините, отвѣчала хозяйка, здѣсь нельзя.

— Почему? спросилъ молодой человѣкъ.

— Потому, что господа, для которыхъ поставлены эти три прибора, желаютъ кушать одни.

— Такъ пускай они обѣдаютъ въ своихъ комнатахъ, вспыльчиво вскричалъ Генрихъ; здѣсь общая зала и общій столъ; всякій путешественникъ имѣетъ право войдти сюда и требовать, чтобы ему подавали обѣдать.

— Будто не все равно, замѣтилъ Жозефъ, обѣдать здѣсь, или въ другой комнатѣ?

— А отчего же этимъ не все равно? вскричалъ Генрихъ, указавъ на приборы.

— Они пришли прежде васъ, замѣтила хозяйка.

— Слѣдовательно, у васъ въ гостинницѣ кто прежде придетъ, тотъ имѣетъ право распоряжаться? вскричалъ Генрихъ.

— Нѣтъ; но это знакомые господа.

— Слѣдовательно, вы ими болѣе дорожите, нежели нами?

— Позвольте вамъ замѣтить, что обычнымъ посѣтителямъ...

— Обычнымъ посѣтителямъ должны подчиняться всѣ другіе?

— Мы подадимъ вамъ обѣдать въ другой комнатѣ.

— Вы подадите намъ остатки вашихъ знакомыхъ... Не такъ ли?

Хозяйка обидѣлась.

— Если вы, сударь, думаете, что въ *Бѣломъ-Конѣ* дуренъ обѣдъ, то можете идти въ другую гостинницу... Здѣсь ихъ нѣсколько, сказала она.

— Конечно я здѣсь не останусь, возразилъ съ живостью Генрихъ, взявшись за шляпу.

И не слушая Жозефа, удерживавшаго его, онъ скоро вышелъ.

Мюльценъ зналъ по опыту, что надо было оставить въ покоѣ его кузена, и что въ подобныхъ случаяхъ всѣ старанія уговорить его, только болѣе воспламеняли заносчивость его. А потому онъ рѣшился остаться въ гостинницѣ *Бѣлаго-Коня* и отобѣдать въ другой комнатѣ. Но, въ то самое время, когда онъ хотѣлъ исполнить свое намѣреніе, въ столовую вошли тѣ, для которыхъ были приготовлены приборы, а именно дама пожилыхъ лѣтъ съ дѣвицею, ея племянницей, и мужчиною лѣтъ пятидесяти, который, по видимому, служилъ дамамъ проводникомъ. Хозяйка стала разсказывать имъ, что случилось. Жозефъ поклонился, и хотѣлъ поскорѣе удалиться, но мужчина удержалъ его.

— Я крайне огорченъ тѣмъ, что случилось, сказалъ онъ съ добродушіемъ. Желая обѣдать одни, мы хотѣли только избѣгнуть встрѣчи съ нѣкоторыми людьми, разговоры и поступки которыхъ непріятны дамамъ; вашъ пріятель напрасно принялъ это за капризъ, за прихоть; въ доказательство справедливости моихъ словъ, я прошу васъ покорнѣйше сѣсть рядомъ съ нами.

Жозефъ тщетно отговаривался, увѣряя, что онъ нисколько не обиженъ мѣрой, казавшеюся ему очень естественною; но г. Росманъ (такъ называли дамы своего кавалера) настаивалъ съ такимъ добродушіемъ, что молодой человѣкъ долженъ былъ согласиться.

Пожилая дама, непривыкшая, по видимому, путешествовать, сѣла противъ него съ племянницей, и глубоко вздохнула.

— Вы устали, Шарлотта? спросилъ Росманъ.

— Еще бы! вскричала старушка; просидѣть цѣлый день въ каретѣ, которая трясетъ такъ, что ужасъ! Ѣсть не во-время; подвергаться разнымъ опасностямъ; я, право, не знаю, какъ дилижансъ до сихъ поръ не опрокинулся, его такъ и кидало со стороны на сторону!.. Ахъ, Боже мой! я бы дала годъ жизни своей, лишь бы поскорѣе кончилось это путешествіе!

— По счастію эта сдѣлка невозможна! замѣтила молодая дѣвушка, съ улыбкой поцѣловавъ тетушку.

— Да, да, смѣйся, продолжала старушка; теперь молодыя дѣвушки ничего не боятся!.. Ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ — онѣ поѣхали бъ въ воздушныхъ шарахъ, еслибъ подобное сообщеніе было устроено!.. А всему революція виновата; она-то и придала имъ смѣлости; до революціи молодыя дѣвушки ѣздили только въ телѣжкахъ или на ослахъ... и то только въ крайнихъ случаяхъ. Покойница, мать моя, часто разсказывала, что она во всю жизнь свою иначе не путешествовала какъ пѣшкомъ.

— Да она нигдѣ и не была, замѣтилъ Росманъ.

— Что за бѣда? Не смотря на то, она была добрая и почтенная женщина, и кромѣ того, она была счастлива; когда птичка совьетъ себѣ гнѣздышко, такъ и остается въ немъ. Теперь привычка жить на большихъ дорогахъ виной тому, что люди менѣе любятъ свой домъ, свою семью; они отвыкаютъ отъ того и отъ другой, потому что они вездѣ дома. Это, быть можетъ, выгоднѣе для общественности, но по этому самому люди менѣе добры и менѣе счастливы.

— Полноте, Шарлотта, вы сердиты на путешествія... за толчки и тряску, весело сказалъ Росманъ; но я надѣюсь, что ваше неудовольствіе разсѣется, когда вы попробуете этого супу; лучшаго нельзя достать и въ Фонтенѣ.

Разговоръ продолжался въ такомъ же дружескомъ тонѣ. Жозефъ сначала скромно молчалъ, но г. Росманъ нѣсколько разъ обращался къ нему и вскорѣ разговоръ сдѣлался общимъ, когда пришли доложить, что лошади готовы. Всѣ поспѣшили расплатиться съ хозяйкой и отправились въ контору.

Жозефъ прибылъ туда въ одно время со своимъ кузеномъ. Пока Мюльценъ обѣдалъ, Фортенъ обѣгалъ всѣ гостинницы, нигдѣ ничего не нашелъ, и наконецъ, не имѣя болѣе времени ждать, принужденъ былъ купить себѣ нѣсколько плодовъ и булку, которую онъ доѣдалъ въ конторѣ!

Этотъ слишкомъ умѣренный обѣдъ, какъ всякій легко пойметъ, не разсѣялъ дурнаго расположенія духа молодаго человѣка. Напротивъ, онъ сталъ еще угрюмѣе. Жозефъ это замѣтилъ и ни о чемъ не расспрашивалъ его, тѣмъ болѣе, что уже началась перекличка пассажировъ.

Молодые люди готовились уже занять свои мѣста, когда конторщикъ вдругъ замѣтилъ, что онъ ошибся, записавъ ихъ, потому что всѣ мѣста были уже заняты.

— Заняты! вскричалъ Генрихъ; но вѣдь вы взяли съ насъ задатокъ.

— Я вамъ сейчасъ возращу его, сказалъ конторщикъ.

— Ничего не бывало! вскричалъ молодой человѣкъ; съ той минуты, какъ вы приняли отъ меня задатокъ, между нами заключено условіе, въ силу котораго я имѣю право требовать, чтобы вы дали мнѣ мѣсто.

Съ этими словами онъ схватился за ремень и вскочилъ на верхъ дилижанса, гдѣ было еще одно незанятое мѣсто; путешественникъ, которому оно принадлежало, сталъ спорить, но Генрихъ настаивалъ на своемъ, утверждая, что ничто не можетъ заставить его сойдти, и если съ нимъ захотятъ употребить насиліе, такъ онъ съумѣетъ защититься. Тщетно Жозефъ старался уговорить его; марсельскій уроженецъ, еще болѣе огорченный тѣмъ, что остался безъ обѣда, не хотѣлъ никого слушать.

— «Мое право!» кричалъ онъ; вотъ мой девизъ; твой девизъ: «милосердіе.» Будь же милосердъ, если хочешь; а я хочу быть справедливымъ, я заплатилъ за это мѣсто, оно мое, и я никому его не уступлю!

Путешественникъ, котораго мѣсто занялъ Генрихъ, представлялъ ему, что онъ взялъ это прежде него; но молодой человѣкъ, какъ адвокатъ, отвѣчалъ ему цитатами изъ свода законовъ. Время проходило въ спорахъ, объясненіяхъ, взаимныхъ угрозахъ. Пожилая дама, сидѣвшая внутри дилижанса, опять стала жаловаться на путешествія вообще, и на дилижансы въ особенности. Наконецъ, Жозефъ, видя что ссора добромъ не кончится, предложилъ конторщику нанять бричку, въ которой онъ поѣдетъ съ путешественникомъ, лишившимся мѣста. Предложеніе это было принято съ удовольствіемъ и дилижансъ уѣхалъ.

Это было въ ноябрѣ; воздухъ былъ сырой, холодный. Напрасно Генрихъ, привыкнувшій къ провансальскому солнцу, застегивалъ свой дорожный пальто, вечерній холодъ проникалъ его на сквозь, сырость впиталась въ платье его, и онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Лице его посинѣло, зубы стучали!.. На бѣду его вскорѣ поднялся холодный, пронзительный вѣтеръ, и пошелъ дождь. Сосѣдъ его, закутанный въ клеенчатый плащъ, могъ бы удѣлить ему одну полу широкаго плаща, но то былъ толстый купецъ, чрезвычайно заботившійся о собственной своей особѣ и нелюбившій безпокоиться о другихъ. Когда Генрихъ не уступалъ мѣста, сосѣдъ одобрялъ его рѣшимость и говорилъ: «что въ путешествіи каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ;» тогда молодой человѣкъ находилъ это правило чрезвычайно благоразумнымъ, за то теперь онъ терпѣлъ отъ примѣненія его къ дѣлу. Однакожъ, на половинѣ дороги, купецъ высунулъ голову изъ подъ своей шинели, посмотрѣлъ на сосѣда и сказалъ:

— Вы, кажется, озябли.

— Я промокъ до костей, съ трудомъ проговорилъ Генрихъ.

Толстый путешественникъ плотно закутался въ клеенку, какъ бы для того, чтобы еще лучше насладиться своимъ благосостояніемъ.

— Это очень нездорово, замѣтилъ онъ философически; совѣтую вамъ впредь запасаться такимъ плащемъ; онъ удобенъ и недорогъ.

Послѣ этого совѣта, толстякъ опять спряталъ голову подъ плащъ и сталъ засыпать, укачиваемый ровными движеніями экипажа.

Было уже очень поздно, когда дилижансъ прибылъ въ Кейзерсбергъ. Едва владѣя окоченѣлыми членами, Генрихъ соскочилъ съ дилижанса и по-

бѣжалъ въ кухню гостинницы, гдѣ былъ разведенъ большой огонь; но войдя туда, онъ увидѣлъ, что каминъ былъ уже окруженъ путешественниками, между которыми находились Жозефъ Мюльценъ и незнакомецъ, мѣстомъ котораго онъ овладѣлъ. Извощикъ, котораго они наняли, провезъ ихъ проселочной дорогой и они уже болѣе часу были тутъ.

Увидѣвъ въ какомъ жалкомъ положеніи былъ кузенъ его, Мюльценъ поспѣшно уступилъ ему свое мѣсто; что же касается до обиженнаго путешественника, то онъ не могъ воздержаться отъ громкаго смѣха.

— Я очень обязанъ вамъ, сказалъ онъ Генриху, что вы лишили меня мѣста; въ противномъ случаѣ я былъ бы точно въ томъ же состояніи, въ какомъ вы теперь находитесь.

Генрихъ не отвѣчалъ; онъ сѣлъ къ огню и старался согрѣться.

Лишь только онъ пришелъ въ себя, то потребовалъ, чтобы ему отвели комнату; но въ Кейзерсбергѣ была ярмарка, и гостинница была набита биткомъ. Хотя Жозефъ и товарищъ его прибыли цѣлымъ часомъ ранѣе, но и тѣ нашли только одну незанятую кровать, которую первый великодушно уступилъ второму. Однакожъ, послѣ долгихъ поисковъ и разспросовъ, нашлась еще незанятая кровать въ гостинницѣ; но она стояла въ комнатѣ, занятой четырьмя разнощиками, несогласившимися принять кого-нибудь къ себѣ.

— Развѣ они наняли всю комнату? спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ гостинницы.

— Слѣдовательно вы имѣете право располагать незанятою кроватью.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— По какому же праву не хотятъ они никого впускать къ себѣ?

— Ни по какому; но всѣ четверо парни дюжіе и грубые; такъ что никто не захотѣлъ заводить съ ними ссоры.

Генрихъ съ живостію всталъ.

— Это малодушіе, вскричалъ онъ. Что касается до меня, то я не соглашусь провесть ночи безъ сна, потому что этимъ господамъ вздумалось овладѣть цѣлой комнатой; ведите меня къ нимъ; они не осмѣлятся...

— Берегись, Генрихъ, прервалъ его Мюльценъ; эти люди дерзки и грубы.

— Неужели эти недостатки даютъ имъ право своевольничать? заносчиво вскричалъ провансалецъ; какъ бы не такъ! я урезоню ихъ.

Онъ схватился уже за фуражку, чтобы идти за хозяиномъ, когда г. Росманъ, искавшій своего слугу, и слышавшій послѣднія слова кузеновъ, подошелъ къ нимъ и сказалъ весело и добродушно:

— Я вижу, господа, что вы не знаете, гдѣ провесть ночь?

— Я найду себѣ мѣсто, не безпокойтесь обо мнѣ, угрюмо отвѣчалъ Генрихъ, и хотѣлъ идти далѣе.

— Подождите же одну минуту, возразилъ Росманъ; разнощики, вѣроятно, отвѣтятъ на всѣ ваши разсужденія грубостями, и вамъ трудно будетъ доказать имъ ваше право; согласитесь лучше провесть ночь у меня; я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда и съ удовольствіемъ приму васъ у себя.

Генрихъ и Жозефъ поклонились и благодарили, но совершенно различнымъ образомъ: въ словахъ Мюльцена выражалась радостная признательность; Генрихъ былъ хотя и вѣжливъ, но не совсѣмъ признателенъ. Онъ не забылъ еще, что Росманъ былъ виной тому, что онъ остался безъ обѣда въ Сернѣ.

— Вы слишкомъ добры, сказалъ онъ, смягчивъ голосъ; но я бы не желалъ безпокоить васъ. Притомъ же слѣдуетъ проучить этихъ людей и доказать имъ, что должно уважать права всякаго.

Съ этими словами онъ поклонился и пошелъ къ комнатѣ, которую заняли разнощики. Жозефъ, страшась, чтобы дѣло не дошло до драки, послѣдовалъ за нимъ; но, можетъ быть, смѣлый, рѣшительный видъ провансальца подѣйствовалъ на разнощиковъ, или имъ уже хотѣлось спать, а потому они только поворчали, и Генрихъ безпрепятственно легъ на кровать.

Тогда Жозефъ рѣшился удалиться и послѣдовалъ за г. Росманомъ, который обождалъ его внизу.

У Росмана Жозефъ нашелъ пожилую даму и племянницу ея Луизу, готовившую чай. Хозяинъ сказалъ нѣсколько словъ дамамъ на ухо и онѣ привѣтливо приняли молодаго человѣка. Его усадили за столъ, между тѣмъ какъ Луиза разливала чай. Пожилая дама увѣряла, что до сихъ поръ не пришла еще въ себя отъ путевыхъ непріятностей и безпокойствъ; ей все казалось, что самое кресло, на которомъ она сидитъ, качается; шумъ самовара напоминалъ ей стукъ колесъ. Она, однакожъ, освѣдомилась о молодомъ человѣкѣ, который, въ Серне, взялъ приступомъ мѣсто на дилижансѣ, и Росманъ разсказалъ свою встрѣчу съ Генрихомъ въ гостинницѣ.

— Ахъ, Боже мой! Да онъ, должно быть, страшный забіяка! Я такихъ людей боюсь какъ огня.

— Онъ благороднѣйшій и честнѣйшій малый, замѣтилъ Мюльценъ; онъ только вездѣ и всегда слѣдуетъ своему девизу: *мое право.*

— А вашъ девизъ: *Милосердіе*, возразила улыбаясь старушка. О! я все слышала въ Серне.

— Вы вмѣстѣ путешествуете? спросилъ Росманъ.

— Мы двоюродные братья, отвѣчалъ Жозефъ, и пріѣхали въ Кейзерсбергъ по случаю духовной, которая должна быть открыта и прочтена завтра.

— Духовной! съ изумленіемъ повторила пожилая дама.

— Нашего дяди, доктора Гарвера.

— А! вы родственники доктора, вскричалъ Росманъ, смотря на молодаго человѣка; какъ я радъ случаю, познакомившему насъ... я былъ старый товарищъ и лучшій другъ доктора.

Это случайное открытіе послужило поводомъ къ разговорамъ о покойникѣ. Мюльценъ никогда не видалъ его, но ощущалъ къ нему ту почтительную привязанность, которая какъ бы инстинктивно существуетъ между незнакомыми даже членами одной семьи. Онъ долго разговаривалъ о докторѣ, съ участіемъ слушалъ разсказы о жизни, о послѣднихъ минутахъ его; наконецъ, послѣ одной изъ тѣхъ бесѣдъ, въ которыя человѣкъ невольно высказываетъ всю свою душу, онъ ушелъ въ назначенную ему комнату, въ восторгѣ отъ гостепріимныхъ хозяевъ, которые также остались весьма довольны имъ.

Усталость доставила ему спокойный, крѣпкій сонъ, и когда онъ проснулся, то уже было поздно. Онъ скоро одѣлся, чтобы идти за двоюроднымъ братомъ, вмѣстѣ съ которымъ долженъ былъ отправиться къ нотаріусу; но войдя въ залу, засталъ тамъ послѣдняго вмѣстѣ съ г. Росманомъ и Генрихомъ, котораго хозяинъ пригласилъ къ себѣ. Вскорѣ пришла и пожилая дама съ Луизой. Когда всѣ собрались, Росманъ обратился къ молодымъ людямъ и сказалъ имъ улыбаясь:

— Всѣ мы принимаемъ одинакое участіе въ дѣлѣ, которое привело въ Кейзерсбергъ и васъ, господа; потому что невѣстка моя, госпожа Шарлотта Ревель и племянница ея, Луиза Арманъ, которой я имѣю удовольствіе быть опекуномъ, также пріѣхали сюда, чтобы присутствовать при открытіи духовной доктора Гарвера.

Молодые люди вѣжливо поклонились дамамъ.

— Я разсудилъ, продолжалъ Росманъ, что открытіе духовной могло быть совершено у меня, такъ какъ случай привелъ сюда всѣхъ особъ, принимающихъ въ этомъ дѣлѣ участіе.

Генрихъ утвердительно кивнулъ головой.

Всѣ сѣли; нотаріусъ готовился уже разломать печать, но вдругъ остановился.

— Духовная эта написана давно, сказалъ онъ, и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, г. Гарверъ нѣсколько разъ изъявилъ желаніе уничтожить ее, чтобы каждому изъ наслѣдниковъ досталась законная часть. Только неожиданная, скоропостижная смерть его была причиной тому, что онъ не исполнилъ своего намѣренія. Я счелъ долгомъ объявить вамъ это обстоятельство, чтобы оно не осталось у меня на совѣсти; теперь же спрашиваю всѣхъ присутствующихъ, не должно ли исполнить намѣреніе доктора и съ общаго согласія уничтожить эту духовную, прежде, нежели кто либо узнаетъ ея содержаніе.

За этимъ неожиданнымъ предложеніемъ послѣдовало минутное молчаніе. Мюльценъ первый заговорилъ.

— Что касается до меня, произнесъ онъ со скромностію, то не имѣя никакихъ причинъ надѣяться, что покойникъ могъ быть особенно благосклоненъ ко мнѣ, — я даже не имѣю права подавать въ этомъ случаѣ голосъ, хотя, конечно, первый согласился бъ на предложеніе господина нотаріуса.

— И я не имѣю причины отвергать этого предложенія, сказала пожилая дама.

— А я, какъ опекунъ Луизы, соглашаюсь за нее, прибавилъ Росманъ.

— Жду отъ васъ отвѣта, сказалъ нотаріусъ, обратившись къ Генриху.

Послѣдній колебался.

— Конечно, сказалъ онъ, и я не имѣю никакой причины надѣяться особой благосклонности отъ покойника; но по этому самому я не могу, и не долженъ согласиться. Каковы бы ни были распоряженія доктора, они одни должны быть намъ закономъ; уничтожить духовную значитъ посягнуть вмѣстѣ и на права покойника, и на права неизвѣстнаго наслѣдника.

— Слѣдовательно нечего и говорить, возразилъ нотаріусъ; только общее согласіе могло повесть къ исполненію моего предложенія; пусть каждый сохранитъ свои права... извольте жъ прислушать.

Съ этими словами онъ разломалъ печать, вынулъ изъ конверта духовную и сталъ читать:

«Изъ четырехъ законныхъ моихъ наслѣдниковъ я знаю только двухъ: сестру мою Шарлотту Ревель и племянницу Луизу Арманъ; но давно уже онѣ обѣ живутъ вмѣстѣ; Шарлотта любитъ Луизу какъ родную дочь; Луиза душой привязана къ своей теткѣ. Слѣдовательно, у меня, по настоящему, только одна наслѣдница. Первою моею мыслію было, оставить ей все мое имущество; но между племянниками моими также можетъ быть одинъ, достойный моей любви и моего участія: остается только узнать, который изъ нихъ достойнѣе.»

«Не имѣя возможности это исполнить, и зная понятливость и умъ моей племянницы, предоставляю это на ея благоусмотрѣніе, и объявляю того своимъ полнымъ и совершеннымъ наслѣдникомъ, кого она выберетъ себѣ въ мужья.»

«Гарверъ.»

Наступило продолжительное молчаніе. Молодые люди были смущены, а Луиза не смѣла поднять глазъ.

— Нечего сказать! вскричала госпожа Ревель; трудную задачу задалъ докторъ моей племянницѣ.

— Менѣе трудную, нежели вы полагаете, сказалъ Росманъ, улыбаясь. Я давно уже зналъ содержаніе духовной Гарвера, и потому собралъ всевозможныя свѣдѣнія о молодыхъ людяхъ; изъ всего, что я узналъ, я заключаю, что Луизѣ нечего страшиться въ будущемъ, на котораго изъ двухъ не палъ бы выборъ ея.

— Въ такомъ случаѣ — рѣшайте, сударыня, сказалъ, смѣясь, нотаріусъ. Опекунъ вашъ ручается за обоихъ, слѣдовательно вамъ остается только послѣдовать собственному вдохновенію...

— Пусть рѣшаетъ тетушка, проговорила молодая дѣвушка, покраснѣвъ и бросившись въ объятія госпожи Ревель.

— Я!... вскричала послѣдняя, смутившись: — другъ мой, это дѣло чрезвычайно... затруднительное... и право, я не знаю...

Когда она произносила эти слова, взоръ ея остановился на Мюльценѣ. Генрихъ замѣтилъ это.

— А! вы рѣшили мою участь, вскричалъ онъ съ живостью; я безпрекословно повинуюсь вашему рѣшенію.

Потомъ, взявъ за руку Жозефа, онъ подвелъ его къ молодой дѣвушкѣ и сказалъ:

— Выборъ вашей тетушки прекрасенъ... я не стою Жозефа; онъ лучше меня.

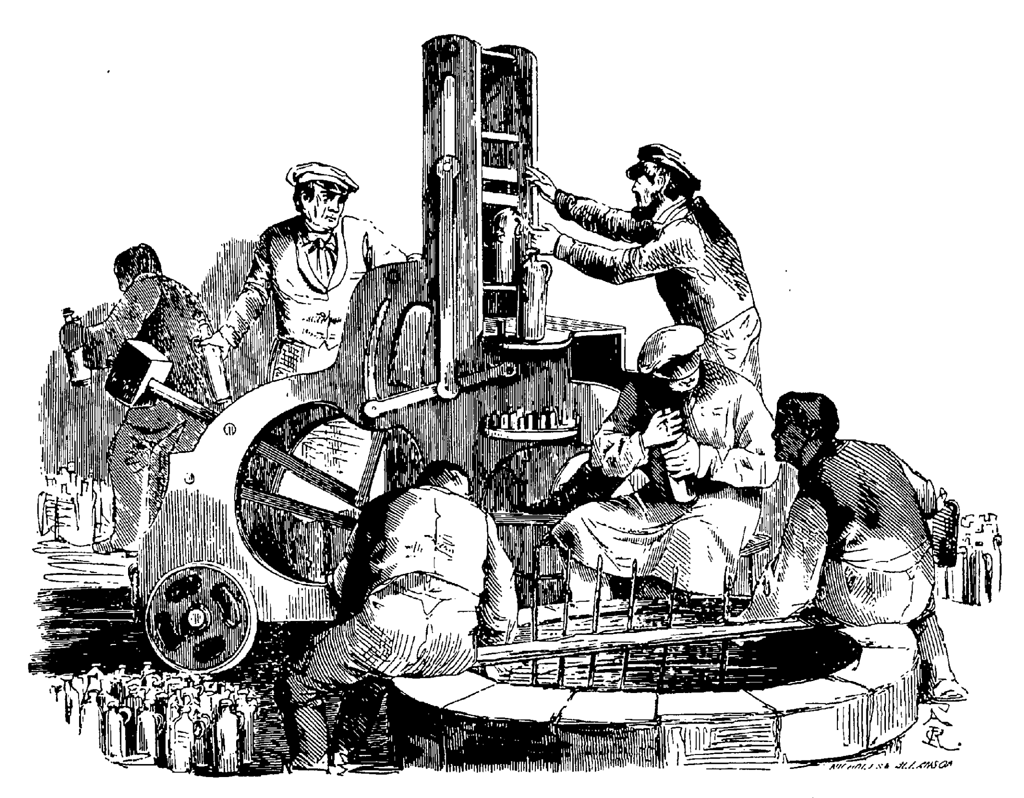
— Теперешній вашъ поступокъ доказываетъ противное, сказала растроганная тетушка; но мы уже нѣсколько знакомы съ господиномъ Мюльценомъ; при томъ же... сказать ли вамъ правду?

— Говорите, говорите! съ живостію произнесъ Фортенъ.

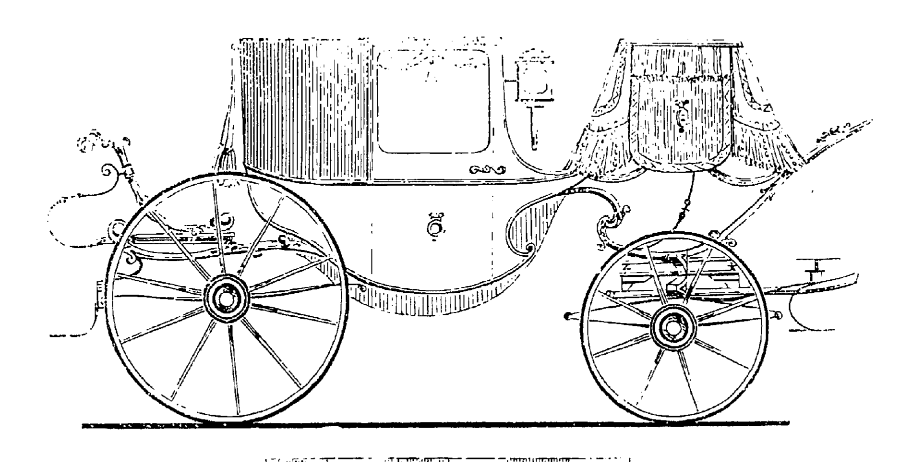
— Его девизъ успокоиваетъ, между тѣмъ какъ вашъ, пугаетъ меня; онъ снисходителенъ — вы справедливы. Увы! справедливостью могутъ довольствоваться одни ангелы; людямъ же нужно милосердіе.

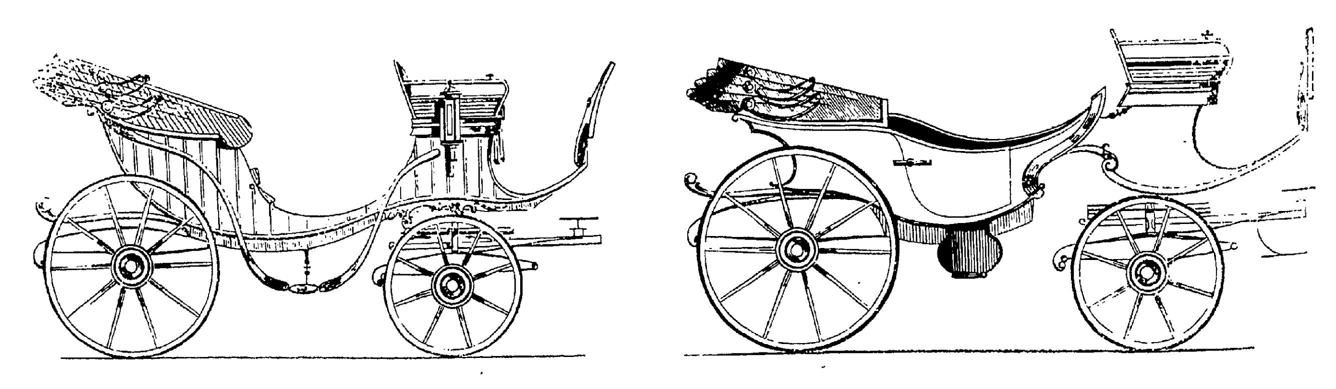
— Вы, быть можетъ, правы, сударыня, произнесъ Генрихъ съ грустью; со вчерашняго дня я испыталъ столько непріятностей... пускай же онѣ послужатъ мнѣ урокомъ. Изъ строгаго защищенія правъ своихъ я не извлекъ до сихъ поръ ничего, кромѣ непріятностей; снисходительность же и кротость моего двоюроднаго брата послужили ему въ пользу. Жозефъ правъ: девизъ его лучше моего, потому что онъ ближе подходитъ къ заповѣдямъ Всевышняго. Господь не сказалъ: *защищай свои права*, но: *люби ближняго какъ самого себя.*

П. Ф.



Минеральныя воды у насъ начинаютъ пить съ Іюня мѣсяца; раньше объ этомъ и подумать нельзя. Многіе придерживаются искуственныхъ, многіе натуральныхъ. Первыя — особая статья; вторыя приходятъ къ намъ въ кувшинахъ изъ матеріяла, который защищаетъ ихъ и отъ внѣшняго воздуха и отъ вліянія свѣта. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобы сохранить благодѣтельные гасы, въ коихъ можетъ быть содержится большая часть цѣлебной силы. Обыкновенная купорка весьма медленна. Нѣмцы и противу этого ухитрились и изобрѣли машину, которую и предлагаемъ на разсмотрѣніе благосклонному читателю.





Экипажи составляютъ теперь одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ роскоши. Было время, когда въ экипажахъ обращали вниманіе только на красоту, не заботясь объ удобствахъ. Еще прежде ѣздили въ ужасныхъ ковчегахъ, покойныхъ, помѣстительныхъ, не думая объ ихъ наружной прелести. Теперь красота и удобства умѣли какъ то согласиться и мы считаемъ обязанностію представить образцы послѣднихъ экипажей, изготовляемыхъ на фабрикѣ братьевъ Іохима; этотъ домъ такъ давно славится лучшими экипажами; для него не было еще печальнаго періода. Онъ постоянно находится въ цвѣтущемъ положеніи. Экипажи, которые видите, имѣютъ то преимущество, что они гораздо легче, и въ полномъ смыслѣ безопаснѣе прежнихъ. — Улучшенія по этой части считаемъ общеполезными и потому извѣстія объ нихъ всегда найдутъ мѣсто въ Иллюстраціи.

ПОДДѢЛКА ВИНЪ И КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ.

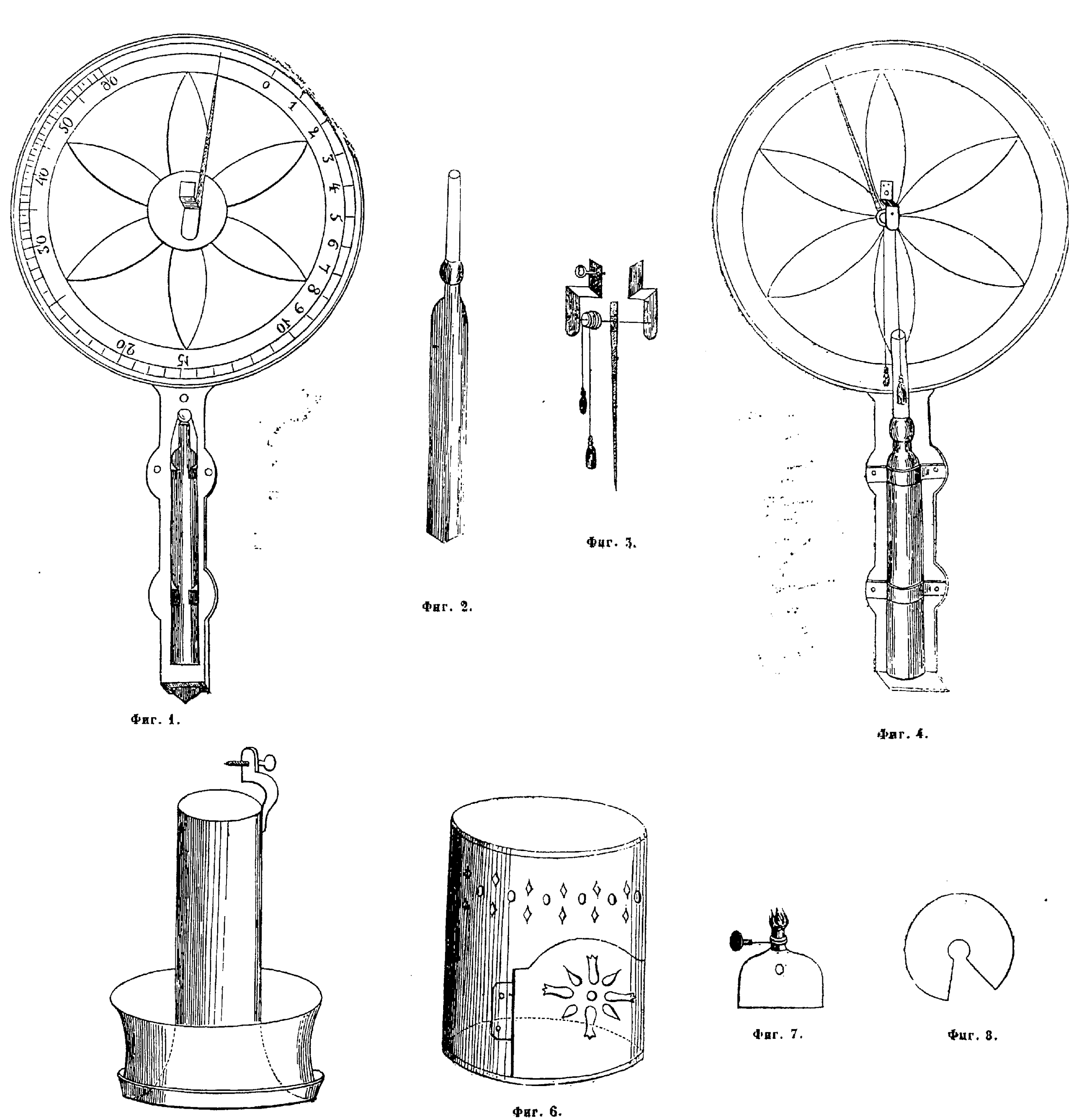
Алкоометръ Г. Броссаръ-Видаля.

«Поддѣлка винъ, сказано въ одномъ специальномъ французскомъ журналѣ, начинается на самомъ мѣстѣ производства ихъ, если не производителями, то негоціантами, закупающими огромное количество винъ. Они разбавляютъ высшіе сорты низшими, чтобы получить большій барышъ. Купцы, покупающіе у негоціантовъ, вторично поддѣлываютъ вина, сбывая ихъ торговцамъ, имѣющимъ погреба на мѣстѣ потребленія, откуда они переходятъ къ мелочнымъ продавцамъ и въ трактиры, еще болѣе поддѣланныя, наконецъ, отъ мелочныхъ продавцевъ и изъ трактировъ, потребители получаютъ напитки, неимѣющіе почти ничего общаго *съ настоящимъ*, не поддѣланнымъ виномъ. Такимъ образомъ, вино, удаляясь отъ производителя, увеличивается въ количествѣ, уменьшается въ цѣнѣ и портится въ качествѣ. Самое маловажное и простительное злоупотребленіе состоитъ въ разбавленіи высшихъ сортовъ винъ низшими или водой; гораздо важнѣе то, что такимъ образомъ поддѣланныя вина подкрашиваютъ, усиливаютъ алкоолемъ или спиртомъ и примѣшиваютъ пряности, придающія имъ то, что потребители преважно называютъ *букетомъ*.»

Но все это еще ничто въ сравненіи съ обманомъ, помощію котораго нѣкоторые виноторговцы потчуютъ потребителей дешевой смѣсью воды, кампешеваго дерева и алкооля.

Во Франціи теперь обращено особое вниманіе на средства къ прекращенію этого злоупотребленія. Результатомъ довольно продолжительныхъ и жаркихъ преній, были слѣдующія постановленія:

Виноторговцамъ настрожайше запрещено имѣть въ своихъ погребахъ испорченныя, разбавленныя или поддѣланныя вина; если жъ у кого найдется вино, разбавленное вредными для здоровья веществами, то того осуждать на уплату пени отъ 200 до 2000 франковъ и на заключеніе въ тюрьму; кратчайшій срокъ заключенія два мѣсяца, продолжительнѣйшій — два года; еслижъ разбавленное вино не содержитъ вредныхъ частицъ, то штрафъ назначается отъ 150-1500 франковъ, а заключеніе—отъ 6 дней до мѣсяца. Что же касается



Фиг. 1. Фиг. 2. Фиг. 3. Фиг. 4. Фиг. 5. Фиг. 6. Фиг. 7. Фиг. 8.

до подбавки въ вино извѣстнаго умѣреннаго количества алкооля, для лучшаго сбереженія его, или для отправки за границу, то это позволяется, только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но главное затрудненіе въ этомъ обстоятельствѣ состоитъ въ скорыхъ и вѣрныхъ средствахъ къ открытію количества алкооля, содержащагося въ жидкости. Для этого изобрѣтены уже различные приборы, основанные на томъ правилѣ, что всякое тѣло, опущенное въ жидкость, погружается въ нее тѣмъ менѣе, чѣмъ она гуще, и обратно. Изъ всѣхъ алкоометровъ, основанныхъ на этомъ правилѣ, лучшій Ге-Люссака. Масштабъ его самый совершенный, ибо простирается отъ сотой доли градуса—minimum алкоолической содержимости въ жидкости,—до 952 тысячныхъ долей градуса—maximum алкоолической содержимости въ жидкости. Ге-Люссакъ замѣтилъ, что жидкости подвержены разжиженію и сгущенію въ слѣдствіе термометрическаго вліянія атмосферы, и составилъ съ г. Коллардо таблицы, для повѣрки невѣрностей, причиненныхъ разжиженіемъ жидкостей. Основаніемъ инструмента Ге-Люссака служитъ тотъ фактъ, что такъ какъ алкооль легче вина, то, чѣмъ болѣе въ винѣ алкооля, тѣмъ слабѣе будетъ относительный вѣсъ его. При употребленіи инструмента въ дѣло, должно опустить его въ жидкость, замѣтить ватерлинію его и градусъ термометра, также опущеннаго въ жидкость, потомъ справляться съ таблицей и, такимъ образомъ, опредѣлять градусъ относительнаго вѣса жидкости. Далѣе мы увидимъ, что этотъ способъ не совсѣмъ вѣренъ.

Недостатки, приписываемые алкоометру Ге-Люссака, двоякаго рода: первые состоятъ въ затруднительности наблюденія; вторые въ томъ, что онъ показываетъ только относительный вѣсъ жидкости.

Представимъ себѣ инструментъ въ совершенно чистомъ состояніи; жидкость подымется вокругъ трубочки и обозначитъ на масштабѣ (градусникѣ) относительный вѣсъ меньше настоящаго вѣса. Натрите трубочку жирнымъ веществомъ и опустите ее въ ту же жидкость, которая не будетъ уже мочить ее, и найдете, что ватерлинія будетъ подъ настоящей поверхностью: такимъ образомъ та же жидкость покажетъ два различныхъ относительныхъ вѣса. Первый источникъ ошибокъ; второй же еще значительнѣе: онъ состоитъ въ томъ, что, распустивъ въ жидкости самое малое количество сахару или сыропу, можно сгустить ее, не убавивъ, однакожъ, нисколько алкоолической содержимости ея. Инструметъ Ге-Люссака дастъ вѣрное показаніе касательно относительнаго вѣса жидкости, но ошибочное, касательно алкоолической содержимости ея.

Г. Броссаръ-Видаль оказалъ великую услугу, какъ производителямъ, такъ и потребителямъ, изобрѣтеніемъ новаго инструмента, годнаго даже для людей, неимѣющихъ никакихъ познаній въ химіи и физикѣ. Мы не будемъ говорить о теоріи, на которой основанъ новый алкоометръ, а только о приложеніи его къ дѣлу и о замѣчательныхъ результатахъ, полученныхъ изобрѣтателемъ.

Представляемъ, во первыхъ, подробное описаніе инструмента.

Фиг. 1 представляетъ алкоометръ съ цыферблатомъ, стклянкой со ртутью и всѣми частями, способствующими обращенію стрѣлки, служащей къ означенію алкоолической содержимости повѣряемой жидкости.

Фиг. 2, представляетъ стклянку со ртутью или термометръ.

Фиг. 3, устройство блоковъ съ двумя маленькими гирями, подобными гирямъ барометра съ цыферблатомъ.

Фиг. 4, другая сторона алкоометра, на которой видно, какъ дѣйствуютъ гирьки.

Фиг. 5, изображаетъ сосудъ, въ который погружается алкоометръ: въ этотъ сосудъ наливаютъ испытываемую жидкость.

Фиг. 6, жаровня, на которую ставится сосудъ.

Фиг. 7, маленькая спиртовая лампа, которую ставятъ въ жаровню.

Фиг. 8, заслонка, которою накрывается сосудъ, когда въ него погружаютъ алкоометръ. Заслонка не допускаетъ алкоолю испаряться, между тѣмъ какъ чрезъ вырѣзку ея свободно проходитъ атмосферическій воздухъ.

Для повѣрки жидкости, ее нагрѣваютъ въ сосудѣ, куда опущенъ алкоометръ; теплота способствуетъ расширенію ртути, которая, возвышаясь, подымаетъ и тяжесть, лежащую на ней. Когда жидкость закипитъ, ртуть перестаетъ подыматься, стрѣлка останавливается и градусъ, на которомъ она остановится, служитъ опредѣленіемъ алкоолической содержимости жидкости.

Г. Броссаръ-Видаль производилъ, въ присутствіи назначенной для того коммиссіи, 13 ноября 1844 года, сравнительные опыты между своимъ алкоометромъ и инструментомъ Ге-Люссака. Изъ рапорта, представленнаго этой коммиссіей, явствуетъ, что всѣ преимущества находятся на сторонѣ алкоометра г. Видаля. Такъ, напримѣръ, спиртъ въ 85 градусовъ, разбавили одинакимъ количествомъ воды; ясно, что алкоометръ долженъ былъ показать 42°50; между тѣмъ алкоометръ Ге-Люссака показалъ 41°50, а Видаля 42°; послѣдняя разница такъ маловажна, что должно полагать, что она произошла отъ незначительной и неизбѣжной разницы при смѣшеніи спирта съ водой. Въ нѣкоторыхъ винахъ, которыя по алкоометру Ге-Люссака не содержатъ алкооля, Г. Видаль открылъ его. Такъ бургонское вино содержитъ 6°50, бордоское 9°, а ромъ отъ 52° до 53°.

Замѣчательное преимущество этого инструмента еще то, что съ помощію его можно узнать количество соли или сахару, входящее въ составъ винъ или крѣпкихъ напитковъ.

Кромѣ того, г. Броссаръ-Видаль чрезъ сравнительные опыты достигъ весьма важнаго результата, а именно: опредѣленія во сколько увеличивается объемъ жидкости чрезъ примѣсь сахара.

—

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Окрестности Петербурга болѣе и болѣе населяются; Петербургъ болѣе и болѣе пустѣетъ. Нѣсколько почти пустыхъ пароходовъ пристало уже къ Англійской-Набережнѣ; нѣсколько биткомъ набитыхъ пароходовъ отправилось уже отъ береговъ Невы въ море. Счастливый путь! Отправляйтесь, господа, за границу, мотайте тамъ безъ толку денежки, и будьте увѣрены, что тотъ же Французъ, который такъ низко кланяется предъ туго набитымъ вашимъ кошелькомъ и безпрестанно твердитъ вамъ monseigneur и excellence, первый же будетъ смѣяться надъ вами и вашимъ пустымъ ничтожнымъ тщеславіемъ, лишь только вы уѣдете отъ него. Изъ всѣхъ путешественниковъ болѣе всего славятся во всей Европѣ, Англичане и Русскіе. Первые своею оригинальностію, эксентричествомъ и презрѣніемъ ко всему иностранному. Англичанинъ патріотъ за границей, онъ ни за что и ни съ кѣмъ не согласится, чтобы что нибудь могло быть лучше того, что у него дома, на своемъ родномъ островѣ, а между тѣмъ Англія и въ самомъ дѣлѣ невелика, туманна, однообразна и маложивописна. Русскій же, патріотъ—только здѣсь, въ Россіи, и то не всегда;—за границей же, къ стыду своему, онъ отличается презрѣніемъ ко всему своему, родному; онъ унижаетъ все свое, но въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда либо, *униженіе паче гордости;* Русскій унижаетъ себя болѣе потому, чтобы выставить самого себя, какъ исключеніе изъ общаго правила, потому что онъ твердо убѣжденъ въ *европеизмѣ* своихъ идей и своего образованія, которое—увы!—часто состоитъ только въ посредственномъ знаніи французскаго языка. Между тѣмъ Россія и велика, и разнообразна и прекрасна. Такова большая часть нашихъ путешественниковъ за границу. За то, съ какимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы иногда людей заслуженныхъ, въ постоянномъ трудѣ и полезной дѣятельности проведшихъ часть своей жизни, отправляющихся за границу для того, чтобы отдохнуть, чтобы познакомиться съ Европой и, собравшись съ новыми силами, возвратиться на прежнее поприще дѣятельности, на время оставленное.

Еслибъ не тщеславіе влекло первыхъ, описанныхъ нами путешественниковъ, за границу, а одно желаніе развлеченія, перемѣны воздуха, то и въ самой Россіи они нашли бы много средствъ къ тому и, вѣроятно, истративъ половину того, что они тратятъ за границей, оставили бъ по себѣ добрую славу, между тѣмъ какъ въ любимой ихъ Европѣ они, большею частію, служатъ—грустно вымолвить—посмѣшищемъ. Не удаляясь слишкомъ отъ Петербурга, мы можемъ найдти мѣста, гдѣ и воздухъ здоровый, и общество пріятное, и воды, и море, и скалы, и все, чтовамъ угодно. Не уѣзжайте за границу, тратьте—если ужъ у васъ есть страсть мотать деньги, тратьте ихъ въ Гельсингфорсѣ, въ Ревелѣ, въ Старой Руссѣ, въ Ригѣ, въ Нарвѣ, въ Одессѣ, на Кавказѣ, и вы будете обогощать родныя страны, вы будете дѣлать добро землякамъ, соотечественникамъ... то-то и бѣда, что у этихъ соотечественниковъ нѣтъ ни журнала des Débats, ни какой нибудь Аугсбургской Газеты, которая прославитъ вашу щедрость, вашу magnificence! O, vanitas!...

Не смотря на пренебреженіе тѣхъ, на которыхъ лежитъ обязанность поддерживать все родное, наши *воды*, приморскіе, и вокругъ столицы лежащіе города имѣютъ таки благоразумныхъ посѣтителей, поддерживающихъ и украшающихъ ихъ своимъ присутствіемъ. Люди умные и предпріимчивые заботятся постоянно объ облегченіи сообщеній и доставленіи разнообразнѣйшихъ удовольствій. Посѣтители Ревеля и Гапсаля, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочли въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе объ составившемся въ Ревелѣ обществѣ, изъ тамошнихъ дворянъ, для содержанія въ Гапсалѣ, Зеленколѣ, Падисѣ и Кегелѣ особенныхъ лошадей для путешественниковъ, съ платою по три копѣйки серебромъ съ лошади, за версту. Кромѣ того объявляютъ еще, что между Ревелемъ и Гапсалемъ будетъ устроенъ *дилижансъ*, который будетъ ходить два раза въ недѣлю туда и обратно.

Кто не видалъ прошлаго года на Невѣ, близъ Смольнаго Монастыря, красиваго, хотя и не очень большаго парохода: *Комета?* Этотъ пароходъ, устроенный правленіемъ Невскаго Пароходства, будетъ и въ нынѣшнемъ году совершать постоянные рейсы между Петербургомъ и Шлюссельбургомъ,

на прежнемъ основаніи, а именно: отходить въ 9 часовъ утра, а возвращаться изъ Шлюссельбурга въ 6 часовъ вечера. Первыя мѣста стоятъ 1 р. 50 к. серебр.; вторыя 1 рубль, а третьи 50 к. серебромъ.

Другой пароходъ, *Курьеръ*, принадлежащій правленію Балтійскаго Пароходства, будетъ отправляться ежедневно отъ Англійской-Набережни въ Петергофъ въ 6 часовъ вечера, и обратно въ 9¼ часовъ вечера.

Упомянувъ въ прошедшемъ нумерѣ о заведеніи минеральныхъ водъ на гласисѣ Петропавловской-Крѣпости, мы забыли прибавить, что съ 15-го мая открыто *Водолечебное-Заведеніе* доктора Реймера, на Невѣ, противъ Лѣтняго-Сада.

Заведеніе минеральныхъ водъ, въ Новой Деревни также открыто. *Полюстровское* же заведеніе будетъ открыто 1-го іюня. Впрочемъ, не смотря ни на холодъ, ни на сильный вѣтеръ, близъ Полюстрова, а именно въ саду Графа Кушелева-Безбородко, въ прошлое воскресенье, было чрезвычайно много народа. И не удивительно! Тамъ игралъ оркестръ стараго любимца всѣхъ петербургскихъ жителей. Судя по первому воскресенью, и въ такое время, когда за-городомъ еще порядочно холодно, можно быть увѣрену, что у Германа недостатка въ слушателяхъ не будетъ. Садъ графа Кушелева Безбородко въ настоящее время одна изъ самыхъ пріятныхъ и оживленныхъ окрестностей столицы. Германъ принимаетъ на свои ежедневные концерты слѣдующую подписку: Билетъ на *одного слушателя* 8 рубл. серебромъ; на *двухъ*, 15 руб. сер.; на *трехъ* 20 руб. сер.; на *четверыхъ* 24 руб. сер. на *пятерыхъ* 27 руб. сер. на *шестерыхъ* 28 руб. 58 коп. серебромъ; не подписавшіеся же на все лѣто платятъ за входъ по 30 коп. серебромъ. Въ будни концерты будутъ начинаться въ 7 и продолжаться до 10 часовъ вечера; въ праздничные же и воскресные дни отъ 6 до 11 часовъ вечера. Билеты на абонементъ можно получать въ кондитерской Излера, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Армянской Церкви и въ Большой-Морской, въ музыкальномъ магазинѣ Гольца.

Для любителей Крестовскаго-Острова представляются другаго рода удовольствія, а именно: переселеніе туда панорамы Іерусалима и проч., находившейся у Александринскаго Театра, возлѣ кита. Панорама на Крестовскомъ находится возлѣ русскаго трактира.

Кромѣ того, на Крестовскомъ же островѣ будутъ происходить и уже происходили, предъ русскимъ же трактиромъ, нѣмецкія представленія на канатѣ, восхожденія и другія штуки, въ сопровожденіи оркестра музыкантовъ.

Впрочемъ, вечера еще такъ сыры и холодны, что ихъ безъ сожалѣнія можно проводить въ кругу добрыхъ пріятелей за двойными рамами, или въ театрѣ, а потому совѣтуемъ читателямъ зайдти въ Михайловскій Театръ и посмотрѣть Кунста, портретъ котораго былъ приложенъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Иллюстраціи. Кунстъ актеръ замѣчательный, и если бы онъ поменѣе становился на ходули, по менѣе декламировалъ бы на распѣвъ, словомъ, былъ бы понатуральнѣе, то могъ бы даже назваться рѣдкимъ артистомъ, особенно посреди нашей бѣдной нѣмецкой труппы, гдѣ назовемъ Мора, Голланда, Шварца, Видемана, мадамъ Альбрехтъ, Ферзингъ и — кого еще?.. Кунстъ былъ недуренъ во многихъ роляхъ, какъ то въ *Разбойникахъ* Шиллера, въ *Коварство и Любовь*, гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, человѣко-ненавистникъ является въ коротенькомъ сюртукѣ, съ красиво-повязаннымъ галстукомъ и въ лакированныхъ сапогахъ. По одному этому костюму никто не принимаетъ въ немъ участія. Эта роль одна изъ тѣхъ, въ которыхъ неподражаемъ Мочаловъ... но много ли такихъ актеровъ — не на Руси, а въ цѣломъ свѣтѣ? Особенно хорошъ былъ Кунстъ въ знаменитой пьесѣ Гуцкова: Zopf und Schwert, — *Коса и мечь*. Главное дѣйствующее лицо этой пьесы прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Картина двора того времени, привычки и занятія стараго Короля, его образъ жизни, строгость, съ которою онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, его прямодушіе, все это начертано въ этой комедіи кистью смѣлой, мастерской. На всѣхъ театрахъ Германіи эта пьеса была играна, и вездѣ имѣла огромный, рѣдкій успѣхъ. Гуцковъ, въ настоящее время, одинъ изъ лучшихъ, если не лучшій нѣмецкій драматическій писатель. Описывать сюжета этой пьесы нельзя, потому что въ ней, по настоящему, сюжета и нѣтъ, а однѣ сцены, составляющія картину, удивительно вѣрную и съ умомъ написанную, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Кунстъ въ роли короля очень хорошъ.

Еще стоитъ зайдти въ Камеръ-Обскуру, находящуюся у Исакіевскаго Моста; тамъ же съ васъ снимутъ, если угодно, дагерротипный портретъ.

Авось погода установится и можно будетъ, не подвергаясь опасности внезапнаго холода или сѣверныхъ вѣтровъ, перебраться на дачу... Кажется пора! а не то, не успѣешь оглянуться, какъ и осень наступитъ... Желаемъ и надѣемся, что слѣдующій нумеръ Иллюстраціи, вы, читатель, будете разсматривать и читать на чистомъ воздухѣ, гдѣ нибудь подъ развѣсистой березой, темно-синей сосной, или на берегу рѣчки, отѣненной ивами...

—

РУССКІЯ КАРТИНЫ.

I.

Зимней ночью въ избушкѣ лучина горитъ,
Да жена молодая за пряжей сидитъ;
Запоетъ ли она, — словно плачетъ о чемъ...
И вдругъ смолкнетъ, сидитъ, подпершись кулакомъ.
А все спитъ, только вьюга шумитъ на дворѣ,
Да лучина трещитъ, да пѣтухъ запоетъ на зарѣ,
Да мальчишки на печкѣ храпятъ, да сверчокъ
Неуймется. — О чемъ ты грустишъ? — Али старшій сынокъ
Твой на службу пошелъ, — аль работа трудна, —
Али мачиха зла, аль изба холодна?...
А вотъ, къ утру пріѣдетъ, браниться начнетъ
Мужъ лихой; — гдѣ гулялъ онъ всю ночь напролетъ —
И спросить не посмѣешь!.. И тихо опять
Запоетъ она; словъ невозможно понять,
Только тянутся звуки. — И дастъ она волю слезамъ,
И глаза поведетъ въ уголокъ къ образамъ...

А. Пальма.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Мы нашли въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ замѣчанія, которыя въ настоящее время такъ кстати, что мы спѣшимъ сообщать ихъ и нашимъ читателямъ:

«Многія извѣстія въ разныхъ журналахъ упоминаютъ о несчастныхъ случаяхъ укушенія бѣшеными волками и собаками; но молчатъ о средствахъ къ излеченію. Зная одно изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ, поставляю себѣ въ обязанность сдѣлать о томъ извѣстнымъ.

Знакомый мнѣ докторъ, чрезвычайныхъ дарованій и знанія своего дѣла, разсказывалъ мнѣ, что комнатная собачка, любимица его супруги, стала оказывать признаки бѣшенства, и когда эти признаки сдѣлались явны, то докторъ хотѣлъ ее взять осторожно и запереть, но больное животное укусило его за руку. Въ испугѣ побѣжалъ онъ съ нею, и не успѣлъ выговорить, какъ была уже укушена и его супруга, встрѣтившаяся ему на дорогѣ. Запертая собачка съ пищею и питьемъ околѣла въ бѣшенствѣ чрезъ двое сутокъ.

Средства медицины многочисленны, но докторъ зналъ ихъ ненадежность, и потому послалъ за сосѣднимъ крестьяниномъ, который всегда лечилъ, какъ говорится, на-вѣрное, и не было примѣра, чтобы при его леченіи кто-либо умеръ отъ водобоязни и бѣшенства.

Неученый врачь принесъ тутъ-же изъ оврага какого-то свѣжаго корня, и давая обоимъ укушеннымъ, сказалъ, чтобы они три утра принимали его искрошеннымъ съ чайную ложку количествомъ. Прошло 12 лѣтъ и докторъ съ супругою не имѣли никакихъ послѣдствій отъ укушенія бѣшеной собаки.

Когда крестьянинъ, по просьбѣ доктора, показалъ ему и самое растеніе, то паціентъ его тутъ-же увидѣлъ, что это Spirea ulmaria, но народному названію Раповникъ, или Храповникъ, и еще называется дикою бузиною.

Въ истекшія до сего 12 лѣтъ докторъ лечилъ многихъ укушенныхъ этимъ средствомъ, сообщалъ о томъ другимъ и всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что укушенные выздоравливали безъ малѣйшихъ припадковъ. Надобно знать, что коренья Spirea ulmaria, лѣтомъ и зимой должны быть употребляемы свѣжіе, только что изъ земли вырытые, для этого на зиму дѣлаются замѣтки, чтобы въ случаѣ надобности тотчасъ можно было отыскать.

Имѣвъ сію траву у себя въ саду, присланную отъ доктора ко мнѣ, изъ его подмосковной въ Верейскомъ уѣздѣ, я лишился ее отъ засухи, лѣтъ 6-ть тому назадъ, и могу описать признаки: растетъ она кустомъ, вышиною отъ ¾ до 1½ аршина, стебли безъ сучьевъ, прямо отъ корня, листья тройные, продолговатые, подобно шиповнику, или рочанамъ, сидящіе на стеблѣ отдѣльно, и съ продольными по листу жолобками, какъ на листьяхъ картофеля, или вяза; цвѣтокъ блѣдно-лиловый, подобный рябиновому, но некруглымъ пучкомъ, а продолговатымъ, и въ своихъ цвѣтныхъ лепесткахъ раздѣленъ гораздо-мельче, представляя собою, по мелкости цвѣточковъ, какъ-бы пухъ одуванчика, запахъ какой-то особенный, медовый, очень-похожій на цвѣтъ и запахъ растенія Olea fragrans.

«Земледѣльческая Газета», въ 13 нумерѣ 1839 года, также упоминаетъ объ одномъ растеніи отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ, называя его въ примѣчаніи Inula hypericixolia.

Не могу промолчать, что было напечатано когда-то въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о употребленіи въ Парижѣ русскихъ бань для излеченія отъ водобоязни и бѣшенства. — Имѣю надежду, что докторъ издастъ брошюру, съ приложеніемъ рисунка дикой бузины, ибо одни названія не вполнѣ объясняютъ сущность дѣла, особенно когда одно и тоже растеніе въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ совершенно-другія названія; но рисунокъ, вѣрносоставленный и хорошо-раскрашенный, дастъ точное понятіе, и по немъ можно будетъ безошибочно отыскивать и употребить это растеніе съ пользою.

Кол. Ассес. Ал. Шибаевъ.

—

СРЕДСТВО ОТЪ КОМАРОВЪ.

Кому не случалось испытать, какъ несносны бываютъ комары въ жаркіе лѣтніе дни и особенно ночи? Что можетъ быть ужаснѣе писка, не дающаго вамъ уснуть, заставляющаго васъ промучиться цѣлую ночь и наконецъ, побивъ нѣсколько непріятелей, встать по утру съ красными шишками на лицѣ и на рукахъ? Кому не случалось переносить муки, едва ли не равной страданіямъ Спартанца, укравшаго лисицу, когда разговаривая съ дамами или такими особами, при которыхъ неблагопристойно почесаться, гдѣ нибудь на рукѣ или на ногѣ, вы чувствовали углубленіе жала маленькаго животнаго въ ранѣ, нанесенной вамъ? Старое, испытанное, но непродолжительное средство есть, какъ всѣмъ извѣстно, табачный

дымъ; но есть, какъ говорятъ, средство болѣе дѣйствительное. Оно состоитъ въ слѣдующемъ :

Должно взять два лота квассіи (Quassia), т. е. опилковъ этого дерева, вскипятить ихъ съ половинною мѣрою воды и, наполнивъ этою жидкостію скляночку, которую весьма-удобно можно взять въ карманъ, — будучи въ лѣсу, обмывать оною лицо и руки.

—

СРЕДСТВО УНИЧТОЖАТЬ КОМНАТНЫХЪ МУРАВЬЕВЪ.

Есть родъ мелкихъ муравьевъ, заводящихся въ помѣщеніяхъ, гдѣ наиболѣе сохраняются съѣстные припасы. Для истребленія ихъ испытано вѣрное средство. Шкафъ, сундукъ и вообще мѣсто, гдѣ лежатъ припасы, тщательно вымываютъ горячею водою, нѣсколько просушиваютъ и потомъ окуриваютъ сѣрою; наполнивъ дымомъ, запираютъ дверцы, завѣсивъ первоначально холстиною или сукномъ всѣ щелки, куда бы дымъ могъ выйти. Это средство, повторенное сряду три или четыре раза, совершенно уничтожаетъ муравьевъ. Понятно, что подобное окуриваніе должно производиться въ особой комнатѣ, и что припасы не ранѣе должно ставить на мѣсто, какъ по совершенномъ вывѣтреніи сѣрнаго запаха.

—

О КОВКѢ ЛОШАДЕЙ.

Весьма часто случается, что кузнецы, по приводѣ къ нимъ лошади, лишь только напоенной или накормленной хозяиномъ, взвѣшиваютъ оную въ станокъ подпругами, не разбирая, полезно ли то, или вредно; отъ сего происходитъ, что брюшная плѣва у сытой перетянутой лошади не рѣдко прорывается, кишки входятъ въ яичный мѣшокъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ угнетается она поясами, дѣлается воспаленіе и антоновъ-огонь тонкихъ кишекъ. Кромѣ того, для удобнаго присоединенія къ копытамъ подковъ, кузнецы прикрѣпляютъ оныя накаленныя; чрезъ что копыты скоро ломаются, лошадь отъ причиненной боли не можетъ ходить и на долгое время остается къ употребленію въѣздѣ неспособною, а иногда приключается въ ногахъ болѣзнь и вовсе неизлѣчимая.

Во избѣжаніе сего: 1) Хозяевамъ должно наблюдать, дабы лошади ихъ не посылались для ковки вскорѣ послѣ насыщенія ихъ кормомъ и питьемъ, но по-крайней-мѣрѣ по истеченіи ночи или дня. 2) Кузнецамъ совѣтуемъ, чтобъ они никакъ не рѣшались подвѣшивать въ станокъ приведенную лошадь, если узнаютъ, что она недавно была напоена или накормлена; и 3) относительно прикладыванія раскаленныхъ подковъ къ копытамъ, нужно чтобы кузнецы старались ковать безъ размягченія копытъ раскаленнымъ желѣзомъ, но расчищали бы ихъ холодныя, а притомъ заботились, чтобъ и подковы были негорячія.

—

НОВЫЙ СПОСОБЪ ЗАЩИЩАТЬ СТѢНЫ ОТЪ СЫРОСТИ.

При теплой, сухой погодѣ должно покрывать кирпичи растворомъ изъ 19 лотовъ мыла въ 8 фунтахъ воды, стараясь поступать такимъ образомъ, чтобы не было пѣны. Давъ просохнуть этимъ кирпичамъ 24 часа, покрываютъ ихъ въ другой разъ растворомъ изъ 12 лотовъ квасцовъ въ 32 фунтахъ воды. Такимъ образомъ приготовленные кирпичи не принимаютъ въ себя сырости.

—

КАРТОФЕЛЬНАЯ БОТВА.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи солятъ крестьяне картофельную ботву и получаютъ такимъ образомъ весьма хорошій кормъ коровамъ, одна часть котораго столько же питаетъ какъ двѣ части сѣна. Чрезъ соленіе и происходящее оттого броженіе, картофельная ботва теряетъ свой непріятный, и принимаетъ кисловатый, огуречный вкусъ. При соленіи поступаютъ также, какъ съ капустой. Листья, и въ особенности толстые стебельки, должно изрубить предъ соленіемъ.

—

АНЕКДОТЫ.

I.

Мой попугай ужасно злится на меня, зачѣмъ я помѣстилъ его въ Иллюстрацію; такъ какъ онъ на волѣ (сознаюсь это дурно, да что же дѣлать, — слабость), то летаетъ по всѣмъ сосѣднимъ крышамъ и кричитъ во все горло. Что дѣлаетъ злость! Попугай въ сердцахъ, говоритъ теперь втрое больше вздору, чѣмъ до предпрошедшей субботы; прозой, стихами, на иностранныхъ языкахъ — просто потѣха. Конечно, я не боюсь его злобы, хотя и знаю до какой степени опасны этого рода птицы. Про нихъ много анекдотовъ. Вотъ одинъ: У добраго и честнаго Маркиза Бове была дурная, но тайная страстишка. Какъ говорится, онъ придерживался чарочки; но упражнялся въ этомъ удовольствіи весьма рѣдко и то дома, на ночь, такъ что камердинеръ его, Англичанъ, одинъ только зналъ про страстишку Маркиза. У Бове былъ попугай весьма говорливый; часто онъ надоѣдалъ Маркизу по утрамъ, выводилъ его изъ терпѣнія своимъ крикомъ; наконецъ, Маркизъ приказалъ его продать. Охотниковъ нашлось много; въ числѣ ихъ самъ Король. Между тѣмъ способности и труды Бове въ тоже самое время обратили на него вниманіе правительственныхъ лицъ; его представили къ занятію важнаго мѣста. Король, читая по утру докладъ, произнесъ громко: Маркизъ Бове, хозяинъ моего попугая!...

— Подай пуншу, закричалъ попугай...

Король съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Попку.

— Джемсъ! пуншу, пуншу... Никто теперь не придетъ. Пуншу... Джемсъ, Джемсъ, пуншу!...

Подозрѣніе, возбужденное крылатымъ доносчикомъ — имѣло свое дѣйствіе. Маркизъ не получилъ мѣста.

—

Такъ иногда отъ малыхъ причинъ бываютъ важныя послѣдствія; но случается и такъ, что послѣдствія являются безъ всякихъ причинъ. Кажется и тѣни нѣтъ къ обвиненію, а злоба найдетъ дорожку повредить вамъ, при случаѣ и возможности и погубить... Во время Гетманщины, шла баба навеселѣ изъ деревни въ полкъ или городъ домой. Пріустала и сѣла на траву. Не смотря на веселое расположеніе баба замѣтила, что на травѣ росы нѣтъ, вскочила и съ особенною поспѣшностію явилась въ полковой судъ...

— Что тамъ такое? спросилъ писарь.

— Чаровницы въ полку завелись; вотъ Гапка Метелничиха вѣдьма; я ее поймала...

Судъ перепугался. Писарь потребовалъ доказательствъ.

— Какъ же не вѣдьма. Шла я и сама видѣла какъ она росу съ поля украла.

Въ столь важномъ случаѣ нарядили слѣдствіе. Росы не оказалось; Гапку изловили и со всѣми надлежащими церемоніями, яко уличенную колдунью, казнили въ тотъ же день, чтобы не успѣла призвать на помощь нечистую силу.

На другой день баба проспалась; удовлетворенная злоба дала мѣсто и совѣсти; баба побѣжала въ судъ и повинилась.

Тутъ Панове судьи ударили объ полы руками и сказали: Отъ-такъже!

Баба повинилась, судьи сказали Оттакже! а Гапкѣ отъ того все таки не легче..

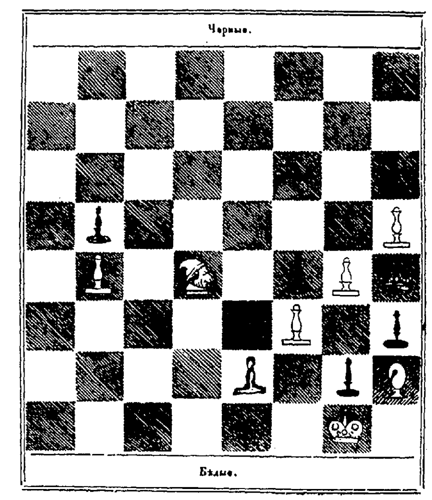
ШАХМАТЫ.

РАЗГАДКА № 7.

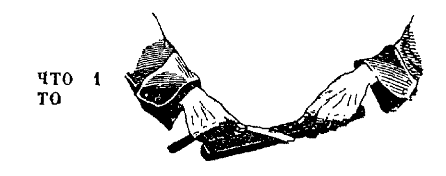
БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) К. Кор. на 4 м. Кор.	П. беретъ П.
2) П. Сл. Ф. 1. м	П. Ф. 1 м.
3) П. Сл. Кор. 1 м.	П. беретъ П.
4) П. Сл. Ф. 1 м.	П. Сл. Кор. 1 м.
5) П. таже 1 м.	П. беретъ П.
6) Кор. беретъ П.	П. Сл Ф. 1 м.
7) Кор. 1 мѣсто.	П. таже 1. м.
8) К. Ф. на 7 кл. Сл. Кор.	П таже 1 м.
9) К. съ 7 кл. Кор. на 5 кл. Кор. и матъ.	

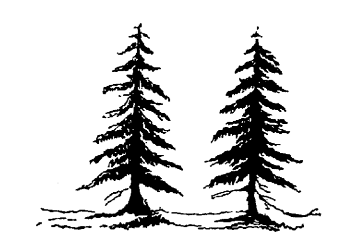
ЗАДАЧА № 8.

Бѣлые ходятъ, и даютъ матъ въ семь шаховъ.



ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЗАГАДКИ № 8.





уже Монеда.

Разгадка второй половины № 7.

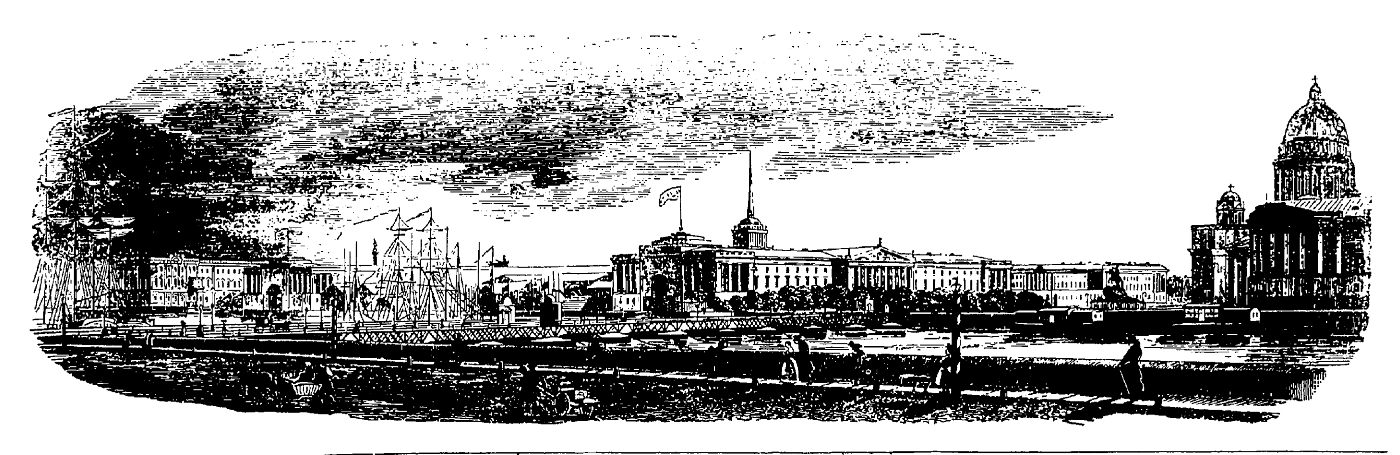
Бочки безъ-дна, горы де-негъ безъ усердія—пуль, какъ тѣло безъ души.

Бочки, бездна, горы денегъ — безъ усердія, ничто, какъ тѣло безъ души.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Мая 25 дня 1845 года. Цензоры *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 9.—Суббота, 2 Іюня 1845.

Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЛѢТНІЙ САДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Вотъ, изволишь видѣть, Александро Кириллычь, вотъ я тебѣ вѣдь лицемъ все показываю; дочь у меня одна; все за ней отдамъ, какъ умру; видишь, вотъ тутъ десятинъ двѣсти земли; гляди, вѣхи стоятъ; на крестъ проходятъ улицы; Царь такъ уставилъ; такъ продашь ли землю подъ постройку, али самъ дома сколотишь, да въ наймы пустишь, такъ съ одной земли дохода и попальцамъ не перечтешь...

— И оно по сусѣдству...

— Какъ же не по сусѣдству; рукой подать; между нами тутъ подъячій окаянный тесьму земли имѣетъ; откупишь у него...

— Откупишь! Я уже ему давалъ трисотни...

— Мотоватъ, сосѣдъ! Сынъ твой, благодаря Господу Богу, поскупѣе будетъ; мое добро сбережетъ; а твое ты и самъ протранжиришь.

Александро Кириловичь Кивушкинъ обтянулъ поясъ, погладилъ бороду и сказалъ...

— На нашъ вѣкъ станетъ. А когда опасу какого ради или сумнительства, то есть, примѣрно сказать, боязни или другаго чего недоразумѣнія, такъ я не то, чтобы какія препятствія или что ни есть противъ этого ставить; я, то есть, такъ, примѣрно сказать, слово назадъ въ мошну спрячу, то есть, отказательствомъ вашимъ не погнушаюсь...

— Вотъ ты куда, сосѣдъ! Кошка твой парень знатной! Торги наши съ тобой одной шерсти; дѣти наши одколѣтки; на питербурхскомъ острову посадили насъ дѣла, что рѣдьку въ огородъ, такъ тутъ намъ и рости. Били мы по рукамъ не изъ шутки...

— Вѣдь своихъ нече за носъ водить, или подъ вѣтеръ ставить; тутъ ужъ на чистоту; единородная дочка, да еще красавица, да богатая, не товаръ; слетитъ съ рукъ, только не промахнись подхватить. Я слово далъ, а не хочешь, Богъ съ тобой! Кошка твой нераззоритъ насъ; много...

Купецъ Иванъ Саввичь Тресковатовъ не договорилъ,—и лучше; а тобы Кивушкинъ на смерть обидѣлся, еслибы Саввичь досказалъ тайную мысль, еслибы вымолвилъ одно слово про безобразіе Конона Александровича, сокращенно Кошки. Приземистый, рябой, косолапый, подслѣповатый,—Кошка, хотя и имѣлъ не болѣ двадцати пяти лѣтъ, но по торговымъ дѣламъ славился по всему Петербургу необыкновенною смѣткою, прозорливостію и удачею въ торговлѣ; уже около пяти лѣтъ онъ участвовалъ въ дѣлахъ отца, а состояніе ихъ удвоилось. Больше всего онъ любилъ Нѣмцевъ, и Нѣмцы не могли нахвалиться коммерческими дѣлами Фонъ-Конона. Все это хорошо для торговли, но для женитьбы... Кошка не могъ скрытъ своихъ физическихъ талантовъ, и до свѣденія Мавры Ивановны, чрезъ посредство сиротки Өеклы, дошли самыя вѣрныя извѣстія: какого жениха ей прочитъ корыстолюбивый отецъ. Иванъ Саввичь самъ былъ богатъ, да Кошка, торгуя тѣми же что и онъ товарами, на каждомъ шагу лишалъ его барышей; Саввичь злился, но не видѣлъ средствъ одолѣть соперника. Слить два состоянія во едино, это представлялось Саввичу надежнѣйшимъ средствомъ избѣгнуть, если не раззоренія, то убытковъ. Дѣло было совсѣмъ слажено.—Старики кончили сдѣлку мирно о святой, а свадьбѣ положили быть послѣ Петрова дня. Фанъ-Кононъ не противурѣчилъ отцу, потому что слухи о невѣстѣ были весьма благопріятны; но все таки хотѣлось ему посмотрѣть нареченную... Саввичь готовъ былъ на всѣ жертвы, но какъ нарочно онъ былъ отъявленнымъ поборникомъ старины и лучше согласился бы потерять половину состоянія, чѣмъ доброе имя, какъ онъ выражался. Можетъ быть, съ его стороны тутъ было не безъ расчета. Мавруша, взглянувъ на жениха, могла бы потерять охоту къ замужеству и промѣнять свадебное покрывало на монашинское. Противу послѣдняго отцевская власть не имѣла по обычаю никакой силы. На бѣду Савличу не было извѣстно постановленіе Петра Великаго, что въ монастырь дѣвушкѣ нельзя было поступить ранѣе сорока лѣтъ. Какъ бы то ни было, вспомоществуемый Кивушкинымъ, Саввичь спасъ Мавру отъ опаснаго свиданія. Между тѣмъ весна разгуливалась; березы одѣлись зеленью; трава устлала болотныя окрестности. Въ самое Вознесеніе, Иванъ Саввичь съ Кивушкинымъ возвращались отъ обѣдень; они слушали литургію у Матоія. Есть основанія думать, что эта церковь древнѣе Троицкаго Собора на Петербургской Сторонѣ... Тамъ для нихъ было покойнѣе. Во-первыхъ, бороды ихъ, на которыя уже не такъ пристально смотрѣли сыщики, были безопасны отъ гвардейскаго солдатства и господъ. Въ солдатскихъ слободахъ, гдѣ была церковь, стоялъ с. петербургскій гарнизонный полкъ, народъ спокойный, и по географическому, пограничному своему положенію съ землями обоихъ купцовъ, весь полкъ имѣлъ большое уваженіе къ богатымъ сосѣдямъ. Самое дерзкое созданіе въ Божьемъ мірѣ—есть человѣческая мысль; во многихъ офицерскихъ головахъ эта мысль строила несбыточныя видѣнія; Мавра Ивановна, которую, впрочемъ, никто не видалъ, грѣзилась многимъ во снѣ и на яву; разсказывали про нее какъ про Царевну въ сказкѣ... Но только между собою, въ табачной бесѣдѣ; при постороннихъ никто не смѣлъ заикнуться. Гарнизонное рыцарство провожало Саввича изъ церкви всякой праздникъ, но у мостика, перекинутаго черезъ сухой ровъ, на предѣлахъ владѣній Саввича, рыцарство почтительно откланивалось и возвращалось вспять.

Купцы уже были на краеугольномъ мостикѣ, рыцарство въ позитурѣ прощальнаго поклона, какъ между заборовъ, составлявшихъ тогда улицу, показался не то солдатъ, не то церковный причетникъ, не то мужикъ; что-то среднее и весьма странное. Онъ былъ въ старомъ солдатскомъ кафтанѣ; исподнее платье краснаго цвѣта, топырясь отъ ходьбы, имѣло видъ двухъ воздушныхъ шаровъ на ножкахъ; эти ножки были два гигантскіе смазные сапога, куда уходили воздушные шары исподняго платья. На головѣ у него торчала мѣховая шапка. Въ этомъ оригинальномъ костюмѣ была закупорена фигура магистратскаго хожалаго. Увидя его, и купцы, и рыцарство остановились и ожидали посланца. Замѣтивъ это, хожалой убавилъ шагу и величественно приблизился къ мостику... Тутъ уже снявъ шапку, сталъ кланяться предстоящимъ съ особеннымъ усердіемъ.

— Съ праздникомъ имѣю честь проздравить Иванъ Саввичь, здравія, долголѣтія, и на враговъ одолѣнія, и всяческаго добра, славы и чести и нынѣ и присно; и да пребудутъ небесныя и земныя милости на васъ и на чадѣхъ вашихъ, и вашей милости Олександро Кириловичь, и единородному, велемудрому сыну вашему Конону Олександровичу и всѣмъ чадамъ вашимъ во всемъ преуспѣнія и нынѣ и присно, о чемъ просяще, да помилуетъ Господъ Богъ васъ и нынѣ и присно и во вѣки...

Хожалый не останавливаясь, откашлялся, выпрямился, поднялъ голову и запѣлъ козлинымъ гласомъ :

Праздникъ Вознесенія,
Великаго радѣнія,
И благословенія
Низпошли имъ Господи...

Скорбную невѣсту
Ты пристроишь къ мѣсту;
Захоти да души
Затихаютъ бури;
Только не остыни
Къ щедрой благостыни...

Подобной белемыслицѣ не было бы конца, еслибы купцы не ухватились за полы, что означало приступъ къ щедрой благостыни; въ слѣдъ за тѣмъ выползли туго набитые кошели; изъ кошелей на руки, разумѣется, купцовъ, посыпалась мелкая монета, каждый ухватился за серебряную копѣйку и подалъ хожалому, которому такая щедрость показалась до того обидною, что онъ взялъ, надѣлъ шапку, вынулъ изъ за пазухи какую-то цыкорную бумагу и подалъ Ивану Саввичу безмолвно...

— Что тамъ такое?..

— Не могимъ знать; не при насъ писано...

— Олександро Кирилычъ, погляди, что тамъ написано...

— Стану я глядѣть, Иванъ Саввичь! что я тамъ добраго увижу... Магистратскіе крючки... Не хочу...

Кивушкинъ плюнулъ и отвернулся... Саввичь почесывался одною рукою, а другою переворачивалъ бумагу на всѣ стороны... Причина ихъ нерасположенія къ цыкорному папирусу была очень простая: ни тотъ, ни другой не знали грамоти. Можно было бы обратиться къ рыцарству, которое, праздника ради, зѣвало у мостика, но Саввичу не хотѣлось обнаружить своей безграмотности, и онъ потѣлъ да вздыхалъ, поглядывая, то на Кивушкина, то на вѣстника; хожалый бодро и подбоченясь стоялъ противу купцовъ и наслаждался ихъ замѣшательствомъ.

— Сенька! Нако гривенникъ для праздника... наконецъ сказалъ Саввичь...

— Милости твоей несчетные годы!

Праздникъ Вознесенія
Великаго радѣнія...

— Полно полно! Ты лучше скажи по краткости, что вотъ тутъ сидитъ...

— Изволь прочитать, тамъ все прописано.

— Да читать долго, Сеня, а ужъ тебѣ нельзя не знать...

— Какъ не знать. Подъячество такъ и плясало въ магистратѣ...

— Чему же оно обрадовалось?

— А тому, что тутъ прописано.

— А что же тутъ прописано?

— А то, что у кого дѣвка есть въ невѣстахъ, такъ чтобы на дому не держалъ, а велъ бы въ Лѣтній Садъ на показъ; кому полюбится, тотъ на ней и сватайся. Лицемъ товаръ пусть продаютъ, а не въ тихомолку...

Иванъ Саввичь поблѣднѣлъ и, боясь дальнѣйшихъ объясненій хожалаго, схватилъ за руку Кивушкина и насильно потащилъ по улицѣ, т: е: между двухъ заборовъ. Даже рыцарству не поклонился.

— Иванъ Саввичь, закричалъ хожалый; а повѣстка?

— Провались ты сквозь землю...

— Мое дѣло сторона! Я повѣстку подалъ при свидѣтеляхъ.

— Видѣли, видѣли!.. Закричало рыцарство, оскорбленное незапнымъ отходомъ Саввича, и пошли опять въ слободу, куда потянулъ и хожалый, гривенника ради, потому что онъ не любилъ носить денегъ домой.

— Кажись ты погорячился, сказалъ Кивушкинъ, удерживая Саввича. Сенька такъ себѣ брякнулъ...

— Эхъ Олександро Кирилычь! Нынче новое время. Чего не выдумаютъ... Вотъ, кстати и Кошка; пусть онъ поразберетъ, что тутъ написано...

Кошка, который также откуда-то возвращался въ таратайкѣ, слезъ, прочелъ бумагу и сказалъ очень весело:

— Премудро, давно бы такъ!

— Такъ хожалый меня одурачилъ. Читай, читай, что тамъ такое?

— Что такое? Указано въ Духовъ День всему дворянству, купечеству, мѣщанству, съ женами и дѣтьми, безовсякаго исключенія и отговорки быть въ Лѣтній Садъ въ три часа пополудни и гулять тамъ до девяти часовъ; а послѣ девяти, кто похочетъ. А буде кто станетъ отговариваться болѣзнію, того или ту освидѣтельствуетъ магистратскій медикусъ и—тутъ уже идутъ за противность взысканія. Премудро! Давно бы такъ!..

— Эхъ, Кононъ Александровичь! Не гнѣви Бога! Вѣдь это грѣхъ дѣвушку людямъ будто товаръ показывать...

— Что дѣлать! Велятъ! такъ надо слушаться... Сказалъ Кошка сухо, стараясь скрыть удовольствіе, что наконецъ онъ увидитъ свою таинственную невѣсту; боясь, чтобы мысль его не обнаружилась, Кошка извинился дѣломъ, вскочилъ на таратайку; за нимъ вскочилъ и Кивушкинъ и Саввичь воротился домой одинъ.

II.

Иванъ Саввичь вернулся домой, что называется, не въ своей тарелкѣ; бросался и бросалъ все, что ему въ руки ни попадало; а пуще всего магистратскую бумагу, приглашавшую его такъ повелительно съ дочерью въ Лѣтній-Садъ. Мавра Ивановна и Оекла Ѳоминишна, сиротка, дочь обѣднѣвшаго купца, о коей мы уже упоминали, слышали бурю сверьху, да не смѣли сойти безъ зову... Ѳекла Ѳоминишна, пока Иванъ Саввичь слушалъ обѣдню, успѣла побывать у сосѣдокъ и принесла оттуда тоже магистратское извѣстіе, переведенное на пылкій дѣвичій языкъ, украшенное фигурами молодаго воображенія; назначенное въ Духовъ-День народное гулянье въ Лѣтнемъ-Саду привело въ восторгъ Мавру...

— Ну! сказала она: авось теперь изъ клѣтки выпустятъ... А что Ѳеклуша, какой сарафанъ мнѣ напялить-то. Изъ цвѣстной парчи, чтоли?

— Что ты, мать моя! по нѣмецки тебя уберутъ; иначе и въ садъ не пустятъ.—А ужъ я на твоемъ мѣстѣ всѣ бы камни самоцвѣты, жемчуги и всякіе бисеры на себя навѣсила...

— А куда ихъ беречь? Навѣшу, Ѳеклуша, навѣшу. Увсѣхъ глаза разбѣгутся. Только, вотъ не знаю, гдѣ-то намъ замазки добыть...

— Э, мать моя, это уже моя забота. Я вотъ и теперь видѣла какъ Глафира Кирочкина къ обѣднѣ собиралась и щеки красила; я и приговорилась.—«Что ты никуда Ѳеклуша не ходишь?»—Да не во что одѣться, мать моя, говорю я: а пуще негдѣ прикрасы-то личной достать... «Возьми у меня Ѳеклуша, когда понадобится; нельзя же въ народъ *своимъ* лицемъ итти; ужъ ни бѣла такъ, ни румяна, отродясь, не будешь; не притрешь бѣленькимъ, не прохватишь красненькимъ, все одно, что не умылась.»—Я ужъ тебѣ, мать моя, снадобья промышлю, только ты ужъ и меня въ Лѣтній захвати...

— Одна не пойду. Я и обычая не знаю, какъ на гуляньи быть...

— Какъ быть! Вотъ я тебя научу. Руки на животикѣ сложи, пальцы перстнями до втораго суставчика убери, да и повертывай; чтобы самоцвѣты играли, да молодецкіе глаза смаипвали...

— Какъ можно...

— Обычай, мать моя! А будешь гдѣ стоять, или ходить, на мущинъ не гляди...

— Что? На мущинъ не гляди! А на бабье то чего я глазѣть стану.

— Не то, мать моя. *Будто* не гляди; а сама, знашь, изподтишка вотъ такъ, будто цвѣтокъ отъ вѣтра, головкой колышетъ, ты этакъ, то въ одну сторонку, то въ другую головой помативай, а тѣмъ временемъ — зыркъ и подглядывай себѣ парня...

— Да что въ томъ толку, Оеклуша? Я уже себѣ парня подглядѣла.

— Что! Подглядѣла! Когда? Безъ меня?..

— Тутъ чужихъ глазъ не надо. Я съ нимъ и видаюсь...

— Господи, спаси и помилуй!.. Гдѣ? Какъ?

— А вотъ тамъ, къ старому огороду казары подходятъ, гдѣ солдатство живетъ; доски вынули, и тамъ сдѣлали такъ, что захотятъ, такъ есть заборъ, не захотятъ, такъ нѣтъ...

— Ну...

— Ну, много ихъ туда приходитъ, только одинъ заглядѣнье, Ѳеклуша. Просто, малина. Такой одуванчикъ... Бѣлый, что оладья. Онъ говоритъ, что купчинѣ военный человѣкъ на ногу себѣ наступить не позволитъ, говоритъ, что Кошку убьетъ...

— Убьетъ! На смерть?

— На смерть!

— Господи спаси и помилуй!

— Какъ ты была у сосѣдки, я ходила къ забору. Онъ говоритъ: въ Лѣтнемъ-Саду будутъ въ Духовъ-День невѣстъ выбирать. Я возьму, да тебя и выберу... Слышишь, Ѳеклуша, онъ меня выберетъ...

— Ахъ ты Господи! Мавра Ивановна! Незабудь меня сироту; скажи кому изъ нихъ, пусть и меня выберетъ...

— Скажу, скажу, Оеклуша!

— Тсъ... Кто-то чужой пожаловалъ... Бережно, мать моя, чтобы не подглядѣли какъ мы подслушиваемъ...

Точно. Къ Саввичу, который все еще бросалъ магистратскую бумагу, какъ мѣдвѣдь колоду, привѣшенную на его погибель къ соблазнительному улею, пришелъ Кошка.

— Что вы, сказалъ онъ: не въ духѣ, Иванъ Саввичь!..

— Такъ, ничего, Кононъ Александровичь, что-то душитъ... Боюсь, чтобъ не слечь.

— Не совѣтую. Пришлютъ лекаря. Нѣмецъ смѣкнетъ...

Иванъ Саввичь повѣсилъ голову...

— Батюшка, Иванъ Саввичь, да перестаньте кручиниться; чай вы Мавру Ивановну къ гулянью снаряжаете; такъ уже не побрезгайте жениховымъ подарочкомъ...

— Что такое? Что такое? спросилъ Саввичь, ободрясь...

— А вотъ, знаете, повязочка небольшая, какъ теперь невѣсты носятъ... Мнѣ въ Лѣтнемъ въ понедѣльникъ никакъ быть нельзя; надо въ Кроншлотъ съѣздить, на Котлинѣ побывать; дѣла, знаете, вальяжныя; у меня жены и дочекъ нѣтъ. ГенералъПолицмейстеръ отпускаетъ; а ужъ-вы Маврушу-то снарядите аховски; такъ, чтобы за моремъ стало слышно, какая у Конона невѣста и красавица и богатѣющая...

— Такъ ты въ саду не будешь, Кононъ Александровичь!

— Не буду... Вотъ и отпускъ на пятнадцать дней изъ Канцеляріи... Извольте прочитать...

— Оставь, Кононъ Александровичь, япослѣ прочту...

— Не могу, сей-часъ ѣду... Не изволишь ли проводить до катера...

— Съ моимъ удовольствомъ...

И Саввичь съ примѣтною радостью усѣлся въ таратайку Кошки...

Все шло какъ пописаному. Кошка уѣхалъ на катерѣ; дѣвушки не могли добиться отъ Саввича слова, а онъ только улыбался, да лукаво на нихъ поглядывалъ. Прошла недѣля съ хвостикомъ, наступилъ и Троицынъ-День; Саввичь вернулся отъ обѣдень, сѣлъ къ столу, поглядѣлъ на дочку и ахнулъ...

— Что съ тобой, Мавруша?

— Что такое?

— Изъ чего ты такъ раскраснѣлась?

— Я?

— Горячка, горячка! Вставай Мавруша, ложись въ постельку; Ѳекла, поставь котликъ бузины заварить... Да и ты, уродина, изъ чего побагровѣла! И ты у меня хворать вздумала...

— Да мы не больны... Мы это изъ проказы рожи себѣ размалевали.

— Такъ чтожъ, что не больны. Я хочу, чтобы ты была больна, Мавруша...

— А я не хочу...

— Что ты это противу воли отцовской идешь! Сей-часъ ложись въ постелю..

— Пожалуй я лягу, да хворать не стану. Сегодня, пожалуй еще; а ужъ завтра, если бы я и умирала, а къ тремъ часамъ выздоровѣю...

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, что въ Лѣтній-Садъ...

— Цыцъ, цыцъ, молчи, ни пикни... И Саввичь съ бѣшенствомъ бросился на дочь и зажалъ ей ротъ обѣими руками...

— Въ Лѣтній-Садъ,—начала было Ѳекла, но Саввичь бросился на нее...

— Въ Лѣтній-Садъ,—закричала Мавра и Саввичь къ ней, но видя, что бабы не на шутку бунтуютъ, Саввичь выскочилъ изъ комнаты и воротился съ лозой, которою иногда взыскивалъ кучера и другую челядь... Мѣра женскаго терпѣнія была переполнена; поднялся плачь и вой; утопая въ слезахъ *кровавыхъ*, (потому что эти слезы на кисейныхъ рукавахъ оставили красныя пятна); Мавра пошла на верхъ; Ѳекла также хотѣла итти, но Саввичь ухватилъ ее за руку и сказалъ: «Ты, дура, чего плачешь? Я тебя завтра въ Лѣтній-Садъ возьму, разодѣну какъ куколку, поведу подъ руку, жениха прiищу... Велико могущество подобнаго соблазна:

«Тише!» сказала Ѳекла, указывая рукою на верхъ: «тамъ все слышно...»

Шепотомъ окончилась бесѣда; Ѳекла ушла веселая, но едва ступила на лѣстницу, полились слезы, раздался плачь; вой двухъ дѣвъ всю ночь возмущалъ спокойствіе Саввича... Наступилъ и Духовъ-День...

III.

Лѣтній-Садъ! Легко вымолвить, а глазомъ нельзя было обнять его пространства, развѣ съ бельведера лѣтняго дворца Императрицы, или съ крыши почтоваго двора. Лѣтній дворецъ Екатерины I находился почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Инженерный-Замокъ, не больно красивый, но прочный мостъ переводилъ черезъ Мойку на лугъ, который отъ того и назывался Царицынымъ; этотъ лугъ весь былъ усаженъ красивыми низкими кустарниками, между которыми извивались широкія дороги для экипажной ѣзды; разбѣгаясь въ разныя стороны, они вели къ третьему отдѣленію сада; тамъ били фонтаны, шумѣли каскады; фруктовыя школы смѣнялись тѣнистыми крытыми аллеями; цвѣтники—прудами; огромный гротъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ кондитерская, приглашалъ охотниковъ до секретовъ въ свой таинственный сумракъ; тамъ на обширной площадкѣ столы и скамьи дубовыя предлагали охотникамъ до гастрономіи если не изысканныя яства, такъ покрайней мѣрѣ удобное сидѣнье, а извѣстна нѣмецкая пословица: Gut gegessen, halb gegessen. Тамъ возвышался великолѣпный торжественный залъ, построенный по случаю бракосочетанія Великой Княгини Анны Петровны съ Герцогомъ Гольстинскимъ. Наконецъ, на углу, образуемомъ Невой и Фонтанкой, стоялъ Дворецъ Петра Великаго. И теперь рука времени не прикасается къ этой святынѣ, хотя и позволила себѣ сдѣлать въ священной обители безсмертнаго кое-какія украшеньица; отъ дома Императора большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку; вдоль берега Невы, который, слѣдуетъ замѣтить, былъ въ саду, какъ нынче берегъ Фонтанки, — можно было пройти къ почтовому двору (гдѣ Мраморный-Дворецъ), у коего также была обширная пристань, а передъ нимъ на площадкѣ гремѣла полковая музыка; отсюда черезъ паркъ или Царицынъ-Лугъ, мимо дворца Императрицы, любопытные вереницей тянулись къ нынѣшнему Невскому-Проспекту. Тутъ, за небольшой оградой,—помѣщался звѣринецъ. Не смотря на малочисленность тогдашняго народонаселенія новой столицы, все это огромное пространство Лѣтняго-Сада и парка, уже въ полдень, было покрыто толпами народа, экипажами, всадниками. Публика росла, и къ 3 часамъ тѣснота стала замѣтна въ главныхъ аллеяхъ. Раскрашенныя и разодѣтыя женщины съ неподвижными физіономіями, избѣгая толкотни, помѣстились по обѣ стороны аллеи, по которой Императоръ съ Императрицей изъ дому Петра Великаго имѣли проходить во дворецъ Государыни къ обѣду. Любопытство уставило женщинъ въ двѣ шеренги; время обратило случай въ обычай, и еще мы сами въ дѣтствѣ видѣли эту странную выставку, которую неученое преданіе назвало: смотръ невѣстъ. Такимъ образомъ, два ряда женскихъ лицъ, или лучше румянъ, бѣлилъ, жемчуговъ, алмазовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ камней, плотною двойною стѣною, составили оригинальную улицу; толкотня между мужчинами усилилась; эти лица, а можетъ быть болѣе эти драгоцѣнности, взволновали холостыхъ. Когда гулянье было въ полномъ разгарѣ — на невскомъ концѣ эзоповой аллеи показался Иванъ Саввичъ въ богатомъ кафтанѣ; онъ велъ подъ руку какое-то чучело въ шорахъ. Иначе нельзя было назвать этого головнаго убора; брильянтовая повязка прикрывала или вѣнчала только цѣлую лавку галантерейныхъ вещей, разныхъ вѣковъ и цѣнности; на шеѣ тотъ же калейдоскопъ камней; въ ушахъ нѣчто въ родѣ гирь, осыпанныхъ камнями и жемчугомъ; на пальцахъ цѣлыя змѣи колецъ. Болѣе милліона рублей двигало на себѣ чучело. Саввичъ опасливо поглядывалъ кругомъ, да около; низменно кланялся полицейскимъ служителямъ и пробирался туда, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ былъ находиться Дивіеръ, знавшій его лично. Дорогой думалъ онъ: поклонюсь Полицмейстеру, пусть увидитъ, что я съ дочерью здѣсь, да и восвояси...

Какъ бы не такъ! Раздался громкій голосъ: «Саввичъ, Саввичъ!» Нѣсколько звонкихъ голосовъ повторили «Саввичъ», и купецъ по невольному инстинкту бросился въ сторону...

— Куда же мы? спросило чучело: вѣдь женихи-то у пещерки...

— Не твое дѣло. Тѣсно. Того гляди, не усмотришь, оборвутъ что нибудь...

— Да тутъ никого нѣтъ...

— Какъ нѣтъ. Вонъ фонтанъ. Вонъ оловянные болванчики... Знаешь ли, вѣдь болванчики-то не спроста стоятъ. Это все притчи заморскія... Вонъ этотъ значитъ...

— Да что за притча съ тобою?.. Ты все дальше и дальше отъ людей наровишь...

— Погоди... Вотъ мы сей часъ на самомъ юру станемъ... Оправься... Послушай, я позабылъ тебѣ сказать...

Но Саввичъ не могъ сказать что хотѣлъ. Передъ нимъ стоялъ Кошка, выпуча глаза на чучело; онъ и такъ былъ не взраченъ, а теперь и глядѣть на него было страшно... Увидѣвъ его, Саввичъ присѣлъ и пригнулъ свою спутницу...

— Что такое? спросила она...

— Что такое? сказалъ Кошка, задыхаясь отъ бѣшенства:

— А вотъ что! Вотъ вамъ! Не поймали дурака!

Тутъ онъ вытянулъ руку, и сдѣлалъ такой странный жестъ, что чучело отвернулось и плюнуло, а Саввичъ присѣлъ еще ниже.

— Вотъ вамъ! страшно повторилъ Кошка, и утонулъ въ толпѣ

— Что съ нимъ? спросило чучело.

— Провались ты сквозь землю, окаянная! Да кто же его зналъ, что онъ съ Котлина вернется такъ скоро... Нечего дѣлать, придется показать ему Маврушу... Ну, сегодня ужъ не поправишь дѣла. Пойдемъ, явимся начальству...

Въ это самое время подошло къ нашей четѣ нѣсколько человѣкъ военныхъ...

— Здравствуй, Саввичь! сказалъ красивый статный офицеръ.

— Всякаго вамъ нашего почтенія душевно желаемъ...

— Насилу-то дочку вытащилъ изъ подъ спуда...

— Какъ же ваше благородіе! Пришло такое время; надо дочку-то въ свѣтъ поставить...

— Такъ это твоя дочь...

— Моя...

— И богачество приданое...

— Какъже-съ, приданое...

— Ты все ей подарилъ?

— Все подарилъ.

— Шутишь?..

— Вотъ вамъ крестъ...

— Слышите, господа... Лукомочкинъ, слышишь. Вотъ тебѣ богатая невѣста.

— Она, ваше благородіе, уже засватана...

— Врешь...

— Какъ я смѣю врать такимъ большимъ господамъ...

— Все врешь! И эта не твоя дочка! Это Ѳеклуша, сиротка; теперь богата стала твоими подарками. Ты ей все это подарилъ. Лукомочкинъ! Ѳеклуша согласна! Бери себѣ невѣсту и съ приданымъ...

— Какъ? что?

— Да вѣдь мы всѣ слышали, что ты ей подарилъ все это. Не правда ли, господа?

— Правда, правда!

— Господи Боже мой, что такое? Разбой!

— Тише!—Лукомочкинъ! Бери же свою невѣсту, да ступай гулять, а мы этого обманщика поставимъ въ канцелярію. Отдѣлаютъ тебя, борода, за такой подлогъ. Пойдемъ!

Саввичь совершенно растерялся. Онъ отъ страха и не чувствовалъ, какъ офицеръ съ дюжимъ товарищемъ подхватили его подъ руки и почти несли по пустынной аллеѣ. Смущеніе его возрасло еще болѣе отъ неожиданной встрѣчи съ Кошкой. Купецъ Вальгинъ шелъ съ красивой дочерью подъ ручку; возлѣ, размахивая набивнымъ платкомъ,ластился Кошка...

— Ну, изволь, изволь! громко говорилъ Вальгинъ: Маша твоя;—только приданаго не дамъ... У меня и такъ еще шесть дѣвокъ на рукахъ останется... По мнѣ какую хочешь, только безъ приданаго.

— Всѣхъ видѣлъ, батюшка, Ларіонъ Иванычь...

— Такъ которую-жъ?..

— Марью Ларіоновну...

— Рцы слово твердо...

— Я не Саввичь, я не обманщикъ... Когда же свадьбѣ быть?

— Когда хочешь...

— До поста, батюшка...

— Изволь... Хоть завтра...

— Завтра?..

Они исчезли. Саввичь опомнился.

— Что! Завтра! Не дамъ, не попущу...

— Все врешь Саввичь!.. Ты недѣли двѣ просидишь подъ арестомъ, а онъ женится...

— А Мавруша?...

— Выйдетъ замужъ...

— За кого?..

— За меня...

— За тебя?..

— Слышь ты! почтивѣе! Будешь тестемъ тогда можетъ быть я тебѣ такую фа-

милліарность позволю, а пока держи ухо востро... Эй, яликъ!

— Батюшки свѣты! Куда вы меня везете?

— Въ канцелярію! Отчаливай...

— Ваше Благородіе!

— Что такое?

— Не вези меня въ канцелярію... Тысячу дамъ...

— Мало.

— Двѣ.

— Мало.

— Чего же ты хочешь?..

— Всего.

— Какъ всего?

— Дочки, приданаго и отцовскаго благословенія. Задамъ я тогда Кошкѣ. Подорву, раззорю...

— Подорвешь?

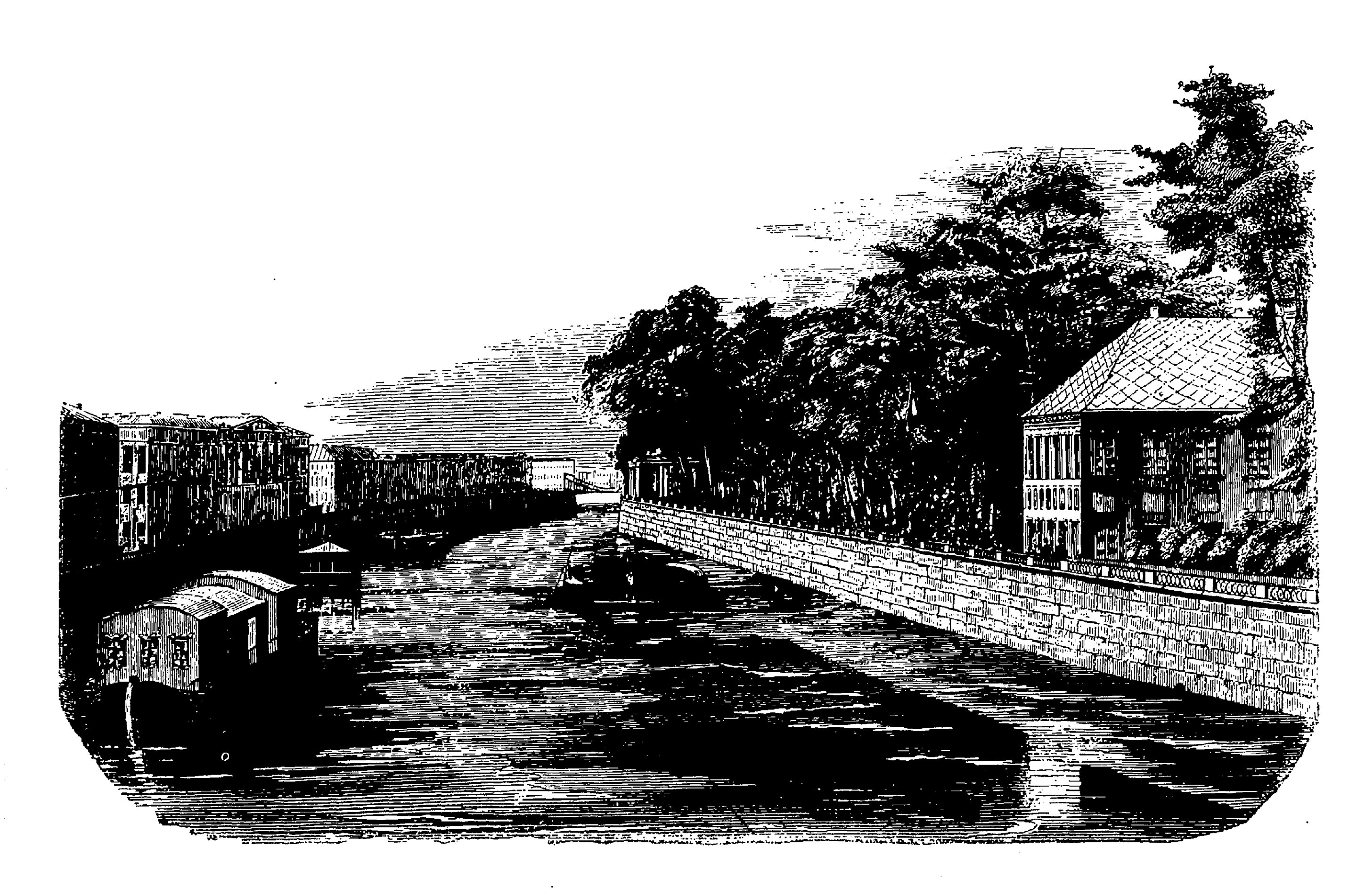
— Да.

— Раззоришь?

— Въ пухъ...

— Была не была! Нѣтъ! Да какъ это...

Не долго сопротивлялся Саввичъ. Канцелярія, месть Кошкѣ, наконецъ офицерскій чинъ и благообразіе новаго жениха, къ концу пути сломали упрямца. Лодка перемѣнила направленіе и Мавруша весьма утѣшилась, что не была на гуляньи. Ей только жалко было драгоцѣнностей, похищенныхъ Θеклой; но, къ общему удивленію, Лукомочкинъ не взялъ



ни Θеклы, ни ея богатствъ, привезъ все обратно... Всѣ были довольны. Только одна Θекла не нашла себѣ мужа, не только до поста, но и до смерти... Жила она на хлѣбахъ у одунавчика, у Маврушиной малины, и каждый годъ ходила въ Духовъ-День въ Лѣтній-Садъ на выставку; каждый годъ въ Маврушиныхъ брилльянтахъ; каждый годъ болѣе и болѣе употребляя бѣлилъ и румянъ; но женихи не замѣчали чужой красоты, а отъ ея собственной отворачивались.

Обычай странный—странно укрѣпился; господствовалъ долго; мгновенно разрушился самъ собой—и Лѣтній Садъ сталъ обыкновеннымъ гульбищемъ образованной столицы. Екатерина II раздѣлила его на три части; верхній отошелъ къ Михайловскому Замку, Царицынъ-Лугъ обратился въ Марсово-Поле; фонтаны, каскады, оловянныя статуи исчезли; гротъ и торжественный залъ разобраны. Остался только дворецъ Петра Великаго и мраморныя статуи, подаренныя Ему королемъ Августомъ изъ Саксонскаго Сада въ Варшавѣ. Необозримый садъ сократился, и теперь съ Прачечнаго-Моста вы можете видѣть и его концы и его начало. Съ нимъ много связано историческихъ воспоминаній. Мы не прощаемся съ этимъ зеленымъ островомъ посреди океана камней... Боясь наскучить читателямъ, здѣсь мы поставимъ только—до свиданія.

Н. Кукольникъ.

БАЛКАНЫ.

..........Изъ пяти пашалыковъ, составляющихъ верхнюю Мезію, Нишскій Пашалыкъ самый живописный. Тутъ горы высоки, рашибены, разметаны, изрыты пропастями, пересѣчены ручьями, которые во время дождей и таянія снѣговъ ниспадаютъ водопадами, мѣстами покрыты лѣсомъ, мѣстами испятнаны дикимъ кустарникомъ или ползучими растеніями, часто голы и недоступны. Переходъ съ дунайскихъ долинъ въ Балканы благодатенъ для путника. Тутъ могли мы наконецъ, перевести духъ послѣ зноя, отъ котораго совсѣмъ изнемогали. За то поѣздъ нашъ начинали безпокоить разныя недобрыя встрѣчи.

Въ Турціи путешествуютъ нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Можно ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ (мезиль), на наемныхъ, съ кираджіями, съ караванами, керванами, и наконецъ можно путешествовать пѣшкомъ. Нельзя однако сказать, что бъ какой нибудь изъ этихъ многоразличныхъ способовъ, переноситься съ мѣста на мѣсто былъ очень удобенъ; трудно даже рѣшить какой изъ нихъ удобнѣе. На почтовыхъ вы ѣдете довольно скоро, днемъ и ночью, если васъ не истомитъ верховая ѣзда на дурномъ турецкомъ сѣдлѣ съ короткими стрѣменами, большею частію безъ подушки. Эта ѣзда обходится довольно дешево, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ вашъ *татаръ* или *кавасъ*, проводникъ, при пособіи фирмана и собственнымъ своимъ вліяніемъ, забираетъ даромъ на пути всѣ съѣстные припасы для васъ и для вашихъ людей и отводитъ квартиры, гдѣ ему вздумается, не спрашивая нравится ли это вамъ; вообще путешествующій на почтовыхъ имѣетъ видъ оффиціальный, страшный для бѣдныхъ раіевъ: отъ него все бѣжитъ, и онъ не рѣдко рискуетъ остаться въ пустомъ домѣ, не смотря на всѣ усилія своего проводника. Намъ этотъ способъ путешествія тѣмъ болѣе былъ негоденъ, что почтовыя лошади находятся на главныхъ пунктахъ, которыхъ очень немного, а намъ приходилось безпрестанно отбиваться въ сторону, въ глубь горъ.

Ѣхать *бераберъ*, толпою, караваномъ, еще дешевле, потому что караванъ всего чаще останавливается въ полѣ, но медленно; при томъ же

(Видъ въ Балканахъ.)

всякій караванъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль всегда почти торговую, а у насъ была своя. Путешествовать *пешакъ*, *пежосъ*, т. е. пѣшкомъ, хорошо, дешево, идиллически, но намъ по чему-то не нравилось. Мы предпочли ѣхать съ кираджіями. Нишскій паша снабдилъ насъ *буюрди*, родъ почетнаго паспорта, далъ намъ одного изъ собственныхъ своихъ *татаръ*, — и мы смѣло вторглись въ горы. Татары, кавасы, особенная стража при пашахъ, въ Константинополѣ при посольствахъ; они служатъ курьерами, фельдъегерями, пользуются особеннымъ уваженіемъ, большею частію дерзки, и я совѣтую путешественникамъ обходиться съ ними ласково и даже называть ихъ иногда *эффенди*. Нашъ татаръ то и дѣло ссорился, то съ кираджіями, то съ комораджими, находившимися при нашемъ багажѣ; особенно онъ не терпѣлъ Радована, Булгара, который былъ при мнѣ въ качествѣ драгомана, слуги и повара. Они ни какъ не сходились въ выборѣ приваловъ и системѣ мародерства, которую нашъ татаръ считалъ совершенно позволительною въ землѣ раіевъ.

Вечерѣло. Горы темнѣли и становились суровѣй. Кираджи роптали, за чѣмъ не остановились ранѣе на ночлегъ; увѣряли, что до деревни, до которой мы надѣялись добраться за свѣтло, еще далеко, а лошади устали; подъ открытымъ же небомъ оставаться было опасно, потому что кругомъ было неспокойно. Къ довершенію общаго страха, едва поднялись мы изъ ущелья, какъ увидѣли нѣсколькихъ человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ. Одна толпа, по видимому, расположилась на привалъ, у ручья, другая удалялась на противоположную гору, къ той сторонѣ, куда и мы направляли свой путь. По длиннымъ, блестящимъ ружьямъ первыхъ должно было полагать, что это Албанцы, отъ которыхъ еще несовсѣмъ была очищена Булгарія, или гайдуки; а по короткой, большею частію оборванной одеждѣ, по бѣдному вооруженію и вообще печальному виду тѣхъ, что были въ полугорѣ, нельзя было не узнать такъ называемое регулярное турецкое войско, находившееся въ большомъ сборѣ въ Нишскомъ Пашалыкѣ и вообще во всей Булгаріи *для возстановленія порядка.* — Мы подались нѣсколько назадъ, на склонъ горы, чтобъ насъ не замѣтили, и стали совѣщаться—что дѣлать?

Татаръ настаивалъ, чтобъ мы соединились съ турецкимъ отрядомъ, обѣщая намъ его защиту и покровительство; кираджи утверждали, что трудно намъ обойти шайку Албанцевъ, расположившихся почти на нашемъ пути, а если бъ это и удалось, то все равно попасться что имъ, что турецкимъ солдатамъ, и тѣ и другіе разбойники. Радованъ совершенно соглашался съ мнѣніемъ кираджіевъ и предлагалъ намъ убѣжище у своего родича и друга, который находился за часъ пути отъ насъ, совсѣмъ въ сторонѣ, въ горахъ, куда не могли попасть ни Турки, ни Албанцы, какъ пришельцы, незнавшіе края. Мы рѣшились избрать послѣднее. Хотя это отклоняло насъ отъ пути, но за то избавляло отъ встрѣчи, а такая встрѣча противъ ночи, не могла быть пріятною. Мы спустились опять въ ущелье. Дорогою доходили до насъ глухо, изъ-дали, нѣсколько выстрѣловъ. Радованъ подъѣхалъ ко мнѣ и значительно взглянулъ на меня. Славяне часто однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ, высказываютъ цѣлую мысль; на этотъ разъ Радованъ, казалось, хотѣлъ мнѣ сказать:—что я вамъ говорилъ? не обошлось бы безъ того и съ нами?

Наконецъ, мы достигли одиноко-стоявшей въ захолустьѣ избы; ветхій плетень окружалъ ее; нѣсколько черечень и яблонь расло возлѣ; мало отдавалось жильемъ. Взошли въ избу—бѣдно, пусто. Радованъ поздоровался со старикомъ-хозяиномъ, сказалъ ему, что мы христiане, и просилъ для насъ гостепріимства.

Домъ мой, и все, что въ немъ есть, къ вашимъ услугамъ; располагайтесь въ немъ, какъ хотите.

Важность, съ которою это сказалъ старикъ и безусловное гостепріимство, напомнило мнѣ тѣхъ разорившихся бароновъ старыхъ временъ, которые отдавали въ распоряженіе путника весь свой за́мокъ, хотя въ немъ нерѣдко, кромѣ стѣнъ съ фамильными портретами и гербами, ничего не было. Тѣмъ не менѣе однако, Фросиня, дочь хозяина, составлявшая всю семью его, хлопотала около очага, на которомъ стоялъ одинокой казанокъ. Радованъ досталъ нашу походную провизію. Но намъ болѣе всего нуженъ былъ покой, и вскорѣ на дворѣ и въ избѣ все стихло: кираджіи съ лошадьми — заняли сарай, татаръ помѣстился гдѣ-то подъ деревомъ. Фросиня заботливо уложила спать отца на одной лавкѣ, на другой приготовила постель для меня и вышла. — Мнѣ не спалось, и я подсѣлъ къ окну.

У призбы, прислонившись къ стѣнѣ, опустивши голову на руку, въ положеніи, которое такъ опредѣлительно выражается у насъ словомъ подгорюниться, стояла Фросиня. На призбѣ сидѣлъ Радованъ. Трудно было-бы найти лице добродушнѣе и почтеннѣе его. Нѣсколько времени оба молчали. Наконецъ Радованъ поднялъ свою сѣдую голову и обратился къ Фросинѣ.

— Что, сказалъ онъ, видно не хорошо?

— Не хорошо?

— Давно былъ Видо?

— На прошлой недѣли!

— Что же отецъ?

— Все твердитъ одно да тоже. Говоритъ, а я то съ кѣмъ останусь, когда отдамъ тебя за Видо. Добро бы богатъ былъ, такъ обоихъ бы насъ содержалъ, а то голъ, какъ соколъ. Ты мнѣ нужна, да и только.

— Старикъ любитъ себя больше чѣмъ дочь,— недобре.

— Я говорила, что въ селѣ, мы съ Видо, съумѣемъ прокормить и его и себя. Такъ нѣтъ, не хочетъ изъ этой трущобы, а тутъ, посмотри, камень на камнѣ.

— За то тутъ старикъ сберегъ и тебя и себя отъ Турковъ; его бъ можетъ и не тронули, когда бы умѣлъ молчать, да подставлять спину подъ палки, а ужъ тебѣ-бъ не сдобровать: больно пригожа, — и Радованъ съ любовью поглядѣлъ на это лицо, важное, полное задумчивости, прекрасное, не смотря на свою истому, на этотъ станъ, стройный, величавый...

— Не житье и здѣсь! Горько, Радованъ, не знать ни какой радости на свѣтѣ. — Вотъ племянница твоя, еще бѣднѣе насъ, работаетъ съ утра до вечера, а все же у нея легко на душѣ, въ избѣ не пусто: мужъ, дитя... есть кому слово молвить, есть кому улыбнуться.—А тутъ... Ты, Радованъ, знаешь мое житье... Когда и придетъ Видо, не смѣй съ нимъ слова сказать, хоть сердце такъ къ нему и рвется; и онъ сердечный, чтобъ не накликать на меня бѣду, все дичится: суди самъ, легко ль намъ обоимъ.—На прощаньи, Видо махнулъ рукой и сказалъ: въ гайдуки пойду, — сгубитъ, бѣдный, свою головушку... А чтожъ тогда дѣлать мнѣ, когда и его не станетъ!

— Сердечная! Потерпи, завтра я попробую умолить старика.

Въ это время послышался легкій шумъ за плѣтнемъ. Разговаривавшіе притихли.—Не *онъ* ли? шепнула Фросинья, схватившись за грудь, чтобъ сердце не выскочило отъ радости.

Луна свѣтила ясно. Легко было различить двухъ гайдуковъ, которые что-то несли, прикрытое стрyкой! Это былъ трупъ.

— А гдѣ старикъ? спросили они Фросиню.

— Спитъ; сей часъ разбужу.

— Некогда. Возмите покойника; похороните его; онъ круглый сирота; а намъ теперь не до него: надо выручать живыхъ. Вотъ и деньги на панехиду. Прощайте! Гайдуки положили трупъ на призбу и убѣжали.

— Видо! — вскрикнула несчастная — Видо! и съ этимъ звукомъ вырвалась послѣдняя надежда изъ груди ея. — Фросиня кинулась къ покойнику, бережно положила его голову къ себѣ на колѣни и не сводила глазъ съ лица, все еще суроваго, какъ въ ту минуту, когда руки молодаго гайдука посылали смерть, а грудь приняла смерть. Фросиня не плакала: безмолвна, неподвижна, какъ чудно изваянный мраморъ оставалась она въ такомъ положеніи. — На шумъ вышелъ изъ избы старикъ, отецъ ея. Радованъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Старикъ почесалъ затылокъ. Какъ теперь достать священника; такое невзгодье! Того гляди проснется татаръ: узнаетъ, такъ все разскажетъ въ городѣ.

— Это уже наше дѣло, какъ достать священника и какъ уложить покойника. Иди себѣ и спи.

Старикъ еще почесался и ушелъ въ избу. Радованъ принялся за дѣло; разбудилъ кираджіевъ: одного послалъ за священникомъ, наказавъ ему, что бъ тотъ ѣхалъ окольными тропинками, извѣстными только туземцамъ и всячески избѣгалъ встрѣчъ; съ двумя другими сталъ копать могилу. Фросиня все оставалась неподвижной. — У меня не достало силъ глядѣть на это нѣмое отчаяніе, на это безусловное, безграничное страданіе. Я прилегъ на лавку и старался забыться сномъ. Тщетно!

Рано, утромъ, татаръ пришелъ мнѣ сказать, что уже все готово къ отъѣзду. Я простился со старикомъ. А гдѣжъ Фросиня, спросилъ я его невольно? — А гдѣ жъ это она? Фрося! — и онъ отворилъ маленькой чуланчикъ. — Тутъ лежала бѣдная страдалица... Что выражало ее лицо въ это время? Боже правды! —Она едва пошевельнулась на голосъ отца.

— Оставь ее, сказалъ сурово Радованъ. Ты знаешь какую ночь она провела.—Грѣхъ тебѣ...

— Нѣженка, произнесъ сквозь зубы старикъ. Радованъ подошелъ къ страдалицѣ.

— Все кончено? шепнула она.

— Все!

Несчастная упала ницъ на подушку и горько зарыдала.

За чѣмъ остаются жить люди въ ея положеніи? — За чѣмъ? — Спросите самихъ себя.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Радованъ, что вамъ смотрѣть на чужую бѣду; не для чего пріучаться къ ней. Вѣдь вамъ, господамъ, никогда не приходится испытывать горя.

Радованъ, Радованъ, ты, конечно, не зналъ, сколько злой насмѣшки въ твоихъ словахъ.

Е. Ковалевскій.

ЖИТЕЛИ БРИТАНСКОЙ ГВІАНЫ.

Исторически доказано, что Испанцы, при открытіи Америки, въ 15-томъ столѣтіи, нашли новый материкъ населеннымъ породой людей, которая, какъ по сложенію и цвѣту тѣла, такъ и по нравственнымъ способностямъ совершенно отличалась отъ всѣхъ другихъ націй, дотолѣ извѣстныхъ частей свѣта. Такъ же любопытно и то замѣчаніе, что хотя въ образѣ жизни, обычаяхъ и занятіяхъ было много общаго въ народонаселеніи новаго материка, оно, однакожъ, раздѣлялось на безчисленное множество поколѣній, имѣвшихъ свой языкъ. Педро де Чикка де Леонъ, изучившій большее число этихъ поколѣній, пишетъ: «Хотя все народонаселеніе и раздѣляется на множество даже враждующихъ поколѣній, однакожъ наблюдателю оно представляется, не смотря на совершенное различіе климата въ отдѣльныхъ частяхъ этого огромнаго материка, какъ одна, огромная семья.» Откуда же, при этомъ сходствѣ въ общемъ, происходитъ различіе нарѣчій? По изслѣдованіямъ Сезена, Фатера и Гумбольда въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, 500 различныхъ нарѣчій, въ которыхъ по послѣднимъ наблюденіямъ есть однакожъ нѣкоторая грамматическая аналогія, изъ чего можно бы заключить, что языки измѣнились до такой степени только въ слѣдствіе большихъ переворотовъ и что источникъ ихъ одинъ и тотъ же.

Этого мнѣнія историческими фактами подтвердить невозможно, потому что рѣшительно никакихъ историческихъ свѣдѣній о тѣхъ странахъ не сохранилось; слѣдовательно, всѣ мнѣнія должно основывать на однѣхъ догадкахъ. Между послѣдними имѣютъ нѣкоторую основательность только слѣдующія: или жители новаго материка, въ самомъ дѣлѣ, тамошніе уроженцы, или они азіятскаго происхожденія, откуда постепенно переселялись въ Америку, или же они переселились черезъ Берингов Проливъ и съ Алеутскихъ острововъ на северъ Америки и оттуда уже распространились по всему материку.

Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ своихъ защитниковъ и противниковъ, столько же доказательства за, какъ и противъ себя. Первое изъ нихъ не имѣетъ никакого историческаго основанія, потому что новый материкъ съ населеніемъ своимъ вступаетъ въ исторію не ранѣе 15 столѣтія, и только отдѣльно найденные слѣды и признаки указываютъ на прежнюю исторію всѣхъ народовъ и на высшую нынѣ погибшую степень образованности ихъ.

Второе и третіе мнѣніе, разнствующія между собою, понастоящему, только въ направленіи народнаго переселенія, имѣютъ за себя хотя то историческое основаніе, что какъ библейскіе, такъ и свѣтскіе писатели утверждаютъ, что древній Египетъ и Индостанъ населены были сильнымъ племенемъ, введшимъ тамъ свои нравы и обыкновенія, построившимъ храмы и пирамиды, и начертавшимъ на нихъ свои іероглифы. Допустивъ это, открывается и происхожденіе сихъ поселенцовъ; они должны быть потомки Куша, которые, именно по основаніи сильнаго ихъ государства, разсѣяны Всевышнимъ и слѣды коихъ можно найдти по сѣверовосточному направленію до Палестины, и до сѣверной Сибири, въ развалинахъ ихъ зданій и въ особенныхъ знакахъ ихъ зодіакальнаго круга.

Подобные могильные холмы, каменныя зданія, сходствующія съ тѣми въ общемъ видѣ своемъ, согласныя съ ними же іероглифическія надписи и астрономическое раздѣленіе времени, найденные по открытіи Америки, и еще въ настоящее время открываемые почти ежегодно, равно какъ и географическое положеніе Берингова Пролива и Алеутскихъ острововъ, дѣлаютъ вторженіе азіатскихъ племенъ въ Америку довольно вѣроятнымъ; но при этомъ рождается вопросъ, можно ли объяснить этимъ однимъ обстоятельствомъ. Найденныя зданія? не могъ ли другой народъ по собственному уму создать подобное же; не находится ли въ каждомъ народѣ способность къ развитію и къ упадку на низшую степень образованія?

Постепенно переселявшіеся орды все далѣе и далѣе къ югу подвигали предшественниковъ, которые наконецъ, для сохраненія земли, ими засѣянной, устроили найденныя въ послѣдствіи управленія, но наконецъ, не имѣя возможности сопротивляться напирающимъ массамъ, погибли въ битвѣ за отечество, или же уступая мѣсто новымъ пришельцамъ, пошли далѣе на югъ, и наконецъ, въ теченіи вѣковъ, совершенно изчезли, повинуясь неизмѣннымъ законамъ природы. Потомки послѣднихъ пришельцовъ восторжествовали надъ первыми, а эти въ теченіи безпокойнаго прежняго и настоящаго существованія сошли съ высокой степени образованія своихъ предковъ на низшую, и составляютъ нынѣшнихъ природныхъ жителей Сѣверной и Южной Америки. И въ самомъ дѣлѣ весьма любопытно сходство ихъ съ монгольскими племенами Сѣверной Азіи; это сходство еще явственнѣе у Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ.

Но здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія по сему предмету подробности, хотя и надлежало упомянуть о немъ мимоходомъ, чтобъ изъ смѣшенія мнѣній возможно было составить себѣ собственное понятіе; мы перейдемъ къ нравамъ и обычаямъ природныхъ жителей англійской колоніи Гвіяны, которые весьма недавно сдѣлались намъ болѣе извѣстными изъ путешествій Роберта Шомбургна; вѣроятно свѣденія эти пополнятся, когда напечатаютъ резуль таты послѣднихъ путешествій этого неутомимаго наблюдателя; теперь, конечно, почти невозможно изчислить въ точности природныхъ обитателей британскихъ владѣній, потому что самыя владѣнія еще не ограничены съ точностію, и послѣдняя экспедиція Роберта Шомбургна имѣла именно цѣлію опредѣленіе границъ ихъ владѣній. Шомбургнъ полагаетъ число всѣхъ природныхъ жителей Англійской Гвіяны не выше 7—8 тысячъ душъ, и раздѣляетъ на слѣдующія главныя племена; 1, Араваакп, 2, Варрауп; оба племени обитаютъ по прибрежію Атлантическаго Океана, такъ что селенія и деревни ихъ не отстоятъ отъ берега болѣе какъ на 100 англійскихъ миль; все населеніе простирается не свыше 3000 душъ. 3, Карибы или Карабизы живутъ вдоль нижнихъ береговъ рѣкъ Мазаруни и Куюни, а около сотни душъ того же племени поселились на берегахъ Корептина, 80 при Рупунуни и 30 при Гвидару. — Хотя они прежде были властителями страны, нынѣ число ихъ не превышаетъ 300. 4, Аккаваи или Ваккавои живутъ около верховій Дежерары, Мазаруни и Потаро; число ихъ простирается до 600 душъ; 5, Макузи, живутъ на плоскомъ пространствѣ между Рупунуни и Паримою, между горами Пакараймы и Кануку; число ихъ, въ границахъ британскихъ владѣній простирается до 1500 душъ, а все племя ихъ не превышаетъ 3000; къ сѣверу отъ нихъ живутъ 6, Арекуны, селенія коихъ лежатъ на горахъ и въ долинахъ вблизи источниковъ Корони, Куюни и Мазаруни; но значительнѣйшая часть этого племени принадлежитъ области Венецуела. 7, Вапизіаны обитаютъ въ долинахъ верхняго Рупунуни и на берегахъ Парима; около 500 человѣкъ изъ нихъ живутъ въ англійскомъ владѣніи; 8, Аторансы или Аторіи занимаютъ сѣверовосточный отклонъ Караваимскихъ горъ, и граничатъ непосредственно съ владѣніями Вапизіановъ; подобно Карибамъ племя это почти все вымерло; во всемъ племени въ 1837 г. считалось еще до 200 душъ; а оспа, свирѣпствовавшая здѣсь въ 1842 году, уменьшила ихъ до 30 человѣкъ; подобная судьба ожидаетъ и 9) Тарумовъ, живущихъ у притоковъ верхняго Эссеквибо; въ 1837 году ихъ считалось до 809, но большая часть ихъ вымерла отъ занесенныхъ въ эту страну болѣзней. 10, Вояваи; они обитаютъ въ странѣ между источниками Эссеквибо и притоками Амазонской Рѣки; ихъ около 3—400 душъ, и ихъ можно считать южнымъ пограничнымъ племенемъ британскихъ владѣній; къ симъ 10 главнымъ племенамъ присоединяется множество другихъ, изъ коихъ многія также близки къ совершенному истребленію. Нѣсколько восточнѣе живутъ: Майнуришоны или Кортониптіаны, племя, обвиняемое всѣми сосѣдственными въ томъ, что они съѣдаютъ убитыхъ враговъ своихъ, и — племя, нѣкогда столько могущественное Паравильяновъ на берегахъ Ріо-Бранко. Относительно роста, всѣ эти Индѣйцы между собою равны; немногіе изъ нихъ выше пяти футъ 4 дюймовъ. Относительно отдѣльныхъ частей тѣла и гармоніи ихъ между собою, странно что величина головы вовсе не пропорціональна въ сравненіи съ тѣломъ; еще явственнѣе и страннѣе эта несообразность въ туловищѣ и ногахъ. Шея и затылокъ весьма коренисты и сильны. Разрѣзъ глазъ крайними углами нѣсколько подымается къ вискамъ, но лобъ и вообще передняя часть головы отнюдь не сжата у нихъ, такъ какъ у Негровъ. Въ этомъ отношеніи, они составляютъ средину между Африканцами и Европейцами. Грудь съ ея мускулами хорошо развита и пропорціональна, въ особенности у женщинъ. Выраженіе лица мужчинъ характеристическое, но отнюдь не воинственное.

Руки и шею обвиваютъ они снурками изъ стеклянныхъ бусъ, красныхъ, бѣлыхъ или голубыхъ, которыхъ Индѣйцы внутреннихъ странъ мѣняютъ у жителей прибрежныхъ. Когда нельзя достать стеклянныхъ бусъ, то ихъ замѣняютъ ожерельями изъ зубовъ обезьянъ, изъ разныхъ зеренъ или малыхъ раковинъ; вся прочая одежда состоитъ обыкновенно изъ куска матеріи, которую они сами изготовляютъ, обвивая ею лядвеи, а у женщинъ изъ малаго передника изъ стеклянныхъ бусъ. Когда они имѣютъ средство добыть мѣною изъ колоніи кусокъ голубой матеріи, то всегда даютъ ему преимущество предъ своимъ издѣліемъ, хотя, по прочности, она далеко уступаетъ ихъ тканямъ.

Между ростомъ мужчинъ и женщинъ нѣтъ почти никакого различія. Обыкновенный цвѣтъ кожи ихъ коричневато-оливковый, но и онъ измѣняется по мѣсту жительства. Такъ на пр: нѣкоторые изъ этихъ племенъ совершенно походятъ на Испанцевъ и Португальцевъ, а другіе опять переходятъ въ темнокоричневый цвѣтъ. Но какъ бы ни была темна ихъ кожа, — гладкіе, черные, густые волосы, стройныя ноги и колѣна совершенно отличаютъ ихъ отъ африканскаго племени. Почти всѣ Гвіянцы разрисовываютъ тѣло и лице, либо прямыми линіями и чертами, или же фигурами, какъ на греческихъ и этрусскихъ вазахъ; немногіе изъ сихъ племенъ, и между ними Ворраи, Арраваакп и Макузи татуирують лице, но незначительно, и вся татуировка состоитъ изъ нѣсколькихъ закривленныхъ чертъ у оконечностей рта и надъ бровями. Карибы отличаются живописною драпировкою своей одежды. Другія племена вовсе не носятъ одежды, а только красятъ тѣло черною и красною красками. Каждое многочисленное племя дѣлится опять на орды, въ коихъ всѣ связаны родствомъ. Подобно одеждѣ, и по формѣ хижинъ можно различить племена; жилища Варрайсвъ, Аравааковъ и Карибовъ состоятъ изъ одной крыши на деревянныхъ столбахъ; домы Макузіевъ и Вапизіановъ приближаются уже къ нашимъ простымъ крестьянскимъ хижинамъ; они состоятъ изъ глиняныхъ стѣнъ съ острою крышею изъ пальмовыхъ листьевъ; внутреннее раздѣленіе столь же просто, какъ и потребности, коимъ оно должно удовлетворять. Недостатокъ въ гвоздяхъ и скобахъ замѣняется ивовыми прутьями. Каждый Европеецъ вѣрно удивится истинно архитектоническому искуству строенія, поддерживающаго куполъ. Въ домикахъ или хижинахъ внизу находится только одно помѣщеніе для жительства, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются у Карибовъ хижины съ мезониномъ, къ которому ведетъ наружная лѣстница.

Большею частію въ одной хижинѣ живетъ нѣсколько семействъ; для каждаго нѣтъ особаго отдѣленія или перегородки. Вбитыя однажды бревна, къ которымъ прикрѣплены койки, немногіе камни подъ очагомъ, составляютъ неоспоримую собственность одного какого либо семейства; другое семейство не станетъ занимать ихъ; чужому гостю ихъ предлагаютъ съ готовностію.

Въ каждой значительной деревнѣ находится домъ, собственно назначенный для принятія и жительства временныхъ гостей; онъ находится обыкновенно въ срединѣ селенія.

Когда пріѣдетъ Индѣецъ чужаго племени, одинъ или съ своимъ семействомъ, то отправляется въ этотъ домъ и ожидаетъ тамъ привѣтствія начальника племени. Женщины изъ семейства начальника приносятъ ему прохладительные напитки. Этого не дѣлаютъ только въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій между племенами или между отдѣльными селеніями. Нѣкоторыя племена кочуютъ какъ цыгане изъ одного мѣста въ другое и разбиваютъ свои временныя кочевья тамъ, гдѣ охота и рыбная ловля обѣщаютъ имъ обильную добычу. Эти ходятъ вовсе безъ одежды; каждый Индѣецъ и вообще каждый чужой, непринадлежащій къ ихъ племени, почитается ихъ природнымъ врагомъ.

Каждое племя имѣетъ свои мѣста для охоты и рыбной ловли и земли; лѣсъ вырубаетъ отецъ семейства, а дѣти обработываютъ и засѣваютъ ихъ. Хотя бы въ одной хижинѣ обитало и нѣсколько семействъ, каждое изъ нихъ имѣетъ собственную свою домашнюю утварь, столь же простую, какъ и самыя ихъ потребности. Большею частію состоитъ она изъ нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ, различной величины и формы; сходствуетъ съ формою этрусскихъ вазъ, и изготовляется руками женщинъ; нѣкоторые изъ нихъ вмѣщаютъ до 10 гарнцевъ жидкости. Сосудъ, изготовленный и нѣсколько высушенный на солнцѣ, окрашивается, а потомъ совершенно выжигается или высушивается на солнцѣ. Нѣсколько скамеекъ, вырѣзанныхъ изъ цѣльнаго куска дерева, приборъ для хлѣба изъ кассады, оружіе для охоты и войны, и снарядъ для рыбной ловли, вотъ все достояніе индѣйскаго семейства; но уже и скамейки принадлежатъ къ предметамъ роскоши, потому что Индѣецъ сидитъ большею частію на голой землѣ, или на своей койкѣ.

Индѣйское селеніе состоитъ большею частію изъ 6—10 хижинъ, подъ начальствомъ старшины; признаетъ власть его во всей обширности только въ случаѣ войны и важныхъ распрей съ другими племенами. Могущество и вліяніе его, зависятъ единственно отъ превосходства его тѣлесной силы или умственныхъ способностей. Наслѣдственность начальника считается не по отцу, а по матери, хотя и это не служитъ постояннымъ правиломъ, потому, что по смерти начальника, каждый Индѣецъ, чувствующій въ себѣ силу и достоинство, необходимое для сего званія, можетъ провозгласить себя вождемъ, и семейство наслѣдственнаго владѣльца этимъ не оби-

жается и не мститъ. Конечно, объявляющій притязаніе на владычество долженъ уже быть извѣстенъ тѣлесными и умственными своими качествами, такъ, что природный наслѣдникъ владѣльца охотно уступаетъ ему свое право.

У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обыкновеніе, что вовремя беременности, не только мать, но и супругъ ея подвергаются строгому посту и совершенно удерживаются отъ нѣкоторыхъ яствъ. День спустя послѣ рожденія ребенка постъ прекращается. Ребенокъ, безъ всякой покрышки, выставляется на воздухъ и солнце. Одни Манузіи покрываютъ голову его особенною мазью. Голова новорожденнаго ребенка гуще обростаетъ волосами, нежели у Европейцевъ; дѣти у нихъ также ранѣе начинаютъ бѣгать и говорить, но за то ихъ гораздо позже отлучаютъ отъ груди; дѣти отъ 4—6 лѣтъ питаются еще материнскимъ молокомъ. Послѣ рожденія ребенка, отецъ принимаетъ поздравленія родственниковъ и друзей, а другія женщины селенія или дома родильницы исполняютъ всѣ ея занятія, на 2 или 3 дня. Двойники у нихъ родятся весьма рѣдко, хотя иногда и встрѣчаются Индіянки, кормящія грудью двухъ дѣтей. Это положительно противорѣчитъ извѣстіямъ многихъ путешественниковъ, утверждающихъ, что въ случаѣ рожденія двойни, всегда одинъ ребенокъ умерщвляется.

Имя ребенку даетъ кудесникъ или знахарь, и получаетъ за это отъ отца значительный подарокъ. Дѣйствія ворожбы соотвѣтствуютъ значительности подарка. Кудесникъ произноситъ свои заклинанія надъ ребенкомъ въ особенной темной хижинѣ, съ цѣлію ослабить дѣйствіе злыхъ духовъ на тѣлесное и умственное развитіе ребенка, на всю будущую жизнь его; смотря по подарку эти заклинанія болѣе или менѣе продолжительны. Индѣецъ, неполучившій имени, дѣлается естественно игралищемъ злыхъ духовъ; въ самой нѣжной юности прокалываютъ ребенку губы, уши и носовый хрящъ, и въ отверстія всовываютъ кусочки дерева. Замѣчательно, что родители имѣютъ такое отвращеніе отъ тѣлеснаго наказанія дѣтей, что оставляютъ не наказанными самые грубые проступки.

Первый предметъ, за который хватается мальчикъ, когда разовьются способности его, — это лукъ и стрѣлы; отецъ приготовилъ ихъ уже заблаговременно.

Дѣвушки также съ самыхъ юныхъ лѣтъ помогаютъ матери въ хозяйствѣ, при печеніи хлѣба и приготовленіи любимаго напитка мущинъ — пейсвара, или прядутъ на простомъ веретенѣ, дѣлаютъ нитки и койки, провожаютъ мать на поле и несутъ домой столько канадскаго корня, сколько едва бы подняла вдвое старшая европейская дѣвушка; не смотря на раннее развитіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ нихъ долѣе, нежели въ европейскихъ дѣтяхъ, остается чувство дѣтской скромности и зависимости.

Борьба и родъ игры мячемъ, который они приготовляютъ изъ туземнаго каучука, вотъ всѣ игры, которыя можно видѣть у этихъ племенъ. Когда мальчики должны перейти изъ возраста отроческаго въ мужественный, то должны прежде подвергнуться разнымъ испытаніямъ. Чтобъ видѣть, можетъ ли мальчикъ безъ ропота переносить тѣлесную боль, ему наносятъ раны зубами дикаго кабана или остріемъ клюва тукана на груди, рукахъ, лядвеяхъ и спинѣ. Если ни одна черта лица не оказала признака страданія, то слѣдуютъ другія испытанія, столь же, если не болѣе болѣзненныя: мальчика завязываютъ въ мѣшокъ, въ которомъ множество большихъ муравьевъ, кусающихъ немилосердно. Если онъ перенесъ и этотъ опытъ, такъ что судьямъ не осталось никакого сомнѣнія въ его мужествѣ, то считаютъ его достойнымъ сѣсть въ кругу мужей. Если однакожеонъ не могъ равнодушно переносить всѣ эти мученія, то съ нимъ еще годъ обходятся какъ съ мальчикомъ, и потомъ испытаніе начинается снова.

Когда дѣвушка изъ лѣтъ дѣтства переходитъ въ лѣта зрѣлости, то у Варразовъ остригаютъ ей волоса. У другихъ племенъ привязываютъ дѣвушку къ верхнему бревну хижины и она подвергается дыму и копоти иногда 5 и 6 огней; часто случается, что бѣдная дѣвушка платитъ за это испытаніе жизнію. У Араваковъ и Варразовъ такія событія празднуютъ танцами; молодая дѣвушка является украшенною бусами и бѣлымъ пухомъ различныхъ птицъ, прилѣпленнымъ къ головѣ, плечамъ и лядвеямъ смолою.

(Индѣйская красавица.

(Индѣйцы трехъ главныхъ племенъ.)

Браки не освящаются никакимъ религіознымъ торжествомъ; большею частію они назначаются родителями уже въ самой нѣжной юности дѣтей, и тогда юноша обязанъ служить родителямъ будущей жены своей до ея зрѣлости. Въ это время онъ ухаживаетъ за юною невѣстою своею; приноситъ ей лучшую добычу съ охоты; жену же уводитъ туда, гдѣ хочетъ поселиться, и тогда она совершенно подчиняется его волѣ.

Если же не было заблаговременнаго назначенія состороны родителей, тогда юноши и дѣвушки слѣдуютъ собственной склонности; женихъ посѣщаетъ хижину невѣсты и приноситъ нѣсколько

незначительныхъ подарковъ. Когда сватающійся нравится родителямъ, тогда невѣсту уступаютъ ему, либо за опредѣленные подарки, либо же за назначенную службу; въ послѣднемъ случаѣ, юноша, смотря по достоинству невѣсты, долженъ служить за нее годъ или болѣе. Когда это время прошло, то женихъ очищаетъ довольно значительное пространство земли отъ кустовъ и деревьевъ, и передаетъ дѣвушкѣ, которая какъ жена обязана ее обработать и засѣять.

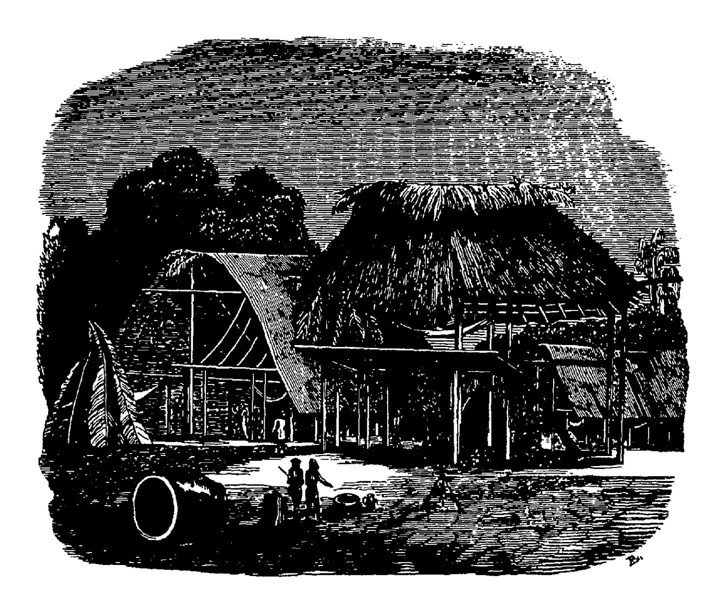
Хотя многоженство и дозволено почти у всѣхъ племенъ, но большая часть Индѣйцевъ имѣетъ только по одной женѣ. Только начальники дѣлаютъ почти всегда исключеніе изъ этого правила; они имѣютъ гаремы изъ 2—6 женъ; изъ нихъ послѣдне-избранныя бываютъ дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ. Но сколько бы женъ ни было у Индѣйца, первая всегда хозяйка, а другія должны ей повиноваться.

Когда мужъ возвращается съ охоты или рыбной ловли, то жена приготовляетъ ему трапезу изъ добычи. Дичина большею частію готовится безъ приправы. Всѣ мущины того-же семейства ѣдятъ въ одно время, и если только погода дозволяетъ, то всегда передъ дверями хижины. Они садятся въ кружокъ, и горшокъ съ кушаньемъ ставятъ въ средину; каждый изъ нихъ обмакиваетъ въ него кусокъ кассады, пальцами старается достать кусокъ мяса. Трапеза идетъ вообще весьма не долго, и каждый уходитъ, какъ только утолитъ голодъ. Женщины не смѣютъ никогда ѣсть вмѣстѣ съ мущинами, но должны ждать и довольствоваться остатками. Какъ это имъ не всегда по вкусу, то большею частію у нихъ гдѣ нибудь въ углу хижины стоитъ особый горшечикъ, который онѣ тотчасъ вытаскиваютъ, какъ только мущины уйдутъ.

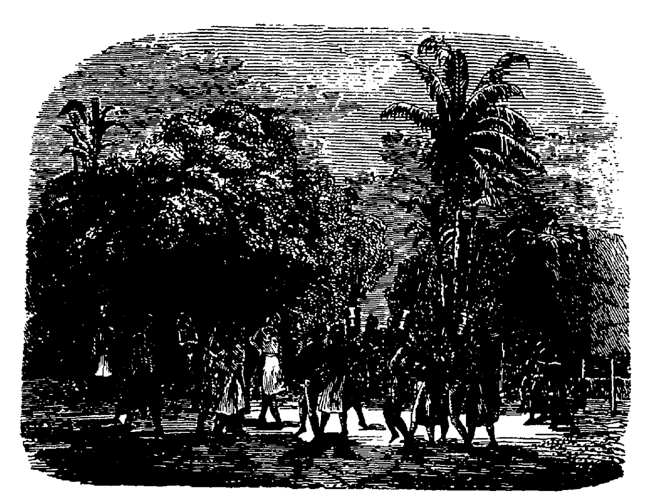
И здѣсь у отдѣльныхъ племенъ мясо иныхъ четвероногихъ и птицъ считается нечистымъ, такъ что даже величайшій голодъ не заставитъ ихъ ѣсть запретное. Къ числу этихъ животныхъ принадлежатъ: домашняя свинья, введенная въ колоніи въ большомъ количествѣ, рогатый скотъ и рыбы значительной величины. Въ особенности Карибы строги въ выборѣ мяса, а у Маркузіевъ даже Sudis gigas одна изъ вкуснѣйшихъ и величайшихъ прѣсноводныхъ рыбъ Гвіяны считается нечистою; кромѣ того изъ рыбъ принадлежитъ къ сему числу все семейство сомовъ. Далѣе отъ берега, гдѣ туземцы еще мало или вовсе не испорчены обхожденіемъ съ Европейцами, свиное мясо возбуждаетъ отвращеніе. А какъ у Маркузіевъ почитаются нечистыми также и говядина, то огромныя стада дикихъ коровъ покойно пасутся на Рупунуни и Ріо-Бранко. Странно, что мясо дикихъ кабановъ не считается нечистымъ.

Кромѣ мяса и рыбы главнѣйшею пищею служитъ имъ хлѣбъ изъ кассады; они приготовляютъ его изъ корней которые въ естественномъ состояніи своемъ имѣетъ многоядовитыхъ свойствъ. Когда корень очистятъ и вымоютъ, то его трутъ на весьма простой теркѣ, состоящей изъ доски, въ которую вколочено множество острыхъ камней, а масса кладется въ цилиндрическую или воронкообразную плетенку изъ стеблей растенія Calathea, чрезвычайно упругаго и называемаго ими матакки. Когда эта воронка наполнится, то однимъ концемъ прикрѣпляютъ ее къ верхнимъ бревнамъ хижины, а другой длинный конецъ употребляется вмѣсто рычага; плетенка крѣпко придавливается, и такимъ образомъ ядовитый сокъ изъ нея выжимается. Когда масса утратитъ жидкія ядовитыя частицы, ее медленно сушатъ на солнцѣ и пекутъ изъ нея хлѣбы. Индѣйцы ѣдятъ понемногу, но часто. Обыкновенное время трапезы, при солнечномъ восходѣ въ 10 часовъ, въ полдень, въ 3 часа, и при солнечномъ закатѣ.

Крѣпкіе напитки приготовляютъ они изъ разныхъ плодовъ и изъ маиса; но любимый напитокъ у нихъ изъ кассаднаго хлѣба. Для этого хлѣбъ печется толще и чернѣе, такъ, что наружная кора почти перегораетъ на уголь; когда онъ простынетъ, женщины ломаютъ его на куски и наливаютъ кипяткомъ. Тогда всю массу мѣсятъ рука-



(Хижины Карибовъ).



(Пляска Индѣйцевъ).

(Музыканты).

ми; если останутся куски, ихъ разгрызаютъ зубами, каша кладется опять въ ушатъ.

Когда одно селеніе хочетъ дать праздникъ другому, то всѣ женщины заняты нѣсколько дней жеваніемъ. Большой ушатъ, имѣющій форму лодки, составляетъ необходимую утварь въ хижинѣ начальника селенія; чѣмъ этотъ ушатъ больше, тѣмъ высшее даетъ понятіе о силѣ и могуществѣ начальника.

Ближайшіе соплеменники почти всегда приглашаются за нѣсколько дней на подобное торжество; приглашеніе повторяется вечеромъ, на канунѣ дня торжества, молодыми людьми того селенія, въ которомъ оно празднуется. Утромъ рано приходятъ приглашенные гости, украшенные перьями и ожерельями изъ зубовъ обезьянъ, зеренъ и бусъ. Плясуны окружаютъ ушатъ съ адскимъ напиткомъ. Индѣецъ, слѣдующій непосредственно за тѣмъ, который избранъ вожатымъ для пляски, несетъ въ правой рукѣ большую калебиму, а въ лѣвой мараку или трещетку. Прочіе участники хватаютъ, что попадется имъ въ руки, кистень, ружье, лукъ и т. п., женщины дѣтей своихъ, молодую собачку, или обезьяну; начинается пляска, сопровождаемая монотоннымъ напѣвомъ пляшущихъ, притаптываніемъ ногами и стукомъ бамбуковой трости, обвитой множествомъ сѣменныхъ стручьевъ растенія производящаго рѣзкій шумъ. Слова импровизируются, и часто повторяются. Такимъ образомъ всѣ участники движутся медленно въ кругу. Наконецъ, вожатый хоровода приближается къ ушату съ пайсвари, черпаетъ, пьетъ подъ пѣніе и передаетъ сосѣду.

Пляски Варрауевъ значительно разнствуютъ съ плясками другихъ племенъ. Каждое село у нихъ имѣетъ своего учителя музыки, Гогогита, обучающаго играть на флейтѣ или раукѣ изъ бамбуковой трости; звуки этихъ инструментовъ весьма схожи съ звуками русской роговой музыки; почти каждый вечеръ собирается молодежь вокругъ своего учителя. Инструментъ состоитъ изъ куска бамбука болѣе или менѣе длиннаго и толстаго, въ который вправленъ мундштукъ изъ тростника, совершенно какъ у нашихъ кларнетовъ. Хотя каждый инструментъ имѣетъ только одну ноту, но учитель знаетъ тоны всѣхъ инструментовъ весьма точно и даетъ знаки такъ вѣрно, что изъ соединенія сихъ отдѣльныхъ тоновъ выходитъ музыкальная пьеса, имѣющая много гармоніи и печальной мелодіи. Кто изобрѣтатель этихъ инструментовъ, Русскіе или Индѣйцы? Вѣроятно оба; невѣроятно, чтобъ какой либо изъ двухъ народовъ занялъ эту музыку у другаго.

Для пляски собираются Индіянки, въ лучшихъ уборахъ своихъ, богато украшенныхъ снурками красныхъ и голубыхъ бусъ, или бѣлымъ пухомъ разныхъ птицъ. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ носятъ еще кусокъ серебра или другаго металла въ носовомъ хрящѣ, такъ что этотъ кусокъ покрываетъ всю верхнюю губу, а у другихъ отъ оконечностей рта до половины щеки идетъ голубая черта, оканчивающаяся въ видѣ якоря; на мѣстѣ бровей идутъ голубыя черты, которыя въ срединѣ лба, загибаются крючкомъ, что даетъ всему лицу выраженіе особенное и довольно интересное.

Когда всѣ танцовщицы соберутся, являются танцоры изъ близъ лежащихъ кустовъ, съ своимъ Гогогитомъ, безпрерывно кланяются до земли и такъ подвигаются къ дамамъ, каждый съ инструментомъ въ рукѣ, и съ султаномъ изъ перьевъ на головѣ; это украшеніе у Гогогита вдвое выше, нежели у другихъ.

Медленно приближаются они къ мѣсту, избранному для пляски, при чемъ всѣ движенія управляются звуками маленькой дудки; играющій превосходно подражаетъ рѣзкому голосу обезьяны. Когда мущины пришли на мѣсто пляски, то по данному знаку всѣ кладутъ инструменты на землю, сами садятся, а учитель музыки бормочетъ непонятныя слова; по третьему знаку они всѣ подымаются, хватаютъ свои инструменты и каждый извлекаетъ одинъ тонъ; тогда всѣ злые духи изгнаны изъ всего мѣста, назначеннаго для пляски, и потеряли власть мѣшать балу.

Тогда и дѣвушки становятся въ кружокъ, проходятъ нѣсколько разъ кругомъ, приближаются къ тому съ кѣмъ хотятъ танцовать, и кладутъ слегка руку на его плечо; тотъ начинаетъ пляску, но продолжаетъ играть. Когда танецъ долженъ кончиться, танцоры три раза топаютъ ногою, къ коей прикрѣплены бубенчики. Если танцоръ короткій знакомый, любовникъ или братъ, то танцорка ожидаетъ третьяго удара; если же онъ мало знакомъ или чужой, то уже при первомъ она съ быстротою спѣшитъ на свое мѣсто. Танецъ совершенно оканчивается общимъ крикомъ мущинъ.

Кромѣ того Варрауи имѣютъ еще множество другихъ танцевъ, въ которыхъ стараются подражать голосу и движеніямъ различныхъ звѣрей.

Весьма любопытный танецъ у Манузіевъ, коимъ они изображаютъ нападеніе на ихъ селенія Карибовъ, похитившихъ ихъ женъ и дочерей, какъ Римляне Сабинокъ, и здѣсь вся окружность избраннаго мѣста очищается отъ злыхъ духовъ; женщины прячутся въ кусты, хижины, и т. п. вожатый подастъ знакъ, и танцоры разбѣгаются искать дамъ. Ищутъ во всѣхъ углахъ домовъ, въ каждомъ кустѣ, за каждымъ деревомъ, приводятъ на мѣсто пляски, и указываютъ мѣсто; когда приведены всѣ, мущины пляшутъ вокругъ прекрасной добычи своей, пока новый знакъ опять разгоняетъ всѣхъ танцорокъ; мущины ихъ преслѣдуютъ, настигаютъ, опять вводятъ въ кругъ, и игра начинается снова.

Какъ пляски, такъ и обряды похоронные, весьма различны. Когда умретъ Варрау, то трупъ со всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежало при жизни, кладется въ родъ урны и въ ней хоронится въ хижинѣ, гдѣ онъ жилъ; надъ могилою горитъ огонь, нѣсколько дней и ночей сряду; собираются родственники покойнаго и оплакиваютъ его потерю дѣйствительно ужаснымъ образомъ. Вдова и дѣти становятся собственностію его брата или ближайшаго родственника; если вдова несоглашается, то родственники вторгаются въ домъ и колотятъ ее немилосердо; но это даетъ ей тогда полную свободу жить съ тѣмъ, кого она изберетъ.

Церемоніи Араваакавъ довольно схожи съ вышеописанными; если покойникъ былъ человѣкъ значительный, то по смерти его на участкѣ поля сажаютъ корни кассады; по истеченіи 12 мѣсяцовъ, въ какое время кассада созрѣваетъ, родственниковъ и пріятелей опять созываютъ, и угощаютъ пайсваромъ, приготовленнымъ изъ корней и дичиною. Послѣ трапезы гости пляшутъ надъ могилою покойнаго, и бьютъ другъ друга нарочно для этого приготовленными прутьями, которые послѣ того вѣшаютъ въ хижинѣ. Около шести мѣсяцевъ спустя опять пляска; тогда прутья сожигаются, и память покойнаго, равно какъ и взаимные удары, предаются забвенію.

Карибы кладутъ покойника въ кадку, гдѣ его ежедневно моетъ вдова и ближайшія родственницы, и наблюдаютъ, чтобъ его не безпокоили дикіе звѣри и насѣкомыя. Когда гнилость тѣла достигла извѣстной степени, то кости совершенно очищаются, кладутся въ корзинку и тщательно сберегаются. Когда жители оставляютъ свое селеніе, то всѣ кости сожигаютъ, пепелъ собираютъ и уносятъ... Женщины, очищавшія кости, считаются нѣсколько мѣсяцевъ нечистыми.

Вѣра въ безсмертіе души есть и у Гвіанскихъ Индѣйцевъ. Они также признаютъ высочайшее совершеннѣйшее существо но утверждаютъ, что дѣятельность его такъ занята содержаніемъ въ порядкѣ устройства вселенной, что оно не можетъ заниматься отдѣльными людьми, отчего безчисленное множество злыхъ духовъ получаютъ возможность и власть вредить людямъ; болѣзнь, смерть, несчастіе, голодъ и тому подобное — слѣдствія завистливой и злой ихъ воли. Но чтобы человѣческій родъ не изнемогъ подъ злымъ вліяніемъ демоновъ, то высочайшее существо дало нѣкоторымъ лицамъ силу и указало имъ средства, противиться вліянію злыхъ духовъ. Эти избранные волшебники, коихъ заклинанія имѣютъ величайшую власть надъ демонами, такъ что демоны должны имъ повиноваться.

Къ несчастію эти племена будутъ вскорѣ существовать только въ преданіяхъ; злокачественныя болѣзни и другія естественныя причины истребляютъ ихъ быстро.

Девять Индѣйцевъ изъ другой британской колоніи недавно посѣтили Англію, и мы прилагаемъ изображенія ихъ для сравненія одежды Сѣверо-Американскихъ и Южно-Американскихъ такъ называемыхъ «Дикихъ». Одинъ изъ нихъ женился на Англичанкѣ, дочери рѣщика и золотильщика; она хочетъ слѣдовать за супругомъ своимъ въ степи Канады на берега Гуронскаго Озера, гдѣ племя его имѣетъ свои жилища.

ХОРОША-ЛИ СОБОЮ ЕЛЕНА?

Эскизъ.

Между зеркальными простѣнками широкаго отверстія, ведущаго изъ гостиной въ танцовальную залу, Елена остановилась. Здѣсь ей хорошо; здѣсь не пропадаетъ ни одна сторона, ни одно намѣреніе ея расчитанныхъ и въ то же время свободныхъ движеній. Кто пройдетъ мимо, такъ увидитъ нѣсколькихъ Еленъ, и теряясь въ сравненіяхъ, не будетъ знать, которой отдать преимущество.

Окруженная толпою молодыхъ людей, она съ равнымъ спокойствіемъ, и выслушиваетъ привѣтствія, и отвѣчаетъ на нихъ; не всегда осторожная въ своихъ замѣчаніяхъ, она всегда умѣетъ предупредить опрометчивость или нескромную выходку новичка.

Не буду описывать наружность Елены, потому что съ понятіями опрятной наружности, я соединяю такія условія, о которыхъ судить предоставляю вамъ самимъ. Спрашиваю, что значатъ всѣ женскія прелести, безъ другихъ, болѣе властительныхъ очарованій, безъ очарованій рѣзваго, женскаго ума, безъ увлеченія всегда простодушнаго, и только изрѣдка, немножко лукаваго женскаго сердца?

Поговорите же съ Еленой о вещахъ, занимающихъ ея душу и воображеніе; подслушайте струну, которая звучитъ въ ея добромъ, любящемъ сердцѣ, плѣняя и радуя все, что ему близко, все—что его окружаетъ, — подслушайте эту струну, извлеките изъ нея ваши любимые звуки, и тогда сами скажете мнѣ, хороша-ли она собою? Но вы нетерпѣливы, а я надъ вами не властенъ. Всмотритесь же въ ея глаза, полные невыразимыхъ искушеній; въ нихъ залогъ всегдашняго, вѣчнаго счастія; они торжествуютъ любовь, въ нихъ любовь торжествуетъ побѣду! Всмотритесь въ неуловимый рисунокъ ея неуловимой физіогноміи: когда Елена одушевится, и душа ея выскажется въ глазахъ; когда она заговоритъ, и не досказавъ чего-то, умолкнетъ; когда ея улыбка обозначитъ скрытное движеніе сердца, обозначитъ — и сомкнется на устахъ, и вы въ нихъ прочтете что-то обворожительно досадное, что-то мучительно прекрасное, — тогда дѣйствительность изчезнетъ и вы погрузитесь въ размышленіе. Но успокойте, успокойте ваши тревожныя чувства на ея свѣтломъ, открытомъ челѣ; здѣсь печать мысли болѣе доступной ваше-

му созерцанію. Разгадайте же эту мысль, разгадайте выраженіе ея лица, озареннаго чуднымъ, сказочнымъ свѣтомъ! Или это волшебство окружающихъ предметовъ, скользящая свѣтотѣнь, отраженіе отъ зеркалъ, отъ драпировки, отъ бѣломраморныхъ стѣнъ салона... Нѣтъ, нѣтъ, это та живая, вѣчно юная красота души, которая переживаетъ красоту тѣлесную и не умираетъ за предѣлами жизни. Но что это за рѣзвая, что за вертлявая мысль! Вы ее ищете, она прячется; вы за нею, она отъ васъ. Зайчикъ, сущій зайчикъ, за которымъ, помните, вы не успѣвали глазами, играя на солнцѣ осколышкомъ зеркала. Но вотъ вы вооружились терпѣніемъ, вы готовы уловить мысль Елены и похитить сокровеннѣйшія тайны ея сердца... Отчего жъ вы, внезапно, такъ измѣнились въ лицѣ?

Оставьте, оставьте ваши намѣренія, ваши лафатеровскія притязанія. Пусть останется душа Елены, которую вы хотите прочесть на ея лицѣ, на этомъ іероглифѣ души человѣческой, пусть она лучше останется для васъ неразрѣшимою загадкой, потому что иначе вы рискуете сдѣлать несправедливость, за которую я не берусь отвѣчать.

Вотъ раздается хоръ трубачей, знакомые звуки Беллини! то грустью, то нѣгой въ душѣ отзовутся, о чемъ-то волшебномъ повѣдаютъ и сны золотые навѣютъ, и Эльфы невидимо васъ принимаютъ на крылья, уносятъ въ пространство... Взгляните теперь на Елену; она, кажется, о чемъ то вспомнила, подняла глаза, облокотилась и сдѣлала движеніе головою, какъ одинъ изъ ангеловъ сикстинской Мадонны, — она вспомнила о томъ, что для нея и безутѣшнѣе самой печали и дороже жизни! и вы снова не можете насмотрѣться на Елену, вы находите въ ней сходство съ... Какъ вдругъ: — Скажите, спрашиваетъ она съ совершеннымъ равнодушіемъ, скажите, кто этотъ уродъ, что танцуетъ съ кузиной моей, съ кузиной ***, вы не знаете, нѣтъ? — Движеніе руки показываетъ, что вопросъ обращается къ вамъ, и что если вы сами не уродъ, то оцѣните честь, которую она вамъ дѣлаетъ своимъ вопросомъ. — Почему жъ онъ уродъ, спрашиваете вы, въ свою очередь, забывъ на время уроки вѣжливости, о которой вамъ также когда-то говорили, почему жъ онъ уродъ? Онъ молодой человѣкъ прекрасный, весьма достойный и мнѣ большой пріятель. — Елена окинула васъ взглядомъ, сдѣлала маленькую гримасу и однимъ движеніемъ головы, какъ будто остановила всѣ ваши успѣхи въ обществѣ. (Предполагается, что вы новичекъ). Но Елена, какъ ребенокъ избалованный и невоздержный, недовольствуется гримасой. — Что жъ, нѣмецкій студентъ, ученый или чиновникъ что-ли какой, или развѣ живописецъ, — спрашиваетъ она, и недождавшись отвѣта, опять спрашиваетъ: — то есть студентъ? и тутъ же не то спрашиваетъ, не то отвѣчаетъ: — да.

Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ, о которомъ спрашивала Елена, ей не представленъ, а какъ всѣ болѣе или менѣе порядочные молодые люди ей должны быть извѣстны, то она и сдѣлала посылку, изъ которой ясно слѣдовало, что тотъ молодой человѣкъ долженъ быть или уродъ, или нѣмецкій ученый, или чиновникъ, или по крайней мѣрѣ живописецъ. Что жъ вы тутъ находите оскорбительнаго, и что мудренаго, если на вашу скучную фразу она вамъ отвѣчаетъ какъ умѣетъ? Но я знаю, вы не столько досадуете на слова Елены, сколько на то, что она теперь о васъ думаетъ, а думаетъ она, сдается вамъ, ни больше, ни меньше, какъ: противный, одинъ изъ тѣхъ скучныхъ, нелѣпыхъ, съ которыми нельзя слова сказать; антикварій допотопный, если не хуже...

Какой же вы странный человѣкъ, вообразили себѣ, чего можетъ быть вовсе не существуетъ, и сами разрушаете то прекрасное впечатлѣніе, которое на васъ произвела Елена; сами лишаете себя того высокаго удовольствія, какое испытываетъ молодой человѣкъ, при видѣ молодой, прекрасной женщины. Предъ вами уже не подобіе божества, а простая смертная, да еще какая смертная... и вотъ, не отвѣчая ни слова, вы отходите и уступаете мѣсто бѣлокурому молодому человѣку, который послѣ небольшаго объясненія съ хозяйкой дома, кажется весьма смущеннымъ; но прежде нежели мы займемся бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ, я бы хотѣлъ вамъ сказать, что на счетъ васъ самихъ, вы можете быть совершенно покойны, что съ этой минуты и до новой встрѣчи, Елена о васъ и не вспомнитъ; что все, вами ей сказанное, будетъ совершенно забыто; что у Елены ужъ такое доброе сердце, а что касается до сердца, то я не могу вамъ не замѣтить, что вы гораздо сердитѣе, и судя по вашимъ же словамъ, сами порядочный забіяка. Вспомните только, что нѣсколько минутъ тому вы были въ восторгѣ отъ Елены, и два слова могли васъ разочаровать совершенно? Въ мысляхъ вашихъ образуются странныя понятія объ Еленѣ, и мало того, что вы думаете, вы готовы сказать всякому встрѣчному... но я не скажу того, что вы готовы сказать; это было бы не совсѣмъ прилично и не совсѣмъ хорошо, и какая же разница между добрымъ сердцемъ Елены и вашимъ сердцемъ, питающимъ такія враждебныя помышленія? Впрочемъ, если вы непремѣнно хотите, чтобъ я вамъ правду сказалъ по-секрету, я вамъ скажу, что Елена дѣйствительно не много по болѣе того, что называется модницей; но вѣдь я вамъ это говорю только на ухо, а говорить по секрету и думать вслухъ, двѣ вещи разныя...

Но мы, кажется, говорили о бѣлокуромъ молодомъ человѣкѣ, которому вы уступили свое мѣсто. Представьте себѣ юношу лѣтъ восемьнадцати, нѣжнаго сложенія, съ розовымъ личикомъ; оно не безъ выраженія и женоподобнымъ окладомъ своимъ напоминаетъ о цѣломудренной физіогноміи пажа Фридолина. Взгляните какъ онъ робко и недовѣрчиво смотритъ на окружающихъ; то потупитъ глаза, то какъ испугачная газель, неспокойно ими пробѣжитъ по равнодушнымъ, самоувѣреннымъ лицамъ бальныхъ дамъ и кавалеровъ; но наиболѣе взоръ его смущается видомъ дамы, которой онъ былъ представленъ за нѣсколько дней и которую онъ теперь узнаетъ въ Еленѣ; всякій разъ какъ онъ взглянетъ на нее, ему кажется, что онъ видитъ предъ собой ту Пѳію общественнаго мнѣнія, которой приговоры строги и неизмѣнны. Бѣдный молодой человѣкъ; какъ онъ убитъ своимъ положеніемъ; да и есть отъ чего быть убитымъ! Представьте, только что сошедшій съ университетской скамьи, едва вступившій въ свѣтъ, онъ рѣшился на дѣло отважное; онъ былъ такъ не ловокъ и опрометчивъ, такъ мало знакомъ съ этикетомъ, что рѣшился просить на мазурку не племянницу, не дочь хозяйки, а самую хозяйку. Что же дѣлаетъ Елена, у которой на эти вещи и тактъ и глазъ и соображеніе удивительное? — Посмотрите, говоритъ она, такъ громко, что ее слышно на срединѣ залы, посмотрите, говоритъ она, сопровождая свои слова смѣхомъ, похожимъ на нѣсколько маленькихъ звенящихъ колокольчиковъ, посмотрите, этотъ блондинъ, онъ вздумалъ графиню на мазурку просить; какъ вы думаете, онъ о себѣ не дурнаго мнѣнія?

Этого довольно, чтобъ уничтожить юношу, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, и вы можете быть увѣрены, что весною, на первомъ пароходѣ, онъ отправится за границу, чтобъ отсутствіемъ заставить забыть свою опрометчивость и изгладить непріятное впечатлѣніе.

Въ то самое время, какъ бѣлокурый молодой человѣкъ теряется въ мысляхъ о своемъ критическомъ положеніи, Елена до того увлеклась разговоромъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, что вы невольно становитесь наблюдателемъ всѣхъ ея словъ к движеній. Молодой человѣкъ, о которомъ мы теперь говоримъ, есть не много менѣе того, что въ свѣтской табели о рангахъ называется львомъ, и немного по болѣе того, что выражается словомъ онагръ. Вотъ онъ нагнулся и что-то ей сказалъ вполголоса. Будь Елена помоложе и менѣе опытна въ дѣлахъ свѣтскихъ, она бы смутилась, но она эту школу прошла, и тутъ же, ни мало не затрудняясь, отвѣчаетъ ему: завтра, въ половинѣ двѣнадцатаго, я пріѣду въ англійскій магазинъ взглянуть

на бархатныя мантильи. Елена произноситъ эти слова съ такимъ спокойствіемъ, что я изъ нихъ вывожу слѣдующее заключеніе:

Завтра, въ половинѣ двѣнадцатаго, у подъѣзда англійскаго магазина остановится карета, но не Еленина карета, которая въ этотъ самый часъ подъѣдетъ къ другому магазину, а остановится карета ея мужа, который при встрѣчѣ съ молодымъ человѣкомъ, недоросшимъ до льва, скажетъ ему мимоходомъ, что онъ пріѣхалъ сюда по порученію жены, чтобы взглянуть на бархатныя мантильи, и это онъ скажетъ отъ чистаго сердца, потому что мужъ Елены ничего не подозрѣваетъ, да и подозрѣвать не намѣренъ. Въ пять часовъ того же дня, двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ довольствуется титломъ петербургскаго онагра, а другой не доволенъ и тѣмъ, что слыветъ за парижскаго льва, встрѣтятся у Сенъ-Жоржа; одинъ у другаго спроситъ, какъ онъ сегодняшнее утро провелъ и какъ онъ находитъ фасонъ новыхъ заграничныхъ мантилій? Вслѣдъ за тѣмъ завяжется между ними объясненіе, о которомъ я долженъ умолчать по многимъ причинамъ, вопервыхъ, по скромности, которую обязанъ сохранять въ подобныхъ случаяхъ во вторыхъ, потому, что взявшись написать только эскизъ, я не вправѣ описывать тѣхъ подробностей, которыя принадлежатъ полной картинѣ, и наконецъ въ третьихъ, потому, что опасаюсь погрѣшить противу такого добраго листка, каковъ листокъ Иллюстраціи.

Теперь, когда вы имѣете маленькое понятіе о характерѣ Елены, я позволю себѣ сдѣлать вопросъ: хороша-ли она собою?

А. Струговщиковъ.

АНЕКДОТЪ.

О КНЯЗѢ БАГРАТІОНѢ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ прибылъ изъ Грузіи въ Петербургъ въ 1782 году. Ему было 18 лѣтъ. Онъ остановился въ домѣ Княгини Анны Александровны Голицыной, урожденной Княжны Грузинской, вызвавшей его изъ Грузіи, для опредѣленія въ службу. На другой день, обѣдая у Князя Потемкина, на дачѣ, въ 13-ти верстахъ отъ столицы, по Петергофской дорогѣ, (бывшей въ послѣдствіи Александра Львовича Нарышкина), Княгиня Голицына просила Потемкина принять молодаго Багратіона подъ свое покровительство. Потемкинъ немедленно послалъ за нимъ курьера: Бѣдный юноша, только что прибывшій изъ дальняго края, не имѣлъ еще пристойной одежды и не зналъ какъ явиться къ Потемкину. Дворецкой Княгини Голицыной, Карелинъ, вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, ссудилъ ему свое собственное платье, и Багратіонъ поскакалъ съ курьеромъ на дачу. Невысокаго роста, блѣдный, худощавый Багратіонъ, въ неуклюжемъ кафтанѣ дворецкаго, скромно, но не робко предсталъ предъ «великолѣпнымъ Княземъ Тавриды,» среди блистательнаго общества. Орлинымъ взоромъ окинувъ безвѣстнаго юношу, Потемкинъ удостоилъ его разговоромъ. Довольный отвѣтами Багратіона, онъ поздравилъ его прапорщикомъ и приказалъ ему отправиться въ армію.

Прошло болѣе четверти вѣка. Насталъ 1811 годъ. Багратіонъ, уже предводившій арміями, Андреевскій кавалеръ, озаренный славою народнаго героя Россіи, проводилъ лѣто у той же Княгини А. А. Голицыной, Владимірской Губерніи, Юрьевскаго-уѣзда въ селѣ Симѣ, между друзьями и родственниками, отдыхая на лаврахъ и готовясь къ новымъ подвигамъ. Однажды, за обѣдомъ, Багратіонъ долго и пристально смотрѣлъ на служившаго за столомъ пожилаго дворецкаго: то былъ Карелинъ. Не говоря ни слова, Багратіонъ встаетъ, идетъ прямо къ старцу, бросается къ нему на шею и восклицаетъ: «Помнишь ли ты, добрый Карелинъ, какъ за 30 лѣтъ, въ твоемъ кафтанѣ явился я къ Князю Потемкину? Безъ тебя, можетъ быть, не былъ бы я тѣмъ, чѣмъ ты меня теперь видишь. Спасибо, тысячу разъ спасибо!»

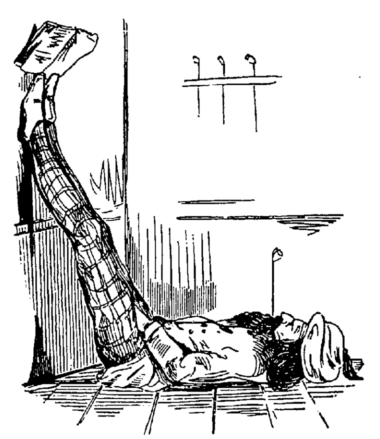
Вскорѣ потомъ, въ сентябрѣ 1811 года, курьеръ привезъ въ Симы повелѣніе Князю Багратіону принять предводительство надъ второю западною арміею. Багратіонъ простился съ хозяевами села Симы, обѣщая пріѣхать къ нимъ въ слѣдующій годъ на отдохновеніе, если только обстоятельства позволятъ. Дѣйствительно: ровно черезъ годъ онъ возвратился въ Симы... на вѣчное отдохновеніе.

А. М.-Данилевскій.

КАРИКАТУРЫ ШАМА.

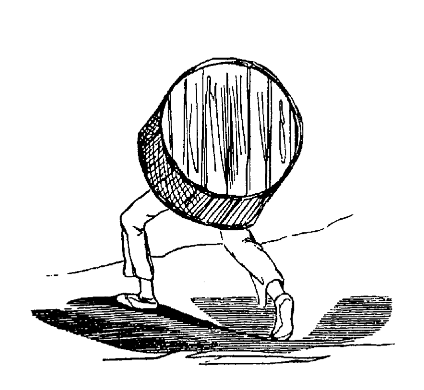
Во всѣхъ вѣкахъ карикатура составляла особенный родъ въ искуствѣ; имъ занимались даже знаменитые художники; карикатура не есть пустая насмѣшка; бываетъ и то, правда; но гдѣ нѣтъ злоупотребленій? Карикатура, въ художественномъ значеніи, тоже, что басня и апологъ въ Піитикѣ, которыя, какъ извѣстно всякому, весьма разнствуютъ отъ эпиграммы, а съ памфлетомъ и пасквилемъ не имѣютъ ничего общаго. Здѣсь не мѣсто входить въ эстетическія подробности этого предмета. Начнемъ съ дѣла живаго, съ каррикатуръ. Изъ современныхъ художниковъ въ этомъ родѣ отличается Шамъ, который далеко превосходитъ своихъ соперниковъ. У него цѣлыя коллекціи весьма остроумныхъ, безобидныхъ карикатуръ. Лучшія всѣ мы передадимъ нашимъ читателямъ, потомъ помѣстимъ и оригинальныя русскія, потомъ познакомимъ съ художниками въ этомъ родѣ другихъ временъ, и тогда, пожалуй, поговоримъ о художественномъ значеніи карикатуры въ болѣе обширномъ видѣ. На первый случай представляемъ геометрію Шама.

Острый уголъ.



Тупой уголъ.

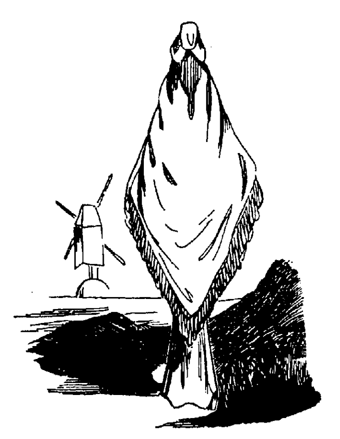
Треугольникъ.



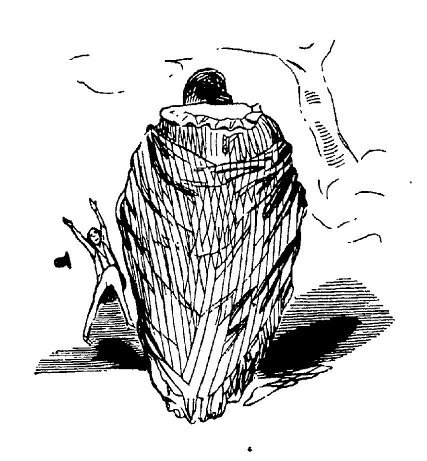
Кругъ.

Точка упора.

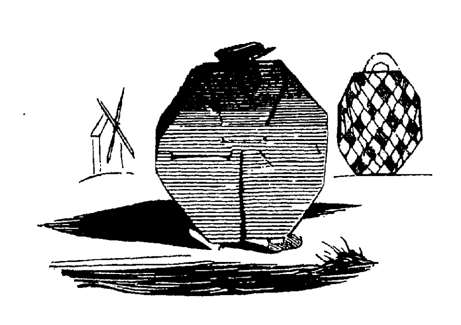
Неправильный многоугольникъ.



Ромбъ.



Элипсисъ.



Правильный многоугольникъ.

СМѢСЬ.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ

40. **Сидѣть на слуху** — стеречь, караулить, чутко остерегаться. Заяцъ весною на слуху и потому не подпускаетъ. Наслушивать рукою сѣть или снасть.

41. У насъ нѣсколько разъ спорили о томъ, чѣмъ замѣнить слово pendant, панданъ, говоря о картинѣ или другой вещи. Одни предлагали для этого слова *вровень* — другіе, поглумившись надъ этимъ, находили, что *соотвѣтствіе* или *соотвѣтственность* ближе выражаетъ дѣло. *Вровень* — не идетъ, это такъ; но не понимаемъ, какъ русскій человѣкъ можетъ объясняться до такой степени не по-русски, чтобы предпочесть этому *соотвѣтствіе*, — слово, которое отнюдь не можетъ быть употреблено вмѣсто пандана. Но у насъ есть на это нѣсколько словъ: ровня, дружка, пара, чета, подоба, подъстать, подъ-ладъ, подъ-масть, подъ-пару и проч. Сдѣлать дружку къ приворотной надолбѣ; повѣсить пару или дружку картины, или картинѣ; или къ картинѣ этой насупротивъ и проч.

42. **Опознать, опознаться, обознаться.** *Опознать* украденную лошадь, опознать непріятеля, тоже что узнать; распознавать, опознать мѣстность, что обыкновенно называется рекогносцировать. *Опознаться* — по-русски оріентироваться: я долго смотрѣлъ и насилу могъ на этомъ мѣстѣ опознаться — Опознаться на извѣстномъ мѣстоположеніи, на поприщѣ науки. Постойте, дайте опознаться, — сказалъ испуганный, смирный человѣкъ, котораго привели къ допросу въ судъ; т. е. опомниться, придти въ себя. *Обознаться* — ошибиться; но здѣсь заключается еще иной смыслъ: принять по ошибкѣ одну вещь, или человѣка за другаго. Я, обознавшись, поклонился чужому человѣку, думалъ, что это вы. Я, обознавшись, вклепался въ чужую шубу. Я обознался въ этомъ человѣкѣ: я думалъ, что изъ него выйдетъ прокъ. Одинъ изъ лучшихъ писателей нашихъ, въ коренномъ русскомъ романѣ — Бусурманъ — говоритъ: «Онъ увидѣлъ, что принялъ вышедшаго за другаго» — т. е. онъ увидѣлъ, что обознался.

43. **Обсылаться, обослаться** — посылать другъ ко другу взаимно или по очереди: обсылаться поклонами, письмами, подарками. Слово это выражаетъ также ошибку или отправленіе чего либо не туда, куда слѣдовало, на имя другаго лица. Разъѣзды, на цѣпи, обсылаются бирками, для удостовѣренія, что каждый изъ нихъ точно доѣзжалъ до своего мѣста.

44. **Наболѣть**, щека наболѣла, много разъ пухла.

45. **Прикинуть**: 1. прибавить, набавить; 2. примѣрить, примѣнить; 3. прикинуть портному платье, которое онъ обузилъ.

46. **Пронять** — протянуть; — но тутъ подразумѣвается, что орудіе остается въ проемѣ: пронять ухо серьгой; у вашей дочеришки проняты? *Проемъ* — оставляется въ стѣнѣ, гдѣ стоятъ печи; всякое сквозное отверстіе. Проемное дерево, пень, — въ которомъ сквозное дупло. *Пройма* — прорѣха въ платьѣ, гдѣ быть рукавамъ.

47. **Наслушивать** — относится собственно не до слуха, а до осязанія: наслушивать рукою сѣть, не толкнется ли рыба. *Наслухъ* — тоже что слухъ, молва: объ немъ плохой наслухъ. *Послухъ* — послушаніе; онъ въ послухѣ — въ послушаніи. *Прислухъ* — быть на прислухѣ, тоже что быть лазутчикомъ, прикормленнымъ человѣкомъ: у меня есть тамъ на прислухѣ, я все узнаю.

48. Если лошади въ упряжи стали, не везутъ, то нашъ народъ весьма основательно отличаетъ причину этого особымъ выраженіемъ: кони осѣклись — значитъ хотѣли подхватить сразу, однимъ плечемъ, дернули, не разсчитавъ тяжести, и не смогли; также хотѣли взять въ гору на выносъ и не подъ силу стало. Кони *Замялись* — почти тоже, но собственно дернули не хотя или не дружно. Лошадь *затянулась* — хомутъ или клешня легла на душу, на гортань, лошади нельзя дышать, она зашаталась и стала, или даже упала. Кони *заартачились* — стало быть они съ норовомъ, заупрямились и не хотятъ идти. Лошади *пристали*, и наконецъ, *стали*, значитъ выбились изъ силъ, нейдутъ, выпрягай да корми. Лошадь *загорѣлась* — запыхалась отъ шибкой ѣзды, особенно, если она сыта была; дай ей отдохнуть, перевести духъ и она пойдетъ. Лошадь *задохлась*, отъ жару, отъ пыли, и проч.

49. Спать будко, дремать чутко. У него соловьиный сонъ — легкій, самый булкій.

50. Слушать краемъ уха: ты не достоинъ послушать краемъ уха рѣчей его; ты и меня только краемъ уха слушаешь.

51. Сказать что нибудь на вой вѣтеръ.

52. Доправить на комъ: взыскать. Если онъ не устоитъ, такъ доправьте на мнѣ: я вамъ за него отвѣтчикъ.

Луганскій.

—

Путешествіе г. Чихачева на Алтай. Мы узнаемъ о трудахъ русскихъ ученыхъ, въ *трубу* иноземную, какъ выражаются Чехи. Не знаемъ и не хотимъ искать причинъ, по коимъ столь важные плоды любознательности нашихъ соотечественниковъ становятся прежде извѣстными за границей и приходятъ къ намъ въ числѣ иностранныхъ извѣстій. Мы знали, что г. Чихачевъ путешествуетъ по разнымъ странамъ съ ученою цѣлью, что съ нимъ нашъ даровитый художникъ Е. Е. Мейеръ; все это мы знали по слухамъ, — и виноваты ли мы, когда авторы, неудостоивъ издателей русскихъ повременниковъ своимъ довѣріемъ, въ тайнѣ пронесли свои открытія и наблюденія черезъ все отечество и повергли ихъ на благоусмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ. Конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ это учрежденіе можно признать ученымъ и достойнымъ ареопагомъ. Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'académie des sciences — для насъ, и для всѣхъ любителей науки — едвали не самое занимательное періодическое изданіе въ Европѣ. Это сцена всей европейской ученой дѣятельности. Г. Чихачевъ нашелъ себя въ силахъ предстать на это судилище — и не ошибся. Записка его подвергнута установленнымъ порядкомъ разсмотрѣнію особаго комитета (Гг. Броньяръ, Эли де Бомонъ и Дюфреноа). Отчетъ этого Комитета весьма обширный, изложенъ г. Бомономъ и помѣщенъ въ послѣдней тетради академическаго повременника.

Средняя Азія съ нѣкотораго времени возбуждаетъ особенное вниманіе ученаго міра. Можно положительно сказать, что удивительный Гумбольтъ первый, въ своей удивительной книгѣ «Центральная Азія» освѣтилъ это огромное пространство земли и увлекъ сюда многихъ путешественниковъ. Путешествія Гумбольта, Эренберга и Густава Розе въ 1829 году на Иртышъ принесли важную пользу. Путешествіе г. Чихачева дополняетъ труды предшественниковъ въ значительномъ размѣрѣ. Одна геологическая карта Алтая и части Саянскихъ Горъ уже важное ученое пріобрѣтеніе и заключаетъ въ себѣ пространство равняющееся пространству всей Франціи. Донесеніе г. Бомона Парижской Академіи Наукъ чисто — геологическое; подробность этого донесенія обнаруживаетъ и уваженіе Комитета къ труду нашего соотечественника и достоинство самаго труда. Академія умѣла оцѣнить послѣднее, и въ заключеніи изъявила автору свою признательность и готовность помѣстить его сочиненіе въ изданіи Recueils des savants étrangers. Но Г. Чихачевъ уже изготовилъ великолѣпное изданіе своего путешествія на Алтай въ полномъ видѣ, украшенное гравюрами по рисункамъ Мейера.

Намъ пріятно при этомъ случаѣ сообщить читателямъ, что Е. Е. Мейеръ принимаетъ постоянное участіе въ Иллюстраціи. Нѣкоторые изъ его рисунковъ были уже помѣщены; но большая и важнѣйшая часть гравируется въ Парижѣ; содня на день ожидаемъ присылки этихъ гравюръ.

—

Электрическіе Телеграфы. Въ томъ же засѣданіи академіи наукъ, 12 мая, Г. Араго словесно сообщилъ результаты опытовъ, произведенныхъ надъ электрическимъ телеграфомъ. Опыты эти удались вполнѣ. Извѣстія изъ Парижа въ Руанъ и обратно, посредствомъ телеграфа, мгновенно были переданы съ такою вѣрностію, что теперь не остается ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ дѣйствительности и совершенной примѣнимости этого способа сообщенія. — Г. Матеуччи въ письмѣ къ Г. Араго изложилъ весьма занимательные результаты произведенныхъ имъ опытовъ надъ электрическимъ телеграфомъ, проведеннымъ въ Велико-Герцогскомъ Паркѣ возлѣ Пизы. Письмо это весьма любопытно, но весьма жаль, что Г. Араго не сообщилъ своихъ открытій письменно. Тогдабы можно сравнить усилія и результаты.

—

Космосъ, соч. Гумболдта. Ученыя заслуги Гумбольдта неисчислимы, неоцѣнимы. Чего не касался этотъ обширный, энциклопедическій умъ? Этотъ одинъ эмпирикъ стоитъ для науки цѣлаго легіона нѣмецкихъ философовъ, которые, погрузивъ чистое ученіе Канта въ бездну схоластическихъ словопреній, утонаютъ въ нихъ, безъ всякой надежды на спасеніе. Напрасно подавать имъ руку помощи; они будутъ разсуждать объ этой рукѣ какъ метафизикъ въ баснѣ о веревкѣ, и оттолкнутъ спасительную руку въ мгновеніе погибели. Оставимъ неизлѣчимыхъ, обратимся къ творенію, которое должно быть занимательнымъ не для однихъ ученыхъ.

Космосъ, слово греческое, означало красоту и порядокъ, впослѣдствіи получило философическій смыслъ и значило: благоустройство вселенной. Этимъ именемъ назвалъ Гумбольдтъ сочиненіе, мысль о коемъ, какъ самъ говоритъ, носилъ онъ полъ-вѣка и теперь рѣшился осуществить, облечь въ тѣло. Первая часть вышла. Она заключаетъ *картину природы* — внутреннюю связь подробностей съ цѣлымъ. Въ двухъ другихъ частяхъ будутъ изложены: *Способы къ изученію* и *Исторія созерцанія природы*. Вотъ книга, которую ожидаетъ весь свѣтъ съ живымъ и равнымъ нетерпѣніемъ, которая представитъ итоги всей ученой дѣятельности нашего времени.

—

Картоны Овербека. Всю зиму въ Римѣ любители художествъ наслаждались созерцаніемъ картоновъ Овербека, изображающихъ событія изъ Новаго Завѣта. Нѣмцы въ особенности отъ нихъ безъ памяти и положительно увѣряютъ, что послѣдователи всѣхъ школъ живописи рѣшительно признаютъ эти картоны вѣнцомъ современнаго искуства. Вѣримъ на слово.

—

Школы пѣнія. Почтенный нашъ соотечественникъ, извѣстный композиторъ Г. Арнольдъ, два, три года тому назадъ, затѣялъ учредить народную школу музыки.... Увы! Много потерялъ времени, много убилъ денегъ, — народъ неизвѣстно почему не захотѣлъ учиться музыкѣ... Въ Англіи, самой немузыкальной націи во всей Европѣ, народныя школы пѣнія вездѣ. Во Франціи т: е: въ Парижѣ, ибо тутъ вся Франція, въ 1835 году было только девять простонародныхъ школъ по системѣ Вилема (Wilhem). Теперь ихъ 105, а учениковъ 20,000. Согласитесь, что на каждую тысячу можно пола-

гать одинъ талантъ. Будетъ чѣмъ ремонтировать театры... Ученіе раздѣляется на два курса. Въ первомъ — элементарное пѣніе съ помощію синоптическихъ таблицъ; во-второмъ курсѣ — *высшее* пѣніе, то есть, скалы и украшенія. Для каждаго курса отпечатано руководство къ изученію музыки Вилема (Manuel musical) и продается по 9 франковъ. На годъ не великъ расходъ.

—

Музыка въ чужихъ краяхъ. Для насъ Прага, какъ мы уже сказали, въ музыкальномъ отношеніи важнѣе Парижа. Въ Прагѣ она капитальное блюдо ежедневнаго стола; въ Парижѣ случайный салатъ. Въ Прагѣ слушаютъ и размышляютъ; въ Парижѣ слушаютъ, чтобы не размышлять. Концерты Парижской Консерваторіи — превосходны; но какой репертуаръ? Запоздалое исполненіе одного и того же. Пока Бетговенъ да Бетговенъ. Въ Пражской Консерваторіи вы переслушаете все, что только написано для инструментальной музыки вчера и сегодня; исполненіе не уступаетъ парижскому. Давно уже этотъ оркестръ отличался точностію, вѣрностію и энергіей. Нынѣшній директоръ Киттль умѣлъ придать ему рѣдкую отчетливость въ мельчайшихъ оттѣнкахъ. Здѣсь нѣтъ исключительности Парижа. Здѣсь разъигрываютъ сочиненія всѣхъ европейскихъ композиторовъ. Вотъ примѣръ содержаніе послѣдняго концерта: 1). Симфонія Мендельзона Бартольди (A. moll,; 2) Симфонія Гаде (C. moll); 3). Увертюра къ Королю Лиру *Берліоза* (!) и 4). Привѣтъ веснѣ Гольдемидта. Объ насъ и говорить нечего. Мы все слушаемъ Requiem Моцарта, Сотвореніе міра Гайдна, Симфоніи (Heroica и Pastorale) Бетговена и Stabat Mater Россини...Наша филармонія дальше не простирается. Но и въ Парижѣ всѣ три піэсы нѣмецкихъ композиторовъ неизвѣстныхъ, а о нихъ отзываются съ отличною, хотя и не равною похвалою. Что же касается до увертюры Берліоза, то

Какъ смѣть
Свое сужденіе имѣть?

передаемъ сужденіе Пражскаго, весьма ученаго и совершенно безпристрастнаго критика: «Берліозову увертюру я не могу считать музыкой;» у нея не достаетъ поющей души, а тѣло не составлено изъ гармонически ритмическихъ членовъ; я напрасно мучился, чтобы въ этомъ шумѣ инструментовъ найти какое нибудь содержаніе.

Къ числу послѣднихъ заграничныхъ новостей принадлежатъ два французскіе романса, Князя Кастріота Скандерберга, изданные нашимъ соотечественникомъ въ Вѣнѣ. Романсы весьма нравятся, но мы еще ихъ не получили. Принцъ Густавъ, сынъ короля Шведскаго, сочинилъ три піэсы для пѣнія и подарилъ Упсальскому Пѣвческому Обществу... Berceuse Шопена мы еще не читали, а любопытно... Комическая опера Обера: Баркарола, также вышла въ фортепіанномъ видѣ... Мы не нашли больше ничего такого, чтобы было достойно вашего вниманія. Для лѣта и этого довольно.

—

Новая книга. *Стихотворенія Эдуарда Губера. Спб. 1845 г. стр. 112.* — Поэзія! Откуда взялась теперь поэзія! Это анахронисмъ самый непозволительный; какъ можно писать стихи и еще такіе прекрасные стихи въ 1845 году! — Care liber, гласитъ эпиграфъ изъ Овидія, timida circumspice mente, Et satis a media sit tibi plebe legi. Этотъ скромный эпиграфъ даетъ чувствовать критику, что авторъ не обратитъ никакого вниманія на его хитрыя рѣчи. Это пѣсни сердца, а сердца не судятъ, особенно, когда оно поетъ свои собственныя страданія такими звучными, чистыми, полными чувства стихами. — Этотъ анахронисмъ кстати. Хотя на мгновеніе отдохнетъ душа отъ газетной безтолочи, отъ журнальнаго издѣлія, наводняющаго литературу плохими переводами давно всѣмъ извѣстнаго... Теперь же и весна. Сердце злѣйшаго расположено къ мечтательности; въ это время и разочарованные на нѣсколько дней какъ будто вѣруютъ въ любовь и добродѣтель. Тутъ бы и читать стихотворенія Губера... Они кстати изданы на весну... Къ осени житейскіе интересы поглотятъ поэтическій. Въ этихъ пятидесяти стихотвореніяхъ не всѣ равнаго достоинства. Есть превосходныя по мысли и отдѣлкѣ, есть прекрасныя по чувству и отдѣлкѣ, прочія всѣ отлично хороши по отдѣлкѣ. Какъ замѣчаете, во всѣхъ отдѣлка старательная, художническая. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не помѣстить хотя одного образчика.

Я не люблю ея, но отъ чего порою
Стою я передъ ней и нѣмъ и недвижимъ,
Когда окружена послушною толпою
Она царицею проходитъ предо мною
И улыбается поклонникамъ своимъ?
Я не люблю ея; но думаю, тоскуя,
За чѣмъ красавица другому отдана
Но я завидую и звуку поцѣлуя,
Когда съ улыбкой имъ дѣтей своихъ даруя,
Какъ женщина и мать утѣшена она.
Я не люблю ея; но что же грудь волнуетъ
При взглядѣ на нее? Что душу шевелитъ?
Кто любитъ — тотъ груститъ; кто любитъ — тотъ ревнуетъ..
Я грустенъ, я ревнивъ... Кто язвы уврачуетъ?..
Я боленъ... Гдѣ же врачь, кто душу исцѣлитъ?
Я не люблю ея; но страсти полнымъ взоромъ
Я звукъ ея рѣчей, я каждый взглядъ ловлю;
То тихо увлекусь завѣтнымъ разговоромъ
И рѣчь моя гремитъ то лаской, то укоромъ...
Я не любилъ ея... Но, кажется, люблю.

Эта поэзія случилась въ 1839 году. Пять лѣтъ измѣняютъ много, только не удалось имъ измѣнить стиховъ; также звучно они гремятъ грустныя истины.

Но не сбылись младыя упованья
Разрушился пророческій обманъ;
Сомнѣніе — болѣзненнаго знанья
Унылый плодъ; разсѣялся туманъ;
Я не сберегъ ни одного желанья.

Блаженъ поэтъ, который тоску свою можетъ описывать съ такимъ художническимъ спокойствіемъ, такою сладкозвучною рѣчью... Кончено! Цѣлую недѣлю мы то и дѣло будемъ читать стихотворенія Губера, что бы напитаться поэзіей въ запасъ.

—

ПЕРЕПИСКА.

Г. Сѣроглазову. — Насильно милъ не будешь. Каждое изданіе имѣетъ своихъ защитниковъ и недоброжелателей. Съ отличнымъ почтеніемъ и таковою же преданностію ч. и. б...

К. С. Воловичу: быть — въ свое время. Непремѣнно быть. Постараемся угодить вамъ и всѣмъ любителямъ изящной природы.

Г. Б—скому въ Москву. Боимся мы восторговъ. Увлеченіе иногда бываетъ несправедливо. Вѣримъ таланту Г-жи Санковской; но статья ваша чрезмѣрностью похвалъ наводитъ сомнѣніе. Вы не можете сердиться на насъ, если вы безпристрастны... Осторожность лучше опрометчивости... Если же вы пристрастны, опять мы правы.

—

—

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго и въ Гостиномъ дворѣ по Суконной линіи подъ № 13мъ.

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ, съ присовокупленіемъ очерка Монументальной Исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы, сочиненіе *И. Снегирева*, съ тремя планами Москвы, съ двадцатью тремя картинами, по рисункамъ Академика Солнцева, отпечатанными красками и осьмнадцатью гравированными и литографированными рисунками. Посвященное Его Императорскому Величеству Государю Императору. М. 1842 — 1845 года, текстъ (въ in 4о). Напечатанной на лучшей веленевой бумагѣ красивыми буквами въ два столбца. Цѣна 44 руб. сер., съ пересылкою 46 руб. серебромъ.

ВОСПОМИНАНІЕ СЛѢПАГО. ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА. Жака Араго, перевод. П. А. Корсакова и др. Изданіе, украшенное 50 картинками, рисованными и литографированными въ Парижѣ. Два тома, (томъ первый 345 стр., томъ второй 320 стр.) компактной печати, въ два столбца. ; въ большую 8-ю д. л. на лучшей веленевой бумагѣ, Спб. 1844—1845 года. Цѣна за оба тома 6 руб. сер. вѣс. за 5 ф.

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ, или жизнь и подвиги русскихъ полководцевъ, отъ временъ Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I. Жизнеописанія составлены *Н. А. Полевымъ*. Изданіе, посвященное Государю Императору Николаю Павловичу, и украшенное девятнадцатью портретами, гравированными на стали въ Лондонѣ. Спб., 1845, въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ, въ англійской папкѣ. Цѣна 5 р. сер., съ перес. 6 р. сер.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ МЕЖЕВАНІЮ, основанное на первыхъ дѣйствіяхъ Ариѳметики, съ изложеніемъ необходимыхъ при этомъ первоначальныхъ свѣдѣній, а также съ изъясненіемъ домашняго устройства различныхъ, при межеваніи употребляемыхъ, инструментовъ, въ которомъ Французскія мѣры замѣнены Русскими. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Соч. *Гернена*, члена разныхъ Французскихъ ученыхъ обществъ. Въ пользу народныхъ школъ, сельскихъ училищъ и вообще лицъ, не имѣющихъ высшихъ математическихъ знаній. Москва, 1844. Изданіе М. Д. Ольхина, на лучшей вел. бум. Цѣна 75 к. с., вѣс. за 1 ф.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА въ Европѣ. Сочиненіе *П. Дегая*. Спб., 1845. въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ. Цѣна 1 р. сер., вѣс. за 1 ф.

СУВОРОВЪ. Сочиненіе *Ѳ. В. Булгарина*. Изданіе, отпечатанное на лучшей веленевой бумагѣ и украшенное 100 рисунками *В. Тимма*, вырѣзанными на деревѣ лучшими Парижскими и здѣшними граверами. Двѣ части. Спб., 1843. Цѣна 4 р. сер.; каждая часть отдѣльно по 2 р. 50 к. сер., вѣсов. за 2 ф.; первая часть вышла, а на вторую выдается билетъ.

ОБЩЕНАРОДНАЯ ГЕОМЕТРІЯ ЛИТРОВА переведена съ Нѣмецкаго *Ѳедоровымъ*, репетиторомъ при Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб., 1843. Съ восемью листами чертежей. Изданіе М. Д. Ольхина. Цѣна 75 к. сер., а для учебныхъ заведеній 50 к. сер., вѣсов. за 1 ф.

РѢЧИ ХРИСТОЛЮБИВОМУ ВОИНСТВУ ДОНСКОМУ, говоренныя *Игнатіемъ*, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркаесскимъ. Къ Рѣчамъ приложены любопытныя свѣдѣнія о войсковыхъ кругахъ въ Донскомъ Войскѣ и взглядъ на Св. Церкви Донскаго Войска. Спб., 1845, въ б. 8-ю д. л., на лучшей бѣлой бумагѣ, 120 страницъ. Цѣна 60 к. сер., вѣсов. за 2 ф.

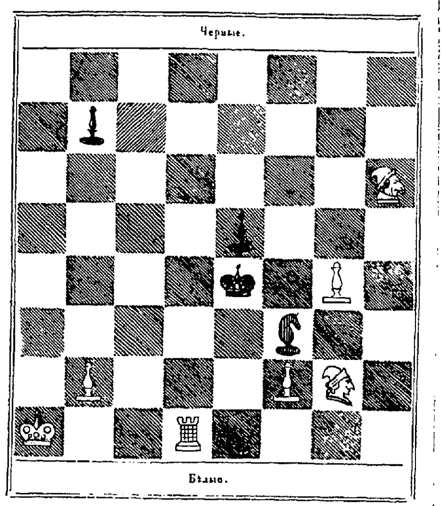
ШАХМАТЫ.

РАЗГАДКА № 8.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) Сл. на 6 к. Сл. Кор.	Кор. на 6. к. К.
2) Сл. на 5 к. К.	П. беретъ Сл.
3) П. Л. 1. к.	Вынужденные ходы.
4) П. Л. 1. к.	
5) П. Л. 1. к. (ловѣль, но должно дѣлать со Слономъ а не Ферзью; иначе Паттъ.	
6) Сл. на 3. к. свое.	
7) Сл. на к. Кор. и маттъ.	

ОСТ-ИНДІЙСКАЯ ЗАДАЧА № 9

Въ истекшемъ апрѣлѣ въ журналахъ Chronicle и Palamede явилась удивительная задача. Она пожаловала издалече, изъ Ост-Индіи и въ Европейскомъ шахматномъ мірѣ надѣлала много шума. Многіе извѣстные игроки бились съ нею весьма долго и отложили попеченіе, полагая, что въ рисункѣ задачи есть ошибка; другіе, однакоже напрягли всѣ свои силы; имена разгадавшихъ напечатаны; ихъ немного, сравнительно съ числомъ играющихъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Задача такъ понравилась, что нѣкоторые игроки пришли въ восторгъ и воспѣли побѣду свою въ стихахъ; спѣшимъ сообщить и нашимъ читателямъ это чудо. Такъ какъ загадка уже въ Европѣ разрѣшена, то мы не можемъ за разгадку назначить преміи, а стопилобы. И такъ бѣлые ходятъ и даютъ въ четыре шага матъ...



ВИСТЪ.

ЗАДАЧА № 1.

Если у всѣхъ четырехъ игроковъ въ трехъ мастяхъ по три карты, а въ одной тузъ, король, дама и *шеперка*, то какимъ образомъ можетъ взять левета сторона, у которой нѣтъ тринадцатаго козыря?

ЕЩЕ ЗАДАЧА, ТАКЖЕ № 1.

Какимъ образомъ устроить вертелъ для жаркаго, который долженъ вертѣться безъ помощи руки, пружины или тяжести?..

РАЗГАДКА ДВОЙНОЙ ШАРАДЫ № 6.

1). Подъ арками т—эперне состав—ишь состоянія;

2). Потому что раз—точит—ели уже не въ модѣ.

1). Подарками теперь не составишь состоянія;

2). Потому что расточители уже не въ модѣ.—

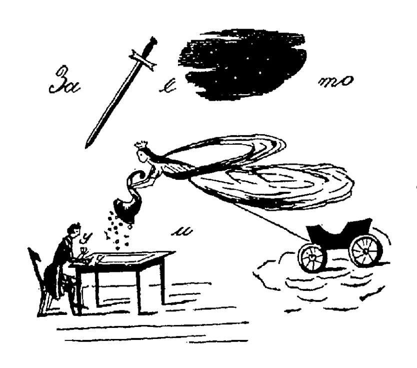
—

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Кажется восемь вышедшихъ Нумеровъ уже могли убѣдить публику, что Редакція не жалѣетъ ни трудовъ ни издержекъ что-бы изданію своему придать сколь возможно болѣе и болѣе достоинствъ въ разныхъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, — а впрочемъ какъ знать, — читатели не поставятъ намъ въ вину, что съ настоящаго девятаго нумера, бумага въ Иллюстраціи гораздо высшей добротности. Будемъ надѣяться что, способы Редакціи возрастая, дадутъ полную возможность къ постоянному улучшенію изданія.

—

ЗАГАДКА № 8.



ШАРАДА № 3.

Первое мое-у большихъ людей-скользко; у среднихъ-выкрашено; у простаго народа-вымыто.

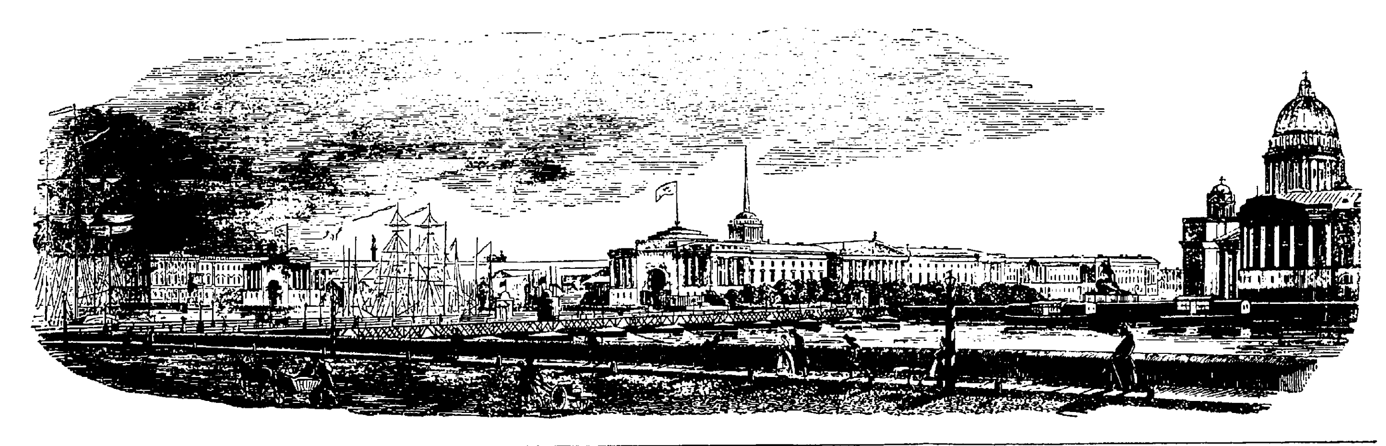
Второе — и вода и земля, а ни то, ни другое.

Цѣлое, не цѣлое, а только *половина*.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Мая 30 дня 1845 года. Цензоры: *А. Никитенко* и *А. Очкинъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 10.—Суббота, 9 Іюня 1845.** Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первое мѣсто дамамъ! Если бы почаще, Милостивыя Государыни, вы вмѣшивались въ нашу литературу, мызыку, ходожества, насталъ бы вѣкъ Августа, золотой вѣкъ искуствъ... Мы не требуемъ отъ васъ ремесла, записнаго авторства, нѣтъ, только участія, но живаго, теплаго, патріотическаго... Совѣсть и нравы рыцарей — очищало благоговѣніе къ женщинѣ. Совѣсть и нравы нашей литературы въ вашихъ рукахъ. Заговорите въ своихъ гостиныхъ по-русски, запойте по-русски, заведите на своихъ стѣнахъ русскія картины — вы создадите новый міръ, откроете у себя златоносную Америку... Но вы не хотите; можетъ быть, и готовы на эту сладкую жертву, но боитесь быть первыми, какъ боятся попасть первыми на балъ... Надѣньте маски. Подъ чужими именами, только начинайте высокій подвигъ; когда соберется многочисленная публика, она сама сниметъ съ васъ почетныя личины и вы не сочтете этого поступка — обидой. Ручаемся и желаемъ.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

I.

..... Она подошла къ раскрытому окну; ночь была темная, будто осенняя; но теплая, тихая, спокойная; легкій вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо... Она вспомнила іюльскія ночи прошлаго года... Это было такъ недавно, а, кажется, будто цѣлая вѣчность лежитъ между нею и этимъ прошедшимъ! Какъ часто, въ такую же ночь, мрачную, безлунную, закутанная въ широкій бурнусъ, она недвижно стояла по цѣлымъ часамъ, опершись о колонну балкона, и мечтала, все мечтала о *немъ*. Съ какимъ упованіемъ, какъ торопливо шептала она каждой падучей звѣздѣ, не желаніе, не надежду — нѣтъ! она шептала только его имя. И прошедшее такъ живо проходило въ ея памяти... Она вспомнила... какъ два года тому назадъ, стихи неизвѣстнаго юноши, котораго она никогда не видала, стихи, написанные нарочно для нея, взволновали ея ребяческое сердце... Какъ потомъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, постоянная мысль о немъ невольно слилась съ ея жизнію; какъ дѣтски вѣрила она, что они непремѣнно встрѣтятся, что она обречена ему судьбой.

Она вспомнила первую встрѣчу, первое признаніе поэта; вспомнила шумный, блестящій вечеръ, гдѣ, среди шума и блеска, они видѣли только другъ друга. Она вспомнила райскія мечты, которыя убаюкивали ее въ эту завѣтную ночь, и какъ много дней послѣ того, уже холодный, осенній вѣтеръ развѣвалъ ея черный бурнусъ; а она ничего не замѣчала, пока усиленнымъ порывомъ онъ не срывалъ съ головы ея капюшона; тогда только вспомнила она, что пора итти въ комнату; но на слѣдующую ночь опять и опять приходила она, не плакать, какъ бывало прежде, но мечтать, сладко, упоительно; мечтать, опершись на любимую колонну.

II.

Еще прошло два года. Какъ счастлива княгиня Дольская! Кто лучше ея можетъ щегольнуть на гуляньи блистательнымъ экипажомъ; въ театрѣ, на балу—роскошнымъ нарядомъ!.. Какой bel homme у нея мужъ! Какъ она мила съ нимъ! Онъ прекрасный человѣкъ; только, говорятъ, никогда небываетъ дома... все дѣла, служба...

Она сидитъ въ своемъ будуарѣ; она забыла мужа! Передъ ней длинной вереницей тянутся дни ея дѣтства, дни ея первой молодости... Она помнитъ еще все, что думала два года тому назадъ.. все, что не сбылось, что обмануло ее... А *онъ* передъ нею, *онъ*, виновникъ этихъ думъ, тотъ, кто первый растравилъ ея поэтическую мечтательность, кто твердилъ ей о счастіи, и потомъ заставилъ ее наложить на себя этотъ тяжелый княжескій гербъ, онъ добровольно бросилъ ее въ объятія другаго... А она слушаетъ *его*... *онъ* пересказываетъ ей ея чувства, всѣ завѣтныя думы ея, всѣ страданья... И какъ узналъ онъ все это? И какъ подслушалъ то, что она думала... И она вѣритъ *ему*?.. И она вѣритъ *его самоотверженію*?.. И она слушаетъ его восторженный, страстный стихъ... Она упивается этимъ ядомъ... и чело ея склоняется къ челу юноши... и въ первый разъ блѣдныя уста ея дрожатъ на его устахъ...

Блистательный экипажъ съ княжескимъ гербомъ тихо откатился отъ крыльца... И дверь въ будуаръ отперъ третій, нежданный...

....

Какъ прежде, она сидитъ въ своемъ будуарѣ, но одна; вереница прошедшихъ дней, какъ длинныя похороны, снуется передъ нею. Тихо, безмолвно разыгралась семейная драма... Другимъ казалось, что все идетъ по-прежнему, и два года прошли обыкновеннымъ шагомъ.

III.

Да, она была хороша! И теперь еще невольно останавливаются передъ бѣлой мраморной доской, на которой изваянъ ея профиль... Ее положили тамъ, подъ густыми деревьями погоста, сдвинули на нее огромный, тяжелый памятникъ, украшенный княжескимъ гербомъ; но бѣлая головка, осѣненная, какъ прежде, кудрями, кажется ея тѣнью, которая хочетъ вырваться оттуда.

А *онъ* приходитъ любоваться этимъ страдальческимъ лицомъ, онъ черпаетъ въ этомъ мертвомъ образѣ живыя вдохновенія! Онъ пишетъ въ честь этой могилы цѣлыя страницы восторженныхъ, полныхъ чувства, стиховъ! *Онъ хочетъ*, чтобы потомство знало и помнило *какъ онъ любилъ!* Хочетъ, чтобы оно плакало: надъ его несчастной, безнадежной, безкорыстной, но *полной жертвъ*, любовью! Этого мало, онъ хочетъ обезсмертить ее — и потому печатаетъ свои стихи. Но, тогда журналисты платили еще за порывы вдохновенья; теперь перестали платить, и онъ пересталъ писать стихи... Даромъ любить мертвую *онъ не хочетъ*...

В. А.... я

ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Противъ женщинъ, посвятившихъ себя литературѣ, всегда существовалъ предразсудокъ, который мы не намѣрены ни подтверждать, ни опровергать, но о которомъ мы упоминаемъ, потому что въ настоящее время мы не рѣдко слышимъ то мнѣніе, что время *ученыхъ-женщинъ* и Мольеровыхъ précieuses ridicules прошло. Это несправедливо: и теперь еще есть ученыя женщины и смѣшныя педантки, а что еще хуже, такъ есть и услужливые люди, которые восхищаются всѣми сожалѣнія достойными глупостями этихъ женщинъ. Въ человѣческомъ родѣ недостатки и пороки переходятъ, измѣняются въ формахъ, но не исчезаютъ.

Никто, конечно, не подумаетъ, что мы прилагаемъ ко всѣмъ женщинамъ-писательницамъ вообще названія, которыми геніальный человѣкъ навѣки сдѣлалъ смѣшными нелѣпыя притязанія; не смотря на то, мы намѣрены защититься даже отъ малѣйшаго подозрѣнія въ такомъ грубомъ намѣреніи. Неужели должно порицать геній потому только, что онъ данъ женщинѣ? Геній есть могущая сила, не подлежащая никакимъ законамъ; геній, какъ и солнце, не разбираетъ половъ; — кто же осмѣлится возстать противу граціи, чувствительности, поэтическаго вдохновенія, за то, что они говорятъ природнымъ своимъ языкомъ, языкомъ женщины? — Никто; а мы еще менѣе другихъ. — Откуда бы ни раздался вдохновенный голосъ, мы слушаемъ его съ почтительнымъ вниманіемъ, кланяемся ему съ признательностію; — если жъ этотъ голосъ принадлежитъ женщинѣ, то вниманіе наше удвоивается и къ нему присовокупляется нѣчто нѣжное, трогающее насъ до глубины души. Конечно, въ этомъ случаѣ необходимо и то, чтобы поэтъ, трогающій насъ, прежде всего самъ былъ тронутъ и понималъ, чувствовалъ то, что намѣренъ вамъ внушить:

....Si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi;

или еще болѣе, поэтъ не долженъ раздумывать своихъ эфектовъ, не долженъ *хладнокровно* разсчитывать, какое онъ дѣйствіе произведетъ на слушателя или читателя. Внезапность вдохновенія, энтузіасмъ, суть первые признаки божественнаго предназначенія, и мы можемъ быть увлечены только въ такомъ случаѣ, когда самъ поэтъ былъ увлеченъ, когда онъ краснорѣчивъ безъ сознанія и повинуется инстинктивной необходимости поэтическаго изліянія идей или ощущеній; той самой необходимости, которая придаетъ мелодическому пѣнію соловья такую чудную выразительность.

Если же вмѣсто того, мы встрѣтимъ жалкаго фокусника, ловко играющаго словами и имѣющаго притязаніе на званіе поэта, то мы прямо скажемъ ему, что онъ самъ ошибается въ своемъ назначеніи; если жъ эту роль возьметъ на себя женщина, то мы еще болѣе будемъ сожалѣть о ней, слова наши будутъ еще откровеннѣе и рѣзче, согласно съ степенью уваженія и привязанности къ тому полу, къ которой принадлежитъ заблудшаяся овца; мы скажемъ ей: «какъ могли вы отречься отъ скромности, первой изъ добродѣтелей, которыми женщина должна быть украшена, самой постоянной изъ прелестей ея, чтобъ выставить на показъ предъ цѣлымъ свѣтомъ зрѣлище вашей тщеславной посредственности? Воротитесь къ семейной жизни, отъ которой вы никогда не должны были отдаляться; воротитесь къ самой себѣ и помните, что добрая и простая женщина гораздо выше плохой писательницы.»

Кажется, мы достаточно доказали, что въ нашемъ мнѣніи названіе женщины-писательницы не заключаетъ въ себѣ никакого смѣшнаго намека. Смѣшны или, лучше сказать, сожалѣнія достойны только тщетныя усилія посредственности.

Возвратимся же къ предразсудку, о которомъ мы упомянули въ началѣ этой статьи; онъ раждаетъ два вопроса:

1. Пускаясь на литературное поприще, теряетъ ли женщина что либо въ своемъ званіи?

2. Имѣетъ ли женщина постоянство и прилежаніе, необходимыя для литературныхъ занятій?

Первый вопросъ относится прямо къ чувству и, не думая обращать въ аксіому наше личное мнѣніе, мы скажемъ откровенно, что женщина-писательница не стоитъ женщины. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, женщина-писательница? Инструментъ, болѣе или менѣе звучный, бросающій на-вѣтеръ всѣ свои впечатлѣнія, Эолова арфа, изъ которой малѣйшій вѣтерокъ извлекаетъ пустые звуки, — оставимъ метафору, — сердце, безъ дѣвственной скромности, открытое для всѣхъ, какъ книга изъ публичной библіотеки, которую самая грубая, даже самая грязная рука, имѣетъ право перелистывать. Женщина, такъ какъ мы ее понимаемъ, не можетъ быть безъ любви; но она ограничиваетъ свои ощущенія; она, если хотите, имѣетъ тотъ родъ кокетства, который есть вѣрное выраженіе желанія *нравиться*; но кокетство ея не обращается къ цѣлому свѣту; она не прикроетъ добродѣтели своей непріятной холодностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не придастъ лицу своему улыбки, одинаково ласковой для всѣхъ, и по щекамъ ея не будутъ безпрестанно течь меланхолическія и сантиментальныя слезы; и у нея есть свое честолюбіе; но если ей удастся придать нѣкоторое счастіе кругу, всегда ограниченному, въ которомъ она живетъ, то честолюбіе ея удовлетворено.

Встрѣтите ли вы эти прелестныя, мирныя качества въ женщинѣ-писательницѣ? Нѣтъ. Ей нужны шумъ, слава, извѣстность, всемірныя похвалы, а не мирныя радости, не нѣжная любовь, не тихое счастіе семейной жизни. Нѣкоторыя сердечныя тайны, которыя *настоящая* женщина довѣритъ, можетъ быть, тому, котораго она любитъ, но тихимъ голосомъ и краснѣя отъ стыда и любви, эти самыя тайны писательница прокричитъ громкимъ голосомъ передъ насмѣшливой и равнодушной толпой: потому что писательница должна ласкать толпу, привлекать ее, забавлять — это ея ремесло. — Намъ всегда становится грустно, когда подумаемъ, что писатель долженъ нѣкоторымъ образомъ разлагать свою душу, чтобы забавлять толпу; какъ же послѣ этого не пожалѣть женщины, обязанной считать сокровеннѣйшія, дѣвственнѣйшія, нѣжнѣйшія чувствованія свои какъ товаръ для обмѣна на рукоплесканія толпы, которая скажетъ: *Хорошо почувствовано! Недурно проплакано! Порядочно выражено!..* Эта мысль настоящій адъ для женщинъ, въ которыхъ голосъ скромности не замолкъ еще! Пожалѣйте о несчастныхъ!

Что же касается до втораго вопроса, то есть, до того, что способны ли женщины заниматься литературой, то онъ давно рѣшенъ утвердительно блистательными фактами. Какъ бы наскучивъ быть только судьями въ турнирахъ рыцарей мысли, женщины сами рѣшились сойдти въ арену. Онѣ имѣли на то право, и нѣкоторыя изъ нихъ достигли извѣстности, которую никакая критика не можетъ у нихъ оспорить.

Теперь разсмотримъ литературное движеніе, которому съ успѣхомъ содѣйствовали нѣкоторыя изъ нашихъ современницъ. Мы постараемся быть справедливыми, и если обзоръ нашъ будетъ также вѣренъ, какъ искрененъ и безпристрастенъ, то достоинство его не будетъ подлежать никакому сомнѣнію.

ГОСПОЖА ЖОРЖЪ ЗАНДЪ.

Главой современныхъ писательницъ, которая, по дарованію своему, не женщина и не мужчина, а просто одинъ изъ прекраснѣйшихъ литературныхъ геніевъ, мы назовемъ госпожу Жоржъ Зандъ.

Она, по нашему мнѣнію и вопреки всѣмъ предразсудкамъ, одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, появленіе которыхъ составляетъ эпоху въ жизни народовъ. Никто, лучше ея, не передалъ съ большею вѣрностью и истиною характеръ и физіономіи общества, посреди котораго она живетъ. Это общество серьозно и легкомысленно, оно вмѣстѣ и вѣруетъ и не вѣруетъ, матеріально и религіозно, положительно и мечтательно; оно легко переходитъ отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ унынія къ восторженнымъ порывамъ. Этотъ характеръ какъ *нельзя болѣе* отражается въ самой г-жѣ Зандъ; умъ и нравъ ея съ чудной гибкостью поддаются всѣмъ прихотямъ этой странной подвижности. Иногда она исполняется дикой энергіей Байрона и смѣется, какъ онъ, горькимъ и сардоническимъ смѣхомъ, наводящимъ ужасъ; иногда она смѣется и поетъ какъ Ламартинъ; потомъ она плачетъ и мечтаетъ какъ Шатобріанъ, вдохновенный авторъ *Атталы* и *Рене*. Посреди всѣхъ этихъ измѣненій, она не перестаетъ быть великимъ поэтомъ. Никто глубже ея не проникалъ въ таинственную глубину человѣческаго сердца; никто не придаетъ страстямъ болѣе трогательнаго и вѣрнаго краснорѣчія. О слогѣ ея говорить нечего; всѣ восхищались блистательными красотами ея, и превосходство ея, въ этомъ отношеніи, неоспоримо.

Теперь же можно опредѣлить двѣ рѣзко отличающіяся эпохи въ литературной жизни госпожи Жоржъ Зандъ; первая создала: *Индіану, Валентину, Лелію, Жака, Андре, Леонъ Леони, Мопра, Ускока* и др.; ко второй принадлежатъ: *Спиридіонъ, Семь струнъ лиры, Консуэло* и *Графиня де Рудольштадтъ*. Эти двѣ эпохи, между которыми *Письма путешественника* служатъ какъ бы переходомъ, особенно отличаются своимъ направленіемъ и замѣчательной перемѣной, происшедшей въ манерѣ автора. Постараемся объяснить нашу идею.

Въ книгахъ, отмѣченныхъ нами въ первой эпохѣ, дѣйствующія лица не пускаются въ догматическія разсужденія: страдая или наслаждаясь, они чувствуютъ сильно, дѣйствуютъ также, словомъ, живутъ жизнью, поэтическая прелесть которой увлекательна. Эти книги полны страсти, жизни; философствованія, діалектика, не имѣющія ничего общаго съ поэзіей, изгнаны изъ нихъ. Какъ женщина и поэтъ, госпожа Жоржъ Зандъ тутъ на своемъ мѣстѣ: она полновластная царица. Наступилъ день, когда эта роль показалась ей недостаточною; подѣйствовавъ, съ могуществомъ дарованнымъ ей, на чувствованія и страсти, она вздумала дѣйствовать и на идеи; ей пришла охота взойдти на каѳедру, изъ поэта сдѣлаться резонеромъ; она обратилась къ высочайшимъ, то есть, туманнѣйшимъ вопросамъ метафизики, политики, и съ тѣхъ поръ романы ея наполнились скучными диссертаціями. Въ этой безполезной борьбѣ госпожа Жоржъ Зандъ истратила значительную часть своего таланта.

Въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, госпожа Зандъ вообще дѣлалась заступницей за слабаго противъ сильнаго, за женщинъ противъ мужчинъ. Въ *Письмахъ путешественника* г-жа Зандъ говоритъ, что въ *сочиненіяхъ, какъ и въ головѣ ея, нѣтъ и тѣни мысли*, и что, слѣдовательно, книги ея *не могутъ произвести ни добра, ни зла*. Мы готовы вѣрить тому, что слова эти искренни, что г-жа Зандъ и не думала излагать философическихъ идей, проявляющихся въ ея сочиненіяхъ, но что онѣ суть неизбѣжное слѣдствіе механизма и дѣйствія страстей, развитыхъ въ произведеніяхъ ея.

Согласно съ основаніемъ, и форма первыхъ ея сочиненій жива, прихотлива, богата разнообразнѣйшими оттѣнками; въ ней есть какая-то дикая горечь, которая придаетъ ей еще болѣе оригинальной прелести.

Вступивъ во вторую эпоху, госпожа Зандъ какъ бы раскаявается во всемъ смѣло-прекрасномъ, созданномъ ею въ первую эпоху. Она воротилась къ понятіямъ, которыя она сначала поколебала, или лучше сказать, она захотѣла создать себѣ новыя; но до сихъ поръ усилія ея не увѣнчались успѣхомъ. Желая обновить порядокъ основныхъ идей, она впадаетъ въ общія мѣста; вмѣсто того, чтобы просто отвергнуть эти идеи или смиренно подчиниться имъ, она старается придать имъ какое-то высшее значеніе..... и въ сердцѣ раждается тяжкое чувство, когда мы видимъ, что послѣ неимовѣрныхъ усилій, она останавливается, довольная тѣмъ, что пріискала новыя и довольно темныя имена вещамъ, давно извѣстнымъ.

Словомъ, намъ кажется, что г-жа Зандъ не иначе принимается за перо, какъ съ намѣреніемъ пересоздать или утвердить важныя системы въ идеяхъ, по которымъ живутъ общества; но, къ сожалѣнію, о послѣднихъ сочиненіяхъ ея можно сказать то, что она сама говоритъ о первыхъ: *въ нихъ нѣтъ мысли* и они ничего не доказываютъ. Исполненные движенія, дѣйствія, жизни, романы перваго періода содержатъ нравственные, философическіе уроки, которые заключаются во всякомъ человѣческомъ дѣйствіи; между тѣмъ послѣдніе, которые весьма трудно причислить къ какой либо категоріи, сбиваютъ васъ съ толку, утомляютъ, наводятъ тоску и сомнѣніе. Такимъ образомъ, по странному феномену, автору можно сказать, что прежде онъ очень ясно доказывалъ вещи, о которыхъ не думалъ; съ тѣхъ же поръ, какъ онъ возъимѣлъ намѣреніе научать читателей, онъ ввергаетъ ихъ въ фантастическій хаосъ, въ которомъ рѣшительно нечему нельзя научиться.

Стараясь выражать идеи, довольно темныя по себѣ и, можетъ быть, не совсѣмъ ясно опредѣленныя въ умѣ ея, г-жа Зандъ потеряла нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ качествъ своего таланта. По временамъ, блестящій слогъ ея тускнѣетъ и теряетъ живость, энергію и ясность, которыми онъ отличается.

ГОСПОЖА ДЕ ЖИРАРДЕНЪ.

Находясь въ необходимости высказать мнѣніе на счетъ писательницы, трудно согласить обязанности критика съ вѣжливостію къ прекрасному полу. Чтобы имѣть мужество, необходимое для исполненія такой задачи, мы должны безпрестанно повторять себѣ, что женщины-писательницы добровольно отказываются отъ нѣкоторыхъ преимуществъ своего пола и что, говоря о нихъ, мы совершенно отстраняемъ женщину, и имѣемъ въ виду только автора.

Госпожа де Жирарденъ, урожденная Дельфина Ге, вступила на литературное поприще послѣ возстановленія Бурбоновъ. Мы можемъ безъ нескромности сказать, что она была красавица, потому что всѣ въ то время только и говорили о красотѣ и дарованіи молодой писательницы. Вотъ какъ она сама воспѣла путь, который честолюбіе предначертало ей:

Mes yeux entrevoyaient la gloire sans effroi,
D'un orgueil inconnu je me sentais saisie :
Guide-moi, m'écriai-je, ô toi qui m'as choisie;
Protège de mon coeur la pure ambition ;
Je jure d'accomplir ta sainte mission !
Elle aura tous mes voeux, cette France adorée.
A chanter ses destins ma vie est consacrée
Dussé-je être pour elle immolée à mon tour,
Fière d'un si beau sort dussé-je voir un jour,
Contre mes vers pieux s'armer la calomnie.
Dût, comme tes hauts faits *ma gloire être punie*,
Je chanterais encore sur mon brûlant tombeau!
Oui, de la vérité ranimant le flambeau,
J'enflammerai les coeurs de mon noble délire;
On verra l'imposteur trembler devant ma lyre...

Этотъ отрывокъ извлеченъ изъ оды, подъ названіемъ *Видѣніе*, въ которой Дельфина Ге воспѣвала съ монархическою восторженностію коронацію Карла X.

Г-жа де Жирарденъ писала во всѣхъ родахъ: въ прозѣ и стихахъ, романы, повѣсти, оды, сказки, элегіи, эпическія поэмы, романсы, комедіи, драмы и даже въ политическомъ родѣ. Хотя почти во всѣхъ родахъ она такъ хороша, что ей могутъ позавидовать мужчины-писатели, мы находимъ, что она не написала ничего милѣе, проще и прекраснѣе нѣсколькихъ стиховъ къ своему племяннику О'Доннелю, которому она посвятила повѣсть La Tour du prodige. У г-жи де Жирарденъ гибкое, нѣжное дарованіе. Она много жила въ свѣтѣ и наблюдала вѣрно и съ успѣхомъ, что придало уму ея тонкую иронію, которую она иногда употребляетъ во зло, что ей прощается, потому что она всегда занимательна.

ГОСПОЖА ДЕБОРДЪ-ВАЛЬМОРЪ.

Кромѣ сочиненій въ прозѣ, госпожа Дебордъ-Вальморъ издала идиліи, элегіи, романсы, дѣтскія повѣсти, басни, разныя стихотворенія и пр.

Повинуясь болѣе вдохновенію дружбы и материнской любви, г-жа Дебордъ-Вальморъ довольно счастливо выразила эти чувствованія въ стихотвореніяхъ: *Двѣ дружбы, Мать, Мечта моего дитяти*. Въ особенности должно упомянуть о маленькой элегіи, которую она посвятила своимъ дѣтямъ, потому что въ ней отражается душа умной, кроткой, покорной судьбѣ и преданной своимъ обязанностямъ, матери семейства.

Если бъ г-жа Дебордъ-Вальморъ не выходила никогда изъ скромной сферы ощущеній, успокоивающихъ душу, то дарованіе ея заслуживало бъ однѣ похвалы; когда, напримѣръ, она поетъ возлѣ колыбели наивную и нѣжную пѣсенку, чтобы усыпить улыбающагося ей ребенка, тогда голосъ ея полонъ трогательной выразительности, проникающей въ душу. Пріятно слѣдить за занимательными бесѣдами, въ которыхъ она испытываетъ юный умъ дѣтей; невольно принимаешь участіе въ дружескихъ чувствованіяхъ ея, въ материнскихъ надеждахъ, и мечтаешь вмѣстѣ съ нею о мирной жизни, простыхъ обязанностяхъ, легкихъ какъ удовольствіе.

Но когда г-жа Дебордъ-Вальморъ приступаетъ къ описанію страстей, опасныхъ для спокойствія души, тогда влеченіе этой бурной атмосферы дѣлаетъ слогъ ея туманнымъ и вовлекаетъ автора въ непростительные промахи. Тогда тщетно ищешь дочери, матери, друга, которыя такъ хорошо умѣли посвящать васъ въ радости святыхъ привязанностей, которыя такимъ пріятнымъ голосомъ говорили вамъ о христіанской жизни, и чтобы удостовѣриться въ томъ, что это не обманъ мечты, что это произведенія одной и той же женщины, должно нѣсколько разъ перечитывать прелестныя, нѣжныя сочиненія ея.

Разбирая произведенія г-жи Дебордъ-Вальморъ мы замѣчаемъ, что она привыкла жить съ печальными музами. Она охотнѣе обращаетъ взглядъ задумчиваго сожалѣнія къ прошедшему, нежели взоръ надежды къ будущему. Она улыбается съ грустію, на щекахъ ея видны слѣды слезъ. Она покорилась жизни и переноситъ ее терпѣливо, борясь по временамъ съ порывами пламенной души. Это расположеніе души придаетъ слогу и мыслямъ г-жи Дебордъ-Вальморъ меланхолическій оттѣнокъ, имѣющій свою прелесть, характеръ слабости, приличный женщинѣ; живительная теплота изливается изъ сердца поэта на сочиненія его, потому что г-жа Дебордъ-Вальморъ вполнѣ поэтъ по сердцу; но она могла бъ болѣе позаботиться о своемъ слогѣ, стараясь придавать болѣе умѣренное выраженіе своей чувствительности.

ГОСПОЖА ЭЛИЗА ВОЯРЪ.

Госпожа Элиза Воярь, урожденная Пети-Пенъ, не была въ дѣтствѣ своемъ однимъ изъ маленькихъ чудесъ, которыми тщеславятся матери и которыхъ показываютъ какъ ученыхъ животныхъ; мать ея, жена купца въ Нанси, дала ей воспитаніе, приличное молодой дѣвушкѣ, то есть, она внушила ей чувства долга и пріучила ее къ домашнимъ занятіямъ, настоящему назначенію женщины. Въ послѣдствіи, когда мадмоазель Пети-Пенъ должна была позаботиться о томъ, чтобы пріискать себѣ средства къ существованію, она уѣхала въ Парижъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ Императрицѣ Жозефинѣ отъ эпископа Осмондскаго. Императрица назначила ей пенсію, во ожиданіи мѣста при дворѣ. По молодую дѣвушку ожидала другая участь: будучи двадцати лѣтъ отъ роду, она вышла за бывшаго провіантмейстера, г. Вояра, вдовца и отца двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, мадмоазель Амабль, въ послѣдствіи вышла за г. Тастю.

Живя въ Шоази-ле-Роа, Элиза Воярь посвящала все свое время воспитанію дѣтей и изученію литературы, къ которой она чувствовала непреодолимое влеченіе. Это была истинная наклонность безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, потому что молодая женщина долго не рѣшалась издавать своихъ литературныхъ опытовъ; и когда, наконецъ, она должна была уступить настойчивымъ просьбамъ немногихъ знакомыхъ, оцѣнившихъ скромное дарованіе ея, то она издала свои сочиненія, не выставивъ своего имени.

Между прочими сочиненіями г-жи Воярь особенно замѣчательны: La Vierge d'Arduène, галльская легенда; *Письма о женскомъ туалетѣ; Опыты о древнихъ пляскахъ; Женщина, или шесть родовъ любви*, сочиненіе, увѣнчанное въ 1828 году Академіей, какъ высоко-нравственное и заслужившее Монтіонскую премію; нѣсколько лотарингскихъ легендъ, въ двухъ частяхъ, подъ различными названіями; большое количество переводовъ съ англійскаго и нѣмецкаго и множество другихъ мелкихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ.

Талантъ г-жи Воярь не всегда и не вездѣ одинаковъ: иногда въ повѣстяхъ ея недостаетъ изобрѣтательности, занимательности; слогъ ея иногда запутанъ, безцвѣтенъ; но за то часто она разсказываетъ живо, граціозно, увлекательно. Особенно замѣчательны въ ея сочиненіяхъ простота, благопристойность и совершенное отсутствіе тщеславныхъ притязаній, портящихъ сочиненія большей части нашихъ женщинъ-писательницъ. Къ сожалѣнію, г-жа Воярь мало заботится о грамматикѣ и даже о правописаніи и знакахъ препинанія. Эта небрежность доходитъ до того, что въ лотарингскихъ преданіяхъ, напримѣръ, она почти непонятна.

ГОСПОЖА АМАБЛЬ ТАСТЮ.

Госпожа Тастю, урожденная Воярь. Ей было семь лѣтъ, когда мать ея, сестра министра Буксотиса, умерла. По счастію, нѣсколько лѣтъ спустя, она нашла вторую мать, какъ мы уже упомянули, въ г-жѣ Элизѣ Воярь. Будучи девяти лѣтъ отъ роду, мадмоазель Амабль писала уже стихи, и ей едва минуло семнадцать лѣтъ, когда въ *Меркуріѣ* появилась идилія ея сочиненія, напечатанная безъ ея вѣдома. Эта идилія обратила на себя вниманіе г-жи Жанлисъ и гг. Сегюра, Тиссо и Жуи.

Въ 1816 году она вышла за г. Тастю, который всячески старался развить талантъ, проявлявшійся въ женѣ его. Начиная съ 1820 года, г-жа Тастю предъявляла въ Академію четыре стихотворенія: *Канунъ Рождества, Звѣзда лиры, Возвращеніе къ часовнѣ* и *Послѣдній день года*, которыми она заслужила различныя преміи. Въ 1821 году, она издала *Французское рыцарство*, сочиненіе въ прозѣ, со многими романсами, въ которомъ она описала жизнь древнихъ рыцарей; въ 1826 году, она издала въ одной части собраніе стихотвореній, сочиненныхъ послѣ ея замужства; въ 1829 году, она принялась за дѣло трудное, особенно для женщины: сочиненіе общаго обзора характера пяти столѣтій французской исторіи; въ 1835 году вышла новая книга подъ заглавіемъ: *Новыя стихотворенія*. Кромѣ того, г-жа Тастю написала еще нѣсколько книгъ въ прозѣ, нѣсколько дѣтскихъ книгъ и переводовъ, какъ то, сочиненія: *Курсъ исторіи Франціи; Материнское воспитаніе*; продолженіе *Семейства*, начатаго г-жею Гизо, и переводъ *Робинзона*, Даніила де Фоэ.

Г-жа Тастю женщина съ истиннымъ, чистымъ, прекраснымъ дарованіемъ. Немногія женщины знаютъ французскій языкъ такъ хорошо, какъ она; немногія пишущія женщины такъ хорошо помнятъ полъ, къ которому онѣ принадлежатъ. По мнѣнію г-жи Тастю, литература для женщины должна быть пріятнымъ препровожденіемъ времени, а не карьерой; отдохновеніемъ, а не исключительнымъ занятіемъ. Она говоритъ объ обязанностяхъ своего пола со скромностію, слишкомъ рѣдкою въ женщинѣ-писательницѣ.

As-tu réglé dans ton modeste empire
Tous les travaux, les repas, les loisirs,
Tu peux alors accorder à ta lyre
Quelques instants ravis à tes plaisirs.

И не смотря на плодовитость своего воображенія и пера, г-жа Тастю всегда оставалась вѣрною этимъ правиламъ, что, по нашему мнѣнію, можетъ послужить ей въ самую почетную похвалу.

Чтобы подать идею о смѣлой, энергической и строгой манерѣ г-жи Тастю, мы извлечемъ изъ ея *Данте* нѣсколько стиховъ, которыми она старается очертать портретъ поэта:

Que vois-je là?.. C'est lui! Sa taille haute et droite
Dessine sa maigreur sous une robe étroite ;
Narguant de sa maigreur nos tissus accomplis
De ses épaules tombe une chape à longs plis,
Du chaperon pendant sa tête enveloppée,
S'incline quelque peu, grave et preoccupée,
Et sur son front se courbe un laurier desseché,
Que le feu de l'abîme a peut-être touché,
Lent et fier dans son geste, et calme dans sa pose...
Le repos du lion, alors qu'il se repose.

Г-жа Тастю одна изъ тѣхъ счастливыхъ писательницъ, къ которымъ невольно привязываешься по однимъ сочиненіямъ ихъ. Она принадлежитъ къ числу писателей, которые никогда не забываютъ уваженіе ни къ самимъ себѣ, ни къ читателямъ, и сочиненія которыхъ смѣло можно дать въ руки молодыхъ людей безъ другаго присмотра, какъ одного взгляда на имя автора. Во всемъ, что выходитъ изъ подъ пера г-жи Тастю, проявляется приличіе, умъ, душевная теплота, кроткая и простая философія, словомъ, отраженіе прекрасной души. Дай, Богъ, болѣе такихъ писательницъ!

ГОСПОЖА АНСЛО.

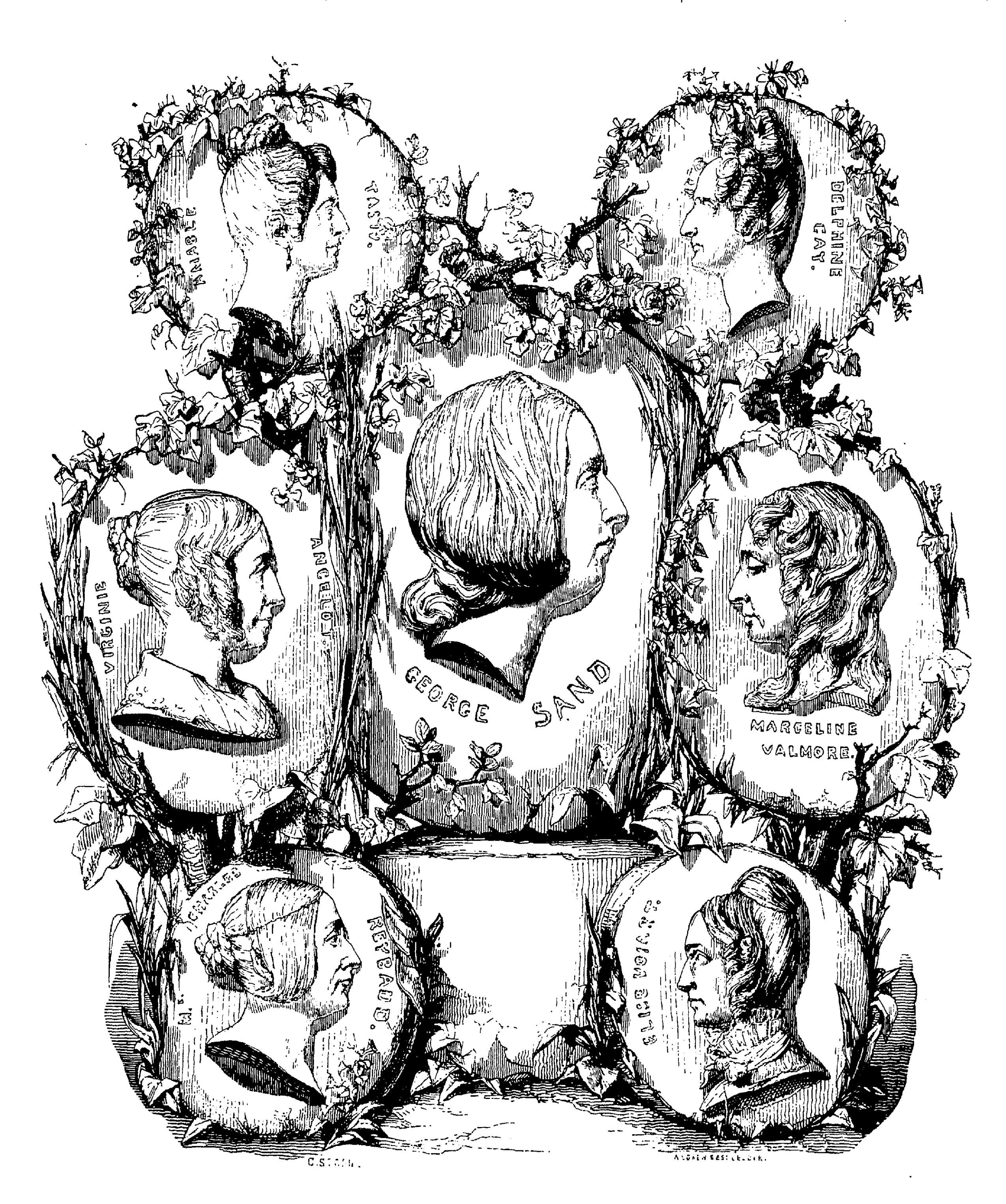
Чтобы оцѣнить достоинство г-жи Ансло, достаточно взять въ руки двѣ книги, изданныя ею подъ названіемъ *Габріель*. Этотъ романъ, содержаніе котораго не запутано множествомъ приключеній, обыкновенной уловки людей неопытныхъ или бездарныхъ, привязываетъ и умъ, и сердце и служитъ

доказательствомъ истиннаго дарованія. Въ немъ вся драма внутренняя : она происходитъ въ глубинѣ души дѣйствующихъ лицъ, а не проявляется въ эфектныхъ фактахъ. Г-жа Анслò соединила весь интересъ въ развитіи нѣкоторыхъ характеровъ , на которые можно смотрѣть какъ на общественные типы. Этотъ родъ литературныхъ произведеній самый трудный , а потому и удачное исполненіе его приноситъ большую славу. Доставляя удовольствіе и развлеченіе уму , подобнаго рода сочиненія соединяютъ въ себѣ и глубоко нравственный урокъ.

Въ романѣ *Габріель* есть чувствительность безъ приторности, энергія безъ жесткости и мужскихъ притязаній. Слогъ широкій, цвѣтистый, сильный и чистый.

Г-жа Анслò много писала для театра, хотя этотъ родъ менѣе приличенъ ея таланту, нежели романы. Большая часть піесъ ея вялы , потому что на сценѣ нужно болѣе дѣйствія, нежели пустой болтовни, которая преобладаетъ въ драматическихъ произведеніяхъ г-жи Анслò.

А потому надо забыть драмы г-жи Анслò и читать ея романы и повѣсти; впрочемъ, хотя всѣ литературныя произведенія этой писательницы не одинакого достоинства , то надо , по крайней мѣрѣ, сказать, что они всѣ заслуживаютъ уваже-



нія по благородному ихъ направленію и по чистотѣ источниковъ, ихъ внушающихъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ г-жи Анслò преобладаетъ чувство благородства и добра.

ГОСПОЖА ШАРЛЬ РЕБО (Reybaud).

Замѣчательнѣйшія сочиненія г-жи Ребо заключаются почти въ сорока томахъ, которые мы не намѣрены разбирать въ двухъ словахъ — это было бъ преступленіе; мы поступаемъ проще, совѣтуя читателямъ самимъ обратиться къ нимъ: они будутъ лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ. Мы только скажемъ, что самая простая, коротенькая повѣсть г-жи Ребо трогаетъ читателя болѣе, нежели драматическія , эфектныя приключенія; что съ возрастающимъ вниманіемъ и участіемъ онъ будетъ слѣдить за малѣйшимъ происшествіемъ отъ начала до конца; мы скажемъ, что г-жа Ребо также хорошо пишетъ , какъ думаетъ; что съ такою женскою чувствительностію она соединяетъ въ себѣ энергію и смѣлость мужчины ; наконецъ, мы прибавимъ, что сухимъ разборомъ мы не желаемъ разогнать поэтическаго вліянія, распространяемаго сочиненіями госпожи Ребо; сочиненіями, которыя совѣтуемъ всякому прочесть.

КАПРИЦІОЗО.

ПОВѢСТЬ.

I.

Донъ Гравіель Бадахозъ и Серрано и Лопесъ,—ровно 25-ти лѣтъ отъ роду, ростомъ въ 2 аршина 10 вершковъ, прекрасные глаза, воинственный видъ, пара красивыхъ усовъ, чинъ мичмана на флотѣ его католическаго величества (съ жалованьемъ по 50 піастровъ въ мѣсяцъ, что неоспоримо составляло бы 600 піастровъ въ годъ, если бъ только исправно платили жалованье), кредиторъ казны на жалованье въ два или три года, и должникъ на сумму противу того по крайней мѣрѣ вшестеро; цвѣтъ эстремадурскихъ кавалеровъ, лучшій морякъ въ эскадрѣ, краса академистовъ всей Испаніи, и безспорно самый влюбленный изъ смертныхъ, брошенныхъ въ Гаванну — все это, конечно, не бездѣлица!.. Это даже нѣсколько болѣе нежели ничего, судя по порціону, отпускаемому поутру и ввечеру королевскимъ провіантскимъ чиновникомъ. Но вмѣсто всякаго герба, наслѣдства, имущества движимаго и недвижимаго, имѣть только красивую наружность и офицерскую шпагу, какъ бы хороши ни были и офицеръ и шпага, надобно сознаться, однако же, что это не рудники Поточи и Перу. У меня нѣтъ и одного мараведиса, который я могъ бы предложить единственной дочери высокороднаго донъ Антоніо Барзона, маркиза де Ласъ-Эсмадурасъ и Фамаротесъ, гранда испанскаго, бригадира королевскихъ войскъ, камандора и генералъ-губернатора острова Кубы и близлежащихъ владѣній испанскихъ. Надобно сознаться, напримѣръ, что это самый строгій изъ отцовъ, самый скучный изъ стариковъ, какихъ только производитъ наше любезное отечество; но, еще вѣрнѣе то, что я милъ, красивъ, вкрадчивъ, любимъ молоденькими дѣвушками, въ особенности, когда я влюбленъ въ нихъ; и къ чему глупая скромность? Отъ Пампелуны до Кадикса, отъ Испанской Тринидады до Мексики, Хуана не найдетъ мнѣ подобнаго, и я, право, думаю, что она это знаетъ; иначе, какъ истолковать то, что она сегодня говорила на счетъ искателей приключеній, флибустьеровъ и корсаровъ? Важный предметъ къ размышленію; онъ заставляетъ меня какъ можно скорѣе пустить весь мой выигрышъ на квитъ.

Вотъ вступленіе и образчикъ длиннаго монолога, который велъ самъ съ собою донъ Гравіель Бадахозъ Серрано и Лопесъ, выходя изъ дворца гаванскаго губернатора.

Былъ второй часъ ночи; съ шумомъ катились кареты и *волакты* по улицамъ, освѣщеннымъ единственно факелами черныхъ, провожавшихъ домой господъ своихъ. Извѣстно уже, почему нашъ мичманъ отправлялся домой пѣшкомъ и безъ провожатаго; онъ для осторожности вынулъ саблю изъ ноженъ, по обыкновенію пѣшеходѣвъ, а для вящшей предосторожности держался середины улицы, уставивъ на стражу глаза и уши, особенно, когда надобно было проходить по какому нибудь переулку. Облака закрывали звѣзды; было новолуніе, а полиція въ Гаваннѣ дѣйствовала очень слабо. Бандитъ, мало знакомый съ обычаями королевской казны, могъ бы понадѣяться, что въ карманѣ мичмана лежатъ, если не квадруплы и дублоны, то по крайней мѣрѣ піастры и колоннаты. Донъ Гравіелю не хотѣлось подвергнуть ни одного изъ честныхъ ночныхъ промышленниковъ подобной ошибкѣ; не имѣя возможности искать счастія на карточныхъ столахъ губернатора, онъ поступилъ въ полкъ неутомимыхъ плясуновъ; не пропустилъ ни одного танца, гаванскаго, испанскаго или французскаго, ни одного болеро, фанданго, или кадриля, за что удостоился похвалы отъ доны Хуаниты.

—Поздравляю васъ, сеньоръ Бадахозъ, сказала она, съ блистательнымъ усердіемъ вашимъ; я рада, что вы отказались отъ игры.

— Стану ли я искать другихъ развлеченій, когда имѣю счастіе быть съ вами? Всѣ сокровища міра не стоятъ одной вашей улыбки, божественная Хуана. Если бъ галіоны испанскіе были въ моей власти, я отдалъ бы ихъ за одинъ вашъ взглядъ.

—Было время, отвѣчала Хуанита, намѣкая на предшествовавшій разговоръ, когда кава-

леры не разговаривали о галіонахъ на балѣ, а преслѣдовали ихъ въ открытомъ морѣ.

— Если надо быть корсаромъ, чтобъ вамъ понравиться, я буду корсаромъ, или—прощай, мое имя! возразилъ донъ Гравіель, покручивая усы.

Хуана засмѣялась.

— Кавалеръ, сказала она, я для рѣдкости вызвала бы васъ на это.

— А я принялъ бы вызовъ, такъ вѣрно, какъ истинно то, что вы царица бала, и болѣе всѣхъ заслуживаете обожанія.

— Берегитесь, прервала Хуана, понизивъ голосъ, васъ могутъ услышать и подумать, что я поощряю васъ къ такой дерзости.

— Не опасайтесь ничего, душа моей жизни, возразилъ донъ Гравіель съ жаромъ; меня сочли бы сумасшедшимъ, если бъ услышали, о чемъ я дерзаю говорить съ дочерью маркиза де Ласъ Эсмадурасъ, и не ошиблись бы: я схожу съ ума отъ любви, совсѣмъ схожу съ ума! Я думаю только о васъ; живу только надеждою васъ увидѣть. Ночью, на фрегатѣ, къ вамъ обращаются всѣ обѣты, всѣ желанія мои; я въ честь вашу сочинилъ болѣе 50 сонетовъ, которыхъ вамъ не покажу, потому что они никуда не годятся; но у меня есть небольшой романсъ, который вы мнѣ позволите принести вамъ, — не правда ли, Хуанита?

— Знаете ли вы, прошептала испуганная дѣвушка, что если бы отецъ мой все это услышалъ, то самая жизнь ваша была бы въ опасности?

— А знаете ли вы, возразилъ донъ Гравіель, что тотъ, кто рѣшился сдѣлаться корсаромъ, не ставитъ ни во что гнѣвъ всѣхъ губернаторовъ міра, будь они сто разъ испанскіе гранды и тысячу разъ строже донъ Барзона?

— Какъ? спросила Хуанита.

— Не хвалили ли вы теперь же искателей приключеній и корсаровъ? не говорили ли съ восторгомъ, еще часъ тому назадъ, о подвигахъ береговыхъ братьевъ? не вздохнули ли вы, когда сказали: «Ахъ, если бъ нынѣш«ніе Кастильцы были люди съ духомъ, они «бы умѣли мстить въ свою очередь, и стали «бы разъѣзжать по морямъ для гибели вра«говъ!»—Клянусь, эти слова не пропадутъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала дѣвушка насмѣшливо.

— Въ самомъ дѣлѣ, Хуана, точно также какъ я васъ люблю любовью самою страстною.

— Замолчите! Вы сегодня забываетесь. Если вы не перестанете, то я не буду болѣе танцовать съ вами.

— Извините, сеньорита, продолжалъ мичманъ развязно. Не принимайте на себя сердитаго вида; вы знаете, что тогда вы мнѣ болѣе всего нравитесь. Нахмурьте еще немножко эти прелестныя брови, и я надѣлаю тьму глупостей... если бъ даже донъ Барзонъ велѣлъ меня разрѣзать на сто частей какъ арбузъ.

— Вы вѣчно тотъ же, возразила веселая дѣвушка, поднявъ на Альфереца большіе черные глаза свои; вы смѣетесь, когда слѣдовало бы вамъ раскаяваться.

— Божусь вамъ, если бъ мы здѣсь не были окружены толпою гостей, я бросился бы къ ногамъ вашимъ, и молилъ бы о прощеніи; я прижалъ бы къ устамъ эту прелестную ручку, которую вы не смѣете отнять у меня, потому что наша очередь дѣлать фигуру. Право, то положеніе нравилось бы мнѣ еще болѣе настоящаго, но, нечего дѣлать, я долженъ довольствоваться и этимъ.

— Это уже слишкомъ! Замолчите! я вамъ приказываю.

— Когда я буду капитаномъ корсаровъ, то надѣюсь, что вы будете менѣе строги къ своему невольнику.

— Можетъ быть, сказала неосторожно молодая дѣвушка, которую смѣшная пантомима донъ Гравіеля обезоружила.

— Можетъ быть! Я припомню вамъ этотъ отвѣтъ; къ концу недѣли, можетъ быть, будетъ полезно возобновить его въ вашей памяти.

— Полно лгать!

— Хорошо, сказалъ донъ Гравіель, въ Рождество увидите, солгалъ ли я.

— Такъ васъ въ Рождество произведутъ въ капитаны корсаровъ?

— До того времени можете сомнѣваться; но тогда...

— Что же тогда будетъ? спросила насмѣшливо молодая дѣвушка.

— Увидимъ! важно отвѣчалъ донъ Гравіель, отводя ее къ мѣсту.

Богатые жители, чиновники колоніи и гаванскія дамы стали расходиться съ обыкновенною церемоніею; молодой Альферецъ ускользнулъ, бросивъ пламенный взглядъ на прелестную Хуаниту, а она будто того и не замѣтила.

Размахивая саблей и громко разсуждая самъ съ собою, донъ Гравіель шелъ впередъ и такъ заключилъ рѣчь свою:

«Корсаръ, флибустьеръ—да будетъ! Повѣсить могутъ только разъ, а Хаунита стоитъ того, чтобъ для нея пожертвовать головою!»

Задача не была рѣшена, но намѣреніе принято; оставалось найти средства къ исполненію. Молодой мичманъ утопалъ въ хаосѣ идей, одна другой страннѣе; вдругъ показалось ему, что кто то прячется за угломъ, недалеко отъ набережной.

— Гей! крикнулъ донъ Гравіель.

— Ага! это лейтенантъ! сказалъ сердито человѣкъ, затыкая за поясъ огромный ножъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? продолжалъ офицеръ; ты долженъ былъ ждать меня на лодкѣ.

— Я васъ и ждалъ; и былъ увѣренъ, что вы къ лодкѣ будете проходить здѣсь.

— Но что дѣлалъ ты у этихъ воротъ, господинъ Бримболліо?

— Ничего, право ничего, лейтенантъ!

— Бьюсь объ закладъ, что ты, разбойникъ, ожидалъ случая ограбить ка кого-либо честнаго жителя. Зачѣмъ этотъ длинный ножъ?

— Вы полагаете, что въ этомъ краѣ есть честные жители? сказалъ морякъ; тѣмъ хуже для нихъ. Сказать вамъ правду, я хотѣлъ достать немного табаку. Быть въ Гаваннѣ и не имѣть дрянной сигарки, это хоть кого такъ взбѣситъ; да если бъ намъ платили жалованья въ четыре мѣсяца хотя заодинъ, или послали бы крейсировать противъ Англичанъ, тогда можно бъ еще потерпѣть.

— Товарищъ, у тебя, кажется, совѣсть безъ большихъ церемоній.

— А у казначейства, что не платитъ намъ жалованье, совсѣмъ ее нѣтъ. Я, клянусь вамъ, довольствовался бы бездѣлицею, когда уже болѣе нельзя, даже реаломъ; не запрещено же нищему просить милостыни.

— Да! возразилъ донъ Гравіель со смѣхомъ, просить милостыни съ ножемъ въ рукахъ, въ два часа ночи.

— Да у богачей и слухъ и сердце такіе твердые...

Мастеръ Бримболліо былъ плотный морякъ, сложенъ какъ Геркулесъ; смуглое лицо у него было украшено бородою и черными волосами съ красноватымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, онъ былъ славный матросъ, имѣлъ большой вѣсъ на передней палубѣ, и чинъ втораго штурмана на фрегатѣ Санта-фе, на которомъ мичманъ, донъ Гравіель, былъ четвертымъ лейтенантомъ.

— Что, спросилъ Альферецъ, ты охотно бы пошелъ крейсировать противъ Англичанъ.

— Противъ нихъ, или другихъ—все равно; я говорю объ Англичанахъ, потому что у насъ съ ними война.

— Да полагаешь ли ты, что на фрегатѣ найдется сорокъ молодцовъ того же мнѣнія.

— Стоитъ мнѣ поднять палецъ, и сегодня же ночью отправится со мною цѣлая сотня. Да, лейтенантъ, однимъ словомъ, однимъ знакомъ, я украду цѣлую сотню изъ экипажа. Ахъ, боже мой, попадись намъ только офицеръ для команды, давно бы уже отправились въ море. Да вотъ бѣда, мы не умѣемъ обходиться съ компасомъ—нечего дѣлать, надобно ждать.

Каждый изъ собесѣдниковъ въ эту минуту съ удовольствіемъ поглядѣлъ бы въ глаза товарищу, да ночь была темная. Донъ Гравіель узналъ и такъ не мало; онъ былъ осторожен; Бримболліо проговорился въ мѣру.

Если, подумалъ онъ, Альферецъ Бадахозъ вздумаетъ меня выдать, нескромность будетъ ему стоить дорого.

Взглядъ, брошенный на ножъ, досказывалъ мысль матроса; за тѣмъ оба сѣли въ яликъ.

Санта-фе стоялъ на якорѣ далеко отъ берега; чтобъ достигнуть до него, надо было пройти между множествомъ купеческихъ кораблей, торговавшихъ неграми, и легкихъ судовъ, на которыхъ блуждалъ завистливый взоръ Альфереца; съ особеннымъ вниманіемъ засмотрѣлся онъ на длинный бригъ-гоелеттъ, стоявшій на якорѣ отдѣльно. У *Каприціозо*, такъ звали бригъ, передняя часть была остра, какъ лезвее кинжала, корпусъ лежалъ плотно на водѣ, мачты смѣло неслись вверхъ, грудь черная, поясъ красный; онъ имѣлъ какое-то сходство съ хищною птицею, съ дракономъ, ястребомъ, или морскимъ орломъ; фосфорическій свѣтъ пролива дозволялъ замѣтить красивыя его формы.

— Славный кусокъ дерева, проворчалъ мастеръ Бримболліо.

— Паруса привязаны ли къ реямъ? спросилъ тихо офицеръ.

— Привязаны, *капитанъ*.

Мичманъ затрепеталъ, услышавъ это непривычное для него названіе.

Полчаса спустя, онъ послалъ разбудить пріятеля своего, Фернандо Рибаллоза, гардемарина, исправлявшаго должность пятаго лейтенанта на фрегатѣ Санта-фе.

Фернандо было 28 лѣтъ; въ началѣ поприща своего онъ надѣялся пройти его блистательно; какъ и многіе другіе, онъ мечталъ объ адмиральскихъ эполетахъ; потомъ онъ довольствовался желаніемъ получить чинъ мичмана на корветтѣ; потомъ уже шесть лѣтъ онъ не желалъ ничего, довольствовался тѣмъ, что въ свободное время удилъ рыбу; онъ прошелъ, какъ видно, чрезъ всѣ разочарованія морской службы; впрочемъ, онъ былъ холоднѣе льда; не опасался желтой лихорадки; худой, сухой, онъ никогда не смѣялся, а между тѣмъ душею и тѣломъ былъ преданъ величайшему вѣтренику въ мірѣ, т. е. донъ Гравіелю Бадахозу.

— Боишься ли ты висѣлицы? спросилъ его внезапно Альферецъ.

— Ты меня и позвалъ за этимъ?

— Вопросъ мой не такъ глупъ, какъ тебѣ кажется; отвѣчай мнѣ безъ шутокъ.

— Когда такъ, такъ не боюсь! сказалъ гардемаринъ. Ну, а потомъ что?

— Дѣло въ томъ, что у меня въ головѣ такая мысль, что можно попасть прямо на висѣлицу.

— А!

— Не болѣе и не менѣе, какъ сманить часть экипажа, завладѣть бригомъ-гоелеттою, который, ты видишь, лежитъ себѣ вотъ тамъ, отправиться на немъ крейсировать и начать съ того, чтобъ увести дочь губернатора, донью Хуаниту де Ласъ Эсмадурасъ, въ которую я смертельно влюбленъ.

— Страство? сказалъ Фернандо.

— Хочешь ты помочь мнѣ?

— Что касается гоелетты, да; а что до дѣвочки, нѣтъ. На кой чортъ она намъ? Не говори мнѣ о женщинахъ—я предпочитаю имъ рыбы; тѣ, по крайней мѣрѣ, нѣмы.

— Я влюбленъ, говорю тебѣ!

— Тѣмъ хуже!

— И я все это затѣялъ для того только, чтобъ овладѣть Хуанитою.

Фернандо пожалъ плечами.

— Это значитъ, что ты меня оставляешь?

— Ты обижаешь меня!

— И такъ, ты согласенъ на все?

— Да что станешь дѣлать!

— Ты несравненный другъ, вскричалъ восхищенный донъ Гравіель, и хотѣлъ броситься ему на шею.

Тотъ его оттолкнулъ; когда Испанецъ хладнокровенъ, то перещеголяетъ Голландца.

— Есть ли у тебя сигара? спросилъ гардемаринъ.

— Къ несчастію, нѣтъ!

— Такъ прощай!

— Не уходи! сказалъ съ живостію Гравіель, подожди, поговоримъ о приготовленіяхъ.

— На что?

— Хорошъ вопросъ — вѣдь нуженъ же планъ?

— Составь его самъ; ты раздашь приказанія, я ихъ исполню.

Фернандо ушелъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

Наканунѣ Рождества, всѣ офицеры фрегата хотѣли отправиться на берегъ, чтобъ провести тамъ ночь, потому что послѣ обѣдни губернаторъ хотѣлъ дать всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ праздникъ и балъ, который долженъ былъ продлиться до утра. Донъ Гравіель и пріятель его Фернандо остались дежурными на фрегатѣ.

Около полуночи загудѣли всѣ колокола города; на улицахъ пылали тысячи факеловъ; казалось, весь городъ горѣлъ, но тѣмъ гуще была тьма на рейдѣ гаванской. Заговорщики стояли на кормѣ.

Оружіе въ шлюбкѣ? спросилъ донъ Гравіель у штурмана Бримболліо.

— Да, капитанъ.

Хорошо — вели садиться всѣмъ нашимъ. Сколько ихъ?

— Пятьдесятъ; я не могъ взять меньше; все пріятели, славные матросы, храбрецы перваго разбора.

— Десять лишнихъ; но нечего дѣлать, пойдемъ.

Донъ Гравіель разослалъ всѣ лодки съ разными приказаніями; для себя оставилъ только шлюбку и легкій ботъ. Фернандо и 40 матросовъ хорошо вооруженныхъ отправились на первой, которая, отчаливъ, поплыла вдоль набережной, и вскорѣ исчезла изъ виду посреди купеческихъ судовъ. На ботъ сѣли донъ Гавріель, Бримболліо и десять самыхъ сильныхъ матросовъ; у пояса кинжалъ, пистолетъ, спрятанный подъ длиннымъ плащемъ, и свинцовыя ядра, привязанныя къ палкѣ, составляли вооруженіе этой отборной шайки; они оставили фрегатъ на волю Божію и безъ лодокъ, и потомъ отправились прямо на берегъ, къ которому пристали въ узкомъ каналѣ, между двумя высокими домами. Ботъ, скрываясь въ глубочайшей тьмѣ, причалилъ къ берегу; на немъ осталось два матроса; въ случаѣ несчастія, имъ приказано было уходить и подать вѣсть какъ можно скорѣе товарищамъ на шлюбкѣ.

— Ну, Бримболліо, кости брошены, сказалъ мичманъ.

— Чортъ возьми дѣвушекъ; у меня земля горитъ подъ ногами.

Церковь была близко; моряки вошли въ нее за донъ Гравіелемъ, переодѣтымъ матросомъ; они смѣшались съ толпою, не теряя изъ виду своего начальника.

На женской половинѣ донья Хуана занимала почетное мѣсто. На крылосѣ стояли донъ Антоніо Барзанъ съ своими адъютантами, командиръ фрегата Санта-фе, офицеры стоящихъ на рейдѣ судовъ и находящагося въ городѣ гарнизона, губернаторъ колоніи и всѣ городскія власти.

«Изъ какихъ дверей выйдетъ она? со страхомъ спрашивалъ самъ у себя донъ Гравіель, а мистеръ Бримболліо продолжалъ ругать дѣвушекъ и влюбленныхъ.

Дона Хуана усердно молилась, и веселыя бальныя рѣчи, конечно, въ эту минуту изгладились изъ ея памяти; только и развлеклась она нѣсколько мыслію, и то, конечно, противу своей воли, почему донъ Гравіель не пришелъ въ церковь вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ; она изъ этого заключила, что онъ дежурный на кораблѣ. За службою долженъ былъ послѣдовать полночный праздникъ medianoche; она невольно сожалѣла объ отсутствіи Альфереца; но эти свѣтскія мысли мелькнули тѣнью въ умѣ дѣвушки; она отогнала ихъ набожнымъ упрекомъ.

Наконецъ толпа начала медленно расходиться; донъ Барзанъ подалъ дочери руку и пошелъ къ боковой двери; тутъ ожидала карета; за губернаторомъ толпились офицеры; ходъ въ дверяхъ затруднился. Донъ Гравіель подалъ знакъ, силою открылъ себѣ дорогу въ толпѣ богато убранныхъ чиновниковъ; за нимъ слѣдовали товарищи. Пошла суматоха; сановники колоніи сердились на дерзость толкавшихъ ихъ неучей, но неучи подвигались впередъ.

Маркизъ де Ласъ Эсмадурасъ уже подавалъ руку дочери, чтобъ посадить въ карету; вдругъ Альферецъ сильно оттолкнулъ его, схватилъ Хуану на руки и ударился бѣжать съ условнымъ крикомъ «корсаръ!»

— На помощь! къ оружью! солдаты! граждане! ко мнѣ! кричалъ донъ Антоніо Барзанъ. Офицеры выхватили шпаги; гвардія губернатора скрестила штыки.

«Корсаръ, корсаръ, впередъ!» отвѣчали матросы.

Бримболліо и восемь товарищей его прикрывали бѣгство мичмана; грозныя палки ихъ удерживали испуганную толпу. Дона Хуана напрасно выбивалась изъ рукъ похитителя. Съ необыкновенною быстротою онъ перенесъ ее въ лодку; усердные товарищи не отставали, и лодка отчалила.

Все это заняло времени гораздо меньше, нежели сколько нужно для описанія.

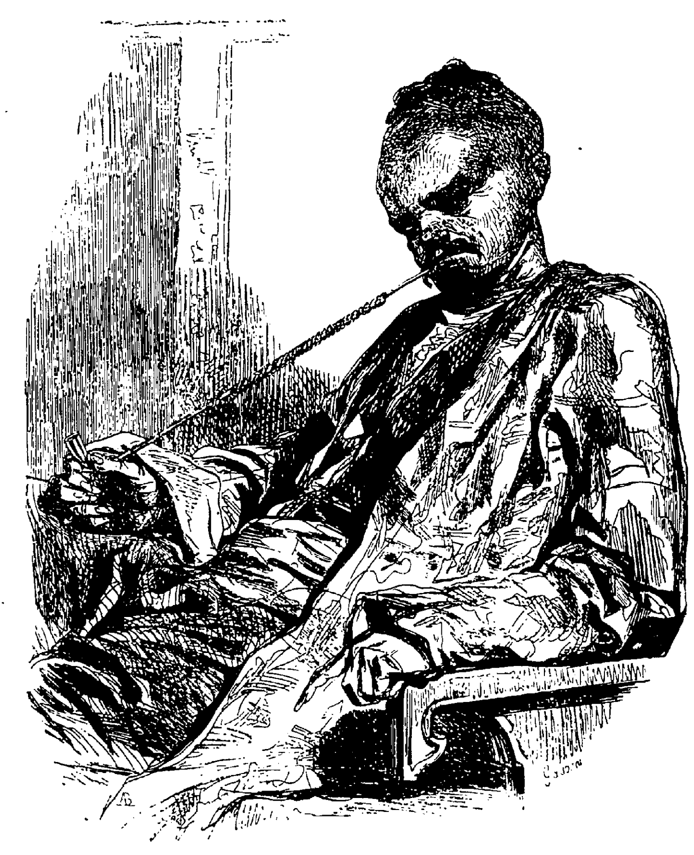
Ужасный крикъ былъ слышенъ съ берега; тамъ поднялся необыкновенный безпорядокъ: сотни факеловъ освѣтили узкій переулокъ, по которому убѣжали моряки; солдаты зарядили ружья; но какъ стрѣлять? можно было ранить и дочь губернатора; впрочемъ и лодка неслась съ быстротою стрѣлы, и вскорѣ утонула во мракѣ.

«Лодки, лодки! или всѣхъ перевѣшаю! Лодки! Кровь и буря! повторялъ громоподобнымъ голосомъ отецъ доньи Антоніо Барзанъ.

(Продолженіе впредь).

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).

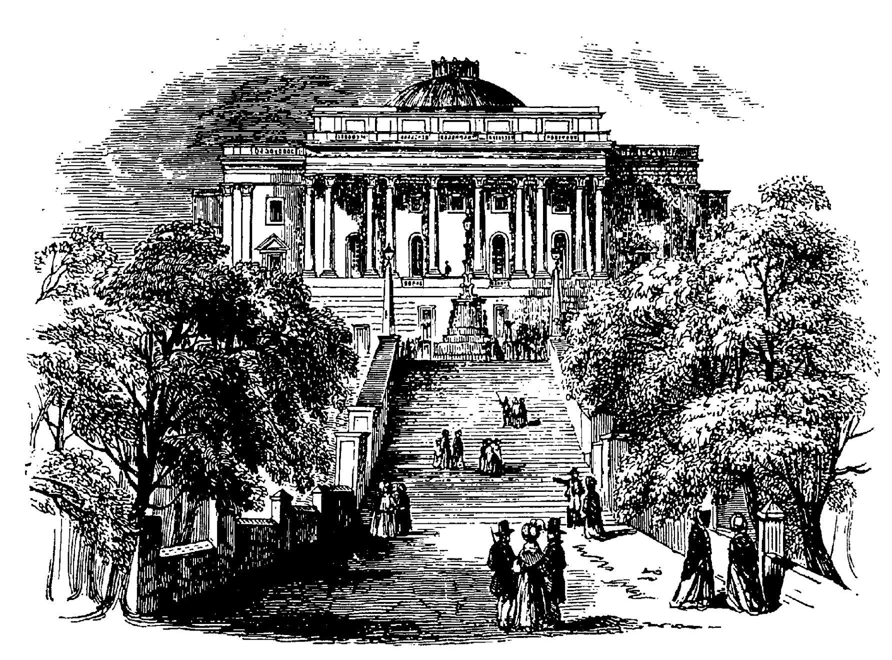
Львица.



Китаецъ курящій Опій.

Курильщикъ Бульварной.

Курильщикъ Марціальный.



(Капитолій въ Вашингтонѣ).

КАПИТОЛІЙ ВЪ ВАШИНГТОНѢ.

Со всѣми замѣчательнѣйшими зданіями Европы мы знакомы какъ съ домомъ, въ которомъ живемъ, и едва ли не ближе. Не хотите ли познакомиться съ зданіями Америки, которая, въ скоромъ времени, во многихъ отношеніяхъ, будетъ соперничествовать съ дряхлой Европой. Вашингтонъ—столица Сѣверной Америки. Вліяніе его распространяется уже и на Южную. Но вы удивитесь, что въ этой столицѣ, цѣлой части свѣта, всего 3,000 домовъ, только 20,000 жителей; а между тѣмъ городъ весьма обширенъ, потому что застроенъ просторно, улицы широки, троттуары также, буллевары, аллеи и т. д. Лучшее зданіе—Капитолій; онъ весь изъ бѣлаго мрамора, съ прекрасной лѣстницей. Архитектура, какъ видите, благороднаго стиля и прекрасныхъ формъ. Европа немного выставитъ зданій, которыя бы могли выгодно соперничествовать съ этимъ Капитоліемъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ Г-на Готи. Бенефисъ Г-жи Эстеръ.

Бенефисъ! бѣгай, хлопочи, доставай піесу, раздавай роли... Но смотри, не обижай никого, не задѣвай щекотливаго самолюбія своихъ товарищей; иной откажется отъ роли, другой заболѣетъ... а день твоего бенефиса давно назначенъ и этотъ день долженъ, можетъ быть, обезпечить существованіе твоей жены и дѣтей. Бѣдный актеръ! онъ расчитываетъ на этотъ бенефисъ; онъ къ нему посылаетъ своихъ кредиторовъ и давно уже распорядился его сомнительными доходами.

Но вотъ, наконецъ, наступилъ этотъ великій торжественный день — и хозяинъ праздника изнемогаетъ подъ бременемъ хлопотъ и внутреннихъ волненій. Вотъ и вечеръ, а зала пуста; нѣсколько ложъ, да два ряда креселъ... на расходы можетъ быть и хватитъ. Бѣдный актеръ! не смотри изъ-за кулисъ на эти длинные пустые ряды; не думай о женѣ, забудь о кредиторахъ; твоя очередь; выходи съ веселымъ лицомъ; гости твои захлопали — благодари за честь; смѣши, забавляй; это твое дѣло, а публика не любитъ скучать; она смотритъ на тебя, какъ на своего забавника; ты и безъ того неумѣлъ угодить ея прихотямъ. Ни одной польки, ни одного цыганскаго па! на что-же она будетъ смотрѣть? Балетъ уничтожился — не мудрено; драма и водевиль сдѣлались балетомъ. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не заставили еще Короля Лира протанцовать съ дочками какое нибудь венгерское па, или Гамлета съ Офеліей! Только этого еще недостаетъ.

Не потому ли и въ бенефисѣ г-на Готи зала была почти пустая? Правда, и онъ объявилъ, что будутъ танцовать; безъ этого рѣшительно нельзя; да не было полекъ на афишкѣ, а былъ какой-то замороженный танецъ флегматической Германіи. Богъ съ ними, съ этими Нѣмцами. Вотъ напримѣръ: водевиль Le Client—пустая, скучная піеса;

(Г-жа Александръ-Мейеръ).

пускай-же къ ней придѣлаютъ польку — ее будутъ смотрѣть съ удовольствіемъ. A. Jacquart, гдѣ г-нъ Готи былъ такъ хорошъ, что эту піесу почти можно было давать безъ танцевъ? Право жаль, что бѣдный механикъ, при возвращеніи отъ Перваго Консула, *вмѣстѣ съ фамиліей*, не пустился отъ радости въ какую-нибудь семейную присядку. Это промахъ, большой промахъ, господинъ Жакаръ!

Но мы забываемъ о главной, капитальной піесѣ бенефиса, о той піесѣ, въ которой даже и танцовали немножко. Это — Carlo et Carlin. Это водевиль настоящаго французскаго издѣлія. Это — шалости пажа стараго времени. Карло влюбляется въ танцовщицу; у танцовщицы, по обыкновенію, покровитель. Этотъ покровитель — самъ Герцогъ. Пажъ не унываетъ; Герцогъ гнѣвается — и Карло, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Камерани, по добру, по здорову, перебирается въ Венецію. Пажи безъ денегъ, — но Карло, что называется, молодецъ на всѣ руки. Онъ принимается за ремесло танцовальнаго учителя; пишетъ на заказъ серенады и снова встрѣчаетъ свою прекрасную танцовщицу Армантину. На этотъ разъ у него другой соперникъ, въ лицѣ стараго влюбленнаго посланника. У посланника — жена; у жены — много проказъ въ головѣ. Карло волочится за женой и отбиваетъ танцовщицу. Но по глупости Камерани, бѣглаго пажа узнаютъ и отправляютъ по принадлежности: Прощай Карло! Пошалилъ и довольно.

Другая сцена. Театръ полонъ; публика ждетъ; но арлекина нѣтъ. Плохо директору; съ публикой не шутятъ. Но вотъ кто-то лѣзетъ черезъ окошко; это — deus ex machina; это Карло; это — пажъ на волѣ; это арлекинъ — въ случаѣ надобности. И вотъ онъ одѣтъ, замаскированъ. Кто его узнаетъ? Кто подумаетъ, что подъ этой маской дурачится Карло? Никто, кромѣ Коломбины; а Коломбина — все таки та же танцовщица, та же Армантина. Но на этотъ разъ побѣда остается за нимъ; арлекинъ торжествуетъ; соперники ретируются.

Госпожа Александръ-Мейеръ, въ роли Карло, живое олицетвореніе ловкаго, граціознаго шалуна, веселаго, игриваго и безпечнаго, какъ всѣ пажи стараго времени. Она оживила эту роль; она дала ей характеръ. Это одушевленная игра, это лицо, на которое такъ весело смотрѣть; эти глаза, полные жизни и шалостей, эта лукавая улыбка, эти граціозныя движенія, приготовили, въ роли Карло, любимой актрисѣ нашей публики новое, полное, заслуженное торжество.

Г-нъ Руже, въ роли Камерани, превосходенъ. Его игра вездѣ натуральна, а потому вѣрна. Онъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ насильственнымъ средствамъ, которыя остаются на долю жалкой посредственности, и публика съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оцѣниваетъ этого талантливаго актера.

Бенефисъ г-жи Эстеръ начался съ водевиля Les deux filles à marier. Содержаніе водевиля вы уже знаете, потому что это одна изъ тѣхъ піесъ, въ которыхъ дебютировалъ г-нъ Варле. Стало быть, мы объ этомъ водевилѣ говорить не будемъ, а мимоходомъ замѣтимъ только, что природа создала г-на Алерма столько же мало для ролей первыхъ любовниковъ, сколько и для роли какого нибудь регента Франціи. Послѣ водевиля началась драма, подъ заглавіемъ Iulliette, драма съ приличными невѣроятностями и театральными эфектами, съ убитымъ любовникомъ, который въ добавокъ еще и потонулъ, а подъ конецъ все-таки оказывается въ живыхъ; драма французская, драма безъ логики, словомъ сказать, драма, какъ слѣдуетъ. Главную роль занимала госпожа Александръ-Мейеръ — и надобно правду сказать, она одна поддержала весь успѣхъ этого фабричнаго издѣлія французской драматической литературы; насъ поразила эта драматическая сила и мы съ удивленіемъ спрашивали себя, та ли эта женщина, которую мы видѣли въ роли шалуна Карло? Та ли эта граціозная, веселая, шаловливая женщина? Въ концѣ перваго дѣйствія, она, по волѣ автора, теряетъ разсудокъ, и мы видѣли, какъ подъ ударомъ страшнаго извѣстія, лицо ея каменѣло, неподвижныя черты его выражали безуміе, глаза помутились, взглядъ остановился безъ смысла и жизни. А потомъ, когда она опять встрѣчаетъ мужа, когда она видитъ и убѣждается, что онъ живъ, что онъ подлѣ нея, что онъ любитъ ее, — разсудокъ ея возвращается... Какъ выразила она этотъ переходъ отъ безумія къ мысли, отъ сумасшествія къ ясному сознанію дѣйствительности! Она заплакала, но заплакала такъ, что слезы ея доходили до души, что эти рыданія захватывали духъ, что публика съ напряженнымъ вниманіемъ прослушала всю эту мучительную сцену, не нарушая ее ни однимъ неумѣстнымъ рукоплесканіемъ. Разумѣется, громкіе, единодушные вызовы послѣ перваго дѣйствія и по окончаніи піесы, доказали ей, какое глубокое впечатлѣніе произвела на зрителей ея прекрасная благородная игра.

Послѣ драмы давали старый, уморительный водевиль, подъ заглавіемъ Les Saltimbanques, съ ужасными каламбурами и приличными танцами, водевиль, который, благодаря содѣйствію г-жи Эстеръ, г-дъ Верне и Руже, идетъ превосходно.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ШАХМАТНЫХЪ ИГРОКОВЪ.

Почтеннѣйшіе любители шахматной игры! Я разсказывалъ вамъ, не такъ еще давно, истинное происшествіе, случившееся съ дѣдушкой моимъ 56 лѣтъ тому назадъ, какъ онъ о святкахъ игралъ съ чортомъ, и какой чортъ задалъ ему матъ.—Въ поясненіе этого анекдота скажу теперь, что чортъ, игравшій съ дѣдушкой, былъ не кто иной, какъ переодѣтый Кологривовъ. Этотъ московскій шахматный наѣздникъ, узнавъ, что дѣдушка считаетъ себя первымъ игрокомъ, нарядился, наканунѣ Крещенья, чортомъ и сыгралъ шутку. — Но дѣдушка долго оставался при томъ мнѣніи, что онъ игралъ съ настоящимъ чортомъ, и неохотно увѣрился въ истинѣ, желая лучше проигрышъ свой отнести къ сверхъ-естественной силѣ.

Кологривовъ ничего не писалъ о шахматахъ. Не оставилъ ни игранныхъ имъ партій, ни шахматныхъ проблемъ, по коимъ можно бы было судить о его силѣ; слѣдовательно, съ достовѣрностію нельзя опредѣлить его игры; но преданіе говоритъ чудеса.—Бывало, начиная играть, посыплетъ табачку на клѣтку шашечницы и заматуетъ васъ на томъ мѣстѣ; или надѣнетъ колпачекъ на шашку и сдѣлаетъ непремѣнно ею матъ.

Говорили про него, что онъ вѣдался съ нечистой силой и шашки его сами собой передвигались;—и что онъ, бывши за-границею, обыгралъ даже Филидора.

Отложа патріотизмъ въ сторону, мнѣ кажется, что это послѣднее обстоятельство несправедливо. Филидоръ былъ величайшій игрокъ, какой едва ли когда будетъ! —Кологривовъ же, судя по партіямъ, играннымъ съ дѣдушкой, былъ небольшой тактикъ, — зналъ игру практически, и былъ силы непомѣрной въ своемъ только муравейникѣ.

Продолжаю далѣе разсказъ мой о дѣдушкѣ:

Дѣдушка мой, какъ и всѣ вообще шахматные игроки, былъ постояненъ во всѣхъ своихъ привычкахъ, занятіяхъ и образѣ жизни. У него на все назначено было время.—Въ извѣстный часъ вставалъ, молился Богу, одѣвался, пилъ чай и кофе, въ 10 ч. ѣхалъ къ должности, возвращался къ двумъ, въ два обѣдалъ, ложился вздремнуть часикъ, а въ пятомъ игралъ уже въ шахматы.

Чортъ, наложивши на него зарокъ не играть три года, выбралъ самое жестокое наказаніе. — Дѣдушка былъ твердъ въ своемъ словѣ: дѣйствительно ни съ кѣмъ не игралъ три года. Это время посвятилъ изученію, преимущественно, Филидора.

Дѣдушка обыкновенно вставалъ въ 7 часовъ поутру. — Камердинеръ Оська, по прозванію Хохолъ, убиралъ его, пудрилъ и разсказывалъ ему городскія новости. Оська, до пробужденія барина, успѣвалъ обѣгать всѣ сосѣдніе кабаки и трактиры и возвращался домой, нагруженный городскими вѣстями и спиртуозными напитками, часто въ такомъ состояніи, что едва языкъ ворочался; — тогда дѣдушка его самаго пудрилъ (такой въ старину былъ обычай); но не хотѣлъ запрещать ему посѣщенія трактировъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, чтобы не лишиться свѣдѣній о городскихъ происшествіяхъ, и во 2-хъ потому, что Оська увѣрялъ дѣдушку, что все за его здоровье пьетъ.

По субботамъ дѣдушка не ѣздилъ къ должности. Этотъ день посвященъ былъ совершенно бабушкѣ. Въ этотъ день исполнялись всѣ его, какъ онъ называлъ, обязанности,— къ числу которыхъ относилъ: колоть сахаръ для чая и кофе на цѣлую недѣлю; подводить итоги въ расходной книгѣ,— съ чѣмъ бабушка никакъ не могла сладить; перебирать грешневыя крупы для каши, варившейся по субботамъ, и послѣ обѣда играть съ бабушкой въ бостонъ или триктракъ.

Кто бы могъ повѣрить, что дѣдушка мой, будучи первымъ шахматнымъ игрокомъ и первымъ юристомъ (его называли живымъ архивомъ), въ часы отдохновенія, по субботамъ перебиралъ грешневыя крупы для каши!

Забылъ сказать, что еще на обязанности дѣдушки было, по субботамъ, заводить стѣнные часы съ музыкой и поправлять часы съ кукушкой. (Дѣдушка былъ также, отчасти, и механикъ).—Бѣдная кукушка еженедѣльно перемѣняла свой напѣвъ отъ поправокъ и механическихъ дѣдушкиныхъ улучшеній. Случалось, что кукованіе ее походило болѣе на лаяніе собачки, или шавканье болонки.

Привыкши къ постоянному образу жизни, къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, дѣдушка мой не любилъ новыхъ знакомствъ, и только шахматные игроки исключались изъ этого. Онъ радъ былъ каждому, и во всякое время, какого-бы званія и какой-бы націи ни былъ. — Шахматныхъ игроковъ почиталъ своими братьями, но поступалъ съ ними немилостиво: почти всѣхъ побивалъ — рѣдкому удавалось сыграть въ ничью.

Не любя никакихъ перемѣнъ, дѣдушка мой и въ домѣ своемъ, который купилъ еще въ началѣ царствованія Екатерины, не дѣлалъ никакихъ поправокъ въ теченіи 30 лѣтъ. — Часто дворецкій докладывалъ ему, что крыша течетъ, что такой-то жилецъ не хочетъ оставаться долѣе, требуя починки оконъ и дверей... Дѣдушка мой и слышать не хотѣлъ. — «Крышу поправь какъ умѣешь, а жильцу скажи: не хочетъ жить, такъ пусть выѣзжаетъ, или починитъ на свой счетъ.»— Дворецкій дѣйствительно поправлялъ крышу какъ умѣлъ, — и оттого ни одинъ въ свѣтѣ

архитекторъ, или экспертъ, не могъ-бы опредѣлить: какая была крыша въ домѣ у дѣдушки,—деревянная, черепичная или желѣзная?

Надобно отнести къ чести дѣдушки, — онъ не любилъ надбавлять на жильцовъ платы за наемъ — и квартиры ходили по той же цѣпѣ, какъ было тому 30 лѣтъ,—отчего домъ дѣдушкинъ никогда не былъ пустъ.

Болѣе всего надоѣдалъ дѣдушкѣ городовой, который, съ началомъ весны, какъ жаворонокъ, ежедневно прилеталъ съ требованіемъ отъ полиціи починить мостовую. — «Ну, дай ему водки» — говорилъ дѣдушка дворецкому—«да скажи, что-де поправимъ, когда сосѣди начнутъ чинить.» — Водка не на долго останавливала починку мостовой, — являлся надзиратель — и надобно было прибѣгать къ другимъ средствамъ.

Потомъ являлись новыя требованія объ окраскѣ дома.

— «А что, Дуня! (бабушку звали Авдотьей Александровной) домъ-то нашъ давно ужъ не крашенъ?»

— «Да такъ давно, что я не помню какой краской онъ былъ окрашенъ, а теперь не узнаешь хоть въ митроскокъ разсматривай.»

Бабушка въ жизнь свою не могла выучиться говорить микроскопъ, а все называла по своему — митроскокъ.

— «Знаешь ли что? — сказалъ дѣдушка— счастливая мысль пришла! — выкрасимъ-ко домъ шашечницей, въ большія клѣтки, въ зеленые и желтые разводы, — и нарисуемъ слоновъ, коней...»

— «Что ты, Артамоша, въ своемъ ли умѣ? подумаютъ, звѣринецъ какой! Сосѣди засмѣютъ, да и надзиратель не позволитъ.»

— «Вотъ тебѣ на!—Надзиратель!—Да развѣ въ законахъ написано, чтобы домовъ не раскрашивать шашечницей! Домъ-то мой —купилъ за свои деньги, могу и заложить и продать и разломать, такъ ктожъ мнѣ запретитъ окрасить какъ хочу? — Были же люди, помнишь, кареты раскрашивали будкой и разъѣзжали по городу.»

— «За то ихъ и сажали въ будку», говорила бабушка.

— «А я говорю тебѣ, что ни въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, ни въ позднѣйшихъ указахъ, нѣтъ запрещенія красить домовъ шашечницей, такъ ужъ поставлю на своемъ, хоть бы дѣло пошло до полиціймейстера. — Собственностію располагать могу какъ хочу.»

— «Перестань шутить, Артамоша. Выкрасишь, такъ на другой же день мальчишки грязью закидаютъ!»

— «Поставлю дворника караулить, да и ты посматривай почаще въ окно.—А кого поймаешь, такъ дамъ таску!... Смерть хочется нарисовать послѣдній матъ, который задалъ Котельникову. — Куда какъ хорошъ!» Тутъ дѣдушка сталъ описывать бабушкѣ этотъ матъ, а та и слышать не хочетъ...

— «Ну, позволь, дружокъ, хоть на воротахъ.»

— «Не срамись, Артамоша, что скажетъ Ульяна Ивановна?»

Ульяна Ивановна была повивальная бабка, жившая напротивъ дѣдушки. Бабушка все еще не теряла надежды имѣть въ ней надобность, и потому дорожила ея мнѣніемъ.

— «Вотъ еще знатная фигура! что намъ смотрѣть на нее!—Пусть себѣ мелитъ что хочетъ...»

Дѣдушка ничего не дѣлалъ безъ позволенія бабушки.

— «Перестань пустое говорить. Не хочу, чтобъ на насъ всѣ пальцомъ указывали... Не позволю!» — сказала бабушка съ сердцемъ.

Слово не позволю у бабушки было тоже, что на сеймикахъ у Поляковъ nie pozwaliam,— и дѣдушка зналъ по опыту, что когда бабушка говорила: — не позволю, то ужъ тому и не бывать...

— «Послушай, милая Дуняша»—говорилъ дѣдушка, перебирая крупы (это было въ субботу) и смотря умильно на бабушку, какъ въ первый день свадьбы, — «позволь выкрасить хоть калитку! — За это я тебѣ отслужу.»

Бабушка на этотъ разъ согласилась.

— «А что, Оська! нашъ маляръ, что на дворѣ живетъ, давно ужъ не платитъ за квартиру?

— «Третій мѣсяцъ, сударь, ваше превосходительство, ни гроша не даетъ, да теперь и въ домѣ не живетъ... загулялъ... изъ трактира не выходитъ, — и спитъ въ бильярдной.»

Оська всегда говорилъ дѣдушкѣ: Сударь, ваше превосходительство,—это потому, что когда дѣдушка не былъ превосходительнымъ, то онъ называлъ его просто сударь, — а когда сдѣлался превосходительнымъ, то къ первому величанію Оська присоединилъ и второе.

«Ну, слушай же, вытащи его изъ бильярдной, окати холодной водой, да вели ему калитку раскрасить шашечницей, въ желтое и зеленое поле, масляною краскою,—а послѣ я ему дамъ матъ нарисовать.»

Чрезъ недѣлю калитка была разкрашена шашечницей, и на ней былъ нарисованъ матъ, что на гравюрѣ.

Этотъ матъ, въ 5 ходовъ, дѣдушка сдѣлалъ, играя съ Ильей Семеновичемъ Котельниковымъ.

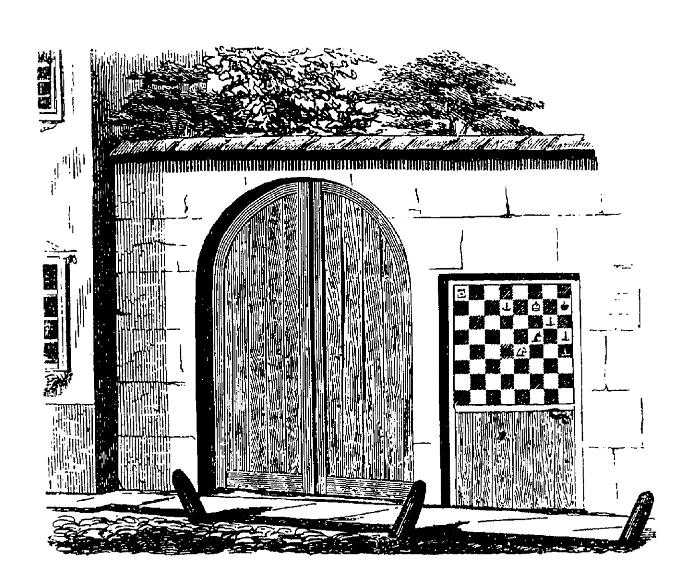
Я не вижу въ немъ ничего особеннаго, но каждому свое произведеніе мило... Дѣдушка находилъ его превосходнымъ. Долго этотъ матъ красовался на калиткѣ, пока дождь и время не изгладили его.

Рѣшеніе этого мата дѣдушка приказалъ написать на другой сторонѣ калитки.

Оно было слѣдующее:

Бѣлые.	Черные.
1. Конь на 5 свое мѣсто, шахъ!	1. Царь на 3-е мѣсто ладьи своей.
2. Ладья на мѣсто ладьи чернаго царя, шахъ!	2. Слонъ беретъ ладью.
3. Царь на мѣсто коня противнаго царя.	3. Конь на третье мѣсто своей ферези.
4. Царь беретъ слона.	4. Конь на 2-е мѣсто слона, шахъ!
5. Конь беретъ коня, шахъ и матъ.	

А. Петровъ.



КАРИКАТУРЫ ШАМА.

ГЕОМЕТРІЯ.

(Продолженіе.)

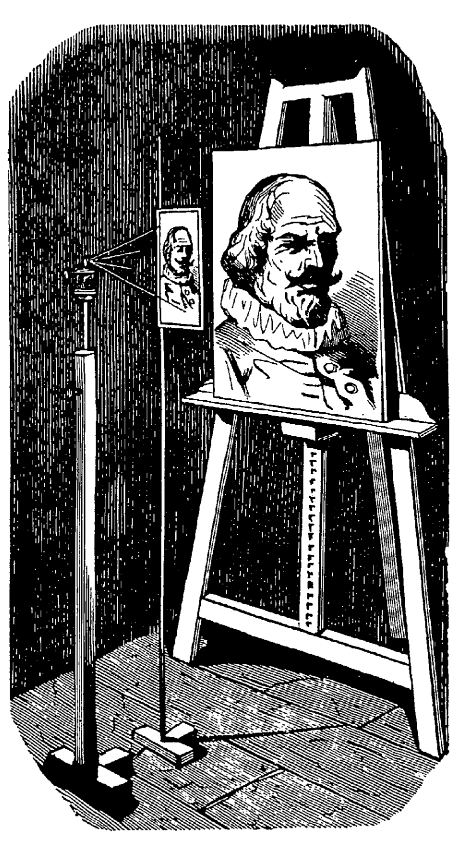
Рисунки Гаварни — по существу своему, принадлежатъ къ роду, который мы называемъ не совсѣмъ основательно карикатурой; мы не безъ умысла помѣстили ихъ вмѣстѣ съ Карикатурами Шама, для сравненія и для эстетическаго, хотя и нагляднаго, вывода заключеній объ этомъ родѣ. — Гаварни не соперникъ Шаму; Шамъ — не соперникъ Гаварни, потому что въ одномъ родѣ много подъ-отдѣленій, всѣ главнѣйшіе — читатели увидятъ въ Иллюстраціи. И такъ, примемся опять за эту живую Геометрію Шама, котораго намъ совѣтуютъ называть Хамомъ, по родословнымъ поводамъ. Но мы не хотимъ знать этихъ поводовъ и произносимъ имя художника по начертанію.

(Кривыя параллели). (Точка столкновенія). (Діагональ).

(Точка соприкосновенія). (Конусъ). (Параллели).

(Діаметръ). (Сфера). (Неправильный многоугольникъ).

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ СЪ НАТУРЫ.



Снарядъ г. Рульс.

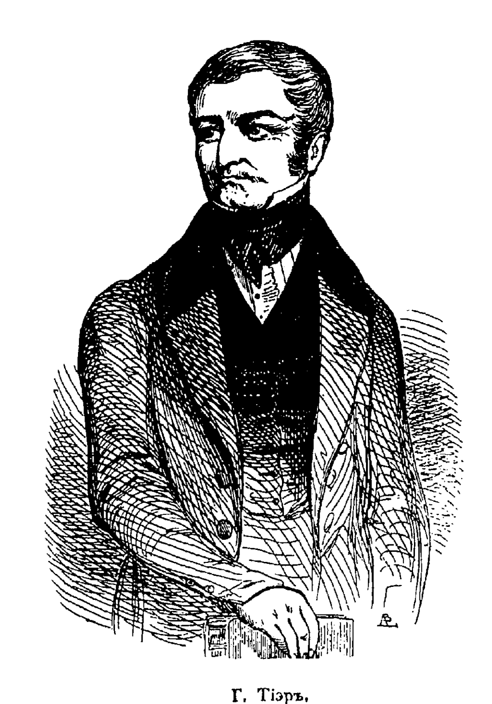
Въ искуствѣ рисованія есть одна часть, которая состоитъ единственно въ вѣрномъ подражаніи очерка предметовъ, ихъ положенія и относительныхъ пропорцій; это матеріальное воспроизведеніе того, что мы видимъ; ни воображеніе, ни чувство не принимаютъ никакого участія въ этой, совершенно лаконической, работѣ, трудность которой чрезвычайна. Между тѣмъ *рисунокъ* въ картинѣ вещь весьма важная и для достиженія совершенства въ немъ, молодые люди, посвящающіе себя живописи, проводятъ лучшіе годы жизни въ трудѣ неимовѣрномъ. Облегченіемъ матеріальной части живописи, а именно *рисунка*, французскій живописецъ, г. Амарантъ Рулье, оказалъ всѣмъ художникамъ большую услугу. Онъ изобрѣлъ простой, удобный снарядъ, не имѣющій никакого сходства ни съ камеръ-обскурой, ни съ діаграфомъ, ни съ дагерротипомъ. Съ помощію этого снаряда можно, не умѣя даже рисовать, снять очень скоро и очень вѣрно съ натуры, въ какомъ угодно масштабѣ, перспективный видъ, пейзажъ, статую и даже портретъ, перомъ, карандашомъ, мѣломъ или кистью. Рисунокъ, снятый по этому способу, имѣетъ изумительную вѣрность, портреты имѣютъ удивительное сходство, труднѣйшіе ракурсы выходятъ съ невыразимою точностью.

Снарядъ г. Рульеможетъ быть полезенъ не только художникамъ, но и ученымъ, декораторамъ, ремесленникамъ, и въ особенности путешественникамъ. Онъ состоитъ изъ деревянной рамки, на которой натянута прозрачная матерія, кисея или т. п.; необходимо, чтобы матерія эта была плотно натянута и приклеена къ краямъ рамки, которую ставятъ на особеннаго устройства мольбертъ или станокъ, твердо стоящій на полу. Потомъ привязываютъ къ спинкѣ стула линейку, къ концу которой прикрѣпляютъ карту или дощечку, въ серединѣ которой просверлена дырочка, называемая *точкой зрѣнія*. Смотря въ эту дырочку, можно рисовать на кисеѣ чернымъ мѣломъ контуры предмета, избраннаго для срисованія. Чѣмъ меньше долженъ быть предметъ, тѣмъ дальше рисующій долженъ садиться отъ него. Всякій легко пойметъ, что для того, чтобы срисовать легче и вѣрнѣе, надо уже имѣть нѣкоторыя познанія въ искуствѣ рисованія.

Сдѣлавъ такимъ образомъ очеркъ предмета на кисеѣ, должно перевести его на бумагу. Для этого поступаютъ слѣдующимъ образомъ: рамку кладутъ плотно на листъ бѣлой бумаги или на холстъ, приподымаютъ и опускаютъ нѣсколько разъ кисею такъ, что пыль мѣла осыпается на холстъ или бумагу, на которую, такимъ образомъ, переводится весь контуръ, который потомъ уже обрисовываютъ болѣе твердымъ карандашемъ.

Съ помощію особаго устройства, чрезъ отраженіе лампы, можно также небольшой рисунокъ перерисовывать въ большихъ размѣрахъ; но такъ какъ это сопряжено съ большими трудностями и есть уже, нѣкоторымъ образомъ, усовершенствованіе способа г. Рулье, то мы не станемъ входить въ подробности, высказавъ только существенную пользу снаряда, который всякій можетъ выписать изъ Парижа чрезъ какого-либо здѣшняго оптика. Вмѣстѣ съ снарядомъ получится и подробное описаніе и употребленіе его въ дѣло, потому что г. Рулье, какъ истинный художникъ, началъ съ того что обнародовалъ свой способъ и устройство его.

Г. Гизо.



Г. Тіэръ.

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Блаженны издатели повременниковъ, которые умѣютъ у насъ составлять фельетоны; конечно, ихъ статьи похожи на нѣчто безтѣлесное, воздушное и бездушное, но какъ бы то ни было столбцы наполнены, публика читаетъ и бросаетъ листокъ съ негодованіемъ. Какое до того дѣло! она прочтетъ и слѣдующіе, и прочтетъ также, и также броситъ. Уже въ 9-мъ Нумерѣ мы не осмѣлились такъ шутить съ публикой и еженедѣльника не было. Къ 10 Нумеру матеріаловъ въ наличности не оказалось. Что тутъ дѣлать? Не ужели говорить о погодѣ. Пожалуй, и то потому только, что холодъ надоѣдаетъ и стоитъ того, что бы его постращать печатно; авось уймется. Вотъ край! говорятъ многіе. Въ іюнѣ — морозъ. Тутъ не край виноватъ; во Франціи едва ли не хуже. Въ Бургѣ снѣгъ выпалъ 12 мая; въ Монпелье — морозъ; не холодъ, а настоящій морозъ, въ Кайла (Caylas) 9-го мая шелъ снѣгъ, въ Тулузѣ (!) мерзнутъ отъ стужи и люди и виноградники; вѣтеръ дуетъ постоянно сѣверный. У насъ — рай въ сравненіи со всей Франціей.

Нашъ ропотъ не поможетъ. Запремся лучше въ теплую комнату: станемъ читать Исторію Имперіи Тіэра и право забудемъ о погодѣ. Тіэръ возбуждаетъ въ Европѣ двойной интересъ, какъ писатель и какъ министръ. До министеріи его намъ нѣтъ никакого дѣла. Какъ писатель по языку, теплотѣ слогаи способу изложенія, онъ занимаетъ весьма важное мѣсто между первоклассными историками. Какъ Французъ, онъ впадаетъ въ ошибки, часто важныя, не рѣдко непростительныя; но всѣмъ извѣстно, что этотъ недостатокъ націи удалось побѣдить только одному Декарту, который не любилъ говорить о томъ, чего не зналъ. Адольфъ Тіэръ родился 1800 года въ Э, (Aix), въ Провансѣ, былъ тамъ адвокатомъ; по прибывъ въ Парижъ, посвятилъ себя литературѣ. Первый плодъ его трудовъ — было изданіе записокъ англійской актриссы Мисс Bellamy. Вскорѣ появилось сочиненіе Тіэра «Пиринеи и Южная Франція. Въ 1823 году вышли въ свѣтъ два первые тома его Исторіи Французской Революціи; этой Исторіи накопилось 10 томовъ. Исторію Консульства и Имперіи можно считать продолженіемъ того же труда; повторяемъ, что въ литературномъ отношеніи вышедшіе томы возбуждаютъ общія похвалы; въ историческомъ — критика указываетъ важные промахи и ошибки — но подождемъ конца. Пока прилагаемъ портретъ знаменитаго писателя и для компаніи портретъ его соперника Гизо. Францискъ Гизо также министръ и также писатель. И до его министеріи намъ нѣтъ дѣла. Гизо родился въ 1787 году въ Нимѣ, учился въ Генѣѣ философіи и германской литературѣ; въ Парижѣ участвовалъ во многихъ журналахъ; къ этому времени принадлежитъ его Словарь Синонимовъ. Гизо писалъ гораздо больше, нежели Тіэръ; большею частію о предметахъ политическихъ, юридическихъ и педагогическихъ; издавалъ нѣкоторое времяотдѣльно матеріалы для англійской исторіи, изъ которыхъ составиласьИсторія переворотовъ въ Англіи со вступленія на престолъ Карла I, до паденія Іакова II. Курсъ новой исторіи, составленный имъ собственно для преподаванія, послужилъ началомъ довольно обширному труду — Исторіи гражданскаго образованія или цивилизаціи, утвердившей славу Гизо, какъ писателя. Сравнивать обоихъ историковъ Франціи было-бы и безполезно и неумѣстно. Во Франціи каждый профессоръ пишетъ новую исторію, и для того, чтобы она непремѣнно была нова, придумываетъ особое философское для нея воззрѣніе, которому подчиняясь по неволѣ, факты страждутъ съ большимъ ущербомъ для исторіи. Философское направленіе исторіи, однако же, такъ сильно вошло въ моду, что книги совершенно фактическія, какъ напримѣръ, Капефига, не нравятся. Впрочемъ, не будемъ обвинять и французовъ. Произведенія Августина Тіери, чисто фактическія, но изложенныя съ неподражаемымъ искуствомъ, до сихъ поръ, и по справедливости, считаются образцовыми. Какъ бы то ни было, можно позавидовать Франціи въ этомъ отношеніи. Каждый годъ литература историческая умножается книгами, заслуживающими вниманіе, написанными совѣстливо, отчетливо, безъ излишней сухости, которою обезображиваютъ Нѣмцы лучшіе плоды своихъ тщательныхъ розысканій. Исключеній въ Германіи не много, и на одно мы уже указали.

Это Космосъ Гумбольдта, опытъ физическаго описанія міра, и г. Флюранъ (Flourens) представилъ первый томъ Космоса Парижской Академіи Наукъ отъ имени Гумбольдта, который недавно уѣхалъ изъ Парижа. Флюранъ самъ извѣстенъ по части естествознанія и еще весьма недавно написалъ замѣчательную книгу: О инстинктѣ и понятливости животныхъ... Араго увѣдомилъ Академію, что первый томъ Космоса переведенъ на французскій языкъ и вскорѣ выйдетъ изъ печати. Можемъ надѣяться, что и у насъ появится переводъ Космоса лѣтъ черезъ десять. У насъ теперь и романы плохо покупаются; такъ кто рѣшится на работу трудную, продолжительную, съ тѣмъ, чтобы потерять время на переводъ, а на расходы не малыя деньги. Апатія наша — изумительна. Ни занимательность предмета, ни имя Гумбольдта, не спасетъ переводчика. Горько. Досадно...

Вотъ напримѣръ мы полагаемъ, что сообщимъ немаловажную новость: умеръ Вильгельмъ Шлегель, Не правда ли, многіе посматриваютъ другъ на друга съ изумленіемъ и спрашиваютъ. «Такъ что «же! Умеръ себѣ какой-то Шлегель, такъ умеръ. «Встрѣчалась намъ эта фамилія и въ Московскомъ «Телеграфѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ, «кажется еще гдѣ-то, да вѣдь мало ли про кого «на Руси пишутъ. Всѣхъ не упомнишь.» Въ Европѣ смерть Шлегеля если и не оплакивается съ особеннымъ прискорбіемъ, однако же возбуждаетъ участіе во всякомъ, кто умѣетъ читать. Шлегель имѣлъ вліяніе и особенно на насъ перемѣтчивыхъ подражателей то Французамъ, то Нѣмцамъ. Августъ Вильгельмъ Шлегель родился въ Гановерѣ въ 1767 году; онъ вступилъ въ ряды Романтиковъ, порожденныхъ Лессингомъ. Французы самого Шлегеля считаютъ главою романтической Школы, а послѣдователями его называютъ Вернера, Новалиса и Тика (!); но Французамъ все извинительно. Есть такіе отъ природы привиллегированные народы, на которыхъ нѣтъ ни суда, ни управы. Шлегель самъ былъ порядочнымъ стихослагателемъ, но болѣе всего одолжилъ соотечественниковъ пестовыми нападеніями на Буало и Расина. De mortuis aut bene, aut nihil... Великая истина, но тутъ дѣло идетъ о искуствѣ и невозможно умолчать, что Шлегель обратился къ критикѣ по недостатку высшаго, самостоятельнаго поэтическаго таланта. — Простите, но намъ кажется, что эту профессію, въ отдѣльномъ ея видѣ, создала бездарность. Нападенія на Расина и Буало Шлегель вздумалъ подкрѣпить дѣломъ — переводами Шекспира и Кальдерона. Успѣхъ позднѣйшихъ переводовъ одинъ уже доказываетъ, что труды Шлегеля на этомъ поприщѣ знатоками не признавались безошибочными. Болѣе всего прославила Шлегеля г-жа Сталь, которая также невѣрно со словъ своего друга описала Германію, какъ онъ невѣрно разрушалъ зданіе французскихъ музъ. Критика обратилась въ природу, въ кровь. Шлегель читалъ свои филиппики публично, въ систематическомъ порядкѣ. Германцы, по предпочтенію къ своимъ романтическимъ писателямъ — ужъ мы Богъ знаетъ почему и то двадцать лѣтъ позже, — восхищались глаголами Шлегеля. Вечеръ жизни Шлегель провелъ въ Боннѣ, поражая начала, о которыхъ никто уже не думалъ, защищая свою драматургію, о которой также ни кто не думалъ... Наконецъ, Шлегель въ прошедшемъ маѣ умеръ въ Боннѣ, въ то самое время, когда Рашель съ такимъ успѣхомъ воскрешаетъ изменнически убитаго Расина... Докторъ Гейне говоритъ, что «Шлегель не могъ угадать неистощимой граціи, сладкой тонкости и глубокой прелести мысли Расина, облекшаго современныхъ ему героевъ въ античные костюмы...» Если Докторъ Гейне правъ, если убѣжденіе водило перомъ Шлегеля, то теперь, когда его драматическая схоластика потеряла всю свою силу, можно отпустить ему и эту тяжкую вину. — Но при этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о томъ, что подобные схоластики не въ одной литературѣ сбиваютъ, и на довольно долгое время, съ пути истины. Бѣда, когда здравый разсудокъ вѣка начинаетъ хворать... Леченіе и продолжительно и трудно. Грустно все это читать, слушать, учить по обязанности, что-бы потомъ, по совѣту Декарта, все это выбросить за окно и храмъ своего знанія строить сызнова съ перваго камня. Тогда завидуемъ дикимъ, у которыхъ здравый разсудокъ не поврежденъ никакимъ схоластическимъ ученіемъ.

⁂ Кстати о дикихъ. Въ 9 нумерѣ Иллюстраціи, можетъ статься, вы читали статью о жителяхъ Англійской Гвіаны. Дикіе теперь въ большой модѣ. Мы начали читать весьма занимательную статью о нравахъ Готтентотовъ и вообще объ естественной исторіи Африки, соч. Боатара. Парижская Академія въ послѣднемъ засѣданіи въ два пріема занималась американскими дикими: Іовайсами, и выслушала споръ гг. Жакино и Серра. Правда, спорили о томъ, откуда взялись всѣ дикіе люди; и въ особенности въ Америкѣ; но все таки спорили весьма серьезно. Нѣтъ послѣдствій безъ причины. Вниманіе, и академіи, и всѣхъ журналовъ обратилось на дикихъ, потому, что путешественникъ Каттленъ воротился изъ Америки и привезъ съ собою цѣлую дюжину настоящихъ Іовайсовъ. Эти дикари совершенно затмили Томъ-Пуса, который напрасно игралъ на театрѣ, въ піэсѣ нарочно, для него написанной время, его миновало.

⁂ Гораздо большаго и признательнаго вниманія заслуживаютъ опыты леченія слуховыхъ органовъ, посредствомъ діапазона. Академикъ Депрецъ (Despretz) въ запискѣ своей о предѣлахъ верхнихъ и нижнихъ звуковъ подалъ мысль примѣнить звуки къ медицинѣ. Г. Бонпафанъ увѣдомилъ академію, что опыты, съ давняго времени имъ производимые — представляютъ немаловажные результаты. Онъ испытывалъ надъ глухими разные діапазоны и замѣчалъ, что одни слышатъ только нижніе звуки совершенно явственно. Другіе различаютъ ноты одной и той же гаммы въ разбивку. Эти опыты дали г. Боннафану средство составить себѣ классификацію излечимой и безнадежной глухоты. О дальнѣйшихъ трудахъ своихъ заботливый медикъ обѣщаетъ увѣдомить академію.

⁂ Кресла г. Этіенна во Французской Академіи наконецъ заняты. Избранъ — графъ Альфредъ де Виньи; давно бы пора; авторъ С. Марса, Стелло, Чатертона конечно уже давно могъ бы занять президентскія кресла Французской Академіи... Но въ литературныхъ обществахъ такая же справедливость, какъ и въ литературныхъ журналахъ. Пріемъ Альфреда де Виньи въ Академію возложенъ на графа Моле.

⁂ Въ Королевской школѣ изящныхъ художествъ также есть немаловажная новость; и мы также можемъ сказать: давно бы пора. Удостоенные первой преміи художники, по архитектурѣ, должны были усовершаться три года въ Римѣ. Римъ, да Римъ! Никто и не подумаетъ, что весь этотъ Римъ построили греческія руки. Наконецъ догадались и постановили, чтобы въ третій годъ назначенные для пребыванія въ Римѣ художники на казенный счетъ съѣздили въ Аѳины и тамъ провели *четыре мѣсяца*. И такъ, тридцать четыре мѣсяца на Римъ и *четыре* на Аѳины. Не забудьте, что въ Римѣ навѣрно уже не осталось будки, которая бы не была нѣсколько разъ реставрирована. Это одно должно бы, кажется, навести на мысль, что на вѣчный Римъ — довольно за глаза одного года, а другіе два лучше бы употребить на путешествіе въ Испанію, Грецію, Малую Азію, Египетъ, Палестину и даже Индію. Отъ того-то теперь французская архитектура только надѣваетъ треугольники на частоколъ колоннъ и не производитъ ничего оригинальнаго, самобытнаго, которое можетъ возникнуть только изъ созерцанія на мѣстѣ произведеній зодчества разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Геній съумѣетъ извлечь изъ нихъ матеріалы для своего созданія, но съ надлежащей точки зрѣнія, на мѣстѣ, а не изъ мертвыхъ рисунковъ, не чужими глазами. — Впрочемъ, и четыре мѣсяца въ Аѳинахъ и это благо, какъ сознаніе, что одинъ Римъ недостаточенъ для современнаго образованія хорошаго зодчаго.

⁂ Кстати и о художествахъ. Русская Иллюстрація до сихъ поръ не могла сказать ни одного слова о парижской выставкѣ 1845 года. Ее перепугала гравюра *знаменитой* картины Smala, кисти Гораса Вернета. Или лучше сказать, запугали наши журналы похвалами не Вернету, а г. Тиму. Въ добрый часъ! Должно радоваться такой высокой чести, что одну работу русскаго художника удостоили допустить въ парижскую газету, а другую на выставку. Еще Иллюстрація была затруднена и тѣмъ, что не знала кому вѣрить; одни воспѣвали славу выставкѣ 1845 года, другіе оплакивали художества во Франціи. Наконецъ, намъ удалось прочесть статью, хотя небольшую, написанную совершенно во французскомъ вкусѣ, не менѣе того обличающую знаніе и благонамѣренность автора. Она начинается анекдотомъ. Солдатъ, взглянувъ на картины, замѣтилъ, что возлѣ Смалы выставленъ портретъ Маршала Бюжо.

— Tiens! pourquoi le peintre de l'Isly a t'il mis le maréchal en dehors de la bataille.

— C'est pour ne pas le confondre avec ces chameaux de Bedouins.

Затѣмъ, нѣсколько словъ о баталической живописи; затѣмъ Mater dolorosa, *Фландрена*: она вся

скорбь; Mater Amabilis—*Лемана*, вполнѣ соотвѣтствуетъ названію; Магдалина — *Глеза* и жива и прекрасна. Христосъ посреди главныхъ распространителей Христіанизма—*Дюгассо*—превосходная картина по рисунку, письму и величественности стиля. Весьма хороши семейныя картины Евгенія Грина. Изъ пейзажистовъ четыре картины Леона Флери всѣмъ и справедливо нравятся. Это виды: Коньака, Руана, Мельницы и воспоминаніе о Фландріи. Картинамъ конецъ. Рисунки карандашемъ, или пастелью, иногда стоятъ картинъ. Нашъ критикъ весьма хвалитъ жизнь Самсона, нарисованную извѣстнымъ художникомъ Деканъ... Затѣмъ идутъ и проходятъ портреты, а критикъ нисходитъ въ подземелье, гдѣ расположены статуи; хвалитъ Матвѣя Моле, работы Барра, восхищается Этюдомъ Ребенка Давида, Дѣвой и Поэзіей Симара, Фринеей — Прадье и уходитъ съ выставки, также доволенъ, какъ и мы. Изъ всего этого видно, что нынѣшняя выставка была очень хороша, потому что мы исчислили только главнѣйшія произведенія, которыя можно считать дѣйствительно превосходными.

⁎⁎⁎ Въ Германіи мало новаго. Отто Миллеръ написалъ небольшой разсказъ: Бюргеръ, или жизнь поэта въ Германіи. Весьма хвалятъ. Бюргеръ былъ уже предметомъ драмы. Во Франціи играли ее съ успѣхомъ, хотя въ этой драмѣ не много историческаго. Въ Библіотекѣ для чтенія, въ скоромъ времени, будетъ помѣщенъ опытъ небольшаго оригинальнаго романа изъ жизни того же автора.—Гуцковъ написалъ новую драму, 13 ноября. Но мы еще не знаемъ ни содержанія, ни достоинства этой піэсы. — Въ нѣмецкихъ газетахъ нашли мы письмо петербургскаго корреспондента объ игрѣ Кунста въ нашей столицѣ. Читая это письмо, можно подумать, что въ Петербургъ пожаловалъ Тальма или Гаррикъ. Впрочемъ, и всѣ здѣшніе нѣмецкіе артисты заслужили полное одобреніе корреспондента. Изъ этого можно заключить, что корреспондентъ — не великій драматургъ. — Въ Гамбургѣ, по случаю пребыванія тамъ Эленшлегера, на городскомъ театрѣ — данъ былъ Корреджіо, съ огромнымъ успѣхомъ. Гамбургъ, когда-то былъ столицей всѣхъ германскихъ искусствъ и художествъ, въ особенности театра. Здѣсь издавалъ свою драматургію Лессингъ; здѣсь были учреждены первые драматическіе конкурсы. Отсюда распространился вкусъ по всей Германіи и соперничествомъ другихъ городовъ съ Гамбургомъ, Германія по всѣмъ искусствамъ и художествамъ сдѣлала огромные успѣхи. Не было замѣчательнаго актера, актрисы, пѣвца или пѣвицы, которые бы не являлись на судъ Гамбурга. Въ апрѣлѣ Гамбургъ былъ приведенъ въ восторгъ очаровательной пѣвицей Дженни Линдъ. Ей поднесли серебряную вазу съ цвѣтами, и Дженни поспѣшила на родину, которую она любитъ такъ нѣжно, такъ поэтически. 13 мая н. ст. она возвратилась въ Стокгольмъ и была принята не благосклонно, а съ торжествомъ и восторгомъ. Неужели мы не услышимъ Дженни Линдъ въ Петербургѣ?..

⁎⁎⁎ Комическая опера Скриба и Обера, подъ заглавіемъ Баркаролла, имѣла въ Парижѣ рѣшительный успѣхъ; но... на подобныя рекомендаціи трудно положиться, не смотря на имена Скриба и Обера. Вотъ въ Краковѣ появилась оригинальная опера: Ночлегъ въ Аппенинахъ, музыка Мирецкаго, такъ за достоинство этой піэсы можно бы скорѣе поручиться, не смотря на совершенную неизвѣстность композитора. Но едва ли она дойдетъ до Парижа въ это десятилѣтіе, слѣдственно для насъ она уже черезъ чуръ нова.

⁎⁎⁎ Все. — Оставалось постранствовать по русскимъ періодическимъ изданіямъ. Мы исполнили нашъ долгъ, но до того измучились, что пера въ рукахъ держать не можемъ. Дорога утомительная, африканская пустыня. На пути мы замѣтили только одно явленіе, весьма любопытное. Н. И. Гречь принужденъ оправдываться въ сужденіяхъ своихъ о книгѣ Тіера въ Сѣверной Пчелѣ противъ Сѣверной Пчелы! Хозяинъ — оправдывается противу домочадцевъ, которые, въ отсутствіе главы дома, какъ то пошалили, и не читавъ книги, стали защищать автора, вѣроятно за то, что Тіеръ разбилъ подъ Цюрихомъ Суворова и тѣмъ дополнилъ подвигъ Массены. Забавно, но ни мало не удивительно.

—

Въ Каспійскомъ Морѣ нѣтъ ни приливовъ, ни отливовъ, какъ въ другихъ моряхъ. Напротивъ того, здѣсь теченіе зависитъ отъ направленія и силы вѣтровъ, а иногда бываетъ и противное вѣтру.

Въ замѣнъ новаго лага, посредствомъ котораго соединено со старымъ лагомъ, въ другихъ моряхъ во всякое время узнается скорость хода судна, а также направленіе и скорость теченія моря, почитаемъ не излишнимъ для мореходцевъ, неимѣющихъ сдѣлать извѣстными замѣчанія инструментовъ, выведенныя изъ наблюденій, произведенныхъ на плавучемъ маякѣ, въ 1832 и 33 годахъ, и островѣ Чечнѣ, въ 1839, 40, 43 и 44 годахъ.

На плавучемъ маякѣ у такъ называемаго Чистаго Банка, теченіе при постоянныхъ вѣтрахъ и сѣверозападныхъ вѣтрахъ около $^1/_3$ и $^1/_2$ мили въ часъ, къ Югу, а при противоположныхъ вѣтрахъ теченіе бываетъ въ обратную сторону; но нѣсколько слабѣе. Если же послѣ тихаго сѣвернаго и сѣверозападнаго вѣтра подуютъ сѣверные и сѣверозападные же вѣтры, но крѣпкіе, то съ началомъ этой перемѣны теченіе на Югъ простирается до $^1/_6$ и $^5/_6$ мили; когда же сѣверный и сѣверозападный крѣпкій вѣтръ подуетъ послѣ крѣпкаго юговосточнаго, то теченіе моря на Югъ простирается и до полмили. Чрезъ 10 или 12 часовъ начинаетъ при тѣхъ же вѣтрахъ ослабѣвать; чрезъ двое сутокъ бываетъ уже не болѣе $^1/_2$ мили въ часъ, а на четвертые сутки совершенно уничтожается; при ослабленіи же вѣтра теченіе обращается въ противную сторону до $^1/_4$ мили; если же сѣверозападный крѣпкій вѣтръ вдругъ перемѣнится на юговосточный и равно сильный, то до $^1/_2$ узла, а лагъ постепенно ослабѣваетъ. При крѣпкихъ сѣверныхъ вѣтрахъ, у Чистаго Банка, всегда убываетъ около 3 футовъ, и на столько же при восточномъ крѣпкомъ вѣтрѣ прибываетъ. Но вообще при постоянныхъ южныхъ тихихъ вѣтрахъ, теченіе вовсе незамѣтно. Къ N W при восточныхъ крѣпкихъ вѣтрахъ, стремленіе теченія въ половину тише противуозначенныхъ случаевъ, и въ такой же степени стремленіе бываетъ и при противоположныхъ сильныхъ вѣтрахъ.

Отъ острова Чечня, къ Востоку, теченіе моря при тихихъ вѣтрахъ WNW до $^1/_4$ узла; при продолжительныхъ же западныхъ вѣтрахъ ослабляется; а чѣмъ крѣпче восточный или юговосточный вѣтръ, тѣмъ теченіе дѣлается быстрѣе противъ вѣтра и доходитъ иногда до $^1/_4$ мили.

На пути отъ 4-хъ бугорнаго маяка до Апшеронскаго Пролива и обратно, что составляетъ главное пространство моря, къ ходу судна постоянно слѣдуетъ прибавлять $^1/_4$ мили теченія моря въ часъ, а при тихихъ вѣтрахъ $^1/_3$ долю.

Эти полезныя указанія заимствованы изъ статьи Г. Кузнецова, помѣщенной въ Астрах. Губ. Вѣдомостяхъ: они годныя и для науки вообще.

—

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ.

По сушѣ и морямъ вы странствовали много.
Тьму видѣли чудесъ и бездну пустяковъ.
Но вамъ случилось ли, на мѣстѣ, иль дорогой,
Замѣтить, повстрѣчать поэта безъ стиховъ?
Увы! Сокровища души не оскудѣютъ;
Но, глядя на людей, сжимается душа,
Изъ сердца каплетъ кровь, слова въ устахъ нѣмѣютъ
И прячется поэтъ, какъ Зоофитъ въ себя,
И раковину сжавъ жемчужными краями,
Онъ перлъ поэзіи уноситъ по морямъ...
Бьютъ бури, хлябь кипитъ, надъ ярыми валами
Онъ безопасный спитъ и миръ — его мечтамъ!..
. . . .
Теперь живыхъ стиховъ у насъ вы не ищите,
Ихъ лѣпятъ назаказъ по мертвымъ образцамъ...
Вы лучше странствуйте по сушѣ и морямъ!
Тогда поэзію вы прозой оживите.

Н. К.

ПЕРЕПИСКА.

Очевидцу. Редакція не можетъ помѣстить вашей статьи по причинамъ, уже объявленнымъ и которыхъ повторять не надо. Конечно, очень дурно, что старичекъ весельчакъ, больно подгулялъ въ Павловскомъ Воксалѣ, не хотѣлъ платить денегъ за свое продовольствіе, грозилъ литературной местью бѣдному содержателю трактира, все это достойно осмѣянія; — но не достойно Иллюстраціи, потому, что она не допускаетъ никакихъ личностей и строго смотритъ, чтобы не проскользнуло что либо подобное. Извините; не сердитесь; вы видите, что живое описаніе лично и такъ недавно вами видѣннаго мы помѣстить не можемъ.

М-ру. Почему же и нѣтъ? При случаѣ.

ЛН.—АС-ву. Нд-ву. Л—еще Л.—Ск—ву и N N. Слава Богу! Можно подумать, что именно маневры, о которыхъ вы упоминаете, послужили въ пользу. А о сохраненіи равнаго духа также не безпокойтесь. Неужели не можете замѣтить, что мы не любимъ шутить, тѣмъ менѣе насмѣхаться, но смѣемся, всегда и въ ясные и въ ненастные дни.

Благодаримъ за участіе и кланяемся.

Х. Вашей загадки и записные отгадчики съ разгадкой въ рукахъ, разобрать не могутъ. Полагаютъ, что это мистификація.

Х-же. Присланная вами въ тотъ же день загадка съ надписью, 2-я будетъ помѣщена въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ.

—

НОВАЯ КНИГА.

Домашній Календарь и экономическое росписаніе издержекъ на разные хозяйственные предметы на который угодно годъ. Вотъ книга, такъ книга! Настоящая книга. Тутъ есть все, даже таблица умноженія *числъ*. Почему *числъ?* Это ужъ не наше дѣло. Да умножается богатство каждаго, обладающаго этою превосходною методою обогащенія. По этой книгѣ ничто не потеряется; можете все знать, что въ хозяйствѣ нужно; можете все записать; что въ хозяйствѣ у васъ есть, и чего нѣтъ. Передъ каждымъ мѣсяцемъ указаны кушанья, сдѣланы экономическія замѣчанія и поваренное наставленіе. Испишите въ годъ всю эту книгу, сведите итоги, и вы увидите, какъ вамъ будетъ пріятно, отрадно, утѣшительно, — особенно если умноженіе числъ послѣдуетъ передъ словомъ, *въ остаткѣ*; а передъ словомъ *передержано* станетъ огромный нуль.—Какъ бы то ни было, книга полезная, въ особенности у насъ. Она пріучаетъ къ порядку, по крайней мѣрѣ, издана съэтой цѣлью и издана весьма опрятно.—Это лучшее произведеніе русской литературы за май мѣсяцъ.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 9.

Мы уже упомянули, что остъ-индійскую задачу, восторженные игроки разрѣшали даже стихами. Изъ многихъ шахматныхъ стихотвореній, для образца, приводимъ одно съ переводомъ буквальнымъ.

Der Laufer auf dem sechsten Feld,
Das ist in diesem Kampf der Held!
Er lauft, so weit er laufen kann
Und grüszt den Thurm als Nebenmann.
Hier steht er trefflich auf der Lauer,
Gezwungen thut der schwarze Bauer
Der Schritte einen oder zwei,
Das ist dem Weissen einerlei, —
Drauf rückt der Thurm um einen Schri hervor
Und öffnet so dem Könige ein Thor.
Der schwarze Fürst, er sieht's mit kaltem Schauer
Tritt nicht hinein, rückt lieber seinen Bauer.
Der weisse aber zieht den seinen auf
Und hemmt ein Ru der schwarzen Bauers Lauf.
Da geht der Fürst betrübt zum Thor hinein
Ach, dieser Gang, es soll sein letzter sein;
Er unterliegt dem fürchterlichen Sturm:
Schach ruft der Laufer und Schachmatt der Thurm.

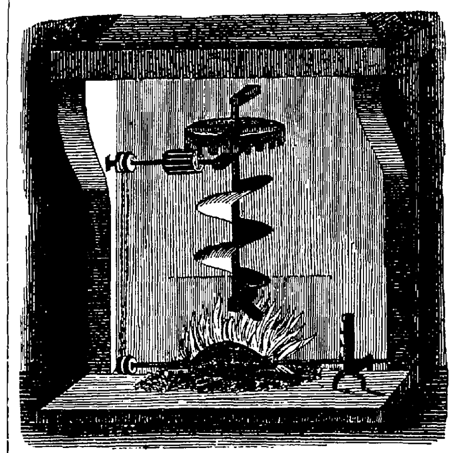
ПЕРЕВОДЪ.

Слонъ, на шестомъ *стоящій* мѣстѣ, —
— На этой битвѣ Слонъ герой —
Идетъ, куда зайти онъ можетъ,
Съ привѣтомъ Башнѣ какъ сосѣдъ;
Здѣсь онъ стоитъ на чуткой стражѣ.
И Пѣшка черная невольно
Идетъ впередъ, шагъ или два;
Для бѣлыхъ это все равно.
Тутъ Башня шагъ одинъ ступаетъ,
Путь открывая королю;
Со страхомъ видитъ онъ *опасность*;
Нейдетъ; шлетъ Пѣшку *за себя*;
Но Пѣшка бѣлая выходитъ
И черной преграждаетъ путь;
Тогда Король идетъ печально:
Ахъ этотъ шагъ — послѣдній шагъ!
Падетъ онъ подъ грозой ужасной;
Слонъ—Шахъ реветъ, а Башня—Шахъ и Матъ.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
Сл. на свое мѣсто.	П. 1. мѣсто.
Л. на 2 м. Ф.	П. 1. мѣсто.
П. К. 2 мѣста.	Кор. на 5 м. Сл. св.
Л. на 4 м. Ф. и матъ.	

ЕЩЕ РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ, ПОДЪ № 1.

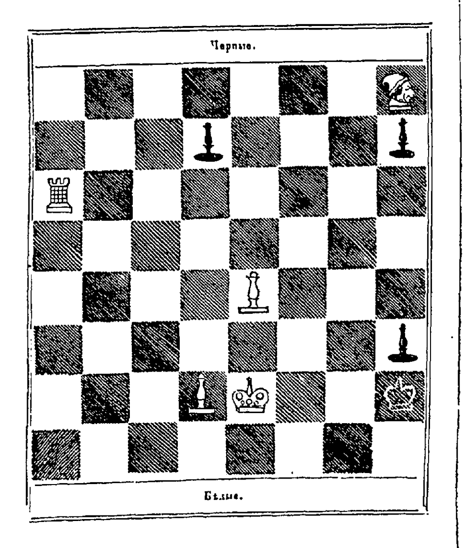
Какимъ образомъ устроить вертелъ для жаркаго, который бы вертѣлся безъ помощи руки, тяжести или пружины? И это весьма просто, если



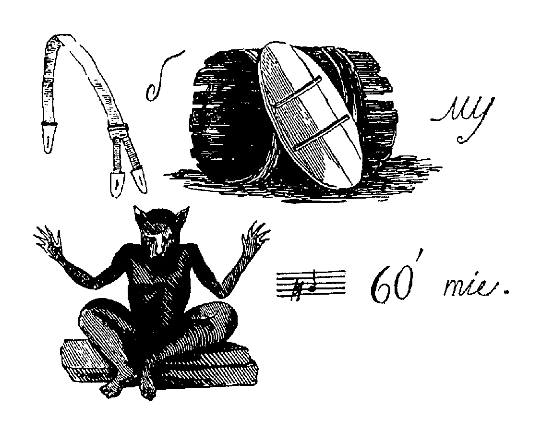
вспомнимъ, что есть еще двигатель, который уже съ успѣхомъ примѣненъ въ механикѣ, не только къ лампамъ, но и къ морскому судоходству. Извѣстно свойство воздуха, что когда онъ нагрѣвается, то столбъ воздуха надъ огнемъ стремится вверхъ и старается увлечь съ собою все, что встрѣтится на дорогѣ; извѣстно также и то, что если вы обрѣжете карту въ кружокъ, равный въ діаметрѣ ея ширинѣ и потомъ этотъ кружокъ разрѣжете спиралью (винтомъ), такъ, однако же, чтобы при центрѣ осталось довольно пространства; потомъ этимъ центромъ укрѣпите карту на вертикальной палочкѣ или прутикѣ, оборотами спирали обовьете прутикъ раза два, или три, и поставите надъ огнемъ, то карта будетъ вертѣться съ быстротою, соразмѣрно степени жара. Эта игрушка и гравюра совершенно объясняютъ устройство механическаго вертела, который будетъ вертѣться тише или скорѣе, смотря какъ сильно нагрѣвается воздухъ. Кажется, дальнѣйшаго механизма и объяснять не надо. Колесо движетъ цилиндры посредствомъ безконечной цѣпи; къ нижнему прикрѣпленъ вертелъ, а на вертелъ воткнуто жаркое. Здѣсь слѣдуетъ только донести, что употребленіе таковыхъ вертеловъ весьма распространяется.

ЗАДАЧА № 10.

Бѣлые въ 4 хода даютъ матъ.



ЗАГАДКА № 10.



ВИСТЪ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 1.

А и С. не имѣютъ тринадцатаго козыря, но весьма легко могутъ взять леве, если А съиграетъ тринадцатую простую карту, у В. тузъ, король, дама и маленькая въ козыряхъ, а у С. валетъ козырей самъ-третій. Какъ В. ни играй, А и С. возьмутъ леве валетомъ козырей.

—

РАЗГАДКА № 9.

За—мечь—с—ночь—то, игрокъ-у съ мѣломъ-у и счастье везетъ.

Замѣчено, что игроку смѣлому и счастье везетъ.

РАЗГАДКА ШАРАДЫ № 3.

Первое—полъ;—второе—тина; цѣлое—полтина.

—

ОПЕЧАТКИ.

Въ 9 № въ статьѣ Русскій Словарь, вкрались двѣ важныя опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

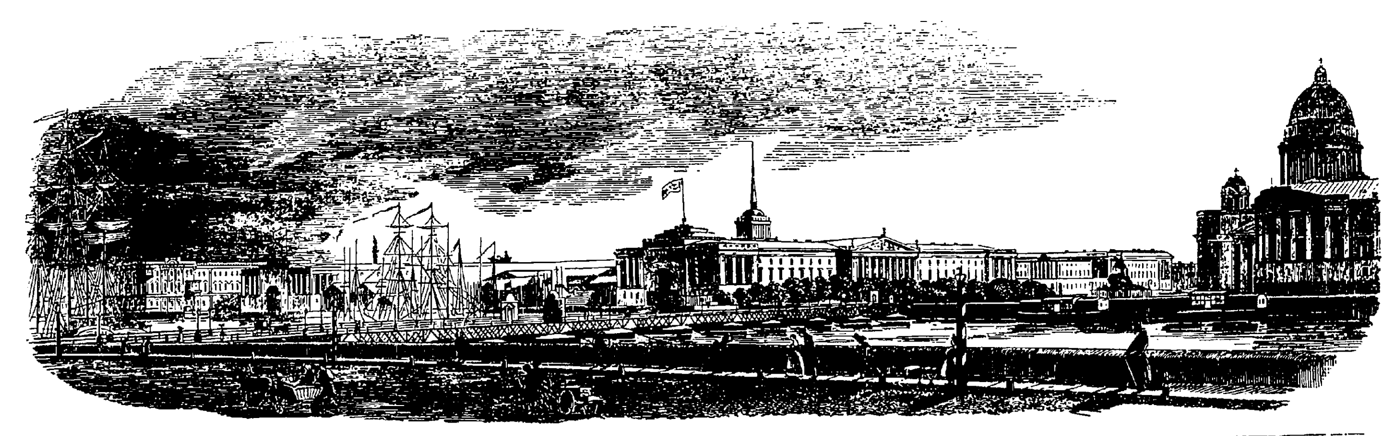
№ 40. Напечатано — *протянуть*, — читай — *проткнуть*.
№ 51. » *На вой вѣтеръ* » *не вѣй вѣтеръ*.

—

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Іюня 8 дня 1845 года. Цензоры: *А. Никитенко* и *А. Крыловъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 11.—Суббота, 16 Іюня 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Весьма незначительное число нашихъ Читателей принадлежитъ къ трехъ-мѣсячнымъ подписчикамъ Иллюстраціи. Увѣдомляемъ, что срокъ для нихъ уже исходитъ съ двѣнадцатымъ нумеромъ, который выйдетъ въ слѣдующую субботу; почему, если чтеніе Иллюстраціи имъ еще не наскучило, то благоволятъ возобновить свои билеты на полученіе Иллюстраціи на слѣдующіе три мѣсяца. Само собою разумѣется, что возобновленіе билетовъ относится до Господъ, подписавшихся уже на первые три мѣсяца; желающіе платить по четвертямъ года, могутъ воспользоваться этимъ облегченіемъ только въ такомъ случаѣ, если подпишутся на шесть мѣсяцевъ, съ тремя истекшими включительно. При опредѣленномъ числѣ экземпляровъ и невозможности перепечатывать нѣсколько нумеровъ вновь, подписка на каждые три мѣсяца отдѣльно была бы весьма отяготительна для Редакціи.

ЛИХОРАДКА.

Отрывокъ изъ дѣтскихъ воспоминаній одного молодаго человѣка.

(посвящено Э. К. Н — ой.)

I.

— Катенька, сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, — вотъ этотъ.

— Этотъ ?—Ахъ, нѣтъ, —нельзя; это папенькины любимыя георгины. — Нельзя, душенька, онъ ихъ знаетъ наперечетъ; — всякое утро смотритъ самъ.

— Сорвите, Катенька, — онъ не замѣтитъ...

— Не смѣю, мой ангелъ; — лучше я тебѣ нарву маргаритокъ. — Посмотри, какія хорошенькія!

— Не хочу я этихъ... Сорвите, — онъ не узнаетъ...

Дѣвушка молчала.

— Катенька!

— Что, другъ мой ?

— Сорвите... можно ? — я самъ сорву.

— Ахъ, какой ты капризный, — не смѣю.

— Ну, такъ не надо. Я не хочу ни какихъ цвѣтковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣвушка, молча подала мнѣ георгину. — Она разсмѣялась; я хотѣлъ поцѣловать ея бѣленькую ручку; она наклонилась, обвѣяла лицо мое своими русыми локонами и звучно поцѣловала меня въ лобъ, или въ щеку, — не помню.

— Смотри-же, ради Бога, ни кому не показывай. Видишь, я для тебя готова все сдѣлать, — сказала она ласкающимъ шопотомъ.

Эта сцена—я живо помню—была въ саду доктора К***. —Полуденное солнце жгло и нестерпимо сверкало надъ нами; воздухъ едва струился, ивдали казался какою-то густою, маслянистою влагою. Группы цвѣтовъ благоухали словно нехотя и прятали свои махровыя головки подъ холодокъ тѣни широкихъ, неподвижно-повиснувшихъ, листьевъ. Садъ представлялъ чудесное смѣшеніе яркихъ красокъ, то блистающихъ въ свѣту, то подернутыхъ полосами темной, бархатной тѣни. — Нагнувшаяся яблонь разметала широкимъ шатромъ вѣтви свои, облѣпленныя бѣлымъ цвѣтомъ; какъ поглядишь вверхъ, какъ хорошо сквозь частую сѣтку листьевъ проглядываетъ синее небо!

Катенька шла медленно; я охватилъ ея руку и прижался къ этой рукѣ головой; — мы шли между грядокъ цвѣтовъ по узенькой тропинкѣ; дорожекъ опрятныхъ, усыпанныхъ пескомъ, докторъ не любилъ, и вообще въ его саду была дана полная свобода природѣ; — маленькая оранжерея, съ экзотическими растеніями и аптекарскими, цѣлебными травами, была спрятана въ уголокъ сада; узкія тропинки шли между густою, сплетающеюся травою, въ которой гремѣли неугомонные кузнечики; тропинки вели къ любимымъ группамъ цвѣтовъ, къ оранжереѣ, къ грядкамъ шпанской клубники и къ роднику чистой холодной воды. —Любилъ я этотъ родникъ; — заглянешь въ него, тамъ такъ холодно, темно, и вдругъ рѣзкая, двойная полоса свѣта пробьется и блеститъ золотыми пылинками, а внизу на водѣ плаваетъ зеленый листокъ; возьмешь, кинешь туда еще листокъ... Славно!

Я шелъ съ Катенькой... Катенька, дочь нашего любезнаго доктора К***, была милая, привѣтливая дѣвушка. —Русые, шелковистые локоны, кругленькое личико, мягкія, сливающіяся черты, прозрачная голубоватая бѣлизна кожи, небоящейся загара, хотя Катенька никогда не гуляла по саду съ зонтикомъ, какъ наши великолѣпныя красавицы; прекрасный ростъ, стройный станъ, нестянутый до того, что боишься, чтобы онъ не перервался; — черный фартучекъ съ маленькими карманами, въ которыхъ гремятъ ключи; платьице всегда простое, но удивительно опрятное, до изящности; — гармонія во всемъ существѣ и тихая рѣчь, немного неправильная, обличающая германское происхожденіе — все это нравилось въ Катенькѣ, и нельзя сказать, чтобы она не сознавала этого... Слѣдовательно, тутъ еще примѣшивалось и то милое кокетство, которое, какъ теплый колоритъ, разливаясь по *рисунку* художника, смягчаетъ всѣ рѣзкія линіи, увлекаетъ завороженные взоры зрителя...

Что-же такое былъ я въ то время ? — Начать съ того, что я серьозно увѣрялъ всѣхъ, что мнѣ скоро будетъ уже 10-ть лѣтъ. Хотя многіе этому смѣялись, а маменька, ласковою рукою отводя отъ лица мои длинные, кудрявые волосы, часто приговаривала : «О, да ты ужъ у меня большой сынъ, — женихъ!» Я застѣнчиво улыбался и потуплялъ глаза...

Богъ знаетъ, какъ я любилъ милаго доктора. Богъ знаетъ, какъ я привыкъ видѣть каждый день его синій фракъ съ золотыми пуговицами, его добродушное, блѣдное, чисто-нѣмецкое лицо и клокъ сѣдыхъ, развѣвающихся волосъ. —Самъ не знаю, какъ я любилъ маленькій садъ доктора; — нашего большаго сада я не любилъ, а тамъ я почти каждый день бродилъ по тропинкамъ съ Катенькой. —Не знаю, потому-ли что у меня не было сестры—существа, которое бы своею дѣвственно-чистою, изящною—если такъ можно сказать—любовью и заботливо-нѣжнымъ участіемъ, даже и своимъ наружнымъ — красотою и женственною граціею, могла бы благотворно дѣйствовать на душу мальчика, всегда пылкую, рѣзкую и, уже по натурѣ своей, болѣе жесткую, чѣмъ душа дѣвушки; потому-ли, или по силѣ простой привычки, я привязался къ моей Катенькѣ; ей было 16-ть лѣтъ, она ласкала меня какъ ребенка, рѣзвилась и бѣгала со мной по саду, и сама казалась ребенкомъ. День безъ нея — скука невыносимая; увижу ее — и на душѣ какъ-то безсознательно-хорошо, и больше прелести во всемъ окружающемъ, и охотнѣе возьмешься за урокъ, и, кажется, всѣ лица—даже угрюмаго учителя — смотрятъ привѣтливѣй, ласковѣй...

Я былъ мальчикъ рѣзвый и балованный родителями, какъ первенецъ; одѣвали меня въ курточку; по утрамъ няня расчесывала мои темно-русыя кудри, падавшія до плечъ и разсыпавшіяся по бѣленькому воротничку; въ лицѣ моемъ не было еще ни одной тѣни, положенной временемъ; голосъ еще не звучалъ юношескимъ контр-альтомъ; я еще не понималъ блаженства подражать во всемъ взрослымъ людямъ и терпѣть не могъ поцѣлуевъ людей, у которыхъ колется жесткая борода; — словомъ, я былъ ребенокъ простой, рѣзвый и болѣе смѣшной моимъ дѣтскимъ невѣдѣніемъ и глупенькою наивностью, чѣмъ претензіями на взрослаго человѣка.

Послѣ нашего разговора съ Катенькой, любуясь подареннымъ цвѣткомъ, я выходилъ съ нею изъ сада; мы подходили къ калиткѣ; сѣрый домъ глядѣлъ въ садъ нѣсколькими окнами; одно окно, заслоненное густыми акаціями, было открыто; докторъ, подперши руками голову, полулежалъ на этомъ окнѣ, смотрѣлъ въ садъ и покуривалъ свою фарфоровую трубочку, пуская изрѣдка легкія струйки дыма; — за докторомъ, въ глубинѣ окна, виднѣлась таинственная для меня комната съ полками, уставленными красивыми, пестрыми баночками. Докторъ увидѣлъ насъ, я поскорѣе заложилъ обѣ руки за спину, боясь, чтобы онъ не увидѣлъ цвѣтка. — Докторъ медленно погрозилъ намъ пальцомъ, потомъ улыбнулся своею оригинальною, добродушною улыбкой; — мнѣ стало какъ-то неловко отъ этой улыбки... Катенька поглядѣла на отца и разсмѣялась, какъ будто въ отвѣтъ на его добрую улыбку.

Калитка стукнула; я простился съ Катенькой и побѣжалъ черезъ улицу домой.

Надобно познакомить моего читателя съ докторомъ К***. — Странно, съ какою любовію, съ какимъ добрымъ чувствомъ вниманія останавливаешься на лицахъ, когда-то столь близкихъ, столь лю-

бимыхъ, что, кажется, будто они слиты со всѣмъ моимъ существованіемъ въ тѣ годы! Безъ этихъ знакомыхъ лицъ, какъ будто былъ-бы не полонъ аккордъ, который доселѣ еще звучитъ въ душѣ моей, выражая весь свѣтлый міръ дѣтскихъ лѣтъ!...

Theodor, Adam, Christian K***, или по-просту, какъ мы его звали, — Өедоръ Васильевичъ, былъ старинный другъ моего отца и почти единственный человѣкъ, котораго уважалъ мой отецъ между всѣми обитателями скучнаго уѣзднаго городишка. — Бывало, вечеромъ, долго сидятъ они, разговаривая о чемъ-то по-нѣмецки; передъ ними стоятъ два стакана съ чрезвычайно крѣпкимъ, какъ пиво, чаемъ; покуриваютъ старики трубочки, дымъ синими полосами носится надъ ихъ кивающими головами; — бывало, сидишь и, едва понимая ихъ разговоръ, смотришь, съ какимъ-то любящимъ удивленіемъ, какъ жарко толкуютъ старики, какъ ярко оживляются глаза ихъ, ловишь ихъ улыбки добрыя и прислушиваешься, когда перервется разговоръ, и они только пукаютъ въ свои трубочки.

— Хэ, — славное было время, mein lieber Freund!

— О, so... гдѣ все пропало!...

— Würklich... а помните, herr Doktor, домикъ маленькій, — какъ мы ходили мимо оконъ цѣлый вечеръ, бывало... вѣдь, цѣлый вечеръ!...

— О! — Ха, ха, ха — alia tempora!

Свѣчи нагорѣли, няня вошла тихонько и шепчетъ мнѣ на ухо: «спать пора, батюшка.» Поцѣлуешь ручку папеньки, поцѣлуешь Өедора Васильевича и пойдешь нехотя въ дѣтскую. Маленькій братъ, Петя, давно спитъ; ляжешь и долго смотришь на складки занавѣса, и все еще кажется слышишь жаркій разговоръ, пуканье трубокъ, и въ густой синевѣ дыма все еще рисуются улыбающіяся и оживленныя думою лица... Мнѣ казалось, что старики, бесѣдуя другъ съ другомъ, просиживаютъ всю долгую ночь.

У Өедора Васильевича не было жены; померла-ли она, или живетъ гдѣ нибудь, объ этомъ я совершенно не зналъ, да и не безпокоился знать; — самъ-же докторъ объ этомъ никогда не говорилъ. Говорилъ онъ про дочь свою Катеньку; да и любилъ же онъ ее!... А вѣдь никто, никогда не видѣлъ, чтобы докторъ разсыпался въ ласкахъ къ дочери, или, чтобы онъ кому нибудь восторженно расхваливалъ свою Катеньку; — но всякій зналъ, что Өедоръ Васильевичъ весь проникнутъ глубокою любовью къ дочери своей, — что вся жизнь его, всѣ стремленія были направлены къ добру и счастью его Катеньки.

Өедоръ Васильевичъ былъ для меня, однакожъ, очень странный человѣкъ; часто только моя довѣрчивая любовь и привязанность могли побѣдить непонятное чувство страха. — Чего же я боялся въ этомъ добромъ старичкѣ съ его оригинально-доброю улыбкою, съ его милыми, не обезображенными старостью, чертами лица? — Всему причиною таинственная комната.

Деревянный одно-этажный домъ доктора былъ противъ нашего дома, такъ, что въ двѣ минуты можно перебѣжать улицу и очутиться въ передней у Өедора Васильевича; изъ передней входишь въ залу, увѣшанную по стѣнамъ темными картинами фламандской школы; изъ залы одна дверь вела налѣво въ кабинетъ доктора, другая направо въ гостиную, а третья въ таинственную комнату, выходящую окнами въ садъ.

Въ эту комнату я не допускался, а часто видѣлъ въ непритворенную дверь, что въ этой комнатѣ на полкахъ ряды хорошенькихъ баночекъ, на широкомъ столѣ какія-то чудныя большія машины, вѣсы, — а изъ-за двери выглядывали двѣ страшныя, желтоватыя, костяныя фигуры, и часто вѣтеръ ворвется въ окно, — эти кости застучатъ, закачаются и размахиваютъ словно длинными и тонкими руками...

— Нѣтъ, мой другъ, ты что нибудь такое вредное тамъ тронешь, попробуешь — и бѣда! Вѣдь ты маленькій шалунъ, я знаю!... И оставался я за дверью, не понимая, что тутъ можетъ быть вреднаго, и отыскивая въ головѣ иную причину, терялся въ суевѣрныхъ догадкахъ.

Өедоръ Васильевичъ большую часть дня проводилъ въ таинственной комнатѣ; только за обѣдомъ, или за чаемъ, онъ являлся въ столовую и бесѣдовалъ съ Катенькой. — Вся хозяйственная часть дома была возложена на Катеньку; — у ней въ карманѣ чернаго фартучка гремѣли ключи; — она, часто отрываясь отъ женской работы, бѣгала въ кухню; — она разливала чай; она была полной хозяйкой въ домѣ. Өедоръ Васильевичъ только зналъ свою чудную комнату, да кабинетъ, въ которомъ бесѣдовалъ съ пріятелями, да оранжерею маленькую, но которой, однако же, завидовалъ весь городъ, — больше ничего и не зналъ Өедоръ Васильевичъ, да развѣ еще иногда онъ считалъ важнымъ долгомъ сдѣлать словесное увѣщаніе Аѳанасію, когда этотъ почтенный человѣкъ вздумаетъ зайти въ кабакъ безъ всякой особенной причины, такъ, больше изъ любопытства; — впрочемъ, безусловная покорность Аѳанасія и не только его сознаніе, но даже подтвержденіе своей вины, совершенно обезоруживало Өедора Васильевича, и вотъ уже съ нѣкотораго времени онъ не призываетъ Аѳанасія на распеканцію, а приказываетъ только не допускать его ни въ конюшню, ни въ садъ, словомъ ни къ какой работѣ; это крайне обидно Аѳанасію, ибо онъ въ эту пору обыкновенно чувствуетъ гораздо сильнѣе все, и заслуги свои, и свои удивительныя способности исполнять всякое какое ни-на есть дѣло — и за садомъ присмотрѣть, и за цесарками, и за сѣренькой лошадкой — корму ей задать, или что, — да и столочь что въ ступкѣ, «человѣкъ простой, а столку, ну, право же столку!»

II.

Я обѣдалъ у Өедора Васильевича; за столомъ подавали какія-то особенныя тыквы, поджаренныя въ маслѣ. Докторъ чрезвычайно хвалилъ эти тыквы, разсказывалъ, какъ онъ досталъ отъ одного пріятеля сѣмена ихъ, и что такихъ нѣтъ ни у кого въ цѣлой губерніи; при этомъ докторъ неизвѣстно кому-то предлагалъ пари. Вообще, старикъ объ этомъ предметѣ говорилъ съ важностью и какъ будто огромное общество слушало его рѣчи, между тѣмъ вѣдь за небольшимъ круглымъ столомъ сидѣли только трое: самъ, разсказывающій Өедоръ Васильевичъ, Катенька, которая, вѣрно, знала всю эту исторію, да сидѣлъ еще я, — меня тогда не занимали никакія тыквы въ свѣтѣ и никакія гастрономическія тонкости, — не такъ какъ теперь!.. Не смотря на все это, Өедоръ Васильевичъ разсказывалъ и былъ, кажется, совершенно доволенъ своими слушателями.

Послѣ обѣда докторъ взялъ за подбородокъ свою Катеньку и, поцѣловавъ нѣжно, благодарилъ за хозяйство и примолвилъ:

— Да, душенька, это очень хорошо. Вотъ скоро и сама будешь хозяйка, будешь меня благодарить, что я такъ воспиталъ тебя.

Докторъ пошелъ въ свой кабинетъ, легъ отдохнуть немного, закурилъ трубку и развернулъ большую нѣмецкую книгу съ картинками. — Катенька повела меня за руку въ свою комнату, отперла комодъ, вынула корзинку съ конфектами и мы принялись вмѣстѣ уничтожать конфекты. Мы смѣялись, болтали о чемъ-то, да такъ просто, такъ оживленно! — Различіе возрастовъ въ нашей дѣтски-откровенной бесѣдѣ невольно уничтожалось; — мы оба были дѣти рѣзвыя, простодушныя, дѣти неумѣющія придать свѣжимъ личикамъ нашимъ серьезное выраженіе.

Катенька взяла работу; — быстрая ручка, уставъ, опускалась на колѣни; я разсматривалъ картинки въ старинной нѣмецкой библіѣ, единственной книгѣ, которую я видалъ когда-либо въ комнатѣ Катеньки. Черный, сафьянный переплетъ этой книги потрескался отъ времени; на пожелтѣвшемъ листкѣ бумаги, вклеенномъ передъ заглавнымъ листомъ, были написаны разными почерками, то чрезвычайно крупнымъ, то мелкимъ, словно нанизанный бисеръ, — имена дѣдовъ, прадѣдовъ и такъ далѣе по восходящей линіи; подлѣ каждаго имени стояло: anno-такого-то; не знаю, что это были за годы — рожденія, смерти, или свадьбы почтенныхъ дѣдушекъ и бабушекъ. — Я перевертывалъ изорванныя страницы и остановился на картинѣ, всегда привлекавшей мое вниманіе. —

— Катенька, что въ этой комнатѣ, знаете, въ которую меня не пускаютъ?

— Будто ты не знаешь, — это аптека.

— Аптека. — Пойдемте туда...

— Какой ты любопытный! — Нельзя: папа запираетъ ее, и ключъ всегда у него.

— А что тамъ дѣлаетъ Өедоръ Васильевичъ? — Вѣдь онъ иногда тамъ цѣлый день и вечеръ сидитъ; — что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Работаетъ; — онъ очень любитъ свои занятія.

Я перестаъ разспрашивать; — и все-таки ничего не объяснилось въ пытливомъ умѣ моемъ, нѣсколько отуманенномъ суевѣріемъ.

Какъ хороша ручка Катеньки! Я не знаю, что въ ней особенно хорошо, только такъ пріятно держать эту ручку и разсматривать каждый пальчикъ... А Катенька въ это время смотритъ на меня, задумчиво склоня русую головку...

Лишь только смерклось, мы пошли въ садъ. Чудесное время, когда отхлынетъ зной и багровый отблескъ заходящаго солнца разсыплется по всѣмъ предметамъ; тѣни лягутъ длиннѣе, холоднѣе; вѣтеръ уже свободнѣе подуетъ въ лицо; зелень заблагоухаетъ, — чудесная пора! Становилось все темнѣе, тѣни сдвигались, густѣли. — Мы шли около забора, обсаженнаго молодыми вишнями; вдругъ что-то застучало въ заборъ, и чья-то голова, ужасно похожая на баранью, въ лаковомъ, заломленномъ на бекрень, картузѣ, высунулась и какъ будто повисла, зацѣпившись угловатымъ подбородкомъ за заборъ. Голова улыбнулась; вслѣдъ за тѣмъ вытянулась рука и кинула свернутую бумажку къ ногамъ Кати. Катенька испугалась, — я тоже; — мы оба отскочили дальше отъ забора. Голова исчезла; мы очнулись отъ испуга; посмотрѣли на пустой заборъ и потомъ другъ на друга — и начали громко хохотать.

Аѳанасій, съ лейкою въ одной рукѣ и съ метлой, ловко брошенной на плечо, подошелъ къ намъ сзади.

— Вишь ты, любезный? Экъ его, право, угораздило; — говорилъ онъ медленно и устремивъ на заборъ пристальный, испытующій взглядъ, какъ будто бы сквозь сѣрыя доски зоркій глазъ его все видитъ, — и сидитъ-ли кто подъ заборомъ, или кто благоразумно удаляется, боясь непріятной погони.

— Аѳанасій, видѣлъ ты? кто лѣзъ къ намъ черезъ заборъ? — спросила Катя.

— Да ужъ вотъ я бы его... Эхъ-ма не поспѣлъ я! — а ужъ-бы, то-есть мазнулъ-бы его чортова сына! — право-ну, мазнулъ бы... Вишь, чортова голова!..

— Посмотри, что это бросилъ онъ въ бумажкѣ?

— Бросилъ? — Гм! — бросилъ, шалыганникъ... Вѣдь ухитрится-же человѣкъ! — Экъ, подумаешь, какихъ нѣтъ на свѣтѣ!..

Аѳанасій все это говорилъ самъ себѣ и нисколько не обращалъ на насъ вниманія, погруженный весь въ важное раздумье о томъ, какихъ нѣтъ на свѣтѣ.

— Что это, покажи?

Но Аѳанасій, все-таки не развлекаясь въ своемъ раздумьи, медленно засунулъ бумажку въ сапогъ; потомъ подошелъ къ забору и началъ колотить по немъ метлой, словно желая удостовѣриться, какъ бы, примѣрно, мазнулъ онъ незнакомую гадкую рожу, — или, желая спугнуть кого-то, притаившагося за заборомъ.

— Ну, ну, погоди ты у меня! Я ужъ тебя отполирую, то есть, вотъ какъ!..

— Что это, воръ? — Аѳанасій, воръ это? — А?

— Воръ, да, воръ; — а за эдакія воровства-то вотъ что... Аѳанасій помахалъ рукой въ воздухѣ, какъ будто подсыпая овса или чего нибудь другаго. — Посѣчь-бы порядкомъ... такъ оно и... Ужъ я вѣдь знаю съ чѣмъ онъ и давича-то ко мнѣ подъѣзжалъ!.. Отдай, говоритъ, барышнѣ... Ого, надуешь! — Нѣтъ, еще меня ни кто, никакой цыганъ на свѣтѣ не надувалъ. — Вотъ, говоритъ, на табакъ, аль на водочку... На табакъ! Гм! — Тутъ Аѳанасій досталъ изъ за голенища рожокъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства угостилъ носъ свой.

— Ну, да ужъ я-те, братъ, поподчую! — Доѣду, не уйдешь; да въ другой разъ и дорогу забудешь; право, ей-Богу, забудешь! — Что мнѣ! — Мнѣ, вѣдь, все равно...

Мы вышли изъ сада, смѣясь этому приключенію, а Аѳанасій все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и разсуждалъ самъ съ собою.

— Катенька, войди сюда. — Вотъ мой добрый другъ господинъ Цюрлихъ, Карлъ Адамовичъ. — Это дочь моя, Катенька, — говорилъ докторъ, сидя въ кабинетѣ съ какимъ-то незнакомцемъ.

Катенька вошла въ кабинетъ, застѣнчиво проговорила что-то незнакомцу; онъ поклонился ей, молча. — Въ какой-то нерѣшимости стояла она передъ отцомъ, который, улыбаясь, еще долго держалъ ее за руку. — Незнакомецъ исподлобья поглядывалъ на Катеньку; я прислонился къ двери и смотрѣлъ на эту безмолвную картину.

— Приготовь-ка намъ чай, Катенька.

Катенька скользнула изъ кабинета, какъ будто она вздохнула свободнѣе.

Странное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ этого г. Цюрлиха. — Помните-ли вы, читатель, давно, въ дѣтствѣ вашемъ, если когда нибудь разсказывали вамъ глупую сказку о какомъ-то зломъ существѣ? — Помните, какъ живо и страшно въ воображеніи вашемъ создавался образъ этого темнаго духа; — вы не могли никому передать, что это за призракъ, но чувствовали замираніе и трепетъ, когда онъ выступалъ изъ ночной темноты и, словно живой, становился передъ вашею постелью, и вперялъ въ ваши, сомкнутые отъ страха, глаза свой острый, свѣтящійся взглядъ; зажмуришься крѣпче, а все видишь этотъ могучій, властительный призракъ... и нѣтъ силы пошевелиться, закричать. — Наконецъ, привидѣніе удаляется, становится меньше, меньше, сливается въ свѣтящуюся точку и тонетъ во мракѣ. — Груди станетъ легче; закричишь, нянька съ просонья прошепчетъ молитву.

— Что это ты, Христосъ съ тобой! — Спи себѣ покойно.

Часто этотъ призракъ извѣстенъ подъ какимъ-нибудь совершенно-нелѣпымъ названіемъ, которымъ привыкла стращать васъ нянька. «А вотъ, погоди, ужо придетъ трубочистъ; — вишь ты какъ раскуражился! — а вотъ трубочистъ-то и съѣстъ тебя, коли станешь плакать да капризничать». — Иногда это бываетъ не трубочистъ, а булочникъ; меня-же всегда стращали старымъ мельникомъ.

Вообразите-же мой непобѣдимый страхъ, когда Цюрлихъ напомнилъ мнѣ что-то ужасное, и наконецъ я узналъ въ немъ *мельника*. — Какъ и почему мнѣ показался онъ мельникомъ, — этого ужъ я совершенно не могу растолковать, и самъ ровно ничего не понимаю!..

Кажется, Нѣмецъ почтенный, и одѣтъ въ приличный сюртукъ, и мукой не засыпанъ съ головы до ногъ, — а все-таки онъ мельникъ, непремѣнно мельникъ! — Г. Цюрлиху было на взглядъ лѣтъ 40 отъ роду; сѣдина еще не рябила его черные, торчащіе щетиной, волосы. Меня поразило лицо его: — угловатый лобъ, носъ, нависнувшій на верхнюю губу, и глаза Карла Адамыча, изрѣдка сверкающіе огненнымъ блескомъ; — общее въ его лицѣ — было выраженіе какой-то тяжело-заботливой, неразгаданной думы. — Это все металось въ глаза съ первой встрѣчи; потомъ, я замѣтилъ, что у Карла Адамыча не глаза такъ ярко свѣтятся, а очки, въ которыхъ вспыхиваетъ отраженіе свѣчи, горящей въ облакахъ табачнаго дыма. — Вѣроятно, для другихъ ничего небыло страшнаго въ физіономіи Карла Адамыча; можетъ-быть, въ ней больше было выраженія иронія и никому неизвѣстной думы его; — но мнѣ было тяжело при немъ, я немогъ вынести его испытующаго взгляда, сверкавшаго сквозь очки; я убѣжалъ къ Катенькѣ, — она хлопотала за чайнымъ столикомъ.

— Кто этотъ гость, что сидитъ въ кабинетѣ?

— Это нашъ знакомый, г. Цюрлихъ; онъ фабрикантъ. — На, Марѳа, неси имъ чай, скорѣе.

Мной овладѣло какое-то странное безпокойство; во весь вечеръ я былъ молчаливъ и все думалъ не знаю о чемъ.

Часу въ 11-мъ, маменька прислала за мной человѣка; — я простился съ Катенькой и хотѣлъ идти къ доктору, но Катенька сказала мнѣ, что онъ теперь занятъ дѣломъ «въ той страшной комнатѣ,» прибавила она, смѣясь.

Проходя черезъ залу, я увидѣлъ, что дверь въ тайную комнату была не притворена; любопытство, смѣшанное со страхомъ, тянуло меня къ этой двери. — Осторожно подошелъ я, взглянулъ — и остался нѣсколько минутъ, словно прикованный къ полу. — Въ этой комнатѣ былъ какой-то полумракъ; — докторъ и незнакомый гость, молча, скрестя руки, стояли передъ большой банкой, изъ которой поднимался густой, клубящійся, красноватый паръ; долго стояли они неподвижно, — вдругъ въ клубахъ пара вспыхнуло синеватое пламя; постепенно разстилалось оно, росло все выше, выше, и стало синимъ переливающимся столбомъ; — комната освѣтилась чуднымъ, синеватымъ блескомъ; всѣ баночки запрыгали на полкахъ, и страшныя, костяныя фигуры, постукивая всѣми суставами, начали плясать по комнатѣ. Докторъ, улыбаясь, поглядывалъ вокругъ, а незнакомецъ все стоялъ неподвижно; одни только глаза его прыгали и сверкали синимъ пламенемъ. Потомъ раздался какой-то выстрѣлъ, я вздрогнулъ и безъ оглядки побѣжалъ домой.

Долго немогъ я уснуть, лежа въ постели и дрожа всѣмъ тѣломъ; все мерещился мнѣ столбъ синяго пламени и въ широкихъ листьяхъ его, подымающаяся изъ банки, фигура фабриканта въ синихъ очкахъ и съ скрещенными на груди руками...

III.

Знаете-ли вы, что такое лѣтніе вечера у насъ на Руси! Но, впрочемъ, широка Русь, и надо опредѣлить точнѣе, гдѣ именно; — это въ такъ называемой средней полосѣ. — Ухъ, что это за вечера, что за ночи въ этомъ благодатномъ краю!

Отхлынетъ зной раскалившагося дня; волнующіяся поля тихонько засыпаютъ, убаюкиваемыя перелетнымъ вѣтеркомъ; дальній лѣсъ засинѣетъ; а войдите въ ближнюю рощу, — васъ такъ и обдастъ свѣжимъ, немного сыроватымъ, благоуханіемъ травъ; — по небу едва скользятъ косые лучи уходящаго солнца; красноватый блескъ заката гаснетъ, уступая тихому сіянію спокойной лазури.

Но все это еще не дастъ вамъ никакого понятія о полной картинѣ, въ которой всякая мелочь оригинальна и необходимо выражаетъ характеръ общаго.

Въ одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ вечеровъ мы отправились гулять пѣшкомъ за городъ къ рѣкѣ. — Отецъ мой шелъ съ докторомъ, маменька съ одной дамой, а я, по обыкновенію, съ Катенькой. — Мы съ ней ушли далеко впередъ; оглянулись — докторъ машетъ намъ рукой; мы воротились. — Ѳедоръ Васильевичъ звалъ всѣхъ къ другу своему г. Цюрлиху.

— «Онъ живетъ на фабрикѣ; видите, это близко отсюда. — Мы тамъ напьемся чаю; — онъ очень хорошій человѣкъ. — Осмотримъ его заведеніе.» — Всѣ согласились; разумѣется, я бы не согласился. — Мы пошли по берегу рѣки, прошли мимо длинной, узкой плотины, ведущей къ мельницѣ и, наконецъ, поворотили направо къ фабрикѣ; насъ встрѣтилъ дальній лай собакъ, пронюхавшихъ приближеніе чужихъ людей. — Встрѣтившійся работникъ повелъ насъ къ небольшому деревянному домику, обсаженному рябинами. — Карлъ Адамычъ встрѣтилъ насъ, нисколько не измѣнивъ своего вѣчно-задумчиваго выраженія въ лицѣ.

Не знаю, то есть, я не слышалъ, сказалъ-ли молчаливый фабрикантъ хоть одно слово; онъ только сквозь зубы отвѣчалъ односложными звуками на всѣ вопросы гостей. — Съ неизъяснимымъ предубѣжденіемъ осматривалъ я даже самыя стѣны въ домѣ Цюрлиха; и отъ нихъ какъ будто вѣяло таинственностью и страхомъ. — Я боялся отстать отъ Катеньки и остаться одному въ пустой комнатѣ. — Вышли въ садикъ, заглядывающій зелеными вѣтвями въ самыя окна дома; тутъ я вздохнулъ легче; — но и тутъ я находилъ предметы, пробуждавшіе мою непонятную боязнь: то огромная, черная труба выглянетъ изъ-за строеній и едва курится легкимъ дымкомъ; то гдѣ-нибудь раздастся гулъ воды, дробящейся о колеса. — Наконецъ мы собрались домой; докторъ все еще говорилъ о чемъ-то; казалось, онъ никакъ не могъ удержать потока рѣчей своихъ, вѣроятно, очень занимательныхъ; Цюрлихъ молча шелъ рядомъ съ докторомъ и слушалъ его внимательно. — Проходя по двору, докторъ просилъ Цюрлиха показать намъ своего медвѣжонка; фабрикантъ, не отвѣчая ни слова, повелъ насъ къ какому-то высокому шесту, на конецъ котораго было надѣто сломанное колесо. — Цюрлихъ, оставя насъ поодаль, подошелъ къ старой лодкѣ, опрокинутой вверхъ дномъ, и вытащилъ оттуда медвѣжонка; загремѣла цѣпь, высунулась косматая голова; фабрикантъ протянулъ медвѣдю руку, звѣрь лизалъ ее краснымъ языкомъ; потомъ хозяинъ хотѣлъ заставить его лѣзть на шестъ, но медвѣдь ревѣлъ, упрямился и огрызался. — Я прижался ближе къ маменькѣ и боялся, больше не медвѣдя, а самаго Цюрлиха... Послѣ долгихъ усилій, медвѣдь былъ оставленъ въ покоѣ, и мы вышли изъ воротъ, сопровождаемые страннымъ хозяиномъ.

Былъ поздній вечеръ; небо густѣло и сливалось съ далью синими волнующимися полосами; рѣка тихо катилась, и чуть-чуть подергивалась рябью быстрина ея, посеребренная сіяніемъ молодой бѣлой луны. На противномъ берегу темнѣлъ высокій тростникъ, изрѣдка встревоженный полетомъ испуганной утки. — Затишье вечера нарушалось далекимъ крикомъ лягушекъ, да глухимъ шумомъ воды на ближней мельницѣ. — И все это сливалось въ одинъ звукъ и все чудно гармонировало съ засыпающею природой!..

Незнаю, какъ я отсталъ отъ моей спутницы — Катеньки и очутился подлѣ доктора; гляжу, а Цюрлихъ идетъ рядомъ съ Катенькой; не слышно о чемъ говорятъ они; — она не смотритъ на него, а онъ какъ будто разсматриваетъ небо, а между тѣмъ изрѣдка украдкою взглянетъ на Катеньку. Мнѣ стало досадно.

Слава Богу, простился съ нами этотъ несносный фабрикантъ; избавился я отъ этой непріятной физіономіи. — Я пошелъ объ руку съ Катенькой, начиналъ съ ней разговоръ; но видно было, что она встревожена: отвѣты ея были отрывисты, невнимательны; мнѣ стало скучно... А все этотъ гадкій Цюрлихъ: вѣрно, онъ сказалъ ей что-нибудь непріятное?..

Я пересталъ говорить съ Катенькой, и боялся спросить ее, о чемъ такъ долго говорилъ ей фабрикантъ. Порой я оглядывался назадъ и на темно-голубомъ фонѣ дали явственно мелькала черная фигура Цюрлиха. Онъ быстро удалялся, становился меньше, меньше и только развѣвались широкія полы его сюртука и онъ казался летящею вдали какою-то большою, ночною птицей...

Смутныя грезы бродили въ моемъ воображеніи. Все, что видѣлъ я, и какъ чудно все связывалось съ какою-то таинственностью — не давало мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. — Рѣже я сталъ ходить къ доктору; въ его вѣчной оригинальной улыбкѣ я сталъ замѣчать что-то насмѣшливое; ужели, часто думалъ я, этотъ человѣкъ можетъ быть добрымъ, любящимъ, любимымъ? — Нѣтъ, онъ вѣрно смѣется надъ людьми и надо всѣмъ... Все кажется ему ничтожнымъ, дѣтскимъ, а онъ одинъ, богатый и гордый своимъ знаніемъ, смѣется надъ всѣмъ міромъ... Конечно, я этой думы не могъ тогда привести въ ясность, не могъ высказать ее, но, самъ не знаю, что-то мнѣ нашептывало эту смутную думу... Потомъ, увижу доктора, услышу его милый, шутливый разговоръ — и все разсѣется въ умѣ моемъ, и останется одна только мрачная фигура фабриканта, какъ обгорѣлый пень на мѣстѣ дома, разрушеннаго пожаромъ...

Не знаю, что меня удерживало разсказать Катенькѣ сцену, видѣнную мной въ таинственной комнатѣ; эта сцена часто рисовалась передо мною ярко, отчетливо, и я сталъ бояться уединенія, бояться даже пройти вечеромъ черезъ пустую и темную комнату; воображеніе мое бунтовало и завладѣло всѣми остальными способностями души. — Часто, бродя вечеромъ по нашему огромному саду и отставъ отъ няньки, которая вела за руку моего меньшаго брата, я вдругъ былъ испуганъ какимъ-то рѣзкимъ свистомъ, пронесшимся въ воздухѣ, — и бѣжалъ я, будто преслѣдуемый какимъ-то невидимымъ существомъ...

IV

Просто, этотъ г. Цюрлихъ нечистый духъ, приносящій повсюду заботы и безпокойства: вотъ, съ того дня, какъ онъ въ первый разъ явился въ кабинетѣ у Ѳедора Васильевича, все пошло какъ-то иначе въ мирномъ домѣ нашего доктора. — Самъ докторъ казался чѣмъ-то постоянно озабоченнымъ; болѣе прежняго проводилъ онъ время въ своей тайной комнатѣ, или запершись одинъ въ кабинетѣ. — Катенька тоже стала какъ-то разсѣянна и менѣе рѣзва, и менѣе разговорчива со мною. — Я съ нѣкотораго времени уже не находилъ особеннаго удовольствія бывать каждый день у доктора, и только еще одно желаніе видѣть Катеньку влекло меня туда.

Съ Аѳанасіемъ тоже случились разныя непріятности. — Онъ надѣлалъ грубостей, а, говорятъ, даже просто поколотилъ добрымъ порядкомъ какого-то пройдоху, повадившагося лазить по заборамъ и даже, перелѣзая, уничтожать эту надежную ограду отъ злыхъ покушеній. Докторъ много хлопоталъ, чтобы избавить вѣрнаго стража дома своего отъ кары правосудія. — Впрочемъ, Аѳанасій говорилъ это, я самъ слышалъ, — «что жъ, въ полицію? — пойду и въ полицію; — мнѣ все равно! — А онъ не смѣй, — вотъ что! — А я развѣ боюсь? — пойдемъ и въ полицію: развѣ я что нибудь укралъ, али пропилъ» ?

Дѣло шло къ осени; полились дожди и несчастный нашъ городишка потонулъ въ грязи. — Все живое боялось выглянуть на улицу. — Только иногда пронлетется какой-то экипажъ, похожій на черепаху; да развѣ еще докторъ, распустивъ большой синій зонтикъ, ѣдетъ къ своимъ паціентамъ на дрожкахъ; маленькая сѣренькая лошадка его уныло ступаетъ по грязи, зажмуривъ глаза свои, чтобы не смотрѣть на скверную погоду.

Выдавались, впрочемъ, и хорошіе, солнечные дни; все подсохнетъ и, дѣйствительно, природа посмотритъ какъ будто порядочнымъ человѣкомъ; но все это столькоже говорило въ пользу осени, какъ рекомендація гоголевской свахи, разсказывающей про жениха, что онъ пьяница горькій, а впрочемъ вѣдь не всю же недѣлю пьянъ, — удаются дни, когда онъ и трезвый бываетъ.

Неожиданныя происшествія такъ быстро про-

неслись передо мною, что я, самъ не знаю кого, хотѣлъ спросить: да почему же все это такъ? что это значитъ? — Коли хотите, такъ въ этихъ происшествіяхъ ничего не было необыкновеннаго. Слушайте: помню, одинъ день былъ особенно тревоженъ въ нашемъ домѣ; maman цѣлое утро ѣздила по лавкамъ, какія только могли похвастаться богатствомъ товаровъ въ уѣздномъ городѣ. — Помню, что купила она большой серебряный образъ, да разныхъ матерій, которыя тотчасъ-же были отданы *мадамъ*. — Всѣ эти сборы были для меня не совсѣмъ понятны; — черезъ нѣсколько времени все объяснилось: Катенька выходитъ замужъ за Карла Адамовича Цюрлиха. Maman была ихъ посаженой матерью. Помню, какъ я сидѣлъ дома и скучно смотрѣлъ на освѣщенныя окна въ домѣ Өедора Васильевича. — Нянька сидитъ подлѣ меня и разсказываетъ сказку «о Марьѣ Маревнѣ, прекрасной царевнѣ и о семи Богатыряхъ.» — Свѣча нагорѣла и едва вспыхиваетъ; въ углахъ комнаты бродятъ тѣни; въ окнахъ докторова дома свѣтло, безпрестанно мелькаютъ профили, то знакомые, то незнакомые. Плавный, усыпляющій разсказъ няньки перерывался; мнѣ было скучно...

Много прошло времени съ этого дня; мнѣ неудавалось видѣть Катеньки. Говорили, что какъ-то утромъ она съ мужемъ была у насъ; я въ это время сидѣлъ съ учителемъ и сбивчиво спрягалъ: я горю, ты горишь, онъ горитъ, мы горимъ, вы и т. д.

Въ одно уже зимнее свѣтлое утро maman взяла меня съ собой кататься; мы заѣхали на фабрику; вошли въ домикъ; насъ встрѣтила, свѣтлая какъ утро, улыбающаяся Катенька.

Много она разсказывала о чемъ-то; показывала свой гардеробъ, мимоходомъ ласкала меня; спрашивала, помню-ли я, какъ мы вмѣстѣ бѣгали по саду и рвали цвѣты? — Мужа ея не было дома. —

Какъ странно перемѣнились эти комнаты съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь: все чисто, прибрано заботливо, стало даже свѣтлѣе. — Катенька опять начала говорить про свое новое житье, про хозяйство; казалось, она была очень довольна своимъ новымъ положеніемъ; я въ это время стоялъ около столика, уставленнаго разными игрушками; Катенька стала говорить про своего Карла Адамыча; — я нечаянно уронилъ со стола фарфоровую собачку; она разбилась въ дребезги. — Маменька побранила меня за неловкость; Катенька поцѣловала меня, примолвивъ: о, помилуйте! это ни чего; за что его браните? — Отъ чего ты, другъ мой, такъ скученъ? — Я не зналъ, что сказать ей; я молчалъ.

V.

Дѣйствіе повседневной драмы пронеслось мимо меня; совершилось все обыкновенное, что должно было совершиться; — а я остался въ сторонѣ; никто, кажется, и не замѣтилъ волненія души моей, принявшей было такое странное участіе въ этой драмѣ; почему жъ не обратили на меня вниманія, никто — даже и Катенька?...

Мнѣ было обидно и грустно; какъ будто я стоялъ на берегу и съ волненіемъ глядѣлъ, какъ широкая рѣка уноситъ, почернѣлыя подъ грозой, воды свои, уноситъ ихъ могущественно непреложной чередой, а вдали пропадаетъ удаляющаяся лодка, кто-то машетъ мнѣ оттуда бѣлымъ платкомъ... Но все пропало, и я остался на берегу одинъ съ моею безсильною, непонятною грустью...

Время шло и прилежно стирало въ памяти слѣды прошлаго. — Скоро и Катенька, и Карлъ Адамовичъ, и свадьба ихъ, все потонуло въ повседневныхъ мелочныхъ интересахъ. — И я скоро забылъ все; — смутное состояніе ребяческой души моей разсѣялось. — Докторъ уѣхалъ изъ города въ деревню къ какой-то больной генеральшѣ. Отсутствіе его еще болѣе помогло забвенію всего прошлаго.

Зима стояла холодная, чисто русская; — я захворалъ, простудившись на катаньи. — Сначала у меня только болѣла голова; потомъ, въ одно утро я проснулся и не могъ встать съ постели. Сильный ознобъ мучилъ меня; я сталъ забываться, — и тутъ уже не помню настоящаго. — Я какъ будто не видѣлъ лицъ, заботливо склонившихся надъ моей постелью: я сталъ жить въ какомъ-то другомъ мірѣ. — Смутные призраки столпились вокругъ меня, и близко вѣяло ихъ холодное дыханіе на мою разгорѣвшуюся голову. Все, что только напечатлѣлось когда-либо въ душѣ моей, — все возстало, облеклось въ чудныя формы и носилось въ туманѣ надо мною.

Катенька явилась мнѣ прежнею милою дѣвушкой; по-прежнему, я цѣловалъ ее, любовался ея бѣленькими ручками, игралъ ея мягкими льняными локонами; бѣгалъ съ нею по саду, рвалъ цвѣты... и вдругъ угрюмое лицо фабриканта глядитъ на меня страшно, насмѣшливо; чьи-то огромныя руки, охвативъ станъ Катеньки, уносятъ ее отъ меня далеко, а она улыбается мнѣ, киваетъ русою головкой и манитъ къ себѣ... То, вдругъ разольется синеватое пламя и докторъ смотритъ съ удивленіемъ, какъ изъ этого пламени выпрыгнулъ фабрикантъ и началъ плясать съ желтыми скелетами...

То, фабрикантъ ведетъ на цѣпи медвѣдя и хочетъ спустить на меня злаго звѣря, и я бѣгу, задыхаюсь, слышу какъ храпитъ и ворчитъ за мною косматый медвѣдь, — бѣгу, и не могу уйти отъ него, и падаю безъ чувствъ...

Не знаю, долго-ли я бредилъ; но, однажды, очнувшись, я увидѣлъ подлѣ моей постели доктора. Онъ стоялъ въ своемъ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и, улыбаясь, далъ мнѣ выпить ложку микстуры; — потомъ онъ заговорилъ со мною по прежнему шутливо, ласково; — я съ прежнею любовью обнялъ его; разсказывалъ, какъ у меня горитъ голова, и просилъ дать мнѣ съѣсть что нибудь.

И такъ, Өедоръ Васильевичъ умеръ; пастора не случилось въ нашемъ городѣ и покойника похоронили просто; помолились только добрые друзья его... Катенька страшно рыдала; Карлъ Адамычъ былъ задумчивѣе и молчаливѣе обыкновеннаго; Аѳанасій поплакалъ и пошелъ съ кладбища куда слѣдуетъ помянуть покойника: «Нѣмецъ былъ, а все хорошій человѣкъ.»

Помню, что вечеромъ, за нѣсколько часовъ до своей смерти, докторъ велѣлъ поставить на окнахъ свѣчи. Всѣ удивлялись этой странной иллюминаціи, и почти весь городъ приходилъ посмотрѣть на освѣщенныя окна докторова дома. — Вдругъ вышелъ изъ калитки Аѳанасій и сказалъ толпѣ, что пора де вамъ расходиться и уже скоро погасять свѣчи, докторъ умеръ...

Дорожныя коляски стояли у крыльца; я простился со всѣми. Помолились Богу; сѣли, по обычаю, на кое-какіе оставшіеся стулья, посидѣли немного; никто не говорилъ ни слова.

— Ну, съ Богомъ! — сказалъ отецъ мой.

Я забѣжалъ на минуту въ дѣтскую, заглянулъ — тамъ уже стало отзываться пустотой, какъ будто тамъ уже давно никто не живетъ. На крыльцѣ толпились провожающіе; произносились шепотомъ благословенія на долгій путь.

Странное дѣло! я выздоровѣлъ и все мнѣ показалось обновленнымъ, — и снова я видѣлъ Катеньку, видѣлъ и мужа ея, и не чувствовалъ никакого страха...

Все прошлое смутно сливалось съ болѣзненнымъ бредомъ моимъ и теряло свой фантастическій колоритъ.

Успокоенное воображеніе не облекало уже простыхъ происшествій сумракомъ таинственнаго; ясно взглянулъ я вокругъ себя...

Но все-ли изчезло въ душѣ моей?...

Осталось что-то... что? — я не знаю.

Видали ль вы, когда изъ мертвой грубой куколки образуется бабочка пестренькая, живая?... Оболочка распалась и бабочка расправила нарядныя крылышки и понеслась по полю, игриво порхая, и приникая къ благоухающимъ цвѣтамъ.

—

Прощай, дѣтство! — Прощай міръ, къ которому привыкъ, съ которымъ сроднился, и который даже надоѣлъ мнѣ... Мнѣ уже 14 лѣтъ; хочется новой жизни, неизвѣстной, кипучей; надоѣстъ и кипучая жизнь, запроситъ душа чего нибудь инаго, новаго... не найду новаго; съ тоской оборочусь къ старому, — что жъ дѣлать!...

Но весело было мнѣ покидать нашъ городокъ; много было у меня надеждъ молодыхъ, легкихъ... Съ родными я не разставался, а больше ни одной привязанности не покидалъ я. — Докторъ... да, я вамъ еще не сказалъ, что онъ недавно померъ. Странный былъ старикъ! До самаго дня смерти онъ ходилъ и даже хотѣлъ ѣхать къ дочери. — Смерть не боролась долго съ его жизнію; она мимоходомъ захватила его, обирая созрѣвшую жатву отжившаго поколѣнія.

— Прощайте, Катенька!

— Прощайте.

— Я васъ никогда не забуду... Скажите, вамъ все хорошо? — Вамъ не о чемъ скучать?... — шепнулъ я ей.

Я, кажется, хотѣлъ спросить: счастлива-ли ты, Катенька?

Она странно поглядѣла на меня. Какъ будто поняла мою тайную, задушевную мысль, и сказала какимъ-то кроткимъ, успокоивающимъ душу, голосомъ:

— Да, благодарю мою судьбу; я не желаю лучшаго счастья...

— Прощайте же; мнѣ не тяжело съ вами разставаться, если только вы счастливы!.. сказалъ я, недовѣрчиво взглянувъ на ея угрюмаго, вѣчно молчаливаго, мужа.

— Прощайте; дай Богъ и вамъ счастья.

— Мнѣ? — Я задумался...

Меня посадили въ коляску; рядомъ со мною сѣлъ отецъ мой. — Лошади тронулись.

—

Еще разъ прощай, мое дѣтство! Кто знаетъ, не изъ твоего-ли міра вынесъ я многое, многое, чѣмъ я теперь счастливъ, и — чѣмъ несчастливъ...

Вѣдь вы знаете, что я теперь...

—

На этомъ словѣ оканчивается рукопись молодаго человѣка.

А. Пальмъ.

КАПРИЦІОЗО.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Морскіе офицеры, а между другими и съ фрегата Санта-Фè, бѣгали по набережной, искали лодокъ; но шлюбка, на пути своемъ, увела однѣ, иныя посадила на мель, у другихъ сняли весла и рули; благодаря предосторожности донъ Гравіеля, фрегатъ, которому подавали съ берегу ночные сигналы, не могъ послать ни одного челнока.

Пока губернаторъ и вся свита его были, такъ сказать, пригвождены къ берегу, лодка соединилась съ шлюбкою въ сборномъ мѣстѣ.

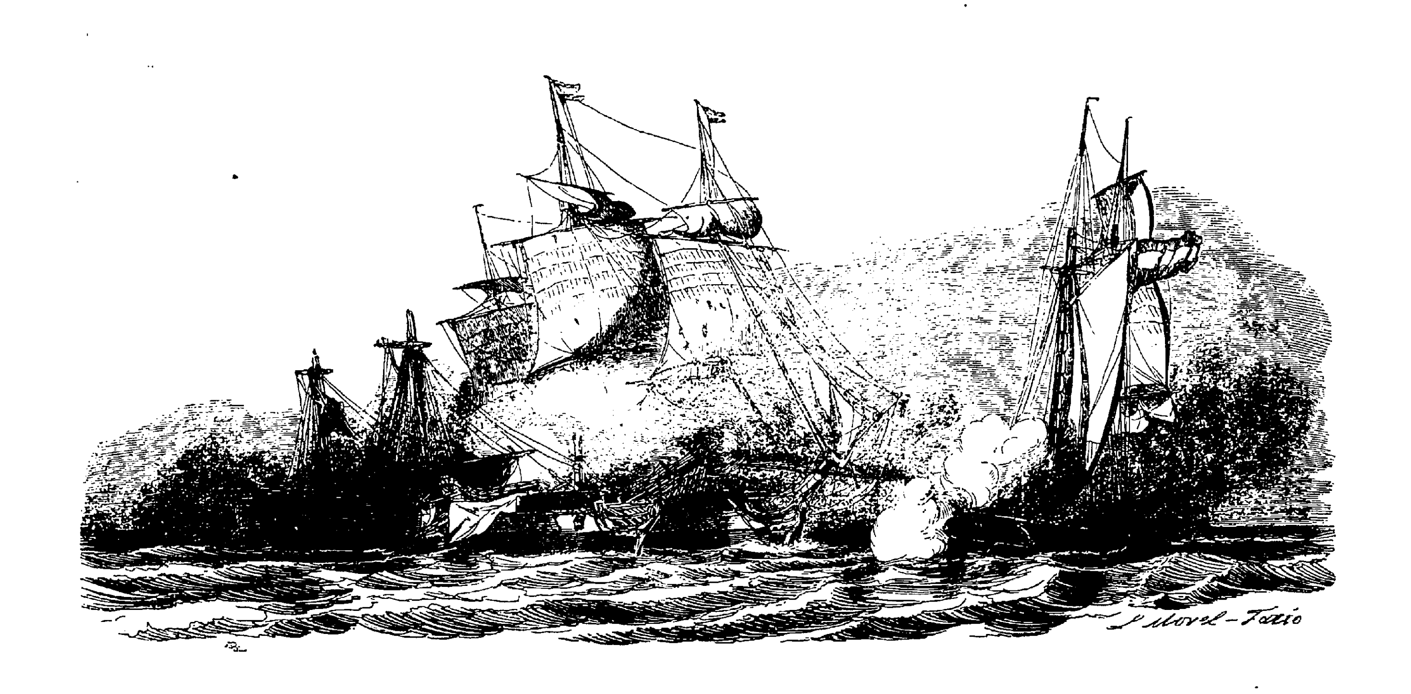
Должно отдать справедливость предпріимчивому Альферецу, что планъ его былъ искусно обдуманъ; противъ обыкновенія, любовь не изгнала осторожности, хотя Бримболліо ворчалъ и не раздѣлялъ нашего мнѣнія.

Испуганная донья Хуана еще не могла узнать своего дерзкаго обожателя. Усмирять ее онъ предоставилъ штурману; изъ шелковой мантильи дѣвушки вѣжливо сдѣлали завязку на ротъ; донъ Гравіель дозволилъ это вовсе не рыцарское средство. Впрочемъ, онъ правилъ рулемъ и открывалъ ротъ только тогда, когда нужно было передать Фернанду пароль, и тогда даже онъ, изъ осторожности, измѣнялъ голосъ. Въ тишинѣ совершенной оба судна плыли вмѣстѣ; пловцы осмотрѣли пистолеты, и такимъ образомъ приближались, въ молчаньи, къ брику Каприціозо, съ наружнымъ видомъ котораго мы уже знакомы; но здѣсь необходимы еще нѣкоторыя подробности.

Каприціозо не былъ военнымъ судномъ; на немъ была длинная 24 фунтовая пушка; поперегъ судна, въ красной чертѣ, выказывались отверзтія 10-ти чугунныхъ пушекъ меньшаго калибра; кромѣ того, множество фалконетовъ и мушкетоновъ большаго и меньшаго размѣра; всѣ эти орудія были вычищены на-свѣтло и блестѣли самымъ привлекательнымъ образомъ.

Каприціозо не былъ также и торговымъ судномъ, но онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богатѣйшими гаванскими купцами, доставлялъ богатые грузы негровъ, которые, какъ сказывали, приходились ему не дорого. Увѣряли, что донъ Антоніо Барзонъ имѣлъ отеческое попеченіе объ операціяхъ брига, коего экипажъ состоялъ изъ сорока молодцовъ съ звѣрскими лицами. Нѣкто Бертуцци, командиръ, пользовавшійся въ колоніи довольно дурною репутаціею, при всемъ томъ былъ весьма хорошо принятъ у губернатора.

— «Что за шлюбка!» крикнулъ громкимъ голосомъ Бертуцци.



— «Офицерскій рунтъ!» отвѣчалъ по военному Фернандо, плывя вдоль брига, освѣщеннаго съ конца въ конецъ, потому что и у негровъ праздновали канунъ Рождества. Они пили, плясали, ревѣли и хохотали всѣ вдругъ. Тафія лилась рѣкою, и корабельный поэтъ — гдѣ ихъ нѣтъ — импровизировалъ пѣсню на взятіе нѣсколькихъ нагруженныхъ неграми судовъ, которыя, снявъ грузъ, сожгли.

Отвѣтъ гардемарина успокоилъ Бертуцци, и онъ опять растянулся на палубѣ; онъ курилъ сигару и ждалъ, чтобъ у экипажа дошло до ножей, для того, чтобъ прекратить праздникъ и послать ихъ по койкамъ; но едва успѣлъ онъ затянуться раза три табачнымъ дымомъ, какъ вдругъ на палубу вскочило 50 бѣглецовъ съ Санта-Фè, и самъ онъ лично схваченъ былъ четырьмя молодцами; аттакой управлялъ флегматикъ Фернандо.

— Капитанъ Бертуцци, не сердитесь пожалуста, сказалъ медленно гардемаринъ; видите этотъ пистолетъ? Если станете кобяниться, я выстрѣлю прямо вамъ въ голову.

Попавшись въ тотъ же силокъ, въ который такъ часто ловилъ своихъ собратій, негро-торговецъ — корсаръ былъ связанъ и опущенъ въ шлюбку; не нужно бы и говорить, что гости съ фрегата экипажу брига не дали времени схватиться за оружіе. Доказательства ихъ, столь же простыя, какъ и у Фернанда, были столь же и убѣдительны. Между тѣмъ, по распоряженію донъ Гравіеля, Хуану, которая теперь заливалась слезами, заперли въ каюту капитана; наконецъ, когда половину негровъ положили, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, рядомъ съ капитаномъ Бертуцци, мичманъ, снявъ матросскій плащъ, явился въ мундирѣ, и обратился къ прочимъ съ слѣдующими словами:

— Экипажъ Каприціозо! Мы многочисленнѣе и сильнѣе васъ; первый изъ васъ, кто окажетъ неудовольствіе, будетъ брошенъ за бортъ; къ ногамъ привяжу ядро; будьте смирны и кротки, какъ овечки. Во-вторыхъ, кто изъ васъ вздумаетъ прикоснуться къ оружію, безъ моего позволенія, имѣетъ право быть тотчасъ повѣшенъ на большой реѣ; впрочемъ, вы крейсировали съ Бертуцци, теперь будете крейсировать со мною; вотъ и вся разница. *Къ парусамъ!*

— Хорошо сказано! говорилъ про себя Бримболліо, распредѣляя людей, чтобы сняться съ якоря.

Въ шлюбку набросали людей, отъ которыхъ похитители сочли нужнымъ избавиться, и пустили ее по теченію безъ веселъ. Снялись съ якоря, распустили паруса и пошли ко входу въ гавань.

Между тѣмъ въ городѣ суматоха усиливалась; били сборъ; гарнизонъ сталъ подъ ружье; губернаторъ, наконецъ, досталъ гдѣ-то лодокъ; офицеры морскіе и сухопутные собрались; форты готовились къ защитѣ; раздавались сигнальные пушечные выстрѣлы на обоихъ берегахъ гавани.

— «Проклятая дѣвка! ворчалъ Бримболліо; безъ нее никто-бы и не догадался; мы бы уже сдѣлали нѣсколько узловъ въ открытомъ морѣ, а тамъ ищи насъ.

— Не говори мнѣ о бабахъ! отвѣчалъ флегматически Фернандо Рибаллоза.

Донъ Гравіель былъ слишкомъ занятъ дѣломъ, чтобъ сойти въ каюту, гдѣ продолжала рыдать несчастная Хуанита, не понимая дотолѣ, что съ ней сдѣлалось. Свиданіе было дѣло затруднительное; оно требовало спокойствія, хладнокровія и, въ особенности, времени. Съ другой стороны вѣтеръ съ берега утихалъ. Пушки фрегата загремѣли въ свою очередь, что означало, что командиръ возвратился; положеніе брига становилось затруднительно.

— Жаль, если такъ хорошо начатое дѣло не удастся, сказалъ про себѣ мичманъ.

Слова эти подслышалъ Бримболліо, и сказалъ : — Да, насъ непремѣнно вздернутъ на крюкъ.

— Какъ рыбку на удочку, прикинулъ гардемаринъ.

— Весла на воду, голубчики! скомандовалъ донъ Гравіель, и если хотите быть цѣлы, гребите, ребятушки, живѣе!

Бригъ скользилъ по гладкому морю, съ помощію длинныхъ веселъ.

Фернандо, не теряя времени, велѣлъ зарядить двойнымъ зарядомъ, ядромъ и картечью всю артиллерію брига. Прежній экипажъ, видя, что его не трогаютъ, принялся охотно за дѣло.

Однако же амбразуры форта Марро, подъ которымъ надобно было непремѣнно проходить, мало по-малу, освѣщались. Пушкари готовили свои орудія; на стѣнахъ форта Пунта, равномѣрно защищающаго входъ въ гавань, также показались солдаты. Фрегатъ Санта-фе приходилъ въ движеніе; бѣглецамъ послышался звукъ трубы, сзывающей экипажъ по мѣстамъ; вскорѣ за тѣмъ фрегатъ поднялъ паруса; всѣ легкія суда порта, канонерскія шлюбки, гоелетты и другія отправились въ путь. Морская команда раздавалась съ одного края порта до другаго, и что всего прискорбнѣе, съ каждою минутою явственнѣе слышенъ былъ шумъ веселъ гребной флотиліи, которая со всѣхъ сторонъ приближалась къ бригу.

— Бабы, дѣвки, юбки и мантильи! пять сотъ тысячь демоновъ побери тебя. — Проклятое бабье племя, гибель мужчинъ, провались ты сквозь землю! повторялъ за каждымъ ударомъ весла мастеръ Бримболліо; онъ подавалъ собою примѣръ гребцамъ; проклиналъ бабъ, но въ то же время поощрялъ товарищей. — Гребите телята, смѣлѣе-живѣе, тысячу чертей; чуръ не дремать! — Вотъ дьявольская канонерская шлюбка хочетъ намъ въ глаза заглянуть!

Фернандо, съ ночною зрительною трубою въ рукахъ, осматривалъ поле дѣйствій, и отъ времени до времени раздавалъ приказанія. Главное орудіе онъ направлялъ на ближайшую канонерскую шлюбку.

III.

— Пятьдесятъ бѣглецовъ съ фрегата, двадцать человѣкъ экипажа Каприціозо, штурманъ Бримболліо, гардемаринъ Фернандо Риболлоза — лейтенантъ и мичманъ донъ Гравіель Бадахосъ — капитанъ, всего 73 человѣка, и кромѣ того негръ-поваръ и нѣсколько юнговъ, вотъ весь экипажъ брига-гоелетты, противъ котораго губернаторъ Гаваны вооружилъ всѣ свои сухопутныя и морскія силы. Мы не считаемъ донны Хуаниты де ласъ Эсмадурасъ, которую заперли въ капитанской каютѣ; она каждую минуту трепетала, плакала, со страхомъ ожидала судьбы своей.

Между тѣмъ канонерская шлюбка, противъ которой Фернандо вооружался, пересѣкала путь Каприціозо.

— Капитанъ, стрѣлять-ли? спросилъ Фернандо.

— Сохрани тебя Господи! отвѣчалъ донъ Гравіель; если дѣло дойдетъ до того, чего Боже оборони, то, по крайней мѣрѣ, пусть начнутъ они.

— Рѣшено, ему хочется видѣть насъ съ петлей на шеѣ, вмѣсто галстука! Какъ бы легко добрымъ зарядомъ картечи очистить палубу этой чертовой шлюбки.

Думая о будущемъ, мичману очень не хотѣлось вступать въ сраженіе съ земляками; но канонерская шлюбка приближалась къ бригу, и стала прижимать его къ берегу; уже слышны были голоса капитана Бертуцци и дона Барзона; оба были во всемъ пылу ярости; одинъ преслѣдовалъ свое судно, а другой — дочь. Перваго нашли въ шлюбкѣ и развязали, что доставило ему возможность кричать въ волю, и онъ во зло употреблялъ эту свободу. Другой кричалъ не меньше, бросился въ шлюбку съ своею гвардіею и адъютантами. Всѣ, сброшенные съ Каприціозо матросы, были тутъ же, они горѣли желаніемъ отмстить, и изо всей мочи налегали на весла.

— Мерзавецъ Бадахосъ! ревѣлъ губернаторъ, онъ уже узналъ обо всемъ. — Воръ, разбойникъ! ты дорого заплатишь за дерзость! Отдай мнѣ дочь, извергъ! я тебя только повѣшу! Если жъ нѣтъ, то клянусь...

Эта брань, эти угрозы, возвратили донъ Гравіелю все хладнокровіе.

— Высокомощный господинъ, отвѣчалъ онъ въ рупоръ; благодарю васъ и предваряю, что дочь ваша на палубѣ, и если вы станете стрѣлять, то она подвергнется той-же опасности, какъ и всѣ мы.

— Товарищи! кричалъ Бертуцци тѣмъ изъ своихъ людей, которые находились еще на Каприціозо; ради васъ мы не стрѣляемъ, но помогите намъ и вы...

— Гей, Бримболліо! прервалъ Донъ Гравіель, если изъ прежняго экипажа брига кто либо не станетъ грести изо всѣхъ силъ, то для перваго побужденія размозжить ему голову!

— Будьте покойны, капитанъ? Это разумѣется само собою; мы вооружены, а они нѣтъ — слышите, ребята?

Бой ограничивался состязаніемъ на словахъ и на веслахъ. Форты ожидали, чтобъ губернаторъ началъ огонь; губернаторъ не смѣлъ открыть пальбу по судну, на которомъ находилась его дочь. Бертуцци также опасался изъяну для любезнаго своего брига, который надѣялся взять на абордажъ. Онъ не сомнѣвался въ помощи людей своихъ, которыхъ Гравіель и Бримболліо увѣщевали грести такимъ убѣдительнымъ образомъ. Мичманъ, какъ сказано выше, также не хотѣлъ стрѣлять по землякамъ; отецъ Хуаны былъ на канонерской шлюбкѣ, еще поводъ не употреблять насильственныхъ мѣръ.

Бертуцци держитъ руль канонерской шлюбки, а на бригѣ донъ Гравіель. Бригъ скользитъ между мелей и стѣнъ Моро съ изумительнымъ искуствомъ, избѣгая, сколько возможно, абордажа; но прежній капитанъ Каприціозо увѣренъ, что чрезъ три минуты съ нимъ сцѣпится, если какой-нибудь случай не собьетъ искуснаго направленія, даннаго канонерской шлюбкѣ. Донъ Гравіель и товарищи ясно видятъ это; гардемаринъ играетъ съ фитилемъ. Штурманъ подымаетъ топоръ и ругается; бѣглецы налегаютъ на весла и перебрасываютъ ихъ какъ перышки.

— «Фернандо, Фернандо! ко мнѣ, вскричалъ вдругъ Альферецъ, — скорѣе!

Гардемаринъ повиновался; молодой капитанъ говоритъ ему на ухо :

— «Надобно однимъ выстрѣломъ сбить имъ всѣ весла; смотри, ни кого не ранить; у меня свои причины; я отвѣчаю за остальное.

— Хорошо, — я охотнѣе пустилъ бы ихъ сразу ко дну, — но ты такъ хочешь? гляди!

Лейтенантъ возвратился на свое мѣсто и навелъ 24 фунтовую пушку.

— Готовъ-ли? спросилъ Альферецъ.

— Готово! отвѣчалъ Фернандо.

Канонерская шлюбка имѣла тогда косвенное положеніе и была такъ близко, что переднія весла почти скрещались съ веслами Каприціозо.

— Пали! скомандовалъ мичманъ.

Громкій выстрѣлъ покрылъ всякой другой шумъ на рейдѣ. Фернандо сдѣлалъ чудо; онъ срѣзалъ всѣ весла съ одной стороны канонерской шлюбки, которая повернулась на своей оси, какъ птица, у которой на лету оторвано крыло. Донъ Гравіель воспользовался этимъ движеніемъ; узкій промежутокъ оставался свободнымъ; прежде нежели Бертуцци успѣлъ распорядиться, Каприціозо ушелъ довольно далеко; но его окружали новыя опасности. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали двадцать другихъ: форты отвѣчали на огонь 24-фунтовой пушки.

— Они убьютъ бѣдную дочь мою! кричалъ донъ Барзонъ, который, при всей суровости своей, нѣжно любилъ Хуану.

— Боже мой! они пустятъ ко дну мое судно, говорилъ съ горестію капитанъ Бертуцци!.. а намъ мѣшаютъ преслѣдовать непріятеля. Если бы можно было пойти на абордажъ, то бѣдной Каприціозо достался бы мнѣ безъ порчи.

По странному стеченію обстоятельствъ, оба злѣйшіе враги донъ Гравіеля страстно желали, чтобъ артиллерія не достигала своей цѣли; однако же ядра какъ градъ сыпались вокругъ легкаго судна, разбили нѣсколько веселъ, срѣзали рей мачтъ и пробили большую часть парусовъ; къ счастію, не задѣли ни корпуса, ни мачтъ; при входѣ въ портъ, Каприціозо почувствовалъ вѣтеръ; канонерская шлюбка осталась далеко назади, и какъ вѣтеръ свѣжѣлъ, то вскорѣ бригъ былъ внѣ выстрѣловъ фортовъ.

— Больше счастья, чѣмъ умѣнья, сказалъ штурманъ; онъ не переставалъ ворчать и бранить всѣхъ женщинъ вообще, и дону Хуану въ особенности.

Фернандо велѣлъ вычистить и вновь зарядить свою 24 фунтовую пушку, а самъ подошелъ къ донъ Гравіелю; тотъ сдалъ ему поспѣшно команду и отправился наконецъ въ каюту.

На кораблѣ нашли большіе ящики съ королевскими сигарами; Бримболліо не погнушался ими. Методическій гардемаринъ взялъ регалію, зажегъ по всѣмъ правиламъ искусства; потомъ занялся исправленіемъ парусовъ, починкою поврежденій и вообще распредѣленіемъ занятій; велѣлъ принести себѣ грогу; повару приказалъ раздать порцію экипажу и навелъ трубу на входъ въ портъ, который былъ еще видѣнъ. Первые лучи солнца освѣщали бастіоны грознаго Морро, теперь предметъ насмѣшекъ; тѣ же лучи, но они отражались на другомъ и весьма страшномъ предметѣ: на всѣхъ парусахъ фрегата Санта-фе; опасность возрастала, потому что

вѣтеръ съ берега постепенно усиливался; море начинало играть. Фернандо покачалъ головою, прикашливая.

Не отворяя еще дверей каюты, донъ Гравіель поправилъ безпорядокъ своего туалета, пригладилъ волосы и широкій воротникъ рубашки; воткнулъ крѣпче за поясъ пистолеты, покрутилъ усы, произнесъ два, три проклятія, чтобъ возбудить въ себѣ мужество, и вошелъ.

Мы не станемъ, по примѣру предшественниковъ нашихъ, описывать каюту капитана, настоящій морской будуаръ. Извѣстно, впрочемъ, что отдѣлка комнаты корсара стоитъ ему всегда дешево, и потому всегда великолѣпна. Шелкъ, да золото, индѣйскіе ковры, драгоцѣнное дерево, сафиры, изумруды— дворецъ Тысячи и одной ночи въ дагерротипѣ. Вотъ каюта корсара.

Донья Хуана сидѣла на богатомъ диванѣ и держала въ рукѣ красивую севильскую навахилью; клинокъ полированной стали, ручка черепаховая съ насѣчкою изъ серебра и слоновой кости. На скрыпъ дверей она поднялась, побѣжала въ уголъ, и гордая, какъ Кастиліянка, приготовилась защищать жизнь и честь свою.

— Брависсимо, сеньорита, сказалъ донъ Гравіель,—мнѣ нравится это воинственное положеніе. — Но прежде дозвольте преданному рабу вашему извиниться въ своей дерзости. Согласитесь только, что я съ точностію сдержалъ слово.

— Еще шагъ и кавалеръ...

— Скажите: капитанъ, прошу васъ, прервалъ Альферецъ, который все подавался впередъ; я капитанъ корсаровъ, какъ поклялся, сегодня, въ день Рожества.»

Донъ Гравіель открылъ занавѣски окошка; лучи солнца проникнули въ каюту.

— Вы видите, обожаемая царица моя, что комната ваша не дурна. У васъ будетъ все, и сверхъ того любовь моя.

— Молчи, дерзкій разбойникъ! отвѣчала трепещущая дѣвушка; во всю жизнь не прощу твоего злодѣйскаго поступка.

— Клянусь честью корсара, вы столь же достойны обожанія, сколько я васъ обожаю; гнѣвъ вашъ ослѣпителенъ, и ни за что въ свѣтѣ я не хотѣлъ бы его лишиться. Я зналъ ваши капризы, Хуанита, но съ *навахою* въ рукахъ—это для меня новость, новость весьма интересная! Если бъ даже была у васъ соперница въ моемъ сердцѣ, она была бы тотчасъ забыта. Гнѣвные глаза ваши сіяютъ чуднымъ блескомъ; дозвольте мнѣ побольше разсмотрѣть этотъ прелестный cuchillito.

Говоря такимъ образомъ, донъ Гравіель сталъ на колѣни передъ дѣвушкою, схвативъ прежде осторожно руку, въ которой блисталъ дорогой кинжалъ, такъ, что Хуана не могла имъ дѣйствовать; тогда полушутливымъ голосомъ, который онъ привыкъ принимать, когда объяснялся съ дѣвушками, донъ Гравіель сказалъ:

—Въ надеждѣ вамъ понравиться, исполнить одинъ изъ вашихъ капризовъ, жизнь моя, я рискую быть повѣшеннымъ; но если вамъ пріятно зарѣзать меня, то, пожалуста, не останавливайтесь! мнѣ пріятно умереть отъ руки той...

— Такъ пустите же меня! прервала Хуана, доведенная до крайности.

— Тише, ангелъ мой, продолжалъ донъ Гравіель; мнѣ нужно прежде кончить рѣчь, единственно въ видахъ вашей пользы. Знайте же, что послѣ меня, тамъ наверху, вы не найдете защитниковъ. Фернандо, лейтенантъ мой, не очень вѣжливъ; Бримболліо, который былъ съ вами на яликѣ, бандитъ весьма суровый, а все-таки эти оба цвѣтъ моихъ людей. Если вы дарите мнѣ жизнь, ангелъ словъ моихъ, то я удержу ихъ въ границахъ почтенія; они будутъ молчать передъ вами; но если вы рѣшили иначе, то послѣдствія не будутъ уже на моей отвѣтственности. Эти бездѣльники могли бы даже быть въ претензіи на васъ за смертъ мою? Будьте терпѣливы, владѣтельница моя; еще нѣсколько словъ въ оправданіе. Послушайте меня; я говорю серьозно: я не морской разбойникъ, а корсаръ—разница. Я освободилъ море отъ настоящаго пирата, овладѣвъ Каприціозо, который бралъ Испанцевъ, какъ и другихъ, съ тайнаго соизволенія почтеннаго батюшки вашего... Съ другой стороны, я васъ люблю, обожаю, хочу жениться на васъ; у меня не было ни мараведиса; меня бы постыдно выгнали изъ вашего дома, если бъ я, по несчастію, объявилъ притязанія мои; вы внушили мнѣ это намѣреніе; я вамъ повиновался въ точности; въ чемъ же я виновенъ? Чрезъ мѣсяцъ, подвиги мои обогатятъ меня, прославятъ, сдѣлаютъ страшнымъ; однимъ словомъ, достойнымъ васъ; и вы будете граціею, украшающею мою жизнь, если не хотите быть *паркою*, чтобъ пресѣчь нить ея.

По мѣрѣ того, какъ донъ Гравіель продолжалъ рѣчь, онъ все слабѣе сжималъ руку Хуаниты, которая дѣлалась все болѣе и болѣе внимательною; наконецъ, эта бѣлая, пухлая ручка безъ принужденія покоилась въ его рукѣ; дѣвушка ее не отнимала; смѣлый юноша прижалъ ее страстно къ устамъ. Хуана сѣла на диванъ.

— Вы клянетесь честью, сказала она, все забывая руку свою въ рукѣ юноши,-что ваши слова точная истина?

— Клянусь честью, любовью моею къ вамъ; я не знаю сильнѣе клятвъ.

— И вы обойдетесь со мною какъ честный человѣкъ?

— Хуана, убейте меня, но не обижайте!

Постучались у дверей; дѣвушка вложила наваxиллу въ ножны; донъ Гравіель сидѣлъ подлѣ нея на диванѣ.

— Капитанъ, сказалъ юнгъ, лейтенантъ велѣлъ вамъ сказать, что Санта-фе за нами гонится и настигаетъ.

— Милый другъ, сказалъ счастливый мичманъ, молите Бога, чтобъ онъ насъ не догналъ; я ищу Англичанъ, а не Испанцевъ.

IV.

Море сильно колебалось и препятствовало плаванію легкаго брига болѣе нежели большаго фрегата; но донъ Гравіель не казался ни минуты безпокойнымъ; онъ перемѣнилъ путь, чтобъ сблизиться съ скалами, окаймляющими сѣверный берегъ Кубы между гаванью, мысомъ Св. Антоніо. Отмель, на коей онъ плавалъ съ невѣроятною довѣренностію, служила ему защитою противъ фрегата, экипажъ коего былъ уже пополненъ. Капитанъ Бертуцци и люди его брига получили отъ губернатора дозволеніе перейти на фрегатъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, обогнули мысъ Св. Антоніо; Санта-фе еще былъ видѣнъ на горизонтѣ. Донъ Гравіель испытывалъ разные ходы, и направилъ путь къ Сосновымъ-Островамъ; но тутъ увидалъ большой корабль.

Корсары внимательно разсматривали его.

— Англійскій фрегатъ, сказалъ, прикашливая Фернандо.

Не сбиваясь съ пути, а только замедляя ходъ, бригъ шелъ между двумя фрегатами, и держался такъ, чтобъ они могли другъ друга увидѣть. Англичане убѣдились, что бригъ, преслѣдуемый испанскимъ судномъ, былъ англійскій. Гравіель утвердилъ ихъ въ этомъ мнѣніи, сдѣлавъ поворотъ, какъ будто бы для того, чтобъ содѣйствовать огню ихъ, и также пошелъ на Санта-фе, которая пустилась на уходъ, но слишкомъ поздно; на высотѣ мыса Св. Антоніо Англичане начали дѣло.

Дона Хуана, уважаемая на бригѣ, какъ будто бы была женою капитана, стояла подлѣ донъ Гравіеля.

— Ради Бога! капитанъ, сказалъ Бримболліо, подойдя, скажите мнѣ, что мы здѣсь дѣлаемъ? Пусть ихъ дерутся, какъ знаютъ, а мы на уходъ...

—Кто спрашивалъ у тебя совѣта, болтунъ, отвѣчалъ сухо Гравіель; ты съ самаго начала предвѣщаешь несчастіе. Надоѣлъ ты мнѣ съ своими замѣчаніями. Бей тревогу! прикрикнулъ онъ.

Фернандо, не спрашивая объясненій, отправился къ своей пушкѣ; штурманъ долженъ былъ раздать всѣмъ корсарамъ оружіе и порохъ.

— Вы видите, идолъ моего сердца, что я не останавливаюсь, сказалъ тогда донъ Гравіель; когда бой порядочно разгорится, я спущу англійскій флагъ и подыму благородное кастильское знамя; тогда вы тотчасъ сойдете внизъ, прошу васъ.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ остаться подлѣ васъ.

Подумавъ минуту, донъ Гравіель кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Хорошо, мой ангелъ, прощаете ли бѣдному Альферецу, что онъ взялъ васъ абордажемъ, или забыли вы слово, сказанное на балѣ: *можетъ быть?*

Дона Хуана вспыхнула, но не могла однако не улыбнуться.

Оба фрегата тогда сблизились бортъ къ борту, а бригъ за ними въ разстояніи ружейнаго выстрѣла.

— Канонеры, скомандовалъ капитанъ, не ошибаться; стрѣлять по Англичанамъ. Ура! Испанія, спусти англійскій флагъ, подыми нашъ! пали!

Выстрѣлы ядрами и картечью Каприціозо смяли вдоль палубы батарею англійскаго фрегата, коего руль разбитъ былъ въ дребезги выстрѣломъ пушки Фернандо. Когда дымъ разсѣялся, донъ Гравіель увидѣлъ, что старый командиръ его, капитанъ фрегата Санта-фе, дѣлаетъ ему рукою знакъ благодарности; но подлѣ стараго офицера, стоялъ капитанъ Бертуцци въ бѣшенствѣ, что былъ такъ близокъ къ любезному бригу своему и не могъ овладѣть имъ. Пиратъ скрежеталъ зубами, онъ посинѣлъ отъ злости, вышелъ изъ себя и прицѣлился въ донъ Гравіеля изъ огромнаго мавританскаго мушкетона; Дона Хуана замѣтила это, вскрикнула и упала въ обморокъ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

МЮНХЕНЪ.

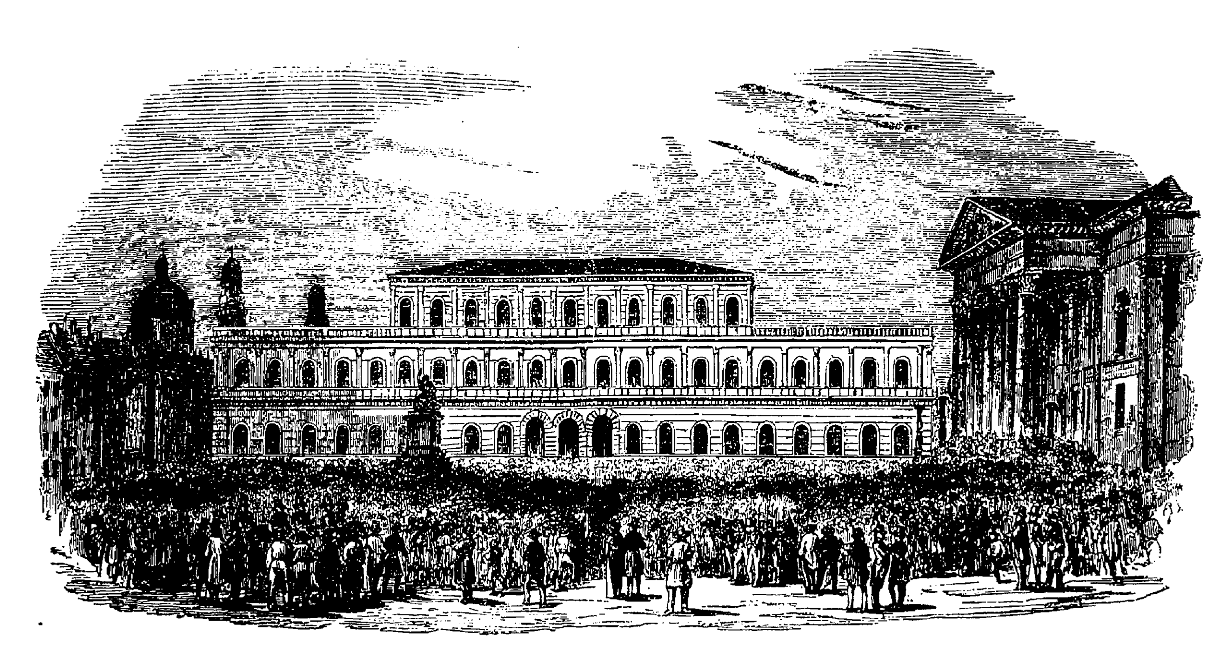
......Нѣтъ, никогда! Какъ вамъ угодно, я жилецъ всего міра; я родился для того, чтобы жить вездѣ и нигдѣ; для меня климатъ Ниццы также нездоровъ, какъ и топи... если я живу тамъ два мѣсяца сряду, но если бы мнѣ уже противною судьбою пришлось осѣсть гдѣ нибудь на постоянное жительство, я весьма бы затруднился, но не остался бы въ Германіи...

— Это почему? спросилъ у меня веселый спутникъ, опуская окно въ дилижансѣ. «Значитъ, вы не были въ Мюнхенѣ?...

— Сейчасъ буду, и черезъ три дня уѣду...

Весельчакъ захохоталъ и сказалъ: посмотримъ.

Мы пріѣхали въ Мюнхенъ. Я такъ много наслышался и начитался объ этихъ нѣмецкихъ Аѳинахъ, что, проѣзжая по широкимъ красивымъ улицамъ, я и не замѣтилъ, какъ спутникъ пристально слѣдовалъ за всѣми движеніями моего лица. Когда мы вышли у гостинницы, «До свиданія!» сказалъ онъ. Первымъ впечатлѣніемъ вы, кажется, довольны.» Привыкнувъ не судить опрометчиво, я кивнулъ головой и пошелъ въ гостинницу. Гостинница, какъ и всѣ гостинницы. Не люблю ни говорить, ни вспоминать о томъ, что ѣлъ. Дурное возбуждаетъ непріятное воспоминаніе, хорошее—апетитъ къ тому, чего нѣтъ... И такъ, утромъ я былъ уже на главной площади, передъ новымъ дворцемъ или резиденціей... «Ба!» сказалъ я почти громко. «Да это Палаццо Питти! Когда его перенесли сюда изъ Флоренціи?...» Хорошо, что я такъ неловко проговорился на языкѣ вовсе неизвѣстномъ для окружавшей меня публики. Народу было видимо-невидимо. Не всегда мы расположены къ многолюдству. Мнѣ показалось, что они всѣ собрались сюда нарочно, чтобы заслонить для глазъ моихъ ноги дворца, помѣшать моей любознательности, и я не спросилъ ихъ даже, зачѣмъ пожаловали; я повернулъ къ театру, посмотрѣлъ на портикъ и еще разъ проговорился: «Боже мой! сказалъ я, безъ колоннъ вамъ не удастся построить и сарая... Я ушелъ. Въ одинъ день я познакомился съ наружностью города и, признаюсь, она мнѣ понравилась. Къ особенному удовольствію я нашелъ много разнообразія, даже много вкуса и величія. Старый дворецъ, дворецъ Максимиліана, домъ совѣта, церкви Св. Стефана, Михаила, Богородицы и Ѳеатинская, университетъ, академія наукъ, глиптотека, пинакотека и вообще всѣ публичныя зданія... Хоть и не греческія Аѳины, но германскими Мюнхенъ смѣло названъ быть можетъ. Я воротился на главную площадь; народа уже не было; въ совершенную противуположность съ утромъ, на площади было такъ пусто, что мнѣ стало грустно. Впослѣдствіи я замѣтилъ, что во всемъ Мюнхенѣ мало движенія, — наружнаго; тутъ нѣтъ уличной толкотни; всѣ дома; всѣ за дѣломъ; всѣ прядутъ нитки для безмѣрной ткани; на этой ткани пишется картина, которая доставитъ безсмертіе своему вѣнценосному художнику и славу Германіи... Картина эта — Мюнхенъ; она почти окончена. Грусть моя скоро разсѣялась. Я заглушилъ ее, глядя намонументъ покойному королю, работы Рауха и Штигльмайера, потому что сколько хорошо сочинена эта колоссальная статуя Раухомъ, столь-же хорошо отлита Штигльмайеромъ. Пишу это слишкомъ двѣ недѣли спустя послѣ пріѣзда, когда уже я нашелъ *для себя* разгадку нѣкоторыхъ явственныхъ подражаній, хотя и прекрасному, по уже всѣмъ извѣстному. Первый день моихъ мюнхенскихъ похожденій я началъ и кончилъ на этой площади. Повернулъ я какъ-то ловко, какъ-то задумался неловко, и попалъ въ пивную лавочку или погребокъ. Табачный дымъ испугалъ меня; хотѣлъ было назадъ, но зрѣлище увлекло меня. Я замѣтилъ въ туманѣ много головъ, много кружекъ, но тишина меня поразила. Всѣ размышляли, или разговаривали весьма тихо. Я пошелъ впередъ.



(Площадь передъ новымъ дворцемъ въ Мюнхенѣ).

Нашелъ пустой столикъ и стулъ, потребовалъ пива и усѣлся. Не сердитесь, что я зашелъ въ кабачекъ. Я не скучалъ; мои собесѣдники — были мастеровые разныхъ художествъ и фабрикъ... Объ одеждѣ говорить не буду... но жалѣю, что во всей простотѣ не могу передать всего мною слышаннаго.

Успѣхъ націи, на каковъ бы то ни было поприщѣ, зависитъ отъ мысли, предначертавшей цѣль, и отъ усердія и сочувствія исполнителей. Мюнхенъ живетъ для мысли, указавшей ему завидное и почетное назначеніе. Смѣшно слушать, какъ мастеръ, надувающій стекло на своей фабрикѣ, въ пивной лавочкѣ разсуждаетъ о колоритѣ Шнорра; какъ перчаточникъ дѣлаетъ замѣчанія на сочиненіе въ картинахъ Гесса. Не ихъ дѣло, скажете вы. О, извините; это лучшіе судьи, и я, слушая ихъ, скорѣе соглашался съ ними, чѣмъ со всѣмъ тѣмъ, что напечатано о нѣмецкой нынѣшней школѣ. Но какова бы ни была эта школа, она есть. Ее зародила высокая воля, ее осуществило участіе народа. Въ этой школѣ много достоинствъ, которыя несправедливо повергнуты въ прахъ одними, несправедливо возвеличены до nec plus ultra другими. Мастеровые, по моему мнѣнію, были одни справедливы и сердились именно за то, зачѣмъ эта школа непремѣнно, во что-бы ни стало, старается быть школою; то есть, сердились за исключительность и единообразіе направленія; за условность принятыхъ законовъ, отъ которыхъ отступать почиталось художническимъ преступленіемъ. — Какъ бы то ни было, чувствуя, ощущая, что въ этихъ простыхъ словахъ должно скрываться много правды, я, однако же, въ этотъ вечеръ не могъ сдѣлать никакой повѣрки, потому что съ героями новыхъ Аѳинъ я былъ знакомъ по наслышкѣ. Съ нѣкоторыми я встрѣчался въ Италіи; но тамъ трудно было судить о томъ, что изъ нихъ выйдетъ. — Натурально, что на другой день я отыскалъ одного изъ моихъ римскихъ знакомцевъ — и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ мнѣ показать сокровища, которыми гордился, какъ Германецъ и какъ соучастникъ. Это исключительная принадлежность мюнхенскихъ художниковъ, которымъ въ другихъ народахъ мало найдете подражателей. Другіе обыкновенно любятъ показывать только свое, и если вы въ ихъ мастерской нечаянно обнаружите желаніе посмотрѣть произведенія сосѣда, можете быть увѣрены, что хозяинъ надуется.

— Съ чего начать? говорилъ мой чичероне, выходя со мной на улицу... Разумѣется, съ площади...

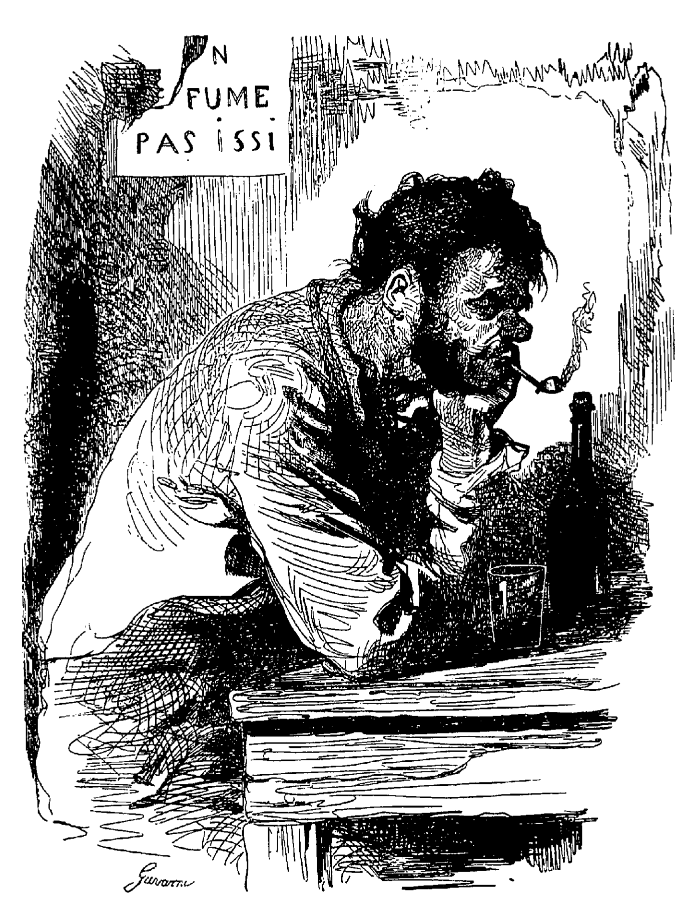
— Я уже былъ тамъ.

— Ничего, не мѣшаетъ намъ осмотрѣть внутренность резиденціи...

И черезъ нѣсколько минутъ, мы весьма спокойно и безостановочно подымались по лѣстницѣ палаццо Питти, какъ я называлъ резиденцію... Я еще разъ взглянулъ на площадь; она была также пуста, какъ и вчера, но наводила уже на меня не грусть, а чувство благоговѣнія, какъ къ центру новой столицы новѣйшихъ художествъ; этотъ титулъ напрасно присвоиваетъ себѣ Парижъ. Художества тамъ растутъ, здѣсь процвѣтаютъ. Тамъ ими занимаются между прочимъ, какъ горшечными цвѣтами въ комнатахъ; здѣсь садъ, изъ котораго разводятъ цвѣты по всей Германіи. Не спорю, Дюссельдорфъ, и даже Берлинъ, имѣютъ свое художественное достоинство; но это дѣти Мюнхена, подростки, которые хотятъ уже соперничествовать даже съ отцемъ. Это соперничество благодѣтельно и принесло прекрасные плоды въ *частности*, потому что въ *общемъ* — можно много сказать противу направленія германской школы. — Я нашелъ почти всѣхъ представителей ея въ Мюнхенѣ; мнѣ удалось на покоѣ пересмотрѣть не разъ ихъ произведенія — и потому-то прежде должно поговорить *въ частности* о каждомъ, по крайней мѣрѣ, изъ главнѣйшихъ дѣйствователей, и тогда уже *вообще* о школѣ... Начнемъ съ Корнеліуса.

М. Ѳ. К.

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).



Курильщикъ въ заведеніи.

Курильщикъ въ ресторации.

Курильщикъ въ Турціи.

Курильщикъ въ Испаніи.

О КАЛМЫЦКОМЪ ВѢРОУЧЕНІИ.

Мы заимствуемъ изъ губернскихъ вѣдомостей анекдоты и мелочи, а не обращаемъ вниманія на статьи ученыя, тогда какъ всякая въ этомъ родѣ попытка заслуживаетъ поощренія. Назначеніе губернскихъ вѣдомостей, по нашему мнѣнію, именно то, чтобы помѣщать описанія мѣстъ, народовъ, ихъ вѣрованія и обычаи въ каждой губерніи; въ астрах. губ. вѣд. мы нашли опытъ описанія калмыцкаго вѣроученія и съ признательностію помѣщаемъ пока въ Иллюстраціи; *пока* потому, что надѣемся помѣстить другую статью, намъ обѣщанную, съ рисунками.

Редакція.

Извѣстно, что Калмыки одного происхожденія съ Монголами, нѣкогда столь сильными и страшными. Они наводняли и громили міръ до крайнихъ его предѣловъ; извѣстно и то, что Монголы заимствовали свою религію отъ Тибета, такъ точно, какъ Тибетцы, въ свою очередь, получили ее изъ Индіи, гдѣ вѣроученіе будлистовъ появилось за 10 вѣковъ до Р. Х. Полагаютъ, что оно существовало и прежде, ибо *Шиге-муни* почитается не основателемъ его, а возстановителемъ.

Вѣроученіе Индійцевъ или Браминовъ распространилось по всей Азіи. Въ 367 году по Р. Х. вѣроученіе это проникло въ Тибетъ, потомъ въ Китай, а въ XII вѣкѣ отъ Тибетцовъ заняли его подвластныя Тибету племена кочующихъ Монголовъ, вмѣстѣ съ языкомъ, быть можетъ, потому, что собственнаго языка письменнаго до того времени у Монголовъ еще не было.

Въ 1269 году по Р. Х. тибетскій Лама *Покеба* изобрѣлъ нынѣшнія монгольскія буквы, объяснилъ и возстановилъ на монгольскомъ языкѣ правила Буддійской вѣры, и хотя съ тѣхъ поръ священное писаніе свое Монголы начали переводить на свой языкъ, однако же, языкомъ духовнымъ остался на всегда языкъ тибетскій.

Въ XVII столѣтіи нѣкоторыя племена Монголовъ, по причинѣ междоусобій, перешли на сѣверъ Сибири; здѣсь также несогласія были причиною, что племя, получившее свое названіе отъ родоначальника *Халимыка* (отъ чего произошло и названіе Калмыковъ), удалилось къ Западу, и перешедъ р. р. Эмбу и Уралъ, въ 1825 году, заняло безлюдныя степи между р. р. Дономъ, Кубанью, Кумою, Каспійскимъ-Моремъ и по обѣимъ сторонамъ Волги до Камышина.

Отдаленіе отъ Тибета, дикая бродячая жизнь и невѣжество произвели то, что калмыцкіе духовные утратили знанія и даже много духовныхъ книгъ; нынѣшнее калмыцкое духовенство имѣетъ самое ограниченное и бѣдное познаніе въ своей вѣрѣ, соблюдая только форму и механически заучивая нѣсколько тибетскихъ легендъ; не болѣе какъ одинъ изъ 10 духовныхъ лицъ, и то слабо, знаетъ языкъ калмыцкій письменный, въ то время, какъ въ Монголіяхъ Китайской и Россійской еще и нынѣ степень духовная дается не иначе, какъ по предварительному 3-хъ дневному строжайшему испытанію въ основныхъ знаніяхъ вѣры.

Замѣчательно, что испытуемаго въ главной молельнѣ, при собраніи всѣхъ гелюновъ, пугаютъ внезапными выстрѣлами изъ ружей, боемъ въ бубны, свистомъ въ раковины, крикомъ, и тогда только посвящаютъ въ слѣдующую степень, когда онъ съ бодростію духа выдержитъ всѣ эти испытанія.

Основаніе калмыцкаго вѣроученія заключается въ троичности, или, по-калмыцки, въ 3-хъ драгоцѣнностяхъ (*Гурбанъ-Эрдени*), т. е. *буддъ, писаніи и духовенствѣ*. Будда *(Бурханъ)* верховное существо, дѣйствующее въ пользу одушевленныхъ существъ, т. е., помогающее духу побороть матерію. Каждый Будда дѣйствуетъ 1000 лѣтъ, а со времени мірозданія по сіе время считается уже 4-й Будда.

Въ моленіяхъ они восклицаютъ. *Ом—мани—падъ—мехомъ!* Этотъ возгласъ, по толкованіямъ книгъ, содержитъ глубокую святость; ибо кто скажетъ его въ жизни своей 100 милліоновъ разъ, тотъ въ будущей жизни получитъ вѣчное блаженство. Метафорическія слова: «обращать колесо вѣры» — они превратили въ смыслъ буквальный, и вырѣзавъ на колесѣ молитву: Ом—мани—подъ—мехомъ, на языкахъ тибетскомъ и санскритскомъ, обращаютъ его на оси, посредствомъ веревки, сидя неподвижно. Но какъ недостаетъ времени безпрестанно обращать колесо, то Калмыки придѣлываютъ къ нему крылья, и поставленное внѣ кибитки на вѣтру, оно усердно вертится, т. е., молится, за недосугомъ своего хозяина. Сокращенно эта молитва называется *Мани*; ее пишутъ и на кускѣ холста, вывѣшиваютъ на палкѣ, тоже внѣ кибитки, для того, чтобы вѣтеръ приводилъ ее въ движеніе, съ тою же цѣлію, съ какою и на вѣтеръ ставится колесо. Четки употребляются для счета, сколько разъ произнесена молитва.

Соображая ученыя истолкованія оріенталистовъ, молитву Ом—мани—подъ—мехомъ, можно перевести такъ: сокровище буддійскаго совершенства заключается въ цвѣткѣ водяной лиліи (Ненюфоръ). И вотъ почему, въ древнее время, когда всесовершеннѣйшій Будда проповѣдывалъ ученіе свое въ рощѣ *Отма*, окруженный безчисленнымъ множествомъ духовенства и народа, въ то время изо лба учителя вышелъ 5-ти цвѣтный лучъ и устремился въ снѣжное царство. Смотря на этотъ лучъ, Будда улыбнулся, и на вопросъ *Бодисадвы* (старшаго ученика) о причинѣ улыбки, отвѣчалъ: «О юноша знаменитаго происхожденія! еще никто изъ бывшихъ прежде меня 3-хъ Буддъ не просвѣщалъ эту постигнутую мракомъ невѣжества страну; я же, какъ чадолюбивый отецъ, разсѣю мракъ невѣжества, просвѣщу свѣтомъ вѣры, и тѣмъ существа одушевленныя избавлю отъ грѣха». Когда онъ это говорилъ, то изъ сердца его вышелъ бѣлый лучъ и... скрылся на морѣ, въ цвѣткѣ водяной лиліи (Бадма Линхуа). Тогда государь Средней Индіи въ г. Маладѣ, вознамѣрившись принести жертвы Буддѣ, послалъ человѣка собрать цвѣтовъ, и когда тотъ собиралъ ихъ, то увидѣлъ на морѣ цвѣтокъ *Линхуа* (лилію), у котораго листья были величиною какъ спица въ плугѣ и дробились на тысячу отпрысковъ; изъ средины же цвѣтка выходило 5-ти цвѣтное сіяніе; онъ возвратился и доложилъ государю. Царь обрадовался, сдѣлалъ большой корабль, взялъ различныя жертвы и отправился въ море. Подъѣзжая, онъ дѣйствительно увидѣлъ цвѣтокъ и въ срединѣ его младенца, имѣющаго одно лицо и три пары рукъ; двѣ верхнія держалъ онъ противъ сердца, въ другой парѣ имѣлъ молитвенныя четки, а въ третей—бѣлый цвѣтокъ; ноги же поджалъ на подобіе жезла. Вся наружность была украшена драгоцѣнными камнями и издавала блескъ, подобный тому, какой издаетъ снѣжная гора, освѣщенная восходящимъ солнцемъ. Царь съ особенною радостію и благоговѣніемъ, съ народомъ своимъ, взявъ младенца, возвратился и объявилъ *Абида—Буддѣ* (Намѣстникъ Шигемунія), что въ цвѣткѣ Линхуа явился младенецъ и что это переродившійся сынъ его. Но Абида-Будда отвѣчалъ, что младенецъ этотъ не сынъ его, но самъ Будда, воплотившійся въ непросвѣщенномъ царствѣ, для просвѣщенія своимъ вѣроученіемъ и спасенія одушевленныхъ существъ. Въ то время загремѣлъ громъ, тенгріи произвели ужасный крикъ, пролился разноцвѣтный дождь, а земля потряслась въ основаніи.

Другой предметъ поклоненія между Калмыками есть книга, называемая *Дорчжи Зомба*, которую они привѣшиваютъ на лѣвой сторонѣ у входа въ кибитку. Эта книга почитается весьма важнымъ твореніемъ изъ числа книгъ буддійскихъ. По-санскритски называется *Вачара Чардакъ*. Въ Монголіяхъ печатается, по требованіямъ усердныхъ буддистовъ на различныхъ языкахъ, золотыми и серебряными буквами и въ различныхъ форматахъ. Впрочемъ, едва ли буддисты понимаютъ ея содержаніе; но дѣтское предубѣжденіе заставляетъ ихъ почитать ее и имѣть въ своей кибиткѣ. *Вачара Чардакъ* была слышана однимъ изъ учениковъ самого Будды; цѣль и содержаніе этой книги — философія вѣры о степеняхъ, достоинствахъ, средствахъ и дѣйствіяхъ существъ безплотныхъ и отношенія ихъ къ существамъ тѣлеснымъ.

Богослуженіе у Калмыковъ совершается на тибетскомъ языкѣ. Собираются гелюны въ хурулѣ, и садятся въ два и четыре ряда. Это не что иное, какъ чтеніе какой нибудь священной книги на распѣвъ, заглушаемое, по временамъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, густыми и нестройными звуками мѣдныхъ трубъ, гобоевъ, свистомъ въ большія раковины, ударами въ бубны и боемъ мѣдныхъ тарелокъ.

Въ хурулахъ ихъ (молитвенныхъ домахъ) развѣшивается очень много другихъ изображеній; ибо миѳологія ихъ слишкомъ обширна. Болѣе другихъ обращаетъ вниманіе поставленный впереди, на возвышеніи, истуканъ, бронзовый, серебряный или золотой, представляющій Далай — Ламу съ чашею въ рукахъ. *Лама* значитъ духовная мать,— *Далай*-море, безмѣрность, всеобщность, слѣдовательно, *Далай - Лама* значитъ всеобщая духовная мать. Далай-Лама здравствуетъ съ сотворенія міра и живетъ въ столицѣ Тибета *Хлассѣ*, или Флассѣ, въ монастырѣ, окруженный 8000 т. гелюновъ. Онъ есть первенствующее лицо міра духовнаго и гражданскаго, боготворимое всѣми поклонниками буддизма. По ихъ понятіямъ, Далай—Лама не умираетъ; а если устарѣетъ, то самъ объявляетъ народу, что по причинѣ ветхости тѣла, душа его перемѣняетъ эту оболочку и водворяется въ такомъ-то младенцѣ или отрокѣ, въ такомъ-то царствѣ или народѣ находящемся. Народъ умоляетъ его еще пожить для общаго благоденствія, и если онъ еще останется, то это считаютъ милостію къ народу. Въ противномъ случаѣ, народъ и духовенство отправляются въ то царство, находятъ сказаннаго младенца, и чтобы удостовѣриться точно ли духъ умершаго Далай—Ламы перешелъ въ него, дѣлаютъ отроку испытаніе, предлагая ему нѣсколько вопросовъ. Когда же дитя, заблаговременно подготовленное, отвѣчаетъ удовлетворительно, тогда, объявивъ о дѣйствительности присутствія духа умершаго ламы народу, съ почестями и церемоніею берутъ его, везутъ въ Тибетъ и поставляютъ на престолъ Далай—Ламы. Они воображаютъ Далай — Ламу существомъ святымъ, воплотившимся на землѣ для спасенія людей и искупленія ихъ отъ грѣха.

Изъ другихъ боговъ, *Эрликъ—Ханъ*, то же что Греческій Плутонъ, изображается въ пламени. Это начальникъ 33-хъ тенгріевъ (чистѣйшихъ духовъ), проживающій съ ними на горѣ *Сумеру*.

Очень много и другихъ изображеній, которыхъ гелюны едва ли знаютъ имена и которыя объяснить можно не иначе, какъ систематическимъ изложеніемъ ихъ миѳологіи, т. е., изложеніемъ связи и отношеній одного божества къ другому. Будучи *манжиками* (учениками вѣры), они выучиваютъ механически нѣсколько тибетскихъ письменъ, научаются пѣть ихъ въ хурулѣ вмѣстѣ съ другими; носятъ съ собою чашку, изъ которой питаются, въ ознаменованіе того, что самъ Будда, бывши на землѣ, носилъ чашу и питался милостынею; привязываютъ ее къ поясу, проповѣдуютъ о добрѣ, особенно богатымъ, отъ которыхъ надѣются получить для себя или для хурула какое-либо приношеніе. Но не спрашивайте его о началахъ вѣры: онъ не объяснитъ ничего, будучи убѣжденъ, что познанія о догматахъ вѣры свойственны однимъ только духовнымъ лицамъ, но не простолюдинамъ; а потому и сами рѣдко имѣютъ познанія; они говорятъ, что простолюдину достаточно одного только поклоненія, да приношеній на пользу хурула или ихъ гелюновъ.

ПИРОГЪ СЪ СЕЛЬДЯМИ.

Это было въ Амстердамѣ, въ холодный зимній вечеръ. Богатый банкиръ Брункеръ сидѣлъ передъ каминомъ съ длинной трубкой въ зубахъ, на противъ друга своего фанъ-Гроте, вдыхавшаго на противуположномъ концѣ густые клубы дыма. Госпожа Брункеръ съ дѣтьми ушла на маскарадъ. Друзья разговаривали спокойно, въ полной увѣренности, что никто имъ не помѣшаетъ.

— Зачѣмъ, говорилъ Гроте Брункеру, не хотите вы отдать руку вашего сына дочери Беркенроде?

— Я-то не противлюсь этому браку, любезный другъ; но жена моя о немъ слышать не хочетъ.

— Какая же причина ея отказа?

— Не могу сказать, отвѣчалъ Брункеръ, понизивъ голосъ.

— Тайна! — вскричалъ Гроте. Вы знаете мою скромность. Говорите смѣло.

— Обѣщайтесь никому не говорить...

— Не прикажете ли поклясться?.. Говорите; — я слушаю.

— Двадцать-шесть лѣтъ тому назадъ, когда я женился, то надо вамъ сказать откровенно, я былъ ужасно ревнивъ. Будучи принужденъ по состоянію своему имѣть открытый домъ, я боялся, чтобы кто-нибудь изъ множества моихъ знакомыхъ не похитилъ у меня сердца моей Клотильды. Особенно одинъ изъ нихъ, статный полковникъ Беркенроде, пугалъ меня, тѣмъ болѣе, что слылъ за страшнаго волокиту. Я, однако жъ, не могъ не принимать его, потому что родные его были могущественны и поведеніе его не подавало мнѣ къ тому повода. Въ то самое время я купилъ этотъ домъ и велѣлъ тайкомъ построить за этимъ каминомъ маленькую комнату, изъ которой я могъ слышать все, что жена моя говорила съ гостями. Долгое время Беркенроде съ жаромъ нашептывалъ Клотильдѣ о страсти, пожиравшей его. Жена моя только слушала. Наконецъ, однажды онъ видно рѣшился, во что бы то ни стало, достигнуть своей цѣли и побожился, что у ногъ ея размозжитъ себѣ голову, если она не сжалится надъ его страданіями. Глубоко тронутая этою любовью, Клотильда заплакала. — «Я не свободна! вскричала она голосомъ, прерываемымъ рыданіями. — Но если бъ вамъ была возвращена свобода?.. вскричалъ въ свою очередь ловкій обольститель. — Что вы говорите!.. сказала Клотильда. — Поклянитесь, что отдадите мнѣ вашу руку, если овдовѣете»... сказалъ волокита. Жена моя отвѣчала слезами. Онъ ушелъ. Мы съ женою провели чрезвычайно безпокойную ночь; но не говорили другъ другу ни слова о происшествіяхъ того дня. На слѣдующій день необыкновенное обстоятельство еще болѣе увеличило волненіе Клотильды. Во время завтрака, лакей сказалъ мнѣ на ухо, что поваръ желаетъ поговорить со мною на единѣ. — «Пусть онъ войдетъ сюда, отвѣчалъ я, у меня нѣтъ никакихъ тайнъ отъ моей жены.» — Поваръ вошелъ, блѣдный, какъ смерть, и чрезвычайно разстроенный. Онъ разсказалъ мнѣ, что получилъ утромъ пакетъ, въ которомъ было 300 флориновъ, маленькая стклянка и записка, въ которой его просили вылить жидкость, находившуюся въ стклянкѣ, въ первый пирогъ съ сельдями, который онъ изготовитъ для меня. Вы знаете, что я страстный охотникъ до этихъ пироговъ, между тѣмъ какъ женѣ моей становится дурно отъ одного запаха ихъ. Кромѣ того, ему обѣщали еще большую награду, когда онъ исполнитъ это порученіе. Страшась измѣны, онъ поспѣшилъ принесть ко мнѣ и стклянку и 300 флориновъ. Я вылилъ нѣсколько капель этой жидкости на кусокъ сахару и далъ его съѣсть маленькой собачкѣ моей жены. Въ то же мгновеніе съ бѣднымъ животнымъ сдѣлались страшныя судороги и оно околѣло, нѣсколько минутъ спустя. Не было никакого сомнѣнія — меня хотѣли отравить. Увидѣвъ смерть своей собачки, Клотильда зарыдала и бросилась ко мнѣ въ объятія. — «Ядъ! Убійца! вскричала она, прижимая меня къ сердцу и какъ бы желая защитить отъ угрожавшей опасности. — Боже милосердый! сжалься надъ нами!..» Я успокоивалъ ее, говоря, что я даже долженъ быть благодаренъ своему неизвѣстному врагу за то, что онъ доставилъ мнѣ случай увидѣть, какъ любила меня моя добрая жена. Беркенроде пришелъ въ обыкновенное время. Жена его не приняла; она написала къ нему письмо, въ которомъ объявила, что все откроетъ мужу, если онъ опять осмѣлится придти въ нашъ домъ. Ничѣмъ полковникъ не могъ усмирить гнѣва Клотильды и наконецъ рѣшился жениться. Между нашими семействами не было никакихъ сношеній, но сынъ мой любитъ его дочь; я соглашаюсь на бракъ ихъ, да жена не хочетъ.

— Еще бы! съ негодованіемъ вскричалъ фанъ-Гроте. Я никогда не воображалъ, чтобы Беркенроде былъ способенъ на такое злодѣяніе!

— Ха! ха! ха! засмѣялся Брункеръ; такъ и вы обвиняете его?

— Да кто же виновный?

— Кто?

— Ну да, кто?

— Я самъ.

— Вы?..

— Я, спокойно отвѣчалъ Брункеръ; эта хитрость стоитъ мнѣ 300 флориновъ, которые я оставилъ повару. Оно дорогонько, но за то я этимъ избавился отъ соперника и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ собачки, которыхъ я равно ненавидѣлъ. Ха, ха, ха!

— На вашемъ мѣстѣ, я бы во всемъ признался женѣ, потому что это шутка плохая. Не совсѣмъ пріятно слыть отравителемъ... Подумайте о счастіи вашего сына.

— Оно такъ! Да какъ открыть Клотильдѣ?

Въ это время дверь отворилась и госпожа Брункеръ появилась на порогѣ.

— Я думалъ, что ты на балу, Клотильда, сказалъ ей мужъ.

— Нѣтъ. Я не такъ здорова и намѣрена лечь спать. Морисъ пошелъ съ сестрами. Я принесла тебѣ ключъ, который я нашла въ своемъ кабинетѣ и который не приходится ни къ одному замку въ цѣломъ домѣ. Вѣроятно, кто нибудь изъ твоихъ друзей забылъ его у тебя.

Брункеръ взглянулъ на ключъ и покраснѣлъ.

— Другъ мой, продолжала жена, я дала Морису согласіе на бракъ его съ дочерью Беркенроде.

— Благодарю, Клотильда, за добрую вѣсть.

— Г. Гроте, останьтесь отужинать съ нами. У насъ сего дня будетъ пирогъ съ сельдями, только — не отравленный.

Сказавъ эти слова, она удалилась.

— Вы теперь сами попались въ свои сѣти, — сказалъ Гроте, послѣ минутнаго молчанія; не рой другому ямы — самъ попадешь въ нее!

— Все равно, возразилъ Брункеръ, я радъ, что избавился отъ собачки жены.

НОВАЯ КНИГА.

Русскіе Полководцы, или жизнь и подвиги Россійскихъ Полководцевъ отъ временъ Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I. Изданіе Константина Жернакова. Жизнеописанія составлены Николаемъ Полевымъ. Спб. 1845 года, стр. 351.

Вопросъ. Сколько въ Россіи было полководцевъ? Отвѣтъ. Двѣнадцать.

— Только?

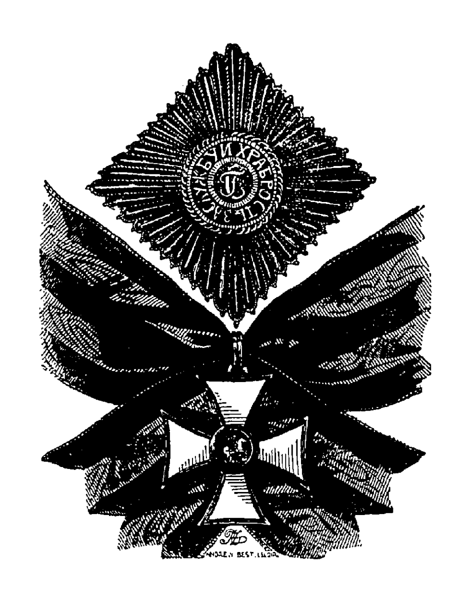
— Только. Петръ Великій, Шереметевъ, Меншиковъ, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Барклай де Толли, Витгенштейнъ, Дибичъ и князь Варшавскій...

Мы въ совершенномъ недоумѣніи. Не знаемъ, какъ понять заглавіе книги? Что значитъ слово полководецъ? Тотъ ли, кто водилъ русскіе полки на поле битвы, и подъ окомъ и волей одного только Русскаго Царя, держалъ начало, управлялъ движеніями войскъ, давалъ и выигрывалъ сраженія, словомъ, былъ Русскимъ полководцемъ? Невозможно понять иначе, а между тѣмъ въ Русскихъ Полководцахъ мы не находимъ князя Михайлы Михайловича Голицына, завоевателя Финляндіи, льва Петровыхъ временъ, который принадлежитъ не одною токмо храбростію къ военной исторіи нашей. Голицынъ былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ стратеговъ своего времени. Встрѣчаемъ Миниха и не находимъ Ласси, который, по военной части, не многимъ уступаетъ искуствомъ и подвигами Миниху. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ съ Гроссъ-Эгерсдорфскимъ сраженіемъ, графъ Салтыковъ съ Кунерсдорфомъ и съ завоеваніемъ всей Пруссіи — пропущены. Наконецъ, забыты графъ Гудовичъ и графъ Каменскій. Всѣ они были увѣнчаны лаврами побѣды; всѣ были возведены на высшую степень воинскихъ чиновъ — и они не Русскіе полководцы! Не говоримъ уже о Михельсонѣ, и другихъ, которые хотя главноначальствовали надъ значительными войсками, дѣйствовали отдѣльно, но не достигли до фельдмаршальскаго званія. Все это заставляетъ думать, что эта великолѣпная книга есть первый томъ сочиненія, котораго продолженіе задумано, но не обѣщано. Великолѣпная, сказали мы, потому что едва ли что-либо на Руси было издано съ такою художественною и типографическою роскошью. Отлично гравированный заглавный листъ, портреты всѣхъ двѣнадцати полководцевъ истинно изящны. Памятники имъ поставленные заключаютъ біографію каждаго. Всякая страница въ нарядной рамкѣ. Бумага высокой доброты. Словомъ, это изданіе своимъ великолѣпіемъ заслуживаетъ особенную признательность публики. Если подумать, какъ эта роскошь у насъ обходится дорого, какихъ трудовъ стоитъ собрать схожіе портреты, пріискать рисовальщиковъ, подчинить ихъ дѣятельность исправности и порядку... то нельзя не удивиться такому успѣшному исполненію предпріятія. — Редакція Иллюстраціи, едва ли не лучше другихъ, можетъ оцѣнить трудность подобнаго изданія. Дѣло издателя исполнено превосходно; посмотримъ, исполнитъ ли свое дѣло публика, хотя въ-половину также хорошо. Иначе нечего и думать о второмъ томѣ, потому что издержки на такую книгу — огромны. Явственно, что издатель не искалъ барыша; но кому придетъ охота за доброе и полезное желаніе подвергаться значительнымъ убыткамъ. Будемъ надѣяться, что публика найдетъ достойнымъ подражать издателю и тѣмъ поощритъ и его и другихъ къ полезнымъ и изящнымъ предпріятіямъ.

А пока помѣщаемъ нѣкоторыя украшенія изъ сего изданія, изъ коихъ многія сами по себѣ, въ историческомъ отношеніи любопытны для каждаго. Мы избрали слѣдующія.

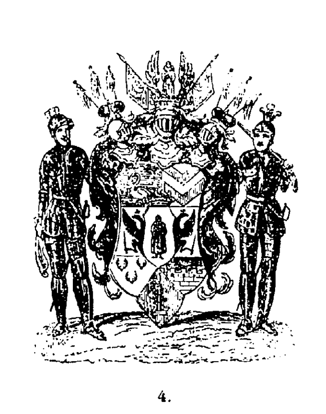
1. Изображеніе военнаго ордена Св. Георгія Побѣдоносца.
2. Гербъ графа Бориса Петровича Шереметева.
3. Князя А. Д. Меншикова.
4. Графа Б. Х. Миниха.
5. Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.
6. Князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.
7. Князя А. В. Суворова-Италійскаго Графа Рымникскаго.
8. Князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго
9. Князя М. Б. Барклая де Толли.
10. Князя П. Х. Витгенштейна.
11. Графа И. И. Дибича-Забалканскаго.
12. Князя Варшавскаго Графа И. Ѳ. Паскевича Эриванскаго.
13. Монументъ Петру I, въ С. Петербургѣ.
14. Домикъ Меншикова въ Березовѣ.
15. Мѣсто жительства Бирона и Миниха въ Пелымѣ.
16. Памятникъ Задунайскому, въ С. Петербургѣ.
17. Пирамида въ Бессарабіи на мѣстѣ кончины Князя Потемкина.
18. Памятникъ Суворову, въ С. Петербургѣ.
19. Памятникъ Кутузову, тамъ-же.
20. Памятникъ Барклаю де Толли, тамъ-же.

21—24. Аллегорическія изображенія къ жизнеописаніямъ Графа Шереметева, Князя Витгенштейна, Графа Дибича Забалканскаго и Князя Варшавскаго.



2.

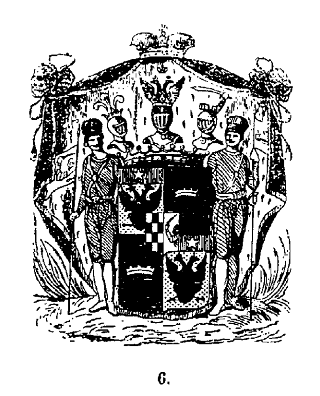
3.



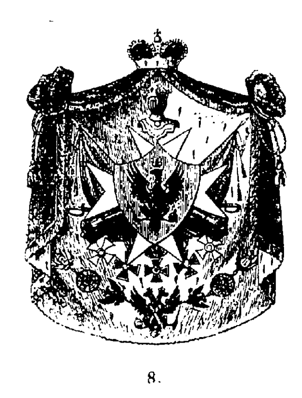
4.

5.

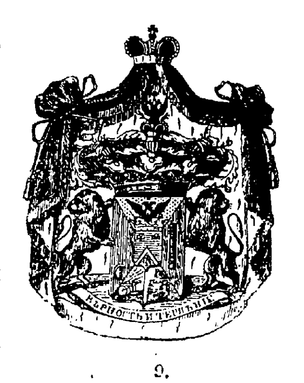
7.



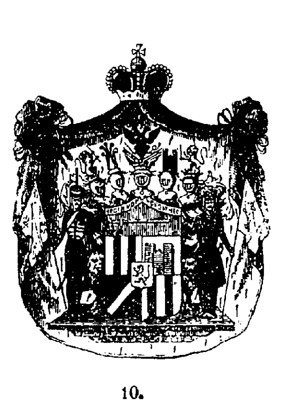
6.



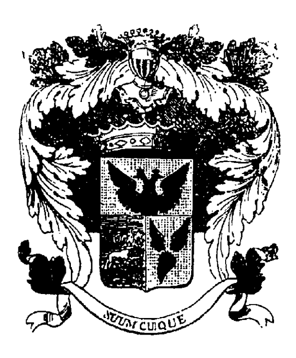
8.



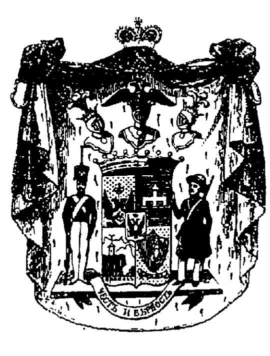
9.



10.



11.



12.

23. 13. 24.

21. 16. 17.

18. 19. 22.

15. 20. 14.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г-жи Корражъ.

Первые лѣтніе дни, при первой теплой погодѣ — плохое время для бенефисовъ. Кто живетъ на дачѣ, кто подъ вечеръ, а пожалуй и къ обѣду, отправляется туда къ знакомому, хоть, можетъ быть, и не въ угоду хозяину, посмотрѣть на первую зелень, погулять на чистомъ воздухѣ. Городъ пустъ; только пыль на улицахъ, да чиновники, у которыхъ дѣла неотлагательныя. Кто же поѣдетъ въ театръ? Кто добровольно высидитъ до полуночи въ душныхъ стѣнахъ? Развѣ тотъ, кому приходится писать статейку въ Иллюстрацію о томъ, какія сочиняются во Франціи удивительныя комедіи, или о томъ, какъ дебютировала г-жа Флорансъ въ одной изъ этихъ комедій! А та комедія, о которой мы говоримъ, называется L'oncle à succession и есть, собственно говоря, комедія-водевиль. Ее давали въ бенефисъ г-жи Корражъ... Но будемъ говорить по порядку. Бенефисъ г-жи Корражъ происходилъ въ субботу, 26 мая. Зала отличалась плачевною пустотою. Для начала давали старый и знакомый всѣмъ и каждому водевиль Le maître d'école, въ которомъ, на этотъ разъ, роль школьнаго учителя занималъ г. Готи и Руже, въ роли ученика Фоше, былъ еще уморительнѣе, чѣмъ Поль-Минє во время оно. Послѣ школьнаго учителя шла та удивительная комедія, о которой мы только что говорили. Исторія старая — богатый дядя и жадные наслѣдники; между ними благородная чета, племянникъ и его добродѣтельная половина.

Племянника очернили въ глазахъ больнаго старика, чтобы отстранить лишняго наслѣдника, и дядя не пускаетъ его на глаза. Но правда вездѣ возьметъ свое на стыдъ клеветѣ, на зло пороку. Такъ и здѣсь. Дюваль, пріятель стараго дяди, пользуясь кратковременной поѣздкой больнаго въ Англію, для разсѣянія или для излеченія отъ болѣзни, по возвращеніи его, распускаетъ слухи о смерти старика и собираетъ наслѣдниковъ, для выслушанія духовнаго завѣщанія. Само по себѣ разумѣется, что дядя присутствуетъ невидимымъ образомъ при этой назидательной сценѣ, гдѣ разоблачается жадное корыстолюбіе наслѣдниковъ, открывается благородная душа оклеветаннаго племянника, и, какъ водится, добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ. Все это скучно, растянуто. Безъ особенной надобности не досидишь до конца. Госпожа Флорансъ дебютировала въ роли добродѣтельной жены племянника Фревиля. Можетъ быть отъ робости она говорила такъ тихо, что слова ея едва доходили до нашего напряженнаго слуха. Впрочемъ, бѣда не велика, потому что она выбрала для своего дебюта такую пустую и незначительную роль, которая и при игрѣ талантливой актрисы, не обратила бы на себя никакого вниманія. Для окончанія піесы придѣлали какой-то чувствительный куплетъ, въ которомъ дебютантка обращается къ снисхожденію публики. Будемъ же снисходительны и скажемъ ей, что если она привыкнетъ къ сценѣ и будетъ говорить погромче, то можетъ быть современемъ она не испортитъ второстепенныхъ ролей, разумѣется, маленькихъ и легонькихъ. За скуку, какую навела на всѣхъ эта длинная и бестолковая комедія, вполнѣ вознаградила насъ послѣдняя піеса, которая называется Fargeau le nourrisseur. Это веселый и бойкій водевиль, написанный съ умомъ и дарованіемъ. Впрочемъ, его и разыграли превосходно. Главную роль занималъ г-нъ Алланъ, котораго мы здѣсь опять увидѣли въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни; публика встрѣтила его громкими рукоплесканіями. Мы съ удовольствіемъ любовались на эту умную и благородную игру; никто во всей нашей французской труппѣ не говоритъ куплетовъ такъ хорошо, какъ г-нъ Алланъ; никто не дастъ имъ такого полнаго, умнаго выраженія. Г-нъ Руже, въ роли Маркиза, смѣшилъ по обыкновенію; г-жа Эстеръ, въ роли вдовы Крепень, была на своемъ мѣстѣ; роль перваго любовника, Альберта, игралъ г-нъ Курси.

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

⁂ Къ сожалѣнію, наша литература истинно гомеопатическая; дѣлимость нашей производительности достигла до того, что простымъ глазомъ не замѣтишь и атома. Есть стихи, есть проза; но все это вода, или другая посторонняя жидкость, которая употребляется въ Гомеопатіи, для увеличенія наружнаго объема дозы. Изъ газетъ самыя любопытныя теперь губернскія вѣдомости. Въ нихъ вы найдете, хотя изрѣдка, ученую или занимательную статейку. Вотъ, напримѣръ, въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатана весьма занимательная статья о ловлѣ жемчуга въ этой Губерніи. Жемчугъ водился здѣсь въ обиліи, славился на Руси и за моремъ, именовался новгородскимъ; болѣе чѣмъ въ десяткѣ рѣкъ производилась ловля въ бродъ и на плотахъ, въ которыхъ къ отверзтію придѣлывались зрительные бураки. Въ р. Сывтугѣ и теперь еще водятся раковины, но въ маломъ числѣ; ихъ истребило невѣжество ловцевъ. Жемчугъ носитъ только самка. Раковины самца и самки различить не трудно: первыя шероховаты и тверды; вторыя глаже и мягче; жемчужное зерно сначала бываетъ едва примѣтно, возрастаетъ постепенно, причемъ перемѣняется цвѣтъ жемчужины; перлы зрѣютъ и хороши только дозрѣлыя; мелкія иногда не стоятъ и бисера. Невѣжественные ловцы не разсуждали объ этомъ, ломали жемчугъ какой бы онъ ни былъ, пустыя раковины, и натурально большею частію самцовъ, бросали прочь, тогда какъ ихъ слѣдовало опускать опять въ воду, а равно и раковины съ недозрѣлымъ жемчугомъ. Такъ какъ еще раковины не совершенно истощились, то, кажется, при запретѣ ловли, въ нѣсколько лѣтъ онѣ бы опять размножились; но позволяютъ ли мѣстныя обстоятельства за тѣмъ имѣть присмотръ?

⁂ Лучшее качество губернскихъ вѣдомостей — по нашему мнѣнію, есть отсутствіе критическихъ статей; лучше не писать вовсе, въ особенности объ ученыхъ предметахъ, нежели писать безъ знанія дѣла, на удачу. Мы, какъ извѣстно, всячески уклоняемся отъ критики, а *паче* отъ полемики; но есть случаи, когда молчать и грѣшно и стыдно. У насъ, напримѣръ, ученыя книги — фениксы; мы ихъ должны встрѣчать съ признательностію, разсматривать со вниманіемъ, какимъ мы обязаны и ученому труду и наукѣ, но, увы, мы удѣляемъ для такихъ книгъ столько же времени, сколько для дюжиннаго романа, и положительно произносимъ приговоръ, въ которомъ, что слово, то ошибка. Въ Библіотекѣ для Чтенія недавно была помѣщена статья П. И. Дегая: Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законодательства, и потомъ отпечатана отдѣльно. Другой журналъ, неизвѣстно почему, произнесъ приговоръ, обвинилъ ученаго автора *въ недостаточности* сочиненія, въ избраніи предмета слишкомъ *недоступнаго* для силъ одного человѣка и т. д. Критикъ явственно не читалъ сочиненія; иначе онъ бы увидѣлъ, что этотъ Взглядъ есть только введеніе къ труду обширному и весьма подробному; это, какъ гласитъ и заглавіе, взглядъ, apperçu, необходимый для того, чтобы читатель былъ приготовленъ и посвященъ въ систему книги, которая еще впереди. Искуству автора мы обязаны, что это введеніе можно читать отдѣльно, какъ весьма занимательную юридическую статью. Между тѣмъ исторія уголовнаго права, въ сочиненіяхъ Лаферьера, Пасторе и другихъ, изложена не подробнѣе, потому что нѣтъ въ томъ и нужды. Въ превосходной энциклопедіи Г. Неволина, объ исторіи законодательства многихъ народовъ, вовсе не упоминается, и никто изъ знающихъ дѣло читателей не обвинилъ автора. — *Недостаточность*, т. е. недостатокъ чего? гдѣ? — Сочиненіе еще не вышло, и о недостаткахъ его судить трудно. Матеріаловъ? Но всѣ уложенія уголовныя могутъ быть сравнены; этихъ положеній около 20-ти; трудъ, доступный для силъ одного человѣка, разумѣется, ученаго. Юридическія книги не водевили, не романы; ихъ нельзя писать à quatre; ихъ должна освѣщать одна и та же мысль, толковать одна и та же ученость автора; иначе выйдетъ Вавилонское Столпотвореніе. Это одинъ только образчикъ того, что у насъ дѣлается... Вавилонское Столпотвореніе! Смѣшеніе языковъ... Недавно, въ ученой статьѣ, Flusspatt переведенъ — «рѣчной камень!..» Вотъ почему поселяется невольное отвращеніе къ критикѣ нашей; не говоря уже о томъ, что это неуваженіе къ ученымъ трудамъ обнаруживаетъ не одно незнаніе. Celui qui conçoit une oeuvre est plus ou moins animé d'un sentiment généreux, celui qui la critique a toujour de l'étroitesse dans l'esprit. Взглянемъ на Французовъ, которымъ мы такъ усердно подражаемъ; и тамъ есть шарлатанство и тамъ иногда незнаніе смѣшитъ, но трудъ ученый вездѣ, въ самыхъ пустыхъ журналахъ, пользуется уваженіемъ и разбирается или подробно, гдѣ могутъ, а гдѣ не могутъ, такъ общими фразами, которыя не оскорбительны ни для автора, ни для науки. Мы, напримѣръ, старыхъ своихъ писателей низводимъ до ничтожества; творимъ въ нихъ недостатки; Французы ищутъ въ нихъ достоинствъ и воскрешаютъ забытое къ чести себѣ и націи.

⁂ Вотъ, напримѣръ, мы имѣли отличныхъ Математиковъ. Кто знаетъ ихъ? Они погибли невозвратно; Французы возстановили славу Дезарга, современника Декарта, Фера и Паскаля и поставили его на свое мѣсто въ исторіи математическихъ наукъ.

⁂ Рейнъ, письма къ другу, сочиненіе Виктора Гюго, вышло третьимъ изданіемъ, въ которомъ четырнадцать новыхъ писемъ. Успѣхъ этой книги объяснить не трудно; она написана человѣкомъ, у котораго никакая критика не оспоритъ высокаго таланта. У Виктора Гюго много противниковъ, но гораздо больше почитателей. Писатель для всѣхъ сносный — самый несносный. Эта терпимость любителей чтенія достается на долю только одной посредственности. У Виктора Гюго есть противники разнаго рода; одинъ изъ нихъ, аристократъ, ни какъ не хотѣлъ вѣрить, что знаменитый авторъ назначенъ перомъ Франціи и когда его въ этомъ убѣдили, онъ сказалъ: Oh! le Roi s'amuse!

⁂ Англійскій механикъ Витстонъ, Wheastone затѣялъ споръ о изобрѣтеніи электромагнитнаго хроноскопа, которое Брегетъ приписалъ себѣ и капитану г. Константинову. Витстонъ давно уже извѣстенъ своими сочиненіями и изобрѣтеніями. Въ Philosophical Transactions много статей его весьма интересныхъ. Онъ защищаетъ первенство своего изобрѣтенія весьма доказательно, но съ тѣмъ вмѣстѣ положительно утверждаетъ, что Брегетъ приписалъ себѣ и г. Константинову этотъ подвигъ, безъ согласія на то послѣдняго. Изобрѣтеніе это весьма важно для артиллеріи; но въ Англіи опыты надъ электромагнитнымъ хроноскопомъ, произведенные въ Вульвичѣ, неизвѣстно почему оставлены; хотя Витстонъ впослѣдствіи весьма улучшилъ свой инструментъ. Электромагнитная сила едва ли не одна поглощаетъ теперь всю наблюдательность физиковъ и инженеровъ нашего времени. Жиле и Сентаръ представили Парижской академіи Наукъ новый способъ подавать сигналы, посредствомъ электрическаго телеграфа. Снарядъ устроенъ такъ, что электричество производитъ удары; пространство времени между ударами составляетъ

телеграфическую азбуку и какъ въ музыкѣ имѣетъ значеніе нотъ бѣлой, цѣлой, половинной, черной, разъ — вязанной и т. д. Такимъ образомъ телеграфическую депешу можно переписать, какъ музыкальную фразу.

⁂ Инженерный капитанъ Лоранъ, въ двухъ письмахъ къ Араго, изложилъ нѣсколько мыслей, совершенно новыхъ, на счетъ математической теоріи свѣта. Система ондуляцій съ послѣдствіями, которая утверждена была Коши и другими учеными подвергается опасности. Мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ возможной краткости результаты этой новой ученой тяжбы, коль скоро получимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ея ходѣ.

⁂ Корнеліусъ въ Берлинѣ; столица Пруссіи начинаетъ сильно соперничествовать съ Мюнхеномъ, и правъ ли не правъ М. Ѳ. К., но мы того мнѣнія, что художества съ большимъ успѣхомъ могутъ развиться въ Берлинѣ. Корнеліусъ сначала не возбудилъ тамъ большаго энтузіасма; даже не понравился Берлинцамъ; они судили художника по картинѣ: Христосъ въ преддверіи ада, которая была выставлена въ галлереѣ графа Рачинскаго. Рѣшили, что Корнеліусъ не большой себѣ мастеръ. Но Корнеліусъ былъ вызванъ въ Берлинъ главнѣйше для того, чтобы расписать al fresco стѣны Музея. Подмостки сняты, первая картина открыта и Берлинъ въ восторгѣ. Корнеліусу поручено теперь расписать стѣны Кампо-Санто; нѣкоторые рисунки уже готовы; сюжеты заимствованы изъ Священнаго Писанія. Трудъ колоссальный, но Корнеліусъ въ состояніи расписать весь Берлинъ al fresco. Этотъ именитый художникъ одаренъ терпѣніемъ, которому должно и завидовать и удивляться.

⁂ Современница — извѣстная Ида Сентъ-Эдмъ, надѣлавшая столько шума своими мемуарами, умерла въ Брюсселѣ въ богадельнѣ. Ей и ея издателю обязана Европа особеннаго рода литературой, которая временно имѣла такой колоссальный успѣхъ и наплодила столько историческихъ лжей, что многія дѣйствительныя событія погибли для исторіи, потому что критика едва ли будетъ въ состояніи, въ этомъ хаосѣ выдумокъ, возстановить подлинность правдивыхъ фактовъ.

СОСНА И ПАЛЬМА.

(Изъ Гейне):

На сѣверѣ дальномъ растетъ одиноко
На хладномъ утесѣ сосна...
И дремлетъ, — и снѣга покровомъ широкимъ
Одѣта она.
И снится ей пальма, что въ знойной пустынѣ,
Подъ солнцемъ горячимъ стоитъ...
И вѣтеръ свиститъ въ одинокой равнинѣ, —
И пальма груститъ.

—

Ее онъ безмолвно, но страстно любилъ:
И рѣдко, и холодно съ ней говорилъ;
А въ сердцѣ его все была лишь она,
И умъ занимала объ ней мысль одна...
Но дѣтской и рѣзвой своею душой
Любви не постигла она той святой. —
Онъ вѣчно былъ мраченъ, въ печаль погруженъ,
А взоръ ея ясный къ другимъ обращенъ. —
Но вотъ ужъ расстались они, — и далеко
Живетъ онъ, но любитъ ее, одинокой;
А тѣ, что встрѣчали взоръ дѣвы живой,
Объ ней позабыли холодной душой......

М. Михайлова.

АНЕКДОТЪ.

Это было очень давно. Еще за старыхъ гетмановъ, когда Украйну тѣснили и южные и западные сосѣди, а къ сѣвернымъ она еще не пристала.

Лѣтомъ, часу въ первомъ ночи, ѣхалъ изъ города Л. мѣщанинъ; дорога шла черезъ дубовую рощу; ночь была теплая, лунная; кобылка, запряженная въ оглобли, рысцой тащила повозку; мѣщанинъ, вытянувшись во всю длину повозки, лежалъ лицемъ къ небу и отъ нечего дѣлать считалъ звѣзды. — Вдругъ кобылка остановилась.

— Ну!.. закричалъ мѣщанинъ.

Кобыла ни съ мѣста.

— Ну, ну! буланая!.. Какой тамъ чортъ! сказалъ мѣщанинъ, лѣниво приподымаясь.

— Не чортъ, а христіянская душа, отвѣчалъ грубымъ голосомъ мужикъ, стоявшій передъ кобылой. Одной рукой онъ держалъ ее подъ устцы, а въ другой имѣлъ страшную толстую дубину.

— Прочь съ дороги! закричалъ мѣщанинъ.

— Этого-то и не будетъ; а не хочешь ли отдать деньги?.. Безъ этого я тебя не отпущу.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ мѣщанинъ, дрожа и оглядываясь во всѣ стороны.

Кругомъ было пусто.

— Мнѣ немного и надобно, давай два таляра и Богъ съ тобой; — не то... Не побоюсь грѣха.

Мужикъ поднялъ дубинку и значительно смотрѣлъ на нее.

— Вотъ всѣ мои деньги, говорилъ мѣщанинъ, выворачивая карманы, вотъ турецкій золотой въ два дуката, только и есть, возьми его, да пусти душу на покаяніе...

— Какъ бы не такъ! на что мнѣ твои деньги? чтобъ прожгли мои карманы, да и домъ мой извели? Богъ съ ними! не хочу я ихъ! чужимъ добромъ не разживешся. Дай мнѣ два таляра, съ меня ихъ требуетъ старшій, внести къ сроку надобно, не отдамъ, бѣда будетъ, въ тюрьму упрячутъ... Вотъ что, дай мнѣ два таляра, я ихъ завтра же и отдамъ старшему, а лишніе мнѣ зачѣмъ? я не разбойникъ какой, нужда заставила, — взять негдѣ!

— Ей Богу нѣтъ двухъ таляровъ.

— Размѣняй.

— И размѣнять негдѣ, кто мнѣ въ лѣсу размѣняетъ?

— Поѣзжай въ городъ, къ свѣту доѣдешь и размѣняешь.

Мѣщанинъ съ радостію повернулъ оглобли.

— Э! сказалъ мужикъ, какой ты вострый! вы народъ грамотный; какъ разъ проведешь, уѣдешь въ городъ и не дашь денегъ.

— Нѣтъ... какъ можно... отвѣчалъ мѣщанинъ смущеннымъ голосомъ.

— Вотъ видишъ, ты уже и заминаешся... придется не отпустить тебя, хоть и не хочется.

— Помилуй, добрый человѣкъ! завопилъ мѣщанинъ.

— Что же, ты мнѣ дашь два таляра?

— Дамъ, ей Богу дамъ.

— И меня не выдашъ?..

— Не выдамъ, видитъ Богъ, не выдамъ.

— Ну такъ я поѣду съ тобой въ городъ, тамъ ты при мнѣ размѣняешь золотой и дашь мнѣ два таляра, тамъ я и отдамъ ихъ въ казну. — Подвинься-ка немного.

Мѣщанинъ подвинулся, мужикъ сѣлъ на повозку и они вмѣстѣ отправились въ городъ мѣнять деньги.

Е. Гребенка.

ПЕРЕПИСКА.

Доставившему статью. Праздникъ на московской сценѣ. Не подумайте, что Иллюстрація отнѣкивается и уклоняется отъ помѣщенія статей о московскомъ театрѣ. Напротивъ того, она благодаритъ за вниманіе и проситъ впредь не оставлять увѣдомленіями, но дѣло въ томъ, что театральная критика, при неправильномъ или пристрастномъ взглядѣ, столь же опасна для публики, какъ и для гг. Артистовъ. Радуемся, что московская сцена въ дѣвицѣ, Мочаловой, пріобрѣла первоклассную актрису, но, простите, не вѣримъ, будто бы сознаніе руководило ее въ игрѣ роли Луизы въ тр. Коварство и Любовь. И вотъ почему: эта роль не годится для дебюта, потому что требуетъ огромной опытности, именно для того, чтобы вѣрно представить неопытность. Величайшее, торжествующее кокетство есть то, когда незамѣтно кокетство. А кокетство есть свѣтская драматическая игра. Позвольте намъ думать, что дѣвица Мочалова, въ бенефисѣ своего отца, говорила тихо, не расточала движеній, потому что не увлекалась содержаніемъ роли, а просто потому, что робѣла, какъ дебютантка, и на этотъ разъ робѣла кстати. Мы бы очень желали, чтобы догадка наша была несправедлива, но отъ неумѣренныхъ похвалъ погибло столько дебютирующихъ геніевъ, что мы сочли обязанностію на этотъ разъ не помѣщать праздника на московской сценѣ. За портретъ г. Мочалова приносимъ искреннюю благодарность. Портретъ талантливой дочери почтеннаго артиста былъ бы также пріятнымъ подаркомъ для Иллюстраціи, помѣщающей не однѣ знаменитости, упрочившія свою славу, но и надежды художественнаго міра.

—

2) Л — му. Пожалуй, лошадь ваша можетъ быть помѣщена въ Иллюстраціи, когда будетъ царскосельская скачка, но въ такомъ только случаѣ, если она отличится на аренѣ, и если вы благоволите доставить рисунокъ повѣрнѣе. — Впрочемъ, если она и не будетъ участвовать въ скачкѣ, то благоволите сообщить доказательства ея подлинной знаменитости.

3) Объявленія и похвальныя слова о цыгаркахъ не принадлежатъ къ нашему изданію. Вы не разсердитесь, что мы не выставили и фамильной буквы вашей.

СТЕНОГРАФІЯ, или искуство писать также скоро, какъ говорить. На русскомъ и французскомъ языкахъ. М., 1844 г. (8) Ц. 1 р. 50 к. сер. вѣс. за 1 ф.

КРАСИЛЬНОЕ ИСКУСТВО, или руководство къ окрашиванію очень красиво и прочно шелка, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна во всѣ цвѣта, а равно къ набивкѣ хлопчатобумажныхъ и льняныхъ издѣлій. Для фабрикантовъ, красильщиковъ и домашняго употребленія. Соч. *Карла Рихтера*, практическаго красильщика въ Бренѣ. Перев. съ Нѣмец. Спб., 1845 г. (12) Ц. 1 р. сер. вѣс. за 1 ф.

БАСНИ *И. А. Крылова*. Въ десяти книгахъ. Спб., 1843 г. (8) Ц. 1 р. 50 к. сер. вѣс. за 2 ф.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ. Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Спб., 1845 г. (12) Ц. 1 р. сер вѣс. за 1 ф.

ГОДЪ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ, 1839 г. Дорожный дневникъ *М. Погодина*. 4 части М., 1844 г. (12) Ц. 3 р. сер. вѣс. за 3 ф.

ПОЛНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ какъ должно ходить за больными. Соч. *Ѳеодора Зауера*, Штабъ-Лекаря Надворнаго Совѣтника и Кавалера, старшаго Ординатора при Градской Обуховской Больницѣ и Инспектора Фельдшерской Школы, учрежденной при оной же больницѣ. 2 части. Спб. 1842 г. (8) Цѣна 3 руб. серебромъ вѣс. за 3 фун.

О ВРЕДНЫХЪ ПОСЛѢДСТВІЯХЪ рукоблудія, или гигіеническія замѣчанія о несчастныхъ тайныхъ привычкахъ дѣтей, въ назиданіе родителямъ и наставникамъ, составленныя Докторомъ Медицины *А. Никитинымъ*. Спб. 1844 г. Цѣна 50 к. сер. вѣсов. за 1 ф.

ВЗГЛЯДЪ на современное положеніе уголовнаго законодательства въ Европѣ. Соч. *П. Дегая*. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

СОБРАНІЕ РЕЦЕПТОВЪ, употребительнѣйшихъ при пользованіи больныхъ лошадей, или Ручной Конскій Лечебникъ. Состав *Ѳ. Пашкевичемъ*. Спб. 1845 г. (12) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 1 фун.

СТИХОТВОРЕНІЯ *Аполлона Майкова*. Спб. 1842 г. 8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 2 фун.

ДВѢ СУДЬБЫ, быль. *Аполлона Майкова*. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

АЛГЕБРА *Бурдона*, переводъ *Ѳ. Меца*, принятый въ руководство для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія и въ Горномъ Институтѣ. Изданіе пятое, свѣренные съ 8–мъ французскимъ изданіемъ. Спб. 844 г. (8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 2 ф.

КЕСАРИ, сочиненіе *Ф. де-Шампаньи*. Книга первая *Неронъ*. Спб. 1842 г. (8) Ц. 1 р. 25 к. сер. вѣс. за 1 фун.

ЦАРИЦА НОЧИ, переводъ съ нѣмецкаго *Адольфа фонъ-Имзена*. Спб., 1845 г. (8) Ц. 50 к. сер. вѣс. за 1 фун.

НОВЫЕ РИСУНКИ изящной мебели, въ вѣрныхъ пропорціяхъ и съ вѣрнымъ масштабомъ, рисованые *К. Шрейдеромъ*. Сто рисунковъ, составляющіе коллекцію полнаго амеблемента, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Спб., 1845 г. на лучшей веленевой бумагѣ (въ большой полулистъ) Ц. 3 руб. сер. вѣс. за 3 ф

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Изданіе *Н. Кирилова*, удостоенное посвященія Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу. Выпускъ первый А—М. Спб., 1845 г. Ц. за оба выпуска 2 р. сер. вѣс. за 2 ф.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ для дѣтей. Царство животныхъ. Съ 390–ю фигурами. Составлена *С. Усовымъ*. Спб., 1844 г. (4) Ц. 2 р. сер. вѣс. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ, французскаго языка, для русскихъ по новой методѣ, удобнѣйшей къ изученію языковъ. Составленный *Леокардомъ Мочинскимъ*. Спб., 1844 г. (8) Ц. 1 р. 43 к. сер. вѣс. за 1 фун.

О РАСПОЗНАВАНІИ и леченіи сифилитической болѣзни, во всѣхъ ея видахъ. Сочиненія *Жиродо де Сенъ-Жерве* Съ француз. перев. *Александръ Никитинъ*. Спб., 1843 г. Ц. 2 р. 85 к. сер. вѣс. за 3 ф.

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ГОРЯ и ПЕЧАЛИ. Солдатская сказка. *И. Меркулыча Щирагю*. Спб. 1845 г. Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ. *Н. Устрялова*. Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ пять томовъ втораго изданія, съ дополненіемъ 36 плановъ сраженій, отъ битвы подъ Нарвою до покоренія Парижа и съ указаніемъ источниковъ. Спб. 1845 г. (б. 8 д. л.) Цѣна 5 руб. сер. вѣсов. за 5 фун.

Гг. Иногородные благоволятъ адрессоваться въ вышеозначенный магазинъ на имя *Ивана Ѳедоровича Гевена*.

ИГРЫ.

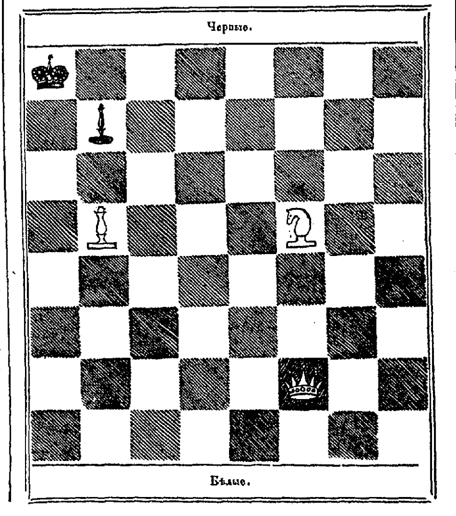
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 10.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) Кор. на 2. м. Сл. св.	П. Ф. 1. к.
2) Сл. на 5. м. Кор. св.	П. 6 Слона.
3) Л. на 6. м Л. Кор.	Кор. на 8 м. Л.
4) Л. б. П и Матъ.	

ЗАДАЧА № 11.

Бѣлые даютъ матъ въ 11 ходовъ.



КАРТОЧНАЯ ЗАДАЧА.

Шестнадцать картъ: Тузъ, король, дама и валетъ, всѣхъ четырехъ мастей, — уложите въ квадратъ, но такъ, чтобы по вертикальнымъ и горизонтальнымъ линіямъ, а равно и по діагоналямъ, всегда лежали тузъ король дама и валетъ и всѣ четыре всегда разныхъ мастей.

—

РАЗГАДКА № 10.

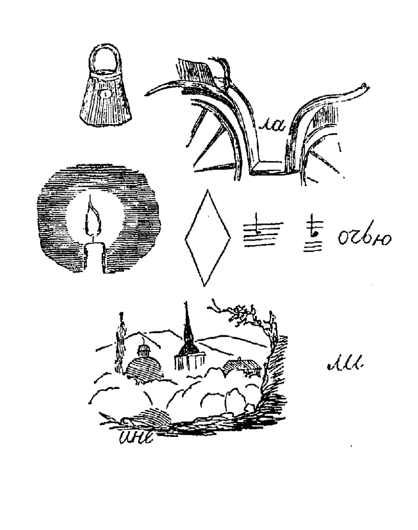
1) Помочь бе-дно-му-идол-гиса час-тіе.

2) Помочь бѣдному и долгъ и счастіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили нѣсколько писемъ, требующихъ отвѣта, уже по окончаніи всѣхъ корректуръ настоящаго нумера. Благосклонные корреспонденты не разсудятъ, что мы по одной токмо необходимости отложили наши отвѣты до слѣдующаго 12 нумера.

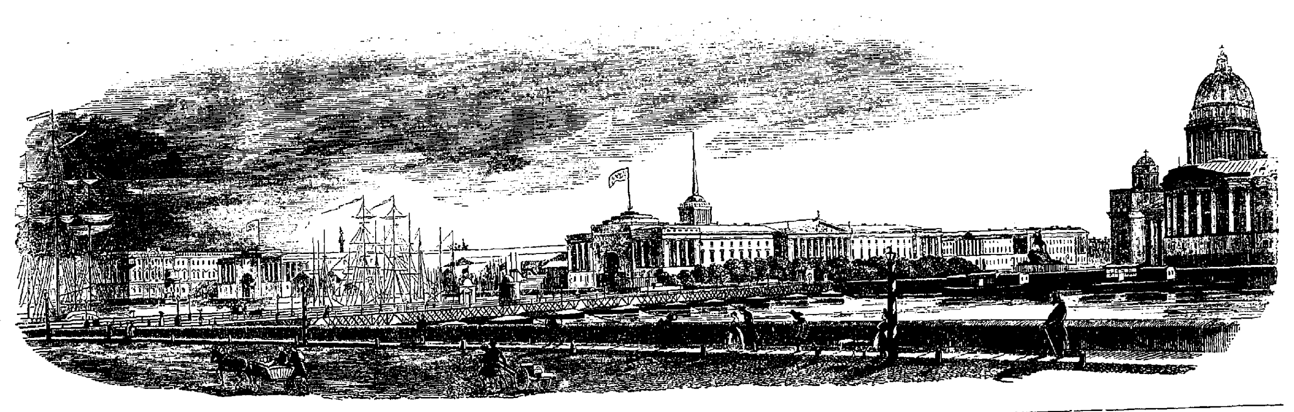
ЗАГАДКА № 11.



Печатать позволяется С. Петербургъ. Іюня 15 дня 1845 года. Ценсоры: *А. Никитенко* и *А. Крыловъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 12. — Суббота, 23 Іюня 1845.

Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Бури, возставшія противу нашего изданія, еще не миновались; лѣтнее время и неудачи въ нападеніяхъ нашихъ противниковъ не уничтожили ихъ усердія вредить Иллюстраціи, которая только что родилась съ цѣлію никому не вредить, всѣмъ и всякому приносить, по силамъ, пользу или удовольствіе, или даже мгновенное, но пріятное развлеченіе. Противники наши отдыхаютъ, и хорошо дѣлаютъ. Чтобы разрушить дѣло доброе, зачатое съ благимъ намѣреніемъ, исполняемое со всѣмъ усердіемъ и уваженіемъ къ публикѣ, — для этого надо много силъ, ума, даже таланта; для этого недостаточно фельетонное краснорѣчіе; ничтожны письма, которыми изъ за-угла бросаютъ въ Иллюстрацію; другія письма, въ превосходномъ числѣ, удостовѣряютъ Редакцію, что она не ошиблась ни въ своемъ пути, ни въ своихъ ожиданіяхъ.

Четвертая часть годоваго изданія передъ вами. Редакція въ этихъ двѣнадцати нумерахъ, прислушиваясь къ мнѣніямъ людей благонамѣренныхъ, старалась улучшать изданіе постепенно. Но угодить на всѣхъ — невозможно. Одни благодарили насъ за обиліе оригинальныхъ статей и рисунковъ; другіе требовали иностраннаго; третіе просили, чтобы ихъ непремѣнно *смѣшила* Иллюстрація.

> И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
> А тотъ соленыхъ огурцовъ.
>
> *Державинъ.*

И при всемъ томъ, Иллюстрація не смутилась; вспомоществуемая извѣстнѣйшими Русскими Литтераторами и любителями словесности, въ двѣнадцати нумерахъ она умѣла заключить и статьи ученыя и забавнаго содержанія, стихи, и повѣсти, и художества, и театръ, и музыку и всѣ важнѣйшія новости ученаго и литературнаго міра; по части изящной словесности, въ 12 нумерахъ, помѣщено двадцать двѣ повѣсти и пять стихотвореній, въ числѣ коихъ одно Таріэль, Барсовая кожа, цѣлая глава изъ грузинской иліады. Въ 12 нумерахъ читатели нашли сочиненія: Е. П. Гребенки, Э. И. Губера, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Е. П. Ковалевскаго, А. П. Башуцкаго, Казака Луганскаго, Н. А. Полеваго, А. И. Пальма, А. И. Петрова, Графа В. А. Сологуба, А. Н. Струговщикова и другихъ, о которыхъ не упоминаемъ, потому что г-жа В. А — я и М. Ѳ. К. скрываются подъ буквами, Кукольникъ — Главный Редакторъ Иллюстраціи, а П. Р. Фурманнъ раздѣляетъ съ нимъ всѣ труды и занятія по Редакціи. — Мы не включили въ этотъ списокъ Русскаго Инвалида, потому что подъ названіемъ Чесменскаго Инвалида, именитый писатель нашъ украшаетъ двѣнадцатый нумеръ, котораго, какъ предполагать должно, вы не прочли еще...

— Въ тѣхъ же двѣнадцати нумерахъ помѣщено одиннадцать статей по художествамъ, семьнадцать по наукамъ, четыре по музыкальной части, четыре по театральной, двадцать три относящихся до современности, всего восемьдесятъ семь статей, не считая анекдотовъ и другихъ мелочей, которыя наполняютъ послѣднія двѣ страницы Нумера.

— На счетъ гравюръ, мы сдѣлаемъ также только статистическое исчисленіе: оригинальныхъ помѣщено 112, иностранныхъ 98, всего 210, разумѣется, не считая въ этомъ числѣ модъ, загадокъ и другихъ мелочей.

Эти факты, которые каждый можетъ повѣрить, не требуютъ поясненій, какими обыкновенно сопровождаются подобныя статьи. Читатели теперь, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, могутъ сами судить о усердіи и старательности Редакціи Русской Иллюстраціи.

Въ дальнѣйшемъ пути, помощію благонамѣренныхъ сотрудниковъ нашихъ, коимъ мы обязаны здѣсь принести изъявленіе нашей живѣйшей признательности, мы надѣемся, что Иллюстрація не остановится въ улучшеніи.

При этомъ случаѣ мы считаемъ не излишнимъ довести до свѣдѣнія читателей, что съ первымъ пароходомъ мы ожидаемъ гравюръ, исполненныхъ въ Парижѣ, по рисункамъ на деревѣ Е. К. Мейера и другихъ русскихъ художниковъ. Виды Павловска, Финляндіи и южнаго поморья Балтійскаго-Моря уже въ дорогѣ; другіе гравируются и будутъ намъ присланы въ теченіе настоящей навигаціи.

РАЗГОВОРЪ

ЧЕСМЕНСКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

Ну ужъ, товарищи, книжечка, залихвацкая, распотѣшила, нечего сказать. *Тарантасъ* — кличка не завидная, а стоитъ барской кареты; ужо, какъ дойдемъ до вашей палаты, животики надорвете.

Нынѣ грѣхъ жаловаться, частенько и въ журналахъ, которые намъ читаютъ, помѣщаются гисторійки — любо слушать, какъ по маслу въ толкъ идутъ. Спасибо писакамъ, молодцы, иная статейка, что въ ротъ, то спасибо, — лишь бы читали; уши развѣсишь и на пролетъ ночь не уснешь.

Сочинители, говорятъ, люди молодые, а ребята, какъ видно, теплые: знаютъ весь бытъ и обычай до подноготной, до всѣхъ доѣзжаютъ и всѣмъ сестрамъ, какъ говорится, достается по серьгамъ; пишутъ прямо по-русски и на русскій ладъ, а что всего лучше, безъ примѣси грязи; нѣтъ ничего невѣроятнаго и нѣтъ ничего на правду непохожаго; разговоръ солдата и мужика не изуродованъ, а дурная сторона показана какой бывала и какою при юномъ на Святой Руси просвѣщеніи быть еще можетъ.

Этакія сочиненія, смѣло читай встрѣчному и поперечному. Люди всѣхъ званій и состояній, до ижицы поймутъ и для каждаго сыщется замѣтка. Намъ, инвалидамъ, науки не въ прокъ, а молодымъ ребятишкамъ, для переду, подобныя книги, мало сказать пріятны, но и полезны.

Времена, друзья, нечего сказать, мудреныя! о чемъ прежде не думали не гадали, нынѣ въ очахъ совершается. Люди часъ отъ часу вострятся, полируются и нейдутъ, но летятъ впередъ, на шагъ не отставая отъ затѣй вѣка и должно признаться, что новое поколѣніе, далеко насъ, старичковъ, оставило на быстромъ походѣ къ наукамъ.

И слава Богу! — Завидовать намъ грѣхъ, но для собственной пользы этого новаго поколѣнія, намъ свойственно желать, чтобъ достойные уваженія и подражанія подвиги, ознаменованные современниками нашими, въ порывахъ чистѣйшей любви къ вѣрѣ, Царю и Отечеству, не шли, по крайности, рядомъ съ пороками и невѣжествомъ, на которые такъ весело еще и не за-долго предъ симъ нападали литературные витязи.

Святыя чувства, въ мужикѣ и въ солдатѣ, по всей вѣроятности, не сотрутся съ перваго плана человѣческой жизни, даже и тогда, какъ народъ Божій, вмѣсто вагоновъ по желѣзной дорогѣ, будетъ летать въ пузыряхъ по воздуху и тогда, чай, благотворная исторія въ науку и осторожность не перестанетъ подмѣчать украшающія и унижающія людей склонности.

И все, конечно, высокіе добродѣтели граждан, — сильно задѣваютъ за душу, а разудалые,

молодецкіе, военные подвиги тормошатъ ретивое, оно такъ и прыгаетъ — словно казачка отхватываетъ.

Воля ваша, а я вовсе не понимаю—о чемъ вы друзья хлопочите. Ну, что можно написать и напечатать о нашемъ русскомъ мужикѣ? Право не умѣю придумать?.. — Заморскіе мужики, какъ говорятъ, не то что наши, а и объ нихъ мнѣ что-то не удалось читать вамъ, не смотря, что почти ежедневно, по приказанію смотрителя, проповѣдую я новости изъ Отечественныхъ Записокъ, изъ Библіотеки для Чтенія, изъ Литературныхъ Прибавленій, изъ Русскаго Инвалида и изъ Сѣверной Пчелы.

Ну, братъ, безногій, проштыкнулся! — «Ахъ ты-де-молокососъ, забылъ начальничій приказъ: читай старикамъ книги, да читай съ толкомъ, съ разстановкой, — чтобъ каждый слушалъ и понималъ. А давно ли въ Пчелѣ было, что въ какой-то нѣмецкой деревенькѣ жилъ лѣкарь, который по-часту ѣзжалъ въ городъ, — небось за піявками и за другими прочими лѣкарственными снадобьями. «Запрягай, братъ, скорѣе лошадь»,— сказалъ лѣкарь мужику, который всегда охотно нанимался возить его.—Нѣтъ, батюшка, ужъ извините, сего-дня нельзя. «Почему?» — Да я везу туда возъ дровъ на продажу. «Ну такъ дрова сложи дома, а чего они стоютъ я заплачу.» — Нѣтъ ужъ извините.—Возъ нагруженъ, готовъ, зачѣмъ же пропадетъ трудъ мой? — А вѣдь въ городѣ я возьму четыре рубля. «Экая голова! да вѣдь я тебѣ за поѣздку даю то же четыре рубля.» — Нѣтъ, ужъ воля ваша, извините, возразилъ мужикъ, непонимавшій своихъ выгодъ. «Вези же дрова ко мнѣ на квартиру, прокомандовалъ лѣкарь, свали ихъ тамъ, вотъ тебѣ деньги и ѣдемъ». — Крестьянинъ согласился и вовсе не догадался, что дрова отдалъ даромъ. — Теперь попробуй, заверни въ любую на Святой Руси деревню, выбери изъ всѣхъ глупѣйшаго мужика и поторгуйся,—такъ къ твоей-то невыгодѣ, онъ можетъ быть и ошибется, — но ужъ въ свою пользу... извините.

Вотъ за то, что ты намъ, господинъ грамотей, читаешь, мы тебѣ кое-что по-разскажемъ. Слушай.

Въ нашъ вѣкъ, неимовѣрными превратностями полный, русскому народу отъ перваго вельможи до простаго хлѣбопашца,—не разъ пришлось быть на оселкѣ, и проба ему, извѣстна всему міру. Много было примѣровъ чудныхъ, дивныхъ, которые для васъ, молодыхъ людей, умерли; но мы, братъ, хорошо знаемъ и увѣрять насъ напрасный былъ бы трудъ: чтобъ русскій мужичокъ, умомъ, сметкою и снаровкою, — на волосокъ уступилъ мужику заморскому; а ужъ о солдатѣ и говорить нечего. Тѣхъ и другихъ видѣли мы, братъ, въ Верманіи и въ Хранціи, но... далеко куцому до зайца!—Возми-ка ихъ къ намъ, вотъ хоть бы, на примѣръ, на нынѣшнюю Святую Недѣлю—такъ ихъ бы и не попахло.—Климатъ, любезный другъ, а не даръ ума и неспособности къ дѣлу благопріятствуютъ: одного угнѣтаетъ и даже обезображиваетъ другаго, и дѣйствительно, какъ бывало увидишь заморскаго мужика, въ началѣ января, въ деревянныхъ съ красными чулками башмакахъ, въ синей полотняной, какъ они называютъ, блузѣ, въ полосатомъ колпакѣ съ руками въ карманѣ, и какъ вообразишь, что въ одно и то же время грѣшное тѣло, кормилеца нашего, съ нуждою грѣютъ: полушубокъ, тулупъ и кафтанъ, на головѣ овчинная шапка, въ каждой рукавицѣ по двѣ варьги, а на каждой ногѣ по два фунта лыкъ, да аршинъ въ пять онучи,—такъ хоть и скажешь, медвѣдь сущій, а подумаешь: не гребень голову чешетъ, время! Но и при этомъ, покорнѣйше просимъ вывесть на справку: въ какой землѣ могутъ похвастаться равными явленіями, равною любовью къ родному отечеству,—какія вчеркнулъ въ Гисторію нашу побѣдоносный 1812 годъ.

Да ужъ этимъ мы не гордимся и не хвалимся, разумѣется,—какъ подвалитъ къ ретивому и подойдетъ къ горлу, такъ по неволѣ подкатятся глаза ко лбу; одного слова: Москва и Божьи храмы въ рукахъ врага! довольно для сигнала, и вся Русь святая готова на смертный бой. — Но вѣдь въ томъ же казусѣ была Хранція, и что же?—Ты, небось, подумаешь, что любовь умнаго и ученаго народа отразилась въ сердцѣ каждаго и вышла изъ границъ!—именно такъ, только не къ отечеству, у ногъ побѣдителя уничиженно лежавшему, а къ деньгамъ.

Боже мой! какъ теперь вижу, на Мормартѣ, чрезъ пять неболѣе минутъ, послѣ подобной молніи радостной вѣсти: пощада жителямъ и городу!— Мы дружились, обнимались, цѣловались и у насъ были, какъ говорится, и пирожки и ватрушки. Нельзя вѣрить, чтобъ жители Парижа болѣе радовались завоеваніемъ Москвы, нежели сдачею Парижа.—Мнѣ часто случалось идти по городу рядомъ съ хранцузскимъ солдатомъ; глядишь, барыня на встрѣчу, «Бонжуръ камрадъ,» вымолвитъ. Бывало, разбойница, протягивая мнѣ руку, бросала самый презрительный взоръ на земляка. Вотъ, братъ, какіе видѣли мы проказы и какой за морями живетъ народецъ. А у насъ?— Ужъ у насъ, братъ, поцѣлуемъ басурманъ не поживится—извините!—пирожками и ватрушками угощать ихъ не будутъ; а для своихъ родныхъ солдатъ—рубаха долой!

При этомъ, по закону благодарности, считаю грѣхомъ смолчать: Въ исходѣ 1806 года, вновь сформированный въ Казани 26-й егерьскій полкъ, въ который и я поступилъ, Высочайше повелѣно доставить въ дѣйствующую армію на подводахъ, при чемъ на ночлегахъ и дневкахъ всѣ роты размѣщались исключительно въ селеніяхъ, гдѣ приготовлены были лошади, а изъ окольныхъ деревень занимались тѣ только, которыя отъ штаба лежали не болѣе версты. Причины, требовавшія столь тѣснаго расположенія, были весьма важны. Въ составъ полка поступили штабъ, оберъ-офицеры и нижніе чины изъ двухъ армейскихъ полковъ и пяти гарнизонныхъ баталіоновъ. Славный Эриксонъ, прибывшій въ званіи шефа, какъ совершенный дѣла своего мастеръ, хорошо зналъ, что всѣ успѣхи въ приготовленіи этихъ разношерстныхъ, такъ сказать, подчиненныхъ, не бывшихъ во всю жизнь свою, не только въ дѣлахъ противъ непріятеля, но, сказать правду, и не читавшихъ ничего о сраженіяхъ и битвахъ,— должны увѣнчаться именно на маршѣ и что иначе будетъ поздно. Онъ, каждодневно, по очереди навѣщая готовые къ выступленію баталіоны, поднималъ духъ солдатъ и, знакомя ихъ съ честію и славою, не скрывалъ и опасностей, герою христіанину вовсе не страшныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ говорилъ гласомъ Святой Вѣры, обѣщающей награду за гробомъ;—короче сказать: Эриксонъ трудился отъ души, не зная отдыха и покоя, но надежды его оправдались далеко выше, нежели онъ могъ предполагать, чему непосредственно помогли христолюбивые русскіе мужички.

Въ это время шла война; съ Французомъ, все войско съ Оренбургской и Сибирской линій слѣдовало въ Пруссію на обывательскихъ подводахъ; безугомонно суетились о сборѣ милиціи, а молва и сплетни разудалаго Наполеона пожаловали въ антихристы... все это произвело на народъ самое грозное и грустное впечатлѣніе, какого и въ роковый 12-й годъ не было. Но Русскому не льзя вспомнить безъ умиленія, какъ всѣ сословія спѣшили оказать усердное участіе въ общей бѣдѣ.—Однажды, стоя на часахъ у шефа, я слышалъ разговоръ его съ предводителемъ уѣзда, по которому мы слѣдовали. «Слава Богу! «сказалъ предводитель, хоть обстоятельства, по «словамъ вашимъ, и не такъ дурны, какими представляются распространившимися слухами; но «мы должны гордиться святыми чувствами похвальнаго патріотизма, который производитъ «неимовѣрныя явленія. Вся наша молодежь «въ строй, а неспособные къ службѣ, чтобъ «не тяготить арміи людьми неучеными, въ бой «негодными, представили лучшихъ изъ своихъ служителей, нѣкоторые не пожалѣли «даже и камердинеровъ; купцы и мѣщане не жалѣютъ капиталовъ, а хлѣбопашцы «лично покажутъ вамъ образецъ, можно сказать, «благороднаго понятія ихъ объ обязанности «каждаго вѣрнаго сына милаго намъ отечества. «Не угодно ли удостоить взглянуть на нихъ?»

На дворѣ квартиры стояло человѣкъ пятьдесятъ поселянъ; шефъ вышелъ. «Прикажите «батюшка, ваше высоко-сіятельство, принять «хлѣбъ-соль для вашихъ солдатушекъ,—защитниковъ нашихъ, молвилъ одинъ избранный.— «Обыватели на большой дорогѣ счастливы: они «встрѣчаютъ, угощаютъ, провожаютъ и вся «душа наружи; а мы въ сторонѣ, словно оглашенные.—Кажись, жизни бы не пожалѣлъ для «нихъ, инъ и лакомымъ кусочкомъ попочивать «не удается.»—Съ послѣднимъ словомъ онъ поднесъ шефу коровай, на который другіе, тутъ стоявшіе мужики, положили, кто красненькую, кто бѣленькую бумажки, а одинъ взвалилъ и сотенную. «Не ровенъ часъ, кормилецъ: нужда «прилучится, такъ и наша денежка не будетъ «щербата.»—Примолвилъ послѣдній.

Эриксонъ тотчасъ смѣкнулъ, что этотъ случай вручаетъ ему новое средство пришпилить къ сердцу солдата новое чувство;—приказалъ проводить почтеннѣйшихъ мужичковъ къ мѣсту, гдѣ стояли подводы и гдѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, долженъ былъ собраться весь полкъ, и, обратясь

къ предводителю, сказалъ : «Мнѣ никогда не «удавалось быть въ сердцѣ Россіи и даже Москву «видѣлъ я только проѣздомъ, но послѣ всего, «что вы мнѣ сказали и что я вижу? — и «мгновенная мысль объ опасности при Егорьи-«Фическомъ (кажется онъ молвилъ) положеніи «нашей матушки Россіи и при столь достослав-«ныхъ доказательствахъ любви къ ней всѣхъ «вмѣстѣ и каждаго разно, грѣхъ тяжкій и, смѣю «прибавить, глупость непростительная. Подоб-«ныя силы врагу ужасны, страшны! — по намъ «затѣи его только что смѣшны.»

Караулъ и казенный ящикъ примкнули къ полку, который стоялъ въ трехъ колоннахъ, составляя три фаса каре, — мужики съ хлѣбомъ въ серёдкѣ. Шефъ тотчасъ выѣхалъ и, напомня солдатамъ радушіе и радость, съ какою они принимаются добрыми жителями на всѣхъ ночлегахъ и дневкахъ, растолковавъ родную кровную любовь поселянъ, прибывшихъ изъ окольныхъ деревень съ отеческимъ, можно сказать, намѣреніемъ, улучшить походную жизнь ихъ — присовокупилъ: «теперь, друзья, къ присягѣ и къ священному паролю нашему, умереть или побѣдить, присоеди-«нится благодарность.—Кровью врага мы долж-«ны уплатить это родственное о насъ попеченіе!.. «И, обратясь къ предводителю, примолвилъ: въ «первомъ сраженіи молодцы мои поквитаются съ «вашими обывателями. — Въ минуты опасныя, «жаркія, не робѣя, грудью мы встрѣтимъ сла-«ву; —а слава въ долгу не остается, она не за-«медлитъ наградить 26-й егерской полкъ лест-«нымъ именемъ своего любимца. Такъ ли я ска-«залъ, товарищи; угадалъ-ли я мысль вашу?«

И! батюшки свѣты, какой при этомъ поднялся шумъ, гвалтъ, такъ вотъ словно мать сыра земля разступилась. Одни кричатъ: ради стараться! другіе крестятся, божатся, клянутся не жалѣть послѣдней капли крови, а иные ропщутъ, что ихъ не скоро везутъ и зачѣмъ дневаютъ.—Наконецъ, по неоднократнымъ уже знакамъ, солдаты смолкли; прослезившіеся мужики, а съ ними и самъ предводитель отерли слезы. — Барабаны грянули и мы отправились въ походъ.

Теперь, понимаешь ты, мокрая курица, въ какомъ славномъ Царствѣ, между какимъ добрымъ, умнымъ, сильнымъ и могучимъ народомъ ты родился,—и можно ли безъ тяжкой обиды слышать сравненіе заморскаго мужика съ нашимъ? — Наконецъ, вижу, что ты хочешь знать, исполнилось ли обѣщаніе храбраго нашего Эриксона, — поквитались ли мы съ поселянами?—Да, мы, братъ, въ долгу не остались, важно разплатились, свои и чужіе тотчасъ узнали, что Сибиряки, какъ насъ величали, — шутить не любятъ.—За первое же сраженіе мы награждены отличіемъ на кивера, за второе серебряными трубами, а въ послѣдствіи, за отечественную войну, полкъ нашъ произведенъ въ карабинеры. — Но, положа руки на сердце и, по чистой совѣсти, я долженъ сказать, что за переходъ столь быстрый полка, по сформированію юнаго — въ чреду полковъ извѣстныхъ, славныхъ, мы обязаны исключительно храброму нашему шефу. — Кто зналъ Эриксона, тотъ безъ сомнѣнія любилъ и уважалъ его всей душой, всѣмъ сердцемъ. Онъ на чистоту былъ храбръ, честенъ, справедливъ, добръ и благороденъ, — такъ отзывались о немъ офицеры отъ перваго до послѣдняго и такъ цѣнили его солдаты. — Карпенко и Скобелевъ, неразлучные спутники Эриксона, — первый изъ нихъ командовалъ баталіономъ, послѣдній былъ шефскимъ адъютантомъ; равно обоихъ онъ любилъ, — бывало при всѣхъ онъ говоритъ: «и Скобелевъ, я увѣренъ, что отъ сорока-восьми пушечнаго ядра они не попятятся.»

Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости офицерамъ и солдатамъ за то, что они поняли шефа, воля котораго была, законъ всѣмъ и каждому. А какимъ желаніемъ горѣлъ каждый изъ насъ сразиться съ непріятелемъ, — это увидишь изъ отчаяннаго подвига. — Вотъ грамотка, написанная въ то же время полковымъ писаремъ, который любилъ собирать всѣ свѣденія. — Богъ знаетъ, на что и для чего они ему? — Но онъ и хорошее и дурное ловилъ и берегъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ нашъ братъ, скряга, собираетъ и бережетъ гвоздики безъ шляпокъ и пуговки безъ ушковъ. — У меня глаза плохи, читай!

По прибытіи къ арміи, мы тотчасъ поступили въ авангардъ Князя Багратіона, при селеніи Лаунау и намъ, въ продолженіе круглаго мѣсяца, отпущено было провіанта только на шесть дней; а на рынкахъ фунтъ чернаго хлѣба продавался по рублю серебромъ. — Положеніе ужасное! — Но оно было бы и еще ужаснѣе, еслибъ шефъ не поддержалъ жизнь солдатъ пожертвованіемъ всего своего достоянія: благодѣтельнѣйшій этотъ начальникъ, вѣрный другъ чести и человѣчества, промѣнялъ на пищу для своихъ людей все, до послѣдней ложки. Но и при этомъ отеческіе порывы благороднаго сердца не вполнѣ оправдались. — При большой семьѣ и при малыхъ средствахъ, не только нижніе чины, но и офицеры терпѣли всесовершеннѣйшую крайность, которая мгновенно прекратилась, какъ дошла радостная вѣсточка, что Государь Императоръ на пути уже къ арміи; но не задолго предъ тѣмъ къ шалашу, въ коемъ помѣщался шефъ, подошли шесть человѣкъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ.

«Ваше превосходительство, молвилъ одинъ «изъ числа первыхъ; — всѣ солдаты хорошо «знаютъ, что у васъ осталась одна только кровь, «не обратившаяся имъ въ пищу, а о сраженіи «слыхомъ не слыхать. — По какимъ же грѣ-«хамъ должны мы умереть, какъ какіе-нибудь не-«христи, не заколовши ни одного Француза, — «чѣмъ мы дышали, чѣмъ восхищались и утѣша-«лись на трудномъ походѣ болѣе трехъ тысячъ «верстъ.»

— Вѣрю, друзья, и знаю, какъ вамъ грустно, отвѣчалъ Эриксонъ; но пособить горю не въ моей волѣ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

БЫЛА ЛИ СОЖЖЕНА ІОАННА д'АРКЪ?

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Была ли сожжена Іоанна д'Аркъ? Это такой историческій фактъ, въ дѣйствительности котораго сомнѣваться невозможно. Будучи исполнена, въ присутствіи большаго стеченія народа, въ одномъ изъ первыхъ городовъ Франціи, около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, послѣ продолжительнаго и жестокаго суда, казнь этой благородной дѣвы есть одно изъ основательнѣйшихъ преданій нашихъ лѣтописей и столь вѣрное, что въ немъ невозможно даже сомнѣваться. Между тѣмъ оно было оспориваемо, опровергаемо; исторія этого опроверженія можетъ служить прекраснымъ примѣромъ и доказательствомъ заблужденій, въ которыя впадаютъ иногда люди слишкомъ ученые.

Въ 1645, аббатъ Винье, отправившись въ Лотарингію съ родственникомъ своимъ, маркизомъ Рисе, отправлявшимся туда въ званіи интенданта юстиціи, досталъ откуда-то рукописную хронику XV-го столѣтія, въ которой онъ, къ крайнему изумленію своему, открылъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Орлеанской Дѣвѣ; свѣдѣнія, дотолѣ неизвѣстныя историкамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1436 года, то есть пять лѣтъ спустя послѣ заключенія руанскаго процесса, пишетъ авторъ хроники, Іоанна, которая, какъ всѣ полагали, была сожжена въ Руанѣ Англичанами, прибыла въ Мецъ, гдѣ находились братья ея, до тѣхъ поръ раздѣлявшіе общее мнѣніе; они были крайне обрадованы, увидѣвъ ее въ живыхъ.

«Въ двадцатый день мая, сказано въ хроникѣ, прибыла въ Мецъ дѣва Іоанна, прозывавшая себя Клодой; и въ тотъ же день пришли къ ней братья, изъ которыхъ одинъ былъ рыцарь и прозывался Пьеромъ, а другой оруженосцемъ, и прозывался Пети-Жаномъ; едва они увидѣли дѣву, какъ познали ее. А въ понедѣльникъ, въ двадцать первый день помянутаго мѣсяца, они увезли сестру съ собою въ Боклонъ; она бодро и ловко сидѣла на конѣ и всѣ узнавали въ ней дѣву Іоанну д'Аркъ, короновавшую короля Карла въ Реймсѣ.»

Изъ Меца, сказано еще въ хроникѣ, Іоанна, вездѣ прекрасно принимаемая, отправилась въ Люксанбургъ, тамъ вышла за рыцаря Эрмоаза, влюбившагося въ нее, и возвратилась съ нимъ вмѣстѣ въ Мецъ.

Эта хроника возбудила любопытство аббата Винье; но онъ оставилъ бы ее безъ вниманія, какъ баснословное преданіе, часто встрѣчающееся въ древнихъ лѣтописяхъ, еслибъ другое открытіе, представившееся ему въ то же путешествіе, не подтвердило перваго. Обѣдая однажды у г. д'Армоаза, одного изъ древнихъ лотарингскихъ дворянъ, онъ случайно заговорилъ объ родословной его. Г. д'Армоазъ отвѣчалъ, что, находясь всю жизнь въ военной службѣ, онъ мало заботился объ своей генеалогіи, но что если аббату угодно, то онъ дастъ ему ключи къ его архиву. Ученый съ радостію принялъ это предложеніе, и, разсматривая старинныя бумаги, случайно замѣтилъ свадебный контрактъ, написанный въ XV столѣтіи и заключенный между рыцаремъ Эрмоазомъ и Іоанной д'Аркъ, прозванной Дѣвой Орлеанской. Такимъ образомъ, старая хроника подтверждалась дѣйствительнымъ актомъ. Родъ д'Армоазовъ, не знавшій рѣшительно этого обстоятельства, столь славнаго для нихъ, обрадовался этому открытію, и аббатъ не колебался болѣе принять ту идею, что эпископъ Бовескій, которому Англичане поручили исполненіе суда надъ Іоанною д'Аркъ, не желая сдѣлаться виновникомъ смерти ея, замѣнилъ героиню другою осужденною, давъ ей средства спастись послѣ смерти герцога Бедфорта, приключившейся въ Руанѣ въ 1435 году.

Кромѣ того, аббатъ Винье представлялъ еще другое доказательство; грамоту, дарованную въ 1443 году Герцогомъ Орлеанскимъ одному изъ братьевъ дѣвы, и содержавшую слѣдующія слова: «Во уваженіе просьбы упомянутаго Пьера, со-

держащей то объясненіе, что, ради службы королю и Герцогу Орлеанскому, онъ вмѣстѣ съ сестрою своею дѣвою Іоанною, оставилъ родину и жертвовалъ жизнію и состояніемъ въ пользу упомянутой службы, какъ во время отсутствія сестры своей, такъ и по возвращеніи ея,» и пр. и пр.

Слѣдовательно, Пьеръ зналъ, что сестра его не была казнена, потому что въ просьбѣ своей онъ говорилъ объ отсутствіи ея; еслибъ онъ имѣлъ малѣйшую причину думать, что она казнена за вѣрность къ государю своему, то онъ непремѣнно воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы поставить это себѣ въ заслугу и имѣть еще большее право требовать вознагражденія.

Аббатъ Винье умеръ, не успѣвъ ничего напечатать по этому случаю; но въ 1683 году, братъ его, въ письмѣ, адрессованномъ къ графу Граммонту и помѣщенномъ въ газетѣ le Mercure galant, обнародовалъ часть идей брата. Въ 1684 году, тотъ же журналъ опять обратился къ этому предмету, напечатавъ письмо г. Вьенна-Плансі, въ которомъ были объяснены нѣкоторые затруднительные вопросы, представившіеся по случаю идей аббата. Другой аббатъ, Кальме, включилъ въ свою *Исторію Лотарингіи*, кромѣ вышеупомянутыхъ документовъ, еще контрактъ, найденный въ тѣхъ же архивахъ и заключенный по случаю продажи имѣнія въ Гаранкурѣ. Контрактъ этотъ былъ написанъ отъ имени Роберта д'Эрмоаза и Іоанны д'Аркъ, Дѣвы Орлеанской. Наконецъ, въ 1749 году, новые документы, найденные въ Орлеанѣ и обнародованные Полюшемъ, опять возобновили разсужденія объ этомъ предметѣ.

Разсматривая старинные отчеты орлеанской ратуши, Полюшъ нашелъ отчетъ, заключавшій въ себѣ слѣдующую статью:

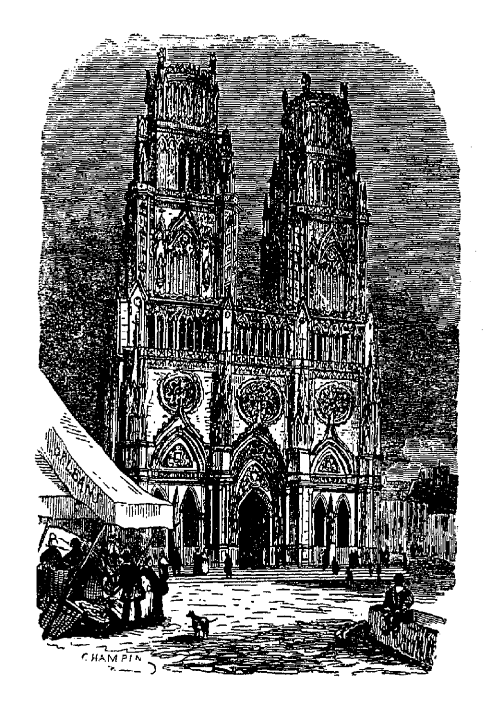
«Реноду Брюну, 25 сего мѣсяца (іюля) вечеромъ, дано 11 су 8 денье на водку, за письма отъ Іоанны, Дѣвы Орлеанской, къ Гильому Бельару.»

Эта любопытная статья заставила его продолжать свои розысканія и, такимъ образомъ, онъ открылъ, что въ августѣ 1436 года, братъ Дѣвы проѣхалъ черезъ Орлеанъ, возвращаясь къ сестрѣ послѣ представленія королю: городъ принялъ его съ почестями и торжествомъ и поднесъ ему сумму денегъ, чтобы доставить средства достойнымъ образомъ возвратиться къ себѣ; что въ октябрѣ того же года, городъ Орлеанъ отправилъ посла къ Дѣвѣ, находившейся въ то время въ Арлонѣ, герцогствѣ Люксанбургскомъ, что совершенно согласуется съ показаніемъ хроники и архива рода Армоазовъ; и что Іоанна д'Аркъ отправила съ этимъ посломъ письма къ королю.

Наконецъ, послѣднее обстоятельство, рѣшающее всякое сомнѣніе, то, что въ іюлѣ 1439 года, четыре года спустя послѣ своей свадьбы, Дѣва сама прибыла въ Орлеанъ, подъ именемъ Іоанны д'Эрмоазъ. Въ городскихъ отчетахъ находится опись всѣмъ издержкамъ и расходамъ, сдѣланнымъ для ея пріема, и подарка въ 2000 франковъ, сдѣланнаго ей городомъ въ воспоминаніе услугъ, оказанныхъ ему героинею во время осады.

Такимъ образомъ, Іоанна, спасшись изъ темницы Руанской, послѣ смерти герцога Бедфортскаго, была узнана всѣми, имѣвшими прежде съ нею сношенія; она удалилась въ Люксанбургское Герцогство, гдѣ вышла за-мужъ за одного изъ знатнѣйшихъ дворянъ и, наконецъ, поселилась съ нимъ и дѣтьми въ Мецѣ; братъ ея, обрадованный этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, лично извѣстилъ о немъ короля и получилъ награжденіе; на возвратномъ пути онъ объявилъ о томъ въ Орлеанѣ, и градскіе старшины, желая убѣдиться въ справедливости словъ его, отправляютъ посланнаго къ самой Дѣвѣ съ просьбой, посѣтить спасенный ею городъ, что Іоанна и исполнила въ 1439 году.

Нельзя подумать, чтобы Орлеанцы были увлечены восторгомъ при одномъ извѣстіи объ спасеніи обожаемой ими Дѣвы, потому что они прекратили церковную службу по покойницѣ только въ 1440 г., а именно тогда, когда лично увѣрились въ томъ, что она еще жива; они не вѣрили ни словамъ брата, ни свидѣтельству очевидцевъ, ни даже



(Соборъ въ Орлеанѣ.)

(Памятникъ Іоанны д'Аркъ.)

увѣреніямъ возвратившагося посла, отправленнаго ими, но увидѣвъ собственными глазами защитницу свою, они не могли болѣе сомнѣваться въ чудесномъ спасеніи ея.

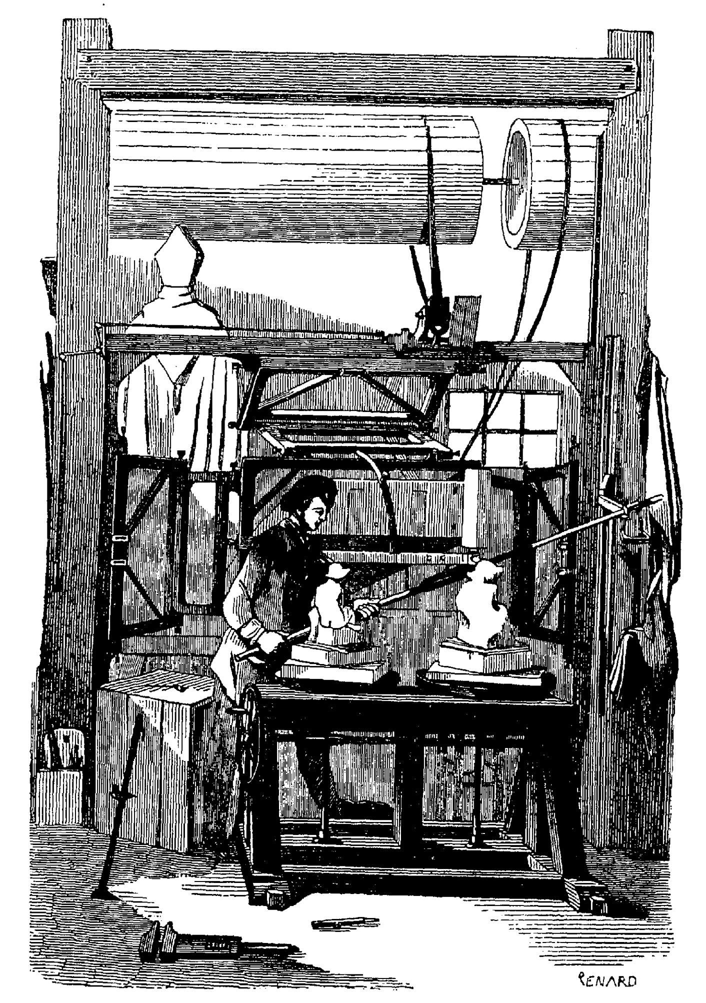
Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ доказательствъ явствуетъ, что Іоанна д'Аркъ не была сожжена.

(*Вторая статья будетъ помѣщена въ слѣд. нумерѣ.*

СКУЛЬПТУРНАЯ МАШИНА.

Эта машина одна изъ замысловатѣйшихъ, которыя намъ случалось видѣть. Она вся состоитъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ параллелограммовъ, поддерживающихъ рамку, снабженную двумя руками, настоящими руками, въ которыхъ сгибы замѣнены колесами и шестернями; нервы — цѣпями и безконечными веревками; пальцы — желѣзными прутьями, а ногти — острыми, круглыми, тупыми, винтообразными и спиральными инструментами; рукамъ этимъ придаетъ движеніе паровая машина, и одна изъ нихъ упирается на копируемый предметъ и весьма нѣжнымъ образомъ, постепенно какъ бы ощупываетъ всѣ контуры его, глазныя впадины, выступъ носа, выпуклость подбородка, круглоту щекъ; а другая, повторяя съ точностью всѣ движенія первой, быстро отбиваетъ съ помощію двухъ молотковъ мраморъ, къ которому прикасается, и такимъ образомъ дѣлаетъ первый эскизъ бюста или статуи; потомъ, съ помощію рѣзца, всѣ лишнія, оставшіяся еще части счищаются и сглаживаются и, наконецъ, по прошествіи часа, не болѣе, разумный инструментъ отступаетъ и взорамъ вашимъ представляется, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ кусокъ грубаго камня, бюстъ или статуя, которую остается только окончательно пройдти и выгладить.

Изобрѣтатель этой машины г. *Контценъ.*



(Скульптурная машина).

ТРИ ВСТРѢЧИ.

Очеркъ венгерскихъ нравовъ.

I.

Я стоялъ въ гарнизонѣ въ Аббайварѣ, на сѣверѣ Венгріи. Тамъ каждый офицеръ занимаетъ цѣлый домъ съ конюшнями и маленькимъ садомъ. Часто эскадронъ размѣщенъ въ четырехъ или пяти деревняхъ, которыя, обыкновенно, лежатъ въ двухъ или трехъ миляхъ одна отъ другой; слѣдовательно полкъ бываетъ иногда разсѣянъ на пространствѣ тридцати миль. Прибавьте къ этому, что сообщенія, особенно въ мое время, были въ самомъ дурномъ положеніи и вы поймете, что наша жизнь походила на ту, которую ведутъ въ военныхъ поселеніяхъ. У каждаго изъ насъ было свое маленькое хозяйство; но иногда надо было употребить цѣлый день, чтобы ѣхать въ гости къ какому нибудь помѣщику, гдѣ мы проводили время, куря табакъ, играя въ тарокъ или разсуждая объ выборахъ и о политическихъ интересахъ нашей провинціи, которые были для насъ важнѣе всей политики Европы.

Охота, лошади, служба, любовныя интрижки, особенно послѣднія, потому что свиданіе назначалось иногда на 20 или 30 миль разстоянія, коекакъ наполняли нашу жизнь. Что касается до меня, то рыская по полямъ и лѣсамъ, я вскорѣ очень коротко познакомился со всѣми отчаянными мошенниками, кравшими лошадей и скотъ, и которые, селясь въ степяхъ, на берегахъ Дуная, или въ Карпатскихъ лѣсахъ, предпочитали свою ко-

(Габуракъ).

чевую удалую жизнь всѣмъ благамъ цивилизаціи и осѣдлой жизни.

Случайно, во время отпуска, проведеннаго мною въ Вѣнѣ, я встрѣтилъ женщину, близь которой я невольно долженъ былъ отдать предпочтеніе прелестямъ хорошенькой бѣленькой ручки, маленькой ножкѣ, красиво обутой, тонкой и стройной таліи, бѣлокурыхъ, надушенныхъ волосъ, предъ дикой красотой женщинъ въ красныхъ сапогахъ, съ черными, какъ смоль, волосами, вымазанными жиромъ, съ мускулистыми руками, загорѣлыми отъ солнца. Нетти (такъ звали мою свѣтскую красавицу) прельстила вельможу, который имѣлъ болѣе власти въ государственномъ совѣтѣ, нежели надъ сердцемъ молодой дѣвушки.

Вдругъ я получилъ приказаніе выѣхать изъ столицы въ двадцать четыре часа. Надо было ѣхать. Я едва успѣлъ написать трогательное прощаніе къ Нетти.

Недѣлю спустя, воротившись въ гарнизонъ и сидя у двери моего домика, подъ густою липой, я курилъ и разговаривалъ съ *гадуади* (поручикомъ) гайдуковъ; вдругъ я увидѣлъ красивую коляску, которая остановилась на минуту у гостиницы и потомъ прямо поѣхала къ моему дому.

Коляска остановилась; изъ нея поспѣшно выскочила женщина въ нарядномъ, городскомъ костюмѣ. Она бросилась ко мнѣ — я узналъ ее — то была Нетти!

Добрая, милая Нетти!... Женщины, чувствительность которыхъ не въ сердцѣ, а на языкѣ, которыя гордятся строгою своею добродѣтелью, обвинили тебя, великодушная Нетти; онѣ исключили тебя изъ своего круга за то, что ты хотѣла осчастливить меня и раздѣлить изгнаніе, которому я подвергся изъ любви къ тебѣ!... За то, какъ часто милый образъ твой носится предо мною, у бивачнаго огня, съ тѣхъ поръ, какъ цвѣты растутъ на твоей могилѣ!...

Счастье не можетъ быть вѣчнымъ. Я получилъ приказаніе ѣхать въ Бессарабію за ремонтомъ, для котораго на арканъ надо было ловить дикихъ, степныхъ лошадей. Въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ я проводилъ дни на конѣ, ночи подъ открытымъ небомъ. Нетти не могла послѣдовать за мною. Я рѣшился проводить ее обратно въ Пресбургъ и для того избралъ кратчайшій, хотя и труднѣйшій путь. Мы отправились въ легонькой колясочкѣ, запряженной пятью венгерскими лошадьми, которыми правилъ мой кучеръ и мой гусаръ *.

Въ первый вечеръ нашего путешествія, мы прибыли въ А—, жалкую деревню, лежащую въ горахъ. Она вся населена дворянами: земледѣльцы, батраки, даже нищіе — дворяне, и весьма гордятся своимъ званіемъ, защищающимъ ихъ отъ судебныхъ прижимокъ и позволяющимъ имъ дѣлать злоупотребленія и жестокости, остающіяся, большею частію, безнаказанными. Однакожъ, если разбой увеличивается, то судьи получаютъ отъ верховнаго суда право судить виновныхъ; расправа производится въ такомъ случаѣ быстро; виновнаго вѣшаютъ, безъ дальнихъ разсужденій, на первомъ встрѣчающемся деревѣ, на которомъ трупъ и остается, въ примѣръ другимъ, добычей коршуновъ и вороновъ. Часто, по дорогамъ, попадаются несчастные, висящіе на деревѣ и покачиваемые вѣтромъ. Это ужасное зрѣлище не препятствуетъ однакожъ смѣльчакамъ, называющимъ себя *бѣдняками* (сцегенъ-легени) жить грабежемъ, производимымъ обыкновенно въ стадахъ и табунахъ, пасущихся на поляхъ средней Венгріи. Они знаютъ, что ихъ ожидаетъ висѣлица, но ихъ утѣшаетъ нѣкотораго рода слава, которою они пользуются; пѣсни народа, разсказы стариковъ и преданія, лучше сохраняютъ славныя имена Ангиля-Бандо, Сцода-Мерци и Бецкерека, нежели мраморные или бронзовые памятники.

* *Гусаръ*, по-Венгерски, значитъ *двадцатый*, потому что въ войнахъ съ Турками каждый приходъ *долженъ* былъ представлять изъ двадцати человѣкъ одного вооруженнаго воина. Гусаръ значитъ конный солдатъ, а гайдукъ пѣшій. По воинственнымъ и феодальнымъ обычаямъ той страны, всѣ дворяне, даже епископы, имѣютъ своихъ гусаровъ и гайдуковъ.

Гостинница въ А — хуже всякой испанской *венты*. Она состоитъ изъ двора, обнесеннаго заборомъ изъ заостренныхъ кольевъ. По обоимъ концамъ, строенія: одно принадлежитъ хозяевамъ, другое, обширный сарай, назначено для путешественниковъ. Въ этомъ сараѣ помѣщаются господа, слуги и даже скотъ. Можно представить себѣ какую ночь провела бы на подобномъ дворѣ моя бѣдная Нетти. Я предпочелъ переночевать съ нею въ хозяйскомъ домѣ. Я даю это пышное названіе маленькой избушкѣ, состоявшей изъ трехъ комнатъ: кухни, буфета и жилаго покоя. Дверь, вышиною въ полтора аршина не болѣе, вела въ кухню, маленькую и грязную. На право другая дверь, подобная первой, вела въ буфетъ, въ которомъ были два полусогнившіе стола, скамьи около стѣнъ и большая каменная печь, на которой сушилось бѣлье, хлѣбъ, овощи, плоды, а въ холодныя ночи спали путешественники, которымъ удавалось овладѣть этимъ привиллигированнымъ мѣстомъ. Въ комнатѣ же жилъ хозяинъ. Полъ вездѣ состоялъ изъ крѣпко убитой глины, которая послѣ попоекъ, во время которыхъ лилось вино ручьями, превращалась въ вязкую, скользкую грязь. Потолокъ состоялъ изъ бревенъ, подпертыхъ дюжимъ древеснымъ стволомъ, подобно колонкѣ высившейся посреди комнаты. За нѣсколько флориновъ хозяинъ уступилъ мнѣ свою комнату, гдѣ Нетти рѣшилась переночевать вмѣстѣ со своей служанкой, составивъ изъ подушекъ экипажа нѣчто въ родѣ дивана.

Во время приготовленій къ тому, чтобы какъ можно спокойнѣе провесть ночь, на постоялый дворъ пришелъ человѣкъ, наружность котораго поразила меня съ перваго взгляда. Онъ пріѣхалъ на маленькой, но сильной и здоровой пѣгой лошадкѣ, убранной, по венгерскому обычаю, множествомъ пестрыхъ ленточекъ. Высокое сѣдло было покрыто бараньей шкурой. Онъ ловко соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ одному изъ кольевъ забора, а самъ вошелъ въ буфетъ. Этому человѣку было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотя по загорѣлому лицу и морщинамъ, проведеннымъ по лицу его трудами и страстями, ему казалось болѣе тридцати лѣтъ. Въ выраженіи лица его было нѣчто суровое и недовѣрчивое. Глаза его были живы, блестящи; онъ съ изумительною быстротою бросалъ взгляды во всѣ стороны, точно лисица, боящаяся быть пойманною. Волосы его, черные и блестящіе, ниспадали по обѣимъ сторонамъ лица и доходили до половины груди. У него не было бороды, а только усы, намазанные жиромъ и тщательно загнутые вверхъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, сухъ, мускулистъ. На загорѣлое лицо его падала тѣнь отъ шляпы, съ широкими полями и украшенной павлиньими перьями и поддѣльными цвѣтами. Впрочемъ, костюмъ его сходствовалъ съ одеждой конныхъ настуховъ. На немъ была коротенькая полотняная рубашка, широкіе, также полотняные, шаровары, стянутые въ таліѣ ремнемъ. На плечо была накинута, въ видѣ доломана, баранья шкура, шерстью внизъ, и обшитая шерстяными разноцвѣтными украшеніями. Плащь этотъ называется *бунда*; онъ служитъ *бѣдняку* кроватью, одѣяломъ, одеждой и скатертью. Все это было очень просто и естественно, но я имѣлъ уже такой навыкъ, что съ перваго взгляда молодецъ этотъ показался мнѣ подозрительнымъ. Вокругъ таліи у него была обвита длинная веревка, сплетенная изъ конскаго волоса и на концѣ которой дѣлается петля для поимки лошадей и рогатаго скота. Не было никакого сомнѣнія, что таково было ремесло вновь прибывшаго; иначе лезвее топора, бывшаго у него подъ мышкой, не былобы такъ заострено, и у длинныхъ шпоръ, прикрѣпленныхъ къ сапогамъ его, не было бы кончиковъ, подобныхъ острымъ игламъ. Топоръ и шпоры были роскошью, не согласовавшеюся съ чрезвычайною простотою прочихъ частей его костюма.

Я спросилъ хозяина постоялаго двора, не пристаютъ ли у него иногда отчаянные молодцы, извѣстные подъ именемъ *бѣдняковъ*. Онъ клялся всѣми святыми, что принимаетъ у себя только однихъ честныхъ людей, но почти въ ту же минуту повѣрилъ моему гусару, что человѣкъ, котораго я описалъ, былъ нѣкто Габуракъ, дезертеръ изъ раабскаго полка и отчаяннѣйшій лошадиный воръ. Мало по малу стала собираться цѣлая компанія. Я увидѣлъ трехъ другихъ молодцовъ въ *бундахъ* и красныхъ панталонахъ; по послѣднему можно было догадаться, что они прежде служили въ гусарахъ; потомъ пришли четыре крестьянина, принадлежавшіе къ довольно странному обществу, цѣлью котораго было добывать самымъ дешевымъ образомъ лошадей, быковъ, коровъ и барановъ, или въ отмщеніе за обиду, причиненную одному изъ членовъ общества, мстить грабежемъ или разбоемъ, смотря по обстоятельствамъ.

Хозяинъ уже не запирался въ томъ, что гости его были *бѣдняки*, не переставая между тѣмъ жаловаться, что совершенно неожиданное посѣщеніе ихъ, вѣроятно, обезпокоитъ меня. Онъ, однакожъ, увѣрялъ, что я могу спать спокойно и что ни одинъ волосъ на головѣ моей не будетъ поврежденъ. Я былъ увѣренъ, что хозяинъ такой же плутъ и, можетъ быть, похитрѣе еще своихъ гостей, а потому рѣшился принять свои мѣры. Уѣхать было невозможно, потому что ночью, въ лѣсу, было еще труднѣе защититься отъ нападенія, нежели здѣсь; притомъ же это былобъ доказательствомъ страха и внушило бъ плутамъ намѣреніе, о которомъ они, можетъ быть, и не помышляли. Я рѣшился казаться совершенно спокойнымъ.

Прежде всего я позвалъ Нетти и, показавъ ей въ окно компанію честныхъ молодцовъ, сидѣвшихъ вокругъ одной сальной свѣчи и нѣсколькихъ кружекъ вина, спросилъ, видала ли она когда нибудь разбойниковъ? Она отвѣчала, что видала ихъ только въ мелодрамахъ.

— Въ такомъ случаѣ — смотри!... сказалъ я ей. Это разбойники. Боишься-ли ты ихъ?

Она посмотрѣла сперва на меня, потомъ на *бѣдняковъ* и отвѣчала:

— Съ тобою я ни чего и ни кого не боюсь.

Изъ всей шайки только одинъ Габуракъ замѣтилъ насъ. Онъ внимательно примѣчалъ за нами.

Я отвелъ Нетти въ комнатку хозяина, гдѣ уже была ея служанка, велѣлъ имъ запереть дверь на задвижку и заставить ее спутри столами и стульями; потомъ, осмотрѣвъ желѣзныя рѣшетки, защищавшія окна, пожелалъ имъ доброй ночи. Послѣ того я велѣлъ кучеру взнуздать лошадей, гусару приказалъ зарядить пистолеты и быть готовымъ на первый зовъ. Наконецъ я возвратился въ буфетъ, рѣшившись, во что бы то ни стало, избавиться отъ безпокойныхъ гостей.

На плечахъ у меня была широкая бѣлая шинель, а на головѣ сѣрая шляпа съ черными перьями, что придавало мнѣ самому довольно подозрительный видъ. На всякій случай я спряталъ подъ плащомъ охотничій ножъ, стоившій доброй сабли и два кухенрейтеровскіе пистолета.

Я вошелъ и безъ церемоніи сѣлъ у одного конца стола, поближе къ окну, въ которое я, въ случаѣ нужды, могъ-бы ретироваться, между тѣмъ какъ мой кучеръ и гусаръ подступили бъ къ дверямъ. Я, однакожъ, вѣжливо поклонился компаніи, попотчивалъ всѣхъ табакомъ, велѣлъ подать вина и такимъ образомъ вскорѣ былъ съ ними въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я даже осмѣлился позабавить честную компанію нѣкоторыми шуточками, которыя имѣли большой успѣхъ. Мое спокойствіе и хладнокровіе льстило имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ внушало ко мнѣ почтеніе. Нѣсколько кружекъ были опорожнены за мое здоровье. Послѣ двухъ часовъ дипломатическихъ дѣйствій, я рѣшился нанесть рѣшительный ударъ и прогнать компанію. Я всталъ и произнесъ торжественно:

— Друзья и товарищи, пора спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, отвѣчали они мнѣ, не трогаясь съ мѣста.

— Рѣчь идетъ не обо мнѣ, а объ васъ. Пора расходиться.

— Что такъ? Ужъ не вы ли хотите прогнать насъ?

— Ну да, я! возразилъ я твердымъ голосомъ; вы сами заставляете меня быть невѣжливымъ: я приказываю вамъ сейчасъ же выдти, не только изъ этой комнаты, но совсѣмъ изъ дому!

Одни засмѣялись, другіе съ изумленіемъ посмо-

трѣли на меня; Габуракъ же всталъ — глаза его сверкали.

— А кто вы, и кто вамъ далъ право приказывать здѣсь? вскричалъ онъ. Вы, вѣроятно, не знаете, что еслибъ, даже самому пфальцграфу вздумалось поступить съ нами такимъ образомъ, такъ ему пришлось бы плохо! Тотъ, кто живетъ въ безпрестанномъ страхѣ висѣлицы, тотъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, право спокойно опорожнить кружку вина, не повинуясь первому встрѣчному. Знаете ли вы съ кѣмъ говорите? Съ бѣдными и робкими земледѣльцами, которыхъ всякъ можетъ обижать?.. Ошибаетесь: нашему брату ни почемъ отправить такого бойкаго молодца, какъ вы, на тотъ свѣтъ... однимъ болѣе или менѣе... намъ все равно! А потому зажмите ротъ и убирайтесь сами вонъ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ).

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРЬЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 3)

Знахарь и *знахарка* — есть нынѣ самое обыкновенное названіе для такихъ людей, кои слизываютъ отъ глазу, снимаютъ всякую порчу, угадываютъ о пропажахъ и проч. *Колдунъ, колдунья, вѣдунъ* и *вѣдунья* встрѣчаются рѣже, и должны уже непремѣнно знаться съ нечистой силой, тогда какъ знахарь, согласно повѣрью, можетъ ходить во страхѣ Божіемъ и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. *Волхвъ* означаетъ тоже, что колдунъ, но слово это въ народѣ неупотребительно; даже о *колдунѣ* или колдуньѣ слышно уже болѣе въ сказкахъ; *кудесники* и *доки* мѣстами тоже извѣстны, болѣе на сѣверѣ, и означаютъ почти тоже, что колдунъ. *Ворожея, ворожка,* относится собственно къ гаданію разными способами, не заключаетъ въ себѣ условіе чернокнижія, но и не исключаетъ его положительно, почему и говорится: я не колдунъ, да отгадчикъ—то есть, не знаясь съ бѣсомъ, умѣю отгадывать. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на картахъ, на кофейной гущѣ, на рукѣ, на воску, или на вылитомъ въ воду яйцѣ, или топленомъ свинцѣ, на бобахъ—отчего родилась поговорка: бѣду на бобахъ развести—есть также гаданія по священнымъ книгамъ, суевѣріе, выходящее нынѣ уже изъ употребленія. Гадаютъ также, повѣсивъ на веревочку рѣшето и псалтырь, причемъ то или другое должно перевернуться, если назовутъ имя виновнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому, какъ кучеръ, подозрѣвавшій товарища своего, деньщика, въ воровствѣ, потребовалъ, чтобы этотъ шелъ съ нимъ къ ворожеѣ, жившей у тріумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ. Пришли, ворожея еще почивала; кучеръ просидѣлъ съ деньщикомъ за воротами около часу, потомъ пошелъ справиться, не пора ли? Говорятъ: можно. Онъ возвращается, зоветъ товарища — но его нѣтъ, и нѣтъ по сей день. Струсивъ ворожеи, при нечистой совѣсти, онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Для такой же острастки кладутъ на столъ заряженное ружье и велятъ всѣмъ цѣловать его въ дуло, увѣряя, что оно вора убьетъ. Кто боится этого и виноватъ, тотъ признается, или, покрайности, откажется, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отъ цѣлованія ружья.

Святочныя гаданья, представляющія болѣе игры—также нерѣдко принимаются въ прямомъ значеніи, и суевѣрные имъ вѣрятъ: строятъ изъ лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать — суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушку, суженый-ряженый почешется и оставитъ волосокъ; ставятъ два прибора, въ банѣ, дѣвушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставятъ зеркало и двѣ свѣчи, дѣвушка сидитъ передъ нимъ и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота, куда ляжетъ носкомъ, туда итти дѣвушкѣ; кормятъ курицу счетнымъ зерномъ, насыпаютъ передъ каждымъ гостемъ овесъ, пускаютъ пѣтуха, и къ кому онъ подойдетъ, тому итти замужъ или жениться; накрываютъ приборы, по числу гостей, и подкладываютъ разныя вещи—что кому придется; дѣвушка выходитъ за вороты и спрашиваетъ имя перваго прохожаго—такъ будутъ звать жениха ея; подслушиваютъ подъ окнами—и изъ этого выводятъ заключенія; выливаютъ олово, свинецъ, воскъ и проч.

Гаданія гороскопическія, со времени познанія истинной планетной системы и теченія міровъ, сами собой потеряли всякую цѣну. Не отвергая связи между землею съ ея жителями и между планетами, луной и солнцемъ—невозможно, однакоже, допустить какую либо зависимость, собственно судьбы или участи каждаго изъ людей, отъ взаимнаго *стоянія* или *сосложенія* земли нашей и другихъ небесныхъ тѣлъ. Тутъ нельзя найти и тѣни смысла.

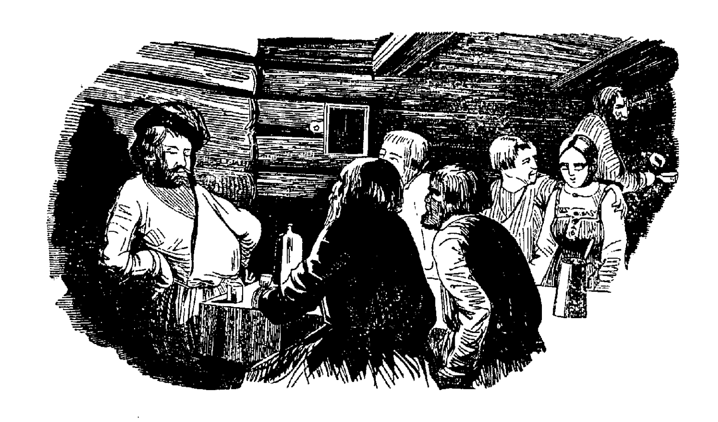
Обо всѣхъ поименованныхъ нами выше лицахъ, ворожеяхъ и колдунахъ, ходитъ столько чудесъ по бѣлу свѣту, что они всякому извѣстны. Если какая нибудь Ленорманъ могла дурачить въ нынѣшнемъ вѣкѣ весь Парижъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и оставить послѣ себя огромное состояніе, то нѣтъ ничего мудренаго, что крестьяне наши, а иногда, можетъ быть, и какое либо иное сословіе, наклевываются на ту же удочку. Иногда обманъ чрезвычайно простъ и не менѣе того для тѣхъ, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицеръ, будучи на съемкѣ, заступился за хозяина своего, у котораго почью были украдены деньги. Весьма основательное подозрѣніе падало на Карпа, котораго, однакожъ, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицеръ собралъ мужиковъ въ одну избу, объявивъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая во всякой толпѣ отыщетъ вора и прямо на него укажетъ. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередъ перекреститься, сложить шапки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ въ избѣ, какъ ему нужно было, каждаго порознь, вынулъ и раскрылъ съ разными околичностями компасъ свой, развертѣлъ пальцемъ стрѣлку, и потомъ далъ ей свободу: со страхомъ и ожиданіемъ мужики глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ безконечному изумленію ихъ, указала прямо на Карпа, поставленнаго, какъ само собою разумѣется, на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, палъ въ ноги и повинился. Надобно, впрочемъ, сознаться, что изъ посвятившихся этому промыслу людей, попадаются люди необыкновенные, по способностямъ своимъ, и что нѣкоторые, дѣйствуя иногда чисто на угадъ, по темному, безотчетному чутью или чувству, нерѣдко угадываютъ истину. Безспорно, что ложь и обманъ гораздо чаще ими руководятъ; но сила воли, навыкъ обращать все вниманіе свое на одинъ предметъ, сосредоточивать напряженныя духовныя силы по одному направленію, можетъ быть и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, безсознательно, какъ бы по вдохновенію—возвышаютъ людей этихъ временно надъ толпою и даютъ имъ средство угадывать и знать болѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, не говоря здѣсь объ уловкахъ, коими хитрые знахари, ворожеи и другіе всезнайки пользуются, — выспрашивая осторожно, окольными вопросами о томъ, о чемъ нужно гадать, узнавая о томъ же черезъ лазутчиковъ своихъ, или постороннихъ людей,—знахари всѣхъ наименованій иногда еще пользуются извѣстными имъ по преданію тайными средствами, снадобьями и зельями разнаго рода, и тѣмъ производятъ мнимыя чудеса. Примѣры этому встрѣтятся ниже, гдѣ, по случаю разныхъ тайныхъ повѣрьевъ, кой-что будетъ объяснено. Колдуны употребляютъ, какъ говорятъ, сушеное волчье сердце, или медвѣжье мясо или сало, чтобы испортить поѣздъ молодыхъ, на свадьбахъ; лошади весьма естественно боятся этого духа и потому ртачатся, не идутъ; тогда всѣ кланяются знахарю, дарятъ его, зовутъ на свадьбу, потчуютъ—и онъ исправляетъ бѣду, не знаю какими средствами; но смѣшно и досадно видѣть, съ какою глупою важностію такой знахарь сидитъ въ подобномъ случаѣ, не ломая шапки, на первомъ мѣстѣ свадебнаго стола. Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказалъ за наглость и безстыдство его. Поспоривъ съ нимъ, онъ вызвался, по предложенію знахаря, выпить ковшъ наговорной воды, и исполнивъ это при всѣхъ, сказалъ: ну теперь ты выпей моей водицы, изъ того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, такъ какъ онъ слишкомъ много напередъ того хвасталъ и хвалился, что ему никто ничего не можетъ сдѣлать. Гость зачерпнулъ въ ковшъ воды и отошедши въ темный уголъ нашептывать, бросилъ въ ковшъ порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся въ самомъ жалкомъ положеніи всю ночь на соломѣ, къ общему удовольствію поѣзжанъ, и свадьба была отпразднована какъ нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слѣпая увѣренность морочитъ людей: народъ не только вѣритъ, что знахарь портитъ свадьбу, испортивъ жениха, или изпоровивъ лошадей такъ, что поѣздъ не можетъ тронуться съ мѣста, или даже оборотивъ всѣхъ поѣзжанъ въ сабакъ или волковъ; но многіе разскажутъ вамъ, какъ очевидцы, добросовѣстно и въ полномъ убѣжденіи, случаи въ родѣ слѣдующаго: я ѣхалъ однажды съ работникомъ, говорилъ зажиточный крестьянинъ, за которымъ кой-что водилось. Мы случайно подъѣхали въ деревнѣ къ свадьбѣ, и онъ попросилъ меня остановиться, увѣряя, что тутъ долженъ быть недобрый человѣкъ, который хочетъ свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работникъ мой вошелъ въ избу, какъ оттуда вышелъ препоганый мужичишка и, подошедъ къ воротамъ, принялся грызть зубами столбъ. Кровь льетъ изо рта, а онъ все грызетъ; наконецъ работникъ мой вышелъ, а мужикъ взмолился ему; тогда тотъ, погрозившись на него пальцемъ, сказалъ, ну, на этотъ разъ ступай, Богъ съ тобой; да смотри, впередъ не шали. Мужикъ поклонился ему, утерся рукавомъ и пошелъ. Въ Сибири какая-то трава, прикрытъ или прикрышъ, избавляетъ молодыхъ отъ всякой порчи.

О знахаряхъ и колдунахъ говорится, что не отказавъ никому своего ремесла, они мучатся, не

могутъ умереть и даже встаютъ отъ этого послѣ смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничкомъ, подрѣзать пятки и вколотить между лопатокъ осиновый колъ. Если предавшійся чернокнижію не найдетъ во всякое время немедленно работы чертямъ, кои являются къ услугамъ его, то они его растерзаютъ. Не знаю, впрочемъ, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дѣло дѣлается, по народному повѣрью, и безъ книги. Общую многимъ народамъ сказку, что кудесники иногда даютъ діаволу росписку кровію своею, продавая ему душу, находимъ мы и въ Россіи, но болѣе на югѣ и на западѣ.

О колдунахъ народъ вѣритъ также, что они *отводятъ глаза*, т. е. напускаютъ такую мару или мороку, что никто не видитъ того, что есть, а всѣ видятъ то, чего вовсе нѣтъ. Напримѣръ: ѣдутъ мужики на торгъ и видятъ толпу, обступившую цыганъ, изъ которыхъ одинъ, какъ народъ увѣряетъ вновь прибывшихъ, пролѣзаетъ насквозь бревна, во всю длину его, такъ, что бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ! Вновь прибывшіе, на которыхъ не было напущено мары, стали смѣяться надъ толпой, увѣряя, что цыганъ лѣзетъ подлѣ бревна, а не сквозь него; тогда цыганъ, оборотившись къ нимъ, сказалъ: а вы чего не видали тутъ? Поглядите лучше на возы свои, у васъ сѣно-то горитъ! Мужики кинулись, сѣно точно горитъ; отхватили на скорую руку лошадей, перерѣзавъ упряжь, а толпа надъ ними во все горло хохочетъ; оглянулись опять— возы стоятъ, какъ стояли, и не думали горѣть.



Упомяну здѣсь еще о заговорѣ змѣй: мнѣ самому не удалось испытать этого на дѣлѣ, но увѣряютъ, что ясеневое дерево, кора, листъ и зола, смиряютъ всякую змѣю, лишаютъ ее возможности кусаться и даже повергаютъ въ родъ оцѣпененія. Ясеневая тросточка, или платье, или платокъ, вымоченные въ отварѣ ясеневой коры, или въ настоѣ золы, тоже вѣточка этого дерева, дѣйствуютъ, какъ говорятъ, на змѣю, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и гадина подпадаетъ власти знахаря. Я вспомнилъ при этомъ, что читалъ подобное въ какомъ-то путешествіи Англичанина по Индіи: тамъ было именно сказано, что Индіецъ касался змѣи вѣткою ясени.

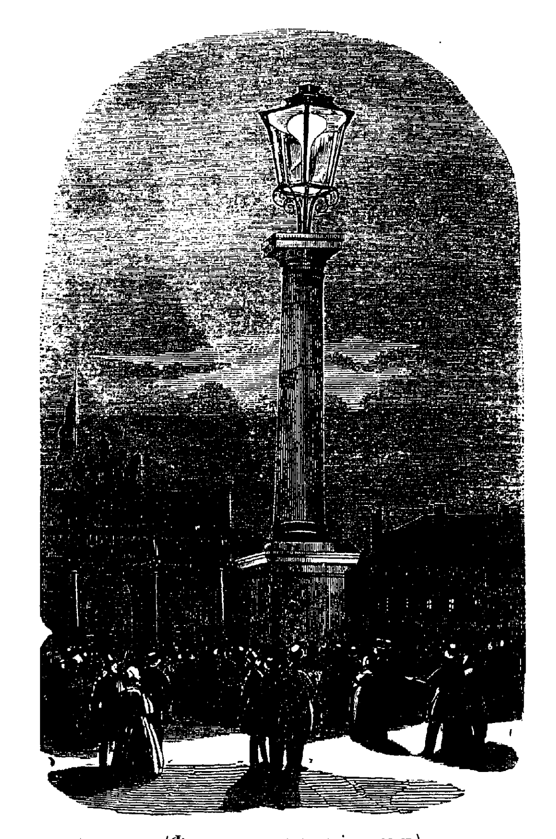
Предоставляю на усмотрѣніе и убѣжденіе читателя, сколько, во всѣхъ чудесахъ этихъ, можно или нельзя объяснить, принявъ за неизвѣстнаго двигателя и дѣятеля ту таинственную силу, которую ученые называютъ животнымъ магнитизмомъ. Объ этомъ будемъ говорить по поводу сглаза.

К. Луганскій.

(Продолженіе впредь).

НОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ГАСОМЪ.

Въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ многолюднѣйшихъ столицахъ Европы, ѣздили и ходили ночью въ потемкахъ и не считали этого неудобствомъ. Всѣмъ казалось, что такъ и слѣдуетъ, иначе и быть не можетъ; что только богатымъ людямъ, и то аристократамъ, прилично проѣзжать по улицамъ съ собственными факелами, а темный народъ оставался во тьмѣ. Умноженіе ночныхъ безпорядковъ подало поводъ къ установленію, такъ сказать, полицейскаго освѣщенія улицъ; ни кто послѣ извѣстнаго часа, не смѣлъ являться на улицѣ безъ фонаря; эта мѣра породила правильное освѣщеніе городовъ постоянными фонарями. Но и тутъ только главнѣйшія улицы освѣщались добропорядочно: въ дальнѣйшихъ кое-гдѣ торчалъ одинъ фонарь, не всегда исправно зажигаемый. Въ переулкахъ господствовала тьма кромѣшная. Хотя освѣщеніе масломъ постоянно распространялось и улучшалось, но расходы на матеріалъ не давали возможности выставлять достаточное число свѣтилень, а тусклость самаго свѣта, особенно при нагарѣ, и умноженіе свѣтилень дѣлали его малополезнымъ. Вся Европа думала, какъ бы освѣтить улицы по лучше; думали цѣлый вѣкъ и наконецъ, въ 1801 году, Лампадіусъ первый, въ Геттингенѣ, предложилъ освѣщеніе водороднымъ гасомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Лебонъ, во Франціи, изобрѣлъ термолампу и для нея извлекалъ гасъ изъ дерева. Въ Англіи употребили для того каменный уголь, въ 1810 и 1811 году; тогда гасъ уже не сталъ обходиться такъ дорого, и примѣненіе его къ освѣщенію улицъ пошло успѣшно. Уже въ 1815 году важная часть Лондона освѣтилась гасомъ; другія столицы послѣдовали примѣру Лондона. Каждый годъ что нибудь придумывалось и облегчало примѣненіе изобрѣтенія; но въ этихъ усиліяхъ были и странные проэкты, которые мгновенно кружили голову предпріимчивымъ людямъ; къ числу такихъ принадлежитъ и budelight Ричардсона. Это колоссальный гасовый фонарь, въ которомъ соединено множество рожковъ, Англичане этого освѣщенія не приняли, и Ричардсонъ отправился въ Парижъ, нашелъ себѣ капиталиста г. Жюжа; Французы весьма обрадовались выдумкѣ, для опыта рѣшили поставить это искуственное солнце на Карусельной-Площади. Солнце вспыхнуло. У фонаря такъ свѣтло, какъ днемъ; на блескъ фонаря нельзя смотрѣть, но за то въ немногихъ шагахъ отъ колонны темнота хоть глаза выколи. Впрочемъ, для новости и этого довольно. Нѣсколько дней на Карусельной-Площади были особыя *гасовыя* гулянья. Чего же больше?...



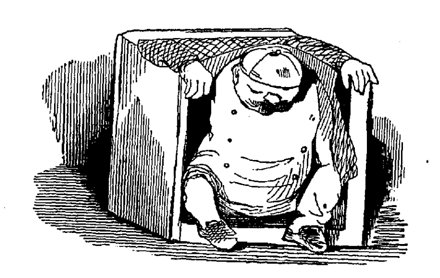
(Фонарь для освѣщенія гасомъ).

КАРИКАТУРЫ ШАМА.

ГЕОМЕТРІЯ.

(Окончаніе).

Кривая и прямая линіи.



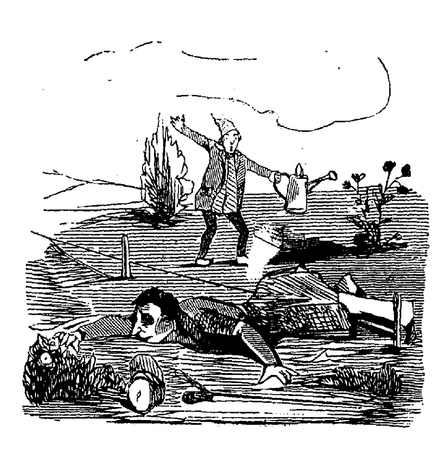
Кубъ.

Точка физическая.

Точка пересѣченія.

Спираль.

Касательная.



Горизонтальная линія.

Линія сломанная.

КАПРИЦІОЗО.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

Пиратъ Цампа дѣльно говоритъ : «сердце дѣвушки глухо въ первый день, но на второй она уже не такъ сильно плачетъ.»

Донъ Гравіель бросился помогать своей возлюбленной; это движеніе спасло его, потому что въ то же мгновеніе весь зарядъ мушкетона влѣпился въ стѣну брига, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ капитанъ. Дѣвушку отнесли въ каюту, тогда, чтобъ избѣжать другаго подобнаго удара, Донъ Гравіель обошелъ англійскій фрегатъ, поддерживая сильный огонь, и ставъ ему съ боку стороны, противуположной испанскому фрегату, продолжалъ стрѣлять такъ мѣтко, что непріятель, выведенный изъ терпѣнія, навелъ на него часть своихъ орудій.

Капризіозо былъ слишкомъ слабъ, чтобъ выдержать подобный отвѣтъ; онъ пустился на уходъ, прикрываясь за Санта-фе, но, передъ уходомъ, пушка Фернанда свершила послѣдній подвигъ : она срѣзала совсѣмъ поврежденный уже бугшпритъ непріятеля; паденіе его повлекло за собою паденіе прочихъ мачтъ; пожаръ оказался тотчасъ въ разорванныхъ парусахъ. Санта-фе отошелъ въ одну сторону; бригъ въ другую.

— Ну, спросилъ Фернандо, къ чему послужили, скажи мнѣ, всѣ эти подвиги, которые я отдамъ всѣ за одну селедку? По моему, мы стрѣляли изъ пушекъ по воробьямъ.

— Какъ! вскричалъ восхищенный Гравіель, посмотри на горящій фрегатъ, безъ насъ, можетъ быть, Санта-фе былъ бы побѣжденъ.

— Можетъ быть, но онъ бы насъ не преслѣдовалъ, проворчалъ гардемаринъ.

Донъ Гравіель пожалъ плечами и сказалъ только:

— Ты видишь, онъ не можетъ догнать насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Санта-фе потерялъ часть мачтъ своихъ; вскорѣ онъ сталъ на якорь, чтобъ удобнѣе произвести починку, и послалъ спасти немногихъ Англичанъ, бросившихся въ воду, чтобъ уйти отъ огня.

На закатѣ солнца уже не было на горизонтѣ ни одного судна, и Капризіозо плылъ безъ опасенія по скалистому проливу, отдѣляющему Кубу отъ Сосновыхъ-Островъ; Бримболліо былъ на вахтѣ. Фернандо курилъ сигару и удилъ рыбу. Донъ Гравіель сидѣлъ подлѣ Хуаны на богатомъ диванѣ, и говорилъ ей съ жаромъ, неизвѣстнымъ намъ насмѣшливымъ тономъ, но слогомъ болѣе приличнымъ и возвышеннымъ. Со времени обморока дѣвушки, онъ уже не прикидывался матаморомъ, а говорилъ покорнымъ любовникомъ и нѣжничалъ—пусть другіе объяснятъ это явленіе.

— Хуанита, сказалъ онъ, пожалуста сознайтесь, что это не было простое движеніе страха. Вы не испугались боя, были покойны по среди грома орудій трехъ судовъ; вы ни слабѣли; я смотрѣлъ на васъ съ удивленіемъ; скажите, обожаемая моя Хуана, скажите, что вы трепетали за жизнь того, который молитъ васъ объ одномъ словѣ надежды.

Долго умолялъ молодой капитанъ, долго Хуана защищалась съ твердостію, потомъ смягчилась, потомъ отвѣчала боязливымъ голосомъ, наконецъ согласилась сдѣлать самое сладостное сознаніе.

— Ты любишь меня, вскричалъ торжествующій Гравіель, ты любишь меня, цвѣтъ души моей; я вымолилъ это слово; отъ него зависитъ счастіе моей жизни!

Альферецъ въ восхищеніи взялъ руку дѣвушки; влекомый неодолимымъ движеніемъ, онъ хотѣлъ напечатлѣть на устахъ ея первый поцѣлуй любви.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Хуана, отталкивая его, вы измѣняете вашему слову : Я дозволила слишкомъ смѣлому защитнику моему взять эту руку, которую теперь у него отнимаю, и этого было уже вѣрно много.

— Простите, Сеньорита, сказалъ Гравіель въ свою очередь, смѣшавшись и съ трепетомъ; я согрѣшилъ предъ вами; но простите, простите моему раскаянію; милосердіе свойство душъ невинныхъ. Не изгоните меня отъ вашего лица. Будьте всегда моимъ другомъ, моею невѣстою предъ окомъ Божіимъ.

Хуана молчала; сильное біеніе сердце доказывало ея волненіе.

Гравіель не смѣлъ сказать болѣе ни слова; жизнь его, казалось, висѣла на устахъ Хуаны, которая, первая, пришла въ себя и съ достоинствомъ подавъ ему руку, сказала торжественно:

— Да! я согласна, я хочу быть, я буду вашею невѣстою, вашею невѣстою, слышите ли?

Донъ Гравіель, преклонясь предъ дѣвушкою, залился слезами, которыя она отирала съ нѣжностію; теперь уже довѣрчивая и покойная на счетъ будущей судьбы своей. Однако ни перемѣняя смѣлость и страхъ Альфереца, замѣнились безпрестанно возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Клянусь, Хуанита, я ускорю этотъ союзъ, единственную цѣль моихъ желаній.

— Хуана еще краснѣла, но взглядъ ея изъявлялъ согласіе на пылкое желаніе жениха. Гравіель бросился на палубу.

— Прямо къ берегу, Бримболліо; пристань къ первой обитаемой губѣ Сосноваго-Острова.

Приказаніе его было исполнено. Еще до разсвѣта Капризіозо стоялъ на якорѣ передъ населеннымъ мѣстечкомъ, весьма знакомомъ каботажнымъ морякамъ. Фернандо послали за священникомъ, такъ, что солнце освѣтило торжество брака дона Гравіеля Бадахосъ и доньи Хуаны де ласъ Эрмадурасъ. Почтенный Францисканецъ, не оправясь еще отъ испуга, бывъ насильно привлеченъ на бригъ, далъ имъ брачное благословеніе, не сдѣлавъ ни малѣйшаго возраженія. Казна капитана Бертуцци послужила къ покрытію всѣхъ издержекъ, на туалетъ Хуаны и на покупку провизіи для кампаніи.

Къ полудню бригъ снялся съ якоря.

— До сихъ поръ, капитанъ, мы потѣли для васъ только, сказалъ Бримболліо; экипажъ начинаетъ ворчать; пора, видите, овечкамъ на пастьбу, и мнѣ также; вотъ и все!

—Будетъ и это! возразилъ донъ Гравіель, слишкомъ счастливый, чтобъ сдѣлать упрекъ угрюмому штурману.

Фернандо началъ привыкать къ присутствію доньи Хуаны. У него было вдоволь сигаръ, онъ славно ѣлъ за столомъ капитана, и начиналъ думать, что все пойдетъ хорошо.

V.

Два мѣсяца спустя, транспортъ изъ 12 купеческихъ судовъ, подъ конвоемъ брига, показался въ Гаванскомъ проливѣ. Издали узнали Капризіозо; донесли губернатору, и онъ тотчасъ надѣлъ парадный мундиръ свой.

Транспортъ умно остановился внѣ пушечнаго выстрѣла; бригъ подалъ сигналъ, чтобъ прислали лодку.

— Клянусь висѣлицею, которую тебѣ готовлю, бандитъ, вскричалъ донъ Антоніо Барзонъ; должно признаться, что это уже слишкомъ дерзко, явиться сюда...

Надобно сказать, что посылали въ погоню за Капризіозо, во всѣхъ направленіяхъ, что его неоднократно встрѣчали, но бригъ всегда уходилъ отъ преслѣдователей. Капитанъ Бертуцци умеръ въ припадкѣ бѣшенства.

Наругавшись вдоволь, донъ Антоніо Барзонъ, наконецъ, рѣшился послать къ бригу лодку, которая, возвратившись, привезла слѣдующее письмо:

«Высокомощный господинъ, донъ Антоніо Барзонъ, Маркизъ де Ласъ Эрмадурасъ и Фашаротесъ, грандъ испанскій, бригадиръ войскъ, командоръ орденовъ, генералъ-губернаторъ острова Кубы и окрестныхъ странъ и проч. и проч.

«Покорнѣйшій слуга вашъ, донъ Гравіель Бадахосъ, и Серрано, и Лопесъ, мичманъ, командующій бригомъ Капризіозо, имѣетъ честь донести, что ожидаетъ его соизволенія, чтобъ войти въ гаванскій портъ съ 12 призами, захваченными у враговъ его католическаго величества.

— Моего соизволенія, разбойникъ! прервалъ губернаторъ.

«Эти 12 призовъ вмѣстѣ стоятъ 3 милліона піастровъ; какъ губернаторъ, вы имѣете право на четвертую долю, а какъ арматеръ, на столько же, что составляетъ ровно половину.

— Дьяволъ, проворчалъ донъ Барзонъ.

«При семъ извѣщаю васъ, что три дни послѣ святаго праздника Рождества, покорнѣйшій слуга вашъ вступилъ въ законный бракъ, на рейдѣ передъ Сосновымъ-Островомъ, съ возлюбленною дщерью вашею, доньею Хуаною де Ласъ Эрмадурасъ, которая присоединяетъ свои просьбы съ моими, чтобъ войти вновь въ милость къ вашему высокомочію.

Неизвѣстно, что думалъ донъ Барзонъ, читая эту статью; а что говорилъ, то всякій угадать можетъ: петля, висѣлица, палачъ.

«Впрочемъ, если вашему высокомочію не угодно даровать всему экипажу всепрощеніе, доли въ призахъ и слѣдующіе чины, именно: 1, донъ Гравіелю Бадахосу и проч. проч. чинъ лейтенанта военнаго корабля и команду бригомъ Капризіозо, который вы купите на счетъ доли своей изъ призовъ; 2, донъ Фернанду—чинъ мичмана военнаго корабля и званіе лейтенанта на сказанномъ бригѣ; 3, Бримболліо—чинъ дѣйствительнаго экипажнаго мастера.

«Въ такомъ случаѣ, покорнѣйшій слуга вашъ, нашелся бы, въ печальной необходимости, воспользоваться свѣжимъ боковымъ вѣтромъ, и искать въ другомъ мѣстѣ, чего онъ ожидаетъ здѣсь отъ великодушія вашего высокомочія.

Бригъ Капризіозо, 1-го марта 17...

P. S. Не излишнимъ будетъ извѣстить В. Высокомочіе о главныхъ дѣйствіяхъ и похожденіяхъ Капризіозо, во время послѣдняго его крейсерства. Независимо отъ 12 купеческихъ судовъ, имъ привезенныхъ, онъ потопилъ или сжегъ три англійскіе военные брига, и причинилъ погибель фрегата, преслѣдовавшаго его вдоль Моны; до того онъ содѣйствовалъ побѣдѣ, одержанной фрегатомъ Санта-фе, проникнулъ въ Кингстонскую Губу (на Ямайкѣ) и сжегъ всѣ находившіяся тамъ суда; потомъ останавливался у Санъ Хуанъ де Порто-Рико,

гдѣ губернаторъ его весьма хорошо принялъ и довелъ о дѣйствіяхъ его до свѣденія его католическаго величества, короля всѣхъ Испаній.

— Задави желтая лихорадка моего дьявола зятя, вскричалъ, наконецъ, донъ Антоніо Барзонъ маркизъ де Ласъ Эрмадурасъ и Фашаротесъ; нечего дѣлать; взять полтора милліона піастровъ и оставить ему дочь мою!

Какъ на бригѣ никого не повѣсили, а присутствіе доньи Хуаны содѣлало пребываніе на немъ весьма пріятнымъ, и облегчило примиреніе губернатора со всѣмъ экипажемъ, то мастеръ Бримболліо сдѣлалъ исключеніе въ пользу жены своего капитана, и сказалъ, что изъ всѣхъ существъ ея пола, одна эта на что-нибудь да пригодилась.

Фернандо же, тронутый счастіемъ своего друга, задумалъ-было жениться, но скоро отказался отъ этого намѣренія, разсудивъ, что хозяйственныхъ хлопотъ не льзя соединить съ спокойствіемъ духа, котораго требуетъ страсть удить рыбу.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Всѣ фельетоны, не только наши, но и чужеземные, начинаются жалобами, зачѣмъ пишутъ о погодѣ, и постоянно жалуются на погоду. Весьма естественно, когда до половины іюня, упрямый Реомюръ не восходилъ дальше 11° тепла. Не только холодъ заставляетъ говорить о погодѣ, но и самая странность, замѣчаемая въ порядкѣ природы. Невозможно, глядя на этотъ безпорядокъ, не призадуматься. Извѣстно, напримѣръ, по народнымъ замѣчаніямъ, что первый громъ есть признакъ, что земля совершенно оттаяла; послѣ грома, прежде, бывало, начиналась теплая погода. Но въ этомъ году лежалъ снѣгъ, стоялъ морозъ, а раннія грозы прогремѣли въ Кавказской-Области 4 марта, въ Одессѣ 5 апрѣля, въ Юрьевѣ Владимірскомъ 1 апрѣля, того же дня въ Кинешмѣ (Костром.) и въ Ковровѣ (Владимірск.), въ Саратовскомъ-Уѣздѣ 7 апрѣля, въ Казани 3 мая, а въ Харьковѣ послѣ теплаго дня ударилъ градъ, коего зерна были даже съ куриное яйцо. Раннія грозы не принесли тепла. И не одна Европа: въ Америкѣ природа волнуется и недавно потрясла въ основаніяхъ красивый городъ Мексику; разрушила водопроводы. Великолѣпная церковь Santa Teresa и нѣсколько зданій разрушены до основанія; всѣ прочія повреждены менѣе или болѣе. — Какъ хотите, но если выписать всѣ наводненія, бывшія въ Россіи и въ чужихъ краяхъ въ небывалыхъ размѣрахъ, всѣ землетрясенія, бури и другія странныя явленія, то невольно призадумаешься. Слѣдственно, фельетоны не правы. Погода теперь становится вопросомъ ученымъ и важнымъ. Метеорологіи много дѣла. Сравненія съ другими годами и выводы любопытны.

⁂ Одесскій Вѣстникъ сообщилъ описаніе весьма любопытнаго праздника, даннаго въ Тифлисѣ купеческимъ сословіемъ 18 апрѣля, по случаю прибытія туда Кавказскаго Намѣстника. Правда, этотъ праздникъ какъ будто отрывокъ изъ сказокъ Шехерезады; Тифлисъ и горы были блистательно иллюминованы; огни горѣли и надъ прахомъ Грибоѣдова. Главное убранство сосредоточивалось въ караванъ-сараяхъ, гдѣ всѣ лавки были отперты и живописно увѣшаны искусно освѣщенные товары; повсюду горѣли транспаранты; у гражданъ Саркисовыхъ, на одномъ деревѣ, сидѣла живая птица; на клевѣ и крыльяхъ горѣли свѣчи. Осьмилѣтній Саркисовъ встрѣтилъ Намѣстника съ супругой привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ. Въ караванъ-сараѣ князей Бебутовыхъ, между другими диковинками, билъ фонтанъ изъ краснаго кахетинскаго вина. Въ караванъ-сараѣ Херодановыхъ висѣла люстра съ хрустальными карафинами, изъ которыхъ лилась вода, а подъ музыку персидскихъ музыкантовъ, пѣвецъ Сатаръ, прославленный при дворѣ шаха, пѣлъ стихи Саади. Съ плоской крыши караванъ-сарая Арцруни подымалось тридцать огненныхъ столбовъ. Вообще, весь праздникъ былъ устроенъ съ азіятскою роскошью, съ европейскимъ вкусомъ. Жалѣемъ, что не имѣемъ рисунковъ.

⁂ Художества наши похожи теперь на осаждающее крѣпость войско, которое въ тайникахъ невидимо роется и приближается къ цѣли трудовъ своихъ, къ славѣ. Эта крѣпость сентябрьская выставка. Всѣ кисти, карандаши, рѣзцы, — всѣ въ дѣйствіи, но каждый работаетъ въ запретной тишинѣ, невидимкой. Исключенія малочисленны. Карлъ Павловичъ окончилъ, съ свойственнымъ ему искуствомъ, прелестный образъ царицы Александры и нѣсколько картоновъ для Исаакія. Говорить о послѣднихъ не своевременно, но невозможно не изъявить удивленія къ силѣ таланта и къ поразительнымъ художественнымъ знаніямъ Карла Павловича. Желательно было бы чтобы эти картоны когда нибудь сошлись предъ глазами всей Европы съ картонами Корнеліуса и Овербека. Чтобы тогда сказали глашатаи славы германскихъ геніевъ?

⁂ Театръ... Какой театръ? Развѣ въ Петербургѣ бываютъ лѣтомъ представленія сценическія? О французскомъ мы докладываемъ исправно; — оперы нѣтъ... Руская трагедія поѣхала путешествовать за границу, а руская комедія — по Россіи. Г. Мартыновъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Казани. Больно нравится. Да и могло ли быть иначе, хотя... Но объ отсутствующемъ говорить не слѣдуетъ. Воротится, тогда поспоримъ.

⁂ Литература... Слѣдовало бы сдѣлать тотъ же вопросъ, что и о театрѣ. Но выходятъ книжки, слѣдственно литература какая бы то ни была есть. Бесѣды русскаго купца о торговлѣ, соч. г. Вавилова, Первый выпускъ русскаго чтенія, соч. С. Н. Глинки, и Квентинъ Дюрвардъ, первый романъ, открывающій изданіе романовъ Вальтера-Скотта на русскомъ языкѣ. Вотъ іюльская литература. Мы еще не успѣли познакомиться съ этими книгами по ближе, почему и говорить теперь не осмѣливаемся.

⁂ Любопытно бы знать, во многихъ ли губернскихъ городахъ бываютъ мѣстныя выставки произведеній промышленности. Въ Казани, покрайней мѣрѣ, была такая выставка въ половинѣ мая. Обѣщаютъ особенную о ней статью; признаемся, ожидаемъ статьи съ нетерпѣніемъ. Выставки теперь повсемѣстно *признаются* весьма дѣйствительнымъ поощреніемъ для промышленной и фабричной дѣятельности, которая у насъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстна. По части торговли и сельскаго хозяйства у насъ начинаютъ появляться въ губернскихъ вѣдомостяхъ весьма замѣчательныя статьи, изъ коихъ на нѣкоторыя считаемъ обязанностію обратить вниманіе читателей.

⁂ Лифляндской-Губерніи въ с. Ряпинѣ есть бумажная фабрика, которою управляетъ директоръ Карлъ Ивановичъ Зельскій. Въ Псковскихъ Г. Вѣдомостяхъ мы прочитали объявленіе г. Зельскаго, и вслѣдъ за тѣмъ обстоятельную статью съ рисункомъ о томъ, какъ крыть кровли бумагою. Такія кровли, по свидѣтельству г. Зельскаго, несравненно *прочнѣе* другихъ родовъ крышъ, долѣе могутъ держаться; покрышка идетъ быстро, не требуетъ починокъ и въ доказательство приводится крыша ряпинской фабрики, которая 11 лѣтъ стоитъ безъ поврежденія и не требовала починокъ. Способы, какъ крыть бумагой, какъ красить массой, составленной изъ дегтя и графита, и самая смѣта расходовъ на матеріалы, — составлены понятно и весьма соблазнительно. Способъ этотъ не новый, но намъ не удалось читать какіе оказались результаты этого нововведенія. Конечно, если бумажная крыша и прочна и красива и дешева, то почему не распространиться, гдѣ только можно, столь полезному изобрѣтенію.

⁂ Другая статья, помѣщенная въ Харьковскихъ Г. Вѣдомостяхъ, по нашему мнѣнію, высокой важности. Это нѣсколько мыслей о сбытѣ русской шерсти за границу, сочин. публичнаго преподавателя агрономическихъ наукъ при Харьк. У. О. Г. Ходецкаго. Было время, помѣщики нашихъ южныхъ провинцій ударились въ овцеводство; употребили значительные капиталы на заведеніе мериносовъ; вдругъ истребляютъ цѣлыя стада, и огромные обозы съ овчинами потянулись въ Москву. Что за причина? Очень простая. Развели овецъ слишкомъ много, въ пропорціи, не соотвѣтственной фабричной дѣятельности нашей, а приготовляли шерсть не въ такой добротѣ, которая могла бы сообщить ей цѣнность на заграничныхъ рынкахъ. Здѣсь не нужно, тамъ не покупаютъ. Одинъ повезъ свою шерсть въ Бельгію и продалъ для набивки тюфяковъ. Г. Ходецкій, по нашему мнѣнію, весьма справедливо обнаружилъ причины несчастій нашего овцеводства, а именно, что шерсть у насъ приготовляется не въ такомъ видѣ, въ какомъ ее требуютъ иностранные фабриканты и что иностранцы о русской тонкой шерсти ничего не знаютъ. Въ слѣдствіе того г. Ходецкій вовсе не отчаявается въ успѣхахъ овцеводства въ Южной Россіи, напротивъ, обѣщаетъ ему великолѣпную будущность, если овцеводы займутся приготовленіемъ только среднихъ сортовъ: электы и примы, и для отправленія за границу будутъ стараться, чтобы она была тщательно сортирована, вымыта и совершенно свободна отъ посторонняго ссора; хотя и въ общихъ словахъ, подаетъ къ тому дѣйствительныя средства; и право, лучше было не рѣзать овецъ на тулупы, а присмотрѣть за производствомъ шерсти, и на европейскихъ рынкахъ умѣть пріобрѣсти то довѣріе, которымъ тамъ пользуются простые торговцы, продающіе шерсть высокою цѣною, тогда какъ нашу покупаютъ только на тюфяки. Въ этомъ случаѣ нельзя отнести вины ни насчетъ края, ни на овецъ, а ужъ и того менѣе на осторожныхъ покупателей. Желательно, чтобы голосъ г. Ходецкаго, раздающійся въ степяхъ, не былъ голосомъ въ пустынѣ.

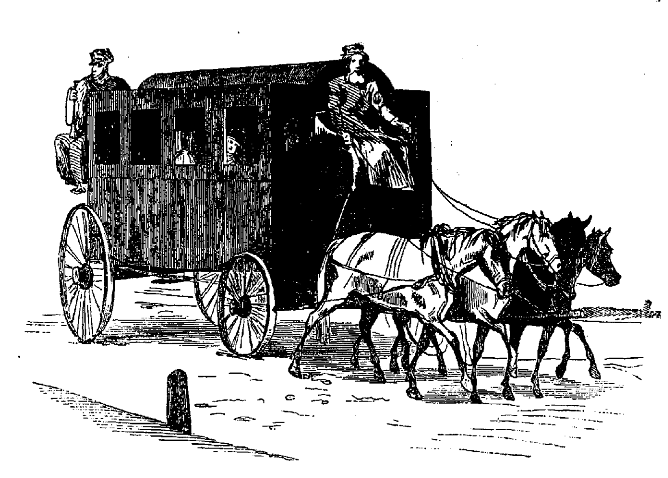
⁂ Третія статья, помѣщенная въ Астраханскихъ Г. Вѣдомостяхъ, о персидской торговлѣ, имѣетъ связь съ предъидущею и заключаетъ весьма много любопытныхъ свѣденій и полезныхъ совѣтовъ. Англичане возвысили въ колоніяхъ своихъ овцеводство и мы одни можемъ, при правильномъ направленіи нашего овцеводства, не только счастливо соперничествовать съ ними, но и остаться побѣдителями; точно то же обѣщаетъ намъ и персидская торговля произведеніями бумажными, коль-скоро мы будемъ умѣть сообразиться съ потребностями Персіянъ и употребимъ къ тому нѣкоторыя побочныя мѣры; Попечительное Правительство безпрерывно распространяетъ наши къ тому средства; въ дальнѣйшихъ неудачахъ мы будемъ сами виновны. Вотъ напримѣръ:

⁂ 9-го мая спущены въ Астрахани два желѣзные парохода, купленные въ Англіи и черезъ Петербургъ доставленные на устье Волги!! Тутъ они собраны и спущены на воду. Каспійская флотилія теперь въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Каждыя двѣ недѣли пароходъ, имѣя на буксирѣ одну или двѣ барки, отправляется въ обходъ Каспійскаго-Моря; по устройству, онъ можетъ подходить къ берегамъ весьма близко. Содержаніе пароходовъ не будетъ обходиться дорого потому, что открытый въ Грушевкѣ уголь доставляется въ Астрахань по 28 коп. сереб. за пудъ. Коммерческія суда ходили въ Персію 80 дней; пароходъ будетъ проходить то же пространство въ 6 дней!! И весь-то этотъ пароходъ съ баржею вооруженною и подымающею грузу до 5 тысячь пудъ, всего стоитъ въ Голландіи 64,000 руб., а въ Англіи только 56,500 руб. сереб. Должно надѣяться, что частные капиталисты послѣдуютъ благимъ указаніямъ попечительнаго Правительства; тогда легко догадаться, кому выгоды персидской торговли достанутся на долю: намъ ли, или дѣятельнымъ островитянамъ?

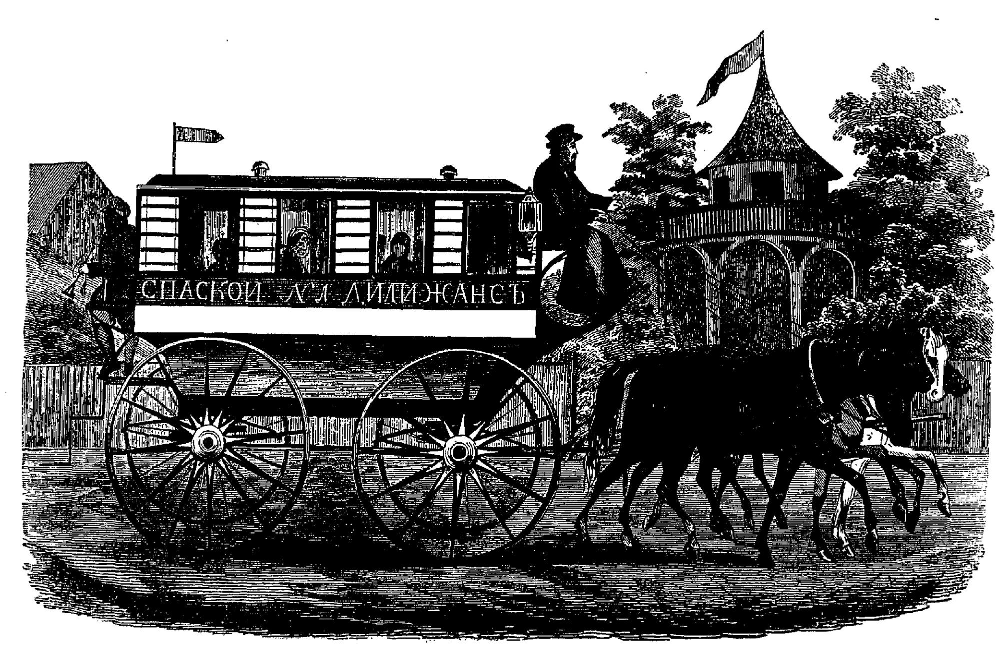
⁂ Кстати о пароходахъ. На дняхъ вышла весьма полезная для петербургскаго жителя брошюрка: Указатель сообщеній между Петербургомъ и его окрестностями. Тутъ вы найдете всѣ пароходы, паровозы, дилижансы и омнибусы, съ часами отправленія и платою за проѣздъ. Книжечка необходимая. Дилижансы въ разныхъ видахъ развелись какъ цыплята, и составляютъ теперь, вмѣстѣ съ погодою, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ежедневныхъ разговоровъ.

Не смотря на холодное лѣто, жители столицы, обязанные службою или дѣлами, живутъ — таки на дачахъ, но безпрестанно ѣздятъ въ городъ, что

въ прежніе годы составляло весьма значительный расходъ, потому что извощиковъ не всегда и вездѣ достать было можно, а крестьяне возили дорого и неудобно.— Заведеніе дилижансовъ представлялось необходимостью; но у насъ нововведенія всякаго рода имѣютъ странный ходъ. Потребность явственна; выгоды— видимы; многіе толкуютъ и о потребности и о выгодахъ, но никто не думаетъ начинать; наконецъ является предпріимчивый человѣкъ; употребляетъ значительный капиталъ; но если предпріятіе его не обезпечено привиллегіей, — можно навѣрно предсказать, что явится множество конкурентовъ на одно и то же дѣло и что это дѣло непремѣнно потерпитъ ущербъ, потому что выгоды раздѣлятся, а издержки останутся тѣ же. Въ прежніе годы ходили дилижансы только въ отдаленнѣйшія загородныя мѣста; мы еще помнимъ эти дилижансы, которыя мало чѣмъ отличались отъ извощичьихъ каретъ, лошадьми, упряжью и одеждой прислуги. Сидѣнья были не совсѣмъ выгодны; въ особенности страдали ноги. Приходилось сидѣть въ клѣткѣ самъ-другъ съ товарищемъ, не всегда пріятнымъ. Впрочемъ, никто не обращалъ на это вниманія, всѣ ѣздили и благодарили учредителей. Соперничество прекратило движеніе дилижансовъ; нѣкоторые уничтожила царскосельская желѣзная дорога.



Дилижансъ прежнихъ временъ.



Спасскій дилижансъ.

Въ ближайшія мѣста около столицы надо было ѣздить на ужасныхъ извощичьихъ дрожкахъ,—эти остатки монгольскаго варварства мучили тѣло и душу. Пролетки хотя уже и развелись теперь, но еще не скоро вытѣснятъ эти адскія дрожки, потому что пролетки пріобрѣсти дорого, а дрожки свои смѣтливый извощикъ чинитъ сто лѣтъ; есть такія, что въ заплатахъ трудно отыскать живое мѣсто; кажется, онѣ и сшиты изъ лоскутковъ. На такихъ экипажахъ любители загороднаго гулянья ѣздили на острова, въ Спасскую-Мызу, Парголово и другія мѣста. Годъ тому назадъ одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ, принадлежащій, по происхожденію, къ одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ фамилій, рѣшился употребить и досугъ свой и немалый капиталъ на устройство спасскихъ дилижансовъ. Цѣль его — было одно желаніе доставить небогатымъ жителямъ столицы средство жить на дачѣ, обезпечивъ ихъ сообщеніе съ городомъ, куда дѣла и обязанности службы могли ихъ призывать ежедневно. Цѣль эта вполнѣ достигнута. Въ спасскихъ дилижансахъ помѣщается по 18 пассажировъ; всѣ — сидятъ на покойныхъ креслахъ вокругъ стѣнъ обширной кареты, защищенные отъ дождя, вѣтра, пыли и духоты; устройство и отдѣлка экипажей превосходная, да иначе и быть не могло, потому что заботливый учредитель не довѣрилъ ихъ какому-либо каретнику, лишь бы подешевле. Спасскіе дилижансы сдѣланы и отдѣланы въ мастерскихъ, которыя смѣло можно поставить на ряду съ первоклассными заведеніями Лондона и Парижа. Одежда прислуги нарядная; лошади добрыя; приходятъ и отходятъ въ точности въ назначенное время. Спасскіе дилижансы, въ нынѣшнее лѣто, распространили линію своихъ движеній; четыре раза въ день они приходятъ въ Парголово къ саду; привозятъ и увозятъ не малое число пассажировъ, въ особенности въ субботу вечеромъ, въ воскресеніе и въ понедѣльникъ поутру. Случаются непріятности, не достаетъ мѣстъ въ Парголовѣ или на Спасской-Мызѣ; но можно ли расчитать сколько именно пассажировъ благоволитъ уѣхать изъ Парголова съ дилижансомъ. Тѣ, которые уѣзжаютъ, н. жалуются. Впрочемъ, заботливый хозяинъ съумѣетъ и въ этомъ отношеніи примѣниться къ дѣйствительнымъ потребностямъ публики, коль-скоро эти потребности положительно обнаружатся. На все необходимо время. Не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ мірѣ все должно созрѣть, и тогда уже подлежитъ суду публики. А теперь, всѣмъ и каждому слѣдуетъ бы изъявить учредителю признательность и всѣми силами стараться поддержать развитіе полезнаго дѣла.

Съ открытіемъ весны, и у спасскихъ дилижансовъ явились соперники. Радуемся и боимся, чтобы преждевременное соревнованіе не уничтожило самаго заведенія дилижансовъ. Младшимъ дилижансамъ предстоитъ еще заслужить довѣріе публики; спасскіе вполнѣ уже его оправдали, и намъ остается только, по обязанности Иллюстраціи, представить, сколько возможно схожій, портретъ съ одного изъ этихъ любимцевъ публики.

—

Г. Ганеманнъ

Г. Матью.

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Чрезвычайно неудобно странствовать у насъ по чужимъ изданіямъ. Иногда это сыпучіе пески, иногда безпутныя горы разной разности, которая составляетъ какую-то жесткую безцвѣтную массу. Если замѣтишь что-либо курьезное, замѣченные обижаются. Въ слѣдствіе такихъ непріятностей, мы отправляемся странствовать за границу тѣ, которыхъ мы тамъ замѣтимъ, не замѣтятъ насъ — и будетъ миръ, покой и благоденствіе. — Какъ только мы переступили черезъ рубежъ Имперіи, то и услышали за всѣми табльдотами о затѣяхъ воздвигнуть памятникъ Ганеманну.

, Сближеніе двухъ замѣчательныхъ людей нашего времени вамъ не покажется страннымъ, когда вспомните, что одинъ возставалъ противу невоздержности медиковъ въ употребленіи лекарствъ, другой противу невоздержности народа въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Одинъ запретилъ даже запахъ цвѣтовъ, другой все, что можно пить, кромѣ воды и чаю. И то и другое ученіе — системы, доведенныя до схоластическаго состоянія философіи среднихъ вѣковъ; но и то и другое ученія принесли необъятную пользу. Жизнь обоихъ занимательна. Интересъ ихъ ученія не миновался. Одному теперь хотятъ ставить памятникъ; другаго выкупаютъ изъ долговъ.

Самуилъ Ганеманнъ, родился въ 1755 году въ Саксоніи, учился медицинѣ въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и Эрлингенѣ, гдѣ и получилъ степень доктора. Ученое поприще его въ самомъ началѣ было ознаменовано не маловажными трудами, которые до сихъ поръ уважаются, какъ напримѣръ судебно-медицинское сочиненіе его о мышьякѣ. Онъ же предложилъ способъ какъ заготовлять Mercurius solubilis, сохранившій и по нынѣ его имя. Весьма много занимался Ганеманнъ переводами разныхъ медицинскихъ книгъ, изъ коихъ одна родила гомеопатію. Въ 1790 г., переводя сочиненіе Куллена (Cullen) Materia Medica, Ганеманнъ никакъ не могъ согласиться съ гипотезами, которыми авторъ старался объяснить свойство хинины въ леченіи лихорадки. Онъ рѣшился испытать дѣйствіе этого начала надъ самимъ собой и замѣтилъ, что хинина, въ здоровомъ человѣкѣ, производитъ перемежающуюся лихорадку, противу коей она употребляется какъ успѣшнѣйшее средство. Само собою разумѣется, что Ганеманнъ не остановился на одной хининѣ; подвергъ такому же анализу и другія врачебныя начала. Выводы были тѣ же. На нихъ возникла Гомеопатія или способъ леченія средствами однородными съ болѣзнію; но какъ однородное начало должно усилить временно и самый недугъ, то Ганеманнъ обратилъ вниманіе на дозы. Уменьшая и раздѣляя пріемы врачебныхъ началъ, онъ довелъ ихъ истинно до безконечной степени дѣлимости; возникъ не споръ, а ужасная война, она не кончилась, не кончится... Кто правъ, кто виноватъ не наше дѣло, но Гомеопатія распространилась по всему свѣту; Гуфеландъ противникъ микроскопическихъ дозъ Ганемана, допустилъ однако же его основное начало Similia similibus curantur, на ряду съ древнимъ отвѣчнымъ началомъ медицины Contraria Contraribus sanantur; Гомеопатія имѣла еще и другое полезное вліяніе на медицину вообще тѣмъ, что Аллопаты стали и съ своей стороны уменьшать пріемы лекарствъ. Повторяемъ, что не наше дѣло рѣшать этотъ важный споръ; рѣшитъ его время и опытъ. Но во всякомъ случаѣ Ганеманнъ принадлежитъ къ числу геніальныхъ людей XIX вѣка. Въ 1835 году, 80-ти лѣтъ, онъ женился во второй разъ на дѣвицѣ Гервильи и переселился въ ея отечество, во Францію. Въ Парижѣ онъ занимался практикой и заснулъ сномъ смертнымъ, тихо, покойно, 2-го іюля 1843 года. Прошло два года. Число поклонниковъ и противниковъ не уменьшилось. Но мало ли было людей, которыхъ увлекали тысячи новыхъ системахъ. Гдѣ эти системы? Отъ нихъ осталось нѣсколько безсмертныхъ зеренъ, сложенныхъ потомствомъ въ священную житницу положительнаго знанія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и будетъ ли довольно поклонниковъ, чтобы воздвигнуть памятникъ Ганеманну? Объ этомъ должны бы подумать Гомеопаты, а не о томъ, кому поручить сочиненіе и исполненіе монумента и какъ собрать деньги.

, Отецъ Матью (Matheu) счастливѣе. Ему при жизни сдѣлали весьма существенный памятникъ. Если вѣрить журналу «Standart» О. Матью, по прямой линіи, происходитъ отъ Гвайтведа, короля Кордиганскаго, который любилъ пиры и дары Бахуса и никакъ не думалъ, что дерзкій потомокъ съ такою силою и успѣхомъ вооружится противу его любимыхъ привычекъ и сочинитъ удивительную, самую вѣрную и самую простую медицину. Пьянство — болѣзнь, которая страшнѣе и вреднѣе безумія. Пьянство — хуже чумы — и побороть это чудовище — дѣло едва ли возможное. Потомокъ Кордиганскаго короля, однакоже, рѣшился на этотъ баснословный подвигъ. — Мысль объ обществахъ воздержанія принадлежитъ къ самымъ древнимъ временамъ. Филантропы давно заботились о исправленіи человѣчества, и, натурально, пьянство было однимъ изъ главныхъ предметовъ, на который они хотѣли дѣйствовать. Но что значатъ эти клубы воздержности въ трехъ королевствахъ, гдѣ вискей, джинъ, эль и портеръ производятся, куда коньякъ, ромъ и крѣпкія испанскія вина привозятся въ такомъ огромномъ, колоссальномъ количествѣ. Съ дѣтства уже Матью страдалъ душею и всѣми чувствами, глядя, какъ всѣ три королевства пьютъ разный ядъ усердно, неистово, какъ за каждымъ глоткомъ слѣдомъ шло зло и возрастало по мѣрѣ уничтоженія ядовитыхъ жидкостей. Но когда Матью получилъ санъ священника, тогда какъ будто онъ получилъ право объявить войну гнусному пороку; онъ просилъ полномочія для преслѣдованія пьянства и получилъ папскую грамоту и званіе римскаго коммисcара. Ирландія, отечество Матью, пила больше двухъ другихъ королевствъ. Считалось обязанностію въ день Патрикія напиться до безпамятства. Матью возсталъ, и побѣдоносное слово его восторжествовало. Пять милліоновъ Ирландцевъ принесли публичную торжественную клятву не пить ничего, кромѣ воды и чая. Theatotallers, чаепійцы распространились по всей Англіи и Шотландіи. О. Матью обошелъ всѣ три королевства и возбудилъ противу себя бѣшенную ненависть откупщиковъ. Для большей торжественности онъ составилъ церемоніалъ принятія въ чаепійцы и завелъ медали для всегдашняго напоминовенія о добровольно-принесенномъ обѣщаніи. Эти медали онъ продаетъ на

наши деньги по 30 копѣекъ серебромъ; приходъ обращается на содержаніе О. Матью; остатки на построеніе въ Коркѣ (гдѣ онъ родился) особой церкви для Театоталеровъ. Между присяжниками, на спискѣ О. Матью, стоятъ имена многихъ сановниковъ, извѣстныхъ дамъ, напр. Маркизы Велеслей, ученыхъ, художниковъ и т. д. Встрѣчаютъ его цѣлыя народонаселенія городовъ, провожаютъ съ благословеніями. Завидный подвигъ, прекрасное назначеніе. О. Матью — врачь, который лечитъ на вѣрное. Эта Гомеопатія безошибочна. Виноторговцы употребляли всѣ возможныя средства, чтобы противудѣйствовать коммиссару, но, какъ видите, нѣсколько милліоновъ послѣдователей ничтожаютъ ихъ козни и пьютъ усердно чай за здравіе О. Матью. Онъ, слава Богу, здоровъ, хотя и въ безпрерывномъ походѣ. — Извлекая жертвы пьянства изъ очарованнаго круга, О. Матью не всегда могъ помочь больнымъ одними цѣлебными словами. Нищета иногда всесильно увлекаетъ несчастнаго къ этому пороку. Тутъ къ слову надо прилагать дѣло; — медали очень дешевы и О. Матью вошелъ въ большіе долги. Недавно часпійцы узнали о печальномъ положеніи папскаго коммиссара, сложились и заплатили за него значительные долги.

Замѣчательно, что и у насъ чай съ нѣкотораго времени входитъ между простымъ народомъ въ общее употребленіе, по сосѣдству ли съ Китаемъ или по другимъ причинамъ. Желательно, чтобы наши часпійцы безъ всякихъ клятвъ и медалей умножились милліонами и милліонами, чтобы отъ Архангельска до Одессы и отъ Калиша до Камчатки, вмѣсто кабаковъ, на каждой верстѣ стояли самовары, величиною съ ту же версту. Суровый климатъ, сложеніе народа и прочія хитрыя защитительныя фразы въ пользу вина — все это утонуло бы въ пахучемъ чаѣ.

⁂ Въ прошлыхъ двухъ десятилѣтіяхъ во всей Европѣ господствовала монументоманія; теперь стало тише; коллекція памятниковъ замѣчательнымъ людямъ только дополняется. Вотъ, напримѣръ, Археологическое Общество въ Турѣ постановило воздвигнуть статую Декарта на одной изъ площадей этого города. Открыта подписка; но кто во Франціи будетъ подписываться теперь на изданіе философскихъ твореній, или на памятникъ Декарта. Мы увѣрены, что во всей Франціи не найдется двухъ сотень подписчиковъ, которые читали Декарта, тогда какъ его книга de Methodo можетъ быть лежитъ красугольнымъ камнемъ въ зданіи европейской философіи, съ того времени уже вторично одряхлѣвшей и достигшей своего схоластическаго періода.

⁂ Французовъ гораздо болѣе занимаетъ обезьяна Джимъ или Жимъ (Jim), которая соперничествуетъ съ Франкони, и показываетъ штуки на лошадяхъ съ удивительною ловкостью, искуствомъ — и даже умомъ. Съ обезьяной раздѣляетъ вниманіе публики новая большая драма Фредерика Сулье: Студенты (Les étudians), саранча, появившаяся въ Алжиріи и голосъ (une voix), комическая опера, текстъ Баярда и Потрона, музыка Булянже; — музыка составлена изъ вальсовъ и маршей, именно потому, что это опера комическая, слѣдственно веселая, а что же можетъ быть веселѣе вальса. Даже Французы признаютъ эту оперу водевилемъ и въ утѣшеніе ожидаютъ *превосходнаго*, въ томъ же родѣ, произведенія другаго композитора Лабарра, который пишетъ музыку на слова Скриба.

⁂ Мы помѣстили въ прошедшихъ нумерахъ любопытную статью объ Индѣйцахъ. Нашлись читатели, которымъ дикари не понравились. Зачѣмъ намъ эти дикари? Это хорошо въ Живописномъ Обозрѣніи, въ Путешествіяхъ вокругъ свѣта, и т. п. но въ Иллюстраціи... Милостивые Государи! Позвольте обратить ваше безпристрастное вниманіе на всѣ французскія газеты и журналы. Во всѣхъ тьма африканской, американской, новозеландской дичи, самой дикой, и весьма интересной. Странствователь уже указалъ на многія статьи, помѣщенныя въ разныхъ иностранныхъ журналахъ; теперь почитаетъ долгомъ сослаться на послѣдній нумеръ парижской иллюстраціи, въ конецъ *краснокожіе* занимаютъ четвертую часть всего нумера. Дикіе — это одинъ изъ самыхъ постоянныхъ современныхъ вопросовъ образованной публики, и простите, если при удобномъ случаѣ мы опять ихъ выведемъ на сцену.

⁂ Въ Лейпцигѣ математикъ Янъ изобрѣлъ снарядъ, который названъ мѣсто-указателемъ пожара, Ortsfeueranzeiger. Это небольшой телескопъ съ придѣланнымъ къ нему особеннымъ и довольно простымъ механисмомъ. Для успѣшнаго дѣйствія этого инструмента, должна быть предварительно изготовлена карта окрестностей, которыя указателемъ обозрѣвать полагается. Въ Лейпцигѣ, на двухъ главнѣйшихъ каланчахъ, уже поставлены такіе указатели. Для взаимной ихъ повѣрки полагаютъ необходимымъ устроить третій. Оптическій обманъ при огнѣ, въ извѣстномъ отдаленіи, придаетъ изобрѣтенію не малую важность. Особенная брошюра, изданная объ этомъ инструментѣ, удовлетворительно объясняетъ подробности, которыхъ мы не помѣщаемъ. Напрасно отъ насъ теперь начинаютъ требовать подробнѣйшаго изложенія ученыхъ вопросовъ, изобрѣтеній и открытій. Гдѣ намъ взять столько мѣста, чтобы знакомить съ подробностями нѣкоторыхъ явленій, которыя могли бы занять оба листа нашего нумера. Странствователь самъ есть только указатель всего полезнаго и изящнаго; онъ спѣшитъ донести читателямъ о томъ, что съ высоты своей подзорной каланчи онъ замѣтить успѣваетъ. Подробностями должны заниматься спеціальные журналы.

⁂ Въ Парижѣ, ребенокъ Пролонжо (Prolongeau) возбудилъ удивленіе академіи. Ему теперь седьмой годъ въ половинѣ и онъ уже съ памяти, съ особенною легкостью разрѣшаетъ задачи, которыя разрѣшаются обыкновенными дѣйствіями ариѳметики и уравненіями первой степени. Комитетъ (Гг. Араго, Матье, Ліувиль, Франкеръ, Андраль и Коши), испытывавшій мальчика, съ свойственнымъ такимъ ученымъ людямъ благоразуміемъ, просилъ академію, принявъ участіе въ образованіи ребенка, не давать его способностямъ преждевременнаго развитія, дабы столь огромныя способности могли своевременно созрѣть и принести плоды, соотвѣтственные ожиданіямъ. Мудрая мѣра! Родительская гордость и пустое любопытство постороннихъ уже сколько разъ обращали въ ничто преждевременно обнаруживавшіяся способности, отъ которыхъ, при другомъ направленіи воспитанія, положительно можно было ожидать великихъ пользъ для наукъ.

⁂ Г. Мезонъ изобрѣлъ *тригонометръ*, инструментъ, посредствомъ коего безъ выкладокъ и вычисленій, можно производить многія дѣйствія ариѳметическія и тригонометрическія.

⁂ Гг. Бойе и Массіа изобрѣли новый способъ *переводить*, исполненныя на деревѣ и на стали, *гравюры на камень*. Этихъ способовъ уже было не мало. Всѣ оказались съ важными недостатками; каковъ новый, увѣдомимъ.

⁂ Мы видѣли уже въ Петербургѣ великолѣпное Путешествіе Г. Чихачева на Алтай (См. Илл. N. 9. стр. 142). Оно издано въ Парижѣ въ большую четвертку, на отличной бумагѣ и украшено множествомъ гравюръ на деревѣ. Къ нему приложенъ альбомъ алтайскихъ видовъ, литографированныхъ съ рисунковъ Мейера. Литографіи превосходны и стоятъ рисунковъ. Сверхъ того къ изданію приложено собраніе отлично изготовленныхъ картъ.

⁂ Мы уже увѣдомили о кончинѣ А. В. Шлегеля. Знаменитый Драматургъ въ завѣщаніи отказалъ извѣстной дѣвицѣ Гагнъ свою булавку, въ которой солитеръ цѣнится весьма дорого. Этотъ подарокъ — умилительное свидѣтельство уваженія старца къ первоклассному таланту. Актрисы, если обладаютъ великими способностями, то могутъ дѣйствовать своимъ искусствомъ и красотой въ огромныхъ размѣрахъ. Вспомнимъ, что Ѳеодора, супруга Юстиніана, была пантомимическая артистка, Элеонора Гвинъ (Gwynn) была сдѣлана Герцогиней при Карлѣ II., а Марія Анна Кино, также актриса, вышла замужъ за Герцога Неверскаго, въ 1722 году и принесла въ приданое 500 пустыхъ банокъ изъ подъ румянъ и бѣлилъ и 2000 паръ башмаковъ.

⁂ Въ Берлинъ стремятся, туда стекаются всѣ знаменитости современныя. Тамъ Мейербееръ, тамъ недавно праздновала торжество свое Дженни Линдъ, тамъ восхищаетъ публику Корнеліусъ, туда явился и Фелисіанъ Давидъ съ своею одой-симфоніей «Le Desert» Пустыня. Она была исполнена на потсдамскомъ театрѣ, въ присутствіи королевской фамиліи, кронпринца Виртембергскаго, курпринца Гессенъ-Кассельскаго и другихъ почетныхъ слушателей. Оркестромъ управлялъ Леопольдъ Ганцъ, хоры исполнялись театральными хористами, теноровое соло пѣлъ Манціусъ, а лирическія строфы декламировалъ актеръ Миллеръ по-нѣмецки. Текстъ Колена, сопутствовавшаго Давиду на Востокъ, весьма удачно переведенъ Фердинандомъ Брауномъ. Описывать содержаніе симфоніи довольно трудно, да и безполезно. Путешествіе каравана въ пустынѣ; молитва путниковъ, буря и т. д. все, что къ *таковому* предмету *принадлежитъ*, вотъ и содержаніе, но весьма пріятно то, что до педантизма строгая нѣмецкая музыкальная критика съ особенною похвалою отзывается объ этомъ произведеніи и о самомъ композиторѣ, какъ о человѣкѣ весьма скромномъ, и безъ всякихъ неумѣренныхъ притязаній, которыя къ несчастію, иногда встрѣчаются не въ одной посредственности.

⁂ Знаменитый Іоаннъ Штрауссъ, Омиръ танцовальной музыки, получилъ, ко всеобщему удивленію, отъ Римской Академіи (Santa Cecilia) званіе, Maestro Compositore e proffessore di musica. По нашему, Академія — права.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Дебюты г. Бертона.

Нѣтъ театральнаго амплуа труднѣе и щекотливѣе, какъ амплуа первыхъ любовниковъ. Они стоятъ на виду, всегда на первомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ роли ихъ большею частію лишены драматической занимательности. И въ самомъ дѣлѣ, какая блѣдная и безжизненная обязанность быть героемъ какой-нибудь комедіи или водевиля, въ костюмѣ нашего времени, съ безцвѣтнымъ характеромъ, съ приторными театральными любезностями? Хорошо еще, когда весь интересъ піесы сосредоточивается на этихъ роляхъ; да часто ли такая завидная участь приходится на долю перваго любовника? И что прежде всего требуется для хорошаго исполненія этихъ ролей? Ловкость въ движеніяхъ, пріятный голосъ, красивая наружность, да благородныя манеры. Возьмите же съ одной стороны — соединеніе всѣхъ этихъ мелочныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ, условій, съ другой — обыкновенную безцвѣтность этихъ ролей — и вы согласитесь со мною, что нѣтъ амплуа труднѣе и щекотливѣе, какъ амплуа перваго любовника. Но самая трудная проба, самая главная задача для этого амплуа заключается не въ историческихъ роляхъ, не въ костюмахъ Людовика XIV, а въ піесахъ съ современными нравами, въ драмѣ или комедіи нашего времени, когда каждый посѣтитель судитъ актера на свой аршинъ, когда каждый шагъ его, каждое слово, каждое движеніе взвѣшивается съ условіями нашей собственной жизни, нашихъ собственныхъ привычекъ, когда все, отъ прически до перчатокъ, подвергается строгой, неумолимой критикѣ.

До сихъ поръ мы имѣли на Михайловскомъ-Театрѣ только одного человѣка, который самымъ блистательнымъ образомъ удовлетворяетъ въ этихъ щекотливыхъ роляхъ всѣмъ требованіямъ самой взыскательной и придирчивой критики. Это — Брессанъ. Въ немъ всѣ эти наружныя условія, о которыхъ мы сей-часъ говорили, соединяются съ истиннымъ дарованіемъ превосходнаго актера, съ живой натуральной и благородной игрой. Но одного на всѣхъ не станетъ, тѣмъ болѣе въ тѣхъ піесахъ, гдѣ встрѣчаются по двѣ молодыя роли, почти равной силы и равной занимательности. Въ этихъ піесахъ переходъ отъ Брессана къ другимъ былъ слишкомъ ощутителенъ. Теперь, благодаря стараніямъ тетральной дирекціи, этотъ недоста-

токъ пополненъ, и наша прекрасная французская труппа пріобрѣла въ лицѣ г. Бертона новаго талантливаго актера.

Уже при первомъ дебютѣ, въ роли Фаринелли, г. Бертонъ произвелъ на публику самое пріятное впечатлѣніе, которое, большею частію, рѣшаетъ и всю будущую участь актера. Мы съ удовольствіемъ замѣтили его красивую наружность, пріятный голосъ и живую развязную игру. Кромѣ того г. Бертонъ еще и хорошій пѣвецъ, что право не бездѣлица въ роли Фаринелли. Не смотря на память о Брессанѣ, котораго возвращенія всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, публика осыпала г. Бертона громкими и вполнѣ заслуженными рукоплесканіями. Мы можемъ ему сдѣлать только одинъ упрекъ, который состоитъ въ томъ, что онъ не всегда натураленъ и что въ игрѣ его мѣстами проскакиваетъ какая-то аффектація.

Для втораго дебюта давали старую піесу, подъ заглавіемъ Mathilde ou la jalousie. Здѣсь у г. Бертона роль драматическая и онъ въ первый разъ явился въ нашемъ современномъ костюмѣ. Мы обязаны замѣтить, что въ этой роли онъ не имѣлъ особеннаго успѣха и, намъ кажется, что его настоящее назначеніе не драма, а комедія или водевиль. Въ немъ нѣтъ того трагическаго достоинства, которое производитъ такое глубокое, деспотическое впечатлѣніе, и невольно вызываетъ то страхъ, то участіе. Въ мѣстахъ патетическихъ онъ не выдерживаетъ характера, слабѣетъ или утрируетъ. Не смотря на то онъ вездѣ игралъ хорошо и отчетливо, съ умомъ и со вкусомъ. Но мы думаемъ, что настоящее амплуа г. Бертона заключается въ комическихъ, наивныхъ и веселыхъ роляхъ, въ чемъ еще болѣе убѣждаетъ насъ его третій дебютъ, въ умной и веселой комедіи Александра Дюма, Le mari de la veuve. Здѣсь онъ имѣлъ необыкновенный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Но за то мы давно не видали піесы, которая была бы такъ хорошо обстановлена. Что за игра! какой ensemble! Какъ хороша г-жа Алланъ! Какая благородная, умная, вполнѣ художническая игра! А г-нъ Алланъ? съ какимъ одушевленіемъ онъ выразилъ характеръ мужа, то торжествующаго, то озадаченнаго неожиданными сомнѣніями! Мы всегда съ равнымъ удовольствіемъ любуемся на эту даровитую чету, которая съ такой благородной и постоянной любовью служитъ своему прекрасному искуству.

Повторяемъ, что въ этой піесѣ мы присутствовали при самомъ блистательномъ дебютѣ г. Бертона. Его живая и ловкая игра заслужила громкое одобрѣніе публики. Роль была по немъ; во всѣхъ комическихъ ситуаціяхъ онъ былъ удивительно хорошъ и, за исключеніемъ маленькой аффектаціи, игра его вполнѣ заслужила тѣ рукоплесканія, какими его осыпали. Восхищаясь его игрой, намъ остается только благодарить Дирекцію за это новое прекрасное пріобрѣтеніе.

Въ этой же піесѣ, въ первый разъ, дебютировала г-жа Матильда, ангажированная на второстепенныя молодыя роли. Она понравилась публикѣ, играетъ хорошо и вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію.

НОВЫЯ КНИГИ.

О собраніи произведеній отечественной кисти и о самобытной жизни въ живописи. С. Пбргъ. 1845. Соч. Сергья Глинки 20 стр. Это голосъ маститаго литератора Сергѣя Николаевича Глинки, извѣстнаго живою и пламенною любовію ко всему отечественному. Кто не согласится съ почтеннымъ авторомъ, что собранія произведеній отечественной кисти возвысятъ и собирателей и художества, и выгодно подѣйствуютъ на нихъ самобытность. Въ брошюрѣ мы встрѣтили любопытный анекдотъ, разсказанный автору княгиней Дашковой въ 1808 году. Ломоносову показалось, что его забыли и онъ впалъ въ уныніе. Узнавъ о томъ Екатерина II, сказала княгинѣ Дашковой : *«поѣдемъ къ Ломоносову; онъ что-то слишкомъ закручинился.»* Дѣйствительно, нашли его въ забытьи, онъ въ думахъ сидѣлъ, облокотясь на рабочій свой столъ. «Здравствуйте Михайло Васильевичъ! сказала Екатерина; Вы со всѣмъ насъ забыли. — «Нѣтъ, матушка! Нѣтъ государыня!» воскликнулъ Ломоносовъ. — Я сказалъ вамъ въ одѣ моей и повторяю :

Твой трудъ для насъ — обогащенье;
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой.»

Асканіо Риччи, драма. Соч. Б. Б. (1839). Москва 1845. стр. 186. Фиделіо и Асканіо Риччи, братья живописцы, жили у начальника школы Франческо и влюбились въ его дочь, вмѣстѣ съ другими учениками. Отецъ объявилъ конкурсъ. Кто напишетъ лучшую картину, тому и владѣть Маргаритой. Всѣ согласились, только одинъ Асканіо возгласилъ veto и куда-то уѣхалъ. Фиделіо — любимецъ Маргариты, написалъ чудо картину, но имѣлъ другомъ злодѣя Рудольфо, который досталъ у алхимика яда, принесъ къ Фиделіо свою картину, заставилъ его написать письмо къ Маргаритѣ, отравилъ друга, картину его унесъ, свою тутъ же сжегъ и — по милости таланта покойника, женился на Маргаритѣ. Но Асканіо воротился, открылъ обманъ, сталъ преслѣдовать; Рудольфо убилъ жену, хотѣлъ убить и Асканіо, но Рудольфо взяли въ полицію и, вѣроятно, уже казнили въ томъ же 1839 году, когда написана и драма. Въ концѣ книги помѣщено необходимое объясненіе. Авторъ боится, чтобы буквы Б. Б. не подали повода думать, что эту драму написалъ Баронъ Брамбеусъ.

ПЕРЕПИСКА.

Письмо къ главн. Редактору : въ 10 № Иллюстраціи, въ отдѣленіи «Странствователь по чужимъ изданіямъ», упоминается о Сѣверной Пчелѣ. Тамъ, между прочимъ, напечатано : «хозяинъ — оправдывается противу домочадцевъ. Въ отсутствіе Ѳ. В. Булгарина долгомъ считаю замѣтить, что это выраженіе не точно. Ѳ. В. Булгаринъ не *домочадецъ* а такой же хозяинъ Сѣверной Пчелы, какъ и мой батюшка, Н. И. Гречь, и статья, противу которой онъ оправдывается, подписана буквами *Ѳ. Б.*..... А. Гречь.

А. Н Гречу. Съ удовольствіемъ исполняемъ ваше желаніе и помѣщаемъ въ Иллюстраціи это письмо. Теперь мы знаемъ, кто обвинилъ Николая Ивановича въ несправедливыхъ показаніяхъ, которыя оказались слишкомъ справедливыми. Мы привыкли читать все, что пишетъ Н. И. Гречь, и потому не знали противу кого онъ оправдывается, видѣли только, что онъ оправдывается съ неудовольствіемъ (и согласитесь, весьма справедливымъ) противу *Сѣверной Пчелы*. Въ слѣдствіе того просимъ читателей исправить нашу ошибку и читать такъ : «одинъ хозяинъ оправдывается противу другаго хозяина.» Теперь будетъ, кажется, точно.

*** *Провинціальному Шахматофилу.* Не успѣли мы отвѣчать на одно ваше письмо, какъ уже получили второе. На оба отвѣты уже напечатаны въ Иллюстраціи.

*** Встрѣча и Фокусъ не могутъ быть напечатаны въ Иллюстраціи. Что же касается до Русскаго Словаря, то мы помѣстимъ ваше слово при случаѣ, когда наберется по больше такихъ особенныхъ выраженій нашего народа.

*** М. М. Благодаримъ за присылку. Вы видѣли мы уже ею воспользовались, что же касается до переведеннаго вами романа Альфонса Карра, то онъ, къ сожалѣнію, не подходитъ подъ размѣръ, назначенный для переводныхъ статей въ Иллюстраціи.

— Загадки не могутъ быть помѣщены въ Иллюстраціи и потому отосланы по назначенію вашему, по той единственно причинѣ, что въ нихъ есть рисунки. Редакція уже объявила, что не имѣетъ времени возвращать присылаемыхъ къ ней статей.

АНЕКДОТЫ.

*** Къ Гайдну, однажды, пришелъ мясникъ и требовалъ аудіенціи.

— Тебѣ что надо? спросилъ старикъ.

— Музыки! Отвѣчалъ гость. Я знаю, что вы очень добрый и обязательный человѣкъ ; вы отличались во всѣхъ родахъ музыки ; безспорно вы у насъ самый первый музыкальный мастеръ, но больше всего мнѣ нравятся ваши менюэты. Мнѣ также нужно имѣть менюэтъ, только, знаете, такой, самый веселый, самый отличный и самый новый.

— Зачѣмъ ?

— Вотъ видите, у меня на дняхъ выходитъ дочька за мужъ. Хотѣлось бы, чтобы на свадьбѣ плясали подъ новую музыку. Я обратился съ просьбою къ знаменитому Гайдну; кажется, лучше я не могъ ничего сдѣлать.

Гайднъ улыбнулся и обѣщалъ написать менюэтъ на послѣ завтра. Послѣ завтра мясникъ явился, и съ благодарностію и радостію принялъ драгоцѣнный подарокъ. Нѣсколько дней спустя, Гайднъ слышитъ на улицѣ звуки инструментовъ; играютъ его новый менюэтъ; Гайднъ взглянулъ на улицу и видитъ передъ его окнами, окруженный кочующимъ оркестромъ, стоитъ великолѣпный волъ съ вызолоченными рогами, убранный лентами и цвѣтами. Мясникъ явился и еще разъ поблагодаривъ Гайдна, заключилъ свою рѣчь такъ : Я, какъ мясникъ, не могъ, по моему, поблагодарить васъ за превосходный менюэтъ иначе и потому приношу вамъ въ жертву лучшаго изъ моихъ быковъ.» Мясникъ не отсталъ отъ Гайдна, пока тотъ не принялъ искренней жертвы простодушной признательности. Вотъ почему одинъ изъ менюэтовъ Гайдна сохранилъ названіе *Воловьяго*, Ochsen menuet.

—

Баронъ Трумердорфъ, богатый нѣмецкій помѣщикъ, окончивъ гдѣ-то курсъ наукъ, воротился въ свой замокъ, расположенный въ весьма красивомъ поэтическомъ мѣстѣ. Жилъ, пожилъ, но сельское одиночество прискучило; онъ догадался, что вдвоемъ жить веселѣе; Баронъ задумалъ жениться, но какъ рѣшиться на такое важное дѣло. Нашлась и невѣста, сосѣдка, графиня, богатая, красавица, умница ; Баронъ не могъ найти лучше въ цѣломъ свѣтѣ, — но жениться! это ужасно! Онъ совершенно перепугался и откладывалъ объясненіе со дня на день. Но такъ какъ баронъ не переставалъ ѣздить въ замокъ графини, какъ слѣдуетъ жениху ухаживать за нею, въ слѣдствіе чего другіе женихи стали ретироваться, все это принудило будущую тещу къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она потребовала отъ Барона окончательнаго отвѣта и назначила сроку три дня. Несчастный баронъ двѣ ночи не спалъ, ходилъ какъ въ лихорадкѣ, садился на коня, чтобы поѣхать въ замокъ и пасть къ ногамъ графини ; то садился за письменный столъ и начиналъ писать отреченіе отъ женитьбы... Наступилъ третій послѣдній день. Отчаянье помогло барону. Онъ позвалъ слугу и сказалъ осѣдлай коня и будь готовъ отправиться въ путь, но прежде прикажи развести огонь въ каминѣ. Пока слуги исполняли приказаніе барона, онъ написалъ два письма: въ одномъ просилъ руки графини, въ другомъ отказывался отъ женитьбы. Запечатавъ письма въ одинакіе конверты, баронъ позвалъ слугу.

— Ну что, готовъ?

— Готовъ, г. Баронъ!

— Бери! и съ этими словами подалъ слугѣ письма свои въ шляпѣ.

— Что брать?.

— Одно письмо...

— Взялъ.

— Теперь на коня! Во весь опоръ скачи къ графинѣ... Отдай письмо и возвращайся съ отвѣтомъ.

Въ волненіи Баронъ почти вытолкалъ слугу задвери, схватилъ другое письмо и бросилъ въ огонь. Можете себѣ представить въ какомъ состояніи духа провелъ Баронъ весь этотъ день, потому что замокъ графини былъ не такъ ужъ близко и притомъ отвѣты на такія письма не пишутся такъ скоро. Истинно комическое положеніе, которое стоитъ того, чтобы имъ занялся П. А. Каратыгинъ. Объ остальномъ говорить не стоитъ. Само собою разумѣется, что жребій былъ умнѣе барона, послалъ письмо, какое послать слѣдовало и графиню черезъ нѣсколько времени разжаловалъ въ баронессы.

ИГРЫ.

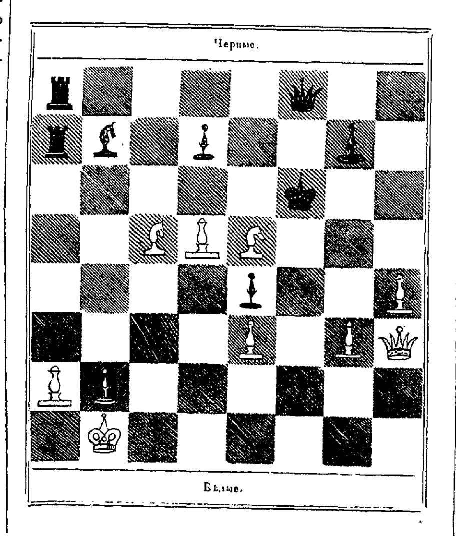
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 11.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) П. 1. м.	Вынужденные ходы.
2) К. на 7 кл. Кор.	
3) Кор. на 3 кл. свою.	
4) Кор. на 4. м. Ф.	
5) Кор. на 5 м. Ф.	
6) Кор. на 6. м. Ф.	
7) К. на 6 м. Сл. Ф.	
8) Кор. на 7 м. Сл. Ф.	
9) П. 1. м.	
10) П. 1. м. (Ферчь).	
11) Ф. на 6 м. К. св. и Матъ.	

ЗАДАЧА № 12.

Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода.



РАЗРѢШЕНІЕ КАРТОЧНОЙ ЗАДАЧИ.

Дама трефъ.	Тузъ бубенъ.	Король червей	Валетъ пикъ.
Валетъ черв.	Король пикъ.	Тузъ трефъ.	Дама бубенъ.
Тузъ пикъ	Дама червей.	Валетъ бубен.	Король треф.
Король буб.	Валетъ треф.	Дама пикъ.	Тузъ червей

Можно разрѣшеніе этой задачи представить и въ математической формулѣ. Но къ чему? Есть практическій способъ разрѣшенія, и удивительно, какъ онъ могъ придти кому нибудь въ голову, а именно: положите 16 картъ въ извѣстномъ порядкѣ одну на другую, напримѣръ такъ : тузъ пикъ, тузъ трефъ, король пикъ, король трефъ, дама пикъ, дама трефъ, валетъ пикъ, валетъ трефъ, тузъ бубенъ, тузъ червей и. т. д. теперь уложите ихъ въ квадратъ и перемѣните мѣста : 1-й съ 16, 4-й съ 13, 6-й съ 11 и 7-й карты съ 10—вы машинально получите разрѣшеніе задачи.

—

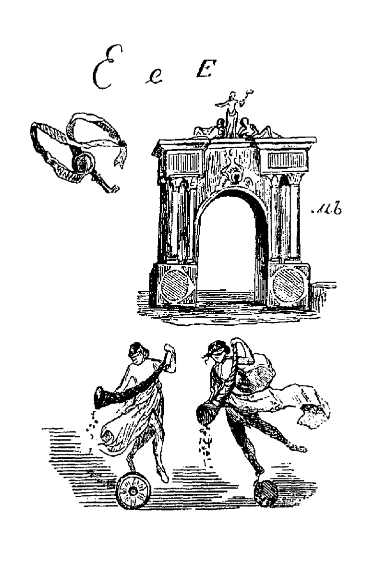
РАЗГАДКА № 11.

Вѣсъ, на пролетѣ ла, свѣтъ, ромбъ, утъ, тонъ, очью, нис у вида, ли.

Весна пролетѣла съ вѣтромъ, будто ночью, и не увидали.

—

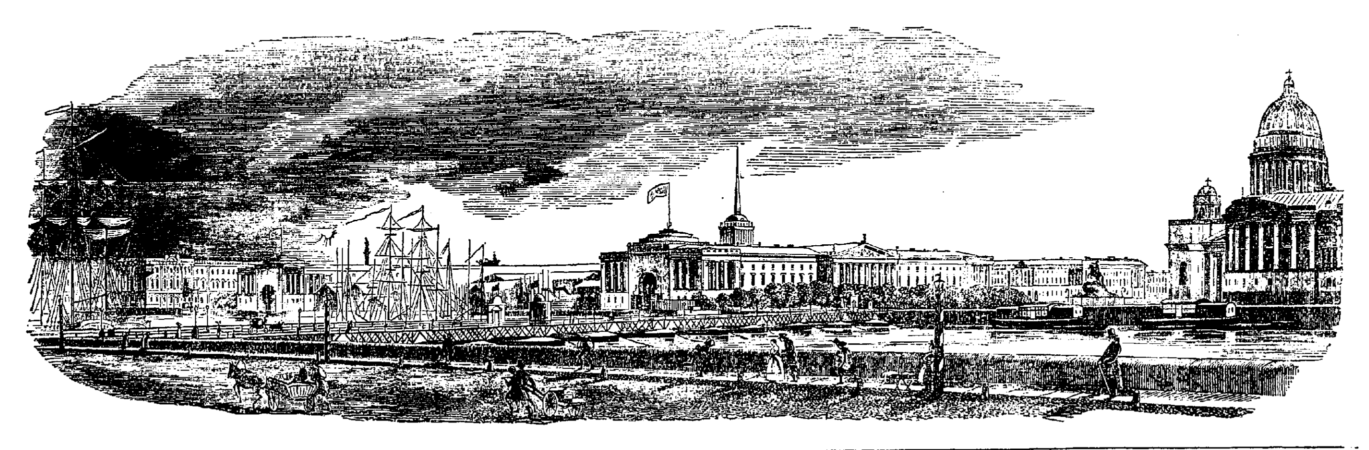
ЗАГАДКА № 12.



Печатать позволяется С. Петербургъ. Іюня 21 дня 1845 года. Ценсоры *А. Никитенко* и *А. Крыловъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 13.—Суббота, 30 Іюня 1845.** Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Царь-градъ передъ вами. Изумленный, трепетный отъ нетерпѣнія и радости взоръ вашъ переходитъ отъ предмета на предметъ, отъ чуда къ чуду ; но образъ Св. Софіи воскреснетъ въ воспоминаніи вашемъ, величественный и всесокрушающій, и вы спрашиваете гдѣ она, Святая Софія? гдѣ храмъ мудрости Бога? и вамъ укажутъ на мечеть, забросанную окрестными зданіями, приземистую, мало-замѣтную, надъ которою господствуетъ нѣсколько другихъ мечетей замѣчательныхъ по своему положенію и по наружной красотѣ. Но когда взойдёдъ внутрь храма, вы останавливаетесь по срединѣ и дотолѣ опущенный взоръ подымаете вверхъ,—вы цѣпенѣете отъ изумленія, —небо надъ вами!—Да, этого величественнагокупола, висящаго надъ вами, какъбы безъ опоры, и не только не тяготящаго своею громадностію, но восторгающаго душу вашу, иначе нельзя сравнить какъ съ небомъ, и видимо небу, а не существующимъ образцамъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать художникъ. Тутъ становится вамъ понятнымъ слово Юстиніана, создавшаго этотъ храмъ : «О Соломонъ, я превзошелъ тебя!» — воскликнулъ онъ, пораженный великолѣпіемъ и свыше обдающею благодатью храма ; вамъ становится понятна эта гордость человѣка въ дѣлѣ христіанскаго благочестія и смиренія,—и вы болѣе не обвиняете его за то, что онъ расточилъ сокровища государства на сооруженіе Св. Софіи. Онъ создалъ храмъ достойный! — И какое государство не гордилось, не тщеславилось сооруженіемъ памятника славы Богу. Венеція имѣетъ Св. Марка,—Римъ—Св. Петра, Лондонъ—Св. Павла, Парижъ—Богоматери, Вѣна—Св. Стефана, Петербургъ воздвигаетъ Исакія. Это громадная хроника человѣческихъ дѣяній, надеждъ и задушевныхъ вѣрованій!

Константинъ Великій первый создалъ храмъ Св. Софіи, но уничтоженный пожарами и землетрясеніемъ, и вновь воздвигнутый и, вновь разрушенный, во время мятежа при Юстиніанѣ, онъ наконецъ былъ сооруженъ этимъ императоромъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ. Анѳемій изъ Траля, что въ Лидіи, начерталъ планъ этого храма, Исидоръ изъ Мильта былъ строителемъ его. Главная мысль художника и зиждителя была не подражать, а создать свое!.. Какъ мы увидимъ, куполъ пантеона не могъ служить въ этомъ случаѣ за образецъ, какъ многіе безусловно утверждаютъ. Анѳемій набросилъ на храмъ сферическій куполъ, опирающійся на четыре полукупола и потому эта опора почти незамѣтна и куполъ кажется висящимъ. Художникъ, видимо, боролся съ формой греческаго продолговатаго креста, по образу котораго дѣлались церкви, и который не совсѣмъ сообразовался съ четыреугольникомъ, необходимымъ для симетріи купола; для этого онъ, укоротилъ продолговатую оконечность креста, и если не сдѣлалъ ее совершенно одинаковой съ другими, чего не позволяло наше зодчество, то допустилъ едва замѣтную разность, именно внутренность храма Св. Софіи, на 269 англійскихъ футовъ длины, имѣетъ 243, что составляетъ въ перпендикулярѣ только шестую часть своего діаметра, который ста пятнадцати футовъ ; высота его отъ центра потолка до полу 180 футовъ. Прокопій замѣчаетъ, что куполъ этотъ такъ легокъ, что кажется привѣшенъ цѣпью къ небу. — Но за это именно и упрекаютъ художники творца этого купола ; они говорятъ, что въ созданіяхъ земныхъ желательно видѣть дѣло рукъ человѣка, и что оно должно подвергнуться и вынести разбирательство разсудка. Богъ съ ними, съ этими художниками! Душа моя сочувствуетъ этой величественной, хоть можетъ быть неправильной красотѣ, душа моя трепещетъ радостью при созерцаніи ея, а они хотятъ лишить меня живѣйшаго источника наслажденія въ силу требованія разсудка. И неужели этотъ небесный эфектъ, если можно такъ выразиться, предосудительнѣй того, который художники придали церкви Св. Петра въ Римѣ и такъ гордятся имъ : они скрали громадные размѣры, въ которыхъ соорудили церковь, но это математическое вычисленіе разсудка поражаетъ васъ удивленіемъ, а не восторгомъ.

Сферическая форма купола была извѣстна древнимъ : мы и нынче восхищаемся куполомъ пантеона; но Анѳемію первому принадлежитъ честь примѣнить ее къ четырехъ-угольному зданію: этотъ куполъ служилъ образцомъ при построеніи церкви Св. Марка въ Венеціи и другихъ италіанскихъ храмовъ. Въ послѣдствіи, чтобы придать ему наружную красоту и легкость, которой дѣйствительно недостаетъ ему, италіянскіе художники придумали выдвинуть его вверхъ или вывести надъ нимъ другой куполъ, чему слѣдовалъ Микель-Анжело при построеніи церкви Св. Петра въ Римѣ. Чему слѣдовали при постройкѣ Св. Павла въ Лондонѣ, что принято нынче повсемѣстно, но этотъ промежутокъ между двумя стѣнами, эта каменная стѣна уничтожаетъ все очарованіе глаза внутри храма: тутъ ужъ вы ясно видите дѣло рукъ человѣческихъ: четыре полу-купола, на которыхъ Анѳемій опустилъ свой величественный куполъ, служитъ, кажется, не опорою, а продолженіемъ главнаго, который оттого кажется еще безграничнѣе,—и тутъ уже художникъ никому не подражалъ, это созданіе его творческой мысли. — Турки, при постройкѣ своихъ мечетей, приняли за образецъ куполъ Св. Софіи неизмѣнно.

Храмъ Св. Софіи освѣщенъ двадцатью четырьми окнами, устроенными на пологости купола, а не въ самомъ центрѣ, какъ это дѣлалось прежде, при постройкѣ храма, какъ бы для того, что бъ находящіеся въ храмѣ могли видѣть надъ собою свѣтъ неба, олицетворяя предметы, могли легче вообразить себя въ присутствіи Бога; но такое устройство оконъ подвергало храмъ всѣмъ непогодамъ и нерѣдко причиняло преждевременную порчу.

Расположеніе храма отъ Запада на Востокъ, какъ всѣхъ христіанскихъ церквей, было очень удобно въ примѣненіи къ мусульманской мечети, потому что мирабъ, или возвышеніе, на которомъ стоитъ имамъ во время молитвы, также всегда обращенъ къ Востоку, по направленію кіабе, или мекской мечети, которая, какъ извѣстно, обращена къ Востоку, и потому храмъ не потерпѣлъ собственно отъ внутренней капитальной передѣлки.

и рядъ колоннъ порфировыхъ, яшмовыхъ, мраморныя, собранныхъ по оригиналу со всѣхъ концовъ свѣта, исторженныхъ изъ Авреліанова храма солнца, изъ храма Діаны въ Эфесѣ, возвышается во всей красѣ, хотя нѣсколько и нарушаетъ гармонію цѣлаго созданія разнообразіемъ своихъ капителей. Полъ изъ превосходнаго мрамора, выложеннаго въ большой мозаикѣ, закрытъ, по обычаю турецкихъ мечетей, цыновками и коврами и сохранился почти во всей цѣлости своей. По сторонамъ церкви двѣ галлереи, поддерживаемыя серпентиновыми и порфировыми колоннами рѣдкаго качества. Это греческій гинетиконъ, мѣсто, гдѣ помѣщались, во время церковнослуженія, женщины, стоявшія, какъ извѣстно, отдѣльно отъ мущинъ. Девять мѣдныхъ вратъ ведутъ въ церковь; рамы, въ которыя онѣ вставлены, прекраснаго бѣлаго мрамора. Но за то какъ измѣнился внутренній видъ храма современи византійскихъ императоровъ. Гдѣ великолѣпіе царскихъ вратъ и алтаря? которыхъ богатство оцѣнивали въ 25,000.000 рублей. Вмѣсто ихъ возвышается ложа султана и каѳедра имама; безчисленное множество маленькихъ, разнообразныхъ лампъ тянется во всю длинну и ширину храма и опутываютъ его какъ сѣткой; когда зажигаются, они должны производить эфектъ, но днемъ представляютъ жалкій видъ и преграждаютъ зрѣніе. Отъ прежнихъ мозаичныхъ изображеній Саваоѳа и угодниковъ,—остались, по какому-то странному случаю, два евангелиста на восточной сторонѣ купола (они были по всѣмъ четыремъ сторонамъ), какъ два стража, которые не оставляютъ первый христіанскій храмъ и въ годину бѣдствія его, ожидая, пока опять раздастся въ немъ живительное слово молитвы христіянъ. Чудное сближеніе представляютъ двѣ эпохи: посвященія этого храма Св. Софіи и пророку мусульманъ.

Сооруженіе храма, который былъ бы чудомъ свѣта, превосходилъ бы все, доселѣ извѣстное на землѣ своимъ великолѣпіемъ, геніемъ своего созданія,—было для Юстиніана одною изъ тѣхъ мыслей, тщеславныхъ правда въ своемъ основаніи, но сильныхъ, стремительныхъ, которыя не знаютъ преградъ, не разбираютъ средствъ въ исполненіи; въ ней сосредоточилъ онъ всю дѣятельность своей души, всѣ средства государства. — Не стало денегъ, — онъ отнялъ жалованье у профессоровъ, образовалъ новые налоги, снялъ съ подножія серебряную статую Ѳеодосія и замѣнилъ ее мѣдною, изображающею правда не Ѳеодосія, а его, Юстиніана, снялъ свинцовые водопроводы въ городѣ, для покрытія купола, и замѣнилъ ихъ черепичными, которые существуютъ и понынѣ, собралъ на украшеніе церкви богатства другихъ городовъ, вывезъ колонны изъ Рима, Аѳинъ, Эфеса, доставилъ мраморъ розовый изъ Синады, зеленый изъ Лаконіи, голубовато-сѣрый изъ Ливіи, бѣлый съ береговъ Босоора, гранитъ изъ Ѳессаліи, изъ Эпира, изъ Египта, и другихъ странъ, все для украшенія храма Св. Софіи; десять тысячъ человѣкъ работали подъ нимъ, и Юстиніану все еще казалось, что работа подвигалась медленно; онъ какъ бы предвидѣлъ, что разрушеніе принудитъ его вновь довершить уже разъ конченное, и вновь докончилъ онъ свое созданіе, но уже съ другимъ строителемъ, съ другимъ Исидоромъ, племянникомъ перваго.—И храмъ воздвигнутъ. 27 декабря 537 года, патріархъ Менносъ, совершилъ шествіе вокругъ храма Господня на императорской колесницѣ, а императоръ смиренно шелъ передъ нимъ; сотни тысячъ народа славословили Бога живаго, и преклоняли колѣни передъ достойнымъ его храмомъ, дивясь творцу, дивясь творенію.—Но вотъ пронеслось надъ этимъ храмомъ около 10 вѣковъ, а храмъ стоитъ, хотя потрясенный движеніемъ природы и людей, но всегда тщательно возобновляемый. — Константинополь взятъ приступомъ султаномъ Махмудомъ II-мъ; Турки разлились сокрушительной волной по городу; не было злодѣйства, котораго бы они не вкусили. Трепещущій христіанскій народъ кинулся въ храмъ Св. Софіи, къ единственному своему убѣжищу въ бѣдѣ. — Несчастный, онъ не думалъ о Богѣ въ годину счастія, удивляя свѣтъ своими заблужденіями и развратомъ, и Богъ отвергъ его, или послалъ горькое, долгое испытаніе. Напрасно ждали чуда. Не вѣруя въ Св. Писаніе, народъ вѣрилъ преданію, что Ангелъ спустится къ колоннѣ Константина Великаго съ мечемъ въ рукѣ и вручитъ этотъ мечь сидящему у подножія колонны человѣку низкаго происхожденія, но святой жизни и великой души; что этотъ человѣкъ изгонитъ Турковъ, объятыхъ страхомъ, не только изъ Константинополя, но изъ всей Малой-Азіи, но Ангелъ не являлся, да и едвали нашелся бы тогда, человѣкъ довольно достойный, которому вручить мечь истребленія противъ мусульманъ. Чудо не свершалось: врата слетѣли съ петель и Турки ливнемъ вторглись въ церковь... Тутъ уже не было пощады ни кому, ни старику, ни младенцу; одна красота женщинъ и мальчиковъ, если не спасала ихъ жизнь, то служила поводомъ къ продленію ихъ мученій; пролитая кровь возбуждала алчность къ свѣжей крови; святыня была поругана, ея богатства залиты забрызганы кровью, но еще не всѣ расхищены. — Наконецъ, въ полдень 29 мая 1453 года, въѣхалъ торжественно въ городъ завоеватель, окруженный визиремъ, пашами и военачальниками. Онъ остановился у церкви Св. Софіи, слѣзъ съ лошади и взошелъ въ храмъ, чтобы принять въ немъ владычество надъ Царьградомъ. Преданіе говоритъ, будто Магометъ обмакнулъ руку свою въ кровь, которая не лужами, ручьями струилась по полу, взошелъ на груду тѣлъ и на трехъ саженной высотѣ, на стѣнѣ, приложилъ свою окровавленную руку, какъ тугру, какъ знакъ присвоенія храма и города, котораго онъ составлялъ драгоцѣннѣйшую святыню; знакъ этой руки и нынче показываютъ не далеко отъ бывшихъ царскихъ вратъ, на правой рукѣ отъ входа. Исторія говоритъ нѣсколько иначе.—Взошедъ въ храмъ, онъ не могъ скрыть удивленія при видѣ великолѣпія и богатства, которое еще не успѣли ободрать побѣдители, — коимъ городъ отданъ былъ на расхищеніе.—Сто семь колоннъ, разнообразнаго и большею частію драгоцѣннѣйшаго мрамора, особенно блескъ мозаики изъ стекла разныхъ цвѣтовъ, изображавшій евангелистовъ, апостоловъ, Богоматерь и Саваоѳа, богатство царскихъ вратъ, — поразили его. — Онъ обошелъ галлереи и, замѣтивъ солдата, вырубавшаго куски мозаики, ударилъ его плашмя своей саблей; ему стало жаль добычи, на которую онъ уже наложилъ свою руку. Послѣ осмотра храма, Магометъ приказалъ сопровождавшему его муэзину сзывать правовѣрныхъ на молитву. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ Прококъ его»—огласилось въ первый разъ въ храмѣ христіанъ. Султанъ взошелъ на алтарь и сотворилъ свою молитву. Такимъ образомъ совершилось обращеніе перваго христіанскаго храма въ мечеть, въ которой уже около четырехъ сотъ лѣтъ славится имя пророка и присоединеніе Царьграда къ Турецкой-Имперіи. Тутъ онъ вспомнилъ объ императорѣ и спросилъ у Нотараса, не бѣжалъ ли Константинъ съ небольшою генуэзской флотиліей, которой удалось спастись, пробравшись въ открытое море? но Нотарасъ, такъ охотно предавшій важнѣйшихъ сановниковъ въ руки султана, не зналъ, что сталось съ императоромъ. Между тѣмъ Константинъ славною и достойною смертію заключилъ и недостойный рядъ послѣднихъ владыкъ Византіи: онъ палъ въ пылу сѣчи, подъ ударами простыхъ Янычаръ; султанъ велѣлъ отыскивать трупъ и вскорѣ нашли его, узнали по пурпуровой усѣянной золотыми орлами обуви. Голова его была повергнута у ногъ побѣдителя, а потомъ выставлена на показъ народу въ самомъ унизительномъ видѣ: въ городѣ, на площадкѣ Августеонъ, возвышалась колоссальная серебряная статуя Ѳеодосія; мы уже говорили объ участи этой статуи: Юстиніанъ поставилъ вмѣсто ея мѣдную статую, изображавшую его, Юстиніана, верхомъ, съ полушаріемъ въ одной рукѣ, указывающимъ другою на Востокъ, въ знакъ своего владычества надъ нимъ. Голова статуи была повергнута уногъ лошади этой статуи. ..

Мы взошли въ другой разъ на галлерею, не смотря на недовольную мину провожавшаго насъ турецкаго чиновника, безъ котораго, и безъ особаго фирмана, нельзя проникнуть сюда христіанину. Облокотившись на перила, глядѣлъ я на эту храмину, полную воспоминаній горестныхъ, зрѣлища тяжкаго для христіанина. Но вдругъ опустивъ глаза, я увидѣлъ на сгибѣ перила въ углу, близь самой колонны надпись; вглядываюсь.... знакомыя буквы, и я прочелъ ясно слова, изображенныя стариннымъ писаніемъ, какъ писались церковныя книги: «Дьякъ Протасьевъ.»

Е. Ковалевскій.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Любопытное зрѣлище представляетъ Россія. Обширность ея поглощаетъ вниманіе наблюдателя, какъ безбрежное море взоръ путника. Ему кажется онъ видѣлъ все; въ сущности онъ унесъ только воспоминаніе о безграничной площади водъ, на которой, однакоже, разбросано множество островъ, исполненныхъ жизни, труда, успѣха.. Восемь лѣтъ тому назадъ никто изъ Русскихъ, кромѣ одного Правительства, не могъ имѣть и малѣйшаго понятія, что дѣлается въ томъ или другомъ углу Россіи; теперь, благодаря изданію губернскихъ вѣдомостей, съ нѣкоторымъ терпѣніемъ, любитель отечественнаго можетъ обозрѣвать дѣя-

тельность внутреннихъ производительныхъ силъ Россіи, въ картинѣ, хотя и не полной, но весьма занимательной, потому что каждую субботу не оффиціальные листы губернскихъ вѣдомостей принесутъ вамъ нѣсколько любопытныхъ статей о вашемъ любезномъ отечествѣ. Любезномъ, потому что невозможно дать вѣры, будто есть люди не только ненавидящіе отечество, но и къ нему равнодушные. Можно ли повѣрить, что успѣхъ въ промышленности, торговлѣ, наукѣ, художествѣ, въ чемъ-либо полезномъ, не радуетъ каждаго, кто носитъ имя Русское. Это гипотеза невѣжды, поддерживаемая только однимъ невѣжествомъ или умышленно испорченнымъ воспитаніемъ. Потрудитесь показать мнѣ теперь теперь русскую даму, которая не мѣетъ говорить по-русски, какъ бывало. Правда, изъ прежнихъ представительницъ русской образованности не всѣ еще объясняются твердо и свободно на родномъ языкѣ, но уже всѣ стыдятся своего невольнаго незнанія, всѣ доучиваются. Въ двадцать послѣднихъ лѣтъ благословенная Россія измѣнилась къ лучшему; народные элементы стали понятны многимъ; иностранныя державы обратились въ справочные словари, для сравнительнаго изученія Россіи. Если журналы и газеты, одни шутятъ, другіе толкуютъ о современности, которой не понимаютъ, третіе издѣваются надъ всѣмъ тѣмъ, что не ихъ прихода, четвертые бросаются въ ультра-словенизмъ, то неужели у насъ, благомыслящіе читатели, не достанетъ силъ различить какіе поводы къ какой увлекаютъ цѣли? Гдѣ дѣйствуетъ одна спекуляція, гдѣ заносчивая самонадѣянность, гдѣ презрѣнная зависть, гдѣ убѣжденіе, привычкой или случаемъ обращенное въ фанатисмъ ученый? — Послѣдній, хотя и фанатисмъ, при всемъ томъ достоинъ, если не уваженія, то покрайней мѣрѣ снисходительнаго вниманія. Цѣль его патріотическая; онъ ошибается, но не въ слѣдствіе корыстнаго расчета, а по убѣжденію. Всѣ эти явленія не должны огорчать благомыслящаго. Всѣ эти явленія любопытны и важны; за ними должно слѣдить не равнодушно, потому что каждое печатное слово читается покрайней мѣрѣ десятью тысячами человѣкъ, которые случайно передаютъ это слово милліонамъ; но слѣдить съ живымъ участіемъ, безъ желчи, съ желаніемъ добра, съ убѣжденіемъ, что каждая добрая мысль, каждое дѣльное замѣчаніе — зерно для житницы общественной пользы.

Съ этой точки зрѣнія разсматривая губернскія вѣдомости въ неоффиціальной ихъ части, нельзя не пожалѣть, что Иллюстрація, по объему своему и назначенію, не имѣетъ возможности представлять итоги за каждую недѣлю всего полезнаго и занимательнаго, тамъ помѣщаемаго. Но съ другой стороны, она не можетъ пропускать безъ вниманія нѣкоторыхъ явленій. Редакція саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей, принявъ съ признательностію нѣкоторые отзывы столичныхъ газетъ и журналовъ, весьма основательно отклонила отъ себя нѣкоторыя несправедливыя обвиненія. Дѣйствительно, гдѣ есть одинъ токмо Редакторъ, знающій свое дѣло и понимающій свою обязанность, тамъ каждый нумеръ вѣдомостей вмѣщаетъ хотя одну интересную статью; тамъ рѣдко вы встрѣтите перепечатки изъ столичныхъ журналовъ и газетъ; тамъ всегда найдете новое мѣстное свѣденіе, полезную замѣтку или занимательное извѣстіе. Иллюстрація, современемъ, надѣется довести свой сборникъ отечественныхъ извѣстій до возможной полноты; современемъ, потому что это дѣло требуетъ особеннаго и довольно обширнаго механисма, и сверхъ того картинныхъ приложеній, которыя собирать весьма у насъ трудно. Трудъ никогда не останавливалъ Редакцію въ полезномъ дѣлѣ, а средства безъ всякаго сомнѣнія умножатъ благомыслящее большинство читающихъ по-русски. — И повѣрьте, не всегда сухія извѣстія встрѣчаются на этомъ полѣ; есть много случаевъ романическихъ, которые бы разукрасили любую недѣльную исторію любаго иностраннаго журнала. Для примѣра разскажемъ одинъ.

⁂ Въ Царицынскомъ Уѣздѣ, на хуторѣ, при рѣкѣ Бердеѣ, у одного казака, старообрядца, было большое скотоводство. Не правда ли какъ бы любопытно было посмотрѣть и на казацкую усальбу и на красивое огромное стадо; взглянуть на тамошній полу-азіятскій бытъ; на этого бѣднаго Калмыка, который съ женою и дѣтьми, *изъ насущнаго хлѣба*, пришелъ просить службы. Не дорого... и вотъ Калмыкъ пасетъ казацкое стадо. Въ хозяйствѣ мало ли какіе бываютъ случаи. Провинился Калмыкъ. Казакъ разсердился, побилъ его и неудовольствовался этимъ наказаніемъ. Это случилось на исходѣ зимы. Напрасно Калмыкъ упрашивалъ хозяина; неумолимый выгналъ вонъ его — и Калмыкъ усадилъ на верблюда жену и дѣтей; покрылъ ихъ двумя бурками и отправился въ путь... Куда? Въ заволжскую степь. Отъ Бердеи до Волги 50 верстъ. Далеко ли? а тамъ, на другомъ берегу, кочуютъ единоплеменники. Пока онъ пріищетъ себѣ мѣсто, и тамъ дадутъ пріютъ. Сѣлъ онъ и самъ на верблюда, и совершилъ свой переѣздъ быстро. Волга еще не вскрывалась; но во многихъ мѣстахъ видны были проталины. Калмыкъ переночевалъ на берегу, возлѣ стана рыбаковъ; опять картина. Рано по утру Калмыкъ посадилъ на верблюда семью, а самъ повелъ его на длинномъ поводѣ на Волгу. Въ рукахъ у него была пика: и защита и поощреніе для верблюда. Уже путники прошли болѣе половины рѣки; но тутъ верблюдъ сталъ замедлять ходъ свой, заминался, ревѣлъ. Калмыкъ поощрилъ его пикою. Верблюдъ пошелъ впередъ. Но едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, заупрямился уже не на шутку, не двигался ни съ мѣста и кричалъ во все верблюжье горло. Пика сломала и это упрямство; поводъ потащилъ умное животное въ путь; — нѣсколько шаговъ переступилъ верблюдъ, ледъ рухнулъ и верблюдъ съ сѣдоками провалился въ рѣку; въ двѣ минуты быстрота воды утащила ихъ подъ ледъ — ужасная и занимательная картина. Съ четверть часа, Калмыкъ, какъ будто оглушенный, недвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ... вдругъ упалъ на колѣни, глаза и руки поднялъ къ небу, закричалъ что-то очень громко и бросился въ хлябъ, поглотившую уже его семейство. — Рыбаки прибѣжали на помощь, но уже поздно!... Не правда ли, этотъ страшный случай какъ будто нарочно созданъ для Иллюстраціи; въ Парижѣ имъ бы воспользовались, сочинили-бы и Калмыка и Волгу и всѣ подробности, какъ сочиняются алжирскія картины. Но можемъ ли мы себѣ позволить подобныя шутки. — У насъ, впрочемъ, случаются подобные проказы. На нашей памяти, во время греческой войны, продавались портреты паши Янинскаго и Ипсиланти и раскупались тысячами, а и тотъ и другой столько же были похожи на подлинники, какъ подлинники одинъ на другаго.

⁂ Вотъ еще сюжетъ для Иллюстраціи. Въ той же Саратовской-Губерніи, девятнадцатилѣтній парень, на второмъ году жизни, лишился употребленія ногъ. Отъ скуки онъ пріучилъ собакъ возить себя на тележкѣ съ довольно значительнымъ грузомъ. Кладь обыкновенно состоитъ изъ дровъ, щепъ, навоза и т: п. Пара собакъ везутъ болѣе пяти пудъ; Кононовъ, такъ называется колѣка, увѣряетъ, что собакъ весьма легко пріучить къ ѣздѣ; коренная у него возитъ уже четыре года. Случись такой поѣздъ увидѣть иностранному путешественнику, непремѣнно бы выдумка необходимости приписана была нравамъ русскаго народа.

⁂ Отчего бы этимъ путешественникамъ, отъ нечего дѣлать, не завернуть въ Ярославскую-Губернію, напримѣръ въ Село Великое, на ярмарку сентябрскую, и не полюбопытствовать хорошо ли у насъ дѣлаютъ полотна. Голландскія полотна теперь вездѣ встрѣчаютъ соперниковъ, но такъ какъ и голландскіе червонцы, — сохраняютъ свое преимущество, утвержденное привычкой. За-границей теперь тьма подложнаго голландскаго холста, а еще болѣе ирландскаго, который, видимо, побѣждаетъ голландскій. Увѣряютъ, что ирландское полотно и въ тонкости и въ носкѣ гораздо лучше всѣхъ другихъ холстовъ. Само собою разумѣется, что и это пресловутое полотно выдѣлывается не въ одной Ирландіи, а только продается за ирландское для однообразія. Наши ярославскіе художники не достигли еще до такой степени цивилизаціи и, въ простотѣ своей, продаютъ свой холстъ за русскій. Но знаетъ ли Русь православная, что изъ этого русскаго холста носитъ бѣлье — Русскій Царь, знаютъ ли, что Государь Императоръ приказалъ купить этого полотна для Высочайшаго Двора за разъ на 3 т. руб. с., а при представленіи этой покупки, Его Императорское Величество изволилъ собственноручно написать: *полотна отличныя и впредь для Себя не велѣлъ другихъ пріобрѣтать; желалъ бы, чтобъ и другіе послѣдовали Моему примѣру, для поддержанія столь полезной отечественной промышленности.*

Село Великое представляетъ рѣдкій примѣръ настойчиваго усердія въ усовершенствованіи этой отрасли. Не фабрики, а руки крестьянки Катерины Маковниной выработали полотно, которое на выставкѣ, тамъ же бывшей, оцѣнено въ 7 р. 50 к. аршинъ! По всей Ярославской-Губерніи производствомъ *господскаго* полотна занимается около 50 т. человѣкъ, а въ одномъ Великомъ, 10 т. человѣкъ; послѣдніе изготовляютъ товара на 600 т. р. с. а вся губернія на 1.200.000 р. с.! Отчего объ этомъ ничего не пишутъ иностранцы? Отъ чего объ этомъ ничего не пишутъ и у насъ, за исключеніемъ оффиціальныхъ журналовъ? — Виноваты ли послѣ этого покупатели, которые, стѣсняясь слишкомъ высокою цѣною иностраннаго полотна, ѣздятъ шить себѣ бѣлье въ Финляндію? — Но съ другой стороны и ярославскіе промышленники должны бы подумать о томъ, какъ имъ распространить извѣстность своихъ полотенъ и какъ облегчить покупателямъ его пріобрѣтеніе. У разнощиковъ полотна не лучшихъ сортовъ, перекупныя и не всегда можно положиться на добродѣтели кочующаго торговца.

⁂ Если бы собрать описанія, самыя краткія, замѣчательнѣйшихъ мѣстъ во всей Россіи, запечатлѣнныхъ историческими воспоминаніями, религіозными преданіями, или современною занимательностію, то, вѣроятно, можно бы составить лексиконъ, объемомъ равный нѣмецкому энциклопедическому Бродгауза. Будемъ надѣяться, что когда нибудь составится для того общество; иначе мы не будемъ никогда имѣть хорошей географіи, потому, что не въ однихъ раздѣленіяхъ и сухихъ исчисленіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ заключается географическій интересъ каждой страны; а у насъ этихъ странъ больше сотни. Возьмите Крымъ. Не говоря, что по всему Крыму разбросано много любопытныхъ страницъ древней, средней, новой и новѣйшей исторіи, сколько тамъ мѣстъ освященныхъ религіозными преданіями. Успенскій-Монастырь близь Бахчисарая, изсѣченъ съ скалѣ, колодезь Св. Анастасіи, родникъ Св. Козьмы и Демьяна, ключь Св. Прасковіи, камень Св. Георгія близь Керчи и др., — свидѣтельствуютъ о древности въ Крыму христіанства. При послѣднемъ камнѣ, 23 апрѣля, бываетъ особаго рода праздникъ, и въ этомъ году онъ былъ блистателенъ. Скачка на коняхъ, скачка верблюдовъ, борьба, пляска — и все это съ призами побѣдителямъ. Въ заключеніе еще скачка, но призъ выдавался впередъ одному изъ состязавшихся; прочіе должны обгонять и вырвать изъ рукъ его побѣду вмѣстѣ съ призомъ. Подобныя воинственныя народныя забавы не рѣдко обращаются въ полезное учрежденіе. Изъ скачки-игры легко можетъ образоваться скачка-испытаніе, отъ котораго не слѣдовало бы отдѣлять и верблюдовъ. Это полезное животное заслуживаетъ большей заботливости, нежели сколько теперь ему оказывается верблюдоводами.

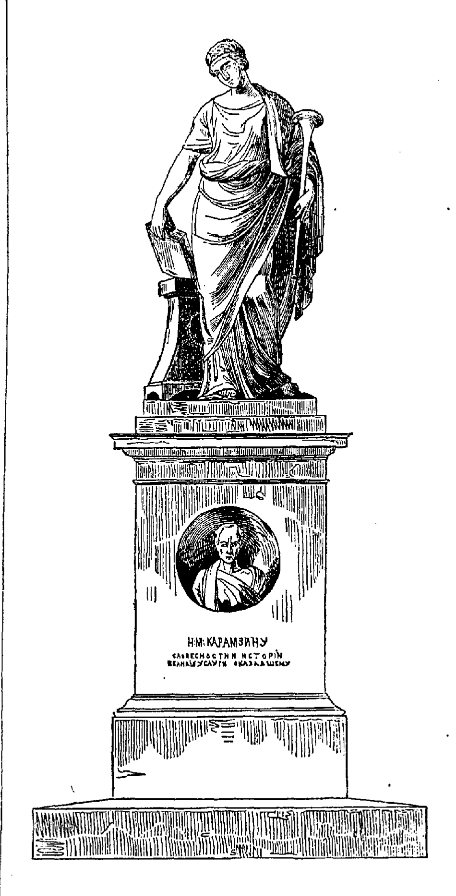
— Отъ верблюдовъ ближе всего къ литературѣ. Отъ чего, вы спросите. Право разсказать не умѣемъ. Темное какое-то чувство толкнуло насъ къ литературѣ, или, можетъ быть, видъ двухъ книгъ, ученаго формата и размѣра, лежащихъ передъ нашими глазами. Но эти два верблюда съ избыткомъ нагружены драгоцѣнною ношею. Шутки въ стороны. Двѣ увѣсистыя историческія книги, въ это сухое, чахлое время литературы, кого не порадуютъ? Славянскій Сборникъ Н. В. Савельева Ростиславича начинается критическимъ обозрѣніемъ во всѣхъ отношеніяхъ системы Скандинавскаго производства Руси, отъ 1735 года по

1845. Это любопытное разсужденіе нападаетъ сперва на Байэра, Миллера и Шлецера, со всѣми ихъ послѣдователями; возгарается бой не на животъ, а на смерть, бой въ защиту Ломоносова — какъ Историка. Подвигъ похвальный, дѣло справедливое. Поразивъ всею силою слова шлецеристовъ, обозрѣніе принимается за панегирикъ трудамъ Венелина и его школы, которая представляется торжествующею, потому что она уже не пишетъ отдѣльныхъ разсужденій, а печатаетъ собственными силами огромный томъ въ 700 печатныхъ страницъ. Все это прекрасно; но — est modus in Rebus. Лучшая порука въ безпристрастіи историческихъ витязей — есть хладнокровіе въ изложеніи, умѣренность въ выраженіяхъ; а обозрѣніе говоритъ обо всѣхъ дѣйствователяхъ на поприщѣ Русской-Исторіи съ такою; рѣзкою насмѣшкою, съ самонадѣянностію неумѣренною, въ выраженіяхъ столь странныхъ, что съ одной стороны вамъ покажется, что обозрѣніе собственными глазами видѣло откуда ѣхали въ Новгородъ Варяги; съ другой стороны подумаете, что какимъ-то невидимымъ приговоромъ не на ученый, а на Шемякинъ судъ ему выданы головою Н. А. Полевой, Шлецеръ, М. П. Погодинъ, Н. Г. Устряловъ и другіе, которыхъ, если исчислять, такъ надобно еще прибавить полъ-листа къ этому нумеру. — Нѣтъ! Въ литературныхъ преніяхъ не позволителенъ подобный тонъ; въ газетахъ и журналахъ онъ возбуждаетъ неудовольствіе и преслѣдуется благомыслящимъ большинствомъ публики. Неужели этотъ манеръ споровъ въ бѣгствѣ своемъ можетъ найти убѣжище въ исторіи; Карамзинъ, даже любимецъ обозрѣнія Ломоносовъ, умѣли спорить вѣжливо. Нельзя сказать въ обществѣ кому бы то ни было «вы лгунъ и невѣжа», а можно и должно выразиться: я съ вами несогласенъ, потому и потому... за симъ слѣдуетъ дѣло, а не насмѣшки... Въ особенности, выраженія обозрѣнія исполнены непостижимой рѣзкости, когда оно заводитъ рѣчь о Н. А. Полевомъ. Не принимаемъ здѣсь ни чьей защиты въ историческомъ отношеніи, но соболѣзнуемъ, что зараза, истребляемая нынѣ въ литературѣ, могла привиться къ исторической критикѣ. Предоставляемъ другимъ дальнѣйшій ученый разборъ этого сборника. Мы боимся высказать наше мнѣніе, потому что оно могло сдѣлаться пристрастнымъ и невыгоднымъ подъ вліяніемъ, какое произвело на насъ изложеніе обозрѣнія.

Насъ не встревожила та или другая система, которая должна служить маршрутомъ для Рюрика, Синеуса и Трувора; но не могло не встревожить опасеніе за достоинство у насъ ученаго и литератора, званія высокія, коль скоро ихъ ограждаетъ уваженіе къ наукѣ. Не такъ поступили издатели другаго Симбирскаго Сборника. Они рѣшительно оставили въ покоѣ Скандинавовъ, Гунновъ Скиоовъ, Алановъ, Сарматовъ, Шлецеровъ, Байеровъ, Миллеровъ; съ любовію къ священной старинѣ занялись собраніемъ дѣйствительныхъ актовъ, разбросанныхъ по Симбирской-Губерніи, собрали много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, также написали введеніе или обозрѣніе, составляющее только часть отдѣльнаго труда; съ достоинствомъ, приличнымъ и важности предмета и званію ученаго, изложили мнѣніе свое о системѣ мѣстничества и нѣкоторыя любопытныя о немъ подробности. Этотъ драгоцѣнный сборникъ посвятили памяти незабвеннаго симбирскаго уроженца Н. М. Карамзина.

(Видъ Симбирска).

Въ предисловіяхъ можно видѣть, что это — только первый томъ первой части. Всѣхъ частей будетъ пять: 1. Историческая, 2. Юридическая, 3. Бытовая, 4. Мѣстная и 5. Бумаги Тургеневскія. Сколько каждая часть заключитъ въ себѣ томовъ — это зависитъ отъ суммы матеріаловъ. Желаемъ Симбирскому Сборнику — новиковскаго объема, хоть въ трое еще, а въ достоинствѣ труда не сомнѣваемся, потому что издателями подписались: П. А. и Н. Языковы, А. Хомяковъ и Д. Валуевъ. Сверхъ того, въ этомъ изданіи принимаютъ участіе и другія лица, извѣстныя уже въ исторической литературѣ нашей. — Заглавный листъ украшенъ симбирскимъ гербомъ; на второмъ или краеномъ листѣ помѣщено изображеніе Симбирска, снятое съ старинной лубочной картины, изданной около 1705 года. — Осмѣлимся подать совѣтъ — украсить второй томъ исторической части портретомъ Исторіографа, родившагося въ Симбирскѣ, третій — памятникомъ ему же; для дальнѣйшихъ вѣроятно найдутся мѣста и предметы, съ коими связана признательная память потомства о незабвенномъ.



(Памятникъ Н. М. Карамзину).

ДВѢ ПАЛКИ.

(Изъ путевыхъ записокъ М. Ѳ. К.)

Я знаю нашихъ путешественниковъ гораздо лучше, нежели они сами себя знаютъ. И неудивительно. Я встрѣчался съ ними на всѣхъ концахъ свѣта и на всѣхъ концахъ свѣта смѣялся надъ ними и сожалѣлъ о нашемъ общемъ отечествѣ. Во Франціи они знакомы только съ Парижемъ, въ Англіи — съ Лондономъ; въ Германіи они знаютъ больше городовъ, потому, что раздробленная нація имѣетъ много столицъ и къ тому же Германія все-таки почтовая дорога въ Парижъ или Италію. Но за то кромѣ Парижа не многіе углубляются во внутренніе департаменты, а надо сказать: изучать націю должно не въ столицахъ, потому что столицы въ родѣ выставокъ; тамъ изъ каждой фабрики лучшій товаръ, но таковъ ли весь товаръ на той фабрикѣ. Провинціи вырабатываютъ всѣ средства столичной жизни. Поучитесь тамъ, а столицами любуйтесь... Впрочемъ, все это я наговорилъ лишнее, потому что все это не поможетъ. Пожалуй, еще они же посмѣются надъ старикомъ. — Въ Парижѣ не одинъ г. Путешественникъ смѣялся надомной, когда я между своими искалъ себѣ попутчика, чтобы объѣхать Францію и пристальнѣе поглядеть на внутренній порядокъ государства, на мѣстныя достоинства и недостатки народа. Нашелъ я себѣ попутчика, Нѣмца, закурили мы себѣ сигарки и поѣхали. Во Франціи нѣтъ другаго Парижа, правда, но упователно во многихъ государствахъ нѣтъ такихъ столицъ, каковы города Дижонъ, Ліонъ, Мецъ, Бордо, Страсбургъ, Марсейль, Лиль, Нантъ и др. Мы пріѣхали въ Нантъ вечеркомъ, въ прекрасную погоду; проѣзжая старую часть города, грязную, темную, я никакъ не ожидалъ найти такое великолѣпіе въ новомъ. Дворцы, превосходныя зданія, просторъ, чистота — право не хуже многихъ столицъ. Нѣмецъ былъ у меня за хозяйку; онъ возился въ гостинницѣ, а я пошелъ гулять и зашелъ въ отстроенный недавно *пассажъ*, какъ Французы называютъ. Говорятъ въ Москвѣ у насъ уже сдѣлали подобное нѣчто; говорятъ, затѣваютъ то же и въ Петербургѣ, такъ не худобы присмотрѣться къ нантскому пассажу Pommeraye, который по мнѣ лучше всѣхъ парижскихъ. Великолѣпіе проскошь удивительныя; прекрасная лѣстница соединяетъ три улицы; по ступенямъ такъ сказать разбросаны багатые магазины, одинъ другаго лучше; архитектура умная, нарядная, легкая; все это освещено блестательно и все отражается въ зеркалахъ, искусно разставленныхъ, такъ что видамъ конца нѣтъ, посѣтителей и не много, а кажется вы въ толпѣ, что и со мной случилось. Я зазѣвался до того, что обратилъ на себя вниманіе проходящихъ. Спохватившись, я пошелъ себѣ ровнымъ шагомъ впередъ и въ галлереи кое-какъ укрылся отъ насмѣшливыхъ зѣвакъ. Изъ предмета наблюденія я самъ сталъ наблюдателемъ и сей-часъ же замѣтилъ молодаго человѣка, который мнѣ показался не совсѣмъ въ порядкѣ. Главное, что меня поразило или заставило обратить на него вниманіе, — это то, что у него въ рукахъ были двѣ палки. Молодой человѣкъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ великолѣпнаго, роскошнаго магазина, на фризѣ котораго было написано золотыми буквами по черному полю: Objets de luxe. Онъ съ безпокойствомъ оглядывался, старался припрятать свои двѣ палки, изъ которыхъ одна была простенькая тросточка, а другая великолѣпная палка съ золотымъ или золоченымъ, мудренымъ набалдашникомъ, и какъ бы выжидалъ удобной минуты, чтобы ускользнуть изъ длиннаго перехода, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчались препятствія, представляемыя высокими лѣстницами.

Сначала этотъ господинъ показался мнѣ довольно страннымъ, но послѣ замѣшательство, написанное на лицѣ его, и причину котораго я никакъ не могъ постигнуть, заставили меня пожалѣть о немъ; а между тѣмъ я самъ, невольно, увели-

чилъ смущеніе его, остановившись, по своей стариковской привычкѣ, и засмотрѣвшись на него.

Вдругъ замѣшательство молодаго человѣка видимо увеличилось. Изъ второй галлереи приближалось къ намъ цѣлое общество: нѣсколько нарядныхъ дамъ и кавалеровъ съ самыми страшными и замысловатыми бородами. На лицѣ обладателя двухъ палокъ выступилъ холодный потъ; онъ оглянулся съ отчаяніемъ и ни гдѣ не замѣтилъ уголка, въ которомъ могъ бы укрыться; напротивъ: во множествѣ зеркалъ, окружавшихъ его, двѣ палки отражались до безконечности.

Онъ отступилъ на два шага, и видя, что фешьонебльное общество приближалось, какъ бы рѣшившись на послѣднее средство, скорыми шагами подошелъ, или лучше сказать, подскочилъ ко мнѣ.

Я сначала подумалъ, не разсердился ли онъ на меня за то, что я, забывшись, засѣвался на него; вѣдь Французы народъ щекотливый; одно слово, мало того, одинъ взглядъ можетъ ихъ разобидѣть такъ, что бѣда! Съ ними надо быть осторожнымъ, лишняго слова не проронить, а то сей-часъ сатисфакціи потребуетъ! А мнѣ, старику, до сатисфакцій ли теперь?... Было время, когда и я былъ молодъ, и я не давалъ спуску забіякамъ, которыхъ я не мало встрѣчалъ на своемъ вѣку. Помнится... кажется это было въ тысячу... восемь сотъ.... Эхъ! память слаба стала! Впрочемъ, теперь и не до того; я чуть было не своротилъ съ дороги. Началъ про Ивана, а хотѣлъ кончить про Петра. Воротимтесь къ нашему молодому человѣку. Я было хотѣлъ предъ нимъ извиниться, но онъ не далъ мнѣ выговорить слова и произнесъ довольно плохимъ французскимъ языкомъ и жалобнымъ голосомъ:

— Возьмите, пожалуйста, одну палку!...

Я, въ самомъ дѣлѣ, забылъ свою палку дома; не смотря на то, предложеніе молодаго человѣка показалось мнѣ столь страннымъ, что я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Не медлите! ради Бога, спасите меня!... продолжалъ онъ такимъ жалобнымъ голосомъ, что во мнѣ родилась нехорошая мысль, которая, однакожъ, тотчасъ же разсѣялась, когда я посмотрѣлъ на прямое, честное, открытое лицо молодаго человѣка, который безъ церемоніи совалъ мнѣ одну палку въ руки.

— Помилуйте... отвѣчалъ я; мнѣ не нужна палка... при томъ же...

— Вамъ не нужна палка! въ ваши лѣта!.. Это не возможно! Берите же, ради Бога, берите!..

— Извольте, — отвѣчалъ я, невольно уступая настойчивой и нѣсколько повелительной просьбѣ молодаго человѣка; — я возьму палку, только съ однимъ условіемъ.

— Съ десятью условіями, если вамъ угодно!.. вскричалъ, обрадовавшись, молодой человѣкъ, потомъ подавая мнѣ самую красную палку, прибавилъ: избавьте меня, пожалуйста, вотъ отъ этой; я на нее и смотрѣть не хочу. Вотъ такъ: теперь — ваше условіе?

— Я желаю, чтобы вы разсказали мнѣ причину, заставляющую васъ...

— Понимаю, понимаю!.. Все разскажу, только уйдемте ради Бога, поскорѣе изъ этого пассажа, а то... я боюсь... чтобы меня опять не ограбили...

— Ограбили?.. Васъ?.. Здѣсь?

— Ограбили, меня, здѣсь! Пойдемте, пожалуйста, я вамъ дорогой все разскажу. Только, извините, я плохо объясняюсь по-французски; не знаю, понимаете ли вы меня?

— О, очень хорошо. Вы иностранецъ?

— Иностранецъ.

— Вы здѣсь по дѣламъ?

— Нѣтъ, проѣздомъ.

Скромность не позволила мнѣ дѣлать дальнѣйшихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что отвѣты молодаго человѣка были весьма лаконическіе. Впрочемъ, я догадался, что онъ долженъ быть Нѣмецъ.

— Извольте видѣть, продолжалъ мой новый знакомецъ, уходя изъ галлереи такими скорыми шагами, что я едва успѣвалъ слѣдовать за нимъ; — извольте видѣть, я архитекторъ и прогуливаюсь теперь по Европѣ, чтобы изучать славнѣйшія

(Крытый переходъ въ Нантѣ).

зданія въ разныхъ государствахъ. Во Франціи теперь, по моему мнѣнію, юная архитектура въ самомъ цвѣтущемъ состояніи... Я видѣлъ... знаете... какъ это называется?.. Извините, пожалуйста, я такъ дурно говорю по-французски, что почти за каждымъ словомъ долженъ въ карманъ лѣзть...

Я самъ такъ плохо объясняюсь по-нѣмецки, что не осмѣлился предложить молодому человѣку говорить на родномъ его языкѣ.

— Впрочемъ, оставимте архитектуру, продолжалъ онъ, и поговоримъ лучше объ этой палкѣ. Вообразите себѣ, я прогуливаюсь по этой галлереѣ, любуясь архитектурой ея, которая въ самомъ дѣлѣ, прекрасна, какъ вдругъ злой духъ внушилъ мнѣ мысль войдти въ одинъ изъ магазиновъ, чтобы осмотрѣть внутреннее расположеніе и украшеніе его. Вхожу. Было нѣсколько нарядныхъ покупателей. Какой-то господинъ, щегольски одѣтый, съ драгоцѣнной булавкой въ галстукѣ, повязанномъ съ идеальнымъ совершенствомъ, подходитъ ко мнѣ, кланяется съ гордою вѣжливостью и спрашиваетъ: что къ вашимъ услугамъ? — Какъ на зло всѣ покупатели вытаращили на меня глаза. Дамы безъ церемоніи уставили на меня лорнеты, мужчины изкоса бросали на меня довольно дерзкіе взгляды. Чортъ знаетъ! Я отъ природы застѣнчивъ до нелѣпости, а тутъ такъ переконфузился, что съ большимъ трудомъ могъ объяснить ему, что зашелъ такъ, чтобы купить какую-нибудь бездѣлушку и полюбоваться, въ самомъ дѣлѣ, фантастически роскошнымъ магазиномъ его. Слово *бездѣлушка* какъ бы магически подѣйствовало на вопрошавшаго. Онъ поклонился мнѣ вѣжливѣе прежняго и самыми отборными словами объявилъ, что я могу выбирать что угодно и что онъ самъ берется показать мнѣ все устройство магазина. Въ заключеніе рѣчи своей, онъ прибавилъ mon prince!

Я невольно засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ молодой человѣкъ.

— Развѣ вы не знаете, — отвѣчалъ я, — что во Франціи всѣхъ иностранцевъ титулуютъ князьями, баронами или милордами и что *бездѣлушки* покупаютъ одни люди, обладающіе сокровищами.

— Хороша же ваша Франція!.. вскричалъ молодой человѣкъ съ досадой, но какъ бы опомнившись, прибавилъ: — Извините, пожалуйста, я забылъ, что говорю съ Французомъ...

— Ошибаетесь, я тоже иностранецъ.

— А!.. вы Англичанинъ?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно; только позвольте же мнѣ теперь душу отвести... теперь я смѣло могу разсказывать, какъ меня ограбили. Вхожу въ другую комнату. Французъ мой тараторитъ себѣ; объясненія о томъ, что стоило заведеніе магазина, мѣшаетъ съ политическими новостями, отъ политики переходитъ къ литературѣ, модамъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего какъ подсунетъ мнѣ подъ носъ булавку, съ такимъ блестящимъ драгоцѣннымъ камнемъ, что я невольно глаза зажмурилъ. — Вотъ, говоритъ, mon prince, бездѣлушка самая

новомодная, которою вы останетесь совершенно довольны... потомъ подалъ ее какому-то юношѣ, одѣтому точно модная картинка, да и говоритъ: отложи для mon prince!.. Ну, скажите, ради Бога, есть ли тутъ возможность отказатся? Идемъ въ другую комнату; опять та же болтовня, и вдругъ, опять какъ-бы нечаянно, заговорилъ Французъ: — Ахъ, Боже мой, я и забылъ, что у насъ есть превосходнѣйшіе шейные платки, которые какъ нарочно сдѣланы для вашей булавки... И съ двумя платками та же исторія. Я было рѣшился сказать, что одного довольно. — Нѣтъ, не довольно, прехладнокровно отвѣчалъ Французъ и продолжалъ тараторить. Такимъ образомъ, для mon prince отложили еще сигарочницу, футлярчикъ съ зубочистками, пару брошекъ... брошки! посудите сами, ну къ чему мнѣ брошки? спросилъ я Француза. Онъ лукаво улыбнулся и отвѣчалъ: Эге, какъ знать, mon prince? Вы такъ молоды, что у васъ всегда долженъ быть запасъ этихъ вещей, а потому вамъ непремѣнно надо взять еще это простенькое, но исполненное вкуса ожерелье... У меня духъ захватило. Мягко стелютъ эти господа, да жестко спать. Довольно, думаю, насмотрѣлся, а за входъ придется заплатить дорогонько. Раскланиваюсь, да подхожу къ вещамъ, которыя уже совсѣмъ завернуты въ такія хорошенькія бумажки, точно конфекты... Покупателей уже не было въ магазинѣ, а потому я пріободрился и говорю: что мнѣ столько отложили вещей, что у меня вѣроятно не будетъ довольно денегъ съ собою, а потому...

— О, не безпокойтесь, — прервалъ меня Французикъ, — извольте сказать, въ которомъ часу вы будете дома, mon prince, и гдѣ изволили остановиться, mon prince, и вещи будутъ доставлены къ вамъ, mon prince, вмѣстѣ съ другими, которыя вамъ, можетъ быть, будетъ еще угодно выбрать, mon prince. — Послѣднія слова такъ напугали меня, что я рѣшился поскорѣе расплатиться и бѣжать домой. Подаютъ счетъ. Написанъ на зеленевой бумагѣ, съ разноцвѣтными, золотыми и серебряными узорами. Ищу итога. Триста двадцать три франка!.. У меня волосы стали дыбомъ. Машинально полѣзъ я за бумажникомъ... — Не прикажете ли, у насъ есть самые новомодные бумажники? спросилъ Французикъ. Судорожно стиснувъ зубы, я отрицательно покачалъ головой. Заплатилъ. Дорого стоило мнѣ мое любопытство!.. Какъ бы въ насмѣшку, Французъ сбавилъ три франка, для круглаго счета!..

— Но... палки?

— Ахъ да!.. Это забавнѣе всего. Хочу я бѣжать изъ магазина, какъ вдругъ меня останавливаютъ и говорятъ, что я имѣю полное право выбрать себѣ какую-нибудь вещь даромъ, потому что купилъ болѣе, нежели на двѣсти пятьдесятъ франковъ. Я отнѣкивался, боясь, чтобы эта даровая вещь опять не стала мнѣ въ три — дорога, но щеголь-прикащикъ всунулъ мнѣ въ руки эту трость, на которую вы теперь упираетесь, и съ прежнимъ много и пустословіемъ выхвалялъ оригинальность ея. Нечего было дѣлать! Надо было взять. Я вышелъ изъ магазина и остановился въ большомъ замѣшательствѣ. Французы ужасно насмѣшливы, а я застѣнчивъ до крайности. Ну, посудите сами, могъ ли я рѣшиться идти по улицамъ съ туго-набитыми карманами и двумя палками въ рукахъ. Вѣдь мальчишки указывали бы на меня пальцами!. Нѣтъ, спасибо, будетъ съ меня французскихъ магазиновъ!

— Новсе таки, замѣтилъ я, улыбаясь, устройство и архитектура ихъ превосходна.

— Э, полноте! возразилъ молодой человѣкъ съ досадой, будто бы въ другихъ государствахъ она хуже. Посмотрѣли бы вы какія въ Россіи чудеса!.. Не уступятъ этимъ заморскимъ.

— Не ужели? спросилъ я съ изумленіемъ; такъ вамъ нравится русская архитектура?

— Нравится ли? странный вопросъ, можетъ ли хорошее, изящное, не нравиться?

Мнѣ очень пріятно было слышать такое сужденіе отъ иностранца, и какъ бы желая, чтобы онъ хоть изъ противорѣчія еще болѣе похвалилъ бы мое родное, я нарочно сказалъ ему:

— Признаться сказать, мнѣ русская архитектура нравится, но...

— Не начипайте спора, съ жаромъ вскричалъ молодой человѣкъ, я за *свое* буду стоять горой!

— Какъ? произнесъ я съ крайнимъ изумленіемъ; *за свое*! развѣ вы?..

— Что?

— Русскій?..

— Разумѣется!.. и молодой человѣкъ гордо поднялъ голову.

— Такъ изъ чего же мы бьемся, отвѣчалъ я уже по-русски; дайте руку соотечественнику!..

— Возможно ли! а я цѣлый часъ ломаю языкъ, чтобы придумывать французскія фразы!.. Какъ я радъ!

Мы очень пріятно провели нѣсколько дней въ Нантѣ и вмѣстѣ поѣхали далѣе.

М. Ѳ. К.

ІОАННА Д'АРКЪ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

Понятно, что открытія, сдѣланныя Поллюшемъ въ отчетахъ ратуши, столько согласовавшіяся съ открытіями аббата Винье, сдѣланными за цѣлое столѣтіе въ архивахъ рода д'Армоазовъ, сильно взволновали умы.

Между тѣмъ, упомянутыя лѣтописи изъ удивительныхъ становятся весьма обыкновенными, если принять весьма простую идею, что могла быть самозванка Іоанна д'Аркъ. Достовѣрно то, что народъ, полюбившій свою героиню, долго не хотѣлъ вѣрить, что она была сожжена. Это фактъ, который повторяется и въ наше время. Были и даже есть еще во Франціи люди, которые не вѣрятъ тому, что Наполеонъ умеръ.

Въ запискахъ одного парижанина временъ Карла VII сказано, что послѣ смерти Іоанны д'Аркъ разнесся слухъ, что другая дѣвушка была сожжена вмѣсто ея и что этому слуху почти весь народъ повѣрилъ. Слѣдовательно, этимъ самымъ открылась карьера для ложныхъ орлеанскихъ дѣвъ. И точно, не говоря уже о супругѣ Роберта д'Армоаза, нельзя сомнѣваться въ томъ, что были двѣ или даже три ложныя Іоанны. Въ другихъ запискахъ, содержащихъ жизнеописаніе Карла VII, сказано: «въ 1440 году парламентъ и университетъ вытребовали въ Парижъ женщину, которую многіе считали Дѣвой Іоанной и которая, по сей причинѣ, была принята въ Орлеанѣ съ великими почестями; и каковая женщина была выставлена во дворѣ, на мраморномъ возвышеніи, на большой площадкѣ и тамъ была вслухъ объявлена и вся прошедшая жизнь ея и то, что она была не дѣва, а женщина замужняя.» Изъ послѣдняго явствуетъ, что эта женщина была не супруга д'Армоаза, которая, впрочемъ, также въ 1439 году была принята съ торжествомъ въ Орлеанѣ, а другая.

Кромѣ того въ Исторіи Франціи, Марселя, можно найдти другія подробности, касательно этой самой авантюристки, несогласныя съ тѣмъ, что мы уже знаемъ про Іоанну д'Армоазъ. Впрочемъ, очень можетъ быть та, о которой говорится въ отчетахъ ратуши за 1439 г., была еще ложная Іоанна д'Армоазъ. Ее насильно привезли въ Парижъ, гдѣ она боялась появиться. Тамъ она вскорѣ призналась, что была вдова рыцаря, имѣла двухъ дѣтей и возвращалась изъ Италіи, гдѣ имѣла весьма много приключеній: ее освободили и она зимой оставила Парижъ.

Новая Дѣва появилась въ 1441 году. Свѣденія о ней заключаются въ рукописи временъ Карла VII, находящейся въ королевской библіотекѣ, подъ заглавіемъ: *Примѣры смѣлости многихъ королей и императоровъ* и т. д. Эта дѣва такъ походила на настоящую, что она смѣло представилась королю. Карлъ VII, слегка ранившій въ то время ногу, долженъ былъ носить особеннаго рода сапогъ, такъ что люди, затѣявшіе этотъ обманъ, не преминули сообщить мнимой Дѣвѣ это обстоятельство, по которому она легко могла узнать короля: а потому, когда Карлъ VII послалъ одного изъ придворныхъ вмѣсто себя къ этой женщинѣ, то она окинула его гордымъ взглядомъ и прямо пошла къ королю, котораго это обстоятельство не мало изумило. Но изумленіе его было не продолжительно.

«Едва король сказалъ мнимой Іоаннѣ: Будь благословенна, славная Дѣва, во имя Бога, которому одному извѣстна тайна между мною и тобою!.. Какъ будто по какому чуду, она упала на колѣни предъ королемъ, просила пощады и тотчасъ же призналась въ обманѣ, за который многіе были строго наказаны.»

Въ 1473 является, наконецъ, послѣдняя Іоанна д'Аркъ, конечно уже весьма *старая дѣва*, такъ какъ это было 42 года спустя послѣ знаменитаго руанскаго процесса. Ее побудилъ къ этому обману графъ Вирненбургъ, намѣревавшійся съ помощію ея возвесть въ архіепископское званіе Удальрика фонъ Манденхейта. Эту старую дѣву судила кельнская инквизиція, которая и обнаружила ея обманъ, и она навѣрное была бы казнена, еслибъ Вирненбургъ не нашелъ средства похитить ее изъ темницы.

И такъ, если многія авантюристки, пользуясь народнымъ мнѣніемъ о спасеніи Іоанны д'Аркъ, старались выдавать себя за нее, послѣ смерти ея, и даже частію успѣвая въ томъ, то что можетъ быть удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что женщина, появившаяся въ 1436 году въ Лотарингіи и вышедшая замужъ за Роберта д'Армоаза, была тоже ложная Іоанна д'Аркъ? Нельзя, однакожъ, несогласиться съ тѣмъ, что подтвержденіе братьевъ и всѣхъ старшинъ Орлеана, много говорятъ въ пользу этой женщины. Но если и предположить, что всѣ поступали съ совершенною искренностью, то и въ этомъ случаѣ мы видѣли много примѣровъ тому, что обманщики были принимаемы съ отверстыми объятіями людьми, въ самомъ дѣлѣ считавшими ихъ родными. Не должно забывать того, что братья цѣлые четыре года не видали сестры; что они не должны были удивляться тому, что послѣ стольких страданій она нѣсколько измѣнилась; что они, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо находились подъ вліяніемъ слуховъ, распространенныхъ на счетъ ея спасенія; слѣдовательно они легко увлеклись, и что, вѣроятно, они были люди ума простаго, которые держались въ почтительномъ разстояніи отъ необыкновеннаго существа, дарованнаго имъ самимъ небомъ въ сестры.

Но можетъ быть поступокъ братьевъ былъ и не совсѣмъ чистъ... Мы не смѣло излагаемъ это предположеніе, потому что въ области исторіи должно какъ можно беречься, чтобы не оскорбить памяти умершихъ.

Крестьяне, братья Сузанны, были всѣмъ обязаны сестрѣ: лишившись той, которая составила все счастіе ихъ, они не могли ожидать большихъ выгодъ отъ двора; они очень хорошо понимали, что если Іоанна, какъ всѣ говорили, жива и явится во Франціи требовать своихъ правъ, то положеніе ихъ сдѣлается блистательнѣе прежняго. Слѣдовательно, если они и не рѣшились сдѣлаться сообщниками обмана, то, по крайней мѣрѣ, они добровольно позволили обмануть себя. Младшій поѣхалъ въ Лошь; но зачѣмъ мнимая сестра его не поѣхала съ нимъ?... Должно полагать, что она хотѣла сперва развѣдать всѣ подробности, а потомъ уже приступить къ дѣлу: изъ всей жизни можно заключить, что Іоанна поступила бы иначе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, какъ братъ ея былъ принятъ при дворѣ? Мы видимъ, что въ Орлеанѣ онъ хвастаетъ, что получилъ отъ короля значительную награду за доброе извѣстіе; но еслибъ онъ и говорилъ правду, то очевидно, что доброе извѣстіе его было принято слишкомъ равнодушно, и что награда, которую ему дали, была такъ мала, что въ Орлеанѣ онъ находился въ невозможности продолжать путь. Брата Орлеанской Дѣвы приняли бы

иначе при дворѣ, еслибъ она была въ самомъ дѣлѣ жива.

Еще болѣе, можно ли предположить, что потомки Іоанны д'Аркъ, дворяне самаго чрезвычайнаго, необыкновеннаго происхожденія, могли до того забыть знаменитое происхожденіе свое, что два столѣтія спустя, какъ разсказываетъ аббатъ Винье, они рѣшительно не знали о немъ? Но если потомки открыли, что прародительница ихъ была ничто иное какъ авантюристка, если обманъ открылся, то весьма естественно, что вмѣсто того, чтобы гордиться этимъ происхожденіемъ, они всячески старались забыть о немъ, и что, подобно другимъ проступкамъ, оно съ годами совершенно было забыто. Во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что сорокъ лѣтъ спустя послѣ брака Роберта д'Армоаза, такъ мало вѣрили въ Лотарингіи происхожденію жены его; что появилась другая Іоанна д'Аркъ.

Слѣдовательно, если въ неблагодарности короля и скромности Іоанны, счастливой въ семейной жизни, и можно найдти достаточныя причины для объясненія того, зачѣмъ она не хотѣла возвращаться ко двору, то нѣтъ недостатка и въ доказательствахъ, заставляющихъ болѣе нежели сомнѣваться въ дѣйствительности имени, присвоеннаго ей себѣ. Но доказательства самыя важныя и рѣшительно неопровержимыя заключаются въ оправдательномъ процессѣ 1455 года. Могла ли мадамъ д'Армоазъ не вмѣшаться въ дѣло, позорившее не только ее, но и мужа и дѣтей ея? Предположивъ даже, что ее въ то время уже не было въ живыхъ, нельзя думать, что ни одинъ изъ представителей рода д'Армоазъ не вступился бъ за нее, еслибъ дѣло ея было правое. Извѣстно, что разрѣшеніе на оправдательный процессъ было дано не по рескрипту короля, но по прошенію, подписанному матерью и однимъ изъ братьевъ Дѣвы. Слѣдовательно, съ этого уже времени, а именно съ 1445 года, родственники Іоанны совершенно отреклись уже отъ мадамъ д'Армоазъ.

Аббатъ Винье говоритъ, что такъ какъ процессъ имѣлъ только цѣлію рѣшить, имѣли ли право осудить Іоанну какъ идолопоклонницу, то и не удивительно, что не было упоминаемо о томъ, приведенъ ли приговоръ въ исполненіе. Все это возможно; но въ самомъ процессѣ есть слишкомъ ясныя доказательства дѣйствительности смерти ея, чтобы еще возможно было сомнѣваться въ ней. Ничто въ характерѣ окружавшихъ несчастную плѣнницу не заставляетъ думать, чтобы она кому нибудь внушила состраданіе и желаніе спасти ее. Кромѣ того, въ самый день казни, ее исповѣдывалъ и причащалъ аббатъ Мартынъ Ладвеню, изъ братства Св. Доминика, который и проводилъ ее до мѣста казни вмѣстѣ съ Жаномъ Массье, и оба эти свидѣтеля, призванные по случаю оправдательнаго процесса, разсказывали съ какою покорностью судьбѣ и съ какою вѣрою въ Провидѣніе она шла на смерть. Изъ ста двѣнадцати свидѣтелей, выслушанныхъ во время этого процесса, ни одинъ не сказалъ слова о томъ, что Іоанна, можетъ быть, еще жива. Дѣйствительность казни ея, въ которой народъ долгое время сомнѣвался, была теперь положительно доказана; и въ 1456 году канцлеръ парижскаго университета произнесъ рѣчь въ воспоминаніе славной, знаменитой мученицы.

Время ложныхъ Іоаннъ прошло. Чтобы мадамъ д'Армоазъ могла опять войти въ моду, нужна была помощь двухъ столѣтій, заставившихъ забыть подробности давнишней исторіи; и потомки ея, сначала столько обрадовавшіеся открытію аббата Винье, вскорѣ раскаялись въ томъ.

«Самое непріятное въ этомъ дѣлѣ то,» пишетъ довольно рѣзко аббатъ Ленгле Дюфреноа, въ нѣсколькихъ словахъ возставшій противъ аббата Винье, — «что благородный родъ д'Армоазовъ происходитъ отъ дѣвки, которая, какъ то и нынѣ бываетъ, бѣгала за полками, во время походовъ, переодѣваясь въ мужское платье.»

Слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Іоанна д'Аркъ была сожжена.

БУМАГА.

Папирусъ, называемый также и *вивлосъ* *, есть тростникъ, растущій въ Нилѣ. Корень его употребляется на дрова или на столярныя работы, стволъ на построеніе судовъ, изъ коры его дѣлаются паруса, платья, кровли, корабельныя снасти, корзины; сокъ употребляется въ пищу и на лекарства; а изъ плевы онаго дѣлали бумагу. Приготовленіе оной просто: кору, отдѣленную отъ ствола, снимали иглою, и таковыя очищенныя плевы складывали крестообразно, доколѣ онѣ получали надлежащую толщину, и потомъ склеивали нильскою водою. Высушенная сія масса называлась *священною бумагою*, потому что она употреблялась только на книги богослужебнаго содержанія.

Когда Египетъ сдѣлался Римскою-Областію, императоры занялись усовершенствованіемъ приготовленія бумаги. Бумага, промытая однажды, называлась августовскою, промытая же дважды — ливіанскою. — Египетъ не только производилъ бумагу, но и былъ *бумажнымъ магазиномъ* всей Римской-Имперіи, и часто медленность кораблей, нагруженныхъ симъ предметомъ, была причиною значительныхъ народныхъ волненій, какъ то случилось въ царствованіе Тиверія. Бумага составляла столь важную отрасль александрійской торговли, что одинъ завоеватель, овладѣвъ Египтомъ, увѣрялъ, что ему довольно будетъ денегъ, вырученныхъ за одну бумагу, для удовлетворенія своего войска жалованьемъ.

Египетская бумага исчезла въ Европѣ въ теченіе осьмаго столѣтія; тогда начали дѣлать оную въ Константинополѣ изъ хлопчатой бумаги; но употребленіе оной не сдѣлалось общимъ, приготовляли ее также изъ коры различныхъ растеній, между прочими изъ липовой; но сей родъ бумаги, по причинѣ толстоты, негибкости и ломкости своей, вышелъ изъ употребленія.

Въ Китаѣ, гдѣ все дѣлаютъ изъ бамбуковой трости, старались приготовлять изъ оной и бумагу; но не ограничиваясь однимъ симъ веществомъ, стали употреблять и нѣкоторыя другія, отъ чего нынѣ въ каждой китайской области господствуетъ иной способъ выдѣлывать бумагу: вообще китайская бумага больше, тоньше, мягче и глаже нашей. Та, которую несправедливо называютъ шелковою, дѣлается изъ хлопчатой бумаги. Китайцы иногда употребляютъ къ тому и *куколки* шелковаго червя, кору бамбуковую и шелковичную конопель, солому и проч.; но лучшая бумага ихъ приготовляется изъ растенія *кутчу*, и выдѣлывается почти также, какъ наша. Тонкая плева коры въ водѣ растирается въ жидкое вещество и переливается въ формы, изъ коихъ выходятъ листы длиною до 12 футовъ; квасцовымъ растворомъ придаютъ имъ серебристый лоскъ, который для Китайцевъ тѣмъ большую имѣетъ цѣну, что они пишутъ не перомъ, а кистью. Сія бумага истлѣваетъ гораздо скорѣе нашей; она ломче и легко принимаетъ въ себя сырость и пыль. Китайцы употребляютъ бумагу свою не только на письмо и печать: они подбиваютъ ею платья и вставляютъ въ окна вмѣсто стеколъ.

Изобрѣтеніе нашей тряпичной бумаги приписываютъ Маврамъ.

Муратори приписываетъ необразованность среднихъ вѣковъ недостатку въ бумагѣ. Въ самомъ дѣлѣ достойно примѣчанія, что изобрѣтеніе нынѣ употребляемой бумаги, какъ полагаютъ, случилось въ двѣнадцатомъ столѣтіи, когда науки снова начали процвѣтать; и что изобрѣтеніе книгопечатанія непосредственно предшествовало распространенію просвѣщенія. Греки и Римляне начертали безсмертныя творенія свои на пергаминѣ. Драгоцѣнность сего вещества была причиною, что сіи творенія или оставались въ рукахъ однихъ лишь богачей, или вовсе затерялись. Правда, что въ древности существовала бумага, стоившая менѣе пергамина, приготовлявшаяся изъ египетскаго папируса; но, по причинѣ ли запрещенія обработки папируса въ Египтѣ, или потому, что Арабы затрудняли торговыя сношенія съ Египтомъ, уже съ осьмаго столѣтія сей бумаги не видно стало въ Европѣ. Слѣдственно, надлежало опять прибѣгнуть къ пергамину; однако же списки съ классическихъ твореній ежедневно становились рѣже и тѣ, кои пощажены сѣверными и восточными варварами, принуждены были уступить мѣсто другимъ сочиненіямъ, важнѣйшимъ для того времени. Соскобливъ рѣчь Демосѳенову или книгу Тита Ливія съ драгоцѣннаго пергамина, писали на оной легенду, или молитвенникъ, или дарственный актъ какому нибудь римско-католическому монастырю, и сіи сочиненія на выскобленномъ пергаминѣ назывались по-гречески *Перипсемтосъ*.

Цѣна пергамина была столь безмѣрно велика, что одни только короли или города могли покупать книги: никто не думалъ заводить библіотекъ. Ихъ можно было найти только въ богатыхъ монастыряхъ или въ Ватиканѣ; да и тамъ въ каталогахъ, до времени Папы Николая X, ученаго покровителя наукъ, находились почти однѣ только касавшіяся Богословія, церковнаго права, и документы достовѣрные и мнимые.

По предлагаемымъ здѣсь примѣрамъ можно судить о дороговизнѣ книгъ въ сіе время. Одна графиня Анжуйская заплатила за копію рѣчей епископа Гальберштадскаго двѣсти овецъ и пятнадцать мѣръ жита. Король Французскій Лудовикъ XI, желая занять у медицинскаго общества въ Парижѣ творенія одного аравійскаго медика, долженъ былъ не только дать въ залогъ большую часть посуды своей, но и представить одного богача за себя поручителемъ. Еще до нынѣ хранится письмо Вольфа, аббата Феррісрскаго, писанное въ 855 году, къ папѣ Венедикту III съ просьбою, одолжить монастырь его поясненіями Іереміи Св. Іеронима, равно какъ и твореніями Цицерона и Квинтиліана, обѣщая ему съ точностію возвратить сіи книги, когда онѣ будутъ списаны, «потому,» присовокупляетъ онъ, «что во всей Франціи, хотя и есть отрывки сего сочиненія, но нѣтъ ни одного полнаго экземпляра.»

Изъ сего видно, что въ то время иноки начинали заниматься науками; они съ большимъ трудомъ и раченіемъ списывали творенія классиковъ. Въ Веронѣ, на превосходномъ памятникѣ одного архидіакона, жившаго въ девятомъ столѣтіи, видна надпись, въ которой, между прочими рѣдкими его достоинствами, упоминается и о томъ, что онъ списалъ двѣсти восемнадцать рукописей, и принесъ въ даръ великому капитулу комментарій на Библію.

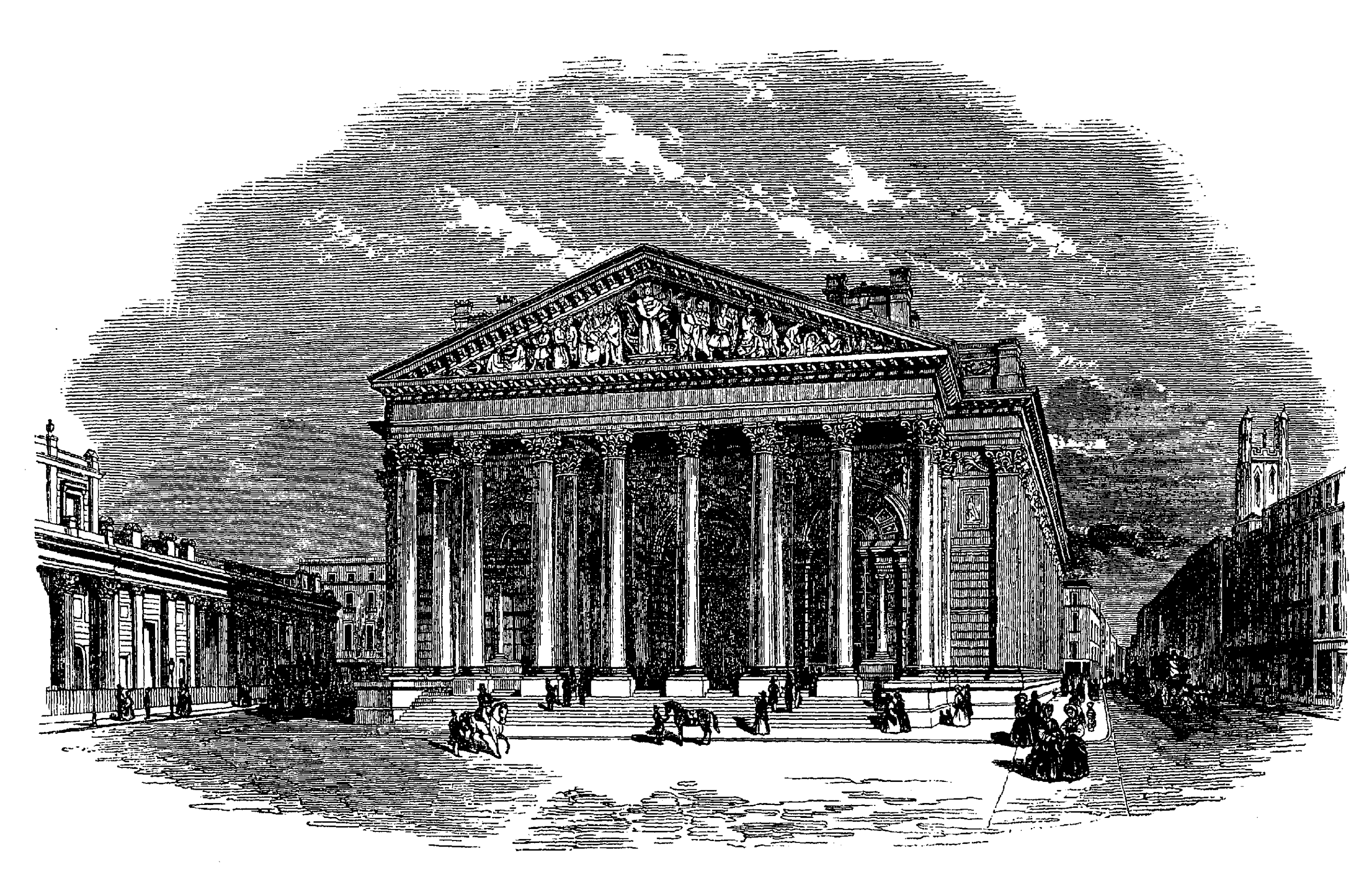
Рѣдкость книгъ подала къ основанію духовнаго ордена, который, по изобрѣтеніи книгопечатанія, пришелъ въ забвеніе. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, онъ учрежденъ былъ Герардомъ Гроотомъ изъ Девентера, подъ именемъ *Братіи Общества*, и, вмѣстѣ съ происшедшимъ отъ онаго монашескимъ сообществомъ виндесгеймскихъ каноников, распространился по Нидерландамъ и сопредѣльной онымъ части Германіи: сто двадцать монастырей были ему подвластны, а въ числѣ братіи онаго находились отличные ученые, какъ напр. славный Липсій. Правила и занятія сихъ монаховъ состояли въ воспитаніи юношества и въ списываніи книгъ; не нужно говорить, что они преимущественно списывали творенія церковныхъ отцевъ.

Сколь ни глубоко вкоренилось нынѣ злоупотребленіе наводнять бумагу литературными посредственностями, однако же нельзя не согласиться, что сіе изобрѣтеніе не только имѣло вліяніе на всѣ науки и распространило всякія полезныя познанія, но и сильно содѣйствовало къ смягченію нравовъ, доставляя невинное и пріятное занятіе людямъ всякаго званія.

* У Лукреція.

БИРЖА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ концѣ прошлаго года Англійская Иллюстрація, въ нѣсколькихъ нумерахъ, сообщала подробности великолѣпнаго празднества, даннаго по случаю открытія и освященія новаго зданія биржи—Royal-Exchange—въ Лондонѣ. Говорятъ, что дессертныя та-



(Биржа въ Лондонѣ)

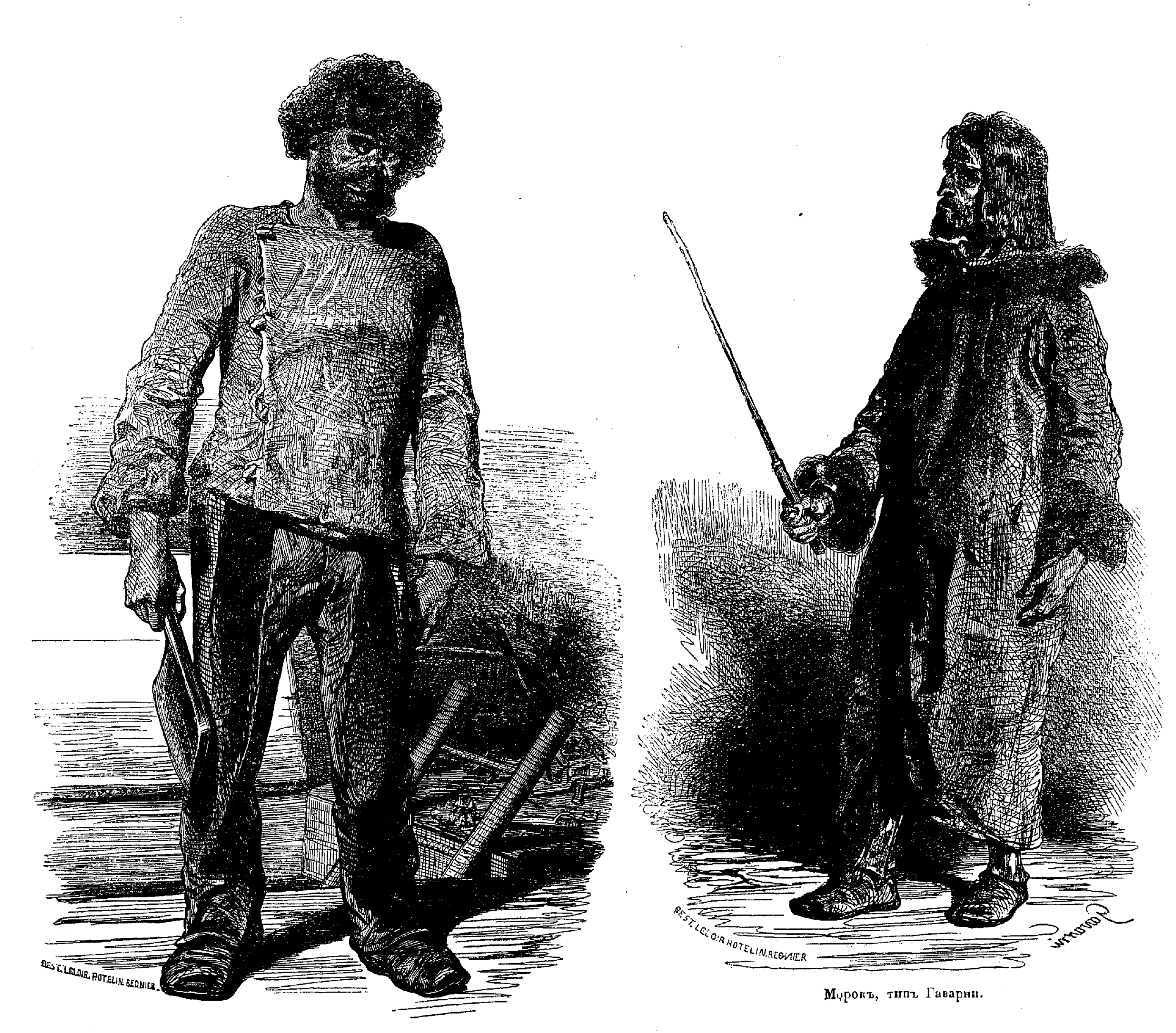
релки были нарочно заказаны для этого случая изъ чистѣйшаго японскаго фарфора. Между тончайшими и самыми дорогими винами особенно славилось такъ называемое *шерри*, лежавшее съ 1824 года; одна бочка его, купленная въ бытность Фердинанда VII въ Хересѣ, стоила 630 фунтовъ стерлинговъ (около 4 т. руб. серебр.). Обѣденная записка находилась въ центрѣ гирлянды, представлявшей вензель королевы, которой угодно было взять ее послѣ обѣда съ собою. Обѣдъ, данный въ этомъ храмѣ богатства, состоялъ... виноваты! Великолѣпныя описанія великолѣпнаго празднества чуть не увлекли насъ; мы хотимъ говорить не объ обѣдѣ, а о зданіи биржи, видъ которой предлагаемъ читателямъ Иллюстраціи.

Зданіе величественно, хотя, къ сожалѣнію, и нѣсколько тяжелое... Впрочемъ, зданіе, назначаемое для биржевыхъ дѣлъ и не должно быть легко — оно должно имѣть вѣсъ. Фасадъ биржи состоитъ изъ осьмиколоннаго портика коринѳскаго ордера; лѣстница не совсѣмъ согласна съ портикомъ, она изчезаетъ подъ тяжестію его; вообще пропорціи соблюдены не совсѣмъ хорошо. Боковыя стороны прямыя стѣны, украшенныя окнами и пиластрами. Во внутренности одна парадная лѣстница прекрасна. Множество залъ, слѣдующихъ одна за другою, не имѣютъ въ себѣ ничего особеннаго, исключая неимовѣрной роскоши украшеній. Много золота, богатства — мало вкуса. Сверхъ того лондонская биржа чрезвычайно много теряетъ потому, что находится между узенькими улицами, непозволяющими даже хорошенько судить объ общемъ видѣ ея. Едва ли въ цѣломъ мірѣ есть биржа, находящаяся въ такомъ прекрасномъ, удобномъ и видномъ мѣстѣ, какъ наша петербургская.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ ФРАНЦУЗСКОМЪ ИЗДАНІИ ВѢЧНАГО ЖИДА.

Вѣчный Жидъ постепенно подвигается впередъ... Онъ все идетъ... идетъ, изъ фельетона въ фельетонъ, въ журналѣ Le Constitutionnel, а у насъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Восемь частей совершенно кончены. Девятой вышло въ Парижѣ около пятнадцати главъ.

Сначала читатели, приходившіе прежде въ восторгъ, ужасъ, страхъ отъ ужасовъ Парижскихъ Тайнъ, жаловались на то, что Вѣчный Жидъ менѣе занимателенъ, но теперь всѣ соглашаются съ тѣмъ, что послѣдній во всѣхъ, отношеніяхъ выше перваго. Не говоря уже о философическихъ, филантропическихъ, и другихъ идеяхъ автора, которыя не смотря на все убѣдительное, энергическое краснорѣчіе Евгенія Сю, врядъ ли могутъ осуществиться въ нашъ вѣкъ,—романъ этотъ заключаетъ въ себѣ глубокое познаніе сердца человѣческаго. Конечно, по нашему мнѣнію, весь романъ состоитъ изъ идеаловъ, идеи его утопіи, но изъ самаго столкновенія этихъ идеаловъ, изъ возможнаго, по мнѣнію автора, осуществленіи утопіи, онъ составляетъ одно цѣлое, общее, увлекающее читателя, заставляющее его забывать, что всѣ лица и происшествія вымышленныя... Самое преувеличеніе добродѣтелей, страстей, пороковъ, гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на массу; она живѣе сочувствуетъ лицамъ романа, яснѣе понимаетъ намѣренія и цѣль автора. Еще одно достоинство романа Евгенія Сю: неожиданность, внезапность; большая часть романовъ, даже лучшихъ, написаны такъ, что человѣкъ, нѣсколько проницательный или привычный, напередъ угадываетъ развязку и цѣль дѣйствій, выведенныхъ на сцену лицъ. Въ Вѣчномъ Жидѣ напротивъ: гдѣ вы ожидаете увидѣть гнѣвъ, негодованіе — вы встрѣчаете кротость и, подумавъ, находите, что иначе и быть не могло. Впрочемъ, когда Вѣчный Жидъ будетъ совершенно конченъ, мы надѣемся подробнѣе поговорить о немъ съ читателями. Конецъ не далекъ. Девятой части почти половина готова — остается десятая. Теперь мы упомянемъ только о новомъ иллюстрованномъ изданіи Вѣчнаго



Голіаѳъ, типъ Гаварни.

Морокъ, типъ Гаварни.

Жида, котораго уже болѣе *тридцати* ливрезоновъ можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова. Есть два иллюстрованныхъ изданія: парижское и брюссельское. Первое во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣе. Рисунки Гаварни еще болѣе сближаютъ читателя съ трогательными или грозными сценами, созданными колоссальнымъ воображеніемъ Сю. Къ каждому ливрезону приложенъ отдѣльный портретъ или типъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенны; иные, немногіе, не согласуются съ идеями, которыя мы создали себѣ о нѣкоторыхъ лицахъ. Мы на удачу выбрали два типа: чудовищность моральную и физическую. Первый, злобный, коварный, хитрый *Морокъ*; это олицетвореніе нравственнаго безобразія. Другой, дикій, звѣрскій, безсмысленный Голіаѳъ: типъ физическаго безобразія... Всмотритесь въ эти два лица и вы поймете почему великанъ, одаренный геркулесовскими формами и соразмѣрно имъ силою, рабски повинуется щедушному, слабому тѣломъ Мороку...

Совѣтуемъ любителямъ иллюстрованныхъ изданій пріобрѣсть это изданіе, тѣмъ болѣе, что цѣна ливрезонамъ изумительно дешевая.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

Очеркъ венгерскихъ нравовъ.

(Окончаніе).

Надобно было сыграть эфектную сцену; какъ герой какой-нибудь мелодрамы, я сбросилъ шинель и взялъ въ руки пистолеты.

— Несчастные! вскричалъ я повелительнымъ голосомъ, вы, можетъ быть, зарѣзали какого-нибудь бѣднаго торговца въ лѣсу и потому важничаете, воображая себя разбойниками. Знаете ли, что вы ни что болѣе какъ шалуны, школьники; я вашъ учитель!... Мое ремесло убивать людей и если хотите, такъ я научу васъ сейчасъ же какъ поступать...

Говоря эти слова, я *прицѣлился* въ ближайшихъ моихъ сосѣдей, которые отскочили назадъ и спрятались подъ столъ, чтобы не видать черныхъ отверзтій моихъ пистолетовъ.

Габуракъ одинъ былъ спокоенъ.

— Полноте, сказалъ онъ, къ чему сейчасъ горячиться. Правда, съ вашими пистолетами, если они не осѣкутся и если у васъ вѣренъ глазъ, вы можете погасить двѣ свѣчки, но ихъ остается еще довольно, чтобы послужить факелами для вашихъ похоронъ. И такъ, опустите пистолеты и, какъ добрые дворяне, поговоримъ хладнокровно.

Я сѣлъ.

— Мнѣ самому непріятно, что я погорячился, потому что это вредитъ пищеваренію, возразилъ я; но повторяю вамъ, друзья и благородные товарищи, что вы непремѣнно должны уйдти отсюда. Не для меня — Боже сохрани! Я бы очень радъ былъ провесть хоть всю ночь въ такой пріятной компаніи, но у меня съ собою жена, бѣдная, усталая и беременная жена. Вы всѣ дворяне, добрые Венгерцы; мы будемъ сперьва пить, потомъ запоемъ, а тамъ, пожалуй, и поколотимъ другъ друга; все это очень хорошо, и бѣдная жена со страху не сомкнетъ глазъ и завтра не будетъ въ состояніи ѣхать далѣе.

— Мы не будемъ шумѣть, сказалъ одинъ изъ спрятавшихся подъ столъ.

— Статочное ли это дѣло! вскричалъ я; возможно ли, чтобы благородные Венгерцы, въ жилахъ которыхъ течетъ чистая венгерская кровь, которые пьютъ доброе венгерское вино, остались цѣлую ночь смирны какъ дѣти, которымъ покажутъ розгу! Нѣтъ, господа, это невозможно; а потому повторяю мое требованіе, или, если хотите, мое приказаніе.

Ни кто не трогался.

Я видѣлъ, что дойдетъ до драки. Вдругъ Габуракъ скоро всталъ; взялъ топоръ, бунду, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Дайте руку; кому фортуна дала такую хорошенькую жену, тотъ имѣетъ полное право безпокоиться объ ея спокойствіи. Конечно, вы поступили немножко невѣжливо, но любовь красавицы дѣлаетъ насъ иногда чрезвычайно гордыми и самонадѣянными. Прощайте, скажите вашей супругѣ, что я желаю ей спокойной ночи и счастливаго пути. За мной, ребята; безъ шуму!

Между тѣмъ товарищи Габурака осторожно удалялись, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Слушайте, я непремѣнно долженъ повторить вамъ, что мы уходимъ только изъ уваженія къ вашей женѣ. — Онъ показалъ мнѣ карабинъ, спрятанный подъ его бундой и прибавилъ: Мнѣ стоило только опрокинуть на васъ столъ, а тамъ, чортъ возьми, крупная дробь, которою заряжена моя винтовка, размозжила бъ вамъ голову. И такъ, не забудьте, я ухожу не потому, что вы погрозили мнѣ вашими дрянными пистолетами, а потому, что у васъ жена красавица и беременна. Прощайте.

На другой день, на разсвѣтѣ, мы были уже въ дорогѣ. Едва мы выѣхали на открытую поляну, какъ какой-то всадникъ догналъ насъ и подъѣхалъ къ самой каретѣ.

То былъ Габуракъ.

— По лицу вашему я вижу, что вы неспособны измѣнить бѣдняку, ввѣряющемуся вамъ. Когда вамъ понадобятся лошади за дешевую цѣну, обратитесь ко мнѣ; вы меня всегда найдете въ..... (Онъ назвалъ мѣсто своего убѣжища).

Потомъ, снявъ со шляпы своей дикую розу, онъ подалъ ее Нетти, которая очень ласково поблагодарила его.

— Простите, сударыня, прибавилъ онъ, что мы испугали васъ въ прошедшую ночь; а вамъ, сударь, я охотно прощаю и невѣжливость и гордость, потому что супруга ваша такъ прелестна, что за нее вы имѣли полное право размозжить головы цѣлой шайкѣ бѣдняковъ. Прощайте, сударь, не выдавайте меня; а вы, сударыня, помолитесь за упокой моей души, когда услышите, что меня повѣсили.

Онъ пришпорилъ лошадь и вскорѣ исчезъ въ туманѣ.

II.

Въ слѣдующемъ году я проѣзжалъ чрезъ Т...., лежащемъ въ странѣ, столь же живописной и оригинальной, какъ шотландскія горы, и которой не достаетъ только народнаго барда, Вальтера-Скотта, чтобы воспѣть славу и романтическую прелесть ея.

Была ярмарка. Мужчины въ самыхъ странныхъ костюмахъ, въ *бундахъ, губахъ, галинахъ* (*), женщины въ короткихъ платьяхъ, красныхъ сапогахъ съ каблуками, подбитыми гвоздями, растрепанные цыгане, озиравшіеся изъ подлобья, толпились на площади. Даже вербовщики, въ сопровожденіи цыганскаго ходячаго оркестра, вышли изъ кабаковъ и вмѣшались въ толпу.

Войдя въ гостинницу, я увидѣлъ за большимъ столомъ стараго знакомца моего, купца-Лаще, занимавшаго должность *коммиссара общественнаго спокойствія*. Онъ прежде служилъ сержантомъ въ полку гусаровъ-Фердинанда, въ которомъ служилъ и я. Купецъ-Лаще былъ человѣкъ смѣлый, предпріимчивый и одаренный атлетическими формами; тяжкая обязанность его нравилась ему именно по опасностямъ, съ которыми она была сопряжена. Костюмъ его состоялъ изъ гусарскихъ панталонъ въ натяжку, узкихъ сапоговъ съ длинными шпорами, краснаго жилета съ большими серебряными пуговицами и голубаго полукафтанья, покрывавшаго геркулесовскія плечи его. Загорѣлая, жирная шея его была обвязана черным платкомъ. Онъ положилъ передъ собою на столъ топоръ, двуствольный карабинъ и пару пистолетовъ. Сѣрая шляпа и бунда висѣли на крючкѣ надъ головой его, а передъ нимъ на столѣ стояли два полуопорожненные графина съ виномъ.

Увидѣвъ меня, онъ всталъ и, пригладивъ обѣими руками огромныя усища, поклонился мнѣ почтительно. Я очень обрадовался знакомому лицу. Послѣ первыхъ привѣтствій, я спросилъ его:

— Откуда вы, Купецъ?

— Съ охоты, отвѣчалъ онъ.

— Какъ, съ охоты? Теперь, кажется, не время?

— О, мнѣ всегда время!.. Вы знаете, что я охочусь за ворами и мошенниками.

— Ага!.. А счастлива ли была охота?

— Очень счастлива; мы поймали молодца, который меня ужасно безпокоилъ и извѣстность котораго мѣшала мнѣ спать. Ну, да ладно! Теперь онъ въ нашихъ рукахъ. Мы поймали нѣкоего Габурака, дезертера и отчаяннѣйшаго плута, какого мнѣ только случалось видѣть въ жизнь мою. Однажды, когда я преслѣдовалъ его и остановился отдохнуть въ *чардѣ* (уединенномъ постояломъ дворѣ) близъ Макольца, этотъ негодяй осмѣлился войдти туда. Гайдуки мои приняли его за конюха и послали его напоить лошадей. Я самъ видѣлъ, какъ онъ сѣлъ верхомъ, безъ сѣдла, на мою лошадь, а другихъ повелъ за уздечки; но едва онъ подъѣхалъ къ пойлу, какъ пріударилъ лошадей и пустился съ ними во весь галопъ. Прежде, чѣмъ гайдуки успѣли опомниться, онъ исчезъ у насъ изъ виду. Представьте, какъ мнѣ было совѣстно вернуться домой пѣшкомъ. Впрочемъ, Габуракъ не разбойникъ; онъ только недавно убилъ одного богатаго, здѣшняго мельника за то, что тотъ обругалъ возлюбленную его; а когда ее хотѣли отправить въ тюрьму, то онъ напалъ на двухъ гайдуковъ, сопровождавшихъ дѣвушку, освободилъ ее и убилъ одного изъ гайдуковъ. Вотъ уже три мѣсяца, какъ я преслѣдую его. Однажды, мнѣ удалось нагнать его въ полѣ; я былъ одинъ и закричалъ ему, чтобы онъ сдавался. Онъ повиновался, бросилъ сѣкиру и карабинъ, и поскакалъ ко мнѣ, но вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ меня, онъ вынулъ арканъ, накинулъ его мнѣ на шею, стащилъ съ лошади и повлекъ за собою. По счастію тяжесть моего тѣла разорвала веревку. Но я остался на мѣстѣ безъ чувствъ, избитый и израненный. Наконецъ, вчера вечеромъ, мы поймали Габурака у его возлюбленной; я самъ стащилъ его съ постели. Слѣдующую ночь онъ проведетъ на чистомъ воздухѣ, потому что ему уже готовятъ квартирку, между небомъ и землей.

*) Плащи разныхъ племенъ

И точно, я увидѣлъ на концѣ главной улицы мѣстечка висѣлицу, первый признакъ цивилизаціи, проникающей въ дикую страну. Народъ толпился около нея *точно, будто бъ ему готовился праздникъ*. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не воспользоваться даровымъ зрѣлищемъ?

Я послѣдовалъ за толпой, самъ не зная зачѣмъ; вѣроятно я искалъ сильныхъ ощущеній.

Лишь только я приблизился къ театру, на которомъ готовилась драма, привлекавшая многочисленную толпу, какъ я увидѣлъ героя пьесы. Онъ шелъ въ сопровожденіи священника и былъ окруженъ тремя рядами гайдуковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Судья, который долженъ былъ прочитать приговоръ, и палачъ, который долженъ былъ привесть его въ исполненіе, ждали возлѣ висѣлицы. Приговоренный былъ совершенно спокоенъ. Судя по его беззаботному лицу и по развязной походкѣ, можно было подумать, что онъ игралъ тутъ роль ярмарочнаго шута, паяца. Онъ смѣло глядѣлъ на толпу; мнѣ удалось видѣть его лицо: точно, это былъ мой знакомецъ —Габуракъ.

Священникъ увѣщевалъ его, говорилъ о раскаяніи, о будущей жизни.

Преступнику надѣли веревку на шею.

— Затягивайте крѣпче, сказалъ онъ, скрыпка только тогда даетъ хорошіе звуки, когда струны ея натянуты, а мнѣ бы хотѣлось, прибавилъ онъ, стукнувъ шпорами, имѣть пріятную музыку для моей послѣдней мазурки.

Онъ не выпускалъ изо-рта глиняной трубки.

Вдругъ раздался рѣзкій, пронзительный крикъ, толпа разступилась и, не смотря на удары прикладами, щедро надѣляемые гайдуками, женщина бросилась къ висѣлицѣ. То была высокая, полная, смуглая дѣвушка, черные волосы которой были распущены. Не будучи въ состояніи произнесть слова, но громко рыдая, упала она къ ногамъ судьи. Габуракъ оглянулся и, увидѣвъ ее, сильнымъ движеніемъ вырвался изъ рукъ палача; но его тотчасъ же опять схватили и крѣпко связали руки на спинѣ.

— Бѣдная Анна! Бѣдная Анна! воскликалъ онъ съ отчаяніемъ. Зачѣмъ ты пришла сюда? Я дезертеръ, воръ и убійца изъ любви къ тебѣ. Я продалъ душу свою чорту, чтобы кормить и одѣвать тебя... ты была счастлива и щедро заплатила мнѣ за то! Теперь же, когда я буду висѣть на этой веревкѣ, кто одѣнетъ тебя, кто согрѣетъ тебя, когда тебѣ будетъ холодно, кто накормитъ тебя, когда ты будешъ голодна? И кто полюбитъ тебя, любовницу вора и повѣшеннаго? Ты должна будешь продавать свои ласки!... Но, слава Богу, я не буду знать того, не буду свидѣтелемъ твоей нищеты, потому что хищныя птицы скоро выклюютъ мнѣ глаза и мозгъ!...

Прежнее мужество и гордость покинули его. Онъ падалъ на колѣни передъ всѣми окружавшими его и умолялъ о пощадѣ. Судья, съ кротостью поднявъ дѣвушку, сказалъ осужденному:

— Габуракъ, я не могу помиловать тебя; но что въ предсмертный часъ доставить тебѣ хотя нѣкоторое утѣшеніе, я обѣщаю принять подъ свое покровительство эту бѣдную дѣвушку... и такъ успокойся!

— Точно ли?.. вы сдержите ваше слово? вскричалъ Габуракъ.

— Клянусь честію.

— Да вознаградитъ васъ за то Господь!.. вскричалъ онъ съ чувствомъ. Прощай, Анна, прощай, добрая моя Анна; а ты, дядюшка, прибавилъ онъ, обратившись къ палачу, исполняй свое дѣло; настроивайте скрыпки, пляска начинается!

Нѣсколько минутъ спустя, толпа возвращалась въ мѣстечко, сопровождая Анну, лишившуюся

чувствъ; ее несли въ домъ судьи, принявшаго ее къ себѣ въ услуженіе.

III.

Два года спустя, я опять проѣзжалъ чрезъ Т..., мимо мѣста казни. Трупъ Габурака все еще былъ подъ висѣлицей, но вороны уже выклевали ему глаза и мозгъ...

А Анна каждый день, отправляясь къ колодцу за водой, проходила мимо висѣлицы...

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРЬЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 4)

Нельзя не упомянуть здѣсь кстати мимоходомъ о *міряке и кликушѣ*. Есть поговорка, просватать міряка за кликушу: это значитъ свести вмѣстѣ такую пару, которая другъ друга стоитъ; такую ровню, гдѣ оба никуда не годятся. Кликуша извѣстна почти во всей Россіи, хотя теперь проказницы эти уже довольно рѣдки; это, по народному повѣрью, юродивыя, одержимыя бѣсомъ, кои, по старинному обычаю, показываютъ штуки свои преимущественно по воскресеньямъ, на погостѣ или паперти церковной. Онѣ мечутся, падаютъ, подкатываютъ очи подъ лобъ, кричатъ и вопятъ не своимъ голосомъ; увѣряютъ, что въ нихъ вошло сто бѣсовъ, кои гложутъ у нихъ животы, и проч. Болѣзнь эта пристаетъ отъ одной бабы къ другимъ, и гдѣ есть одна кликуша, тамъ вскорѣ показывается ихъ нѣсколько. Другими словами, онѣ другъ у друга перенимаютъ эти проказы, потому-что имъ завидно смотрѣть на подобострастное участіе и сожалѣніе народа, окружающаго кликушу и нерѣдко снабжающаго ее изъ состраданія деньгами. Кликуша, большею частію, бываетъ какая-нибудь бездомная вдова, разсорившаяся съ мужемъ, дурнаго поведенія жена, или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупыя кликуши, которыя только ревутъ и вопятъ до корчи и пѣны на устахъ; есть и болѣе ловкія, кои пророчествуютъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ преставленіи свѣта. Покуда на селѣ одна только кликуша — можно смолчать, потому-что иногда это бываетъ баба въ падучей болѣзни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ субботу, передъ праздникомъ, и высѣчь розгами. Двукратный опытъ убѣдилъ меня въ отличномъ дѣйствіи этого средства: какъ рукой сыметъ. Средство это весьма не дурно, если бы даже это было родъ падучей болѣзни, которая такъ легко сообщается другимъ: одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей прошлаго вѣка прекратилъ этимъ же или подобнымъ зельемъ распространеніе падучей въ одномъ дѣвичьемъ пансіонѣ, гдѣ внезапно большая часть учениц, одна послѣ другой, впадали отъ испуга и переимчивости въ эту болѣзнь. Страхъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ благодѣтельно на нервы и мозгъ.

Міракъ—почти тоже между мущинами, что въ бабахъ кликуша: это также одержимый бѣсомъ, который кричитъ, ломается, неистовствуетъ и обыкновенно объясняется голосомъ того или другаго звѣря или вообще животнаго. Міряки въ особенности появляются въ Сибири и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, происходятъ отъ языческихъ шамановъ.

Повѣрья объ *огненныхъ зміяхъ*, почитаемыхъ злыми духами мужеска пола, основаны, вѣроятно, на явленіи метеоровъ, сопровождаемомъ огнемъ и трескомъ. Въ особенности народъ полагаетъ, что змѣи эти летаютъ къ женщинамъ, съ коими дружатся и коротко знаются. Такія дѣвки или бабы обыкновенно худѣютъ, спадаютъ съ тѣла и почитаются нечистыми, а иногда и вѣдьмами. Сказки объ этомъ сохранились у насъ издревле, и богатырь Тугаринъ Змѣевичъ и Краса Зилантовна *) суть исчадія такой четы, родившейся въ дикомъ воображеніи народа. Сказки объ огненныхъ зміяхъ разнаго рода, о зміяхъ семиглавыхъ, двѣнадцатиглавыхъ и проч., сохранились именно только какъ сказка, составляя или шутку, или преданье старины—все это было, да быльемъ поросло, а нынѣ такихъ чудесъ нѣтъ.

Ворожба и *гаданія*, *снотолкованія*, а за тѣмъ и *заговоры* — принадлежатъ болѣе къ послѣднему изъ принятыхъ нами разрядовъ, т. е. къ такимъ повѣрьямъ, къ коимъ прибѣгаетъ въ отчаяніи бѣдствующій, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить съ мнимою помощью, подаваемою лежащему на смертномъ одрѣ, въ полномъ убѣжденіи, что помощь эта ни къ чему не послужитъ; а между тѣмъ, нельзя же оставаться при страдальцѣ въ бездѣйствіи, надобно, по крайней мѣрѣ, въ успокоеніе совѣсти своей, и для удовлетворенія общаго требованія, дѣлать, что люди велятъ,—тогда хоть можно сказать впослѣдствіи: что только можно было придумать — все дѣлали. Иногда, впрочемъ, суевѣрія эти служатъ только шуткой, забавой и смѣшиваются съ играми и обрядами. Между тѣмъ ворожба, гаданья и заговоры до того близки къ житью-бытью колдуновъ, знахарей и вѣдьмъ, что здѣсь будетъ удобнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданій и снотолкованій, основанныхъ не на обманѣ и суевѣріи, можетъ быть допущена только въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній, а именно: въ тѣхъ только чрезвычайныхъ, выходящихъ изъ ряду случаевъ, гдѣ мы должны признать временное возвышеніе души человѣческой надъ обыкновеннымъ, вседневнымъ міромъ, и гдѣ человѣкъ, самъ собою (болѣзненно) или искуственно (при магнитизированіи) входитъ въ особенное, малоизвѣстное намъ доселѣ магнитическое состояніе. Не смотря на безчисленное множество случаевъ и примѣровъ, гдѣ, при подробномъ розысканіи, или случайно, былъ открытъ подлогъ, обманъ или ошибка — въ наше время уже нельзя отвергать вовсе чудесъ животнаго магнитизма; но вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени чудеса эти могутъ дѣяться, и гдѣ предѣлъ ихъ, за коимъ слѣдуетъ безконечная степь,—скрытая подъ маревомъ сказочныхъ видѣній тысячи одной ночи? Осторожность обязываетъ насъ, не отрицая положительно всѣхъ чудесъ этихъ, вѣрить тому только, въ чемъ случай и опытъ насъ достаточно убѣдятъ; а сверхъ того, еще убѣждаться съ крайнею осмотрительностію, зная уже, что въ этомъ дѣлѣ бывало доселѣ несравненно болѣе ошибокъ, недоразумѣній, умышленныхъ и неумышленныхъ обмановъ, чѣмъ истины. Не худо, кажется, во всякомъ случаѣ разсудить также слѣдующее: Если и допустить, что душа можетъ иногда находиться въ положеніи или состояніи ясновидѣнія, то и тогда она могла бы видѣть одно только прошедшее и настоящее, — но не будущее, котораго еще нѣтъ; другими словами, предположивъ, что душа наша иногда можетъ быть превыше *пространства*, ни коимъ образомъ нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени*, покрайней мѣрѣ, относительно будущаго. Тогда должно бы вѣрить въ судьбу, въ неотвратимый рокъ язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свѣтѣ ни добра, ни худа, ни добродѣтели, ни пороковъ, а все шло бы только впередъ установленнымъ порядкомъ. Этому я вѣрить не могу; я вѣрю въ судьбу другаго рода: въ неминуемыя, неизбѣжныя послѣдствія, извѣстнаго сочетанія обстоятельствъ и дѣйствій; даны премудрые, вѣковѣчные законы природы, дана человѣку свободная воля и разсудокъ — все остальное есть судьба, образующаяся изъ послѣдствій дѣйствій того и другаго. На такомъ только основаніи можно допустить ясновидѣніе — гдѣ оно несомнѣнно будетъ доказано на дѣлѣ. Перейдемъ теперь опять къ своему предмету.

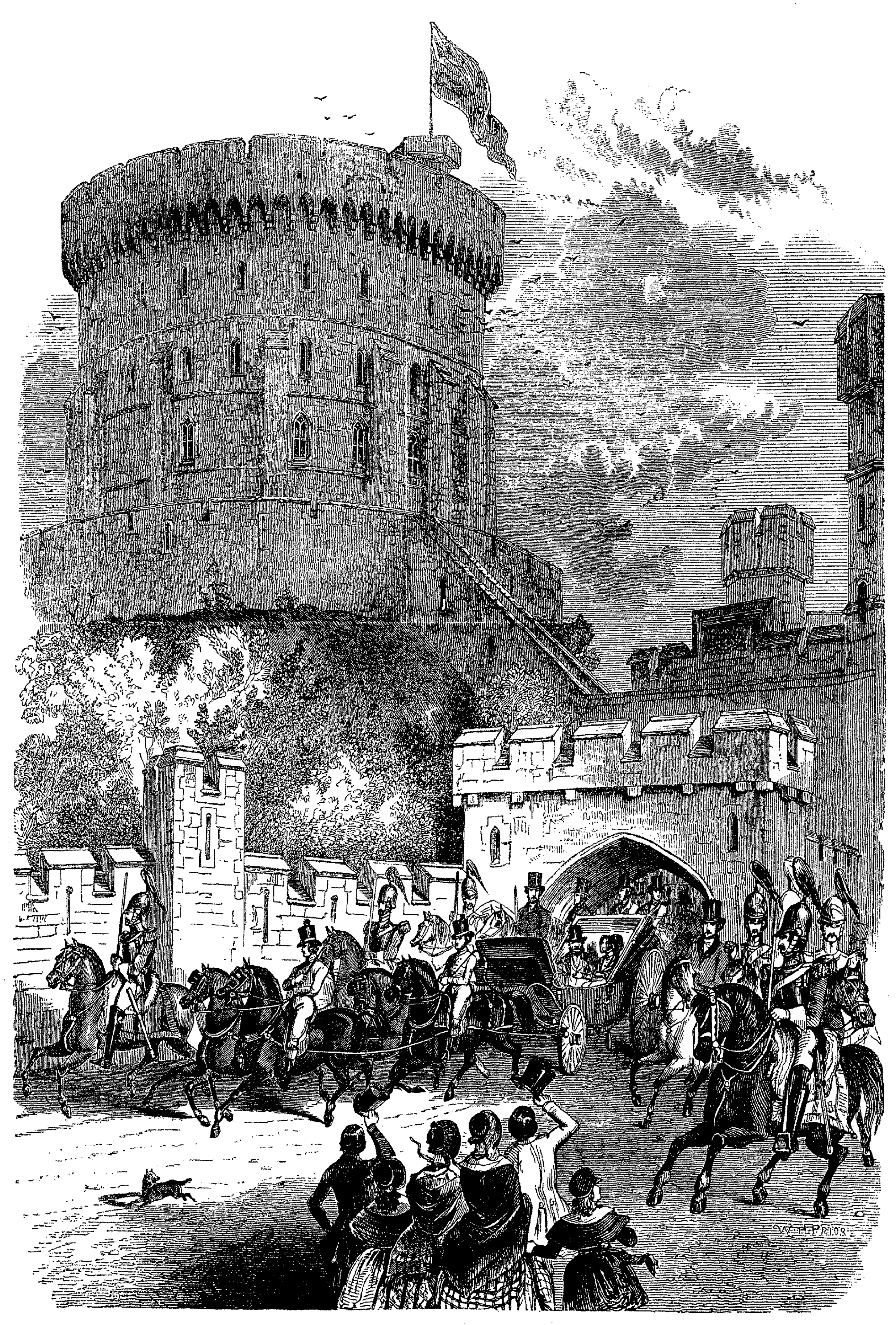
Вообще, всякое рѣшеніе, посредствомъ ворожбы, заключаетъ въ себѣ: или простую ложь, сказанную на удачу; или ловкое изрѣченіе, по примѣру древнихъ оракуловъ, допускающее произвольное толкованіе; или такія свѣденія по предложеному вопросу, коихъ никто не могъ предполагать въ ворожеѣ; или соображенія, догадку болѣе или менѣе основательную; или, наконецъ, безсознательное соображеніе и сочетаніе обстоятельствъ и условій, называемое ясновидѣніемъ. Но, повторяемъ, послѣднее всегда почти крайне сомнительно и едвали можетъ быть наемно или продажно; сами даже ясновидящіе весьма не рѣдко бредятъ, какъ въ горячкѣ, и не могутъ отличить правды отъ лжи.

О снотолкованіяхъ должно сказать почти тоже; предоставляемъ всякому судить, по собственному убѣжденію, о возможности предвѣщательныхъ сновъ, кои могутъ рождаться у соннаго ясновидящаго, какъ и наяву; обыкновенныя жъ грезы, какъ всякому извѣстно, бываютъ слѣдствіемъ думы, дѣйствій и бесѣды впродолженіе дня, или же происходятъ отъ причинъ физическихъ: отъ прилива крови или давленія на извѣсныя части мозга, изъ коихъ каждая, безспорно, имѣетъ свое назначеніе. Связь эту и послѣдствія ея каждый самъ легко можетъ испытать: изучите немного черепословіе, дайте пріятелю по крѣпче заснуть и начните осторожно нажимать пальцемъ — хоть на-примѣръ органъ музыки; продолжайте, усиливая давленіе, до просыпа спящаго; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, къ удивленію своему, что ему снилось что нибудь весьма близкое къ предмету этого органа. Это доказываетъ, что физическое вліяніе разнаго рода, зависящее отъ сотни случайныхъ обстоятельствъ, рождаетъ сонъ того или другаго рода, измѣняемый и дополняемый настройствомъ души, — а мы ищемъ въ сихъ случайностяхъ будущую свою судьбу!

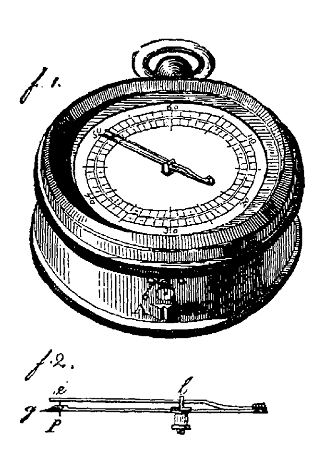
О кудесничествѣ, чарахъ, гаданіи разнаго рода, — сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

К. Луганскій.

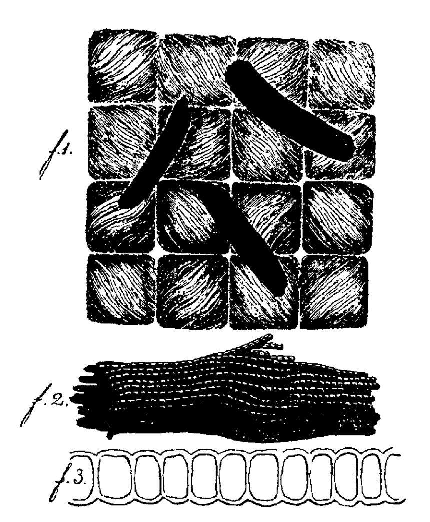
*) Зилантъ — по-татарски змѣя.



Виндзорскій замокъ.



Указатель быстроты движенія звука.



Trichodesmium Ehrenbergii

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Съ чего начать? Съ описанія ли Замка Виндзорскаго, гдѣ не давно происходилъ историческій балъ Королевы Викторіи, или съ одного изъ замѣчательнѣйшихъ открытій учено-историческаго міра? Балъ, конечно, привлекательнѣе индійскихъ письменъ. Можетъ быть, увлеченный блескомъ затѣйливаго праздника, читатель, для отдыха полюбопытствуетъ узнать, что тамъ сдѣлалось и съ индійскими письменами. Но этотъ балъ былъ уже описанъ вовсѣхъ газетахъ; вмѣсто бала мы предлагаемъ читателямъ нашимъ гравюру изображающую замокъ Виндзорскій — любимѣйшее мѣстопребываніе королей англійскихъ. Виндзоръ небольшой городокъ въ родѣ нашего Царскаго-Села, на Темзѣ, вблизи Лондона, только тѣмъ и замѣчателенъ, что посреди этого не многолюднаго посада возвышается королевскій замокъ, которому основаніе положилъ Вильгельмъ Завоеватель; въ послѣдующія времена замокъ значительно распространенъ и блистательно разукрашенъ. Въ этомъ-то замкѣ и капелла Св. Георгія, гдѣ происходитъ церемонія принятія въ кавалеры Подвязки, но болѣе всего замѣчательна круглая башня, съ которой можно обозрѣвать 12 графствъ.

*** Гіероглифы египетскіе весьма долго были тайной хитрой древности; потомъ нашли къ нимъ ключь, и стали читать будто книгу, потомъ усомнились въ этомъ чтеніи, теперь только сомнѣваются. Индія и древнѣе и мудренѣе Египта. Многія нарѣчія совершенно потеряны, хотя остались памятники на нихъ писанные; въ особенности множество монетъ покоилось въ мюнцъ-кабинетахъ съ неразобранными надписями; Тюрнуръ на Цейлонѣ искалъ разгадки многихъ вопросовъ относительно индѣйской древности; нѣкто Джемсъ Принчепъ (James Princep), въ Калкуттѣ, обратилъ все свое вниманіе на монеты и древніе памятники Индіи; бился, мучился и наконецъ нашелъ ключь къ чтенію письменъ Дева Нагрія, нарѣчія первобытнаго, но совершенно затеряннаго. Теперь онъ себѣ преспокойно читаетъ надписи на памятникахъ и мавзолеяхъ древнихъ царей индійскихъ, а на одной бактрійской монетѣ нашелъ чисто греческія имена Агаѳокла и Панталеона. — Если Джемсъ Принчепъ сдѣлалъ это открытіе за-правду и ключь его къ языку Дева Нагрія не гіероглифическая мистификація, то можно поздравить исторію съ превосходнымъ новымъ источникомъ, который многое совершенно измѣнитъ, многое объяснитъ и пополнитъ въ древнѣйшей исторіи нашей старой земли.

*** Еще Мерсенніусъ и Гассенди дѣлали опыты, съ намѣреніемъ опредѣлить мѣру быстроты звука. Въ 1738 году парижская академія наукъ нарядила коммиссію, которой поручила изслѣдовать этотъ вопросъ. Коммиссія представила результаты опытовъ. По свидѣтельству ея звукъ пробѣгаетъ 332 миріаметра въ секунду — если температура воздуха на точкѣ замерзанія. Въ то же время и въ другихъ странахъ ученые дѣлали подоб ые опыты; результаты ихъ изслѣдованій были почти тѣ же. Но при этихъ опытахъ упущено было изъ виду движеніе воздуха въ одну или другую сторону; слѣдовало дѣлать выстрѣлы обратные, то есть, стрѣлять почти въ одно время изъ пушекъ, поставленныхъ на двухъ пунктахъ и сравнивать быстроту звука на обоихъ мѣстахъ. Сверхъ того тогдашнее состояніе науки не позволяло устранить всѣхъ препятствій, заключающихся въ самой натурѣ, для подобныхъ опытовъ. Ученые того времени не имѣли еще гигрометра, тогда какъ степень влажности воздуха, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна имѣть въ этомъ дѣлѣ не маловажное вліяніе. Коммиссія той же академіи въ 1822 году (Прони, Буваръ, Матьс, Араго, Гай-Люссакъ и Гумбольдтъ), вооруженные всѣми нужными инструментами: барометромъ, термометромъ, гигрометромъ и часами съ пружиной, пускающей въ ходъ и останавливающей стрѣлку — произвели новые опыты и опредѣлили быстроту движенія звука въ сухомъ (— 0) воздухѣ въ 330, 8-м. въ секунду. Голландцы Моль и Фанъ Бекъ въ то же время повторили тѣ же опыты, посредствомъ одновременныхъ и оборотныхъ выстрѣловъ. Быстрота движенія звука равнялась при тѣхъ, условіяхъ температуры и влажности 332, 25м. въ секунду. Австрійскіе ученые Штампферъ и Мирбахъ опредѣлили эту же быстроту въ 332, 96м. въ секунду. — Изъ этого видно, что приблизительно средняя быстрота движенія звука отыскана, но разницы могли произойти отъ главнаго инструмента, отъ щетчика, который долженъ былъ опредѣлять разстояніе времени между ощущеніями огня и звука. При малѣйшей незамѣтной неточности инструмента, должны произойти значительныя разности. Для избѣжанія этого неудобства, Брегетъ составилъ инструментъ, который означаетъ путь стрѣлки явственно. Мы представляемъ рисунокъ этого остроумнаго инструмента. Стрѣлка обходитъ кругъ въ одну минуту. Въ указательномъ концѣ стрѣлки отверзтіе, въ которое входитъ перо или какъ угодно назовите; это перо съ чернилами изъ масла и сажи. Оно не капнетъ, но оставитъ знакъ если прикоснется къ циферблату. Перо прикрѣплено къ пружинѣ l — e, которая ходитъ вмѣстѣ со стрѣлкой; пружину эту прижимаетъ другая (ф. 1 b) по волѣ наблюдателя. Теперь, при опытѣ, чуть только увидали огонь, прижмите пружину b — она въ свою очередь въ то же мгновеніе придавитъ перо къ циферблату. Услышали звукъ дотроньтесь къ пружинѣ второй разъ и перо опять поставитъ точку. Опыты большею частію и съ лучшимъ успѣхомъ производятся ночью, огня ради, почему указатель Брегета заключаетъ въ себѣ рѣшительно всѣ удобства и весьма удовлетворительную точность, которая, впрочемъ, совершенно во власти наблюдателя. Эти указатели безспорно принесли большую пользу наукѣ; но они могутъ быть весьма выгодно примѣнены при опытахъ геодезическихъ и въ мореплаваніи. Странствователь и самъ только указатель — обязанность его исполнена, остальное онъ передаетъ по принадлежности.

*** Море Чермное, т. е. Красное, получило себѣ такое названіе до Геродота и никто не безпокоился о томъ, почему оно Чермное, почему оно Красное; въ старинныхъ атласахъ смѣтливые ремесленники раскрашивали его красной краской, и были ученые, которые считали обязанностію въ путешествіяхъ своихъ окрашивать это море тою же краской. Были и другія догадки, весьма хитрыя и страшныя, которыхъ и повторять не будемъ; а ларчикъ просто отворялся. Въ 1823 году знаменитый Эренбергъ проживалъ въ Торѣ, близь Синая; его удивило странное явленіе: заливъ три раза *25 и 30 Декабря 1828 и 5 Января* покрывал-

ся кровью; тогда какъ море сохраняло свой цвѣтъ; Эренбергъ зачерпнулъ этой кровавой воды и нашелъ, что въ ней плаваютъ растенія нисшаго рода, Oscillatoria, зеленоватыя, темнозеленыя, но большею частію темнокрасныя. Онъ держалъ ихъ въ стаканѣ. *При солнечномъ свѣтѣ они держались на поверхности; ночью погружались на дно.* Показаніе Эренберга оставлено безъ особеннаго вниманія, но въ прошедшемъ году Жофруа Сентъ-Илеръ — получилъ письмо отъ адвоката Эвеноръ-Дюпона съ приложеніемъ. Показаніе Эренберга оправдалось совершенно. Адвокатъ увѣдомляетъ ученаго, что Красное-Море повременамъ дѣйствительно окрашивается какою-то странною растительностью въ оранжево-кирпичный цвѣтъ; что онъ зачерпнулъ этой диковинной воды; постоявъ ночь, эта матерія стала темно-фіолетовою, а вода розовою; опасаясь дальнѣйшихъ метаморфозъ, онъ вылилъ воду на кусокъ полотна: вода ушла, матерія осталась, каковую онъ и препровождаетъ на разсмотрѣніе ученаго міра. Г. Жофруа передалъ письмо извѣстному ботанику Доктору Монтаню, который тотчасъ принялъ гостей въ руки, назвалъ въ честь Эренберга Trichodesmium Ehrenbergii и принялся разсматривать въ микроскопъ. Не угодно ли и вамъ посмотрѣть въ микроскопъ на эту древнѣйшую причину названія Чермнаго-Моря. Ф. 1. Триходесміумъ на полотнѣ, увеличенное въ 50 разъ, и лежащее въ пучкахъ; каждая его прядь вдвое толще нитки полотна, на коемъ покоится. Фигура 2. Пучекъ, отдѣльно взятый и увеличенный въ 160 кратъ. Фигура 3. Одна розочка растенія, увеличенная въ 800 разъ. — Должно, однако же, замѣтить, что не одно это море окрашивается такъ кроваво; есть берега Новой Гвіаны, Коромänделя и другія мѣста, у коихъ море принимаетъ такой же цвѣтъ. — Простой народъ сказалъ бы, по просту, море цвѣтетъ, съ тою только разницею, что у Краснаго Моря и цвѣтки красные. — Впрочемъ, намъ кажется, что здѣсь рѣшена только часть вопроса. Предлежитъ еще натуралистамъ сдѣлать наблюденія, когда показывается этотъ феноменъ. Въ числахъ Эренберга можно замѣтить, что феноменъ возобновляется періодически. Сверхъ того весьма любопытно бы знать, отъ чего на солнцѣ триходесміумъ тянется вверхъ, а въ темнотѣ упадаетъ; можетъ быть свѣтъ управляетъ его движеніями безъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

*** Вѣроятно вы скажете: «довольно этихъ ученыхъ триходесмовъ, разскажите что нибудь о театрѣ, музыкѣ, художествахъ. Не требуйте невозможнаго. Театровъ совсѣмъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ. Всѣ заперты, или лучше сказать отперты, но пусты; ничего новаго; даже въ Парижѣ появился только одинъ новый водевиль, но и тотъ такой длинный, что ни одинъ журналистъ не могъ дослушать и потому ничего объ немъ не сказалъ. По части музыки — строятъ монументъ Веберу; на театрахъ даютъ особенныя для того представленія и собираютъ не мало денегъ. Хотя и послѣ смерти, все, однакоже, утѣшительно. Для каждаго великаго художника есть свое время. Рѣдко это свое время приходится при жизни художника; обыкновенно случается оно послѣ смерти. Теперь между прочими разными временами, время и Вебера. До того взволновали великаго мастера, что онъ не могъ улежать спокойно въ могилѣ и изъ гроба прислалъ на этотъ свѣтъ почти оконченную имъ оперу подъ заглавіемъ: «Адъ на землѣ. — Оперу свою адрессовалъ въ Лондонъ, который былъ для него точно адъ на землѣ. — Живой Веберъ изъ учтивости не писалъ этой оперы, что математически доказано во многихъ нѣмецкихъ журналахъ. Онъ жилъ въ Лондонѣ у Сиръ Жоржа Смарта; искренній другъ Вебера, фейтистъ Фюрстенау поставилъ ему пластырь на грудь и просилъ позволенія провести ночь у постели больнаго; но Веберъ обнялъ друга и сказалъ: «Ступай съ Богомъ, мой добрый Фюрстенау, спи покойно, а мнѣ теперь очень хорошо. Вотъ послѣднія слова Вебера. Онъ заперъ, по обыкновенію, двери изнутри и потушилъ свѣчу. Утромъ Смартъ послалъ за Фюрстенау. Тотъ прибѣжалъ, томимый страшнымъ предчувствіемъ. Смартъ блѣдный, взволнованный, встрѣтилъ Фюрстенау, объявилъ ему, что къ Веберу не могутъ достучаться; пошли оба къ его дверямъ, ключъ торчалъ въ замкѣ, на крикъ никакого отвѣта, двери сломаны, Фюрстенау вошелъ первый. — Веберъ — мертвый сидѣлъ въ постели, облокотясь головою на руку, въ лицѣ никакого признака страданія. Съ помощію врача оказалось, что онъ тихо и спокойно умеръ отъ нарыва въ груди. — Бумаги были тотчасъ опечатаны, но тогда еще оперы Адъ на землѣ не было. Она появилась въ домѣ Смарта теперь; говорятъ, что секретаремъ у Вебера послѣ смерти былъ сынъ Смарта, порядочный музыкантъ, но онъ столько совѣстливъ, что этой оперы за свое сочиненіе выдать не хочетъ, утверждая, что подъ именемъ Вебера она непремѣнно будетъ имѣть успѣхъ; подъ именемъ же Смарта — никакого.

ЗАКЛАДЪ

РОМАНЪ

ВЪ

немногихъ письмахъ.

I.

Я здѣсь. Я на мѣстѣ. Поль разбираетъ вещи, укладываетъ ихъ на стульяхъ моего нумера, въ которомъ все въ отличномъ порядкѣ. Во-первыхъ столъ, на которомъ перочиннымъ ножикомъ вырѣзано нѣсколько именъ: Иванъ Ивановичъ Колечковскій, А. Д. С.; тутъ же: о Измѣнщица, и тому подобное и того хуже, *во-вторыхъ*; постель, недоконченное произведеніе столярнаго художника; должность двухъ ножекъ исправляетъ скамѣйка, на которой покоится ящикъ кровати; а самая постель покрыта ситцевымъ одѣяломъ пьюсоваго цвѣта. Что подъ нимъ скрывается, не вѣдаю; надъ постелью висятъ занавѣски дымнаго существа и цвѣта... Есть и софа или такъ называемый голландскій диванъ, безъ пружинъ, нѣчто въ родѣ одра добровольныхъ тружениковъ. — Стулья всѣ или безъ ногъ, или безъ переплета въ сидѣньи.. Словомъ квартира богатая; бумага у меня была съ собой, но за чернильницей и перомъ бѣгали, кажется, въ почтовую контору; чернильница съ нарочитымъ ущербомъ, а перья квачи хоть колеса мазать; но я далъ слово писать, плачу и пишу.

Что-то Богъ дастъ. А закладъ, братъ, выиграю. Завтра же разряжусь въ пухъ и отправлюсь къ губернатору, предводителю и т: д: Приготовляй денежки и шампанское. До свиданія!

Твой Евгеній.

II.

Губернаторъ принялъ меня очень милостиво, обласкалъ и просилъ обѣдать. Предводитель тоже т: е: обласкалъ и просилъ обѣдать. Помѣщикъ Иколочкинъ, здѣшняя знаменитость и знатность — тоже, т: е: обласкалъ и просилъ обѣдать. Что за хлѣбосольная сторонка, что за гостепріимная провинція; жаль, что отпускъ на 28 дней, а то бы я тутъ прообѣдалъ круглый годъ. Но не въ томъ сила, а закладецъ, любезный, идетъ на ладъ; за обѣдомъ у губернатора я завелъ искусно рѣчь о женихахъ и невѣстахъ; нашлись добрые люди, всѣхъ пересчитали; при этомъ были и фельетонныя статейки, о красотѣ, приданомъ и прочее. Отличныя надежды, но во всякомъ случаѣ готовь денежки и шампанское. Всего-то три недѣли съ небольшимъ сроку. Прощай пока, ѣду на вечеръ къ Иколочкину.

Твой Евгеній.

III.

Еще рано. Я сильно взволнованъ. Жалѣю, что такъ неосторожно пошутилъ и готовъ бы отказаться отъ заклада. Вечеръ былъ на славу: все губернское общество было въ сборѣ. Предводительша, предводила дамами. Что за женщина! Роскошь и очарованіе! Красота странно дѣйствуетъ на человѣка; это магнитная сила, но въ грубомъ и колоссальномъ видѣ; увидать пышную красавицу для меня все равно, что ступить на магнитную скалу. Но когда эта красавица при томъ еще обладаетъ талантами, блестящимъ умомъ, красной рѣчью, когда умѣетъ все это освѣтить улыбкой кстати, отуманить умѣстною задумчивостію, — тогда вліяніе женщины подобно — я ужъ незнаю чему? хребту магнитныхъ горъ... Чудо, не предводительша. Ростомъ съ тебя, талія стройная, бѣлизны необычайной, но не блѣдная красавица нашихъ мѣстъ, гдѣ танцы до утра выбьютъ изъ дѣвушки и замужней всякую жизнь и потянутъ желтизной миловидное личико. Нѣтъ — предводительша полный, но нѣжный цвѣтокъ. Глазки, губки, или лучше сказать глаза, губы — какъ, у Семирамиды, потому что Семирамида, по всѣмъ вѣроятіямъ, была цѣлой головой выше всѣхъ женщинъ и двумя вершками пространнѣе въ объемѣ. Это истина историческая. Объ этомъ спорить нечего. И представь, ко всему этому, она еще и называется Клеопатра Кириловна. Вотъ Кириловна-то не совсѣмъ хорошо, но при Клеопатрѣ этотъ ничтожный недостатокъ совершенно исчезаетъ... Я былъ столько счастливъ, что Клеопатра обратила на меня тотчасъ свое вниманіе.

— Давно ли вы изъ Питера? спросила она голосомъ, подобнымъ сочетанію тысячи сладкогласныхъ арфъ, потому что у нея густой котральтъ.

— Забылъ... отвѣчалъ я, пожирая предводительшу взорами. И представь себѣ остроуміе этой женщины. Она тотчасъ смѣкнула, на что я намѣкаю. Она опустила глаза и сказала...

— Такъ постарайтесь вспомнить!

Тутъ и пошелъ разговоръ. Музыканты проиграли начало контрданса, но никто не смѣлъ начинать, потому что предводительша разговаривала со мною, а я — о, да это просто чудо, не женщина, какой умъ, какое воспитаніе, сколько знаній, и о музыкѣ, и о театрѣ, и о картинахъ... Колдовство, колдовство! Натурально я танцовалъ только съ ней; въ мазуркѣ мы до того заговаривались, что пропускали очередь; за ужиномъ я служилъ Клеопатрѣ, словомъ — я влюбленъ по уши. Жоржъ! Сжалься надъ моимъ положеніемъ. Разойдемся!

Твой Евгеній.

IV.

Я былъ у нея съ визитомъ. Она меня приняла въ утреннемъ костюмѣ, который до того возвышалъ красоту ея, что, право, ей Богу, это египетская Клеопатра. Зачѣмъ я Евгеній, а не Антоній! И что же въ этомъ во всемъ толку! Она замужняя женщина, она принадлежитъ другому, пустѣйшему, глупому, ничтожному богачу, который сидитъ дома съ своей подагрой и раскладываетъ гранъ-пасьансъ, съ утра до вечера, въ своемъ кабинетѣ, куда допускается только одинъ секретарь. Само собою разумѣется, что секретарь и жена утверждаютъ будто Илья Ильичь по уши въ дѣлахъ, а онъ мнетъ старыя карты. Несчастная! И она осуждена скучать иногда по недѣлямъ, въ особенности, когда дурная погода. Она мнѣ жаловалась на скуку и, кажется, намѣкала, чтобы я постарался разогнать эту скуку. Но, знаешь, такъ, издали, чуть-чуть, едва можно догадаться. Надо имѣть мою смѣтку, чтобы понять такую тонкую женщину... Напримѣръ она посидѣла со мной чет-

верть часа, поговорила, полюбезничала и встала. Умно! Ужасно умно! Я могъ засидѣться въ первый визитъ, а это было бы и неблаговидно и нерасчетливо. Я откланялся и ушелъ. Жоржъ! Что же ты не пишешь? Согласенъ ты бросить нашъ закладъ, или нѣтъ? Ожидаю скораго и рѣшительнаго отвѣта...

Твой Евгеній.

—

P. S. У меня есть соперникъ! Я открылъ его сегодня! Ревность! О я теперь понимаю и эту адскую страсть, которая прежде казалась мнѣ вымысломъ поэтовъ... Написавъ письмо къ тебѣ, я пошелъ прогуляться по городу вмѣстѣ съ моей Клеопатрой (въ умѣ). Забрелъ я очень далеко, попалъ въ какой-то садъ; наткнулся на оранжерею, и представь, Жоржъ, я нашелъ тамъ человѣка среднихъ лѣтъ, довольно пріятной наружности, порядочно одѣтаго; онъ кричалъ на садовника во все горло: «Проворнѣе, проворнѣе поворачивайся! Клеопатра Кириловна только и ждетъ букета! Карета давно у крыльца... Я обѣщалъ доставить въ три мига. Ну, спасибо! За мной! Послѣ расплачусь...» И бѣгомъ злодѣй бросился изъ сада; я за нимъ — но куда; онъ бѣжалъ какъ гончая; на поворотѣ въ одну изъ улицъ я встрѣтилъ карету; тамъ сидѣла Клеопатра, въ рукахъ — букетъ! О я узналъ букетъ, узнаю и соперника. Возвращаюсь въ оранжерею, ищу садовника. Послушай, говорю ему, хочешь денегъ? — Онъ глупо посмотрѣлъ на меня. Хочешь денегъ, но ты долженъ сказать, кто былъ сей-часъ здѣсь, кто купилъ у тебя букетъ?...

— Мало ли кто сегодня покупалъ букеты. Сегодня на хуторѣ у Ермолаевскихъ банкетъ...

— Кто послѣдній?

— Послѣдній Ордыночкинъ былъ, тоже съ хутора, только съ другаго. Онъ часто закупаетъ; видно — волочится за барышней какой...

— За барышней! проворчалъ я сквозь зубы, сунулъ садовнику полтинникъ и представь мою дерзость! Я досталъ извощика и ѣду на хуторъ, на банкетъ. Вотъ только не хочу пропустить почты... Запечатаю письмо и ѣду...

Милостивая Государыня

Наталья Клементевна!

Токмо нынче поблагополучномъ нашемъ прибытіи въ этотъ городъ могу я изъявленіемъ моего почитанія и душевной преданности къ Вамъ и всѣмъ вашимъ принести нѣкоторое поздравленіе, здравія желаніе, а также на враговъ поспѣшенія, почитая за пріятный долгъ увѣдомленіемъ о себѣ не оставлять васъ безъ моего почтеннаго вниманія, въ глубочайшемъ ожиданіи осмѣливаю себя ласкать тѣмъ чтобы надѣяться, что и вы пришлете комнѣ отъ васъ кореспонденцію въ деликатныхъ комплементахъ, какъ всегда изволите на кухнѣ, или въ дѣвичьей, какъ прилучится сопровождать мое присутствіе. Баринъ мой Его Высокоблагородіе Евгеній Сергѣичъ воспламенѣлъ такимъ сильнымъ сердечнымъ чувствованіемъ и такою уморительною любовью, что я чувствую себя въ большой опасности, чтобы головѣ и душѣ ущербъ не приключился, до того что и на счетъ свой несовсѣмъ покойно разсуждаю, для тогочто въ азартѣ бросаетъ около меня руками не употребляя разбирательства, что не значай и по физгономіи задѣть можно. Сего дня нанялъ онъ парныя дрожки на хуторъ, гдѣ вѣроятельно будетъ театръ представляться, потому что баринъ Его Высокоблагородіе Евгеній Сергѣичъ, все толковалъ промежъ себя о букетѣ. Видно какая актерка его за живое уцѣпилась чего съ большимъ недоумѣніемъ боюсь, потому что и въ суммахъ нашего содержанія произойдетъ большой непорядокъ а я буду почасти бѣганья и хожденіт, обремененъ лишними занятіями. О знакомствахъ моихъ считаю себя въ крайней обязанности почтить васъ нижайшимъ увѣдомленіемъ, что женскихъ дамъ никакихъ не вижу, и не встрѣчаю, и если изъ нумера которая имѣетъ по коридору ходъ, я сей часъ укрываюсь за двери, или ухожувъ буфетъ, куда дамамъ нѣтъ никакого позволеннаго хода. По части же мужскаго пола, я имѣлъ честь заключить знакомство съ Ермолаемъ Никитичемъ, кармендинеромъ Его Благородія Льва Кирилыча Полкованчикова, который тутъ по части службы лошадей добропорядочныхъ большими деньгами покупаетъ и ктомужъ уздѣшнихъ дамъ служебныхъ и отставныхъ въ большомъ высокопочитаніи, и говорятъ на счетъ такъ сказать любви, имѣетъ съ ними аккуратныя дѣла и весьма фамильярное поведеніе. Ермолай Никитичь отъ того не безъ доходнаго положенія и по дружеской комнѣ любви — вчера сказывалъ что Льва Кириловича сама предводительша больно жалуетъ и что его благородіе съ позволенія сказать, дуракъ и болванъ, потому что имѣя такой случай и репутацію, за Авдотьей Семеновной пристрастное хожденіе имѣетъ, больше потому что Авдотья Семеновна вдовствующая помѣщица имѣетъ большіе движимые и не движимые капиталы и другія суммы, и ктомужъ съ большою красотою, и приданымъ... Ермолай Никитичь стоитъ за предводительшу, и барину своему объ ней всякія пріятныя вѣсти рапортуетъ, но послѣ не благороднаго съ нимъ обхожденія съ рукоприкладствомъ, похвалы свои передастъ мнѣ, для того, какъ говоритъ, что не любитъ брать денегъ даромъ. Находясь въ опасной мысли, что-бы его высокоблагородіе не вернулся и станетъ ругаться, зачѣмъ я его бумагу беру и его перомъ пишу, потому что онъ изо всякой дряни и себя и меня огорчаетъ, я долженъ окончаніе написать и поручить себя истинному моему почтенію и самой отличной преданности, съ чѣмъ вѣчнымъ вашимъ протекторомъ и обожателемъ и слугой пребуду, до скончатья вѣка и живота моего погробъ моей жизни до самой могилы чего и вамъ желаю милостивая государыня, покорнѣйшіи вашъ слуга Павелъ.

(Сообщено изъ провинціи. Продолженіе обѣщано).

ПЕРЕПИСКА.

Г. Шестакову въ Тифлисъ. Увы! И у насъ сердце болитъ, когда получаемъ иностранныя иллюстрованныя изданія, сложенныя въ четверо; но что же дѣлать? Это неудобство сопряжено со всѣми почтовыми пересылками газетъ, и тогда только устранится, когда желѣзныя дороги пробѣгутъ во всѣхъ направленіяхъ по бѣлому свѣту. Впрочемъ, мы дѣлаемъ опыты выглаживанія сложенныхъ газетъ и о результатахъ увѣдомимъ.

Н. Ц. Статья, подписанная этими буквами и доставленная неизвѣстно откуда, можетъ быть принята, если авторъ дозволитъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія.

О. П. Старая пѣсня. Знаемъ, кто ее поетъ.

Б—ву. Постараемся оправдать ваше лестное довѣріе, и по снятіи рисунковъ съ вашего дорогаго альбома, возвратимъ его въ совершенной цѣлости и сохранности.

ИГРЫ.

«Дѣлу время, а потѣхѣ часъ», сказалъ царь Алексій Михайловичъ въ припискѣ къ уставу о соколиной охотѣ. И дѣйствительно, отъ дѣльныхъ занятій, если у кого они во множествѣ, нельзя отдохнуть въ бездѣйственномъ досугѣ; мысли не оставятъ васъ и на прогулкѣ и въ бесѣдѣ; ихъ дѣятельность будетъ продолжаться не менѣе какъ и во время труда, истомившаго ваши умственныя силы; игры придуманы весьма остроумно, для того, чтобы, занявъ ваши нравственныя силы пустяками, увлечь на нихъ ваше вниманіе, убаюкать, усыпить разумъ, лишить его полной дѣятельности. Онъ въ игрѣ работаетъ также, но какъ будто малою частицею всего своего существа; всѣ прочія его части пребываютъ въ полномъ покоѣ. Само собою разумѣется, что это относится только до коммерческихъ игръ, и то не до всѣхъ; азартныя же игры — напротивъ, волнуя кровь вашу неумѣренно, не даютъ покоя ни нравственнымъ ни физическимъ силамъ, и кромѣ другихъ зловредныхъ качествъ, гибельно дѣйствуютъ на здоровье. Игра вообще стара, какъ міръ. Играли Индійцы посанскритски, играли Египтяне и въ играхъ ихъ принимали участіе іероглифы; Греки играли отчаянно, Римляне во всемъ имъ подражали; но больше всѣхъ вѣковъ — игралъ среднійвѣкъ, отецъ всѣхъ возможныхъ фортунокъ и картъ. Игра азартная, игра на достояніе, на жену, даже на свободу шла во всѣхъ странахъ, а между тѣмъ вспомните, что въ среднемъ вѣкѣ вся Европа была разбросанный лагерь. Зло переливалось черезъ край, и тогда возбудило вниманіе благомыслящихъ. Но, увы, эти преслѣдователи были писатели, а игроки не умѣли читать. Да и самые писатели играли и не всегда слѣдовали собственнымъ совѣтамъ. Кочующій фламандскій медикъ Пасхазіусъ Юстусъ, въ Павіи, проигрался и написалъ сильную, умную диссертацію противъ игры; преслѣдуя этотъ недугъ столь краснорѣчиво, докторъ хворалъ тою же болѣзнію до смерти. Онъ между прочимъ разсказываетъ, что одинъ Венеціанецъ до того любилъ игру, что желалъ участвовать въ ней послѣ смерти, въ слѣдствіе чего и завѣщалъ, чтобы кожею его покрыли игорный столъ, а изъ костей сдѣлали игральныя кости!! Послѣ этой диссертаціи можно бы насчитать нѣсколько тысячь сочиненій противъ игры, но кому любопытна эта библіографическая номенклатура? Іоаннъ Барбейракъ, извѣстный профессоръ правъ, написалъ превосходный трактатъ объ играхъ изъ личной мести. Онъ жилъ у тещи и занимался въ той комнатѣ, гдѣ хозяйка принимала гостей. Каждый день сосѣдки приходили къ тещѣ и затѣвали игру. Это бы еще ничего; но сосѣдки спорили, шумѣли и призывали на судъ Барбейрака. Онъ бросалъ свои in folio, вникалъ въ споръ и давалъ судъ и расправу. Наконецъ, терпѣніе ученаго истощилось. Однажды, измученный сосѣдками, онъ стукнулъ ногой и гнѣвно сказалъ: «Я напишу трактатъ противъ игры.»

Барбейракъ сдержалъ слово. Его умное сочиненіе, составленное добросовѣстно, можно читать и теперь съ удовольствіемъ. Правда, оно нѣсколько учено; въ этомъ отношеніи сочиненіе Дюсо (Dusault) имѣетъ большое преимущество передъ трудомъ Барбейрака. Въ немъ тьма анекдотовъ, мелочей историческихъ, изъ которыхъ многія мы читали въ историческихъ романахъ, не подозрѣвая ихъ источника.

Францискъ I имѣлъ намѣреніе учредить особый игорный судъ. При Генрихѣ IV, который самъ любилъ игру, можно сказать страстно, свобода игроковъ достигла высочайшей степени; образовались игорныя академіи. Ришелье возсталъ противъ дуэлей и азартныхъ игръ; ему удалось обуздать, но не уничтожить, эти два чудовища. Но во время малолѣтства Людовика XIV, Маззарини ввелъ игру при дворѣ и притомъ азартную. Яблоко, бильярдъ и всѣ другія игры были заброшены. Всѣ играли въ азартныя игры, и больше всего дамы. Десо разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ какъ вели игру, гуляя пѣшкомъ, или въ экипажахъ; при входѣ въ театръ играли на билеты въ спектакль; играли во снѣ... Одинъ игрокъ былъ въ проигрышѣ, но не могъ устоять противу сна, такъ уже былъ измученъ предшествовавшими подвигами; онъ просилъ противника играть за него, его же лѣвою рукою, а самъ заснулъ и натурально проигралъ пропасть; поселяне играли отчаянно; одинъ, на порогѣ своего жилища проигралъ хлѣба на 3 т. фр. Людовикъ XIV унялъ этотъ пожаръ, но онъ, въ послѣдствіи, нѣсколько разъ возобновлялся. — Къ несчастію эта болѣзнь почти неизлѣчима, какъ и всякая крайность, какъ и всякій порокъ. Она нѣмѣетъ въ желѣзной рукѣ закона; но едва устанетъ эта рука — она оживаетъ. Впрочемъ, мы того мнѣнія, что мѣ-

ры нравственныя приносятъ и тутъ нѣкоторую относительную пользу; невозможно думать, чтобы нѣкоторыя піэсы, написанныя противу игроковъ, не оказали добраго дѣйствія, хотя и на немногихъ; не повѣримъ, чтобы Игрокъ Реньара, Бѣгство Фараона или Картежницы въ отчаяньи, Данкура, Беверлей Сорена, тридцать лѣтъ или Жизнь Игрока, Виктора Дюканжа, Игрокъ Ифланда и даже Игроки Гоголя, не принесли нѣкоторой пользы, незамѣтной, но неменѣе того дѣйствительной, заронивъ въ душу неиграющаго еще поколѣнія отвращенія къ игрѣ, чувства осторожности противу ловушекъ и другихъ полезныхъ ощущеній. Игры должны быть — средствомъ отдохновенія умственныхъ силъ, игрушкой, забавой и потому намъ нравится, утопическая впрочемъ, мысль Доктора Лади, чтобы установить на всѣ коммерческія игры таксу, напримѣръ для бостона призъ опредѣлить не свыше серебрянаго гроша, для виста не свыше талера и т. д. — Не однѣ карты, и другія игры точно также, и еще съ большимъ вредомъ, могутъ быть употреблены во зло, напримѣръ лото, которое положительно можно признать игрою разорительною, какъ и всѣ денежныя лоттереи, противу которыхъ вооружаются всѣ благомыслящіе. Главой игоръ останутся на всегда шахматы, именно потому, что здѣсь огромный проигрышъ невозможенъ, всякій азартъ, случай, счастіе и проч. въ сторонѣ. Тутъ ужъ если и случаются злоупотребленія, то совершенно инаго рода. Въ послѣдніе годы царствованія Кіа-Кинга, въ Китаѣ, того самаго, что играли у насъ на театрѣ, богатый Китаецъ, по имени Чу, страстно любилъ шахматную игру, но съ тѣмъ вмѣстѣ покой и неподвижность. Онъ ухитрился, раскрасилъ полъ въ шашечницу, одѣлъ рабовъ конями, слонами, ладьями, мальчиковъ пѣшками, устроилъ на двухъ противуположныхъ сторонахъ зала хоры и, сидя на нихъ неподвижно, только возглашалъ: «Конь! перескочи впередъ на право!» и рабъ прыгалъ; но Кіа-Кингъ разсердился и сослалъ Чу на рѣку Амуръ, гдѣ онъ по неволѣ сталъ самъ прыгать отъ непогоды и нужды.

У насъ, въ Европѣ, теперь шахматы въ большой модѣ. Во многихъ городахъ устроились шахматные клубы, которые ведутъ черезъ переписку войны, весьма занимательныя; издаются журналы, напримѣръ «Паламедъ», въ которыхъ помѣщаются только шахматныя статьи. Забава тихая, мирная, умная — и безвредная, не разорительная. Мы не безъ умысла въ каждомъ нумерѣ помѣщаемъ шахматный случай; потому что даже въ провинціяхъ замѣчаемъ наклонность къ этой игрѣ. Многіе сообщаютъ намъ свои разрѣшенія, не всегда въ попадъ, но это означаетъ, что шахматы интересуютъ многихъ. Сожалѣемъ объ одномъ, что досихъ поръ мы заимствуемъ эти случаи изъ иностранныхъ источниковъ, тогда какъ сами имѣемъ отличныхъ игроковъ. Изъ нихъ Г. Петровъ, который удостоилъ Иллюстрацію сообщеніемъ забавной сцены (№ 10), извѣстенъ за границей и обогатилъ шахматную литературу весьма хорошимъ сочиненіемъ. И такъ, займемся по нашему обыкновенію. Разрѣшимъ задачу, помѣщенную въ 12 нумерѣ.

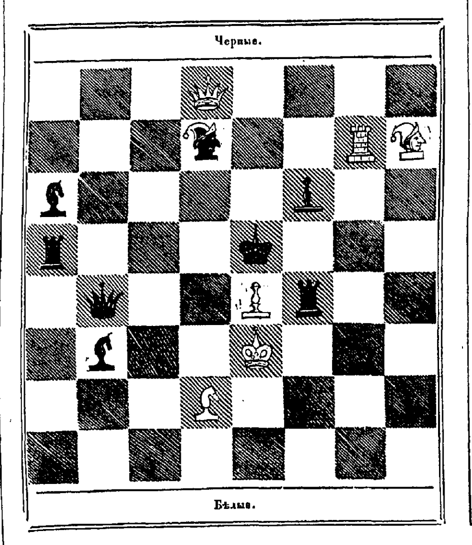
БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1. Фер. на 5. м. Сл. Кор.	Кор. беретъ Фер.
2. К. Фер. на 7 м. Ф.	какъ угодно.
3. П. Коня Короля 1 м. и Матъ.	

или

1. Фер. на 5. м. Сл Кор.	Кор. на 2 м. своо.
2. Ф. на 7. м. св.	Кор. на прежн. м·
3. Ф. на 6. м. Кор. и матъ.	

ЗАДАЧА № 13.

Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода.



РАЗГАДКА № 12.

Е е е разные ключи къ врата мъ фортуны.

Есть разные ключи къ вратамъ фортуны.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NNo 4—5.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

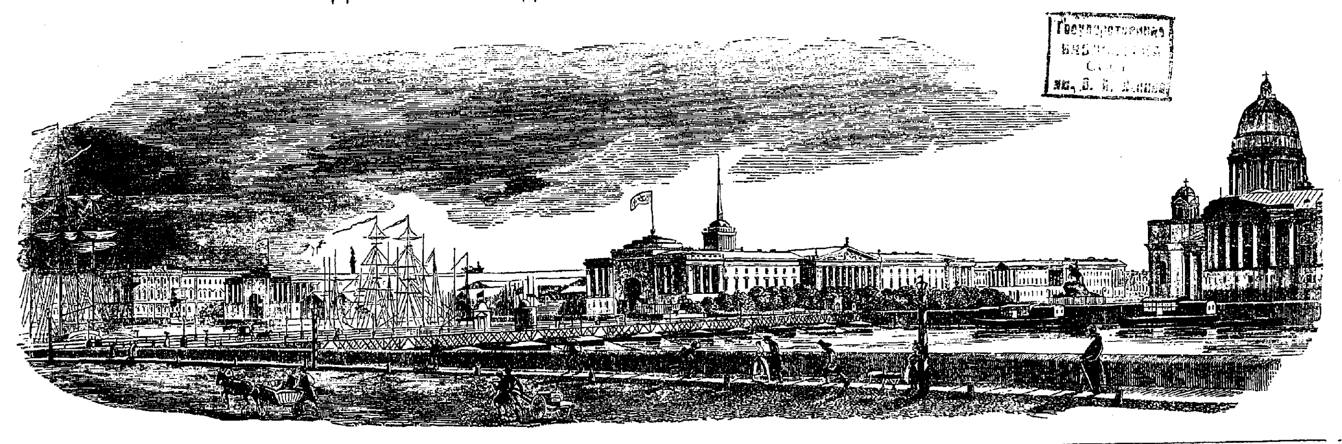
Нумеръ 13-й опоздалъ выходомъ, по причинамъ во все не зависѣвшимъ отъ Редакціи. Просимъ извиненія, и увѣряемъ, что эта невольная остановка не имѣетъ никакого вліянія на дальнѣйшій выходъ Нумеровъ. Первая форма No. 14-го уже печатается. Часто, особенно въ изданіяхъ подобнаго рода, бездѣлица — лишаетъ возможности печатать весь Нумеръ на цѣлый день и болѣе.

ЗАГАДКА № 13.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Іюня 31 дня 1845 года. Ценсоры: *А. Никитенко* и *А. Крыловъ.* Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. Т. I. № 14.—Суббота, 7 Іюля 1845. Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

СЛУЧАЙ И КЛЕВЕТА.

Разсказъ Вильгельмины Вильмаръ.

I.

Я поѣхалъ въ Б***, разсказывалъ однажды Леопольдъ фонъ Амбахъ своимъ друзьямъ, — чтобы переговорить о своихъ дѣлахъ съ моимъ повѣреннымъ, совѣтникомъ юстиціи Вернеромъ. Я былъ у него, когда слуга доложилъ о каммергерѣ Рейхѣ.

— Этотъ старый волокита, вѣроятно, пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, чрезвычайно для меня важнымъ; позвольте попросить васъ зайдти къ моей дочери, только на нѣсколько минутъ.

— Хоть на нѣсколько часовъ, если вамъ угодно, отвѣчалъ я и ушелъ въ сосѣднюю комнату.

Генріетта сидѣла за пяльцами; она была въ простомъ, но очень миломъ утреннемъ платьѣ. По ея приглашенію, я сѣлъ возлѣ пялецъ. Истощивъ общія мѣста о погодѣ, о дождѣ, о вѣтрѣ, я заговорилъ объ работѣ, которою она занималась и, выхваляя искуство и вкусъ нашихъ дамъ, я осмѣлился, однакожъ, замѣтить, что прабабушки наши были еще искуснѣе во всѣхъ дамскихъ рукодѣльяхъ.

Генріетта не соглашалась съ этимъ мнѣніемъ; не оспоривая у старинныхъ рукодѣлій большей прочности, она однакожъ утверждала, что новѣйшія работы дамскихъ рукъ имѣютъ болѣе вкуса и пріятности.

Разговоръ оживился. Я не уступалъ и, шутя, замѣтилъ, что злые языки, сравнивая легкость и воздушность работъ нынѣшнихъ дамъ съ прочными вѣковыми рукодѣліями нашихъ бабушекъ, могутъ найдти предметъ для сравненія ихъ характеровъ.

Въ жару разговора я облокотился на спинку кресла Генріетты, когда каммергеръ Рейхъ, изъ любопытства, полуотворилъ дверь, къ которой мы сидѣли спиною, и заглянулъ въ комнату. Генріетта поспѣшно встала; я тоже, а Рейхъ, съ довольнымъ видомъ человѣка, открывшаго какой-нибудь секретъ, проговорилъ:

— Извините, я здѣсь лишній; поспѣшно затворилъ дверь и удалился.

Я посмотрѣлъ на Генріетту, Генріетта посмотрѣла на меня и мы готовы были разсмѣяться, какъ вдругъ, вспомнивъ о моемъ предстоящемъ бракѣ и о зломъ языкѣ каммергера, я испугался, чтобы онъ не наговорилъ какихъ-нибудь сплетней. Генріетта, казалось, задумалась о томъ же; она поблѣднѣла и безпокойство, выразившееся на ея лицѣ, заставило меня догадаться, что и она имѣетъ причины бояться сплетней. Я хотѣлъ бѣжать за Рейхомъ, чтобы объяснить ему, что онъ ошибался; но она угадала мое намѣреніе и удержала меня, сказавъ, что подобный поступокъ увеличитъ только зло, потому что этотъ человѣкъ способенъ принять искреннее объясненіе мое за пустыя отговорки.

Вернеръ, простившись съ каммергеромъ, пришелъ за мной, чтобы продолжать наши переговоры. Я думалъ, что Генріетта разскажетъ все отцу; но она промолчала, а потому и я долженъ былъ поступить также.

II.

Занятія мои по имѣнію не позволили мнѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ѣхать въ Б***, навѣстить мою невѣсту, Клементину фонъ Блюмеръ; но я писалъ къ ней часто и удивлялся лаконизму и даже сухости ея отвѣтовъ; а потому, лишь только послѣдніе снопы моей жатвы были убраны въ житницы, я сѣлъ на лошадь, поскакалъ въ городъ и явился къ ней.

Самый леденистый пріемъ отъ матери и дочери. Произошло что-то необыкновенное, я не могъ въ томъ сомнѣваться. Я просилъ объясненія у Клементины; она ушла изъ залы, бросивъ на меня презрительный взглядъ; тогда я обратился къ будущей своей тещѣ, чтобы она объяснила мнѣ непонятную для меня загадку.

Фрау фонъ-Блюмеръ начала чуть не съ перваго грѣха нашей общей прабабушки и, вѣроятно, для того, чтобы умѣрить мою нетерпѣливость, пустилась мнѣ доказывать, что первый грѣхъ былъ совершенъ не женщиной, а мужчиной; наконецъ послѣ безконечныхъ разсужденій, она намекнула о происшествіи, разсказанномъ мною выше. Я засмѣялся, разсказалъ ей все дѣло и бралъ въ свидѣтели самаго Вернера, который просилъ меня зайдти на минуту къ его дочери.

Слова мои и выраженіе искренности убѣдили мать, которая поспѣшила помирить меня съ Клементиной; однакожъ я замѣтилъ, что послѣдняя, не смотря на всѣ мои увѣренія, все еще сомнѣвалась; мнѣ даже казалось, что она была бы довольна, еслибъ я и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ причину просить у нея прощенія.

Чтобы доказать ей, что я принималъ гнѣвъ ея за чувство нѣжной ревности, я сталъ просить фрау фонъ-Блюмеръ, чтобы она поспѣшила нашей свадьбой; но она пустилась исчислять мнѣ все, чего не доставало еще къ приданому, начиная отъ столоваго бѣлья до ночныхъ чепцовъ, недоставленныхъ еще швеей. Тщетно увѣрялъ я ее, что въ моемъ домѣ все устроено для принятія молодыхъ супруговъ; она говорила, что не хочетъ сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго города и что Клементина должна вступить въ новое свое жилище съ полнымъ приданымъ.

Я не чувствовалъ въ себѣ гигантской силы, необходимой для побѣжденія прихотей женщины; я согласился на все, чего отъ меня требовали, и спокойно воротился къ себѣ, въ деревню.

Дорогой я издали увидѣлъ ассессора Брауна, одного изъ моихъ пріятелей, и хотѣлъ подъѣхать къ нему, но онъ пришпорилъ свою лошадь и своротилъ въ сторону, вѣроятно, чтобы не встрѣчаться со мною. Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе, но я разсудилъ, что, быть, можетъ, онъ не узналъ меня, и весело продолжалъ свой путь.

III.

«Когда злой духъ положитъ куда нибудь яйцо, такъ ужъ и высидитъ его!» говорилъ я самому себѣ нѣсколько времени спустя, когда новый случай подалъ поводъ къ клеветѣ.

Я былъ въ Б*** и возвращался отъ своей невѣсты. Меня застигла гроза. Вдругъ я увидѣлъ Генріетту, силившуюся поправить свой зонтикъ, перевернутый вѣтромъ. Я подбѣжалъ къ ней на помощь, подалъ руку и проводилъ ее къ знакомой, къ которой она шла.

Подходя къ дому, мы встрѣтили Брауна; гримаса, которую онъ сдѣлалъ, и поспѣшность, съ которою Генріетта отняла свою руку, объяснили мнѣ все дѣло: они любили другъ-друга и вотъ почему Браунъ поступилъ со мною такъ грубо при послѣдней встрѣчѣ.

Я пріѣхалъ опять въ Б***, на ярмарку. Я долженъ былъ проводить Клементину на оптическое, фантасмагорическое представленіе; но будучи задержанъ нѣкоторыми дѣлами опоздалъ, и узналъ, что невѣста моя ушла уже въ театръ съ какою-то дамою. Я отправился за ними.

Представленіе уже началось; зала была совершенно темна. Чтобы никого не безпокоить, я занялъ первое свободное мѣсто, на концѣ скамьи.

Я сидѣлъ спокойно нѣсколько минутъ и за фантасмагорическою тѣнью Фридриха Великаго слѣдовала тѣнь Екатерины II, какъ вдругъ я услы-

шалъ за собою слова, произнесенныя тихимъ голосомъ:

— Вѣроломная! Можете ли вы еще отпираться въ коварной измѣнѣ?

Голосъ этотъ былъ мнѣ знакомъ, и когда зала освѣтилась, я увидѣлъ, что сидѣлъ возлѣ Генріетты; за нею сидѣлъ Браунъ, а далѣе Клементина и ея подруга. Я совершенно растерялся, особенно, когда увидѣлъ, что негодный Рейхъ, находившійся передъ нами, толкалъ локтемъ своего сосѣда, чтобы дать ему замѣтить наше затруднительное положеніе. Вокругъ насъ послышался смѣхъ, шопотъ, и когда на сценѣ появилась фантасмагорическая тѣнь Вольтера, я не выдержалъ и ушелъ изъ театра.

IV.

Только на улицѣ подумалъ я о томъ, что это глупое бѣгство опять подвергало насъ злословію. Развѣ я виноватъ въ томъ, что войдя со свѣту въ темную залу, не могъ ничего разсмотрѣть и нечаянно занялъ мѣсто возлѣ Генріетты?... Она еще менѣе была въ томъ виновата, и вредъ, который могла ей нанести клевета, огорчалъ меня болѣе, нежели мысль о несправедливомъ негодованіи, которое я долженъ былъ ожидать отъ своей невѣсты.

Я воротился въ залу и сѣлъ такимъ образомъ, что могъ за всѣмъ наблюдать, не будучи самъ замѣченъ. Клементина и Браунъ о чемъ-то съ жаромъ разговаривали: вѣроятно рѣчь шла объ Генріеттѣ и обо мнѣ, потому что проклятый каммергеръ подошелъ къ нимъ со своимъ несноснымъ сардоническимъ смѣхомъ. Я былъ внѣ себя отъ бѣшенства и охотно задушилъ бы Рейха, потому что замѣтилъ какъ Генріетта нѣсколько разъ подносила платокъ къ своимъ глазамъ.

Наконецъ занавѣсъ былъ опущенъ, публика расходилась и къ величайшему моему изумленію, Браунъ подалъ руку моей невѣстѣ, которая пройдя мимо бѣдной Генріетты, бросила на нее презрительный взглядъ.

Послѣдняя вышла изъ театра съ тетушкой, гостившей у нихъ во время ярмарки. Я послѣдовалъ за ними. Вдругъ раздались жалобные крики. Народъ, испуганный взбѣсившимися лошадьми, отступалъ со страхомъ... и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ Генріетту, съ безпокойствомъ искавшую свою тетушку, отъ которой отдѣлила ее толпа. Могъ ли я не идти къ ней на помощь?

— Ахъ! вскричала она съ горестію; встрѣча съ вами приноситъ мнѣ несчастіе!

Она, однако жъ, не могла остаться одна и потому приняла мою руку.

Мы вмѣстѣ стали отъискивать ея тетушку; но такъ какъ толпа разошлась, то, вѣроятно, тетушка *одна* воротилась домой, и мы отправились туда же.

Судьба, которая, по видимому, избрала насъ игрушкой своихъ прихотей, сближая двухъ молодыхъ людей, дотолѣ почти незнакомыхъ, соединила насъ какими-то таинственными узами. Я разсказалъ Генріеттѣ о гнѣвѣ моей невѣсты и прибавилъ, что угадываю причину ея собственной горести.

Она призналась мнѣ, что ассессоръ Браунъ уже болѣе полгода сватается за нею, но что отецъ ея не соглашается на этотъ бракъ по причинѣ вспыльчиваго, заносчиваго характера молодаго человѣка. Она сама сознавалась въ справедливости отказа отца, но какая-то боязнь, болѣе нежели искренняя привязанность, не позволяли ей рѣшительно отказать Брауну.

Я старался утѣшить ее, выхваляя Брауна и обѣщая употребить всѣ средства, чтобы объяснить эти недоразумѣнія. Лицо ея прояснилось и мы стали уже шутить на счетъ страннаго злополучія, преслѣдовавшаго насъ, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому Вернера, послышался за нами голосъ каммергера, пожелавшаго намъ насмѣшливо *добрый вечеръ*.

Я спросилъ Генріетту зналъ ли отецъ ея о случаѣ, подавшемъ первый поводъ клеветнику; она отвѣчала, что именно то, что отецъ ея ничего не знаетъ, нѣсколько утѣшаетъ ее. Я не могъ понять, какая причина заставляла ее молчать объ этомъ невинномъ происшествіи, тогда какъ одно слово Вернера могло прекратить всѣ клеветы.

V.

Я всегда зналъ Брауна какъ человѣка благороднаго, хотя часто страсти ослѣпляли его; потому я и счелъ нужнымъ поговорить съ нимъ. Въ тотъ же вечеръ я написалъ къ нему письмо, въ которомъ, объяснивъ подробно странныя обстоятельства, разссорившія насъ, я представилъ ему, что добровольно посватавшись на Клементинѣ фонъ Блюмеръ, я не могъ имѣть причины ухаживать за другою дѣвушкою, хотя бы она была одарена всѣми прелестными качествами, отличавшими Генріетту. Я даже предлагалъ ему употребить всѣ способы, чтобы исходатайствовать у Вернера согласіе на этотъ бракъ; оканчивая письмо, я прибавилъ, что если Браунъ не удовольствуется этими объясненіями, то я готовъ удовлетворить его другимъ образомъ.

Это письмо произвело ожидаемое дѣйствіе. На другой день утромъ Браунъ прибѣжалъ ко мнѣ, обнялъ меня съ чувствомъ и просилъ извиненія. Примиреніе наше было искренно и онъ не только принялъ мое предложеніе походатайствовать за него, но самъ вызвался со своей стороны объяснить все Клементинѣ.

Довольный имъ и самимъ-собою, я безъ отлагательства пошелъ къ Вернеру и съ жаромъ сталъ говорить въ пользу Брауна.

Вернеръ выслушалъ меня въ молчаніи и съ волненіемъ, изумившимъ меня.

— И вы просите меня объ этомъ! вы!.. вскричалъ онъ нѣсколько разъ, пожимая мнѣ руку. Потомъ онъ объяснилъ мнѣ причины своего несогласія на этотъ бракъ, ставя въ параллель ангельскую кротость своей дочери и чрезвычайную чувствительность ея, со строптивостью и заносчивостью ассессора; въ послѣднемъ я невольно долженъ былъ согласиться съ нимъ.

Слѣдовательно, мнѣ оставалось только говорить о взаимной ихъ привязанности и о возможности перемѣны, которую добрая, милая и кроткая Генріетта была въ состояніи произвесть въ характерѣ Брауна.

Вернеръ согласился со мною, изъявляя, однакожъ, безпокойство насчетъ того, что когда пройдетъ первый пылъ страсти, молодой ассессоръ опять воротится къ прежнимъ своимъ привычкамъ.

— Что же! возразилъ я, назначьте Брауну срокъ испытанія; тогда, *по крайней мѣрѣ*, дочь ваша не будетъ въ правѣ обвинить васъ въ жестокости.

Это предложеніе понравилось Вернеру. Переговоривъ съ Генріеттой, онъ рѣшился позволить молодому ассессору навѣщать его, однакожъ съ тѣмъ, чтобы тотъ не принималъ этого позволенія за совершенное согласіе.

Браунъ очень хорошо понималъ, чтобылъ обязанъ мнѣ этою милостію, не смотря на то, онъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Я подумалъ, что въ этомъ виновата Клементина. Браунъ сдержалъ слово, объяснивъ ейвсю странность нашего положенія въ театрѣ, но коварный Рейхъ разсказалъ, что въ тотъ же вечеръ онъ встрѣтилъ меня съ Генріеттой, что мы были очень веселы, смѣялись, и, слѣдовательно, изъ этого заключили, что мы напередъ радовались комедіи, которою намъ удастся обмануть всѣхъ.

VI.

Съ того времени мы съ Клементиной находились въ странномъ положеніи, непріятность и тягость котораго, я тщетно старался разсѣять. Иногда я упрашивалъ ее сказать мнѣ откровенно, не измѣнилось ли расположеніе ея ко мнѣ; тогда она казалась растроганною, называла меня своимъ любезнымъ Леопольдомъ, но нѣсколько минутъ спустя, опять становилась грустною.

При такихъ обстоятельствахъ я не могъ быть счастливымъ и, несмотря на привязанность мою къ Клементинѣ, съ безпокойствомъ помышлялъ о будущемъ. Разговоръ, который я имѣлъ съ фрау-фонъ-Блюмеръ, довелъ мое безпокойство до крайности.

Заставъ ее однажды одну, я серьозно сообщилъ ей мои сомнѣнія, объявивъ, что не смотря на всю величину этой жертвы, я готовъ отказаться отъ руки дочери ея, если она не можетъ быть со мною счастлива.

— Теперь, возразила она, дѣло идетъ не объ счастіи, а объ добромъ имени Клементины; если она ошиблась, то должна сама искупить свое заблужденіе — отступать теперь поздно. Я даже считаю нужнымъ, прибавила она, согласиться на ваши просьбы и поспѣшить вашимъ бракомъ.

Гости не дали мнѣ высказать отвѣта, вырывавшагося изъ моего сердца, и, не дожидаясь возвращенія Клементины, я вышелъ огорченный изъ дому, въ которомъ мечталъ встрѣтить счастіе.

Я блуждалъ по улицамъ Б***; невыразимая тяжесть давила мнѣ грудь; я нуждался въ дружескомъ сердцѣ, которому могъ бы довѣрить мои страданія и которое представило бы мнѣ горести мои въ менѣе печальномъ видѣ.

Я очутился возлѣ дома, въ которомъ жила Генріетта Вернеръ, самой судьбой назначенная мнѣ въ друзья. Я зналъ, что она съ участіемъ выслушаетъ мои жалобы, что она подастъ мнѣ совѣтъ и не скроетъ отъ меня, если я самъ виноватъ передъ Клементиной; потому что обиженное самолюбіе часто бываетъ несправедливо; одна ошибка влечетъ за собой другія и онѣ составляютъ въ послѣдствіи цѣпь, которую своенравіе, и упрямство не позволяютъ намъ разорвать.

VII.

Разговоръ съ фрау-фонъ-Блюмеръ не выходилъ у меня изъ ума: я представлялъ ее себѣ торопящею швеекъ, чтобы вещи, необходимыя для пополненія приданаго, были скорѣе сшиты, вымыты и выглажены; въ устахъ моихъ безпрестанно отзывались слова, оскорбившія меня:

Если Клементина ошиблась, то должна искупить свое заблужденіе!

Я мысленно исчислялъ всѣ средства, которыя приметъ эта добрая мать, чтобы *урезонить* своего любезнаго зятя.

Будущая теща моя въ самомъ дѣлѣ стала торопиться; потому что вскорѣ явился ко мнѣ обойщикъ, которому она поручила снять мѣрку съ моихъ комнатъ, чтобы изготовить обои и занавѣсы. Я отвѣчалъ, что совершенно доволенъ убранствомъ и меблировкой моихъ комнатъ, а если, что нибудь не понравится моей женѣ, такъ мы еще послѣ успѣемъ сдѣлать нужныя перемѣны.

Едва обойщикъ ушелъ, какъ я раскаялся въ своемъ поступкѣ. Въ наказаніе за мой отказъ я ожидалъ получить рѣзкое письмо; но я чрезвычайно смутился, когда Клементина отвѣчала мнѣ, что готова согласиться съ малѣйшими желаніями моими, ибо она впередъ увѣрена, что все то, что нравится мнѣ, понравится и ей. Вмѣстѣ съ этимъ

письмомъ она прислала мнѣ нѣсколько образчиковъ матерій для брачнаго платья, прося меня выбрать матерію, которая мнѣ понравится, чтобы модистка тотчасъ же могла приняться за дѣло.

Отвѣтъ мой былъ исполненъ нѣжной привязанности, почти покорности, потому что совѣсть упрекала меня; прежняя любовь опять пробудилась въ моемъ сердцѣ, и я чрезвычайно обрадовался, когда одинъ изъ моихъ сосѣдей пригласилъ меня на балъ, на который были также приглашены моя невѣста и мать ея. Я надѣялся, что тамъ мы совершенно помиримся.

VIII.

Я выѣхалъ изъ дому ранѣе, нежели бы я то сдѣлалъ при другихъ обстоятельствахъ. Я долженъ признаться откровенно, что не любовь заставляла меня спѣшить: я хотѣлъ загладить свой проступокъ предъ Клементиной. Надежда моя была обманута: гости постепенно собирались; Клементины не было. Но Генріетта Вернеръ, которую я никакъ не ожидалъ, прибыла со своею тетушкой.

Неожиданная встрѣча съ нею смутила меня. Отъ удовольствія ли, или отъ того предчувствія, что наша встрѣча будетъ опять имѣть непріятныя послѣдствія? Никогда еще Генріетта не была такъ прелестна. Когда она узнала меня, стоявшаго въ амбразурѣ окна, щеки ея покрылись живымъ румянцемъ; но прежде, нежели самолюбіе позволило мнѣ истолковать этотъ румянецъ въ мою пользу, я понялъ причину его. Генріетта подошла ко мнѣ и разсказала между прочимъ, что ассессоръ Браунъ также приглашенъ. Новая причина безпокойства. Къ довершенію бѣды, первый виновникъ нашихъ ссоръ, проклятый каммергеръ Рейхъ, вошелъ въ то самое время, когда я разговаривалъ съ Генріеттой.

Я старался послѣ того не сближаться съ Генріеттой, за которою я, однакожъ, невольно слѣдилъ взоромъ; она избѣгала меня по той же причинѣ, и когда, случайно, наши взоры встрѣчались, то невольный трепетъ ясно свидѣтельствовалъ о страхѣ, который внушалъ намъ несносный сплетникъ.

Ни Браунъ, ни Клементина не являлись къ обѣду. Я досадовалъ на каммергера, присутствіе котораго заставляло меня быть осторожнымъ и не вступать въ разговоръ съ Генріеттой, дружба которой стала такъ драгоцѣнна для меня. Это обстоятельство болѣе огорчало меня, нежели отсутствіе моей невѣсты; не смотря на то, всѣ приписывали мою печаль послѣднему и надоѣдали мнѣ скучнымъ сожалѣніемъ.

Къ различнымъ мыслямъ, безпокоившимъ меня, присоединилась еще та, что именно въ стараніи нашемъ не встрѣчаться и не разговаривать, злобный Рейхъ найдетъ новую пищу своимъ сплетнямъ и новое доказательство того, что я былъ съ Генріеттой въ тѣсной связи. Досада моя увеличилась; я оставилъ собраніе и удалился въ одну изъ боковыхъ комнатъ, искать тишины и уединенія. Тамъ я опустился въ большое кресло, стоявшее за каминомъ въ темнотѣ, согласовавшейся съ состояніемъ моей души.

IX.

Около получаса я уже проклиналъ тамъ судьбу свою, когда услышалъ, что кто-то отворилъ дверь и потомъ заперъ ее на задвижку; я невольно оглянулся и, къ крайнему изумленію и испугу, узналъ Генріетту Вернеръ съ запиской, которую она, вѣроятно, хотѣла прочитать на единѣ.

Воображенію моему живо представилось торжество нашихъ преслѣдователей, если они застанутъ насъ вмѣстѣ, какъ бы нарочно уединившихся... Я скоро вскочилъ, чтобы тотчасъ же удалиться.

Генріетта испугалась, поблѣднѣла и готова была упасть; тогда я забылъ всякую опасность, всѣ предосторожности; я подбѣжалъ къ ней, поддержалъ ее и самыми нѣжными выраженіями старался ее успокоить. Она плакала, не будучи въ состояніи произнесть ни одного слова, и каждая слезинка ея падала мнѣ на-сердце; наконецъ, она подала мнѣ записку, которую держала въ рукахъ: Браунъ писалъ, что важное дѣло задержало его и что онъ не можетъ пріѣхать къ обѣду, но что къ вечеру онъ будетъ съ моей невѣстой и ея матерью, также задержанными какими-то дѣлами.

— Боже! Если они теперь пріѣдутъ! вскричалъ я и бросился къ двери; я схватился уже за ручку, какъ вдругъ снаружи послышался шумъ... Я узналъ голоса тѣхъ, прибытія которыхъ мы столько страшились.

Рука моя дрожала: я не зналъ, что мнѣ дѣлать, судорожно сжимая задвижку...

Вдругъ ненавистный Рейхъ вскричалъ:

— Они должны быть здѣсь; я видѣлъ, какъ они оба вошли сюда.

Что дѣлать? Ужасъ Генріетты достигъ высшей степени; я думалъ только объ ней, прижималъ дрожащія руки ея то къ сердцу, то къ губамъ моимъ. Я умолялъ ее успокоиться, увѣряя, что я скорѣе выскочу изъ окна, нежели дамъ пострадать доброму имени ея.

Вдругъ дверь, которую я сперва не замѣтилъ въ темнотѣ, представилась моему взору... Я бросился къ ней... то былъ стѣнной шкафъ!... Все равно, онъ былъ довольно великъ, безъ полокъ, такъ, что я могъ спрятаться въ него... не подумавъ, что это средство могло рѣшительно испортить все дѣло; я влѣзъ въ него, и пока прятался за картонками и платьями, Генріетта заперла шкафъ, взяла ключъ къ себѣ и отворила дверь.

Первыя слова, поразившія мой слухъ, были упреки Брауна: онъ требовалъ, чтобы Генріетта тотчасъ же открыла ему, куда я скрылся. Самая робкая голубка становится смѣлою, когда оскорбленіями ее доведутъ до крайности. Генріетта послужила этому доказательствомъ; она гордо подняла голову и приказала Брауну замолчать.

Скорчившись въ моемъ, болѣе нежели неудобномъ, убѣжищѣ, я изумлялся присутствію духа женщины. Еслибъ не одна дверь шкафа, а цѣлый океанъ отдѣлялъ Генріетту отъ меня, то она не могла бъ говорить спокойнѣе того, какъ теперь говорила.

Когда обыскали всѣ уголки и когда Клементина на свои, совсѣмъ не нѣжные, вызовы не получала отъ меня отвѣта, Браунъ сталъ извиняться, приписывая свою вспыльчивость силѣ своей любви къ Генріеттѣ. Записка его, найденная на полу, рѣшила всѣ сомнѣнія. Однакожъ, всѣ удалились, а Генріетта не простила ассессору.

Когда все утихло, я рѣшился поправиться въ шкафу, чтобы перемѣнить положеніе и вздохнуть свободнѣе... Но судьбы своей не избѣгнешь!... Голова моя задѣла за пирамиду картонокъ съ шляпками, которые повалились съ шумомъ.

— Онъ тутъ! тутъ, въ шкафу! вскричалъ каммергеръ; я зналъ, что онъ здѣсь; а потому и хотѣлъ обождать, чтобы онъ откуда нибудь вылѣзъ!...

— Все противъ меня, сказала Генріетта съ твердостію и спокойствіемъ, внушаемыми ей невинностью и обвиненіями Брауна; между тѣмъ все это ничто иное, какъ игра случая и слѣдствія клеветы. Да, — тотъ, котораго вы ищете, въ этомъ шкафу и я сама заперла его въ немъ, чтобы спастись отъ коварныхъ истолкованій, которымъ наша случайная встрѣча могла подать поводъ. Но прежде, чѣмъ я отворю шкафъ, я должна объявить при всѣхъ, что съ этой минуты между мною и ассессоромъ Брауномъ уже нѣтъ ничего общаго.

Браунъ, пораженный спокойствіемъ и выраженіемъ голоса молодой дѣвушки, исполненнымъ искренности, хотѣлъ возражать, но Генріетта, не слушая его, открыла шкафъ, откуда я выскочилъ, исполненный бѣшенства.

X.

Какая мнѣ была нужда до упрековъ Клементины!... Одно оскорбительное обвиненіе, падавшее на Генріетту Вернеръ, занимало меня. Рейхъ сдѣлался бъ первой жертвой моего мщенія, еслибъ не успѣлъ спрятаться въ шкафъ, изъ котораго я только что выскочилъ; кто-то поспѣшно захлопнулъ дверцы шкафа и унесъ ключь, пока я искалъ своего врага между присутствовавшими.

Не находя его, я обратился къ Брауну; по счастію ни у кого изъ насъ не было съ собою оружія, иначе дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія.

Между тѣмъ гости собрались около насъ, и убѣжденія хозяина, просившаго насъ избрать другое мѣсто для нашихъ ссоръ, возстановило тишину и спокойствіе.

Генріетта тотчасъ же уѣхала со своею тетушкой; я также приказалъ закладывать лошадей. Въ негодованіи своемъ я далъ понять Клементинѣ, что дѣвушка, столь мало довѣрявшая моему благородству и моей честности, не могла быть счастлива со мною, и что, слѣдовательно, нашъ бракъ не можетъ состояться.

Не дождавшись ея отвѣта, я сказалъ мимоходомъ Брауну, что завтра утромъ я буду ждать его въ маленькомъ лѣску близъ Б*** и поспѣшно удалился.

XI.

Воротившись къ себѣ, я сталъ готовиться къ дальнему путешествію. Я думалъ ѣхать въ Парижъ, чтобы разсѣяться и забыть свое горе, если — останусь живъ послѣ поединка.

Я не ложился; ночью же выѣхалъ верхомъ изъ своего имѣнія, а къ восходу солнечному былъ на мѣстѣ, назначенномъ мною для поединка. Я долго ждалъ Брауна. Казалось, раскаяніе мучило его. Теперь, когда гнѣвъ уже болѣе не ослѣплялъ его, онъ понялъ, что мое прямодушіе, испытанное имъ, и добродѣтель кроткой Генріетты, могли служить порукой тому, что между нами не было и не могло быть ни какой тайной и преступной связи. Онъ протянулъ ко мнѣ руку для примиренія, говоря что продолженіе нашей ссоры только болѣе подастъ поводъ злословію.

Но я не хотѣлъ ничего слышать. Надежда его, скоро помириться съ Генріеттой, бѣсила меня. Я заставилъ его взяться за шпагу; хотя онъ, будучи хладнокровенъ, имѣлъ предо мною большія преимущества, однакожъ мнѣ удалось ранить и обезоружить его. Потомъ я немедленно воротился домой.

Между различными противуположными ощущеніями, меня болѣе всего волновало то, что Генріетта сжалится надъ раненымъ Брауномъ, и что это сожалѣніе пробудитъ опять на минуту угасшую любовь ея къ нему.

Тогда только я понялъ, какъ любилъ ее. Чтобы оправдать себя въ собственномъ своемъ мнѣніи, я проклиналъ клеветника, который, несправедливо обвинивъ насъ въ мнимыхъ проступкахъ, былъ причиной моего непостоянства и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ мнѣ случай узнать и оцѣнить прекрасныя качества дочери Вернера.

XII.

Два дня спустя, я ѣхалъ по большой дорогѣ, грустный и унылый, не обращая вниманія на

предметы, мимо которыхъ проѣзжалъ, когда ямщикъ сказалъ мнѣ, что въ не дальнемъ разстояніи отъ насъ опрокинулась карета. Я приказалъ остановиться и, не смотря на сумерки, замѣтилъ двухъ дамъ, находившихся въ затруднительномъ положеніи; я подошелъ и, представьте себѣ мое изумленіе, узналъ Генріетту Вернеръ и тетушку ея.

Генріетта разсказала, наконецъ, отцу своему всѣ непріятныя сцены, въ которыхъ мы вмѣстѣ были дѣйствующими лицами. Вернеръ не только согласился на желаніе ея ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ къ тетушкѣ, но даже открылъ ей, что онъ пригласилъ добрую сестру именно для того, чтобы она могла взять Генріетту съ собой послѣ разрыва ея съ Брауномъ, котораго онъ ожидалъ со дня на день. Ближайшее знакомство съ характеромъ Брауна показало ему неизбѣжность этого разрыва.

Въ этотъ разъ я благословлялъ судьбу, соединившую насъ, и сталъ уже смотрѣть на всѣ встрѣчи наши, какъ на предназначеніе судьбы.

Я поспѣшилъ предложить свою карету, такъ какъ ихъ экипажъ былъ поврежденъ. Тетушка Генріетты ушибла руку; вскорѣ боль такъ увеличилась, что мы должны были остановиться въ сосѣднемъ городкѣ.

Въ немъ была только одна гостинница; слѣдовательно я долженъ былъ жить въ одномъ домѣ съ Генріеттой. Могъ ли я оставить ее одну въ такое время, когда у тетушки ея развивалась горячка?

Мы вмѣстѣ ухаживали за больною и сердца наши соединялись тѣснѣе и тѣснѣе...

Генріетта немедленно послала къ своему отцу нарочнаго съ извѣщеніемъ о случившемся; но какъ не торопился Вернеръ, когда онъ пріѣхалъ, то сестра его уже почти выздоровѣла и... только его согласія не доставало для моего счастія!

Добрый Вернеръ обнялъ меня, проливая радостныя слезы, и признался, что давно уже наше соединеніе было пріятнѣйшею мечтою его.

— Господь исполнилъ мое желаніе, вскричалъ онъ, и злоба вашихъ враговъ будетъ источникомъ вашего счастія!...

Мы вмѣстѣ воротились въ мое имѣніе, гдѣ нѣсколько дней спустя нашъ добрый пасторъ и мой бывшій учитель, соединилъ меня съ моей милой Генріеттой.

Нѣсколько времени весь Б*** говорилъ только объ этомъ происшествіи; изъ него заключили, что

насъ, вѣрно, не напрасно обвиняли. Однакожъ, каммергеръ, желавшій быть вхожимъ въ нашъ домъ, объявилъ, что онъ употребилъ въ этомъ случаѣ только невинную, какъ онъ говорилъ, шуточку; мы охотно простили ему, тѣмъ болѣе, что онъ былъ первой причиной нашего счастія, но мы не принимали его къ себѣ, потому что легче защититься отъ отъявленнаго врага, нежели отъ клеветника.

Браунъ пошелъ разсказывать свое горе Клементинѣ; Клементина сообщила ему свои жалобы и, чтобы утѣшать другъ-друга, они рѣшились послѣдовать нашему примѣру.

Н. Ф.

ЛОВЛЯ КИТОВЪ.

Въ прошломъ году, г. д'Этремонъ де Манкроа, капитанъ французскаго военнаго куттера le Favori, назначавшагося для защиты ловли трески, производившейся близь береговъ Исландіи, представилъ морскому министру рапортъ, изъ котораго слѣдующее извлеченіе было сообщено во всѣ коммерческія палаты торговыхъ портовъ,

«Я встрѣтилъ въ нынѣшнемъ (1843) году,— сказано въ рапортѣ, — множество китовъ около восточныхъ и сѣверныхъ береговъ Исландіи. Особенно въ іюлѣ мѣсяцѣ; они цѣлыми толпами плыли около береговъ и даже входили въ заливы,

«Въ послѣдніе три года я весьма рѣдко встрѣчалъ китовъ въ тѣхъ мѣстахъ; въ прошломъ, болѣе двухъ предшествовавшихъ, а въ настоящемъ такое множество, что я увѣренъ, что это должно быть новое переселеніе.»

Отчего происходитъ переселеніе китовъ? Отчего удаляются они изъ нѣкоторыхъ морей, пробывъ въ нихъ нѣсколько столѣтій? Какъ объяснить причину періодическаго возвращенія ихъ въ извѣстныя моря?

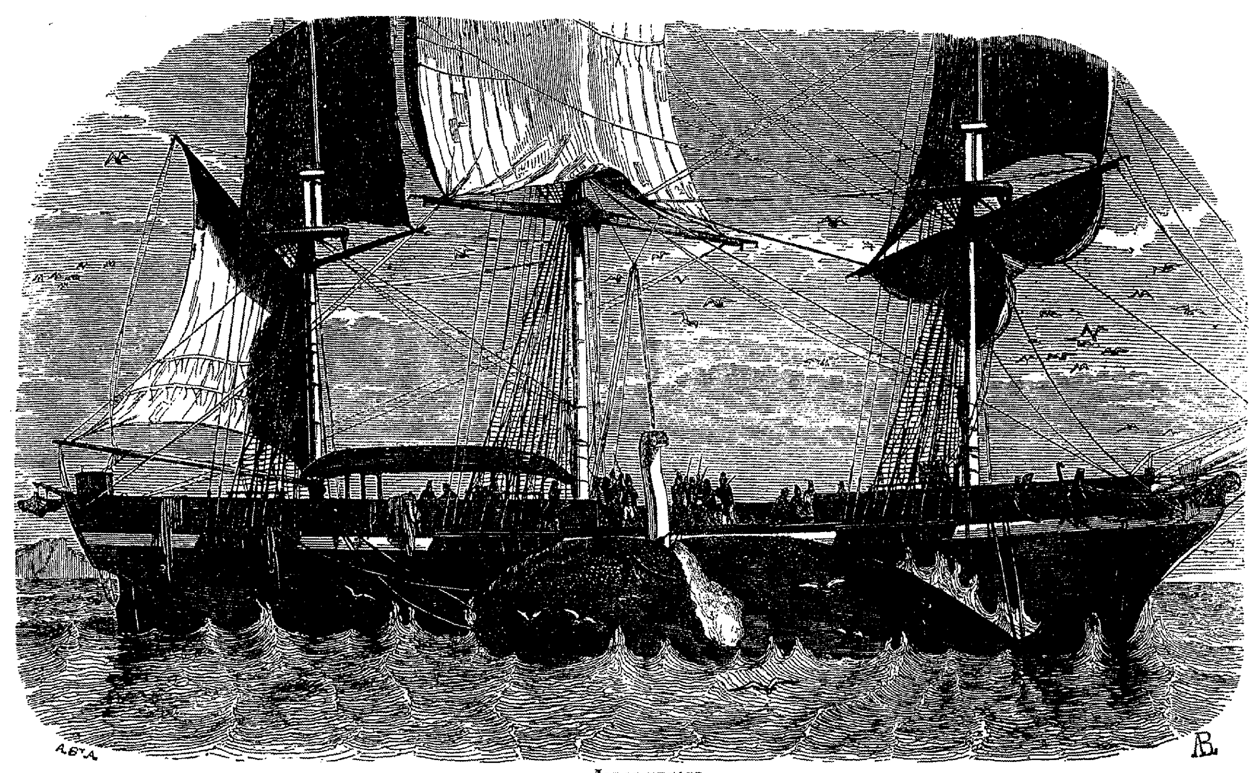
Доказано, что киты могутъ существовать подъ всѣми поясами; ихъ встрѣчаютъ въ тропическихъ странахъ, близь береговъ Африки и Бразиліи, въ Панамскомъ-Заливѣ и у береговъ счастливой Аравіи, близь мыса Горнъ и у Малуинскихъ-Островов. Прежде они во множествѣ появлялись и въ нашихъ моряхъ; цѣлыя стада китовъ населяли Гасконскій-Заливъ и даже Средиземное-Море.

Также достовѣрно, что киты ведутъ кочевую жизнь; такимъ образомъ, они отъ сѣвера переходятъ къ югу и обратно. Отъ іюня до сентября они остаются у береговъ Африки, а потомъ отправляются къ Парагваю и Патагоніи.

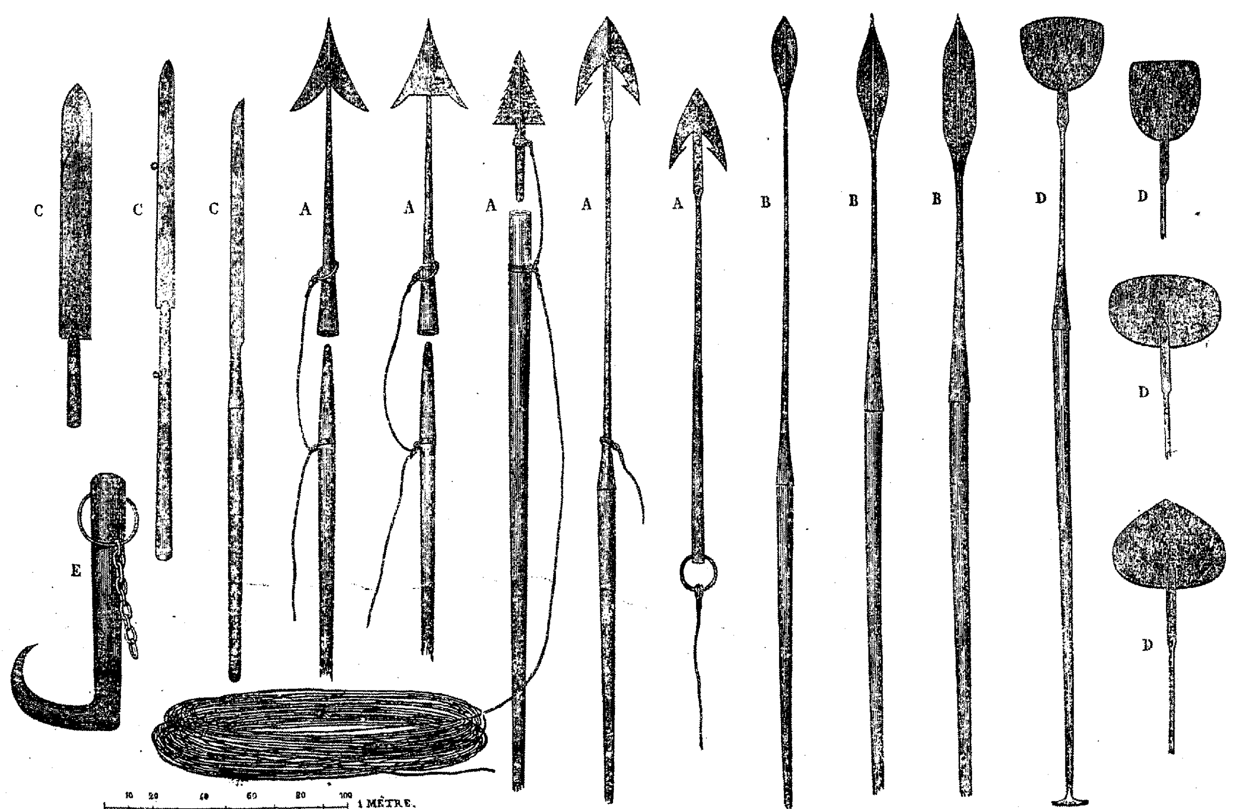
Но охота за этими громадными животными значительно измѣнила привычки ихъ; нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ киты оставили Средиземное-Море, въ которомъ они существовали, какъ увѣряютъ Плутархъ, Плиній и многіе другіе древніе писатели. Маленькую породу китовъ въ то время жестоко преслѣдовали Греки.

Позже, а именно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, отчаянные моряки, не встрѣчая болѣе китовъ на прежнемъ мѣстѣ пребыванія ихъ, пустились вслѣдъ за ними, переплыли чрезъ Океанъ, достигли, какъ говорятъ, до Канады, дорогой напали на Нью-фундлендскія мели и съ тѣхъ поръ занялись ловлей трески.

Киты, гонимые и преслѣдуемые, почти совершенно покинули моря нашего полушарія; переселенія ихъ уже не имѣютъ прежней регулярности; инстинктъ ихъ, болѣе развитый, нежели у другихъ кочующихъ рыбъ, показалъ имъ опасности, періодически угрожающія имъ въ различныхъ мѣстахъ. Великанъ морей бѣжитъ отъ человѣка, жесточайшаго своего преслѣдователя. Онъ ищетъ убѣжища близь сѣверныхъ льдовъ и только изрѣдка появляется въ моряхъ, менѣе ледя-



Ловля китовъ.



Орудія употребляемыя для ловли китовъ.

цистыхъ; а потому мѣста китовой ловли въ весьма короткое время часто измѣнялись и измѣняются.

Голландцы, которые первые завели китовую ловлю въ большомъ размѣрѣ, устроили въ половинѣ XVII столѣтія постоянныя пристанища на Шпицбергенѣ. Бухты и заливы страны, почти совершенно незнакомой въ наше время, тогда ежегодно наполнялись 3—400 китоловныхъ судовъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, восточный берегъ Гренландіи считался англійскими китоловами лучшимъ мѣстомъ для ихъ промысла; въ настоящее время корабли, не останавливаясь, проходятъ мимо этого же берега и отправляются далѣе за великаномъ морей.

Дознано, что съ наступленіемъ зимы, киты уходятъ изъ ледовитыхъ морей и, удаляясь отъ полюсовъ, приближаются къ болѣе умѣреннымъ поясамъ. Очень понятно, что они оставляютъ моря, въ которыхъ могутъ задохнуться подо-льдомъ, будучи лишены воздуха, безъ котораго они не могутъ жить. Но такъ какъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, для опредѣленія путей ихъ, то рапортъ капитана д'Этремона де Манкруа весьма важенъ. Онъ можетъ служить маршрутомъ китоловамъ, которые часто теряютъ время, долго отъискивая одинъ слѣдъ огромныхъ животныхъ.

II.

Всѣмъ извѣстно, что китъ самое огромное животное въ цѣломъ мірѣ. Киты бываютъ отъ 40 до 100 футовъ длины. Голова кита равняется почти одной четверти всей длины его; два канала или, такъ сказать, продушины проходятъ изъ глубины рта до черепа и служатъ киту органами дыханія и изверженія воды, которую онъ глотаетъ, ныряя. Этотъ двойной фонтанъ бываетъ иногда видимъ верстъ за восемь, потому что возвышается иногда футовъ на двадцать надъ поверхностью моря; часовые объявляютъ о приближеніи кита и судно направляетъ ходъ свой въ ту сторону.

Отверстіе рта у кита такъ велико, что человѣкъ можетъ прямо войти въ него. Верхняя челюсть его снабжена съ обѣихъ сторонъ 4-500 параллельными, гибкими прутьями, извѣстными въ торговлѣ подъ именемъ *китоваго уса*. Зубовъ у кита нѣтъ, а потому онъ питается только самой мелкой рыбой и, въ особенности, слизняками.

Природа одарила кита плавательными перьями, вполнѣ соотвѣтствующими по крѣпости и величинѣ огромной массѣ его; они не состоятъ изъ костей, связанныхъ между собою перепонками, но скелетъ ихъ совершенно похожъ на скелетъ человѣческой руки и пальцевъ; огромный хвостъ дополняетъ плавательные органы кита. Толстый слой жира, окутывающій тѣло огромнаго животнаго, очень облегчаетъ тяжесть его и содержитъ воду въ извѣстномъ разстояніи отъ крови, которая иначе могла бы остынуть. Такимъ образомъ, жиръ служитъ къ поддержанію природной теплоты.

Мы сочли необходимымъ это введеніе, чтобы читатели съ большимъ вниманіемъ и участіемъ могли слѣдить за описаніемъ ловли китовъ.

III.

Судно, назначаемое для ловли китовъ, бываетъ большой, трехмачтовый корабль, въ 4-500 тонъ, устроенный такимъ образомъ, чтобы онъ смѣло могъ пуститься въ самыя бурныя и полярныя моря. Экипажъ состоитъ изъ тридцати и болѣе человѣкъ. Иногда бываютъ два капитана: первый, командующій надъ кораблемъ и всѣмъ экипажемъ во время путешествія; другой, вступающій въ начальство только на время ловли. Но читатели поймутъ, какъ это двойное управленіе невыгодно и даже вредно, и какіе безпорядки могутъ произойти отъ подобнаго раздѣленія власти.

Кромѣ капитана на кораблѣ четыре офицера, шкиперъ, лекарь, искусный плотникъ, два бочара, кузнецъ, два повара и около двадцати матросовъ. При каждомъ кораблѣ находятся шесть или семь китоловныхъ лодокъ.

На каждой лодкѣ, во время ловли, находятся шесть матросовъ: начальникъ лодки, гарпунщикъ или багрильщикъ и четыре гребца. Каждый гарпунщикъ получаетъ 20 багровъ, 6 копій, двѣ острыя лопаты, топорикъ, два ножа, большой запасъ палокъ, на которыя натыкаютъ багры, острія копій и лопаты, и наконецъ достаточное количество веревокъ.

Китоловная-пирога рѣшаетъ побѣду; она должна летать какъ стрѣла, а потому каждый начальникъ лодки или пироги заботится о ней во все время путешествія. Ничего не можетъ быть граціознѣе этихъ пирогъ, совершенно готовыхъ къ битвѣ: онѣ имѣютъ отъ 25-26 футовъ длины, 4 фута и 10 дюймовъ ширины.

Послѣ пироги весьма важенъ *багоръ* или *гарпунъ*; мы не знаемъ болѣе остраго и страшнаго оружія. Раны, наносимыя имъ, ужасны.

Но пора обратиться къ странамъ, въ которыхъ ожидаютъ встрѣтить кита.

Всѣ умы направлены къ одному предмету; ждутъ непріятеля; вниманіе часовыхъ напряжено..... Вдругъ раздается крикъ: КИТЪ! и ужасная суматоха слѣдуетъ за этимъ сигналомъ; моряки бросаются къ пирогамъ, каждый спѣшитъ къ своему посту, китоловы спускаются, начальникъ стоитъ у руля, гарпунщикъ у носа лодки готовитъ свое страшное оружіе...

Честь и слава тому, кто первый пристанетъ къ великану!.... Какая тишина, если китъ спитъ!... Какое рвеніе, какая быстрота, если онъ обращается въ бѣгство!

Но вотъ приближаются; начальникъ живо правитъ рулемъ, гарпунщикъ замахивается и, по командѣ начальника, гарпунъ перѣсекаетъ воздухъ, летитъ и вонзается въ тѣло животнаго!...

Теперь осторожнѣе!.. Раненное животное съ бѣшенствомъ ударяетъ хвостомъ и плавательными перьями. Горе пирогѣ, до которой китъ касается... она разлетается въ дребезги... но морское чудовище обращается въ бѣгство, увлекая за собою побѣдоносный челнокъ, потому что къ гарпуну привязана длинная веревка, конецъ которой въ рукахъ гребцовъ. Китъ погружается въ море и опять выходитъ на поверхность его, окрашенную кровію; наконецъ, утомленный, израненный, измученный, онъ всплываетъ на поверхность и умираетъ...

Тогда начальникъ пироги причаливаетъ къ груди своей жертвы и опускаетъ въ тѣло ея, въ то мѣсто, подъ которымъ находятся легкія, длинное много-и остроугольное копье, и поспѣшно отчаливаетъ, потому что предсмертныя судороги великана ужасны, и фонтаны крови бьютъ изъ ноздрей его. Китъ бьется со стороны на сторону и иногда предсмертныя страданія его продолжаются нѣсколько часовъ сряду.

Нужно ли входить въ подробности, опасностей, которымъ подвергаются легкіе челноки, нападающіе на морскаго великана? Нужно ли разсказывать, какъ ужасенъ ударъ хвоста этого животнаго, ударъ, раздробляющій и лодки и людей? Тутъ челнокъ изчезаетъ въ морѣ внезапно и какъ бы притягиваемый непреодолимою силою; тамъ другой летитъ въ воздухъ, подкинутый вынырнувшимъ китомъ. Рѣдко ловля китовъ бываетъ безъ трагическихъ приключеній. Особенно гарпунщики подвергаются большой опасности. Въ минуту агоніи животнаго, кидающагося во всѣ стороны со страшнымъ хрипѣніемъ, извергающаго изъ ноздрей кровь, вокругъ него образуется волненіе, подвергающее пироги еще большей опасности. Между тѣмъ вы не услышите ни одного слова боязни, ни одного слова о бѣгствѣ, смѣлые китоловы, устремивъ взоры на свою добычу, помышляютъ только объ ней... они, съ безпримѣрною неустрашимостью, подвергаютъ жизнь опасности, страшась только одного—чтобы жертва не ушла отъ нихъ.

Наконецъ, животное издыхаетъ; со всѣхъ пирогъ раздаются продолжительныя ура, на которыя отвѣтствуютъ матросы съ корабля, который, сколь возможно было, приблизился къ мѣсту битвы.

Китъ привлеченъ къ кораблю и привязанъ съ боку его. Тогда приступаютъ къ разрѣзыванію Кита, что производится постепенно и съ изумительною ловкостью и искусствомъ. Сначала снимаютъ жиръ, потомъ приступаютъ къ отдѣленію головы отъ туловища. Съ топорами въ рукахъ нѣсколько человѣкъ принимаются за это дѣло. Гигантская кость, которую должно перерубить, обыкновенно затрудняетъ эту работу, но ловкость и неутомимость матросовъ-китолововъ преодолѣваютъ всѣ препятствія. Потомъ спус-

кается на блокахъ устроенный снарядъ, для поднятія чудовищной головы на палубу, гдѣ съ нея снимаютъ китовый усъ. Туловище же оставляется на произволъ акулъ и хищныхъ птицъ, которыя съ жадностію нападаютъ на него.

Невыразимы трудности, предстоящія китоловамъ, отправляющимся на промыслъ, потому что для наполненія трюма масломъ, въ которое на кораблѣ же растапливаютъ жиръ, нужно не менѣе тридцати китовъ, ловля которыхъ прдолжается иногда три года; но за то какая радость, когда корабль, нагруженный масломъ и китовыми усами, направляется обратно на родину! Какой восторгъ, когда онъ пристаетъ къ гавани!... Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько слезъ...

Мать приходитъ къ гавани, ищетъ сына.

— Китъ пришибъ его хвостомъ, получаетъ она въ отвѣтъ.

Жена гарпунщика получаетъ почти такой же отвѣтъ:

— Онъ былъ взброшенъ на воздухъ, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, двадцать третьимъ китомъ.

И неустрашимые, великодушные китоловы составляютъ складчину въ пользу вдовъ и сиротъ...

САХАРЪ.

Производство сахара на Антильскихъ Островахъ. Старинные и новѣйшіе способы.

Антильскія колоніи долгое время находились въ большомъ упадкѣ, въ отношеніи къ ихъ промышленности. Правительство возъимѣло намѣреніе улучшить состояніе этихъ колоній возстановленіемъ сахарнаго производства, единственной и весьма доходной промышленности ихъ. Для этого надо было придумать новые, легчайшіе и удобнѣйшіе способы производства, которые мы и намѣреваемся описать въ этой статьѣ, сказавъ предварительно нѣсколько словъ, какъ о прежнемъ воздѣлываніи и производствѣ, такъ и о самомъ сахарномъ тростникѣ.

Сахарный тростникъ есть растеніе, лучше всего произрастающее подъ жаркимъ поясомъ. Онъ бываетъ разныхъ родовъ: *бразильскій*, перенесенный изъ Азіи въ Америку; *отаитскій*, самый плодородный и содержащій наибольшее количество сахара; Англичане стараются теперь развесть его въ Индіи; и, наконецъ, сахарный тростникъ фіолетоваго цвѣта, извѣстный подъ названіемъ Batavia.

Сѣять или сажать сахарный тростникъ должно на совершенно чистой почвѣ; иногда землю предварительно вспахиваютъ, но этого нельзя дѣлать на глубокомъ, каменистомъ грунтѣ. Поле, назначенное къ засѣву, раздѣляютъ на большія части, между которыми оставляютъ дорожку для тачекъ и сѣятелей.

Послѣдніе, предшествуемые маленькими неграми, означающими палкой мѣста для ямочекъ, становятся въ рядъ на разстояніи 1 м. 30 с. съ орудіемъ въ рукахъ, которымъ они дѣлаютъ въ землѣ ямочки, дабы въ нихъ лучше удерживалась дождевая вода и сѣмяна находились въ сырости, которая есть одно изъ необходимыхъ условій развитія молодаго растенія.

Хорошій работникъ можетъ сдѣлать до 60 ямочекъ въ день. Приготовивъ такимъ образомъ поле, его засѣваютъ или сажаютъ разсаду (послѣднее во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе); разсада должна предварительно пролежать день въ водѣ, чтобы лучше принялась. Маленькіе негры сажаютъ по двѣ или по три разсады въ ямочку; потомъ взрослые мужчины и женщины уравниваютъ и укрѣпляютъ землю около корня. Каждая изъ разсадъ имѣетъ обыкновенно пять или шесть почекъ, изъ которыхъ, недѣли двѣ спустя, начинаетъ расти тростникъ. Когда онъ достигнетъ около аршина вышины, то дѣтей заставляютъ полоть его; корни снова покрываютъ нѣсколькими горстьми земли, снятой съ краевъ ямочки.

Пять или шесть мѣсяцевъ спустя, эта самая операція возобновляется, вспахиваютъ землю, уравниваютъ ее, и счищаютъ всѣ дурныя травы или даже молодые отростки тростника, выростающіе около главнаго стебля. Послѣ того уже тростникъ дѣлается толщиною въ руку и вышиною два раза превышаетъ ростъ человѣческій. Самое лучшее время для посадки, бываетъ отъ августа до ноября, или въ началѣ декабря, такъ чтобы, мѣсяцовъ 12 или 13 спустя, можно было приступить къ жатвѣ.

Чтобы узнать зрѣлъ ли тростникъ, обрѣзаютъ одинъ на пробу. Если сокъ довольно густъ и липокъ, то это бываетъ вѣрнымъ признакомъ того, что наступило время жатвы. Также можно узнавать зрѣлость тростника по паденію нижнихъ листьевъ, по желтому цвѣту стебля и по большому разстоянію между узлами. Если онъ перезрѣетъ, то содержимость сахара въ немъ весьма мала и извлеченіе сока затруднительно; если жъ тростникъ не дозрѣетъ, то сокъ его бываетъ очень водянистъ.

На одномъ и томъ же полѣ не всѣ тростники созрѣваютъ въ одно время; почему и жатва продолжается долго, иногда до трехъ мѣсяцовъ.

Для жатвы мужчины и женщины, также какъ и для дѣланія ямочекъ, становятся въ рядъ. Сначала очищаютъ тростникъ отъ ссорныхъ травъ, выросшихъ послѣ послѣдняго полотья, потомъ обрѣзаютъ верхушку и послѣдніе два верхніе угла, которые тщательно сберегаются для разсады; потомъ срѣзаютъ остальную часть стебля, снимая съ него всѣ наросты, употребляемые вмѣсто топлива для нагрѣванія котловъ. Тростникъ складываютъ въ пучки и немедленно отвозятъ на тачкахъ къ мельницѣ, потому что если ихъ не разомнутъ до истеченія сутокъ, то сокъ приходитъ въ броженіе и сахаръ бываетъ дурнаго качества. А потому обыкновенно срѣзаютъ только такое количество тростника, какое можетъ быть размято въ одинъ день.

До введенія новыхъ машинъ, на Антильскихъ Островахъ тростникъ разминали въ вѣтряныхъ мельницахъ или въ станкахъ, приводимыхъ въ движеніе волами. Возлѣ мельницы находился котелъ, въ которомъ кипятили сокъ, а сзади алембикъ, въ которомъ сахарныя подонки превращали въ ромъ или тафію. Эти мельницы состоятъ изъ трехъ цилиндровъ и должны быть постоянно содержимы въ величайшей чистотѣ. Каждый разъ, когда мельница останавливалась, должно было мыть известковой водой всѣ жолобы и сосуды, черезъ которые сахаръ долженъ былъ проходить. Сокъ, выжимаемый цилиндрами, упадалъ въ сосуды, а изъ нихъ, чрезъ свинцовые жолоба, переходилъ въ котлы. Эти котлы устроены были по лѣвую сторону мельницы, а противъ нихъ находились большіе деревянные ушаты, называемые *прохладителями*. Сокъ, вытекая изъ мельницы въ котлы, принимаетъ въ себя известку, которая очищаетъ его. Когда онъ начинаетъ кипѣть, всѣ постороннія частицы всплываютъ на поверхность его въ видѣ густой пѣны. Сокъ переходитъ постепенно чрезъ всѣ котлы до послѣдняго, самаго маленькаго, и послѣ каждаго кипяченія становится гуще и убавляется въ количествѣ. Когда сокъ доходитъ до послѣдняго котла, то гасятъ огонь, что весьма дурно, какъ мы послѣ докажемъ. По истеченіи часа, сиропъ переливаютъ въ прохладители, гдѣ онъ остается до слѣдующаго утра. Если онъ достаточно простынетъ, то негры переносятъ его въ строеніе, гдѣ его переливаютъ въ бочки, на днѣ которыхъ сдѣлано отверстіе, для отдѣленія подонковъ. Четыре или пять недѣль спустя, отверстія эти задѣлываютъ и сахаръ готовъ къ отсылкѣ.

Тогда эти бочки въ лодкахъ перевозятъ на корабли, отправляющіеся въ Европу. Отправка и нагрузка составляетъ живую, веселую картину, потому что негры обыкновенно поютъ въ это время свои народныя пѣсни.

Тростникъ содержитъ обыкновенно отъ 18 до 20% сахара, доступнаго кристаллизаціи. Между тѣмъ по вышеописанному способу содержимость сахара въ тростникѣ не превосходитъ 5-6%. Предположивъ, что по новому устройству не будетъ извлеченъ весь сокъ, такъ и въ такомъ случаѣ онъ доставитъ не менѣе 10-12%.

Чтобы достичь этого важнаго результата, удвоивающаго почти доходъ плантаторовъ, во многихъ мѣстахъ мельница замѣнена болѣе усовершенствованною машиною.

Тростникъ кладется на цилиндры, устроенные такимъ образомъ, что въ минуту они обращаются до трехъ съ половиною разъ. Эти цилиндры снабжены ящиками съ жиромъ, и чтобы разобрать ихъ, достаточно снять два винта. Колеса, приводимыя въ движеніе паровою машиною, въ 15 лошадиныхъ силъ, снабжены подвижными зацѣпами для того, чтобы могущія случиться въ тростникѣ постороннія частицы не остановили колесъ и тѣмъ не повредили бъ машины. Когда тростникъ достаточно выжатъ, сокъ переливается въ осадительные сосуды. Эти двѣ операціи можно лучше понять, взглянувъ на седьмой и осьмой рисунки.

Главное условіе въ производствѣ сахара хорошая осадка; только послѣ нея сокъ бываетъ совершенно прозраченъ. Осадка же производится съ помощію извести, которая извлекаетъ изъ него всѣ постороннія частицы.

Мы говорили, что когда сокъ перейдетъ въ послѣдній котелъ, то работники тушатъ огонь. Это весьма не удобно, потому что кипяченіе продолжается еще нѣсколько минутъ, пѣна мѣшается съ сокомъ и отнимаетъ у него прозрачность. При новомъ способѣ, кипяченіе производится посредствомъ паровъ и въ котлахъ съ двойнымъ сферическимъ дномъ; съ помощію крана кипяченіе можно остановить мгновенно, жидкость остается спокойною, и пѣна, не мѣшаясь съ нею, частію опускается на дно, частію остается на поверхности. Въ серединѣ же находится самый свѣтлый, прозрачный сокъ, который выпускаютъ черезъ кранъ. Одна изъ весьма важныхъ выгодъ этого способа еще та, что онъ избавляетъ работниковъ отъ весьма затруднительнаго труда снятія пѣны. Подъ осадительнымъ сосудомъ изображенъ маленькій вагонъ, принимающій пѣну и отводящій ее къ прессамъ.

Сиропъ, такимъ образомъ очищенный, пропускается еще черезъ цѣдило, а потомъ переходитъ съ помощію насоса въ *сгуститель*, изображеніе котораго представляемъ читателямъ на девятомъ чертежѣ. Будучи доведенъ до 25 градусовъ густоты, его еще разъ пропускаютъ черезъ цѣдило, и, наконецъ, въ резервуаръ, гдѣ находятся формы, устроенныя для приплтія сахара и отдѣленія отъ него подонковъ (см. чер. 10).

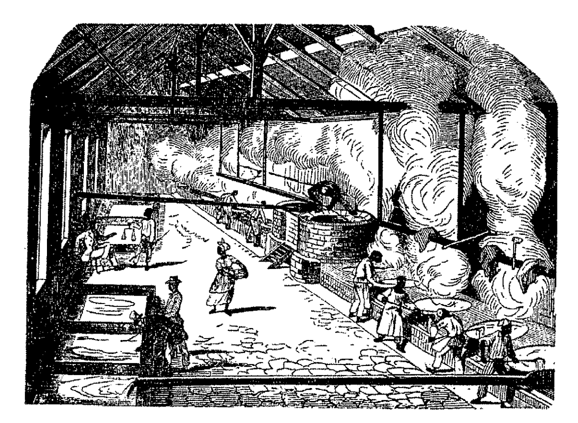
Кромѣ того, съ помощію этого новаго способа, удвоивается доходъ сахара, онъ представляетъ еще слѣдующія выгоды, доказанныя опытомъ:

1-е. Преимущество въ качествѣ сахара;

2-е. Сбереженіе топлива; возможность нагрѣвать печи одними наростами и выжатымъ тростникомъ;

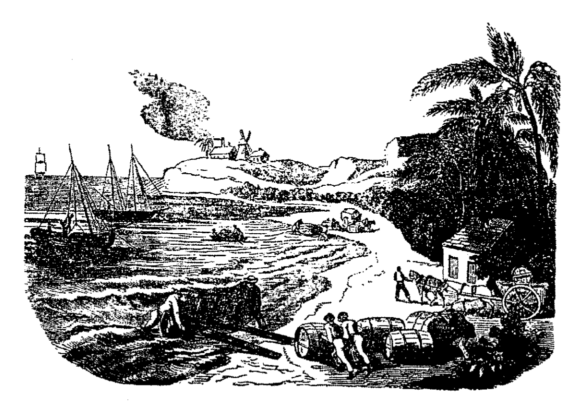
3-е. Сгущеніе рѣшительно обходится безъ помощи воды.

Въ Гваделупѣ устроены заводы по этой новой системѣ и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

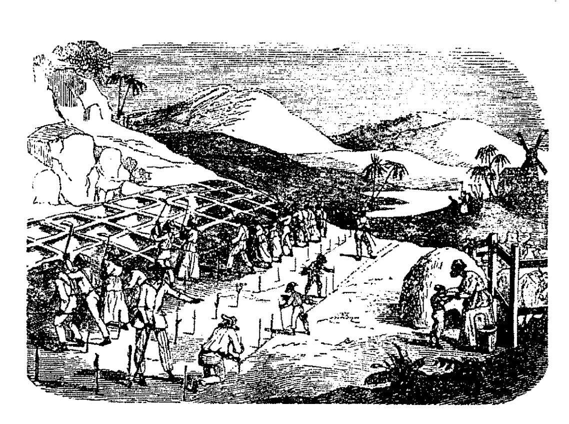


V.) Приготовленіе Сахара.

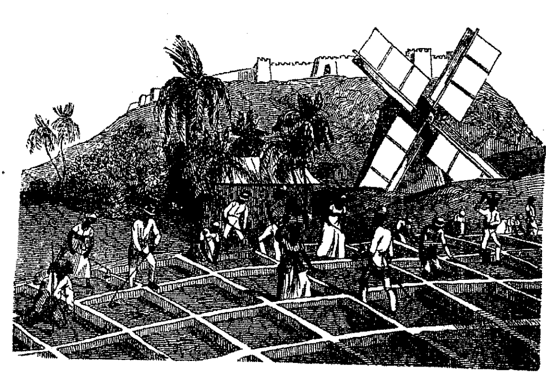
III.) Жатва.



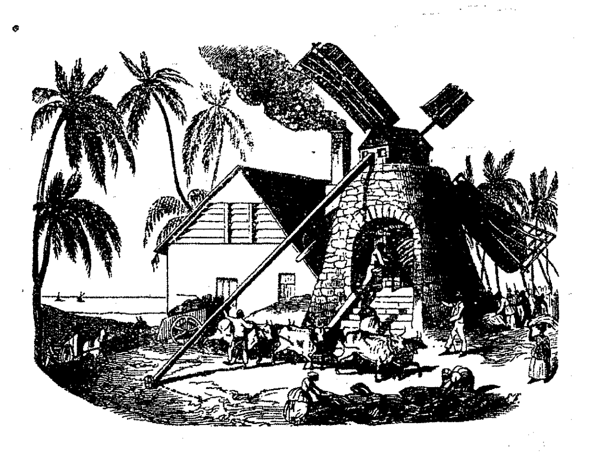
VI.) Отправленіе Сахара.



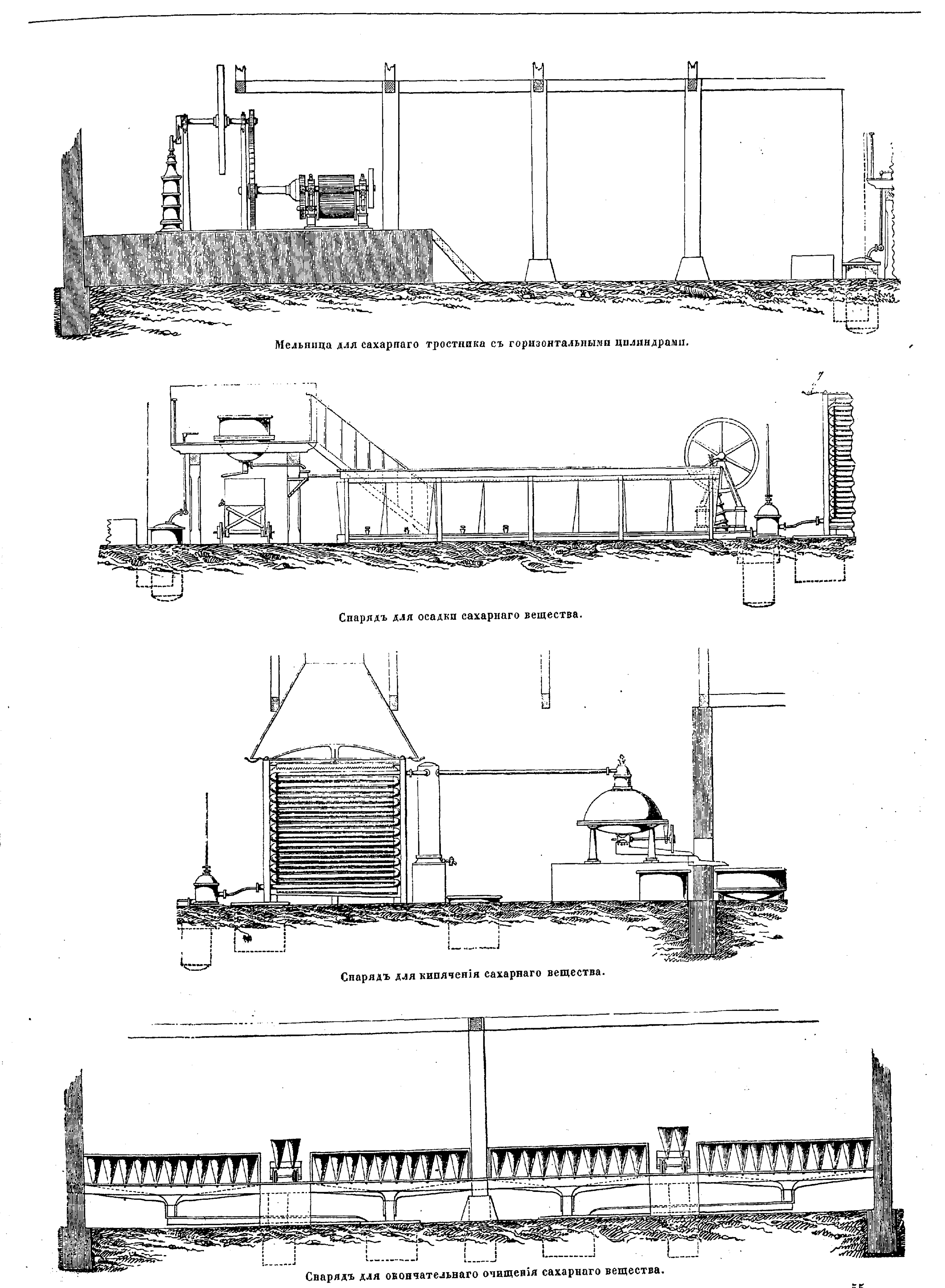
I.) Приготовленіе земли для плантаціи сахарнаго тростника.



II.) Плантація.



IV.) Мельница.



Мельница для сахарнаго тростника съ горизонтальными цилиндрами.

Снарядъ для осадки сахарнаго вещества.

Снарядъ для кипяченія сахарнаго вещества.

Снарядъ для окончательнаго очищенія сахарнаго вещества.

МЕДЖАНА.

СИБИРСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Быстро несется дикая Катунья, между скалъ и ущелій; съ шумомъ, съ страшнымъ воплемъ рвется она въ крутыхъ берегахъ. Горнымъ потокомъ бросается она изъ *катуньскихъ столбовъ* и все быстрѣе и быстрѣе мчится на сѣверо-западъ; звучно повторяютъ горные отклики шумъ пѣнистыхъ водъ; далеко несутся они, туда, гдѣ изъ Телецкаго Озера вытекаетъ быстрая Бія и также летитъ и спѣшитъ на свиданье съ далекой подругой. Дико стонетъ Катунья, когда подводные камни вдругъ поперечатъ теченью; бѣлой пѣной разбивается грудь ея; шумно срываетъ она съ окружныхъ горъ подругъ своихъ; но вдругъ, бѣшенымъ шумнымъ водопадомъ опрокидывается въ черную пасть огромныхъ ущелій, — а тамъ опять запрядаютъ, застонутъ волны, скользя по обнаженнымъ ребрамъ прибрежныхъ утесовъ, пока, наконецъ, дружно обнявшись съ быстрою Біей, вмѣстѣ разольются въ широкую Обь и также быстро, но уже привольно, свободно потекутъ въ широкихъ берегахъ, какъ въ покойномъ экипажѣ, на добрыхъ коняхъ.

Хороши горы катунскіе, когда вечернія облака вѣнцомъ обовьютъ ихъ вершины, а лучь солнца, прокравшись, осыплетъ алмазами ледяные хребты. Хороши эти горы, когда громовыя тучи, ползая между ними, оглашаютъ ущелья раскатами грома и молніи. На одно мгновенье отразится въ черныхъ водахъ Катунья, и блеснетъ въ нихъ будто страшныя очи подводнаго духа. Любитъ Монголъ съ вершины горы, на легкомъ горскомъ конѣ своемъ, смотрѣть, какъ подъ ногами его шумитъ и реветъ гроза, а надъ головой играетъ солнце и ясное голубое небо; любитъ онъ подстрѣлить гордаго орла, который плаваетъ въ поднебесьи съ тою же цѣлью, чтобы посмотрѣть въ очи солнцу, или сшибить съ ногъ дикую козу, когда она прядаетъ съ утеса на утесъ; тогда онъ спокойно сойдетъ въ роскошную долину, гдѣ между кустовъ акацій и розъ пасутся стада и табуны его, и въ дымной юртѣ бѣлѣется чадра.

Богатъ былъ Зайсанъ Улуханъ; хороша была дочь его Меджана.

Много орловъ отъ Саянскихъ-Горъ летятъ къ Катуньѣ, смотрятъ на высокія горы, съ ледяными верхами, купаются въ облакахъ и опять летятъ восвояси, не свивъ себѣ гнѣзда. Много жениховъ искало руки Меджаны, издалече приходили потомки Тимура—и ни къ одному изъ нихъ не пошла она въ жены! Любила Меджана своего горнаго коня, любила летать на немъ по широкимъ долинамъ, или взбираться на отвѣсныя скалы и купать свои черныя косы въ сѣдыхъ облакахъ, слушать бѣшеный шумъ дикой Катуньи, или вплавь, на дикомъ конѣ своемъ, переплывать бурную рѣку; смѣялась надъ опасностью, радовалась, какъ ребенокъ, пѣнистымъ волнамъ, которыя, будто жемчугомъ, ее осыпали.

Любилъ Зайсанъ свою Меджану, не хотѣлъ неволить итти за немилаго; а для Меджаны не было милаго. Пришелъ чужой караванъ и оставилъ въ ихъ кочевьѣ больнаго, за безопасность котораго поручился Зайсанъ. Скоро оправился путникъ, легко могъ бы онъ нагнать караванъ, который остановился въ Курайской Степи; но онъ не уѣзжалъ, и чѣмъ становился здоровѣе, тѣмъ больше старался казаться больнымъ. — Не долго смотрѣла Меджана на голубые очи пришельца; — забыла она воронаго коня своего, бросила мѣткое ружье, не носилась стрѣлой по горамъ, не играла, какъ прежде, опасностью; но за то мельче стали заплетаться длинныя косы, дорогія раковины и побрякушки заблистали на нихъ, и вмѣсто простой нанковой одежды, дорогая канфа обвила ея высокій станъ. — Любилъ заѣзжій смотрѣть на Меджану, любила Меджана слушать медовыя рѣчи пришельца: заколдовали онѣ ея сердце, помутили умъ. Повѣрила Меджана, что счастье въ городахъ, а не въ родныхъ горахъ, не въ дикомъ привольѣ; повѣрила она любви заѣзжаго — и бросила для него родное кочевье, и дикія горы и шумную Катунью. Ничего не взяла съ собою Меджана, только проклятіе отца унесла съ собою въ далекую чужбину.

И дико и страшно было ей въ нашихъ шумныхъ городахъ. Какъ часто въ родную долину, или на высокую гору, уносилась она мыслію — и тогда слеза сбѣгала съ черной рѣсницы. «Уѣдемъ, милый, уѣдемъ въ родныя горы, твердила она!» И милый вмѣсто отвѣта улыбался ей, цѣловалъ ея черныя косы — и Меджана забывала родину, любила душную чужбину, лишь бы не разстаться съ нимъ.

Но не долго знала счастіе Меджана; злые родные милаго друга умѣли выпроводить его, будто по дѣламъ, въ далекій городъ; бросили Меджану въ кибитку и помчали Богъ знаетъ куда; только твердили ей, что такъ велѣлъ ея милый, что она опостыла ему, что полюбилъ онъ другую. И Меджана повѣрила, хотя сердце твердило ей: *Меджана, не вѣрь!* — Но люди умѣли увѣрить и сердце.

Меджану везли, везли далеко — и она очнулась на родинѣ. Опять увидѣла она долины и горы. — Катунья, какъ прежде, была передъ нею, горные источники какъ змѣи извивались межъ утесовъ; кусты розъ алѣли на солнцѣ, ледяныя вершины горъ блистали какъ звѣзды; — Меджана смотрѣла на нихъ; но глаза ея были тусклы—мертвое сердце не понимало прошедшаго. Медленно, страшно, съ глубины убитой памяти стали подниматься воспоминанія; стало на душѣ и грустно и мрачно; мысли Меджаны, будто черныя волны Катуньи, когда надъ нею проходитъ громовая туча...

Въ шестнадцать лѣтъ, дочь гордаго Зайсана, Меджана имѣла подругъ въ своемъ улусѣ; простыя калмычки, вѣчно грязныя, въ лохмотьяхъ, только-издали смотрѣли на нее и завидовали дорогимъ одеждамъ. Слово дружбы не коснулось ея слуха, пока не узнала она больнаго путника; онъ вызвалъ наружу все, что было у нее страстнаго, пылкаго въ душѣ. Она отозвалась на призывъ друга всей силой любви, какую только имѣла, и эта любовь уничтожила всѣ чувства, всѣ мысли. — Вся жизнь Меджаны сосредоточилась въ одномъ чувствѣ, оно дало ей новое, еще невѣдомое счастье; она жила полною, роскошною жизнію, — но эту жизнь, это счастіе отняли у нее, вырвали, отравили чувство, которое было душей этой жизни...

На зеленомъ лугу, среди душистой травы, распустился ароматный, но блѣдный, едва замѣтный цвѣтокъ. Первый лучь солнца упалъ на него —и этотъ лучь, теплый, благотворный, проникъ весь составъ цвѣтка... Каждое утро цвѣтокъ поднималъ свою блѣдную чашечку на встрѣчу любимаго друга, и тихо дрожали отъ радости душистые листочки, когда золотой лучь обвивалъ ихъ свѣтомъ своимъ. Но не долго счастливый цвѣтокъ жилъ своею любовью. Рожденный подъ яснымъ небомъ, онъ не зналъ, что такое непогода; онъ не зналъ, что по небу ходятъ тучи, что и на небѣ бываетъ темно. Каждый вечеръ онъ спокойно засыпалъ, опустивъ головку къ землѣ и только съ утренней зарей поднималъ ее, чтобы первому встрѣтить любимаго друга... И въ одно утро онъ напрасно ждалъ его: сѣрыя тучи застилали все небо и неслись въ даль съ вихремъ и съ бурей. И цвѣтокъ звалъ своего друга, звалъ, чтобъ спасти его — и свѣтлый лучь слышалъ зовъ его; но не могъ пробиться сквозь ряды тучь!..А цвѣтокъ думалъ, что другъ разлюбилъ, забылъ его—и онъ замолкъ, онъ пересталъ звать друга; въ бѣдное сердце впился червь отчаянія... А тучи все бѣжали по небу, и дождь лилъ ручьемъ; крупный градъ упалъ на землю — и первая градинка съ силой ударила въ самое сердце цвѣтка!... И онъ упалъ, и онъ умеръ, бѣдный цвѣтокъ! онъ умеръ, думая, что убитъ рукою друга, и ни кто не разувѣрилъ его!... Бѣдный цвѣтокъ!...

Не ужилась Меджана съ мыслію, что милый разлюбилъ ее!... Помутился разумъ. Блѣдная, заплетала свои косы, будто ожидала кого-то, ходила она по улусу, не замѣчая, какъ изъ юртъ выглядывали дикія головы, однѣ со смѣхомъ, другія со страхомъ; нагіе ребятишки съ хохотомъ бѣжали за нею.

Опять полюбила Меджана Катунью и горы; но она была уже не та, что прежде; теперь по цѣлымъ часамъ сидѣла она на отвѣсномъ утесѣ, смотрѣла на быструю рѣку и пѣла, все пѣла какую-то дикую пѣсню... Сердце замирало отъ страха, такъ была она дика и печальна...

По небу ходили сѣрыя тучи, въ ущельяхъ было темно, будто ночью; страшно раскатывались въ горахъ удары грома. Катунья бушевала, глухо ревѣли ея мутныя волны, высоко взбѣгали онѣ на высокіе берега, будто старались вырваться изъ оковъ —и, обезсиленные, со стономъ упадали въ глубину... Меджана сидѣла на любимомъ утесѣ и все громче и громче раздавалась ея дикая пѣсня... Недвижными очами смотрѣла она въ черныя волны, будто видѣла въ нихъ кого-то... И вотъ, показалось ей будто изъ пѣнистой воды протянулись къ ней чьи-то руки... и будто знакомые голубые очи выглянули изъ глубины... Еще громче раздалась ея дикая пѣсня... волны жадно обвились вокругъ пѣвицы и далеко, далеко умчали бездушный трупъ... а горные отклики еще долго вторили шуму бури и прощальной пѣснѣ Меджаны...

В. А—а.

ПРИМѢТЫ.

Разсказъ.

Я былъ очень молодъ; учился въ гимназіи. Преподаваніе двухъ, трехъ, такъ называемыхъ, высшихъ наукъ возрождало въ мальчикахъ ужасную гордость. Мы думали, что насъ должно считать непремѣнно кандидатами университетскими, и въ слѣдствіе того курили отчаянно трубки, носили форменные сертуки съ бѣлымъ подбоемъ и съ выписными пуговицами, и, если случалось бывать въ обществахъ, держали себя на офицерской ногѣ. Другое слѣдствіе нашего мнимаго кандидатства было то, что съ каникулярныхъ и праздничныхъ отпусковъ мы возвращались всегда двумя и тремя недѣлями позже узаконеннаго срока. Сиживали, правда, за то и въ карцерѣ. У меня не было родныхъ, по близости, но у молодаго человѣка всѣ люди—родные, всѣ женщины легко могутъ въ него влюбиться. У него и знакомство за словомъ и дружба за трубкой табаку. У кого родныхъ не было, тѣмъ едвали было не лучше; ѣдутъ къ родителямъ товарищей, въ чужомъ домѣ они гости, а какъ мы себя держали на офицерской ногѣ, то и принуждали чужихъ родителей къ самому внимательному съ нами обращенію. Тогда еще были патріархальные нравы въ нашей губерніи. Въ оно блаженное время на почтовыхъ домой не ѣздили; или онъ, батюшка, или она, матушка, или, уже въ крайности старый дворецкій съ письмами и гостинцами являлись въ городъ дней за семь до каникулярнаго термина; депекъ отдыхали, распрашивая милое дѣтище о начальникахъ, наставникахъ, кухнѣ, прислугѣ и прочая. На другой день начинался обиходъ или объѣздъ съ пустыми руками; на третій разсылались гостинцы съ поклономъ или съ запи-

сочкой; наступалъ терминъ и ученикъ уѣзжалъ въ деревню, на долго, на долго. Послѣдній помѣщикъ, у котораго я съ товарищемъ проводилъ Свѣтлый Праздникъ, взялъ съ меня честное и благородное слово пріѣхать на каникулы, потому вѣроятно, что я съ нимъ толковалъ всегда объ астрономіи и физикѣ, которыхъ мы не знали оба, а повечерамъ показывалъ три фокуса на картахъ. Хотя я показывалъ каждый вечеръ тѣ же три фокуса, но тогда были времена патріархальныя; къ старинѣ пристращались, а на всякое нововведеніе глядѣли косо. Тоска показывать каждый день тѣ же три фокуса, удовольствіе, какое находилъ хозяинъ въ моей бесѣдѣ, и тѣмъ лишалъ меня удовольствія бесѣдовать съ молодой его супругой, которая была женщина, слѣдственно должна была въ меня влюбиться, все это внушало мнѣ какое-то нерасположеніе къ поѣздкѣ. Но, состоя на офицерской ногѣ, и давъ слово, подумайте сами, могъ ли я не ѣхать? Ѳединька, мой товарищъ, дворецкій Курмило и я усѣлись въ рыдванъ и поѣхали...

— «Стой», закричалъ я еще въ первой улицѣ... — «Трубку забылъ! Ну, не быть добру...»

— «Полно! Какъ тебѣ нестыдно? Не къ лицу намъ съ тобой быть суевѣрами! Пусть невѣжи... Пусть моя мачиха...

— «Полно, Ѳедя, о мачихѣ не говори, она премилая дама... Спасибо Курмило, ну вотъ и трубка...

Проѣхали право не больше трехъ шаговъ, кучеръ всталъ, и давай поправлять что-то.

— «Ужъ не воротиться ли намъ? сказалъ я, принуждая себя къ смѣху: «Но, Богъ милостивъ, поѣдемъ...»

Поѣхали и пріѣхали. Такъ и есть! Предчувствіе меня не обмануло. Иванъ Егоровичъ былъ дома одинъ. Анна Алексѣевна гостила у своей матери, верстахъ въ тридцати. Я чуть не вызвалъ на дуэль Ивана Егоровича, какъ онъ смѣлъ сыграть такую шутку; но я уже былъ на офицерской ногѣ и тотчасъ смѣкнулъ, что было поводомъ удаленія Анеты изъ Дерновки. Извергъ! Онъ замѣтилъ, что она неравнодушна ко мнѣ, онъ понялъ, чѣмъ все это могло кончиться; онъ уклонилъ непріятную для себя будущность и отомстилъ за прошедшее. Всѣхъ переходовъ тогдашнихъ чувствъ моихъ я не упомню, довольно только сказать вамъ, что я покорился необходимости и въ тотъ же день разсказывалъ Ивану Егоровичу объ астрономіи... Но со злости разсказалъ ему, что именно въ этомъ году приходится ожидаемое и предполагаемое паденіе луны на тысячу верстъ ниже ея орбиты, и какъ это будетъ въ половинѣ іюля и по вычисленіямъ прійдется какъ разъ противу нашей губерніи, то, вѣроятно, въ природѣ будутъ замѣтны сильные перевороты и непостоянство погоды, что можетъ гибельно подѣйствовать на хлѣбъ и плоды.—Отомстилъ. Иванъ Егоровичъ поблѣднѣлъ. Допытывался, не случалось ли астрономамъ ошибаться? Никогда! Они вотъ такъ на небѣ все и читаютъ, будто въ книгѣ. — Иванъ Егоровичъ больно опечалился. Я торжествовалъ; только и могъ онъ вымолвить: Охъ зачѣмъ вы мнѣ такой страхъ на ночь разсказали.—Пошли мы спать. Помѣстили насъ съ хозяиномъ черезъ перегородку... Мы оба не спали. Я со злости, онъ со страха. Сильный вѣтеръ еще болѣе безпокоилъ его... Сонъ, однакоже, пересилилъ мою молодость и я заснулъ. Утромъ просыпаюсь. У ногъ моихъ на стулѣ стоитъ Иванъ Егоровичъ и смотритъ пристально на окончину. Я и забылъ, что тамъ висѣлъ барометръ. «Плюйе», сказалъ онъ горестно и сошелъ со стула. «Нечего дѣлать; надо ѣхать за Аннушкой! Въ такой бѣдѣ лучше быть вмѣстѣ.—Вставайте и вы, поѣдемъ вмѣстѣ..» О спасительная астрономія, какъ я полюбилъ тебя въ эту минуту... Ѣдемъ. Пріѣхали. — Анета очень *намъ* обрадовалась. Мы само собою разумѣется обошлись съ ней учтиво, но сухо, чтобы не взволновать ревности старика и не лишить себя плодовъ астрономическихъ нашихъ знаній. Послѣ первыхъ привѣтствій, теща Ивана Егоровича спросила:

— Отъ чего ты это, Ваничка, такой печальный?

— Ничего, Маманъ! Такъ! у всякаго свое! Въ натурѣ иногда бываетъ такая катавасія, такъ какъ же вы хотите, чтобы человѣку быть всегда въ порядкѣ...

— Ну, такъ и есть, не даромъ вчера О. Прокопъ пришелъ и въ передній уголъ палку свою поставилъ. А все ты Аннушка; я сажала насѣдку въ птичникѣ, десятую, Иванъ Егоровичъ! Будь я тутъ, не дала бы я ему палки туда ставить; слава Богу, есть углы и безъ того; а про васъ я вчера знала; Аннушка, что, не говорила я: гости будутъ! А, не говорила? Васька мой то и дѣло моется, да моется, откуда ни возьмись сорока подлетѣла да какъ защекочетъ, я скорѣе на кухню, естли у нихъ что въ запасѣ, чтобы гостей принимать; за то ужъ и обѣдъ какой! Что это? Я видно на кухнѣ засидѣлась, видно тамъ дымомъ или угаромъ глаза прихватило. Чешутся!...

— Тамъ не было дыма, сказала Палашка, неотлучная спутница нашей хозяйки, съ тою разницей, что барыня всегда сидѣла, а Палашка стояла у дверей.

— Типунъ тебѣ на языкъ! Чтожъ, мнѣ плакать, что ли, когда глаза чешутся?...

— Да у васъ не глаза чешутся, а переносица... сказала неугомонная Палашка. Барыня отплюнулась и сказала...

— Кликуша проклятая! Точно переносица... Про покойника слышать.

Иванъ Егоровичъ не слушалъ уже тещи, онъ утопалъ въ размышленіи о послѣдствіяхъ паденія луны на тысячу верстъ. Я поглядывалъ изъ подлобья на Анету, которая безстрастно смотрѣла черезъ окно въ огородъ, гдѣ, между разною овощью, прогуливались цыпляты и чадолюбивыя курицы гармонически сзывали дѣтенышей къ одному мѣсту. Ѳединька давно уже былъ на бабушкиной конюшнѣ. Иванъ Егоровичъ въ задумчивости почесалъ носъ, теща опять отплюнулась.

А. Б — овъ.

(Продолженіе впредь).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Если взять въ руки какой-нибудь путеводитель по нашей столицѣ и справиться любятъ ли гулять наши согорожане, подумаешь, что Петербургъ то и дѣлаетъ, что гуляетъ въ самыхъ пріятныхъ мѣстахъ, въ очаровательныхъ садахъ, въ обширныхъ паркахъ, по живописнымъ окрестностямъ... Правда, всего этого у насъ довольно, но нѣтъ жизни, нѣтъ любви къ этому роду увеселеній, или нѣтъ времени. Мы такъ всѣ заняты дѣлами, что въ развлеченіи и не нуждаемся. Музыка только въ Павловскѣ и на дачѣ Безбородкинской играетъ ежедневно. Оркестръ Гунгля дѣлаетъ много шума. Онъ даетъ музыкальные вечера, на которыхъ разыгрываются и произведенія самаго Іоанна Гунгля, наравнѣ съ Штраусомъ, Ланнеромъ и знаменитостями другихъ областей музыки. Павловскія гулянья процвѣтаютъ, и потому еще, что въ случаѣ, если не понравится погода, или наскучитъ музыка, можно укрыться въ пространныхъ галлереяхъ воксала, въ гостепріимныхъ нумерахъ, найти собесѣдниковъ, словомъ, можно скуку прогнать далече и воротиться въ Петербургъ, когда угодно. — На Безбородкинской дачѣ не всегда можно спастись отъ погоды, и надо еще заплатить за входъ, чтобы слушать музыку. Разумѣется, любителей много; но плательщиковъ мало; на билетѣ, кажется, написано «безъ передачи», но это правило не имѣетъ силы; сегодня слушаетъ одинъ, завтра другой, какъ будто италіянскую оперу. Посѣтители правы. Они заплатили деньги и могутъ располагать правомъ входа на столько персонъ, на сколько заплатили. Но вотъ и всѣ наши мѣста для гуляній. Въ Лѣтнемъ, Ботаническомъ, и другихъ садахъ блуждаютъ тѣни посѣтителей, прикованныхъ дѣлами къ Петербургу, или къ Аптекарскому-Острову; въ Строгановскомъ саду, въ тѣни старыхъ деревъ, встрѣтишь няньку, которая то и дѣло шепчетъ: осторожнѣе, тише, не ушибись дитятко, а ребенокъ не слушаетъ няни и гонитъ зеленый обручь по пустымъ аллеямъ; въ Екатерингофѣ больше одушевленія, больше посѣтителей, больше трехкопѣечныхъ сигарокъ, больше сахарнаго мороженаго и золоченыхъ пряниковъ, даже есть музыка; Тиролецъ (всѣ кочующіе пѣвцы и музыканты называются Тирольцами) свиститъ на флейтѣ, двѣ отроковицы брящаютъ на арфахъ, а для надзору за ними въ углу неподвижно съ неподвижною полуулыбкой сидитъ дѣва зрѣлыхъ лѣтъ, привлекательной наружности. — И подъ вечеръ съ прогулки тутъ соберется не малое число посѣтителей. Словомъ, Екатерингофскій воксалъ, съ своимъ садомъ и паркомъ, ни на кого не похожъ; онъ самъ по себѣ. Этой оригинальности не лишатъ его ни дилижансы, ни желѣзныя дороги. Онъ покрытъ эгидой привычки. За то другія мѣста, по воскресеніямъ только слегка оживляются пріѣздомъ городскихъ гостей и музыкой по подпискѣ. Съ васъ берутъ извѣстное число серебренниковъ, не спрашивая вашего совѣта, какъ вы полагаете лучше употребить собранную сумму. Нѣсколько человѣкъ заплатятъ деньги, прочіе слушаютъ музыку даромъ и обыкновенно бываютъ недовольны. «Хорошо, что мы не заплатили, можно ли еще деньги бросать за это!»

Гулять, повторяемъ, есть гдѣ, но гуляющихъ мало. Вы садитесь въ дилижансъ, отправляетесь куда-либо, не имѣете тамъ знакомыхъ, или не хотите быть гостемъ, а ласкаете себя надеждой насладиться свободой часа на два, на три. Запаситесь дома всякимъ съѣстнымъ и питейнымъ снарядомъ, иначе вамъ придется жевать во все время вашей прогулки — вѣчный бештепсъ и пить иностранное вино россійскаго произведенія. — Изъ этого правила едва ли не одно только исключеніе, Павловскъ; прочія мѣста, или въ этой категоріи, или еще хуже; есть мѣста для гуляній, гдѣ ничего достать не льзя, куда надо ѣздить съ кухней, съ самоваромъ, чуть не съ дровами. Есть мѣста, гдѣ музыка даже по подпискѣ, страшная роскошь, гдѣ пищанье горныхъ трубачей — обращается въ соблазнительное пѣніе сиренъ, ласкающихъ самый взыскательный слухъ уединенныхъ обитателей; наконецъ, есть такія гористыя мѣста, куда и эти горцы не ходятъ, потому что ихъ будутъ слушать только птицы небесныя, да озерныя улитки. Право, все это удивительно, если посмотришь до какой степени развилась у насъ страсть къ дачамъ и загороднымъ поѣздкамъ. Мы сдѣлали одинъ шагъ, но не имѣемъ силъ сдѣлать другаго. Мы любимъ сельскую жизнь по инстинкту, но не умѣемъ разукрасить ее сельскими удовольствіями. Все наше наслажденіе заключается въ томъ, чтобы поѣхать поудить ѣршей ростомъ съ булавку, упасть нѣсколько разъ съ чахлой чухонской лошадки, посмотрѣть съ чайной горы въ Токсовѣ на превосходный архипелагъ острововъ, разбросанныхъ по пустынному озеру, наглотаться пыли, сидя въ экипажѣ, который передвигается шагомъ въ цѣпи безконечнаго поѣзда, послушать гдѣ нибудь воскресную музыку, или оркестръ Германна, или Гунгля, съѣсть сахарнаго мороженаго, или выпить такъ называемаго шампанскаго, марки Клико, и, пріѣхавъ домой, воскликнуть съ удовольствіемъ: Слава Богу! гулянье кончилось. Да, мы не умѣемъ гулять; но, впрочемъ, и климатъ, кажется, не умѣетъ покровительствовать сельской жизни. Холодной воздухъ и вѣчный вѣтеръ принуждаютъ къ уединенію. Природа продолжаетъ свою странную фантазію, въ которой господствуетъ лирическій безпорядокъ. Часъ зноя обманываетъ надежды, путаетъ предположенія. Не только у насъ, вездѣ то же; въ Одессѣ первый дождь оросилъ истомленную растительность 5-іюня, а въ Керчи чуть земля не растрескается. Зной стоитъ постоянный, отъ 25 до 26° жара въ тѣни. Малороссія любуется кометой, а въ Саратовѣ даже солнце дѣлается предметомъ общаго вниманія. 30 маія оно взошла не одно, а въ сопровожденіи многихъ солнцъ, которыя исчезали постепенно, по мѣрѣ того, какъ согрѣвался воздухъ. Явленіе это не диковинка, у простаго народа называется ушами, но оно бываетъ только зимою, при лютомъ морозѣ. Лѣтомъ еще никто не видалъ солнца съ ушами! Отъ того ли, или отъ другихъ причинъ, въ литературѣ нашей совершенный порядокъ и удивительная чистота. Гладь, хоть шаромъ покати. Даже спекуляторы уединились и, кажется, ничего не затѣваютъ. Впрочемъ, у хитрыхъ людей и спокойствіе бываетъ притворное. Плоды ихъ хитростей мы увидимъ не раньше осени. Музыка полюбила литературу и подражаетъ ей до крайности. Ни нотки. Мы заключимъ нашъ Еженедѣльникъ помѣщеніемъ портрета Г. Мочалова. Лучшаго конца, кажется, нельзя придумать.

Императорскаго Московскаго Театра первый трагическій актеръ Г. Мочаловъ.

СМѢСЬ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

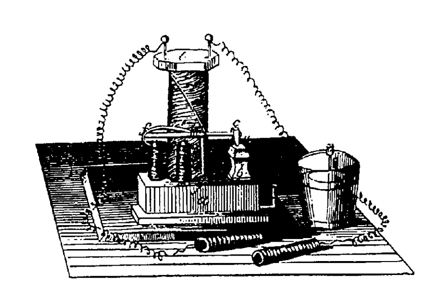
ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

, Въ путь-дороженьку! Обязанность каждой доброй пчелы искать только меду для общаго улія; этотъ улій намъ не чужой домъ, а дорогая отчизна, гдѣ всякое знаніе можетъ привиться, гдѣ есть всѣ климаты, всѣ способности, вся сила свѣжая и обильная, могущая усвоить и принаровить къ своимъ потребностямъ все полезное, все изящное... Въ путь-дороженьку съ неутомимымъ желаніемъ собрать все занимательнѣйшее! Но не всегда луга испещрены медоносными цвѣтами; и въ нравственномъ мірѣ есть внутренній порядокъ, есть свое время съ такимъ же раздѣленіемъ на поры; и нравственный міръ живетъ и старѣется, но жизнь его измѣряется также оборотами времени, неподверженными только астрономическимъ исчисленіямъ. Иное время обильно для жатвы новыхъ знаній; въ другое — ихъ движеніе едва замѣтно.

, Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ мы увѣдомили о притязаніяхъ англійскаго физика Витстона, который жаловался парижской академіи наукъ на Брегета за то, что послѣдній якобы присвоилъ себѣ изобрѣтеніе электромагнитнаго хроноскопа, инструмента для измѣренія скорости движенія ядра. — Мы ожидали, что Брегетъ не оставитъ такого страннаго обвиненія безъ объясненій, и дѣйствительно сообщилъ академіи удовлетворительныя доказательства, что онъ никогда изобрѣтенія этого себѣ не приписывалъ, что инструментъ, имъ сдѣланный для Г. Константинова, изобрѣтенъ не Витстономъ, а Г. Константиновымъ, а Брегетъ употребилъ свои познанія въ физикѣ и механикѣ, для исполненія только мысли изобрѣтателя; когда въ 1844 году Витстонъ обѣдалъ у Брегета, послѣдній ему показывалъ подробный рисунокъ инструмента, и Витстонъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній и не оспоривалъ первенства изобрѣтенія. Брегетъ намѣкаетъ, что вражда къ нему Витстона возникла тогда, когда Брегетъ принялъ участіе въ устройствѣ электромагнитнаго телеграфа. Всѣ обстоятельства, изложенныя въ этомъ письмѣ, совершенно согласны съ истиною. Изъ письма Витстона, въ ту же академію видно, что онъ добивался участія въ томъ же дѣлѣ и почитаетъ свою методу телеграфа гораздо лучше методы, которой слѣдовала коммиссія подъ руководствомъ Араго.

, Электромагнитная сила — Прометей нашихъ временъ. Новый небесный огонь низведенъ на землю. На этой новой кухнѣ готовятъ и лучше и скорѣе многое, для чего прежде употреблялось, или лучше, истреблялось столько дровъ; но обширность примѣнимости электричества во всѣхъ трехъ его видахъ столь огромна, что едва ли малая часть этого новаго міра открыта и описана. Есть не мало электромагнитныхъ снарядовъ, посредствомъ коихъ можно прерывать электрическій токъ и опять возобновлять его; для этого изобрѣтено много коммутаторовъ, но всѣ приводились въ движеніе механическими средствами. Теперь придуманъ электромагнитный молотъ, который дѣйствуетъ самостоятельно. Грюель, въ Берлинѣ, умѣлъ движеніе молота подчинить электромагнитному апарату, какъ изъ рисунка явствуетъ. Молотъ, въ теченіи секунды, можетъ сдѣлать отъ 3 до 100 ударовъ. — Не поскучайте, мы опишемъ устройство снаряда нѣсколько подробнѣе, авось кому-либо и пригодится. На деревянномъ ящикѣ *a*, на сторонѣ, утверждена деревянная же наковальня *b*, покрытая довольно толстой и нѣсколько выпуклой мѣдной пластиной; на противуположной сторонѣ поставленъ небольшой электромагнитъ *c*. Ма-

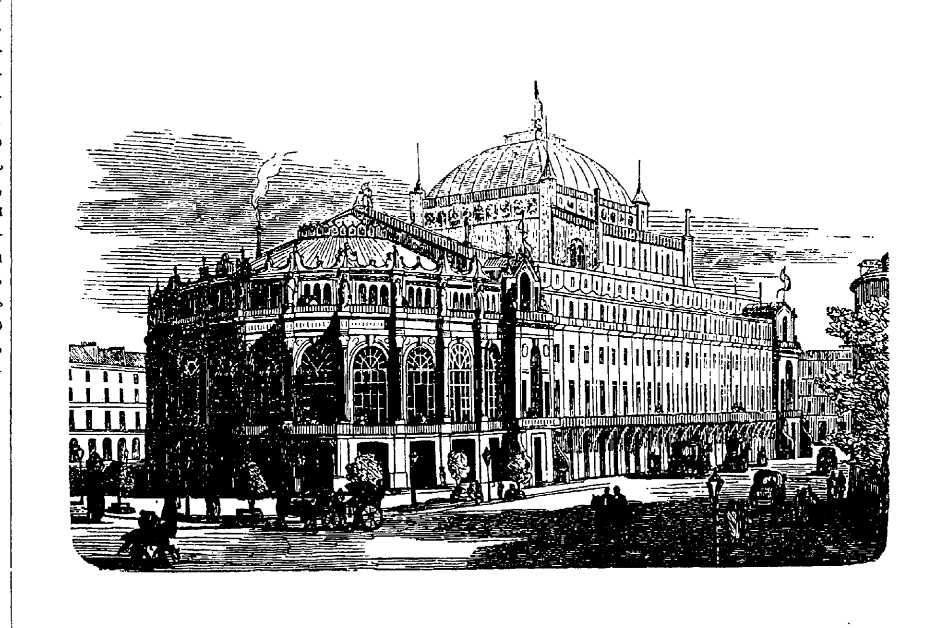
ный молотъ c e f покоится на мѣдномъ, вверху вилообразномъ столбикѣ, онъ утвержденъ въ точкѣ e. На другомъ концѣ ручки молота прикрѣплена желѣзная пластинка i, покрывающая оба полюса электромагнита. Она составляетъ родъ рычага, но такъ легка, что голова молота всегда имѣетъ перевѣсъ. Столбъ y такъ устроенъ, что вилочки, на которыхъ молотъ движется, могутъ быть поставлены и выше и ниже. Къ пластинѣ, покрывающей наковальню, прикрѣплена мѣдная проволока u, которая проходитъ внутри наковальни, подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на право, выходитъ изъ ящика, и, загибаясь опять подъ прямымъ угломъ, поддерживаетъ сосудъ съ ртутью h; i и k концы мѣдной проволоки малаго электромагнита. И со столбомъ g должно быть въ непосредственномъ металлическомъ соприкос-



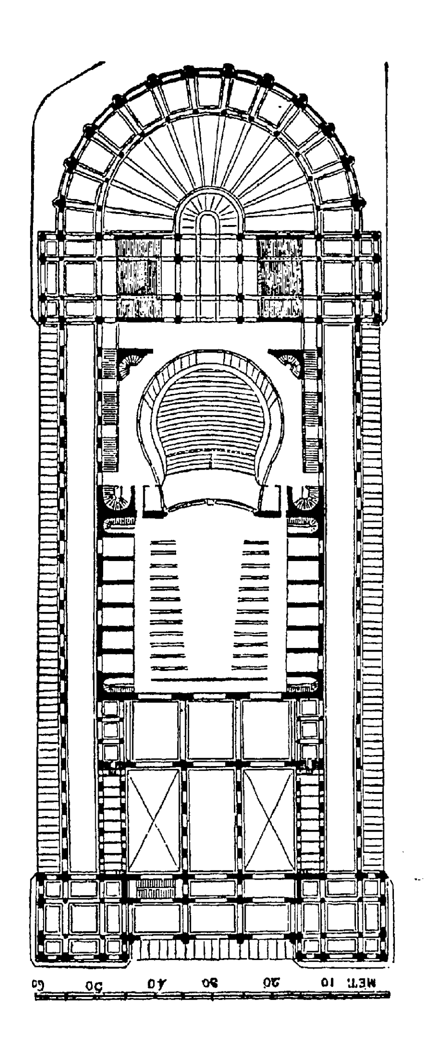
новеніи. Молотъ и верхъ наковальни должны быть хорошо покрыты амальгамой; на послѣднюю кладется не много ртути, что̀ облегчаетъ движеніе силы; если же ртуть станетъ окисляться, то легко ее замѣнить свѣжею. Электрическій токъ, входя въ h и выходя въ i, по необходимости долженъ пройти черезъ наковальню, молотъ и ручку, чтобы достигнуть i, откуда онъ перейдетъ въ гальваническую цѣпочку, или какой угодно того же рода апаратъ. Такимъ образомъ, гальваническій токъ возбуждаетъ дѣятельность въ маломъ электромагнитѣ; тотъ притягиваетъ рычагъ f, съ тѣмъ вмѣстѣ отрываетъ и молотъ отъ наковальни; но чрезъ это гальваническій токъ прерывается, а электромагнитъ теряетъ свою силу, рычагъ f поднимается, молотъ падаетъ на свое мѣсто, движеніе гальванической силы возобновляется и дѣйствіе всего апарата идетъ непрерывно, при чемъ видимы искры между молотомъ и наковальней. Это важное открытіе обѣщаетъ въ примѣненіи своемъ общую реформу на всѣхъ фабрикахъ и вездѣ, гдѣ требуется дѣйствіе удара.

*** Воздухоочистительные снаряды давно уже въ употребленіи, но въ примѣненія своемъ они имѣли небольшое развитіе. Теперь въ парижскую академію представленъ раціональный вентилаторъ, посредствомъ котораго можно будетъ очищать воздухъ даже въ рудокопняхъ на какой-бы то ни было глубинѣ. Если обѣщаніе изобрѣтателя оправдается, то можно будетъ это открытіе назвать высокимъ подвигомъ человѣколюбія, ибо кромѣ того, что рудокопы теряютъ здоровье отъ невозможности дышать воздухомъ, который каждое мгновеніе они сами портятъ собственнымъ дыханіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ устранятся причины къ взрывамъ, которые случаются такъ часто и съ такими ужасными послѣдствіями.

*** Въ Парижѣ есть опера, одна изъ лучшихъ въ Европѣ; всѣ знаменитости въ ней являлись и являются, но самое зданіе далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Давно уже толкуютъ о необходимости построить новый оперный домъ и, кажется, проэктъ архитектора Горо будетъ принятъ. Мы помѣщаемъ общій видъ и планъ предполагаемаго зданія. Странное иногда нравится на равнѣ съ прекраснымъ. Въ этомъ зданіи странная смѣсь архитектуръ. Увѣряютъ, что при постройкѣ театра разнообразіе требованій порождаетъ и смѣшеніе въ зодчествѣ. Едва ли! Не ужели ихъ нельзя согласить съ общей мыслію въ цѣломъ. Въ новомъ театрѣ будетъ помѣщаться foyer, концерт-



ная зала, театральная зала, управленіе и службы. Для баловъ и маскерадовъ всѣ залы могутъ соединяться въ одну и будутъ помѣщать двѣнад-



цать тысячъ человѣкъ. Но всѣ эти предполагаемыя удобства въ проэктахъ всегда хороши; но исполняются ли эти обѣщанія на дѣлѣ.

*** Не все же думать о пользахъ огромныхъ, вѣковыхъ; отъ чего не позаботиться и объ удовольствіи человѣка. Г. Виленевъ такъ и сдѣлалъ; онъ оставилъ въ покоѣ и электромагнитныя и подземныя силы, а занялся усовершенствованіемъ снаряда, въ которомъ онъ спокойно себѣ дѣлаетъ ледъ, хотя бы это ему заказали подъ экваторомъ. Конечно, основа изобрѣтенія не новая. Давно извѣстно, что смѣшеніе соли съ хлороводородною кислотою производитъ мразъ лютый, но заслуга Виленева заключается въ тщательной обработкѣ апарата, для исполненія на дѣлѣ этого процесса. Апаратъ этотъ состоитъ изъ двухъ или трехъ цилиндровъ; средній замораживаетъ въ наружномъ воду, а во внутреннемъ дѣлаетъ мороженое. Онъ назвалъ свой снарядъ мороженникомъ Congélateur. Нельзя не признать и въ этомъ открытіи большой пользы для такихъ мѣстъ, гдѣ сохраненіе льда весьма затруднительно, и для аптекъ. Путешественники также съумѣютъ воспользоваться мороженникомъ. И все то благо, все добро.

*** Есть счастливцы, съ которыми природа вступаетъ въ такую тѣсную дружбу, что открываетъ имъ свои секреты; обыкновенно случается, что каждому другу она шепчетъ на ухо одинъ секретецъ и даритъ любимцу славу, безсмертіе. Но такъ, съ памяти, не можемъ сказать, удавалось ли до сихъ поръ кому либо получать по два такихъ гостинца. А въ наше время это счастіе въ короткое время досталось на долю извѣстному Дагерру. Ужъ, кажется, довольно было бы и того, что онъ вмѣсто себя заставилъ работать солнце. Такъ нѣтъ же; Дагерръ видно не хотѣлъ остаться въ долгу, и самъ сталъ работать за солнце, vice versa. — Есть у васъ деньги? Покупайте скорѣе чистое поле, а Г. Дагеръ въ двѣ недѣли разведетъ вамъ такой садъ, что чудо; дерево, которому надо рости сто лѣтъ, выростетъ, во весь столѣтній ростъ и во всю столѣтнюю плотность, въ годъ, не больше. — Если журналы не шутятъ, если Дагерръ самъ не подшутилъ надъ журналистами, то спѣшимъ донести, что онъ изобрѣлъ, создалъ, открылъ, или какъ угодно, — живую воду. Эта жидкость — его секретъ, не спрашивайте объ ея составѣ, но удивляйтесь послѣдствіямъ. — Дагерръ, примѣняясь къ способу окрашиванія цвѣтовъ и растеній, также дѣлаетъ нарѣзку надъ корнемъ и питаетъ его своимъ живительнымъ напиткомъ. Корни жадно пьютъ эликсиръ возрастанія; толстѣютъ, разбѣгаются; когда пресытятся, рана закрывается и дерево пошло рости не по-днямъ, а по-часамъ, въ день проживаетъ годъ, въ годъ столѣтіе; время — сидитъ въ сосудѣ, въ которомъ хранится жид-

кость. Конечно, растеніе и умретъ скорѣе, и въ службѣ своей человѣку можетъ быть не будетъ имѣть прежнихъ качествъ; но если открытіе Дагерра не выдумка, то согласитесь, что если не огромныя пользы, то огромное удовольствіе доставитъ оно многимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самой наукѣ объяснитъ законы питанія и возрастанія растеній. Пусть эта искуственная роща проживетъ столько же, сколько росла; но на сколько данныхъ, на сколько удивительныхъ явленій мы получимъ указанія. Такъ и хочется бросить все и съѣздить въ новый садъ Г. Дагерра...

, Новыя открытія удивляютъ и увлекаютъ, но не должны исключать любви къ старому, тѣмъ болѣе, что открытія и по этой части чрезвычайно важны, хотя и не столь многочисленны. Шутка-ли, не только мѣсто, гдѣ стояла Ниневія, но цѣлый дворецъ самой Семирамиды отысканъ, отрытъ и частями пересылается въ Парижъ. Странно устроенъ родъ человѣческій. Онъ знаетъ всегда только одно имя, онъ любитъ только одну знаменитость. Найдите хорошенькую картинку венеціанской школы, это ужъ непремѣнно Тиціанъ; найдите игрушку въ Египтѣ, безъ обиняковъ она изъ будуара Клеопатры; отыщутъ ли въ Керчи трупъ, или остатокъ одежды — спорить нечего, это самъ Митридатъ или забытокъ временъ Митридата; открыли Ниневію, или лучше сказать одно зданіе... Къ чему разсужденія? Это дворецъ Семирамиды. Нѣкто Бота, французскій консулъ, въ развалинахъ Моссула, открылъ уголъ дворца и, покрывъ это открытіе всею возможной таинственностію, увѣдомилъ правительство, что онъ поймалъ Ниневію и держитъ ее въ рукахъ. Правительство послало ему вспомогательную силу, живописца Фландена. Вдвоемъ они открыли безмѣрный дворецъ, *несомнительно* воздвигнутый Семирамидой; Фланденъ, что могъ, то срисовалъ; что можно, уложили, отослали въ Парижъ. Ниневія теперь въ дорогѣ; рисунки предупредили ея прибытія. Въ подвалахъ Лувра учрежденъ Вавилонскій музей, и баснословный дворецъ Семирамиды уляжется въ этихъ погребахъ. И послѣ этого, извольте вѣрить, что Французы безъ шутокъ занимаются исторіей, что тѣ, которые вѣрятъ Ниневіи Бота и Фландена, могутъ оцѣнить труды историковъ!

, А между тѣмъ, въ одно время съ Ниневіей, выходитъ въ свѣтъ сочиненіе Амедея Тіерри, брата не Гомера, какъ называютъ Французы Августина Тіерри, потому что онъ слѣпъ, но французскаго Тацита. Это сочиненіе заключаетъ исторію Галловъ до владычества Римлянъ. Дѣйствительно, для подобнаго сочиненія много матеріаловъ въ лѣтописцахъ греческихъ, латинскихъ и гальскихъ; но французская эрудиція пугалась такихъ варварскихъ свидѣтелей и довольствовалась сказками. Трудъ Ам. Тіерри показался для нихъ дивомъ, осьмымъ чудомъ. Постановили безусловно удивляться. Мы удивляемся ихъ удивленію; ожидаемъ любопытной книги и убѣждены что она заслуживаетъ во всякомъ случаѣ особеннаго вниманія.

, Въ послѣднемъ нумерѣ одного изъ уважаемыхъ изданій мы нашли слѣдующее... Не позволяемъ себѣ никакихъ разсужденій. Каждый, кто читаетъ постоянно Иллюстрацію, кто нѣсколько знакомъ съ образомъ мыслей и правилами Редакціи, угадаетъ и наши чувства и наше мнѣніе; и такъ: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, раздирающая сердце сцена происходила у одра молодаго человѣка, оставлявшаго этотъ міръ во цвѣтѣ лѣтъ. Этотъ молодой человѣкъ, окруженный всѣмъ тѣмъ, что такъ походитъ на счастіе, — былъ — князь. Обожаемая супруга престарѣлая родительница — рыдали у постели. Священникъ пришелъ съ дарами и раздѣлилъ ихъ на двѣ части. Одну принялъ сынъ, другую мать, предъ лицемъ семейства, утопавшаго въ молитвѣ и слезахъ. Не смотря на это трогательное пріобщеніе Св. Таинъ, ихъ разлучили... — и княгиня теперь проливаетъ слезы надъ могилой, вмѣстѣ со вдовою. Вмѣстѣ съ слезами, она бросаетъ на эту могилу прелестные цвѣты. Эти цвѣты называются *черныя розы*, — это стихотворенія князя Элима Мещерскаго, печальнаго героя этой исторіи, котораго всѣ поэты Франціи признали братомъ. Всѣ дѣти, всѣ супруги, всѣ матери признаютъ своими эти стихи, написанные съ душею; они заставляютъ оплакивать въ князѣ Мещерскомъ совершенство характера и будущность таланта.»

ЗАКЛАДЪ.

романъ

въ немногихъ письмахъ.

(продолженіе).

VII.

Леночка! Что ты это право такая неакуратная! Вотъ уже больше недѣли, какъ я отослала подводы, и наказала, чтобы привезли сюда весь мой гардеробъ, а вы, я не знаю, что тамъ всѣ дѣлаете. Кажется, васъ тамъ довольно. Мавруша, что за тобой ходитъ, Кулина, Палашка, Домна, Фришка, мало ли васъ тамъ; вѣдь я съ собой только трехъ дѣвокъ взяла, а время лѣтнее, мало имъ тутъ мытья, шитья. Такъ, пожалуйста, мой другъ Леночка, соберись-ка по проворнѣе и если хочешь сама пріѣзжай. Чудо не ярмарка. Офицерства пропасть, а одинъ чуть-чуть не гвардеецъ; штатскихъ также довольно; изъ Петербурга есть одинъ, хорошенькій; въ чинѣ; да предводительша мнѣ мститъ за Левушку и петербургскаго за уши держитъ; а ужъ Левушка какой несносный; выдумалъ, что я непремѣнно должна любить.

— А за чѣмъ? позвольте васъ спросить.

— Да какъ же можно, того, не любить. Такъ ужъ человѣкъ сдѣланъ. Плетью обуха не перешибешь. Каждому такъ на роду написано...

— Ну, видно, какъ писали, такъ про меня позабыли...

— Нѣтъ, ужъ этого никакъ не можетъ быть; и я ужъ если куплю лихую лошадь, такъ будь ихъ тамъ пятьсотъ, про нее не забуду.

Самъ ты лошадь, подумала я и отошла.

— Леночка, не забудь въ нижнемъ ящикѣ моей туалетки, есть аршинъ сто валансіенскихъ кружевъ, что мнѣ тетушка за настоящія украдкой привезла. Захвати съ собою, душа моя, тутъ никто не догадается. Ахнутъ, какъ я покажусь въ кружевной мантильѣ. Для лѣтняго времени и легко и нарядно...

А онъ не отсталъ таки; все за мной да за мной.

— Что вы меня сегодня преслѣдуете? говорю я ему.

— Вы магнитъ...

— А вы желѣзо.

— Истинно такъ, Авдотья Семеновна. Настоящій магнитъ, и тянете и отталкиваете.

— Да жаль, что силы мало...

— Нѣтъ-съ, ужасная сила. Право, Авдотья Семеновна, не будьте жестоки! Что вамъ за охота притворяться!

— Левъ Кирилычъ, не будьте жестоки! Отстаньте отъ меня! Развѣ вы не видите, что другіе по васъ вздыхаютъ?

— Пусть страдаютъ.

— Это ужъ старо, Л. К., вы бы выдумали что нибудь по-новѣе.

— Извольте, только дайте подумать...

— Такъ думайте же, а пока я васъ оставлю, чтобы вамъ покойнѣе было думать...

Вотъ, другъ мой Леночка! Что я съ этимъ злодѣемъ стану дѣлать. Я навѣрно знаю, что онъ совсѣмъ собрался на мнѣ жениться; даже не секретничаетъ. К. К. плачетъ, злится. Другія на меня дуются, а я вотъ сей-часъ бы его подарила и въ придачу лучшаго коня съ моей конюшни. Что онъ за мужъ? Какой у него чинъ? Гдѣ я съ нимъ покажусь въ Петербургѣ? превосходительства мнѣ не нужно пока, Превосходительство старостью пахнетъ; но ужъ и не оберъ-же-офицершой мнѣ быть. За что я себя изъ полковницъ разжалую? Да и у самого-то, чтобъ было имѣньице, или капиталецъ, не то на мои деньги будетъ себѣ дуть въ картишки, по міру пуститъ; а не дашь денегъ, подыметъ шумъ; дойдетъ до дерзости.

Леночка! Параша вотъ сей-часъ мнѣ доложила, что я вчера на хуторѣ зонтикъ сломала. Пришли мнѣ малиновый съ костяной ручкой. Не носить же мнѣ здѣшняго...

Пока онъ думалъ, я подошла къ К. К. и говорю:

— Здравствуйте Клеопатра Кириловна! я у васъ была...

— Извините, А. С.! Мнѣ не сказывали...

— Я и билетъ оставила...

— Не показывали...

Вретъ, подумала я, это ты все за Левушку дуешься. — Какъ я это думаю и гляжу въ окошко, Кл. К. какъ вскрикнетъ: ахъ, Боже мой! это онъ!

— Кто онъ? подхватила хозяйка.

— Петербургскій, что я вамъ разсказывала. Какъ онъ бѣдненькій попалъ сюда...

— Видно проѣздомъ, ваше превосходительство, подхватилъ хозяинъ.

— Какъ жаль!...

— Прикажете, я прикажу его позвать...

— Fi donc Какъ можно! Черезъ лакея нельзя звать...

— Я самъ побѣгу...

И точно; сбѣгалъ, привелъ гостя. Хорошенькій, и въ чинѣ; скоро, говорятъ, до бригадирства доберется... Вошелъ, раскланялся, подошелъ къ хозяйкѣ; та, ты знаешь, дура набитая, только присѣдаетъ, а онъ такъ и сыплетъ ей слова, самъ раскраснѣлся; отъ хозяйки круто повернулъ къ К. К. Та вспыхнула, а онъ посмотрѣлъ ей на руки и поблѣднѣлъ. Вотъ не привяжется же ко мнѣ такой простинькой; вотъ мужъ; охъ, какъ бы я славно управлялась. Мужчины, правда, всегда въ нашихъ рукахъ; только не надо ихъ любить; а полюби, такъ и роли перемѣнятся; тогда изъ желѣзныхъ лапъ не высвободишься. Разъ въ жизни я была на краю бездны. Помнишь этого литератора Синцева. Да, слава Богу, журналы выручили. Я какъ прочитала, какъ отдѣлали его романчикъ, такъ будто рукой сняло. А то ужъ было и портретъ его достала, за то потомъ такъ славно и романъ и портретъ въ печку полетѣли. Я себя ужасно люблю за этотъ подвигъ. Постой же, Леночка, слушай! Умора, право...

— Какъ вы очутились тутъ? спрашиваетъ К.К., а глазки такъ и закатываются.

— Судьба! Счастливый случай... а можетъ быть и несчастный.

— Это почему? Вы такъ молоды, вамъ вездѣ еще цвѣтетъ счастіе...

— Какъ эти цвѣты, что въ рукѣ вашей... они цвѣтутъ, да жизнь ихъ подрѣзана...

Слышь! Слышь, Леночка! Вотъ былъ бы мужъ! К. Кириловнѣ, куда ей! Она сама пошла бы въ плѣнъ къ этому новичку, если бы нерасторопно не увѣрила себя, что любитъ Левушку...

— А не правда ли чудесные цвѣты?

— Отвратительные...

— А я ихъ ужасно люблю.

— А я ихъ ненавижу.

— За что?

— За то, что не я... Новичекъ запнулся. Есть этакіе несчастные, что влюбятся по уши, сто разъ въ день начинаютъ объясненіе и запнутся всегда на такомъ мѣстѣ, что совсѣмъ нѣтъ смысла. И если женщина не имѣетъ желанія услышать, что онъ ее любитъ, несчастный никогда не выскажется. Знаешь, Леночка, мнѣ онъ сталъ смѣшонъ и жалокъ. Я отошла. На счастіе ко мнѣ присталъ хозяинъ, ты его знаешь, стараго волокиту. Онъ и за тобой ухаживалъ. Впрочемъ, онъ болтаетъ забавно, а Левушка, не знаю почему, не любитъ съ нимъ сходиться. Видно онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать на зло и присталъ къ К. К. Вотъ еслибъ ты видѣла нашу паву. Какъ она гордо выступала! Какъ любезничала и старалась между обожателями зажечь ревность. За обѣдомъ смѣтливый хозяинъ такъ искусно размѣстилъ гостей, что К. К. сидѣла между Левушкой и гостемъ; я возлѣ гостя; я объ этомъ просила, потому, чтобы наблюдать, злить и смѣяться. И право, я и на театрахъ не видала такой комедіи. Но въ этомъ смѣшномъ водевилѣ были и трогательныя мѣста. Право бѣдный гость мнѣ жалокъ! Можно ли влюбиться до такой степени! Онъ не видѣлъ ни кого, не слышалъ ничего

не ѣлъ, не пилъ, ревность поглощала все... Бѣдный! Торжество К. К. послѣ обѣда кончилось и началось мое мученіе. Левушка опять присталъ и такъ надоѣлъ, что я взяла и уѣхала. Прощай, Левочка! Пріѣзжай сама, а нельзя такъ присылай все скорѣе, потому, что у насъ тутъ затѣваютъ спектакли, маскерады и т. д. Цѣлую тебя! Кланяйся всѣмъ моимъ людямъ...

Твоя Дуня.

IX.

Я былъ на этомъ ужасномъ хуторѣ, Жоржъ! И проклинаю эту глупую мысль, потому, что мои догадки разбѣжались въ разныя стороны; недоумѣніе какъ море въ волнахъ... И зачѣмъ это несчастное сердце, этотъ скудельный сосудъ можетъ носить такъ много и такихъ ужасныхъ чувствъ! Любить, пылать ревностью, сомнѣваться, надѣяться... и все это вдругъ, въ одно мгновеніе? Сколько же душъ у человѣка, когда все онѣ можетъ чувствовать въ одно время. Да, я пріѣхалъ, меня увидѣли, за мной выслали хозяина, я сказалъ, что ѣду обозрѣть фабрику, но лошади моего извощика пристали; за цѣлковый онѣ измучились совершенно; меня просятъ, я иду, по дорогѣ узнаю кто виновница моего приглашенія... Встрѣчаемся, та же холодная ласка, тѣ же заманчивые намѣки... Но не мнѣ одному... Тутъ есть третій... Но не тотъ, что купилъ букетъ; нѣтъ, безбородый юноша, пустословъ... Она не можетъ любить его, не можетъ! Я ручаюсь, я слишкомъ хорошо знаю сердце и умъ этой женщины, непостижимой очаровательной, страшной!... Охъ! Жоржъ! Не смѣйся, когда я плачу! Не обижай меня разсужденіями и совѣтами!... Нѣтъ! Я не могу писать! Голова горитъ, голова болитъ! Весь вечеръ я провелъ съ нею, весь вечеръ говорилъ о любви и не сказалъ ни слова о моей любви; рѣчь загоралась въ устахъ моихъ, я задыхался... Развѣ я не встрѣчалъ на вѣку моемъ красавицъ, развѣ я не влюблялся по уши! Дитя! Я думалъ, что я любилъ, когда такъ тихо, такъ сладостно мечталъ о бѣлокурой нѣмочкѣ, которая на дачѣ обыкновенно стояла у калиткѣ на мостикѣ; вѣтеръ игралъ ея локонами; она красовалась стройностью стана, она улыбалась, глядя на меня, когда я проходилъ по другой сторонѣ улицы и любовался на красивую куколку, и я думалъ, что я влюбленъ... Мнѣ было тепло, весело, легко... Теперь я въ знойной, душной темницѣ; кругомъ огонь палящій, но желѣзныя рѣшетки не даютъ выскочить. Какъ будто водопадъ, летитъ по душѣ моей грусть бездонная, безбрежная; хочу вздохнуть, гора на груди... Спасите?... ...... Нѣтъ, я не могу писать, какъ хочешь не могу... Прости!

X.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нельзя насильно заставить Евгенія писать письма. Онъ сдержалъ слово; не писалъ больше писемъ; покрайней мѣрѣ я не отыскалъ ихъ; но какъ драма эта разыгралась почти на глазахъ моихъ, хотя и давно, имѣла начало и конецъ, то я рѣшился въ подробномъ отчетѣ изложить продолженіе этого романа. — Пусть эти письма составятъ первую главу... Приступимъ ко второй.

(Продолженіе прислано).

АНЕКДОТЫ.

I.

На Востокѣ, въ одномъ царствѣ государствѣ, по примѣру Европейцевъ, завели карантины. Чума такъ сильно свирѣпствовала, что умиравшихъ спѣшили жечь, чтобы не заражали воздуха. Врачи въ такихъ случаяхъ дѣлаются ужасно важными людьми. Врачъ обошелъ свое отдѣленіе и приказалъ отнести четырехъ покойниковъ на костеръ. Приставники вытащили ихъ баграми, взвалили на возъ и повезли. Вдругъ одинъ изъ труповъ раздумалъ умирать, приподнялся и спросилъ съ изумленіемъ: куда вы меня везете?

— Лежи! Не твое дѣло...

— Какъ не мое дѣло? Я хочу знать...

— Пожалуй! Мы тебя веземъ жечь.

— За что?

— За то, что ты умеръ...

— Да развѣ вы не видите, что я живъ...

— Сказки!

— Какъ сказки! Вы ослѣпли что ли! Кому же знать лучше, живъ ли я или умеръ...

— Ну, ужъ извини! По этой части докторъ развѣ меньше твоего знаетъ! Ты былъ и при жизни больно глупъ, — а гяуръ докторъ извѣстный мудрецъ. Ужъ ему ли не разобрать живъ ли ты или нѣтъ. Не надуешь, братъ! Не на такихъ напалъ! Лежи смирно, вотъ ужъ и недалеко.

И быть бы ему на кострѣ, еслибы докторъ нечаянно не повстрѣчался и не даровалъ жизни живому.

II.

Въ одномъ городѣ, не упомню какого-то намѣстничества, городничій не отличался вѣжливостію; напротивъ, по обычаю оныхъ временъ, обходился со всѣми круто, грубо и нахально, не разбирая просителей. Намѣстникъ въ проѣздъ черезъ городъ, увѣдомясь о неприличномъ обращеніи городничаго съ подчиненными и посторонними, позвалъ его къ себѣ и келейно вымылъ ему голову по отечески.

«Вы должны понимать, говорилъ намѣстникъ: что долгъ и обязанность человѣка образованнаго обходиться со всѣми ласково, учтиво, съ подобающею сану вашему важностію, но безъ грубости и крика...

— То же мнѣ съ ними цѣловаться прикажете?»

»Кто объ этомъ говоритъ тебѣ, любезный; но вотъ, напримѣръ, придетъ къ тебѣ проситель, ты, любезный, долженъ пригласить его присѣсть, обласкать, вѣжливо распросить... Я надѣюсь, что ты будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ; иначе поссоримся.

Раздосадованный городничій воротился домой, и какъ нарочно въ то же время пришелъ къ нему весьма порядочный человѣкъ, который по дѣламъ принужденъ былъ часто видѣться съ городничимъ, и очень хорошо зналъ его вспыльчивый и сварливый характеръ.

— Садись! закричалъ городничій, увидавъ гостя. Тотъ не могъ понять причины такой вѣжливости и церемонился...

— Я пришелъ просить васъ...

— Садись прежде! что за дьяволъ такой.

— Я и постою...

— Да говорятъ тебѣ, садись...

— Да мое дѣло все въ трехъ словахъ.

— Да ну къ черту, садись, садись, садись! закричалъ во все горло городничій, и схвативъ просителя за плечи, опрокинулъ его въ кресла насильно. Вотъ такъ, туда, къ черту! ну, сиди и разсказывай!

ПЕРЕПИСКА.

С. М. — Съ удовольствіемъ, только не огорчайтесь, если нѣсколько Нумеровъ не увидите ожидаемаго. *Картинки* требуютъ времени, и для того, чтобы нарисовать, и для того, чтобы награвировать.

А. Л. В. Невозможно, развѣ позволите сократить, безъ ущерба для существеннаго содержанія.

О. — Уничиженіе паче гордости. Такіе нули стоятъ единицъ.

1. 13. 7. — Конечно, тутъ есть и единицы и десятки, но... статья не можетъ быть принята.

О. П. — id, что и въ прежнемъ нумерѣ. Старая пѣсня, знаемъ кто поетъ.

ИГРЫ.

Всякая игра, какая бы она ни была, есть условіе, между играющими, заключаемое совершенно произвольно; оно справедливо, потому что обоюдно. Вы видите это всего явственнѣе въ преферансѣ, гдѣ вистуютъ на пр. отдѣльно каждый, съ приглашеніемъ третьяго, съ обща и, наконецъ, съ передачею картъ слѣдующему; и все это справедливо, потому что обоюдно. Но такое разнообразіе ведетъ къ спорамъ, почему, для предупрежденія ихъ, условливаются съ полъ-часа и, постановивъ правила, играютъ, руководствуясь закономъ собственнаго сочиненія. Въ разнообразіи этихъ частныхъ законовъ, игральныя общества или клубы, отыскиваютъ ближайшіе къ справедливости, принимаютъ ихъ единожды на всегда, и тогда эти правила получаютъ значеніе писаннаго закона и служатъ руководствомъ большинству играющихъ. Въ шахматахъ мы встрѣчали также различныя и часто совершенно противуположныя условія. Почитаемъ не излишнимъ сообщить читателямъ правила, принятыя со времени Филидора и служащія писаннымъ закономъ для клуба Café de la Regence, и другихъ. Вотъ онѣ:

I.

Шашечницу должно всегда ставить такъ, чтобы бѣлая угольная-клѣтка или квадратъ находился по правую руку игрока. Если игрокъ, не сдѣлавъ четвертаго хода, замѣтитъ, что шашечница стоитъ неправильно, можетъ начать игру снова, но если четвертый ходъ сдѣланъ, игра уже завязалась и возобновиться не можетъ.

II.

Если шахматы разставлены неправильно, тотъ, кто замѣтитъ, можетъ поправить у себя или у своего противника разстановку шахматъ, но также до четвертаго хода; послѣ четвертаго хода обязанъ продолжать партію, какъ она есть.

III.

Если партія началась безъ фигуры, или безъ пѣшки, и съ обѣихъ сторонъ сдѣлано уже по четыре хода, должно продолжать партію и забытую фигуру или пѣшку ставить на мѣсто не льзя.

IV.

Если по условію дается впередъ фигура или пѣшка, тотъ, кто обѣщалъ и забылъ исполнить условіе, не можетъ, во время игры, отдать фигуры или пѣшки. Партія продолжается въ полномъ видѣ, безъ проигрыша для того, кому была та или другая обѣщана; развѣ игра обратится въ ничью, тогда никто не проигрываетъ.

V.

Право перваго хода въ первую партію опредѣляется жребіемъ.

VI.

Кто выигралъ первую партію, въ слѣдующую имѣетъ право перваго хода.

VII.

Если что либо дается впередъ, то право перваго хода принадлежитъ тому, кто далъ впередъ фигуру или пѣшку.

VIII.

Кто дотронется до фигуры или пѣшки, долженъ играть тою шашкою, до которой дотронулся; если при этомъ случаѣ не скажетъ j'adoube что въ другихъ играхъ называется: чуръ! По-русски не знаемъ какое слово употребляютъ игроки въ подобномъ случаѣ. Слыхали мы только разъ, что при этомъ игрокъ говорилъ: Не въ ходъ, но это выраженіе намъ не понравилось. Если на шашечницѣ произойдетъ безпорядокъ, или шашка упадетъ, можно поправить, поднять, не обязуясь играть тою шашкою, по все-таки надо отчураться.

IX.

Если кто взялъ шашку и поставилъ на мѣсто, не можетъ взять ее оттуда, чтобы переставить на другую клѣтку.

X.

Если кто дотронется до чужой шашки и не скажетъ *опаснаго* слова, противникъ можетъ заставить его взять эту шашку; если же ее взять нельзя, то, сдѣлавшій ошибку, долженъ сдѣлать ходъ своимъ королемъ; если и этого не льзя, — ошибка остается безъ послѣдствій.

XI.

Если кто сдѣлаетъ ходъ чужой шашкой вмѣсто своей, то противникъ можетъ заставить его: 1) взять ту шашку, если ее взять можно, 2) поставить на прежнее мѣсто, или 3) оставить на томъ мѣстѣ, куда она по ошибкѣ подвинута.

XII.

Если кто чужую шашку беретъ шашкой, которою взять ее не можетъ, обязанъ взять ее другою шашкой, если можно, а нельзя, такъ играть тою, которою хотѣлъ ее взять.

XIII.

Если собственною вашею шашкою вы берете, по ошибкѣ, также свою; то противникъ можетъ васъ заставитъ играть одною изъ двухъ тронутыхъ вами шашекъ, какою заблагоразсудитъ.

XIV.

Если вы сдѣлаете неправильный ходъ, противникъ вашъ въ правѣ оставить шашку тамъ, гдѣ вы ее поставили, или заставить васъ играть ею снова.

XV.

Если кто сдѣлаетъ два хода сряду, противникъ можетъ оставить оба хода, если это для него выгодно, или уничтожить второй.

XVI.

Если кто передвинетъ пѣшку на два мѣста, мимо чужой пѣшки, противникъ можетъ ее взять.

XVII.

Рокерада (перемѣна мѣстъ короля и башни) не дозволяется: 1) если король уже ходилъ; 2) если при перемѣнѣ мѣстъ проходитъ черезъ клѣтку, на которую приходится шахъ, и 3) если башня уже сходила съ мѣста. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, если вы дотронулись до короля и башни, противникъ можетъ васъ заставить играть тѣмъ или другою.

XVIII.

Если кто сдѣлаетъ ходъ шашкой, которую нельзя снять съ мѣста, не открывъ шахъ королю, долженъ играть королемъ. Если же король не можетъ ходить, не подвергаясь шаху, ошибка остается безъ послѣдствій. Переигрывайте какъ и чѣмъ угодно.

XIX.

Шахъ королю объявляется. Если вашъ шахъ не объявленъ, и вы дѣлаете ходъ не въ защиту короля, а противникъ, послѣ вашего хода, объявляя шахъ, захочетъ взять какую-нибудь изъ вашихъ шашекъ, вы можете переиграть вашъ ходъ и защитить короля.

XX.

Если вашъ король стоитъ подъ необъявленнымъ шахомъ въ продолженіи многихъ ходовъ, и невозможно повѣрить данъ ли ему шахъ, или же онъ самъ подъ него сталъ, то вы, замѣтивъ это сами, или по указанію противника, должны переиграть вашъ послѣдній только ходъ и защитить короля.

XXI.

Если противникъ вамъ объявитъ шахъ, а шаха нѣтъ, хотя то бы вы взяли шашку и поставили ее въ защиту короля, но въ то же время замѣтили ошибку противника, можете переиграть вашъ ходъ снова.

XXII.

Но вы не можете этого сдѣлать, если противникъ уже пошелъ. Вообще, всякая ошибка исчезаетъ, коль скоро тотъ, кому играть слѣдуетъ, сходилъ, или дотронулся къ шашкѣ.

XXIII.

Если пѣшка приходитъ въ довѣдь — ее можно замѣнить другою ферезью, слономъ, конемъ, башней, какъ вамъ угодно.

XXIV.

Патомъ называется положеніе короля, когда онъ стоитъ не подъ шахомъ, и не можетъ сдѣлать ни одного хода, который бы не былъ подъ шахомъ, и въ то же время нѣтъ ни одной шашки, которою можно ходить. Патъ обращаетъ партію въ ничью.

—

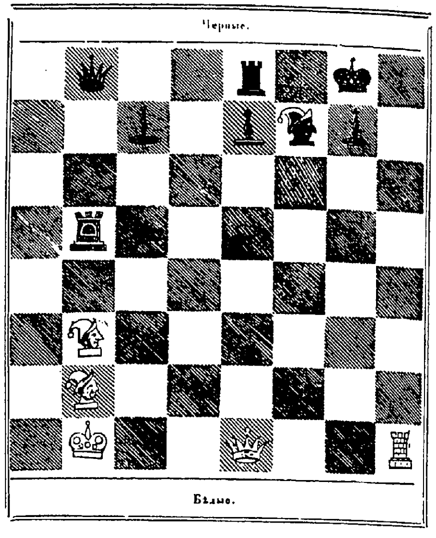
Вотъ одно изъ лучшихъ уложеній шахматнаго міра. Вы видите, что патъ обращаетъ партію въ ничью, тогда какъ многіе любятъ обращать полученный патъ въ полный свой выигрышъ, или, что еще смѣшнѣе, въ половинный, точно также какъ и партію, называемую le Roi depouillé, то есть, когда король остается въ партіи совершенно одинъ. О послѣднемъ случаѣ, какъ совершенно пустомъ и несправедливомъ, въ кодексѣ даже не упоминается.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 13.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1. Л. на 7. кл. Кор.	Сл. на 3 м. Кор.
2. Л. бер. Слона.	Кор. бер. Л.
4. Сл. на 8 м. К. Кор.	Кор. на 4 кл. съ
4. Ф. на 7. м. Кор.	Ф. бер. Ф.
4. К. на 5 м. Сл Ф. и Матъ.	

ЗАДАЧА № 14.

Бѣлые даютъ матъ 14 хода.



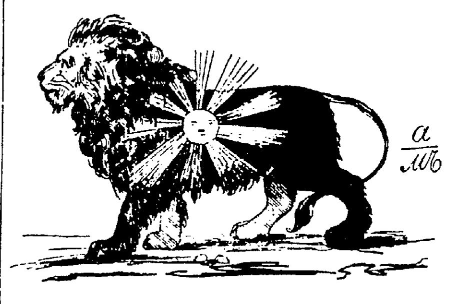
ЕЩЕ ЗАДАЧА.

Возьмите пустую бутылку, закупорите ее крѣпко на крѣпко, и тогда наполните водою, но такъ, чтобы пробки изъ бутылки не вынимать, и чтобы не повредить ни пробки, ни бутылки.

РАЗГАДКА № 13.

Пѣшій конному не товарищъ.

ЗАГАДКА № 14.



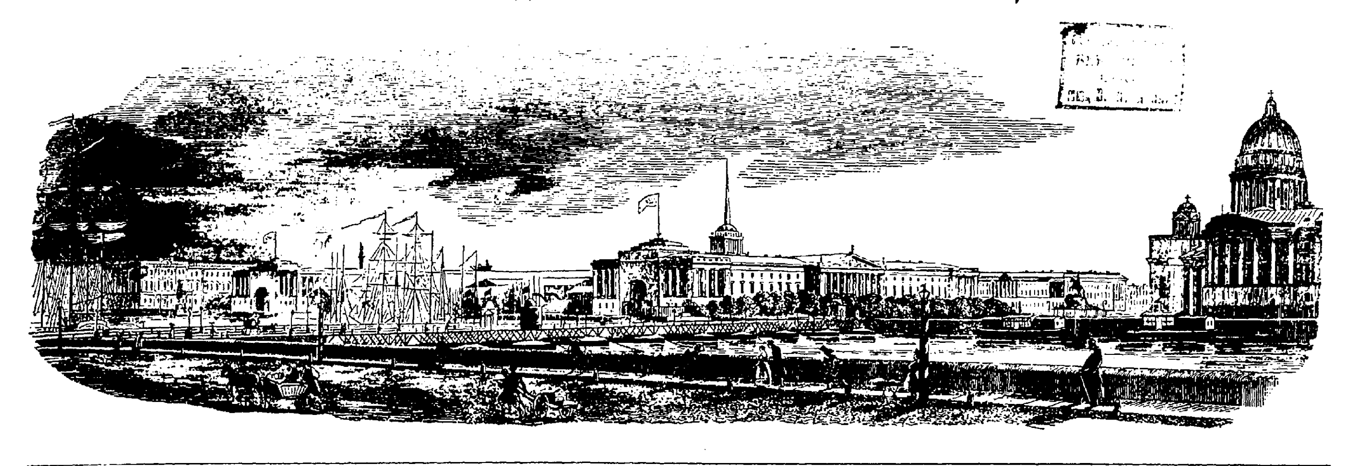
ШАРАДА.

На первомъ — сухари дѣлаютъ. (Одинъ слогъ).
Во второмъ — сухари ѣдятъ, или, если неугодно, такъ
второе (омонимъ) во второмъ своемъ значеніи, по преимуществу, принадлежитъ къ этому отдѣленію Иллюстраціи, хотя объ немъ здѣсь и никогда не упоминается. Второе обогащаетъ рѣдко, но часто раззоряетъ. (Два слога).
Цѣлое — и великолѣпная колонна и простая щепка.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Іюля 6 дня 1845 года. Ценсоры: *А. Никитенко* и *А. Крыловъ.* Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 15. — Суббота, 14 Іюля 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ПРИМѢТЫ.

Разсказъ.

(*Окончаніе*).

— Что ты это, Ваничка, а кажется хмѣльнаго въ ротъ не берешь.

— А что?

— Да кто почешетъ кончикъ носа, въ чарку смотрѣть...

— Ну смотрѣть, такъ смотрѣть, вотъ, кстати, въ вашемъ ковшѣ и вода чистая...

— Не замай! грѣхъ!

— Это почему?

— Этотъ ковшъ въ банѣ былъ со мной; стоитъ для другихъ причинъ, а пить изъ него грѣхъ, дѣло извѣстное... Палашка, подай воды Ваничкѣ...

Въ это время вошла старуха и повалилась барынѣ въ ноги.

— Что тамъ такое, Кириловна?

— Матушка, боярыня! Онисимъ мой... Господи, не приведи случая... Помилуй, матушка, избавь изъ бѣды, вѣчно Бога молить буду, инъ его обошелъ нечистый, али гдѣ ни есть лѣшаго встрѣнулъ, али кто ему прикинулъ желтую немочь, помилуй, матушка, боярыня, прикажи ему мазь какую поставить, али что придумать изволишь; будь родной матерью, покажи божескую милость...

Теща стояла какъ будто пораженная тайнымъ чѣмъ-то.

— А? наконецъ, сказала она, обращаясь къ Палашкѣ: вотъ тебѣ и О. Прокопъ съ палкой, вотъ тебѣ и переносица! Гдѣ Онисимъ?

— Въ птичникѣ, мать моя!

— Въ птичникѣ, воскликнула она въ ужасѣ; пойдемъ скорѣе... пойдемъ Иванъ Егоровичь!

— Пойдемте, Анна Алексѣевна, сказалъ я не безъ робости, стараясь закручивать признаки усовъ, которые мы отпускали на канникулахъ, чтобы еще тверже стоять на офицерской ногѣ...

— А зачѣмъ я пойду? Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Страждущее человѣчество...

— Да какое тамъ человѣчество, старый Онисимъ, что за птичникомъ смотритъ, захворалъ отъ старости, да помнѣ пожалуй пойдемъ. Погляжу на выводокъ...

— Позвольте вамъ предложить руку...

— Не нужно. Я тутъ всѣ закаулки лучше вашего знаю... Пойдемъ.

Смущенный, я однако же шелъ за Анетой, оправдывая ея поступокъ незнаніемъ свѣтскихъ обычаевъ. Настойчивость, думалъ я про себя, смѣлость города беретъ и т. п. Мы догнали нашихъ у самой калитки птичника. Онисимъ лежалъ въ своей сторожкѣ и стоналъ, будто камень на грудь ему взвалили.

— Что съ тобой, старый дуракъ, что ты это надѣлалъ, закричала старуха, ну въ твои ли лѣта хворать; этакой глупый, ты ребенокъ, что ли? Видно изъ непокрытаго горшка молока хлѣбнулъ; будто не знаетъ, что изъ него нечистый пьетъ. Ну, что у тебя болитъ?...

— Все, простоналъ Онисимъ .. Вотъ такъ и мутитъ. Душа вонъ просится, охъ...

— Голова болитъ?..

— Болитъ.

— И животъ?..

— И животъ...

— А грудь?

— Болитъ...

— А гдѣ?

— Вотъ здѣсь, и здѣсь, и тутъ, и тамъ — и сталъ показывать Онисимъ и на ноги и на руки, такъ, что если бы вѣрить его словамъ, такъ точно у него болѣло все. Но теща сказала:

— А погляди на меня. Э! да у тебя желтуха! Палашка, скажи Трофиму, чтобы скорѣй живую щуку въ прудѣ изловилъ; да проворнѣе. Я тебя сей часъ вылечу.

Пока ловили щуку, теща обошла весь птичникъ, который дѣйствительно былъ на диво. Особый дворъ съ прудомъ, тутъ водились: гуси, утки, куры, индѣйки разныхъ породъ. Иванъ Егоровичь, глядя на это все, только вздыхалъ; я подошелъ къ нему, и онъ тихо сказалъ: — Кто знаетъ, какъ луна упадетъ, все это перемереть можетъ... Я погрозилъ ему пальцемъ, чтобы хозяйка неуслышала объ опасности, угрожающей нашей губерніи. Пошли мы и на скотный дворъ, тутъ господствовалъ отличный порядокъ и чистота. Теща рекомендовала намъ каждую скотину и разсказывала генеалогію ея и біографію; «Эта но холмогорскихъ, сказала она, указывая на красивую корову, величественно лежавшую въ загонѣ. Во всемъ стадѣ не было такой коровы, да ластка черезъ нее перебѣжала, вотъ другой годъ убавила молока на половину. А вонъ ту бурую сама на ярмаркѣ купила; важнѣющая штука была; не ко двору пришлась, что будешь дѣлать; не самой же за всѣмъ усмотрѣть; говорила я глупому Терехѣ, какъ приведешь домой, такъ въ калитку пропусти бурую черезъ поясъ; такъ нѣтъ же; пройдетъ и такъ, прошла, да ко двору не пришлась... Вѣдь на все есть законъ, не перехитришь; Тереха у меня больно глупъ; держу потому, что за покойника еще скотникомъ былъ... А болванъ болванѣющій. Самъ черный цыганъ этакой, послала его лошадь искупить, купилъ сивую! Ну слыхано-ли, видано-ли, чтобы сивая лошадь, черноволосому купцу ко двору пришлась. Темный народъ, что станешь дѣлать!.. Погляди, погляди Ваничка! Видно твой Ѳедя на все мастеръ; знать въ гальмазіи всему обучаютъ?..

— Всему, maman, а пуще Острономіи...

— То-то и видно, что острый...

Правду говорила теща. Ѳединька, неимѣя ни какого предмета для своей цивилизаціи по любовной части, почелъ обязанностію помогать Палашкѣ въ исполненіи приказанія барыни, и вмѣстѣ съ Трофимомъ ловилъ щуку, а Палашка тутъ же стояла съ лоханкой

для принятія лекарства. — Наконецъ Трофиму или Ѳединькѣ удалось найдти искомое; Ѳединька отправилъ Трофима со щукой на птичникъ; теща не замѣтила этой неисправности, такъ было сильно желаніе вылечить Онисима и передъ нами показать свои познанія въ сельской медицинѣ. Мы всѣ поспѣшили на птичникъ, Трофимъ съ лоханкой былъ уже тамъ.

— «Ну, Онисимъ!» сказала теща: подымись! Трофимъ поставь сюда лоханку, да присматривай, чтобы щука не выскочила, а ты, Онисимъ, все гляди да гляди на щуку, пока я приду, глазъ съ нея не своди, да смотри не моргай; какъ рукой желтуху сниметъ... Пойдемъ въ новую рощу! А ты, Ваничка, погляди который часъ! Ровно полъчаса надо Онисиму на щуку смотрѣть...

Тутъ теща замѣтила, что я безпрестанно покручиваю признаки усовъ моихъ.

— Что, батюшка, никакъ у тебя усы чешутся?

— Точно такъ, отвѣчалъ я не безъ смущенія.

— Ну, ужъ извини, а мимо моей дѣвичьей ходить не изволь...

— Не могу понять...

— Да ужъ дѣло извѣстное! Усы чешутся, цѣловаться будешь; такъ съ кѣмъ же тебѣ тутъ цѣловаться... Дѣло извѣстное! Молодежь всегда наровитъ къ дѣвичьей... Покойникъ былъ и не совсѣмъ молодъ...

Теща не кончила, потому что прямо на дорожкѣ, которая вела въ рощу, лошадь валялась...

— Воротимся! сказала она...

—Позвольте! вскричалъ я, довольный тѣмъ, что мнѣ придется цѣловаться, и съ кѣмъ, дѣло извѣстное... Я прогоню лошадь! — Но теща схватила меня за руку...

— Боже тебя сохрани, лишаи или коросту наживешь, если наступишь на то мѣсто, гдѣ лошадь валлется. Пойдемъ назадъ, чай Онисиму уже лучше...

Но Онисима бѣднаго ломала и била лихорадка; онъ не могъ держаться надъ щукой, не смотря на помощь Кириловны и Трофима...

— Вотъ что! вскрикнула теща; да зачѣмъ же ты мнѣ сей-часъ не сказалъ, что у тебя лихорадка, не желтуха; Трофимъ, поди, сбѣгай въ кладовую, на ключи, принеси копыто, да горячихъ угольевъ захвати, да не уворуй чего въ кладовой, я всему счетъ знаю. Проворнѣе! Палашка, а Палашка! Но Палашки не было; съ птичника нельзя было видѣть пруда, гдѣ мы ее оставили съ Ѳединькой... Вѣроятно немедленное слѣдствіе тотчасъ бы обнаружило гдѣ Палашка, но Трофимъ оказалъ неимовѣрное усердіе, принесъ копыто и уголья въ два мига. Теща увлеклась своей медициной и приказала окуривать больнаго копытомъ. Поднялась вонь ужасная; птицы разбѣгались куда только могли, одна курица, видно слишкомъ чувствительная, закричала пѣтухомъ...«На свою голову!» заревѣла теща и бросилась за курицей... «Палашка, Палашка, лови.» Но Палашки не было; мы всѣ за ней; поймали курицу; Трофимъ тутъ же вынулъ ножъ, зарѣзалъ дерзкую курицу и отнесъ на кухню. Хотя все это совершилось правильно и несчастія не слѣдовало опасаться, но теща не могла успокоиться; поспѣшно она оставила птичникъ и приказала какъ можно скорѣе вынести Онисима въ деревню и положить на пустомъ дворѣ, гдѣ уже сама будетъ пользовать его.

— Послѣ окурки, заключила она, не умретъ Онисимъ, да лучше вынести про случай; неравно умретъ, такъ ни одна насѣдка цыплятъ не выведетъ...

Воротились мы, наконецъ, въ комнаты; теща взглянула въ уголъ и сказала:

— Ну, быть вѣтру!

— Нѣтъ, маманъ, будетъ дождь...

— Врешь, Ваничка...

— Да барометеръ...

— Что твой Баронъ Этѣръ, когда моя кошка валяется .. Вѣтеръ и кончено...

— Пусть и вѣтеръ; видно съ этого вѣтру мнѣ такъ ѣсть захотѣлось.

— Постой, батюшка, дай той курицѣ увариться, что зарѣзали, не то умретъ Онисимъ, или наживемъ другаго покойника. Прежде той курицы ничего ѣсть не дамъ. А ты гдѣ была, мерзавка?

— А гдѣ я была? Ѳедоръ Иванычь приказалъ мнѣ у пруда его дожидаться?

— За чѣмъ?

— Да развѣ я знаю; они тамъ ловили что-то, да и мнѣ изволили сказать: одному скучно, помогай мнѣ, Палашка...

— Огого! Да видно-то въ гальмазіи всему учатъ...

— Всему, маманъ, всему, даже астрономіи.

— Такъ пошла же ты въ дѣвичью, да и сиди тамъ, да если изъ этихъ гальмазистовъ который носъ туда покажетъ, такъ мнѣ сказать. Пошла...

— Маманъ! пусть себѣ тамъ курица варится, а водочки бы не мѣшало.

— Палашка!

Палашка вернулась.

— Ты за чѣмъ пришла! Развѣ я тебѣ не сказала, сидѣть въ дѣвичьей.

— Да вы же меня кликали.

— Кликала за тѣмъ, чтобы ты Трофима позвала, а не за тѣмъ, чтобы ты сюда сама ходила. Пошла вонъ!

Принесли и водку, подали и обѣдать, досталось и Ѳединькѣ и Ваничкѣ; только Анета, да я, какъ-то ушли отъ грозы, но за то пришла другая гроза. Предсказаніе Баронъ-Этѣра сбылось; загремѣлъ громъ, буря разразилась, дождь ливмя ударилъ; тетушка съ досады поперхнулась; Иванъ Егоровичь съ трудомъ умилостивилъ тещу; я также поспѣшилъ къ ней на помощь и доказалъ, что она совершенно права, потому что кошка валялась на вѣтеръ и вѣтеръ сильный, порывистый предшествовалъ бурѣ. Я въ душѣ желалъ, что-бы тетушка была права. Усы у меня такъ и горѣли; я нащипалъ себѣ самое ясное предвѣщаніе и только и ждалъ случая, какъ бы ему сбыться. Вдругъ страшный громъ раздался весьма близко; въ дверяхъ, испуганный Трофимъ, уронилъ блюдо и красныя раки разсыпались по столовой... Тутъ уже всякое описаніе будетъ недостаточно. Теща въ ужасѣ вскочила и, указывая на раковъ, кричала неистово: это кто? это что? сверчки? тарантулы? раки? Какъ ты смѣлъ, Трофимъ? Развѣ ты не знаешь, что нельзя ѣсть раковъ! Кто изловилъ! кто принесъ?..

— Ѳедоръ Ивановичь съ Палашкой!

— Ѳедоръ Ивановичь! хороша гальмазія! такъ этому васъ тамъ учатъ! А Палашкѣ достанется...

Теща выскочила. Мы сидѣли въ недоумѣніи; первый опомнился Иванъ Егоровичь. Что такое тутъ случилось?

— Я говорилъ вамъ, Ѳедоръ Ивановичь, сказалъ Трофимъ, что не хорошо ѣсть раковъ. Вотъ и разгнѣвали барыню.

— Вотъ что! пойдемъ Ѳедя къ ней! извинись! попроси прощенія, скажи, что не зналъ.

— Батюшка, да вѣдь и вы кушаете раки...

— Тсъ! молчи! Что ты это! Наслѣдства лишитъ! Пойдемъ, пойдемъ! повинимся! А грозу я ей объясню; нечего дѣлать, надо ей признаться; надо же и ей знать, что это луна уже начинаетъ падать и натура приходитъ въ безпорядокъ. Пойдемъ! Пойдемъ!

Ѳедя былъ послушный сынъ и, съ удивленіемъ глядя на отца, пошелъ съ нимъ къ тещѣ; а Трофимъ, подобравъ раковъ, побѣжалъ на кухню. Тутъ у меня усы до того разгорѣлись, что я подсѣлъ къ Анетѣ безъ церемоніи и сказалъ...

— Въ этой грозѣ толко мы съ вами спокойны?...

— Не въ первый разъ!

— Спокойны. Это я говорю про васъ, но я горю, пламенѣю...

— Видно борщу горячаго объѣлись...

— Нѣтъ, Анна Алексѣевна! Глядя на васъ, можно ли быть спокойнымъ?

— Да чѣмъ же я васъ безпокою?

— Вашими глазами, вашимъ лицемъ...

— Такъ не смотрите на меня... Кто объ этомъ васъ проситъ?

— Не будьте такъ жестоки? Позвольте взять вашу ручку.

— За чѣмъ?

— Прижать къ сердцу...

— Право напрасно...

— О! не напрасно! Слышите ли какъ бьется это сердце любовью къ вамъ! Одинъ поцѣлуй вашихъ устъ!...

— Что вы ко мнѣ пристали... Отвяжитесь, не то я закричу...

— Молю васъ...

На бѣду я схватилъ лѣвую руку. Правая была свободна, будто ловкій жокей хлопнулъ бичемъ, я упекъ рака, вскочилъ и

разлюбилъ Анету, возненавидѣлъ, на долго, на всегда... Между тѣмъ теща помирилась съ Ѳединькой; все опять взошли въ столовую; гроза затихла; только одинъ ея ударъ оставилъ послѣдствія. Я ушелъ въ свою комнату, закурилъ трубку и тутъ только вспомнилъ, что на выѣздѣ я забылъ ее. Только эта одна примѣта оправдалась. Я былъ въ сильномъ волненіи. Неудача въ любви меня огорчала; но еще надо было приготовляться къ объясненію, не совсѣмъ пріятному съ Иваномъ Егоровичемъ. Не было сомнѣнія, что эта деревенщина разскажетъ мужу все. Но прошелъ день, Иванъ Егоровичь попрежнему толковалъ со мной объ астрономіи. На другой день, ввечеру — я показывалъ мои три фокуса и возбудилъ большое къ себѣ недовѣріе тещи; она выжила насъ на третій день; въ Дерновкѣ стало скучно; я все ходилъ на охоту и на охотѣ свелъ знакомство съ веселымъ молодымъ помѣщикомъ, у котораго сталъ гостить по два, по три дня, по недѣлямъ, такъ что и уѣхалъ въ гальмазію отъ него... Съ Иваномъ Егоровичемъ мы еще разъ видѣлись, при выпускѣ, но съ Анной Алексѣевной... Богъ съ нею, ужъ и не знаю жива ли она? Вѣроятно умерла, потому что это было очень давно. Но каждая бѣда съ добрымъ зерномъ. Съ тѣхъ поръ я никогда ни кого не бралъ за лѣвую руку.

А. Б—овъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Обозрѣть дѣятельность безмѣрной Россіи каждую недѣлю! Еслибъ намъ это удалось, мы бы сами себѣ поставили памятникъ, хоть на столѣ своемъ; шутка ли окинуть только взглядомъ матушку Россію; если бы пришлось перечесть однѣ ея воды, то нужны ли для того сутки... Взглянуть, на примѣръ, на Байкалъ, на это озеро-океанъ, гдѣ бури, будто домашніе гуси, полощутся безвыходно и волнуютъ воды; давно ли ни одна дерзкая лодка не показывалась на озерѣ-океанѣ, а теперь—смѣются надъ этими бурями, какъ надъ гусями Крылова. По Байкалу преспокойно ходятъ пароходы. Въ нынѣшнемъ году новый пароходъ Наслѣдникъ Цесаревичь, въ 50 силъ, ходитъ себѣ по гнѣзду бурь безвредно. Контора не только перевозитъ всякую кладь, но если угодно обеспечиваетъ ваше добро на сто тысячь рублей при каждомъ рейсѣ; слѣдственно, въ продолженіе навигаціи по Байкалу можетъ быть безопасно перевезено товара на нѣсколько милліоновъ. — Какія огромныя выгоды для производящихъ торговлю съ Кяхтой! Учредитель, Н. Ѳ. Мясниковъ, къ пароходу приказалъ присоединить два транспорта, которые ходятъ и сами и съ пароходомъ, согласуясь съ капризами озера-океана.

*** Бросимъ взглядъ на Закавказье! Шелковичный червь размножается не по днямъ, а по часамъ. Этотъ промыселъ какъ будто нарочно придуманъ для лѣниваго Азіятца. Съ разведеніемъ дорогаго червя не много хлопотъ, а между тѣмъ тутовое дерево растетъ даже дико по берегамъ Куры, и въ лѣсахъ талышинскихъ, гурійскихъ, имеретинскихъ. Теперь въ Закавказьѣ добывается до 35 тысячь пудъ шелка; а въ одной Шекинской Области до 15 т. пудъ. Въ послѣднее время стали вывозить русскій шелкъ и за границу черезъ akоглинскую и редутъ-кальскую таможни... Въ томъ же концѣ Россіи и торговля шерстью обѣщаетъ много добраго. Есть запросъ на нее изъ-заграницы. Въ Симферополѣ испанская шерсть доходитъ до 21 рубля за пудъ и болѣе, простая до 13. Результаты промышленной и торговой дѣятельности окажутся позже, но теперь нельзя не замѣтить выгоднаго ея направленія, покрайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ. Да и возможно ли, чтобы на такомъ пространствѣ земли, занимающемъ седьмую часть всего нашего материка, все имѣло повсемѣстный, полный успѣхъ; довольно, если неудачъ мало, а успѣховъ много, если послѣдніе слишкомъ нарушаютъ равновѣсіе.

*** Если мы лѣтомъ не имѣемъ театровъ, концертовъ и другихъ увеселеній, то право объ нихъ плакать не хочется; слава Богу стало тепло. Концерты птицъ пріятнѣе флейтъ и скрипокъ; ожившаяся растительность краше размалеванныхъ декорацій; даже тѣ, которые ничего не понимаютъ о хозяйствѣ, о хлѣбопашествѣ, о сѣнокосахъ, толкуютъ только объ этихъ предметахъ, потому что на нихъ покоятся всѣ надежды осени, зимы и весны. Лѣто-капиталъ на цѣлый годъ. Кстати о хозяйствѣ. Въ Нижегородской Губерніи государственный крестьянинъ Бакановъ изготовилъ по англійскимъ образцамъ серпы, которые превзошли добротою своею заморскіе подлинники; русскій серпъ обошелся пока тремя копѣйками дороже англійскаго; но если серпы будутъ заготовляться въ большемъ числѣ, то само собою разумѣется, что они придутся несравненно дешевле англійскихъ. Изобрѣтеніе сдѣлано въ Шотландіи и всѣ три королевства уже жнутъ такими серпами; въ этомъ Западная Европа имѣетъ передъ нами большое преимущество, что тамъ каждое изобрѣтеніе прививается скоро, распространяется еще быстрѣе. Но когда у насъ, напримѣръ, Финнъ или Подолянинъ будутъ жать хлѣбъ нижегородскими серпами?

*** Мы не жалуемся на недостатокъ театровъ и концертовъ; мы рады отдохнуть, но въ провинціяхъ, будто въ Лондонѣ, хлопочутъ объ этого рода увеселеніяхъ; въ Таганрогѣ, 12 маія, былъ блистательный концертъ для бѣдныхъ, а Одессу утѣшаютъ пѣвчіе г. Полторацкаго и опера Ломбардцы, которую даютъ насильно, хотя публика давно перестала ее слушать.

*** Давно ли еще Саратовъ считался Ливійскою степью? Давно ли Фамусовъ обѣщалъ сослать дочь въ глушь, въ Саратовъ! А теперь?—Чего лучше, въ Саратовѣ учреждается кабинетъ восточной нумизматики. Керчь и Саратовъ! Митридатъ — и Золотая Орда! Лестныя для народной гордости сближенія. Въ Керчи уже образовался музей, возбуждающій вниманіе всей Европы, но и онъ, подобно саратовскому, возникъ изъ праха временъ прошедшихъ. По распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, Г. Терещенко уже третій годъ роется въ подземной столицѣ хановъ. Открытія его не могутъ сравниться съ керченскими. И весьма естественно. Тамъ случай закрылъ гробницы отъ людскаго любопытства, а на Сарай Градѣ разрѣшилась справедливая месть русскаго народа; въ дни его паденія не много осталось сокровищъ для потомства; Русь не ограбила чужаго, а унесла малую долю своего достоянія; не довольствовались златомъ и сребромъ; увезли кирпичи и воздвигли соборъ, Кремль и другія зданія въ Астрахани. Наконецъ Сарай умеръ, заглохъ, покрылся неизвѣстностью, оградился пустыней. При Петрѣ I стали Русскіе селиться близъ развалинъ и случайно находили золотыя вещицы, мраморъ и т. п. Естественно, эти развалины показались сосѣднимъ жителямъ хранилищемъ кладовъ. Стали сосѣди таскать оттуда что кому нравилось; одинъ сарептскій нѣмецъ, какъ разсказываютъ, утащилъ изъ Сарая цѣлое состояніе и ушелъ за границу.— Это преданіе доказываетъ только, что въ Сараѣ попадались вещи многоцѣнныя, но ихъ вытаскали чуть не до конца. Г. Терещенко нашелъ однакоже нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ и много мѣдныхъ. Съ помощію учителя семинаріи г. Саблукова, отлично знающаго татарскій языкъ, убѣдились, что эти монеты дѣйствительно принадлежатъ Золотой Ордѣ и относятся къ 1310—1394 годамъ по Р. Х. Эти монеты и составляютъ основаніе коллекціи восточной нумизматики при Саратовской Гимназіи. Бѣдные остатки безмѣрнаго великолѣпія. Теперь почти на стогнахъ столицы хановъ стоитъ городъ-деревня Царевъ, а жители на мѣстѣ, гдѣ можетъ быть цвѣли заморскія растенія и били фонтаны въ ханскихъ гаремахъ, разводятъ арбузы, оные удивительные арбузы, которые у насъ до сихъ поръ неправильно называются астраханскими, потому только, что деревни, гдѣ ихъ разводятъ, прежде входили въ составъ Астраханской Губерніи. Теперь извольте ихъ называть саратовскими, царевскими, только не астраханскими, каковыхъ арбузовъ вовсе и нѣтъ на свѣтѣ.

*** Литература самая лѣтняя, по сезону, прохладительная. Физіологія Петербуга, часть вторая. Чего же болѣе желать Петербургу какъ не своей физіологіи. Не знаемъ, пріятно ли ему это изданіе, согласенъ ли Петербургъ признать эту физіологію своею? ничего не знаемъ; потому что погода поправилась, лѣто на исходѣ, надо спѣшить воспользоваться немногими теплыми днями, а Физіологія пусть полежитъ до скучныхъ дней. При томъ же у каждаго петербургскаго старожила составилась въ головѣ своя собственная физіологія Петербурга; пока съ него и этой довольно.—Вѣроятно, эта вторая часть еще не послѣдняя; дождемся послѣдней, чтобы въ цѣлости изучить столь важную науку и отдать читателямъ болѣе подробный отчетъ въ другомъ отдѣленіи Иллюстраціи.

*** Найденное въ бумагахъ покойнаго графа Сперанскаго начало книги, которую онъ начертать намѣревался, издано подъ заглавіемъ «Руководство къ познанію законовъ.» Отрывокъ этотъ стоитъ ближайшаго знакомства.

ДМИТРІЙ МАКСИМОВИЧЬ КНЯЖЕВИЧЪ.

Потеря, понесенная ученымъ русскимъ свѣтомъ и всѣми, знавшими Д. М. Княжевича, слишкомъ извѣстна каждому, кто хотя нѣсколько занимается отечествомъ и его успѣхами. Съ молодыхъ лѣтъ Дмитрій Максимовичь полюбилъ русскую словесность и посвящалъ ей свои досуги; на дальнѣйшемъ служебномъ поприщѣ, хотя изрѣдка, онъ не оставлялъ бесѣды съ музами; но главный періодъ его полезной дѣятельности есть время управленія Дмитріемъ Максимовичемъ одесскимъ учебнымъ округомъ. Въ послѣднихъ нумерахъ Одесскаго Вѣстника помѣщена Историческая Записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея, съ 18 іюня 1844 по 17 іюня 1845 года. Въ началѣ коротко и тепло изложены заслуги Д. М. Княжевича, по управленію учебнымъ округомъ; мы съ удовольствіемъ заимствуемъ этотъ вѣрный очеркъ его трудовъ и стараній; отъ себя намъ прибавлять нечего, кромѣ портрета, который и прилагаемъ.

Обозрѣвая главныя событія ученой и учебной жизни Ришельевскаго Лицея въ истекшемъ 184$^4/_5$ академическомъ году, прежде всего съ прискорбіемъ останавливаемъ мысль нашу на горестной утратѣ, понесенной нами почти въ самомъ началѣ этого года. Въ 1-й день октября, мы лишились незабвеннаго начальника нашего, попечителя одесскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Княжевича, похищеннаго у насъ преждевременною смертью, на 57-мъ году отъ рожденія. Дѣятельность его, не ограничиваясь ввѣренными начальству его учебными заведеніями, отражалась живымъ и непосредственнымъ участіемъ во всѣхъ движеніяхъ умственной жизни Новороссійскаго Края. Посему, представляя вамъ, мм. гг. краткій очеркъ главнѣйшихъ подвиговъ покойнаго, въ семилѣтній періодъ управленія его одесскимъ учебнымъ округомъ, мы вполнѣ увѣрены, что не употребимъ во зло вашего вниманія.

Дмитрій Максимовичь Княжевичь былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, въ 28-й день іюля 1837 года, изъ директоровъ департамента государственнаго казначейства попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Неутомимая дѣятельность, пламенная любовь къ добру, примѣрная точность въ исполненіи своихъ обязанностей, живѣйшая готовность жертвовать общему благу личными выгодами, спокойствіемъ и здоровьемъ— были отличительными свойствами его характера, и, въ продолженіе семилѣтней дѣятельности его на поприщѣ ученой службы, послужили обиль-

нымъ источникомъ благодѣяній для мѣстъ и лицъ, которыя были ввѣрены его управленію. Мы укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ Ришельевскому Лицею, его учащимъ и учащимся.

Лицей, предъ самымъ вступленіемъ Дмитрія Максимовича въ управленіе округомъ, получилъ новый уставъ, довольно приблизившій его къ устройству университетскому. Но для того, чтобы ввести новый порядокъ во всѣ части Лицея, соотвѣтственно мудрымъ предначертаніямъ правительства, потребны были умъ опытный, сужденіе сообразительное, дѣятельность постоянная, что все было соединено въ лицѣ покойнаго попечителя, какъ показало самое дѣло. По прибытіи своемъ въ Одессу, онъ совсѣмъ рвеніемъ занялся преобразованіемъ Лицея по новому уставу: самъ наблюдалъ за приведеніемъ въ возможно-совершенный видъ всѣхъ частей его, и, вводя новый порядокъ, лично удостовѣрялся въ исполнимости его и успѣшности. Между тѣмъ вновь учрежденныя каѳедры и нѣкоторыя изъ прежде существовавшихъ оставались еще безъ преподавателей; это составило предметъ особенной заботливости покойнаго попечителя и между прочимъ было цѣлью поѣздки въ С. Петербургъ, предпринятой имъ въ 1838 году, во время которой были приглашены имъ на вакантныя мѣста наставники изъ разныхъ городовъ Россіи, имѣющихъ высшія учебныя заведенія, такъ-что къ началу 1839 года не осталось въ Лицеѣ ни одной каѳедры незамѣщенной.

Не довольствуясь симъ, покойный попечитель постоянно стремился развивать болѣе и болѣе внутреннюю жизнь Лицея, и, съ благороднымъ довѣріемъ къ будущему, насаждалъ сѣмена благодатныхъ плодовъ, которые вполнѣ созрѣютъ для потомства. Такъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе на опредѣленіе при Лицеѣ лекторовъ новѣйшихъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго; испросилъ согласіе господина министра народнаго просвѣщенія на преподаваніе въ Лицеѣ сельскаго хозяйства и геодезіи и Высочайшее соизволеніе на введеніе въ юридическое отдѣленіе судебной медицины; наконецъ, составилъ проэктъ новаго отдѣленія Лицея, подъ именемъ «камеральнаго», на учрежденіе котораго послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 1841 году и которое трехлѣтнимъ существованіемъ своимъ доказало пользу и необходимость его учрежденія.

Вводя въ Лицей, по мѣрѣ надобности, новыя науки, покойный попечитель старался также и о введеніи лучшаго способа преподаванія, примѣняя науки — въ Лицеѣ — къ мѣстнымъ потребностямъ края и къ современнымъ направленіямъ просвѣщенія въ Европѣ вообще и въ Россіи въ особенности, а въ другихъ — среднихъ и низшихъ заведеніяхъ — къ возрасту и состоянію воспитывающагося юношества и къ степени ихъ пріемлемости. Для сихъ послѣднихъ, т. е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, были начертаны имъ и утверждены господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія «программы для преподаванія всѣхъ предметовъ», въ которыхъ постепенное развитіе понятій соединено съ возможно-удовлетворительнымъ приспособленіемъ ихъ къ способностямъ учащихся и которыя имѣютъ ту главную цѣль, чтобы сдѣлать эти заведенія разсадникомъ воспитанія и образованія истинно-русскаго, потому-что неподдѣльная любовь къ Русскому была душею всѣхъ дѣйствій покойнаго Дмитрія Максимовича.

Устроивая учебную часть Лицея, Дмитрій Максимовичъ обращалъ дѣятельность свою на такія занятія, которыя возбуждали ученую жизнь членовъ Лицея и вмѣстѣ съ тѣмъ стремились къ высокой цѣли благотворенія. Мы разумѣемъ здѣсь предпринятое имъ изданіе «Одесскаго Альманаха» и «Новороссійскаго Календаря»: первый былъ задуманъ имъ самимъ и издавался въ 1839 и 1840 годахъ съ такимъ изяществомъ и совершенствомъ, что составилъ одну изъ примѣчательныхъ книгъ нашей изящной словесности; второй, по его старанію, уступленъ Лицею мѣстнымъ начальствомъ съ цѣлью — выручаемыми отъ изданія

его деньгами помогать бѣднѣйшимъ изъ учащихся въ Лицеѣ: цѣль эта, по возможности, достигается, а самый календарь, для котораго Дмитрій Максимовичъ самъ начертывалъ планъ, собиралъ матеріялы, исправлялъ статьи и корректуру, которую держалъ наравнѣ съ прочими членами Лицея, участвовавшими въ этомъ изданіи, доведенъ до такой полноты и совершенства, что единогласно признается книгою, вполнѣ приспособленною къ мѣстнымъ потребностямъ края, и сверхъ-того имѣющею интересъ общій и постоянный. Можно-бы сказать еще о другихъ двухъ изданіяхъ, которыми онъ занимался съ такимъ-же усердіемъ и успѣхомъ, а именно: въ началѣ своего пребыванія въ Одессѣ, онъ издавалъ «Листки Общества сельскаго хозяйства южной Россіи», а въ послѣдніе годы, при его живѣйшемъ участіи, изданъ «первый томъ Записокъ Общества исторіи и древностей»; но мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ дѣйствіяхъ Дмитрія Максимовича, которыя тѣсно связаны съ судьбою Лицея и безъ которыхъ исторія этого заведенія была бы неполна.

Не мало сдѣлано имъ улучшеній и во внѣшней сторонѣ Лицея. Въ его время и при его содѣйствіи, получила начало студентская библіотека; заведенъ особый кабинетъ для чтенія журналовъ и газетъ; отдѣлена библіотека восточнаго института отъ библіотеки основной; устроены кабинеты: химическій съ лабораторіею, технологическій и земледѣльческихъ орудій и почти вновь созданъ и обогащенъ кабинетъ физическій, который до того времени былъ весьма незначителенъ. Лицейская церковь, обновленная его попеченіемъ, хранитъ многія цѣнныя приношенія его, какъ память усердія и благоговѣнія его къ святынѣ.

Въ наставникахъ Лицея память о покойномъ попечителѣ всегда будетъ возобновлять то живѣйшее участіе, какое онъ принималъ во всякомъ дѣлѣ, какъ-бы оно маловажно ни было, — то вниманіе ко всѣмъ и каждому, которое дѣлало его всегда и вездѣ доступнымъ, — то радушіе, съ какимъ онъ принималъ насъ наединѣ, и въ семействѣ, — ту искренность, прямоту и откровенность, которыя составляли рѣдкія качества въ характерѣ покойнаго Дмитрія Максимовича!...

Студенты останутся навсегда благодарными къ памяти покойнаго за тѣ преимущества, которыя онъ имъ исходатайствовалъ. По его представленію, дозволено имъ носить при мундирахъ шпаги, наравнѣ съ студентами университетовъ; въ слѣдствіе его же ходатайства, господинъ министръ народнаго просвѣщенія испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на дозволеніе студентамъ Ришельевскаго Лицея, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія, вступать въ званіе домашнихъ наставниковъ на томъ же основаніи, какъ это разрѣшено студентамъ университетовъ § 9 Высочайше утвержденнаго положенія о домашнихъ наставникахъ, т. е. безъ повторенія экзамена.

Учащіеся въ гимназіи и особенно воспитанники пансіона никогда не забудутъ того отеческаго попеченія, съ какимъ покойный попечитель слѣдилъ за ихъ ученіемъ и поведеніемъ, поощряя ихъ къ занятіямъ и пріучая съ раннихъ лѣтъ къ точному исполненію своихъ обязанностей.

Труды покойнаго Дмитрія Максимовича, достойно награжденные вниманіемъ начальства и милостями Монарха, при жизни и по смерти, всегда найдутъ сочувствіе въ истинныхъ любителяхъ просвѣщенія!

Къ этому присовокупимъ только извѣстіе, что проэкты новаго зданія для Лицея уже утверждены, мѣсто куплено, смѣты составляются, а рисунки съ этого зданія будутъ помѣщены въ Иллюстраціи.

КОЕТЕЛЛО.

Что ужаснѣе женщины въ гнѣвѣ? Только однѣ стихіи, когда онѣ бушуютъ и, разорвавъ природою имъ назначенныя преграды, съ бѣшеной злобою уничтожаютъ творенія любимца натуры; потому что стихіи, какъ говоритъ Шиллеръ, ненавидятъ созданіе рукъ человѣка. Не жалко, не страшно смотрѣть на бѣшенство огня въ безлюдной степи, когда пламя стелется волнами по гладкой равнинѣ, заливаетъ небо океаномъ густаго дыма. Что оно сожжетъ тамъ? Пустынный ковыль, безнужный, отжившій свою годовую жизнь. Весело даже глядѣть на море или обширную рѣку, когда она сѣдыми валами бросается на голыя скалы, на покрытыя лѣсомъ равнины, на нажити, по которымъ еще не ходила весенняя соха; видъ чудный, вреда никакого, напротивъ, въ злобѣ своей, она принесла пользу, упитавъ землю на долго необходимой влагой. Но если огонь или вода изберутъ предметомъ своей злобы — обширный городъ, въ которомъ отъ вѣка хранятся сокровища искуства? Если горитъ Александрійская Библіотека, рушится подземной силой Лисабонъ, вода покрываетъ улицы Флоренціи — о! тогда вы не отженете горестной мысли, уязвляющей вашу человѣческую гордость; тогда вы чувствуете вашу малость и безсиліе въ природѣ; огромнѣйшее произведеніе вашего ума и всѣхъ силъ вашихъ можетъ опрокинуться въ жерло подземной кузницы, унести ничтожная волна, которую вы руками можете раскинуть въ мелчайшіе брызги, которой едва ли будетъ достаточно, чтобы полить вашъ скромный цвѣтникъ. — Рѣчка, по которой вы можете ходить въ бродъ, можетъ также поглотить васъ, какъ и бездонное море. Вотъ почему я терпѣть не могу пожаровъ, землетрясеній, наводненій и тому подобныхъ исторій. Я всегда въ подобныхъ случаяхъ смотрю на стихіи какъ на грубыхъ варваровъ, разрушающихъ Римъ съ кровожаднымъ Генсерикомъ. Мнѣ кажется, что эти волны съ памятниковъ человѣческаго величія выдалбливаютъ златыя письмена, начертанныя гордостію человѣка въ память вѣчную о его трудахъ и подвигахъ. Коетелло не думалъ обо всемъ этомъ.

У него было менѣе досуга, чѣмъ у меня; огромная группа была уже окончана въ бѣдной мастерской, которая укрывалась между раскидистыхъ деревъ небольшаго сада. Коетелло просиживалъ цѣлые дни за работой; ночью его томила самолюбивая мечта или вдохновенная дума; одна обѣщала ему сладкое торжество, другая кипятила силы творческія; подобно безмѣрному колосу, душа его одной пятой опиралась на прошедшее, другою сягала въ блистательную будущность. Прекрасная нимфа Арно ручалась ему за все и ручалась такъ положительно, что на душѣ Коетелло всегда было свѣтло, безоблачно; онъ не зналъ сомнѣній.

Во Флоренціи почти никто не зналъ Коетелло. И тѣ, которые знали его, знали очень мало. Хозяйка, бѣдная вдова, только и вѣдала, что постояльца ея зовутъ Коетелло, что онъ Тосканецъ, что недавно пріѣхалъ во Флоренцію, что у него денегъ мало, работы еще меньше. Вотъ и все. Натурщица, черноокая Франческа, знала, что онъ платитъ бѣдно за продолжительные присѣсты, что съ нимъ скучно, потому что онъ только рисуетъ да рисуетъ, а разговаривать и любезничать не умѣетъ. Трактирщикъ зналъ, что отъ него онъ не наживетъ дома и на его деньги не выдастъ своей дочери за разореннаго Патриція. Я зналъ, что онъ отмѣнно умный и ученый художникъ, и весьма пріятный собесѣдникъ, но только въ галлереяхъ и мастерской, разумѣется своей; да еще знала его одна больная и нищая вдова, которой онъ самъ еженедѣльно посылъ бѣдную милостыню. Вотъ и всѣ знакомцы Коетелло въ столицѣ его отечества. Онъ показывалъ свою колоссальную работу мнѣ, потому только, что я не художникъ; всякій разъ повторялъ онъ свою странную просьбу не говорить о группѣ никому ни слова. Есть и у большихъ людей свои причуды. Я привыкъ считать ихъ закономъ, и за скромность мою пользовался правомъ наслаждаться истинно прекраснымъ произведеніемъ. Не знаю, для кого назначалъ онъ эту громаду, гдѣ хотѣлъ онъ уставить ее; во Флоренціи, по мнѣнію моему, не было для нея мѣста; да и кто могъ бы заплатить всѣ расходы, которыми угрожало исполненіе этой группы. Тылъ занимала гора Фальтерона. Чудной красоты нимфа Арно, легче Таліони и Эльслеръ, сбѣгала съ горы съ кувшиномъ въ рукахъ; двѣ отроковицы Омброне и Эльса (рѣки) простирали къ ней объятія, какъ будто ожидая, что легкая нимфа не удержится на скалѣ и непремѣнно упадетъ къ нимъ на руки; внизу два старца, Флоренція и Пиза величественно лежали у подошвы горы и держали чаши, обращенныя къ нимфѣ. Въ лицѣ старца, изображавшаго Флоренцію, каждый легко могъ узнать Микель-Анджелло, въ лицѣ другаго — Галилея. Какъ угодно, а это сочиненіе не походило на буднишнія изображенія рѣкъ, морей и разныхъ водъ, а въ отдѣлкѣ, въ подробностяхъ, заключало такъ много прекраснаго, что каждый день можно было находить новую черту остроумія и тонкаго чувства. Оставалось докончить Галилея, и Коетелло уже три ночи сидѣлъ за книгами: собиралъ подробности о жизнѣ и характерѣ знаменитаго мужа. Накануне дня, о которомъ не могу вспомнить безъ ужаса, я сидѣлъ весь вечеръ у Коетелло. Онъ былъ веселъ, онъ разсказывалъ, что Галилей теперь будетъ хорошъ; что послѣ этой группы онъ испытаетъ свои силы въ монументальномъ ваяніи, что сюжетъ для этого онъ выбралъ трудный, дерзкій... Но какой именно... напрасно я добивался узнать. Коетелло краснѣлъ, мялся, отнѣкивался и я уважилъ его скромность. Простился, ушелъ и едва перебрался черезъ красивый мостъ Перро. Порывистый вѣтеръ бросался во всѣ стороны; Арно подъ ногами моими ревѣло какъ-то странно, необыкновенно; но мнѣ и въ умъ не могло придти, что я увижу завтра. Страшная ночь! Эта кроткая, веселая, хорошенькая нимфа сбѣжала со своей горы; кто ее разсердилъ, неизвѣстно; но она измѣнила легкую походку; понеслась быстрѣе бури; отроковицы не отстали отъ нимфы и старцы поруганы, избиты; тревога общая увлекла и меня. Я выбѣжалъ на улицу, но тамъ народъ бушевалъ не хуже Арно. Крикъ, плачь, шумъ. День умножилъ только ужасъ общій! Кто несъ сундукъ, кто картину, кто книгу; бѣгали, суетились; Арно была еще очень далеко, а многіе уже сидѣли на крышахъ домовъ и поглядывали съ сожалѣніемъ на куполъ, вознесенный Брунелески и на колокольню, воздвигнутую по рисунку Джіотто. Всему есть конецъ, и злобѣ стихій. Арно пошла своей походкой; но по обоимъ берегамъ все было въ разрушеніи или въ безпорядкѣ. Великолѣпный мостъ Перро разорванъ. Украшенія опрокинуты или сброшены; на лодкѣ поѣхалъ я прямо къ дорогому садику и сердце

(Мостъ Перро во Флоренціи, послѣ наводненія).

мое болѣзненно сжалось. Я невольно вскрикнулъ; опрокинутыя деревья не заслоняли мастерской; да и заслонять было нечего. Неблагодарная Арно! Она не хотѣла своей земной славы, она унесла... Но позвольте, я разскажу все по разсказамъ хозяйки, которую я нашелъ въ отчаяньи на порогѣ домика, котораго не малую часть Арно унесла съ собою...

«Костелло! Костелло! кричала она: и за чѣмъ я его пустила въ мой домъ; онъ прогнѣвилъ небо, онъ накликалъ бѣду на нашъ городъ; и по ночамъ я безпрестанно слыхала какъ онъ кричалъ Арно, да Арно! И она пришла за тобой, нечестивецъ...»

Не скоро я могъ успокоить хозяйку. Не скоро могъ добиться покойнаго разсказа, но монета, другая, охладили ея злобу. Костелло, по словамъ ея, въ эту ночь не ложился; онъ вышелъ въ садикъ посмотрѣть на любимицу; и это именно было причиною всему злу. Арно приняла этотъ поступокъ за насмѣшку, за личную обиду и выскочила изъ береговъ; Костелло въ ужасѣ бросился въ мастерскую и заперъ двери; хозяйка едва едва успѣла взобраться на крышу и ухватиться за трубу, какъ волны съ яростію бросились на мастерскую и въ одно мгновеніе разметали щедушный сарай. Только и видна была глиняная гора, на которой стоялъ Костелло и держалъ въ своихъ объятіяхъ обожаемую нимфу. Волны пуще прежняго рванулись на Костелло; гора разсыпалась и художникъ вмѣстѣ съ статуей унесены бурнымъ потокомъ прямо въ ту сторону, гдѣ стояла хижина нищей и больной вдовы. Я не слушалъ болѣе хозяйки, я побѣжалъ къ хижинѣ; хозяйка не ошиблась; у порога полуразрушенной лачуги лежалъ обезображенный трупъ Костелло. Странно. На лицѣ его покоилась улыбка; правая рука сжимала комъ глины, которой Арно размыть не успѣла. Въ это время подошли сыщики, которымъ поручено было осмотрѣть всѣ послѣдствія наводненія. Я имъ долго разсказывалъ о покойникѣ, но сограждане Микель-Анджелло меня не понимали. Они сомнительно покачивали головами, пожимали плечами и не безъ насмѣшки поглядывали другъ на друга. Старшій, выслушавъ меня, сказалъ: Хорошо! то ли еще случилось на томъ концѣ; тамъ унесло цѣлый магазинъ съ посудой. А дровяной дворъ Белькапари цѣликомъ уѣхалъ въ море. Большой убытокъ. Ну, что же вы стоите! Уберите этого лѣпщика и пойдемъ дальше...»

Мнѣ стало досадно, мнѣ стало горько. Это ли отечество Данте и Буонаротти и многихъ безсмертныхъ мужей! Уже подняли трупъ Костелло; уже несли его на фуру, гдѣ было уже нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Но раздался голосъ: Постойте! Старуха съ ужасомъ всматривалась въ лицо мертвеца... Благодѣтель! это ты? закричала она. Твои деньги спасли мнѣ жизнь. Вчера утромъ я ходила, по обѣту, за три мили благодарить Бога за исцѣленіе. Безъ тебя я умерла бы не отъ болѣзни, а съ голоду... И я жива, а ты!... О нѣтъ, нѣтъ, у меня еще осталось немного твоихъ денегъ, Костелло. Станетъ на честныя похороны. Отдайте мнѣ его, онъ мой!...»

Сыщики поняли чувство бѣдной вдовицы и не спорили.

М. Ѳ. К.

КІЕСЪ.

Разсказъ Боатара.

Отъ Мыса Доброй Надежды къ сѣверо-востоку, вдоль береговъ бурнаго океана, лежатъ колоніи Цвеллендамъ, Гутникасъ-ландъ, Ситсикамма, Кракамма, потомъ рѣчка Зондагсъ-рiверъ, которую можно пройдти въ бродъ, и наконецъ колонія Плеттенбергъ, лежащая на восточныхъ границахъ англійскихъ владѣній. Посѣтите эти мѣста, лежащія на протяженіи ста льё, и вездѣ вы встрѣтите хорошія дороги, обширныя и прекрасно обработанныя поля, красивые и удобные загородные дома и радушное гостепріимство. Васъ примутъ не грубые *боэры*, (фермеры, крестьяне), но чрезвычайно вѣжливые, образованные хозяева, денди въ желтыхъ перчаткахъ и милыя дамы, которыя покажутъ вамъ парижскіе модные журналы, будутъ толковать съ вами о музыкѣ Россини и сыграютъ вамъ концертъ Листа на отличномъ фортепіано Эрара. Если подобныя обольщенія задержатъ васъ и вы отправитесь въ дальнѣйшій путь съ наступленіемъ ночи, то услышите въ горахъ вой шакала; можетъ быть увидите вы, при лунномъ свѣтѣ, тѣнь гіэны, скрывающейся за кустарникомъ; но васъ не устрашитъ ни ревъ льва или леопарда, ни тяжелая поступь слона, ни бѣшеный бѣгъ носорога, ни храпѣніе гиппопотама; всѣ эти страшныя чудовища испуганы и изгнаны цивилизаціей. Однакожъ, не переходите за Плеттенбергъ, потому что эти животныя отступаютъ медленно и какъ бы оспариваютъ каждый шагъ у поселенцевъ. Чтобы убѣдиться въ моихъ словахъ, выслушайте истинное происшествіе, которое я, по своему обычаю, намѣренъ разсказать вамъ.

Это было вечеромъ, въ 1775 году; солнце готовилось уже скрыться за горы Камдебо-вельдъ, какъ *т'ю* или молодой человѣкъ, прятавшійся около часу въ пальмовомъ тростникѣ, которымъ густо покрыто дно рѣкъ въ этой части Африки, выскочилъ изъ своей засады и пустился бѣжать.

—*Т'кацы! т'кацы!* (*) ворчалъ онъ; эти свирѣпые *т'гао* (**), подкупленные проклятыми колдунами, и въ тростникѣ не даютъ отдохнуть бѣдному *бошжесмену!* (***).

Отбѣжавъ на двѣсти шаговъ отъ тростника, онъ остановился и увидѣлъ страшное чудовище, вышедшее изъ солоноватой воды рѣки и побѣжавшее по полю съ громкимъ крикомъ, походившимъ на лошадиное ржаніе. Оно имѣло футовъ одиннадцать въ длину и десять въ объемѣ; огромный животъ его опускался почти до земли и онъ открывалъ огромную пасть съ бѣлыми зубами, изъ которыхъ глазные имѣли, по крайней мѣрѣ, одинъ футъ длины; глаза его были малы, но блестящи, а гладкая, безшерстная кожа его, имѣла аспидный цвѣтъ.

Такъ какъ молодой человѣкъ зналъ, что гиппопотамъ болѣе страшенъ съ виду, нежели свирѣпъ, и что онъ нападаетъ только на людей, преграждающихъ ему дорогу, то онъ повернулъ только въ другую сторону и продолжалъ идти далѣе, не заботясь о чудовищѣ; потомъ онъ влѣзъ на возвышеніе и осторожно осмотрѣлся, чтобы увѣриться не было ли гдѣ нибудь по близости боэровъ, встрѣча съ которыми была для него въ тысячу разъ опаснѣе встрѣчи съ дикимъ звѣремъ, потому что голландскій фермеръ не преминулъ бы напасть на бѣднаго бѣглеца и убить его на мѣстѣ, безъ пощады вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтилъ.

Но пора, кажется, познакомить васъ съ моимъ молодымъ человѣкомъ, Кіесомъ, главнымъ героемъ этого истиннаго происшествія.

По курчавымъ волосамъ его, по свѣтло-бурому цвѣту кожи, по треугольному лицу, по сильно выдавшимся скуламъ, по живымъ, чернымъ глазамъ, по бѣлымъ, какъ слоновая кость зубамъ, по нѣсколько приплюснутому носу и по толстымъ губамъ, въ немъ тотчасъ можно было узнать *коэкоэна* (****), еслибъ даже чрезвычайно маленькія руки и ноги не открыли происхожденія его. Онъ не имѣлъ стройнаго роста и чернаго цвѣта тѣла Каффра, но былъ хорошо сложенъ, и крѣпкіе мускулы свидѣтельствовали о ловкости и силѣ его.

Что же касается до его костюма, то вы, вѣроятно, будете менѣе довольны имъ, потому что онъ состоялъ только изъ *кроса* или бараньей шкуры, небрежно накинутой на плеча, шерстью вверхъ, и доходившей до колѣнъ; въ *т'диринъ*, мѣшкѣ изъ шакаловой кожи, надѣтомъ около поясницы; не знаю, должно ли причислить къ костюму толстый слой бараньяго жира, перемѣшаннаго съ сажей, покрывавшій тѣло его посыпанный ароматическимъ порошкомъ *буку?* Обувь его, весьма замысловато придуманная, состояла изъ треугольнаго куска кожи, загнутаго на ногу и завязаннаго тесьмой.

Готтентоты дѣлаютъ свои *т'коака* (башмаки) изъ только что снятой кожи носорога, зебра, льва, буйвола или всякаго другаго большаго животнаго. Засыхая, эта кожа принимаетъ форму ноги и образовываетъ такимъ образомъ весьма удобную и прочную обувь.

Наконецъ, на головѣ у Кіеса была легкая *т'аба* или шапка изъ полосатой шкуры зебра или *куаги* (дикой лошади). На шеѣ у Кіеса висѣлъ маленькій мѣшокъ изъ шкуры гіэны и въ немъ хранились *т'новъ* или трубка, нѣсколько сушеныхъ конопляныхъ листьевъ вмѣсто табаку; *т'нора* или ножъ, европейской фабрикаціи, кремень, коробочка съ трутомъ и нѣсколько остріевъ копій, купленныхъ на Мысѣ.

Вмѣсто оружія у него была въ рукахъ остроконечная палка, другой конецъ которой былъ всаженъ въ большой камень, на подобіе молота; это оружіе казалось болѣе годнымъ для вырытія корней, нежели для защиты отъ дикихъ звѣрей. По этой палкѣ можно было узнать *бошжесмена* или бѣглаго *коббо* (невольника), а не человѣка изъ мнимаго племени Бошжесменовъ, какъ увѣрялъ Шпарманъ, потому что подобнаго племени нѣтъ и никогда не было.

Увѣрившись, что въ окрестностяхъ не было живой души, Кіесъ скоро пошелъ по дорогѣ, ведущей отъ Плеттенберга въ Камдебо. Чтобы уйти изъ неволи и еще по другой причинѣ, которую вы сейчасъ узнаете, несчастный пустился одинъ и безъ оружія въ дальній путь, черезъ знойныя и безводныя пустыни, гдѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить самыхъ дикихъ и страшныхъ звѣрей цѣлой Африки, а слѣдовательно и всего міра. Нашъ красавецъ (Кіесъ былъ одаренъ всѣми совершенствами готтентотской красоты) родился на свободѣ, въ лѣсахъ Сныо-Бергенскихъ. Ему было шесть лѣтъ, когда нѣсколько голландскихъ боэровъ, безъ всякой причины, напали на *кралъ* его (селеніе), убили, по тогдашнему обычаю, стариковъ, беременныхъ и перешедшихъ за тридцатилѣтній возрастъ женщинъ и всѣхъ вообще, помышлявшихъ только о сопротивленіи. Эти храбрые воины, неустрашимо побивъ полсотни безоружныхъ и беззащитныхъ бѣдняковъ, дѣлили между собою плѣнныхъ и уводили ихъ въ свои жилища, чтобы увеличить число невольниковъ, а слѣдовательно и богатствъ своихъ. Въ этомъ превосходномъ способѣ богатѣть была, однакожъ, маленькая непріятность, а именно та, что каждый вечеръ, хозяева колоній, должны были накрѣпко запираться въ своихъ спальняхъ, окружать себя заряженными пистолетами и ружьями, чтобъ быть въ состояніи защититься, еслибъ добрымъ слугамъ пришла охота убить своихъ добрыхъ хозяевъ, чтобы выдти изъ неволи. Эти предосторожности не препятствовали, однакожъ, невольникамъ иногда зарѣзывать храбрыхъ боэровъ.

Кіесъ былъ проданъ купцу съ Мыса, пріѣхавшему въ Камдебо для покупки ржи, и принимавшему въ экспедиціи противъ дикихъ живое участіе, не по какимъ-либо корыстнымъ видамъ — нѣтъ! для одного *препровожденія времени*, какъ онъ самъ говорилъ!!...

Онъ увезъ ребенка къ себѣ и, должно отдать ему справедливость, воспиталъ его съ кротостію, въ слѣдствіе чего Кіесъ, сдѣлавшись юношей, искренно привязался къ своему господину и, вѣроятно, никогда не разстался бъ съ нимъ, если бъ у него не было другой, болѣе законной и естественной привязанности.

Жена его *т'ку-т'коа* (хозяина) была очень набожна, что, однакожъ, нисколько не мѣшало ей быть и тщеславной. Въ европейскихъ столицахъ дамы ѣздятъ на загородныя гулянья, чтобъ щегольнуть красивымъ экипажемъ, въ театръ, чтобы ослѣпить драгоцѣннымъ нарядомъ; на Мысѣ же Доброй Надежды ходятъ въ церковь показывать красивыхъ невольниковъ. Впрочемъ, у *минъ-фроу* Платте была еще другая причина: она надѣялась

(*) Слово непереводимое. Оно есть самый оскорбительный эпитетъ, которымъ Готтентотъ можетъ выругать кого, или что нибудь въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ. Оно примѣняется безъ различія къ людямъ, животнымъ, дождю, грому; за этимъ браннымъ словомъ Готтентотъ пускаетъ иногда въ обидчика камнемъ, палкой или башмакомъ своимъ.

(**) Гиппопотамы.

(***) Бѣглый невольникъ.

(****) Такъ называютъ себя Готтентоты.

обратить Кіеса въ христіянскую вѣру, и часто, въ продолженіи цѣлыхъ часовъ, толковала ему о религіи. Молодой человѣкъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ; потомъ, когда минс-фроу казалось, что убѣжденія ея подѣйствовали, Кіесъ отвѣчалъ наивно:

— Можетъ быть; но мы, Готтентоты, такъ безтолковы, что не понимаемъ этого.

И вмѣсто того, чтобы молиться въ церкви, Кіесъ подходилъ къ хорошенькой Тракозіи, молодой готтентотской дѣвушкѣ, которая была тремя годами моложе его; они вспоминали о родинѣ, потому что и она была похищена изъ лѣсовъ Сныо-Бергенскихъ. Когда Тракозіи минуло четырнадцать лѣтъ, кромѣ воспоминаній о родинѣ, вмѣшалась въ разговоры ихъ и любовь; а когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, молодые люди рѣшились просить у своихъ хозяевъ согласія на ихъ бракъ.

Хозяева не только не противятся браку своихъ невольниковъ, но даже рады проступкамъ невольницъ, умножающимъ число ихъ рабовъ. Къ несчастію нашихъ молодыхъ людей, взаимная ненависть, которую хозяева ихъ питали другъ къ другу по торговому соперничеству, была сильнѣе жадности ихъ; не смотря на просьбы молодыхъ людей, хозяева не соглашались и даже приняли всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать имъ встрѣчаться и видѣться.

Не стану описывать вамъ ни отчаянія бѣдныхъ *Коббо*, ни стараній ихъ смягчить сердца жестокихъ хозяевъ, ни мрачныхъ помышленій о мщеніи и самоубійствѣ... Молодая дѣвушка занемогла, а *минъ-херъ* Хуннэръ, боясь, чтобы она не умерла и тѣмъ не причинила ему убытка, поспѣшилъ продать ее боэру, Диркъ-Маркусу, возвращавшемуся въ Комдебо, гдѣ находилось его имѣніе.

Диркъ-Маркусъ увезъ бѣдную Тракозію.

Всѣ думали, что Кіесъ умретъ съ горя, но — ничего не бывало. Хотя на лицѣ его была написана глубокая горесть, но онъ былъ спокоенъ и съ большимъ стараніемъ и рвеніемъ исполнялъ свои обязанности, чтобы понравиться своимъ хозяевамъ. Замѣтивъ это, хозяинъ его не счелъ нужнымъ имѣть за нимъ особеннаго надзора, такъ, что никто не зналъ и не видалъ какъ и куда пропалъ вдругъ Кіесъ. Нѣсколько дней его тщетно искали по городу и окрестностямъ; потомъ его внесли въ списокъ бѣглыхъ негровъ и разослали описаніе примѣтъ его по всѣмъ частямъ колоніи.

Теперь вы знаете отчего мы встрѣтили молодаго Готтентота на берегу рѣки, въ двухъ лье отъ Мыса. Послѣдуемъ же за нимъ въ пустыню, гдѣ ожидають его многія опасности.

Онъ скоро шелъ возлѣ берега солоноватой рѣки; перешелъ черезъ долину *Ницъ-гутъ-Клоофъ*, и поворотилъ на лѣво къ источнику *т'Куръ-т'Кейят'кеи-т'Казибина;* я нарочно говорю названія мѣстностей, чтобы представить читателямъ образчики готтентотскаго языка, который показался путешественнику Левальяну такимъ сладкозвучнымъ, и который другіе путешественники, до Левальяна, уподобляли кудахтанью индѣйки. Я сожалѣю только о томъ, что несносное прищелкиванье, которымъ Готтентоты начинаютъ каждое слово, почти каждый слогъ, я не могу выразить иначе какъ знакомъ *т'*.

Наступали сумерки, когда Кіесъ вдругъ остановился, прислушался и осмотрѣлся съ безпокойствомъ... Несчастный замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго *т'гамма* (льва), слѣдившаго за нимъ и выжидавшаго удобнаго случая, чтобы броситься на него и растерзать. Въ этой дикой пустынѣ, Европеецъ погибъ бы непремѣнно, потому что бѣгство столь же безполезно, какъ и защита невозможна. Смѣтливость, и инстинктъ Коеэзпа послужилъ ему чудеснымъ образомъ.

Онъ поспѣшно взобрался на скалу, подошелъ къ обрыву, отъискалъ небольшой выступъ и осторожно спустился къ нему, надѣвъ свою шапку и баранью кожу на палку, такимъ образомъ, чтобы обмануть льва, остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ.

Эта хитрость совершенно удалась Кіесу. Слегка пошевеливая палку, онъ услышалъ какъ левъ подползалъ подобно кошкѣ, готовящейся броситься на мышь. Хищное животное, разсчитавъ скачокъ, бросилось съ такою быстротою на шкуру, что въ одно мгновеніе упало въ пропасть...

Кіесъ посмотрѣлъ внизъ... Левъ совершенно разбился о скалы и исчезъ во мракѣ пропасти... Пожавъ плечами съ видомъ гордаго состраданія, Готтентотъ проговорилъ:

— Т'кацп! Т'кацп!...

Двѣ недѣли Кіесъ питался горькими бобами чернаго гаяка (gaya cumafoum), сокомъ растенія mimosa nilotisa, кореньями, стрекозами и гусеницами; слѣдовательно онъ вдвойнѣ обрадовался побѣдѣ надъ грознымъ животнымъ. Онъ осторожно и съ ловкостью кошки спустился со скалы въ сырую, мрачную пропасть, собралъ сухія сучья, верескъ, развелъ огонь и принялся разрѣзывать свою добычу. Пока одна часть жарилась на раскаленныхъ угольяхъ, Готтентотъ продолжалъ разрѣзывать остальное мясо льва на длинные и широкіе куски, толщиною въ дюймъ, и разложилъ ихъ на землѣ, чтобы они высохли на утреннемъ солнцѣ. (*).

Послѣ вкуснаго ужина, Кіесъ прилегъ возлѣ угасавшаго огня и заснулъ.

Говорятъ, что зайцы спятъ, закрывъ только одинъ глазъ. Это самое можно бы сказать и про Готтентотовъ. Онъ не спалъ, а лучше сказать, только отдыхалъ, спокойно прислушиваясь къ реву хищныхъ звѣрей, издали почуявшихъ запахъ сыраго мяса льва; онъ явственно слышалъ вой волковъ и не шевелился; онъ слышалъ страшное завываніе гіэны, и даже не открывалъ глазъ. Но вдругъ онъ поспѣшно вскочилъ... Вдали послышался ревъ *кессау* (леопарда), котораго боэры называютъ тигромъ, а путешественники пантерой, хотя въ Африкѣ никогда не было ни тигровъ, ни пантеръ. Этотъ ревъ заставилъ Кіеса вздрогнуть; онъ поспѣшно раздулъ огонь и развелъ его сухими сучьями. Огонь ярко освѣтилъ дно пропасти и хищные звѣри, боящіеся огня, не смѣли приближиться и съ воплемъ и ревомъ бродили въ нѣкоторомъ разстояніи; только къ утру, когда яркіе лучи солнца освѣтили вершины горъ, страшные обитатели пустынь воротились въ свои лѣса и умолкли ужасъ наводящіе голоса ихъ.

Тогда Кіесъ, успокоенный, но мучимый усталостью, закутался въ свой кроссъ, легъ на траву, подогнулъ колѣни къ подбородку, сложилъ руки на ногахъ и уснулъ въ этомъ любимѣйшемъ положеніи Готтентотовъ.

Солнце высоко стояло на небѣ, когда Кое-коэпъ проснулся. Но увы! представьте себѣ досаду его, когда онъ увидѣлъ цѣлую стаю *т'га-иповъ* (коршуновъ) и другихъ хищныхъ птицъ, уплетавшихъ остатки мяса, оставленнаго на запасъ! Это печальное зрѣлище поразило молодаго человѣка; но такъ какъ чувство предусмотрительности не слишкомъ развито у Готтентотовъ, то онъ успокоился и продолжалъ свой путь.

Онъ шелъ цѣлый день по довольно пріятной дорогѣ, безпрестанно пересѣкаемой маленькими ручьями и къ вечеру прибылъ къ опушкѣ большаго лѣса. Кіесъ остановился у опушки, потому что не рѣшался итти въ чащу, населенную свирѣпыми *т'каунами* (буйволами), которыхъ онъ страшился почти столько же какъ львовъ.

Эти дикія животныя гораздо выше и огромнѣе величайшаго европейскаго быка; они скрываются за кустарниками и оттуда бросаются на путешественника, опрокидываютъ его, бодаютъ, разрываютъ его на части рогами и съ свирѣпымъ бѣшенствомъ раскидываютъ по сторонамъ рогами и копытами клочки мяса, съ которыми разстаются какъ бы неохотно. Они не ѣдятъ мяса, но съ удовольствіемъ лижутъ кровь, текущую изъ растерзанныхъ частей...

Кіесъ отъискалъ дерево, изъ прямыхъ и крѣпкихъ сучьевъ коего Готтентоты и Кафры дѣлаютъ свои копья. Благодаря своему искуству и желѣзнымъ остріямъ, купленнымъ на Мысѣ, молодой человѣкъ вскорѣ могъ замѣнить свою палку болѣе опаснымъ и вѣрнымъ оружіемъ.

Онъ провелъ ночь на деревѣ и питался древесной смолой. Къ утру онъ дошелъ до большой степи, покрытой маленькими оазисами. Тутъ Кіесъ пошелъ тише и, стянувъ покрѣпче поясъ, чтобъ позабыть, что онъ еще ничего не ѣлъ, сталъ осматриваться, какъ бы отъискивая чего-то; надежды его сбылись. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ то, чего искалъ: надъ высокой травой оазиса, покачивалась плоская, обнаженная голова, на длинной, узкой шеѣ, которая издали походила на змѣю; разсмотрѣвъ прямой, плоскій, широкій клевъ, большіе, круглые, безсмысленные глаза, онъ наклонился и сталъ приближаться къ кусту почти ползкомъ; приблизившись къ животному шаговъ на сорокъ, Кіесъ пустилъ свое копье... оно свиснуло въ воздухѣ и вонзилось въ землю, не достигнувъ своей цѣли. Испуганный страусъ вскочилъ и пустился бѣжать по степи, шагая длинными ногами и помахивая коротенькими крыльями.

По сѣрымъ, тусклымъ перьямъ Кіесъ узналъ, что это была матка; онъ обрадовался и поспѣшно побѣжалъ къ травѣ, въ которой она сидѣла; тамъ онъ нашелъ около шестнадцати овальныхъ яицъ, величиною съ дѣтскую головку; они лежали на пескѣ, и матка, вѣроятно, высиживала ихъ. Это вполнѣ опровергаетъ то мнѣніе путешественниковъ, что страусы не высиживаютъ своихъ яицъ, а оставляютъ ихъ на солнцѣ.

Бошжесмены не имѣютъ страсти къ разрушенію, чего либо, для одного препровожденія времени, какъ боэры, а потому нашъ молодой человѣкъ взялъ только четыре яйца; одно съѣлъ, а три положилъ въ мѣшокъ про запасъ.

Слѣдующую ночь онъ опять провелъ на деревѣ, возлѣ ручья. Онъ замѣтилъ на берегу слѣды газелей, приходившихъ къ ручью утолять жажду, а потому онъ сѣлъ на одинъ изъ нижнихъ сучьевъ дерева въ надеждѣ убить одну газель своимъ копьемъ.

Не знаю, сколько антилопъ и газелей видѣлъ Кіесъ, но разскажу вамъ какія породы ихъ обитаютъ въ той странѣ.

Между настоящими газелями, то есть такими, которыя не имѣютъ морды и у которыхъ рога съ двумя изгибами и гладкіе, безъ вѣтвей, замѣчателенъ *спрингъ-бокъ* (*), съ рыжей спиной, бѣлымъ животомъ и бурой продольной полосой по бокамъ. Это весьма красивое животное, остающееся на мѣстѣ, на которомъ родилось и водящееся стадами, состоящими иногда изъ двухъ тысячъ головъ. Названіе его, по-голландски значитъ козелъ — прыгунъ, потому что оно не бѣгаетъ, а безпрестанно дѣлаетъ скачки.

Пурпуровая газель (1) гораздо болѣе первой; *черноногія газели* (2), также водящіяся стадами. Готтентоты не различаютъ этихъ трехъ породъ и называютъ ихъ вообще *гіонами*.

Между антилопами съ простыми рогами замѣчательны: *стенъ-бокъ* (3), ростомъ съ козу; съ рыжей спиной, бѣлымъ животомъ, черными пахами; *ритъ-бокъ* (4), красиваго сѣраго цвѣта, съ мягкою шерстью, длинными ушами; бѣлымъ, плоскимъ, длиннымъ хвостомъ; *грисъ-бокъ* (5), ростомъ немного повыше козы и съ черными кольцами вокругъ глазъ; *Клипъ-спрингеръ* (6), съ грубой, сѣрозеленоватой шерстью и коротенькими, почти прямыми рогами; *ре-бокъ* (7), съ мягкой, кудрявой, сѣрорыжеватой шерстью, съ острой мордочкой, покрытой черными крапинами; самка не имѣетъ рогъ; *дункеръ-бокъ* (8), ныряющій козелъ; онъ названъ этимъ именемъ потому, что когда прыгаетъ, наклоняетъ голову и шею, какъ бы ныряя въ кустарники; *гевей* (9), ростомъ съ зайца и живущій отдѣльно, не въ стадахъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

(*) Готтентоты всегда поступаютъ такимъ образомъ для сбереженія мяса. Они не употребляютъ соли, потому что не любятъ ея.

(*) Gazella euchore.

1) Gazella pygarga. 2) Gazella melanopus. 3) Cervicapra ibex. 4) Cervicapra eleotragus. 5) Cervicapra grisea. 6) Cervicapra Saltatrix. 7) Cervicapra Capreolus. 8) Cervicapra mergens. 9) Cervicapra pygmea.

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).

Простая женщина въ Англіи.

Голандецъ.

Гасконецъ.

Уличный мальчишка.

КОЛЕСА.

Не смотря на то, что мы безпрестанно видимъ экипажи и ѣздимъ въ нихъ, не многіе изъ насъ обращаютъ вниманіе на важнѣйшую часть ихъ — колеса; не многіе замѣтили, что хотя кареты и коляски часто перемѣняютъ свою форму, колеса остаются тѣ же.

Полагаемъ, что нѣкоторыя объясненія по этому предмету не будутъ оставлены безъ вниманія.

Колеса служатъ, какъ извѣстно, для поддержанія и приведенія въ движеніе экипажей. Смотря по экипажамъ и по качеству дорогъ, колеса измѣняются въ размѣрахъ, а иногда въ самой формѣ. Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ, для проѣзда по песчанымъ степямъ, дѣлаютъ колесо съ острымъ косякомъ.

Разсмотримъ сперва, какимъ условіямъ подлежатъ колеса, въ отношеніи къ матеріаламъ, изъ которыхъ они дѣлаются. Въ старину колеса дѣлывались изъ одного куска дерева, почему по нѣкоторомъ употребленіи не могли сохранить правильной круглоты и становились угловатыми, что препятствовало обороту ихъ. Слѣдовательно надо было пріискать средство составлять колеса изъ нѣсколькихъ кусковъ такимъ образомъ, чтобы они были легки, прочны и не измѣняли формы своей. Средство, которымъ рѣшили эту задачу, есть, можетъ быть, единственное средство, которое можно было пріискать, и мы опишемъ его.

Колесо составлено изъ круга, называемаго *косякомъ*, соединяющагося съ центромъ или *ступицой* посредствомъ извѣстнаго числа *спицъ*, укрѣпленныхъ въ косякѣ и ступицѣ.

Ступица состоитъ обыкновенно изъ одного куска дерева и должна быть сдѣлана изъ твердаго дерева.

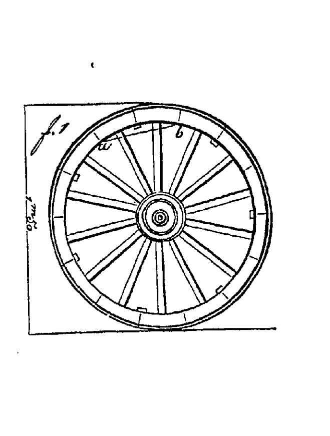
Косякъ собранъ изъ шести или восьми кусковъ, одинаковой величины и устроенныхъ такимъ образомъ, чтобы волокна дерева были непремѣнно параллельны линіи a b (см. фиг. 1) или хордѣ арки, образовываемой одною частію косяка.

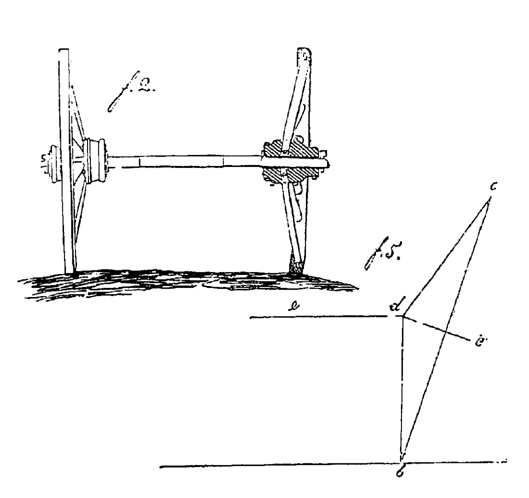
Такъ какъ спицы непремѣнно должны выдерживать тяжесть экипажа и сопротивляться толчкамъ, то для нихъ необходимо дерево со сколь возможно параллельными волокнами, а потому лучше всего дѣлать ихъ изъ молодаго дуба.

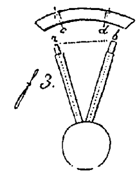
Вотъ какимъ образомъ складываютъ различныя части колеса:

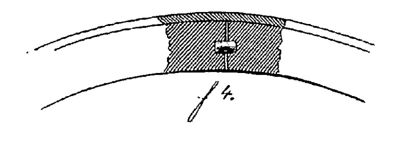
На окружности ступицы, выдалбливаютъ гнѣзда, въ которыя вставляются спицы, одна оконечность которыхъ должна быть дѣлана шипомъ, плотно входящимъ въ гнѣздо.

Такимъ образомъ всѣ спицы укрѣпляютъ въ ступицѣ. Въ косякѣ же дѣлаютъ цилиндрическія ямы, въ которыя вставляется другой конецъ спицъ, также приспособленный къ ямѣ.









Мы уже сказали, что косякъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей; каждая изъ этихъ частей упирается на двѣ спицы и чтобы эти части сходились плотнѣе, то въ каждой изъ соединяющихся сторонъ дѣлаютъ гнѣзда, въ которыя вбивается гвоздь (фиг. 4).

Собравъ такимъ образомъ всѣ части колеса, остается только окончательно укрѣпить ихъ. Для этого прикрѣпляютъ къ наружной окружности косяка желѣзный ободъ, изъ одного куска. Этотъ ободъ долженъ прилегать къ косяку; его надѣваютъ раскаленнымъ. Немедленно, по окончаніи этой работы, колесо опускаютъ въ воду, чтобы тотчасъ, остудить ободъ, который оттого съуживается и еще плотнѣе сжимаетъ косякъ.

ОЧЕРКИ ОРАНІЕНБАУМА (*).

(Посвящаются С. М. Гоголю).

I.

ПЕТЕРШТАТСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Kennst du das Land, гдѣ сѣверъ смотритъ югомъ,
Роскошно-свѣжъ, улыбчиво-красивъ,
И свѣтлый брегъ, зеленымъ полукругомъ,
Спускается на голубой заливъ?
Тамъ все цвѣтетъ, тамъ все благоухаетъ!
Счастливый міръ волшебства и чудесъ!
И на душу тамъ что-то навѣваетъ
Златые дни полуденныхъ небесъ.

К. В.

По моему, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ желаніе знать и изслѣдовать исторію того города, который обстоятельства назначили намъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Это то же самое, когда мы вникаемъ въ прошлую жизнь нашего друга, съ тѣмъ, чтобы узнать его полнѣе, лучше, чтобы слиться съ нимъ, что называется душа въ душу. Если-бы каждый изъ насъ старался ознакомиться съ прошлою жизнію знакомыхъ ему окрестностей, начиная свои изысканія, по крайней мѣрѣ, съ той эпохи, которая еще живетъ въ воспоминаніяхъ и преданіяхъ обывателей, если-бы говорю, каждый тщательно записывалъ эти вещи, то очень скоро бы могла составиться весьма занимательная исторія внутренней жизни нашего отечества.—Оставляю самимъ читателямъ дать приличный эпитетъ тѣмъ людямъ, которые, проводя праздно свою жизнь, не обращаютъ никакого вниманія на то, что дѣлалось въ ихъ отечествѣ до нихъ, не останавливаясь нимало надъ тѣмъ, какая нравственная связь существовала между ними и ихъ предшественниками; занятые только настоящимъ днемъ, они не знаютъ, что *сегодня* безъ *вчера* очень коротко; гораздо короче чѣмъ *сегодня* безъ *завтра*, потому что *вчера* наша собственность, и ее никто у насъ не отъиметъ, *а завтра*? Кто знаетъ, что будетъ завтра со мною и съ вами, любезный читатель?..

И такъ, позвольте мнѣ, для перваго знакомства, съ приличною важностью, описать вамъ одну изъ историческихъ достопримѣчательностей нашего маленькаго городка, съ которымъ вы вѣрно знакомы, хотя по слуху, о его живописномъ положеніи и цѣлебномъ воздухѣ; прошу заранѣе извинить, если я вмѣшаю въ разсказъ кое-гдѣ и мои личныя впечатлѣнія и воспоминанія: по моему даже и исторія старыхъ калошъ могла-бы быть занимательна и полезна, а тѣмъ болѣе исторія города и человѣка. Таковъ способъ моего воззрѣнія на вещи въ этомъ отношеніи, а какъ каждый долженъ быть строгимъ исполнителемъ своей системы, то пусть будетъ, что будетъ, а я безъ милосердія къ вамъ, безъ страха о себѣ, начинаю свои очерки.

Въ Ораніенбаумѣ прожилъ я мои юношескіе годы; здѣсь, переходя отъ службы къ книгамъ, отъ книгъ къ службѣ, я дожилъ до того блаженнаго состоянія, когда могу повторить вмѣстѣ съ поэтомъ: «*бываетъ грустно, а скучно никогда!*» Любимое развлеченіе мое составляетъ прогулка по веселымъ, очаровательнымъ окрестностямъ Ораніенбаума, съ которыми, вѣроятно, немногіе

(*) Гравюры не получены еще и будутъ приложены вмѣстѣ при послѣдующихъ очеркахъ.

изъ васъ знакомы. Знаете ли вы на пр: очаровательное *Рощинское*, красу ораніенбаумскаго поморья, *Вѣнки и Бронную гору*? а этимъ мѣстамъ трудно найти подобныхъ въ окрестностяхъ столицы. Посѣтите ихъ, и вы поймете, почему я такъ люблю Ораніенбаумъ! Въ старости каждый невольно чувствуетъ какую-то особенную привязанность къ первой подругѣ юнаго сердца, такъ и я къ этому городку, въ которомъ узналъ впервые наслажденіе изливать на бумагу свою душу, чувствую что-то въ родѣ этой привязанности. Но пора къ дѣлу:

Начнемъ съ главной исторической достопримѣчательности Ораніенбаума, — съ остатковъ *Петерштатской крѣпости*. Въ послѣдующихъ очеркахъ я познакомлю васъ съ первоначальною исторіею нашего городка, а теперь прямо перейду къ той эпохѣ, въ которую была построена эта крѣпость. Вскорѣ по восшествіи на престолъ И. Елисаветы Петровны, она вспомнила о забытомъ, со времени поступленія въ казну, Ораніенбаумѣ (послѣ ссылки князя Меньшикова, его основателя) и повелѣла открыть между нимъ и Петербургомъ почтовую дорогу; а въ 1745 году, послѣ бракосочетанія Наслѣдника Россійскаго Престола Петра Θеодоровича, подарила ему Ораніенбаумской увеселительный домъ, повелѣвъ приписать къ нему 2545 душъ крестьянъ. Новое владѣніе очень нравилось Великому Князю, и было предметомъ особенной его заботливости; съ наступленіемъ лѣта онъ немедленно переѣзжалъ сюда въ сопровожденіи супруги и маленькаго двора и проводилъ время въ занятіяхъ, напоминавшихъ молодость совмѣстнаго ему предка. Военныя наклонности Великаго Князя не могли быть не замѣчены Государынею: она привѣтствовала ихъ какъ залогъ царствованія богатаго побѣдами и гордилась выборомъ преемника, обѣщавшаго итти по стопамъ Петра Великаго и Карла XII, этихъ двухъ львовъ Сѣвера, геройская кровь которыхъ текла въ его жилахъ. Поощряя занятія племянника, Елисавета Петровна приказала изъ солдатъ разныхъ полковъ сформировать небольшой отрядъ и, расположивъ его въ Ораніенбаумѣ, поручить въ непосредственное завѣдываніе Великаго Князя. Съ этихъ поръ Ораніенбаумъ сдѣлался вторымъ Преображенскимъ! Извѣстно, что Петръ III, послѣ родителя своего Герцога Карла Фридриха, наслѣдовалъ титулъ Герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго и сохранилъ его, какъ въ бытность свою Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, такъ и въ бытность Императоромъ, съ 1742 до половины 1762 года. По высочайшему соизволенію онъ перевелъ въ Ораніенбаумъ часть своихъ голштинскихъ войскъ, и во время его царствованія—(въ началѣ 1762 года) число ихъ возрасло до 3 тысячь; они постоянно были расположены въ Ораніенбаумѣ и его окрестностяхъ, составляли собственный конвой Его Величества, и извѣстны въ исторіи подъ названіемъ: *отряда голштинскихъ военныхъ людей*. Дисциплина и примѣрное устройство прусскихъ войскъ, предводимыхъ Великимъ Фридрихомъ, удивляла всю Европу; Великій Князь, соединенный искреннею дружбою съ этимъ государемъ, былъ почитателемъ его генія, и принималъ его за образецъ въ своихъ военныхъ занятіяхъ: онъ лично занимался всѣми подробностями обученія своего отряда, одѣлъ его въ прусскіе мундиры, ввелъ одинаковый порядокъ службы, экзерциціи и маневры, польза которыхъ была оправдана въ глазахъ всей Европы недавними побѣдами Пруссаковъ.

Въ 1757 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Великій Князь заложилъ въ Ораніенбаумѣ, на восточной сторонѣ дворцоваго пруда, маленькую крѣпостъ о 5-ти бастіонахъ, вооружилъ ее 12-ю чугунными пушками и назвалъ *Петерштатомъ*, намѣреваясь, какъ говорятъ, присвоить это имя и самой дворцовой слободѣ. Земляныя работы этой крѣпостцы производилъ по контракту съ домовой конторой Его Высочества новгородской ямщикъ Самсонъ Бобылевъ за 750 рублей!?! Маленькой дворецъ Великаго Князя со службами, комендантской домъ, казначейство, арсеналъ, въ коемъ хранились мундирныя, аммуничныя, оружейныя вещи и знамена гольштинскаго отряда, лютеранская кирка, офицерскіе домики, казематы и пороховые погреба, составляли главныя строенія крѣпостцы. Возлѣ нее, въ нѣсколькихъ деревянныхъ сараяхъ, была расположена пѣхота гольштинскаго отряда. Зданія эти въ послѣдствіи принадлежали морскому госпиталю, а теперь сломаны, по вѣтхости. Тылъ крѣпости прикрывалъ лѣсистый оврагъ, по которому извивается рѣчка *Кароста*; западная сторона упиралась въ крутой берегъ дворцоваго пруда; двѣ остальныя были защищены укрѣпленіями, усилены глубокими рвами и двойнымъ рядомъ палисадъ. По отлогому берегу Кароcты, внизу крѣпости было раскидано нѣсколько домиковъ, теперь уже несуществующихъ. Сходная, колѣнчатая лѣстница, съ точенымъ балюстрадомъ, приводила прямо къ *менажеріи* (звѣринцу), среди котораго возвышалась красивая бесѣдка. Ближайшій къ звѣринцу д[illegible] украшенный галлерею, назывался [illegible] *семъ*; другой подобный же домикъ ча[illegible]я по теченію Кароcты у верхняго шлюза, назывался *китайскимъ*; оба эти домика были двухъ-этажные и выкрашены зеленою краскою.

На прилежащемъ къ крѣпости дворцовомъ прудѣ, площадь котораго занимаетъ 200 квадратныхъ саженъ, при Петрѣ III былъ заведенъ *потѣшный флотъ*. Онъ состоялъ изъ 4-хъ судовъ: корабля *Ораніенбаумъ*, фрегата *Андрей* и галеръ: *Елисавета* и *Екатерина*; на первомъ находилось 20-тъ мѣдныхъ одно-фунтовыхъ пушекъ, а на послѣднихъ по 20-ти чугунныхъ полуфунтовыхъ; каюты судовъ были украшены великолѣпно: мебель и подушки обиты рытымъ бархатомъ разныхъ цвѣтовъ и обложены въ нѣсколько рядовъ золотымъ и серебрянымъ гасомъ. Флотомъ до самого уничтоженія его, завѣдывалъ сержантъ *Елинъ*.

Въ 1782 году послѣдовалъ высочайшій указъ, по которому ораніенбаумской дворецъ и Петерштатская Крѣпость поступили въ вѣденіе морскаго кадетскаго корпуса; тогда-то крѣпость лишилась всѣхъ своихъ украшеній: въ маленькомъ дворцѣ Петра III остались однѣ голыя стѣны; арсенальныя гольштинскія вещи поступили въ петербургской арсеналъ; артиллерійскія и такелажныя вещи, принадлежавшія судамъ (тогдаже уничтоженнаго) потѣшнаго флота, отправлены въ Кронштадтъ. Крѣпостныя деревянныя строенія, оставаясь нѣсколько лѣтъ безъ поддержки, разрушались постепенно, и сломаны, всѣ безъ исключенія, въ 1800 годахъ. Единственными памятниками бывшей крѣпости остаются теперь три каменныхъ зданія: дворецъ Петра III, главныя въѣздныя ворота и небольшой домикъ, служащій помѣщеніемъ сторожу сихъ мѣстъ.

Надъ желѣзными створчатыми воротами, утвержденными въ каменной аркѣ и украшенными арматурою, возвышается бельведеръ; на бельведерѣ куполъ и шпицъ, покрытыя жестью; сверхъ шпица позолоченный шаръ; на шарѣ флюгеръ, въ которомъ вырѣзано 1757=годъ построенія крѣпости.—При воротахъ, черезъ крѣпостной ровъ, былъ мостъ на сваяхъ, съ балюстрадою. Сверхъ земляныхъ укрѣпленій вокругъ крѣпости шла ограда изъ столбовъ: отъ пруда по горѣ до моста, черезъ рѣчку Каросту, и отъ мосту до проѣзда въ крѣпость.

Въ центрѣ бывшей крѣпости стоитъ двухъ-этажный дворецъ, фасомъ на заливъ; входъ съ этого фаса, по обѣимъ сторонамъ двери, въ нишахъ втораго этажа сохранились грудные бюсты Императора Петра III и Его Супруги. Въ каждомъ этажѣ по 5-ти комнатъ; верхній былъ отдѣланъ великолѣпно въ восточномъ вкусѣ: всѣ стѣны обложены досками, расписанными по-китайски золотомъ и бронзою; на нихъ изображены китайскіе домики, надписи, деревья, птицы и разныя сцены домашняго быта. Зала была устроена по правиламъ акустики; двери въ комнатахъ филенчатыя; рѣзьба, какъ на дверяхъ, такъ и на карнизахъ, посеребрена; полы штучные, потолки были отдѣланы лѣпною работою.

Но я все говорю *было*, забывая, что вамъ, можетъ быть, гораздо любопытные знать о томъ, что *есть* теперь на мѣстѣ былаго. Вмѣсто прямаго отвѣта, повторивъ еще разъ, что все сказанное мною дѣйствительно *было*, и какъ говорится, *быльемъ поросло*...

А впрочемъ, въ вашей волѣ, любезный читатель, слѣдовать за мною къ остаткамъ крѣпости, куда я поведу васъ единственно въ угоду вашей любознательности: подходя впервые къ обширному и свѣтлому дворцовому пруду, со всѣхъ сторонъ обрамленному красивыми зданіями, ваше вниманіе невольно будетъ увлечено въ ту сторону, гдѣ на темнозеленомъ фонѣ сосноваго лѣса, какъ два бѣлые призрака, рисуются два отдѣльныхъ зданія, не похожихъ на всѣ ихъ окружающія зданія: это башня крѣпостныхъ воротъ и дворецъ Петра III. Глубокое безмолвіе, царствующее въ этомъ царскомъ мѣстѣ, при вашемъ приближеніи нарушается громкимъ лаемъ сторожеваго пса; но не безпокойтесь! Видите, онъ лежитъ смирнехонько подъ тѣнью сѣннаго стога,—это только условный знакъ! Вотъ на его лай выглядываетъ изъ маленькой (тоже старинной) казармы смиренная фигура инвалида, съ ключемъ въ рукѣ и непритворной радостію на лицѣ (въ надеждѣ получить отъ васъ наводку!); онъ приглашаетъ васъ осмотрѣть внутренность дворца! Больше смотрѣть нечего! Ворота передъ вами, а земляные валы и передовыя укрѣпленія срыты въ недавнее время, и только заросшій травою ровъ обозначаетъ объемъ и фигуру крѣпостцы. Но вотъ щелкнулъ ключь, заскрипѣли ржавыя двери; на васъ повѣяло могильной сыростію; увлекаемые любопытствомъ, вы хотите войти въ одну изъ боковыхъ комнатъ, чтобы осмотрѣть ихъ расположеніе, но услужливый чичероне останавливаетъ васъ словами: » нельзя, ваше высокородіе, опасно, чего добраго обвалится потолокъ!» и вы, конечно, отступаете назадъ. По улиткообразной лѣст-

нинѣ инвалидъ поведетъ васъ во второй этажъ; здѣсь вы можете сколько угодно предаваться наблюденіямъ и изысканіямъ, если забудете, что сказанное вашимъ проводникомъ о потолкѣ нижняго этажа остается вполнѣ справедливымъ и въ отношеніи пола верхняго. Слѣды былыхъ украшеній сохранились только на дверяхъ и на потолкѣ; да въ одной изъ проходныхъ комнатъ передъ залою,— уцѣлѣлъ, вдѣланный въ стѣну, деревянный шкапчикъ, который, вѣроятно, служилъ буфетомъ; стѣна эта покрыта выпуклою посеребреною рѣзьбою. Громко раздается въ залѣ шорохъ вашихъ шаговъ, свидѣтельствуя о ея акустическомъ устройствѣ; но не совѣтую вамъ умышленно извлекать эти звуки: полъ ненадеженъ! Въ сосѣдней съ заломъ комнатѣ весь каминъ испещренъ стихами, фамиліями и различными надписями; каждый годъ, по осени, трудолюбивый инвалидъ стираетъ эти слѣды лѣтнихъ посѣтителей, прибавляя лаконически: «Ужъ, охота господамъ баловать! А нашему брату лишняя работа!»

Ежели, любезный читатель, я имѣю дѣло съ мечтателемъ, то, проходя по дворцу, напомню вамъ, что въ блестящій вѣкъ Елисаветы, здѣсь часто совершались празднества, разнообразившіе дѣятельную военную жизнь Великаго Князя: *банкетные столы* ломились подъ тяжестью золотой и серебряной посуды, наполненной вкусными яствами; слышались заздравные тосты; съ валовъ крѣпости и съ придворнаго флота раздавались выстрѣлы въ честь пирующихъ; ввечеру сжигались *потѣшные огни* и суда, стоя на якоряхъ, освѣщались по всѣмъ мачтамъ и канатамъ разноцвѣтными огнями, которые въ темнотѣ ночи казались висящими на воздухѣ, или, прикованными къ небу. Наконецъ, напомню вамъ, что въ этомъ самомъ дворцѣ Императоръ Петръ III подписалъ знаменитый указъ 18-го февраля 1762 года, которымъ дарованы русскому дворянству такія преимущества, какихъ оно не имѣло ни прежде, ни послѣ Петра Великаго.

Не хотите мечтать, то, покидая дворецъ, подойдите къ одному изъ оконъ, выходящихъ на заливъ, и только дайте волю глазамъ и вы нескоро разстанетесь съ прелестнымъ видомъ: прямо передъ собою вы видите Кронштадтъ, грозную твердыню, величественно подымающуюся изъ волнъ; посмотрите,—какъ грозенъ видъ этихъ крѣпостей, защищающихъ входъ съ моря; какъ густъ лѣсъ этихъ мачтъ!.. Далѣе, волшебно рисуются надъ водою дикіе берега Финляндіи; въ право Петербургъ съ его громаднымъ Исаакіевскимъ Соборомъ, петропавловскимъ шпицомъ и другими возвышенными пунктами. Сколько предметовъ для кисти живописца и для мечты поэта! Кажется, вѣкъ не разстался бы съ этимъ восхитительнымъ мѣстомъ, но, только подъ условіемъ вѣчнаго лѣта! Вѣдь въ мірѣ все условно!!! Окончу настоящій очеркъ стихами Князя Вяземскаго:

> Dahin, dahin, **нашъ Торквато!
> Dahin, dahin, нашъ Тиціанъ—Брюловъ!
> Тамъ закипитъ въ васъ горячо и свято
> Живой восторгъ возвышенныхъ трудовъ!
> Тамъ мыслямъ есть гостепріимный геній,
> И есть привѣтъ фантазіямъ мечты!
> Для лиры тамъ есть муза вдохновеній,
> Для кисти есть харита красоты!

Л. Кавелинъ.

Ораніенбаумъ.
Май 7. 1845 года.

—

ЗАКЛАДЪ.

романъ

въ

немногихъ письмахъ.

—

ГЛАВА II.

Первую вы уже прочитали. Она въ немногихъ письмахъ. И весь романъ въ немногихъ письмахъ. Какъ, почему? Все это вы узнаете, если удостоите провинціальнаго писателя вашимъ лестнымъ вниманіемъ. Изъ писемъ вы, вѣроятно, догадались, что нѣкто Евгеній пріѣхалъ въ губернскій городъ, влюбился въ Клеопатру Кириловну, которая влюблена въ офицера Левушку, а сей влюбленъ въ Авдотью Семеновну, а оная Авдотья Семеновна— молодая, богатая вдова и не любитъ никого. Кто же этотъ никто? Можетъ-ли это быть, чтобы у молодой вдовушки любимцемъ сердца былъ *никто?* Рѣшительная ложь; пойдемте, подсмотримъ, подслушаемъ, авось этотъ никто признается какъ его зовутъ. Пойдемте, пойдемте!

Есть удивительныя улицы на свѣтѣ. О нихъ столичные жители не могутъ имѣть ни какого понятія. У этихъ улицъ нѣтъ ни начала ни конца, выбѣжитъ откуда-то изъ подъ будки; раздастся широко, широко; посерединѣ, ни съ того ни съ сего, будто гуси на озерѣ, торчатъ два три сѣрые дома, и опять улица, но будто землетрясеніемъ изогнуло и перегнуло ее въ нѣсколько погибелей, то въ одинъ бокъ ударится, то въ другой опрокинется, и пропадетъ середь города такъ, что и не догадаешься куда она дѣвалась. На такой улицѣ вы встрѣтите пару овраговъ, пару мостовъ, нѣсколько косогоровъ, иногда только одну линію домовъ; нужно, найдете и прудъ, и колодези съ живописными глаголями, и лавочки, и что угодно. Придумывайте, на моей улицѣ все есть. Называлась она Косатка, а отъ чего, этого никто не зналъ. Косатка себѣ, да и полно. На Косаткѣ жили бѣдные чиновники губернскіе, купцы и мѣщане, но изъ важнѣйшей губернской публики тутъ рѣшительно никто не жилъ, и не бывалъ до послѣдней ярмарки. Столоначальникъ казенной палаты задумалъ построить домъ на Косаткѣ на большую ногу изъ укрухъ жалованья и подаянія благодари[illegible]осителей. Дѣло шло медленно, но тише [illegible]альше будешь. Правда, отставили его отъ должности и никуда принимать не приказали, вѣроятно потому, что онъ ужъ наслужился себѣ весьма довольно и никуда опредѣляться не желалъ. Да и потому еще, что домъ у него былъ совершенно конченъ и отдѣланъ такъ, какъ отдѣлывались дома, и то немногіе, на большой улицѣ. Передъ самой ярмаркой, хозяинъ достроилъ заборъ вокругъ обширнаго сада, примыкавшаго къ оранжереямъ Пколочкина.—Стали на ярмарку съѣзжаться; стали новый домъ нанимать, но куда! ни приступу! Триста рублей на двѣ недѣли. Много рыдвановъ печально отчалило отъ красныхъ воротъ; ярмарка уже разыгралась, хозяинъ сталъ призадумываться, вдругъ пришелъ какой-то холопъ; осмотрѣлъ домъ, спросилъ про цѣну, вынулъ деньги, заплатилъ и сказавъ: «за нами» ушелъ, откуда пришелъ. Но въ тотъ же вечеръ явилась огромная дорожная карета въ шесть заводскихъ лошадей, въ сопровожденіи городской кареты, коляски, колясочки, щегольскихъ дрожекъ и трехъ подводъ съ сундуками. Тотъ же холопъ распоряжался выгрузкой насажировъ и вещей. Изъ кареты вышелъ молодой человѣкъ пріятной наружности; за нимъ молодая женщина, потомъ вышла няня съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и мальчикъ лѣтъ десяти или двѣнадцати. Примѣтно было, что гости всю дорогу спали. Хотя и не совсѣмъ ловко, но мы должны сказать, что всѣ зѣвали, въ особенности молодой человѣкъ. Хозяинъ не сводилъ глазъ съ пріѣзжихъ и не могъ скрыть удивленія. Онъ кажется зналъ на перечетъ всю губернію, но такого барина не видывалъ. Онъ перестал удивляться и мысленно сказалъ: видно не здѣшніе! И съ этимъ словомъ или съ этой мыслію вступилъ въ обычное отправленіе своихъ обязанностей; сталъ служить, отворялъ передъ гостьми двери, докладывалъ назначеніе каждой комнаты, суетился, хлопоталъ.

— Это, вотъ изволите видѣть, диванная!» сказалъ онъ, отворяя двери въ комнату, убранную только обоями и диванами.

— Гм! сказалъ тихо молодой человѣкъ: Маша! я здѣсь повѣшу твой портретъ…— сказалъ и зѣвнулъ…

— Очень хорошо! — сказала и зѣвнула барыня.

— Портретъ?.. т. е. картину?.. спросилъ съ неудовольствіемъ хозяинъ.

— Да!

— Но для этого требуется гвоздь… а вбивать гвозди въ новые обои, это разореніе. Я не могу согласиться. Обои выписные. Въ цѣломъ городѣ такіе есть только у Ильи Ильича, и то по моей милости. Просимъ извиненія, а ужъ гвоздей вколачивать не извольте.

— Такъ что же ты хочешь за то, чтобы гвоздь вбить.

— Обоевъ цѣлый кусокъ испортишь на починку; кусокъ стоитъ пять цѣлковыхъ; да работа, да все, нѣтъ, одинъ гвоздь на двадцать пять рублей убытку сдѣлаетъ…

— Кирилло! Дай ему двадцать пять рублей и вбей вотъ сюда гвоздь…

— Вбить гвоздь! нѣтъ ужъ извините! Ужъ этого я не попущу! Ужъ я дѣлаю жертву, позвольте, для васъ только, для другаго, убейте меня, ни для кого на свѣтѣ; извольте, я беру двадцать пять рублей, свои деньги только, но ужъ гвоздя вбивать Кириллѣ не позволю…

— Такъ какъ же?..

— Позвольте, позвольте, я самъ вобью гвоздь, вотъ сей часъ, сію минуту.

Хозяинъ отправился за лѣстницей, дѣти ушли въ другія комнаты, Кирилло также. Молодой человѣкъ съ молодой женщиной, машинально усѣлись на одномъ диванѣ и нѣсколько разъ зѣвнули.

— Ну, Marie, вотъ мы и пріѣхали!

— Да, пріѣхали!

Молчаніе.

— Кирилло! Трубку! Ты устала Marie?

— Устала!

— Я то же усталъ. Дорога прескверная!

— Прескверная дорога!

Въ одну дверь Кирилло входилъ съ трубкой, въ другую хозяинъ съ лѣстницей…

— Какъ! закричалъ онъ: Табакъ въ моемъ домѣ! Обои, занавѣски! Помилуйте, да это разореніе! Вы погубить меня хотите! На что это похоже? это хуже моли; на сквозь стѣны пропахнутъ, ничѣмъ не выкуришь, и все закоптится. Умилосердитесь!

— Что его слушать! сказалъ Кирилло грубо: этакъ онъ не дастъ на кухнѣ и кушанья готовить! Извольте закуривать…

— Караулъ, разбой!

— Да чего же ты хочешь?..

— Да одного уксусу пойдетъ на сто рублей, чтобы этотъ духъ выжить; да занавѣски мыть, да обои хлѣбомъ вытирать..

— Кирилло, дай ему двадцать пять рублей на чистку и пускай молчитъ. А не то ни гроша не дамъ, и завтра скажу губернатору, такъ онъ его уйметъ…

— Помилуйте! Да вѣдь каждый въ дому своемъ хозяинъ! Что мнѣ губернаторъ! Ужъ я только для васъ двадцать пять рублей беру; знаю, что буду въ убыткахъ, да что дѣлать! И то правда! Нельзя жильца не уважить…

И хозяинъ приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу; примѣрилъ крюкъ, ударилъ, и оглянулся. Молодой человѣкъ курилъ, молодая женщина сидѣла чинно и безмолвно…

— Marie? Тебѣ не скучно?

— Нѣтъ! А тебѣ Эгьенъ?

— Нѣтъ, мнѣ весело… Этьенъ поставилъ трубку и облокотился на руку; Marie задумчиво опустила головку.

— Ты спишь, Marie?

— Нѣтъ, а ты Этьэнъ?..

Этьэнъ уже спалъ; Марія закрыла глаза; хозяинъ стукнулъ разъ и оглянулся; два, опять оглянулся и, удивляясь какъ они могутъ спать подъ стукъ его молота, потерялъ размѣръ, и какъ хлопнетъ себя по рукѣ, какъ вскрикнетъ, — молодая чета вскочила, Кирилло вбѣжалъ въ комнату...

— Что такое? спросилъ Этьэнъ.

— Вотъ вамъ и гвозди! Зналъ бы, ста рублей не взялъ! Кости переломалъ! Теперь втрое выйдетъ на доктора и аптеку, о проклятая услужливость! Вотъ тебѣ Сидоръ Никитичъ! Вотъ тебѣ за твое добродушіе...

— Уйдемъ Marie! Онъ отъ насъ не отвяжется!

Молодая чета перешла въ другую комнату, гдѣ уже мамка ожидала барыню.

— Марья Осиповна! Пожалуйте къ Николинькѣ! Проснулся...

— Ступай, Ступай Marie! Кирилло, подай халатъ! Нѣтъ-ли чего почитать? Тамъ въ каретѣ былъ журналецъ.

Кирилло подалъ и халатъ и журналище. Этьенъ присѣлъ на кушетку, потребовалъ подушку, развернулъ журналецъ и заснулъ сномъ сладкимъ...

— Опять спитъ! сказала Марія, взойдя въ комнату. Когда онъ выспится! Кирилло, когда баринъ проснется, доложи мнѣ.

Тихо выпорхнула Марья Осиповна на красивый балконъ, легко сбѣжала въ садъ и что она думала, и что она говорила, угадать трудно, но по жестамъ можно было подумать, что она повторяетъ монологъ изъ Маріи Стюартъ, Шиллера, когда несчастную королеву выпустили подышать чистымъ воздухомъ. Странно оглядывалась она

на всѣ стороны, простирала руки къ легкимъ облакамъ, быстро пробѣгавшимъ по синему небу; какъ ребенокъ бросалась во всѣ стороны, и сама того не замѣчая, очутилась у досчатой ограды, отдѣлявшей этотъ садъ отъ сада Иколочкина. Рѣзкій, женскій смѣхъ за оградой заставилъ опомниться Марью Осиповну. Она остановилась какъ вкопаная и слушала съ такимъ же напряженіемъ, какъ и хозяинъ, который за кустомъ занимался тѣмъ же.

— Что дальше? продолжалъ голосъ женщины, примѣтно подавлявшей смѣхъ...

— Такъ видите, все это случилось въ слѣдствіе заклада. Онъ и не знаетъ, что Жоржъ мнѣ племянникъ и желаетъ ему добра. Конечно, не случись этой встрѣчи, могло бы кончиться недобромъ. Жоржъ пишетъ, что онъ все это предвидѣлъ. Вздоръ! Какъ можно предугадать дурачества юноши. Другой мой племянникъ, Степанъ Лукичъ, тоже сдѣлалъ дурачество, котораго я ему не прощу никогда. Я прочилъ его вамъ въ мужья,

— Мнѣ?

— Да вамъ! Вы женщина умная; понимаете, что любить можно только въ дѣтствѣ; а въ нѣкоторыхъ лѣтахъ...

— Покорно васъ благодарю!

— Полно шутить! Вы очень хорошо знаете, что вы и молоды, и хороши собой, но что вы уже не ребенокъ. Вѣдь вотъ что досадно. Пишу къ нему: Степка, не женись, жениться успѣешь, прежде пріѣзжай сюда; такъ нѣтъ, хлопъ, женился, даже не увѣдомилъ на комъ; мнѣ у чужихъ стыдно было и распрашивать; два года прошло ни слова; только черезъ Егора я уже узналъ, что жена ему родила сына и опостыла, надоѣла, такъ что онъ самъ не знаетъ, что дѣлать отъ скуки, а ужъ съ вами бы не соскучился Степка! Ну, да пусть за себя и пеняетъ...

Марья Осиповна блѣднѣе полотна стояла, ни жива, ни мертва, прислонясь къ дереву. Сходство событій, тѣже имена, не оставляли сомнѣнія, что гости за оградой разговаривали объ ея мужѣ... Для нея этотъ разговоръ былъ слишкомъ интересенъ. Бѣдная собрала всѣ силы и вслушивалась въ ужасныя рѣчи, которыя становились для нея недовольно внятными...

— Поймите мужчинъ! сказалъ женскій голосъ: въ два года! И стоятъ ли они послѣ этого одного ласковаго взгляда...

— Нѣтъ ничего удивительнаго! Онъ человѣкъ хорошо воспитанный, она, какъ пишетъ Егоръ, женщина простая! Страстно любитъ деревню; не обладаетъ никакимъ талантомъ, не умѣетъ говорить даже съ порядочными людьми...

Эти слова, что называется, доканали Марью Осиповну; какъ срубленное дерево повалилась она въ кустъ, подъ которымъ сидѣлъ хозяинъ. Въ испугѣ онъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ, но, узнавъ кто упалъ такъ нескромно и нарушилъ наслажденіе его наблюдательности, хозяинъ въ три прыжка очутился на балконѣ, и во все горло кричалъ Кирилло!

— Тише, ты, баринъ спитъ!

— Барыня въ обморокъ упала! Лежитъ тамъ у забора; я изъ окна видѣлъ...

Поднялась въ домѣ суматоха; принесли больную безъ чувствъ, уложили въ постель; хлопотали, шумѣли, одинъ только Кирилло стоялъ надъ бариномъ, протянувъ руку, но будить не рѣшался.

— Была не была! наконецъ сказалъ онъ: Степанъ Лукичъ!

— Гмъ.

— Степанъ Лукичъ!

— Что тамъ?

— Барыня нездорова!

— Пошлите за докторомъ!

— Эй, кликните Сеньку, пускай бѣжитъ за докторомъ. Баринъ приказалъ! Проворнѣе!

Послали за докторомъ. Женщины въ трепетномъ ожиданіи окружили Марью Осиповну, Кирилло стоялъ у изголовья кушетки, на которой лежалъ Степанъ Лукичъ. Баринъ спалъ, барыня не просыпалась.

(Продолженіе впредь).

Фелисіанъ Давидъ.

Г. Берліозъ.

СМѢСЬ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Для Странствователя, которому такъ трудно обходить цѣлый свѣтъ съ подзорной трубой, наибольшій интересъ заключаютъ тѣ открытія, которыя облегчаютъ пути личнаго и письменнаго сообщенія. Но иногда Странствователь попадается въ такой печальный обманъ, что цѣлую недѣлю раскаивается въ своемъ легковѣріи. И потому рѣшился не вѣрить ничему, рѣшительно ничему, что пишутъ ученые и не ученые по этому предмету. Да, я не знаю кто изъ васъ повѣритъ г. Эспару, что *можно тѣла, неимѣющія значительнаго вѣса, напримѣръ письма, пересылать за сто миль въ часъ.* А между тѣмъ г. Эспаръ не считаетъ своей выдумки шуткой, не потому, что онъ издалъ въ Мюнхенѣ объ этомъ брошюру, а потому, что подарилъ по экземпляру этой брошюры разнымъ академіямъ, и академіи съ приличною важностію приняли подарокъ.

⁂ Вотъ, напримѣръ, новымъ усовершенствованіямъ дагеротипа можно вѣрить и на слово. Дѣло понятное. До сихъ поръ фотографія умѣла снимать только неподвижныя мѣста, отдѣльныя картины. Теперь можете снять цѣлую панораму посредствомъ усовершенствованнаго Леребуромъ дагеротипа. Снарядъ вращается горизонтально и всѣ точки горизонта послѣдовательно имъ поглощаются; дощечка, на которой должно остаться изображеніе предметовъ, согнута въ цилиндръ, и посредствомъ пружины также поворачивается какъ угодно. Дагеротипныя панорамы, исполненныя въ мастерскихъ Леребура, отлично явственны и отчетливы. Для путешественниковъ кладъ, а не изобрѣтеніе.

⁂ Въ двухъ нумерахъ Иллюстраціи мы уже упоминали о ученой тяжбѣ Витстона съ Брегетомъ. Письмо г. Якоби къ Араго, въ которомъ изложены нѣкоторыя замѣчанія насчетъ записки г. Пулье о снарядахъ, для измѣренія скорости движенія бросаемыхъ тѣлъ, возобновило этотъ вопросъ. Г. Якоби, въ концѣ письма, утверждаетъ, что примѣненіе къ этому дѣлу гальванометра, какъ балистическаго маятника, сколько ни остроумно, но не можетъ успѣшно соперничествовать съ удивительнымъ электробалистическимъ инструментомъ г. Константинова. Этимъ положительно разрѣшилась странная тяжба. Брегетъ остался рѣшительно въ сторонѣ, а г. Константинова самъ Витстонъ въ первомъ письмѣ устранилъ отъ всякаго обвиненія. Нельзя болѣе сомнѣваться, что Витстонъ затѣялъ тяжбу въ досадѣ на участіе Брегета въ устройствѣ телеграфовъ, — и что честь остроумнаго изобрѣтенія вполнѣ принадлежитъ нашему ученому.

⁂ Электромагнитная сила распространяетъ свое вліяніе не только на потребности ученыя, но и на забавы. Въ Англіи, въ продолженіи немногихъ часовъ, два шахматные игрока разыграли партію посредствомъ электр. телеграфа. Ихъ раздѣляло 100 миль; третій любитель шахматъ, за 50 лишнихъ миль, посредствомъ такого же телеграфа, наблюдалъ за ходомъ игры. — Теперь играютъ уже и въ вистъ такимъ же образомъ... Лучше бы, однако, оригинальные Британцы постарались примѣнить прекрасное открытіе къ реальнымъ потребностямъ, напримѣръ, къ биржевымъ курсамъ и т: п: Безъ сомнѣнія мы скоро увѣдомимъ о подобныхъ подвигахъ электромагнитной силы.

⁂ Вспомните, когда-то издавались для дѣтскаго употребленія хронологическіе указатели изобрѣтеній и открытій. Въ 7,300 лѣтъ, отъ сотворенія міра, человѣчество сдѣлало такъ мало изобрѣтеній и открытій, что всѣ они могутъ вмѣститься въ карманномъ календарикѣ; но за то въ послѣдніе 53 года, тотъ же родъ людской сталъ такъ изобрѣтателенъ и предпріимчивъ, что въ нынѣшнемъ 7353 году отъ с. м. можно издавать такой календарикъ — ежедневно. Положительно можно утверждать, что на каждый день приходится по одному важному открытію и по десятку колоссальныхъ предпріятій. Лице Европы скоро будетъ подъ желѣзной маской; океаны — безопаснѣе и меньше прежнихъ озеръ; озера и рѣки — лужи, черезъ которыя можно будетъ перескакивать. А если которая рѣка съ капризами, которые родились вмѣстѣ съ нею, воля и умъ человѣка истребятъ эти капризы или сдѣлаютъ ихъ предметами совершенно посторонними. Вы знаете величественную, одну изъ самыхъ огромныхъ рѣкъ міра, Мараньонъ или Амазонскую. Она протекаетъ черезъ многія государства, и между прочимъ черезъ Республику Боливійскую. Устья Мараньона и среднія части совершенно судоходны слишкомъ на 200 миль вверхъ; но близь впаденія въ Мараньонъ Ріо-Мадейрасъ, разбросано нѣсколько огромныхъ скалъ, которыя прекращаютъ здѣсь судоходство. Изъ нихъ три совершенно преграждаютъ путь судамъ; между другими только теченіе дѣлается слишкомъ быстрымъ, такъ, что Индѣецъ далѣе останавливаетъ свою пирогу и перетаскиваетъ ее по сушѣ, для дальнѣйшаго плаванія. Генералъ Баливіанъ, нынѣшній президентъ Республики, рѣшился уничтожить положенныя натурою преграды: постановили прорыть каналы со шлюзами въ обходъ всѣхъ этихъ скалъ. Такимъ образомъ устроится свободное судоходство по всей Амазонской Рѣкѣ. Особая коммиссія уже на мѣстѣ составляетъ планъ исполненія этого гигантскаго предпріятія, которое между прочимъ сократитъ дорогу изъ Боливіи въ Европу на половину пути.

⁂ Право не знаемъ, пилъ ли чай и кофе Юлій Кесарь? Основываться на древнихъ свидѣтельствахъ опасно. Китай былъ уже великой державой, когда Римляне сражались съ Карѳагеномъ на своихъ многовесельныхъ лодкахъ; Индѣйцы начинали упадать въ наукахъ и художествахъ, когда Агриппа строилъ будку-паносонъ. Какъ знать, что Римлянамъ не былъ извѣстенъ ни чай, ни кофе; но ужъ за то, что они не знали сахара, поручиться рѣшительно невозможно. Рамонъ дела Сакра, ученый Испанецъ, издалъ теперь весьма занимательное сочиненіе о разведеніи и выработкѣ сахарнаго тростника въ Андалузіи. По всему берегу этой райской страны выработывали сахаръ съ незапамятныхъ временъ, гораздо прежде нашествія Мавровъ. Отъ Альмеріи до Марабелы, до Гибралтарскаго Пролива весь берегъ былъ покрытъ богатѣйшими плантаціями. Во многихъ округахъ и теперь еще находятъ слѣды разведенія тростника; теперь еще въ дѣйствіи девять плантацій, которыя ежегодно обработываютъ 15 милліоновъ килограммовъ сахарнаго тростника. Изъ 25 милліоновъ к. составляющихъ ежегодную жатву, десять милліоновъ к, истребляетъ Андалузія, потому что въ этомъ краѣ, какъ и на Антильскихъ Островахъ, тростникъ сосутъ всѣ жители. Теперь принялись весьма тщательно за эту отрасль промышленности и не сомнѣваются, что Андалузія непремѣнно дастъ 25 м. к., сахара, что совершенно покроетъ потребность этого продукта въ цѣлой Испаніи. Эти свѣдѣнія не только важны потому, что можно думать, что Юлій Кесарь кушалъ мороженое, и, вѣроятно, лимонное, но и потому, что Испанія начинаетъ успокоиваться и обращается къ благо-

словеннымъ мирнымъ занятіямъ, которыя во всей Европѣ теперь увлекаютъ общее вниманіе.

, Центральный земледѣльческій съѣздъ въ Парижѣ занимался вопросами, которые для насъ, Русскихъ, не любопытны, а потому и могли показаться многимъ не важными. Толковали о вредѣ и пользѣ масляничныхъ растеній и объ искуственныхъ удобреніяхъ почвы. Вопросы эти могутъ быть не любопытны, но важность ихъ неоспорима.

, Лѣсоводство въ послѣднее время пріобрѣло весьма важныя пособія. Это Лѣсная Географія Ганда и его же Лѣсная Карта Европы. У насъ окончено изданіе Лѣснаго Словаря, которымъ мы займемся съ большимъ вниманіемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ. Все занимательно, все должно быть занимательно, коль скоро относится къ Россіи, или можетъ быть для нея пригодно. Досужее любопытство скучаетъ подобными извѣстіями; но и для него есть особеннаго рода трудолюбцы, свои Иракли.

, Одинъ изъ нихъ, г. Виссе, разсказываетъ въ письмѣ своемъ къ г. Реньо удивительныя вещи. Извѣстно всѣмъ и каждому, что область Квито — нынѣ обратилась въ республику экватора, что городъ Квито стоитъ у подножія волкана, который называется Руку-Пихниха. Волканъ производилъ ужасныя опустошенія, но съ 1690 года успокоился и такъ сталъ смиренъ, что окрестные жители увѣрились, что онъ совершенно и навсегда потухъ. Г. Виссе взялъ съ собою лучшаго своего ученика, Гарсія-Марено, муловъ, человѣка, собаку, проводника Индѣйца и отправился на гору; но старинныя шалости волкана окружили его оврагами, обрывами и всѣми подобными неудобствами для ѣзды. На порядочной высотѣ ѣхать не было уже и возможности. Натуралисты съ Индѣйцемъ поползли вверхъ, что было для нихъ очень трудно, по причинѣ рыхлости волканической почвы. Но Иракли все превозмогаютъ. Въ 7 часовъ утра отправились они въ путь, въ 11½ достигли одной изъ вершинъ горы, но ничего не могли видѣть, потому что случился туманъ. Мало по малу стали они разсматривать внутренность *черную и ужасную* кратера, но дна не могли видѣть. «Пойдемъ въ кратеръ!» сказали они другъ другу. — Вы думаете они пошутили? Нѣтъ, пошли. Покрайней мѣрѣ такъ разсказываетъ г. Виссе. Индѣецъ натурально отказался отъ такой прогулки; но собака послѣдовала за ними, не подумавъ; а какъ подумала, какъ услышала съ какимъ страшнымъ шумомъ и гуломъ изъ подъ ногъ гостей летятъ камни въ бездонную глубину, и она воротилась на бѣлый свѣтъ. Погода не много разгулялась и они могли разсмотрѣть дно кратера. Спустились они на 300 метровъ въ глубину и тутъ замѣтили другой кратеръ, пошли по стѣнкѣ, раздѣлявшей два жерла, почувствовали сѣрный запахъ и подошли къ самой пасти волкана. Они приблизились на такое разстояніе къ жерлу, изъ котораго съ шумомъ вырывался паръ, что, по мнѣнію г. Виссе, они были всего на нѣсколько шаговъ отъ своихъ антиподовъ въ Суматрѣ. Подъ ногами у нихъ уже не стало твердой почвы: зола и только. Г. Виссе легъ и вложилъ руку въ золу, чтобы поискать тамъ волканическихъ кристаловъ, но тамъ было больно жарко. Термометръ въ 60°, приставленный къ жерлу, поднялся всею своею силу; въ двадцати шагахъ отъ жерла жаръ былъ выше температуры кипящей воды. Кристалы, почти въ жидкомъ видѣ, покрывали, какъ обои, стѣны жерла; пары съ запахомъ гнилыхъ яицъ поднимались оттуда; пока путники искали кристаловъ и наслаждались зрѣлищемъ внутренняго расположенія кратера, собрался дождь и приударилъ такъ сильно, что внутри кратера потекли рѣки, подъ ногами путниковъ пробѣгали ручьи, приглашая и ихъ за собою въ бездну. Поднялась ужасная музыка, неустрашимые устрашились; пошли назадъ; тутъ на каждомъ шагу тысяча препятствій и смертей, но Иракли вышли, Индѣйца нѣтъ, дождь льетъ, ночь, они сѣли на гладкую снѣжную поверхность и спустились съ горы, но не туда куда слѣдовало. Неудача за неудачей, но все, однакоже, кончилось благополучно. Они нашли уже внизу и муловъ и собаку и всѣхъ и все, воротились въ Квито, чтобы написать письмо къ г. Реньо, и въ заключеніе обѣщаютъ въ благопріятнѣйшее время отправиться въ кратеръ на цѣлую недѣлю. Не знаемъ, вѣрите ли вы этому письму? Но оно писано извѣстнымъ ученымъ къ другому извѣстному ученому... Мы вѣримъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ вѣримъ сошествію въ адъ Орфея, Данте и другихъ знаменитыхъ натуралистовъ своего рода.

, Мы слышали, мы читали письменные отзывы, въ которыхъ насъ, и весьма справедливо, упрекали въ томъ, что мы, столь тщательно собирая всѣ ученыя новости, до сихъ поръ не увѣдомили читателей нашихъ, даже не упомянули о путешествіи г. Миддендорфа по Сибири. Люди, знающіе, просматривавшіе это путешествіе, не могутъ довольно нахвалиться этимъ трудомъ; но что могли сказать мы, не видавъ сочиненія? Въ началѣ только этого года г. Миддендорфъ возвратился въ С. Петербургъ. Мы исполнимъ нашу обязанность въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

, Ученая наша дѣятельность не такъ малозначительна, какъ кажется. Но кому въ Россіи извѣстны ея плоды? Многіе ли читаютъ наши оффиціальные журналы, безъ сомнѣнія лучшія изданія въ Россіи. Странствуя по этой области, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ нѣкоторыя явленія. Одно изъ любопытнѣйшихъ — есть безспорно числительный инструментъ, изобрѣтенный Евреемъ Зелигомъ Слонимскимъ. Изобрѣтатель обратилъ на себя лестное вниманіе Гумбольта, Бесселя, Якоби, Энке и Крелле. Берлинская академія одобрила остроумный инструментъ. Его Высокопревосходительство, г. министръ народнаго просвѣщенія, обратилъ на изобрѣтателя вниманіе Императорской Академіи Наукъ, которая наградила его второю демидовскою преміей. Машинка эта дѣйствительно весьма, какъ мы выразились, остроумна, но едвали можетъ войти въ общее употребленіе. Изобрѣтенные имъ же инструменты для сложенія и вычитанія гораздо проще и могутъ быть употребляемы съ удобствомъ каждымъ. Описаніе перваго инструмента вышло въ свѣтъ особой брошюрой.

, Обширность Россіи, какъ мы уже не разъ замѣчали, причиною тому, что трудно видѣть вдругъ плоды дѣятельности нашей по той или другой отрасли знанія. Ученыя наблюденія производятся повсемѣстно. Г. Мацеровскій наблюдаетъ Ледовитый Океанъ и Бѣлое Море; на югѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Нордманна, небольшая экспедиція занимается наблюденіями въ Крыму, по части естественной исторіи. Множество молодыхъ нашихъ ученыхъ разсѣяно по Европѣ; и всѣ принесутъ плоды, изъ коихъ многіе послужатъ намъ въ честь. У насъ по многимъ частямъ нѣтъ даже, какъ говорится, и почину. Напримѣръ, посмотрите сколько въ другихъ государствахъ написано книгъ о теоріи вѣроятностей; этотъ предметъ слишкомъ важенъ не только для науки, но и для житейскихъ потребностей, а у насъ по этой части не было не только ни одного оригинальнаго сочиненія, но даже и переводнаго!!... Этотъ важный недостатокъ пополнится изданіемъ обширнаго сочиненія г. академика Буняковскаго, уже представленнаго академіи наукъ въ рукописи, подъ заглавіемъ: Основанія математической теоріи вѣроятностей съ ея приложеніями къ вопросамъ изъ общественной жизни, естественной философіи, политической экономіи и наукъ нравственныхъ. Судя по прежнимъ трудамъ нашего ученаго математика и по оглавленію, нѣтъ сомнѣнія, что ученая литература наша обогатится превосходною и для каждаго весьма полезною книгою. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

, Художества въ нашъ вѣкъ составляютъ нужду, потребность, необходимость, какъ свѣтъ и тепло. Художественная дѣятельность такъ обширна, что еслибы слѣдить за всѣми ея продуктами, то надобы устроить особенную обсерваторію съ цѣлымъ полкомъ обсерваторовъ. У насъ большая часть этой дѣятельности обращается на сооруженіе Исакіевскаго Собора, сооруженіе, которому не только равнаго, но и подобнаго нигдѣ нѣтъ, давно не было и едвали уже будетъ. Насъ какъ-то упрекали, что мы не помѣстили политипажнаго очерка вновь открытаго фронтона, Витали. На это мы должны сказать, что раздѣльное описаніе частей подобнаго зданія повредило бы цѣлому. Въ свое время, когда все будетъ окончено, Редакція употребитъ всѣ силы, чтобы это вѣковое созданіе было представлено нашимъ читателямъ въ цѣлости, въ возможной полнотѣ и съ соотвѣтственнымъ числомъ гравюръ. Вовсе не трудно нарисовать на деревѣ контуры группъ фронтона; еще легче ихъ вырѣзать; но это было бы именно то шарлатанство, отъ котораго Иллюстрація уклоняется; не одобряемъ мы и нашей сестрицы, нѣмецкой иллюстраціи, за помѣщеніе въ послѣднемъ нумерѣ картины праздника, бывшаго по случаю открытія Кельнскаго Собора, нынѣ оконченнаго. Сооруженіе это очень важно; докончен подвигъ многихъ вѣковъ, черезъ много вѣковъ; праздникъ былъ великолѣпенъ, но гравюра имѣетъ только интересъ новости; достоинства сооруженія остались въ тѣни; подробностей не видимъ и главный интересъ потерянъ. Его нельзя уже будетъ пополнить въ послѣдствіи.

, Новыхъ памятниковъ мы не встрѣтили въ Европѣ. Монументоманія поутихла. Прогуливаясь по Франціи, мы слышали въ Бомонѣ, что въ муниципальномъ совѣтѣ этого города толковали о томъ, что надо поставить памятникъ знаменитому математику Ферма, который тамъ родился. Потолковали и разошлись. Но, кажется, памятникъ будетъ.

, За то въ Нью-Іоркѣ — мы видѣли прелюбопытное зданіе. Это плавучій театръ, который, для отличія отъ сухопутныхъ театровъ, названъ храмомъ музъ. Онъ построенъ на пароходѣ въ 90 силъ и можетъ вмѣстить 1,200 посѣтителей; каждый вечеръ крыша театра иллюминована; труппа актеровъ отличная; храмъ музъ плаваетъ себѣ изъ города въ городъ, даетъ представленія и собираетъ большія деньги. На старости онъ, вѣроятно, посѣтитъ и Неву.

, Пока состарѣется храмъ музъ, два жреца музъ собираются посѣтить Петербургъ; одинъ, можетъ быть, на словахъ, это Гекторъ Берліозъ, — другой на дѣлѣ — это Фелисіанъ Давидъ. Онъ съ своей знаменитой симфоніей *Пустыня* недавно былъ въ Лейпцигѣ, гдѣ симфонія принята съ отмѣннымъ одобреніемъ. Такъ какъ они могутъ пожаловать не взначай, такъ, что вы встрѣтитесь съ ними на Невскомъ прежде, чѣмъ Иллюстрація успѣетъ извѣстить васъ объ ихъ пріѣздѣ, то во избѣжаніе какой-либо ошибки, помѣщаемъ ихъ портреты.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

53. Крестьяне говорятъ *ѣжа*, вмѣсто яства, пища, харчъ, снѣдь; *ѣдовитое*, вмѣсто съѣдомое: ѣдовитое сѣно. Слово это было бы хорошее, еслибы оно не такъ близко было къ ядовитому.

54. Просадь — аллея. Березовая просадь; по дорогѣ просадь.

55. Хвостъ у волка *полѣно*, у лисы *труба*, у зайца *цвѣтокъ*, у борзой собаки *правило*, у гончей *гонъ*.

56. Лапы у зайца *пазанки* — отпазанчить зайца, отрѣзать лапки. Лапы у тюленя и моржа *ласты*, т. е. весла: ластовыя или гребныя суда, ластовый экипажъ.

57. Часто пишутъ у насъ *болтанье* вмѣсто *болтовня*: языкъ нашъ причудливъ и потому богатство и гибкость его также своенравны. *Болтанье* почти тоже, что *пахтанье*; это не столько дѣйствіе, какъ послѣдствіе, произведеніе его: пахтанье, какъ извѣстно, сыворотка, оставшаяся отъ сбитаго масла. *Болтушка* — уменьшительное болтуньи, и еще разболтанная въ водѣ мука. *Болтунъ* — говорунъ, пустомеля — также гнилое

яйцо. Дать болтуна, сморозить что нибудь, отлить пульку—соврать.

58. Вѣнецъ, также степной кряжъ, степной увалъ: уступъ возвышенной степи отъ низменныхъ луговъ. Увалъ вообще не пригорокъ и лощина, какъ иные понимаютъ слово это, а уступъ, ступеня, между возвышенностію и низменностію.

59. Въ статьѣ «Послѣднія минуты Пушкина» напечатано со словъ моихъ: «онъ былъ *повадливъ;*» это опечатка: *поводливъ. Повадливъ* тотъ, кто склоненъ воспользоваться всякой повадкой, понаровкой, потачкой; кто легко пріучается и привыкаетъ къ тому, что нѣсколько разъ сдѣлалъ. *Поводливъ*, напротивъ, тотъ, кто послушенъ, даетъ руководить себя, не упрямится.

60. Въ одномъ разсужденіи о торговлѣ сказано было: овцы получаются тамъ-то, частію съ тѣмъ, чтобы ихъ рѣзать на мѣстѣ, частію же, чтобы гнать гуртами далѣе въ Россію. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, какъ у насъ сила и сжатость языка проскакиваетъ сквозь пальцы; вмѣсто длинной и не русской рѣчи этой, слѣдовало бы сказать просто: овцы берутся на убой, или въ отгонъ.

61. Лѣтовать, весновать—почти также употребительно, какъ зимовать; но подобнаго слова, относительно осени, кажется у насъ нѣтъ.

62. Обойтись, обойтиться. Почемъ, или во что обошлась вамъ чуйка, съ прикладомъ и работой? — Сосѣдъ обошелся со мной невѣжливо. — Не клещи лошадь, дай ей обойтись, а обойдется, такъ пойдетъ.

63. Нетека: пиво заварили, да сталось нетека.

64. Кровля крыта щипцомъ и шатромъ—тоже что крыта въ два шара и въ четыре шара, на два или на четыре ската; на два или на четыре откоса.

65. *Бѣднякъ* — бѣдный, неимущій; *бѣдняга* — человѣкъ, о которомъ соболѣзнуютъ, жалѣютъ.

66. *Сердечный* — близкій къ сердцу; *сердешный* —кого я жалѣю, о комъ соболѣзную: онъ, сердешный, теперь пропадетъ.

67. Грести сѣно—на Украйнѣ громадить, а въ восточныхъ губерніяхъ катать.

68. Сибиряковъ называютъ *чевошниками*, за то, что они всегда вмѣсто *что*, спрашиваютъ: *чего?*

69. Коренныя русскія прозванія были существительныя или прилагательныя; впослѣдствіе же, отъ вопроса: чей ты, чьего или изъ какаго дома, они получили окончаніе на *овъ* и *новъ*: отецъ былъ Волкъ, Коврыга, Красный—а сынъ, на вопросъ чей ты? Отвѣчаетъ Волкова или Волковъ, Коврыгинъ, Красновъ и пр. Въ Сибири, гдѣ и теперь спрашиваютъ: *чьихъ ты? чьихъ вы* — тогда такъ напр. въ уральскомъ войскѣ остался о сю пору въ употребленіи вопросъ *чей, чьи*—произошли прозванія на *ыхъ*: Ильиныхъ, Черныхъ, Черниныхъ, Косыхъ и пр.

70. Тля, ржа—то же что гниль, ветошь. Тля относится болѣе къ тому, что можетъ гнить, истлѣвать; ржа — къ металлическимъ вещамъ. Впрочемъ, извѣстная порча хлѣбныхъ колосьевъ также называется *ржа*.

71. Кошуйся міръ, кошуйтесь дѣтки — такъ стращаетъ и усовѣщиваетъ заплечный мастеръ зрителей своихъ. Слово это означаетъ то же, что *казнись*: убойся, устрашись примѣра; покайся, прими въ науку, въ острастку. Глядя на сына шалуна—отецъ казнился; казнить, глядя на чужую вину, чтобы не отвѣчать за свою.

72. Неустойка. Слово, извѣстное въ правовѣденіи; у казаковъ употребляется оно въ иномъ смыслѣ: дѣйствіе или положеніе войска, которое осилили, одолѣли, которое не устояло. У насъ тутъ сталось было неустойка, да поправились.

73. Бѣда или грѣхъ денежный,—отъ котораго можно откупиться, отдѣлаться деньгами, однимъ убыткомъ.

74. У него спина широка—не боится побоевъ, много вынесетъ; въ переносномъ смыслѣ: то же, что мѣдный лобъ.

75. Кулакъ: 1. сложенные въ ладонь пять пальцевъ; 2, прасолъ, перекупщикъ, барышникъ. 3. Въ Москвѣ также извощики, которые держатся дружно обществомъ и взаимно обманываютъ людей, набивая цѣну; 4. зубъ въ машинномъ колесѣ, шипъ, цѣвка въ бревнѣ.

76. Дверь или окно аршинъ съ четвертью *въ свѣту* — т. е. шириною въ $1\frac{1}{4}$ арш., не считая косяковъ и проч.

77. Снять на нѣтъ, стесать на нѣтъ—откосомъ, клиномъ напрочь.

78. Забрить, забривка: вырубить концы бревенъ, стѣнку, шипомъ и запустить въ пазъ стойки или косяка.

79. Связать два бревна зубомъ, положить въ зубъ — врубить конецъ въ конецъ такъ, чтобы они другъ въ друга захватывали уступомъ, зубцомъ.

80. Запустить, зарубить сковородникомъ, высковородить — сдѣлать шипъ, въ видѣ сковородника, въ концѣ шире, въ основаніи уже.

81. Занавѣска—женскій передникъ съ лифомъ и рукавами.

82. Насовочка—родъ холщаной кофточки, надѣваемой сверху.

83. Запитая дочь — помолвленная, просватанная, когда ужъ ударили по рукамъ и запили виномъ.

84. Заправскій — истинный, дѣйствительный, настоящій, не подложный.

85. Стремянки—коротенькая веревочная лѣстница: послѣднее названіе переводное, первое русское. Стремянки встарину бывали въ рукахъ у воровъ и разбойниковъ, которые закидывали ихъ снизу на гребень стѣны или въ окно; въ этомъ случаѣ придѣлывали къ концу стремянокъ кошку, не большой якорекъ изъ четырехъ большихъ гвоздей.

86. Избоина, моноха, жмыхи, — остатки или выжимки отъ масляничныхъ сѣмянъ и зеренъ, послѣ выжемки масла.

В. Луганскій.

ПЕРЕПИСКА.

А. А. Приносимъ живѣйшую благодарность за доставленіе любопытной статьи. Но рисунки къ ней не могутъ быть изготовлены раньше октября, по причинамъ, которыя, надѣемся, вы увидите сами въ сентябрѣ, и одобрите наши дѣйствія.

О.Н. Старая пѣсня! Кажется вы будете въ убыткѣ. Нашъ печатный отвѣтъ не стоитъ ни копѣйки; а вамъ — большой расходъ на почтовую бумагу. Купите лучше бумаги цыкорной; она и цвѣтомъ и достоинствомъ будетъ совершенно соотвѣтствовать содержанію вашей пѣсни.

S. Невозможно! Почему—сами догадаетесь, или спросите у посторонняго, незнакомаго вамъ человѣка. Онъ непремѣнно дастъ вамъ отвѣтъ, отъ котораго мы уклоняемся.

Гг. Ст., Н. Н., О. О., С. П. Неисправность пересылки нумеровъ вовсе не зависитъ отъ Редакціи, которая пополняетъ недополученные нумера съ большимъ прискорбіемъ, потому, что чрезъ то пропадаютъ полные экземпляры. Впрочемъ, мы должны замѣтить желающимъ сохранить Иллюстрацію въ цѣлости, что не мѣшаетъ прятать ее отъ любителей картинокъ. Во время небольшой и недальней поѣздки намъ самимъ случилось видѣть деревенскую дачу, стѣны коей внутри украшены картинками изъ Иллюстраціи, оклеенными въ рамки домашней работы. По справкѣ оказалось, что владѣлецъ этой картинной галлереи не состоитъ въ числѣ подписчиковъ на Иллюстрацію, не смотря на то не лишается надежды украсить всѣ комнаты и мезонинъ своей дачи такимъ же образомъ. Какъ ему достались эти картинки, изслѣдовать не было возможности; онъ умѣетъ хранить и картинки и тайну.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ.—Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NNо 4—5.

Редгаунтлетъ (Красная-Перчатка).
Обрученные (Конетабль Честерскій).
Талисманъ.
Вудстокъ.
Горская вдова.
Два Пастуха.
Зеркало моей тетушки Маргариты.
Комната съ обоями.
Дочь Хирурга.
Пертская Красавица.
Анна Гейерштейнъ.

Изданіе этихъ романовъ предположено окончить въ шесть лѣтъ. *Ежегодно* будетъ выходить *четыре тома*, заключающіе въ себѣ отъ четырехъ до пяти романовъ. Хотя большая часть этихъ томовъ уже окончена переводомъ и готова къ печати, но редакція рѣшилась не спѣшить изданіемъ, чтобъ сдѣлать его тщательнѣе, и думаетъ, что читатели оправдаютъ ее въ этомъ (*).

въ нынѣшнемъ 1845 году изданы будутъ

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.
АНТИКВАРІЙ.
АЙВЕНГО.
ГЕЙ-МЕННЕРИНГЪ.

Поступилъ въ продажу :

«КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ».

«Антикварій» выйдетъ изъ печати въ іюлѣ, «Айвенго» въ октябрѣ, «Гей–Меннерингъ» въ декабрѣ нынѣшняго года.

Можно покупать каждый томъ отдѣльно; цѣна за каждый отдѣльный томъ *два рубли серебромъ*, безъ пересылки же. Вѣсовыхъ прилагается за 2 фунта *за каждый томъ*.

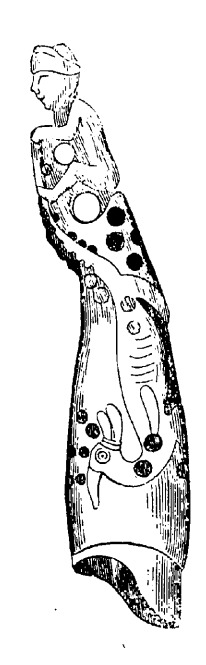
Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина — въ Санктпетербургѣ на Невскомъ Проспектѣ противъ Арсенала Аничкина Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Невскому Проспекту), въ лавкѣ подъ № 13; — въ Москвѣ: на Тверской, въ домѣ Матлена.

Издатели : *М. Ольхинъ.*
К. Жернаковъ.

(*) Вообще, въ порядкѣ выпуска романовъ предположено не держаться хронологическаго порядка, въ какомъ они первоначально издавались самимъ авторомъ. Этотъ порядокъ сохранится означеніемъ томовъ на заглавныхъ листахъ и на оберткѣ. Сначала будутъ издаваемы романы наиболѣе-знакомые читателямъ по прежнимъ переводамъ. Такъ, напримѣръ, теперь готово уже въ переводѣ пятнатцать томовъ, и мы выпускаемъ *пятнадцатый* томъ («Квентинъ Дорвардъ»), потомъ будетъ изданъ третій, второй томы, и т. д. Такъ какъ каждый томъ заключаетъ въ себѣ отдѣльный романъ (иногда и два), то между ними нѣтъ никакой связи, и, по окончаніи всего изданія, читатель самъ, по цифрамъ, выставленнымъ на оберткахъ, удобно можетъ привести ихъ въ порядокъ на полкахъ своей библіотеки.

НАПОЛЕОНЪ У ДИКАРЕЙ.

Имя великаго человѣка достигло въ глубь дикихъ лѣсовъ, гдѣ обитаютъ такія же дикія племена. Г. Мофра, во время путешествія своего по сѣверозападной Америкѣ, на рубашку вымѣнялъ пороховницу, сдѣланную изъ оленьяго рога. На верху, какъ изъ рисунка усмотрѣть изволите, грубо изваяно изображеніе Наполеона. Какимъ образомъ портретъ Наполеона могъ зайти къ дикарямъ? Этого мало. Другой Индѣецъ носилъ на шеѣ медаль-



онъ, также съ изображеніемъ Наполеона, и говорилъ путешественнику съ особеннымъ жаромъ, что еслибы можно пѣшкомъ дойти до великаго вождя Французовъ, онъ бы сей часъ отправился въ путь.

ИГРЫ.

I.

ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи № 14.

Просимъ исправить ошибку, которая вкралась послѣ всѣхъ корректуръ. Не въ 14, а въ 4 хода бѣлые даютъ матъ. Впрочемъ, полагаемъ, что эта ошибка примѣтна съ перваго взгляда, и мы не откладываемъ разрѣшенія.

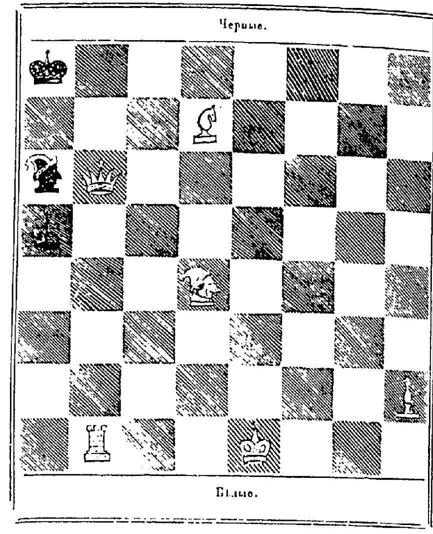
БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1. Ф. на 6. к. Кор.	Л. беретъ Сл. *)
2. Л. на 8 к. сл.	Кор. бер. Л.
3. Ф. на 6 к. Л. Кор.	Кор. на к. К.
4. Ф. беретъ пѣшку и матъ.	

*) Если черный Слонъ возьметъ Бѣлую Ферезь, то матъ послѣдуетъ за третьимъ ходомъ.

ЗАДАЧА № 15.

Qui perd, gagne.

Не легко дать матъ; но еще труднѣе принудить, чтобы *вамъ* непремѣнно дали матъ на пр. въ 8 шаговъ, какъ въ слѣдующей задачѣ, ходятъ бѣлые и заставляютъ дать себѣ матъ въ восемь ходовъ.



РАЗРѢШЕНІЕ ЕЩЕ ЗАДАЧИ.

Разрѣшить эту задачу можно только въ Океанѣ. Закупоренная бутылка опускается на веревкѣ на 100 сажень глубины. Тяжесть водянаго столба вдавитъ пробку въ бутылку, а наполняя ее водою, опять вдавитъ пробку въ горлышко, и обыкновенно узкимъ концемъ вверхъ.

—

Впредь задачи подобнаго рода будутъ означаемы римскими числами. И такъ :

ЗАДАЧА. № III.

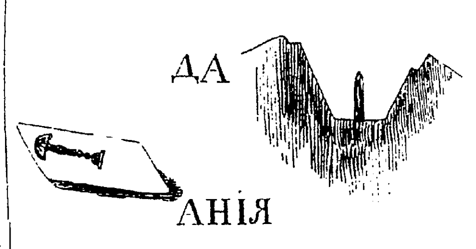
Какъ устроить вѣсы, на которыхъ положенныя двѣ равныя тяжести, въ какомъ бы то нибыло разстояніи отъ точекъ упора, всегда находились бы въ равновѣсіи?

РАЗГАДКА № 14.

1) Солнце въ знакѣ Льва, а намъ, чай въ овсѣ, лѣта не видать.

2) Іюль мѣсяцъ, а намъ чай вовсе лѣта не видать.

ЗАГАДКА № 15.



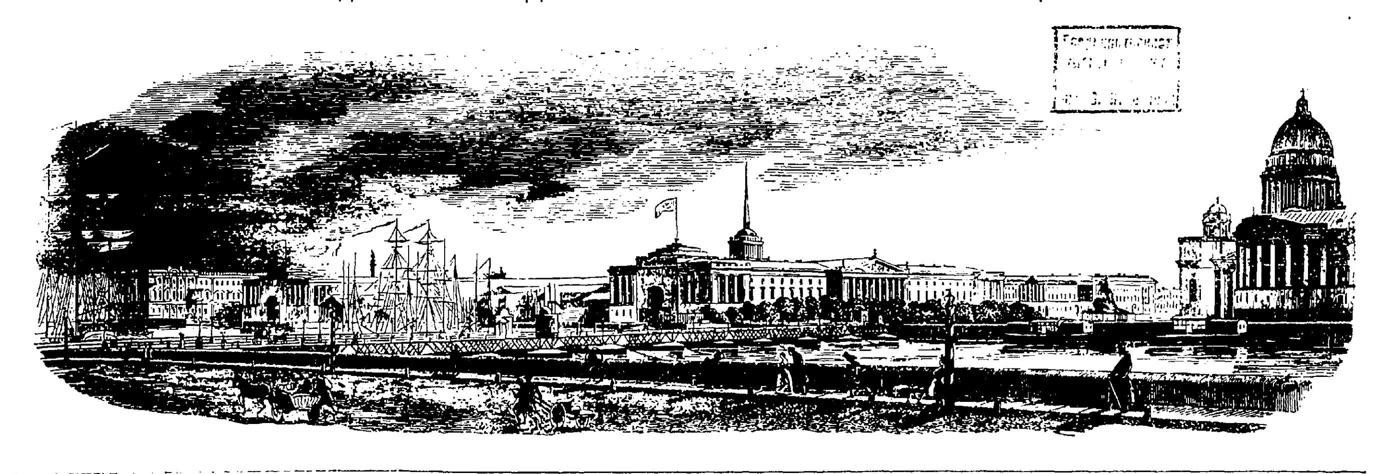
РАЗГАДКА ШАРАДЫ № 4.

1. — Подъ
2. — Ставка (1) въ игрѣ. 2) въ Лагерѣ).
3. — Подставка.

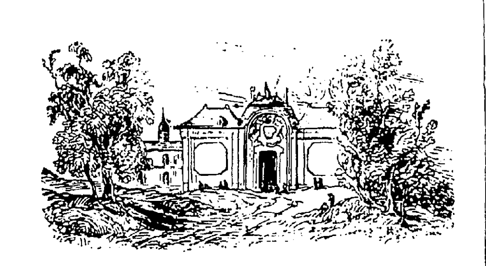
Печатать позволяется. С. Петербургъ. Іюля 12 дня 1845 года. Ценсоры : *А. Никитенко* и *А. Крыловъ.* Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 16.—Суббота, 21 Іюля 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.



БЕЗУМНАЯ.

I.

Посвящено М. А. Я—ву.

Это было весной 1834 года.

Утро было холодное. Въ одномъ изъ предмѣстій Парижа улицы постепенно оживлялись. Отъ заставъ направлялись къ центру города крестьянки съ молокомъ и зеленью, въ корзинахъ, привѣшенныхъ по сторонамъ ословъ и лошаковъ, возы съ сѣномъ и другими продуктами сельской промышленности.

У небольшаго, двухъ-этажнаго чистенькаго домика, выкрашеннаго бѣлой краской, молодой человѣкъ, въ курткѣ коричневаго цвѣта, съ передникомъ и въ фуражкѣ, козырекъ которой почти вполовину отдѣлялся отъ околыша, открывалъ ставни, не торопясь, съ роздыхомъ послѣ каждаго движенія, зѣвая, потягиваясь и отряхаясь по временамъ, какъ мокрый пудель.

Лицо этого молодаго человѣка было замѣчательно по своей наивности, чтобы не сказать глупости. Круглые, выпуклые, блѣдно-голубые глаза придавали ему видъ теленка; носъ, оканчивавшійся горизонтальною выпуклостію, отличался тѣмъ, что одна ноздря была выше другой; вся нижняя часть лица была шире верхней и значительно выдавалась впередъ; ротъ доходилъ чуть не до ушей. При такой неблагопріятной физіономіи бѣдный Жерве (такъ звали молодаго человѣка) могъ бы показаться чудовищемъ, еслибъ свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку, не умѣряли нѣсколько безобразія его.

Жерве открылъ ставни, зѣвнулъ, посмотрѣлъ по сторонамъ, швырнулъ въ воробья камнемъ, еще разъ зѣвнулъ и пошелъ къ двери домика; надъ дверью былъ балконъ, а на балконѣ вывѣска, на которой, на черномъ полѣ, были представлены двѣ золотыя сахарныя головы, съ надписью: *Бридо, мелочной торговецъ.*

Въ то самое время, когда Жерве готовился уже войдти въ лавку, онъ еще разъ оглянулся, и вдругъ опустилъ мѣдную ручку двери, за которую уже схватился, приставилъ руку къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ солнца, и сталъ смотрѣть въ одинъ конецъ улицы; на лицѣ его выразилось изумленіе, онъ выпучилъ глаза и произнесъ на два различныхъ тона:

— О—о!

Причина, возбудившая до такой степени любопытство Жерве, была въ самомъ дѣлѣ не маловажна, потому что и прочіе прохожіе останавливались, разспрашивали другъ-друга, пожимали плечами и покачивали головами.

Посреди улицы медленно и въ порядкѣ шли человѣкъ шестьдесятъ, одѣтыхъ одинаково въ сѣрыя шерстяныя куртки и панталоны; въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями; на плечахъ эти люди несли лопаты, ломы, кирки, молоты и т. п. Впереди шелъ одинъ человѣкъ, а сзади двое, одѣтыхъ почти также, за исключеніемъ соломенныхъ шляпъ; на послѣднихъ были клеенчатыя фуражки. Эти люди не разговаривали между собою; они шли медленно, въ порядкѣ и спокойствіи. Не смотря на ихъ болѣзненныя, страдальческія лица, они, по временамъ, улыбались, особенно, когда стали приближаться къ заставѣ, и когда воздухъ, которымъ они дышали, становился чище и свѣжѣе.

Жерве не вытерпѣлъ, прошелъ нѣсколько шаговъ мимо каменной стѣны, ограждавшей маленькій садъ мосье Бридо, и подошелъ къ сосѣднему дому, въ нижнемъ этажѣ котораго была виноторговля. У двери стоялъ старшій прикащикъ. Жерве поклонился, хотѣлъ приподнять фуражку, но только дернулъ за полуоторванный козырекъ и сказалъ:

— Здравствуйте, мосье Прюнъ; не знаете-ли вы, что это за процессія?

Прюнъ кивнулъ головой, пожалъ плечами и значительно поднялъ глаза къ верху.

— Странно, мосье Прюнъ!

— Удивительно, Жерве!

Между тѣмъ процессія все приближалась и приближалась.

— Знаешь ли что, Жерве, сказалъ послѣ краткаго молчанія мосье Прюнъ; будь молодецъ, пойди, спроси ихъ, что они за люди и куда идутъ?

— Вы думаете, мосье Прюнъ?.. А если они меня прогонятъ?

— Эка бѣда! Прогонятъ такъ прогонятъ; а можетъ и скажутъ, отвѣчалъ старшій прикащикъ виноторговли.

Жерве подумалъ съ минуту, почесался за ухомъ, оглянулся и сказалъ:

— Только бы хозяинъ не спросилъ меня.

— Э! онъ еще спитъ!.. отвѣчалъ Прюнъ, который въ этомъ случаѣ игралъ роль обезьяны, кошачьими лапами вынимающей каштаны.

Жерве махнулъ рукой и скоро пошелъ на встрѣчу процессіи, возбуждавшей любопытство всѣхъ прохожихъ. Онъ смѣло подошелъ къ человѣку, шедшему впереди, опять дернулъ за козырекъ, и стараясь придать лицу своему сколь возможно вѣжливое выраженіе, спросилъ:

— Позвольте узнать, господинъ *коммиссаръ*, — этимъ названіемъ Жерве думалъ польстить предводителю процессіи,—позвольте узнать, какихъ это вы людей ведете?

— Пошелъ, пошелъ! довольно грубо отвѣчалъ вопрошаемый; — иди своей дорогой

и не мѣшайся въ чужія дѣла!... А не то плохо придется!

Жерве отскочилъ, но любопытство его было возбуждено до крайности; не теряя надежды узнать разрѣшеніе загадки, чрезвычайно занимавшей его, онъ продолжалъ идти рядомъ съ таинственными работниками, стараясь уклоняться отъ наблюдательнаго взгляда ихъ предводителя. Между тѣмъ онъ осмотрѣлъ перваго изъ этихъ людей, въ двухъ шагахъ отъ котораго ему пришлось идти. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, и не смотря на грубую одежду, всѣ движенія его были исполнены аристократической граціи. Лицо его было блѣдно, щеки впалы; впалые глаза сверкали какимъ-то мрачнымъ огнемъ. Волосы были коротко обстрижены. Широкія поля бросали прозрачную голубоватую тѣнь на верхнюю часть благороднаго лица молодаго человѣка.

Прикащикъ мосье Бридо уже нѣсколько разъ пытался подойти къ молодому человѣку, но серьозный видъ его и мрачный взоръ наводили на Жерве страхъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и, отставъ на шагъ, подошелъ къ толстяку, шедшему немедленно за молодымъ человѣкомъ, котораго мы описали.

— Позвольте узнать, кто вы?.. спросилъ Жерве робко.

Толстякъ презрительно улыбнулся.

— Ты спрашиваешъ кто я?.. сказалъ онъ: —ты вѣрно иностранецъ?

— Никакъ нѣтъ... я Фррранцузъ!... отвѣчалъ прикащикъ съ глупою гордостію, закинувъ назадъ голову и протяжно прокартативъ слово *Французъ*.

— Несчастный! ты Французъ, а спрашиваешь, кто я?

Послѣднія слова толстякъ произнесъ тихимъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою выразительностію, что бѣдный Жерве смѣшался, снялъ фуражку и, извиняясь, проговорилъ:

— Простите... я... конечно... можетъ быть... но...

— Я прощаю твоей молодости... продолжалъ толстякъ, снисходительно улыбнувшись: — Я... Наполеонъ! Жерве остолбенѣлъ, выпучилъ глаза и разинулъ ротъ.

— На... На... по... леонъ!.. проговорилъ онъ съ ужасомъ и не довѣряя слуху своему. Простоявъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, онъ получилъ порядочный толчокъ и вслѣдъ за тѣмъ надъ самымъ ухомъ его раздались слова:

— Сторонись, дуракъ!.. Развѣ ты не видишь, кто идетъ?

Прикащикъ оглянулся и увидѣлъ за собою человѣка съ черными бакенбардами и гордымъ, величественнымъ видомъ. Онъ поклонился и, потерявъ изъ виду толстяка, рѣшился заговорить съ человѣкомъ, который толкнулъ его.

— Куда вы изволите идти? спросилъ Жерве; любопытство бѣдняка возрасло до такой степени, что онъ совсѣмъ растерялся; — Куда вы изволите идти?.. повторилъ онъ, не получивъ отвѣта на свой первый вопросъ.

— Спасать Францію!.. отвѣчалъ человѣкъ величественнаго вида.

Жерве отскочилъ съ ужасомъ. Страшныя вещи, которыя онъ узналъ, до того встревожили его, что онъ раскаявался въ своемъ любопытствѣ. Между тѣмъ его окружили любопытные и со всѣхъ сторонъ посыпались на него вопросы, такъ что онъ не приходилъ въ себя.

— Что это за люди?

— Куда они идутъ?

— Откуда они?

— Говори же скорѣе, Жерве!

— Отвѣчай же!

— Что ты, онѣмѣлъ, что-ли?.. кричали со всѣхъ сторонъ.

— Что вы ко мнѣ пристали? заревѣлъ вдругъ Жерве;—по неволѣ онѣмѣешь, да еще и оглохнешь на придачу, коли вы со всѣхъ сторонъ прожужжали мнѣ уши!.. Что я вамъ буду отвѣчать, коли я самъ ничего не знаю?

— Скрытничаетъ, скрытничаетъ!.. закричала толпа любопытныхъ.

— Вѣдь ты разговаривалъ съ ними?.. спросила какая-то старуха.

— Ну, разговаривалъ!.. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?.. отвѣчалъ Жерве.

— Изъ этого слѣдуетъ то, что ты узналъ, какіе это люди, — возразила старуха.

— А я ничего не узналъ, говорятъ вамъ!.. Пустите, что вы обступили?.. Пустите!.. кричалъ сердито прикащикъ.

— Побьемъ его, такъ онъ все откроетъ, —предложилъ какой-то дюжій ремесленникъ, съ кожанымъ передникомъ.

— Смѣйте-ка драться, такъ я зареву во все горло: караулъ!.. отвѣчалъ Жерве, немножко струсивъ.

— Пока ты успѣешь закричать, такъ я успѣю порядочно наколотить тебѣ шею! — сказалъ ремесленникъ, выступая впередъ: —ну, говори, а не то стукну!

Ремесленникъ, подстрекаемый толпой, привелъ бы свою угрозу въ исполненіе, если бъ мосье Прюнъ, прикащикъ виноторговли, а слѣдовательно человѣкъ, уважаемый въ околодкѣ, не выступилъ впередъ и не принялъ Жерве подъ свою защиту. Прюнъ поступилъ не совсѣмъ безкорыстно, и не изъ одного человѣколюбія. Онъ надѣялся, что Жерве изъ благодарности откроетъ ему тайну, которую ему удалось узнать; тайну, вѣроятно, весьма важную, потому что Жерве съ такою настойчивостью и такимъ самоотверженіемъ хранилъ ее. Чтобы скорѣе и лучше уладить дѣло, и чтобы не встрѣтить препятствія со стороны толпы, онъ перемигнулся съ любопытными, какъ бы давая имъ понять, что онъ подѣлится съ ними тѣмъ, что узнаетъ отъ упрямаго прикащика мосье Бридо.

Жерве освободили; толпа разступилась и Прюнъ, взявъ подъ руку молодаго прикащика, пошелъ съ нимъ. Мосье Прюнъ былъ человѣкъ осторожный, а потому, не желая возбудить недовѣрчивости Жерве, рѣшился завесть разговоръ стороной, стараясь идти какъ можно медленнѣе.

— Грубый народъ!.. сказалъ онъ; — ужасно грубый народъ! Хорошо, что я тутъ случился!..

— Отчего хорошо?.. наивно отвѣчалъ непризнательный Жерве.

— Оттого, что они прибили бы тебя!

— Посмотрѣлъ бы я!.. отвѣчалъ Жерве смѣло, потому что опасность уже миновалась.

— Ну, такъ ты долженъ былъ бы имъ все открыть...

— Ничего бы не открылъ!

— А! — вскричалъ Прюнъ, воспользовавшись случаемъ, — слѣдовательно ты знаешь?..

— Знаю, — отвѣчалъ плачевнымъ голосомъ Жерве, — только лучше бъ было, если бъ я ничего не зналъ!..

— Неужели?.. спросилъ съ изумленіемъ Прюнъ.

— Точно,—отвѣчалъ со вздохомъ Жерве.

Они подходили уже къ виноторговлѣ. Оставалось нѣсколько шаговъ до лавки Бридо. Прюнъ видѣлъ, что нельзя было терять времени; надобно было принять рѣшительныя мѣры. Мосье Пріонъ былъ глубокій дипломатъ; онъ зналъ слабую струну молодаго прикащика.

— Жерве, — сказалъ онъ ему, ты добрый малый; ты знаешь, я тебя всегда любилъ болѣе, нежели ты любишь ликеръ; ты разстроенъ этой сценой, пойдемъ я поднесу тебѣ рюмочку отличнѣйшаго ликера.

Сладкая улыбка выступила на лицѣ Жерве, ротъ его протянулся до самыхъ ушей; предложеніе Прюна исполнило сердце его неизъяснимою сладостію. Онъ хлопнулъ по рукѣ его и готовился уже идти за нимъ, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ послышался громкій голосъ, будто бы выходившій изъ бочки и кричавшій:

— Лѣнтяй!.. Олухъ!..

Жерве вздрогнулъ; голосъ этотъ имѣлъ на лицо его дѣйствіе грома на молоко; оно какъ бы свернулось и вмѣсто прежняго сладкаго, приняло чрезвычайно кислое выраженіе.

— Лѣнтяй!.. продолжалъ ревѣть голосъ.

— Это меня зовутъ!.. сказалъ Жерве съ досадой; прощайте, мосье Прюнъ... рюмка ликеру за вами.

— Постой же минуточку — возразилъ Прюнъ, схвативъ молодаго прикащика за руку и забывъ осторожность, — скажи же мнѣ, что ты узналъ?

— Охъ, мосье Прюнъ, не спрашивайте!.. и вамъ и мнѣ легче будетъ!..

Съ послѣдними словами онъ высвободилъ руку и пустился бѣжать. Секунду спустя, любопытные, ожидавшіе конца переговоровъ, окружили Прюна и приступили къ нему съ разспросами.

— Охъ, господа, не спрашивайте!.. и вамъ и мнѣ легче будетъ!.. отвѣчалъ Прюнъ, не желая признаться въ неуспѣшности своихъ дипломатическихъ дѣйствій, и исчезъ въ винномъ погребѣ.

Мосье Бридо былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, толстый, здоровый, съ атлетическими формами и львинымъ голосомъ. Онъ гнѣвно принялъ своего единственнаго прикащика, браня его за неисправность и главное за то, какъ онъ смѣлъ оставить безъ присмотра лавку въ такое время дня, когда обыкновенно бываетъ болѣе посѣтителей. Жерве выслушалъ длинную рѣчь своего господина, потомъ, когда тотъ, изумленный мол-

чаніемъ своего прикащика, не доставлявшимъ ему идей для продолженія рѣчи, самъ замолчалъ, онъ таинственно подошелъ къ нему и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Хозяинъ, пожалуйте за мною... не далеко... къ дверямъ... только скорѣе.

— Зачѣмъ?

— Пожалуйте только; послѣ будете разспрашивать.

Изумленный таинственнымъ и разстроеннымъ видомъ своего прикащика, хозяинъ пошелъ за нимъ. Они остановились на маленькомъ крылечкѣ, ведшемъ на улицу, и тамъ Жерве, указавъ вслѣдъ удалявшимся загадочнымъ работникамъ, спросилъ хозяина:

— Видите ли вы этихъ людей?

— Вижу... работники.

— Посмотрите-ка хорошенько. Какіе это работники?

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!.. Что за странное однообразіе въ одеждѣ? Что это за народъ? На ссыльныхъ они не похожи.

— Какіе ссыльные!.. Мосье Бридо... мосье Бридо!.. быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!..

— Что ты за чепуху врешь?... сказалъ Бридо, нѣсколько обезпокоенный. Какая тутъ бѣда, что работники въ одинакія куртки нарядились?

— Да это не работники!... Ахъ, какіе вы безтолковые, мосье Бридо!

— Умѣрь свои выраженія, молокососъ!...

— Нѣтъ, это я только такъ... Не обращайте вниманія... Главное то, что это не работники...

— А кто же?

— Революція!... произнесъ Жерве надъ самымъ ухомъ хозяина.

— Что ты говоришь, несчастный!.. вскричалъ Бридо съ ужасомъ.

— Революція, мосье Бридо... прикащики будутъ хозяевами, а хозяева прикащиками!

— Жерве, другъ мой, — произнесъ со страхомъ Бридо, — если ты будешь такъ глупо шутить, такъ я сейчасъ же про... то есть отрѣшу тебя отъ мѣста.

— Да я не шучу!... Они сами мнѣ сказали!

— Что же они тебѣ сказали, голубчикъ Жерве?...

— Одинъ сказалъ: идемъ спасать Наполеона!... а другой: я Франція!...

II.

Между безчисленнымъ множествомъ болѣзней, составляющихъ печальный удѣлъ человѣческой организаціи, сумасшествіе есть, безспорно, то, которое внушаетъ человѣку болѣе состраданія, боязни, къ сожалѣнію, инстинктивнаго отвращенія. Въ опаснѣйшей болѣзни, посреди мучительнѣйшихъ страданій, когда тѣло лишилось силы, органъ мысли остается неприкосновеннымъ, живымъ, такъ сказать; больной находитъ утѣшеніе и успокоеніе въ наслажденіяхъ ума; привязанность друзей, ближнихъ, могутъ заставить его на минуту забыть свои страданія, и философъ легко утѣшаетъ себя тѣмъ, что если тѣло его почти умерло, то жива еще мысль; но когда помрачается умъ, когда благороднѣйшая принадлежность человѣка разрушается, когда разстроенное воображеніе дѣлаетъ несчастнаго игрушкой безпрестанныхъ иллюзій, когда онъ становится холоднымъ, равнодушнымъ ко всему, что окружаетъ его, наконецъ, когда будучи часто въ тягость самому себѣ, онъ наводитъ страхъ и ужасъ на ближайшихъ къ нему людей... о! тогда одна смерть можетъ спасти его, потому что смерть менѣе ужасна, нежели сумасшествіе!...

При видѣ подобнаго несчастія, первымъ чувствомъ, первымъ движеніемъ нашего сердца должно быть глубокое, искреннее сострадавіе. Если общественное спокойствіе, да и самая польза больнаго требуютъ, чтобы его лишали свободы для того, чтобы отнять средства вредить себѣ и другимъ, то попеченія о немъ, даже самыя исправительныя средства, должны быть исполнены чувствомъ снисходительнаго состраданія... Это чувство должно быть первымъ основаніемъ, первымъ правиломъ, первымъ, закономъ всѣхъ убѣжищъ для умалишенныхъ!.. между тѣмъ, къ стыду человѣчества должно признаться, что долгое, весьма долгое время думали иначе.

Не входя въ подробности объ ужасныхъ *клѣткахъ*, въ которыя сажали умалишенныхъ, объ жестокомъ, варварскомъ обхожденіи съ ними, мы представляемъ читателямъ вѣрный снимокъ съ прекрасной картины германскаго живописца Каульбаха, изображающей внутренность двора дома умалишенныхъ. Какое тягостное впечатлѣніе производитъ видъ несчастныхъ, оставленныхъ на произволъ преобладающихъ идей ихъ?... Вотъ бѣднякъ — ученый, человѣкъ, преслѣдующій, быть можетъ, геніальную идею, запавшую въ умъ, не довольно сильный отъ природы, а быть можетъ и ослабленный страшными ударами, разочарованіемъ, грознымъ бичемъ всѣхъ добрыхъ намѣреній и помышленій... Человѣкъ съ суровымъ видомъ—воинъ; далѣе, честолюбіе—бумажная корона; выше —фанатизмъ религіозный; правѣе—бѣдная мать, прижимающая къ груди куклу... и наконецъ, надъ всѣмъ этимъ—безжизненное, холодное лицо сытаго стража, съ трубкой, со связкой ключей въ рукахъ; изъ кармана его торчитъ конецъ плетки...грустно, больно!...

Просимъ извиненія у читателей за это отступленіе.

Въ наше время, во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ это измѣнилось. Съ умалишенными поступаютъ не какъ съ преступниками, а какъ съ несчастными, заслуживающими живѣйшее участіе и состраданіе.

Люди благородные, умы возвышенные, обратили особенное вниманіе на этотъ предметъ и старались разными путями достигать до облегченія состоянія несчастныхъ. Знаменитый Пинель, главный врачъ Бисетра, дома умалишенныхъ мужчинъ въ Парижѣ, въ 1824 году объявилъ, что основнымъ закономъ всѣхъ больницъ для сумасшедшихъ должно быть «движеніе, занятіе механическими работами.» Это средство было примѣнено къ дѣлу. Въ Бисетрѣ устроили огромный колодецъ, изъ котораго доставляли воду на все заведеніе. Чтобы пріохотить умалишенныхъ накачивать воду изъ этого колодца, имъ назначали незначительную плату, и вскорѣ оказалось, что больной, поработавшій часа два у колодца, становился тише и спалъ спокойнѣе. Вскорѣ за тѣмъ устроили въ Бисетрѣ мастерскія, въ которыхъ умалишенные занимались разными работами, главною цѣлію которыхъ было отвлечь умъ несчастныхъ отъ идеи, бывшей причиною разстройства ихъ ума.

Наконецъ, когда умноженіе капиталовъ позволило приступить къ перестройкѣ старыхъ зданій Бисетра, большей части умалишенныхъ была дана работа. Не говоря уже о пользѣ, которую эти занятія принесли умалишеннымъ, они доставили и самой администраціи большія выгоды, потому что перестройки обошлись не въ примѣръ дешевле, а несчастные были помѣщены въ красивыхъ, опрятныхъ и удобныхъ жилищахъ.

Въ послѣдствіи администрація домовъ умалишенныхъ пріобрѣла старую, оставленную, разрушавшуюся и запущенную Сентъ-Анскую ферму, находившуюся въ окрестностяхъ Парижа. Туда переселили часть больныхъ, заставили ихъ перестроивать и чинить полуразвалившіяся зданія, обработывать поля и, въ настоящее время, эта ферма приноситъ до 50,000 франковъ ежегоднаго дохода (*).

Въ слѣдствіе этихъ счастливыхъ результатовъ, администрація рѣшилась обратить вниманіе и на другой домъ умалишенныхъ, а именно *Сальпетріеръ* (la Salpêtrière), назначенный исключительно для женщинъ. Старыя зданія приходили въ разрушеніе; они были такъ дурно выстроены, что стѣны были покрыты трещинами и плѣсенью; расположеніе ихъ было до крайности неудобно. Дабы произвесть работы болѣе дешевымъ образомъ, администрація рѣшила возложить ихъ на своихъ *пансіонеровъ*, сумасшедшихъ. Но тутъ встрѣтились большія препятствія. Правительство всѣми мѣрами возстало противъ этого намѣренія. Возможно ли было позволить полусотнѣ умалишенныхъ, вооруженныхъ орудіями, которыя въ рукахъ ихъ могли быть ужасны, пройти чрезъ большую часть Парижа? Сентъ-Анская ферма была за городомъ—это другое дѣло. Но кто возьметъ на себя отвѣтственность за всѣ несчастія, которыя могли быть слѣдствіемъ этого неосторожнаго распоряженія?... Г. Феррюсъ, преемникъ Пинеля, бралъ всю отвѣтственность на себя и настаивалъ до тѣхъ поръ, пока не согласились на его требованія.

Наступила весна. Растворились рѣшетки, за которыми заключались несчастные въ Бисетрѣ; всѣ каморки опустѣли исключая школъ, въ которыхъ старались развить умъ несчастныхъ дѣтей, такъ называемыхъ дурачковъ (**) и въ обширныхъ коридорахъ раздавались уже не дикіе вопли и стоны, а лишь одни шаги сторожей, прохаживавшихся взадъ и впередъ... (***).

IV.

Теперь читатели знаютъ, кто были загадочные работники, столько взволновавшіе Жерве, Бридо, Прюна и другихъ любопыт-

(*) По недостатку мѣста мы помѣстимъ видъ Сентъ-Анской фермы и нѣкоторыя другія картинки, въ слѣдующемъ нумерѣ Иллюстраціи, въ продолженіи этого разсказа.

(**) Картинка въ слѣдующемъ нумерѣ.

(***) Картинка въ слѣдующемъ нумерѣ.

ныхъ жителей мирнаго, отдаленнаго предмѣстья, а потому возвратимся къ нашему разсказу.

Процессія умалишенныхъ, подъ надзоромъ трехъ только сторожей, спокойно миновала Госпитальный Бульваръ, вышла чрезъ Итальянскую Заставу и направилась къ Сальпетріеру. Открытый воздухъ, далекій горизонтъ, обширный, неограниченный сводъ небесный, отсутствіе рѣшетокъ и высокихъ стѣнъ, самымъ благодѣтельнымъ образомъ дѣйствовали на несчастныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пришедшіе на время въ полный разумъ, весело разговаривали, или шутили между собою. На другихъ же эта минутная свобода произвела грустное впечатлѣніе. Они шли впередъ уныло, опустивъ голову на грудь.

Между послѣдними былъ молодой человѣкъ, о которомъ мы уже упомянули. По временамъ только взоръ его оживлялся, онъ осматривался по сторонамъ, какъ бы изучая мѣстность и все болѣе и болѣе отставалъ. Наконецъ, всѣ товарищи опередили его и онъ шелъ возлѣ двухъ сторожей, составлявшихъ какъ бы аррьергардъ. Онъ осмотрѣлъ ихъ съ ногъ до головы и, какъ бы пріидя въ себя, спросилъ одного:

Внутренность двора въ домѣ умалишенныхъ. Съ картины Каульбаха.

— Куда мы идемъ?

— На работу, маркизъ, отвѣчалъ сторожъ, на минуту вынувъ трубку изо рта; на работу. Хе, хе, хе! Вы изволите видѣть, господинъ маркизъ, что у насъ республика; вонъ тотъ, что идетъ нахмурясь, простой мужичекъ, а вы, маркизъ — ни по чемъ!.. И тотъ, и другой носи кирпичи, копай землю... Хе! хе! хе! республика, равенство, господинъ маркизъ!..

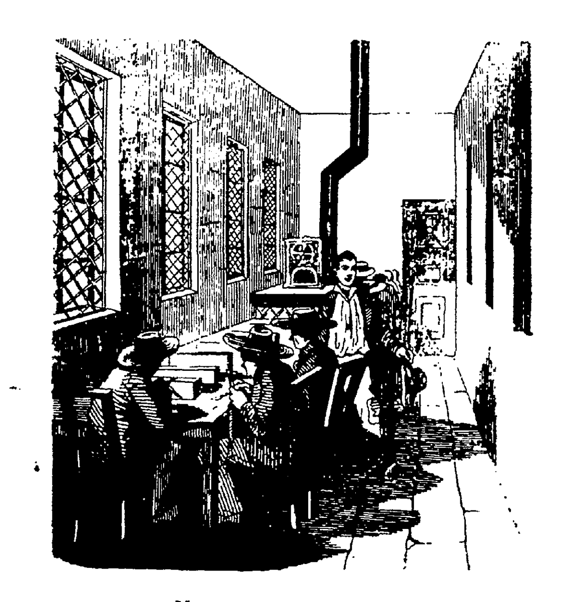
Повторенія слова *маркизъ*, производили на молодаго человѣка непріятное впечатлѣніе; но онъ старался преодолѣть его, и ласково, хотя съ достоинствомъ, какъ бы врожденнымъ, продолжалъ разговаривать со сторожемъ.

— Я знаю, что мы идемъ на работу... но куда? спросилъ онъ.

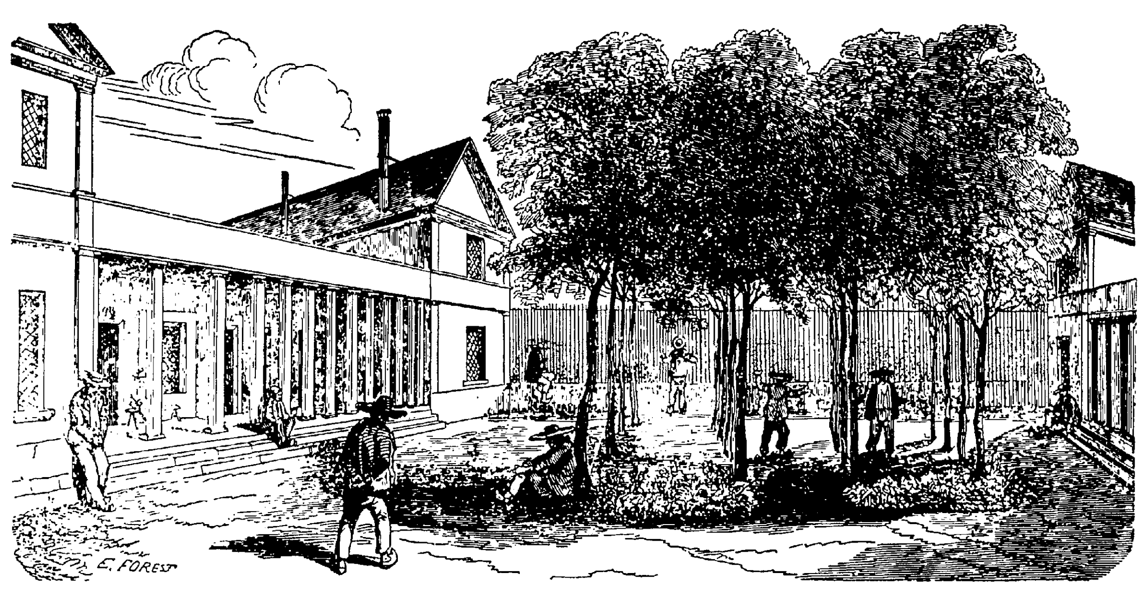
— Въ Сальпетріеръ, господинъ маркизъ.

— Что это такое?

— Больница, для... сторожъ спохватился



Мастерская въ Бисертѣ.



Видъ новыхъ домиковъ и галереи въ Бисетрѣ.

и прибавилъ: — Больница... такъ себѣ... больше ничего.

Молодой человѣкъ промолчавъ съ минуту, потомъ продолжалъ:

— Тѣ больные тоже будутъ работать съ нами?

— Ого!.. проговорилъ сторожъ, засмѣялся и, толкнувъ товарища своего локтемъ, сказалъ: — слышь ты, Клепканъ, маркизъ-то думаетъ, что онъ будетъ вмѣстѣ работать съ тѣми больными, которыя въ Сальпетріерѣ, ха, ха, ха!

— Отчего же нѣтъ?.. сказалъ молодой человѣкъ съ наивнымъ изумленіемъ; вѣдь и мы больные.

— Конечно... конечно... только тутъ, въ Сальпетріерѣ... прекрасный полъ... а вы понимаете, что пусти васъ вмѣстѣ, такъ такая чепуха выйдетъ, что и мы съ вами съ у... онъ опять спохватился и прибавилъ: — получимъ какую нибудь горячку. Вѣдь съ вами шутить нельзя!..

Невольное отвращеніе выразилось па лицѣ маркиза. Онъ замолчалъ.

Въ это самое время они входили въ высокія ворота въ каменной стѣнѣ. Молодой человѣкъ или *маркизъ*, какъ его называлъ сторожъ, со вниманіемъ разсматривалъ каждый уголокъ. Бѣдняковъ выстроили въ три ряда, ихъ сосчитали, потомъ сторожа вошли въ небольшой домикъ.

Сумасшедшіе остались одни, но это нисколько не измѣнило ни порядка, ни спокойствія ихъ. Одинъ маркизъ, окинувъ быстрымъ взоромъ окружавшихъ его, задрожалъ всѣмъ тѣломъ; на лицѣ его появилась улыбка, исполненная радости и боязни; ноги его какъ бы сгибались и онъ долженъ былъ упереть-[illegible] лопату... потомъ, какъ бы пересиливъ себя, онъ выпрямился и съ силой взмахнулъ лопатой; изъ груди его вырвался дикій крикъ, однимъ скачкомъ онъ отдѣлился отъ толпы и бросился въ сторону, по дорожкѣ, отѣненной густыми липами.

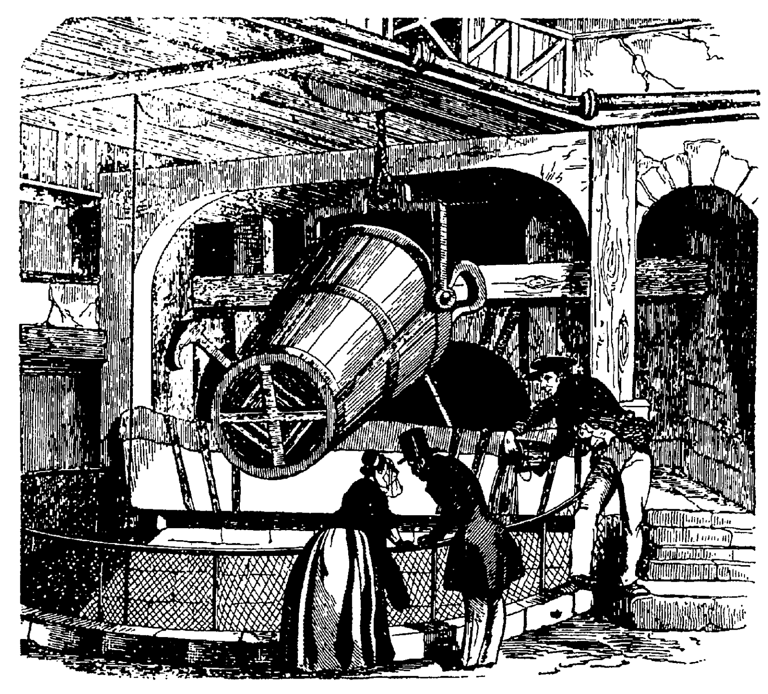
Товарищи безсмысленно смотрѣли ему вслѣдъ, не изъявивъ ни малѣйшаго изумленія, не сдѣлавъ ни одного движенія.

Маркизъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ-за угла предъ нимъ явился одинъ изъ сторожей.

— Куда?.. закричалъ онъ.

Маркизъ поблѣднѣлъ какъ смерть, глаза его закрылись и голова тяжело опустилась на грудь. Онъ весь дрожалъ.

— Куда?.. повторилъ еще разъ сторожъ строгимъ голосомъ.



Колодецъ въ Бисетрѣ.

Маркизъ медленно поднялъ голову и открылъ глаза; они были мутны, безсмысленны. Вообще на всемъ лицѣ его выразилась апатія, бывающая въ иныхъ случаяхъ слѣдствіемъ отсутствія ума. Онъ прямо посмотрѣлъ на сторожа и тихимъ, спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Работать.

— Успѣете еще наработаться!. Эка прыть! Откуда взялась!.. Не шалите, маркизъ, а не то завтра дома проспите. Идите-ка впередъ.

Какъ школьникъ, пойманный въ шалости, маркизъ опустилъ голову и пошелъ передъ сторожемъ. Минуту спустя онъ присоединился къ товарищамъ.

— Ступайте за нами, сказалъ одинъ изъ сторожей вслухъ, а потомъ, когда вся толпа двинулась, онъ прибавилъ вполголоса своему товарищу: — Маркизъ пошаливаетъ... въ лѣсъ смотритъ... мы его больше не беремъ на свою отвѣтственность... пускай себѣ сидитъ дома.

Не смотря на то, что эти слова были произнесены тихимъ голосомъ, они не ускользнули отъ тонкаго слуха маркиза, наблюдавшаго за всѣми движеніями сторожей. Слова эти, по видимому, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что не разсуждая, онъ бросился въ сторону и исчезъ въ кустахъ.

Бѣгство его было такъ быстро, такъ неожиданно, что оно было замѣчено только однимъ товарищемъ его, сумасшедшимъ, который громко засмѣялся, весело сталъ потирать руками и припрыгивать.

— Кто это тамъ такъ веселится? оглянувшись и улыбаясь спросилъ сторожъ.

— Не я!.. отвѣчалъ сумасшедшій, свидѣтель бѣгства маркиза, сдѣлалъ сторожу гримасу и принялъ серьозный видъ.

П. Фурманъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

КІЕСЪ.

Разсказъ Боатара.

(Продолженіе.)

Это только нѣкоторыя изъ тамошнихъ газелей и антилопъ. Эти робкія, кроткія животныя или постоянно живутъ на одномъ мѣстѣ, или на лѣто уходятъ въ горы, къ сѣверу, а зимой возвращаются къ Мысу Доброй Надежды. Во время переходовъ стадъ изъ одного мѣста въ другое, за ними слѣдуютъ стадами львы, леопарды, гіэны и другіе хищные звѣри; орлы и даже коршуны нападаютъ на раненныхъ или утомленныхъ антилопъ.

Кіесу не удалось убить ни одного изъ этихъ смирныхъ животныхъ. На другой день онъ перешелъ черезъ рѣчьку и добрался до болота безъ всякихъ приключеній, кромѣ голода, нѣсколько безпокоившаго его. Онъ увидѣлъ цесарскую курицу, вылетѣвшую, изъ кустарника, но не нашелъ ея гнѣзда; передъ его глазами ежъ скрылся въ свою подземную нору; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него маленькій носорогъ исчезъ въ ущельи, съ такою поспѣшностью, что не смотря на все свое искуство, Кіесъ не могъ овладѣть ими.

Но Провидѣніе бережетъ даже тѣхъ, которые подобно Готтентотамъ, не имѣютъ о немъ никакого понятія. Кіесъ могъ убѣдиться въ томъ, когда проснулся голодный и унылый. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, на которомъ онъ провелъ ночь, молодой человѣкъ услышалъ крикъ *керъ, керъ, керъ* и, оглянувшись, увидѣлъ птичку, походившую на воробья, только нѣсколько побольше его. Онъ тотчасъ же узналъ ее по желтому клеву, чернымъ ногамъ, сѣрой спинкѣ, бѣлому животу и, въ особенности, по красивымъ желтымъ пятнышкамъ на плечахъ. Кіесъ съ радостію сталъ приближаться къ ней, но очень осторожно, чтобы не испугать ея; тогда птичка стала кричать чаще и чаще, перелетая съ дерева на дерево, по мѣрѣ того, какъ Готтентотъ слѣдовалъ за нею. Когда онъ шелъ недовольно скоро, маленькій проводникъ его кричалъ громче и размахивалъ крылышками. Наконецъ, послѣ получаса ходьбы, птичка перестала кричать, полетала нѣсколько секундъ надъ ямкой и потомъ сѣла на сосѣднее дерево. Эта птичка была указательница-меду (10), которая, какъ говорятъ, провожаетъ охотниковъ до ульевъ дикихъ пчелъ, въ надеждѣ получить свою долю изъ добычи.

Кіесъ не измѣнилъ обычаю, считаемому земляками его священнымъ; овладѣвъ медомъ, онъ положилъ на камень порядочный кусокъ его для своего проводника; онъ подѣлился очень щедро, потому что Готтентоты предпочитаютъ куколки пчелъ самому меду.

Остается рѣшить, точно ли Кіесъ былъ обязанъ птичкѣ-указательницѣ, которая за нѣсколько минутъ, вѣроятно, сдѣлала тоже самое для муравьеѣдъ, безъ всякой надежды на вознагражденіе. Муравьеѣдъ такой охотникъ до меду, что съ утра до вечера рыскаетъ за нимъ. Каждое утро онъ прогуливается по Камдебоскимъ лѣсамъ, и прислушивается; крикъ указательницы меду поражаетъ его слухъ; онъ узнаетъ крикъ, слѣдуетъ за птичкой и, наконецъ, достигаетъ до дерева, въ дуплѣ котораго находится улей. Тутъ встрѣчается препятствіе: муравьеѣдъ не умѣетъ и не можетъ лазить; онъ бросается на дерево, ворчитъ, сердится; ничто не помогаетъ — пчелы въ совершенной безопасности въ своихъ ульяхъ. Тогда муравьеѣдъ въ бѣшенствѣ начинаетъ грызть дерево, но и тутъ усталость вскорѣ показываетъ ему, какъ тщетны его усилія; онъ удаляется и идетъ отыскивать пчелъ, заводящихъ улья въ ямахъ на землѣ. Бошесмены же узнаютъ деревья, въ которыхъ есть улья, по слѣдамъ зубовъ муравейника и овладѣваютъ медомъ, не оставивъ бѣдному сластолюбцу ни одной крошки.

Въ опроверженіе словъ господъ путешественниковъ и натуралистовъ, я долженъ сказать, что эта птичка никого не провожаетъ къ ульямъ, но такъ какъ она сама питается пчелами, то обыкновенно водится по близости ихъ, весьма мало заботясь о томъ, слѣдуетъ-ли кто за нею или нѣтъ. Но Кіесъ, не смотря на то, что былъ человѣкъ дикій, а, быть можетъ, даже по этой причинѣ думалъ, что никогда не должно искать въ умѣ благодѣтеля сокровеннѣйшихъ его мыслей, чтобы имѣть право избавиться отъ благодарности.

Насытившись, молодой человѣкъ пошелъ далѣе. Во весь этотъ день на лицѣ его выражалось необыкновенное безпокойство. Онъ часто останавливался, осматривался по сторонамъ, нагибался, прикладывалъ ухо къ землѣ и прислушивался съ особеннымъ вниманіемъ. При малѣйшемъ шумѣ, онъ бѣжалъ по направленію его и, узнавъ причину шума, грустный садился на песокъ и слезы катились по смуглому лицу его. Минуту спустя онъ вставалъ и медленными, нетвердыми шагами отправлялся далѣе, опустивъ голову и смотря на землю, по которой шелъ, какъ бы отъискивая знакомыхъ слѣдовъ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и остановился... въ этотъ разъ онъ не ошибся. Точно, онъ услышалъ вдали хлопанье бича и скрыпъ худо смазанныхъ колесъ *крос* (телѣги) боэра. Послѣ минуты нерѣшимости, Кіесъ, подвергаясь опасности встрѣтиться съ носорогами, водившимися въ этой части Камдебо, своротилъ съ дороги и углубился въ чащу кустарниковъ, служащихъ убѣжищемъ этимъ страшнымъ животнымъ.

Въ двадцатый уже разъ, во время опаснаго своего путешествія, онъ скрывался отъ злѣйшихъ своихъ враговъ, боэровъ, но ни разу еще на лицѣ его не была написана такая боязнь. Пробираясь между кустарникомъ, онъ не терялъ изъ виду повозки, ѣхавшей по дорогѣ и постепенно приближался къ ней, стараясь, однакожъ, не быть замѣченнымъ. По временамъ онъ прикасался къ острію своего копья, чтобы удостовѣриться не притупилось ли оно. Однимъ словомъ, нашъ молодой человѣкъ совершенно походилъ на одного изъ разбойниковъ-бошесменовъ, готовящихся напасть на путешественниковъ.

— Т'каци! т'каци! ворчалъ онъ про себя, я не трусъ... зачѣмъ же мнѣ бояться отомстить коварнымъ *т'Оре-генсамъ* (европейцамъ), которые натерли мнѣ шею своими проклятыми желѣзными ошейниками?

И онъ продолжалъ пробираться на встрѣчу къ повозкѣ, отъ которой былъ неболѣе какъ въ трехъ шагахъ. Вдругъ послышалось дикое храпѣніе въ кустарникѣ. Кіесъ увидѣлъ огромнаго носорога и первымъ движеніемъ его было бѣжать, но мысль, быстрая какъ молнія, мелькнула въ умѣ его: онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ животнаго, крѣпко спавшаго, присѣлъ въ высокую траву и, притаивъ дыханіе, не шевелился.

Повозка, ѣхавшая по дорогѣ, принадлежала Диркъ-Маркусу. Этотъ богатый боэръ, сдѣлавшій прекрасное пріобрѣтеніе, купивъ на Мысѣ молодую Готтентотку Тракозію дешевле, нежели ему стоила бы посредственная верховая лошадь, возвращался съ нею въ свое обширное имѣніе.

Во всю дорогу молодая дѣвушка была печальна и не переставала плакать, думая о другѣ дѣтства своего, о Кіесѣ, избранномъ сердца ея. По странной прихоти, которую Диркъ-Маркусъ ни какъ не могъ объяснить себѣ, по мѣрѣ приближенія къ Камдебо, бѣдная невольница нѣсколько повеселѣла.

Тракозія была очень хорошо сложена, и красотою формъ не уступала европейскимъ дамамъ, если предположить, что у послѣднихъ *свои собственныя* формы. Большіе черные глаза ея были выразительны и кротки; бѣлые зубы ея прекрасно отдѣлялись отъ темнорозовыхъ губъ и свѣтлокоричневаго тѣла ея. На Мысѣ ее отучили отъ обыкновенія мазать тѣло жиромъ. На головѣ у нея была маленькая *т'аба* (шапочка) изъ черной кожи и съ околышемъ изъ мѣха зебры; верхняя часть шапочки была украшена разноцвѣтными стеклыш[illegible]чи. На плечахъ у нея былъ кросъ изъ кожи, оч[illegible]чной отъ шерсти и смягченной жиромъ. Спереди у нея былъ *т'кстье* или три трехъ-угольныхъ передника, положенныхъ одинъ на другой. Готтентотскія дѣвушки особенно заботятся объ украшеніи этихъ передниковъ; они усѣяны бусами и цвѣтными стеклышками. На рукахъ и ногахъ у Тракозіи были различныя кольца; одни состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ стеклышекъ, другія были мѣдныя, наконецъ самыя простыя состояли изъ ремней. Видно было, что молодая дѣвушка принарядилась со всею роскошью дочери пустыни.

Повозкой, запряженной шестью парами воловъ, управлялъ метисъ, у котораго не было въ рукахъ возжей, а только кнутъ, палка котораго имѣла футовъ пятнадцать длины. Этотъ бичъ, которымъ метисъ дѣйствовалъ съ рѣдкимъ искуствомъ, служилъ ему для управленія волами. Повозка, въ которой могло умѣститься отъ 10 до 12 человѣкъ, была покрыта [illegible]томъ, отъ чего походила на огромную фуру. [illegible]ще недавно богатѣйшіе жители Мыса не знали др[illegible]го экипажа.

По мѣрѣ приближ[illegible]нія повозки къ рѣкѣ *Клейнъ-Фишъ-Риверъ*, молода[illegible] дѣвушка вздыхала и безпрестанно подымала [illegible], покрывавшаго по-

---

10) Cuculus indicator.

возку, и съ боязнію поглядывала на окрестности.

— Странная вещь — любовь къ родинѣ!.. думалъ Дирсъ-Маркусъ, зѣвая; вотъ хоть бы это бѣдное дитя... лишь только она увидала свою родину, какъ позабыла горе и повеселѣла... то ли еще будетъ! Она скоро совсѣмъ поправится, растолстѣетъ — чудо! Я занесе непремѣнно возьму пятьдесятъ талеровъ чистаго барыша. Славная вещь любовь къ родинѣ!.. Славная вещь!.. думалъ почтенный боэръ, который уже лѣтъ тридцать не видалъ своего роднаго болота, Голландіи, да и не думалъ объ ней.

Вдругъ Тракозія услыхала страшный крикъ въ кустарникахъ; она судорожно приподняла холстъ, отвѣчала тѣмъ же крикомъ, выскочила изъ повозки и исчезла.

Диркъ-Маркусъ глядѣлъ и не понималъ, что это значило...

Онъ готовился потребовать объясненій у шести невольниковъ, окружавшихъ тяжелый экипажъ его, какъ вдругъ сильный толчокъ, сопровождаемый трескомъ, сбросилъ его со скамьи, на которой онъ сидѣлъ. Въ то же время онъ почувствовалъ, что повозка стала подниматься... вдругъ она опрокинулась и разбилась.

По счастію, почтенный боэръ вылетѣлъ въ ровъ, что защитило его отъ обломковъ повозки и желѣза, разлетѣвшихся въ разныя стороны съ ужаснымъ шумомъ.

Когда суматоха прошла, онъ приподнялъ голову и увидѣлъ одни валявшіеся обломки своего экипажа, воловъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны, и вожатаго, взобравшагося на скалу и равнодушно смотрѣвшаго на обломки, не выпуская изо рта трубки.

Диркъ-Маркусу нужно было поясненіе, и онъ обратился къ своему вожатому.

— Что случилось? спросилъ боэръ.

— *Баасъ* (господинъ), отвѣчалъ вожатый, видите ли тотъ большой кустъ?.. на право?

— Вижу, мошенникъ! отвѣчалъ Диркъ.

— Въ этомъ кустѣ былъ огромный носорогъ и молодой бошжесменъ, которые, вѣроятно, повздорили. Молодой человѣкъ пустилъ копьемъ въ носорога, и вскрикнулъ... вы слышали, какъ онъ вскрикнулъ?..

— Слышалъ, разбойникъ!

— Онъ крикнулъ для того, чтобы чудовище побѣжало за нимъ, что и случилось. Увѣряю васъ, баасъ, что этотъ молодецъ ужасно храбръ и проворенъ, потому что я самъ малый...

— Дальше, негодяй, разсказывай дальше!

— Ну, дальше извѣстно что случилось. Бошжесменъ побѣжалъ къ нашей повозкѣ; въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ дикій звѣрь... Помните ли вы, баасъ, тотъ день, когда...

— Т'каци!.. Перестанешь ли ты болта[illegible] пустому? Говори порядкомъ, т'каци!..

— Вы, кажется, изволите гнѣваться? сказалъ очень хладнокровно вожатый, выпустивъ изо рта струю дыма. Помолчавъ съ секунду, онъ продолжалъ: когда молодой бошжесменъ, за которымъ гнался носорогъ, подбѣжалъ къ нашей повозкѣ, то однимъ скачкомъ увернулся въ сторону и схватилъ Тракозію, полумертвую отъ страха. Пока носорогъ ломалъ и коверкалъ нашъ экипажъ, бошжесменъ исчезъ какъ быстроногая газель, со своей ношей.

— А что Тракозія? Она не сопротивлялась? Не боролась со своимъ похитителемъ?

— Нисколько; я замѣтилъ, что она не только не плакала и не кричала, а крѣпко обхватила руками шею молодца — видно боялась упасть. Когда вы вылѣзали изъ вашей ямы, такъ я еще видѣлъ, какъ они бѣжали. Онъ славный молодецъ; просто красавецъ!

— А Готтентоты мои? Ку[illegible] они дѣвались?

— Готтентоты? А чортъ ихъ знаетъ! Поразо[illegible] ваши вещи, да и въ лѣсъ!

— Разбойники!.. Хорошо, что ты остался, а то бы я тебя!..

— Что?.. Пустяки! я свободный метисъ, а не коббо. Повѣрьте, еслибъ я былъ вашимъ невольникомъ, такъ вы не вышли бъ изъ дыры, въ которую забились.

Диркъ-Маркусъ сдѣлалъ ужасную гримасу, заскрежеталъ зубами и глубоко вздохнулъ, но не отвѣчалъ ни слова, потому что ружье его было сломано.

(Продолженіе впредь).

ДЖЕННИ-ЛИНДЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Вы всѣ смѣялись надо мной, когда я садился на финляндскій пароходъ, бросилъ довольно запутанныя дѣла, оставилъ обожаемую жену, дѣтей, васъ всѣхъ и спѣшилъ въ Стокгольмъ — за чѣмъ? Видѣть, слышать пѣвицу, которая начала путь славы своей такъ оригинально, такъ блистательно. Были между вами и такіе, которые сожалѣли о моемъ разсудкѣ. Послушайте же... Но я люблю все описывать по порядку... Во-первыхъ, я ѣхалъ весьма дурно; нынѣшнія погоды выводятъ изъ терпѣнія самыхъ страстныхъ любителей: для нихъ нашъ іюнь то же, что для меня нѣкоторые квинтеты пресловутыхъ писателей, въ которыхъ обыкновенно двѣ темы: сумбуръ и ералашъ. Въ Ревелѣ я не нашелъ еще никого знакомаго, кромѣ двухъ прислужницъ въ трактирѣ Ветерштрандъ, длиннаго Германа и старой Бригитты. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отъѣзда парохода, дождался, и чтожъ, вмѣсто пяти, шести часовъ, мы пришли въ Гельсингфорсъ около полуночи. Я разсердился и не вышелъ на берегъ; точно то же сдѣлалъ въ Або, и только въ Аландскихъ шерахъ сталъ веселѣе, потому что видимо приближался къ предмету моей странной поѣздки. На пути я дѣлалъ капитану только два вопроса: далеко-ли до Стокгольма и не знаетъ ли онъ, тамъ ли уже Дженни Линдъ? За послѣдній вопросъ, по третьему разу, капитанъ разсердился, перестать отвѣчать, а я спрашивать. Наконецъ, мы вошли въ стокгольмскія шеры. Тутъ уже мнѣ правилось рѣшительно все; встрѣчая ловкій двухпарусной ботъ, я глядѣлъ на него съ любопытствомъ, я мечталъ: можетъ быть въ немъ гуляетъ Дженни Линдъ. — Но представьте себѣ, были мгновенія, когда я забывалъ про мою невиданную любимицу. Видъ города увлекалъ мои глаза и мысли. Я видѣлъ не мало городовъ на свѣтѣ, но Стокгольмъ не похожъ ни на одинъ изъ нихъ. Великолѣпная безконечная панорама; не многія, но красивыя башни раздѣляютъ на части этотъ обширный станъ домовъ; корабли, кораблики, лодки тѣснятся въ самомъ городѣ у береговъ; превосходныхъ видовъ множество; лучшій — видъ королевскаго дворца. Зданіе обширное, величественное, королевское. Спрыгнувъ на берегъ, съ помощію шведскаго языка, которымъ, какъ видите, не даромъ занимался, я скоро отыскалъ театръ, кассу, кассира, — ни одного мѣста, разумѣется, порядочнаго...

— Да нельзя-ли? Послушайте, я вдвое заплачу.

Кассиръ на меня посмотрѣлъ въ очки съ негодованіемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, услужите! Я иностранецъ; сегодня пріѣхалъ, завтра уѣзжаю.

Кассиръ опять посмотрѣлъ на меня съ сомнѣніемъ и сказалъ.

— Нѣтъ. Балконъ есть... Вотъ тутъ можете видѣть на планѣ...

— На планѣ?

И точно, передъ окномъ кассы, на кронштейнѣ, стоялъ деревянный планъ театра, на которомъ означены всѣ мѣста, какія только вмѣщала въ себѣ зала спектаклей.

— Вотъ тутъ есть два мѣста... сказалъ онъ, указывая карандашемъ на нумера...

— Все равно! Давайте оба!

Запасшись билетами, я посмотрѣлъ на афишку и чуть не обмеръ.

«Въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ!» А? И стоило за этимъ ѣхать въ Стокгольмъ? Какъ это вамъ покажется. И что за піэса? Вы знаете ее подъ именамъ: Regiments-tochter... Дженни Линдъ играетъ Марію; — такъ я не увижу ее въ Нормѣ? Нѣтъ? не увижу? спрашивалъ я у афишки, а она съ насмѣшкой то и дѣло отвѣчала мнѣ: «Въ послѣдній разъ». И для этаго послѣдняго раза вѣрно нарочно отлили буквы, точно кегли какія. — До спектакля еще было далеко. Я рѣшился утолить не тоску, не горе, но голодъ, который пожиралъ меня вмѣстѣ съ желаніемъ видѣть, слышать Дженни Линдъ; прибѣгаю въ трактиръ, требую супу, сажусь, хватаю ложку, беру въ ротъ, что-то жидкое, сладкое. вкушаю.. — Саго! А? Это супъ! Я думаю, не смѣются ли надо мною Шведы, не хотятъ ли усладить горесть мою этою приторною сладостью; но увы — это любимѣйшій шведскій супъ, и подается обыкновенно въ серединѣ обѣда. Нечего дѣлать, я ужъ съѣлъ что-то; теперь и самъ не помню; бѣгу въ театръ, чтобы не опоздать; у театра — стоитъ войско, офицеры, солдаты; всѣ въ парадныхъ костюмахъ. Что за исторія? И какъ и у кого спросить. Смѣлость города беретъ. Я къ первому офицеру и раскланявшись, спрашиваю по-французски: Простите иностранцу невѣжливость; но желалъ бы узнать какой парадъ тутъ будетъ?

— Никакого! Мы собираемся въ театръ!

— Въ театръ?

— Королю угодно...

— Но отчего же такъ мало статскихъ?

— Именно потому, что королю угодно, чтобы въ партерѣ было, какъ можно больше военныхъ...

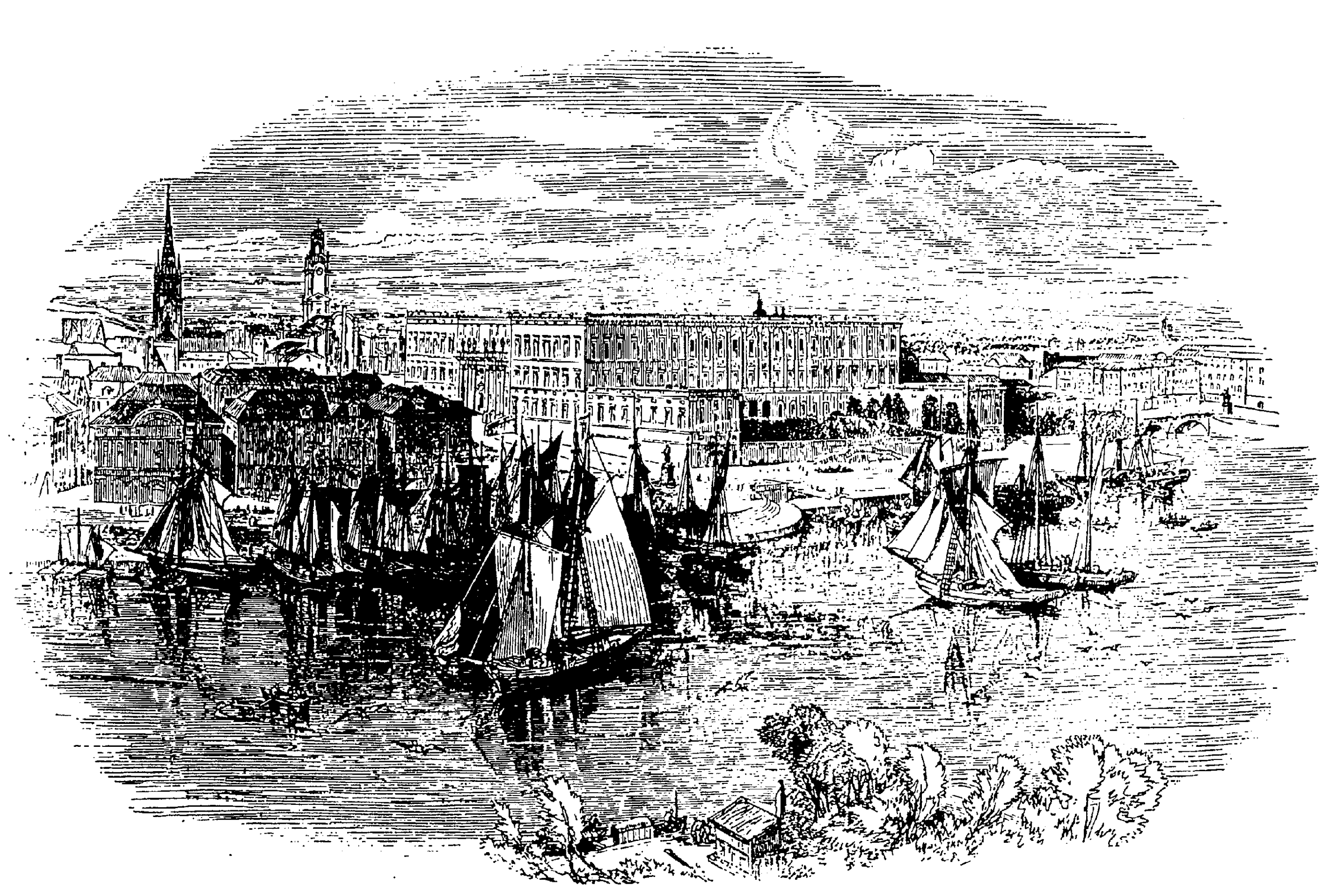
Я низко поклонился и поскорѣе отправился на свое мѣсто, боясь, чтобы не взначай какой нибудь гренадеръ не занялъ его; къ удивленію, мѣсто у меня оказалось весьма выгодное. Я могъ видѣть королевскую фамилію, сцену и публику, всѣхъ, всѣхъ, кромѣ сосѣдей. Сижу на своихъ мѣстахъ одинъ. Видъ истинно великолѣпный, когда вся зала наполнилась военными; нарядно, блистательно; но когда поднялась занавѣсь, когда появилась Дженни... о! что значатъ наши аплодиссементы Рубини: это ревъ, гулъ, громъ, стукъ, шумъ, крикъ, визгъ, трескъ, все вмѣстѣ. Я думалъ, что не услышу Дженни Линдъ, потому что оглохну.. На счастіе публика, также какъ и я, хотѣла слушать; смолкла; а Дженни и пошла, и пошла...

Дженни Линдъ не только не дурна собой, но, на мои глаза, красавица; есть въ лицахъ женскихъ какая-то внутренняя красота; кротость въ улыбкѣ, совѣсть во взглядѣ, умъ въ движеніяхъ... Я ни съ кѣмъ не сравниваю Дженни, но признаюсь я сдѣлался Шведомъ, глядя на игру ея, энтузіастомъ, фанатикомъ. Какъ она мила,

простодушна, какъ свѣжо-весела; вотъ это, по моему, можно назвать непринужденностію, потому, что она точно такъ играетъ, какъ танцуетъ Таліони. Ни хорошо, ни худо, а такъ какъ слѣдуетъ, т. е. превосходно, удивительно, геніально. И съ такою игрою соединяется голосъ... Вотъ голосъ, для котораго слухъ только станція; эти звуки проходятъ прямо въ душу, въ сердце, разливаютъ во всемъ существѣ вашемъ наслажденіе, какъ ароматъ, какъ божій свѣтъ!..

Дженни Линдъ стояла будто посереди залы. Тутъ я понялъ мысль его королевскаго величества. И на сценѣ и въ амфитеатрѣ толпы военныхъ сливались въ одно цѣлое, въ одну прекрасную картину. Пѣвица была лучезарнымъ средоточіемъ, къ которому стремились всѣ взоры, всѣ сердца... Кончилась піэса—и началась трагедія. Я не охотникъ хлопать, но не могъ выдержать. Стулья мои стучали будто въ лихорадкѣ: я кричалъ по-русски: матушка, голубушка, золото мое...

Возлѣ раздавались такія же восклицанія по-шведски. Вдругъ, на мгновеніе, все притихло; изъ королевской ложи упали на сцену вѣнки и въ слѣдъ за ними брызнулъ дождь цвѣтовъ. Это не то, что наши зимніе букетики. Нѣтъ, туча, саранча цвѣтовъ—и правду сказать, Дженни Линдъ должна ходить по цвѣтамъ; тернія пути своего она уже измяла; голосомъ, игрой, душой, сердцемъ она заслужила это народное торжество. Аплодиссементы продолжались гораздо болѣе, чѣмъ весь



(Королевскій Дворецъ въ Стокгольмѣ).

спектакль. Я сломалъ одинъ стулъ, и убрался заблаговременно. Къ удивленію моему на подъѣздѣ еще никого не было. Народъ съ завистію смотрѣлъ на театръ и досадовалъ, что не можетъ принять участія въ восторгахъ соотечественниковъ. Съ трудомъ я могъ пробраться сквозь эту толпу; по дорогѣ слышалъ толки не про Дженни Линдъ, а про себя. «Долженъ быть Французъ!» — «или Англичанинъ!»—«Первый ушелъ, досадно стало...» Одосадно на эти кегли, которыя мнѣ объявили ужасную новость; теперь мое неудовольствіе было чувствительнѣе, потому, что я слышалъ, я видѣлъ Дженни Линдъ, и уже больше не увижу, не услышу...

Это почему? спросилъ я самъ себя громко посереди улицы. Ангажементъ ея въ Берлинѣ начнется въ октябрѣ; отчего же не съѣздить въ Берлинъ? Кончено! Ѣду въ Берлинъ!

Эта мысль такъ мнѣ понравилась, такъ утѣшила меня, что я спокойно проглотилъ шведскій ужинъ, еще спокойнѣе улегся спать, выспался и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, пошелъ осматривать Стокгольмъ. Послѣднее представленіе было $^{28}/_{13}$ іюня; вотъ три дни я уже хожу и наслаждаюсь Стокгольмомъ; пароходъ уйдетъ еще не скоро; я успѣю съѣздить въ Упсалу, а оттуда опять въ Стокгольмъ, опять на пароходъ. Собирайтесь на Англійскую Набережную— со смѣхомъ, съ хохотомъ, съ чѣмъ угодно. Я не боюсь васъ. Я видѣлъ, я слышалъ Дженни Линдъ.

УЗЛЫ.

Узелъ, начиная съ простаго до гордіева, составляетъ особую часть самой общеупотребительной механики. Онъ завязываетъ и развязываетъ множество задачъ; въ немъ также много остроумія, а въ ежедневной жизни онъ также необходимъ какъ ножъ, какъ игла, и т.п. Кажется, узелъ хитрость и незамысловатая, а многіе ли умѣютъ повязать платокъ, что вы можете замѣтить на нѣкоторыхъ шеяхъ. Узловъ множество; они бываютъ болѣе или менѣе сложны и подчиняются разнымъ условіямъ. Мы избрали самые употребительнѣйшіе. Достаточно взглянуть на ихъ изображенія, чтобы понять ихъ складъ; потому прибавимъ къ гравюрамъ только нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Фиг. 1. Петля.

Фиг. 2. Простой узелъ, начатой.

Фиг. 3. Простой узелъ, завязанный.

Фиг. 4. Двойной узелъ, начатой.

Фиг. 5. Тотъ же, завязанный.

Этотъ узелъ можетъ быть тройной, четверной и т. д. зависитъ отъ того, сколько разъ продѣнете веревку.

Фиг. 6. По французски этотъ узелъ называется Noeud en Lacs; по-русски у него именъ много; употребительнѣйшее — кренгелемъ, хотя и не совсѣмъ справедливо. Чтобы его завязать или закрѣпить, надо тянуть въ одно время за оба конца веревки.

Фиг. 7. Галерный. Веревка не проходитъ чрезъ петлю. Ее удерживаетъ палка. Этотъ узелъ можно сдѣлать, хотя бы концы веревки и не были свободны.

Фиг. 8. Твацкій узелъ, начатой.

Фиг. 9. Тотъ же, завязанный.

Чтобы закрѣпить этотъ узелъ, должно держать концы a и b, а тянуть за конецъ c, иначе узелъ развяжется.

Фиг. 10. Англійскій узелъ.

Фиг. 11. Тотъ же, завязанный.

Этотъ узелъ отмѣнно проченъ.

Фиг. 12. Прямой, также морской и плоской узелъ. Онъ хорошъ изъ тонкихъ веревокъ, изъ толстыхъ не проченъ и принимаетъ видъ, какъ показано въ фиг. 13.

Фиг. 14. Двойной простой узелъ.

Фиг. 15. Двойной узелъ кренгелемъ (ф. 6).

Фиг. 16. Простой узелъ, начатой.

Фиг. 17. Завязанный.

Это тотъ же узелъ, что и 12, только тутъ онъ сдѣланъ изъ той же веревки, обведенной вокругъ предмета, который связать надо.

Фиг. 18. Узелъ съ ключемъ или съ ухомъ.

Фиг. 19. Узелъ, употребляемый мастеровыми.

Фиг. 20. Тотъ же, начатой.

Есть узлы, которые дѣлаются для того только, чтобы сократить длину веревки, не разрѣзывая ее. Къ этому роду принадлежатъ узлы, изображенные въ ф. 21, 22, 23, 24 и 25.

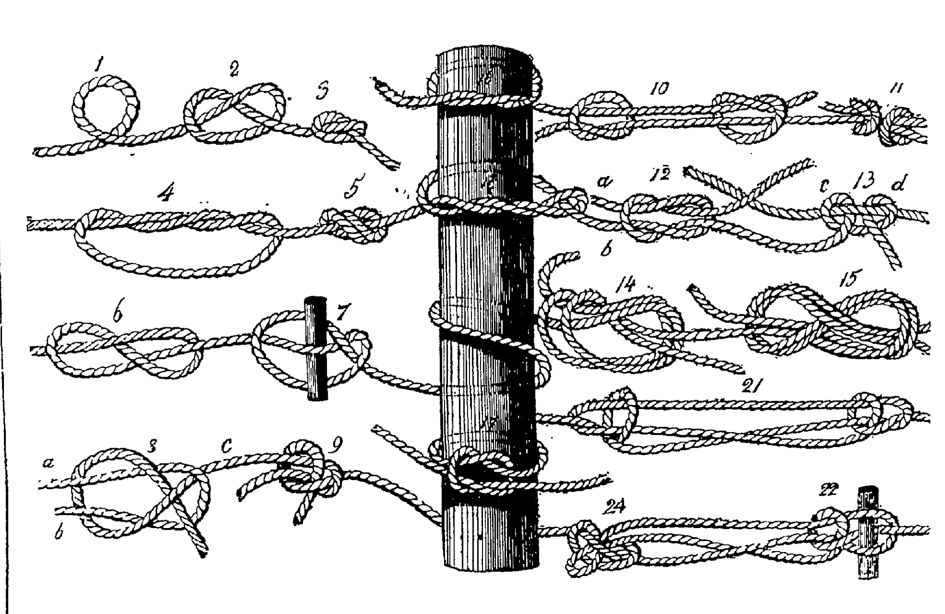
Есть узлы, собственно предназначаемые для привязыванія однимъ концемъ веревки, къ другому концу коей уже прикрѣпленъ какой-либо предметъ. Нѣкоторые узлы этого рода показаны въ ф. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и 37.

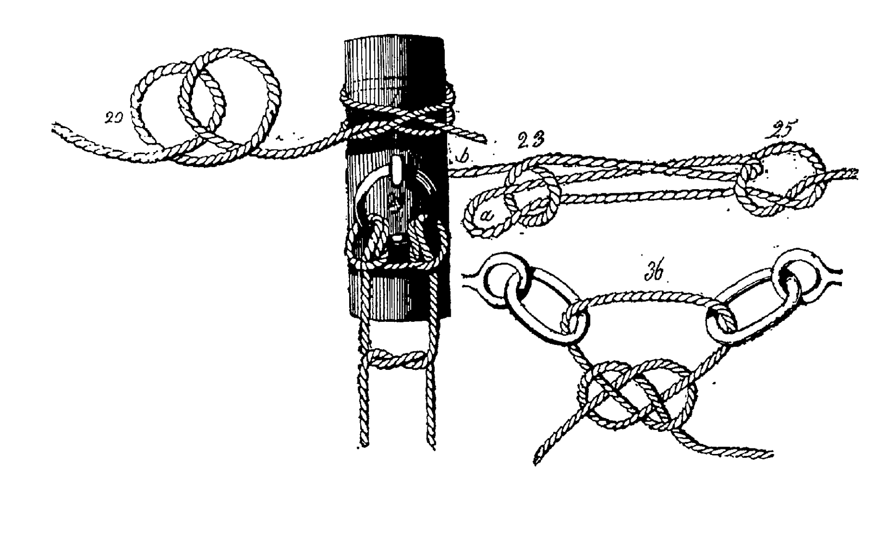
Фиг. 39. Веревочная лѣстница на простыхъ узлахъ.

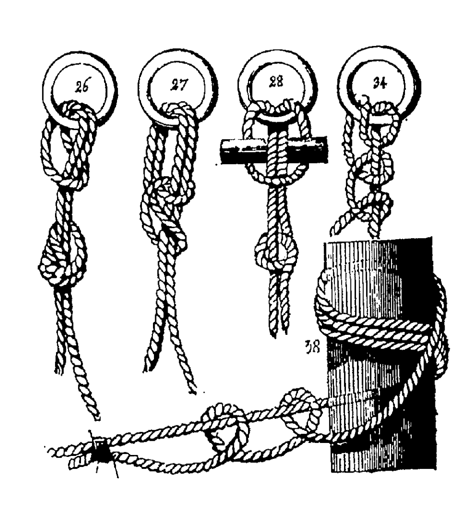
Фиг. 40. Веревочная лѣстница на узлахъ, въ петли коихъ пропущены перекладины.

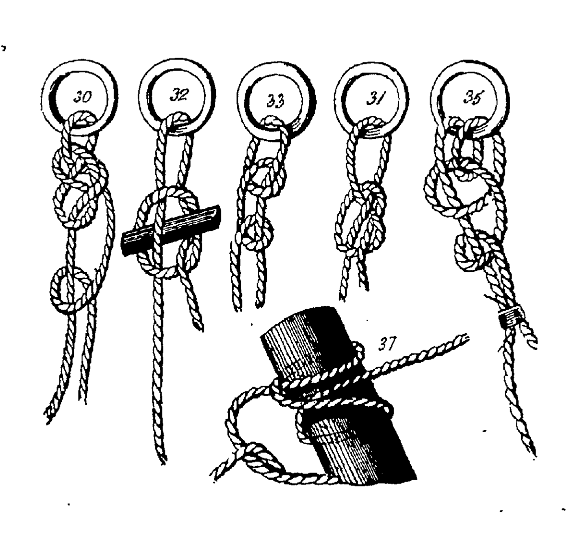
Фиг. 41. Узелъ для послѣдней лѣстницы, не затянутой.

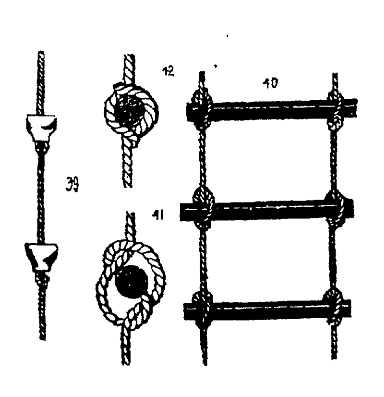
Ф. 42. Тотъ же, затянутый или закрѣпленный.











О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

Заговоры—которые у насъ обыкновенно совершаются съ молитвой, по тому что народъ нашъ страшится чернокнижія, — хотя изрѣдка есть люди, коимъ невѣжество народа приписываетъ связи съ нечистымъ — заговоры составляютъ для меня самый загадочный предметъ, между всѣми повѣрьями и суевѣріями; я признаюсь, что не охотно приступаю теперь къ рѣчи объ немъ, чувствуя напередъ недостаточность, не полноту свѣденій моихъ и убѣжденій. Всякому, кто займется подобнымъ изслѣдованіемъ на дѣлѣ, легко убѣдиться, что тутъ кроется не одинъ только обманъ, а еще что нибудь другое. Если самый способъ дѣйствія признать обманомъ, потому что убѣжденіе наше отказывается вѣрить тому, въ чемъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда смысла — то все еще остается рѣшить, какія же именно невидимыя нами средства производятъ видимыя нами дѣйствія? Будемъ стараться, при всякомъ удобномъ случаѣ, разыскивать и разъяснять ихъ; по мѣрѣ этихъ разъясненій, мнимыя чудеса будутъ переходить изъ области заговоровъ въ область естественныхъ наукъ и мы просвѣтимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, какъ обыкновенно дѣлаютъ, симъ предметомъ; жаль, что ученые испытатели природы, копаясь по цѣлымъ годамъ надъ каплею гнилаго настоя и отыскивая въ ней микроскопическихъ наливняковъ, не посвятятъ средствъ и силъ своихъ сему болѣе общему и важному предмету, о коемъ они, не зная его вовсе, по одному только предубѣжденію, относятся презрительно.

Заговоры, въ томъ видѣ, какъ они иногда съ большимъ трудомъ достаются въ наши руки, состоятъ въ нѣсколькихъ таинственныхъ по смыслу словахъ, коихъ образцы можно видѣть въ изданіи Г. Сахарова. Ниже приложено нѣсколько изъ мною собранныхъ, для примѣра. Въ нихъ то общее, что послѣ обычнаго вступленія, въ коемъ крестятся, благословляются, поминаютъ море-океанъ, бѣлъ-горючь-камень алатырь и пр. слѣдуетъ первая половина заговора, состоящая изъ какого-то страннаго иносказанія или примѣра взятаго, но видимому, весьма не кстати, изъ дальнихъ и невѣдомыхъ странъ; а за тѣмъ уже заговорщикъ обращается собственно къ своему предмету или частному случаю, примѣняя первое, сколько можно, ко второму, и оканчивая заклинаніе свое выраженіемъ: слово мое крѣпко, быть по моему, или аминь. Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ — святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суесвятства и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи, или собаки, отъ поруба или кровотеченія, отъ ружья или пули, отъ огня или пажара и проч. — Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ молитву и заклятіе; сюда, напр., принадлежитъ заговоръ *идучи на судъ*, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей накликаетъ всѣ возможныя бѣдствія. Я очень жалѣю, что этотъ замѣчательный образчикъ смѣси чернаго и бѣлаго, тьмы и свѣта, не можетъ быть здѣсь помѣщенъ, и что вообще нельзя отыскать о семъ предметѣ все то, что было бы необходимо, для нѣкотораго разъясненія его.

Собственно въ болтовнѣ заговора, конечно, не можетъ быть никакого смысла и значенія, какъ, по видимому, и самъ народъ утверждаетъ пословицами и поговорками своими: языкъ безъ костей — мелетъ; собака лаетъ, вѣтеръ носитъ; крикомъ изба не рубится; хоть чортомъ зови, да хлѣбомъ корми и проч. Это подтверждается еще и тѣмъ, что на одинъ и тотъ же случай, есть множество различныхъ, но, по мнѣнію народа, равносильныхъ заговоровъ. Но народъ при всемъ томъ вѣритъ, что кто умѣетъ произнести заговоръ какъ слѣдуешъ, не только языкомъ, но и душой, соблюдая при томъ всѣ установленные для сего, по таинственному преданію, пріемы и условія, тотъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ. Стало быть, народъ вѣритъ въ таинственную силу воли, въ дѣйствіи духа на духъ, на незримыя по себѣ и невѣдомыя силы природы, которыя, однакоже, обнаруживаются за тѣмъ въ явленіяхъ вещественныхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ. Нельзя не сознаться, что это съ одной стороны свыше понятій нашихъ, можетъ быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравымъ смысломъ,—но что это въ сущности есть тоже самое явленіе, которое, нѣсколько въ иномъ видѣ, ученые наши прозвали животнымъ магнетисмомъ. Все это отнюдь не служитъ ни доказательствомъ, ни объясненіемъ, а такъ сказать однимъ только намекомъ и предостереженіемъ.

Передать силу заговора можно, по народному повѣрью, только младшему лѣтами; обнаруживъ заговоръ гласно, самъ лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни безсильныя слова; у заговорщика, во многихъ случаяхъ, должны быть непремѣнно всѣ зубы цѣлы, иначе онъ заговаривать не можетъ; если употребить заговоръ во зло, то, хотя бы это и удалось на сей разъ, человѣкъ, однако-же, на будущее время теряетъ способность заговаривать; но должно пояснить примѣромъ, что именно, по народному повѣрью, называется употребить заговоръ во зло: заговоръ отъ червей составленъ для скотины и лошадей; если же баринъ принудитъ знахаря заговорить червей на собакѣ, то это на сей разъ удастся, но впередъ уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многіе заговоры читаются на тощахъ, на порогѣ, въ чистомъ полѣ, лицемъ къ востоку, на ущербъ луны, по легкимъ днямъ (вторникъ, среда, суббота), или на оборотъ, по чернымъ днямъ, если заговоръ принадлежитъ къ чернокнижію—дни эти поименованы ниже; другіе заговоры читаются на вѣтеръ, надъ проточной водой, на восходѣ или на закатѣ солнца, подъ осиной (*), подъ связанными сучьями двухъ березокъ (отъ лихорадки), надъ ковшемъ или черепкомъ воды, надъ волосами, ногтями или слѣдомъ (собранною землею изподъ ступни) того человѣка, кого надо испортить или влюбить; и всѣ почти заговоры читаются шопотомъ или про себя, втихомолку, такъ, чтобы никто о томъ не зналъ, не вѣдалъ. (*) Есть, наконецъ, сверхъ всего этого множество особыхъ примѣтъ, по коимъ заключаютъ объ успѣхѣ предпринимаемаго заговора. Списокъ о чернокнижіи считаетъ 33 дня въ году, въ кои кудесники совершаютъ свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апрѣля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; іюня 17; іюля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6,

---

(*) Осина, въ народныхъ повѣрьяхъ и въ хозяйствѣ, замѣчательное дерево. На немъ, по народному преданію, удавился Іуда — отчего и листъ осиновый вѣчно дрожитъ; осиновымъ коломъ прибиваютъ въ грудь, мертвеца — колдуна, вѣдьму, упыря, — который встаетъ и бродитъ по ночамъ; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при извѣстномъ ночномъ опахиваніи деревни, гдѣ дѣйствуютъ однѣ нагія бабы; въ осиновый пень вколачиваются волосы и ногти больнаго, чтобъ избавить его отъ лихорадки; разбитые параличемъ, должны лежа упираться босыми ногами въ осиновое полѣно; такое же полѣно, засунутое въ куль негашеной извѣсти, какъ говорятъ, не даетъ ей сырѣть и портиться, равно положенное въ посуду съ квашеной капустой не даетъ ей бродить и перекисать! осиновые дрова, если ими протапливать изрѣдка печь, уничтожаютъ всю сажу, такъ, что вовсе не нужно трубъ чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, даетъ самыя прочныя торцы, для мостовой, особенно на конныхъ приводахъ.

(*) Вотъ нѣсколько образчиковъ заговоровъ, взятыхъ изъ разныхъ губерній: они много походятъ на заговоры, собранные Сахаровымъ.

1. *Заговоръ отъ поруба.* Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу во чистое поле, во зеленое: стану благословясь, лягу перекрестясь, пойду стану благословясь, пойду перекростясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны, летятъ три врана, три брательника, несутъ трои золоты ключи, трои золоты замки;—запирали они, замыкали они воды и рѣки и синія моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя, кровь горючую. Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ, такъ бы у раба божьяго N. N. кровь не канула. Аминь.

2. *Приворотный заговоръ* или *любжа, который читается на подаваемое питье.*

Лягу я рабъ Божій помолясь, встану я благословясь, умоюсь я росою, утрусь престольною пеленою; пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, выйду въ чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, какъ красное солнышко возсіяло: припекаетъ мхи-болоты, черныя грязи. Такъ бы прибѣгала, присыхала раба Божья N. о мнѣ рабѣ Божьемъ N. очи въ очи, сердце въ сердце, мысли въ мысли; спать бы она не засыпала, гулять бы не загуляла, аминь тому слову.

3. *Заговоръ отъ ружья* На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, гонитъ Илья Пророкъ на колесницѣ громъ со великимъ дождемъ: надъ тучей туча взойдетъ, молнія осіяетъ, громъ грянетъ, дождь польетъ, порохъ зальетъ. Нѣна изыде и языкъ костянъ. Какъ раба-рабица N. мечется, со младенцемъ своимъ не разрожается, такъ бы у него раба N. бились и томились пули ружейныя и всякаго огненнаго орудія. Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья. Ключь въ небѣ, замокъ въ морѣ. Аминь, трижды.

4. *Отъ лихорадки.* Встану я рабъ Божій N. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ синему океану—морю. У этого океана-моря стоитъ древо карколистъ; на этомъ древѣ карколистѣ висятъ: Козьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій N. прошу великіе помощники К. и Д., Л. и П., сказать мнѣ: для чего-де выходятъ изъ моря океана женщины простоволосыя, для чего онѣ по міру ходятъ, отбиваютъ ото сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точутъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и суставы? Здѣсь вамъ не житье-жилище, не прохладище; ступайте вы въ болота, въ глубокія озера, за быстрыя рѣки и темны боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовые—тамъ будетъ вамъ житье-жилище, прохладище — по сей часъ, по сей день, слово мое, раба Божьяго N. крѣпко, крѣпко, крѣпко.

5. *Отъ укушенія гада.* Молитвъ ради Пречистыя твоея Матери благодатный свѣтъ міра, отступи отъ меня нечестивый, змѣя злая, подколодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотъ: яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, растенись, отъ раба Божьяго N. Всѣ святые и всѣ монастырскіе братія, иноки, отшельники, постники, и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мнѣ на помощь, яко во дни, тако и въ нощи, во всякомъ мѣстѣ, рабу Божьему N. Аминь.

6. *Украинскій заговоръ отъ звиху* (отъ вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь— недесь на синему моря лежыть камень билый, на бидому камени кто-сь седыть, выспжае, изъ жовтои кости цвиль выкликая; жовшая кость левовъ духъ: якъ ульву духъ не держится, то щобъ такъ у жовтои кости раба Божьяго N. звихъ не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый разъ, у другій разъ, у третій разъ. Аминь.

11 и 18; понедѣльникъ и пятница, какъ извѣстно, считаются тяжелыми или черными днями, въ кои ничего не должно предпринимать, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежатъ кудесникамъ, и извѣстная воробьиная ночь на Украйнѣ посвящена вѣдьмамъ. Первая и послѣдняя четверть луны вообще почитаются временемъ удобнымъ для предпріятій всякаго рода, хозяйственныхъ и другихъ распоряженій — а полнолуніе и новолуніе временемъ менѣе къ тому пригодными.

Большая часть заговоровъ начинаются словами: на морѣ на океанѣ — и во многихъ починается бѣлъ, горючь камень алатырь. На Руси есть городъ Алатырь — не менѣе того, однако же, никто не объяснилъ доселѣ, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это долженъ быть янтарь, но, кажется это неосновательная догадка. Разъ только удалось мнѣ выпытать прямо изъ устъ крестьянина объясненіе, которое, впрочемъ, ровно ничего не объясняетъ: на Воздвиженье змѣи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городищахъ, и тамъ-де является бѣлый, свѣтлый камень, который змѣи лижутъ, насыщаясь имъ, и излизываютъ весь; это и есть бѣлъ-горючь-камень алатырь. Къ сказкѣ этой, вѣроятно, подало поводъ то, что змѣи залегаютъ и замираютъ на зиму, почему народъ и искалъ объясненія, чѣмъ онѣ въ это время питаются и, придумалъ камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода въ кучи.

Есть много людей, правдивыхъ и притомъ не легкомысленныхъ, кои утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что испытали тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствительность того или другаго заговора; а потому, откинувъ на сей разъ всякое предубѣжденіе, постараемся розыскать, сколько и въ какой степени можетъ быть тутъ правды? Утверждаютъ, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующихъ: если пуститься на месмерическія или магнетическія объясненія — то можетъ быть и это покажется менѣе дикимъ и невѣроятнымъ, чѣмъ оно съ перваго взгляда представляется; но мы вовсе не намѣрены писать разсужденіе о магнетисмѣ и потому удовольствуемся однимъ только намекомъ и указаніемъ на него.

Кто въ деревняхъ не знаетъ заговора отъ червей? Укакого помѣщика нѣтъ на это извѣстнаго старика, который спасаетъ лѣтомъ и крестьянскую и господскую скотину отъ этого бича? Заговорщикъ идетъ въ поле, отыскиваетъ траву или кустъ мордвинникъ, или будакъ, (carduus cnicus, C. Benedictus), заходитъ къ нему такъ, чтобы тѣнь на него не пала, говоритъ: » ты трава, Богомъ создана, имя тебѣ мордвинникъ; выведи червей изъ пѣгой, (сѣрой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешъ, съ корнемъ изжену.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ просто: » тогда тебѣ подняться, когда у гнѣдой кобылы такого —то черви изъ бока (уха, зада и проч.) вывалятся.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, привязываютъ верхушку будяка ниткой къ колышку и втыкаютъ его въ землю, такъ, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другіе же просто нагибаютъ стебель мордвинника, подтыкая его подъ стебли сосѣднихъ травъ, такъ, чтобы онъ не могъ самъ собою высвободиться. Дѣло это вообще извѣстно подъ выраженіемъ: заламывать траву. На другой или третій день знахарь идетъ справляться, вывалились — ли черви у скотины? а на утвердительный отвѣтъ, непремѣнно отыскиваетъ опять свой мордвинникъ и отпускаетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще съ особой поговоркой: » ты мнѣ отслужила, я тебѣ отслужу.» Если этого не сдѣлать, то трава въ другой рязъ непослушается; а если, по какому либо случаю, средство не поможетъ, то и не должно отпускать мордвина, въ наказаніе за ослушаніе. Если червей мазали дегтемъ, скипидаромъ и проч. то ихъ, по увѣренію знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замѣчательно, что убогій мужикъ, какъ мнѣ случилось видѣть, занимавшійся этимъ ремесломъ, взявшись съ успѣхомъ вывести червей изъ двухъ скотинъ, отказался отъ третьей, потому что рану уже мазали дегтемъ, и ни за что не соглашается даже на попытку, хотя ему обѣщали значительное для него вознагражденіе.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Пожаръ въ Квебекѣ. — Бори де С. Венсанъ и Бушарда. — Воздушная почта. — Гиподромъ въ Парижѣ. — Сюжетъ для водевиля: отецъ, сынъ и двѣ актрисы. — Совѣтъ жены. — Венгерскій національный театръ — Шиллеръ въ Италіи. — Teatro Carcano въ Миланѣ — Еще вѣнокъ Веберу. — Теорія музыки Маркса. — Гайднъ. — Габенекъ. — Новыя книги.

═

Вы не любите учености, такъ увѣряютъ насъ противники Иллюстраціи. Мы не вѣримъ, потому что они наши противники; они читаютъ Иллюстрацію, это понятно; они скучаютъ учеными извѣстіями; это еще понятнѣе. Не все же, читатель благомыслящій, писать для однихъ васъ. Надо позаботиться и о противникахъ. Мы ихъ душевно любимъ; какъ не любить разнообразія въ природѣ, разномыслія въ умахъ; нельзя, чтобы въ колодѣ картъ все были черви да бубны; къ чему невозможныя притязанія? Противники необходимы. Плохо тому изданію, которое ихъ не имѣетъ. Но мы любимъ ихъ, и потому хотимъ сообщить, что нибудь и для нихъ интересное. Потому и не извольте сердиться, если Странствователь перемѣшаетъ свои воспоминанія; къ дѣлу прикинетъ и пустяковъ.

, Впрочемъ, и вы ничего не потеряете. Странствователь въ ученомъ мірѣ въ эту недѣлю не нашелъ ничего особенно любопытнаго, а что нашелъ у себя, то по принадлежности передалъ въ Еженедѣльникъ, отдѣленіе, которое занимается исключительно отечественнымъ. За границей онъ нашелъ только нѣсколько пожаровъ. Изъ нихъ нѣкоторые замѣчательны, другіе страшны, въ особенности пожаръ въ Квебекѣ, бывшій 26 мая н. ст. Сгорѣло слишкомъ 1600 домовъ; болѣе ста больныхъ захватилъ огонь въ больницѣ; всѣ погибли; убытки наглядно исчисляются до 6 м. долларовъ или 7 м. р. сер. Впрочемъ, всѣ замѣчательные пожары случились въ Соединенныхъ Штатахъ. И у огня иногда бываетъ свойство эпидеміи.

, Чужая бѣда имѣетъ только видъ картины, изображающей народное бѣдствіе. Мы упомянули объ этихъ несчастіяхъ для полноты только, такъ какъ считаемъ обязанностію упомянуть, что г. Бори де С. Венсанъ составилъ прекрасное описаніе французской африки въ антропологическомъ отношеніи, а г. Бушарда замѣчанія о терпентинѣ. Все это и хорошо и полезно; но вы знаете, почему не хотимъ распространяться объ ученыхъ предметахъ. Вотъ, напримѣръ, воздушная почта — каждому понравится. Нѣкто, потому что изобрѣтатель еще скрывается, глядѣлъ на часовую секундную стрѣлку, мысленно продолжилъ ее на значительную длину и былъ мысленно же пораженъ необъятною скоростію, съ какою она мысленно же вращалась. Отъ мысли онъ перешелъ къ опыту, и чего лучше, онъ положилъ свою мысль на мельничныя крылья и она осуществилась. Тутъ пошли другіе опыты и вычисленія, которые привели къ такому заключенію, что можно устроить огромныя мачты, съ желѣзными остріями или лапами, на извѣстномъ пространствѣ; первая мачта въ лапу возьметъ тюкъ съ письмами, мгновенно переброситъ его на двойную длину своего протяженія и вручитъ лапѣ другой мачты, а та, повернувшись, третьей и т: д: и эта почта перенесетъ тюкъ съ быстротою, съ которою ни желѣзная дорога, ни голуби, ничто въ свѣтѣ спорить не можетъ... Много можно сказать противъ этого, но лучше подождемъ. Изобрѣтатель исчислилъ, что полмили такой почты будетъ стоить 25 т. франковъ... Опыты могутъ быть произведены на небольшомъ пространствѣ... Обождемъ. То ли еще увидимъ?

, Впрочемъ Парижъ теперь не обратилъ на это изобрѣтеніе особеннаго вниманія. Ему некогда теперь писать писемъ. Дома онъ восхищается разрѣшеніемъ трудныхъ задачь мальчика Пролонжо, о которомъ мы уже упоминали, а чуть изъ дому, прямо на Гиподромъ, гдѣ въ полу, — деревянномъ и полу-картонномъ Колоссеѣ, предъ безчисленной публикой, Франкони съ огромной труппой представляетъ обожателямъ новизны карикатуру старыхъ олимпійскихъ игръ; скачутъ на лошадяхъ, псы догоняютъ оленя, но только въ шутку, чтобы догонять его завтра, послѣ завтра, пока не надоѣетъ Парижанамъ. Лоренцо Франкони ѣздитъ на прекрасной кобылицѣ, которую назвали Нормой. Между женщинами этой трупы есть красавицы, а между зрителями есть обожатели женскаго пола. Эти красавицы и выгодны и опасны.

, Это случилось въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія. Молодой Бельгіецъ пріѣхалъ въ Парижъ и страстно влюбился въ очаровательную актрису, дѣвицу Ланжъ. Предложилъ ей руку, но та не рѣшилась выйти за него безъ согласія его отца, а отецъ богатый банкиръ, и слышать не хотѣлъ о такомъ бракѣ, и желая спасти сына отъ погибели, явился самъ въ Парижъ. Напрасно усовѣщевалъ сына; тотъ былъ влюбленъ. Отецъ отправился къ дѣвицѣ Ланжъ, надѣясь упросить ее, чтобы она отказалась отъ брака. Во время жаркаго ихъ разговора, хозяйку навѣстила дѣв. Кандейль, также славная актриса. Отецъ — попался въ сѣти въ свою очередь, влюбился по уши въ гостью; и чѣмъ же кончилось? Французскій театръ потерялъ двухъ первоклассныхъ актрисъ; одна вышла за отца, другая за сына. Послѣдняя жила долго на красивой мызѣ Монтале, которая нынѣ принадлежитъ Скрибу...

, Скрибъ очень богатъ. И одна дама, недавно, весьма удивилась: «Какъ это Скрибъ до сихъ поръ еще такъ богатъ, хотя и написалъ для театра такъ много?» Собесѣдники удивились такому вопросу; но дама продолжала: «Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ быть ужасно богатъ, если могъ поставить на сцену такую тьму піесъ. Я надѣюсь, что мой мужъ такъ много писать не станетъ; наши средства ограниченны; мы раззоримся, если позволимъ себѣ такую роскошь...» Собесѣдники догадались, мужъ понялъ добрый совѣтъ умной жены, и пересталъ писать для театра, потому что бѣдный успѣхъ его бѣдныхъ произведеній обходился ему очень дорого.

, Правду сказать, театральная слава слишкомъ соблазнительна; она шумна, народна, особенно во Франціи, гдѣ театръ рѣшительно народный; гдѣ кромѣ италіянской оперы и англійскаго театра, на всѣхъ другихъ театрахъ играются исключительно произведенія однихъ Французовъ. Положимъ, и тамъ заимствованіямъ нѣтъ конца, но у кого заимствуютъ Французы? у себя, у своихъ предковъ и современниковъ. Въ Англіи театръ имѣетъ еще самобытность. Въ Испаніи и Италіи самобытность давно погибла. Въ Германіи мы не за-

Гайднъ.

Габенекъ.

мѣчаемъ прежней независимости. На сто новыхъ піэсъ, разыгранныхъ на разныхъ нѣмецкихъ театрахъ 99 или переводъ, или передѣлка; недавно возникъ еще одинъ національный театръ. Посреди Европы запѣли, заговорили по-Монгольски! Въ Пестѣ представляются на небольшомъ народномъ театрѣ піэсы на маджарскомъ языкѣ. Восторгамъ нѣтъ мѣры; но какъ и всякій національный театръ вначалѣ, и Венгерскій представляетъ мало оригинальнаго. Также переводы и передѣлки съ другихъ языковъ; но стремленіе Маджаровъ принесетъ свои плоды; и у нихъ будутъ свои писатели, свои актеры; напротивъ, нельзя уже того надѣяться отъ Италіи.

, Десять лѣтъ тому назадъ кто-бы въ Италіи повѣрилъ, что когда-нибудь тамъ будутъ играть трагедіи Шиллера, пѣть оперы Вебера? Въ Пармѣ недавно была представлена трагедія Шиллера «Марія Стюартъ», въ италіянскомъ переводѣ Маффеи, и весьма понравилась.

, И такъ, Шиллеръ съ нѣмецкой поэзіей уже въ Италіи; можно надѣяться, что и Веберъ съ нѣмецкой музыкой зайдетъ туда же. Когда въ Петербургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ стараются составъ оперы пополнить лучшими итальянскими пѣвцами, въ то же самое время, въ Миланѣ, гдѣ нѣкогда блистала Паста, Малибранъ и другія знаменитости итальянскаго пѣвческаго міра, поютъ иноземцы со всѣхъ концовъ Европы. Недавно на театрѣ Carcano давали Линду ди Шамуни; примадонна была Диличъ изъ Берлина, контральто Нѣмка Ро (Roh); — теноръ Траверсъ, — Англичанинъ; баритонъ Бергеръ — изъ Вѣны, а басъ Брегенцеръ изъ Бадена!!! Вотъ вамъ италіянская опера въ Италіи! Послѣ этого должно ждать, что Италія скоро помѣняется съ нами не только пѣвцами, но и операми. Особенно Веберъ долженъ обратить на себя вниманіе Заальпійцевъ, потому что въ его операхъ, между нѣмецкими, всего больше пѣнія.

, Энтузіасмъ къ достойному композитору еще не заснулъ совершенно. Можно сказать, на дняхъ еще музыкальное общество въ Гамбургѣ прислало именитому покойнику — серебряный масивный вѣнецъ съ надписью: Памяти К. М. фонъ Вебера гамбургское музыкальное общество. Этотъ вѣнецъ — вѣнчаетъ теперь маску Вебера.

, Въ Германіи музыка нѣчто врожденное; Нѣмецъ, который страстно не любитъ музыки, не нѣмецъ, но что еще удивительнѣе, онъ не можетъ любить ее безотчетно, безсознательно; тамъ простолюдинъ знакомъ съ учеными началами музыки, съ терминами и элементами сочиненія. Тамъ столько же книгъ о музыкальной теоріи, сколько у насъ музыкальныхъ статей, въ которыхъ замѣтно совершенное незнаніе первыхъ началъ музыки. Тамъ въ народныхъ школахъ учатся этому искуству, и при всемъ томъ тьма этихъ теорій въ безпрерывномъ между собою разнорѣчіи. Недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе Маркса, берлинскаго профессора: Практико-Теоретическая школа музыкальной композиціи. Три части. Эта книга обѣщаетъ счастливый переворотъ въ музыкальной схоластикѣ, которую уже многіе ученые преподаватели старались разрушить. Нѣмецкая музыка рѣшительно можетъ быть раздѣлена на двѣ части: на чисто философскую и на схоластическую.

, Гендель и Гайднъ отцы первой, но преимущественно Гайднъ; десяти лѣтъ онъ уже упражнялся въ шестиголосномъ пѣніи, и въ послѣдствіи говаривалъ: «я думалъ тогда, что чѣмъ чернѣе на бумагѣ, тѣмъ лучше музыка.» Гайднъ имѣлъ великихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Баха, но они не имѣли обширнаго вліянія на музыку народную; они творили въ тишинѣ, ихъ слушали, ихъ разыгрывали по угламъ; ораторіи Гайдна раздались во всѣхъ концахъ Германіи, онѣ влились въ тѣло Нѣмца, составили часть его крови. Италіянская музыка, господствовавшая тогда повсемѣстно — потерпѣла пораженіе, которое продолжалось постоянно и всегда съ успѣхомъ до нашихъ временъ.

, Во Франціи и слушать не хотѣли ни нѣмецкой музыки, ни о нѣмецкой музыкѣ; и тридцати лѣтъ еще нѣтъ, во Франціи смѣялись надъ Бетговеномъ, какъ надъ полоумнымъ. Повѣрите ли, Мегюль не понималъ Бетговена! Распространеніемъ нѣмецкой музыки во Франціи мы обязаны Габенеку; Антонъ Францъ Габенекъ родомъ изъ Мезіера, но происхожденіемъ Нѣмецъ. Случай доставилъ ему, въ 1820 году, мѣсто втораго капельмейстера въ Большой Оперѣ, а въ 1821 году онъ былъ уже директоромъ музыки. Что сдѣлалъ Гайднъ для Германіи, то Габенекъ для Франціи. Послѣднему было гораздо труднѣе. Какихъ надо было усилій, чтобы заставить избалованныя уши Французовъ слушать музыку Бетговена, Моцарта и др. Первыя попытки были крайне неудачны; но въ 1824 году, получивъ мѣсто главнаго капельмейстера Большой Оперы, Габенекъ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ учредилъ извѣстное парижское концертное общество, которое насильно заставило Французовъ полюбить, если не понять нѣмецкую музыку, повѣрить на слово, что она есть истинная музыка. Заслуги Габенека слишкомъ велики. Онъ имѣлъ рѣшительное и благодѣтельное вліяніе не только на развитіе вкуса, но и на произведенія всѣхъ парижскихъ композиторовъ, потому что онъ управлялъ и управляетъ оркестромъ Большой Оперы; онъ считается, и справедливо, первымъ капельмейстеромъ въ мірѣ. Донынѣ журналисты какую бы дичь о музыкѣ ни писали, обходились съ Габенекомъ вѣжливо но вы знаете этихъ продажныхъ журналистовъ; особенно съ нѣкотораго времени они повели дикій споръ о нѣмецкой музыкѣ; Мейерберъ и Берліозъ у нихъ свѣтила, помрачающія Моцарта и Гайдна, а съ ними и всѣ труды Габенека. Нѣмецкіе журналы горячо приняли защиту и Гайдна и Габенека, и мы представили въ короткихъ словахъ заслуги и приложили портреты лицъ, возбуждающихъ нынѣ музыкальные споры. Не худо если бы Французы, включительно съ своими композиторами прочли, могли прочесть Школу Маркса... Но это если и случится, то не раньше какъ черезъ сто лѣтъ. — Пока, — у Французовъ своя школа.

, Четвертый томъ Исторіи Консульства и Имперіи, Тіера, вышелъ въ Парижѣ и объемлетъ событія съ августа 1802 по мартъ мѣсяцъ 1804 года. — Еще выходитъ Исторія журналовъ и журналистовъ за 1789 — 1796 годъ, Леонарда Галлуа. Въ этомъ родѣ можно бы и у насъ составить прелюбопытную исторію. Опытъ такой же исторіи германскихъ журналовъ давно уже начатъ, но неизвѣстно почему до нынѣ не конченъ. Изъ того, что уже вышло, въ свое время, мы сообщимъ любопытнѣйшіе отрывки. Изъ ученыхъ книгъ вышли: Исторія насѣкомыхъ, Бланшара, 1 томъ, Словарь Ест. Исторіи д'Орбиньи, VI т. и пока — все.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ

въ немногихъ письмахъ.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

КУДИМЪ — МОГИЛЬЩИКЪ.

Далеко ушла Россія въ короткое время. То, что вы встрѣчали за тридцать лѣтъ предъ симъ, что встрѣтите въ этомъ романѣ, того навѣрно не встрѣтите въ настоящее время, развѣ въ какомъ либо заглохшемъ, забытомъ уголкѣ. Возьмемъ, напримѣръ, разбойниковъ. Прежде они какъ лягушки, водились въ разныхъ мѣстахъ; теперь и для романа, чтобы писать съ натуры? ни за какія деньги ихъ не найдете. И другіе типы вывелись или выводятся совершенно. Но многіе ли знакомы съ нашимъ провинціальнымъ бытомъ? Оттого происходитъ за-частую, что столичный сатирикъ мѣтитъ въ современниковъ, а попадаетъ въ предковъ; описываетъ добродѣтели предковъ, которые еще будутъ похожи на нашихъ потомковъ. Богъ имъ судья, этимъ поэтамъ! Провинція великодушно имъ прощаетъ, но сѣтуетъ на столичныхъ читателей, которые вѣрятъ ихъ поэмамъ. Обстоятельства заставили меня объѣхать почти всѣ углы Россіи, быть у Зырянъ, у Киргизовъ, на Байкалѣ и въ Бессарабіи и т. д. Не встрѣчалъ я этихъ пресловутыхъ типовъ, которыми обилуютъ наши сатирическія соленья. Негодная приправа, только соль даромъ пропала. Не для того пишу, чтобы возвысить мое сказаніе, а такъ, съ тоски-грусти. Я не сочиняю, а описываю старину, которой, большею частію, былъ очнымъ свидѣтелемъ. Если гдѣ и прибавлю отъ себя, такъ ужъ вѣрно въ пейзажѣ, а отнюдь не въ драмѣ... Мой разсказъ — не сатира, не поэма, а какъ я назвалъ его выше: простое сказаніе, безо всякихъ притязаній на авторство, славу... Гдѣ мнѣ на старости думать о такихъ важныхъ предметахъ? Не только не желаю извѣстности, но только изъ того и бьюсь, чтобы меня сосѣди не узнали. Сей-часъ скажутъ: Э! да это онъ на насъ пишетъ. Скажи я: что у насъ въ городѣ мостовая дурная, сей-часъ закричатъ: это на насъ, на насъ! Скажи: что дамы рядиться любятъ, глазки строить,.. на насъ, на насъ! А вотъ не вѣрите, побожусь, что тотъ городъ, гдѣ живу, совсѣмъ не тотъ, въ которомъ началась моя исторія. Вотъ вамъ первое доказательство: у насъ кладбище въ самомъ городѣ, а въ томъ оно было далече за городомъ, верстахъ въ двухъ. Не было на немъ красивыхъ памятниковъ какъ у насъ; дворянъ хоронили въ деревняхъ или на ближайшихъ погостахъ; а на кладбищѣ торчали кресты съ навѣсами, съ выжженными надписями, отъ чего буквы походили на іероглифы; такъ же ихъ читать было трудно. Даромъ что лѣто, а ночь была холодная; могильщикъ Кудимъ копалъ яму и холода не чувствовалъ; онъ только заступу своему подъухивалъ, да покашливалъ. Сосѣдство покойниковъ его не безпокоило. Кудимъ былъ философъ. Чего бояться? Не встанутъ. Ни вѣтеръ, ни кошка, ни другой гость изъ лѣса не обманывалъ Кудима; онъ зналъ видъ, голосъ, и походку каждаго. Потому-то онъ вдругъ остановился и оглянулся съ недовѣрчивостію. Снялъ шапку, перекрестился и сказалъ въ раздумьѣ: Не приведи Господи, случалось, нечего грѣха таить, случалось... Ничей грѣхъ! Пусть на себя пѣняетъ, за чѣмъ покойникомъ прикинулся! Да и какъ его узнаешь, въ которой могилѣ... Нѣтъ! Видно ему круто приходится! Пойти, поближе прислушаться!

Кудимъ не далеко прошелъ. Онъ въ двухъ шагахъ услышалъ стоны сквозь сонъ; у большаго креста подъ широкимъ навѣсомъ, скорчась, спала тяжкимъ сномъ дѣвушка. Показалась она Кудиму ребенкомъ; поглядѣлъ, посмотрѣлъ, да и давай будить. Съ крикомъ вскочила она съ своего мѣста, хотѣла бѣжать, но Кудимъ плотно держалъ ее за полу грубой душегрѣи. Тутъ только по росту замѣтилъ онъ, что дѣвушкѣ было добрыхъ шестнадцать лѣтъ.

— Что ты тутъ, матушка, дѣлаешь?

— Спаси и помилуй! закричала она, вырываясь...

— Да куда ты?.

— Убей меня, только не веди къ моему злодѣю!

— Да кто же твой злодѣй?

— Баринъ, да ты развѣ не отъ него?..

— Я самъ отъ себя. Ты въ мой огородъ зашла. Я здѣсь хозяинъ...

Дѣвушка оглянулась и вздрогнула...

— Откуда ты?

— Издалече, дѣдушка! Пробѣжала я много, много верстовъ. Столбамъ и счетъ потеряла. Пятую ночь — провела на кладбищѣ; всего два раза во весь путь по куску хлѣба съѣла...

— Да куда же ты?

— Куда глаза глядятъ! Возьми хоть ты меня въ работницы, только злодѣю моему не выдай.

— Чѣмъ же онъ тебѣ злодѣй?

— Охъ! дѣдушка! Страсть разсказывать! За кучера своего замужъ меня хочетъ выдать; уже я и въ церкви съ уродомъ стояла, да помогъ Богъ, вырвалась, а то бы насильно обвѣнчали. На другой день стращалъ онъ *меня*, стращалъ; я отдалась на его волю; онъ и сталъ ласкать меня, повелъ къ себѣ, подалъ *мнѣ* бумагу, и перо всучилъ; я подписала.

— Такъ ты грамотная?

— Учили таки.

— Ну, *что же ты*, подмахнула?..

— Подписала.

— А что же тамъ написано?

— Не знаю, дѣдушка, только баринъ больно обрадовался; поцѣловалъ меня и говоритъ: Ну, умница, пойди же пріодѣнься, да ужъ больше соблазну ни какого не дѣлай; слушайся...

— Пошла я, пріодѣлась, вотъ въ эту душегрѣю, да платокъ на голову; въ окно, да огородомъ, на большую дорогу, а тамъ въ лѣсъ, а тамъ и поминай какъ звали.

— Молодецъ дѣвка! Спасибо! Ну, такъ пойдемъ же въ городъ. Тутъ тебѣ не укрыться ни отъ злодѣя, ни отъ погоды. А тамъ, посмотримъ, да поищемъ. Распросимъ у того, кто больше нашего знаетъ...

— А если?..

— Не бойся, городъ не деревня? .

Хотя старикъ, опираясь на дубинку, и шелъ весьма тихо, но дѣвушка такъ была истомлена, что едва могла переступать по дорогѣ; тѣмъ болѣе, что она была босая, и ноги разъязвлены далекимъ

путешествіемъ. Кое-какъ дотащились они до города. Были тогда уже и часовые и гауптвахта на заставѣ. Но внутренняя стража знала Кудима и не обратила вниманія на спутницу. Въ городѣ путь сталъ еще труднѣе, потому что мостовая, хотя и дурная, все таки мостовая. У нѣкоторыхъ домовъ были сдѣланы, какъ тогда говорили, панели, т: е: тротуары, но только у нѣкоторыхъ. А большею частію по всей большой улицѣ, около заборовъ, росла трава, лежали кучи кирпича и битаго стекла, почему по мостовой итти было и легче и безопаснѣе. Не доходя до губернаторскаго дома, Кудимъ пріободрился и сказалъ: Ну, вотъ и наши! Тереха, вставай! и легонько толкнулъ лежавшаго по середи улицы мужика. У новой панели лежало еще двое товарищей Терехи. Чуденъ народъ нашъ! На твердыхъ и не ровно уложенныхъ камняхъ, по которымъ и въ сапогахъ итти больно, — мужички покойно отдыхали послѣ трудной ночной работы. Кудиму не надо было повторять: вставай Тереха! Заслыша чужой голосъ, всѣ трое вскочили. Тереха ухватился за заступъ; товарищи за толчею...

— Что вы это, ребята? Это я, Кудимъ!

— Ты, Кудимъ! Такъ давайте братцы спать. А я было подумалъ, что надзирателя ночью поднило. А ты чего тутъ по ночи таскаешься?

— Причина, Тереха, большая причина... И Кудимъ по своему разсказалъ про странную встрѣчу.

— Ну, такъ чтожъ, поймалъ бѣглянку, такъ и веди въ полицію.

— Эхъ ты, Тереха! Видишь какой вздоръ со сна мелешь! Надо ее успокоить; пусть поотдохнетъ; добраго ей защитника надо пріискать; у кого изъ васъ ключь отъ артели?...

— Ужъ не въ артель ее, что ли, вести хочешь? Эхъ Кудимъ! Изъ ума выжилъ! Узнаетъ про то Поликарпъ Ивановичъ, такъ, будто по мостовой, по нашимъ спинамъ прогуляется! Видишь, чужаго держать!

— Чужаго! А Савилъ то не чужой? Да и кто еще Савилъ? Вѣдь не я буду, нечисто что-то.

— Да то мужской полъ; между работниками замѣшается, и не видно; а дѣвка, что огонь; засвѣтитъ. Ты ее лучше веди въ харчевню. Скажешь подорожняя какая, никто не спроситъ...

— Уменъ Тереха! Спи съ Богомъ! Пойдемъ дитятко! И въ харчевню-то поближе...

Подошли они къ огромному постоялому двору. По серединѣ, окнами на улицу, стоялъ барскій домъ въ два этажа, деревянный; хотя окна во многихъ мѣстахъ были заклеены бумагой, хотя все зданіе стояло нѣсколько наклонившись, но все таки видно было, что не сегодня, такъ вчера, тутъ господа жили; къ этому дому по обѣимъ сторонамъ были приклѣены два большіе флигеля, самой сельской архитектуры. Въ одномъ была большая изба, для черныхъ гостей; въ другомъ, съ крыльцомъ на улицу, харчевня или также изба столовая, съ тою разницей, что она раздѣлялась огромнымъ прилавкомъ, за которымъ на полкахъ стояло множество бутылокъ и штофовъ, тарелокъ, чашекъ и всякой посуды; были тутъ и хрустальные, и зеленые стаканы; были тутъ и серебряныя, и оловянныя ложки; всѣ висѣли подъ ранжиръ, ручками внизъ. На прилавкѣ уставлены были пироги, ветчина, коржи, хлѣбъ кругами въ пирамиду; боченокъ съ солеными рыжиками, въ которыхъ, будто корабль въ архипелагѣ, плавала деревянная ложка. Стѣны были облѣплены суздальскими гравюрами, вплоть отъ скамѣекъ до потолка; на одной изъ нихъ висѣли часы; но не только на циферблатѣ, но даже на маятникѣ спали мухи и покойно качались вмѣстѣ съ временемъ. Когда часы начинали шипѣть, мухи подымались съ ночлега и съ шумомъ разлетались по темно-освѣщенной залѣ, но выскочила кукушка, пробила часы, будто въ разбитую тарелку, и ученыя мухи возвращались на свои постели. Подобно маятнику, за прилавкомъ бѣгалъ половой, и подавалъ гостямъ разныя прелести, по желанію; но какъ только требованія затихали, — половой, такъ сказать, ложился на прилавокъ, утиралъ руками свою короткую бороду и шопотомъ заводилъ бесѣду съ рыжимъ мужикомъ, который на колодѣ, сидѣлъ у самаго прилавка въ шапкѣ и курилъ изъ коротенькой трубки удушливый табакъ, отъ котораго въ залѣ было еще темнѣе. Кромѣ этого мужика, вдоль стѣны на скамьяхъ сидѣло не мало гостей, да и не могло быть иначе; время торговое, ярмарка развернулась; иные дремали, положивъ руки и голову на столъ, другіе шумно, третіе тихо бесѣдовали; но въ красномъ углу, гдѣ между прочимъ стояла свѣчка, полуштофъ и двѣ оловянныя чарки, тамъ видны были почетные гости; одинъ брящалъ на балалайкѣ, другой въ ахалукѣ, съ трубкой въ рукахъ, то припляшетъ въ присядку, то прикурнетъ изъ черешневаго чубука, то прихлѣбнетъ изъ оловянной чарки.

— Ермолай Никитичь, обыкновенно говорилъ онъ, прикладываясь къ чаркѣ: Дружище! Извольте прихлѣбнуть! Важная модера! Знаете ли, что и въ Питерѣ не во всякомъ погребкѣ такой отпустятъ! Право, отвѣдайте!

— За нами дѣло не станетъ, Павелъ Кузьмичь! Стукнемся, другъ! Вотъ такъ! Гитара-то скверная, а то бы я вамъ заигралъ кузнечика...

— Кузнечика?

— Это пляска такая барская! У насъ въ полку барышни пляшутъ...

— Да развѣ у васъ въ полку и барышни служатъ?..

— Нѣтъ, Павелъ Кузьмичь, ужъ это дѣло извѣстное, гдѣ полкъ, тамъ и барышень много; со всего околодка къ тѣмъ помѣщикамъ съѣдутся, которые поближе; знаете будто гостить...

— То-то, я думаю, вамъ, Ермолай Никитичь, доходно. Вашъ баринъ чай въ полку первая штука.

— Таки не послѣдняя... Одна барышня, до того втюрилась въ насъ, что гитару намъ подарила. Я отъ скуки такъ навострился; то и дѣло дрынь, дрынь, дрынь, по всѣмъ струнамъ, такъ ужъ гулъ такой пойдетъ, что будто въ трубѣ сажа горитъ.. Ну, да каковъ ни есть штрументъ, извольте веселиться...

И Павелъ Кузьмичь въ ахалукѣ давай приплясывать. Въ это самое время Кудимъ съ дѣвушкой вошелъ въ харчевню; перекрестился на образа, съ трудомъ отыскалъ мѣсто и посадилъ спутницу возлѣ человѣка, довольно стараго, въ военномъ сертукѣ; тотъ не обращалъ никакого вниманія; прислонясь къ растворенному окну, курилъ себѣ коротенькую трубочку и прихлебывалъ пиво.

Половой не могъ замѣтить прихода новыхъ гостей, потому что онъ въ самое это время съ надлежащей аттенціей подавалъ что-то одному купцу, который, глядя на красный уголъ, разгарался молодецкой удалью, и то и дѣло приказывалъ подавать себѣ то то, то другое. За то собесѣдникъ половаго тотчасъ замѣтилъ появленіе Кудима, тотчасъ сорвалъ съ себя шапку и бросилъ подъ ноги и сказалъ тихо, такъ какъ будто не хотѣлъ, что бы его заслышали: здравствуй, кумъ! Кудимъ кивнулъ головой, безъ отвѣта. Какъ только половой вернулся на мѣсто и улегся на прилавокъ, рыжій шепотомъ спросилъ:

— Кого это привелъ Кудимъ?

— Не вижу... Кажись женщину! Что за диковина! Дѣло къ утру; о такой порѣ женщины къ намъ не ходятъ... Знашь, Савилъ, я тебѣ вотъ дамъ свѣчку. Куда не шло. Поставь имъ передъ носомъ на столъ. Тогда мы разглядимъ. Ужъ если изъ нашего города, такъ сей-часъ узнаемъ...

— Нѣтъ, Ноготокъ, ужъ ты самъ лучше поставь. Тебѣ сподручнѣе; ты вѣдь тутъ хозяинъ... Да и знаешь что? выживи ты Кудима отселѣ!

— А что?

— Да такъ; не люблю я его дурацкой рожи. Такимъ святошей глядитъ, а долженъ быть самый такой...

У половаго все шло какъ по нотамъ; ловко разбѣжался онъ съ подносомъ; подскочилъ къ офицеру; заглянулъ въ стаканъ; убралъ тарелки, вытеръ полотенцомъ скамейку; — Экая темь тутъ... сказалъ, будто про себя, и свѣчка уже стояла передъ дѣвушкой. Тутъ онъ будто нечаянно замѣтилъ Кудима.

— А! и ты тутъ! Знать съ богатымъ покойни-[illegible]

— И я тутъ, а ты будешь тамъ, откуда я пришелъ. Ноготка придется мнѣ ноготкомъ къ мать землѣ придавить.

— Вашей братьи душа не жалуетъ, « сказалъ нѣсколько смущенный половой, и воротился на свое мѣсто.

— Намъ души-то твоей и не надобно; копи деньгу, чтобы на похороны больше осталось. А ужъ я труда не пожалѣю; на лишнюю сажень тебя опущу...

— Экой языкъ! Провались онъ окаянный! Пусть себѣ спитъ;.. Ну, такъ вотъ видишь, Савилъ, хорошо-то оно половымъ быть, ужъ это правда, что все въ городѣ вѣдаю и знаю; сколько ни есть нижняго жилья въ городѣ, подваловъ, конюшень, кухонь, все ужъ разокъ въ день у меня перебываетъ, повыпьетъ, проболтается, да вотъ что дурно, то и дѣло частный заходитъ: съ хозяина подарочекъ, а съ половаго справку: былъ де тутъ такой?.. Не могимъ знать! — Врешь, да въ ухо! А сказать опять нельзя; потянутъ на очную ставку; не разъ выдавалъ я чужое дѣло, а потомъ и каялся. Только слушай, Савилъ, ужъ я не знаю, откуда онъ такую красотку взялъ... Вотъ, гляди, теперь она рыло повернула...

Савилъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поспѣшно отвернулся. Отъ половаго не скрылось это движеніе.

— Что ты это, Савилъ? видно зазнобушка, али на нее походитъ?

— Смахиваетъ!... отвѣчалъ Савилъ, стараясь осклабить рыжій ликъ свой.

— То-то и есть!

— Выживи ихъ отсюда Ноготокъ, не то поссоримся...

— Дай, попытаюсь... И Ноготокъ схватилъ подносъ, и бросился въ красный уголъ... Что, господа, модеры-то не прикажете ли?

— Подавай!

— Али можетъ донскаго! Вотъ бы вамъ, такимъ бравымъ кавалерамъ, красотку попотчивать...

— Гдѣ она, давай ее сюда!...

Половой исчезъ, а Павлуха въ разгулѣ бросился прямо къ дѣвушкѣ, схватилъ ее за руку, та вскрикнула; но въ то же время Кудимъ закричалъ: «не замай» и оттолкнулъ Павлуху...

— Ай да Кудимъ! заревѣлъ Савилъ своимъ страшнымъ голосомъ. Не посмотрѣлъ, что кавалеръ! Даромъ, что могильщикъ, а у него держи ухо востро. — Это было сказано почти въ дверяхъ; съ этими словами Савилъ пропалъ, но слова не пропали. Павлуха взбѣсился. Другъ его ополчился и выступилъ на поле битвы; гости, видя грозу, схватились за шапки и разбѣжались; одинъ только старичекъ, въ военномъ сертукѣ, продолжалъ курить табакъ и прихлебывать пиво; онъ попрежнему не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ. Павлуха напалъ первый, но Кудимъ ловко выхватилъ черешневый чубукъ, разломалъ о колѣно и бросилъ на полъ.

— Разбойникъ! Какъ ты смѣлъ изломать барскій чубукъ?

— Вотъ только сунься, я тебя самого изломаю...

— Ахъ ты червь кладбищенскій! Ты смѣешь этакъ съ нашимъ братомъ тягаться...

Бренная лира Ермолая Никитича также разлетѣлась въ дребезги.

Безоружные отступили.

— Павелъ Кузьмичь! Такъ ты этакъ...

— Ермолай Никитичь! Вѣдь ты военный, ты ступай впередъ!

— Кудимъ! закричалъ половой, вбѣгая: что ты тутъ драку затѣваешь? Ступай себѣ съ Богомъ!

— Вонъ! вонъ!

И всѣ трое, схвативъ Кудима, стали выталкивать его изъ харчевни.

— Не трогать! громовымъ голосомъ сказалъ старикъ въ сертукѣ.

— Не твое дѣло!... кричалъ половой: Пусть шума не заводитъ...

— Прочь, мерзавцы! — И половой отлетѣлъ далече, но другіе два продолжали свое дѣло... Тузили и толкали бѣднаго Кудима...

— Полъ!...

— Ермолай! раздалось въ противуположныхъ дверяхъ.

— Чего изволите! закричали оба въ одинъ голосъ, отскочивъ отъ Кудима...

(Продолженіе будетъ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Приходорасходная роспись С. Петербурга на 1845 г. — Сады въ Петербургѣ. — Землетрясенія въ Ахалцыхѣ — Пожаръ въ Луцкѣ. — Пожаръ въ Троицкосавскѣ. — Саранча. — Секретъ для овцеводовъ. — Штурманъ И. Кузнецовъ. — Сабанъ въ Казани. — Лѣсной Словарь. Сто Литераторовъ.

—

Глядя на величественный Петербургъ съ исаакіевскаго купола, или другаго возвышеннаго мѣста, невольно подумаешь: чего стоила эта величественная громада, построенная во сто сорокъ два года? чего стоитъ она каждый годъ? Обнародованная нынѣ приходорасходная роспись С. Петербурга на 1845-й годъ представляетъ только одни собственно городскіе расходы и эти простираются на 1,713, 609 р. (*) Изъ этой же росписи узнали мы, что ветхій, неудобный домъ, въ коемъ помѣщалось общее полицейское управленіе, въ Большой Морской, замѣняется новымъ, устроится пересыльная тюрьма и всѣ съѣзжіе дома перестроятся, согласно настоящимъ требованіямъ. — Это придастъ много красоты городу, въ особенности, если каланчамъ сообщена будетъ другая, болѣе благообразная форма.

. Теперь Петербургъ, можно сказать, достигъ необходимой полноты; исчезли многіе пустыри, которые наводили на проходящаго уныніе. Пустынная линія, въ которую, такъ сказать, уходила Исакіевская Площадь, теперь оживилась красивымъ бульваромъ; пустота пропала; дикія мѣста, примыкавшія къ Тучкову Мосту — обратились въ красивый паркъ, который, когда разростется, будетъ однимъ изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ для лѣтней прогулки; кто не помнитъ симіоновскаго театра? На его мѣстѣ теперь красивый скверъ; на биржевой площади, на мѣстѣ, гдѣ стояла будка съ глобусомъ, также скверъ; линія университетскаго зданія опушена садомъ; разведеніе деревъ внутри города не сомнительно подѣйствуетъ благодатно на состояніе нашей атмосферы; освѣжитъ воздухъ кромѣ того, что доставитъ каждому возможность близкой пріятной прогулки. Огромный пустырь, покрывавшій все пространство, окружавшее съ суши Петропавловскую Крѣпость — теперь красивый, даже роскошный паркъ... И давно ли этотъ паркъ такъ счастливо раскинулся. Глядя на него, думаешь, не примѣнена ли къ этимъ скороспѣлымъ деревьямъ новая тайна Дагерра. Этотъ паркъ едва ли не больше всѣхъ другихъ пополнилъ Петербургъ. Остается желать, чтобы длинное шоссе, пролегающее возлѣ лицея, обстроилось; чтобы вмѣсто этихъ монотонныхъ заборовъ, въ два ряда встали красивые дома. Тутъ еще не мѣсто дачь, тутъ городъ, старый городъ, первоначальная столица Имперіи.

. Какъ люди, такъ и дома; одни встаютъ другіе разрушаются. Die Elementehassen das Gebild der Menschenhand, говоритъ Шиллеръ. Не вода, такъ огонь; не буря, такъ подземное пламя волнуетъ землю, стряхаетъ съ нее творенія руки человѣка. Въ половинѣ мая въ Ахалцыхѣ три сильные подземные удара потрясли городъ, но земля не уступила и вредъ отъ этого землетрясенія ограничился только трещинами въ нѣкоторыхъ домахъ.

. Вы проѣзжали когда либо черезъ Луцкъ? — Его уже нѣтъ, почти нѣтъ. Лучшая часть города, или лучше сказать самый городъ, 17 мая сгорѣлъ; осталось предмѣстіе и то потому, что рѣка не пропустила огня на другую сторону. Убытки оцѣнены въ 180 т. р. с.; но за то въ этомъ значительномъ пожарѣ не погибъ ни единый человѣкъ. Уже и это утѣшительно.

. Курить табакъ теперь уже не считается ни дѣломъ постыднымъ, ни вреднымъ; первое можетъ быть справедливо, но второе — едва ли. Сосчитайте сколько было пожаровъ отъ трубки? И почему? Табакъ почитается принадлежностью старшаго возраста, и потому составляетъ предметъ соблазна для недорослей. Если кто пьетъ вино, куритъ табакъ и влюбленъ, тотъ почитаетъ себя взрослымъ; а какъ недорослю все это запрещается, то онъ утѣшаетъ свое самолюбіе въ тайнѣ, онъ тайкомъ взрослый человѣкъ. Такъ сынъ одного крестьянина захотѣлъ быть взрослымъ; гдѣ же? на китайской границѣ, въ Иркутской Губерніи, въ Троицкосавскѣ. Пошелъ онъ на сѣновалъ и давай тайкомъ жечь табакъ, но зажегъ сѣно и цѣлый городъ. На этотъ случай всегда гдѣ нибудь за угломъ сидитъ буря, и на первый взмахъ огня спѣшитъ страшная союзница; въ одно мгновеніе охватило пожаромъ болѣе двадцати домовъ; пожарные инструменты сгорѣли; всѣ дѣйствія къ потушенію огня оказались безуспѣшными; жители потеряли бодрость и въ ужасѣ бѣжали въ ближайшія горы! Большая часть Троицкосавска сгорѣла въ продолженіе двѣнадцати часовъ; остатки спасъ выпавшій ночью снѣгъ, но огонь продолжалъ тлѣть еще нѣсколько дней. Убытки оцѣняются болѣе чѣмъ на милліонъ рублей сер. При этомъ случаѣ замѣчательно участіе Китайцевъ! Они прислали къ бѣдствующимъ 30 лошадей съ людьми и бочками. Кяхтинское купечество не осталось въ долгу. Оно послало въ Маймачинъ 20 половинокъ сукна, а на погорѣлыхъ, по подпискѣ, собрало 27 т. р. асс.

. Саранча иной разъ не лучше пожара? Отъ нея отдѣлаться труднѣе, чѣмъ отъ пожара. Недавно она перепугала всю Алжирію, и заняла парижскую публику на цѣлые два часа. Мы на нее не обращаемъ особеннаго вниманія, потому что въ Петербургъ она летѣть ни за что не захочетъ. Но за то полуденныя наши провинціи во многихъ мѣстахъ очень на нее жалуются. Она появилась въ этомъ году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Екатеринославской, Таврической, Астраханской, и областей Кавказской и Каспійской. Саранча — названіе слишкомъ общее. Она не вездѣ одна и та же. Много родовъ саранчи: Acridium Italcum, gryllus vastator stevenii и другіе. Акриды извѣстны и въ священномъ писаніи; Саранча бываетъ пѣшая и конная. Одна не лучше другой; но теперь она нашла себѣ еще такихъ же прожорливыхъ союзниковъ. Это какіе-то пестрые жучки, которые истребляютъ хлѣбъ на полѣ ни чуть не хуже саранчи. Родина этихъ вредныхъ насѣкомыхъ появилась въ Каспійской Области; но, кажется, истребленіе ихъ идетъ удачно.

. Насѣкомыя вообще играютъ въ нашемъ мірозданіи роль, которую едва ли ученые натуралисты когда либо раскроютъ и опредѣлятъ съ точностію. Гдѣ ихъ нѣтъ? Ужъ, кажется, зачѣмъ имъ быть въ глазѣ человѣка, а есть, живутъ тамъ отъ сотворенія міра. Сколько насѣкомыхъ наглотаемся мы ежедневно, а думаемъ, что дышимъ чистымъ воздухомъ; сколько болѣзней производятъ они и въ человѣкѣ и въ другихъ животныхъ; изъ послѣднихъ пуще всѣхъ на нихъ жалуются овцы; есть мошка, которая — прямой ядъ для овецъ. Кстати объ овцахъ. Почтенный овцеводъ, г. Арташевскій подмѣтилъ въ природѣ весьма занимательную тайну и безкорыстно открылъ ее для всеобщаго свѣдѣнія. Какъ узнать, которая овца переживетъ зиму, которая пропадетъ? Г. Арташевскій предлагаетъ для того слѣдующій способъ. Извольте насыпать конопляной мякины въ корытце и поподчивать каждую овцу особо. Которая рѣшилась прожить наступающую зиму — охотно ѣстъ эту мякину, та же, которая не станетъ ее ѣсть, носитъ уже съ собою смерть и зимою умретъ непремѣнно. Извольте съ нею поступить какъ угодно; но на зиму не оставляйте.

. Въ каждомъ безкорыстномъ поступкѣ, какого бы онъ рода ни былъ, всегда есть поэзія; извѣстіе о немъ читается съ удовольствіемъ и возбуждаетъ поэтическое чувство. Напримѣръ, не пріятно ли вамъ будетъ узнать, что штурманъ астраханскаго порта Илья Кузнецовъ предлагаетъ обучать путесчисленію всѣхъ лоцмановъ, ходящихъ по Каспійскому Морю, а вознагражденіе за труды свои приноситъ на учрежденіе женскаго дѣтскаго пріюта въ Астрахани. Два добрыя дѣла вдругъ! На Каспійскомъ Морѣ не мало судовъ, въ особенности рыболовныхъ; лоцманы на нихъ большею частію самоучки; ходятъ себѣ и не знаютъ гдѣ ходятъ; оттого часто заходятъ въ чужія владѣнія; отсюда ссоры, тяжбы, раззореніе; а еслибы они были знакомы съ путесчисленіемъ, таковыхъ бы бѣдствій не оказалось. Само собою разумѣется, что профессоръ берется преподавать только грамотнымъ и обѣщаетъ обучить каждаго удовлетворительно въ мѣсяцъ! — Помоги и награди Богъ!

. Два путешественника встрѣтились въ отдаленной землѣ, познакомились, разговорились. Когда вы ѣдете дальше, спросилъ одинъ.

— Завтра, а вы? — Мнѣ остается прожить здѣсь только три мѣсяца.

— Три мѣсяца? А давно ли вы здѣсь? — Уже девять мѣсяцевъ! — Что же вы дѣлаете такъ долго въ этой неизвѣстной землѣ? — Я живу здѣсь цѣлый годъ потому только, что страна эта мало извѣстна. Наблюдатели наши пробѣгутъ иншкомъ по большой дорогѣ и описываютъ свое путешествіе. Нѣтъ, проживите годъ и непремѣнно годъ, ни больше ни меньше; въ годъ вы непремѣнно увидите всѣ народные праздники, всѣ обряды, всѣ обычаи, рѣшительно все; у человѣка, на какой бы онъ ни былъ степени образованія, вся жизнь продолжается только одинъ годъ; въ одни сутки вы узнаете только какъ располагаетъ этотъ человѣкъ только одними сутками, въ годъ вы узнаете какъ онъ живетъ всѣ годы своей жизни. Путешественникъ правъ. Вы пріѣхали, напримѣръ, въ Казань 16 іюня, а уѣхали на слѣдующій годъ, положимъ, 30 мая, вы не совершенно познакомились съ Казанью, вы не видѣли *Сабана*. — Сабанъ — символическій древній праздникъ Казанскихъ Магометанъ; сабанъ означаетъ по-Татарски соху и плугъ; сабанъ — праздникъ полевыхъ работъ. Въ этомъ году, онъ начался 8 іюня, и продолжался ровно недѣлю. Герольды, размахивая красными платками, бѣгаютъ по улицѣ и кричатъ: Сабанъ, Сабанъ! И Татары каждый вечеръ ѣздятъ за четыре версты отъ города въ красивую долину, окруженную холмами; тамъ начинается борьба, а въ заключеніе скачка. Лучшій — призъ, миткалевая рубашка, второй — кусокъ китайки и т. д. Поодаль — кибитки и палатки съ женщинами и самоварами. Прежде сабанъ праздновался великолѣпно на Арскомъ полѣ; но оно застроено. Нѣкоторыя игры, употреблявшіяся на этомъ праздникѣ, вышли изъ употребленія; жаль будетъ, если и самъ сабанъ исчезнетъ. Въ

(*) Главныя статьи расхода суть:

А. Текущіе расходы.

I.	Уплата долговъ	46,002 р. 56¾ к.
II.	Содержаніе мѣстъ и лицъ городоваго управленія . .	625,432 — 24¼
III.	Ихъ помѣщеніе, а также содержаніе городскихъ зданій и заведеній	90,604 — 74¾
IV.	Наружное благоустройство.	295,789 — 36.
V.	Содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній	203,507 — 52½
VI	Помѣщеніе войскъ. . . .	208,495 — 55.
VII.	Пособія постороннимъ вѣдомствамъ.	108,524 — 10.
VIII.	Мелочныя и непредвидимыя издержки	15.000 —

Б. Расходы единовременные.

I.	Новыя постройки и сооруженія.	82,631 — 8.
II.	Разные предметы	37,532 —
	Всего	1,713,609 р. 17¼

Главныя статьи дохода суть:

Текущіе доходы.

I.	Съ городскихъ общественныхъ имуществъ .	133,921 р. 32½ к.
II.	Прямые налоги на владѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ, и на другихъ осѣдлыхъ обывателей столицы. . .	639,596 — 8.
III.	Прямые налоги на промышленниковъ разнаго рода	532,440 — 38¾
IV.	Налоги косвенные. . . .	132,955 — 78.
V.	Доходы вспомогательные.	265,506 — 88.
VI.	Доходы случайные . . .	41.233 — 88¼
	Всего	1,745,654 р. 3¼ к.

борьбѣ не много проку; но скачки всегда полезны.

. Литература... Есть новость, хотя и не совсѣмъ литературная, но достойная полнаго и признательнаго вниманія. Это — Лѣсной Словарь, составленный въ Департаментѣ Корабельныхъ Лѣсовъ. Три части съ рисунками. Эта важная часть общественнаго хозяйства въ другихъ государствахъ давно уже обратила на себя особенное вниманіе правительствъ и плоды ученыхъ и занимательныхъ трудовъ уже оказываются. Лѣсная литература, особенно въ Германіи, весьма обширна. По каждой части лѣсоводства можно указать на нѣсколько превосходныхъ книгъ. У насъ въ Россіи всѣхъ книгъ, которыя до этой части посредственно или непосредственно относятся, всего на все 35. — Изъ нихъ семь изданы въ прошлмъ столѣтіи; первая 1766 года. До Петра Великаго лѣсами въ Россіи мало занимались, да и къ чему? Морей у насъ не было, а дровъ пропасть. Лѣсоводство, какъ и все, возникло въ Россіи только съ Петромъ Великимъ. Изданіе Словаря по какой либо части съ одной стороны обнаруживаетъ, что на эту часть обращено особенное вниманіе, съ другой стороны доставляетъ огромное и можно сказать полное пособіе, для дальнѣйшихъ успѣховъ этой отрасли. Французскій словарь водъ и лѣсовъ — Бодрильяра уже устарѣлъ; нѣмецкій Гартиговъ пріобрѣлъ заслуженное уваженіе; нашъ, составленный вновь на тѣхъ же началахъ полнѣе и для Россіи представляетъ весьма много интересныхъ, драгоцѣнныхъ свѣденій. Не должно скрыть, что этотъ трудъ обработанъ вполнѣ Гг. Никольскимъ (Редакторъ), Врангелемъ, Нольде и Кленке. Всѣ статьи, между коими много и оригинальныхъ, изложены ясно, въ соразмѣрной подробности, языкомъ чистымъ, понятнымъ. Словари вплоть отъ доски до доски не читаются, но мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли слѣдующія статьи : Борть, Корабелныя Рощи, Плоть, Лѣсныя училища и еще нѣкоторыя. Нельзя отъ лица всѣхъ, любящихъ отечество и науку, не принести искреннѣйшей благодарности просвѣщенному начальнику ускорившему ходъ этого важнаго дѣла. Основаніе положено, и основаніе прочное, обработанное тщательно. Изданіе приличное, сообразное съ современными требованіями; бумага прекрасная, шрифтъ крупный, четкій, красивый; въ концѣ каждой буквы хорошія виньетки; цѣна (9 р. с.) менѣе, чѣмъ умѣренная. Лѣсной Словарь — есть подвигъ — и ученый и патріотическій. На первый случай желаемъ ему въ этомъ году втораго изданія! Всякій пойметъ всю обширность нашего желанія; всю пользу для государства, если это желаніе исполнится. Распространится множество полезныхъ свѣденій. Да вотъ, чего дальше. Не возлѣ васъ ли выжигаютъ лѣсной грунтъ послѣ боровыхъ лѣсовъ, потому что не знаютъ вреда, который сами себѣ дѣлаютъ. На одинъ годъ хорошо, а послѣ что? Лишаи, да плохіе поросли. Порядочное дерево расти на этой почвѣ не будетъ, а хлѣбъ и того меньше. А вредъ отъ бортей?.. И мало ли подобныхъ вредныхъ началъ должно искоренить распространеніе настоящихъ, ученымъ анализомъ очищенныхъ свѣденій! И такъ до втораго изданія!

. Заключимъ нашъ Еженедѣльникъ истинно литературнымъ извѣстіемъ. На сихъ дняхъ поступилъ въ продажу третій томъ Ста Русскихъ Литераторовъ. Въ этомъ томѣ портретовъ и картинъ двадцать, гравированныхъ въ Англіи. Литераторы, составившіе этотъ третій томъ: Гг. Бенедиктовъ, Бѣгичевъ, Гречь, Марковъ, Михайловскій-Данилевскій, Мятлевъ, Ободовскій, Скобелевъ, Ушаковъ и Хмѣльницкій, наконецъ и Баронъ Брамбеусъ, одиннадцатый, безъ портрета и гравюры, но со многими египетскими иллюстраціями. Во всякое время подобная книга была бы явленіемъ замѣчательнымъ; въ настоящее — это драгоцѣнный кладязь для любителей русской словесности.

ПЕРЕПИСКА.

К. С. — Мы получили ваше странное письмо. Хорошо ли, худо ли вы поступали, дѣйствуя во вредъ Иллюстраціи, судить не намъ; но сдѣлали хорошо сдѣлали, что, движимые раскаяньемъ, рѣшились признаться, и извиниться. Право не стоило. Къ Фонтенелю пришелъ одинъ писатель и просилъ извиненія, что онъ писалъ противъ него. «Неужели? спросилъ Фонтенель:» Я объ этомъ отъ васъ отъ перваго слышу...» Увѣряемъ, что мы не знали и ничего не слыхали о вашихъ сатирическихъ статейкахъ и желаемъ пребыть въ томъ же невѣденіи.

Л. М. Арбузъ похожъ на тыкву, но тыква не арбузъ. Sapienti Sat.

О. П. Пчелка златая,
Что ты жужжишь,
Все вкругъ летая и проч.
(Старая пѣсня.)

Д-чу. Трудно вамъ отвѣчать. Есть случаи, когда одной доброй воли мало. Надо еще и другихъ вспомогательныхъ орудій. Романъ вашъ намъ нравится, но погодите, пока при Иллюстраціи будутъ издаваться прибавленія въ 30 печатныхъ листовъ каждое.

Многимъ. Иллюстрація съ удовольствіемъ готова помѣщать присылаемыя загадки, если дозволено будетъ ихъ нѣсколько передѣлывать.

Также многимъ. На разгадки шахматныхъ задачъ отвѣчать нѣтъ никакой возможности. Мѣста займетъ много, а между тѣмъ задача уже разрѣшена.

ИГРЫ.

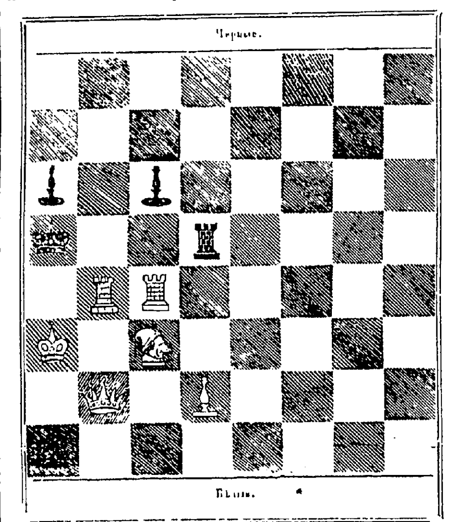
ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи. № 15.

1) Ф. на 8 м. св.	Король защищается Слономъ.
2) Кор. на 1 м. Сл. св.	П. 1. м.
3) Кор. на 1. м. К св.	П. 1. м.
4) Кор. на 1 м. Л. св.	П. 1. м.
5) Ладья на 1. м. св.	Кор. на 2. м. К. Ф.
6) Ф. на 6. м. К. св	Кор. на 1 м. Л.
7) Ф. на 6 м. Сл. св.	Сл. на 2. м. К. Ф.
8) Сл. на 1. м. К. Кор.	Сл. принужденъ взять Ф. и матъ

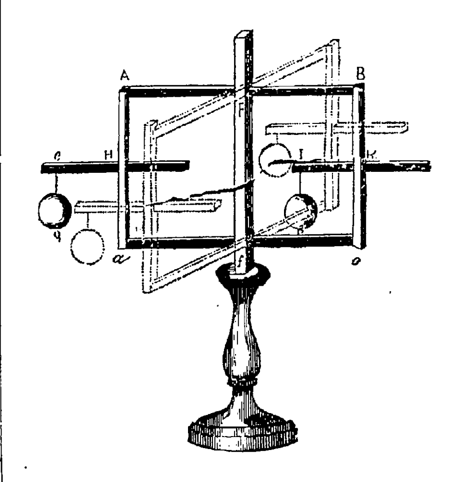
ЗАДАЧА № 16.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ не въ одинъ, а въ пять ходовъ и непремѣнно пѣшкой.



Разрѣшеніе Задачи № III.

Возьмите параллелограммъ ABoa, составленный изъ четырехъ деревянныхъ линѣекъ, изъ коихъ двѣ параллельныя между собою равны. Линѣйки эти въ пунктахъ соединенія связаны шалнерами, отчего и могутъ измѣнять видъ параллелограмма, передвигаясь. Длиннѣйшія линѣйки AB и oa укрѣпите на вертикальномъ стержнѣ, но такъ, чтобы онѣ могли двигаться, какъ коромысло въ вѣсахъ. Въ серединѣ обѣихъ меньшихъ линѣекъ укрѣпите линѣйки CH. и IK. перпендикулярно къ Aa и Bo. На какой бы точкѣ этихъ линѣекъ CH. и IK. вы ни повѣсили тяжести Q P, равновѣсіе всегда сохранится. Еслибы вы измѣняли положеніе параллелограмма, на примѣръ, такъ какъ означено точками, равновѣсіе не нарушится, лишь бы только вѣсъ въ обѣихъ тяжестяхъ былъ совершенно одинаковъ.



Этотъ апаратъ, извѣстный подъ именемъ вѣсовъ Роберваля, съ перваго взгляда представляетъ родъ механическаго парадокса, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вы тотчасъ замѣтите, что въ этой машинкѣ все согласно съ строгими законами статики; иначе не могло бы имѣть мѣста и самое явленіе.

РАЗГАДКА № 15.

1) Не на м-ноги-хъ, — лежитъ печать, Да — ровъ — анія.

2) Не на многихъ лежитъ печать дарованія.

ЗАГАДКА № 16.

л л Л Л Л Л Л Л

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

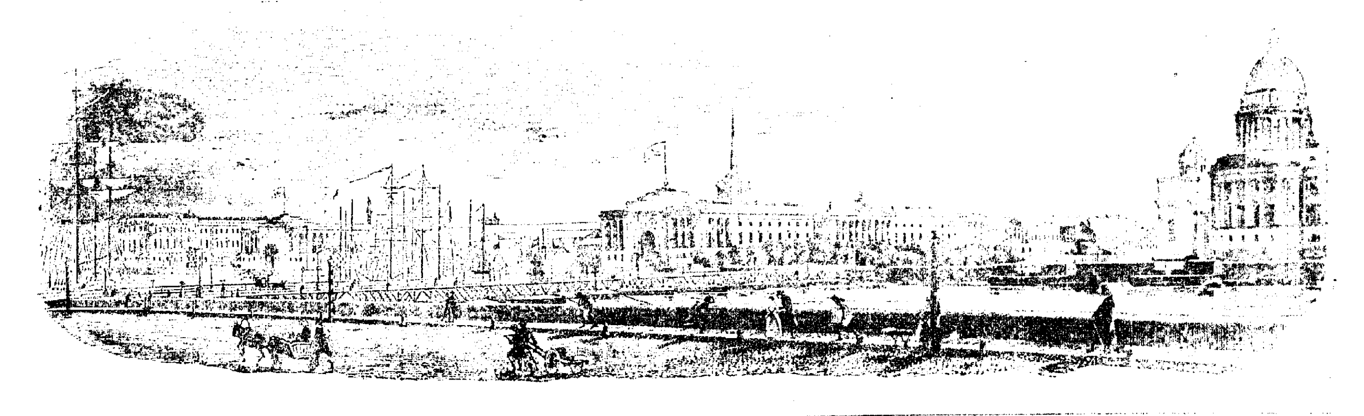
Въ № 15 вкрались двѣ важныя опечатки въ отдѣленіи Русскій Словарь, подъ No. 69 напечатано *овъ и носъ*, просимъ читать — *овъ и инъ*.

86. Напечатано монуха — пр. ч. — мокуха.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Іюля 21 дня 1845 года. Цензоры *А. Никитенко* и *А. Крыловъ*. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 17.—Суббота, 23 Іюля 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

БЕЗУМНАЯ.

(Продолженіе.)

Посвящено М. А. Я—ву.

IV.

Никто не замѣтилъ бѣгства маркиза.

Скорыми шагами пошелъ онъ по узкой аллеѣ и, отойдя на довольно далекое разетояніе, остановился и сталъ прислушиваться. Все было тихо, только птички, перелетая съ вѣтки на вѣтку, щебетали, да вдали слышались унылые звуки колокола.

— Это часъ гулянья, проговорилъ про себя маркизъ, вздохнувъ изъ глубины души; еще разъ осторожно оглянувшись, онъ бросился въ кусты и почти ползкомъ сталъ пробираться между ними, останавливаясь по временамъ и прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Онъ пробирался по тому направленію, откуда слышался звонъ, становившійся болѣе и болѣе явственнымъ. Вдругъ колоколъ замолкъ... долго еще разносилось въ воздухѣ дребезжаніе послѣдняго удара, походившее на протяжный, жалобный стонъ... въ то же мгновеніе маркизъ услышалъ чьи-то шаги; онъ скрылся въ кустѣ и притаилъ дыханіе. Мимо его прошелъ медленными шагами какой-то старикъ. Осматриваясь по сторонамъ, старикъ замѣтилъ, что нѣкоторые кусты въ мѣстахъ, по которымъ только что прошелъ маркизъ, были помяты; онъ наклонился къ нимъ... сердце маркиза, бывшаго въ двухъ шагахъ, сильно забилось... Старикъ посмотрѣлъ на измятые кусты, покачалъ головой проворчалъ:

— Пора смѣнить Жанъ-Пьера, онъ ни зачѣмъ не смотритъ!—и пошелъ далѣе.

Маркизъ вздохнулъ свободнѣе и, минуты двѣ спустя, очутился возлѣ домика, имѣвшаго видъ странной готической часовни. Тамъ ему, для продолженія пути, надобно было перебѣжать черезъ широкую аллею. Счастіе помогло ему и въ этомъ случаѣ. Одинъ старикъ шелъ по аллеѣ, обратившись спиною въ ту сторону, въ которой находился нашъ молодой человѣкъ. Однимъ скачкомъ и не будучи никѣмъ замѣченъ, онъ очутился въ противуположныхъ кустахъ и продолжалъ пробираться между ними.

Вдругъ маркизъ остановился... лицо его прояснѣло... Слухъ его былъ пораженъ тихою, нѣжною музыкою. Нѣсколько пріятныхъ, звучныхъ голосовъ, гармонически сливаясь, пѣли церковный гимнъ, съ аккомпанементомъ фортепіано. Странное, невыразимое впечатлѣніе произвелъ на маркиза этотъ необыкновенный и неожиданный концертъ!... Онъ опустился на траву; лопата выпала изъ рукъ его и, закрывъ лицо, онъ какъ бы погрузился въ мечты... вскорѣ изъ подъ рукъ его, закрывавшихъ лицо, на траву упали двѣ слезинки, подобныя каплямъ росы...

Пѣніе прекратилось... чудные голоса умолкли... а маркизъ все еще слушалъ и слушалъ... Послѣ минутнаго молчанія, опять зазвучали клавиши фортепьяно; искусные пальцы бѣгло и съ живостію коснулись до нихъ и вслѣдъ за трогательнымъ, чуднымъ гимномъ, уносившимъ слушателя далеко, далеко отъ земли, раздалась блистательная увертюра. Казалось, пальцы игравшей съ судорожною живостію пробѣгали по клавишамъ, которыя то дребезжали, стонали, рыдали, изнемогая подъ страстными, пламенными звуками, извлекаемыми ими, то умирали въ воздухѣ, подобно вздохамъ, то съ энергическою, торжественною силою и полнотою гремѣли, какъ бы возвѣщая побѣду!..

Маркизъ находился возлѣ длиннаго двухъэтажнаго строенія. Окно, возлѣ котораго онъ лежалъ, было снутри закрыто бѣлой кисейной занавѣской. Когда раздались звуки увертюры, маркизъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ невыразимою боязнію. Казалось звуки эти были ему знакомы... Глаза маркиза постепенно оживлялись или, лучше сказать, разгорались внутреннимъ огнемъ; щеки его покрылись яркой краской... Онъ невольно всталъ и, забывъ осторожность, забывъ даже гдѣ находился, заглянулъ въ окно, чтобы видѣть игравшую; но, мы уже сказали, что окно было завѣшено занавѣской.

Между тѣмъ, послѣ громкаго перехода, мотивъ увертюры измѣнился... Игравшая съ какомъ-то пламенномъ забвеніи стала фантазировать.. и пальцы ея стали извлекать дикіе аккорды, изрѣдка смягчаемые отрывками изъ нѣкоторыхъ романсовъ и извѣстнѣйшихъ арій. Это странное смѣшеніе было такъ дико, такъ чудно, что, производя непріятное впечатлѣніе на слушателей, болѣе и болѣе увлекало игравшую... и вскорѣ дикіе звуки, напоминавшіе извѣстную дикую ... Вебера, огласили воздухъ...

— Довольно! довольно!.. вскрич... ской голосъ въ комнатѣ.

— Довольно!.. повторили за ним... ко умоляющихъ голосовъ.

Но игравшая ничего не слышала. ... по волнамъ морскимъ, разбивающі... менную скалу, широкіе аккорды р... лись въ тысячу фіоритуръ и варі... кихъ, раздражавшихъ слухъ!.. И... раздался страшный, неправильный ... по клавишамъ... Казалось, всѣ стру... рвались... раздался громкій крикъ и ... до молчаніе, если можно назвать ... то состояніе воздуха, когда ... волновавшіе его, слышимо улегаются, к... бы волны послѣ сильной бури...

Нѣсколько минутъ спустя, дверь изъ до... отворилась. Изъ него вышли нѣсколько женщинъ и дѣвицъ. Двѣ изъ нихъ вели подъ-руки одну изъ своихъ подругъ, машинально передвигавшую ноги. То была молодая дѣвушка лѣтъ осьмнадцати.

Не смотря на слѣды, оставленные на лицѣ ея горестями и страданіями, оно было прелестно. Глаза ея были опущены, изъ подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ медленно катились слезы по мертвенно-блѣднымъ щекамъ; губы слегка шевелились или грустно улыбались, выставляя на показъ два ряда зубовъ бѣлыхъ, какъ слоновая кость. Изъ подъ платка, повязывавшаго голову и нѣсколько сверк...

а бокъ, вырывались густыя, кудри темнорусыхъ волосъ. На платье свѣтло-шоколаднаго цвѣту, ...ній спенсеръ и клѣтчатый платочекъ, ...э закрывавшій плечи и грудь. Таковъ былъ и костюмъ подругъ ея.

Послѣдніе вышли изъ дому двѣ дамы, въ черныхъ, шелковыхъ платьяхъ, и мужчина.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, говорилъ мужчина, обращаясь къ дамамъ;— сильное потрясеніе... общее разслабленіе.... могутъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія... Это кризисъ!.. Сегодня дать ей полную свободу, а завтра...

Мужчина продолжалъ говорить, съ жаромъ размахивая руками, но маркизъ не могъ болѣе разслышать словъ его. Онъ стоялъ за угломъ дома, а потому никто не замѣтилъ его.

— Завтра!.. повторилъ онъ, съ насмѣшливой улыбкой и опять скрылся въ кустахъ.

V.

Въ Сальпетріерѣ, возлѣ главнаго зданія, состоящая изъ небольшихъ домиковъ, соединенныхъ крытой колоннадой, находится рядъ такъ называемыхъ швейцарскихъ хижинъ, назначенныхъ для болѣе безпокойныхъ безумныхъ. Въ каждой изъ этихъ хижинъ, помѣщается одна несчастная, отдѣльно отъ другихъ.

Швейцарскія хижины эти имѣютъ множество неудобствъ; во-первыхъ, большой выст... и фронтона, неимѣющій рѣ... никакой цѣли, бросаетъ постоянно тѣны и, не допуская къ нимъ солн... ерживаетъ вредную сырость, отъ ...греслаются стѣны и отпадаетъ шту... Кромѣ того, къ умноженію сырости и то, что онѣ построены въ низмен...тѣ и полъ ихъ отстоитъ отъ земли ...упени. Одно окно, снабженное же...ѣшеткой, бросаетъ скудный свѣтъ ...енность, мрачную, сырую и холод...ихъ хижинъ.

...происшествія, разсказаннаго нами ...ѣкоторые изъ безумныхъ удалились ...хижины. Блѣдная молодая дѣвушка, ...мы упомянули, пришла въ себя, ...пришла въ состояніе тихаго, мрач...о безумія. Она сѣла на ступени у своей хи...жины и задумалась. Противъ нея, на тра..., сидѣла другая несчастливица, изрѣдка ...оизносившая отрывистыя, несвязныя сло.... Въ нѣсколькихъ шагахъ, близь сосѣдней ...жины, еще одна безумная, уперевъ руки ...бока, напѣвала какую-то простонародную пѣсню и приплясывала. Вдали прохаживалось еще нѣсколько женщинъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія, молодая дѣвушка приподняла голову, улыбнулась и взглянула на подругу, сидѣвшую противъ нея. Взоры ихъ встрѣтились и онѣ молча и пристально смотрѣли нѣсколько секундъ одна на другую. Потомъ молодая дѣвушка очаровательно улыбнулась, кивнула головой и сдѣлала знакъ своей сосѣдкѣ, чтобы она подошла къ ней.

— Маргарита!.. произнесла она тихимъ голосомъ, — подойди ко мнѣ...

Маргарита встала, подошла къ молодой дѣвушкѣ и молча сѣла возлѣ нея.

— Жанетта!... произнесла молодая дѣвушка, обратившись къ припѣвавшей, — подойди ко мнѣ...

Жанетта остановилась, опустила руки, медленно подошла и сѣла по другую сторону молодой дѣвушки.

Маргаритѣ было около тридцати лѣтъ; на блѣдномъ, нѣжномъ лицѣ ея не было никакого выраженія, когда она молчала, но лишь только она заговорила, глаза ея наполнялись слезами и все лицо принимало выраженіе глубокой, безконечной грусти. Жанеттѣ было лѣтъ двадцать пять; смуглое непріятное лицо ея, обезображенное слѣдами жестокой оспы, дышало ненавистью и злобой; она дико улыбалась.

Три несчастливицы, погруженныя каждая въ свою преобладающую идею, сидѣли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова. Наконецъ, молодая дѣвушка, вперивъ взоръ въ землю, заговорила:

— Знаете ли, гдѣ я была?... Слушайте... слушайте... Было много, много гостей... И *онъ* былъ тамъ... только онъ ничего не говорилъ; онъ былъ задумчивъ, печаленъ... Онъ даже не подошелъ ко мнѣ... а я смѣялась, шутила... вокругъ меня было столько молодыхъ людей; они были любезны, милы, веселы... только *онъ* былъ задумчивъ, печаленъ... и мать его строгимъ взоромъ слѣдила за нимъ... а я все смѣялась... я не понимала... Жанетта, — спросила она вдругъ, обратившись къ сидѣвшей возлѣ нея, — любила ли ты когда нибудь?

Жанетта посмотрѣла пристально на молодую дѣвушку, злобно улыбнулась и стала что-то напѣвать сквозь зубы.

— Потомъ я сѣла къ фортепьяно, — продолжала молодая дѣвушка,— я играла... неправда ли, я хорошо играла?... Я продолжала играть... всѣ молчали... а *онъ* все ближе и ближе подходилъ ко мнѣ... а лицо матери его принимало все болѣе и болѣе строгое выраженіе... Я перестала играть... всѣ были въ восторгѣ... а я оставалась равнодушною; но вдругъ надъ самымъ ухомъ моимъ раздались слова: — Ида, я обожаю тебя!... и я подняла голову... и мнѣ было такъ пріятно... такъ пріятно... Вы не знаете... Это онъ сказалъ!...

— Лицемѣріе!... обманъ!... суета!... проговорила мрачнымъ голосомъ Жанетта.

— Потомъ всѣ разошлись, — продолжала Ида, (такъ звали молодую дѣвушку), — всѣ разошлись... погасили люстру... свѣчи... темно... очень темно... зашумѣлъ вѣтеръ, поднялась гроза... страшная гроза... а я ничего не боялась... *онъ* былъ со мною... не помню, о чемъ онъ мнѣ говорилъ... только я была счастлива... о, да! счастлива!...

— Счастіе — дымъ!... сказала Жанетта.

— И я была счастлива!... произнесла Маргарита; только не долго... одну секунду... а потомъ... и слезы выступили на глазахъ бѣдной безумной.

— Была гроза,—продолжала Ида съ возраставшимъ жаромъ, — а мое небо было такъ ясно, такъ чисто и свѣтло!... Только одно облачко было на немъ... но это облачко престанно увеличивалось и становилось ...нѣе... вошла мать его... Ужасъ оковалъ члены... Онъ упалъ на колѣни... говор... такъ прекрасно... краснорѣчиво... а мое не... все болѣе и болѣе омрачалось... Оно ...слушало его.. онъ умолялъ... а мнѣ было страшно...

— Да, да, страшно... проговорила едва слышнымъ голосомъ Маргарита;—принесли маленькій гробикъ... моего ангела положили туда... и опустили въ землю!... Въ холодную, сырую землю... не правда ли, что такъ ужасно!...

— Въ землѣ миръ, на землѣ страданія!...— глухо произнесла Жанетта.

— Да, я страдала, — заговорила опять молодая дѣвушка, — она обвинила меня!... Меня... о Боже! Тебѣ извѣстны мои помышленія... чѣмъ я прегрѣшила!...—Ида громко вскрикнула, потомъ стала произносить безсвязныя слова :—Проклятіе!... Неблагодарность!... Прочь изъ моего дому!... Загрохоталъ громъ... потомъ все утихло... потомъ я умерла... вы не узнаете, вѣдь я умерла?... Меня хоронили... и ни кто не провожалъ меня... ни кто не плакалъ... Вѣдь у меня нѣтъ ни матери, ни отца, ни братьевъ... никого... я одна!.. совершенно одна... потомъ я ничего не помню... тѣло страдало... сердце радовалось... только сего дня... слушайте!...—и Ида заговорила тише, приблизившись къ своимъ подругамъ:—сего дня я воскресла... ожила...

— Мертвые не воскресаютъ!... сказала Жанетта.

— Увы! нѣтъ... произнесла со вздохомъ Маргарита.

— Говорите тише, — продолжала Ида, — вы не знаете, отчего я ожила... *онъ* былъ со мною... я не видала его, но сердце мое чувствовало, что онъ близокъ... и я опять играла... опять было много народу вокругъ меня... О! я увѣрена, что онъ придетъ... вы увидите, вы увидите, какъ онъ благороденъ и хорошъ собою!..

— Красивое лицо есть признакъ дурной души!—завистливо возразила Жанетта.

— Онъ придетъ... о! я убѣждена въ томъ.. отчего же я такъ счастлива... скажите, отчего? чему бы мнѣ радоваться?... Я хотѣла принарядиться, но сегодня не воскресенье... а мнѣ только въ воскресенье даютъ чистое платье!... и какое платье.. я бы одѣлась сего дня въ бѣлое... накинула бы кружевный вуаль... вплела бы въ волосы бѣлые цвѣтки... вѣдь я его невѣста... онъ поклялся мнѣ въ вѣчной любви... Сегодня онъ поведетъ меня подъ вѣнецъ... Мать его, вѣрно, сжалилась.. тише! — прибавила Ида, приложивъ палецъ къ губамъ и прислушиваясь : — тише!... онъ идетъ... тише!...

— Онъ не придетъ... онъ въ сырой землѣ!... произнесла со вздохомъ Маргарита.

Ида встала; лицо ея сіяло радостью... она протянула впередъ руки... какое-то необъяснимое предчувствіе сердца говорило ей о приближеніи любимаго... Она простояла минуту съ распростертыми впередъ руками... изъ-за деревьевъ показалось благородное, прекрасное лицо молодаго человѣка...

Ни одинъ звукъ не вылетѣлъ изъ груди молодой дѣвушки, но съ быстротою мысли

нувъ руками, онъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— Не можетъ быть!.. Не можетъ быть!..

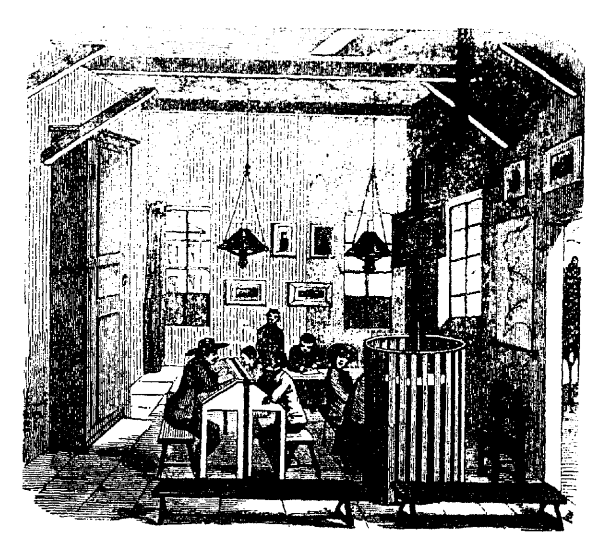
— Какъ не можетъ быть? Увѣряю васъ; вѣдь Андре не станетъ же лгать. Вотъ изъ чего все вышло: Молодой маркизъ влюбился въ мамзель Иду и не удивительно, потому что она чудо какая красотка!. Онъ влюбился не такъ, знаете, чтобы подурачиться, а чтобъ жениться на ней!

— Да, да! маркизъ честный, благородный молодой человѣкъ... но дальше, дальше!

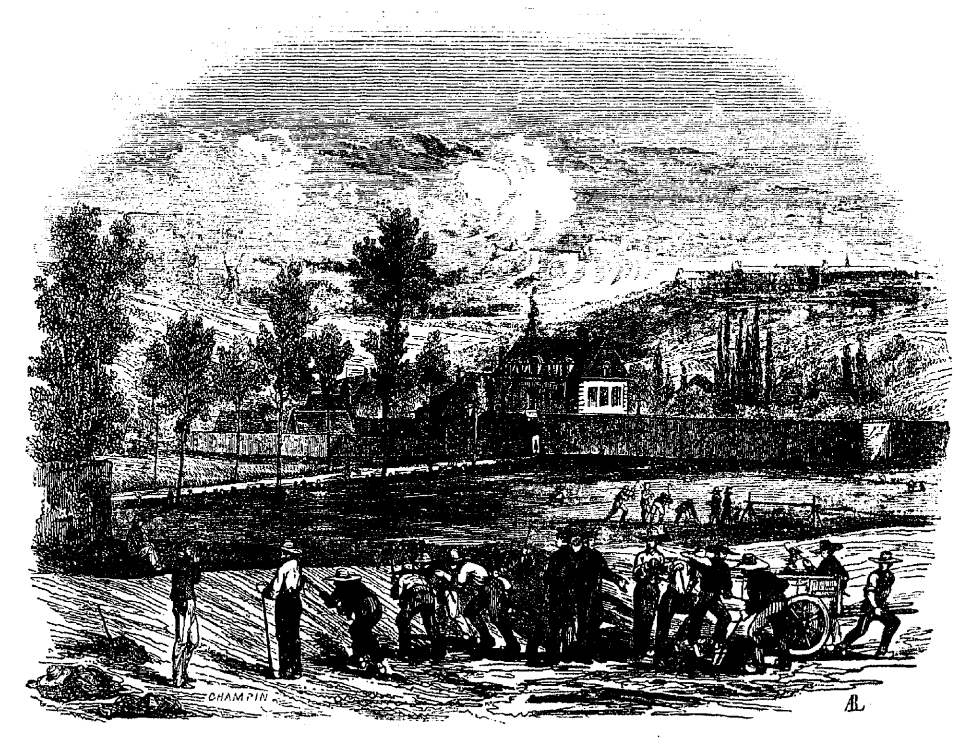
— Какъ только маркиза узнала о намѣреніи сына—взбѣсилась! Вѣдь вы знаете, что она шутить не любитъ; такая злая, что не приведи Господи!... Она и слышать не хотѣла о женитьбѣ; сыну говоритъ, тебя прокляну, а мамзель Иду, говоритъ, выгоню! Не хочу, говоритъ, дочери безъ роду и племени!

Послѣднія слова вызвали ироническую ... на лицо Бридо.

— ...кричали, поплакали, а дѣла не сладили со старой.... маркизой; на другой день просыпаются... а мамзель Ида уже завираться стала...



Домашнія занятія умалишенныхъ.



Работы умалишенныхъ.

— Несчастная!... съ глубокою горестію произнесъ мелочной торговецъ.

— Слушайте, это еще не все. Посадили ее въ Сальпетріеръ. Молодой маркизъ ходилъ день, другой, повѣся носъ, да и самъ сошелъ съ ума...

— Возможно ли!... и Альфонсъ?... съ крайнимъ у...сомъ вскричалъ хозяинъ.

— Слушайте дальше... все это штука! молодой маркизъ притворился. Посидѣлъ въ Бисетрѣ; сначала бѣсновался; потомъ сталъ смиренъ какъ ягненокъ. Извольте видѣть, у него была своя идея. Выдумалъ какой-то докторъ сумасшедшихъ на черную работу посылать. Случилась перестройка въ Сальпетріерѣ; маркизъ, какъ нарочно, велъ себя отлично, чтобы его туда послали...

— Говори, говори!.. вскричалъ Бридо съ боязненнымъ ожиданіемъ.

— Его и послали, а онъ все себѣ на умѣ. Ушелъ отъ товарищей, добрался до мамзель Иды, да и убѣжалъ съ нею...

— Боже мой!... прервалъ его Бридо съ воплемъ отчаянія, вырвавшимся изъ глубины души его... Боже мой!.. на меня надетъ весь гнѣвъ твой!.. Я всему виноватъ!...

— Вы виноваты? повторилъ Жервè, остолбенѣвъ и выпучивъ глаза.

— Но время дорого... не надо терять ни одной минуты... Я все открою... Жервè, дай мнѣ трость, перчатки и шляпу... Я долженъ идти...

— Помилуйте, хозяинъ, куда вы пойдете въ эту пору?..

— Исполняй, что тебѣ приказываютъ... я пока запру лавку...

— Но какъ же можно..? началъ было прикащикъ.

— Не разсуждай!.. прервалъ его Бридо, такимъ строгимъ голосомъ, что Жервè вздрогнулъ и молча пошелъ исполнять данное порученіе; выйдя за двери, онъ, однакожъ, не могъ не пожать плечами и проворчать сквозь зубы : самъ не только днемъ, но и ночью гуляетъ, а мнѣ на минуту выдти не велитъ...

Между тѣмъ Бридо стоялъ неподвиженъ, какъ бы прикованный къ мѣсту страшною вѣстью, сильно поразившею его. Наконецъ онъ глубоко вздохнулъ и пошелъ запирать ставни, но исполнялъ это не съ обыкновенною осторожностью и заботливостью, а съ судорожною поспѣшностью. Ставни были заперты. Хозяинъ воротился въ темную лавку, заложилъ дверь желѣзными болтами. Вдругъ, противуположная дверь, ведшая во внутренніе покои, растворилась.

— Хозяинъ, а хозяинъ! Гдѣ вы!.- произнесъ задыхающимся голосомъ Жервè.

— Давай скорѣе мою шляпу!..

— Ой, хозяинъ! Теперь не до шляпы.... Бѣда!... Бѣд !—свѣтъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ горѣла уже лампа, упалъ на лицо прикащика. Оно было разстроено, блѣдно... Жерве дрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ трудомъ могъ говорить.—Хозяинъ,—продолжалъ онъ, въ павильонѣ... ужасъ... вѣрно черезъ заборъ... вѣдь сзади большой... запущенный садъ...

— Что такое?.. съ изумленіемъ спросилъ Бридо.

— Какъ что?.. Они... они... оба...

— Кто?.. кто?.. спросилъ, невольно вздрогнувъ, мелочной торговецъ.

— Мамзель Ида... и...

— Возможно ли!.. вскричалъ Бридо и бросился къ двери.

— Прикажите сзывать сосѣдей?.. торопливо спросилъ Жерве.

Бридо остановился. Не смотря на сильное впечатлѣніе, произведенное на него неожиданною вѣстью, онъ не терялъ присутствія духа. Выпрямившись и со сверкавшими во мракѣ глазами, онъ произнесъ тихимъ, но твердымъ и грознымъ голосомъ:

— Одно слово!.. И я раздавлю тебя какъ червя!..

— Не пикну!.. не пикну... — отвѣчалъ Жерве, не на шутку струсивъ и невольно присѣвъ за ящикъ.

Мелочной торговецъ скоро вышелъ изъ дому въ садъ и пошелъ къ павильону.

VII.

Точно, въ павильонѣ были Ида и маркизъ.

Ида пришла въ себя, но не могла произнесть ни одного слова. Безсмысленными глазами смотрѣла она на своего возлюбленнаго, который въ отчаяніи скрежеталъ зубами и подымалъ руки къ небу.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ саду послышались чьи-то шаги. Съ быстротою молніи маркизъ выхватилъ что-то изъ-за пазухи и лезвее ножа блеснуло во мракѣ.

Дверь отворилась. Въ павильонъ вошелъ Бридо. Ида не перемѣнила положенія, но маркизъ сталъ передъ нею.

— Назадъ!.. произнесъ онъ глухимъ голосомъ, когда Бридо остановился на порогѣ; назадъ, если вамъ дорога жизнь!..

— Маркизъ,—отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ мелочной торговецъ;—не безпокойтесь, я пришелъ не съ дурными противъ васъ намѣреніями... Еслибъ вы были менѣе разстроены, еслибъ не было такъ темно, то, быть можетъ, вы узнали бъ меня... Маркизъ Альфонсъ де Блессакъ, не будемъ терять лишнихъ словъ... ваше мѣсто не здѣсь; воротитесь къ вашей матери, проливающей горькія слезы о потерѣ сына... покоритесь волѣ ея и забудьте безразсудную любовь... Ида... мадмоазель Ида останется здѣсь...

— Никогда!.. отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ маркизъ; ничто не разлучитъ меня съ Идой; ни даже смерть!..

— Маркизъ...

— Постойте; позвольте и мнѣ сказать вамъ : не будемъ терять лишнихъ словъ; если въ васъ есть хоть искра человѣческаго чувства, то сжальтесь, ради Бога, сжальтесь надъ несчастною!.. Дайте ей кусокъ хлѣба!.. произнесъ маркизъ съ мрачнымъ видомъ; она цѣлый день ничего не ѣла...

— Боже мой!.. Пойдемте за мною... пойдемте... не бойтесь... даю вамъ честное слово, что я употреблю всѣ усилія, чтобы спасти васъ...

. . . .

Полчаса спустя, изъ дому мелочнаго торговца выходилъ высокій, здоровый мужчина, закутанный въ плащъ и съ надвинутою на глаза шляпою, а бѣдный Жервè умолялъ старую кухарку, чтобы она позволила ему спать въ одной съ нею комнатѣ, увѣряя ее, что за три мѣсяца до его рожденія, мать его была испугана сумасшедшимъ.

П. Фурманнъ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

Объ этомъ средствѣ я не смѣю сказать ничего положительнаго : нужно повторить сто разъ опытъ, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей, прежде чѣмъ можно себѣ позволить сказать гласно слово въ пользу такого дѣла, отъ котораго здравый смыслъ нашъ отказывается; скажу только, что я не могъ доселѣ открыть ни разу въ подобныхъ случаяхъ, чтобы знахарь употреблялъ какое либо зелье или снадобье; а скотина нерѣдко ночевала у насъ подъ замкомъ. Объясненіе, будто знахари берутся за дѣло тогда только, когда такъ называемые черви—правильнѣе гусеницы—созрѣли, въ порѣ, и потому сами выползаютъ, вываливаются и ищутъ нужнаго имъ убѣжища, для принятія образа личинки — объясненіе это никакъ не можетъ меня удовлетворить; знахари не разбираютъ поры, не спрашиваютъ давно ли черви завелись—чего, впрочемъ, и самъ хозяинъ обыкновенно въ точности не знаетъ—осматриваютъ скотину издали, однимъ только взглядомъ, или даже, спросивъ какой она масти, дѣлаютъ дѣло за глаза. Какая возможность тутъ расчитать день въ день, когда черви должны сами собой вывалиться? Кромѣ того, всякій хозяинъ знаетъ по опыту, что если разъ черви завелись въ скотинѣ, то имъ уже нѣтъ перевода почти во все лѣто, потому что насѣкомыя, отъ коихъ яицъ они разводятся, вѣроятно ихъ безпрестанно подновляютъ. Первые врачи Петербурга, не говоря о множествѣ другихъ свидѣтелей, не сомнѣваются въ томъ, что одна извѣстная дама, бывшая здѣсь нѣсколько лѣтъ тому, однимъ взглядомъ своимъ повергала дѣтей въ сильно-судорожное состояніе и творила надъ ними другія подобныя чудеса. Если это такъ, то, отложивъ всякое предубѣжденіе, всякій ложный стыдъ, я думаю можно бы спросить : вправѣ-ли мы отвергать положительно подобное вліяніе незримыхъ силъ природы человѣка на животное царство вообще? Осмѣять суевѣріе несравненно легче, нежели объяснить, или хотя нѣсколько обслѣдовать его; также легко присоединиться безотчетно къ общепринятому мнѣнію просвѣщенныхъ, несуевѣрныхъ людей, и объявить все то, о чемъ мы говорили, вздоромъ. Но будетъ ли это услуга истинѣ? Повторяю, не могу и не смѣю говорить въ пользу этого темнаго дѣла—но и не смѣю отвергать его съ такою самоув[illegible]постію и положительностію, какъ об[illegible] водится между разумниками. Не вѣрю, но не рѣшусь сказать : это ложь.

Любовные заговоры бываютъ двоякіе : приворотъ милыхъ или желаемыхъ людей и изводъ постылыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ мщеніе или ревность. Тѣ и другіе заговоры бываютъ заглазные, голословные, или же соединены съ нашептываніемъ на воду, которую даютъ пить, или съ заговоромъ и другими дѣйствіями надъ волосами, отстриженными ногтями, частями одежды, или надъ слѣдомъ прикосновенной особы, т. е. надъ землею, взятою изъ подъ ступни ея. Любжа вообще, т. е. изводное и приворотное зелье, безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ врачебныхъ средствъ, кои надѣлали много зла; подъ этимъ предлогомъ нерѣдко отравляли людей, какъ мнѣ самому случалось видѣть. Большею частію даютъ въ этомъ случаѣ сильно возбуждающіе яды, коихъ послѣдствіями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимымъ подтвержденіемъ таинственной силы заговора. Довольно извѣстное безтолковое средство привораживать къ себѣ женщину, заключается въ слѣдующемъ : нашедши пару совокупившихся лягушекъ, должно посадить ихъ въ коробку или корзинку съ крышкой или буракъ, навертѣвъ въ него много дыръ; бросивъ или закопавъ это въ лѣсу, въ муравейникъ, бѣжать безъ оглядки—иначе попадешься чертямъ на расправу;—черезъ трои сутки найдешъ въ коробкѣ однѣ кости и между ними какую-то вилочку и крючечекъ. Зацѣпивъ мимоходомъ женщину гдѣ нибудь крючечкомъ этимъ за платье и отпустивъ опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себѣ; а если она уже надоѣстъ, то стоитъ только прикоснуться къ ней вилочкой и она тебя забудетъ. Этотъ вымыселъ празднаго воображенія извѣстенъ у насъ почти повсемѣстно. Другой подобный, состоитъ въ чарахъ надъ змѣей; третій, надъ сердцами двухъ бѣлыхъ голубей, и пр. Это подробнѣе описано въ книгѣ Сахарова. Вообще слово любжа означаетъ зелье, для извода постылыхъ людей, нелюбыхъ сердцу, и для приворота любыхъ, по коимъ сохнешь. Для составленія любжи копаютъ лютые коренья, также какъ и для клада, въ Ивановъ день, 23 Іюня.

Въ средніе вѣка творили въ Европѣ чары надъ поличіемъ того, кому желали зла, или надъ куклой, одѣтой по наружности такъ, какъ тотъ обыкновенно одѣвался. Замѣчательно, что у насъ на Руси сохранилось мѣстами что-то подобное, изрѣдка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не разъ уже—и

дали въ новѣйшее время—распускали въ народѣ слухи, что по деревнямъ ѣздитъ какой-то фармасонъ, въ бѣлой круглой шляпѣ,—а бѣлая шляпа, какъ извѣстно, въ народѣ искони служитъ примѣтою фармасонства;—этотъ-де человѣкъ обращаетъ народъ въ свою вѣру, надѣляя всѣхъ деньгами; онъ списываетъ со всякаго, принявшаго вѣру его, поличіе и увозитъ картину съ собою, пропадая безъ вѣсти. Если же впослѣдствіи новый послѣдователь фармасонщины откинется и измѣнитъ, то бѣлая шляпа стрѣляетъ въ поличіе отступника и этотъ немедленно умираетъ.

Возвратимся къ своему предмету, къ порчѣ любовной и любжѣ. Это повѣрье, кромѣ случаевъ, объясненныхъ выше, принадлежитъ не столько къ числу вымысловъ празднаго, сказочнаго воображенія, сколько къ попыткамъ объяснить непонятное, непостижимое и искать спасеніе въ отчаяніи. Внезапный переворотъ, который сильная, необъяснимая для холоднаго разсудка, страсть производитъ въ молодомъ парнѣ или дѣвкѣ—заставляетъ стороннихъ людей искать особенной причины такому явленію, и тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ объясненію посредствомъ чаръ и порчи. То, что мы называемъ любовью, простолюдинъ называетъ порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А гдѣ необузданныя, грубыя страсти не могутъ найти удовлетворенія, тамъ они также хотятъ, во что бы ни стало, достигнуть цѣли своей; люди бывалые знаютъ, что отговаривать и убѣждать тутъ нечего; разсудокъ утраченъ; легче дѣйствовать посредствомъ суевѣрія — да притомъ тѣмъ же путемъ корысть этихъ бывалыхъ людей находитъ удовлетвореніе. Но я попрошу также и въ этомъ случаѣ не упускать изъ виду—на всякій случай—дѣйствіе и вліяніе животнаго магнетисма, который, если хотите, также есть не иное что, какъ особенное названіе общаго нашего невѣжества. — Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и въ этомъ дѣлѣ, какъ во многихъ другихъ, не смотря на всѣ нравственныя препоны, достигали не рѣдко цѣли своей—а спросите чѣмъ? *Глазами*, иногда можетъ быть и рѣчами, а главное, именно силою своей воли и ея нравственнымъ вліяніемъ. Если же при этомъ были произносимы таинственныя заклинанія, то они, съ одной стороны, не будучи въ состояніи вредить дѣлу, съ другой чрезвычайно спорили его, давъ преданному имъ суевѣру еще большую силу и ни чѣмъ непоколебимую увѣренность. Безспорно, впрочемъ, что самая большая часть относящихся сюда разсказовъ основаны на жалкомъ суевѣріи отчаяннаго и растерзаннаго страстями сердца.

Парень влюбился однажды на смерть въ дѣвку, которая, по расчетамъ родителей его, не была ему ровней. Малый былъ не глупый, а притомъ и послушный, привыкшій съ измала думать, что выборъ для него хозяйки зависитъ безусловно отъ его родителей и что законъ не велитъ ему мѣшаться въ это дѣло; родители скажутъ ему: мы присудили сдѣлать то и то, а онъ, поклонившись въ ноги, долженъ отвѣчать только: власть ваша. Положеніе его становилось ему со дня на день несноснѣе; вся душа, всѣ мысли и чувства его оборотились вверхъ дномъ и онъ самъ не могъ съ собою совладать. Онъ убѣждался разумными доводами, а можетъ быть ещеболѣе строгимъ приказаніемъ родителей, но былъ не въ силахъ переломить свою страсть и бродилъ ночи на пролетъ, заломавъ руки, не зная что ему дѣлать. Мудрено ли, что онъ въ душѣ повѣрилъ, когда ему сказали, что дѣвка его испортила? Мудрено ли, что онъ Богъ вѣсть какъ обрадовался, когда обѣщали научить его, какъ снять эту порчу, которая-де приключилась отъ приворотнаго зелья или заговора, даннаго ему дѣвкой? Любовь, нѣсколько грубая, суровая, но тѣмъ болѣе неодолимая, и безъ того спорила въ немъ съ ненавистію, или по крайней мѣрѣ съ безотчетною досадою и местію; онъ подкрѣпился лишнимъ стаканомъ вина, по совѣту знающихъ и бывалыхъ людей, и сдѣлалъ внѣ себя, чему его научили: пошолъ и прибилъ больно бѣдную дѣвку своими руками. Если побьешь ее хорошенько, сказали ему, то какъ рукой сымѣтъ. И подлинно какъ рукой сняло; парень хвалился на весь міръ, что онъ сбылъ порчу и теперь здоровъ. Опытные душесловы наши легко объяснятъ себѣ эту задачу. Вотъ вамъ примѣръ—не магическій, впрочемъ — какъ, по видимому, самое безмысленное средство, не менѣе того иногда довольно надежно достигаетъ своей цѣли. И смѣшно и жалко. Не мудрено, впрочемъ, что народъ, склонный вообще къ суевѣріямъ и объясняющій все недоступное понятіямъ его посредствомъ своей демонологіи, состояніе влюбленнаго до безумія не можетъ объяснить себѣ иначе какъ тѣмъ же, необыкновеннымъ образомъ. Указаніе на это находимъ мы даже въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ на пр. отчаянный любовникъ говоритъ своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечамъ и пустила сухоту по животу!»

Вотъ примѣръ другаго рода: молодой человѣкъ, безъ памяти влюбившійся въ дѣвушку, очень ясно понималъ разсудкомъ своимъ, что она ему, по причинамъ слишкомъ важнымъ, не можетъ быть четой—хотя и она сама, какъ казалось, безсознательно отвѣчала его склонности. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣтъ ничего преступнаго, что онъ ничего не хочетъ, не желаетъ, а счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но пора пришла, обстоятельства также — и съ одной стороны онъ содрогнулся, окинувъ мыслями объемъ и силу этой страсти и бездну, къ коей она вела,—съ другой, почиталъ вовсе несбыточнымъ, невозможнымъ, освободиться отъ нея. Тогда добрые люди, отъ коихъ онъ не могъ утаить своего положенія, видя, что онъ близокъ къ сумасбродству и гибели, — съумѣли настроить разгоряченное воображеніе его на то, чтобы въ отчаяніи искать помощи въ таинствахъ чаръ, встань на самой зарѣ, выдь, не умывшись, на восходъ солнца и въ чистомъ полѣ, на топцахъ, умойся росою съ семи травъ; дошедши до мельницы, спроси у мельника топоръ, сядь на бревно верхомъ, положи на него передъ собою щепку, проговори такой-то заговоръ, глядя прямо передъ собою на эту щепку, и поднявъ топоръ выше головы при послѣднемъ словѣ: «и не быть ей въ умѣ-помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ буйной въ головушкѣ, какъ не сростись щепѣ перерубленной—аминь» ударь сильно топоромъ, со всего размаху, пересѣки щепку по поламъ, кинь топоръ влѣво отъ себя, а самъ бѣги безъ оглядки вправо, домой и крестись дорогой—но не оглядывайся: станетъ легко. Что же? Благородная рѣшимость молодаго человѣка въ этомъ безтолковомъ средствѣ нашла сильную подпору: не вѣря ни коимъ образомъ, при выходѣ изъ дому, чтобы стало силъ человѣческихъ на подавленіе этой страсти, хотя и былъ убѣжденъ, что долгъ и честь его требуютъ этого—онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный — на душѣ было легко; — вслѣдъ за тѣмъ онъ возвратилъ дѣвицѣ полученную отъ нея записку *не распечатанною*. Такъ сильно былъ онъ убѣжденъ, что дѣло кончено, союзъ расторгнутъ—и съ этого дня, объ этой несчастной любви не было болѣе рѣчи!

Сглазъ, притка или порча отъ сглазу, отъ глаза, недобрый глазъ — есть повѣрье довольно общее, не только между всѣми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставимъ его сюда потому, что оно, по народному повѣрью, близко къ предразсудку. Уже одна всеобщность распространенія этого повѣрья, должно бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное сужденіе о семъ предметѣ; хотя всякое образованное общество почитаетъ обязанностію издѣваться гласно надъ такимъ смѣшнымъ суевѣріемъ,— между тѣмъ какъ въ тайнѣ многіе искренно ему вѣрятъ, не отдавая себѣ въ томъ никакого отчета. Скажемъ же не обинуясь, что повѣрье о сглазѣ, безъ всякаго сомнѣнія, основано на истинѣ; но оно обратилось, отъ преувеличенія и злоупотребленій, въ докучную сказку, какъ солдатъ Яшка, Сашка сѣрая сѣрмяжка, или знаменитое повѣствованіе о постройкѣ костянаго дома. Безспорно есть изрѣдка люди, одаренные какою-то темною, непостижимою для насъ силою и властью, поражать прикосновеніемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношеніи подчиненное слабѣйшее существо; дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло, благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ обнаруживать на него временно явно какое либо дѣйствіе. Извѣстно, что ученые назвали это животнымъ магнетизмомъ, месмеризмомъ, и старались объяснить намъ, невѣждамъ, такое необъяснимое явленіе различнымъ и весьма учёнымъ образомъ; но, какъ очень трудно объяснить другому то, чего и самъ не понимаешь — то конецъ концовъ былъ всегда одинъ и тотъ же, то есть, что мы видимъ въ природѣ цѣлый рядъ однообразныхъ, но до времени необъяснимыхъ явленій, которыя состоятъ въ сущности въ томъ, что животныя силы дѣйствуютъ не всегда отдѣльно въ каждомъ недѣлимомъ, но иногда также изъ одного животнаго, или чрезъ одно животное на другое, въ особенности же черезъ человѣка. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ. Стало быть и тутъ опять ученые разногласятъ съ народными повѣрьями только въ названіи, въ способѣ выраженія, а въ сущности дѣла они согласны. Какъ бы то ни было, но если только принять самое явленіе это за быль, а не за сказку, то о повѣрье и сглазѣ и порчѣ, въ сущности своей, основано не на вымыслѣ, а на вліяніи живой, или животной, природы. Переходя, однакоже, за тѣмъ собственно къ нашему предмету, мы безспорно должны согласиться, что описанное явленіе примѣняется къ частнымъ случаямъ безъ всякаго толка и разбора, и отъ этого-то злоупотребленія оно обратилось въ нелѣпую сказку. Изо-ста, а можетъ быть даже изъ тысячи, случаевъ или примѣровъ, о коихъ каждая баба разскажетъ вамъ совсею подробностію, едва-ли найдется одинъ, который болѣе или менѣе состоитъ въ связи съ этою таинственною силою природы; всѣ остальные были, вѣроятно, слѣдствіемъ со всѣмъ иныхъ причинъ, коихъ простолюдинъ не можетъ, или не хочетъ доискаться; по этому онъ, въ невѣжествѣ своемъ, сваливаетъ все сподрядъ, по удобству и сподручности, на сглазъ и порчу — который же кстати молчитъ и не отговаривается, а потому и виноватъ.

В. Луганскій.

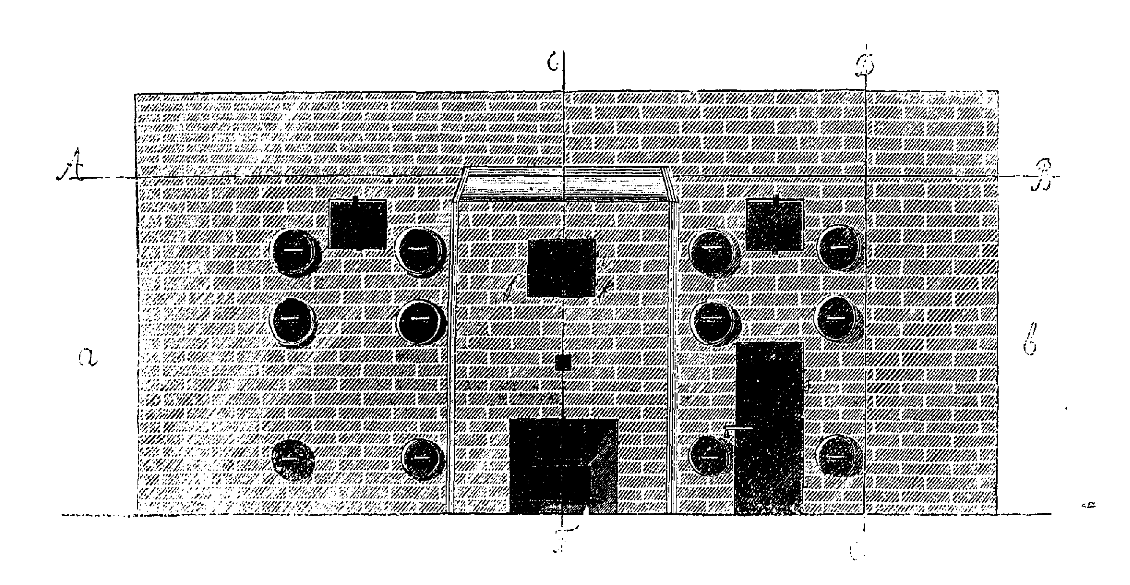
ПНЕВМАТИЧЕСКІЯ ПЕЧИ.

Пневматическія печи, по объему нагрѣваемаго ими пространства, раздѣляются на полныя, половинныя, четвертныя и осьмушки.—Полная можетъ нагрѣвать вмѣстимость до 500 кубич. сажень; половинная отъ 200 до 300; четвертная отъ 150 до 200; осьмушка отъ 100 до 150. —Въ величинѣ наружнаго объема эти печи мало между собою разнятся; а сила ихъ зависитъ отъ размѣра нагрѣвательнаго прибора, т. е. отъ чис-

ла и протяженія помѣщаемыхъ въ каждой металлическихъ трубъ.

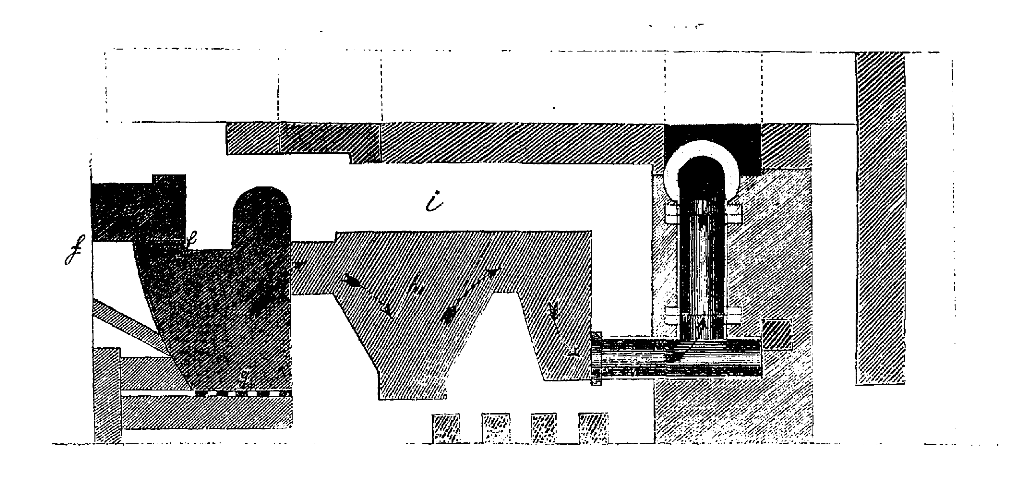
Устройство пневматической печи есть слѣдующее: по избраніи удобнаго мѣста въ погребномъ, или нижнемъ этажѣ, дѣлается камора изъ 4-хъ толстыхъ кирпичныхъ стѣнъ a, b, c, d, (черт. 2-й) и покрывается сводомъ. Въ лицевой стѣнѣ a, b, образуется топливо e, (черт. 3-й) съ металлическою рѣшеткою f, на которую кладутся дрова. По разведеніи огня, рѣшетка выдвигается и дрова падаютъ въ горнило на колосники g, гдѣ и горятъ; а на рѣшетку накладываются свѣжія дрова, которыя между тѣмъ просыхаютъ. —*Дымъ изъ горнила идетъ сначала по каналу* h, устроеннаго вдоль камеры толстаго кирпичнаго борова i (черт. 2 и 3); потомъ переходитъ въ помѣщенныя въ нѣсколько рядовъ и плотно между собою соединенныя, металлическія трубы jjj; пробѣгаетъ по всей ихъ длинѣ, передавая имъ безпрестанно свою температуру и, наконецъ, охлажденный весьма значительно, улетаетъ вн изъ здачія чрезъ дымовую трубу k.

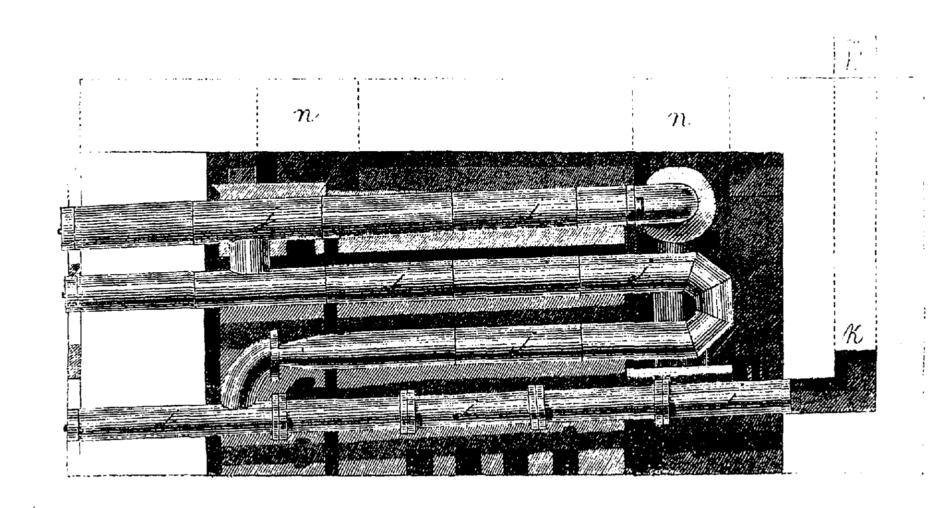
Между тѣмъ, внѣшній чистый воздухъ непрерывно притекаетъ къ каморѣ съ улицы канал l (черт. 5-й), переходя въ устроенные внут продольныхъ стѣнъ a, c, и, b, d, (черт. 2-й) каналы l'l', а изъ нихъ въ камору чрезъ отверстія m, m, m, и быстро нагрѣвается отъ р горяченной поверхности металлическихъ тр и кирпичнаго борова; потомъ, чрезъ хайла п,



(черт. 2 и 5) по каналамъ въ стѣнахъ зданія о, о, входитъ, посредствомъ душниковъ p, p, *въ покои* (температурою не свыше 60° R.), а старый воздухъ непрестанно вытягивается изъ покоевъ вентиляторными каналами q, q, коихъ задвижки q' q' помѣщаются у самаго полу. Въ тѣхъ покояхъ, гдѣ бываютъ собранія и сильное освѣщеніе, подобныя же задвижки ставятся еще и близъ потолка q'q', для непрерывнаго вытягиванія духоты и гари, не допуская ихъ внизъ къ обонянію присутствующихъ. Въ этихъ же покояхъ дѣлаются, сверхъ того, *каналы прохладительные*, коихъ внѣшнее отверстіе, на улицу, помѣщается внизу r, а внутреннее въ покояхъ, подъ самымъ потолкомъ s, при нихъ задвижки; въ покояхъ же, близъ полу t, по открытіи этихъ задвижекъ, внѣшній холодный воздухъ устремляется съ улицы въ каналъ r, s, и притекаетъ въ комнаты вверху, не безпокоя никого ни дуновеніемъ, ни холодомъ, что при обыкновенныхъ форточкахъ неизбѣжно.—Внѣшній воздухъ холодильниковъ, *освѣжая покои*, полезенъ и тѣмъ еще, что способствуетъ яркости горѣнія ламиъ и свѣчей.

Такъ какъ зимою, а особливо въ сильные морозы, внѣшній воздухъ всегда несравненно суше лѣтняго, то для увлаженія его до желаемой степени, при нагрѣваніи, имѣются въ пневматической каморѣ свинцовые сосуды съ водою, которые помѣщены такъ, что ихъ можно наполнять извнѣ чрезъ дверцы u, u, (черт. 1) не входя въ камору. Вода въ сосудахъ, находясь въ горячемъ слоѣ каморнаго воздуха, непрестанно и значительно увлажаетъ его своими парами.





Такимъ образомъ, любую комнату въ домѣ, ежели угодно, можно постоянно содержать, при порядочномъ управленіи, душниками и вентиляторами, въ желаемой температурѣ, по термометру и въ желаемой степени сухости или влажности (отъ количества наливаемой въ каморные сосуды воды), по психрометру, съ большою точностію.

Великое сбереженіе издержекъ на топливо, при пневматичечкихъ печахъ, происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: 1-е, извѣстно, что при топкѣ обыкновенной печи, покрайней мѣрѣ, половина теплоты, развиваемой горѣніемъ, улетаетъ попапрасну въ дымовую трубу; слѣдовательно, во время топки 25-ти голландскихъ печей теряется этой теплоты, чрезъ 25-ть дымовыхъ трубъ, — огромное количество. А какъ полная пневматическая печь, замѣняя 25-ть голландскихъ, имѣетъ только одну дымовую трубу, да и по той дымъ уходитъ уже простывшій, то и очевидно, что при топкѣ пневматической печи пропадаетъ теплоты въ дыму только самое необходимое и почти ничтожное количество. 2-е, Голландская печь, которая нагрѣвается и сохраняетъ тепло неиначе, какъ по закрытіи дымовой трубы, требуетъ непремѣнно такихъ дровъ, коихъ уголь истлѣваетъ нескоро, то есть березовыхъ, дубовыхъ и т. п. тогда, какъ для топки пневматической печи годятся всякія не слишкомъ сырыя дрова: елевыя, барочныя, хворостъ, тростникъ, солома и, словомъ сказать, все, что горитъ и даетъ пламя. Горнило пневматической печи устранено отъ всякаго сообщенія съ каморнымъ воздухомъ, а дымовая труба ея никогда не закрывается и даже вьюшки во все не имѣетъ, слѣдовательно угара быть не можетъ.

Наилучшимъ состояніемъ воздуха для жилья, въ гигрометрическомъ отношеніи, считается такое, когда онъ насыщенъ водою отъ 40 до 60-ти градусовъ; и люди ученые, испытывая неоднократно воздухъ на пневматическихъ печахъ, психрометромъ Августа, ни гдѣ не нашли влажности менѣе 40 гр.

Чего, кажется, проще и яснѣе, что отапливаніо, доставляющее въ жилье безпрестанно умѣ-

ренно-нагрѣтый *чистый* воздухъ, выбрасывая старый вонъ, должно быть для здоровья благотворно. Однако же, съ появленіемъ пневматическихъ печей, въ 1835 году, тотчасъ возникли и быстро распространились разные непріязненные толки: будто бы воздухъ въ нихъ напитывается, при нагрѣваніи, *какими-то вредными составами;* будто бы отъ него растенія въ комнатахъ гибнутъ, канарейки околѣваютъ, людямъ дѣлается тошно и проч. и проч.

Между тѣмъ новыя печи, бывъ, по Высочайшей волѣ, строго испытаны и обсуждены, найдены безвредными. При поощреніи правительства и той любознательной частицы публики, которая вѣритъ одной правдѣ, онѣ шли съ каждымъ годомъ впередъ, опровергая возникшіе слухи своимъ дѣйствіемъ.

Изъ множества непріязненныхъ имъ толковъ, донынѣ, не совсѣмъ затихъ только одинъ: будто бы воздухъ при этихъ печахъ, по излишней сухости, вреденъ здоровью.

Къ несчастію, этому повѣрью благопріятствуютъ въ Петербургѣ мѣстныя обстоятельства. Здѣсь, по влажности грунта, сосѣдству моря, а еще болѣе по неумѣнью, торопливости и небрежности въ частныхъ постройкахъ, всѣ почти обывательскіе дома либо сыры, либо недовольно сухи и безъ провѣтриванія; отъ этого мебель, и дѣлаемая, и покупаемая и содержимая, даже по нѣскольку лѣтъ, въ такихъ домахъ, поступивъ въ покои съ отопленіемъ пневматическимъ, при которомъ ни малѣйшей сырости, ни застоя въ воздухѣ быть не можетъ, начинаетъ иногда коробиться и трескаться.

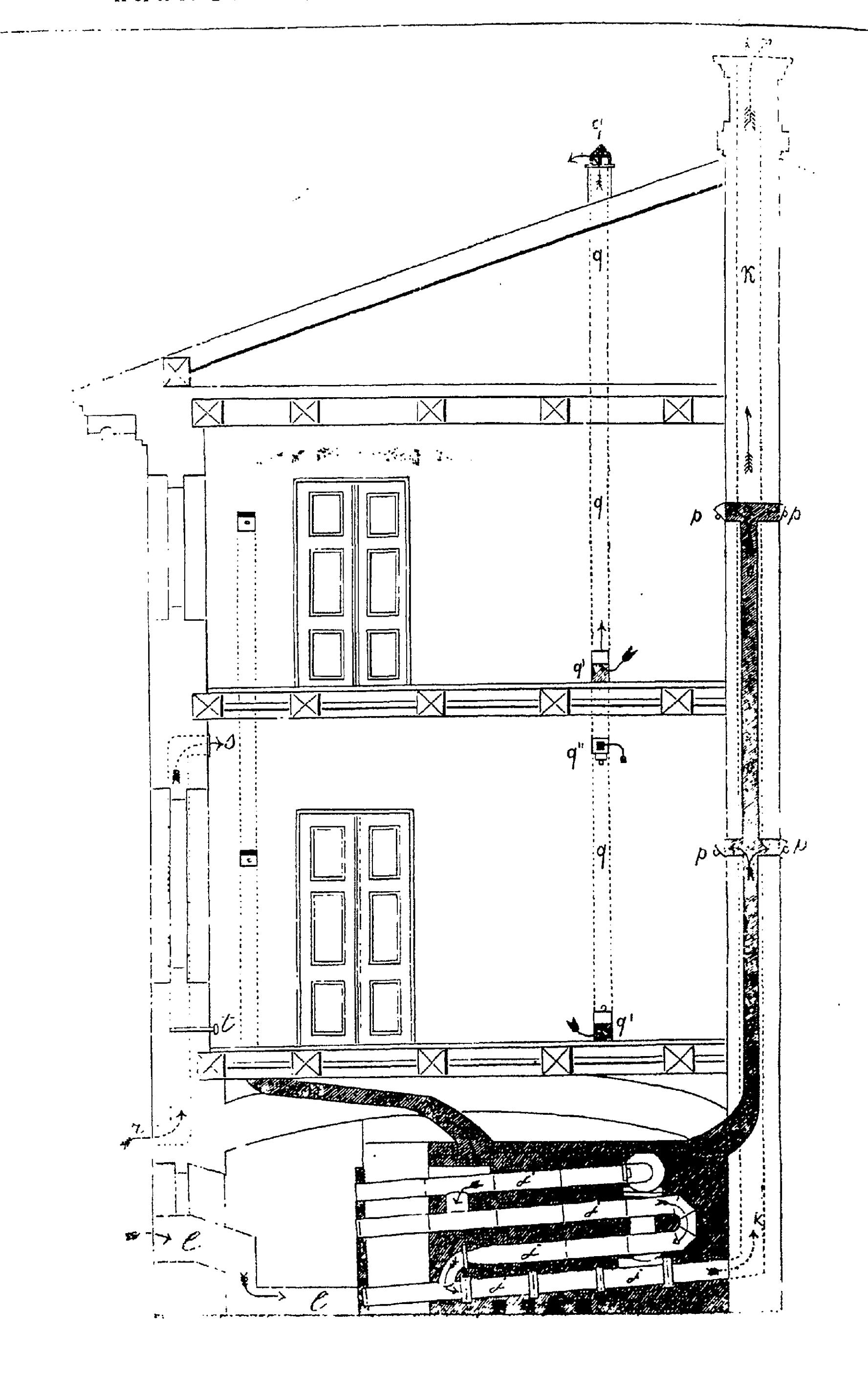
По настоящему, это доказываетъ *не излишнюю* сухость воздуха, а только то, что мебель либо сдѣлана не совсѣмъ изъ сухаго лѣса, либо находилась прежде не въ достаточно-сухомъ мѣстѣ; ибо при повѣркѣ психрометромъ (какъ уже выше сказано) нигдѣ въ пневматическомъ отапливаніи не оказалось влажности въ воздухѣ менѣе 40 гр.

Что же касается до его злокачественности, то объ этомъ, кажется, слѣдовало бы судить не по мебели, ни даже по инструментамъ, а прямо по состоянію здоровья живущихъ на новыхъ печахъ, и тѣмъ вѣрнѣе, что онѣ существуютъ уже 10-ть лѣтъ.

Еще не слышно, чтобы это отапливаніе причинило какую-нибудь болѣзнь, напротивъ, ежели не всѣ, такъ почти всѣ, на немъ живущіе, примѣтно здоровѣютъ. Многіе исцѣлились отъ застарѣлыхъ недуговъ, и въ особенности отъ ревматизма, что контора можетъ доказать полученными ею благодарственными отзывами.

Но самымъ лучшимъ, самымъ достовѣрнымъ и самымъ неопровержимымъ убѣжденіемъ въ его пользѣ служитъ то, что оно съ каждымъ годомъ распространяется, и устроено не только въ домахъ многихъ знатнѣйшихъ особъ, но, съ 1839 года, и во всемъ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ изволитъ пребывать Государь Императоръ съ Августѣйшею Фамиліею.

Словомъ сказать, печи эти идутъ довольно быстро [illegible] шли бы, конечно, и еще быстрѣе, если бы не мѣшали враждебные пересуды. Жаль, очень жаль, что пустая болтовня можетъ вредить у насъ такому изобрѣтенію, которое доставляетъ удобство, опрятность, сухость, теплоту, чистый воздухъ и значительное сбереженіе въ издержкахъ на топливо, ремонтное содержаніе печей и прислугу; такому изобрѣтенію, съ которымъ соединены безопасность отъ пожара и угара и сохранность въ Государствѣ лѣсовъ.



КІЕСЪ.

(*Продолженіе.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

— Да, Мин-херенъ, говорилъ богатый поселенецъ Диркъ-Маркусъ; повторяю вамъ, что всѣ эти дикіе мошенники; они смѣялись мнѣ въ глаза, когда я потребовалъ, чтобы они защитили меня противъ носорога и бошесмена, когда первый изломалъ мою повозку, а второй похитилъ у меня чудесную невольницу, которая стоила, по крайней-мѣрѣ, двѣсти рейхсталеровъ, считая весь нарядъ, кольца и дорогія браслеты ея. Вѣдь мы имѣемъ неоспоримыя права на этихъ презрѣнныхъ тварей, потому что завоевали ихъ си-лою нашего оружія. Слушайте, я разскажу вамъ всю исторію.

Тогда лѣнивые, безпечные минхеры, собравшіеся въ столовой Дирка, набили трубки и усѣлись вокругъ чайнаго стола. Нѣсколько наклонившись впередъ, перекинувъ лѣвую ногу черезъ правое колѣно, правой рукой обхвативъ лѣвую ногу, а въ лѣвой рукѣ держа трубку, поселенцы приготовились слушать со вниманіемъ, принявъ свое любимое положеніе.

Диркъ кашлянулъ, плюнулъ, утеръ ротъ и началъ:

— Въ 1493 году, Іоаннъ, король португальскій, послалъ своего адмирала Ворооломея Діаца для новыхъ открытій къ берегамъ африканскимъ, и этотъ адмиралъ увидѣлъ въ первый разъ дотолѣ никому неизвѣстный Мысъ Доброй Надежды. Такъ какъ въ тѣхъ странахъ онъ претерпѣлъ нѣсколько бурь, то и прозвалъ эту землю Мысомъ Всѣхъ Бурь (Cabo dos Totos Tormenst). Король Іоаннъ, предугадывавшій будущность, вѣроятно, лучше своего адмирала, переименовалъ эту страну въ Мысъ Доброй-Надежды, и она по нынѣ сохранила это названіе. Ріо-дель Инфанте, другой португальскій адмиралъ, первый осмѣлился пристать

къ этой чуждой землѣ, въ 1498 году, и послалъ о ней донесеніе королю Эммануилу, который немедленно послалъ туда колонію. Но Португальцы вообразили, что дикіе Готтентоты должны быть людоѣды и не посмѣли селиться на мысѣ. Однакожъ, нѣсколько времени спустя, они вторично прибыли туда, подъ начальствомъ Франциско д'Альменда и дѣйствовали такъ неосторожно и безразсудно, что туземцы побили ихъ всѣхъ, безъ изъятія. Воспользовавшись этимъ урокомъ, Португальцы два года спустя, опять пристали къ этимъ берегамъ, но уже старались всячески доказать Готтентотамъ свое дружелюбное и мирное расположеніе. Они знали, что эти безсмысленные дикари очень любили металлы, особенно мѣдь. Португальцы чрезвычайно обрадовали ихъ, подаривъ имъ мѣдную пушку. Готтентоты, истощивъ всѣ изъявленія признательности, привязали двѣ длинныя веревки къ пушкѣ и человѣкъ пятьсотъ изъ нихъ потащили ее, между тѣмъ какъ прочіе съ торжествомъ шли впереди. Но эти животныя не знали, что смертоносное орудіе было начинено порохомъ и картечью. Португальцы смѣло поднесли къ пушкѣ зажженный фитиль, и почти всѣ дикари были убиты или изувѣчены страшнымъ образомъ. Португальцы между тѣмъ воротились поскорѣе на свои корабли, снялись съ якорей, подняли паруса и удалились съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться въ страну, жителямъ которой они отомстили такимъ ужаснымъ образомъ. Голландцы же, которые съ 1600 года приставали къ мысу, отправляясь въ Вестъ-Индію и возвращаясь оттуда, поняли всю важность положенія этой страны, и въ 1650 году основали тамъ колонію, богатство которой съ тѣхъ поръ возрасло до высокой степени (*). Мы, боэры, земледѣльцы, скотоводы или виноградари, съумѣемъ поддержать благоденствіе нашей новой отчизны, пока у насъ не будетъ недостатка въ мужествѣ и невольникахъ; а, благодаря небу, мы никогда не будемъ знать этого недостатка.

Все общество громко одобрило краснорѣчіе Дирка, попивая чай или вино.

— Что касается до мужества, — сказалъ Флипъ, сынъ Маркуса, — такъ достовѣрно то, что оно у насъ есть; но, батюшка, невольники, будутъ ли всегда? Послѣ происшествія съ повозкой...

— Стъ, стъ, Флипъ; будутъ... всегда будутъ; это я тебѣ говорю.

Потомъ Диркъ обратился къ обществу, сдѣлалъ знакъ дамамъ, какъ бы прося, чтобы онѣ замолчали, и произнесъ громогласно:

— Минъ-Херенъ, я пригласилъ васъ не даромъ; мнѣ надобно сдѣлать вамъ предложеніе. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: во-первыхъ, я долженъ вамъ сказать, что хорошенькая Женни Принстло, которая сидитъ возлѣ моей жены и опускаетъ глазки, какъ будто бы не слышитъ, что я говорю, — невѣста моего сына: свадьба будетъ черезъ недѣлю. Отецъ ея, Принстло, и я, даемъ нашимъ дѣтямъ прекрасное жилище, прочно выстроенное, красиво меблированное, окруженное вспаханными полями и зелеными лугами съ прекрасными стадами быковъ и овецъ. Слѣдовательно, чтобъ быть вполнѣ счастливыми, дѣтямъ нашимъ недостаетъ только невольниковъ, — а это самое и есть обстоятельство, по которому я васъ пригласилъ. Извольте видѣть, любезные сосѣди, я узналъ отъ нѣкоторыхъ бѣглыхъ бастеровъ, и между прочими, отъ колдуна Палоо, которому я далъ овцу въ вознагражденіе, я узналъ, что шайка бошесменовъ поселилась съ нѣкоторыхъ поръ въ одномъ изъ лѣсовъ Снѣжной горы, въ нѣсколькихъ лье отсюда. Такъ какъ у всѣхъ насъ, также какъ и у моихъ дѣтей, слишкомъ мало земледѣльцевъ и пастуховъ, то не худо было бы запастись ими. Воспользуемтесь случаемъ: нѣсколько выстрѣловъ и бошесмены будутъ наши! Тѣмъ болѣе, что вся эта аттака будетъ, просто, шутка, безъ всякихъ непріятностей и опасностей и мы даже можемъ взять съ собою женъ и дѣтей, чтобы позабавить ихъ, потому что вся шайка состоитъ не болѣе какъ изъ двухсотъ дикарей, а насъ пятьнадцать человѣкъ храбрыхъ боэровъ, неимѣющихъ недостатка ни въ порохѣ, ни въ смѣлости. Это будетъ презабавная охота; притомъ же, минъ-хэренъ, надо же пріискивать развлеченій для нашихъ женъ и дѣтей!... Что скажете, Женни? хотите ли идти съ нами?...

— Конечно, отвѣчала молодая дѣвушка. Однакожъ, мнѣ кажется, что жестоко преслѣдовать кроткій и невинный народъ, отнявъ уже у него земли, дарованныя ему самимъ Господомъ...

— Дочь моя, — строго вскричалъ старый Принстло, — вѣроятно Флипъ тебя сбилъ съ толку своими *сантиментальностями*, потому что ты городишь страшный взоръ!... Какъ!... ты называешь кроткими и невинными дикарей, которыхъ мы только насильственными средствами, побужденіемъ кнута и прочимъ, можемъ принуждать работать? Варваровъ, которые убѣгаютъ въ лѣса, вмѣсто того, чтобы весть мирную, осѣдлую жизнь въ нашихъ поселеніяхъ? Свирѣпыхъ звѣрей, пускающихъ въ насъ отравленными стрѣлами, когда мы осаждаемъ въ мрачныхъ пещерахъ ихъ? Скотовъ, у которыхъ тѣло чернаго цвѣту, между тѣмъ какъ у насъ у всѣхъ оно бѣлое?..,

Послѣдній аргументъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей, особенно слушательницъ.

Флипъ положилъ трубку на столъ, всталъ, выпрямилъ свой атлетическій станъ, принялъ величественную позицію и, бросивъ на Женни значительный взглядъ, осмѣлился произнесть слѣдующую рѣчь:

— Минъ-херенъ, хотя я еще очень молодъ, но уже не разъ думалъ объ отношеніяхъ нашихъ къ древнимъ обитателямъ этой страны. Гоните ихъ въ горы — это можно, потому что земля принадлежитъ всѣмъ людямъ; заставляйте ихъ работать — это тоже можно, потому что почтенный нашъ пасторъ самъ говоритъ: праздность есть матерь всѣхъ пороковъ; но убивать ихъ!... Минъ-херенъ, это немножко жестоко, потому что они намъ братья, они существо одного съ нами рода, такіе же люди, какъ и мы, и...

Флипъ не могъ договорить; его прервалъ громкій хохотъ всего общества; одни держались за животы, другіе покачивались со смѣха на стульяхъ, нѣкоторые дамы закрывались платкомъ, такъ что бѣдный молодой человѣкъ, крайне пристыженный, долженъ былъ прервать свою рѣчь. Такъ какъ этотъ сынъ пустыни былъ вспыльчивъ и храбръ, то сначала-было разсердился; но во время минутнаго его молчанія, онъ почувствовалъ, какъ прелестная, бѣлая ручка Женни коснулась плеча его и — весь гнѣвъ Флипа прошелъ. Не говоря болѣе ни слова, онъ сѣлъ возлѣ своей невѣсты, взялся опять за трубку и, откинувъ голову назадъ, сталъ пускать къ верху струи дыма.

— Воля твоя, мой добрый Флипъ, — сказалъ Гертъ-Скепперъ, охотникъ за слонами, — ты меня скорѣе увѣришь, что братъ я *бѣлаго медвѣдя*, нежели чернаго и обмазаннаго жиромъ Готтентота. Но оставимъ это и возвратимся къ прежнему разсужденію. Обозрѣвъ неопредѣленное положеніе, въ которомъ находятся боэры этой колоніи, я полагаю, что благоразумно и даже необходимо продолжать начатое. Что значитъ прокламація губернаторовъ, по которой Готтентотамъ строжайше воспрещается имѣть лошадь и ружье? Ничего! Потому что они умѣютъ пріучить воловъ ходить подъ сѣдломъ и бѣгать такъ скоро, что лучшія наши охотничьи лошади не перегонятъ ихъ; а англійскіе моряки, мнимые контрабандисты, тайно снабжаютъ ихъ орудіемъ, порохомъ, дробью и пулями!.. Я вамъ говорю, Минъ-херенъ, мы не будемъ спокойны и безопасны въ нашихъ жилищахъ, пока не истребимъ до конца эту готтентотскую породу, частію похожую на людей, а частію на обезьянъ!... Далѣе: что станется съ нашей свободой, за которою мы удалились въ лѣса и пустыни, если Англичане, овладѣвъ Мысомъ — а это будетъ; вы увидите! — если Англичане, говорю, вооружатъ противъ насъ этихъ дикихъ звѣрей, чтобы лучше побѣдить насъ и подвергнуть подъ иго ихъ безнравственной цивилизаціи? (*) Что касается до меня, то я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Диркъ-Маркуса, и хоть бы мнѣ пришлось идти одному, я завтра непремѣнно отправлюсь въ гости къ бошесменамъ и докажу, что не смотря на мои шестьдесятъ лѣтъ, у меня еще вѣренъ глазъ и не дрогнетъ рука!...

— Мы всѣ идемъ! вскричали гости Маркуса.

— Это будетъ очень весело; вскричали дамы, возьмите и насъ!

Тогда Флипъ обѣщалъ Женни, одолжить ей для предстоящей охоты, смирную, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкую и быструю, какъ антилопъ, лошадку.

Молодая дѣвушка поблагодарила его съ улыбкой и сказала, что возьметъ съ собою свой англійскій карабинъ.

Мнѣ должно прибавить еще объясненіе, которое не мало удивитъ читателей: всѣ боэры, собравшіеся у Диркъ-Маркуса, были первыя, значительнѣйшія лица въ той странѣ и вообще люди честные. Дамы были благочестивы, добрыя хозяйки, вѣрныя жены и нѣжныя матери. Женни была милая дѣвушка, исполненная кротости и доброты, даже тогда, когда у ней за плечами висѣлъ ея англійскій карабинъ и когда маленькими пятками она ударяла въ ребро африканскаго коня. Флипъ былъ прекрасный, добрый малый, нерѣдко встрѣчавшійся лицомъ къ лицу со львами пустыни, но не бывшій въ состояніи огорчить ребенка; самъ Диркъ-Маркусъ ни за что не взялъ бы ни одного процента съ сосѣда-должника; словомъ, всѣ до одного, были неспособны причинить кому либо умышленное зло.

Какая же причина вражды ихъ къ черному поколѣнію?... Предразсудокъ, поддерживаемый демономъ выгоды и корыстолюбія.

—

Пока боасы готовятся къ охотѣ, прилежно осушая стаканы съ виномъ, посмотримъ, что дѣлается въ снѣжныхъ горахъ.

Нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ повозка Диркъ-Маркуса была опрокинута носорогомъ.

Я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи; потому что если вы, читатель, никогда не были свидѣтелемъ грозы подъ тропиками, то я не умѣю дать вамъ понятія о грозѣ африканской...

Бѣлыя облачка собирались около вершины горы т'Корка, у подножія которой находятся восемь источниковъ рѣки *Гроте-фимъ-раверъ*. Воздухъ сгущался, а небо принимало болѣе и болѣе свинцовый цвѣтъ, между тѣмъ какъ не было ни одной большой тучи, которая моглабъ объяснить этотъ феноменъ. Воздухъ былъ тихій, тяжелый, электрическій, удушливый...

Мертвое молчаніе, господствовавшее въ это время вокругъ голыхъ скалъ, было изрѣдка прерываемо глухими раскатами грома, ревомъ льва или леопарда и мрачнымъ, унылымъ воемъ гіэны.

За душнымъ, сухимъ жаромъ поднялся холодный вѣтерокъ; облачка около вершины т'Карка сблизились, образовали тучи, почернѣли и скрыли вершину горы. Вѣтеръ усиливался и вскорѣ завылъ въ густомъ лѣсу; страшная молнія по всѣмъ направленіямъ пересѣкала небо, сдѣлавшееся чернымъ, мрачнымъ. Грозные удары грома съ ужасающею быстротою слѣдовали одинъ за другимъ и съ бѣшенствомъ низвергали обломки скалъ; въ то же время мелкій дождь, сопровождаемый градомъ, величиною съ кулакъ, разбивалъ деревья, ломалъ сучья, мялъ высокія растенія. Прибавьте къ моему слабому, неполному описанію все, что ваше воображеніе можетъ представить вамъ ужаснѣйшаго и вы будете имѣть только слабое понятіе о грозѣ на Мысѣ Всѣхъ-Бурь.

Во время этого бѣшенства стихій, [redacted]ое молодыхъ людей скрывались въ углублен[redacted]лы, обыкновенномъ убѣжищѣ ихъ, но стол[redacted]мъ, что они едва были защищены отъ дождя.

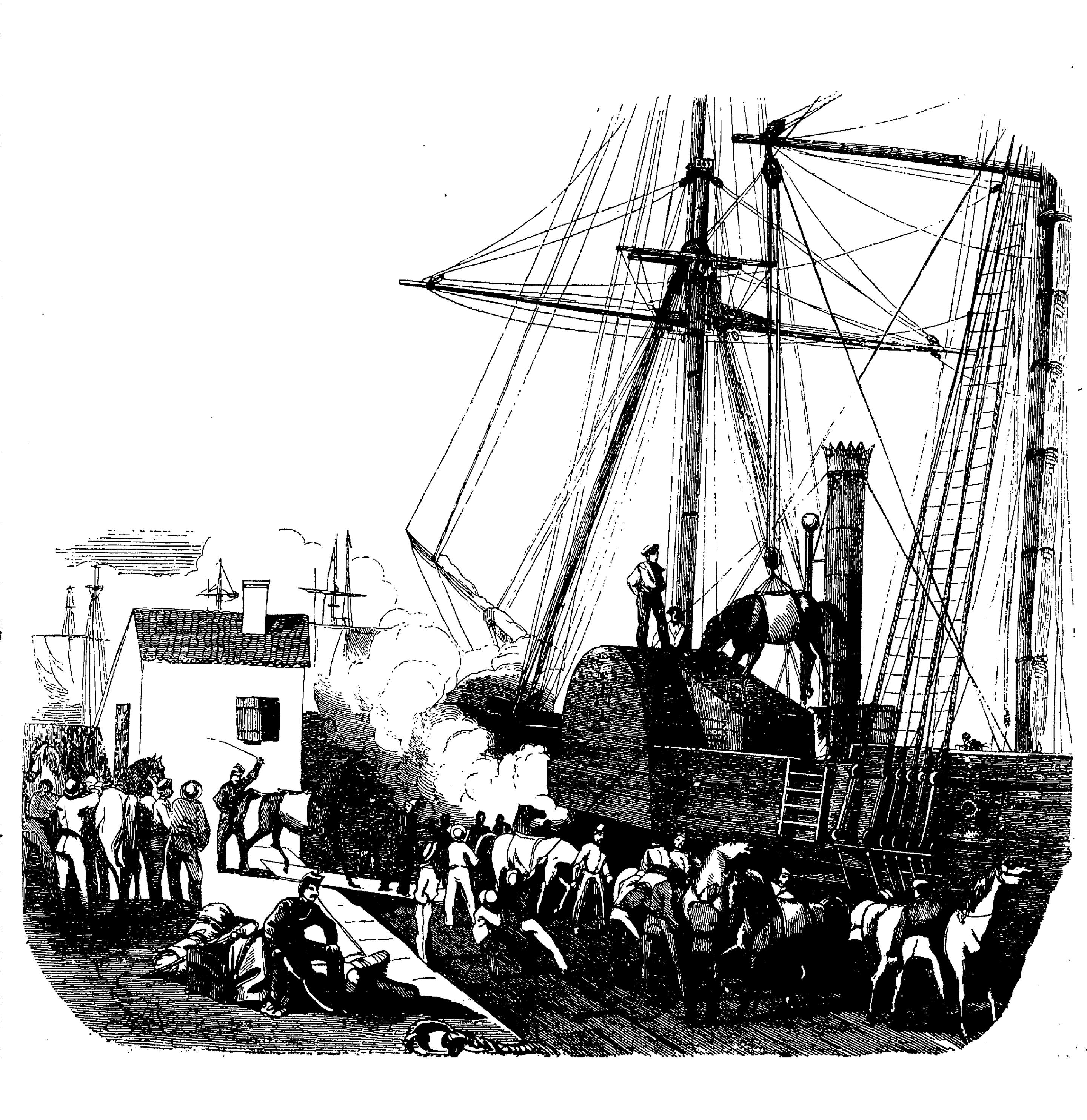
(Продолженіе впредь).

(*) Колонія эта принадлежитъ теперь Англичанамъ и, не смотря на стычки, часто кровавыя, боэровъ съ новыми повелителями ихъ, богатство и благоденствіе колоніи не перестаетъ возрастать со дня на день

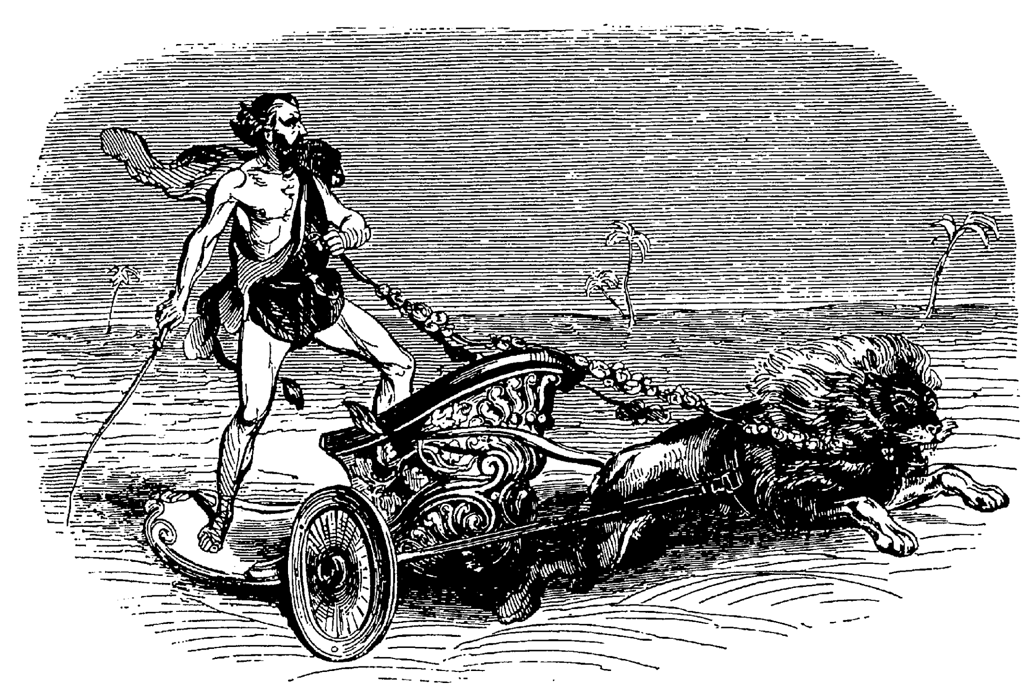
(*) Предсказанія Гертъ-Скеппера точно такъ сбылись.

ОТПРАВЛЕНІЕ ЛОШАДЕЙ МОРЕМЪ.

Было время, когда у насъ и государственное и частное коннозаводство не могло снабжать кавалерію доморощенными лошадьми, требуемаго для службы достоинства; лошадьми запасались издалече. Но, въ короткое время, какъ и все, и эта часть принялась въ Россіи съ особеннымъ успѣхомъ; заботливость Правительства пожала богатые плоды; частные люди, увлеченные доходностію этого дѣла, устроили не мало заводовъ, улучшили породы, и получили такихъ лошадей, которыя побѣждали на скачкахъ знаменитѣйшихъ выписныхъ. Мы увѣрены, что нынѣшнія царскосельскія скачки будутъ блистательнѣе прошлогоднихъ; скачки 1847 года лучше нынѣшнихъ. Теперь, чтобы имѣть отличную лошадь, не нужно прибѣгать къ англійскимъ коммиссіонерамъ, которые продавали нашимъ любителямъ посредственныхъ коней за первоклассныхъ. Прежде была страсть на англійскихъ лошадей. Разорялись



на п[redacted]у; любовались на выгрузку ихъ съ кораблей, какъ на великолѣпный балетъ. Толпы народа стекались на биржу смотрѣть какъ будутъ выгружать лошадей. Зрѣлище, впрочемъ, дѣйствительно любопытное. Каждый изъ насъ его видѣлъ, но рѣдкому удавалось видѣть, какъ корабль нагружается лошадьми, именно потому, что мы только покупали, а не продавали лошадей. Вотъ почему помѣщаемъ гравюру, съ рисунка Летюэра, представляющаго погрузку лошадей. Конь виситъ, какъ ящикъ съ апельсинами. Любопытно чувство животнаго при такой операціи. Какъ ящикъ, его захватятъ съ берега, какъ ящикъ подымутъ, опустятъ и уставятъ также въ ящикъ.— Выгрузка производится тѣмъ же порядкомъ, но еще успѣшнѣе, потому что морской путь и на животныхъ имѣетъ дурное вліяніе.



Картеръ везомый львомъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Картеръ. — Борьба съ тигромъ. — Русская Литература. — Г. Лалеманъ. — Нашествіе грибовъ на сады во Францію. — Листъ въ Лисабонѣ. — Исторія насѣкомыхъ, Бланшара. — Доницетти въ Турціи — Лондонская Итальянская опера. — Германская книжная торговля. — Печальное извѣстіе. —

Картеръ, укротитель дикихъ звѣрей, уже не первый представилъ опыты, до чего воля человѣка можетъ довести свирѣпыхъ, хищныхъ и неукротимыхъ обитателей пустынь и лѣсовъ. Въ исторіи Турціи вы найдете описаніе одного жестокаго паши, который тѣшился не только казнью, но и страхомъ людей. Получивъ отъ султана напоминовеніе обращаться съ ввѣренною ему областію помилостивѣе и помилосерднѣе, онъ уменьшилъ число казней, но за то завелъ себѣ вмѣсто собаки льва, съ которымъ расхаживалъ по улицамъ, входилъ въ домы богатѣйшихъ обывателей и обыкновенно, въ обѣденное время, заставлялъ себя подчивать, и члены семейства съ ужасомъ подносили ему блюда и напитки, считая каждый часъ свой послѣднимъ, потому что возлѣ паши лежалъ левъ. Городъ былъ греческій, и левъ не долго пожилъ. Греки съумѣли отъ него избавиться. Конечно, дойти въ этомъ отношеніи можно далеко, но сдѣлать лютаго звѣря вполнѣ свойскимъ — это воспрещено законами природы, которыхъ нельзя ни перемѣнить ни измѣнить. Ученая сорока на волѣ уйдетъ въ лѣсъ; а ужъ левъ, тигръ... Не льзя сомнѣваться, что послушаніе нѣкоторымъ звѣрямъ Картера было вмѣнено бичеваніемъ и всякою другою пыткою съ самого такъ сказать дѣтства. Да и этихъ послушныхъ много ли? Не вѣримъ, будто Картеръ освоилъ звѣрей своихъ тѣмъ, что не давалъ имъ спать; пріучалъ ихъ къ господству своего взора и т. п. Конечно, мы сами видѣли, что передъ клѣткой двухъ бенгальскихъ тигровъ всегда стоялъ служитель съ хлыстомъ и безпрерывно напоминалъ этимъ двумъ прелестнымъ кошкамъ присутствіе человѣка; но можно утвердительно сказать, что съ этими двумя учениками Картеръ никогда бы не сладилъ. Онѣ достались ему въ возрастѣ, въ которомъ и тигръ имѣлъ уже сознаніе и силъ своихъ и природы. Въ Петербургѣ Картеръ проживалъ съ своими учениками, сначала на отдаленномъ и пустынномъ островѣ, потомъ переѣхалъ въ городъ. Представленія ему не были дозволены. Занимательность ихъ не стоила той опасности, которой могли подвергаться зрители.

Борьба Картера съ тигромъ.

Въ Парижѣ въ первый разъ онъ возбудилъ восторгъ на цѣлую недѣлю; но во второй разъ неужели онъ могъ полагаться на постоянство французскаго вкуса. Онъ былъ тамъ въ началѣ нынѣшняго года, и уѣхалъ недовольный. Но мы воображаемъ какою горестію постигнутъ онъ теперь, если слухи справедливы. Вы помните эту удивительную кошку, эту прелестную, очаровательную тигрицу, которая съ своимъ красивымъ братцемъ составляли красу звѣринца. У насъ еще братецъ укусилъ сестрицу; ей замазали рану и не приказывали слизывать лекарства. Хлыстъ то и дѣло напоминалъ ей о грозномъ повелѣніи Картера. Поссорилась ли она съ братцемъ или отъ другихъ причинъ, только увѣряютъ, что она умерла весьма трогательно и нѣжно. Братецъ во все время болѣзни не кусалъ ее; а послѣ кончины и самъ сталъ задумываться. Можетъ быть все это несправедливо. Чего не пишутъ въ газетахъ! Но признаемся, намъ вчужѣ было бы жаль этихъ драгоцѣнныхъ экземпляровъ бенгальскаго тигра. Левъ, на которомъ разъѣзжаетъ Картеръ, и тигръ, съ которымъ борется, совсѣмъ не такъ замѣчательны; такіе встрѣчаются и въ обыкновенныхъ звѣринцахъ.

, Въ послѣднемъ нумерѣ французской иллюстраціи помѣщена статья о современной Русской Литературѣ. Она видимо написана русскимъ и приверженцемъ Гоголя. Примѣтны, въ этой статьѣ, много пристрастія, поверхностныя свѣдѣнія автора о литературѣ вообще, и о русской въ особенности; по-крайней-мѣрѣ, эти нѣсколько словъ не исполнены тою желчью и клеветою, какими прежде наполнялись сказанія о русской словесности. Содержаніе этой статьи слѣдующее: До Карамзина не было въ Россіи никакой литературы. Карамзинъ и Жуковскій не имѣли никакой оригинальности. Настоящая литература началась съ Пушкина и произвела, кромѣ Пушкина, только двухъ писателей: Лермонтова и Гоголя. Послѣдній выше всѣхъ. Онъ убилъ всѣхъ прочихъ писателей. Изучать Россію можно только въ сочиненіяхъ Гоголя, изъ коихъ нѣкоторыя переводятся на французскій языкъ... Статья эта весьма много будетъ содѣйствовать успѣшной продажѣ перевода.

, Кресла Бресше въ парижской академіи наукъ уже заняты. Избранъ большинствомъ голосовъ — Г. Лалеманъ. Кресла въ этой академіи стоятъ курильскихъ. Если для самолюбія человѣческаго можетъ быть какая либо высокая и[redacted]сная цѣль, то безъ сомнѣнія — эти кресла. Чтобы получить, надо много, много трудовъ, таланта и оправданной дѣлами славы. Это не кресла французской академіи, куда могутъ усадить два три удачные романа или сборникъ синонимовъ. Лалеманъ извѣстенъ по медицинской части съ отличной стороны; онъ состязался съ пятью кон-

68

курентами и побѣдилъ блистательно, получивъ 33 голоса, тогда какъ слѣдующій, Г. Жерди — только 10, а прочіе по одному, по два.

*** Садоводцы французскіе весьма жалуются на нынѣшнее лѣто. Плодовыя деревья не обѣщаютъ ничего утѣшительнаго. Ужъ чего они не дѣлали, чтобы уничтожить вредныхъ насѣкомыхъ, все было напрасно. И что же — садоводцы не догадались, что враги ихъ промысла не насѣкомые, а что бы вы думали? — Грибы! — Да, грибы, которые въ этомъ году напали на корни деревъ и повредили ихъ покойной жизни. — Сады захворали особеннаго рода грибами и Г. Паке написалъ объ этомъ предметѣ обширное разсужденіе. Въ природѣ не узнаешь вдругъ откуда является зло. Любопытно, какъ Г. Паке объяснитъ такое странное явленіе. Содержаніе его записки еще необнародовано.

*** Листъ въ Лисабонѣ! Глинка въ Мадритѣ! И такъ Пиринейскій Полуостровъ наслаждается музыкой? Не совсѣмъ. Изъ Мадрита мы еще не получили прямыхъ извѣстій, а въ Лисабонѣ нѣтъ еще публики для Листа. Первый концертъ былъ биткомъ набитъ слушателями, второй меньше, и такъ далѣе, gradatim... sic transit gloria mundi! По обычаю Листъ не забылъ и бѣдныхъ. Онъ далъ два концерта: одинъ въ пользу бѣдныхъ Португальцевъ, другой для Ирландцевъ, которыхъ въ Лисабонѣ не мало. Листъ получилъ отъ королевы богатую брильянтовую табакерку и орденъ Христа.

*** Многія науки теперь получили такое огромное развитіе, что если бы тѣмъ, которые усердно за ними не слѣдовали, вздумалось вдругъ войти въ тайны той или другой науки, надо-бы къ ихъ жизни сдѣлать прибавленіе. Изученіе науки стало необъятнымъ, невозможнымъ. Въ природѣ напримѣръ, насѣкомыхъ, было со всѣмъ не такъ много; покрайней мѣрѣ, была возможность знать и помнить всѣ ихъ роды и виды; а теперь... извините! Держимъ пари, что никто не знаетъ теперь всѣхъ насѣкомыхъ съ окончательною подробностію. Въ послѣднее время и насѣкомыхъ и ихъ монографій явилось множество. Кому угодно, однакоже, поближе познакомиться съ этою занимательною мелочью, рекомендуемъ превосходную книгу Бланшара: Исторія насѣкомыхъ. Тацитъ мухъ, червей и бабочекъ создалъ великое зданіе. Міръ мошекъ изъ хаоса приведенъ въ стройное согласіе. Своевольныя насѣкомыя обузданы умомъ Бланшара; буйная вольница построилась въ полки, раздѣлилась на правильныя партіи и предстала на смотръ натуралистовъ. Бланшаръ оставилъ классификацію своихъ предшественниковъ, далъ свою, весьма упрощенную и понятную для каждаго, описалъ нравы, обычаи и привычки этихъ народовъ вѣрно, подробно и заманчиво. — Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ историческихъ романовъ нашего времени.

*** Доницетти въ Турціи, Гунгль въ Павловскѣ. Какъ, спросите, знаменитый авторъ Лючіи въ Турціи? Іосифъ Гунгль въ Павловскѣ? Вотъ видите, какъ иногда выгодно носить извѣстное имя. Не говоримъ еще о Гунглѣ, братѣ Іосифа Гунгля, который пріобрѣлъ добрую извѣстность въ Берлинѣ. Іоаннъ Гунгль и его оркестръ можетъ быть ни чѣмъ не хуже Іосифа Гунгля и его оркестра. Но константинопольскій Доницетти извѣстенъ только своимъ именемъ, своимъ братомъ, и съ Константинополя беретъ за это не малую подать. Естественно, что репертуаръ большею частію составленъ изъ оперъ любезнѣйшаго братца. Константинопольская италіянская опера составлена довольно удачно, и Лукреція Борджія принята съ большимъ одобреніемъ.

*** Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Константинополѣ хорошая опера. Теперь для италіянскихъ пѣвцовъ наступила година разсѣянія. [redacted]альтѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ньюіоркѣ — поютъ италіянцы. Прежде бывало въ Лондонѣ все лѣто поютъ первоклассные пѣвцы и пѣвицы. А теперь? — Теноръ — Моріани. Объ этомъ вы еще что нибудь слышали. Но скажите, доходили-ль до васъ слухи о Боріо, Форнассари и Ботелли? — Вѣроятно нѣтъ. И Моріани считали въ Италіи хорошимъ, но холоднымъ пѣвцомъ. Въ Лондонѣ вся эта труппа имѣетъ необычайный успѣхъ. Англичане хотятъ насильно увѣрить и себя и всѣхъ, что у нихъ первоклассная италіянская опера.

*** Лейпцигъ и вся книжная торговля Германіи теперь въ сильномъ волненіи. Правительство, по ходатайству сосѣднихъ державъ, имѣетъ намѣреніе издать законъ, по которому тюки съ книгами приходящіе въ Лейпцигъ, должны будутъ подвергаться осмотру; этого мало; поговариваютъ, что даже самая столица книжнаго нѣмецкаго міра будетъ перенесена въ другой городъ. Можно себѣ вообразить, въ какомъ страхѣ всѣ лейпцигскіе книгопродавцы, а равно и тѣ, которые въ ближайшихъ сношеніяхъ съ книжнымъ городомъ. Особенная депутація отправилась къ королю. Рѣшеніе участи Лейпцига еще неизвѣстно.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ

въ немногихъ письмахъ.

—

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Поль! ты тутъ что дѣлаешь?

Ермолка! Ты, разбойникъ, зачѣмъ здѣсь?

Лакеи или камердинеры стояли вытянувшись въ струнку. Половой выглядывалъ, едва видный изъ за прилавка; только Кудимъ и старикъ въ офицерскомъ сертукѣ не испугались грозныхъ гостей.

— Что дѣлали, за чѣмъ здѣсь! сказалъ Кудимъ, оправляясь. Извѣстное дѣло зачѣмъ. Видишь, показался имъ лакомый кусочикъ; какъ волки голодные, бросились на сироту безродную.

— Сироту! О, да это интересно! Ахъ, посмотрите, Евгеній Сергѣичь, какая милашка; въ самой порѣ. Не пугайся, миленькая... — и Левушка протянулъ руку, чтобы взять ее за подбородокъ, по обычному приступу старшихъ къ младшимъ, но Кудимъ, остановилъ дерзкую руку.

— Не балуй, баринъ! Не хорошее дѣло дѣвушкамъ бороды гладить...

— Ты тутъ чего мѣшаешся?

— Это мой найденышъ; Богъ ее мнѣ на руки послалъ, такъ ужъ прежде живую въ могилу зарою, а ужъ на срамъ какой не выдамъ. Кто ее знаетъ! Не простаго она уѣзда; тайное дѣло за нею прячется.

Левушка отступилъ, но подошелъ другой, Евгеній; онъ все время разсматривалъ весьма пристально дѣвушку и чувство состраданія возбудили слова Кудима.

— Какое дѣло? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Не наше съ тобой! Вотъ надо мнѣ барыню хорошую сыскать, чтобы на руки взяла; а тогда уже и дѣло р азмотается...

— Мы ее возьмемъ подъ наше покровительство... сказалъ Левушка...

— Полно вздоръ молоть, баринъ! Ты и за собой то не углядишь; за дѣвочкой надо женской глазокъ, который за своими дѣтьми уже привыкъ смотрѣть...

— Чего лучше! Авдотья Семеновна ее возьметъ... закричалъ Левушка.

— Авдотья Семеновна! Этотъ холодный камень, эта хохотунья, эта болтушка... Не такого чувства требуетъ несчастіе. Вотъ Клеопатра Кириловна...

— Клеопатра Кириловна! Эта отъявленная кокетка, отъ которой я не могу отвязаться...

— Тише, молодой человѣкъ! Вы забываете, гдѣ вы, кого поносите, на кого клевещете...

— Ужъ не вы ли собираетесь учить меня, смотрите, чтобы васъ не проучили...

— Уже не у васъ же я стану брать уроки, а клеветнику всегда ротъ зажму.

— Я надѣюсь, что вы, какъ благородный человѣкъ...

— Прибью палкой мальчишку, который смѣетъ поносить доброе имя извѣстной женщины...

— О! да это уже слишкомъ! Мы съ вами раздѣлаемся! Ермолай, ступай за мной! Постой, постой, разобью я эту чернилицу въ дребезги...

— О! это уже черезъ чуръ! Поль, гдѣ мой чубукъ...

— Чубукъ?...

— Ну, да, чубукъ!

— Чубукъ? Право не знаю, былъ на верху... Да зачѣмъ вамъ чубукъ? Они уже изволили уйти. И вамъ пора...

Но Евгеній не слушалъ Павлушки, который старался поскорѣе увести барина съ поля сраженія, чтобы онъ не успѣлъ замѣтить гдѣ чубукъ, и что это оружіе уже служить не можетъ ни въ военномъ, ни въ мирномъ отношеніи. Евгеній стоялъ въ глубокой задумчивости; месть за Клеопатру кипѣла бурно въ его сердцѣ; месть занимала его умъ; онъ забылъ гдѣ находится; прочіе какъ будто уважали его думы... Но Кудимъ ихъ разогналъ. «Экой пѣтухъ! Расходился, а самъ ушелъ... сказалъ онъ.

«Не уйдетъ!»

— Чай за нимъ, добрый баринъ, въ догонку пойдешь? Не стоитъ гнаться; убѣжитъ и самъ. Вишь птица пополету...

«Твоя правда. Твой найденышъ гораздо важнѣе; имъ надо заняться.

— Не изволь трудиться. Мы и сами обмыслимъ. У меня есть на примѣтѣ барыня важная; у Сидора Никитича Потючкина стоятъ. Опомнясь, какъ пріѣхали, Богъ на нихъ бѣду наслалъ; Машка ко мнѣ забѣгала; видно про меня отъ сосѣдей заслышала; говоритъ: помоги, Кудимушка, барыня моя дурнымъ сномъ заснула. Будто кто ее мѣшкомъ изъ за печки пришибъ, по саду гуляла, да разомъ и повалилась. Помоги Кудимушка. — Наша артель близко; я было и пошелъ съ дуру, да до меня барыня встала, такая веселая, допустила и меня къ лицу своему свѣтлому. Спасибо, Кудимушка, извини, что обезпокоили; вотъ тебѣ за труды. — Ну, самъ знать изволишь, не за что брать, такъ я и не взялъ, а она баитъ: Ну, старикъ, коли что нужно будетъ, приходи... А лице-то какое доброе, ни дать, ни взять, взглядомъ что рублемъ даритъ; слава тебѣ Господи, что вспомнилъ. Проспимъ тутъ до утра, а утромъ будетъ у тебя, мое дитятко, и мать и покровъ... Ухъ!...

Кудимъ какъ будто самъ обрадовался своей мысли. Распоясался; положилъ шапку, кушакъ и охобень на скамью, и подошелъ къ прилавку.

— Вотъ тебѣ гривна, Косой! Дай моей дѣвкѣ перекусить чего нибудь.

— Вишь ты, за гривну нынче харчи сталъ покупать...

— Подай все, чего ни спроситъ Кудимъ, на мой счетъ! сказалъ Евгеній и пошелъ во свояси; Поль бережно подобралъ остатки черешневаго чубука, погрозилъ ими молча Кудиму и пошелъ за бариномъ... Старикъ въ сертукѣ, прислонясь къ стѣнкѣ, сталъ дремать, а Кудимъ съ дѣвушкой — давай напокоѣ ужинать. Половой усердно прислуживалъ; подавалъ, чего и не требовали, и старался прислушаться къ разговору. Изрѣдка только онъ посматривалъ на окно и почесывалъ правый високъ. Отужинали.

— Ну, теперь убирайтесь съ Богомъ! сказалъ половой. Пора и нашему брату заснуть.

— Спи себѣ съ Богомъ; и мы вздремнемъ на скамьяхъ.

— Нѣтъ, у насъ этакого заведенья не бываетъ. Не приказано. Изволь убираться.

— Да я у тебя и за деньги бы не остался. Наше мѣсто свято, а у тебя, кромѣ того что соблазнъ, да еще и волки заглядываютъ.

— Что ты, дядя Кудимъ! Какіе волки...

— Много ли у тебя дядей-то, Косой! Ты гляди, сбоку-то ещ е и бѣды не увидишь; смотри, чтобы и другой глазъ не покривился. Мы вѣдь не изъ отрубей какихъ набиты; а тоже смѣтка есть; смѣкаемъ.

— Да что ты это, дядя Кудимъ, право, будто тайность какую говоришь.

— Да, ужъ племянничекъ, безъ тайности съ Савиломъ никто не якшается...

— Да что мнѣ твой Савилъ?

— Тоже дядя, да пуще роднаго отца. Ужъ мнѣ для Савила на честномъ кладбищѣ ямы копать не придется. Врагъ да оврагъ его возьмутъ...

Половой, какъ будто убирая посуду, хотѣлъ выйти въ двери, да Кудимъ ему замѣтилъ:

— Не въ тѣ, Косой! Тамъ улица, посудины не гдѣ ставить, а Савилъ до утра обождетъ... Видишь, рыжая борода по ночи свѣтится.

Половой началъ тереть затылокъ, Кудимъ продолжалъ:

— И это знаемъ, Косой! Вотъ видишь, безъ толку только перепугалъ дядю; чай теперь Савилъ будто отъ погони бѣжитъ. Эхъ, Косой, и мы люди бывалые... Спи, дитятко, а мы съ Косымъ потолкуемъ.

Половой былъ совершенно смущенъ. Ему было ужасно досадно, что въ торопяхъ онъ подалъ Савилу не тотъ знакъ. Присутствіе сильнаго союзника теперь бы ему куда какъ пригодилось; Кудимъ наслаждался замѣшательствомъ половаго не долго:

— Слушай, Косой! У тебя есть въ запасѣ и подушка и тюфякъ. Подай ихъ моей бѣднягѣ. Ну, люблю послушныхъ. Теперь вотъ что, мнѣ надо итти яму копать; завтра будутъ хоронить бѣдную нашу Лукерью Ивановну...

Старикъ въ сертукѣ вскочилъ и, протирая глаза, спросилъ:

— Во снѣ иль на яву?... Быть не можетъ! Ты сказалъ будутъ хоронить Лукерью Ивановну?

— Да, а что?

— А какъ ее зовутъ?

— Лукерьей Ивановной.

— А еще какъ.

— Больше никакъ не зовутъ. Нѣтъ вру. Иной разъ говорятъ Лукерья Ивановна, что на овражкѣ, потому, что не одна же Лукерья Ивановна въ городѣ; да и городъ-то великъ...

— Твоя правда! Зачѣмъ ей быть здѣсь! Впрочемъ — столько лѣтъ!

— А много ли?

— Пятнадцать...

— Давненько...

— Вѣчность!...

— А гдѣ же изволилъ пробавляться...

— Далече...

— Въ какомъ городѣ?

— Въ такомъ, о которомъ ты никогда и не слыхалъ...

— А что же тамъ дѣлалъ?..

— То, чего не дай Богъ тебѣ, ни дѣтямъ твоимъ, и никому на свѣтѣ. Ну, да вотъ Богъ милостивъ. Авось всѣхъ увижу... Ужъ и не такъ далеко; было дальше... Да что я разболтался... Говорите потише. Мнѣ много силъ надо. Дайте по отдохнуть.

Старикъ повернулся, подложилъ руку подъ голову и заснулъ богатырскимъ сномъ.

— Ну, выдался денекъ, сказалъ шепотомъ Кудимъ: — Диво за дивомъ! Ну, да ужъ никто какъ онъ; лучше нашего знаетъ что и на что творится; такъ слушай же, Косой! Я пойду, а ты присмотри за моимъ найденышемъ. Запрись на оба замка. Пока не вернусь, никого не впускай.

— Дядя Кудимъ! Теперь ярмонка! Если пріѣзжіе окна выломаютъ, на то гостинница, постоялый дворъ, трактиръ и харчевня. Хозяинъ убьетъ, а добрый гость прибьетъ. Видишь ты, какіе тутъ козыри водятся. Я ужъ для тебя, дядя Кудимъ, все что хочешь сдѣлаю. Знаешь ли что, дядя Кудимъ? Есть у меня запасная горенка за коровникомъ. Тамъ я самъ сплю, когда досугъ. Спрячемъ туда находку... Тогда приходи, когда хочешь, никто ее не увидитъ.

— Спасибо, Косой!

Сказано, сдѣлано. Кудимъ одѣлся, взялъ свою дубину и пошелъ въ путь для Лукерьи Ивановны стлать постель послѣднюю. Косой не могъ уснуть. То и дѣло, ему казалось будто гости подходятъ; и не ошибся Косой. Въ окнѣ показалась рыжая борода и два блестящіе глаза... Трижды легонько что-то стукнулъ въ окончину; Косой не подалъ знака, но самъ тихо выползъ на улицу...

—

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Хронометрическая экспедиція. — Русскій меридіанъ. — Путешествіе Гг. Миддендорфа, Коленати и Кастрена. — Варшавская вѣнская желѣзная дорога. — Прессы для выжимки свекловичнаго сока. — Незавидная всемірная извѣстность. — Г-жа Плесса.

—

Если бы во Франціи, Англіи, Германіи исполнялись предпріятія, подобныя тѣмъ, о которыхъ говорить хотимъ, всѣ газеты и журналы ударили бы въ набатъ и насильно обратили на нихъ общее вниманіе. У насъ память объ этихъ подвигахъ остается гдѣ нибудь въ оффиціальномъ журналѣ, польза — въ ученомъ мірѣ, а до публики извѣстія объ нихъ никакихъ не доходитъ. Кто виноватъ? Публика или Журналисты? Не ужели для нея любопытнѣе читать, что дѣлается въ парижскихъ театрахъ втораго разряда, нежели то, что приноситъ честь нашему отечеству, пользу наукѣ и слѣдственно пользу всему міру. Многимъ ли, напримѣръ, извѣстны ученыя наши экспедиціи прошедшаго года, въ которыхъ даже другія государства принимали живѣйшее участіе. Ученая хронометрическая экспедиція, для положительнаго опредѣленія долготы пулковской обсерваторіи, которая должна служить центромъ всѣхъ географическихъ работъ въ Имперіи, увѣнчалась самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Долгота Пулковой, относительно меридіана, проходящаго черезъ Гринвичь, опредѣлилась въ 2ч., 1, 18с., 78. Еще важнѣе труды нашихъ ученыхъ, относительно опредѣленія меридіана въ Россіи. Г. Струве началъ трудиться надъ этимъ важнымъ предметомъ съ 1820 года и въ 10 лѣтъ представилъ измѣреніе дуги меридіана между Двиною и О. Гохландомъ въ 3° 35', — Генералъ Теннеръ составилъ исчисленія другой дуги отъ Двины въ 4° 23'. Г. Струве, по Высочайшему повелѣнію, продолжалъ вести свой меридіанъ далѣе на сѣверъ; всего въ прошломъ году получено 183 треугольника или 15° 6' меридіана! Государь Императоръ изволилъ обратить на это дѣло особенное высокомонаршее вниманіе и у насъ будетъ свой собственный меридіанъ отъ самыхъ сѣверныхъ оконечностей Имперіи до Измаила на Дунаѣ, меридіанъ въ 21° 48', тогда какъ знаменитый французскій меридіанъ имѣетъ только 12° 23', а объ немъ газеты и журналы уши прожужжали. Въ англо-индійскомъ меридіанѣ всего 15° 58'.

*** Положимъ, что эти двѣ ученыя экспедиціи имѣютъ интересъ спеціальный, географическій, требуютъ отъ читателя нѣкоторой учености для того, чтобы онъ могъ вкусить сладость этихъ важныхъ подвиговъ, совершаемыхъ въ его отечествѣ. Но путешествіе Г. Миддендорфа въ Восточную Сибирь совершенно инаго качества. Оно любопытно для каждаго. Ученые результаты этого гигантскаго предпріятія въ сторону. Возьмите романическую его сторону. Въ нашей безмѣрной Имперіи есть еще страны неизвѣстныя. За Туруханскомъ, напримѣръ, кто бывалъ? Сто лѣтъ тому назадъ случайно проѣзжали по этимъ странамъ морскіе офицеры, но зимою, не останавливаясь, не наблюдая, ауходя, убѣгая отъ суроваго климата, отъ неисходной тоски, господствующей въ этихъ ледяноснѣжныхъ пустыняхъ. Г. Миддендорфъ, профессоръ зоологіи въ кіевскомъ университетѣ, въ 1841. г. добровольно вызвался совершить это путешествіе, и совершилъ его къ истинной славѣ государства, къ прямой пользѣ для наукъ. Помощникомъ себѣ избралъ Датчанина Г. Бранта, въ спутники ему приданы унтеръ-офицеръ корпуса топографовъ и ученикъ здѣшней зоологической лабораторія. — Вотъ вся экспедиція. Любопытно видѣть любителя науки, который доказываетъ любовь свою не выписками изъ показаній предшественниковъ, не громкими словами, дышащими западнымъ шарлатанствомъ и подвергающими весь разсказъ сомнѣнію, нѣтъ, подвигами дѣйствительными, лишеніями, болѣзнію — и все это не охлаждаетъ его рвенія. Собственноручно онъ строитъ лодки, спускается по неизвѣстной рѣкѣ Таймиру въ Ледовитое Море, посреди лѣта, его, то затираютъ льдины, то засыпаетъ снѣгъ; но онъ не останавливается; разославъ своихъ спутниковъ, остается одинъ и выдерживаетъ 18-ти дневную сильную лихорадку; на берегу Баганиды учреждаетъ центральную обсерваторію естественной исторіи. Оттуда направляетъ путь на Удской Острогъ, на Охотскомъ Морѣ. Становой хребетъ его не останавливаетъ. Оттуда прямымъ путемъ въ Нерчинскъ, вдоль границы китайской, на которой никто не былъ, даже казаки. Эта граница нѣчто воображаемое, фантазія. Правильная государственная межа доходитъ только до Горбицы, притока р. Амура. Въ трактатѣ 1689 года глухо сказано: а отъ Горбицы граница пойдетъ на востокъ по горамъ. Это путешествіе прольетъ свѣтъ на огромное пространство земли, которое только было извѣстно по оконечностямъ, прилегающимъ къ морю. Результаты неисчислимой важности, что можно уже замѣтить изъ однихъ писемъ путешественника. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ подробнаго описанія. Желательно, чтобы оно было составлено на французскомъ языкѣ, не для того, чтобы мы предпочитали этотъ языкъ отечественному... Боже сохрани! но потому, чтобы вся ученая Европа могла читать и оцѣнить достойно труды достойнаго нашего ученаго. — Въ этомъ нѣтъ желанія суетной славы; не совѣтуемъ, да и не стоитъ ее искать насильно въ Парижѣ; она придетъ сама. Г. Миддендорфъ съ особенною похвалою отзывается о содѣйствіи и трудахъ своего спутника, топографа Ваганова, которому приписываетъ въ значительной мѣрѣ успѣхъ всего предпріятія. Вагановъ Всемилостивѣйше награжденъ офицерскимъ чиномъ.

*** Съ сожалѣніемъ разстаемся съ этимъ любопытнымъ предметомъ. Боимся, чтобы не наскучить, но въ то же время видимъ себя въ необходимости обратить вниманіе на другаго путешественника: Доктора Коленати, восходившаго на Казбекъ и описавшаго эту замѣчательную гору съ особенною подробностью.

*** Въ настоящемъ году ожидаемъ еще любопытныхъ извѣстій о Сибири въ этнографическомъ отношеніи. Болѣзнь не позволила г. Кастрену отправиться туда въ прошедшемъ году. Путешествіе г. Кастрена будетъ продолжаться три года.

*** Всѣ эти путешествія соединены съ меньшими или большими трудностями, и когда на востокѣ лежатъ пути непроходимыя, на западѣ Россія уже начинаютъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. 2 го іюня происходило торжественное открытіе двухъ станцій варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Черезъ нѣсколько часовъ, по отправленіи перваго поѣзда, съ которымъ поѣхало нѣсколько сотъ особъ, между которыми находился Его Свѣтлость Князь Варшавскій, былъ отправленъ второй поѣздъ съ 600 пасажирами. Оба поѣзда вечеромъ возвратились въ Варшаву.

*** Извѣстно, что количество сахара зависитъ отъ количества сока, получаемаго изъ свекловицы. Сокъ добывается посредствомъ прессовъ. Гидравлическіе очень дороги, всѣ прочіе несовершенны, требуютъ много людей, такъ что если заводъ устроенъ на 200 берковцевъ въ день, то на одни прессы нужно 100 человѣкъ. Въ Сумскомъ Уѣздѣ, помѣщикъ Фитингофъ изобрѣлъ прессъ съ рычагомъ. Этотъ прессъ можетъ дѣйствовать непрерывно съ помощію двухъ паръ воловъ. Курской Губерніи Путивльскаго Уѣзда, въ селѣ Бочкахъ, А. Н. Львовъ устроиваетъ теперь заводъ на 200 б. суточнаго производства. Выжимать сокъ будутъ 20 чел. и 2 пары воловъ новымъ прессомъ. Объ этомъ давно думали и во Франціи и въ Англіи, но опыты не были удачны. Нельзя не пожелать, чтобы попытки нашихъ помѣщиковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, чтобы мы хотя въ чемъ либо предупредили западныя государства. Пора не подражать, а соперничествовать.

*** По всей Европѣ теперь ищутъ одного знаменитаго мошенника и полагаютъ, что онъ укрывается въ Россіи. Его зовутъ Іоанномъ [redacted]ломъ Горгасомъ. Въ Амстердамѣ онъ выдавалъ себя за богатаго купца, въ Вѣнѣ за прусскаго юстицъ-совѣтника Проша. Въ обѣихъ столицахъ онъ взялъ у банкировъ знатныя суммы по фальшивымъ векселямъ и скрылся. Судя по примѣтамъ, съ подробностію описаннымъ въ оффиціальныхъ объявленi-

яхъ, Горгасъ или Прошъ долженъ быть человѣкъ образованный, ловкій; онъ, какъ сказано въ вѣнскомъ объявленіи, совершенно добродушенъ въ своихъ поступкахъ. И этотъ добродушный мошенникъ, какъ подозрѣваютъ, теперь путешествуетъ по Россіи на счетъ Амстердама и Вѣны. Объявленія объ немъ напечатаны во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. — Поймать его все равно, что выиграть въ лотерею значительную сумму, потому что за поимку обѣщана десятая часть того, что будетъ при Прошѣ, или что найдется во время слѣдствія. Этотъ воръ — большой руки и пріобрѣлъ весьма выгодно всемірную извѣстность. Нѣтъ сомнѣнія, что не только въ Америкѣ, но въ Египтѣ, Индіи и Китаѣ, вездѣ, гдѣ только есть газеты, Горгасъ или Прошъ найдетъ себѣ мѣстечко. Весь міръ теперь невольно играетъ въ лотерею, въ которой только одинъ выигрышъ и этотъ выигрышъ — человѣкъ.

, Городскихъ новостей у насъ и много и мало. Важнѣйшая, или лучше сказать одна, и есть важная — это неожиданное прибытіе г-жи Плесси, первой актрисы французскаго театра (Theatre français) въ Парижѣ. Еще не успѣли объ этомъ прогремѣть въ трубы французскіе журналы, а г-жа Плесси уже въ Петербургѣ. Журналы справедливо говорятъ, что для артистовъ разнаго рода поѣздка въ Петербургъ сдѣлалась модною страстію. Мы мѣняемся путешественниками, но съ тою разницею, что наши въ Парижѣ проживаются, а иностранцы у насъ наживаются. Не жалѣемъ о первыхъ, а многимъ изъ послѣднихъ душевно рады. Талантъ г-жи Плесси такъ обширенъ и столь значителенъ, что пріѣздъ знаменитой актрисы порадуетъ каждаго. Она выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ хорошихъ актрисъ, которыми восхищаются какъ талантами первоклассными. Присутствіе первостепеннаго таланта всегда имѣетъ хорошее вліяніе и на русскій театръ. Таліони и Рубини это доказали. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дебютовъ г-жи Плесси.

ПЕРЕПИСКА.

С. — Рукоплесканія въ немногихъ сильныхъ мѣстахъ похожи на «здравствуйте», если кто чихнетъ... это говорилъ Д'аламбертъ; мы совершенно съ нимъ согласны.

1. 13. — Благодаримъ за ваше участіе въ судьбахъ Иллюстраціи. Всему, что вы пишете, вѣримъ, потому что знаемъ къ чему способны тѣ, о коихъ вы пишете; но вспомните исторію древняго язычника Псафона. Онъ собралъ птицъ и училъ ихъ выговаривать только три слова: Псафонъ есть богъ. По окончаніи курса, птица отпускалась на волю и разносила по всему міру апоѳеозу Псафона; по домашніе сообщили о уловкѣ хозяина сосѣдямъ, и не только досталось Псафону, но и всѣмъ птицамъ, которыя разносили его славу.

Не льзя же вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

О. И. С. Ошибаетесь, если думаете, что Иллюстрація будетъ отвѣчать на подобныя выходки. Тактика старая. Вспомните, что говорилось нѣкогда на лекціяхъ о клеветѣ и клеветникахъ. Клевета никогда прямымъ путемъ не ходитъ. Она прикидывается добродушною, честною, на гнусный образъ свой надѣваетъ благовидную личину, изъявляетъ сожалѣніе о васъ и тутъ же клевещетъ; говоритъ вамъ похвалы и тутъ же попоситъ, увѣряетъ, что желаетъ вамъ добра и въ то же время разсказываетъ про васъ небылицы. Чѣмъ старѣе клеветникъ, тѣмъ болѣе въ словахъ его наружнаго хладнокровія. Напротивъ того, юноша, который едва вступаетъ на это поприще, — горячится, въ выраженіяхъ своихъ неумѣренъ, въ нихъ нѣтъ логики, а только несвязная брань. На все на это непріятно, но любопытно смотрѣть, а отвѣчать-значило бы сойти въ ту же область, сравниться съ тѣми, отъ которыхъ благомыслящіе отворачиваются. — Вы удивляетесь; мы ни мало. Это еще цвѣтки, а ягоды покажутся тогда, когда придетъ время къ подпискѣ. — Само собою разумѣется, что эти ягоды сами же и скушаютъ. — Да и къ чему бы послужили отвѣты? Кто не знаетъ свойствъ и качествъ прославившихъ этого рода людей. Есть люди, которые даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и думаютъ и говорятъ подъ диктовку. Право, есть такіе люди.

О. П. Кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ. Вы вѣрно чувствуете слабо. Вы теряете не только слова, но время и бумагу. До субботы!

Л. М. М. Слушаемъ-съ!

О. Л. И. — Статья хороша и можетъ быть принята, но пріятели Редакціи утверждаютъ, что стихи вы забыли подчистить и поспѣшили отослать ихъ въ Петербургъ безъ окончательной отдѣлки. Пріятели думаютъ, что можно обойтись и безъ стиховъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NNo 4—5.

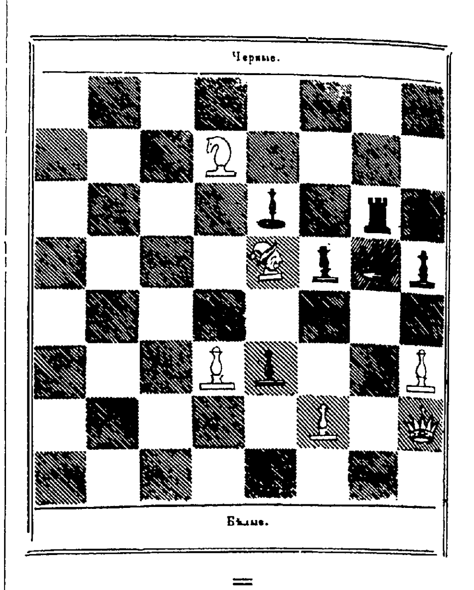
ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи № 16.

Бѣлыя	Черныя.
1) Л. что на 1 м. впередъ—шахъ	1. Л. беретъ л.
2) Л. на 7 м. К. Ф.	2. Л. беретъ С.
3) П. беретъ Л.	3. П. 1. м.
4) Ф. на 4 м. К сл.	4. П. беретъ Ф.
5) П. беретъ П. и матъ.	

ЗАДАЧА № 17.



ЗАДАЧА № IV.

Какимъ образомъ можно измѣрить вертикальную высоту какого либо предмета, посредствомъ собственной его тѣни?

РАЗГАДКА № 16

Люди, возвышаясь, измѣняются.

ЗАГАДКА № 17.

ШАРАДА.

Первое мое — первое копье на этомъ свѣтѣ (1 слогъ).

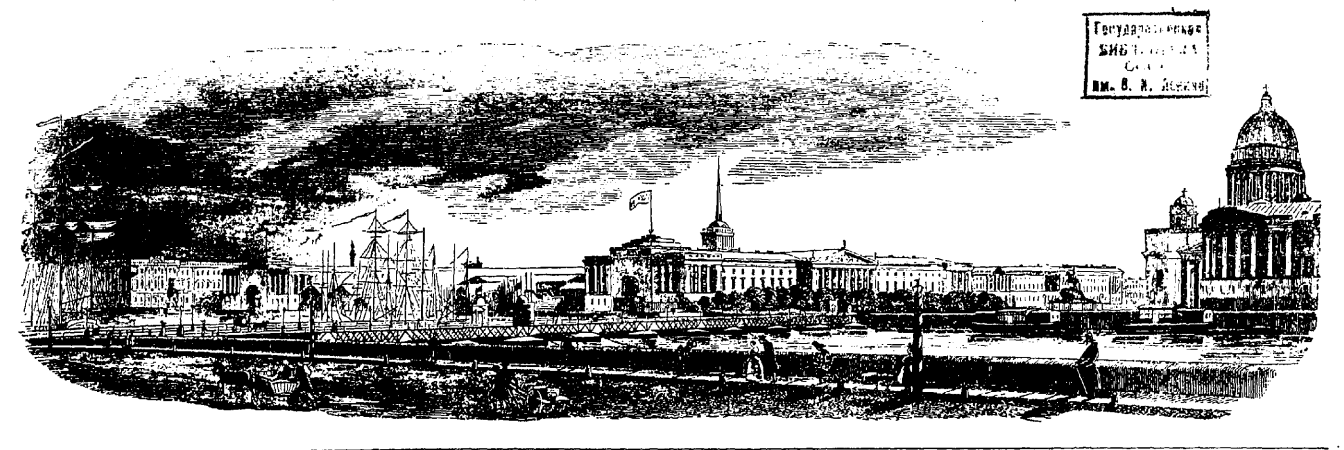
Второе... Вышло изъ моды вмѣстѣ съ Лирою, а по натурѣ никогда изъ моды выдти не можетъ, составляя значительнѣйшую часть существа самой моды. (2 слога).

Цѣлое... Для медвѣдей смерть, для лошадей обѣденный столъ, для людей разорительная забава. (омонимъ).

Печатать позволяется, С. Петербургъ. Іюля 27 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 18. — Суббота, 4 Августа 1843.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р сер

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Фультонъ, изобрѣтатель паровъ. — Перепечатки. — Извѣстія изъ Симферополя. — Несчастное плаваніе по Азовскому Морю. — Образа для церкви на Аптекарскомъ Острову К. П. Брюллова. — Психологическія замѣтки. — Анекдотъ о Лебедевѣ. — Описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи. — Почтовое пароходство.

—

На этомъ прекрасномъ свѣтѣ есть двѣ истины. Одна истина, другая ложь, но ее выдаютъ за истину люди смѣтливые, принимаютъ за истину люди легковѣрные и легкомысленные. Если имъ скажутъ : я ученый человѣкъ, то хотя бы это восклицаніе окружали тысячи ошибокъ, обличающихъ не поспѣшность, а дѣйствительное невѣжество, все равно, толпа восклицаетъ : какой онъ ученый человѣкъ! Намъ на дняхъ удалось читать статью о просвѣщеніи, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, обо всемъ; это былъ какой-то винегредъ разной разности; насъ удивляла и забавляла отвага сочинителя, съ какою онъ разсуждалъ о предметахъ, вовсе для него недоступныхъ, на какомъ то русскомъ или бѣлорусскомъ нарѣчіи, разсуждалъ, само собою разумѣется, не въ попадъ, мѣшая старину забытую, съ новостями, о которыхъ зналъ по наслышкѣ. Со смѣхомъ мы бросили этотъ винегредъ и за него съ жадностію схватился кочующій любитель чтенія. Намъ стало любопытно, что выйдетъ изъ этого чтенія. Не ужели на лицѣ этого чтеца (потому что читателемъ назвать его не льзя, какъ увидите) не блеснетъ искра негодованія, не пробѣжитъ улыбка презрѣнія... Ничего не бывало. Чтецъ прочелъ и задумался. Подумалъ и передавая винегредъ другому, сказалъ «Прочти любезный! Экая ученость огромная! все знаетъ, обо всемъ говоритъ! Вотъ я ужъ сколько разъ читалъ, что Уатъ былъ прежде Фультона, и что пары какъ сила, открыты больно давно... Поди, что иногда пишутъ! Анъ пары то, новаго двигателя — открылъ Фультонъ! а Уатъ примѣнилъ ихъ къ фабрикамъ! Экая ученость! Обо всемъ говоритъ!..

— И самую сущую правду. Божится и клянется, что пишетъ правду, замѣтилъ другой чтецъ. А что говорятъ про него, такъ это завистники. Знаешь ли до чего они дошли. Толкуютъ будто ужъ онъ и по латынѣ ни аза въ глаза не знаетъ. Въ ученой и многотомной книгѣ онъ напечаталъ, что Prefectus castrensis — значитъ начальникъ евнуховъ.

— Ну, если напечаталъ, такъ и быть ему начальникомъ евнуховъ... Вѣдь онъ клянется, что правда. Вотъ теперь тоже можетъ быть скажутъ, что не Фультонъ изобрѣлъ пары...

— Фультонъ!

— Фультонъ, разумѣется. Вѣдь про Фультона и романъ есть!

— Какъ же, и большой романъ; я читалъ...

Скажите, неужели это съ одной стороны не забавно, съ другой не печально. Смѣшно, что тотъ, кто клянется и божится, что пишетъ правду, такъ неосторожно обнаруживаетъ свое не знаніе ; печально, грустно, что у насъ можно писать такія небылицы во всеобщее чтеніе и въ то же время высокопарно разглагольствовать о просвѣщеніи. Положимъ, на людей можно писать что угодно, потому что люди иногда не умышленно соприкасаются интересами. Франція не сердилась даже на записки Видока, но у Видока и клевета облечена вѣроятностію. Тамъ, покрайней мѣрѣ, все похоже на правду...

*** Отвратимъ взоры отъ этого грустнаго предмета. Величіе литературы унижается подобными явленіями. Простительна ошибка, промахъ, если видишь, что причиною ихъ случайная поспѣшность или другой невинный поводъ, но гдѣ замѣчаешь умыселъ, уловку, которыхъ не умѣніе не дозволяетъ прикрыть благовидно, невольно ощущаешь какое-то оскорбительное чувство. Кажется, будто авторъ увѣренъ въ ограниченности свѣденій своихъ читателей и шалитъ на ихъ счетъ. — Право бы лучше перепечатывать дѣльныя, хотя и сухія статейки изъ губернскихъ вѣдомостей, чѣмъ писать такія винегреды. И въ этомъ отношеніи бываютъ забавные случаи. Газеты соперничествуютъ въ чемъ бы вы думали? Кто прежде перепечатаетъ чужую статейку! Право, въ этомъ нѣтъ ни заслуги, ни проступка. Дѣтскіе споры. На нихъ смотрѣть не грустно, а жалко.

*** Положеніе нашей литературы походитъ на состояніе атмосферы въ Симферополѣ. Тамъ теперь невыносимо жарко, все высохло. На мельницѣ за перемолъ четверти берутъ 2 руб. сер.

*** Сосѣднія моря сами себѣ берутъ жертвы. Новороссійскій мѣщанинъ В. Думанскій нанялъ себѣ въ Анапѣ лодочника съ 4 матросами; барказъ въ 15 аршинъ длиною нагрузилъ сотней барановъ, сѣномъ, и семействомъ и отправился, въ Новороссійское укрѣпленіе. 21-го іюня захватила ихъ ужасная буря; ночью шквалъ положилъ паруса и мачту на воду; грузъ потонулъ; всю ночь люди провели сидя верьхомъ на бортѣ лодки. Къ утру буря усилилась, валы перескакивали черезъ головы несчастныхъ пловцевъ; море добивалось жертвъ. Днемъ люди успѣли обрѣзать паруса и ванты; уставить лодку килемъ внизъ, но она была безъ руля, мачты, веселъ и полна воды. 22-го іюня малолѣтная дочь а на другой день и жена Думанскаго, умерли и пущены на воду. Море не довольствовалось этой добычей ; буря продолжалась до 25 числа. Пловцы питались сухарями, случайно уцѣлѣвшими, прихлѣбывали морскую воду; и буря утихла — но въ морѣ невидно было ни одного вѣтрила до 27 іюня. Въ этотъ день показалось каботажное судно Св. Николай, шк. Радовичь, замѣтило несчастныхъ, взяло лодку на буксиръ, но не могло взять къ себѣ людей, потому что это подвергло бы его карантину. Въ самомъ бѣдственномъ положеніи оно привезло ихъ въ Керчь уже 28 іюня. Семь страшныхъ дней провели эти несчастные въ буйномъ морѣ.

*** У насъ за то, на Сѣверѣ, погода совершенно исправилась; наступило лѣто знойное, освѣжаемое дождями. Даже въ каменныхъ улицахъ самаго Петербурга воздухъ не такъ тяжелъ; нѣтъ той духоты, которая обыкновенно тяготѣетъ надъ нашей столицей. Мы мало видимъ Петербургъ лѣтомъ; дача разлучаетъ на долго съ зимнимъ городомъ. Мы выразились такъ, потому что многія части Петербурга, хотя и входятъ въ дѣйствительный составъ столицы, но все таки служатъ такъ сказать дачными мѣстами, на примѣръ: острова Аптекарскій, Петровскій, Строгоновская дача, и другія.

*** На Аптекарскомъ, въ новопостроенной церкви, К. П. Брюлловъ оканчиваетъ мѣстные образа. Многіе видѣли эти образцевыя произведенія несравненной кисти. Византійскій стиль ни мало не повредилъ изяществу сочиненія и исполненія; эти образа можно назвать живыми; въ нихъ превосходная живопись дышетъ разумною высокою мыслію. — Не подумайте, что мы безусловно удивляемся всему тому, что выходитъ изъ подъ руки Карла Павловича. Но что же дѣлать, мы такъ уже созданы, что видимъ, любимъ видѣть однѣ достоинства тамъ, гдѣ достоинства заливаютъ своимъ блескомъ ничтожныя мелочныя недостатки. Этими недостатками мы жертвуемъ для удовольствія тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Фультономъ изобрѣтаютъ пары и бодро, борзо и безъ дальнѣйшихъ свѣденій въ искуствѣ разсуждаютъ о чемъ бы вы думали: о рисункѣ Брюллова! Право разсуждаютъ!

*** Чтобы видѣть и чувствовать достоинства какого бы то ни было художественнаго произведенія, требуются нравственныя качества, независимо отъ техническихъ и историческихъ свѣденій. Не помнимъ, кто сказалъ, что душа человѣка есть зеркало, на которомъ съ вѣрностію отражаются только однородныя явленія. Если душа чиста — то отражаетъ только чистое, высокое, изящное. Если

нѣтъ этихъ качествъ въ предметѣ, душа ничего не отразитъ; какъ будто предмета и не было въ природѣ. Въ противномъ случаѣ — ни какое притворство не поможетъ; если душа, по какимъ либо постороннимъ поводамъ, вздумаетъ отразить достоинства, то, за невозможностію принять дѣйствительныя, отразитъ вымышленныя. Вотъ почему похвалы иныхъ людей обращаются во вредъ тому, кого хвалятъ. Тутъ же можно видѣть и причины, почему и хула тѣхъ же людей не имѣетъ никакого вѣса и послѣдствій. На этихъ психическихъ началахъ основано множество нравственныхъ явленій. Отъ чего, на примѣръ, для иныхъ дымъ простой, но даровой цыгарки, слаще дыма лучшей гаванской? — Отъ чего, напримѣръ, Видокъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было о томъ, какая на дворѣ погода, отводилъ всегда собесѣдника въ сторону и безпрестанно оглядывался? — Отъ чего Лафатеръ, встрѣчая лице, въ общихъ чертахъ имѣвшее сходство съ его собственнымъ, ручался въ добродушіи своего субъекта? Подобныхъ вопросовъ тьма и всѣ могутъ служить психологическимъ оправданіемъ мысли, о которой мы нечаянно вспомнили. Она можетъ быть примѣнена не только къ качествамъ, но и наклонностямъ человѣка къ какому либо исключительному занятію...

. По этому, мы вспомнили анекдотъ о Лебедевѣ. Однаждывъ Римѣ прибѣгаетъ онъ въ сильномъ волненіи къ одному знаменитому живописцу, торопливо вынимаетъ изъ рабочей сумки этюдъ развѣсистаго дуба, и показываетъ его издали, пламеннымъ взоромъ глядя на хозяина... Ну, что же тутъ такого удивительнаго! сказалъ хозяинъ: Дубъ, вотъ и все тутъ. — Самъ ты дубъ послѣ этого, закричалъ Лебедевъ и убѣжалъ домой. — Для инаго дубъ, для другаго букашка, для третьяго звѣзды небесныя — составляютъ весь міръ, исключаютъ всѣ другіе предметы.

. Кстати о звѣздахъ. Мы видѣли уже отпечатанное описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи, составленное г. Струве. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода этого важнаго и любопытнаго сочиненія. Оно украшено заглавнымъ видомъ зданія. Подробности объяснены въ чертежахъ.

. Фультонъ, какъ извѣстно каждому, не изобрѣталъ паровъ. Первыхъ паровыхъ машинокъ такъ много, что даже Уата невозможно признать изобрѣтателемъ паровой движущей силы, но безспорно ему принадлежитъ честь примѣненія къ практикѣ этого изобрѣтенія въ размѣрахъ болѣе обширныхъ. Фультонъ уже въ 1807 году примѣнилъ силу паровъ къ судоходству и съ тѣхъ поръ пароходы покрыли моря, вошли во флоты, куда ихъ долго не допускали; въ Россіи они показались довольно поздно, но за то теперь быстро размножаются. Образовалось нѣсколько обществъ пароходства. На дняхъ получитъ начало новое почтовое пароходство между С. Петербургомъ и Штетиномъ. Все уже готово: домъ, пристань, пароходы, мебели, серебро, мѣдь, посуда; но все это такъ хорошо, такъ обдумано, такъ удобно, что мы погрѣшили бы противу нашихъ обязанностей, еслибы не помѣстили объ этомъ учрежденіи подробной статьи, — которая уже изготовляется.

БЕЗУМНАЯ.

(Окончаніе).

VIII.

Въ небольшой, простенькой комнаткѣ, въ домѣ Бридо, стояла большая кровать съ полосатыми ситцевыми занавѣсками. Возлѣ кровати стояло широкое, просторное кресло.

Въ комнатѣ было темно. На улицѣ не слышно было ни малѣйшаго шума, не видно было ни одного огонька. Только одинокая луна, освѣщая пустынныя улицы и молчаливыя массы домовъ, медленно катила свой серебристый кругъ по темносинему небу...

Вдругъ, ночное безмолвіе было прервано отдаленнымъ стукомъ скоро ѣхавшаго экипажа. Посреди тишины и въ пустыхъ улицахъ, стукъ этотъ подобенъ былъ страшному треску.

Въ то же самое время, въ комнаткѣ послышался глубокій вздохъ и въ слѣдъ за тѣмъ съ кресла поспѣшно поднялся молодой человѣкъ. Приложивъ ухо къ самой занавѣскѣ кровати, онъ прислушивался, и такъ какъ опять наступила тишина, то онъ готовился уже опуститься назадъ въ кресло, но послышался вторичный вздохъ, сопровождаемый легкимъ стономъ и невнятными словами. Молодой человѣкъ слегка отдернулъ занавѣску...

— Альфонсъ!.. — произнесла молодая дѣвушка едва слышнымъ голосомъ и протянувъ впередъ руку.

Молодой человѣкъ тихо взялъ протянутую къ нему руку... она была влажна, горѣла и дрожала... Опершись на руку Альфонса, молодая дѣвушка привстала, откинула назадъ распущенные волосы, опустившіеся къ ней на лицо, и повторила болѣе твердымъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Альфонсъ!..

— Я здѣсь... съ тобою... моя Ида!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ любви и грусти.

— Какой тяжкій сонъ... о, да! очень тяжкій!.. и Ида опустила голову на лѣвую руку; но теперь я вспоминаю... все... сначала я очень страдала... а потомъ мнѣ было такъ пріятно... я была счастлива... Альфонсъ, ты здѣсь?.. неправда ли?.. Теперь мы ужъ не разстанемся?.. Никто не разлучитъ насъ?..

— Никто!.. ни даже смерть! — отвѣчалъ маркизъ съ отчаянною рѣшимостью.

— Смерть...—повторила Ида,—смерть... Альфонсъ, скажи мнѣ, ты не боишься смерти?.. Скажи?...

— Зачѣмъ думать о смерти, когда мы такъ счастливы!.. сказалъ маркизъ, прижавъ руку молодой дѣвушки къ своему сердцу.

— Мы счастливы?.. съ изумленіемъ спросила Ида;—но Альфонсъ... помоги мнѣ припомнить... у меня память такъ слаба стала... воспоминанія мои о прошедшемъ такъ неопредѣленны, такъ неясны... Скажи же мнѣ: теперь мы счастливы—а прежде?

— Ида... не распрашивай меня... ты еще такъ слаба... говорилъ Альфонсъ, начинавшій понимать, что молодая дѣвушка перенесла сильный кризисъ, въ слѣдствіе котораго она по немногу приходила въ себя.

— Я слаба?.. продолжала Ида съ настойчивостью и страннымъ любопытствомъ человѣка, который послѣ опасной горячки желаетъ знать всѣ подробности своей болѣзни;—развѣ я была нездорова?..

— Да, ты была очень нездорова...

— А—а! протяжно произнесла молодая дѣвушка; потомъ послѣ краткаго молчанія и размышленія, она продолжала:—да, да... теперь я помню; я была очень больна... и тебя, Альфонсъ, не было со мною... потомъ... я была на краю могилы... и смерть не была мнѣ страшна!.. потому что я не надѣялась болѣе увидѣться съ тобою... но, Альфонсъ, ты не отвѣтилъ на мой вопросъ: боишься ли ты смерти?..

— Кто начинаетъ только жить, отъ того смерть далека,—уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ, — а мы съ тобой начинаемъ жить новою жизнью...

— Жить... грустно; жизнь... горька; — задумчиво произнесла Ида; потомъ она продолжала съ постепенно возраставшимъ фанатическимъ восторгомъ:—одна смерть утѣшительна, сладка... почему же ее и называютъ концомъ страданій человѣческихъ?.. Потому что за предѣлами гроба начинается благополучіе... земная жизнь наша только служитъ цѣною, которою мы должны искупить жизнь вѣчную и съ нею радости небесныя! Тамъ миръ, тамъ тишина, тамъ счастіе!.. Здѣсь одно лишь горе, горе, горе!.. Альфонсъ!— вскричала молодая дѣвушка, схвативъ обѣ руки маркиза и привлекая его къ себѣ: —Боишься ли ты смерти?.. Отвѣчай, я хочу это знать!..

—Съ тобою, Ида, и смерть мнѣ не страшна!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ, обезпокоенный лихорадочнымъ состояніемъ Иды.

— Со мною... разумѣется!.. И я безъ тебя не хочу умирать... но съ тобою... какое блаженство!.. Альфонсъ, — прибавила она рѣшительно,—умремъ.

Молодая дѣвушка вскочила съ постели. Въ это самое время широкій лучъ луны освѣтилъ стѣну, противуположную окнамъ. Соскочивъ съ постели, Ида очутилась посреди этого луча и вся была какъ бы облита блѣднымъ синеватымъ свѣтомъ, придававшимъ ей видъ неземный, воздушный...

Она прижалась къ груди Альфонса, опустила обѣ руки на плечи его и, склонивъ голову на одну сторону, сказала:

— Альфонсъ... ты молчишь?.. Тебѣ жаль разстаться съ жизнію... Правда, Альфонсъ, правда... ты долженъ остаться на землѣ... у тебя есть мать... родные...* ты долженъ жить для чести рода своего... ты долженъ жить, чтобы поддержать знатное имя... правда... ты сейчасъ говорилъ мнѣ о счастіи.. —Ида уныло опустила голову,—у тебя, Альфонсъ, доброе сердце... ты хотѣлъ утѣшить меня... но теперь я сама все вспомнила; мы не можемъ быть счастливы... на землѣ; только тамъ... но нѣтъ, ты долженъ жить... я одна буду ждать тебя тамъ; потому что, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ты, Альфонсъ, долженъ жить, я должна разстаться съ землею... только тамъ, на небѣ, я узнаю свою мать.... своего отца... здѣсь же у меня никого нѣтъ... никого!.. и ты долженъ здѣсь отказаться отъ меня...

— Никогда, Ида, никогда!.. ты мнѣ дороже жизни... вскричалъ молодой человѣкъ съ жаромъ.

— А мать твоя?.. спросила Ида тихимъ голосомъ и опустившись въ кресло.

Альфонсъ поднялъ глаза къ небу, но въ то же мгновеніе они невольно остановились на противуположной стѣнѣ... стѣна эта была безъ всякихъ украшеній, обитая сѣренькими

обоями и только посрединѣ ея висѣлъ грудной портретъ женщины, освѣщенный въ это время луною.

Маркизъ не спускалъ взора съ этого портрета; имъ овладѣлъ суевѣрный страхъ, и схвативъ руку Иды, онъ другою, дрожащею рукою, молча показалъ ей портретъ.

Молодая дѣвушка сначала равнодушно подняла глаза, потомъ мало по малу какъ бы впивалась взоромъ въ портретъ, медленно приподымаясь съ кресла... потомъ ступила шагъ впередъ, судорожно схватила руку маркиза, крѣпко сжала ее и опустившись на колѣни, вскричала:

— Альфонсъ!.. это *она!..*

— Кто?.. Кто? спросилъ Альфонсъ съ сильнымъ волненіемъ.

— Та,—отвѣчала рыдая Ида,—которую я видѣла только два раза въ жизнь свою... когда я была еще ребенкомъ... которая обнимала и цѣловала меня... какъ обнимаетъ и цѣлуетъ только мать!..

И рыдая молодая дѣвушка встала и бросилась къ портрету... Луна освѣтила ее... и странно, и поразительно было сходство молодой дѣвушки съ портретомъ, медленно закачавшимся отъ поцѣлуевъ, которыми осыпала его Ида...

Вдругъ, она отошла отъ портрета и обратившись къ маркизу, спросила голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Альфонсъ!.. ради Бога... скажи, гдѣ мы? Чей это домъ? Кому принадлежитъ этотъ портретъ... говори!..

Но маркизъ не слышалъ словъ молодой дѣвушки... сердце его сильно билось... онъ прислушивался къ стуку подъѣхавшей къ дому Бридо кареты... крѣпко сжавъ руку Иды, онъ произнесъ едва слышнымъ, задыхающимся голосомъ:

— Умоляю тебя, Ида, успокойся... ты скоро все узнаешь... теперь наступила минута, которая должна рѣшить нашу участь... жить намъ или умереть вмѣстѣ!..

— Жить... если *она* жива!.. Умереть... если *она* тамъ! — произнесла Ида, указавъ на небо.—Я буду молчать и ждать,—прибавила она съ покорностью, подойдя къ кресламъ и опустившись въ нихъ.

Альфонсъ сѣлъ у ногъ ея.

Наступило мертвое молчаніе....

Только съ улицы слышалось храпѣніе усталыхъ лошадей, да въ сосѣдней комнатѣ отворялись и затворялись двери; потомъ кто-то подвинулъ кресло и опять все утихло.

Минуту спустя, послышался тихій разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Можно было слышать каждое слово.

И маркизъ, и Ида съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за разговоромъ...

IV.

Жерве только-что начиналъ засыпать. Воображенію его, сильно взволнованному происшествіями того дня и ликеромъ, рисовались во снѣ разные ужасы. Онъ бормоталъ несвязныя слова, переворачивался съ боку на бокъ, какъ вдругъ стукъ экипажа, подъѣхавшаго къ дому, разбудилъ его. Онъ вскочилъ, съ испугомъ сталъ протирать глаза и озираться по сторонамъ.

Старая кухарка, уступившая убѣдительнымъ просьбамъ прикащика, особенно, когда онъ обѣщалъ удѣлить ей тайкомъ отъ хозяина фунтикъ кофею, спала богатырскимъ сномъ. Позволивъ молодому человѣку спать въ одной съ нею комнатѣ, старая кухарка сочла, однакожъ, необходимымъ, оградить добродѣтель свою условіемъ, не плотно затворять двери изъ кухни въ корридоръ.

За этой самой, полурастворенной дверью, Жерве услышалъ чьи-то шаги и обмеръ отъ ужаса. По счастію онъ вспомнилъ, что хозяинъ его вышелъ со двора, и мысль, что, вѣроятно, это онъ возвращался домой, нѣсколько успокоила его. Онъ плотнѣе закутался въ одѣяло, перевернулся лицомъ къ стѣнѣ, постарался заткнуть уши и вскорѣ уснулъ.

Жерве не ошибся. Точно, — Бридо возвращался домой, но онъ былъ не одинъ. Онъ проводилъ наверхъ какую-то даму, гордой, величественной осанки, которая молча шла за нимъ. Бридо ввелъ эту даму, одѣтую въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ небольшую гостинную, заперъ за собою дверь и придвинувъ кресло, знаками просилъ ее сѣсть.

— Къ чему эти предосторожности? Эта торжественная церемоніальность? — спросила дама, не садясь еще въ кресло, поданное ей мелочнымъ торговцомъ.

— Я уже имѣлъ честь доложить вамъ, маркиза, — отвѣчалъ Бридо тихимъ, но твердымъ голосомъ, — что имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное.

— Для меня теперь нѣтъ ничего важнѣе свиданія съ сыномъ, — сухо возразила дама.

— Однако, вы прежде не увидите его, пока не выслушаете меня.

— Время дорого; мнѣ некогда тратить его на выслушиваніе вашихъ домашнихъ дѣлъ.

— Моихъ, и вашихъ, маркиза.

— Я не знаю, мосье Бридо, — презрительно возразила маркиза, — что можетъ быть между нами общаго?

— Выслушайте меня...и вы узнаете,— прежнимъ спокойнымъ и почтительнымъ голосомъ возразилъ Бридо.

Маркиза сдѣлала нетерпѣливое движеніе, сняла шаль, перебросила ее черезъ спинку кресла, сѣла и произнесла сухо:

— Говорите... только не распространяйтесь.

Бридо молча поклонился.

— Не смотря на все желаніе мое сократить разсказъ, онъ будетъ довольно длиненъ, а потому прошу у васъ позволенія сѣсть. Я усталъ.

Маркиза слегка нахмурила брови, пожала плечами, и обративъ голову въ другую сторону, сказала отрывисто:

— Садитесь... вы у себя дома.

Бридо сѣлъ, придвинулъ свой стулъ къ креслу маркизы и послѣ краткаго молчанія сказалъ:

— Маркиза, у васъ есть сынъ, счастью котораго вы противитесь съ жестокою настойчивостью... Не прерывайте меня, маркиза, дайте мнѣ договорить, и тогда я буду готовъ выслушать ваши опроверженія и доводы. Вы приказали мнѣ не распространяться, а потому я прямо пойду къ цѣли: молодой маркизъ, вашъ сынъ, влюбленъ въ молодую сироту, вашу воспитанницу... Конечно, не соглашаясь на бракъ ихъ, вы повинуетесь законамъ свѣта, въ которомъ живете... однакожъ, неужели мнѣніе этого ничтожнаго, мишурнаго свѣта съ его противуприродными законами, дороже вамъ любви и счастія роднаго вашего сына?... Маркиза, я человѣкъ простой, мало образованный, но у меня есть сердце!... Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что видѣлъ сегодня вашего сына, знаю гдѣ онъ находится... я видѣлъ его и почти не узналъ; столько страданія и горести измѣнили его!.. видъ глубокой печали, написанной на лицѣ его, растерзалъ сердце мое... Маркиза, позвольте человѣку постороннему, чужому вамъ, быть посредникомъ между вами и сыномъ... Онъ любитъ, любитъ страстно... онъ доказалъ вамъ на дѣлѣ свою любовь къ молодой вашей воспитанницѣ... о, ради Бога, маркиза!.. Я готовъ на колѣняхъ умолять васъ, не разстроивайте счастія молодыхъ людей, согласитесь на ихъ бракъ!..

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ глубокимъ чувствомъ и такимъ умоляющимъ голосомъ, что тронули бъ всякаго; но маркиза оставалась холодною и послѣ краткаго молчанія спросила сухо:

— Вы кончили?

— Кончилъ;—отвѣчалъ Бридо, уныло опустивъ голову при жесткомъ, холодномъ выраженіи голоса маркизы.

— Позвольте жъ и мнѣ сказать вамъ два слова, а потомъ кончимте эту сцену, которая не только ни къ чему не ведетъ, но даже смѣшна; — сказала маркиза де Блессакъ;— во-первыхъ, мнѣ кажется страннымъ, что сынъ мой выбралъ *васъ* въ посредники между мною и имъ, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ...

— Сынъ вашъ не выбиралъ меня; я исполняю священный долгъ...

Маркиза презрительно улыбнулась:

— Напрасно, мосье Бридо; это исполненіе *священнаго долга* можетъ повредить вамъ; не я, а другіе могутъ подумать, что вы дѣйствуете не совсѣмъ безкорыстно...

Ѣдкій тонъ маркизы оскорбилъ добраго мелочнаго торговца; но, преодолѣвъ негодованіе, онъ возразилъ съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Можетъ быть эти *другіе* были бъ правы... Точно, маркиза, я дѣйствую не безкорыстно.

— Что это значитъ? — спросила маркиза, не ожидавшая подобнаго отвѣта.

— Послѣ узнаете, теперь моя очередь слушать, а ваша говорить; вы изволили уже изложить первое ваше мнѣніе... Что же во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, — продолжала маркиза, — мнѣ кажется безразсудною ваша надежда, что я могу согласиться позволить сыну жениться на... дѣвушкѣ, неимѣющей ни роду, ни племени, въ жилахъ которой течетъ, можетъ быть, грязная кровь!..

— Ошибаетесь, маркиза; въ жилахъ мамзель Иды течетъ самая чистая аристократическая кровь...

нѣтъ этихъ качествъ въ предметѣ, душа ничего не отразитъ; какъ будто предмета и не было въ природѣ. Въ противномъ случаѣ — ни какое притворство не поможетъ; если душа, по какимъ либо постороннимъ поводамъ, вздумаетъ отразить достоинства, то, за невозможностію принять дѣйствительныя, отразитъ вымышленныя. Вотъ почему похвалы иныхъ людей обращаются во вредъ тому, кого хвалятъ. Тутъ же можно видѣть и причины, почему и хула тѣхъ же людей не имѣетъ никакого вѣса и послѣдствій. На этихъ психическихъ началахъ основано множество нравственныхъ явленій. Отъ чего, на примѣръ, для иныхъ дымъ простой, но даровой цыгарки, слаще дыма лучшей гаванской? — Отъ чего, напримѣръ, Видокъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было о томъ, какая на дворѣ погода, отводилъ всегда собесѣдника въ сторону и безпрестанно оглядывался? — Отъ чего Лафатеръ, встрѣчая лице, въ общихъ чертахъ имѣвшее сходство съ его собственнымъ, ручался въ добродушіи своего субъекта? Подобныхъ вопросовъ тьма и всѣ могутъ служить психологическимъ оправданіемъ мысли, о которой мы нечаянно вспомнили. Она можетъ быть примѣнена не только къ качествамъ, но и наклонностямъ человѣка къ какому либо исключительному занятію...

⁂ По этому, мы вспомнили анекдотъ о Лебедевѣ. Однажды въ Римѣ прибѣгаетъ онъ въ сильномъ волненіи къ одному знаменитому живописцу, торопливо вынимаетъ изъ рабочей сумки этюдъ развѣсистаго дуба, и показываетъ его издали, пламеннымъ взоромъ глядя на хозяина... Ну, что же тутъ такого удивительнаго! сказалъ хозяинъ: Дубъ, вотъ и все тутъ. — Самъ ты дубъ послѣ этого, закричалъ Лебедевъ и убѣжалъ домой. — Для иного дубъ, для другаго букашка, для третьяго звѣзды небесныя — составляютъ весь міръ, исключаютъ всѣ другіе предметы.

⁂ Кстати о звѣздахъ. Мы видѣли уже отпечатанное описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи, составленное г. Струве. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода этого важнаго и любопытнаго сочиненія. Оно украшено заглавнымъ видомъ зданія. Подробности объяснены въ чертежахъ.

⁂ Фультонъ, какъ извѣстно каждому, не изобрѣталъ паровъ. Первыхъ паровыхъ машинокъ такъ много, что даже Уата невозможно признать изобрѣтателемъ паровой движущей силы, но безспорно ему принадлежитъ честь примѣненія къ практикѣ этого изобрѣтенія въ размѣрахъ болѣе обширныхъ. Фультонъ уже въ 1807 году примѣнилъ силу паровъ къ судоходству и съ тѣхъ поръ пароходы покрыли моря, вошли во флоты, куда ихъ долго не допускали; въ Россіи они показались довольно поздно, но за то теперь быстро размножаются. Образовалось нѣсколько обществъ пароходства. На дняхъ получитъ начало новое почтовое пароходство между С. Петербургомъ и Штеттиномъ. Все уже готово: домъ, пристань, пароходы, мебели, серебро, мѣдь, посуда; но все это такъ хорошо, такъ обдумано, такъ удобно, что мы погрѣшили бы противу нашихъ обязанностей, еслибы не помѣстили объ этомъ учрежденіи подробной статьи, — которая уже изготовляется.

БЕЗУМНАЯ.

(Окончаніе).

VIII.

Въ небольшой, простенькой комнаткѣ, въ домѣ Бридо, стояла большая кровать съ полосатыми ситцевыми занавѣсками. Возлѣ кровати стояло широкое, просторное кресло.

Въ комнатѣ было темно. На улицѣ не слышно было ни малѣйшаго шума, не видно было ни одного огонька. Только одинокая луна, освѣщая пустынныя улицы и молчаливыя массы домовъ, медленно катила свой серебристый кругъ по темносинему небу...

Вдругъ, ночное безмолвіе было прервано отдаленнымъ стукомъ скоро ѣхавшаго экипажа. Посреди тишины и въ пустыхъ улицахъ, стукъ этотъ подобенъ былъ страшному треску.

Въ то же самое время, въ комнаткѣ послышался глубокій вздохъ и въ слѣдъ за тѣмъ съ кресла поспѣшно поднялся молодой человѣкъ. Приложивъ ухо къ самой занавѣскѣ кровати, онъ прислушивался, и такъ какъ опять наступила тишина, то онъ готовился уже опуститься назадъ въ кресло, но послышался вторичный вздохъ, сопровождаемый легкимъ стономъ и невнятными словами. Молодой человѣкъ слегка отдернулъ занавѣску...

— Альфонсъ!.. — произнесла молодая дѣвушка едва слышнымъ голосомъ и протянувъ впередъ руку.

Молодой человѣкъ тихо взялъ протянутую къ нему руку... она была влажна, горѣла и дрожала... Опершись на руку Альфонса, молодая дѣвушка привстала, откинула назадъ распущенные волосы, опустившіеся къ ней на лицо, и повторяла болѣе твердымъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Альфонсъ!..

— Я здѣсь... съ тобою... моя Ида!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ любви и грусти.

— Какой тяжкій сонъ... о, да! очень тяжкій!.. и Ида опустила голову на лѣвую руку; но теперь я вспоминаю... все... сначала я очень страдала... а потомъ мнѣ было такъ пріятно... я была счастлива... Альфонсъ, ты здѣсь?.. неправда ли?.. Теперь мы ужъ не разстанемся?.. Никто не разлучитъ насъ?..

— Никто!.. ни даже смерть! — отвѣчалъ маркизъ съ отчаянною рѣшимостью.

— Смерть...—повторила Ида,—смерть... Альфонсъ, скажи мнѣ, ты не боишься смерти?.. Скажи?...

— Зачѣмъ думать о смерти, когда мы такъ счастливы!.. сказалъ маркизъ, прижавъ руку молодой дѣвушки къ своему сердцу.

— Мы счастливы?.. съ изумленіемъ спросила Ида;—но Альфонсъ... помоги мнѣ припомнить... у меня память такъ слаба стала... воспоминанія мои о прошедшемъ такъ неопредѣленны, такъ неясны... Скажи же мнѣ: теперь мы счастливы—а прежде?

— Ида... не распрашивай меня... ты еще такъ слаба... говорилъ Альфонсъ, начинавшій понимать, что молодая дѣвушка перенесла сильный кризисъ, въ слѣдствіе котораго она по немногу приходила въ себя.

— Я слаба?.. продолжала Ида съ настойчивостью и страннымъ любопытствомъ человѣка, который послѣ опасной горячки желаетъ знать всѣ подробности своей болѣзни;—развѣ я была нездорова?..

— Да, ты была очень нездорова...

— А—а! протяжно произнесла молодая дѣвушка; потомъ послѣ краткаго молчанія и размышленія, она продолжала:—да, да... теперь я помню; я была очень больна... и тебя, Альфонсъ, не было со мною... потомъ... я была на краю могилы... и смерть не была мнѣ страшна!.. потому что я не надѣялась болѣе увидѣться съ тобою... но, Альфонсъ, ты не отвѣтилъ на мой вопросъ: боишься ли ты смерти?..

— Кто начинаетъ только жить, отъ того смерть далека,—уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ, — а мы съ тобой начинаемъ жить новою жизнью...

— Жить... грустно; жизнь... горька; — задумчиво произнесла Ида; потомъ она продолжала съ постепенно возраставшимъ фанатическимъ восторгомъ:—одна смерть утѣшительна, сладка...почему же ее и называютъ концомъ страданій человѣческихъ?.. Потому что за предѣлами гроба начинается благополучіе... земная жизнь наша только служитъ цѣною, которою мы должны искупить жизнь вѣчную и съ нею радости небесныя! Тамъ миръ, тамъ тишина, тамъ счастіе!.. Здѣсь одно лишь горе, горе, горе!.. Альфонсъ!—вскричала молодая дѣвушка, схвативъ обѣ руки маркиза и привлекая его къ себѣ: —Боишься ли ты смерти?.. Отвѣчай, я хочу это знать!..

—Съ тобою, Ида, и смерть мнѣ не страшна!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ, обезпокоенный лихорадочнымъ состояніемъ Иды.

— Со мною... разумѣется!.. И я безъ тебя не хочу умирать... но съ тобою... какое блаженство!.. Альфонсъ, — прибавила она рѣшительно,—умремъ.

Молодая дѣвушка вскочила съ постели. Въ это самое время широкій лучъ луны освѣтилъ стѣну, противуположную окнамъ. Соскочивъ съ постели, Ида очутилась посреди этого луча и вся была какъ бы облита блѣднымъ синеватымъ свѣтомъ, придававшимъ ей видъ неземный, воздушный...

Она прижалась къ груди Альфонса, опустила обѣ руки на плечи его и, склонивъ голову на одну сторону, сказала:

— Альфонсъ... ты молчишь?.. Тебѣ жаль разстаться съ жизнію... Правда, Альфонсъ, правда... ты долженъ остаться на землѣ... у тебя есть мать... родные... ты долженъ жить для чести рода своего... ты долженъ жить, чтобы поддержать знатное имя... правда... ты сейчасъ говорилъ мнѣ о счастіи.. —Ида уныло опустила голову,—у тебя, Альфонсъ, доброе сердце... ты хотѣлъ утѣшить меня... но теперь я сама все вспомнила; мы не можемъ быть счастливы... на землѣ; только тамъ... но нѣтъ, ты долженъ жить... я одна буду ждать тебя тамъ; потому что, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ты, Альфонсъ, долженъ жить, я должна разстаться съ землею... только тамъ, на небѣ, я узнаю свою мать.... своего отца... здѣсь же у меня никого нѣтъ... никого!.. и ты долженъ здѣсь отказаться отъ меня...

— Никогда, Ида, никогда!.. ты мнѣ дороже жизни... вскричалъ молодой человѣкъ съ жаромъ.

— А мать твоя?.. спросила Ида тихимъ голосомъ и опустившись въ кресло.

Альфонсъ поднялъ глаза къ небу, но въ то же мгновеніе они невольно остановились на противуположной стѣнѣ... стѣна эта была безъ всякихъ украшеній, обитая сѣренькими

обоями и только посрединѣ ея висѣлъ грудной портретъ женщины, освѣщенный въ это время луною.

Маркизъ не спускалъ взора съ этого портрета; имъ овладѣлъ суевѣрный страхъ, и схвативъ руку Иды, онъ другою, дрожащею рукою, молча показалъ ей портретъ.

Молодая дѣвушка сначала равнодушно подняла глаза, потомъ мало по малу какъ бы впивалась взоромъ въ портретъ, медленно приподымаясь съ кресла... потомъ ступила шагъ впередъ, судорожно схватила руку маркиза, крѣпко сжала ее и опустившись на колѣни, вскричала:

— Альфонсъ!.. это *она!..*

— Кто?.. Кто? спросилъ Альфонсъ съ сильнымъ волненіемъ.

— Та,—отвѣчала рыдая Ида,—которую я видѣла только два раза въ жизнь свою... когда я была еще ребенкомъ... которая обнимала и цѣловала меня... какъ обнимаетъ и цѣлуетъ только мать!..

И рыдая молодая дѣвушка встала и бросилась къ портрету... Луна освѣтила ее... и странно, и поразительно было сходство молодой дѣвушки съ портретомъ, медленно закачавшимся отъ поцѣлуевъ, которыми осыпала его Ида...

Вдругъ, она отошла отъ портрета и обратившись къ маркизу, спросила голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Альфонсъ!.. ради Бога... скажи, гдѣ мы? Чей это домъ? Кому принадлежитъ этотъ портретъ... говори!..

Но маркизъ не слышалъ словъ молодой дѣвушки... сердце его сильно билось... онъ прислушивался къ стуку подъѣхавшей къ дому Бридо кареты... крѣпко сжавъ руку Иды, онъ произнесъ едва слышнымъ, задыхающимся голосомъ:

— Умоляю тебя, Ида, успокойся... ты скоро все узнаешь... теперь наступила минута, которая должна рѣшить нашу участь... жить намъ или умереть вмѣстѣ!..

— Жить... если *она* жива!.. Умереть... если *она* тамъ! — произнесла Ида, указавъ на небо.—Я буду молчать и ждать,—прибавила она съ покорностью, подойдя къ кресламъ и опустившись въ нихъ.

Альфонсъ сѣлъ у ногъ ея.

Наступило мертвое молчаніе....

Только съ улицы слышалось храпѣніе усталыхъ лошадей, да въ сосѣдней комнатѣ отворялись и затворялись двери; потомъ кто-то подвинулъ кресло и опять все утихло.

Минуту спустя, послышался тихій разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Можно было слышать каждое слово.

И маркизъ, и Ида съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за разговоромъ...

IV.

Жерве только-что начиналъ засыпать. Воображенію его, сильно взволнованному происшествіями того дня и ликеромъ, рисовались во снѣ разные ужасы. Онъ бормоталъ несвязныя слова, перевертывался съ боку на бокъ, какъ вдругъ стукъ экипажа, подъѣхавшаго къ дому, разбудилъ его. Онъ вскочилъ, съ испугомъ сталъ протирать глаза и озираться по сторонамъ.

Старая кухарка, уступившая убѣдительнымъ просьбамъ прикащика, особенно, когда онъ обѣщалъ удѣлить ей тайкомъ отъ хозяина фунтикъ кофею, спала богатырскимъ сномъ. Позволивъ молодому человѣку спать въ одной съ нею комнатѣ, старая кухарка сочла, однакожъ, необходимымъ, оградить добродѣтель свою условіемъ, не плотно затворять двери изъ кухни въ корридоръ.

За этой самой, полурастворенной дверью, Жерве услышалъ чьи-то шаги и обмеръ отъ ужаса. По счастію онъ вспомнилъ, что хозяинъ его вышелъ со двора, и мысль, что, вѣроятно, это онъ возвращался домой, нѣсколько успокоила его. Онъ плотнѣе закутался въ одѣяло, перевернулся лицомъ къ стѣнѣ, постарался заткнуть уши и вскорѣ уснулъ.

Жерве не ошибся. Точно, — Бридо возвращался домой, но онъ былъ не одинъ. Онъ проводилъ наверхъ какую-то даму, гордой, величественной осанки, которая молча шла за нимъ. Бридо ввелъ эту даму, одѣтую въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ небольшую гостинную, заперъ за собою дверь и придвинувъ кресло, знаками просилъ ее сѣсть.

— Къ чему эти предосторожности? Эта торжественная церемоніальность? — спросила дама, не садясь еще въ кресло, поданное ей мелочнымъ торговцомъ.

— Я уже имѣлъ честь доложить вамъ, маркиза, — отвѣчалъ Бридо тихимъ, но твердымъ голосомъ, — что имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное.

— Для меня теперь нѣтъ ничего важнѣе свиданія съ сыномъ, — сухо возразила дама.

— Однако, вы прежде не увидите его, пока не выслушаете меня.

— Время дорого; мнѣ некогда тратить его на выслушиваніе вашихъ домашнихъ дѣлъ.

— Моихъ, и вашихъ, маркиза.

— Я не знаю, мосье Бридо, — презрительно возразила маркиза, — что можетъ быть между нами общаго?

— Выслушайте меня...и вы узнаете,—прежнимъ спокойнымъ и почтительнымъ голосомъ возразилъ Бридо.

Маркиза сдѣлала нетерпѣливое движеніе, сняла шаль, перебросила ее черезъ спинку кресла, сѣла и произнесла сухо:

— Говорите... только не распространяйтесь.

Бридо молча поклонился.

— Не смотря на все желаніе мое сократить разсказъ, онъ будетъ довольно длиненъ, а потому прошу у васъ позволенія сѣсть. Я усталъ.

Маркиза слегка нахмурила брови, пожала плечами, и обративъ голову въ другую сторону, сказала отрывисто:

— Садитесь... вы у себя дома.

Бридо сѣлъ, придвинулъ свой стулъ къ креслу маркизы и послѣ краткаго молчанія сказалъ:

— Маркиза, у васъ есть сынъ, счастью котораго вы противитесь съ жестокою настойчивостью... Не прерывайте меня, маркиза, дайте мнѣ договорить, и тогда я буду готовъ выслушать ваши опроверженія и доводы. Вы приказали мнѣ не распространяться, а потому я прямо пойду къ цѣли: молодой маркизъ, вашъ сынъ, влюбленъ въ молодую сироту, вашу воспитанницу... Конечно, не соглашаясь на бракъ ихъ, вы повинуетесь законамъ свѣта, въ которомъ живете... однакожъ, неужели мнѣніе этого ничтожнаго, мишурнаго свѣта съ его противуприродными законами, дороже вамъ любви и счастія роднаго вашего сына?... Маркиза, я человѣкъ простой, мало образованный, но у меня есть сердце!... Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что видѣлъ сегодня вашего сына, знаю гдѣ онъ находится... я видѣлъ его и почти не узналъ; столько страданія и горести измѣнили его!.. видъ глубокой печали, написанной на лицѣ его, растерзалъ сердце мое... Маркиза, позвольте человѣку постороннему, чужому вамъ, быть посредникомъ между вами и сыномъ... Онъ любитъ, любитъ страстно... онъ доказалъ вамъ на дѣлѣ свою любовь къ молодой вашей воспитанницѣ... о, ради Бога, маркиза!.. Я готовъ на колѣняхъ умолять васъ, не разстроивайте счастія молодыхъ людей, согласитесь на ихъ бракъ!..

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ глубокимъ чувствомъ и такимъ умоляющимъ голосомъ, что тронули бъ всякаго; но маркиза оставалась холодною и послѣ краткаго молчанія спросила сухо:

— Вы кончили?

— Кончилъ;—отвѣчалъ Бридо, уныло опустивъ голову при жесткомъ, холодномъ выраженіи голоса маркизы.

— Позвольте жъ и мнѣ сказать вамъ два слова, а потомъ кончимте эту сцену, которая не только ни къ чему не ведетъ, но даже смѣшна; — сказала маркиза де Блессакъ;— во-первыхъ, мнѣ кажется страннымъ, что сынъ мой выбралъ *васъ* въ посредники между мною и имъ, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ...

— Сынъ вашъ не выбиралъ меня; *я исполняю* священный долгъ...

Маркиза презрительно улыбнулась:

— Напрасно, мосье Бридо; это исполненіе *священнаго долга* можетъ повредить вамъ; не я, а другіе могутъ подумать, что вы дѣйствуете не совсѣмъ безкорыстно...

Ѣдкій тонъ маркизы оскорбилъ добраго мелочнаго торговца; но, преодолѣвъ негодованіе, онъ возразилъ съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Можетъ быть эти *другіе* были бъ правы... Точно, маркиза, я дѣйствую не безкорыстно.

— Что это значитъ? — спросила маркиза, не ожидавшая подобнаго отвѣта.

— Послѣ узнаете, теперь моя очередь слушать, а ваша говорить; вы изволили уже изложить первое ваше мнѣніе... Что же во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, — продолжала маркиза, — мнѣ кажется безразсудною ваша надежда, что я могу согласиться позволить сыну жениться на... дѣвушкѣ, неимѣющей ни роду, ни племени, въ жилахъ которой течетъ, можетъ быть, грязная кровь!..

— Ошибаетесь, маркиза; въ жилахъ мамзель Иды течетъ самая чистая аристократическая кровь...

— Развѣ вы знаете? — съ изумленіемъ и любопытствомъ вскричала маркиза.

— Знаю; но объ этомъ послѣ. Извольте продолжать; въ третьихъ?

— Въ третьихъ... въ третьихъ этотъ разговоръ мнѣ надоѣдаетъ, онъ только волнуетъ мою кровь...а потому кончимте его и скажите гдѣ мой сынъ? — съ досадой и нетерпѣніемъ отвѣчала маркиза.

— Маркиза, до сихъ поръ разговоръ нашъ былъ только введеніемъ къ главному предмету моему, а потому я покорнѣйше долженъ просить васъ потерпѣть еще одну минуту. Вы недовольны этимъ?.. Что дѣлать?.. Дѣло чрезвычайно важное и серьозное. Приступимъ прямо ко второй причинѣ вашего отказа. Вы говорите, что мамзель Ида плебейскаго происхожденія?.. Могу увѣрить васъ въ противномъ... и повторяю, что въ жилахъ ея течетъ самая аристократическая кровь; — послѣднія слова Бридо произнесъ съ горькой, иронической усмѣшкой: — не пожимайте плечами, маркиза, — продолжалъ мелочной торговецъ, замѣтивъ презрительное движеніе знатной дамы, — еслибъ у меня не было доказательствъ, то я и не рѣшился бъ объяснять вамъ этого. Прошу васъ покорно, маркиза, слушайте со вниманіемъ. Былъ у меня добрый другъ... такой же купецъ, какъ и я. У этого друга была жена, отецъ которой былъ разорившійся дворянинъ. Бѣдный купецъ сдѣлалъ большую ошибку, женившись на знатной дѣвушкѣ: онъ воображалъ, что она любила его, между тѣмъ какъ бѣдняжка только пожертвовала собою, потому что у престарѣлой матери ея часто не бывало куска хлѣба. Хотя купецъ и понялъ вскорѣ послѣ женитьбы отношенія жены его къ нему, но не унывалъ: кротостью, добрымъ обращеніемъ, любовію и совершенною преданностью надѣялся онъ пріобрѣсть, если и не любовь, то, по крайней мѣрѣ, дружбу своей жены. Она была настоящій ангелъ... представьте себѣ дѣвушку лѣтъ осьмнадцати, невинную какъ...

— Не распространяйтесь, мосье Бридо, — нетерпѣливо замѣтила маркиза.

— Извините, маркиза, отвѣчалъ Бридо, и послѣ краткаго молчанія продолжалъ: — Надежда друга моего не сбылась. Жена обходилась съ нимъ кротко, какъ покорная жертва, и часто, очень часто плакала наединѣ.. — мелочный торговецъ глубоко вздохнулъ; — Другъ мой по торговымъ дѣламъ долженъ былъ отлучиться изъ Парижа. Жена плакала при разлукѣ съ нимъ, не потому, что онъ уѣзжалъ... а потому, что она всегда плакала. Онъ уѣхалъ. Дѣла задержали его очень долго. Сначала онъ часто переписывался съ женою, но въ послѣдствіи она стала писать рѣже и рѣже. Наконецъ, по прошествіи года, онъ цѣлые три мѣсяца тщетно ожидалъ отвѣта на свои частыя письма. Мучимый безпокойствомъ, терзаемый неизвѣстностью о томъ, что дѣлала его жена, другъ мой, не окончивъ запутанныхъ, но весьма важныхъ для него дѣлъ, воротился въ Парижъ. Полтора года онъ не видалъ жены, а потому, по выходѣ изъ дилижанса, поспѣшно побѣжалъ домой... Увы! тамъ ожидало его горе, одно горе!... Онъ не узнавалъ жены, такъ она измѣнилась. При входѣ его, она съ ужасомъ поднялась со стула, на которомъ сидѣла, задрожала, поблѣднѣла и вперила неподвижный взоръ въ мужа... Онъ не ожидалъ такого пріема. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но она съ трепетомъ протянула впередъ руки и умоляющимъ взоромъ какъ бы просила его не подходить... потомъ глаза ея стали медленно закрываться и она лишилась чувствъ!...

Швейцарскія хижины умалишенныхъ женщинъ, въ Сальпетріерѣ.

Бридо закрылъ лицо руками и замолчалъ. Этотъ разсказъ произвелъ впечатлѣніе на маркизу, а потому, промолчавъ минуту, она спросила съ нѣкоторымъ участіемъ:

— Что же дальше?

— Несчастную уложили на кровать... ее расшнуровали... и тогда...тогда мужъ узналъ, что она была беременна!... Послѣднія слова Бридо произнесъ задыхающимся голосомъ и со сверкавшими во мракѣ глазами.

— Беременна!.. повторила маркиза, всплеснувъ руками.

— Тогда послѣдняя нить, связывавшая несчастнаго купца съ преступной, прервалась... продолжалъ Бридо — но она не услыхала отъ него ни одного упрека... ни одного выговора... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она родила дочь. Это обстоятельство опять растравило раны несчастнаго мужа и ввергло его въ такіе припадки бѣшенства, что онъ чуть не лишился ума. Въ одинъ изъ этихъ припадковъ, въ умѣ его сверкнула жестокая, ужасная мысль. Я забылъ вамъ сказать, что онъ узналъ имя виновника своего позора. То былъ знатный вельможа, графъ... но къ чему вамъ знать его имени?.. Графъ, знавшій отца... жены моего друга; случайно встрѣтившійся съ нею послѣ ея женитьбы и обольстившій несчастную, которая въ самомъ дѣлѣ страстно, пламенно любила его!... Сначала другъ мой хотѣлъ вызвать графа на дуэль, но не желая разглашать своего позора, а... быть можетъ... и изъ трусости, отказался отъ этого намѣренія и придумалъ другое мщеніе... Въ одинъ вечеръ плодъ преступной любви, невинный ребенокъ, исчезъ изъ колыбели....

— Говорите, говорите!... вскричала маркиза.

— Утромъ, знатная и богатая маркиза де Блессакъ приняла подъ свое покровитель-

ство и на свою отвѣтственность несчастнаго подкидыша!...

— Но, скажите, скажите... Кто отецъ?.. спросила маркиза де Блессакъ съ любопытствомъ.

— Повторяю вамъ, что онъ графъ и что мать бѣдной дѣвушки происходитъ также отъ древней, но обѣднѣвшей дворянской фамиліи...

— Но доказательства?

— Я уже сказалъ вамъ, что не сталъ бы и говорить, еслибъ не имѣлъ самыхъ вѣрныхъ, положительныхъ доказательствъ,—отвѣчалъ Бридо, вынимая изъ боковаго кармана бумажникъ, — тутъ хранятся документы....

— Давайте ихъ сюда!... вскричала маркиза, съ живостію протянувъ руку впередъ. Но вдругъ она остановилась, опустила руку и, пожавъ плечами, продолжала небрежно: — Впрочемъ, это ни къ чему не послужитъ. Я никогда не соглашусь!.. Никогда.

Послѣднее слово было произнесено такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что Бридо, поднявъ голову и пристально взглянувъ на маркизу, сказалъ:

— А если самъ отецъ мамзель Иды будетъ просить васъ?

— Я останусь непреклонною.

— Но вы забываете, маркиза, что вашъ сынъ совершеннолѣтній и можетъ обойтись безъ вашего позволенія?...

Маркиза бросила гордый, жесткій взглядъ на Бридо и отвѣчала строгимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Вы забываете, мосье Бридо, что проклятіе матери ужасно!...

— О, маркиза! вскричалъ мелочной торговецъ съ невольнымъ трепетомъ.

Наступила минута грознаго молчанія, но вдругъ и маркиза, и мелочной торговецъ вздрогнули... На дворѣ страшно залаяла и завыла собака... а потомъ...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ раздался страшный выстрѣлъ...

— Маркиза!... вскричалъ Бридо съ ужасомъ, схвативъ руку маркизы, поспѣшно вскочившей съ кресла.—Маркиза!... вы будете отвѣчать предъ Господомъ!... Мнѣ оставалось сказать вамъ одно слово: Ида дочь вашего брата, графа Шамбри!...

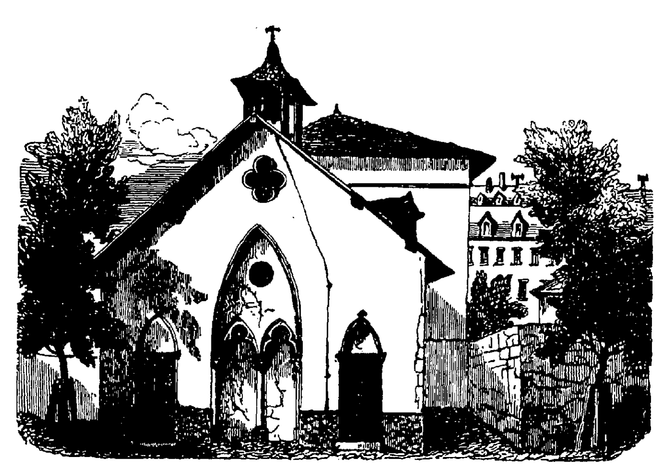
— Возможно ли!

На лѣстницѣ послышался страшный крикъ, между тѣмъ какъ маркиза опять опустилась въ кресла въ изнеможеніи, закрывъ лицо руками.

Бридо бросился въ сосѣднюю комнату, но въ то же время за дверью, выходившею на лѣстницу, послышался голосъ Жерве, кричавшаго съ ужасомъ:

— Хозяинъ, отоприте, отоприте!... Что-то ужасное случилось!...

Музыкальная зала въ Сальпетріерѣ.



Часовня въ Сальпетріерѣ.

Мелочной торговецъ возвратился къ маркизѣ и, схвативъ руку ея, повторилъ:

— Маркиза, вы одни будете отвѣтствовать предъ Господомъ въ смерти сына!...

— Что вы говорите!... вскричала знатная дама съ отчаяніемъ.

— Пойдемте, пойдемте за мною... говорилъ Бридо, между тѣмъ какъ Жерве ногами и руками ломился въ дверь. Хозяинъ отворилъ ее и молодой человѣкъ вбѣжалъ въ комнату, въ ночномъ колпакѣ и коротенькомъ полосатомъ шлафрокѣ.

— Хозяинъ!... закричалъ онъ дребезжащимъ голосомъ: — слышали ли вы выстрѣлъ?... Вдругъ, замѣтивъ маркизу де Блессакъ, Жерве отскочилъ, закричавъ:—Ахъ ты Господи, злая маркиза!... Но опомнившись, онъ снялъ колпакъ, шаркнулъ и не зная какъ поправиться, повторилъ, обратившись къ хозяину: слышали ли вы выстрѣлъ?

— Слышалъ, слышалъ!... вскричалъ Бридо.

— Ради Бога, объясните... говорила маркиза умоляющимъ голосомъ.

— Въ этой комнатѣ, — отвѣчалъ Бридо, указавъ на свою спальню, — былъ вашъ сынъ...

— Что вы говорите!... съ ужасомъ вскрикнула маркиза, — сынъ мой, сынъ мой!

Съ громкимъ крикомъ, подобно болѣзненному воплю, вырвавшемуся изъ груди ея, бросилась она къ спальнѣ.

Вдругъ дверь отворилась... на порогѣ стоялъ Альфонсъ.

— Альфонсъ! сынъ мой!... ты живъ!... вскричала съ невыразимымъ восторгомъ маркиза, бросившись въ объятія сына...

Послѣ продолжительнаго, торжественнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями маркизы и шопотомъ Жерве, старавшагося обратить на себя вниманіе своего хозяина, Альфонсъ взялъ мать свою за руку, не произнося ни слова ввелъ ее въ спальню и съ глубоко умоляющимъ видомъ молча указалъ на молодую дѣвушку.

Ида, съ потупленною головою и накрестъ сложенными на груди руками, стояла на колѣняхъ на коврѣ, возлѣ кровати...

Маркиза простояла нѣсколько секундъ въ молчаніи... различныя ощущенія боролись въ душѣ ея... Наконецъ, она тихо ступила два шага... подала руку молодой дѣвушкѣ и произнесла тихимъ голосомъ и какъ бы съ усиліемъ:

— Ида... обними меня... дочь моя!...

. . . .

X.

— Хозяинъ, а хозяинъ!—говорилъ Жерве, дергая Бридо за рукавъ, между тѣмъ какъ маркиза осталась одна въ спальнѣ съ молодыми людьми,—хозяинъ, слышали ли вы выстрѣлъ?..

— Какой выстрѣлъ? — спросилъ хозяинъ, забывшій отъ радости объ обстоятельствѣ, которое за минуту столько испугало всѣхъ.

— Пистолетный,—наивно отвѣчалъ Жерве,—неужто вы не слышали?.. А меня такъ, просто, оглушило!..

— Ахъ, да!—сказалъ мелочной торговецъ,—кто выстрѣлилъ?

— Я... то есть не я... а пистолетъ... я развѣ зналъ, что онъ былъ заряженъ?..

— Какой пистолетъ? Гдѣ ты его досталъ?

— Извольте видѣть, собака наша сначала такъ страшно стала лаять, а потомъ выть, что я не могъ никакъ заснуть... я долго вертѣлся съ боку на бокъ и, наконецъ, рѣшился идти посмотрѣть, что такое дѣлается на дворѣ. Выхожу... темно, страшно. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ запнулся за что-то... я спотыкнулся и въ то же время раздался страшный выстрѣлъ. Я думалъ, что меня прострѣлили насквозь какіе нибудь разбойники, закричалъ, повалился и минуту пролежалъ какъ мертвый. Наконецъ, я очнулся... ощупалъ себя и вижу... странное дѣло!.. что я живъ; только въ воздухѣ пахло жженымъ порохомъ. Я протянулъ руку, сталъ шарить по землѣ... вдругъ схватился за что-то холодное... я отдернулъ руку какъ отъ змѣи... Страшно!..

Съ этимъ словомъ Жерве сталъ потихоньку вынимать изъ кармана своего халата пистолетъ. Онъ хотѣлъ продолжать свой разсказъ, но былъ прерванъ маркизой, которая вмѣстѣ съ сыномъ и Идой вошла въ гостиную.

Начинало свѣтать. Слабое сѣроватое отраженіе прояснявшагося горизонта освѣщало комнату...

— Мосье Бридо,—сказала маркиза, ласково протянулъ мелочному торговцу руку,—вотъ дѣти мои... Они будутъ счастливы... Довольны ли вы мною?

Бридо не сказалъ ни слова, но съ жаромъ схватилъ руку маркизы и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Вишъ злая-то маркиза сегодня какая добренькая!.. проговорилъ Жерве.

— Но, мосье Бридо, вы не сказали мнѣ имени матери Иды?.. спросила тихимъ голосомъ маркиза.

— Это моя тайна,—отвѣчалъ Бридо, вздохнувъ.

— Я сейчасъ видѣла портретъ ея,—продолжала маркиза тихимъ голосомъ и пожавъ руку Бридо.

Онъ молча и съ грустію опустилъ голову...

П. Фурманъ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ.

Когда шайки пугачевской сволочи буйствовали въ губерніяхъ: Сибирской и Саратовской, то многіе изъ обывателей бѣжали въ Астрахань, спасая жизнь и часть увезеннаго ими имущества. Ужасъ воцарился и въ этомъ уединенномъ, окруженнымъ неизмѣримыми степями городѣ. Въ это время управлялъ астраханскою и саратовскою церковію преосвященный Меѳодій, архипастырь, уважаемой Государынею и народомъ. Слыша и видя смуту народную, Святитель облачился въ ризы, вышелъ на площадь и проклиналъ измѣнниковъ, увѣрялъ буйную, поколебавшуюся отъ нелѣпыхъ толковъ чернь, что Пугачевъ есть Донской Казакъ Емелька, что онъ *не увидитъ не только Астрахани, но и Чернаго Яра;* да будетъ проклятъ онъ, сообщники его и всѣ дѣла его! — Сбылось предсказаніе архипастыря: Пугачевъ вскорѣ разбитъ на голову, выше Чернаго Яра, въ 70 верстахъ. Преосвященный не зналъ объ этомъ; на другой день, послѣ разгрома толпы самозванца, архипастырь поутру велѣлъ торжественно колокольнымъ звономъ возвѣстить народу, что мятежникъ разбитъ, и, по совершеніи благодарственнаго молебна, цѣлый день производить колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города. Войска преслѣдовали стоглавую гидру: клевретовъ схватили; сообщниковъ, бѣжавшихъ, искали и розыскали, взяли подъ стражу и скоро участь ихъ была рѣшена. Въ числѣ этихъ людей, увлеченныхъ бѣдственною крамолою, къ сожалѣнію, нашлось много духовныхъ — изъ губерній: Казанской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и частію Тамбовской, почти со всего пространства, гдѣ буйствовала сволочь разбойника. Императрица отдала ихъ на судъ преосвященному Меѳодію, сказавъ: *къ чему онъ ихъ приговоритъ, такъ тому и быть.* 1775 году, въ маѣ мѣсяцѣ, привезли въ Астрахань, по Волгѣ, подсудимыхъ. Въ опредѣленный день, во 2 часу по полудни, ихъ вывели изъ темницъ, истомленныхъ неволею и обремененныхъ оковами, и при погребальномъ звонѣ колоколовъ, подъ прикрытіемъ стражи, привели ихъ къ собору, гдѣ собралось все астраханское духовенство. Жители всѣхъ сословій текли на это позорище, еще имъ неизвѣстное. Преосвященный вышелъ изъ кельи въ облаченіи, съ посохомъ, пошелъ къ собору, и ставши на раскатѣ, велѣлъ нещастнымъ приблизиться къ нему: окинувъ ихъ взоромъ, онъ горько прослезился и нѣсколько минутъ плакалъ; наконецъ сказалъ: Богъ и Всемилостивѣйшая Государыня васъ прощаютъ, и я, по данной мнѣ отъ Нея власти, прощаю васъ и разрѣшаю. —Потомъ преосвященный велѣлъ снять съ нихъ оковы, и, осѣнивъ ихъ благословеніемъ, велѣлъ имъ итти за собою въ соборъ, гдѣ было принесено благодарственное моленіе о здравіи Государыни, и звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался цѣлый часъ. Наконецъ, они освобождены изъ подъ стражи, выданы виды, съ коими они возвратились въ мѣста своего жительства, съ пособіемъ и отеческими наставленіями, вспоминая милосердіе Государыни и разскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ.

Эти люди не были упорные преступники и враги Престола и Отечества; это была толпа людей грубыхъ, омраченныхъ невѣжествомъ, безъ умысла измѣнившихъ своему долгу, однимъ страхомъ и силою увлеченныхъ въ вихрь крамолы, и потому болѣе жалкихъ, нежели достойныхъ кары. Они не участвовали въ разбояхъ. Потому Екатерина II-я, какъ милосердая мать народа, даровала имъ прощеніе.

МИССІОНЕРЪ ІОСИФЪ ВОЛЬФЪ

И ПЛѢННЫЕ АНГЛИЧАНЕ ВЪ БУХАРІИ.

Подвигъ, сопряженный съ невыразимыми трудностями, даже съ опасностію жизни, и исполненный съ самоотверженіемъ и неустрашимостью, вполнѣ заслуживаетъ удивленія; еслижъ притомъ побудительной причиной этого подвига было самое безкорыстное и благородное чувство благодарности, то, кромѣ удивленія, онъ заслуживаетъ еще участія и уваженія.

Къ такимъ подвигамъ принадлежитъ путешествіе въ Бухарію, предпринятое въ 1843 году миссіонеромъ Вольфомъ, для освобожденія двухъ въ плѣну и заточеніи находившихся офицеровъ, полковника Стоддарта и капитана Конолли.

Въ 1838 году лордъ Пальмерстонъ приказалъ англійскому посланнику при персидскомъ дворѣ, полковнику Шилю, выбрать между подчиненными ему чиновниками, человѣка неустрашимаго и способнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и немедленно отправить его въ Бухарію. Выборъ палъ на полковника Стоддарта, который вскорѣ и появился при дворѣ Эмира — для какой цѣли? неизвѣстно. Но какая бы она ни была, лорду Пальмерстону удалось ввесть ко двору сильнѣйшаго изъ всѣхъ мелкихъ правителей Средней Азіи, двухъ посланниковъ, уполномоченныхъ дѣйствовать въ пользу своей отчизны.

Мы уже коротко знакомы съ Стоддартомъ изъ «Странствователя по сушѣ и морямъ» нашего смѣлаго путешественника.

Положеніе полковника Стоддарта и капитана Конолли при дворѣ бухарскаго эмира мѣнялось съ обстоятельствами; они находились, то въ величайшей милости у эмира Насръ-Уллы, который совѣтовался съ ними во всѣхъ своихъ дѣлахъ, то въ величайшей немилости, и тогда заключали ихъ въ мрачную, сырую темницу, гдѣ они почти умирали съ голоду. Обстоятельства ихъ зависѣли отъ успѣховъ англійскаго оружія на берегахъ Индуса и въ Афганистанѣ; Эмиръ льстилъ англійскимъ агентамъ или терзалъ ихъ, смотря по мѣрѣ расширенія или уменьшенія англійской власти.

У полковника Стоддарта и капитана Конолли были между тѣмъ въ Англіи родственники и друзья, заботившіеся объ нихъ. Короткій другъ перваго, капитанъ Гроверъ, безпокоясь объ участи Стоддарта, рѣшился освободить его. Въ 1843 году онъ представилъ министру внѣшнихъ дѣлъ, лорду Эбердину, прошеніе, отправиться въ Бухарію въ качествѣ англійскаго посла и требовать у эмира освобожденія товарищей. Онъ получилъ отказъ, въ которомъ министръ отвѣчалъ ему, что онъ напрасно безпокоится объ участи двухъ офицеровъ, которые, вѣроятно, давно уже погибли.

Около того же времени, явился въ іюнѣ 1843 года, докторъ богословіи Іосифъ Вольфъ, съ предложеніемъ ѣхать въ Бухарію къ эмиру, котораго онъ лично зналъ, лишь бы ему доставили средство доѣхать туда; онъ ручался въ томъ, что уговоритъ эмира освободить плѣнныхъ пословъ,

не смотря на то, что въ то время Ковалевскій уже положительно объявилъ о казни Стоддарта и Коноллн, что было извѣстно Вольфу и друзьямъ казненныхъ; помыслъ, надежда, за которую цѣпляется человѣкъ до послѣдней крайности, надежда, что, Ковалевскій могъ быть обманутъ ложными свѣдѣніями, заставили Вольфа вызваться на свой благородный подвигъ, а друзей Стоддарта и Коноллн принять этотъ вызовъ.

Вольфъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія; родители его были еврейскаго происхожденія. Ребенкомъ онъ прибылъ въ Англію, принялъ христіанскую вѣру и въ Оксфордскомъ университетѣ кончилъ курсъ богословія. Занимая мѣсто пастора въ Іоркшейрѣ, онъ ревностно изучалъ восточные языки, и приготовившись достаточнымъ образомъ, предпринялъ и исполнилъ отъ 1823 — 1832 года путешествіе на Востокъ, въ Сирію, Курдистанъ, Персію, Бухарію. Желая распространить свѣтъ христіанской религіи между полудикими, варварскими племенами Средней Азіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и томился въ самой жестокой и ужасной неволѣ, когда случайно встрѣтивъ капитана Коноллн, былъ освобожденъ имъ.

Миссіонеръ не забылъ оказаннаго ему благодѣянія. Узнавъ объ несчастной участи капитана, онъ рѣшился всѣмъ пожертвовать и употребить всѣ усилія, чтобы спасти его.

Капитанъ Гроверъ немедленно доставилъ неустрашимому миссіонеру 500 фунтовъ стерлинговъ своихъ собственныхъ денегъ; но благородное, великодушное намѣреніе доктора нашло отголосокъ въ сердцахъ Англичанъ, и вскорѣ, по подпискѣ, собрана была сумма, необходимая Вольфу для приведенія въ исполненіе своего намѣренія; капитану же Гроверу была возвращена большая, доставленная имъ сумма, изъ которой была оставлена только небольшая часть, равная приношеніямъ другихъ особъ, принявшихъ живое участіе въ этомъ человѣколюбивомъ дѣлѣ.

Въ іюлѣ сумма была собрана, но приготовленія къ отъѣзду продолжались до средины октября.

Наконецъ, 14-го октября 1843 года, миссіонеръ Вольфъ сѣлъ въ Соземтонѣ на корабль «Иберія;» 20-го числа онъ былъ въ Гибралтарѣ, 26-го въ Мальтѣ, 29-го въ Аѳинахъ, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у греческаго короля, и отдохнувъ тамъ нѣсколько дней, отправился далѣе чрезъ Константинополь къ Трапезонду, у сѣвернаго берега Малой Азіи, куда онъ прибылъ въ началѣ декабря; услужливостію европейскихъ консуловъ, ему тотчасъ же доставлены были средства продолжать дорогу сухимъ путемъ до Бухаріи. Только отсюда начинается любопытная занимательность путешествія Вольфа. Изъ Трапезонда онъ отправился сперва въ Ерзерумъ, откуда отъ 12-го декабря писалъ слѣдующее:

«Такъ какъ у меня было письмо отъ господина Герчи, австрійскаго и русскаго консула въ Трапезондѣ, къ богатому армянину, Аракель-Чибуки-Оглу, — *сынъ трубочнаго мастера,* — то я и остановился у него на квартирѣ и встрѣтился тамъ съ армянскимъ архіепископомъ, весьма образованнымъ человѣкомъ, который сказалъ мнѣ, что онъ радъ случаю познакомиться съ «мистеръ Вольфомъ», о которомъ слышалъ такъ много хорошаго. Въ Ерзерумѣ 200 Армянъ, 200 мусульманъ, 400 Грековъ и 8 Армянъ-католиковъ. У Армянъ одна, а у Грековъ четыре церкви. Архіепископъ Гумушханскій имѣетъ вмѣстѣ и званіе Трапезондскаго архіепископа, и ежегодный доходъ его простирается только до 80 долларовъ (около 120 руб. сереб.). Изъ Гумушханы я выѣхалъ въ понедѣльникъ, 4-го декабря и переправившись черезъ рѣку, находящуюся передъ городомъ, поѣхалъ къ востоку по долинѣ, окруженной высокими горами и скалами. Мѣстоположеніе было прекрасное. Мы провели ночь въ жалкой лачужкѣ, а на другой день, около полудня, прибыли въ деревню Балагоръ, гдѣ я былъ радушно принятъ въ мрачномъ жилищѣ, съ круглой крышей, одного армянина, къ которому у меня было письмо отъ гумушханскаго архіепископа; 6-го декабря мы прибыли въ Байбутъ, окруженный высокими, голыми скалами; быстрая рѣка течетъ близъ города, населеннаго 400 мусульманами, 100 армянами и имѣетъ шесть мечетей и одну церковь. Тутъ есть карантинъ, въ которомъ на девять дней задерживаютъ турокъ и вообще всѣхъ путешественниковъ, пріѣзжающихъ изъ Турціи. Начальникомъ этого заведенія итальянскій врачъ, Луиджи Эрколани.

«7-го декабря. Сегодня мы прибыли въ селеніе Кобъ, гдѣ я долженъ былъ нанять двухъ людей, которые перенесли меня черезъ скалы покрытыя снѣгомъ. Семь часовъ спустя мы прибыли въ деревню Ашкалехъ, гдѣ надо было перебраться черезъ западный Евфратъ, называемый по турецки *Кара-Су* — черная вода. Въ Ашкалехѣ я встрѣтилъ двухъ дервишей изъ Бухаріи, которые разсказали мнѣ, что англійскіе офицеры еще живы и обучаютъ войска эмира европейскому военному артикулу.»

Сильный снѣжный вихрь и дурная погода замедлили выѣздъ Вольфа изъ Ерзерума, куда онъ прибылъ 16-го декабря. Проживъ десять дней, запасшись теплой одеждой и обувью, и получивъ отъ ерзрумскаго паши 1080, а отъ неизвѣстнаго 500 піастровъ дополнительныхъ денегъ къ суммѣ, собранной въ Англіи для путешествія его, Вольфъ смѣло направился чрезъ снѣжныя равнины къ Мулла-Солейману, куда онъ пріѣхалъ 1-го января 1844 года, нѣсколько разъ подвергаясь опасности быть разграбленнымъ кочующими Курдами. Наконецъ, 13-го января, онъ счастливо прибылъ въ Тавризъ и остановился у англійскаго генеральнаго консула. Проживающій въ Тавризѣ персидскій принцъ Баманъ-Мирза, пожелалъ видѣть миссіонера, принялъ живое участіе въ его предпріятіи, доставилъ ему средства къ безопасному проѣзду въ Тегеранъ и далъ рекомендательныя письма ко многимъ персидскимъ вельможамъ въ Тегеранѣ и Мешидѣ; такъ что 20-го января Вольфъ предпринялъ путешествіе въ Тегеранъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; 11 дней спустя, прибылъ онъ въ столицу Персіи. Великобританскій посланникъ при персидскомъ дворѣ, полковникъ Шиль, прекрасно принялъ миссіонера и выхлопоталъ ему аудіенцію у шаха, который принялъ его ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ полной увѣренности, что англійскіе офицеры были еще живы, хотя и томились въ заключеніи, докторъ Вольфъ съ пріятными надеждами отправился въ началѣ марта въ Бухарію, снабженный строгимъ наказомъ персидскаго шаха къ бухарскому эмиру немедленно освободить плѣнныхъ. Онъ счастливо достигъ Мешида, пограничнаго персидскаго города, гдѣ встрѣтилъ агента полковника Стоддарта, которому послѣдній повѣрилъ множество шалей и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, на сумму 2000 фунтовъ стерлинговъ, и который, по легко-понятнымъ причинамъ, клялся и божился, что полковникъ Стоддартъ и товарищъ его, давно уже лишены жизни. Не смотря на то, миссіонеръ съ большею поспѣшностію отправился къ своей цѣли, хотя со дня на день, и чѣмъ болѣе приближался къ Бухарѣ, терялъ надежду застать несчастныхъ соотечественниковъ въ живыхъ. Подъ конвоемъ туркоманновъ перешелъ онъ счастливо черезъ степь, и наконецъ, 25-го апрѣля прибылъ въ Бухару. Тамъ онъ узналъ утвердительно о смерти англійскихъ офицеровъ и написалъ въ началѣ мая къ капитану Гроверу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я пишу это письмо въ домѣ Наибъ-Заметъ-Хана, начальника артиллеріи его высочества бухарскаго эмира, искренняго и благороднаго друга всѣхъ Англичанъ — и въ присутствіи Махрама — перваго каммергера двора е. в. эмира; я пишу по оффиціальному повелѣнію эмира, которому долженъ предъявить переводъ моего письма, слѣдовательно ограничиваюсь описаніемъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ разсужденій и замѣчаній. 29-го апрѣля эмиръ далъ мнѣ знать, чрезъ вышеупомянутаго уже Наиба и въ присутствіи муллы Казема и Махрама, что въ мѣсяцѣ *Сарратанъ года 1259* — (Іюля 1842 года) — онъ приказалъ казнить полковника Стоддарта и капитана Коноллн. Перваго за то, что, во 1-хъ) онъ во многихъ случаяхъ дерзко обходился съ е. в. эмиромъ; во 2-хъ) онъ принялъ мусульманскую вѣру и потомъ опять перешелъ въ христіанскую; въ 3-хъ) онъ обѣщалъ доставить черезъ четыре мѣсяца письма изъ Англіи, въ которыхъ его признаютъ великобританскимъ посломъ; четыре мѣсяца прошло, писемъ не было, хотя эмиръ нарочно для полковника устроилъ почту. Что же касается до Коноллн, то онъ былъ казненъ за то, что возмутилъ противу бухарскаго эмира, Хивинцевъ и Коканцевъ; (*) Е. В. позволилъ мнѣ оставить Бухару 9-го мая. Изъ Мешида я доставлю вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Въ Англіи долго не хотѣли вѣрить этому письму, тѣмъ болѣе, что передъ отъѣздомъ своимъ Вольфъ объявилъ, что если не застанетъ офицеровъ въ живыхъ, то изъ Бухары не будетъ писать. Но такъ какъ въ письмѣ было сказано, что оно написано по приказанію эмира, то всѣ еще надѣялись. Но надежда эта была не продолжительна. Въ октябрѣ въ Лондонѣ было получено новое письмо отъ Вольфа, въ которомъ онъ подтверждалъ извѣстіе о смерти офицеровъ и писалъ, что онъ самъ находился въ крайней опасности. Письмо было отъ 27-го іюня и содержало съ себѣ слѣдующее:

«Вотъ уже два мѣсяца, какъ я прибылъ въ Бухару и хотя эмиръ не разъ обѣщалъ отправить меня обратно въ Англію, я нахожусь въ большой опасности. Я не иначе смѣю выдти на улицу, какъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ. Меня самымъ подлымъ образомъ обманули, обокрали и оскорбляютъ. Персидскій посолъ благоволитъ ко мнѣ, но я не думаю, чтобы онъ имѣлъ довольно власти, что бы спасти меня. Наибъ-Абдулъ-Суммукъ-Ханъ заставилъ меня насильственнымъ образомъ подписать обязательство, по которому я долженъ выплатить ему 5000 томановъ выкупу. Я полагаю, что онъ виновникъ смерти Стоддарта и Коноллн, хотя онъ и не перестаетъ увѣрять меня въ преданности своей Англіи. Эмиръ находится теперь въ Самаркандѣ и, мнѣ сказали, съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстія о моей смерти. Правда, что бѣдный Стоддартъ, принявшій по принужденію, мусульманское вѣроисповѣданіе, потомъ, открыто, опять воротился къ христіанской вѣрѣ. Позаботьтесь обо мнѣ; дѣлайте, что возможно, но не унижайте чести Англіи.»

Нѣсколько времени спустя въ англійскихъ газетахъ появилось еще письмо:

«Мешидъ, мѣсяца Шабана, 23-го дня. 1844.

«Любезный Гроверъ! Такъ какъ я не смѣлъ вести въ Бухарѣ своихъ записокъ, то и забылъ число христіанскаго мѣсяца!

«Не смотря на то, что коварный и низкій Наибъ-Абдулъ-Суммукъ-Ханъ взялъ съ меня обѣщаніе заплатить ему 5000 томановъ, меня казнили бъ, если бъ персидскій посланникъ Аббасъ — Кели-Ханъ не спасъ меня. Теперь я прибылъ въ Персію больной, измученный, ограбленный и, кромѣ того, съ долгомъ въ 5000 томановъ, который я долженъ заплатить брату Наибъ-Абдулъ-Суммукъ-Хана, проводившему меня въ Тегеранъ. Помогите мнѣ, если можно, а нѣтъ — такъ надо будетъ идти въ тюрьму. Эмиръ бухарскій отправилъ вмѣстѣ со мною посла въ Англію, а Наибъ, заставившій меня, окруженнаго стражей, въ своемъ саду, подписать обязательство на 5000 томановъ, заставилъ въ то же время подписать обѣщаніе, что я беру на себя всѣ путевыя издержки посла, отправляемаго въ Англію. Кромѣ того, этотъ посолъ возмутилъ противъ насъ, посреди степи, туркоманновъ, которымъ мы должны были выплатить 150 томановъ. Весь вашъ

«Іосифъ Вольфъ.»

Изъ другаго письма миссіонера Вольфа явствуетъ еще, что кромѣ Стоддарта и Коноллн, въ Бухарѣ былъ еще казненъ третій англійскій офицеръ, лейтенантъ Виборль, неизвѣстно по какимъ причинамъ.

Наконецъ, миссіонеръ прибылъ въ Тегеранъ, и слѣдовательно, спасенъ. Мы съ удовольствіемъ, можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что онъ теперь ужъ прибылъ въ Англію, гдѣ чествли и праздновали его возвращенія.

Дочери полковника Стоддарта получили пенсію въ 150 фунтовъ стерлинговъ.

(*) Пускай Коканцевъ, потому что Коноллн пріѣхалъ изъ Коканя, а ужъ Хивинцевъ почему?

Миссіонеръ Іосифъ Вольфъ.

Достъ Могамедъ.

Начальники Бухарскаго народа.

ПАМЯТНИКЪ ГЕТЕ

во Франкфуртѣ на Майнѣ.

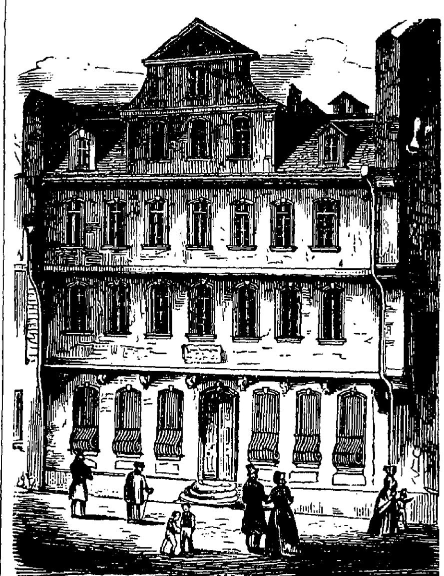
Разсматривая просвѣщенную жизнь народовъ, мы часто удивляемся моментамъ, проявляющимся въ ней, и которые внезапно, часто по неизвѣстнымъ причинамъ, приводятъ какое либо понятіе, какое либо направленіе, даже какую либо моду до лихорадочнаго, такъ сказать, состоянія, которое, большею частію, не долговременно.

Подобная манія или страсть, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, состояла въ Германіи, въ поклоненіи знаменитостямъ прошедшихъ вѣковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ *модѣ* воздвигать памятники великимъ *людямъ*, а въ особенности поэтамъ классическаго періода. За что тогда принялись поспѣшно и дѣятельно, все то счастливо достигло своей цѣли. Даже для баснословно историческаго воспоминанія, а именно для освобожденія Германіи отъ Римлянъ Арминіемъ, нашлись, для сооруженія ему памятника, столько людей, готовыхъ содѣйствовать этому дѣлу, что нельзя не удивляться духу общественности и согласія германскаго народа.

Въ послѣдствіи эта манія, разумѣется, ослабѣла. Нѣкоторые изъ начатыхъ памятниковъ остались недоконченными; планы и проэкты другихъ сохранились въ портфеляхъ и не были даже начинаемы; впрочемъ, послѣднему, быть можетъ, причиной колоссальное сооруженіе Кельнскаго собора, о которомъ мы уже говорили съ читателями въ послѣднихъ нумерахъ Иллюстраціи.

Для него были употреблены огромныя суммы; по подпискамъ и займамъ, между тѣмъ какъ Лессингъ, въ Брауншвейгѣ, и до сихъ поръ не дождется памятника.

Когда воздвигли въ Штутгардѣ памятникъ Фридриху Шиллеру, то и Франкфуртъ на Майнѣ долженъ былъ вспомнить, что онъ не отдалъ еще надлежащаго долга Іоханну, Вольфгангу Гете. Тамъ родился великій поэтъ 28 августа 1749 года. Уже при жизни Гете нѣкоторые поклонники его изъ-



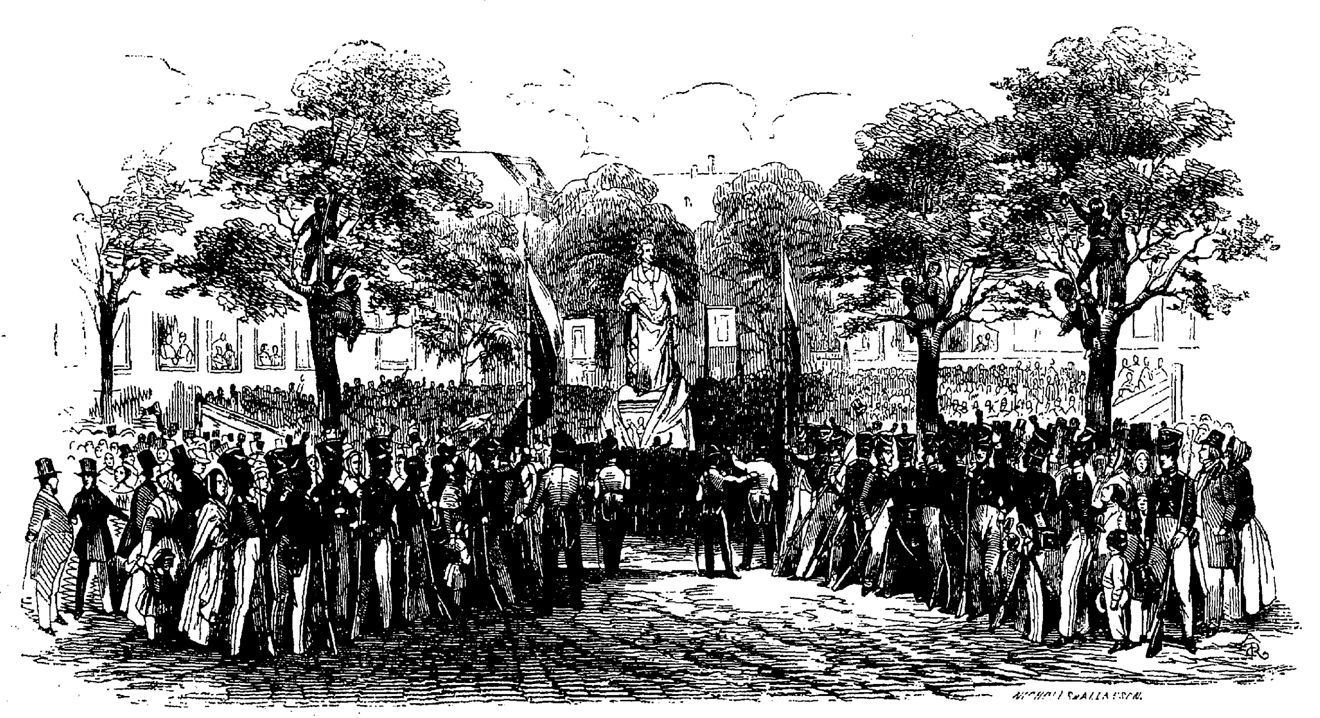
Домъ, гдѣ родился Гете.

являли желаніе воздвигнуть въ честь его памятникъ; но это намѣреніе, казавшееся неприличнымъ поэту, было отклонено имъ самимъ, какъ почесть, принадлежащая человѣку только послѣ переселенія его въ другой міръ, когда жизнь его уже пол-на, когда онъ свершилъ свое, и когда о немъ можно судить безпристрастно.

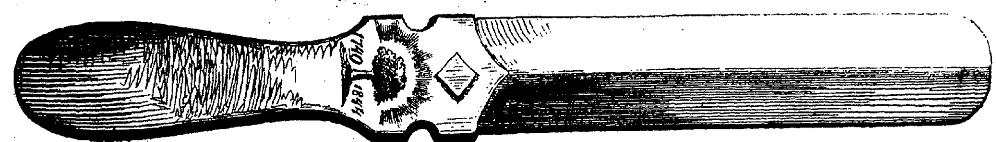
Тѣмъ удивительнѣе, что не болѣе пяти лѣтъ спустя послѣ смерти Гете, случившейся въ 1832 году, эта, сначала слишкомъ поспѣшная преждевременная мысль опять была. Политическое волненіе, послѣдовавшее за іюльскою революціею, было, вѣроятно, тому причиной. Тогда, болѣе нежели когда либо, стали разсматривать вліяніе Гете на общественную жизнь народа и выставляли его съ невыгодной стороны. Пока ученые книгой на книгу, комментаріемъ на комментаріи, старались доказать несправедливость обвиненія, масса народа не соглашалась съ ними и даже слѣдовала мнѣнію отчаянныхъ непріятелей Гете, которые увѣряли, что великій поэтъ былъ аристократъ, и тривіальными, фанатическими доводами защищали свои идеи.

Наконецъ настали болѣе спокойныя времена, политическая литература затихла, и въ 1837 году опять предложена была мысль воздвигнуть Гете памятникъ.

Но и новый вопросъ о сооруженіи памятника во Франкфуртѣ на Майнѣ, встрѣтилъ новыя затрудненія: всѣ вольные и богатые города издавна отличаются тѣмъ, что построеніе памятниковъ или другихъ какихъ либо зданій на пользу или на славу общую, которые должны были бъ воздвигаться на счетъ всего города, часто поручаются гражданамъ, которые принимаютъ на себя всѣ издержки, доставляя этимъ себѣ и городу славу. Такъ и въ это время трое франкфуртцевъ, Гг. Зейферхельдъ, Милiусъ и Рюппель добровольно согласились принять на себя исполненіе долга, принадлежавшаго всему городу. Они употребили огромныя суммы на изваяніе мраморной статуи Гете, надѣясь, что городъ достойно оцѣнитъ ихъ патріотическій поступокъ. По несчастію эти великодушные и благородные граждане вздум-



Открытіе памятника Гете.



Воспоминаніе о празднествѣ, по случаю открытія памятника Гете. Ножъ, для разрѣзыванія бумаги, сдѣланный изъ дерева, посаженнаго дѣдомъ Гете, въ день рожденія послѣдняго.

мали поручить исполненіе этой статуи чужестранному художнику: Помпео Маркезе, прославленному въ Италіи, но мало извѣстному въ Германіи. Если бы хотя модель этой статуи была сдѣлана Раухомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была бы гораздо лучше, между тѣмъ какъ миланскій скульпторъ Маркезе, которому неизвѣстны были ни отношенія Гете къ Германіи, ни даже, можетъ быть, его сочиненія, исполнилъ статую, изображавшую Гете въ сидячемъ положеніи, не безъ благородства и другихъ достоинствъ, но въ ней рѣшительно недоставало того вѣрнаго характеристическаго выраженія, по которому всякій нѣмецъ могъ бы узнать въ этой статуѣ своего любимаго поэта. Голова имѣла болѣе французскій, нежели нѣмецкій характеръ, а общее болѣе напоминало поэзію Альфіери, нежели творца Фауста или Графа Егмонта. Мысль уплаты этимъ памятникомъ народнаго долга безсмертному Гете, была тогда устранена и подарокъ трехъ щедрыхъ гражданъ поставленъ былъ у портика библіотеки.

Надо было думать, что послѣ этого городъ приметъ на себя заботу о сооруженіи другаго памятника и чрезъ сенатъ вызоветъ гражданъ къ содѣйствію въ этомъ высокомъ предпріятіи, но ничего не бывало. Рѣчь о памятникѣ опять замолкла бъ, если предсѣдатель Франкфуртскаго общества искусствъ, не соединился бъ съ управленіемъ Штедельской академіи художествъ, для исполненія предпріятія, которое стало уже непремѣннымъ долгомъ германскаго народа. По первой подпискѣ были собраны значительныя суммы. Многіе обязались платить въ продолженіи трехъ лѣтъ извѣстную сумму. Комитетъ, образовавшійся для осуществленія этой идеи, рѣшилъ, чтобы безсмертному согражданину ихъ, Гете, былъ воздвигнутъ бронзовый памятникъ на одной изъ площадей его роднаго города. Изваяніе же памятника было поручено славному Торвальдсену. Дѣло шло довольно успѣшно, какъ вдругъ представилась новая остановка:

Торвальдсенъ, заваленный заказами, долженъ былъ отложить срокъ, къ которому онъ обѣщалъ доставить памятникъ. Тогда комитетъ обратился къ Шванталеру, и тѣмъ охотнѣе, что, ни Гутенберга ни Шиллера статуи, исполненныя Торвальдсеномъ, не говорили въ пользу его способности создавать народные памятники; притомъ же рисунки барельефовъ, представленные Торвальдсеномъ, изображали музъ и грацій и тому подобныя аллегорическія ничтожности, которыя какъ бы единожды навсегда созданы атрибутами поэтовъ и не заключали въ себѣ ни одной, хотя нѣсколько новой или оригинальной идеи.

Чѣмъ поспѣшнѣе подвигалась работа Шванталера, тѣмъ болѣе комитетъ заботился о пріисканіи приличнаго мѣста для помѣщенія памятника. Во Франкфуртѣ, старинномъ и необширномъ городѣ, мало площадей. Единственное большое мѣсто назначено было для Гутенбергской группы; другое приличное мѣсто, было давно уже назначено для сооруженія новыхъ воротъ, становившихся со дня на день необходимѣе. Оставалось выбирать между нѣсколькими узкими, неудобными площадками, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ защитниковъ.

Памятникъ былъ слишкомъ колоссаленъ, чтобы можно было поставить его въ одномъ изъ садовъ, окружающихъ городъ. Наконецъ рѣшили, поставить его тамъ, гдѣ онъ теперь находится.

Минута окончанія сооруженія памятника приближалась. Здоровье Шванталера разстроилось, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала смерть литейщика Штигльмейера; не смотря на эти горестныя событія, статуя была счастливо приведена къ окончанію, и долгое время возбуждала въ Мюнхенѣ восторгъ и удивленіе знатоковъ. Во Франкфуртѣ надѣялись получить статую уже 28-го августа, день рожденія поэта, но надежда эта не осуществилась. Наконецъ, разнесся радостный слухъ, что славная статуя прибудетъ во Франкфуртъ въ октябрѣ.

Многочисленный, уже нѣсколько лѣтъ существовавшій комитетъ, рѣшилъ устроить торжество, на которое должны были собраться ученыя, литературныя и художественныя знаменитости.

Но уже при первыхъ дѣйствіяхъ своихъ, комитетъ встрѣтилъ многія препятствія. При смѣтѣ суммъ, необходимыхъ для празднества, которымъ хотѣли достойнымъ образомъ почтить память великаго поэта, оказался недостатокъ въ средствахъ, которыя едва могли покрыть издержки сооруженія памятника, хотя около 350 гражданъ этого просвѣщеннаго и богатаго города приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Комитетъ обратился къ сенату съ просьбой о вспомоществованіи, но сенатъ отвѣчалъ, что какъ все сооруженіе было учреждено мимо него, то онъ и не приметъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Узнавъ, что у комитета недоставало даже суммъ, для покрытія всѣхъ издержекъ, сенатъ хотѣлъ было овладѣть статуею «какъ собственностью города.»

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ О НОВЫХЪ ГАЛЬВАНИЧЕСКИХЪ БАТАРЕЯХЪ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГЕРЦОГА МАКСИМИЛІАНА ЛЕЙХТЕНБЕРГСКАГО.

Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, сообщилъ въ мартѣ сего года Императорской Академіи Наукъ слѣдующую записку, которую мы помѣщаемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ, въ полномъ ея видѣ:

«Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ устроилъ я здѣсь, въ С. Петербургѣ, заведеніе, въ коемъ гальванопластически изготовляются всякаго рода предметы. Цѣль этого заведенія состоитъ въ томъ, чтобы гальванопластику, открытую въ Россіи, совсѣми ея успѣхами отъ самаго рожденія, привести въ дѣйствіе въ ея отечествѣ въ большихъ размѣрахъ и поставить на высшую степень совершенства въ художественномъ и промышленномъ отношеніяхъ. При опытахъ и работахъ, съ этою цѣлію произведенныхъ, оказалось, что употребляемые доселѣ способы, которые при изготовленіи небольшихъ вещей были въ превосходной степени удовлетворительны, въ большихъ размѣрахъ не представляли тѣхъ же результатовъ. Я нашелъ себя въ необходимости, въ способахъ, до нынѣ извѣстныхъ, допустить, въ видѣ опыта, нѣкоторыя измѣненія. Имѣя въ виду сообщить въ свое время Императорской Академіи Наукъ, подробное описаніе всего хода этого заведенія, теперь я позволю себѣ предварительно поставить Академію въ извѣстность о результатѣ нѣкоторыхъ произведенныхъ мною опытовъ, которые я допустилъ въ измѣненіи нынѣ употребляемыхъ гальваническихъ батарей.

При дѣйствіи Даніелевой батареи въ большомъ размѣрѣ представились нѣкоторыя неудобства. Амальгамировать цинкъ въ большомъ размѣрѣ и трудно и дорого, а безъ того цинкъ издерживается въ слишкомъ значительномъ количествѣ, особенно въ растворѣ сѣрной кислоты, которая для этого чаще всего употребляется. Сверхъ того, эта батарея оставляетъ большое количество осадка бѣлаго купороса (zink-vitriol), который, для общаго употребленія, мало требуется и доставляетъ весьма незначительную выгоду.

Чтобы получить полезный продуктъ, я замѣнилъ цинкъ желѣзомъ, увеличилъ объемъ батареи и силу кислоты. Первые опыты были уже весьма удачны и теперь эти желѣзныя батареи въ большомъ размѣрѣ уже дѣйствуютъ, а остающійся осадокъ зеленаго или желѣзнаго купороса (eisen vitriol) можетъ быть употребляемъ съ пользою.

Для золоченія, однакоже, я употреблялъ до сихъ поръ Багратіонову батарею. У г. подполковника Евреинова нашелъ я батарею Бунсена, измѣненную въ томъ, что вмѣсто дорогаго угольнаго цилиндра употребленъ коксъ (цементированный голландскій уголь). Я испытывалъ эту батарею въ продолженіи 24 часовъ и нашелъ посредствомъ простаго гальванометра сначала 37° уклоненія, а послѣ 24 часовъ все еще 33°; но какъ и эта батарея, сколь хорошо она ни дѣйствовала, въ большомъ размѣрѣ представляла тѣ же недостатки, что и Даніелева, то я и здѣсь замѣнилъ цинкъ желѣзомъ; но въ этой я оставилъ, какъ и въ батареяхъ Бунсеновой и г. подполковника Евреинова, растворы селитренной и сѣрной кислотъ. При этой батареи, изъ двухъ паръ, гальванометръ показывалъ 28°. Опытъ золоченія удался вполнѣ въ продолженіи часа и трехъ четвертей; послѣ 24 часовъ магнитная стрѣлка все еще показывала 26°.

Но и въ этой батареи я находилъ недостатки, которые желалъ устранить. Отдѣляющіеся отъ селитренной кислоты газы непріятны и въ большомъ количествѣ должны быть вредны. Оказалось, что купоросъ содержитъ не малое количество селитр. кислоты, чрезъ что употребленіе его дѣлается затруднительнымъ или можетъ подвергнуть жидкость разложенію.

Это мнѣ подало мысль селитренную кислоту вовсе отбросить, а употреблять только сѣрную. Изъ этого образовалась батарея желѣзно-коксовая съ одною только жидкостью. Я дѣлалъ опыты съ двумя парами и получилъ уклоненіе магнитной стрѣлки на 28°, а чрезъ 24 часа на 17°.

Во всѣхъ этихъ опытахъ количество и сила жидкостей, обливавшихъ металлъ, равно и поверхность элементовъ, одинакова. Я захотѣлъ еще увеличить силу послѣдней батареи и прибавилъ третью пару, при чемъ кислота, въ коей былъ коксъ показывала 27°, а кислота желѣза 10° (по Боме). Магнитная стрѣлка отходила на 50°, а предметъ золотился, въ истинномъ смыслѣ слова, мгновенно.

Эта батарея, которую я надѣюсь еще усовершенствовать въ отношеніи къ недостатку силы, имѣетъ противу донынѣ употребительныхъ батарей большое преимущество, тѣмъ, что питаніе ея не требуетъ большихъ расходовъ, сѣрная кислота и желѣзо оставляютъ послѣ себя продуктъ, который всегда имѣетъ свою цѣнность, а коксъ постоянно сохраняетъ стоимость горючаго матеріала.

Я намѣреваюсь сдѣлать ближайшіе опыты со всѣми донынѣ извѣстными батареями и не премину о нихъ поставить въ извѣстность Императорскую Академію Наукъ. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что всѣ эти опыты будутъ принадлежать болѣе къ практикѣ и техникѣ, нежели чисто къ наукѣ.

КІЕСЪ.

(*Продолженіе.*)

Когда гроза нѣсколько утихла, молодой человѣкъ заговорилъ.

— Милая Тракозія, моя возлюбленная, зачѣмъ сердце твое поддается тягостному стѣсненію страха? Чего ты боишься? Вѣдь я съ тобою... Я могу защитить тебя! Посмотри, вотъ мои копья, наконечники которыхъ я заострилъ на скалѣ; вотъ мой лукъ; изъ тростника, собраннаго мною въ рѣкѣ, я сдѣлалъ двадцать стрѣлъ, которыя хранятся въ этомъ колчанѣ изъ древесной коры; я напиталъ ихъ ядовитымъ сокомъ молочайника. Ты знаешь, что я ловко метаю свой *кириссъ* (палицу) и на тридцать шаговъ мѣтко попадаю въ цѣль; эта скала защититъ тебя отъ *т'гуху* (грома); копье мое служитъ защитой отъ гіэны и шакала, а гроза прогнала *т'галсму* (льва) въ глубочайшія пещеры!... Чего же ты страшишься?

— Кіесъ, отвѣчала молодая дѣвушка, — я не страшусь ни грозы, ни гіэны, ни шакала, ни льва, когда ты со мною; но вчера, когда ты былъ на охотѣ, колдунъ Палоо пришелъ ко мнѣ въ гротъ и выпросилъ у меня ожерелье изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ; въ благодарность онъ предсказалъ мнѣ твою и мою будущность: « молодая *т'госъ* (дѣвушка), — сказалъ онъ, — умъ мой летаетъ по равнинамъ и горамъ, въ прошедшемъ и будущемъ, и вездѣ, вездѣ, я вижу лишь цѣпи и кровь... Очи твоихъ сестеръ, братьевъ и всѣхъ твоихъ родныхъ превратятся въ источники, и слезы ихъ будутъ горьки... горьки!... И твои очи будутъ плакать, потому что я вижу боэровъ, сѣдлающихъ коней и заряжающихъ смертоносныя ружья Говорю тебѣ, *молодая т' госъ*, горе *Коббамъ* (невольникамъ), скрывшимся въ снѣжныхъ горахъ!... Горе, горе имъ, если они не повинуются голосу моему и не дадутъ мнѣ табаку и овецъ!»

— Это тебѣ сказалъ Палоо?

— Да; ты знаешь, что колдунамъ извѣстно будущее.

— Я зналъ, что Палоо плутъ и обманщикъ, а теперь убѣжденъ еще и въ томъ, что онъ измѣнникъ и шпіонъ.

Выговоривъ эти слова, Кіесъ вложилъ два пальца въ ротъ и рѣзко свиснулъ. Минуту спустя, со всѣхъ концовъ горы послышался подобный свистъ и двѣсти бошесменовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, поспѣшно вышли изъ глубокихъ пещеръ, въ которыхъ они скрывались въ продолженіи нѣсколькихъ уже дней.

Близь самой пещеры Кіеса была небольшая лощина, на которой обыкновенно собирался совѣтъ шайки, въ затруднительные или неожиданные важные случаи.

Гроза освѣжила воздухъ и оживила утомленную растительность; свѣтлое солнце, въ полномъ блескѣ своемъ, выходило изъ за тучъ, уносимыхъ вѣтромъ и тысячи капель, оставленныхъ на листьяхъ дождемъ, заблестѣли, подобно алмазамъ. Посреди ковра свѣжей зелени пестрѣли прелестнѣйшіе цвѣты. Тамъ и сямъ виднѣлась красивая зелень ароматической *мирики* (1), плоды которой покрыты зеленымъ воскомъ, изъ котораго можно дѣлать свѣчи; *софора* (2), съ пестрыми цвѣтами, подобнымъ крыльямъ бабочки, защищала своею тѣнью драгоцѣнное индиго, доставляющее прекрасную синюю краску; прелестный желтый *сухоцвѣтъ* (3), прозванный *безсмертнымъ*, съ розовыми листиками, завядалъ на опустившихся стебелькахъ, подобно нѣкоторымъ журнальнымъ крикунамъ, которые завядаютъ при жизни, не оставляя послѣ себя никакого воспоминанія...

Эта живописная лощина находилась посреди обширнаго лѣса, въ который можно было пробраться только по извилистымъ тропинкамъ, расходившимся во всѣ стороны и оставленнымъ слѣдами слоновъ. Высокія деревья, переплетаясь вѣтьвями и сучьями, образовали непроходимую чащу, которую только буйволы, носороги и слоны могли прорвать.

Кіесъ и Тракозія вышли на лощину и вскорѣ къ нимъ стали подходить, по одиначкѣ, дикіе бошесмены, остатки поколѣнія, нѣкогда многочисленнаго и счастливаго.

На всѣхъ лицахъ выражалось безпокойство, потому что свистокъ начальника призывалъ ихъ только въ важныхъ случаяхъ. Они шли опустивъ головы, съ озабоченнымъ видомъ; женщины и мужчины курили трубки, набитыя не табакомъ, котораго они, по бѣдности, не могли купить, но листами конопля, имѣющаго почти тоже усыпительное дѣйствіе. Женщины несли своихъ дѣтей въ мѣшкахъ, въ видѣ капюшоновъ висѣвшихъ на ихъ спинѣ. Веселыя лица черныхъ ребятишекъ, похожихъ на обезьянъ и выглядывавшихъ изъ мѣшковъ, составляли разительный контрастъ съ печальнымъ и унылымъ видомъ ихъ матерей.

Когда всѣ дикари собрались на лощину, то усѣлись въ кружокъ, храня почтительное молчаніе и ожидая, чтобы начальнику ихъ угодно было заговорить.

Бѣдный Кіесъ, котораго мы видѣли въ жестокой неволѣ, за которымъ мы слѣдовали во время продолжительнаго и тягостнаго путешествія, который могъ бы служить типомъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, былъ, однакожъ, сынъ царей!... Если я не сказалъ вамъ о томъ прежде, такъ это потому, что не смотря на мнимую важность свою, это весьма простое обстоятельство. У африканскихъ и американскихъ поселенцовъ весьма часто можно встрѣтить сыновъ царей, чистящихъ лошадей, управляющихъ повозками, стряпающихъ кушанья или копающихъ землю.

Возвратившись въ Сньюбергенскія горы, Кіесъ заступилъ мѣсто своего отца, правителя одного племени дикарей и умершаго съ горя и отъ нищеты во время продолжительно отсутствія своего наслѣдника. Вамъ можетъ показаться страннымъ, что царь умираетъ отъ нищеты, а потому я долженъ объяснить вамъ, что такое готтентотскій царь: онъ не имѣетъ царства, потому что обыкновенно переселяется со своими подданными изъ одной страны въ другую, когда не находитъ болѣе средствъ существованія въ прежней; слѣдовательно, онъ два или три раза въ годъ, смотря по обстоятельствамъ, переноситъ свое царство, не дѣлая для того никакихъ завоеваній и не встрѣчая никакихъ препятствій. Готтентотскій царь начальствуетъ своими подданными во время войны, только съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ быть впереди ихъ и первый встрѣтить непріятеля. Онъ имѣетъ право судить своихъ подданныхъ, если имъ вздумается обратиться къ нему; но если осужденный недоволенъ, то имѣетъ право собрать совѣтъ старшинъ, которые уже судятъ царя. Онъ имѣетъ право предводительствовать племенемъ во время переселеній, но иногда самъ долженъ идти туда, куда захотятъ подданные. Наконецъ онъ имѣетъ право давать совѣты даже тогда, когда ихъ никто у него не спрашиваетъ и угощать подданныхъ, если довольно богатъ. Впрочемъ, его всѣ уважаютъ, кланяются и встрѣчаясь, говорятъ *т'абэ, т'ку-т'кой!* (здраствуй, капитанъ). Что касается до налоговъ, сборовъ, пошлинъ, то объ нихъ и помину нѣтъ, и весь царскій удѣлъ состоитъ изъ хижины, подобной хижинѣ послѣдняго подданнаго, изъ нѣсколькихъ коровъ и овецъ, за которыми царь собственноручно ухаживаетъ. А потому, чтобы заслужить высокое покровительство одного изъ африканскихъ властелиновъ, стоитъ только подарить ему теленка или полфунта табаку.

Готтентотское царство имѣетъ и столицу, если хотите, но столицу переносную, кочевую, которую въ сутки можно очень легко перенесть куда угодно. Столица эта не называется ни городомъ, ни мѣстечкомъ, ни селомъ, ни даже деревней, а просто *краалемъ*.

Чтобы читатели имѣли понятіе о готтентотскомъ краалѣ, я постараюсь описать одинъ изъ нихъ.

(*Продолженіе впредь*).

(1) Myrica cordifolia; *мирика, восковникъ*.
(2) Sophora capensis.
(3) Gnaphalium eximium.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Реальредакторъ, воспоминаніе. — Машина, дѣлающая латинскіе стихи. — Анастатическое печатаніе. — Машина, предохраняющая суда отъ кораблекрушенія. — Записка академика Коши. — Мюнхенская академія наукъ. — Открытіе памятника Бетговену въ Боннѣ. — Музыкальное торжество въ Вирцбургѣ. — Доницетти въ отпускѣ. — Приготовленія къ празднествамъ на Рейнѣ. — Новая драма Эленшлегера.

═

Любитель механики, родомъ Татаринъ, лѣтъ десять тому назадъ, нечаянно зашелъ ко мнѣ, хотя я всегда принималъ его не охотно. На лицѣ его сіяла злобная радость; въ глазахъ сверкала злокачественная слева. Я испугался и спросилъ — что съ вами?

— Я хочу издавать газету!

— Татарскую?

— Нѣтъ, русскую...

— Но вы не Литераторъ...

— И не нужно.

— Но вы ничему не учились!

— И не нужно.

— Вы даже говорите по Русски дурно.

— У меня есть опытный пріятель; я ему навязался въ друзья; онъ будетъ чистить...

— Но...

— Да что «но!» Мнѣ ничего не нужно. Я изобрѣлъ машину и кончено.

— Машину?

— Да, машину, которую я назвалъ Реальредакторомъ...

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана небольшой цилиндръ. Отвернулъ крышку и высыпалъ на мой столъ тьму разныхъ досчечекъ; я полюбопытсвовалъ и прочелъ нѣкоторыя слѣдующаго содержанія:

— Я знаю Россію.
— Я знаю русскій языкъ.
— Мы совершенно безпристрастны.
— Другу и не другу говоримъ правду.
— На правду я чортъ.
— Мы очень, очень честны.
— Клянемся, что мы честны.
— Ни злато, ни сребро, ни другая признательность въ натурѣ на насъ не имѣетъ вліянія.
Не вѣрите? Испытайте наше безкорыстіе...
— Статья эта безнравственна и клонится къ...
— Мы уважаемъ этого писателя, но долгъ совѣсти, любовь къ правдѣ, опасность какой подвергаетъ...

— Что за исторія, спросили мы?

— Не исторія, а газета! Поверните нѣсколько разъ цилиндръ и досчечки уложатся какъ въ калейдоскопѣ. — Вы только переписывайте и отсылайте въ типографію...

— Но вѣдь это будетъ галиматья...

— Добрые люди и къ галиматьѣ привыкаютъ; это доказываетъ ежедневный опытъ. Меня одно огорчаетъ, то, что я не первый изобрѣлъ эту машину. Она уже дѣйствуетъ — и потому сначала мнѣ будетъ очень трудно, но за то я прибавлю другихъ фразъ посильнѣе, по бранчивѣе и вы увидите, у меня будетъ больше подписчиковъ. — Главное дѣло деньги. Я на этотъ счетъ сдѣлаю тысячу фразъ. На всѣхъ журналистовъ тоже надѣлаю самыхъ ѣдкихъ фразъ. И это деньги. Не-льзя будетъ кого огрѣть печатно, такъ я изустн или письменно.., И это деньги... О! я на все н

это мастеръ. Языкъ, познанія!!. Не надо владѣть русскимъ, а длиннымъ языкомъ; не надо имѣть познаній въ наукахъ, а надо имѣть свѣденія въ коммерческомъ дѣлѣ. Повѣрьте, сидѣлецъ со Щукина двора меня научитъ такимъ оборотамъ, которые никогда не придутъ въ голову ученѣйшимъ людямъ. Впрочемъ, и о свѣденіяхъ моихъ не безпокойтесь. У меня есть еще вспомогательныя машины, на примѣръ Біографическая... Нужно — выставлю сто именъ; латинская — поверну, посыплются цитаціи... музыкальная, тамъ есть всѣ музыкальные термины, и т. д. Да чего, я буду писать съ помощію этихъ сотрудниковъ о художествахъ, о политической экономіи, медицинѣ, о чемъ угодно...

— Мнѣ ничего не угодно!

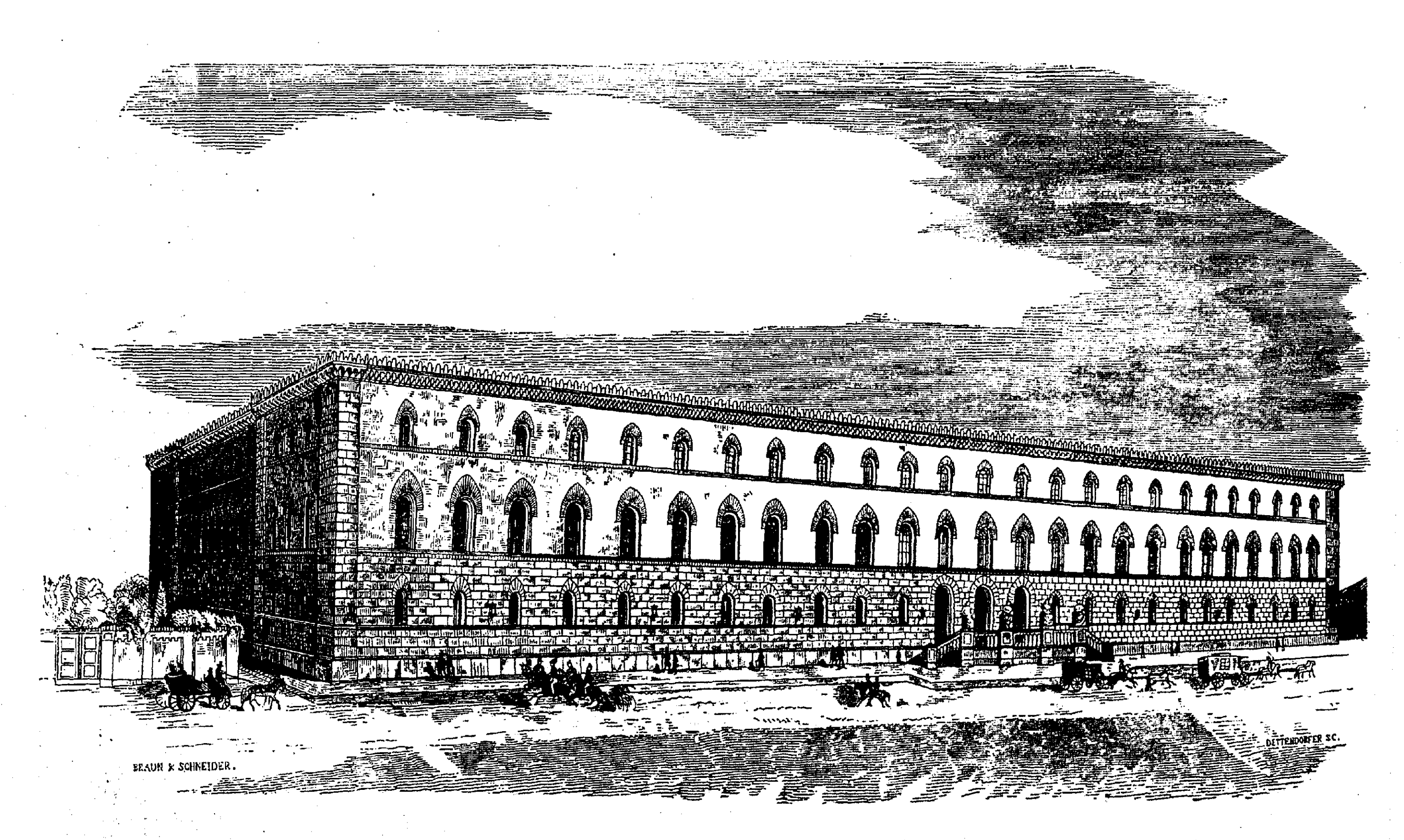
Съ большимъ трудомъ удалось намъ отдѣлаться отъ механика; онъ вышелъ съ угрозами, что машина его отомститъ намъ и сами не поймемъ ужъ за что... Мы смѣялись его злобѣ, но призадумались надъ изобрѣтеніемъ. Дочего доводитъ людей спекуляція; до явственнаго безумія. Можноли одну минуту позволить себѣ думать о такомъ несбыточномъ дѣлѣ, и что же? Ровно черезъ десять лѣтъ, во время послѣдняго нашего странствованія по чужимъ изданіямъ, мы повстрѣчали точно такую машину, но съ цѣлію болѣе невинною.

, Нѣкто Кларке изъ Бриджветтера, въ египетскомъ музеѣ Piccadilly, выставилъ машину, которая дѣлаетъ латинскіе стихи. Изобрѣтатель употребилъ на нее 15 лѣтъ труда и пропасть денегъ. Мысль не новая; это повтореніе числительной машины Баббажа. Есть сходство и съ затѣями Гулливера. Снарядъ имѣетъ видъ бюро. Множество перпендикулярныхъ палочекъ съ буквами на верху расположены подъ числами. Посредствомъ колеса эти палочки приходятъ въ движеніе и уставляютъ буквы въ особенныя отверзтія. Менѣе чѣмъ въ минуту изготовляется гексаметръ безъ ошибки противу граматики и просодіи. — Дактили и Спондеи занимаютъ постоянно одни и тѣ же мѣста. Вотъ нѣсколько стиховъ этого латинскаго Реальпоэта.

Bellica facta domi praenarrent tempora fusca.
Aspera frena cito promittubt nubila moesta.
Impia sacra focis depromunt fulgura mira.
Luvida verba molis corradunt vincula dira

Машина эта произвела тысячи тысячь подобныхъ стиховъ; смыслъ всегда есть, хотя иногда и темный. Жаль, что мы не знаемъ, что произвела машина нашего механика!

, Въ нашъ вѣкъ скоро не только рукамъ, но и разуму не останется никакого занятія. Знаменитый Фареде недавно читалъ въ королевскомъ институтѣ замѣчанія о анастатическомъ печатаніи или искуствѣ снимать точныя оттиски съ печатныхъ книгъ, гравюръ, литографій и проч. Книгопечатникъ І. Вудсъ уже оттиснулъ нѣсколько снимковъ съ рѣдкихъ книгъ; и копій невозможно отличить отъ оригиналовъ.



Зданіе Библіотеки въ Мюнхенѣ.

, Нѣкто Буррю представилъ въ парижскую академію наукъ: планъ и описаніе снаряда, посредствомъ коего можно будетъ ставить суда внѣ всякой опасности отъ кораблекрушенія. Словомъ, машина за машиной такъ быстро распложаются, что скоро придется выдумать машину, которая бы вела счетъ всѣмъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ; для того человѣческихъ силъ уже недостаточно. Мы во время нашихъ странствованій отмѣчаемъ только важнѣйшія, а мелкихъ и записать не возможно. На каждую мышь придумано сто машинъ; для каждаго пріема въ каждомъ ремеслѣ ихъ сотни.

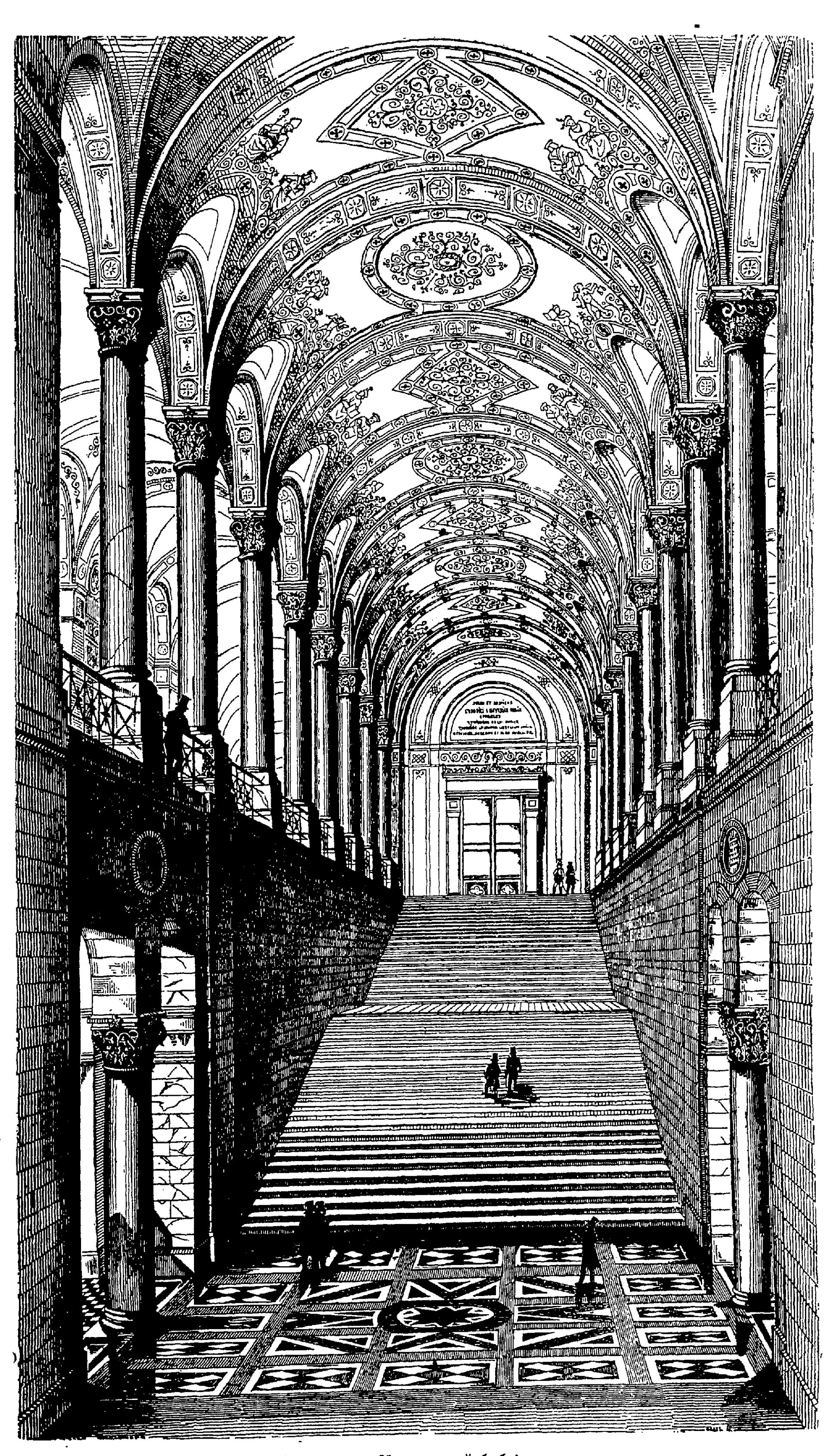
, Куда дѣваться отъ машинъ? Онѣ васъ преслѣдуютъ въ наукахъ и художествахъ. Это дѣти ума, который стремится опредѣлить неопредѣлимое въ природѣ — *силу*. Размноженіе машинъ есть слѣдствіе прямое и весьма простое распространеніе предѣловъ человѣческаго разума. Все то что мы называемъ *тѣломъ* — уже опредѣлено, обслѣдовано; все то, что называемъ *матеріей* — покорилось уму человѣческому; одна только *сила* остается загадкой для физика, философа и математика... Есть ли *сила* матерія или только принадлежность матеріи? Есть *сила постоянная* (тяготѣніе), есть *сила произвольная* (движеніе), есть *сила разума*, и *сила нравственная*. И всѣ эти силы, кромѣ первой, какъ будто даны въ займы одушевленнымъ существамъ. Они ихъ и теряютъ и пріобрѣтаютъ противъ воли! Тутъ еще царствуетъ мракъ, кромѣшный и никакая человѣческая мудрость его не освѣтитъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы слушали въ парижской академіи наукъ превосходную записку объ этомъ предметѣ извѣстнаго Коши. Она и не велика и удобно бы помѣстилась въ Иллюстраціи. Но, увы!..: Намъ и такъ говорятъ изустно, письменно и печатно, за чѣмъ мы не протянемъ черезъ Иллюстрацію каната и не пустимъ паяцовъ, что бы кривлялись и коверкались въ потѣху любителей ЧТЕНІЯ! Каната мы не протянемъ, но уведемъ скорѣе читателя изъ міра наукъ, въ міръ художествъ. — Авось тамъ будетъ полегче.

, И такъ пойдемъ въ мюнхенскую академію наукъ... Опять наукъ? спросите вы. Небойтесь, не пугайтесь! Въ нѣмецкихъ аѳинахъ и наукъ нѣтъ, а только художества. Весь городъ Классъ изящной архитектуры. Вы уже видѣли дворецъ, взгляните на зданіе библіотеки, полюбуйтесь великолѣпіемъ лѣстницы въ томъ же зданіи. Въ этихъ аѳинахъ все дышетъ художествомъ, говоритъ только художествахъ. Академія наукъ, о чемъ бы вы думали разсуждаетъ въ своихъ засѣданіяхъ: объ Элладѣ и древнемъ искуствѣ. Художество въ Мюнхенѣ заступаетъ мѣсто всей энциклопедіи. И

хорошо. Покрайней мѣрѣ, въ одномъ уголкѣ на этомъ свѣтѣ занимаются художествомъ, какъ художествомъ, а не какъ забавой, пріятною принадлежностію образованной націи. Россіи не ставимъ въ сравненіе. Наши шаги огромны, но мы въ этотъ новый путь, какъ слѣдуетъ, пошли весьма не давно. Въ Германіи художество успѣло уже нѣсколько разъ состарѣться, умереть и возродиться.

. Въ Боннѣ, по расчету, въ прошедшій понедѣльникъ, должно было происходить великолѣпное празднество Инаугураціи памятника Бетговену. За мѣсяцъ и болѣе, со всѣхъ сторонъ стекались художники и музыканты, чтобы удостоиться чести имѣть участіе въ торжествѣ. Учреждена особая квартирмейстерская комиссія, которая обязана заботиться о помѣщеніи гостей. Впрочемъ, теперь уже извѣстно, что въ Боннѣ не могутъ быть помѣщены всѣ пріѣзжіе; весьма значительная часть гостей получитъ квартиры въ Кельнѣ, гдѣ только будутъ они ночевать, а утромъ, по желѣзной дорогѣ, опять прилетятъ на праздникъ. Надѣются, что между посѣтителями будетъ не только король, но и Викторія, королева англійская съ супругомъ, такъ какъ въ это время высокіе путешественники намѣреваются посѣтить Рейнъ. Праздникъ будетъ продолжаться, то есть продолжался три дня. Въ воскресеніе, на канунѣ торжества, вечеромъ данъ: первый концертъ подъ дирекціей Шпора: 1) Missa solemnis № 2. (въ D.). 2) Девятая Симфонія съ хорами. — Въ понедѣльникъ: 1) поутру въ 9 часовъ: торжественная служба въ соборѣ, при чемъ исполнялась Бетговена Missa N 1. (въ С.) подъ дирекціей Брейденштейна. 2) До и послѣ открытія памятника: торжественная кантата Фр. Листа и хоръ для мужскихъ голосовъ Брейденштейна, подъ дирекціей композиторовъ. 3) Ввечеру второй концертъ подъ дирекціей придворнаго капельмейстера Листа: 1) Пятая симфонія (С-моль). 2) Фортепіанный концертъ въ Es moll 3) Интродукція, N 1 и 2 изъ ораторіи Христосъ на горѣ Элеонской. 4) Увертюра изъ Коріолана. 5) Канонъ изъ Фиделіо. — 6) Streichenquartett 7) Второй финалъ изъ Фиделіо. Во вторникъ, 12-го августа, поутру въ 9 час. концертъ изъ присутствующихъ артистовъ, который заключился увертюрой къ Эгмонту. — Великолѣпно, но послѣ этого торжества многіе гости, покрайней мѣрѣ годъ ни за что не будутъ слушать музыки, а паче Бетговена. Удивительно, какъ добрымъ почитателямъ Бетговена не пришла мысль проиграть въ эти дни, или даже въ недѣлю, всѣ творенія музыкальнаго генералиссимуса. Впрочемъ, нельзя ручаться, можетъ быть это и случилось, и когда вы читаете 18 нумеръ Иллюстраціи, въ Боннѣ доигрываютъ послѣдній вальсъ Бетовена. Сегодня этому празднику исходитъ седмица.

. Впрочемъ, все это великолѣпно для насъ. Мы глядимъ на музыкальный германскій міръ въ микроскопъ. Для Нѣмцевъ подобные праздники



Лѣстница въ Мюнхенской библіотекѣ.

въ рѣдкость; казалось бы открытіе памятника Бетговену должно опустошить всѣ музыкальные города, а между тѣмъ въ то же самое время въ Вирцбургѣ, 3 августа, происходило мужское празднество пѣнія. 96 мужскихъ обществъ пѣнія собрались въ Вирцбургѣ. Для нихъ построена особая галлерея въ 240 ф. длины и въ 72 ширины, въ которой съ удобствомъ помѣщается 4000 чел. Кромѣ того, почетная галлерея вмѣщаетъ 450 слушателей, а сцена 1750 пѣвцовъ, кромѣ оркестра, для котораго устроены отдѣльные хоры. Нѣмецкое рыцарство съ его схоластическими церемоніями теперь перешло въ народные праздники. Поутру 3 августа, торжественный пріемъ пѣвцовъ. Каждый войдетъ, раскланяется, запишется, получитъ контрмарку и торжественно отправится въ трактиръ или погребокъ. Ввечеру большое общее собраніе въ галлереи. Поутру кланялись поодиночкѣ, ввечеру кланяются съ обща, хоромъ; тѣмъ и кончился первый день музыкальнаго торжества. Но 4-го, поутру въ 6 ч., генеральная проба, а въ 11 ч. концертъ на бѣло. Послѣ такихъ ужасныхъ трудовъ всѣ общества соберутся ввечеру поужинать; эти ужины выдуманы нарочно для контраста; поутру было согласіе, за ужиномъ столпотвореніе вавилонское. Истинно анти-музыкальный ужинъ. Концертъ раздѣленъ на три части. Между піэсами только для начала и приличія хоралъ Глюка; а потомъ піэсы новѣйшаго произведенія, большею частію малоизвѣстныя, которыя исчислять безполезно. Никто о нихъ и не слыхивалъ. 5 августа торжественное шествіе по всему городу. За чѣмъ спросите вы; этого и пѣвцы и никто не знаетъ. Такъ себѣ, торжественности ради. Въ 10 часовъ у каждаго общества отдѣльный концертъ, потомъ общій обѣденный столъ, ввечеру балы. Наконецъ 6-го числа всѣ общества утомивъ своимъ пѣніемъ сушу, садятся на лодки и отправляются въ загородный садъ Вейтшехгеймъ. Тѣмъ и заключился музыкально рыцарскій праздникъ. Конечно во всемъ въ этомъ много ребяческаго, суетнаго, даже смѣшнаго; но въ этомъ ребячествѣ много поэзіи, много поощренія, слѣдственно и пользы. Не только не льзя охуждать этихъ простодушныхъ игръ, но можно завидовать.

***Вѣроятно Доницетти испугался этихъ колоссальныхъ торжествъ, и уѣзжаетъ отъ нихъ подальше въ Парижъ на цѣлый годъ. Конечно для италіанскихъ ушей мужской хоръ въ 2 т. пѣвцовъ страшнѣе грома небеснаго.

*** Въ этомъ году праздниками въ Боннѣ и Вирцбургѣ не кончится. На Рейнѣ ждутъ высокихъ гостей; почему и тамъ будутъ музыкальныя торжества, но другаго рода. Всѣмъ по этой части управлять будетъ Мейербееръ; къ участію приглашены Дженни Линдъ, Г-жа Віардо, Листъ, Миланоло, Штаудигль и многіе другіе...

*** Насъ такъ увлекли эти музыкальныя исторіи, что мы чуть было не забыли сообщить важной литературной новости. Эленшлегеръ написалъ новую драму: Привидѣніе на Герлуфскомъ Холмѣ, въ четырехъ актахъ съ прологомъ. Сюжетъ борьба невѣжества съ стремленіемъ къ учености и просвѣщенію въ 16 и 17 вѣкахъ. Для сцены, по общему мнѣнію, драма эта неудобна и вѣроятно критики заднихъ рядовъ за это ополчатся на автора. Одинъ изъ нихъ по имени Фультонъ, не тотъ что изобрѣлъ пары, а другой, — давно уже стрѣляетъ въ эту цѣль изъ своихъ дѣтскихъ батарей, но всякій разъ — мимо. Фультонъ не промахъ но на промахи мастеръ. Но это не тотъ Фультонъ, что изобрѣлъ пары, а другой.

—

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

Недавно удалось намъ побывать въ деревнѣ у одного извѣстнаго хозяина. Восхищаясь благоустройствомъ и порядкомъ образцевой усадьбы, мы не могли скрыть нашего удивленія и спросили, какимъ это образомъ у него все предусмотрѣно, придумано вѣрно, мѣтко; отъ чего у него хозяйство такъ сложно, а нѣтъ путаницы. Тѣ же люди дѣлаютъ въ четверо болѣе, чѣмъ у сосѣдей; небольшое имѣніе даетъ гораздо больше дохода чѣмъ огромная сосѣдняя мыза. — Очень просто, отвѣчалъ гостепріимный хозяинъ. За всѣмъ смотрю самъ; люблю моихъ людей, но имъ не довѣряю. Не пренебрегаю ни какимъ совѣтомъ, но подвергаю ихъ строгой повѣркѣ. У меня много книгъ: всѣ онѣ прочитаны, и я могу безъ сожалѣнія продать ихъ или подарить, потому что все полезное по моей части перешло подъ надлежащимъ нумеромъ и соотвѣтттственною буквою въ мою памятную книжку. Она для меня и чтеніе и руководство; ежедневно увеличивается и современемъ составитъ архивъ любопытныхъ и полезныхъ замѣтокъ. Въ нее входятъ статьи: по хозяйству, домоводству, кухнѣ, народной медицинѣ, рукодѣліямъ, ремесламъ и т. п. Я готовъ дѣлиться моими пріобрѣтеніями съ Иллюстраціей. — Вы можете представить себѣ какъ мы обрадовались этому предложенію и въ честь обязательнаго хозяина, на память памятной его книжки назвали настоящее отдѣленіе, въ которое и будемъ помѣщать что сообщитъ намъ благонамѣренный хозяинъ. Для отличія въ нумераціи отъ другихъ отдѣленій, мы для этого приняли славянскую, азбучную.

а) сосновое пиво.

Противу цынготной болѣзни и разныхъ ея послѣдствій полезно употреблять сосновое пиво; а дѣлать его вовсе не трудно. Надо въ іюнѣ или въ началѣ іюля собрать молодыя сосновыя шишки, наполнить ими треть боченка, долить теплой воды, положивъ тудаже солоду и хмелю, какъ при изготовленіи обыкновеннаго пива. Закупоривъ, дать устояться нѣсколько сутокъ. Когда эта жидкость сдѣлается прозрачною, пиво готово. Если же оно будетъ слишкомъ горько, прибавьте сотоваго меда. Пиво это надо держать въ холодномъ мѣстѣ. Употребленіе еще проще. Больному взрослому, можно давать по одной бутылкѣ въ сутки, только не холодное. Если есть или откроются раны, сдѣлайте ветошный компресъ, намочите ихъ чистою, проточною водою и прикладывайте къ ранамъ. Больше ничего не надо. Только остерегайтесь простуды, соленой пищи и горячительныхъ напитковъ. Это средство оправдано опытомъ.

в. дубленіе канатовъ.

Астраханскіе рыбаки вымачиваютъ свои неводы въ въ дубильномъ растворѣ отъ чего ихъ нити живутъ очень долго. Отъ чего этого средства не приспособить къ выдѣлыванію канатовъ, а процессъ простой. На каждое ведро воды взять четыре фунта дубовой корки, настоять нѣсколько дней, отстой слить и въ немъ вымачивать пеньку, укладывая ее въ дубильномъ чанѣ слоями на крестъ. Пусть помокнетъ недѣли три, и ужъ не болѣе четырехъ. Сдѣланныхъ изъ такой пеньки канатовъ можетъ быть и смолить не надо, а отъ этого они обойдутся гораздо дешевле.

г. средство отъ зубной боли.

Не испыталъ, но слышалъ и, кажется, похоже на правду. Возьмите кусочикъ каучука (резины), воткните на проволоку, подогрѣйте, снимите рукою теплый шарикъ и заложите имъ плотно отверстіе больнаго зуба; увѣряютъ будто боль какъ рукой сниметъ.

ПЕРЕПИСКА.

Отъ Редакціи объясненіе разъ на всегда.

Литература есть поприще высокое, благородное, честное, а не торжище, отданное кому либо на откупъ. Каждый Литераторъ, заслужившій трудами своими уваженіе публики и почетное мѣсто въ литературѣ — имѣетъ, долженъ имѣть голосъ въ томъ сословіи, которому принесъ честь и пользу. Между тѣмъ, голосъ этотъ не всегда можетъ быть согласенъ съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ самой Редакціи, но это не можетъ, не должно служить поводомъ къ непомѣщенію статьи уважаемаго писателя въ томъ же изданіи. Вотъ почему мы сообщаемъ читателямъ статью: Лопухинка, написанную однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей, не входя въ разбирательство обвиненій, обращенныхъ на Г. Р. З. Правило наше, безъ сомнѣнія будетъ одобрено всѣми благомыслящими любителями словесности, наукъ, искуствъ и художествъ. Мы никогда не уклонимся отъ этого правила, считая его однимъ изъ догматовъ литературныхъ обязанностей. Статья: Лопухинка доставлена при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Н. В.»

По просьбѣ многихъ лопухинскихъ жителей, посылая къ вамъ статью подъ названіемъ *Лопухинка*, написанную въ отвѣтъ на такую же, помѣщенную въ 144 нумерѣ Сѣв. Пчелы, я покорнѣйше прошу, въ особенное намъ одолженіе, напечатать ее въ издаваемой вами Иллюстраціи.

ЛОПУХИНКА.

Убѣгая вредной для меня сырости, я всегда, на лѣто, отправляюсь какъ можно подальше отъ Петербурга. Высокое, сухое мѣсто, чистый воздухъ, холодная, ключевая вода и въ прибавокъ къ этому прекрасное мѣстоположеніе, составляютъ главную для меня приманку. Вотъ причина, почему я живу въ Лопухинкѣ, извѣстной своимъ водолѣчебнымъ заведеніемъ. Я нашелъ здѣсь небольшое, но очень любезное, образованное и пріятное общество. Теперь, въ ожиданіи музыки и маленькихъ собраній, которыя начнутся съ половины іюля, у насъ, конечно, не много развлеченій и потому пріѣздъ сюда изъ Петергофа, по середамъ и Субботамъ, Лопухинскаго дилижанса, къ которому во ожиданіи родныхъ, знакомыхъ, писемъ и посылокъ, всѣ здѣшніе жители бѣгутъ на встрѣчу, кажется намъ совершеннымъ праздникомъ.

Недавно, дилижансъ нашъ цѣлымъ получасомъ опоздалъ противъ обыкновеннаго. Наконецъ — его увидѣли... но онъ подвигался чрезвычайно тихо и казалось везъ что-то... необыкновенно тяжелое. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ полнехонекъ. Прежде всѣхъ выпрыгнула изъ него очень елегантная дама. За нею вышла другая, третья, четвертая. За ними какой-то военный; потомъ двое молодыхъ людей и въ заключеніе послѣдній изъ пассажировъ. При обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ распросахъ: кто этотъ, кто та, другая, третья?.. мы скоро узнали, фамиліи многихъ пріѣзжихъ, но послѣдній изъ нихъ оставался неразгаданнымъ. Наконецъ объяснилось и это. Нашелся общій знакомый и онъ-то, съ какимъ-то невольнымъ, движеніемъ, объявилъ намъ: что г-нъ пріѣзжій былъ самый жестокій Литераторъ.

Вы можете себѣ представить до чего нашествіе такого писателя перепугало мирныхъ лопухинскихъ провинціаловъ. Въ первыя минуты страха... мы отступили — невольно! Гг. Врачи и чиновники заведенія бросились къ пунктамъ своего служенія; дамы разошлись; дѣвицы разбѣжались. Казалось... горизонтъ лопухинскій подернулся какимъ-то заревомъ: все бѣжало, скрывалось, пряталось... какъ люди отъ грозы, какъ птицы отъ ястреба, какъ Гоголевскіе чиновники отъ ихъ ревизора!

Цѣлыхъ... цѣлыхъ два дня! г. пріѣзжій всюду ходилъ, высматривалъ, замѣчалъ и дѣлалъ ученыя наблюденія. На третій онъ уѣхалъ; но горизонтъ Лопухинскій не прояснился ни сколько. Невольный страхъ и трепетъ волновали душу каждаго... Увы! тайное предчувствіе насъ не обмануло.

Въ пятницу на прошедшей недѣлѣ, 29-го іюня въ нумерѣ 144 Сѣверной Пчелы явилась роковая статья подъ названіемъ: *Поѣздка въ Лопухинку* господина Р. З. именно того самаго, который, за нѣсколько дней передъ этимъ, удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Конечно, на эту статью многіе и не взглянули, можетъ быть, въ Петербургѣ; но въ Лопухинкѣ, гдѣ она интересовала, нѣкото-

рымъ образомъ, всѣхъ и каждаго, представьте... ее прочли — отъ первой строчки до послѣдней!

Еслибъ г-нъ Р. З., описывая мѣстность, не коснулся лицъ, то, конечно всякой оставилъ бы статью въ покоѣ; но какъ онъ вздумалъ намѣкать о какихъ-то лопухинскихъ фактахъ, преданіяхъ, легендахъ и небывалыхъ исторіяхъ, изъ чего, пожалуй... Богъ знаетъ что подумаютъ... то право, послѣ этого, изъ уваженія къ лопухинскому обществу, *мнѣ было* бъ совѣстно, оставить его статью безъ всякаго отвѣта. Для такой антикритики не нужно даже ни труда, ни времени: стоитъ указать на замѣчательнѣйшія мѣста текста и... краснорѣчіе, юморъ и достоинство сочиненія объяснятся сами собою.

Съ начала, вотъ изволите видѣть, г-нъ путешественникъ, въ родѣ маленькаго предисловія, предупреждаетъ гг. читателей: «что онъ ѣздилъ въ Лопухинку какъ *Туристъ*; что разказъ его будетъ самый *наивной*; что онъ обыкновенно говоритъ о томъ, что знаетъ; молчитъ — когда не понимаетъ, всегда и вездѣ учится, по не смотря на то, по сіе время, по собственному его выраженію, онъ *уменъ задомъ* — въ нѣкоторыхъ случаяхъ.»

Признаюсь!.. противъ этого... я не имѣю сказать ни слова: все это и очень скромно и чрезвычайно *наивно* въ самомъ дѣлѣ. Съ такимъ прекраснымъ расположеніемъ — «въ одинъ *сѣринькой* петербургской день... замѣтьте, первая строчка и ужъ тотчасъ острота! И такъ, въ одинъ *сѣринькой* день, 21-го іюня, г. путешественникъ отправился въ Петергофъ водою. Тутъ, на пароходѣ, онъ пробѣжалъ рукописную брошюрку о Лопухинкѣ и по общему пороку пишущей братіи посмѣялся надъ *высокимъ* ея слогомъ. Въ Петергофѣ онъ сѣлъ въ какое-то допотопное зданіе съ крышей, но безъ рессоръ, называемое лопухинскимъ дилижансомъ. Съ нимъ, между прочими пассажирами, сѣла дама съ двумя собаками; «Дама съ собакими овладѣла разговоромъ» и дотого была любезна, что разговорилась даже съ нашимъ путешественникомъ. Онъ увѣряетъ, что съ нимъ, при загородныхъ поѣздкахъ, никто по сіе время не говорилъ ни слова. Всѣ, къ кому онъ, бывало, адресовался, взглядывали на него, отвѣчая что-то невнятное, что въ переводѣ, на умственный его языкъ, значило: «*Эхъ, отстань пожалуйста!*

Теперь, позвольте, на нѣсколько минутъ, любопытный разсказъ путешественника, замѣнить моимъ собственнымъ. — *Описаніе Лопухинки въ статистическомъ, историческомъ, медицинскомъ и проч. и проч. отношеніяхъ,* надъ высокимъ слогомъ котораго онъ посмѣялся, я самъ прочелъ на томъ же самомъ пароходѣ. Оно написано просто, дѣльно и удовлетворительно и въ немъ, кромѣ напыщеннаго заглавія, и то придуманнаго не сочинителемъ брошюры, но самимъ путешественникомъ, право нѣтъ ничего смѣшнаго. Что касается до безрессорнаго лопухинскаго дилижанса, который, по моему, ближе бъ было назвать крытымъ шарабаномъ, то я согласенъ, что при дурной дорогѣ, онъ дѣйствительно трясокъ порядочно. Надобно знать однакожъ, что онъ, съ убыткомъ для хозяина, заведенъ со всѣмъ не для гг. туристовъ, а собственно для удобности сообщенія съ городомъ лопухинскихъ жителей. Если этотъ экипажъ не нравится инымъ особамъ, то тѣмъ не менѣе, за учрежденіе его мы должны быть чрезвычайно благодарны. И кто жъ кому мѣшаетъ, въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто 2 руб. сереб. за проѣздъ въ легкомъ шарабанѣ, заплатить 20 руб. за тяжелую, рессорную карету и благополучно увязнуть съ ней при первой распутицѣ?

«Дама съ собаками, продолжаетъ г. Авторъ, совершенно его обворожила. Во время проѣзда его съ этой дамой, лопухинскій дилижансъ едва-ли не въ первый разъ, по его мнѣнію, огласился живымъ, веселымъ и умнымъ разговоромъ!» Не правда ли, что это удивительно скромно и не самолюбиво? Но... таково всегда — истинное достоинство... Г. Авторъ спохватился, однакожъ, *мы* не приписываемъ, прибавляетъ онъ, этого ума себѣ, но отдаемъ только должное нашей спутницѣ.» Въ такой усладительной бесѣдѣ, онъ достигъ мызы Гостилицъ, погулялъ въ прекрасномъ саду и отправился дальше. Наконецъ — онъ въ Лопухинкѣ, и къ счастію встрѣчаетъ здѣсь петербургскаго знакомца, человѣка знающаго, умнаго и услужливаго, который взялся быть его чичероне.

Скоро открылось, что нашъ ученый путешественникъ былъ и самъ-чуть чуть не медикомъ: взглянувъ на одну знакомую ему даму, которая послѣ своей болѣзни «опять разцвѣла — какъ роза!» онъ вполнѣ убѣждается въ пользѣ методы Приснитца и офиціально объявляетъ: «что *операціи купанья для* всѣхъ возможныхъ ревматическихъ болѣзней, заваловъ и *золотухъ* должны быть превосходны.» Такимъ образомъ, утвердивъ своимъ авторитетомъ все то... въ чемъ, натурально, сомнѣвались до его пріѣзда, онъ начинаетъ осматривать Лопухинку. — Хвалитъ ея мѣстоположеніе, хвалитъ устройство ваннъ и два раза въ нихъ купается. Мало этого: увидя какъ другіе, подъ искуственнымъ дождемъ, бѣгали, останавливались и прыгали, представьте!... онъ рѣшается на такую же точно *эволюцію* и начинаетъ самъ и *бѣгать* и даже *прыгать* чрезвычайно легко и граціозно! Послѣ этого онъ занимается учеными изслѣдованіями: собственноручно опускаетъ термометръ въ здѣшніе ключи чтобъ, для пользы науки, увѣриться въ степени ихъ температуры, и даже, о чемъ онъ умалчиваетъ, но мы сами это видѣли, онъ достаетъ изъ пруда и завертываетъ въ бумажку частицы тины — для будущихъ химическихъ изслѣдованій.

Разумѣется, все это... удивительно интересно. Одно... въ чемъ, по моему, онъ далъ сильнаго маха, такъ это: то, что назвавъ открытую калитку гастилицкаго сада — *чертой гостепріимства Русскихъ Вельможъ!* Ему бы ужъ ни какъ слѣдовало черезъ нѣсколько строчекъ послѣ этаго, упрекать литературный народъ въ *низкопоклонствѣ* передъ львами, тиграми и медвѣдями пишущей братіи.»

Онъ удивляется, на примѣръ, почему для 50 человѣкъ лопухинскихъ жителей не заведено здѣсь публичной библіотеки? Ему кажется страннымъ, что здѣшніе больные, а особливо дамы слишкомъ нарядны. По его мнѣнію, здѣсь укореняется какой-то странный предразсудокъ, что будто во время прогулокъ должно быть одѣтымъ *по городски* «Всѣ эти господа и дамы, прибавляетъ онъ, вѣроятно, не бывали на иностранныхъ минеральныхъ водахъ, гдѣ даже къ владѣтельнымъ лицамъ представляются по утру въ сертукахъ, а здѣсь, право и смѣхъ и грѣхъ! а здѣсь — дамы въ корсетѣ.»

Это чрезвычайно смѣшно въ самомъ дѣлѣ. Когда у насъ въ Россіи не только въ уѣздныхъ, но даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нѣтъ публичныхъ библіотекъ, не смѣшно ли думать найти ее въ Лопухинкѣ? Не знаю *былъ-ли* онъ самъ на заграничныхъ минеральныхъ водахъ, но многіе изъ насъ и даже я самъ, которые *тамъ бывали,* мы можемъ увѣрить г. путешественника что здѣшніе мужскіе и женскіе наряды гораздо проще тамошнихъ; всегда ли тамъ дамы безъ корсетовъ, этого я право не подмѣтилъ, но очень помню, что въ сертукахъ представляются владѣтельнымъ лицамъ.. развѣ на улицѣ, мимоходомъ, но ужъ конечно не иначе. Онъ незналъ даже и того, что въ Лопухинкѣ живутъ не однѣ *больныя* дамы, но многія изъ нихъ *живутъ для больныхъ,* и потому, какъ я слышалъ, онѣ не находятъ ни какой надобности, по наивному совѣту почтеннаго путешественника *одумываться* и приводить образъ своей одежды къ простотѣ, больнымъ приличной.»

Повторяю: что о фактахъ, случившихся будто въ Лопухинкѣ, преданіяхъ, легендахъ и исторіи одной дѣвушки, изъ которой г. путешественникъ и вѣроятно поэтъ съ тѣмъ вмѣстѣ, обѣщаетъ написать *странную* и поучительную балладу, не только мы, но даже самые давнишніе лопухинскіе старожилы, никогда, ничего неслыхивали. Еслибъ г. Авторъ этой статьи попутешествовалъ побольше и подальше чѣмъ въ Лопухинку, то онъ бы тамъ узналъ, что значутъ разсказы Гг. Чичероне! и ужъ, конечно, не полагался бъ на нихъ такъ легко.

Наконецъ, что всего лучше и что можно даже назвать букетомъ статьи г. Р. З., то это, конечно, мысль и совѣтъ его, чтобъ дно Лопухинскаго пруда выложить камнемъ или деревомъ и по серединѣ его устроить павильонъ *для общаго купанья*! «Спрашивается...что это такое? *наивность* или шутка? Мнѣ кажется что въ обоихъ случаяхъ это не слишкомъ рекомендуетъ статью. Если это наивность, то эта наивность самой высшей степени, Богъ знаетъ на что похожая? Если это шутка? то она ужъ просто ни на что непохожа!

Изъ послѣднихъ строкъ этого путешествія видно: что г. Авторъ на обратномъ пути страдалъ не менѣе: «онъ охалъ, вскрикивалъ и его ужасно поколотило; что качка на море была еще хуже сухопутной и что, наконецъ, какъ нидуренъ этотъ переѣздъ, но все таки Лопухинка одно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которое хочется съѣздить вторично.»

Всему этому я вѣрю охотно. Нѣкоторую непріятность описаннаго переѣзда, особливо въ бурное и дождливое время, я испыталъ на себѣ; слышалъ то же самое отъ другихъ, убѣждаюсь въ этомъ страданіями г. путешественника и всего болѣе настоящею его статьею, тотчасъ, какъ видно, послѣ сухопутныхъ толчковъ и морской качки написанной.

Что Лопухинка хороша, это давно извѣстно многимъ, но ѣхать туда въ другой разъ, особливо нынѣшнимъ лѣтомъ, я право бы не совѣтовалъ.

Лопухинскій житель.

О. П. Здравствуйте и прощайте

Е. П. М. Нѣкогда клеветниковъ и ложныхъ доносчиковъ заставляли становиться на четверинки и четверть часа лаять по собачьи... Хороша должна бы быть фигура. — Теперь надъ клеветниками смѣются, терпятъ ихъ какъ шутовъ. Умный вѣкъ! Даже изъ порока умѣетъ сдѣлать безвредное употребленіе.

О. И. С. — Принимается.

А. Гор...Мы не получили никакихъ стиховъ подъ поименованными заглавіями и по этой важной и единственной причинѣ помѣстить ихъ не можемъ.

Z. — Хотя и не имѣемъ чести знать ни имени, ни отчества, но не можемъ не отдать полной справедливости вашей скромности. Вы такъ строги къ вашему уму и таланту, что мы подумали, простите, будто вы издаете газету. Нѣкогда одинъ молодой человѣкъ говорилъ дамѣ: « о, я бы сдѣлалъ въ свѣтѣ каріеру блистательную, еслибъ не моя проклятая застѣнчивость, еслибы не смѣшная скромность...

— «Полноте, полноте, перебила дама, будьте великодушны, пощадите отсутствующихъ!»

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ. Издаваемое *Сергѣемъ Глинкою*, выпускъ первый и второй содержать въ себѣ отечественные историческія памятники XVIII и XIX столѣтія. Спб. 1845 года., въ 8-ю долю листа. На лучшей бумагѣ. Цѣна за оба выпуска 1 руб. 20 коп. сереб. вѣс. за 1 фунтъ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ въ постепенныхъ переводахъ съ Французскаго языка на Русскій и съ Рускаго на Французскій. Съ предварительнымъ изложеніемъ правилъ Синтаксиса въ пользу Русскаго Юношества. Издалъ *Я. Лангенъ.* Въ двухъ отдѣлахъ, Спб. 1845 года, въ 8-ю долю листа. Цѣна 85 коп. сереб. вѣс. за 1 фунтъ.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ.—Въ *Москвѣ* : у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NNo 4—5.

ИГРЫ.

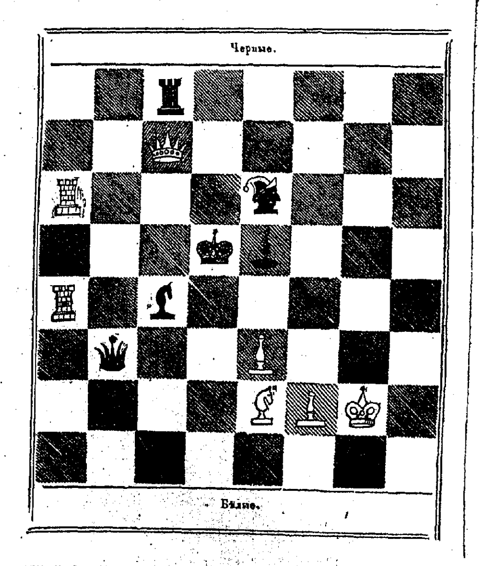
ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи № 17.

Бѣлые.	Черные.
1) Пѣшка Сл. Кор. на 4 м.	Кор. на 5 м. Л.
2) Сл. на 6 м. Сл. Кор.	Л. беретъ Слона.
3) К. на 5 м. Кор.	П. 1 м. (лучшій ходъ).
4) П. Ф. 1. м.	Тронете ли черную Ладью или чернаго Коня, все равно: бѣлые ковемъдаютъ матъ.

ЗАДАЧА № 18.

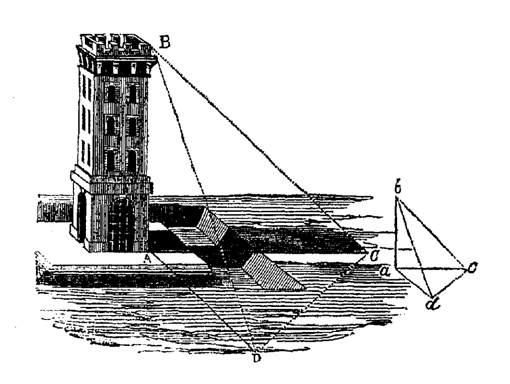
Бѣлые ходятъ и даютъ въ четыре хода матъ.



Разрѣшеніе задачи № IV.

Поставьте перпендикулярно, на горизонтальномъ планѣ, шестъ, тщательно измѣривъ его высоту.

Когда солнце начнетъ послѣ полудня склоняться къ западу, на поверхности, по которой вы можете ходить свободно, возмите точку С. т. е. крайнюю точку тѣни падающей отъ вершины башни и въ тоже самое время такую же точку (с) тѣни, падающей отъ шеста. Черезъ два часа, примѣрно, проворно отмѣтьте точки Д, д, тогда соедините линіями точки С Д, с д, и измѣрьте обѣ линіи. За тѣмъ вамъ придется послать слѣдующую пропорцію : длина линіи, соединяющей обѣ точки тѣни шеста относится къ его высотѣ, какъ длина линіи, соединяющей обѣ точки тѣни отъ башни относится къ ея высотѣ. Довольно знать первыя начала Геометріи, что бы рѣшить остальное.

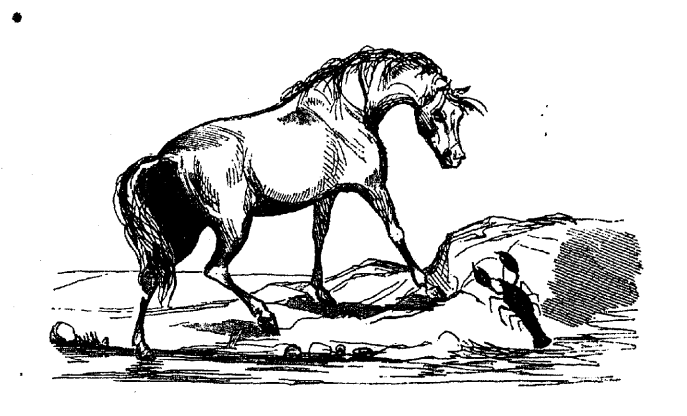


РАЗГАДКА № 17.

1) Противъ денегъ Икра. — соты. — не многіе Л устояли.
2) Противъ денегъ и красоты немногіе люди устояли.

ЗАГАДКА № 18.

ПОСЛОВИЦА.

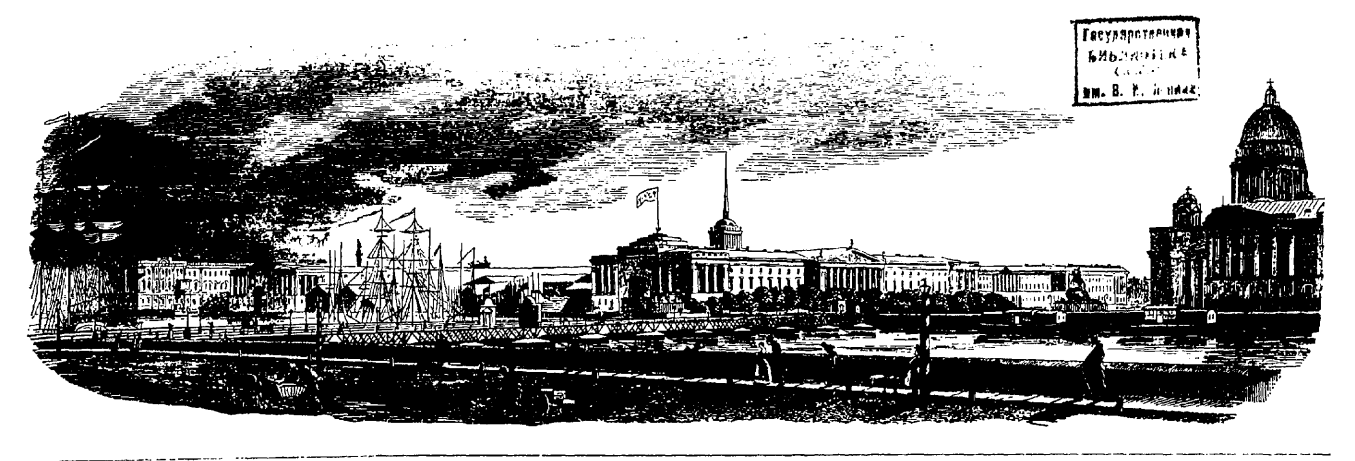


1 — Колъ
2 — Ода
2 — Колода (обрубокъ дерева, лошадиныя походныя ясли и карты).

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Августа 3 дня 1845 года. Цензоры : А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 19.—Суббота, 11 Августа 1843.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

ВСТРѢЧИ.

Мы уже собирались оставить Дрезденъ. Вдругъ, въ комнату входитъ К., нашъ родственникъ, нашъ другъ; встрѣча съ нимъ здѣсь, на чужбинѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, была истинное счастіе. —Дрезденъ сталъ для меня еще милѣе, и даже противная фигура нашего доктора какъ-то похорошѣла. Послѣ множества распросовъ и восклицаній, К. началъ отдавать намъ подробный отчетъ въ своей протекшей жизни.

Петербургъ сдѣлался для меня несносенъ, говорилъ онъ:—въ клубахъ я проигрывалъ, въ обществѣ зѣвалъ, до того, что повредилъ себѣ челюсти. Я рѣшился ѣхать... куда? все равно, хоть въ Москву. Въ нѣсколько дней взялъ отпускъ, собрался въ путь, оставалось кое-съ кѣмъ проститься. Тетушка въ третьемъ колѣнѣ, княгиня Ш., напутствовала меня благословеніемъ и письмомъ къ дочери въ Москву.—Черезъ нѣсколько дней я былъ уже въ бѣлокаменной и скучалъ пуще прежняго. Отъ-нечего-дѣлать я рѣшился отнести письмо своей тетушки къ кузинѣ, которую нѣкогда зналъ, но никогда не любилъ. Легко мнѣ было отыскать ея домъ; она была богатѣйшая жилица Москвы и вдова пріѣзжаго. У дома солома и ельникъ. Вхожу въ комнату—люди въ траурѣ, но все при обычныхъ занятіяхъ; иду далѣе—непривыкшій къ свѣту глазъ ничего не можетъ различить въ темнотѣ; наконецъ вглядываюсь: обширный залъ, обитый чернымъ сукномъ, по срединѣ пышный гробъ, свѣчи тусклогорятъ; съ благоговѣніемъ подхожу къ гробу,—лицо, нѣкогда полное мысли, сохранило выраженіе своей до-смертной красоты; казалось *смерть* невзначай застигла ее, и улыбка кокетства, которая такъ шла къ ней, еще не исчезла отъ всеразрушающаго дуновенія смерти. Это была не кузина моя, не Щ. Нѣтъ, это была Елена Изборская, сестра по мужу, ея другъ, ея благодѣтельница.

Предо мною мелькали лица, которыя приходили безъ скорби, уходили безъ слезъ. Я остановилъ одно изъ этихъ лицъ и просилъ доложить о себѣ Щ... «Не принимаетъ, очень больна». —Скажите ей мое имя, скажите, что я привезъ письмо отъ ея матери и поклонъ отъ сестры. —Меня впустили.

На роскошной постели, полуприкрытой богатыми занавѣсами, лежала женщина: она очень страдала; не столько боль физическая, сколько мысль о приближающейся смерти мучила ее. Я умру... были первыя слова ея, обращенныя ко мнѣ,—я умру скоро, скоро. Это ужасно!—Нѣтъ, вы будете жить, отвѣчалъ я, не зная, что говорить: у васъ есть дочь, для которой ваша жизнь необходима.

— Да, моя дочь останется сиротою, матушкѣ не до нея, я знаю,—и она отвернулась къ стѣнѣ, какъ бы желая скрыть свое горе, свои страданія. Вскорѣ она, однако, раскрыла блѣдное, истомленное лицо. Оставь насъ, Мери, однихъ,—сказала она, и неподвижное существо, которое до того я могъ почесть за прекрасно-изваянную статую, такъ неподвижно оно было, встало. Ея роскошный станъ, ея черты лица, исполненныя античной красоты, и полныя голубыя глаза, которыхъ не помрачили тоской и слезами ни смерть друга, ни страданія матери,—все поразило меня удивленіемъ и обдало холодомъ: я зналъ эту дѣвушку еще ребенкомъ, я цѣловалъ ее..... а теперь!

Мы остались одни съ Ш.

— Я умираю... Моя дочь не должна жить подъ чуждымъ кровомъ—безъ защиты, ни даже одного дня... У нея четыре тысячи душъ. Я васъ знаю... и уважаю. Женитесь на ней... рѣшайтесь, и здѣсь же, не далѣе какъ завтра, у моего ложа, быть вашей свадьбѣ.

Свадьбѣ между гробомъ и смертнымъ одромъ, подумалъ я. — Но ваша дочь,—она меня совершенно не знаетъ, согласится-ли она на этотъ необыкновенный бракъ?

— Она никого не любитъ, такъ что ей до выбора мужа! У меня не достанетъ силъ говорить съ Мери. Ступайте въ ея комнату и объяснитесь съ нею.

Можете представить всю странность моего положенія.

Я машинально пошелъ въ указанную мнѣ комнату, самъ не зная, что дѣлаю, на что хочу рѣшиться? Мери сидѣла, или, лучше, полулежала на диванѣ, и прекрасный станъ ея, выказывалъ всю роскошь свою; темный цвѣтъ платья еще ярче отражалъ алебастровую бѣлизну плечь; ни одинъ волосокъ на головѣ не былъ разстроенъ.

— Я съ порученіемъ отъ вашей матушки, — сказалъ я. Вѣдь надобно же было объяснить ей какъ нибудь странность моего посѣщенія.

Мы молчали.

Не знаю, ея ль поразительная красота, или эта сардоническая улыбка, которая, казалось мнѣ, мелькнула на ея устахъ, или наконецъ желаніе освободиться отъ глупаго положенія, въ которомъ я находился, придали мнѣ силы. Я началъ, не спросясь своего сердца, ни разсудка; признаюсь, въ ту минуту я думалъ только о томъ, чтобы не быть смѣшнымъ.

— Ваша матушка хочетъ видѣть васъ подъ надежной защитой мужа; она страшится мысли оставить васъ одинокою въ свѣтѣ. Я остановился и невольно взглянулъ на Мери: она хладнокровно считала звѣздочки на моихъ эполетахъ и, казалось, припоминала мое значеніе въ свѣтѣ; но я уже слишкомъ далеко зашелъ; нельзя было остановиться. — Я выскажу вамъ свои чувства со всею откровенностію честнаго человѣка, продолжалъ я, — теперь не до пустыхъ фразъ и обычныхъ въ этомъ случаѣ условій свѣта.—Мы почти не знаемъ другъ друга. Меня могла очаровать ваша красота, васъ-ничто, и тѣмъ хладнокровнѣе можете вы рѣшить мою участь. Если я вамъ скажу, что мое сердце съумѣетъ любить васъ, рука защищать то я скажу не пустую фразу, но истину, которую глубоко чувствую, высказываю искренно. Вамъ остается рѣшить: хотите ль на всегда ввѣрить судьбу свою мнѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она и вышла изъ комнаты.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ; я жилъ безъ всякой цѣли въ жизни, какъ живетъ много людей въ Божьемъ мірѣ, безполезно тяготя собою землю. Отъ-нечего-дѣлать я скитался за границей. Въ Венецію манили меня старыя связи и Св. Марко. Разъ, стоя на площади, я заглядѣлся на четырехъ знаменитыхъ коней, которые, обскакавъ чуть не пол-свѣта, стояли неподвижно на мѣстѣ. указанномъ имъ, кажется, самою судьбою; вдругъ, легкій ударъ по плечу вывелъ меня изъ моего созерцательнаго положенія: предо мною стоялъ человѣкъ высокій, худой, желтый, какъ пергаментъ старыхъ книгъ, почетная звѣзда выказывалась изъ подъ шинели.

Вы кажется опять не узнали меня, молодой человѣкъ, вы вѣчно о чемъ-то думаете.

— Мнѣ васъ не узнать, Петръ Егоровичъ! но встрѣча такъ неожиданна: могъ-ли я подумать найти васъ здѣсь.

— И то правда, сказалъ старикъ задыхаясь отъ кашля и кутаясь въ шинель. Становится сыро, пойдемъ ко мнѣ: я живу здѣсь, у самой піацето. Жена моя будетъ вамъ рада. — Проклятая земля или, лучше сказать, проклятая вода,—бормоталъ онъ,—негдѣ двухъ шаговъ сдѣлать, и онъ платкомъ закрылъ ротъ, вѣроятно, чтобы не простудиться: мы шли молча.

Я зналъ Петра Егоровича Хоницкаго издавна. Его жена-самое доброе и кроткое существо въ мірѣ; она была 25 годами моложе своего мужа, и предалась ему на жертву, по волѣ тщеславной матери.—А онъ, Петръ Егоровичъ, это былъ вампиръ, который высасывалъ ея кровь и состояніе; безпрерывными оскорбленіями и этими мелочными досадами, которыя составляютъ пытку семейной жизни, онъ вогналъ свою жену въ чахотку и, признаюсь, я очень удивился, узнавши, что она еще жива и въ Венеціи.

По мраморнымъ ступенямъ взошли мы въ роскошный палацо. Было довольно темно; я едва примѣтилъ въ углу женщину, закутанную въ шаль.

— Жена, старый знакомецъ,—сказалъ Петръ Егоровичъ, обращаясь къ ней.

—Васъ ли я вижу, Александра Петровна?— Женщина встала, и ея величественный станъ изобличилъ ясно мою ошибку.

— Ахъ, Боже мой, сказалъ старикъ, вѣдь я думалъ, что вы знаете о смерти покойницы Александры Петровны, — дай Богъ ей царство небесное, — я женатъ на другой, не знаю, знакомы-ль вы съ моею настоящей женой, но она вамъ съ родни, какъже! по вашей тетушкѣ, княгинѣ Ш.; рекомендую, ея внучка, Мери.

Въ это время доложили о приходѣ доктора, и мы съ Мери вышли въ другую комнату.

— И вы могли?.. воскликнулъ я невольно, когда мы остались одни. Слезы брызнули изъ глазъ ея; она прислонилась головою къ окну; грудь ея вздымалась высоко; частыя судорожныя потрясенія показывали, что она горько плачетъ. Я молчалъ. Приходъ доктора прервалъ эту тягостную сцену.

— Что? сказала она, обращаясь къ доктору, съ глазами красными, съ лицемъ, покрывшимся багровыми пятнами. Что? повторила она, съ выраженіемъ, въ которомъ былъ страхъ, была и надежда, съ выраженіемъ, котораго я не могъ вполнѣ понять.

— Болѣзнь упорная. У людей этихъ лѣтъ она борется противъ всѣхъ медицинскихъ пособій также успѣшно, какъ и противъ усилій смерти.

Мери тяжело вздохнула.

— Но вы, продолжалъ докторъ, вы не бережете себя: опять слезы и душевныя страданія, вы убиваете себя.

— Не я, прошептала она едва внятно.

Докторъ пощупалъ пульсъ Мери, сомнительно покачалъ головою и откланялся. Я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Докторъ, Хоницкая мнѣ родственница...

— Знаю; мнѣ говорилъ ея мужъ.

— Такъ вы понимаете, что не одно пустое любопытство заставляетъ меня распрашивать объ ней.

— Плоха. Она не надежнѣе своего мужа. Этотъ адъ домашней жизни обращаетъ въ ничто всѣ медицинскія усилія.

— Но вы, почтеннѣйшій докторъ, вы другъ ея, ради любви къ истинѣ, скажите мнѣ, зачѣмъ она, гордая и непреклонная, не возстанетъ всею силой характера противъ своего тирана?

— Все дѣлала она, и это только увеличивало число домашнихъ сценъ, и безъ того слишкомъ большое. Подобно дождевой каплѣ, постоянно ниспадающей на одно и то же мѣсто и пробивающей твердыню камня, онъ своимъ упорствомъ, своими низкими интригами, наконецъ, всѣми способностями своей мелочной душонки и ума, направленными противъ нее, только противъ нее одной, разрушалъ всѣ ея усилія, всѣ ея надежды. Какъ тѣнь, неотвязно слѣдитъ онъ за нею, или сторожитъ, подобно церберу, всегда съ ключами на готовѣ и съ укоромъ на устахъ.

— За чѣмъ она не покинетъ мужа?

— А свѣтъ! что скажетъ свѣтъ? Покинуть дряхлаго, больнаго старика, слывущаго образцемъ добродѣтели! Что скажетъ ея гордая бабка?

По видимому, докторъ хорошо зналъ Хоницкую и всѣ ея связи съ семействомъ и свѣтомъ. Я рѣшился сдѣлать ему довольно нескромный вопросъ, расчитывая на италіянскую болтливость.

—Скажите, неужели она ни кого не любитъ?

Докторъ нѣсколько помолчалъ; потомъ произнесъ съ разстановкой: — въ ея лѣта... подъ нашимъ палящимъ солнцемъ...

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы выразумѣть доктора; но мнѣ не вѣрилось, чтобы Мери могла любить.

Мы уже дѣлали шестый кругъ на площади Марка. Докторъ, увлеченный воспоминаніемъ былаго, съ жаромъ мнѣ что-то разсказывалъ. Я зѣвалъ.

— А, вздыхаете, молодой человѣкъ, воскликнулъ онъ. Вы любили, не правда ли?.. что? ужъ не Мери Хоницкую ли?

Мнѣ стало очень досадно.

—Докторъ, сказалъ я серьезно, у насъ запрещено законами влюбляться въ родственницъ.

— А, помню, помню, мнѣ точно говорилъ одинъ путешественникъ, что у васъ ссылаютъ въ Сибирь того, кто влюбится въ родственницу, или женится на ней.

— Самое меньшое — въ Сибирь, въ каторжную работу.

— Corpo di bacco! воскликнулъ мой докторъ.

Мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Я рѣдко бывалъ у Хоницкихъ: мнѣ всегда было такъ тяжело у нихъ... Иногда встрѣчалъ я ихъ въ тѣсномъ кругу нашихъ общихъ знакомыхъ; Петръ Егоровичъ былъ нѣженъ и внимателенъ къ своей женѣ; она была холодна и безотвѣтна къ его ласкамъ. Въ свѣтѣ скорбѣли о немъ, осыпали укорами ее. Она же была такъ хороша, съ такимъ величіемъ, съ такимъ презрѣніемъ глядѣла на всѣхъ мужчинъ и женщинъ,—съ высоты своего богатства, своей красоты и знатности.

—Зачѣмъ они живутъ въ Венеціи?.. спросилъ я, однажды, доктора... въ Венеціи, гдѣ влажный, сырой воздухъ такъ разрушительно дѣйствуетъ на обоихъ.

— *Онъ* потому-то и живетъ здѣсь, что видитъ гибельное вліяніе климата на *ея* здоровье.

— Вы слишкомъ строги къ мужу. Но она?

— Она тоже охотно остается здѣсь. «Есть, другъ Гораціо, такія вещи въ мірѣ, о которыхъ философы и думать не смѣютъ», сказалъ онъ значительно, хотя не совсѣмъ правильно.

Долго не видѣвшись съ Хоницкими, я зашелъ къ нимъ; ее нельзя было узнать: такъ перемѣнилась она. Блѣдная и худая, она носила всѣ признаки изнурительной чахотки; была тиха и грустна болѣе обыкновеннаго: мнѣ было очень жаль ее. Онъ былъ таковъ, какимъ я его зналъ лѣтъ пятнадцать; высохшій, подобно старой муміи, задыхавшійся при малѣйшемъ усиліи, казалось, вотъ онъ распадется; а онъ все жилъ и въ это время жилъ удвоенною жизнію. — Онъ за-что-то съ удивительнымъ упорствомъ преслѣдовалъ одного молодаго Италіянца, знатнаго родомъ и богатаго; но австрійское правительство пропускало сквозь уши требованія Хоницкаго, и смотрѣло сквозь пальцы на проступки Италіянца.

Помню какъ теперь. Этотъ день былъ праздникъ. Погода стояла прелестная и я убѣдилъ Хоницкую ѣхать въ грекороссійскую церковь, смотрѣть свадьбу молодой иллирійской четы, которую я зналъ и покровительствовалъ. Нечего и говорить, что мужъ ея былъ съ нами: онъ никогда не отпускалъ жену безъ себя изъ дому. Вѣнчаніе происходило по нашимъ обрядамъ, на славянскомъ языкѣ. Мысленно переносился я на родину, которую такъ давно оставилъ, по которой тосковала душа, и не замѣчалъ стоявшей возлѣ меня Мери. Вдругъ, чьи-то слова, произнесенныя сзади, поравили меня.

— Умоляю васъ, говорилъ кто-то, дозвольте мнѣ *всѣ* средства...

— Требуйте совѣтовъ отъ своего сердца и отъ своего мужества: я женщина,—произнесла Мери.

Хоницкій сталъ кашлять. Шаги быстро удалились; я не смѣлъ оглянуться, чтобы не возбудить чьего либо празднаго любопытства, чтобы не открыть тайны нескромнымъ взглядомъ.

По окончаніи обряда, я спросилъ Хоницкую, каково она себя чувствуетъ?

— Мнѣ грустно, отвѣчала она.

— Эта свадьба напомнила вамъ родину, не правда-ли?

— И ни одной радости въ жизни, произнесла она, какъ бы увлекаемая потокомъ своей мысли и не слыша моихъ словъ. Она крѣпко пожала мнѣ руку и скрылась въ черной гондолѣ, какъ въ гробу, увлекаемая отъ свѣта, отъ счастія своимъ тираномъ-мужемъ.

Трудно было вообразить, какъ этотъ мужъ былъ изобрѣтателенъ на муки. Онъ безжалостно обрывалъ отъ нея всякую надежду, всякое желаніе, едва зарождались онѣ. Мери любила музыку. Онъ выждалъ, пока фортепіано ея совершенно разстроилось и запретилъ поправлять его: она лишалась единственной отрады въ своемъ уединеніи. Въ свѣтѣ говорили, что Хоницкій, по слабости нервовъ, не можетъ переносить музыки и что она съ утра до вечера бьетъ по клавишамъ разстроеннаго фортепіано.

Еще носились слухи въ городѣ, будто бы на Хоницкаго нападали бандиты, но что, во время подоспѣвшая, полиція спасла его; говорили будто онъ сталъ подозрѣвать въ чемъ-то своего доктора и хочетъ перемѣнить его,—но все это были одни только слухи: самъ Петръ Егоровичъ не произносилъ объ этомъ ни слова. Я видѣлъ, однако, что онъ готовится оставить Венецію.

Слѣдя за Хоницкими съ нѣкотораго времени съ большимъ вниманіемъ, я не разъ замѣчалъ одного молодаго Итальянца, высокаго роста, закутаннаго съ ногъ до головы, который, казалось мнѣ, преслѣдовалъ ихъ издали; можетъ быть это было дѣло случая, но мое воображеніе, настроенное нѣсколькими словами, слышанными въ церкви, рисовало мнѣ черныя картины.

Однажды, поздно вечеромъ, проходя мимо палаццо, занимаемаго Хоницкимъ, я увидѣлъ таинственнаго Итальянца; онъ не шелъ, а бѣжалъ, и въ два прыжка очутился на мраморной площадкѣ крыльца, лицомъ къ лицу съ докторомъ, выходившимъ отъ Хоницкихъ.

— Докторъ, милой докторъ, говорилъ онъ дрожащимъ отъ восторга голосомъ и судорожно сжимая его въ объятіяхъ, *онъ* погибъ!

— Кто?

— Ея мужъ, Хоницкій!

— Какъ? гдѣ?

«Въ волнахъ безмолвныхъ океана,» отвѣчалъ Италіянецъ словами извѣстнаго соотечественнаго ему поэта. Теперь она свободна! Не правда-ли? О, говорите, докторъ, говорите!

— Да, она свободна, печально отвѣчалъ докторъ. Она скончалась!

Какъ приросшій къ землѣ, неподвиженъ и безмолвенъ стоялъ Италіянецъ.

«И ни одной радости въ жизни» подумалъ я. «Бѣдная Мери!»

Я оставилъ Венецію и отправился куда глаза глядятъ. Моя путеводная звѣзда сжалилась надо мною и привела меня сюда, въ Дрезденъ, къ вамъ! — Такъ кончилъ разсказъ свой нашъ дорогой К.

Ал — а Ков — ая.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

II.

Въ Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ мы нашли извлеченіе изъ 5 лвочныхъ челобитныхъ XVII вѣка, сдѣланное г. Милевскимъ. Въ этомъ извлеченіи не мало историческаго интереса; оно любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ на домашнее богатство Псковичей и тогдашней ихъ одежды.

1) 24 декабря 1671. Челобитье Псковскаго Варламскаго съ площади священника Максима Өедорова (*), поданное на имя Государя Алексѣя Михайловича Псковскому воеводѣ князю Даниле Степановичу Гагину, о покраденныхъ 23 декабря въ его домѣ вещахъ, которымъ и роспись приложена къ челобитью. По росписи значатся слѣдующія вещи покраденными.

1) цѣпочка серебряная; на ней десять крестовъ и 20 пронизокъ — цѣною на 10 рублей, 2) 10 перстней—на 3 р. съ полтиною, 3) подзатыльникъ жемчужный, въ 15 р., 4) 10 пуговицъ однорядныхъ, большихъ, золоченыхъ, на 7 руб., 5) 10 рублей денегъ, 6) трои голубцы, цѣною 15 р., 7) чарка серебряная, золоченая, 40 алт., 8) три золотника жемчугу, цѣна 5 руб., 9) серги двои, четки жемчужныя, камень яхонтъ, цѣною 12 руб., 10) серги жемчужныя съ камнемъ сердоликовымъ, 5 р. и 11) шапка суконная червленовая, камская, — 40 алтынъ.

2) 23 ноября 1671. Челобитье Никольскаго съ гребли священника Степана Сидорова. Пишетъ, что «къ 22-му числу ноября, въ ночи, пришли невѣдомые воры къ его дому и, съ переулка, разломали тынъ, и вынесли изъ его дома: 1) муки ржаной и пшеничной осмаковъ 10-ть, 2) яндову мѣдную, луженую, и 3) три шапки женскія, съ пухомъ бобровымъ, и шапку мужскую съ куницею, и много всякаго платянаго и мѣднаго и желѣзнаго живота, на 15 р. съ полтиною; воры же тѣ, обознанные сосѣдями и преслѣдуемые, разметали въ переулкѣ свой воровской запасъ: кистень на ремнѣ, буравецъ большой желѣзный и лѣстницу деревянную объ 11-ти ступеняхъ.»

3. 24 декабря 1671. Челобитье Псковскаго посадскаго человѣка Матөея Галкина. — Жалуется, что «1 декабря ограбили его невѣдомые воры, въ переулкѣ средняго города, въ ночи въ 3 часу, и сняли съ него платья: 1) кафтанъ верхній синій цѣною 3 руб. 2) исподній кафтанъ теплый подъ кумачемъ—цѣною 2 руб. съ полтиною, 3) крестъ серебрянный золоченный съ сердоликами, въ 2 р. 50 к., 5) шляпу, въ 1 р., 9) рукавицы съ деяницами, въ 2 гривны.» (**)

4. 5 января 1671. Челобитье писца съѣзжей избы Бориса Филиппова объ украденной изъ съѣзжей избы, изъ разряднаго стола, шапкѣ его. — «Шапка краснаго сукна съ куницею, подъ исподомъ тулейка краснаго же сукна, — цѣною 15 алтынъ, и въ той шапкѣ былъ платокъ.»

5. 24 декабря 1671. Челобитье подьячаго Степана Өедорова объ украденныхъ у него рукавицахъ, а «рукавицы были овчинныя подъ сукномъ червленымъ, съ бобровымъ пухомъ—цѣною 1 р. 50 к.»

(*) Въ подлинникѣ сказано: *Максимище*; такъ себя называетъ проситель; и имена просителей слѣдующихъ 4-хъ челобитныхъ въ подлинникѣ означены такъ: *Степанище*, *Матвешко*, *Бориско*, *Степанище*.

(**) Въ Олонецкой губерніи вмѣсто *деяницы* говорятъ *дельницы* Такъ въ отличіе отъ рукавицъ, обыкновенно кожаныхъ, называется *шерстяная вязанная обувь* на рукахъ, отличающаяся отъ перчатокъ тѣмъ, что она безъ пальцевъ. *Для* красоты и большаго удобства сверхъ деяницъ обыкновенно надѣваются ру[illegible]

Изъ первыхъ двухъ челобитныхъ видно, что духовенство Псковское (XVII вѣка) жило, судя по оцѣнкѣ покраденныхъ вещей и по рѣдкости и цѣнности тогдашней монеты, довольно зажиточно и даже богато; а изъ третьей челобитной — что Псковичи, посадскіе люди, одѣвались, въ зимнее время, и тепло и очень богато, и любили, вѣроятно, поразсѣяться; на что указываетъ 1-ое декабря, въ которое ограбленъ Псковитянинъ Галкинъ, предшествуемое днемъ Св. Апост. Андрея—днемъ ангела, быть можетъ, какого нибудь родственника Галкина, или его пріятеля, или днемъ крестинъ въ его родственномъ или пріятельскомъ домѣ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ГЕТЕ.

(Продолженіе.)

Наконецъ препятствія были устранены, не безъ труда, однакожъ.

Октября 16-го прошлаго года статуя прибыла во Франкфуртъ. Уже въ Мюнхенѣ, колоссальная повозка, на которой статую вывезли изъ мастерской литейщика, была сопровождаема радостными криками и украшена флагами и вѣнками. Къ сожалѣнію, при въѣздѣ ея во Франкфуртъ, погода не благопріятствовала торжественному пріему. Не смотря на то, при проливномъ дождѣ, повозка ѣхала по улицамъ, украшенная цвѣтами при многочисленномъ стеченіи народа. Впереди шли музыканты, а за ними воспитанники Штедельскаго Института Художествъ со своимъ знаменемъ; потомъ члены комитета и, наконецъ, безпрестанно *возраставшая толпа любопытныхъ.*

Когда статуя прибыла на назначенное мѣсто, погода прояснилась... ясный лучъ солнца освѣтилъ колоссъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы оживилъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Литейщикъ Мюллеръ шелъ тотчасъ за повозкой и, по прибытіи ея на мѣсто, принялся за дѣло. Всѣ предварительныя работы были кончены, фундаментъ положенъ... но увы! забыли исполнить обыкновенный, въ подобныхъ случаяхъ, обрядъ; въ основаніи не было положено медали!.. — 18-го октября, при громѣ пушекъ, гремѣвшихъ въ воспоминаніе о лейпцигской битвѣ, поднялась мѣдная статуя на гранитный пьедесталъ... Этотъ торжественный моментъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Тогда комитетъ опять занялся приготовленіями къ празднеству, на каждомъ шагу встрѣчая новыя препятствія. Правительственныя мѣста не только не помогали комитету, но послѣдній едва едва выхлопоталъ, чтобы позволено было срубить нѣкоторыя деревья, закрывавшія памятникъ. Впрочемъ, не одни правительственныя мѣста, но и почти весь городъ оставался равнодушнымъ къ торжеству. Богатѣйшіе купеческіе дома отказались отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Цехи взяли на себя построеніе фундамента и потомъ отстранились. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, нужная сумма была собрана.

Чтобы воспрепятствовать давкѣ при многочисленномъ стеченіи народа, около памятника была устроена ограда. Бѣлое покрывало таинственно окутывало мѣдную статую...

Около одиннадцати часовъ собрались въ городскомъ манежѣ всѣ, приглашенные къ празднеству, которые оттуда прошли часть города къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ памятникъ. Шествіе открывали музыканты и попарно шедшіе воспитанники разныхъ учебныхъ и художественныхъ заведеній. Тысячи народа толпились по улицамъ. На деревьяхъ сидѣли мальчики. У оконъ, даже на крышахъ, стояли группы зрителей...

Наконецъ, всѣ остановились на отгороженномъ мѣстѣ, близъ памятника. Хоръ, состоявшій изъ сотни пѣвчихъ, запѣлъ, съ аккомпаниментомъ военной музыки, кантату, сочиненную на этотъ случай. Потомъ президентъ комитета, докторъ медицины Шписъ, взошелъ на ступени закрытаго еще памятника и произнесъ рѣчь, съ чувствомъ и жаромъ... Наступила глубокая тишина... Ора-

торъ изложилъ всю важность этой минуты, въ нѣкоторыхъ фактахъ коротко разсказалъ всю исторію памятника; волненіе достигло высшей степени, когда наступила торжественная минута открытія памятника...

Всѣ сердца сильно бились, въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи...

Но вотъ покрывало опустилось... Минута глубокаго молчанія... и вдругъ радостный, восторженный кликъ народа, смѣшался съ громкою, радостною музыкою!..

Въ эту незабвенную минуту бургомистръ города получилъ листъ пергамента, на которомъ памятникъ поручался *покровительству* города. Комитеръ хотѣлъ было назвать его *достояніемъ, собственностью* города, но сенатъ, отказавшійся отъ участія въ распоряженіяхъ комитета, не принялъ памятника въ собственность города!.. Какіе мелочныя, ничтожныя прихоти!..

Статуя Гете есть, безспорно, мастерское произведеніе ваянія. Согласіе всѣхъ частей, величіе общаго поражаютъ всякаго невольнымъ восторгомъ. Вышина статуи 14 футовъ, а вышина пьедестала 12 футовъ.

Гете представленъ въ спокойномъ, не изысканномъ, но совершенно натуральномъ положеніи. Сходство лица поразительно, въ чемъ свидѣтельствовали всѣ старые, живые еще друзья покойнаго поэта, присутствовавшіе на торжествѣ. Барельефы, находящіеся по четыремъ сторонамъ пьедестала, имѣютъ между собою связь. Впереди представлена Наука, въ видѣ аллегорической фигуры; по правую сторону ея видно изображеніе драматической поэзіи, окруженной замѣчательнѣйшими лицами изъ драмъ Гете; на лѣво видна фигура эпической поэзіи, близь которой находятся Германъ и Доротея и другія лица изъ Вильгельма Мейстера и балладъ Гете; на задней сторонѣ памятника изображена аллегорическая фигура викторіи, раздающая по обѣ стороны вѣнки.

Домъ, гдѣ жилъ Гете въ Веймарѣ.

Такъ какъ по причинѣ холодной погоды нельзя было долго оставаться на открытомъ воздухѣ, то къ пяти часамъ всѣ приглашенные собрались въ биржевую залу, освѣщенную множествомъ люстръ. Тамъ были уже накрыты столы на 500 приборовъ. Къ концу обѣда, въ глубинѣ залы, открылся огромный транспарантъ, изображавшій рожденіе Гете съ разными аллегоріями.

Предъ началомъ обѣда и въ концѣ были произнесены рѣчи, а во все продолженіе обѣда играла музыка и пѣли хоры. Тосты слѣдовали за тостами...

Между тѣмъ и улицы были оживлены. Около памятника раздавались серенады; все было освѣщено, вездѣ слышались радостные клики.

Великолѣпно былъ освѣщенъ домъ, въ которомъ родился Гете и на которомъ въ тотъ же день появилась надъ дверьми бѣлая мраморная доска съ золотою надписью, указывавшею всѣмъ жилище, въ которомъ протекло дѣтство великаго франкфуртскаго поэта.

Комната рабочая.

На другой день послѣ представленія Эгмонта, нѣкоторые члены празднества опять собрались въ одной изъ загородныхъ гостинницъ. На третій день все еще продолжалось празднество и небольшому числу собравшихся были розданы разныя вещи, сдѣланныя изъ дерева, посаженнаго дѣдомъ Гете въ день рожденія его и изсохшемъ въ день смерти поэта.

Комната гдѣ умеръ Гете.

На четвертый день въ музеумѣ было открыто, въ честь Гете, первое общее засѣданіе, сопровождаемое приличнымъ торжествомъ.

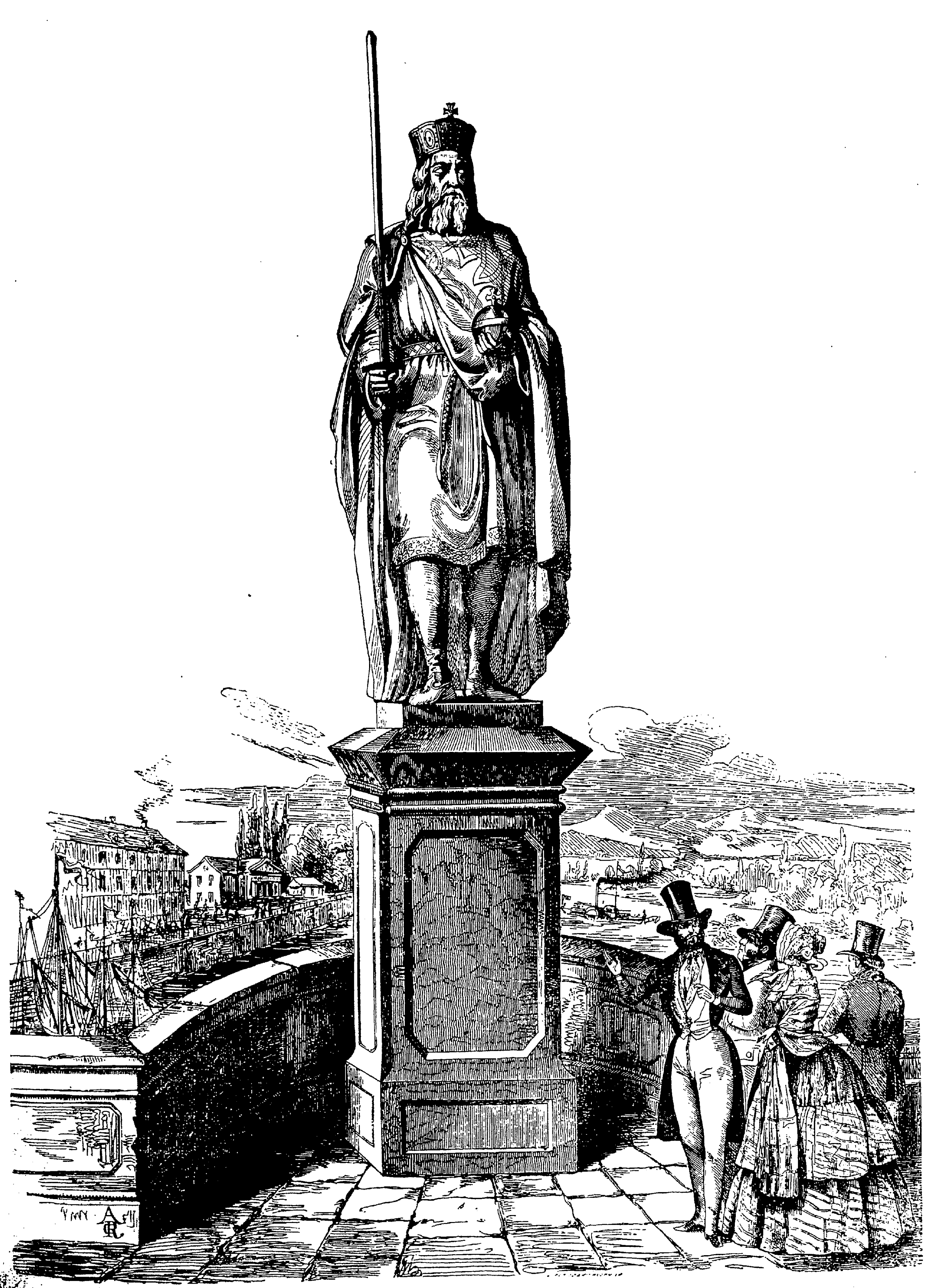
Но прекраснѣйшимъ, прочнѣйшимъ воспоминаніемъ объ этомъ великомъ днѣ остался самый памятникъ...

ХУДОЖЕСТВА.

СТАТУЯ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Карлъ Великій, подобно Александру Македонскому, Августу, Наполеону, принадлежитъ всему міру, всему человѣчеству. Онъ одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые измѣняютъ всеобщую географію на зло всѣмъ профессорамъ политическихъ наукъ. Исторія Карла Великаго каждому извѣстна, должна быть извѣстна, но не каждый знаетъ, что на мосту черезъ Майнъ, между Франкфуртомъ и Саксенъ-гаузеномъ, уже болѣе года возвышается колоссальная его статуя, принадлежащая къ числу счастливыхъ произведеній новѣйшей скульптуры.

Никто не думалъ поставить этотъ монументъ на мосту. Карлъ Великій какъ будто самъ пришелъ и сталъ на точкѣ, соединяющей южную и среднюю Германію. Выборъ мѣста — случайный. Ни на одной площади въ старомъ имперскомъ городѣ не оказалось удобнаго мѣста для статуи; поставили отъ «некуда дѣть» на мостъ и вышло прекрасно и умѣстно. Статуя была заказана для Художественнаго Генделева Института, молодому даровитому художнику Вендельштету; онъ сочинилъ ее, началъ моделлировать и умеръ. Извѣстный ваятель Цвергеръ ее окончилъ. Въ статуѣ много достоинства и выраженія, въ особенности голова отличается тщательностію и нѣжностію отдѣлки. Лицевая часть статуи, вообще, удалась прекрасно; другая не такъ удачна, но случай, обративъ ее тыломъ къ рѣкѣ, скрылъ недостатокъ. Замѣчательно, что Саксенгаузенъ, саксонская колонія — основанъ Карломъ Великимъ. — Въ этомъ событіи какъ будто случай справлялся съ исторіей и руководствовался разумнымъ расчетомъ.



Статуя Карла Великаго на мосту во Франкфуртѣ.

КІЕСЪ.

(*Продолженіе*).

Когда готтентотская орда изберетъ себѣ мѣстопребываніе, обыкновенно у подножія лѣсистаго холма, по близости отъ ручья или источника, то начальникъ чертитъ на землѣ большой кругъ, на окружности котораго означаетъ мѣста хижинъ, дверьми обращенныхъ къ центру. Такимъ образомъ хижины, соприкасаясь или будучи связаны между собою плотнымъ заборомъ, защищаютъ въ серединѣ ихъ находящійся дворъ, въ который на ночь запираютъ скотъ. Самыя хижины имѣютъ продолговатую, но большею частію круглую форму и походятъ на улья. Каждая имѣетъ отъ 24 до 28 футовъ въ діаметрѣ; но онѣ такъ низки, что въ нихъ нельзя стоять прямо, даже въ серединѣ, гдѣ обыкновенно разводятъ огонь. Дверь, вышиною неболѣе какъ въ три фута, есть единственное отверзтіе, въ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ.

Однако это нисколько не безпокоитъ Готтентота, ползкомъ входящаго въ хижину, и съ малолѣтства привыкшаго къ дыму. Закутавшись въ свою барабанью шкуру, онъ высовываетъ изъ нея носъ только для того, чтобы поправить огонь, закурить трубку или перевернуть мясо, которое жарится на угольяхъ.

Готтентотъ легко добываетъ матеріалы, изъ которыхъ строитъ свою хижину и съ большимъ искуствомъ умѣетъ соединять ихъ; они состоятъ обыкновенно изъ переплетенныхъ сучьевъ и изъ рогожъ, совершенно покрывающихъ хижину. Эти рогожи, весьма чисто выработанныя, дѣлаются изъ тростника или камыша, сложеннаго параллельно и перевязаннаго сушеными жилами, въ видѣ ремней.

Когда Готтентотъ переселяется, то срываетъ хижину, наваливаетъ сучьи и рогожи на своихъ воловъ и, избравъ новое мѣстопребываніе, опять строитъ ее изъ прежняго матеріала, съ небольшою примѣсью новаго, и все это въ теченіи однихъ сутокъ.

Но, я замѣчаю, что дѣлаю излишнее отступленіе, потому что бѣдные бошесмены, которыхъ мы оставили на лощинѣ, будучи безпрестанно преслѣдуемы какъ хищные звѣри и принуждены бродить съ горы на горы, и жить въ пещерахъ, немогли имѣть ни хижинъ, ни крайля; съ большою трудностью они могли тащить за собою нѣсколькихъ тощихъ воловъ и коровъ; послѣдніе снабжали женъ и дѣтей ихъ молокомъ.

Готтентоты никогда не пьютъ свѣжаго молока; лишь только они подоятъ коровъ, то смѣшиваютъ свѣжее молоко съ кислымъ и хранятъ его въ мѣшкѣ изъ телячьей шкуры, съ обращеннаго во внутрь шерстью, которая, по ихъ мнѣнію, чище другой стороны шкуры. Впрочемъ, этотъ обычай принятъ даже нѣкоторыми боэрами.

Когда всѣ бошесмены, собравшіеся на лощинѣ, покурили нѣсколько минутъ въ молчаніи, Кіесъ всталъ и сказалъ:

— *Зика т'аи* (братья мои), вы всѣ знаете, что я люблю Тракозію и что эта молодая дѣвушка любитъ меня; слѣдовательно, я долженъ жениться на ней. Вчера, отецъ и мать ея позволили мнѣ увести ее съ собою въ мою пещеру; она пошла со мною, мы вмѣстѣ провели ночь и она согласна сдѣлаться моей женою; я созвалъ васъ въ свидѣтели моего брака.

Тогда всталъ одинъ изъ старыхъ родственниковъ молодой дѣвушки, взялъ ее за руку и отвелъ въ сторону. Всѣ женщины послѣдовали за нею и усѣлись вокругъ нея на корточкахъ. Тотъ же старикъ взялъ за руку Кіеса и поставилъ его въ кружокъ, образовавшійся изъ мужчинъ. Потомъ онъ вымазалъ молодымъ людямъ тѣло благовоннымъ жиромъ, запачкалъ ихъ краснымъ мѣломъ и по знаку его Тракозія перешла въ кружокъ, гдѣ стоялъ Кіесъ. Тогда старый родственникъ произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Живите счастливо! Желаю вамъ имѣть сына до истеченія года; и пусть сынъ этотъ будетъ хорошимъ звѣроловомъ и неустрашимымъ воиномъ!...

И бракъ былъ заключенъ безъ дальнѣйшихъ церемоній; но, согласно съ обычаями, Кіесъ приказалъ привесть быка, котораго убили, изжарили и съѣли; каждый изъ гостей имѣлъ право вымазать себя бычачьимъ жиромъ. Сытный обѣдъ, — рѣдкость у бѣдныхъ бошесменовъ, безпрестанно подвергающихся опасности умереть съ голоду въ пустынѣ, — и радость, что молодой начальникъ, котораго они любили, женился, такъ развеселили бошесменовъ, что они пропировали до глубокой ночи.

Такъ какъ я не думаю, чтобы кто либо изъ моихъ читателей присутствовалъ на готтентотскомъ пиршествѣ, то постараюсь вкратцѣ описать одно изъ нихъ.

Прежде, чѣмъ я стану говорить о готтентотскихъ пляскахъ, я долженъ вамъ сказать два слова о музыкѣ, сопровождающей эти пляски.

Оркестръ состоялъ изъ четырехъ музыкантовъ. Одинъ игралъ на *т'гоэрръ*, другой на *т'гютъ*, третій на *т'кой-ткоъ*, а четвертый припѣвалъ. Т'гоэрра состоитъ изъ лука, устроеннаго въ видѣ смычка, длиною въ одинъ футъ; на концѣ веревки, сгибающей лукъ, прикрѣплено перо въ полдюйма длины. Играющій дуетъ въ это перышко по направленію веревки, что производитъ довольно рѣзкій и громкій звукъ.

Т'гютъ есть нѣчто въ родѣ скрыпки, состоящей изъ одного куска дерева, на которомъ натянуты три или четыре струны. Музыкантъ наудачу пилитъ по этимъ струнамъ смычкомъ.

Т'кой-т'кой есть ничто иное, какъ барабанъ изъ кожи, натянутый на выдолбленное дупло. Музыкантъ бьетъ на кожѣ палочками или пальцами.

Читатели поймутъ, что съ такими инструментами нельзя произвесть никакихъ модуляцій — можно только надѣлать шуму; а потому Готтентоты употребляютъ ихъ только для аккомпанированія пѣнія. Но, надо сказать правду, монотонное пѣніе ихъ немногимъ лучше инструментальной музыки.

Старуха пѣла piano первые два такта, а молодые люди хоромъ отвѣчали послѣднимъ тактомъ.

Лишь только началась музыка, плясуны стали по мѣстамъ. Въ пляскѣ ихъ не выказывались ни искуство, ни ловкость, потому что она состояла только изъ легкаго, медленнаго движенія ногъ, и по временамъ пляшущіе помахивали маленькими палочками, которыя были у нихъ въ рукахъ.

Другіе же, по той же музыкѣ, взялись за руки, стали въ кружокъ и медленно кружились, сначала около одного, потомъ около нѣсколькихъ человѣкъ, входившихъ въ середину круга; движенія послѣднихъ были живѣе и быстрѣе. Любопытнѣе всего было смотрѣть на маленькихъ дѣтей, висѣвшихъ въ мѣшкахъ, на спинахъ матерей и покачивавшихся взадъ и впередъ, согласно съ движеніями плясавшихъ. Эта качка ни только не пугала дѣтей, но они были очень довольны ею, и когда матери переставали плясать, то дѣти принимались плакать и кричать изо всѣхъ силъ.

Когда плясавшіе уставали, то садились около огней, у которыхъ варились мелко-нарѣзанные куски говядины въ мѣдныхъ котлахъ, или жарилась телятина на горячихъ угольяхъ.

Между тѣмъ другіе молодые люди стали на мѣста, чтобы приплясать *т'горлоку*. Музыканты подняли страшную суматоху, стараясь подражать произительнымъ крикамъ обезьянъ, дерущихся на смерть. Плясуны же прыгали, кобянились, ковыркались, то всѣ вмѣстѣ, то попарно, то въ одиначку; иногда они ползали на четверенькахъ, кобянились и принимали самыя уродливыя положенія, при крикахъ толпы, окружавшей ихъ. Но самый большой восторгъ возбуждали тѣ плясуны, уродливыя движенія и гримасы которыхъ искуснѣе подражали движеніямъ обезьянъ.

Потомъ проплясали *т'ою* или пляску пчелъ, менѣе живую и шумную, и во время которой плясуны тихонько жужжатъ, стараясь подражать шуму, производимому полетомъ пчелъ.

Около огней нѣсколько Готтентотовъ занимались разными играми, напѣвая монотоннымъ голосомъ безсвязные звуки. Одинъ бошесменъ сидѣлъ отдѣльно и безпрестанно выдумывалъ разныя движенія, которыя прочіе, сидѣвшіе предъ нимъ, должны были повторять, но такимъ образомъ, чтобы не дотрогиваться другъ до друга; кто дотронется, тотъ проигралъ и въ штрафъ долженъ продержать извѣстное время, между большимъ и указательнымъ пальцомъ, маленькую палочку, что весьма забавляетъ товарищей его, которые во все это время дразнятъ его.

По временамъ, молодыя дѣвушки уходили въ пещеры и черпали изъ коженныхъ мѣшковъ кислаго молока, которое подносили гостямъ въ маленькихъ корзинкахъ, столь плотно сплетенныхъ, что изъ нихъ не вытекала ни одна капля жидкости.

Уже приближалось утро, а бошесмены все еще предавались веселію, тѣмъ болѣе живому и радостному, что когда молодой начальникъ созвалъ ихъ, то они ни какъ не ожидали праздника, а скорѣе непріятнаго извѣстія.

Одинъ Кіесъ, виновникъ веселія, не принималъ участія въ общей радости.

Съ печальнымъ озабоченнымъ видомъ прогуливался онъ по лощинѣ, и взоры, болѣе проницательные, нежели взоры его соотечественниковъ, могли бы прочесть на лицѣ и въ морщинахъ лба его смертельное безпокойство, пожиравшее сердце его. По временамъ онъ углублялся въ кустарникъ, окружавшій источникъ, и глаза его какъ бы старались увидить во мракѣ ночи предметъ, ему одному извѣстный. Наконецъ, за минуту до солнечнаго восхода, онъ услышалъ шумъ вереска подъ шагами молодаго ловкаго бошесмена, который въ нѣсколько часовъ, не останавливаясь, пробѣжалъ болѣе десяти лье; этого не сдѣлаетъ и лучшая верховая лошадь, между тѣмъ какъ молодому, дикому Готтентоту это шутка.

— Какія новости, Клаасъ?... спросилъ начальникъ.

— Я исполнилъ твое приказаніе и луна не достигла еще половины своего пути, когда я уже бродилъ около жилища боэра Диркъ-Маркуса. Я вскорѣ увидѣлъ, что къ нему вошелъ колдунъ Палоо; я пробрался за нимъ и счастливо прошелъ до окна, подъ которымъ я могъ все слышать, не будучи замѣченъ.

— Что же ты слышалъ?

— Палоо продавалъ братьевъ своихъ боэрамъ!..

— Я былъ увѣренъ въ его измѣнѣ; далѣе?

— Они теперь знаютъ наше убѣжище и сегодня утромъ хотятъ напасть на насъ.

— Довольно; ступай за мною.

Кіесъ поспѣшилъ къ лощинѣ и свиснулъ...

Въ одно мгновеніе прекратились игры и пляски, всѣ въ безпорядкѣ вскочили и со страхомъ окружили начальника...

— *Зика т'аи* (братья мои), — сказалъ Кіесъ, собравшимся бошесменамъ, — вы всѣ свободные Готтентоты, а не бѣглые невольники, какъ называютъ насъ наши преслѣдователи. Что вы видѣли вокругъ города Мыса Доброй Надежды?... Семь висѣлицъ и десять колесъ, ожидающихъ насъ, если мы будемъ пойманы!... Зика т'аи, намъ угрожаетъ большая опасность, потому что бѣлымъ извѣстно наше убѣжище и теперь уже они собираются напасть на насъ. Вамъ остаются двѣ крайности: сражаться и побѣдить — тогда вы сохраните и свободу, и хижины, и стада... или бѣжать! Тогда васъ будутъ гнать какъ дикихъ звѣрей, убивать, вѣшать, колесовать!... Выбирайте!

Невозможно описать ужаса, который эти грозныя слова произвели на всю толпу. Женщины плакали, и съ невыразимымъ страхомъ осматривались, въ которую сторону бѣжать; мужчины схватили луки и копья и окружили молодаго начальника.

— Что же намъ дѣлать? спрашивали они его.

— Повиноваться мнѣ и защищаться.

— Мы будемъ защищаться: приказывай.

Ничѣмъ нельзя такъ хорошо внушить людямъ повиновенія, какъ страхомъ, но необходимо, чтобы повелѣвающій самъ сохранялъ спокойное мужество. Такъ было и въ эту минуту. Самые независимые изъ бошесменовъ, въ мирное время, теперь первые были готовы повиноваться малѣйшимъ приказаніямъ Кіеса.

— Бѣлые, — сказалъ молодой начальникъ; — открываютъ наши убѣжища по дыму, подымающемуся надъ разводимымъ нами огнемъ; слѣдовательно, мы можемъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы завлечь ихъ въ западню. Мы уйдемъ съ этой лощины, но прежде того подбавимъ въ огни множество сухихъ сучьевъ, надъ которыми подымится огромный столпъ дыму, къ которому непремѣнно направятся бѣлые. Чтобы пробраться въ эту чащу, они должны будутъ пройдти ущелье т'корка, гдѣ лошади послужатъ имъ скорѣе во вредъ, нежели въ пользу: тамъ-то мы будемъ поджидать ихъ. Особенно, не забудьте, что не должно подражать несчастной привычкѣ нашихъ братьевъ, которая такъ часто была для нихъ пагубна: они сражались сомкнутыми рядами и чрезъ то иногда непріятельская пуля поражала заразъ двухъ или троихъ. Боэровъ, которые собираются напасть на насъ, всего пятнадцать человѣкъ, а насъ болѣе ста человѣкъ, слѣдовательно семеро на одного. Раздѣлитесь на пятнадцать шаекъ и разсѣйтесь въ разныя стороны, такимъ образомъ, однакожъ, чтобы въ случаѣ нужды вы могли соединиться. Пусть каждая шайка нападаетъ на одного бѣлаго, не заботясь о другихъ, и не отставая отъ него; нападайте на него со всѣхъ сторонъ и гоните его, не давая ему времени заряжать ружья. Если вы исполните мои приказанія и будете слѣдовать моему примѣру, то сегодня вечеромъ у насъ будетъ пятнадцатью притѣснителями менѣе, и гіэны будутъ терзать ихъ окровавленные трупы...

Твердое убѣжденіе и увѣренность Кіеса въ побѣдѣ сообщались уму и сердцу другихъ дикарей; общимъ, единодушнымъ, громкимъ восклицаніемъ они поклялись повиноваться ему и послѣдовать его примѣру.

Накидавъ въ огонь сухихъ сучьевъ и вереску, они послѣдовали за начальникомъ, идя гуськомъ и храня глубокое молчаніе. Кіесъ шелъ первый, за нимъ слѣдовало пятьдесятъ воиновъ; потомъ женщины, дѣти и волы, нагруженные вещами; наконецъ, еще пятьдесятъ воиновъ, подъ предводительствомъ Клаоса, составляли арьергардъ этой небольшой арміи.

(Продолженіе впредь).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Градъ—Ржаной Червь.—Судно Фридрихъ Францъ.—Ошибка.—Сюжеты для фельетоновъ.

Наступилъ августъ. Жизнь нашего города ни чѣмъ не измѣнилась; пока мало новаго, и то не занимательно; неужели писать о томъ, что на улицахъ нашей Столицы по вечерамъ зажигаютъ уже фонари. Предоставляемъ этотъ предметъ для упражненія молодыхъ людей въ фельетонномъ краснорѣчіи. Для насъ августъ принесъ только обильные дожди, фонари напомнили о приближеніи осени, а желтые листья, эти сѣдины года, о томъ, что и 1845 состарѣлся; пора думать объ оставленіи дачъ и какъ расположиться на зимнихъ квартирахъ. И такъ все наше лѣто, карикатура южныхъ зимъ, заключилось въ немногихъ ясныхъ и жаркихъ дняхъ; можно исчислить, по метеорологическимъ наблюденіямъ, что у насъ лѣто было не болѣе двухъ недѣль. Но когда на сѣверѣ дули непрерывные вѣтры, нанося частый и обильный дождь, на югѣ Россіи стояла постоянная засуха, почти повсемѣстно; саранча истребляла жатву; градобитья во многихъ губерніяхъ уничтожили не мало хлѣба. Мѣстами градъ имѣлъ до 3 золотниковъ вѣса, иногда величиною былъ съ голубиное яйцо. Въ Лифляндіи давно уже существуетъ общество страхованія отъ градобитія. Отъ чего бы и въ другихъ губерніяхъ не завести подобнаго учрежденія. Можетъ быть состояніе нашего хозяйства не вездѣ будетъ благопріятствовать составленію такихъ обществъ; но трудно вѣрить, чтобы они во всей Россіи нигдѣ уже не могли образоваться. Успѣхъ всѣхъ другихъ страховыхъ обществъ, кажется, ручается, что и общества противу града могли бы осуществиться съ обоюдною выгодою для капиталистовъ и края.

⁂ Не только вода, засуха, градъ и саранча вооружаются противу земледѣльца; у него много враговъ разнаго рода; одинъ изъ опаснѣйшихъ—это безъ сомнѣнія ржаной червь; во многихъ мѣстахъ Россіи онъ иногда не уступалъ саранчѣ въ опустошительности, и земледѣлецъ лишался жатвы, не видя возможности помочь горю. Помѣщикъ Вилькомирскаго Уѣзда г. Вильчинскій, уже 17 лѣтъ спасаетъ свои жатвы отъ нашествія ржанаго червя. Сосѣди видятъ плоды его заботливости, знаютъ средство, правительство о немъ напоминаетъ и, не смотря на то, не многіе (что бы не сказать никто) подражаютъ полезному примѣру. Авось въ этомъ году червя не будетъ... и на этомъ авось устроены всѣ надежды, которыя на лѣто червь безжалостно уничтожаетъ. Г. Вильчинскій заблаговременно предъ озимыми посѣвами назначенный для того хлѣбъ смѣшиваетъ съ багуномъ (Ledum palustre), или же зерно разсыпается на подстилку изъ этой травы и сюжено покрывается. Хлѣбъ, такимъ образомъ приготовляемый къ посѣву, никогда не дѣлался добычею ржанаго червя. И удивительно, что ничтожное безпокойство, нѣсколько лишнихъ дней работы, удерживаютъ хозяевъ отъ употребленія средства, оправданнаго опытомъ на ихъ глазахъ. За то послѣ этого неудивительно, что у насъ, кромѣ Лифляндіи, нѣтъ нигдѣ обществъ противу града.

⁂ 25-го октября 1844 года, мекленбургское трехъ мачтовое судно, Фридрихъ Францъ, Джона Кордеса, отправилось въ Таганрогъ съ грузомъ паровой машиной. 28-го шкиперъ бросилъ якорь на таганрогскомъ рейдѣ, но такъ какъ судно безъ груза не могло тутъ оставаться, то машина оставалась на кораблѣ, а шкиперъ нагружалъ его хлѣбомъ, и принялъ уже до 600 чет. ржи. Между тѣмъ наступило бурное время; при замерзаніи азовскихъ береговъ, сильною погодою сорвало съ якорей шесть купеческихъ кораблей, въ томъ числѣ и этотъ. Оставленное шкиперомъ и матросами судно Фридрихъ Францъ унесено въ море и пропало безъ вѣсти. Напрасны были всѣ розысканія. Шкиперъ съ матросами уѣхалъ за границу. Судно было совершенно новое и стоило по словамъ шкипера 30,000 р. с. — Англійскій подданный шкиперъ Вальсамо, управляющій азовскою каботажною лодкою купца Хаджопуло, 26-го минувшаго іюня съ тремя пассажирами пошелъ изъ Керченскаго Пролива къ Генической Пристани за солью. Противный вѣтеръ заставлялъ его постоянно итти лавирами. На четвертый день труднаго плаванья, Вальсамо замѣтилъ судно, которое, повидимому, стояло на якорѣ, потому что оно было носомъ обращено къ вѣтру. Подошедъ къ судну, шкиперъ замѣтилъ, что у бортовъ висѣли доски, какъ это дѣлается для предохраненія кузова отъ надрѣзовъ льда. Шкиперъ сталъ окликать судно, отвѣта не было. Онъ переѣхалъ на корабль и нашелъ тамъ все въ величайшей исправности; кромѣ незначительныхъ поврежденій, все было въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. Воды въ немъ, послѣ 8 мѣсячнаго плаванія, по волѣ вѣтровъ, было едва только въ ровень съ грузомъ ржи; бумаги, постели, всѣ пожитки были на своихъ мѣстахъ, какъ будто жильцы только что ушли оттуда. Изъ трюма ощутителенъ былъ сильный запахъ отъ ферментаціи хлѣба. Якорная цѣпь была вся выпущена, на ней то и держалось судно, цѣпь вытащили; но вмѣсто якоря нашли большой комъ, болѣе чѣмъ въ 50 пудъ, изъ свернувшейся той же цѣпи; эта тяжесть замѣнила якорь и спасла судно. Шкиперъ Вальсамо привелъ это судно въ Керченскій Портъ 7-го іюля въ совершенной цѣлости. Во время бури, утащившей корабль, на немъ были свинья, коза и куры; послѣдніе не долго прожили; ихъ вѣроятно съѣла хавронья; остались косточки; хавронья же принялась было за канаты, изгрызла ихъ порядочно, потомъ отправилась въ судовую кухню, гдѣ и околѣла.

⁂ Въ литературѣ все еще продолжается лѣто, хотя въ натурѣ оно уже кончилось. Книгъ.... сколько угодно старыхъ, новой ни одной; а старыхъ такое множество, что не куда дѣваться съ ними. Теперь всѣ книги стары, безъ дальнѣйшихъ справокъ съ хронологіей. Вчера ли, прошлаго ли года вышла книга, все равно, она уже стара, потому что не покупается. Да и какъ покупать книги, когда засуха, градъ, саранча, черви и другіе ужасы владычествуютъ въ природѣ? Когда доходъ этого года уже съѣденъ ненасытными врагами человѣческаго труда. Жирны, богаты и счастливы только эти черви... А книги пища другихъ насѣкомыхъ, которые уже истлили всю русскую литературу, истощили силы книжной торговой дѣятельности. — Музыка, театры?... Мы недавно были введены въ заблужденіе ложнымъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ въ Столицу нашу г-жи Плесси, тогда какъ знаменитой артистки въ Петербургѣ еще не было. Считаемъ обязанностію увѣдомить нашихъ читателей о неумышленной ошибкѣ. — Ошибаться свойственно человѣку; между ошибками и невѣжествомъ безмѣрная разница. Невѣжество достойно преслѣдованія, мы глядимъ и улыбаемся, исправятся, поумнѣютъ. — Бѣденъ нашъ еженедѣльникъ, но неужели для наполненія столбцевъ Иллюстраціи писать о фонаряхъ, которые стали зажигать съ 1-го августа? Такъ, пожалуй, можно бы легко наполнить два листа извѣщеніями, что тамъ то строится домъ купца такого-то, а тамъ чинятъ мостовую. Впрочемъ, для упражненія молодыхъ людей въ фельетонномъ краснорѣчіи и это хорошія темы...

⁂ Конечно, такихъ сюжетовъ можно бы набрать не мало. Стоитъ поѣхать на пороховой дворъ, гдѣ заготовляютъ фейерверки, и справиться, гдѣ будутъ въ августѣ потѣшные огни. Августъ не такъ славенъ фонарями, какъ фейерверками большими, средними, малыми; ранняя темнота вечера благопріятствуетъ забавамъ этого рода. Недавно Германнъ сжегъ для своихъ посѣтителей небольшой фейерверкъ; въ деревнѣ «Ижора» близь парголовской мызы, также сожженъ фейерверкъ; фейерверки проживутъ только августъ, это принадлежность августа, которая, иногда, можетъ быть великолѣпно занимательна, а фонари 1-го августа интересны только для дѣтей, потому что возвѣщаютъ имъ окончаніе каникулъ. На тему «фейерверкъ» гораздо легче писать; сколько тутъ можетъ быть фигуръ, залповъ насмѣшки, блестокъ остроумія, и тому п. Право для газетныхъ хрій фейерверки едва ли не лучше уличныхъ фонарей. Ломоносовъ на иллюминаціи написалъ цѣлый томъ стихотвореній. Жюль Жаненъ изъ какихъ пустяковъ умѣетъ состряпать забавный фельетонъ. У насъ же нынче, кто можетъ держать перо въ рукахъ, пишетъ фельетоны и лезетъ въ Жюль-Жанены. Мы увѣрены, что наши самые новѣйшіе, самые послѣдніе Жюль-Жанены не преминутъ воспользоваться нашимъ совѣтомъ и испытаютъ силы свои въ фейерверочномъ родѣ. — Неудачь не должно бояться; если остроуміе отсырѣетъ, — ничего, — въ извѣстномъ возрастѣ и самое сухое остроуміе водяно; оно испарится, окрѣпнетъ, изощрится отъ упражненія... Дерзайте!...

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ МИЛАНѢ

ПО СЛУЧАЮ

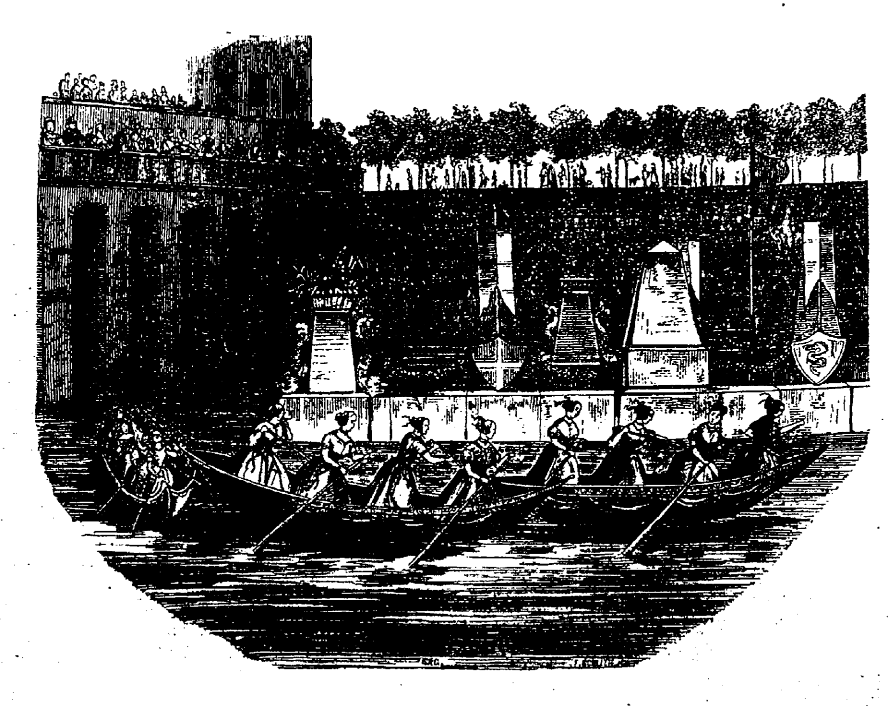
бывшаго тамъ VI съѣзда ученыхъ.

Когда придетъ то благодатное время, когда въ нашемъ любезномъ отечествѣ ученые люди не будутъ въ диковину, въ рѣдкость? Когда въ каждомъ, такъ называемомъ образованномъ, человѣкѣ будутъ встрѣчать познанія положительныя въ какой-либо отрасли наукъ и удовлетворительныя энциклопедическія въ прочихъ? Кажется, можно исчислить, когда наступитъ этотъ вожделѣнный періодъ, благодаря отеческой заботливости попе-

чительнаго Правительства. Статистика учащихся въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ самые утѣшительные результаты и подаетъ возможность съ вѣроятностію сдѣлать подобное исчисленіе. Пока юношество въ учебныхъ заведеніяхъ идетъ вѣрною и прямою дорогою; но едва черезъ порогъ храма наукъ — едва вкуситъ сладость гражданской самостоятельности и свободы, — оно можетъ потерять стезю, по которой шло съ успѣхомъ; бросается къ ложно-понимаемому европеизму, скоро охлаждается къ прекраснымъ и высокимъ подвигамъ; гонится за пустыми плодами современности; теряетъ или мертвитъ благодатные зачатки, положенные въ нихъ въ заведеніяхъ; виною тому — печальное направленіе нашего общества и литературы. Полемическихъ распрей, среди спекулятивныхъ изворотовъ, мелочныхъ стычекъ самолюбія и невѣжества — юноша не узнаетъ той литературы, о которой ему говорили съ каѳедры. — Онъ, или самъ попадаетъ въ омутъ, или съ презрѣніемъ на долго, на всегда отвращается отъ литературы. Начинаетъ искать общества, свободнаго отъ литературы; забываетъ науку, потому что объ ней въ обществахъ не упоминается, играетъ въ преферансъ, танцуетъ польку, говоритъ о Тіэрѣ и журналахъ преній или Presse, отъ всего своего отстаетъ; наука никогда уже не возвратитъ его въ свое стадо. Античная ваза для него также смѣшна, какъ и антикваріи. Присутствіе ученаго его стѣсняетъ. Его присутствіе стѣсняетъ ученаго — и послѣдній, чтобы удовлетворить своей высокой любви, долженъ укрываться съ своей богиней наукой въ темнотѣ и тишинѣ кабинета. У насъ ученый не принадлежитъ обществу. Напротивъ того, въ другихъ образованныхъ государствахъ ученый — естьукрашеніе общества, часто душа, всегда пріятный гость. Цѣлые города ищутъ чести, чтобы съѣзды общественныхъ просвѣтителей были у нихъ; дѣлаютъ для ученыхъ празднества, пиры, даютъ балы, спектакли, фейерверки, часто великолѣпіемъ превосходящія празднества римскихъ богачей. Для образца опишемъ прошлогодній, бывшій въ Миланѣ, по случаю VI съѣзда ученыхъ. Это небольшая поэма — и памятникъ уваженія къ наукамъ цѣлаго народа.

Ужинъ, по случаю открытія памятника Гете.

Прекрасная погода, которою наслаждались жители Ломбардіи, богатыя и великолѣпныя выставки художественныхъ произведеній, открывшіяся въ началѣ сентября, празднества, спектакли и другія публичныя увеселенія, которыми Миланъ почтилъ присутствіе тамъ собравшихся ученыхъ, привлекли туда такое множество иностранцевъ и жителей другихъ городовъ, что не доставало почти мѣста, для помѣщенія ихъ. Послѣ коронаціи, въ 1838 году, Миланъ ни разу еще не былъ такъ оживленъ, какъ въ эти дни.



Плаваніе на выпередки въ Миланской Аренѣ.

Циркъ въ Миланской Аренѣ.

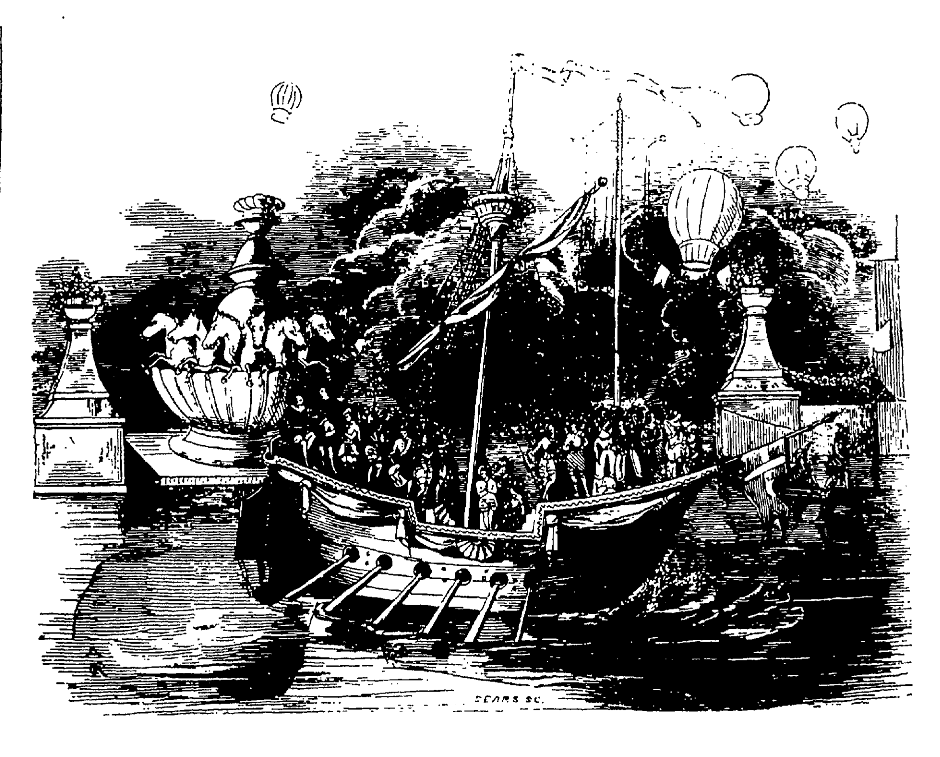
Утромъ всѣ ученые собрались въ соборную церковь. Присутствіе кардинала, архіэпископа, первыхъ сановниковъ города, значительнаго числа депутацій отъ разныхъ университетовъ и академій, и большаго числа иностранцевъ, возвышало великолѣпіе торжественнаго богослуженія. Около полудня открылось первое собраніе въ большой залѣ палаца Брера, въ присутствіи кардинала, эпископа и многихъ знатныхъ мужчинъ и дамъ.

Графъ Виталіано Барромео, президентъ конгресса, открылъ засѣданіе рѣчью.

Вечеромъ того же дня, въ большомъ театрѣ della Scala, при яркомъ освѣщеніи, была играна опера маэстро Верди *«Гернани»* и большой балетъ Вигана *«Прометей»*. Эрцгерцогъ вице-король присутствовалъ при представленіи со своей фамиліей. Зала была полна и представленіе увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ.

Число дѣйствительныхъ членовъ конгресса простиралось до 1100 человѣкъ, между которыми были двѣ дамы, баронессы Эрнестина и Луиза Коцъ изъ Праги, присутствовавшія на физическихъ засѣданіяхъ. Избирали президентовъ и между прочими, по отдѣлу зоологіи, анатоміи и физіологіи, былъ избранъ князь Карлъ Люсіанъ Бонапартъ.

Между множествомъ увеселеній и зрѣлищъ, устроенныхъ въ честь ученымъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ зрѣлище, устроенное въ воскресенье, 15-го сентября, въ аренѣ. Этотъ обширный циркъ выстроенъ городомъ въ 1806 году, по проекту знаменитаго Каноника и имѣетъ снаружи 1400 миланскихъ локтей въ объемѣ; внутри [illegible] длины, [illegible] ширины и въ нёмъ



Фейерверкъ въ Миланской Аренѣ.

умѣщаются 30,000 человѣкъ зрителей. Обыкновенныя зрѣлища въ аренѣ были конскія ристалища, но въ 1807 году, 17 декабря, публика была пріятнымъ образомъ изумлена представленіями на водѣ, которую провели во внутрь цирка. Для этихъ представленій сзываютъ искуснѣйшихъ гребцовъ и пловцовъ съ береговъ близь лежащихъ озеръ Комо и Лагго-Маджіоре; эти люди перегоняютъ другъ друга на лодкахъ или въ плаваньи; за тѣмъ слѣдуютъ гимнастическія упражненія на водѣ, потомъ охота за утками и гусями и въ заключеніе великолѣпный фейерверкъ.

Подобное зрѣлище было устроено прошлаго года въ Миланѣ, въ честь ученыхъ.

Двѣнадцать здоровыхъ, сильныхъ рыбачекъ, въ трехъ легонькихъ челнокахъ пустились въ перегонку. Это составляло весьма пріятное зрѣлище; пламенные Итальянцы, страстно любящіе всякаго рода зрѣлища, были въ восторгѣ; сверкающими взорами слѣдили они за челноками и малѣйшими движеніями ихъ; радость ихъ была неограниченна, если случайно отставшій челнокъ поправлялся и перегонялъ другіе.

Двѣ большія яхты, украшенныя флагами и къ вечеру ярко освѣщенныя, покачивались передъ павильономъ, въ которомъ находились вице-королева, принцы, сыновья ея, придворные и члены собранія. Хоръ изъ 80 голосовъ, находившійся на одномъ изъ кораблей, пѣлъ кантаты въ сопровожденіи оркестра. Эхо, раздававшееся въ павильонѣ и тысячи огней, отражавшихся въ гладкой поверхности воды, составляли нечто волшебное, магическое. Обширная арена была великолѣпно украшена. По середи ѣея возвышались пирамиды и трофеи.

Наконецъ, стало совершенно темно и зажгли фейерверкъ. Сначала высоко поднялась огромная ракета, съ трескомъ лопнула въ воздухѣ и медленно стала опускаться, разсыпая въ воздухѣ разноцвѣтные огни; за ракетой послѣдовала цѣлая флотилія воздушныхъ шаровъ, разсыпавшихъ огонь.... Между множествомъ фейерверочныхъ чудесъ, въ продолженіе цѣлаго часа занимавшихъ публику, появилась огромная огненная змѣя, преслѣдовавшая огненнаго же голубя, и колоссальный храмъ, изящно убранный, посреди котораго крупными огненными буквами было начертано: «Alle Scienze, alle lettere, alle arti». Этимъ кончился фейерверкъ и надъ ареной поднялось солнце, которое далеко, далеко освѣтило всѣ окрестности и было сигналомъ окончанія праздника.

Тогда началась страшная давка; народъ выходилъ изъ десяти воротъ. Если сообразить, что на площади, передъ ареной, собралось 30—40,000 человѣкъ, снаружи смотрѣвшихъ на фейерверкъ, и несмѣтное число экипажей и слугъ, то нельзя не удивляться порядку, въ которомъ расходился народъ.

16-го сентября, въ казино деи Нобили былъ большой вокальный и инструментальный концертъ, въ которомъ принимали участіе нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ италіянскихъ виртуозовъ. Успѣхъ концерта былъ блистательный; въ немъ присутствовали эрцгерцогиня Марія Елизавета, вице-королева и все высшее дворянство. Иностранцы изумлялись роскоши и великолѣпію убранства залъ della Societa Nobile.

На другой день, 17-го сентября, Societo del Giardino, дала блистательный балъ. Обширныя залы знаменитаго въ историческомъ отношеніи древняго палаццо del Marino, были убраны и устроены для раутовъ, на которые собирались весьма многіе, не смотря на спектакли, концерты и другія публичныя и частныя собранія. Въ палаццѣ Марино были устроены билліарды, игорные столы, кабинеты для чтенія и буфеты.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія всего, что могло быть занимательнымъ для пріѣзжихъ въ Миланѣ и окрестностяхъ его, всѣмъ членамъ конгресса былъ розданъ «Путеводитель по Милану», съ планами и многими гравюрами. Эта брошюра въ то же время должна была служить знакомъ воспоминанія о Миланѣ.

Въ то же время всѣ публичные и частные музеумы, библіотеки и галлереи были открыты для публики, и всѣ могли убѣдиться въ томъ, что въ нашу счастливую эпоху всеобщаго мира, Ломбардійцы не только не отстали отъ другихъ просвѣщенныхъ націй, но даже опередили ихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ.

По причинѣ огромнаго стеченія народа и теплой, прекрасной погоды, два маскерада въ большомъ театрѣ делла Скала (18-го и 21-го сентября) и другіе балы, не могли произвесть такого эффекта, какъ то бываетъ во время карнавала; не смотря на то, для пріѣзжихъ они были новымъ, чуднымъ зрѣлищемъ. На сценѣ, около полуночи, всѣ актеры протанцовали польку и галопъ въ приличныхъ костюмахъ. Площадь предъ опернымъ театромъ, примыкающія къ ней улицы и множество кофейныхъ домовъ, около того мѣста находящихся, были оживлены разнородными масками. Даже на другой день утромъ замаскированные, громко распѣвая, расхаживали по улицамъ.

Наконецъ, 28-го сентября, было послѣднее засѣданіе ученыхъ, и такъ какъ для слѣдующаго, седьмаго засѣданія, было уже рѣшено съѣхаться въ Лукку, то для осьмаго единогласно была избрана Генуа.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, было большое гулянье, на которое съѣхались болѣе тысячи экипажей, отличавшихся изяществомъ и роскошью.

Каждый день, въ залахъ, назначенныхъ для засѣданій по разнымъ отдѣламъ наукъ, стенографы записывали все, что было говорено и что дѣлалось, и въ тотъ же день публика была извѣщаема печатными листками о всемъ происходившемъ.

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

ВОДЯНОЙ.

Водяной, водовикъ или *водяникъ*, водяной дѣдушка, водяной чортъ, живетъ на большихъ рѣкахъ и озерахъ, болотахъ, въ тростникахъ и въ осокѣ, иногда плаваетъ на чурбанѣ или на корягѣ; водится въ омутахъ и въ особенности подлѣ мельницъ. Это нагой старикъ, весь въ тинѣ, похожій обычаями своими на лѣшаго, но онъ не обросъ шерстью, не такъ назойливъ и нерѣдко даже съ нимъ бранится. Онъ ныряетъ и можетъ жить въ водѣ, по цѣлымъ днямъ, а на берегъ выходитъ только по ночамъ. Впрочемъ, водяной также не вездѣ у насъ извѣстенъ. Онъ живетъ съ русалками, даже почитается ихъ большакомъ, тогда какъ лѣшій всегда живетъ одиноко и кромѣ какого нибудь оборотня, никого изъ собратовъ своихъ около себя не терпитъ. О водяномъ трудно собрать подробныя свѣденія; одинъ только мужикъ разсказывалъ мнѣ объ немъ, какъ очевидецъ,—другіе большею частію только знали, что есть гдѣ-то и водяные, но Богъ вѣсть гдѣ. Водяной довольно робкій старикъ, который смѣлъ только въ своемъ царствѣ, въ омутѣ, и тамъ, если осерчаетъ, хватаетъ купальщиковъ за ноги и топитъ ихъ; особенно такихъ, которые ходятъ купаться безъ креста, или же не въ указное время, позднею осенью. Онъ любитъ сома и едва ли не ѣздитъ на немъ; онъ свиваетъ себѣ иногда изъ зеленой куги боярскую шапку, обвиваетъ также кугу и тину вокругъ пояса и пугаетъ скотину на водопоѣ. Если ему вздумается осѣдлать въ водѣ быка или корову, то она подъ нимъ подламывается и, увязнувъ, издыхаетъ. Въ тихую, лунную ночь, онъ иногда, забавляясь, хлопаетъ ладонью звучно по водѣ и гулъ слышенъ на плесу издалеча. Есть повѣрье, что если сѣсть у проруба на воловью кожу и очертиться вокругъ огаркомъ, то водяные, выскочивъ въ полночь изъ проруба, подхватываютъ кожу и носятъ сидящаго на ней куда онъ загадаетъ. При возвращеніи на мѣсто, надо успѣть зачурать, чуръ меня! иначе водяные утопятъ человѣка съ собою. Однажды ребятишки купались подъ мельницей; когда они уже стали одѣваться, то кто-то вынырнулъ изъ подъ воды, закричалъ: *скажите дома, что Кузька померъ* — и нырнулъ. Ребятишки пришли домой и повторили отцу въ избѣ слова эти: тогда вдругъ кто-то съ шумомъ и крикомъ: ай, ай, ай, соскочилъ съ печи и выбѣжалъ вонъ: это былъ домовой, а вѣсть пришла ему о комъ-то отъ водянаго. Есть также много разсказовъ о томъ, что водяной портитъ мельницы и разрываетъ плотины, а знахари выживаютъ его, высыпая по утреннимъ и вечернимъ зарямъ въ воду по мѣшку золы.

МОРЯНЫ.

Моряны, огняны и *Вѣтряны* есть у другихъ славянскихъ племенъ; но русскіе, кажется, ничего объ этихъ лицахъ не знаютъ. Праздникъ Купала и другіе, въ честь огня или воды, суть явно остатки язычества и не представляютъ нынѣ, впрочемъ, олицетворенія своего предмета. *Ладъ*, *Ярило*, *Чуръ*, *Авсень*, *Таусень* и проч. сохранились въ памяти народной почти въ однѣхъ только пѣсняхъ или поговоркахъ, какъ и дубыня, горыня, полканъ, пыжики и волоты, кащей безсмертный, змѣй Горыничъ, Тугаринъ-Змѣевичъ, Яга-баба, кои живутъ только еще въ сказкахъ, или изрѣдка поминаются въ древнихъ пѣсняхъ. Народъ почти ничего болѣе объ нихъ не знаетъ. О бабѣ-ягѣ находимъ болѣе сказокъ, чѣмъ о прочихъ, помянутыхъ здѣсь лицахъ. Она ѣздитъ или летаетъ по воздуху въ ступѣ, пестомъ погоняетъ или подпираетъ, помеломъ слѣдъ замѣтаетъ. Вообще это созданіе злое, нѣсколько похоже на вѣдьму; яга-баба крадетъ дѣтей, даже ѣстъ ихъ, живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и проч.

Кикимора также мало извѣстна въ народѣ и почти только по кличкѣ, развѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ ее иногда смѣшиваютъ съ домовымъ: въ иныхъ мѣстахъ изъ нея даже сдѣлали пугало мужеска пола, тогда какъ это дѣвки-невидимки, заговоренныя кудесниками и живущія въ домахъ, почти какъ домовые. Онѣ прядутъ, вслухъ проказятъ по ночамъ и нагоняютъ страхъ на людей. Есть повѣрье, что кикиморы младенцы, умершіе некрещеными. Плотники присвоили себѣ очень ловко власть пускать кикиморъ въ домъ такого хозяина, который не уплатилъ денегъ за срубку дома.

Игоши—повѣрье, еще менѣе общее и притомъ весьма близкое къ кикиморамъ: уродецъ, безъ рукъ безъ ногъ, родился и умеръ некрещенымъ; онъ, подъ названіемъ игоши, проживаетъ то тутъ, то тамъ и проказитъ, какъ кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочетъ признать его, невидимку, за домовика, не кладетъ ему за столомъ ложки и ломтя, не выкинетъ ему изъ окна шапки или рукавицъ и проч.

Жердяй, отъ жерди—предлинный и претоненькій, шатается иногда ночью по улицамъ, заглядываетъ въ окна, грѣетъ руки въ трубѣ и пугаетъ людей. Это какой-то жалкій шатунъ, который осужденъ вѣкъ слоняться по свѣту безъ [illegible]. Объ нихъ трудно до-

проситься смыслу; но едва ли повѣрье это не въ связи съ кащеемъ безсмертнымъ, котораго, можетъ быть, тутъ или тамъ пожаловали въ жерляи. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ нечистыхъ, народъ прибѣгаетъ къ посту и молитвѣ, къ богоявленной водѣ, къ свѣчкѣ, взятой въ пятницу со страстей, которою коптятъ крестъ на притолкѣ въ дверяхъ; полагаютъ также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на сѣверъ, иначе всякая чертовщина выживетъ изъ дому.

дитя, умершее некрещеннымъ, или какой-то вѣроотступникъ, коего душа нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается, а здѣсь гуляетъ и проказитъ по неволѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, оборотня называютъ кикиморой; вѣдьмѣ и домовому иногда приписываютъ также свойства оборотня. Изо всего этого видно, что если мужикъ видѣлъ что нибудь въ сумерки или ночью и самъ не знаетъ *что*,—то это безспорно былъ оборотень.

Водяной.

ОБОРОТЕНЬ.

Оборотень, — на Украйнѣ *Вовкулака*— какой-то недобрый духъ, который мечется иногда человѣку подъ ноги, или поперегъ дороги, какъ предвѣстникъ бѣды. Отъ него крестятся и отплевываются. Онъ никогда не является иначе, какъ на лету, на бѣгу, и то мелькомъ, на одно мгновеніе, что едва только успѣешь его замѣтить; иногда съ кошачьимъ или другимъ крикомъ и воемъ, иногда же онъ молча подкатывается клубкомъ, клочкомъ сѣна, комомъ снѣга, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, измѣняя видъ свой, во что вздумаетъ, и для этого обыкновенно ударится напередъ объ земь; онъ перекидывается въ кошку, въ собаку, въ сову, пѣтуха, ежа, даже въ клубокъ нитокъ, въ кучу пакли и въ камень, въ копну сѣна и проч. Изрѣдка въ лѣсу встрѣчаешь его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ; но всегда только мелькомъ, потому онъ никогда не дастъ разсмотрѣть себя путемъ. Нерѣдко онъ мгновенно, въ глазахъ испуганнаго на смерть прохожаго, оборачивается нѣсколько разъ то въ то, то въ другое, исчезая подъ пнемъ или кустомъ, или на ровномъ мѣстѣ, на перекресткѣ. Днемъ очень рѣдко удается его увидѣть, но уже въ сумерки онъ начинаетъ проказить и гуляетъ всю ночь на пролетъ. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, онъ обыкновенно мечется, словно камень изъ за угла, со страннымъ крикомъ, мимо людей. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ-то есть коровья смерть, чума, и что онъ въ этомъ случаѣ самъ оборачивается въ корову, обыкновенно черную, которая гуляетъ со стадомъ, подъ видомъ приблуды или пришатившейся, и напускаетъ порчу на скотъ. Есть также повѣрье, будто оборотень

РУСАЛКА.

Русалка—также *чертовка*, или *шутовка*, или *водява*, что означаетъ почти тоже, какъ чертовка, потому что тутъ у мужиковъ говорится именно взамѣнъ недобраго слова чортъ. Русалка почти отовсюду вытѣснена людьми : а она любитъ пустыя и глухія воды. Нигдѣ почти не найдете вы теперь такого мѣста, гдѣ бы, съ вѣдома жителей, по-нынѣ водились русалки ; или онѣ были тутъ когда-то и перевелись, или вамъ укажутъ, во всякомъ мѣстѣ, на другое—а тутъ де нѣтъ ихъ. На Украйнѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія ; въ другихъ мѣстахъ полагаютъ, что каждая утопленница можетъ обратиться въ русалку, если покойница была такова при жизни ; или когда дѣвка утонула, купаясь безъ креста, причемъ полагаютъ, что ее утащилъ водяной ; опять иные считаютъ русалокъ вовсе не людскаго поколѣнія, а нечистыми духами или даже просто навожденіемъ діавольскимъ. На югѣ у насъ русалка вообще не зла, а болѣе шаловлива ; напротивъ велико-русская русалка или шутовка, особенно же сѣверная, гдѣ она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная непріятельница человѣческаго рода. При такомъ понятіи о нихъ, ихъ представляютъ иногда безобразными ; но вообще русалки большею частію молоды, стройны, соблазнительно хороши ; онѣ ходятъ нагія, или въ бѣлыхъ сорочкахъ, но безъ пояска, съ распущенными волосами, зелеными, какъ иные утверждаютъ; живутъ дружно, обществами, витаютъ подъ водой, но выходятъ и на берегъ ; рѣзвятся, поютъ, шалятъ, хохочутъ, качаются на ближнихъ деревьяхъ, вьютъ плетеницы изъ цвѣтовъ и украшаются ими, и если залучатъ къ себѣ живаго человѣка, котораго стараются заманить всѣми средствами, то щекочутъ его, для потѣхи своей, до смерти. Иные утверждаютъ, что у русалокъ между перстовъ есть перепонка, какъ у гуся ; другіе даже, что у нея, вмѣсто ногъ, раздвоенный рыбій хвостъ. Онѣ манятъ къ себѣ прохожаго, если онъ ночью подойдетъ къ нимъ — днемъ онѣ почти не выходятъ — иногда гоняются за нимъ, но далеко отъ берега рѣки или озера не отходятъ, потому что боятся обсохнуть. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить и сухое мѣсто : доколѣ она чешетъ мокрые волосы, дотолѣ съ нея все будетъ струиться вода ; если же на русалкѣ и волоса обсохнутъ, то она умираетъ. Слѣды этихъ шаловливыхъ подружекъ остаются изрѣдка на мокромъ песку ; но это можно только видѣть, заставъ ихъ врасплохъ : въ противномъ случаѣ онѣ перерываютъ песокъ и заглаживаютъ слѣды свои. Гдѣ вѣрятъ въ водянаго, тамъ считаютъ его атаманомъ русалокъ. Но онѣ, бѣдненькія, очень скучаютъ безъ мущинъ и всѣ ихъ затѣи клонятся къ тому, чтобы залучить человѣка и защекотать его на смерть. Сказываютъ, что онѣ иногда отъ скуки перенимаютъ заночевавшее на водѣ стало гусей и завертываютъ имъ на спинѣ, какъ шаловливые школьники, одно крыло за другое, такъ-что птица не можетъ сама расправить крыльевъ ; онѣ же, сидя въ омутахъ, путаютъ у рыбаковъ сѣти, выворачиваютъ мотню и скатываютъ ихъ съ рѣчной травой. Вообще, полная власть шаловливымъ русалкамъ дана во время русальной недѣли, которая слѣдуетъ за Троицынымъ Днемъ и до заговѣнья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальнымъ. Это время, по народному мнѣнію, самое опасное, такъ что боятся выходить къ водамъ и даже въ лѣса. Кажется, несправедливо — какъ иные полагаютъ—будто русалки хозяйничаютъ до Петрова Дня и будто онѣ, по народному мнѣнію, дѣвочки лѣтъ семи : этихъ повѣрьевъ я не встрѣчалъ нигдѣ. На югѣ, русалка взрослая дѣвушка, красавица ; на сѣверѣ, чертовка стара, или среднихъ лѣтъ и страшна собой. На Украйнѣ, въ продолженіе клечальной недѣли, есть разныя игры въ честь русалкамъ, кои въ это время бѣгаютъ далече въ лѣса и поля, топчутъ хлѣбъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши и проч. Г. Сахаровъ напечаталъ пѣсни русалокъ, безсмысленныя слова или звуки, отзывающіяся украинскимъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.

В. Луганскій.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ

въ немногихъ письмахъ.

—

ГЛАВА IV.

СНЫ.

(*Рисунки Е. И. Коврыгина*).

—

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

— Ушелъ Кудимъ?

— Ушелъ.

— Видѣлъ, братъ, видѣлъ. Да онъ то меня не подмѣтилъ. А дѣвку-то куда онъ дѣвалъ.

— Спряталъ, дядя Савелъ, спряталъ подъ замокъ

— А ключъ-то укого?...

— У Кудима.

— Гм! Плохо приходится... Знашъ ли, дружище, что если эта дѣвчонка останется въ вашемъ городѣ, такъ тебѣ раззореніе *большое* будетъ...

—Что ты, что ты, Савилъ.

— Да ужъ такъ! Ни кто изъ нашихъ не будетъ ходить къ тебѣ съ гостинцами. Пропадетъ твой торгъ...

— Да отчего же, Савилъ?

— А ужъ я знаю отъ чего. Такъ прощай покуда, я затѣмъ и пришелъ. Прощай! Ты знаешь Ооньку косолапаго, что при артели нашей?

— Знаю.

—Такъ если дойдетъ до тебя, только не ошибись, что дѣвушку изъ города спровадили, такъ скажи Ооньке:—косолапый, поклонись Савилу. А пока она въ городѣ—ты никого изъ нашихъ не увидишь.

— Что за диковина...

— Ну, прощай...

— Постой дядя! Знаешь что. Вѣдь и Кудимъ про тебя вѣрно что ни есть знаетъ...

— Кудимъ, да что онъ колдунъ, что ли?

— Да какъ же ему и не быть то колдуномъ. Живетъ на кладбищѣ, то и дѣло съ мертвецами. Тутъ онъ послѣ тебя та́кого наговорилъ, что у меня чай сѣдина со страху завелась.

— Что же онъ говорилъ?

— Э! Кабы то я колдовской языкъ разумѣлъ. Да не въ томъ сила. А вотъ что. Вѣдь дядя Кудимъ теперь на кладбищѣ...

— На кладбищѣ...

— Одинъ одинехонекъ...

— Ну!

— Такъ не ужто и ты одинъ?

— Такъ что?

— Тьфу ты какой непонятливый... А потомъ бы я тебѣ и дѣвчонку-то на руки отдалъ... Кромѣ меня, да Кудима, ни кто не знаетъ гдѣ она...

— Вотъ что! Ну, братъ, такъ подавай ее сюда!

— Не могу! Кудимъ не велѣлъ. Прежде Кудима...

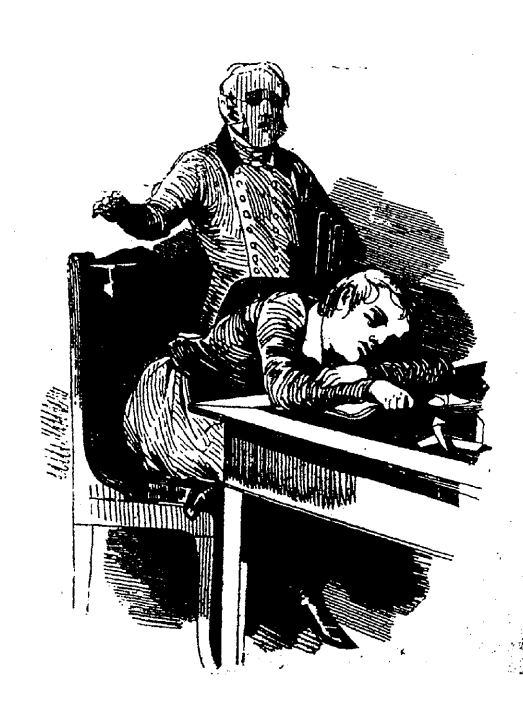
— Не могу! Кудимъ не одинъ! Самъ ты говоришь, что онъ съ мертвецами живетъ.

— Что я ему скажу, какъ придетъ...

— Да что скажешь. Скинь на постояльцевъ! Скажи, они видно уворовали...

— Бога ты не боишься, Савилъ! Да вѣдь слѣдствіе пойдетъ! Не тебя, меня станутъ допрашивать...

— Ну, а ты не сказывай!



— Гм, да Ефимъ Трофимычь не свой братъ, у него всегда такіе вопросы, что отвѣтъ самъ по себѣ изорту выскочитъ... Батюшка Савилъ Петровичь, помилосердуй, не могу...

— Ну, такъ прощай! Просимъ не прогнѣваться!

— Савилъ Петровичь, да можетъ быть ты ее убьешь!

— За чѣмъ мнѣ ее бить. Отнесу на оврагъ, а потомъ съ добрымъ молодцомъ отошлю въ станъ; будетъ себѣ жить, да поживать; подростетъ Кирюшку на ней женю... Ну, что же отдаешь?...

— Савилъ Петровичь! Пожалѣй моей спины!

— Ну, изъ за этакой дряни, а еще торгуется! А наши не бось придутъ, такъ за парчу мѣдяки сулишь. Прощай!

— Такъ я быть! Больнымъ прикинусь, бѣленькую ужъ ты заплатишь гдѣ слѣдуетъ...

— Вотъ тебѣ бѣленькая! Пойдемъ!

— Ну, пропала моя головушка! Была не была!

—Ну, что же ты?

— Иду, иду, Савилъ Петровичь! Пойдемъ кругомъ Савилъ Петровичь? Тутъ черезъ харчевню нельзя. Старикъ тотъ спитъ. Заслышитъ... а мы тамъ пройдемъ черезъ лазейку. Господи, что то завтра сомною будетъ?...

—

Сонъ! Кто разгадаетъ, что такое сонъ? Въ природѣ много загадокъ, но сила и сонъ, едвали не двѣ важнѣйшія. Безсловесный ребенокъ, онъ спитъ такимъ сномъ, въ которомъ нѣтъ сновъ; за то заботливая мать на яву — видитъ грезы, и наклонясь надъ спящимъ дитятей, въ мечтахъ создаетъ его будущность. И мать и ребенокъ блаженны. Когда разумъ начинаетъ дѣйствовать, невинная душа уже во снѣ утѣшается свѣтлыми видѣніями, созерцаетъ игры ангеловъ, которые охраняютъ его дѣтскіе годы; на краю бездны, надъ проваломъ, надъ дико-ревущимъ водопадомъ, свѣсившись надъ сокрушительнымъ потокомъ, спитъ себѣ чистый отрокъ; опасность далече; сны безконечны въ своемъ разнообразіи, сонъ лѣниваго ученика, сонъ отъ недуга, сонъ со скуки, сонъ полумертвый отъ крѣпкихъ напитковъ, счету нѣтъ всѣмъ снамъ...Но самый страшный — сонъ со страха.

Конечно, Левъ Кирилычь, по званію своему, былъ герой, но по натурѣ былъ не самаго храбраго десятка. Чуть вошелъ въ свой нумеръ, повелительно воскликнулъ:

— Ермолка! Дверь на замокъ! Къ дверямъ приставъ комодъ! Вотъ я его отдѣлаю! Самъ ложись тутъ, а не то опять тебя дрянной лакеншка въ харчевню сманитъ! Какъ ты это смѣлъ отлучаться! Вотъ я тебя! Олухъ этакой, снимай сапоги, да поставъ поближе. Не равно... И шлафрокъ тоже поближе! Раздѣлаюсь я съ нимъ по-свойски! Ну! Спать! Утро вечера мудренѣе! Слышь, ходитъ; толчется по своей конюшнѣ, лошадь этакая! Заперъ? Ну, такъ спи, да безъ моего спросу никого не пускай...

Прилегъ Левушка, давай спать, да не тутъ-то было; нумеръ Евгенія прямо надъ головой; шаги его раздавались какъ будто удары въ бочку; чуть задремлетъ Левушка, вздрогнетъ и проснется.

— Экъ ему не спится. Предводительша какъ его разтревожила. Постой же, завтра въ походъ, забираю предводительшу въ полонъ, а ты грибъ съѣшь! Ну, заснемъ...

Какъ-бы не такъ! Извините, Левъ Кирилычь! Нѣкій мудрецъ сказалъ, что храбрость есть трусость... Не спится, а на яву всякая чертовщина грезится... Подъ бокомъ будто море, такъ страхъ и подмываетъ. Въ головѣ—пляска вѣдьмъ; сердце будто у сокола въ когтяхъ. А Ермолко злодѣй какъ захрапитъ басомъ — кажется въ лѣсу звѣри рыкаютъ; какъ бы то ни было, молодость и страхъ одолѣли, заснулъ Левъ Кирилычь, а тутъ черти на него гурьбой такъ и пустились, и въ очкахъ и во фракахъ, точь въ точь Евгеній; и съ бакенбартами такими, какъ у предводителя, и просто въ натурѣ, то есть въ однѣхъ костяхъ со всѣми адскими принадлежностями. Какъ заревутъ, какъ зашумятъ, Левъ Кирилычь какъ вскочитъ. И мигнуть не успѣлъ, какъ ужъ надѣлъ сапоги и шлафрокъ; на дворѣ, крикъ, стукъ,.. Левъ Кирилычь и самъ не зналъ какъ это случилось, а выпрыгнулъ въ окошко, хотѣлъ бѣжать, какъ вдругъ на встрѣ-

чу ему дѣвушка, день уже занимался, онъ могъ различить ея черты и узналъ красавицу, за которую на него такъ ужасно разсердился Евгеній.

— Спаси, укрой меня! кричала она во все горло. Тутъ разбойники!

— О я спасу тебя, укрою, ступай за мной! Не бойся! и Левушка потащилъ ее въ темный переходъ, къ своему нумеру, постучался въ свои двери...

— Съ Богомъ! послышался голосъ соннаго Ермолая: — Кто тамъ?

— Отвори!

— Какъ бы не такъ! Не приказано!

— Отвори говорятъ тебѣ...

— А тебѣ говорятъ убирайся по добру по здорову, а не то баринъ проснется...

—Да это я, болванъ, я самъ...

— Знаю что ты, да не велѣно...

— Что ты пьянъ, Ермолка, что ли? Меня не узнаешь?

— Батюшки свѣты! Видишь притча какая! Голосъ точь въ точь какъ у барина, да извини, мы не таковскіе; насъ не проведешь...

Ермолай кричалъ во все горло, чтобы баринъ проснулся, но не слыша ни гугу съ той стороны, гдѣ спалъ баринъ, струсилъ въ свою очередь, и тогда только ободрился, когда, осмотрѣвъ и ощупавъ кровать, убѣдился, что Льва Кириловича тамъ нѣтъ. Нѣсколько рѣчей изъ за дверей, самыхъ убѣдительныхъ, совершенно его успокоили; онъ отперъ двери, получилъ пощечину и поклонился...

Дикій вопль огласилъ дворъ, куда сбѣгались люди со всѣхъ угловъ этой гостинницы.

— Что тамъ такое? спросилъ Левушка: —Погляди Ермолка! Да принеси свѣчку...

— И такъ видно уже, ваше благородіе! А что тамъ такое? Право не знаю...

Въ это же время Поль и посторонніе несли Евгенія въ тотъ же темный переходъ. Въ числѣ услужливыхъ былъ и Ноготокъ или Косой!

— Экая притча! кричалъ онъ во все горло: — Ну ужъ времячко! Середь города разбойники ходятъ!

Видишь, какъ онъ его ножемъ хватилъ; чай прокололъ...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Евгеній, слабѣющимъ голосомъ: — Нѣтъ, ничего! Пошлите за докторомъ...

— А! попался забіяка! проворчалъ Левушка: — туда тебѣ и дорога, набѣжалъ разбойникъ на разбойника... Только тутъ опасно оставаться. Знаешь, милаша, я отвезу тебя къ моимъ добрымъ знакомымъ на хуторъ. Тамъ тебя ни кто не увидитъ. Ермолка! закладывать лошадей...

— Да вонъ и нашъ кучеръ Трофимъ на дворѣ стоитъ. Эй, Трофимъ! Закладывай лошадей!

— А ты, Ермолка, укладывайся!

— Какъ, ваше благородіе, совсѣмъ!

— Совсѣмъ! Что тутъ дѣлать! Вездѣ разбой! Проворнѣе! Ну, милаша, ты надѣнь мой халатъ и шинель; возьми вотъ эту военную шапку! Ай да юнкеръ! Любо дорого смотрѣть! Не могу на тебя смотрѣть безъ того, какъ оно, то есть, я тебѣ скажу, удружилъ разбойникъ... Ну, поворачивайся Ермолка, а не то я развернусь...

— Не извольте безпокоиться ваше благородіе... Мы люди бывалые! Смѣкаемъ? Лишь бы Трофимъ...

— У Трофима — готово.

— И у меня тоже...

Косой хлопоталъ около раненнаго, вмѣстѣ съ жильцами сосѣднихъ нумеровъ; на дворѣ — служители разсуждали о страшномъ событіи. Больше всего ихъ удивляло, куда дѣвался страшный гость; черезъ харчевню онъ не проходилъ; ворота были заперты, а онъ пропалъ, будто сквозь землю провалился. Никто не обращалъ вниманія на Трофима; всѣ его знали; и слышали приказаніе его барина. Также спокойно смотрѣли они на Ермолая, когда тотъ укладывалъ вещи въ рессорную бричку; съ такимъ же равнодушіемъ видѣли, какъ туда усѣлись господа и уѣхали со двора, не сказавъ никому ни слова. Бричка прокатилась по мостовой только возлѣ трактира, потомъ съѣхала на мягкое мѣсто, потому что улицы въ этомъ городѣ мостились pagina fracta; правая сторона — мостовая, лѣвая — грязь; по грязи бричка понеслась шибче и шибче; Левушка, оберегая свою находку, обнялъ ее и прижалъ къ себѣ покрѣпче. Дѣвушка дрожала, но боялась пикнуть, воображая, что разбойникъ приходилъ за нею отъ барина, и непонимая движеній Левушки, пуще и пуще къ нему прижималась. За городомъ, едва миновали заставу, Левушка наклонился, чмокъ и поцѣловалъ свою спутницу. Дѣвушка поняла свое положеніе, рванулась, но Левушка держалъ ее крѣпко...

— Пусти меня, злой человѣкъ! Я буду кричать!

— Кричи себѣ! Тутъ тебя ни кто не услышитъ! Трофимъ, живѣе!

— Куда ты везешь меня?

— На покой, милашка; не такія, какъ ты, барыни, радовались бы твоему счастію; ты дура, и не понимаешь какую я тебѣ дѣлаю честь...

— Какую честь?

— А вотъ увидишь! Трофимъ проворнѣе!..

— Ради Бога! Помогите!.. Помогите!..

Но Левушка зажалъ ей ротъ платкомъ; она искусно защищалась; крики отчаянія раздавались, Левушка не могъ съ нею сладить.

— Придержи лошадей, Трофимъ! Мы ей завяжемъ глотку и спутаемъ руки.

Бричка остановилась у самого мостика, который велъ на кладбище. Двѣ огромныя липы осѣняли мостикъ. За одною изъ нихъ давно уже скрывался Кудимъ; онъ сталъ за деревомъ, какъ только долетѣлъ до него первый крикъ несчастной. Когда бричка остановилась, Кудимъ узналъ свою находку; заступъ сверкнулъ въ воздухѣ; Кудимъ уже висѣлъ на желѣзной ножкѣ...

— Не замай! закричалъ онъ, и Левушка, по врожденной храбрости, выпустилъ изъ рукъ свою добычу.... Та умѣла воспользоваться его оплошностью; выпрыгнула изъ брички, перебѣжала черезъ мостикъ и также спряталась за липу. Узнавъ противника, Левушка ободрился.

— Ахъ ты дрянь этакая! Такъ ты тутъ разбойничаешь! Видишь какой! Трофимъ, Ермолай, ловите бѣглянку, а я со старикомъ справлюсь!

— Господи! Защити насъ, сказалъ Кудимъ и сталъ на мосту въ позиціи Горація Коклеса. Послышался колокольчикъ, показался тяжелый экипажъ. Дюжій шестерикъ рысцей тащилъ дорожную карету, которая тогда была великою рѣдкостью.... На козлахъ сидѣлъ съ кучеромъ лакей, сзади другой слуга дремалъ на чемоданѣ. Левушка и люди его были въ нерѣшимости, что имъ дѣлать. Карета подъѣхала. Дѣвушка бросилась къ экипажу и закричала изо всей силы: Помогите, помогите! Кучеръ удержалъ лошадей; люди соскочили на дорогу; въ каретѣ опустилось окно и показалось сухое, желтое лице пожилаго мужчины.

— Ба! такъ вотъ гдѣ Татьяна Осиповна пробавляться изволите. Съ офицерами! по большой дорогѣ! подайте ее сюда!

Не успѣлъ онъ выговорить приказанія, одинъ лакей отворилъ двери, другой подхватилъ Татьяну, почти вбросилъ въ карету, дверцы захлопнулись, слуги вскочили на свои мѣста, кучеръ тронулъ вожжами и карета поѣхала себѣ въ городъ. Всѣ зрители, кромѣ Кудима, были въ недоумѣніи. Онъ одинъ догадался въ чьи лапы попалась его дорогая находка, и не теряя ни мгновенія, поспѣшилъ на выручку; со слезами на глазахъ глядѣлъ онъ какъ карета постепенно уходила изъ виду; наконецъ исчезла. Кудимъ не терялъ ни бодрости, ни надежды. Шелъ шибко, и уже при самомъ поворотѣ на Косатку встрѣтилъ погребальное шествіе, или какъ назвать, право не знаю. На простой телегѣ везли простой гробъ; извощикъ сидѣлъ на телегѣ; за гробомъ трое нищенокъ, и вотъ всѣ провожатые Лукерьи Ивановны.... Кудимъ остановился и почесался.

— Вотъ тебѣ и притча! А могила-то почитай не начата, сказалъ онъ, — ну да я только бѣду мою передамъ доброй барынѣ; ужъ и недалече; а тамъ махну, что силы хватитъ; пока отпоютъ, могила готова будетъ. Не глубокая, да на бѣдность станетъ...

Повернувъ на Косатку, не успѣлъ Кудимъ пройти и двадцати шаговъ, какъ повстрѣчалъ вчерашняго старика въ военномъ сертукѣ. Куда, Батюшка? спросилъ онъ, кланяясь офицеру.

— Да на Овражекъ. То и дѣло всю ночь твоя Лукерья Ивановна снилась.

— Сны, батюшка, и туда и сюда толковать можно.

— Знаю, что и мои не вѣщіе; иду такъ, изъ любопытства, посмотрѣть на покойницу....

— Да не далече ли для вашей милости будетъ?...

— А что?

— Понесли Лукерью Ивановну на кладбище. Такъ изъ одного-то любопытства, чтобы ноги не заболѣли.

— А что имъ дѣлать; пусть ходятъ; маршъ!

И старикъ пошелъ. Кудимъ призадумался.

— Что за диво, только мнѣ кажется будто я этого старика гдѣ-то видалъ и голосъ его слышалъ! Неужто и мой сонъ что нибудь да значитъ... Полно, Кудимъ! Гляди, не опоздай! Солнце поднялось... проворнѣе... Вотъ тебѣ разъ; все заперто; всѣ спятъ; постучаться, что ли....

Кудимъ постучался въ калитку; никто не отзывался; Кудимъ еще разъ; ни отклика; за третьимъ разомъ — послышались легкіе шаги; калитку отворила — сама добрая барыня, Марья Осиповна; она была въ утреннемъ платьѣ; блѣдна, глаза красны, ночной чепчикъ придавалъ ей видъ еще болѣе печальный...

— Господи, Боже мой! воскликнулъ Кудимъ, отступивъ въ невольномъ изумленіи и указывая на уходившаго офицера, спросилъ: — Простите, матушка, боярыня, не осерчайте за спросъ.

— Что такое?

— Что ты, матушка, знаешь этого старинушку....

— Нѣтъ, Кудимушка!

— Дивно, право дивно...

— А что?

— Нѣтъ... ничего... такъ... бѣда у меня большая... Коли можешь, помоги!

— Пожалуй сюда, Кудимушка; тутъ на улицѣ неловко; а чтобы никого не будить, пойдемъ въ садъ!...

(Продолженіе впредь.)

ПЕРЕПИСКА.

О. П. Гдѣ вы? Что съ вами? Намъ скучно. Прошла недѣля. Нѣтъ письма. Мы вспомнили забавный, истинный анекдотъ. Давненько правда, въ Петербургѣ жилъ былъ милый, добрый, умный, образованный шалунъ. Шалости его никому не дѣлали вреда, но не ровенъ часъ. Г. А. П. Т. имѣлъ привычку, выходя изъ дому, обыкновенно въ часу 7 вечера постучаться въ васистдасъ сосѣдняго булочника. На вызовъ въ форточку высовывалась голова хозяина, А. П. легонько хлопнетъ рукою по маковкѣ и уйдетъ; на другой день тоже; на третій тоже и т. д. Привычка обратилась въ страсть. Гдѣ бы А. П. ни былъ, въ 7 часу уходилъ на странное свиданіе, и напомнивъ булочнику о своемъ существованіи, отправлялся въ гости или театръ. Но, увы! это была предсмертная шутка. А. П. умеръ. Булочникъ ждалъ день, два, сталъ тосковать — и, говорятъ, также скоро умеръ въ гипохондріи. — Мы такъ привыкли къ вашимъ письмамъ, что стосковались по нихъ. Гдѣ вы?... Что съ вами?

P. S. Мы получили Post Scriptum, безъ письма, на особенномъ лоскуткѣ. Post Scriptum гласитъ «а если нѣтъ, такъ и ненужно». Что же прикажете отвѣчать? Кажется, слѣдуетъ возвратить по принадлежности тѣже слова.

И. Я. О. Хотя мы и не страстные охотники до словопроизводства, но статью вашу прочли съ удовольствіемъ. При этомъ случаѣ поставляемъ себѣ въ обязанность изъявить вамъ живѣйшее сожалѣніе, что ваша прекрасная статья не можетъ быть напечатана въ нашемъ изданіи. Обратитесь къ редакціямъ Библіотеки для Чтенія или другихъ журналовъ. Мы увѣрены, что статья ваша будетъ украшеніемъ ученаго отдѣленія во всякомъ журналѣ. Позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Намъ кажется, что слово городъ родилось также просто какъ и слово Urbs. Древніе мѣсто, назначаемое для постройки города, обходили съ сохою. Эти борозды всегда имѣли форму круговъ, orbes; въ употребленіи это слово измѣнилось въ urbes, города; а у насъ срубить городъ значило огородить заборомъ. Отъ глагола родилось имя существительное, — Статью можете получить во всякое время у Редактора. —

Л. въ К. Благодаримъ за участіе. Мы много смѣялись выраженію «кислый критикъ», и вспомнили что кто то сравнилъ критиковъ съ простыми винами. Изъ нихъ, говорилъ онъ, никогда не выйдетъ добраго вина, но за то можете получить отличный уксусъ.

П. Н Б. въ Москву. — Первая неправильная: *На ше*; буква Ш — называется Ша. Вторая лучше, но мало рисунка. Азбука станетъ на насъ жаловаться. Анаграммъ же пока не помѣщаемъ, развѣ современемъ. Во всякомъ случаѣ благодаримъ за вниманіе.

С. С. — Онъ уѣхалъ въ Лифляндію, но скоро возвратится, и тогда мы передадимъ ему ваше желаніе.

Н. П. Сюжетъ вашей повѣсти — старуха. Это ужасно старо. Вспомните. что Зевксисъ написалъ старуху, и взглянувъ на свое дивное произведеніе, сталъ такъ хохотать, что умеръ со смѣху. Вотъ начало и поговорки. Чѣмъ лучше списано съ природы, тѣмъ опаснѣе. Здоровье нашихъ читателей для насъ слишкомъ дорого. Извините.

Л. Я. — Какъ можно писать подобныя вещи? спрашиваете вы. Это очень просто. Когда взрослые уѣзжаютъ въ гости, что дѣлаютъ дома дѣти?

Представляютъ, передразниваютъ взрослыхъ. Если взрослые дѣлали глупости, такъ и дѣти будутъ дѣлать тоже, съ тою разницей, что ихъ глупости невинны и даже забавны.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

д. СРЕДСТВО ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

Перемежающаяся лихорадка лечится удачно извѣстными медицинскими способами; но есть и простое средство, которое на опытѣ оказалось весьма дѣйствительнымъ. Возьмите четвертую долю золотника селитры и полъ-золотника нашатыря, растворите въ 6 унціяхъ отварной воды, принимайте по рюмкѣ или чайной чашкѣ за часъ до наступленія пароксизма; случалось, что во второмъ пріемѣ не было нужды; лихорадка исчезала совершенно.

е. СРЕДСТВО ОТЪ ЗМѢИНАГО ЯДА.

Одного простолюдина лѣтомъ ужалила змѣя; онъ сталъ прикладывать къ лзвѣ свѣжій назёмъ; перемѣнилъ его въ сутки нѣсколько разъ; ядъ не оказалъ никакого дѣйствія. (Читалъ).

S. СОЛЕНІЕ ОГУРЦОВЪ.

Главная задача при соленіи огурцовъ заключается въ томъ, чтобы они сохранили, сколь возможно, вкусъ свѣжій и не мякли, а оставались бы всегда крѣпкими и здоровыми. Этого можно достигнуть слѣдующимъ образомъ: огурцы снимать въ сухое, ясное время, самые здоровые, безъ пятенъ и не начинающіе еще желтѣть. Ихъ обмыть въ холодной водѣ, обтереть сухо и ощипать осторожно остающійся на нихъ сухой цвѣтъ, отъ котораго дѣлается вкусъ непріятный. Очищенные, такимъ образомъ, огурцы уложить въ небольшіе, плотные и хорошо выпаренные боченки слоями, то есть, на дно боченка положить слой свѣжихъ здоровыхъ листьевъ дубовыхъ, черной смородины и укропа, да нѣсколько кусочковъ хрѣну. Потомъ накласть рядъ огурцовъ, плотно одинъ возлѣ другаго и посыпать ровно щепоткою квасцевъ; на нихъ опять слой листьевъ съ такою же посыпкою, и такъ продолжать, пока не наполнится боченокъ. Тогда налить на все это слѣдующій разсолъ: на 20 штофовъ воды взять 2 фунта соли и кипятить, снимая пѣну, пока соль со всѣмъ распустится, потомъ прибавить одну бутылку хорошаго ренскаго уксуса, размѣшать и налить горячій разсолъ на огурцы, такъ, чтобы они со всѣмъ имъ покрылись, закупорить боченокъ и поставить на ледъ. Огурцы втягиваютъ въ себя разсолъ, и потому, въ теченіи первой недѣли, надобно чрезъ день осматривать ихъ и добавлять разсолъ, пока уже боченки со всѣмъ наполнятся; тогда плотно закупорить и засмолить боченокъ, а для совершеннаго устраненія отъ вліянія внѣшняго воздуха погрузить на веревкѣ въ колодезь или прудъ. Еще замѣтимъ, что для совершеннѣйшаго сохраненія огурцовъ, боченки должны быть не большіе, такъ, чтобы початый боченокъ скоро израсходовался, потому что отъ прикосновенія внѣшняго воздуха огурцы нѣсколько вянутъ и теряютъ свою свѣжесть.

Приготовленные такимъ образомъ огурцы сохранятся до новыхъ и бываютъ отличнѣйшаго вкуса.

МОДЫ.

Есть ли теперь моды? Все лѣто ихъ не было. Зачѣмъ лѣтомъ моды? Чѣмъ легче вы одѣты, тѣмъ моднѣе. Но у насъ погода сбивала съ толку модистокъ, модистки сбивали съ толку модницъ. Впрочемъ, новаго и въ Парижѣ рѣшительно ничего не было. Домашній нарядъ былъ попрежнему капотъ изъ прозрачной кисеи, подбитый таф-

тою, обшитый кружевами; мантильи изъ китайскаго крепа (crêpe de Chine); бандерки, да мальтійскіе кресты — также не новость. Нѣтъ, видно лѣтомъ не мода на моды. Надо дождаться осени. Уже не далеко.

Экипажи, мебели... Вотъ на это мода сдвали не

важнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою. Мы замѣтили въ Петербургѣ много низенькихъ колясокъ особаго фасона. Удобно, въ пору, и красиво; двухколесныхъ кабріолетовъ развелось множество; на островахъ нашихъ нѣжною рукою блистательная дама управляла не разъ послушною лошадью; благородное и умное животное какъ будто знало кого везетъ и выступало весело, съ граціей и достоинствомъ.

Нѣкоторыя дамы, нынѣшнимъ лѣтомъ, на прогулкахъ верхомъ, вмѣсто шляпъ, надѣвали фуражки. Многимъ было къ лицу; но не всякое лице хорошо подъ фуражкой.

Изъ лѣтней мебели мы замѣтили только новые стулья изъ разноцвѣтной соломы, уложенной съ особеннымъ вкусомъ, и двѣ висячія цвѣточныя вазы въ родѣ Вазы Марха, рисунокъ съ коей прилагаемъ.

Красиво, но значенія висячихъ цвѣтовъ не понимаемъ. Въ роскоши, какъ и въ архитектурѣ, должны быть два достоинства: вкусъ и логика. Если бы въ большой залѣ такихъ вазъ навѣшать много, цвѣтами искусно закрыть огни, и не допускать другаго освѣщенія, тогда бы, можетъ быть, цвѣточныя висячія вазы сдѣлали эффектъ магическій.

ИГРЫ.

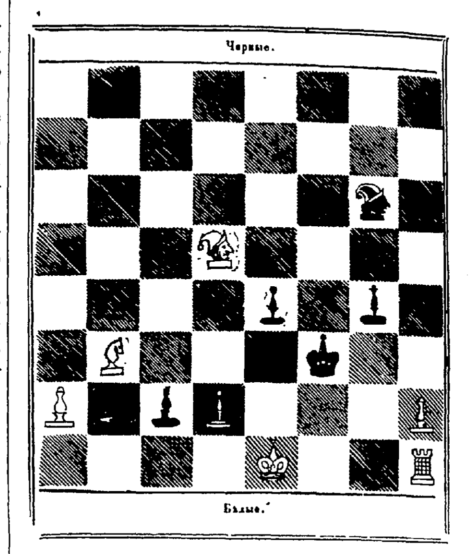
ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи № 18.

Бѣлые.	Черные.
1) Л. что на 6 м. на 6 м. Ф.	К. бер. Л.
2) П. Кор. 1 м.	К. бер П.
3) Л. на 4. м. Ф.	П бер. Л.
4) К. на 4. м. С. Кор. и матъ.	

ЗАДАЧА № 19.

Бѣлые въ два хода даютъ матъ.



РАЗГАДКА № 18.

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

ЗАГАДКА № 19.

ТОТЪ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. 4 остающіяся недѣли назначены для праздниковъ и особыхъ случаевъ. 20 Нумеръ Иллюстраціи, выйдетъ не 18-го, а 25 Августа, о чемъ въ предупрежденіе недоразумѣній считаемъ нужнымъ увѣдомить нашихъ читателей.

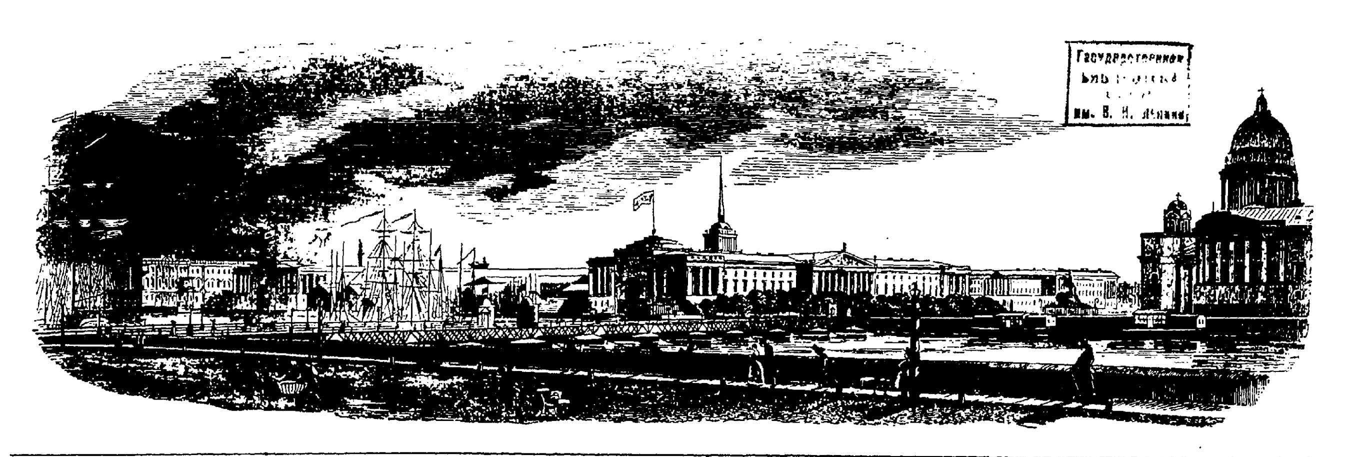
Съ тѣмъ вмѣстѣ считаемъ долгомъ довести до свѣденія тѣхъ, кои въ томъ могутъ встрѣтить надобность, что Редакція еженедѣльнаго изданія: Иллюстрація находится нынѣ у Семеновскаго Моста, близь Семеновскихъ Казармъ, въ домѣ Г-жи Домонтовичевой.

Гравюра: «Ужинъ по случаю открытія памятника Гете» по ошибкѣ помѣщена въ другой статьѣ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Августа 10 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и [illegible]ъ. Въ типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 20. — Суббота, 25 Августа 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

ГРОБЪ И КАРЕТА.

—

Истинное происшествіе.

—

Въ концѣ XVIII столѣтія жилъ въ Москвѣ, извѣстный своими причудами и колоссальнымъ богатствомъ, Н. А. Д***. Между множествомъ анекдотовъ, характеризующихъ этого оригинала-богача, я разскажу одинъ, который слышалъ отъ моего отца, хорошаго знакомаго Д***, и бывшаго съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ.

У Д*** былъ собственный домъ въ Москвѣ, съ котораго по закону брались ежегодно поземельныя деньги, взносъ коихъ возложенъ былъ на управляющаго домомъ. Но Д*** — у однажды пришло въ голову съиграть какую нибудь новую штуку, и онъ послалъ въ то присутственное мѣсто, куда взносились деньги просить, чтобъ прислали лично къ нему какого либо писца для полученія денегъ прямо отъ него. Надо было видѣть, въ какомъ затрудненіи были члены?.. Кого послать? Они знали, что безъ проказъ не обойдется и боялись непріятностей.

Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили послать одного писца, отъявленнаго пьяницу.

— Пусть Д*** надъ нимъ позабавится, — думали члены, — это развеселитъ и насъ; а этотъ писецъ, по своему поведенію, давно уже стоитъ, чтобъ его выгнать изъ службы.

Писцу приказано было отправиться съ книгою къ Д*** и строго подтверждено беречь деньги, которыя получитъ.

Писецъ, простясь съ женою и выпивъ рюмочку для смѣлости, отправился въ великолѣпныя палаты Д***, готовый на все. Жена провожала его съ плачемъ и давала совѣты, какъ вести себя съ богачемъ, котораго всѣ боялись, какъ огня.

Какъ скоро доложили Д*** о прибытіи писца съ книгою, онъ немедленно велѣлъ позвать его. Замѣтивъ оригинальную фигуру пришедшаго, и его багровый носъ, вѣрный барометръ трезвости, Д*** тотчасъ догадался, что къ нему прислали послѣднюю спицу въ колесницѣ, какъ говаривали старики наши.

Писецъ низко поклонился.

— Здравствуй, любезный, сказалъ богачъ-оригиналъ, улыбаясь; садись, дружокъ!

Писецъ думалъ, что ослышался, и снова поклонился.

— Оставь, братецъ, поклоны; мнѣ изъ нихъ не шубу шить, садись-знай.

Писецъ зналъ, что подобная просьба равна приказанію, и сѣлъ на кончикъ стула.

— Тьфу къ чорту! ты меня взбѣсишь!.. вскричалъ Д*** и, схвативъ несчастнаго писца за плечи, насильно усадилъ его въ кресла.

Писецъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Зачѣмъ никто изъ гг. членовъ не пожаловалъ ко мнѣ?

— Не могу доложить, ваше превосходительство, — отвѣчалъ писецъ и вскочилъ со стула.

— Да усядешься-ли ты, чортова голова! Если ты еще разъ вскочишь какъ шальной, такъ я велю прибить тебя гвоздями къ стулу.

Писецъ усѣлся, рѣшась не вставать болѣе.

— Пьешь-ли ты водку? спросилъ Д*** улыбнувшись.

— Употребляемъ, ваше превосходительство.

— Ей! человѣкъ! большой графинъ водки и закуску.

Черезъ нѣсколько минутъ явился на столѣ графинъ въ полведра.

— Пей, да безъ поклоновъ и кривлянья. Я ихъ терпѣть не могу.

Д*** налилъ огромный стаканъ писцу.

— Пей залпомъ; покажи, что ты молодецъ!

Писецъ выпилъ до капли однимъ духомъ: ему было въ привычку.

— Ты холостой?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство — женатъ.

— И вѣрно очень бѣденъ; сертучишкато на тебѣ, какъ видно праздничный, а дыры то будничныя... ну, выпей еще.

Писецъ опорожнилъ другой стаканъ и сталъ разговорчивѣе.

— Жалованье малое, ваше превосходительство, доходовъ нѣтъ, жена на шеѣ... Худо, очень худо, иной день и голодомъ сидишь... что дѣлать, ваше превосходительство?.. Только то не хорошо, что надо мной всѣ смѣются. Товарищи зовутъ пьяницей, нищимъ; жена всегда ругается... бѣда! хоть въ воду. — Писецъ заплакалъ, и отеръ слезы дырявымъ платкомъ.

— Утѣшься, дурачина; выпей еще, легче будетъ.

Писецъ выпилъ третью; у него въ глазахъ зарябило.

— Покорно благодарю... хорошее дѣло... и водка хорошая... а жалованье малое... конечно, ваше превосходительство... я вами доволенъ... да жена ругается...

Д*** съ удовольствіемъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ коснѣлъ языкъ подъячаго, и опять налилъ ему еще стаканъ.

— Нутка, послѣднюю!

— Не... не... могу... видитъ... Богъ... не... могу... я вами доволенъ... только не могу...

— Вздоръ! пей! что за отговорки!

Писецъ какъ не былъ пьянъ, но не забывалъ, что нельзя сердить Д***... а потому, собравшись кое-какъ съ силами, схватилъ стаканъ, опорожнилъ его, улыбнулся, отеръ ротъ рукавомъ, привсталъ, опять

улыбнулся, хотѣлъ поставить стаканъ на столъ, но въ то самое мгновеніе покачнулся назадъ... стаканъ упалъ на полъ и разбился въ дребезги.

Д*** только этого и ждалъ; онъ захохоталъ и позвавъ лакея, приказалъ принести деревянный крашеный гробъ, положить при немъ туда пьянаго подъячаго и отвезти на извощикѣ въ занимаемую имъ квартиру, о которой узнать у сторожа въ присутствіи; на квартирѣ поставить гробъ у дверей, такъ, чтобъ жена подъячаго, отворивъ дверь, могла его увидѣть.

Когда гробъ былъ привезенъ, Д*** самъ распоряжался помѣщеніемъ въ него писца, положилъ ему въ ноги какой-то большой свертокъ, а книгу и слѣдующія съ него деньги съ распиской помѣстилъ въ гробу же съ боку.

Приказаніе Д*** было въ точности исполнено.

Отворивъ случайно дверь, увидавъ гробъ и въ немъ своего сожителя, жена писца ахнула и съ отчаяніемъ готова была броситься на него, но въ то же мгновеніе услышала, что онъ ужасно храпѣлъ; притомъ же сильный запахъ водки объяснилъ ей все дѣло.

Толчками разбудила она жертву свою и осыпала ее самою крупною бранью. Не протрезвившійся еще писецъ приподнялся въ гробу и осматривался безсмысленно. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлалось? гдѣ онъ находился? какъ тутъ очутился?.. Между тѣмъ брань супруги, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, поражала слухъ его.

Взбѣшенная жена писца схватила наконецъ ведро воды и окатила мужа. Онъ вскочилъ, встрепенулся и отряхнулся какъ мокрый пудель.

— Пьяница ты эдакой!.. на силу опомнился! Гдѣ ты опять нарѣзался?.. вѣрно пропилъ всѣ деньги, которыя получилъ отъ Д***. Окаянный ты эдакой! Деньги казенныя! погубилъ ты мою головушку! Не видишь, что всѣ надъ тобой смѣются; вишь въ гробъ запрятали... Экой живой покойникъ!..

— Не грѣши, жена! виноватъ... много пилъ, да не на свой счетъ. Д*** подчивалъ.

— Вишь, что выдумалъ! Станетъ онъ такую дрянь подчивать! Ну, гдѣ же деньги, гдѣ книга?

— Гдѣ?.. А чортъ ихъ знаетъ!..

— Чортъ знаетъ!.. Вишь какимъ простачкомъ прикинулся. Охъ! я бѣдная, погубила себя, вышла за этого урода!

— Жена! полно браниться... дай лучше гривенку, душу отвести; голова смерть трещитъ.

— Ахъ, ты сумасшедшій! да я сама два дня не ѣла... пьяница... негодный, пошелъ!.. выбрось хоть гробъ, чтобъ добрые люди не видали, да ступай къ секретарю, раздѣлывайся съ нимъ какъ знаешь.

Бѣдный писецъ, оглушенный крикомъ своей супруги, наклонился, чтобъ поднять гробъ, и тогда увидѣлъ книгу. Онъ чрезвычайно обрадовался, схватилъ ее, развернулъ и увидѣвъ всѣ деньги сполна и расписку въ статьѣ, показалъ своей женѣ, которая, увѣрившись, что мужа ея дѣйствительно угощалъ Д***, замѣтно успокоилась.

— Ну, ну, хорошо,—сказала она, Богъ тебя проститъ; вынесемъ-ко вмѣстѣ гробъ.

Она хотѣла поднять его и не могла. Необыкновенная тяжесть гроба изумила мужа и жену.

— Что онъ, свинцовый, что-ли?

Осматривая гробъ, они наконецъ замѣтили тяжелый свертокъ,—и кто опишетъ ихъ удивленіе, когда, развернувъ его, нашли тысячу рублей серебромъ, при запискѣ: «Разживайся съ моей легкой руки, да пей меньше.»

Тысяча рублей серебромъ въ то время составляла огромный капиталъ, хоть бы и не для писца.

Супруги ахали, плакали и крестились...

— Дай, Богъ, ему здоровья, тысячу лѣтъ жить, всякаго счастія! Вотъ ужъ вельможа, вотъ настоящій баринъ!.. а про него еще говорятъ, что онъ такой-сякой; вздоръ! да ему, моему голубчику, видно радостно награждать бѣдныхъ людей! О! да я съ ума сойду отъ радости!.. Видно ты ему, муженекъ, понравился; дай мнѣ себя расцѣловать, мое ненаглядное сокровище...

И она бросилась цѣловать обезумѣвшаго писца.

— Жена! голова трещитъ... ворчалъ тотъ.

— Сейчасъ, мой дорогой; сама побѣгу, принесу настоечки; сама съ тобой на радости выпью...

Гробъ убрали, деньги спрятали. Жена, взявъ цѣлковый, купила настойки и закусочку, и весь вечеръ пировала съ своимъ муженькомъ.

На другой день, когда писецъ явился въ присутствіе, члены и товарищи встрѣтили его съ насмѣшками. Имъ хотѣлось знать, какъ подшутилъ надъ нимъ Д***. Но писецъ съ деньгами былъ уже не прежній бѣднякъ. Богатство придало ему смѣлости и соображенія. Онъ представилъ книгу съ деньгами и разсказалъ, что сидѣлъ съ Д*** выпилъ, закусилъ, очень пріятно разговаривалъ съ нимъ и получилъ въ награду тысячу рублей серебромъ.

Эти магическія слова перевернули вверхъ дномъ все присутствіе. Всѣ наперерывъ старались поздравить новаго Креза, жали ему руку, просили къ себѣ и съ супругою. Секретарь предложилъ ему мѣсто столоначальника. Однимъ словомъ, нашъ бывшій писецъ съ тѣхъ поръ пошелъ въ гору.

На слѣдующій годъ, когда наступило время ѣхать къ Д***, за полученіемъ поземельныхъ денегъ, секретарь взялъ эту обязанность на себя.

— Мы очень ошибались на счетъ Д***, подумалъ секретарь, — не всякому слуху вѣрь; мало ли, что болтаютъ. Д*** человѣкъ умный, богатый. Если онъ такъ наградилъ за пріѣздъ къ нему простаго писца, то сколько же дастъ онъ мнѣ, когда я, членъ суда, лично явлюсь засвидѣтельствовать мое почтеніе его превосходительству?

Размышляя такимъ образомъ, секретарь, въ назначенный день одѣлся въ мундиръ и выпросивъ, для большаго эффекта, у своего начальника коляску, отправился къ Д***...

Богачъ принялъ его съ необыкновенною учтивостію, разсыпался въ привѣтствіяхъ, благодарилъ за честь и просилъ садиться.

Заплативъ деньги и расписавшись въ книгѣ, Д*** спросилъ секретаря о томъ, сколько онъ получалъ жалованья, распрашивалъ о его житьѣ-бытьѣ, и наконецъ желалъ знать, его ли коляска?

Секретарь считалъ необходимымъ придать себѣ болѣе важности и отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ сдѣлайте одолженіе, подарите мнѣ на память вашу коляску, а я отдарю васъ этой каретой, сказалъ Д***, и подвелъ секретаря къ окну, изъ котораго видна была стоявшая посреди двора великолѣпная карета, обитая бархатомъ и убранная стразами. Колеса были ярко вызолочены.

Секретарь обезумѣлъ отъ радости. Карета стоила, на взглядъ, по-крайней-мѣрѣ до десяти тысячь.

— Я за счастіе почту сдѣлать угодное вашему превосходительству, сказалъ секретарь, и имѣть отъ васъ, что-либо на память.

— Только съ уговоромъ, возразилъ Д***, чтобъ вы сейчасъ же приказали запречь вашихъ лошадей въ карету, и съѣхали со двора. Я буду смотрѣть изъ кабинета. Если же черезъ полчаса вы не уѣдете со двора, то карета опять останется у меня.

— О! непремѣнно, ваше превосходительство! вскричалъ секретарь и, выбѣжавъ на крыльцо, приказалъ кучеру какъ можно поскорѣе перепречь лошадей въ карету и подъѣхать къ крыльцу. Когда кучеръ отпрегъ лошадей изъ коляски, ее тотчасъ увезли, по приказанію Д***, на задній дворъ. Д***, раскланялся съ секретаремъ и ушелъ въ кабинетъ, между тѣмъ какъ закладывали карету.

Секретарь стоялъ на крыльцѣ въ полномъ восторгѣ.

Когда кучеръ заложилъ лошадей въ карету, то вскочилъ на козлы, и тронулъ возжами... лошади дернули: карета ни съ мѣста.

Онъ взмахнулъ кнутомъ... лошади дернули сильнѣе... карета ни съ мѣста.

— Что это сдѣлалось съ твоими лошадьми? закричалъ съ досадой секретарь; ударь ихъ хорошенько кнутомъ.

— Что за оказія? ворчалъ кучеръ, слѣзъ съ козелъ и пошелъ осматривать карету. Потомъ громко расхохотался.

— Чему ты тамъ смѣешься, дуралей?

— Да какъ не смѣяться, сударь!.. хорошъ подарокъ!.. ха, ха, ха!.. тутъ надо не пару, а сотню лошадей.

— Что ты врешь!

— Карета-то чугунная, баринъ! Эка штука, подумаешь! Чего народъ не выдумаетъ... Ахъ, ты Господи!.. говорилъ кучеръ, смотря на карету и покачивая головой.

Секретаря обдало холодомъ.

— Какъ чугунная?... То есть... ты... но... не можетъ быть!

— Конечно, чугунная, посмотрите сами!

Секретарь пошелъ осматривать. Кучеръ говорилъ правду: карета дѣйствительно была чугунная.

Тягостно было разочарованіе секретаря. Отступившись отъ тяжелаго подарка, онъ просилъ, чтобы ему возвратили коляску; ему отвѣчали, что по приказанію Д***, она уже изрублена на дрова. Секретарь желалъ переговорить съ богачемъ; ему отказали, и онъ горестно поплелся домой пѣшкомъ, провожаемый кучеромъ, который велъ за нимъ лошадей въ поводу.

Всѣ надъ нимъ смѣялись и онъ два года служилъ безъ жалованья, уплачивая за коляску своему начальнику.

П. З.

БАЗЕЛЬ.

(*Изъ путевыхъ записокъ*).

......Нельзя ничего вообразить себѣ прелестнѣе мѣстоположенія Базеля и окрестностей его. Подъѣзжая къ этому городу, по дорогѣ изъ Великаго-Герцогства Баденскаго, я приказалъ кучеру остановиться, вышелъ изъ коляски и долго, съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, любовался очаровательнымъ видомъ...

Тамъ, гдѣ на теченіи своемъ изъ верхнихъ Альповъ Рейнъ становится наиболѣе судоходнымъ, омывая нѣмецкій, французскій и швейцарскій берега, лежитъ Базель, — почти на возвышеннѣйшей точкѣ очаровательной равнины, далеко пролегающей между Юрой, Шварцвальдскими и Вогезскими горами. На югъ и востокъ отъ города лежитъ Швейцарія, на западъ границы Франціи и, наконецъ, на правомъ берегу Рейна Великое Герцогство Баденъ.

Я не могъ довольно налюбоваться всѣми чудесами богатой, роскошной, но вмѣстѣ строгой и величественной швейцарской природы. Правда, я былъ не одинъ... и послѣ перваго нѣмаго восторга ямогъ подѣлиться впечатлѣніями, произведенными на меня дивнымъ видомъ... и можетъ быть, Цшокке правъ, когда говоритъ: «Міръ вездѣ одинаковъ: не дуренъ, и не очарователенъ; онъ есть безцвѣтная картина, которую наша душа сама должна покрыть надлежащими красками. Мы сами даемъ жизнь и прелесть міру... и расположеніе нашего сердца есть волшебная сила, котораяможетъ превратить пустынную, дикую степь въ земной рай.»

Можетъ быть, Цшокке и правъ, но такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о тогдашнемъ расположеніи моего сердца, то...

Базель лежитъ въ умѣренномъ климатѣ; холодъ въ 12—13 градусовъ и жаръ, въ 25 градусовъ, считаются тамъ большою рѣдкостью. Роскошно произрастаютъ тамъ виноградъ, благородные плоды и разнаго рода хлѣбныя растенія. Многочисленные источники чистой, прозрачной воды и превосходные водопроводы, окружающіе городъ, пользовались извѣстностію еще во времена Римлянъ. По наблюденіямъ геологовъ, образованіе слоевъ базельской земли есть слѣдствіе «продолжительной борьбы элементовъ и значительныхъ земныхъ переворотовъ.» — Базель лежитъ подъ 47° 33' сѣверной широты и 25° 19' южной длиноты, занимаетъ пространства около 8¾ квадратныхъ миль, на коихъ находится отъ 23,500 до 24,000 жителей.

Рейнъ раздѣляетъ городъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ лежащая по правую сторону рѣки называется *Меньшимъ*, а по лѣвую *Большимъ-Базелемъ*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я уже былъ въ Базелѣ... не смотря на то, теперь почти не узналъ его. Онъ уже не имѣетъ прежняго стараго, негостепріимнаго, мрачнаго вида имперскаго города; со дня на день онъ становится веселѣе и свѣтлѣе. Не смотря на все желаніе не рассердить господъ художниковъ, называющихъ варварами господъ домохозяевъ, дерзающихъ чинить, подкрашивать и перестраивать разваливающіеся дома свои, мы должны сказать, что эта самая дерзость придаетъ теперешнему Базелю болѣе чистенькій, пріятный видъ. Остается одна средневѣковая форма зданій, узкія, неровныя, угловатыя улицы и переулки, но рѣдко гдѣ можно встрѣтить тотъ чудный, *вкусный* колоритъ, который профаны осмѣливаются называть... грязью!

Но къ большему прискорбію господъ художниковъ туристовъ, мы должны открыть, что злодѣи домохозяева не довольствуются перекрашиваніемъ своихъ домовъ; они срываютъ ихъ, и на томъ же мѣстѣ воздвигаютъ огромныя, великолѣпныя зданія, какъ бы по волшебному мановенію перенесенныя туда съ Невскаго проспекта или изъ Большой Морской!

Замѣчательна необщественность и недоступность жителей Базеля. Доказательствомъ расположенія къ семейной жизни ихъ можетъ служить весьма умѣренное число гостинницъ и трактировъ. Между первыми замѣчательна гостинница *Трехъ Королей*, громадное, великолѣпное, новоевропейское зданіе въ четыре этажа.

Между старинными, вполнѣ сохранившимися зданіями заслуживаетъ особенное вниманіе готическая соборная церковь (der Münster.) Хотя эта церковь и не можетъ стать на ряду съ другими славными памятниками германской готической архитектуры въ отношеніи къ общему виду ея, но тѣмъ замѣчательнѣе она по множеству отдѣльныхъ украшеній, изумительныхъ, какъ по изобрѣтенію, такъ и по исполненію своему. *Мюнстеръ* этотъ выстроенъ въ одиннадцатомъ столѣтіи. Въ 1256 году соборъ этотъ значительно претерпѣлъ отъ пожара, а въ 1356 году отъ сильнаго землетрясенія, во время котораго обвалились въ церквѣ хоры. — Опытный наблюдатель легко замѣтитъ, что соборъ этотъ достроивался и перестраивался въ различныя времена. Тамъ и самъ къ готическимъ формамъ его примѣшивается византійскій стиль. Двѣ башни, высящіяся одна на 205, другая на 200 футовъ, выстроены въ готическомъ вкусѣ. Одна называется башней св. Георгія, по барельефу, на портикѣ, представляющему этого святаго; а другая башней св. Мартина, также по барельефу, находящемуся на портикѣ.

Во внутренности исторически замѣчательны хоры, какъ главное мѣсто засѣданій церковныхъ соборовъ въ 1431—1448 годахъ; каѳедра, высѣченная изъ одного камня, купель и органъ. Еще замѣчательны гробницы: Эразма-Роттердамскаго, императрицы Анны, супруги Рудольфа Габсбургскаго, сыновей ея Гартманна и Карла, и другихъ.

Изъ сырыхъ, холодныхъ, мрачныхъ сводовъ Мюнстера я вышелъ на площадку, высоко лежащую надъ протекающимъ у подножія ея Рейномъ. Оттуда рѣдкій видъ: взоръ окидываетъ очаровательнѣйшую дальность синихъ горъ, болѣе 32 селеній и 11 живописнѣйшихъ развалинъ!

Публичная библіотека, лежащая не въ дальнемъ разстояніи отъ Мюнстера, служащая въ тоже время картинной галереей и кабинетомъ рѣдкостей, слишкомъ мала, такъ что хранящіяся въ ней сокровища совершенно пропадаютъ. Они до того завалены, что до нихъ рѣшительно нельзя добраться. Осматривая библіотеку, я невольно пожалѣлъ, что она находится въ сжатомъ, неудобномъ домикѣ, а не въ великолѣпной гостинницѣ Трехъ Королей. Впрочемъ, къ чести жителей Базеля должно сказать, что въ послѣднее время и въ теченіе 5 мѣсяцовъ собрана сумма, достаточная для сооруженія новаго музея.

Между различными замѣчательными рѣдкостями и древностями университетской библіотеки, мы упомянемъ о гравюрахъ на деревѣ, изображающихъ *пляску мертвыхъ* Хольбейна, и исполненныхъ сыномъ его, Хансомъ Хольбейномъ, младшимъ, отецъ котораго, знаменитый живописецъ, переселился изъ Аугсбурга въ Базель. Хансъ родился въ этомъ городѣ въ 1498 году. Хотя фрески, которыми Хольбейнъ украшалъ многіе дома въ Базелѣ, давно исчезли, но объ немъ самомъ сохранились многіе анекдоты.

Однажды Хольбейнъ расписывалъ фасадъ аптеки. Это было въ самые жаркіе дни іюля мѣсяца. Хольбейнъ хотѣлъ работать прилежно, но не могъ. Потъ катилъ съ него градомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аптеки была гостинница. Хольбейнъ оторъ потъ съ лица, положилъ на палитру, слѣзъ съ лѣсовъ и пошелъ въ гостинницу освѣжиться. И точно, тамъ было прохладно, винцо вкусное, компанія веселая. Мейстеръ Хансъ засидѣлся въ гостинницѣ, и когда хотѣлъ воротиться на работу, то было уже темно.

На другой день, тоже жарко, а въ трактирѣ опять прохладно и винцо по прежнему вкусное, и компанія по прежнему веселая.

На третій день дождь; Хансъ хотѣлъ обождать его и зашелъ въ трактиръ; но дождь скоро прошелъ, а мейстеръ Хансъ изъ гостинницы не выходилъ.

Хозяинъ дома, видя, что работа подвигается такъ медленно, или, лучше сказать, совсѣмъ не подвигается, разсердился, и, узнавъ о причинѣ этой остановки, пошелъ въ трактиръ. День былъ жаркій. Мейстеръ Хансъ освѣжался.

— Мейстеръ! — закричалъ хозяинъ; — скоро ли вы кончите работу?

— Скоро, — хладнокровно отвѣчалъ Хольбейнъ, и подвинувшись на край скамьи, продолжалъ: — присядьте-ко съ нами, хозяинъ, да выпейте стаканчикъ чудеснаго рейнвейну.

— Тутъ не о рейнвейнѣ дѣло, а о томъ, скоро ли вы кончите работу! — Вотъ, я уже нѣсколько дней не застаю васъ на мѣстѣ, и живопись остановилась!

— Не остановилась, хозяинъ, отвѣчалъ Хольбейнъ, — я подмалевываю.

— Знаю я, какъ вы подмалевываете!... Послушайте, мейстеръ Хансъ, я плачу вамъ не для того, чтобы вы цѣлый день пьянствовали; слышите ли? Я плачу вамъ наличными денежками за то, чтобы вы всякою хорошею живописью мой домъ разукрасили. Слышите ли?... Кончайте скорѣе работу, или я не заплачу вамъ и прикажу стереть то, что вы до сихъ поръ намарали.

— Полно, хозяинъ, не сердитесь, я скоро кончу, — отвѣчалъ Хольбейнъ.

Грозныя слова хозяина нѣсколько обезпокоили мейстера Ханса. На другой день онъ ранѣе обыкновеннаго взобрался на лѣса и сталъ работать прилежно, а между тѣмъ солнышко пекло его, нестерпимая жажда мучила его...

Нѣсколько дней сряду Хансъ работалъ прилежно. Хозяинъ каждый день по нѣскольку разъ подходилъ къ лѣсамъ; посмотритъ вверхъ — мейстеръ Хансъ на мѣстѣ и прилежно работаетъ.

Большой хлѣбный рынокъ и Ратуша въ Базелѣ.

Однажды, видно день былъ слишкомъ жаркій, —самъ хозяинъ дома, увѣрившись, что живописецъ сидѣлъ за работой, вошелъ въ гостинницу. Но едва онъ вступилъ въ вторую комнату, какъ остановился съ ужасомъ...

Тамъ, развалившись на скамьѣ, сидѣлъ передъ бутылкой рейнскаго вина Хольбейнъ и беззаботно напѣвалъ какую-то пѣсенку!.. Хозяинъ остолбенѣлъ и долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ онъ всплеснулъ руками, крикнулъ и опрометью бросился къ своему дому... Подбѣжалъ, смотритъ вверхъ... Хольбейнъ на лѣсахъ... по-крайней-мѣрѣ ноги его висятъ внизъ.

Съ суевѣрнымъ страхомъ хозяинъ отскочилъ отъ лѣсовъ и опять побѣжалъ въ трактиръ.

Хольбейнъ и тамъ.

— Мей.., мей... мейстеръ Хансъ!.. проговорилъ хозяинъ дрожащимъ голосомъ: — Вы ли это?

— Какъ видите,—отвѣчалъ улыбнувшись живописецъ.

— То есть... гдѣ вы?

— Здѣсь.

— А тамъ?

— Гдѣ?

— На лѣсахъ?

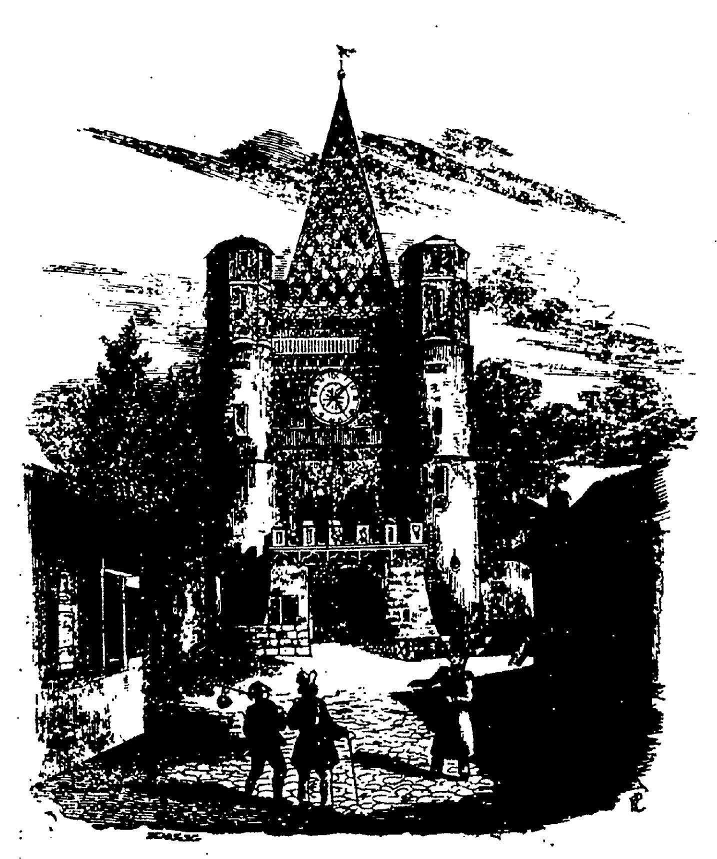
— Я же.

— Вы... вы... же!.. Господи, помилуй!.. Да что вы? Чортъ... или колдунъ? вскричалъ хозяинъ.

— Живописецъ,—отвѣчалъ Хансъ, съ наслажденіемъ потягивая винцо.

Хозяинъ замолчалъ, покачалъ головой и проговоривъ:

— Пойду допрашивать того!... опять побѣжалъ къ лѣсамъ.



Шпаленторъ въ Базелѣ.

Соборная церковь въ Базелѣ.

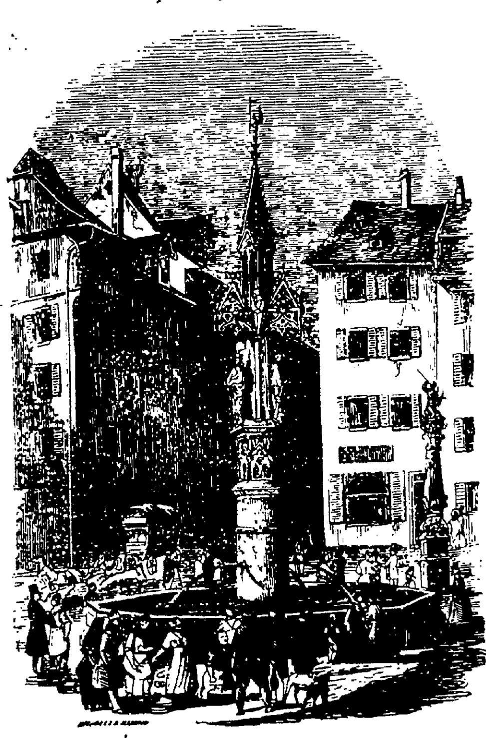
Смотритъ снизу... такъ точно, это ноги Хольбейна! Скрѣпя сердце, хозяинъ взбирается на верхъ и о чудо!..—тамъ никого нѣтъ. Онъ опять сходитъ внизъ... глядитъ вверхъ... ноги Хольбейна висятъ...

Между тѣмъ около лѣсовъ собралась толпа. Хозяинъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и нѣкоторые изъ любопытныхъ стали уже отступать со страхомъ, когда хозяинъ, въ послѣдній разъ взобравшись на верхъ и осмотрѣвшись съ безпокойствомъ, замѣтилъ написанныя на стѣнѣ ноги Хольбейна!.. Прекрасно воспользовавшись перспективой, мейстеръ Хансъ, желавшій остаться въ пріязни съ хозяиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣжаться въ трактирѣ, написалъ на стѣнѣ свои ноги и съ такимъ искуствомъ расположилъ тѣни, что обманулъ не одного хозяина, но и цѣлую толпу любопытныхъ.

Эти люди, за минуту произносившіе имя Хольбейна съ угрозами, бросились въ гостинницу и на рукахъ вынесли его оттуда, радостно привѣтствуя *своего* живописца...

Но увы! частыя и продолжительныя засѣданія въ гостинницѣ повели къ тому, что Хансъ ужасно задолжалъ трактирщику, а платить было нечѣмъ. По счастію, кто-то посовѣтовалъ трактирщику заказать Хольбейну картину и тѣмъ доставить ему возможность поквитаться.

Мейстеръ Хансъ принялся за дѣло и на самой стѣнѣ общей залы написалъ фрескъ,



Рыбный рынокъ въ Базелѣ.

который долгое время приводилъ въ восторгъ всѣхъ жителей Базеля, такъ, что трактиръ этотъ вошелъ въ большую моду. Хольбейнъ не только поквитался съ трактирщикомъ, но даже доставилъ ему огромный доходъ; не смотря на то, неблагодарный, нѣсколько времени спустя, не соглашался раздѣлаться съ вновь задолжавшимъ живописцемъ, такимъ же образомъ.

Но вотъ однажды является Хольбейнъ въ гостинницу съ кошелькомъ, туго набитымъ золотомъ, расплачивается съ хозяиномъ и... уничтожаетъ славный фрескъ!.. Золото онъ получилъ на путевыя издержки въ Англію, куда приглашалъ его Генрихъ IV и куда онъ добрался, сколько можно было пѣшкомъ, а потомъ черезъ море, по милости капитана, которому понравилась беззаботная веселость живописца...

На рынкѣ въ Базелѣ съ одной стороны находится старинный колодезь, замѣчательный по прекрасной рельефной работѣ, а съ другой—ратуша, древнее готическое зданіе, для капеллы котораго Хольбейнъ написалъ превосходную картину, изображающую страданія Христа.

Къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ архитектуры этого города принадлежатъ ворота, называемыя *Шпаленторъ*, съ двумя круглыми, а вверху осьмиугольными башнями. Остроконечная кровля, находящаяся между башнями, покрыта разноцвѣтной, гла-

зурованной черепицей. Зданіе это существуетъ съ четырнадцатаго столѣтія.

Между колодцами и фонтанами, которыми Базель, какъ городъ, изобилующій источниками, весьма богатъ, мы упомянемъ о колодцѣ на рыбномъ рынкѣ. Онъ состоитъ изъ круглаго внизу, шестиугольнаго вверху столба, надъ которымъ устроена треугольная башенка съ узорчатымъ навѣсомъ или балдахиномъ; по сторонамъ башенки стоятъ статуи св. Богородицы, св. Апостоловъ Іоанна и Петра. Рыбный рынокъ, на которомъ стоитъ этотъ колодезь, не великъ. Прогуливаясь по немъ, я замѣтилъ маленькую, полуразвалившуюся лавчонку, окна которой были заколочены досками. Вотъ что одинъ изъ жителей Базеля разсказалъ мнѣ объ этой лавчонкѣ...

Но прежде я долженъ просить извиненія въ томъ, что безпрестанно отступаю отъ главнаго предмета, и по весьма понятной причинѣ: я путешествую слишкомъ скоро, чтобы могъ имѣть притязанія ученаго изслѣдователя; я ищу только ощущеній и стараюсь передавать ихъ, какъ умѣю. Правда, я свободенъ, не имѣю никакихъ обязанностей, и могъ бы посвятить болѣе времени на поѣздки свои, на изученіе исторіи странъ, по которымъ я путешествую, на изученіе литературы, нравовъ... но въ такомъ случаѣ я бы измѣнилъ своему характеру и своимъ наклонностямъ... и такъ, не прогнѣвайтесь, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

И такъ, передъ выѣздомъ изъ Базеля, я разскажу вамъ исторію развалившейся лавчонки.

Это было давно. На рыбномъ рынкѣ между всѣми лавками отличалась одна, чистенькая и опрятная. Она принадлежала рыбаку Конраду, которому всѣ въ Базелѣ и окрестностяхъ его завидовали.

Конрадъ былъ молодъ, хорошъ собою; рыбный промыселъ доставлялъ ему ежегодно до двухъ тысячь талеровъ, — слѣдовательно, онъ могъ жить спокойно, счастливо,

Окончивъ работы, Конрадъ каждый вечеръ ѣздилъ по Рейну въ своемъ челночкѣ, расписанномъ разными красками, и игралъ на флейтѣ.

Нельзя описать чуднаго дѣйствія, производимаго звуками флейты на слушателей, гулявшихъ по берегу... эхо рѣки, холмовъ и горъ вторило мелодической игрѣ Конрада, и каждый вечеръ многочисленныя группы слушателей сходились на берегу, слѣдили за челнокомъ Конрада и съ восторгомъ внимали игрѣ его... Никогда знаменитѣйшіе виртуозы не пользовались такою совершенною, единодушною, неоспоримою славою, какъ Конрадъ, единственный игрокъ на флейтѣ въ цѣломъ Базелѣ.

Слыша со всѣхъ сторонъ похвалы своей игрѣ на флейтѣ, Конрадъ вообразилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ первый виртуозъ на свѣтѣ,

— Зачѣмъ, — говорилъ онъ, — похороню я свой талантъ въ этомъ городѣ, гдѣ мною восхищаются, но гдѣ меня понять не могутъ!.. По генію своему я принадлежу цѣлому свѣту. Отправлюсь путешествовать. Прежде всего побываю въ Вѣнѣ; тамъ ждетъ меня слава!

Сказано, сдѣлано. Конрадъ продалъ свои сѣти за безцѣнокъ, потому что былъ увѣренъ, что вскорѣ у него не будетъ недостатка въ деньгахъ, и отправился съ флейтой своей въ Вѣну.

Весь Базель пришелъ въ отчаяніе. Каждый вечеръ толпы собирались еще на берегу Рейна, но увы!.. все было тихо, не слышно было любимыхъ звуковъ, и жители печально расходились по домамъ.

Между тѣмъ старый органистъ въ Мюнстерѣ скончался. Его замѣнилъ молодой человѣкъ... Лишь только онъ въ первый разъ коснулся клавишей органа, какъ всѣ жители пришли въ восторгъ... и съ той поры Конрадъ былъ забытъ.

Онъ же прибылъ въ Вѣну, истративъ послѣднія деньги свои. Съ большимъ трудомъ удалось ему устроить концертъ.

Въ назначенный день публика собралась въ залу концерта, слушать пріѣзжаго флейтиста-самоучку. Оркестръ проигралъ увертюру... Конрадъ вышелъ... Онъ заигралъ.

Слушатели съ изумленіемъ посматриваютъ другъ на друга, перешептываются, смѣются...

Конрадъ ждетъ рукоплесканій... Кончаетъ арію... и вдругъ громкій хохотъ раздается по залѣ.

Въ то же время одинъ изъ послѣднихъ, самыхъ плохихъ музыкантовъ въ оркестрѣ, встаетъ и начинаетъ играть арію Конрада, но съ гораздо большимъ совершенствомъ.

Бѣдный рыбакъ, котораго погубило тщеславіе, долженъ былъ со стыдомъ бѣжать изъ Вѣны. Онъ воротился въ Базель.

— Здѣсь, — думалъ онъ, — меня, по-крайней-мѣрѣ, слушаютъ съ удовольствіемъ; здѣсь я забуду свой позоръ!

Вечеромъ Конрадъ выѣхалъ на челнокѣ. Эхо вторило мелодическимъ звукамъ нѣжнаго инструмента... Конрадъ игралъ съ душой... онъ превзошелъ себя... Но увы! На берегу никого не было, а рѣдкіе прохожіе равнодушно внимали чуднымъ звукамъ.

На другой день Конрадъ опять игралъ... но какъ и вчера, никто не приходилъ слушать его.

Наконецъ, къ довершенію несчастія бѣднаго рыбака, въ Базелѣ узнали о неудачномъ концертѣ его въ Вѣнѣ, и насмѣшки сыпались на бѣдняка вездѣ, куда онъ появлялся.

Въ одинъ вечеръ звуки флейты долѣе обыкновеннаго раздавались на Рейнѣ... потомъ все умолкло и къ утру волны пригнали пустой челнокъ къ берегу...

Съ тѣхъ поръ никто неслышалъ болѣе игры Конрада, и съ тѣхъ поръ окна лавки его заколочены досками...

Н. Н—ъ.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО.

Доктора Ди.

Превосходная коллекція художественныхъ произведеній и рѣдкостей, собранная въ Стревбри—Гиллѣ, Гораціемъ Вальполемъ, какъ извѣстно, продана съ публичнаго торга и расползлась по всему свѣту. Между многими любопытными предметами, за которые усердно спорили любители, тамъ было знаменитое волшебное зеркало Доктора Ди (Dee). Это кусокъ каменнаго угля, круглой формы, превосходно отполированнаго, съ ручкой. Оно продано за 12 ф. 12 шилинговъ, что составитъ на нашъ счетъ съ небольшимъ 80 р. сер. Эта диковинка находилась прежде въ коллекціи графа Петерсбуга и въ каталогѣ означена съ слѣдующей отмѣткой: «Черный камень, посредствомъ коего Докторъ Ди вызывалъ духовъ.» Изъ этой гелереи оно перешло къ леди Елисаветѣ Жерменъ, потомъ къ Джону, послѣднему герцогу Аржильскому, а внукъ его, лордъ Кампбелль, подарилъ зеркало Вальполю.

Авторъ Theatrum Chimicum, Ашмоль, говоритъ объ этомъ зеркалѣ слѣдующее: «Съ помощію этого магическаго камня можно видѣть всѣхъ, кого пожелаешь, въ какой бы части свѣта они ни были, хотя бы они были запрятаны въ самые отдаленные покои, или даже въ пещеры, въ нѣдрахъ земли.» Это пишетъ ученый; чему же вѣрили тогда неученые, а сколько ихъ тогда было. Во времена оны были даже должности, для полученія коихъ требовалось совершенное незнаніе грамоты. Паскье пишетъ, что при палатѣ счетовъ было штатное мѣсто переплетчика. Избранный кандидатъ, до вступленія въ должность, обязанъ былъ присягнуть въ присутствіи всѣхъ членовъ Палаты, что онъ не умѣетъ ни читать, ни писать.

Докторъ Іоаннъ Ди, родился въ Лондонѣ въ 1527 году. Отецъ его былъ виноторговцемъ. Ди учился съ большимъ успѣхомъ, но духъ вѣка увлекъ его; онъ предался судебной астрологіи. Королева Елисавета приняла его подъ свое покровительство. Онъ съ достовѣрностію опредѣлилъ самый счастливый день для ея коронаціи. Ди написалъ многіе, весьма полезные трактаты о перемѣнахъ въ календарѣ, объ астрономіи, мореплаваніи, перспективѣ; составилъ описаніе всѣхъ земель, открытыхъ Англичанами и такъ д. Впослѣдствіи онъ связался съ обманщикомъ Эдуардомъ Келлейемъ, уѣхалъ съ нимъ въ Германію и совершенно предался магіи; сталъ заговаривать духовъ, предсказывать будущее, видѣлъ невидимое. Когда нашелъ свое знаменитое зеркало, онъ торжественно благодарилъ за него Бога. Въ журналѣ магиковъ, изданномъ въ 1584 г. въ Прагѣ, написано: «Наконецъ «небу угодно было ниспослать мнѣ горній свѣтъ; «это убѣждаетъ меня, что милосердое небо внял«о моимъ долгимъ, горячимъ и постояннымъ «молитвамъ. Вижу, что чистые духи эти два съ «половиною года постоянно наставляли меня и «дали мнѣ въ руки сокровище такое, о какомъ «никто изъ смертныхъ и мечтать не дерзаетъ, «потому что они принесли мнѣ камень, цѣнность «коего превышаетъ цѣнность всѣхъ сокровищъ «земли.»

Невозможно вѣрить искренности Доктора Ди. Онъ обманывалъ своихъ собратій, также обманщиковъ, но не столь высокаго класса. Этого рода обманы, какъ и всѣ другіе, въ прокъ не идутъ. На старости Докторъ Ди впалъ въ нищету. Елисавета призвала его въ Лондонъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1608 году. И магія была болѣзнію, а у Ди наслѣдственною. Сынъ его, Артуръ Ди, врачъ Карла I-го, послѣдовалъ примѣру отца и всю жизнь искалъ философскаго камня.

ПУДЕЛЬ НИЩАГО.

Парижъ есть одна изъ столицъ, представляющихъ величайшее разнообразіе по своимъ зданіямъ. Изъ грязнаго, узенькаго переулка, застроеннаго мрачными, грязными домами, выходите на площади, широкія улицы или гульбища, подобныя тому, которое начинается отъ Тюльерійскаго сада и проходитъ до Елисейскихъ полей. На каждомъ шагу вы невольно останавливаетесь и осматриваетесь съ изумленіемъ, съ восторгомъ. За вами огромная, великолѣпная ограда дворцовъ, направо — дворцы, налѣво — дворцы; и вездѣ разсѣяны роскошныя массы деревъ, смягчающія и разнообразящія сухость и строгость громадныхъ зданій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Тюльерійскимъ садомъ и Елисейскими полями была пустыня, — посѣяли нѣсколько милліоновъ и эти изобильныя сѣмяна, годныя на всякой почвѣ, принесли плоды. Пустыня превратилась въ великолѣпную площадь, освѣжаемую водой, освѣщенную газомъ.

Сквозь безчисленныя просѣки этой обширной панорамы взоръ встрѣчаетъ церковь Магдалины, Палату Депутатовъ, Палату Почетнаго Легіона, Домъ Инвалидовъ или другія подобныя зданія.

Вечеромъ, набережныя, бульвары, Тюльерійскій садъ, Елисейскія поля составляютъ одно огромное гульбище, центромъ котораго площадь Согласія. Эта площадь, общій видъ которой мы представляемъ нашимъ читателямъ, есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ площадей столицъ всего міра.

Я часто съ восторгомъ останавливался посреди этой площади и любовался чудными перспективами, простирающимися отъ нея въ восемь сторонъ.

Между тысячами гуляющихъ, пересѣкающихъ по разнымъ направленіямъ это пространство, часто волнующееся подобно морю, когда свѣтлое, теплое солнышко вызываетъ на чистый воздухъ нарядныхъ дамъ и бородатыхъ львовъ, я всякій разъ замѣчалъ, у одного изъ газовыхъ фонарей, слѣпаго нищаго, у ногъ котораго лежала собака, державшая деревянную чашечку въ зубахъ. Нищій былъ старъ; собака молода; старикъ былъ слѣпъ; на собакѣ красиво вилась бѣлая, чистая шерсть. Старикъ, сообразуясь съ постановленіями полиціи, запрещающей нищенствовать, дер-

жалъ въ рукахъ корзиночку съ сѣрными спичками, которыми старался обратить на себя вниманіе прохожихъ.

Я часто долго смотрѣлъ на нищаго, чтобы видѣть, купитъ ли хоть одинъ прохожій коробочку со спичками, чтобы бросить монету въ чашечку, бывшую въ зубахъ у пуделя; но не замѣтилъ ни разу....

Собаку, какъ я послѣ узналъ, звали Мутономъ. Когда хозяинъ ея переходилъ отъ фонарнаго столба къ рѣшеткѣ Тюльерійскаго сада, куда толпами входили дѣти съ нянюшками и снабженныя пирожками и другими сластями, то бѣдный пудель подымалъ голову, пошевеливалъ ноздрями, какъ бы желая насладиться хоть запахомъ съѣстнаго.

Однажды, я по невольному любопытству остановился возлѣ нищаго. Понявъ участіе, выразившееся на лицѣ, или по другой какой либо причинѣ, собака весело встала и, пошевеливая хвостомъ, подбѣжала ко мнѣ. Я бросилъ монету въ чашечку, поласкалъ красиваго, хотя и сильно исхудавшаго, пуделя, и, обратившись къ хозяину его, спросилъ:

— Что, старикъ, ты купилъ этого пуделя?

— Нѣтъ, добрый господинъ, — онъ самъ привязался ко мнѣ. Лѣтъ пять или шесть тому назадъ, въ одинъ холодный день, я сидѣлъ здѣсь и, по обыкновенію, продавалъ спички. Къ вечеру стало еще холоднѣе, и я собирался идти домой, какъ вставая, я замѣтилъ, что нѣчто тяжелое лежало на полѣ моего плаща. То была собака. Полагая, что у нея былъ хозяинъ, я слегка оттолкнулъ ее палкой и побрелъ домой. На другой день она опять улеглась возлѣ меня. Я побранилъ ее, но не прогналъ. Боясь, чтобы хозяинъ ея не обвинилъ меня въ томъ, что я сманилъ ее, я не давалъ ей ѣсть. Строгость моя, однако жъ, не испугала собаку. На третій день она опять была возлѣ меня и не уходила, не смотря на сильный холодъ. Я не вытерпѣлъ: отдалъ ей половину моего хлѣба; но не желая скрыть отъ нея положенія, ожидающаго ее со мною, я обвязалъ ей веревку около шеи и повелъ за собою: она шла охотно. Дойдя до своего уголка, я отпустилъ ее и заперъ за собою дверь. Она провела всю ночь у моей двери, и утромъ, когда я вышелъ, она весело и радостно лая, бросилась ко мнѣ на встрѣчу. Я досталъ изъ дому ошейникъ, надѣлъ его пуделю на шею, привязалъ къ ошейнику веревку и... съ тѣхъ поръ мы не разставались и, вѣроятно, не разстанемся. Не правда ли, Мутонъ?

Собака подняла голову и весело зашевелила хвостомъ.

— Какая странная, необыкновенная дружба между этой собакой и этимъ нищимъ! — подумалъ я. Слѣпой гонитъ собаку — она возвращается къ нему; онъ не даетъ ей ни хлѣба, ни убѣжища — она не отстаетъ отъ него. Съ перваго взгляда кажется, будто это не логически. Но есть ли логическая дружба?... Посмотримъ.

Въ пятнадцать лѣтъ всѣ намъ друзья. Въ школѣ мы окружены друзьями. Наступаетъ минута разлуки со всѣми этими друзьями. Мы вступаемъ въ свѣтъ. Много, много, если изъ трехъ или четырехъ сотъ друзей, которыхъ мы имѣли въ школѣ, у насъ остаются двое, трое. Отъ прочихъ отдѣляетъ насъ неравенство состояній, различіе характера и развитіе страстей. Дружбы, образующіяся въ обществѣ, суть истинно *логическія* дружбы. Тамъ не судьба даруетъ намъ друзей, но мы сами выбираемъ ихъ — и увы! эти дружбы менѣе искренни, потому что большею частію основаны на разсчетѣ. Впрочемъ, что же такое дружба, какъ не постоянный и вѣрный обмѣнъ качествъ, которыя мы имѣемъ, на тѣ, которыхъ не имѣемъ? Дружба, въ которой съ одной стороны было бъ все, а съ другой ничего, невозможна. А потому, чѣмъ люди возвышеннѣе, тѣмъ у нихъ менѣе друзей. У бѣдняковъ всѣ друзья.

Слѣдовательно, въ дружбѣ Мутона къ нищему не было логики, потому что онъ давалъ болѣе, нежели получалъ. Бѣдный пудель! онъ былъ счастливъ по своему, а между тѣмъ ему чуть не внушили логику...

Вотъ что разсказалъ мнѣ нищій:

Мутонъ понравился одному иностранцу, у котораго въ петличкѣ были какіе-то иностранные ордена. Этотъ иностранецъ былъ отставной капитанъ, родомъ Итальянецъ; онъ разсказывалъ, что долженъ былъ бѣжать изъ отчизны, за слишкомъ вольныя мнѣнія. Его звали Цуккаро. Бѣдность заставила его прибѣгнуть къ довольно странной промышленности, особенно для отставнаго капитана : онъ принялся показывать ученыхъ собакъ. Одна изъ двухъ собакъ, которыхъ онъ привезъ въ Парижъ, околѣла; надо было замѣнить ее.

Цуккаро оббѣгалъ весь Парижъ и наконецъ, послѣ долгихъ, утомительныхъ поисковъ, встрѣтилъ Мутона. Какъ человѣкъ опытный въ своемъ дѣлѣ, онъ тотчасъ понялъ смѣтливость этого пуделя и сталъ торговать его.

Разумѣется, этотъ поступокъ не относится къ чести нищаго, и когда бѣднаго Мутона уводили, то онъ безпрестанно оглядывался и жалобно визжалъ, надѣясь, что старый хозяинъ опять возьметъ его къ себѣ. Нищій страдалъ, слыша жалобный визгъ Мутона, но... у него въ рукахъ было восемь пятифранковыхъ монетъ! А сколько спичекъ надо продать, чтобы получить сорокъ франковъ!...

Въ тотъ же вечеръ, слѣпой, не имѣя своего проводника, два раза упалъ прежде, нежели добрался домой. Онъ ушибъ голову и колѣно.

— Никто не пожалѣлъ обо мнѣ! — жалобнымъ голосомъ произнесъ старикъ, погладивъ Мутона, — и вскорѣ я раскаялся въ своей жестокости. Мною овладѣла невыразимая тоска... Я занемогъ; два мѣсяца не выходилъ изъ комнаты, и въ это время не только истратилъ свои сорокъ франковъ, но еще задолжалъ...

Между тѣмъ Мутонъ не осуществилъ надеждъ отставнаго капитана : онъ съ упрямствомъ противился желанію новаго своего хозяина обучить его разнымъ штукамъ. Ни примѣръ кроткаго товарища, ни пріятности сытнаго и вкуснаго корма, ни угрозы, ни удары не преодолѣли твердой его рѣшимости остаться собакой необразованной. Если ему подавали карты, то онъ зубами рвалъ ихъ на мелкіе клочки; домино онъ грызъ съ бѣшенствомъ; когда ему приказывали танцовать на заднихъ лапахъ, то онъ преспокойно растягивался на полу и засыпалъ.

Нѣтъ ничего печальнѣе нашей маніи требовать отъ одной вещи, имѣющей свои достоинства, качества другой вещи. А между тѣмъ мы встрѣчаемъ ее на каждомъ шагу. — Послушайте этого пѣвца, у него голосъ точно флейта! — Какъ, вы еще не слышали игры его на флейтѣ? О, послушайте, его пѣніе, это голосъ человѣческій!...

Смѣшно и жалко!...

Такъ точно мы слышимъ иногда жалобы на Иллюстрацію: зачѣмъ она не похожа на ту, или другую газету?... Затѣмъ, господа, что Иллюстрація останется вѣрною своему направленію, своимъ идеямъ, основаніе которыхъ постепенно упрочивается... Конечно, улучшенія могутъ, должны быть, въ Иллюстраціи — и будутъ. Римъ не въ одинъ день выстроенъ. Добросовѣстные противники Иллюстраціи будутъ удовлетворены, тѣмъ болѣе, что ихъ немного. Увлеченные, невольные противники вскорѣ поймутъ всю пустоту того, что увлекло ихъ, и также пристанутъ къ Иллюстраціи. Усиреніе же недобросовѣстныхъ противниковъ *не дорого* стоитъ, но — они не опасны; напротивъ, они даже нужны Иллюстраціи, потому что.

Невѣжда похвалы малѣйшей не умалитъ,
И то не похвала, когда невѣжда хвалитъ.

Но мы замѣчаемъ, что изъ одной крайности попали въ другую: отъ собаки къ недобросовѣстнымъ противникамъ Иллюстраціи. Впрочемъ — les extrémités se touchent, а потому возвратимся къ Мутону.

Пудель, наконецъ, до того надоѣлъ капитану Цуккаро, что тотъ съ досады прибилъ его и прогналъ. Читатели сами догадаются, куда отправился нашъ Мутонъ: прямо къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно стоялъ или сидѣлъ хозяинъ его. Но слѣпца тамъ не было. Собака побѣжала къ квартирѣ его...

Не стану описывать свиданія нищаго съ вѣрной собакой...

Выздоравливавшій старикъ дрожащею рукою схватилъ чашку съ бульономъ, стоявшую на столѣ, и не находя ничего другаго, чѣмъ бы выразить свою признательность, подалъ ее Мутону.

Прошло нѣсколько дней. Старикъ выздоровѣлъ и опять занялъ прежнее мѣсто свое, вмѣстѣ съ добрымъ и вѣрнымъ пуделемъ.

Я съ большимъ участіемъ слушалъ разсказъ нищаго, погладилъ Мутона, положилъ ему на ужинъ монету въ деревянную чашечку и удалился.

На другой день я уѣхалъ въ одно изъ имѣній, лежащихъ въ окрестностяхъ Парижа, и пробылъ тамъ три недѣли, до конца іюля. Возвратившись въ Парижъ, я невольно отправился на площадь Согласія, чтобы повидаться съ нищимъ. На углу, возлѣ самаго моста, собралась толпа. Это обстоятельство подстрекнуло мое любопытство и я пробрался, не безъ труда, въ середину толпы.

Какое печальное зрѣлище поразило взоръ мой!.. Бѣдный слѣпецъ, рыдая, держалъ на рукахъ своего Мутона. Полицейскій служитель отравилъ его. Боже мой!... отравить собаку слѣпаго нищаго!...

Пудель хрипѣлъ и только изрѣдка отвѣчалъ на ласки своего хозяина, слегка шевеля хвостомъ. Слѣпой, рыдая, обращался къ растроганной толпѣ и съ наивнымъ краснорѣчіемъ описывалъ прекрасныя качества и привязанность своего товарища. Онъ говорилъ о немъ, какъ о сынѣ, какъ о единственной своей надеждѣ; онъ увѣрялъ, что Мутонъ никого въ жизнь свою не укусилъ, онъ не испугалъ ни одного ребенка!... Не смотря на то, его отравили!...

— О! возвратите ему жизнь, и я готовъ отдать... Старикъ не договорилъ : онъ вспомнилъ, что онъ нищій.

Деревянная чашечка была раздавлена ногами любопытныхъ; спички, единственное богатство старика, были разбросаны по мостовой... старикъ продолжалъ жалобно стонать...

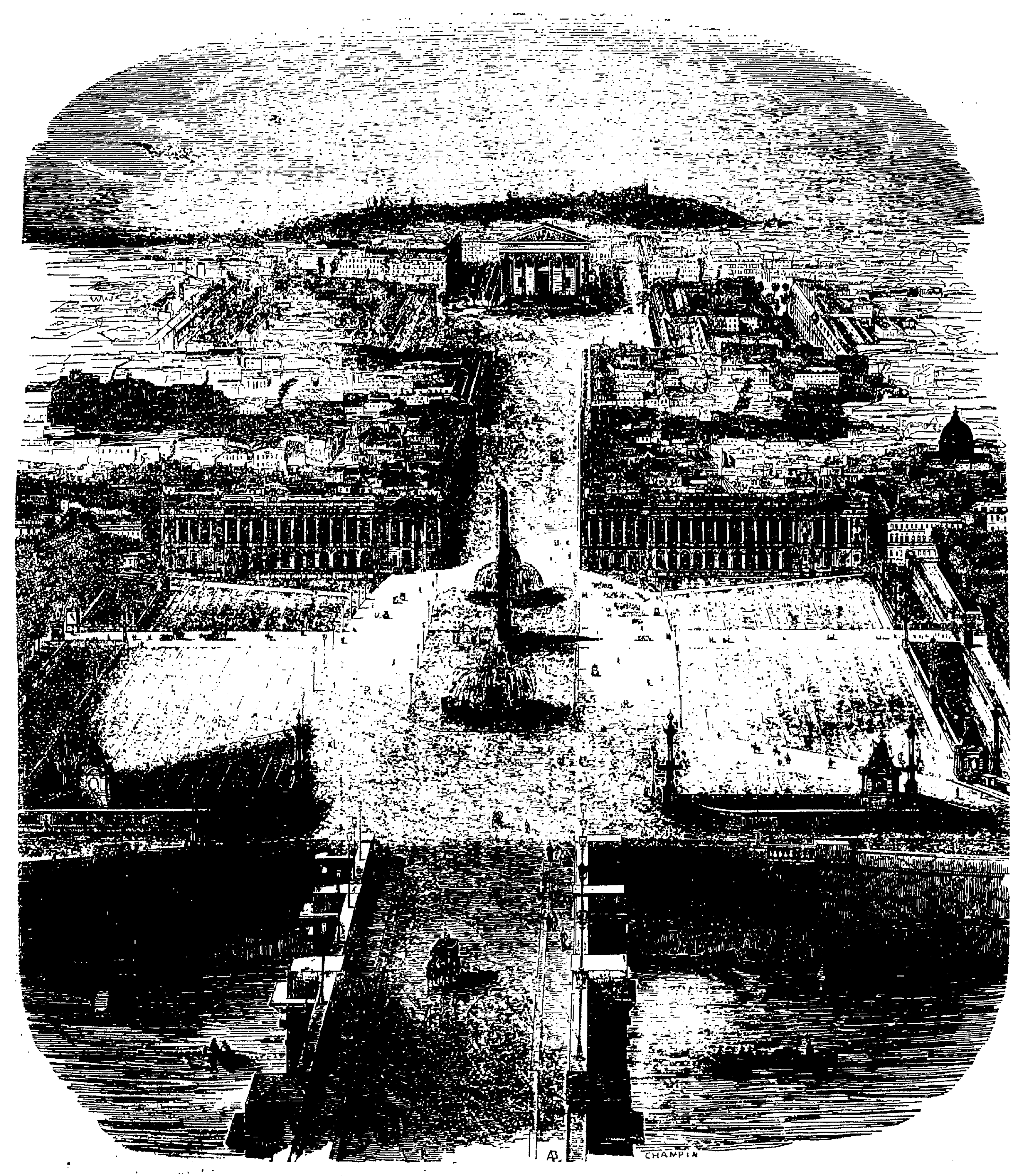
А день былъ прелестный, небо чисто голубое; фонтаны бросали вверхъ воду, осыпанную брилліантовыми искрами; толпы разряженныхъ дамъ и мужчинъ прогуливались, весело разговаривая и смѣясь; великолѣпные экипажи, разъѣзжая по разнымъ направленіямъ, глухо стучали по мостовой...

И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло этимъ счастливцамъ до бѣднаго нищаго, плачущаго надъ отравленною собакой своей?...

Мутонъ совсѣмъ закрылъ глаза; онъ тяжело дышалъ, изрѣдка судорожно вздрагивая и какъ бы насильно желая преодолѣть овладѣвшую имъ смерть... А нищій все стоналъ, все рыдалъ... обнимая своего друга. Вдругъ нищій почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ Мутону и громко, жалобно закричалъ; онъ подумалъ, что у него хотятъ отнять вѣрную собаку, и крѣпче обнялъ ее.

— Не мѣшай, старикъ, сказалъ кто-то въ толпѣ, — это лекарь,

Лекарь этотъ былъ одинъ изъ молодыхъ людей, присланныхъ Мехмедомъ-Али изъ Александріи въ Парижъ, для обученія медицинѣ. Врядъ ли бы какой нибудь извѣстный, опытный докторъ остановился возлѣ больной собаки нищаго. Молодые люди, не имѣющіе ни извѣстности, ни состоянія, сострадательны, потому что они сами еще страдаютъ,



Площадь въ Парижѣ.

Лекарь наскоро написалъ что-то на лоскуткѣ бумаги, и одинъ изъ зрителей этой трогательной сцены, скоро побѣжалъ въ сосѣднюю аптеку.

Нѣсколько минутъ спустя онъ воротился со стклянкой, наполненной жидкостью. Лекарь влилъ спасительное противоядіе въ ротъ собакѣ... съ нею сдѣлались страшныя судороги, она приподнялась... опять упала... видно было, что она боролась съ усиливавшеюся тошнотою, и вскорѣ ядъ, не успѣвшій еще распространиться во внутренностяхъ собаки, вышелъ наружу. Потомъ ее напоили водой, и она, мало по малу, стала приходить въ себя.

Мутонъ былъ спасенъ.

Когда нищій услышалъ легкій, радостный лай своей собаки, когда онъ почувствовалъ, что она прыгала уже около него, то дрожащими руками сталъ искать своего благодѣтеля...

— О Боже мой! Боже мой!... вскричалъ онъ, когда нищій подалъ ему руку: — Боже мой! Зачѣмъ я слѣпъ!...

Потомъ, не находя словъ, чтобы выразить свою признательность, онъ опустилъ дрожащую руку въ карманъ и вынулъ оттуда коробочку со спичками, которую вложилъ въ руку своего благодѣтеля...

П—нъ.

БУФФЕ.

Это было во время французской революціи. Не смотря на ужасы того времени, нѣкто Доаенъ, страстный приверженецъ Мельпомены, устроилъ театръ. У Доаена былъ декораторъ, добрый и честный отецъ семейства, который, не смотря на свою привязанность къ театру, не хотѣлъ, однако жъ, чтобы дѣти его сдѣлались актерами, почему и отдалъ сына своего въ обученіе къ ювелиру. Сынъ этотъ былъ мальчикъ худощавый, но живой и остроумный. Не смотря на запрещеніе отца ходить въ театръ, мальчикъ этотъ горѣлъ желаніемъ побывать на представленіяхъ Доаена; а такъ какъ упрямство, настойчивость, есть одно изъ первыхъ качествъ дѣтей, то онъ достигъ своей цѣли, и вскорѣ познакомился, сначала съ залой зрителей, потомъ и со сценой. О! тогда честолюбіе его было сильно возбуждено: сначала онъ самъ рукоплескалъ, а потомъ захотѣлъ, чтобы и ему рукоплескали.

Въ мастерской ювелира, у котораго учился, онъ думалъ, мечталъ во снѣ и на яву только о театрѣ.

Въ одно прекрасное утро онъ бросилъ всѣ инструменты, ушелъ изъ мастерской и явился въ театръ. Тамъ онъ повѣрилъ Доаену свои мечты, свои желанія. Директоръ испыталъ молодаго человѣка, изумился, замѣтивъ прекрасныя дарованія его, и съ тѣхъ поръ сдѣлался тайнымъ сообщникомъ его.

Нѣсколько времени спустя, совсѣмъ неожиданно, сынъ декоратора явился на сценѣ... Никогда еще публика театра Доаена не видала болѣе даровитаго актера; во все время представленія раздавались одобрительныя восклицанія и громкія рукоплесканія... По окончаніи спектакля директоръ обнялъ новичка и предсказалъ ему славную будущность на поприщѣ драматическаго искуства.

Г. Буффе.

Отецъ сначала противился, но рукоплесканія, раздававшіяся при каждомъ появленіи молодаго человѣка на сценѣ, наконецъ смягчили его, — и нѣсколько времени спустя, на афишѣ впервые появилось имя новаго актера — *Буффе.*

Съ тѣхъ поръ извѣстность Буффе возрастала со дня на день. Это одинъ изъ рѣдкихъ актеровъ, которые доводятъ зрителей до слезъ — отъ смѣха или отъ состраданія. Онъ съ удивительнымъ, неподражаемымъ искуствомъ умѣетъ передавать семейныя радости, горести стариковъ, которыхъ онъ играетъ съ очаровательною прелестію и непритворнымъ чувствомъ; онъ производитъ ужасное впечатлѣніе на зрителей, когда доходитъ до развитія сильныхъ страстей, какъ напримѣръ, скупости; онъ милъ, ловокъ, забавенъ, остроуменъ въ роляхъ уличныхъ мальчишекъ... впрочемъ, всѣ качества Буффе исчислить трудно. Не смотря на комизмъ игры его, въ ней преобладаетъ глубокое, неподдѣльное чувство.

Публика восхищается имъ, любитъ и бережетъ его. Критика единогласно и давно уже провозгласила его первымъ высоко-комическимъ актеромъ, и слава Буффе не угаснетъ до тѣхъ поръ, пока... потомки наши не провозгласятъ новаго актера, который, по мнѣнію ихъ, будетъ славнѣе.

КІЕСЪ.

(*Продолженіе.*)

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Едва ослѣпительное солнце поднялось надъ синими горами земли Кафровъ, какъ веселая толпа боэровъ, на сильныхъ и ловкихъ коняхъ, выѣхала изъ жилища Маркъ-Диркуса. Эти всадники, самые богатые и нарядные жители той страны, обратили бы, на какомъ нибудь европейскомъ столичномъ бульварѣ, такое же вниманіе на себя, какъ и въ Африкѣ, только по діаметрально противуположнымъ причинамъ. Роскошный костюмъ ихъ состоялъ изъ куртки, сшитой изъ грубаго, домашняго сукна; полосатаго жилета и грубой бумажной рубахи, съ голубыми полосками; изъ короткихъ панталонъ, сдѣланныхъ изъ недубленой телячьей кожи, и на колѣняхъ связанныхъ ремнемъ съ большими сѣроватыми или желтоватыми шерстяными чулками. Прибавьте къ этому бумажный платокъ яркаго цвѣта, въ видѣ веревки обвязанный около шеи; огромные башмаки, подбитые гвоздями и украшенные мѣдными пряжками; старыя, поношенныя войлочныя шляпы съ широкими полями — и вы будете имѣть вѣрное понятіе о фешьонеблахъ окрестностей Мыса Доброй Надежды.

Нѣсколько дамъ, также сидѣвшихъ на легкихъ коняхъ, которыми онѣ управляли очень ловко, не отличались ни болѣе роскошными, ни болѣе красивыми нарядами. На молодыхъ и старыхъ были одинакія шляпы съ широкими полями, платья изъ грубой бумажной матеріи, шерстяные чулки, башмаки изъ кожи антилопы, и ни одного клейнода, ни одной драгоцѣнности.

Не смотря на эту, нѣсколько грубую простоту, нѣкоторыя изъ нихъ были очень милы и любезны.

Между всѣми дамами, одна, самая молоденькая и хорошенькая, а именно Женни Принстло, была понаряднѣе другихъ, то есть, вмѣсто тяжелыхъ, неуклюжихъ войлочныхъ шляпъ, у нея была соломенная, изъ подъ которой вились на плечи прелестные черные волосы ея. По самое удивительное то, что у каждой изъ этихъ дамъ у сѣдла висѣлъ блестящій карабинъ, которымъ онѣ, въ случаѣ надобности, противу львовъ ли или бошесменовъ, умѣли дѣйствовать очень искусно.

Въ дикихъ странахъ, населенныхъ хищными звѣрями и черными людьми, еще болѣе хищными, гдѣ весьма малочисленные поселенцы обитаютъ въ жилищахъ, отдаленныхъ одно отъ другаго на нѣсколько льё, гдѣ хозяева должны предохранять себя не только отъ нападенія львовъ и Кафровъ, но даже отъ нападенія собственныхъ своихъ невольниковъ, всѣ члены семьи, не исключая и женщинъ, должны быть въ состояніи помогать другъ другу въ случаѣ опасности. Вотъ почему хорошенькія женщины и дѣвицы, о которыхъ мы упоминули, умѣли такъ ловко управлять лошадьми и попасть въ бошесмена пулей, на разстояніи ста пятидесяти шаговъ.

Я считаю излишнимъ сказать вамъ, что и мужчины были вооружены. Карабины, или лучше сказать, длинныя ружья, съ которыми боэры ходятъ на охоту за тиграми, слонами и невольниками, гораздо больше нашихъ обыкновенныхъ военныхъ ружей, и въ нихъ можно опустить пулю въ двѣ съ половиною унціи вѣсу, вылитую изъ двухъ унцій свинца и полъ-унціи олова; отъ этой амальгамы онѣ дѣлаются тверже и не сплющиваются о кости огромныхъ животныхъ. Отъ этого происходитъ, что ружья слишкомъ тяжелы и что на лошади ими прицѣливаться нельзя. Когда охотникъ, преслѣдующій носорога и Готтентота, догоняетъ его, то разомъ останавливаетъ своего коня, соскакиваетъ съ него, перекидываетъ поводья черезъ руку, становится на одно колѣно, упираетъ ружье на подставку, придѣланную къ нему, прицѣливается, стрѣляетъ

и поспѣшно вскакиваетъ на лошадь, чтобы бѣжать, если врагъ не убитъ, или чтобы преслѣдовать его далѣе, если онъ только раненъ. Люди и лошади такъ привыкли къ подобной охотѣ, что все дѣлается съ неимовѣрною быстротою.

Наши всадники ѣхали весело, опустивъ поводья, точно будто бы отправлялись на прогулку. Готтентотскій колдунъ, Палоо, ѣхалъ впереди на быкѣ, пріученномъ ходить подъ верхомъ, и направлялся къ ущелію т'Корка, близъ Сньюбергенскаго лѣса.

Диркъ-Маркусъ и Принстло о чемъ-то съ живостію разговаривали и, вѣроятно, разговоръ былъ занимательный, потому что, не смотря на дурную дорогу, молодые боэры окружили двухъ старыхъ охотниковъ.

— Божусь вамъ, — говорилъ Принстло, — что я считаю нашу экспедицію гораздо менѣе опасною, нежели охоту за львами или слонами.

— Въ подтвержденіе вашихъ словъ, — вскричалъ Диркъ, — я долженъ разсказать вамъ одинъ случай, бывшій со мною, когда я былъ еще молодъ. Однажды я старался перейдти съ вышины холма, покрытаго кустарникомъ, на другую сторону, потому что я находился въ такомъ положеніи, что вѣтеръ былъ отъ меня къ слону, чутьемъ добиравшемуся до меня. Вдругъ я услышалъ страшный крикъ, раздавшійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько секундъ я видѣлъ слона. Хотя я былъ въ то время однимъ изъ лучшихъ здѣшнихъ охотниковъ, но признаюсь, я такъ струсилъ въ ту минуту, что у меня волосы на головѣ стали дыбомъ; я не могъ ступить шагу, и мнѣ казалось, что меня обливали холодной водой. Вскорѣ я увидѣлъ огромное животное передъ собою такъ близко, что оно могло достать до меня хоботомъ. По счастію, я опомнился и пустился бѣжать съ такою поспѣшностью, что ноги мои едва касались земли. Слонъ не отставалъ отъ меня; наконецъ я достигъ лѣса и пробрался въ чащу, куда животное не могло послѣдовать за мною. Въ первую минуту страха я не догадался выстрѣлить въ него, а когда опасность миновалась, то я слишкомъ усталъ и былъ радешенекъ, что избавился отъ бѣды, а потому не хотѣлъ снова вступить въ бой.

Всѣ засмѣялись при наивномъ разсказѣ Маркуса о страхѣ, который онъ ощутилъ въ то время.

— Я могу вамъ представить примѣръ такого же страха, — сказалъ Яковъ Кокъ, — и то, что со мною случилось, можетъ доказать нашимъ молодымъ людямъ, что не смотря на всѣ толки, левъ трусъ и никогда не нападетъ прямо на непріятеля, который въ состояніи защититься, развѣ уже обстоятельства его къ тому принудятъ. Прогуливаясь однажды по имѣнію своему съ заряженнымъ ружьемъ, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго льва. Такъ какъ я порядочно стрѣляю, то и разсчиталъ, что льву не миновать моей пули и — выстрѣлилъ. По несчастію, я забылъ, что ружье мое было давно заряжено и что порохъ могъ отсырѣть. Такъ и случилось. Испугавшись, я пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, но вскорѣ запыхался и усталъ до того, что у меня подкосились ноги. Между тѣмъ левъ все слѣдовалъ за мною; выбившись изъ силъ, я вскочилъ на кучу камней, оборотился лицомъ ко льву и поднялъ надъ головою ружье, рѣшившись защищаться прикладомъ до послѣдней крайности. Рѣшительный ли видъ мой испугалъ льва или что другое — не знаю; только онъ внезапно остановился и сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменьевъ; я же между тѣмъ не смѣлъ тронуться. Перезарядить ружья не было никакой возможности, потому что во время своего бѣгства я потерялъ пороховницу. Наконецъ, послѣ получаса жестокаго ожиданія, я увидѣлъ, что левъ сталъ медленно удаляться, безпрестанно оглядываясь; отойдя же на довольно значительное разстояніе, онъ пустился бѣжать съ изумительною быстротою, какъ бы опасаясь погони.

— То ли дѣло охота за бошесменами, — сказалъ Принстло; — я не впервые пускаюсь на нее и ни разу не получилъ даже царапинки.

— Разскажите намъ что нибудь объ одной изъ этихъ охотъ! — вскричали молодые люди, которымъ не случалось еще преслѣдовать бошесменовъ.

— Съ удовольствіемъ, дѣти мои; тѣмъ болѣе, что это научитъ васъ какъ поступать черезъ часъ или два, потому что я уже вижу дымъ отъ огней, разведенныхъ бошесменами; онъ черными клубами возвышается надъ вершинами высокихъ деревъ Сньюбергенскаго лѣса. Слушайте же: шесть баэровъ и я нуждались въ невольникахъ для обработыванія земли и смотрѣнія за стадами. Мы сговорились и узнавъ, что сотня жалкихъ дикарей скрываются въ лѣсу на берегу Клейнъ-Фошъривера, мы отправились туда. По дыму мы нашли краалъ ихъ и окружили его, расположившись въ недальнемъ и равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Тогда я подалъ сигналъ, выстрѣливъ въ молодую беременную женщину, шедшую къ источнику за водой. Неожиданный выстрѣлъ до того смутилъ и перепугалъ шайку дикихъ, что только самые неустрашимые изъ нихъ дерзнули обратиться въ бѣгство. Конечно, мы не удерживали ихъ; напротивъ, мы даже были очень рады, что избавились отъ смѣльчаковъ и овладѣли безъ малѣйшаго труда прочими, которые, дрожа отъ страха и испуга, сами отдавались въ наши руки. Мы, однакожъ, выбрали только годныхъ къ работѣ. Что же касается до дѣтей, беременныхъ женщинъ и стариковъ, то...

— Вы отпустили ихъ на волю, сказала Женни, которая вслѣдъ за Филипомъ приблизилась къ отцу.

Разговаривая такимъ образомъ, боэры, вслѣдъ за своимъ вожатымъ Палоо, вступили въ узкую долину, весьма каменистую и мѣстами заросшую колючими растеніями, иглы которыхъ, загнутыя подобно крючкамъ, цѣплялись за платья всадниковъ и безпрестанно заставляли ихъ останавливаться. Растеніе это называется по голландски Walkt een betje, то есть, *погоди маленько*. Этотъ проходъ былъ съ обѣихъ сторонъ огражденъ прямоотвѣсными скалами. Вскорѣ дорога стала столь затруднительною, столько препятствій встрѣчалось на каждомъ шагу, что боэры стали подозрѣвать колдуна Палоо въ измѣнѣ и приступили къ нему съ угрозами. Они приказали испуганному колдуну сойдти съ быка и взобраться на скалу, чтобы найдти другую, болѣе удобопроходимую дорогу, что онъ и исполнилъ. Едва онъ исчезъ между огромными кусками гранита, какъ жалобно, отчаянно вскрикнулъ и вслѣдъ за тѣмъ окровавленный трупъ его, цѣпляясь и болѣе и болѣе раздираясь о каменные выступы, упалъ въ проходъ, къ ногамъ боэровъ. Въ то же время раздался рѣзкій свистъ...

Испуганные боэры, въ страхѣ и безпорядкѣ сблизились и окружили блѣдныхъ, дрожащихъ дамъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — вскричалъ Диркъ-Маркусъ, этотъ свистъ не похожъ на шипѣніе змѣи. Это не то!... Ну, дѣтушки, сомкните ряды и готовьте ружья... Этотъ свистъ не предвѣщаетъ ничего добраго. Ага! вотъ и другой свистъ, менѣе рѣзкій, но за то болѣе понятный; съ этимъ свистомъ я давно знакомъ.

Послѣдній свистъ происходилъ отъ сотни стрѣлъ, пущенныхъ заразъ съ обѣихъ сторонъ прохода и пересѣкавшихся въ воздухѣ. Такъ какъ онѣ были пущены съ большаго разстоянія, и такъ какъ на боэрахъ была грубая, толстая одежда, то ни одинъ изъ нихъ не былъ раненъ. Они отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами наудачу, потому что только изрѣдка, и то на одно мгновеніе, изъ за обломковъ скалъ появлялись черныя курчавыя головы со сверкавшими глазами.

Боэры посовѣтовались между собою и; по совѣту Принстло, рѣшились вернуться назадъ и выйдти на открытое поле, отъ котораго они были въ четырехъ или пяти стахъ шагахъ. Но едва они стали отступать, какъ огромные обломки съ быстротою покатились со скалъ, увлекая съ собою другіе камни, и упали въ ущеліе...

Принстло упалъ мертвый съ лошади... Камень раскроилъ ему черепъ.

Рудольфъ Чемпферъ былъ сброшенъ съ лошади и пораженъ въ шею отравленной стрѣлой, которая и осталась въ ранѣ.

У лошадей Женни, Флипа и Якова были переломлены ноги.

Толпа боэровъ пришла въ страшный безпорядокъ. Всѣ думали о собственномъ спасеніи; только Диркъ-Маркусъ и двое другихъ охотниковъ рѣшились защищать женщинъ, и пробраться въ открытое поле.

Тамъ они отправили женщинъ домой, а сами мужественно ожидали, чтобы дикари вышли изъ лѣсу. Они надѣялись, что Готтентоты нападутъ на нихъ сомкнутой массой, такъ что имъ однимъ выстрѣломъ можно будетъ заразъ убивать по пяти или шести человѣкъ; но каково жъ было изумленіе ихъ, когда они увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ разсѣянными людьми, которые смѣло нападали на нихъ и преслѣдовали, не давая имъ времени заряжать, ни даже возможности употребить въ дѣло свои тяжелыя ружья!

Когда боэръ преслѣдовалъ и одного бошесмена, то за нимъ самимъ слѣдовали пять или шесть другихъ, и когда онъ обращался къ нимъ, то первый тоже останавливался и пускалъ въ него отравленныя стрѣлы. Не смотря на всю быстроту бѣга лошади, боэръ не могъ ни нагнать непріятеля, ни бѣжать отъ другихъ, потому что бошесмены бѣгаютъ такъ скоро, что иногда нагоняютъ газелей и поражаютъ ихъ копьями.

Уже нѣсколько несчастныхъ всадниковъ пали съ лошадей, пораженные стрѣлами дикарей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, когда пять или шесть боэровъ, оставшіеся въ живыхъ, рѣшились обратиться въ бѣгство.

Тогда готтентотскія женщины, бросавшія камни на боэровъ, между тѣмъ какъ мужчины пускали въ нихъ стрѣлы, вышли изъ лѣсу, съ радостными криками.

Тракозія бросилась на шею къ Кіесу, который не переставалъ мужествено сражаться. Молодой начальникъ, приказавъ своимъ воинамъ преслѣдовать боэровъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ ихъ всѣхъ до одного, и поручивъ убитыхъ и раненыхъ попеченіямъ женщинъ, взялъ Тракозію за руку и спокойно пошелъ съ нею къ проходу, гдѣ началось дѣйствіе.

— Жена, — сказалъ онъ ей!.. Видѣла-ли ты со скалы бѣлаго боэра и невѣсту его, лошадямъ которыхъ мы переломили ноги?

— Видѣла.

— Узнала ли ты ихъ?

— Нѣтъ, Кіесъ.

— Молодой боэръ, Флипъ, сынъ Диркъ-Маркуса, послѣдняго хозяина твоего; невѣста его, Женни Принстло, отецъ которой замучилъ сестру мою до смерти въ тягостной неволѣ. Пойдемъ... Эти молодые люди принадлежатъ мнѣ!

— Другъ мой, — сказала Тракозія съ состраданіемъ и безпокойствомъ, — неужели ты хочешь умертвить людей безоружныхъ?

— О нѣтъ! они не умрутъ... но останутся нашими невольниками.

Добрая и кроткая Тракозія не отвѣчала, но она слишкомъ хорошо знала характеръ Кіеса и была увѣрена, что послѣ первой радости, перваго упоенія побѣды, она легко выпроситъ свободу молодымъ людямъ, къ которымъ она инстинктивно привязалась во время своей неволи. И такъ она послѣдовала за мужемъ въ ущеліе, не сказавъ болѣе ни одного слова.

(Продолженіе впредь).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Фельетоны. — Открытіе г. Великопольскаго. — Способъ обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растеній. — Желѣзная дорога на кирпичныхъ устояхъ. — Новая библіотека въ Одессѣ. — Благородный пансіонъ въ Кишиневѣ. — *Литература* : А. И. Михайловскій-Данилевскій. — Е. П. Ковалевскій. — Н. И. Гоголь. — Купецъ Антипинъ. — *Музыка* , Германнъ. — Гунгль. — *Художества* : Штернбергъ: Ивановъ , Бруни , Ставассеръ , Рамазановъ. — Выставка.

Каждый нумеръ Иллюстраціи подвергается косвеннымъ и прямымъ нападкамъ одной газеты. Съ улыбкой соотвѣтственнаго такому поведенію чувства, глядимъ мы на это безсильное и усильное нападеніе ; подчасъ смѣемся ; не рѣдко хохочемъ, когда, напримѣръ, газета захватываетъ кончикъ, тѣ страницы , гдѣ печатаются объявленія , и съ торжествомъ откапываетъ ошибку, въ объявленной цѣнѣ какой-нибудь книжонки. Умора, да и полно. Этими дрязгами наполнять фельетоны — право стыдно ; не Иллюстрація подвергается за это насмѣшкамъ и негодованію подписчиковъ. Конечно, недостатокъ опытности, иногда извиняетъ подобную тактику; но за то въ будущемъ это не обѣщаетъ ничего утѣшительнаго, потому что угрожаетъ продолженіемъ дурнаго, направленія. У насъ просвѣщеніе примѣтно возрасло во всѣхъ классахъ. Есть много уже грамотныхъ; всѣ идутъ впередъ, отстаютъ отъ дурныхъ привычекъ ; отчего бы не отстать и фельетоннымъ рыцарямъ отъ своихъ пріемовъ ? Старику, напримѣръ, отживая свой вѣкъ, тому трудно и поздно уже исправляться ; но литература русская — молодая; ей бы, кажется, и легко и удобно было стряхнуть съ себя эту кору, которою промышленные писатели успѣли покрыть ее въ короткое время. Проказа эта излечима, потому что она не нравится большинству нашей публики, признается болѣзнію и заразительною ; преслѣдуется въ порядочныхъ обществахъ, и находитъ поклонниковъ только между больными — невѣжествомъ. Будемъ надѣяться, что благомыслящее большинство , постоянно возрастая, заглушитъ этотъ наносный, не русскій недугъ. Сердце у Русскаго доброе, теплое, расположенное ко всякому хорошему начинанію; отъ громкой славы нашихъ Закавказскихъ подвиговъ оно бьется также сильно, какъ отъ мирнаго подвига гражданина или хозяина, который приноситъ пользу государству, какъ муравей — одно зерно въ свой муравейникъ. За себя мы прощаемъ: это не гордость ; но убѣжденіе , что мы трудимся по доброй совѣсти , по мѣрѣ силъ и возможности, стараясь улучшать въ нашемъ изданіи все , что замѣтимъ сами или укажутъ другіе ; но нельзя простить , что тѣ, которые перепечатываютъ чужія опечатки, пишутъ о фонаряхъ 1-го августа и тому подобныхъ любопытныхъ современныхъ явленіяхъ, или составляютъ винегреды изъ недозрѣлыхъ плодовъ заграничныхъ , не скажутъ слова объ отечественныхъ изобрѣтеніяхъ, обѣщающихъ для Россіи не маловажную пользу.

*** Вотъ, напримѣръ, о предпріятіи учредившагося въ С. Петербургѣ Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній. Это предпріятіе г. маіора Великопольскаго съ г. Д. С. С. Бѣлавинымъ, обратило на себя особенное вниманіе правительства и Вольнаго Экономическаго Общества. Прядильныя растенія нѣкогда составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ багатства Россіи. Теперь эта отрасль въ упадкѣ. Способъ г. Великопольскаго обѣщаетъ возвратить ей прежнее благосостояніе и даже умножить его въ мѣрѣ, которую теперь еще и опредѣлить трудно. При способѣ г. Великопольскаго можно ожидать слѣдующихъ прямыхъ послѣдствій: 1). Изъ конопли, поскони, и вообще прядильнаго растенія, получится вдвое больше холста, нежели донынѣ получалось. 2). Холстъ будетъ лучшей доброты, 3). Для разведенія растеній потребуется менѣе земли 4). Писчая бумага много выиграетъ въ прочности и дешевизнѣ отъ употребленія пеньковаго тряпья, котораго вездѣ будетъ вдоволь. 5). Хмѣлевые стебли и крапива перейдутъ въ классъ полезныхъ растеній 6). Холсты будутъ и лучше и дешевле. 7). Уменьшится вредное на здоровье вліяніе отъ мочки и разстилки прядильныхъ растеній. Способъ г. Великопольскаго до того простъ, что г. Максимовичъ, которому г. Великопольскій открылъ свою тайну, въ письмѣ своемъ къ адмиралу П. И. Рикорду, пишетъ, что работа для крестьянина самая обыкновенная, не требующая никакого особеннаго искуства; орудіе самое не хитрое, деревянное; будучи однажды сдѣлано, пойдетъ на долго. — Оградить выгоды учредителя Товарищества привилегіей, по существу дѣла весьма трудно и едва ли возможно. Самая простота способа повела бы къ безчисленнымъ контрафакціямъ, которыхъ преслѣдовать не было бы никакой возможности. Оставалось придумать другія мѣры. Планъ, предложенный учредителемъ, хотя и основанъ на самыхъ добросовѣстныхъ началахъ, но мы опасаемся за его успѣхъ. Желающіе пріобрѣсти право пользоваться новымъ открытіемъ платятъ 20 к. с. съ ревижской души , съ разсрочкою на 10 лѣтъ. И въ этомъ платежѣ учредитель предоставляетъ льготы и обезпеченія. Положимъ, что многіе благонамѣренные помѣщики внесутъ охотно эту ничтожную плату; но сколько же будетъ и такихъ, которые преспокойно будутъ пользоваться правомъ своего сосѣда? Остается пожелать, чтобы ихъ было какъ можно меньше. Подробнѣе объ этомъ важномъ способѣ можно прочесть въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества (N. 4 — 1845). Статья эта отпечатана и отдѣльно.

*** Этимъ не кончимъ статьи нашей о полезной дѣятельности г. Великопольскаго на этомъ поприщѣ. Онъ пріобрѣлъ отъ одного извѣстнаго механика машинный способъ для обдѣлки и бѣленія тѣхъ же растеній, также безъ употребленія химическихъ средствъ, и сверхъ того, занимается окончаніемъ подробнаго сочиненія о прядильныхъ, воздѣлываемыхъ въ нашемъ отечествѣ, растеніяхъ , которое въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Такимъ образомъ, мы теперь наканунѣ важнаго переворота въ государственномъ хозяйствѣ, съ убѣжденіемъ въ огромной его пользѣ, и съ опасеніемъ за однѣ только выгоды Товарищества. Дай, Богъ, обмануться только въ послѣднемъ.

*** Мы слышали еще о другомъ предположеніи, которое, кажется, также обѣщаетъ не маловажныя выгоды для внутренней промышленности и торговли. Это желѣзная дорога, укрѣпленная на кирпичныхъ устояхъ, по которой могутъ ad libitum возить лошади и пары. Мы еще не познакомились съ подробностями , которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. Для Россіи всякое облегченіе въ сообщеніяхъ, цѣлебное, благодатное средство къ умноженію ея благосостоянія. Какъ бы мы желали дожить до того, чтобы сѣсть въ Петербургѣ въ вагонъ , покатиться по желѣзной дорогѣ, и очутиться въ Одессѣ.

*** Одесса живетъ собственною жизнію , сильною, самостоятельною , какъ Петербургъ , какъ Москва; но можно ли предъисчислить всѣ выгоды, когда эти три города будутъ связаны желѣзными путями. Теперь Одесса прославляетъ смѣтливыхъ книгопродавцевъ гг. Золотова и Тотти за то , что они устроили порядочную русскую библіотеку. Тогда бы могли ѣздить жители Одессы сами въ Петербургъ и Москву за книгами и модами ; тогда бы пшеница вмѣстѣ съ книгой путешествовали по Россіи и останавливались гдѣ окажется надобность въ той или другой. Впрочемъ, нельзя не поблагодарить гг. Золотова и Тотти за полезное учрежденіе. Всѣ книги, всѣ учебныя пособія, прекрасное помѣщеніе , отличный порядокъ, сходныя цѣны и, въ придачу, билеты на художественную лотерею нашего Общества Поощренія Художниковъ.

У насъ , какъ мы имѣли случай писать , прошла уже мода на художественныя лотереи. Раздача билетовъ, къ стыду нашему, идетъ медленно, вяло ; провинціи не покупаютъ билетовъ, затрудняясь тѣмъ, что не знаютъ , какъ получать свои выигрыши. Учредители въ Одессѣ библіотеки приняли доставку выигрышей на себя, и 25 іюля билетовъ было разобрано больше половины... Всякое благое начинаніе стоитъ успѣха, — и мы искренно того желаемъ гг. Золотову и Тотти, а Одессѣ, чтобы она осенью выиграла всѣ 34 выигрыша нашей лотереи.

*** Говоря о новыхъ учрежденіяхъ, нельзя не упомянуть объ открытіи въ Кишиневѣ новаго пансіона достопочтеннымъ тамошнимъ соборнымъ священникомъ Гурскимъ. Референтъ О. В., откуда заимствуемъ это извѣстіе, справедливо замѣчаетъ, что едва ли это не первый примѣръ въ Россіи, что духовное лицо открываетъ благородный пансіонъ. Это училище помѣщается въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ учредителя и, по внутреннему устройству и по всѣмъ другимъ даннымъ, обѣщаетъ для края пользу, для учредителя искреннѣйшую благодарность всѣхъ ревнующихъ о просвѣщеніи и благомъ воспитаніи въ нашемъ отечествѣ... Литературѣ слѣдовало бы съ своей стороны заботиться о возвышеніи благородныхъ наклонностей , о направленіи къ полезнымъ трудамъ , объ очищеніи вкуса , — а что же дѣлаетъ наша литература?..

— Должно отдѣлить литературу, какъ видъ, отъ печатныхъ книгъ, какъ отъ рода. Печатается много , больше чѣмъ нужно, отъ чего и страждетъ книжная торговля ; но утѣшительныхъ явленій очень мало, и тѣ большею частію готовятся для журналовъ. Военный нашъ историкъ, подарившій насъ недавно мастерскимъ разсказомъ о Милорадовичѣ, теперь приготовляетъ къ печати доконченное имъ описаніе войны 1806 — 1807 годовъ. Е. П. Ковалевскій пишетъ оригинальный (въ истинномъ смыслѣ слова) романъ : Петербургъ днемъ и ночью. Первую часть любители прочтутъ въ сентябрьской книжкѣ Библіотеки для Чтенія и порадуются вмѣстѣ съ нами ; Гоголь, говорятъ, окончилъ свою поэму Мертвыя Души. Это первыя осеннія вѣсти; а всѣмъ извѣстно , что между литераторами и птицами та разница, что послѣднія улетаютъ, а первыя слетаются на зиму. Въ насущной литературѣ одно пріятное явленіе — это Молитва русскихъ людей, сочиненіе калужскаго купеческаго сына Ивана Антипина; мы передаемъ ее нашимъ читателямъ въ цѣлости ; это — общая молитва русскаго народа, общее — и достояніе :

Нашей молитвѣ внемли ,
Боже, Царя намъ храни !
Крѣпости, силы не отымай,
Дни Его славой на долго вѣнчай.
Боже, Царя намъ храни !

Нашей молитвѣ внемли !
Боже, Царицу храни ;
Здравіе въ грудь Ей обильно пролей,
На счастіе намъ, дай дни долгіе Ей.
Боже, Царицу храни !

Нашей Молитвѣ внемли !
Боже Владыко, храни
Нашу надежду, Наслѣдника намъ,
На счастье и славу нашимъ сынамъ !
Боже , Его сохрани !

Нашей молитвѣ внемли.
Супругѣ Его ниспошли ,
Боже, свою благодать :
Въ Ней воскреси *незабвенную мать*
Боже , Марію храни !

Нашей молитвѣ внемли.
Боже, Домъ Царскій храни.
Многія лѣта и счастья подай ,
Семейство Царя умножай.
Боже, Царя намъ храни !

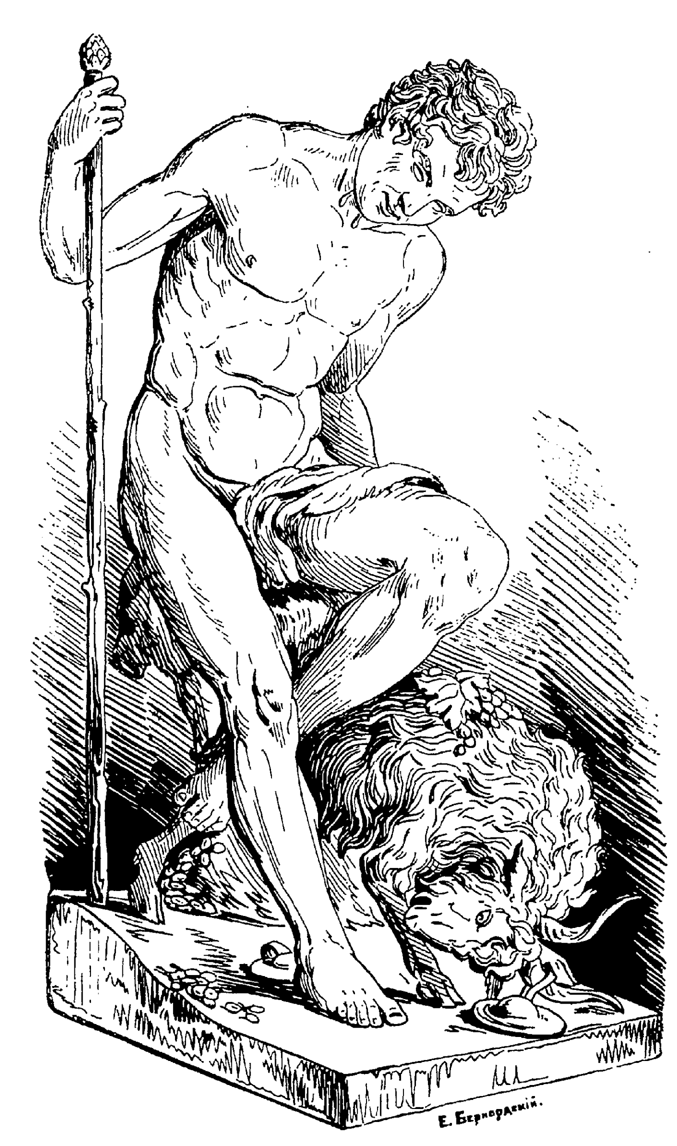
И. А. Антипинъ занимается поэзіей давно , какъ любитель, не мечтая объ извѣстности, славѣ, журнальныхъ похвалахъ; самоучкой слагаетъ свои стихи между дѣломъ, въ утѣху себѣ, удовлетворяя сердечному влеченію; онъ удостоилъ насъ своею довѣренностію и открылъ сокровищ-

ницу своего сердца. Мы нашли тамъ много прекрасныхъ стиховъ, много первороднаго чувства, не отравленнаго, не омраченнаго вліяніемъ свѣта.

Упоминать ли о другихъ произведеніяхъ насущной литературы? Нѣтъ. Если нельзя о нихъ сказать добраго слова, то лучше молчать; пусть живутъ и наслаждаются жизнію, лишь бы въ нихъ не было ничего вреднаго. — Да и кто поручится, что слабый уже никогда не окрѣпнетъ. Уронить слабаго, что за подвигъ?!

, Лѣтняя музыка гораздо лучше лѣтней литературы. Наши предсказанія сбылись. Доброе расположеніе публики къ Герману не только не измѣнилось, но возрастаетъ болѣе и болѣе. Музыкальный островъ въ саду его сіятельства графа А. Г. Кушелева-Безбородко всегда полонъ посѣтителями, платящими; материкъ усѣянъ посѣтителями, не платящими; экипажи на берегу Невы тоже выгодное свидѣтельство. Мы не разъ наслаждались отчетливою, воздушною игрою этого оркестра. Скрипки не рвутъ; духовые сохраняютъ гармоническое равенство съ массой струнныхъ инструментовъ. Случается и трескъ, и присвистъ, но изрѣдка, умѣстно, для невиннаго разнообразія; но за то можно подумать, что это не оркестръ, а инструментъ, на которомъ играетъ одинъ и весьма умный виртуозъ, съ отмѣннымъ вкусомъ, съ художническою отчетливостію. — Въ Павловскѣ та же неумолкающая музыка. Оркестръ Іоанна Гунгля даетъ безпрерывные концерты. Мы слышали, что на этой недѣлѣ хотѣли сыграть въ Павловскѣ Маршъ Каравана изъ симфоніи Давида: Пустыня.

Маршъ оркестрованъ нашимъ извѣстнымъ и даровитымъ композиторомъ Ѳ. М. Толстымъ. Не знаемъ, исполнилось ли желаніе любителей? Мы убѣждены, что услышимъ эту симфонію зимою. Неужели опять придется слушать Requiem Моцарта и пастушескую симфонію Бетговена. Это ужъ было бы примѣрное и приторное постоянство. Эти безсмертныя произведенія могутъ обратиться въ причину совершеннаго охлажденія публики къ полифонической музыкѣ, которую въ послѣдніе годы и безъ того помрачила, унизила Италіянская Опера.... Августъ на исходѣ. Прости, небывалое лѣто! Пора въ городъ! За лѣтнія страданія насъ утѣшитъ, вознаградитъ осень. Едва перевезутъ съ дачь ваши мебели, едва устроитесь на зиму, — рядъ вашихъ удовольствій откроется большою академическою выставкою, которая у насъ бываетъ только разъ въ три года.



Фавнъ, статуя Г. Рамазанова.

, До сихъ поръ трудно сказать, какова будетъ эта выставка. Въ Италіи не много нашихъ живописцевъ.... Извѣстія о даровитомъ Штернбергѣ не утѣшительны; онъ плохо поправляется въ здоровьи. — Г. Ивановъ, котораго Марія Магдалина произвела въ Петербургѣ такой эффектъ, едва ли пришлетъ что либо на нынѣшнюю выставку. — С. М. Воробьевъ, прислалъ уже видъ Неаполя; но вообще до-сихъ-поръ мы между надеждой и опасеніемъ. Здѣшніе главнѣйшіе художники не имѣли времени приготовить что либо собственно для выставки, потому что дѣятельность ихъ преимущественно обращена была на заказы для Исакіевскаго Собора. Слѣдственно, нынѣшнюю выставку большею частію и составятъ картоны, эти живые отчеты, что дѣлали наши художники. Ѳ. А. Бруни, уже болѣе мѣсяца въ Петербургѣ; мы сами объ этомъ не знали и потому не увѣдомили васъ, не донесли, что слишкомъ двадцать картоновъ его въ дорогѣ. Эти картоны произвели въ Римѣ огромное впечатлѣніе стилемъ и сочиненіемъ. — Выставка вѣроятно будетъ украшена ими. — Замѣчательно въ нашихъ художествахъ одно явленіе, въ которомъ, пока, не можетъ отдать себѣ отчета. У насъ въ настоящее время весьма немного живописцевъ, а скульпторовъ, наоборотъ, и много и всѣ съ замѣчательными талантами. Замѣчательнѣе еще то, что всегда такъ бывало. И не смотря на то, много ли насчтете русскихъ изваяній, которыя бы непосредственно принадлежали искуству? По одной, по двѣ статуи назовете на каждаго скульптора, исключая Мартоса — и довольно. Обыкновенно, эти произведенія были этюды; одинъ оканчивалъ курсъ скульпторнаго ученія здѣсь, другой свидѣтельствовалъ о успѣхахъ художника за границей. Многіе не представили еще втораго этюда; они у публики въ долгу и Богъ знаетъ когда расквитаются. Эту недоимку мы числимъ за многими; но пока помолчимъ, въ надеждѣ, что наступающая выставка ихъ оправдаетъ. Знаемъ уже, что г. Ставассеръ прислалъ прекрасную статую. Г. Ставассеръ возбудилъ справедливыя надежды здѣшнимъ своимъ этюдомъ. Рыбакъ его принадлежитъ къ числу счастливыхъ произведеній скульптуры. Мы хотимъ напомнить объ немъ любителямъ художествъ и помѣщаемъ очеркъ статуи. Другой даровитый молодой скульпторъ, г. Рамазановъ, котораго статуя Фавнъ съ козленкомъ, также возбудила одобрительное вниманіе, еще недавно въ Италіи; но за Рамазанова можно ручаться, что онъ не отстанетъ отъ другихъ и, надѣемся, что на выставку и онъ пришлетъ что нибудь. Другіе скульпторы, а ихъ, какъ мы сказали, не мало, также обѣщаютъ выставить труды свои. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что характеръ нынѣшней выставки будетъ картонно-скульпторный. Въ городѣ, гдѣ художества въ чести, гдѣ любовь къ нимъ распространена во всѣхъ классахъ, подобная выставка произвела бы общій восторгъ. Посмотримъ, понравится ли она Петербургу? Скоро все повѣримъ на дѣлѣ. До выставки остается двадцать дней.

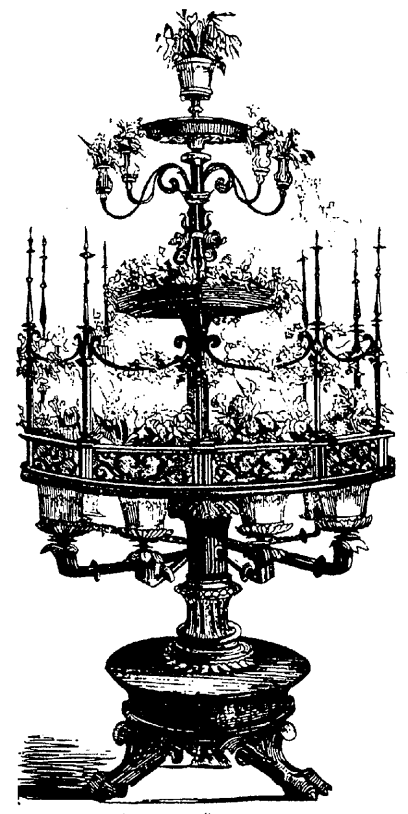
Рыбакъ статуя Г. Ставассера.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ.

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Пожаръ въ Тулонѣ. Пожаръ въ Смирнѣ. Новыя пожарныя трубы. — Исландія. — Странная радуга. — Освѣщеніе гасомъ въ Вѣнѣ. — Желѣзныя дороги во Франціи. — Проэктъ уничтоженія рельсовъ. — Подземная дорога въ Парижѣ. — Новое огнестрѣльное орудіе. — Машина для чесанія льна и конопли. — Карта Франціи Павловича. — Карта Германіи. — Антропологическій музей. — Переписка Лейбница съ Арно. — Памятникъ герцогу Орлеанскому. — Памятникъ де Кандолю. — Опера въ Парижѣ. — Бозіо. — Арто.

Мы не скоро забудемъ нынѣшній августъ мѣсяцъ; мы будемъ помнить безпрерывные дож-



Цвѣточный столъ.

ди, которые многихъ согнали съ дачь преждевременно; но для Тулона августъ будетъ на долго памятенъ. 1-го августа, въ 11 часовъ утра, пламя вспыхнуло въ адмиралтейскихъ магазинахъ, обратилось въ сильный пожаръ мгновенно, и въ продолженіе двѣнадцати безъ малаго часовъ обратило въ пепелъ и развалины магазины и драгоцѣнные запасы дерева, приготовленнаго для верфи. Потерю исчисляютъ на 30 мил. франковъ; много убито и ранено людей. Нельзя сомнѣваться, что пожаръ произошелъ отъ злаго умысла, потому что огонь вспыхнулъ въ десяти мѣстахъ вдругъ. Полагаютъ, что это подвигъ каторжниковъ.

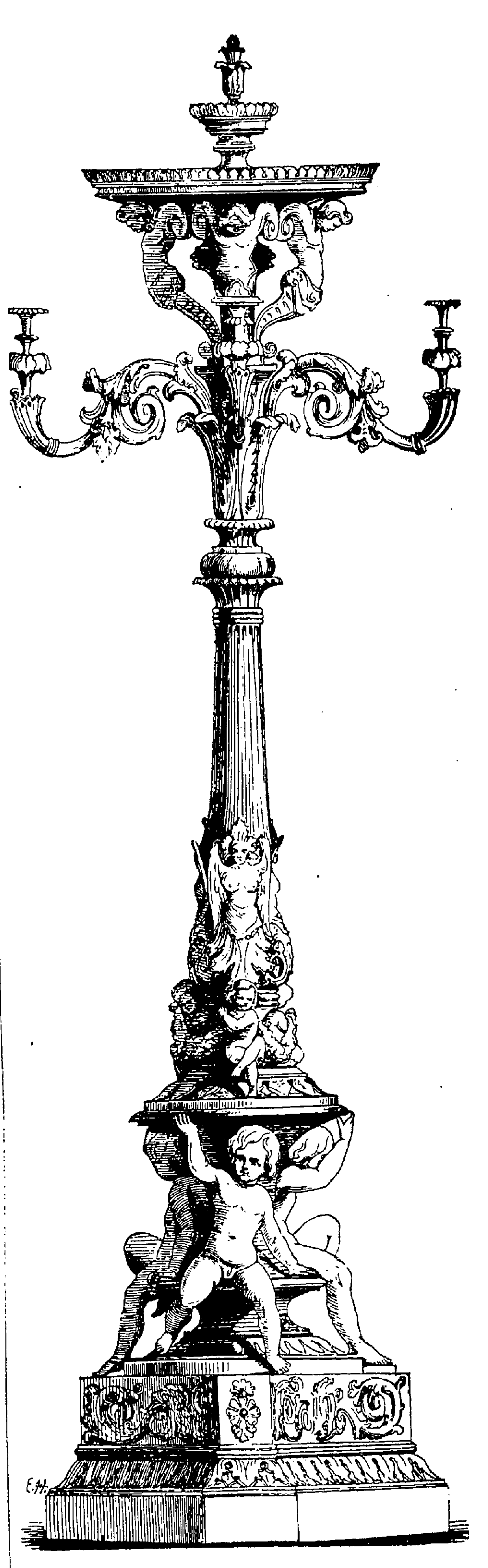
*** Пожаръ въ Смирнѣ, бывшій 3 іюля н. ст., еще ужаснѣе, еще разрушительнѣе. Въ семнадцать часовъ онъ истребилъ четыре тысячи домовъ, причинилъ убытку на 200 мил. руб. Армянскій кварталъ сгорѣлъ до тла; другіе сильно пострадали. Смирна перенесла недавно ужасный пожаръ 1841 года; едва стала оправляться, и теперь понесла бѣдствіе, которое на долго оставитъ живую память.

*** На этомъ пожарѣ дѣйствовали, между прочимъ, вновь изобрѣтенными гасильными трубами, и весьма успѣшно. Конечно, одна или двѣ трубы, сдѣланныя для опыта, не могли потушить такого колоссальнаго огня; но не менѣе того, преимущество этихъ трубъ, изобрѣтенныхъ Летестю, передъ обыкновенными засвидѣтельствовано адмираломъ Тюрпеномъ, который въ пожарѣ Смирны убѣдился въ томъ лично.

*** Со всѣхъ сторонъ путешественники жалуются на истекшее лѣто. Вольно же путешественникамъ не знать, что въ природѣ теперь все измѣнилось, и когда на материкѣ Европы некуда было дѣваться отъ холода и ненастья, въ Исландіи, постоянно, *цѣлый годъ* стояла тихая, ясная, теплая погода. Зимы почти не замѣтили. Можно ручаться, что на будущій годъ Исландію наводнятъ путешественники. Мы не шутимъ. Пріятность исландскаго климата засвидѣтельствована письмами достовѣрныхъ лицъ; но въ нихъ есть и печальное извѣстіе о смерти ученаго епископа Штейнгримура Джонсона.

*** Въ Италіи, между многими климатическими диковинками, одна заслуживаетъ вашего вниманія. Вотъ что пишетъ Зантедески къ Араго: «Сегодня, 21 іюля 1845 г., около 7 часовъ по полудни, я замѣтилъ въ Венеціи двѣ радуги, одну главную, другую побочную, концентрическія, но такой красоты, что столь великолѣпной радуги никто не запомнитъ въ этомъ городѣ. Въ главной — *за полосой зеленой непосредственно слѣдовала пурпурная, а за этой полоса свѣтло-зеленая.* Во всѣхъ лѣтописяхъ наукъ не нахожу ничего подобнаго этой пурпурной полосѣ», и т. д. — Странно, но безъ естественной причины не могло этого случиться, и явленіе требуетъ повѣрки.

*** Вѣна скоро будетъ вся въ радугахъ, но не отъ солнечныхъ лучей, а отъ гаса. 1-го іюля освѣтилась часть Вѣны гасомъ; къ 1-му октября настоящаго года гасовое освѣщеніе распространится значительно, а къ 1-му октября 1846 года



Бронзовый канделабръ Гроніуса.

гасъ изгонитъ изъ форштадтовъ и переулковъ послѣдніе фонари и лампы. Гасъ, пары и электромагнитная сила составятъ характеръ нашего вѣка.

Серебряная ваза Гумберта.

⁂ Желѣзныя дороги во Франціи уже присуждены законно. Кромѣ Сѣверной, положено провести желѣзныя дороги изъ Парижа въ Ліонъ, изъ Ліона въ Авиньонъ и Греноблъ, изъ Парижа въ Страсбургъ и изъ Тура въ Нантъ.

⁂ Этого мало: Франція такимъ образомъ соединитъ большую часть провинцій со столицей, какъ съ центромъ; но между собою эти провинціи все еще не будутъ соединены желѣзными дорогами. На пути для многихъ будетъ стоять Парижъ. Правительство предположило провести вокругъ Парижа окольную дорогу, и тѣмъ связать провинціальныя. Проэктъ былъ подвергнутъ тщательному разсмотрѣнію, но пока разсматривался, инженеръ г. Керизуэ представилъ другой проэктъ, соединить провинціальныя дороги желѣзнымъ путемъ черезъ самый Парижъ; а чтобы не стѣснить столицы, то провести этотъ путь подъ булеварами и широкими тротуарами. Въ предположеніяхъ Керизуэ много основательнаго. Не извѣстно еще какъ принятъ этотъ проэктъ правительствомъ. На окольный путь требовалось 9 мил. фр., а прямой только 5. Это одно уже должно обратить на новый проэктъ все вниманіе правительства.

⁂ Когда во всѣхъ государствахъ съ такимъ усердіемъ занимаются желѣзными дорогами, истрачиваются такія огромныя суммы на изготовленіе рельсовъ, весьма естественно, что многіе разсуждаютъ о средствахъ устранить рельсы и тѣмъ облегчить учрежденіе паровознаго сообщенія на болѣе обширныхъ протяженіяхъ. Въ Парижскую Академію неизвѣстный изобрѣтатель представилъ проэктъ, по которому рельсы можно отбросить безо всякой опасности для поѣздовъ. Содержаніе проэкта неизвѣстно, но любопытно, хотя бы это было и мечта. — Иногда мечтательное изобрѣтеніе даетъ жизнь дѣйствительному. Да и не есть ли мечта все то, что было прежде и уже замѣнено новымъ изобрѣтеніемъ?

⁂ До сихъ поръ заряжали ружья, пистолеты и всѣ другія огнестрѣльныя орудія извѣстнымъ образомъ, стрѣляли посредствомъ кремней, потомъ пистоновъ: теперь гг. Костъ и Жарръ представили проэктъ новаго устройства огнестрѣльныхъ орудій. По этому способу орудіе не будетъ подвергаться опасности быть разорваннымъ.

⁂ Изъ другихъ изобрѣтеній мы обратимъ вниманіе ваше на машину для чесанія льна и конопли, потому что въ этомъ же нумерѣ мы сообщили извѣстіе о благодѣтельномъ открытіи г. Великопольскаго, съ коимъ новая машина имѣетъ сродство. Изобрѣлъ ее нѣкто Мартенсъ, въ Генфѣ. Посредствомъ этой машины можно чесать пеньку и ленъ, не ломая растеній предварительно, какъ обыкновенно дѣлается. Машину приводятъ въ дѣйствіе двое дѣтей, и она въ день вычесываетъ 50—60 фунтовъ льна. Изобрѣтатель продаетъ машину по 250 франковъ за экземпляръ.

⁂ Араго въ предпослѣднемъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ показывалъ мѣдную доску, на которой начерчена г. Павловичемъ карта Франціи, уменьшенная, посредствомъ пантографа, до такой степени, что простымъ глазомъ примѣтенъ только чертежъ; но съ помощію микроскопа можно читать надписи, исполненныя отмѣнно-чисто и красиво. Весь діаметръ доски — 3 сантиметра!

⁂ Другая карта, которую мы встрѣтили въ послѣднемъ странствованіи, для насъ гораздо любопытнѣе, для всѣхъ полезнѣе. Это иллюминованная карта Германіи. Цвѣта обозначаютъ географическія отношенія разныхъ вѣроисповѣданій въ Германіи. По этой картѣ можно чему нибудь научиться. Во всякомъ случаѣ это пособіе для памяти.

⁂ Гораздо важнѣйшую услугу обѣщаетъ принести ученому міру изобрѣтеніе Дагерра въ примѣненіи къ антропологіи. Давно уже г. Тиссонъ снялъ дагеротипные портреты съ разныхъ людей эѳіопскаго племени. Необыкновенная вѣрность этихъ портретовъ подала мысль учредить фотографическій или свѣтописный музей. Изображенія экземпляровъ человѣка всевозможныхъ племенъ и породъ, могутъ быть собраны въ короткое время. Съ одной стороны, Анатомія и Естественная Исторія человѣка дополнится вѣрными сравненіями и выводами; съ другой преподаваніе этихъ наукъ значительно облегчится, потому что человѣческаго музея имѣть нельзя, а фотографія легко можетъ пополнить этотъ недостатокъ.

⁂ Книгъ много и мало. Наше вниманіе обратила въ особенности одна, которая, впрочемъ, еще не вышла въ свѣтъ, но выйдетъ скоро и возбудитъ общее живое участіе въ ученыхъ. Это «Переписка Лейбница съ Арно». — Антоній Арно былъ двадцатый сынъ также Антонія Арно, знаменитаго адвоката временъ Генриха IV. — Арно — сынъ сталъ извѣстенъ сильными сочиненіями противу іезуитовъ. Онъ написалъ гиперболическое множество сочиненій, которыхъ набралось сто тридцать пять томовъ. Современники весьма уважали Арно и прозвали великимъ. Согласитесь, что переписка великаго Арно съ великимъ Лейбницемъ должна быть въ высшей степени интересна.

⁂ Изъ памятниковъ мы замѣтили два: одинъ недавно и такъ печально погибшему герцогу Орлеанскому. Памятникъ этотъ состоитъ изъ конной статуи герцога въ современномъ мундирѣ, и поставленъ на дворѣ Лувра. Другой — де-Кандолю, въ Женевѣ, открытъ 11 августа н. ст.

⁂ Театръ.... Гдѣ же теперь театры? Лѣто по-крайней-мѣрѣ именемъ еще не кончилось. Въ провинціяльныхъ городахъ за то теперь самая театральная пора. Всѣ замѣчательнѣйшіе таланты Европы на походѣ. Рашель, Лижье, Арналь, Ашаръ, Лусиль Гранъ, Таліони, Віардо Гарсія, Дженни Линдъ, Девріенъ, словомъ, всѣ не на своихъ постоянныхъ мѣстахъ, всѣ въ дорогѣ.... Но вотъ наступитъ сентябрь и всѣ усядутся на теплыхъ мѣстечкахъ. Левассеръ оставилъ поприще; онъ участвовалъ въ операхъ вмѣстѣ съ г-жами Фодоръ, Пастой, Момбелли, Дамаро, съ гг. Галли, Пелегрини, Донцелли и, всегда съ честію. Замѣнилъ Левассера въ операхъ г. Лаже. Королевская Академія Музыки или Опера въ дѣйствительномъ смыслѣ обогатилась многими молодыми талантами, о которыхъ не смѣемъ говорить по чужимъ тетрадкамъ. Сколько геніевъ этой Академіи, прославленныхъ журналами, теперь поютъ третьи роли или и во всене поютъ. По части модъ художественныхъ, служащихъ убранствомъ комнатамъ, лучше всего представлять рисунки. Мы это и дѣлаемъ и представили въ началѣ странствованія нашего, три гравюры съ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ родѣ произведеній.

Отъ живыхъ перейдемъ и къ покойникамъ. Изящныя искуства потеряли двухъ художниковъ: скульпторъ Бозіо родился въ Монако въ 1767 году и скончался на семьдесятъ осьмомъ году отъ рожденія, скончался, заснулъ отъ старости безъ всякихъ страданій. Бозіо, очень хорошій ваятель, произвелъ очень много достойныхъ статуй. Лучшими можно назвать его портретныя статуи и бюсты: Денона, императрицы Жозефины, Наполеона, г-жи Барантъ, г-жи Вижіе, дочери маршала Даву и др. Смерть застала его за работой: онъ составлялъ огромный барельефъ, представляющій свадьбу короля Людовика-Филиппа, въ Палермо. — Другая жертва смерти въ области искуствъ — это извѣстный скрипачъ Арто. Онъ умеръ, по свидѣтельству Лейпцигской Музыкальной Газеты, въ Парижѣ, 22 іюля н. ст., на 50 году отъ рожденія.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Усталый отъ заботъ, отъ взглядовъ осторожныхъ,
Отъ свѣтской умной лжи, отъ приторныхъ услугъ,
Друзей докучливыхъ, или враговъ ничтожныхъ,
И позабывъ борьбу въ груди стѣсненныхъ мукъ, —
Отрадно я лечу въ мой уголокъ родимый;
Съ забвеніемъ гляжу на вольный бѣгъ коней,
Встрѣчаю весело, мелькающія мимо,
Березки голыя, овраги, мостъ, ручей,
И грустно-сѣрыя избушки,
И мужичка безъ шапки, и плетень,
И лѣса синяго чуть-видныя верхушки;
И сумерекъ густѣющую тѣнь. —

═

Съ полей уснувшихъ свѣжестью ночною
Повѣяло; во мракѣ тонетъ взглядъ;
И тучки носятся внимательной толпою
Вокругъ луны и звѣздочки глядятъ.
Чу, — звуки... что это? — Эхъ, пѣсенка родная!..
Такъ за душу и тянетъ... Съ малыхъ дней
На думу каждую я слышалъ откликъ въ ней; —
И тосковалъ, ея тоскѣ внимая...
На Волгѣ-ль подъ грозой ты, пѣсня, сложена?
Иль подъ разгулъ широкаго веселья?
Иль съ горя, — какъ въ избѣ расплачется жена,
А голова болитъ съ заботы, да съ похмѣлья?

═

Ты русской, бойкою задумана душой; —
Страданія, тоска, обида, плачь разлуки,
Разгульной долѣ вѣчный упокой,
Насмѣшка надъ судьбой и жизнью... все ты въ звуки
Перелила. — И молодецъ лихой,
Сдружася съ ночкою, одинъ въ глухую пору
Ту пѣсню затянулъ на зло судьбѣ самой,
На зло грозящему людскому приговору...
И въ этотъ чудный мигъ ему все рѣшено!
Подъ шумнымъ говоромъ привѣтливой дубровы
Полегче на сердцѣ, — а послѣ все равно...

....

А. Пальмъ.

═

СТРАННИКЪ.

Oh quand viendra-t-il donc ce jour que je rêvais,
Tardif reparateur de tant de jours mauvais;
Ce niveau, qui selon les ecrivains prophètes,
Leger et caressant passera sur nos têtes.
Jamais, dit la raison...

H. Moreau.

═

Все тихо... Яворы надъ спящими водами
Какъ призраки стоятъ луной озарены;
Усѣянъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами,
Въ глубокій сонъ поля и лѣсъ погружены.

═

Воздушныя струи полны ночной прохладой,
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ,
Ужъ берегъ видѣнъ сталъ... И дышетъ грудь отрадой.
Скорѣй же мчи меня, о легкій мой челнокъ.

═

Я вижу огонекъ мелькнулъ между кустами,
И яркой полосой ложится на рѣкѣ...
Скитальца-ль ждешь къ себѣ, съ томленьемъ со слезами
Ты ангелъ мой — въ своемъ уютномъ уголкѣ.

═

Съ молитвой ли стоишь предъ чистой мадонной
И слышенъ шопотъ твой въ полночной тишинѣ;
Иль можетъ рвешь листки ты розы благовонной —
Какъ Гретхенъ Фауста, гадая обо мнѣ.

═

Услышавъ плескъ волны, съ улыбкой не земною
Ты другу выйдешь-ли навстрѣчу, въ темный гротъ,
Гдѣ къ моему плечу приникнувъ головою —
Ты говорила мнѣ бывало: день придетъ...

═

И близокъ онъ... Когда ни горя, ни страданья
Не будетъ на землѣ... Нѣтъ, онъ далекъ, дитя!...
И если бъ знала ты, какъ много упованій
Прекрасныхъ и святыхъ съ тѣхъ поръ утратилъ я!

═

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою разставались?
Какъ былъ я духомъ бодръ... какъ полонъ юныхъ силъ.
Но вотъ разлуки дни какъ грезы миновались,
Отчизну и тебя я снова посѣтилъ.

=

И что жъ... Утомлена безплодною борьбою
Уже душа моя; потухъ огонь въ глазахъ;
И впала грудь моя, истерзана тоскою,
И не пылаетъ кровь румянцемъ на щекахъ!

=

Я ближнихъ слышалъ вопль, я видѣлъ ихъ мученья,
Я предразсудка власть повсюду находилъ;
И страшно стало мнѣ... и мрачный духъ сомнѣнья.
Ужасный духъ меня впервые посѣтилъ!...

=

Безсиліе мое гнететъ меня всечасно,
Ужъ холодъ въ сердце мнѣ, я чувствую, проникъ, —
И я спѣшу къ тебѣ, спѣшу, мой другъ прекрасный,
Въ объятіяхъ твоихъ забытся хоть на мигъ...

=

Сгустилась ночь тьма надъ спящими полями,
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ;
Усѣянъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами —
Быстрѣй же къ берегамъ неси меня, челнокъ!...

А. Плещеевъ.

=

РАЗЛУКА.

Ты ѣдешь, ангелъ мой, прости! бокалъ прощальный
Я вспѣнилъ, — добрый путь тебѣ я пожелалъ.
И вѣрь мнѣ, изъ друзей — я никого въ путь дальній
Съ такою грустію еще не провожалъ.

Когда, и гдѣ, и какъ увижусь я съ тобой?
И все-ль по прежнему?.. иль чувства измѣнитъ
Разлука долгая, какъ въ осени, порою
Мой другъ, смѣняется природы грустный видъ.

Но нѣтъ, тебя забыть? — тебя вѣдь такъ люблю я!
И даръ мнѣ — локонъ твой роскошно-смоляной
Въ разлукѣ, съ грустію завѣтною цѣлуя,
Я буду говорить: «ея ужъ нѣтъ со мной!..»

Прости-жъ, дай руку мнѣ, и поцѣлуй прощальный
Союзъ нашъ укрѣпитъ... и налитой бокалъ
Я пью, чтобъ онъ тоску души моей печальной,
Какъ вѣтромъ легкій дымъ разсѣялъ, разогналъ.

Z.

=

БАБОЧКА.

(*Изъ Ламартина*).

Завидная, чудная бабочки доля:
Съ весною родиться, въ веснѣ умирать!
Безпечной — какъ юность, свободной — какъ воля,
На крыльяхъ зефира въ эфирѣ порхать!
Падучей звѣздою отъ взоровъ скрываться;
На лонѣ роскошныхъ, душистыхъ цвѣтовъ,
Стряхая пыль съ крыльевъ, игриво качаться,
И нектаромъ дивныхъ, цвѣтистыхъ луговъ,
И свѣтомъ, лазурью всегда упиваться!
Предѣловъ, какъ юности бурной любовь,
Она не имѣетъ. Стремясь къ наслажденьямъ —
И ихъ не извѣдавъ, уносится вновь
Искать упоенія въ горнихъ селеньяхъ.

Z.

АНЕКДОТЫ.

I.

Въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, стоялъ такой законъ, чтобы служилыхъ людей, которымъ на войну ходить указано, въ кабаки и во всѣ хмѣльные дома, какого-бы они рода и званія ни были, — не пускать. Указано, да не исполнено. Для содержателей кабаковъ съ служилыхъ людей большой доходъ, такъ и соблазнъ большой. Ходили себѣ, попивали, бѣды не было. Да не равенъ часъ. Пришелъ воинъ, выпилъ воинственно, пошелъ по кабаку воинской походкой, поскользнулся, упалъ да и сломалъ ногу. Видитъ хозяинъ, что бѣда къ нему въ гости пожаловала; вынесъ онъ бережно больнаго на улицу, всунулъ ему въ руку серебренникъ; молчи только, а самъ въ хмѣльную палату, да и двери на запоръ. Бѣда недалеко ушла, воротилась: позвали хозяина къ отвѣту, допрашиваютъ:

— Зачѣмъ ты законъ переступилъ?

— Я не переступалъ закона.

— А зачѣмъ ты служилаго въ домъ свой впустилъ?

— Я не впускалъ служилаго; онъ самъ пришелъ... Я его выгналъ насильно. Пусть самъ скажетъ, по своей ли волѣ онъ отъ меня вышелъ?

— Да онъ у тебя то и ногу сломалъ.

— Нѣтъ, не у меня: онъ прежде ногу сломалъ, а потомъ ко мнѣ пришелъ.

И что жъ? — Хозяинъ остался правъ.

II.

Попотчивай пивцомъ, сказалъ селянинъ, пришедшій къ скупому шабру, зная, что у него осталось еще пиво послѣ храмоваго праздника. *Нѣтъ,* отвѣчаетъ шабръ гостю, *радъ бы душою угостить, да выпило.* Посидѣвши довольно и поговоривши о томъ, о семъ, гость настойчиво повторяетъ: *да дайже пивца!* Отвѣтъ скупаго былъ тотъ же: *нѣтъ. Ну, да принеси хоть гвоздь изъ бочки, въ коей было пиво. Нельзя* отвѣчалъ скупой: *пиво упустишь,* — и принесъ гостю пива.

III.

Одинъ баринъ досталъ себѣ слугу деревенщину и опредѣлилъ къ собственной своей персонѣ. Замѣтивъ, что онъ всегда снимаетъ пальцами со свѣчи, сдѣлалъ ему выговоръ и заключилъ вопросомъ: а щипцы на что? Пока онъ пѣлъ нравоученье, другая свѣча нагорѣла, слуга схватилъ щипцы, осмотрѣлъ совсѣхъ сторонъ, открылъ, и снявъ со свѣчи опять таки пальцами, а нагаръ положивъ въ щипцы, сжалъ ихъ изо всей мочи, примолвивъ: «Ну, теперь будетъ, кажется, такъ!» — Барину бы показать дѣло на дѣлѣ, а не на словахъ. Да кто не любитъ пѣть нравоученій?

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

=

ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЛИВОЧНАГО МАСЛА ВЪ ПРОКЪ.

Надобно промывать масло нѣсколько разъ въ водѣ, до тѣхъ поръ, пока вода перестанетъ мутиться отъ сырныхъ частей. Тогда на 22 фунта масла положите $1/2$ фунта соли и по $1/4$ фунта сахару и селитры; положите масло въ горшокъ, покрытый глазурью, обвяжите бумагою, а лучше пузыремъ, для предохраненія отъ вліянія воздуха. Оно сбережется въ продолженіе двухъ лѣтъ безъ малѣйшей порчи.

=

РОМАШКА И МЯТА.

Г. Лизакинъ пишетъ, что разведеніе ромашки и перечной мяты полезно для крестьянъ, какъ потому, что первая часто бываетъ нужна для пособія въ разныхъ болѣзняхъ, встрѣчающихся у самихъ крестьянъ, такъ и потому, что эти травы удобно можно продавать, за порядочную цѣну. Разведеніе сихъ травъ, на двухъ или трехъ грядахъ, не составитъ для крестьянъ большаго труда; сборомъ же ихъ могутъ заниматься даже дѣти.

Ромашка растетъ очень хорошо на всякой почвѣ. Эту траву стоитъ только однажды посѣять принесенными сѣменами, а потомъ надобно лишь оставлять по нѣскольку лучшихъ цвѣтныхъ головокъ *на сѣмяна,* и она къ слѣдующему году сама собою засѣвается. Грядку подъ нею слегка прокопать и заровнять граблями; ромашка взойдетъ и выростетъ. Перечная мята, на приготовленной грядѣ ростетъ хорошо; въ продолженіе лѣта, раза два надобно прополоть въ ней сорныя травы, а во время засухи тщательно поливать. Мята разводится посѣвомъ сѣмянъ, а также черенками и раздираніемъ корней; послѣдними двумя способами разводить ее удобнѣе. Снимать обѣ эти травы, то есть, съ ромашки цвѣтъ, а съ мяты листъ, можно отъ трехъ до четырехъ разъ, и всегда снимать въ хорошіе дни; листъ съ мяты рвать руками, а не срѣзывать ножемъ, потому что желѣзо ей вредно. Сорванные листы мяты, связать въ небольшіе пучки, развѣшивать для сушки въ тѣнистомъ мѣстѣ. Ромашковый цвѣтъ, для сушки, разсыпать на рогожѣ также въ тѣни.

У г. Лизакина въ огородѣ, кромѣ другихъ овощей и растеній, находится по нѣскольку грядокъ ромашки и перечной мяты. Длиною каждая грядка отъ 8 до 9 саженей, и шириною въ два аршина. Въ сложности, каждая грядка доставляетъ ему, по высушкѣ травъ, ромашки чистаго цвѣта отъ осьми до девяти фунтовъ, а перечной мяты отъ трицати до сорока фунтовъ. Первую, ромашковый цвѣтъ, берутъ у него въ лавки, по 70 коп., а перечную мяту по 40 коп. за фунтъ. Итого, съ одной гряды ромашки онъ выручаетъ 6 руб. 30 копѣекъ, а съ одной гряды мяты 14 руб., всего съ двухъ 20 руб. 30 коп. ассигнаціями. Для выручки такихъ денегъ изъ ржи, при хорошемъ урожаѣ, иногда поселянинъ съ семействомъ долженъ обработывать почти цѣлую казенную десятину.

Г. Лизакинъ говоритъ, что было бы полезно разводить и шалфей, который покупаютъ у нихъ въ одной цѣнѣ съ мятою, да трудно у нихъ, въ Вятской губерніи, сохранить его зимою отъ вымерзанія. Мяту онъ заваливаетъ съ осени землею, а потомъ засыпаетъ снѣгомъ, и она сохраняется. По его словамъ, шалфей не всегда уцѣлѣетъ при такомъ способѣ.

ПЕРЕПИСКА.

Z. — Отвѣтъ вы найдете въ этомъ нумерѣ Иллюстраціи. Не сердитесь, если мы на первый случай избрали двѣ піэсы. Иногда бываетъ все хорошо, да не все удобно для того и для другаго: одному сіе хорошо, а другому оное. — Ожидаемъ дальнѣйшаго исполненія вашего пріятнаго и лестнаго обѣщанія.

О—ву. Мы въ большомъ затрудненіи; въ эти двѣ недѣли набралось много писемъ и на всѣ почти мы должны отвѣчать изъявленіемъ признательности. Трудно, но дай, Богъ, побольше такихъ недѣль!

Л—н—с—у Благодаримъ и постараемся.

И. К. М. въ Т. Съ душевнымъ удовольствіемъ исполнимъ.

К***. При вашей буквѣ есть іероглифъ, котораго въ типографіи готоваго нѣтъ. Вы догадаетесь. А въ отвѣтъ скажемъ, что за присылку благодаримъ; а на вопросъ улыбаемся. Авось!

N. N. — въ К. — Не знаемъ.

I. К. — въ Л. — Не вѣдаемъ.

О. И. С. — Вамъ надо отвѣчать обстоятельно; выйдетъ длинно, а у насъ, право, нѣтъ времени написать коротко.

О. Д. Благодаримъ покорно. Въ вашей первой буквѣ есть также іероглифъ. За присылку не сердимся, по пословицѣ. Упражняйтесь!

О. П. Очень жалѣемъ, что вы *были больны.* Не отъ утраты ли нравственныхъ силъ, истощенныхъ на переписку съ Иллюстраціей. И въ письмѣ вашемъ замѣтно изнеможеніе. Отдохните!

=

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ.—Въ *Москвѣ*: у книгопродавцевъ Свѣшникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (*бывшей Ширяева*), и на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, подъ NNo 4—5.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 19.

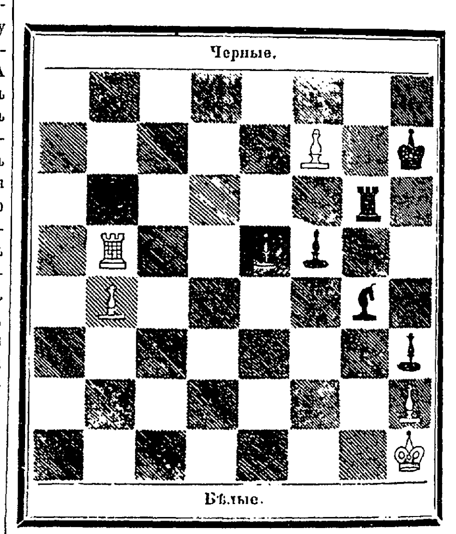
Бѣлые.	Черные.
1) Король рокируетъ и даетъ ладьей шахъ	Кор. на 7 ш. свое.
2) Слонъ на 4 м. Сл. Ф. и матъ.	

ОБМАНЪ ВЪ ШАХМАТНОЙ ИГРѢ.

Когда насъ спрашивали, есть ли какая либо игра на свѣтѣ, въ которой обманъ невозможенъ, мы всегда отвѣчали утвердительно: есть шахматы; но послѣ случая съ Сиромъ Беллемъ отказывается отъ нашего мнѣнія. Сиръ Жоржъ Бель, больной подагрой, отправился въ Германію къ минеральнымъ водамъ и былъ весьма счастливъ что хозяинъ дома, въ коемъ онъ остановился, портной, игралъ въ шахматы. Только постучитъ Сиръ Бель костылемъ объ полъ, портной летитъ на верхъ къ своему богатому постояльцу и садится за шахматный столъ. Портному представлялись большія выгоды; во-первыхъ, Сиръ Бель ставилъ на партію луидоръ противу 6 грошей портнаго; во-вторыхъ, давалъ впередъ ферезь. Одна удачная игра вознаграждала за многія проигранныя. Не смотря на все это, не луидоры къ портному, а крейцеры къ Сиру Белю переходили постоянно; добрый Англичанинъ сжалился надъ портнымъ и проигралъ ему луидоръ; тотъ съ выигрыша объявилъ Белю, что впредь онъ играетъ луидоръ противу луидора. Бель улыбнулся и, желая испытать, какъ далеко успѣхъ ободрилъ портнаго предложилъ ему партію въ три луидора. Тотъ не отнѣкивался и выигралъ. Бель не могъ понять, какою силой играетъ портной. На шесть! сказалъ Бель, проигралъ и шесть; дошло до двадцати четырехъ. «Не могу, сказалъ портной, *я выбился изъ силъ; завтра, если угодно вашей милости.*»—Бель не могъ сомнѣваться въ совершенномъ изнеможеніи портнаго; по блѣдному лицу катился градомъ холодный потъ: но его утомила не игра, а счисленіе. — Какое счисленіе? А вотъ увидите. Какъ только около ста крейцеровъ перешло въ карманъ Беля, портной отправилъ нарочно въ ближайшій городокъ за своимъ кумомъ механикомъ. Кумъ игралъ порядочно въ шахматы и справедливо заключилъ, что имѣя лишнюю ферезь, трудно проиграть партію. Но какъ принять участіе въ игрѣ? Механикъ ухитрялся, и когда Бель отправился въ ванну, кумъ подъ поломъ устроилъ рычагъ: клапанъ приходился подъ ногу портному; для себя механикъ продѣлалъ въ стѣнѣ отверзтіе и, самъ невидимый, могъ наблюдать за игрою. Надо было условиться въ знакахъ. Буквы А. В, С и т. д., которыми означается шахматная доска, опредѣлялись числами. 1, 2, 3 толчка, означали на линіи слона ферези; 5 толчковъ на линіи короля; пауза предшествовала дальнѣйшимъ знакомъ; число толчковъ тогда уже означало шашку, которую играть слѣдовало; опять пауза, опять толчки, которые съ совершенною точностію означали мѣсто, куда слѣдуетъ поставить шашку. Естественно, что безпрерывное счисленіе истощило всѣ силы портнаго, но на другой день, въ день отъѣзда, война опять возгорѣлась. Партія шла на 48 *луидоровъ*. Бель употребилъ всѣ усилія, чтобы возвратить отданную впередъ ферезь; съ большими жертвами это удалось ему; послѣ тридцати ходовъ, партія была въ такомъ видѣ какъ изображено въ шашечницѣ.

Механикъ толкнулъ портнаго въ ногу шесть разъ, пауза, потомъ семь толчковъ, еще пауза и еще толчекъ. Значило: пѣшка слона короля должна сдѣлать одинъ ходъ. Портной очень обрадовался, *потому что этотъ ходъ возвратилъ ему королеву.* Онъ взялъ пѣшку и поставилъ на послѣдній рядъ. Въ это мгновеніе механикъ подалъ сигналъ который означалъ : шахъ. Чтобы это могло значить? подумалъ портной; видно мнѣ надо поставить ферезь вмѣсто пѣшки. Пожалуйте ферезь! Взялъ, поставилъ и едва не упалъ со стула. Страшное слово шахъ и матъ раздалось надъ нимъ, какъ громъ небесный; безсмысленно глядѣлъ онъ на шахматный столъ, съ котораго Бель сгребалъ луидоры. Пришедъ въ себя, портной бросился на кухню, гдѣ уже ожидалъ его механикъ. Извергъ! закричалъ портной, ты погубилъ меня! — Глупецъ! Ты лишилъ меня 24 луидоровъ! Заплати же мнѣ за безпокойство и работу—ты мнѣ домъ испортилъ. Тебя слѣдуетъ поколотить!—Поколотить! И началось сраженіе, на которое прибѣжали всѣ домашніе и постоялецъ. На вопросъ послѣдняго механикъ сказалъ съ жаромъ: «Ваша милость должны знать все. Вы играли съ первымъ глупцемъ въ мірѣ. Не онъ, а я имѣлъ честь побѣдить васъ! И теперь согласитесь, вы проиграли бы и послѣднюю партію, если бы этотъ волъ вмѣсто королевы потребовалъ коня!—Какъ! что! спросилъ Бель. Механикъ показалъ ему все устройство западни, объяснилъ весь процесъ плутни. Бель выпросилъ у механика рисунокъ всей этой продѣлки и далъ ему три луидора. Въ печальномъ молчаніи провожалъ портной своего постояльца до кареты. Бель сжалился и надъ нимъ; вынулъ кошелекъ, отсчиталъ много монетъ, завернулъ въ бумажку и отдалъ портному. Едва уѣхалъ Бель, портной побѣжалъ въ комнату, заперся, развернулъ подарокъ и нашелъ тамъ собственные 96 крейцеровъ.

ЧЕРНЫЕ. — Сиръ Бель.



БѢЛЫЕ. — Портной; ему и ходить.

РАЗГАДКА № 19.

1. Тотъ, — въ Словѣ стоитъ Твердо,—конъ, — усъ, л', оводъ, о, рогъ, о.
2. Тотъ въ Словѣ стоитъ твердо, кому слово дорого.

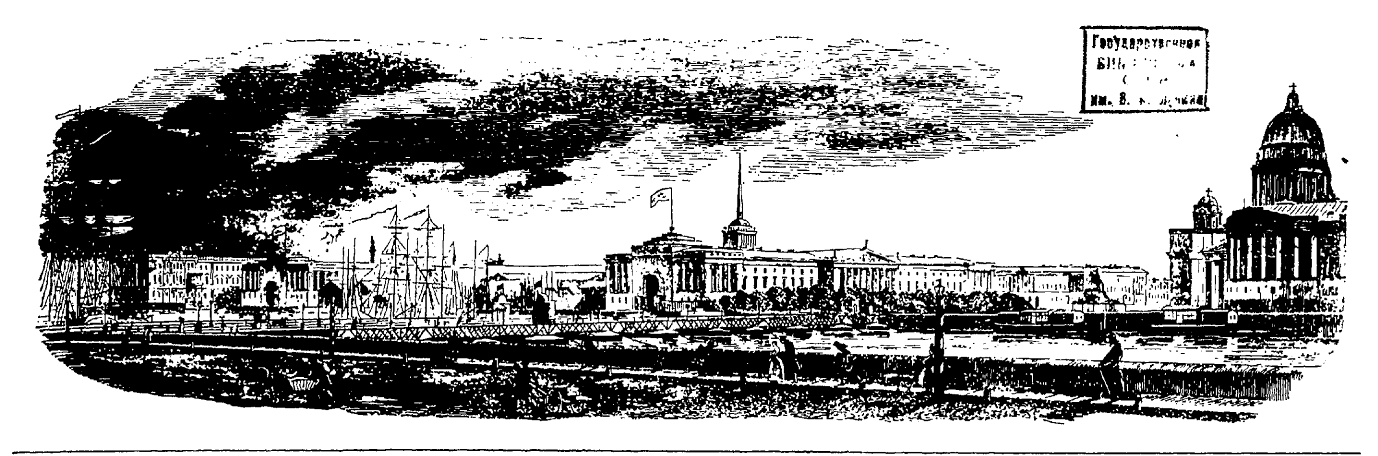
ЗАГАДКА № 20.

ГОР ОСТЬ

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Августа 23 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 21. — Суббота, 1 Сентября 1843.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

РАЗГОВОРЪ

ЧЕСМЕНСКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

(*Окончаніе.*)

(*См. № 12 стр. 176*).

Возвратясь на бивуакъ, Эриксонъ приказалъ Карпенкѣ и, тоже, втайнѣ объявить удальцамъ: что формальнаго позволенія они получить не могутъ; но отлучка ихъ не примется за побѣгъ, и если встрѣтятъ смерть, будутъ исключены убитыми въ дѣлѣ. — При чемъ замѣтилъ: что изъ этого случая легко узнать духъ нашихъ Сибиряковъ, и что свѣдѣніе это не менѣе интересуетъ и самаго Князя Багратіона.

Кто знакомъ съ чистою небесною радостію, каковую ощущаетъ ретивое сердце воина при торжествѣ чести, какъ предстоящая обязанность исполнилась и святой долгъ къ лицу Вѣры, Царя и Отечества съ блескомъ совершился, тому не мудрено понять минуты, въ которыя всѣ сокровища міра ниже помысловъ героя, и въ которыя, еслибъ кто изъ пресмыкающихся гадинъ, то есть, изъ обозныхъ партизановъ, разсчитывая заслуги героя, указалъ бы ему на тлѣнные земные виды и выгоды, онъ бы плюнулъ ему въ глаза. — Такія точно чувства горѣли въ груди нашихъ молодцовъ.

Царство небесное славнымъ товарищамъ: кромѣ одного Степанова, они всѣ пали, по басурманскою кровью важно разговѣлись. Въ ненастную и притомъ темную ночь, въ пятницу на страстной недѣлѣ 1807 года, въ авангардѣ французской арміи съ полуночи и до разсвѣта происходила непрестанная суматоха; въ перелѣскахъ открылась ружейная стрѣльба, не дошло только до пушекъ; но весь непріятельскій авангардъ, ожидая атаки, сталъ въ строй, и самъ Наполеонъ, какъ слухъ носился, провелъ ночь не совсѣмъ покойно.

Пусть скажутъ: «синица море зажигала, молвилъ Эриксонъ; но я съ моей стороны радъ этому опыту: онъ утвердилъ «меня въ надеждѣ, что не только Сибиряки, но и Чуваши наши не ударятъ себя «лицомъ въ грязь.»

На другой день послѣ этого страннаго случая, Степановъ, раненый штыкомъ въ бокъ, кой-какъ подползъ къ передовымъ постамъ и доставленъ казаками въ полкъ.

Нельзя ручаться за истину разсказа, да и повѣрить трудно, чтобъ непріятельскіе часовые на своихъ постахъ до смѣху были оплошны; то однако жъ вѣрно, что герои наши встрѣтили смерть, миновавъ передовую цѣпь, и что Степановъ съ полученною имъ раною, пользуясь темнотою ночи, мало что спасся, но успѣлъ сорвать съ убитаго Француза ранецъ, въ коемъ оказалось, кромѣ солдатскихъ вещей: три столовыя серебряныя ложки, дамскій кружевной чепчикъ, два платка, тафтяная юпка, шесть прусскихъ таллеровъ и три пшеничныхъ сухаря.

Но чтобъ не оставалось въ тебѣ и искры сомнѣнія, господинъ чтецъ, такъ вотъ и я въ свою очередь поразскажу тебѣ, какъ нашъ русскій мужичекъ уменъ и какъ за оказанное ему добро умѣетъ быть благодаренъ!

При полученіи чистой отставки, мнѣ больно взгрустнулось: куда идти и гдѣ голову приклонить? — Во всей Россіи не было у меня и шестіюроднаго брата; друзей по славѣ, побѣдамъ и по пролитой на поляхъ чести крови, большую часть Богъ прибралъ, а остальные разбрелись по норкамъ, — гдѣ ихъ искать, да и что въ нихъ проку? Пущусь къ прежнему отцу и командиру, — шепнулъ я перекрестясь. Говорятъ, что онъ женился, зажилъ домкомъ; а память у него славная: ужъ онъ вѣрно не забылъ, какъ пришпиливая къ груди моей крестъ, влѣпилъ три поцѣлуя съ приговоркою: «два офицера и болѣе двадцати человѣкъ нижнихъ чиновъ свидѣтельствуютъ, что при непріятельской вылазкѣ изъ Майнца, будучи въ стрѣлкахъ, ты двухъ Французовъ закололъ, а третьяго въ плѣнъ взялъ; такъ вотъ тебѣ и гостинецъ отъ батюшки бѣлаго Царя. — Отнынѣ смѣло говори, что и на приплодъ во Франціи не осталось бы солдатика, если бы всѣ наши герои были равно храбры.» — Все это было, а что будетъ — вопросъ.

Тысяча верстъ не шутка, силы износишь, послѣднія деньжонки истратишь, а ужъ тамъ хоть съ камнемъ въ воду. — Ну да, удача квасъ, неудача кислы щи! Маршъ на голосъ сердца!

Долго я шелъ и много горя вытерпѣлъ, но одна минута и все забыто. — «Спасибо, братъ односумъ, что ты обо мнѣ вспомнилъ,» — обнявъ меня, сказалъ полковникъ. «Могу тебя увѣрить, что радость «моя при встрѣчѣ съ тобою на капельку «не уступаетъ той, какую ты ощущалъ, «увидя на богатырской груди своей пришпиленный мною крестъ. — Я хоть и мыломъ мытъ, но никогда не забываю, что «лыкомъ шитъ. — Великъ чиномъ и бодръ «духомъ; но зная, какъ недалеко я ушелъ «отъ прежнихъ товарищей и какъ мало «пріобрѣлъ соотвѣтствующихъ настоящему «званію способностей, — ничтоженъ даже «и по собственному убѣжденію. — Впрочемъ, хоть богатства я не имѣю, но и «бѣдности не знаю. — Будемъ, братъ, жить «и благодарить Бога за дарованный пріютъ и за кусокъ хлѣба. — Здѣсь найдешь ты и еще человѣкъ пять прежнихъ

(*) Помѣщеніе въ Иллюстраціи окончанія сей статьи замедлилось по причинамъ, отъ Редакціи не зависѣвшимъ.

«сослуживцевъ, и намъ не будетъ скуч-«но.»

И подлинно, для скуки въ селѣ полковника не было квартиры, а къ сердцу добраться ей было невозможно: рыбная ловля, охота за звѣрями и дичью, устройство по хозяйству, присмотръ за трудами крестьянъ, даже и въ собственную ихъ пользу. — А тутъ скотоводство, пчеловодство и другія, хоть и мелочныя, но въ сельскомъ быту необходимыя, затѣи занимали полковника безъ угомону, и мы, можно сказать, блаженствовали.

Какъ вдругъ Поляки закутермили. Полковнику лишь свиснули, и онъ орломъ порхнулъ подъ святыя царскія знамена, да видно не въ часъ выѣхалъ: съ оника изуродовали сердечнаго такъ, что ужъ онъ ни въ строй, ни къ смотру не годился.— А вслѣдъ затѣмъ неумолимыя сплетни разнесли повсемѣстную молву, что отецъ мой и командиръ не выдержалъ и, на дорогѣ, умеръ. — Вѣсть эта съ базара перешла въ село, и горестный поголовный вопль во всѣхъ семействахъ не умолкалъ круглую ночь. — На другой день, чуть блеснулъ свѣтъ Божій, всѣ крестьяне были уже у церкви, заказали шестинедѣльную за упокой обѣдню и просили тотчасъ отслужить панихиду.

Разсказы о смерти полковника, вмѣщая въ себѣ самыя мелочныя подробности, не могли казаться сомнительными: означено мѣсто кончины, названъ чиновникъ, провожавшій бренные его остатки, а въ дополненіе извлечено нѣсколько словъ изъ духовнаго завѣщанія, касающихся до бывшихъ при немъ дворовыхъ людей; по этому, не только мы грѣшные, но и причтъ церковный убѣжденъ былъ въ этомъ горестномъ событіи. — Еще минута, и бѣдный мой полковникъ былъ бы заживо отпѣтъ; но слава Богу! — не такъ сбылось: лишь только въ алтарѣ показались черныя рясы, прямо къ церкви прискакалъ изъ губернскаго города полицейскій солдатъ съ приказомъ отъ полковника, который требовалъ экипажъ, кой-какія вещи, а вмѣстѣ и мнѣ велѣлъ явиться къ себѣ.

«Живъ, живъ, нашъ родимый! Молебенъ, батюшка, молебенъ!» — гаркнули въ пятьсотъ голосовъ мужики и бабы, и слезы полились снова, только ужъ не горькія. При радости столь чистой, общей, всѣ дѣла приняли другой порядокъ: черныя рясы смѣнились цвѣтными; молебенъ отпѣтъ, и поселяне, помолясь изъ глубины души, обратились къ дѣламъ съ двойнымъ усердіемъ, зная, что если воскресшій покойникъ по пріѣздѣ замѣтитъ что нибудь не ладно, такъ будетъ неловко.

Черезъ мѣсяцъ, какъ полковникъ сталъ уже на ноги, доктора посовѣтовали ему прогулки. «Извините, друзья, сказалъ имъ «полковникъ, — лучшей, пріятнѣйшей, а «вмѣстѣ и полезнѣйшей прогулки нельзя придумать, какъ отправиться въ деревню.» И на другой же день съ восходомъ солнца мы были уже на пути.

Время было прекрасное; поселяне, веселые и довольные избыткомъ урожая, жали, пѣли, а кой-гдѣ даже подпрыгивали и подплясывали. Но полковникъ мой безутѣшно навзрыдъ плакалъ!—Глядя на него, мнѣ тоже взгрустнулось, сердце какъ будто въ тиски попало. — Да о чемъ же вы теперь-то изволите плакать? спросилъ я полковника. «Бываютъ, братъ, и безъ войны бѣды. «Дай, Богъ, чтобъ всеблагое провидѣніе «всегда и вѣчно ограждало тебя отъ подо-«бнаго положенія, въ какомъ я былъ передъ «симъ не задолго,» молвилъ онъ, «но если, «сраженный злымъ рокомъ, бывъ уже на «краю могилы, вырвавшись изъ грозныхъ «челюстей смерти и услыша въ Божьемъ «храмѣ пѣснь Царю Небесный утѣшителю, «да не заплачешь... такъ будь увѣренъ, «что хоть ты солдатъ славный, храбрый, «а человѣкъ... какъ бы тебѣ сказать? — «почтовой лошади равный. — Но я, какъ «слабое созданье, въ порывахъ благодар-«ности къ Создателю, сохранившему жизнь «мою противъ надежды и чаянія, вос-«хищаюсь и плачу, услыша даже и голосъ «пѣтуха.» — Вотъ что ужъ не кстати нѣженъ, подумалъ я. «А вотъ и наши!» сказалъ кучеръ, повыше насъ сидѣвшій, приближаясь къ родному полю, на которомъ жали рожь крестьяне полковника. Я ожидалъ, что восторгамъ, крику и суматохѣ не будетъ конца; но вышло какъ то лучше: лишь только узнали они помѣщика, всѣ, съ лишкомъ триста человѣкъ, какъ будто по флигельману обратились къ церкви, стали молиться на колѣнахъ, и въ этомъ положеніи остались во все время нашего проѣзда. — Никто на насъ не взглянулъ и никто словечка не промолвилъ. Тутъ ужъ и я понялъ чувства души каждаго изъ нихъ, и меня взяло за живое; но полковникъ не взвидѣлъ Божьяго свѣта и у бѣдняги чуть чуть снова не открылись раны.

Чесменскій Инвалидъ.

КІЕСЪ.

(Окончаніе).

Молодой боэръ вполнѣ понималъ опасность своего положенія и вмѣстѣ съ своей невѣстой скрылся въ густой кустарникъ, надѣясь пробраться въ густой лѣсъ, въ которомъ они могли скрыться, или защититься, если бъ дикіе догнали ихъ. Уже они приближались къ этому убѣжищу, какъ вдругъ увидѣли передъ собою широкую лощину, которую надо было перейдти и на которой Готтентоты, находившіеся на скалѣ, могли увидѣть ихъ. Они остановились на минуту и стали внимательно прислушиваться. Только издали слышались еще рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Успокоенные этимъ, они вступили на лощину; но едва прошли нѣсколько шаговъ, какъ Флипъ остановился, шепнулъ Женни, чтобы она скрылась въ высокой травѣ, въ которой они находились, и не трогалась. Онъ самъ исполнилъ то же. Но уже было поздно: дикіе, сходившіе съ холма, прямо шли къ нимъ...

— Успокойся, говорилъ Кіесъ Тракозіи, — я давно знаю Флипа; онъ мужественъ, но не безразсуденъ, и когда увидитъ, что мы со всѣхъ сторонъ окружили его, то сдастся, хоть бы для того, чтобы спасти жизнь той, которую онъ любитъ. Клаасъ, — продолжалъ онъ, обратившись къ Готтентоту, слѣдовавшему за нимъ, — гдѣ наши?

— Всѣ по своимъ мѣстамъ.

— Пусть выходятъ; подай сигналъ.

Клаасъ свиснулъ, и въ то же время несчастный Флипъ увидѣлъ болѣе двадцати головъ, возвышавшихся надъ кустарникомъ, окружавшимъ его.

— Насъ увидали, Женни, — сказалъ Флипъ; — мы погибли, если эти дикари не сжалятся надъ твоею молодостью и красотою, и если мнѣ не удастся смягчить ихъ обѣщаніями.

Тогда онъ всталъ, сдѣлалъ знакъ рукою и закричалъ:

— *Ха гутти, хука коэ ко-энъ, мале тири т'кункуа!* (Стой, храбрый Готтентотъ, и выслушай меня!) (*).

Дикари не остановились, но пошли тише и руками дѣлали дружелюбные знаки. Когда они приблизились на пятьдесятъ шаговъ, Кіесъ заговорилъ:

— Флипъ, ты самъ и твоя невѣста теперь въ моей власти; ты знаешь, что въ подобномъ случаѣ боэръ не пощадилъ бы бѣднаго бошесмена. Слѣдовательно, и ваша жизнь принадлежитъ мнѣ.

— Жизнь наша принадлежитъ Господу... Онъ одинъ властенъ надъ нами. Но Господь велѣлъ намъ беречь жизнь, которую Онъ намъ даровалъ, а потому я готовъ предложить тебѣ условія. У меня есть стадо изъ пятидесяти воловъ и ста коровъ: я отдамъ тебѣ его, если ты пощадишь эту дѣвушку, которая никому не сдѣлала зла.

— Братья мои овладѣли уже твоимъ стадомъ, которое теперь принадлежитъ мнѣ, по праву сильнѣйшаго. Дай мнѣ что нибудь другое.

— Я тебѣ дамъ двадцать фунтовъ табаку, ружья, пороху и пуль.

— Я курю только конопляные листья; у меня есть лукъ и колчанъ, набитый отравленными стрѣлами. Давай что нибудь другое.

— Я тебѣ отдамъ мой домъ и поля, окружающіе его.

— Въ лѣсахъ я найду довольно сучьевъ для построенія хижины; что же касается до полей, то онѣ принадлежатъ намъ и, если нужно будетъ, то мы сами съумѣемъ отнять ихъ у васъ. Давай другое!

— Я дамъ тебѣ котлы и мѣдныя кольца.

— Все это воины мои найдутъ въ домѣ твоего отца. Мнѣ достанется лучшая доля.

— Чего же ты хочешь?

— Чего я хочу?.. Твоей свободы, твоего отчаянія, твоихъ слезъ!.. Я хочу, чтобы ты и невѣста твоя были моими невольниками. Ты, Флипъ, будешь строить мою хижину, ты будешь воздѣлывать мою коноплю у опушки лѣса, ты на плечахъ своихъ понесешь дичь, которую я буду убивать на охотѣ... и отъ этой дичи, тебѣ достанутся однѣ кости, которыя ты будешь глодать какъ собака!.. Женни же твоя будетъ разводить огонь въ моей хижинѣ; она будетъ чистить кольца Тракозіи; она будетъ доить коровъ и пр. Кіесъ былъ прерванъ крикомъ негодованія Женни и выстрѣломъ...

Начальникъ дикарей замѣтилъ движеніе молодой дѣвушки, когда она прицѣливалась въ него, а потому бросился на землю, чтобы уклониться отъ убійственной пули; но несчастный забылъ, что за нимъ стояла Тракозія...

Онъ узналъ о томъ только тогда, когда она, испустивъ жалобный, болѣзненный стонъ, упала на траву съ окровавленною грудью...

Невозможно описать пароксизма отчаянія и горести Кіеса. Онъ вскочилъ съ быстротою молніи... стрѣла свиснула въ воздухѣ и вонзилась въ правый глазъ молодой невѣсты Флипа...

Бѣдная дѣвушка упала мертвая, не успѣвъ даже пожать руку своему жениху, не успѣвъ даже вскрикнуть.

(*) Слово въ слово: *и дай мнѣ твое ухо.*

Клаасъ, замахнувшись копьемъ, бросился на боэра, но въ то же мгновеніе пуля поразила его въ грудь.

Кіесъ, чтобы не дать врагу своему времени зарядить ружье и, въ порывѣ ярости, какъ левъ кинулся на Флипа, направивъ къ груди его острее своего копья. Но ловкій боэръ отклонилъ ударъ и противники вступили въ рукопашный бой.

Борьба была не продолжительна, но ужасна. Флипъ, по атлетическому росту и геркулесовскимъ силамъ своимъ, имѣлъ большое преимущество надъ своимъ соперникомъ; но послѣдній былъ гибче, проворнѣе и привыченъ къ борьбѣ; притомъ же Кіесъ могъ цѣпляться за платье боэра, между тѣмъ какъ руки Флипа скользили по нагому, жирному тѣлу Готтентота. Кіесъ пользовался противъ опаснаго противника своего не только ногами, колѣнями и кулаками, но и ногтями, и зубами, какъ дикій звѣрь; не смотря на то, всѣ усилія его были тщетны. Оба упали на землю, то одинъ, то другой одерживалъ верхъ... оба хранили глубокое молчаніе...

Бошесмены приближались съ страшнымъ воплемъ, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пустить стрѣлы въ боэра, изъ опасенія ранить своего начальника. Наконецъ Флипъ одолѣлъ своего врага; уперевъ одно колѣно въ грудь его, онъ душилъ Кіеса, обхвативъ шею его обѣими руками. Уже Готтентотъ задыхался, глаза его наливались кровью, губы синѣли, когда Флипъ опустилъ голову и глубоко вздохнулъ... Пальцы его разжались, колѣно перестало давить грудь Кіеса; онъ покачнулся и упалъ возлѣ дикаря...

— *Гнауткамъ*! (Онъ умеръ!) — закричалъ Кіесъ и скоро вскочилъ.

Во время борьбы Кіесъ увидалъ стрѣлу на травѣ, ловко схватилъ ее и вонзилъ въ грудь боэра.

Послѣ этой побѣды, бошесмены воротились къ Тракозіи и старались привести ее въ чувство, но увы! — все было тщетно. Молодая дѣвушка, распростертая на травѣ, которую она оросила своею кровью, не слышала ни ласкъ Кіеса, ни его криковъ ненависти и мщенія. — Омочивъ слезами холодное, безжизненное лицо своей подруги, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, начальникъ обратился къ воинамъ, раздѣлявшимъ горесть его. Онъ утеръ слезы, глаза его опять приняли суровое выраженіе, и онъ сказалъ:

— Друзья, зачѣмъ мы плачемъ, какъ слабыя женщины? Слезами мы не умоемъ невинной крови Тракозіи! Не плакать должно — а дѣйствовать! Пусть двое изъ васъ хранятъ тѣла убитыхъ братьевъ нашихъ и этой женщины, которую я столько любилъ, чтобы не дать гіэннамъ пожрать ихъ прежде, нежели мы воротимся изъ жилища Диркъ-Маркуса. Сегодня вечеромъ пламя уничтожитъ до основанія поселеніе нашихъ тирановъ!..

Прошло около четверти часа съ тѣхъ поръ, какъ Кіесъ удалился, когда двое дикихъ, сторожившихъ мертвыя тѣла, услышали въ нѣкоторомъ разстояніи глухой шумъ приближавшейся тяжелой повозки. Они встали со страхомъ и, такъ какъ шумъ приближался, то они рѣшились скрыться въ кустарники, откуда могли видѣть все, что происходило.

Два всадника, Европейцы, не походившіе однако жъ по костюму на боэровъ, медленно приближались по долинѣ; за ними слѣдовали пять или шесть вооруженныхъ Готтентотовъ. Европейцы спокойно разговаривали между собою, не подозрѣвая нисколько, что они ѣхали по мѣсту, на которомъ за два часа происходила кровопролитная битва. Они были молоды и одѣты съ красивою, опрятною простотою богатыхъ жителей столицы мыса.

— Докторъ Шпарманнъ, — говорилъ г. Иммельманнъ, — вы сами видите, что мы поступили очень хорошо, оставивъ нашихъ людей съ повозкой при въѣздѣ въ долину, потому что мы съ нею никакъ бы не пробрались по этой неровной дорогѣ.

— Конечно, — отвѣчалъ знаменитый докторъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи президентомъ Стокгольмской Академіи; — конечно, и я тѣмъ болѣе согласенъ съ вами, что вотъ бездѣлушки, которыя совѣтуютъ намъ не пускаться въ это опасное ущеліе.

Говоря послѣднія слова, докторъ сошелъ съ лошади и поднялъ пять или шесть отравленныхъ стрѣлъ. Г. Иммельманъ также сошелъ съ лошади, и оба, перекинувъ поводья черезъ руку, осторожно вступили въ узкій проходъ т'Корка. Вскорѣ они съ ужасомъ остановились при видѣ множества обезображенныхъ труповъ, и они призвали своихъ Готтентотовъ, чтобы защититься въ случаѣ опасности. Они не замедлили разсмотрѣть, что находились на мѣстѣ, бывшемъ за нѣсколько часовъ полемъ сраженія, и человѣколюбіе внушило доктору осмотрѣть тѣла, лежавшія на травѣ, чтобы удостовѣриться, точно ли всѣ были лишены жизни. Онъ уже оканчивалъ свой человѣколюбивый осмотръ и Готтентоты рыли яму, чтобы положить туда умершихъ, когда онъ случайно замѣтилъ, на довольно отдаленной лощинѣ, еще нѣсколько труповъ. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ четыре трупа: Флипа, Клааса, Женни и Тракозіи.

Добрый докторъ, проливъ слезу состраданія о злополучной судьбѣ бѣдныхъ жертвъ, и поворчавъ сквозь зубы на глупость и варварство рода человѣческаго, сталъ осматривать раны несчастныхъ. Трое были поражены смертельно и скончались тотчасъ послѣ удара. Но, когда онъ дошелъ до Тракозіи, то ему показалось, что пульсъ молодой дѣвушки еще бился. Онъ осмотрѣлъ рану, которая у нея была надъ правою грудью и, съ помощію зонда, увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что пуля не проникла во внутренность груди, а остановилась въ мускулѣ, на пять или шесть линій глубины. Хотя съ докторомъ не было никакихъ хирургическихъ инструментовъ, однако жъ, съ помощію своего перочиннаго ножичка, онъ искусно вынулъ пулю, которая, не давя болѣе артеріи, позволила крови вступить въ прежнее обращеніе.

Минуту спустя, Тракозія открыла глаза.

Г. Иммельманнъ осматривалъ между тѣмъ всѣ кусты, чтобы удостовѣриться, не было ли въ нихъ еще жертвы кровопролитной битвы, когда онъ замѣтилъ въ чащѣ тѣло бошесмена; ощупавъ его, путешественникъ увидѣлъ, что оно было еще тепло; однакожъ не замѣтно было движенія, ни слышно дыханія. Но самое странное было то, что на немъ не видно было ни одной раны. Г. Иммельманну пришло на мысль, что этотъ бѣднякъ только въ обморокѣ, и что его можно было воротить къ жизни, пустивъ ему кровь, а потому онъ сѣлъ на траву, вынулъ изъ сафьяннаго футляра ланцетъ, котораго гладкая поверхность блеснула на солнцѣ, какъ зеркало; онъ взялъ руку дикаря и подносилъ уже ланцетъ къ жилѣ, когда онъ вдругъ вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и пустился бѣжать съ такою быстротою, что лучшій англійскій конь не могъ бы догнать его.

Этотъ быстроногій мертвецъ былъ не кто иной, какъ одинъ изъ Готтентотовъ, оставленныхъ для присмотра за трупами. Чтобы избѣгнуть несчастія, которое, по его мнѣнію, угрожало ему, онъ рѣшился притвориться мертвымъ. Товарищъ его употребилъ ту же хитрость, когда Готтентоты и г. Шпарманнъ нашли его въ кустахъ; но онъ не такъ дешево отдѣлался. Готтентоты увидѣли, что онъ еще живъ, но полагали, что онъ, вѣроятно, умираетъ, а потому подвергнули его обыкновенной въ подобныхъ случаяхъ операціи, то есть, они избили его — и вотъ какимъ образомъ.

Когда Готтентотъ находится при послѣднемъ издыханіи, или даже, когда онъ уже умеръ, товарищи тормошатъ, качаютъ, толкаютъ, бьютъ его кулаками, кричатъ ему въ уши, бранятъ его за то, что онъ хочетъ умирать, и потомъ опять бьютъ, чтобы убѣдить его не разставаться съ этимъ міромъ.

Избитый, измученный бѣднякъ лучше согласился образумиться, чѣмъ ждать, чтобы его услужливые Готтентоты совсѣмъ убили. Между тѣмъ какъ послѣдніе успокоивали бѣдняка, товарищъ его побѣжалъ вслѣдъ за Кіесомъ и извѣстилъ его о томъ, что происходило въ ущеліи т'Корка. Начальникъ тотчасъ же приказалъ воинамъ своимъ остановиться и воротился къ ущеліи со своей маленькой арміей, до того упоенной своей побѣдой, что она снова готова была вступить въ бой съ новоприбывшими Европейцами, принимая ихъ за поселенцовъ.

Между тѣмъ докторъ Шпарманнъ уложилъ Тракозію на носилки, сдѣланныя изъ древесныхъ вѣтвей, и велѣлъ перенесть ее туда, гдѣ остановилась его повозка. Тамъ онъ велѣлъ раскинуть палатку и занялся приведеніемъ Тракозіи въ чувство.

Вскорѣ молодая женщина пришла въ себя и только ощущала большую слабость. Она чрезвычайно обрадовалась, когда докторъ открылъ ей, что она не попалась въ руки боэровъ, и что она вскорѣ увидится со своимъ мужемъ.

Г. Иммельманнъ остался въ ущеліи, чтобы предать землѣ убитыхъ, когда онъ вдругъ услышалъ за скалой жалобный крикъ ребенка. Готтентоты побѣжали туда и вскорѣ воротились съ трупомъ молодой Готтентотки, пораженной пулей и ребенкомъ мѣсяцовъ десяти, котораго они нашли въ мѣшкѣ, висѣвшемъ на спинѣ несчастной матери. Бѣдный малютка не былъ раненъ; только страхъ заставлялъ его кричать. Г. Иммельманъ былъ глубоко тронутъ. Онъ взялъ ребенка, закуталъ его въ мѣшокъ и посадилъ передъ собою на сѣдло. Готтентоты вырыли еще могилу для несчастной женщины и опустили ее туда. Когда все было кончено, одинъ изъ Готтентотовъ подошелъ къ Иммельману.

— Боасъ, — сказалъ онъ ему, — все готово; пожалуйте мнѣ ребенка.

— Зачѣмъ? — спросилъ г. Иммельманнъ.

— Будто вы не знаете, Боасъ? Чтобы, по нашему обычаю, похоронить его вмѣстѣ съ матерью.

— Но это ужасный обычай!

— Вы думаете, Боасъ? — прехладнокровно отвѣчалъ Готтентотъ; въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, если вамъ это лучше нравится, привязать его къ этому дереву и гіэнны съѣдятъ его въ будущую ночь. (*).

Г. Иммельманъ, пораженный ужасомъ при подобномъ предложеніи, взялъ на руки бѣднаго ребенка, который улыбнулся и протягивалъ къ нему ручонки; потомъ, пришпоривъ лошадь, поскакалъ къ повозкѣ. Онъ никакъ не могъ объяснить Готтентотамъ, что они поступали ужасно, жестоко, убивая бѣдныхъ малютокъ по той причинѣ, что у нихъ не было болѣе родителей, которые ухаживали бы за ними.

— Боасъ, — говорили Готтентоты, покачивая головами, — въ такомъ случаѣ мы тоже поступаемъ дурно, оставляя нашихъ стариковъ въ пустынѣ, гдѣ они умираютъ съ голоду, когда, по старости или по болѣзни, они болѣе не въ состояніи добывать себѣ хлѣбъ? (**).

Вечеромъ того же дня, Кіесъ явился со всѣми своими подчиненными къ палаткѣ Шпарманна, не съ оружіемъ въ рукахъ, (потому что Тракозія отправила уже къ нему бошесмена съ извѣстіемъ обо всемъ), а чтобы броситься къ ногамъ человѣколюбиваго стокгольмскаго ученаго и со слезами благодарить его за спасеніе Тракозіи.

— О! скажите, скажите, Боасъ, чѣмъ могу я доказать вамъ свою благодарность?

— Поступайте всегда, какъ благороднымъ людямъ поступать слѣдуетъ. Защищайте свободу, дарованную вамъ самой природой, но не будьте жестоки. Сохраните простоту вашихъ сердецъ, пользуясь изъ нашего просвѣщенія тѣмъ, что у насъ есть хорошаго, и отвергая все дурное. Будьте добры и снисходительны къ вашимъ братьямъ, какого бы они цвѣта и племени ни были и, въ особенности, не покидайте ни дѣтей, ни старцевъ!..

Кіесъ, со слезами на глазахъ, подошелъ къ г. Иммельманну, взялъ изъ рукъ его ребенка, закутаннаго въ мѣшокъ, отдалъ его Тракозіи и сказалъ:

— Боасъ, этотъ ребенокъ будетъ моимъ сыномъ, и всѣ Европейцы, похожіе на тебя, будутъ моими братьями!..

П. Ф—нъ.

(*) См. *Путешествіе въ Африку* Шпарманна, томъ 2, стр. 93.

(**) Id. — Стр. 92.

ОБРУШИВАЮЩІЯСЯ СКАЛЫ ВЪ ФЕЛЬСБЕРГѢ.

Вмѣстѣ съ очаровательными, возвышенными, величественными зрѣлищами природы, которыми такъ богата Швейцарія, тамъ встрѣчаются и зрѣлища дикихъ, страшныхъ опустошеній и разореній, и сколько первыя очаровываютъ, столько же послѣднія наполняютъ душу страхомъ и ужасомъ.

Къ ужасающимъ зрѣлищамъ опустошенія принадлежатъ вмѣстѣ съ лавинами и паденія скалъ. Прелестнѣйшія мѣстоположенія, роскошные луга, поля и виноградники, насажденные трудолюбивою рукою человѣка, внезапно превращаются въ дикія пустыни; мирныя жилища пастуховъ, даже цѣлыя селенія исчезаютъ подъ обломками скалъ, которыя засыпаютъ источники, преграждаютъ теченіе рѣкъ, разоряютъ цѣлые лѣса и нерѣдко, упадая въ озера, наводняютъ окрестности.

Какія причины этихъ ужасныхъ переворотовъ? Что потрясаетъ эти скалы, лежащія, быть можетъ, неподвижно болѣе тысячи лѣтъ?.. Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить въ нѣсколькихъ словахъ.

Что касается до паденія горъ, то это происходитъ оттого, если въ нижней части горы образуется пустота и верхняя часть ея не имѣетъ надлежащей опоры. Пустоты же эти происходятъ отъ воды, проникающей сквозь ущелія и трещины, или просачивающейся сквозь рыхлую землю; вода, встрѣчая внезапное сопротивленіе и постепенно стремясь впередъ, просасывается въ слои земли, разрыхляетъ или даже химически разлагаетъ ихъ. Само собою разумѣется, что отъ этого массы горы, лишась прочнаго, твердаго основанія, начинаютъ колебаться, сначала обваливаются по частямъ, а наконецъ и совершенно рушатся.

Но не только горы, состоящія изъ менѣе твердыхъ слоевъ, но даже скалы подвергаются паденію. Если, напримѣръ, слои камней лежатъ не горизонтально, а наклонно и прорѣзаны множествомъ трещинъ, то можно ожидать паденія скалы, особенно, если она имѣетъ зубчатую вершину, покрытую вѣчными снѣгами. Тогда постепенно на камняхъ образуются новыя трещины, прежнія болѣе и болѣе расширяются отъ морозовъ, наполняются водою и, наконецъ, части скалы, какъ опасные предвѣстники страшнаго паденія, начинаютъ обрываться.

Иногда скалы обрушиваются внезапно, а иногда паденію предшествуетъ глухой грохотъ, обломки чаще и чаще летятъ внизъ, трещины распространяются во всѣ стороны и, наконецъ, съ громомъ и страшнымъ трескомъ обрушивается вся масса и въ одно мгновеніе она покрываетъ всю окрестность обломками.

Такъ называемыя Діаблереты сохранили понынѣ только три зубца, или вершины, изъ которыхъ возвышеннѣйшая стоитъ на 9600 футовъ надъ поверхностью моря; прочія же обрушились въ 1714 и 1749 годахъ. Обломки скалъ покрыли плоскость въ ¼ мили пространства и умертвили 15 человѣкъ, 100 головъ рогатаго скота и причинили ужасныя опустошенія. Теченіе многихъ рѣкъ было пріостановлено и онѣ образовали озера.

Чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти, во время этого паденія скалы, одинъ изъ жителей деревни Авенъ.

Во время начала паденія, этотъ человѣкъ находился въ своей хижинѣ; огромный обломокъ скалы упалъ такимъ образомъ, что, прислонившись однимъ концомъ къ подножію скалы, а другимъ упершись въ землю, онъ образовалъ надъ хижиной защитительную крышу, которая, однако жъ, вскорѣ была засыпана пескомъ, землею и мелкими каменьями, такимъ образомъ, что пастухъ былъ заживо погребенъ въ своей хижинѣ. Можно представить себѣ отчаяніе несчастнаго! Руками и ногами сталъ онъ рыть землю, питаясь сыромъ и водою, просачивавшеюся изъ сосѣдняго ручья. Три мѣсяца несчастный трудился неутомимо; наконецъ, къ Рождеству, онъ прорылъ себѣ проходъ и вышелъ на открытый воздухъ, на свѣтъ, къ которому глаза его не сразу могли привыкнуть...

Но, кто опишетъ счастіе, восторгъ его? Съ поднятыми къ небу руками, на колѣняхъ, благодарилъ онъ Всевышняго за нечаянное спасеніе, и потомъ отправился далѣе отъискивать родныхъ, знакомыхъ.

Блѣдный, изнуренный, явился онъ въ деревню. Всѣ съ ужасомъ бѣгутъ отъ него, думая видѣть страшное привидѣніе. Не только знакомые, но и родные запираются со страхомъ въ своихъ домахъ. Посылаютъ за пасторомъ, чтобы онъ со крестомъ изгналъ пришлеца съ того свѣта.

Толькоумный пасторъ рѣшается вступить съ несчастнымъ въ переговоры и все дѣло объясняется.

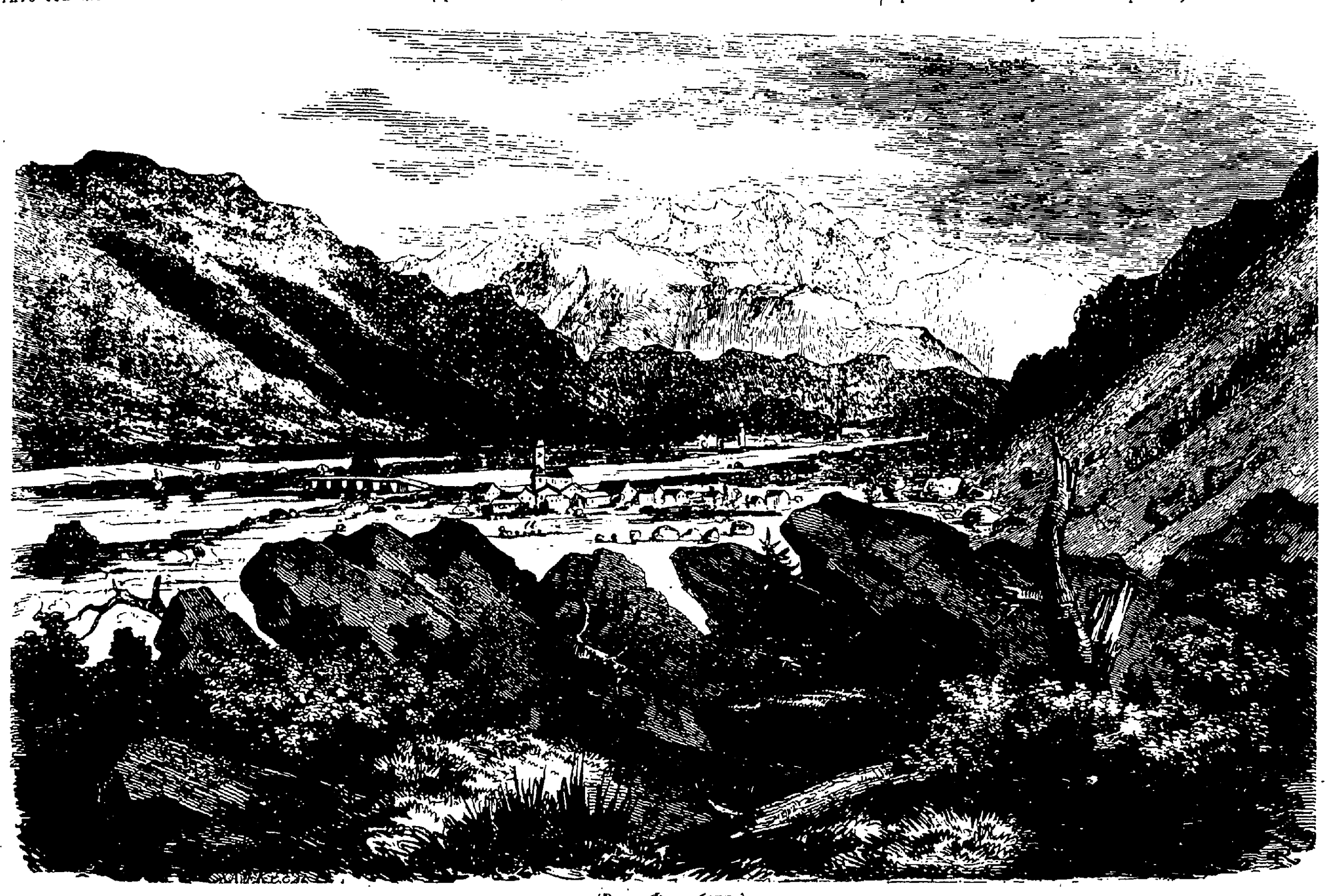
Въ 1835 году, послѣ сильной грозы обрушилась въ тѣхъ же горахъ полуденная вершина — Dent du Midi — и мы могли бы представить читателямъ множество примѣровъ паденій скалъ и неразлучныхъ, большею частію, съ ними бѣдствій.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Кура, главнаго города граубенденскаго кантона, вверхъ по Рейну, лежитъ деревня *Фельсбергъ*. Будучи живописно раскинута у подножія огромной горы, эта деревня услаждаетъ зрѣніе видомъ довольства и благосостоянія, которымъ жители ея, по видимому, наслаждаются; за обширнымъ, роскошно зеленѣющимъ, фруктовымъ лѣсомъ виднѣются веселенькіе, бѣленькіе домики съ коричневыми крышами, и надъ деревней высится сельская церковь, стоящая на возвышеніи. Картина очаровательная, полная жизни, счастія!.. Но увы! пройдите деревню, и вы остановитесь, пораженные не-

вольнымъ ужасомъ... взору вашему представится одно изъ тѣхъ зрѣлищъ разрушенія, которое мы старались описать. Тамъ, гдѣ прежде трудолюбіе человѣка употребило въ свою пользу плодоносныя равнины, теперь лежатъ громадные обломки скалъ, подобно памятникамъ могущества, одно движеніе котораго способно разрушить всѣ созданія муравьиной дѣятельности человѣка.... Это страницы исторіи, извѣщающія насъ о грозныхъ происшествіяхъ прошедшаго и содержащія страшное предсказаніе будущаго, ожидающаго несчастное селеніе. Они разскажутъ вамъ исторію дней, проведенныхъ въ боязливомъ ожиданіи, исторію ночей, проведенныхъ безъ сна... Когда же наступитъ послѣдній день несчастнаго селенія?... этого никто опредѣлить не можетъ. Но взгляните на скалу, возвышающуюся надъ деревней на 580 футовъ, бросьте взглядъ въ ущелія, въ глубокія трещины, образовавшіяся на ней по всѣмъ направленіямъ, и вы невольно вскрикнете жителямъ:—Бѣгите, бѣгите сегодня, бѣгите сей же часъ!...

Жители Фельсберга сами знаютъ угрожающую имъ опасность, но до сихъ поръ къ спасенію ихъ предстояли два препятствія, изъ которыхъ одно, по счастію, уже побѣждено, а другое, дастъ Богъ, скоро будетъ побѣждено.

Первое препятствіе почти невѣроятно: оно состояло въ сопротивленіи жителей разстаться со своей родиной и — въ презрѣніи ихъ къ опасности. Они по преданію знаютъ о множествѣ паденій, совершившихся безъ вреда селенію, и знаютъ также, что въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ скала стояла неподвижно. Въ 1834 году отдѣлился огромный камень отъ скалы и полетѣлъ внизъ, но не причинилъ ни малѣйшаго вреда. Подозрительнымъ показалось то, что этотъ обломокъ не покатился по пути своихъ предшественниковъ, но избралъ новую дорогу, черезъ прекрасный лѣсъ, по направленію къ деревнѣ; подозрительнымъ показалось и то, что въ скалѣ образовалось множество новыхъ трещинъ, по которымъ въ то время уже заключили о неизбѣжномъ паденіи всей массы; подозрительнымъ казалось еще то, что въ томъ году обвалы были многочисленны, отдѣлилось до 800,000 квадратныхъ футовъ скалы, и не смотря на это, все обошлось довольно благополучно, и крестьяне смѣялись надъ городскими жителями, совѣтовавшими имъ покинуть свои хижины. Но, наконецъ, когда, благодаря стараніямъ дѣятельнаго мѣстнаго пастора, были сдѣланы изслѣдованія, то оказалось, что трещины, образовавшіяся во время послѣдняго паденія, каждую недѣлю расширялись — одна изъ нихъ имѣетъ около 700 футовъ длины и 9 футовъ ширины; — потомъ послѣдовали новые обвалы и, наконецъ, къ 1843 году обвалы эти были такъ сильны и страшны, что ясно оказалось, что все основаніе скалы было поколеблено... Тогда вѣра въ безопасность покинула жителей Фельсберга, и теперь они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того дня, когда имъ можно будетъ переселиться на другое мѣсто. Впослѣдствіи, люди смѣлые и опытные въ этомъ дѣлѣ взобрались на скалу и подтвердили, что всѣ массы



(Видъ Фельсберга).

скалы находятся уже въ постоянномъ движеніи, и рано, или поздно, должны обрушиться.

Фельсбергскіе жители, однакожъ, не переселились еще, потому что когда рѣшимость ихъ созрѣла, возникли многія другія препятствія... и эти препятствія заставляютъ несчастныхъ жителей оставаться на мѣстѣ, гдѣ ежеминутно угрожаетъ имъ смертельная опасность! Конечно, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни выстроены, на всякій случай, шалаши, которые, однако жъ, не могутъ служить постоянными жилищами. По весьма затруднительно пріискать новое мѣсто для переселенія: лучшее мѣсто было бы конечно то, которое лежитъ въ большомъ разстояніи отъ Кура и ближе къ Эмсу. Но, къ сожалѣнію, жители Эмса объявили рѣшительно, что только въ такомъ случаѣ уступятъ это мѣсто жителямъ Фельсберга, если они оставятъ реформатское вѣроисповѣданіе и примутъ католическое, на что бѣдняки отвѣчали, что они скорѣе согласятся быть погребенными подъ скалами!...

Такимъ образомъ, бѣдные жители Фельсберга находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Прошлаго году, въ ночь на 24 іюля, воспослѣдовалъ новый обвалъ, и съ такою силою и грохотомъ, что даже жители Кура были пробуждены. Изъ отдѣлившихся обломковъ находится одинъ, имѣющій около 46,000 кубическихъ футовъ. Рано утромъ 31-го іюля девятнадцать человѣкъ Общества Естествоиспытателей рѣшились взойдти на гору, для изслѣдованія состоянія ея. Грустно провожали многіе жители деревни естествоиспытателей, съ боязнію ожидая приговора ихъ, который не могъ быть утѣшительнымъ. Послѣ изслѣдованія, всѣ единогласно рѣшили, что опасность ежедневно увеличивается и что страшная катастрофа приближается быстрыми шагами. Разсѣлины умножились до не вѣроятности; нѣкоторыя изъ нихъ такъ велики, что человѣкъ легко можетъ провалиться въ нихъ. По стуку брошенныхъ въ трещины камешковъ, можно было слышать, что онѣ были чрезвычайно глубоки. По общему очерку трещинъ можно опредѣлить объемъ скалы, готовой обрушиться, вѣсъ которой, по приблизительному разсчету, простирается до 40 милліоновъ центнеровъ. Времени паденія никакъ невозможно опредѣлить. Скала можетъ обрушиться по частямъ или вся вдругъ. Въ послѣднемъ случаѣ, не только вся деревня, съ 400 жителей, будетъ совершенно погребена, но, быть можетъ, что и Рейнъ будетъ остановленъ въ своемъ теченіи. Страшныя послѣдствія этого паденія неисчислимы.

Въ Швейцаріи и въ Германіи составились уже многія подписки на добровольныя приношенія людей, которыхъ несчастное положеніе бѣдныхъ жителей Фельсберга можетъ тронуть. Быть можетъ, помощь придетъ во время, быть можетъ, необходимыя для переселенія Фельсбергцовъ суммы будутъ собраны только тогда, когда не станетъ ни этой красивой деревни, ни жителей ея...

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

Посвящается лѣтнимъ жителямъ трехъ соединенныхъ Парголовъ.

I.

— Подвысь!... закричалъ рослый унтеръ-офицеръ вздремнувшему часовому у шлагбаума Выборгской заставы.

Часовой встрепенулся, опустилъ цѣпь и подъ шлагбаумъ двинулась тяжелая телѣга, сажени на полторы въ вышину, нагруженная мебелью. Красивый диванъ, обитый краснымъ сукномъ, былъ поставленъ поперегъ телеги и вмѣстѣ съ огромнымъ комодомъ краснаго дерева, какъ бы занималъ почетное мѣсто. Между ними, надъ ними и по сторонамъ были уложены съ замысловатою, если хотите, нѣмецкою, разсчетливостью стулья, кресла, столы и столики разныхъ формъ, перевязанные веревками и наудачу покрытые рогожками. Здоровая ломовая лошадь, вытянувъ шею впередъ и твердо упираясь копытами въ каменную мостовую, съ усиліемъ подвигалась впередъ.

За первымъ возомъ слѣдовалъ другой, столько же нагруженный, по менѣе богатою мебелью. На верхушкѣ его были кучи связанныхъ тюфяковъ, перинъ и подушекъ. По бокамъ стояли горшки съ цвѣтами и къ выступамъ были привѣшены клѣтки съ испуганными птичками.

Наконецъ слѣдовалъ третій возъ, нагруженный всѣми кухонными припасами: ушатами, ведрами, корзинами, табуретами и прорванными стульями. На верхушкѣ этого воза, на толстой, свернутой перинѣ сидѣла повелительница этого міра, уперевъ ноги на большую клѣтку, въ которой, прижавшись другъ къ другу, сидѣли куры и пѣтухъ, и держала на колѣняхъ жирнаго сѣраго кота и какой-то свертокъ.

По сторонамъ возовъ шли ломовые извощики, горничная дѣвушка съ двумя картонками и лакей съ столовыми часами.

День былъ майскій, сѣренькій; только мѣстами сквозь сѣрый однообразный покровъ проглядывало голубое небо. Темнофіолетовый цвѣтъ сухихъ деревьевъ только начиналъ оттѣняться свѣжею, синеватою, весеннею зеленью. Было еще довольно холодно и мѣстами по немощеной сторонѣ дороги виднѣлись огромныя лужи, перерѣзанныя колесами чухонскихъ таратаекъ.

— Извощикъ! — закричала кухарка съ высокаго своего сѣдалища, — глянь-ка, тамъ, кажись развязалось.. вишь ты, стулъ ползетъ на сторону.

Извощикъ оглянулся, взглянулъ на то мѣсто, куда указывала ему кухарка, стукнулъ кулакомъ по стулу, такъ что тотъ затрещалъ, и махнувъ рукой, отвѣчалъ:

— Нячего! довеземъ.

— А что, Антипычъ, далеко еще до Паргола-то? — спросила горничная лакея.

— Не знаю, Аннушка; я, признаться сказать, самъ въ первый разъ иду туда.. А вотъ, спросимъ извощика. Эй, ломовой! — продолжалъ онъ, обратившись къ извощику: далеко ли осталось до Паргола?

— Верстъ семь будетъ.

— Вишь ты!... А что, ты бывалъ тамъ? — спросила горничная.

— Эка!... бывалъ-ли? Вѣдь оно не за моремъ, — отвѣчалъ извощикъ, — а я, никакъ, уже вотъ девятый годъ ломовымъ... какъ не быть!

— А хорошо тамъ? — продолжала расспрашивать любопытная, смазливенькая субретка, свѣженькое личико которой было граціозно обвязано цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ извощикъ, запустивъ пять пальцевъ подъ шапку и почесываясь этимъ природнымъ гребнемъ.

— А что же тамъ хорошаго? — спросилъ лакей.

—Какъ что хорошаго?—То же, что и вездѣ... господа живутъ всякіе... отвѣчалъ извощикъ.

— А дачи хорошія? — спросила Аннушка.

— Дачи?... Не то что отличныя, а есть хорошія... съ галдареями... Такія, что и въ два этажа есть.

— А есть ли тамъ гдѣ гулять? — спросилъ лакей.

— Какъ же, тамъ есть трахтиръ съ балхономъ... хорошій... господа пріѣзжаютъ, — отвѣчалъ извощикъ, по своему понявъ вопросъ Антипыча.

— Нѣтъ, а такъ... знаешь... можно ли гулять?... спросилъ опять лакей, не одаренный достаточнымъ краснорѣчіемъ для выраженія своей идеи.

— И такъ можно гулять... Кто тебѣ будетъ мѣшать... хорошее мѣсто Парголо... вонъ вишь ты передъ нами еще сколько возовъ... поди-ка, всѣ туда ѣдутъ...

Извощикъ указалъ впередъ на нѣсколько возовъ, остановившихся посреди дороги.

Нѣсколько минутъ спустя, три описанные нами воза доѣхали до тѣхъ, на которые указывалъ извощикъ, и также должны были остановиться.

— Что вы стали посередь дороги?... закричалъ одинъ изъ послѣднихъ ломовыхъ извощиковъ.

— Что стали?... Эка!... отвѣчалъ передразнивая ломоваго здоровый мужикъ въ оборванномъ армякѣ; — эка раскричался!... погляди впередъ, такъ и увидишь что стали!

Впереди была суматоха.

Маленькая деревенская телега, на которой были нагружены два простенькіе дивана, обтянутые ситцемъ, комодъ орѣховаго дерева, столъ и два или три стула, остановилась посреди дороги... лошадь не везла.

Прочіе возы, тяжело нагруженные, не могли иначе объѣхать эту телегу, какъ своротивъ на немощенную дорогу, чего нельзя было сдѣлать, потому что въ этомъ мѣстѣ мостовая значительно возвышалась надъ немощеной дорогой, по которой, кромѣ того, была грязь по колѣно.

Мужикъ немилосердо колотилъ лошадь то по спинѣ, то подъ брюхо, по доброму рускому обычаю,—но она, видно, была съ норовомъ, потому что упрямо переносила удары и не трогалась съ мѣста. Нашелся добрый человѣкъ изъ ломовыхъ извощиковъ, который, желая оказать услугу мужику, нашелъ гдѣ-то въ сторонѣ огромную дубину, принесъ ее къ нему, и сказалъ:

— Ну-ка ее этимъ,... авось пойдетъ.

Мужикъ взялъ дубину и уже замахнулся, какъ вдругъ молодой человѣкъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ, схватилъ его за руку.

— Что ты дѣлаешь? — съ негодованіемъ вскричалъ молодой человѣкъ. Вѣдь ты убьешь ее!

— Ну, убью, такъ убью, проклятую!.. отвѣчалъ мужикъ съ раскраснѣвшимся отъ злости лицомъ; а иначе съ ней не совладѣешь!

— Полно, полно, отпряги ее и отведи въ сторону; и телегу стащишь на сторону... тебѣ помогутъ.

— Разумѣется!.. закричала толпа извощиковъ и слугъ. — Не стоять же намъ съ тобой здѣсь до ночи!

— Ну, ладно; что разревѣлись!.. отвѣчалъ мужикъ и сталъ отпрягать лошадь, потчуя ее по временамъ толчками и приговаривая: — я жъ тебѣ докажу дружбу, прррроклятая!.. Постой ты у меня!..

Лошадь была отпряжена и телега, съ помощію ломовыхъ извощиковъ, свезена на немощеную дорогу. Поворчавъ на молодаго человѣка, давшаго имъ всѣмъ только одинъ гривенникъ на водку, извощики пріударили лошадей и возы тронулись.

Молодому человѣку, о которомъ мы упомянули, было около двадцати лѣтъ. На немъ было дешевое сѣренькое пальто, фуражка сѣровато-желтоватаго цвѣта и темно-бурые панталоны. Вившіеся изъ подъ фуражки темнорусые волосы обрамливали свѣжее, полное, цвѣтущее здоровьемъ лицо, которое хотя и не имѣло особенно умнаго выраженія, но отличалось рѣдкимъ добродушіемъ. Въ рукахъ у молодаго человѣка была простая палка, королевскаго дерева съ чорнымъ, костянымъ набалдашникомъ. Около него вертѣлся красивый, но порядочно запачканный, чорный пудель.

Когда послѣдніе возы проѣзжали мимо него, то горничная, Аннушка, толкнула локтемъ Антипыча и шепнула ему:

— Гляди-ка, гляди-ка... ни-какъ Дмитрій Ивановичъ!..

— Онъ и есть, — отвѣчалъ Антипычъ усмѣхнувшись, — также, кажись, въ Парголу ѣдетъ.

Аннушка перешла на другую сторону воза, чтобы обойдти лужу, а, можетъ быть, и для того, чтобъ быть замѣченной хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, которому она и поклонилась съ веселенькой улыбочкой и со свойственнымъ кокеткамъ низшаго разряда косвеннымъ взглядомъ.

Молодой человѣкъ, какъ бы недовольный встрѣчей, сконфузился, покраснѣлъ, опустилъ глаза и приподнялъ фуражку.

Аннушка еще раза два оглядывалась, слегка поворотивъ голову, и замѣтивъ, что молодой человѣкъ искоса смотрѣлъ вслѣдъ за нею или — за возами, осталась очень довольна и воротилась къ Антипычу.

Возы проѣхали.

— Что же мы будемъ теперь дѣлать? — спросилъ молодой человѣкъ мужика.

— Да что дѣлать, баринъ? Надо подождать... она устоится... а тамъ опять повезетъ. Такая, право, бѣда, что и сказать не могу!— отвѣчалъ мужикъ.

— Проводи ее немножко; авось, она обойдется, — сказалъ молодой человѣкъ.

Мужикъ сталъ исполнять приказаніе молодаго человѣка, который, оглянувшись по сторонамъ и не видя ничего достойнаго замѣчанія, разстегнулъ пальто и вынулъ изъ боковаго кармана небольшой сафьянный бумажникъ; раскрывъ его, онъ тщательно вынулъ оттуда ярко-розовую записочку, сложенную трехъугольникомъ...

Не помню, кто сказалъ, что по почерку человѣка можно опредѣлить характеръ его; это довольно справедливо; но не менѣе того справедливо и то, что можно узнать, если и не характеръ, то по-крайней мѣрѣ степень образованности, вкусъ человѣка, по тому, какъ онъ складываетъ письма. Что касается до меня, то я не могу хладнокровно смотрѣть

на письмо, сложенное трехъ-угольникомъ или квадратомъ.

Трехъ-угольная записочка, выпутая Дмитріемъ Ивановичемъ изъ бумажника, лежала въ немъ между двумя ассигнаціями, по увы!.. плебеями ассигнацій — въ одинъ и три рубля серебромъ. Чтобы ближе познакомить читателей съ нашимъ молодымъ человѣкомъ, надо сказать, что въ настоящую минуту эти двѣ ассигнаціи и нѣсколько серебряныхъ монетъ составляли все богатство его... и.. что онъ не всегда былъ такъ богатъ.

Онъ развернулъ записку и сталъ читать...

II.

Дмитрій Ивановичъ Топиловъ былъ помѣщикъ, столбовой дворянинъ. Гдѣ-то, въ Псковской губерніи, у него было семь душъ, которыми управляла старуха мать его. Должно замѣтить еще, что четыре изъ этихъ душъ были въ Петербургѣ; изъ нихъ двѣ ходили по оброку; одна занималась какимъ-то ремесломъ и одна пропадала безъ вѣсти.

Дмитрій Ивановичъ не кончилъ курса въ одной изъ петербургскихъ гимназій,— потому что хотѣлъ поступить на службу, чтобы имѣть возможность собственными трудами содержать себя и даже помогать бѣдной матери. Но для того онъ не могъ удовольствоваться мѣстомъ съ слишкомъ умѣреннымъ жалованьемъ и обратился къ одному изъ друзей своего отца, занимавшаго тепленькое мѣстечко. Другъ этотъ наобѣщалъ золотыя горы молодому человѣку, но, не исполнивъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, уѣхалъ куда-то во внутренность Россіи, по особымъ порученіямъ. Дмитрій Ивановичъ, не наученный еще опытомъ въ томъ, что обѣщать и исполнять не одно и то же, рѣшился ждать возвращенія своего покровителя.

Совершенное бездѣйствіе не въ природѣ человѣка. Если человѣкъ не занимается дѣломъ, то это еще не значитъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Мы знаемъ людей, которыхъ всѣ называютъ лѣнтяями и которые исполняютъ такіе подвиги, на которые не способенъ никакой дѣятельный человѣкъ. Назовите трудолюбиваго человѣка, который цѣлыя недѣли, мѣсяцы, могъ бы просиживать почи напролетъ за работой? А сколько есть лѣнтяевъ, которые на-пролетъ сидятъ каждую ночь, ревностно занимаясь предпочтеніемъ, отдаваемымъ червямъ предъ пиками?.. Топиловъ, по счастію, не дошелъ еще до секрета заниматься дѣломъ, ничего не дѣлая, а потому бездѣйствіе, въ которомъ онъ находился по милости друга покойнаго отца своего, было ему въ тягость. Не имѣя средствъ дорого платить за квартиру, онъ нанялъ на Васильевскомъ острову, гдѣ-то на Среднемъ проспектѣ, маленькую каморку, рядомъ съ однимъ молодымъ художникомъ. Откровенный, веселый, безцеремонный характеръ послѣдняго согласовался съ нравомъ Топилова; молодые люди сблизились и Дмитрій Ивановичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ учиться живописи.

Между тѣмъ Топиловъ часто посѣщалъ семейство своего покровителя, Егора Астафьевича Рытковскаго, состоявшее изъ матери и двухъ дочерей. Аграфена Власьевна, жена Егора Астафьевича, была дочь купца. Поговаривали, что будто бы поводомъ къ бракосочетанію ихъ были деньги Аграфены Власьевны и капитанскій чинъ Рытковскаго, служившаго еще тогда въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ — о любви не было и помину; но не всякому слуху должно вѣрить. Младшая дочь Рытковскихъ вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ, горнымъ чиновникомъ, въ Сибирь. Старшая, Авдотья, или какъ она сама называла себя, Евдоксія, была еще въ дѣвицахъ, не смотря на то, что ей было уже двадцать два года. Замѣтимъ мимоходомъ, что она сознавалась только въ восемьнадцати.

Евдоксія Егоровна была высокая блондинка, съ томными глазами и, къ сожалѣнію ея, румяными щеками. Вообще вся наружность ея, широкія плечи, роскошныя формы, дышали чувственностью, свойственною блондинкамъ. Но по противуположности, весьма часто встрѣчаемой въ природѣ, душа ея негодовала на слишкомъ матеріальную форму тѣла и жаждала идеала. Евдоксія безпрестанно вздыхала и даже писала стихи.

Подобныя женщины очень нравятся молодымъ, неопытнымъ юношамъ, которые не въ состояніи еще понять всей цѣны естественности. Дмитрій Ивановичъ, сблизившись съ домомъ Рытковскихъ въ такое время, когда бездѣйствіе болѣе всего располагало сердце его къ впечатлѣніямъ любви, влюбился въ блондинку.

Мы съ намѣреніемъ сказали влюбился, потому что любить и влюбляться совсѣмъ не одно и то же. Любятъ одинъ разъ въ жизнь,— влюбляются каждый день.

Евдоксія увидѣла въ Топиловѣ осуществленіе своего идеала, то есть, сердце юное, чистое, не знакомое еще съ любовію, и изъ котораго она могла сдѣлать все, что ей будетъ угодно. Конечно, Митинька, какъ называлъ его Егоръ Астафьевичъ, былъ еще не похожъ на героя романа; но онъ былъ еще молодъ. Евдоксія рѣшилась создать изъ него свой идеалъ...

Она начала преобразованіе свое съ того, что заставила Митиньку читать Парижскія Тайны, которыя въ то время приводили всѣхъ въ восторгъ. Дмитрій Ивановичъ, очень мало читавшій въ свою жизнь, былъ пораженъ, увлеченъ, очарованъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, колоссальнымъ произведеніемъ знаменитаго французскаго писателя. Евдоксія осталась довольною первымъ опытомъ своимъ и впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Топилова Парижскими Тайнами, и нѣсколько мѣсяцовъ спустя, заставила его прочитать Лондонскія Тайны.

Молодой человѣкъ проглотилъ и этотъ романъ...

Евдоксія разсудила, что теперь пора посвятить его въ таинства любви.

Однажды вечеромъ блондинка сидѣла за фортопьяно, а молодой человѣкъ стоялъ за стуломъ. Въ комнатѣ никого болѣе не было. Евдоксія кончила играть французскій кадриль, блистательнѣйшую пьесу изъ всего репертуара ея, приводившую въ восторгъ мало музыкальное ухо Топилова; откинувъ назадъ бѣлокурые локоны, она оглянулась, томно посмотрѣла на Дмитрія Ивановича и, не смотря на то, что тотъ съ замѣшательствомъ улыбался, сказала ему:

— Вы сегодня что-то задумчивы?

Молодой человѣкъ еще болѣе смѣшался и отвѣчалъ, запинаясь:

— Нѣтъ-съ... вамъ такъ кажется...

— О! нѣтъ... не старайтесь скрывать подъ притворной улыбкой вашей задумчивости... я вижу...

Дмитрій Ивановичъ совершенно растерялся.

— Скажите... скажите...— сантиментально продолжала Евдоксія, поднявъ къ нему глаза, — что съ вами?.. Я приму участіе въ вашей горести... О! вы не знаете, какъ благодѣтельно участіе... принимаемое другими въ нашихъ страданіяхъ...

У Дмитрія Ивановича замерло сердце.

— Вы молчите?..— продолжала полудекламаціей блондинка: — вы не вѣрите моей дружбѣ... Полноте, дайте мнѣ вашу руку... — и съ послѣдними словами она подала ему руку.

Молодой человѣкъ, влюбленный въ блондинку и приведенный въ восторгъ послѣдними нѣжными словами ея, съ жаромъ схватилъ протянутую къ нему руку и сталъ цѣловать ее.

— Что вы дѣлаете?.. вскричала Евдоксія, отдернула руку и потупила глаза. — Что вы сдѣлали?.. повторила она едва слышнымъ голосомъ и не подымая глазъ.

— Ахъ, если бы вы знали!.. началъ Топиловъ, и — замолчалъ.

— Что такое? — спросила блондинка, съ притворною наивностью.

— Да... я задумчивъ!.. то есть... я былъ задумчивъ... а теперь я веселъ, потому что счастливъ!..

Именно теперь только лицо молодаго человѣка стало задумчивымъ.

— Вы счастливы?.. Отчего?..

— Оттого, что вы принимаете во мнѣ такое участіе.

— Всякій человѣкъ обязанъ принимать участіе въ горестяхъ ближняго, — отвѣчала блондинка, опять потупивъ взоръ.

Дмитрій Ивановичъ принялъ слова эти за наличную монету и приунылъ.

— Извините, — сказалъ онъ, — я осмѣлился думать... но теперь вижу, что ошибся...

— Въ чемъ вы ошиблись?.. — спросила Евдоксія; но видя, что Топиловъ молчалъ, она продолжала:

— Вы, можетъ быть, думали,... что я принимаю въ васъ... особенное участіе?.. Что же вы молчите?

— Ахъ, Евдоксія Егоровна, я молчу, потому, что не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ все то, что у меня на душѣ... а тутъ хранится много, много! — сказалъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Если не можете высказать... такъ напишите... — съ живостію возразила Евдоксія, которая давно уже ждала случая вступить съ своимъ идеаломъ въ переписку, въ которой она моглабъ выказать все свое краснорѣчіе.

— Какъ!.. вы позв... — началъ-было Дмитрій Ивановичъ, но въ то же мгновеніе былъ прерванъ громкимъ восклицаніемъ Аграфены Власьевны.

— Что вы тутъ сидите въ потьмахъ? — вскричала мать блондинки.

— Правда, правда, здѣсь темненько; хе, хе, хе! — прибавилъ невысокій человѣчекъ, съ рыжими бакенбардами и въ зеленомъ вицемундирѣ, слѣдовавшій за хозяйкой и съ которымъ читатели впослѣдствіи познакомятся ближе.

III.

И такъ Дмитрій Ивановичъ Топиловъ вступилъ съ блондинкой въ переписку.

Розовая записочка, которую онъ вынулъ изъ бумажника, была отъ нея. Вотъ образецъ краснорѣчія Авдотьи Егоровны:

«Дмитрій,

«Вы писали въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ, «что будете вѣчно любить меня. О, другъ «мой, не обманывайте себя и простите мнѣ— «мою недовѣрчивость. Да, Дмитрій, я не мо- «гу еще вѣрить Вашей любви, тѣмъ болѣе,

«что Вы и сами еще не вѣрите ей. Я дальновиднѣе Васъ, потому что почти ровесница «Вамъ, а Вы знаете, вѣроятно, что у женщинъ ранѣе развиваются умственныя способности, нежели у мужчинъ. Какими пожертвованіями доказали Вы Вашу любовь? «Что Вы сдѣлали, чтобы убѣдить меня въ «ней?.. О, Дмитрій, любовь часто упрочивается одними страданіями!.. Только тотъ «любитъ глубоко, пламенно, восторженно, «необузданно, страстно, кто много страдалъ «за свою любовь!.. Да и что наша жизнь?.. «Читали ли Вы Вѣчнаго Жида?.. Тамъ сказано—жить значитъ страдать! Какъ это справедливо!.. А такъ какъ любить значитъ жить, «то и любить значитъ страдать!.. Понятно ли «это Вамъ?.. Въ головѣ моей толпится столько различныхъ мыслей, которыя такъ быстро смѣняются одно другими, что перо не «успѣваетъ слѣдовать за ними, и на бумагу «ложатся однѣ неполныя, недоговоренныя «фразы!..

«Но то, что Вы, Дмитрій, не вѣрите любви «моей — непростительно! Что драгоцѣннѣе «всего въ женщинѣ? Скромность, —не такъ «ли? Пиша къ вамъ я жертвую этой скромностью! О, ужасъ!.. перо падаетъ изъ рукъ «моихъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій, дѣвичье чувство беретъ верхъ надъ моею любовію; — я «не должна, я не могу, я не буду болѣе писать къ Вамъ!.. Простите!!!»

Молодой человѣкъ прочиталъ это письмо и задумался. Не смотря на то, что каждое письмо Евдокіи оканчивалось борьбой дѣвичьяго чувства съ любовію и твердою рѣшимостію прекратить переписку, всякій разъ этотъ конецъ производилъ на него впечатлѣніе.

Но теперь его еще болѣе заставило задуматься сомнѣніе Евдокіи въ любви его и пожертвованія, о которыхъ она писала.

— Ну, баринъ, теперь садитесь; авось побѣжитъ.

Слова эти, произнесенныя почти надъ самымъ ухомъ Дмитрія Ивановича, заставили его вздрогнуть. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что лошадь была опять запряжена. Тщательно спрятавъ опять записку въ бумажникъ, онъ пошелъ къ телегѣ.

Въ то самое время по мостовой скоро ѣхала отъ заставы карета, запряженная тройкой, и вслѣдъ за нею коляска.

Эти два экипажа быстро приближались, когда Дмитрій Ивановичъ, посадивъ пуделя въ телегу, самъ готовился влѣзть туда же... Онъ уже занесъ ногу и ухватился за край телеги, когда лошадь, испуганная взмахомъ кнута кучера подъѣзжавшей кареты, рванулась впередъ...

Дмитрій Ивановичъ, лишившись опоры упалъ прямо въ лужу.

— Ахъ!.. Стой!.. вскрикнулъ женскій голосъ, и изъ окна кареты выглянуло полное личико въ соломенной шляпкѣ, изъ подъ которой вились бѣлокурые локоны.

Между тѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ уже вскочить... но увы! онъ былъ весь въ грязи.

— Пошелъ!.. вскрикнулъ опять тотъ же голосъ кучеру, намѣревавшемуся остановить лошадей, и соломенная шляпка скрылась.

Дмитрій Ивановичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ вслѣдъ каретѣ, какъ вдругъ изъ промчавшейся мимо него коляски послышался рѣзкій, ироническій смѣхъ...

П. Ф—нкъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Замокъ Шарлоттенгофъ.

ЗАМОКЪ ШАРЛОТТЕНГОФЪ.

Загородный дворецъ Санъ-Суси, близъ Берлина, есть, безспорно, одинъ изъ живописнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ въ цѣлой Германіи. Въ окрестностяхъ его лежитъ замокъ Шарлоттенгафъ, видъ котораго мы представляемъ нашимъ читателямъ.

Шарлоттенгофъ прежде, подъ этимъ же названіемъ, принадлежалъ одному частному лицу. Въ 1826 году, покойный король прусскій купилъ это имѣніе и подарилъ его сыну своему, наслѣдному принцу, который, въ память двумъ дорогимъ сердцу его особамъ—матери и сестрѣ, Императрицѣ Всероссійской, оставилъ новому имѣнію своему прежнее названіе.

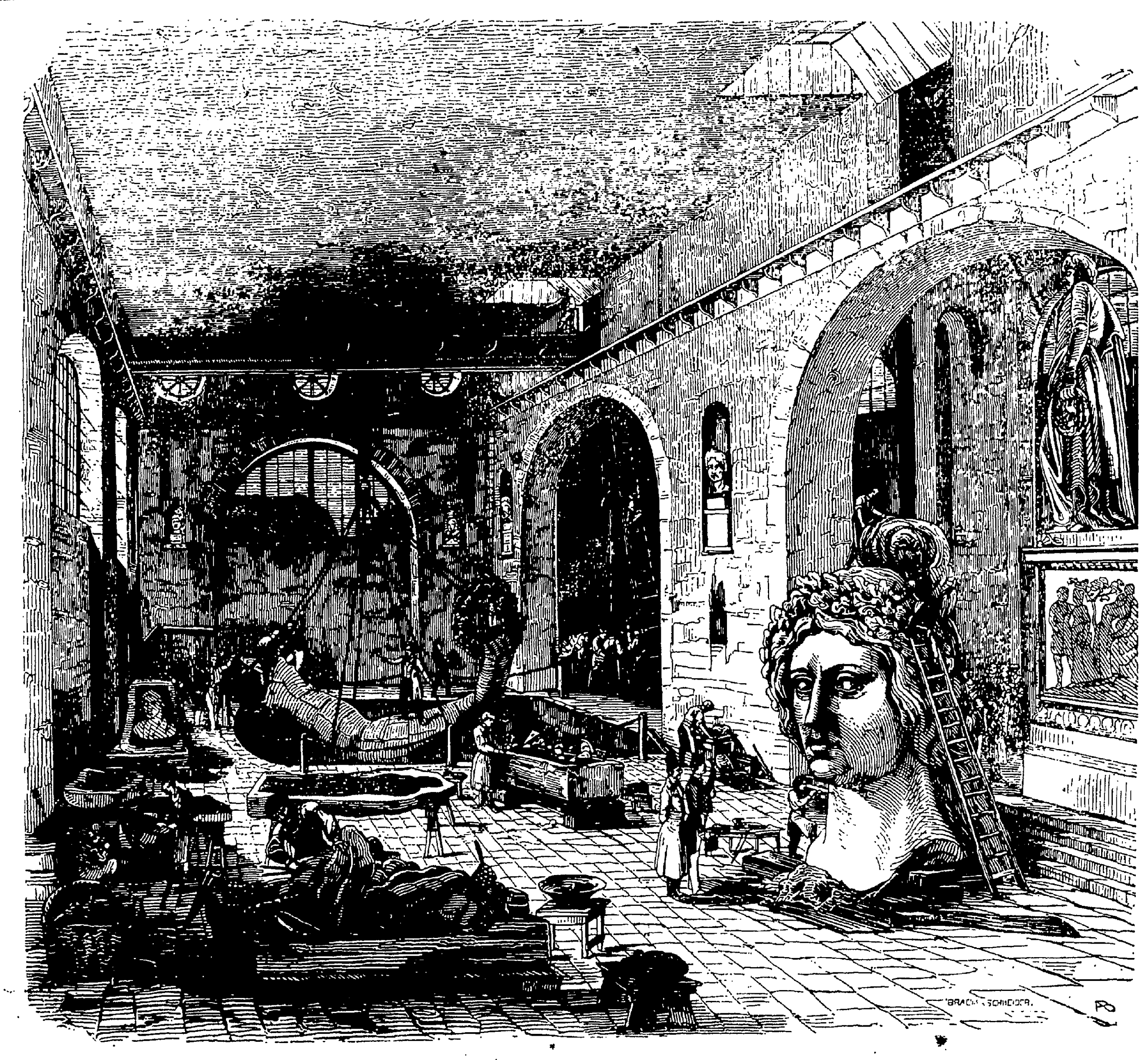
Шарлоттенгофъ росъ мало-по-малу. Всѣ планы и чертежи по назначенію самаго короля, исполнены знаменитымъ архитекторомъ Шинкелемъ. Теперь этотъ увеселительный дворецъ имѣетъ вѣрный характеръ итальянской Виллы — жилища богатыхъ и знатныхъ Итальянцевъ; и точно, такъ какъ въ богатыхъ виллахъ итальянскихъ грандовъ возлѣ великолѣпнаго жилища хозяина находилась и такъ называемая fabrica, жилища арендаторовъ и работниковъ, выстроенныя и расположенныя со вкусомъ, для дополненія общаго вида, такъ и здѣсь все имѣніе раздѣляется на двѣ части: на садовничій домъ и на замокъ.

Послѣдній выстроенъ въ стилѣ итальянскихъ дачъ близъ Рима. Онъ имѣетъ только одинъ этажъ и красивый портикъ. Крытая аллея, ведущая къ нему, бассейнъ съ фонтанами, статуи, колонна съ бюстомъ королевы Елизаветы, роскошная зелень, прекрасные виды — придаютъ этому маленькому замку плѣнительный видъ.

Внутренность убрана прекрасно; образцевыя произведенія искуствъ, многія рѣдкости, драгоцѣнныя вазы, между которыми особенно замѣчательны двѣ вазы изъ яшмы, подаренныя Императоромъ Всероссійскимъ, кресла Императора Петра I-го, изъ стали и серебра, двѣ трости Фридриха Великаго, суть предметы, обращающіе на себя особенное вниманіе посѣтителей.

ЛИТЕЙНАЯ ВЪ МЮНХЕНѢ.

Это заведеніе справедливо можно считать первымъ въ Европѣ. Въ Мюнхенской литейной отлито, до сихъ поръ, уже весьма много колоссальныхъ статуй, работы лучшихъ германскихъ скульпторовъ. Литейное дѣло не такъ легко, какъ съ перваго раза кажется. Оно почти художество. И должно признаться, что если литейною управляетъ обыкновенный ремесленникъ, а не художникъ, то произведенія съ лучшихъ моделей иногда выходятъ такія, что нельзя въ нихъ узнать и подлинника. Въ этомъ отношеніи мы очень счастливы. Якимовъ составилъ себѣ обширную и заслуженную славу — своими литейными работами; но въ настоящее время въ литейной Императорской Академіи Художествъ, подъ управленіемъ барона П. К. Клота фонъ Юргенсбургъ, отливаются колоссальныя статуи съ такимъ совершенствомъ, что почти не требуютъ чеканки. Помѣщаемъ видъ Мюнхенской литейной; въ послѣдующихъ нумерахъ войдемъ и въ нѣкоторыя важнѣйшія подробности; представимъ мастерскую, гдѣ чеканятъ, и нѣкоторыя произведенія, вышедшія изъ этого заведенія, какъ напримѣръ, статую Баваріи Шванталера. Размѣръ гравюръ не позволяетъ помѣстить ихъ въ одномъ нумерѣ, а существо предмета не вмѣститъ всѣхъ подробностей въ одной статьѣ.



ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧУДАКИ.

— Ну, Кудимушка! Что тамъ у тебя, разсказывай!

— Грѣхъ, бѣлая барыня, большой грѣхъ. Унесли у меня Таню...

— Что ты говорищь Кудимушка! дочку?..

— Все одно, что дочку. Богъ мнѣ ее подарилъ; люди отняли.

И Кудимъ разсказалъ, что зналъ... Разсказъ увлекъ Марью Осиповну; нѣсколько разъ спрашивала она, какъ зовутъ несчастную. Имя Татьяны, казалось, напоминало ей что то... Она призадумывалась и снова распрашивала о томъ, что уже нѣсколько разъ слышала. Наконецъ, съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, Марья Осиповна топнула ногой и сказала рѣшительно: я спасу ее, я выручу... во чтобы то ни стало. Я сама испытала уничиженіе бѣдности, была рабыней... О, много, много испытала я! Но никогда не знавала счастія.

— Ты, матушка!

— Я, добрый старикъ! Я! — Странно, глядя на тебя, мнѣ все слается, что ты тотъ благодѣтельный пустынникъ, о которомъ я читала въ одной книгѣ... Мнѣ кажется, что ты принесъ мнѣ счастіе, что твое появленіе раскрываетъ для меня другую будущность. Научи, наставь, я все сдѣлаю, чтобы вырвать твою Таню изъ рукъ коршуна...

— Матушка — голубушка! И ты безсчастная! Не бывать тому; это Божіе испытаніе; это дождь небесный, взбрызнетъ, взмочитъ и пойдутъ райскіе дни. Да ты, матушка, самому губернатору можешь сказать про такой разбой...

— Кирилло! Прикажи закладывать лошадей, закричала Марья Осиповна, выбѣгая на дворъ, гдѣ люди уже суетились, приступая къ ежедневнымъ своимъ занятіямъ.

— Куда такъ рано? спросилъ Кирилло, привыкшій командовать въ домѣ...

— Не твое дѣло! Сказано, такъ слушаться, а не умничать!..

Кирилло и люди оцѣпенѣли. Никогда еще отъ Марьи Осиповны не слыхали подобныхъ словъ; никогда не подозрѣвали, что она имѣла свою волю, и вдругъ... Сомнительно смотрѣли они на Кудима и приписывали энергію барыни его чарамъ. Кудимъ стоялъ, сложа руки, и съ умиленіемъ глядѣлъ на Марью Осиповну. Душа его радовалась, сердце билось; въ придачу, что-то неизвѣстное, странное шевелилось въ груди его;

онъ то и дѣло думалъ, то про Таню, то про офицера, то про покойницу Лукерью... Между тѣмъ люди, опомнясь, повиновались. Самъ Кирило, схвативъ метелку, которою собирался чистить барское платье, побѣжалъ къ каретѣ и обметалъ пыль съ сидѣнья...

— Но, Кудимушка, ты долженъ ѣхать со мной; мы должны разузнать, распросить въ гостинницѣ...

— А покойница Лукерья будетъ дожидаться, что-ли? Ей и такъ уже надоѣло на этомъ свѣтѣ. И батюшка разсердится...

— Такъ я сама все сдѣлаю. Заходи, какъ управишься, а мнѣ же такъ не ѣхать: надо надѣть шляпку, шаль... Ну, прощай, и будь спокоенъ!.,

Мгновенно одѣлась Марья Осиповна; нѣсколько времени дожидалась кареты; наконецъ запрягли, подъѣхали.

— Кирилло, поѣзжай со мной...

— А если баринъ проснется?

— Перевернется на другой бокъ и заснетъ крѣпче прежняго. Ѣдемъ!..

Кирилло былъ совершенно смущенъ. Самъ не зная, какъ схватилъ шапку, усадилъ барыню, сталъ на запятки. Карета выѣхала на улицу, и остановилась.

— Куда ѣхать?

— Въ гостинницу! раздалось изъ кареты. Кучеръ туда зналъ дорогу очень хорошо; пріѣхали; на встрѣчу выскочилъ косой Ноготокъ; гостья перепугала его и своимъ появленіемъ и вопросами...

— Сегодня у васъ тутъ украли молодую дѣвушку...

— Нѣтъ, матушка—боярыня, не украли. Были воры, правда, да господинъ, что въ пятомъ нумерѣ, выручилъ. Правда, воры ему руку повредили, да ничего; былъ уже лекарь, перевязалъ руку, ни-почемъ; бравой такой; ходитъ...

— Да гдѣ же дѣвушка?

— Не могимъ знать! Говорятъ кучера, будто съ офицеромъ тотъ господинъ ее отправилъ...

— Что за чепуха! подумала Марья Осиповна. Все это было такъ не сходно съ разсказомъ Кудима. Желая открыть скорѣе истину, Марья Осиповна сказала:

— Веди меня къ этому господину; отъ тебя толку не добьешься.

Косой повиновался. Безъ всякихъ предосторожностей вошла гостья въ пятый нумеръ. Евгеній сидѣлъ съ перевязанною грудью и съ подвязанною рукою на диванѣ, въ халатѣ; увидавъ гостью, онъ позабылъ про свое дезабилье, вскочилъ и спросилъ торопливо...

— Вы за ней! Не правда ли! О если бы я зналъ, что мои раны такъ ничтожны, никогда-бы этотъ негодяй не увезъ бы этой несчастной! Я уже послалъ за здѣшними властьми; можетъ быть, они успѣютъ спасти ее...

— Она уже здѣсь; но едва ли въ лучшихъ рукахъ!

— Что вы говорите?

— Я только хотѣла узнать подробности ея похищенія, чтобы дѣйствовать рѣшительнѣе... Но простите моей нескромности. Скажите, отъ чего вы узнали, что я именно пришла за ней?

— Теперь я самъ объ этомъ думаю и удивляюсь моему вопросу. Странно! Не понимаю отъ чего я угадалъ, что она должна быть ваша родственница..?

— Родственница! Вы ошибаетесь! Нѣтъ, нѣтъ, вы правы; она несчастна, и потому мнѣ съ родни... Но перестанемъ объ этомъ. Теперь надо не болтать, а дѣйствовать. Она здѣсь! Ее перехватилъ на дорогѣ злодѣй, отъ котораго она бѣжала. Надо открыть этого злодѣя: гдѣ онъ остановился? кто онъ? надо предупредить его; иначе онъ можетъ уѣхать, скрыться, и всѣ наши усилія окажутся напрасными.

— Но вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Знаете ее?

— Нѣтъ! Какое намъ до нихъ дѣло! Несчастная, вотъ и все тутъ. Къ тому же въ этомъ несчастіи кроется страшная тайна. Ваши раны говорятъ въ вашу пользу. Помогите мнѣ...

— Всѣми силами, всѣми средствами!

— Такъ ищите его, ее; а я поѣду къ губернатору!

— Вы?

— Что же тутъ удивительнаго?

— Пропасть! Я пораженъ вашимъ великодушіемъ!—Я не вѣрю, что я не сплю! Позвольте коснуться руки вашей...

— Извольте!

— Господи! Я радъ вѣрить, я готовъ думать... Но ваша одежда, экипажъ... Право...

— Да перестаньте дурачиться... Хотите быть моимъ союзникомъ, такъ одѣвайтесь...

— Простите... Извините... Мой костюмъ... Такая внезапность... Такое счастіе...

— Ну, такъ прощайте!

Марья Осиповна ушла; но Евгеній, кутаясь въ халатъ, кричалъ ей вслѣдъ:

— Клянусь вамъ честію! Я отыщу, я исполню вашу волю...

Она не слушала его; она уже катила къ губернатору; хотя было очень рано, но у губернатора были уже должностные гости. Онъ былъ одѣтъ какъ слѣдуетъ; принималъ какъ слѣдуетъ. Въ числѣ раннихъ гостей былъ одинъ и не должностной. Съ нимъ губернаторъ былъ ласковъ; ему жаловался на хлопоты и труды свои, на плохую помощь чиновниковъ... Гость былъ высокаго роста, но сухъ, желтъ, какъ пергаменъ; изгибаясь передъ губернаторомъ, онъ безпрестанно поглядывалъ то въ одну, то въ другую сторону. Кафтанъ на немъ былъ изношенный; о другихъ частяхъ наряда и говорить нечего.

— Какая-то дама хочетъ васъ видѣть, возгласилъ лакей.

— Кто?

Лакей повторилъ...

— Проси въ кабинетъ! Ну, братъ, а ты прощай до обѣда...

Губернаторъ ушелъ въ кабинетъ; Тарсовъ вытянулся и черезъ мгновеніе опять сложился въ почтительную фигуру. Въ самыхъ дверяхъ съ нимъ столкнулась, чуть его не опрокинула, и пропорхнула въ кабинетъ Марья Осиповна; Тарсовъ остолбенѣлъ; лице ему показалось знакомымъ; онъ уже рѣшился-было остаться, подслушать разговоръ, но Гримасниковъ изъ прихожей подавалъ ему такіе знаки, противу которыхъ онъ устоять не могъ. —Въ прихожей никого не было кромѣ Кириллы, да и тотъ такъ ловко усѣлся въ углу за плащами, что его совсѣмъ не было видно.

— Ну, что? спросилъ Гримасниковъ. — Много ли денегъ?

— Двѣ!

— Милостиво!

— Какъ милостиво?..

— Да вотъ видишь, батюшка Никоноръ Ивановичъ! Я то на двухъ не забастую...

— За что?

— Оно, правда, воровъ то въ губерніи нѣтъ. Былъ одинъ разбойникъ, да бѣжалъ изъ Михневки...

— Батюшка, ты пьявка ненасытная! Ужъ не меня ли ты стращать хотешь? Да я сыщикъ, что ли? Поймалъ разбойника, да коли онъ ушелъ, чѣмъ же я виноватъ?

— Да кто объ этомъ и говоритъ! Только я тебѣ доложу, скряга—кощей безсмертный, что за тебя Иколочкинъ не вступится, а ужъ безъ его протекціи мы тебя облупимъ. Я люблю дѣлать все на чистоту...

— Обойдемся, братъ, и безъ твоего Иколочкина, коли на то пошло.

— Ну, нѣтъ, извини. Иколочкинъ, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Вѣдь долгу то у насъ много тысячъ, много за то и протекція его значитъ... И то вѣдь не по вашему. У Иколочкина для памяти на каждую сумму и векселекъ есть... А ты лучше не кобенься, пожми мошну. Такъ дѣло и заштукатуришь. Я все люблю дѣлать на чистоту... Я ужъ для такого гостя и самоваръ большой велю поставить... Прощенія просимъ! До пріятнаго свиданія...

Гримасниковъ хотѣлъ-было откланяться, но сильный знакомый звонъ колокольчика его остановилъ. Не ошибся секретарь: его позвали къ губернатору...

— Извините, сударыня! говорилъ губернаторъ при входѣ въ кабинетъ секретаря. «Я васъ не имѣю чести знать и вашей просьбы не понимаю... Какіе тутъ воры, похищенія, разбой на большой дорогѣ?.. Мнѣ ничего не извѣстно... Все это выдумка... Вы сами не знаете за кого просите! Ну, говорите, кто эта ваша бродяга Таня! Ну, кто этотъ господинъ?.. Ну, отвѣчайте же!..»

— Милостивый государь!..

— «Во-первыхъ, я не милостивый государь, а ваше превосходительство; а во-вторыхъ, прилично ли молодой дамѣ вашихъ лѣтъ мимо мужа впутываться въ полицейскую исторію, не бывалую, не понятную, не естественную?.. Просто, это курамъ на смѣхъ... Поѣзжайте, сударыня, домой и сидите смирно, а мужикамъ, нянькамъ, мамкамъ не вѣрьте! Извините за откровенность...»

— Мнѣ васъ не извинить! Вы просите объ этомъ передъ Богомъ и Государемъ, а я свое сдѣлала: я вамъ объявила, что узнала, послѣдствія на вашей отвѣтственности... Прощайте!

Марья Осиповна вышла. Въ прихожей ударилась въ слезы и, обратясь къ Кириллѣ, сказала съ чувствомъ:

«Другъ мой Кирилло, что намъ дѣлать?

— Матушка Марья Осиповна! Поѣзжайте къ Иколочкину; для него губернаторъ все сдѣлаетъ...

— Вези меня куда знаешь, лишь бы спасти несчастную, лишь бы поставить на своемъ!

У самого крыльца Иколочкина карета остановилась, кто-то гнался за нею...

«Узналъ, открылъ!» кричалъ Евгеній. Марья Осиповна выскочила изъ кареты.

— Узнали? открыли? Не мучьте! Говорите!

«Помѣщикъ здѣшней губерніи Никоноръ Ивановичъ Тарсовъ; онъ только одинъ и пріѣхалъ сегодня въ городъ; онъ точно захватилъ дѣвушку противу кладбища, дворовую свою дѣвку Татьяну запряталъ въ собственномъ своемъ здѣшнемъ домѣ подъ замокъ... Тутъ есть ужасная тайна!»

— Мы раскроемъ ее! Дома г. Иколочкинъ? спросила Марья Осиповна у лакея, который на стукъ кареты выбѣжалъ на крыльцо.

— Дома!

— Вставши?

— Давно...

— Веди меня къ нему...

— Надо доложить...

— Не нужно. Время не терпитъ...

И Марья Осиповна вошла въ кабинетъ Иколочкина вмѣстѣ съ слугою. Иколочкину было лѣтъ за пятьдесятъ, но лицомъ онъ былъ свѣжъ, румянъ. Бархатный домашній сюртукъ и золотая шапочка составляли утренній его костюмъ. Увидавъ незнакомую даму, онъ привсталъ съ мѣста, посмотрѣлъ значительно на слугу, указалъ на кресла, самъ сѣлъ и спросилъ:

— Что вамъ угодно?..

— Вашей протекціи...

— Къ кому?

— Къ здѣшнему губернатору.

— Это не трудно. Но по какому поводу?

— По самому странному, необыкновенному. Вотъ въ чемъ дѣло.

И Марья Осиповна разсказала всю исторію такъ обстоятельно, такъ краснорѣчиво, такъ увлекательно, что Иколочкинъ вытаращилъ на нее глаза и слушалъ съ жадностію и удивленіемъ. Кончила Мери и задумалась... Старикъ протеръ глаза, снялъ шапочку и, собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Странная исторія! странная и заступница! Знаете ли, душа моя, что я не люблю женщинъ...

— За что?

— Спросите у нихъ!

— Но что же онѣ вамъ сдѣлали худаго?

— Много!

Старикъ потеръ лобъ и, опустивъ глаза, продолжалъ.

— Много! Во-первыхъ, я остался холостякомъ, по ихъ милости. Во-вторыхъ, онѣ осаждали, и досихъ поръ осаждаютъ женитьбой не меня, но мое богатство; мучатъ, терзаютъ меня... Все это можно бы имъ простить... но у меня два племянника, Егоръ и Степанъ. Степанъ женился безъ моей воли, Богъ знаетъ на комъ. Егоръ увѣряетъ меня, что не послѣдуетъ примѣру брата; но я уже никому не вѣрю...

Можно себѣ представить весь ужасъ положенія Марьи Осиповны. Она съ глазу на глазъ съ злѣйшимъ своимъ врагомъ, съ дядей милліонеромъ, который отрекся отъ племянника изъ за нея... Это онъ произнесъ страшный приговоръ, который чуть было не убилъ ее въ саду...

Марья Осиповна поблѣднѣла; но мысль о спасеніи Тани спасла и ее. Она поняла необходимость притвориться, лгать, перемѣнить фамилію и не колебалась ни мгновенія. Старикъ задумался и далъ ей время совершенно оправиться и обдумать свое положеніе.

— Много, много! повторилъ онъ, качая головой. Но, душа моя прибавилъ онъ съ улыбкой: Ты не должна этого пугаться! Ты не женщина, —ты не похожа на женщину. Я твой адвокатъ!

— Неужели!..

— Меня называютъ чудакомъ... Но такого чудака какъ ты, душа моя, я не встрѣчалъ въ моей жизни. Твой подвигъ — пища для клеветы и предметъ, достойный удивленія. Впрочемъ, ты совершила свой подвигъ; остальное я беру на себя...

— Дядюшка!

— О какъ бы я желалъ чтобы это была правда... Но я точно чудакъ. Я обращаюсь съ вами такъ фамиліярно, не имѣя чести знать...

— Пустяки, пустяки! Что за счеты! Для диковинки останемся такъ, знакомыми незнакомцами. И я услышала вашу фамилію въ первый разъ, и прямо къ вамъ... Послушайте! конечно, это вамъ не понравится, это будетъ уже своенравіе... но...

— О душа моя, говорите прямо. Я вамъ впередъ все обѣщаю...

— Дайте мнѣ слово, что вы никогда не будете стараться узнать кто я, не спросите у другихъ, если меня увидите...

— Странно! Но извольте! Однако жъ мы заболтались, а бѣдная Таня... Я сейчасъ ѣду къ моему благопріятелю. Какъ же и когда мы увидимся?

— Когда назначите, я пріѣду къ вамъ...

— А если будутъ чужіе...

— Все равно. Меня здѣсь никто не знаетъ.

— А губернаторъ?

— Я и ему не сказала моей фамиліи.

— Странно, странно! Но это мнѣ нравится. Все это не похоже на обыкновенную женщину... И такъ, душа моя, пріѣзжай сегодня. Я соберу къ себѣ на вечеръ всѣхъ здѣшнихъ дамъ. Пусть посмотрятъ на мой идеалъ женщины! И такъ, досвиданья.

— Не забудьте моей Тани!..

— Память объ васъ, и объ ней напомнитъ! Странная женщина!

(Продолженіе въ слѣд. нумерѣ).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

СЛУХИ И НОВОСТИ.

Процессъ Брессана.

Прошли наши длинныя свѣтлыя ночи; прошло наше лѣто; вотъ уже и осень отозвалась дождемъ и холодомъ; пугливые дачники посматриваютъ на пасмурное небо, и по-добру по-здорову, перебираются въ городъ. Наступаютъ длинные и темные вечера, а вмѣстѣ съ ними хандра и скука. Пора подумать о зимѣ. Какъ мы ее проведемъ? Будетъ ли весело? Когда начнется опера? Куда ѣхать и на что смотрѣть? Все это вопросы очень важные; да и мало ли хлопотъ человѣку, которому нечего дѣлать, — а такихъ людей не перечесть.

Но, слава Богу, на этотъ разъ у меня для всей зѣвающей братіи самыя утѣшительныя новости. Такъ, напримѣръ, благодаря безпрерывнымъ стараніямъ Театральной Дирекціи, наша французская труппа на нынѣшнюю зиму еще обогатится нѣсколькими превосходными артистами. Иные уже пріѣхали, другихъ поджидаютъ. Давно ли мы видѣли г-на Варле? Давно ли отдавали справедливость прекрасному дарованію г-на Бертона? А вотъ уже готовятся новые дебюты. На дняхъ мы поговоримъ о г-жѣ Мюра, ученицѣ знаменитаго Самсона; дадимъ отчетъ объ игрѣ г-жи Инесъ; посмотримъ на г-на Удино, который въ амплуа благороднаго отца, безъ всякаго сомнѣнія, съ успѣхомъ замѣнитъ г-на Бернара. Въ то же время мы ожидаемъ появленія г-жи Варле, которая прославилась въ роляхъ субретокъ и крестьянокъ; она ѣдетъ къ намъ изъ Брюсселя, гдѣ нарушила контрактъ съ Дирекціей и заплатила значительную неустойку, для того только, чтобы погостить между нами. А тамъ вернется Брессанъ, и съ нимъ пріѣдетъ знаменитая Плесси, жемчужина всего театральнаго міра, первая, лучшая актриса Парижа. Разумѣется, при такомъ обогащеніи трехъ представленій въ недѣлю мало для французскаго театра, и потому число ихъ, говорятъ, увеличится до пяти. Не правда ли, это утѣшительныя новости, которыя разберутъ у васъ по нѣскольку вечеровъ въ недѣлю?

Мы говорили о Брессанѣ и вспомнили при этомъ, какія забавныя толкованія породила его поѣздка во Францію. Мы сами были свидѣтелями самыхъ наивныхъ разсказовъ; такъ въ нашемъ присутствіи одинъ изъ мнимыхъ пріятелей Брессана докладывалъ, что онъ получилъ отъ него письмо изъ тюрьмы; другой поступилъ еще невѣжливѣе: онъ безъ дальнихъ церемоній увѣрялъ, что Брессанъ убитъ на дуэли, разсказывая притомъ самыя мелкія подробности этого кроваваго происшествія, переданныя ему, по видимому, самымъ покойникомъ. Въ то же время и французскія газеты сообщали разныя новости, по которымъ оказывалось, что Брессанъ останется въ Парижѣ. На дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе; но для объясненія всѣхъ этихъ извѣстій, мы передадимъ нашимъ читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ артистическую біографію этого даровитаго актера.

Брессану еще не было шестнадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на сцену; это было въ 1834 году; онъ дебютировалъ на театрѣ Variétés. Говорятъ, что онъ въ то время былъ такъ молодъ и хорошъ, какъ женщина, а потому онъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ являлся въ роляхъ молоденькихъ пажей, которыя обыкновенно выполняются актрисами. Два года спустя, онъ поѣхалъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ знаменитой Jenny Colon. Здѣсь началась его репутація въ роляхъ первыхъ любовниковъ и, можетъ быть, вліяніе прекрасной актрисы ускорило развитіе его блистательныхъ способностей. По возвращеніи его изъ Лондона, Дирекція Театра Variétés, разсчитывая на дарованіе молодаго актера и вмѣстѣ съ тѣмъ на его неопытность, предложила контрактъ на пять лѣтъ, и при томъ на самыхъ скудныхъ условіяхъ. Неразсчетливый артистъ подписалъ этотъ контрактъ безъ всякаго противорѣчія; и съ этихъ поръ начинается настоящее поприще его блистательныхъ успѣховъ. Въ это время онъ создалъ лучшія роли свои; литераторы съ удовольствіемъ довѣряли его дарованію свои любимыя произведенія; здѣсь Александръ Дюма написалъ для него въ Кинѣ прекрасную роль Le prince de Galles; Дирекція процвѣтала и самый театръ, обладая такимъ актеромъ, принялъ другое, болѣе благородное, направленіе; пошлые, площадные водевили замѣнились піесами высшаго драматическаго разряда, и этимъ преобразованіемъ онъ безъ всякаго сомнѣнія обязанъ Брессану. Все, кажется, было хорошо; только никто не заботился объ участи бѣднаго актера; никто не хлопоталъ о приличномъ вознагражденіи его трудовъ. А между тѣмъ Дирекція французскаго театра, желая пріобрѣсть для себя содѣйствіе такого блистательнаго дарованія, приглашала его къ себѣ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, принимая въ члены свои (sociétaire) со всѣми правами и преимуществами этого званія. Брессанъ съ непростительнымъ легкомысліемъ подписалъ и этотъ контрактъ. Но надобно замѣтить, что онъ не столько увлекался матеріальными выгодами, сколько славою перваго французскаго театра и самолюбіемъ артиста, которому готовится новое блестящее поприще. Отсюда завязался процессъ. Два театра оспаривали другъ у друга даровитаго молодаго актера; побѣда осталась за французскимъ театромъ, который, основываясь на несовершеннолѣтіи Брессана, при содѣйствіи и протекціи министерства внутреннихъ дѣлъ, выигралъ этотъ процессъ. Назначили дебюты; Скрибъ написалъ для этого свою прекрасную комедію la Camaraderie. Но увы! несчастнаго актера не допустили и до дебютовъ. Театръ Variétés, ссылаясь на права старшинства и пользуясь тѣмъ же несовершеннолѣтіемъ Брессана при заключеніи новаго контракта, возобновилъ процессъ и привелъ наконецъ бѣглеца къ повиновенію. Разумѣется, этотъ поступокъ не понравился нашему артисту, и онъ, продолжая восхищать посѣтителей этого театра, поклялся отомстить Дирекціи. Шесть мѣсяцовъ спустя, давали піесу Methias l'Invalide; публика собралась; вотъ уже и время начинать, а занавѣсъ все не поднимается. Партеръ шумитъ; нетерпѣніе возрастаетъ съ каждой минутой; но какъ начинать піесу, когда не достаетъ перваго любовника? Его ищутъ; за нимъ посылаютъ гонца за гонцомъ; директоръ въ отчаяніи — Брессанъ между тѣмъ убѣжалъ въ Россію. По рѣшенію суда, бѣглеца приговорили къ уплатѣ неустойки въ 60,000 франковъ. Съ этихъ поръ Брессанъ принадлежитъ къ составу нашего французскаго театра и, вотъ, уже нѣсколько лѣтъ восхищаетъ насъ своей прекрасной и благородной игрой. Но между тѣмъ нынѣшней весной ему вздумалось побывать на родинѣ; и потому онъ вступилъ въ переписку съ Дирекціей театра Variétés, предлагая ей 10,000 франковъ за прекращеніе процесса, и не дожидаясь рѣшительнаго отвѣта, отправился въ Парижъ. По пріѣздѣ его туда, Дирекція предложила ему прекратить всѣ свои требованія, если онъ согласится подписать новый контрактъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Брессанъ отказался. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другой театръ, Gymnase, сдѣлалъ ему подобныя же предложенія, прося его въ тоже время играть въ продолженіе пребыванія его въ Парижѣ. Но до этого не допустила Дирекція театра Variétés. Самыя же главныя и самыя блистательныя нападенія ожидали Брессана со стороны французскаго театра, который общими силами старался уговорить его вступить на мѣсто знаменитаго Фирмена. Ему дѣлали самыя блистательныя предложенія, принимали въ члены театра, обѣщали всякое содѣйствіе для погашенія процесса; Дюма, который пересталъ — было писать для французскаго театра, предлагалъ ему прекрасную роль въ новой піесѣ, которую онъ только въ этомъ случаѣ и отдавалъ на сцену. Не смотря на всѣ эти соблазнительныя предложенія, Брессанъ не измѣнилъ Россіи, съ которой онъ связанъ контрактомъ до 1849 года. Тогда просили его дать нѣсколько представленій, по крайней мѣрѣ, теперь, во время пребыванія его въ Парижѣ и напередъ заключить контрактъ, начиная съ 1849 года. Но Брессанъ отклонился и отъ этого предложенія; онъ говорилъ, что изъ уваженія къ нашей публикѣ, изъ благодарности къ нашей Театральной Дирекціи, онъ не считаетъ себя въ правѣ располагать собою, безъ ея одобрительнаго позволенія.

Теперь дѣло его рѣшено и онъ приговоренъ къ уплатѣ 20000 франковъ, изъ числа которыхъ онъ обязанъ внести 6000 франковъ теперь; уплата остальныхъ 14000 франковъ разсрочена на 7 лѣтъ.

ЧЕТЫРЕ ПЕРВЫЯ ПРАВИЛА АРИѲМЕТИКИ.

КАРИКАТУРЫ ШАМА.

Изъ множества карикатуръ Шама или Хама (мы за это не споримъ) болѣе другихъ намъ нравятся четыре первыя правила ариѳметики. Помѣщаемъ ихъ въ заключеніе карикатуръ Шама и перейдемъ къ другимъ, между прочими, и къ русскимъ, которыя вмѣстѣ съ другими рисунками гравируются за границей. Такъ какъ въ прилагаемыхъ карикатурахъ остроумное ихъ значеніе заключается на языкѣ, на которомъ онѣ задуманы, то мы оставили и французскія подписи.

Сложеніе (Addition).

Вычитаніе (Soustraction).

Умноженіе (Multiplication).

Дѣленіе (Division).

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ.

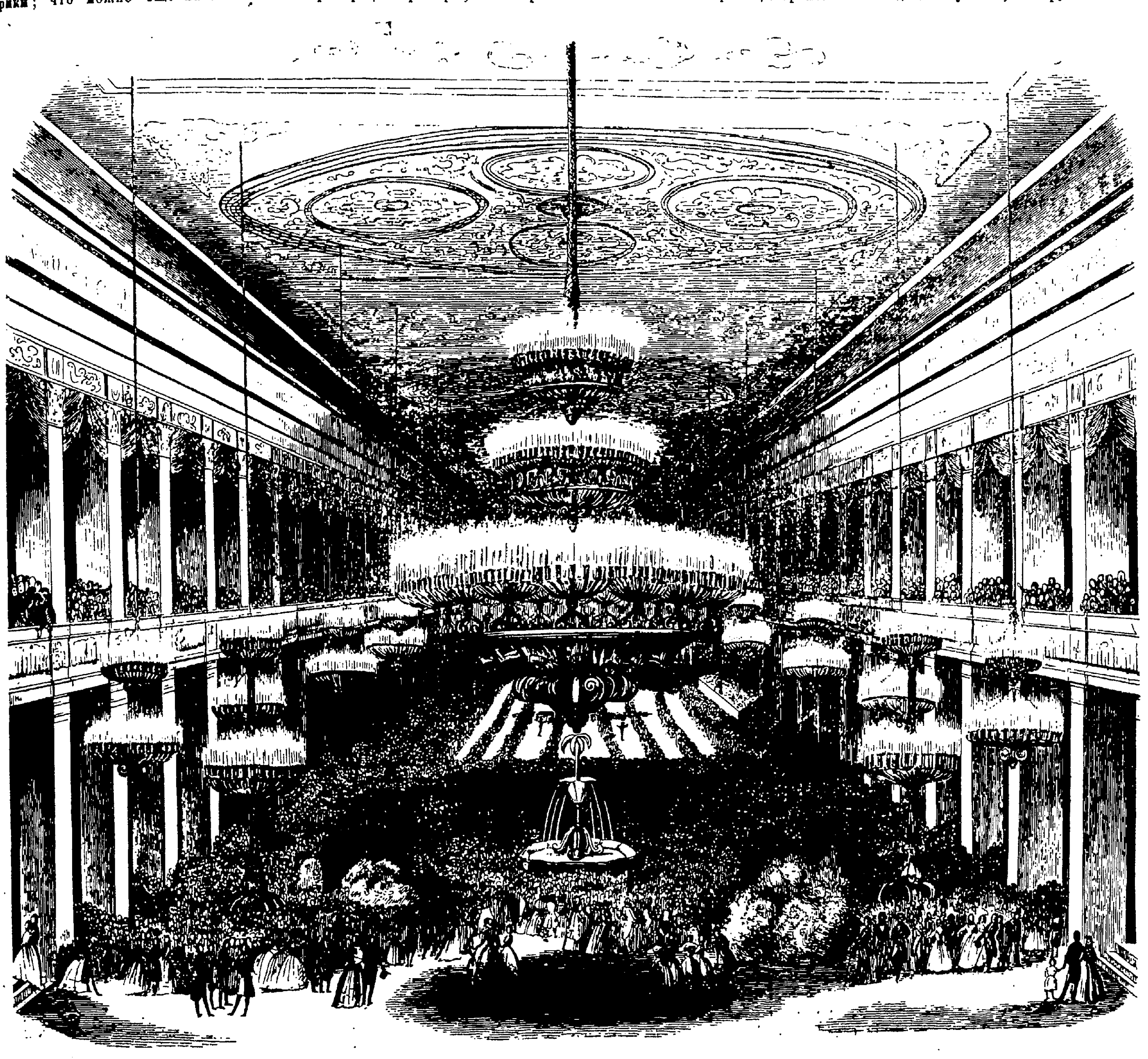
ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Новыя оперы и Мейербееръ. — Л. Мейеръ въ Лондонѣ. — Гисъ. — Памятникъ Лесюеру. — Музыкальныя мелочи. — Орѣхъ. — Симпатія корней и вѣтвей. — Способъ Ирроа, дѣлать зерно зрѣлымъ въ холодное лѣто. — Устрицы. — Новыя зеркала Дрейтона. — Судъ чести. — Пожаръ въ Нью-Іоркѣ. — Градъ въ Мецѣ. — Венгерскіе ученые. — Конкурсъ.

Міръ такъ дивно устроенъ, что въ немъ все старо, а каждый день пропасть новаго. Конечно, если внимательно разобрать всѣ эти новости, окажется, что многое въ нихъ съ просѣдью, только подкрашено, приглажено, причесано и пущено по свѣту въ новомъ костюмѣ. Возьмемъ музыку. Сколько новыхъ оперъ по заглавіямъ, а по существу, ни одной. L'Anneau de Mariette, музыка Е. Готье, парижскаго скрипача, — новая опера, съ просѣдью. Le Ménétrier, комическая опера Скриба и Лабарра — парижскаго арфиста — старина на новый ладъ; Une voix, г. Буланже... это оперный недоросль; судить объ ней строго нельзя; что Богъ дастъ впослѣдствіи; — Линдпанктнеръ пишетъ оперу «Лихтенштейнъ» для новаго театра въ Штутгартѣ... Мейербееръ хранитъ въ своихъ портфейляхъ двѣ огромныя партитуры: Лагерь въ Силезіи и Пророкъ... Сколько оперъ, а все таки ни одной новой! Французскіе журналисты увѣряютъ, что Мейербееръ боится Парижа!! Мы не

Парижская Королевская Академія музыки.

понимаемъ ни страха заслуженнаго композитора, ни гордости французскихъ журналистовъ. По нашему дѣло гораздо проще. Мейербееръ, какъ умный и смѣтливый человѣкъ, увѣренъ, (а не боится), что Парижъ не въ состоянiи ни отдать ему справедливой похвалы за то, что въ его операхъ дѣйствительно хорошо, ни осудить доказательно и справедливо то, что могло бы заслужить осужденіе. Въ первомъ отношеніи, что до похвалы, то Мейербееръ очень хорошо знаетъ, что Парижъ уже истощилъ для него всѣ свои панегирики; что можно еще написать о Мейербеерѣ хорошаго; въ отчаяніи истощенные панегиристы, одной новости ради, бросаются въ другую сторону, и въ этомъ отношеніи будутъ еще несправедливѣе, потому что хулить легче. Слѣдственно не страхъ, а разсчетъ руководитъ Мейербеера. Да ему, какъ угодно, и больше чести и больше удовольствія пользоваться почетнымъ первенствомъ между германскими композиторами; играть роль главы германской музыки, артиста-мецената; чествовать германскія знаменитости и тѣмъ возвышать собственное значеніе. 26-го іюля н. ст., напримѣръ, въ Берлинѣ была дана въ первый разъ новая опера Шпора «Крестоносецъ».—Самъ композиторъ дирижировалъ. Успѣхъ колоссальный... Мейербееръ тотчасъ распорядился и въ зимнемъ саду короля устроилъ въ честь Шпора великолѣпное пиршество. Нечего спорить, Мейербееръ умѣетъ быть первымъ въ Германіи, а въ Парижѣ его поставятъ въ ровень съ Галеви, Адамомъ, Буланже, о Берліозѣ ужъ и говорить нечего. Да и на что Парижу Мейербееръ? Тамъ и безъ того такъ много геніевъ, что и не умѣстятся на тѣсномъ театрѣ французской оперы, или Королевской Академіи Музыки, которую ломаютъ



ежегодно, составляютъ новые планы для новаго театра ежегодно, а старенькая Академія живетъ себѣ, да живетъ донынѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ ее усмотрѣть изволите на приложенной гравюрѣ. Мы уже имѣли случай сообщить нашимъ читателямъ и проэктъ новой Академіи, и имена новыхъ ея геніевъ...

. Говоря о музыкѣ, кстати сообщимъ извѣстія о петербургскихъ нашихъ знакомцахъ: Леопольдъ ф. Мейеръ въ Лондонѣ, fa furore. Не знаемъ, что вы думаете о Леопольдѣ Мейерѣ, не знаемъ, что подумаете о Лондонѣ? — Другой нашъ знакомецъ, скрипачъ Гисъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ ожидаютъ его концертовъ не безъ удовольствія...

. Музыка вездѣ въ чести, и справедливо; но музыканты и композиторы не вездѣ въ должномъ почетѣ, и ужъ наименѣе въ Парижѣ. . Вспомнимъ, какъ эти обожатели таланта Берліоза, музыкальнаго и словеснаго вкупѣ, эти поклонники Адама и Галеви — преслѣдовали, мучили и замучили Лессюера, современнаго знаменитому и также непризнанному, также загнанному французскому Рафаэлю. Вспомните, (но кто это вспомнитъ?) превосходную оперу Лесюера la Caverne... Но это было такъ давно... Онъ родился близъ Абевилля въ 1763 году; былъ професоромъ и инспекторомъ Консерваторіи. Умеръ въ 1837 году... Теперь только сограждане помянули добромъ земляка и открыли подписку на памятникъ; увы! можетъ быть, больше для того, что-бы украсить свой городокъ, они отыскали и у себя знаменитость, предлога ради...

. Италіянская опера въ Вѣнѣ, въ этомъ году окончила свои представленія 1 іюля н. ст. Концы съ концами сведены, но плохо; присутствіе Донизетти и участіе хорошихъ талантовъ не помогло; не будемъ входить въ причины подобныхъ неуспѣховъ; намъ хорошо: у насъ лучшая опера въ мірѣ; намъ завидовать нѣкому; мы даже не удивляемся превосходной Вѣнской залѣ (Одеонъ), съ которой прилагаемъ гравюру для любопытныхъ.— И этимъ заключимъ нашъ музыкальный отчетъ. Мелочи музыкальнаго міра, напримѣръ о празднествахъ германскихъ пѣвцовъ, о томъ, кого ангажировалъ къ своему вѣнскому театру расторопный директоръ о томъ, что Мендельсонъ Бартольди переѣхалъ на жительство въ Лейпцигъ,—всѣ эти и подобныя мелочи для васъ незанимательны. Ихъ каждый день множество, и вы ихъ читаете урывками въ ежедневныхъ газе-

тахъ... Оставимъ города и городскія увеселенія; пойдемъ въ лѣсъ...

⁂ Заберемся въ этотъ густой орѣшникъ, гдѣ теперь русскій народъ занимается приготовленіемъ себѣ на зиму любимаго лакомства. Не знаемъ, есть ли у насъ на Руси такое мнѣніе, будто подъ тѣнью орѣшника сидѣть вредно. Во Франціи, напротивъ, положительно думали, что листья этого растенія отдѣляютъ въ избыткѣ угольную кислоту и тѣмъ вредятъ здоровью, почему, по окончаніи сбора орѣховъ, очищали землю отъ упавшихъ листьевъ, и что еще удивительнѣе, агрономы остерегались употреблять воду, если она протекала подъ тѣнью орѣховыхъ деревъ. Г. Гомбръ-Фирма опытами опровергъ эту мысль и, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ злокачественныя свойства растенія останутся только въ преданіи.

⁂ Г. Жеберъ имѣлъ случай убѣдиться положительно, что между корнями и вѣтвями дерева странная симпатія; каждой вѣткѣ соотвѣтствуетъ и корень, не только ростомъ, но и направленіемъ: куда вѣтвь направляется, туда навѣрно идетъ и ея корень. Въ этомъ году г. Жуберъ вынулъ изъ земли нѣсколько молодыхъ дубовъ, лѣтъ въ тридцать. Они стояли на поверхности земли, которая шла ровно и потомъ круто наклонялась къ ручью; вѣтви дубовъ шли точно также: сначала шли прямо, потомъ вдругъ наклонились; въ корняхъ то же направленіе. Дружба корней и вѣтвей — можетъ сравниться только съ дружбой Ореста и Пилата. Засохнетъ вѣтвь, вы можете быть увѣрены, что и въ землѣ между корнями есть мертвецъ. Найдите корень, повредите его и вѣтвь его засохнетъ, или захвораетъ, смотря по тому, что случится съ поврежденнымъ корнемъ.

⁂ Г. Ирроа описываетъ способъ, посредствомъ котораго въ 1816 году онъ спасъ свою жатву отъ погибели, и думаетъ, что этотъ способъ можетъ быть удобно примѣненъ вообще къ хлѣбамъ на полѣ, если холодное и дождливое лѣто не дозволяетъ зерну дозрѣть на пажити какъ слѣдуетъ. Этотъ способъ заключается въ томъ, чтобы колосья во время жатвы срѣзывать коротко со стеблей, класть ихъ въ мѣшки и ставить минутъ на 20, не больше, въ печь въ коей температура должна имѣть отъ 40 до 50 градусовъ жару, Г. Ирроа предлагаетъ и снарядъ для быстраго срѣзыванія колосьевъ; орудіе весьма простое; работы отъ того прибавляется не много. Г. Ирроа увѣряетъ, что зерно, такимъ образомъ приготовленное, ничѣмъ не уступаетъ зерну зрѣлому, собранному въ обыкновенное лѣто.

⁂ Не наше дѣло защищать или опровергать предложеніе г. Ирроа; хозяева могутъ сдѣлать опыты въ маломъ видѣ и убѣдиться и убѣдить другихъ въ дѣйствительности предлагаемаго способа. Это извѣстіе притомъ можетъ быть только любопытно для провинціи; въ Петербургѣ всегда хлѣба много; зерно всегда зрѣлое и всегда дешево; вотъ устрицы, дѣло иное; курсъ на нихъ чрезвычайно не равенъ; цѣны на нихъ какъ ртуть въ непостоянную погоду, то падаютъ, то возвышаются съ необыкновенною быстртоою. Любители устрицъ! Вы не знаете, не подозрѣваете, какое ужасное несчастіе вамъ угрожаетъ. Вы вѣрите натуралистамъ-лавочникамъ, будто устрицъ на свѣтѣ такое множество, что ихъ станетъ до скончанія свѣта, хотя бы всѣ классы народа рѣшились ихъ ѣсть, какъ вы ихъ кушаете, почтенный любитель. Позвольте васъ разувѣрить. Устерсы или устрицы (послѣднее, по нашему, правильнѣе) живутъ на каменистыхъ и песчаныхъ берегахъ моря. Ихъ раздѣляютъ на горныхъ, песочныхъ и живущихъ въ мѣстахъ глинистыхъ. Первыя лучше, въ особенности, если имѣютъ жительство на мѣстахъ возвышенныхъ, куда море заходитъ въ своихъ приливахъ. Лучшія: — въ Голландіи зееландскія, въ Англіи кольгестерскія, въ Даніи — фленсбургскія, въ Италіи тріесткія и венеціанскія (арсенальныя) и др. Онѣ питаются иломъ, глиной, морскими растеніями и червяками; самыя лучшія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приливъ два раза въ день приноситъ имъ свѣжую пищу. Весной въ раковинахъ появляются яйца и вслѣдъ за тѣмъ дѣтеныши, которые тотчасъ пристроиваются къ твердымъ тѣламъ и тамъ проживаютъ постоянно, развѣ враждебный случай сшибетъ ихъ съ мѣста. По третьему только году молоды устрицы производятъ слѣдующее поколѣніе; но тогда уже съ ужасною быстротою плодятся милліонами на нѣкоторыхъ мѣстахъ, и эти мѣста называются устричными банками или отмѣлями. Во время отлива промышленники собираютъ ихъ безъ всякой церемоніи руками. Впрочемъ ловятъ ихъ сѣтями, желѣзными орудіями и т. д. Эти то промышленники совершенно опустошили нѣкоторыя банки, особенно во Франціи, такъ что друзья устрицъ на главу враговъ призываютъ силу законовъ; требуютъ, чтобы палаты занялись устрицами также прилѣжно, какъ занимались дичью, и положили конецъ опустошеніямъ банокъ, угрожающимъ совершеннымъ истребленіемъ устрицъ на берегахъ Франціи. Потребленіе устрицъ возрастаетъ постепенно; желѣзныя дороги еще болѣе облегчатъ истребленіе этого несчастнаго и беззащитнаго народа; надо сдѣлать тоже, что заводится въ лѣсоводствѣ, устроить правильную очередную ловлю, и даже развести устрицы искуственнымъ образомъ на тѣхъ банкахъ, гдѣ ихъ промыселъ уже извелъ до тла. Для этого надо изучить нравы и обычаи устрицъ, мѣста, гдѣ онѣ любятъ жить, обстоятельства благопріятствующія и противныя ихъ размноженію. Нѣкто, г. Карбонель, истинный другъ и покровитель устрицъ, изучилъ ихъ совершенно и, желая какъ можно чаще съ ними заниматься, устроилъ у себя неистощимые искуственные банки. Ни у кого на свѣтѣ нѣтъ такого множества друзей, какъ у г. Карбонеля. Устрицы донесли своему протектору, что злонамѣренные враги ихъ увѣрили свѣтъ, что прѣсная вода не только вредна имъ, устрицамъ, но и тѣмъ, которые ихъ ѣдятъ, Г. Карбонель далъ своимъ друзьямъ прѣсной воды, и нашелъ, что распущенные слухи совершенная клевета и что друзья его стали отъ прѣсной воды гораздо здоровѣе и пріятнѣе. Но, что странно, г. Карбонель замѣчалъ, что въ бассейнахъ, гдѣ проживаютъ устрицы, не должно часто перемѣнять воды; устрицы народъ совершенно степенный и частыхъ перемѣнъ не любитъ. — И такъ, любители устрицъ, вы видите зло неизбѣжное. Родъ устрицъ умаляется... Есть средства спасти и ихъ и васъ. но для того нужно сильныхъ правительственныхъ мѣръ; а пока — промышленники опустошатъ всѣ моря, обливающія всю Европу и всѣхъ устрицъ.

⁂ Впрочемъ, какъ ни разводи устрицъ, онѣ постоянно будутъ болѣе и болѣе возвышаться въ цѣнѣ отъ умноженія числа потребителей; это законъ для всѣхъ предметовъ роскоши. Зеркала, напримѣръ, хотя и выдѣлываются гораздо въ значительнѣйшемъ противу прежняго числѣ, а понизились ли на нихъ цѣны? Едвали! Теперь эти цѣны, можетъ быть, еще болѣе подымутся, потому что англійскій химикъ Дрейтонъ открылъ способъ вмѣсто обыкновенной, амальгамы, покрывать зеркальное стекло слоемъ серебра. Чистотою отраженія — эти зеркала далеко превосходятъ всѣ прежнія... Кромѣ того новый способъ имѣетъ и другія преимущества. При обыкновенномъ амальпрованіи случаются на стеклѣ неровности и проталинки, замѣтныя, въ лучшихъ зеркалахъ. Вліяніе солнца, а еще болѣе сырость портитъ накладку. Наконецъ ртуть во время изготовленія зеркалъ оказываетъ гибельное дѣйствіе на работниковъ. Серебрянная накладка, покрытая особеннымъ лакомъ, не заключаетъ ни одного изъ этихъ неудобствъ, а зеркала будутъ лучше, и дороже, хотя защитники новаго способа и тутъ обѣщаютъ экономію. Послѣдняго мы не понимаемъ.

⁂ Дуэли между германскимъ студенствомъ надоѣли самимъ героямъ чести. Они убѣдились въ глупости и несовершенности началъ поединка, приличнаго для временъ варварскихъ и темныхъ. Въ Бреславлѣ, съ дозволенія сената, образовалось новое учрежденіе — Судъ Чести или не знаемъ, какъ вы лучше переведете Ehrengericht. Этотъ судъ будетъ разбирать тяжбы, которые до сего рѣшались поединкомъ. Забавное лекарство отъ забавнаго недуга; но можетъ быть, оно будетъ имѣть цѣлебное нравственное дѣйствіе, можетъ быть, — потому что поединки — послѣдствіе раздраженія страстей, слѣдственно такого состоянія духа, которое всегда граничитъ съ безуміемъ, если само уже небезуміе. Послѣдствія учрежденія весьма любопытны... И сколько уже противу этого зла придумывало сильныхъ, странныхъ средствъ; увы; сколько на свѣтѣ гасильныхъ снарядовъ, а пожары не прекращаются...

⁂ Давно ли мы увѣдомляли нашихъ читателей о пожарахъ въ Квебекѣ, Троицкосавскѣ и др. мѣстахъ. Теперь должны донести объ ужасномъ пожарѣ, поглотившемъ значительную часть Нью Іорка. 19 Іюля, въ три часа утра, всталъ огонь и обнялъ самую великолѣпную часть города; триста зданій погибло. Потеря простирается до 30 мил. р. асс. По больше всего пострадали страховыя общества, изъ которыхъ многія теряютъ весь свой капиталъ а оно можетъ заплатить только 90 за сто!

⁂ И несчастія и бѣдствія бываютъ иногда оригинальны и забавны. Въ Мецѣ недавно выпалъ градъ, самой странной, или лучше сказать самыхъ странныхъ формъ, наподобіе раковинъ съ хвостами и наростами и такой чистый, что сквозь градину можно было читать письмена какъ сквозь простое стекло.

⁂ Въ городскомъ архивѣ, въ Аугсбургѣ открыли рѣдкость, которая стоитъ мецскаго града. Это рукопись на пергаментѣ съ 20 печатями. Въ ней найдены: присяга Геца фонъ Берлихингенъ, полное собраніе актовъ Швабскаго Союза и собственноручныя писанія Лютера, Меланхтона и другихъ замѣчательныхъ лицъ того вѣка.

⁂ О Франціи, Англіи, Германіи, даже Италіи всегда можно прочесть что либо въ ежедневныхъ газетахъ. По заведенному порядку, вы впередъ знаете, въ какой послѣдовательности предъ глаза ваши предстанутъ такъ называемыя новости заграничныя. О Венгріи едва и вамъ, что случается прочесть, тогда какъ Венгрія въ настоящее время весьма занимательное государство. До политики намъ нѣтъ дѣла; но что до просвѣщенія, не можетъ не замѣтить, что въ этомъ углу Европы въ короткое время произошла сильная, коренная перемѣна: латинскій языкъ — палъ не только въ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ, но и въ училищахъ. Этотъ шагъ слишкомъ важенъ. Уже Венгрія въ короткое время обнаружила высокія свои способности и по ученой части. Два молодые Венгерца обратили на себя вниманіе ученаго міра. Это Антонъ Регули и Іоаннъ Іерней. Первый предался изслѣдованію нарѣчій и нравовъ западныхъ и восточныхъ Финновъ, чтобы рѣшить соплеменность своего народа съ Финнами. Для того онъ посѣтилъ Финляндію, Петербургъ, отправился въ Азію изучать Монголовъ, собралъ ихъ лексиконъ и пѣсни, перешелъ къ Остякамъ, изучилъ ихъ языкъ, сказанія и пѣсни. Регули намѣревается привести свои матеріалы въ порядокъ — въ Петербургѣ. Въ Пестѣ учредилось особое общество для вспомоществованія этому ученому. Іерней избралъ поприщемъ своихъ этнографическихъ и филологическихъ трудовъ — Молдавію и Валахію, гдѣ проживаетъ около 100,000 Кумановъ чистаго племени.

⁂ Въ заключеніе и для полноты нашего странствованія упомянемъ мы о конкурсѣ, объявленномъ въ журналахъ иностранныхъ и нашихъ: предлагаютъ тысячу фунтовъ стерлинговъ за лучшую картину изображающую Крещеніе Іисуса Христа въ Іорданѣ... И кажется, объ этомъ конкурсѣ довольно! Въ немъ столько таинственности и важности, что не безъ сомнѣнія мы читали объявленія о немъ въ заграничнѣхъ журналахъ. Мы увѣрены, что русскіе художники не примутъ въ немъ участія. Для лучшихъ и цѣна не значительна и безъ того много дѣла; а слабѣйшіе устрашатся состязанія съ заграничными артистами, хотя бы и повѣрили подлинности объявленія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Загородная жизнь. — Г-жа Плесси, г. Арну и Французскіе журналы. — Ошибки. — Торговое Депо. — Штетинское Почтовое Пароходство. — Пароходъ Днѣстръ. — Желѣзно-конная дорога. — Почтовое сообщеніе между Москвою и Харьковомъ. — Пожаръ въ Ярославлѣ. — Саратовскія Губернскія Вѣдомости. — Саратовскія новости. — Ольга, опера г. Бернара.

ѣто ушло, не только дѣломъ, но и самымъ именемъ. Сентябрь! — Нахмурился Петербургъ пуще лѣтняго. Дождь и ведро будто карты въ фараонѣ перепадаютъ очередно; жители дачъ одни уже въ Петербургѣ, другіе безъ шутокъ укладываются и съѣзжаютъ въ городъ. Изо всѣхъ загородныхъ мѣстъ долѣе всего любители природы проживаютъ въ Павловскѣ. И не удивительно: дома, строенные для зимней жизни, могутъ защитить отъ ранней осенней стужи; музыка до 15 сентября; удобство сообщенія тоже, что и лѣтомъ, такъ что же можетъ препятствовать любителямъ природы продлить хотя бы и мнимое удовольствіе. Все-таки удовольствіе — удовольствіе и любители природы — правы. Но не забудьте, любители природы, что кромѣ желтыхъ листьевъ и сѣраго неба, надо непремѣнно любить и музыку, и театръ, и художества. Не заживайтесь на дачахъ. Художественная выставка и опера Италіянская у порога. Вспомните, что надо готовить костюмы для каждаго понедѣльника, середы и пятницы, а если вы не довольствуетесь оперою, то для вторника и четверга, потому что французскій театръ вѣроятно въ этомъ году оживится, а ужъ это быть не можетъ, чтобы вы не любили французскаго театра. Подражайте въ этомъ отношеніи другимъ любителямъ природы. На дачѣ графа А. Г. Кушелева-Безбородко жители окрестныхъ дачъ простились съ загородной природой, богоугоднымъ праздникомъ съ лотереей, для учрежденія при цѣлебномъ источникѣ въ Полюстровѣ не большой больницы для бѣдныхъ. Тутъ мы должны замѣтить, что эта лотерея была не на Кушелевкѣ, какъ нѣкоторыя газеты объявили, а на дачѣ Безбородкинской. Первая на Спасской Мызѣ, вторая у Полюстрова. Еще замѣтимъ, что Германнъ игралъ прошлогодній вальсъ по желанію нѣкоторыхъ любителей, что репертуаръ Германна гораздо обширнѣе другихъ репертуаровъ, а ужъ о исполненіи и говорить нечего. Пишемъ не потому чтобы обнаруживать чужія ошибки, но для того, чтобы не ввести въ заблужденіе довѣрчивыхъ читателей и защитить Германна отъ несправедливаго и незаслуженнаго обвиненія. Возвратимся къ любителямъ природы. Всякій куликъ свое болото хвалитъ. Мы никого не упрекаемъ, зачѣмъ онъ живетъ въ Рыбацкой или на Крестовскомъ, а не въ Павловкѣ, Царскомъ, Петергофѣ. Каждому нравится то, что ему нравится, и въ этомъ онъ не обязанъ никому отчетомъ. Всѣ загородныя дачныя мѣста равны, лишь бы жилось весело и покойно. Намъ больше другихъ мѣстъ нравилось Парголово, помѣстоположенію и воздуху; и тамъ въ этомъ году было болѣе жизни и движенія по милости Спаскихъ Дилижансовъ, облегчившихъ сообщеніе съ Петербургомъ; и тамъ любители природы распрощались своевременно съ своею любимицей баломъ, который за недостаткомъ другаго помѣщенія, данъ былъ въ манежѣ... Кругомъ по всѣмъ дачнымъ мѣстамъ сгорѣли прощальные фейерверки, хоромъ возглашали любители природы лѣту конецъ — и теперь уже большею частію сидятъ въ Петербургѣ и распрашиваютъ экспертовъ про театръ, выставку и т. д. — Эксперты разсказываютъ, ошибаются, вводятъ другихъ въ ошибку, но ужъ вѣрно никто не разсказалъ ничего подобнаго тому, что напечатано въ одномъ Французскомъ журналѣ.

⁂ Дѣло идетъ о г-жѣ Плесси. Журналъ увѣряетъ, что въ Петербургѣ г-жѣ Плесси назначено 45,000 франковъ ежегоднаго жалованія на 10 лѣтъ, кромѣ бенефисовъ, подъемныхъ денегъ и т. д., что г-жа Плесси ушла въ Лондонъ за тѣмъ, чтобы тамъ выдти замужъ за г. Арну, автора многихъ романовъ и театральныхъ піэсъ. Г. Арну пріѣхалъ въ Лондонъ, но, увы! тамъ состоялось новое постановленіе, по которому пришельцевъ нельзя сочетать бракомъ иначе, какъ послѣ шести недѣльнаго ихъ пребыванія въ предѣлахъ трехъ королевствъ. Нечего дѣлать. Г-жа Плесси и г. Арну сидятъ у моря и ждутъ погоды. Все это ничего, мы уже привыкли къ подобнымъ романамъ: но вотъ что забавно и мы не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями этой смѣшной выходкой французскаго журнала; по словамъ г. Питръ-Шевалье, сочинителя этой статьи. «Г. Арну впередъ уже назначенъ режиссеромъ императорскаго театра, что ему доставляетъ мундиръ и чинъ маіора, потому что въ Россіи — всѣ военные, авторы и актеры. Рубини теперь уже полковникъ кавалеріи; Алланъ батальонный камандиръ, Доде капитанъ, Брессанъ поручикъ и т. д....» Послѣ этого можно-ли удивляться всѣмъ нелѣпостямъ, которыя про насъ сочиняютъ французскіе писатели!

⁂ О г-жѣ Плесси тма извѣстій и толковъ. Бѣгство ея изъ Парижа надѣлало много шума во всей Европѣ; въ Петербургѣ увѣряли не только, что она пріѣхала, но что уже ее видѣли, слышали, восхищались ея любезностію и красотою. Иллюстрація введена была въ заблужденіе и неосторожно повторила несправедливый городской слухъ, но сама же объявила о своей ошибкѣ, что будетъ и впередъ дѣлать, если бы случилось впасть ей въ какую нибудь погрѣшность, или что либо не досмотрѣть. Дѣльныя замѣчанія она всегда приметъ съ благодарностію, какъ скоро будетъ въ нихъ видѣть благое намѣреніе. Вотъ и доказательство на лицо. Въ Еженедѣльникѣ 20-го нумера мы сказали вмѣстѣ съ Референтомъ Одесскаго Вѣстника, что учрежденіе благороднаго пансіона въ Кишеневѣ — *духовнымъ лицемъ — сделали* не первый примѣръ въ Россіи. Въ 194 No Сѣв. Пчелы, Г. Н. Т—ъ помѣстилъ замѣтку, что другой благородный пансіонъ, содержимый священникомъ Полянскимъ, нѣсколько лѣтъ уже существуетъ въ Петербургѣ. О книгахъ, изданныхъ О. Полянскимъ — мы знали, но о благородномъ пансіонѣ не вѣдали. Теперь и вѣдаемъ, что въ Россіи благородныхъ пансіоновъ, содержимыхъ духовными лицами — два, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Кишиневѣ. Дай, Господи, опять ошибиться и поправлять нашу ошибку не одинъ, не два, а двѣсти кратъ, и каждый разъ благодарить тѣхъ, которые намъ укажутъ нашу невольную ошибку также искренно, какъ теперь благодаримъ Г. Н. Т—а. Такія замѣчанія должны бы мы всѣ редакторы дѣлать одинъ другому, sine irâ et studio, просто, откровенно, безъ насмѣшекъ, безъ шутокъ, безъ колкостей, наконецъ; потому что все это надоѣдаетъ публикѣ и унижаетъ литературу. Вѣроятно, читатели помнятъ, какими возгласами и восклицаніями сопроводили въ одной газетѣ нашу ошибку о г-жѣ Плесси, и вслѣдъ за тѣмъ въ той же газетѣ описали серенаду бывшую въ Павловскѣ, которой во все не было, потому что помѣшала погода.

⁂ Богъ съ ними! Мы иногда упоминаемъ о нашихъ противникахъ для того только, чтобы молчаніе не было принято за согласіе, а правду молвить, говорить о нихъ не имѣемъ ни какой охоты; обратимся лучше къ предметамъ болѣе занимательнымъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ имѣетъ образоваться Торговое Депо, или по просту, Коммиссіонерство для продажи всѣхъ и всякихъ товаровъ, съ платежемъ за коммисію по 2°. — Трудно теперь рѣшить какую пользу принесетъ это учрежденіе, какъ оно само двинется и т. д. Начинаніе доброе, слѣдственно, должно желать ему успѣха и содѣйствовать его ходу. Ожидаемъ подробнѣйшихъ свѣдѣній. На данныхъ, напечанныхъ въ газетахъ, не можемъ основать никакого сужденія.

⁂ Обозрѣвая всѣ мѣры, которыя предпринимаются къ облегченію сообщенія столицъ и губернскихъ городовъ между собою, а равно и съ чужими странами, мы съ удовольствіемъ видимъ по этой отрасли важныя и полезныя учрежденія. Штетинское почтовое пароходство на дняхъ откроется. Прусскій Пароходъ Орелъ уже долженъ быть въ Кронштатѣ, по разсчету времени. Въ ближайшихъ нумерахъ Иллюстраціи будетъ помѣщено внутреннее расположеніе парохода, для удобства намѣревающихся на немъ отправиться за границу.

⁂ Въ Одессѣ 3-го августа спущенъ на воду желѣзный пороходъ Днѣстръ, назначаемый для усиленія пароходства по соименной ему рѣкѣ. Для того въ Одессѣ впервые устроенъ стапель, на которомъ сложатъ и спустятъ на воду землечерпательную машину для очистки входа въ Днѣстръ и днѣстровскій Лиманъ и дунайскихъ гирлъ.

⁂ Желѣзно-конная дорога между Волгою и Дономъ, также должна быть окончена въ этомъ году; для чего Высочайше дозволено выпустить прибавочныхъ акцій на 60 т. р. с.: теперь на 40 т., а въ случаѣ надобности и еще на 20 т. р. с.

⁂ Кто ѣздитъ по Россіи, особенно по внутреннимъ губерніямъ, тотъ вѣрно поймetъ всю важность контракта, заключеннаго почтовымъ вѣдомствомъ съ отставнымъ штабъ-ротмистромъ Студзинскимъ на 10 лѣтъ, по которому отъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ и Курскъ до Харькова все должно измѣниться по этому важному почтовому тракту. Контрактъ этотъ по всѣмъ статьямъ почтоваго сообщенія обѣщаетъ важныя улучшенія и строгій порядокъ. Не говоримъ уже о томъ, что теперь можно будетъ ѣхать смѣло и разсчитывать вѣрно, куда когда пріѣдешь: потому что лошадей вездѣ будетъ вдоволь и просиживать на станціяхъ по цѣлымъ суткамъ не будетъ надобности. Но что важно, такъ это принятая г. Студзинскимъ на себя обязанность завести по всѣмъ станціямъ этого тракта брички на желѣзныхъ осяхъ и порядочныя крытыя сани. Брички пойдутъ съ 1-го мая, а въ теченіе трехъ лѣтъ, а можетъ быть и раньше, будутъ заведены рессорные экипажи, коляски и кареты!! Гляди на пространство, лежащее между Москвою и Харьковомъ, по истинѣ можно сказать, что это предпріятіе гигантскій шагъ, отъ котораго многое пойдетъ впередъ быстро. Изъ контракта сего можно заключить, что по всему тракту будутъ выстроены казенные станціонные дома или наняты удобныя для станціи помѣщенія, а г. Студзинскій намѣревается озаботиться о прокормленіи пассажировъ, которые, надо правду говорить, не рѣдко за одну станцію до губернскаго города не могли доставать не только порядочной, но и никакой пищи! А вѣдь у насъ отъ города до города надо иногда проѣхать цѣлое королевство. Желательно, чтобы успѣхъ этого предпріятія распространилъ полезное учрежденіе и на другіе тракты.

⁂ Ярославь въ прошедшемъ мѣсяцѣ подвергся большой опасности. На большой мануфактурѣ Гг. Яковлевыхъ поднялся пожаръ 18 іюля, въ 1 часъ по полудни и, распространился весьма быстро; но дѣятельностію тамошняго полиціймейстера, подполковника Николева, прекращенъ довольно удачно. Сгорѣло нѣсколько строеній, принадлежащихъ мануфактурѣ, и обывательскихъ домовъ, по объясненію управляющаго, мануфактура понесла убытка на 600,000 р. асс. Потеря обывателей простирается не болѣе какъ на 7 т. р. асс. Самое пожертвованіе г. Николева заслуживаетъ извѣстности и общаго признательнаго вниманія. Въ самомъ разгарѣ г. Николевъ услышалъ крикъ; кричали посторонніе зрители, что въ зданіи, обхваченномъ пламенемъ, гибнутъ люди; вслѣдъ за тѣмъ онъ увидѣлъ самъ въ огнѣ человѣка, бросился туда и вытащилъ мѣщанина Гусева; Гусевъ

обожженъ, ушибся, но живъ; а г. Николевъ, спасая Гусева, обжегъ оба уха.

*** Мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ читаемъ Саратовскія Губернскія Вѣдомости. Въ каждомъ нумерѣ находимъ что либо любопытное, мѣстное, а въ 30-мъ есть даже родъ фельетона съ мѣстнымъ интересомъ; это отвѣтъ на письмо полученное Редакторомъ отъ саратовскаго помѣщика. Отвѣтъ написанъ просто, но доказательно. г. Редакторъ весьма вѣжливо изложилъ деревенскому жителю его обязанности; доказалъ, что въ глуши даже скучать *нельзя, не должно*; что *для* дѣятельности сельскаго жителя поприще безмѣрное, полезное и почетное.—Соглашаясь съ своимъ корреспондентомъ, что иногда деревенскіе гости хуже татаръ, онъ предлагаетъ отъ нихъ средство, которое онъ самъ испыталъ съ успѣхомъ.—Это — читать гостямъ книги самыя отвлеченныя, трансцендентальныя, отъ которыхъ бросить, ихъ въ потъ или найдетъ сонъ. — Можетъ быть и удалось выжить такими мѣрами иныхъ гостей, но есть и такіе, которые чѣмъ меньше понимаютъ, тѣмъ больше восхищаются.

*** Въ Саратовѣ и кромѣ губернскихъ вѣдомостей, есть любопытныя новости: во-первыхъ, приступаютъ къ устройству другаго водопровода на разстояніи 12 верстъ, отъ чего ожидаютъ важныхъ для города послѣдствій; во-вторыхъ, въ одномъ лѣсу червь съ весны изволилъ поѣсть листъ; въ іюлѣ деревья покрылись новою прекрасною зеленью.

*** Послѣдняя новость, которою для заключенія хотимъ подѣлиться съ читателями — есть новая опера, русская, оригинальная, въ 3 актахъ, музыка г. Бернара. Репетиціи приближаются къ концу и, какъ слышно, 10 сентября назначено первое представленіе оперы на Александринскомъ Театрѣ. Сюжетъ заимствованъ изъ анекдота, послужившаго канвою піесѣ Параша Сибирячка. Названіе оперы—Ольга, дочь изгнанника. Персонажъ —слѣдующій: Неизвѣстный — г. Петровъ. Жена его—г-жа Каратыгина м. Ольга дочь ихъ — г-жа Степанова, Александръ женихъ Ольги—г. Леоновъ Прохожій—г. Артемовскій, Маша, подруга Ольги—г-жа Лилѣева. И такъ нашъ театрально-музыкальный годъ откроется оригинальною оперою. Но будетъ ли она предтечей другихъ оригинальныхъ оперъ?

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

МОЗЖЕВЕЛОВОЙ ОТВАРЪ.

При нынѣшнихъ часто случающихся падежахъ рогатаго скота, коровы не столько отъ скуднаго и не хорошаго теперешняго корма, столько отъ неизвѣстной причины, предполагаемой впрочемъ въ водянистомъ лѣтнемъ и осеннемъ кормѣ, а не отъ какой либо заразительной болѣзни получаютъ слабость въ ногахъ, въ родѣ водяной болѣзни, отъ чего, не будучи совершенно худы тѣломъ, не могутъ вставать, теряютъ позывъ на пищу, и черезъ нѣсколько времени издыхаютъ. Нѣкоторые хозяева помогаютъ въ такомъ случаѣ отваромъ изъ *можжевельника*, (juniperus communis), почти во всей Псковской губерніи называемаго вересомъ. Для сего надобно, нарубивъ можжевеловыхъ кустовъ, искрошить ихъ величиною въ вершокъ, (не много болѣе или менѣе, разности не составляетъ), сварить въ горшкахъ или котлахъ, преимущественно чугунныхъ или мѣдныхъ, хорошо вылуженныхъ, и, простудивъ этотъ отваръ, поить имъ коровъ. Этимъ способомъ, какъ я слышалъ отъ одного сельскаго священника, многія коровы были спасены, если не страдали другою болѣзнію. Примѣшивать къ корму соль не мѣшаетъ дѣйствію отвара, но въ самый отваръ соли класть не должно. Отваръ этотъ долженъ быть ни густъ ни рѣдокъ. Впрочемъ излишняя густота, при доставкѣ можжевельника, не почитается вредною, но еще, особенно если вересовые кусты съ ягодами, доставляетъ и питательность; слишкомъ рѣдкій отваръ дѣйствуетъ медленнѣе, и его можно употреблять только въ случаѣ недостатка можжевельника, или при большомъ количествѣ скота. Не мѣшаетъ поить имъ скотину и въ такомъ случаѣ, когда она мало стоитъ на ногахъ. Какъ бы то ни было, отваръ можжевельника, полезный для людей въ ломотѣ членовъ, особенно ногъ, какъ въ ваннахъ, такъ и въ декоктѣ, и весьма пріятный, изъ *одныхъ* ягодъ, въ такъ называемомъ *вересовомъ* пивѣ или медѣ, ни въ какомъ почти случаѣ, не можетъ быть вреденъ для рогатаго скота. Я думаю, что и гг. ветеринарные врачи въ этомъ согласятся со мною.

КРАШЕНІЕ МОЛОКОМЪ.

Этотъ способъ крашенія очень хорошъ по своей прочности, въ сравненіи съ клеевою краскою, по своему пріятному блеску и по своей дешевизнѣ.

Въ глиняный горшокъ положить 12 лотовъ свѣжегашеной извести, влить туда 2 фунта снятаго молока, и смѣшать все наподобіе не густой каши; прибавить еще 8 лотовъ льнянаго, маковаго или орѣховаго масла, и размѣшать; прилить еще два фунта молока, положить 3 фунта бѣлой отмученой глины, или мѣла, и все смѣшать. Молоко не должно быть кислымъ, потому что тогда образуется известковая соль, которая всасываетъ въ себя сырость.

Этой бѣлой жидкости можно давать какой угодно цвѣтъ прибавленіемъ приличной краски. Но въ случаѣ употребленія берлинской лазури не надобно прибавлять извести, потому что она портитъ эту краску, дѣлаетъ ее грязновато-желтою; также масла не надобно подливать извести, потому что въ этомъ случаѣ, по своему свойству, оно образуетъ известковое мыло, а для лучшаго крашенія прибавить еще 8 лотовъ толченаго мѣла. Эта молочная краска можетъ нѣсколько недѣль стоять до употребленія и не портится. Если этой краскѣ въ различныхъ случаяхъ хотятъ придать болѣе блеска, то для того надобно сбить бѣлокъ изъ дюжины яицъ съ тремя фунтами свѣжей, холодной воды; этою жидкостью покрыть кистью краску, и дать поскорѣе высохнуть, потому-то, чѣмъ скорѣе краска высыхаетъ, тѣмъ она становится прочнѣе.

Для внутренности книжныхъ шкаповъ (какъ, напримѣръ, сдѣлано въ новой библіотекѣ въ Мюнхенѣ), можно употреблять краску разведенную на творогѣ. Для сего, взять 1 четверикъ гашеной извести и 9 штофовъ (⁹/₁₀ ведра) свѣжаго творога, растирать все вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока смѣсь не сдѣлается жидкою. Тогда, пропустить ее въ волосяное сито, и приливать къ ней, потому что она густѣетъ во время процѣживанія, до тѣхъ поръ снятаго молока, пока наконецъ вся жидкость не пройдетъ сквозь сито, для чего и потребно около 14 кружекъ молока. Этого количества краски достанетъ на покрытіе четырекратно отъ 800 до 900 квадратныхъ футовъ. То, что не можетъ пройти сквозь сито, употребляется на послѣдующее приготовленіе краски.

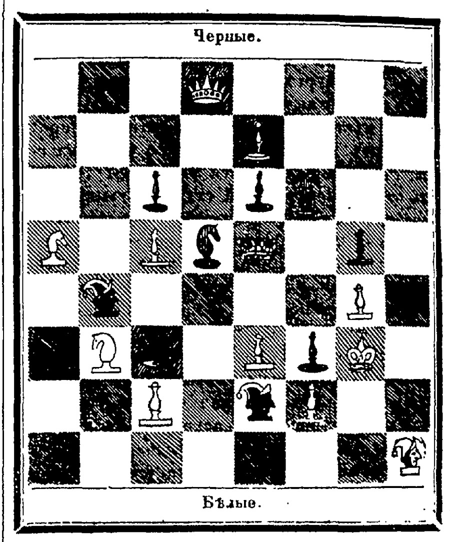
Для того, чтобы красить этою краскою дерево, надобно его прежде покрыть клеевою водою (для вышеозначенной поверхности нужно 4½ ф. клея) но это преждевременное окрашиваніе не совсѣмъ необходимо. Смотря по тому, какъ окрашиваемый предметъ долженъ быть, свѣтлѣе или темнѣе, окрашивается онъ отъ четырехъ до шести разъ, а для полученія блеска можно окрашиваніе повторить еще два раза; впрочемъ достаточно; если грунтъ совершенно будетъ покрытъ. Когда краска совершенно высохнетъ, тогда поверхность вытираютъ до тѣхъ поръ шерстяною тряпкою, пока она не будетъ блестѣть; этотъ блескъ хотя и не такъ красивъ и проченъ какъ отъ масляной краски, за то гораздо дешевле.

Отъ Редакціи. Покорнѣйше просимъ исправить двѣ ошибки, вкравшіяся въ № 20-й. На стр. 318 въ 10 извѣстіи Странствователя напечатано въ Генфѣ, слѣдуетъ читать: Гентѣ. На стр. 315 напечатано И. А. Антипинъ — слѣдуетъ поставить И. Ѳ. Антипинъ. —
— Отвѣты на полученныя письма, за недостаткомъ мѣста будутъ помѣщены въ № 22-мъ.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

Бѣлые даютъ матъ въ 14 ходовъ.



РАЗГАДКА № 20.

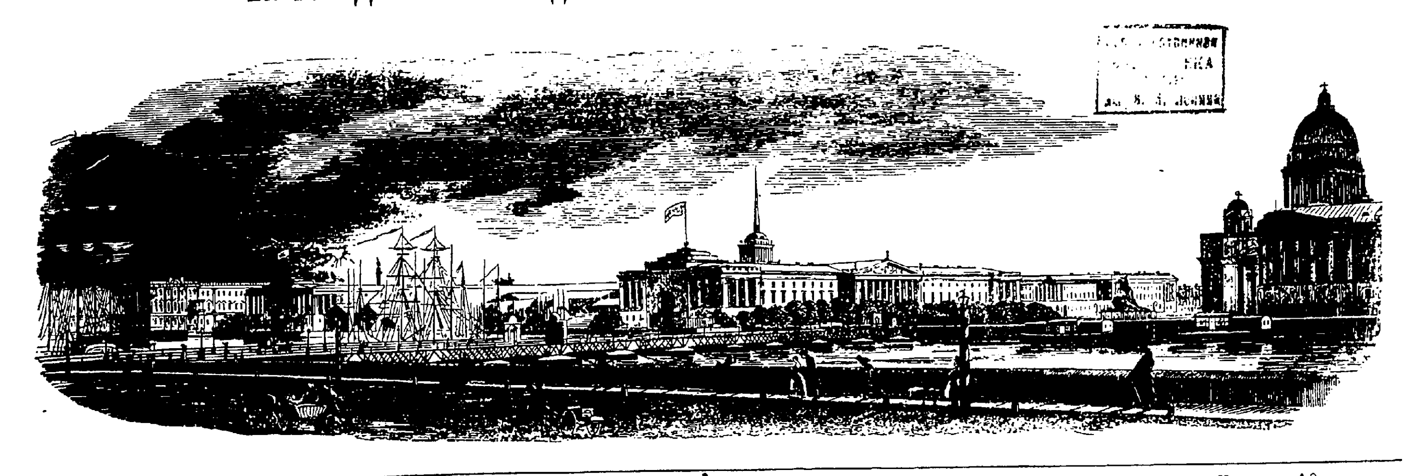
Въ Гордости нѣтъ добра.

ЗАГАДКА № 21.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Августа 31 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 22. — Суббота, 8 Сентября 1843.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р.сер.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СВИДАНІЕ.

Все нами описанное въ предшествовавшей главѣ сбылось въ нѣсколько часовъ; но пока Марья Осиповна такъ странно познакомилась съ Евгеніемъ, губернаторомъ и чудакомъ-дядюшкой, и хлопотала по городу, — за городомъ романъ нашъ также быстро подвигался къ развязкѣ. Военный сюртукъ не послушался Кудима и пошелъ на кладбище, куда, какъ вамъ извѣстно, ломовой повезъ Лукерью Ивановну на послѣднее жилище. Пройдя заставу, военный сюртукъ впалъ въ глубокую задумчивость. Время было жаркое; потъ катился съ него градомъ; онъ снялъ фуражку, разстегнулся и шелъ себѣ, куда глаза глядятъ, опираясь на толстую дубину. Сѣдые волосы его были тщательно приглажены; сзади косичка обличала воина старыхъ временъ: вотъ, видите, какъ это было давно; едва-ли кто изъ васъ, благосклонные читатели, запомнитъ то время, когда родился нашъ военный сюртукъ. Старичекъ былъ сухъ, костлявъ, обтянутъ кожей, будто обоями, такъ плотно; но въ поступи, въ осанкѣ, въ лицѣ, въ глазахъ было что-то воинственное, что придавало ему и важность и пріятный видъ. Какъ ни привыкъ онъ къ пѣшеходству, но зной и воспоминанія утомили его; онъ почувствовалъ усталость и сѣлъ на большомъ камнѣ близь дороги, подъ сѣнью одинокаго дуба. Воспоминанія увлекли его; просидѣлъ бы онъ тутъ долго, если бы Кудимъ, исполнивъ наказъ своего сердца, не возвращался тѣмъ же путемъ на кладбище.

— Что, баринъ! сказалъ онъ, равняясь съ придорожнымъ камнемъ. На мое вышло! Усадьба Кудимова не близко!

Старикъ бодро всталъ, оправился и, не отвѣчая на рѣчь Кудима, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Эвона! сказалъ Кудимъ, чай мы опоздали. Батюшка у насъ такой исправный; покойника не задержитъ. Ну, да какъ узнаетъ, съ Кудима не взыщетъ. Онъ же меня творить добро учитъ.

Старикъ все молчалъ и шелъ дальше.

— Такъ и есть! опять сказалъ Кудимъ, почесываясь. Вонъ уже и гробъ поставили у могилы, а яма еще не готова.

И точно. Съ дороги очень легко можно было видѣть, что на кладбищѣ, на небольшомъ пригоркѣ стоялъ деревянный не окрашенный гробъ, возлѣ священникъ съ дьячками и тремя или четырьмя нищими. Священникъ встрѣтилъ Кудима кроткимъ упрекомъ:

— Что ты это, Кудимъ! За тобою этого не водилось.

— Не пеняй, батюшка, послѣ все разскажу, а яма у меня сама выкопается.

И въ то же мгновеніе Кудимъ распоясался, снялъ кафтанъ, взялъ у нищаго изъ рукъ заступъ и принялся за свое дѣло. Не успѣлъ онъ отбросить двухъ или трехъ комовъ земли, какъ вдругъ гробъ, стоявшій на косогорѣ, зашатался. Всѣ предстоящіе, безъ исключенія, вздрогнули, нищіе хотѣли посмотрѣть, что объ этомъ думаетъ священникъ; но его уже не было. Во ожиданіи, пока Кудимъ выкопаетъ могилу, онъ ушелъ съ дьячками въ церковь... Страхъ ихъ возросъ, когда изъ гроба послышался глухой стонъ; вслѣдъ затѣмъ раздался слабый стукъ въ крышу, и нищіе ударились бѣжать; Кудимъ оцѣпенѣлъ; одинъ только старикъ сохранилъ присутствіе духа, бросился къ гробу, не безъ усилія оторвалъ плохо приколоченную крышу, и отступилъ въ ужасѣ... Блѣдно-желтое, изсохшее лицо лежало на грубой подушкѣ и глядѣло прямо на него неподвижными, впалыми глазами... Старикъ, уронивъ крышку, схватился обѣими руками за голову.

— Господи Боже мой! закричалъ онъ неистово. Это ты! Моя Лукерья!..

— Что вы это хотѣли сдѣлать со мной? спросила она слабымъ голосомъ. — Похоронить живую?.. Зачѣмъ опоздали?! — И слезы полились изъ тусклыхъ очей.

— Благодари Бога, Лукерья! Это Его святая воля. Вотъ орудіе Его промысла! Вотъ твой спаситель невольный. — Кудимъ, ты спасъ мою жену.

Заступъ вывалился изъ рукъ Кудима; женщина выскочила изъ гроба и, схвативъ старика за голову обѣими руками, впилась въ него глазами, которые стали страшны; губы ея дрожали, какъ будто силясь сказать что-то.. Наконецъ, разными голосами, въ которыхъ раздавался то пискъ, то хрипѣніе, произнесла старуха: Осипъ? Ты ли!..

— Я, мать моя, красавица горемычная! — Старикъ зарыдалъ, старуха завопила; въ этомъ воплѣ были буквы, но эти буквы не составляли слова; съ страшнымъ своимъ воплемъ она упала безъ чувствъ на земь и по косогору скатилась въ яму къ Кудиму...

Нищіе уже дали знать въ церковь о странномъ событіи; священникъ поспѣшилъ на мѣсто дѣйствія, удивился не мало, но не оставилъ несчастныхъ безъ помощи. По его совѣту, Лукерью подняли, стали приводить въ чувство, что шло весьма медленно. На кладбищѣ, кромѣ Кудимоваго шатра и сторожекъ, никакого жилья не было.

— Снесемъ Лукерью Ивановну ко мнѣ въ сторожку, сказалъ Кудимъ, а я сбѣгаю на овражекъ, что за мостомъ у лѣса; тамъ пустой домъ торчитъ, выморочная усадьба; вотъ уже больше году нѣтъ хозяина. До города далече, а тутъ пока оправится; и отъ жару и отъ сырости все-таки есть защита... Ну, до свиданія!

Пока приводили въ чувство Лукерью Ивановну, Кудимъ сбѣгалъ и возгласилъ съ торжествомъ:

— Наша взяла! И кровать есть, и не одна, и кружка съ квасомъ стоитъ, будто сегодня поставлена... Несите, несите за мною!

Отъ кладбища до выморочной усадьбы было съ полверсты. Своротивъ съ большой дороги и миновавъ лѣсокъ, который закрывалъ усадьбу со всѣхъ сторонъ, шествіе очутилось на небольшой площадкѣ, густо заросшей травой; дворъ и домъ въ два жилья, къ общему удивленію, были въ порядкѣ, какъ будто тутъ и теперь живутъ люди. Но Кудимъ былъ правъ: въ домѣ не нашли живой души. Лукерью уложили на опрятную койку, возлѣ которой рядышкомъ стояло еще нѣсколько самодѣльныхъ коекъ, покрытыхъ соломой и цыновками. На столѣ, точно, стояла огромная кружка съ свѣжимъ квасомъ. Нищіе ушли; остались только

Осипъ, Лукерья и Кудимъ. Ей было уже полегче, она порывалась говорить, но Кудимъ, по званію сельскаго медика, запрещалъ ей держать слово.

— Отдохни маленько! Выпей кваску! посвѣжѣешь! Видишь, вѣдь оно и съ болѣзни встанешь, такъ всяческая хилость въ костяхъ, а ужъ со смерти встать, тутъ слабота еще пуще... А вы, батюшка Осипъ, отчества не вѣдаю, ты вотъ насупротивъ койки присядь, да и разсказывай быль, али сказку, только знаешь, позабористѣе, чтобы Лукерью Ивановну распотѣшить... смѣхъ тотъ же лекарь... Ну-ка! сказывай, не кобенься; а не то, я отхватаю про чернаго богатыря, что жилъ-былъ три сотни лѣтъ съ медвѣжьими лапами, которыя ему за разбой и всякое воровство честный пустыльникъ приставилъ... Али другую! Ты только заказывай!.. лишь бы матушку Лукерью Ивановну мнѣ отстоять отъ недуга.

— Добрый Кудимъ!

— Сказано, не болтать! Слово скажешь, уйду и не вернусь.

— Нѣтъ, добрый Кудимъ, не уходи! Конечно, мы пятнадцать лѣтъ не видѣлись, такъ есть о чемъ поразсказать другъ дружкѣ; я оставилъ при матери двоихъ дѣтей, такъ есть о чемъ порасспросить.

Лукерья закрыла глаза рукою. Осипъ поблѣднѣлъ и продолжалъ дрожащимъ голосомъ.

—Другъ мой, я не спрашиваю о нихъ! Да будетъ Его святая воля! Я нашелъ тебя, и гдѣ, и какъ... Могу ли не благодарить Господа за такія милости... Конечно... отцовскому сердцу простительно.

— Да ты, батюшка, перебилъ Кудимъ, прежде мужъ, а потомъ уже отецъ. Такъ начинай съ себя! Гдѣ ты пропадалъ цѣлый вѣкъ?

— Ахъ, Кудимъ дорогой, не зналъ ты насъ въ счастливые годы! Теперь мнѣ еще не сполна пятьдесятъ, а тогда было тридцать съ хвостикомъ, чинъ и мундиръ поручика.

Кудимъ всталъ. Осипъ, не замѣчая его почтительнаго движенія, продолжалъ...

— Своего родоваго имѣнія за сто душъ. Воротился я изъ Туречины въ Москву съ Георгіемъ на груди; объѣхалъ родню и знакомыхъ; увидалъ Лукерью Ивановну—отъ Турка ушелъ, а къ ней попалъ въ полонъ.

Осипъ отеръ слезу и продолжалъ...

— И теперь стариной тряхнула досадная шутка; а бывало, и въ радости—шутка у меня что добрый деньщикъ служила! Помнишь, Лукерья!

Лукерья улыбнулась и протянула мужу руку. Онъ схватилъ ее съ чувствомъ, поцѣловалъ, прижалъ къ сердцу, просіялъ внутреннею радостью, помолодѣлъ и какъ будто десятокъ лѣтъ съ плечъ долой; всталъ Осипъ, пріосанился, подбоченился и сказалъ весело:

— Эхъ, Лукерья! Не воротить стараго, за то будущее наше! Слаще медъ послѣ перцу! А ужъ задали мнѣ перцу окаянные! Не истомлю я тебя, Лукошка ты моя, старой бѣдой; разскажу будто реляцію... Такъ видишь, Кудимъ...

— Вижу, ваше высокородіе!

— Что ты это, Кудимъ! Что за счеты! Полно, садись, да слушай. Ты для меня старше иного генерала, только ужъ не Ивана Васильевича! Нѣтъ, братъ, извини! Ужъ хотя я и по его милости съ проклятыми клопами жилъ, а все-таки Гудовичъ мнѣ зла не желалъ! Женился я! Прошолъ годокъ, Богъ семьей ущедрилъ; другой годъ — другое дитя! Ну, думаю себѣ, этакъ, пожалуй, и до смерти въ поручикахъ засидишься. Слышу, моего генерала на Кавказъ послали. Я говорю женѣ: Ну, пора мнѣ за саблю приниматься. Побью Кавказскіе народы, ворочусь къ тебѣ капитаномъ. Ступай съ Богомъ, говоритъ жена. Твоя правда... Я поцѣловалъ жену, дѣтей, на телегу, покатилъ на Кавказъ, прямо къ Ивану Васильичу, а тотъ меня прямо въ дѣло. Давай мы съ нимъ брать горскую крѣпость Анапу. Ухъ, жарко, какъ вспомню. Турокъ, Татаръ, Черкесовъ, — маку не надо—что песокъ морской. Смѣются, окаянные, нашей силѣ не вѣрятъ; мы ихъ въ лапы; послали имъ самыхъ крупныхъ орѣховъ; по небу будто змѣи съ погремушками залетали; на ночь мы себѣ и состряпали иллюминацію: загорѣлась Анапа... Иванъ Васильичъ и послалъ меня, да еще съ другимъ, сказать пашѣ, что намъ его и турецкаго войска не надо; пусть только городъ отдастъ. Паша замоталъ головой; мы плюнули и воротились, а онъ въ насъ изъ пушекъ такъ и жаритъ. Э, коли такъ, говорю я товарищамъ, пусть извинитъ, возьмемъ Анапу. Возьмемъ, Осипъ Семенычъ! Что за невидаль такая, Анапа! Возьмемъ!—Сказали мы Ивану Васильичу, что паша безтолковъ и надо взять Анапу руками. — Я тоже думаю «отвѣчалъ Гудовичъ, и завтра, благословясь, возьмемъ крѣпостушку. — Хороша крѣпостушка! Рвы камнемъ выложены; гарнизону, почитай, больше чѣмъ арміи, а съ боковъ, будто мухи, черкесскія пули жужжатъ. Знай отмахивайся. Ну, да слово сказано, дѣло сдѣлано. Пошли! пушки маршъ заиграли, да такой громкій, что не ноги по землѣ, а земля подъ ногами заходила. Намъ до нихъ что за дѣло! У насъ своя музыка; мы подъ нее пошли; сбили Турокъ, спустились въ ровъ, приставили лѣстницы, полѣзли; Турки на дыбы. Врешь—не устоишь! Осипъ Семеновъ сынъ Койневъ первый шагнулъ въ Анапу; тутъ ужъ пошла потѣха. Пушками въ самый носъ не выстрѣлишь. Пушка изъ близи., что Ѳедора—велика да дура. Тутъ ужъ лобъ на лобъ, рука на руку; тутъ ужъ не пустая похлебка, а жирная каша пошла. Сначала Турки храбрились, да гдѣ имъ противу нашего глаза устоять? Мигнешь, гаркнешь—супостатъ такъ и валится. Спѣшили; аккорду просить; поздно. Кто въ полонъ отдавался, кто въ морѣ утонулъ—Анапа наша! Мортиръ, пушекъ, знаменъ, бунчуковъ, хоть граблями загребай! Гляжу, Мустафа Паша, Баталъ Паша и Шихъ Мануръ на веревочкѣ сидятъ. Много легло и нашихъ, да ужъ такого дѣла не сваришь безъ потери. Пошли награды; и меня не забыли: капитаномъ сдѣлали и къ Шамхалу Тарковскому послали. Въ огнѣ отъ меня и смерть и бѣда уходили, а тутъ злодѣй, изувѣръ этакой, посланника въ полонъ захватилъ. Что на мнѣ было, все обобрали; связали какъ курицу и, чертъ ихъ вѣдаетъ, куда отослали. Охъ, Лукерья! Не приведи, Богъ, что я въ этомъ плѣну вытерпѣлъ. Добро бы у меня былъ одинъ хозяинъ; а то, сегодня одинъ, завтра другой; у этого барановъ паси, у того шелкъ мотай, а у третьяго дворъ мети! Сталъ я ихъ языкъ разбирать, и свѣдалъ, что я въ Хивѣ, у самаго хищнаго народа. Тяжела была работа; видишь, посѣдѣлъ я по первому году моей бѣды. Случись такъ, что купеческій караванъ пришелъ: тамъ и наши были; я съ ними, да ба; поймали да,—страхъ разсказывать,—нагишемъ въ яму посадили, а въ той ямѣ земляные клопы чуть живаго не съѣли... Выручилъ меня одинъ изъ старыхъ моихъ хозяевъ, выкупилъ изъ ямы, да не къ добру: на цѣпь посадилъ у своего сарая вмѣсто собаки. Боже всемогущій! Четырнадцать слишкомъ лѣтъ такого позора душу изъѣли... Но я не унывалъ. Молился Богу не за себя—я желалъ смерти: я молилъ Бога за тебя и дѣтей нашихъ... Ну, чтобы не мучить тебя, скажу вамъ, что хозяинъ мой хотя и былъ звѣрь, да купецъ; и онъ ходилъ съ караванами своими далече. Пошли мы съ нимъ въ Дербентъ; шли долго и безпокойно; пришли; на мое счастье, ханъ хотѣлъ видѣть наши товары... съ товарами привели и меня. Ханъ узналъ, кто я, выкупилъ съ большою радостью, наградилъ казной, далъ лошадей и проводниковъ, и я, самъ не понимая, что со мною дѣлается, очутился въ Кизлярѣ. Тутъ только я узналъ, что ханъ нашей помощи противу сосѣдей ищетъ. Но я уже не вернулся въ армію. Я продалъ всѣхъ своихъ лошадей, оставилъ только одну; добылъ себѣ этотъ сюртукъ, казну уложилъ въ кожаный мѣшокъ и подъ рубашкой имъ опоясался... станетъ на новоселье! Выздоравливай, жена! Для васъ я сберегъ деньги... Я думалъ найдти тебя и дѣтей въ Москвѣ... Тебя нашелъ на полу-пути... Но гдѣ же дѣти?

Послѣднія слова Койневъ произнесъ не безъ трепета. Больная слушала внимательно разсказъ мужа; но при послѣднемъ вопросѣ вздрогнула и закрыла рукою глаза...

— Не мучь, жена! Прошедшаго не воротишь? Что жъ, умерли?

— Нѣтъ!.. Про-па-ли безъ вѣсти...

— Какъ пропали!

— Моя очередь теперь разсказывать... Но я не въ силахъ... Осипъ, Осипъ... И на меня пришелъ черный годъ. Ты уѣхалъ!.. Я перебралась съ дѣтьми въ деревню; деревня сгорѣла; мужики разбрелись... я пошла по міру... съ дѣтьми... На ярмаркѣ, въ небольшомъ городишкѣ, я нашла добрыхъ людей... Одинъ взялъ къ себѣ одну дочь на воспитаніе, другой—другую: я кругомъ осиротѣла, но благословляла Божій промыслъ! Дѣти были такъ малы, что могли забыть насъ и наше несчастіе... Одна я могла кое-какъ прокормиться работой—и кормилась, Осипъ, горькимъ хлѣбомъ...

— Но кому же ты отдала дѣтей?

— Нищая, я не смѣла спрашивать, какъ зовутъ моихъ благодѣтелей! Только отъ людей я узнала, что тотъ, который взялъ старшую дочь, былъ помѣщикъ здѣшней губерніи Кивоткинъ... Пять лѣтъ прошло, я собрала силы и деньги на дальній путь... Но на половинѣ дороги въ И. не хватило ни силъ, ни денегъ. Уложили меня въ богадельню. Собралась я письмо написать; отвѣта не получила. Потомъ и много писемъ переслала я и къ губернатору и къ предводителю; ни на одно не получила отвѣта... Года два тому назадъ, съ помощію добрыхъ людей перебралась я въ здѣшнюю провинцію, нашла помѣстье Кивоткина... да въ помѣстьи не нашла никого... перемерли... Я распросила людей... сказали, что дочь наша жива, да послѣ смерти Кивоткина, съ наслѣдниками уѣхала въ Москву. Ста-

ла я сбираться въ Москву, да, вотъ, болѣзнь придержала...

Лукерья Ивановна примѣтно ослабѣла, Осипъ и Кудимъ бросились къ койкѣ, но Койнева уже лишилась чувствъ и была совершенно какъ мертвая...

— Ну, ужъ во второй разъ не обманешь! сказалъ Кудимъ покойно. Знаемъ, матушка, Лукерья Ивановна, что ты не умерла, а такъ, отъ бѣды, одурѣла. Такъ теперь, батюшка Осипъ Семеновичъ, я схожу по своему дѣлу, а послѣ вечерень опять зайду. Не нужно ли чего изъ города? Я съ собой захвачу...

— Мнѣ нужно дѣтей, Кудимъ! Дѣтей! Можетъ быть, они на краю гибели! Можетъ быть...

— Ничего не можетъ быть безъ воли Божіей! И дѣти найдутся, и Господь Богъ пошлетъ вамъ счастливую старость... Ну, прощи, пока...

И Кудимъ пошелъ въ городъ. Ѳонька Косолапый, о которомъ упоминалъ Савиллъ въ тайномъ разговорѣ съ Ноготкомъ, сидѣлъ въ артели у окна и смотрѣлъ прилежно на улицу. Когда вошелъ Кудимъ, онъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что не замѣтилъ прихода могильщика. Кудимъ, въ свою очередь, осмотрѣвъ палату, не обратилъ вниманія на Ѳоньку, прошелъ на кухню, покушалъ въ одиночку, испилъ воды, вернулся въ палату, легъ на свою койку, укрылся съ головою, чтобы вздремнуть; да не тутъ то было. Косолапый сидѣлъ почти что у Кудимовой койки и безпрестанно дѣлалъ движенія, которыя обнаруживали сильное нетерпѣніе. Кудимъ приподнялъ кафтанъ, которымъ укрылся, и сталъ смотрѣть однимъ глазомъ въ эту щелку на неспокойнаго Ѳоньку. Прошло нѣсколько минутъ, на лицѣ Ѳони блеснуло выраженіе удовольствія, и вслѣдъ затѣмъ въ палату вошелъ Ноготокъ. Перекрестился на образа, тщательно осмотрѣлъ палату и тихо подошелъ къ Косолапому...

— Зророво ли живешь?

— А не то, что живешь здорово?..

— Нѣтъ, не то...

— Такъ что же тамъ? Разсказывай проворнѣе...

— Э! Нѣтъ, Ѳоня, отойдемъ къ другому окну...

— Отойдемъ.

И Ноготокъ что-то съ жаромъ сталъ разсказывать. Ѳонька покачалъ головою, выползъ изъ палаты, скоро опять возвратился; вслѣдъ за нимъ одинъ, за другимъ, стали приходить разные мужики, которыхъ Кудимъ зналъ за добрыхъ и честныхъ работниковъ: тотъ былъ плотникъ, другой печникъ и каменьщикъ, третій мостовую мостилъ, и всѣ, къ удивленію Кудима, окружили Ноготка и распрашивали тихо. Наконецъ, какъ будто условясь, всѣ схватились за плохія дыравыя шляпы и ушли. Ноготокъ съ Ѳонькой убрались послѣдніе...

—Тутъ что-то не ладно! сказалъ Кудимъ подымаясь. Погоди, Ноготокъ, отъ меня ты не утаишь тайности.

Кудимъ одѣлся и опять отправился въ путь прямо къ гостинницѣ, куда Ноготокъ поспѣшно шелъ съ Ѳоней. Въ харчевнѣ Кудимъ нашелъ обычное собраніе. Недоставало только Ермолая Никитича съ балалайкой. За то Поль, или Павлуха, или Павелъ Кузьмичъ, камердинеръ Евгенія, владычествовалъ полновластно надъ всею компаніей и приказывалъ себя подчивать въ очередь каждому гостю. Ноготокъ былъ уже за прилавкомъ, Ѳонька съ совершеннымъ безстрастіемъ и молча помогалъ ему. Когда вошелъ Кудимъ, Косой смутился и уронилъ съ подноса рюмку. Ѳонька нагнулся помочь ему и, услышалъ шепотомъ произнесенныя слова: «Берегись! Врагъ пришелъ.» Кудимъ подошелъ къ прилавку, взялъ деревянный табуретъ и усѣлся на мѣстѣ Савилла. Ноготокъ долго не могъ рѣшиться подойдти къ нему; наконецъ, уступая законамъ приличія, съ робостію подошелъ къ своему мѣсту.

— Ну, Косой! А гдѣ Таня?..

— Какая Таня?..

— Э, да ты еще и чванишься! Погоди, братъ, съ нами такъ дешево не раздѣлаешься. Ты выдалъ, плутъ, Таню офицеру. Постой же, я съ тобой раздѣлаюсь!

— Не боимся мы такихъ сычей, какъ ты! съ гордостью сказалъ Ноготокъ, замѣчая, что Кудимъ не знаетъ всей исторіи. Намъ, простымъ людямъ, не приходится спорить съ благородными, да еще и военными.

— Правда твоя, Косой, да не приходится же намъ, простымъ людямъ, по честнымъ артелямъ заводить воровскія тайности. Вотъ, постой, прижмутъ тебя, да Косолапаго, такъ все разскажете... Куда ты? Изволь отходить отъ меня ни на шагъ, а не то, закричу: воры! Добрые люди помогутъ, скрутятъ и тебя и Косолапку и отведутъ въ полицію. Я, братъ, не спалъ; все слышалъ въ артели...

— Кудимъ! Что ты, что ты?..

— Колдунъ: я сплю, а у меня уши по артели ходятъ; все слышалъ, пришелъ опять съ тебя повѣрку...

— Кудимъ, батюшка, всю правду скажу, только не выдай...

—Ну, такъ сказывай; а я посмотрю, какова твоя правда. Ну, выгружайся.

— Да знаешь, Кудимъ, если Ѳоня подмѣтитъ...

— Отошли Ѳоню, али какъ самъ знаешь, только отъ меня не отходи, не то закричу...

— Эй ты, малый! закричалъ половой на Ѳоньку. Ступай-ко нацѣди свѣжаго квасу... На, ключи...

— Ну...

— Да зачѣмъ же тебѣ знать, коли ты слышалъ?

— Э, кобениться,—такъ не пеняй.

—Все скажу, Кудимушка, только не выдавай... Знаешь вымороченую усадьбу...

Кудимъ кивнулъ головой.

— На той усадьбѣ Савилловъ притонъ.

— Все это я знаю, сказалъ Кудимъ съ притворнымъ спокойствіемъ. — Да я оттуда Савилла выживу; я себѣ завелъ колдунью; надо ей жилье по сосѣдству; такъ пусть себѣ Савиллъ другаго притона ищетъ...

— Да вотъ въ чемъ бѣда, я ужъ въ толкъ не возьму. Видишь, тамъ съ Павлухой двое лакеевъ бражничаютъ...

— Вижу.

— Пришли, Кудимушка, сюда, да про Савилла спрашиваютъ. Не бывалъ ли тутъ? Не знаемъ, кто они, отъ кого подосланы; платье лакейское, а на видъ то.. Смѣкаешь, Такъ я, кому надо, по артели объявилъ, а на сторожку Ѳоню сюда вымапилъ... Онъ къ нимъ въ дружбу вотрется. Пусть разгуляются.

— Ну, а палатные-то куда пошли?

— Палатные? На притонъ Савилла искать; завѣтное слово ему понесли; онъ смѣкнетъ...

— А какое завѣтное слово...

— Вѣчный долгъ...

— Гмъ! Тутъ, Ноготокъ, есть тайность! Ты, Косой, подавай что ни прикажу; заплачу, ты знаешь, а не то, другіе за меня заплатятъ. Колдуну деньгу не трудно промыслить. А если ты Косолапкѣ про меня слово пикнешь, вотъ, не я буду, если я на тебя немочи не наведу. Ну, смотри же, держи ухо востро...

И съ этими словами Кудимъ всталъ и пошелъ прямо къ красному углу, гдѣ сидѣли два таинственные лакея и Павлуха.

— Мѣсто старику! сказалъ Кудимъ, и лакеи потѣснились...

—Э ты опять здѣсь, старый хрычъ!—сказалъ Павлуха. Теперь у меня команда получше; мы тебя, чуму этакую, дубьемъ проведемъ...

— Тише! Гляди, что-бы другой барскій чубукъ, что въ твоихъ рукахъ, я о твою спину не обломалъ. У меня за тобой—вѣчный долгъ.

Таинственные лакеи вздрогнули и посмотрѣли почтительно на старика, который по ихъ ногамъ пробирался въ самый уголъ, и повторялъ. Да, вѣчный долгъ, вѣчный долгъ!

— Вѣчный долгъ! повторили оба лакея недовѣрчиво. Но Кудимъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: Вы угадали, ребята! Я съ платой за него! Чего хотите? Настойки, али мадеры...

— Настойки! сказалъ съ жаромъ Павлуха: дешевле, да забористѣе.

— А ты чего? Пошелъ домой, не твое дѣло.

— Ахъ, ты харя этакая...

— Что же это, ребята, такъ вы за посла не вступитесь?

— Убирайся, Павелъ Кузьмичъ... Этого старика не гнѣви... больно будетъ, сказалъ одинъ лакей съ нѣжностью...

— Да вы то что... началъ, было Павлуха.

—Да убирайся же къ нечистому! сказалъ другой, толкнувъ Павлуху... Не хотимъ твоего компанства — вотъ и все тутъ...

— Провалитесь же вы сквозь землю. Стану я съ такой дрянью водиться. Чучелы этакія! Мы и сами себя поподчивать съумѣемъ. Эй! Подай столъ и настойки! Поглядимъ, у кого карманы безъ дырокъ!.. Свѣчку! Мы себѣ трубку закуримъ! Табачокъ въ бархатномъ кисетѣ не переводится...

Павлуха продолжалъ важничать, а лакей, который, по видимому, былъ главный посолъ неизвѣстнаго человѣка, взявъ въ руки стаканчикъ съ настойкой и кивая Кудиму, сказалъ тихо: А гдѣ же хозяинъ?

— Гдѣ ему быть слѣдуетъ. А развѣ что нужно?

— О томъ и рѣчь: гдѣ онъ сидитъ, въ острогѣ, или на волѣ?

— На волѣ...

— Близко...

— Возлѣ города...

— Только того и нужно. Пусть будетъ остороженъ. Слѣдъ нашли.

— Затремъ...

— Ну, такъ выпьемъ, Семенъ, да и пойдемъ. Баринъ дожидается.

— Эхъ вы безтолковые! Ну, добро, слухъ и слѣдъ нашли; а если хозяинъ понадобится, гдѣ станете искать? Опять по харчевнямъ...

— Правда твоя...

— То-то и есть. На меня старика никто ничего худаго не подумаетъ, а на другихъ уже косо посматриваютъ...

— Э! Секретарь на нашей сторонѣ...

—Всѣхъ не купишь. И секретаря упекутъ...

— Ну, такъ еще есть дорога.

— Этотъ не надеженъ... Да и дорога то окольная. Мы такъ не по вашему; мы ото всякихъ должностныхъ сторонимъ. У насъ своя почта. Коли что нужно будетъ, такъ кликните Кудима, а Кудимъ всегда въ артели безотлучно...

— Ну, спасибо, старикъ! Баринъ тебя наградитъ. Заходи въ сумерки. Знаешь куда?..

— А куда?

— На Косатку, въ Тарасовскія хоромы...

— Знаю, знаю...

Кудимъ, не расплатясь, вышелъ вмѣстѣ съ таинственными лакеями, проводилъ ихъ до дому и, вспомнивъ объ опасности, какая угрожала новымъ его знакомцамъ, бросился со всѣхъ ногъ на выморочную усадьбу...

Было еще рано; Койпевы сидѣли у окошка и тихо бесѣдовали. Кудимъ прибѣжалъ во-время и кратчайшимъ путемъ; но едва успѣлъ увѣдомить объ угрожавшей опасности, какъ на площадкѣ послышались грубые голоса; Кудимъ зналъ всѣ закоулки ветхаго дома, гораздо лучше нежели шайка Савилла, которая, по всѣмъ признакамъ, поселилась тутъ недавно. Не безъ труда перенесъ онъ Лукерью въ темную комнату, которая, вѣроятно, служила кладовою старымъ жильцамъ. Убѣжище было очень опасно, но Кудимъ зналъ превосходно географію и статистику этого дома, въ потьмахъ отыскалъ полку, снялъ и подперъ двери такъ плотно, что, въ случаѣ нападенія, могъ держаться въ укрѣпленіяхъ довольно долго; остальное Богъ подастъ—думалъ онъ. Всѣ трое умостились на полу и притаили дыханіе.

— Нѣтъ Савилла, сказалъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ...

— А, видно, былъ недавно. Койки помяты, квасъ допитъ...

— Какъ себѣ хочетъ Савиллъ, а эта усадьба на диво хороша; съ дороги не видать, а отсюда слышно—ѣдетъ ли барскій поѣздъ или тащится мужицкая телега. Золото, не притонъ! Ну, что теперь станемъ дѣлать?

— Пойдемъ искать Савилла!

— Гдѣ его найдешь днемъ! Вѣдь онъ ночная птица. Подождемъ, пока смеркнется... А теперь въ картишки, али въ орлянку!

— Давай!

И засусленныя карты захлопали; зажужжали пятаки; смѣхъ, гамъ, дикое веселье. Двери, то и дѣло, хлопали; одни уходили, другіе приходили и, видно, приносили съ собою разное питейное снадобье, потому что звенѣло стекло, разбойники похваливали напитки... Прошло не мало времени... Стемнѣло... Явился Савиллъ.. шумъ затихъ; стало смирно, какъ въ классѣ, когда придетъ учитель...

— Ну, бравые ребята! говорилъ я вамъ! Приходится откочевать!

— Какъ такъ!

— Это уже не ваше дѣло. Даю вамъ сроку три дня! Разсчитывайтесь съ наемщиками. Кто хочетъ, оставайся на работѣ, только оповѣсти, а мы лѣсами пойдемъ въ дальній походъ. Въ эту провинцію ѣдетъ сыщикъ, идетъ большая команда. Когда ловцевъ переманимъ въ иное мѣсто, воротимся сюда,—вотъ и все тутъ...

— Да знаешь ли, Савиллъ, что тебя ищетъ тутъ старый знакомецъ... Ноготокъ въ артель приходилъ, говорилъ, спрашиваютъ: вѣчный долгъ...

— Олухъ!

— А что такое?

— Ни мнѣ, ни ему нельзя жить въ этомъ городѣ... Дѣвчонка насъ продастъ; она все слышала!..

— Что такое?

— Да ужъ это не ваше дѣло! А хотѣлось бы мнѣ съ нимъ повидаться... Гдѣ Косолапый?

— Не приходилъ! Его утащилъ Ноготокъ...

— Ну, такъ дѣло на порядкѣ! Ступайте всѣ въ артель, а ко мнѣ пришлите Ѳоньку... Помните, ребята, три дня сроку!

Въ комнатѣ стало тихо, но затворники долго не рѣшались выйдти. Наконецъ выпустили Кудима; онъ осмотрѣлъ непріятеля. Можно бы уйдти совершенно безопасно, но Лукерья была такъ слаба, что о походѣ и думать было невозможно. Хоромы были въ два жилья. На верхній этажъ шла лѣстница со двора, на нижній вело крыльцо съ большой площадки; все, что можно было сдѣлать, это переѣхать наверхъ, укрѣпиться, вооружиться и запастись провіантомъ. Такъ и сдѣлали. Перенесли наверхъ Лукерью, уложили на соломѣ; остатки разбойничьяго пира составили хорошій запасъ; забытый топоръ и ножъ Кудима образовали арсеналъ Осипа Семеновича. Двери подперли въ плотную и отправили Кудима въ городъ къ доброй боярынѣ съ просьбой прислать экипажъ за больною и съ порученіемъ нанять порядочную квартиру. Но, увы, Кудимъ пришелъ поздно. Добрая барыня уѣхала на вечеръ, куда и мы попросимъ нашихъ читателей.

(Продолженіе будетъ).

Н. А. Сальванди.

Викторъ Гюго.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

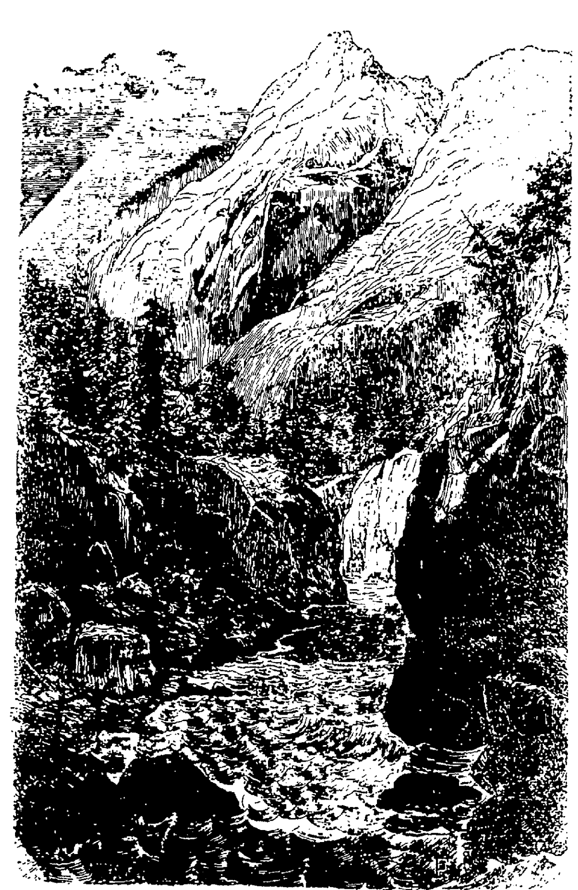
Взглядъ на французскую поэзію. — Путешествіе Г. Лихачева. — Записки Герцога Лирійскаго. — Мясоносный козелъ. — Г. Валлонъ и насѣкомыя. — Китайскій ленъ. — Библіографическія записки Дюфло деМсфрэ. — Музыкальныя извѣстія.

— Отъ чего это въ нашихъ странствованіяхъ мы такъ мало встрѣчаемъ поэтовъ и поэзіи? Неужели дочь неба, лучъ солнца, земной нектаръ, земная амврозія, неужели все это сказка, мечта, дѣтскія побасенки? Если у насъ не пишутъ вовсе стиховъ или пишутъ плохіе, тому должна быть своя законная причина; но литература русская отъ своего отстала, а къ другимъ не пристала

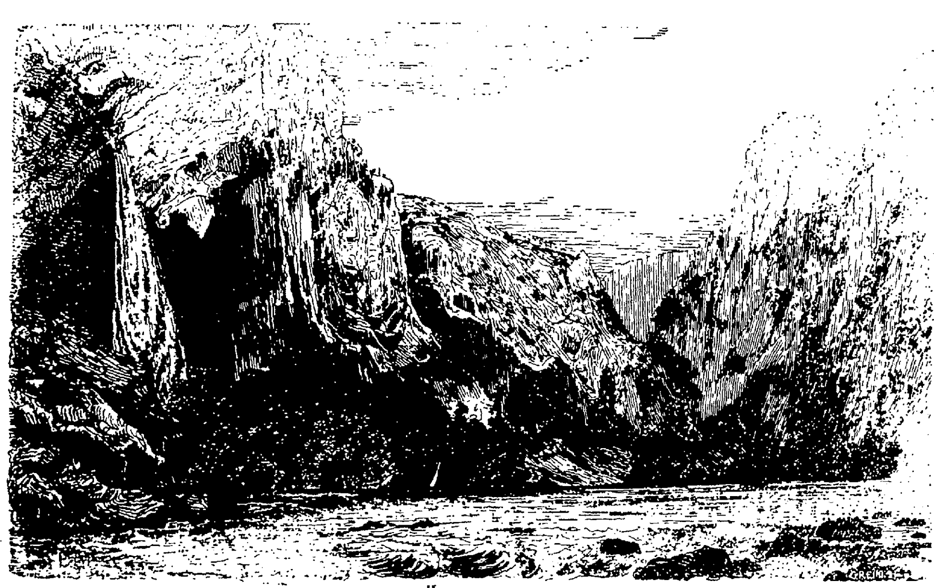
И сдѣлалась Матрена
Ни пава, ни ворона.

Люди, въ европейскихъ очкахъ, но безъ европейскаго взгляда, напали на всѣ русскія знаменитости, повергли ихъ въ прахъ для угожденія читателямъ въ европейскихъ очкахъ, но безъ европейскаго взгляда, безъ европейской образованности. Эти читатели обрадовались, что имъ

русскихъ писателей читать не надо. Но читаютъ ли они иностранныхъ писателей? Изучаютъ ли они красоты великихъ поэтовъ Германіи, Англіи и Франціи? Этого повѣрить невозможно; но только то вѣрно, что кто ознакомился съ иностранными литературами, хотя нѣсколько, не можетъ не чувствовать справедливаго уваженія къ отечественнымъ, не можетъ, по-крайней-мѣрѣ, не знать ихъ... Франція богата поэтами во всякое время. Во Франціи любимый писатель пользуется уваженіемъ даже на закатѣ своей дѣятельности. Викторъ Гюго, не смотря на цѣлые полки возникшихъ вновь поэтовъ, все-таки остается ихъ главою, средоточіемъ. — Стихи его гремятъ съ прежней силой, и если не возбуждаютъ безумнаго, безотчетнаго восторга, все-таки нравятся и читаются повсемѣстно. Многіе прозаики французскіе, можно сказать, большею частію принадлежатъ къ области поэзіи. Многіе ихъ первоклассные историки и публицисты — поэты въ прозѣ. Истина въ ихъ твореніяхъ поэтическая, фигурная, преувеличенная. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на большую часть историческихъ сочиненій во Франціи, и признаемся, что Исторія... Но нѣтъ, мы боимся читателей въ европейскихъ очкахъ: того гляди, обидятся. Мы излагаемъ личныя наши ощущенія, и потому нашихъ мыслей никому не навязываемъ... Но читали ль вы, благосклонный читатель, книгу, напримѣръ, нынѣшняго министра просвѣщенія во Франціи, Сальванди, подъ заглавіемъ: Don Alonzo ou l'Espagne (1824). Если читали, то вспомните и сравните эту историческую картину съ любой трагедіей Виктора Гюго, и тогда вы вѣрно согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ. Возьмите даже Августина Тіерри и сравните съ драмой или романомъ Виктора Гюго — и опять согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ.



Водопадъ на Башкаусѣ.



Чулышманъ.

— Мало этого. Въ ученыхъ сочиненіяхъ по точнымъ наукамъ вы найдете не рѣдко или, правильнѣе, почти всегда то же фигурное направленіе въ оборотахъ, которыми отъ Бюффона до нашихъ временъ отличаются французскіе ученые продукты, отъ сочиненій по тѣмъ же частямъ у всѣхъ другихъ народовъ. Эти размышленія навело на насъ чтеніе обширнаго путешествія въ Алтайскія горы нашего соотечественника г. Чихачева. Сколь ни любопытны предметы, описываемые г. Чихачевымъ, но прочитать двѣ части — трудъ, работа; такъ загроможденъ текстъ минералогіей и геогнозіей съ компаніей. Мы не входимъ въ ученое разсмотрѣніе книги, одобренной Парижской Академіей Наукъ, книги, за которую авторъ причисленъ къ почетному легіону. Мы разсматривали это сочиненіе въ отношеніи художественномъ и поражены колоритомъ языка до того, что, намъ кажется, будто это сочиненіе написано Французомъ. Чуденъ этотъ край, terra incognita, о которой до насъ доходятъ только урывчатыя свѣдѣнія. Конечно, слова Риттера должны когда нибудь сбыться. Колоссъ Россійской Имперіи и тамъ когда либо разовьется полною жизнью, обладая неисчерпаемыми для того средствами почвы. Край этотъ намъ теперь ближе знакомъ, какъ по сочиненію г. Чихачева, такъ и по разсказамъ даровитаго его спутника, Е. Е. Мейера, которому принадлежатъ всѣ картины, какъ налитографированныя особымъ альбомомъ при путешествіи г. Чихачева, такъ и помѣщенныя тамъ же въ текстѣ. Благодаря обязательности нашего сотрудника, мы можемъ подѣлиться съ нашими читателями воспоминаніями Е. Е. Мейера объ Алтаѣ, и представляемъ двѣ гравюры съ рисунковъ его, исполненныхъ, собственно, для Иллюстраціи. Одна изображаетъ теченіе рѣки Чулышманъ, близь Чульчи, другая паденіе потока Башкаусъ; этотъ водопадъ своимъ величіемъ едва ли уступитъ извѣстнѣйшимъ явленіямъ природы въ этомъ родѣ.

— Нельзя не пожалѣть, что г. Миддендорфъ въ баснословномъ своемъ путешествіи не имѣлъ такого помощника. Впрочемъ надо дождаться выхода въ свѣтъ этого путешествія, столь обильнаго важными результатами для естественныхъ наукъ. Одинъ отчетъ, составленный по наблюденіямъ г. Миддендорфа извѣстнымъ нашимъ академикомъ г. Бергомъ о климатѣ земли Таймирской и напечатанный въ Академическомъ Бюллетенѣ, возбуждаетъ высокій интересъ. Что же долженъ заключить въ себѣ полный трудъ, гигантскій и утѣшительный для народнаго самолюбія?

— Не должно удивляться, что мы говоримъ о сочиненіяхъ нашихъ соотечественниковъ въ странствователѣ, который теперь исключительно обозрѣваетъ только произведенія и событія въ чужихъ краяхъ. Есть такія сочиненія, которыхъ мы, или не можемъ, или не желаемъ признать русскими. Вотъ, напримѣръ, недавно вышедшій переводъ записокъ Дюка *Лирійскаго* и Бервикскаго, внука англійскаго короля Іакова II, бывшаго при дворѣ нашемъ испанскимъ посланникомъ при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ. — Мемуары Герцога Лирійскаго, конечно, составляютъ

богатѣйшій историческій матеріалъ для двухъ этихъ царствованій, но, къ сожалѣнію, ученый переводчикъ исключилъ изъ нихъ весьма многое, *рѣзкое и несправедливое*... Но, по нашему мнѣнію, эта неполнота повредила важности историческаго матеріала. Рѣзкое осталось бы себѣ оттѣнкомъ, характезирующимъ личный взглядъ сочинителя; а несправедливое могло бы быть опровергнуто въ замѣчаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить ученаго переводчика, Дмитрія Ивановича Языкова, за то, что эти любопытныя записки теперь можетъ читать каждый. И въ этомъ общемъ интересѣ главное достоинство перевода, потому что для ученаго историческаго труда все-таки надо будетъ обращаться къ подлиннику.

— За симъ странствователь, отдавъ честь, кому слѣдуетъ, въ отечествѣ, переходитъ за границу, на коврѣ самолетѣ отправляется въ Парижъ и прямо въ звѣринецъ Музея Естественной Исторіи. Тамъ есть диво, чудо-юдо. Тератологи или уродословы въ затруднительномъ недоумѣніи. Передъ ними козелъ, который прямо въ глаза нашей пословицѣ говоритъ: не правда. И съ козла можно имѣть молоко. Этотъ козелъ изъ рода безрогихъ. Что онъ козелъ, въ этомъ нѣтъ и малѣйшаго сомнѣнія; что онъ не обоеполый — также нѣтъ сомнѣнія; и при всемъ томъ, у него есть сосцы, изъ которыхъ каплетъ млеко. Теперь на козловъ не обращаютъ никакого вниманія за обиліемъ предметовъ важнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ. А въ древнія времена вся Греція была взволнована такимъ точно явленіемъ, и Аристотель внесъ удивительнаго козла въ свои удивительныя сочиненія.

Сосцовъ у парижскаго козла два. Правый развитъ больше; молока онъ даетъ наименѣе пол-литры въ сутки; но это молоко солонѣе обыкновеннаго козьяго. Впрочемъ, не только между козлами, и у другихъ млекопитающихъ, у собаки, кошки, быка и овна, въ разные вѣка замѣчены подобные случаи. Наконецъ, были мужчины съ млеконосными сосцами. Объ этомъ также упоминаетъ Аристотель, подтверждаютъ свидѣтельства Шурига, Галлера, Шахера, Жофруа Сентъ-Иллера и Гумбольдта. Послѣдній, въ странахъ тропическихъ видѣлъ мужчину, который пять мѣсяцевъ питалъ своего сына собственнымъ молокомъ. Подобные случаи, вѣроятно, послужили поводомъ нелѣпому показанію нѣкоторыхъ путешественниковъ, что въ Бразиліи и Средней Африкѣ, не женщины, а мужчины кормятъ грудью дѣтей.

— О насѣкомыхъ писано такъ много, что теперь эта часть требуетъ особеннаго историка, и особенной исторіи, къ чему уже и приступлено, какъ мы имѣли случай увѣдомлять нашихъ читателей. Теперь, г. Валлонъ, въ Дижонѣ, составилъ трактатъ о правахъ и обычаяхъ разныхъ насѣкомыхъ, и обнаружилъ множество ошибокъ множества натуралистовъ. И такъ, историкъ опять въ затрудненіи; возможность исторіи отдалилась на неопредѣленное время. Между французскими агрономами до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что на пшеницѣ не бываетъ такъ называемыхъ рожковъ или чернушки. Г. Валло опровергъ и это ложное мнѣніе, а Жюссье утвердилъ показаніе Валло своимъ авторитетомъ. И такъ, да будетъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо, что и въ пшеницѣ заводятся рожки.

— Между разными предметами англо-китайской торговли, важную роль играетъ трава, которая имѣетъ всѣ свойства льна, но въ высшей степени, потому что крѣпостью, тонкостію и длиною волоконъ превосходитъ ленъ. Изъ этой травы уже сдѣлали ткань; она походитъ на французскій кембрикъ, но имѣетъ такой лоскъ, будто шелковая. Въ Китаѣ этой травы тма темъ, и торговлѣ льномъ и коноплями угрожаетъ опасная реформа.

— Книги? — Книгъ много, но особенно важныхъ не помнимъ. Весьма замѣчательны Біографическія Записки Дуфло де Мофра о жизни Мендозы и Наваретта, оказавшихъ мореплаванію неисчислимыя заслуги.

— *Бѣдная эта недѣля!* Право, мы не лѣнились; странствовали, странствовали, но не нашли особенно занимательнаго. И по музыкальной части мало новостей, и тѣ низкаго разбора. Сѣверно-Германское Музыкальное Общество, въ Гамбургѣ, объявившее конкурсъ на сочиненіе лучшей музыки на слова Генбеля, присудило премію Шпонгольцу. Конкурентовъ было 55. — Много и мало! У насъ это было бы число баснословное; въ Германіи — это еще не единица. Его величество король Прусскій купилъ все что осталось послѣ смерти Бетговена, у владѣльца этого наслѣдства, профессора Антона Шиндлера. — Для заключенія нашего бѣднаго странствованія, это едва ли не самая важная новость.

ЕЩЕ ОДИНЪ.

ЗАЩИТНИКЪ.

Заходящее солнце покрывало снѣжныя вершины горы Пилатусъ красноватыми отливами, которые, опускаясь ниже и ниже, принимали болѣе блѣдный оттѣнокъ, потомъ окаймляли зелень виноградниковъ на склонѣ горы, и, наконецъ, исчезали въ темной синевѣ густаго лѣса... Часть Люцерна, лежащая у подножія горы Пилатусъ, была погружена въ холодную, синюю тѣнь; на противуположной же части, колокольни церквей, башни и крыши высокихъ домовъ, были еще позлащены послѣдними лучами солнца.

Въ гладкой какъ зеркало поверхности Вальдштедтскаго озера отражались остроконечные прибрежные дома, и только изрѣдка пробѣгавшія голубыя струйки, или непрозрачная полоса, на время ложившаяся за медленно скользившей лодочкой, прерывали чистоту и ясность отраженія.

Пользуясь чистымъ вечернимъ воздухомъ, жители Люцерна гуляли по широкимъ природнымъ загороднымъ аллеямъ. У небольшаго домика, съ квадратными окнами, подъ зеленымъ навѣсомъ плюща, устроеннаго между четырьмя развѣсистыми липами, сидѣли нѣсколько молодыхъ людей, шумно и весело разговаривавшихъ. Между ними былъ одинъ военный, что-то съ жаромъ доказывавшій своимъ товарищамъ.

Молодому офицеру казалось не болѣе двадцати трехъ лѣтъ; такъ точно, какъ въ свѣтломъ, прямомъ взорѣ его отражалась чистая душа, такъ и свѣжій здоровый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о непорочности тѣла; юношескому выраженію лица его даже маленькіе черные усы, тщательно приглаженные, не могли придать мужественности. Съ горячностію молодости убѣждалъ онъ въ чемъ-то нѣсколькихъ довольно флегматическихъ Швейцарцевъ, небрежно развалившихся на стульяхъ или скамьяхъ, покуривавшихъ трубки, опоражнивавшихъ стаканы чистаго и прозрачнаго, какъ янтарь, вина и отрывистыми звуками, или пожатіемъ плечъ, отвѣчавшихъ на вопросы молодаго человѣка. Наконецъ, какъ бы выведенный изъ терпѣнія флегмой своихъ собесѣдниковъ, военный съ неудовольствіемъ сѣлъ на скамью, налилъ себѣ стаканъ вина, выпилъ немного, поставилъ опять стаканъ на столъ и, махнувъ рукою, рѣшился, какъ казалось, не тратить болѣе словъ.

Молчаніе продолжалось довольно долго.

Наконецъ, одинъ изъ товарищей, офицеръ молодой человѣкъ, одаренный преждевременною дородностью, въ коричневой блузѣ и соломенной шляпѣ, вынулъ трубку изо рта, плюнулъ и, принявъ значительную мину, заговорилъ съ разстановкой:

— Конечно... Валлеръ... ты правъ...

— Разумѣется, правъ!.. вскричалъ съ живостію и вскочивъ со скамьи, военный.

— Ну, да... я то и говорю...

— То-то и есть, говорите вы умѣете, а... впрочемъ, нѣтъ, вы и говорить-то не умѣете!

— Дай же мнѣ досказать!.. Фу, какой порохъ!.. Я думаю... съ тобою по неволѣ говорить разъучишься... и такъ, я говорю, что... конечно... ты, Валлеръ, правъ... въ одномъ отношеніи...

— Во всѣхъ!

— Ну, нѣтъ... извини; не во всѣхъ; во-первыхъ, ты не правъ въ томъ отношеніи, что приписываешь этимъ людямъ такое могущество...

— Я говорю, что они были могущественны, и опять могутъ сдѣлаться!.. вскричалъ молодой человѣкъ.

— Отчего...

— Развѣ...

— Никто не...

— Помилуй, люб...

Всѣмъ четверымъ собесѣдникамъ пришли идеи, которыя, не смотря на всю свою флегму, они хотѣли высказать; но заговоривъ всѣ вмѣстѣ, они всѣ четверо вмѣстѣ и замолчали изъ вѣжливости, чтобы не мѣшать другъ другу говорить.

Наступило молчаніе, во время котораго офицеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на своихъ пріятелей, которые бросали другъ на друга вопросительные взгляды.

Дородный молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ, опять рѣшился взять на себя трудную обязанность перервать молчаніе.

— Помилуй, любезный Валлеръ, — сказалъ онъ. Кто же позволитъ имъ опять сдѣлаться могущественными?.. Это, другъ мой, несбыточное дѣло... О чемъ же и идутъ теперь прежнія споры?

— То-то и есть!.. Пренія, споры!.. Тутъ не спорить должно, а дѣйствовать!.. принять рѣшительныя мѣры... нанесть сильный ударъ! Да, вотъ мое мнѣніе!..

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Валлеръ, сказалъ пискливымъ голосомъ худощавый студентъ въ очкахъ, бѣжавшій изъ Пруссіи отъ долговъ, — что рѣшительныя мѣры не могутъ быть такъ дѣйствительны, какъ легкіе, но постоянные, удары. Вы, вѣроятно, изволите знать, что вылейте бочку воды на камень, онъ и не тронется, а выпускайте эту самую воду изъ бочки по каплѣ на камень, такъ она пробьетъ его!.. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Умно сказано. Проговорилъ высокій молодой человѣкъ съ роскошною бѣлокурою гривой и длинными усами съ рыжеватымъ отливомъ. — Умно сказано! Я самъ ненавижу этихъ извергов' отъ души, то есть, такъ, что желалъ бы сжать ихъ въ желѣзныхъ тискахъ, а между тѣмъ, предпочитаю умѣренныя средства.

— Разумѣется, иронически возразилъ военный, это гораздо покойнѣе, особенно, если вы безъ толку приметесь за рѣшительныя мѣры, какъ наши земляки, которыхъ разогнали, какъ школьниковъ, при Ренгглохѣ!

— Но вы забываете, что при Гючьвальдѣ происходило отчаянное сраженіе... побѣда не осталась не на чьей сторонѣ, — замѣтилъ молодой человѣкъ съ рыжеватыми усами.

— И вы гордитесь этимъ сраженіемъ, неправда-ли?.. Братъ возстаетъ на брата!.. съ горькой улыбкой возразилъ молодой человѣкъ.

— А, извольте видѣть, господинъ Валлеръ, сказалъ студентъ, — это со всѣмъ другое дѣло... тутъ замѣшалась политика...

— Тсъ, тсъ!.. зашикали всѣ собесѣдники.

— Кнейперъ забываетъ наше условіе: о политикѣ ни слова!

— Позвольте вамъ замѣтить, господа, — сталъ оправдываться студентъ, что вы сами толкуете...

— Ни слова! ни слова! — закричали всѣ, исключая Валлера

Кнейперъ залпомъ выпилъ стаканъ вина, закурилъ трубку и съ негодованіемъ прерваннаго оратора, надулся.

Собесѣдники, какъ бы недовольные другъ другомъ, молчали нѣсколько минутъ.

Въ то самое время, на возвышеніе, на которомъ сидѣли пріятели, сталъ всходить мужчина лѣтъ тридцати, высокій, стройный и одѣтый съ изысканною щеголеватостью. Черты лица его были совершенно правильны, но эта самая правильность придавала имъ какую-то жосткую, непріятную сухость, еще болѣе увеличенную однообразнымъ желтымъ цвѣтомъ лица, свойственнымъ людямъ желчнымъ. Мутно-голубые глаза придавали взгляду его нѣчто безстрастное; бѣлокурые брови были почти незамѣтны; прямой, острый носъ и губы розово-синеватаго цвѣта, и которымъ привычка придала постоянно горько-ироническую улыбку, составляли общее, съ перваго взгляда внушавшее къ этому человѣку невольную недовѣрчивость.

Закинувъ руки, въ которыхъ онъ держалъ тросточку, на спину, онъ медленно всходилъ на возвышеніе. Замѣтивъ, что подъ природной бесѣдкой, находившейся передъ дверьми кофейной, сидѣло нѣсколько человѣкъ, онъ остановился, прищурилъ глаза, наклонивъ нѣсколько голову на правое плечо и, какъ бы узнавъ, въ молчавшихъ въ это время собесѣдникахъ, знакомыхъ, онъ поворотилъ назадъ и съ недовольнымъ видомъ хотѣлъ удалиться.

Вдругъ надъ самымъ ухомъ его пронесся шопотъ:

— Фердинандъ!..

Онъ вздрогнулъ и сталъ осматриваться.

— Мирталь! повторилъ тотъ же голосъ, — я здѣсь...

Только тогда онъ замѣтилъ за бесѣдкой, между двумя развѣсистыми липами, старика, сидѣвшаго за небольшимъ, круглымъ столикомъ съ газетой въ рукахъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ сахарной воды.

Старикъ этотъ былъ въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ; изъ подъ откинутой полы сюртука видны были черныя же панталоны, нижнія оконечности которыхъ были спрятаны въ глянцоватые сапоги, голенище которыхъ было въ мелкихъ поперечныхъ складкахъ. Полное, довольно свѣжее еще лицо старика, было оттѣнено широкими полями низенькой шляпы. Слегка вытянувъ шею впередъ и приставивъ руку къ одной сторонѣ рта, какъ бы для того, чтобы звуки голоса его вѣрнѣе долетѣли до того, котораго онъ звалъ, старикъ смотрѣлъ внизъ.

Фердинандъ Мирталь поворотилъ направо и помаленькой тропинкѣ пошелъ прямо къ старику. Онъ почтительно поклонился ему и остановился у стола, сказавъ:

— Вы здѣсь, почтеннѣйшій отецъ...?

— Тсъ... говорите тише... я пріѣхалъ сюда только сегодня утромъ, и завтра долженъ опять ѣхать... Я очень радъ, что встрѣтился съ вами... вы мнѣ нужны. Я остановился у Джіованни Олива. Приходите туда сегодня вечеромъ. Мнѣ надобно сообщить вамъ нѣчто важное. Но прежде скажите мнѣ, не знаете ли вы этихъ людей? И онъ указалъ на молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ бесѣдкѣ.

— Знаю, отвѣчалъ Миртель, нахмуривъ брови.

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ... старикъ сдѣлалъ знакъ Мирталю, чтобы тотъ наклонился къ нему, и сталъ ему говорить что-то на ухо, съ злобной улыбкой показывая на молодыхъ людей.

— Но, почтеннѣйшій отецъ, — возразилъ Мирталь, — онъ сумазбродъ... слова его мыльные пузыри...

— Дѣти бѣгаютъ за мыльными пузырями, — сухо возразилъ старикъ. Дѣлайте, что вамъ... о чемъ я васъ прошу, — прибавилъ онъ, измѣнивъ вдругъ повелительное выраженіе голоса. — Не забывайте, что вечеромъ я жду васъ у себя.

Мирталь, молча поклонился старику и какъ бы неохотно пошелъ къ молодымъ людямъ, принужденно улыбаясь.

— Здраствуйте, господа, сказалъ онъ, обойдя бесѣдку и подходя къ молчавшимъ пріятелямъ; — что значитъ это молчаніе?

Молодой человѣкъ съ рыжими усами подалъ Мирталю руку; студентъ привсталъ и низко поклонился; другіе приподняли шляпы; только Валлеръ отвернулся съ неудовольствіемъ.

— О чемъ вы задумались? продолжалъ Мирталь.

— Послѣ грозы наступаетъ тишина, — замѣтилъ студентъ, пользовавшійся всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое краснорѣчіе.

— Э! — съ улыбкой вскричалъ Мирталь, — развѣ была гроза?.. Господинъ Валлеръ, если я не ошибаюсь, и теперь еще находится подъ вліяніемъ ея... прибавилъ онъ насмѣшливо.

— Вы думаете?.. небрежно возразилъ Валлеръ.

— Судя по вашему мрачному молчанію.

— Господинъ Кнейперъ забылъ прибавить, что тишина бываетъ также предвѣстницей грозы, — вспыльчиво вскричалъ Валлеръ, пристально смотря въ глаза Мирталю.

— Браво, браво!.. вскричалъ студентъ.

— Умно сказано, — проворчалъ молодой человѣкъ съ рыжими усами.

Мирталь невольно опустилъ глаза передъ взглядомъ офицера и, обратившись къ студенту, спросилъ:

— Вслѣдствіе чего же была гроза?..

— Такъ, маленькій споръ о довольно важномъ предметѣ. Будьте нашимъ судьею.

— Господинъ Мирталь плохой судья въ этомъ дѣлѣ, — прервалъ студента Валлеръ, — потому что онъ воспитывался въ Фрейбургѣ.

— А, понимаю! — возразилъ Мирталь улыбнувшись, — вы разбирали такъ называемое колоссальное, гигантское произведеніе генія нашего времени, знаменитую сказку Вѣчнаго Жида... Что же? Предметъ очень любопытный и въ которомъ я, не смотря на рѣшительный приговоръ господина Валлера, могу быть судьею... быть можетъ, одностороннимъ... быть можетъ, пристрастнымъ... но, мнѣ кажется, чтобы произнесть надъ чѣмъ нибудь вѣрный судъ, должно собрать всѣ мнѣнія, всѣ голоса, и изъ нихъ извлечь истину...

— Умно сказано, — проворчалъ усачъ.

— Нельзя сказать, чтобы мы разбирали Вѣчнаго Жида, — возразилъ офицеръ, — потому что въ этой сказкѣ, какъ вы ее называете, люди, о которыхъ мы говорили, избраны, не какъ цѣль, а какъ средство. Мы шли прямо къ цѣли, мы говорили о вредномъ вліяніи іезуитовъ!

— Позвольте васъ спросить, сказалъ Миртель, — давно ли вы читали послѣднюю вышедшую главу Вѣчнаго Жида?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Къ тому, что вы, если я не ошибаюсь, теперь находитесь, не подъ вреднымъ, нѣтъ, а подъ довольно забавнымъ вліяніемъ этой, повторяю, сказки.

— Не находитесь ли вы подъ вліяніемъ... вашихъ наставниковъ? — вспыльчиво возразилъ Валлеръ.

Мирталь нахмурился; онъ не ожидалъ такого прямаго, рѣзкаго удара; опустивъ, по привычкѣ своей, глаза, онъ, однакожъ, тотчасъ же опять поднялъ ихъ и, придавъ лицу своему серьозное выраженіе, продолжалъ:

— По послѣднему, довольно колкому, вашему отвѣту, я вижу, что замѣчаніе мое, сдѣланное безъ всякаго дурнаго намѣренія, обидѣло васъ... Простите, господинъ Валлеръ; оставимте колкости и будемъ продолжать разговоръ хладнокровно... если вы можете...

— Я не чувствую желанія, и не вижу нужды продолжать разговора, — возразилъ Валлеръ, и всталъ.

Мирталь же взялъ стулъ и сѣлъ къ прочимъ молодымъ людямъ.

— Какъ вамъ угодно. — Мы же, господа, велимъ принесть еще бутылку вина и хладнокровно переговоримъ о предметѣ, волнующемъ теперь у насъ всѣ умы...

Валлеръ хотѣлъ было удалиться, но при послѣднихъ словахъ Мирталя воротился, сѣлъ напрежнее свое мѣсто и, скрестивъ руки на груди, сказалъ:

— Господинъ Мирталь, говорите; но не забывайте, что между вашими слушателями есть одинъ, котораго вы не скоро убѣдите... Я хотѣлъ удалиться; но такъ какъ я знаю, что вы обладаете ораторскимъ краснорѣчіемъ, то рѣшился остаться, чтобы не потерять случая еще разъ явиться вашимъ соперникомъ.

— Еще разъ?.. сказалъ Мирталь, слегка нахмуривъ брови. Я знаю, на что вы намекаете, господинъ Валлеръ, а потому рѣшительно отвѣчаю, что ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ не признаю васъ соперникомъ.

— Это подастъ мнѣ надежду на второй случай, — отвѣчалъ офицеръ.

— Вы слишкомъ самолюбивы, — возразилъ съ нѣкоторой досадой Мирталь.

— Счастливое соперничество съ вами дало мнѣ право быть самолюбивымъ, — отвѣчалъ Валлеръ.

— Счастливое ли оно... это еще не рѣшено.

— Э, господинъ Мирталь, да вы, кажется, еще самолюбивѣе меня.

— Нѣтъ... господинъ Валлеръ, я справедливъ. Мнимая ваша побѣда надъ сердцемъ кокетки...

— Господинъ Мирталь, вы забываете, что вы сватались на этой кокеткѣ...

— Сватался... но, по счастію, отступился. Другому предоставляю я ту глупость, которая вамъ кажется счастіемъ.

— Господинъ Мирталь! вспыльчиво вскричалъ офицеръ.

— Вы сердитесь? — съ торжествующимъ хладнокровіемъ спросилъ Мирталь.

— Порохъ... порохъ... проговорилъ господинъ въ соломенной шляпѣ.

— Я не знаю ничего презрѣннѣе клеветника! — продолжалъ вспыльчиво Валлеръ.

— Кого вы называете клеветникомъ?... спросилъ Мирталь, судорожно и какъ бы невольно сжавъ край стола рукой.

— Того, кто низкими намеками старается очернить доброе имя молодой дѣвушки! вскричалъ Валлеръ внѣ себя.

— Я беру въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ началъ Мирталь преодолѣть стараясь ярость, кипѣвшую въ груди его.

— Незачѣмъ, господинъ Мирталь!.. Я очень радъ случаю высказать вамъ мое мнѣніе на счетъ васъ... Вы видите, я уже говорю прямо... до меня дошли уже слухи о клеветахъ, распускаемыхъ вами... Я молчалъ, потому что молодая дѣвушка, о которой идетъ рѣчь, выше всякой клеветы... Но теперь, когда вы мнѣ въ глаза смѣете говорить подобныя вещи я долженъ сказать вамъ, что если вы прибавите еще одно слово...

— Что тогда?.. спросилъ Мирталь, вставъ и устремивъ на молодаго человѣка сверкавшіе отъ бѣшенства глаза.

И Валлеръ всталъ. Взоры противниковъ встрѣтились съ выраженіемъ глубокой ненависти. Они простояли минуту въ молчаніи. Наконецъ, Валлеръ отвѣчалъ прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Благородный человѣкъ не сдѣлалъ бы подобнаго вопроса.

— А! Это уже слишкомъ! глухимъ голосомъ и съ бѣшенствомъ вскричалъ Мирталь.

— Кажется, и вы сердитесь? спросилъ Валлеръ, какъ бы успокоенный и вполовину удовлетворенный видомъ бѣшенства своего противника.

— Господинъ Валлеръ!.. я требую.

Вдругъ сильный кашель, раздавшійся въ двухъ шагахъ, заставилъ Мирталя остановить-

ся; онъ невольно обратилъ взоръ въ ту сторону, откуда послышался кашель, и глаза его встрѣтились съ глазами старика, который сдѣлалъ быстро движеніе плечами и головою и тотчасъ же опять углубился въ чтеніе. Все это было дѣломъ одной секунды. Никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ, ни движенія ни взгляда Миртaля, который съ неимовѣрнымъ усиліемъ преодолѣвъ свою ярость, продолжалъ внезапно измѣнившимся, мрачно спокойнымъ, голосомъ:

— Я требую, чтобы эти господа объявили откровенно, обидѣлъ ли я васъ... Если я въ самомъ дѣлѣ виноватъ, то... прошу извиненія. —Послѣднія два слова онъ произнесъ едва слышнымъ голосомъ и бросивъ быстрый взглядъ на старика.

Тотъ искоса взглянувъ на Миртaля одобрительно кивнулъ головою.

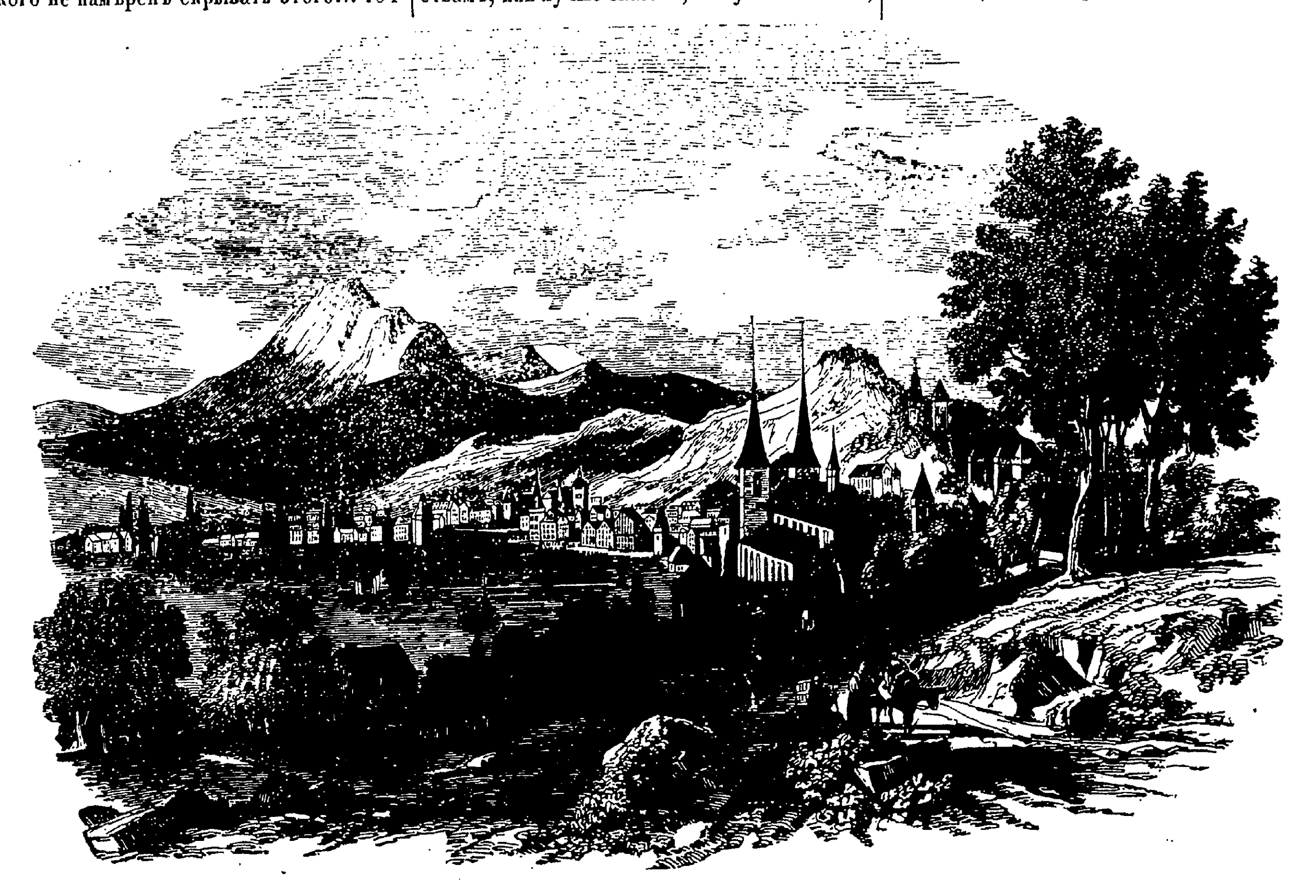
Никто изъ присутствовавшихъ не ожидалъ такого оборота дѣла. Валлеръ самъ до того былъ изумленъ отвѣтомъ Миртaля, что недовѣрчиво взглянулъ на него.

— Вина! самаго стараго! — вскричалъ послѣдній; — и будемъ продолжать разговоръ, прерванный на время этимъ непріятнымъ споромъ... Господинъ Валлеръ, вы назвали іезуитовъ моими наставниками; это правда и я ни отъ кого не намѣренъ скрывать этого... точно, я воспитывался въ Фрейбургскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ... и по этому самому могу имѣть свое сужденіе о людяхъ, съ которыми я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. А потому разсмотримъ дѣло хладнокровно, безпристрастно... скажите, въ чемъ вы обвиняете іезуитовъ и, кто знаетъ, быть можетъ вѣрными, положительными доказательствами вы убѣдите меня самого... если жъ нѣтъ, то и я съ своей стороны приму защиту... людей, которыхъ не вы одни такъ жестоко преслѣдуете...

— Брависсимо! диспутъ, диспутъ!.. Закричалъ студентъ, успѣвшій уже выпить два стакана вина изъ вновь принесенной бутылки.

— Я не намѣренъ вступать въ этотъ диспутъ, какъ говоритъ Кнейперъ, потому что не чувствую въ себѣ ни довольны силы и краснорѣчія, чтобы убѣдить всѣхъ, на желанія убѣждать васъ,—небрежно возразилъ Валлеръ.

— А я скорѣе думаю, что вы не находите прямыхъ обвиненій, — сказалъ Миртaль, — впрочемъ не вы одни такъ разсуждаете объ іезуитахъ. Забавный сказочникъ вашъ Евгеній Сю, прибѣгаетъ къ нравственно безобразнымъ выдумкамъ... а вы знаете, что толпа или, вѣжливѣе, публика во всемъ и всегда рабски повинуется чувствамъ... льстите ея чувствамъ, или лучше сказать, ея чувственности, она провозгласитъ васъ геніемъ, полубогомъ!.. Толпа легко поддается всякому вредному, дурному вліянію: ее стоитъ только увѣрить, что вы дѣйствуете въ ея пользу. Самый безсмысленный вздоръ становится тогда для нея чудомъ, а самые грубые лгуны — величайшими геніями... И вотъ является смѣльчакъ, одаренный воображеніемъ, которой выставляетъ бѣдной толпѣ іезуитовъ, какъ чудовищъ, способныхъ на всѣ преступленія и какъ опаснѣйшихъ враговъ человѣчества. Пользуясь эфемерной славой и по слабости, свойственной всѣмъ лгунамъ, онъ пустился въ преувеличенія и обвиняетъ іезуитовъ въ такихъ ужасныхъ злодѣйствахъ, что въ здравомъ умѣ невольно должно было родиться сомнѣніе на счетъ дѣйствительности ихъ, а между тѣмъ... странная вещь!.. толпа въ какомъ-то безумномъ ослѣпленіи всему повѣрила, всему вѣритъ!.. Но скажите, въ чемъ же можно обвинить іезуитовъ?.. Нѣкоторые требуютъ изгнанія ихъ... но чтобъ быть изгнаннымъ, надо быть преступникомъ! Говорятъ, что идеи, правила, направленіе ихъ вредное... но это надо доказать, не такъ какъ одинъ противникъ доказываетъ другому, что онъ не правъ, но доказать послѣ суда строгаго и безпристрастнаго, какъ законъ, карающій или щадящій, безъ страсти и безъ ненависти!..



Видъ Люцерна.

Солнце почти совершенно скрылось. Смеркалось. Нѣсколькихъ любопытныхъ, привлеченныхъ громкимъ голосомъ и жаромъ, съ которымъ говорилъ Миртaль, окружили бесѣдку.

— Я могу назвать вамъ множество всѣми уважаемыхъ гражданъ, по богатству и заслугамъ занимающихъ почетныя мѣста въ свѣтѣ, гордящихся правилами, внушенными имъ славными наставниками ихъ, іезуитами. Я самъ, — не ставлю себя въ число людей, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, — я самъ воспитывался въ Фрейбургскомъ Коллегіумѣ, и открыто говорю, что нѣтъ ничего истиннѣе, чище и возвышеннѣе наставленій этихъ великихъ людей. Вотъ чему они учили насъ, вотъ общая идея ихъ наставленій: «Прежде всего должно быть человѣкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ создалъ насъ Творецъ, то есть: милосердымъ, кроткимъ и справедливымъ. Должно любить прежде всего Бога, а потомъ ближнихъ.» Ихъ обвиняютъ въ участіи, будто бы принимаемомъ въ политикѣ — ложь! Во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ мы видимъ, что они всячески избѣгаютъ случая коснуться какихъ бы то ни было общественныхъ формъ и условій, принятыхъ людьми. Они это доказали миссіями въ Китаѣ, поселеніями въ Индіи, Парагвайской республикой и многочисленными обществами во всѣхъ государствахъ земнаго шара!.. Они говорятъ, что такъ какъ различны климаты, то различны и нравы и обычаи, а слѣдовательно, должны быть различны и законы. Лучшіе же законы тѣ, которые соотвѣтствуютъ нравамъ и обычаямъ страны. Можно ли это назвать вмѣшательствомъ въ политику?.. Есть ли кто нибудь между вами, господа, сказалъ Миртaль, окинувъ всѣхъ присутствовавшихъ гордымъ взглядомъ,—который можетъ найдти что либо предосудительное во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ іезуитовъ?

Всѣ молчали.

— Умно сказано,—проворчалъ проснувшійся усачъ.

— Брависсимо!.. закричалъ вдругъ студентъ, и кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ вслѣдъ за нимъ:

— Конечно... если это такъ... то...

— Такъ, совершенно такъ!.. съ жаромъ вскричалъ Мирталь.

— Не такъ!.. вскричалъ вдругъ звучнымъ голосомъ офицеръ.—Господинъ Мирталь, вы сами вызывали меня на диспутъ... Я, признаюсь, отказался отъ него, потому что не будучи такъ хорошо знакомъ съ исторіейи постановленіями іезуитовъ какъ вы, я опасался, что вы опровергнете слова мои фактами... между тѣмъ, все то, что вы сказали, не что иное, какъ общія мѣста, который можно примѣнить ко всему.

— Ого, вступленіе хорошо, —проговорилъ студентъ, начинавшій уже терять равновѣсіе.

— Я на каждое слово мое могу представить вамъ факты.

— Но вы ихъ не представили. Я же представлю факты безъ дальнихъ разсужденій... возразилъ Валлеръ, и всталъ.

— Ура! диспутъ состоялся, — закричалъ студентъ.

— Не шуми, Кнейперъ! — сказалъ ему господинъ въ соломенной шляпѣ.

Солнце совершенно скрылось. Съ возвышенія, на которомъ происходила описанная нами сцена, видѣнъ былъ городъ, погруженный въ темно-синюю тѣнь, по которой мѣстами виднѣлись, сквозь туманъ, подымавшійся надъ озеромъ, огоньки, освѣщавшіе окна домовъ.

На столѣ, передъ которымъ сидѣли собесѣдники, стояли уже двѣ свѣчи и, по странному случаю, одна находилась возлѣ Валлера, другая же возлѣ Мирталя. Только эти два лица были освѣщены, прочія же находились въ полутѣни...

Наступило глубокое молчаніе... послышались легкіе шаги по песку и, секунду спустя, у самаго входа въ бесѣдку явилась высокая фигура старика въ черномъ сюртукѣ и въ шляпѣ съ широкими полями.

П. Ф—нъ.

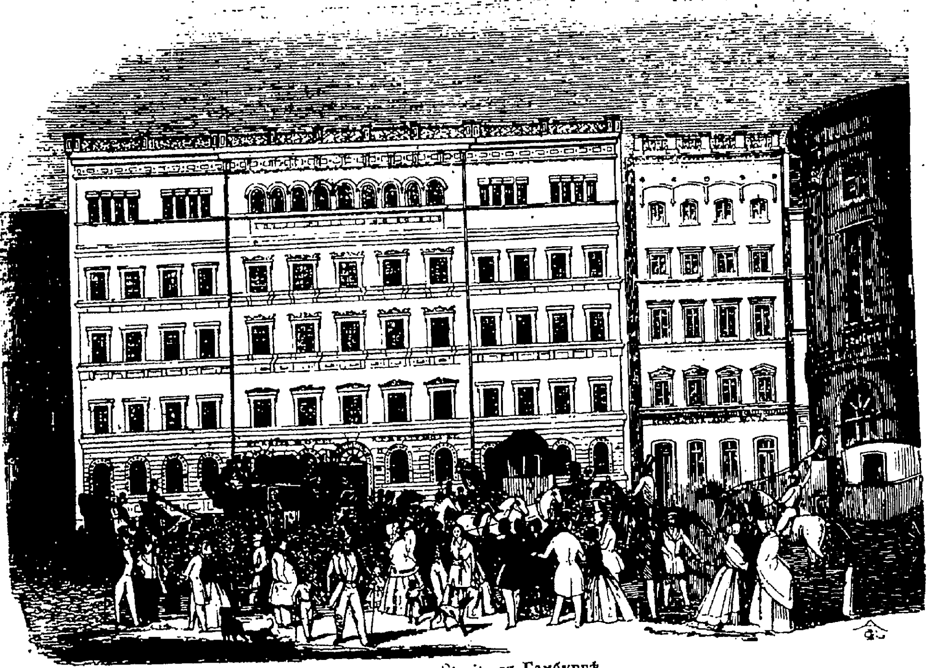
(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Петербургская гостинница въ Гамбургѣ.

ПИСЬМО

ИЗЪ ГАМБУРГА.

.....Нельзя не изумляться удивительной дѣятельности и поспѣшности, съ которою возобновляется Гамбургъ, главнѣйшая часть котораго, еще такъ недавно, а именно 7-го мая 1842 года, представляла ужасное зрѣлище страшнаго опустошенія. Весь Нейенваль, напримѣръ, представлялъ громадныя кучи развалинъ, засыпанныя горячей золой. Какая же теперь разница! Теперь только небольшая часть Нейенваля, и то только съ лѣвой стороны, не кончена; правая же вся застроена прекрасными зданіями. Также и Юнгфернстигъ почти весь возобновленъ. На немъ особенно замѣчательны двѣ гостинницы: Hôtel St. Petersbourg и Hôtel-Streit.



Гостинница «Streit» въ Гамбургѣ.

Первая отличается, какъ прекрасною архитектурою, такъ и единственнымъ мѣстоположеніемъ, едва ли не лучшимъ въ цѣломъ Гамбургѣ. Особенно прелестенъ садъ, расположенный во второмъ этажѣ, надъ аркадой, подъ которой въ красивыхъ магазинахъ останавливающіеся въ этой гостинницѣ могутъ пріобрѣсть все, что имъ нужно, отъ необходимыхъ житейскихъ потребностей, до принадлежностей утонченнѣйшей роскоши. Не смотря на то, что въ этой гостинницѣ до 100 квартиръ различныхъ величинъ, она всегда полна.

Вторая отличается, не столько вкусомъ своей архитектуры, сколь-

ко громадностію. Это самая большая гостинница во всемъ Гамбургѣ, который собрался съ новыми силами для принятія достойнымъ образомъ частныхъ и многочисленныхъ своихъ гостей.

СТРАШНАЯ ИГРА.

съ нѣмецкаго.

Маркизъ Анджело Фоскарини, послѣдній представитель одной изъ благороднѣйшихъ и древнѣйшихъ неаполитанскихъ фамилій, три года путешествовалъ по Европѣ, и наконецъ, чтобы поправить свое здоровье, поѣхалъ въ Діеппъ. Это было въ 1831 году. У маркиза была дочь, синьора Олимпія, единственное дитя, оставшееся у него отъ трехъ несчастливыхъ браковъ. Олимпія была красавица и обладала рѣдкими душевными качествами. Не смотря на то, тайная печаль снѣдала Фоскарини, гордившагося своими предками и приходившаго въ отчаяніе при одной мысли о томъ, что имя этихъ знаменитыхъ предковъ, въ теченіе четырехъ столѣтій передававшихъ его одинъ другому и высокими подвигами увеличивавшихъ блестящую славу, онъ самъ долженъ будетъ, предъ своею смертью, вычеркнуть изъ золотой книги неаполитанскаго дворянства. Онъ охотно пожертвовалъ бы своими огромными богатствами, своею жизнію, своею дочерью, если бы у него родился сынъ, который хоть бы еще на одно столѣтіе могъ поддержать славу рода Фоскарини.

На 60-мъ году онъ овдовѣлъ въ третій разъ; первыя двѣ жены его были благородныя Римлянки, а третья знатная германская принцесса; всѣ три умерли, не удовлетворивъ честолюбивыхъ видовъ маркиза. Ослабленный лѣтами и разными волненіями жизни, онъ чувствовалъ, что силы постепенно покидаютъ его; смерть, приближаясь быстрыми шагами, представлялась ему въ самыхъ ужасныхъ образахъ, и, чтобъ заглушить эти тягостныя мысли, и чтобъ удалить отъ себя мысль о близкой кончинѣ, чтобы развлечь себя, послѣдній Фоскарини предавался роскоши, игрѣ и необузданнымъ излишествамъ. Онъ расточалъ милліоны, и когда, въ минуту какой нибудь безразсудной оргіи, онъ случайно вспоминалъ о дочери, то онъ восклицалъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти:

— Женщина! женщина! Для нея все еще останется довольно!.. Что это ничтожное созданіе, этотъ осьмнадцатилѣтній ребенокъ будетъ дѣлать съ моими палатами?.. Олимпія испугалась бы, еслибъ увидала золотыя горы, которыя я копилъ для сына... А теперь, на что мнѣ это золото?.. это золото, которое я копилъ, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ?.. О! надо догнать прошедшее; быть можетъ, завтра я долженъ буду сойдти въ холодную могилу!..

Олимпія знала, отъ чего отецъ ея велъ такую жизнь. Маркизъ не скрывалъ своей убійственной холодности къ ней. Безъ всякаго состраданія и не замѣчая, что онъ раздиралъ ей сердце, маркизъ тосковалъ, горько жаловался на жестокую судьбу, проклиналъ дочь, проклиналъ мать ея и самого себя. Передъ невинною дѣвушкою, дышавшею къ отцу горячею любовію, Фоскарини открывалъ отвратительныя язвы своей гордости; когда она обливалась слезами, и, сложивъ на груди руки, умоляла отца не произносить столь ужасныхъ словъ, и простить ей, что она не родилась мужчиной, то онъ умолкалъ, вперялъ взоръ въ дочь, утиралъ глаза, омоченные слезами, и поспѣшно удалялся.

Обманутыя надежды охладили сердце маркиза. Если бы у него родился сынъ, то, быть можетъ, онъ раздѣлилъ бы любовь свою между нимъ и дочерью; но теперь, онъ, какъ отецъ, былъ равнодушенъ къ Олимпіи; онъ любилъ ее только невольною привязанностью человѣка къ существу прекрасному; онъ берегъ ее, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ своего имущества; онъ не разставался съ нею и не соглашался на блистательные союзы, которые ему были предлагаемы; богатѣйшіе дворяне Австріи и Италіи искали ея руки.

— Оставайся со мною, говорилъ онъ ей, ты мнѣ нужна... Ты еще успѣешь выйти за мужъ, послѣ моей смерти.

Проводя безсонную ночь въ лихорадочныхъ волненіяхъ картежной игры и за виномъ, воспламенявшимъ въ душѣ его страстныя бури, Фоскарини, изнуренный и взволнованный, отправился купаться въ морѣ. Такъ какъ онъ былъ слишкомъ старъ для этихъ ночныхъ вакханалій, которыя разстроили бы здоровье и двадцатилѣтняго юноши, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ несчастливъ, чтобы отстать отъ нихъ, то каждое утро онъ почерпалъ изъ благодѣтельныхъ соленыхъ водъ новыя силы и новую жизнь, которыя въ слѣдующую ночь снова расточалъ.

Однажды онъ купался въ морѣ, которое сильно волновалось, и въ этотъ разъ онъ чувствовалъ себя слабѣе, чѣмъ когда-либо. Совершенно ослабленный, онъ былъ увлеченъ волнами и выброшенъ безъ чувствъ на каменистый берегъ. Снова набѣжавшая волна готова была увлечь его въ открытое море, когда какой-то молодой человѣкъ, также пришедшій купаться, удержалъ его и спасъ отъ неизбѣжной смерти.

Когда Фоскарини пришелъ въ себя и хотѣлъ благодарить своего спасителя, то съ невольнымъ изумленіемъ узналъ въ немъ офицера драбантовъ, котораго онъ встрѣчалъ на Пирмонтскихъ водахъ и въ Вѣнѣ, и который уже нѣсколько разъ тщетно просилъ руки Олимпіи. Маркизъ не могъ преодолѣть невольнаго безпокойства и холодно благодарилъ своего спасителя; молодой Нѣмецъ радушно пожавъ руку старика, просилъ позволенія иногда навѣщать домъ его. Маркизъ не могъ отказать ему.

По прошествіи мѣсяца, Стефанъ — такъ звали офицера — и маркизъ стали неразлучны. Пламенно влюбленный въ Олимпію, но болѣе осторожный нежели прежде, молодой военный рѣшился поступать иначе и остерегаться откровенныхъ признаній, которыя въ Пирмонтѣ и Вѣнѣ возбудили негодованіе отца. Стефанъ увѣрилъ Фоскарини, что онъ будто бы раскаявался въ своей прежней безразсудной любви и что уже совершенно забылъ о ней. Онъ приближался къ Олимпіи безъ страха и не блѣднѣя, говорилъ съ нею съ совершеннымъ спокойствіемъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на которыя дочь маркиза отвѣчала такимъ же образомъ. Старикъ душевно привязался къ молодому человѣку, сдѣлавшемуся его другомъ, повѣреннымъ, товарищемъ оргій. Онъ открылъ ему тайну своей бурной жизни, и Стефанъ вскорѣ понялъ, что старикъ въ шумѣ пиршествъ старался заглушить голосъ совѣсти и страшныя душевныя муки.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, находясь въ неразрывной дружбѣ съ знатнымъ Италіянцемъ и его дочерью, онъ всячески старался примѣниться къ характеру Фоскарини. Олимпія помогала ему. Послѣдствія этого невиннаго заговора молодыхъ людей были неожиданны.

Степанъ проводилъ каждую ночь въ домѣ маркиза за картами. Въ теченіе мѣсяца онъ проигралъ все, что имѣлъ. Олимпія умоляла его продолжать игру, чтобы угодить ея отцу, и сама давала ему золото; молодой человѣкъ постоянно проигрывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала привязанность Фоскарини къ нему; потому что сердце маркиза неспособно уже было питать другой любви, кромѣ любви къ игрѣ; онъ не зналъ никакихъ другихъ наслажденій, кромѣ тѣхъ, которыя доставлялъ ему выигрышъ.

Но эта игра стоила уже Стефану до 10,000 луидоровъ. Однажды, вечеромъ, онъ явился къ Анджело съ 50-ю луидорами въ карманѣ, послѣднею суммою, которую онъ могъ принести въ жертву игрѣ. Деньги эти онъ получилъ отъ Олимпіи, которая отдала ему все, что получала ежемѣсячно отъ отца. Степанъ, при свиданіи съ Олимпіею, сказалъ:

— Если я проиграю и эти деньги, то кончу все разомъ и потребую твоей руки. Если Фоскарини откажетъ, то... мнѣ остается только... застрѣлиться!..

Олимпія знала, что Стефанъ сдержитъ слово.

Стефанъ и Фоскарини усѣлись одинъ противъ другаго. За ихъ столомъ были еще парижскій банкиръ, англійскій морской капитанъ и два Гаванца. Завязалась игра.

Стефанъ началъ десятью луидорами. Онъ поставилъ еще десять, потомъ снова десять, и еще разъ десять... и всѣ проигралъ. Онъ задрожалъ... поставилъ послѣдніе десять луидоровъ, и выигралъ у парижскаго банкира 100 луидоровъ. Счастіе перемѣнилось.

Къ пяти часамъ утра онъ выигралъ 200,000 піастровъ, парижскій банкиръ 80,000, морской капитанъ 20,000, оба Гаванца 130,000. Фоскарини проигрывалъ. Игроки выпили по стакану пуншу и условились вечеромъ опять собраться.

Наступилъ вечеръ. Вчерашняя игра была ничто въ сравненіи съ настоящею. Маркизъ Анджело Фоскарини потерялъ все свое имѣніе: великолѣпные палаццо въ Неаполѣ и Флоренціи, красивыя виллы у подошвы Везувія и въ окрестностяхъ Рима, все золото, всѣ драгоцѣнности, экипажи, лошадей, однимъ словомъ — все!..

Начинало свѣтать. Сквозь двойные занавѣсы проникалъ въ комнату блѣдный утренній свѣтъ, придававшій пламени догоравшихъ свѣчей багровый, тусклый отливъ. Изъ шести отчаянныхъ игроковъ четверо уподобились статуямъ; огромный проигрышъ Фоскарини, наваленныя кучи золота, разбросанныя передъ ними контракты, поразили ихъ невольнымъ ужасомъ. Казалось, что въ залѣ были только два живыя существа: Стефанъ и Фоскарини.

Послѣдній съ отчаяннымъ движеніемъ сталъ чего-то искать въ карманахъ, но они были пусты!.. Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе и мрачнѣе физіономіи Фоскарини. Онъ устремилъ сверкавшіе безумнымъ пламенемъ глаза на Стефана, и глухимъ, дрожащимъ голосомъ, сказалъ:

— Государь мой! Все, что я имѣлъ, теперь принадлежитъ вамъ. Эти господа выиграли малость; но вы, — вы можете сію-же минуту, не вставая со стула, сказать мнѣ: — старикъ, удались изъ моего дома!..

— Синьоръ маркизъ.

— Дайте мнѣ договорить!.. Мы видѣлись съ вами въ Пирмонтѣ и въ Вѣнѣ... Вы искали руки моей дочери... Помните?.. И я два раза отказалъ вамъ...

— Маркизъ...

— Вы любили въ то время мою дочь... согласно съ моими идеями, я долженъ былъ отказать вамъ... Но вы ее любили, не такъ ли?

— Да...

— Любите ли вы ее теперь?.. Говорите... Любите ли вы ее?

— Я люблю ее по прежнему.

— Хорошо. Я поставлю ее на карту...

При этихъ ужасныхъ словахъ всѣ игроки въ безмолвномъ страхѣ вскочили съ мѣстъ... взглядами они умоляли Стефана отказаться.

Но вмѣсто неудовольствія лучь небесной радости озарилъ лицо Стефана. Онъ хотѣлъ броситься къ маркизу на шею; но тотъ оттолкнулъ его. Видя, что игра сдѣлала благороднаго маркиза смертельнымъ врагомъ его, Стефанъ гордо всталъ и отвѣчалъ маркизу торжественнымъ голосомъ:

— Маркизъ, если бы вы согласились назвать меня своимъ зятемъ, я, въ присутствіи этихъ господъ, на колѣняхъ, умолялъ и заклиналъ бы васъ принять обратно то, что слѣпой случай заставилъ васъ проиграть. Теперь я вижу, что вы никогда не согласитесь!..

— Никогда!.. съ мрачною яростію отвѣчалъ маркизъ.

— Хорошо, холодно отвѣчалъ Стефанъ, я принимаю вашу ставку... Чѣмъ угодно вамъ, чтобы я отвѣчалъ?..

Присутствовавшіе вскрикнули отъ ужаса.

Фоскарини посмотрѣлъ на каждаго изъ нихъ съ глубокимъ презрѣніемъ; потомъ бросилъ

взглядъ на три лежавшія передъ нимъ карты и сказалъ Стефану:

Чѣмъ вамъ угодно.

— Я ставлю противъ вашей дочери, отвѣчалъ Стефанъ, все, чѣмъ я владѣю, мое отцовское наслѣдіе, мое имя, мое счастіе!..

— Согласенъ, возразилъ Маркизъ, и открылъ свои карты. У него были три туза.

— Стефанъ открылъ свои, не смотря на нихъ: у него были три десятки. Четвертая образовала каре.

Брелань-каре! (*) сказалъ съ ужасомъ морской капитанъ.

— Брелань-каре! повторили оба Гаванца и парижскій банкиръ.

И такъ какъ послѣ этого всѣ ожидали отчаяннаго поступка со стороны Фоскарини, то они торопливо собрали свой выигрышъ и взялись за шляпы, чтобы поскорѣе удалиться и не быть свидѣтелями могущей случиться катастрофы. Но въ ту минуту, когда они хотѣли раскланяться съ маркизомъ, игроки, холодные ко всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, были, однакожъ, живо тронуты, и остановились. Отецъ, лишившійся дочери, обливался слезами; милліонеръ, сдѣлавшійся вдругъ нищимъ, казалось, умолялъ молодаго человѣка сжалиться надъ нимъ.

Стефанъ, приблизившись къ нему, сказалъ:

— Маркизъ, все это былъ ужасный сонъ, вы ничего не потеряли, а я ничего не выигралъ.

— Я ничего не потерялъ! возразилъ старикъ съ горечью. Спросите у этихъ господъ, которые, набивъ свои карманы моимъ золотомъ, такъ спѣшатъ уйдти отсюда, — потерялъ ли я!.. не думаете ли вы, что я стану просить у васъ милостыни?.. Ошибаетесь! Если мое лицо, мои слезы это вамъ сказали, то лжетъ мое лицо и лгутъ мои слезы!

Сказавъ это, онъ всталъ и поспѣшно ушелъ... никто не отважился остановить его. Вскорѣ за тѣмъ Стефанъ остался одинъ въ комнатѣ. Было одиннадцать часовъ утра. Собравъ контракты, разбросанные на столѣ, Стефанъ бросилъ ихъ въ огонь; написалъ Олимпіи о томъ, что случилось, потомъ вышелъ изъ дому, узнавъ отъ камердинера, что маркизъ ушелъ въ купальню.

Въ пятидесяти шагахъ отъ дому, онъ увидѣлъ толпу народа. Несли человѣка, котораго рыбаки вытащили изъ воды. То былъ Фоскарини...

Недѣлю спустя, Стефанъ, въ полночь, возвращался домой съ бала. Онъ узналъ отъ привратника, что двѣ особы давно уже его ждали; онъ поспѣшно вошелъ къ себѣ и засталъ въ своемъ кабинетѣ маркиза и его дочь.

— Мое посѣщеніе въ такую пору, безъ сомнѣнія, удивляетъ васъ, сказалъ медленно Фоскарини. Я пришелъ исполнить данное честное слово. Вы выиграли у меня мою дочь... вотъ она! Вы видите, я самъ привожу ее къ вамъ. Не думайте, однако жъ, чтобы я принуждалъ ее слѣдовать за мною... Она очень охотно пошла сюда... не такъ ли, Олимпія?

При этомъ вопросѣ лицо его судорожно искривилось звѣрской улыбкой; потомъ онъ продолжалъ:

— У меня нѣтъ болѣе дочери,.. но и у васъ нѣтъ еще жены, синьоръ Стефанъ. Я не назову васъ своимъ зятемъ ни въ какомъ случаѣ, потому что вы не изъ древнихъ, родовыхъ дворянъ, слѣдовательно, только послѣ моей смерти Олимпія можетъ быть вашей женою... Вы видите сами, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится дѣло: Олимпія ваша.... но не совсѣмъ еще... Слѣдовательно, намъ нужно сыграть еще разъ, чтобы привести въ должный порядокъ это дѣло...

При этихъ словахъ, произнесенныхъ глухимъ голосомъ и съ мрачнымъ видомъ, Стефанъ и Олимпія невольно отступили...

Маркизъ же поспѣшно заперъ дверь и спряталъ ключъ въ карманъ.

— И такъ, мщеніе!.. вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ, вынимая изъ кармана два небольшихъ пистолета. — Смотрите, оба эти пистолета одинаковы; но только одинъ изъ нихъ заряженъ... Каждый изъ насъ наудачу выберетъ одинъ пистолетъ и... мы будемъ стрѣляться. Если судьба вручитъ мнѣ заряженный пистолетъ и я убью васъ, то возьму дочь свою назадъ; если жъ судьба будетъ еще разъ благосклонна къ вамъ, и я паду отъ вашей руки, Олимпія можетъ располагать своею рукою и своимъ именемъ, какъ ей угодно. Конецъ всего этого будетъ тотъ, что вы, или проиграете или будете убійцею вашего тестя.

Стефанъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ звать, хотѣлъ выдти.

— Если вы сдѣлаете одинъ шагъ, если вы произнесете одно слово—вскричалъ старикъ съ свирѣпымъ бѣшенствомъ, — то я выстрѣлю въ Олимпію изъ обоихъ пистолетовъ; слышите ли?

Фаскарини показалъ Стефану, чтобы онъ сѣлъ возлѣ него, не обращая вниманія на Олимпію, которая безъ чувствъ опустилась въ кресло...

Смѣшали оружіе. Оба игрока взяли по пистолету и стрѣлялись черезъ платокъ. Раздался выстрѣлъ... и Стефанъ — выигралъ.

(*) Трипакъ, азартная игра.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Европеизмъ. — Академическая выставка. — Статуя Державина. — Портретъ Н. К. Нарышкиной. — Почтовое пароходство между С. Петербургомъ и Штетиномъ.

Можетъ быть, метеорологическія наблюденія мало интересуютъ многихъ; можетъ быть, вліяніе погоды на все наше безмѣрное отечество незанимательно для тѣхъ, которые съ чашкой кофе въ рукахъ и съ сигаркой во рту ищутъ въ газетахъ и журналахъ мгновеннаго развлеченія. Для нихъ лишь бы въ Петербургѣ не было дождя, бури, града, а тамъ, пусть онъ, т: е: градъ, летитъ ростомъ хоть въ пушечное ядро, лишь бы насъ не убило; вотъ, напримѣръ, извѣстіе о концертахъ въ Павловскѣ, о балахъ въ воксалѣ, о... да больше предметовъ и не находимъ; а такія извѣстія интересуютъ, хотя бы эти извѣстія были совершенно несправедливы; все равно; они доступны, легки, удобосваримы; призадумываться не надъ чѣмъ, да и къ чему эти думы?..

Мнѣ мигъ покоя моего
Дороже чѣмъ въ исторьи вѣки.
Жить для себя лишь одного,
Лишь радости умѣть пить рѣки...

О, я вижу, вы отварачиваетесь отъ этихъ варварскихъ стиховъ; возможно ли вамъ, просвѣщеннѣйшимъ современникамъ, читать стихи Державина, когда вы уже разлюбили стихи Пушкина; да и можно ли читать по-русски? Русскіе журналы, которые живутъ на вашъ счетъ, печатно не совѣтуютъ вамъ читать русскихъ произведеній, и не входимъ въ дальнѣйшій разборъ этого загадачнаго совѣта, нѣкоторыхъ журналовъ. Видъ справедливости ограждаетъ ихъ отъ справедливыхъ и — увы! безполезныхъ упрековъ. Такъ не подымется наша литература, если мы будемъ увѣрять всѣхъ и каждаго въ ея ничтожности. И англійская и французская и всякая литература въ свое время не были лучше нашей; но патріотическими, совмѣстными усиліями писателей и публики онѣ возвысились, развились, процвѣли и нѣкоторыя донынѣ процвѣтаютъ. — Къ чему стараться произвести охлажденіе, когда и безъ того уже холодны ко всему отечественному? когда нѣтъ предпріятія, которое бы на первыхъ порахъ не возбуждало насмѣшекъ, И все это изъ чего? Чтоэгоистамъ, которые любятъ читать печатныя бы понравиться одобренія правилъ; чтобы сопричислить ихъ къ кругу своихъ читателей и умножить на нѣсколько рублей свою кассу. Не литература, которая не такъ скудна, какою стараются ее выставить, нѣтъ, но эти именно эгоисты, которымъ такъ угождаютъ, должны быть предметомъ сильныхъ и убѣдительныхъ филиппикъ. Не для того, чтобы исправить эгоистовъ, — на нихъ махните рукой, — но для того, чтобы въ поколѣніи, которое собирается смѣнить ихъ, зажечь искру любви къ отечественному, народному, *своему*; чтобы они, по-крайней—мѣрѣ, вмѣсто русскихъ полезныхъ гражданъ, не сдѣлались обезьянами иностранныхъ соблазновъ, безъ различія и разбора усвоиваемыхъ неопытностію и недостаткомъ истиннаго просвѣщенія. Говорятъ про Иллюстрацію, что она любитъ намѣки, а опредѣлительно не изъясняется. Что за дѣло до лицъ; тотъ ли, другой ли у насъ въ виду? что поможетъ это читателю? Лишь бы мысли наши имѣли справедливое основаніе и благую цѣль; — Европеизмъ — не имѣетъ никакого значенія. Неужели Петръ Великій заботился только о томъ, чтобы сдѣлать Русскихъ Европейцами. Совсѣмъ нѣтъ! Заботился о томъ, чтобы сдѣлать Россію націей просвѣщенной. Въ этихъ воззрѣніяхъ — огромная разница, и снимая бороды и старое платье съ русскаго человѣка, Великій не только не старался измѣнить русскаго сердца, но, напротивъ, всемѣрно усиливался сохранить всѣ элементы русской народности, въ тоже время озаряя русское сердце свѣтомъ истиннаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что ложное направленіе къ ложному европеизму имѣетъ послѣдователей и защитниковъ; но объ нихъ жалѣть нечего. Теперь обратимся къ нашей ежедневной дѣйствительности.

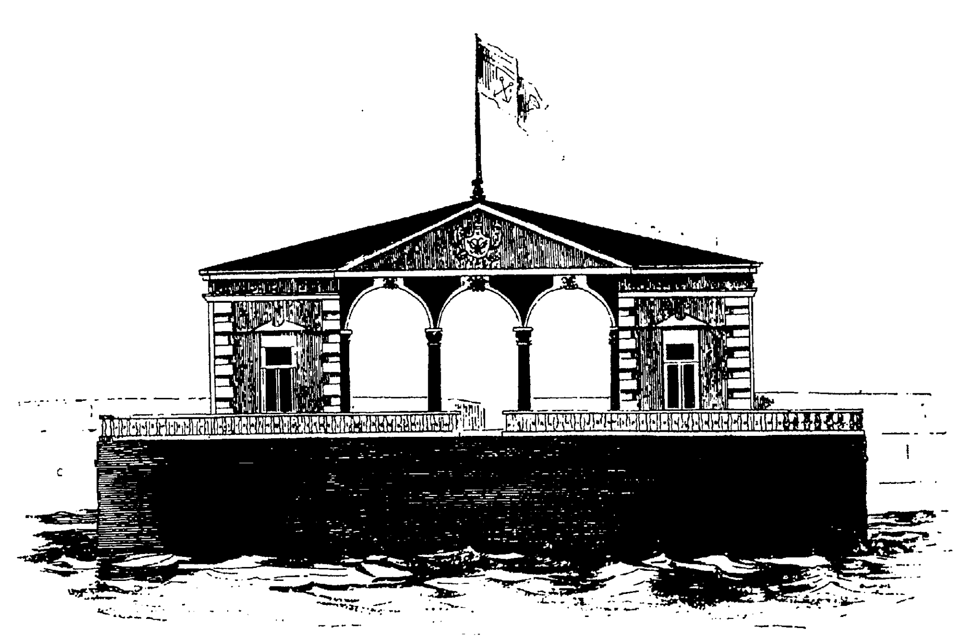
— Въ Императорской Академіи Художествъ собирается огромная выставка художественныхъ произведеній. Мы, кажется, не ошиблись, предвѣщая, что характеръ выставки будетъ скульптурно-картонный. К. П. Брюловъ окончилъ нѣкоторые новые картоны, которыхъ въ прошломъ году публика не видала. Ѳ. А. Бруни со дня на день ожидаетъ прибытія своихъ картоновъ изъ Рима. П. В. Басинъ приготовилъ много. Другіе художники не отстанутъ; но надо замѣтить, что художники такая уже нація, что не поставятъ своихъ произведеній до послѣдней минуты, и потому теперь о выставкѣ можно мечтать только, основываясь на томъ, что видимъ готоваго въ мастерскихъ художниковъ, или о чемъ извѣстно изъ частныхъ писемъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что на выставкѣ будетъ много картинъ Айвазовскаго; знаемъ что Е. Е. Мейеръ выслалъ

посильные плоды истекшаго лѣта, написанные имъ въ часы, когда онъ былъ свободенъ отъ болѣзни, все время безпокоившей доровитаго художника, и когда погода позволяла работать съ натуры... Знаемъ, напримѣръ... Но что въ этихъ преждевременныхъ извѣстіяхъ, тѣмъ болѣе, что и самая выставка, какъ мы слышали, отлагается по нѣкоторымъ поводамъ. Эта отсрочка непремѣнно послужитъ ей въ пользу. Многіе художники успѣютъ окончить свои работы, тѣмъ болѣе, что есть художники, которые всегда опаздываютъ на выставку, особенно изъ чужихъ краевъ...

— Посѣщая мастерскія нашихъ художниковъ, мы заходили и въ чеканную палату барона П. К. Клота. Тамъ видѣли мы совершенно отлитую колоссальную статую Державина. И по мысли и по исполненію—это прекрасное произведеніе. Державинъ одною рукою держитъ лиру, которую опустилъ, потому только, что вдохновеніе видимо нисходитъ на пѣвца. Вы можете читать безошибочно эту мысль въ движеніи поэта. Проэктъ статуи созданъ покойнымъ С. И. Гальбергомъ, моделировалъ Г. Рамазановъ, а отлита статуя на Академической литейной, въ одинъ разъ и съ такимъ успѣхомъ, что нельзя довольно надивиться искуству всѣхъ художниковъ, принимавшихъ участіе въ исполненіи этой работы. Художники болѣе справедливы къ великому пѣвцу, нежели тѣ, которымъ бы слѣдовало, и лучше понимать и теплѣе чувствовать, и торжественнѣе чествовать русскаго Пиндара... Но — Державинъ не былъ Европеецъ, не носилъ львиной гривы, кошечьихъ ногтей; писалъ иногда и дурные стихи, но въ сильныхъ и изящныхъ — не имѣетъ соперника. Хорошъ бы былъ Державинъ, если бы подражалъ Жанбатисту Руссо, или другимъ подобнымъ тогдашнимъ европейскимъ знаменитостямъ!

— Театральная пора еще не наступила, по-крайней-мѣрѣ на этой недѣлѣ. Можно полагать начало музыкальнаго и театральнаго года въ понедѣльникъ, т. е., послѣ завтра. Обѣщаютъ новую русскую оперу, о которой мы уже говори.

— Теперь всѣхъ занимаетъ новый подвигъ нашего почтоваго вѣдомства — это почтовое пароходство между С. Петербургомъ и Штетиномъ. Не знаю, помните ли вы на Англійской набережнѣ небольшой двуэтажный домъ въ семь или восемь окошекъ? Нѣтъ, думаемъ, что вы не помните этого дома; онъ былъ и малъ, и невзраченъ! Теперь тамъ все преобразилось; по красивому крылечку вы входите въ сѣни, раздѣляющія контору Почтоваго Пароходства отъ пассажирскихъ комнатъ; покои убраны, не только со вкусомъ, но съ роскошью; всѣ удобства придуманы остроумно, исполнены тщательно; каждая бездѣлица, которая вамъ можетъ придти въ голову — есть; всѣ надобности, всѣ случаи предупреждены. Еслибы пароходъ привезъ больныхъ пассажировъ, которые бы не могли тотчасъ отправиться въ гостин-



Пристань на Невѣ, у дома Почтоваго Пароходства.

ницы или къ знакомымъ, для нихъ есть запасныя кровати, съ мягкой постелью, съ чистымъ бѣльемъ; на кухнѣ имъ сварятъ что надо; пошлютъ куда потребуется; словомъ, всѣ удобства, какія только вообразить можно. На старомъ тѣсномъ дворѣ все перемѣнилось; съ одной стороны, въ обширномъ флигелѣ помѣщается палата, гдѣ, безъ малѣйшаго затрудненія и стѣсненія пассажировъ, разсмотрятъ ихъ пожитки, не замараютъ, не растеряютъ; балюстрадъ, за которымъ сидятъ чиновники — подвижной. Зала для посѣтителей можетъ сокращаться и распространяться, по усмотрѣнію, согласно надобностямъ. — Противу балюстрада вдоль стѣны — огромная стойка, на которую могутъ укладываться чемоданы. Въ глубинѣ залы вѣсы. Противу этой залы палатка для пріема и отпуска громоздкихъ вещей. Все это такъ уютно, красиво, и разсчетливо, что тѣсный старый дворъ кажется весьма обширнымъ помѣщеніемъ. Въ томъ же флигелѣ, гдѣ описанная зала, помѣщаются кухня и сараи съ разными принадлежностями, какъ напр., съ ящиками для перевозки лошадей и т. п. Возвращаясь въ домъ, взгляните и на квартиру управляющаго, убранную съ отличнымъ вкусомъ. Подобную квартиру должно считать совершенною необходимостію, потому что она можетъ служить убѣжищемъ для почетныхъ пассажировъ до отправленія въ Кронштадтъ. Зала съ красивымъ фонарикомъ, изъ котораго великолѣпный видъ на Неву, украшена портретами Императоровъ Александра I и Николая I. Боковыя комнаты могутъ служить, въ какомъ бы то ни было случаѣ, пріемными покоями. Весь домъ, какъ игрушка. Но вотъ, наступила пора отправляться въ Кронштадтъ; вы не безъ сожалѣнія разстатесь съ этимъ изящнымъ домомъ, переходите на пристань, раскинутую у набережной Невы, на огромномъ плашкоутѣ, въ видѣ красиваго шатра; направо еще комната, убранная съ отличнымъ вкусомъ, налѣво пропясная контора для отъѣзжающихъ въ Кронштадтъ. Если у васъ осталось нѣсколько времени, сойдите въ трюмъ, гдѣ помѣщается прислуга и помпы; не мѣшаетъ посмотрѣть и подвальный этажъ самого дома, гдѣ также помѣщаются служители. Вы убѣдитесь собственными глазами, какъ искусно вездѣ соблюдена экономія мѣста, какой вездѣ порядокъ и удобство. Мы еще забыли сказать о весьма важномъ обстоятельствѣ для облегченія пассажировъ. Вы пріѣхали изъ Штетина, ваши вещи осмотрѣли, васъ отпустили — и куда же вы дѣнетесь съ вашими чемоданами и картонами? По неволѣ вы прибѣгаете къ вашимъ непомѣстительнымъ и грязнымъ дрожкамъ, нагружаете ихъ кое-какъ и, съ опасностью разтерять или запачкать вещи, шествуете за дрожками до гостинницы, какая поближе. Извощики себѣ на умѣ: они понимаютъ ваше положеніе и съумѣютъ имъ воспользоваться; но изъ дому Почтоваго Пароходства вы достигаете гостинницы, въ какой бы части города она ни была, покойно, безопасно и дешево. Изготовлены ручныя тележки, на которыя уложатъ ваши вещи, закроютъ, завяжутъ и за небольшую плату по установленной таксѣ, отвезутъ по данному вами адрессу на мѣсто въ совершенной сохранности. Съ пристани вы садитесь на пароходъ, который безплатно перевозитъ васъ въ Кронштадтъ, гдѣ вы перейдете на почтовый пароходъ Владиміръ или Орелъ, что рѣшительно одно и то же: это два брата близнецы. О условіяхъ и цѣнахъ вы уже знаете изъ газетъ; можете о томъ прочесть и въ прилагаемомъ объявленіи. Мы же хотимъ ближе познакомить васъ съ внутреннимъ расположеніемъ пароходовъ. Планъ I-й представляетъ раздѣленіе въ тыльной части парохода. Планъ второй, раздѣленіе части передней; между ними мы исключили еще значительную часть, или середину парохода, потому что это пространство занимаютъ котлы и машины, до которыхъ пассажирамъ рѣшительно нѣтъ дѣла.

ПЛАНЪ ПЕРВЫЙ.

Пространства, означенныя римскими числами, заключаютъ:

I) Общій залъ для пассажировъ 1-го класса.

II) Загороженное мѣсто наглухо, около люка, для опусканія товаровъ въ первый трюмъ.

III) Буфетъ.

IV) Залъ для дамъ-пассажирокъ перваго класса.

V) Помѣщеніе инженеровъ и ходъ къ машинамъ.

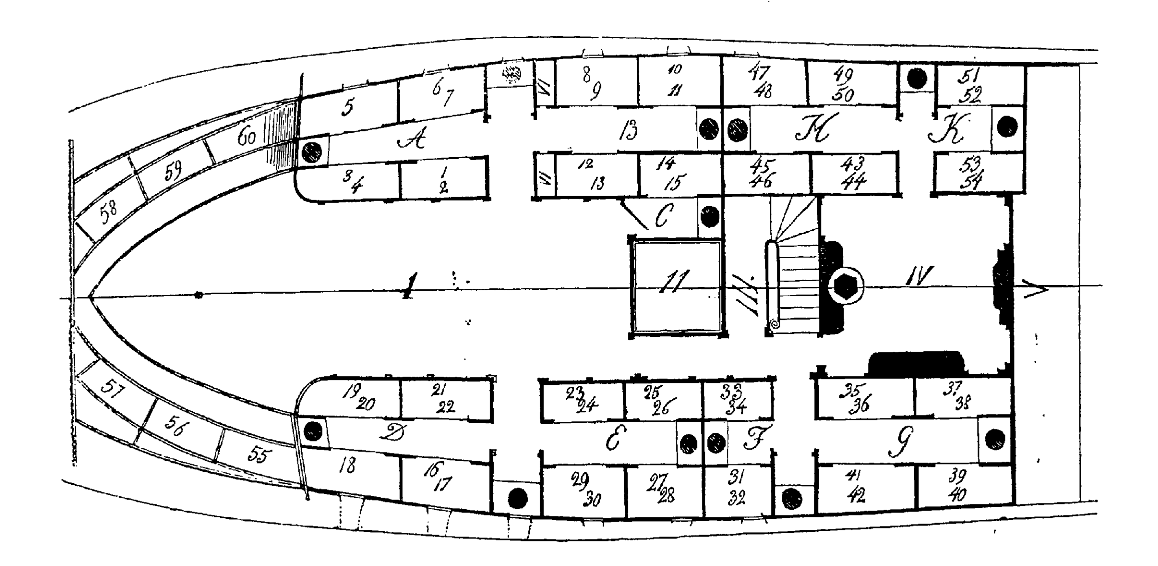
VI) Шкапы для бѣлья.

Подъ буквами каюты:

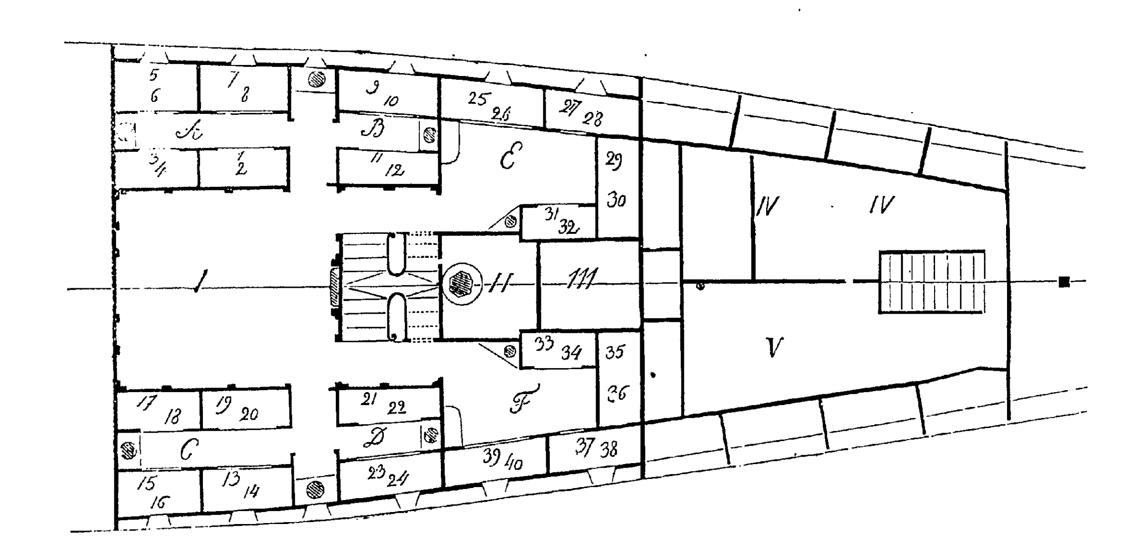
А. — съ 7 постелями съ 1—7.
В. — съ 6 постелями съ 8—13.
С. — въ 2 постелями 14—15. семейная.
Н. — съ 8 постелями съ 43—50.
К. — съ 4 постелями съ 51—54.

Двѣ послѣднія каюты Н и К. назначаются только для дамъ.

D. — съ 7 постелями съ 16—22.
Е. — съ 8 постелями съ 23—30.



Внутреннее расположеніе Почтовыхъ



Пароходовъ : Владиміръ и Орелъ.

F.—съ 4 постелями съ 31—34. семейная.
G.—съ 8 постелями съ 35—40.
Съ No. 55 по No. 60 мѣста открытыя для спанья въ общей залѣ.

планъ второй.

Подъ римскими числами:
I) Общій залъ для пассажировъ втораго класса.
II) Буфетъ.
III) Люкъ, для опусканія товаровъ въ передній трюмъ.
IV) Мѣста для спанья пассажировъ 3-го класса, не нумерованныя.
V) Помѣщеніе матросовъ.
Каюты подъ литерами:
A.—съ 8 постелями (1—8).
B.—съ 4 постелями (9—12). семейная.
E и F. съ 8 постел. (25—40). могутъ служить дамскими.
C.—съ 8 постелями (13—20).
D.—съ 4 постелями (21—24). семейная.
Для пассажировъ 3-го класса, или дечныхъ, отведено 21 не нумерованныхъ мѣстъ.

=

Почтовое вѣдомство въ самое короткое время устроило столько благодѣтельныхъ заведеній, допустило столько полезныхъ измѣненій въ старомъ порядкѣ, что это новое учрежденіе уже не удивляетъ насъ болѣе, потому что мы увѣрены, что оно не послѣднее, что улучшеніямъ по этой части къ общей пользѣ и удовольствію конца не будетъ. Осмѣлимся присовокупить, что попечительная заботливость почтоваго вѣдомства видна во всемъ, преимущественно въ выборѣ людей способныхъ и усердныхъ, не останавливающихся ни на какомъ препятствіи къ достиженію благихъ цѣлей начальства. И конечно, всѣ предначертанія о почтовомъ пароходствѣ относительно хозяйственнаго устройства всей части, здѣсь, въ Петербургѣ, приведены къ столь успѣшному исполненію, при содѣйствіи начальства, неусыпнымъ усердіемъ и раченіемъ управляющаго Отдѣленіемъ Почтоваго Пароходства А. Н. Павловымъ. — Съ признательностію упоминаемъ объ этомъ.

Завтра отходитъ изъ Кронштадта въ первый разъ пароходъ Орелъ; сегодня пассажиры отправляются въ Кронштадтъ. Намъ остается напутствовать открытіе новаго учрежденія искреннѣйшимъ желаніемъ полнаго во всѣхъ отношеніяхъ преуспѣянія, въ чемъ, при заботливой прозорливости почтоваго начальства, нечего и сомнѣваться.

=

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОЧТОВОМЪ ПАРОХОДСТВѢ.

Постоянное и регулярное сообщеніе между Кронштадтомъ и Штетиномъ въ 1845 году, будетъ производиться посредствомъ двухъ большихъ желѣзныхъ пароходовъ: Императорско-Россійскаго и Королевско-Прусскаго почтовыхъ вѣдомствъ. «Владиміръ» подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крашенинникова, и Прусскій, Орелъ, подъ командою капитана Барандова, — имѣютъ каждый машины низкаго давленія (direct action) въ 310 силъ и помѣщенія слишкомъ для 100 пассажировъ.

Пароходы эти будутъ отправляться: изъ Кронштадта по воскресеньямъ въ 4 часа по полуночи; изъ Штетина же по субботамъ въ полдень.

При благополучномъ плаваніи они будутъ приходить въ Кронштадтъ по вторникамъ вечеромъ, а въ Штетинъ — по средамъ въ полдень.

Пассажиры, желающіе ѣхать на сихъ пароходахъ, будутъ отправляемы изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ по субботамъ въ 3 часа по полудни на пароходѣ, нанимаемомъ отъ Отдѣленія Поч-

товаго Пароходства, съ пристани, находящейся на Англійской набережнѣ, противъ дома сего Отдѣленія.

Пароходы будутъ отправляться слѣдующимъ образомъ :

ИЗЪ ШТЕТИНА :

по новому стилю.

13 Сентября	Прусскій, Орелъ.
27 —	Прусскій, Орелъ.
4 Октября	Владиміръ.
11 —	Прусскій, Орелъ.
18 —	Владиміръ.
25 —	Прусскій, Орелъ.
1 Ноября	Владиміръ.
8 —	Прусскій, Орелъ, только до Ревеля.

ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА.

КРОНШТАДТЪ.

по новому стилю.	по старому стилю.
21 Сент. Прусск.,Орелъ.	9 Сентября
28 — Владиміръ.	16 — (*)
5 Окт. Прусск.,Орелъ.	23 —
12 — Владиміръ.	30 —
19 — Прусск.,Орелъ.	7 Октября.
26 — Владиміръ.	14 —
2 Нояб. Прусск.,Орелъ.	21 —

Отходящій 1-го ноября, изъ Штетина пароходъ, назначается прямо въ Кронштадтъ, но въ случаѣ дурной погоды не пойдетъ далѣе Ревеля.

Пароходъ, отправляемый изъ Штетина 8-го ноября, идетъ только до Ревеля — и оттуда возвращается тотчасъ въ Штетинъ съ пассажирами и товарами.

ЦѢНА ЗА ПРОѢЗДЪ :

Первое мѣсто.	58 р. с. съ персон.
Второе мѣсто.	57 р. 50 к. —
Третье мѣсто.	22 р. 50 к. —
Семейная каюта на 4 персоны	256 р. сер.
— — — 3 —	192 р. »
— — — 2 —	128 р. »

За дѣтей моложе 12 лѣтъ платится половина.

Если мужъ и жена, или члены семейства, ѣдутъ по одному паспорту, то съ каждой персоны сбавляется : на 1-мъ и 2-мъ мѣстахъ, по 5 рублей сер., а на 3-мъ по 3 руб. серебромъ.

Если пассажиръ, взявшій семейную каюту на 4, на 3 или на 2 персоны, не займетъ всѣхъ мѣстъ, то на каждое не занятое мѣсто сбавляется по 10 рублей серебромъ.

Въ цѣнѣ за мѣста заключается и плата за кушанье безъ вина, а равно и за проѣздъ изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ и обратно.

Плата за экипажи, о 4 колесахъ	47 руб. сер.
— — 2 —	23 руб. 50 к. с.
— за лошадь безъ корма	47 —
— за собаку — —	3 —

Пассажирамъ дозволяется имѣть багажа безъ платы :

Для 1-го мѣста и семейн. каютъ	16 куб. фут.
— 2-го — — —	12 —
— 3-го — — —	6 —

Дѣти моложе 12 лѣтъ, могутъ имѣть безплатно только половину этого количества.

За каждый кубич. футъ свыше означенной мѣры платится по 37½ коп. сер.

ФРАХТЪ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ ШТЕТИНЪ.

За золото ⅛ процента) и 5% каплака съ фрах-
За серебро ¼ процента) товыхъ денегъ.
За отправленіе наличныхъ денегъ не будетъ взиматься менѣе 2-хъ руб. серебромъ.

(*) Пароходъ Владиміръ долженъ прибыть въ Кронштадтъ 4-го сентября, если къ отправленію его изъ Англіи не встрѣтится какихъ-либо препятствій.

ЗА ТОВАРЫ :

До 3-хъ кубич. футовъ 2 руб. сер. ; свыше 3 до 6 куб. фут. 3 руб. сер. — За мѣру свыше 6 к. фут. платится за первые 6 куб. фут. 3 р. с., а за остальные футы по 25 коп. сер. за каждый.

За сырые продукты по 15 руб. сер. съ ласта.

За мѣдь въ слиткахъ по 8 руб. сер. съ ласта въ 120 пудъ.

Сверхъ того 5% каплака съ фрахтовыхъ денегъ.

Желающіе отправить на почтовыхъ пароходахъ товары, посылки и прочіе предметы за границу, благоволятъ адресоваться къ агенту Почтоваго Пароходства, Ивану Дирссену и Ко., контора котораго находится на Васильевскомъ Острову, въ 1-й линіи, въ домѣ Гейзе.

Контора Отдѣленія Почтоваго Пароходства находится на Англійской набережной, въ домѣ подъ № 31 открыта ежедневно отъ 9 до 2-хъ часовъ пополудни и отъ 7 до 9 вечера.

Отъ С. Петербургскаго Почтамта сдѣлано распоряженіе, чтобы на пароходѣ, на которомъ будутъ отправляться пассажиры изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ, посылались чемоданы и сумки съ корреспонденціею въ Штетинъ и другіе иностранные города. По сему пріемъ пароходной корреспонденціи въ здѣшнемъ Почтамтѣ назначается по субботамъ до часа по полудни, а въ Кронштадтской почтовой конторѣ до 3-хъ часовъ по полудни.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ХУДОЖНИКУ.

О Ч*** —

Ея армянскія черты
Проникнуты волшебной силой;
Ихъ передать не можешь ты,
Ни кистью, ни рѣзцомъ, ни лирой.

Изъ всѣхъ красавицъ ни одна
Ничѣмъ не можетъ съ ней сравниться !—
....
....

И Богъ тебя да сохранитъ,
Стоять напротивъ иль съ ней рядомъ,
Она тебя испепелитъ
Тропически палящимъ взглядомъ.

II.

ТОСКА.

Душа моя въ какомъ-то усыпленьи,
И нѣтъ во мнѣ теперь, ни мысли, ни стиха!
Все бытіе мое погрязло въ утомленьи,
Но жизнь моя, какъ мертвыхъ сонъ, тиха.

Я ближнихъ въ мірѣ не имѣю,
Любимый другъ мой далеко !
Я одинокъ теперь, и тлѣю,
Какъ искра въ пеплѣ глубоко. —

О, скоро ль вѣтеръ благодатный
Съ душевной искры сдуетъ прахъ ?
Нѣтъ ! Этотъ вѣтеръ невозвратный
Гуляетъ въ чуждыхъ небесахъ. —

Онъ искрѣ жизнью не повѣетъ,
Та искра безъ него дотлѣетъ.

III.

ВЕСНА.

ПѢСНЯ.

Не кружися, ласточка,
Надъ моимъ окномъ ;
Ты не пой, косаточка,
Счастья своего.

Встанетъ рано солнышко,
Веселитъ тебя ;
Въ гнѣздышкѣ подруженька
Милая сидитъ.

Скоро будутъ дѣтушки,
Станешь ихъ кормить,
Наслаждаться жизнію,
Да Творца хвалить.

Будешь чаще прежняго
Въ гнѣздышко лѣтать,
Громче, веселѣе ты,
Будешь щебетать. —

Не кружись же, ласточка,
Надъ моимъ окномъ,
Ты не пой, косаточка,
Счастья своего.

Также веселило бы
Утро и меня,
Если бъ вмѣстѣ съ милою
Я встрѣчалъ его.

Наслаждался бъ жизнію,
Такъ какъ ты весной
Но... теперь страдаю я,
Не со мной она...

Злой судьбою иль случаемъ,
Мы разлучены...
О, не пой же, ласточка,
Не хвали весны !

И. Антипинъ.

АНЕКДОТЫ.

I.

....Тысячи не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ.

Крыловъ писалъ съ натуры, но не по воспоминаніямъ, а какъ, какъ пишетъ свои картины Брюлловъ: каждую ногу съ живой ноги, каждую руку съ живой руки. Огарокъ Крылова не выдумка. Я зналъ одну пожилую и довольно богатую даму, которая была величайшая модница, рядилась *на пропалую*, бросала на вѣтеръ тысячи, а представляла изъ себя большую хозяйку, потому что требовала отъ своего дворецкаго, чтобы онъ представлялъ ей ежемѣсячно подробный до мелочи отчетъ о расходахъ за прошлое время. Этихъ отчетовъ она никогда не читала; но за то они лежали всегда групой на ея письменномъ столикѣ, чтобы посѣтители могли ихъ видѣть. Дворецкій былъ не промахъ, воровалъ сколько душѣ было угодно, а на отчетахъ перемѣнялъ только числа, избавляя себя отъ напраснаго труда писать никѣмъ не читаемые отчеты. У этой то барыни *хозяйки* было постояннымъ правиломъ, чтобы всѣ огарки отъ свѣчь сбирать въ особый ящикъ, который и стоялъ въ буфетѣ близъ столовой, почти на виду. Если зажигали лампы, то непремѣнно этими экономическими огарками, и если бы она увидѣла что лампу зажигаютъ цѣльной свѣчею, то не было бы конца шуму и крику. Сохраненіемъ этихъ огарковъ барыня полагала вознаградить свои часто сумасбродные расходы.

Переѣхавъ на зиму въ Москву, наша *экономная* барыня наняла цѣлый домъ, хотя и деревянный, но отлично меблированный, и заключила обыкновенный контрактъ, какъ водится.

Однажды, часу въ 9 вечера, наша барыня пріѣзжаетъ изъ гостей въ большихъ попыхахъ. «Эй малой! скорѣе зажигайте лампы; ко мнѣ сейчасъ будетъ куча гостей!»

Малой съ заспанными глазами бросился въ буфетъ; тамъ стоялъ экономическій ящикъ съ сальными огарками, полный почти до верху. Онъ схватилъ одинъ огарокъ, зажегъ лампы, потомъ чуть чуть задулъ его, бросилъ назадъ въ ящикъ, заперъ буфетъ и побѣжалъ ставить самоваръ.

Гости стали съѣзжаться. Хозяйка хлопотала объ угощеніи. Люди были заняты, каждый своимъ дѣломъ, а между тѣмъ, въ буфетѣ полузадутый

огарокъ вспыхнулъ, вѣроятно, когда летѣлъ въ ящикъ; отъ него загорѣлись другіе, поднялось пламя, сало расплылось по буфету и пошла иллюминація. Хотя двери и были заперты, но сильный запахъ проникъ въ комнаты; это замѣтили, засуетились, послали за *малымъ*, у котораго былъ ключъ отъ буфета; отперли двери, огонь и сало клубами полились въ залу, и пламя мгновенно охватило весь домъ. Гости разбѣжались; ихъ смѣнила полиція. Шкафы и коммоды, гдѣ хранились вещи и гардеробъ *экономки*, вылѣтели въ окошки и разсыпались. Пожару не дали распространиться; но домъ съ хозяйскою великолѣпною мебелью, съ гардеробомъ и многоцѣнными вещами жилицы, сгорѣлъ; на бѣду, онъ не былъ застрахованъ и по контракту пришлось заплатить сто тысячъ рублей. Экономія разорила барыню.

II.

Это было давно, однако на нашей памяти.

Жила-была одна барышня, у которой всего на все было приданаго пять тысячъ рублей; но она любила роскошь, и поставила себѣ необходимымъ условіемъ выдти за богатаго человѣка. — Умна была! Живя въ домѣ своего дяди, человѣка съ состояніемъ, наша барышня, изъ послѣднихъ доходовъ съ своего капитальца, наряжалась по послѣднему журналу, съ тою цѣлію, что если найдется для нея богатый женихъ, то, смотря на ея роскошный туалетъ, подумаетъ, что она также богата, и дѣло скорѣе уладится. Кто не знаетъ что богатые женихи по большей части ищутъ и невѣстъ богатыхъ! Въ томъ же городѣ жилъ лихой кавалерійскій штабсъ-ротмистръ, который былъ по уши въ долгахъ и думалъ день и ночь только о томъ, какъ бы поправить свое состояніе женитьбой. Для этой цѣли онъ самъ прикидывался богачомъ, лѣзъ все болѣе и болѣе въ долги; но одѣвался какъ куколка и имѣлъ отличный экипажъ и лихихъ лошадей. Вотъ, наши два любителя богатой партіи свѣдали другъ про друга. Онъ полагалъ, видя ее всегда роскошно одѣтою, что она очень богата; а она, видя его богато-одѣтымъ, въ роскошномъ экипажѣ, думала, что онъ ворочаетъ милліонами. Стали сближаться, прикинулись влюбленными, объяснились, согласились и наконецъ, вступили въ законный бракъ. Надо прибавить, что, боясь подозрѣнія, боясь прослыть интересантами, а черезъ то потерять случай, онъ и она не спрашивали другъ друга до сватьбы о положеніи дѣлъ каждаго; напротивъ того, безпрестанно твердили о счастіи жить для одной любви въ бѣдности, подъ соломенцою крышею. Онъ, по заведенному порядку, даритъ невѣстѣ бѣлую шаль передъ свадьбой. Взялъ у знакомаго купца въ долгъ прекрасную турецкую шаль, обѣщая заплатить сполна послѣ свадьбы деньгами будущей супруги. Этотъ подарокъ еще болѣе удостовѣрилъ невѣсту въ богатствѣ жениха, и она, въ восхищеніи, взяла, за поручительствомъ дяди, на прокатъ, чудные бриліянты, заплативъ за прокатъ послѣдніе остатки своего капитала. *Осыпанная* бриліянтами, стояла она передъ налоемъ; женихъ улыбался отъ удовольствія и внутренно разсчитывалъ, сколько дадутъ подъ залогъ этихъ драгоцѣнностей.

На слѣдующее утро послѣ сватьбы, *молодая* пила чай въ красиво-убранномъ *въ долгъ* будуарѣ, а *молодой* пошелъ осматривать экипажъ и лошадей, готовясь ѣхать съ визитами. Вдругъ входитъ человѣкъ съ докладомъ, что пришелъ *такой-то* купецъ; — *она* велѣла его позвать.

Купецъ учтиво поклонился и еще учтивѣе объяснилъ, что пришелъ получить *должокъ* за шаль, взятую передъ сватьбой. *Молодая* обомлѣла, когда услышала роковое слово *пять тысячъ*. Расспрашивая купца, она поняла дурное положеніе дѣлъ своего супруга. — Волшебный замокъ фантазіи разсыпался. — Скрѣпя сердце, она отдала купцу шаль назадъ и заплатила за прокатъ.

Супругъ вошелъ торжественно, разсказывая, какъ онъ надѣется блеснуть своимъ экипажемъ. Его встрѣтили залпомъ упрековъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ старался ловко извиниться; но узнавъ, что бриліянты также взяты на прокатъ и что у его супруги ровно ничего нѣтъ — вышелъ изъ себя. Послѣдовала бурная сцена и, вмѣсто того, чтобъ ѣхать съ визитами, наши супруги *разъѣхались*. *Она* снова поселилась въ домѣ своего дяди; а какъ *онъ* раздѣлался съ своими кредиторами, исторія о томъ не упоминаетъ.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Сорогглазову. Какъ называются тѣ люди, которые занимаются предметами *безполезными*? Потрудитесь справиться. Въ этой справкѣ извольте усмотрѣть удовлетворительный отвѣтъ на ваши письма.

О. К. Чудесныя загадки!... Мы непремѣнно употребимъ ихъ въ дѣло.

А. З. Вы догадались! Это умышленная ошибка; это въ родѣ свистка на перепелокъ; насъ это забавляетъ, и мы себѣ тѣшимся самымъ невиннымъ образомъ безъ всякаго для нашихъ читателей ущерба. Удивительно только, какъ до сихъ поръ ни одна перепелка не прилетѣла на этотъ свистокъ. Въ этомъ нумерѣ есть такой же случай! Удостойте сообщить, если догадаетесь.

О. И. С. Гельвецій любилъ споры; онъ нарочно отпускалъ парадоксы, чтобы придать преніямъ живости и занимательности, и называлъ свою уловку охотой за идеями. Ваши парадоксы очень милы — и вы со временемъ непремѣнно будете Гельвеціемъ, съ чѣмъ васъ и поздравляемъ.

А. С. А—ву. Мы получили ваши романы и должны васъ увѣдомить, что М. И. Глинка теперь въ Испаніи. Это, во-первыхъ; во-вторыхъ не знаемъ, угодно ли будетъ Михайлѣ Ивановичу написать музыку; въ-третьихъ, намъ нравятся оба и. «Тебя мнѣ жаль» и «Встрѣча.» Если позволите, мы помѣстимъ ихъ въ Иллюстраціи; но въ такомъ случаѣ, попросимъ у васъ перемѣнить послѣдніи стихъ стихотворенія Встрѣча. Трудно кончить піэсу словомъ «Потомъ.» — О присылкѣ, вами упоминаемой, просимъ, и заранѣе благодаримъ за исполненіе.

Автору Московской красавицы... Мы, пожалуй, не прочь... Но... знаете ли?.. Какъ бы вамъ доложить... то есть... будетъ ли пріятно московскимъ красавицамъ... Противники не страшны, но противницы?... Нѣтъ, будьте сострадательны къ намъ и болѣе справедливы къ Московскимъ красавицамъ.

Сочинителю стиховъ: *Изъясненіе Будочникаи Портнаго*... Будочники и портные едва ли читаютъ Иллюстрацію; зачѣмъ же выводить ихъ сцены, и еще въ стихахъ? Пусть себѣ изъясняются въ любви, пускай страдаютъ... Зачѣмъ влюбились?!

О. П. — Можетъ ли это быть? Вы написали къ намъ послѣднее письмо?! Вы рѣшаетесь оставить такую занимательную для насъ переписку?! Вы говорите, что и безъ вашихъ писемъ будутъ насъ колоть, жалить, грызть, кусать и проч.; что атаманъ этой статьи уже пріѣхалъ, или пріѣдетъ мы не разобрали... Вотъ видите, какъ вредно злиться... Васъ измучило желаніе мучить другихъ; вы изнемогли, видя, что ядъ вашихъ стрѣлъ не ядъ, а что нибудь иное, а на вашу пальбу смотрятъ, какъ на потѣшный огонь дѣтяй, которые вмѣсто пряниковъ купили себѣ шутиху; теперь же и время фейерверковъ. Пожалуйте пишите!

Н. Л. — Не знаю, какъ понимать ваши слова о***. По случаю вашего письма, мы вспомнили Санхо. «Я только дуракъ, въ единственномъ числѣ, говоритъ онъ, потому что я не могу быть двумя дураками. Но если бы я могъ быть дуракомъ за каждую мою глупость отдѣльно, то изъ меня вышло бы безчисленное множество дураковъ.» Подумайте, сколько же ихъ выйдетъ изъ ***?

ЗОЛОТЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРЪ

ГОСДАУЕРЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Это замѣчательное произведеніе мастерства золотыхъ дѣлъ принадлежитъ замѣчательному человѣку. Двадцать пять слишкомъ лѣтъ провелъ Госдауеръ въ величайшей бѣдности, получая за работы столько, что едва могло доставать на его пропитаніе. Это безъименное произведеніе, съ котораго представляемъ рисунокъ, сдѣлано изъ серебра и должно служить украшеніемъ для большаго стола. Оно принадлежитъ его королевскому высочеству принцу прусскому и обратило на себя общее вниманіе вмѣстѣ съ другими произведеніями мастера. Госдауеръ въ несчастіи не унывалъ. Трудолюбіемъ и настойчивостію онъ обезоружилъ злую долю свою, и теперь пользуется не малымъ достаткомъ. Но что важно въ его жизни, такъ это память прошедшихъ несчастій и сочувствіе къ чужой бѣдѣ. Недавно онъ праздновалъ двадцати-пяти-лѣтіи юбилей со времени вступленія на это, поприще и по этому случаю раздалъ своимъ работникамъ тысячу восемь сотъ талеровъ! Поучительный и полезный примѣръ для многихъ.

Серебряное украшеніе для стола.

ИГРЫ.

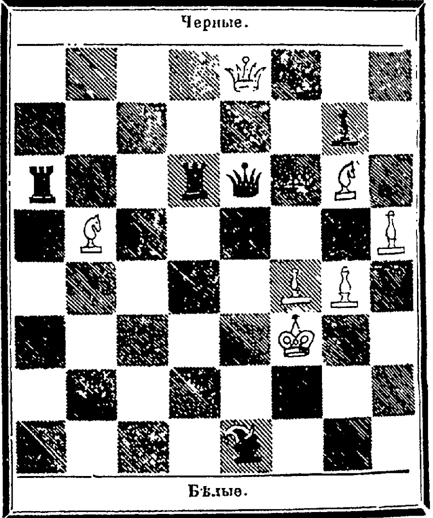
ШАХМАТЫ.

Мы забыли сказать, что бѣлые должны дать матъ непремѣнно пѣшкой слона короля, стоящею на второй черной клѣткѣ, почему и разрѣшеніе этой задачи отлагаемъ до слѣдующаго нумера.

ЗАДАЧА № 22.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ четыре хода.

(Г. Блументаль).



РАЗГАДКА № 21.

1. Хулить легче, чѣмъ хвалить, э, томы, видъ, имъ на каждомъ шагу.

2. Хулить легче, чѣмъ хвалить; это мы видимъ на каждомъ шагу.

ЗАГАДКА № 22.

НА

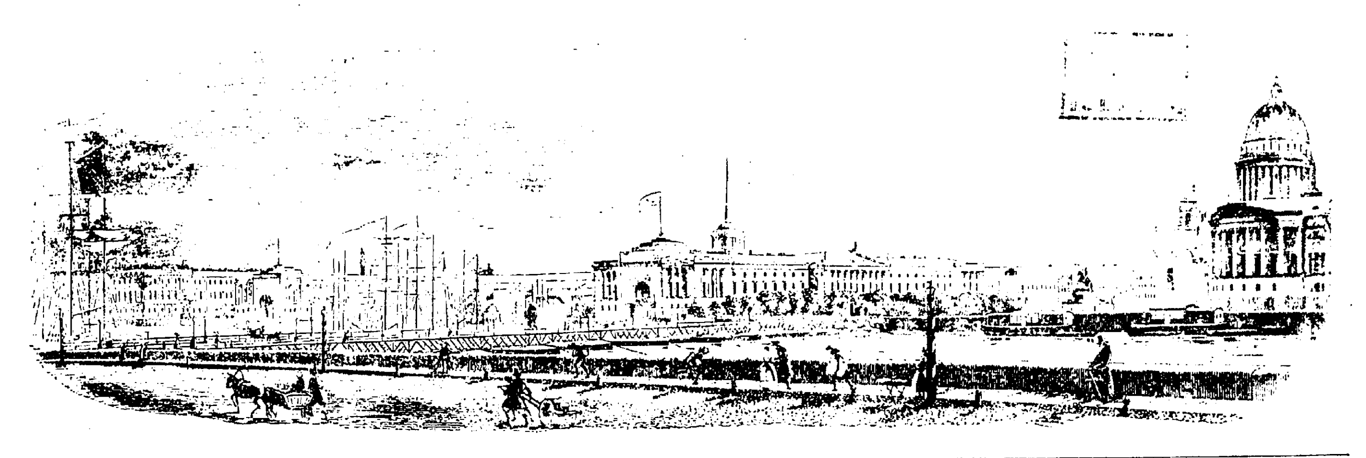
ЛИТЕ РАТУРА

ША

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Сентября 7 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 25. — Суббота, 15 Сентября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(*Продолженіе*).

IV.

Цѣлый день шелъ дождь. Небо было задернуто сѣрыми тучами. Не смотря на то, что было не болѣе девяти часовъ вечера, на дворѣ было, однако же, очень темно. Почти всѣ дачи въ Парголовѣ были уже заняты петербургскими переселенцами, а между тѣмъ на большой дорогѣ не видно было ни одной души, то есть, души въ пальто или клѣтчатой, шотландской мантильѣ. Тамъ и сямъ деревенскіе мальчишки бродили по лужамъ, брызгая другъ въ дружку грязью; чухонскія таратайки шажкомъ тянулись по дорогѣ; изрѣдка съ грохотомъ проѣзжалъ по мостовой городской экипажъ.

Озеро, не успокоившееся еще послѣ вѣтра, дувшаго цѣлый день, нагоняло темносѣрыя волны на песчаный берегъ, окаймленный бѣлою пѣной; на горѣ шумѣлъ лѣсъ надъ кладбищемъ; вѣтеръ по временамъ покачивалъ высокія деревья, съ которыхъ сыпалась дождевая пыль.

Вообще вся природа наводила глубокое, необъяснимое уныніе, во время котораго человѣкомъ овладѣваетъ тоска о чемъ-то не опредѣленномъ, неясномъ... въ подобныя минуты мы сами не умѣемъ отдавать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ.

По дорожкѣ, проложенной на серединѣ ската горы, на которой стоитъ простенькая, но чистенькая бѣлая сельская церковь съ зеленой крышей, шелъ Дмитрій Ивановичъ. Та самая тоска, о которой мы сейчасъ говорили, заставила его выдти изъ своей комнатки; она же направила шаги его къ кладбищу.

Послѣ непріятнаго приключенія, случившагося съ нашимъ молодымъ человѣкомъ, во время переѣзда его на дачу, прошло три недѣли — и увы! эти три недѣли имѣли большое вліяніе на характеръ Топилова. Онъ по прежнему, чаще прежняго, сталъ заходить къ Рытковскимъ, потому что теперь они были почти сосѣди, но Евдоксія была съ нимъ очень холодна. Блондинка никакъ не могла привыкнуть къ той идеѣ, что она видѣла свой идеалъ... въ лужѣ. Тщетно припоминала она всевозможные романы и тайны (со включеніемъ Удольфскихъ), но нигдѣ герой не бывалъ въ лужѣ. Подобныя приключенія дѣлались только съ несчастными любовниками, или комическими лицами романовъ, а потому она прекратила переписку съ Топиловымъ.

Впрочемъ Дмитрій Ивановичъ, не поджигаемый болѣе нѣжными взглядами, вздохами и возгласами блондинки, самъ уже становился довольно равнодушнымъ къ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ хладнокровнѣе помышлять о своемъ положеніи. Нельзя же жить цѣлый вѣкъ безъ дѣла? Конечно, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что выжидалъ удобнаго случая; но скоро ли представится этотъ удобный случай?..

Подобныя мысли толпились въ умѣ Топилова, когда онъ медленно пробирался по дорожкѣ. Было сыро, холодно, темно. Подъ нимъ шумѣло озеро, надъ нимъ шумѣлъ темный лѣсъ, въ чащѣ котораго мѣстами виднѣлись бѣлые кресты...

Черный пудель, опустивъ голову и поджавъ хвостъ, слѣдовалъ за своимъ господиномъ, не отставая отъ него, но чрезвычайно недовольный тѣмъ, что ему вздумалось идти прогуливаться въ такое неблагопріятное время. Вдругъ пудель приподнялъ уши, выбѣжалъ впередъ, какъ бы преграждая своему господину дорогу, и заворчалъ.

Дмитрій Ивановичъ тоже остановился... Что-то бѣлое проскользнуло между деревьями, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ. Шорохъ слышался около секунды, потомъ все утихло.

Пудель сердито залаялъ и бросился впередъ.

— Сюда, Картушъ! — закричалъ молодой человѣкъ; но въ то же мгновеніе послышался легкій крикъ.

Картушъ залаялъ пуще прежняго и въ тоже мгновеніе нашъ молодой человѣкъ увидѣлъ что-то высокое, сѣрое, медленно приближавшееся къ нему. Вскорѣ въ полумракѣ Топиловъ различилъ молодаго человѣка, съ ногъ до головы одѣтаго въ сѣрое платье; даже шляпа на немъ была сѣрая, войлочная и какой-то эксцентрической, средне-вѣковой формы.

Сѣрый человѣкъ, не смотря на усиливавшійся лай пуделя, подошелъ къ Дмитрію Ивановичу, опустивъ одну руку въ карманъ сѣраго пальто, а въ другой держа палку, которою онъ оборонялся отъ Картуша.

— Кому вы здѣсь ищете?.. спросилъ сѣрый, произнося слова по-руски довольно чисто, но съ неправильностію, свойственною Нѣмцамъ, родившимся въ Россіи, но проживающимъ между Нѣмцами.

— Я никого не ищу, — отвѣчалъ Топиловъ, изумленный страннымъ вопросомъ.

Сѣрый недовѣрчиво посмотрѣлъ на молодаго человѣка, какъ бы хотѣлъ еще что-то сказать, но промолчалъ, отвернулся и посвистывая, пошелъ дальше.

Дмитрій Ивановичъ пожалъ плечами, хотѣлъ было вернуться, но не желая, чтобы сѣрый незнакомецъ могъ подумать, что онъ съ намѣреніемъ шелъ за нимъ, продолжалъ идти впередъ.

Картушъ опять заворчалъ, но не на долго; какъ бы узнавъ знакомаго, онъ зашевелилъ хвостомъ и отскочилъ въ сторону отъ дороги. Опять послышался шорохъ въ кустахъ.

— Странно!.. подумалъ Топиловъ; — здѣсь сегодня происходитъ что-то необыкновенное. Пси, Картушъ!..

Едва онъ успѣлъ проговорить послѣднія два слова, какъ передъ нимъ посреди дороги, явилось бѣлое привидѣніе... Дмитрій Ивановичъ съ невольнымъ испугомъ отступилъ назадъ; но, преодолѣвъ страхъ, онъ крикнулъ довольно нетвердымъ голосомъ:

— Кто идетъ?

— Ахъ!.. отвѣчало привидѣніе, голосъ котораго показался Топилову знакомымъ.

— Евдоксія Егоровна! Вы здѣсь!.. въ эту пору?.. вскричалъ молодой человѣкъ, скоро подойдя къ привидѣнію.

— Какъ я счастлива, что встрѣтила васъ!.. проговорила блондинка дрожащимъ голосомъ и схвативъ руку Топилова.

— Но что заставило васъ?..

— Ахъ, не спрашивайте!.. Я раскаяваюсь въ своемъ безразсудствѣ.

— Боже мой! Не случилось ли съ вами чего?.. съ безпокойствомъ спросилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Нѣтъ... по счастію, я никого не встрѣтила...

При послѣднемъ словѣ блондинки, Топиловъ вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ сѣрымъ человѣкомъ въ эксцентрической шляпѣ, и призадумался.

— Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! — томно продолжала Евдоксія; — мнѣ было такъ грустно.. такъ тяжко, я хотѣла разогнать грусть...

Топиловъ поморщился и хотѣлъ-было запѣть: я въ пустыню удаляюсь... но удержался. Блондинка же продолжала:

— Но какимъ образомъ... вы здѣсь?

— Мнѣ тоже было грустно, отвѣчалъ Топиловъ; въ уединенной бесѣдѣ съ природой искалъ я утѣшеній...

Послѣднія слова повысили Топилова на нѣсколько вершковъ во мнѣніи Евдоксіи; онъ опять принималъ формы идеала.

— О! какая симпатія... произнесла она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Дмитрій вздохнулъ.

— Позвольте, я провожу васъ домой,—сказалъ онъ довольно холодно.

— Пойдемте, отвѣчала Евдокся съ нѣкоторой досадой.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Вы, вѣроятно, боитесь простудиться,— насмѣшливо заговорила блондинка.

— Нѣтъ-съ, я боюсь не за себя, а за васъ.

— Не безпокойтесь, — нѣжно возразила Евдокся, на мнѣ теплый шерстяной платокъ.

— Вы можете ноги промочить... трава сыра.

— О, нѣтъ!.. Я въ ботинкахъ... Дмитрій!.. произнесла Евдокся слегка пожавъ руку молодому человѣку.

— А если маменька васъ спроситъ?..

Евдокся сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, ускоривъ шаги, произнесла отрывисто:

— Пойдемте.

Они шли въ молчаніи.

— Дмитрій, — начала опять блондинка, — вы на меня сердитесь?..

— Помилуйте... я не имѣю никакого права...

— О нѣтъ, Дмитрій, это невыносимо!.. Я буду съ вами откровенна... Вы сердитесь на меня за то, что я, по чувству долга, прекратила съ вами переписку... О! еслибы вы знали, чего мнѣ это стоило! Если бы вы знали, сколько безсонныхъ ночей провела я... тогда вы сжалились бы надо мною... вы поняли бы, что происходитъ въ моей душѣ... и вы не поступали бъ со мною такъ жестоко!

— Я... жестоко! — вскричалъ Дмитрій, на бѣдное сердечко котораго слова кокетки опять стали производить какое-то странное дѣйствіе, онъ невольно сжалъ руку Евдокси, но не могъ проговорить болѣе ни слова.

Блондинка отвѣчала на пожатіе руки молодаго человѣка и, склонивъ нѣсколько къ нему голову, произнесла едва слышнымъ голосомъ:

— Вы правы, Дмитрій, пойдемте домой... скорѣе... скорѣе. Я не въ силахъ болѣе преодолѣвать своего бѣднаго сердца... между тѣмъ какъ вы не должны знать... о нѣтъ, нѣтъ!..

— О, Евдоксія! неужели я могу надѣяться... неужели вы!.. вскричалъ Топиловъ, невольно увлеченный.

— Перестаньте, Дмитрій... не спрашивайте...

— Но я люблю, я обожаю васъ!..

— Дмитрій, замолчите!

— Нѣтъ, нѣтъ... позвольте мнѣ говорить; позвольте мнѣ высказать... о Евдоксія!

Она высвободила руку свою изъ рукъ Топилова и отступила въ сторону.

— Дмитрій!.. Вы забываете, гдѣ мы находимся.—Смотрите, какъ грозно шумитъ подъ нами озеро?.. Слышите ли вы глухой шопотъ лѣса, смотрите!..

Евдоксія была въ патетическомъ порывѣ; она не кончила бъ напыщенныхъ фразъ своихъ, если бы Топиловъ, невольно посмотрѣвшій по направленію руки ея, не увидалъ явившагося за ними человѣка. Онъ схватилъ руку молодой дѣвушки, сжалъ ее и указалъ на незнакомца. Евдоксія вскрикнула.

— Хе, хе, хе!.. прогуливаться изволите... а сыренько... какъ разъ можно насморкъ схватить!.. проговорилъ незнакомецъ, потирая руки...

Топиловъ узналъ въ немъ человѣчка съ рыжими бакенбардами. Внѣ себя отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ броситься на него; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, изъ-за угла выскочилъ еще какой-то мужчина, широкоплечій и толстый.

Евдоксія вскрикнула и исчезла.

V.

Трое мужчинъ остались одни и въ молчаніи смотрѣли другъ на друга.

Наконецъ Топиловъ прервалъ молчаніе.

— Что вамъ надо отъ меня, господа? — спросилъ онъ сердито, но не безъ внутренняго безпокойства.

— Я качу знать какой дамъ здѣсь прогулялъ? — мрачнымъ голосомъ и размахивая палкой вскричалъ толстякъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ человѣчекъ съ рыжими бакенбартами, осторожно ставъ въ почтительное разстояніе отъ палки вопрошавшаго.

— А ви знаю? — спросилъ толстякъ, обращаясь къ Топилову.

— Какое вамъ дѣло? — отвѣчалъ молодой человѣкъ, ободрившись, потому что онъ слышалъ, какъ пудель его сердито ворчалъ.

— Не ваше дѣло, какой мнѣ дѣло! — заревѣлъ толстякъ такъ, что пудель кинулся на него. Онъ размахнулся палкой и продолжалъ: —Возьмитъ прочь вашъ собакъ или я буду ему голова сломать!.. Зачѣмъ ви прогулялъ этотъ дама?

— Убирайтесь вы къ чорту, и оставьте меня въ покоѣ!—вскричалъ Дмитрій Ивановичъ, выведенный изъ терпѣнія и готовясь удалиться.

— Ага!.. я не качу оставить васъ въ покой! сердито закричалъ толстякъ. Потомъ прибавилъ хладнокровнѣе: Sprechen Sie deutsch?

— Что вы съумашедшій, что-ли? — съ изумленіемъ спросилъ Топиловъ.

— Sprechen Sie deutsch?.. Ia, oder nein?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно, — я могу говорить и порусски.

— Сдѣлайте одолженіе, говорите скорѣе, потому что вы мнѣ надоѣли, — вспыльчиво отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Я качу застрѣлится съ вамъ!—глухимъ голосомъ произнесъ нѣмецъ.

— Послушайте... Я, въ самомъ дѣлѣ, начинаю думать, что вы не въ своемъ умѣ. Архипъ Семеновичъ, пожалуйста, помогите намъ объясниться, — прибавилъ Топиловъ, обратившись къ человѣчку съ рыжими бакенбардами.

— Мое дѣло сторона, —отвѣчалъ тотъ, отступивъ еще на шагъ и продолжая потирать руки съ злобною радостію.

— Не нада объясненіе!.. Ви прогулялся съ дама?..

— Я... но...

— Ви?.. Тогда будемъ застрѣлится.

— А, чортъ возьми!.. все это надоѣло мнѣ! — вскричалъ Топиловъ.—Ну, съ какой стати буду я стрѣляться съ вами? Какое вамъ дѣло до этой дѣвицы?

— Это не дѣвица!.. У него три дѣти!.. Фи, какъ скверно!..

— Не дѣвица?.. Могу васъ увѣрить...

— Ви ничего не можетъ увѣрить!.. Я это знай лучше васъ... Она мой жена!..

— Ваша... жена!.. вскричалъ съ изумленіемъ Топиловъ.

Человѣчекъ съ рыжими бакенбардами съ удовольствіемъ потиралъ руки.

— Помилуйте, — продолжалъ Дмитрій Ивановичъ, вы ошибаетесь... эта дѣвица... не ваша жена... клянусь вамъ честію... Да вотъ, спросите хоть этого господина, прибавилъ онъ, указавъ на Архипа Семеновича.

— Я ничего не знаю... мое дѣло сторона!— отвѣчалъ тотъ.

Нѣмецъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на одного, то на другаго.

— А почему ви знайтъ, что это не мой жена?—спросилъ онъ наконецъ.

— Потому что... потому что... она дѣвица! — отвѣчалъ Топиловъ, не находя лучшаго отвѣта.

— Гмъ!.. проворчалъ Нѣмецъ, и подумавъ съ минуту, продолжалъ:—а гдѣ же мой жена?

— Я почему знаю!

— Правда?.. недовѣрчиво спросилъ Нѣмецъ;—правда?.. Ну, скажите: ей Богу?

Топиловъ невольно усмѣхнулся.

— Клянусь вамъ честію, что дама или дѣвица, съ которою я гулялъ, не ваша жена.

— Гмъ!.. ну, тада извинитъ, что я васъ побезпокоилъ, —сказалъ толстякъ и протянувъ руку къ Топилову, продолжалъ: — Извинитъ, пожалуйста!... Ви живетъ въ Парголова?.. А, это очень карашо!.. Пожалуйста, придетъ ко мнѣ въ гости... мой дача въ нумеръ ***.

И толстякъ, пожавъ руку молодому человѣку, медленно и важно отправился далѣе отъискивать свою жену.

Тогда Топиловъ подошелъ къ человѣчку съ рыжими бакенбардами, который боязливо пятился назадъ.

— Почтеннѣйшій Архипъ Семеновичъ, — сказалъ онъ, — вы видѣли съ кѣмъ я гулялъ?

— Хе, хе, хе! видѣлъ, видѣлъ.

— Зачѣмъ же вы сейчасъ не хотѣли помочь мнѣ успокоить этого господина.

— Мое дѣло сторона... я не люблю мѣшаться въ чужія дѣла!

— Вотъ то-то и бѣда, что вы черезъ-чуръ мѣшаетесь въ чужія дѣла. Но послушайте, Архипъ Семеновичъ, даю вамъ честное слово, что я случайно встрѣтился здѣсь съ Евдоксіей Егоровной... слышите ли, честное слово?

— Слышу, слышу,— насмѣшливо отвѣчалъ Архипъ Семеновичъ.

— Если же вы вздумаете оклеветать ее... если вы, по вашему обыкновенію, распустите какую-нибудь сплетню—то берегитесь!..

— Ого!.. вы, кажется, грозите мнѣ?

— Да, и имѣю на то полное право. Я самъ съ вами раздѣлываться не стану; но вѣдь вы знаете моего пріятеля, Павла?

— Знаю, очень хорошо знаю. Что жъ дальше?

— Больше ничего. Я только хотѣлъ предостеречь васъ. Прощайте.

— Мое почтеніе, спокойной ночи! — закричалъ человѣчекъ съ рыжими бакенбартами вслѣдъ Дмитрію Ивановичу и, когда тотъ удалился, онъ проворчалъ:

— Павелъ?.. Знаю я Павла... негодяя!.. Ну, да ничего! Я теперь промолчу... выживу Павла... а потомъ... потомъ увидимъ!..

VI.

Дмитрій Ивановичъ медленно спускался съ горы. Онъ не успѣлъ еще хорошенько опомниться послѣ этой странной сцены, какъ вдругъ глухой говоръ заставилъ его остановиться.

Было совершенно темно; только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Топилова, изъ окошечка, находившагося въ-уровень съ землею, ложилась на прибрежный песокъ полоса свѣта.

Молодой человѣкъ разсмотрѣлъ, что онъ стоялъ возлѣ старой, покачнувшейся на бокъ, бани; онъ и не воображалъ, чтобы она была обитаема, а потому свѣтъ изъ окна и слышавшійся внутри говоръ, заставили его подойти ближе. Осторожно наклонившись къ окну, Топиловъ увидѣлъ, что свѣтъ происходилъ не отъ свѣчи, а отъ пламени, ярко пылавшаго въ печи.

Какое-то необыкновенное, странное зрѣлище представилось глазамъ молодаго человѣка.

На по[illegible]овалившихся полкахъ старой бани лежали въ безпорядкѣ дѣти въ лохмотяхъ. Они крѣпко спали. Возлѣ окна стоялъ столъ, на которомъ въ безпорядкѣ были разставлены три или четыре стакана разныхъ формъ, красивенькій подносъ, штофъ съ водкой, нѣсколько кусковъ говядины разной величины и нѣсколько ломтей чернаго и бѣлаго хлѣба. На скамьяхъ лежали туго набитые мѣшки. Передъ печкой на корточкахъ сидѣла оборванная дѣвушка; оперевъ локоть въ колѣно, и опустивъ щеку на ладонь, она задумчиво смотрѣла на огонь, изрѣдка переворачивая дрова полуобгорѣвшимъ полѣномъ, лежавшимъ возлѣ нея...

Топиловъ могъ видѣть профиль этой дѣвушки и изумился правильности его. На щекахъ

ея отъ жару разгорѣлся румянецъ. Глаза съ выраженіемъ глубокой грусти были неподвижно устремлены на фантастическія, волшебныя зданія, безпрестанно измѣнявшіяся и разрушавшіяся, помѣрѣ того, какъ яркое пламя пожирало дрова. Выраженіе рта молодой дѣвушки произвело непріятное впечатлѣніе на Дмитрія Ивановича; концы губъ отъ привычки опустились нѣсколько внизъ и придавали лицу постоянно плачевное, умоляющее выраженіе. Длинные, свѣтлорусые волосы прямыми космами спускались на обнаженныя плечи, бѣлизной своей составлявшія странный контрастъ съ загорѣлымъ лицомъ дѣвушки; изъ подъ рубища ея видны были ноги, грязныя, загрубѣлыя, покрытыя мозолями... Странные контрасты!.. Слѣдствіе тягостной борьбы житейскихъ нуждъ съ природой!.. Первые одержали верхъ: на то, что природа создала прекраснымъ, нужда налагала грубую, отвратительную печать свою!..

Возлѣ стола сидѣлъ съ одной стороны старикъ. Волосы на головѣ его были всклочены, борода мѣстами какъ бы ощипана, лицо покрыто безчисленнымъ множествомъ морщинъ, расходившихся по всѣмъ направленіямъ; онъ невольно прищуривалъ глаза, окруженные гноемъ и лишенные рѣсницъ; видно было, что онъ не привыкъ смотрѣть на свѣтъ. Въ рукахъ у старика была корка хлѣба и на ней кусокъ мяса; каждый разъ, когда онъ хотѣлъ откусить кусокъ хлѣба, лицо его ужасно кривилось отъ усилія, съ которымъ онъ долженъ былъ дѣйствовать немногими оставшимися зубами.

Противъ него сидѣла старуха.

Чѣмъ болѣе мы привязаны къ другу, тѣмъ сильнѣйшую горесть причиняетъ намъ измѣна его. Чѣмъ выше мы цѣнимъ женщинъ, тѣмъ отвратительнѣе кажутся онѣ намъ въ своемъ униженіи. Мужчина никогда не можетъ быть въ такой степени отвратителенъ, какъ женщина.

Старуха, сидѣвшая противъ старика, представляла собою идеалъ безобразія. Волосы какого-то грязнаго цвѣта, клочками, неровной длины, едва закрывали ей затылокъ; макушка была обнажена; лицо у нея было круглое, бураго цвѣта, съ сильно выдавшимися скулами; подбородокъ былъ покрытъ волосами бѣло-желтоватаго цвѣта, на одной ноздрѣ сплюснутаго носа было большое темно-фіолетовое природное пятно; круглые, мутные глаза, осѣненные бѣло-желтоватыми густыми бровями, съ ястребинымъ выраженіемъ, были устремлены на пальцы ея, судорожно согнутые, подобно когтямъ.

Она считала деньги... медленно и съ жаднымъ наслажденіемъ; но и самыя эти деньги какъ-то соотвѣтствовали и мѣсту и людямъ: не было ни одной серебряной монеты — все мрачная мѣдь. Старуха тщательно раскладывала копѣйки съ копѣйками, гроши съ грошами, пятаки съ пятаками...

И вся эта картина была какъ бы окаймлена красными отливами ярко пылавшаго въ печи огня, между тѣмъ какъ массы были погружены въ черную тѣнь...

Топиловъ не могъ отвесть взора отъ странной, ужасной картины. Онъ чувствовалъ, какъ имъ овладѣвалъ и постепенно усиливался страхъ, и, по-мѣрѣ того, какъ страхъ усиливался, взоръ его глубже и глубже проникалъ во всѣ подробности картины...

Вдругъ онъ невольно вздрогнулъ.

Послышались шаги; кто-то, весело насвистывая, приближался къ старой банѣ. Топиловъ только что успѣлъ скрыться за уголъ, какъ кто-то, припрыгивая, хотѣлъ проскочить въ низкую дверь и ударился головой объ верхнюю перекладину.

— Э, окаянная!.. тьфу, ты чортъ! какъ ушибся!.. произнесъ вновь прибывшій, входя въ баню.

Дмитрій Ивановичъ воротился къ окну.

Въ баню вошелъ, потирая лобъ, мальчишка лѣтъ шестнадцати, здоровый, сильный. Топиловъ всмотрѣлся ближе въ черты его и узналъ дурачка-юродиваго, котораго онъ видѣлъ еще на дняхъ, преслѣдуемаго толпой мальчишекъ по деревнѣ.

Дурачокъ вбѣжалъ въ баню, потирая лобъ, какъ мы уже сказали, бросилъ оборванную шапку и сумку на скамью и, плюнувъ, съ досадой закричалъ:

— Эка проклятая!.. вѣчно стукнусь!..

— Кто жъ тебѣ, дубинѣ, велитъ бѣжать сломя голову?—проворчала старуха, собирая сосчитанныя деньги.

— Ворчи себѣ, вѣдьма!.. проворчалъ дурачокъ; потомъ подскочилъ сзади къ молодой дѣвушкѣ, поцѣловалъ ее и крикнулъ:—Здравствуй, Дуняха!..

Дѣвушка машинально поворотила голову, безсмысленно посмотрѣла на дурачка, ничего не сказала и опять приняла прежнее положеніе.

— Ну, что, Яшка? — спросилъ старикъ хриплымъ голосомъ и едва ворочая языкомъ.

— Ничего, хорошо! — отвѣчалъ дурачокъ, подходя къ столу и наливая себѣ рюмку водки; потомъ продолжалъ: Вишь ты, дядя, все вызудилъ!..

— Будетъ съ тебя, — возразилъ старикъ, у котораго глаза совсѣмъ закрылись и голова покачивалась во всѣ стороны. — А какъ же ты... таво?

— Разумѣется, какъ!.. фштъ!.. испустивъ звукъ, подобный змѣиному шипѣнію, Яшка провелъ ребромъ руки по своей голой шеѣ.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Топилова.

— Неужто? — спросилъ старикъ съ радостной улыбкой и полузакрывъ глаза.

— Обѣихъ? — прибавила старуха.

— Нѣтъ, не удалось! Бѣлую-то я царапнулъ... она, голубушка, не пикнула... такъ себѣ ножки и протянула... а сѣрый ушелъ... прытокъ больно!

— Эхъ, ты олухъ! — сказала старуха. — Прямой ты дурачокъ!..

— Эка! олухъ... ну, поди-ко сунься ты!... Меня, знаешь, такъ морозъ и подралъ по кожѣ, какъ я за ножикъ хватился... царапъ! фштъ! легла, голубушка!.. сказалъ Яшка, сопровождая каждое слово выразительнымъ жестомъ.

— А сѣрый?

— Ушелъ, мошельникъ!..

— Кричалъ?

— Нѣтъ, куды!.. Онъ такъ испужался, что дернулъ такъ, что только держись! Потомъ я пошелъ къ толстому: сказалъ, готово... а онъ говоритъ: спасибо; только, говорю, сѣрый ушелъ; ничего, говоритъ, мы и до него доберемся!

— Ну, а что еще?.. спросила съ жадностію старуха.

— Больше ничего, — небрежно отвѣчалъ мальчишка; потомъ зѣвнулъ, потянулся: — спать хочу...

— Что же онъ тебѣ далъ? — опять спросила старуха.

— Мало; говоритъ, какъ сѣраго укокошишъ, такъ еще дамъ.

Старуха злобно и изъ подлобья посмотрѣла на мальчишку, который повернулся какъ ни въ чемъ не бывало, и ударивъ молодую дѣвушку по спинѣ, спросилъ:

— Ты что, Дунька, спать не ложишься?

Молодая дѣвушка, молча и медленно поднялась, боязливо взглянула на старуху и забилась въ уголокъ за печкой, на кучѣ соломы.

Старикъ, упавъ на скамью, храпѣлъ. Подъ головой у него ни чего небыло; ноги висѣли внизъ.

Огонь въ печи угасъ; только изрѣдка по догорѣвшимъ головнямъ съ трескомъ пробѣгалъ синій огонекъ.

Старуха собрала нѣсколько мѣшковъ, и растянувшись на скамьѣ, подложила ихъ себѣ подъ голову, потомъ притворилась спящею, а между тѣмъ слѣдила за малѣйшими движеніями Яшки, который схватилъ со стола кусокъ хлѣба съ селедкой и сталъ ѣсть, положивъ на столъ кожаный кошелекъ. По́ка Яшка отвернулся, старуха слегка приподнялась, согнутыя пальцы ея схватили кошелекъ, который въ тоже мгновеніе исчезъ въ одномъ изъ мѣшковъ...

Яшка проглотилъ послѣдній кусокъ хлѣба и, напившись изъ ведра воды, бросился на солому возлѣ Дуньки...

Внутренность бани была погружена въ глубокій мракъ; только рѣдкія искры то угасали, то снова блестѣли въ печи...

Дмитрій Ивановичъ дрожалъ; онъ чувствовалъ какъ волосы стали дыбомъ на головѣ его.

П. Фурмонъ.

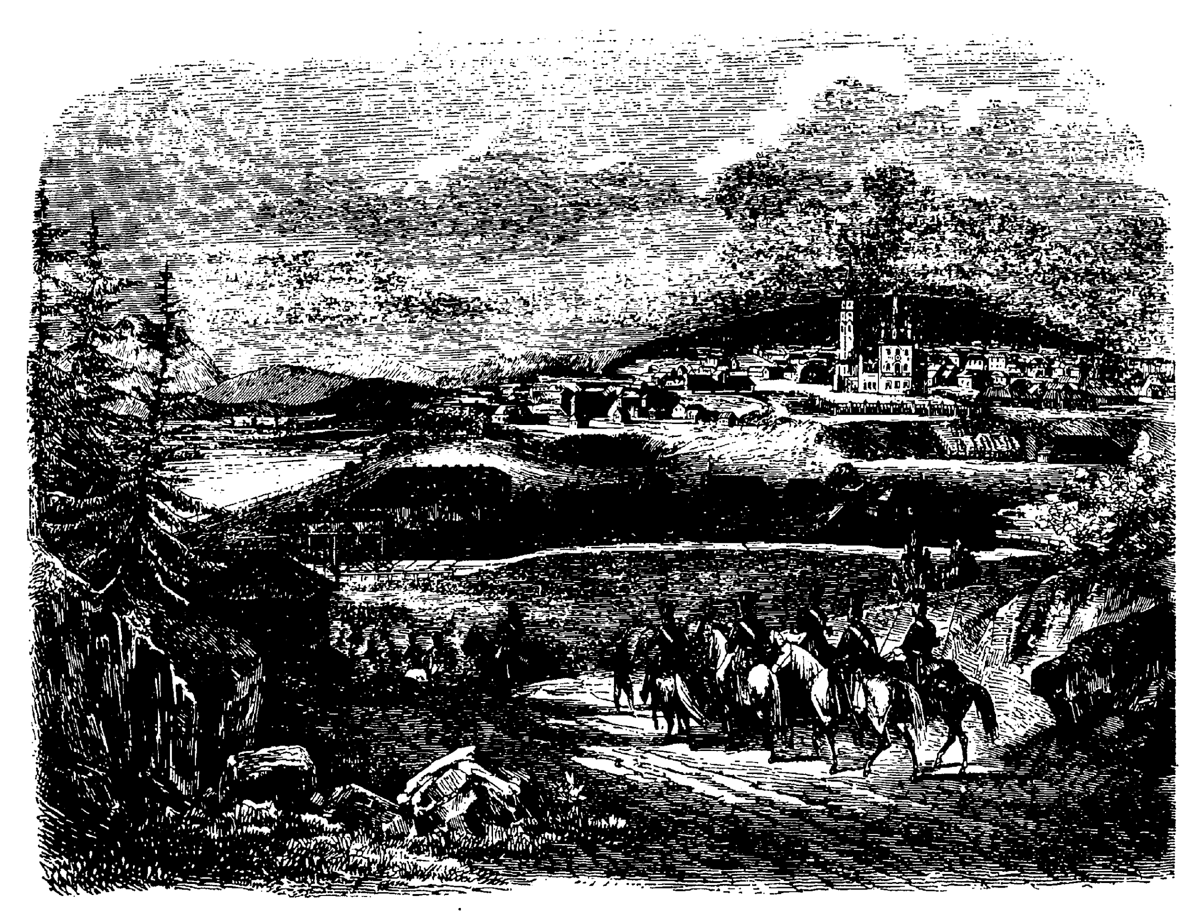
(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВЪ РОССІИ.

ДОНЪ.

Не знаемъ, какъ толковать нѣкоторыя явленія, случающіяся у насъ довольно часто. Въ девять мѣсяцевъ, мы замѣтили нѣсколько разъ, что если поступитъ въ Редакцію статья о золотыхъ промыслахъ, то, навѣрное, какъ будто по условію, придутъ въ то же время и о томъ же предметѣ еще нѣсколько статей; если о желѣзныхъ дорогахъ — то же явленіе; если о хозяйствѣ, опять то же. Въ послѣднее время тѣмъ же порядкомъ Редакція получила вдругъ три статьи о рыбныхъ промыслахъ въ Россіи. Всѣ три любопытны, всѣ три почти съ одинакими результатами, такъ, что мы рѣшились всѣ три соединить въ одну и передать нашимъ читателямъ на благоусмотрѣніе въ нумерахъ Иллюстраціи.

До Царей, мы, можно сказать, не имѣли ни одного моря, ни одной рыбной рѣки. Въ Балтійское море имѣли входъ Новгородцы и Псковичи, но устья рѣкъ Невы и Наровы были въ рукахъ Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей; на Ладогѣ ловля рыбы и теперь не значительна; Пейпусъ былъ во владѣніи Нѣмцевъ, а на Псковскомъ ловились, какъ и донынѣ ловятся въ обиліи, снятки. — На Бѣломъ морѣ и вообще въ Сѣверномъ океанѣ, рыбная ловля весьма значительна, но она развилась уже впослѣдствіи, почему объ этомъ краѣ въ отношеніи къ рыбнымъ промысламъ будемъ говорить позже, да и самые сорты рыбы, палтусъ, треска, сельди и другія, не принадлежатъ къ красной рыбѣ, которую въ Россіи могли получать только изъ земель, подвластныхъ народамъ чуждымъ, или случайно зашедшую въ самыя верховья рѣкъ Волги и Дона; рѣки же эти въ самыхъ рыболовныхъ мѣстахъ протекали въ татарскихъ владѣніяхъ. Начало рыбныхъ промысловъ въ обширномъ размѣрѣ принадлежитъ казачьему войску Донскому, этимъ естественнымъ рыцарямъ земли Русской. — Поселеніе ихъ на берегахъ Азовскаго моря относятъ къ концу XV столѣтія. Они основали первую свою станицу въ союзѣ съ татарскими князьями; они догнали Ахмата, хана Золотой Орды, убили его и разорили до основанія Кипчакъ или Сарай. — Укрѣпясь на новосельѣ, казаки занялись, между прочими промыслами, и рыболовствомъ. Донъ весьма обиленъ рыбою, покрайней мѣрѣ, по свидѣтельству какъ старыхъ описаній, такъ и полученныхъ нами статей. Вотъ какія рыбы въ немъ водятся въ обиліи: лещи, подлещики, красноперы, язи, плотва, *селява*, синези, *лыки*, мусуни, сиги, судаки, караси, щуки, сазаны; сомъ, окунь, ершъ; бѣлезня, вьюны, бѣлуга, таранъ, синьга, ласкари, секрети, чахапь, головли; осетръ, севрюга и стерлядь теперь ловятся въ обиліи только въ низовьяхъ рѣки, но во время первоначальнаго заселенія, вѣроятно, водились и гораздо выше.



Казанкая Станица на Дону.

Городъ Азовъ.

Между побочными рѣками, впадающими въ Ивань-озеро, источникъ Дона, есть рѣка Осетръ. Это названіе нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ о собственномъ краснорыбномъ его богатствѣ, которое теперь совершенно уже изсякло. — Военныя бури долгое время препятствовали всякому устройству народнаго хозяйства, а, между прочимъ, и правильнаго рыболовства, которое, правду сказать, и нынѣ находится еще въ состояніи, не заслуживающемъ одобренія, хотя и развито въ огромномъ размѣрѣ. Мы увидимъ это впослѣдствіи. Теперь взглянемъ на Донъ, на этого кормильца всего восточнаго казачества; потому что всѣ другіе казаки, кромѣ собственно Малороссійскихъ, Волжскіе, Семейные, Терскіе, Гребенскіе, Моздоцкіе, Уральскіе, Оренбургскіе и др. всѣ, посредственно или непосредственно, произошли отъ Донскихъ. Древній Танаисъ воспоилъ это воинственное племя и облилъ имъ всѣ восточныя границы Имперіи. Донъ нашъ протекаетъ на пространствѣ 1,000 верстъ, изъ коихъ 700 — судоходны; но въ самыхъ устьяхъ есть песчаныя отмели. Казацкое рыболовство имѣетъ наибольшее развитіе въ низовьяхъ рѣки, преимущественно отъ Черкасска до Азова, и по берегамъ моря, гдѣ производится огромная ловля огромныхъ сельдей, не рѣдко въ 1½ фунта вѣсомъ. Въ одномъ 1832 году, напримѣръ, изловлено рыбы всѣми промышленниками, вообще 1,033,035 пудъ! Но времена перемѣняются: многія русскія рѣки стали и маловодны и малорыбны. Въ первомъ случаѣ — такъ угодно было хозяйственнымъ соображеніямъ природы; во-второмъ, виновенъ именно недостатокъ хозяйственной экономіи, избытокъ въ выгодахъ сбыта. Страшно подумать, какая масса рыбы отправляется ежегодно изъ Маріуполя и Бердянска

въ Новороссійскій край и даже въ Малороссію. Въ одномъ 1839 году, въ этихъ городахъ продано 7 милліоновъ сельдей. Низовья Дона теперь совершенно измѣнились; при самомъ его истокѣ стояла огромная и сильная турецкая твердыня Азова,— древній Танаисъ, которая была взята Митридатомъ, впослѣдствіи переходила изъ рукъ въ руки, была подъ русскою властію при Владимірѣ I. Исторія этого города представляетъ странную картину; изъ-за Азова война въ этомъ глухомъ углу не умолкала цѣлые вѣки. Половцы, Генуэзцы, Тамерланъ, опять Генуэзцы, наконецъ Турки громили городъ; Донскіе казаки два раза брали Азовъ и во второй разъ владѣли имъ съ 1615— по 1643-й годъ. Турки принуждены были употребить огромный флотъ и армію, чтобы выжить горсть удальцевъ изъ этой крѣпости; но не долго сами владѣли ею. Петръ Великій взялъ Азовъ, но принужденъ былъ сдать обратно. Наконецъ, Бѣлградскій миръ (1739) утвердилъ Азовъ за Россіей; но по этому трактату укрѣпленія были срыты. Еще разъ, при Екатеринѣ городъ этотъ оживился, былъ возведенъ въ губернскіе и пользовался этою честію до 1778. Теперь Азовъ и бѣденъ и незначителенъ, имѣетъ не болѣе 1000 жителей и смиренно глядитъ на волны нашей казачьей рѣки, и море, по которымъ разные народы стремились разорить его и лишить вѣковыми бѣдствіями пріобрѣтенныхъ преимуществъ. Палъ Азовъ, но весь этотъ край оживился. Нѣсколько городовъ замѣнили одинъ: Таганрогъ, Ростовъ, Маріуполь, Бердянскъ, Керчь окружили Азовское море, наполняемое ежегодно кораблями различныхъ странъ; по самому Дону ходитъ пароходъ «Донецъ» Нагорная сторона рѣки представляетъ живописные виды; богатыя казацкія станицы свидѣтельствуютъ о достаткѣ тамошняго войска. Мы представляемъ видъ одной такой станицы, которую иностранцы зовутъ городомъ; но такихъ станицъ на Дону много. Въ нѣкоторыхъ по двѣ каменныя церкви; по рѣкѣ и берегамъ вы вездѣ замѣтите признаки рыбнопромышленной дѣятельности прибрежныхъ жителей. Прежде донскія рыбныя мѣста славились во всей Россіи, въ особенности Казачій станъ и Государева тоня, а равно и нѣкоторыя другія морскія косы, куда рыба ходитъ и ломится сталами. И здѣсь главныхъ ловов два: зимній и весенній; послѣдній бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки отъ льда.

Рыбные промыслы на Дону далеко уступаютъ волжскимъ, уральскимъ и другимъ. Мы поставили ихъ въ началѣ потому только, что они въ хронологическомъ порядкѣ занимаютъ, по мнѣнію нашему, первое мѣсто. На Дону уже сидѣли казаки по самымъ южнымъ берегамъ его, когда рыбныя мѣста наши были еще во власти Татаръ.

Артиллерія по системѣ ген. Цоллера.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ
ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Бурунъ близь Руана. — Пожаръ въ Бордо. — Плюндорфъ. — Близнецы. — Аппара для уравненія зубовъ. — О возрастаніи костей. — Хирургія Диффенбаха. — Словарь г. Рѣзваго. — Артиллерія Цоллера. — Музыкальныя и Театральныя извѣстія. — Исторія оперы.

Подобнаго года, столь обильнаго различными бѣдствіями, кажется, еще и не бывало. Наводненія, пожары, саранча, голодъ, засуха, рѣшительно всѣ бичи эти терзали міръ; но между всѣми этими бѣдствіями не было такого, какое посѣтило окрестности Руана 19-го истекшаго августа н. ст. Водяные столбы, буруны въ степяхъ не могутъ сравниться съ этимъ руанскимъ метеоромъ, какъ существомъ, такъ и ужасными послѣдствіями. Утро было тихо и ясно; но скоро началъ дуть южный вѣтеръ, постоянно усиливаясь, по направленію отъ Руана къ Гульму, отстоящему отъ перваго верстъ на 8. — Около 1 ч. 15 м. черныя тучи, гонимыя съ юговостока сильнымъ вѣтромъ, столкнулись съ тѣми, которыя шли съ юга, отъ чего образовался сильный вихрь; имъ разрушена одна фабричная сушильня, опрокинуто 180 деревъ. Явленіе еще не имѣло вида воздушнаго столба или тромбы; во время разрушенія сушильни брызнулъ дождь съ градомъ и молніей; края тучь были бѣловатаго цвѣта. Метеоръ направилъ свой путь къ западу, вырывая деревья и опрокидывая хижины; но вдругъ перемѣнилъ дорогу, спустился въ Монвильскую долину; лѣсъ стоялъ на пути. Бурунъ сломалъ всѣ деревья у

самыхъ корней, и въ то же мгновеніе тучи съ юго-востока какъ будто бросились ему на встрѣчу. Тогда образовался безмѣрный конусъ, обращенный вершиною къ землѣ; онъ вертѣлся съ неописанною быстротою и шелъ впередъ съ не меньшею скоростью, съ страшнымъ шумомъ, повременамъ бросая молніи. Вершина конуса была красно-желтаго цвѣта, вся остальная масса черная. Этотъ колоссальный конусъ прежде всего набѣжалъ на четырехъ-этажную прядильную фабрику, въ одну секунду поднялъ ее, и обрушилъ со всѣми работниками, не оставивъ на мѣстѣ ни одного камня, между тѣмъ какъ въ жиломъ домѣ, который стоялъ на пути, повреждена только часть крыши. Въ то же мгновеніе ураганъ повернулъ направо и разрушилъ другую такую же огромную фабрику; всѣ этажи были раздавлены, смяты подъ одинъ уровень и, такъ сказать истерты въ порошокъ, а въ жиломъ домѣ и тутъ пострадала только крыша. Повернувъ зиг-загомъ налѣво, бурунъ снялъ крышу съ небольшой прядильни, подбросилъ цѣлый этажъ и напалъ на самую огромную и лучшую фабрику долины. Огромное это зданіе, построенное все изъ кирпича и такъ прочно, что даже осуждали излишнюю толстоту стѣнъ, въ одно мгновеніе ока было разрушено до основанія; двѣсти работниковъ задавлены; всѣ машины и орудія разломало и разбросало; деревья кругомъ зданія вырваны съ корнемъ и въ то же время уцѣлѣло нѣсколько жилыхъ домовъ, которые стояли возлѣ фабрики. Метеоръ пошелъ дальше, еще вырвалъ съ корнемъ кучу деревъ, и пропалъ. — Все это произошло въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Многіе могли покойно наблюдать это явленіе со стороны и утверждаютъ, что въ мгновеніе разрушенія, фабрики были покрыты пламенемъ и дымомъ, такъ что со всѣхъ сторонъ слетѣлись пожарныя трубы, чтобы гасить пожаръ, но огня не было. Изъ всего этого видно, что въ этомъ метеорѣ главную роль играло электричество; потому что онъ нападалъ на тѣ зданія, въ которыхъ было много разнаго металла, и обходилъ дома, въ которыхъ металловъ было мало; множество предметовъ было сожжено на уголь; многіе куски желѣза омагничены. Работники, чудомъ уцѣлѣвшіе въ общей гибели, потому только что ихъ какъ-то выбросило изъ зданій, всѣ говорятъ, что въ глазахъ у нихъ блисталъ свѣтъ, что они чувствовали сильное потрясеніе во всемъ организмѣ и сѣрный запахъ. Какъ только бросились разбирать развалины, чтобы извлечь оттуда работниковъ, кирпичи были еще такъ горячи, что нельзя было держать въ рукахъ. Нѣкоторые работники явственно убиты электричествомъ; многіе трупы почернѣли какъ уголь, а всѣ подверглись путрификаціи весьма скоро послѣ этого ужаснаго событія. — При этомъ случаѣ, мы не могли не замѣтить, куда иногда заводитъ желаніе придавать газетамъ видъ совершенной, самой свѣжей, современности. Въ Парижской Иллюстраціи помѣщены не только описанія, но картины и путь этого метеора. И картины и маршрутъ совершенно противурѣчатъ описанію нашему, заимствованному изъ письма г. Прейслера, профессора физики въ Руанѣ, и свидѣтельству очевидцовъ; за то современно. Ураганъ свирѣпствовалъ 19, а гравюры въ Иллюстраціи появились 30 августа, не смотря на то, что донесенія Пелля, Прейслера и Лекока были уже обнародованы 25 августа.

— Послѣ этого ужаснаго событія не слѣдовало бы упоминать о пожарѣ, бывшемъ въ Бордо 22 августа н. с.; но и тутъ погибло девять человѣкъ, а потеря простирается до 3 м. фр. Бордосцы наложили на себя трауръ по убитыхъ и нѣсколько дней не ходили въ театръ.

— Во всякомъ періодѣ исторіи есть загадочные люди; это какая-то странная необходимость для человѣчества; самозванцы въ разныхъ націяхъ появлялись не рѣдко, оставивъ потомкамъ спорить pro и contra, тогда когда уже спорить было не о чемъ. 10 Августа умеръ въ Голландіи одинъ изъ такихъ загадочныхъ людей. Онъ называлъ себя Людовикомъ XVII, Дофиномъ Франціи, Герцогомъ Нормандскимъ, сыномъ Людовика XVI и Маріи Антуанетты, который по свидѣтельству исторіи, умеръ въ Томкѣ. Наюндорфъ утверждалъ, что умеръ не онъ, а другой младенецъ, подставной, а онъ Наюндорфъ, или Дофинъ, спасенъ и укрытъ въ Германіи. Не зная французскаго языка, въ ужасной бѣдности воротился онъ во Францію, гдѣ нашелъ многихъ приверженцевъ; умноженіе ихъ числа было поводомъ, что правительство выслало его за границу. Въ Англіи онъ прожилъ довольно долго, переѣхалъ въ Голландію, гдѣ и умеръ. Про него много анекдотовъ; для насъ они не любопытны, потому что похожи на всѣ анекдоты въ подобныхъ случаяхъ и сомнительной подлинности.

— Странное явленіе замѣтили мы въ Тератологіи. Во Франціи родились двѣ дѣвушки близнецы, сросшіяся животами. Явленіе не бывалое и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное; онѣ очень хорошо сложены и, кромѣ общаго живота, не замѣчено никакихъ особенныхъ уродливостей; феноменъ въ своемъ родѣ единственный. Ритта-Христина и Сіамскіе близнецы, совсѣмъ дѣло иное. Феломена и Елена, такъ нарѣчены дѣвушки, вѣчно должны глядѣть другъ на друга; ходить всегда одна назадъ, другая впередъ, кушать вдвоемъ, а варить пищу съобща. Дѣти прожили уже пятнадцать дней совершенно благополучно, но у нихъ разные вкусы: Феломена питается грудью; Елена не хочетъ никакой пищи; ее кормятъ насильно немногими каплями молока, и не смотря на то, Елена живѣе и здоровѣе. Если онѣ проживутъ и разовьются, если характеры ихъ образуются и, между тѣмъ, будутъ противуположные, если захотятъ жить каждая по своей волѣ, какая разладица можетъ выйти въ нравственной ихъ жизни! Эти дѣвушки гораздо интереснѣе Сіамскихъ близнецовъ и весьма любопытно видѣть, какъ заботливая природа облегчитъ имъ всѣ неудобства, которыя необходимо представятся по ихъ взаимному положенію. Въ подобныхъ случаяхъ природа будто шутитъ надъ могуществомъ науки, которая должна на этотъ разъ отказаться отъ возможности исправить уродливость; это не косоглазіе, это не зубы, которые теперь совершенно уступили ортопедическимъ усиліямъ.

— Весьма часто случается, что зубы растутъ неправильно, выдвигаясь такъ далеко, что заходятъ за нижнюю губу, препятствуютъ произношенію и безобразятъ человѣка. Г. Лабарръ, сынъ, изобрѣлъ аппаратъ, состоящій изъ золотой или платиновой коробочки, въ которой тщательно выдѣланы мѣста для всѣхъ зубовъ верхней челюсти. Двѣ эластическія стальныя или золотыя пластинки придѣланныя къ этому аппарату, нажимаютъ уродливые зубы и тѣмъ даютъ имъ направленіе какое должно. Пять удачныхъ опытовъ совершенно доказали дѣйствительность этого способа. Уродливость уничтожилась ровно въ м[illegible], хотя паціентамъ, младшему было 18, старшему 30 лѣтъ.

— Этотъ ортопедическій опытъ заставляетъ вѣрить, что зубная кость не подвергается законамъ, коимъ подчинены другія кости. Знаменитый Флюранъ представилъ теперь доказательства, которыя совершенно опровергаютъ мнѣніе Дюгамеля о возрастаніи костей. Флюранъ доказалъ, что кость растетъ въ длину продольными пластинками, расположенными одна возлѣ другой, а въ толщину пластинками наружными; мозговой же каналъ кости растетъ или увеличивается, поглощая, всасывая внутреннія или старыя пластинки кости. У Дюгамеля кольцо, надѣтое на кость, очутилось въ мозговомъ каналѣ. Флюранъ прикладывалъ платиновую пластинку къ кости; по старой системѣ, она бы должна всегда оставаться на верху кости; но вышло наоборотъ: на осьми экземплярахъ Флюранъ представилъ осязаемыя доказательства, что пластинка не ломала кости, а постоянно ею обростала и, наконецъ, въ 8 экземплярѣ, въ тридцать шесть дней очутилась въ мозговомъ каналѣ. Изъ этого видно, что кость возобновляется; старая поглощается, новая наростаетъ снаружи; такимъ образомъ кость питается собственнымъ своимъ существомъ. Бюффонъ правъ, заключаетъ Флюранъ, что въ формѣ болѣе неизмѣнимости, чѣмъ въ матеріи. Кювье справедливо называлъ жизнь вихремъ. Лейбницъ могъ сказать, что въ нашемъ организмѣ дѣйствуетъ непрерывный приливъ. Все въ нашихъ органахъ возобновляется, мѣняется; наша жизнь непрерывное измѣненіе матеріи... Можетъ быть, въ насъ нѣтъ ни одного атома изъ тѣхъ, которые составляли наше тѣле годъ тому назадъ. Полное сочиненіе Флюрана Théorie éxperimentale de la formation des os, уже печатается.

— Кстати, говоря о костяхъ и анатоміи, сообщимъ той части нашихъ читателей, которые слѣдуютъ за ходомъ этихъ наукъ, что вышла въ свѣтъ Оперативная Хирургія Диффенбаха; самъ авторъ говоритъ, что эта книга плодъ трудовъ всей его жизни.

— Точныя науки вездѣ теперь представляютъ плоды особенной дѣятельности ученыхъ. Мы будемъ имѣть случай говорить о ихъ движеніи и у насъ. По здѣсь упомянемъ о Французско-Русскомъ Словарѣ техническихъ названій, составленномъ полк. Рѣзвымъ. Это весьма важное и отмѣнно хорошо обработанное пособіе, но, къ сожалѣнію, оно относится только до артиллеріи и наукъ, искуствъ и ремеслъ, съ нею соприкосновенныхъ. Весьма было бы желательно, чтобы этотъ Словарь былъ не окончательнымъ, a начальнымъ, трудомъ, основаніемъ полнѣйшаго словаря техническихъ названій по всѣмъ точнымъ наукамъ, равно по искуствамъ и ремесламъ. Въ этомъ ощутительна надобность, не только для занимающихся науками и искуствами, но и для тѣхъ, которые ими не занимаясь вовсе, пишутъ, переводятъ ученыя статьи. Такое пособіе въ значительной мѣрѣ уничтожило бы вредъ, который наносятъ эти мнимо-ученыя произведенія нашего времени. — Впрочемъ нельзя не поблагодарить за прекрасный трудъ, за полезную услугу, оказанную артиллеріи съ сосѣдками.

— На эту отрасль военныхъ наукъ обращено во всей Европѣ особенное вниманіе. И тутъ множество системъ спорныхъ; даже въ бездѣлицахъ не соглашаются эксперты; напримѣръ, упряжка лошадей подъ орудія у насъ иначе, во Франціи иначе, въ Германіи также иначе. Не такъ давно система полевой артиллеріи баварскаго генерала Цоллера надѣлала много шума; оправдалась ли она на опытѣ, не вѣдаемъ, но знаемъ только что цѣль системы заключалась въ томъ, чтобы сообщить орудіямъ какъ можно болѣе легкости или подвижности, особенно при переѣздахъ черезъ рвы, бугры и т. д. Для этой цѣли генералъ Цоллеръ изобрѣлъ другіе лафеты, которыхъ передки поворачиваться могутъ, такъ сказать, большею независимостію отъ орудія. Такова была, по крайней-мѣрѣ, цѣль системы, по увѣренію газетъ. Мы прилагаемъ гравюру, изображающую переѣздъ орудія черезъ ровъ и отправляемся въ дальнѣйшій путь.

— Куда же? Какъ и всегда. Утомясь отъ посѣщенія академій, музеевъ, библіотекъ и книжныхъ лавокъ, простительно пойти въ театръ и отдохнуть тѣломъ и душею, слушая восхитительное пѣніе Женни-Линдъ, этого метеора, который увлекаетъ за собою не только слушателей, но даже воспоминанія счастливцевъ, имѣвшихъ случай наслаждаться ея пѣніемъ. Женни-Линдъ теперь муза Германіи; въ разныхъ газетахъ появляются французскіе и нѣмецкіе стихи въ честь пѣвицы; изъ нихъ мы перепишемъ для васъ четырестишіе изъ Кельнской Газеты:

Doux ruisseau coulez sans violence,
Rossignol arrêtez votre voix,
Taisez vous Zéphir, faites silence
C'est Jris qui chante Colonia.

Чтобы возбудить такіе дурные стихи, повѣрьте надо пѣть удивительно хорошо; иначе вамъ напишутъ стихи, но гладкіе, толковые, безъ миѳологіи, безъ экстаза. Приведенные стихи свидѣтельствуютъ, что сочинитель былъ въ совершенномъ обаяніи, когда импровизировалъ свое четырестишіе... Да! мы хотѣли зайти въ театръ... Но что же дѣлать? Неужели слушать старое? Во Франкфуртѣ на Майнѣ 27 августа дали въ первый

разъ драму г-жи Бирхфейферъ, подъ заглавіемъ: Маркиза де Виллетъ; — но эта піэса особеннаго успѣха не имѣла. Въ Вѣнѣ ставятъ оперу Бальфа «Источникъ любви»; но эта опера пока тайна... Въ Боннѣ все кончилось; за то въ журналахъ все еще пишутъ да пишутъ о рейнскихъ и бетговенскихъ празднествахъ и все одно и то же.— Изъ французскихъ композиторовъ на послѣднихъ праздникахъ былъ только одинъ — Берліозъ. Почему не были другіе? спрашиваютъ журналы и газеты. Почему не былъ Оберъ? Боленъ, Габенекъ? —Занимались своимъ дѣломъ. — Галеви? (?) Сочинялъ. — Лабарръ, Адамъ, Давидъ, Пиксисъ, Жираръ?.. любопытно чтобы они дѣлали предъ лицомъ Бетговена. Давидъ—еще дѣло иное, — онъ только что началъ свое поприще и началъ съ достоинствъ; но прочіе композиторы французскіе очень хорошо сдѣлали, что не поѣхали въ Бонну. Берліозъ самъ Бетговенъ, покрайней-мѣрѣ, онъ такъ пишетъ въ журналахъ, какъ никогда не писалъ Бетговенъ; онъ долженъ былъ явиться въ Боннѣ и утѣшить міръ тѣмъ, что въ лицѣ его есть кому занять мѣсто Бетговена, у котораго онъ и такъ уже много занялъ.—Любопытно, кто займетъ мѣсто Вебера и Моцарта, двѣ вакансіи, которыя замѣстить еще не успѣли французскіе журналисты?

— Въ Берлинѣ теперь выходитъ, тетрадями, весьма замѣчательное изданіе: Исторія оперы и королевскаго Опернаго Театра въ Берлинѣ. Издатели — извѣстные: актеръ Шнейдеръ и архитекторъ Ланггансъ. Первая тетрадь уже вышла. Текстъ объемлетъ исторію театра до 1740 года и заключаетъ множество любопытныхъ подробностей. Кромѣ прекрасныхъ виньетъ, украшающихъ текстъ, въ особыхъ приложеніяхъ раздаются подписчикамъ иллюминованныя гравюры, изображающія костюмы Италіянской Оперы съ 1700—1775 годъ, двѣ декораціи изъ того же періода и разрѣзъ Опернаго Театра, построеннаго Фридрихомъ Великимъ.

О ПЕРЕМѢНАХЪ КЛИМАТА ВО ФРАНЦІИ.

Во времена Кесаря, за 50 лѣтъ до нашей эры, Галлія была покрыта лѣсами. Пространство ихъ простиралось до 46 милліоновъ гектаровъ; въ настоящее же время оно едва доходитъ до 9 милліоновъ. Остальная часть земель, исключая небольшаго числа обработанныхъ полей, состояла изъ болотъ. Вообще вся страна состояла изъ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, рѣкъ безъ ложа, озеръ и прудовъ. Эти лѣса и воды, огражденные съ востока и юга снѣжными горами, содѣлывали климатъ холоднымъ и сырымъ.

Степень холода той страны была опредѣлена съ незапамятныхъ временъ. Діодоръ, согласующійся въ этомъ случаѣ со всѣми своими предшественниками и послѣдователями, говоритъ, что всѣ рѣки въ Галліи скоро замерзали и что ледъ на нихъ былъ такъ крѣпокъ, что по немъ проходили цѣлыя арміи со всѣми повозками. Рентиры, встрѣчаемые только въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, водились въ то время въ лѣсахъ Германіи, на правомъ берегу Рейна; виноградъ не могъ произрастать тамъ, хотя Галлы, большіе любители вина, уже умѣли разводить его. Кажется, уже эти одни факты достаточно вѣрны и положительны.

Этотъ суровый климатъ смягчился со временемъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ лѣсовъ, осушеніемъ болотъ и развитіемъ земледѣлія, такъ что отъ шестаго до двѣнадцатаго столѣтія климатъ былъ въ Галліи теплѣе и ровнѣе нежели теперь. Эта теплота и ровность климата поспособствовала распространенію виноградниковъ, не только до Бретаньи, Нормандіи и Пикардіи, но даже до Фландріи и Брабанта. И виноградники эти не были бѣдны и жалки; напротивъ, они покрывали весь сѣверъ Галліи; въ нихъ въ началѣ августа созрѣвалъ виноградъ; собирали его ежегодно въ серединѣ сентября. Эти факты явствуютъ изъ хартій и документовъ феодальныхъ и монастырскихъ удѣловъ, изъ сохранившихся отчетовъ, составлявшихся ежегодно дворянствомъ и духовенствомъ.

Одно слово о качествѣ тогдашнихъ винъ. Они не были ни кислы, ни слабы, и не подвержены скорому окисанію. Въ средніе вѣка понимали едва ли не лучше нашего доброту и пріятный букетъ въ винахъ. Въ 12-мъ столѣтіи, Гильомъ де Мальмесбюри слѣдующимъ образомъ отзывается о винахъ Глостерской долины въ Англіи:

«Во всей Англіи нѣтъ провинціи, въ которой виноградъ былъ бы изобильнѣе, и вино вкуснѣе. Оно не оскорбляетъ вкуса непріятною кислотою и можетъ соперничествовать съ лучшими винами Иль-де-Франса.»

Земледѣльческія работы, произведенныя въ средніе вѣка монашествующими братіями, создали всѣ эти чудеса. Кассьенское духовенство положило начало этому дѣлу; послѣдователи св. Бенoа окончили его. Они осушили болота, срубили лѣса, дали ложе рѣкамъ, перемѣняли направленія ихъ и оградили земли отъ разлитія рѣкъ.

Климатъ Франціи сталъ значительно теплѣе отъ юга къ сѣверу; но потомъ онъ опять сталъ холоднѣе отъ сѣвера къ югу. Значительное измѣненіе его начинается отъ исхода 11 го столѣтія и безпрестанно увеличивалось въ слѣдующія столѣтія, такъ что, въ 13-мъ столѣтіи, въ Пикардіи, Бретаньи и Нормандіи остались только жалкіе слѣды прежнихъ виноградниковъ. Послѣ того нѣсколько разъ старались вновь развести виноградники на сѣверо-западѣ, но всѣ усилія остались тщетными. Виноградники принимались, — но доставляли весьма дурное вино.

Измѣненіе климата постепенно продолжалось въ 16-мъ столѣтіи до самаго юга Франціи. Это обратное движеніе, отъ сѣвера къ югу, продолжается еще и понынѣ; такимъ образомъ, что сѣверозападныя провинціи лишаются постепенно фруктовыхъ деревъ такъ точно, какъ онѣ лишились уже виноградниковъ; южныя же провинціи теряютъ оливковыя деревья, потерявъ уже апельсинныя, фиговыя (столь же прекрасныя, какъ африканскія) и сахарный тростникъ.

Впрочемъ измѣненіе почвы и спеціальныхъ произрастеній не есть главный, или единственный, аргументъ въ пользу измѣненій климата; есть доказательство болѣе прямое и положительное, а именно, собраніе историческихъ извѣстій о непогодахъ, само собою разумѣется, необыкновенныхъ. Эти извѣстія вполнѣ подтверждаютъ факты, извлеченные изъ агрономическихъ измѣненій. Упомянемъ только о суровыхъ зимахъ. Отъ четвертаго столѣтія мы насчитали ихъ 147, и, сравнивая число суровыхъ зимъ отъ шестаго до двѣнадцатаго, и отъ двѣнадцатаго до осьмнадцатаго столѣтія, мы нашли, что въ первый періодъ, во время нагрѣванія климата, было только 26 суровыхъ зимъ, а во второй, во время охлажденія климата, болѣе 78. Замѣтимъ еще, что наше мнѣніе вполнѣ согласуется со мнѣніями всѣхъ ученыхъ безъ исключенія, каковы, напримѣръ: Тобальдо, Вонсвинденъ, Розье, Коттъ и др.

ПОЧТА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

Кто былъ изобрѣтателемъ почтъ, это весьма трудно рѣшить; нѣкоторые приписываютъ это изобрѣтеніе нѣмецкимъ рыцарямъ въ 1276 году, другіе Людовику XI, королю французскому, въ 1464 году; третьи итальянскому дворянину, Франческо де Тассисъ, любимцу императора Максимиліана I, въ 1516, — но самое различіе между годами служитъ яснымъ доказательствомъ несправедливости этихъ мнѣній. Конечно, можно предположить, что въ эти времена и этими людьми были введены улучшенія въ почтахъ; изобрѣтеніе же ихъ должно отнести къ болѣе отдаленнымъ временамъ; и кромѣ того, можно утвердительно сказать, что онѣ изобрѣтены не однимъ человѣкомъ, а суть неизбѣжныя послѣдствія потребности, которую въ одно время почувствовали цѣлыя націи. Исторически дознано, что за 1000 лѣтъ до Р. Х. въ большихъ государствахъ Азіи, и преимущественно въ Китаѣ, были даже устроены станціи, для перемѣны лошадей, на разстояніи $2\frac{1}{4}$ нѣмецкихъ миль. При Персидскомъ царѣ Кирѣ, за 560 лѣтъ до Р. Х., были устроены такія же почты со станціями.

Въ настоящее время почтовое устройство доведено до совершенства. Не смотря на то, что предметъ этотъ такъ обыкновенъ, вседневенъ, а, можетъ, быть, и вслѣдствіе этой причины, не многіе знакомы съ устройствомъ громадной, такъ сказать, машины, уничтожающей разстоянія.

Передъ нами лежатъ наружный видъ Лейпцигскаго почтамта и внутренній видъ залы для пріема писемъ, пакетовъ и прочаго. Такъ какъ почтовое устройство почти одинаково во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, то мы представляемъ читателямъ краткій очеркъ хода дѣла, столь обыкновеннаго и столь мало извѣстнаго.

Въ Лейпцигскомъ почтамтѣ находятся, во-первыхъ, два отдѣленія: одно для пріема писемъ, другое—пакетовъ.—Въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ на письма накладываютъ штемпели, потомъ ихъ сортируютъ по мѣсту отправленія и передаютъ чиновникамъ, которымъ поручены разные тракты. Чиновники записываютъ адрессы, цѣнность и мѣсто назначенія этихъ писемъ и пакетовъ въ особенную таблицу, которую вручаютъ отправляющимся почтальонамъ, внося предварительно копіи съ этихъ таблицъ въ шнуровую книгу.

Кромѣ того, снаружи, у одного окна почтамта, устроенъ ящикъ для пріема не афраншированныхъ писемъ и доступный публикѣ днемъ и ночью; оттуда въ извѣстные сроки вынимаютъ письма и кладутъ на столъ, находящійся въ главной экспедиціи и называемый *сортирнымъ* столомъ. Тамъ съ ними поступаютъ тѣмъ же способомъ, какъ выше упомянуто.

Податели писемъ съ деньгами, документами или цѣнностями получаютъ квитанціи. По прошествіи назначеннаго для пріема писемъ часа, экспедиторъ кладетъ ихъ въ почтовые картоны. За тѣмъ онъ передаетъ ихъ паковщику, который даетъ квитанцію о полученіи и, завернувъ ихъ въ пакеты изъ толстой картонной бумаги, зашиваетъ въ парусинные или кожаные мѣшки, запечатываетъ, взвѣшиваетъ и передаетъ почтальону, съ котораго также беретъ квитанцію.

Послѣ этого всѣ почты готовы къ отправленію. Каждый изъ почтальоновъ получаетъ съ собою часы въ деревянномъ футлярѣ и поставленные по большимъ стѣннымъ часамъ, въ экспедиціи находящимся.

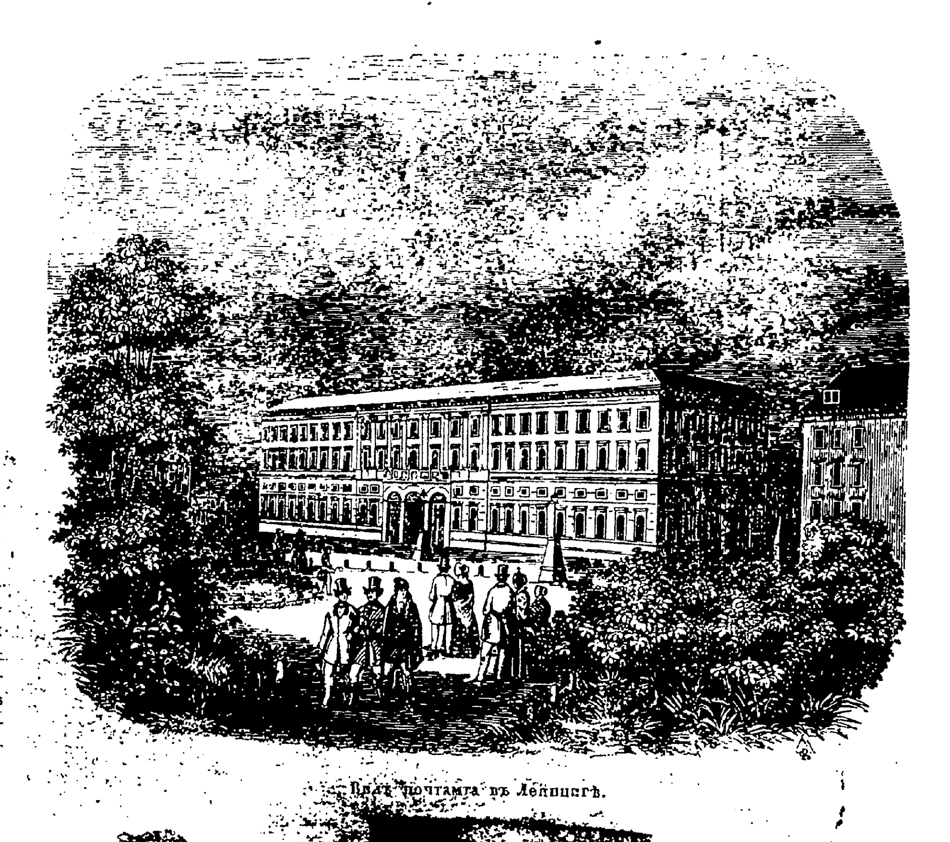
Изъ Лейпцига почты расходятся по *двадцати* различнымъ трактамъ; еженедѣльно бываетъ 186

Зала для пріема писемъ и пакетовъ въ Лейпцигскомъ почтамтѣ.

отходящихъ и столько же приходящихъ почтъ; слѣдовательно, всего 372 почты.

Лишь только прибудутъ въ главную экспедицію почты, то на письмахъ выставляютъ красными чернилами порто, потомъ ихъ считаютъ и денежныя, записываютъ въ особую книгу; послѣ того чиновникъ звонитъ въ находящійся въ сѣняхъ колоколъ, и по этому сигналу является одинъ изъ пяти въ городской почтовой экспедиціи находящихся почтальоновъ, съ книгой и корзиной для пріема почты, которую онъ принимаетъ по квитанціи и переноситъ въ городскую почтовую экспедицію. Тамъ опять немедленно записывается время прихода, порто, повѣряютъ списокъ и кладутъ штемпели. Потомъ ихъ сортируютъ для отправленія по разнымъ частямъ города и передаютъ почтальонамъ, которые поспѣшно отправляются разносить по городу надежду, утѣшеніе, радость, любовь, печаль, горесть, отчаяніе, страхъ...

До сихъ поръ почтовое управленіе Саксоніи едва ли не лучшее въ цѣлой Германіи.



Видъ почтамта въ Лейпцигѣ.

МЮНХЕНСКАЯ

КОРОЛЕВСКАЯ ЛИТЕЙНАЯ.

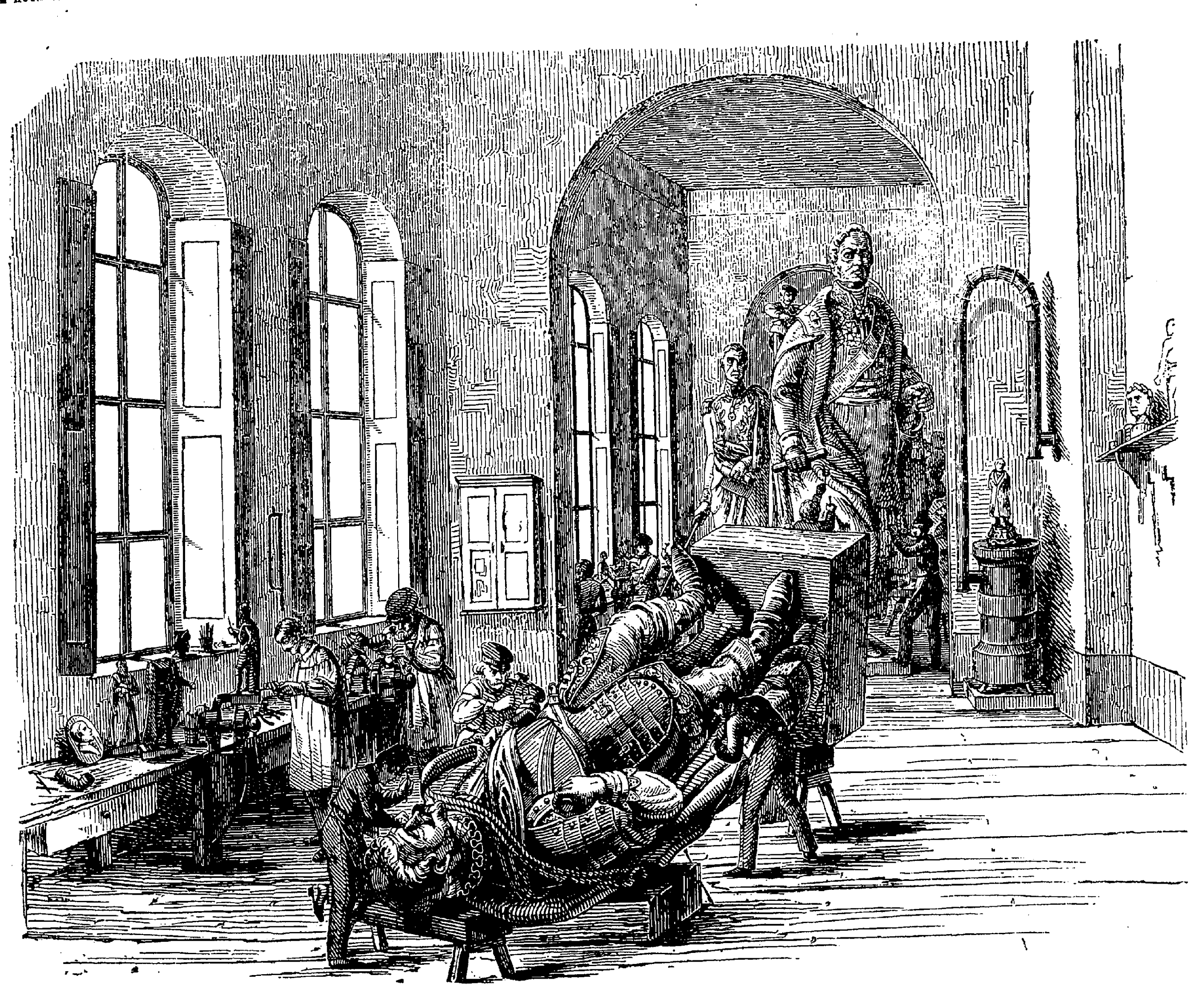
II.

Описаніе этого важнаго заведенія заимствуемъ изъ путевыхъ записокъ одного нашего ученаго путешественника, потому что картина работъ на этой Литейной изложена въ нихъ съ удовлетворительною подробностію. Чеканная палата, съ коей прилагаемъ гравюру, составляетъ третье и послѣднее отдѣленіе Литейной.

Королевская Литейная въ Мюнхенѣ существуетъ съ 1827 года; она находится въ управленіи г-на Штигельмейера, который, съ званіемъ инспектора и незначительнымъ жалованьемъ, исполняетъ всѣ заказы правительства на своей отвѣтственности, безъ всякихъ процентовъ за потребленный капиталъ и платы за трудъ и рискъ, но равнымъ образомъ пользуясь казеннымъ заведеніемъ для постороннихъ заказовъ, безъ всякой за то платы съ своей стороны и, употребляя рабочихъ и матеріалы на счетъ заказавшихъ, пользуется съ нихъ извѣстнымъ процентомъ. Мюнхенская Литейная заключалась первоначально въ одномъ небольшомъ зданіи; но, по мѣрѣ распространенія круга своихъ дѣйствій, она увеличивалась и теперь состоитъ изъ четырехъ зданій, которыхъ устройство не вездѣ соотвѣтствуетъ настоящему требованію предмета. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, стали производить здѣсь позолоту и довели это искуство до степени совершенства: огромныя статуи въ 10-ть футовъ вышиною, отлитыя для королевской тронной, возбуждаютъ общее одобреніе, какъ тщательностію отдѣлки, такъ особенно позолотою.

Мюнхенская Литейная переплавляетъ ежегодно для своихъ издѣлій до 750 пудъ мета[illegible]ъ; на этотъ предметъ назначается ежедневно отъ [illegible]0 до 60 мастеровыхъ.

Формовка. Это производство работъ, примѣненное къ потребности, упрощено здѣсь до значительной степени, и она-то, по моему мнѣнію, особенно удешевляетъ издѣлія. Здѣсь не стремятся за совершенной чистотой формовки: оказывающіеся по отливкѣ недостатки исправляются послѣдовательными работами; въ этомъ случаѣ экономически разсчитано со всею точностію, что трудъ очистительной работы,



Чеканная палата въ Мюнхенской Литейной.

доводящей отлитую вещь до возможнаго совершенства, несравненно менѣе и, слѣдовательно, дешевле. Впрочемъ, принятый здѣсь способъ формовки огромныхъ вещей, при всей скорости своей, очень удобенъ и заслуживаетъ особенное вниманіе. Формовка вещи, сколько нибудь значительной по величинѣ, производится частями: такимъ образомъ статуя Максимиліана I, отлита изъ 5-хъ частей, имѣетъ 120 формуемыхъ кусковъ. Вещество, употребляемое для формовки, состоитъ, изъ 1-й части обыкновеннаго рѣчнаго песку: 2-хъ глинистаго песку, употребляемаго для дѣланія кирпича, 1-й угольнаго мусора и 4-хъ частей употребленной уже формовой земли; вначалѣ, когда ее нѣтъ, то употребляютъ старый толченой кирпичъ. Этотъ составъ находится въ состояніи густомъ и вязкомъ въ видѣ тѣста; мастеровой беретъ значительный комъ его, бросаетъ довольно сильно на часть модели, имъ формуемую, обрѣзываетъ края и даетъ, такимъ образомъ, ему видъ угольника; на разстояніи, примѣрно, равномъ этому первому куску, кладетъ онъ другой (рядомъ съ нимъ нельзя класть для того, чтобы не склеились куски) и такимъ образомъ продолжаетъ работу въ теченіе часу, въ который онъ обыкновенно выдѣлываетъ до двадцати подобныхъ кусковъ, величиною отъ 1¼ до 2¼ четвертей длины, отъ 1 до 2 ширины и около 2-хъ вершковъ толщины, смотря по величинѣ и изгибамъ приготовляемой формы; когда онъ оканчиваетъ двадцатый кусокъ или угольникъ, первый просыхаетъ, и мастеровой, снимая его, занимаетъ оставшуюся возлѣ него пустоту слѣдующимъ угольникомъ. Изготовленные и просушенные такимъ образомъ угольники вставляются, для общей связи въ приготовленную прежде оболочку, внутренняя часть которой, называемая Mutterforme, состоитъ изъ того же вещества; она обливается снаружи растворомъ гипса, который, просохнувъ, составляетъ другую плотно связывающую оболочку, или кору, толщиною въ четверть аршина.

Угольники прикрѣпляются къ внутренней части этой коры посредствомъ жидкаго раствора того же вещества, изъ котораго состоятъ, и потомъ сцѣпляются между собою и корою длинными проволоками, а двѣ части коры или оболочки, сверхъ того, соединяются тонкими желѣзными скобками.

Такимъ образомъ изготовляется одна изъ формуемыхъ частей, которая обыкновенно бываетъ длиною до 3-хъ аршинъ, шириною 1½, иногда болѣе или менѣе, смотря по изготовляемой вещи. Изготовленная форма просушивается въ теченіе двухъ дней, прокаливается, что производится слѣдующимъ образомъ: во внутренней части опоки разводятъ сильный пламень, который и остается въ ней въ теченіе двухъ часовъ; послѣ чего, вещество, составляющее форму,

дѣлается чрезвычайно плотнымъ. Не менѣе просто изготовленіе внутренняго сердечника (noyau): форма покрывается снутри слоемъ глинистой земли въ толщину металла, потребную для издѣлія, и на эту ложбину выливается густой растворъ, который, просохнувъ, образуетъ такимъ образомъ ядро или сердечникъ.

Растворъ этотъ состоитъ обыкновенно изъ $^{6}/_{9}$ гипса, $^{2}/_{9}$ толченаго кирпича и $^{1}/_{9}$ остатка употребленной уже набойки. Впрочемъ это много зависитъ отъ достоинства гипса, и чѣмъ онъ песчановатѣе, тѣмъ должно его употреблять болѣе. Растворъ выливается мало по малу, по мѣрѣ изготовленія его, которое нельзя производить вдругъ, потому что онъ вскорѣ осаждается и остываетъ; по отлитіи сердечника, разбираютъ форму, очищаютъ ее отъ глинистой застилки, на которую выливался сердечникъ, и исправляютъ поврежденія, происшедшія въ самой формѣ.

Оконченная такимъ образомъ форма опускается въ находящійся близь печи кирпичный колодецъ, или литейный чанъ, котораго дно опускается или подымается, сообразно величинѣ изготовляемой вещи; она укрѣпляется кирпичными же продольными колоннами, въ три или четыре ряда въ длину и столько же въ ширину, и потомъ все пустое пространство наполняется плотно набитою землею. Если къ этому присовокупить, что части формы прежде того скрѣпляются въ нѣсколько рядовъ въ квадратъ желѣзными связями, то не удивительно, что здѣсь еще ни разу не лопнула опока во время отливки, что случилось во Франціи при работахъ извѣстной іюльской колонны. Съ колоссальной статуей Максимиліана обошлось также не безъ приключенія при первой ея отливкѣ: полъ формы не выдержалъ стремительной тяжести металла и осѣлъ; металлъ вырвался изъ своего заключенія и сорвалъ форму; это однако случилось безъ особенныхъ несчастій, кромѣ, разумѣется, потери всего употребленнаго труда и лишняго угара.

Нынѣ форма прикрѣпляется къ полу желѣзными полосами, которыя дѣлаютъ уголъ, проходя отъ основанія ея къ деревяннымъ балкамъ, укрѣпленнымъ въ полъ; эта предосторожность необходима для волнующагося металла. Верхняя сторона, находящаяся снаружи, имѣетъ до одного аршина, нижняя до ¼; полъ литейнаго чана устилается кирпичемъ; сердечникъ формы укрѣпленъ къ нему желѣзными же полосами, идущими отъ полу во всю высоту сердечника.

По отлитіи статуи, о чемъ будемъ говорить особо въ свое время, приступаютъ къ наружной отдѣлкѣ. Обточка или чеканка составляетъ продолжительнѣйшій предметъ занятій здѣшней литейной, потому что не только всякой спай части формы, но спай самыхъ угольниковъ оставляетъ по себѣ складки; первыя бываютъ очень значительны. Вся отдѣлка и очистка производится отъ руки, посредствомъ зубилъ, терпуговъ, подсадковъ и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ дѣлѣ, инструментовъ.

Въ случаѣ значительныхъ погрѣшностей въ отлитой вещи, она иногда подвергается нагрѣву и потомъ исправляется; но это случается рѣдко. Съ особенною тщательностію очищаются издѣлія, предназначенныя для позолоты, потому что малѣйшія неровности поглощаютъ золото, и утрата отъ этого несравненно значительнѣе, чѣмъ отъ потери времени, употребленнаго на очистку. Впрочемъ, вообще, отлитыя вещи довольно чисты, такъ, что назначенныя для бронзировки, почти не очищаются въ другихъ частяхъ, кромѣ главныхъ рубцовъ.

ЕЩЕ ОДИНЪ.

(Продолженіе).

=

ПРОТИВНИКЪ.

=

— Господа! — началъ Валлеръ звучнымъ, громкимъ голосомъ, — я повторяю, что все, сказанное господиномъ Мирталемъ слишкомъ слабо и недостаточно для убѣжденія кого бы то ни было; между тѣмъ многимъ изъ насъ извѣстно, какимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ обладаетъ господинъ Мирталь... Слабость доводовъ, высказанныхъ имъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что онъ самъ не убѣжденъ въ справедливости защищаемаго имъ дѣла. Это подаетъ мнѣ надежду, что мои доводы будутъ сильнѣе и вѣрнѣе.

— Увидимъ, увидимъ! — пропищалъ студентъ, протягивая руку къ бутылкѣ.

Человѣкъ въ соломенной шляпѣ крякнулъ и сталъ закуривать трубку; усачъ облокотился на столъ, чтобы лучше спать; Мирталь нахмурился; на лицѣ же старика въ чорномъ сюртукѣ появилась презрительная улыбка.

— Замѣтьте, — продолжалъ офицеръ, — что ни одно сочиненіе іезуитовъ не было напечатано безъ общаго согласія и строгой цензуры начальниковъ общества... слѣдовательно, все общество отвѣчаетъ за каждое сочиненіе. Выдумки сказочника, какъ вы называете Евгенія Сю, далеко не такъ нравственно-безобразны какъ дѣйствительность. Вы говорите, что надобно доказать вредныя идеи и правила іезуитовъ послѣ суда строгаго и безпристрастнаго?.. Господинъ Мирталь, не слишкомъ ли опрометчиво вы поступили, требуя этого суда? Повѣрьте, я самъ долго колебался, и не сочиненіе Евгенія Сю показало мнѣ всѣ ужасы общества іезуитовъ, а сочиненія самихъ іезуитовъ!.. Разсмотрите всю исторію этого общества и вы увидите, что въ немъ съ самаго основанія его былъ только одинъ геніальный человѣкъ, Игнатій Лойола, основатель общества, но и тотъ во зло употребилъ геній, дарованный ему Господомъ. Лойола, простой испанскій дворянинъ, холодный фанатикъ, одаренный изумительною силою воли, основалъ секту для поддержанія католицизма, сильно поколебленнаго ученіемъ Лютера...

— Wer nicht liebt Weib, Wein... запѣлъ-было студентъ хриплымъ голосомъ.

— Молчи, Кнейперъ, ты пьянъ!.. сказалъ ему господинъ въ соломенной шляпѣ.

— Я предвижу, что намъ придется выслушать длинную хвалебную рѣчь въ честь вашего Лютера, — иронически замѣтилъ Мирталь.

— Ошибаетесь, — возразилъ Валлеръ, — я только хочу замѣтить, что въ то самое время, когда такъ быстро распространялось ученіе Лютера, въ одномъ уголку Испаніи образовывалась новая секта. Въ Испаніи былъ уже трибуналъ, убивавшій плоть подъ предлогомъ спасенія души; Лойола сталъ убивать душу, презирая плотью... Странный случай! Въ двухъ концахъ вселенной, въ Испаніи и Индіи существовали два общества, убивавшія тѣло: Инквизиторы и Тоги или Душители... Іезуиты стали между этими двумя обществами...

— Гмъ! — проговорилъ Мирталь, — Фарингеа и Роденъ?.. Не такъ ли, господинъ Валлеръ?

— Тсъ!.. не шумѣть, — пробормоталъ студентъ.

Военный не обратилъ вниманія на насмѣшку своего противника и продолжалъ:

— Іисусъ-Христосъ даровалъ жизнь и свѣтъ. Лойола, назвавъ общество свое Іисусовымъ, проповѣдывалъ смерть: смерть души и ума, смерть любви и милосердія, смерть всего великаго, всего благороднаго, всего великодушнаго! Онъ задушилъ въ ученикахъ своихъ поэзію и энтузіазмъ, геній и человѣческія страсти. У іезуитовъ всегда былъ только одинъ человѣкъ, а именно генералъ ихъ! Всѣ прочіе члены — слѣпыя орудія воли его. Лойола на смертномъ одрѣ, предписалъ послѣдователямъ слѣпое повиновеніе, obedientia saeca. Всѣ законы его имѣютъ одно основаніе: взаимный присмотръ и презрѣніе человѣческой натуры. Изъ училищъ іезуитскихъ изгнана дружба; воспитанникамъ наистрожайше запрещено гулять вдвоемъ: они должны прогуливаться одни или втроемъ; слѣдовательно, этотъ третій, шпіонъ, слѣдовательно — изъ трехъ іезуитовъ одинъ непремѣнно долженъ быть измѣнникъ!

Съ лица старика сошла улыбка; онъ нахмурилъ брови и изъ подлобья бросалъ злобные взгляды на молодаго человѣка.

Усачъ, приготовившійся спать, не сомкнулъ глазъ, но, напротивъ, выпучилъ ихъ и съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за словами Валлера; у господина въ соломенной шляпѣ давно погасла трубка, но онъ такъ заслушался, что машинально продолжалъ сосать точеный костяной мундштукъ.

— Вы, если я не ошибаюсь, — сказалъ Мирталь съ ироническою улыбкою, худо скрывавшею внутреннее безпокойство и досаду его, — говорили о фактахъ?

— Вы требуете фактовъ? — вскричалъ съ возраставшимъ жаромъ Валлеръ. Берегитесь, господинъ Мирталь, факты эти болѣе нежели нравственно-безобразны!.. Читали ли вы сочиненіе испанскаго іезуита, Дискастилля: О справедливости и правѣ? Вотъ вамъ образчикъ справедливости его: «Имѣетъ ли сынъ право убить отца, изгнаннаго изъ отчизны? Имѣетъ, если этотъ отецъ вреденъ обществу...» Ужасъ!.. А знаменитый Эскобаръ вашъ? Волосы становятся дыбомъ при чтеніи его сочиненій!.. У него вы найдете, что за одинъ экю можно убить человѣка; что провинившійся, во избѣжаніе наказанія, можетъ смѣло клясться въ чемъ угодно, съ тѣмъ только, чтобы онъ самъ внутренно давалъ словамъ своимъ другое значеніе; что можно красть не только въ крайности, но даже въ весьма трудныхъ, хотя и не крайнихъ, обстоятельствахъ; что судья можетъ брать взятки не какъ слѣдуемое ему, а какъ награжденіе или поощреніе къ скорѣйшему окончанію дѣла; что и ростовщикъ, который беретъ огромные проценты, поступаетъ только въ такомъ случаѣ дурно, если говоритъ, что требуетъ того, что слѣдуетъ ему по законамъ: онъ поступаетъ справедливо, если требуетъ проценты, какъ знакъ признательности отъ занимающаго. А сочиненія Санхеза, Молина, Бони, Лессіуса?.. Вы требуете фактовъ, господинъ Мирталь?.. О! у меня въ нихъ недостатка нѣтъ!.. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій іезуиты ознаменовали себя чудовищными подвигами, содѣлавшими самое имя ихъ презрѣннымъ! Кровавая исторія ихъ наполнена убійствами и преступленіями. Будучи справедливо преслѣдуемы и гонимы изъ государства въ государство, они избрали теперь нашу родимую Гельвецію поприщемъ своихъ интригъ и козней; они одни причиною нашей пагубной народной войны... Папа совѣтовалъ имъ оставить Швейцарію, но это не согласно съ видами почтеннѣйшихъ отцовъ. Они сами сказали, что хотятъ попытаться... Пусть же пролитая кровь падетъ на нихъ!.. Они заслужили проклятія народовъ — пусть же они падутъ подъ проклятіемъ Всевышняго!..

Послѣднія слова Валлеръ произнесъ съ необыкновенной энергіей...

Густая толпа слушателей, образовавшаяся около бесѣдки, хранила глубокое молчаніе.

Мирталь былъ блѣденъ; губы его дрожали. Быстрымъ взоромъ окинулъ онъ толпу; на всѣхъ лицахъ онъ читалъ непріязненное расположеніе.

Студентъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать,

махнулъ рукой и, опустившись обратно на скамью, проговорилъ съ трудомъ:

— Браввссимо!.. Выпьемъ за... здоровье... Валлера!.. Ура!..

— Умно сказано! выпьемъ... заревѣлъ усачъ, на котораго слова военнаго произвели такое сильное впечатлѣніе, что онъ не съ разу пришелъ въ себя.

Господинъ въ соломенной шляпѣ ничего не сказалъ, но съ выразительнымъ жестомъ поднялъ стаканъ.

Валлеръ, какъ бы довольный одержанною побѣдой, молча опустился на стулъ.

— Господинъ Мирталь, — сказалъ студентъ, — протягивая черезъ столъ бутылку къ противнику Валлера, — пожалуйте вашъ стаканъ. Выпейте и вы съ нами!

— Умница, Кнейперъ! — проговорилъ усачъ, ударивъ студента по плечу.

—Господинъ Мирталь,—продолжалъ Кнейперъ, ободренный похвалой усача и видя, что Мирталь не смотритъ на него,—если вы благородный человѣкъ, то вы должны пить съ нами... за здоровье... Цицерона!

— Развѣ осталось еще что-нибудь въ бутылкѣ послѣ васъ?.. сказалъ Мирталь, презрительно взглянувъ на студента.

— Тю, тю, тю!—проговорилъ, или лучше сказать, пропѣлъ на три тона Кнейперъ:—я понимаю... очень понимаю! Вы, то есть, хотите сказать, что я пьянъ... Вздоръ!.. И у насъ, нѣмцевъ, былъ іезуитъ-писатель Бузенбаумъ, который сказалъ: «человѣкъ только тогда пьянъ, когда онъ не можетъ отличить возъ сѣна отъ человѣка.» Вотъ вамъ еще фактъ!

И студентъ оглянулся съ самодовольной улыбкой на толпу засмѣявшихся слушателей, съ любопытствомъ ожидавшихъ развязки этой сцены.

— Пейте же!—продолжалъ студентъ, разгоряченный виномъ.

— Пейте... пейте! — повторили нѣсколько человѣкъ изъ окружавшихъ.

Лицо Мирталя покрылось матовымъ желтымъ цвѣтомъ; онъ всталъ, бросилъ стаканъ на землю и сталъ удаляться медленными шагами, но — толпа не разступалась.

— Пейте! — заревѣлъ студентъ хриплымъ голосомъ, взбѣшенный презрительнымъ взглядомъ, брошеннымъ на него Мирталемъ и однимъ скачкомъ преградивъ ему дорогу.

Мирталь судорожно стиснулъ зубы и съ невыразимой злобой во всѣхъ чертахъ окинулъ глазами свидѣтелей этой сцены... на всѣхъ лицахъ прочелъ онъ непріязнь... Мирталь не былъ трусомъ, но въ эту минуту ярость, кипѣвшая въ груди его, придала ему еще болѣе смѣлости. Онъ отступилъ одинъ шагъ, прислонился къ дереву, скрестилъ руки на груди и дерзко смотрѣлъ на своихъ противниковъ.

Студентъ стоялъ передъ нимъ съ полнымъ стаканомъ вина и, протянувъ впередъ руку, закричалъ:

— Будете ли вы пить?

—Не буду,—отвѣчалъ отрывисто Мирталь.

— Пейте!.. закричала толпа и, посреди шума, послѣдовавшаго за этимъ приказаніемъ, послышался дребезжащій голосъ, произнесшій протяжно:

— Пейте!..

Мирталь вздрогнулъ... посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда послышался дребезжащій голосъ... Взоръ его встрѣтился съ сверкавшими въ темнотѣ глазами... Сильная борьба выразилась на лицѣ его; изъ груди вырвался глухой стонъ, подобно жалобному воплю гіены, невольно подчиняющейся магнетическому взору Картера или Фанъ-Амбурга...

Мирталь протянулъ къ стакану руку... она такъ дрожала, что прежде, нежели онъ поднесъ стаканъ ко рту, вино нѣсколько разъ плеснуло черезъ край.

Онъ опорожнилъ стаканъ и поднялъ голову.

На лицѣ Мирталя было устрашительное, грозное спокойствіе. Студентъ невольно обомлѣлъ, встрѣтивъ взоръ его, который на секунду остановившись на Кнейперѣ, обратился къ Валлеру. Во взорѣ этомъ выражалась вся адская ненависть и жажда мщенія раненаго чудовища, не имѣющаго возможности тотчасъ же растерзать своего противника.

Мирталь вѣжливо поклонился и пошелъ къ выходу, котораго никто уже не преграждалъ ему. Толпа въ молчаніи и какъ бы невольно разступилась.

Валлеръ въ задумчивости слѣдилъ за нимъ.

— Господа, — сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, — это намъ даромъ не пройдетъ...

=

Нѣсколько минутъ спустя около кофейной не было ни души. Всѣ разошлись съ непріятнымъ ощущеніемъ и безпокойствомъ, бывшими слѣдствіемъ этой сцены.

Два человѣка скорыми шагами шли по опустѣлымъ улицамъ.

— Господинъ Мирталь, — говорилъ одинъ другому, — вы еще черезъ-чуръ молоды... вы позволяете страстямъ овладѣвать вами...

— Но, почтеннѣйшій отецъ, — возразилъ другой, — это свыше силъ человѣческихъ... Впрочемъ, я доказалъ...

— Вы ничего не доказали...

— Почтеннѣйшій отецъ!.. съ неудовольствіемъ произнесъ Мирталь.

Старикъ презрительно пожалъ плечами.

— Видите ли, вы опять горячитесь!

Мирталь промолчалъ, потомъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— О, говорите, что хотите, дѣлайте, что хотите; но я не откажусь отъ мщенія!

— Кто же вамъ велитъ отказываться отъ него?.. Только надо мстить спокойно, хладнокровно, а не бѣснуясь... и не торопясь; сперва исполните дѣло, которое я вамъ поручу, а потомъ... Но вотъ и домъ Джіованни Олива... Пойдемте къ нему; тамъ мы переговоримъ обо всемъ спокойно.

— Почтеннѣйшій отецъ, я сказалъ, что въ груди моей кипитъ мщеніе...

— Прекрасно; мы подождемъ, чтобы оно простыло... Пойдемте, пойдемте, мы спокойнѣе переговоримъ въ комнатѣ.

Оба взошли на старое крылечко. Старикъ стукнулъ кольцомъ и минуту спустя дверь отворилась.

П. Ф—нъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Литературная газета. — Псовая охота Н. М. Реута. — Пародія на романъ Вѣчный Жидъ. — Измѣреніе 37 губерній—Ископаемые горючіе матеріалы въ Россіи. —Путешествія Беринга и Штеллера. — Имп. Академія Наукъ.—Товарищество для обдѣлки прядильныхъ растеній. — Открытіе памятника Карамзину въ Симбирскѣ. — Почтовое пароходство. — Ольга, опера Бернара.—Некрологъ.

Слухомъ земля полна. Поговариваютъ, что Редакція Литературной Газеты намѣрена въ будущемъ году произвести въ изданіи этомъ коренныя перемѣны. На обширномъ литературномъ поприщѣ и въ такомъ огромномъ царствѣ, право, мѣста довольно не для одного журнала, не для одной газеты. Этого не хотятъ понять тѣ, которые чувствуютъ униженіе, до котораго они сами низвели свои изданія, видятъ свою худобу, но, лишенные всякаго содѣйствія лучшихъ отечественныхъ писателей, всякаго сочувствія людей благомыслящихъ, стараются закрыть свои недостатки безпрерывными нападками на другія изданія... Они больны желаніемъ вредить, и не лечатся. Пусть остаются при своемъ болѣзненномъ желаніи; мы же съ удовольствіемъ передаемъ пріятный городской слухъ и также желаемъ, но полнаго успѣха доброму намѣренію.

Другой слухъ — порадуетъ всѣхъ охотниковъ до псовой охоты, а ихъ у насъ не мало. Н. М. Реуттъ, бывшій редакторъ Журнала Коннозаводства и Охоты, нѣкоторое время былъ оторванъ отъ служебныхъ занятій недугомъ, и досуги свои посвятилъ на приведеніе въ порядокъ многочисленныхъ матеріаловъ, относящихся до псовой охоты, которую онъ описалъ, какъ опытный охотникъ, какъ знатокъ дѣла; книга его тѣмъ занимательнѣе, что авторъ имѣлъ случай познакомиться со псовой охотою на разныхъ концахъ Россіи. Мы видѣли книгу и можемъ сообщить, кому слѣдуетъ о томъ вѣдать, что она выйдетъ въ свѣтъ нынѣшнею зимою.

Третій слухъ.. Нѣтъ, это уже не слухъ, а событіе, потому что первый выпускъ на дняхъ выйдетъ. Это пародія на *знаменитый* современный романъ Евгенія Сю, который нынѣ благополучно оконченъ. Въ Парижѣ пародія эта разошлась въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Рисунки Шама придали этой шуткѣ весьма много интереса. Трудно рѣшить, кто остроумнѣе иллюстрировалъ Вѣчнаго Жида? Гаварни или Шамъ? По нашему, послѣдній. Надо сказать, что русскіе рисунки, хотя и переписованы съ Шама, но вырѣзаны гораздо тщательнѣе, вѣрнѣе. Этому могутъ повѣрить только тѣ, которые съ знаніемъ дѣла соединяютъ и безпристрастіе. Помѣщаемъ нѣкоторые, чтобы познакомить съ началомъ этой милой и забавной игрушки. — Относительно текста, долгъ справедливости заставляетъ насъ сказать, что подобной шутки, разсказанной съ непринужденной веселостію, остроумной, безъ притязанія на остроуміе, давно уже мы не читали по-русски.

— Отъ шутки перейдемъ и къ трудамъ важнымъ, положительно полезнымъ. Подъ надзоромъ и ближайшимъ руководствомъ г. Струве произведена повѣрка, или, лучше сказать, точнѣйшее измѣреніе вновь 37 Губерній Западной Россіи, по даннымъ, собраннымъ Генеральнымъ Штабомъ съ 1832 по 1844 годъ. Этотъ колоссальный трудъ исполненъ состоящимъ временно при Главной Обсерваторіи помощникомъ, г. Швейцеромъ. Точность работъ требовала приложенія разныхъ способовъ исчисленія и повѣрокъ, которыя описаны въ особенной, весьма любопытной, статьѣ г. Швейцера. Отъ этого труда наша статистика весьма измѣнится. Въ особенномъ приложеніи, на послѣдней страницѣ, мы представляемъ разности, оказавшіяся въ итогахъ между прежними и настоящимъ исчисленіями.

— Г. Воскресенскій представилъ весьма любопытныя розысканія о химическомъ составѣ находящихся въ Россіи горючихъ матеріаловъ минеральнаго царства. Мы пропускаемъ исчисленіе содержанія составныхъ частей въ каждомъ горючемъ веществѣ, чтобы не наскучить читателямъ. Упомянемъ только, что и эти разысканія полезны для нашей статистики. Антрацитъ, или угольная обманка, самая чистая порода каменнаго угля, находится въ Землѣ Войска Донскаго, близъ Грушевской станицы, и у Лисичьей Балки, близъ Луганскаго завода. Каменный уголь — въ Соликамскомъ, Бахмутскомъ, Харьковскомъ уѣздахъ, въ Калужской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ, и возлѣ Черноѣсной крѣпости на Кавказѣ. Лигнитъ или бурый уголь, около Тифлиса и Иркутска; смолистый сланецъ, въ Курляндіи, а торфъ есть у насъ въ Петербургѣ, между Безбородкинской дачей и Пороховымъ заводомъ. Замѣ-

тимъ, что нашъ антрацитъ по содержанію углерода гораздо богаче многихъ заграничныхъ.

— Г. Академикъ Беръ сдѣлалъ чрезвычайно важное и любопытное открытіе; нашелъ нѣмецкую рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Sammlung von Reisen, die auf Russisch-Kaiserlichen Befehl zur Untersuchung der von Kamtschatka nordöstlich gelegenen Länder angestellt worden, herausgegeben von Joh. Benedict Scherer, т. е. Собраніе путешествій, предпринятыхъ по Императорскому повелѣнію для открытія земель, на сѣверо-востокъ отъ Камчатки лежащихъ, издано І. Б. Шереромъ. Но это собраніе въ этомъ видѣ никогда издано не было; оно состоитъ изъ трехъ путевыхъ донесеній, а именно: 1. Первое путешествіе Беринга, составленное, видимо, имъ самимъ... 2. Подробное описаніе втораго путешествія Беринга и пребыванія его на островѣ, которому дано имя Беринга и у котораго разбился его корабль. Это описаніе составлено знаменитымъ Штелеромъ. Наконецъ, 3. Донесеніе того же Штелера, которое никогда издано не было, о путешествіи, совершенномъ имъ въ Камчаткѣ

Порокъ въ домашнемъ быту.

Порокъ укротитель звѣрей.

Порокъ и паяцъ его звѣринца, Голіаѳъ.

отъ Большой Рѣки до сѣверной оконечности полуострова.

— Въ засѣданіи физико-математическаго класа Академіи Наукъ по баллотировкѣ избраны: въ ординарные академики по части Ботаники г. Мейеръ, единогласно; въ адъюнкты по Зоологіи г. Миддендорфъ большинствомъ тринадцати голосовъ противу двухъ. Вотъ этихъ двухъ мы ужъ никакъ не ожидали...

—Мы уже имѣли случай говорить объ открытіи способа обдѣлки прядильныхъ растеній, важнаго по простотѣ своей и дешевизнѣ, и о предпріятіи г. Великопольскаго распространить его въ Россіи. Теперь уже обнародованы правила, по которымъ Товарищество поступать будетъ, и условія подписки. Изложеніе ихъ въ подробности заняло бы оба листа Иллюстраціи, а въ сокращеніи могло бы повредить этому, въ высшей степени полезному, истинно государственной важности, дѣлу. Только одно невѣжество не пойметъ обширности выгодъ, которыми г. Великопольскій, можно сказать, даритъ любезное отечество. Такое изобрѣ-

Дагоберъ въ прачкахъ.

Дагоберъ въ швеяхъ.

Таковъ былъ конь Дагобера.

теніе въ Россіи должно радовать каждаго благомыслящаго русскаго хозяина и льстить народной гордости. Всѣ, у кого есть клочекъ земли, у кого можетъ рости горсть прядильныхъ растеній, должны подписаться на способъ для собственной пользы; всѣ, у кого даже нѣтъ ни земли, ни растеній, должны, для пользы общей, быть сотрудниками предпріятія, имѣющаго цѣлію улучшить въ значительной мѣрѣ народный земледѣльческій нашъ бытъ. Способъ составляетъ еще тайну Товарищества, но въ то же время онъ уже изслѣдованъ и отзывы о немъ М. А. Байкова и г. Максимовича не оставляютъ никакого сомнѣнія въ его достоинствѣ. Къ сожалѣнію, въ семьѣ не безъ урода. Можетъ быть, найдутся люди, которые и въ этомъ дѣлѣ отыщутъ пятнышко; но къ этимъ врагамъ всякой пользы мы отнесемъ истинно патріотическія слова г. Максимовича: «Да падутъ стыдъ и укоръ на того, кто, изъ какихъ либо личныхъ видовъ, будетъ вредить успѣху дѣла, столь важнаго для народнаго благосостоянія». Мы умѣемъ быть Французами, Англичанами. Дѣйствія Товарищества на-

чались, подписка скоро будетъ открыта. Посмотримъ, съумѣемъ ли мы быть Русскими?

Императорское Вольное Экономическое Общество приняло это дѣло подъ особое свое покровительство. Это уже одно свидѣтельствуетъ о его важности и пользѣ. Не перепечатываемъ полученнаго нами по этому поводу циркулярнаго его отношенія, уже напечатаннаго во многихъ журналахъ, но съ почтительностью благодаря за оказанное намъ вниманіе, совѣтуемъ каждому прочитать это отношеніе, въ которомъ ясно и коротко изложены предметъ, планъ и важность предпріятія.

— Наши ожиданія на счетъ открытія Почтоваго Пароходства не сбылись. Штетинскій пароходъ не пришелъ въ опредѣленное объявленіями время. Въ Коммерческой Газетѣ напечатано извѣстіе, что пароходъ Прусскій Орелъ въ этомъ году ходить не будетъ, а пароходъ Владиміръ еще не пришелъ въ Кронштадтъ. — Весьма жаль, что прекрасное это предпріятіе въ этомъ году едва ли осуществится. Многіе ласкали себя надеждою ѣхать за границу на одномъ изъ этихъ пароходовъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами, которыя заботливость почтоваго вѣдомства приготовила для пассажировъ.

— Памятникъ Карамзину, — въ Симбирскѣ, открытъ 13-го истекшаго августа, съ торжествомъ, приличнымъ случаю. Преосвященный Ѳеодотій, Епископъ Симбирскій и Сызранскій произнесъ краткое слово. Затѣмъ въ домѣ Гимназіи М. П. Погодинъ произнесъ панегирикъ, а Д. П. Ознобишинъ стихи, которые передаёмъ читателямъ.

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! изображенье Кліи
Отнынѣ передастъ въ позднѣйши времена
И даръ Царя и дань признательной Россіи
Къ трудамъ Карамзина.

Какъ древле Иродотъ, средь шумныхъ игръ Эллады
Разсказомъ сладостнымъ народы увлекалъ,
И юный Ѳукидидъ, вперивши на старца взгляды,
Рыдалъ и трепеталъ;

Такъ русскій юноша, теперь идущій мимо,
Взглянувъ на этотъ ликъ, сіяющій въ мѣди,
Любовь къ отечеству, сей огнь неугасимый,
Восчувствуетъ въ груди.

Въ немъ вдругъ пробудится невѣдомая сила
Высокихъ подвиговъ, чѣмъ въ тайнѣ мысль кипитъ,
И, какъ птенецъ орла, свои расширивъ крыла,
Онъ къ солнцу возлетитъ!

А ты, на чьихъ брегахъ замолкнулъ звукъ булата,
Два царства падшія омывшая волной,
Ты мирно льющая обиліе и злато,
Ликуй: онъ пѣстунъ твой!

Да, Волга, онъ твой сынъ! Когда иноплеменный
Насъ спроситъ: это кто? Мы гордо скажемъ: тотъ,
Кому привѣтливо внималъ Благословенный
Средь царственныхъ заботъ!

Кто время Грознаго, безстрастный и свободный,
Дѣянья темныя потомству передалъ;
Впервые намъ раскрылъ языкъ простонародный;
Русь міру указалъ!

Кто, щедро взысканный, мечталъ и дней въ закатѣ
О славѣ родины, когда языкъ нѣмѣлъ!
Надъ кѣмъ Монархъ скорбѣлъ, и въ сдѣланной утратѣ
Съ Россіей сиротѣлъ!

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображенье Кліи
Отнынѣ передастъ въ позднѣйшія времена
И даръ Царя, и дань признательной Россіи
Къ перу Карамзина.

Очеркъ этого памятника помѣщенъ уже въ Иллюстраціи.

— Итальянская Опера по-маленьку собирается и скоро, скоро афиши возвѣстятъ о ея открытіи. Между тѣмъ на Александринской сценѣ появилась опера, русская по содержанію и отчасти по музыкѣ, это «Ольга, дочь изгнанника», опера въ 3 дѣйствіяхъ, музыка г. Бернара. Мы уже говорили о сюжетѣ и дѣйствующихъ лицахъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о музыкѣ. Мы нашли, что музыка написана со вкусомъ, легко, пріятно; нѣкоторые нумера съ хорошими рисунками, въ особенности хороши: финалъ втораго акта, и хоры, во второмъ актѣ — женскій, а въ третьемъ хоръ народа. — Мы слышали оперу одинъ разъ, а потому подробнѣйшаго отчета пока отъ насъ не требуйте.

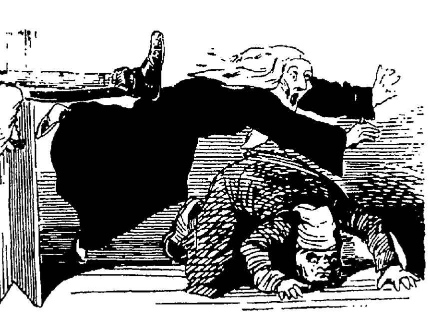
— Изъ Одессы пишутъ, что туда, проѣздомъ въ Петербургъ, прибыла молодая талантливая артистка, Эмилія Кальви, воспитанница Парижской Музыкальной Консерваторіи и примадонна итальянскихъ театровъ (?). Такъ сказано. Тамъ же, г. Ленскій, 5-го сентября, приглашалъ Одесскую публику къ себѣ на бенефисъ, составленный изъ слѣдующихъ піэсъ: Морской Разбойникъ, др. въ 2 акт. Женская Натура, вод. въ 1 акт. и Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузиминишна, вод. въ 1 актѣ

— На прошедшей недѣлѣ некрологъ также записалъ въ свою траурную лѣтопись: 9-го сентября въ Павловскѣ скончался графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, а 8-го, здѣсь, въ С. Петербургѣ, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, извѣстный драматическими своими произведеніями.

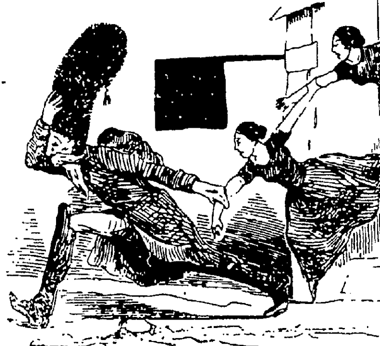
Конь Дагобера въ видѣ ежа.

Дагоберъ заслушался дѣвичьихъ росказней, а — Порокъ сталъ кормить своихъ звѣрей конемъ Дагобера.

Дагоберъ осерчалъ,



отомстилъ



и уходитъ изъ первой части романа.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ ни былъ богатъ Иколочникъ, какъ ни желалъ блеснуть своимъ вкусомъ, великолѣпіемъ и угощеніемъ; но тогда еще и въ столицахъ не было многихъ предметовъ современной намъ роскоши, а въ провинціи гдѣ ихъ найти; да и вечеръ Иколочника былъ импровизированъ, сшитъ на живую нитку. Въ комнатахъ горѣли восковыя свѣчи, но за то музыка доморощенная, состоявшая изъ четырехъ скрипокъ, двухъ альтовъ, одного контрабаса нѣкоторыхъ духовыхъ инструментовъ была вымыта, причесана, одѣта въ ливрейное платье, и при всемъ томъ играла польской: «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ» не совсѣмъ складно. Иколочникъ не былъ любителемъ музыки и держалъ капельмейстера изъ отставныхъ солдатъ; такъ что тутъ удивительнаго, если оркестръ шелъ плохо. Притомъ же гости, которые уже съѣхались въ немаломъ числѣ, подъ этотъ польской не танцовали, а ходили по-парно, по три и т. д. по залѣ и любезничали. Ливрейные лакеи усердно разносили дамамъ шоколадъ, — таковъ былъ обычай, — мужчинамъ вино съ сладкимъ пирогомъ, — таково было заведеніе. Въ комнатахъ Иколочника были многія дѣйствующія лица нашего романа: Авдотья Семеновна, Клеопатра Кириловна, Евгеній; губернаторъ съ женою пріѣхалъ, раскланялся и отвелъ хозяина въ сторонку.

— Ну, батюшка, сказалъ онъ, — я исполнилъ твое желаніе. Да мнѣ что-то не ловко. Вѣдь онъ пойдетъ жаловаться.

— Чувствительно благодарю. А про него не безпокойтесь. Я, такъ боюсь, чтобы онъ не ушелъ отъ жалобы. Слѣдуетъ запретить ему выѣздъ до раскрытія истины. Пусть объявитъ: кто она и какіе у него поводы къ такому съ нею поведенію? Я сообщилъ мои мысли Гримасникову и увѣренъ, что онъ не дастъ промаха.

— Гримасниковъ человѣкъ благонадежный! Ну, а гдѣ же ваша питомица?...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Марьи Осиповны.

Она вошла тихо, безъ шума, но не смотря на то, всѣ обратили на нее вниманіе, потому что Иколочникъ съ примѣтною радостію поспѣшилъ ей на встрѣчу....

— Ну, душа моя! Насилу-то дождались! И танцовъ безъ васъ начинать не хотѣли....

— Напрасно. Я до пляски небольшая охотница. Дядюшка, что же Таня?

— Гмъ! съ улыбкой проворчалъ старикъ— Богъ милостивъ! Некому мнѣ васъ на руки сдать, а самому-то надо отлучиться по хозяйству....

— А! Вотъ у меня есть и знакомый.... Я вамъ мѣшать не хочу. Ступайте съ Богомъ, только не сидите долго....

И Марья Осиповна прямо, непринужденно подошла къ Евгенію, который стоялъ у окна одинъ и съ грустію смотрѣлъ на разношерстное общество.

Есть люди, которые вездѣ поспѣваютъ. Таковъ былъ знаменитый секретарь Гримасниковъ. Въ дѣлахъ службы онъ успѣвалъ, богатѣть успѣвалъ, у прекраснаго пола успѣвалъ и на вечерахъ былъ душею общества. Мужчины составили два отдѣльные круга: центромъ одного была Авдотья Семеновна, центромъ другаго предводительша. Неутралитетъ сохранялъ Гримасниковъ и находился отъ обоихъ круговъ въ такомъ разстояніи, что могъ принимать участіе въ разговорахъ и того и другаго....

— Наконецъ! «сказала Авдотья Семеновна: насмѣшливо» почтенный хозяинъ сдался! Долго защищался, да нашла коса на камень. Должна быть штука! Кто она?

— Я въ первый разъ вижу.

— И я....

— Спросите у Гримасникова....

— Погодите, онъ что-то разсказываетъ предводительшѣ....

— Ужъ вѣрно про моего Левушку. Отличился, нечего сказать. Увезъ изъ трактира какую-то дѣвчонку.... Слышали?

— Какъ же-съ! теперь идетъ слѣдствіе! Говорятъ и Петербургскій тутъ замѣшанъ! Они дрались на дуэли. Левушка нанесъ ему двѣ раны и уѣхалъ съ добычей....

— Туда ему и дорога. Только позовите Гримасникова.... онъ вѣрно знаетъ всю эту исторію.

Но Гримасникова нельзя было оттащить отъ предводительши; онъ терзалъ несчастную разсказомъ о постыдномъ бѣгствѣ Левушки.

— Да-съ, продолжалъ онъ—дѣло скверное-съ, дѣло подлое-съ. Господинъ, что изъ Питера, велъ себя по столичному. Онъ грудью защитилъ бѣдную-съ дѣвушку-съ. Спасъ ее-съ отъ сильнаго похитителя-съ, котораго-съ мы преслѣдуемъ. А этотъ-съ воспользовался ранами господина этого-съ и воровски, насильственно, увезъ невинную-съ и только случай спасъ его-съ.... О, да и достанется ему.... это ужъ въ моей власти-съ....

— Такихъ людей щадить грѣхъ.... чуть слышно проговорила предводительша. Она ревновала къ Авдотьѣ Семеновнѣ, но за послѣдній поступокъ она уже ненавидѣла Левушку. Это предпочтеніе простой дѣвушки ей, Клеопатрѣ... О, она была готова на все для Левушки; теперь была готова на все, чтобы только отмстить тому же Левушкѣ.

Гримасниковъ зналъ предводительшу и понималъ выгоды, которыя могъ извлечь изъ подобнаго положенія дѣлъ. Люди съ пушкомъ на рыльцѣ, боятся самой тѣни опасности. Зная, что Евгеній страстно влюбленъ въ Клеопатру и подозрѣвая въ немъ тайнаго соглядатая провинціальныхъ дѣлъ, Гримасниковъ тотчасъ разсчелъ, что можетъ оказать ему такую услугу, которую Евгеній оцѣнить съумѣетъ....

— Грѣхъ, матушка, грѣхъ,—сказалъ Гримасниковъ. Не должно щадить такихъ негодяевъ. Да что станешь дѣлать, когда такіе благородные люди какъ Евгеній Сергѣичъ на свѣтѣ водятся? Онъ проситъ не губить ребенка... О, какой-съ это характеръ. Ужасть, просто-съ! Это-съ, что называется, сама великость души. Я очень-съ жалѣлъ, что не могъ-съ съ нимъ долѣе бесѣдовать. Онъ меня-съ пришибъ своимъ умомъ-съ. И надо отдать справедливость Авдотьѣ Семеновнѣ-съ. Тотчасъ смекнула-съ....

Клеопатра Кириловна вспыхнула, отвернулась и спросила разсѣянно:

— Что тамъ у васъ случилось сегодня на Косаткѣ,

— Тамъ, Ничего-съ. Домашная исторія! Найдена-съ дѣвушка безъ виду, Здѣшній хозяинъ взялъ ее подъ свою опеку-съ....

— Да у нея былъ опекунъ,

— Да, можетъ быть-съ... Но еще неизвѣстно. Слѣдствіе еще не назначено... И самый видъ у Евгенія этого, просто, знаете, картина...

Клеопатра задумчиво взглянула на Евгенія и поблѣднѣла, не усидѣла на стулѣ, встала, хотѣла было пойдти, но опять сѣла и вопросительно смотрѣла на Гримасникова. Причиною этого движенія была Марья Осиповна. Она простодушно смѣялась, Евгеній также смѣялся. Онъ былъ веселъ, тогда какъ этого никогда съ нимъ не случалось во все время его пребыванія въ городѣ. Кто могъ разогнать задумчивость, которую создала и которою такъ гордилась Клеопатра Кириловна?

— Кто эта дама?

— Вотъ ужъ, право, не могу сказать...

— Гримасниковъ, я хочу знать, кто эта дама...

— А вотъ позвольте, узнаю...

И Гримасниковъ отошелъ; но его подхватилъ кружокъ Авдотьи Семеновны и осыпалъ такими же вопросами.

— Дайте время! все узнаю... Вотъ, спрошу у хозяина. Батюшка!

— Что тебѣ надо? сказалъ вошедшій Иколочникъ.

— Позвольте освѣдомиться на счетъ одной незнакомой дамы.

— Не твое дѣло! Она не просительница! Вотъ спрашиваютъ про васъ, душа моя,—сказалъ Иколочникъ, подходя къ Мери и нахмурился. Онъ засталъ ее въ жаркомъ разговорѣ съ Евгеніемъ о предметѣ щекотливомъ—о чувствахъ... чувствахъ дружбы и любви... Авдотья Семеновна угадала. Старикъ былъ совершенно очарованъ своею гостьей; на старости лѣтъ страсти гораздо пылче, сильнѣе, если сердце въ молодыхъ лѣтахъ не успѣло перегорѣть на уголь.

— Дружба, любовь! прибавилъ онъ шепотомъ. Не вѣрьте — имъ ихъ нѣтъ.

—Неправда! Вы сами оказали мнѣ дружбу... Вотъ любовь — та встрѣчается рѣже. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ не удалось ее видѣть.

И Евгеній и хозяинъ посмотрѣли на нее съ умиленіемъ и состраданіемъ.

— Будто ужъ вы не любили никого? спросилъ старикъ.

— Кого же? мужа, что ли?

— Вы замужемъ! вскрикнули оба и значительно посмотрѣли другъ на друга, какъ будто это участіе возбуждало въ обоихъ ревность.

— Отца, матери, не помню... Сестры, брата у меня нѣтъ... А бѣдный мой ребенокъ... Это совсѣмъ другое чувство.

Послѣдовало молчаніе. Оба, казалось, были сильно огорчены. Первый опомнился Иколочникъ. Онъ принужденно улыбнулся и сказалъ.

— Душа моя! Вы еще будете любить! Ваше время не ушло.

— Дай, Господи! Авось, какъ Николинька подростетъ... Да что мы тутъ разнѣжничались. Давайте танцовать. Я не люблю танцовъ, да не должно отъ другихъ отставать. Вы, дядюшка, со мною.

— Что вы, душа моя! Въ мои лѣта!..
— Что за лѣта! Вы моложе молодыхъ.
— Благодарю; но я хозяинъ...
— Ну, такъ вы?..
— За счастіе почту... отвѣчалъ Евгеній.

— Большое счастіе! Пойдемте!—И не Евгеній, а Мери взяла его за руку и повела въ залу, гдѣ, по мановенію хозяина, загремѣла музыка. Хозяинъ не отставалъ отъ своей гостьи. Пока ладились пары, къ хозяину подошелъ камердинеръ и шепнулъ на ухо: готова!

— На-силу! Проси сюда! Нѣтъ, погоди, я самъ ее приведу. Хозяинъ ушелъ. Евгеній подхватилъ Мери и вихрь вальса умчалъ ихъ; за ними потянулись пары; пролетая мимо боковыхъ дверей, Мери вдругъ вскрикнула, бросила кавалера, остановилась и съ невыразимымъ безпокойствомъ глядѣла на новую гостью. Ее за руку велъ хозяинъ и прямо къ Марьѣ Осиповнѣ... Пляска остановилась; гости полукругомъ окружили неподвижную Мери.

— Вотъ ваша Таня! сказалъ онъ, подводя къ Марьѣ Осиповнѣ прелестную дѣвушку въ красивомъ бальномъ костюмѣ. — Она ваша. Вы спасли ее, вы дали ей свободу, жизнь. Вамъ слѣдуетъ довершить ваши благодѣянія, вѣнчать прекрасный подвигъ. Вотъ, Таня, твоя спасительница...

— Но и Таня и Мери стояли другъ противу дружки, какъ будто пораженныя чѣмъ то свыше. Невольная нѣмота оковала ихъ уста. Сходство ихъ было поразительно. Мери казалось, что она глядитъ въ зеркало, но не теперь а нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Душа ея летѣла къ Танѣ и увлекала за собою слабое тѣло; она не перешла, а какъ то передвинулась, схватила ее въ объятія; Таня заливалась слезами, а Мери... это были судороги радости. Она бросала руками, то указывала на небо, то на Таню, то схвативъ, ея голову, отдаляла ее отъ себя и всматривалась, то опять сжимала въ объятіяхъ. Эта сцена сдѣлала впечатлѣніе даже на Клеопатру Кириловну.

— Какой ужасный театръ,—сказала она. Я не могу видѣть такого романа...

При общемъ напряженномъ вниманіи тишина въ залѣ была мертвая. Слова эти были явственно слышны и дошли до слуха Мери. Она обхватила Таню, обернулась къ публикѣ, выросла, просіяла, исказала съ торжественнымъ спокойствіемъ: Мой романъ кончился? Мнѣ есть кого любить! Прощайте!

Она увлекла Таню. Сначала онѣ шли медленно, потомъ какъ будто условясь, побѣжжали... Хозяинъ и Евгеній бросились за ними; но, къ общему удивленію, ихъ не было въ прихожей; онѣ не проходили на улицу; искали ихъ по всѣмъ компатамъ—нѣтъ; въ иллюминованномъ саду также ихъ не было... Пропали... Начались также споры, догадки; начались и кончились. Принялись за танцы, за любезности. Мери и Таню всѣ забыли... Нѣтъ, не всѣ. Хозяинъ былъ весь вечеръ сильно задумчивъ. Евгеній непримѣтно исчезъ... Клеопатра Кириловна принуждена была любезничать съ Гримасниковымъ... Гдѣ же Мери и Таня?

АНЕКДОТЫ.

I.

Во Франціи, въ одномъ учебномъ заведеніи, ученикъ не зналъ урока изъ Географіи; учитель записалъ его въ роковую книгу и просилъ взыскать. Когда дѣло дошло до расправы, мальчикъ оправдывался, какъ могъ и умѣлъ, и въ заключеніе сказалъ: «Помилуйте! Какъ можно было знать урокъ, когда учитель задалъ намъ повторить всѣ пять частей свѣта.

«Э, полно, братецъ!» сказалъ префектъ: «И мы учились; знаемъ; задавали намъ и по осьми и по девяти частей свѣта, а мы всегда были исправны...»

II.

Тамъ же во Франціи, на постояломъ дворѣ, или въ гостинницѣ, въ одномъ мѣстечкѣ остановился проѣзжающій, спросилъ себѣ особую комнату, особую прислугу. Хозяинъ трактира, видя въ гостѣ человѣка порядочнаго и по наружности даже богатаго, далъ ему для прислуги своего сына, расторопнаго и умнаго малаго. Проѣзжій провелъ въ гостинницѣ двое сутокъ и въ это время нѣсколько разъ ходилъ со двора. Вещи, даже шкатулку съ деньгами не запертую, онъ оставлялъ на рукахъ прислужника, и этотъ счелъ долгомъ смѣтливаго и расторопнаго слуги, освидѣтельствовать кассу своего барина. Въ шкатулкѣ онъ нашелъ большой пукъ ассигнацій и тотчасъ донесъ отцу о своемъ открытіи. Отецъ къ удивленію и наставленію сына не взялъ себѣ ни одной бумажки, но пересмотрѣлъ каждую и записалъ нумера.

На другое утро щедро расплатясь съ отцомъ и сыномъ, проѣзжій отправился въ дальнѣйшій путь, а хозяинъ къ начальнику мѣстечка, и объявилъ послѣднему съ отчаяніемъ, что проѣзжій укралъ такую-то сумму денегъ, что, на счастіе, всѣ ассигнаціи у него были записаны по нумерамъ—и просилъ законнаго содѣйствія.

Начальникъ, взявъ хозяина и кого слѣдуетъ, отправился за проѣзжимъ, догналъ, остановилъ и принялся допрашивать.

— Вы взяли деньги?

— Не только взялъ, а укралъ, отвѣчалъ тотъ спокойно.

Комиссія была поражена этимъ отвѣтомъ.

— Ну... хорошо... сказалъ начальникъ... а гдѣ же эти деньги?

— А вотъ здѣсь въ шкатулкѣ. Не угодно ли?

Пересвѣрили нумера; ошибки не было.

— Позвольте же васъ теперь спросить, съ какой цѣлію вы взяли деньги?

— Съ самою доброю... Чтобы въ ближайшемъ городѣ представить ихъ начальству...

— Зачѣмъ?

— За тѣмъ, что онѣ фальшивыя...

— Фальшивыя! И начальникъ обѣими руками ухватился за хозяина гостинницы.

III.

Тамъ же, во французскомъ государствѣ, одна богатая мызница, до и во все время замужства не бывала, не только въ Парижѣ, но и ни въ какомъ большомъ городѣ. — Овдовѣвъ, поспѣшила воспользоваться волею и отправилась въ ближайшій городъ и, само-собою разумѣется, въ первый же вечеръ пошла въ театръ. Давали оперу; поднимается занавѣсъ; поютъ хоръ; мызница взбѣсилась. Что съ вами? спросилъ сосѣдъ.

— Да какже это можно? въ глаза смѣются... Развѣ вы не видите... Они всѣ поютъ вмѣстѣ, чтобы только поскорѣе кончить... Обманщики! Ужъ будто мы этого не понимаемъ!..

—

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

Для меня самые интересные русскіе журналы, это Земледѣльческая Газета и Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. — Изъ нихъ многое переходитъ въ памятную книжку; многое доставляетъ мнѣ темы для интересныхъ опытовъ; вотъ, изъ послѣдней книжки этого журнала я записалъ кое-что, и полагаю, что оно пригодилось бы для всѣхъ хозяевъ.

«Цѣны на яровые хлѣба, пишетъ г. Карновичъ изъ Ярославля, замѣтно поднимаются, а рожь остается въ прежней цѣнѣ. Смѣшно подумать, что рожь теперь въ равной цѣнѣ съ овсомъ не на вѣсъ, а на мѣру. Вотъ одно изъ доказательствъ младенчества нашего земледѣлія (да кто же въ этомъ и сомнѣвается?) Какъ будто одинъ хлѣбъ не можетъ быть замѣненъ другимъ? (И въ этомъ нѣтъ сомнѣнія). У насъ крупно смолотаго хлѣба для лошадей не употребляютъ; мало употребляютъ даже и соломенную рѣзку, и думаютъ, что для возовой лошади овесъ не можетъ быть ничѣмъ замѣненъ...» Признаюсь, я почти то же думаю, только на другой ладъ. Правда, кормили лошадей и пшеницей, во времена оны, и ячменемъ, но всѣ возвратились къ овсу. Положительно опровергать мнѣніе г. Карновича не думаю, но полагаю, что замѣна овса всякою другою пищею должна быть тщательно повѣрена въ ветеринарномъ отношеніи. Какъ знать, какое послѣдствіе даетъ та или другая пища? И въ человѣческомъ организмѣ, если присмотрѣться, можно будетъ замѣтить разницу въ послѣдствіяхъ отъ исключительнаго употребленія пшеничнаго или ржанаго хлѣба. Виноваты, а думаемъ, что аксіома тогда только аксіома, когда имѣетъ не видъ, а сущность аксіомы, то есть, *со всѣхъ сторонъ* утверждена строгой повѣркой. О зернѣ еще не спорю, но соломенная рѣзка ужъ ни какъ не замѣнитъ овса. Это кормъ придаточный, а главнымъ можетъ быть только въ случаѣ большой бѣды.

— Г. Демоль, новороссійскій хозяинъ, пишетъ, что косить сѣно надо раньше его цвѣтенія, потому что оно питательнѣе: трава не истощена цвѣтомъ и образованіемъ сѣмени; стебель не огрубѣлъ. Само собою разумѣется, что такое раннее сѣно будетъ нѣжнѣе и сочнѣе; и не только хлѣбопашцы въ Западной Европѣ, и у насъ это дѣлаютъ свѣдущіе хозяева.

— Г. Рейдемейстеръ, управляющій казеннымъ, близъ Одессы, Александровскимъ имѣніемъ, описавъ признаки разныхъ періодовъ чумы, причиняющей опустошительный падежъ скота, говоритъ, что самое вѣрное противу чумы средство — есть убивать зачумленную или даже подозрительную скотину; а если на эту жертву владѣлецъ не рѣшится, такъ предлагаетъ, при строжайшемъ карантинѣ и другихъ предосторожностяхъ, давать, между прочимъ, больной скотинѣ слѣдующіи растворъ: отъ 1½ до 2 золот. желѣзныхъ опилокъ растворить въ 4 ф. дымящейся соляной кислоты, закупорить и поставить въ прохладное мѣсто. Старой скотинѣ доза—бутылка, головалой ⅓, телятамъ ¼ бутылки. Описаніе признаковъ чумы, карантиннаго содержанія скота и леченія описано весьма подробно.—Мы записали только существо средства, находя отмѣтку эту для себя достаточною.

ПЕРЕПИСКА.

О. П. и С—ову, одинъ и тотъ же отвѣтъ, потому что въ тождествѣ вашихъ двухъ персонъ не остается сомнѣнія. Будьте здоровы, невредимы; пописывайте, упражняйтесь! Видно предметы БЕЗПОЛЕЗНЫЕ васъ очень сильно занимаютъ, если вы сами называя ихъ БЕЗПОЛЕЗНЫМИ, такое нѣжное принимаете въ нихъ участіе. Обижаться право, не за что. Вамъ теперь объяснили и такъ хорошо, что и мы ничего не поняли. Обыкновенная судьба коментаріевъ!

Князю А. К... Всегда къ услугамъ вашимъ и каждаго, кто желаетъ представить публикѣ плоды трудовъ своихъ... Но помѣщеніе нынѣ присланныхъ піэсъ требуетъ личнаго объясненія.

Г. К. И. Шагаеву, въ Москву. Ваше письмо навело на насъ раздумье. Что касается до обѣщанныхъ въ разныхъ нумерахъ гравюръ, то всѣ онѣ предстанутъ на судъ вашъ въ самомъ скоромъ времени; но чтобы помѣщать исключительно русскія гравюры, то это невозможно при настоящемъ числѣ подписчиковъ. Развѣ сбудется ваше доброе желаніе, тогда дѣло иное. Редакція о барышахъ не думаетъ. Она, не смотря на всѣ потери, которыя въ этомъ году понесла, и случайно и по свойству каждаго новаго препріятія, не остановится ни передъ какими пожертвованіями, лишь бы исполнить долгъ свой по совѣсти. Иллюстрацію нельзя сравнивать съ другими періодическими изданіями, относительно расходовъ. Повѣрите ли, что нѣкоторые изъ первыхъ нумеровъ обошлись намъ въ 2000 — 2500 руб. ассигн. каждый, слѣдственно, не менѣе 100,000 руб. асс. въ годъ въ такомъ и еще бѣдномъ видѣ, потребовало бы изданіе. Опытъ научилъ многому, открылъ нѣкоторыя возможности экономіи. Редакція ими воспользуется. Нынѣ же, при недостаткѣ граверовъ, дѣлаемъ, что можемъ, и употребляемъ всѣ усилія чтобы изданіе сколь можно болѣе соотвѣтствовало своему назначенію, а равно вашему и всѣхъ благомыслящихъ желанію. Просимъ не оставлять насъ добрыми совѣтами, указаніями, которыя всегда примемъ съ признательностью, и вѣрить, что сколько мы презираемъ отзывы, внушаемые завистливымъ разсчетомъ и другими недостойными поводами, столько дорожимъ мнѣніемъ и совѣтами людей благомыслящихъ.

Въ Мамадышъ: Присланная вами загадка помѣщается въ настоящемъ 23 нумерѣ. Просимъ и для другихъ нумеровъ. А за эту примите благодарность.

А. L. Memento mori!

Г. Моисею Лихтенштейну въ Бердичевъ. Мы получили вашъ переводъ трактата Д. Вольфа о существѣ, характерѣ и необходимости Религіи, прочли его съ удовольствіемъ и жалѣемъ, что не можемъ оказать вамъ содѣйствія. Въ Иллюстраціи о трудѣ вашемъ говорить не можемъ, какъ по содержанію книги, такъ и потому, что она переводная. Изъ переводовъ упоминаемъ весьма рѣдко и то по особеннымъ причинамъ.

X. Z. У. На всякое чиханье не на здравствуешься.

М. Н. Р—ву въ К. Много чести. Но, увы, мы не раздѣляемъ вашего мнѣнія, что справедливость и миръ должны возстановиться въ нашей литературѣ. Должны, но могутъ ли? Не помнимъ, кто-то, увидѣлъ надъ каминомъ статуэтки справедливости и мира; онѣ обнимались... Посмотрите, сказалъ нѣкто, какъ онѣ нѣжно прощаются передъ вѣчной разлукой.

Z. Безъ козырей, а если съ мизерами, такъ маленькій мизеръ.

N. С. Если послушаетесь нашего совѣта, то не раскаетесь. Обратитесь къ г. Лихтенталю, въ Караванной улицѣ, въ домѣ г. Либрихтъ. Хотя онъ заваленъ заказами, но обязательность его поможетъ вашему горю.

На письмо, подписанное "*О*" — ?!?

=

Таблица, показывающая пространство земли, занимаемой 37 губерніями западной Россіи по новымъ и прежнимъ исчисленіямъ.

Названіе губерній.	Квадр. географ. миль. по новымъ исчислен.	по прежним. исчислен.
1. Олонецкая.	2,732 (*)	2,530
2. С. Петербургская.	941	880
3. Новгородская.	2,213	2,280
4. Эстляндская.	370	324
5. Ярославская	660	600
6. Лифляндская.	884	825
7. Тверская.	1,223	1,135
8. Псковская.	816	399
9. Курляндская.	496	497
10. Владимірская.	862	830
11. Витебская.	810	750
12. Московская.	589	575
13. Ковенская.	758	755
14. Смоленская.	1,019	1,063
15. Виленская.	768	750
16. Рязанская.	766	1,104
17. Калужская.	573	545
18. Тульская.	555	553
19. Пензенская.	690	700
20. Могилевская.	885	720
21. Тамбовская.	1,202	1,200
22. Минская.	1,622	1,800
23. Орловская.	859	826
24. Гродненская.	692	760
25. Черниговская.	1,000	1,100
26. Курская.	818	700
27. Воронежская.	1,209	1,354
28. Волынская.	1,296	1,300
29. Кіевская.	914	936
30. Харьковская.	985	802
31. Полтавская.	897	1,015
32. Земля Донск. Казак.	2,943	2,850
33. Подольская.	774	739
34. Екатеринославская.	1,206	1,236
35. Херсонская.	1,332	1,664
36. Бессарабская Обл.	858	891
37. Таврическая.	1,208	1,545
Всего въ 37 губерн.	38,425	38,633

(*) Въ новѣйшемъ исчисленіи доли, менѣе 50 отброшены, болѣе 50 приняты, для круглаго счета, за квадратную милю. Въ общемъ итогѣ разница между исчисленіями заключается въ 208-ми квадр. миляхъ менѣе противу прежняго.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 21.

Бѣлые.	Черные.
1. Ф. на 6 м. свое.	Кор. на 5 м. св.
2. Сл. бер. п.	Сл. бер. Сл.
3. К. что на 5 кл. св. на 2. м. Ф.	Ф. бер. К.
4. Ф. на 5 м. Кор.	Кор. бер. Ф.
5. К. на 4 м. Сл.	Кор. на 5 м. св.
6. К. на 6 м. Ф.	Кор. на 4 м. св.
7. К. на 7 м. Сл. Кор.	Кор. на 5 м. св.
8. Конь бер. п.	Кор. на 4 м. св.
9. Конь бер. Сл.	Кор. на 5 м. св.
10. К. на 5. м. К.	Кор. на 4 м. св.
11. К. на 7 м. Сл. Кор.	Кор. на 5 м. св.
12. К. на 6 м. Ф.	Кор. на 4 м. св.
13. К. на 4 м. Сл. Ф.	Кор. на 5 м. св.

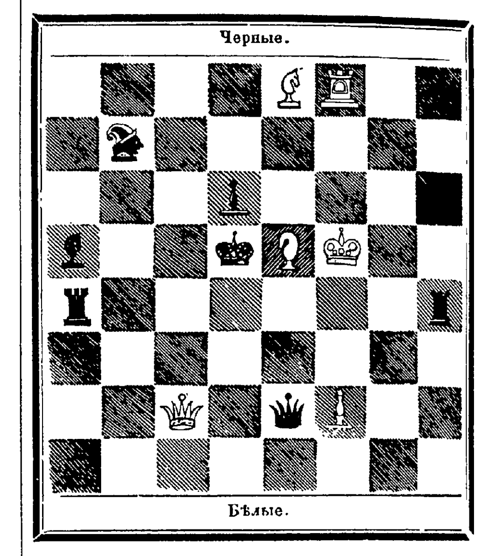
14. Пѣшка С. Кор. одно мѣсто; шахъ и матъ.

№ 22.

1. Пѣшка К. Кор. 1 м.	Кор. на 4 м. Сл. св.
2. К. Кор. на 7 м. Кор.	Ф. бер. К.
3. Ф. на 6 м. К. Кор.	Л. бер. Ф.
4. К. на 5 м. Ф. и матъ.	

ЗАДАЧА № 23.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ четыре хода.



=

РАЗГАДКА № 22.

1) Фальшивый аккордъ въ нашей литературѣ.

2) Совершенная разладица въ нашей литературѣ

=

ЗАГАДКА № 22.

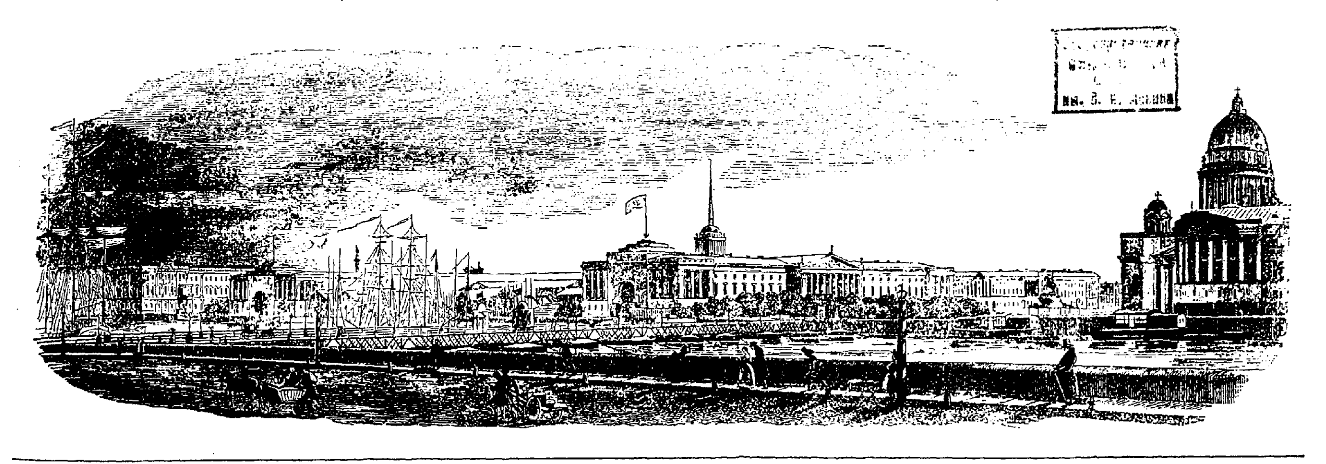
СОДЕРЖАНІЕ: 1) Царголовскія тайны, разсказъ *П. Р. Ф—на.* 2) Рыбные промыслы въ Россіи. 3) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 4) О перемѣнахъ климата во Франціи. 5) Почта въ Лейпцигѣ. 6) Мюнхенская королевская литейная. 7) Еще одинъ, продолженіе, *П. Ф—на.* 8) Еженедѣльникъ. 9) Закладъ романъ глава VII. 10) Анекдоты. 11) Памятная книжка. 12) Переписка. 13) Таблица пространствъ занимаемыхъ 37 Губерніи. 14) Игры, Шахматы, Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) Казацкая станица на Дону. 2) Городъ Азовъ. 3) Артиллерія Цоллера. 4) Зала въ почтамтѣ. 5) Видъ почтамта въ Лейпцигѣ. 6) Чеканная палата въ Мюнхенской литейной. 7) Пародія на романъ Вѣчный Жидъ (12 гравюръ). Всего 18 гравюръ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Сентября 14 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. Т. I. № 24. — Суббота, 22 Сентября 1843. Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ.

БЫЛЬ.

Въ проѣздъ мой черезъ В............ губернію, случай доставилъ мнѣ знакомство съ отставнымъ уланскимъ полковникомъ Ж—, богатымъ помѣщикомъ, имѣвшимъ премилую жену и шестерыхъ милыхъ малютокъ. Окруженный любимою семьею, уважаемый всѣми, вполнѣ довольный своимъ состояніемъ, полковникъ наслаждался жизнію какъ истинный философъ. Я былъ принятъ радушно въ этомъ превосходномъ семействѣ и провелъ болѣе мѣсяца въ полномъ удовольствіи. Полковникъ любилъ слушать мои разсказы о боевой кавказской жизни, о дикой природѣ Кавказскихъ странъ, о подвигахъ храбрости и самоотверженія, которыми такъ богаты страницы военной исторіи Кавказскаго Корпуса и, въ свою очередь, разсказывалъ мнѣ свои уланскія похожденія, исполненныя романическихъ сценъ.

Въ одинъ вечеръ мы сидѣли вдвоемъ съ полковникомъ въ саду, отколѣ видны были богатыя селенія ему принадлежащія. Роскошная панорама развертывалась въ полномъ блескѣ передъ нашими глазами. Я откровенно сказалъ полковнику, что завидую его положенію. Онъ улыбнулся.

«Было время, любезный товарищъ, сказалъ добросердечный уланъ, что я былъ въ самомъ крайнемъ положеніи. Счастіе мое, которымъ теперь наслаждаюсь, просто, дѣло случая, одна изъ тѣхъ прихотей капризной фортуны, которая неумолима и неуловима для ищущихъ ея благосклонности, а приходитъ во снѣ. Вижу по глазамъ, что вамъ хочется узнать подробности этого происшествія, такъ выгодно измѣнившаго мое положеніе! Изволь, разскажу съ удовольствіемъ.

«Въ началѣ 1818 года я былъ не болѣе, не менѣе, какъ молодой уланскій корнетъ, только что произведенный. Красивая наружность, чуть-чуть пробивающіеся усы, конь и уланская форма очень ограниченнаго достоинства, составляли все мое достояніе. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, отъ одной трети до другой перебивался я займами, а при полученіи третьяго жалованья, уплачивалъ и оставался безъ гроша. Надежды на поправленіе финансовъ не предвидѣлось. У меня не было ни бабушекъ, ни тетушекъ, ни дядюшекъ, отъ которыхъ могъ бы я надѣяться получить наслѣдство. Отца и матери моей не было въ живыхъ, и полученное мною отъ нихъ наслѣдство состояло только въ родительскомъ благословеніи, навѣки нерушимомъ; оставалась надежда только на себя. Но что могъ сдѣлать необыкновеннаго, бѣдный уланскій корнетъ въ мирное время? На бѣду мою, я иногда на зимнихъ квартирахъ почитывалъ кое-какіе романишки и сталъ сантиментальничать. Но наши уѣздныя барышни, зная, что я бѣденъ, смѣялись надъ моими любезностями. Богатство или большіе эполеты, вотъ что нужно невѣстамъ, а у меня не было ни того, ни другаго, слѣдовательно, значеніе мое равнялось нулю! Мнѣ было грустно, невыразимо грустно.

«Вдругъ разнесся слухъ, что Государь Императоръ съ Августѣйшей Фамиліей пріѣхалъ на жительство въ Москву, и что предположенъ, для открытія монумента Минину и Пожарскому на Красной Площади, большой парадъ. Полкъ нашъ также былъ въ числѣ войскъ, для того назначенныхъ. Дѣйствительно, мы выступили къ Москвѣ.»

«Пусть что хотятъ думаютъ и говорятъ наши велемудрые философы, а я вѣрю предчувствіямъ. Въ ту минуту, когда я только сѣлъ на коня, чтобъ слѣдовать съ полкомъ въ Москву, мнѣ сдѣлалось такъ весело, такъ неизъяснимо пріятно, что я и пересказать не могу. Конечно, тогда я полагалъ причиною тому надежду избавиться хотя на время, отъ монотонной уѣздной жизни: но это было предчувствіе ожидавшаго меня счастія въ столицѣ.»

«Полкъ нашъ былъ расположенъ по квартирамъ въ самой Москвѣ, какъ по уваженію къ холодному времени года, равно и по кратковременному пребыванію. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ отставнаго военнаго генерала, богатаго и всѣми уважаемаго.»

«Генералъ былъ старый гусаръ душою и тѣломъ. Услышавъ, что у него остановится на квартирѣ молодой корнетъ уланскій, тотчасъ прислалъ за мной. Я, разумѣется явился въ полной формѣ.

«Что, любезный, дорогой товарищъ! вскричалъ генералъ, обнимая меня, вѣдь мы здѣсь не во фрунтѣ! пожалуйста маршъ въ твою комнату, надѣнь сюртукъ, сложи оружіе и приходи ко мнѣ за-просто обѣдать. Я былъ самъ такойже молодой корнетъ. Славное было время! Прошу почитать мой домъ своимъ, приходить ко мнѣ обѣдать, ужинать, завтракать, пить чай и кофе, посидѣть поговорить, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Я кавалеристъ, ты кавалеристъ: мы братья и товарищи.

«Я былъ очарованъ этимъ безцѣннымъ обхожденіемъ. Мнѣ отвели особыя комнаты во флигелѣ; но я бывалъ тамъ только какъ на ночлегѣ, проводя все время у генерала, который весьма полюбилъ меня, часто шутилъ надъ тѣмъ что я мало пью и отказываюсь отъ пуншу, пародируя стихи незабвеннаго партизана поэта:»

Гдѣ уланы прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ уланы коренные?

Теперь вниманіе (слушайте! слушайте!) Мой романъ начинается. У генерала была дочь, только что выпущенная изъ Института, одно изъ тѣхъ привлекательныхъ существъ, которыя хороши какъ они есть, которыя не выдержутъ строгой эстетической критики, но въ которыхъ всякое измѣненіе было бы не у мѣста, какъ сказалъ извѣстный поэтъ:

Ты бъ лучше быть могла — но лучше такъ какъ есть.

«Три недѣли сряду почти ежечасно быть въ обществѣ такой очаровательницы и не влюбиться въ нее по уши — было бы неестественно и для разсудительнаго человѣка, а для двадцатилѣтняго уланскаго корнета вещь совершенно невозможная. Она обращалась со мною безъ всякаго принужденія, какъ съ братомъ; мы часто оставались одни въ будуарѣ, гдѣ все дышало какою-то нѣгою, очарованіемъ. Я таялъ отъ восторга и былъ въ полномъ смыслѣ — на седьмомъ небѣ.»

«Но зато ночью, оставшись одинъ, я страдалъ ужасно. Негодный разсудокъ съ отвратительною точностію высказывалъ всѣ подробности моего тягостнаго положенія. Каково будетъ мнѣ послѣ столь восхитительной жизни перенестись снова въ курную избу, въ сосѣдство коровъ и куръ и въ добавокъ, съ неизлечимою сердечною раною. Страшно! за человѣка страшно!»

«Я не находилъ никакого средства къ избавленію себя отъ ужасной будущности, мнѣ угрожавшей; но съ трепетомъ ожидая ее, пользовался дѣйствительностію и пилъ полною чашею фіалъ очаровательной жизни.

«Но какъ все въ свѣтѣ имѣетъ свое начало и конецъ, такъ и нашъ парадъ совершился 20 февраля 1818 года. Въ присутствіи Императорской Фамиліи и безчисленнаго множества жителей, упали завѣсы, скрывавшія монументъ, и колоссальныя изображенія великихъ мужей, спасшихъ Россію отъ ига иноплеменнаго, за два вѣка до нашего времени, явились признательному потомству. Громъ пушекъ и ружей слился съ единодушнымъ ура! предстоявшаго народа. Русскіе съ восторгомъ видѣли Благословеннаго, освободителя отечества и цѣлой Европы, отдающаго долгъ благодарности доблестнымъ мужамъ временъ минувшихъ.

«Увлеченный вліяніемъ великихъ воспоминаній, я съ восторгомъ дѣлилъ съ другими удовольствіе быть въ числѣ зрителей достопамятнаго событія. Но, возвратясь домой, пораженъ былъ прямо въ сердце: я получилъ извѣстіе, что полкъ нашъ черезъ недѣлю выступаетъ на прежнія свои квартиры.

«Хотя я долженъ былъ ожидать этой новости, и она не заключала въ себѣ ничего необыкновеннаго, но я былъ такъ пораженъ ею, что почти цѣлый часъ оставался въ какомъ—то оцѣпенѣніи. Ни одной утѣшительной мысли не приходило мнѣ въ голову. А когда посланный отъ генерала явился съ приглашеніемъ къ обѣду, я едва былъ въ силахъ за нимъ послѣдовать.

«Какъ страненъ человѣкъ! Я очень хорошо зналъ, что дочь генерала, богатая невѣста, почти красавица, вовсе не пара бѣдному уланскому корнету, очень хорошо видѣлъ, что со мной обращались по-дружески безъ принужденія, потому что считали не опаснымъ; но мнѣ казалось, что прелестные глаза генеральской дочки обращались иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ; мнѣ казалось, что она раздѣляетъ мои чувства и ожидаетъ признанія въ любви съ моей стороны. Но могъ ли я это сдѣлать? Меня пугала даже мысль о подобномъ поступкѣ.

«Генералъ встрѣтилъ меня, какъ обыкновенно, ласково; но прелестная институтка казалась мнѣ немного встревоженною. Я такъ уже изучилъ ея физіономію, что и малѣйшее измѣненіе было для меня замѣтно.

«Я слышалъ, любезный товарищъ,—сказалъ генералъ, что ты насъ скоро оставишь? Душевно жаль!»

— Я такъ много признателенъ вашему превосходительству за лестное вниманіе ко мнѣ. Сердечно сожалѣю, что долгъ службы отзываетъ меня: черезъ недѣлю полкъ нашъ выступаетъ на прежнія квартиры, но я никогда не забуду ласкъ вашего превосходительства, которыхъ не заслужилъ...

«Послѣ обѣда я испросилъ дозволенія идти въ свою комнату, подъ предлогомъ отдыха послѣ усталости отъ парада; но въ сущности для того, чтобъ скрыть свою печаль и смущеніе.

«Генералъ и дочь его грустно посмотрѣли на меня и молчали. Я ушелъ.

«Не раздѣваясь, бросился я на кушетку и далъ полную волю моей горести. Но въ ту минуту, когда, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, я роптала на Провидѣніе, Оно, благое, пеклось обо мнѣ. Въ комнатахъ генерала происходила сцена, которую я тогда не могъ знать и предвидѣть; но узналъ послѣ. Надобно разсказать ее, чтобъ потомъ судить о моемъ изумленіи.

«Какъ скоро я ушелъ, Елена заплакала и, бросясь въ объятія своего отца, призналась, что страстно меня любитъ и будетъ вѣкъ несчастной, лишившись меня. Генералъ нѣжно поцѣловалъ ее, обтеръ слезы и сказалъ шутя:

«Дурочка! я это давно замѣтилъ! Ну, Богъ съ вами! Очень радъ! Онъ добрый малый. Не богатъ—что жъ за бѣда? У меня ты одна, а я богатъ довольно. Не чиновенъ! Послужитъ, будетъ имѣть чины. По рукамъ! Стало быть, онъ тебѣ ужъ признался? Экой плутъ! А мнѣ ни слова».

— Нѣтъ, батюшка, онъ ни слова мнѣ не говорилъ о любви.

«Какъ? Стало быть, ты не знаешь, любитъ ли онъ тебя, или нѣтъ?»

— Я догадываюсь, что онъ меня любитъ, и вѣрно отъ робости не смѣетъ признаться.

«Ха! ха! Забавно! Это не по нашему! Мы, бывало, штурмомъ брали красавицъ! Впрочемъ, что жъ намъ дѣлать? Неужели мнѣ самому предлагать ему тебя въ невѣсты, когда онъ не говоритъ ни слова? Вѣдь это очень нескладно!»

— Батюшка! —сказала Елена умоляющимъ голосомъ.

«Ну, что съ тобой дѣлать? Видно, придется старому гусару быть свахой! Ступай въ будуаръ, сосѣдственной съ гостинный, и слушай что я буду говорить съ нашимъ трусомъ уланомъ; да не выходи, пока не позову».

«Елена крѣпко, крѣпко поцѣловала превосходнаго родителя, и какъ серна бросилась въ будуаръ и захлопнула дверь, прильнувъ къ ней ушкомъ. Генералъ вошелъ въ гостинную, сѣлъ на диванъ и послалъ за мной, сказавъ, что имѣетъ особую надобность. — Я явился.

«Садись, товарищъ подлѣ меня, сказалъ генералъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое крѣпко принимаю къ сердцу. Скажи откровенно, какъ тебѣ нравится дочь моя?»

«Я оробѣлъ и смѣшался. Мнѣ показалось, что генералъ хочетъ обременить меня упреками за то, что будучи такъ ласково принятъ въ его семействѣ, осмѣлился имѣть виды на его дочь. Полный такихъ мыслей, я пробормоталъ какія-то фразы и, думаю, довольно безтолковыя. Генералъ улыбнулся и, взявъ меня за руку, сказалъ весело:

«Оставимъ околичности. Въ наше время кавалеристы не знали фразеологіи, а говорили и дѣйствовали на прямыя гроши. Къ чему всѣ эти увертки? Если хочешь, я скажу тебѣ на прямки: ты влюбленъ въ мою дочь и боишься признаться, полагая, что мы обидимся твоимъ предложеніемъ, потому что ты бѣденъ, а я богатъ, что ты корнетъ, а я генералъ. Ну, такъ ли?»

«Я бросился въ объятія почтеннаго гусара, говорилъ многое отъ сердца; но что такое и самъ не помню. За сосѣднею дверью въ будуарѣ слышны были всхлипыванія.

«Вотъ это дѣло! сказалъ генералъ, отворилъ дверь будуара и прибавилъ: «Дѣти мои! Сюда, къ сердцу вашего стараго отца!»

«Я и Елена были уже въ его объятіяхъ. Онъ и мы плакали, и смѣялись: намъ было неизъяснимо весело и грустно, въ одно и то же время.

Черезъ полчаса послѣ этой сцены, генералъ уѣхалъ къ моему дивизіонному генералу, старому своему сослуживцу, просить для меня отпуска на 28 дней. Мы съ Еленой остались одни.

«Описывать эти восхитительныя минуты, значило бы повторять тысячу разъ описанное въ романахъ.

«Само собою разумѣется, что я получилъ отпускъ. Полкъ нашъ ушелъ, а я остался блаженствовать съ милою невѣстою. Черезъ десять дней была наша великолѣпная свадьба, а черезъ мѣсяцъ я уже выѣзжалъ изъ Москвы къ своему полку. Но какая разница?

«Въѣзжая въ Москву, я былъ бѣдный уланскій офицеръ, безъ всякой будущности, обладатель коня въ пятьсотъ рублей ассигнаціями и полной офицерской формы, стоющей и того дешевле; а выѣзжалъ въ прелестной собственной коляскѣ, запряженной четверкою отличныхъ собственныхъ лошадей, сидѣлъ рядомъ съ восхитительнымъ существомъ, которое могъ называть моею Еленою, цѣловать и любоваться ею. Впереди и сзади коляски привинчены были сундуки съ богатѣйшимъ гардеробомъ. На нихъ сидѣли два лакея щегольски одѣтые. За нами тянулись двѣ прекрасныя брички, нагруженныя всякаго рода домашнимъ скарбомъ, богатою рукою приготовленнымъ, и полдюжиною лакеевъ и горничныхъ. Лошади, запряженныя въ бричкахъ, также намъ принадлежали. Въ карманѣ у меня былъ ломбардный билетъ во 100 т. руб. и дарственная запись на двѣ тысячи душъ. — Великолѣпно!

«Прибывъ въ полкъ, я нашелъ приказъ о назначеніи меня адъютантомъ къ нашему дивизіонному генералу, и отправился съ женою въ губернскій городъ, гдѣ былъ встрѣченъ ея отцомъ, переселившимся туда на-житье, чтобы не разставаться съ своими дѣтьми.

«Романъ мой конченъ—а счастливъ ли я? Вы сами видѣли.

Въ эту минуту вошла супруга полковника; онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ: «Вотъ мой благодѣтельный геній». Елена зажала ему ротъ своею прелестною ручкою и сказала, обратясь ко мнѣ: «Вы извините его: онъ иногда на-яву бредитъ!» и съ жаромъ поцѣловала своего мужа.»

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(*Продолженіе*).

VI.

Дмитрій Ивановичъ простоялъ еще нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, не смѣя пошевельнуться...

Было очень темно.

Поднявшійся вѣтеръ гналъ по небу свинцовыя тучи; въ отдаленіи слышались глухіе раскаты грома; гдѣ-то на задворкѣ выла собака.

Крупныя, хотя еще рѣдкія, капли дождя, застучавшіяся въ фуражку Топилова, заставили его опомниться. На цыпочкахъ, едва переводя дыханіе, отошелъ онъ отъ бани и потомъ пустился домой, почти бѣгомъ.

Вѣрный пудель его, Картушъ, какъ животное благоразумное, разсчиталъ, что ночи созданы не для того, чтобы бродить по сырости, а потому давно уже отправился домой.

Наконецъ нашъ молодой человѣкъ, по временамъ оглядывавшійся со страхомъ, прибѣжалъ домой, усталый и мокрый.

Въ окнахъ маленькой избушки, которую онъ нанялъ вмѣстѣ съ городскимъ сосѣдомъ своимъ, живописцемъ Павломъ Зоринымъ, былъ свѣтъ.

— Ну, слава Богу, — подумалъ Топиловъ, — Зоринъ еще не спитъ! — И съ этими словами онъ постучался.

Минуту спустя онъ вошелъ въ комнату.

Два окна этой избы выходили на задворокъ. У одного изъ оконъ былъ мольбертъ, на которомъ стоялъ подмалеванный холстъ; у боковыхъ стѣнъ стояли два турецкіе дивана; между окнами столъ; посреди комнаты въ живописномъ безпорядкѣ находились три или четыре стула; около стѣнъ были портфели или папки, холсты, рамки и прочія принадлежности живописца.

Картушъ преспокойно храпѣлъ на диванѣ своего хозяина, при входѣ котораго онъ проснулся, повертѣлъ хвостомъ, вздохнулъ и, повернувшись на другой бокъ, опять закрылъ глаза.

— Гдѣ ты это бродилъ цѣлый вечеръ, Митя? — спросилъ живописецъ, запирая дверь на крючокъ.

— Охъ, ужъ не спрашивай!.. Бѣда да и только!..

— Да какъ ты промокъ!.. Не случилось ли чего съ тобою?

— Такіе ужасы, что у тебя отъ одного разсказа волосы станутъ дыбомъ на головѣ!.. Ну, братъ, я завтра же переѣзжаю въ городъ!.. отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, опустившись на диванъ, который затрещалъ.

Картушъ проснулся, недовольный соскочилъ съ этого дивана и улегся на другомъ.

На просьбу Зорина, Топиловъ рѣшился наконецъ разсказать ему все случившееся съ нимъ. Живописецъ слушалъ, покачивая головой и пожимая плечами; но когда дѣло дошло до старой бани, то онъ сталъ слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ и вдругъ вскричалъ какъ бы невольно:

— Славная, братецъ, картина!.. Преэффектную картину можно написать!

— Какая тутъ картина! — съ неудовольствіемъ возразилъ Топиловъ. — Выслушай конецъ, и ты ужаснешься!..

Топиловъ разсказалъ разговоръ жителей старой бани.

— Э!.. да это скверная штука, — закричалъ Зоринъ, когда пріятель его замолчалъ. — Надо сейчасъ дать знать Становому приставу... Пойдемъ!

— Теперь? Ни за что. Завтра, изволь, пойду.

— Гмъ!.. а какъ они уйдутъ?

— Не уйдутъ!.. Вѣдь эти злодѣи не знаютъ, что я подслушалъ ужасную тайну ихъ!

Зоринъ задумался... и вдругъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься? — спросилъ пріятель его.

— Знаешь ли, Митя, мнѣ кажется, что все это вздоръ?

Дмитрій Ивановичъ сострадательно пожалъ плечами, всталъ и, не говоря ни слова, сталъ вынимать изъ ящика въ диванѣ подушку, простыню и халатъ.

— Не можетъ же быть, чтобы здѣсь... въ такомъ людномъ мѣстѣ, завелись разбойники.

— А отчего не можетъ быть?

— Оттого, что разбойникамъ не мѣшаютъ только въ драмахъ, да въ романахъ... а здѣсь...

— Полно, пожалуйста, Павелъ!.. Ты вѣчно споришь... Говорятъ тебѣ, что я собственными глазами видѣлъ, собственными ушами слышалъ... вскричалъ съ досадой Топиловъ.

— Ну, ладно, ладно!.. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ важнѣе всего то, что надо проучить Прыщова.

— Чортъ съ нимъ!

— Это ужъ само по себѣ, а то... мнѣ до того не нравится экспрессія его, что ужасно хотѣлось бы стереть ее съ холста земли!.. Рыжіе бакенбарты его безпрестанно напоминаютъ мнѣ тердесьенъ, который я терпѣть не могу!..

— Я не знаю, отчего это происходитъ, — сказалъ Топиловъ, раздѣваясь, — но мнѣ все кажется, что этотъ человѣкъ причинитъ мнѣ большое зло...

— Да чего онъ хочетъ?.. Зачѣмъ онъ пристаетъ къ тебѣ?.. спросилъ Зоринъ, также ложась спать и сгонявъ съ дивана пуделя, который глубоко вздохнувъ, соскочилъ и растянулся на полу.

— Боже мой!.. я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что онъ сватается на Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Хороша парочка! — проворчалъ сквозь зубы живописецъ.

Топиловъ притворился будто бы не разслышалъ послѣднихъ словъ своего товарища и, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ, ложась на диванъ и прикрываясь халатомъ:

— Ты погасишь свѣчу, Павелъ?

— Погашу... А въ самомъ дѣлѣ, престранная исторія въ этой банѣ...

— Полно, не говори, — возразилъ Топиловъ, — еще приснится, пожалуй.

— Прощай, спокойной ночи!

Зоринъ легъ на диванъ, закурилъ трубку и загасилъ свѣчу.

Въ комнатѣ было темно. Въ трубѣ слышалось страшное завываніе вѣтра, отъ котораго тряслись оконницы, въ стекла которыхъ стучалъ дождь.

— Ты заперъ дверь? — спросилъ Топиловъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Зорина.

— Заперъ, — отвѣчалъ тотъ зѣвнувъ.

— На крючокъ?

— На крючокъ.

Опять наступило молчаніе.

Топиловъ безпрестанно вертѣлся съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть. Кровь его была слишкомъ взволнована.

Вдругъ вѣтеръ нагналъ ставень на окно; онъ стукнулъ такъ сильно, что стекла задребезжали.

— Что это!.. вскричалъ съ испугомъ Дмитрій Ивановичъ.

— Что такое? — спросилъ заспаннымъ голосомъ Зоринъ.

— Какой шумъ...

— Это вѣтеръ.

Опять молчаніе.

Топиловъ спряталъ голову подъ халатъ, служившій ему одѣяломъ, чтобы не слышать ни завыванія вѣтра, ни шума дождя; но тщетно... какіе-то неясные, неопредѣленные звуки поражали слухъ его... и звуки эти служили канвой, по которой воображеніе его рисовало ему самыя страшныя картины; онъ не вытерпѣлъ, высунулъ голову изъ одѣяла и сталъ прислушиваться.

— Павелъ, — произнесъ онъ тихимъ голосомъ, — ты спишь?

Не было отвѣта.

— Кто-то ходитъ за дверьми, — продолжалъ Топиловъ тѣмъ же тихимъ голосомъ, но по прежнему не получилъ отвѣта.

Тогда Дмитрій Ивановичъ сталъ трусить не на шутку. Онъ не смѣлъ пошевельнуться, между тѣмъ ему казалось, что онъ явственно слышитъ, какъ кто-то движется за дверью... Онъ закрылъ глаза, но воображеніе его работало неутомимо, слухъ передавалъ ему малѣйшій шумъ въ видѣ стона, плача, рыданій.. Топиловъ сталъ придумывать разныя средства, чтобы отвлечь умъ свой отъ страшныхъ видѣній, стараясь обратить его на что нибудь другое. Онъ сталъ считать сначала единицы, потомъ десятки, потомъ сотни... но только однѣ губы его машинально произносили шопотомъ числа... воображеніе дѣлало свое. Онъ насчиталъ уже до шести сотъ тридцати семи и эта прикладная ариѳметика стала уже благодѣтельно дѣйствовать на него... какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что нѣчто холодное, ледянистое коснулось груди его... Дмитрій Ивановичъ задрожалъ... хотѣлъ кричать, но страхъ оковалъ языкъ его; онъ хотѣлъ вскочить... ужасъ оковалъ всѣ члены его...

Наконецъ, послѣ неимовѣрнаго усилія, онъ вскрикнулъ и вскочилъ на диванѣ.

Въ комнатѣ было свѣтло... Зоринъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, со свѣчей въ рукахъ и глядѣлъ на потолокъ.

VII.

— Павелъ! что случилось?.. вскричалъ съ-просонокъ Топиловъ.

Зоринъ продолжалъ смотрѣть на потолокъ, ворча что-то сквозь зубы и покачивая головой.

Тогда и Дмитрій Ивановичъ невольно поднялъ голову... въ досчатомъ потолкѣ была широкая щель, черезъ которую щедрыми каплями проходила дождевая вода... Плеча Топилова и грудь уже порядочно промокли.

— Оказія! — проговорилъ Зоринъ.

— Досада! — проворчалъ Топиловъ.

— Эдакъ не надо и дачи нанимать, можно жить на чистомъ воздухѣ... большой разницы не будетъ.

— Какъ же негодяй хозяинъ не предувѣдомилъ насъ?

— О чемъ?

— О томъ, что у него дача не домъ, а рѣшето, — вскричалъ съ досадой Дмитрій Ивановичъ.

— Станетъ онъ предувѣдомлять тебя! — отвѣчалъ, засмѣявшись, живописецъ.

— Чортъ его возьми!.. Я завтра выѣду!

— Очень нужно.

— Да что же намъ дѣлать?

— Покориться судьбѣ и законопатить щель.

— Это легко сказать; а какъ ее законопатишь?

— Надо подумать.

Зоринъ вскочилъ съ дивана и сталъ наскоро одѣваться, между тѣмъ какъ Дмитрій Ивановичъ придумывалъ, гдѣ бы ему устроиться, чтобы поспать хоть остальную часть ночи.

Молодой живописецъ вышелъ и воротился нѣсколько минутъ спустя съ порядочнымъ пучкомъ пакли, которую онъ выщипалъ снаружи, между бревнами.

— Ура!.. вскричалъ онъ, входя въ комнату, — вотъ и пакля!.. Митя, давай конопатить.

— А спать?.. спросилъ съ изумленіемъ Топиловъ.

— Гдѣ теперь спать!.. Вишь, ужъ начинаетъ разсвѣтать; завтра выспимся.

Нѣсколько минутъ спустя щели были законопачены; потомъ Зоринъ, стоя на столѣ,

наклеивалъ сверхъ пакли, чтобы она лучше держалась, полосы бумаги, которыя Топиловъ вырѣзывалъ и намазывалъ клейстеромъ.

VIII.

Послѣ ненастной ночи, наступило свѣтлое, ясное утро.

Былъ какой-то праздникъ. Тихій колокольный звонъ, разносившійся по деревнѣ, сзывалъ православныхъ къ обѣднѣ.

Вся деревня была особенно оживлена. Группа крестьянъ, въ красныхъ рубахахъ и праздничныхъ кафтанахъ, крестьянки въ живописныхъ сарафанахъ и повойникахъ, унизанныхъ жемчугомъ, мѣшались съ группами дачницъ и дачниковъ, въ бѣлыхъ, розовыхъ платьицахъ и сѣрыхъ пальто, чинно подымавшихся на гору къ церкви.

У одной изъ дачъ... описывать ли вамъ наружность Парголовской дачи?.. Исключая немногихъ, онѣ почти всѣ похожи одна на другую...

.... песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитка, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.

И такъ, у одной изъ дачъ передъ палисадникомъ на скамьѣ сидѣла Евдоксія Егоровна возлѣ матери, по другую сторону которой стоялъ, съ сигарой въ зубахъ, человѣчекъ съ рыжими бакенбартами.

Зоринъ глядѣлъ на потолокъ.

Онѣ, какъ казалось, собирались куда-то ѣхать; и точно, нѣсколько минутъ спустя, къ палисаднику подъѣхали двѣ телеги; въ то же время въ нѣкоторомъ разстояніи показался Дмитрій Ивановичъ.

Онъ подошелъ къ Рытковскимъ, раскланялся и извинился, что заставилъ ждать себя.

Человѣкъ съ рыжими бакенбартами насмѣшливо улыбнулся, смотря изподлобья, то на Евдоксію, то на Топилова.

— Какъ же мы усядемся?.. спросилъ онъ съ ядовитой улыбкой, взглянувъ на Дмитрія Ивановича.

— А, разумѣется, какъ... мы съ вами, Захаръ Трифоновичъ, а молодежь съ молодежью —возразила мать Евдоксіи.

— Хе, хе, хе! очень пріятно-съ, очень пріятно-съ, — говорилъ Прыщовъ, подсаживая на телегу Рытковскую, съ миной, совершенно противурѣчившею словамъ его.

Топиловъ былъ въ восторгѣ; во-первыхъ потому, что могъ поговорить безъ помѣхи съ Евдоксіею о своей любви, а во-вторыхъ потому, что это, по видимому, раздосадовало Прыщова, котораго онъ искренно и душевно—ненавидѣлъ.

Но увы!.. непрочны и непостоянны земныя радости. Прыщовъ, подсаживая Рытковскую шепнулъ ей одно слово на ухо... только одно слово, и лицо почтенной барыни измѣнилось: оно приняло серьозно-вѣжливое выраженіе и, обратившись къ Топилову, мать Евдоксіи сказала:

— Дмитрій Ивановичъ, садитесь со мною... мнѣ надо переговорить съ вами...

Лицо молодаго человѣка вытянулось; но нечего было дѣлать.

Прыщовъ торжествовалъ. Усѣлись, поѣхали.

Когда телеги стали подъѣзжать къ саду, изъ-за угла одной изъ дачъ, выѣхалъ молодой человѣкъ, въ соломенной шляпѣ, на пѣгомъ, толстоногомъ чухонскомъ конѣ. Осмотрѣвшись по сторонамъ и замѣтивъ, что телеги были уже въ довольно далекомъ разстояніи, молодой человѣкъ, пріударивъ коня зеленымъ хлыстикомъ, пустился за ними легкой рысцой.

IX.

Читатели видѣли, что Дмитрій Ивановичъ спокойно поѣхалъ съ Рытковскими, не думая болѣе о вчерашнихъ ужасахъ. Причину этого мы сейчасъ постараемся объяснить.

Утромъ Топиловъ получилъ отъ Евдоксіи Егоровны маленькую записочку, въ которой она просила его ѣхать съ ними въ одну изъ окрестныхъ деревень, славившуюся прекраснымъ мѣстоположеніемъ.

Топиловъ, рѣшившійся посвятить этотъ день открытію странной тайны людей, жившихъ въ старой банѣ, былъ поставленъ этимъ письмомъ въ нѣсколько затруднительное положеніе, изъ котораго вывелъ его Зоринъ,

Парголовская дача.

обѣщавшій взять это дѣло на себя; и пока Дмитрій Ивановичъ одѣвался, чтобы идти къ Рытковской, молодой живописецъ пошелъ къ банѣ.

Спустившись съ высокаго берегу, молодой человѣкъ увидѣлъ у самого озера группу женщинъ, о чемъ-то съ живостію разговаривавшихъ.

Передъ ними стояла молодая дѣвушка, съ холоднымъ, безсмысленнымъ выраженіемъ лица.

Зоринъ, какъ живописецъ, былъ пораженъ художественно-правильными чертами молодой дѣвушки и догадался, что это, вѣроятно, была та самая, о которой говорилъ ему Топиловъ. Подойдя ближе къ группѣ, Зоринъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Постой ты, негодная!.. кричала одна изъ женщинъ, — я тебя научу таскаться по задворкамъ;—покажись ты еще разъ, такъ я тебя помеломъ!

— Давно бы ихъ надо выгнать! — прибавила другая женщина.

— Какъ это имъ позволяютъ!

— Въ городѣ ихъ давно бы на съѣзжую забрали!..

— Да такъ и слѣдуетъ, а то вѣдь эти бродяги куда какъ нечисты на руку...

—Ну, признавайся!.. закричала опять первая изъ женщинъ, по видимому, кухарка.

Молодая дѣвушка отрицательно покачала головой.

— А вотъ будешь знать, какъ дѣло дойдетъ до розогъ!..

— Конечно, конечно! — закричали другія женщины хоромъ, — сведемъ ее къ старостѣ.

На глазахъ молодой дѣвушки выступили слезы, и только эта страшная угроза измѣнила холодное выраженіе ея лица. Медленно покачала она головой.

— Полно притворяться, голубушка; какъ наказывать станутъ, такъ заговоришь!

Молодая дѣвушка утерла рукавомъ слезы, вздохнула и пожала плечами.

— Да что тутъ разговаривать, Григорьевна, тащи ее къ старостѣ, тамъ съ нею раздѣлаются!..

Съ этими словами одна изъ женщинъ схватила молодую дѣвушку за руку и потащила за собою. Послѣдняя зарыдала, но не сопротивлялась.

Въ то же время за низенькимъ окномъ старой бани, возлѣ которой происходила эта сцена, показалось широкое, полное лицо дурачка... но лишь только глаза его встрѣтились съ глазами Зорина, то онъ немедленно скрылся.

— За что вы ее обижаете? — спросилъ молодой живописецъ, подойдя къ женщинамъ, и указывая на дѣвушку.

Зоринъ наклеивалъ полосы бумаги, которыя Топиловъ намазывалъ клейстеромъ.

— Воруетъ, батюшка, воруетъ!.. отвѣчала кухарка.

— Что она украла?

— Курочку, батюшка, украла у меня... молодку... бѣленькую... такую славную, что просто, жалость беретъ, какъ вспомню!

— Почему же ты знаешь, что она украла?.. продолжалъ Зоринъ.

— Некому больше... вѣдь это народъ забубенный.

— Коли ты навѣрное незнаешь, такъ не имѣешь никакого права обижать ее.

— Эка-ся!.. закричала одна изъ бабъ,— вишь какой заступникъ нашелся!

— Ни што! дѣвчинка-то не дурна собой... Замѣтила другая.

Нищая съ изумленіемъ глядѣла своими большими глазами на живописца.

Въ умѣ Зорина въ тоже мгновеніе мелькнула странная, внезапная идея, заставившая его невольно улыбнуться...

— Послушай, матушка, — спросилъ онъ, обратившись къ кухаркѣ, — нѣтъ ли у тебя еще сѣрой курочки?

— Сѣрой? Нѣту-ти, батюшка; пѣтушокъ сѣренькій есть...

— Ну, такъ я знаю, куда дѣвалась твоя курочка, — отвѣчалъ Зоринъ, съ лица котораго уже не сходила веселая улыбка.

Кухарка отпустила нищую, которая продолжала съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ признательностію, смотрѣть на живописца.

— Неужто знаете, батюшка? вскричала радостно кухарка. Скажите, родимый, я вамъ въ ножки поклонюсь!.. Вѣдь я ужасти какъ любила свою курочку.

— Знать-то я знаю, гдѣ твоя курочка, только тебѣ, матушка, радости не будетъ,— отвѣчалъ живописецъ: — она вчера вечеромъ гуляла по большой дорогѣ; вдругъ наѣхалъ экипажъ, она не успѣла посторониться и была раздавлена подъ колесами...

— Ахти, свѣты! — завопили бабы.

— Я это самъ видѣлъ.

— Эка, подумаешь, жалость! — сказала одна изъ женщинъ.

Нищая не сводила глазъ съ Зорина; къ изумленію, выражавшемуся на обыкновенно безсмысленномъ лицѣ ея, присовокупилось какое-то невыразимое любопытство.

— Вотъ, видишь ли, матушка, продолжалъ Зоринъ,—я зналъ, что ты напрасно обижаешь эту дѣвушку; она ни въ чемъ не виновата...

Подемъ Өедюха!

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, женщины разошлись.

Зоринъ остался.

— Послушай, — сказалъ онъ дѣвушкѣ, — сведи меня къ Яшкѣ; я хочу съ нимъ переговорить.

Нищая не трогалась и продолжала смотрѣть на молодаго живописца. Когда тотъ повторилъ свой вопросъ, она отрицательно покачала головой. Тогда Зоринъ, бросивъ на нее взглядъ сожалѣнія, самъ пошелъ къ банѣ.

Войдя туда, онъ осмотрѣлся; никого не было.

— Яшка, произнесъ онъ громкимъ голосомъ, — выходи! или я тебя выдамъ!

Молчаніе.

— Ну, ладно,—продолжалъ Зоринъ;—вѣдь я знаю, что ты зарѣзалъ бѣлую курицу и спесъ ее толстому...

Подъ печкой послышался шумъ и, секунду спустя, оттуда показалась голова Яшки, дурачка.

— Батюшка, господинъ честной, произнесъ онъ жалобнымъ голосомъ,—помилуйте!

— Вылѣзай, вылѣзай!

Яшка вылѣзъ изъ подъ печки и на колѣняхъ остановился передъ живописцемъ.

— Яшка, — сказалъ Зоринъ, — ты мнѣ нуженъ.

— Изволь распоряжаться, кормилецъ, я твой слуга.

— Зачѣмъ же ты, негодяй, куръ воруешь?

— Нужда, отецъ родной, нужда!

— Ну, слушай, я уже выручилъ тебя, только смотри впередъ не шалить, а то я сейчасъ тебя выдамъ. Знаешь ли ты дачу Ведрина?

— Это что за трактиромъ?

— Да.

— Передняя или задняя?

— Задняя.

— Знаю, батюшка, знаю.

— Такъ приходи туда завтра утромъ.

— Помилуй, кормилецъ, ужъ не станешь ли ты меня наказывать?

— Не бойся!.. Я хочу съ тебя портретъ списать.

Мнимый дурачокъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Зорина, потомъ отвѣчалъ:

— Приду, родной, непремѣнно приду.

Молодая дѣвушка во все это время стояла за Зоринымъ и не спускала съ него глазъ, въ которыхъ выражалась искренняя признательность.

Зоринъ странствуетъ по болотамъ.

Зоринъ оглянулся, увидѣлъ ее и прибавилъ, обратившись опять къ Яшкѣ:

— И ее приведи съ собой.

Мнимый дурачокъ сдѣлалъ едва замѣтную гримасу и съ легкимъ выраженіемъ ироніи спросилъ:

— А зачѣмъ-ста я тебѣ ее приведу?

— Не спрашивай, а исполняй, что приказываютъ!

—Не слѣдъ ей, баринъ, къ тебѣ ходить, возразилъ Яшка съ нѣкоторою дерзостью, по своему объясняя себѣ требованіе молодаго живописца; но послѣдній такъ сердито взглянулъ на дурачка, что тотъ невольно опустилъ голову и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Приведу, кормилецъ, приведу.

Зоринъ готовился уже переступить черезъ порогъ, но вдругъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за руку...

Онъ оглянулся, за нимъ стояла нищая.

— Что тебѣ надо? — спросилъ Зоринъ.

Молодая дѣвушка боязливо посмотрѣла назадъ; Яшки не было: онъ остался въ банѣ; потомъ схватила руку живописца, и прижавъ ее къ своимъ губамъ, проговорила едва слышнымъ голосомъ:

— Спасибо, баринъ!..

— Какъ? Слѣдовательно ты не нѣмая? — спросилъ съ изумленіемъ Зоринъ.

Нищая вздрогнула, поблѣднѣла, оглянулась, увидѣла Яшку съ злобной усмѣшкой смотрѣвшаго на нее и, опустивъ руку молодаго живописца, покачала только головою.

Зоринъ бросилъ еще взглядъ, исполненный состраданія, на бѣдняжку и ушелъ.

— Что, Дунька, у тя никакъ язычокъ развязался? — съ ядовитой усмѣшкой спросилъ Яшка.

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

— Да ну, говори же!.. а не то, вѣдь я тебя во какъ!.. продолжалъ дурачокъ, погрозивъ ей кулакомъ.

— Что тебѣ надо?—произнесла едва слышнымъ голосомъ молодая дѣвушка.

— Пойдешь ты завтра къ этому барину?.. Вишь, небось, теперь ухмыляется... Я тѣ, знашь, какова барина дамъ!.. Пикни ты только у меня... Пойдти-то мы пойдемъ... авось удастся что нибудь стибрить!.. Ну, да ладно, бери мѣшокъ, да за дѣло...

Черезъ полчаса по деревнѣ бѣгалъ мальчишка юродивый, болтавшій всякій безсмысленный вздоръ на ломаномъ, получухонскомъ языкѣ.

Черезъ полчаса по задворкамъ ходила нѣмая дѣвушка, возбуждавшая сожалѣніе своею молодостью и истинно прекрасными чертами, не искаженными еще нищетою.

Юродивый — былъ Яшка; нѣмая—Дунька.

Лошадь ступитъ два шага впередъ, одинъ назадъ.

X.

Успокоившись на счетъ одной, самой страшной тайны, Зоринъ пошелъ домой, но уже не засталъ Топлова.

День былъ прекрасный, а потому молодому живописцу не хотѣлось приниматься за работу. По странной прихоти, онъ вздумалъ ѣхать за Рытковскими, надѣясь, что ему удастся, можетъ быть, съиграть какую нибудь шутку съ Прыщовымъ.

Чтобы объяснить нерасположеніе его къ этому человѣку, мы должны сказать, что, вопервыхъ, ему не нравилась стереотипная ядовитая улыбка и рыжіе бакенбарты его, а вовторыхъ, онъ былъ введенъ Топиловымъ къ Рытковскимъ, которые сначала приняли его очень ласково, но потомъ, по наущенію Прыщова, хозяйка дома стала обходиться съ нимъ чрезвычайно холодно, послѣ чего Зоринъ и пересталъ ходить къ нимъ; наконецъ, въ-третьихъ, хотя молодой живописецъ нѣсколько не одобрялъ любви Дмитрія Ивановича къ Евдоксіѣ Егоровнѣ, однакожъ онъ хотѣлъ также, чтобы Прыщовъ не осмѣливался преслѣдо-

вать молодаго человѣка, къ которому онъ былъ душевно привязанъ.

Къ довершенію всего, мы должны прибавить, что у Зорина была своя идея, которую онъ не повѣрялъ своему пріятелю, и по весьма понятной причинѣ: онъ весьма заботился о томъ, чтобы женить Прыщова на Евдоксіѣ Егоровнѣ, не подозрѣвая того, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ видами человѣчка съ рыжими бакенбартами, который самъ только того и домогался, но которому Евдоксія Егоровна уже два раза отказывала. Прыщовъ былъ человѣкъ терпѣливый; онъ не терялъ надежды смягчить сердце жестокой, поставивъ себѣ непремѣнной обязанностью преслѣдовать всѣхъ поклонниковъ ея.

И такъ мы уже сказали, что Зоринъ надѣялся сыграть какую нибудь шутку съ Прыщовымъ; но увы! — Кто другому яму ростъ, тотъ часто самъ въ нее попадаетъ… Истина старая, но не менѣе того вѣрная.

Не желая быть замѣченнымъ ѣхавшими въ телегахъ, живописецъ завернулъ въ сторону и ѣхалъ рысцой или, лучше сказать, довольно тяжелой рысью на своемъ пѣгомъ конѣ, лѣсомъ.

Онъ задумался; не ретивый конь воспользовался этимъ случаемъ и пошелъ шажкомъ, заворотилъ по какой-то узкой дорожкѣ и шелъ себѣ куда глаза глядятъ; а между тѣмъ сѣверное небо подернулось тучками и вскорѣ крупныя капли дождя, пробивавшіяся сквозь лиственную сѣть, подъ которой ѣхалъ Зоринъ, вывели его изъ глубокой задумчивости, въ которую онъ былъ погруженъ…

О чемъ же думалъ молодой живописецъ?

Странная вещь!.. Многія изъ нашихъ читательницъ презрительно улыбнутся, пожмутъ плечами и какъ нибудь по-французски отзовутся о Зоринѣ; но мы должны сказать правду.

Зоринъ задумался о нищей.

Да, объ нищей, о босоногой Дунькѣ, которую кухарки бранными словами гнали отъ кухонь, которую — что ужаснѣе всего! — цѣловалъ грязный Яшка!.. Но не забудьте, читательница, что Зоринъ былъ живописецъ: чудныя, рафаэлевскія формы молодой дѣвушки заставляли его забывать о прочемъ; въ грубомъ, дикомъ камнѣ онъ видѣлъ алмазъ…

Послѣдній поступокъ, послѣднее движеніе Дуньки произвели на Зорина странное, невыразимо-грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сладостное впечатлѣніе… онъ далъ бы многое, чтобы пожать руку этой молодой дѣвушкѣ, чтобы смотрѣть на нее долго, долго…

Наконецъ ему самому стало и досадно, и смѣшно. Онъ старался разогнать мысли, преслѣдовавшія его, разсѣяться; но тщетно: Богъ знаетъ, куда бы завелъ его пѣгій конь, если бъ не пошелъ дождь.

Зоринъ очнулся.

Онъ заѣхалъ въ чащу лѣса; надъ нимъ виднѣлись клочки сѣраго неба, а вокругъ лѣсъ… со всѣхъ сторонъ лѣсъ. Дорожки не было видно. Лошадь пробиралась себѣ по-маленьку, да щипала траву.

Надобно было отъискать дорогу, что было весьма трудно. По прошествіи часа, во время котораго дождь мочилъ Зорина сверху, а вѣтви деревъ, между которыми онъ ѣхалъ, безпрестанно хлестали его по лицу, угрожая на каждомъ шагу сорвать съ него шляпу, онъ выѣхалъ на нѣчто, приблизительно походившее на дорогу; но тутъ случилась новая бѣда: обширная лужа преградила ему дорогу.

Какъ ни понукалъ Зоринъ своего пѣгаго — онъ ни съ мѣста. Выведенный изъ терпѣнія, Зоринъ соскочилъ съ лошади и, схвативъ ее подъ уздцы, насильно потащилъ за собою. Но и это не много помогало: лошадь ступитъ два шага впередъ, потомъ одинъ назадъ, и опять остановится.

Вдругъ пѣгій на дыбы, (признакъ сильнаго волненія въ чухонской лошади) рванулся, чуть не сбилъ съ ногъ Зорина и пустился во весь галопъ по лѣсу.

У молодаго живописца опустились руки и, когда онъ пришелъ въ себя, то уже не видно было коня; только по временамъ слышалось вдали ржаніе его, походившее на крикъ свободы.

Послѣ неимовѣрныхъ усилій и затрудненій, Зоринъ, странствуя по сушѣ и болотамъ, пробрался на поляну — куда? — онъ самъ не зналъ.

Только вдали въ сѣромъ туманѣ виднѣлась деревня, а ближе, нѣсколько разбросанныхъ овиновъ и ригъ.

XI.

Для читателей, не любящихъ, чтобы добродѣтель была угнетаема, мы должны сказать, что не одинъ Зоринъ подвергся столь печальной участи: она постигла и Прыщова.

Въ телегѣ, въ которой онъ коварнымъ образомъ отнялъ мѣсто у Дмитрія Ивановича, отвалилось колесо. Захаръ Трифоновичъ свалился, но не ушибся. Евдоксія Егоровна усидѣла на своемъ мѣстѣ, но все-таки дальше ѣхать не было никакой возможности.

По счастію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги случился сарай, устроенный для складки сноповъ.

Евдоксія Егоровна укрылась туда съ Прыщовымъ, между тѣмъ какъ мать ея, благоразумно запасшаяся зонтикомъ, поѣхала съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ деревню, чтобы нанять другую телегу, или, по-крайней-мѣрѣ, призвать людей, для починки поврежденной.

Въ сараѣ былъ сквозной вѣтеръ, а потому Прыщовъ, собравъ остатки находившейся въ немъ соломы, свалилъ ихъ въ кучу, въ одинъ уголъ, куда и пригласилъ Евдоксію Егоровну; самъ же онъ занялъ мѣсто возлѣ нея.

— Боже мой! Какой непріятный случай!.. произнесла плаксивымъ голосомъ блондинка.

— Что вы молчите? — продолжала она, обращаясь къ человѣчку съ рыжими бакенбартами.

— Я молчу потому, что не смѣю жаловаться на случай; онъ доставляетъ мнѣ счастіе…

— Довольно, довольно! Вы мнѣ всю дорогу твердили объ этомъ счастіи.

— Ахъ, Евдоксія Егоровна, что у кого на сердцѣ, то и на языкѣ.

— У васъ должно быть чрезвычайно много злости на сердцѣ, потому что языкъ вашъ золъ.

— Отчего же?.. Оттого что я люблю правду говорить?.. спросилъ съ коварнымъ простодушіемъ Прыщовъ.

— Хороша правда!.. нетерпѣливо возразила Евдоксія Егоровна.—Ахъ, Боже мой! здѣсь кажется, течетъ на сквозь!.. Какія ужасти!

Евдоксія Егоровна встала; Прыщовъ перетащилъ солому на другое мѣсто, и оба опять заняли прежнее положеніе.

— Правда рѣдко хороша бываетъ, — продолжалъ Прыщовъ.

— Особенно, когда вы ее говорите, — возразила блондинка.

— Однако не забудьте, что я не всю правду говорю, которую знаю… напримѣръ, я знаю одну дѣвицу… я не назову ея… я знаю дѣвицу, которая познакомилась съ молодымъ человѣкомъ… въ этомъ еще ничего худаго нѣтъ, но то бѣда, что онъ, приторный франтъ, назначилъ ей свиданіе… что бы вы сдѣлали на мѣстѣ этой дѣвицы, Евдоксія Егоровна?

— Глупый вопросъ! — возразила блондинка, пожавъ плечами, потомъ прибавила: — какъ здѣсь холодно!..

— Позвольте, я накрою васъ своимъ пальто, — съ живостію сказалъ Прыщовъ.

— Не трудитесь… не нужно мнѣ вашего пальто, — презрительно отвѣчала Евдоксія Егоровна.

— Какъ вамъ угодно; но вотъ въ чемъ дѣло: молодая дѣвушка, о которой я вамъ сейчасъ говорилъ, пошла на свиданіе… вѣдь не хорошо, не правда ли?

—Перестаньте, пожалуйста; будто я не понимаю вашихъ намековъ? Но я уже сказала вамъ, и еще разъ скажу, что встрѣтилась съ Топиловымъ совершенно случайно…

— Да я объ немъ и не говорю, — съ злобной усмѣшкой возразилъ Прыщовъ; — объ немъ еще рѣчь впереди…

— О комъ же вы говорите?

— Я никого не называю по имени.

Евдоксія Егоровна вдругъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посмотрѣла на Прыщова.

— И такъ она пошла на свиданіе. Но теперь-то и начинается самое забавное въ этомъ происшествіи. Молодой человѣкъ, назначившій свиданіе, находится въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ женою одного купца, иностранца.

Блондинка съ какимъ-то страхомъ стала смотрѣть на человѣка съ рыжими бакенбартами, лицо котораго, въ самомъ дѣлѣ, имѣло въ эту минуту выраженіе сатанинской злобы.

— Что вы на меня смотрите? — спросилъ онъ улыбнувшись.

— Мнѣ холодно, проговорила Евдоксія Егоровна.

— Жаль, я не могу помочь вамъ…

— Накиньте мнѣ на плеча ваше пальто.

— Съ моими удовольствіемъ-съ.

Захаръ Трифоновичъ, исполняя желаніе блондинки, слегка коснулся плечъ ея, и потомъ, когда она сама стала плотнѣе закрывать спереди пальто, онъ пожалъ ей руку.

Евдоксія Егоровна ничего не говорила. Прыщовъ смотрѣлъ на нее сзади глазами, въ которыхъ выражалась грубая чувственность.

— Теплѣе ли вамъ теперь?—спросилъ онъ, садясь опять на солому, но уже ближе къ блондинкѣ.

Она не отвѣчала, но съ боязнію отодвинулась.

— На чемъ бишь, я остановился?.. Да, на томъ, что молодой человѣкъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ одною дамою. Дама эта чрезвычайно ревнива; она догадалась сама, а, быть можетъ, и узнала отъ кого нибудь— Прыщовъ коварно улыбнулся — о свиданіи… и сама явилась туда… Представьте же себѣ положеніе этихъ трехъ лицъ!.. Дама увидала дѣвицу, но не желая компрометировать себя, не показалась ей; она только подкараулила своего вѣроломнаго обожателя и ни на шагъ не отходила отъ него… Не правда ли, забавное происшествіе?

Евдоксія Егоровна опустила глаза и только кивнула головой.

— Вдругъ, —продолжалъ Захаръ Трифоновичъ,—дѣвица встрѣчаетъ тамъ же, въ лѣсу, другаго своего обожателя, котораго она разжаловала… Эта встрѣча была, въ самомъ дѣлѣ случайная… видите ли, Евдоксія Егоровна, я говорю только правду, чистую правду…

— Вы демонъ!—вскричала блондинка, отодвинувшись отъ Прыщова.

Онъ приблизился къ ней и продолжалъ:

— Можетъ быть… но вы должны признаться, что я демонъ скромный… Впрочемъ, такъ какъ я привыкъ говорить одну правду, то долженъ признаться, что скромность моя не безкорыстна… Извольте видѣть, я самъ люблю эту дѣвицу…

— Ахъ, Боже мой! Какъ маменька долго не ѣдетъ,

— Скоро будетъ... Я люблю эту дѣвицу, и надѣюсь, что и она со временемъ пойметъ мою любовь и согласится осчастливить меня...

— Никогда! съ живостію вскричала Евдоксія Егоровна.

— А вы почему знаете? — хладнокровно спросилъ Захаръ Трифоновичъ.

Блондинка не отвѣчала.

— И такъ, я надѣюсь жениться на ней.. съ какой же стати стану я разсказывать маленькія... шалости ея...

— Вы мнѣ противны!.. вскричала Евдоксія Егоровна, не будучи болѣе въ состояніи скрывать своего гнѣва.

— Положимъ такъ,—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Прыщовъ, между тѣмъ какъ въ груди его кипѣла злоба;—положимъ такъ... но я совѣтую вамъ, если ужъ вы не хотите любить меня, такъ скрывайте, по-крайней-мѣрѣ, ваше отвращеніе... и не забывайте, что ваше доброе имя въ моихъ рукахъ...

— Какъ! вы осмѣлились бы..?

Прыщовъ утвердительно кивнулъ головой.

— О! такой низости я отъ васъ не ожидала.

— Евдоксія Егоровна! человѣкъ, который любитъ васъ съ такимъ постоянствомъ какъ я, заслуживаетъ, чтобы вы лучше обходились съ нимъ. Да, я люблю васъ... я безъ ума отъ васъ... чтобы обладать вами, я способенъ на все... на все! Слышите-ли вы?

Произнося эти слова, Захаръ Трифоновичъ былъ страшенъ; глаза его сверкали; яркая краска выступила на щекахъ; ротъ былъ полураскрытъ; онъ весь дрожалъ; пальцы, подобно когтямъ, были протянуты къ блондинкѣ...

Она взглянула на него и задрожала... но не могла произнесть ни одного слова.

Въ сараѣ была глубокая тишина... только въ стѣны стучалъ дождь и въ нѣкоторомъ разстояніи слышалась русская пѣсня, напѣваемая веселыми голосами.

— Захаръ Трифоновичъ!—вскричала Евдоксія Егоровна, дрожащимъ голосомъ, — если вы скажете еще хоть одно слово, такъ я выбѣгу отсюда, не смотря на дождь.

— Спросите сперва, пущу ли я васъ?.. Вы забыли, что мы здѣсь одни, совершенно одни.. я никогда не любилъ васъ такъ страстно... такъ пламенно... какъ въ эту минуту...

Съ этими словами Прыщовъ все болѣе и болѣе приближался къ Евдоксіи Егоровнѣ.

Она вскочила.

— Оставьте меня!..

— Я обожаю васъ...

— Чего вы хотите отъ меня?

— Любви... любви!..

— Но я васъ ненавижу!..

— Не повторяйте этого!—съ бѣшенствомъ вскричалъ Прыщовъ.

— Оставьте меня!..

— Люблю... обожаю... люблю... говорилъ задыхающимся голосомъ Прыщовъ.

— Оставьте!.. Помогите!.. помогите!.. и Евдоксія Егоровна, вырываясь изъ объятій Прыщова, громко вскрикнула.

Вдругъ у самого входа въ сарай послышалось пѣніе... въ то же время два мужичка, повидимому, бывшіе въ гостяхъ въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ ихъ порядкомъ угостили, появились у входа.

Они остановились, разинули рты и, выпуча глаза, глядѣли на блондинку и человѣчка съ рыжими бакенбартами, краснаго какъ ракъ, и со страхомъ отскочившаго отъ Евдоксіи Егоровны.—Помогите, хотѣла-было вскрикнуть послѣдняя, но Прыщовъ успѣлъ схватить ее за руку и произнесъ скоро:

— Ваше доброе имя въ моихъ рукахъ...

Евдоксія Егоровна замолчала и въ изнеможеніи опустилась на солому.

Одинъ мужикъ посмотрѣлъ на другаго.

— Что этто-такое?.. спросилъ онъ.

— Бара, — отвѣчалъ другой.

— Такъ-съ... а зачѣмъ они здѣсь?.. и потерявъ равновѣсіе въ то самое время, когда онъ хотѣлъ указать на блондинку и Прыщова, мужикъ показалъ въ другой уголъ.

— А... тебѣ... что за дѣло?.. отвѣчалъ другой, столь же не твердый на ногахъ.

— Такъ-съ... хлѣбъ да соль, баринъ!

— Не что... не что... они ѣдятъ?

— Пожалуй... ка намъ... таво... на чай?

— Пошелъ, пошелъ, пьяница!—съ досадой закричалъ Захаръ Трифоновичъ.

— Пьяница?.. Нѣтъ, врешь!.. я не пьянъ... сегодня праздникъ...

— Подемъ, Ѳедюха!..

— Не пойду!.. нѣтъ... я не пьяница... а коли ты... хорошій баринъ... такъ дашь на чай...

— Да ну же, подемъ!

И второй мужикъ, менѣе пьяный, увлекъ своего товарища, продолжавшаго просить на чай...

Евдоксія Егоровна сидѣла на соломѣ, со слезами на глазахъ.

Захаръ Трифоновичъ, закрывъ лицо обѣими руками, погрузился въ размышленіе...

П. Ф—нъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Графъ Васильевъ, Графъ Гурьевъ и Графъ Канкринъ. — Н. И. Хмѣльницкій. — Новое изданіе сочиненіе Державина. — Ханъ Джангеръ. — Несчастные случаи. — Книги И. П. Шульгина и П. И. Дегая.

═

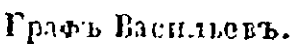
Похороны, погребеніе — имѣютъ совершенно различное значеніе, смотря по тому, кого хоронятъ. Если несутъ гробъ мужа, украшеннаго государственною заслугою, застигнутаго смертію уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ душѣ провожающихъ воздвигаются благоговѣйныя воспоминанія, память исчисляетъ подвиги и заслуги покойнаго. Похороны всегда обрядъ грустный, но въ этихъ случаяхъ онъ принимаетъ видъ торжественный, величественный. Таковы были похороны графа Егора Францовича Канкрина, бывшаго министра финансовъ. Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ своимъ присутствіемъ обрядъ отпѣванія, и изволилъ провожать тѣло графа Канкрина. Отпѣваніе происходило въ реформатской церкви, въ Большой Конюшенной, погребеніе на Смоленскомъ кладбищѣ. Министерство финансовъ возникло у насъ вмѣстѣ съ другими министерствами, въ началѣ царствованія Александра I. Первымъ министромъ финансовъ былъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильево, сынъ сенатскаго секретаря, родившійся въ 1742-мъ году. Случай могъ только указать на незамѣтнаго бѣднаго чиновника, которому суждено было устроить многія и весьма сложныя части государственнаго управленія. Служа тамъ же, гдѣ служилъ и покойный отецъ, Васильевъ исправностью, смѣтливостью и огромными способностями обратилъ на себя вниманіе генералъ-прокурора Глѣбова, а при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, назначенъ правителемъ его канцеляріи.—Васильевъ до того умѣлъ пріобрѣсти уваженіе князя Вяземскаго, что князь женилъ его на родной племянницѣ, княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Урусовой.

Тогда ему было 28 лѣтъ. Возвышеніе Васильева пошло быстро; заслуги его оправдывали. Онъ составилъ государственную окладную книгу, и сводъ законовъ по финансовой части. До 1791 года Васильевъ управлялъ, можно сказать, всею финансовою частію; но со вступленіемъ графа Самойлова въ должность генералъ-прокурора, Васильевъ былъ назначенъ директоромъ медицинской коллегіи. Заслуги его и по этой части многообразны и многочисленны. Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, Васильевъ назначенъ былъ государственнымъ казначеемъ и членомъ государственнаго совѣта; вслѣдъ затѣмъ пожалованъ титломъ барона, но въ 1800 году уволенъ отъ службы. Императоръ Александръ I, въ самый первый день восшествія на престолъ, поручилъ барону Васильеву всѣ прежнія должности, а въ день коронаціи возвелъ его въ графское достоинство. Графъ Васильевъ, первый министръ финансовъ, скончался 15 августа 1807 года. Незабвенны слова Благословеннаго, которыми Государю было угодно почтить графа Васильева всенародно, въ указѣ, данномъ Сенату 18 августа 1807 года, и позднѣйшая исторія не могла бы полнѣе и ярче выразить характеристику знаменитаго министра. «Въ 15 день сего мѣсяца, къ крайнему прискорбію нашему, смерть прекратила, посвященную болѣе 50-ти лѣтъ службѣ отечества, жизнь нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и министра финансовъ графа Васильева. Неутомимая дѣятельность, ревностнѣйшее усердіе къ пользамъ отечества, особенныя способности и знаніе въ дѣлахъ государственныхъ, достойно возвели его съ начальныхъ степеней службы до управленія одною изъ важнѣйшихъ частей государственнаго хозяйства, и въ самомъ образованіи и устроеніи коей имѣлъ онъ ближайшее участіе въ царствованіе блаженной памяти Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II. Со вступленія на престолъ въ Бозѣ почивающаго родителя Нашего и въ царствованіе Наше, управляя всѣми отраслями государственныхъ доходовъ и расходовъ, неусыпными трудами своими, содержалъ онъ многочисленную часть сію, не только въ строжайшемъ порядкѣ и цѣлости, но со времени образованія министерствъ, вновь устроилъ ввѣренный управленію его департаментъ, присовокупя къ оному новые источники доходовъ, и въ самыя трудныя времена, при чрезвычайныхъ государственныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытностію своею, избирая наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣйствовалъ тѣмъ къ облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ. Сверхъ таковыхъ достоинствъ и заслугъ государственнаго человѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина. И по всѣмъ симъ отношеніямъ, пріобрѣвшимъ ему всеобщее уваженіе и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ быть въ памяти признательнаго отечества.»

Память великихъ людей земли Русской не умретъ; но мы, при случаѣ, не считаемъ излишнимъ освѣжать объ нихъ воспоминанія, словомъ и лицеизображеніемъ.

При всѣхъ усиліяхъ нашихъ, въ такое короткое время мы не могли собрать достаточныхъ свѣдѣній о преемникахъ графа Васильева, и должны ограничиться на сей разъ только помѣщеніемъ портрета графа Гурьева.

Послѣ графа Гурьева, министромъ финансовъ въ Россіи былъ графъ Канкринъ. Служеніе графа Егора Францовича и заслуги его, намъ современныя, каждому извѣстны; почему и не входимъ въ ихъ исчисленіе. Но полагаемъ, что жизнь графа Канкрина до пріѣзда его въ Россію не каждый знаетъ, и потому заимствуемъ объ этомъ періодѣ свѣ-



Графъ Васильевъ.

Графъ Гурьевъ.

дѣнія изъ иностранныхъ источниковъ. Графъ Канкринъ родился въ Ганау въ 1773 (?) году. Отецъ его былъ въ гессенской службѣ директоромъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и почитался весьма хорошимъ писателемъ, по части технологіи; впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ Россію, при Императрицѣ Екатеринѣ; ему поручены были соляные промыслы въ Старой Руссѣ. Е. Ф. Канкринъ, между тѣмъ, окончивъ курсъ наукъ въ Ганауской гимназіи въ 1790 году, поступилъ въ университетъ въ Гиссенъ, по юридической части, а потомъ (1794) перешелъ въ Марбургскій. По окончаніи курса, Е. Ф. Канкринъ отправился въ 1796 году въ Россію къ отцу, и тутъ вотупилъ на службу, которая возвысила его на первую степень государственнаго значенія. — Графъ Егоръ Францовичъ извѣстенъ также какъ писатель, даже по части изящной литературы. Ему приписываютъ сочиненіе романа «Дагобертъ», изданнаго въ Альтонѣ въ 1797. Въ 1822 — 1825 г. изданъ въ Петербургѣ трактатъ, сочиненія графа Канкрина, о военной экономіи во время мира и войны и о взаимныхъ ея отношеніяхъ съ военными операціями (3 части). Нѣсколько позже — трактатъ объ Архитектурѣ — и нѣкоторыя другія. Не сомнѣваемся, что жизнь сего государственнаго и ученаго мужа найдетъ знающаго историка.

Графъ Е. Ф. Канкринъ.

На предпрошедшей недѣлѣ, какъ мы имѣли случай увѣдомить, и русская литература понесла чувствительную утрату. Скончался Николай Ивановичъ Хмѣльницкій. Теперь, въ этотъ вѣкъ простодушныхъ и умышленныхъ сомнѣній, не только не заботятся о томъ, какъ бы умножить литературную славу Россіи, но хлопочутъ о томъ, какъ бы разрушить вѣру въ достоинства тѣхъ людей, которые съ успѣхомъ и честію служили отечественнымъ музамъ. Такое направленіе окажетъ неминуемо вредное вліяніе на молодое поколѣніе, которое только по одной неопытности, только по желанію, весьма естественному, быть умнѣе не по лѣтамъ, радо каждой филиппикѣ противу заслуженныхъ въ литературѣ лицъ — не только читаетъ, но заучиваетъ и повторяетъ всѣ эти нелѣпости, чтобы другіе сказали: Ай, да поколѣніе! Знать, оно ужасно умно, когда такъ рѣзко и дерзко смѣется надъ тѣмъ, къ чему обязано благоговѣніемъ. Заслуги Державина, Дмитріева и Карамзина уже не признаются, не оцѣниваются, какъ слѣдуетъ. Ихъ слава остается священною, ихъ достоинства понятны и дороги только для производителей, знакомыхъ съ художественнымъ трудомъ. Все прочее хулу глаголетъ. Послѣ этого какъ говорить о заслугахъ Н. И. Хмѣльницкаго? — Но мы не можемъ, не должны сообразоваться съ случайнымъ недугомъ нашей литературы и съ благодарнымъ воспоминаніемъ обязаны отдать справедливость таланту Хмѣльницкаго. Онъ родился въ С. Петербургѣ 1791-го года, первоначально учился у родственника своего и литератора Эмина, потомъ въ горномъ корпусѣ. Служилъ въ военной и гражданской службѣ; достигъ до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника; былъ начальникомъ губерніи, но во все время службы не оставлялъ и музъ. Хмѣльницкій написалъ оригинальнаго мало: двѣ комедіи: Воздушные Замки и Нерѣшительный, и водевиль Карантинъ; большею частію онъ передѣлывалъ иностранныя піэсы и передѣлывалъ мастерски: Говорунъ, Бабушкины попугаи, Суженаго конемъ не объѣдешь и Шалости влюбленныхъ — это такія передѣлки, которыя стоятъ оригинальныхъ піэсъ. Первый опытъ литературный Хмѣльницкаго былъ переводъ трагедіи Зельмира. Кромѣ этого, Хмѣльницкій передѣлалъ оперу: Весь день въ приключеніяхъ, и Фаварову пародію на Ифигенію въ Тавридѣ, подъ названіемъ: Греческія бредни. — Въ послѣднее время онъ жилъ въ кругу друзей и занимался все еще литературой... За исключеніемъ статьи, напечатанной въ III томѣ Ста Русскихъ Литераторовъ, осталось еще не

Н. И. Хмѣльницкій.

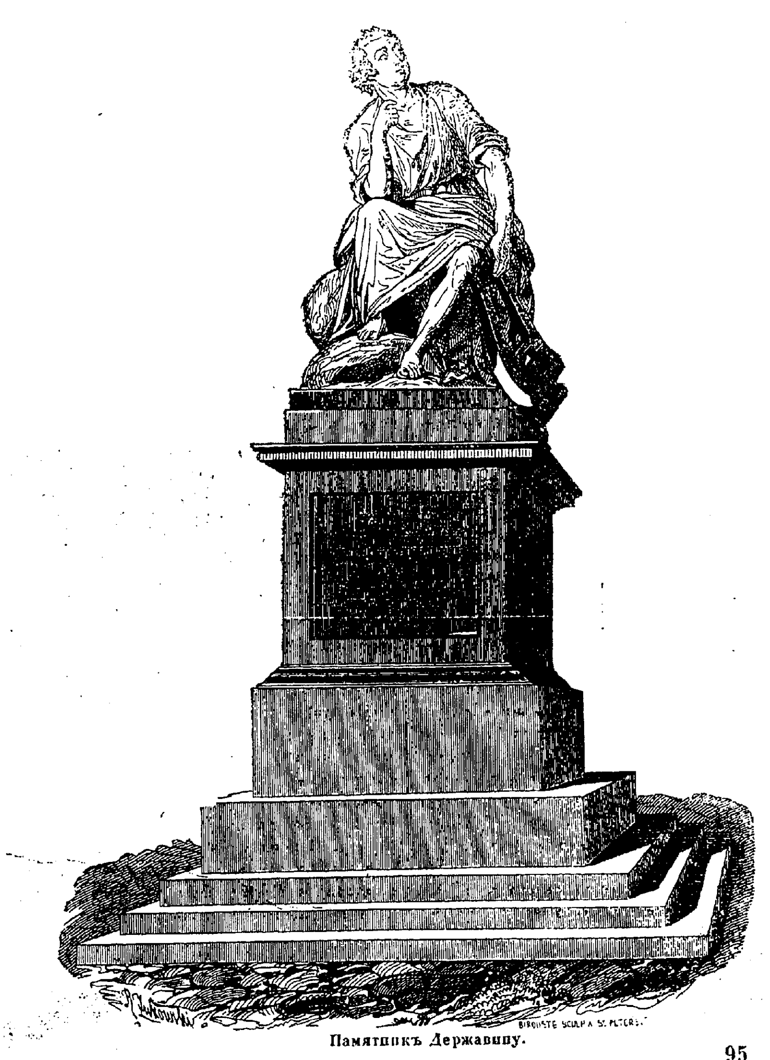
тывающагося въ Пажескомъ Корпусѣ и уволеннаго въ отпускъ по случаю болѣзни матери ханши Фатимы. Къ 15 августа велѣно было всѣмъ ауламъ собраться на Торгунъ къ лѣтней ставкѣ хана, гдѣ назначена была скачка на лошадяхъ и верблюдахъ; начали съѣзжаться туда гости со всѣхъ сторонъ, какъ вдругъ ханъ Джангеръ, снѣдаемый грустію о болѣзни любимой жены и простудившись, захворалъ, слегъ, и послѣ семидневной горячки умеръ, отъ апоплексическаго удара, 11 августа въ $6^1/_2$ час. по полудни, на 42 году отъ рожденія. По обычаю, безъ пышности похоронили хана въ 10 верстахъ отъ лѣтней ставки, надъ могилой построили хранину, куда Киргизы сходятся творить молитвы по усопшемъ. Киргизы любили его и съ непритворною горестію проводили въ могилу; управляя ханствомъ 22 года, ханъ Джангеръ старался о смягченіи нравовъ киргизскихъ, самъ давно уже бросилъ кибитку, жилъ по-европейски и пріучалъ къ осѣдлой жизни Киргизовъ. Онъ былъ возведенъ въ чинъ генералъ-маіора русской службы и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., Императорскою короною и алмазами украшеннымъ. Заимствуя эти подробности изъ Саратовскихъ Вѣдомостей, сожалѣемъ, что не можемъ въ этомъ же нумерѣ представить портрета покойнаго хана.

— Въ обширной Россіи, кромѣ военныхъ дѣйствій за Кавказомъ, не принадлежащихъ къ области Иллюстраціи, нѣтъ никакихъ особенно занимательныхъ извѣстій; города строятся, хорошѣютъ; напримѣръ Казань, Кіевъ и другіе; вездѣ обычныя забавы, урочныя гулянья; особенныхъ происшествій мы не замѣтили, кромѣ трехъ несчастныхъ случаевъ, которые и сообщимъ читателямъ. На озерѣ Кабанѣ, трое мусульманъ рыли песокъ въ глубокой ямѣ; пещера обрушилась...

мало сочиненій, которыя, вѣроятно, будутъ изданы вмѣстѣ съ прежними, изъ коихъ многія покажутся теперь новостью, потому что напечатаны никогда не были. Н. И. Хмѣльницкій обладалъ легкимъ, пріятнымъ языкомъ. Его нельзя назвать комикомъ, потому что онъ не поражалъ общественные недостатки ѣдкимъ сарказмомъ или живымъ сценическимъ изображеніемъ; нельзя его отнести и къ разряду водевилистовъ, или сочинителей комедій, основанныхъ только на странномъ сцепленіи обстоятельствъ. Нѣтъ; Хмѣльницкій въ своихъ комедіяхъ — пріятный, остроумный, увлекательный собесѣдникъ. Вы заслушаетесь, улыбка не сойдетъ съ вашего лица, пока актеры разсказываютъ его піэсу. Въ естественности разговорнаго языка Хмѣльницкій не уступитъ никому изъ нашихъ комиковъ. Всѣ піэсы его были играны на театрѣ; нѣкоторыя съ большимъ успѣхомъ. — Никто не проситъ гонителей русской литературы, чтобы они ставили Хмѣльницкаго на одну ступень съ Мольеромъ, но справедливость отдать бы слѣдовало. Искренно желаемъ видѣть и читать полное собраніе сочиненій Н. И. Хмѣльницкаго. Филиппики нашихъ критиковъ отживутъ свое время; тѣ, которые нынѣ увлекаются ими, подростутъ, остепенятся, опомнятся. Хмѣльницкій займетъ свое законное мѣсто въ литературѣ. И вотъ, примѣръ Державина — лучшее тому доказательство...

— Которое это изданіе сочиненій Державина вышло теперь вновь, съ тѣхъ поръ, какъ стали пытаться разорвать вѣнецъ его, который тверже металловъ? И каждое раскупается, и всѣ слѣдующія будутъ имѣть успѣхъ, пока на этомъ свѣтѣ будутъ говорить по-русски. Это компактное изданіе роскошно; украшено отлично-гравированнымъ потретомъ поэта и деревянными гравюрами. Прилагаемъ видъ памятника, украшающій заглавный листъ. Прибавимъ еще, что это роскошное изданіе весьма дешево — всѣ сочиненія Державина стоятъ три рубля серебромъ.

Во глубинѣ Россіи, въ степяхъ, между Ураломъ и Волгою, смерть, какъ извѣстно, умножила некрологъ нашъ еще одной жертвой. Во внутренней Букеевской ордѣ, по назначенію хана готовились къ празднествамъ по поводу прибытія туда изъ Петербурга ханскаго сына и наслѣдника, Сагибъ Гирея, воспи-



Памятникъ Державину.

лась; двое выпуты мертвыми; одинъ, можетъ быть, останется въ живыхъ. Въ Торопецкомъ уѣздѣ крестьянинъ Михайловъ засѣлъ въ овсѣ на медвѣдя. Поздно ввечеру услышавъ шорохъ и полагая, что идетъ ожидаемый звѣрь, выстрѣлилъ и убилъ на поваль крестьянина Яковлева, а другаго, Васильева, тяжело ранилъ. Оба случайно шли изъ лѣса, откуда Михайловъ ждалъ медвѣдя. Третій случай: мы недавно сообщали о странныхъ близнецахъ, родившихся во Франціи. У насъ, въ Олонецкой губерніи, крестьянка Мокшина разрѣшилась мертвымъ уродомъ съ двумя головами, тремя руками, двумя ногами, а что всего удивительнѣе, съ наростомъ въ видѣ хвоста.

— О разныхъ искуствахъ, художествахъ, литературѣ у насъ теперь начинаютъ говорить больше; но больше ли для того предметовъ? И тѣ, какіе есть, — въ перспективѣ. Пусть себѣ, что хотятъ говорятъ наши противники, — пусть сочиняютъ себѣ письма о грамматическихъ ошибкахъ, которыя должно считать ошибками только по мнѣнію этихъ господъ грамматиковъ, не знающихъ впрочемъ грамматики; мы не станемъ ни опровергать ихъ лживыхъ нападокъ, ни указывать на безчисленныя ихъ собственныя ошибки, не только противу грамматики, но и логики. Мы вредить никому не желаемъ, не такъ созданы; нѣтъ, все это не существуетъ для Иллюстраціи. — Она съ любовію ищетъ только полезнаго, добраго, изящнаго... Вотъ это ей нравится. Вотъ, по этому ей понравился и вальсъ г. Ломакина, и книга И. П. Шульгина:» Изображеніе характера и содержанія новой исторіи.

— Книги ученыя — книги полезныя. Это обозрѣніе, распространившееся уже во многихъ изданіяхъ по всей Россіи, не можетъ, не могло не принести положительной пользы. Оно не похоже на нѣкоторыя пресловутыя философскія исторіи, въ которыхъ факты надо ловить какъ щепки въ океанѣ разсужденій и предположеній. Этотъ трудъ, напротивъ, основанъ на положительныхъ фактахъ; тутъ каждая строчка — итогъ послѣдствій отъ извѣстнаго событія. Многія главы этой картины мы перечитали вновь съ прежнимъ удовольствіемъ. Съ такимъ же удовольствіемъ мы смотримъ и на такія сочиненія, которыя, съ устраненіемъ всякихъ философій, прямо приспособлены къ дѣйствительной потребности времени; напримѣръ: первое и важнѣйшее для каждаго человѣка есть его семейный бытъ, а у насъ много ли сочиненій, которыя бы удовлетворяли первоначальнымъ потребностямъ по части образованія дѣтей, по части леченія обыкновенныхъ болѣзней, по части, наконецъ, юридической? Пока найдешь учителя, врача, стряпчаго, что станетъ дѣлать, въ случаѣ нужды, тотъ, кто обстоятельствами удаленъ отъ столицъ и большихъ городовъ? Вотъ почему мы всегда съ признательностію встрѣчаемъ сочиненія, подобныя книгѣ тайнаго совѣтника П. И. Дегая, подъ заглавіемъ: Указатель законовъ для сельскихъ хозяевъ. Кто изъ посвятившихъ себя государственной службѣ помѣщиковъ не сознается, что изучивъ многое для свѣтской жизни и возвратясь къ пенатамъ своего помѣстья, не былъ въ затрудненіи, когда управляющій его имѣніемъ искалъ у него совѣта по судебнымъ случаямъ, относящимся къ сельскимъ правамъ и обязанностямъ? Много есть помѣщиковъ, которые очень хорошо знаютъ, что дѣлалось у Аѳинянъ и Римлянъ, которые изучили гражданское устройство Англіи и Пруссіи и не умѣютъ управлять своимъ имѣніемъ, собственно только потому, что не знаютъ законовъ, ограждающихъ ихъ права, указующихъ обязанности. Вотъ почему книга, о которой говоримъ, кладъ для помѣщиковъ. Болѣе 700 экз. уже разошлось. Насъ увѣряли, что по губернскимъ городамъ многіе, въ нетерпѣніи имѣть эту книгу, платили за экземпляръ вдвое, втрое. — По узаконенія не рѣдко могутъ, должны измѣняться. Книга можетъ въ извѣстный срокъ сдѣлаться не современною; въ предупрежденіе этого, авторъ предполагаетъ издавать дополненія, и, сколько намъ извѣстно, присоединять къ нимъ разныя полезныя хозяйственныя свѣдѣнія.

—Какъ не желать, чтобы этотъ полезный примѣръ имѣлъ подражателей и по другимъ частямъ сельской жизни.

— Театральныя новости отнынѣ будутъ помѣщаться въ особомъ отдѣленіи, которое мы назвали Театральнымъ Вѣстникомъ. Здѣсь же мы должны отдать краткій отчетъ за прошедшую недѣлю — и признаться, эта обязанность приводитъ насъ въ смущеніе. Обязанность щекотливая. Редакторъ самъ когда-то писалъ для театра, и потому отзывы наши о трудахъ другихъ драматическихъ писателей, если не понравятся противникамъ Иллюстраціи, могутъ обратить на него лично стрѣлы досужихъ остряковъ и грамматиковъ. Мы рѣшились разборъ театральныхъ піэсъ поручить особому сотруднику, и не стѣснять его мнѣнія нашимъ, наблюдая только за тѣмъ, чтобы тонъ его статей вполнѣ согласовался съ принятыми въ этомъ отношеніи правилами Иллюстраціи.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Европейскіе выходцы.—Наводненія въ Венгріи.—Пожаръ въ Ліонѣ.—Способъ тушить пожары Леметра. — Средство уничтожать шумъ при движеніи поѣздовъ по желѣзной дорогѣ.—Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на театръ. — Еще о геліостатѣ Зильбермана.—Таблицы Урана. — Мейербееръ въ Парижѣ.— Страделла.—Брейтингъ.

Въ Европѣ такая тѣснота, что людямъ дѣваться некуда. — Племя людское размножается. Войны совсѣмъ нѣтъ, а болѣзни, въ родѣ холеры, и рѣдки и малоистребительны; такъ дошло до того, что въ провинціяхъ средиземныхъ человѣчество какъ въ бочкахъ. Естественно, что отъ избыточнаго многолюдства и бѣдность растетъ и разгоняетъ нищихъ по всему земному шару искать земли, возможности къ пропитанію. А гдѣ же искать этой земли? Само собою разумѣется, въ Америкѣ, въ Австраліи; тамъ еще есть пустыни, обѣщающіе нѣкоторыя средства къ безбѣдному существованію. Болѣе всего выходцевъ изъ Германіи. Возьмемъ одинъ Бременъ. По свидѣтельству журналовъ, оттуда съ 1833 по 1835 годъ уѣхало искателей приключеній, земли и средствъ къ жизни, 9,000 человѣкъ. Съ 1839 по 1842— уже 13,000, а въ одномъ 1844 году на парусахъ надежды въ эти заморскія страны отплыло 19,000 человѣкъ. — Куда же стремятся эти выходцы? Въ Нюйоркъ, Филадельфію, Балтиморе, Новый Орлеанъ. Въ нынѣшнемъ году отъѣзжающихъ выходцевъ было ужасно много. Въ одномъ апрѣлѣ 6,000 человѣкъ ждали уже случая отправиться въ Южную Австралію, потому что выходцы 1839 года пишутъ чудеса о своемъ новомъ отечествѣ, особенно о Сиднеѣ. — Больше всего выходцевъ изъ Вестфаліи, именно изъ Оснабрюка и Миндена; потомъ изъ Гессена, далѣе изъ Баваріи, наконецъ, изъ Тюрингена. Изъ одного Бремена уѣхало болѣе 100,000 человѣкъ. Каковъ же долженъ быть итогъ на всегда оставившихъ Европу, если вспомнимъ, что переселенцы отправляются также изъ Гамбурга, Лондона, Голландіи и Бельгіи! Свѣтъ спѣшитъ жизнію. Въ короткое время дикія племена останутся только воспоминаніями. Въ мирное время Европа можетъ заселить весь земной шаръ съ небольшимъ въ два столѣтія. — Что же будетъ послѣ?

— Впрочемъ, въ настоящемъ году и не удивительно, что такое множество людей оставило Европу. Она на себя не похожа. Огонь и вода раззорили и достаточныхъ; такъ ужъ что оставалось дѣлать бѣднымъ? Давно ли еще вся Венгрія была покрыта водою; жатвы уничтожены, деревни снесены; несчастіе огромное, народное; не мало людей погибло... Небольшіе ручьи, которыхъ презирали дѣти, уничтожали достатокъ многихъ тысячь; голодъ почти повсемѣстный. Въ одномъ городѣ сорвало мостъ и тридцать человѣкъ упало въ воду; вдругъ на поверхности воды заплавало множество шляпъ; берега огласились криками отчаянья, которые вскорѣ обратились въ громкій хохотъ. Шляпы эти не покрывали еще человѣческой головы: вѣтеръ унесъ ихъ изъ мастерской шляпочной фабрики и бросилъ, для смѣху, въ воду... Водевиль послѣ трагедіи.

— Въ Ліонѣ также былъ пожаръ и также на водѣ. Загорѣлись барки съ съѣстными припасами. Пожаръ былъ довольно значителенъ, потому что на пути пламя захватило деревяный мостъ. Впрочемъ тѣмъ и кончилось. Городъ уцѣлѣлъ.

— Пожары на водѣ и поблизости отъ воды, казалось бы, должны заключать менѣе опасности, а между тѣмъ въ Тулонѣ вода ничего не помогла. По этому случаю, г. Леметръ, директоръ телеграфовъ въ Тулонѣ, предлагаетъ способъ гасить подобные пожары, не заливая огня водою, а бросать горящія бревна и доски въ воду. Но для этого самая складка строеваго лѣса должна быть устроена наклонно къ водѣ, такъ что, если бы веревочные узлы ихъ не связывали, то лѣсъ самъ повалился бы въ воду. Тогда, въ случаѣ огня, весьма легко, уничтоживъ узлы, обрушить весь лѣсъ въ воду.

— Несчастіе есть опытъ; и правду сказать, только одинъ опытъ развиваетъ человѣческую изобрѣтательность. У одного путешественника заболѣли уши отъ ужаснаго шума, происходящаго отъ тренія колесъ о рельсы на желѣзныхъ дорогахъ. Съ больными ушами, онъ придумалъ средство уничтожить этотъ шумъ; средство простое и не дорогое, а именно: обтянуть обѣ стороны колеса листовымъ желѣзомъ, а пустоты наполнить древесными опилками; треніе умягчится и колеса будутъ двигаться безъ малѣйшаго шума. Standard увѣряетъ въ дѣйствительности этого средства, а мы, безъ всякой критики, передаемъ это изобрѣтеніе на благоусмотрѣніе читателей...

— Донынѣ желѣзныя дороги находили противниковъ только въ самомъ простомъ классѣ людей; теперь начинаютъ возставать противу нихъ и люди образованные, увѣряя, напримѣръ, не безъ вѣроятности, что учрежденіе желѣзныхъ дорогъ, въ высшей степени полезное для государствъ обширныхъ, какъ на пр. Россія, вредно для небольшихъ владѣній, изъ коихъ сложена, напр., Германія. Это въ отношеніи государственной экономіи. Теперь возстаютъ противу желѣзныхъ дорогъ и въ отношеніи къ театру, потому что: 1) театры потеряютъ постоянныхъ слушателей; заслуженные актеры приверженцовъ; 2) Между артистами разовьется страсть къ безпрерывному путешествію, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ гостя можно гораздо болѣе заработать, чѣмъ по служенію постоянному; и въ 3) отъ этого безпрерывнаго переселенія артистовъ, ни на одномъ театрѣ не будетъ хорошаго ансамбля. И тутъ вредъ для театра будетъ только имѣть мѣсто въ Германіи и Италіи, потому что тамъ на каждомъ шагу городъ, въ каждомъ городѣ театръ, а у насъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Одессу и по желѣзной дорогѣ не близокъ путь. У насъ желѣзныя дороги будутъ служить государственнымъ пользамъ, а не прихотямъ легкомысленной страсти шататься по бѣлу свѣту.

— Въ первомъ нумерѣ Иллюстраціи мы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о геліостатѣ Зильбермана. Теперь онъ сдѣлалъ въ своемъ инструментѣ весьма важныя улучшенія, вслѣдствіе которыхъ нѣтъ надобности въ предварительномъ опредѣленіи времени: оно само собой опредѣляется; и геліостатъ можно приводить въ дѣйствіе ровно въ двѣ минуты. Улучшенія безъ чертежей будутъ мало понятны, и если мы ихъ достанемъ, непремѣнно передадимъ нашимъ читателямъ. Теперь же отъ солнца перейдемъ къ его планетамъ.

— Ужъ кажется, что можетъ быть точнѣе и безошибочнѣе математики. Но увы! въ высшей части математическихъ наукъ, именно, въ астрономіи, самыя огромныя математическія ошибки. Г. Буваръ перевѣрилъ таблицы Урана и нашелъ, что онѣ ни къ чему не годны. Уранъ открытъ Гершелемъ въ 1781 году. Г. Буваръ передѣлалъ

свои исчисленія нѣсколько разъ, и наконецъ остановился на четырнадцатомъ. Онъ самъ говоритъ, что и въ этихъ таблицахъ есть разницы въ 7'', но эти разности между теоріей и наблюденіями должно приписать — чему вы думаете?—другой невидимой планетѣ, которая сбиваетъ Урана съ пути... Бѣдная астрономія! Но впрочемъ не примите нашей шутки за обвиненіе! Уранъ такъ далеко, что наблюдать его очень трудно; и что удивительнаго, если въ измѣреніи безконечныхъ пространствъ оказались ошибочки, когда мы, тутъ долу, въ 37-ми губерніяхъ, при тщательнѣйшемъ измѣреніи, потеряли 208 квадратныхъ миль, пространство, на которомъ можно помѣстить любое великое герцогство.

—Мейербееръ въ Парижѣ! Его видѣли на тюльерійскихъ булеварахъ, у Ротшильда, у прусскаго посланника, словомъ, вездѣ, кромѣ Оперы. Французы удивляются... А намъ кажется, что отъ музыки можно отдохнуть только въ Парижѣ... Мейербееръ, послѣ огромныхъ музыкальныхъ торжествъ, послѣ трудовъ и хлопотъ, пріѣхалъ отдохнуть въ Парижъ, потому что тамъ нѣтъ ничего такого, что бы могло соблазнить музыкальное любопытство. Пожалуй, онъ поставитъ тамъ и одну изъ двухъ своихъ оперъ, но, разумѣется, если ему заплатятъ дорого...

— Въ Германіи, по прежнему, Страделла, опера Флотова, возбуждаетъ общее любопытство. Сюжетъ самый музыкальный. Сколько прекрасныхъ миѳовъ создала древность о силѣ вліянія музыки. Разсказываютъ, что положено было убить Перголези тотчасъ послѣ перваго исполненія его Stabat Mater. Но убійца услышалъ чудные звуки и кинжалъ выпалъ изъ рукъ его. Съ пѣвцомъ Страделлой, жившимъ въ 17, вѣкѣ случилось то же. Разбойники были подкуплены, чтобы убить его на Кампанеллѣ, дачѣ, возлѣ Рима, гдѣ жилъ пѣвецъ. Но услышавъ какъ онъ поетъ Гимнъ Маріани, разбойники отказались отъ непріятнаго порученія. Изъ этого сюжета Дейнгардштейнъ сдѣлалъ хорошенькую повѣсть, докторъ Ремеръ — драму, Нидермайеръ въ Парижѣ — оперу, а Флотовъ по этому же самому либретто написалъ музыку вновь. Флотовъ, сынъ помѣщика въ Тейтендорфѣ, близь Ростока, род. въ 1812 г. Замѣтивъ музыкальныя способности сына, Флотовъ повезъ его въ Парижъ, гдѣ онъ учился композиціи у знаменитаго Рейхи, возвращался оттуда на родину на короткое время и опять учился у Рейхи до 1832 года. Тогда онъ написалъ первую оперу «Петръ и Екатерина» представленную съ успѣхомъ на придворномъ театрѣ въ замкѣ Людвиглюстъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ положилъ на музыку стихотвореніе Кернера «Bergknappen»; потомъ, уже въ Парижѣ, написалъ оперы «Роброй и Алису.» Послѣдняя игралась во весь сезонъ на театрѣ St'Honoré и утвердила славу композитора. За тѣмъ онъ написалъ оперу: La duchesse de Guise и 2 и 3 акты оперы: Le naufrage de la Méduse, которая на театрѣ de la Renaissance выдержала 54 представленія. Послѣ того онъ написалъ еще оперы le Forestier, l'esclavage de Camoëns, музыку къ балету Леди Генріэта и, наконецъ,—Страделлу. Не правда ли, что послѣ такихъ успѣховъ и такого множества сочиненій, успѣхъ Страделлы заставляетъ желать, какъ бы ее и намъ послушать.

— Г. Брейтингъ, который пѣлъ и у насъ, къ сожалѣнію, не долго,—теперь въ Дармштадтѣ приводитъ слушателей въ восхищеніе.

ОБЪ УСТРАНЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ НЕУДОБСТВЪ ТОРЦЕВЫХЪ МОСТОВЫХЪ.

Во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ исправное содержаніе мостовыхъ составляетъ предметъ постоянныхъ попеченій начальства Чѣмъ больше и многолюднѣе городъ, чѣмъ значительнѣе въ немъ разстоянія, тѣмъ обширнѣе торговая и промышленная дѣятельность, тѣмъ нужнѣе становится хорошая мостовая, такъ, что если въ маленькихъ городахъ она составляетъ собственно предметъ роскоши и щегольства, то въ столицахъ, какъ Парижъ, Петербургъ, Лондонъ, потребность эта дѣлается уже столь же чувствительною и необходимою, какъ освѣщеніе и чищеніе улицъ, снабженіе домовъ водою и т. п.

Самый прочный и дешевый матеріалъ для мостовыхъ есть, конечно, *камень*, преимущественно, гдѣ его имѣть можно, булыжникъ и гранитъ: послѣдній наиболѣе для тротуаровъ. Но каменная мостовая неудобна тѣмъ, что на ней, при частой ѣздѣ, образуется пыль, вредная для глазъ и груди, что она очень тряска и тѣмъ непріятна для ѣдущихъ, и что она чрезвычайно портитъ экипажи. Эти неудобства, кромѣ перваго, пыли, не столь чувствительны по шоссе, но шоссе за то требуетъ слишкомъ частыхъ и едва ли не безпрестанныхъ починокъ; сверхъ того, на немъ послѣ дождей дѣлается грязь весьма порядочная.

Несравненно пріятнѣе для ѣздоковъ и безвреднѣе для экипажей, во всѣхъ отношеніяхъ — мостовыя *деревянныя*, и именно тотъ родъ, который, подъ названіемъ *торцовой*, встрѣчаемъ во многихъ улицахъ Ст.-Петербурга. По будучи устроена въ томъ видѣ, въ какомъ это дѣлается здѣсь, торцовая мостовая имѣетъ свои невыгоды и значительныя неудобства, не говоря уже о томъ, что она раздѣляетъ недостатокъ всѣхъ деревянныхъ мостовыхъ — большую дороговизну, дѣлающую употребленіе ея почти невозможнымъ въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, напримѣръ, въ Одессѣ и другихъ городахъ Новороссійскаго края.

Неудобства петербургской торцовой мостовой состоятъ, между прочимъ, въ непрочности ея и въ скользкости послѣ дождя или оттепели. *Непрочность* эта, кажется намъ, зависитъ не столько отъ частой ѣзды, сколько отъ самаго способа устройства мостовой. Торцы, въ видѣ шести-стороннихъ призмъ, не только сколачиваются между собою такъ, что между ними не остается промежутка, но соединяются еще сверхъ того посредствомъ деревянныхъ шиповъ. Пока мостовая нова и въ продолженіе сухой погоды, ѣзда по ней чрезвычайно пріятна, и въ особенности человѣкъ не совсѣмъ здоровый съ истиннымъ наслажденіемъ чувствуетъ, какая разница между шибкою, ровною ѣздою по ней, и между толчками и прыжками по тряской, ухабистой каменной мостовой. Но отъ продолжительныхъ дождей, и еще болѣе весною, послѣ таянія снѣговъ, торцовыя мостовыя совершенно портятся, вслѣдствіе свойства древесныхъ волоконъ всасывать въ себя въ значительномъ количествѣ влажности. Торцы напитываются водою и разбухаютъ, то есть, увеличиваютъ объемъ свой въ *ширину* и, слѣдовательно, стараются подаваться въ сторону; но такъ какъ, по причинѣ плотнаго примыканія торцевъ одного къ другому, это невозможно, то они мѣстами подымаются *вверхъ* и образуютъ округленныя возвышенности и бугры надъ поверхностью мостовой. Какъ скоро одинъ торецъ такимъ образомъ поднялся надъ сосѣдними, то вслѣдъ за симъ примыкающія къ нему ближайшія призмы, касающіяся шести сторонъ его, подаются, выступаютъ болѣе или менѣе изъ мѣстъ своихъ, и увлекаютъ своихъ сосѣдей, такъ что въ короткое время цѣлая мостовая разстроивается и требуетъ основательной починки.

Скользскость торцовыхъ мостовыхъ послѣ дождя проистекаетъ отчасти отъ той же причины: плотнаго примыканія призмъ другъ къ другу. Онѣ составляютъ какъ бы паркетъ, дѣлающійся весьма гладкимъ отъ тренія колесныхъ шинъ и подковъ, и на которомъ дождь заступаетъ мѣсто вощенія, употребляемаго на паркетныхъ полахъ домовъ нашихъ.

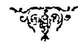
Мы имѣли случай видѣть торцовую мостовую, построенную французскимъ гражданскимъ инженеромъ Барберо, которая или вовсе не представляетъ упомянутыхъ неудобствъ, или, по-крайней-мѣрѣ, представляетъ ихъ въ гораздо меньшей степени. Мы, сверхъ того, съ любопытствомъ слѣдили за существованіемъ ея, и могли убѣдиться, что она, въ продолженіе трехъ лѣтъ и болѣе, сохраняла свойственныя ей преимущества и почти не требовала починки. По этому, не лишнимъ считаемъ сообщить здѣсь, не входя въ техническія подробности, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой системѣ мощенія.

Она отличается преимущественно тѣмъ, что: 1) торцы предварительно дѣлаются неспособными къ всасыванію влажности, и 2) что ихъ не плотно примыкаютъ другъ къ другу, а оставляютъ между нихъ нѣкоторое, впрочемъ незначительное, пространство. Нивеллировавъ улицу, утрамбовавъ ее тщательно и сдѣлавъ поверхность ея нѣсколько выпуклою съ одного бока къ другому, для стока воды, ставятъ потомъ на нее прямо, безъ подстилки досокъ, которыя гніютъ или коробятся, смотря по времени года, торцы, хорошо осмоленные и высушенные. Для этого, по обѣ стороны улицы стоятъ котлы съ растопленнымъ варомъ, въ который каждый торецъ погружаютъ по одиначкѣ, послѣ чего его на нѣкоторое время оставляютъ на воздухѣ, гдѣ онъ весьма скоро просыхаетъ. Этимъ достигается первая цѣль этой методы: уменьшеніе расположенія дерева всасывать влажности и разбухать.

Сверхъ того, самые торцы, хотя тоже дѣлаются въ видѣ шести-стороннихъ призмъ, какъ и въ Петербургѣ, но отличаются тѣмъ, что верхняя поверхность каждаго торца *нѣсколько меньше* нижней его поверхности, такъ что призмы немного уже кверху. Это производится, или тотчасъ при рѣзаніи торцовъ посредствомъ особаго, весьма простаго, снаряда, или черезъ обтесываніе топоромъ боковъ обыкновенныхъ торцовъ. Тогда ихъ ставятъ рядомъ, одинъ послѣ другаго, вовсе не соединяя шипами, такъ что торцы касаются другъ друга только *краями* шестиугольника, образующаго *нижнюю* ихъ поверхность; кверху же, между ними находится разстояніе, примѣрно, въ палецъ шириною, которое уменьшается постепенно по мѣрѣ приближенія своего къ основанію торцовъ. Эти промежутки наполняются ровнымъ, крупнымъ пескомъ, или гравеномъ (gravier), которымъ посыпаютъ поверхность вновь вымощенной улицы, и который послѣ этого сперва слегка укатывается, а потомъ сметается. Тогда мостовая готова и открывается для ѣзды.

Польза такого устройства косо-обтесанныхъ торцовъ состоитъ въ томъ, что если-бы они, даже не смотря на смоленіе ихъ, послѣ продолжительныхъ дождей и т. п., стали разбухать, то они могутъ свободно подаваться въ сторону, потому что оставлены между ними промежутки. Вмѣсто того, чтобы подыматься надъ поверхностью мостовой, они только выжимаютъ гравеъ, наполняющій эти промежутки, а сами остаются на мѣстахъ своихъ. Гравеъ же, по прекращеніи дождей, уже отъ одной ѣзды вдавливается опять въ образующіеся вновь промежутки между просохшими и осѣвшими торцами, или снова укатывается чугуннымъ цилиндромъ. Присутствіе песку между торцовъ, или на поверхности ихъ, при мокрой погодѣ, дѣлаетъ такую мостовую не столь скользкою послѣ дождя, и не столь опасною для лошадей, какъ въ Петербургѣ. Если бъ, наконецъ, одинъ или другой изъ торцовъ, паче чаянія, отъ нетщательнаго смоленія или другой причины, поднялся вверхъ, то сосѣдніе, не примыкая къ нему плотно, за этимъ движеніемъ не слѣдуютъ, такъ что починка весьма легка, и въ четверть или полчаса можетъ быть совершенно кончена.

Надѣемся, что эти немногія данныя будутъ достаточны, чтобы обратить вниманіе особъ, занимающихся устройствомъ торцовыхъ мостовыхъ, на описанную нами методу, впрочемъ не новую, и побудитъ ихъ къ произведенію сравнительныхъ опытовъ, которые, сколько мы понимаемъ, и здѣсь должны дать результатъ, столь же удовлетворительный, какъ тотъ, который мы имѣли случай видѣть въ другихъ мѣстахъ.



ТАБАКЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(*См. № 6, стр. 90.*)

Исторію и возрастаніе табака мы разсказали, и отправились обозрѣть фабрику В. Г. Жукова. Табакъ, выдѣлываемый на сей фабрикѣ, курятъ во всей Россіи и во многихъ мѣстахъ за границей. Обстоятельства до сей поры не позволяли представить подробнаго отчета объ этомъ заведеніи, и дополнить статью о табакѣ свѣдѣніями о его окончательной обработкѣ. Мы осмотрѣли фабрику дважды и, признаемся, каждый разъ выходили оттуда съ сердцемъ утѣшеннымъ, съ признательностію къ хозяину, который умѣлъ соединить собственныя выгоды съ благодѣяніями... Вы согласитесь съ нами, прочитавъ до конца эту статью.

Вы помните, или, если захотите, такъ вспомните, что мы проводили табакъ до береговъ моря, когда онъ въ бочкахъ отправляется на всѣ четыре стороны свѣта. На фабрику В. Г. Жукова поступаетъ американскій табакъ только двухъ сортовъ, Мариландъ и Огіо. Табакъ въ бочкахъ плотно уложенъ пучками или пачками; почти не требуетъ сортировки, потому что выписывается самый лучшій. Табачные корешки привозятся особо, и мы начнемъ съ нихъ, потому что эти корешки, какъ соль въ кушаньѣ, придаютъ табаку крѣпость, значеніе. Но они слишкомъ тверды; свернутые въ плотную трубочку, въ сухомъ видѣ они могутъ противиться крошильнымъ орудіямъ, иступить ихъ въ короткое время: почему, для сокращенія и облегченія производства, корешки прежде размачиваются и пластятся, или развертываются. Для этого процесса особенное отдѣленіе. 8 пластильныхъ машинъ развертываютъ моченые корешки, и тѣмъ дѣлаютъ ихъ совершенно способными къ крошкѣ, какъ и листовой табакъ. 8 машинъ тутъ же и рѣжутъ корешокъ. Затѣмъ, въ измельченномъ видѣ, его переносятъ въ сушильни, гдѣ на шести печахъ его сушатъ. Въ этихъ сушильняхъ запахъ тягостный отъ испареній просыхающаго корешка. Работники безпрерывно перевертываютъ корешокъ, раскинутый на печахъ; просыхающій просѣваютъ, отъ чего такъ же обходится не безъ ѣдкой, удушливой, пыли, отъ которой работники защищаются особеннаго рода покрывалами, которыя дѣлаютъ ихъ весьма похожими на Абдель-Кадера и другихъ Алжирцовъ. Высушенный и просѣянный корешокъ переходитъ въ другую, сѣяльную, палату, куда и мы съ вами, благосклонный читатель, придемъ въ свое время. Теперь же займемся листами, которые, и по закону природы, должны встрѣтиться съ своими корешками. Съ

Табачная фабрика В. Г. Жукова.

листьями поступаютъ весьма просто: грузятъ изъ бочекъ въ корзины и несутъ подъ ножи десяти машинъ. Ножемъ двигаютъ четыре руки человѣческія, крошка сыплется въ ящики, а механизмъ только подталкиваетъ подъ острія цѣльный листъ... Крошку несутъ въ сѣяльную, гдѣ девять грохотовъ, или квадратныхъ рѣшетъ, пересѣваютъ ее; остатки должны еще разъ возвратиться подъ ножи. Пересѣянный же табакъ смѣшивается съ корешками; отъ взаимной пропорціи того и другаго зависитъ крѣпость табака. Сорты табака на фабрикѣ В. Г. Жукова есть разные; но преимущественно, и даже почти исключительно, выдѣлывается двухъ-рублевый, согласно обширности запроса на него. Приготовленный таким образомъ табакъ идетъ къ стульямъ. Стулъ —это мѣсто для двухъ набойщиковъ; имъ приготовлена бумага; тутъ же свѣчка и сургучъ; въ колодѣ отверзтіе, куда входитъ набойная воронка, или форма фунта, полуфунта и четвертки. Набойщикъ исполняетъ свою работу съ необычайною быстротою. Всего сорокъ стульевъ, или 80 набойщиковъ, и они успѣваютъ набить въ картузы, завернуть и припечатать 250 пудовъ табака въ день, слѣдственно, каждый набьетъ болѣе 3 пудовъ въ сутки.

Бумага для картузовъ съ виньетками и надписями приготовляется тутъ же, на фабрикѣ, въ особой типографіи, состоящей изъ четырехъ становъ и помѣщенной въ свѣтлой и чистой залѣ втораго этажа.

Табакъ въ картузахъ переходитъ въ бандерольную, гдѣ тридцать четыре работника съ мальчиками включительно, рѣжутъ бандероли, оклеиваютъ и запечатываютъ уже печатью. И знаете ли сколько выходитъ изъ рукъ ихъ табаку ежедневно? 200 ящиковъ, 1000 фунтовъ, 4 тысячи четвертокъ!! Это послѣдній подвигъ. Затѣмъ табакъ укладывается въ ящики и отправляется, по назначенію.

Изъ числа ежедневно приготовляемаго на этой фабрикѣ ящиковъ табаку, вы можете видѣть обширность ея дѣятельности. Высокіе сорты, какъ мы сказали, выдѣлываются въ маломъ числѣ, и

то по заказамъ только, примѣрно сказать, одинъ день въ недѣлю; да и то едва ли. Преимущественно изготовляется двухъ-рублевый; требованіе на него въ Россіи столь обширно, что фабрика полгода ровно заготовляетъ табакъ только для одной Макарьевской ярмарки.

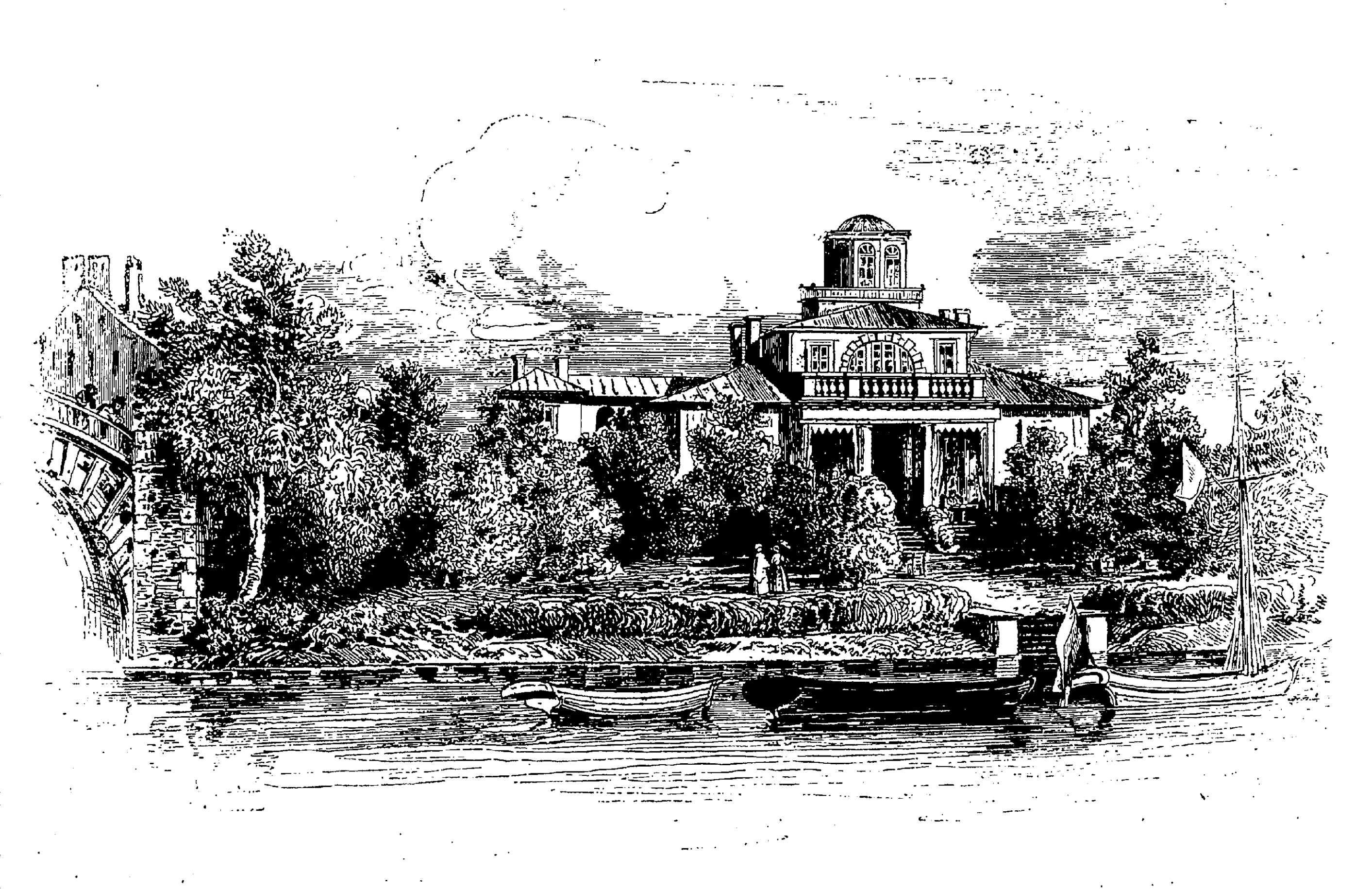
Если бы В. Г. Жуковъ рѣшился распространить производство табаку, и тогда бы еще не могъ бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ; но при настоящихъ размѣрахъ заведенія, для всѣхъ другихъ фабрикъ остается еще достаточное число потребителей.

Можно сказать, для полноты только всего табачнаго производства, при фабрикѣ есть еще два отдѣленія, сигарнаго и нюхательнаго табака. Производство перваго нельзя назвать маловажнымъ, потому что тутъ выдѣлывается болѣе полутора милліона сигаръ и папиросовъ; рабочихъ здѣсь обоего пола до 20, а плату получаютъ сообразно сорту сигаръ—отъ 5 до 12 рублей за тысячу. Второе же отдѣленіе доставляетъ около 500 пудъ нюхательнаго табака.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что у богатаго купца есть обширная фабрика, доставляющая большой доходъ. Такъ должно быть, тому милліоны примѣровъ; но фабрика В. Г. Жукова, заведеніе, особенно замѣчательное въ отношеніи, такъ сказать, нравственномъ. На фабрикѣ до 300 человѣкъ рабочихъ и о нихъ-то отечески печется заботливый хозяинъ. Работники постоянные помѣщаются въ опрятныхъ казармахъ, въ самомъ зданіи фабрики. Мальчики, числомъ 19, имѣютъ особенную спальню; прочіе работники, по окончаніи работъ и уборки матеріаловъ, размѣщаются по прилавкамъ въ разныхъ комнатахъ. Русскій человѣкъ спитъ мало, встаетъ рано, часу въ пятомъ, а иногда и раньше. У каждаго есть свои потребности и дѣла, для которыхъ онъ можетъ употребить время до начатія и послѣ окончанія работъ. Но въ 6-ть часовъ фабрика оглашается молитвой Господней: «Отче Нашъ;» — работники поютъ ее хоромъ и приступаютъ къ дневнымъ занятіямъ, которыя и продолжаются до 9-ти часовъ утра. Въ 9-ть часовъ отдыхъ и завтракъ; въ 10-ть опять возобновляется работа; въ два часа обѣдъ; въ три опять за работу; въ 8-мъ часовъ, а по субботамъ, въ 7-мъ часовъ, всѣ работы прекращаются; пѣвчіе поютъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, или: Боже, Царя Храни, или же «Отче нашъ» концертомъ, и тогда приступаютъ къ вечерней трапезѣ. Взрослые работники завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ, въ двѣ смѣны, въ особой столовой, вмѣщающей 120 человѣкъ; завтракъ, обѣдъ и ужинъ не различаются между собой ничѣмъ. Тѣ же щи съ говядиной и каша, но свѣжія, вкусно приготовленныя, съ обильнымъ прикладомъ мяса, хлѣба, сколько кому угодно. Въ воскресенье пироги. Мальчики имѣютъ свою особенную столовую. Они также ѣдятъ три раза въ сутки; у нихъ супъ или щи съ говядиной, каша и жаркое; а по воскресеньямъ и пироги. При каждой столовой особая кухня. Вездѣ чистота и опрятность. Въ камерахъ мальчиковъ мы замѣтили ноты на пульпитрѣ, ноты на окнѣ. Простые рабочіе имѣютъ и возможность и время заниматься музыкой, не заботясь о пищѣ и другихъ житейскихъ потребностяхъ. Веселыя пѣсни раздаются и въ рабочихъ палатахъ. Эти триста человѣкъ живутъ въ полномъ смыслѣ припѣваючи; они счастливы; развѣ болѣзнь возмутитъ ихъ довольство; но и тутъ заботливый хозяинъ съ своею благодѣтельною помощію; въ самомъ зданіи фабрики устроена больница на 8 кроватей, снабженная всѣми медицинскими пособіями. При больницѣ постоянный докторъ, фельдшеръ и одинъ прислужникъ, который обыкъ обходиться съ больными. Въ больницѣ все чисто, опрятно, свѣтло, хорошій воздухъ. — Словомъ, все придумано, предусмотрѣно, и послѣ этого вы безъ сомнѣнія согласитесь, что фабрика Василія Григорьевича достойна особеннаго вниманія; что самъ хозяинъ — заслуживаетъ общую признательность; что этотъ порядокъ, эти удобства, доставляемые имъ съ немалыми расходами рабочему классу людей, должны бы послужить образцомъ для многихъ.

Велика земля Русская! Не сомнѣваемся, что много на ней людей, осчастливленныхъ такимъ же добрымъ чувствомъ, такимъ же патріотическимъ стремленіемъ на пользу общую, въ своемъ кругу; но, по счастію, фабрика В. Г. Жукова въ Петербургѣ, на глазахъ; вы можете не только собрать о ней достовѣрныя свѣдѣнія, но лично убѣдиться въ истинѣ слуховъ и разсказовъ. Васъ вездѣ проведутъ, вамъ все покажутъ, разскажутъ — тутъ нѣтъ тайны, тутъ тайна одна — сердце хозяина. Амбарный Илья Сергѣевъ Смирновъ, показывалъ намъ два раза фабрику и въ оба раза мы замѣтили, что это онъ дѣлаетъ съ удовольствіемъ, съ гордостію.

Пѣвчіе Жукова, столь же извѣстные вездѣ, какъ и жуковскій табакъ — тѣ же работники, на той же фабрикѣ. — Они очень хорошо исполняютъ многія русскія пѣсни и нѣкоторыя піэсы; они не только доставляютъ удовольствіе хозяину и его гостямъ, но не рѣдко приглашаются въ загородныя увеселительныя мѣста, куда привлекаютъ многочисленную публику. — Чаще же всего можно, въ лѣтнее время, слышать ихъ на дачѣ самого хозяина, находящейся тотчасъ за екатерингофскимъ паркомъ. Прекрасную эту да-



Дача В. Г. Жукова.

чу вы можете видѣть въ прилагаемой гравюрѣ; она построена и устроена со вкусомъ. Исполнивъ долгъ нашъ, мы не хотимъ болѣе распространяться о другихъ учрежденіяхъ В. Г. Жукова, какъ напримѣръ, крестьянскомъ банкѣ, устроенномъ въ Г. Порховѣ, мѣстѣ рожденія Василья Григорьевича, и о другихъ. Мы боимся оскорбить его скромность. Въ заключеніе только скажемъ, что эти подвиги не пропадутъ, потому что добрыя дѣла не умираютъ.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Сидоръ Никитичъ... Вы вѣрно забыли уже Сидора Никитича, отставнаго чиновника, въ домѣ котораго жили Этіеннъ и Мери... Сидоръ Никитичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и распивалъ чай съ пріятелемъ, помѣщикомъ Тарсовымъ, съ которымъ вы уже имѣли случаи познакомиться. Окна были плотно закрыты ставнями и внутренними суконными шторами.

— Нуте-съ, нуте-съ, — говорилъ Сидоръ Никитичъ, — такъ что же Гримасниковъ толкуетъ?.. Какъ-съ?..

— А говоритъ, что подай пять тысячь, такъ и самъ цѣлъ уйдешь, и дѣвчонку-то выручимъ...

— Пять тысячь! Экое ненасытное животное! Ну, да вы знаете его; онъ было и съ меня хотѣлъ брать половину; да ба — я увернулся, заплатилъ, правда, разомъ кушъ, да и сижу теперь на покоѣ... Ну, а ваше дѣло не хорошее...

— Чортъ попуталъ, Никитичъ! Право, тутъ нечистый подвернулся...

— Да ужъ кому же другому быть...

— Еще и то хорошо, что она то сама не знаетъ кто она?

— А кто она?

— А тебѣ какое дѣло?

— Ну, такъ зачѣмъ же изволили трудиться ко мнѣ заходить?

— Да, душа ты моя... У тебя домъ то... то есть... садъ съ садомъ рядышкомъ; можно бы помочь моей бѣдѣ. Самъ то я откуплюсь, да мнѣ то дѣвчонку нужно...

— А зачѣмъ тебѣ дѣвчонка?

— А тебѣ какое дѣло?

— Такъ я изволь играть въ темную. Нѣтъ, батюшка, я мѣсто потерялъ, да въ темную ужъ никого не надувалъ. Нѣтъ-съ, просимъ извиненія...

Сильный лай псовъ прекратилъ на время эту бесѣду. Сидоръ Никитичъ выбѣжалъ на дворъ и воротился назадъ съ плутовскимъ выраженіемъ.

— Что тамъ случилось?

— Ничего-съ, такъ себѣ... Велика ваша дѣвчонка ростомъ?

— Будетъ вотъ такъ...

— Ну, а лицомъ чернавка?

— Да, брунетка...

— Ну, такъ это она...

— Гдѣ? гдѣ?..

— Тутъ, у меня, въ моемъ домѣ...

— Сидоръ Никитичъ... Двѣ тысячи...

— И десяти не возьму, пока не скажешь, въ какое дѣло я долженъ впутаться.

— Въ какое? Да тебѣ на что? У ней ни роду, ни племени. А имѣньеце есть по сосѣдству...

— Что жъ ты, жениться хочешь, отъ живой жены, что-ли? Даромъ, что ты жену согналъ, а все-таки жениться нельзя.

— Да я не самъ хочу жениться...

— А кто же?

— Кучеръ мой...

— Ахъ, ты хитрая голова! Закабалить хочешь, закрѣпостить, а имѣньеце то за тобой останется, а намъ ничего не достанется. Нѣтъ, братъ, двумя тысячами не отдѣлаешься...

— Такъ не получишь ни гроша! Я дѣло и безъ тебя состряпаю...

Тарсовъ всталъ, взялъ шляпу и хотѣлъ уже идти, какъ вдругъ подъ самымъ окномъ что-то свиснуло, и тихо, да такъ выразительно, что и хозяинъ и гость вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга. Къ особенному огорченію хозяина, гость опять поставилъ шляпу на мѣсто.

— Ну, братъ, такъ и ты... сказалъ гость.

— Что я? Видно и вы не безъ знакомства...

— Вѣдь это Савиллъ...

— А тебѣ какое дѣло?

— Э, братецъ! Ты лишь бы только лишній грошъ съ пріятеля доправить! Ты хуже Савилла! Коли такъ, такъ я тебя ни на грошъ не боюсь; теперь ты мой сообщникъ! Слышишь!

Сидоръ Никитичъ глядѣлъ на гостя съ ужасомъ.

— Ну, нечего тутъ время терять! Хорошо, что еще паспорта не задержали. У меня все готово къ отъѣзду... Савиллъ можетъ распутать меня съ вашей проклятой губерніей еще сегодня ночью... И гость свиснулъ, Сидоръ Никитичъ зажалъ ротъ Тарсову, но поздно. Савиллъ вошелъ и открылось засѣданіе...

Между тѣмъ Мери и Таня черезъ садъ, который, какъ вамъ извѣстно, граничилъ съ садомъ Иколочкина, прибѣжали въ домъ Сидора Никитича и тѣмъ возбудили лай собакъ. Степанъ Лукичъ проснулся отъ суматохи, которая поднялась въ домѣ по случаю появленія двухъ барынь. Таня была точь въ точь Мери, но только помоложе и посвѣжѣе...

— Что за глупый сонъ, сказалъ Степанъ Лукичъ, глядя на жену и гостью.

— Это не сонъ, мой другъ! Это моя сестра?

— Какъ? Откуда?..

— Богъ послалъ! Садись, Таня; станемъ разсказывать другъ дружкѣ что нибудь. Вѣдь ты меня любишь, Таня; вѣдь ты мнѣ сестра... О я несчастнѣе тебѣ, Таня! Ты, по-крайней-мѣрѣ, ничего не помнишь; ты выросла въ совершенномъ невѣдѣніи... а я... О, я знаю много, я помню не мало... Я помню мать, но отца не помню. О, какъ она плакала, несчастная!.. И я росла, и я училась, меня ласкали, но образъ матери не оставлялъ меня ни на одно мгновенье...

Степанъ Лукичъ, пораженный и неожиданностью случая, и красотою сестрицы, совершенно проснулся; сталъ ухаживать и за женой и за сестрицей; развернулся; приказалъ подать ужинать... выпилъ лишнюю рюмочку вина. Въ разговорахъ за вкуснымъ ужиномъ прошло добрыхъ три часа. Бесѣда никогда бы не кончилась, если бы на Косаткѣ, шагахъ въ трестахъ отъ дома Сидора Никитича, не вспыхнулъ пожаръ. Поднялась тревога, всѣ бѣжали на пожаръ; одни ради помощи, другіе ради любопытства; люди Степана Лукича, подъ предлогомъ, чтобы узнать о пожарѣ, ушли всѣ, даже Кирилло. Степанъ Лукичъ съ нѣжностію обнявъ сестеръ, подошелъ къ окну, и хотѣлъ издали наслаждаться красивой картиной, какъ вдругъ двери скрипнули, Мери закричала, Степанъ Лукичъ обернулся и увидѣлъ Савилла съ страшными товарищами. Безошибочно, они бросились на Таню; Степанъ Лукичъ хотѣлъ отстоять несчастную; ножъ блеснулъ и Степанъ Лукичъ упалъ безъ чувствъ наземь... Мери охватилъ обморокъ, а Таня и не вскрикнула! Съ завязаннымъ ртомъ унесли ее разбойники. Все это произошло въ одно мгновеніе. Пока собрались люди, Мери очувствовалась; къ мужу, но мужа уже не было. Мери овдовѣла... Мѣтокъ былъ ножъ Савилла. Мери упала на колѣни передъ трупомъ мужа и призывала на помощь страшнымъ воплемъ; женская прислуга, вмѣсто помощи, бѣгала по саду и по двору и вопила по своему... Пожаръ потухалъ, но за то на дворѣ Сидора Никитича подымалась буря. Сосѣди со всѣхъ сторонъ сбѣгались на вопли женщинъ и ребенка. Иколочкинъ приказалъ къ забору поставить лѣстницы и со всѣми людьми явился на помощь... Видя, что народъ толпами ломится въ домъ, и онъ пошелъ вмѣстѣ съ народомъ, напрасно распрашивая, что случилось. Наконецъ, въ столовой онъ увидѣлъ Мери и отступилъ...

— Боже мой! Это вы!..

— Дядюшка! Дядюшка! Ради самаго неба, спасите вашего племянника, моего мужа...

— Великій Боже! это... Степанъ!.. Несчастный Степанъ, вотъ какъ намъ привелось съ тобой увидаться... А вы, сударыня... Такъ это вы?.. А? И вы могли... Да вы у меня отняли племянника два раза... Вы... о нѣтъ... я виноватъ, я одинъ виноватъ... Но скажи, душа моя, вдова моя безутѣшная... Какъ все это случилось?

— Губернаторъ!..

— Полиціймейстеръ!..

— Предводитель!.. раздавалось со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, всѣ власти съѣхались, но никто не могъ понять откуда этотъ громъ... Все разрѣшилось: вбѣжалъ Осипъ Семеновичъ.

— Я нашелъ воровъ, кричалъ онъ: только дайте мнѣ команду. Я изловлю ихъ!..

Вслѣдъ за Осипомъ Семеновичемъ вбѣжалъ и Кудимъ.

— Батюшки свѣты! что надѣлалъ этотъ воръ окаянный, этотъ Тарсовъ проклятый!..

— Тарсовъ! вскрикнули всѣ.

— Это его шашни! Я видѣлъ какъ онъ покатилъ съ своего двора. На притонѣ всѣхъ бы изловить можно, кабы повернулись проворнѣе.

— Да кого же послать? спросилъ заботливо губернаторъ.

— Да вотъ его высокородіе, Осипа Семеновича... да меня... да вотъ, мало ли людей православныхъ! На вора все равно, что на пожаръ, всякій пойдетъ охотно.

Совѣтъ Кудима былъ принятъ; снарядили двѣ экспедиціи: одна, подъ начальствомъ Осипа Семеновича, пошла прямо на притонъ, а другая, подъ предводительствомъ Кудима, отправилась усиленнымъ маршемъ въ обходъ, чтобы пресѣчь непріятелю всякую возможность бѣгства. Власти, за исключеніемъ тѣхъ, до которыхъ поимка воровъ могла относиться, остались утѣшать Мери и тутъ ждать развязки... Между тѣмъ народъ приходилъ ко двору болѣе и болѣе; даже дамы съѣхались въ незнакомый домъ, о мужчинахъ и говорить нечего. Евгеній отправился въ экспедиціи Кудима.

Полководцы не заставили долго ждать себя. Походъ ихъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Косатка освѣтилась факелами и фонарями. Съ торжествомъ самъ Кудимъ велъ Савилла. Тарсова и Сидора Никитича связали вмѣстѣ и вели особо; другихъ также попарно. Осипъ Семеновичъ несъ на рукахъ Таню; а въ дорожной каретѣ Тарсова ѣхала Лукерья Ивановна. — Само собою разумѣется, что вся процессія остановилась передъ домомъ, гдѣ жила Мери; само бобой разумѣется, что Таню и Тарсова съ товарищемъ ввели въ столовую, гдѣ около печальной Мери сидѣло все губернское общество. Покойникъ былъ вынесенъ въ боковую комнату; на пятно отъ крови накинутъ коверъ... — Мери, увидавъ Таню, какъ будто забыла про свою печаль и со слезами приняла ее въ свои объятія. Иколочкинъ также съ чувствомъ обнялъ Таню, какъ родную. Между тѣмъ начальство обратилось съ допросомъ къ Тарсову.

— Милостивый государь сказалъ строгій, губернаторъ: какія причины могли увлечь васъ къ такому ужасному сообществу?

Тарсовъ молчалъ; но Сидоръ Никитичъ повалился въ ноги губернатору и, натурально, увлекъ за собою и Тарсова.

— Батюшка, ваше превосходительство, помилосердуй; я все разскажу; я нарочно прикинулся компаньономъ въ этомъ воровскомъ дѣлѣ, чтобы развѣдать все и донести начальству... Только помилуй...

— Негодяй! Разсказывай! Откровенное признаніе облегчитъ твою участь.

— Позвольте, ваше превосходительство, я лучше самъ... мнѣ милость! закричалъ Тарсовъ.

— Нѣтъ, мнѣ, я первый... перебилъ Сидоръ Никитичъ.

— Да онъ всего и не знаетъ...

— Чего не знаю?

— Молчать! Тарсовъ, разсказывай...

— Корысть, батюшка, ваше превосходитель-

ство, да и то сказать надо, что губернскіе расходы такъ велики и обременительны.

Губернаторъ отвернулся. Тарсовъ продолжалъ:

— Ну, что же дѣлать; открылось, такъ открылось. У Татьяны Осиповны...

— Осиповны? спросилъ съ удивленіемъ Иколочкинъ.

— Точно такъ съ... У нея, то есть — у ея покойныхъ родителей, была деревня богатая, съ моей по сосѣдству... Родители померли, деревня сгорѣла; пустую землю батюшка, пустую землю хотѣлъ я присовокупить къ моимъ помѣстьямъ... вотъ и все тутъ; а за кучера моего хотѣлъ ее выдать, потому что онъ ей нравился, а потомъ она давай отнѣкиваться.. Вотъ и бумагу она подписала.

— Силою меня принудили подписать бумагу. Я и теперь не знаю, что тамъ написано...

— Хорошо, хорошо! сказалъ Иколочкинъ. Не въ томъ дѣло. А какъ же фамилія Тани?

— Койнева...

— Дочь моя! закричалъ Осипъ Семеновичъ. Можетъ ли это быть! Тебя ли нахожу?.. Господи, подкрѣпи меня! А гдѣ же Маша? Гдѣ мой первенецъ... О, гдѣ жена моя?

— А что, сказалъ Кудимъ: говорилъ я, что и дѣти найдутся... А Лукерья Ивановна въ повозкѣ... Оставилъ ее тамъ...

— Лукерья! въ свою очередь закричала Мери: «Неужели и я найду мать, отца, сестру... Гдѣ она!

И схвативъ со стола свѣчку, Марья Осиповна бросилась на улицу; толпа, шумя, раздавалась. Добѣжавъ до кареты, Мери поспѣшно отворила дверцы, уронила свѣчу и вскрикнувъ «матушка!» безъ чувствъ упала на руки Евгенія и Иколочкина.

Остальное вамъ нечего разсказывать; день печали обратился въ день радостный. Губернаторъ и всѣ чиновные гости обоего пола разъѣхались. Осталось счастливое семейство Койневыхъ; Иколочкинъ остался по какой-то странной забывчивости, и Евгеній, да въ углу торчалъ Кудимъ могильщикъ.

— Друзья мои! сказалъ Иколочкинъ: теперь у меня большая семья, и я радъ, что умѣлъ быть бережливымъ. Но подумаемъ и о покойникѣ... По крови, все-таки онъ мнѣ ближе всѣхъ...

— Покойникѣ, тихо сказалъ Кудимъ: ближе всего ко мнѣ. Батюшка! извольте живыми заниматься, а ужъ за мертвецомъ я присмотрю; ни въ чемъ не будетъ нуждаться. И вотъ что, добрый баринъ! Убери ты всю семью къ себѣ въ барскіе твои хоромы, а меня оставь здѣсь хозяйничать.

— Добрый Кудимъ, сказала Мери съ чувствомъ: — мое счастіе — созданіе твое, Кудимъ...

— Эхъ, бѣлая барыня, а про Бога то и забыла.

— Нѣтъ, Кудимъ! Но я не имѣю еще силъ молиться! Счастіе мое слишкомъ велико...

— Большому кораблю большое и плаваніе. Ты, мать моя, стоишь твоего счастія. — Дай, Богъ, тебѣ только мужа по твоему сердцу; вотъ тогда удружишь Кудиму. Право! Ну, а теперь послушайтесь меня, уѣзжайте со двора; а то вы мнѣ мѣшаете...

Иколочкинъ одобрилъ совѣтъ могильщика; всѣ перешли въ палаты богача, и Кудимъ принялся за свое дѣло, и, по тогдашнему обычаю, на другой же день Кудимъ у воротъ своего кладбища встрѣтилъ великолѣпныя похороны Степана Лукича.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

ДОМИКЪ ВЪ САРДАМѢ.

Между покойныхъ водъ каналовъ Зюдерзея,
Въ таинственной тиши, обители нѣмой,
Священнымъ трепетомъ, восторгомъ пламенѣя,
Стою безмолвно я предъ хижиной простой.
Порогъ переступить завѣтный не дерзаю
Жилища бѣднаго, какъ царскихъ теремовъ;
Великаго слѣды порогъ сей сохраняетъ, —
Я радъ предъ нимъ стоять, я пасть предъ нимъ готовъ.

Умолкнулъ давно за стѣной
Въ державной рукѣ молотокъ;
Оконченъ великій урокъ!
Но въ хижинѣ жертвы святой
Предъ тѣнью — вѣкамъ дорогой —
Безсмертья стоитъ часовой.

Все тихо здѣсь, — но тамъ далеко,
Гдѣ вслѣдъ за пурпурной зарей
Встаетъ великій сынъ Востока
Надъ благодатною страной;
Гдѣ все кипитъ живымъ потокомъ
По лентѣ свѣтлыхъ, невскихъ водъ,
По берегамъ Двины широкой;
Тамъ, гдѣ растетъ побѣдный флотъ
На верьфяхъ Буга и Ингула;
Гдѣ Днѣпръ шумитъ тревожнымъ гуломъ,
И Волга — матушка течетъ,
Пол-царства нѣжно обнимаетъ —
Тамъ эхо громко отвѣчаетъ
На смолкнувшій въ Сардамѣ стукъ,
И дѣло геніальныхъ рукъ —
Гигантъ Востока довершаетъ.
Предъ храмомъ чуднаго Царя
Нѣмымъ проникнутъ умиленьемъ,
Какъ у подножья алтаря
Передъ святымъ благословеньемъ,
Молясь, я голову склонилъ,
Передъ порогомъ кельи тѣсной,
И, какъ дитя, съ любовью дѣтской
Слезою слѣдъ Петра омылъ.

Н. С. щ. о.

═

II.

ЕЕ МНѢ ЖАЛЬ.

(*Графу Д. Толстому.*)

Дай руку мнѣ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль,
И полонъ тайныхъ мукъ, внимаю
Твоимъ словамъ — ее мнѣ жаль!

Какъ иногда въ рѣкѣ широкой
Грозой оторванный листокъ
Несется блѣдный, одинокій,
Куда влечетъ его потокъ;

Такъ и она, велѣнью рока
Всегда послушная, пойдетъ
Безъ слезъ, безъ жалобъ и упрека,
Куда ее онъ поведетъ.

Въ ея груди таится нынѣ
Любви такъ много... Боже мой!
Не дай растратить ей въ пустынѣ
Огня, зажженнаго тобой.

И этотъ взоръ спокойный, ясный,
Да будетъ вѣчно имъ согрѣтъ,
И пусть на зовъ души прекрасной
Душа другая дастъ отвѣтъ.

Да, вѣрь мнѣ, другъ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль,
И, полонъ грусти, повторяю
Съ тобою самъ — ее мнѣ жаль.

А. Плещеевъ.

АНЕКДОТЫ.

I.

Много на свѣтѣ женщинъ такихъ уютныхъ, что изъ десяти можно связать тоненькій букетъ и поставить въ стаканъ воды; но за то есть и такія, что для нихъ и двери надо дѣлать пошире, и притолку вырубать, и подъ поломъ складывать каменные устои. Случись одной такой дородной барынѣ умереть. Гробовые мастера одарены особенною чуткостью: за версту слышатъ покойника; налетѣли, набѣжали; тотъ, которому поручено было сдѣлать гробъ, вынулъ аршинъ, чтобы снять мѣрку, подошелъ къ покойницѣ, взглянулъ, отступилъ шага на два, почесался и сказалъ вполголоса: Эвона! Нѣтъ! этой барыни за одинъ разъ не схоронишь.

II.

Бѣда, если барышни черезъ-чуръ начитаются романовъ. Одна изъ этихъ несчастныхъ начиталась, замечталась, и упала въ воду... Ее вытащили въ обморокѣ, принесли домой; она очнулась и сказала съ твердостію: Я хочу выйти замужъ за моего избавителя! — Невозможно, сказалъ отецъ. — Такъ онъ женатъ уже?.. Нѣтъ! — Такъ кто же онъ? — Гекторъ, моя Ньюфундлендская собака... — Барышня опять упала въ обморокъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

С. Петербургъ. 21-го Сентября 1845.

Въ самомъ непродолжительномъ времени, въ нашей столицѣ откроется съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый италіянскій сезонъ. Составъ трупы прекрасенъ: кромѣ любимицъ нашей публики, г-жъ Віардо Гарсіи и Кастелланъ, услышимъ мы новую примадону, дѣвицу Мольтини, обладающую, какъ говорятъ, прекраснымъ голосомъ и методою. Кромѣ несравненнаго Тамбурини, ангажированы басы: гг. Ферагри и Коради. Слышавшіе контр-альто г-жи Віетти, отзываются съ большею похвалою, — а тенора Сальви почитаютъ однимъ изъ лучшихъ нашего времени. Также будутъ теноры: гг. Боріони и Бенедетти. — Прекрасный нашъ прошлогодній буффо Ровере также возвратился. Въ продолженіе нынѣшняго лѣтняго сезона онъ пѣлъ въ Вѣнѣ, гдѣ публика всегда отъ него была въ восхищеніи. — Много новыхъ оперъ, еще незнакомыхъ петербургской публикѣ, будутъ даны въ Петербургѣ въ наступающій сезонъ; между прочими Lombardi, опера, возбудившая во всей Италіи общее вниманіе и, можно сказать, утвердившая славу Верди, который съ этихъ поръ сдѣлался моднымъ композиторомъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

═

БЕРЕЗА.

Береза (Betula L.), принадлежащая, по системѣ Декандоля, къ 165-му семейству, есть одно изъ употребительнѣйшихъ деревъ нашего края. Скорый ростъ, удобность въ разведеніи этого дерева, многостороннее употребленіе его въ домашнемъ быту, въ фабричной производительности и медицинѣ, заставляетъ предпочитать березу другимъ древеснымъ лиственнымъ порядкамъ. — Береза доставляетъ лучшее дерево, употребляемое на постройку и разныя издѣлія: на мебель самой чистой отдѣлки; на издѣлку трубокъ, табакерокъ, чашекъ, тарелокъ, ружейныхъ ложъ, остава для сѣделъ, клещей для хомутовъ и проч. Изъ вѣтокъ березы дѣлаются метлы. Листья ея употребляются для крашенія шерстяныхъ тканей, съ примѣсью квасцовъ, въ желто-зеленоватый цвѣтъ, а съ прибавкой мѣла, въ палевой. Изъ настоянныхъ на спирту почекъ получается цѣлебный бальзамъ отъ ранъ. Изъ березовой коры добываютъ деготь и сажу для ваксы, а помощью сухой перегонки, масло, употребляемое при обдѣлываніи юфти. Въ медицинѣ она употребляется отъ разныхъ болѣзней внутри и снаружи. Осо-

бенно полезны бываютъ припарки, дѣлаемыя изъ листьевъ, отъ ревматизма и другихъ болѣзней. Изъ коры ея Камчадалы приготовляютъ веревки, Вогулы челноки и посуду, а поселяне табачные ящики (тавлинки) и проч. Вареною корою красноярскіе татары кроютъ свои кибитки, а Шведы приготовляютъ изъ нее клей, употребляемый для склеиванія ломаной фаянсовой посуды. Березовая зола доставляетъ превосходный паташъ; а мелко истолченный уголь, отличный чистительный порошокъ для зубовъ. Уголь березовый служитъ для очищенія воды, вина и другихъ жидкостей.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, поселяне полѣсья и другихъ мѣстъ, гдѣ произрастаетъ въ значительномъ количествѣ береза, пускаютъ изъ оной сокъ. Его пьютъ въ свѣжемъ состояніи; также приготовляютъ квасъ для питья и варева, и даже уксусъ. Такимъ образомъ въ неурожайные годы сокъ березовый для поселянъ можетъ нѣкоторымъ образомъ замѣнять пищу и питье. Нѣкоторые полагаютъ, что извлеченіе соку изъ березы причиняетъ ей вредъ; но это мнѣніе съ перваго разу опровергается тѣмъ, что дерево весною само собой старается освободить себя отъ излишнихъ соковъ.

Въ казенной деревнѣ Хлипповкѣ, Звенигородскаго уѣзда, въ огородѣ крестьянина находится нѣсколько березъ, въ числѣ коихъ изъ двухъ онъ добываетъ каждаго года отъ 50-ти до 70-ти ведеръ сока. Это продолжается уже болѣе десяти лѣтъ. Слѣдовательно, одна береза въ теченіе сего времени дала, по-крайней мѣрѣ, до 300 ведеръ соку, т. е. до 9,000 фунтовъ, или до 225 пудъ, тогда, когда вся маса дерева вѣситъ не болѣе 600 фунтовъ, или 15 пудъ. По этому береза даетъ каждогодно соку въ полтора раза болѣе вѣсу всей масы своей, и при всемъ томъ дерево не портится, не усыхаетъ, приноситъ зрѣлыя сѣмена, и вообще не подвергается никакимъ наружнымъ измѣненіямъ. Нужно еще замѣтить, что эти деревья растутъ на песчаной почвѣ, вообще малопитательной для растеній, и потому должны питаться болѣе листьями, нежели корнями; а при всемъ томъ они доставляютъ такое огромное количество сока.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Козлову, Воронежск. губ., въ Бобровъ. Письмо ваше получено 16-го сентября. Иллюстрація выходитъ 22-го сентября; срокъ, вами назначенный, не кончился. Но мы теряемъ надежду разгадать вашу загадку и съ удовольствіемъ принимаемъ вашъ закладъ. За нашу непонятливость вы будете получать назначенную вами премію, но только въ одномъ случаѣ: если загадка ваша совершенно правильна, по начертанію или даже по произношенію, и если въ ней есть цѣльная фраза, а не урывки разныхъ фразъ, потому что мы по частямъ разгадали, но, складывая въ цѣлое, не находимъ связи. Ожидаемъ разгадки.

Г. К—чу, въ Д. Съ умиленіемъ прочитали мы ваше краснорѣчивое письмо; съ гордостью прочли пріятелямъ; съ огорченіемъ положили въ архивъ...

Лан—ну въ П—овъ. Пусть умничаютъ, пока ума не израсходовали; а потомъ взаймы возьмутъ у Французовъ. Некогда справляться, а кажется, и теперь живутъ на счетъ забытыхъ газетъ.

Х—у, въ Г.—Точка поссорилась съ запятой; восклицательный знакъ закололся; вопросительный повѣсился; и тому подобныя фантазіи приходятъ ему въ голову, или лучше, выходятъ изъ его головы. Если прорвется мѣшокъ съ мякиной, то повѣрьте, что оттуда посыплется непремѣнно мякина, а не пшеница или другое зерно.

Аси.... Письмо ваше коротко и ясно. Образецъ лаконизма. Мы можемъ съ нимъ сравнить только одно выраженіе стараго проповѣдника, который изрекъ: «Премудро поставлена смерть на концѣ жизни; для того чтобы мы успѣли къ ней приготовиться.»

Н***. Что читается повсемѣстно и постоянно? То, о чемъ повсемѣстно и постоянно говорятъ люди читающіе.

ИГРЫ.

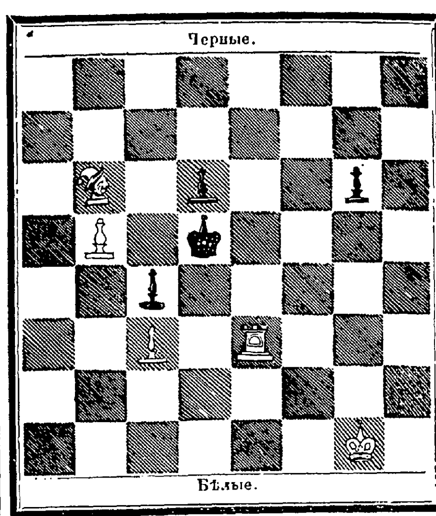
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 23.

Бѣлые.	Черные.
1) Конь что на 8 кл. на 7 к. Сл. Ф.	Кор. на 5 м. Ф.
2) Тотъ же Конь на 6 кл. Кор.	Кор. на 4 м. Ф.
3) Ф. на 5 кл. Сл. св.	П. беретъ Ф.
4) Л. на 8 м. Ф. и матъ.	

ЗАДАЧА № 24.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ пять ходовъ.



РАЗГАДКА № 23.

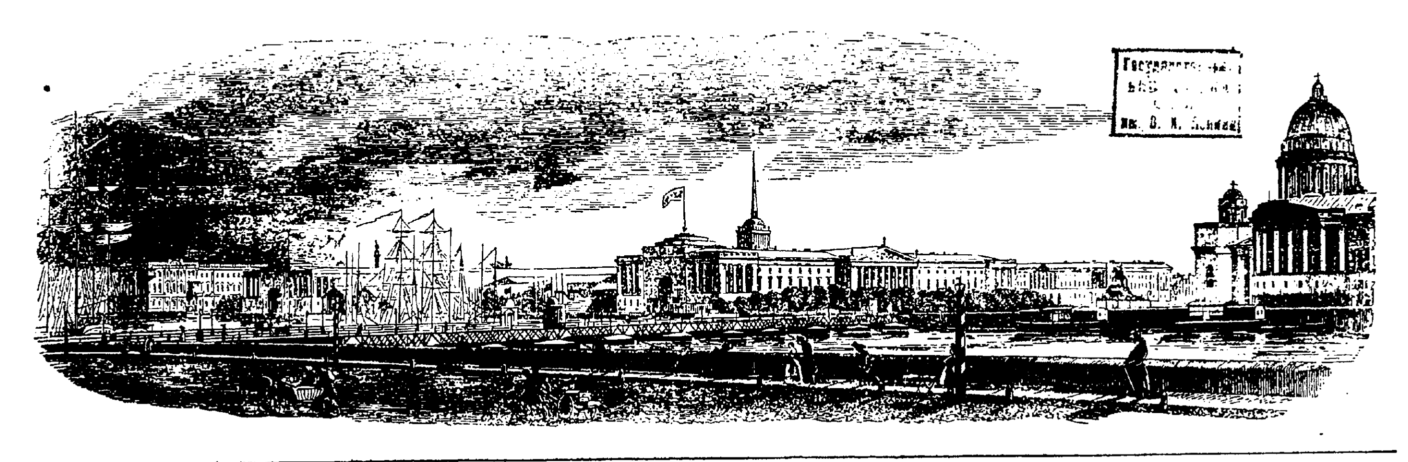
Есть печь а тепла нѣтъ.

ЗАГАДКА № 24.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Сентября 21 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи **И. ФИШОНА.**

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 25.—Суббота, 29 Сентября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р.сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О НОВОЙ ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

въ 1846 году.

Съ выходомъ 24 нумера окончилось полугодовое изданіе Иллюстраціи. Публика можетъ судить, исполнила ли Редакція свои обѣщанія?

У насъ все любятъ сравнивать съ иностраннымъ, не принимая во вниманіе, что тамъ число подписчиковъ считаютъ десятками тысячь, а у насъ если перейдетъ за тысячу подписчиковъ — это ужъ значительный успѣхъ, а между тѣмъ какая разница: съ одной стороны, въ средствахъ, а съ другой, въ издержкахъ!

Не смотря на эти матеріальныя препятствія, не смотря на всѣ усилія противниковъ нашихъ, неусыпно старающихся повредить каждому доброму начинанію, въ которомъ устранены ихъ выгоды и личное участіе, не смотря, наконецъ, на то, что при подобномъ изданіи каждый шагъ есть опытъ, не рѣдко сопровождаемый значительными и чувствительными потерями—Иллюстрація не только выходила со всею исправностью, совершенно согласно объявленнымъ обѣщаніямъ, но постоянно улучшалась во многихъ отношеніяхъ: бумага лучше прежняго, гравюръ несравненно болѣе обѣщаннаго, печатаніе гравюръ теперь отчетливѣе... Редакція не остановится и въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ.

Не самолюбіе, а желаніе отдать публикѣ отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, побуждаетъ насъ обратить ея благосклонное вниманіе на то, что сдѣлано. Такая статистика лучше всего опредѣляетъ относительное достоинство изданія. Уклоняемся отъ разсужденій, укажемъ только факты.

Въ 24 нумерахъ Иллюстраціи сорокъ пять повѣстей и разсказовъ, десять стихотвореній, тридцать статей по части наукъ, семнадцать художественныхъ, четырнадцать музыкальныхъ и театральныхъ, двадцать двѣ хозяйственныхъ, до 300 извѣстій отечественныхъ и чужестранныхъ, и 371 гравюра, изъ числа коихъ 157 оригинальныхъ русскихъ, гравированныхъ, здѣсь, въ Петербургѣ. Само собою разумѣется, что въ это число не входятъ загадки и другія мелочи, какъ то, игры, моды и т. п. Также въ итогъ статей мы не вносимъ и тридцати анекдотовъ и другихъ мелкихъ статеекъ.

Въ изданіи Иллюстраціи принимали участіе: А. П. Башуцкій, Е. П. Гребенка, Э. И. Губеръ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, Е. П. Ковалевскій, Л. А. Кавелинъ, Казакъ Луганскій, Н. А. Полевой, А. И. Пальмъ, А. Л. Плещеевъ, А. П. Петровъ, И. Н. Скобелевъ, графъ В. А. Соллогубъ, А. Н. Струговщиковъ и многіе другіе, коихъ имена скрыты подъ начальными буквами; не упоминаемъ о статьяхъ П. Р. Фурманна и Кукольника.

И на будущее время Редакція не измѣнитъ принятымъ основаніямъ, употребляя всѣ силы и средства къ возможному улучшенію изданія.

Многіе изъ гг. подписчиковъ письменно и словесно жаловались намъ на неудобство срока подписки съ 1-го апрѣля. Заботясь во всѣхъ отношеніяхъ, облегчить желающихъ имѣть Иллюстрацію мы рѣшились допустить въ условіяхъ подписки нѣкоторыя измѣненія.

Подписка на 1846 годъ принимается не съ 1-го апрѣля, а съ 1-го января 1846-го года; подписная цѣна за 48 нумеровъ въ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 800—10 рублей серебромъ, а съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ иные города 11 р. 50 к. серебромъ.

Гг. подписавшіеся уже на цѣлый годъ, дополучаютъ слѣдующіе ихъ двѣнадцать нумеровъ за первые три мѣсяца 1846 года; если же пожелаютъ получать Иллюстрацію и послѣ 1 апрѣля 1846, то возобновляютъ свои билеты только на девять остальныхъ мѣсяцевъ 1846 года и платятъ, по разсчету, 7 рублей 50 копѣекъ серебромъ, а съ доставкою на домъ и пересылкою въ иные города по 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на 1846 годъ, если пожелаютъ имѣть 36 нумеровъ Иллюстраціи за 1845 годъ, платятъ, по тому же разсчету, 7 р. 50 к. сер., а съ пересылкою въ иные города и съ доставкою на домъ 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на Иллюстрацію каждые три мѣсяца, могутъ возобновлять свои билеты на полученіе Иллюстраціи, какъ на послѣдніе три мѣсяца 1845 г., такъ и на первые три мѣсяца 1846 года, на прежнемъ основаніи; съ 1-го же апрѣля 1846 года, возобновленіе билетовъ на три мѣсяца прекращается; подписка же вновь на три мѣсяца, безъ уплаты за всѣ вышедшіе нумера, вовсе не принимается, такъ какъ эта мѣра сопряжена съ запутанностію и разрозненіемъ экземпляровъ.

Нѣкоторые гг. подписчики, потерявъ нумера, просили насъ, нельзя ли пополнить ихъ экземпляры тѣми нумерами отдѣльно. Редакція назначила для того нѣкоторое число экземпляровъ; почему гг. подписчики могутъ пріобрѣсти каждый нумеръ отдѣльно по 25 к. серебромъ, пока назначенное для того число экземпляровъ не истощится.

бенно полезны бываютъ припарки, дѣлаемыя изъ листьевъ, отъ ревматизма и другихъ болѣзней. Изъ коры ея Камчадалы приготовляютъ веревки, Вогулы челноки и посуду, а поселяне табачные ящики (тавлинки) и проч. Вареною корою красноярскіе татары кроютъ свои кибитки, а Шведы приготовляютъ изъ нее клей, употребляемый для склеиванія ломаной фаянсовой посуды. Березовая зола доставляетъ превосходный паташъ; а мелко истолченный уголь, отличный чистительный порошокъ для зубовъ. Уголь березовый служитъ для очищенія воды, вина и другихъ жидкостей.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, поселяне полѣсья и другихъ мѣстъ, гдѣ произрастаетъ въ значительномъ количествѣ береза, пускаютъ изъ оной сокъ. Его пьютъ въ свѣжемъ состояніи; также приготовляютъ квасъ для питья и варева, и даже уксусъ. Такимъ образомъ въ неурожайные годы сокъ березовый для поселянъ можетъ нѣкоторымъ образомъ замѣнять пищу и питье. Нѣкоторые полагаютъ, что извлеченіе соку изъ березы причиняетъ ей вредъ; но это мнѣніе съ перваго разу опровергается тѣмъ, что дерево весною само собой старается освободить себя отъ излишнихъ соковъ.

Въ казенной деревнѣ Хлыновкѣ, Звенигородскаго уѣзда, въ огородѣ крестьянина находится нѣсколько березъ, въ числѣ коихъ изъ двухъ онъ добываетъ каждаго года отъ 50-ти до 70-ти ведеръ сока. Это продолжается уже болѣе десяти лѣтъ. Слѣдовательно, одна береза въ теченіе сего времени дала, по-крайней мѣрѣ, до 300 ведеръ соку, т. е. до 9,000 фунтовъ, или до 225 пудъ, тогда, когда вся масса дерева вѣситъ не болѣе 600 фунтовъ, или 15 пудъ. По этому береза даетъ каждогодно соку въ полтора раза болѣе вѣсу всей массы своей, и при всемъ томъ дерево не портится, не усыхаетъ, приноситъ зрѣлыя сѣмена, и вообще не подвергается никакимъ наружнымъ измѣненіямъ. Нужно еще замѣтить, что эти деревья растутъ на песчаной почвѣ, вообще малопитательной для растеній, и потому должны питаться болѣе листьями, нежели кореньями; а при всемъ томъ они доставляютъ такое огромное количество сока.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Козлову, Воронежск. губ., въ Бобровъ. Письмо ваше получено 16-го сентября. Иллюстрація выходитъ 22-го сентября; срокъ, вами назначенный, не кончился. Но мы теряемъ надежду разгадать вашу загадку и съ удовольствіемъ принимаемъ вашъ закладъ. За нашу непонятливость вы будете получать назначенную вами премію, но только въ одномъ случаѣ: если загадка ваша совершенно правильна, по начертанію или даже по произношенію, и если въ ней есть цѣльная фраза, а не урывки разныхъ фразъ, потому что мы по частямъ разгадали, но, складывая въ цѣлое, не находимъ связи. Ожидаемъ разгадки.

Г. К—чу, въ Д. Съ умиленіемъ прочитали мы ваше краснорѣчивое письмо; съ гордостью прочли пріятелямъ; съ огорченіемъ положили въ архивъ...

Лан—ну въ Н—овъ. Пусть умничаютъ, пока ума не израсходовали; а потомъ взаймы возьмутъ у Французовъ. Некогда справляться, а кажется, и теперь живутъ на счетъ забытыхъ газетъ.

Х—у, въ Г.—Точка поссорилась съ запятой; восклицательный знакъ закололся; вопросительный повѣсился; и тому подобныя фантазіи приходятъ ему въ голову, или лучше, выходятъ изъ его головы. Если прорвется мѣшокъ съ мякиной, то повѣрьте, что оттуда посыплется непремѣнно мякина, а не пшеница или другое зерно.

Асп.... Письмо ваше коротко и ясно. Образецъ лаконизма. Мы можемъ съ нимъ сравнить только одно выраженіе стараго проповѣдника, который изрекъ: «Премудро поставлена смерть на концѣ жизни; для того чтобы мы успѣли къ ней приготовиться.»

П***. Что читается повсемѣстно и постоянно? То, о чемъ повсемѣстно и постоянно говорятъ люди читающіе.

ИГРЫ.

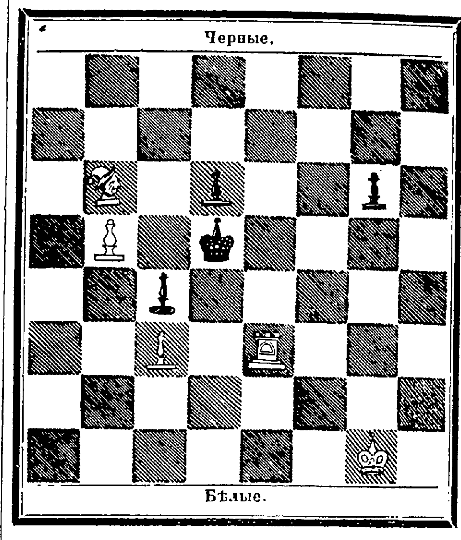
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 23.

Бѣлые.	Черные.
1) Конь что на 8 кл. на 7 к. Сл. Ф.	Кор. на 5 м. ф.
2) Тотъ же Конь на 6 кл. Кор.	Кор. на 4 м. ф.
3) Ф. на 5 кл. Сл. св.	П. беретъ Ф.
4) Л. на 8 м. Ф. и матъ.	

ЗАДАЧА № 24.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ пять ходовъ.



РАЗГАДКА № 23.

Есть печь а тепла нѣтъ.

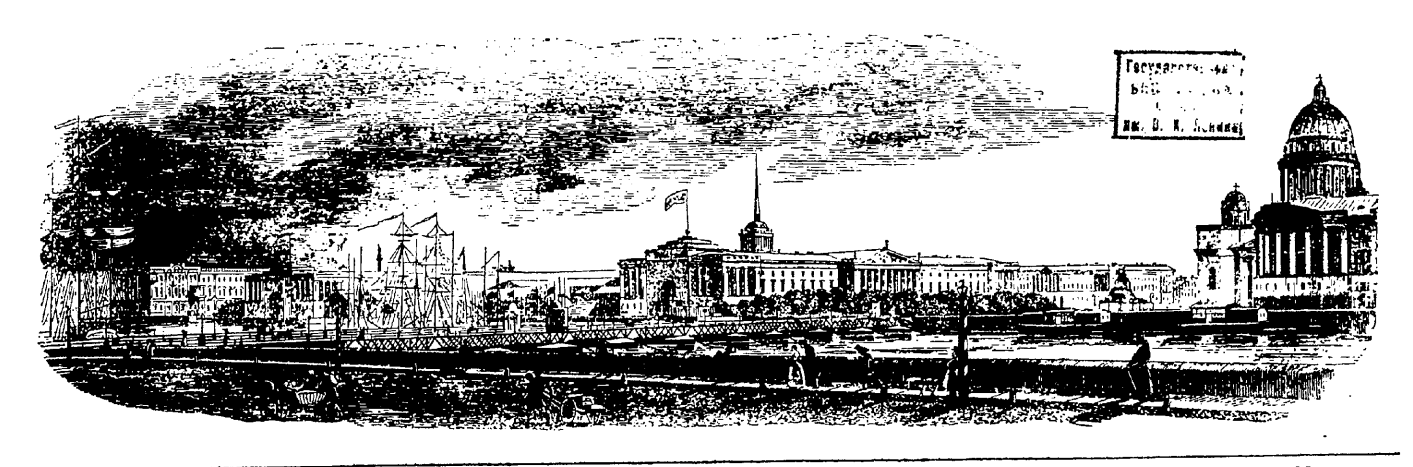
ЗАГАДКА № 24.

БЫВАЮТЪ НОЙ О

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Сентября 21 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 25.—Суббота, 29 Сентября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О НОВОЙ ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

въ 1846 году.

Съ выходомъ 24 нумера окончилось полугодовое изданіе Иллюстраціи. Публика можетъ судить, исполнила ли Редакція свои обѣщанія?

У насъ все любятъ сравнивать съ иностраннымъ, не принимая во вниманіе, что тамъ число подписчиковъ считаютъ десятками тысячь, а у насъ если перейдетъ за тысячу подписчиковъ — это ужъ значительный успѣхъ, а между тѣмъ какая разница: съ одной стороны, въ средствахъ, а съ другой, въ издержкахъ!

Не смотря на эти матеріальныя препятствія, не смотря на всѣ усилія противниковъ нашихъ, неусыпно старающихся повредить каждому доброму начинанію, въ которомъ устранены ихъ выгоды и личное участіе, не смотря, наконецъ, на то, что при подобномъ изданіи каждый шагъ есть опытъ, не рѣдко сопровождаемый значительными и чувствительными потерями—Иллюстрація не только выходила со всею исправностью, совершенно согласно объявленнымъ обѣщаніямъ, но постоянно улучшалась во многихъ отношеніяхъ: бумага лучше прежняго, гравюръ несравненно болѣе обѣщаннаго, печатаніе гравюръ теперь отчетливѣе... Редакція не остановится и въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ.

Не самолюбіе, а желаніе отдать публикѣ отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, побуждаетъ насъ обратить ея благосклонное вниманіе на то, что сдѣлано. Такая статистика лучше всего опредѣляетъ относительное достоинство изданія. Уклоняемся отъ разсужденій, укажемъ только факты.

Въ 24 нумерахъ Иллюстраціи сорокъ пять повѣстей и разсказовъ, десять стихотвореній, тридцать статей по части наукъ, семнадцать художественныхъ, четырнадцать музыкальныхъ и театральныхъ, двадцать двѣ хозяйственныхъ, до 300 извѣстій отечественныхъ и чужестранныхъ, и 371 гравюра, изъ числа коихъ 157 оригинальныхъ русскихъ, гравированныхъ, здѣсь, въ Петербургѣ. Само собою разумѣется, что въ это число не входятъ загадки и другія мелочи, какъ то, игры, моды и т. п. Также въ итогъ статей мы не вносимъ и тридцати анекдотовъ и другихъ мелкихъ статеекъ.

Въ изданіи Иллюстраціи принимали участіе: А. П. Башуцкій, Е. П. Гребенка, Э. И. Губеръ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, Е. П. Ковалевскій, Л. А. Кавелинъ, Казакъ Луганскій, Н. А. Полевой, А. И. Пальмъ, А. Л. Плещеевъ, А. И. Петровъ, И. Н. Скобелевъ, графъ В. А. Соллогубъ, А. Н. Струговщиковъ и многіе другіе, коихъ имена скрыты подъ начальными буквами; не упоминаемъ о статьяхъ П. Р. Фурманна и Кукольника.

И на будущее время Редакція не измѣнитъ принятымъ основаніямъ, употребляя всѣ силы и средства къ возможному улучшенію изданія.

Многіе изъ гг. подписчиковъ письменно и словесно жаловались намъ на неудобство срока подписки съ 1-го апрѣля. Заботясь во всѣхъ отношеніяхъ, облегчить желающихъ имѣть Иллюстрацію мы рѣшились допустить въ условіяхъ подписки нѣкоторыя измѣненія.

Подписка на 1846 годъ принимается не съ 1-го апрѣля, а съ 1-го января 1846-го года; подписная цѣна за 48 нумеровъ въ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 800—10 рублей серебромъ, а съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ иные города 11 р. 50 к. серебромъ.

Гг. подписавшіеся уже на цѣлый годъ, дополучаютъ слѣдующіе ихъ двѣнадцать нумеровъ за первые три мѣсяца 1846 года; если же пожелаютъ получать Иллюстрацію и послѣ 1 апрѣля 1846, то возобновляютъ свои билеты только на девять остальныхъ мѣсяцевъ 1846 года и платятъ, по разсчету, 7 рублей 50 копѣекъ серебромъ, а съ доставкою на домъ и пересылкою въ иные города по 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на 1846 годъ, если пожелаютъ имѣть 36 нумеровъ Иллюстраціи за 1845 годъ, платятъ, по тому же разсчету, 7 р. 50 к. сер., а съ пересылкою въ иные города и съ доставкою на домъ 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на Иллюстрацію каждые три мѣсяца, могутъ возобновлять свои билеты на полученіе Иллюстраціи, какъ на послѣдніе три мѣсяца 1845 г., такъ и на первые три мѣсяца 1846 года, на прежнемъ основаніи; съ 1-го же апрѣля 1846 года, возобновленіе билетовъ на три мѣсяца прекращается; подписка же вновь на три мѣсяца, безъ уплаты за всѣ вышедшіе нумера, вовсе не принимается, такъ какъ эта мѣра сопряжена съ запутанностію и разрозненіемъ экземпляровъ.

Нѣкоторые гг. подписчики, потерявъ нумера, просили насъ, нельзя ли пополнить ихъ экземпляры тѣми нумерами отдѣльно. Редакція назначила для того нѣкоторое число экземпляровъ; почему гг. подписчики могутъ пріобрѣсти каждый нумеръ отдѣльно по 25 к. серебромъ, пока назначенное для того число экземпляровъ не истощится.

МАМЕНЬКА.

I.

У маменьки не было ни одного сына, ни одной дочери. У маменьки не было и мужа, потому что маменька была и въ молодости дурна собой, а если бы и была пригожа, то едва ли бы вышла замужъ, потому что она любила только деньги. Отецъ маменьки былъ ростовщикъ, бралъ только два или уже рѣдко три процента въ мѣсяцъ, давалъ деньги взаймы охотно, но подъ залогъ, превышавшій заемъ вчетверо, и то благороднаго качества, какъ то: золото, серебро, а по нуждѣ только, подъ шубу или турецкую шаль. Не смотря на всю свою осторожность, отецъ маменьки и самъ попалъ въ бѣду: далъ двадцать пять рублей мѣдью подъ залогъ золотыхъ часовъ, не справясь съ мастеромъ. Часы оказались семилоровые; ростовщикъ огорчился, захворалъ и умеръ. Осталась маменька круглой сиротой, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ сундуками и шкафами, но денегъ не нашла нигдѣ; напрасно полъ, потолокъ, печи, тюфяки, все было тщательно обысканы—нигдѣ ни копѣйки; маменька нашла десятка три закладныхъ ломбардныхъ билетовъ, и только. Но маменька была не промахъ; она знала всѣхъ должниковъ, всѣ ихъ долги, и около года употребила на приведеніе въ порядокъ дѣлъ покойника. Скопивъ капиталецъ тысячь въ десять и опасаясь, чтобы заемщики обманомъ не лишили ее всего состоянія, она давала взаймы только знакомымъ и подъ такіе огромные залоги, что и знакомые отстали отъ маменьки, превзошедшей въ этомъ дѣлѣ отца. Казенными процентами съ десяти тысячь — трудно жить въ Петербургѣ; маменька прибѣгала къ разнымъ хитростямъ: торговала — но неудачно, только что не въ убытокъ; держала холостыхъ людей на хлѣбахъ, но и тутъ доходъ былъ самый незначительный; особенно разорилъ ее одинъ пріѣзжій купецъ, который ѣлъ за четверыхъ, а платилъ всегда за полмѣсяца, когда пройдетъ мѣсяцъ, такъ, что если отказать ему, то придется потерять плату за двѣ недѣли. Въ горѣ маменька по вечерамъ ходила къ сосѣдкамъ; изъ нихъ одна была богатая купчиха, а другая бѣдная чиновница; и у той и у другой были взрослыя дочери; на бѣду, у каждой было по одной больной дочери; маменька часто слышала, что докторъ совѣтовалъ и той и другой употребить морскія ванны и обѣщалъ непремѣнное исцѣленіе. Въ Ревель, въ Гапсаль, въ Гельсингфорсъ, только непремѣнно этимъ лѣтомъ. У купчихи бывали гостьи... Случись, что одна изъ нихъ была въ Гельсингфорсѣ, да какъ стала разсказывать, какъ тамъ все дешево, какъ тамъ кружева по грошу, полотно голландское по гривнѣ, атласъ по пятиалтынному за аршинъ, такъ маменькѣ дурно сдѣлалось. Какой легкій способъ къ обогащенію! Но какъ провезти черезъ границу?..

«Все, матушка, можно, только осторожно. «Платьевъ сколько хочешь, только шитыхъ, и знаете, чтобы внизу то чуть чуть поношено было, «лишьбы только пыль замѣтна была, не отымутъ; «рубашекъ, платковъ, сколько душѣ угодно, лишь«бы твоя мѣтка была; кружевъ, сколько раз«судишь, только обшей ими юпки, или пеле«рину изъ нихъ сдѣлай; большихъ платковъ мо«жешь имѣть два, три на персону; точно также «и чашки и посуду: у нихъ есть правило, кажется «по шести паръ на особу... Да чего! бронзовые «часы, люстры провезти можно, коли поѣдешь «семьей. Провезешь, по закону, а ужъ навѣр«но, за что тамъ заплатишь тысячу рублей, «такъ тутъ, у насъ, и на десять не купишь.»

Маменька упала въ обморокъ, перепугала и хозяйку и гостей, а какъ отошла, тотчасъ отправилась домой и давай плакать. О чемъ? А о томъ, какъ она была такой дурой, что, вотъ уже три года на своей волѣ, а не съѣздила въ Гельсингфорсъ; могла бы побывать тамъ три раза, за десять тысячь купить на сто, за сто тысячь—на милльонъ, за мильонъ—маменька зарыдала; но тутъ же успокоилась. Да кто же мнѣ мѣшаетъ, подумала она, поѣхать этимъ лѣтомъ!.. Только одна... Много ли я вывезу оттуда? — И тѣхъ вещей, что семейнымъ вывозить позволено, мнѣ нельзя, а въ нихъ то и барыши... Гм!...

Маменька улыбнулась; всю ночь продумала; поутру явилась къ купчихѣ.

— Охъ!

— Что, матушка?

— Охъ, недугъ посѣтилъ. Посылала за лекаремъ; въ Ельсинфорсъ посылаетъ. Нечего дѣлать.

— Чтожъ, ты ѣдешь?

— Ѣду, матушка... Да одна. Такая скука! И на морской то машинѣ... Охъ, боюсь...

— Ахъ ты, мать моя, возьми и мою Леночку...

— Пожалуй, я готова тебѣ служить, только на морской машинѣ...

— Экая ты право. Да послѣ моего покойнаго у меня тарантасъ остался; втроемъ помѣститься; а ужъ за проѣздъ я заплачу: дочь моя тебѣ въ тягость не будетъ...

Вы догадаетесь, что маменька не прочь... Ударили по рукамъ и маменька отъ купчихи прямо къ чиновницѣ...

— Охъ...

— Что съ вами?

— Плохо! Недугъ одолѣлъ. Лекарь въ Ельсинфорсъ посылаетъ...

Чиновница горько улыбнулась и посмотрѣла на дочь, которая въ глубокой задумчивости сидѣла у окна и, казалось, не слышала ихъ разговора...

— Вотъ бы и вамъ, продолжала маменька, Лизаньку туда же послать...

— Гдѣ намъ?

— Да я, пожалуй, съ собою возьму. У меня тарантасъ просторный; помѣстимся втроемъ, потому что со мною одна знакомая ѣдетъ...

— Да что это будетъ стоить!

— Бездѣлицу, вы только за одну лошадь заплатите, да на харчи и аптеку; вѣдь и тутъ тотъ же расходъ...

— Я поговорю съ мужемъ... Вотъ и онъ уже собирается въ департаментъ. Сеня!.. Дѣло обдѣлалось. Съ восторгомъ маменька возвратилась домой, сѣла къ столу, схватила календарь и давай высчитывать... Во всѣхъ разсчетахъ являлись самые пріятные нумера; маменька досидѣлась до того, что нахлѣбники къ обѣду собираться стали. Первый явился отставной коллежскій ассессоръ Зауершмакъ. Онъ жилъ пенсіономъ и питался у маменьки. Едва вошелъ онъ въ двери, какъ геніальная мысль промелькнула въ головѣ маменьки.

— Христіанъ Христіановичъ?

— Что-съ?

— Прощайте.

— Какъ-съ...

— А такъ. Ѣду въ Ельсинфорсъ.

— Не знаю-съ.

— За море!

— А! Гдѣ же я буду обѣдать?..

— Хотите, у меня; я сама для васъ буду стряпать.

— Такъ и я долженъ съ вами ѣхать?

— А кто же вамъ мѣшаетъ?

— Никто!

— Ну, то-то и есть! А хотите, я васъ два мѣсяца буду кормить даромъ.

— О, этого быть не можетъ...

— То есть, не даромъ, а вотъ за что: вы возьмете подорожную на ваше имя съ будущими.

— Могу взять.

— А я поѣду подъ именемъ вашей жены. Вѣдь васъ тамъ никто не знаетъ.

— Никто...

— Ну, по рукамъ, Христіанъ Христіановичъ!

— Но я тогда буду въ убыткахъ... Подорожная, прогоны...

— Все мое...

— О, этого не можетъ быть...

— Мое...

— Ну, такъ я ѣду.

И точно! Ночью, въ исходѣ іюня, черезъ Выборгскую заставу проѣхалъ отставной коллежскій ассессоръ Зауершмакъ съ женою и двумя дочерьми. Маменька, — теперь вы понимаете отъ чего она маменька, — сидѣла съ дѣтками въ тарантасѣ, а папенька, желая наслаждаться живописною природою Финляндіи, пребывалъ на козлахъ и курилъ трехконечную сигарку.

II.

Маменька не обращала никакого вниманія на прелести Финляндіи. Увидавъ семью озеръ, она воскликнула только: Батюшки, воды сколько! Глядя на водопадъ, затыкала уши и приговаривала: Есть изъ чего на большой дорогѣ такой шумъ заводить. А проѣзжая лѣсами, покрывавшими громады первобытныхъ гранитовъ, которыхъ обнаженныя главы отъ старости разсыпались крупнымъ пескомъ, маменька жмурилась и шептала: Тфу ты адъ какой; тутъ то воровъ и разбойниковъ! Христіанъ Христіановичъ! гляди въ оба.— Выборгъ, Фредерикегамъ, Ловиза, Борго не оставили ея вниманія. Чтобы успѣть сшить побольше платьевъ и не издерживаться на ночлеги, ѣхали днемъ и ночью. Іюльское небо тому благопріятствовало. Наконецъ пріѣхали къ ночи въ столичный городъ великокняжества — Гельсингфорсъ; ямщикъ, нѣмой Финнъ, привезъ тарантасъ прямо къ гостинницѣ Bellevue. Тамъ всѣ окна были освѣщены, музыка гремѣла, пассажирки вошли въ общую залу, а Зауершмакъ сталъ нанимать квартиру.

«Экой содомъ!» шептала маменька — погляди, Леночка. Дамы-то въ шляпахъ сидятъ съ мужчинами открыто, будто въ Екатерингофѣ или Павловскомъ!.. Музыка по ночамъ...»

Ловкій лакей съ салфеткой подскочилъ и спросилъ что то по—нѣмецки. Маменька только головой помотала.

— Ништо не прикажетъ!..

— Пошолъ ты, отвяжись! Лишь бы деньги выманить...

— Да мнѣ есть хочется, сказала Леночка...

— Обождемъ, матушка; пускай Христіанъ Христіановичъ квартиру сниметъ...

— Нѣтъ ни одного нумера, сказалъ Христіанъ Христіановичъ, входя въ залу: всѣ заняты. Пойдемъ въ Сосьетигусъ...

— Куда?

— Въ Сосьететскій домъ.

— Что это такое, батюшка? Можетъ быть, еще хуже этого...

— Нѣтъ! такой же трактиръ...

Пріѣхали. Нашли нумеръ. Но какъ тамъ помѣститься? Хотя Христіанъ Христіановичъ и отецъ и мужъ, но дѣвушки никакъ непозволяютъ, и Христіанъ Христіановичъ Зауершмакъ изгнанъ.—Посчастью, Христіанъ Христіановичъ былъ Нѣмецъ и нашелъ себѣ мѣсто. Ни свѣтъ, ни заря, маменька встала и собралась идти на рынокъ, но къ ужасу своему узнала, что тутъ нельзя имѣть своего стола... Маменька взбѣсилась и отправилась отыскивать вольную квартиру. Вышедъ на площадь, она невольно остановилась, и на ея чер-

ствую натуру не могло не подѣйствовать величіе вида, великолѣпно раскинутаго передъ окнами Society Hus. Земля какъ будто простирала къ морю руки, чтобы сжать его въ своихъ объятіяхъ, а море ласкалось на самой груди берега; море какъ будто было въ гостяхъ у земли; дикое и бурное на своемъ просторѣ, оно зашло въ городъ и какъ будто подчинилось градскимъ законамъ. Море на площади, корабли въ городѣ, прекрасная эспланада, раздѣленная тѣнистымъ бульваромъ, катилась съ горъ къ любезнымъ волнамъ; направо впилѣлись гранитныя скалы, эти Лакедемоняне природы, на которыхъ не смѣло расти дерево, прозябать быліе; налѣво, архипелагъ островковъ плавалъ, будто стадо утокъ, а словно матка у нихъ, гордо обливалась противу самой пристани, группа скалъ неприступнаго Свеаборга. — Весь Гельсингфорсъ въ этомъ мѣстѣ — и это мѣсто можетъ поспорить съ лучшими въ этомъ родѣ видами Европы. Маменька взглянула, сказала «важно!» и обратила свое вниманіе на муравейникъ, который тутъ же на площади кипѣлъ своею торговою жизнью. Тутъ поваръ сражался съ кухаркою за пятокъ огурцовъ; тамъ деньщикъ вырывалъ изъ рукъ кучера мѣшокъ раковъ. Масла и холста сколько угодно, но впрочемъ почти ничего достать нельзя на этомъ рынкѣ... А на морѣ, то есть, на той же площади, только на водѣ — рыбы, сколько угодно: сушеной, соленой, вяленой, и даже свѣжей; въ бочкахъ, боченкахъ, кадкахъ, кадушкахъ, качается рыба на легкихъ мачтовыхъ челнокахъ, на которыхъ финская баба издалече привозитъ шерами по морю свою добычу на столичный рынокъ; въ параллель съ рыбою, какъ будто балюстрадъ набережной, уставлены лотки торговокъ; лотки покрыты, завѣшены полотномъ, шведской холстинкой, платками, чулками и пр. Маменька спросила цѣны и чуть не заплакала отъ удовольствія. Эти товары дѣйствительно были дешевы. Съ помощію солдата, который тутъ же продавалъ башмаки, маменька купила себѣ на платье холстинки и пошла отъискивать квартиру... По эспланадѣ и въ ближайшихъ улицахъ она видѣла много квартиръ. Нѣсколько комнатъ, съ дровами, водою, половымъ и спальнымъ бѣльемъ, съ кухней, со всею посудой для кухни и стола — на цѣлое лѣто сто рублей... Маменька чуть не умерла отъ радости. Но уже такова человѣческая натура. Дешево, — нѣтъ, нельзя ли подешевле, и точно, нашла, съ помощью того же солдата, далече за театромъ, въ новыхъ улицахъ, обширную квартиру за 35 р. асс. въ лѣто... Маменька проворно вынула цѣлковый, всучила въ руку хозяйкѣ и сказала: На, матушка, квартира за мной; мы сейчасъ переѣдемъ. — Бра, бра отвѣчала та спокойно, и точно, не больше какъ черезъ полчаса Христіанъ Христіановичъ Зауершмакъ, сонный, Леночка, тожъ, Лизанька, тожъ, и тарантасъ, влекомый однимъ конемъ, въѣхали и вошли на новое жилище, подъ руководствомъ солдата... А маменька была на рынкѣ, ругалась, что ее не понимаютъ, ругалась, что не могла найти говядины и зелени, и, накупивъ рыбы, воротилась въ сердцахъ домой. Стряпня была не продолжительна. Позавтракали и маменька собралась въ путь...

— Куда вы это?..

— Въ ряды... За чѣмъ же я сюда пріѣхала?

Пошла маменька, обошла весь городъ, рядовъ не нашла, кого ни спроситъ: — Батюшка, гдѣ тутъ ряды, гостинный дворъ? Помотаютъ головою и пойдутъ дальше...

— Что за диво такое? Да туда ли мы пріѣхали? Это Ельсинфорсъ, что-ли? спросила она у молодаго флотскаго офицера, который въ глубокой задумчивости прохаживался по бульвару; тотъ утвердительно кивнулъ головой и пошелъ дальше. Стоя на краю бульвара, маменька видѣла, что безпрестанно и дамы и мужчины приходятъ къ этому мѣсту, берутъ извощика, громко говорятъ: Балгусъ! и уѣзжаютъ. Извощики возвращаются на-порожнѣ. «Вотъ оно гдѣ!» подумала маменька; кликнула извощика, усѣлась, сказала: балгусъ и поѣхала...По некрасивой улицѣ втащилъ извощикъ маменьку на гору; тутъ открылся прекрасный видъ; новораскинутый садъ около минеральныхъ водъ дышалъ весеннею свѣжестью. Въ заведеніи минеральныхъ водъ гремѣла музыка; много экипажей стояло на площадкѣ; вдали красивое зданіе, къ которому и подвезъ извощикъ барыню... Тутъ, что-ли? спросила она. Тутъ! А сколько тебѣ слѣдуетъ... Гривна серебра. — Экая честность, подумала маменька, и безъ торгу лишняго не беретъ. — Заплатила, вошла въ домъ; направо пустая комната, налѣво тоже, прямо корридоръ; тутъ же окошечко; тамъ старая барыня сидитъ, билеты раздаетъ...

— Видишь какое заведеніе! — Эй, матушка, гдѣ тутъ ряды? А?..

Та отрицательно покачала головой.

— Гостинный дворъ, магазей?

Тотъ же отвѣтъ.

— Ну, гдѣ у васъ товары продаютъ?.. Да ты нѣмая, что-ли? Ахъ ты, Господи, вотъ сторонка! и распросить не у кого.

На счастье, по корридору шли двѣ барыни, и разговаривали по-русски. Маменька, естественно, не отстала отъ нихъ, пока онѣ не объяснили ей, что этотъ домъ купальни, гдѣ берутъ теплыя ванны, и постепенно охлаждая ихъ, привыкаютъ, или пріучаютъ себя, къ температурѣ моря...

— А что берутъ за ванну?

— 25 и 30 коп. серебромъ.

— Видишь хитрые какіе! Морочатъ и Божьимъ добромъ торгуютъ. Нѣтъ, матушка, я за воду денегъ платить не буду; я лучше подожду теплыхъ дней, да безъ денегъ прямо въ воду...

— Нельзя! И за холодныя ванны надо платить...

— Да что они пошлину, что-ли, на море наложили! Нѣтъ, ужъ этому не бывать... Ну, да это еще впереди. А гдѣ же ряды?

— Рядовъ здѣсь нѣтъ; а есть отдѣльныя лавки, въ которыхъ можно купить все, что угодно... И какъ дешево... ужасъ!..

— Гдѣ же эти лавки?..

— Главныя у бульвара, Этолена, Ушакова; такъ же Аспелинъ и Ленцъ противу собора; Деккеръ немножко подальше, а у Лангши чудесные товары; только она живетъ вотъ тамъ, за мостомъ.

— Спасибо, матушка, спасибо, что научили... И маменька отправилась. Путь не близокъ; пока добралась пѣшкомъ до бульвара, наступила и торговая пора; для Гельсингфорса, это время то же, что для человѣка вообще — пора обѣденная: всѣ улицы наполняются пилигримами, а пуще пилигримками. Любители преферанса не играютъ; любители чтенія не читаютъ; сплетницы не сплетничаютъ; курильщики не курятъ — всѣ — покупаютъ. Этотъ глаголъ, какъ сами видите, не означаетъ событія совершившагося; покупаютъ, то есть, разсматриваютъ товары, прицѣняются, совѣтуются съ карманомъ — и часто случается, что этотъ глаголъ изъ настоящаго времени въ прошедшее не переходитъ. Толкотня, давка; на улицахъ будто муравейникъ; тутъ юноша, получившій въ іюнѣ званіе самостоятельнаго человѣка, мотаетъ деньги и посыпаетъ свое мотовство цвѣтами остроумія; тутъ дѣвушки ходятъ въ однихъ платьицахъ, какъ будто жарко, а собственно для того, чтобы блеснуть таліей, которую три дѣвки два часа утаптывали въ корсетъ; тутъ степенные составляютъ партіи на вечеръ; а между тѣмъ всѣ покупаютъ. Въ лавкѣ Этолена, такова старая фирма торговаго дома Бокштрема и Ком., только и слышишь: мой милый Сандель (компаньонъ, управляющій продажей), Mon bon Sandel, mon cher Sandel, M-r Sandel!.. И съ обязательнаго Санделя катится градомъ потъ. Кто спрашиваетъ муслинъ-де-ленъ, кто кружева, кто ленты, кто тросточки, кто люстру, кто пробочникъ, кто цыгарочницу, кто сережки... Столпотвореніе! Что же вы думаете? Все это закуплено? Ни чуть не бывало. Толпа переливается, покупщики переходятъ въ лавку Ушакова, другіе идутъ имъ на смѣну, потомъ къ Аспелину, къ Ленцу, къ Деккеру, наконецъ къ г-жѣ Лангъ за мостъ, гдѣ въ темномъ деревянномъ домикѣ лежитъ грудами разный товаръ... Цѣлый мѣсяцъ проходитъ въ опытахъ, часто неудачныхъ. Накупится много ненужнаго, выйдетъ пропасть денегъ; за остальныя, правда, пріобрѣтутся уже предметы по выбору и точно дешево, но когда сведутся итоги — Гельсингфорсъ обойдется дорого... Маменька не принадлежала къ этому класу покупательницъ; она въ первый же день перерыла шесть магазиновъ, воротилась поздно ввечеру, не принесла съ собой ни иголки.

— Гдѣ вы это пропадали? спросила больная Леночка, которой отъ рыбы стало очень нехорошо...

— Славны бубны за горами, а тутъ не многое дешевле нашего. Сахару, кофе не повезешь; шелки — дрянь; сукно и того хуже; полотна туда сюда; фуляры тоже; вотъ эти муслинделены, да белендрясы бронзовые, на этихъ можно заработать; на часахъ карманныхъ, да на столовыхъ также можно схватить лишнюю деньгу, да все это десять, ну пусть пятнадцать процентовъ... И то нѣтъ! Экая проклятая разсказщица; а еще говоритъ, что сама здѣсь была. Видно по гостинному сама не ходила, видно все изъ невскихъ магазеевъ закупала, такъ ей и показалось больно дешево, а тутъ... Ну, да вотъ сервизецъ бы на четыре персоны, можно сложить по разсчету; лишней тарелки не отымутъ... Ну, надо дѣлать, что можно...

И на другой же день, съ утра самого забралась маменька къ милому Санделю; разомъ двѣнадцать муслиндеденовъ закупила, нѣсколько штукъ полотна и пропасть кружевъ. Натурально, такія закупки возбудили почтеніе въ продавцахъ и зависть въ посѣтителяхъ; лорнеты, черезъ которые присматривались къ узору ситца или матеріи, обратились на маменьку. Она никакого не обращала вниманія на соперницъ, приказала все это уложить и прислать къ себѣ на квартиру, гдѣ и деньги заплачены будутъ по счету. Эту сноровку переняла маменька у дамъ еще вчера, и нашла, что эта мѣра высокаго благоразумія и осторожности. Не успѣла она воротиться домой, какъ на красивой лошади, стоя на одноколкѣ, точно римскій возница, подкатился ломовой извощикъ и привезъ огромную кладь. Повѣривъ по реэстру товары и заплативъ деньги, маменька стала исчислять, сколько на какомъ кускѣ заработаетъ. Шить самой было бы трудно; простыни еще туда сюда, но платья... и собрались портнихи; сняли мѣрки съ маменьки и дочерей, и унесли товары. Дочери, разсматривая товары, чуть было не выздоровѣли; но вспомнивъ, что это все не для нихъ, что у нихъ нѣтъ лишней копѣйки на покупки, несчастныя еще хуже расхворались. Маменька утѣшала ихъ — моремъ. Одинъ только Зауершмакъ оставался спокоенъ; онъ отправился осмотрѣть городъ; видѣлъ университетъ и обсерваторію, побывалъ и на паперти великолѣпнаго зданія новаго собора, и пожалѣлъ, что это красивое строеніе никакъ не можетъ окончиться; оттуда и онъ зашелъ въ магазины и тамъ повстрѣчался съ задумчивымъ флотскимъ офицеромъ, котораго вчера маменька видѣла на бульварѣ...

— Это вы Христіанъ Христіановичъ! вскрикнулъ флотскій офицеръ.

— Это я.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Ничего не дѣлаю.

— Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

— Такъ себѣ.

— Какъ я радъ васъ видѣть. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю, когда вы были моимъ гувернеромъ. Какое чудесное было время.

— Очень хорошее было время.

— А теперь!.. Боже мой!

— И теперь прекрасная погода...

— Охъ, не то, Христіанъ Христіановичъ! Я радъ, что я васъ встрѣтилъ... Пойдемте со мной обѣдать...

— У меня есть обѣдъ дома.

— На мой счетъ, Христіанъ Христіановичъ.

— Извольте.

— Эй, извощикъ! Теперь два часа скоро. Весь Гельсингфорсъ сядетъ обѣдать за табльдоты. Я

люблю, столъ на водахъ. Тамъ, по моему, лучше... Не правда ли?

— Правда...

— Ахъ, Христіанъ Христіановичъ, вы никогда не были влюблены.

— Былъ.

— И что жъ?

— Тѣмъ и кончилось. Мнѣ дали абшидъ...

— И мнѣ, и мнѣ?.. И за что? За то, что я не далъ денегъ взаймы, тогда какъ у меня у самого гроша не было. Потомъ я и съ деньгами приходилъ раза два—не приняли, даже въ прихожую не впустили... Я надѣялся гдѣ нибудь встрѣтить этого упрямца; но служба меня унесла изъ Петербурга. На дняхъ я получу отпускъ и полечу назадъ на первомъ пароходѣ...

Отобѣдали за табльдотомъ. Христіанъ Христіановичъ остался очень доволенъ и хотѣлъ уже идти осматривать городъ, но кто-то подошелъ къ нимъ и сказалъ офицеру:

— Пиковкинъ, хочешь въ преферанчикъ?..

— Некогда. А вы, Христіанъ Христіановичъ? Вы, кажется, любили поиграть въ карты...

— Я въ большую не играю.

— По три копѣйки...

— Хорошо... А вы завтра гдѣ обѣдаете? спросилъ Христіанъ Христіановичъ у своего ученика. Тотъ улыбнулся и сказалъ.

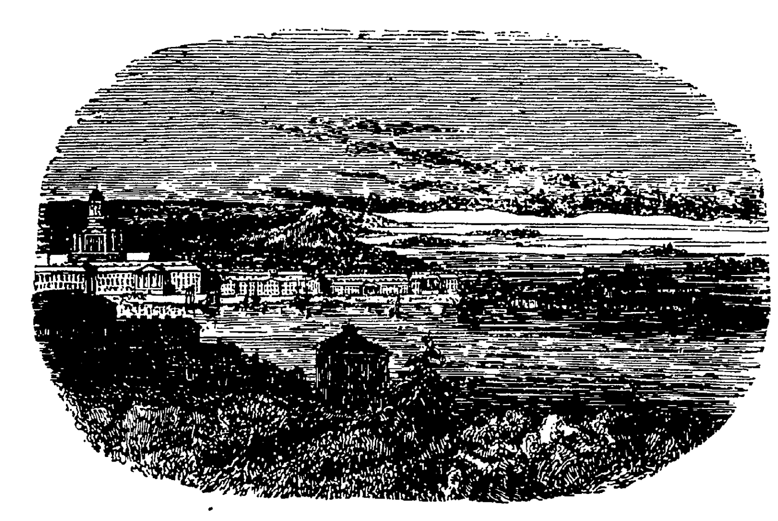
— Съ вами, съ вами, любезнѣйшій, въ Кайсанъ Іеми! Я за вами пріѣду.

— Нѣтъ, я приду за вами. Гдѣ вы живете?

— Въ Бельвю!

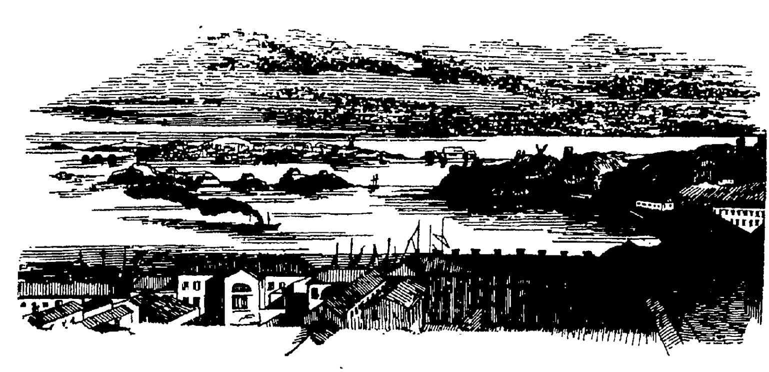
— До свиданія!..

Прошло не мало времени. Маменька покупала. Христіанъ Христіановичъ обѣдалъ на счетъ ученика и каждый день игралъ въ преферансъ отмѣнно удачно. Больныя хворали и ожидали у моря погоды. Болѣзни ихъ были совершенно различны: одна, Леночка, страдала тѣломъ; другая, Лизанька, душею. Недугъ первой усиливался, недугъ Лизаньки все былъ въ одномъ положеніи. — Одна охала, другая вздыхала. Между тѣмъ маменька приступила къ покупкѣ сервиза. — Когда съ нея запросили за сервизъ на 48 персонъ четыреста рублей ассигнаціями, она очень хорошо понимала, что это дешево, но сочла необходимымъ торговаться. [illegible] Помилуйте! Довольно будетъ и двухъ [illegible]ень.» — За эту цѣну, [illegible]я, и въ Або не ку[illegible] [illegible]дѣ это Або? — Не далече. Пароходъ [illegible]ю недѣлю ходитъ... — Отъ чего же тамъ [illegible]е?.. Отъ того, замѣтилъ посторонній поку[illegible], что тамъ нѣтъ Русскихъ. Мы, здѣшніе, л[illegible]омъ [illegible]чего купить не можемъ. Русскіе гости ужасно возвышаютъ цѣны... «Маменькѣ сдѣлалось дурно, а покупатель продолжалъ: «Лѣтомъ мы ничего не покупаемъ, а если что необходимо, посылаемъ въ Або; не за горами. Пароходъ теперь облегчилъ сообщеніе, да къ тому же между двумя городами нѣтъ ни какой таможни, вези что хочешь!..



Видъ Гельсингфорса.

Соборная церковь въ Гельсингфорсѣ.



Видъ съ Гельсингфорса на море.

Маменька воротилась домой въ бѣшенствѣ. Издержавъ болѣе половины своего капитала, она узнала, что въ нѣсколькихъ шагахъ тѣ же товары значительно дешевле. «Проклятая! Небось все лгала! Она тутъ и не бывала, а разсказываетъ ни вѣсть что! Вѣрь этимъ сплетницамъ! Хорошо еще, что запасецъ остался, а то бы разорила меня окаянная! Что сегодня, батюшка! сегодня [illegible] пароходъ отходитъ? Христіанъ Христіановичъ! Гдѣ онъ пропадаетъ! По цѣлымъ днямъ его не вижу. Пусть себѣ не обѣдаетъ, я не сержусь, но въ другое время зачѣмъ не сидитъ на своемъ мѣстѣ...

[illegible] На бѣду свою, Христіанъ Христіановичъ [illegible] былъ дома какую-то бумажку и воротился. Маменька не выпустила несчастнаго; отправилась съ нимъ въ полицію, взяла паспортъ, объявила, что дочери остаются за болѣзнію въ Гельсингфорсѣ, а сама съ мужемъ прямо на пароходъ, и уѣхали...

Продовольствіе бѣдныхъ дѣвицъ было обезпечено; билеты на ванны взяты; сторгованъ извощикъ, который долженъ былъ возить ихъ въ Ульрикасборгъ, къ морскимъ ваннамъ, слѣдственно, кратковременное отсутствіе маменьки не могло нарушить порядка и жизни и леченія нашихъ дѣвицъ... Притомъ же маменька разсчитала, что ей выгоднѣе держать кухарку, чѣмъ стряпать самой. Наняла таковую за три рубля мѣдью въ мѣсяцъ и предалась своимъ торговымъ оборотамъ. По четыре платья на персону было уже готово; положено было каждый разъ ѣдучи въ ванну одѣвать по одному; возвратясь домой снимать и укладывать въ чемоданъ, яко заношенное. Наступилъ и день, въ который положено было двумъ дѣвушкамъ погрузиться въ море. Извощикъ явился. Дѣвицы надѣли новыя платья, сѣли на линейку (другихъ дрожекъ въ Гельсингфорсѣ, къ счастію, нѣтъ) поѣхали; пріѣхали; пошли въ ванну дальнюю, куда надо проходить мимо мужскихъ; вдругъ Лизанька вскрикнула и остановилась... Къ нимъ въ глубокой задумчивости подходилъ Пиковкинъ...

— Ипполитъ Александровичъ! невольно вскрикнула Лиза...

— Боже мой! Лизавета Семеновна! Вы ли это! Здѣсь!..

— Здѣсь, опустивъ глаза, отвѣчала Лиза...

— По какимъ образомъ?

— Больна...

— Чѣмъ? Ради Бога...

Лиза посмотрѣла на больную подругу и Пиковкинъ понялъ указаніе...

— Простите за участіе! Вы съ папенькой, съ маменькой?

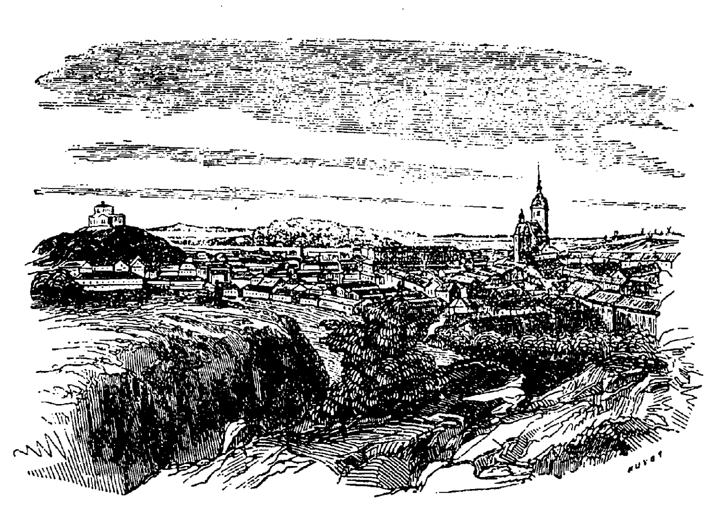
— Нѣтъ-съ, съ чужими людьми. Извините! намъ пора... и, схвативъ за руки Леночку, потащила ее къ ваннамъ...

Ванны въ Гельсингфорсѣ устроены очень порядочно; особенно дамскія. Дѣвицы раздѣлись, надѣли фланелевыя рубашки и клеенчатые чепчики; долго не рѣшались сойдти въ воду, но прислужница кое-какъ ихъ ободрила; дрожа и плача отъ стужи, погрузились онѣ въ воду; Лизанька стала прыгать, барахтаться, а Леночка не удержалась за веревку и безъ чувствъ упала въ воду. На крикъ испуганной Лизы прибѣжала прислужница, бросилась въ воду, вытащила Леночку, привела въ чувство; но Леночка открыла глаза на короткое время... Сильная горячка была слѣдствіемъ самолеченія. Морскія ванны безъ руководства врача, часто гибельны; то же случилось и теперь. Лизанька въ отчаяньи, едва съумѣла одѣться, выбѣжала, кричала о помощи, и легко можно догадаться, что Пиковкинъ былъ недалече; онъ усадилъ дѣвицъ на дрожки и отпра-

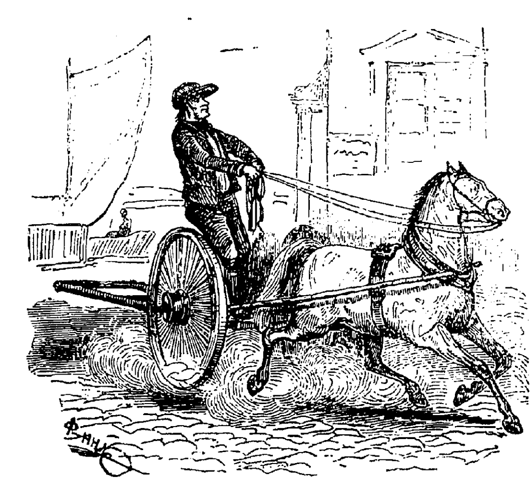
вивъ ихъ, самъ поѣхалъ за ними. Лиза частенько оглядывалась и грозила пальцемъ. Ничто не помогло. Пиковкинъ помогъ снять съ дрожекъ больную, съѣздилъ за докторомъ и, сдавъ ему на руки Леночку, самъ принялся лечить Лизаньку, которая ловко успѣла выпрыгнуть въ другую комнату... Терпѣть не могу любовныхъ объясненій ни у себя, ни у другихъ. Коротко скажу, что Пиковкинъ узналъ, что недугъ Лизы — была любовь къ нему; что причиною этого недуга было страшное слово отца, что ни за-что не выдастъ дочери за Пиковкина, о чемъ да никто въ домѣ не посмѣетъ, не только говорить, но и думать; что фальшивой матушкѣ даны строжайшія на этотъ счетъ наставленія, а главное — что въ послѣднемъ письмѣ маменька, настоящая, — пишетъ, чтобы скорѣе выздоравливать, потому что нашли другаго жениха и ударили по рукамъ. Какой-то купецъ... Въ это время вышелъ докторъ и объявилъ, что больная едва ли перенесетъ горячку, что онъ никакой надежды не имѣетъ... Пиковкинъ бросился за другими докторами; тѣ застали Леночку въ отчаянномъ, безнадежномъ положеніи. Леночка промучилась еще два дня... и скончалась въ ту самую минуту, когда маменька, возвратясь изъ Або, входила въ комнату и кричала на двухъ работниковъ: «Сюда! Сюда! только осторожнѣе, товаръ ломкій... Боже мой! Что съ Леночкой?»

— Умрастъ!..

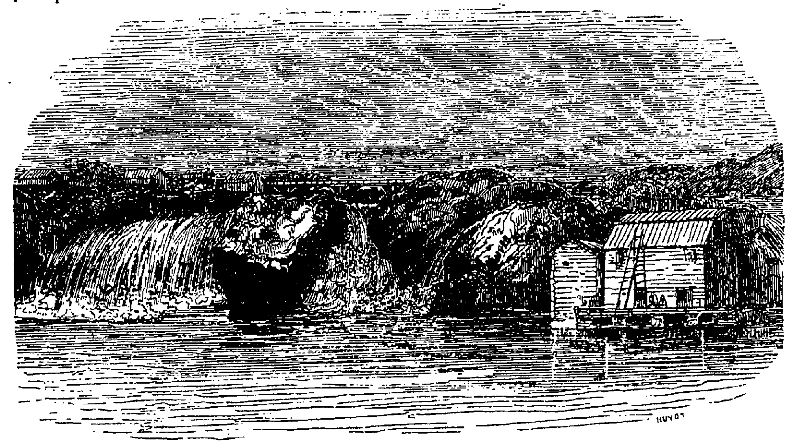
— «Погоди, погоди! Успѣешь въ Петербургѣ... Вотъ тебѣ разъ! Умерла! Такъ-то вы ее тутъ приберегли? А? Какъ вы смѣли уморить Леночку! Какъ теперь провезу я платья и другія вещи, которыя приходятся на ея долю! А похороны? А? Старая купчиха не заплатитъ, а глаза мнѣ выцарапаетъ, какъ узнаетъ! Вотъ на шагъ отойдти нельзя... Сейчасъ и умерла... дрянь этакая! Не могла лишней недѣли проохать! И билеты даромъ пропали!» Но невозможно пересказать всего, что наговорила маменька въ досадѣ. Досталось всѣмъ, даже Христіану Христіановичу, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Або, не могъ развѣ выдать вида одной маменькѣ, что онъ только въ карты играетъ, ни за чѣмъ не смотритъ и т. д. Но говорить можно было все что угодно, надо было похоронить. Христіанъ Христіановичъ по необходимости занялся печальнымъ обрядомъ. На другое утро опять пріѣхалъ извощикъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, чтобы везти въ ванны одну Лизаньку, но маменька отправила извощика.» Зачѣмъ? Та, что платила за экстренные расходы — умерла, а эта — голышъ; пускай пѣшкомъ ходитъ съ кухаркой...



Видъ Або.



Ломовой.



Водопадъ на станціи Гекфорсъ.

— Пойду и пѣшкомъ! сказала Лиза съ улыбкой. Пошла и воротилась такая веселая, здоровая, красавица на чудо. Какъ только похоронили Леночку, не безъ затрудненій, маменька обратила особенное вниманіе на Лизу. Ей показалось страннымъ это быстрое выздоровленіе, эта страсть полоскаться въ морѣ, потому что Лиза ходила по три раза въ день и притомъ, въ сопровожденіи Христіана Христіановича, который однако же, по прежнему сохранялъ равенство духа. Платья между тѣмъ были сшиты всѣ, рубахи и простыни также денегъ оставалось не много; Лизанька выздоровѣла. Зачѣмъ же сидѣть въ Гельсингфорсѣ? Стали сбираться въ дорогу, и Лиза призадумалась, пріуныла. Э! тутъ что-то неладно, подумала маменька, и отправилась раньше обыкновеннаго въ лавки. Въ урочный часъ Христіанъ Христіановичъ повелъ Лизу къ ваннамъ, за бульваромъ взялъ извощика; Лиза выкупалась, и куда-то уѣхала съ Христіаномъ Христіановичемъ. — Маменька, которая издали слѣдила за Лизой, поспѣшила за нею; но пока достала извощика, пока издали узнала, куда поѣхала Лиза, пока пріѣхала туда же, прошло не мало времени. Входитъ она въ ворота: красивое зданіе направо, кругомъ роскошныя деревья; на чисто подметенныхъ дорожкахъ примѣтны свѣжіе слѣды; маменька обошла весь Ботаническій садъ — нѣтъ никого; въ калитку; тутъ прекрасная рощица; живописный заливъ Теле лежитъ какъ въ глубокой тарелкѣ, тихо, покойно; по заливу ходятъ катера съ музыкой; на углу рощицы, надъ самымъ заливомъ, опрятный сельскій домъ; входитъ маменька туда; столъ накрытъ на много персонъ; серебро въ приборахъ, а въ домѣ ни живой души; обошла маменька весь домъ, вездѣ столы, вездѣ приборы, вездѣ серебро, хоть все вынеси, никто и не увидитъ... Это былъ трактиръ, такъ называемый Кайсанъ Іеми, Катинькинъ мысъ. Вышла маменька въ садъ, слышитъ, смѣются.... голосъ Лизы; она на берегъ — голоса вверху; она наверхъ, на галлерею... Что же видитъ? Христіанъ Христіановичъ, Лиза и какой-то флотскій офицеръ завтракаютъ, пьютъ шампанское и смѣются. Маменька скорѣе назадъ... Выползла, да бѣгомъ изъ саду, домой, собралась въ дорогу въ полчаса; тарантасъ смазали сосѣдніе люди, уложили сундуки, привинтили и привязали ящики; Маменька одного работника послала за паспортомъ въ полицію, другого за лошадьми на станцію. Когда Христіанъ Христіановичъ съ Лизой вернулись домой, все было готово къ отъѣзду. «Насилу-то вы пріѣхали,» съ сатанинскою улыбкою сказала маменька «Есть причины, по которымъ мы должны тотчасъ въ дорогу. Все готово, ѣдемъ!» — Христіанъ Христіановичъ удивился, Лиза пришла въ отчаянье; но ни что не помогло. Маменька почти насильно втащила дочку въ тарантасъ. Христіанъ Христіановичъ привыкъ уже къ званію и обязанностямъ мужа; повиновался, лошади тронулись — прощай, Гельсингфорсъ, прощай, Ипполитъ Александровичъ. Во всю дорогу маменька молчала о томъ, что видѣла въ Кайсанъ Іеми. Христіанъ Христіановичъ получилъ свою подорожную и деньги на прогоны; станціи быстро смѣнялись; Борго, Ловиза промелькнули. Погода благопріятствовала скорому путешествію, но не доѣзжая до станціи Гекфорсъ, маменька замѣтила, что ночью будетъ сильная буря, и заботясь о сокровищахъ своего ковчега, рѣшилась остановиться на этой станціи, переждать грозу и отправиться въ дальнѣйшій путь. Громъ уже гремѣлъ, крупныя капли дождя докладывали, что скоро грянетъ ливень; но вотъ Гекфорсъ, вотъ великолѣпный водопадъ, образуемый Кюменью; путешественники выползли; тарантасъ поставили подъ навѣсъ; приказали уху сварить, а сами усѣлись смотрѣть на картину водопада, которому приближеніе бури придавало грозный, величественный видъ. Вдругъ молнія зажгла

весь, горизонтъ; страшный, оглушительный ударъ раздался. Маменька бѣгомъ въ комнаты гекфорской станціи; приказала запереть ставни, зажечь свѣчи; давай молиться; въ промежуткахъ только говорила: «Лизанька, глянь пожалуйста, не ходитъ ли тамъ кто возлѣ сарая?..» Лизанька вышла и воротилась. Никого нѣтъ... «Погляди, мой другъ, кажется, кто-то тамъ стучитъ» Лизанька вышла и не воротилась. Гроза кипѣла; маменька, дрожа, спросила черезъ двери: «Лиза»! Нѣтъ отвѣта! «Христіанъ Христіановичъ!» — Что тамъ такое! Я курю трубку.... «Погляди, гдѣ Лиза....»

— Уѣхала! сказалъ ямщикъ плохо по-русски, входя въ сѣни.

— Какъ уѣхала! Куда уѣхала!

— Въ Питеръ! съ офицеромъ!

— Съ офицеромъ! съ какимъ офицеромъ?

Ямщикъ не безъ труда объяснилъ, что на перекладной прилетѣлъ какой-то офицеръ, хотѣлъ войти въ двери, но на встрѣчу барышня, перешепнулись, тотъ сказалъ что-то прежнему ямщику, оба сѣли на повозку и укатили...

Началась сцена.

— Ты чего смотрѣлъ, старый дуракъ?

— А ты чего, старая дура? возгласилъ Х. Х.

— Я тебѣ, харя этакая, ругаться не позволю... И рука маменьки исполнила супружескую обязанность такъ хлестко, что Х. Х. схватился за чубукъ, но маменька вскочила въ комнату и укрѣпилась...

Х. Х. кричалъ: Отворяйся, а не то!..

Но маменька пребывала въ совершенномъ безмолвіи.

— Постой же, если такъ! подумалъ Х. Х. Деньги у меня, подорожня у меня... и въ тихомолку приказалъ заложить тележку, сѣлъ и уѣхалъ... Можете себѣ представить весь ужасъ маменьки, когда она лишилась вдругъ мужа и дочери... Слишкомъ день провозилась она съ проэктами, что ей дѣлать; наконецъ рѣшилась, сочинила исторію о потерѣ подорожни, въ которой до границы и нужды не имѣла; придумала разныя вспомогательныя повѣсти и отправилась въ путь. Но увы! На слово не повѣрили. Отобрали и шитое и не шитое, запечатали и увѣрили, что она получитъ всѣ свои вещи въ цѣлости, кольскоро представитъ достовѣрныя доказательства въ справедливости своихъ показаній. Слезы, просьбы, деньги не помогли. Тарантасъ увезъ маменьку въ Петербургъ, но въ Петербургѣ болѣе объ ней не слыхали. Обо всемъ узнали и чиновникъ отецъ и купчиха мать, отъ Х. Х. Зауершмака, который донесъ обо всемъ, что случилось, и уѣхалъ испросить прощеніе Лизѣ. А купчиха? Она никогда болѣе не видала не только своей Леночки, но и тарантаса. Тарантасъ пропалъ вмѣстѣ съ маменькой!

Иванъ Метелинъ.

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(*Продолженіе*).

VII.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Боже мой!... какъ маменька долго не ѣдетъ!.., вскричала наконецъ съ боязливымъ безпокойствомъ Евдоксія Евгоровна.

Прыщовъ молча всталъ и подошелъ къ выходу; тамъ онъ осмотрѣлся и послѣ минутнаго молчанія произнесъ тихимъ голосомъ:

— Не видать еще!

— Не случилось ли чего съ маменькой? — съ большимъ еще безпокойствомъ вскричала Евдоксія Егоровна,

— Вы напрасно безпокоитесь... впрочемъ теперь дождь не такъ силенъ и,.. если вамъ угодно,... такъ мы пѣшкомъ дойдемъ до деревни, — отвѣчалъ почтительно Захаръ Трифоновичъ.

Блондинка, изумленная до крайности неремѣной, происшедшей съ Прыщовымъ, посмотрѣла на него, потомъ сама подошла къ выходу.

— Невозможно! — проговорила она съ отчаяніемъ, — мы промокнемъ насквозь. Ужъ лучше обождать, — прибавила она и, успокоенная почтительнымъ видомъ Прыщова, воротилась опять къ кучѣ соломы, на которую опустилась съ глубокимъ вздохомъ.

— Какъ вамъ угодно, — сказалъ Захаръ Трифоновичъ, оставшись у выхода.

Евдоксія Егоровна задумалась и скоса смотря на человѣчка съ рыжими бакенбартами.

Прыщовъ, какъ читатели наши уже знаютъ, былъ невысокъ ростомъ, худощавъ, но довольно хорошо сложенъ; блѣдное лицо его было довольно выразительно; оно было бъ даже пріятно, если бъ его не искажали рыжіе бакенбарты и почти всегда неразлучные съ ними веснушки; маленькіе, нѣсколько прищуренные, глаза его были исполнены живости и хитрости; вообще острый, прямой носъ и узенькія губы, съ постоянной ироническою улыбкой, придавали ему нѣсколько лукавый видъ. Захаръ Трифоновичъ одѣвался очень порядочно; вицмундиръ всегда сидѣлъ на немъ ловко, сапоги были шиты по модѣ, галстухъ чистенько повязанъ.

Странное существо человѣкъ! Еще за нѣсколько минутъ тому назадъ, Евдоксія Егоровна отъ души ненавидѣла и презирала Прыщова; теперь же, она, вѣроятно, отъ нечего дѣлать, стала разбирать наружность его. Результатъ этого наблюденія былъ тотъ, что она нашла, что Захаръ Трифоновичъ совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ ей прежде казалось. Кромѣ того, Евдоксія Егоровна прежде считала его существомъ холоднымъ, бездушнымъ, не имѣющимъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ даже идеалу низшаго разряда, а теперь.... теперь блондинка увѣрилась въ томъ, что Захаръ Трифоновичъ былъ совсѣмъ не холоденъ.

— Странно! — думала Евдоксія Егоровна, — какое иногда пламенное сердце скрывается подъ холодною наружностью!.... Я теперь убѣждена, что онъ любитъ меня страстно, что... Захаръ Трифоновичъ... ахъ, Боже мой! какое тривіальное имя!.. Жалко. Впрочемъ, какая нужда въ имени...

Блондинка думала еще нѣсколько минутъ; но въ это время безпокойство постепенно сходило съ лица ея и уступало мѣсто пріятной, ласковой улыбкѣ.

— Захаръ Трифоновичъ! — произнесла она громко; — вы можете простудиться... вы стоите на сквозномъ вѣтру...

— Ничего-съ, — печально отвѣчалъ Прыщовъ, не трогаясь съ мѣста.

Блондинка промолчала съ минуту, потомъ продолжала:

— Захаръ Трифоновичъ, уйдите оттуда... прошу васъ.

Прыщовъ молча повиновался и ушелъ въ противуположный конецъ сарая. Евдоксія Егоровна улыбнулась.

— Куда же вы ушли? — спросила она: — вы, кажется, боитесь меня?

Прыщовъ не отвѣчалъ.

— Подите сюда, — продолжала блондинка. — Сядьте здѣсь на солому,.. тутъ мѣста довольно.

Захаръ Трифоновичъ молча перешелъ черезъ весь сарай и занялъ мѣсто возлѣ Евдоксіи Егоровны, но въ почтительномъ разстояніи.

— Евдоксія Егоровна, — произнесъ онъ тихимъ голосомъ, опустивъ глаза, — вы сердитесь на меня?

— А какъ вы думаете, имѣю ли я на то право?..

— Въ одномъ отношеніи, да... въ другомъ, нѣтъ...

— Объяснитесь.

— Вы имѣете право сердиться на меня за мой поступокъ, но не за любовь мою.

— За вашу любовь? — повторила съ недовѣрчивой улыбкой блондинка.

— Вы сомнѣваетесь въ ней?

Вмѣсто отвѣта, Евдоксія Егоровна пожала плечами.

Захаръ Трифоновичъ вздохнулъ изъ глубины души и продолжалъ съ грустью:

— Богъ съ вами, Евдоксія Егоровна!.. Вы отвергаете мою любовь, вы даже не вѣрите ей; Богъ съ вами!.. Коли мнѣ не суждено быть счастливымъ, то я покорюсь своей злосчастной судьбѣ... а между тѣмъ, если бы вы знали, какъ я люблю васъ; если бы вы знали, какъ часто провожу я безсонныя ночи, терзаемый вашимъ равнодушіемъ, вашею холодностью... О! Евдоксія Егоровна, въ любви моей нѣтъ ни капли эгоизма... я желаю, что-бъ вы были счастливы и думаю, что я одинъ въ состояніи осчастливить васъ, потому что я... лучше нежели кто-либо понялъ всѣ сокровища дивной души вашей... и сердце мое наливается кровью, когда я подумаю, что вы можете сдѣлаться жертвой какого нибудь мальчика, который не только не оцѣнитъ вашей души, но даже не пойметъ ея... какого нибудь бездушнаго существа, на минуту оживленнаго вашимъ взглядомъ, вашими рѣчами...

Захаръ Трифоновичъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что Евдоксіѣ Егоровнѣ показалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ правду.

Сокровища дивной души Евдоксіи Егоровны о которыхъ упоминалъ Прыщовъ, состояли въ десяти тысячахъ рублей серебромъ приданаго. Но блондинкѣ чрезвычайно занятой собою, не могло и въ умъ придти, что слова Захара Трифоновича были не искренны, что онъ игралъ комедію, — и игралъ очень искусно, поддѣлываясь подъ идеи мечтательницы объ идеалѣ. Прыщовъ поклялся самому себѣ, что онъ будетъ ея идеаломъ и — посмотримъ, сдержитъ ли онъ клятву.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — я только напрасно теряю слова... вы не понимаете или, лучше сказать, не хотите понять моей любви... я еще надѣялся... но сегодня, за часъ, я лишился всякой... надежды... быть можетъ, я не переживу своего несчастія...

— Что вы говорите!.. невольно вскричала Евдоксія Егоровна, растроганная плачевнымъ тономъ Прыщова,

— Правду... я жилъ только надеждой... а теперь... что мнѣ въ жизни?.. Я готовъ умереть!..

— Живите... произнесла едва слышнымъ голосомъ блондинка.

— Что я слышу?.. Возможно ли!..

— Я не хочу быть виновницей вашей смерти, — поспѣшила прибавить Евдоксія, чтобы не слишкомъ скоро подать надежду Прыщову.

— Но что мнѣ въ жизни безъ васъ?.. съ приторною нѣжностью сказалъ онъ.

— Захаръ Трифоновичъ, вамъ не трудно будетъ забыть меня...

— Никогда!

— Вы полюбите другую ..

— Никогда!!

— Вы сами ошибаетесь на счетъ вашихъ чувствъ ко мнѣ...

— Ошибаюсь!.. да, правда... Когда я говорю, что люблю васъ, то точно ошибаюсь: потому что я обожаю васъ!.. Вы для меня все! Безъ васъ я — ничто!..

— Но вы ни чѣмъ не доказали вашей любви...

— О, Евдоксія Егоровна! Скажите одно слово, одно только слово... и вы увидите, какъ сильно, какъ пламенно я васъ люблю!.. Тогда потребуйте отъ меня какихъ угодно доказательствъ, и вы постигнете всю силу моей любви! О, ради Бога, скажите одно слово... могу ли я надѣяться?.. Скажите!

— Тише!.. кто-то приближается...

Захаръ Трифоновичъ сталъ на колѣни и продолжалъ умоляющимъ голосомъ:

— Скажите одно слово!..

— Ради Бога, встаньте!... Насъ могутъ застать... вскричала Евдоксія Егоровна съ безпокойствомъ.

— Одно слово!.. могу ли я надѣяться?

Евдоксія Егоровна, слыша приближавшіеся шаги, поспѣшно вскочила и не желая еще дать рѣшительнаго отвѣта Захару Трифоновичу, въ пользу котораго она была, однакожъ, уже расположена, наскоро пошла къ выходу.

— Хорошо же!—вскричалъ Прыщовъ; — завтра вы раскаетесь въ своей жестокости!

Блондинка хотѣла отвѣчать, но съ испугомъ отскочила назадъ...

У выхода показалась какая-то странная фигура, въ соломенной шляпѣ, съ полями, прибитыми внизъ дождемъ, и въ платьѣ, забрызганномъ грязью и промоченномъ насквозь...

Минуту спустя, и прежде нежели Евдоксія Егоровна успѣла придти въ себя, у выхода же показалась мать ея съ Дмитріемъ Ивановичемъ, подъ прикрытіемъ огромнаго старомоднаго зонтика.

XIII.

Дмитрій Ивановичъ Топиловъ сердито расхаживалъ взадъ и впередъ по маленькой комнаткѣ своей. Онъ по временамъ останавливался, сжималъ кулакъ, ворчалъ что-то сквозь зубы и съ досадой топалъ ногой.

Зоринъ, насвистывая какую-то пѣсенку и по временамъ искоса и съ улыбкой поглядывая на Топилова, перебиралъ холсты, стоявшіе около стѣнъ; наконецъ онъ выбралъ одинъ холстъ, провелъ по немъ ладонью, посмотрѣлъ на него сбоку, сзади, стеръ пыль и поднявъ его вверхъ, произнесъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ, братъ, Митя, холстъ! Чудо изъ чудесъ!... Этакого холста тебѣ и во снѣ не увидать!

— Очень нужно! — возразилъ Топиловъ, нетерпѣливо пожавъ плечами.

— Разумѣется, нужно. Посмотри-ка, какъ онъ загрунтованъ!.. Что, небось, худо?

— Отстань ты отъ меня съ своею дрянью!

— Что-о? Ахъ, ты чиновникъ!.. Дрянь, говоритъ... а смотри, какую я картиночку напишу! Глаза всѣ выглядишь!..

И Зоринъ поставилъ холстъ на мольбертъ, сѣлъ предъ нимъ и, прищуривъ одинъ глазъ и наклонивъ нѣсколько голову на-бокъ, сталъ чертить большимъ пальцомъ по холсту картину, которая была еще въ воображеніи его, приговаривая отрывисто:

— Ей я дамъ поворотъ въ три четверти... его въ профиль... эту руку въ ракурсѣ... тутъ дерну сильную тѣнь... ухъ! широкой массой хвачу... тамъ яркій свѣтъ... а тутъ бличьки... бличьки... лихо!.. колоритцу побольше... чудо!.. Митя, а Митя, лихая будетъ картина!.. Да о чемъ же ты задумался?.. Что ты ходишь повѣся носъ?

— Ахъ, отстань, пожалуйста! — съ сердцемъ вскричалъ Дмитрій Ивановичъ.

— Что-ты это въ самомъ дѣлѣ расходился? Я работать не могу... вишь полъ-то точно лодка качается...

Топиловъ не отвѣчалъ и продолжалъ прогуливаться изъ угла въ уголъ, закинувъ руки на спину.

Зоринъ посмотрѣлъ на него, потомъ взялъ мѣлъ, сталъ что-то чертить на холстѣ и запѣлъ во все горло:

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ!
Ты не пой...

— Полно ревѣть, Павелъ!..

— Ты не по-ой, со-ло-вей,
Подъ мо-и-имъ о-кномъ...
Улетай..

— Я уйду, если ты не замолчишь, вскричалъ внѣ себя Топиловъ.

— Я не замолчу, если ты не перестанешь ходить, — хладнокровно возразилъ Зоринъ.

Дмитрій Ивановичъ бросился на диванъ.

Зоринъ замолчалъ, но не на долго.

— Дмитрій — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, я раскаяваюсь въ томъ, что сообщилъ тебѣ разговоръ, который мнѣ удалось подслушать.

— А кто тебѣ велѣлъ подслушивать? Ты думаешь, что это благородно? — заносчиво вскричалъ Топиловъ.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Я же и виноватъ теперь!.. Ну, спасибо; этого я не ожидалъ отъ тебя,—отвѣчалъ Зоринъ, нѣсколько обидясь.

— Извини, прости, — съ живостію возразилъ Топиловъ; но, ей Богу, я самъ не знаю, что говорю... я взбѣшонъ, раздосадованъ...

— Зачѣмъ бѣситься?.. Успокойся и утѣшься; вѣдь теперь ясно, что она кокетка...

— Отчего ясно?

— Оттого... что я слышалъ...

— Мало ли что ты слышалъ!.. Вѣдь она не дала ему никакого отвѣта?

— Не дала, потому что мы помѣшали.

— Э, вздоръ какой!.. Она ни въ чемъ не виновата!..

— Какъ знаешь.

— За то я теперь болѣе прежняго ненавижу гнуснаго Прыщова; я тебѣ говорилъ, что этотъ человѣкъ сдѣлаетъ мнѣ зло... я это предчувствовалъ... и за то на него обрушится весь гнѣвъ мой...

— Полно вздоръ молоть!.. Ну, что ты ему сдѣлаешь?

— Что я ему сдѣлаю?.. что я ему сдѣлаю?.. я его вызову на дуэль!..

— А онъ позоветъ тебя въ полицію.

— Такъ я задушу его, убью, утоплю... кричалъ, размахивая руками, Топиловъ.

— Вотъ это дѣло!.. — возразилъ засмѣявшись Зоринъ; — кстати, озеро близко.

— Ты смѣешься... а я тебѣ даю честное слово, что утоплю его!

Зоринъ хотѣлъ возражать, но въ это самое время послышался легкій шорохъ за дверьми.

— Кто тамъ? спросилъ живописецъ.

— Я, — отвѣчалъ чей-то голосъ.

— Да кто ты?.. Ступай сюда.

Дверь отворилась и на порогѣ явилась оборванная фигура мнимаго дурачка; онъ хотѣлъ уже переступить за порогъ, но увидавъ Дмитрія Ивановича, остановился съ боязнію.

— А, это ты, Яшка! Ну, ступай же сюда.

Топиловъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на дурачка, то на своего пріятеля. Картушъ сердито заворчалъ.

— Картушъ, молчать! Не бойся, Яшка, войди. Митя, рекомендую тебѣ одну половину моей будущей картины.

Топиловъ пожалъ плечами.

— А Дуня гдѣ?—продолжалъ живописецъ, обращаясь къ Яшкѣ.

— Ушла въ Замаиловку милостыню просить; тамъ сегодня у одного господина именины... отвѣчалъ Яшка, повертывая въ рукахъ шапку изподлобья посматривая на Дмитрія Ивановича.

— Зачѣмъ же ты не привелъ ее съ собою? Вѣдь я тебѣ говорилъ.

— Да не зачѣмъ ей-ста ходить сюда, —отвѣчалъ дурачокъ, опустивъ глаза.

— Э, да ты, братъ, разсуждаешь!—вскричалъ Зоринъ.—Ну, ладно, я съ тобой раздѣлаюсь.

— Придетъ завтра, баринъ, коли прикажешь, — жалобнымъ голосомъ сказалъ мнимый дурачокъ, бросивъ изподлобья злобный взглядъ на молодаго живописца.

—Смотри же?—И Зоринъ погрозилъ нищему муштабелемъ, — ступай же ты сюда, я съ тебя начну... Я съ тебя, дуракъ, хочу портретъ написать.

— Патретъ?.. Яшка съ глупой усмѣшкой оскалилъ зубы.—Не надо мнѣ патрета?.. Куда мнѣ съ нимъ?

— Послушай, Павелъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь писать съ него? — спросилъ Топиловъ.

— Разумѣется. Група будетъ чудесная; его и молодую дѣвушку, которую ты видѣлъ.

Дмитрій Ивановичъ засмѣялся.

— Ну, признаюсь,—сказалъ онъ,—странный у тебя вкусъ!... Неужели ты не могъ выбрать сюжета поблагопристойнѣе?

— Послушай, Митя, вѣдь ты разсуждаешь какъ сапожникъ. Прости за откровенность и не мѣшай мнѣ работать...

— Чудакъ!.. проворчалъ сквозь зубы Дмитрій Ивановичь; взялъ шляпу и пошелъ гулять.

Зоринъ принялся за свою картину.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры, Дмитрій Ивановичъ встрѣтилъ групу гуляющихъ.

Молодой человѣкъ, съ головы до ногъ одѣтый въ сѣромъ, шелъ подъ ручку съ дамой довольно молодою и не дурною собою. По другую сторону дамы шелъ мужчина, уже довольно пожилыхъ лѣтъ и одаренный благодатною дородностью.

Топиловъ хотѣлъ уже пройдти мимо, какъ вдругъ толстый господинъ, пристально всматривавшійся въ него, подошелъ къ нему, взялъ его за руку и дружески привѣтствовалъ:

— Страститии, каспадинъ!

Топиловъ посмотрѣлъ на него и не узналъ; однакожъ, изъ вѣжливости и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, поклонился. Между тѣмъ сѣрый молодой человѣкъ прошелъ съ дамой нѣсколько шаговъ впередъ.

— Я сдѣлалъ большой глупости, продолжалъ толстякъ; я очинъ обижалъ мой жена; карашо, что онъ незнайтъ... Она була у одна знакомый мадамъ.

Тутъ только Дмитрій Ивановичъ вспомнилъ о происшествіи въ лѣсу и о господинѣ, искавшемъ свою жену.

— А вы никому не сказалъ? — продолжалъ толстякъ.

— Помилуйте... подобныхъ вещей разсказывать нельзя.

— Да, да, не мошно... посмотритъ, вотъ мой жена; онъ теперь прогулялъ съ одинъ изъ ея феттеръ...

— Съ кѣмъ?

— Съ феттеръ? Какъ это по—руски... двородный братъ!.. Прекрасни человѣкъ!

— А!

— Да... и я совсѣмъ понапрасно обидитъ ею... О! я ужасно... какъ это по-русски?.. Я ужасно... толстякъ улыбнулся, — я по-руски не совсѣмъ чисто знаю; я вамъ скажу по французски; — и наклонившись къ уху молодаго человѣка, онъ шепнулъ ему; — Ché suis chaloux!.. Хе, хе, хе!—продолжалъ онъ вслухъ, —А вашъ амуръ какъ?

— Также какъ и ваши, — отвѣчалъ Топиловъ; — обстоятъ благополучно,

— Хо, хо, хо! — захохоталъ толстякъ; — вы большой плутъ!.. Однако прошайтъ... придетъ, пожалуста, ко мнѣ, я живетъ въ нумеръ ***, Ну, прошайтъ!

— Мое почтеніе.

И толстякъ почти бѣгомъ сталъ догонять жену.

Дмитрій Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ пожалъ плечами, вздохнулъ и пошелъ дальше.

Онъ пошелъ къ Рытковскимъ; тамъ его приняли довольно сухо и холодно. Пробывъ тамъ не долго, онъ ушелъ, бросивъ на Прыщова грозный взглядъ.

Переступивъ черезъ порогъ, Топиловъ опять услышалъ за собою тотъ ироническій смѣхъ, который уже столько разъ бѣсилъ его... Но въ этотъ разъ съ нимъ сливался смѣхъ блондинки.

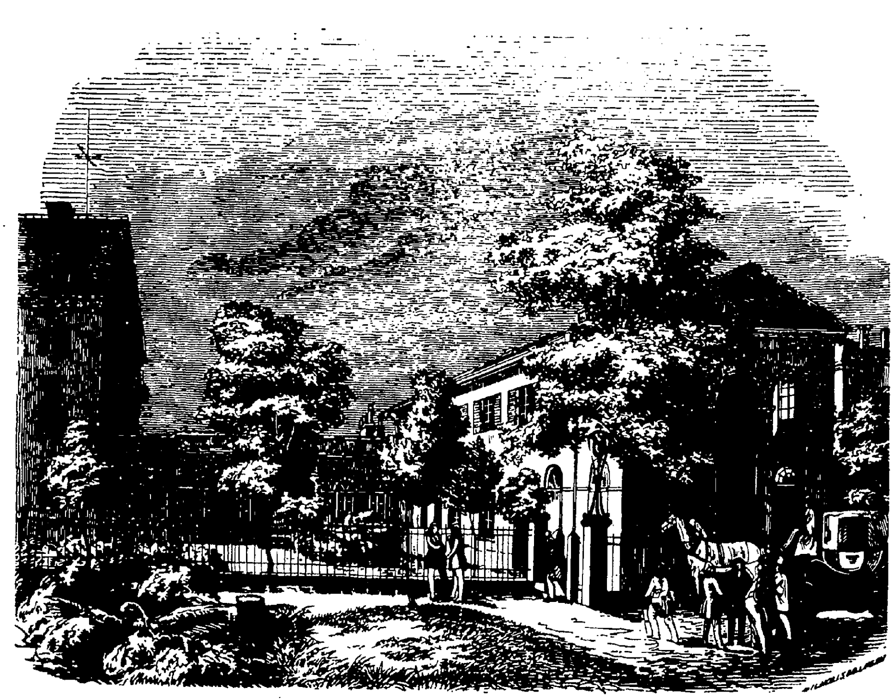
(*Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ*)

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Забавны наши противники; впрочемъ, за исключеніемъ немногихъ, они противники отъ скуки или отъ привычки искать вездѣ только дурное. У насъ любятъ находить недостатки; за недостаткомъ недостатковъ, пожалуй, готовы и сочинить такіе, какіе, по ихъ разумѣнію, удобнѣе для домашняго обихода. — Не даромъ за границей, особенно въ Италіи, узнаютъ Русскихъ по этой страсти къ недостаткамъ. Другіе ищутъ красотъ, предметовъ къ наслажденію; только мы предметовъ къ насмѣшкамъ. Посмотрите, какъ эта нога длинна, какъ эта рука ненатуральна, и тому подобныя замѣчанія слышите вы. Ничего не бывало; и нога не длинна, и рука весьма натуральна... но какъ же не найдти недостатковъ; это было бы на насъ не похоже. Въ этой страсти — горько-одно. Только знаніе дѣла можетъ видѣть достоинство труда, понимать препятствія, взвѣшивать силы, которыя необходимы, чтобы уничтожить эти препятствія; только знаніе дѣла указываетъ, какія средства необходимы для такого или инаго исполненія; но безъ знанія дѣла вы никогда не будете справедливы. Лучшій примѣръ Иллюстрація, именно Русская. Публика довольствовалась Живописнымъ Обозрѣніемъ, на которое было за 4 тысячи подписчиковъ; въ этомъ Обозрѣніи, съ самыми незначительными исключеніями, помѣщались иностранныя гравюры, и то не въ большомъ числѣ. Иллюстрація, въ шесть мѣсяцовъ въ двадцати четырехъ нумерахъ вмѣстила 371 гравюру, изъ коихъ 157 принадлежатъ русскому рѣзцу. Не должно забывать, что круглымъ числомъ можно считать, что эти гравюры обошлись Редакціи по 15 р. серебромъ; слѣдственно на одно гравированіе въ Россіи, дома, она употребила до 2,500 р. сер. Изъ иностранныхъ помѣщены были гравюры лучшія, которыя украшаютъ иностранныя Иллюстраціи; 200 гравюръ круглымъ числомъ обошлись Редакціи въ 1,500 р. серебромъ; присовокупите къ тому расходы на гравированіе въ Парижѣ и Лейпцигѣ русскихъ рисунковъ, изъ коихъ шесть вы уже видите въ этомъ нумерѣ; эти расходы простираются за 2,000 р. серебромъ. Теперь исчислите издержки, употребленныя на иностранныя гравюры въ запасъ... такимъ образомъ, однѣ гравюры для Иллюстраціи обходятся болѣе чѣмъ въ 8 т. рублей серебромъ. Теперь исчислите, во что обходится печатаніе иллюстрованныхъ листовъ, а эти расходы съ мелочными простирались до 150 рублей асс. за нумеръ; что за полгода превышаетъ уже сумму въ 10 т. р. сер. Теперь бумага, которая внутреннимъ достоинствомъ мало уступаетъ иностраннымъ и преимущественно отличается отъ тѣхъ только тѣмъ, что не глажена; затѣмъ корректура, сотрудники, рисовальщики; потрудитесь исчислить, и тогда согласитесь, что суммою съ полуторы тысячи подписчиковъ далеко нельзя покрыть всѣхъ расходовъ; что, вмѣсто неосновательныхъ упрековъ, вмѣсто жалобъ на мнимую бѣдность отечественныхъ гравюръ, слѣдовало бы съ участіемъ содѣйствовать распространенію средствъ Редакціи, которая постоянно употребляетъ всѣ усилія къ улучшенію изданія и представляетъ тому очевидныя доказательства. Иностранныя Иллюстраціи считаютъ подписчиковъ десятками тысячъ, и привсемъ томъ заимствуютъ клише однѣ отъ другихъ. Во французской мы укажемъ вамъ гравюры англійскія; въ нѣмецкой англійскія и французскія. Только незнающіе дѣла могутъ называть это перепечаткой съ избитыхъ клише, потому что клише можетъ повторяться сколько разъ угодно. Англія, Франція, Германія и мы печатаемъ съ разныхъ экземпляровъ, снятыхъ съ одного и того же дерева. За границей, заимствованія эти не только не подвергаются обвиненіямъ, напротивъ, принимаются съ похвалою... У насъ... Но у насъ дѣло другое. Новоды, отъ чего у насъ такъ, а не иначе, изложены выше. Будемъ надѣяться, что благомыслящее, по-крайней-мѣрѣ, большинство соизволитъ вникнуть въ существо дѣла и отдастъ справедливость стараніямъ Редакціи Русской Иллюстраціи. Мы нашли себя принужденными къ этому объясненію, потому что признаемъ необходимымъ не исключать иностранныхъ гравюръ изъ Русской Иллюстраціи. Что можетъ быть интереснаго въ иное... Повторяемъ, что сказали въ программѣ, что отечественное всегда для насъ будетъ главнымъ, что мы не остановимся ни передъ какими пожертвованіями, чтобы помѣщать какъ можно болѣе русскаго, но никогда не исключимъ вовсе иноземнаго. — Неужели, хотя бы и въ этомъ нумерѣ, не интересенъ для любителей науки портретъ знаменитаго ученаго Ю. Либиха, видъ, гдѣ помѣщается его химическая

Ю. Либихъ.



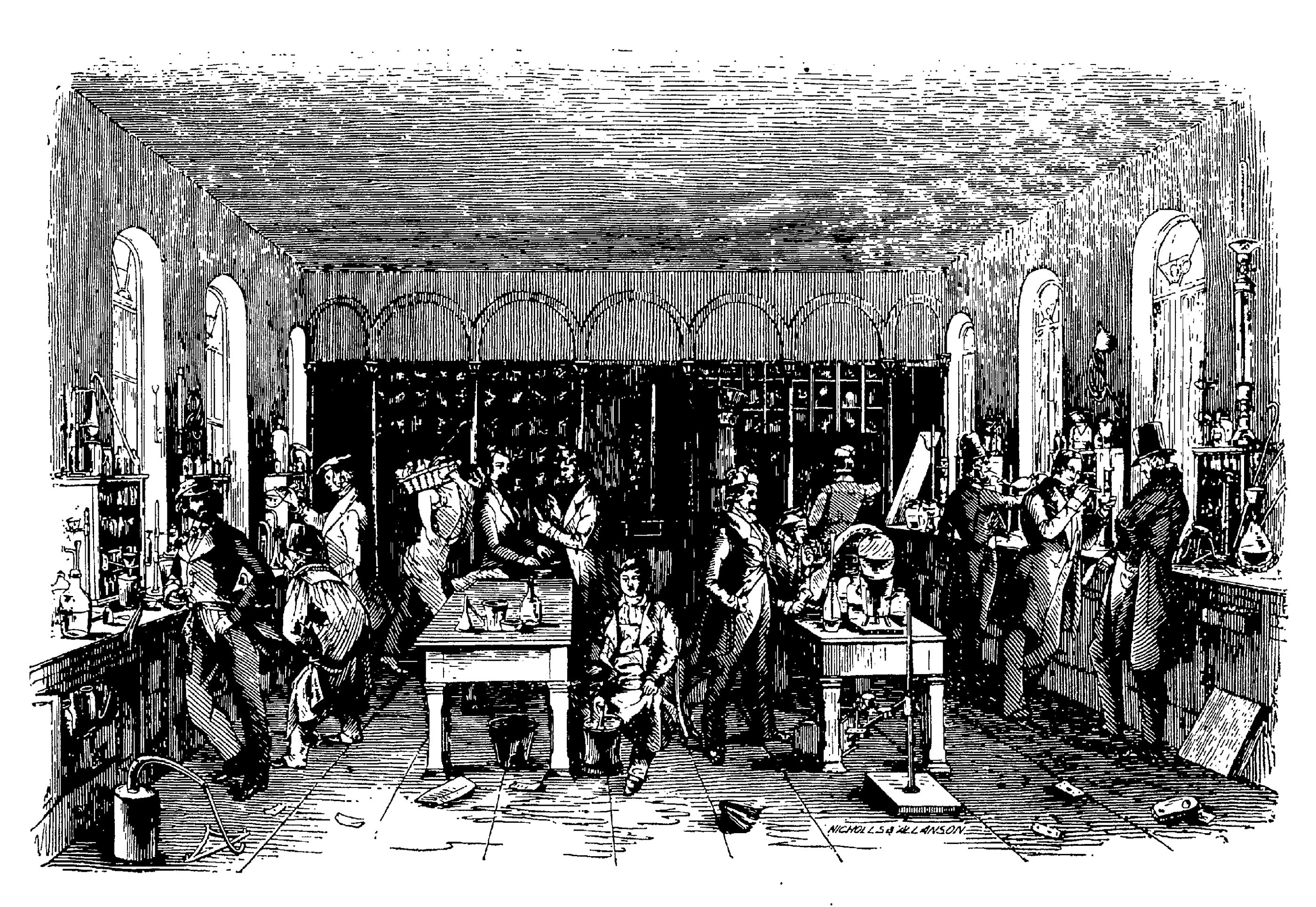
Наружный видъ химической лабораторіи Либиха.

странныхъ гравюрахъ, говорятъ нѣкоторые. Но развѣ портретъ замѣчательнаго человѣка, видъ красивой природы, картина прославленнаго заведенія уже не интересны, коль-скоро они не русскіе?.. Откуда у насъ возникъ этотъ картинный патріотизмъ, когда въ другихъ отношеніяхъ мы спимъ и видимъ только иностранлабораторія, и ея внутренность? Не думаемъ, и помѣщаемъ.

Химія, по существу своему, наука на вѣчномъ ходу; въ ея лабораторіяхъ разлагается природа, разнообразная до безконечности. Сегодня вы знаете химію; не занимайтесь ею недѣлю, вы уже не знаете химіи; она ушла далече, она бо-

гатѣетъ, какъ самый счастливый банкиръ, ежедневными приращеніями. Либихъ для химіи то же, что Кювье для зологіи, Линней для ботаники, Тееръ для агрономіи и т. д. Это одинъ изъ геніевъ, преобразующихъ науку съ ея основанія. Онъ родился въ 1803 году, въ Дармштадтѣ; учился въ Боннѣ и Эрлангенѣ, и оттуда отправился въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя особенное вниманіе Гумбольдта, котораго самъ Либихъ называетъ своимъ покровителемъ и другомъ. Въ 1824 году онъ получилъ каѳедру философіи, а въ 1826 званіе ординарнаго профессора химіи въ Гиссенѣ. До Либиха въ этомъ университетѣ мало заботились о химіи. Строеніе было въ упадкѣ; аппараты ничтожны; Либихъ сдѣлалъ съ химическимъ институтомъ то же, что и съ химіей. Теперь это заведеніе привлекаетъ со всѣхъ сторонъ ищущихъ познаній по этой части, и любопытныхъ; множество слушателей толпится въ аудиторіи, много учениковъ трудится въ лабораторіяхъ. Профессоръ съ ученостью соединяетъ пріятное обращеніе и свѣтскую любезность. Ученыя заслуги Либиха огромны. Его агрономическая химія, его разысканія о кислородѣ и азотѣ, произвели переворотъ въ наукѣ. Теорія сложныхъ коренныхъ началъ, органическихъ окисей, хлоробѣлильныхъ соединеній, замѣна водородо-хлоромъ, составовъ органическихъ кислотъ... всѣ эти теоріи въ наше время и въ настоящемъ видѣ созданы и развиты на основаніяхъ, открытыхъ Либихомъ. Онъ никогда не довольствовался открытіемъ новаго начала; нѣтъ, это открытіе вело его къ различнымъ опытамъ, объяснявшимъ внутреннюю связь различныхъ началъ между собою. Прибавьте къ тому, что сочиненія Либиха отличаются отъ всѣхъ химическихъ книгъ превосходно яснымъ популярнымъ изложеніемъ. Сочиненія его переведены на французскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій языки, и на каждомъ было нѣсколько изданій. — Но таково свойство развитія науки подъ руководствомъ генія. Прежде въ Гиссенѣ довольствовались небольшой лабораторіей. Теперь цѣлое зданіе уже тѣсно и неудобно... Умноженіе числа учениковъ дѣлаетъ эти неудобства часъ-отъ-часу ощутительнѣе... И это въ одномъ только Гиссенѣ. Въ другихъ университетахъ Германіи въ химическихъ лабораторіяхъ — просторно. Слава Либиха побѣдила даже британскую ученую гордость. Въ прошломъ году агрономическія общества въ Англіи давали праздники въ честь германскаго химика. Небывалая почесть. Въ этомъ году уже открылись подписки для той же цѣли, и въ октябрѣ мы донесемъ читателямъ о подробностяхъ этихъ похвальныхъ торжествъ...

— Между новыми изобрѣтеніями замѣтили мы



одно, весьма интересное для консерваторовъ музеевъ Естественной Исторіи. Г. Гапаль устроилъ особенный ящикъ, чтобы высушивать въ-прокъ четвероногихъ, птицъ и др. предметы Естественной Исторіи. Составъ его довольно простъ; закупоренное въ ящикѣ, животное высушивается посредствомъ особой печи, которая доводитъ температуру внутри ящика до 60 и 70°. Такой жаръ уничтожаетъ насѣкомыхъ и яйца ихъ въ препарируемомъ животномъ; для приготовленія животнаго въ-прокъ употребляется терпентиновая эссенція въ такихъ малыхъ дозахъ, что присутствія ея въ предметѣ, вынутомъ изъ ящика, нельзя и замѣтить.

— Другое изобрѣтеніе очень забавно, и если окажется дѣйствительнымъ и сколько нибудь удобнымъ въ примѣненіи, то заслужитъ признательность вообще всего человѣчества, и въ особенности, инвалидовъ, которые на войнѣ лишились одной или даже обѣихъ рукъ... Фанъ Петерсонъ въ Парижѣ создалъ искусственную руку; рука эта, по волѣ человѣка, лишеннаго натуральной, сгибается какъ та, которою когда-то онъ владѣлъ; пальцы дѣйствуютъ какъ натуральные. Рука эта прикрѣпляется на мѣсто потерянной и соединяется съ туловищемъ подъ ложкой и на груди. Въ обыкновенномъ положеніи, пальцы скорчены; но по волѣ человѣка, они раздвигаются и дѣйствуютъ; рука гнется въ обыкновенныхъ своихъ составахъ. Приставили такія руки одному инвалиду, и онъ очень обрадовался, что можетъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки съ руками, опять ими дѣйствовать; онъ взялъ со стола стаканъ, поднялъ, поднесъ ко рту, выпилъ вино и поставилъ стаканъ опять на мѣсто; но что еще удивительнѣе, этими руками онъ поднялъ со стола иголку и листъ бумаги. Инвалидъ былъ счастливъ и вдругъ сталъ несчастнѣе прежняго. Опытъ кончился. Механикъ отнялъ у инвалида руки и унесъ съ ними, можетъ быть, послѣднюю радость старца. Все это разсказываетъ одна нѣмецкая газета; ждемъ объ этомъ изобрѣтеніи офиціальнаго отзыва Парижской Академіи Наукъ.

— Говоря объ изобрѣтеніяхъ, упомянемъ и о такомъ, которое требуетъ непремѣннаго присутствія обѣихъ рукъ, но натуральныхъ. — Впрочемъ это изобрѣтеніе есть только распространеніе стараго. Вамъ, мы думаемъ, случалось видѣть фортепіаны, въ которыхъ, посредствомъ особаго ключа, клавіатура передвигается на цѣлый тонъ ниже. Фортепіанный фабрикантъ Мерсье, въ Парижѣ, изобрѣлъ средство распространить это удобство и вверхъ и внизъ, такъ что вы можете всю клавіатуру передвинуть на пять полутоновъ вверхъ и на пять полутоновъ внизъ. Это весьма важное облегченіе для пѣвучаго класса дилетантовъ. Имъ не надо теперь переводить музыкальныя піэсы изъ одного тона въ другой: достаточно передвинуть клавіатуру на столько полутоновъ, сколько требуетъ указатель тона, и дѣло въ шляпѣ.

— Есть особеннаго рода изобрѣтенія, которыя можно назвать изобрѣтеніями моральной механики. Это тѣ мѣры, которыя придумываетъ человѣчество для своего нравственнаго улучшенія. По слабости, свойственной нашему племени, усо-

вершеніе человѣка отдѣльно, какъ единицы, весьма затруднительно; при всей твердости характере, при самомъ лучшемъ направленіи нашей воли, человѣкъ, дѣйствуя одинъ, встрѣчаетъ въ самыхъ благихъ намѣреніяхъ такія препятствія, которыхъ одному ему не побороть; тогда какъ при малѣйшемъ содѣйствіи и немногихъ лицъ, эти препятствія сами собою уничтожаются. Міръ это зналъ и вѣдалъ во всѣ времена, и во всѣ времена мы встрѣчаемъ различнаго рода общества и товарищества съ нравственною цѣлію. Отъ этихъ обществъ многіе предметы гражданскаго благоустройства ощутили самое благодѣтельное вліяніе. Укажемъ только на больницы и тюрмы, на общества умѣренности въ Великобританіи, и такъ далѣе. Въ Венгріи, гдѣ въ послѣднее время мы видимъ столько прекрасныхъ начинаній, образовались общества умѣренности, и успѣхъ ихъ превзошелъ всѣ ожиданія. Также возникло, или лучше сказать, получило новое образованіе особеннаго рода братство, которое, подъ скромнымъ названіемъ, союза любви существовало давно, но не могло получить донынѣ полнаго развитія. Теперь оно и распространилось и устроилось. Цѣль общества — взаимная помощь сочленовъ въ житейскихъ нуждахъ, въ особенности въ случаѣ болѣзни, а послѣ смерти въ приличномъ погребеніи. При поступленіи, членъ вноситъ нѣсколько грошей, а ежемѣсячно платитъ грошъ... И не смотря на то, казначейство общества теперь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, потому что каждый ставитъ себѣ въ долгъ чести быть членомъ прекраснаго собратства.

— Все это плодъ распространяющагося просвѣщенія, искореняющаго грубыя и корыстныя дѣйствія эгоизма. Себялюбіе — свойство невѣжества, а стремленіе къ общей пользѣ, доброта сердца, людскость и всѣ добродѣтели вообще — дѣти религіи и науки. Не безъ любопытства читали мы статистику университетовъ въ Германіи за прошедшее лѣто. Здѣсь только укажемъ на число студентовъ въ университетахъ:

Берлинскомъ	1492.
Боннскомъ	675.
Фрейбургскомъ	215.
Гиссенскомъ	512.
Гетингенскомъ	635.
Грейфсвальдскомъ	217.
Гейдельбергскомъ	842.
Іенскомъ	424.
Кильскомъ	200.
Кенигсбергскомъ	347.
Лейпцигскомъ	864.
Мюнхенскомъ	1329.
Тюбингенскомъ	867.
Вирцбургскомъ	458.

Если прибавить къ этому число студентовъ въ университетѣ Бреславскомъ, то мы увидимъ, что около 10,000 человѣкъ въ Германіи достигаютъ высшаго ученаго образованія. Краснорѣчивая статистика! Послѣ этого нечего удивляться столь равному разлитію просвѣщенія по всей Германіи и успѣхамъ Нѣмцевъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и художествъ.

— Въ Италіи — дѣла просвѣщенія идутъ плохо, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть знаменитые ученые съ европейскою славою. Художества въ такомъ же упадкѣ; Италіянцамъ осталось на долю одно только пѣніе. Academia di San Luca, этотъ старшиный ареопагъ художествъ, объявила на 1846 годъ свои задачи. Для живописцевъ. Задача первостепенная: Сципіонъ африканскій встрѣчаетъ своего сына, возвращеннаго изъ плѣна великодушіемъ царя Антіоха. Картина масляными красками (зри. Камучини). Второстепенная: Амфиномъ и Анапъ во время изверженія Этны бросаютъ на жертву пламени свои богатства и на плечахъ уносятъ своихъ родителей. Рисунокъ, — (Зри: Послѣдній день Помпеи). — Для ваятелей: первостепенная задача. Діомедъ попираетъ ногами (одно дѣйствіе) и бросаетъ въ Скамандръ трупъ Пентезилея (другое дѣйствіе). Круглая группа изъ гипса или terracotta Второстепенная: Барельефъ изображающій жену Париса, когда она, увидавъ трупъ мужа, несомый родственниками, лишается чувствъ. Для архитекторовъ также двѣ задачи: Дворецъ владѣтельной особы и еще что-то. Срокъ конкурса — 20 іюля 1846 года. — Преміи: за программы первостепенныя 40, за второстепенныя 20 цекиновъ (!) или голландскихъ червонцевъ, а увѣнчанныя произведенія поступятъ въ собственность Академіи. Конечно, честь велика, но плата не вознаградитъ и матеріальныхъ расходовъ художника...

— По отдѣленію паровыхъ путей сообщенія мы нашли двѣ занимательныя новости. Одна — это руководители, изданныя въ Берлинѣ: одинъ для путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ, другой для отправляющихся на пароходахъ. Надѣемся, что эти указатели, снабженные всѣми свѣдѣніями, необходимыми для путешественника, въ скоромъ времени появятся и въ Петербургѣ. Гдѣ же больше охотниковъ до прогулокъ въ чужіе краи? — Другая новость — это императорскій австрійскій вагонъ, приготовленный для открытія пражской желѣзной дороги. Вагонъ сдѣланъ на фабрикѣ Даніила Гайндерфера, въ Вѣнѣ. Въ серединѣ — зала, убранная золотою матеріею и зеленымъ бархатомъ; зеркала въ золотыхъ рамахъ и красивыя люстры украшаютъ этотъ покой. Потолокъ затянутъ бѣлою шелковою матеріей съ золотымъ шитьемъ. Занавѣсы изъ тяжелой зеленой шелковой матеріи съ золотой бахрамой. Въ окнахъ зеркальныя стекла. Къ этой залѣ примыкаютъ аванъ-залъ, два также богато-убранные кабинета и покой для императорской прислуги. На полахъ и лѣстницахъ дорогіе ковры. Весь вагонъ длиною въ 36 футовъ, 8 футовъ шириною и около 7фут. въ вышину. При этомъ случаѣ замѣтимъ, что и для московской желѣзной дороги на фабрикѣ Іохима строится такое же зданіе. Мы видѣли только оставъ и не помнимъ размѣровъ. Въ свое время это зданіе явится въ Иллюстраціи.

— Въ Дюнкирхенѣ открытъ памятникъ Іоанну Барту, который въ 1676 овладѣлъ голландскимъ фрегатомъ. Подвигъ Барта истинно героическій. Памятникъ, судя по рисунку, нѣсколько театраленъ и аллегорія слишкомъ сложна. Бартъ переступаетъ черезъ пушку; въ одной рукѣ у него сломанный мечъ, въ другой пистолетъ. Статуя работы Давида.

— Опера I. Lombardi играется теперь съ большимъ успѣхомъ во всей Европѣ. Мы будемъ говорить о произведеніяхъ Верди въ другомъ отдѣленіи этого же нумера. Здѣсь только скажемъ, что въ Берлинѣ и Потсдамѣ преимущественно играютъ Ламбардцевъ; въ Парижѣ, въ репертуарѣ оперы первое мѣсто занимаютъ сочиненія Верди. Персоналъ берлинской италіянской оперы слѣдующій: Фанни, Сальвини и Рита Бассо Боріо; теноры: Доменико Конти, Баццети; буффъ-Наполеонъ Росси.

— Тамъ же, въ Берлинѣ, полиція подняла на улицѣ бродягу, дошедшую до крайней степени пьянства; и эта несчастная, когда-то была любимая, знаменитая, какъ пишутъ, пѣвица, примадона многихъ значительныхъ театровъ въ Италіи и Германіи. Она поражала красотой своей посѣтителей разныхъ водъ, куда она пріѣзжала, будучи уже замужемъ за офицеромъ хорошей фаміи; но тамъ любила блистать нарядами и роскошью въ жизни. Она разорила мужа и предалась страсти, которая теперь довела ее до богадельни.

— Прежде играли театральными знаменитостями, играли за-правду. Во время Имперіи во Франціи продавались карты, на которыхъ червонный король былъ Тальма, пиковый — пѣвецъ Лайа; — бубновый — скрипачъ Лафонъ, — танцоръ Вестрисъ — трефовый; дѣв. Марсъ была червонной дамой, дѣвица Жоржъ Веймаръ — пиковой, дѣвица Дюшенуа — бубновой, и трефовой г-жа Гавононъ... — Теперь никто бы не согласился попасть во всѣ руки особенно подъ пиковымъ значкомъ.... Тогда это очень забавляло самихъ артистовъ, а объ игрокахъ и говорить нечего. Можно вообразить какимъ шуткамъ подавало это поводъ... Но времена шутокъ миновались. Мы и веселимся съ какой-то проніей надъ собственными забавами, съ какою-то комической важностью, для которой время создастъ своего Сервантеса.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ВЫМОРОЧНАЯ УСАДЬБА.

Со времени отъѣзда Евгенія изъ столицы въ нашъ провинціальный городъ, прошло ровно три недѣли... Въ день случается много, а въ три недѣли!.. еще больше, особенно если въ городѣ стоитъ ярмарка, а за городомъ разгуливаютъ ночные гости. Наступилъ двадцать второй день отпуска Евгенія; то былъ понедѣльникъ. На выморочной усадьбѣ, гдѣ скрывались Койневы, возникла новая жизнь, дѣятельная, рабочая. Иколочкинъ купилъ эту усадьбу отъ города и толпы работниковъ принялись за дѣло. Вся семья переселилась на красивый хуторъ того же Иколочкина; отъ выморочной усадьбы до хутора этого не было и версты. Иколочкинъ ежедневно рано утромъ и послѣ обѣда ходилъ, вмѣсто прогулки, на усадьбу и осматривалъ работы. — Въ этотъ понедѣльникъ, какъ мы уже сказали, Иколочкинъ пришелъ на усадьбу очень рано. Осматривая работы, онъ замѣтилъ другаго зрителя и улыбнулся.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ хозяинъ.

— Догадываюсь, для кого вы строите эту прекрасную дачу, отвѣчалъ Евгеній.

— Никогда не догадаетесь...

— Какъ никогда! Марья Осиповна...

— Гмъ! Да, вы у меня не были на хуторѣ! Право, не были! Пойдемте!

— Я почту за честь...

— Вотъ ужъ и честь!.. Я перевезъ туда мою семью, чтобы спасти ихъ отъ участія этихъ городскихъ сплетницъ, чтобы укрыть отъ осады любезниковъ... Богатая вдова красавица на ярмаркѣ — и притомъ же съ характеромъ Маши... Скажите пожалуйте! У васъ тутъ есть въ губерніи родственники?

— Никого.

— Дѣла?

— Никакихъ...

— Имѣніе?

— Omnia mea mecum porto...

— Что же васъ завело къ намъ? служба?..

— Не служба, а глупость, которой никогда не прощу себѣ.

— Должна быть большая глупость...

— Ужасная...

— Тайна?

— Не знаю какъ вамъ сказать! Я хотѣлъ выиграть закладъ, который мнѣ доставлялъ 10 тысячь единовременно и тысячу рублей ежегодно.

— Сколько! Сколько!

Евгеній повторилъ.

— Чѣмъ же рисковали вы?..

— О, я не могу объ этомъ хладнокровно подумать... Не подходить ни къ одной женщинѣ цѣлый годъ!

— Глупо! Впрочемъ кто не дѣлаетъ глупостей. Во всей этой исторіи глупѣе всѣхъ — я...

— Какимъ образомъ?

— А вотъ увидите! Но, вы непремѣнно должны выиграть закладъ.

— Это невозможно.

— Кто вамъ сказалъ?..

— Я!

— Вы ошиблись. Пойдемте выигрывать закладъ...

— Но вы не знаете, въ чемъ закладъ...

— Знаю, и мы непремѣнно выиграемъ...

— Сколько я васъ ни уважаю, но я долженъ вамъ объявить, что этого не будетъ.

— Вздоръ. Будетъ...

— Не можетъ быть...

— Должно быть...

— Я скорѣе застрѣлюсь,..

— Обвѣнчаетесь...

— Не шутите! Ради Бога, не шутите! Вы не знаете, что со мною случилось...

— Знаю! Вы влюбились, въ полномъ смыслѣ

слова, въ мою племянницу, въ Машу... Вотъ и все тутъ... Прекрасный выборъ. Глупость можетъ обратиться въ истинное счастіе для обоихъ. Я наблюдалъ за вами издали; я получилъ объ васъ изъ столицы самые отличные отзывы... Ну, вотъ мы и пришли; всѣ бѣгутъ къ намъ на встрѣчу... Маша, ты чего перепугалась?

— Я, дядюшка, ни малѣйше... Я такъ... Я не ожидала въ нашемъ уединеніи встрѣтить посторонняго...

— Онъ не посторонній. Маша, у меня есть къ тебѣ дѣло. Друзья мои, займите гостя... Мы сейчасъ воротимся... Только прогуляемся по саду... Вотъ, Маша, въ чемъ дѣло... только чуръ вести себя по прежнему... Любишь-ли ты Евгенія?..

Маша молчала.

— Ну, душа моя, признавайся! Ты ужъ не ребенокъ! Говори...

— Люблю...

— Ну, и кончено. Сговоръ конченъ, приступимъ къ свадьбѣ...

— Что вы, что вы, дядюшка?

— Сдѣлай милость, не мѣшайся не въ свои дѣла. Я съ-разу замѣтилъ, что вы другъ другу нравитесь. Я ревновалъ тебя, дурочка! Я самъ полюбилъ тебя, и очень радъ, что ты племянница и спасла меня отъ дурачества... Да о чемъ тутъ толковать... Евгеній! Поздравляю!..

— Съ чѣмъ?

— Вотъ тебѣ невѣста!

Иколочкинъ любилъ распоряжаться деспотически. Во всѣхъ дѣлахъ онъ извѣстенъ былъ твердой и непреклонной волей; вся семья и самъ Евгеній испугались, Иколочкинъ смѣялся.

— Ну, Осипъ Семеновичъ, ну-те, Лукерья Ивановна! Благословляйте дѣтей! Вѣрьте мнѣ, тутъ нѣтъ ошибки. На этотъ разъ Маша будетъ счастлива...

— Общее смущеніе продолжалось и еще болѣе возрасло, когда Иколочкинъ, кликнувъ камердинера, сказалъ:

— Савельичъ, съѣзди въ Ближнее и накажи попу, чтобы у него въ воскресенье все было готово къ свадьбѣ...

— Дядюшка! Помилосердуйте! Что скажутъ люди!

— Что имъ угодно!.. Ты вышла замужъ по принужденію твоихъ опекуновъ. Ты не любила Степки, и онъ того стоилъ. Ты можешь жалѣть о немъ, какъ о человѣкѣ; но зачѣмъ наряжаться въ притворную супружескую горесть? Это на тебя не похоже... Что же ты хочешь? проплакать поддѣльными слезами годъ, вычеркнуть цѣлый годъ изъ твоей жизни. Это не можетъ быть угодно Богу. Ну, да кончено. Прошу повиноваться.

Никакія убѣжденія не могли поколебать слова Иколочкина... Родители принуждены были благословить дѣтей, дѣти поцѣловаться... Иколочкинъ злобно смѣялся и потиралъ руки... Изъ города прискакалъ ливрейный лакей и привезъ письмо. Иколочкинъ расхохотался. Милости просимъ, въ самую пору.. Вслѣдъ за лакеемъ, на дрянныхъ дрожкахъ, въ одну лошадь, явился Гримасниковъ, и съ таинственнымъ видомъ требовалъ Таню на два слова...

«У нея отъ меня нѣтъ тайны, сказалъ Иколочкинъ. Объявляй, Гримасниковъ, что тамъ у тебя?..»

— А вотъ что, ваше превосходительство! Тарсовъ играетъ роль нѣмаго и ни въ чемъ не признается.. По слѣдствію оказывается, что Татьяна Осиповна кое что знаетъ о связяхъ его съ Савилломъ...

— Знаю. И вотъ что: послѣднее время, когда я не хотѣла идти за кучера, меня держали въ кладовой съ желѣзными окнами. Разъ вечеромъ въ домѣ поднялся ужасный шумъ и крикъ, — суматоха затихла и въ мою кладовую, темную и холодную, бросили связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Не прошло и десяти минутъ, Тарсовъ вошелъ къ намъ со свѣчкой; я укуталась и притворилась спящею. Тарсовъ подошелъ ко мнѣ, отдернулъ одѣяло и сказавъ: спитъ! обратился къ плѣннику; то былъ Савиллъ; я осторожно и не разъ посматривала на этого страшнаго человѣка.

— Что дашь, Савиллъ? сказалъ Тарсовъ едва слышно: я тебя выпущу...

— Молодцы мои сами меня отымутъ, заревѣлъ Савиллъ...

— Тише, дѣвку разбудишь... А на молодцовъ не надѣйся! Я, братъ, ждалъ тебя съ сильной дружиной; похватали твоихъ молодцовъ больше десятка... и другихъ переловимъ, если сунутся; а не лучше ли намъ такой аккордъ сдѣлать: чтобы вамъ на мои помѣстья войною не ходить; изъ воровской казны заплатить три тысячи на судебныя издержки, потому что отъ розыску не отдѣлаюсь даромъ, и паче чаянія, если что приключится мнѣ, помочь по-пріятельски. — Идетъ?

— Вѣчно и я и всѣ наши тебѣ служить будемъ; и если другіе заберутся, и тѣхъ оповѣстимъ, чтобы Тарсовскаго не трогали. Казну принесемъ, а если понадобится Савиллъ, такъ пошли только въ село или городъ, гдѣ кабакъ есть, и пусть посолъ твой только вымолвитъ «Вѣчный долгъ»; черезъ три дня явлюсь куда укажешь..

— Вѣрю тебѣ, Савиллъ! Пойдемъ теперь ко мнѣ; всѣ въ домѣ спятъ...

— А эта дѣвка?..

— Что она разумѣетъ? Да и спитъ будто убитая...

Самъ Тарсовъ развязалъ Савилла, увелъ; а больше я ничего не знаю...

— Вся сія, сказалъ Гримасниковъ, записывая, «согласна суть съ другими показаніями. Извольте подписать...»

Таня подписала. Иколочкинъ, Койневъ и Евгеній также подписались. Гримасниковъ сталъ откланиваться.

— Эй, послушай, Гримасниковъ, у меня есть къ тебѣ просьба...

— Извольте приказывать, ваше превосходительство. Вы знаете, что я...

— Знаю... У меня тепе рь людямъ много дѣла; такъ потрудись объѣхать всю губернскую чиновность и проси отъ меня въ Ближнее село на обѣдъ, балъ и ужинъ, въ воскресенье. Жду къ себѣ дорогого гостя.

— Кого это?

— Не твое дѣло!.. Ты только исполни...

— Непремѣнно всѣ будемъ...

Промелькнули эти райскіе дни, и не оглянулись. Иколочкина въ эти дни мало видали; онъ, то и дѣло, уѣзжалъ то въ Ближнее, то на выморочную усадьбу. Одно только замѣтили жители хутора, что всю дорогу отъ этой усадьбы до Ближняго тщательно вычинили и убрали плошками на пространствѣ пяти верстъ. Наступило и воскресенье. Иколочкинъ казался встревоженнымъ; успокоился только тогда, когда верховой привезъ ему ожидаемое извѣстіе...

— Ну, теперь поѣдемъ! Но, друзья мои, вы должны исполнить мою просьбу. Объявивъ, въ чемъ состояла просьба, Иколочкинъ съ Машей сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. За ними, въ особенномъ экипажѣ, Койневы съ Таней. За ними Евгеній въ красивомъ кабріолетѣ... Въ Ближнемъ нашли уже много губернскихъ гостей... Пріѣхалъ и дорогой гость Егоръ Лукичъ, племянникъ Иколочкина... Старикъ обнялъ его съ нѣжностью; представилъ всѣмъ гостямъ. Когда дѣло дошло до Евгенія, Егоръ обрадовался и расхохотался.

— Ну, любезный, ты не женился..,

— Нѣтъ, Жоржъ!

— Я такъ и зналъ...

— Но ты вѣрно не захочешь, чтобы я исполнилъ страшное условіе...

— Э, извини, любезный! Я, признаюсь, за этимъ и пріѣхалъ. Сегодня конецъ твоему отпуску; сегодня ты еще свободенъ; но завтра — извини. Впередъ, мой другъ, объ закладъ не бейся. Женитьба не шутка! Ты сказалъ: въ провинціи пропасть прекрасныхъ и богатыхъ невѣстъ. Стоитъ только петербургскому жителю показаться, не вѣсты роемъ поднимутся. Поѣду на 28 дней въ отпускъ и женюсь! Ну, что, братъ? Теперь пеняй на себя...

— Послушай, братъ, по-крайней-мѣрѣ, не разсказывай.

— Этого въ условіи не было...

— Я прошу тебя...

— Нѣтъ! Надо васъ учить молодыхъ людей быть осторожнѣе въ словахъ.

— Твоя правда! сказалъ Иколочкинъ, ударивъ его сзади по плечу. Слово-соколъ вылетитъ, не воротишь... У меня сегодня для твоего пріѣзда въ селѣ сельская сватьба. Я прошенъ посаженымъ; ты не откажешься быть дружкой?

— Да это превесело...

Гости съѣзжались. Пріѣхала и Клеопатра Кириловна и Авдотья Семеновна и пошли провинціальныя сцены. Прежде всего напали на Жоржа; но тотъ сторонилъ отъ дамъ, какъ только могъ... Искали Евгенія; но онъ исчезъ...

— Послушай, Егоръ! сказалъ Иколочкинъ. Ты огорчилъ Евгенія! Посмотри, онъ еще сегодня съ досады женится...

— Не бойтесь, дядюшка!

— Ну, а если! Ты дурно разсчиталъ: надобно было бы явиться тебѣ не сегодня, а завтра. Право, я боюсь...

— Будьте совершенно покойны, дядюшка! Я вамъ ручаюсь, что не женится...

— Ну, а если?

— Тогда я самъ женюсь...

— На комъ?

— На комъ прикажете.

— Слово-соколъ, вылетитъ, не воротишь.

Начался пиръ. Къ общему удивленію, Марья Осиповна была одѣта по бальному. Таня тоже; ни вида прошедшей печали... Многіе женихи готовились послѣ обѣда начать искательство прекрасной руки... Встали, отдохнули и, когда смерклось, по повѣсткѣ хозяина всѣ отправились въ церковь. Тамъ не было ни жениха ни невѣсты, потому что Евгенія никто не считалъ женихомъ... Раздалось пѣніе; всѣ обратили глаза къ дверямъ, ожидая жениха, и увидали Марью Осиповну съ родителями въ подвѣнечномъ платьѣ... Гости взволновались; но удивленіе ихъ обнаружилось громкимъ крикомъ, когда Иколочкинъ подвелъ къ невѣстѣ Евгенія и пригласилъ племянника къ исполненію должностн... Жоржъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ искоса поглядывалъ на дядю; но тотъ усердно молился. Невозможно описать шума, когда обрядъ кончился и пошли поздравленія... Такая на всѣхъ лицахъ радость! Восхваляли Иколочкина за сюрпризъ... Одна только Авдотья Семеновна нѣсколько надулась... Ей нравился Евгеній... Изъ церкви всѣ пошли садомъ къ большимъ воротамъ; тамъ ожидали гостей экипажи; иллюминація пылала и огненной полосой терялась въ дали. Выморочная усадьба горѣла яркимъ свѣтомъ. И узнать нельзя было стараго дома. Описаніе было бы излишне; скажемъ только, что эта усадьба ни въ чемъ не уступала усадьбѣ въ Ближнемъ. На крыльцѣ, облитомъ огнями, встрѣтилъ молодыхъ Кудимъ могильщикъ, въ богатомъ кафтанѣ, отороченномъ галунами.

— А что, матушка, бѣлая барыня, сказалъ онъ, — видишь! Кудимъ не солгалъ. Послалъ тебѣ Богъ муженька по тебѣ. Ужъ этотъ, глядя на тебя, не задремлетъ... Но я здѣсь не даромъ, добрые люди! Я здѣсь для того, чтобы, вступая въ храмъ жизни, вы вспоминали и о смерти. Не я, такъ другой Кудимъ будетъ ждать васъ на моемъ мѣстѣ...

Разыгрался сельскій праздникъ, сгорѣли потѣшные огни; разъѣхались гости, взялъ шляпу и Иколочкинъ.

— Ну, Егоръ, сказалъ онъ: пора и намъ. — Да я было и позабылъ. Что же ты расчитался съ Евгеніемъ?..

— Дядюшка... закричали молодые: неужели мы будемъ считаться!

— Непремѣнно! Я одинъ глупъ въ этой исторіи! Я назначилъ племянникамъ слишкомъ большое содержаніе, и тѣмъ подалъ имъ поводъ къ непростительнымъ шалостямъ... Независимое состояніе одного, чуть было не погубило лучшей жен-

щины на этомъ свѣтѣ; другой, изъ шутки, чуть было не погубилъ друга, достойнаго настоящей своей участи. Егоръ — заплати!

— Дядюшка! У меня нѣтъ при себѣ такой суммы...

— Ты бился объ закладъ! Ты долженъ былъ быть готовъ къ расплатѣ... Я плачу и вычту... Ну, теперь Егоръ съ нимъ квитъ, а со мной изволь разсчитаться... Ты обѣщалъ жениться на комъ прикажу. Я приказываю: изволь жениться на Авдотьѣ Семеновнѣ... Она женщина добрая, умная; она одна не радовалась сегодня счастію Евгенія, потому что не притворщица... Старайся заслужить ея уваженіе — и мое... Прощайте, милые! Храни васъ Богъ...

Непреклонная воля дядюшки очень понравилась племяннику, когда онъ ближе познакомился съ Авдотьей Семеновной. Вдовушка узнала объ этой волѣ воротясь изъ подъ вѣнца и душевно благодарила своенравнаго старика...

Таня... Но вы устали! Я думаю, вамъ такъ надоѣлъ этотъ Закладъ въ немногихъ письмахъ, что вы никогда не будете биться объ закладъ. И не бейтесь. Вы никогда не узнаете, что случилось съ Таней, если я не сяду къ письменному столу и не разскажу вамъ ея занимательной исторіи. — Но теперь ни за что! Я вижу, какъ вы перепугались, и скорѣе сведу мой романъ на покой.

Кудимъ, приготовивъ про запасъ могилу, вышелъ на дорогу и призадумался. Въ окнахъ любимой усадьбы горѣли огни, хотя на дворѣ довольно было свѣтло.

— Сходить, что-ли, къ деткамъ моимъ?.. Стариковъ моихъ нѣтъ; поѣхали свою Михневку провѣдать; сегодня ждали, да не пріѣзжали. Сходить? Нѣтъ, что-то спать хочется. Спасибо моей бѣлой барынѣ. Теперь ходить въ артель не надо. Свой домъ, свой хлѣбъ... За то и для бѣдныхъ легче. Могилы даромъ готовлю. Кто-то въ новой ляжетъ?

Стукъ цѣпей разбудилъ Кудима. Онъ взглянулъ. Партія гарнизонныхъ солдатъ вела преступниковъ... Кудимъ сталъ всматриваться... Знакомые: Савелъ, Поготокъ, Косолапый Оеня; другихъ онъ не могъ разобрать, только показалось ему, будто въ толпѣ промелькнули лица Тарсова, Поточкина и Гримасникова...

— Долго правили, сказалъ онъ: почитай два года шелъ розыскъ, да доправили... И добро и зло выйдутъ на свою дорогу. Что это какъ меня сонъ клонитъ! Уморила могила... И Кудимъ пошелъ въ свою красивую избу, легъ, заснулъ и не проснулся; онъ не зналъ, что онъ выкопалъ вчера могилу для себя; онъ не чувствовалъ, что простой гробъ его несли на кладбище Иколочкинъ, Евгеній, Жоржъ и почетнѣйшіе горожане; что честнаго могильщика провожалъ весь городъ, и потомъ нищіе и богатые совершили погребальную тризну въ садахъ выморочной усадьбы, а гостей угощали Лукерья Ивановна, Мери, Таня и Дуня, т. е., Авдотья Семеновна. — На этотъ разъ вся семья была въ траурѣ и отъ души не снимала черныхъ платій до перваго праздника... — Прощай, Кудимъ! Спасибо тебѣ за все и за романъ мой. А что мой романъ не романъ, а исторія, въ томъ свидѣтельствуетъ моя фамилія, которая съ родни фамиліи большей части дѣйствующихъ лицъ.

Ив. Кокшеевъ.

Помѣщикъ...... губерніи,
.... уѣзда.
Село Михневка.

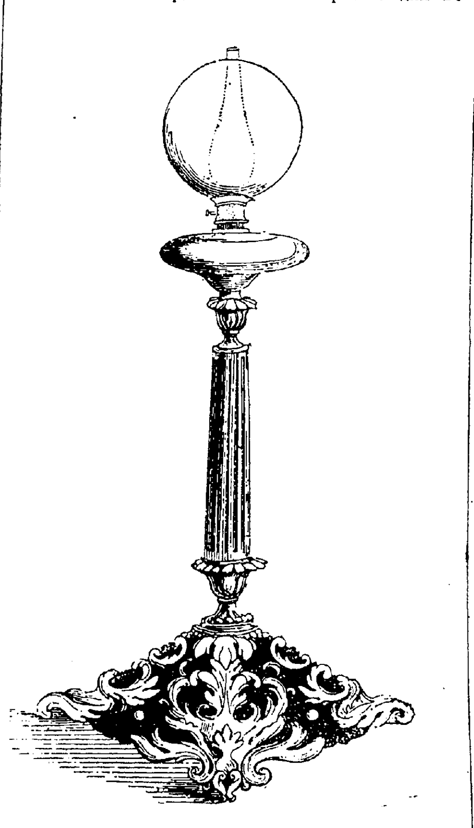
ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Джюзеппе Верди. — I. Гунгль и музыка на открытомъ воздухѣ. — Лампы, изготовляемыя на фабрикѣ г. Рюккера, въ Ригѣ. — Петербургъ днемъ и ночью. — Романъ Е. П. Ковалевскаго. — Стихотворенія А. Н. Струговщикова. — Гроза въ г. Волгскѣ.

Можетъ ли быть для С. Петербурга новость интереснѣе, пріятнѣе, увлекательнѣе — извѣстія объ открытіи италіянской оперы? Театральный вѣстникъ передастъ вамъ подробныя театральныя извѣстія; мы же сообщимъ вамъ нѣкоторыя подробности о современной знаменитости музыкально-опернаго міра; о любимѣйшемъ нынѣ композиторѣ Джюзеппо Верди, котораго оперы въ одно время ставятся почти на всѣхъ театрахъ

Композиторъ Верди.

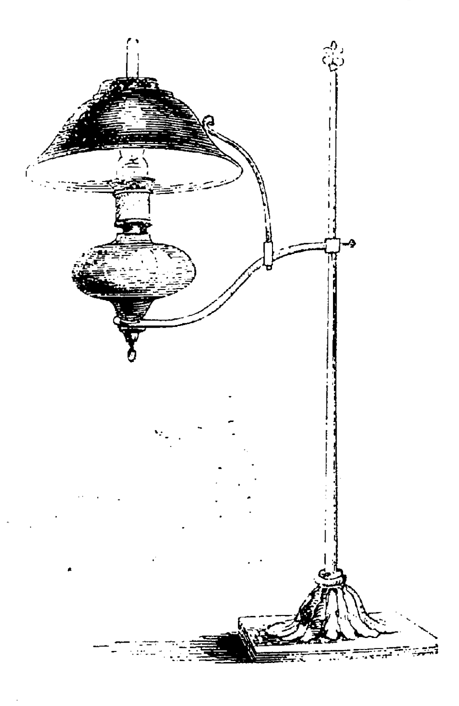
рахъ Европы. Первая его опера не имѣла особеннаго успѣха; но за то вторая «Nabuco», произвела восторгъ и поставила композитора на почетную ступень. Эта опера написана для Милана въ 1841 году. Затѣмъ Верди написалъ Гернани для Ве-



неціи и Due Foscari для Рима. Послѣ того опера, написанная для Милана: Lombardi alla prima crocciata, въ 1843 году, утвердила его славу, а Giovanna D'arco, сочиненная въ 1845 году, также для Милана, произвела живѣйшій восторгъ; пѣвица Фреццолини и теноръ Поджи не мало содѣйствовали успѣху; театръ постоянно оглашался шумными рукоплесканіями; композитору поднесли драгоцѣнный вѣнецъ съ надписью «Giuseppe Verdi onore d'Italia». Великъ почетъ. Мы скоро будемъ имѣть случай судить, до какой степени заслуживаетъ Верди столь блистательную награду. Основываясь на сужденіяхъ записныхъ музыкальныхъ крити-

Капельмейстеръ I. Гунгль.

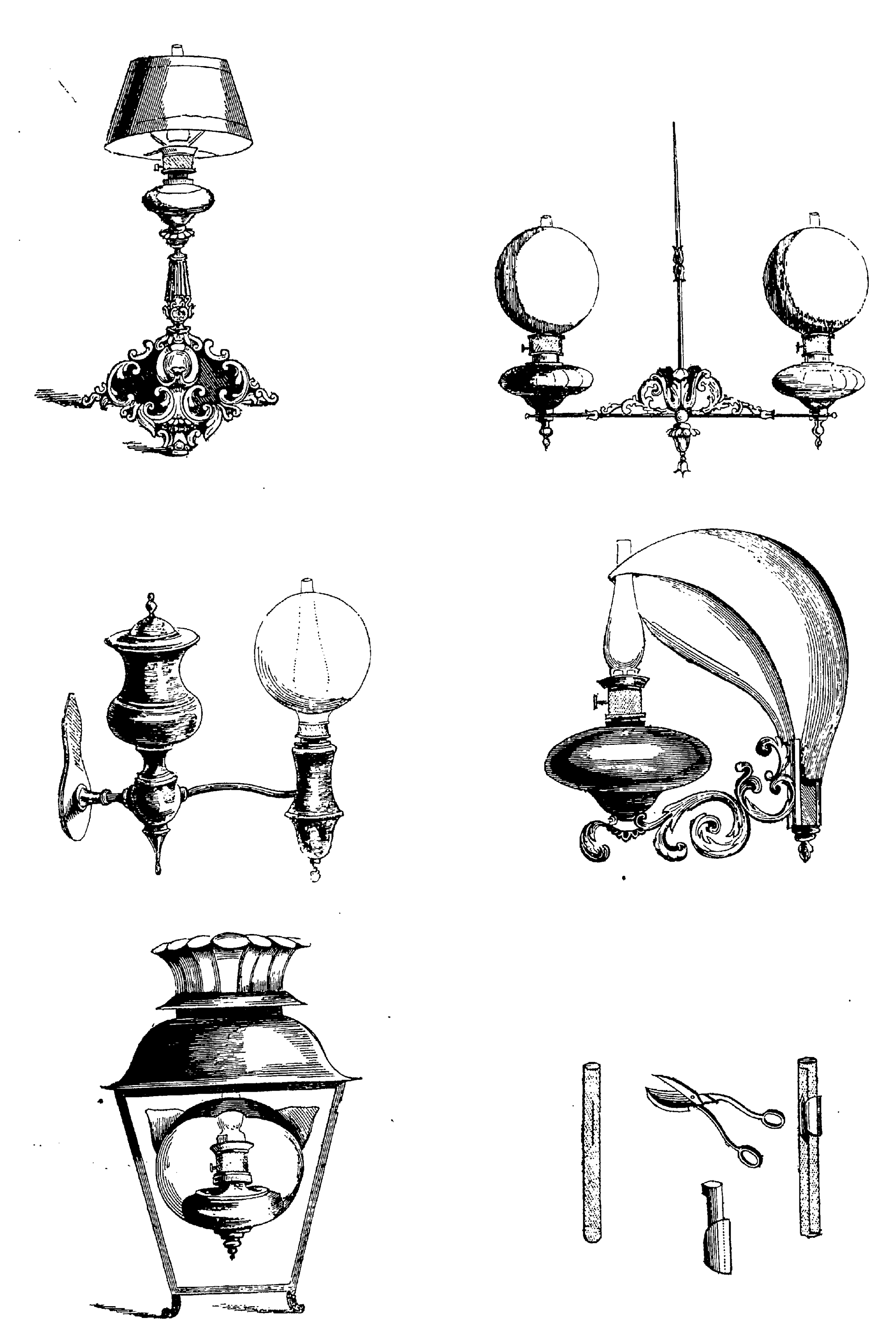
ковъ, можно думать, что музыка Верди должна быть однообразна, если слушать всѣ его оперы, потому что, по свидѣтельству этихъ критиковъ, — Верди любитъ заимствованія — но у самаго себя. Въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. И съ величайшими композиторами случалось то же, лишь бы существо этихъ заимствованій принад-



лежало самому композитору, его душѣ, его чувствамъ... «I Lombardi» уже разучиваются. Очень было бы желательно услышать въ этотъ же сезонъ и Іоанну д'Аркъ, успѣхъ коей въ Италіи превзошелъ успѣхъ I Lombardi. Съ нашимъ богатымъ персоналомъ кажется нѣтъ оперы неисполнимой.

— Музыка лѣтняя у насъ въ этомъ году рѣшительно смѣняется оперою, какъ смѣняются ча-

совые. Оркестръ Гунгля смолкнетъ въ Павловскѣ 30 сентября; а сегодня начнутся италіянскіе спектакли. Насъ письменно упрекали, зачѣмъ мы, помѣстивъ портретъ Германна, не помѣстили портрета Гунгля; зачѣмъ, отдавъ отчетъ объ оркестрѣ Германна, ничего не сказали объ оркестрѣ Гунгля. Исполняемъ желаніе нашихъ корреспондентовъ, прилагаемъ портретъ г. Гунгля. Что же касается до его оркестра, то для насъ это предметъ слишкомъ щекотливый. Если намъ что либо не понравится въ этомъ оркестрѣ, понравится ли вамъ наше сужденіе? Или уже еженедѣльникъ непремѣнно долженъ хвалить все, что хвалятъ другіе? А если у насъ и на эту садовую музыку есть свои собственныя воззрѣнія? Эта садовая музыка родилась съ Штраусомъ и теперь распространилась повсемѣстно. Это не есть чисто-бальная музыка, нѣтъ, это садовая, воздушная музыка; инструментовка у нея другая; скрипичные пассажи иногда оттѣняются, иногда сполна дублируются духовыми; иначе, нерѣдко вы будете струнные инструменты слышать раздѣльно. И здѣсь вы можете инструментовкѣ и самому исполненію сообщить изящество, или богатство, или чудовищность, смотря по тому, съ какимъ вкусомъ и съ какимъ знаніемъ примeтесь за дѣло. У Штрауса и Ланнера превосходно угаданы, такъ-сказать, пропорціи инструментовки. Имѣя, или разумѣя, къ нимъ ключъ, любую вещь можете инструментовать согласно съ правилами воздушной аккустики; не одинъ вальсъ принадлежитъ къ области садовой музыки; онъ тутъ первенствуетъ не по приложе-



нію своему къ танцамъ, а по темпу, въ которомъ наиболѣе легкости, воздушности; піесы въ три четверти и въ шесть осьмыхъ всего лучше для исполненія на открытомъ воздухѣ; самыя выгодныя для этого рода движенія — Andante и Allegro... тогда какъ adagio и presto, одно утомляетъ, другое сливается въ неясный гулъ. Инструментовка, если усилена не ловко мѣдными инструментами, а еще хуже того, свистками, побрякушками и тому подобными антимузыкальными фокусами, дѣлается рѣзкою, неравномѣрною, назойливою для образованнаго слуха... Это крикъ, а не музыка... Въ исполненіи у скрипокъ для игры на воздухѣ—особые пріемы, составляющіе тайну тонкаго музыкальнаго чувства; одушевленіе скрипача не заключается въ томъ, чтобы онъ безпрестанно отрывалъ смычокъ, извлекая изъ инструмента насильственые звуки; нѣтъ, но чтобы въ плавныхъ воздушныхъ движеніяхъ смычковъ дышала нѣга, игривость, шутка — и чтобы все было такъ легко, воздушно, какъ будто оркестръ на облакахъ... Зачѣмъ вѣтры бури, громы? Эту музыку и безъ того разыгрываютъ лѣтнія грозы. Садовая музыка должна соотвѣтствовать чистому небесному своду, душистымъ цвѣтамъ, ароматному воздуху, роскошной зелени и вашей душѣ...

— Наконецъ и Павловскъ пустѣетъ, а тамъ лѣто стоитъ, какъ извѣстно, гораздо долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ загородныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Петербурга.—Всѣ принимаются за зимнія занятія; приготовляются къ оперѣ, къ французскимъ спектаклямъ, баламъ, маскарадамъ и проч. и проч. Предвечерья, avant—soirées, проводятся за позднимъ столомъ или въ домашней бесѣдѣ, при блескѣ огня въ каминѣ и яркой лампы на каминѣ. Люди съ особеннымъ расположеніемъ къ хозяйству покупаютъ и мѣняютъ лампы, которыя каждый годъ сами мѣняются, вслѣдствіе различныхъ улучшеній.—Мы сочли обязанностію еженедѣльника сообщить читателямъ о лампахъ, изготовляемыхъ на фабрикѣ г. Рюккера въ Ригѣ. Онѣ двоякаго рода: въ однѣхъ горючее вещество—спиртъ, въ другихъ, такъ называемое камфиновое масло, Camphino-el. Эти лампы изобрѣтены весьма недавно въ Лондонѣ и въ короткое время распространились по всей Европѣ; горятъ ослѣпительно бѣлымъ яркимъ свѣтомъ; горючее вещество не издаетъ никакого запаха; отъ него не можетъ быть никакой опасности; чистить ихъ очень легко; стекла не лопаютъ; одинъ штофъ масла горитъ ровно 24 часа; изъ этого можно видѣть, что эти лампы и дешевле и лучше всѣхъ, донынѣ извѣстныхъ, и не только можно ихъ употреблять съ выгодою для комнатъ, конторъ, фабрикъ и т. п., но даже и для освѣщенія улицъ. Весьма удачный опытъ освѣщенія этимъ масломъ сдѣланъ недавно на Литейной, близъ Невскаго проспекта. Конечно, обходиться съ ними надо умѣючи; у нихъ особенныя свѣтильни, для свѣтиленъ особыя ножницы; но познакомиться со всѣми этими пріемами весьма легко, и мы увѣрены, что эти и терпентиновыя лампы, въ короткое время распространятся вомножествѣ и у насъ въ Россіи. Розничная продажа этихъ лампъ у г. Геріо, въ магазинѣ, состоящемъ въ Михайловской улицѣ, въ домѣ Дворянскаго Собранія; въ случаѣ же значительныхъ заказовъ можно обращаться въ контору г. Руге и Ком., на Васильевскомъ Островѣ, по 2-й линіи, на углу Большаго проспекта, въ домѣ Иванова, № 16.—Что касается до формъ, то приложенные рисунки лучше всего познакомятъ съ наружнымъ видомъ лампъ г. Рюккера. Мы слышали, что на дняхъ получена въ Петербургѣ значительная партія лампъ этого устройства. —

Въ литературѣ мало новаго. Въ сентябрской книжкѣ Библіотеки для Чтенія появилась I часть новаго романа Е. П. Ковалевскаго, подъ заглавіемъ: Петербургъ днемъ и ночью. Судить о романѣ — по началу, невозможно. Преждевременная похвала обличила бы насъ въ пристрастіи—а хулить, искать ошибокъ въ началѣ труда, было бы въ высочайшей степени недобросовѣстно и неприлично. Впрочемъ, мы съ удовольствіемъ слышали отзывы многихъ членовъ читающей публики, которые въ этомъ романѣ вовсе не видятъ Парижскихъ Тайнъ, а занимательностью и разсказомъ весьма довольны.

— На дняхъ вышли изъ печати Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гете и Шиллера, книга первая. Всѣ эти сочиненія—переводы большею частію уже извѣстны изъ повременныхъ изданій, гдѣ въ разное время помѣщались; но при всемъ томъ мы перечитали ихъ вновь съ особеннымъ удовольствіемъ, при всей нашей антипатіи къ переводамъ, потому что въ нихъ мы видѣли самого А. Н. Струговщикова, поэтически передающаго мысли Гете и Шиллера, не въ буквальномъ смыслѣ, а, такъ сказать, въ словесномъ истолкованіи. Ожидаемъ выхода обѣщанныхъ въ предисловіи второй и третьей книжекъ, и тогда уже отдадимъ отчетъ болѣе подробный о трудахъ автора-переводчика.

—Изъ губернскихъ извѣстій, дошедшихъ до насъ на этой недѣлѣ, мы не можемъ не передать нашимъ читателямъ одного истинно страннаго случая. 1-го Августа, въ полночь, надъ городомъ Волгскомъ взошла съ югозапада грозная туча; сперва часа два шелъ тихій дождь; изрѣдка гремѣлъ громъ и блистали молніи; потомъ полился дождь сильный съ мелкимъ градомъ, при бурномъ вѣтрѣ. Молнія сіяла безпрерывно, сопровождаемая сильными ударами грома. Одинъ изъ ударовъ разразился надъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ поручика Владиміра Безобразова. Молнія имѣла направленіе въ уголъ верхняго карниза, прошла во внутренность верхняго этажа, пролетѣла по всѣмъ комнатамъ, разбила створчатыя двери, повредивъ и расплавъ замки; далѣе спустилась подъ плинтусомъ, сквозь полъ, въ нижній этажъ, гдѣ находилось семейство Г. Безобразова и пріѣхавшіе гости съ прислугою, всего до 20 человѣкъ, пролетѣла по всѣмъ комнатамъ; никому изъ людей не причинила вреда, а повредила печи, двери, разбила маленькій кивотъ, стоявшій въ большомъ кивотѣ, но не тронула образа Святителя Митрофана; за кивотомъ сдѣлала щель въ капитальной стѣнѣ и вылетѣла наружу, оставя въ комнатахъ обоихъ этажей густой сѣрный запахъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

.....ОЙ.

Прости меня, когда въ мечтахъ, порою,
Я о любви съ тобою говорю.
Довѣрчиво я счастье жизни строю
И высоко, блаженствуя, парю.
Ты не поймешь, какъ я живу мечтами,
Какъ счастливъ я и въ страданіяхъ моихъ,
Какъ пылъ души, окропленный слезами,
Въ моей груди измученной затихъ;
Какъ я живу, безъ цѣли, безъ раздѣла,
Какъ призраки блаженствомъ жизни чту,
Какъ не молю другаго я удѣла....
Прости меня, прости мою мечту!
Но если ты велѣніемъ предвѣчнымъ,
Когда нибудь узнаешь жизнь сполна,
И днямъ твоимъ, и тихимъ, и безпечнымъ,
Пойдетъ на встрѣчу бурная волна;
И если ты, не позабывъ отрады,
Захочешь вѣкъ свой въ счастіи дожить—
Скажи же мнѣ: — какой себѣ награды
Ты стала бы у Господа просить?...
Не избѣгай и будь вѣрна мечтанью,
Которое и я блаженствомъ чту,
И ты тогда, покорная страданью,
Поймешь меня, простишь мою мечту.

И. С. овъ.

—

ЕЛЕГІЯ.

Поле чистое-колыбель моя,
Слезы горькія-мнѣ въ удѣлъ даны,
Обвѣнчался я съ грустью тяжкою,
И въ приданое взялъ себѣ нужду.
Люди добрые, посовѣтуйте,
Какъ на свѣтѣ жить сиротинушкѣ,
Люди добрые мнѣ даютъ отвѣтъ:
«Ты иди, ступай, добрый молодецъ,
«Въ поле ратное съ саблей острою,
«Ты возьми съ собой калену стрѣлу,
«Воротися къ намъ съ славой громкою.
«Разведемъ тогда мы тебя съ женой,
«И развѣемъ въ прахъ все приданое;
«Мы сосватаемъ съ свѣтлой радостью,
«Мы въ приданое принесемъ тебѣ
«Камни цѣнные, чисто золото.
Я вручилъ себя волѣ Божіей,
Оградилъ себя крестнымъ знаменьемъ,
И пустился я къ полю ратному,
Чтобъ разить враговъ за отечество.
Взялъ въ подруги я саблю острую,
Вѣрный другъ мой былъ-калена стрѣла.
Но не ждите вы, люди добрые,
Съ славой громкою съ поля ратнаго,
Сиротинушки горемычнаго.
Разведутъ съ женой опостылою,
Пуля вражія, — рана смертная,
И развѣютъ въ прахъ все приданое
Вѣтры буйные на чужой землѣ.
Мнѣ не надобны камни цѣнные,
Мнѣ останется имя воина.
Мнѣ не надобно ваше золото,
Мнѣ дадутъ тогда горсть сырой земли,
И не грамота, не высокій санъ,
Осѣнитъ меня деревянный крестъ.
А за подвиги богатырскіе
Мнѣ поставитъ людъ камень съ надписью.
Былъ безъ роду онъ и безъ племени,
Не знавалъ отца онъ ни матери,
На войну пошелъ за отечество,
И сраженъ былъ тамъ пулей вражьею.

Викторъ Б.....нинъ

АНЕКДОТЫ.

I.

Во время сѣверо-американской войны, одинъ Американецъ замѣтивъ, что шесть человѣкъ Англичанъ отстали отъ корпуса, бросился на нихъ, двухъ ранилъ, остальныхъ обезоружилъ и привелъ всѣхъ къ Вашингтону. Генералъ, удивленный подвигомъ, спросилъ какъ могъ онъ одинъ взять въ плѣнъ шестерыхъ? Американецъ и самъ не понималъ, какъ совершилъ онъ этотъ подвигъ; но считая обязанностью представить удовлетворительное объясненіе, отвѣчалъ: какъ только я ихъ увидѣлъ, я тотчасъ сталъ ихъ преслѣдовать, *окружилъ* и принудилъ къ сдачѣ.

II.

Въ одномъ французскомъ городкѣ, приказный сталъ приволакиваться за дочерью купца, и весьма успѣшно! Дѣвушка, кромѣ богатства, снабжена была красотой, почему и имѣла не мало обожателей. Одинъ изъ нихъ, военный, взялся устранить общаго соперника. Осторожнѣе,—говорили ему другіе,—эта чернильная и черная душа найдетъ средство запутать васъ въ какую нибудь судебную исторію... Э, я съ нимъ по военному, отстанетъ; вотъ посмотрите... Герой подошелъ къ приказному...

— Милостивый государь! сказалъ онъ.

— Что вамъ угодно?

— Ретируйтесь...

— Откуда и куда?

— Отъ молодой дѣвушки къ старымъ бабамъ. Эта невѣста не по васъ.

— Это вамъ такъ кажется; а ей и мнѣ, вамъ кажется, что мы какъ разъ пара.

— Я изъ вашей головы сдѣлаю пару полозянокъ! Слышите?

— Слышу, и обѣщаю отстрѣлить вашу голову съ усами и бакенбардами.

— Вамъ извѣстны правила чести?

— Я очень хорошо знаю законы...

— Не о законахъ дѣло, а о правилахъ! Понимаете ли? Вы должны со мной драться.

— Съ удовольствіемъ! Хоть сейчасъ...

— И сейчасъ таки! Пожалуйте!

— Милости просимъ.

Пошли. На дорогѣ, приказный сказалъ.

— Я не хочу вамъ уступить невѣсты ни за что...

— А я и того менѣе...

— Слѣдственно, мы должны сражаться на смерть?

— Совсѣмъ на смерть...

— Слѣдственно на пистолетахъ.

Герой задумался. Приказный продолжалъ:

— Пистолеты у меня есть. Я зайду за нимп...

— Зайдемъ вмѣстѣ... Вы хотите уйти отъ меня....

— Смотрите! Чтобы вы не ушли отъ меня.

Это разсердило героя. Приказный умѣлъ болѣе и болѣе раздражать его, такъ, что когда они были уже на лугу, герой былъ внѣ себя, выстрѣлилъ и убилъ приказнаго на повалъ. Умирая, приказный выстрѣлилъ уже въ бѣгущаго. Герой испугался своей побѣды, добылъ на станціи лошадей и скрылся...

Не прошло и двухъ недѣль, герой въ другомъ городкѣ встрѣтилъ знакомаго...

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ послѣдній.

— Скрываюсь!

— Отъ кого?

— Отъ преслѣдованій полиціи.

— Что же вы сдѣлали?

— Я убилъ на дуэли приказнаго въ нашемъ городѣ.

— Кого же это? Кажется, у насъ никого не хоронили во все это время.

— А приказный?.. Герой назвалъ соперника.

— Онъ женился на дочери купца, за которой, кажется, и вы ухаживали.

— Онъ? Онъ женился? Послѣ смерти?..

— Нѣтъ! Не думаю! Онъ совсѣмъ здоровъ! Никогда не умиралъ!..

— Бездѣльникъ!

— За что?

— Онъ притворился... Онъ... Но я ему не прощу этого...

— Я догадываюсь въ чемъ дѣло. Но совѣтую оставить вашу месть. Во-первыхъ, поздно. Во-вторыхъ... васъ же подымутъ на смѣхъ. По моему мнѣнію, вы напишите лучше къ начальству, сочините исторію, и оставайтесь здѣсь или гдѣ угодно... А съ приказнымъ, что за дуэли! Онъ опять заставитъ васъ спасаться бѣгствомъ отъ призрака преступленія...

Герой принялъ совѣтъ.

III.

Во Франціи, въ старинныя времена, одинъ важный сановникъ обогатился слишкомъ быстро; это возбудило подозрѣнія; его отставили. «Глупо! сказалъ онъ: со всемъ не во время! отставили въ ту минуту, когда я устроилъ окончательно собственныя дѣла и хотѣлъ заняться государственными... Не расчетливо!»

IV.

Въ одномъ обществѣ разговаривали о метампсихорѣ. Одинъ богачъ, недальнаго ума, рѣшился и съ своей стороны пошутить и сказалъ: О я очень хорошо помню, что я былъ прежде золотой телецъ.... «Это видно и теперь» замѣтили ему, «никакой перемѣны, только позолота слѣзла...»

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Италіянскій Театръ. Наконецъ всѣ артисты италіянской труппы съѣхались. Г-жа Кастелланъ, г-жа Віэти, г. Сальви, г. Ровере прибыли наконецъ и Г-жа Віардо Гарсія пріѣхала 26-го сего сентября. Спектакли откроются сегодня Оперой: Линда ди Шамуньи.

Русскій Театръ. На будущей недѣлѣ дана будетъ новая комедія сочиненія Р. М. Зотова, въ стихахъ и пяти актахъ подъ заглавіемъ «Еще школа мужей!»

Французскій Театръ. Ничего новаго Ожидаютъ прибытія г-жи Плесси (Г-жи Арну).

Нѣмецкій Театръ. На будущей недѣлѣ назначенъ бенефисъ любимаго нѣмецкаго актера г. Мора.

Г. Александръ Гверра изъ Рима съ своею италіянскою труппою переѣзжаетъ на всю зиму въ нашу столицу. Послѣднія представленія г. Гверры были въ Стокгольмѣ. Труппа состоитъ изъ 26 артистовъ и 16 артистокъ, въ этомъ числѣ г. Вердье, знаменитый ѣздокъ, г. и г-жа Дюмосъ изъ Лондона. Труппа имѣетъ сорокъ шесть лошадей и располагаетъ устроить на площадѣ Большаго Театра для своихъ представленій особый циркъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

СѢНО.

Въ собраніи корнвалисскаго клуба, президентъ сообщилъ слѣдующій опытъ, примѣненный въ первый разъ къ дѣлу Фурнеемъ (Furney), и отъ того получившій названіе Фурнеизма. Если поле, засѣянное травою, слегка покрыто соломою, мелкими древесными вѣтвями, зелеными или сухими, то трава растетъ тогда съ необыкновенною силою. Президентъ подтвердилъ справедливость этого указанія. Въ началѣ мая, онъ приказалъ слегка покрыть травное поле величиною въ 3 экра (2667 квадр. сажень) длинною соломою, которой пошло 80 фунтовъ на экръ (6 пудовъ на десятину). Чрезъ пять недѣль, получено съ этого поля 3,000 фунтовъ свѣжаго корма болѣе, чѣмъ съ другаго поля, такой же величины, но не покрытаго соломою. По снятіи соломы, на траву пущено было 115 барановъ, а черезъ недѣлю еще 26 воловъ. По стравленіи травы скотомъ, ту же солому снова набросали на поле, и, чрезъ 2 недѣли, опять показалась сильная трава. Тотчасъ послѣ снятія соломы, бараны, какъ казалось, предпочитали ту траву, которая не подвергалась этому дѣйствію: но они охотно ѣли ее, когда она полежала сутки на воздухѣ и на солнцѣ Президентъ присовокупилъ, что онъ такимъ образомъ велѣлъ покрывать пространство въ 24 экра (9 десятинъ), которое дастъ ему обильный сѣнокосъ, между тѣмъ какъ у сосѣдей его недостатокъ въ травѣ.

ПЕРЕПИСКА.

О. И. С. Въ огородѣ бузина,
А въ Кіевѣ дядько.
Тѣмъ я тебя полюбила,
Что на рудѣ перстень...

За такую логику, ни вы ни мы не должны сердиться.

А. М. Ф. Есть на свѣтѣ презабавные стихи, которыхъ, однако же, нельзя печатать, по тѣмъ же поводамъ, по которымъ не допущено ни въ одну хрестоматію посланіе солдата къ подругѣ въ 1812 году изъ арміи и которое гласитъ тако:

Любезная Наталія,
Была у насъ баталія.
Фельдмаршалъ Кутузовъ
Разбилъ совсѣмъ Французовъ.
Маршала Даву
Заставилъ плакать какъ вдову.
Разбилъ Маршала Нея,
Затѣмъ что онъ его умнѣе.

Не правда ли, эти стихи имѣютъ большое сходство съ тѣми, о которыхъ мы съ вами теперь думаемъ...

О. П С — ву. Сколько у васъ подписей? Мы ужъ видѣли въ печати и другія. И къ чему скрываться? Грѣхъ хранить въ тайнѣ такой талантъ! — Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ....

V. Ваши загадки, какъ видите, помѣщены обѣ. Просимъ продолженія.

И. Н. Возмогъ ли ты левіафана
На удѣ вытащить на брегъ?

В. Б—ну Ваше «Вдохновеніе» — обѣщаетъ вдохновеніе. Радуемся, что въ 14 лѣтъ вы уже пишете правильные стихи, хорошимъ русскимъ языкомъ. Трудъ очищаетъ работу и обогащаетъ магазинъ матеріаловъ для произведеній искусства. Въ этомъ только отношеніи искусство имѣетъ нѣчто общее съ ремесломъ.

Г. С—ву и О. П. Поздравляемъ съ пріѣздомъ... Вотъ видите, вы уже теряли бодрость, чувствовали усталость, и вдругъ оживились. Безъ головы — всегда плохо.

Г. Р.м.н.нк.ву: полученную отъ васъ повѣсть: Похожденія Хавроньина, требуетъ Иллюстраціи, почему и помѣщеніе ея можетъ весьма замедлиться.

Р. К—ой. Красота—рекомендательное письмо, которымъ природа снабжаетъ любимицъ. — Умъ — наличныя деньги на расходы въ этой жизни. Рекомендательныя письма встрѣчаютъ иногда неудачи; деньги — никогда.

Въ Редакцію: за 24-й нумеръ, въ знакъ личной моей признательности, препровождаю моего Барона. А. Пальмъ.

А. И. Пальму. За Барона приносимъ, пока, личную нашу признательность, которую положительнѣе засвидѣтельствуемъ въ 26 нумерѣ.

О. И. М. Одинъ спекуляторъ, узнавъ о неудачѣ, разрушившей всѣ его надежды, сказалъ: Это ужасное для меня несчастіе! Я могъ сдѣлаться милліонеромъ и честнымъ человѣкомъ... Всѣ спекуляторы думаютъ также; но увы! у иныхъ есть и капиталы, и деревни, а честности никакъ нажить не могутъ.

Г. Г.—ву. За что вы насъ огорчили? Ваша прекрасная статья не можетъ помѣститься въ Иллюстраціи; а право, можно бы сократить!

Гг. И. О.—А. С.—*** Л.в.к.у,— Б.—ну и Ан—ву.— Всѣ исчисленныя вами ошибки, опечатки, промахи, и того хуже, лжи—вамъ бы слѣдовало, мил. государи, послать прямо къ тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ. Что съ ними дѣлать Иллюстраціи?! Извините... намъ до чужихъ грѣховъ нѣтъ дѣла...

Г. И.—Нѣтъ!

Г. И—ну. Да!

ОДЕОНЪ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

	СЕРЕБ. Р.	К.
Deux nouvelles Compositions sur l'opéra «Rouslan et Ludmila»:		
N 1 Marche des Tscherkesses par Fr. Liszt.		
» 2 Caprice цѣна	2	86
Thalberg Fantésie sur l'opéra» Der Freyschütz op 57 N 2.	1	15
Willmers. R, Nocturne metodique op 12	—	57
» » Sehnsucht an Meer; Musikasches Tongemälde op. 8	—	86
Willmers. R. Körners Schlacht-Gebeet übertragen und variirt	—	57
» » grandes Variationes sur la Marche des «Puritains» op. 10	1	70
» » grande Fantaisie sur la Melancolie de Fr. Prume op 9	2	15
НОВЫЕ ТАНЦЫ:		
Abramowicz. Polonaise sur l'opera Lucia di Lamermoor.	—	60
» Кавалерійская рысь (Trot de cavallerie)	—	50

Kâzynski. Petersburger Polka) nouvelle
» Amata »
» Marien ») édition — 40
Liadoff. 2 Contredanses francaises N 1 Adrienne)
N 2 Djolma) Chaque à — 60
Liadoff. 2 «Rigolette» Galop — 50
Strauss. Tänze Odeon op. 172 — 75

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

М. Д. ОЛЬХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнова, и въ Гостиномъ Дворѣ, по суконной линіи, подъ № 13-мъ, въ *Москвѣ*, на Тверской, въ домѣ Митлевой.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

Новое (компактное) изданіе

Съ портретомъ автора и двумя картинами, гравированными на стали въ Лондонѣ, одинъ томъ, въ большую 8-ю д. л., на лучшей веленевой бумагѣ. Спб., 1845 г. Цѣна 5 р. сер., вѣс. за 4 ф.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

ПАРОДІЯ.

Въ десяти частяхъ. Съ 250 рисунками. Часть первая. Спб., 1845 г. На лучшей веленевой бумагѣ, изданіе М. Д. Ольхина. Цѣна 30 к. сер., вѣс. за 1 ф.

ЗАПИСКИ ДЮКА

Лирійскаго и Бервикскаго, во время пребыванія его при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ въ званіи посла Короля Испанскаго 1727—1730 г. переводъ съ франц. Д. И. Языкова. Спб. 1845 г., цѣна 1 р. 30 к. вѣс. за 1 ф.

ТАБЛИЦЫ ЛОГАРИѲМОВЪ

Вронскаго. Спб., 1845 г. въ 8-ю д. л. Цѣна 1 р. 50 к. сер., вѣс. за 1 ф.

СОБРАНІЕ АНЕКДОТОВЪ,

ПОВѢСТЕЙ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ,

извлеченныхъ изъ періодическихъ изданій.

Въ четырехъ выпускахъ. Москва, 1845. Въ 8 д. л. Ц. 3 руб. сер., съ перес. 3 р. 30 коп. сер.

=

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ПОДЪ ФИРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ.

На Невскомъ проспектѣ. у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта.

ТРЕТІЙ ТОМЪ

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

изданный А. Ф. Смирдинымъ.

Съ десятью гравированными на стали въ Лондонѣ портретами и картинками. Спб., 1845 г. въ 8-ю д. л. Ц. 7 р. 15 к. с., вѣс. за 5 ф. —Тожъ томы 1 и 2-й цѣна каждому отдѣльно 7 р. 15 к. с., вѣс. за 5 ф.

РУКОВОДСТВО КО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Соч. *Др. Фридриха Лоренца*, часть 1-я, изданіе второе. Спб., 1845 г. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. за 3 ф.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВѢТА

Анною Зонтагъ.

2 части. Изданіе четвертое. Спб., 1845 г. Ц. 2 р., вѣс. за 3 ф.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни (картинки рисованы г. Агинымъ), литографированы во французской литографіи Поля Пети. Спб., 1845 г. въ 12 д. Ц. 1 руб. сер., вѣс. за 1 ф.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обвертокъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

=

Типографія находится по Италіянской улицѣ, противу Михайловскаго манежа, въ домѣ подпоручика Алексѣева.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

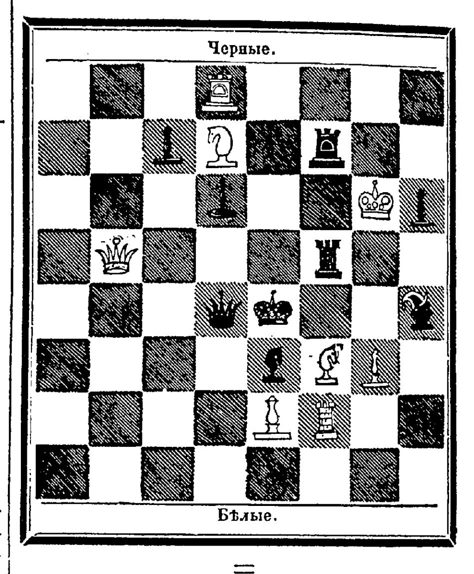
РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 24.

Бѣлые.	Черные.
1) Король на 2 м. К. св.	Принужденные ходы.
2) Л. на 2 м. Кор.	
3) Сл. на 1 м. К. Кор.	
4) Л. на 3 м. Кор.	
5) Л. на 5 м. Кор. и матъ.	

=

ЗАДАЧА № 25.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ четыре хода.



=

РАЗГАДКА № 24.

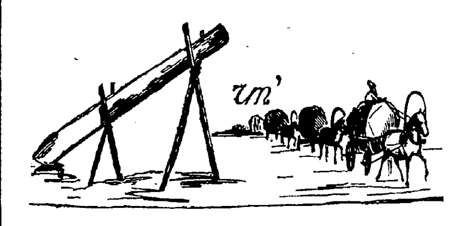
1) Лиди, бѣсъ, покой, язъ на землѣ, о, жисъ, нить, лень, ной за бываютъ, о, жисъ, ни въ вѣчности.

2) Люди, беспокоясь о жизни тлѣнной, забываютъ о жизни въ вѣчности.

=

ЗАГАДКА № 25.

НЕБ- Т 100 ЛЬ



МѢ ВАТЬ БЪЛИЖНѢЙ.

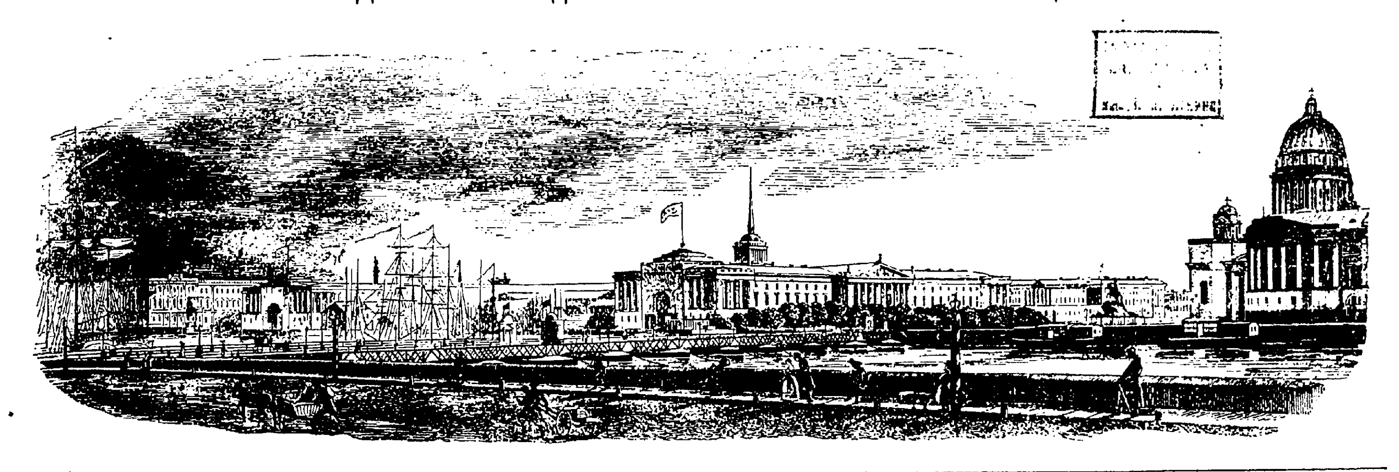
СОДЕРЖАНІЕ: 1) Отъ редакціи, о новой подпискѣ на Иллюстрацію. 2) Маменька, разсказъ *И. Метелина.* 3) Паргаловскія Тайны, (продолженіе) *П. Ф—нна.* 4) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 5) Закладъ, романъ, (окончаніе) *Ив. Койнева.* 6) Еженедѣльникъ. 7) Стихотворенія: ....ой, *С—ва.* Элегія, *Виктора Б... кина.* 8) Анекдоты. 9) Театральный вѣстникъ. 10) Памятная книжка: Сѣно. 11) Переписка. 12) Объявленія. 13) Игры.

ГРАВЮРЫ: 1) Видъ Гельсингфорса. 2) Гельсингфорская церковь. 3) Видъ Гельсингфорса. 4) Видъ Або. 5) Ломовой. 6) Видъ Гекфорскаго водопада. 7) Портретъ Либиха. 8) Видъ Химическаго Института въ Гессенѣ. 9) Внутренность того же Института. 10) Портретъ композитора Верди. 11) Портретъ капельмейстера І. Гунгля. 12) Лампы (8 грав.). 13) Загадка. Всего 20 гравюръ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Сентября 28 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 26. — Суббота, 6 Октября 1845.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3. р. сер.

БАРОНЪ.

Въ началѣ сентября, когда еще Петербургъ видитъ изрѣдка, сквозь слезы улыбающіеся, свѣтлые дни; когда въ сѣромъ воздухѣ носится какая-то влага и тяжело ложится на грудь — тогда въ Петербургѣ всѣ чихаютъ отъ страшнаго насморка, и всѣ кашляютъ отъ простуды. — Впрочемъ, къ этому народному бѣдствію чрезвычайно привыкли обыватели Петербурга; оно даже служитъ нѣкоторымъ развлеченіемъ и игривымъ предметомъ для разговоровъ о здоровьѣ и погодѣ.

Въ эту сѣренькую пору, одинъ день, не упомню числа, — совершенно ничѣмъ не отличался отъ своихъ нахмурившихся братьевъ: густыя тучи бродили по суконному небу; рѣдкія капли воды падали не извѣстно откуда и иногда очень удачно шутили надъ гуляющимъ народомъ, попадая, напримѣръ, какому нибудь почтенному человѣку на самый кончикъ носа.

Поутру, часу въ 8-мъ или 9-мъ, молодой человѣкъ, плотно завернувшись въ сѣрую шинель съ мокрымъ бобровымъ воротникомъ, шелъ по Третьей улицѣ. — Надобно вамъ сказать, что это было въ той части города, гдѣ улицы называются по нумерамъ, какъ будто это сборище хилыхъ домиковъ не стоило даже и труда подумать о приличномъ названіи улицъ, а просто сказано имъ: ну, которая изъ васъ первая? — Я. — Ну, ты и зовись первою улицей, — ты второю, а ты третьей и т. д. — Слышите-ли?! — Слушаемъ-съ. — То-то, смотрите-же!.. Вотъ историческое происхожденіе названія этихъ улицъ.

И такъ, по Третьей улицѣ шелъ молодой человѣкъ очень грустно. Тротуары деревянные и прескверные чрезвычайно-хитро покоробились; между тротуарами лежитъ грязное пространство, называемое улицей; правда, изъ этой грязи кое-гдѣ торчитъ булыжникъ, какъ бы напоминая, что и тутъ можетъ существовать мостовая. По сторонамъ Третьей улицы уныло стоятъ ветхіе домишки, уставшіе жить на бѣломъ свѣтѣ и, вѣроятно, по этой причинѣ прилегшіе, какъ говорится, на боковую; передъ этими домиками находятся прекрасные палисадники, огражденные горемычными деревянными рѣшотками. Въ палисадникахъ пожелтѣлыя березы грустно вызвышаются надъ какими-то неизвѣстными, но очень тощими кустами. Желтый листъ, качаясь, обрывается съ вѣтки и летитъ по улицѣ. Эти грустные виды, можетъ быть, были причиною тоски знакомаго намъ молодаго человѣка, а можетъ быть, и то, что онъ идетъ на службу, а вчера былъ на балѣ; танцовалъ, волочился немножко, хорошо поужиналъ, не успѣлъ выспаться какъ слѣдуетъ и уже спѣшитъ на службу. — Дѣйствительно, положеніе самое невыгодное! — А главное вотъ что: вчера, онъ былъ самымъ порядочнымъ человѣкомъ; перчатки бѣлѣе снѣга, сапоги лакированные, лицо улыбающееся; — охватишь станъ — такой стройный, такой гибкій... возьмешь ручку такую крошечную, тепленькую... Несешься въ вальсѣ... а теперь что?.. А, плохо жить на свѣтѣ!

Странно, въ самомъ дѣлѣ, покажется, какъ это, человѣкъ, нѣсколько часовъ тому назадъ ловко скользившій по паркету, теперь плетется пѣшкомъ въ какомъ-то захолустьѣ!..

Что онъ, бѣденъ? — Не совсѣмъ. Онъ молодъ, а старики, его родственники, хоромъ твердятъ: служи, три лямку, терпи, все испытай; мы въ свои годы также тянули и еще почище; — теперь вамъ баловство противу прежняго! А онъ молодъ, ему хочется и того, и другаго... мало-ли чего иногда захочется молодому человѣку! — Онъ — Баронъ, немного балованный въ дѣтствѣ, и теперь счастливо начавшій службу, хотя все это счастіе было не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Связи и знакомства онъ имѣетъ самыя блестящія, самыя избранныя; — о долгахъ своихъ онъ не думаетъ, потому что ему всѣ вѣрятъ, видя въ немъ богатаго наслѣдника дядюшкиныхъ сундуковъ. Какъ видите, положеніе его вовсе не такъ дурно, какъ кажется. А ему грустно, тяжело... Таскаешься всякій день на службу, волочишь молодую жизнь безъ цѣльно, безъ тревожно!.. Такъ за этимъ только дѣло стало? — Помилуйте, цѣль? — Цѣль, — служи, вотъ тебѣ цѣль. — Да эта цѣль далека; — мелочнымъ честолюбіемъ, слава Богу, еще не заразилась душа молодаго человѣка; истиннаго благороднаго честолюбія онъ еще хорошенько-то и не понималъ. — Что жъ ему дѣлать? — Гдѣ взять эту цѣль, хватающую за самое сердце? — Ну, онъ влюбился, началъ волочиться... А, вотъ, вотъ именно то, чего ему хотѣлось! — Тутъ онъ все можетъ найти: и цѣль, и тревоги, и радости, и мученія... Нѣтъ, это не то... и ничего не нашелъ онъ въ этой любви, кромѣ скуки; это не любовь, а невинное, ни къ чему не ведущее, дурачество... Да, это ему послужило къ тому только, что онъ привыкъ, пріучился гораздо хладнокровнѣе смотрѣть на бальныхъ красавицъ. Это равнодушіе къ предмету, кажется, далекому отъ существенной жизни, имѣло, однако же, вліяніе на всѣ стороны дѣятельности молодаго Барона; онъ сталъ лѣнивѣе, безпечнѣе, а въ гостиныхъ многіе стали подсмѣиваться надъ нимъ, какъ надъ разочарованнымъ юношей. Это ему было досадно до крайности и, отчасти, озлобило противъ общества. Рѣже и рѣже Баронъ сталъ появляться въ свѣтѣ. Конечно, свѣтъ и не замѣтилъ, что Барона не видно въ толпѣ паркетныхъ рыцарей. Это еще болѣе взбѣсило неопытнаго молодаго человѣка. Онъ совершенно переселился въ другой міръ. Къ занятіямъ дѣльнымъ онъ не чувствовалъ большой охоты; а потому онъ сталъ проводить долгіе вечера въ пріятельскомъ кружкѣ своихъ товарищей. Разумѣется, людямъ, сходящимся вмѣстѣ каждый день, наконецъ не о чемъ будетъ говорить, и необходимо пріискать занятіе. Это занятіе было карты. Баронъ увлекся, пристрастился къ игрѣ, и — проигрывалъ, не большія суммы, но все-таки, взявъ въ соображеніе годовой доходъ Барона, порядочныя деньги.

Товарищи очень пріятно трунили надъ несчастіемъ милаго Барончика, — такъ они называли его, — и все-таки клали въ свои бумажники его деньги.

Насмѣшки сдѣлали Барона упорнымъ; онъ хотѣлъ покорить себѣ счастье, и усиливалъ игру, и проигрывалъ больше.

Вчера онъ, по необходимому приличію, былъ на балѣ у тетки своей. Ему тамъ было очень неловко; но онъ танцовалъ, сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ предмету забытой любви своей... чуть-чуть было опять не влюбился; но за ужиномъ успѣлъ забыть уже эту глупость, и пригласилъ кое-кого изъ молодежи къ себѣ на вечеръ сегодня.

Теперь вы знаете Барона; знаете, почему такъ дурно было ему въ то утро, какъ мы съ нимъ встрѣтились.

Баронъ шелъ закутавшись, какъ можно плотнѣе въ шинель и спрятавъ все лицо въ бобровый воротникъ, такъ что видны были только однѣ нахмуренныя брови. Поравнявшись съ однимъ домикомъ, осѣненнымъ вѣтвями березъ, Баронъ выпрямился, открылъ все миловидное молодое лицо свое и пристально глядѣлъ на низенькія окна.

Въ одномъ окнѣ слегка заколебалась бѣлая стора и мелькнула хорошенькая головка. Несмотря на то, что эта чернокудрявая головка была въ совершенномъ безпорядкѣ, не причесана и даже не покрыта чепцомъ или платочкомъ, — Баронъ глядѣлъ на нее весьма пристально. Дѣвушка глядѣла то на Барона, то на стору, то на небо; видно было, что она не знала, куда глядѣть; наконецъ, улыбнувшись, очень мило, она поправила на груди бѣленькую косынку, слишкомъ свободно распахнувшуюся, и улыбнувшись еще милѣе, она быстро скрылась за сторой.

Баронъ прикусилъ свой едва пробившійся усъ и пошелъ дальше, опять закутавшись въ шинель.

Суда по нѣкоторымъ довольно-яснымъ признакамъ, можно съ достовѣрностью заключить, что

Баронъ уже не въ первый разъ ходитъ мимо этого домика и видитъ эту хорошенькую головку; но что намъ до этого? — Посмотримъ, что будетъ дальше. — Начало есть.

II.

Баронъ жилъ въ одномъ огромномъ домѣ, въ 5-мъ этажѣ, то есть, не то, чтобы очень высоко, да и не совсѣмъ низко. — Всѣ живущіе въ этомъ домѣ смотрѣли на Барона съ нѣкоторымъ уваженіемъ; они вовсе не знали его, не знали, богатъ ли онъ, бѣденъ ли; но думали, что Баронъ и богатъ, и знатенъ, и очень добръ; а думали такъ они вотъ почему: Леонтій, человѣкъ Барона, не разъ былъ допрашиваемъ на крыльцѣ и въ лавочкѣ о свойствахъ и поведеніи его барина. Леонтій былъ человѣкъ, чрезвычайно тонко понимавшій всю галантерейность обращенія и, разумѣется, одарилъ барина своего всѣми щедротами фортуны и всѣми качествами добродѣтели; онъ смѣкалъ, что по барину и лакею почетъ. — Да-съ, душенька, — говорилъ Леонтій одной горничной, чрезвычайно глупой и чрезвычайно любопытной, — да-съ, этакого барина не было еще, да ужъ и не будетъ! Праздникъ-ли, али масляница, — на, говоритъ, Леонтій, возьми 10-ть рублевъ, ступай куда хочешь; и въ театръ ступай; непремѣнно ступай: я люблю, чтобы мой человѣкъ былъ въ театрѣ. Скажетъ, да и положитъ въ руку 10-ть рублевъ. — На самой дворянской ногѣ! — Вотъ что-съ! — А какъ другіе-то господа придутъ, — Господи ты Боже мой! — Всѣ его такъ и уважаютъ! — Баронъ, Баронъ, Барончикъ... а онъ возьметъ, да нарочно имъ и проиграетъ 1000, али больше. — А этого у насъ ужъ никогда не бывало, чтобы безъ ужина гостей отпустить! Подай, братецъ, говоритъ, и винъ всякихъ подай.

— А что же это къ вамъ, Леонтій Ефимовичъ, всякое утро приходятъ лавочники всякіе, купцы?

— А это — это вотъ что-съ: они придутъ, а баринъ-то имъ и заказываетъ: ты, говоритъ, то сшей, а ты, говоритъ, это — ну, примѣромъ, хоть мундиръ, али что. — А они всѣ кланяются и говорятъ: не можемъ такъ спѣшно, ваше высокородіе. Какъ не можете! — Я васъ, мошенники! — Я плачу вамъ чистыя деньги, а вы что! — У! бородачи! — И осерчаетъ; — ну, знаете, больно добръ, сейчасъ-же и засмѣется, и молвитъ: хорошо, хорошо!

— Да зачѣмъ-же онъ имъ всякій день-то заказываетъ работу?

— Ну, такъ...

— Аль работы много?

— Ужъ извѣстно, что много!.. Еще-бы у этакого барина да мало работы!..

Леонтій сейчасъ-же вывертывался изъ неловкаго положенія, въ которое было поставила его глупая дѣвка, да сама-же и выпутала; а въ душѣ Леонтій проклиналъ всѣхъ мошенниковъ, шляющихся всякій Божій день за долгами.

Кромѣ этихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, жители огромнаго дома убѣждались лично, собственными очами и ушами, въ богатствѣ, и знатности, и доброй душѣ Барона; не разъ Баронъ кидалъ серебряную монету шарманщику, не разъ онъ пріѣзжалъ въ каретѣ или коляскѣ; всѣ разнощики знали его баронскую милость по имени и отечеству и приносили его милости самые лучшіе и дорогіе фрукты; не разъ въ квартирѣ Барона гремѣла музыка до поздней ночи, и весь домъ, высунувшись въ окна, смотрѣлъ на расходящуюся толпу гостей; жаль, что никто не могъ видѣть въ ночной темнотѣ, что это за гости!.. Слава Барона еще-бы стала громче...

Виноватъ я, что вдаюсь въ такія мелочныя подробности; онѣ, по-видимому, только такъ ничтожны, а въ сущности весьма важны по вліянію, которое производили на молодаго человѣка.

Баронъ зналъ, что онъ предметъ любопытства и толковъ, и это подстрекало его тщеславіе, разумѣется, пустое, даже глупое. Всякій разумный человѣкъ назвалъ-бы нашего Барона вѣтреннымъ, пустымъ, взбалмошнымъ, глупымъ, словомъ, дурнымъ молодымъ человѣкомъ, варьируя это слово на разные манеры: шалыганъ, повѣса, мотыга, и т. д. до безконечности. А я такъ совсѣмъ противнаго мнѣнія о Баронѣ. Обвинить гораздо легче, чѣмъ изслѣдовать. А въ нашъ пытливый вѣкъ, мы непремѣнно все хотимъ анализировать, дойти до начала вещи, и потомъ уже произносимъ приговоръ. Благородное направленіе! Поймите всю важность его, господа, и вы полюбите людей, какъ докторъ любитъ своего паціента, какъ отецъ своего заблудшаго сына... и вы сами станете добрѣе, лучше, чище, возвышеннѣе. Анализируйте всѣ поступки людей, и добрые и злые, преслѣдуйте страсти отъ самаго зарожденія ихъ и постепенно до полнаго развитія, и вы тогда поймете грозно-разрѣшающіяся бури этихъ страстей, какъ грозы и бури въ мірѣ физическомъ, и поймете, что бояться этихъ грозъ нечего, ибо вы знаете гдѣ поставить *отводъ*...

Напримѣръ, я вамъ скажу, что Баронъ былъ предостойный молодой человѣкъ. Что вы на меня смотрите съ изумленіемъ? Да, да, рѣдкій молодой человѣкъ! Дома онъ росъ въ прекрасномъ семействѣ; правила, внушенныя ему въ дѣтствѣ, еще и до сихъ поръ живутъ въ душѣ Барона; потомъ онъ воспитывался, какъ и всѣ мы воспитывались; онъ былъ весьма замѣтнымъ мальчикомъ, и его отличали. Еще ребенокъ, онъ стоялъ уже выше толпы; природа наградила его свѣтлыми умственными способностями, и онъ учился легко, хорошо. Избалованный счастьемъ, удачами, онъ сталъ непомѣрно гордъ; высокая, истинно-благородная гордость, какъ элементъ входила въ составъ характера Барона; эту гордость онъ наслѣдовалъ съ кровью отъ отца; но эта гордость — добродѣтель переродилась въ мелочную надменность; отсюда произошли самоувѣренность и тщеславіе... Что же всему виною? Элементы, составляющіе характеръ Барона, самые благіе, самые чистые. Что же ихъ испортило? Видите-ли что: ничего не совершивъ, Баронъ сталъ требователенъ; онъ позволялъ себѣ все, другимъ — ничего. Наставники его, ослѣпленные сначала блестящими способностями ребенка, стали видѣть въ немъ все — прекраснымъ; дерзости его были очень милы, капризы — такъ дѣтски-невинны. Между наставниками Барона было человѣка два смотрѣвшихъ на него прямыми глазами; но эти люди, дѣйствуя отдѣльно вопреки общему мнѣнію, только озлобили противъ себя пылкаго мальчика: вотъ что испортило характеръ Барона. Была и другая причина: Баронъ былъ слабъ характеромъ; онъ былъ мягокъ, пылокъ, способенъ легко увлекаться. Вотъ, нашъ Баронъ вступилъ въ свѣтъ, и, какъ водится, сталъ львенкомъ ресторановъ и Невскаго проспекта. Въ душѣ его кипѣло много, но кипѣло такъ темно, такъ непонятно, что Баронъ старался заглушить это кипѣніе... Ни къ какому положительному труду не тянуло Барона, больше потому, что онъ не пріученъ трудиться и въ грудь его не брошено ни одного зерна, которое-бы со-временемъ могло оплодотворить эту грудь. Жажда есть, — нѣтъ зародыша, нѣтъ направленія, нѣтъ цѣли... скучное существованіе! И вотъ характеристика большей части нашихъ молодыхъ людей, отлично-ловкихъ танцоровъ, львенковъ Невскаго проспекта, миньатюрныхъ Донъ-Жуановъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ...

Три комнаты, составляющія квартиру Барона, были полны народа и табачнаго дыма; два стола были заняты играющими въ карты; остальные гости ходили, сидѣли и допивали медленно стаканы чая.

Баронъ, сыгравъ двѣ пульки въ преферансъ, оставилъ гостей играть, а самъ взялъ подъ руку одного пожилаго человѣка, тоже сослуживца своего, который, однако жъ, былъ всѣхъ старше въ этомъ собраніи, хотя обращался со всѣми какъ съ товарищами, совершенно-равными себѣ. — Всѣ его звали Васей, хотя говорили ему вы. — Вася всегда носилъ весьма поношенное платье, онъ у всѣхъ просилъ денегъ на извощика; впрочемъ, былъ весьма неглупый человѣкъ, съ образованіемъ, когда-то блестящимъ, но теперь весьма поношеннымъ, какъ и платье. Вообще-же Вася могъ быть душою холостаго общества, любилъ кутнуть при случаѣ и зналъ гибель препотѣшныхъ анекдотовъ.

— Ecoutez, Вася, — я васъ хочу кое-о-чемъ распросить, — сказалъ Баронъ.

— Что тебѣ нужно? — Пойдемъ!.. отвѣчалъ Вася, съ видомъ человѣка готоваго на всякую услугу.

Они пошли въ дальнюю комнату, и Баронъ, взявъ подъ руку Васю, сталъ ходить съ нимъ изъ угла въ уголъ, видимо избѣгая третьяго лица.

— Послушайте, Васинька — вы знакомы съ Метлихиными?

— Знакомъ. А ты какъ ихъ знаешь?

— Я ихъ совсѣмъ не знаю... А вотъ, видите ли что... я хожу всякое утро мимо ихъ... узналъ по надписи на воротахъ... вѣдь это ихъ домъ?..

— О, братъ, я знаю, знаю, къ чему ты подбираешься!.. Угадалъ?

— Нѣтъ, о, parole d'honneur нѣтъ, я такъ, только спросилъ...

— Ну, говори прямо; хочешь познакомиться съ ними, что-ли?

— Да...

— Изволь; за этимъ дѣло не станетъ.

А вѣдь Наташа, право, милая...

— Я ее раза два видѣлъ у окна, только...

— И, знаешь, такой еще ребенокъ, миленькій, простенькій!.. При этомъ Вася сдѣлалъ самую нѣжную, какую только могъ, гримасу.

— Да, я вамъ долженъ сказать откровенно...

Тутъ пріятели стали говорить чрезвычайно тихо, такъ, что нельзя было разслушать ни одного звука. Окончивъ этотъ тайный разговоръ, Баронъ сказалъ довольно громко:

— Повѣрите-ли Васинька, какъ все это надоѣло!.. Безъ всякаго чувства... такъ легко... отвратительно!.. И онъ опять началъ шептать.

— Знаю; вѣрю. Но врядъ-ли!.. Знаешь-ли, тутъ вѣдь вотъ какая штука; поди сюда, я тебѣ разскажу.

И Вася началъ шептать.

— О, конечно, конечно! — возразилъ Баронъ. Вы меня, кажется, знаете, Вася! Дайте мнѣ лишь волю, волю!.. Я поступлю самостоятельно! Было бы чѣмъ жить, а жениться можно на комъ бы то ни было. Тутъ главное — любовь. Не такъ ли?.. Я ищу любви, которой нигдѣ не могъ найдти...

— Такъ, конечно, такъ.

Тутъ многіе подошли къ нимъ и перервали разговоръ.

— Что вы тутъ секретничаете, дѣтки? — сказалъ одинъ юноша, бывшій всѣхъ юнѣе.

— Ахъ, ты, побери тебя чортъ.... Ужъ насмѣшилъ этотъ басъ!..

Басъ, былъ одинъ чрезвычайно щедушный молодой человѣкъ, говорившій всегда густымъ басомъ, вслѣдствіе чего всѣ и звали этого господина басомъ.

Басъ улыбнулся; но видно было, что онъ обиженъ, разсерженъ.

— Прощайте, господа, мнѣ пора. — Прощай, Баронъ.

— Куда ты, басъ? — Полно, останься ужинать; по-крайней-мѣрѣ прочистишь твое горлышко.

— Нѣтъ, какъ хотите; я не намѣренъ...

— Басъ, басъ, что ты? закричали почти всѣ.

Басъ, повинуясь общему требованію, остался.

— Ну, кто что сдѣлалъ? спросилъ Баронъ у игравшихъ въ карты.

Подъ общій шумъ, чей-то глухой голосъ сказалъ остроту:

— Сегодня, кажется, всѣ на *баскъ* играли!.. Сказавшій это былъ довольно замѣчательный человѣкъ; его звали — Владиміръ Ивановичъ; онъ всегда говорилъ чрезвычайно остро и чрезвычайно тихо.

— Что вы сказали, Владиміръ Ивановичъ?

— Я-съ? Я сказалъ, что сегодня всѣ играли на *баскъ*, — скромно произнесъ Владиміръ Ивановичъ.

Всѣ захохотали. Проигравшійся басъ вышелъ изъ себя и чуть не задушилъ бѣднаго Владиміра Ивановича, который, оправившись, тотчасъ же

сказалъ остроту. — Что вы сказали, Владиміръ Ивановичъ?

Владиміръ Ивановичъ повторилъ.

Всѣ смѣются; но тутъ выступилъ на сцену соперникъ Владиміра Ивановича, острякъ-Нѣмецъ; ну, этотъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ.—Вы, вѣроятно, знаете, что у Нѣмца свои особенныя остроты, чрезвычайно странныя для Русскаго человѣка; напримѣръ, скажите Нѣмцу: какъ у меня сегодня носъ чешется!—Нѣмецъ покатится со смѣху, принимая слова ваши за чистую остроту. Случалось мнѣ видѣть иногда компанію Нѣмцевъ. Это, просто, диво!—Смѣхъ неумолкаемый... Одинъ скажетъ остроту, другой еще лучше, а третій еще тоньше. Хохотъ такой, что не приведи, Богъ! — «Я сегодня былъ на охотѣ... Пифъ, пафъ, куропатки летятъ, а я опять—пафъ, пифъ-ха, ха, ха... И всѣ хохочутъ.

— Нѣтъ, а Прикманъ идетъ сегодня по улицѣ, дождь ужасный; а онъ зонтикъ распустилъ, идетъ такая смѣшная фигура!.. Ха, ха, ха... и всѣ хохочутъ!

Ужъ таковъ, знать, народъ!

Гости поужинали, и, допивъ бутылку хереса, стали понемногу расходиться. Наконецъ Вася ушелъ послѣдній, выкуривъ на дорогу трубочку.

Всѣ ушли. Баронъ остался одинъ. Нѣтъ, остался еще одинъ гость, скучный гость; онъ во весь вечеръ почти не говорилъ и теперь сидѣлъ, развалясь въ покойномъ креслѣ, какъ будто онъ дремалъ, закрывъ глаза рукою.

— Что ты задумчивъ, другъ Сережа?

— Скучно, Баронъ.

Молчаніе.

— Какіе все веселые, славные ребята!

Гость не отвѣчалъ ни слова.

— Баронъ?

— Что скажешь?

— Скучно...

— Перестань, пожалуйста! Чего тебѣ скучать?

— Скучно; и глядя на тебя, тоже скучно...

— А что я?..

— Брось ты эту дрянь.

— Что же мнѣ дѣлать? Шляться по гостинымъ, что-ли?

— Все же лучше. Понимаешь-ли ты, что это за люди окружаютъ тебя?..

— Отъ-того-то и не боюсь заразиться, что слишкомъ хорошо понимаю ихъ.

— Займись чѣмъ нибудь, — читай.

— Я читаю, когда есть свободное время.

— Свободное время... Сколько убиваешь ты свободнаго времени! — Время летитъ скоро. Который тебѣ годъ?

— Двадцать третій.

— Уже ли и до 33-го, и до 43-го ты все будешь такимъ же какъ теперь?

— Нѣтъ, другъ мой, измѣнюсь, и скоро измѣнюсь. Увидишь!

— Радъ всякой перемѣнѣ. Прощай.

— Прощай.

Гость ушелъ, а Баронъ долго оставался въ раздумьѣ.

А. Пальмъ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ).

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССІИ.

Различныя обстоятельства, изъ которыхъ главнѣйшее было то, что мы до сихъ поръ не получали гравюръ, исполненіе которыхъ было поручено лучшимъ художникамъ по этой части въ Парижѣ, замедлили продолженіе этого отдѣла, начатаго въ 3-мъ нумерѣ нашей Иллюстраціи. Мы уже говорили, что за особенное удовольствіе и за долгъ поставляемъ себѣ знакомить нашихъ читателей съ живописнѣйшими и любопытнѣйшими странами безмѣрной державы, не стѣсняя себя никакимъ особеннымъ порядкомъ, а такъ, случайно, какъ Богъ пошлетъ. Теперь случай доставляетъ намъ возможность продолжать прихотливый путь нашъ съ той самой точки, на которой мы остановились. Изъ Нарвы мы отправимся сухимъ путемъ въ Ревель и Гапсаль, города замѣчательные, какъ по историческому своему значенію, такъ и по мѣстоположенію.

ВЕЗЕНБЕРГЪ. РЕВЕЛЬ. ГАПСАЛЬ.

...Отъ Нарвы шоссе простирается не болѣе какъ верстъ на пять и, если я не ошибаюсь, то только до границы Петербургской губерніи и Эстляндіи. Какъ-то странно смотрѣть на извилистую, не широкую песчаную дорогу, послѣ прямаго, гладкаго, ровнаго шоссе, къ которому невольно привыкаетъ глазъ. Сначала песчаная дорога, мѣстами даже не огражденная канавами, кажется всѣмъ дикою; вы думаете, что ямщикъ сбился съ дороги и завернулъ на проселочную дорогу; въ чемъ васъ еще болѣе убѣждаютъ толчки, напоминающіе вамъ прогулку на дрожкахъ по одной нибудь изъ *безъимянныхъ* улицъ Петербурга;—но мало по малу вы привыкаете къ этой перемѣнѣ и даже находите въ ней особую прелесть; — (толчки въ сторону) — при каждомъ поворотѣ дороги вамъ представляется новый видъ, пріятно разнообразящій ваши путевыя впечатлѣнія. Но вотъ вы выѣзжаете на пространную равнину... по правую руку море, темно-синяя полоса котораго рѣзко отдѣляется отъ бѣловатаго горизонта; передъ вами нѣсколько прелестныхъ массъ густой зелени, между которою виднѣются красивые помѣщичьи дома, и выступающіе мысами въ море. Дорога проходитъ въ одномъ мѣстѣ близъ самаго ската, крутаго и столь высокаго берега, что довольно высокій лѣсъ, растущій внизу на плоской части берега, болотистой и покрытой водой во время приливовъ, кажется мелкимъ кустарникомъ.

Первая станція за Нарвой, *Вайвара*, лежитъ въ прекрасномъ мѣстѣ. Но за то далѣе начинаются болотистыя равнины, мѣстами покрытыя кустарникомъ, и простирающіяся до *будущаго* мѣстечка *Іеве*. Я говорю будущаго потому, что до сихъ поръ оно мѣстечко только по названію. Отъ Іеве дорога идетъ въ двѣ стороны: на Ригу и на Ревель. Мы поѣдемъ по послѣдней.

Отъ Іеве начинаются безконечныя станціи. Унылое, дикое, пустынное мѣстоположеніе и шедшій на мою бѣду проливной дождь навели на меня невыразимую тоску. Плотнѣе закутавшись въ шинель и укрывшись въ уголъ брички, я хотѣлъ спать, но — *сонъ бѣжалъ очей моихъ*! — Воспоминанія о Петербургѣ, о друзьяхъ, тамъ оставленныхъ, о... о многомъ толпились въ головѣ моей. Чтобы хоть нѣсколько отвлечь свое вниманіе отъ непріятнаго зрѣлища, бывшаго у меня передъ глазами, я посмотрѣлъ на часы и сталъ припоминать, что теперь дѣлаютъ нѣкоторые изъ добрыхъ друзей... одни въ театрѣ, другіе *дообѣдываютъ*, третьи отдыхаютъ, четвертые за преферансомъ, пятые...

Вдругъ лошади остановились, отряхнулись... колокольчики задребезжали; ямщикъ сталъ слѣзать съ козелъ. Въ то же время послышались чьи-то голоса.

— У васъ есть подорожна? — спросилъ меня какой-то молодой человѣкъ, въ коротенькомъ сюртукѣ, съ огромными прорѣхами подъ мышками.

Я выглянулъ изъ брички и увидѣлъ, что мы пріѣхали. Отдавъ подорожную, я спросилъ, какъ называется эта станція.

— Гогенкрейцъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, по-видимому, помощникъ коммиссара.

— Далеко еще до Везенберга? спросилъ я.

— Не далеко; а вы хотитъ туда?

— Непремѣнно.

— Надо будитъ заплатитъ на 8 версты побольше прогоны, отвѣчалъ помощникъ.

Погода немного разгулялась, по-крайней-мѣрѣ дождь перестадъ, и горизонтъ, окрашивавшійся блѣдно-желтоватымъ свѣтомъ, очищался отъ сѣрыхъ тучъ.

Мы поѣхали далѣе. Было довольно прохладно, а потому я опять закутался въ шинель, забился въ уголъ и задумался; но въ этотъ разъ уже не объ Петербургѣ, а объ Везенбергѣ. Составляя себѣ маршрутъ, передъ выѣздомъ изъ столицы, я рѣшился побывать въ этомъ городкѣ, лежащемъ въ трехъ или четырехъ верстахъ въ сторонѣ отъ большой дороги.

Везенбергъ, старинный русскій *Ракоборъ*, вѣроятно отъ эстонскаго названія его Раквере, построенъ въ началѣ 13-го столѣтія. Онъ скоро образовался и процвѣлъ подъ защитою сильнаго укрѣпленія, часть развалинъ котораго существуетъ и понынѣ; торговая и ремесленная промышленность возвела вскорѣ Везенбергъ на степень первостепенныхъ городовъ, и уже въ 14-мъ столѣтіи Датскій король Эрикъ VI даровалъ Везенбергскимъ гражданамъ Любское Право. Новгородцы первые провѣдали о существованіи новаго городка, и уже въ 1267 году приступили къ нему; но должны были удалиться съ урономъ. Въ 1558 году, въ войнѣ Русскихъ съ Ливонскими рыцарями, Везенбергъ добровольно сдался одному изъ доблестнѣйшихъ воеводъ Іоанна Грознаго, Князю Петру Ивановичу Шуйскому. Но шесть лѣтъ спустя, великій князь Іоаннъ Васильевичъ заключилъ съ королемъ Шведскимъ Эрикомъ XIV мирный трактатъ, по которому Везенбергъ со многими другими городами былъ утвержденъ за Россіей. Мнѣ случайно досталась копія съ этого весьма любопытнаго трактата, напечатаннаго въ послѣдніе годы царствованія императора Петра I-го; вотъ небольшой отрывокъ изъ него:

«...Мнѣ Іріку королю послати на рубежъ трехъ человѣкъ честныхъ и добрыхъ мужей, также, и Царского Величества Бояріна и Воеводы и Віоляпскіе земли намѣстника Міхаіла Яковлевіча Морозова, быти на рубежи тремъ человѣкомъ, а съ німи съ обѣ стороны по пятідесять человѣкъ, а опрічь того на той землѣ, ни съ одну сторону, ни которымъ обычаемъ болши того людемъ не быти. А тѣмъ добрымъ людемъ съѣхатісь на рубежехъ съ обѣ стороны на Ілъинъ день Святаго Пророка, лѣта 7073, и съѣхався на тотъ срокъ Крестъ цѣловати, и рубежи сыскати въ правду и разъѣхати; и рубежи учініти землѣ, и водѣ, по старымъ рубежемъ, какъ было прежде того. А гдѣ прігожѣ рубежи положіти по рѣкамъ или по озерамъ, въ которую сторону ни доведетца, и тѣмъ головамъ рубежи по тѣмъ рѣкамъ или по озерамъ положіти въ которую сторону ни доведетца, что бъ въ передъ о тѣхъ рубежехъ спору не было, да и обіднымъ людемъ давати имъ управа на обѣ стороны во всѣмъ безовсякіе хітрости по правому слову, по крестному цѣлованью. А мнѣ Іріку Королю Свѣіскому и Готцкому и Вендіскому и иныхъ, и моімъ людемъ невступатися и не воевати Царского Величества вотчіны въ Гестоніи, въ Вірской землѣ, города Ракобора, по нѣмецки Велзенборіха, къ Ракобору жъ» и пр. и пр.

Но впослѣдствіи этотъ городъ опять впалъ во власть Шведовъ.

Везенбергъ, подвергаясь одной судьбѣ съ Эстоніею, претерпѣлъ неоднократныя раззоренія отъ русскихъ войскъ, въ первые годы войны Петра Великаго съ Карломъ XII, и наконецъ, въ 1721 году, по Ништатскому миру, остался за Россіею.

Пока я освѣжалъ въ памяти своей всѣ эти обстоятельства, смерклось. Горизонтъ опять подернулся тучами; дождя не было, но вѣтеръ страшно завывалъ; свинцовыя тучи, облегавшія небо, бросали на землю холодную, темносѣрую тѣнь...

Лошади ѣхали все медленнѣе и медленнѣе по иловатымъ лужамъ, образовавшимся послѣ проливнаго дождя и наконецъ совсѣмъ остановились.. Ямщикъ оборотился ко мнѣ и сказалъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ, что мы пріѣхали.

Я выглянулъ изъ брички. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись унылыя поляны; впереди за кустарникомъ, я увидѣлъ въ полумракѣ черныя массы стѣнъ, неясно отдѣлявшіяся отъ мрачныхъ тучъ. Но до этихъ стѣнъ оставалось еще болѣе полуверсты.

— Помилуй, вскричалъ я, да гдѣ же Везенбергъ?

Ямщикъ указалъ кнутомъ на массы стѣнъ.

— А городъ?

— За развалинами, въ долинѣ.

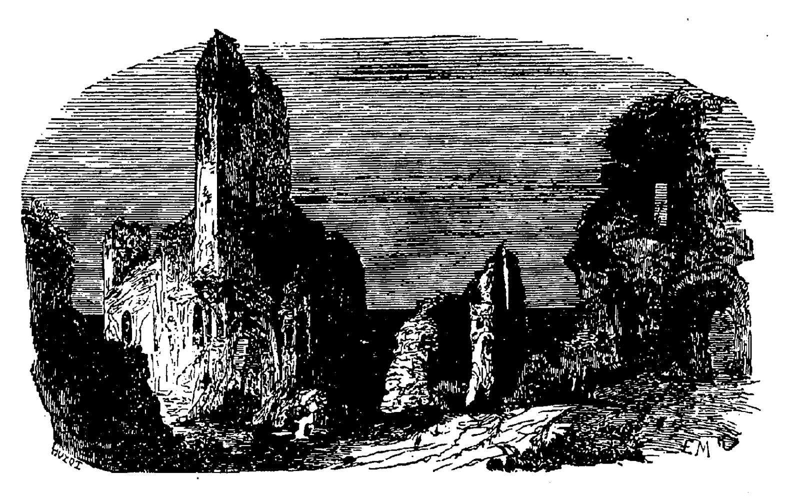
— Такъ подвези же меня туда... вѣдь еще съ добрую полверсту осталось.

Ямщикъ отрицательно покачалъ головой.

— Что это значитъ? вскричалъ я съ изумленіемъ.

— Туда не поѣду, отвѣчалъ ямщикъ, еще разъ указавъ кнутомъ на развалины.

— Отчего не поѣдешь?



Замокъ Везенбергъ.

— Страшно.

Я не могъ понять, что это значило, и въ молчаніи съ изумленіемъ смотрѣлъ на Чухонца, который преспокойно слѣзъ съ козелъ и сталъ что то поправлять въ упряжи; потомъ вытащилъ изъ кармана коротенькую трубку, набилъ ее, высѣкъ огня и принялся курить. Что мнѣ было дѣлать? Браниться съ нимъ? Безполезно. Принудить его ѣхать? Онъ былъ парень рослый и дюжій. Надо было прибѣгнуть къ дипломаціи.

— Послушай, любезный, сказалъ я, въ Везенбергѣ, вѣрно, есть постоялый дворъ; довези меня туда и я тебѣ дамъ на водку...

— Не поѣду, — стоически возразилъ ямщикъ.

— Да отчего же, чортъ тебя возьми! — вскричалъ я вспыльчиво.

Ямщикъ вздрогнулъ, осмотрѣлся со страхомъ и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Не призывайте чорта, худо будетъ!.. Поѣдемте лучше назадъ: здѣсь, право, страшно.

— Да чего же ты боишься?

— Когда вѣтеръ такъ ужасно воетъ, то всегда старый рыцарь гуляетъ по развалинамъ.

— Какой старый рыцарь?.. спросилъ я засмѣявшись.

Ямщикъ еще разъ боязливо оглянулся, потомъ полѣзъ на козлы и отвѣчалъ мнѣ тихимъ голосомъ:

— Теперь худо объ этомъ говорить; не спрашивайте, а лучше поѣдемте назадъ.

И онъ сталъ заворачивать.

— Стой! закричалъ я сердито. Я хочу ѣхать въ Везенбергъ; я заплатилъ деньги, слѣдовательно, ты долженъ довезти меня.

Чухонецъ, не обращая вниманія на мои слова, прехладнокровно продолжалъ заворачивать назадъ. Я не на шутку разсердился, вскочилъ, вырвалъ возжи изъ рукъ ямщика, удержалъ лошадей и выскочилъ изъ брички. Ни гнѣвъ мой, ни угрозы, ничто не помогало. Ямщикъ молчалъ, пожималъ плечами и не трогался съ мѣста. При другихъ обстоятельствахъ, я самъ охотно отказался бъ отъ посѣщенія Везенберга въ такую погоду и такое позднее время, тѣмъ болѣе, что на возвратномъ пути я могъ удовлетворить свое любопытство, но теперь сопротивленіе ямщика и его упрямство заставляли и меня быть настойчивымъ или, если хотите, упрямымъ.

Но такъ какъ ничто не помогало, то я, скрѣпя сердце, рѣшился дойти пѣшкомъ до развалинъ. Угадавъ мое намѣреніе, ямщикъ хотѣлъ, было удержать меня; но видя мою рѣшимость, онъ уныло покачалъ головой и спросилъ:

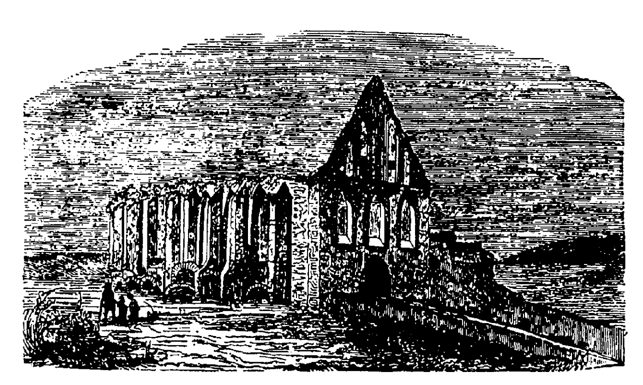
— Прикажете мнѣ ѣхать домой?

— Нѣтъ, возразилъ я, изумленный этимъ вопросомъ; я черезъ часъ вернусь.

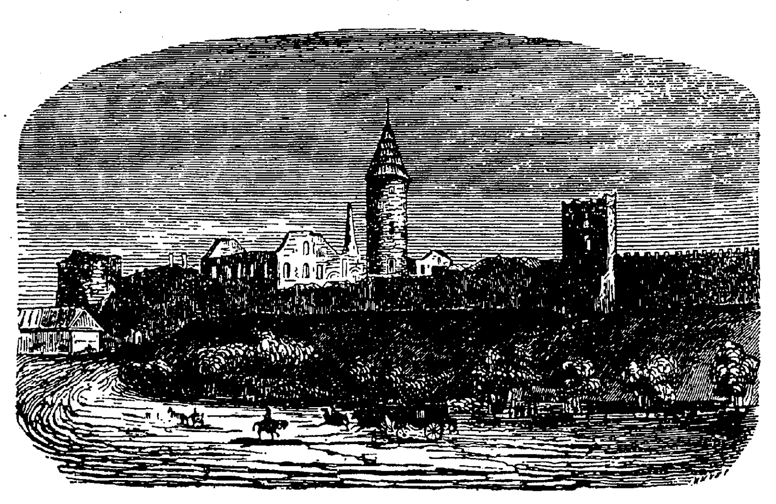
— Не вернетесь, сказалъ Чухонецъ, вздохнувъ.

Эти два слова навели на меня необъяснимый страхъ. Ноги мои какъ бы нехотя подвигались впередъ... Я готовъ былъ вернуться, но — было стыдно. Преодолѣвъ невольную боязнь, я удвоилъ шаги...

Было темно. Я шелъ скоро и почти бѣжалъ.



Развалины монастыря св. Бригитты.



Гапсаль.

Голова моя кружилась, въ ушахъ шумѣло... предчувствіе чего-то ужаснаго давило мнѣ грудь... Десять разъ готовъ я былъ вернуться и десять разъ ложный стыдъ удерживалъ меня...

Я вступилъ на узенькую дорожку, ведшую прямо къ развалинамъ, рисовавшимся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; по обѣимъ сторонамъ былъ высокій кустарникъ; ели подобно привидѣніямъ протягивали ко мнѣ длинныя вѣтви свои... уродливые пни, съ дупловатыми корнями, казались мнѣ чудовищными карликами...

Признаюсь, я ужасно трусилъ... не смотря на то, какая-то непреодолимая сила влекла меня къ развалинамъ, громадныя стѣны которыхъ имѣли устрашительный видъ.

Вдругъ раздался рѣзкій, продолжительный свистъ и одно изъ оконъ башни, съ обвалившейся вершиной, освѣтилось... бѣлое привидѣніе явилось у окна, а внизу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, послышались шаги... я оглянулся съ ужасомъ...

Какой-то великанъ, черная фигура котораго неясно отдѣлялась отъ черныхъ стѣнъ, приближался ко мнѣ... у меня замеръ духъ...

Вѣрите-ли вы въ привидѣнія, читатель? — Нѣтъ. — Я тоже не вѣрю.

Между тѣмъ черный великанъ все ближе и ближе подходилъ ко мнѣ... Я уже видѣлъ, какъ онъ протягивалъ ко мнѣ длинную руку... я хотѣлъ бѣжать, ноги мои были какъ бы прикованы къ землѣ... я хотѣлъ кричать, открывалъ ротъ, усиливался, а голосу не было... Тогда невыразимый ужасъ свинцовою тяжестью легъ на мою грудь... рука великана была на волосъ отъ моей головы...

Я вздрогнулъ...

— Пріѣхали! произнесъ почти надъ самымъ ухомъ моимъ чей-то голосъ.

Я очнулся и съ изумленіемъ сталъ осматриваться...

Небо было нѣжно-сине-фіолетоваго цвѣта; воздухъ былъ теплый, пріятный; послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали довольно живописные, но уже почти совершенно разрушенные, остатки замка Везенберъ, лежащаго на возвышеніи; внизу, въ долинѣ протекала довольно широкая, извилистая рѣчка, по берегамъ которой

были сады, примыкавшіе къ красивенькимъ, чистымъ нѣмецкимъ домикамъ, большею частію деревяннымъ; посреди городка высилась простенькая, готическая церковь безъ всякихъ украшеній. Тамъ и сямъ, въ садахъ и на улицахъ, виднѣлись группы играющихъ дѣтей или гуляющихъ...

На правой рукѣ, въ пяти шагахъ отъ меня была корчма на фундаментѣ изъ булыжника, чисто выкрашенная бѣлой краской и съ навѣсомъ на деревянныхъ столбикахъ, подъ которымъ стояло нѣсколько чухонскихъ таратасокъ. Возлѣ же самой брички стоялъ, повертывая въ рукахъ шапкой, ямщикъ-Эстонецъ, съ полнымъ, здоровымъ лицомъ и длинными, льну подобными, волосами.

Эта картина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что находилась въ такой рѣзкой противуположности съ тою, которая представлялась мнѣ за секунду предъ тѣмъ.

— Пріѣхали! повторилъ ямщикъ съ добродушной улыбкой; а вы немножко заснули?..

Такъ я спалъ!.. И огромныя башни и черныя стѣны, и бѣлое привидѣніе, и чернаго великана, все это видѣлъ я во снѣ!.. Между тѣмъ какъ на яву, развалины Везенберга не имѣютъ въ себѣ ничего устрашительнаго, онѣ подобно всѣмъ почти развалинамъ остъ-зейскихъ провинцій не что иное, какъ остатки, или, если можно такъ выразиться, развалины развалинъ.

*

На другое утро въ ясную, свѣтлую погоду я подъѣзжалъ къ Ревелю. Не доѣзжая четырехъ верстъ до города, я увидѣлъ съ возвышенной дороги, пролегающей по песчанымъ возвышеніямъ, море, на самомъ берегу котораго возвышались сѣрыя развалины.

— Что это за развалины? спросилъ я ямщика.

— Бригиттенъ-клостеръ, отвѣчалъ тотъ.

Съ картины П. Фурманна. Рисов. на деревѣ Е. Мейеръ.

Внутренность церкви св. Николая въ Ревелѣ.

Развалины монастыря святой Бригитты переднимъ фасадомъ обращены къ морю, а правымъ бокомъ къ рѣкѣ Бригиттовкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ довольно широка и быстра. Рѣка Бригиттовка омываетъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько холмовъ и послѣ нѣсколькихъ легкихъ оборотовъ, то скрываясь за густыми массами ивъ и каштановыхъ деревъ, обрамливающихъ берега ея, то появляясь чистая и свѣтлая, она изливается въ Финскій заливъ. Лѣвый берегъ рѣки покрытъ роскошною зеленью огромнаго сада, принадлежащаго къ *Кошу*, мызѣ г. Коха.

По сколько природа богата на этой сторонѣ рѣки, столь же бѣдна на другой, для переѣзда на который устроенъ паромъ. Пространная песчаная поляна, на которой близъ рѣки на полуостровѣ высятся развалины монастыря, построеннаго, какъ гласитъ преданіе, въ самомъ началѣ XV столѣтія и разрушеннаго въ концѣ XVI войсками Іоанна Васильевича IV, мѣстами покрыта блѣдною, рыжеватою зеленью; около развалинъ разбросаны нѣсколько жалкихъ лачужекъ, лежащихъ на кладбищѣ, какъ должно предполагать, по огромнымъ каменнымъ плитамъ съ грубо-высѣченными очерками рыцарей, служащими въ нѣкоторыхъ лачужкахъ поломъ, на которомъ, за неимѣніемъ печей, разводятъ огонь. Чудное обстоятельство, могущее подать поводъ ко множеству философическихъ размышленій, отъ которыхъ мы великодушно избавляемъ читателя.

Однѣ стѣны монастыря уцѣлѣли, но истинно замѣчателенъ фронтонъ на главномъ фасадѣ; этотъ огромный трехугольникъ, на которомъ лежала крыша, держится на стѣнѣ собственною своею тяжестью и изумительно разсчитанною перпендикулярностью, не имѣя рѣшительно никакой опоры. Нѣсколько ярусовъ сводовъ, слѣды которыхъ видны еще, ни чуть не служили фундаментомъ зданію, какъ полагаютъ нѣкоторые, а напротивъ, раздѣляли его на этажи, въ которыхъ находились кельи монахинь. Основанія же зданія существуютъ и теперь темными, мрачными, сырыми подвалами, изъ которыхъ, какъ гласитъ преданіе, былъ подземный ходъ въ Ревель, и въ которомъ теперь устроены — стойла для скота. Еще замѣчательны потаенные ходы и лѣстницы, находящіеся во внутренности толстыхъ массивныхъ стѣнъ; эти ходы и лѣстницы такъ узки, что только одинъ человѣкъ можетъ пройдти въ нихъ и то, если онъ немного плечистъ, то долженъ идти почти бочкомъ.

Осмотрѣвъ развалины этого монастыря, я поѣхалъ далѣе.

Полчаса спустя, ямщикъ остановился у небольшаго, деревяннаго домика въ Нарвскомъ *форштатѣ* или предмѣстіи. Тамъ жили мои знакомые, у которыхъ я долженъ былъ остановиться. Изъ оконъ отведенной мнѣ комнаты виденъ былъ старый, рыцарскій Ревель, съ высокими башнями, каменною стѣною и валами, окружающими его.

Ревель имѣетъ характеръ совершенно древняго германскаго городка, то есть, онъ живописенъ, замѣчателенъ какъ древность, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудобенъ, какъ современный городъ. Улицы вообще узки и даже главныя изъ нихъ — Breit и Langstrasse можно сравнить съ хорошимъ петербургскимъ переулкомъ. Дома, съ высокими остроконечными черепичными крышами, съ массивными стѣнами изъ тамошняго плитняка, сыры и мрачны. На фасадахъ, выходящихъ на улицу, мало оконъ, и то большею частію онѣ такъ узки, что въ нихъ скудно проходитъ свѣтъ; почти у каждаго дома во фронтонѣ, подъ крышей, гдѣ были прежде кладовыя ганзеатическихъ купцовъ, видны и понынѣ выступающія балки съ блоками, по которымъ съ улицы поднимались вверхъ товары. Почтеннѣйшіе купцы ревельскіе не охотно отпирали двери своихъ домовъ; каждый жилъ для себя въ почтительномъ страхѣ предъ господами рыцарями. На улицу въ этихъ домахъ выходили только обширныя мрачныя сѣни, въ которыя входъ составленъ изъ каменныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ, и кладовыя; на дворъ же — всѣ жилыя комнаты. Въ случаѣ нападенія на городъ или какихъ либо смутъ, жители Ревеля плотно запирались въ своихъ домахъ, и изъ узенькихъ оконъ, выходившихъ на улицу, по своему принимали незваныхъ гостей, или грабителей-рыцарей. Тротуары въ Ревелѣ есть только на двухъ или трехъ главныхъ улицахъ; но и тѣ, также какъ и мостовая, постланы дурно. Посреди улицъ и площадей вы встрѣчаете какія-то безобразныя, вѣковыя кадки — это колодцы; но въ нихъ вода такъ дурна, что ее нельзя употреблять ни въ кушанье, ни въ питье. За водой ходятъ къ источнику, находящемуся внѣ города, близъ вала; такъ какъ вода въ этомъ источникѣ прочачивается очень медленно, то цѣлый день, съ утра до

поздней ночи, а иногда и цѣлую ночь на пролетъ, можно видѣть людей, которые тянутся длинной вереницей къ источнику, точно какъ называемый queue у парижскихъ театровъ. У источника стоитъ часовой.

Я на-скоро и только снаружи осмотрѣлъ достопамятности города, потому что на другой же день долженъ былъ ѣхать на нѣкоторое время въ Гапсаль. Возвратившись оттуда, я намѣревался осмотрѣть Ревель подробнѣе и внимательнѣе. Не смотря на то я былъ невольно восхищенъ величавой и высочайшею лютеранскою церковью Олая, которая съ башнею имѣетъ 450 футовъ вышины и считается третьимъ изъ самыхъ высокихъ зданій въ свѣтѣ. Я всходилъ до самаго верха ея по лѣстницѣ, заключающей въ себѣ только до начала башни 269 ступеней; съ террассы видъ прелестный; Ревель кажется, какъ на ладони. Посреди террассы стоитъ огромная Олайская башня съ четырьмя по сторонамъ меньшими башнями. Потомъ поднялся я выше по 12 деревяннымъ лѣстницамъ (каждая въ 16 ступеней) и остановился подъ самой верхушкой; я отворилъ люкъ и увидѣлъ подъ собою весь городъ съ окрестностями: нельзя было различить валовъ и другихъ возвышеній; все казалось наравнѣ. Послѣ того я осмотрѣлъ еще Николаевскую церковь, называемую Рускими, проживающими въ Ревелѣ, *Липовою*. Объ ней я намѣренъ поговорить подробнѣе въ свое время.

На другой день я уѣхалъ въ Гапсаль.

=

Дорога изъ Ревеля въ Гапсаль прекрасная. Онъ стоитъ при заливѣ Балтійскаго моря, на небольшой косѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ водою. Климатъ въ этомъ городкѣ весьма здоровый и цѣлебное свойство тамошней воды привлекаетъ туда ежегодно большое число посѣтителей.

Въ срединѣ самаго города, подобно исполину, стоитъ древній замокъ Гапсаль; — каменныя стѣны его отчасти сохранились, но уже не видно ни башень, ни бойницъ. Въ развалинахъ его остались: церковь съ обрушенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сводами и башня съ боевыми часами, довольно хорошо сохранившаяся, стараніями жителей. Съ сѣверной стороны къ крѣпостной стѣнѣ, въ которой 5 оконъ, прилегалъ обширный залъ; теперь онъ безъ потолка и пола. На восточной стѣнѣ, въ полуразрушенной башнѣ, бывшей о нѣсколькихъ ярусахъ, видны въ самомъ низу ворота, ведущія въ ровъ; внутри крѣпости, въ развалинахъ есть множество дверей, ведущихъ въ подземелья на сводахъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ. Въ подземельяхъ я замѣтилъ множество углубленій или большихъ нишей, въ которые, какъ говорятъ, владѣтели замка сажали плѣнныхъ... ужасно подумать! Представьте себѣ пространство въ 1½ квадрат. арш., сырое, душное, безъ малѣйшаго отверзтія, исключая низенькой дубовой двери, отворявшейся разъ въ сутки, на двѣ, три минуты!..

Замокъ Гапсаль построенъ въ 1228 году; вмѣстѣ съ городомъ онъ много разъ переходилъ изъ одного владѣнія подъ другое и претерпѣвалъ частыя раззоренія, доведшія наконецъ замокъ до разрушенія. По прошествіи трехвѣковаго существованія, онъ впалъ во власть Шведовъ. Лѣтописецъ Балтазаръ Руссовъ, Ревельскій уроженецъ, въ изданной имъ лѣтописи, въ Ростокѣ, 1578 года, пишетъ:

«1563 года, Іюля 28 дня, осадили Шведы Гапсаль, принадлежавшій герцогу Магнусу, брату Датскаго короля, и послѣ 10-ти дневнаго облежанія, Гапсальцы, не видя никакой помощи, сдались всѣ, какъ-то: капитулъ, магистратъ, дворянство и граждане, съ удержаніемъ многихъ правъ и преимуществъ, 7-го августа; когда же Шведы, какъ городъ, такъ и замокъ, завоевали и взяли, то разрушили церковь въ замкѣ, забрали всѣ облаченія, церковныя украшенія, дароносицы и кубки, также колокола съ башень, и отправивъ въ Ревель, вылили изъ нихъ большія пушки. Духовные были, по ихъ желанію, отпущены, а дома ихъ отобраны и въ нихъ помѣщены были военные люди. Въ то же время войско, состоявшее изъ Германцовъ и Шведовъ, раззоряло окрестности Гапсаля. Весь Викскій уѣздъ столь жестоко былъ опустошаемъ, что многіе бѣдные крестьяне, у которыхъ были отобраны быки и лошади, должны были сами тянуть плуги, которыми управляли женщины.»

Въ 1573 году, шведскій полководецъ Клаусъ Акосонъ заложилъ, съ прочими замками и Гапсаль, такъ называемымъ дворскимъ людямъ (Hofleute), въ обезпеченіе ихъ жалованья, котораго они требовали отъ шведской казны за свою военную службу, съ такимъ условіемъ, что если плата не послѣдуетъ въ наступающій Ивановъ день, то предоставляется имъ право залогъ этотъ передать какому либо христіанскому государю, исключая Русскаго Царя и герцога Магнуса. Нѣкоторые изъ этихъ дворскихъ людей довольно вѣроломно разсудили отвергнуть или отклонить предложенную имъ отъ шведскаго правительства плату, а сами между тѣмъ вошли въ сношеніе съ датскими правителями Эзеля и передали Даніи отданныя имъ въ залогъ земли, а въ томъ числѣ и Гапсаль. Но послѣдній находился во власти Датчанъ только одинъ годъ.

Въ началѣ 1576 года, передъ стѣнами Гапсаля явился отрядъ изъ 6000 человѣкъ Рускихъ и Татаръ. Не смотря на то, что замокъ былъ укрѣпленъ и имѣлъ довольно продовольствія, онъ сдался послѣ трехдневной осады безъ выстрѣла. Въ то же время сдалась Рускимъ вся Викская область.

Когда Руские совершенно овладѣли замкомъ, во дворцѣ назначено было вечернее собраніе. Молодой каммеръ-юнкеръ герцога голстинскаго, Гейнрихъ Бойсманъ, не заботясь о постыдномъ плѣнѣ, безпечно шутилъ съ дамами, при побѣдителяхъ. Одинъ изъ русскихъ дворянъ, возмущенный этой безпечностью, невольно вскричалъ, обращаясь къ молодому человѣку:

— Всѣ вы (плѣнные) должны быть весьма рѣдкій народъ!.. Если бъ намъ, Рускимъ, случилось такъ легкомысленно сдать столь сильную крѣпость, какъ Гапсаль, мы бы не смѣли поднять глазъ ни передъ однимъ честнымъ человѣкомъ, и не знаемъ, какую-бы казнь нашъ великій князь назначилъ намъ; Нѣмцы же въ Гапсалѣ не только смѣютъ смотрѣть въ глаза всякому, но даже могутъ еще шутить съ молодыми дѣвушками, какъ будто они сдѣлали свое дѣло по надлежащему!..

Въ 1581 году Шведы осадили Гапсаль; сдѣлавъ въ стѣнѣ проломъ, они потребовали сдачи. Руские не соглашались; но когда всѣ жители города бѣжали къ Шведамъ, тогда освирѣпѣвшіе Татары, умертвивъ женъ и дѣтей въ цѣломъ городѣ, согласились вступить въ переговоры. Шведы опять вступили во владѣніе Гапсалемъ; но въ 1628 году шведскій король Густавъ Адольфъ продалъ городъ, вмѣстѣ съ леннымъ владѣніемъ его, эстляндскому губернатору, графу де-ла-Гарди, попеченіями и отеческою заботливостью котораго Гапсаль былъ приведенъ въ цвѣтущее, по тогдашнимъ понятіямъ, состояніе.

Но славный родъ угасъ, и въ 1691 году замокъ и городъ опять поступили во владѣніе могущественныхъ сосѣдей, Шведовъ. Наконецъ и послѣдніе встрѣтили сильнаго соперника: Петръ Великій вступилъ въ шведскія провинціи и побѣдоносному его оружію, въ теченіе одного года, покорились Эстляндія и Финляндія. Съ того времени эта страна благоденствуетъ подъ властію Россіи, и Гапсаль находится теперь въ цвѣтущемъ состояніи.

22-го іюля, 1710 года, — день незабвенный для Гапсаля, — Петръ Первый нечаянно прибылъ въ гавань на своихъ галерахъ, пробылъ нѣсколько часовъ въ городѣ, осмотрѣлъ старый замокъ и церковь, отправился въ Линденъ и оттуда, чрезъ Падисъ, въ Ревель. Проѣзжая чрезъ владѣніе дворянина Рамма, монархъ послалъ сказать ему, что желаетъ у него обѣдать.

— Я не хочу этого! — отвѣчалъ Раммъ, опираясь на прежнія права, которыми безусловно пользовались владѣтели замковъ.

Государь вспыхнулъ отъ гнѣва, прибылъ въ замокъ и своей дубинкою почестивъ упрямаго защитника старины, остался у него обѣдать. Во время стола, Петръ Великій, узнавъ короче хозяина, гнѣвъ свой обратилъ въ милость. Доброта и свѣдѣнія Рамма понравились Государю, и простивъ ему дерзость, онъ помирился съ нимъ. Монархъ умомъ и любезностію такъ очаровалъ хозяина, что тотъ жизнію готовъ былъ жертвовать за него. При прощаньи, царь спросилъ Рамма, какой онъ хочетъ милости отъ него?

— Государь! — отвѣчалъ хозяинъ, увлеченный чувствомъ совершенной преданности, — подари мнѣ трость, которою ты меня наказывалъ; даръ этотъ будетъ памятникомъ моего заблужденія и вмѣстѣ царской горячести и великодушія самодержца Россійскаго.

Императоръ разсмѣялся и отдалъ ему трость; она, въ стеклянномъ футлярѣ, за печатью, понынѣ съ благоговѣніемъ хранится у потомковъ Рамма*).

Пробывъ въ Гапсалѣ пять дней, я возвратился въ Ревель.

=

**)... Николаевская церковь, одно изъ древнѣйшихъ зданій Ревеля. Она построена въ концѣ XIII столѣтія и, подобно всѣмъ церквамъ того времени, состоитъ изъ огромнаго параллелограма, въ стѣны котораго упираются каменныя опоры. На одномъ концѣ этого параллелограма высится огромная башня, которая отъ времени покосилась на одинъ бокъ. Къ главному корпусу въ разныя времена пристроено нѣсколько капеллъ, окна которыхъ состоятъ изъ множества мелкихъ стеколъ; на иныхъ изъ этихъ стеколъ написаны образы святыхъ или гербы знатнѣйшихъ дворянъ Эстляндіи. До XVI столѣтія церковь эта принадлежала католикамъ, а съ тѣхъ поръ стала достояніемъ лютеранскаго духовенства.

Не смотря на то, что у нея были двѣ опасныя соперницы, Олайская и Вышгородская церкви (Domkirche), Николаевская всегда считалась богатѣйшею, у католиковъ; но съ изгнаніемъ послѣднихъ, она до того обѣднѣла, что теперь находится въ довольно жалкомъ положеніи. Куда же дѣвались сокровища, которыми обладала эта церковь?.. Это тайна, до сихъ поръ еще не разгаданная и подающая поводъ ко многимъ толкамъ. Говорятъ, что у католиковъ церковныя сокровища были спрятаны — но гдѣ? Множество мѣръ было предпринимаемо, чтобы открыть это мѣсто; особенные знаки, ничѣмъ не объяснимые, подавали поводъ къ поискамъ, но все тщетно; кладъ по сію пору остается кладомъ. Такъ, напримѣръ, замѣтили, что на деревянныхъ скамьяхъ, современныхъ построенію церкви и украшенныхъ выпуклою рѣзьбою, изображающею головы ангеловъ и святыхъ, у послѣднихъ были отрѣзаны носы. Говорятъ, что это сдѣлали изгнанные католики, чтобы скрыть мѣста своихъ сокровищъ, которыя по этимъ носамъ можно было найдти. Желая получить подробнѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія на этотъ счетъ, я обратился съ вопросомъ къ покойному кюстеру церкви, ремесломъ сапожнику, и болѣе 40 лѣтъ находившемуся при церкви.

— Экой вздоръ! — отвѣчалъ старикъ, — носы отрѣзали не католики, а, просто, мальчишки!..

— Какіе мальчишки?

— Обыкновенно какіе мальчишки... шалуны! Вы сами изволите видѣть, что церковь наша ужасно сыра, такъ что лѣтомъ ее надо часто вывѣтривать; откроемъ двери, а мальчишки и набѣгутъ... вотъ и вся штука!

Я сомнительно посмотрѣлъ на кюстера. Мнѣ казалось, что онъ говоритъ неправду. Ужъ не принималъ ли онъ меня за католика, имѣющаго виды на сокровище?..

— Ахъ, Боже мой! — продолжалъ старикъ, пе-

*) Заимствовано изъ сочиненія Г. Н. С.: «Гапсаль древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи,» и проч.

**) Такъ какъ со временемъ, по изготовленіи картинокъ, мы намѣрены представить читателямъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ Ревелѣ, то на этотъ разъ заимствуемъ изъ путевыхъ записокъ П. Р. Ф. только описаніе церкви св. Николая.

чально покачавъ головою, — напрасно хлопочутъ о сокровищѣ; его давно ужъ нѣтъ...

— Но куда же оно дѣвалось?

— Куда?.. А вотъ я вамъ сейчасъ скажу: лѣтъ двадцать пять или шесть тому назадъ, пріѣзжалъ сюда отъ папы монахъ съ предложеніями пріобрѣсти эту церковь для католиковъ, здѣсь проживающихъ. Долго шли толки и переговоры: лютеране не соглашались. Но замѣтьте, что монахъ, пріѣхавшій изъ Рима, привезъ съ собою подробный, отчетливый планъ церкви, какого и у насъ нѣтъ. Монахъ предлагалъ огромныя суммы, въ полтора раза болѣе, нежели стоитъ вся церковь; *мы* не соглашались! — вскричалъ старый кюстеръ съ гордостью; — такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ. Монахъ каждый день приходилъ въ церковь, да такъ все и высматривалъ; но я не спускалъ съ него глазъ. Въ одно прекрасное утро, я, по своему обыкновенію, прихожу въ церковь... Боже мой!.. Въ одной стѣнѣ было пробито довольно большое и глубокое отверзтіе... известка и обломки плиты валялись по полу... у меня такъ ноги и подкосились!.. Я скорѣе послалъ сына къ церковному старостѣ. Собрались. Стали искать монаха... а его и слѣдъ простылъ! Не было монаха — вотъ точно онъ сквозь землю провалился, — и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуху, ни духу!..

— Что же вы сдѣлали?

— Да что тутъ было дѣлать? Осмотрѣли отверзтіе; за нимъ былъ небольшой подвалъ, не имѣвшій ни оконъ, ни дверей; потомъ заложили стѣну и заштукатурили ее. Не смотря на то, что прошло съ тѣхъ поръ болѣе двадцати пяти лѣтъ, а все новая штукатурка не слилась со старою. Посмотрите сами.

И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ на стѣнѣ одно мѣсто, довольно большое, бѣлымъ пятномъ отдѣлявшееся отъ остальной, сѣрой, мѣстами позеленелой части, стѣны...

Полъ въ Николаевской церквѣ весь состоитъ изъ надгробныхъ плитъ; на нѣкоторыхъ видны эпитафіи 1500 года съ высѣченными въ очеркахъ фигурами рыцарей; стѣны украшены древними картинами, изъ которыхъ особенно замѣчательны двѣ: одна, на которой изображена поѣздка Іакова; онъ, въ бархатномъ кафтанѣ и въ напудренномъ парикѣ, ѣдетъ въ золоченой каретѣ; на козлахъ сидитъ ливрейный кучеръ. Другая же картина есть оригинальная частичка изъ четырехъ фигуръ извѣстной картины Гольбейна: *Пляска смерти*.

Внутренность церкви на сводахъ, упирающихся на массивные столбы, раздѣляющіе церковь на три части: двѣ меньшія, боковыя, и одну широкую, среднюю. По стѣнамъ и между арками висятъ хоругви, трофеи и гербы древнѣйшихъ эстляндскихъ фамилій, каковы: Буксгевденъ, Розенъ, Эссенъ и другіе. Направо отъ алтаря рѣзной работы, съ вызолоченными статуетками святыхъ и сохранившагося еще отъ католиковъ, висятъ разныя священныя картины съ надписями XIV и XV вѣковъ.

Въ одной изъ прилежащихъ капеллъ лежитъ изсохшій трупъ Герцога де-Кроа, сохранившійся болѣе 130 лѣтъ. На лицевой сторонѣ катафалка, на которомъ лежитъ изсохшее тѣло, надпись на латинскомъ языкѣ; вотъ значеніе ея:

«Карлъ Евгеній герцогъ де-Кроа, происходилъ отъ королевской крови, родился, въ 1650 году, въ Бельгіи; былъ славенъ, сколько своими великими дѣяніями, столько и разнообразностію ихъ. Взятъ въ плѣнъ во время Нарвской битвы и умеръ въ Ревелѣ 1702 года. Трупъ его сохранился 118 лѣтъ и вынутъ изъ могилы въ 1819 году.»

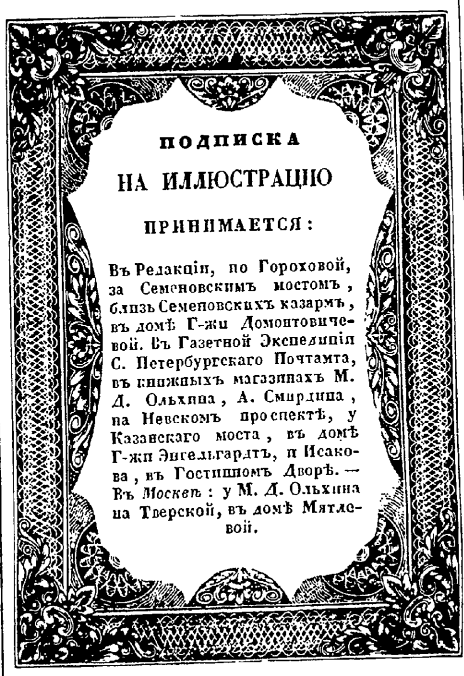
Герцогъ де-Кроа служилъ сперва въ Австріи и потомъ, по представленію императора Леопольда, принятъ Петромъ I въ русскую службу. Командуя русскими войсками, осаждавшими Нарву, онъ по необходимости отдался въ плѣнъ и былъ отосланъ въ Ревель. Тамъ знатный герцогъ продолжалъ жить съ великолѣпіемъ и роскошью, приличною сану, но не согласною со средствами его, и умеръ въ долгахъ. По тогдашнему закону, по которому кредиторы могли требовать, чтобы тѣло должника не было предано землѣ, и герцога не похоронили; онъ былъ только опущенъ въ склепъ, гдѣ пролежалъ въ гробѣ до 1819 года, потому что наслѣдники не хотѣли платить его долговъ. Маркизъ Паулуччи, бывшій въ 1819 году генералъ-губернаторомъ Остъ-Зейскихъ провинцій, приказалъ вынуть трупъ герцога изъ дубоваго, совершенно уцѣлѣвшаго, гроба и поставить подъ стеклянный навѣсъ. Впрочемъ въ сохраненіи этого трупа мало изумительнаго: вопервыхъ, грунтъ земли подъ церковью известковый, а кромѣ того, гробъ былъ опущенъ въ склепъ во время необыкновеннаго сильнаго январьскаго мороза.

Въ передней комнатѣ, находящейся передъ капеллой, привѣшена къ потолку изсохшая *акула*, пойманная въ Балтійскомъ морѣ. Конечно, это большая рѣдкость; но я думалъ, что должна быть какая нибудь другая причина, почему эта акула повѣшена въ церкви, и именно — Николаевской?

Никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на всѣ мои распросы.

Осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ церковь св. Николая и рѣшившись избрать внутренность ея предметомъ для картины, которую я собирался писать, я пошелъ осматривать Олай...

П. Ф.



ПОХОДЪ НА АСТРАХАНЬ ТУРОКЪ,

въ 1569 году.

По завоеваніи Астрахани мѣсто правителя занималъ въ ней князь Оболенскій - Серебряный. Мудрыми распоряженіями своими онъ обезопасилъ городъ отъ набѣговъ, а ласковостію и снисходительностію пріобрѣлъ къ себѣ общую любовь подвластныхъ Россіи окрестныхъ народовъ. Возмущеніе Татаръ княземъ Ямгурчеемъ побудило его перенести Астрахань съ праваго берега Волги на лѣвый, на 12-ть верстъ ниже, по теченію Волги, на бугоръ, названный по-татарски Шабазгъ (высокій), для построенія на немъ укрѣпленій. Выборъ этого бугра былъ весьма выгоденъ по своему положенію: къ востоку онъ былъ окруженъ непроходимыми болотами, тиною, солончаками и частію лѣсомъ; къ сѣверу Волгою, тремя рѣчками и большими ильменями; къ югу глубочайшимъ солянымъ озеромъ и къ западу Волгою, такъ что за 10 верстъ нельзя было къ нему приблизиться иначе какъ на лодкахъ, которыхъ у Татаръ не было. Вкругъ города онъ установилъ разъѣзды, въ продолженіе коихъ были пойманы 5-ть человѣкъ Татаръ съ увѣщеніями отъ крымскаго хана къ астраханскимъ Татарамъ о содѣйствіи ему во время похода подъ Астрахань, которая, по богатству окрестной природы и по торговому значенію, обращала вниманіе сосѣднихъ странъ и возбуждала въ нихъ желаніе отнять ее. Турки, перешедшіе на Балканскій полуостровъ, устремляли свои виды на Астрахать и Казань, какъ пункты, съ которыхъ можно двинуться далѣе въ Европу: населеніе магометанское въ этомъ краѣ ободряло ихъ въ возможности исполненія предпріятія.

Въ Маѣ 1569 года въ Кафу прибыло 2000 Янычаръ и 15000 спаговъ. Касымъ, по приказанію султана, принялъ начальство надъ войскомъ. Ханъ крымскій соединился съ нимъ въ нынѣшней Качалинской станицѣ. Тамъ остановились они въ ожиданіи казны, тяжелыхъ орудій и инструментовъ, необходимыхъ при рытіи канала; они хотѣли соединить Донъ съ Волгою и чрезъ то Азовское море съ Каспійскимъ. Все это было везено на судахъ отъ Азова вверхъ по Дону, и 15-го августа Турки были на мѣстѣ, назначенномъ для канала. Работа ихъ не удалась, по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ, и потому Касымъ приказалъ всѣ орудія везти сухимъ путемъ; бунтъ готовъ былъ вспыхнуть, но астраханскіе послы, прибывшіе къ нимъ, убѣдили пашу идти, оставя все тяжелое для перевозки, увѣряя его также, что жители Астрахани сдадутъ ему городъ и выдадутъ находящихся въ крѣпости Рускихъ. Между тѣмъ Іоаннъ IV былъ извѣщенъ посланнымъ въ Крымъ Аѳонасіемъ о замыслахъ Султана, и войско шло отъ Москвы на защищеніе Астрахани. Турки остановились на мѣстѣ Хозарской столицы Балангіара, гдѣ паша рѣшился зимовать. Въ самой Астрахани Русскіе усмирили Татаръ, сдѣлали отчаянную вылазку и этимъ навели ужасъ на Турковъ, дѣлавшихъ набѣги на Астрахань. Флотъ на Каспійскомъ морѣ, посланный Селимомъ на подкрѣпленіе сухопутнаго войска, былъ задержанъ вѣтромъ и не могъ ничего предпринять. Въ это время прибылъ съ войскомъ князь Серебряный въ Астрахань и оживилъ мужество осажденныхъ. Не видя пользы отъ продолженія военныхъ дѣйствій и не находя нигдѣ продовольствія, Турки сожгли свои укрѣпленія и рѣшились на отступленіе, не смотря на противныя тому повелѣнія Селима II-го. Ханъ повелъ ихъ безплодными степями можарскими, лишенными источниковъ, гдѣ большая часть ихъ погибла и только 3000 возвратилось изъ нихъ въ отечество. Такъ кончился этотъ замѣчательный походъ. Сама страна наказала непріятелей за дерзкій замыселъ, поглотивъ ихъ въ своихъ безконечныхъ степяхъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Частные Банки. — Порховской Общественый Банкъ. — Корабль Василій Жуковъ. — Д. Н. Татищевъ. — Литературныя извѣстія. — Итальянская опера.

Спѣшимъ поправить весьма важную, по нашему разумѣнію, ошибку. Въ статьѣ о фабрикѣ В. Г. Жукова, мы упомянули и о крестьянскомъ банкѣ, устроенномъ имъ въ Порховѣ, на мѣстѣ рожденія. Благонамѣренные люди, письменно объяснили намъ ошибку, и собравъ справки, мы можемъ исправить ее и пополнить статью нашу. Пор-

ховскій банкъ не есть крестьянскій, а общественный. Учрежденіе частныхъ банковъ въ Россіи, несомнѣнно, принесетъ самые полезные плоды, и благодѣтельно подѣйствуетъ на промышленность и торговлю. Начала подобнаго вліянія мы уже замѣчаемъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ учредились таковые банки. Ихъ пока не много; считали мы, справлялись, но до десяти еще не досчитались. Но и семь, восемь банковъ въ короткое время — важный шагъ! Жуковскій общественный банкъ въ Порховѣ учрежденъ съ двоякою цѣлію: доставить тамошнимъ гражданамъ вспомоществованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а на проценты тамъ же содержать общественную богадельню. Надо знать, какъ принимается у насъ всякая новость, не только въ отдаленныхъ провинціяхъ, но такъ сказать, и подъ самой столицей: старики сомнительно качаютъ головою и приговариваютъ: Гляди, что выдумываютъ! Слава Богу, и безъ этой новинки вѣкъ свой доживаемъ, не нуждаючись... Такъ! Вы, что побогаче, нужды не терпѣли; но далеко ли ушла ваша торговля? какія фабрики у васъ процвѣтаютъ? какою промышленностію можете похвастать? А отъ чего? Отъ того, что вы затруднены въ денежныхъ оборотахъ, подверженныхъ всегда опасности. При открытіи въ Рыбинскѣ конторы банка, въ первый годъ никто не рѣшался дѣлать вклады, а между тѣмъ между собою на значительныя суммы выдавали векселя на лоскуткахъ цыгарной бумаги. Гдѣ же тутъ безопасность торговыхъ оборотовъ? Но у насъ одно похвально: наши старички встрѣчаютъ нововведеніе неохотно, но за то не упрямы; увидятъ, что въ немъ есть хорошія стороны, и тогда учрежденіе идетъ богатырскимъ шагомъ впередъ. В. Г. Жуковъ пожертвовалъ 10 т. руб. серебромъ въ основный капиталъ; но проценты на 10 лѣтъ предоставилъ банку, принявъ содержаніе богадельни въ эти десять лѣтъ на свой счетъ. Въ первый же годъ оборотъ соотвѣтствовалъ почти двойному капиталу, такъ, что менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ капиталъ можетъ удвоиться. Конечно, для Порховскаго банка весьма важно и то, что самъ учредитель вмѣстѣ и банкиръ своего учрежденія. Контора В. Г. Жукова въ Петербургѣ уплачиваетъ по билетамъ Порховскаго Общественнаго Банка, безъ малѣйшаго стѣсненія и потери для предъявителей. Порховской банкъ такимъ образомъ имѣетъ различное значеніе: обыкновеннаго коммерческаго банка, переводнаго, заемнаго подъ залогъ недвижимостей и сохранной казны по займамъ подъ ручные залоги. Съ 1843-го года, со дня учрежденія, банкъ этотъ оправдалъ надежды учредителя, пріобрѣлъ общее довѣріе и оказалъ благодѣтельное вліяніе на мѣстную торговлю и промышленность. Счастливъ Порховъ, что въ немъ родился В. Г. Жуковъ! Въ этомъ ему должны позавидовать многіе города. Дошло до нашего свѣдѣнія, что для усиленія мѣстной промышленности въ томъ же городѣ, В. Г. Жуковъ строитъ тамъ прядильную фабрику. Вотъ заведеніе кстати. Порховской уѣздъ производитъ хлѣбъ, да ленъ. Вотъ всѣ его матеріальныя средства. Хлѣба въ большомъ избыткѣ нѣтъ, а сбытъ льна такъ затруднителенъ, что, до учрежденія общественнаго банка, берковецъ продавался по 10 р. сер. Теперь цѣны возвысились уже почти вдвое, а съ учрежденіемъ прядильни эта часть получитъ еще выгоднѣйшее развитіе...

— Собирая справки для исправленія нашей ошибки, мы съ удовольствіемъ узнали, что и за границей имя В. Г. Жукова въ достойномъ почетѣ. Недавно въ Петербургъ прибылъ новый купеческій корабль, принадлежащій одному торговому дому въ Бременѣ. Корабль названъ «Василій Жуковъ»... Каюта украшена портретомъ, корма бюстомъ В. Г. Жукова. Можетъ быть, были примѣры, но намъ еще не случалось встрѣтить, чтобы иностранный корабль былъ названъ именемъ Русскаго купца!

— Слѣдуя за всѣми благотворительными учрежденіями въ Россіи, нельзя не сознаться, что, послѣ правительства, на этомъ поприщѣ много подвиговъ принадлежитъ Русскому купечеству.

Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ происходило открытіе еще одного благотворительнаго заведенія. Мы не могли собрать всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и потому отлагаемъ до слѣдующаго нумера, такъ какъ и помѣщеніе портрета Д. П.

Г-жа Віардо-Гарсія.

Татищева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена государственнаго совѣта, скончавшагося въ исходѣ сентября въ Вѣнѣ.

Г. Тамбурини.

— Литература наша совершенно въ прежнемъ состояніи. Важнаго, замѣчательнаго пока ничего нѣтъ; даже возвращеніе *знаменитаго* нашего поэта, романиста, нравоописателя, журналиста, фельетониста, историка, музыкальнаго и художественнаго критика, агронома и пр. и пр., образованнаго совершенно по европейски (*), однимъ словомъ, Ѳ. В. Булгарина, ознаменовано только всякой всячиной. Къ изданію приготовляются: Исторія Екатерины II., Тайны Инквизиціи, Библіотека еженедѣльныхъ романовъ, то есть, каждую недѣлю хотятъ перевести, произвести и извести по одному иностранному роману.

Ужасное потребленіе романовъ! Еще одна изъ замѣчательныхъ новостей — это «Похожденія Хав-

(*) См. Церэпнеку.

роньина», нравоописательный романъ. Первую часть мы прочитали въ рукописи, и должны сознаться, что характеръ *Хавроньина* — выдержанъ превосходно. Это живопись Ванъ-Дика; это живопись съ натуры. Жалуемся на недостатокъ литературныхъ произведеній, но мы должны сказать, что недостатокъ этотъ замѣтенъ только въ печати. Слѣдуетъ говорить «мало печатаютъ,» а не «мало пишутъ...» Редакція Иллюстраціи еженедѣльно получаетъ по десяти и болѣе значительныхъ сочиненій, изъ коихъ многія достойны печати; по объему нашего изданія многія не могутъ войти въ Иллюстрацію. Мы увѣрены что въ редакціяхъ Библіотеки для Чтенія и Отечественныхъ Записокъ не менѣе, если не гораздо болѣе такихъ же присылокъ. Надо замѣтить, что посредственность смѣлѣе... и посылаетъ свои произведенія въ редакціи журналовъ, тогда какъ даровитые боятся нынѣшней критики, которая опечатку обращаетъ въ преступленіе и волнуясь страннымъ какимъ-то еще неблаговиднымъ чувствомъ дозволяетъ себѣ несправедливыя обвиненія, не терпимыя въ образованномъ обществѣ. Есть люди которые этимъ радуются и забавляются не только такой критикой, но и полемикой подобнаго же рода. А между-тѣмъ достоинство и величіе литературы постепенно унижаются, безъ надежды чтобы когда-нибудь можно было остановить ихъ... Послѣ этого не за что пенять литераторамъ по призванію, что они мало пишутъ.

— Впрочемъ правду сказать въ Петербургѣ и писать некогда. Въ Петербургѣ — италіянская опера... Четыре представленія уже бывшія не могли еще познакомить насъ со всѣмъ персоналомъ италіянской оперы; тѣмъ болѣе, что обѣ игранныя оперы принадлежатъ Доницетти. Съ другой стороны и таланты пѣвицъ и пѣвцовъ не могутъ быть опредѣляемы по одной или даже и двумъ операмъ. Одно можемъ сказать, что пѣніе Сальви обѣщаетъ высокое наслажденіе въ будущемъ; въ Лукреціи были такія мѣста, что публика забывала о незабвенномъ Рубини, а память о такомъ великомъ предмѣстникѣ, согласитесь, невольно умаляетъ достоинства его преемника. Это предупрежденіе искореняетъ только одно время и мы увѣрены, что въ нѣсколько дебютовъ г. Сальви сдѣлается любимцемъ даже всѣхъ рубинистовъ. Г-жа Віэти заступила мѣсто г-жи Альбони. Мы еще не можемъ, не смѣемъ произнести положительнаго мнѣнія, подождемъ, да послушаемъ. Вмѣсто опрометчиваго сужденія сообщаемъ пока портреты артистовъ нашей италіянской оперы.

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(*Продолженіе*).

XIV.

Три недѣли спустя дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Чтобы не входить въ дальнѣйшія поясненія, мы представляемъ читателямъ нѣсколько писемъ, которыя лучше всякихъ разсужденій объяснятъ дѣло:

Письмо Захара Трифоновича Прыщова къ Евдоксіи Егоровнѣ Рытковской.

«Очаровательная Евдоксія!

«Вы ангелъ, Вы божество!.. Я на колѣняхъ «обожаю Васъ! О,теперь я счастливѣйшій изъ «смертныхъ... Молю бога любви, чтобы онъ «на крыліяхъ своихъ принесъ къ намъ поскорѣе Вашего препочтеннаго батюшку и, смѣю «льстить себя надеждою, будущаго тестя моего...Язакажу себѣ отличнѣйшій портфель и «въ немъ буду хранить записку, которою Вы «меня вчера осчастливили!.. О Евдоксія!..»

И прочее въ томъ же тонѣ.

Г-жа Кастелланъ.

Письмо Евдоксіи Егоровны Рытковской къ Захару Трифоновичу Прыщову.

«Знаете ли Вы, мой добрый, благородный «Захаръ, что человѣкъ ничтожная игрушка

Г. Сальви.

«случая?.. Давно ли была я къ Вамъ равнодушна... мало того, я не любила Васъ... Васъ, «великодушнѣйшаго изъ людей, одареннаго «высокою, пламенною душою?.. Еслибы простой случай не открылъ мнѣ сокровищъ вашей души, я бы и понынѣ не понимала высокихъ наслажденій любви глубокой, пламенной!.. Да, Захаръ, я Ваша по сердцу... «и подобно Вамъ, съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда батюшки...»

И прочее въ томъ же тонѣ.

Письмо Дмитрія Ивановича Топилова къ Евдоксіи Егоровнѣ Рытковской:

«Евдоксія Егоровна,

«Я пишу къ Вамъ въ послѣдній разъ. Я позволялъ себѣ надѣяться, что Вы ко мнѣ не«равнодушны, но теперь вижу, что я находился въ грустномъ заблужденіи. Богъ съ «Вами, Евдоксія Егоровна: Будьте счастливы.

«Я буду ждать отвѣта до будущей пятницы. Не смѣю просить васъ, чтобы вы написали мнѣ отвѣтъ. Я самъ приду къ вамъ въ «пятницу,адотѣхъ поръ вы меня не увидите.»

Больше ничего не было.

Утромъ въ четвергъ, Топиловъ получилъ письмо отъ Прыщова.

Письмо Захара Трифоновича Прыщова къ Дмитрію Ивановичу Топилову.

«Милостивый государь,

«Дмитрій Ивановичъ!

«Евдоксія Егоровна поручила мнѣ сказать «Вамъ, что завтра ихъ не будетъ дома, а «слѣдовательно, чтобы Вы не трудились приходить къ нимъ.

«Съ моимъ почтеніемъ

«честь имѣю пребыть и пр.»

Дмитрій Ивановичъ взбѣсился и написалъ отвѣтъ къ Прыщову.

Письмо Дмитрія Ивановича Топилова къ Захару Трифоновичу Прыщову.

«Почтеннѣйшій Захаръ Трифоновичъ!

«Я не понимаю, кто Вамъ далъ право писать ко мнѣ отъ имени... кого бы то ни было. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доложить Вамъ, что Вы мнѣ давно надоѣли. Если «Вы еще разъ попадетесь мнѣ на глаза въ «недобрый часъ, такъ... впрочемъ я угрожать не люблю, — я люблю дѣйствовать.»

Мальчишка, котораго Топиловъ послалъ съ этимъ письмомъ, воротился черезъ нѣсколько минутъ съ слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Сказали—молъ что хорошо, и приказали кланяться.

Зоринъ торжествовалъ; онъ говорилъ, что предсказанія его сбылись; но Дмитрій Ивановичъ настойчиво утверждалъ, что все это продѣлки Прыщова, что тутъ кроется какая нибудь интрига, и что завтра все объяснится.

Молодой живописецъ спорилъ, но не горячо... ему было не до того...

XV.

Зоринъ оканчивалъ свою картину. Онъ писалъ ее съ особеннымъ стараніемъ, съ любовью. Всѣ части ея были тщательно отдѣланы; фигура Яшки была прекрасно освѣщена и мастерски написана... Только на одномъ мѣстѣ сквозилъ еще грунтъ холста... Зоринъ не рѣшился еще приступить къ головѣ молодой дѣвушки, вся фигура которой была уже почти кончена.

Молодой живописецъ сидѣлъ передъ сво-

нымъ мольбертомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла молодая нищая.

Зоринъ перестала писать. Опустивъ палитру, онъ устремилъ задумчивый взоръ на молодую дѣвушку, и долго, долго глядѣлъ на нее. Смущенная этимъ непонятнымъ для нея взглядомъ, она опустила глаза, но въ то же мгновеніе невѣдомое дотолѣ чувство... чувство, неразбирающее ни состояній, ни званій... заставило сердце ея забиться страннымъ образомъ... Какъ бы испугавшись этого новаго ощущенія, она вздрогнула...

— Ты устала?.. заботливо спросилъ ее Зоринъ.

— Маленько, — отвѣчала она тихимъ голосомъ и, чувствуя, какъ колѣни ея подгибались и какъ краска сходила съ лица ея...

— Тебѣ дурно?.. вскричалъ Зоринъ съ безпокойствомъ, забывъ что онъ говорилъ съ нищей. Поспѣшно вскочивъ, онъ подалъ ей стулъ.

— Сердце болитъ... поетъ... проговорила молодая дѣвушка, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ; потомъ прибавила: — Простите, баринъ... мнѣ что-то неможется...

— Выпей стаканъ воды!.. сказалъ Зоринъ, приготовившій уже воду, пока дѣвушка говорила. — Ну, что, легче ли теперь? — спросилъ онъ, когда она выпила.

— Легче... спасибо... добрый баринъ... прикажешь опять стать?

— Нѣтъ, нѣтъ... отдохни еще...

Наступила минута молчанія.

Нищая сидѣла, опустивъ голову; чувство, впервые пробудившееся въ груди ея, навело на нее невыразимую грусть. Она сама не понимала, что съ нею происходило, а между тѣмъ ей было стыдно; ей казалось, что Зоринъ читалъ на лицѣ ея то, что втайнѣ совершалось въ глубинѣ сердца ея... и двѣ слезинки покатились по загорѣлымъ щекамъ нищей. Молодой живописецъ замѣтилъ эти слезы; но ему самому было такъ тяжко, такъ грустно, что онъ понялъ эти слезы... Послѣ минутнаго молчанія, онъ, какъ бы вслѣдствіе тайнаго размышленія, спросилъ нищую:

— Есть ли у тебя отецъ?

— Померъ.

— А мать?

Нищая отрицательно покачала головой и слезы быстрѣе потекли по ея щекамъ.

— Нѣтъ у меня теперь родныхъ, а если и есть, такъ Богъ вѣсть, гдѣ они!.. Тоже, можетъ быть, по бѣлу свѣту горе мыкаютъ!.. Только ужъ хуже моей доли быть не можетъ...

— Какимъ же образомъ попалась ты къ этой старухѣ?.. Какъ добрые люди не призрѣли тебя?

— Видно не заслужила, баринъ; Господь за грѣхи покаралъ.

— А давно ты... просишь милостыню? — послѣднія два слова Зоринъ произнесъ какъ бы неохотно.

— Давно.

— Помнишь ли ты прежнее свое житье-бытье?

— Помню.

— Разскажи же мнѣ...

— Не спрашивай, баринъ!.. прервала нищая живописца, осмотрѣвшись съ боязнію.

— Арефьевна и Яшка мнѣ строго-на-строго запретили, не только разсказывать, но и говорить.

— Но здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго.

Молодая дѣвушка грустно улыбнулась сквозь слезы и молча показала пальцемъ на дверь.

Зоринъ поспѣшно всталъ и отворивъ дверь, вышелъ въ сѣни. Тамъ никого не было; но пока онъ тамъ осматривался, у отвореннаго окна показалась голова Яшки.

— Я тѣ дамъ! — сказалъ онъ, погрозивъ Дунькѣ кулакомъ, и исчезъ.

— Тамъ никого нѣтъ, — сказалъ живописецъ.

Нищая молча опустила голову.

— А что мнѣ за дѣло? сказала она послѣ краткаго молчанія: — пусть они прибьютъ меня, а я таки разскажу, что помню... авось, полегче будетъ на душѣ... Слушай, баринъ. Родилась я въ здѣшней губерніи, въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Отецъ мой былъ богатъ. Земли у насъ было вдоволь, скота много. Кажись, деревня наша лежала на большой дорогѣ. Вотъ какъ теперь помню, что часто проѣзжали большія кареты. Я была еще махонькая, какъ разъ ночью у насъ случился пожаръ. Все выгорѣло. Остались мы безъ куска хлѣба. Отецъ умеръ съ горя — мать за нимъ. Осталась я, съ двумя братишками. Взяли насъ къ себѣ добрые люди... братишку одного взяли на барскій дворъ, другаго не знаю куда... а меня взяла изъ милости одинокая вдова. Какъ бывало ѣдетъ какая нибудь карета... она высылаетъ меня на дорогу, да и велитъ бѣжать за проѣзжими, да канючить... не принесу ничего — прибьетъ; мало принесу — отниметъ. Разъ остановилась у вдовы какая-то нищая; онѣ цѣлый день о чемъ-то спорили; къ вечеру поладили... а ночью нищая отсчитала вдовѣ сколько-то денегъ и простилась. Я лежала въ углу... мнѣ не спалось. Нищая подошла ко мнѣ, взяла на руки, закутала въ полушубокъ и унесла съ собою... я не смѣла голосу подать... боялась, прибьютъ... И съ тѣхъ поръ, баринъ, я перехожу уже къ третьей хозяйкѣ... теперешняя, Арефьевна, ѣсть не даетъ, но за то не часто бьетъ; только Яшка иной разъ обижаетъ...

Зоринъ былъ блѣденъ. Онъ чувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣгала по всѣмъ членамъ его... Онъ слушалъ молодую дѣвушку въ какомъ-то оцѣпенѣніи; наконецъ съ невыразимымъ усиліемъ преодолѣвъ себя, онъ произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Какъ... какъ звали твоего отца?

— Не знаю,—апатически отвѣчала нищая.

— Боже мой!.. вскричалъ Зоринъ, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками; — какъ звали вашего помѣщика?

— Не знаю.

Молодой живописецъ закрылъ лицо руками... онъ старался заглушить рыданія...

Нищая съ необъяснимымъ изумленіемъ смотрѣла на него.

— Какъ прозывалась ваша деревня?.. спросилъ едва слышнымъ голосомъ Зоринъ.

— Не знаю.

— О Боже, Боже!.. вскричалъ Зоринъ, упавъ на колѣни;—сжалься, сжалься!..—Потомъ онъ вскочилъ и, подобно утопающему, хватающемуся за соломенку, вскричалъ:

— Не было ли у тебя брата Павла?

Молодая дѣвушка съ изумленіемъ взглянула на живописца.

— Павлушку взяли на барскій дворъ, отвѣчала она.

Зоринъ задрожалъ, ступилъ шагъ и, бросившись на шею нищей, вскричалъ, рыдая:

— Дуняша!.. Самъ Господь соединилъ насъ!

Въ это мгновеніе дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату ворвался Яшка. Онъ бросился къ Дунькѣ, вырвалъ ее изъ объятій живописца и толкнувъ кулакомъ въ спину, закричалъ со злобой:

— Ахъ ты мерзавка!.. Я тебя проучу... Вишь на какія мерзости пустилась!.. Ахъ, ты нахальница!

Зоринъ остолбенѣлъ; но черезъ секунду опомнился и, кинувшись на мнимаго дурачка, схватилъ его за горло и вскричалъ:

— Вонъ, негодяй, или я задушу тебя!

Но Яшка былъ силенъ. Однимъ ударомъ высвободился онъ изъ рукъ Зорина и, оттолкнувъ его, вскричалъ съ дерзостью:

— Что ты расходился!.. Да я на весь міръ закричу, что ты за нищими дѣвками таскаешься!.. А еще баринъ!.. тьфу!—И Яшка плюнулъ передъ собой, почти на ноги Зорину.

Нищая удалилась въ уголъ и съ безсмысленнымъ страхомъ смотрѣла на происходившее, не понимая поступка Зорина...

— Вонъ!.. закричалъ живописецъ съ бѣшенствомъ,—или я размозжу тебѣ голову!

— Ну-ка ся, подь сюда... я тѣ самъ такого тумака дамъ, что своихъ не узнаешь, да за нашими перестанешь ухаживать...

Молодой живописецъ хотѣлъ броситься на Яшку, но дверь опять отворилась и въ комнату вбѣжалъ Антипычъ, слуга Рытковскихъ, на минуту появлявшійся въ самомъ началѣ нашего разсказа.

— Павелъ Сергѣевичъ!.. закричалъ онъ, запыхавшись: — бѣда!..

Но Зоринъ не слышалъ послѣдняго слова его; онъ кинулся къ лакею и прерывающимся голосомъ сказалъ ему:

— Помоги мнѣ, Антипычъ, выбросить этого негодяя за дверь.

— Послѣ, Павелъ Сергѣевичъ, послѣ! бѣда случилась...

— Послѣ разскажешь; теперь помоги мнѣ...

— Что тебѣ здѣсь надо?—грозно спросилъ Антипычъ, обратившись къ мнимому дурачку.

— А вонъ энтотъ за нищей нашей ухаживаетъ...

— Эка важная штука! Ну, ухаживаетъ, вамъ же честь. Пошелъ вонъ!

— Эта дѣвушка останется здѣсь, — съ силой вскричалъ Зоринъ; — она...

— Она моя невѣста... прервалъ его Яшка.

Зоринъ хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на языкѣ его. Ему стыдно стало открыть тайну свою, передъ лакеемъ... ему стыдно стало объявить, что невѣста нищаго была... его сестра!..

— Вонъ! — закричалъ громовымъ голосомъ дюжій Антипычъ,—вонъ, попрошайка!

Яшка попятился къ дверямъ.

— Ладно, — сказалъ онъ, погрозивъ кулакомъ, — не разживешься, — и замѣтивъ, что Антипычъ подступалъ къ нему съ поднятымъ

кулакомъ, мнимый дурачокъ ускользнулъ въ дверь.

— Павелъ Сергѣевичъ! — вскричалъ тогда лакей, обратившись къ Зорину, — бѣда случилась!

— Что же такое?.. спросилъ Зоринъ, въ изнеможеніи опустившись на стулъ.

— Дмитрія Ивановича заарестуютъ...

— За что?.. вскричалъ живописецъ вскочивъ.

— Утопилъ Захара Трифоновича!

П. Ф—инъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Атмосферическія желѣзныя дороги. — Картофельная чума.—Гибель шкуны Дарисъ.—Могила Глюка.— Богачь метельщикъ.

Вниманіе инженеровъ и вообще всѣхъ, занимающихся устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, въ практическомъ ли, или теорическомъ отношеніи, обращено въ послѣдніе два года на новую систему быстраго движенія, въ которомъ двигателемъ, не пары, а просто, атмосферическое давленіе. Сама публика, озабоченная важностію приключеній и несчастій, неразлучныхъ доселѣ съ паровыми желѣзными дорогами, требуетъ, чтобы наука замѣнила теперешняго двигателя другимъ, менѣе опаснымъ и столь же сильнымъ. Новая сила, которую никому еще не пришло на умъ приложить прямо къ локомоціи, входитъ, однако жъ, во всѣ исчисленія различныхъ двигателей, употребленныхъ до нашего времени; но на нее смотрятъ, какъ на силу, которую должно побѣдить и уничтожить, и машинамъ обыкновенно придаютъ извѣстныя силы, предназначенныя для противудѣйствія *атмосферическому давленію*. Теперь же, вмѣсто того, чтобы уничтожать ее, она употреблена въ дѣло. Двигателемъ та стихія, въ которой мы живемъ и которая распространена повсюду, не оставляя нигдѣ малѣйшей пустоты: однимъ словомъ, воздухъ. Уже въ 1824 году, англійскій изобрѣтатель, по имени Валлансъ, замѣтивъ недостатки паровой машины, не дошедшей въ то время еще до теперешняго совершенства, предложилъ употребить въ дѣло атмосферическое давленіе для приведенія въ движеніе вагоновъ. Онъ предполагалъ устроить для этого огромные чугунные цилиндры, въ которые могли бы вмѣститься и вагоны и желѣзная дорога. Смѣшное предложеніе это было отвергнуто; несмотря на то, мысль о возможности употребить въ дѣло необъятную силу атмосферическаго давленія, запала въ нѣкоторые умы. Были произведены многіе опыты и наконецъ гг. Клегъ и братья Самуда придали идеѣ практическій характеръ, въ которомъ она является теперь передъ нами. Устройство ихъ дорогъ основано на слѣдующихъ началахъ: производится пустота въ трубѣ огромнаго размѣра, простирающейся во всю длину дороги. Поршень, давимый атмосферическимъ воздухомъ, уходитъ въ ту сторону, гдѣ образовывается пустота. Поршень этотъ прикрѣпленъ стержнемъ къ вагону, который онъ и увлекаетъ за собою. Стержень проходитъ въ трубу посредствомъ продольнаго прорѣза, закрытаго клапаномъ, мгновенно открывающимся и закрывающимся въ минуту прохода. Не смотря на удачный опытъ, произведенный по этой системѣ, этотъ способъ заключаетъ въ себѣ важные недостатки, причина которыхъ находится въ устройствѣ клапана. Г. Аллетъ затѣмилъ эту систему, называемую *ирландскою* совершенно новою и болѣе замысловатою. Съ каждой стороны продольнаго прорѣза онъ устроилъ двѣ выпуклости, въ которыя пропустилъ двѣ трубы изъ каучука, покрытыя кожанымъ чахломъ, намазанныхъ жиромъ; эти двѣ трубы наполняются воздухомъ давленіемъ, сильнѣйшимъ атмосферическаго давленія. Очевидно, что когда произведутъ пустоту въ трубѣ, внѣшній воздухъ не имѣетъ возможности проникнуть въ нее, потому что долженъ бы преодолѣть препятствіе, состоящее въ воздухѣ, подверженномъ давленію, превосходящему его давленіе. Когда поршень дѣйствуетъ во внутренности трубы, стержень его открываетъ себѣ проходъ между этими двумя трубами, какъ бы между губами огромнаго рта и, по самому давленію воздуха, которымъ эти двѣ трубы наполнены, отверстіе между ними немедленно закрывается. Для большей ясности мы представимъ читателямъ чертежи ирландской системы и нѣкоторыхъ, примѣненныхъ къ ней впослѣдствіи, улучшеній.

Ирландская система: Фиг. 1. Поперечный разрѣзъ двигательной трубы въ томъ мѣстѣ, гдѣ продольный клапанъ закрытъ и непосредственно за проходомъ стержня движенія (propulsion), R. Колесо, идущее передъ трубой N, и закрывающее клапанъ по проходѣ стержня. N труба, наполненная углемъ, раскаленнымъ до бѣла и служащимъ для растопленія жира и воска, лежащихъ въ рельсѣ. J Поднятая крыша. MM Сблизительный чахолъ двухъ смежныхъ трубъ. oo Ушки, съ помощію которыхъ труба прикрѣпляется къ перекладинамъ дороги.

Фиг. 2. Поперечный разрѣзъ трубы во время прохода вертикальнаго стержня. CV Связка стержня къ передовому вагону. PP Желѣзные пласты, связывающіе поршень, стержень, и отвѣсъ.

Система Аллета: Фиг. 3. Поперечный разрѣзъ трубы и затвора, до или послѣ прохода вагоновъ.

Фиг. 4. Поперечный разрѣзъ трубы и затвора во время прохода стержня поршня. Форма поршня.

Фиг. 5. Продольный разрѣзъ трубы и видъ поршня.

Фиг. 6. Общее расположеніе системы Аллета.

A. Камера паровыхъ машинъ и пневматическихъ снарядовъ.

BB. Зданія управленія.

CC. Вдыхательныя трубы, доходящія до двигательныхъ трубъ D'' дороги.

C'C'. Вдыхательныя трубы, доходящія до станціонной трубы D.

C'' C''. Вдыхательныя трубы, доходящія до трубы уклоненія D'.

D. Станціонная труба.

D'. Уклонительнаая труба.

D''. Двигательная дорожная труба.

eee. Впускные и выпускные клапаны двигательныхъ трубъ.

fff. Вертикальные затворы вдыхателей.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіи этой дороги. Если поѣздъ не долженъ останавливаться, то дежурнымъ смотрителямъ нечего дѣлать; если жъ онъ долженъ остановиться на станціи, то смотритель запираетъ вдыхательный вешнякъ со стороны выхода станціонной трубы D, и кондукторъ, съ помощію сопротивленія воздуха сжатаго передъ поршнемъ, легко останавливаетъ, поѣздъ, который находится въ слѣдующемъ положеніи: оба клапана закрыты, вешняки также; слѣдовательно, всякое сообщеніе между прорѣзомъ двигательной трубы и пневматическимъ снарядомъ прекращено. Для отъѣзда достаточно поднять вдыхательный вешнякъ съ той стороны, въ которую поѣздъ долженъ идти, и открыть клапанъ съ противуположной стороны; воздухъ разжижается и лишь только снимутъ крючки, вагоны быстро отправляются въ путь. У кондуктора въ рукѣ ключъ умѣрительнаго крана, а передъ нимъ градусникъ; онъ впередъ опредѣляетъ необходимую быстроту хода, согласно съ грузомъ и наклонностью дороги. Выступивъ изъ станціонной трубы, поршень входитъ въ первый прорѣзъ дорожной трубы. При каждомъ переходѣ изъ одной трубы въ другую, поршень сначала открываетъ впускной клапанъ и потомъ опускаетъ вдыхательный вешнякъ. По выходѣ же изъ трубы, напротивъ: сначала вешнякъ, потомъ клапанъ. Все это безъ малѣйшей остановки, безъ малѣйшаго замедленія хода. Смотрители, поставленные у каждаго проѣзда трубы, обязаны закрывать клапанъ и опускать вешнякъ, когда машина пройдетъ.

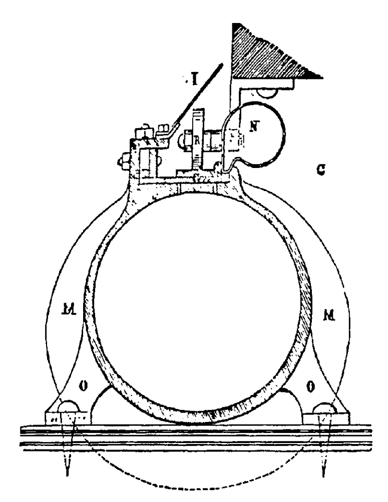
Эта система во всѣхъ отношеніяхъ лучше той, которой слѣдовали гг. Клегъ и Самуда при построеніи дороги въ Ирландіи, отъ Кингстоуна до Долкея.

Перейдемъ теперь къ другой системѣ, имѣвшей успѣхъ въ Парижѣ. Г. Андро старался только улучшить и приспособить обыкновенную машину или паровозъ. Опыты были произведены въ прошломъ году при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Не входя въ излишнія подробности, мы удовольствуемся описаніемъ снаряда и результата опытовъ.

Вмѣсто паровъ, эластическая сила которыхъ приводитъ въ дѣйствіе поршни двигательныхъ цилиндровъ, г. Андро употребляетъ сжатый воздухъ. Его машина состоитъ изъ большаго цилиндрическаго реципіента. Воздухъ въ нее проводится насосами, приводимыми въ движеніе какою либо силою, гидравлическимъ колесомъ, эолійской машиной или др.; слѣдовательно, каменный уголь уже не нуженъ. Чтобы пустить въ ходъ машину, сжатый воздухъ ставятъ въ сношеніе съ двумя насосами, придѣланными къ задней части машины, которая устроена для двухъ цѣлей: для атмосферической дороги и какъ паровозъ. На опытѣ оказалось, что эта машина (фиг. 7) легко проходитъ отъ 7 до 8 льс (28—32 верстъ) въ часъ.

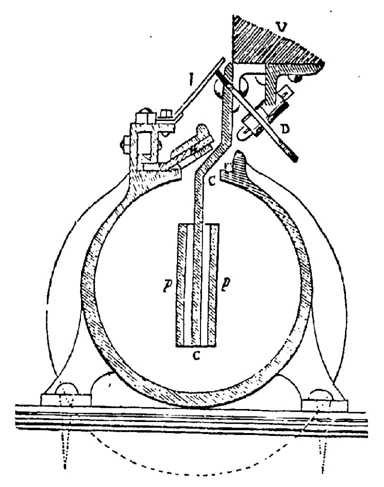
Наконецъ и послѣ этого улучшенія, нѣкто, г. Шамроа, придумалъ новую систему, которую мы намѣрены объяснить нашимъ читателямъ. Между двумя дорогами, во всю длину ихъ на 50—60 сантиметровъ подъ поверхностью земли углублена труба (фиг. 8, 9, a); эта труба имѣетъ отъ 50—60 сантиметровъ въ діаметрѣ, смотря по силѣ, которую требуется придать двигателю. Отъ ста до ста метровъ поставлены на 0,35 сантиметровъ отъ поверхности земли, посреди каждой линіи рельсовъ постоянные поршни или, такъ называемые, вдыхательныя трубы (фиг. 8, 9, 10, 11, b). Эти трубы имѣютъ 1 метръ длины, а въ діаметрѣ около 0,33 сантиметровъ; на обѣихъ оконечностяхъ ихъ устроена выпуклость, окруженная кожанымъ чахломъ, намазаннымъ жиромъ, позволяющимъ имъ входить въ другую трубу, о которой мы сейчасъ будемъ говорить; они сообщаются съ нижней трубой плоскими трубами (фиг. 8, 9, 10, 11, c). Посреди вдыхательной трубы находится весьма просто и замысловато устроенный кранъ, съ помощію котораго можно прекратить всякое сообщеніе съ внѣшнимъ воздухомъ. Двѣ оконечности вдыхательной трубки оканчиваются двумя конусами, ось которыхъ нѣсколько наклонена къ землѣ. Обѣ снабжены дырочками подобно ситу, для свободнаго прохода воздуха. Вагонъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: подъ осью вагона привѣшена длинная трубка, называемая *бугсиромъ*; (фиг. 8, d) двѣ оконечности этой трубки закрываются двумя клапанами (фиг. 8, e), которыя кондукторъ свободно можетъ открывать. Во всю длину бугсира внизу находится отверстіе закрываемое клапаномъ, состоящимъ изъ двухъ кожанныхъ ремней, прижатыхъ одно къ другому продольнымъ рессоромъ; этотъ клапанъ, постоянно-намазанный жиромъ, открываясь, даетъ проходъ плоской вертикальной трубкѣ которая служитъ, какъ мы уже сказали, сообщеніемъ вдыхательной трубки съ главной трубой. Теперь опишемъ способы приведенія въ дѣйствіе машины. Пустота производится въ главной трубѣ обыкновенными средствами; но внутренній кранъ закрытъ и нѣтъ никакого сообщенія съ внѣшнимъ воздухомъ; подвозятъ вагоны, открываютъ передній клапанъ бугсирной трубы; задній же плотно затворяютъ; вдыхательная трубка вставляется въ бугсиръ. Удалившись на два

метра отъ станціи съ помощію стержня, находящагося въ распоряженіи кондуктора поѣзда, рукой открываютъ первый кранъ первой вдыхательной трубки, но такимъ образомъ, чтобы



Ирландская система. Фиг. 1.

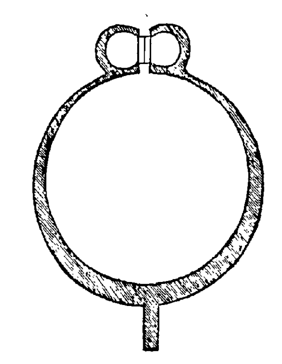
устроить сообщеніе пустоты главнаго желоба съ закрытою частію бугсирной трубы. Атмосферическій воздухъ, производя давленіе на задній клапанъ, гонитъ поѣздъ впередъ. Нѣтъ сомнѣнія,



Ирландская система. Фиг. 2.

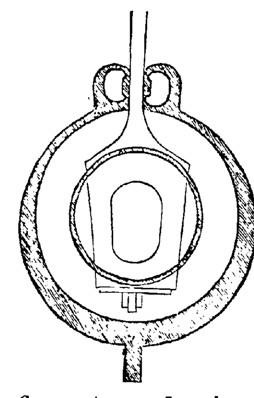
что вскорѣ новые мыслители доведутъ подобныя дороги до возможной степени совершенства.

— Заграницей распространился недавно слухъ, ввергнувшій въ отчаяніе и страхъ рабочій классъ народа и заставившій всевозможныхъ ученыхъ пуститься въ безконечныя разсужденія и изслѣдованія. *Картофель умираетъ!.. Картофель умеръ!..* восклицали съ горестію и нѣмецкій мызникъ, и французскій фермеръ. Впрочемъ, по счастію, слухъ этотъ оказался несправедливымъ: картофель не умеръ, но боленъ, опасно боленъ; есть, однако жъ, надежда, что онъ поправится и что мы еще долго, долго будемъ ѣсть его!..Однако жъ, странно то, что болѣзнь драгоцѣннаго туберкула, представляетъ въ ходѣ и развитіи своемъ, странную аналогію съ страшными эпидеміями, въ извѣстныя времена истребляющими часть рода человѣческаго. Начавъ съ одного конца Европы, болѣзнь эта, по-видимому, хочетъ распространиться по поверхности всего земнаго шара; развитіе ея бываетъ иногда такъ быстро, что поля, имѣвшія при солнечномъ закатѣ прекраснѣйшій видъ, къ утру бывали истребляемы этой заразой. Въ разныхъ государствахъ производятъ



Система Аллета. Фиг. 3.

теперь розысканія касательно болѣзни картофеля, называемой *сухою гнилью*. Между прочимъ, мекленбургское патріотическое общество давно

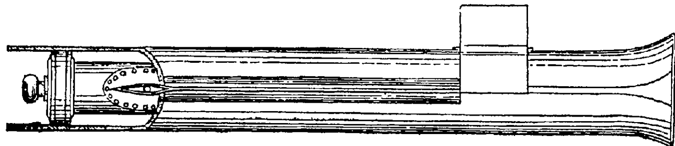


Система Аллета. Фиг. 4.

уже заботится объ открытіи причинъ порчи картофеля. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій оказалось, что порча точно происходитъ отъ сухой гнили; но общество, желая точнѣе убѣдиться въ этомъ, препроводило къ ростокскому профессору Естественной Исторіи, г. Реперу, на разсмотрѣніе свои замѣчанія и нѣсколько больныхъ картофелинъ, съ просьбою сообщить свое мнѣніе. Присланныя картофелины, въ которыхъ, по мнѣнію общества, должны были находиться мухи и небольшіе жуки, или, по-крайней-мѣрѣ, гусеницы насѣкомыхъ, замѣченныя въ другихъ больныхъ картофелинахъ и, вѣроятно, составляющія причину бол[illegible] были разсмотрѣны г. Реперомъ. Ни мухъ, ни [illegible]ковъ, ни гусеницъ не оказалось; но въ нѣкоторыхъ были замѣчены маленькіе червячки коричневаго цвѣта и извилистыя дырочки, похожія на червоточины. Г. Реперъ счелъ всѣ эти признаки недостаточными для того, чтобы опредѣлить съ точностію, не только причину сухой гнили, но даже вообще болѣзненнаго состоянія картофеля. Онъ не отрицаетъ, что болѣзнь *можетъ* происходить отъ насѣкомыхъ, но находитъ также вѣроятнымъ, что ее могутъ произвести и другія причины, какъ-то низменность и влажность мѣста, на которомъ растетъ картофель, дурное сбереженіе его во время зимы, и др. Нѣкоторые увѣряютъ, что, разводя картофель изъ сѣмянъ, быть можетъ, вовсе можно будетъ устранить сухую гниль.

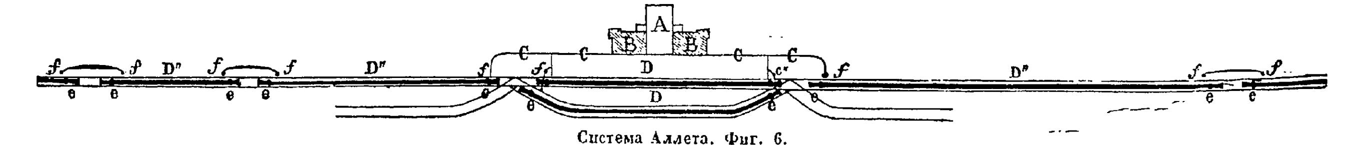
— Несчастіе, приключившееся въ Брестѣ, $^{14}/_{2}$ числа прошлаго мѣсяца, ввергло въ печаль жителей всего города. Послѣ продолжительнаго и труднаго плаванія по Антильскому морю, казенная французская шкуна *Дорисъ* направлялась къ брестскому порту, подъ начальствомъ молодаго лейтенанта Жюля Лемоана. Послѣ труднаго плаванія, видъ береговъ родимой Франціи воротилъ радость и счастіе въ сердца моряковъ, истощенныхъ опасностями, которымъ они подвергались близь Азорскихъ острововъ, гдѣ корабль претерпѣлъ ужасныя бури. Всѣ опасности были забыты; еще нѣсколько минутъ, и *Дорисъ* приставалъ къ берегу!.. Готовились уже бросить якорь, какъ вдругъ поднялся сильный юго-западный шквалъ; будучи схваченъ съ боку вихремъ, шкуна должна была уступить силѣ его и легла на бакбордъ, или лѣвую сторону; вода съ силою ворвалась во внутренность судна и... нѣсколько минутъ спустя, видны были только верхушки мачтъ Дориса!..

Дежурный офицеръ въ портѣ, слѣдившій за всѣми движеніями шкуны, замѣтилъ, что на ней внезапно угасли всѣ огни и, предугадывая несчастіе, приказалъ выстрѣлить изъ пушки, спустить на море лодки, и самъ въ главной, направился къ тому мѣсту, гдѣ онъ за нѣсколько минутъ видѣлъ шкуну и откуда слышались уже отчаянные крики. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, происходила сцена, ужасъ которой словами выразить невозможно... Множество несчастныхъ, судорожно уцѣпившихся за мачты, за куски дерева, или плывя по разнымъ направленіямъ, съ мужествомъ отчаянія боролись съ волнами, ежеминутно грозившими поглотить ихъ. Изъ 67 человѣкъ, находившихся на шкунѣ, были спасены только 32 человѣка отъ вѣрной смерти; четыре человѣка сами доплыли до берега; остальные же всѣ погибли. Въ числѣ жертвъ этого ужаснаго бѣдствія находятся молодой начальникъ экипажа шкуны и хирургъ, г. Папенъ; они погибли, спасая другихъ:



Система Аллета. Фиг. 5.

г. Лемоанъ спасъ уже трехъ матросовъ, а г. Папенъ четырехъ. Отецъ лейтенанта, старый морской капитанъ, ожидалъ своего сына, прогуливаясь по набережной, и видѣлъ кораблекрушеніе...



Система Аллета. Фиг. 6.

На Дорисѣ находился юнга, который въ минуту опасности поспѣшно снялъ съ себя лишнее платье, и бросился въ воду съ тремя товарищами. Будучи сильнѣе и здоровѣе послѣднихъ, юнга далеко опередилъ ихъ, когда увидѣлъ лодку, спѣшившую на помощь къ погибавшимъ. Лодка направилась-было къ плывшему, но онъ съ живостію вскричалъ:

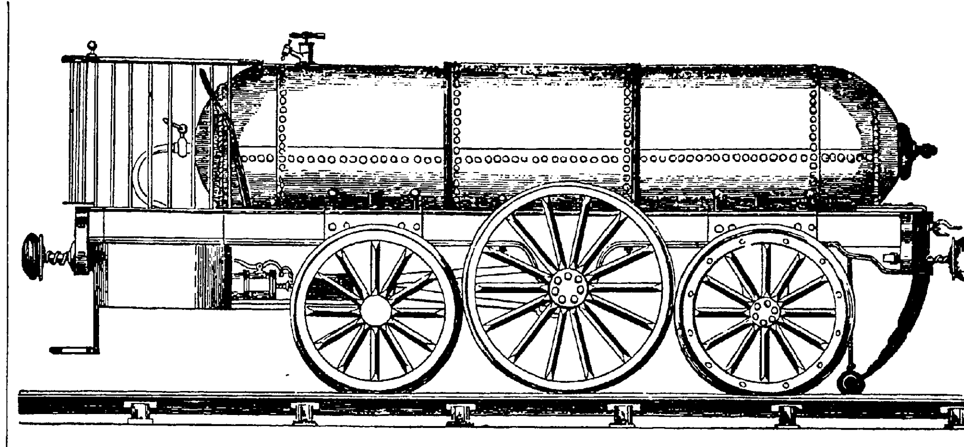
« — Спасайте моихъ товарищей, я самъ доплыву!»

Не смотря на то, что ему оставалось еще далеко до земли, лодка поспѣшила къ плывшимъ за нимъ молоденькимъ юнгамъ, но увы!.. было уже

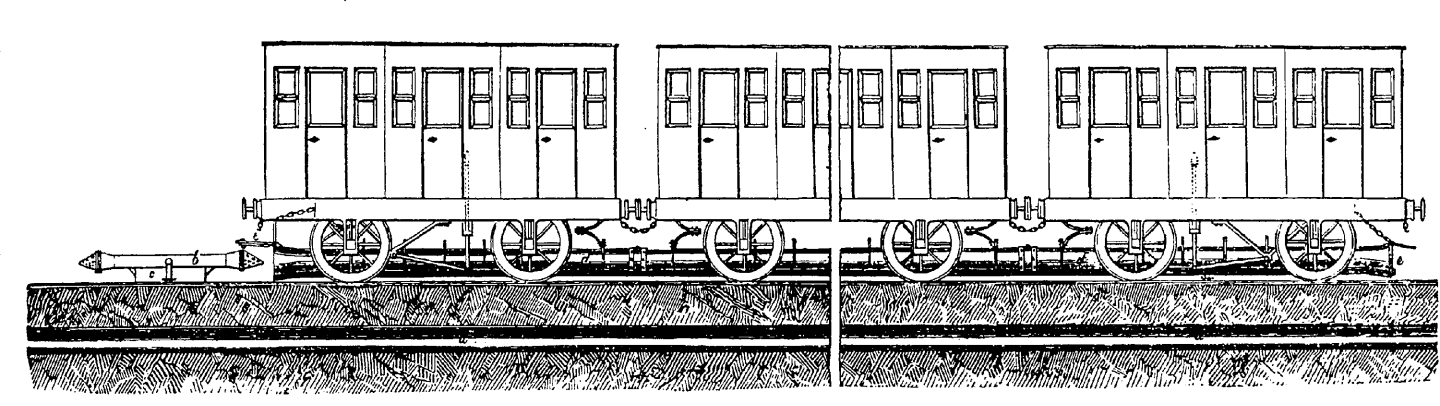
поздно: силы измѣнили имъ, и всѣ трое потонули...

— Могилы двухъ величайшихъ германскихъ композиторовъ прошлаго столѣтія, Глюка и Моцарта, подверглись одинакой участи въ томъ, что совершенно потеряны слѣды ихъ. Могилу Моцарта и теперь еще ищутъ; Глюка же могилу нашли случайно. Во время перестройки одной изъ каменныхъ оградъ въ деревнѣ Мюцлейндорфъ, близъ Вѣны, нашли у самаго фундамента этой стѣны, подъ землею, небольшую плиту изъ сѣраго мрамора, на которой, на нѣмецкомъ нарѣчіи и римскими буквами, высѣчена слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится честный Нѣмецъ, ревностный христіанинъ и вѣрный супругъ, Христофоръ, кавалеръ фонъ-Глюкъ, великій мастеръ въ божественномъ искусствѣ музыки. Скончался 15-го ноября 1787 года.»

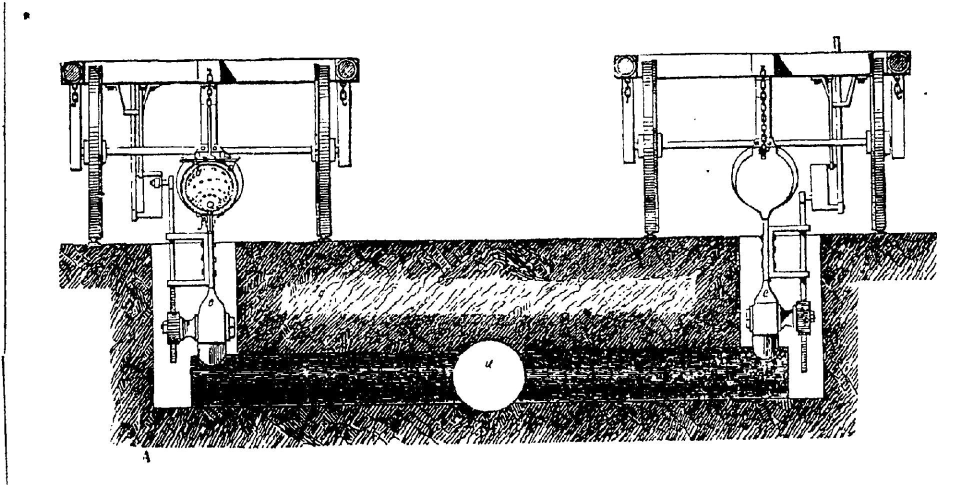


Система Андро. Паровозъ примѣненный къ атмосферической дорогѣ, фиг. 7.

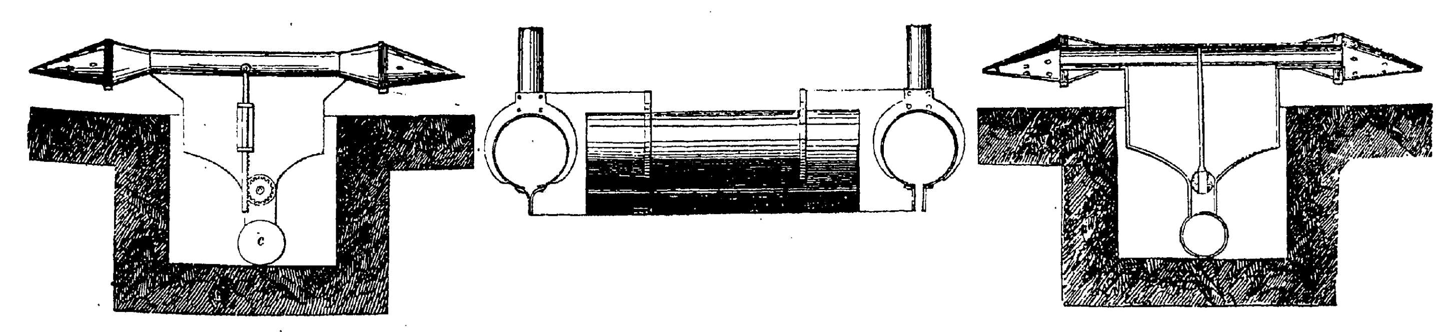


Система Шамроа, фиг. 8.

— Чудная вещь деньги! Въ Гедлау-Стритъ-Бертонъ-Кресчентѣ, разсказываетъ англійская газета Стендердъ, жилъ скромный метельщикъ, по имени Эдуардъ Рилей. Однажды онъ получаетъ неожиданное извѣстіе, что нѣкто маіоръ Рилей, недавно умершій въ Мадрасѣ, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ, оставивъ ему сумму въ 500,000 ливровъ стерлинговъ!.. Почтенный метельщикъ чуть не сошелъ съ ума; но опомнившись, онъ нанялъ кабріолетъ, поѣхалъ за портнымъ, предварительно давъ знать всѣмъ метельщикамъ, чтобы они собрались на дворѣ дома, въ которомъ онъ жилъ. Взявъ съ собой портнаго, новый богачъ поѣхалъ за сапожникомъ, потомъ за мясникомъ, и съ этими людьми явился передъ своими товарищами. Портной долженъ былъ сшить всѣмъ новое платье, сапожникъ сапоги, а мясникъ долженъ былъ представить на брата по отличнѣйшей бараньей ляжкѣ. Рилей нанялъ цѣлый домъ въ Эрфейль-Скверѣ. Лишь только онъ вступитъ въ новое свое жилище, то задастъ великолѣпнѣйшій пиръ всѣмъ лондонскимъ метельщикамъ.



Система Шамроа, фиг. 9.



Система Шамроа, фиг. 12.

Система Шамроа, фиг. 11.

Система Шамроа, фиг. 10.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(*Изъ Гете*).

ГОЛОСЪ.

Снова ночь застала насъ
У воротъ святыни;
День прошелъ, и не погасъ
Намъ безъ благостыни.

ХОРЪ.

День протекшій оживилъ,
Братья, наши чувства;
Тайны новыя открылъ
Вѣчнаго искуства.

ГОЛОСЪ.

И святилищу мы вновь,
Братья, предстояли;
Снова братство и любовь
Насъ къ союзу звали.

ХОРЪ.

Насъ гармонія вела
По искуства безднамъ;
И свобода насъ влекла
Къ высшимъ сферамъ звѣзднымъ.

ГОЛОСЪ.

Путеводною зарей
Мудрость намъ сіяла;
Добродѣтели прямой
Путь намъ указала.

ХОРЪ.

По терновому пути
Шли мы не робѣя;
Мудрость шла напереди,
Радость шла за нею.

ГОЛОСЪ.

Благо міра цѣль была:
Человѣковъ счастье;
И награда за дѣла —
Братское участье.

ХОРЪ.

Братья, день нашъ пролеталъ
Въ тихомъ наслажденьѣ;
Для вѣковъ онъ не пропалъ,
Намъ въ успокоенье.

ГОЛОСЪ.

Чудный день! какъ быстро онъ,
На крылахъ зефира,
Въ нѣдра ночи унесенъ,
Пролетѣвъ для міра.

ХОРЪ.

Братья, время; ночь сошла
На святое зданье;
Трижды дню тому хвала,
Трижды ликованье!

А. Г.

=

* * *

Когда трагическій актеръ,
Увлекшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета.

=

Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ сострадапьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

=

Но если, выйдя за порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій,
И прахъ цѣлуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи...

=

Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нуждѣ не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.

=

И рѣчь правдивая его
Не подслащенная искуствомъ,
Не вырветъ слезъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.

=

О, родъ людской! какъ жалокъ ты —
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ:
Ты глухъ на голосъ нищеты
И слезы льешь передъ фигляромъ.

С. Дуровъ.

АНЕКДОТЪ.

Въ той же Франціи, въ которой такъ много случается всякой всячины, проявился Жидокъ весьма умный, смѣтливый, расторопный, какъ все Іудино племя, и объявилъ на саженной афишкѣ, что онъ обладаетъ разнородными секретами отъ мозолей, зубной боли, и проч. Но главный секретъ у него былъ тотъ, что онъ могъ отращивать волосы, хотя бы лѣта согнали его съ старой головы давнымъ-давно. Какъ ни было великолѣпно объявленіе, однако же послѣднему секрету въ цѣломъ городѣ повѣрилъ только одинъ старикъ, большой любезникъ и щеголь. Когда уже всѣ спали въ обширномъ городѣ, въ дверь шарлатана постучался лакей и провелъ Жидка разными переулками черезъ задній дворъ въ палаты старика.

— Что ты, любезный, сказалъ старикъ улыбаясь и прищурясь: что ты это добрыхъ людей морочишь. Какъ тебѣ не стыдно. Ну, можетъ ли это быть, чтобы отъ твоихъ средствъ волоса росли.

— Если не вѣрите, отвѣчалъ Жидъ, такъ зачѣмъ же присылали? А я могу указать на тысячу гривъ у самыхъ мохнатыхъ львовъ; тамъ много моихъ...

— Неужели?

— А коса дѣвицы Барбунье, которою восхищается весь театръ въ Парижѣ, развѣ натуральная?

— Не можетъ быть!

— Если захочу, на ладони выростутъ волоса.

— Послушай, любезный, ну, а на моей головѣ, какъ ты думаешь? А?.. И старикъ снялъ колпакъ...

— И смотрѣть нечего! выростутъ въ одну недѣлю...

— А что возьмешь?..

— 700 франковъ.

— Что ты съ ума сошелъ!!..

Жидъ не отвѣчалъ ни слова...

— Ну, возьми триста!

Жидъ взялъ свѣчку, подошелъ къ старику, осмотрѣлъ остатки волосъ, легонько вздернулъ ихъ и, ставя на столь свѣчку, сказалъ:

— Нельзя дешевле. Кожа старая.

Напрасно торговался старикъ. Жидъ сдѣлалъ только одну уступку. Согласился взять 500 франковъ впередъ, а 200, когда волоса выростутъ.

— Ну! принимайся за дѣло! Что надо дѣлать.

— Сохранять строжайшую діэту во все время леченія. Кромѣ чашки бульона и жареной рыбки, — ровно ничего не ѣсть. Пить воду, и сколько угодно. Курить табакъ не только нельзя вамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которые будутъ приходить въ вашу комнату. Комнату же сдѣлать совершенно темною, чтобы не подвергать мази вліянію свѣта; почему и свѣчекъ, лампадъ, не надо; однимъ словомъ, просидѣть все время во мракѣ... Не пугайтесь! Всего только одна недѣля... Когда прикажете приступить къ дѣлу?..

— Сегодня.

— Нельзя! Надо при дневномъ свѣтѣ подобрать мазь подъ цвѣтъ волосъ вашихъ. Завтра, если угодно?..

— Ну, такъ завтра, только чуть свѣтъ...

И на другой день весь городъ еще спалъ, а Жидъ спряталъ въ карманъ 500 франковъ и занялся головой старика, который, обмазанный и зашитый въ клеенку, отправился добровольно въ темницу на цѣлую недѣлю. Голову его порядочно щипало. Старикъ радовался. Растутъ, растутъ, повторялъ онъ, потирая руки, такъ и слышу, растутъ... Наступилъ пятый день; съ разрѣшенія Жида, открыли ставни, но шторъ не подымали; въ шестой день Жидъ позволилъ поднять одну штору, разрѣшивъ въ седьмой день, ровно въ полдень, снять и клеенку... Наступилъ вожделѣнный часъ. Часы зашипѣли. Старикъ бросился къ зеркалу, сорвалъ клеенку и остолбенѣлъ. Мазь всосалась, голова была по прежнему гладка, будто отполирована; ни одного волоска новаго... Старикъ въ бѣшенствѣ бросился къ меру и принесъ жалобу. Послали за Жидомъ. Тотъ явился.

— Какъ ты смѣлъ, сказалъ меръ, обмануть этого господина?

— Я его, и никого не обманывалъ.

— Ты обѣщалъ, что волоса выростутъ.

— И выросли.

— Какъ выросли...

Жидъ преспокойно подошелъ къ старику, взялъ двумя пальцами за остатки прежнихъ волосъ, и обратясь къ меру, сказалъ.

— Г. меръ! Это новые!..

Меръ не могъ удержаться отъ смѣха, а старикъ схватилъ шляпу и убѣжалъ.

— Г. меръ! сказалъ Жидъ съ презрительной улыбкой: «Я не зналъ, что это господинъ такой плутъ, и жалѣю, что не вымазалъ ему головы такимъ составомъ, отъ котораго бы и послѣдніе вылѣзли... Неблагодарный! Жаловаться! И все это изъ корыстолюбія, чтобы не заплатить 200 франковъ. Что дѣлать! Пусть пропадаютъ! Это мнѣ урокъ за довѣріе къ людямъ. Теперь я буду всегда брать всѣ деньги впередъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Французскій театръ. Наконецъ г-жа Плесси въ Петербургѣ. Она прибыла 2-го октября вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, писателемъ Арну. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ея дебютовъ.

На послѣднемъ пароходѣ изъ Гавра пріѣхалъ и любимецъ нашей публики, г. Вернс.

Италіянскій театръ. Продолжаются репетиціи оперы: i Lombardi.

Александринскій театръ. На будущей недѣлѣ дана будетъ піэса: Заколдованный Принцъ, переводъ съ нѣмецкаго, а 19 октября, въ бенефисъ г. Самойлова, пойдетъ драма: Мать и Падчерица и два водвиля. И въ Парижѣ и въ Берлинѣ въ недавнемъ времени дана была трагедія Софокла Антигона. Постановка этой піэсы на театрѣ надѣлала много шума. Антигона теперь переведена и на русскій языкъ и можно положительно сказать, переведена прекрасно, вѣрно, метрами подлинника. Антигона будетъ представлена и на Александринскомъ театрѣ. Это едва ли не самая важная новость отечественнаго театра.

ВѢДЬМА.

Вѣдьма — извѣстна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украйнѣ, а Лысая гора, подъ Кіевомъ, служитъ сборищемъ всѣхъ вѣдьмъ, кои тутъ по ночамъ отправляютъ свой шабашъ. Вѣдьма тѣмъ разнится отъ всѣхъ предъидущихъ баснословныхъ лицъ, что она живетъ между людьми и ничѣмъ не отличаясь днемъ отъ обыкновенныхъ бабъ или старыхъ дѣвокъ, кромѣ небольшаго хвостика, ночью расчесываетъ волосы, надѣваетъ бѣлую рубашку, и въ этомъ нарядѣ, верхомъ на помелѣ, вѣникѣ или ухватѣ, отправляется черезъ трубу на вольный свѣтъ, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужихъ коровъ, портить молодцовъ дѣвокъ и проч. Вѣдьма всегда злодѣйка и и добра никогда и никому не дѣлаетъ. Она въ связи съ нечистой силой, для чего варитъ травы и снадобья въ горшкѣ, держитъ черную кошку и чернаго пѣтуха; желая оборотиться во что либо, она кувыркается черезъ 12 ножей. Вѣдьма не только выдаиваетъ коровъ, но даже, воткнувъ ножъ въ соху, цѣдитъ изъ нея молоко, а хозяйская корова его теряетъ. Если сорока стрекочетъ, то беременной женщинѣ выходить къ ней не должно: это вѣдьма, которая испортитъ, или даже выкрадетъ изъ утробы ребенка. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣдьма перекидывается также въ сороку, и, можетъ быть, отъ этого сорока противна домовому, для чего и подвѣшивается въ конюшнѣ. Вѣдьмѣ, для проказъ ея, необходимы: ножъ, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекресткѣ, иногда также и трава тирличъ. Вѣдьма варитъ зелье ночью въ горшкѣ и, ухвативъ помело, уносится съ дымомъ въ трубу. Вѣдьма иногда крадетъ мѣсяцъ съ неба, если его неожиданно заволакиваетъ тучами или случится затмѣніе; она крадетъ дожди, унося ихъ въ мѣшкѣ или въ завязанномъ горшкѣ; крадетъ росу, посылаетъ градъ и бурю и проч. Есть на Украйнѣ преданіе, взятое, какъ говорятъ, изъ актовъ: злая и пьяная баба, поссорившись съ сосѣдкой, пришла въ судъ и объявила, что та украла росу. По справкѣ оказалось, что наканунѣ росы точно не было, и что обвиняемая должна быть вѣдьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла въ судъ каяться, что поклепала на сосѣдку, а судьи, услышавъ это, пожали плечами и ударили объ полы руками, сказавъ: отъ тоби разъ!

Вѣдьмѣ удается иногда осѣдлать человѣка, и онъ, увлекаемый чарами ея, везетъ ее на себѣ черезъ трубу и возитъ по свѣту до упаду. Есть и обратные примѣры, то есть, что осторожный и знающій человѣкъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ, какъ мы видимъ изъ разсказовъ Гоголя. Все это приближаетъ вѣдьму къ разряду знахурокъ, ворожей и колдуновъ, давая ей иное значеніе, чѣмъ повѣрьями дано прочимъ баснословнымъ лицамъ. Вѣдьма есть олицетворенное понятіе о злой и мстительрой старухѣ, и злыя бабы пользуются суевѣріемъ людей. Много было примѣровъ, что вмѣсто мнимой вѣдьмы ловили злую сосѣдку на томъ, какъ она перевязываетъ вымя у коровы волоскомъ, или выходитъ ночью въ одной рубахѣ, безъ опояски, босикомъ, распустивъ косы, пугать, съ какимъ либо намѣреніемъ, суевѣрныхъ. Много страшнаго разсказываютъ о послѣднемъ смертномъ часѣ вѣдьмъ, и въ этомъ отношеніи, онѣ также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не можетъ разстаться съ тѣломъ, и знающіе люди принимаютъ тутъ различныя мѣры — вынимаютъ доску изъ потолка, раскрываютъ уголъ крыши, и проч. Есть также повѣрье, что вѣдьмы встаютъ и бродятъ послѣ смерти, какъ и колдуны; что вѣдьму можно приковать къ мѣсту, притянувъ тѣнь ея гвоздемъ; что ее должно бить на-отмашь, т. е. отъ себя, оборотивъ ладонь, и наконецъ, повѣрье смѣшиваетъ вѣдьмъ иногда съ упырями, извѣстными исключительно на Украйнѣ и у южныхъ Славянъ, и говорятъ, что вѣдьмы также по смерти сосутъ кровь изъ людей или живыхъ и этимъ ихъ морятъ. Для этого съ ними поступаютъ также, какъ съ колдунами: перевертываютъ въ могилѣ ничкомъ и пробиваютъ насквозь осиновымъ коломъ между лопатокъ. Вѣдьму отчасти смѣшиваютъ также съ вовкулаками или оборотнями, разсказывая, что она иногда подкатывается подъ ноги клубкомъ, или перекидывается въ собаку, волка, свинью, сороку, даже въ копну сѣна. Вѣдьмы же и сами портятъ людей и дѣлаютъ изъ нихъ оборотней. Есть разсказы о томъ, что, снимая шкуру съ убитой волчицы или съ медвѣдицы, къ общему изумленію людей, находили не волчью тушу, а бабу въ сарафанѣ, или въ юпкѣ и запаскѣ. Если найти черную кошку, безъ единаго бѣлаго волоска, сварить ее и выбрать всѣ кости, то можно найти костьневидимку, которая служитъ вѣдьмѣ: сядь противъ зеркала и клади сподрядъ всѣ косточки попремѣнно въ ротъ; какъ попадешь на невидимку, такъ и самъ исчезнешь въ зеркалѣ. Иные велятъ вмѣсто этого просто, варить кости черной кошки по ночамъ, покуда всѣ истаятъ, а одна только невидимка останется.

Извѣстны неистовства, которыя въ прежнія времена происходили по случаю обвиненія какой либо бабы въ томъ, что она вѣдьма; это въ особенности случалось въ южной Руси. Нѣтъ той нелѣпицы, какую бы не придумывали люди, отъ злобы, глупости, съ отчаянья или съ хитрымъ умысломъ, для искорененія вѣдьмъ и для исправленія настроенныхъ ими бѣдъ. Въ старину народъ вѣрилъ, что вѣдьмы, или другаго рода колдуньи могутъ держать обиліе, т. е. заключать въсебѣ и хранить огромные запасы денегъ, жита и даже звѣрковъ, доставлявшихъ промышленникамъ богатый пушной товаръ; на Украйнѣ подобное суевѣріе встрѣчается иногда понынѣ, въ особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльникъ, по народному повѣрью, противна вѣдьмамъ и охраняетъ отъ нихъ дворъ и домъ.

Общее и единогласное повѣрье утверждаетъ, что въ Москвѣ нѣтъ сорокъ. По этому поводу ходитъ много разныхъ преданій: говорятъ, что сорока выдала боярина Кучку, убитаго въ лѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающимъ; другіе разсказываютъ, что митрополитъ св. Алексій запретилъ сорокамъ летать на Москву, потому именно, что подъ видомъ сорокъ залетали туда вѣдьмы; и наконецъ, есть преданіе, будто онѣ прокляты за то, что у одного благочестиваго мужа унесли съ окна послѣдній кусокъ сыра, которымъ онъ питался.

Таинственныя пѣсни вѣдьмъ, состоящія изъ вымышленныхъ, безсмысленныхъ словъ, находятся въ извѣстномъ изданіи г. Сахарова. На Украйнѣ же переходитъ по преданію счетъ, будто бы употребляемый вѣдьмами: одіонъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, подонъ, лодонъ, сукманъ, дукманъ, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнамъ, дайнамъ, сповелось, сподалось, рыбчинъ, дыбчинъ, клекъ.

В. Луганскій

НОВАЯ МУЗЫКА.

Изъ не многихъ музыкальныхъ новостей замѣчательнѣйшая: романсъ, «Я не могу не назвать» слова графа Т***, музыка В. М. Кажинскаго. Любители утомились пѣть нашу, хотя и прекрасную старину. Пора освѣжиться, и на этотъ разъ любители душевно порадуются умноженію ихъ домашняго репертуара пріятнымъ подаркомъ. Романсъ написанъ для тенора или сопрано.

Вальсъ Ломакина теперь навсѣхъфортопьянахъ. Любители не только играютъ, но и переписываютъ это народное произведеніе. Еще миленькая и прехорошенькая игрушечка «Rigolette Galop,» соч. Лядова. Воздушно, легко, хорошо обработанъ. Четыре польки В. М. Кажинскаго: 1) Petersburger — 2) Amat, — 3) Leonoren и 4) Marien Polka, вышли вторымъ изданіемъ. Лѣтомъ оркестръ Германна превосходно исполнялъ эти польки. Петербургскую польку заставляли повторять но нѣсколько разъ.

ИГРЫ.

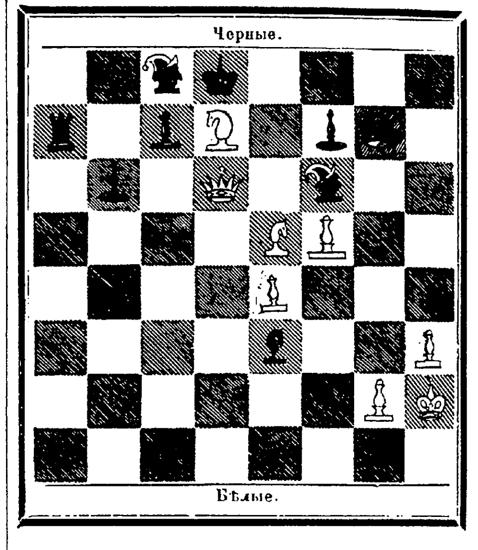
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 25.

Бѣлые.	Черные.
1) Конь Короля на 2 м. Ф.	Ф. бер. К.
2) Л. на 4 м. Сл. Кор.	Л. бер. Л.
3) Ф. на 5 м. Кор.	П. бер. Ф.
4) К. на 7 м. Сл. Ф. и матъ.	

ЗАДАЧА № 26.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ три хода



РАЗГАДКА № 25.

Неб. утъ. те. сто. ль. козлы, чт'. обозъ. мѣ и вать. ошибки въ ближнемъ.

Небудте столько злы чтобъ осмѣивать ошибки въ ближнемъ.

ЗАГАДКА № 26.

В 7 М — Везувій пламя изрыгаетъ Столбъ огненный во тмѣ стоитъ и проч. — М

З — Злой судьбою караемой Я потерялъ покой мой. — Я

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ покорнѣйше исправить ошибки замѣченныя нами въ 25 нумерѣ.

Стр. 392. столб. 1-й, строка 29 снизу напечатано 150 р. асс. слѣдуетъ 150 р. сер.

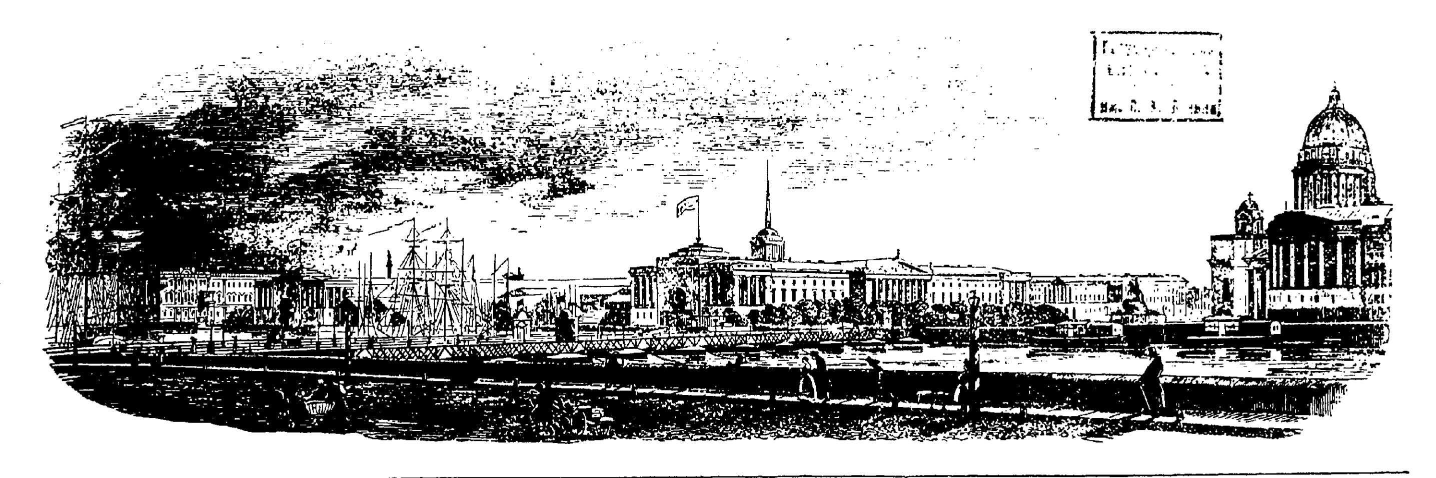
Стр. 398. стоб. 1-й стр. 44 сверху Camphino-el — слѣдуетъ — Camphine—oel.

Переписка, по особеннымъ поводамъ отъ Редакціи независѣвшимъ отложена до слѣдующаго нумера.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Октября 5 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографія И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 27.—Суббота, 13 Октября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

БАРОНЪ.

(Окончаніе).

III.

Титулярный совѣтникъ Яковъ Ильичъ Метлихинъ жилъ-себѣ въ Третьей улицѣ совершеннымъ патріархомъ. Онъ удивительно какъ привыкъ къ жизни; покойная и неподвижная должность, стеганый ситцевый халатъ, вѣчныя размолвки съ женою, собственный домишко въ захолустьѣ, все это чрезвычайно способствовало къ жизни ничѣмъ не возмущаемой; да если еще прибавить, что Яковъ Ильичъ всякой день угощалъ себя передъ обѣдомъ рюмочкой травника, то будетъ очень понятна эта привычка къ жизни. Онъ былъ человѣкъ съ достаточнымъ запасомъ практическаго ума; — но длинные годы, жена, дѣти, хлопоты, все это сгладило, стерло умъ его, — какъ стирается ярко-намалеванный портретъ турецкаго султана на табакеркѣ, ежедневно употребляемой, и остается на ней какое-то странное пятно. Теперь уже Яковъ Ильичъ и самъ чувствовалъ, что сталъ никуда негоденъ. Хозяйствомъ управляла жена, сапоги и платье Якову Ильичу заказывала жена, одѣвала его и отправляла во время въ должность — жена; — все жена; даже она-бы и въ должность за него ходила, если бы это было возможно...

И дѣйствительно, Матрена Аѳонасьевна была бой-баба; она, рѣшительно, за-поясъ заткнетъ десятерыхъ Якововъ Ильичей. Главный разгулъ ея дѣятельности былъ на рынкѣ. Ужъ какъ она торговалась, какъ она умѣла выбранить торговокъ за плутни и барышничество, или мясника за неопрятность. Создатель, какъ она расходится! У, хуже всякаго дьявола! Ее ужъ всѣ знали и боялись въ чемъ-либо, поперечить Метлихиной. Въ домашней жизни она тоже никому не давала спуска; этой бабѣ никто не братъ; всякаго отхлещетъ такъ, что и... Но случись посторонній человѣкъ, — о, онъ не будетъ съумѣть достойно оцѣнить добродѣтель и умъ Матрены Аѳонасьевны и будетъ только молча дивиться ей!

Да если еще посторонній человѣкъ, такъ, къ слову, скажетъ:

— Ужъ какъ я дивуюсь вами, Матрена Аѳонасьевна, — шутка ли, вѣдь совершенно весь домъ вами только и держится!..

О, что станется съ Матреной Аѳонасьевной послѣ этихъ словъ: и жалобы, и хвастовство своимъ умомъ и дѣятельностію, и ропотъ на судьбу, на людей, и слезы, и все, такъ рѣкой и польется! Удивительно тонкая женщина!

А посмотрѣли-бы вы какъ она нѣжна съ дочерью своей, единственной Наташенькой! Это, просто, голубка, горлица, а не мать! И въ пансіонъ-то за Наташеньку переплатили пропасть денегъ; и Наташенька-то умна и образована, и по-французски говоритъ, и на фортепьянахъ играетъ, и книжки любитъ читать до смерти!.. за то вся жизнь нѣжной матери посвящена счастью Наташеньки; устроить ея судьбу — вотъ цѣль и утѣха Матрены Аѳонасьевны. Но вѣдь и на небѣ не всегда-жъ бываетъ ясно, и Матрена Аѳонасьевна не всегда же голубится съ дочкою: выдаются минуты, что хоть заткни уши и бѣги вонъ изъ дома.

— Что ты тамъ глазѣешь на улицу-то! Пошла прочь отъ окна; дѣлала-бы дѣло, безстыдница! А то, вишь, перемигивается съ офицерами! Матери-то никто не поможетъ! Пошла, я тебѣ говорю!

Наташа, воспитанная въ такомъ же духѣ, конечно, отвѣчала матери тоже какою-нибудь колкостію. И тутъ ужъ завязывалась баталія. За маменькой тоже водились разные грѣшки, и дочка не могла умолчать объ нихъ, обороняясь мужественно отъ нападковъ, часто несправедливыхъ.

При постороннихъ людяхъ мать и дочь лицемѣрили за-одно. Нужно-же поймать жениха! Наташа уже очень чувствовала, что ей пора замужъ, а догадливая маменька навѣрное знала это и толковала объ этомъ безпрестанно дочери.

Въ одно обыкновенное утро мать и дочь встали раньше обыкновеннаго; поторопились напиться чаю, и Матрена Аѳонасьевна двумя часами ранѣе отправила мужа въ должность, приказавъ ему не замарать чернилами новаго жилета.

Выпроводивъ со двора мужа, матушка и дочка принялись за туалетъ съ необыкновенною тщательностію. Онѣ одѣвались въ двухъ смежныхъ комнатахъ и перекликались слѣдующими фразами:

— Наташа, въ которомъ часу они будутъ?

— Въ 12-ть, маменька. — Вы, маменька, какой платокъ надѣнете?

— Бѣлый клѣтчатый.

— Хорошо-съ; а я на шею ничего не надѣну.

— Какъ это можно! что ты! надѣнь хоть пелеринку.

— Охъ! простонала Наташа.

— Что тамъ такое?

— Ничего-съ... лопнулъ...

— Какая ты, право! — Ну, я готова; скоро-ли ты?

— Сію минуту. — Ахъ, маменька, у васъ очень красны...

— Что ты бредишь? Ужъ будто я не знаю! Ужъ будто у меня никакого нѣтъ вкуса!..

Въ это время, въ передней послышалось хлопанье калошъ пришедшихъ гостей, и горничная, одѣвавшая Наташу, должна была бѣжать, снять шинели.

— Ахъ, какъ ты срамишь меня! — Господи! вотъ дитятко навязалось! Пойду, я одна приму ихъ, а ты изволь у меня проворнѣй одѣваться; слышишь? а не то...

Ахъ, здравствуйте, куманекъ! — мое почтеніе, все-ли вы здоровы? уже говорила плавно Матрена Аѳонасьевна, выйдя въ гостиную.

— Здравствуйте, кумушка! Вотъ, позвольте вамъ рекомендовать друга моего, Барона ***; давно желалъ съ вами познакомиться.

— Ахъ, помилуйте, намъ очень лестно! Я уже давно объ васъ такъ наслышалась...

Фу, ты пропасть, что за тонкая женщина!

Надо вамъ пояснить, что Вася называлъ Матрену Аѳонасьевну кумушкой, а она его куманькомъ, совершенно произвольно. Родства этого между ними никогда не существовало; а это была маленькая любезность съ обѣихъ сторонъ. Вася любилъ во всемъ что нибудь особенное; и въ кварталѣ всѣ знали его поношенную фигуру и всѣ считали его *своимъ*, и принимали всегда съ большимъ радушіемъ и уваженіемъ.

— А я вчера васъ видѣла у обѣдни, сказала Матрена Аѳонасьевна, обращаясь къ Барону.

— Да-съ; вы, кажется, очень богомольны, примолвилъ онъ, рѣшительно не зная, что сказать.

— Да-съ; я почти каждый праздникъ бываю въ церкви; а въ нашей церкви такъ прекрасно служатъ.

— Дѣйствительно, очень хорошо.

— Да, вѣдь у насъ теперь новый священникъ? Я тоже постоянно бываю и у всенощной и у обѣдни, сказалъ Вася торжественно.

Въ это мгновеніе въ дверяхъ зашумѣло и мелькнуло голубое платьице, и опять скрылось.

— Наташа, выйди сюда! сказала повелительно Матрена Аѳонасьевна.

И Наташа появилась, приложа руки къ поясу, присѣдая и краснѣя какъ маковъ цвѣтъ.

— Рекомендую-съ, дочь моя.

Баронъ раскланялся и немного смутился. Роскошно-развитыя плечи Наташи были совершенно открыты; это не ускользнуло отъ матери, и она, незамѣтно для гостей, сверкнула взорами.

Завязался общій разговоръ.

Всевозможные предметы были тронуты въ этомъ разговорѣ; въ заключеніе, Наташа должна была съиграть что-нибудь на фортепьяно. Долго она кобенилась, — наконецъ сѣла и заиграла что-то изъ Бронзоваго Коня. Играла она, можетъ быть, и очень хорошо, но звукъ инструмента былъ чрезвычайно странный, похожій нѣсколько на усиленное жужжаніе всевозможныхъ насѣкомыхъ; такъ, вѣроятно, по этой причинѣ игра Наташи не произвела ожидаемаго впечатлѣнія на Барона. Впрочемъ, когда Наташа кончила піесу, то Баронъ

сказалъ: очень хорошо! прекрасно! А Вася примолвилъ, что негодится ставить фортепьяно близь оконъ, — сырѣютъ, разстроиваются и теряютъ звукъ.

Гостямъ подали кофе, непремѣнное угощеніе всѣхъ петербургскихъ чиновницъ. Вася, однакожъ, отказался отъ кофе, а шепнулъ что-то хозяйкѣ и вышелъ въ другую комнату.

Баронъ и Наташа вступили въ робкій разговоръ. Это даже странно! Они говорили оба чрезвычайно застѣнчиво, а глядѣли другъ на друга, какъ-будто давно уже знакомые люди. Потому, вѣрно, что говорятъ они между собою въ первый разъ, а видѣлись — много, много разъ видѣлись! Послѣ первой выпитой чашки кофе, Матрена Аѳонасьевна предложила Барону и другую; но онъ отъ другой отказался. Въ это время вышелъ изъ другой комнаты Вася съ чрезвычайно серьезнымъ лицомъ. Гости взялись за шляпы и, откланявшись, пошли надѣвать калоши и шинели.

Выходя съ довольно нечистаго двора, Баронъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ Наташу... Онъ посмотрѣлъ на нее какъ-то особенно и, сгибаясь, пролѣзъ сквозь калитку на Третью улицу.

Дорогой пріятели толковали, разумѣется, о красоткѣ Наташѣ.

— Она, кажется, премиленькое, предоброе созданіе! сказалъ Баронъ.

— Славная штучка! замѣтилъ Вася.

— Только мнѣ кажется, что мать ея должна быть...

— О, да; она женщина простая, знаешь добрая.

— И глупая...

— Да, пожалуй!

— Жаль Наташу, что она въ такомъ низкомъ слоѣ... впрочемъ, что жъ тутъ! Знавалъ я и знатныхъ барышень... да что въ нихъ знатности!

IV.

Часто бывалъ Баронъ въ низенькомъ деревянномъ домикѣ, — и бывалъ всегда съ Васей. Матрена Аѳонасьевна принимала и угощала ихъ какъ только могла. Часто, идя отъ службы, Вася только мигнетъ Барону, и, не говоря ни слова, пріятели отправляются въ Третью улицу. А тамъ ихъ ждетъ Матрена Афонасьевна съ горячимъ густымъ кофе, — а Наташа съ своими чорными глазенками и тихимъ дѣвическп-стыдливымъ разговоромъ.

Причиною этого радушія были, разумѣется, отдаленные виды матушки на женишка, какой вѣрно и во снѣ ей не снился. А виды эти зародились въ головѣ Матрены Аѳонасьевны отъ тонкихъ, не совсѣмъ ясныхъ, намековъ Васи. — Вася, нужно правду сказать, былъ чрезвычайно ловкій человѣкъ въ общежитіи; онъ умѣлъ примѣниться ко всякому, — не изъ какихъ-нибудь выгодъ дѣлалъ онъ это, нѣтъ, просто, изъ желанія быть вездѣ пріятнымъ.

Да, что-же мы не сказали ничего о Наташѣ? Да что-жъ вамъ сказать объ ней? — Дѣвушка, такъ-себѣ, какъ и многія дѣвушки. — Воспитывалась она въ пансіонѣ у *Мадамы*; шалила тамъ, какъ шалятъ всѣ дѣвочки, которыя всякій день выходятъ изъ родительскаго дома, съ ридикюльчикомъ или сумочкой, напичканной книжками; и идутъ въ сопровожденіи кухарки, къ мадамѣ, наставляющей юношество обоего, или исключительно только женскаго пола — всему полезному и необходимому.

Кончивъ ученіе въ пансіонѣ, Наташа порадовала почтенныхъ родителей своимъ щебетаньемъ на французскомъ діалектѣ, котораго почтенные родители не понимали вовсе, — порадовала она еще оныхъ же родителей расцвѣтающею красотою своею, блаженствомъ, уготованнымъ для будущаго обладателя Наташи, — человѣка, должно полагать, солиднаго, во фракѣ съ гербовыми пуговицами. — Счастливецъ, право, этотъ человѣкъ! — Если только можно не быть счастливцемъ, обладая красоткой Наташей со всѣми ея прелестями и даже съ деревяннымъ домишкомъ на Третьей улицѣ!.. Истинно завидная доля!

И вдругъ, теперь, случайно, неожиданно, фигура этого солиднаго человѣка, во фракѣ съ гербовыми пуговицами, исчезла въ воображеніи родителей Наташи; — фигура эта замѣнилась стройнымъ, миловиднымъ юношей, богатымъ, имѣющимъ благородную службу и, вдобавокъ, — Барономъ!.. Это рѣшительно озадачило Матрену Афонасьевну, а Якова Ильича заставило удвоить порцію травника и безпрестанно улыбаться.

Яковъ Ильичъ былъ почти не замѣченъ Барономъ, не смотря на пріятно-льстивую рекомендацію Васи. Разъ какъ-то Баронъ сидѣлъ до поздняго вечера и былъ удержанъ, чтобы закусить, чѣмъ Богъ послалъ; — тутъ-то, послѣ этой закуски, Яковъ Ильичъ что-то очень расхрабрился и, не говоря ни слова, съ улыбкою похлопалъ Барона по плечу. Баронъ оглянулся на Якова Ильича и замѣтилъ, изъ всей его фигуры, только одинъ глазъ кривой, но сверкавшій необыкновенно страшно.

Правду сказать, Барону не было никакой надобности ни до Якова Ильича, ни до Матрены Аѳонасьевны, ни до ихъ домишка, — ему во всемъ видѣлась одна Наташа... Она была магнитомъ, затащившимъ Барона въ низенькія, неопрятныя комнатки, въ общество людей, которыхъ бы онъ вовсе не хотѣлъ знать.

Отношенія Барона къ Наташѣ становились все ближе и ближе — и это сближеніе шло удивительно быстро. Вася велъ себя очень странно; онъ, то льстивыми поощреніями поджигалъ Барона, то говорилъ ему холодныя, рѣзкія истины — что также поджигало упорный характеръ Барона.

Въ февралѣ, Баронъ получилъ письмо отъ дяди, который требовалъ его къ себѣ, потому что, послѣ долгой, отчаянной болѣзни находился теперь при смерти. Дядя, совершенно-одинокій человѣкъ, — человѣкъ богатый... Непремѣнно надо ѣхать.

— Знаете, Вася, мнѣ надо ѣхать.

— Куда? — На долго?

Къ дядѣ; онъ умпраетъ. — Я думаю, что пробуду тамъ мѣсяца два.

— А, къ тому, къ богатому... Знаю; ну, что жъ, съ Богомъ!

— Да, на этихъ дняхъ уже я долженъ выѣхать отсюда. Надо взять отпускъ.

— Да; и надо проститься съ Наташей...

— Будемъ у нихъ завтра вечеромъ?

— Ладно; ты заѣзжай за мной.

— Хорошо.

— Ну, привози, братъ, побольше денегъ!

— Я его единственный наслѣдникъ.

Вася лукаво улыбнулся.

— Забудешь ты свою Наташу...

— Посмотримъ. — Знаешь-ли, Вася, я даже привыкъ къ ней; если день не увижу ее, мнѣ уже скучно!..

— Что же твои прежніе планы? Или ты уже иначе думаешь?

— Попируемъ у меня на свадьбѣ, Вася! Устрою все чудесно; — шампанскаго цѣлое озеро!

— Жаль только, что ты уже не будешь намъ товарищемъ!..

— Какъ такъ?!

— Женатый человѣкъ!

— Конечно... но вы будете всегда моимъ другомъ, Вася... Вамъ я буду обязанъ моимъ счастіемъ.

Думалъ-ли Баронъ, какія глупости говорилъ онъ въ эту минуту!

Вечеромъ, едва стало смеркаться, извощикъ, на сивой кобылкѣ, въ дырявыхъ санкахъ, тащилъ двухъ господъ по Третьей улицѣ. — У низенькаго домика остановились санки; извощикъ получилъ двугривенный, а господа пошли въ калитку.

— А, кумушка! — мое почтеніе!

— Дорогой куманекъ! — что это вы сегодня утромъ не зашли къ намъ?

— Извините, кумушка, — право, никакъ не могъ. А вотъ, Баронъ оставляетъ насъ.

— Какъ-съ, почему это?

— Долженъ ѣхать къ больному старику-дядѣ.

Вася что-то шепнулъ на ухо Матренѣ Аѳонасьевнѣ и значительно кашлянулъ.

— На долго вы изволите ѣхать?

— Мѣсяца на два.

— Скажите! — произнесла тонкая дама.

Наташа вошла въ комнату. — Мать объяснила ей, съ приличнымъ сожалѣніемъ, что Баронъ ѣдетъ.

— Впрочемъ, — прибавила она, — дай, Богъ, въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать, — Баронъ воротится къ намъ веселый, счастливый, и вѣрно будетъ жаловать къ намъ по старому!

— О, помилуйте! — конечно! сказалъ Баронъ.

Вася отозвалъ Матрену Аѳонасьевну въ другую комнату; Баронъ съ Наташей остались въ пріятномъ tête-à-tête.

Вася заговорилъ кумушку и задержалъ ее добрыхъ два часа въ той комнатѣ.

Баронъ и Наташа сперва долго молчали.

— Вы уѣзжаете? — робко сказала дѣвушка.

— Да; — долженъ ѣхать!.. Скучно разставаться съ людьми, которыхъ любишь!..

Наташа подошла къ фортепіано и начала небрежно перебирать пальчиками по клавишамъ.

— Воротитесь скорѣе... промолвила она съ легкимъ вздохомъ. — Пишите къ намъ...

— О, непремѣнно! А какъ пріятно мнѣ будетъ возвращаться! — и опять къ вамъ! — въ эти комнаты! — Баронъ посмотрѣлъ на потолокъ и на стѣны и едва не разсмѣялся: ибо прямо противъ него висѣлъ портретъ какого-то генерала, взирающаго такъ угрюмо и такъ важно, что Баронъ едва могъ удержаться отъ смѣха.

— Прощайте, прощайте, Наталья Яковлевна! ворочусь къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вашему семейству.

Наташа вздохнула.

— А помните, какъ я ходилъ мимо вашихъ оконъ... помните, какъ разъ я васъ увидалъ въ... Баронъ и Наташа разсмѣялись. — А теперь — я могу говорить съ вами... Скажите мнѣ, — теперь случай разводитъ насъ на нѣкоторое время, пользуясь этимъ, мы можемъ разойтись на всегда... скажите мнѣ, что у васъ на сердцѣ?.. Баронъ говорилъ это очень серьозно.

— Много... очень много... прошептала Наташа.

Баронъ пожалъ ея ручку, — поцѣловалъ эту ручку; — наклонился къ щекѣ... Послышался тихій звукъ поцѣлуя... щека Наташи ужасно разгорѣлась.

Въ эту минуту въ другой комнатѣ раздался стукъ; — Баронъ выпустилъ изъ своихъ рукъ горячую руку Наташи. — Но это была напрасная тревога; это Вася отворялъ *зачѣмъ-то* шкафъ съ посудой...

Послѣ этого напраснаго испуга, молодые люди, молча, стояли поодаль другъ отъ друга; они задумались. — А въ тишинѣ, какъ будто слышно было, какъ стучатъ взволнованныя сердца ихъ.

Поздно простились гости съ Матреной Аѳонасьевной.

— Дай, Богъ, увидѣть васъ все-такимъ же! Вамъ ничего больше не нужно... вы и такъ хороши... Богъ все устроиваетъ къ лучшему!

— Что, — развѣ они куда нибудь отъѣзжаютъ? — спросилъ случившійся тутъ Яковъ Ильичъ.

— Да. А ты глухой былъ, что-ли! — сказала жена его.

— А куда-же изволятъ?

— Вотъ присталъ! — Послѣ узнаешь, прибавила она съ негодованіемъ.

— Прощайте, прощайте! — Дай, Богъ, въ часъ добрый! — Агашка, посвѣти имъ, дура!

— Прощайте! — вскрикнула Наташа.

V.

Богъ знаетъ, что дѣлалъ Баронъ въ деревнѣ дяди; неизвѣстно, что дѣлалось съ Наташей... только навѣрное можно сказать о занятіяхъ Якова Ильича, Матрены Аѳонасьевны и Васи: ихъ дѣятельность всегда постоянно одинакова.

Наташа все ждала писемъ отъ Барона. Прошелъ мѣсяцъ, нѣтъ письма; прошло два мѣсяца, все нѣтъ письма... Наташа, потихоньку отъ матери, написала письмо къ Барону, письмо, исполненное страстныхъ выраженій и глупыхъ грамматическихъ ошибокъ. — Что жъ дѣлать? видно любовь и красота не уживаются въ ладахъ съ грамматикой! — Услужливый Вася взялся переслать это письмо къ Барону. — Нѣтъ отвѣта!

Но вотъ, явился самъ Баронъ съ флеромъ на лѣвомъ обшлагѣ. Первое, что онъ сдѣлалъ — послалъ за Васей.

Объятія, упреки, вопросы, отвѣты, восклицанія — сыпались градомъ. Баронъ послалъ за бутылкой клико. Пріятели усѣлись на диванѣ, передъ ними столикъ, на столикѣ черная смоленая бутылка и свѣтлые, искрящіеся виномъ, стаканы.

— Ну, что Наташа?

— Бѣдная!.. сказалъ съ чувствомъ Вася.

— Что съ ней?!..

— Ничего; все тоскуетъ... А ты хорошъ! Хоть бы строчку написалъ!.. Получилъ ты мое письмо и ее вмѣстѣ?

— Получилъ; — да знаешь, хлопоты такія, — когда тутъ станешь писать!

— Завтра къ нимъ. — Они на будущей недѣлѣ переѣзжаютъ на дачу, на Петровскій.

На другой день Баронъ былъ уже у Метлихиныхъ. Его встрѣтили — глупая радость, приторные упреки, горячій кофе — все въ двойномъ количествѣ противъ обыкновеннаго.

Но все это вознаграждалось томно-черными, заплаканными глазами Наташи. Переговорить съ ней, утѣшить ее, увѣрить... Баронъ не могъ, потому что ни минуты не оставался съ нею наединѣ.

Любилъ-ли ее Баронъ? — Кто разгадаетъ темное сердце человѣка! — И любилъ, и нѣтъ; при ней онъ любилъ молча заглядываться и глядѣть на эти быстрые глазки, на эти матовыя плечи... Безъ нея, онъ едва-ли пытался отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ!..

Начало этого знакомства, первыя побужденія Барона были таковы, что онъ самъ ихъ стыдился... они исчезли, — но не были замѣнены ничѣмъ новымъ, болѣе духовнымъ, болѣе чистымъ... Онъ бы безъ горькаго сожалѣнія прекратилъ эту связь, но его тянуло инстинктивно куда-то дальше, къ чему-то, чего онъ и самъ не зналъ...

Теперь Баронъ богатъ; а это важная статья; это толчокъ такой, который, вѣрно, опрокинетъ не только направленіе молодаго человѣка, но даже его характеръ, его цѣли, его завѣтныя вѣрованія... Къ лучшему, или къ худшему, — кто знаетъ! — Баронъ сѣлъ въ коляску съ Васей и поѣхалъ на Петровскій островъ.

Дача, нанимаемая Метлихиными, была, просто, избушка, окруженная жалкимъ цвѣтникомъ и осѣненная длинными, длинными, косматыми вѣтвями сосенъ и елей.

— Славное мѣстоположеніе! — замѣтилъ Вася, когда они подъѣхали къ самой дачѣ.

По мнѣнію Барона, на этой дачѣ было одно только удобство: въ ветхомъ домишкѣ очень легко простудиться въ одинъ ненастный день нашего петербургскаго лѣта; а удовольствіе, правда, большое, можно было найти въ прогулкѣ ко взморью; видъ чудесный, уединеніе, глушь... очень хорошо! — Этихъ мнѣній, однако же, не выговорилъ нашъ Баронъ.

Часу въ 9-мъ вечера Баронъ предложилъ пойдти гулять на взморье; но Вася, разсказывавшій какую-то любопытную исторію изъ временъ минувшихъ, удержалъ Матрену Аѳонасьевну дома.

— Да впрочемъ, мы вамъ не мѣшаемъ, ступайте себѣ, вотъ, съ Наташенькой. — А ты, Наташа, накинь мантилью; вѣтеръ отъ воды сырой, холодный; не простудись. Яковъ Ильичъ, и ты ступай съ ними; ты, чай, соскучился сидѣть дома; поди, это тебѣ здорово.

Такъ распорядилась Матрена Аѳонасьевна; и, кому слѣдовало, тѣ отправились гулять.

Чрезвычайно оригиналенъ видъ съ береговъ Петровскаго острова на открытый Финскій заливъ, на далеко-бѣгущіе подъ всѣми парусами корабли и дымящіеся пароходы, на тони, мелькающія черными точками по синей глади воды. Ближе, видна церковь Смоленскаго кладбища, потонувшая въ густой зелени.

Баронъ невольно погрузился въ созерцаніе природы; — и эта природа, сѣверная, не дышащая нѣгой, не вѣющая теплотой, эта природа заговорила душѣ его, и встрепенулась молодая душа..

Баронъ шелъ молча; Наташа тоже молчала, а отецъ ея шелъ, какъ обыкновенно онъ ходитъ въ должность; иначе онъ, кажется, и не умѣлъ ходить.

Грустно Баронъ глядѣлъ на дѣвушку... ему становилось еще грустнѣе, когда онъ видѣлъ бредущаго близь нея отца ея... Такое хорошенькое созданіе, думалъ онъ, можетъ ли назваться дочерью этого изношеннаго, безсмысленнаго двуногаго?.. этой злой, глупой бабы?.. Эта дѣвушка, жертва — она будетъ вторымъ экземпляромъ своей маменьки... а теперь она еще чистая голубка... простая, дѣвственная душа!.. Спасти ее — благородно... да, она хорошенькая! — А жену я хотѣлъ бы имѣть хорошенькую, умненькую... Жениться?.. А вѣдь это все будетъ родня!.. отецъ и мать... Ахъ, зачѣмъ ты не сиротка, Наташа!?.. Вдругъ въ близкихъ кустахъ послышался чей-то рѣзкій смѣхъ... Баронъ смутился... Не отвѣтъ-ли это на его думы?..

Эти мысли всегда приходили тревожить душу Барона, когда онъ гулялъ съ Наташей на взморьѣ.

А они часто гуляли, иногда въ сопровожденіи отца и матери, а иногда совершенно одни, или съ отцомъ, — но это было почти все равно, ибо Яковъ Ильичъ часто забывался, любуясь на природу своимъ кривымъ глазомъ, и уходилъ, неизвѣстно куда, оставляя молодыхъ людей на единѣ.

Баронъ сначала жадно упивался этими долгими минутами уединенія... Наташа высказывала ему свою душу, свою любовь, свое горькое положеніе въ семействѣ...

Баронъ ей высказывалъ свои думы и заключалъ ихъ словами. Ахъ, зачѣмъ ты не сиротка, Наташа! Наташа горько рыдала... и упадала въ изнеможеніи на грудь любимую, молодую, благородную... а въ слухѣ Барона отдавался слышанный когда-то вдалекѣ чей-то рѣзкій свистъ... и страшно становилось Барону, и онъ искалъ самозабвенія въ ласкахъ Наташи...

Подобныя прогулки были очень часты, почти ежедневны, въ теченіе всего мая и первой половины іюня.

Баронъ жилъ въ какомъ-то забвеніи всего, что ни есть на свѣтѣ, въ чаду, обаянія... ни разумъ, ни воля — ничто не смѣло подать голоса, несмѣло пошевелиться.

Однажды разъ, вечеръ былъ истинно-чудесный, свѣтлый, тихій, хотя немного холодный. — Матрена Аѳонасьевна, Яковъ Ильичъ, Наташа, Баронъ, Вася, — всѣ пошли гулять, только не на взморье, а по большой аллеѣ. — Матрена Аѳонасьевна, боясь простудиться, надѣла какой-то черный салопъ, а Наташа мантилью; Яковъ Ильичъ въ сюртукѣ широкомъ и длинномъ; въ воротникѣ этого сюртука пряталась вся голова почтеннаго человѣка и болталась какъ въ коробкѣ. Все это нисколько не мѣшало удовольствію гуляющихъ; они шли тѣсной группой. Вася разсказывалъ о историческихъ достопримѣчательностяхъ Петровскаго острова. Вдали по дорогѣ поднялася пыль, загремѣли по шоссе колеса, ближе, ближе, и показалась линейка, запряженная четвернею прекрасныхъ лошадей. Въ линейкѣ, будто разноцвѣтная гирлянда, сидѣло нѣсколько дамъ, съ ними какой-то старичекъ генералъ и два франта въ легкихъ пальто. Линейка поровнялась съ нашими знакомцами, Баронъ взглянулъ... онъ бы желалъ провалиться сквозь землю: это были его знакомые, и тутъ же одна... словомъ, его прежняя, покинутая любовь... Баронъ былъ узнанъ и не могъ не поклониться; лицо его было красно, на лбу выступали капли... онъ видѣлъ, что глядѣли пристально на него и на его спутниковъ, видѣлъ, что ему поклонились съ улыбкою; но, Богъ знаетъ, что это была за улыбка!.. Не насмѣшка-ли? Баронъ оглянулся на своихъ весьма некрасиво одѣтыхъ спутниковъ; — во взглядѣ его выразилось что-то злое... Между тѣмъ они мучили его вопросами, кто проѣхалъ? — Онъ отвѣтилъ не опредѣлительно; такъ, ни то, ни се.

VI.

Прошло лѣто, прошла осень и, безъ всякаго сомнѣнія, наступила зима. Баронъ на все лѣто былъ оторванъ отъ Петербурга службой; слѣдственно, не мудрено, что онъ не былъ у Метлихиныхъ, — онъ ни у кого не былъ. Такъ; но зачѣмъ же онъ уѣхалъ, не простясь съ ними, съ Наташей... и, кажется, — да, именно такъ! — послѣ того вечера, какъ, гуляя съ ними, онъ встрѣтилъ своихъ знакомыхъ въ линейкѣ, — онъ уже ни разу глазъ не показывалъ на Петровскій островъ? Странно! — Вася тоже пропалъ.

А они все ждали его; а Наташа всякій день по нѣскольку разъ выходила на аллею и глядѣла вдаль, не ѣдетъ-ли кто... Но никто не ѣдетъ; никто и не пріѣдетъ! Пока Метлихины были на дачѣ, то думали и удивлялись только одному, — почему исчезъ Баронъ? А когда они переѣхали въ городъ, опять въ свой хилый домикъ на Третьей улицѣ, тутъ послѣдовало другое, какое-то важное, непріятное разстройство въ семействѣ. Матрена Аѳонасьевна стала совершеннымъ тигромъ, или дьяволомъ, что почти все ровно. Наташа бранилась съ маменькой съ утра до вечера, и упрекала въ чемъ-то ее, и часто, среди рыданій, вскрикивала: «Господи, чѣмъ я согрѣшила? За что ты наказываешь меня? Виновата-ли я, что у меня такіе... она не могла договорить. А мать обвиняла Наташу, и говорила: можно-ли быть такой дурой!.. А Яковъ Ильичъ, пользуясь этимъ безпорядкомъ, позволилъ и себѣ тоже нѣкоторый безпорядокъ: онъ не ходилъ въ должность, ибо посылать его было некому, — и значительно умножилъ порцію травника, чтобы крѣпче уснуть и не слыхать крика и гама... словомъ, весь дрянной домишко повернулся вверхъ дномъ!

Былъ уже поздній вечеръ; Баронъ не приказалъ зажигать свѣчей и сидѣлъ одинъ въ темной комнатѣ. Кто-то позвонилъ; лакей доложилъ о приходѣ Васи.

— Подать огня! закричалъ Баронъ.

— Вотъ, какъ ты нынче, Баронъ! Безъ доклада не принимаютъ! Чортъ возьми! Эй, подай трубку!

Не хотите-ли сигару? У меня нынче нѣтъ трубокъ.

— И трубокъ нѣтъ! Вотъ-те-на! Ну, что подѣлываешь, Баронъ?

— Ничего. Откуда вы? спросилъ Баронъ, вѣроятно, примѣтивъ, что Вася былъ не совсѣмъ въ порядкѣ.

— А какъ ты думаешь? — спросилъ Вася, подбоченясь сталъ прямо противъ Барона и смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Какъ я думаю? — Я не знаю, да и знать не могу, гдѣ вы были!

— А я былъ въ Третьей улицѣ; — вотъ что!

— Ага!

— Свинья ты, Баронъ, — право, свинья!

— Что съ вами, Васинька? — Ради Бога, потише! — что вы...

— Ахъ, если бы ты зналъ, что тамъ дѣлается! — Какой раздоръ оставилъ ты послѣ себя въ этомъ несчастномъ семействѣ!..

Баронъ молчалъ.

— Мать и дочь въ слезахъ... даже жалко смотрѣть!

— Ну, что жъ дальше? — грызя ногти, проворчалъ Баронъ, выведенный изъ терпѣнія.

— А старикъ непремѣнно умретъ... онъ опять вспомнилъ старое... сопьется бѣдняга съ горя! — Все спитъ, а отъ сна да къ рюмочкѣ... Жалко даже смотрѣть!

— Это видно, что васъ тамъ очень разжалобили! — насмѣшливо сказалъ Баронъ.

— Что жъ, ты меня обидѣть хочешь? Нѣтъ, стара штука, братъ! — Коли ты такъ, — такъ я...

— Да, я такъ! — Что же вы?

— Прощай, — мы больше никогда не увидимся!

— Прощайте.

Баронъ опять погасилъ свѣчи и остался одинъ въ темной комнатѣ.

Прошло много времени; много унесло это время... скучно это повторять! Что же время сдѣлало съ нашими знакомцами? — Какъ же разрѣшилась эта сбиравшаяся буря? — Не кроваво ли разъигрались страсти? Нѣтъ. А было вотъ какъ: — время все успокоило, — все примирило. — Наташа вышла замужъ за солиднаго человѣка во фракѣ съ гербовыми пуговицами, — и счастлива, или нѣтъ, — Богъ ее знаетъ! — Вася пировалъ у нея на свадьбѣ; и теперь уже ее зоветъ кумушкой. Говорятъ, что она стала страхъ похожа на свою маменьку. — Яковъ Ильичъ долженъ былъ оставить свою похвальную привычку къ жизни: онъ померъ; а Матрена Аѳонасьевна живетъ съ зятемъ и дочерью съ своемъ домишкѣ въ Третьей улицѣ, и вѣроятно, присматривая за хозяйствомъ, не мало способствуетъ къ умноженію блаженства милаго зятюшки. А Баронъ? — Барону всѣхъ тяжелѣе стоила развязка этой драмы.... Другія лица побѣсились, пошумѣли, — да тѣмъ и покончили; а Баронъ — молчалъ, никого не принималъ, никуда не выѣзжалъ. Долгое время сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ, или съ скучнымъ гостемъ, если вы его помните. Неизвѣстно о чемъ они толковали.... Впрочемъ, теперь вѣдь это уже давно — давно — прошедшее! Баронъ, избѣгая разныхъ непріятныхъ преслѣдованій, и ища разсѣянія, поѣхалъ на Кавказъ. — Счастье польстило ему по службѣ; онъ быстро пошелъ впередъ. Потомъ женился на дочери одного почтеннаго генерала; иной хвалитъ Барона, иной бранитъ, утверждая, что Баронъ несносный брюзга; а всѣ говорятъ что онъ терпѣть не можетъ плебейства.

А. Пальмъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Словарь Достопамятныхъ людей земли Русской. — Д. П. Татищевъ. — Музыкальное путешествіе Каминскаго. — Лекціи Гг. Вавилова и Шюца. — Книга Грума. — Вагонъ-Ресторація. — Географія и Латынь.

Десять лѣтъ тому назадъ, получивъ, изданный въ Москвѣ покойнымъ Ширяевымъ и составленный Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Словарь достопамятныхъ людей земли Русской, мы удивились, что такихъ людей на землѣ Русской было не болѣе шести-сотъ, и успокоились тогда только, когда замѣтили, что въ Словарѣ пропущены: Суворовъ, фонъ-Визинъ и т. д.; мы догадались, что эти пять томовъ Словаря составляютъ только начальный опытъ огромнаго и полезнаго труда; что историческая важность и тщательная, совѣстливая обработка біографій не позволяютъ блеснуть лживою полнотою; что авторъ предоставилъ времени исподоволь дополнить эту сокровищницу Русской Исторіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ не желалъ лишать занимающихся Исторіей тѣхъ матеріаловъ, которые были уже собраны и обработаны. Этотъ Словарь для всѣхъ любителей отечественной Исторіи дѣйствительно служилъ ручною, настольною книгою и не рѣдко доставлялъ такія справки, какихъ невозможно было отыскать нигдѣ. Догадка наша оправдалась черезъ десять лѣтъ. Словарь достопамятныхъ людей земли Русской изготовленъ ко второму изданію, но съ такими дополненіями, исправленіями и помѣщеніемъ новыхъ біографій, что его можно назвать рѣшительно трудомъ новымъ, огромнымъ и въ высшей степени полезнымъ. До ста пятидесяти біографій написаны вновь или же переведены сюда въ исправленномъ и дополненномъ видѣ изъ другихъ сочиненій Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Исчислять всѣ считаемъ излишнимъ; но укажемъ на важнѣйшія, какъ напримѣръ, на любопытнѣйшія біографіи: Графа Н. А. Безбородко, К. Я Булгакова, А. И. Глѣбова, Князя А. Н. Голицына, И. И. Голикова, И. И. Дмитріева, Митрополита Евгенія, И. И. Елагина, Графа Н. М. Каменскаго, В. В. Капниста, А. В. Кикина, Е. И Кострова, И. А. Крылова, Князей Куракиныхъ, Графа Ланжерона, Кн. П. В. Лопухина, И. И. Михельсона, Нарышкиныхъ, Н И. Неплюева, Графа Н. Н. Новосильцова, М. С. Перекусихиной, А. С. Пушкина, Кн. Н. Г. Репнина, А. М. Римскаго Корсакова, Графа О. В. Растопчина, Д. Н. Сенявина, Барона О. А. Соловьева., Татищевыхъ, Д. И. Ф. Визина, И. И. Хемницера, Кн. М. М. Щербатова, Ѳеофана Прокоповича и др. — Мы исчислили малую часть новыхъ біографій и это исчисленіе уже обнаруживаетъ, какой подарокъ приготовилъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій любознательной части нашей публики. Въ спискѣ Татищевыхъ мы нашли Алексѣя Даниловича, генералъ-полицмейстера, Аѳонасія Даниловича, генералъ-маіора, Василія Никитича, Историка, Игнатія Петровича, казначея и окольничаго Михаилу Игнатьевича; но Дмитрія Павловича Татищева, недавно скончавшагося въ Вѣнѣ, мы и не могли найти, по весьма явственной причинѣ.

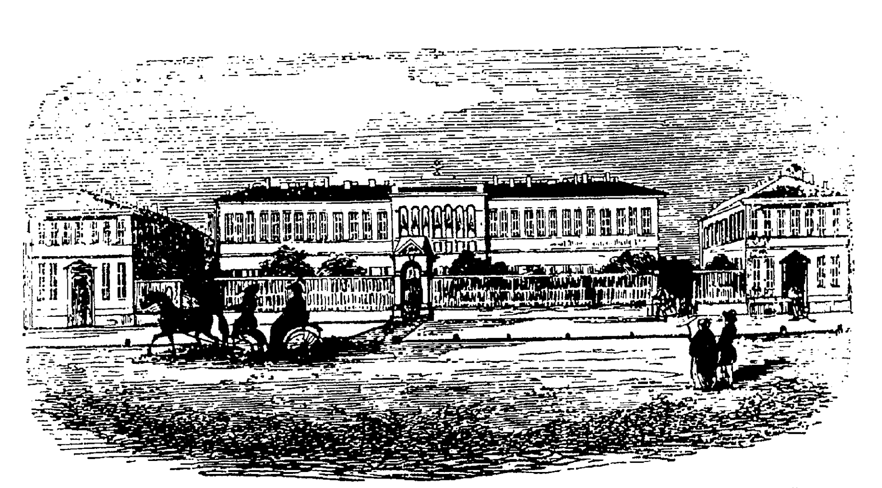
Д. П. Татищевъ.

— Собранныхъ нами свѣдѣній не можемъ назвать удовлетворительными, но, по-крайней-мѣрѣ, можемъ ручаться за ихъ историческую точность. Д. П. Татищевъ родился въ 1769-мъ году. Имѣя 13 лѣтъ отъ роду, онъ вступилъ на службу въ Преображенскій полкъ сержантомъ, гдѣ и прослужилъ около пяти лѣтъ; но въ 1787 году переведенъ въ Конный полкъ. Тутъ успѣхи по службѣ пошли быстрѣе; первые чины Д. П. Татищевъ прошелъ скоро, утверждая ихъ за собою дѣйствительными подвигами, участвуя въ сраженіяхъ въ качествѣ волонтера соединенной арміи. Въ 1794 году, будучи уже камеръ-юнкеромъ, Д. П. Татищевъ участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Литовской арміи, а на приступѣ Пражскомъ, командуя охотниками впереди 3-й колонны, заслужилъ особенное вниманіе начальства и пожалованъ, 1-го января 1795 года, кавалеромъ ордена св. Георгія 4 степени. Слѣдственно, Димитрій Павловичъ былъ георгіевскимъ кавалеромъ ровно 50 лѣтъ. Поприще военной службы Татищева этимъ и заключилось; онъ перешелъ на другое поле, на которомъ уже служилъ почти до самой смерти. Возвышаясь быстро по дипломатической части, Д. П. Татищевъ, дѣйствительный камергеръ (1796), тайный совѣтникъ и членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1799), Командоръ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, въ 1802 году отправленъ былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполь. По возращеніи пожалованъ кавалеромъ орденъ св. Анны 1-й степени (1803) и св. Владиміра 2-й степени (1803,) и въ 1805 г., снова въ той же должности отправленъ въ Неаполь. Но военныя бури уже проникли и туда; могущество Наполеона достигало зенита; Неаполь занятъ Французами и Татищевъ возвратился въ Россію, въ 1808 году, гдѣ въ званіи Сенатора и оставался до 1815 года. Общій міръ осѣнилъ Европу. Волновались только тѣ государства, въ которыхъ были возстановлены незаконно ниспровергнутые престолы. На одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ тогдашней дипломатикѣ, въ Испанію, чрезвы-

чайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ назначенъ Д. П. Татищевъ. Ордена Золотаго Руна, св. Іаннуарія, св. Александра Невскаго и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1819), свидѣтельствуютъ, сколь много, какъ Императорскій Россійскій дворъ, такъ и Дворы Испанскій и Неаполитанскій, цѣнили заслуги Д. П. Татищева. Въ 1821 г., онъ отправился въ томъ же званіи ко двору Нидерландскому; но въ слѣдующемъ году, на Татищева возложено было особое Высочайшее порученіе въ Вѣну, и вслѣдъ за тѣмъ, въ 1823 году, пожалована ему, въ Подольской губерніи значительная аренда. — Въ Вѣнѣ Д. П. Татищевъ оставался по особымъ порученіямъ до 1826 года, и въ это время получилъ орденъ св. Стефана большаго креста и алмазные знаки св. Александра Невскаго. Въ 1826 году, 22 августа, опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Вѣну; въ этой должности Д. П. Татищевъ оставался до 1841 года; въ это время пожалованъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра I степени, Бѣлаго Орла, св. Андрея Первозваннаго, и алмазными на сей орденъ знаками, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-камергеромъ Двора Его Императорскаго Величества. — Замѣтимъ еще, что онъ имѣлъ и Сардинскій орденъ Анонсіады. Д. П. Татищевъ любилъ художества. — Въ Петербургскомъ домѣ своемъ онъ собралъ драгоцѣнные мраморы, картины, камни и другіе художественные предметы. Исторія отдастъ подробный отчетъ о заслугахъ нашего дипломата, столько лѣтъ управлявшаго посольскими дѣлами въ Вѣнѣ. Мы представили только краткій очеркъ этого блистательнаго пути, по которому, не останавливаясь, Д. П. Татищевъ шелъ ровно шестьдесятъ лѣтъ. Послѣдніе годы онъ проживалъ въ Вѣнѣ и скончался, тамъ же, 16—28 прошедшаго сентября, на 76-мъ году отъ рожденія.

— Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ! — повторили мы вмѣстѣ съ авторомъ брошюры: «Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петербургѣ, съ Николаевскою и Александринскою школами», прочитавъ его разсказъ, одушевленный, согрѣтый чувствомъ истиннаго патріотисма. Намъ грустно, тяжело писать о подобныхъ подвигахъ человѣколюбія и благотворительности, потому что мы не можемъ, не должны давать сердцу воли и обязаны разсказывать спокойно то, что умиляетъ душу живѣйшею признательностію и окрыляетъ ее молитвою. Да воздастъ Всевидящій сторицею гражданамъ благотворителямъ! Самый объемъ нашего изданія требуетъ краткости и мы въ немногихъ словахъ передадимъ вамъ исторію прекраснаго подвига здѣшняго купеческаго сословія. Общее бѣдствіе всегда располагаетъ къ благотворительности. Въ 1830 году, холера шла быстро по Россіи и приближалась къ сѣверной столицѣ. С. Петербургское купечество поспѣшило принять мѣры къ поданію помощи больнымъ, и между прочимъ, въ засѣданіи 18 ноября 1830 г., бывшій тогда градской глава предложилъ построить каменный домъ для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ на 200 человѣкъ, а капиталъ образовать изъ единовременнаго пожертвованія по одному проценту съ объявленныхъ по каждой гильдіи капиталовъ. 21 іюня 1831 г. приступлено уже къ возведенію зданія, по проэкту А. О. Щедрина, во 2 кварталѣ Каретной части, близь бывшей Волковской заставы. Купецъ Поспѣевъ и наши православные ямщики безплатно уступили для постройки мѣсто. Съ 1-го октября 1833 года, заведеніе было открыто, и въ декабрѣ вмѣщало уже 98 жильцовъ. Въ 1835 году, комплектъ былъ уже полонъ: купеческое сословіе распространило число призрѣваемымъ до 430 человѣкъ, ограждая ихъ содержаніе новыми пожертвованіями. Въ 1835 году, по предложенію градскаго главы, постановлено учредить школу на 50 круглыхъ сиротъ мужескаго пола. Принесены новыя пожертвованія; построенъ лѣвый обширный флигель. Въ 1843 году, Государю Цесаревичу родился сынъ, Великій Князь Николай Александровичъ; по этому случаю новая школа увеличена и удостоена наименованія Николаевской. Въ 1842 году, въ день празднованія серебряной сватьбы Государя Императора и Государыни Императрицы, С. Петербургское купечество принесло новыя пожертвованія на устройство женской школы, которая наименована Александринскою и помѣщена въ ново-отстроенномъ, съ правой стороны, флигелѣ. Г. Ал—нъ разсказалъ подробности этихъ благотворительныхъ учрежденій. Разсказъ его былъ отпечатанъ, проданъ въ числѣ 4000 экземпляровъ по фантастическимъ цѣнамъ, такъ что изъ вырученныхъ за него денегъ образовался капиталъ, довольно значительный, названный Александринскимъ, проценты съ коего назначаются на приданое штатнымъ воспитанницамъ школы, при выходѣ ихъ въ замужство. Второе изданіе этого разсказа, дополненное, съ приложеніемъ статей: Вечеръ въ Домѣ призрѣнія и нѣсколько словъ Н. А. Полеваго объ этихъ учрежденіяхъ, отпечатано роскошно, на лучшей бумагѣ, красивымъ шрифтомъ, съ четырьмя литографированными картинками. — Шрифтъ, бумага, картинки—все это, еще одно пожертвованіе М. Д. Ольхина. Но послѣднее ли это пожертвованіе? Хотя, можно сказать, нынѣ довершена цѣлая цѣпь благотворительныхъ учрежденій, хотя, можно сказать, что эти учрежденія получили теперь полноту и гармоническое, окончательное устройство; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что благотворительность С. Петербургскаго купечества не остановится на исполненныхъ уже подвигахъ, и заведенія эти разовьются въ огромныхъ размѣрахъ.—Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.

Рабочая въ Александринской школѣ.



Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петерб., близь бывшей Волковской заставы.

—Notatki z podrozy muzykalnej po niemczech, odbytej w roku 1844 przez Wiktora Kazynskiego... Замѣтки В. Кажинскаго, составленныя во время музыкальнаго путешествія по Германіи въ 1844 году. Такъ слѣдуетъ перевести заглавіе этой книги. Вотъ, если бы мы ловили чужіе промахи, мы бы должны были указать, что авторъ всякой всячины въ Сѣверной Пчелѣ притворяется, будто не знаетъ по-польски и переводитъ заглавіе этой книги: Замѣтки изъ (?) музыкальнаго путешествія. Да эти замѣтки и соста-

вляютъ именно музыкальную часть путешествія Кажинскаго. Конечно, тутъ есть нѣсколько словъ, и о библіотекахъ, и объ архитектурѣ, и о разныхъ предметахъ; но главное—музыка. — Мы уже имѣли случай говорить о воззрѣніяхъ на музыку г. Кажинскаго, именно по поводу помѣщенія этихъ писемъ въ польскихъ и русскихъ газетахъ; скажемъ теперь, что въ отрывочномъ помѣщеніи эти письма не имѣли той занимательности, съ какою мы прочли ихъ въ неразрывной послѣдовательности. Любопытно взглянуть за кулисы германскаго музыкальнаго міра, и любопытно именно потому, что труднѣйшая часть музыки, гармонія, можно сказать, своимъ нынѣшнимъ блистательнымъ состояніемъ обязана Германіи: гордясь своими заслугами, Германцы перешли въ крайность, и часть обратили въ цѣлое, не замѣчая, или не желая замѣтить того, что великіе композиторы ихъ земли стяжали славу только тѣмъ, что умѣли превосходныя мелодіи, исполненныя новости, свѣжести и силы, облечь въ превосходныя гармоніи, и тѣмъ представили образцы возможнаго музыкальнаго совершенства. Конечно, есть и у германскихъ Титановъ враги; есть люди, которымъ не нравится Бетговенъ; но въ этомъ ужъ, конечно, виноватъ не Бетговенъ, а музыкальное невѣжество его антагонистовъ, которые сочиняютъ къ себѣ письма отъ великихъ дѣйствователей на музыкальномъ поприщѣ и тѣмъ хотятъ прикрыть свое незнаніе въ глазахъ такихъ же невѣждъ. Несмотря на ихъ дѣтскія сужденія, Бетговенъ все-таки останется величайшимъ композиторомъ всего міра. Замѣтки Кажинскаго могли бы принести нѣкоторую пользу нашимъ критикамъ, именно въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, не такъ дерзко, не такъ самонадѣянно писали бы о музыкѣ; Г. Кажинскій приступилъ къ большому и весьма важному труду, къ составленію Исторіи Оперы. Не сомнѣваемся въ силахъ г. Кажинскаго, но не видимъ въ Петербургѣ и во всей Россіи источниковъ, изъ коихъ можно бы почерпнуть всѣ нужные для такого труда матеріалы. Не достаточно для того сочиненій, которыя уже изданы: надо рыться въ тетральныхъ архивахъ всей Европы. Впрочемъ, все зависитъ отъ воззрѣнія и, можетъ быть, г. Кажинскій намѣревается въ основаніе своей Исторіи принять только главныя драматико-музыкальныя явленія.

— Въ Петербургѣ зимняя пора — время и удовольствій и ученія. То и дѣло, читаешь программы публичныхъ лекцій. Недавно прочли мы программу Практическаго Курса Коммерческихъ Знаній г. Вавилова. Коммерція давно уже преобразовалась въ науку; но доводитъ ли она каждаго, кто разумѣетъ эту науку, до главной цѣли коммерціи—до денегъ? Въ одномъ нѣтъ сомнѣнія, что подобныя лекціи могутъ принести пользу распространеніемъ между купечествомъ свѣдѣній обо всѣхъ правилахъ, значеніи и особенностяхъ купеческихъ оборотовъ въ Европѣ. — Другая программа, которую мы прочли на прошедшей недѣлѣ — это программа чтеній о Гигіенѣ общественной, или о сохраненіи народнаго здоровья. Здѣсь уже прямая, положительная польза всего народа. Предметы чтеній, тѣ же предметы нашей жизни, съ которыми и которыми мы живемъ ежеминутно, часто отъ одного незнанія, обращая благодѣтельные дары природы въ отраву, часто страдая отъ ядовъ, которые мы могли бы употребить въ пользу при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Мы выслушали первую лекцію г. Шюца съ удовольствіемъ и признательностію. Конечно, это вступленіе, такъ сказать, Исторія Гигіены; но оно обѣщаетъ самыя занимательныя, самыя полезныя чтенія, для которыхъ можно пожертвовать первымъ актомъ италіянской оперы. Жертва необходимая, потому что лекціи читаются по понедѣльникамъ, отъ 7 до 8 съ половиною часовъ, въ домѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Нельзя не замѣтить, однако же, что пекущихся о здоровьѣ своемъ въ Петербургѣ немало. Зала была полна въ первое чтеніе; кажется, гастрономія интереснѣе астрономіи. Гигіена — должна быть основаніемъ гастрономіи; иначе, послѣднюю надо закупорить въ банку, поставить въ аптеку и написать: Скорый ядъ.

— Вотъ еще сочиненіе однородное съ чтеніями г. Шюца. Это книга док. Грума, подъ заглавіемъ: Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей, со дня ихъ рожденія до совершеннолѣтія. Г. Шюцъ заботится о читающей и слушающей публикѣ; г. Грумъ, о ея потомствѣ. Первые два тома этого полезнаго сочиненія вышли уже давно, и всѣ чадолюбивые родители съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія. Третій томъ поступилъ въ продажу, и заключаетъ статьи, относящіяся къ физическому, умственному и нравственному образованію дѣтей. — Такимъ образомъ, можно сказать, родители получили всѣ средства къ правильному воспитанію дѣтей. Не воспользуются, сами будутъ виноваты.

— Теперь обратимъ вниманіе на предметы мелкіе: на странный вагонъ, поставленный въ скверѣ, противу Александринскаго театра, и Сѣверную Пчелу.... Этотъ вагонъ — есть не что иное, какъ подвижная пирожная, или какъ угодно назовите; это съѣстное заведеніе. Вагонъ вмѣщаетъ въ себѣ кухню и гостинную палатку. Теперь она раскинута, колеса вагона сняты; производится угощеніе. Ново, невинно; на недѣлю это займетъ публику. Сѣверная Пчела преслѣдуетъ Иллюстрацію съ такимъ упорнымъ ожесточеніемъ. Конечно, теперь время подписки. И Редакція, благодаря Сѣверную Пчелу за усердное содѣйствіе къ распространенію Иллюстраціи, не можетъ не пожалѣть, что Сѣверная Пчела въ нападеніяхъ на наше изданіе не совѣтуется съ людьми, если уже не учеными, то, покрайней-мѣрѣ образованными, которые бы помогли ея незнанію и выручали въ трудныхъ случаяхъ. Напримѣръ, виноватъ ли авторъ романа: Три Періода, что Сѣверная Пчела не знаетъ о существованіи города Индека, рѣки Реръ и деревни Геллигаузенъ. Въ этомъ мы и не сомнѣвались; но все-таки можно посовѣтоваться съ сочиненіями Бюргера, съ его біографіями, а по-крайней-мѣрѣ, съ подробными словарями географическими, хотя бы Русскимъ. Надежда, что повѣрятъ на слово, непривычка къ труду и желаніе содѣйствовать подпискѣ на Иллюстрацію, увлекаетъ Пчелу за предѣлы истины. Это совершается ежедневно. Право, эта вредная страсть можетъ обратиться въ привычку. Что же касается до Латыни, то замѣчанія, сдѣланныя корректору, очень забавны; но все не такъ забавны, какъ Præfectus castrensis. Въ книгѣ, которая имѣла намѣреніе быть ученою и которая названа громкимъ именемъ Россія, напечатано Præfectus castrensis, а переведено: Начальникъ Евнуховъ, — о Римъ! Начальникъ лагеря — Начальникъ Евнуховъ! о, Латынь! о, просвѣщеніе! о, европейское образованіе!!..

СТРАШЕНЪ СОНЪ, ДА МИЛОСТИВЪ БОГЪ.

Въ 1812 году, во время нашествія Французовъ на православную Русь, имѣніе г-жи Шпейоръ, находящееся въ одной изъ западныхъ губерній, было совершенно раззорено непріятелемъ. Долго скрывалась помѣщица, съ двумя взрослыми дочерьми и вѣрною слугою, въ лѣсу; но когда непріятель отправился въ Москву, а толпа нѣсколько утихла, онѣ возвратились въ полуразрушенный домъ свой, плакали и молились, молились и плакали; но видно, такъ угодно было Богу!

Усердная Февронья ухаживала за ними, какъ за дѣтьми и какъ вѣрный часовой просиживала ночи у изголовья то одной, то другой, то третьей. Только въ полночь младшая барышня, Амалія, зарыдала. Встревоженная старуха присѣла къ ней на кровать и шопотомъ распрашивала о причинахъ ея плача.

— О чемъ ты печалишься, дитятко мое жалобное, говорила она, отирая градомъ катящіяся изъ очей Амаліи слезы; чай, приснилось тебѣ что нибудь страшное?

— Такъ, няня, такъ: я видѣла страшный сонъ. Не говори только маменькѣ, сестрѣ не говори; онѣ теперь спятъ спокойно... Не говори завтра, никогда не говори—слышишь, няня?

— Слышу, мое красное солнышко. Да разскажи-ко мнѣ свое сновидѣніе. Я старый человѣкъ, по своему глупому разуму порастолкую тебѣ; можетъ быть, этотъ сонъ и не къ худу. Знаешь ли, что говорятъ старые люди: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

— Няня, моя няня! Я знаю, что милостивъ Богъ; но я такъ перепугалась, что не могу собраться съ духомъ... Одну минуту... Все разскажу...

Бѣдняжка зарыдала пуще прежняго, и долго старуха не могла ее успокоить.

Наконецъ Амалія нѣсколько успокоилась, обняла Февронью и стала разсказывать сонъ.

— Слушай, няня: мнѣ снилось, будто бы большая стѣна нашего дома выпала на дворъ, а на дворѣ былъ дремучій лѣсъ, въ лѣсу шумъ, крикъ, Французы рѣжутъ нашихъ. И, Боже мой! я тамъ видѣла брата. Онъ вмѣстѣ съ какимъ-то офицеромъ былъ привязанъ къ дереву; грудь его вся изранена; по ней текла кровь... Сердце мое разрывалось... я бросилась къ брату, за мною сестра и маменька, насъ окружили страшныя лица непріятелей и адскимъ хохотомъ заглушили наши вопли... Больше я ничего не помню.

— Да Христосъ съ тобой, барышня! Что жъ тутъ недобраго въ этомъ сновидѣніи? Вишь ли, какъ я разъясню тебѣ, какъ по писаному, и выйдетъ, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Старуха понюхала табаку и разъяснила, какъ по писаному:

— Барышня ты моя, дитятко жалобное... Стѣнушка-то большая, вишь ли ты что, выпала-то на дворъ, баютъ старые люди, больно хорошо! Это значитъ, что твоя сестрица, Марья Ивановна, выйдетъ скоро замужъ; а шумъ-то на дворѣ, да гомонъ всякой, предвѣщаютъ веселую сватьбу. Кровь на груди Ѳедора Ивановича означаетъ его родственную любовь; а что грудь то сердечнаго изранена, то надо надѣяться, что она изукрашена крестами, да отличіями. Вотъ и все тебѣ тутъ. Увидишь, что Ѳедоръ Ивановичъ скоро пріѣдетъ и привезетъ съ собою достойнаго жениха Марьѣ Ивановнѣ, того самого офицера, котораго ты видѣла во снѣ, что онъ привязанъ къ дереву съ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Видно-то они дружки большіе.

Амалія отъ души поблагодарила старуху за утѣшеніе, поправила подушку и уснула.

Поутру, г-жа Шпеіоръ встала раньше обыкновеннаго и разбудила дочерей. Февронья приготовила самоваръ, прислонилась къ лежанкѣ и заснула. Бѣлая кошка лизала лапу, — г-жа Шпеіоръ взяла ее за эту лапку и сказала: Лапка теплая, какъ будто-бы кто родной пріѣдетъ. — Богъ знаетъ, живъ ли Ѳединька.

Едва она выговорила эти слова, какъ въѣхала на дворъ дорожная коляска, и маіоръ Шпеіоръ обнималъ мать и сестеръ и представилъ своего товарища, штабсъ-капитана Штурмова.

Старуха Февронья, протерши глаза, бросилась къ ногамъ господина и со всею наивностію разсказала сонъ Амаліи съ своимъ истолкованіемъ... Марья Ивановна покраснѣла и Штурмовъ сказалъ какую-то наскоро приличную фразу...

Сонъ Амаліи Ивановны сбылся во всей точности по истолкованію Февроньи, и семейство Шпеіоръ, за всѣ претерпѣнныя, во время нашествія Французовъ, бѣдствія, Богъ наградилъ сугубо.

Петръ Кушинъ.

Вятка.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ КАЗАНИ.

Разсказываютъ, что во время пребыванія своего въ Казани, Петръ Великій чрезвычайно былъ озабоченъ недостаткомъ денегъ, которыя тогда были нужны ему по случаю предпринятаго похода въ Персію. Заперишсь въ своемъ дворцѣ и обдумывая планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, и также изъискивая средства къ отвращенію всѣхъ препятствій, а въ особенности, недостатка денегъ, Императоръ не приказалъ никого допускать къ себѣ. Вскорѣ является во дворецъ человѣкъ, одѣтый весьма-бѣдно, въ нагольный тулупъ, и требуетъ свиданія съ Императоромъ. Это былъ Михляевъ. Не смотря на отказъ, что Государя видѣть невозможно, Михляевъ просилъ настоятельно, чтобъ объ немъ доложили Императору, говоря, что этого требуетъ даже польза самого Государя. Послѣ такихъ доводовъ дѣлать было нечего, и Государю доложили. Монархъ, раздраженный такою настойчивостью, съ гнѣвомъ подошелъ къ Михляеву и даже хотѣлъ ударить его... «Государь! сказалъ тогда Михляевъ: — выслушай причину моего къ тебѣ прихода: я здѣшній фабрикантъ Михляевъ, имѣю небольшой шерстяной заводъ; услыхавъ, что ты нуждаешься въ деньгахъ, я рѣшился просить тебя принять мое приношеніе...» Императоръ, узнавъ, что заводъ Михляева находится недалеко отъ дворца, изъявилъ желаніе видѣть его, и тотчасъ туда отправился. На крыльцѣ своего дома Михляевъ съ женою встрѣтилъ Государя и поднесъ ему на двухъ большихъ блюдахъ золотыя и серебряныя деньги и полную чашу жемчуга. «Вотъ, Государь, — говорилъ ему Михляевъ, — моя посильная жертва: она пригодится тебѣ въ настоящей нуждѣ; а когда обстоятельства перемѣнятся и ты разбогатѣешь, то со мною расплатишься». Милостиво принялъ Петръ этотъ подарокъ, благодарилъ Михляева за его усердіе, осмотрѣлъ всю его фабрику и остался весьма доволенъ ея устройствомъ.

Возвратясь изъ похода, Петръ, дѣйствительно, расплатился съ Михляевымъ. Онъ передалъ въ его владѣніе казенную фабрику, которая устроена была въ Казани еще въ 1714 году, подъ именемъ шерстянаго завода, и находилась подъ управленіемъ подполковника Грузинцова. При этомъ случаѣ Петръ написалъ къ Михляеву собственноручный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Господинъ Михляевъ!

«Мы, вѣдая доброе ваше состояніе, отдаемъ вамъ Казанскій шерстяной заводъ съ готовымъ домомъ и со всѣми станами и прочими инструментами; только вы приложите свое стараніе опый размножить для своего интереса, а какое въ томъ заводѣ надобно вамъ вспоможеніе, о томъ пишите прямо къ намъ въ кабинетъ, также въ мануфактуръ-коллегію, а мы не только что тебѣ будемъ помогать, но и въ милости своей не оставимъ. Петръ»,

«Въ Москвѣ, 15-го іюня 1724».

Рескриптъ этотъ написанъ на небольшомъ лоскутѣ бумаги; хранится онъ у нынѣшняго владѣтеля суконной фабрики, г. Осокина.

КАРЛЪ МАРІЯ ВЕБЕРЪ.

Кто не знаетъ Фрейшица? слѣдственно, кто не знаетъ Вебера? Послѣднее сомнительно. Намъ случалось въ послѣдніе годы слышать вопросъ: кто написалъ Фрейшица? А между тѣмъ, Веберъ — одинъ изъ немногихъ представителей всемірной музыки. Онъ принадлежитъ къ малому числу первоклассныхъ композиторовъ, которые превосходныя мелодіи умѣли облекать въ изящныя гармоніи, у которыхъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ, имѣетъ драматическое значеніе, идетъ изъ сердца и прямо къ сердцу. Въ Веберѣ геніальной искренности и простоты почти столько же, какъ и у Моцарта. И онъ, подобно Моцарту, стяжалъ рано громкую славу, но... постоянно оставался въ затруднительномъ положеніи по части денежной. Фрейшицъ быстро обошелъ всю Европу, но много ли выгодъ доставилъ Веберу? Пречіоза, Эвріанта и другія сочиненія также не принесли ему значительной помощи... Парижъ и Лондонъ приглашали Вебера къ себѣ; для Лондона онъ почти окончилъ Оберона; и въ началѣ 1826 года, двадцать безъ малаго лѣтъ тому назадъ, Веберъ, съ другомъ своимъ, флейтистомъ Фюрстенау, отправился въ Англію. Третій актъ и увертюру окончилъ Веберъ уже въ Лондонѣ; Оберонъ данъ съ блистательнымъ успѣхомъ; Веберъ надѣялся, что концертомъ онъ вознаградитъ свои лишенія; зала была почти пуста и Веберъ, больной, усталый, выходя изъ залы, сказалъ своему другу: «Что скажешь объ этой пустотѣ!» Вотъ какъ принятъ Веберъ въ Лондонѣ. — Душою Веберъ не разставался съ обожаемою женою и семействомъ во все время пребыванія его въ Лондонѣ. Незабвенныя письма его оттуда дышатъ поэтическою прелестью, теплымъ чувствомъ, нѣжностью умилительною. Онъ спѣшилъ вырваться изъ Лондона и уже назначилъ день отъѣзда. Но болѣзнь его усилилась и смерть прекратила эту драгоцѣнную жизнь, въ такое время, когда отъ Вебера можно было ожидать по-крайней-мѣрѣ еще столько же образцовыхъ произведеній, сколько онъ уже оставилъ послѣ себя признательному потомству. Едва онъ закрылъ глаза на вѣчный сонъ, Мошелесъ, Жоржъ Смартъ и тенористъ Брагамъ составили комитетъ, чтобы воздвигнуть ему памятникъ. Сначала тѣло Вебера хотѣли поставить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, возлѣ Шекспира и Генделя; но Веберъ былъ католикъ. Въ то же время пришло на мысль комитету, что, можетъ случиться, Германія потребуетъ драгоцѣнные останки, и вслѣдствіе того, гробъ Вебера поставили въ склепѣ Мурфильдской капеллы, въ Лондонѣ. — Похороны, какъ и слѣдовало ожидать, были великолѣпныя. — Къ покойнику живые бываютъ всегда справедливѣе. Изъ этомъ правилѣ есть исключенія. Встрѣчаются такіе люди, которыхъ ни одна живая душа терпѣть не можетъ, которыхъ живые презираютъ и избѣгаютъ. Эти господа по неволѣ лѣзутъ въ дружбу къ покойникамъ. Умретъ ли извѣстный писатель, добродѣтельный мужъ; они тотчасъ объявляютъ, что лишились друга, пріятеля, а ужъ по-крайней-мѣрѣ добраго знакомаго. Въ семьѣ не безъ урода. На такихъ людей не должно обращать вниманія. Пусть себѣ живутъ въ дружбѣ съ покойниками; вѣроятно, на погребеніи Вебера былъ и тотъ журналистъ, который писалъ разныя музыкальныя нелѣпости по случаю перваго представленія Оберона, въ родѣ тѣхъ нелѣпостей, которыя были писаны и у насъ, послѣ перваго представленія оперы Русланъ и Людмила; вѣроятно, и этотъ журналистъ проливалъ слезы о преждевременной кончинѣ своего друга Вебера, и проводилъ до темныхъ подваловъ Мурфильдской капеллы. Склепъ этотъ состоитъ изъ трехъ сводовъ или пролетовъ; изъ нихъ одинъ только бѣдно освѣщенъ двумя окошками. Вдоль стѣнъ стоятъ гробы одинъ на другомъ; когда склепъ наполнится, тогда вынимаютъ нижній рядъ гробовъ и выносятъ на кладбище. Гробъ Вебера поставили подъ первымъ сводомъ, во второмъ ряду снизу. На плоской крышкѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

Hic jacet
CAROLUS MARIA FREIHERR
VON WEBER
Praefectus musicorum sacelli Regii
apud Regem Saxonum
Natus urbe cutin apud Saxones
Die XVI Decembris MDCCLXXXVI
Mortuus Londini
Die V Iunii MDCCCXXVI.
Anno quadragesimo
Aetatis suæ.

Но вслѣдъ за тѣмъ эту надпись закрылъ новый гробъ, и если сторожъ освѣщалъ факеломъ это подземное пристанище мертвецовъ, тогда только по гербу можно было узнавать, гдѣ гробъ Вебера. Въ 1840 году, почитатель таланта Вебера, нѣкто Граттнанъ, къ наружной стѣнѣ гроба придѣлалъ серебряный листъ съ надписью: CARL MARIA WEBER OBIIT, 1826.

Въ 1841 году, въ журналѣ Европа докторъ Гамбинеръ помѣстилъ статью о посѣщеніи имъ Мурфильдскаго склепа и воззваніе къ Германіи, чтобы останки великаго композитора перенесены были въ отечество. Это воззваніе перешло во всѣ газеты, и въ Дрезденѣ немедленно образовался для этой цѣли комитетъ. Для покрытія издержекъ, данъ былъ концертъ и собрано 391 талеръ. Конечно, этого было слишкомъ мало; первый жаръ прошелъ, дѣло уснуло, и уже въ 1844 году въ апрѣлѣ возобновилось случайно. Концерты въ Германіи и Лондонѣ умножили капиталъ, и тѣло Вебера, за которымъ былъ отправленъ сынъ его, Максъ, на пароходѣ Джонъ Булль, было привезено въ Гамбургъ. Съ большимъ торжествомъ, гробъ перегрузи-

ли на судно штурмана Вебера и отправили въ Дрезденъ, гдѣ на Римско-Католическомъ кладбищѣ приготовленъ былъ склепъ для принятія этого гроба. И что жъ? Въ этомъ склепѣ легъ прежде другой, дорогой сердцу покойнаго—какъ будто на встрѣчу въ самой могилѣ, легъ сынъ Вебера, Александръ, юноша, подававшій о себѣ прекрасныя надежды. Позднее время затрудняло плаваніе судна; а наконецъ принуждены были гробъ снять, перевезти его по желѣзной дорогѣ. — Вторыя похороны Вебера были великолѣпнѣе, трогательнѣе первыхъ. Рѣчи и стихи, хоры и кантаты проводили Вебера до мѣста послѣдняго упокоенія.

Веберъ, кроткій, нѣжный, задумчивый — любилъ страстно не одну музыку. Въ дружбѣ съ Кернеромъ, въ тѣсномъ знакомствѣ съ Гоффманномъ, Веберъ и самъ не разъ хотѣлъ испытать свои силы надъ большимъ литературнымъ произведеніемъ. Разумѣется, и тутъ музыка должна была играть не маловажную роль. Мы полагаемъ, что вы не безъ удовольствія прочтете вторично обработанный планъ романа, который Веберъ началъ уже писать, и первую главу этого романа, также обработаннаго имъ во второй разъ.

=

ПЛАНЪ РОМАНА.

Жизнь артиста.

I.

Ѣду. Рѣшительное намѣреніе путешествовать. Прибытіе въ домъ господина Н.

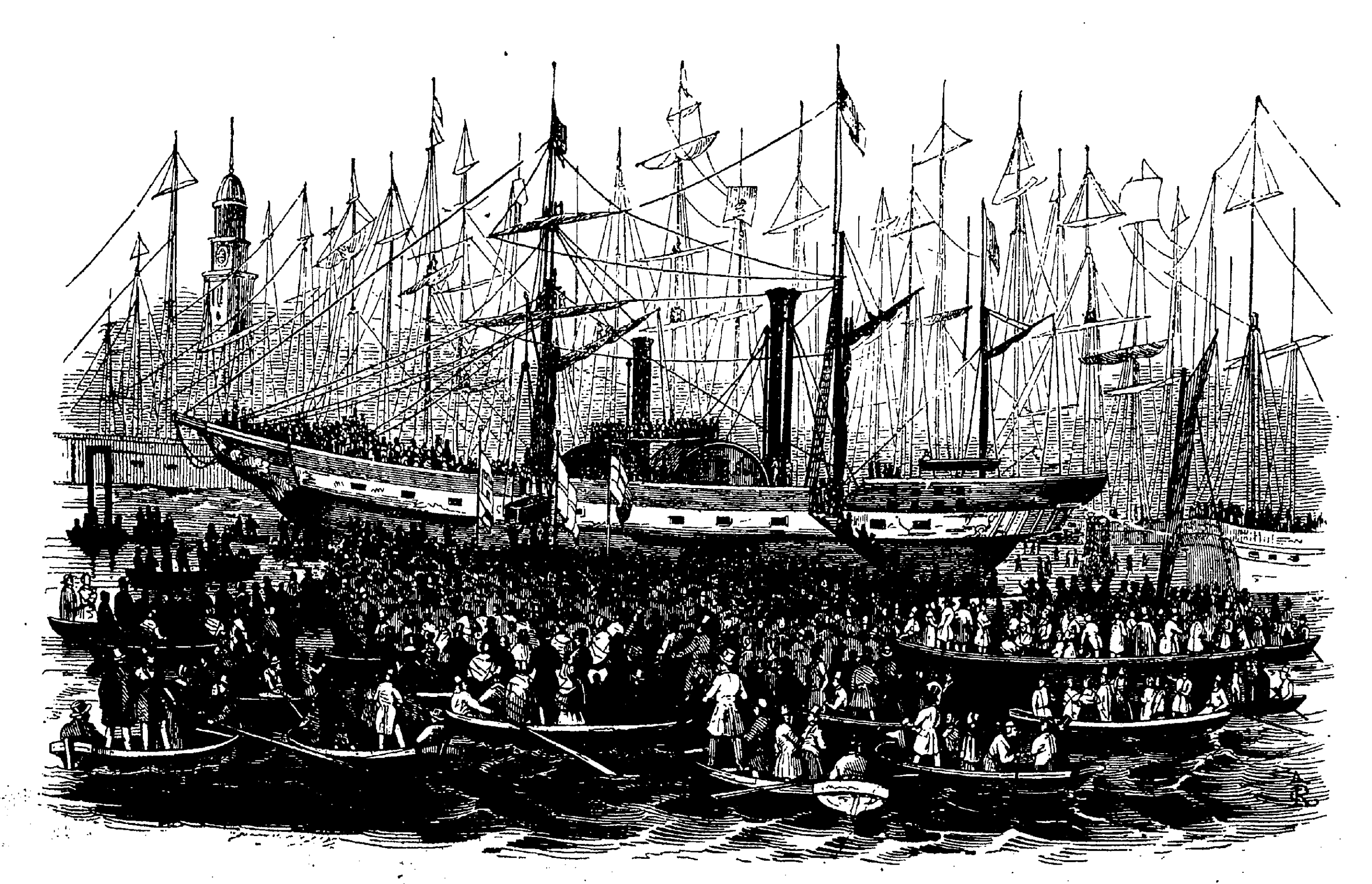
II.

Городской музыкантъ. Музыкантъ Феликсъ споритъ съ другими артистами о методахъ обученія музыкѣ. Вечеромъ, онъ возвращается домой, въ совершенномъ изнеможеніи; и пишетъ письмо своему другу, который уже нѣсколько лѣтъ проживаетъ въ Парижѣ. Въ письмѣ говорится о непріятностяхъ, соединенныхъ съ концертами, и прочее.

III.

Концертъ. Феликсъ случайно замѣчаетъ одну прекрасную дѣвушку, которая собирается ѣхать на концертъ. Настаетъ вечеръ; на концертѣ почти ни души. Въ это время пріѣхалъ въ городъ какой-то фокусникъ съ танцующими собаками, и нѣсколько лишнихъ крейцеровъ переманили къ нему большую часть музыкантовъ. Впрочемъ, мысль объ Эмиліи одушевляетъ Феликса, и онъ играетъ неподражаемо.

Слѣдующихъ трехъ главъ недостаетъ въ рукописи. Но, вѣроятно, въ одной изъ нихъ должны быть помѣщены слѣдующія слова, написанныя на полѣ:



Прибытіе парахода Джонъ Буль, съ гробомъ Вебера въ Гамбургъ.

Знакомство съ Дилемъ. Дверь захлопнулась. Кто-то сломя голову летитъ внизъ по лѣстницѣ и опрокидывается прямо на Феликса. Незнакомецъ тотчасъ вскакиваетъ, душитъ Феликса въ своихъ объятіяхъ и благодаритъ счастливый случай, который свелъ его съ артистомъ.

— Милостивый государь, съ ума что ли вы сошли, или меня принимаете за глупца? Кто вы? — Ахъ, я просто ничто; но осмѣлюсь спросить: кто вы? — Я тоже въ своемъ родѣ ничто. Впрочемъ люди одного со мною калибра называютъ меня артистомъ. Если угодно, я разскажу вамъ свою исторію, и такъ далѣе.

VII.

Маскарадъ. Балъ. Феликса считаютъ за какого-то принца, влюбленнаго въ Эмилію. Онъ пользуется этою ошибкою и спасаетъ Эмилію, поставивъ на ея мѣсто другую дѣвушку.

VIII.

Безсонная ночь.

IX.

Феликсъ проводитъ нѣсколько дней въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ не можетъ ничего сочинять. Наконецъ онъ становится немного спокойнѣе; его взглядъ нечаянно упадаетъ на маскарадное платье, и онъ тотчасъ надѣваетъ его на себя, машинально опускаетъ руку въ карманъ и находитъ стихи отъ дьявола къ Эмиліи. Онъ принимается сочинять музыку, какъ является къ нему поэтъ. Разговоръ о цѣли пѣсни.

X.

Проходитъ еще нѣсколько времени, а Феликсъ все не видитъ Эмиліи, потому-что она захворала отъ испуга. Диль разсказываетъ ему, что онъ былъ у подложной Эмиліи, и узналъ, что герцогъ, открывъ свою ошибку, пришелъ въ бѣшенство, разругалъ своихъ помощниковъ и прочее

XI.

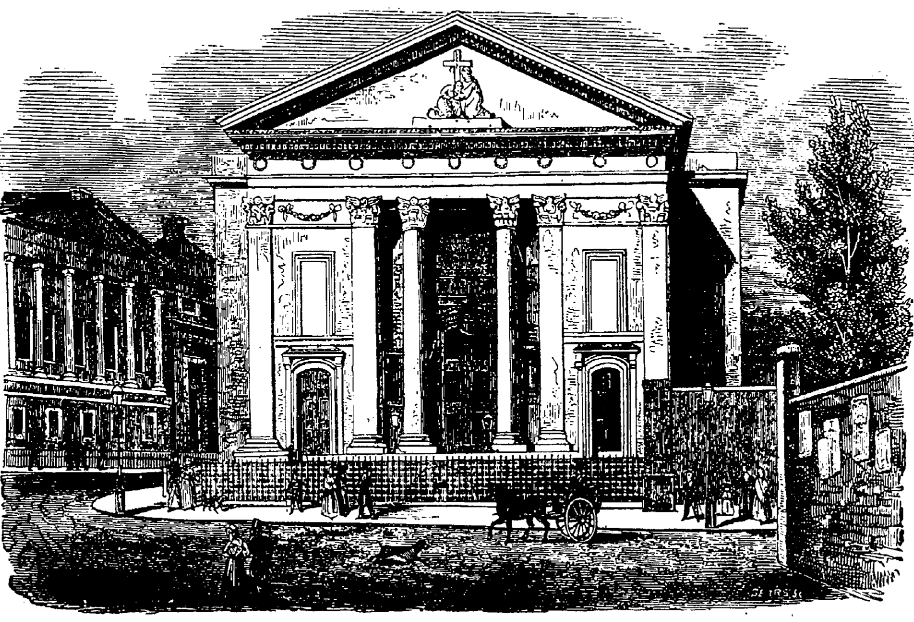
Феликсъ является въ одно общество, и заводитъ знакомства. Здѣсь онъ встрѣчаетъ какого-то странствующаго декламатора, и компанируетъ ему, и декламируетъ самъ. Декламаторъ, какой-то пройдоха, бросаетъ на Феликса косые взгляды; но одинъ почтенный старикъ, бывшій въ томъ же обществѣ, проситъ его давать музыкальные уроки своей дочери

XII.

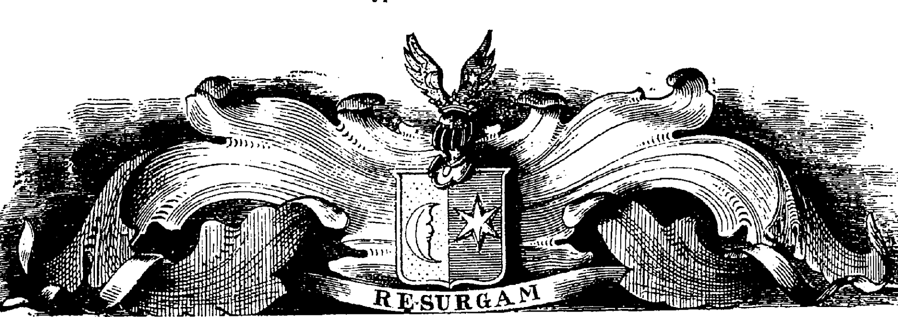
Диль набрасываетъ планъ смирительнаго и рабочаго дома для музыкантовъ.

XIII.

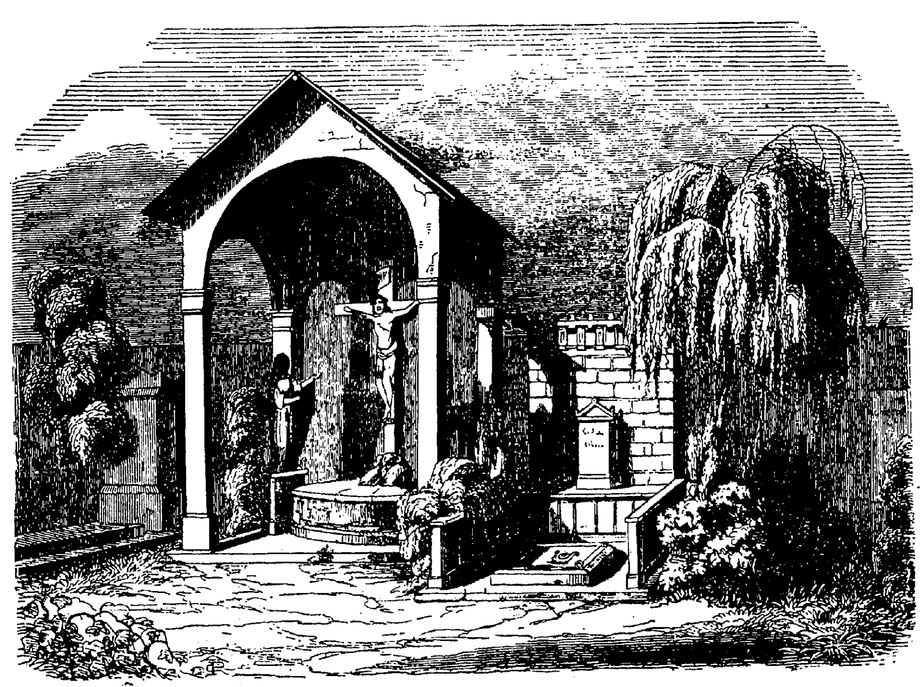
Музыкантъ является въ домъ старика. Въ комнатѣ нѣтъ никого. Онъ садится за клавикорды и начинаетъ фантазировать. Въ это время, входитъ дочь старика, и, не замѣченная музыкантомъ, останавливается за его стуломъ. При окончаніи фантазіи, она вскрикиваетъ. Музыкантъ съ изумленіемъ озирается кругомъ и останавливаетъ свой взоръ на Эмиліи. Замѣшательство съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ входятъ, отецъ и мать. Даютъ великолѣпный музыкальный вечеръ. Эмилія предлагаетъ Феликсу піэсы своего любимаго композитора, котораго она цѣнитъ и уважаетъ выше всего на свѣтѣ. Эти піэсы написаны самимъ Феликсомъ, но изданы имъ подъ чужими именами. Онъ разыгрываетъ ихъ съ одушевленіемъ, неподражаемо. Эмилія приходитъ въ восторгъ. Феликсъ едва можетъ удержаться отъ признанія, что онъ игралъ піэсы собственнаго своего сочиненія. — Послѣ этого, Феликсъ встрѣчаетъ принца на парадѣ и находитъ его красивымъ мужчиною. Ему кажется, что принцъ съ своей стороны замѣтилъ его и пристально всматривается въ его лицо.



Мурфильдская Капелла.



Гербъ Веберовъ.



Памятникъ на могилѣ Вебера, на кладбищѣ въ Дрезденѣ.

XVI.

Феликсъ каждый день посѣщаетъ домъ старика. Онъ фантазируетъ и всего чаще разыгрываетъ свои любимые мотивы. По этому, Эмилія догадывается, что Феликсъ — композиторъ. Ее радуетъ это открытіе и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетъ скромность Феликса. Замѣчанія о пріемахъ композиторовъ.

XV.

Въ одинъ день, Феликсъ, возвратившись домой, находитъ у себя записку отъ принца, который приглашаетъ его къ себѣ. Онъ отправляется во дворецъ: новое общество очаровало его. Принцъ принимаетъ его со всѣмъ радушіемъ. Въ Феликсѣ раждаются подозрѣнія. Принцъ высказываетъ свое мнѣніе объ артистахъ.

XVI.

Феликсъ проводитъ время то съ принцемъ, то съ Эмиліею. Съ послѣднею онъ день-ото-дня становится откровеннѣе; но все еще не осмѣливается заговорить съ нею о сценѣ, случившейся во время маскарада. Но онъ постоянно носитъ на груди ленточку, принадлежащую Эмиліи. Эмилія, случайно замѣчаетъ эту ленточку, — узнаетъ въ Феликсѣ своего спасителя, и покоряется чувству любви. Объясненіе. Скучныя сцены любви.

XVII.

Отецъ и мать Эмиліи съ удовольствіемъ замѣчаютъ взаимную любовь молодыхъ людей. Они желаютъ только одного, чтобы артистъ оставилъ свою кочевую жизнь и вступилъ въ гражданскую службу. Феликсъ задумывается; онъ не можетъ рѣшиться на выборъ, тѣмъ болѣе, что, съ другой стороны, нападаетъ на него Диль и представляетъ ему всѣ непріятности гражданской службы. Въ такомъ критическомъ положеніи, онъ получаетъ отъ принца предложеніе: жить при дворѣ въ качествѣ придворнаго артиста.

XVIII.

Феликсъ пересказываетъ все это Эмиліи, и когда она совѣтуетъ ему принять предложеніе принца, онъ разсказываетъ исторію, случившуюся въ маскарадѣ. Но это обстоятельство не наводитъ на умъ ни отца ни мать Эмиліи. Женское тщеславіе является тогда во всемъ свѣтѣ, и Феликсъ, повинуясь внушеніямъ женщинъ, соглашается на предложеніе принца.

XIX.

Новыя знакомства Феликса. Связи съ прежними друзьями разорваны, и артисты, съ своей стороны, смѣются надъ Феликсомъ.

XX.

До сихъ поръ Феликсъ любилъ Эмилію, и его любовь воспламенялась сильнѣе и сильнѣе, когда онъ находилъ въ ней отголосокъ своихъ мыслей о музыкальномъ искуствѣ. Но теперь онъ замѣчаетъ, что ихъ взгляды на жизнь совершенно различны. Эмилія увлекается ложными идеями свѣта. Феликсъ простъ и невиненъ, какъ ребенокъ. Между ними раждается антипатія.

XXI.

Отношенія Феликса при дворѣ. Принцъ держитъ себя далеко. Даціаро, какъ Италіанецъ, обходится съ Феликсомъ холодно и сухо. Математикъ презираетъ музыку. Агентъ, подъ маскою суровой важности, скрываетъ дьявольское пронырство. Но онъ, словно гремучій змѣй, обворожилъ Феликса, и Феликсъ всегда защищаетъ его противъ справедливыхъ нападокъ Диля.

XXII.

Наконецъ, придворная жизнь наскучила Феликсу. Онъ чувствуетъ себя не на своемъ мѣстѣ. Онъ то безумно предается веселости, то погружается въ самую глубокую и мрачную меланхолію. Съ такимъ настроеніемъ духа, онъ сталъ совершенно неспособенъ къ занятіямъ. Его очарованіе разрушается.

XXIII.

Между тѣмъ, принцъ успѣлъ сблизиться съ Эмиліею; добрая матушка благопріятствуетъ этой связи, а старикъ — отецъ не замѣчаетъ ничего. Наконецъ, Феликсъ рѣшается удалиться отъ двора, бросить все и снова посвятить себя музыкальному искуству.

Заключеніе. Послѣдняя воля артиста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И молотокъ спрыгнулъ съ рукоятки, и нѣсколько струнъ съ жалобнымъ стономъ окончили свое существованіе! Съ такою силою я ударилъ по клавишамъ! Во мнѣ закипѣлъ гнѣвъ. Нотная бумага полетѣла на полъ; стулъ перевернулся вверхъ ногами. Я пустился ходить большими шагами по моей маленькой комнаткѣ.

Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ меня мучило, терзало, томило какое-то непріятное чувство; а въ послѣднія недѣли оно развилось до того, что мое терпѣніе лопнуло. То было какое-то неопредѣленное стремленіе въ туманную даль, гдѣ, самъ не зная почему, всегда надѣешься найти отраду, то былъ болѣзненный порывъ внутреннихъ силъ, подавляемый сознаніемъ высокаго идеала, словно тяжкими оковами, на избавленіе отъ которыхъ исчезаетъ иногда всякая надежда; то была непреодолимая потребность гигантской дѣятельности, которая тотчасъ разрѣшается въ совершенномъ безмысліи, такъ, что все созданіе погибаетъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. Этотъ хаосъ взволнованныхъ, томительныхъ чувствъ, такъ часто наполняющихъ душу художниковъ, овладѣлъ теперь всѣмъ моимъ существованіемъ.

Желанія, мечты и намѣренія, поглощенныя искуствомъ и житейскими заботами, теперь заронились, какъ будто въ припадкѣ сумасшествія.

Бремя жизни тяготило меня, и я искалъ спасенія въ искуствѣ; но какъ искуство живетъ только въ жизни, и жизнь существуетъ только въ искуствѣ, то они взаимно помогали другъ другу терзать меня.

Самое мѣсто у клавикордовъ, избранное мною, какъ послѣднее вспомогательное средство, было зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Музыкальный поэтъ, который такимъ образомъ принимается за работу, родился бѣднякомъ или назначенъ только для обыкновеннаго и даже пошлаго. Эти руки, эти проклятые клавиши, которыя отъ безпрерывнаго упражненія пріобрѣтаютъ наконецъ нѣкотораго рода самостоятельность, становятся безсознательными тиранами и деспотами творческой силы духа.

Они не изобрѣтаютъ ничего новаго; даже все новое несносно для нихъ. Они, подобно простымъ ремесленникамъ, изъ старинныхъ, давно знакомыхъ, музыкальныхъ членовъ, тайкомъ, воровски, склеиваютъ цѣлыя піесы, которыя идутъ за-ново. И такъ какъ эти піесы звучатъ и чисто и полно, то онѣ нравятся неопытному уху и принимаются за образцовыя произведенія.

Но не такъ, далеко не такъ, создаетъ тотъ, у кого внутреннее ухо есть строгій судья изобрѣтаемыхъ и обсуживаемыхъ сочиненій. Это духовное ухо, съ чудною силою, объемлетъ и постигаетъ музыкальные образы; это какая-то божественная тайна, непонятная для не посвященныхъ.

Это ухо постигаетъ нѣчто цѣлое; оно требуетъ, чтобы музыкальный образъ имѣлъ свою физіономію, такъ, чтобы узнать его опять и отыскать даже въ толпѣ.

Да, оно требуетъ этого, и не терпитъ созданій, сшитыхъ изъ лохмотьевъ. Но когда нашъ духъ уловилъ какой-нибудь образъ, образовалъ и выносилъ его въ своемъ духовномъ материнскомъ чревѣ, — потому что для прекраснаго произведенія необходимо время, чтобы оно могло созрѣть и предохранить себя отъ не здоровой пищи и другихъ предметовъ, гибельныхъ для жизни его безцѣннаго дитяти; и если все это вдругъ перепутается и разрушится: тогда, отъ нетерпѣнія и любви, бѣдный сочинитель приходитъ въ бѣшенство; онъ становится какимъ-то помѣшаннымъ.

Это самое случилось теперь со мною. Да, ты долженъ ѣхать, сказалъ я себѣ, ѣхать далеко! Кругъ дѣятельности для артиста — это весь міръ!

Что тебѣ пользы въ похвалахъ, которыми какъ будто изъ милости награждаетъ тебя какой нибудь высокородный рифмоплетъ за твою мелодію, написанную для бездушнаго набора его словъ; что тебѣ въ этихъ дружескихъ пожатіяхъ руки милой сосѣдки, за какіе-нибудь вальсы, — или въ одобрительныхъ крикахъ толпы за какой-нибудь удачный маршъ? Поѣзжай! и если ты порадуешь своимъ геніемъ умныхъ людей и усвоишь себѣ ихъ свѣдѣнія, — тогда возвратись въ мирную отчизну и живи тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсти.

Я на-скоро уложилъ въ чемоданъ свои музыкальныя сочиненія и кой-какіе пожитки, обнялъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые называли меня другомъ, сѣлъ въ скромную почтовую повозку, которую настоятельно рекомендовалъ мнѣ мой кошелекъ, и отправился въ ближайшій городокъ. Было уже поздно. Мои спутники сидѣли возлѣ меня словно безмолвные призраки. Я скоро погрузился въ сладкій сонъ, и только на разсвѣтѣ былъ пробужденъ рукою почтальона, которая, какъ сборная кружка, переходила отъ одного пассажира къ другому.

Съ торжественно-спокойнымъ величіемъ развертывалась краса наступающаго дня. Священное crescendo природы въ свѣтозарномъ эфирѣ возвысило мой духъ до благоговѣйнаго созерцанія. Съ радостною надеждою моя мысль вознеслась къ Тому, Кто съ отческою любовію надѣлилъ меня художественнымъ талантомъ. Этотъ талантъ долженъ запечатлѣть мою жизнь и призвать меня къ Тому, Кто одинъ творитъ и ниспосылаетъ намъ всѣ силы и способности. Да, Онъ ввѣрилъ мнѣ залогъ Своей благости; но Онъ могъ отказать мнѣ въ развитіи моего таланта, когда я, съ чувствомъ гордаго самодовольства, дерзалъ полагаться на самаго себя, когда я самонадѣянно мечталъ испытать всѣ средства, всѣ пути, и побѣдить всѣ трудности, чтобы со-временемъ, на радость моимъ собратьямъ, раскрыть могущество и стремленіе моей души.

Природа всегда производитъ на меня чудное вліяніе!

Когда всѣ твои силы стремятся къ одной какой-нибудь цѣли, — назови это стремленіе талантомъ, призваніемъ, геніемъ, какъ угодно, — тогда чувствуешь, что твоя созерцательная сила окружена какимъ-то магическимъ кругомъ. Горизонтъ существуетъ не для одного физическаго зрѣнія, но и для духовнаго.

Съ перемѣною точки зрѣнія, ты произвольно можешь перемѣнять тотъ и другой горизонтъ. Ступай впередъ, и твой горизонтъ будетъ расширяться; но ты никогда не въ состояніи переступить за эту черту.

Этого мало! для тебя всѣ предметы существуютъ подъ однимъ свойственнымъ тебѣ колоритомъ, который, противъ твоей воли, образуетъ главный тонъ всей твоей жизни и всѣхъ твоихъ чувствъ. Такъ мнѣ все представляется подъ музыкальными формами.

Обозрѣніе какой-нибудь страны для меня то же, что представленіе музыкальной піэсы. Я вижу только цѣлое, а частности ускользаютъ отъ моего вниманія. Это имѣетъ свою пріятную и непріятную сторону. Пріятную: потому-что я никогда не умѣю хорошенько опредѣлить гдѣ находится извѣстная гора, домъ, дерево или какой-нибудь другой предметъ, и по этому каждый разъ мнѣ какъ-будто представляется новая картина. Но это непріятно, когда я путешествую. Въ моей душѣ настоящій хаосъ; все перебито, перепутано; понятія и представленія смѣшиваются, сливаются другъ съ другомъ. Если бы я стоялъ на одномъ мѣстѣ и спокойно вперилъ свой взоръ въ даль, то развернувшаяся передо мною картина вызвала бы изъ духовнаго міра моей фантазіи какой-нибудь сходный музыкальный образъ, и я, быть-можетъ, съ радостію уловилъ бы его, запомнилъ и развилъ. Но, милосердое небо! какъ перевернутся, перепутаются всѣ погребальные марши, рондо фуріозо, когда природа раскроетъ все свое величіе передъ моими взорами! Ея живительное дыханіе проникаетъ въ мою душу. Я не могу оторвать взора отъ чудной игры природы, и однако я не вижу ничего, кромѣ радужнаго перелива цвѣтовъ; мои музыкальныя идеи оставляютъ меня; я чувствую только торжественное теченіе жизни: я думаю о прошедшемъ и мечтаю о будущемъ. Въ моей душѣ возникаютъ и тотчасъ исчезаютъ какіе-то образы, о которыхъ я никогда уже не вспомню.

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(*Окончаніе.*)

XVI.

Дмитрій Ивановичъ Топиловъ объявилъ въ своемъ письмѣ къ Евдокіи Егоровны Рытковской, что онъ явится къ ней за отвѣтомъ въ пятницу. *)

Наступила роковая пятница, въ которую должна была рѣшиться участь влюбленнаго молодаго человѣка.

День былъ жаркій; ни малѣйшій вѣтерокъ не возмущалъ неподвижности воздуха; палящіе солнечные лучи прямоотвѣсно падали на разгоряченный песокъ; вѣтви на деревьяхъ уныло опустились внизъ, какъ бы удрученныя тяжестью душнаго, тяжелаго воздуха.

Дмитрій Ивановичъ медленно приближался къ дому, въ которомъ жили Рытковскія. Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого дома, какъ вдругъ остановился... къ нему на-встрѣчу шелъ Прыщовъ. Желая избѣгнуть съ нимъ встрѣчи, Дмитрій Ивановичъ поспѣшно перешелъ на другую сторону дороги. Захаръ Трифоновичъ послѣдовалъ за нимъ туда же. Топиловъ въ эту минуту былъ менѣе, нежели когда либо расположенъ къ человѣку съ рыжими бакенбартами, а потому онъ былъ взбѣшонъ поступкомъ его, и удвоивъ шаги, пошелъ прямо на-встрѣчу къ Захару Трифоновичу.

Соперники встрѣтились.

Дмитрій Ивановичъ всячески старался придать добродушному, открытому лицу своему грозное выраженіе; на лукавой, злобной физіономіи Прыщова сіяла самая доброжелательная улыбочка.

---

*) По причинѣ неизбѣжнаго раздробленія, на которое столько жалуются *доброжелатели* Иллюстраціи, мы находимся вынужденными напомнить объ этомъ обстоятельствѣ.

— Здравствуйте, Дмитрій Ивановичъ. Куда это вы такъ изволите спѣшить? — сказалъ послѣдній.

— Что вамъ отъ меня надо? вспыльчиво вскричалъ Топиловъ.

— Вы, кажется, сегодня не въ духѣ?

— Убирайтесь къ чорту! — Съ послѣдними словами Дмитрій Ивановичъ отвернулся и хотѣлъ идти дальше.

— Дмитрій Ивановичъ, напрасно изволите сердиться.... Позвольте мнѣ переговорить съ вами, и вы увидите сами, какъ я вамъ преданъ.

Топиловъ презрительно пожалъ плечами.

— Послушайте, продолжалъ Прыщовъ, я прошу у васъ не болѣе четверти часа времени, чтобы убѣдить васъ въ своей дружбѣ; если послѣ этого времени вы не будете убѣждены, то я даю вамъ честное слово, что сегодня же отступлюсь навсегда отъ Евдокіи Егоровны.... довольно ли вамъ этого?

Топиловъ, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на человѣка съ рыжими бакенбартами и, побужденный невольнымъ любопытствомъ, согласился на просьбу его.

Вскорѣ соперники, разговаривая съ необыкновеннымъ жаромъ, исчезли въ чащѣ лѣса, на берегу озера.

Часъ спустя, Дмитрій Ивановичъ подходилъ одинъ къ дому Рытковскихъ. На лицѣ его выражалось необыкновенное безпокойство; съ озабоченнымъ и разстроеннымъ видомъ вошелъ онъ въ домъ.

Евдокія Егоровна сидѣла одна въ передней комнатѣ, въ какомъ-то таинственномъ полусвѣтѣ; чтобы укрыться отъ нестерпимаго жара, она приказала закрыть вполовину ставни.

Полулежа на мягкомъ диванѣ, обтянутомъ клеёнкой, блондинка читала Вѣчнаго Жида.

Нѣсколько шумное появленіе молодаго человѣка вывело ее изъ сладостнаго вниманія, съ которымъ она слѣдила за страстными порывами Джальмы...

— Ахъ, Боже мой! какъ вы меня испугали! —произнесла она съ неудовольствіемъ, на которое молодой человѣкъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ подошелъ къ дивану, и скрестивъ руки на груди, остановился передъ блондинкой. Евдокія Егоровна хотѣла-было разсердиться, но потомъ она разсудила, что въ этомъ положеніи Топилова было нѣчто романически-таинственное....

— Что съ вами, Дмитрій Ивановичъ?

— Евдокія Егоровна! Это нехорошо, очень нехорошо-съ!

— Я васъ не понимаю.

— А я васъ понялъ.

Блондинка выпрямилась и хотѣла поразить молодаго человѣка величественнымъ взглядомъ; но, увы! либо во взглядѣ не было величія, либо Топиловъ не умѣлъ понять его; а потому онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Вы смѣялись надо мною, Евдокія Егоровна; вы играли со мною, какъ съ дешевой игрушкой, которую не жаль сломать; вы воспользовались моею молодостью, неопытностью...

— Что это значитъ! — съ гордымъ негодованіемъ вскричала Евдокія Егоровна.

— Разумѣется: вы думали, что вы старше меня, такъ вамъ позволительно дурачить меня....

— Вы мнѣ говорите дерзости!

— Я? — вскричалъ Топиловъ съ наивнымъ изумленіемъ; я? дерзости? Впрочемъ, дорѣзывайте меня, Евдокія Егоровна, ужъ коли вы мнѣ предпочли Захара Трифоновича, такъ уже я и жаловаться не смѣю... Захаръ Трифоновичъ! Выбрали же вы себѣ красавца!

— Милостивый государь, я попрошу васъ повторить эти слова при Захарѣ Трифоновичѣ!

— Нечего повторять! Я съ нимъ уже кончилъ.

— Что вы говорите?

— А то, что мы другъ-другу ужъ мѣшать не будемъ. Мы съ нимъ разсчитались....

Блондинка хотѣла что-то спросить; но вдругъ въ сѣняхъ послышался шумъ, и секунду спустя, въ комнату вбѣжала мать Евдокіи. Въ обѣихъ рукахъ держала она за плечи довольно поношенный вицмундиръ.

— Дуняша, Дуняша! вскричала Рытковская съ отчаяніемъ; бѣда случилась!

Вслѣдъ за нею вошли въ комнату Антипычъ и какой-то мужикъ.

— Что такое, мамашенька?.. Что такое? спросила Евдокія, поспѣшно вскочивъ съ дивана.

— Да ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!.. Напляшемся мы теперь. Ахъ, ты Господи! Вѣдь надо же было такой бѣдѣ случиться!

— Да что же случилось?... Говорите, не мучьте меня!

— Захаръ Трифоновичъ утонулъ!...

— Утонулъ!... повторила Евдокія Егоровна съ драматическимъ движеніемъ ужаса.

Наступила минута глубокаго молчанія. Всѣ были поражены ужасною новостью. Евдокія Егоровна стояла неподвижная какъ статуя; но потомъ, мало-по-малу она стала подниматься и вперила въ Топилова взоръ, исполненный страшнаго подозрѣнія.

— Не можетъ быть!.. произнесла она, наконецъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Какъ не можетъ быть!... Платье его нашли на берегу, а его нѣтъ-какъ нѣтъ!... Ну, какъ можно идти купаться одному и такъ далеко еще!... Охъ, ты Господи! Какая бѣда!.. Вотъ вицмундиръ его!

— А вотъ и панталоны-съ, — прибавилъ Антипычъ.

— Надо бѣжать.... принять мѣры.... вскричалъ Дмитрій Ивановичъ, бросившись къ двери; но Евдокія Егоровна предупредила его. Она встала у двери и вскричала грознымъ голосомъ.

— Вы не выйдете отсюда!

— Что это значитъ? — спросилъ съ испугомъ Топиловъ.

— Ахъ, да вы здѣсь, баринъ, — сказалъ мужикъ, не узнавшій сначала Дмитрія Ивановича въ полумракѣ. А мы васъ искали.... Вѣдь вы вмѣстѣ купались съ Захаромъ Трифоновичемъ.

— Слышите ли! — вскричала Евдокія Егоровна.

— Это неправда!... отвѣчалъ Топиловъ; — я видѣлъ сегодня Прыщова; но разстался съ нимъ, не доходя до перемычки, къ которой онъ шелъ купаться....

— Ложь, коварная ложь!... вскричала блондинка внѣ себя и бросившись къ окну. Она съ судорожною живостью стала разбирать нѣсколько записокъ; выбравъ одну изъ нихъ, она однимъ толчкомъ отворила окно и потомъ, воротившись къ матери, подала ей записку, вскричавъ: — Читайте, маменька, читайте!

— «Почтеннѣйшій».... начала читать Рытковская.

— Дальше, дальше!—нетерпѣливо сказала Евдокія Егоровна.

— «Я не понимаю»...

— Дальше!.. Вотъ тутъ... И Евдокія указала на третью строку.

Рытковская читала вслухъ:

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доложить вамъ, что вы мнѣ давно надоѣли. Если «вы еще разъ попадетесь мнѣ на глаза въ не-«добрый часъ, такъ... впрочемъ я угрожать «не люблю,—я люблю дѣйствовать».

— Ахти, свѣты!—вскричала старуха, выронивъ изъ рукъ письмо.

— Позвольте... началъ-было Топиловъ.

— Ни слова! прервала его Евдокія Егоровна внѣ себя. О! теперь мнѣ понятенъ смыслъ послѣднихъ вашихъ словъ... теперь я понимаю, какъ вы кончили, какъ вы раздѣлались съ Захаромъ Трифоновичемъ, и отчего вы больше не будете мѣшать другъ-другу!.. О, извергъ!.. Теперь мнѣ все понятно!.. Маменька, надо связать этому человѣку руки... онъ злодѣй, онъ преступникъ, онъ утопилъ Захара Трифоновича.

Антипычъ и мужикъ ахнули; первый поспѣшно удалился.

Дмитрій Ивановичъ стоялъ какъ громомъ пораженный. Необъяснимый ужасъ выразился на лицѣ его; онъ дрожалъ всѣми членами, какъ злодѣй, уличенный въ страшномъ преступленіи...

Евдокія Егоровна, рыдая, опустилась на диванъ. Мать тщетно утѣшала ее.

— О, я несчастная!—говорила блондинка, прерывающимся отъ слезъ голосомъ; — о, я несчастная!.. Маменька, вы не знаете... я любила этого человѣка!..

— Котораго? — съ изумленіемъ спросила маменька.

— Захара Трифоновича!.. Вы не знаете, какія у него были возвышенныя чувства!.. Вы не знаете благородства души его!.. О, какъ я его любила!..

Жалобы Евдокіи Егоровны были прерваны приходомъ Зорина, за которымъ явился и Антипычъ.

Пошли объясненія. Молодой живописецъ съ жаромъ защищалъ своего друга; но, наконецъ, пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ о томъ, что Топиловъ нѣсколько разъ говорилъ, что онъ утопитъ Прыщова, замолчалъ и съ невольнымъ ужасомъ взглянулъ на своего пріятеля.

Прислонившись къ столу и опустивъ голову на грудь, стоялъ несчастный Дмитрій Ивановичъ...

— Дмитрій! возможно-ли!.. вскричалъ Зоринъ.

Топиловъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ не повиновался ему... махнувъ рукой, онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ и съ отчаяніемъ закрылъ лицо руками...

— Боже мой! — вскричалъ молодой живописецъ; — говори, несчастный, какъ это было!.. Можетъ быть, еще можно будетъ спасти его!

Топиловъ опять махнулъ рукой.

— Говори! Гдѣ нашли платье? — вскричалъ Зоринъ, обратившись къ мужику.

— Яшка дурачокъ говоритъ, что у перемычки нашелъ.

— Яшка!

— Да, вотъ что по деревнѣ бѣгаетъ... нищій.

— Слѣдовательно, не ты нашелъ?

— Нѣтъ, баринъ, не я; я шелъ съ поля и вижу, что кто-то между деревьями пробирается съ узелкомъ; гляжу—Яшка. Куда ты, дурень? говорю.—А вотъ, говоритъ, платье на берегу нашелъ; несу въ деревню... надо дать знать: видно баринъ потонулъ. Я, знаете, сударь, какъ погляжу, и вижу, что платье-то знакомое... Ахти, бѣда! говорю, да это нашъ баринъ. Ну, такъ возьми, говоритъ Яшка, а я пойду, говоритъ, панихиду служить... И убѣжалъ. А я и пришелъ сюда...

Зоринъ слушалъ мужика со вниманіемъ.

— Постойте! вскричалъ онъ,—есть надежда! Я сейчасъ ворочусь!..

Молодой живописецъ побѣжалъ къ двери, но въ то же мгновеніе за нею послышались голоса. Дверь отворилась и въ комнату вбѣжала горничная.

— Нашли! нашли!.. вскричала она.

На порогѣ явилась странная фигура.

Захаръ Трифоновичъ былъ закутанъ въ длинный сѣрый армякъ, изъ подъ котораго видны были концы огромныхъ мужицкихъ сапоговъ. Мокрые волосы его плотно прилегали къ головѣ...

— Захаръ Трифоновичъ! вскричали всѣ, исключая Дмитрія Ивановича, который съ невыразимою радостью привскочилъ на стулѣ.

Евдокія Егоровна бросилась къ нему на встрѣчу, но на половинѣ дороги останови-

лась... Развязка была черезъ-чуръ водевильна. Ненависть блондинки къ Топилову исчезла... изъ преступника онъ сдѣлался въ глазахъ ея жертвой... Она остановилось возлѣ него и, протянувъ къ нему руку, произнесла чрезвычайно нѣжнымъ голосомъ:

— Дмитрій Ивановичъ!.. простите!

— Помилуйте, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ радостью, смѣшанною съ замѣшательствомъ—ошибка-съ, случается... мое почтеніе! — И взявъ за руку Зорина, онъ шепнулъ ему: — Пойдемъ, Павелъ!

Молодой живописецъ самъ спѣшилъ домой, а потому раскланялся и вышелъ съ Топиловымъ.

— Глупецъ! — произнесла вслѣдъ за послѣднимъ Евдокія Егоровна и, опустившись небрежно на диванъ, сказала Прыщову, съ печальной миной стоявшему на порогѣ: — Это очень мило, Захаръ Трифомовичъ!.. Вы насъ такъ напугали, что... маменька, вѣроятно, будетъ нездорова.

— Помилуйте, — возразилъ Прыщовъ плачевнымъ голосомъ, — нечто я виноватъ, что у меня платье украли?..

XVII.

Молодые друзья, ни слова не говоря, спѣшили домой.

Они взошли на крылечко... Зоринъ остановился съ ужасомъ... Дверь была отворена... страшное предчувствіе сдавило грудь его. Наконецъ, преодолѣвъ это чувство, онъ вбѣжалъ въ комнату.

Нищей тамъ не было, и вмѣстѣ съ нею исчезла и картина съ мольберта...

Съ воплемъ отчаянія и не говоря ни слова Топилову, молодой живописецъ выбѣжалъ изъ дому... прямо къ старой, полуразвалившейся банѣ.

Прохожіе со страхомъ отступали и долго смотрѣли вслѣдъ молодому человѣку, который, какъ безумный, бѣжалъ, не обращая ни на кого вниманія.

Но вотъ уже онъ у бани... толкнувъ ногою дверь, онъ вошелъ.

Баня была пуста... только въ печи догаралъ огонекъ подъ осколкомъ горшка, да сверчокъ напѣвалъ свою однообразную, тоску наводящую пѣсеньку.....

....

XVIII.

Зоринъ не нашелъ сестры. Нищіе пропали. Никто не зналъ, куда они дѣвались.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Фурштадтской улицѣ была сватьба. Захаръ Трифоновичъ Прыщовъ сочетался законнымъ бракомъ съ Евдоксіею Егоровною Рытковской. Сватьба была очень богатая: одной дрей-мадеры было выпито на шестьдесятъ съ чѣмъ-то рублей.

Евдокія Егоровна въ отчаяніи; во время свадебнаго балу она танцовала съ однимъ молодымъ человѣкомъ, въ которомъ она, наконецъ, нашла всѣ элементы идеала. Впрочемъ, этотъ молодой человѣкъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Захаромъ Трифоновичемъ.

Топиловъ на службѣ. Столоначальникъ его говоритъ, что онъ будетъ примѣрный чиновникъ.

На-дняхъ, въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, нѣкто вызывалъ попутчика на общихъ издержкахъ въ Тобольскъ.

Это Зоринъ — онъ ѣдетъ рисовальнымъ учителемъ въ какое-то уѣздное училище.

П. Ф—нъ.

=

Чигирь фиг. 1.

ТАТАРСКІЙ ЧИГИРЬ

ПОЛИВНАЯ МАШИНА

(*Статья г. Шеніана изъ Ж. М. Г. И.*)

На мѣстѣ, избранномъ для построенія чигиря, вырывается пріемникъ или колодезь (a), шириною 2½ арш., а длиною смотря по величинѣ водянаго колеса отъ 2 до 3 саженей, глубиною ниже горизонта стоянія воды, ильменя или рѣки, откуда проводится вода, по меньшей мѣрѣ на ¾ аршина. Колодезь соединяется съ ближайшею рѣкою или ильменемъ посредствомъ канавки (b), шириною въ 1 аршинъ, глубина же ея дѣлается наравнѣ съ дномъ колодца.

Въ разстояніи двухъ саженей отъ края колодца вырывается ямникъ (c), длиною, 2½ шириною 2 аршина; одна половина его углубляется на столько, чтобы помѣщаемое въ ней кулачное колесо могло свободно обращаться, а другая же, гдѣ помѣщается шестерня, углубляется не болѣе какъ на ½ аршина. Между этимъ ямникомъ и водопріемникомъ прорывается канавка (d), глубиною и шириною въ ¾ аршина, въ коей обращается валъ (e), на концѣ коего находится водяное колесо (i); чрезъ канавку дѣлается небольшой мостикъ (f), состоящій изъ двухъ или трехъ перекладинъ, поверхъ коихъ настилаются доски, а за неимѣніемъ оныхъ, хворостъ, (въ послѣднемъ случаѣ перекладины должны быть положены чаще), засыпаемый сверху землею, дабы лошадь, приводящая въ движеніе машину, могла свободно ходить кругомъ. Для предохраненія колодца отъ осыпки земли, подлѣ него въ нѣкоторомъ разстояніи отъ боковъ вколачиваются нетолстые колья, и между ними кладутъ пучки камыша до такой высоты, до которой, смотря по грунту земли, признается нужнымъ. При постоянно устроенныхъ чигиряхъ, такимъ же образомъ обдѣлываются и бока канавокъ, а особливо если онѣ прорываются глубоко; при мелкой же прорывкѣ ихъ, на низменныхъ мѣстахъ, и при временныхъ чигиряхъ канавки оставляются безъ обдѣлки. Стѣнки колодца и канавки можно обдѣлывать и другимъ образомъ, смотря по мѣстнымъ способамъ, какъ то: досками, деревянными срубами и плетневыми изгородками.

Устройство машины очень просто: она состоитъ изъ вала (e), длиною 5 саж., толщиною отъ 5 до 5½ вершковъ въ обдѣлкѣ. На одномъ концѣ вала дѣлается водяное колесо слѣдующимъ образомъ: продалбливаются крестообразно двѣ сквозныя дыры, въ которыя вставляются бруски (g), длиною 4 аршина, около коихъ огибается изъ тонкой доски ободъ, прикрѣпляемый къ концамъ брусковъ желѣзными, а иногда и деревянными гвоздями. Ободъ прикрѣпляется еще восемью распорками (h), или поставками изъ не толстыхъ жердей, вдолбленныхъ однимъ концомъ въ валъ, а другой проходитъ сквозь ободъ. Къ ободу привязываются веревками 12 ведеръ, или *челековъ*, служащихъ для поднятія воды. На другомъ концѣ вала дѣлается кулачное колесо (k), въ діаметрѣ 2 аршина, о 22 кулакахъ, изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ въ два ряда деревянными гвоздями. Валъ обращается на желѣзныхъ осяхъ въ двухъ горизонтально лежащихъ брусьяхъ, изъ коихъ одинъ (l), въ ямникѣ, а другой (m) въ водопріемникѣ. Чтобы брусья не могли двигаться, то концы ихъ зарываются въ землю, выключая одного конца бруса (m), который кладется на брусъ (n), лежащій поперегъ колодци, концы коего также утверждены врытіемъ въ землю.

Валъ приводится въ движеніе шестерней, ось коей обращается въ брусѣ (l), и въ сквозномъ кругломъ гнѣздѣ верхней перекладины (p), которая утверждена шипами на двухъ столбахъ (x). Дабы во время дѣйствія машины столбы не расшатывались, они подпираются съ двухъ сторонъ откосами. Сквозь ось продѣвается рычагъ (u), и къ нему на концѣ прикрѣпляется валекъ съ постромками или оглоблями (z). Сверхъ того сквозь ось шестерни продѣвается тонкій шестъ (v), одинакой съ рычагомъ длины; къ этому шесту привязываютъ поводъ лошади, дабы она при круговомъ обращеніи не могла своротить въ сторону. Величина діаметра шестерни относится къ кулачному колесу какъ 1 : 2, высота же оной бываетъ всегда 12 вершковъ; цѣвокъ въ ней дѣлается 16. Оба деревянные круга

(г) шестерни обтягиваются желѣзными, а иногда и обыкновенными деревянными обручами.

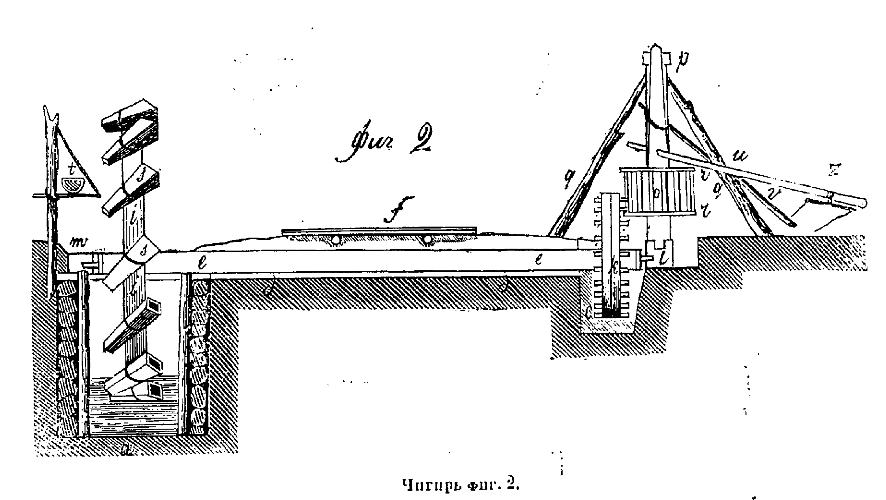
Ведра, или челики (s), бываютъ четырехъугольныя, высотою 1 аршинъ, внизу 5, а вверху $3\frac{1}{2}$ вершковъ; они дѣлаются изъ досокъ толщиною въ $\frac{1}{2}$ дюйма, связываются въ двухъ мѣстахъ бичевкою; ихъ привязываютъ къ водяному колесу нѣсколько косвенно, дабы удобно могла выливаться вода въ жолобъ (l). Жолобъ этотъ всегда ставится параллельно съ водянымъ колесомъ, неподвижно; а дабы вода, при опрокинутіи челека, неразбрызгивалась, то на дно жолоба кладется камышъ; вмѣсто камыша для этого можно употреблять тонкій хворостъ.

Величина водянаго колеса бываетъ, смотря по глубинѣ колодца, отъ 4 до 7 аршинъ; прочія же части машины дѣлаются всегда одинаковаго размѣра; число челековъ никогда не бываетъ болѣе 12-ти.

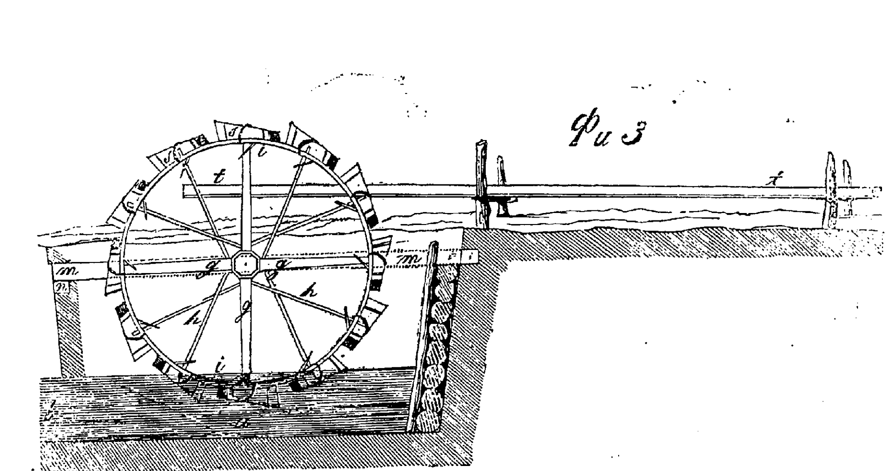
Количество воды, подымаемой чигиремъ въ одинъ оборотъ водянаго колеса, простирается до 6 куб. футъ, или около $13\frac{1}{2}$ ведръ; полагая, что въ часъ будетъ сдѣлано 200 оборотовъ, въ теченіе 14 рабочихъ часовъ въ день чигирь подыметъ 43,200 ведеръ воды (1,080 бочекъ). Для соображенія при построеніи чигиря прилагается здѣсь смѣта матеріаловъ, потребныхъ на его устройство съ водянымъ колесомъ въ діаметрѣ 4 арш., а также и плата за работы по тѣмъ цѣнамъ, во что обходится постройка астраханскимъ татарамъ. (*)

Въ прилагаемой здѣсь смѣтѣ исчислено количество матеріаловъ на устроеніе чигиря съ водянымъ колесомъ, имѣющимъ въ діаметрѣ 4 аршина; при устройствѣ же чигиря съ колесомъ большаго размѣра, должно только взять бруски, служащіе основаніемъ колесу, восемь подставныхъ, и доску для обода другихъ размѣровъ по величинѣ колеса; прочіе же матеріалы и плата за работу останутся тѣ же. Изъ этого видно, что при устройствѣ чигирей разныхъ размѣровъ, измѣненіе въ матеріала незначительно, а работа та же, слѣдовательно цѣнность зависитъ не отъ величины чигиря, а отъ качества употребляемыхъ на оные матеріаловъ и отъ средствъ пріобрѣтенія послѣднихъ.

Чигирь этого устройства очень удобно можно на зиму разбирать и хранить подъ крышею, ибо какъ разборка, такъ равно и установка онаго не требуютъ много времени и почти никакихъ издержекъ.



Чигирь фиг. 2.

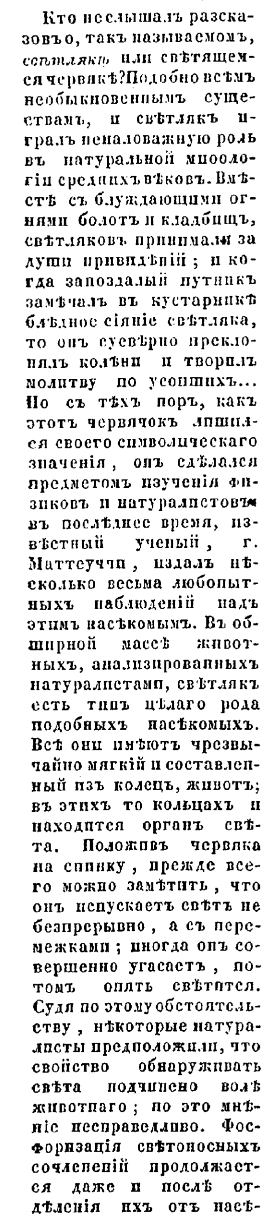


Чигирь фиг. 3.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Свѣтящіеся червяки. — Еще о болѣзни картофеля — Фабрикація шампанскаго. — Колонна Великой-Арміи въ Булоньи. — Фернейскій замокъ. — Похороны лейтенанта Лемоона. — Переселеніе жителей Фельсберга.



Кто неслышалъ разсказовъ о, такъ называемомъ, *свѣтлякѣ* или свѣтящемся червякѣ? Подобно всѣмъ необыкновеннымъ существамъ, и свѣтлякъ игралъ неналоважную роль въ натуральной миѳологіи среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ блуждающими огнями болотъ и кладбищъ, свѣтляковъ принимали за души привидѣній; и когда запоздалый путникъ замѣчалъ въ кустарникѣ блѣдное сіяніе свѣтляка, то онъ суевѣрно преклонялъ колѣни и творилъ молитву по усопшихъ... Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ червячокъ лишился своего символическаго значенія, онъ сдѣлался предметомъ изученія физиковъ и натуралистовъ въ послѣднее время, извѣстный ученый, г. Маттеуччи, издалъ нѣсколько весьма любопытныхъ наблюденій надъ этимъ насѣкомымъ. Въ обширной массѣ животныхъ, анализированныхъ натуралистами, свѣтлякъ есть типъ цѣлаго рода подобныхъ насѣкомыхъ. Всѣ они имѣютъ чрезвычайно мягкій и составленный изъ колецъ, животъ; въ этихъ то кольцахъ и находится органъ свѣта. Положивъ червяка на спинку, прежде всего можно замѣтить, что онъ испускаетъ свѣтъ не безпрерывно, а съ перемежками; иногда онъ совершенно угасаетъ, потомъ опять свѣтится. Судя по этому обстоятельству, нѣкоторые натуралисты предположили, что свойство обнаруживать свѣта подчинено волѣ животнаго; но это мнѣніе несправедливо. Фосфоризація свѣтоносныхъ сочлененій продолжается даже и послѣ отдѣленія ихъ отъ насѣ-

Смѣта (*).

Наименованіе матеріаловъ.	Количество.	За одну вещь. Р.	К.	За всѣ. Р.	К.
Бревно, длиною 2 сажени, толщиною 3 вершковъ.	1	—	—	7	—
Желѣза на два кольца съ пятникомъ	15 ф.	10 пуд.		3	75
На водяное колесо.					
Брусковъ, длин. 4-хъ аршинъ, $2\frac{1}{2}$ вершковъ	2	—	50	1	—
Жердей, длин. 3-хъ саженъ, $1\frac{1}{2}$ вершка	2	—	25	—	50
Доска, дл. 4-хъ сажен. тол. $\frac{1}{2}$ дюйма	1	—	—	—	40
На кулачное колесо.					
Досокъ, длиною 4-хъ саженъ, толщ. $3\frac{1}{2}$ дюйма	2	2	80	5	60
Жердей березовыхъ, (или другаго крѣпкаго дерева). длиною 3-хъ саженъ, толщ. $1\frac{1}{2}$ вершка	1	—	—	1	—
На шестерню.					
Досокъ, длиною 3-хъ саженъ, толщиною $2\frac{1}{2}$ дюйма	1	—	—	2	—
Жердей березовыхъ (иля другаго крѣпкаго дерева), длин. 2 саж. толщиною $1\frac{1}{2}$ вершка	1	—	80	1	60
Обручей желѣзныхъ два, вѣс.	12 ф.	10 п.		3	—
На стержень бревно, длин. $3\frac{1}{2}$ аршинъ, толщиною 4-хъ вершк.	1	—	—	—	90
На прочія части машины.					
Бревенъ, толщ, 7 верш., длин. $3\frac{1}{2}$ арш.	1	—	—	1	50
Бревенъ, толщ. 4 верш., длин. 3-хъ арш.	2	1	25	2	50
Пластина, длин. 4 саж., шир. 5 вершк.	1	—	—	1	50
Жердей, березовыхъ, длиною 2 аршин., тол. до 2-хъ вершковъ	1	—	—	—	80
Гвоздей, длин. 5 и 6 дюймов. на 12 челековъ	50	—	—	—	70
Досокъ, толщ. $\frac{1}{2}$ дюйма, дл. 4 сажени	$4\frac{1}{3}$	—	40	1	75
Веревокъ пеньковыхъ въ окружности $\frac{1}{4}$ дюйма	50 ар.	—	—	—	50
Веревокъ пеньковыхъ или мочальныхъ, въ окружности 1 д.	18 ф.				
Жолобъ деревянный, выдолбленный изъ пластины или днища, длиною, примѣрно, до 4-хъ саженъ	1	—	—	2	—
На подставки къ жолобу, на распорки къ стойкамъ и обдѣлку ямы, кольевъ, толщ. отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вершковъ, длиною отъ 3 до 4 аршинъ	20	—	—	—	—
Камыша пучковъ на обдѣлку ямника, длиною 1 сажени, тол. въ кмлѣ до 6 вершковъ	40				
Итого	—	—	—	39	—
За работу примѣрно	—	—	—	20	—
Всего	—	—	—	59	—

комаго. Раздавивъ свѣтляка, можно замѣтить развитіе длинныхъ полосъ свѣта въ желтоватой матеріи, которую содержатъ послѣднія кольца, и этотъ свѣтъ продолжается довольно долго. Слѣдовательно цѣлость и жизнь животнаго не необходимы, даже не нужны для произведенія фосфоризаціи. Г. Маттеуччи, основываясь на этомъ, производилъ различные опыты; сообщаемъ результаты ихъ нашимъ читателямъ.

Въ чистомъ кислородномъ газѣ, свѣтъ, испускаемый фосфорическимъ веществомъ, отдѣленнымъ отъ насѣкомаго, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ воздухѣ, и свѣтится долѣе. Анализируя кислородный газъ, въ который фосфорическое вещество было опущено на нѣкоторое время, г. Маттеуччи замѣтилъ измѣненіе въ самомъ газѣ, а именно: поглощеніе кислорода и образованіе углеродной кислоты. Въ атмосферическомъ воздухѣ фосфорическое вещество произвело тѣ же измѣненія, а именно, поглощеніе кислорода и образованіе углеродной кислоты. Кромѣ того, г. Маттеуччи сдѣлалъ еще опытъ съ водородомъ, въ которомъ онъ продержалъ цѣлыя сутки нѣсколько свѣтящихся червяковъ; фосфоризація длилась нѣсколько мгновеній и послѣ анализа оказалось, что ни качество, ни объемъ газа не измѣнились замѣтнымъ образомъ.

Эти опыты ясно выказываютъ родъ феномена, производящаго фосфоризацію свѣтящагося червяка: она происходитъ отъ соединенія между кислородомъ воздуха и извѣстною частію углерода, содержащагося въ желтоватой матеріи, находящейся въ послѣднихъ сочлененіяхъ насѣкомаго. Этимъ объясняется почему они поглощаютъ кислородный газъ и образуютъ углеродную кислоту. Тутъ происходитъ медленное гореніе, подобное сгаранію гнилаго дерева и т. п. Г. Маттеуччи положительно удостовѣрился въ томъ, что это гореніе не сопровождается развитіемъ теплоты; но происходитъ въ такихъ мелкихъ частяхъ, что жаръ не можетъ быть ощутителенъ, хотя бы онъ и существовалъ. Впрочемъ есть многія другія химическія измѣненія, въ которыхъ свѣтъ не сопровождается замѣтнымъ жаромъ. Слѣдовательно, должно согласиться съ г. Маттеуччи, что фосфоризація свѣтляка производится чрезъ соединеніе кислорода съ углеродомъ, содержащимся въ желтоватомъ веществѣ, которое находится въ послѣднихъ кольцахъ.

Но какъ происходитъ это гореніе въ живомъ насѣкомомъ? Какъ образуется между воздухомъ и веществомъ, который онъ содѣлываетъ фосфорическимъ, соприкосновеніе, необходимое для произведенія соединенія? Разсматривая въ микроскопъ существо свѣтящагося органа, по снятіи оболочки, окружающей его, легко можно замѣтить желтоватую зернистую матерію, посреди которой являются группы красныхъ шариковъ, множество отраслей и пустыхъ трубочекъ, похожихъ на мускульныя фибры. Почию можно замѣтить, что свѣтъ исходитъ изъ зернистой, желтоватой матеріи. Въ живомъ насѣкомомъ эта матерія содержится между брюшной и спинной перепонкой, которыя обѣ прозрачны и покрыты волосками: на внутренней сторонѣ послѣдней, кромѣ того, замѣтно множество трубочекъ, или воздушныхъ сосудовъ, проходящихъ въ фосфорическое вещество. Съ помощію этихъ сосудовъ, кислородъ воздуха находится въ соприкосновеніи съ угольнымъ веществомъ; гореніе котораго производитъ свѣтъ. Маленькій красный пузырь, впервые замѣченный г. Маттеуччи, заслуживаетъ, въ этомъ отношеніи, особенное вниманіе естествоиспытателей. Зернистая желтоватая матерія, безпрестанно возобновляется и сохраняетъ свои свойства, чрезъ питаніе, одинако дѣйствующее на всѣ части живыхъ тѣлъ.

— Вниманіе многихъ ученыхъ теперь обращено на изслѣдованіе болѣзни картофеля, которая съ неимовѣрною быстротою распространяется все далѣе и далѣе. Нѣкто г. Бонжанъ, аптекарь въ Шамбери и, вѣроятно, любитель картофеля, производилъ надъ нимъ всевозможные опыты. По его мнѣнію, особенныя атмосферическія явленія, ознаменовавшія прошедшее лѣто, суть единственныя причины этой болѣзни, и частыя перемѣны дождя, тепла и холода достаточно объясняютъ разстройство ткани растенія, частію напитаннаго водянистою жидкостію. Г. Бонжанъ полагаетъ, что должно сколь возможно скорѣе вынуть картофель изъ земли и отобрать дурныя картофелины отъ хорошихъ; снявъ ножемъ поврежденныя частицы, картофель не должно мыть: иначе гніеніе увеличится; также не должно складывать ихъ въ кучи до очищенія; и въ послѣднемъ случаѣ ихъ должно класть не толстыми слоями, чтобы лучше дать имъ высохнуть. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, г. Бонжанъ является только какъ мыслитель, какъ наблюдатель; но слушайте далѣе, и вы изумитесь любви г. Бонжана къ человѣчеству или — къ картофелю!.. Собравъ поврежденныя и брошенныя картофелины, онъ въ продолженіе трехъ дней почти исключительно питался ими, не обрѣзая поврежденныхъ частицъ; онъ съѣлъ такимъ образомъ до 10-ти фунтовъ, въ супѣ, поджареннаго и просто въ водѣ свареннаго, картофеля, не ощутивъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій, исключая нѣсколько труднаго пищеваренія. Но онъ не удовольствовался этимъ: въ одно прекрасное утро онъ выпилъ на тощакъ стаканъ воды, въ которой выварилъ 2 фунта сгнившихъ туберкулъ; вода эта была густа, грязна и вонюча. Какое геройское самопожертвованіе! И что же? Кромѣ непріятнаго, ѣдкаго вкуса во-рту и жара въ груди, продолжавшагося два часа, онъ не ощутилъ ничего особеннаго. Кажется, и этого довольно! Своимъ примѣромъ и, быть можетъ, краснорѣчіемъ г. Бонжанъ убѣдилъ своихъ двухъ прикащиковъ и лакея питаться въ продолженіе двухъ дней однимъ поврежденнымъ картофелемъ. Никакихъ дурныхъ послѣдствій не было.

— По огромному количеству шампанскаго, выпиваемаго въ цѣлой Европѣ, должно бы полагать, что винные торговцы въ Шампаніи чрезвычайно богаты виноградниками, между тѣмъ, какъ иные изъ нихъ имѣютъ весьма мало виноградниковъ, другіе же совсѣмъ ихъ не имѣютъ. Большая часть изъ нихъ обязаны покупать до двухъ третей вина, которое они распродаютъ. Вино, купленное тотчасъ же по собраніи винограда или нѣсколько мѣсяцовъ спустя, есть не что иное, какъ грубый матеріалъ, который фабрикантъ долженъ превратить въ пѣнящееся, шипучее вино. Первая ферментація происходитъ въ бочкахъ и требуетъ тщательнаго присмотра; дрожжи, осаждающіяся на дно бочки, заставляютъ попеременно переливать жидкость изъ одной бочки въ другую. Вино можетъ быть разлито въ бутылки не ранѣе какъ 8 или 10 мѣсяцовъ спустя послѣ уборки виноградa. Этой операціи предшествуютъ самыя тщательныя, мелочныя попеченія: мѣшаютъ вина, чтобы придать имъ различныя качества, тонкость, букетъ; употребляютъ недавно открытое средство, чтобы воспрепятствовать вину густѣть и течь на подобіе масла; дистиллируютъ частичку каждаго сорта, чтобы узнать пропорціи элементовъ, составляющихъ вино, а именно: сахара, алкоголя и кислоты; вѣрное знаніе пропорцій этихъ трехъ началъ служитъ руководителемъ въ необходимыхъ мѣрахъ для увиличенія или ослабленія закваса, производящаго пѣну; отъ вѣрнаго опредѣленія силы закваса менѣе бутылокъ лопаются. Въ 1842 году лопалось отъ 60 до 80 бутылокъ изъ 100. Будучи разлито по бутылкамъ вино должно быть поставлено въ приличной температурѣ, для броженія, для образованія осадка и для развитія пѣнистаго начала. Смотря по обстоятельствамъ, должно ставить вино въ погреба или подвалы. Нужна большая опытность, чтобы узнать качества осадка и по немъ опредѣлить достоинства или недостатки вина. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, вино далеко еще не готово: надо подождать годъ или два, чтобы подвергнуть его окончательной выдѣлкѣ, послѣ которой оно поступаетъ въ продажу. По прошествіи этого срока, приступаютъ къ самой трудной выдѣлкѣ. Значительный осадокъ, образовавшійся, какъ на днѣ, такъ и по сторонамъ бутылки долженъ быть извлеченъ такимъ образомъ, чтобы газъ не испарился и чтобы сила шипучести не ослабла. Чтобы достигнуть этой цѣли, бутылки ставятъ вертикально, горлышкомъ внизъ на столахъ съ дырочками: каждый день, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, работникъ слегка взбалтываетъ жидкость, не вынимая, однако жъ, бутылки изъ отверзтія, въ которомъ она стоитъ; такимъ образомъ осадокъ мало-по-малу опускается на внутренную сторону пробки; потомъ самые опытные и искусные работники тщательно извлекаютъ этотъ осадокъ безъ ущерба вину и такимъ образомъ, чтобы содѣлать его сколько возможно свѣтлымъ и прозрачнымъ. Послѣ этого прочищенія вина приступаютъ къ подслащенію его: послѣднее состоитъ въ разсчисленіи снадобій, необходимыхъ для того, чтобы придать ему сладость и легкость, въ которой оно можетъ имѣть нужду. Наконецъ послѣдніе работники герметически закупориваютъ бутылки проволокой, могущей противостоять силѣ газа. — Все это только общій взглядъ на всѣ трудности этой важной фабрикаціи, въ которой въ пятьдесятъ лѣтъ произведены значительныя улучшенія. Выпивая бутылку шампанскаго въ нѣсколько мгновеній, мы, вѣроятно, не думаемъ о трудахъ и заботахъ, которыхъ требуетъ это мимолетное удовольствіе.

— Въ Булони окончена, наконецъ, послѣ 41-го года работъ, колонна Великой-Арміи. Первый камень ея былъ заложенъ маршаломъ Сультомъ, 9-го ноября 1804 года. Политическіе перевороты были главной причиной этой медленной работы. Статуя Наполеона, стоящая на вершинѣ колонны, исполнена г. Бозіо; это та самая, которая, во время перенесенія праха Наполеона, стояла на эспланадѣ Дома Инвалидовъ. Изъ двухъ барельефовъ, одинъ, изображающій выходъ арміи изъ Булони, работы г. Бра; другой, изображающій первую раздачу креста почетнаго легіона, работы г. Лемэра.

— Фернейскій замокъ, прославленный какъ мѣстопребываніе Вольтера, будетъ проданъ съ публичнаго торга въ будущемъ мѣсяцѣ. Новый хозяинъ его, согласуясь съ личными выгодами болѣе, нежели съ историческими воспоминаніями о знаменитомъ философѣ, вѣроятно, приступитъ къ перестройкѣ полуразвалившагося зданія.

— Обезображенный трупъ несчастнаго молодаго человѣка, лейтенанта Лемоана, командовавшаго шкуной «Doris» — былъ выброшенъ на берегъ; его узнали только по платью и золотымъ часамъ, которые онъ всегда носилъ съ собою. Ему были отданы должныя военныя почести. Похороны его произвели сильное впечатлѣніе на жителей Бреста. Передъ похороннымъ поѣздомъ шли моряки, спасшіеся съ потонувшей шкуны.

— Мы сообщали уже читателямъ нашимъ подробный разсказъ о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находятся жители Фельсберга. Доселѣ, эти несчастные жили въ тягостной безвѣстности о своей будущей судьбѣ. Наконецъ, для поселенія ихъ выбрали новое мѣсто и со всѣхъ сторонъ стекаются вспомоществованія, для облегченія Фельсбергцамъ издержекъ, сопряженныхъ съ новымъ переселеніемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ШЕКСПИРЪ.

Не гляди на солнце
Лѣтомъ, въ яркій полдень,
Если Богомъ не данъ
Оку взоръ орлиный,
Если ты заранѣ
Знаешь, что отъ блеска
Пламеннаго солнца
Потеряешь зрѣнье.

Не читай Шекспира,
Если ты боишься
Глубоко проникнуть
Въ тайны роковыя
Бытія земнаго —
Если ты нехочешь
Разгадать движеній
Сердца человѣка...

С. Дуровъ.

=

КРУЧИНЫ.

Есть непонятныя кручины:
Онѣ родятся безъ причины,
И словно ржава на мѣди
Ложатся ѣдко на груди...

=

Ненадо имъ несчастій близкихъ:
Онѣ какъ сосны горъ алпійскихъ,
На голомъ камнѣ могутъ цвѣсть:
Всегда, во всемъ имъ пища есть...

=

Изъ сердца вырвать ихъ нѣтъ средства,
Онѣ пускаютъ корень съ дѣтства;
Но если бъ даже вырвать ихъ —
Намъ горько стало-бы безъ нихъ...

С. Дуровъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Русскій театръ. Отложенная за болѣзнію г-жи Самойловой, новая комедія Р. М. Зотова: Новая Школа Мужей, дана будетъ на слѣдующей недѣлѣ.

Италіянская опера. Продолжаются репетиціи оперы: Lombardi. За этой оперой, дана будетъ опера: Beatrice di Tenda.

Французскій театръ. На слѣдующей недѣлѣ, во вторникъ, назначенъ первый дебютъ г-жи Плесси, Арну, въ комедіи Le ver d'eau. Женскія роли въ этой комедіи занимаютъ: Королевы г-жа Плесси — Арну, Герцогини — г-жа Алланъ, Абигель — г-жа Александръ Мейеръ.

Нѣмецкій театръ. Въ концѣ этой недѣли пріѣхалъ Нѣмецкій актеръ Левенбергъ, и въ роляхъ первыхъ любовниковъ будетъ дебютировать въ непродолжительномъ времени.

ПЕРЕПИСКА.

О. И. С. — Н. И. С—скому. — А. И. Б.—

Благодаримъ за участіе. Вы справедливо судите, что къ такимъ выходкамъ побуждаетъ газетку время года. Нападенія газеточки этой, нѣчто въ родѣ наводненій; совершаются періодически, во время возобновленія подписки; забушуютъ осеннія бури, газетка становится нездорова; мучится, мечется, и вулканъ изрыгаетъ всякую всячину. Но это — фальшфейеръ! Не бойтесь! Это для потѣхи читателей, для приманки подписчиковъ; газетка увѣрена, что шуточки ея чрезвычайно соблазнительны. Утопая въ самодовольствіи, газетка сочиняетъ сама стихи, дрянные, пошлые, да все-таки стихи. Лучше ненадо. Газетка вдохновляется, напримѣръ, березою и поетъ пѣсни русскія съ грѣхомъ пополамъ, но все-таки поетъ; лучше не надо... Пуще всего газетка надувается въ субботу; цѣлую недѣлю она бѣгала, перерыла весь соръ, отыскала въ немъ нѣсколько опечатокъ и въ субботу стряпаетъ изъ нихъ всякую всячину въ полномъ смыслѣ слова. Щукинъ дворъ хохочетъ. Газетка довольна, счастлива, поетъ подъ пѣсню о березѣ своимъ натуральнымъ голосомъ и засыпаетъ летаргическимъ сномъ на всю недѣлю... Въ сильномъ только восторгѣ она сражается иногда съ издателями или молодыми людьми, дерзко подвизающимися на поприщѣ, но это случается рѣдко; чаще засыпаетъ... Можетъ ли такое созданіе обратить на свою всякую всячину вниманіе серьезное. Не всякій, если бы и захотѣлъ, можетъ нанести личную обиду... Вы ошибаетесь! Выходка всякой всячины на счетъ образованія Редактора Иллюстраціи — не есть личность... Редакторъ Иллюстраціи — не мноъ. Его образованіе, каково оно ни есть, извѣстно многимъ, въ томъ числѣ и вамъ, милостивые государи. И въ чемъ, позвольте спросить, заключается европейское образованіе? Полагаемъ, что для того надо кончить курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній; но выходѣ въ свѣтъ, слѣдовать за ходомъ просвѣщенія, читая лучшія сочиненія. Не мѣшаетъ совершить путешествіе, но уже тогда, когда основательныя знанія въ наукахъ и художествахъ пріобрѣтены систематически. Творецъ всякой всячины и другой разной разности, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, а путешествовалъ? Какъ-же! Онъ путешествовалъ по Европѣ, состоя на службѣ во французскихъ войскахъ, и просвѣщался. Но тогда, вы скажете, и ученыя дѣла всей Европы были въ хаосѣ. Все равно. Онъ все-таки просвѣщался отличнѣйшимъ образомъ, по тогдашнему фасону, такъ, что онъ первый открылъ, что изобрѣлъ двигательную силу паровъ не Уатъ, не его предшественники, а послѣдователь Уата — Фультонъ. Право, открылъ — и не удивительно. Онъ самъ все это могъ видѣть собственными глазами. Если бы мы, напримѣръ, сказали, что Фультонъ изобрѣлъ пары, если бы Præfectus castrensis перевели начальникомъ провіантовъ и въ такой унизительный чинъ произвели бы начальника Римскаго лагеря, что бы вы сказали о нашемъ ученомъ образованіи. Если бы мы печатно сказали, что въ такой-то партитурѣ скрипки идутъ гораздо выше духовыхъ, тенора назвали бы басомъ, баса баритономъ, Фиделіо — скучною оперою, Бетговена — недостойнымъ памятника; если бы указали съ важностію, не краснѣя, на блистательный переходъ отъ forte къ allegro, чтобы вы подумали о нашемъ музыкальномъ образованіи? Если бы мы нападали на Гоголя, Загоскина, Карамзина, Полеваго, Пушкина, Сенковскаго, на всѣхъ, на всѣхъ, на комъ лежитъ печать дарованія? А всякая всячина бросалась на всѣхъ живыхъ писателей, оставляла въ покоѣ и торжественно увѣряла въ пріязни тѣхъ же писателей; но когда случалось кому изъ нихъ умереть, не раньше. Всякая всячина страшна, ужасна въ гнѣвѣ своемъ, и не удивительно: она страждетъ безсонницей, она сама изрекла: Мы не дремлемъ! Да и дѣла много!.. Теперь начинается подписка на всѣ журналы и газеты; тутъ не до сна. Теперь вмѣстѣ съ одной всякой всячиной появилась и другая всякая всячина, въ видѣ объявленія, въ которомъ сказано, что творцы (къ одному отсутствующему не относятся слова наши) этой газетки, не жалѣя никакихъ пожертвованій, приглашаютъ лучшихъ русскихъ литераторовъ сообщать въ газетку свои легкія произведенія, на выгодныхъ для писателей условіяхъ... То же было объявлено и въ прошедшемъ году; но видно денежныя выгоды не на всякаго дѣйствуютъ такъ полновластно. Кто у насъ лучшіе писатели? Бащуцкій, Бенедиктовъ, Кн. Вяземскій, Гоголь, Гребенка, Михайловскій-Данилевскій, Загоскинъ, Лажечниковъ, Луганскій, Муравьевъ, Поповъ, Ободовскій, Кн. Одоевскій, Сенковскій, Скобелевъ, Графъ Сологубъ и не многіе другіе. Не одного изъ нихъ мы въ газеткѣ въ этомъ году не видали. Газетка ихъ только приглашала, но это европейское образованіе всему злу причина... Ни одинъ не явился. Теперь въ этой всякой всячинѣ, что въ видѣ объявленія, фраза и кончилась только приглашеніемъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; а въ прошломъ году было гораздо авантажнѣе сдѣлано. Напечаталъ творецъ всякой всячены, что даже нѣкоторые писатели уже и прислали въ Редакцію свои сочиненія, въ томъ числѣ и Кукольникъ препроводилъ совсѣмъ оконченную Исторію Невскаго проспекта... тогда какъ эта Исторія и до сихъ поръ не начата! Впрочемъ европейское образованіе всему злу причина. О европейское образованіе Редактора! Кто тебя постигнетъ?.. Всякая всячина разсердилась на насъ за березу... Да мы тутъ чѣмъ виноваты? Право, не мы. — Въ піитическомъ жару всякая всячина, увидавъ березу, запѣла, заговорила стихами! Изъ чего такая радость! Въ восторгѣ ей показалось, будто береза Иллюстрирована! Отъ чего это ей такъ показалось? Но ужъ какъ себѣ хочетъ всякая всячина, а помѣщеніе березы уже тѣмъ полезно, что вдохновила творца всякой всячины и извлекла изъ души его сладкогласное пѣніе. Да здраствуетъ береза!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

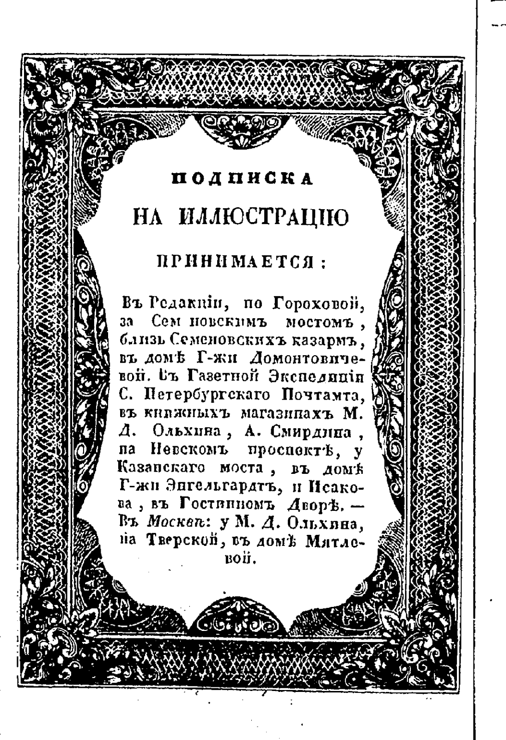
— Въ еженедѣльникѣ мы уже упомянули о новаго рода пирожной, поставленой въ Александринскомъ скверѣ, на Невскомъ Проспектѣ. Это — «заведеніе» названо: Голландской Вафельной Пекарней. Не шутите этимъ кочующимъ трактиромъ; любопытство увлекаетъ туда и львовъ и даже львицъ, и степенныхъ людей; словомъ, это весьма занимаетъ Петербургъ. Гравюра, представляющая эту кочующую пекарню, не поспѣла; вы получите ее въ слѣдующемъ нумерѣ.

— Побывайте у г. Лемольта, полюбуйтесь его богатой коллекціей разныхъ скульпторныхъ произведеній. Собраніе весьма богатое. Въ особенности понравятся вамъ, игрушки изъ композиціи на подобіе слоновой кости и новые дегерротипы.

— Кстати о скульптурѣ. Мы видѣли каррикатуры съ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ Петербургѣ артистовъ и писателей, сдѣланныя натурально, съ дозволенія каждаго, однимъ любителемъ. Нѣкоторыя необыкновенно удачны. Въ коллекціи уже семь нумеровъ. Многіе въ будущемъ.

— На углу Невскаго Проспекта и Адмиральтейской площади, въ магазинѣ Даціаро, мы видѣли новыя рамки, весьма дешевыя, и весьма красивыя. Поля фіолетоваго, голубаго цвѣта украшены позолотой, такъ что эти рамки можно повѣсить куда угодно; только не объявляйте вашимъ знакомымъ цѣны, потому что дешевое не всегда нравится.

— Мы должны объявить, вслѣдствіе полученныхъ нами писемъ, что въ ламповомъ магазинѣ геріо, въ домѣ Дворянскаго Собранія, и въ конторѣ г. Рутге и Комп., получены въ значительномъ числѣ лампы, о коихъ мы увѣдомляли въ нумерѣ 25-мъ Иллюстраціи. Тамъ же можно теперь получать и спиртъ и очищенный скипидаръ.



ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

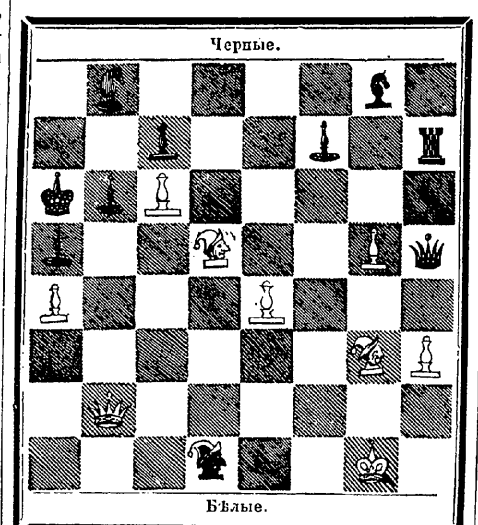
РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 26.

Бѣлые.	Черные.
1) Конь Короля на 6 м. Сл. Ф.	Кор. на 1 св. м.
2) Ф. на 8 м. Сл. Кор.	Ф. б. Ф. или Кор. б. К.
3) Въ 1-мъ случаѣ К. бер. Сл. и матъ. Во второмъ случаѣ К. на 8 м. свое и матъ.	

═

ЗАДАЧА № 27.

Бѣлые даютъ матъ въ пять ходовъ.

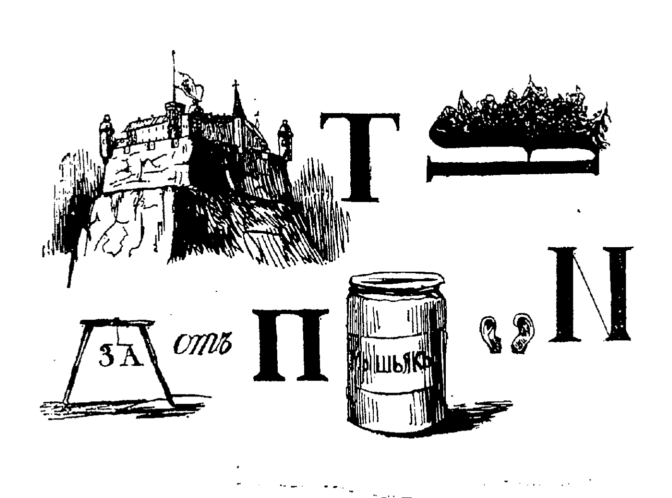


РАЗГАДКА № 26.

1) В-семъ-м-орехъ-ода-м-земля-нестихи-я.

2) Всемъ мореходамъ земля не стихія.

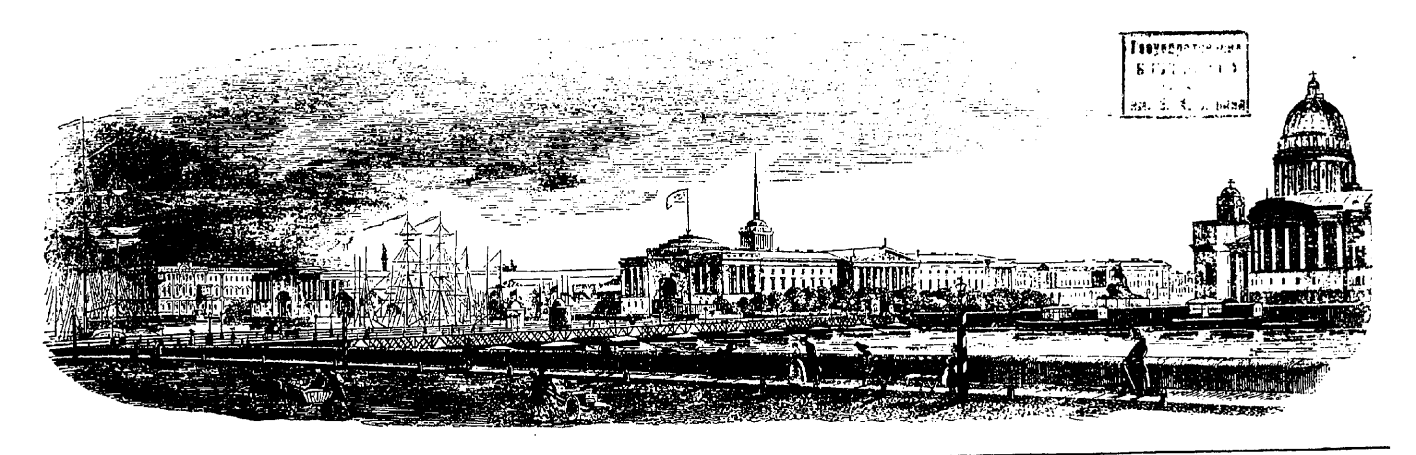
ЗАГАДКА № 27.



Печатать позволяется. С. Петербургъ, Октября 12 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. Фишона.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою : На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 28.—Суббота, 20 Октября 1845.** Безъ доставки и пересылки : На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЛЮЦІЯ-БЛОНДИНА.

Разсказъ Маріи Жоли.

I.

Это было давно, очень давно.

На берегу Шельды, въ двухъ или трехъ лье отъ Антверпена, стоялъ уединенный одноэтажный домикъ, въ которомъ жили двое мужчинъ и одна молодая дѣвушка. Послѣднюю звали Люціей; но рыбаки и моряки, останавливавшіеся иногда у ея отца, называли ее Блондиной.

Отцу Люціи было около шестидесяти-пяти лѣтъ; онъ былъ высокъ ростомъ; сѣрые глаза его имѣли жесткое, холодное выраженіе, смягчавшееся только тогда, когда онъ смотрѣлъ на свою дочь. Волосы его посѣдѣли, но посмотрѣвъ на нихъ внимательно, можно было замѣтить легкій оттѣнокъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что прежде волосы старика были рыжаго цвѣта. Загорѣлое лице его казалось высѣченнымъ изъ камня, такъ жестки и суровы были черты его. Жестокая немощь увеличивала пасмурный видъ Іоахима: онъ былъ глухъ.

Никто не зналъ, откуда пришелъ этотъ человѣкъ; въ одинъ день онъ поселился въ этомъ домѣ, который, какъ говорили, принадлежалъ ему; между тѣмъ онъ не былъ богатъ, потому что, несмотря на свой дикій нравъ, онъ продавалъ водку и пиво проѣзжавшимъ морякамъ и рыбакамъ.

Кромѣ отца и дочери въ домѣ былъ еще слуга, безобразный и уродливый, котораго звали Доминикомъ. Онъ прибылъ сюда вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и былъ преданъ ему какъ собака. Доминикъ былъ также не разговорчивъ, какъ и Іоахимъ; несмотря на то, въ минуту хорошаго расположенія духа, онъ охотно напѣвалъ какую нибудь пѣсенку моряка; это обстоятельство заставляло предполагать, что онъ, и хозяинъ его были нѣкогда моряками, и— кто знаетъ? быть можетъ, пиратами.

Какъ бы то ни было, но никто не имѣлъ причины жаловаться на нихъ: пиво, которое они продавали, было превосходно; водка была не дорога, хотя ее получали прямо изъ Голландіи... Но что совершенно сбивало съ толку клеветниковъ, такъ это то, что по воскресеньямъ, Доминикъ провожалъ Люцію въ Антверпенъ, гдѣ она усердно молилась въ церкви Божіей Матери.

Жизнь, которую вела Люція, была чрезвычайно печальна и однообразна для семнадцатилѣтней дѣвушки; несмотря на то, она никогда не жаловалась; но большіе голубые глаза ея были задумчивы, томны; она просиживала цѣлые часы, смотря на маленькія волны Шельды...

Мечтала ли Люція, или занималась она какимъ-нибудь женскимъ рукодѣльемъ, старый Іоахимъ не отходилъ отъ нея и не спускалъ съ нея глазъ; онъ былъ печаленъ, когда она задумывалась, счастливъ— когда она улыбалась. По однимъ взглядамъ его можно было угадать, что она единственное утѣшеніе его на свѣтѣ, что онъ жилъ только ею и для нея.

Но вдругъ большая перемѣна произошла въ привычкахъ Люціи: она стала дѣятельнѣе, живѣе; не просиживала уже цѣлые часы на берегу рѣки; во взорѣ ея сіяла тихая, нѣжная радость и сердце ея, досе-лѣ равнодушное, спокойное, начинало биться сильнѣе, когда лодка рыбака Жозефа, причаливала къ берегу, противъ дома Іоахима.

Жозефъ былъ стройный молодой человѣкъ, со смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, выразительными глазами; онъ былъ сирота и слылъ за искуснѣйшаго рыбака въ окрестностяхъ Антверпена.

Жозефъ полюбилъ Люцію-Блондину, а Люція полюбила рыбака Жозефа!

Люція не знала кокетства, а потому она легко предалась влеченію первой любви. Съ той минуты, какъ она полюбила Жозефа, онъ замѣнилъ ей все въ мірѣ.

Однажды вечеромъ, Люція по обыкновенію подошла къ отцу, чтобы поцѣловать его и пожелать ему доброй ночи; Іоахимъ отклонился отъ ласки дочери и сказалъ ей грубымъ голосомъ:

— Ты любишь Жозефа?

Эта неожиданная строгость испугала Люцію; однакожъ она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Да, батюшка, люблю.

На лицѣ старика выразился сильный гнѣвъ; онъ удержалъ грозное движеніе и глухимъ голосомъ приказалъ дочери удалиться.

Комната молодой дѣвушки была въ нижнемъ этажѣ, возлѣ общей залы. Іоахимъ спалъ вверху, на чердакѣ, а Доминикъ поселился въ канурѣ, находившейся подъ лѣстницой.

Смущенная гнѣвомъ отца, Люція воротилась въ свою комнатку и задумалась: что она сдѣлала? Что было преступнаго въ любви ея къ Жозефу? Ничего... но вмѣстѣ съ тѣмъ молодая дѣвушка инстинктивно понимала, что Іоахимъ требовалъ всей любви дочери и готовъ былъ сдѣлаться смертельнымъ врагомъ того, кто отниметъ у него частицу этой любви.

Было уже близко къ полуночи. Люція стояла у открытаго окна. Іоахимъ, вѣроятно, давно уже спалъ. Ночной вѣтеръ, дувшій съ силою, донесъ до слуха молодой дѣвушки слѣдующія слова, напѣваемыя любимымъ голосомъ:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ,
«Блеснетъ ли звѣздочка моя!»

Люція поспѣшно выскочила изъ окна. Не обращая вниманія на вѣтеръ, обхватывавшій платье ея, она добѣжала до берегу, вскочила въ лодку отца, отвязала ее и схватившись за весла поплыла въ ту сторону, откуда слышалось пѣніе. Нѣсколько минутъ спустя, она сидѣла возлѣ Жозефа...

Молодой человѣкъ снялъ куртку и накрылъ ею дрожавшія плечи Люціи-Блондины. Потомъ онъ взялъ ее за руку и сказалъ нѣжнымъ голосомъ:

— Ты пришла въ такую дурную погоду, Люція; слѣдовательно ты любишь меня?

Люція не отвѣчала; она только пожала руку Жозефа и тихо склонила голову на грудь его.

— Люція, продолжалъ онъ; ты принадлежишь мнѣ предъ Господомъ... но это недостаточно въ глазахъ людей; завтра я переговорю съ твоимъ отцомъ.

— О, нѣтъ, Жозефъ, нѣтъ! Не говори ему ничего; онъ никогда не согласится!.. сказала Люція, съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Отчего, Люція? Отчего, ребенокъ?

— Останемся такъ, какъ мы теперь! наивно возразила Люція; я всегда буду любить тебя, Жозефъ, но и не разстанусь съ моимъ отцомъ.

— Слѣдовательно, сказалъ Жозефъ съ неудовольствіемъ, ты предпочитаешь мнѣ своего отца?

Люція кинулась на шею Жозефа и шепнула ему на ухо страстнымъ голосомъ:

— Ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ...

Страшный крикъ прервалъ Люцію! кровь Жозефа брызнула ей въ лицо, на руки!..

Однимъ ударомъ весла Іоахимъ разможжилъ рыбаку голову...

Люція встала, грозная и неподвижная какъ статуя, посмотрѣла сперва на отца, потомъ на Жозефа, лежавшаго у ногъ ея... громко, дико захохотала и запѣла:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ,
«Блеснетъ ли звѣздочка моя!»

II.

— Ты, развѣ, ничего не слышалъ въ прошлую ночь? спрашивалъ одинъ изъ рыбаковъ Доминика, спокойно курившаго изъ коротенькой трубки на порогѣ уединеннаго дома.

— Я слышалъ ураганъ, отвѣчалъ Доминикъ.

— Слѣдовательно ты не знаешь, что на пескѣ нашли тѣло бѣднаго Жозефа, выброшеннаго волнами на берегъ?

— Жозефа рыбака? съ изумленіемъ спросилъ Доминикъ.

— Да; онъ утонулъ въ прошлую ночь неизвѣстно какимъ образомъ и, вѣроятно, ударился головой объ сваи, потому что онъ страшно обезображенъ! Самое удивительное то, что вопервыхъ онъ мастеръ плавать, а во вторыхъ, находясь возлѣ вашего дома, могъ звать на помощь.

— Шумъ грозы, вѣроятно, заглушилъ его голосъ, отвѣчалъ Доминикъ съ видомъ состраданія.

— Можетъ быть! Дай-ка мнѣ рюмку водки. Смерть бѣднаго Жозефа произвела на меня какое-то нехорошее впечатлѣніе!

Говоря такимъ образомъ, рыбакъ хотѣлъ войдти въ домъ Іоахима; но Доминикъ остановилъ его, сказавъ:

— Хозяинъ мой болѣе не торгуетъ водкой.

— А! съ изумленіемъ произнесъ рыбакъ; что за причина?

— Не знаю, лаконически отвѣчалъ Доминикъ.

— Опять новая прихоть стараго медвѣдя! проворчалъ рыбакъ удаляясь.

Доминикъ вошелъ въ домъ и тщательно заперъ за собою дверь; потомъ, снявъ деревянные башмаки свои, тихонько пошелъ къ комнаткѣ Люціи; молодая дѣвушка лежала на кровати; лицо ея было спокойно, дыханіе ровно. Возлѣ кровати стоялъ Іоахимъ; платье его было въ безпорядкѣ, на лицѣ выражалось глубокое отчаяніе; зубы его стучали точно въ сильной лихорадкѣ; въ одну ночь онъ сдѣлался дряхлымъ старикомъ!..

Люція сдѣлала движеніе; Доминикъ значительно взглянулъ на своего хозяина; Іоахимъ опустилъ голову и медленно вышелъ изъ комнаты.

Люція проснулась, откинула длинные бѣлокурые волосы и бросила на Доминика разсѣянный взглядъ.

Доминикъ подошелъ къ ней и смягчивъ свой грубый голосъ, сказалъ:

— Не хотите ли вы встать, Люція?

Люція посмотрѣла на него, провела рукою по лбу и запѣла тихимъ голосомъ:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ...»

Доминикъ съ живостью прервалъ ее:

— Люція, дитя мое, сказалъ онъ, узнайте же меня... Я вашъ старый Доминикъ; знаете, тотъ самый Доминикъ, который укачивалъ васъ на своихъ рукахъ и игралъ съ вами на большомъ кораблѣ, на которомъ умерла ваша мать. Посмотрите на меня... Я вашъ вѣрный Доминикъ...

— Да... да... сказала Люція улыбаясь; пойдемъ на большой корабль... пойдемъ, Доминикъ, пойдемъ!

Она поспѣшно соскочила съ постели и вдругъ, неподвижная, остановилась посреди комнаты.

Двѣ крупныя слезы текли по морщинистымъ щекамъ Доминика.

— Увы! Господь лишилъ ее разсудка! проговорилъ онъ.

Люція оборотила къ нему голову и съ безпокойствомъ подойдя къ нему, спросила:

— Ты грустенъ? Отчего? Развѣ я обидѣла тебя?

Доминикъ утеръ рукою слезы, приподнялъ Люцію какъ ребенка и посадилъ ее на кровать.

— Ножки ваши озябли, дитя мое! сказалъ онъ; позвольте, я надѣну вамъ чулки.

Люція машинально протянула къ нему ножку.

— Вотъ такъ! сказалъ Доминикъ; дайте жъ мнѣ теперь вашу ручку; погода такая прекрасная... мы пойдемъ погуляемъ.

Люція молча повиновалась...

При взглядѣ на воду, быстрая дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ ея. Доминикъ наблюдалъ за нею съ боязнію... Воспоминаніе поразило ее въ сердце... но то была одна вспышка. Лицо ея приняло прежнее беззаботное выраженіе...

Когда Доминикъ привелъ ея опять домой, Іоахимъ, смотрѣвшій на нихъ изъ окна, не успѣлъ удалиться и встрѣтился съ дочерью. Она посмотрѣла на него боязливо и прижавшись къ Доминику, простонала:

— Боюсь, боюсь!

Инстинктъ пережилъ разсудокъ.

— Уйдите, уйдите! говорилъ Доминикъ. Вы ее убьете!

Старый Іоахимъ удалился рыдая.

Нельзя было смотрѣть безъ сострадапія на стараго, безобразнаго слугу, поддерживавшаго прелестную молодую дѣвушку... Онъ плакалъ, она улыбалась...

Поутру Доминикъ приходилъ въ комнатку Блондины; онъ помогалъ ей одѣваться; разчесывалъ роскошные русые волосы ея; вечеромъ онъ же укладывалъ ее спать какъ ребенка... потомъ, когда она засыпала, онъ шопотомъ призывалъ своего хозяина, и старый Іоахимъ проводилъ иногда цѣлыя ночи у постели дочери, не спуская съ нея глазъ...

Такимъ образомъ прошла зима; только желѣзная натура, подобная натурѣ Іоахима могла устоять противу глубокаго отчаянія и угрызеній совѣсти, цѣлые восемь мѣсяцовъ терзавшихъ его.

Наступила весна. Доминикъ приносилъ Люціи цвѣты; Люція говорила съ цвѣтами о матери и разсказывала имъ, что Доминикъ сведетъ ее на большой корабль,

И когда солнце сіяло на небѣ, Люція выбѣгала на лужайку и вмѣстѣ съ Доминикомъ собирала полевыя цвѣтки, чтобы сплести, какъ она говорила, вѣнокъ Богородицѣ, образъ который висѣлъ надъ ея кроватью.

Въ жизни ея была эпоха, о которой она уже болѣе не вспоминала; Господь, вѣроятно, сжалился надъ нею; отнявъ у нея счастіе женщины, онъ возвратилъ ей радости ребенка.

Когда Люція прогуливалась по берегу Шельды и когда проходили корабли, матросы съ восторгомъ любовались прекрасной головкой, сіявшей невинностью и говорили, что путешествіе ихъ будетъ счастливо, потому что встрѣтили улыбку ангела.

Однажды, когда Доминикъ прогуливался съ нею, они встрѣтили большое общество мужчинъ и женщинъ, прибывшихъ изъ города, полюбоваться тамошнимъ мѣстоположеніемъ. Одинъ изъ мужчинъ, пораженный красотою и страннымъ выраженіемъ лица Люціи, подошелъ къ ней и внимательно посмотрѣлъ на нее.

То былъ докторъ.

— Эта молодая дѣвушка лишилась разсудка? спросилъ онъ шопотомъ Доминика.

Доминикъ вмѣсто отвѣта печально опустилъ голову.

— По какому случаю? спросилъ докторъ.

— Отъ испуга, нетерпѣливо возразилъ Доминикъ.

Докторъ подумалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Сильное ощущеніе можетъ спасти ее.

Доминикъ съ живостію поднялъ голову, но въ тоже время одна изъ дамъ вскричала:

— Скорѣе, докторъ, мы ждемъ васъ.

Докторъ удалился.

Въ продолженіи трехъ дней Доминикъ былъ задумчивъ; онъ обдумывалъ не будетъ ли Люція несчастна, если придетъ въ разсудокъ?.. Но увы! добрый Доминикъ былъ уже старъ и когда онъ умретъ, что тогда станется съ бѣдной Люціей?

Наконецъ онъ рѣшился.

Въ одинъ вечеръ, когда Люція уснула, онъ приказалъ Іоахиму не выходить изъ своей комнаты, а самъ растворилъ окно въ комнатѣ молодой дѣвушки и отошелъ отъ дому на нѣсколько шаговъ.

Воздухъ былъ тяжелый, вдали слышались раскаты грома. Ночь была мрачная.

Доминикъ громко запѣлъ:

«Мѣсяцъ спитъ на чорномъ небѣ,
«Блеснетъ ли звѣздочка моя.»

Едва онъ произнесъ послѣднія слова, какъ Люція, подобно тѣни выскочила изъ окна съ распущенными волосами, добѣжала до лодки отца, отвязала ее и поплыла по теченію.

Ночь была такая темная, что Доминикъ не замѣтилъ бѣгства безумной; онъ воротился въ комнату, чтобы увидать дѣйствіе, произведенное его пѣніемъ... сердце его сильно билось...

На кровати никого не было!

Іоахимъ выбѣжалъ изъ дому, громко восклицая:

— Люція! Люція!..

Но ураганъ заглушалъ голосъ его... Іоахимъ отвязалъ лодку рыбака, ту самую, въ которой онъ переѣхалъ за дочерью въ ночь страшнаго убійства... Теченіе понесло

его... Ударилъ громъ и при свѣтѣ молніи, старикъ увидѣлъ пустую лодку, которую пѣнившіяся волны гнали къ берегу!

На другой день на пескѣ было найдено тѣло молодой дѣвушки, выброшенное волнами.

То былъ трупъ Люціи-Блондины.

Доминикъ и Іоахимъ пропали безъ вѣсти.

Можетъ быть они погибли въ уединенномъ домѣ, сожженномъ въ ту же ночь огнемъ небеснымъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Ученыя извѣстія. Членъ и корреспондентъ Парижской Академіи наукъ, *г. Буссенго* (Boussingault), сообщилъ академіи свои замѣчанія касательно употребленія аммоніако-магнезіальной фосфорнокислой соли для удобренія земли. Многочисленные опыты и наблюденія надъ раздѣленіями полей на пашни, показали ему замѣчательное отношеніе въ совокупленіи нѣсколькихъ элементовъ, входящихъ въ составъ растѣній. Такимъ образомъ магнезія, которую считаютъ столь вредною растительности, постоянно находится въ нѣкоторомъ отношеніи съ пропорціею фосфорной кислоты; а потому должно предпологать, что минеральныя частицы пшеницы, маиса, бобовыхъ растѣній, часто содержатъ фосфорно-кислую магнезію. Съ другой стороны, разсмотрѣвъ внимательно общее состава растительно-питательнаго вещества, можно замѣтить очевидную сродность между азотомъ и фосфорной кислотою, что, какъ бы служитъ доказательствомъ того, что въ растительной организаціи, фосфорновато кислыя соли принадлежатъ, преимущественно, къ азотнымъ питательнымъ началамъ, и что онѣ слѣдуютъ за ними даже въ организмъ животныхъ. Эти-то обстоятельства и побудили г. Буссенго произвесть опыты надъ аммоніако-магнезіальной фосфорно-кислой солью, которая, точно, содержитъ элементы, болѣе другихъ содѣйствующіе развитію растѣній: фосфорную кислоту, которая въ видѣ фосфорнокислой соли входитъ въ составъ всѣхъ сѣмянъ; магнезію, почти всегда встрѣчаемую въ золѣ; аммiакъ, съ азотомъ атмосферы содѣйствующій производству азотныхъ веществъ. Аммоніако-магнезіальная фосфорнокислая соль, содержитъ одно изъ свойствъ гипса, успокоивающихъ на счетъ употребленія ея, именно: весьма слабую растворимость. Если соль мало растворимая полезна по качеству своему, то она не можетъ сдѣлаться вредною по пропорціи, потому что вода, которая должна быть поглощена корнями, вбираетъ въ себя весьма малое количество этой соли. Послѣ этого вступленія мы заимствуемъ изъ рапорта г. Буссенго описаніе произведенныхъ имъ опытовъ.

«Въ нынѣшнемъ году, — пишетъ г. Буссенго, — а именно 1-го мая, я наполнилъ пахатною землею нѣсколько глиняныхъ горшковъ, которые я раздѣлилъ на двѣ серіи: въ первой я прибавилъ къ землѣ каждаго горшка по 16 граммъ аммоніако-магнезіальной фосфорно-кислой соли и зародившееся уже зерно ранняго маиса (maïs quarantain). Всѣ горшки были выставлены на открытый воздухъ и, смотря по надобности, ихъ поливали одинакимъ количествомъ воды.

«Въ теченіи двухъ недѣль, послѣдовавшихъ за всходомъ, всѣ растѣнія были совершенно сходны; только 25 дней спустя послѣ посадки, стала появляться разница, постоянно усиливавшаяся; 23-го іюля растѣнія первой серіи, съ придачей соли, были вдвое выше и втрое толще маиса, посѣяннаго въ нормальной землѣ; 25-го августа отношенія эти измѣнились: маисъ первой серіи былъ въ полтора раза выше и въ два раза толще маиса второй серіи.

«Всѣ растѣнія цвѣли и колосились въ одно время. Тѣ, которыя развились подъ вліяніемъ соли, имѣли два зрѣлыхъ и одинъ не зрѣлый колосъ; другія же имѣли одинъ зрѣлый и одинъ не зрѣлый колосъ: я долженъ прибавить, что весь ранній маисъ, разведенный въ нынѣшнемъ году на поляхъ, находился въ послѣднемъ состояніи. Зерно первыхъ растѣній вѣсило 2¼, а другихъ 1.

«Я привыкъ обращать весьма мало вниманія на агрономическіе опыты въ малыхъ размѣрахъ; однакожъ, когда дѣло идетъ о новомъ способѣ удобренія, то я обыкновенно дѣлаю опыты въ малыхъ размѣрахъ, а потомъ уже приступаю къ большимъ; я не сообщилъ бы полученныхъ мною результатовъ, еслибъ они не были такъ важны. Я дѣлалъ много опытовъ съ различными удобрительными средствами, но ни одно не было такъ изумительно успѣшно.»

— Г. же Буссенго недавно извѣщалъ Парижскую академію наукъ о своихъ опытахъ для освѣщенія рудничныхъ галлерей помощію электричества. Нынѣ, онъ представилъ академіи письмо Г. Деларива, въ которомъ этотъ физикъ увѣдомляетъ его, что онъ сдѣлалъ такое освѣщеніе въ рудникахъ, и что предпріятіе его оказалось вполнѣ успѣшнымъ.

— Между тѣмъ какъ во всѣхъ журналахъ толкуютъ о болѣзни картофеля, пріискивая средства къ предотвращенію ея; между тѣмъ какъ въ Ирландіи уже заражена четвертая часть всего картофельнаго урожая, одинъ изъ главнѣйшихъ заводчиковъ въ Вирѣ, послѣ шестилѣтнихъ изслѣдованій и опытовъ, успѣлъ недавно открыть способъ дѣлать очень крѣпкую бумагу, писчую и картонную, изъ картофельной мязги, остающейся на заводахъ послѣ отмывки отъ картофеля крахмала или такъ называемой муки, смѣшивая эту мязгу съ равною частію шерстяной бумаги. Это открытіе, если вполнѣ оправдается, важно тѣмъ, что даетъ новую и обширную потребность произведеніямъ картофеля и тѣмъ распространяетъ предѣлы его употребленія.

— Г. Кувьэ-Гравьэ (Coulvier Gravier) представилъ въ Академію наукъ свои наблюденія надъ падающими звѣздами; изъ этихъ наблюденій въ непродолжительномъ времени будетъ составлена полная исторія этихъ таинственныхъ феноменовъ. Къ своимъ запискамъ г. Кувьэ-Гравьэ присовокупилъ карту, изображающую положеніе и теченіе 482 метеоровъ, замѣченныхъ въ Парижѣ, въ ночь на 10-е августа нынѣшняго года. Эта карта весьма замѣчательна во многихъ отношеніяхъ.

— Въ Бурбонской колоніи появилась странная, необъяснимая болѣзнь на сахарномъ тростникѣ. До сихъ поръ не извѣстны ни причины этой болѣзни, ни средства остановить слишкомъ быстрое распространеніе ея. Капитанъ Латапи, недавно возвратившійся изъ Индіи, пишетъ слѣдующее:

«Г. Лекоа де-Квегэнъ, богатѣйшій владѣтель Колоніи (у него 5 поселеній и около 2000 невольниковъ) разсказывалъ мнѣ, что лишь только были замѣчены первые признаки болѣзни, то онъ пригласилъ г. Ришара, директора Ботаническаго сада въ Сенъ-Дени, прося его осмотрѣть плантаціи. Первою мыслію г. Ришара было, что эта болѣзнь происходитъ отъ истощенія почвы. Ему указали больной тростникъ на вновь обработанной землѣ: тогда онъ предположилъ, что причиной болѣзни должна быть старость разсады; наконецъ, увидѣвъ совершенно юныя растѣнія съ признаками болѣзни, онъ рѣшилъ, что причину ея должно приписывать какому либо атмосферическому вліянію.

«Но самое грустное то, что всѣ полагаютъ, что урожай 1846 года будетъ самый бѣдный».

Не дай-то Богъ!

Иностранная Литература. Въ послѣднее время вышло много сочиненій о Турецкой имперіи, но ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ въ такой степени вниманія ученыхъ и людей, любящихъ положительное, солидное образованіе, какъ сочиненіе г. Шовена Белльяра, бывшаго члена Алжирской законодательной Коммиссіи. Книга его вышла подъ названіемъ: «О турецкой имперіи, народахъ, ее населяющихъ и о ея династіи». Г. Шовенъ изучилъ свой предметъ на мѣстѣ; онъ путешествовалъ не какъ туристъ; проживъ нѣсколько лѣтъ между турками, онъ изучалъ нравы, обычаи, духъ ихъ, старался постигнуть настоящее значеніе ихъ законовъ и постановленій, тщательно отвергая всѣ предразсудки и предубѣжденія, съ которыми другіе путешественники смотрѣли на эту страну. До сихъ поръ вышла только одна часть, заключающая ѳеократію, религію, догматы Магомета и его книги; слѣдующія части выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени и мы надѣемся познакомить нашихъ читателей съ подробностями этого сочиненія, которое по важности, терпѣнію, вѣрнымъ взглядамъ и заботливому изученію предмета можетъ стать на ряду съ первоклассными сочиненіями подобнаго рода.

Иностранные театры. Въ парижской Большой-Оперѣ ставятъ на сцену новую оперу подъ названіемъ: «Царь Давидъ.» Музыку сочинилъ г. Мермѐ.

— Въ Парижскомъ Французскомъ театрѣ (Théâtre-Français) съ большимъ успѣхомъ была играна въ послѣднее время комедія: «Корнель и Ротру», сочиненія гг. Бурэ и Кормона.

— Пѣвецъ Маріани производилъ furore въ Парижѣ. Нѣкоторые Парижскіе журналы и журнальцы, которые поставили себѣ за правило превозносить все то, что въ Парижѣ, провозглашали г. Моріани первымъ пѣвцомъ въ мірѣ. Не смотря на то, онъ не удержался на тамошней сценѣ и уѣхалъ, какъ говорятъ, въ Мадридъ. Гризи, Маріо и Лаблашъ воротились въ Парижъ и съ энтузіазмомъ были приняты публикою въ «Пуританахъ.»

— Извѣстный пѣвецъ Дюпре́, получающій ежегодно до 100,000 франковъ дохода, умѣетъ прекрасно пользоваться своими деньгами. Во первыхъ онъ великодушно помогаетъ своимъ родственникамъ и стариннымъ друзьямъ, а во вторыхъ не забываетъ и себя. Онъ купилъ у маркиза де-лясъ Маримасъ великолѣпный, вполнѣ аристократическій Hôtel Turgot и каждую субботу къ нему собираются его товарищи и друзья благороднаго искуства пѣнія, и исполняютъ прекраснѣйшія, старинныя музыкальныя пьесы. Въ свои имянины онъ далъ обѣдъ, на который были приглашены девяносто человѣкъ гостей, сидѣвшіе за десятью столами. Одинъ Парижскій журналъ говоритъ, что нѣтъ примѣра, чтобы кто либо изъ министровъ давалъ такіе обѣды.

— При открытіи въ Вѣнѣ театра an der Wein изъ личной ненависти къ новому директору, кто-то подпилилъ во многихъ мѣстахъ канатъ, на которомъ виситъ большая люстра; по счастію угрожающая страшная опасность была открыта заблаговременно.

— Въ Берлинѣ, какъ извѣстно, на каждаго соловья наложили десять талеровъ пошлины. Одинъ собиратель податей недавно явился къ одной изъ пѣвицъ придворной оперы и потребовалъ съ нея десять талеровъ пошлины. Этотъ комплиментъ чрезвычайно польстилъ самолюбію соловья-пѣвицы и она охотно заплатила требуемую сумму.

— Въ Берлинской газетѣ находятся стихи Еленшлегера «Къ Женни Линдъ», въ которыхъ поэтъ говоритъ, что онъ долго-долго и тщетно отъискивалъ улетѣвшую Мельпомену, даже въ столицѣ Франціи (въ особѣ Рашели) и что, наконецъ, онъ нашелъ ее въ дочери пѣнія, въ сѣверной Фреіѣ, въ Женни Линдъ.

Разныя извѣстія. Не давно еще во всѣхъ газетахъ писали о воздухоплавательной машинѣ, на которой будто бы были уже совершены весьма удачныя путешествія. Одни писали изъ шутки, другіе вѣрили искренно. Г-жа Тюйлье и гг. Ривіеръ и Мартенно составили даже общество для воздухо-плавательныхъ опытовъ. Въ нынѣшнемъ октябрѣ рушилось и это общество судебнымъ порядкомъ.

— Англійская газета «the Sun» сообщаетъ подробности ужаснаго пожара, истребившаго фейерверочный магазинъ въ Вестминстеръ-Родѣ. Этотъ магазинъ принадлежалъ мистриссѣ Хенглеръ, заслужившей большую извѣстность въ пиротехническомъ искуствѣ. Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ она весьма успѣшно занималась своимъ дѣломъ. Смерть ея была ужасна... Мистриссѣ Хенглеръ было девяносто лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ она была чрезвычайно дородна, и потому никакъ не могла выскочить изъ окна квартиры, которую она занимала въ первомъ этажѣ, и задохлась въ сѣрномъ дымѣ. Обезображенный трупъ ея былъ найденъ въ развалинахъ сгорѣвшаго дома.

— Недавно присланъ былъ изъ Гласгова въ Лондонъ небольшой кусокъ кисеи, вѣсомъ въ фунтъ, не болѣе; вотъ его исторія: Хлопчатая бумага, въ необработанномъ видѣ прислана изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонъ; изъ Лондона она отправлена въ Манчестеръ, въ прядильню; изъ Манчестера въ Пейслей, гдѣ

она была выткана; въ Эйрширѣ она была вышита по тамбуру; въ Дунбартонѣ обшили края ея; потомъ она воротилась въ Пейслей и отправлена въ Ренфрью, для выбѣленія на воздухѣ; потомъ она опять воротилась въ Пейслей и оттуда въ Лондонъ. Трудно опредѣлить въ точности сколько лѣтъ странствовала эта хлопчатая бумага до поступленія въ продажу, но вѣрно не менѣе двухъ лѣтъ. Она проѣхала около 4,000 верстъ моремъ и 1,220 верстъ сухимъ путемъ; 150 мастеровыхъ трудились надъ этимъ маленькимъ количествомъ хлопчатой бумаги, цѣна которой повысилась въ 2,000 разъ противъ первой стоимости ея.

Фельдмаршальская галерея въ Мюнхенѣ.

— Статуя Герцога Орлеанскаго, привезена въ Алжиръ 19 сентября н. ст. и выгружена 30-го того же мѣсяца. Она будетъ поставлена на королевской площади.

— Знаменитый министръ и историкъ Тіеръ находится теперь съ женою въ Лондонѣ.

— Въ Индіи, а именно въ Миру, Англичане дѣлаютъ опыты какъ бы приспособить слоновъ къ артиллеріи. Успѣхи опытовъ еще неизвѣстны.

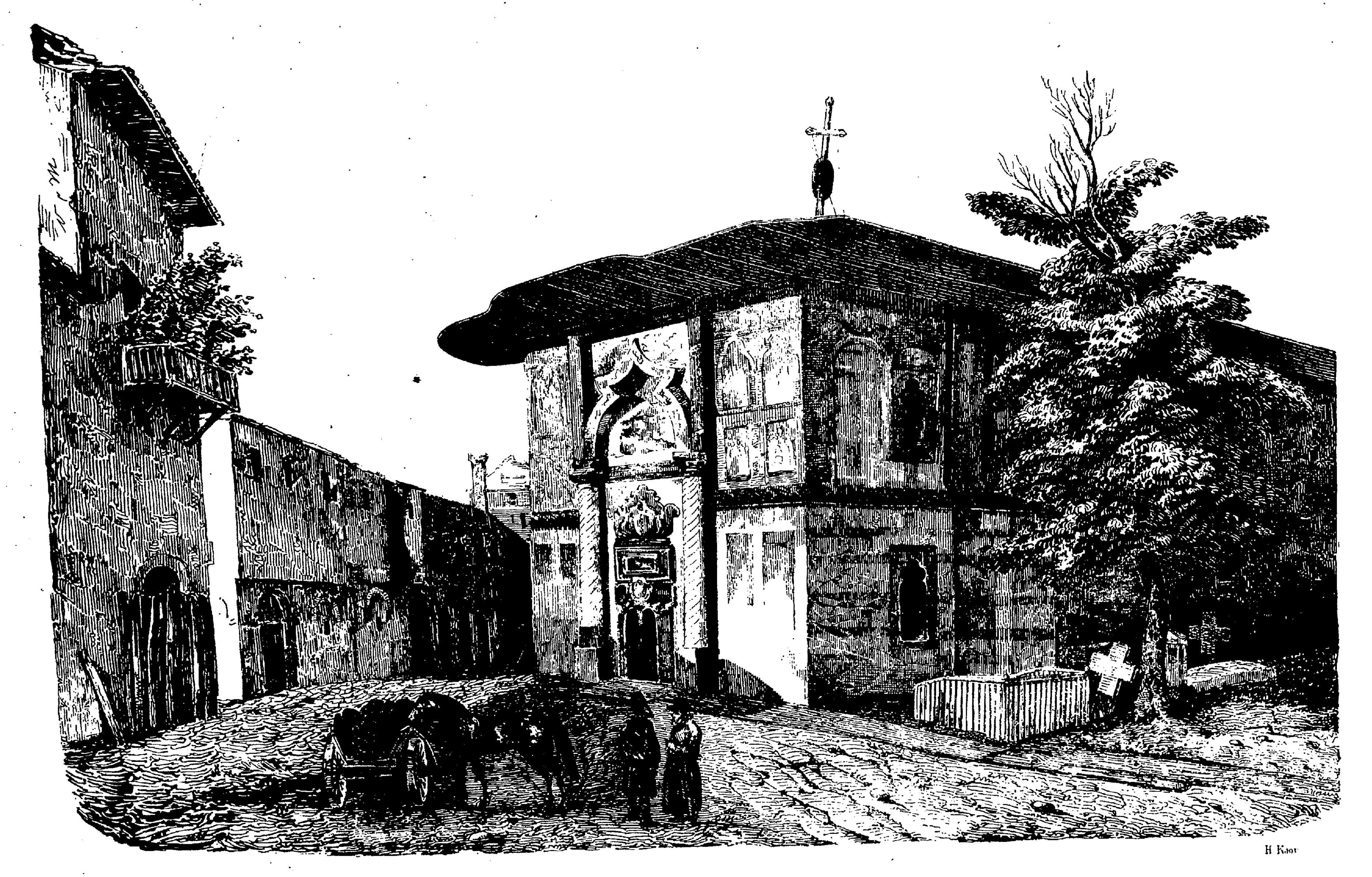
— Мюнхенъ съ году на годъ украшается прекрасными зданіями, между которыми заслуживаетъ особенное вниманіе одно изъ послѣднихъ, а именно фельдмаршальская галерея (Die Feldherrnhalle). Въ царствованіе короля Людвига, Мюнхенъ вступилъ въ число замѣчательнѣйшихъ городовъ по своимъ громаднымъ сооруженіямъ, возвышающимся со всѣхъ сторонъ, какъ бы по волшебному мановенію, не во вредъ, однакожъ, древнимъ историческимъ зданіямъ, сохраняющимъ свой характеръ. Одно изъ лучшихъ украшеній Мюнхена есть длинная, широкая, свѣтлая улица Ludwigs strasze, по сторонамъ которой высятся огромныя, великолѣпныя зданія: Университетъ, Институтъ для дѣвицъ, Семинарія, Институтъ для слѣпыхъ, Соляной городокъ, церковь Людовика, библіотека, военное министерство, дворецъ герцога Макса, Базаръ — выстроенныя въ новѣйшее время. Въ концѣ этого ряда домовъ стоялъ древній, такъ называемый Bauern-Jürgel, крайній домъ стараго Мюнхена, не отличавшійся ни красотою, ни оригинальностію, но только вредившій общему виду. Король приказалъ сорвать этотъ домъ, чтобы ограничить прекрасную улицу, названную его именемъ, достойнымъ памятникомъ, въ которомъ соединялись бы, сколько возможно, элементы древняго и новаго архитектурнаго стиля. Въ 1841 году былъ утвержденъ проэктъ фельдмаршальской галереи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она теперь выстроена и въ какомъ мы представляемъ изображеніе ея нашимъ читателямъ.

Зданіе это на лицевомъ фасадѣ имѣетъ три арки, а по бокамъ по одной. Сзади оно примыкаетъ къ древнему дворцу. Карнизъ украшенъ богатыми и изящными орнаментами. На фасадѣ, на стѣнѣ, надъ двумя средними колоннами видны Баварскій и Саксонскій гербы, въ воспоминаніе счастливаго союза короля Людвига Баварскаго съ королевой Терезой, урожденной принцессой Саксенъ-Альтенбургской.

Во внутренность галереи ведетъ лѣстница, устроенная противъ средняго междустолпія, между двумя выступающими на площадь цоколями. Въ крайнихъ же междустолпіяхъ, на право и на лѣво стоятъ двѣ статуи, по которымъ самая галерея получила наименованіе Фельдмаршальской; на лѣво стоитъ статуя въ полномъ вооруженіи 17-го столѣтія съ надписью: «Iohann Tzärclas Graf v. Tily bayerischer Heerführer»; Іоаннъ Черкласъ графъ Тилли, баварскій полководецъ; на право же стоитъ статуя въ мундирѣ новѣйшихъ временъ съ надписью: «Fürst Carl Wrede Feldmarschall»; князь Карлъ Вреде фельдмаршалъ.

Статуи эти, имѣющія $10^{1}/_{2}$ футовъ вышины, вылиты изъ бронзы по моделямъ Шванталера въ Мюнхенской литейной. Пьедесталы изъ леггендорфскаго гранита.

Оба полководца напоминаютъ о двухъ кровавыхъ періодахъ Саксонской исторіи; одинъ, недавній, памятный еще многимъ очевидцамъ; другой, отдаленный — смутныхъ, грозныхъ временъ внутреннихъ раздоровъ и ужаснаго братоубійства.



Греческая церковь въ Букарестѣ

КОСТАККИ.

Разсказъ.

I.

Грязенъ Букарестъ, правда; но съ давнихъ временъ въ этомъ городкѣ кипѣла промышленность, которая тутъ сосредочивалась со всѣхъ средиземныхъ провинцій Турецкой имперіи. Въ Букурестѣ, или Букарестѣ, хотя и неправильно, господарствовалъ Бранкованъ, молодой лѣтами, старецъ хитростью и коварствомъ. Не любилъ онъ сосѣдей, мирныхъ и ученыхъ князей Кантемировъ, господарей Молдавіи. Много золота перешло изъ Валашской казны въ сундуки членовъ Дивана Константинопольскаго. Кантемиры были лишены господарства, жили тихо въ Стамбулѣ, прилежно занимаясь любезными для нихъ науками... Въ Диванѣ показался новый членъ, добрый и умный паша; обстоятельства перемѣнились. Кантемиры возвратились въ Яссы; Бранкованъ впалъ въ подозрѣніе у Порты; но не унывалъ; принялся за боярскую казну, за новые налоги съ землѣдѣльцевъ, и счастливо поддерживалъ свою партію въ Диванѣ. Курьеръ изъ Стамбула встревожилъ Бранкована. Друзья совѣтовали ему примириться съ Кантемирами, потому что сила ихъ у Порты опасно возрастаетъ. Задумался Бранкованъ. Но господарю доложили, что въ Букурестъ прибылъ князь Дмитрій Кантемиръ, сынъ господаря, князя Константина.. Обрадовался Бранкованъ; было уже поздно, дворецъ освѣтился огнями; стали готовиться къ пиру; но Кантемиръ не пировать пріѣхалъ къ врагу своего дома.

— Князь господарь! сказалъ онъ Бранковану: мы сосѣди, а живемъ какъ звѣри лютые. Туркамъ въ радость вражда наша. Отецъ мой подаетъ тебѣ руку на честный миръ...

— «И вѣчную дружбу, прервалъ Бранкованъ. «Пусть не тѣшится собачье племя враждою христіанъ. Я пошлю къ отцу твоему брата любаго, а ты погости у меня...

— Не прочь я отъ гостины, князь! Но я оставилъ въ Яссахъ молодую жену...

— Не будь бабой, князь! У насъ есть такія красавицы, что и у султана, въ гаремѣ, не найдешь такихъ... Іордакки! Вели намъ подать закусить въ большой залѣ, да пусть музыка погудитъ, плясуньи попляшутъ...

Съ отвращеніемъ слушалъ князь Кантемиръ рѣчь Бранкована. Не нравился ему этотъ застольный соблазнъ... Но отказаться отъ участія въ обычныхъ забавахъ Бранкована, значило бы, молча охулить ихъ. Цѣль посольства могла бы быть не достигнута. Кантемиръ молчалъ...

— Іордакки! Да позови и Русскаго! Пусть попьетъ и поѣстъ, да разскажетъ про своихъ. Отъ него мнѣ весело! Пошли за нимъ, Іордакки, а мы пойдемъ. Дорогому гостю покажу мой бѣдный домъ.

Обширенъ былъ дворецъ Бранкована; но комнаты были убраны весьма просто. Нигдѣ золота, нигдѣ дорогихъ ткапей; но за то много удобства, простора и чистоты. Проходя черезъ спальню господаря, Кантемиръ услышалъ за боковыми дверьми шумную бесѣду. Нельзя было ошибиться: голоса были женскіе. Бранкованъ искоса взглянулъ на князя, какъ будто стараясь угадать, возбуждаютъ ли въ немъ тайныя жилицы сосѣднихъ комнатъ любопытство и волненіе любострастное; но Кантемиръ шелъ въ глубокой задумчивости и не обращалъ на сосѣдокъ никакого вниманія.

— О чемъ дума? спросилъ Бранкованъ, коварно улыбаясь.

— Думаю, князь, гдѣ и какъ жили правители Траяновой Дакіи; какіе были у нихъ дворцы, какіе гаремы?.. Думаю, что старый городъ вашъ Тырговишты, былъ богаче и краше нашихъ столицъ, откуда Порта высасываетъ всѣ драгоцѣнности. Говорятъ, богата Валахія, а во дворцѣ твоемъ ни злата, ни камней многоцѣнныхъ не вижу, ни прислуги...

— Ну, что до прислуги, князь, такъ не печалься. Хочешь, я подарю тебѣ двухъ прислужницъ и двухъ мальчиковъ по твоему выбору. Затруднишься, князь, глядя на ихъ красоту небывалую.

Кантемиръ вспыхнулъ; но скоро опомнился и отвѣчалъ:

— Къ чему мнѣ прислуга? Я самъ себѣ служу, а у жены моей — три прислужницы. Довольно съ нея...

Вошли въ залу, или столовую. Тамъ ихъ ожидало четверо бояръ и, такъ называемый, Русскій; это былъ Иванъ Сергѣевичъ К***, чиновникъ посольскихъ дѣлъ, который пребывалъ въ Букурестѣ для наблюденія за Бранкованомъ и сосѣдями. Иванъ Сергѣевичъ вѣжливо поклонился хозяину и гостю и сказалъ:

—Что у тебя, князь, за бенкетъ такой! Ужъ не поймалъ ли молодку? Ты цыплятъ любишь!. Наше дѣло сторона! Мы въ этомъ толку не смыслимъ. А вотъ другой артикулъ: жареная всякая птица... Вотъ это наше дѣло. Плутъ фазанъ такъ и глядитъ на меня.

— Мы отъ вашей милости не отстанемъ! Просимъ садиться...

Всѣ усѣлись и занялись пищей. Кантемиръ мало обращалъ вниманія на бесѣду сотрапезниковъ, на дюжину мальчиковъ рѣдкой красоты, которые въ шелковыхъ легкихъ платьяхъ летали вокругъ стола и прислуживали. Зашумѣла странная музыка; на особомъ возвышеніи показались плясуньи, одна другой краше, и въ соблазнительной восточной медленной пляскѣ какъ будто переливались ихъ прелести. Бранкованъ пожиралъ ихъ глазами; Кантемиръ нѣкоторое время глядѣлъ на нихъ равнодушно и нечувствительно погрузился въ глубокую думу. Бояре подражали господарю. Только одинъ Иванъ Сергѣевичъ пожиралъ своего фазана и запивалъ виномъ.

— Которая тебѣ нравится? спросилъ Бранкованъ, наклонившись къ гостю...

— Всѣ, равнодушно отвѣчалъ тотъ. Да я, признаться, и не разсмотрѣлъ твоихъ красавецъ. У меня — моя жена на умѣ...

Бранкованъ презрительно улыбнулся и обратился къ Ивану Сергѣевичу...

— А тебѣ которая нравится?

— Бутылка? — Вотъ эта, князь! Не бойся, я ее допью до тла, за твое здоровье...

Бесѣда какъ-то не клеилась. Соблазнъ не соблазнилъ князя. Онъ скромно распрощался съ хозяиномъ и ушелъ вмѣстѣ съ Русскимъ. Бояре поговорили, пошептались съ господаремъ и также ушли. Въ залѣ остался только Бранкованъ и Іордакки, да два арнаута у дверей...

— Ну, что? спросилъ Бранкованъ. Лицо его выражало нетерпѣніе.

— Предлагалъ я Гречанкѣ сто піатровъ, чтобы уступила мальчика для услугъ твоихъ... Отказала, да еще ругательски выпроводила изъ дому...

— Ругаться! поносить моего вѣрнаго слугу! Вѣдьма старая! И ты не схватилъ ее, не поставилъ ее на судъ нашъ!..

— Я былъ одинъ!

— Будь не одинъ! Возьми арнаутовъ и отними щенка, Я хочу его теперь же видѣть! Ступай!

Іордакки съ арнаутами показался у церкви св. Аѳонасія въ то самое время, когда князь Кантемиръ и Русскій остановились тутъ же на грязной площадкѣ; факелы дюжихъ арнаутовъ, провожавшихъ гостей, освѣщали почти всю площадь. Князь и Русскій остановились тутъ, потому что въ этомъ пунктѣ надо было имъ разойтись. Князь взялъ квартиру на этой же площадкѣ. Русскій жилъ дальше.

— Не могу повѣрить, говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, чтобы вы такъ хорошо разумѣли нашъ церковный языкъ...

— Охъ, Иванъ Сергѣевичъ! Мы дѣти одной церкви! Нашъ народъ, смѣсь Славянъ и Римлянъ. Римлянъ нѣтъ; Славяне возрасли въ великую державу... Не Туркамъ мы родня, но Турки нами помыкаютъ, потому что родные за насъ не вступятся.

— Дай срокъ, князь! Управимся со Шведомъ, тогда уже займемся дѣлами нашей родни. Да и семья-то, князь, велика... Много вѣковъ нужно, чтобы благоустроить всѣхъ... И то сказать, правители-то княжествъ Турокъ бранятъ, а душею и деньгой имъ же служатъ.

— Деньгой такъ, но душой... Князь отрицательно покачалъ головою и собирался высказать свою тайную мысль; но взглянулъ на арнаутовъ, погладилъ бороду и сказалъ:

— Между клевретами сосѣда — есть разные народы. А я живу вотъ здѣсь. Коли время позволитъ, заверни...Прощайте, покуда...

Князь вошелъ въ небольшой, но опрятный домъ, а Русскій съ арнаутами повернулъ въ грязный переулокъ. Вдругъ раздался отчаянный крикъ на самой площади. Князь воротился и не успѣлъ сойдти съ крыльца, какъ кто-то съ плачемъ бросился къ нему въ ноги.

—«Спаси, защити!» кричалъ мальчикъ лѣтъ десяти или одиннадцати.«Укрой меня, во имя Христа Спасителя! Я не хочу къ Бранковану! Мать моя отвергла золото; пришли меня взять силой...»

— Успокойся! Что ты разсказываешь?

— Нѣтъ, бояринъ, дай мнѣ слово, что не выдашь арнаутамъ...

— Не выдамъ, дитя! Не выдамъ! Я не боюсь Бранкована!

—«Укрой же меня! спаси отъ рабства. Видишь, они идутъ, они увидѣли меня!»

— Не велика бѣда! Вѣрь моему слову, не выдамъ. Пойдемъ ко мнѣ.

Не успѣлъ князь запереть дверей своего дома, какъ арнауты стали къ нему стучаться.

— Что вамъ надо? спросилъ Кантемиръ, отворя двери.

— Мальчика подай! Куда ты его дѣвалъ!

— А вамъ какое до него дѣло?.. Что онъ, преступникъ, что ли?..

— Не твое дѣло. Подавай, а не то...

— Что, не то! Сунься который, домой не воротишься! Вонъ, псы поганые! воры ночные! Я красть вольныхъ ребятъ не позволю. Мальчикъ, не подданный Бранкована! Суди его закономъ, а я завтра въ Диванъ на его защиту стану.

— Да ты самъ-то кто? Мы тебя...

—Тише! Я князь Дмитрій Кантемиръ, сынъ господаря Молдавскаго.

Арнауты преклонились и, какъ-будто условились, бросились бѣгомъ ко двору Бранкована.

Князь еще долго стоялъ на крыльцѣ и говорилъ самъ съ собою громко.

— Не виноваты эти звѣри. Они исполняли волю гнуснаго злодѣя. Но прости меня, государь-отецъ! не могу я говорить о дружбѣ съ этимъ извергомъ. Пусть шлетъ къ нему другаго посла, а я завтра же уѣду въ Яссы. Какъ бы только мнѣ отыскать печальную мать этого ребенка...

— «Не трудись, князь,» сказалъ хриплый голосъ женщины. Отъ темной стѣны отдѣлилась высокая тощая старуха и подошла къ крыльцу: «Не трудись, князь, искать матери. На что мнѣ сынъ? Не сегодня, такъ завтра у меня его отнимутъ, а бѣжать некуда, да и не на что...»

— Войди, старушка, въ домъ мой! сказалъ князь ласково; мы потолкуемъ о судьбѣ твоего сына...

Старуха вошла и со слезами стала обнимать прелестнаго мальчика. Ребенокъ прыгалъ, пѣлъ, плакалъ отъ радости. Князь съ

грустію смотрѣлъ на семейную картину собственнаго сочиненія. — Старуха замѣтила эту грусть и сказала:

— «Неужели и доброе дѣло тебя не тѣшитъ? Вѣрь мнѣ, я стара, я много видѣла, вѣрь мнѣ, что сколько добра ты сдѣлаешь людямъ, столько добра и тебѣ сдѣлаютъ люди. Помяни мое слово. За твой подвигъ и тебѣ заплатятъ такимъ же подвигомъ. А пока возьми себѣ моего сына. Про вашъ домъ идетъ добрая слава. Я не продала его Бранковану за сто піастровъ—а тебѣ я дарю моего Костакки... Вотъ тебѣ, другъ мой, и господинъ и отецъ! Старайся заплатить за благодѣяніе доброй службой! Прощай!..

—Нѣтъ, старушка, не такъ! Завтра я уѣду отсюда! Не могу трактовать о дружбѣ съ Бранкованомъ. Пусть отецъ пришлетъ другого, хитрѣйшаго. Я не могу... ей-Богу, не могу... У меня сердце лопнетъ... Завтра уѣду; садись и ты въ обозъ мой: переѣзжай въ Яссы...

— Но у меня здѣсь домъ, пожитки, товары...

— Завтра все разграбятъ... Но ты ничего не потеряешь. Домъ, пожитки, товары... Ты знаешь имъ цѣну?

— Знаю!

—Такъ на ту же цѣну ты получишь въ Яссахъ и домъ и товары! Вѣрь моему слову!

— Вѣрю, князь, какъ вѣрю тому, что и за это Богъ тебѣ тѣмъ же заплатитъ...

— Зови людей моихъ! Что спать? Станемъ собираться въ дорогу!

II.

Прошло не мало лѣтъ. Первый день 1711 года праздновали не такъ торжественно, какъ въ прежніе годы. Господарь, князь Дмитрій Константиновичъ, тотъ самый, съ которымъ мы познакомились въ Букурестѣ, былъ и не совсѣмъ здоровъ и скученъ; ни дѣтскія шалости двухмѣсячнаго сына князя Антіоха, впослѣдствіи знаменитаго Русскаго сатирика, ни ласки молодой супруги, Кассандры Сергѣевны, его не занимали, не утѣшали. Костакки, неотлучный слуга князя, глядя на своего обожаемаго господина также скучалъ. Народъ какъ-будто раздѣлялъ съ своимъ любимымъ властителемъ тайную его кручину. Новый годъ отпраздновали, отслужили обѣдню и молебствіе у Трехъ Святителей; во весь день шелъ трезвонъ у св. Спиридонія... Ввечеру горѣли огни; у князя были гости, но веселія не было. Такъ одно облачко затянетъ солнышко и полъ-міра отуманится. Причину княжей кручины, казалось, разгадать было не трудно. Въ Стамбулѣ война съ Россіей уже была рѣшена. Княжество Молдавское стало между двухъ огней: Турки не пожалѣютъ христіанской страны; Русскіе не простятъ единовѣрцамъ за содѣйствіе Мусульманамъ. Срокъ открытія военныхъ дѣйствій приближался и князь скучалъ болѣе и болѣе. До масляной оставалось не болѣе трехъ недѣль. Вечеромъ Костакки раздѣвалъ князя. Господарь былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Костакки не выдержалъ...

—Не могу! сказалъ Костакки, и зарыдалъ.

—Что съ тобой!

—Не могу! Ты боленъ! Зачѣмъ ты не удержалъ при себѣ врача Поликолу? Зачѣмъ отпустилъ ты его въ Россію?

Князь улыбнулся.

— Если онъ можетъ меня вылечить, такъ только въ Россіи. Но теперь трудно получить отъ него рецептъ. По всѣмъ дорогамъ шныряютъ Турецкіе лазутчики, перехватываютъ письма... Некого послать къ нему, а онъ не далече.

— Я съѣзжу.

— Эхъ, Костакки! Будто я не знаю и про твою кручину.

Костакки потупилъ взоры...

—Гордый бояринъ не хочетъ выдать за тебя своей дочери! Ты купчина, а онъ-то самъ что? Родня Бранковану! Я давно бы вступился за тебя, да знаю, что моя протекція повредитъ дѣлу и, если ты хочешь добиться счастія, заслужить Елену — измѣни мнѣ...

— Князь! съ гордостью сказалъ Костакки: я тебя люблю больше Елены... И дай письмо. Увидишь, я проберусь съ караваномъ угольщиковъ на Русь, или въ Польшу...

— Въ Польшу! Царь въ Слуцкѣ! Вотъ мое письмо! Никто, даже моя жена, не знаетъ его содержанія! Благослови тебя Господь! Не только мое, нѣтъ счастіе моей Молдавіи, зависитъ отъ успѣха этого письма...

Костакки не отвѣчалъ ни слова; но на другой день никто не видѣлъ его въ Яссахъ. Напрасно Елена просидѣла у окна до поздняго вечера. Костакки былъ далече. Молдавскій караванъ съ угольями двигался медленно къ границамъ Польскимъ. Турецкіе разъѣзды не разъ останавливали угольщиковъ, не разъ разбрасывали ихъ бѣдный товаръ; но караванъ все медленно подвигался къ Галиціи и остановился въ Чирковицахъ. Прошло не мало времени. По всѣмъ Яссамъ притворно искали Костакки; домъ боярина, отца Елены, былъ обысканъ... Князь, никогда нехитрившій, позвалъ его къ себѣ и увѣщевалъ признаться куда дѣвалъ онъ Костакки. Къ этому присовокупилъ, что какъ господарь и владыка Молдавіи, никогда не согласится на бракъ Елены съ Костакки. Глупый бояринъ попался въ западню; воротясь домой, онъ объявилъ, что какъ только отыщется Костакки, тотчасъ Елена будетъ выдана за него замужъ и оба уѣдутъ въ Валахію. Прошло не мало дней. Елена сидѣла у окна и увидѣла караванъ угольщиковъ. Пустыя коши или телеги съ гигантскими корзинами тянулись по грязной улицѣ; возлѣ одной изъ нихъ шелъ испачканный Костакки: но любящее сердце угадало друга, забилось сильно; Елена вскрикнула, сообщила открытіе своему отцу. Бояръ послалъ людей за угольщикомъ; его привели; объяснили ему, въ какой онъ опасности; объявили, какое счастіе его ожидаетъ; — угольщикъ все понялъ и душа его тайно благодарила князя за искусную дипломатику.

— Не показывайся ему на глаза! говорилъ бояръ; уходи изъ Яссъ! Пройдетъ постъ и мы тебя женимъ, на зло этому уроду... Впрочемъ не долго ему тутъ распоряжаться. Какъ только придутъ Русскіе, наша возьметъ; все улажено; Бранкованъ не промахъ! Куда же ты спрячешься?..

— Не такъ, бояръ! не такъ! А вотъ какъ! Я пойду къ нему съ повинной головой! Солгу что нибудь! Онъ добрый такой.

— Глупый.

— Да, глупый! всему повѣритъ! А черезъ это онъ опять меня возьметъ въ милость и мы будемъ знать все, что у него, не только въ домѣ, но и въ душѣ дѣлается. Только вы помагайте мнѣ...

— Чѣмъ, говори!

— Домогайтесь, чтобы на женитьбу соизволилъ, а я буду отнѣкиваться, а онъ пуще меня любить будетъ, потому что васъ не любитъ...

— Умница! Знатно!

— Ну, такъ дайте же мнѣ пріодѣться! Я ходилъ съ караваномъ по Русскимъ дѣламъ, Не надо, чтобы онъ меня угольщикомъ видѣлъ.

— Умъ! Большой умъ!

И Костакки умыли, разрядили не хуже боярa; отецъ любовался, Елена не могла отвести взоровъ отъ красиваго жениха; Костакки распростился и отправился къ князю. Оба смѣялись выдумкѣ. Князь былъ совершенно счастливъ и доволенъ, потому что Костакки привезъ утвержденный Петромъ трактатъ присоединенія Молдавіи къ Россіи, на особыхъ правахъ. Все шло какъ нельзя лучше. Наступила весна.

Впервые Русская армія въ стройномъ порядкѣ переходила черезъ Днѣстръ, въ то самое время, когда на Дунаѣ Молдаване, по приказанію Порты, неохотно доканчивали мостъ. Въ Яссахъ все было въ волненіи. Господаря съ семействомъ и регулярныхъ Молдаванскихъ войскъ тамъ не было; никто не зналъ, куда они дѣвались. Бояръ, отецъ Елены, и клевреты Бранкована воспользовались отсутствіемъ Кантемира. «Ушелъ къ Туркамъ!» кричали они по улицамъ и не сомнѣвались, что кричатъ правду, потому что Костакки ложно доносилъ своему будущему тестю. Не стало ночи: въ поздній часъ, будто днемъ толпы ходили по городу, искали измѣнниковъ, какъ называли приверженцевъ Кантемира; Костакки ходилъ съ бунтовщиками и, казалось, пылалъ ненавистью къ Кантемиру... Въ одну изъ этихъ смутныхъ ночей зашелъ онъ къ бояру; но его не было; онъ сидѣлъ на тайномъ совѣтѣ Бранкованцевъ. Елена была одна...

— Костакки, сказала она, что слышно? Скоро ли Русскіе придутъ въ Яссы?

— Такъ что жъ если и придутъ? Пойдутъ дальше, въ жерло, уготованное Бранкованомъ и подлыми измѣнниками.

— Что ты говоришь! Я не понимаю!

— И слава Богу, что не понимаешь! Бранкованъ обманываетъ Царя, какъ родитель твой обманываетъ меня и тебя. Придутъ Русскіе, но съ ними придетъ и великій Кантемиръ. Онъ съ ними, онъ у нихъ со всею семьею, со всѣмъ войскомъ...

— Что говоришь!

— Радостную правду! Онъ оставилъ меня здѣсь, онъ позволилъ мнѣ остаться для тебя, Елена! Но я не смогу! Честь велитъ бросить скопище предателей Христа, союзниковъ Турокъ, и бѣжать къ Русскимъ. Тамъ мой благодѣтель, тамъ и мать моя!

— Костакки! И меня ты оставишь!

— О, если бы не ты, никогда бы ни на день, ни на часъ я не оставилъ бы князя. Знаю, что ты не суждена мнѣ. Знаю больше, Елена, что ты жертва глупаго честолюбія твоего отца. Онъ обѣщалъ тебя Бранковану, если сдѣлаетъ его господаремъ Молдавскимъ.

— Но Бранкованъ женатъ...

— Будто женатому уже нельзя держать любви не съ женою. Женитьба не темница. У Бранкована есть темницы, но только для жертвъ его сластолюбія.

— Боже мой! Я не понимаю тебя, Костакки! Что же намъ дѣлать?

— Видишь, Елена! Такъ я слышалъ, что ты не любишь меня...

— Больше чѣмъ отца роднаго, больше чѣмъ себя...

— Не правда! Кто любитъ, тотъ съ возлюбленнымъ пойдетъ на край свѣта, ни у кого не спросится...

— И я пойду! Возьми меня съ собой куда хочешь!

— Слова!

— Клятва!

— Такъ одѣнься, Елена! Кони готовы!

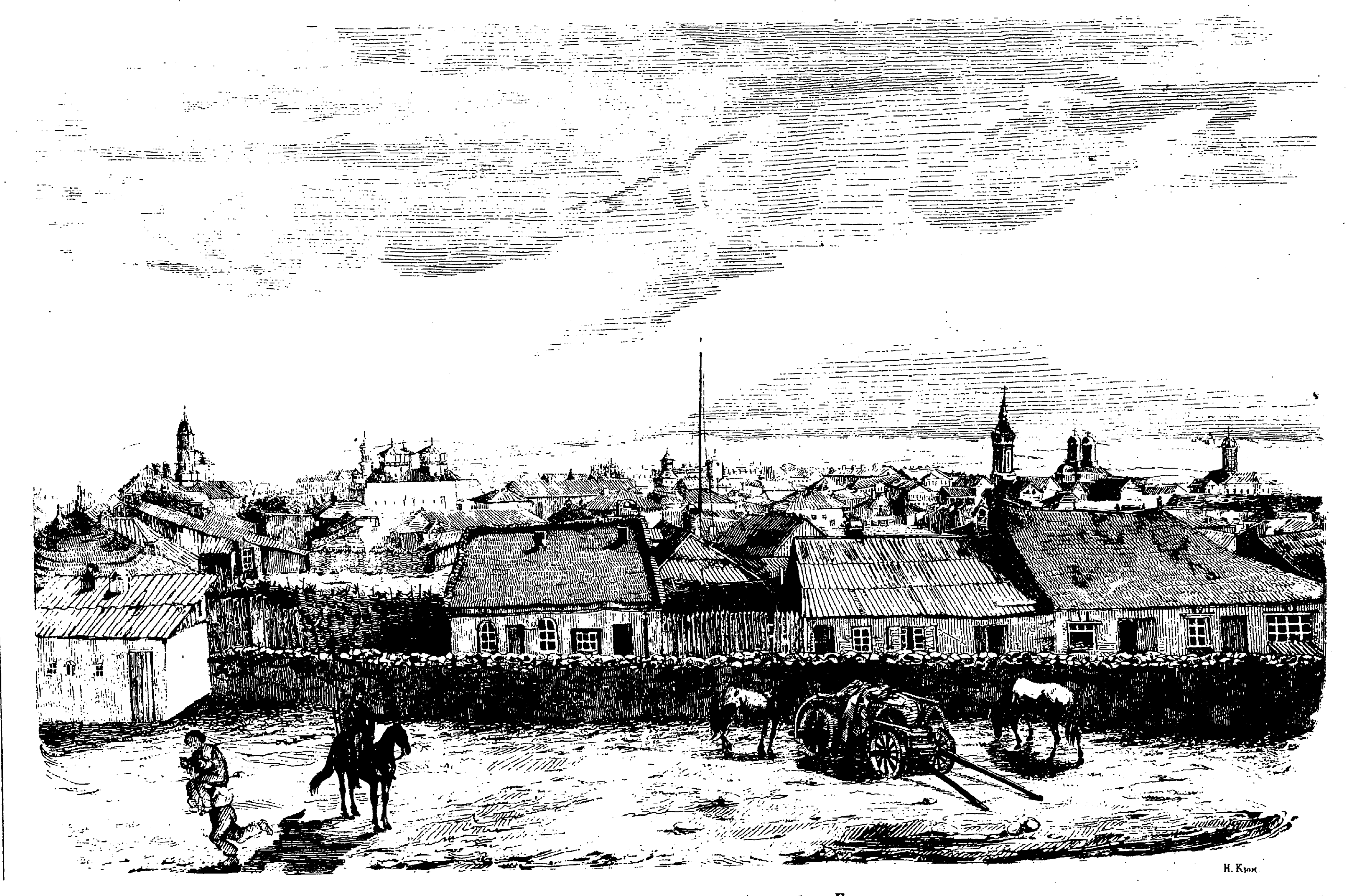
— А повѣришь!

— Повѣрю, когда мы будемъ далече за Яссами...

— Вотъ я и готова. Ѣдемъ!

— Елена! Вѣрь, наше счастіе — близко! Ѣдемъ, ангелъ мой! Ты не раскаешься!

И тихо вышли они изъ дому бояра. По улицамъ бѣгали толпы народа; факелы освѣщали грязный городъ; но Костакки зналъ свою географію и провелъ Елену по бѣдное предмѣстье, гдѣ ожидали его вѣрные друзья и добрые кони. Спѣшно поскакали они по дорогѣ къ Фальцамъ. Утро освѣтило ихъ бѣгство и печальную окрестность. На необозримомъ пространствѣ всѣ поля были одного цвѣта. Странный шелестъ разливался во всѣ стороны. Подъ ногами что то шумѣло. Саранча покрывала поля и дорогу. Страшенъ былъ видъ окрестности; но любовь не обра-



Видъ Города: Яссы съ Балкона Петербургской Гостиницы.

Привалъ Молдаванскаго Каравана.

щала на саранчу особеннаго вниманія. Привычные кони мѣсили это крылатое войско ногами. Къ вечеру завидѣли на берегахъ Прута шатры и укрѣпленія. Передъ закатомъ солнца путники достигли Русскаго лагеря. Ихъ пропустили безъ затрудненія. Они спѣшились въ Молдаванскомъ станѣ и прямо пошли къ господарю. Въ ставкѣ его еще никто не спалъ. У господаря была высокая гостья, предметъ общаго любопытства. Екатерина Алексѣевна, недавно объявленная Царицею, сидѣла на складномъ стулѣ и держала на колѣнахъ князя Антіоха. Княгиня Кассандра Сергѣевна что то разсказывала Государынѣ съ жаромъ. Костакки, по старой привычкѣ, вошелъ съ невѣстой безъ доклада; но взглянувъ на гостью, невольно преклонился, какъ будто угадывая кто она...

— Боже мой! воскликнула княгиня. Костакки! Елена! Что случилось въ Яссахъ...

— Ничего не случилось. Приверженцы Бранкована дѣлаютъ свое дѣло, а у насъ нѣтъ приверженцевъ. Послѣдніе пріѣхали на службу... Гдѣ господарь?..

— Онъ у фельдмаршала. Сейчасъ воротится.

И точно! Вошелъ Кантемиръ и преклонился.

— Чѣмъ кончили? спросила Государыня.

— Ничѣмъ! Бранкованъ еще силенъ въ мысляхъ твоего Великаго супруга.

— Князь! Я постараюсь разрушить эту превенцію. До завтра!

Государыня ушла въ сопровожденіи одной дамы и почетнаго караула.

Кантемиръ усѣлся на ея мѣстѣ и, опустивъ голову на руки, погрузился въ думу...

— Что съ тобой, Дмитрій? спросила княгиня. Взгляни на своего Костакки, на Елену... авось, пройдетъ кручина...

— Дѣти мои! Зачѣмъ вы оставили Яссы? Можетъ быть, вы ихъ покинули на всегда...

— При тебѣ, отецъ нашъ, хотимъ жить, при тебѣ и умереть!

— Послѣднее легко случиться можетъ, если будутъ слушать этихъ ученыхъ стратеговъ, а не Русскаго ума и сердца! Саранча покрываетъ Молдавію. Бранкованъ не пришлетъ провіанта. Не пришлетъ! Турки успѣютъ собраться... Все погибнетъ! А продовольствіе передъ носомъ! Двинуться только спѣшно и бойко. На Сырети собраны огромные запасы. На годъ станетъ! Армія славная! 85 тысячь стоитъ милліона Турковъ. Русскіе понимаютъ меня, понимаютъ Турковъ; но эти пришельцы, эти говоруны... Если промедлимъ недѣлю... все погибло! О Бранкованъ, Бранкованъ! Меня не слушаютъ! На меня глядятъ косо! Меня подозрѣваютъ! Зачѣмъ же я здѣсь? Зачѣмъ я привезъ сюда жену и сына? Зачѣмъ со мною вся казна Молдаванская? А гдѣ же Бранкованъ?!

— Успокойся, мой другъ, сказала княгиня. — Государыня!..

— О, ты думаешь, что у нея много друзей. Еще не привыкли вѣрить, что эта чудная женщина — Царица!.. Но... Богъ милостивъ... Я еще не теряю надежды. Пора успокоиться! Утро вечера мудренѣе.

III.

Рано поутру явился Костакки къ своей должности; но, къ удивленію, нашелъ князя совсѣмъ одѣтаго. Онъ сидѣлъ у стола неподвижно, какъ будто восковой.

— Что, князь... Видно писать изволилъ? спросилъ Костакки робко.

— Говорить! Писать! Все это не поможетъ. Ученые заговорятъ и запишутъ! Все это можетъ перемѣниться... Но не вѣрить Кантемиру... это обидно...

Трубы и барабаны загремѣли такъ близко, что князь едва успѣлъ встать и поправить свой нарядъ, поднялъ занавѣску палатки и не успѣлъ закрыть ее: Петръ съ фельдмаршаломъ былъ уже на порогѣ.

— «Зѣло радуюсь,» сказалъ Государь, «что все то ложь и неправда. Пусть этотъ портретъ вашего друга изженетъ воспоминаніе о моей недовѣрчивости.»

И съ этими словами Государь надѣлъ на Кантемира свой портретъ, богато осыпанный брилліантами. Кантемиръ былъ пріятно смущенъ и не находилъ словъ, какъ благодарить высокаго гостя.

— «Что Турки?» спросилъ Государь.

— Ждутъ насъ на Дунаѣ, Ваше Величество! А не дождутся, придутъ сюда за нами.

— Я того же мнѣнія, замѣтилъ фельдмаршалъ...

— «Подождемъ только провіанта...»

— Провіантъ на Сырети, Ваше Величество, стоитъ готовый, а отъ Бранкована не ждите ни зерна. Не думайте, Государь, что личное неудовольствіе мною руководитъ. Нѣтъ, я не Турчинъ душею, какъ доносилъ вамъ Бранкованъ, я здѣсь со всѣмъ, что только можетъ быть драгоцѣнно для человѣка. Войска мои со мною, а гдѣ же Бранкованъ?..

— «На дняхъ будетъ!» отвѣчалъ Государь сухо: «Послѣ Полтавскаго дня пойдемъ въ путь... А до того дня и Бранкованъ явится...»

Бранкованъ не являлся. Отошло празднество Полтавскаго дня; не успѣли отдохнуть отъ пира, какъ 29 іюня наступило другое торжество. На пригоркѣ подъ огромнымъ навѣсомъ накрыты были столы на 110 кувертовъ. Посерединѣ сѣлъ Царь, по правую его руку господарь, по лѣвую графъ Головкинъ; баронъ Шафировъ и Савва Рагузинскій сидѣли по угламъ; другую сторону стола занимала Императрица, Кассандра Сергѣевна, генеральши Галлартъ и Гюнтеръ и еще нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ и наша Елена. Благородный сокъ Токая лился обильною струей; одинъ только господарь былъ примѣтно скученъ...

— Полно тосковать! сказалъ Головкинъ.

— «И точно!» замѣтилъ Государь «Въ мои именины не должно быть скуки. Дѣла пойдутъ хорошо. Господа, военный совѣтъ соберется завтра, а послѣ-завтра съ Богомъ за дѣло. Богъ милостивъ. Провіанту достанемъ.. Что это тамъ пылитъ по дорогѣ?»

— Курьеръ отъ Репнина! сказалъ на ухо Государю деньщикъ.

— «Зови! Что это, право, войско или стадо, не разберу...»

— Провіантъ, отвѣчалъ офицеръ, присланный отъ Репнина. Посылаетъ Вашему Величеству князь 8000 овецъ, 4000 быковъ, да 3000 фуръ съ мукою и крупою...

— «Спасибо! Подайте сюда карандашъ и бумагу. Мы тутъ же, за столомъ, сдѣлаемъ диструбуцію...»

Государь тутъ же расписалъ, кому сколько отпустить изъ прибывшаго провіанта, и пиръ пошелъ впередъ и продолжался до поздней ночи.

Провіантъ подоспѣлъ во время, но не спасъ арміи. Время было упущено. Турки успѣли собраться въ огромномъ числѣ. Болѣе ста тысячь кавалеріи и 50 тысячь пѣхоты непримѣтно приближались къ Прутскому лагерю, образуя линію полумѣсяцемъ. По ту сторону Прута, прямо противъ стана, съ необыкновенною быстротою поставлены Турецкія батареи. Не стану описывать всего хода военныхъ дѣйствій на Прутѣ. Скажу только, что измѣна Бранкована, недостатокъ провіанта, саранча, непомѣрные жары, — все вооружилось противу Петра Великаго. Къ тому же и великій визирь, Мугамедъ Паша, былъ человѣкъ обширнаго ума и отличныхъ воинскихъ способностей, а огромная армія его простиралась за двѣсти тысячь человѣкъ; тутъ были и Поляки, и Шведы, и Буджацкіе Татары, и Крымцы, и Мазепинцы. Переправа черезъ Прутъ сдѣлалась невозможною; отступленіе опаснымъ. Но нельзя было и оставаться на мѣстѣ. Турки не любили сражаться ночью. Военный совѣтъ рѣшилъ сняться ночью и двинуться къ горамъ. Въ Турецкой арміи поднялась тревога; запылали огни; въ нашемъ зажгли обозныя фуры и другую безнужную рухлядь и подъ такою иллюминаціею началось отступленіе. Но не легко было собраться и выступить значительному войску, которое, такъ сказать, обжилось на берегахъ Прута. Едва къ утру движенія наши получили нѣкоторую правильность. Но солнце 10-го іюля освѣтило одинъ изъ тѣхъ дней, котораго печальныя послѣдствія не приносятъ ущерба воинской чести, но остаются въ исторіи какъ тяжкія воспоминанія. Центръ нашей арміи находился въ Фальцахъ; аріергардъ и авангардъ составили фланги; отступать далѣе не было никакой возможности. Многочисленная армія смолкла, какъ будто море передъ бурею; страшная тишина осѣняла мрачные ряды солдатъ; печать геройской рѣшимости отразилась на всѣхъ лицахъ; о смерти никто не думалъ или, лучше сказать, каждый къ ней приготовился, въ одно мгновеніе освоился со всѣми ужасами и съ угрюмымъ равнодушіемъ ждалъ страшной гостьи. Рогатки со всѣхъ сторонъ окружали ряды нашей арміи. Солнце перешло черту полудня, жаръ былъ невыносимъ, жажда томила тѣло; но духъ былъ бодръ и Турки испытали силу Русскаго оружія. Первый натискъ ихъ уничтоженъ въ одно мгновеніе. Артиллерія наша губительно осыпала ихъ картечнымъ огнемъ. Нападенія возобновились; сраженіе сдѣлалось общимъ... Молдаване съ господаремъ своимъ были въ центрѣ... Дивились они храбрости Русскихъ, но болѣе Великому Царю. Безпрерывно видѣли они Государя, летавшаго на бурномъ конѣ отъ опасности къ опасности.

— «Господарь!» сказалъ Костакки. «Это ангелъ смерти, а не Царь! Человѣкъ давно бы палъ подъ огнемъ тмы темъ Турецкаго воинства.»

— Нѣтъ, это Онъ, великій и безсмертный творецъ Россіи; но увы! теперь и эти чудеса не спасутъ Русской арміи. Ты видишь ли, множество Турецкаго воинства истоптало саранчу; оно безчисленно; за горами не мало свѣжаго войска. Мы не устоимъ...

Въ это самое время, туча Турецкихъ всадниковъ неслась прямо на центръ и прямо на тотъ пунктъ, гдѣ стояли Молдаване. Фельдмаршалъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ пріятію дерзкихъ гостей. Орудія гаркнули, земля задрожала, туча разсѣялась; но нѣкоторые всадники были у самыхъ рогатокъ; Костакки узналъ одного изъ нихъ и бросился къ рогаткамъ. Не успѣли Молдаване оглянуться, какъ два всадника схватили неосторожнаго Костакки и потащили по полю.

— Стой! Не воруй! загремѣлъ мужественный голосъ, и легкій конь фельдмаршала въ одинъ прыжокъ перескочилъ черезъ рогатку; раздался выстрѣлъ; одинъ всадникъ свалился съ коня; другой оставивъ добычу скрылся въ облакахъ пыли... Шереметевъ не хотѣлъ и знать кого спасъ онъ; довольный своимъ подвигомъ, онъ медленно возвращался къ рогаткамъ, но тутъ же услышалъ грозный голосъ Петра.

— «Я здѣсь, Борисъ — и вашимъ поведеніемъ зѣло недоволенъ. Солдатская храбрость украшаетъ солдата; а фельдмаршалу она въ криминалъ обратиться можетъ. Если еще разъ замѣчу, то извини, Борисъ, а я тебя весьма штрафовать буду... Ребята! Смеркается! Турки идутъ; отдохнемъ на ихъ трупахъ! Рогатки долой!..»

И точно, это было послѣднее нападеніе Турокъ въ этотъ несчастный и достославный день. Костакки не обращалъ, казалось, ника-

кого вниманія на всѣ окружавшія его опасности; онъ поднялъ трупъ убитаго фельдмаршаломъ всадника и понесъ его къ Фальцамъ... На вопросъ Молдаванъ, кого несешь? Костакки отвѣчалъ сухо: тестя-измѣнника! Завязался кровопролитный бой; орудія не долго гремѣли; зазвенѣли Русскіе штыки; ночь уже ложилась по горамъ, но послѣдніе лучи потухающаго солнца успѣли еще видѣть отступленіе безчисленныхъ Турокъ отъ горсти Русскихъ. Этотъ мгновенный успѣхъ не ослѣпилъ, не обманулъ никого. Государь возвратился въ Фальцы; приказавъ созвать военный совѣтъ, самъ заперся въ бѣдной комнатѣ и сѣлъ писать незабвенное письмо въ Петербургъ.

«Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четыре краты сильнѣйшею Турецкою арміею такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помощи ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія или что я впаду въ Турецкій плѣнъ. Естьли случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ Царемъ и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но естьли я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

— Кто тамъ есть? спросилъ Государь, печатая письмо; постучался дежурный офицеръ; Царь отперъ двери, отдалъ письмо офицеру и сказалъ ему съ совершеннымъ спокойствіемъ: Изволь ѣхать въ Санктпитербурхъ! отдай письмо господамъ Сенату. Авось увидимся. Прощай! Государь поцѣловалъ офицера и прибавивъ: Ну, теперь ступай съ Богомъ! самъ отперъ ему двери, выпустилъ его и опять заперся... Но не долго онъ оставался одинъ. Кто-то постучался.

— Кто тамъ? спросилъ Государь...

— Мы всѣ! — отвѣчалъ женскій голосъ.

Государь улыбнулся и впустилъ Государыню; за нею вошелъ фельдмаршалъ, господарь, всѣ министры и старшіе генералы...

— Катинька! сказалъ Царь: намъ надо держать консилію...

— Знаю, Государь; но и мой бабій умъ можетъ къ чему нибудь пригодиться. Турки для одинхъ интерессовъ Шведскаго величества своими выгодами не пожертвуютъ; если бы имъ предложить добрыя выгоды, послать приличные подарки... можетъ быть, мы потеряли бы токмо то, что возвратить можно впослѣдствіи; но сохранили бы войско, орудія, а въ нихъ намъ на сѣверѣ большая нужда будетъ...

Царь и всѣ присутствовавшіе были поражены справедливостью совѣта.

— Но гдѣ взять приличные подарки?

— По милости твоей, у меня есть много шубъ дорогихъ, клейнодовъ алмазныхъ и другихъ многоцѣнныхъ. Я и такъ не ношу ихъ...

Государь обнялъ Екатерину Алексѣевну и, послѣ краткаго совѣщанія, вице-канцлеръ Шафировъ съ генералъ-маіоромъ Шереметьевымъ, сыномъ фельдмаршала, забрали сундуки Царицы и отправились къ великому визирю. Между тѣмъ военный совѣтъ открылся и всѣ рѣшились, въ случаѣ неудачи въ переговорахъ, проложить себѣ путь оружіемъ или умереть. Рѣшеніе совѣта быстро разошлось по всему войску и, вмѣсто плача и унынія, раздались молодецкія пѣсни, водворилось веселіе. Князь Кантемиръ возвратился въ избушку, которую занимала Кассандра Сергѣевна и Елена. Костакки стоялъ у дверей и что то разсказывалъ...

— Слава Богу! вскричала княгиня, увидавъ мужа: ты здѣсь, ты живъ, ты не выданъ Туркамъ...

— Это что за вопросы?

— Весь лагерь говоритъ, что если тебя выдадутъ великому визирю, онъ выпуститъ Русскихъ, потому что не любитъ Шведовъ...

— Ну, ужъ этого будетъ; развѣ я самъ вздумаю пойти въ плѣнъ; а Петръ меня не выдастъ.... за это ручаюсь... Перестанемъ говорить о пустякахъ. Скажи мнѣ лучше, Костакки, кого принесъ ты?..

— Князь... Сюда идутъ! Спрячься!!...

Дѣйствительно вошелъ царскій деньщикъ и спросилъ: Все ли свои? Можно ли то говорить, что не всякому слушать подобаетъ...

— Всѣ свои, даже больше чѣмъ свои. Объяви, что принесъ?..

— А вотъ что; гонецъ прискакалъ отъ Шафирова. Турки на миръ идутъ; только въ кондиціяхъ тебя ставятъ...

— Я готовъ.

— Да Государь не готовъ. Больно па Турковъ разсердился и сказалъ: «Я лучше оставлю Туркамъ всю землю до Курска; уступивъ оную, надежда мнѣ остается паки ее возвратить, а нарушеніе даннаго слова не возвратно. Я не могу онаго преступить и предать князя оставившаго свое владѣніе изъ любви ко мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести. Отступить отъ нее, есть перестать быть Государемъ..»

Княжна залилась слезами и бросилась обнимать деньщика. Князь тоже былъ тронутъ до глубины души, отеръ слезу и спросилъ:

«Какой же отъ меня требуетъ жертвы Государь? Повторяю, я на все готовъ...

— Сидѣть въ государевой каретѣ, пока дѣло не сварится; а людямъ твоимъ говорить всѣмъ и каждому, что ты черезъ Прутъ ночью вплавь ушелъ...

— Но...

—Полно, князь! Государь указалъ! Не стану я передокладывать!

— Твоя правда! Пойдемъ. Костакки, поручаю тебѣ жену и сына!

Было еще темно, когда князь Кантемиръ умостился въ царской каретѣ; не смотря на критическія обстоятельства, предупредительный князь взялъ съ собою въ странную темницу нѣсколько томовъ любимѣйшихъ писателей своихъ, неразлучныхъ его спутниковъ. Съ 11-го по 14-е іюля просидѣлъ князь въ царской каретѣ. Каждую ночь являлся тотъ же деньщикъ, приносилъ кушанье и напитки, молча ставилъ въ карету, запиралъ его на ключъ и поспѣшно уходилъ. Утромъ 14-го іюля, князь замѣтилъ шумное движеніе вокругъ своей кареты; его подняли вмѣстѣ съ каретой, сначала съ одной стороны, потомъ съ другой, съ третьей и четвертой; топотъ копытъ и разговоры конюховъ объяснили ему, что карету снаряжаютъ въ путь; и точно, раздался барабанный бой; князь рѣшился отодвинуть занавѣску. Вся армія съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, выступала изъ роковаго лагеря; ближе къ каретѣ ѣхали разные экипажи; спаги на превосходныхъ лошадяхъ гарцевали между поѣздомъ. Кантемиръ задернулъ занавѣску. До самаго вечера карета ѣхала шажкомъ. Но ввечеру долго простояла на одномъ мѣстѣ. Изъ разговоровъ конюховъ и проходящихъ, князь узналъ, что ставятъ на Прутѣ мостъ; ночью карета опять тронулась въ путь, а утромъ деньщикъ отперъ карету и сказалъ: Милости просимъ! Пожалуйте къ Государю. Князь вышелъ изъ своего заточенія, оглянулся; армія располагалась на обѣдъ; на высокомъ пригоркѣ была раскинута палатка; по многочисленности высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, окружавшихъ палатку, легко можно было догадаться, что то ставка царская. Князь поспѣшилъ туда, но на полпути его встрѣтили княгиня, сынъ, Костакки, Елена, мать Костакки и цѣлая толпа Молдаванъ... Поцѣловавъ княгиню и сына, князь направилъ путь свой къ палаткѣ; но оттуда со всѣмъ генералитетомъ вышелъ къ нему на встрѣчу Петръ Великій:

«Князь! Богъ помогъ намъ избавиться отъ великой бѣды! Я былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ братъ мой Карлъ при Полтавѣ. Я сдѣлалъ такую же ошибку какъ и онъ: вошелъ въ непріятельскую землю, не взявъ нужныхъ мѣръ для содержанія моей арміи. Да погибнетъ измѣнникъ Бранкованъ! А тебя, князь, благодарю за любовь твою ко мнѣ... Поѣзжай князь, покойно въ Россію, а мы о тебѣ подумаемъ.

Князь въ трогательныхъ словахъ излилъ свою благодарность, и откланялся.

Всѣ Молдаване слѣдовали за княземъ. Подъ самымъ Кіевомъ догналъ его курьеръ царскій, старый знакомецъ Кантемира, Иванъ Сергѣевичъ. Знакомцы весьма обрадовались; особенно послѣдній. Оба вышли изъ экипажей; княжна и вся свита воспользовались этимъ случаемъ, также вышли, чтобы, какъ говорится, размять кости, утомленныя поѣздкой, и окружили князя...

— Куда, Иванъ Сергѣевичъ?

— Въ Питеръ, съ указами! Тутъ и про васъ есть...

Князь молчалъ.

— Указано вамъ, продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ: быть свѣтлѣйшимъ княземъ Россійскимъ... Сенату пріискать и купить для васъ два каменныхъ дома, одинъ въ Москвѣ, другой въ Питерѣ, и при томъ такихъ, чтобы достойны были господаря Молдавскаго; въ Сѣвскомъ уѣздѣ тысячу дворовъ, въ Московскомъ село Черную Грязь, съ деревнями, и село Булатниково; да пенсію по шести тысячь рублевъ въ годъ; да право всѣхъ вашихъ Молдаванъ судить самому по вашимъ законамъ. За тѣмъ кланяюсь и поздравляю вашу свѣтлость! До свиданья; моя дорога по часамъ исчислена...

Иванъ Сергѣевичъ ускакалъ. Князь, княгиня и всѣ Молдаване, снявъ шапки, стояли какъ вкопанные, пораженные щедротою Царя Петра. Одна только мать Костакки, подошла къ Кантемиру, взяла его за руку, указала на Костакки, на себя, потомъ на небо — и залилась радостными слезами.

Н. К.

Церковь трехъ святителей въ Яссахъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Нѣсколько словъ кстати. — Выставка. — Мейеръ, Дороговъ, Чернецовъ. — Театры. — Г-жа Плесси. — Театръ въ Казани. — Свитки XVI и XVII вѣковъ. — Пароходъ. — Новыя книги. — Лекція г. Шюца. — Гимнастика. — Universal-Clavier. — Гоголь.

═

Черная туча, собиравшаяся надъ Иллюстраціею, разсѣялась. Небо проясняется. Совершается благодѣтельный переворотъ. Большинство образованной публики начинаетъ признавать, не смѣемъ сказать, достоинства Иллюстраціи, но по крайней мѣрѣ постоянное и неусыпное стараніе ея, совершенствоваться и угождать всѣмъ требованіямъ. Остаются одни забавные враги Иллюстраціи. Эти враги не страшны намъ. Просвѣщенные читатели съ чувствомъ отвращенія смотрятъ на тщетныя усилія ихъ, проявляющіяся въ нападкахъ на мелочныя, ничтожныя ошибки. Обвиненія ихъ ничтожны въ сравненіи съ собственными промахами. Что бы, напримѣръ, эти господа сказали про Иллюстрацію, еслибъ она, подобно фельетону Сѣверной Пчелы, 15-го октября, 1845 года, № 231-й, повѣствуя о предполагаемой желѣзной дорогѣ сдѣлала то важное математическое открытіе, что милліонъ пять сотъ тысячъ рублей составляютъ шесть процентовъ отъ капитала въ пятьдесятъ милліоновъ рублей? Это не шутка — вдвое меньше того, какъ до сихъ поръ считалось!.. И послѣ подобныхъ промаховъ, они же обвиняютъ Иллюстрацію въ какой-нибудь ничтожной опечаткѣ, которую всякій самъ легко можетъ поправить! Не смѣшно — а грустно. Иллюстрація же, вѣрная своему направленію, благородной цѣли, которую она избрала, будетъ идти себѣ впередъ прямой дорогой, совершенствуясь опытомъ и совѣтами людей добросовѣстныхъ...

— Намъ предстоитъ рядъ высокихъ наслажденій. Со дня на день мы ожидаемъ открытія Академической выставки, на которой, какъ говорятъ, мы увидимъ превосходныя произведенія быстро развивающагося русскаго искуства, принимающаго уже свой самостоятельный характеръ, образовывающаго школу, зачатую уже немногими, но знаменитыми именами. Школа эта получила уже основный, твердый камень въ геніѣ К. П. Брюллова. Говоря о художествахъ, Иллюстрація должна сообщить своимъ читателямъ радостную вѣсточку. Талантливые наши художники и сотрудники Иллюстраціи, гг. Мейеръ и Дороговъ возвратились на дняхъ изъ художническаго путешествія и вскорѣ на страницахъ Иллюстраціи появятся плоды ихъ трудовъ. Редакція Иллюстраціи обогатилась еще нѣсколькими прекрасными, исторически важными рисунками Гг. Чернецовыхъ, извѣстныхъ всѣмъ любителямъ искуствъ. Содѣйствіе лучшихъ художниковъ и литераторовъ внушаетъ намъ утѣшительныя надежды, которыхъ не въ состояніи разрушить никакія нападки злонамѣренной посредственности. — Итальянская опера по прежнему привлекаетъ множество слушателей и наконецъ, французская труппа наша, и безъ того уже столь богатая, полная и разнообразная украсилась еще однимъ талантомъ высшаго разряда. За невольную ошибку нашу касательно пріѣзда г-жи Плесси, ошибку, подавшую случай одному милому острячку пошутить на нашъ счетъ, мы обязаны поквитаться съ нею, познакомивъ ее покороче съ нашими читателями:

— Г-жа Плесси родилась около конца 1819 года. Есть люди, предназначеніе которыхъ знаменуется чѣмъ-нибудь особеннымъ, чудеснымъ, при самомъ рожденіи ихъ; рожденіе же г-жи Плесси было самое прозаическое: отецъ ея былъ честный человѣкъ, богатый и уважаемый; мать — добрая жена. Г-жа Плесси родилась въ Мецѣ; первый крикъ ея обрадовалъ добрыхъ родителей, изъ объятій которыхъ она перешла къ груди кормилицы; потомъ ее крестили и нарекли весьма прозаическимъ именемъ Жанны — словомъ, все произошло очень покойно, просто и обыкновенно. Первые годы дѣтства Жанны были грустны, тяжки; отецъ ея, послѣ незаслуженой потери своего имущества, сдѣлался комедіантомъ и бродилъ изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, съ Мольеромъ и Реньяромъ въ сумкѣ, и малюткой въ колыбели. Такимъ образомъ г-жа Плесси впервые познакомилась со свѣтомъ — за кулисами... Извѣстно, что будущность наша зависитъ большею частію отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ наше дѣтство: сынъ солдата, родившійся при звукахъ барабана, при шумѣ оружія, съ дѣтства вдыхающій въ себя дымъ пороха, легко дѣлается солдатомъ. Такъ точно развилась между комедіянтами и наклонность молодой Жанны; будучи трехъ лѣтъ отъ роду, она лепетала стихи, которые острая память ея схватывала на лету, когда она бѣгала за кулисами между Орестами и Агамемнонами. Шести лѣтъ она съ наивною прелестью твердила басни Лафонтена; восьми лѣтъ она знала всего *Мизантропа* наизусть. Конечно, этихъ дѣтскихъ забавъ нельзя принять за вѣрные признаки дарованія, но по развитіи его, объ нихъ упомянуть можно.

Наконецъ молодая дѣвушка прибыла съ родителями въ Парижъ.

Парижъ — обѣтованная земля артистовъ, и едва г-жа Плесси вступила въ городъ, иногда пагубный, но чаще благодѣтельный для юныхъ дарованій, какъ вліяніе его проявилось и на ней. Два извѣстные профессора драматическаго искуства, Мишло и Сансонъ, образовавшіе столько замѣчательныхъ талантовъ, стали давать уроки молодой Плесси, которая съ перваго взгляду понравилась имъ. Природная грація ея, остроуміе, взглядъ, улыбка, все возвѣщало имъ, что этой ученицей имъ впослѣдствіи можно будетъ гордиться. Самыя строгія лица невольно улыбались при видѣ милаго ребенка и даже Консерваторія измѣнила основному своему правилу, не принимать дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ, принявъ *десятилѣтняго* ребенка.

Пять лѣтъ протекло въ прилежныхъ изученіяхъ, терпѣливыхъ наблюденіяхъ и пламенномъ желаніи совершенствоваться. Каждый день ученица ступала шагъ впередъ въ мірѣ комедіи — надежды, мечты, будущности ея!..

Наконецъ г-жа Плесси дебютировала на Французскомъ театрѣ (Théâtre-Français) 10 марта 1834 года. Ей было пятнадцать лѣтъ. Когда, разставшись съ монотонностью школы, молодая дѣвушка впервые явилась при блескѣ яркаго театральнаго освѣщенія, одобрительный ропотъ пробѣжалъ по залѣ. Не сдѣлавъ ни одного жеста, не сказавъ еще ни одного слова, она уже достигла цѣли своей: судьи были побѣждены одною очаровательною, плѣнительною наружностью...

Публика Французскаго театра не привыкла къ молодымъ, прелестнымъ пятнадцатилѣтнимъ лицамъ, веселенькимъ и свѣжимъ; на сценѣ этого театра чаще появляются увядшіе цвѣты поблеклая трава, нежели свѣженькія, полураспустившіяся розы. Слѣдовательно неудивительно, что плѣнительный цвѣтокъ, внезапно развившійся между полувѣковыми знаменитостями Французскаго театра, обворожилъ и публику, и критику... и все пало къ ногамъ молоденькой артистки!.. Ее долго баловали, какъ миленькаго ребенка, и если иногда и раздавался строгій, ворчливый голосъ критики, то никто не обращалъ на то вниманія, или же говорили:

— Она еще такъ молода! Дайте ей подрости!

И г-жа Плесси выросла на глазахъ публики. Зрители, день за днемъ, слѣдили за ея развитіемъ... Нынче это уже не робкая, стыдливая дебютантка — это актриса! Красота и молодость ея въ полной силѣ, въ полномъ блескѣ, и она занимала почетное мѣсто на первомъ театрѣ Франціи.

Приходитъ время, когда публика требуетъ отъ хорошенькихъ актрисъ, чтобы онѣ были и хорошія актрисы; время это пришло и для г-жи Плесси, послѣ первыхъ дѣтскихъ успѣховъ ея; недовольно было милыхъ улыбокъ и надеждъ, подаваемыхъ пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ — публи-

Г-жа Плесси-Арну. (Въ комедіи Скриба: Le verre d'eau.)

ка требовала осуществившихся надеждъ таланта. Зрители сдѣлались строже; критика, — та критика, которая старается обратить на себя вниманіе, поставить себѣ пьедесталъ изъ чужихъ недостатковъ, — обрадовавшись этому случаю, вооружилась ферулою и собрала грозныя тучи надъ головой артистки. Г-жа Плесси поняла опасность и приготовилась къ битвѣ. Она мужественно преодолѣла нѣкоторые незначительные недостатки избалованнаго ребенка и изъ миленькой дѣвушки, забавлявшей публику своей миловидностью, стала артисткой... и Французскіе журналы провозгласили ее достойной наслѣдницей незабвенной Марсъ.

Г-жа Плесси создана для высокой комедіи — но не для драмы. Быстрые, хорошенькіе, живые глаза ея не созданы для слезъ; выраженіе грусти не идетъ къ веселому, открытому лицу ея. Остроуміе, блистательная грація, обворожительные взгляды, живыя выходки, благородныя шутки, вся прелесть очаровательныхъ Селименъ, острыхъ Сусаннъ, кокетокъ Селіантъ, вотъ достоляніе г-жи Плесси.

Не говоримъ объ игрѣ г-жи Плесси-Арпу:

Мы видѣли ее, восхищались ею и удивлялись, какъ щедро Господь награждаетъ иногда созданіе свое...

— Лѣтопись изящныхъ искуствъ являетъ намъ, что они вездѣ, у всѣхъ народовъ проявлялись первоначально въ духѣ и цѣли безусловно нравственныхъ. Такъ было и съ одною изъ отраслей ихъ — искуствомъ сценическимъ. Древній міръ языческій, грубый въ своихъ вѣрованіяхъ, но дѣвственною мыслію умѣвшій постигать высокое, поставлялъ искуство это, съ его аттрибутами, необходимымъ условіемъ своихъ торжественныхъ обрядовъ. — Но внушеніямъ духа религіознаго возникли въ средніе вѣки театры и въ западной Европѣ, гдѣ театральное искуство началось представленіемъ въ лицахъ разныхъ событій изъ св. Писанія. Сюда принадлежатъ такъ называемыя мистеріи. На Руси первоначально представленія были также содержанія духовнаго и приводились въ исполненіе воспитанниками духовныхъ училищъ. Исторія Литературы показываетъ намъ, что первыми драматическими произведеніями въ Россіи почитаются священныя трагедіи св. Димитрія Ростовскаго, которыя и представлялись Студентами Кіево-Печерской Лавры и учениками Заиконоспасской Духовной Академіи.

Вѣкъ просвѣщенія и образованности призналъ театръ училищемъ нравственности. Съ благороднымъ чувствомъ народной гордости похвалиться можемъ, что эта важная цѣль — научать, доставляя пріятное развлеченіе, постигнута и выполняется у насъ съ успѣхомъ. Большая часть огромныхъ театровъ западной Европы составляютъ чисто предметъ спекуляціи, достояніе частныхъ антрепренеровъ. Наши великолѣпные столичные театры содержатся, поддерживаются и украшаются иждивеніемъ Правительства. Перомъ драматическаго писателя весьма часто водитъ за границей духъ личности и интриги, направляемый иногда противъ всего того, что люди уважать привыкли. У насъ, подъ покровительствомъ Правительства ограждены отъ оскорбленія частная личность и чувство нравственное.

По многочисленности народонаселенія, по значительности г. Казани и изъ желанія доставить жителямъ возможность пользоваться полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, г. Казанскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Сергій Павловичъ Шиповъ, ходатайствовалъ о возведеніи тамъ каменнаго, для помѣщенія театра, зданія, которое бы вполнѣ удовлетворяло всѣмъ требованіямъ и условіямъ. — Г. министру Внутреннихъ Дѣлъ угодно было, утвердивъ такое предположеніе, указать источники для приведенія онаго въ исполненіе; а по разсмотрѣніи, гдѣ слѣдовало, проэкта зданія, оный удостоился Высочайшаго одобренія.

Наконецъ 14-го сентября, въ первомъ часу по полудни происходило заложеніе, съ приличною торжественностію, перваго камня зданію, г. военнымъ губернаторомъ въ присутствіи значительнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Независимо отъ пріятной надежды пользоваться наслажденіями сценическаго искуства, любителямъ изящнаго предстоитъ удовольствіе любоваться со временемъ въ Казани прекрасною площадью, гдѣ будутъ красоваться изящной архитектуры зданія Театра, Дворянскаго собранія, быстро возводимаго и уже предположеннаго Экзерцирь-Гауза.

— Въ архивѣ Псковской казенной палаты найдено большое количество весьма замѣчательныхъ свитковъ XVI и XVII вѣка, изъ которыхъ многія весьма любопытны въ историческомъ отношеніи, касающемся набѣговъ *Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей* и осады Пскова въ 1615 году.

— 3-го сего сентября, отправился изъ Перми въ Казань, пароходъ Софія, котораго назначеніе есть перевозить пассажировъ отъ Перми до Нижняго Новгорода и обратно, а равно съ мѣстъ и на мѣста, на этомъ пространствѣ лежащія. — Пароходъ представляетъ всѣ удобства и совершаетъ путь отъ Перми до Нижняго въ 8 сутокъ, а обратно отъ 9-ти до 10-ти дней. — Онъ построенъ на чугунномъ заводѣ гг. Демидовыхъ, подъ наблюденіемъ инженера и механика Барта. Длиною онъ 15 саженъ; на немъ находятся: одна большая каюта приблизительно на 30 особъ, двѣ небольшія дѣтскія каюты и одна общая. — Пароходъ прибылъ въ Казань 14-го сентября.

— Новыми книгами мы все еще не очень богаты. На первый случай упомянемъ о первой части сочиненія Н. А. Полеваго: *Столѣтіе Россіи, съ 1745 до 1845 года или Историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за сто лѣтъ.* Мы намѣреваемся подробнѣе поговорить съ читателями объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи. Пока мы здѣсь жалуемся на недостатокъ хорошихъ книгъ, Одесса не шутя сбирается сдѣлать русской литературѣ весьма пріятный подарокъ. На дняхъ тамъ вышла 1-я пѣснь Виргиліевой *Энеиды*, въ русскомъ стихотворномъ переводѣ. Переводъ принадлежитъ г-ну Шершеневичу. Это первый трудъ молодаго человѣка, который не побоялся употребить нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни на трудный и рѣдко благодарный, литературный подвигъ. Переводъ совершенно оконченъ. Судя по нѣсколькимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», и по первой вышедшей пѣсни, мы должны заключить, что переводъ г-на Шершеневича достоинъ полнаго вниманія. При близости къ подлиннику, онъ отличается прекраснымъ языкомъ, чистымъ и свободнымъ; гекзаметры г-на Шершеневича плавны и во многихъ мѣстахъ блещутъ мастерскою отдѣлкой. Въ доказательство, беремъ на удачу нѣсколько строкъ.

«Кто бы ты ни былъ, сказала, но боги къ тебѣ благосклонны,
Кажется мнѣ. И если ты къ нашему берегу прибылъ,
Не предавайся печали, но прямо иди ты къ царицѣ.
Если не тщетно отцы научили меня предсказанью,
Я предвѣщаю тебѣ погибшихъ судовъ возвращенье:
Съ сѣвернымъ вѣтромъ попутнымъ къ пристани всѣ принесутся.
Видишь ли ты, какъ двѣнадцать летитъ лебедей по эѳиру?
Какъ громоносецъ орелъ, отъ заоблачныхъ странъ упадая,
По небу свѣтлому стаю разсѣялъ? Смотри, какъ рядами
Тянутся долу и, тихо спускаясь на землю, ликуютъ?
Видишь ли ты, какъ они отъ радости треплютъ крылами?
Какъ опоясали небо кольцемъ и поютъ отъ восторга?
Такъ вотъ и флотъ твой плыветъ въ океанѣ, и ратныхъ собратовъ
Парусомъ полнымъ къ пристани мчитъ, иль якорь бросаетъ.
Смѣло иди, и куда поведетъ тебя случай, послѣдуй.» —
Тутъ обернулась она, лебединою шейкой блеснула,
Запахъ амврозіи всюду разлился небеснымъ дыханьемъ
Съ кудрей ея, и до самой пяты скатилась одежда:
Въ дивномъ божественномъ видѣ явилась взорамъ богиня.

— Вторая лекція Гигіены, доктора Шюца привлекла еще болѣе посѣтителей. Преподаватель сдѣлалъ общій разборъ вліянія воздуха на человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ; этотъ предметъ будетъ разсматриваться еще въ двухъ лекціяхъ и потому строгимъ судьямъ мы не совѣтуемъ спѣшить мнѣніемъ. Надо выслушать всѣ лекціи объемлющія каждая отдѣльную статью науки, и тогда уже судите. Во время чтенія о вліяніи свѣта мы не могли не улыбнуться, съ трудомъ поглядывая на двѣ лампы чрезвычайно сильнаго свѣта, стоявшія передъ преподавателемъ. Слушая, невольно хочешь и глядѣть на того, кто читаетъ; но это обходится дорого; глазамъ больно. Боишься внимать урокамъ науки о сохраненіи здоровья, чтобы не повредить здоровья глазъ.

— Гимнастика составляетъ часть Гигіены. Древніе понимали важность гимнастическихъ упражненій и для того были устроены обширныя публичныя заведенія. Въ новѣйшія времена на гимнастику долго смотрѣли какъ на принадлежность военной службы; пока успѣхи медицины не объяснили ея необходимости для каждаго. Теперь гимнастика введена почти во всѣ учебныя заведенія. Появились частныя гимнастическія залы, въ которыхъ преподаются не только уроки этой науки, но и пользуются медицинскою гимнастикою больные, по предписаніямъ врачей. Г. де-Ронъ уже открылъ свое гимнастическое заведеніе близъ Симіоновскаго моста въ павильонѣ инженернаго замка. Болящіе могутъ лечится, здоровые могутъ предохранить себя отъ болѣзней, происходящихъ отъ недостатка движенія.

— Мы имѣли случай на дняхъ видѣть новоизобрѣтенный инструментъ, которому трудно дать приличное названіе; трудно понять механизмъ и сложить его въ головѣ своей... Огромность, сложность, хитрость механизма заставили насъ призадуматься. Чистота и пріятность звуковъ, изъ коихъ большая часть лучше звуковъ, извлекаемыхъ изъ тѣхъ же инструментовъ, которымъ казалось только подражать хотѣли, все это вмѣстѣ ставитъ изобрѣтеніе на весьма важную степень въ теоріи музыкальныхъ инструментовъ, которая нѣкоторымъ образомъ имъ дополняется. Шутя мы назвали инструментъ Universal-Clavier, но кажется, что это названіе могло бы остаться и не въ шутку. Иллюстрація исполнитъ свою обязанность и представитъ подробное описаніе инструмента съ рисунками.

— Всякой величинѣ — нанесено чувствительное огорченіе. Чего она ни писала на сочиненія Гоголя, не смотря на то — въ послѣднихъ нумерахъ Парижской Иллюстраціи напечатанъ весьма удовлетворительный переводъ прекраснаго разсказа Гоголя: Старосвѣтскіе помѣщики. Другія сочиненія того же автора, также переводятся на Французскій языкъ. Надо полагать, что всякая величина осыпавшая своими смертоносными стрѣлами Русскую и Нѣмецкую Иллюстраціи, теперь поразитъ на смерть и Парижскую.

АНЕКДОТЪ.

Одинъ журналистъ въ Парижѣ рѣшился сдѣлаться историкомъ. Нѣтъ ничего легче. Взялъ и написалъ Исторію. Но этого для него показалось мало. Онъ хотѣлъ показать всѣмъ своимъ, врагамъ, что онъ человѣкъ энциклопедическій и вмѣсто исторіи, онъ сочинилъ огромную книгу или лучше, началъ сочинять огромную книгу всяческаго содержанія. Желая увѣрить не враговъ своихъ, что онъ роется въ библіотекахъ и архивахъ, энциклопедистъ отправился ко всѣмъ начальникамъ Библіотекъ и у одного добродушнаго и слабаго старика выманилъ себѣ на домъ для необходимыхъ выписокъ драгоцѣнную лѣтопись временъ Карла Великаго на самое короткое время, на четыре дня. Прошло четыре дня, прошло сорокъ дней, ни лѣтописи, ни энциклопедиста, ни записки... Старикъ испугался. Отправляется самъ къ энциклопедисту... Засталъ его дома... Гдѣ рукопись!.. оканчиваю выписки; на дняхъ привезу... Но гдѣ она!.. Тутъ; я отдалъ только скопировать одно мѣсто... Прошло два мѣсяца еще... Нѣтъ рукописи... Старикъ повстрѣчался съ энциклопедистомъ на *Тюльерійскомъ Бульварѣ*... Чтожъ рукопись?.. Я вамъ отослалъ ее уже двѣ недѣли тому назадъ... Какъ отослалъ! — Право отослалъ, ей Богу отослалъ; при свидѣтеляхъ... У меня есть ваша росписка... Прощайте! Покорно васъ благодарю за одолженіе... Старикъ остолбенѣлъ! Нѣсколько мгновеній, не зналъ, что сказать — между тѣмъ, тотъ ушелъ и Библіотекарь въ горѣ повѣсивъ голову, пошелъ домой.

— Ахъ Боже мой! какъ я радъ, что васъ вижу... сказалъ кто-то. Старикъ поднялъ голову, то былъ графъ Т. собиратель разныхъ памятниковъ древности... «Вы порадуетесь, любезный другъ и

позавидуете мнѣ...» продолжалъ графъ : — Пойдемте ко мнѣ ! Я вамъ покажу такую вещицу, что вы ахнете... Я пріобрѣлъ ее...

— А я потерялъ... Но все равно, пойдемте. Я теперь не способенъ къ работѣ...

Пришли. Графъ ввелъ старика въ библіотеку, и указалъ на небольшой столъ, на которомъ покоилась знакомая рукопись. Старикъ издали узналъ ее, бросился къ столу, схватилъ дорогую находку въ объятія и закричалъ :

— Никому не дамъ ! Никому не покажу...

— Что вы, что вы... Да эта рукопись моя !

— Моя...

— Я заплатилъ за нее пять тысячъ франковъ Г.·.·.·. Графъ назвалъ энциклопедиста...

— А онъ взялъ ее у меня даромъ на четыре дня...

— Вы шутите ! Онъ нашелъ ее, роясь въ архивахъ монастыря...

— Въ моей библіотекѣ... Я надѣюсь доказательства неисчезли ; на страницѣ 95 моею рукою сдѣлана поправка : вмѣсто Conjus—Conjux. На страницѣ 106 между строчками 5 и 6 написана моя фамилія. Смотрите !..

Графъ въ свою очередь смутился и повѣсилъ голову ; а старикъ поднялъ голову и торжественно оставилъ домъ графа...

Много смѣялись надъ этимъ происшествіемъ въ Парижѣ. Одинъ острякъ къ разнымъ насмѣшкамъ присовокупилъ замѣчаніе : нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь это также доходъ съ литературы.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

Симпатическое средство узнавать, упеклись ли посаженные въ печь хлѣбы , состоитъ въ слѣдующемъ : надобно имѣть стеклянную или каменную кружку, самую простую, наполнить ее водою, только не горячею, а обыкновенною, какъ пить можно, и поставить ее въ той-же пекарнѣ на печь или на окно. Когда посадятъ послѣднія хлѣбъ, изъ оставшагося въ квашнѣ тѣста скатать руками шарикъ величиною въ грецкій орѣхъ и тотчасъ опустить этотъ шарикъ въ кружку съ водою. Шарикъ этотъ немедленно опустится до дна. По мѣрѣ того, какъ хлѣбъ будетъ поспѣвать въ печахъ, шарикъ въ кружкѣ будетъ подниматься , и когда весь почти поднимется на верхъ воды, это будетъ вѣрный знакъ, что хлѣбы изъ печи пора вынимать.

ХЛѢБЪ СЪ РѢПОЮ.

Многократные опыты показали, что рѣпу можно съ большою выгодою употреблять въ подспорье зерновой муки на печеніе хлѣба. Употребляютъ ее слѣдующимъ образомъ. Рѣпу сперва обмываютъ водою начисто , и потомъ сырую, вмѣстѣ съ кожею, растираютъ на теркѣ въ мелкую кашицу. Этой кашицы на половину, или третью долю, прибавляютъ къ ржаной или ячной мукѣ ; замѣшиваютъ какъ обыкновенное тѣсто, даютъ выкиснуть и пекутъ, какъ и прочій хлѣбъ. Изъ 3-хъ фун. рѣпы и 3-хъ фун. ржаной муки выпекается по этому способу 9 фун. хорошаго хлѣба , который долго не черствѣетъ. Вмѣсто рѣпы можно брать свеклу. Хлѣбъ выходитъ питательный и вкусный.

ПЕРЕПИСКА.

N. N. — Вы правы; что Суббота, то какой нибудь новый талантъ; благодаримъ за замѣчаніе, которымъ мы, какъ вы видите, воспользовались.

Г. Лукьянову. Излишество матеріаловъ не позволило намъ до сихъ поръ помѣстить вашей статьи. Мы увѣрены, что она доставитъ нашимъ читателямъ такое же удовольствіе, какое мы ощущали, читая ее.

Г-ну А. въ М. — Вы правы ; есть люди , которые только тогда и дѣлаютъ добро, когда хотятъ сдѣлать зло.

***. — Онъ живетъ для лжи и ложью живетъ.

И. Г. К.—у— Тога есть мантія, но не всякая мантія — Тога. Въ беретахъ ходятъ, и точно по Воскресеньямъ, только не профессоры; а профессоры ходили въ легкихъ шапочкахъ, покрывавшихъ только темя. И та и другая принадлежность докторскаго костюма употреблялись сначала даже въ классахъ; потомъ только въ торжественныхъ случаяхъ , наконецъ во многихъ мѣстахъ во все оставлены. Мундировъ у гетингенскихъ профессоровъ во времена Бюргера не было, а если и были, то ужъ развѣ уланскіе, военные. Нѣмецкіе студенты били за частую не только стекла, но и людей, въ особенности жидовъ, цыганъ и разную сволочь, чему вы сами знаете не мало свѣжихъ и всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ своеволія нѣмецкихъ судентовъ. Въ Азовѣ веревки не нашли, парохода не видали а все-таки рѣшили, что это Верхотурье. И такъ вы видите, что все неправда.

Н. И. К—ву. Весьма просто и ясно. Мы пошутили, и обѣщали, зная, что будетъ напечатано. Виноваты, что обѣщали, это правда; но насъ не соблазнили самыя выгодныя условія , потому, что... выгодныя условія соблазняютъ только корыстолюбцевъ, ищущихъ въ литературѣ только однѣхъ денежныхъ выгодъ. .

Г. К. Н. С—чу. Доставленная вами статья и рисунки непремѣнно будутъ помѣщены въ Иллюстраціи, если не воспрепятствуетъ что либо отъ Редакціи не зависящее. Къ стыду нашему признаемся, что и не слыхали объ этихъ истинно патріотическихъ праздникахъ. Съ позволенія вашего мы вычеркнемъ намѣки на нѣкоторыхъ критиковъ. Они не стоятъ разговора въ статьѣ, гдѣ дѣло идетъ о Русскомъ истинномъ патріотизмѣ. Помѣщеніе статьи можетъ замедлиться, только за трудностію гравировки мелочныхъ подробностей Иллюстраціи. — Примите нашу признательность. Дай Богъ, чтобы Редакція имѣла больше случаевъ и читать такія статьи и помѣщать ихъ въ Иллюстраціи. Содѣйствія! Такого содѣйствія, о все прочее само придетъ при неусыпныхъ стараніяхъ Редакціи.

И. А. М. — Помѣщаемъ обѣщанную Вафельную подвижную пекарню. Довольны ли вы ?

М. М. Статья Гейне , о которой вы пишете, можетъ быть помѣщена въ Иллюстраціи , если объемомъ и содержаніемъ соотвѣтствуетъ принятымъ редакціей правиламъ...

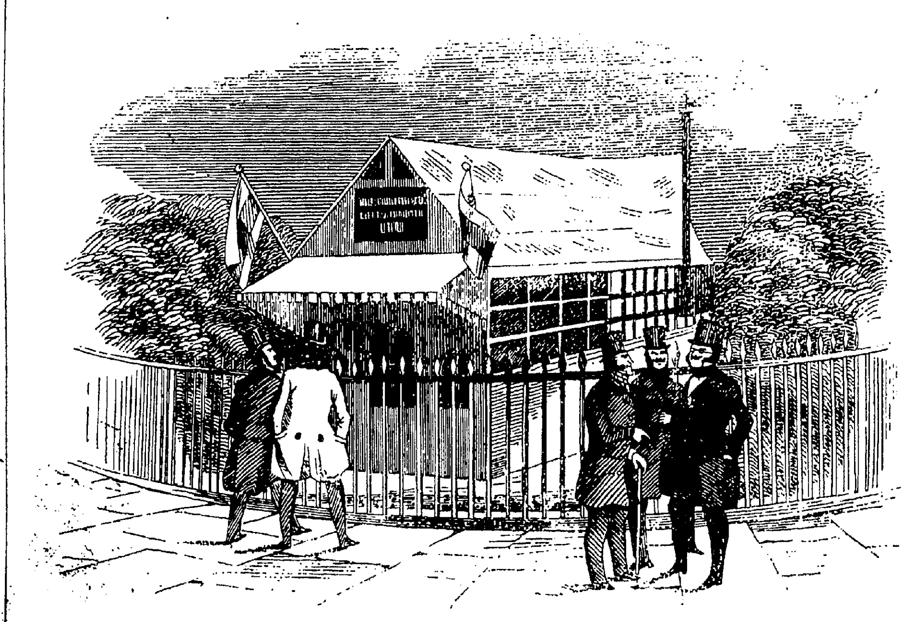
Ос—к—у. Пародіи давно вывелись изъ моды. Мы жалѣемъ объ этомъ и потому отказываемся отъ помѣщенія присланной вами антологіи въ цѣлости въ трехъ или четырехъ нумерахъ. Если позволите взять нѣсколько отдѣльныхъ піэсъ, мы будемъ весьма довольны.

Въ Редакцію. — «Пріятели и знакомые мои, прочитавъ въ нѣсколькихъ нумерахъ Иллюстраціи отвѣты на мои письма, утверждаютъ будто я продолжаю корреспонденцію съ редакціей Иллюстраціи и что загадочные отвѣты печатаемые на имя г. С—ва, суть отвѣты на мои письма. Прошу покорно редакцію помянутой Газеты прекратить отвѣты свои на небывалыя мои письма, если только въ самомъ дѣлѣ подъ буквами С—въ редакція подразумѣваетъ преданнаго ей душою Сѣроглазова.»

Г. Сѣроглазову. Слушаемъ-съ !

Г. С—ву. Предъидущее обнаруживаетъ , что вы не г. Сѣроглазовъ. Перемѣните буквы , для вышеозначенной цѣли; отъ того содержаніе вашихъ писемъ не пострадаетъ. Но не оставляйте насъ вашей корреспонденціей. Бываютъ иногда такія скучныя минуты, что ваши письма и всякая величина — составляютъ чтеніе забавное. Право бываютъ такія минуты. — Конечно, это не хорошо; человѣкъ въ злости не долженъ бы служить предметомъ забавы; но что же дѣлать, когда бываютъ такія минуты.

Г. Степану Ивановичу Васильеву. На 1 пунктъ. Невозможно, потому что у насъ всего два листа набору. Мы уже и такъ набираемъ большую часть статей боргесомъ. До сихъ поръ помѣщалось много повѣстей. Теперь другія требованія; черезъ мѣсяцъ опять явятся новыя ; какъ тутъ завести такой однообразный порядокъ, тѣмъ болѣе, что и гравюры прилагаются къ статьямъ разнаго содержанія, а мѣста для нихъ по возможности, должны быть одни и тѣже. На 2 п. Подумаемъ какъ бы помочь этой бѣдѣ. Дастъ Богъ будутъ разносить и въ папкахъ. 3 п. Въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано именное исключеніе, но для того, въ свое время благоволите прислать вашъ билетъ прямо въ редакцію. Слѣдующій за тѣмъ не нумерованный пунктъ — слишкомъ лестенъ для Редакціи; въ отвѣтъ можемъ только сказать, что исполняя долгъ свой по совѣсти безъ сомнѣнія не ослабнемъ въ усиліяхъ нашихъ на пользу из-



Подвижная пекарня въ Александрийской Скверѣ.

данія. Порученіе ваше П. Р. Фурманну и М. О. К. исполнено. Что же касается до того—кто такой М. О. К.—незнаемъ, а сочинитель заклада подписался и прислалъ начало большаго романа, который названъ Похожденія Хавроньина или по шерсти кличка. Мы не помѣщали его по многимъ причинамъ; во первыхъ потому, что не смотря на перемѣну фам.ліи, угадали автора и ждали пока догадка наша подтвердится; во вторыхъ многіе жаловались на разрывчатое помѣщеніе Заклада, а мы тутъ невиноваты. Почта привозила Закладъ въ такіе сроки, что повѣсть два раза должна была прерваться; въ третьихъ Похожденія Хавроньина хотимъ иллюстровать, а для этого требуется время.

Х. Х. Исчисленіе затруднительно. По думаю, что разъ десять. Кто можетъ знать все то, что такъ тщательно сохраняется въ тайнѣ.

Б.....лу. Русское вамъ спасибо.

О. П. Мы васъ разлучили въ эту субботу съ г. С.—вымъ, потому что отъ него одно письмо, а отъ васъ три... Не скучайте эту недѣльку въ грустной разлукѣ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Русскій театръ. Новая трагедія: Смерть Ляпунова, въ пяти актахъ, въ прозѣ, дана будетъ на Александринскомъ театрѣ, немедленно по возвращеніи изъ чужихъ краевъ В. А. Каратыгина, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ къ 15-му числу ноября.

Отложенный бенефисъ г. Самойлова назначенъ на слѣдующей недѣлѣ.

Италіянскій театръ. Здоровье г. Сальви поправляется. Есть надежда, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени появится на сценѣ. Г-жа Мольтини первый разъ будетъ дебютировать въ оперѣ: I Lombardi а г. Коради—въ оперѣ: Beatrice di Tenda.

Нѣмецкій театръ. Первый дебютъ г. Левенберга, ангажированнаго для ролей первыхъ любовниковъ, назначенъ на слѣдующей недѣлѣ въ среду.

Французскій театръ. Г-жа Арну-Плесси, во вторникъ 23 сентября, будетъ играть, въ ком. La chaine, въ бенефисъ актера Варле.

МОДЫ.

У насъ уже глубокая осень; но въ Парижѣ донашиваютъ лѣтнія и сочиняютъ зимнія моды; модный барежъ — бѣлый, по которому идутъ полосы зубчатыя, зубцами вверхъ; корсажъ съ переди открытый, барежевые рукава доходятъ не много ниже локтя, а далѣе—рукава изъ вышитой кисеи съ кружевными оборками; изъ такой же кисеи плотная манишка около шеи обшитая кружевами. Шарфы, зеленые кашемировые; омбреллы еще не оставлены, хотя пасмурная погода дѣлаетъ ихъ совершенно безнужными. Шляпки изъ толстой италіянской соломы, обшитые широкимъ соломеннымъ же аграмантомъ, съ боковъ туффы мелкихъ цвѣтковъ.

Домашній костюмъ хозяйки, во время обѣда замѣченъ слѣдующій: нижнее платье розовое шелковое, покрыто другимъ раздвижнымъ изъ голубой тафты; полы идутъ фестонами и обшиты голубой бахромкой. Атласныя сандаліи à la reine, новое изобрѣтеніе башмачнаго искуства, говорятъ, составляетъ весьма красивую обувь.

Зимнія моды заготовляемыя въ мастерскихъ знаменитой Александрины обращаютъ на себя общее вниманіе своею оригинальностію и достоинствомъ. Въ особенности хвалятъ утренніе капоты à la baigneuse, но еще не дошли до насъ ни рисунки ни описаніе...

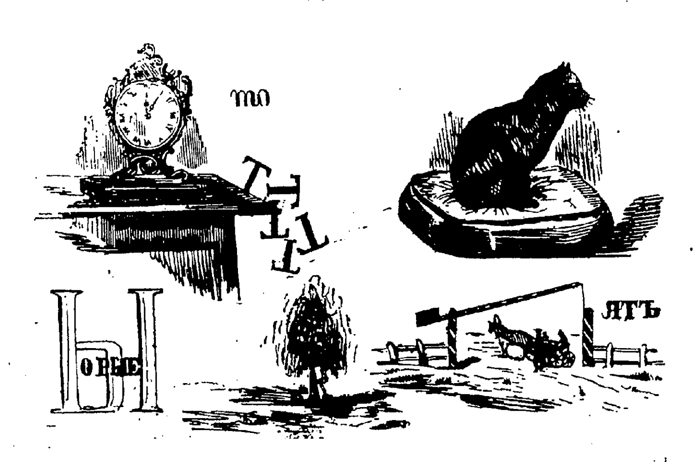
Въ Петербургѣ своихъ модъ нѣтъ. А право жаль. Нѣтъ сомнѣнія, что вкусъ многихъ нашихъ дамъ могъ бы создать свои собственные законы для модъ женскихъ.

РАЗГАДКА № 27.

1) Крѣпость, те, лѣсъ на я, за виситъ, отъ, покой, ядъ, уши, И на оборотъ.

2) Крѣпость тѣлесная зависитъ отъ покоя души и на оборотъ.

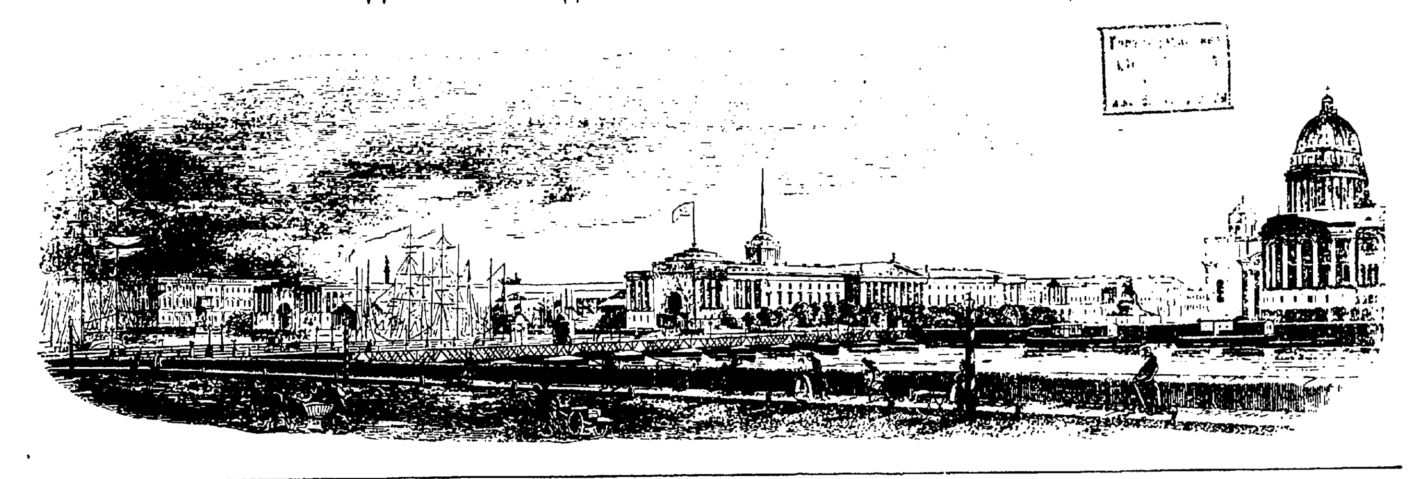
ЗАГАДКА № 28.



Печатать позволяется. С. Петербургъ, Октября 19 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко [illegible]. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 29.—Суббота, 27 Октября 1843.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ДВА МОРЯКА.

Разсказъ Мери.

Послѣ мирнаго трактата, заключеннаго въ 1814 году, всѣ плѣнные Французы, находившіеся на Кингстонскомъ понтонѣ, въ Ирландіи, были освобождены. На другой же день почти всѣ переправились черезъ каналъ св. Георгія, чтобы воротиться во Францію. Между немногими, не торопившимися удалиться изъ Ирландіи, были два мичмана, Селестенъ и Ксавье, сироты, которые болѣе принадлежали морю нежели землѣ, и въ воспоминаніяхъ которыхъ не сохранились ни материнскія ласки, ни родственныя связи, ни видъ сельской колокольни....

Находя, что гостепріимный и красивый Дублинъ ничѣмъ не хуже какого-либо другаго города, они рѣшились на первый случай поселиться въ немъ. Кромѣ того, была еще другая, болѣе важная причина, побуждавшая ихъ остаться въ Дублинѣ. Селестенъ и Ксавье нѣкогда занимались рѣзьбой украшеній и фигуръ изъ дерева; во время своего продолжительнаго плѣна, они, для препровожденія времени, принялись вырѣзывать изъ дерева частямъ виды, представлявшіеся имъ съ плавучей темницы ихъ; а должно признаться, что виды, въ самомъ дѣлѣ, прекрасны, между Кингстономъ и Дублиномъ, до Хоузъ-Хилля.

Наши моряки вообразили, что они составятъ себѣ фортуну, показывая свой маленькій музей въ Ирландіи, и въ особенности, возбудивъ щедрость какого нибудь богатаго лорда, который рѣшится купить прекрасную работу ихъ за огромную сумму. У Селестена и Ксавье не было въ карманѣ ни одного шеллинга; но они не продали бъ своего музея за двадцать тысячь фунтовъ стерлинговъ, а покрайней-мѣрѣ тысячъ за восемьдесять.

Они наняли квартирку въ нижнемъ этажѣ на площади Христовой-Церкви и прибили слѣдующую вывѣску надъ своими дверями:

Great Attraction!
Зайдите посмотрѣть
Всѣ чудеса рейды и города
ДУБЛИНА!
Этого цвѣтка земли, этого перла морей!
1 шеллингъ за входъ.

Великобританія обожаетъ выставки всякаго рода; она наполнена людьми, которые радешеньки промѣнять шеллингъ на какое бы то ни было развлеченіе, хотя бы оно продолжалось не болѣе двухъ минутъ: сборъ былъ чудесный. Въ одну недѣлю въ казнѣ Селестена и Ксавье было болѣе ста фунтовъ стерлинговъ. Они воображали себя уже милліонерами, потому что рѣшились объѣхать всѣ города соединенныхъ королевствъ и потомъ воротиться во Францію въ великолѣпномъ экипажѣ, съ двумя лакеями на запяткахъ.

Случай или зависть разстроила въ одно мгновеніе всѣ чудные планы ихъ.

Пожаръ истребилъ музей Селестена и Ксавье; они сами едва спаслись. Они лишились всего, даже ста фунтовъ стерлинговъ, которые были въ банковыхъ билетахъ. Въ кошелькахъ ихъ едва остались два или три соверена и нѣсколько кронъ.

— Дьявольская судьба! — кричалъ Селестенъ съ бѣшенствомъ; — Ксавье, видно, братъ, ужъ наша участь такова! Въ Абукирѣ насъ взяли въ плѣнъ и отослали на галеры въ Плимутъ. Прекрасно!.. Мы ушли. Въ Трафальгарѣ опять напали на насъ, утопили, потомъ вытащили, опять взяли въ плѣнъ и отправили въ Кингстонъ! Еще лучше! Десять лѣтъ мы проработали на понтонахъ и въ свободные часы (ихъ было немного), съ помощію рукъ, зубовъ и прегадкаго дерева создали мастерское произведеніе. Труды наши были вознаграждены и счастіе было уже въ нашихъ рукахъ, какъ вдругъ адъ присылаетъ намъ образчикъ своего пламени и... все погорѣло! Проклятіе!

Говоря эти слова, Селестенъ переходилъ черезъ Сенъ-Стефенскій мостъ; внизу шумѣла рѣка Лиффей... Морякъ бросилъ мрачный взглядъ сперва на желтую воду, потомъ на Ксавье.

— Понимаю! отвѣчалъ Ксавье; намъ суждено погибнуть въ прѣсной водѣ. Обнимемся и да будетъ тако!

Они обнялись, крѣпко скрестили руки на груди, какъ бы для того, чтобы лишить себя возможности плыть, вскочили на парапетъ и бросились въ рѣку.

Шумъ паденія ихъ разбудилъ терневскихъ собакъ, приставленныхъ къ берегу, для спасенія утопающихъ. Лордъ О-Каллигемъ, знаменитый ирландскій филантропъ, былъ учредителемъ этой охранной цѣпи собакъ-спасителей, которая въ этотъ самый день только что вступала въ новую должность. Ловкія животныя нырнули почти въ одно время съ мичманами, и ухватились за полы сюртуковъ ихъ; но такъ какъ намѣреніе моряковъ было слишкомъ твердо, то они съ невѣроятною энергіею стали бороться съ своими спасителями. Борьба продолжалась не долго, и бѣдныя собаки, выбившись изъ силъ и проглотивъ порядочное количество грязной водицы, готовы были уже пойдти ко дну, когда Селестенъ и Ксавье, сжалившись надъ великодушными животными, поддержали ихъ и доплывъ съ ними до берегу, спасли собакъ отъ неизбѣжной смерти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они невольно спаслись и сами.

Свидѣтели этой сцены въ восторгѣ смотрѣли на собакъ и съ состраданіемъ на моряковъ. Шерифъ Эдмондъ Зеккеръ, семидесятилѣтній старикъ, произнесъ рѣчь молодымъ иностранцамъ, чудеснымъ образомъ спасеннымъ отъ смерти.

Селестенъ и Ксавье умерли и такъ сказать, воскресли къ новой жизни. Эти два Лазаря Французскаго флота пріобрѣли въ Дублинѣ, особенно между простымъ народомъ, справедливую извѣстность, по причинѣ неудавшагося самоубійства, служившаго доказательствомъ рѣдкаго мужества и энергической организаціи. Эта извѣстность была, однако жъ, довольно безполезна для нихъ: она не воротила имъ ни сгорѣвшаго музея, ни прежнихъ мечтаній. Шерифъ сказалъ имъ:

— Трудитесь, дѣти мои; трудами пріобрѣтайте насущный хлѣбъ и вы будете еще счастливы.

Шерифъ говорилъ правду; но непродолжительное благосостояніе молодыхъ моряковъ отъучило ихъ отъ труда. Они страдали и трудились съ десятилѣтняго возраста; они лишились на понтонѣ привычки къ дѣятельности; мастерское произведеніе, которымъ они столько гордились, по мелочности своей, отняло послѣднюю энергію у нихъ мускуловъ. Наконецъ, перейдя отъ предположеній къ увѣренности, они убѣдили другъ-друга, что пожаръ, разорившій ихъ, не былъ слѣдствіемъ простаго случая, но преступленіе, обдуманное завистью и ненавистью къ Французамъ, такъ что каждый прохожій казался имъ ихъ врагомъ-зажигателемъ.

Эти несчастные, случайно спасенные отъ добровольной смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившіе чрезвычайное презрѣніе къ жизни, придумали адскій планъ для наказанія Дублина, жителямъ котораго они приписывали всѣ свои несчастія.

— Послушай, Ксавье, сказалъ Селестенъ; когда я былъ еще ребенкомъ, мнѣ разсказывали исторію г. Ру, Марсельскаго негоціанта. Его обидѣли Англичане, также какъ и

насъ. Ру былъ такъ богатъ, что давалъ деньги взаймы самому Людовику XVI; онъ не зналъ счета своимъ сокровищамъ; чтобы опредѣлить число ихъ, онъ болѣе четверти часа долженъ былъ бы ставить нули за единицей. У него былъ флотъ изъ двадцати военныхъ кораблей. Видя, что Людовикъ XVI остался спокоенъ и не оскорбился тѣмъ, что обидѣли такую важную особу, Ру самъ рѣшился объявить войну Великобританіи. Письмо, въ которомъ онъ объявлялъ о начатіи враждебныхъ дѣйствій, начиналось слѣдующими словами: Я, Ру I-й, Георгу III. И что ты думаешь? Ру надѣлалъ много непріятностей Англичанамъ, такъ что Испанскій король и Людовикъ XVI должны были вступиться въ это дѣло и только тогда Ру согласился на миръ.

— Мнѣ самому разсказывали эту исторію, сказалъ Ксавье; но къ чему она ведетъ?

— Ты не понимаешь, другъ?

— Не понимаю, товарищъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: мы послѣдуемъ примѣру нашего соотечественника, и.... объявимъ войну Дублину...

— Объявимъ, пожалуй.

— Мы имѣемъ ту выгоду передъ нашимъ предшественникомъ, что сидимъ въ самомъ сердцѣ нашего врага.

— Въ животѣ его.

И если непріятель откажется платить контрибуцію, взорвемъ его!

— Взорвемъ.

— Такъ ли, дружище?

— Совершенно такъ.

— И завтра же начинаемъ дѣйствовать.

— Дѣло; теперь объясни мнѣ все подробнѣе.

— Изволь; употребимъ послѣднія наши деньги на то, чтобы по мелочамъ купить цѣлую бочку пороху; квартиры перемѣнять не надо; лучше этой нельзя и желать; мы въ самомъ центрѣ лучшей части города, между почтамтомъ и прекрасной мануфактурой Ричарда Шваба; въ будущую ночь мы прибьемъ на всѣхъ углахъ Дублина воззваніе къ жителямъ, слѣдующаго содержанія:

«Два Французскіе мичмана объявляютъ войну городу Дублину:

«Они живутъ въ Саквиль-Стритѣ, подъ «№ 27, между почтамтомъ и мануфактурой «Ричарда Шваба.

«Въ квартирѣ ихъ находится бочка съ дву«мя стами фунтовъ пороху, который будетъ «подожженъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

«1 Если полиція приметъ малѣйшую мѣру, «чтобы войдти къ нимъ.

«2 Если схватятъ одного изъ моряковъ, «потому что пока одинъ будетъ спокойно «прогуливаться по Дублину, другой будетъ «стоять съ фитилемъ надъ бочкой.

«3 Если не доставятъ морякамъ всего, что «имъ нужно какъ для жизни, такъ и для раз«влеченія ихъ.

«4 Если сосѣди станутъ удаляться и тѣмъ «подадутъ поводъ думать, что моряковъ хо«тятъ заморить голодомъ.

«5 Моряки честью клянутся вести себя «чинно и благопристойно днемъ и ночью, если «жители Дублина будутъ поступать съ ними «хорошо.

«6 Одинъ изъ моряковъ будетъ ежедневно «прогуливаться по Дублину отъ двѣнадцати «до пяти часовъ; покорнѣйше просятъ граж«данъ беречь его, потому что если съ нимъ «что либо случится, и если онъ въ половинѣ «шестаго не будетъ дома, то товарищъ его «опуститъ фитиль въ порохъ.

«Подписали: Селестенъ и Ксавье.

Принявъ всѣ мѣры, Ксавье вышелъ вечеромъ съ сотней этихъ объявленій и развѣсилъ ихъ по всѣмъ угламъ. Утромъ же шерифъ получилъ отъ друзей письмо, въ которомъ они просили его немедленно явиться къ нимъ, потому что дѣло шло о спасеніи Дублина. Было еще очень рано, а потому шерифъ не зналъ еще ничего о прокламаціи; но зная, что эти отчаянные моряки готовы на все, онъ забылъ свой санъ и поспѣшилъ къ нимъ. Его приняли очень вѣжливо. Селестенъ подалъ ему стулъ и сказалъ:

— Почтеннѣйшій господинъ шерифъ, потрудитесь прочесть эту прокламацію, копіи съ которой прибиты ко всѣмъ угламъ въ Дублинѣ.

Шерифъ посмотрѣлъ на Селестена, взялъ прокламацію, надѣлъ очки и при каждомъ пунктѣ съ изумленіемъ и страхомъ припрыгивалъ на стулѣ.

— Почтенный господинъ шерифъ, теперь вамъ извѣстно въ чемъ дѣло; извольте жъ посмотрѣть нашу артиллерію... вы видите, это маленькій карманный волканъ... не бойтесь... а въ особенности не кричите: потому что при малѣйшемъ крикѣ, почтенный господинъ шерифъ, мы съ вами взлетимъ на воздухъ. Видите ли, Ксавье ужъ приближаетъ фитиль къ бочкѣ... Какъ разъ искра попадетъ...

Старый шерифъ въ безмолвномъ ужасѣ смотрѣлъ на черное отверзтіе бочки.

Селестенъ взялъ горсточку пороха и показывая его шерифу, сказалъ:

— Посмотрите-ка, отличнѣйшій порохъ, первый сортъ... Возьмите, пожалуй, эту горсточку съ собою; пусть ваши химики разберутъ; они скажутъ вамъ, что это не горчичное сѣмя. Теперь вы можете удалиться, почтенный господинъ шерифъ, если вамъ угодно.

Старикъ всталъ и принужденно улыбаясь, удалился.

Нѣсколько часовъ спустя, прокламація произвела ожидаемое дѣйствіе. Толпы народа съ безпокойствомъ разговаривали. Констебли взадъ и впередъ прогуливались по Саквиль-Стриту, съ ужасомъ посматривая на домъ подъ № 27. Старый шерифъ, держась какъ можно далѣе отъ дому, умолялъ жителей быть осторожными.

Въ полдень Селестенъ смѣло вышелъ на улицу и, выйдя на середину ея, обернулся и ласково раскланялся съ Ксавье, появившемуся у окна, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ.

Потомъ Селестенъ пошелъ прямо къ шерифу и сказалъ ему:

— Надѣюсь, почтенный господинъ шерифъ, что все будетъ исполнено какъ слѣдуетъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ шерефъ, почтамтскія дѣла пріостановились; въ Саквиль-Стритѣ купцы не хотятъ открывать своихъ магазиновъ; всѣ въ страшномъ безпокойствѣ.

— Э, Боже мой! да о чемъ тутъ безпокоиться? Наши намѣренія чисты. Тогда надобно было безпокоиться, когда рука преступника подожгла нашъ музей. Пусть Дублинъ исполняетъ долгъ свой — мы никого не обидимъ. Я иду заказывать себѣ завтракъ въ лучшей гостинницѣ всего города. Не забудьте, господинъ шерифъ, что при малѣйшей боли въ желудкѣ мы опустимъ фитиль въ порохъ и тогда, поминайте какъ звали Саквильскую улицу... вы видите, что мы приняли мѣры даже противъ отравленія.

— Не бойтесь...

— Бояться! Экой вздоръ!.. Что вы насмѣхаетесь надо мной, что-ли? Не намъ бояться, а Дублину.

— Почтенный господинъ Селестенъ, началъ шерифъ ласковымъ, убѣдительнымъ голосомъ, откажитесь отъ ужаснаго намѣренія, и...

— Шерифъ, больше ни слова, или я махну рукой и мы всѣ полетимъ за облака. — Потомъ, обратившись къ окружающимъ, Селестенъ сказалъ имъ: — Господа, приказываю вамъ разступиться; мнѣ нуженъ просторъ... Я хочу быть одинъ.

Въ одно мгновеніе Шерифъ и всѣ любопытные исчезли.

Селестенъ гордо поднялъ голову, увидѣвъ, какое могущество имѣли его слова; величественно направилъ онъ шаги къ Гримешевой гостинницѣ, лучшей въ цѣломъ Дублинѣ, и приказалъ приготовить себѣ завтракъ.

Всѣ слуги стали поспѣшно исполнять его приказанія; передъ Селестеномъ поставили тридцать разныхъ блюдъ, и множество бутылокъ разнаго вина. Утоливъ голодъ и жажду, Селестенъ уложилъ въ корзину кушанья, къ которымъ онъ не прикасался, нѣсколько бутылокъ вина и, позвавъ хозяина, сказалъ ему:

— Это я снесу брату своему, Ксавье; а все то, что осталось отъ моего завтрака, прошу васъ раздать нищимъ, глядѣвшимъ въ окна, во все время, когда я ѣлъ.

Хозяинъ низко поклонился бочкѣ съ порохомъ, которую въ эту минуту олицетворялъ французскій мичманъ.

Селестенъ пошелъ домой; у двери въ волканическую комнату онъ сдѣлалъ условленный знакъ, Ксавье поднесъ фитиль къ пороху... но Селестенъ вошелъ очень спокойно, накрѣпко затворилъ за собою дверь и уложилъ провизію на столъ.

— Дѣла наши идутъ какъ нельзя лучше, сказалъ онъ, садясь; Дублинъ сдался. А какъ я позавтракалъ у Гримеша! чудо!.. Какой столъ, какія вина!.. Я приказалъ приготовить обѣдъ къ семи часамъ...

— Ну, а шерифъ что? спросилъ Ксавье съ полнымъ ртомъ.

— Струсилъ; онъ знаетъ насъ; весь Дублинъ насъ знаетъ, Ксавье; мы шутить не любимъ. Жители стараются придумать какую нибудь штуку, чтобы перехитрить насъ, да не тутъ-то было! Возвращаясь домой, я встрѣтилъ одного господина, который сказалъ мнѣ очень вѣжливо: — «Ради Бога, капитанъ, не забудьте вернуться домой въ пять часовъ.» — А вамъ какое дѣло? спросилъ я. — «Я Ричардъ Швабъ, вашъ сосѣдъ.» — А, понимаю!.. будьте спокойны, я не забудусь... лишь бы Дублинъ не забылся... Г. Ричардъ Швабъ поклялся, что Дублинъ не забудется.

— Еще бы! вскричалъ Ксавье; если Дублинъ надоѣстъ намъ, такъ мы отправимъ его за облака.

— Разумѣется. Я въ восторгѣ отъ будущности, представляющейся намъ.. Во-первыхъ, я завтра же посватаюсь на дочери Шваба.

— Какъ можно, Селестенъ!

— И за одно женю и тебя... на дочери Гримеша; она маленько рыжевата, да это не бѣда!.. личико у нея хорошенькое, да кромѣ того, двѣнадцать тысячь фунтовъ приданаго!..

— Да на кой чортъ намъ приданое? Вѣдь мы заключили себя здѣсь на всю жизнь.

— Экой вздоръ! Будущее еще впереди... сперва женимся, а тамъ увидимъ.

— Но если намъ откажутъ?

— А порохъ на что?.. Разомъ взлетимъ на воздухъ!.. и кончено дѣло. Завтра же я велю убрать первому Дублинскому обойщику двѣ брачныя комнаты. Потомъ зададимъ великолѣпный пиръ!

— Гдѣ?

— Разумѣется, у Гримеша; у него славно убраны комнаты. Ты женишься первый, а потомъ я; одинъ изъ насъ непремѣнно долженъ оставаться у волкана. Мы пригласимъ на наши свадьбы всю Дублинскую знать; будемъ плясать до другаго дня, истратимъ на каждый балъ по сту тысячь франковъ...

— А кто заплатитъ?

— Кто! разумѣется, Швабъ и Гримешъ!

— Справедливо; но чѣмъ же это кончится?

— Не знаю; можетъ быть, конца и не будетъ, да и не нужно. Кромѣ того, я имѣю еще намѣреніе, чтобы меня произвели въ Дублинскіе меры, а тебя Ирландскимъ префектомъ. Но прежде нежели мы предадимся честолюбивымъ видамъ, займемся болѣе положительными вещами; женимся: когда будутъ у насъ дѣти, тогда подумаемъ и о прочемъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ необыкновеннымъ шумомъ. Селестенъ вышелъ на улицу и встрѣтилъ сосѣда Ричарда.

— Что это за шумъ? спросилъ Селестенъ.

— Это проходитъ военная музыка, вѣжливо отвѣчалъ Ричардъ.

— А куда она идетъ, эта шумная музыка?

— Въ Тоунъ-Халль.

— А зачѣмъ она идетъ въ Тоунъ-Халль, эта дикая музыка?

— Аккомпанировать хоръ пѣвчихъ, которые будутъ пѣть God save the King.

— Мистеръ Ричардъ, ступайте скажите вашей музыкѣ, что я желаю развлечься, и чтобы она явилась сюда, подъ наши окна.

— Капитанъ, возразилъ Ричардъ, я постараюсь устроить это дѣло...

— Какъ! вы колеблетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ увѣдомлю шерифа. Мы приведемъ къ вамъ музыку.

Селестенъ воротился къ Ксавье и разсказалъ ему о заказанномъ концертѣ, потомъ отворилъ окно и сталъ зѣвать во всѣ стороны въ ожиданіи музыки.

За часъ до солнечнаго заката, въ концѣ улицы явился мистеръ Ричардъ, сопровождаемый толпой музыкантовъ, которые выстроились вскорѣ въ три ряда передъ окнами моряковъ. Вмѣсто увертюры сыграли симфонію; каждый музыкантъ, по обыкновенію, игралъ свою любимую арію съ благородною независимостью, характеризирующею англійскихъ артистовъ.

По окончаніи концерта, Селестенъ поблагодарилъ музыкантовъ и великодушно приказалъ Гримешу угостить эту армію.

Гримешъ поклонился, сдѣлавъ плачевную гримасу.

Въ девять часовъ вечера было очень темно и Селестенъ не могъ воспротивиться желанію выйти прогуляться инкогнито, чтобы подслушать, что объ немъ говорилъ народъ. И въ самомъ дѣлѣ, только и разговоровъ было что о двухъ французскихъ мичманахъ, осадившихъ Дублинъ.

— Это ужасно! говорили одни; за что двое или трое, будутъ платить за весь городъ? Знаете ли, что концертъ стоялъ Гримешу до двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ?

— Если это продолжится еще нѣсколько дней, то Гримешъ и Швабъ совершенно разорятся.

— Это неизбѣжно!

— Да что же дѣлать?

— Выслать войско противъ нихъ.

— Самое непріятное то, что въ пользу ихъ образовывается въ Дублинѣ партія.

— Будто-бы!

— Да, всѣ бѣдные въ пользу ихъ; и музыканты, угощенные до пьяна Гримешемъ, кричали сегодня: Houra for Celestin!..

Селестенъ подслушивалъ эти разговоры, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ его плечу. Онъ оглянулся и увидѣлъ Ричарда.

— Капитанъ, ради Бога, вернитесь домой, говорилъ фабрикантъ; вашъ другъ неравно сунетъ фитиль въ порохъ...

— Не безпокойтесь, онъ будетъ ждать меня до полуночи... Кстати, мистеръ Ричардъ, мнѣ нужно переговорить съ вами... хочу просить у васъ дружескаго совѣта.

— Очень радъ, очень радъ, капитанъ, располагайте мною.

— Пойдемте домой; дорогой я вамъ все разскажу; знаете ли, мистеръ Ричардъ, я хочу жениться.

— Что же... капитанъ... Это хорошее дѣло...

— Надоѣло мнѣ вести холостую жизнь...

— И прекрасно! Можетъ быть, у васъ въ сердцѣ есть какая нибудь старая зазнобушка?

— Было ихъ много! да что, это все дрянь!.. Нынче мы мѣтимъ въ богатыхъ наслѣдницъ. Въ Дублинѣ есть славныя дѣвушки; нашъ выборъ сдѣланъ.

— А! проговорилъ Ричардъ едва слышнымъ голосомъ; вы ужъ... то есть... сдѣлали... выборъ?

— Два выбора. Какъ вы думаете, согласятся ли отцы?

— Отчего же нѣтъ? возразилъ Ричардъ дрожащимъ голосомъ. — Вѣдь вы отличные и предостойные молодые люди.

— Разумѣется.

Мистеръ Ричардъ задумался и послѣ довольно продолжительнаго молчанія, сказалъ Селестену:

— Послушайте, капитанъ, вы просили у меня совѣта... позволите ли говорить съ вами откровенно?

— Говорите, сосѣдъ.

— Жизнь, которую вы теперь ведете, скоро надоѣстъ вамъ, повѣрьте мнѣ; вы требуете вознагражденія; извольте, мы согласны. Общество застрахованія, Гримешъ, почтамтъ и я, готовы обогатить васъ; мы вручимъ вамъ двѣсти тысячъ франковъ, и дадимъ проводниковъ и средства воротиться во Францію.

Селестенъ пристально взглянулъ на Ричарда.

— Сосѣдъ, сказалъ онъ ему послѣ краткаго молчанія, когда эти деньги будутъ у насъ въ карманѣ, и когда мы, какъ олухи, загасимъ фитиль, тогда вы насъ повѣсите.

— О! вскричалъ Ричардъ, не бойтесь; мы всѣ, въ присутствіи шерифа, поклянемся надъ Евангеліемъ, что не причинимъ вамъ ни малѣйшаго зла...

— Надо подумать, сосѣдъ... Дѣло довольно щекотливое... Послушайте, у меня своя идея... дайте 200 тысячъ франковъ моему другу, Ксавье; онъ уѣдетъ, а я здѣсь буду ждать, пока не получу отъ него письма, что онъ благополучно прибылъ во Францію... Такимъ образомъ хоть одинъ изъ насъ будетъ счастливъ и только одинъ будетъ повѣшенъ.

— Ни одинъ не будетъ...

— Согласны ли вы на мое предложеніе, сосѣдъ?

— Вполнѣ.

— Ну, такъ и я принимаю ваше предложеніе. Займитесь сейчасъ же этимъ дѣломъ.

— Къ утру все будетъ готово; жду васъ у Гримеша.

— Прощайте, сосѣдъ.

— Спокойной ночи, капитанъ; будьте, пожалуйста, поосторожнѣе съ огнемъ.

Селестенъ вскорѣ обнялъ друга, разсказалъ ему все дѣло и они, обнявшись, принялись плясать вокругъ бочки съ порохомъ.

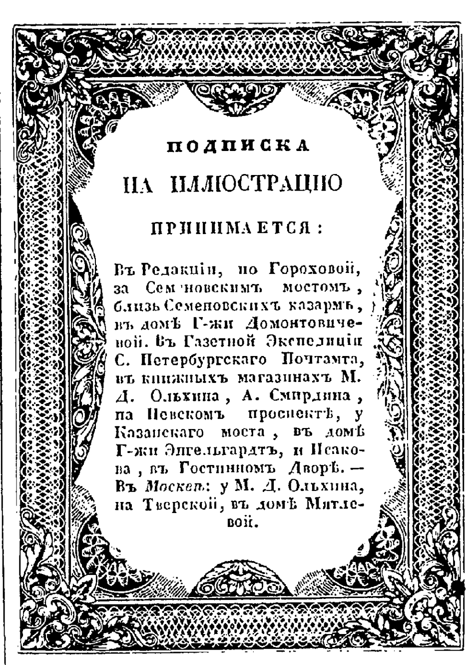
На зарѣ Ричардъ, Гримешъ, шерифъ, множество чиновныхъ особъ, Библія и 200 тысячъ франковъ были у дома, въ которомъ жили моряки. Ксавье сошелъ внизъ, принялъ клятву, деньги, и уѣхалъ въ Кингстонъ, въ дорожной коляскѣ г. Ричарда.

Селестенъ, съ зажженнымъ фитилемъ, не отходилъ отъ волкана.

Прибывъ въ Кале, Ксавье написалъ къ своему другу письмо, въ которомъ извѣщалъ, что нетерпѣливо ждетъ его. Селестенъ смѣло вышелъ на улицу, съ письмомъ Ксавье въ рукахъ и съ погашеннымъ фитилемъ. Народъ слѣдовалъ за нимъ, громогласно восклицая: Houra for Celestin!

Теперь Селестенъ и Ксавье живутъ въ самой плодородной части департамента Устья-Роны; они члены общества земледѣлія и первые агрономы на югѣ. Селестенъ изобрѣлъ сѣяльную машину, за которую на послѣдней выставкѣ получилъ медаль.

П. Ф.



ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССІИ.

НОВГОРОДЪ. СТАРАЯ РУССА.

*).... Мы остановились у Петербургской заставы. Отсюда прямая улица ведетъ чрезъ продолговатую площадь — къ Кремлю. Здѣсь, у подошвы красныхъ вѣковыхъ стѣнъ его, зеленѣетъ молодой садъ, гдѣ извилистыя дорожки смѣло спускаются въ глубину рва, облегающаго крѣпость съ трехъ сторонъ; съ четвертой (восточной) омывается она Волховомъ. Въ древности Кремль назывался Дѣтинцемъ: ибо, при нападеніяхъ непріятельскихъ, прятали сюда Новгородцы дѣтей своихъ. Онъ построенъ при Ярославѣ I-мъ и, судя по изображенію Новгорода въ 12-мъ столѣтіи, находящемуся въ одной изъ церквей его (Знаменской), подъ образомъ Знаменія Богородицы древняго Греческаго письма, былъ совершенно другаго вида и размѣра, нежели теперь. Прежнія стѣны его только снаружи были обложены кирпичемъ, но внутри безъ всякаго разбора наполнялись щебнемъ, плитою и булыжникомъ, залитыми известкою, по этому неудивительно, что онѣ нѣсколько разъ починивались и совершенно перестраивались; въ 1490-мъ году, по повелѣнію Іоанна Грознаго, вновь выстроены Итальянскимъ архитекторомъ Аристотелемъ (Болонскимъ): наконецъ были исправляемы при Императорахъ Петрѣ Великомъ и Александрѣ I-мъ.

Нынѣшній Кремль имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника и состоитъ изъ зубчатыхъ стѣнъ вышиною въ 4-ре, шириною въ 1½ сажени и 9-ти башенъ, изъ коихъ одна наугольная, юговосточная, съ часовнею и колодцемъ. Она извѣстна подъ именемъ Павловской башни; близъ нея устроена галлерея, гдѣ хранится лодка, на которой Императрица Екатерина Великая, при достопамятномъ путешествіи своемъ по Волгѣ, въ 1785-мъ году, изволила прибыть изъ С. Петербурга въ Новгородъ. Другая башня, Покровская, югозападная, съ церковью. По преданію, на верху этой башни было нѣкогда гнѣздо какой-то огромнѣйшей птицы, похищавшей на улицахъ дѣтей, коими она кормила своихъ птенцовъ; одинъ изъ смѣльчаковъ взлезъ на ту башню и шестомъ убилъ птицу и разорилъ гнѣздо, а шестъ оставилъ на башнѣ на память. Входомъ въ Кремль служатъ двѣ широкія арки, построенныя профессоромъ архитектуры Мельниковымъ: одна, въ западной стѣнѣ, со стороны сада; другая въ восточной, со стороны Волхова.

*) Изъ Путевыхъ Записокъ.

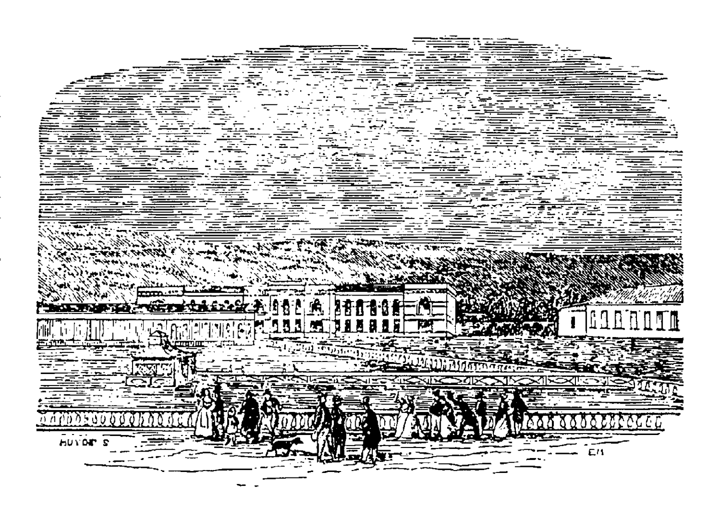
Внутри крѣпости главный предметъ, обращающій на себя вниманіе — Софійскій соборъ, освященный въ 1051-мъ году. Онъ возвышается въ сѣверной ея половинѣ и украшенъ 6-ю главами, изъ коихъ 5 помѣщены надъ самымъ храмомъ; средняя изъ нихъ ярко вызолочена; прочія всѣ обиты бѣлою жестью. Толстыя стѣны его составлены изъ кирпича и плиты, а для прочности подперты съ южной и сѣверной сторонъ 5-ю контрфорсами. Внутри, стѣны собора расписаны старинною живописью. Главный куполъ замѣчателенъ по находящемуся въ немъ изображенію Господа Вседержителя съ сжатою десницею. Преданіе говоритъ, что живописецъ три раза принимался изображать Спасителя съ десницею благословящею, но гласъ повелѣлъ вмѣсто ея написать сжатую, вѣщая, что въ ней заключены судьбы Новгорода.

Къ западу отъ Софійскаго собора расположенъ архіерейскій домъ. Подъ этимъ названіемъ разумѣются древнія и новыя строенія съ принадлежащими къ нимъ садами, занимающія западный уголъ Кремля. Древнія жилища Преосвященныхъ заключаются внутри двора и называются по именамъ ихъ строителей. Іоанновскія палаты, поставлены архіепископомъ Іоанномъ, въ 1394-мъ году; здѣсь въ одномъ изъ покоевъ существуетъ еще въ стѣнѣ затворъ, въ коемъ едва есть мѣсто стоять одному человѣку на колѣнахъ, и куда Св. Іоаннъ уединялся для молитвы; а въ другомъ, въ стѣнной впадинѣ виситъ мѣдный рукомойникъ, прославленный чудеснымъ преданіемъ о путешествіи Іоанна во Іерусалимъ, изображеннымъ тутъ же на стѣнѣ, вмѣстѣ съ другимъ слѣдующимъ чудомъ: когда Новгородцы, повѣря клеветѣ на цѣломудріе добродѣтельнаго мужа сего, пустили его на плоту внизъ по Волхову, то плотъ, къ общему изумленію, пошелъ противъ теченія, и Святитель, внявъ раскаянію народа, умолявшаго его о возвращеніи въ городъ, присталъ къ берегу у Юрьевскаго монастыря. Рядомъ съ этимъ покоемъ устроена, въ 1822-мъ году, изъ залы церковь во имя Св. Іоанна, архіепископа Новгородскаго.

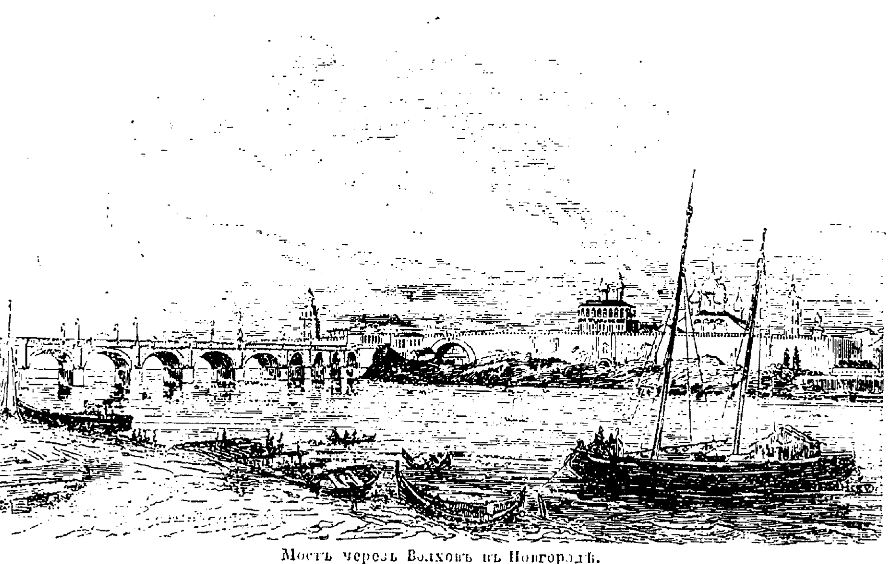
Южная половина Кремля занята огромнымъ зданіемъ Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, предъ которымъ на обширной площади воздвигнутъ нынѣ памятникъ Новгородскому ополченію, подвизавшемуся въ достопамятный для Россіи 1812-й годъ. Онъ сдѣланъ по рисунку Брюлова и представляетъ пирамидальную четырегранную изъ чугуна колонну, вышиною въ 5-ть саж.; на ней со всѣхъ сторонъ изображено знамя ополченія въ лавровомъ вѣнкѣ, а на вершинѣ ея двуглавый орелъ, увѣнчанный Императорскою короною, опирается на лавровый вѣнокъ. Пьедесталъ украшенъ надписями и барельефами, составленными изъ воинскихъ доспѣховъ, шлемовъ и мечей.

Лишь только выходите изъ Кремля, у ногъ вашихъ разстилается величественный Волховъ, покрытый барками и лодками. Не разъ онъ устрашалъ Новгородъ наводненіями. Одно изъ сихъ бѣдствій, бывшее въ 1421-мъ году, въ особенности замѣчательно: отъ напора воды большая часть города была затоплена въ продолженіи нѣсколькихъ дней: по улицамъ ѣздили въ лодкахъ, жители укрывались на крышахъ домовъ, дождь лилъ безпрестанно; наконецъ 8-го мая, когда затопленіе все еще увеличивалось, настала ужасная гроза, множество церквей и домовъ обрушилось, народъ уже отчаявался и архіепископъ Симеонъ, стоя на колѣняхъ въ Софійскомъ храмѣ, просилъ пощады Новгороду. — Волховъ издревле раздѣляетъ городъ на двѣ стороны: Софійскую, лежащую на лѣвомъ берегу рѣки, и Торговую — на правомъ.

Еще въ самой глубокой древности существовалъ на Волховѣ мостъ. О времени первоначальнаго его построенія не извѣстно. По возобновленіи же, именно около 1133-го года, онъ былъ устроенъ на деревянныхъ ряжахъ, загруженныхъ камнемъ, и, составляя противъ теченія дугу, простиравшуюся чрезъ поперечную отмель рѣки, велъ изъ южной части Славянскаго конца Торговой стороны на Софійскую къ Троицкой церкви нынѣшней Троицкой ямской слободы, чрезъ Волховъ, поемный лугъ и протокъ Мячинскаго озера, въ Людинъ конецъ, сквозь подъемныя дубовыя ворота Павловской башни; чрезъ которую тогда былъ единственный входъ въ крѣпость. Этотъ мостъ назывался Великимъ. Здѣсь происходили иногда умилительныя зрѣлища, такъ напримѣръ, при введеніи Христіанства въ Новгородѣ, въ струяхъ Волховскихъ выше моста были крещены мужчины, а ниже его — женщины; но чаще этотъ мостъ представлялъ кровавыя картины: здѣсь страшными битвами разрѣшалась ненависть одной стороны къ другой, Софійской и Торговой, ссорившихся нерѣдко за маловажныя причины, и жертвы народной вражды низвергались съ моста въ Волховъ! Въ одну изъ такихъ смутъ 1418-го года), когда при страшныхъ раскатахъ грома и блескѣ молній, народъ продолжалъ еще волноваться, Архіепископъ Симеонъ, для примиренія разъяренныхъ гражданъ, стремившихся отъ Вѣча и отъ Св. Софіи другъ противъ друга, явился среди моста и, животворящимъ крестомъ благословляя обѣ враждебныя стороны, привелъ ихъ мгновенно въ такое умиленіе, что враги разстались друзьями. Слѣды моста видны понынѣ на днѣ рѣки близъ праваго берега, гдѣ осенью ставятся обыкновенно веха для безопаснаго хода барокъ. Нерѣдко отъ пожаровъ, наводненій и льда, наносимаго съ озера бурею, онъ подвергался разрушенію, такъ напримѣръ, въ 1267-мъ году, когда отъ бывшаго въ городѣ пожара сгорѣло такое множество на Волховѣ лодокъ, что по выраженію лѣтописца, огонь ходилъ по водѣ. Наконецъ, за вѣтхостію, этотъ мостъ былъ замѣненъ другимъ, построеннымъ въ 1545-мъ году, ниже прежняго мѣста, который по вѣрѣ народной, охранялъ мостъ отъ бурь непостояннаго Волхова. Преданіе говоритъ, что во времена язычества, возвышался надъ Волховомъ идолъ Перунъ и когда Новгородцы, по принятіи Христіанской вѣры, низвергнули его въ Волховъ, то онъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ и, бросивъ на Великій мостъ палицу, сказалъ Новгородцамъ: «храните ее люди, въ память о мнѣ.» Съ тѣхъ поръ Новгородцы ежегодно въ этотъ день дрались на мосту палками въ честь Перуна. Предъ часовнею архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами встрѣчалъ Грознаго, во дни гнѣва его противъ Новгорода, и когда для встрѣчи Царя, однажды внезапно ударили въ Кремлевскій колоколъ — испуганный конь упалъ подъ Іоанномъ. Царь велѣлъ отрубить колоколу уши. Съ этого же моста, въ тѣ дни гнѣва, въ продолженіи 5-ти недѣль, бросали народъ цѣлыми семействами въ Волховъ и воины, разъѣзжая по рѣкѣ на лодкахъ, кололи и били всплывавшихъ.



Лечебное заведеніе въ Старой Руссѣ.



Мостъ черезъ Волховъ въ Новгородѣ.

Нынѣшній Волховскій мостъ находится прямо противъ входа въ Кремль и составляетъ съ Знаменскою улицею Торговой стороны прямую линію. Теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что вода зимою не замерзаетъ.

Сооруженіе на быстромъ и глубокомъ мѣстѣ рѣки, каменныхъ устоевъ требовала новаго способа построенія; именно посредствомъ плавающихъ ящиковъ, которые опускаются тяжестію каменной въ нихъ кладки на сваи, горизонтально спиленныя.

Торговая сторона также замѣчательна историческими воспоминаніями.

На площади передъ дворцомъ, или «на Ярославлѣ Дворѣ», было Новгородское Вече, куда, во дни своихъ посадниковъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ, собирался «Господинъ Государь Новгородъ», по гласу вечеваго колокола: здѣсь избиралъ онъ Посадниковъ для управленія городомъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ для предводительствованія войскомъ, даже Архіепископовъ; объявлялъ войну, заключалъ мирные и торговые договоры, низвергалъ ненавистныхъ сановниковъ и избиралъ любыхъ; производилъ судъ и расправу и не разъ давалъ повелѣнія самому Псковскому вечу, назначалъ Пскову своихъ Посадниковъ, посылалъ туда, для ра[illegible] споровъ, своихъ повѣренныхъ и требовалъ къ отвѣту и суду Псковичей въ Новгородъ, однимъ словомъ, по ста-

ринной поговоркѣ: «Новгородъ вольный былъ самосудъ, или судился своимъ судомъ.» На вечѣ отправлялись и всѣ торжества; здѣсь объявлялось объ общей радости и опасности; здѣсь же, наконецъ, по выраженію лѣтописца: «Новгородцы такали, да Новгородъ протакали!» О причинѣ созванія возвѣщалось народу чрезъ глашатаевъ. Въ вечевыхъ собраніяхъ посадникъ и прочіе сановники не участвовали; они были только простыми исполнителями народныхъ приговоровъ, которые записывались вечевымъ дьякомъ и хранились въ ларѣ, находившемся въ завѣдываніи ларника. По дѣламъ важнымъ, совѣщанія происходили предварительно по городскимъ концамъ, а потомъ уже на вечѣ въ собраніи всего народа. Въ началѣ своего учрежденія, вече отличалось разсудительностію и безпристрастіемъ, но послѣ сдѣлалось мѣстомъ несогласій, раздоровъ, корысти и властолюбія.

Недалеко отъ Ярославова Дворища былъ и домъ знаменитой Маѳы Посадницы — вдовы Исаака Борецкаго, замышлявшей освободить Новгородцевъ отъ власти Іоанна III-го и выйти замужъ за одного изъ Литовскихъ вельможей, дабы владычествовать именемъ короля Казимира надъ Новгородомъ. О времени рожденія ея неизвѣстно. Она происходила изъ рода Ловинскихъ и имѣла на берегахъ Сѣверной Двины огромныя помѣстья. Нѣкоторые утверждаютъ, что она была за двумя мужьями: сперва будто-бы за какимъ-то Филиппомъ, а потомъ уже за Исаакомъ Борецкимъ. Догадка о первомъ бракѣ выведена единственно изъ грамоты Корельскаго Николаевскаго монастыря, въ коей сказано, что она дана ему на села и земли Маѳою, основавшею его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребены сыновья ея, Антонъ и Феликсъ Филипповы, утонувшіе въ морѣ. Но это сомнительно: ибо изъ грамоты не видно, что она дана именно Борецкою, а не другою какою Маѳою.

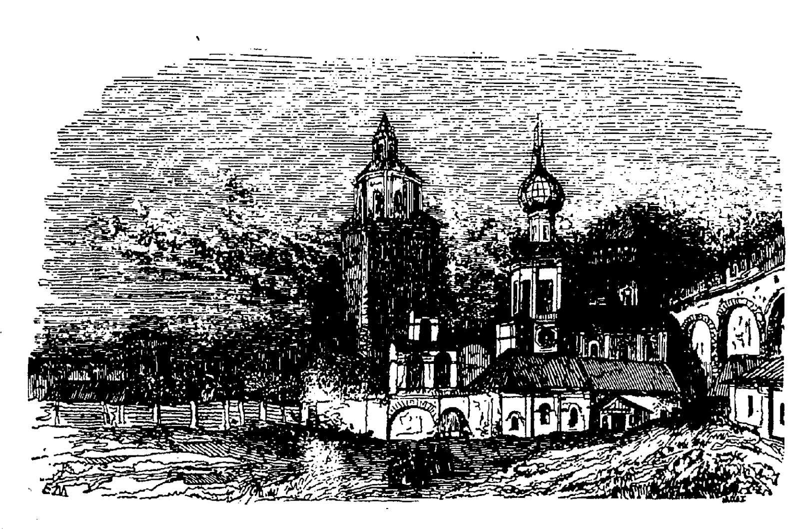
Вотъ текстъ этой грамоты:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, се азъ, раба Божія Маѳа, списа сіе рукописаніе при своемъ животѣ, поставила есми церковь храмъ Св. Николы въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ, Антона да Феликса, а дала есми въ домъ Св. Николы куплю мужа своего Филиппа на *Лавлѣ* островѣ село, да въ *Конечныхъ* два села и по *Малокурьѣ* пожни и рыбныя ловища, а по церковной сторонѣ до *Кудмы* и вверхъ по Кудму и до озера, а въ *Ненокскѣ* мѣсто *Заспки Полянка*; а приказываю домъ Св. Николы Господину своему деверю Ѳедору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтію Аввакумовичу, и зятю своему Афромею Васильевичу, а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовный игуменъ Василій Св. Спаса; а кто сіе писаніе преступитъ, или порушитъ, а наши памяти залягутъ, судуся съ нимъ предъ Богомъ въ день Страшнаго Суда.»

Дивныя ея палаты, по одному преданію, находились на улицѣ Рогатѣ или Рогатицѣ, но по другому — на лѣвомъ берегу Волхова, на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ, близь Софійскаго собора и архіерейскаго дома, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Кремля. Которое же изъ этихъ двухъ урочищъ принять за настоящее жительство Борецкой? — Не имѣла ли она въ обоихъ мѣстахъ дома, и когда одинъ изъ нихъ (чюдный дворъ) на Софійской сторонѣ, по словамъ лѣтописи, сгорѣлъ, не перешла ли она въ другой домъ (на Торговой сторонѣ), не успѣвъ потомъ возобновить прежняго своего жилища, которое, только за полтора года до заточенія ея, сгорѣло.

Остатокъ послѣдняго дома я самъ видѣлъ (въ проѣздъ мой черезъ Новгородъ) точно на томъ самомъ урочищѣ, на которое указываетъ первое преданіе: я нашелъ его въ сѣверовосточномъ углу двора, застроеннаго съ южной и западной сторонъ каменнымъ домомъ купца Митрофанова, на углу Рогатицкой и Московской улицъ, подъ № 14-мъ. Видѣнный мною остатокъ составлялъ двухъ-этажное каменное строеніе, которое, вмѣсто прежней остроконечной, чешуйчатой, съ узорочными свѣтлыми теремами, кровли, покрыто было низкою тесовою крышею, имѣвшею одно слуховое окно. На внѣшнихъ стѣнахъ еще видѣлись скульптурныя украшенія 15-го вѣка. Съ передней (южной) стороны дома, во второмъ этажѣ было три окна и къ правому углу, вмѣсто старинная боярскаго крыльца, придѣлана деревянная лѣстница на подпоркахъ, покрытая отъ верху до половины высоты, вѣроятно, для того, чтобъ не заслонить единственнаго въ нижнемъ этажѣ окна. Съ боковой (западной) стороны, верхній этажъ имѣлъ также одно окно, которое, по видимому, не подвергалось никакой передѣлкѣ, ибо оно вдвое уже переднихъ оконъ; такимъ образомъ, отъ прежнихъ 24-хъ оконъ остались только 5-ть. Съ этой стороны къ нижнему этажу пристроенъ деревянный сарай, примыкающій къ небольшой каменной развалинѣ, со сводомъ, поросшимъ травою и березникомъ. Эта развалина есть остатокъ отъ обширныхъ погребовъ, нѣкогда полныхъ «питіями преузорочными, романеею и медами сахарными». Она выходитъ въ Рогатицкую улицу, отстоитъ отъ угла Московской на 61 шагъ и нынѣ обращена въ кузницу.

Соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ.



Благовѣщенскій монастырь въ Новгородѣ.

Владѣлецъ дома, вмѣсто того, чтобъ сберечь такую историческую древность, въ началѣ іюля 1857-го года уничтожилъ ее, собственно отъ того, что подъ видомъ любопытствующихъ, заходили къ нему не рѣдко воры и уносили съ протянутыхъ на дворѣ веревокъ сушившееся бѣлье. Такъ отъ причинъ маловажныхъ исчезаютъ историческіе памятники! Не благоразумнѣе ли было бы построить для сушки бѣлья чуланъ?

Когда я смотрѣлъ на развалину и изуродованный остатокъ дома, невольно приходило мнѣ на память предсказаніе Св. Зосимы, Игумена Соловецкаго: «Скоро домъ сей опустѣетъ и дворъ его заростетъ травою!»

Недалеко отъ устья Варяжи, на правомъ ея берегу, находится Клопскій Троицкій монастырь, гдѣ въ одномъ изъ придѣловъ соборной церкви, построенной царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, почиваютъ мощи преподобнаго Михаила Клопскаго, который, будучи ближайшимъ родственникомъ великаго князя Василія Дмитріевича, скрылся безъ вѣсти и, подъ видомъ юродства, утаивъ знаменитое свое происхожденіе, пришелъ, въ 1408-мъ году, изъ Москвы въ Клопскій монастырь въ рубищѣ, но въ послѣдствіи времени былъ узнанъ братомъ великаго князя, посѣтившимъ обитель. Исполненный дара пророчества, онъ, предсказавъ паденіе Новгорода и возведеніе Іоны въ архіепископы, пришелъ въ часъ рожденія Іоанна III-го къ Новгородскому архіепископу Евфимію и сказалъ: «Днесь великій князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника; зрю младенца, знаменованнаго величіемъ: се игуменъ Троицкія обители, Зиновій, креститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ — Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ и не возстанетъ». Внѣ ограды монастырской, въ 10-ти саженяхъ отъ Варяжи, есть колодезь, который, по преданію, произведенъ молитвами Св. Угодника, во время 3-лѣтняго бездождія. Ближе къ городу (въ 8-ми верстахъ отъ него) возвышается на холмѣ деревня Ракомо, гдѣ былъ загородный дворецъ Ярослава І-го. Тутъ въ 1015-мъ году совершилось убійство именитыхъ Новгородцевъ. Къ СВ. отъ нея лежитъ, при Ильменѣ, близь истока Волхова, урочище Перынь, названное по имени главнаго Новгородскаго божества, Перуна, который здѣсь поставленъ былъ, въ 980-мъ году, посадникомъ Добрынею (племянникомъ великаго князя Владиміра) и, чрезъ 8-мь лѣтъ послѣ того, имъ же низверженъ отсюда въ Волховъ, при водвореніи христіанства. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде идолъ, былъ основанъ около 995-го года, Перынскій мужеской монастырь, отъ коего осталась теперь одна только церковь, обращенная съ 1764-го года въ приходскую.

Далѣе, при вершинѣ Волхова, на живописномъ возвышенномъ мѣстѣ — на полуостровѣ, омываемомъ Волховомъ, озеромъ Мячкинскимъ и ручьемъ Княжевымъ, въ 5-хъ верстахъ отъ города, расположенъ Юрьевъ монастырь, основанный въ 1030-мъ году и извѣстный своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ своихъ зданій.

Онъ имѣетъ въ окружности 352 сажени. Въ соборной церкви, гдѣ мѣстные образа изукрашены серебряными вызолоченными ризами, осыпанными крупными брилліантами и другими драгоцѣнными каменьями, почиваютъ мощи Св. Архіепископа Ѳеоктиста, перенесенныя сюда изъ упраздненнаго Благовѣщенскаго монастыря, основаніе коего приписывается Архіепископу Іоанну и брату его Григорію, которымъ, по словамъ преданія, богато убранный конь, безъ всадника,

привезъ два мѣшка съ золотомъ и серебромъ на сооруженіе тамъ церкви.

Старая Русса, безспорно, одна изъ древнѣйшихъ Варяжскихъ заселеній на берегахъ Ильменя. Даже въ древнихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ Русса неразлучна съ названіемъ Старой. Новгородцы издревле производили здѣсь вываркy соли. Производства ея было потомъ оставлено; но Петръ Великій возобновилъ соляныя варницы и самъ нѣсколько разъ посѣщалъ этотъ городъ.

Старая Русса, бывшая прежде уѣзднымъ городомъ Новгородской губерніи, теперь принадлежитъ Военному Поселенію; отстоитъ отъ Новгорода на 125 верстъ.

Съ сѣверо-восточной стороны къ озеру Ильменю, около 25 верстъ отъ города, видна возвышенная, надъ поверхностію озера, равнина, на которой расположена Старая Русса.

Городъ раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ каждая имѣетъ два квартала.

Всѣ улицы, особенно главныя, проведены прямолинейно; содержатся очень чисто; большая часть, особенно въ центрѣ города, выстланы камнемъ, а по Александровской, Петербургской и Ильинской, къ источникамъ, проведено шоссе.

Городъ этотъ прославился своими соляно-минеральными источниками, цѣлебное дѣйствіе которыхъ доказано уже на опытѣ.

Нравственное и физическое состояніе больныхъ, пользующихся Старо-русскими минеральными водами, должно быть сообразно правиламъ, принятымъ на всѣхъ минеральныхъ источникахъ; спокойствіе духа, тихое, безмятежное движеніе страстей, умѣренныя развлеченія, легкія занятія, столько же способствуютъ успѣшному пользованію, сколько пища и питье, сообразныя сущности болѣзни, качествамъ и способу употребленія водъ.

Извлекаемъ изъ сочиненія г. А. Воскресенскаго, опытныя наставленія, которымъ должны слѣдовать больные, намѣревающіеся пользоваться Старо-русскими минеральными водами:

Больной иначе долженъ рѣшиться на отправленіе къ минеральнымъ водамъ, какъ хорошо обдумавши всѣ подробности будущаго своего предпріятія и посовѣтовавшись съ опытнымъ и добросовѣстнымъ врачемъ, который совершенно знаетъ состояніе его болѣзни и къ которому онъ имѣетъ полную довѣренность. Это обстоятельство очень важно. Больной, рѣшившійся отправиться къ минеральнымъ источникамъ, долженъ испросить отъ врача, пользовавшаго его, наставленія, необходимыя на время дороги и исторію своей болѣзни, для передачи тому медику, котораго онъ изберетъ для себя, по прибытіи въ Руссу; въ этой исторіи, со всею подробностію и ясностію должны быть изложены: начало, ходъ болѣзни, всѣ измѣненія органическія, а равно и леченіе, кои бы могли служить руководствомъ при леченіи минеральными водами. Послѣ всего этого больной долженъ озаботиться объ удобствахъ предстоящаго пути, не брать съ собою излишнихъ вещей и людей, которые въ дорогѣ, какъ и по прибытіи, составятъ для него большое затрудненіе. Заботливый мужъ можетъ отправить въ Руссу свою больную жену одну, съ надежною прислугою, или сопровождать ее только для доставленія удобнаго, на пути, ночлега, а по прибытіи — для пріисканія выгоднаго помѣщенія. Соблюденіе всѣхъ предосторожностей на время пути необходимо болѣе всего для больныхъ дѣтей, коихъ нѣжные родители намѣрены отправить въ Руссу для пользованія. Вообще климатическія условія этой страны, продолжительность дороги и, по прибытіи на мѣсто, удобства помѣщенія должны составлять исключительную заботливость отцовъ и матерей.

Наша Старая Русса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть скучною самому прихотливому посѣтителю, ежели онъ будетъ искать здѣсь пособія Гигеи, а не столичнаго разсѣянія, или шумныхъ котерій. Роскошь стола не входитъ въ условія успѣшнаго леченія. Ежели потребуетъ необходимость какихъ-либо особыхъ принадлежностей кухни, или желудка, то близость столицы и легкость сообщенія во всемъ удовлетворить могутъ. Любитель хронологическихъ изысканій найдетъ здѣсь пищу въ предметахъ, коихъ древность, можетъ быть, равняется Новгородскому вечевому колоколу; любитель хозяйства увидитъ здѣсь на каждомъ шагу примѣры обширныхъ хозяйственныхъ заведеній, достойные подражанія; прогулка пѣшкомъ и верховая ѣзда также удобны въ Старой руссѣ, какъ удобно, прямо и всегда чисто шоссе, вновь проведенное къ солянымъ источникамъ.

Легкое движеніе на вольномъ, чистомъ воздухѣ, какъ при купаньи въ ваннахъ, такъ и при внутреннемъ употребленіи минеральной воды, необходимо. Оно вспомоществуетъ варенію воды при этомъ послѣднемъ леченіи, а при первомъ — надежному всасыванію минеральныхъ частицъ, и впослѣдствіи измѣненію ихъ во внутреннихъ органахъ тѣла. Принимающіе однѣ ванны могутъ прибыть къ источникамъ и въ экипажахъ; но послѣ ваннъ непремѣнно должны посвятить время отъ одного до двухъ часовъ, легкому движенію. Внутреннее употребленіе воды должно быть выполнено при перемѣнномъ движеніи и отдыхѣ; въ обоихъ случаяхъ должно поставить себѣ за правило, чтобы не дѣлать движенія чрезмѣрнымъ, или насильственнымъ. У людей, наклонныхъ къ приливамъ крови, подобное движеніе произведетъ вредное разгоряченіе, а у слабыхъ усталость, или изнеможеніе, которыя также имѣютъ свои невыгоды.

Сигналомъ пробужденія на водахъ, послѣ ночнаго успокоенія, долженъ быть, по-крайней-мѣрѣ, 6-й часъ утра; слѣдовательно больной посѣтитель водъ, назначившiй для себя обѣденный столъ въ 3 часа по полудни, провелъ около 9 часовъ времени въ леченіи, тѣлесномъ движеніи и другихъ занятіяхъ, которые должны болѣе или менѣе утомить его тѣлесныя силы и склонить къ послѣ-обѣденному отдыху. Отсюда происходитъ вопросъ: полезенъ ли и позволителенъ ли сонъ послѣ обѣда? Гиппократъ, Галенъ и 70-лѣтній старикъ Феликсъ Платеръ, который въ продолженіи большей части своей жизни спалъ послѣ обѣда и былъ здоровъ, держатъ, вмѣстѣ со многими другими, сторону послѣ-обѣденнаго Морфея; но Солернитанская школа возстаетъ противъ этого кумира жестокими угрозами. Febris, pigrities, capitis dolor atque batarrhus, — haec tibi proveniunt ex somno meridiano! Великій Боергавъ былъ того же мнѣнія. Не входя въ дальнѣйшій подробный разборъ этого предмета, за рѣшеніемъ вопроса, мы обратимся къ самимъ больнымъ. Каждому изъ нихъ извѣстно, что свѣжесть лица, хорошій аппетитъ и бодрость силъ суть принадлежности движенія и дневнаго бодрствованія. Извѣстно — какая дурнота, горечь во рту, блѣдность лица, тяжесть головы и вообще нерасположенность духа сопровождаютъ пробужденіе отъ полуденнаго отдыха. Послѣобѣденный сонъ не оживляетъ силъ тѣлесныхъ; кромѣ того, мы знаемъ, что во время сна всѣ органическія отправленія идутъ медленно, а слѣдовательно и операція пищеваренія не можетъ совершаться съ надлежащею скоростію. И такъ, мы совѣтуемъ сколько можно удерживаться отъ сна, послѣ обѣда, особенно въ знойные или ненастные дни которые и безъ сна наводятъ, даже на здороваго человѣка, особеннаго рода недѣятельность, вялость и лѣность, противоположныя цѣли, достигаемой водо-минеральнымъ леченіемъ.

Въ трехъ статьяхъ «Путешествія по всей Россіи» мы удалялись отъ столицы на весьма незначительное разстояніе и сколько чудесъ, сколько предметовъ, близкихъ русскому сердцу видѣли мы!... Велика, до безконечности разнообразна и славна Русская земля!...

БИВАКЪ И БАЛЪ.

(Разсказъ Ничипора Кулеша).

I.

НОЧЬ НА НѢМАНѢ.

День былъ удушливо-жаркій. Послѣ длиннаго, утомительнаго перехода, отрядъ остановился на берегу Нѣмана, возлѣ стариннаго замка, печально смотрѣвшагося въ рѣку. Въ одно мгновеніе уединенный берегъ закипѣлъ жизнію. Команды побрели за дровами и за соломою, уланы разбивали коновязи, маркитанты развязывали возы, артельные котлы безпрестанно окунывались въ Нѣманъ, съ сосѣднихъ елей обрубали вѣтви, вбивали колья; стукъ, говоръ, ржаніе коней, мычанье воловъ — прекрасна картина этой живой, непринужденной дѣятельности, гдѣ нѣтъ ни одного человѣка празднаго, гдѣ вся позиція обращается въ самый кипучій муравейникъ.

Въ нѣсколько мгновеній выросли соломенные шатры, передъ ними запылали огни, и позиція приняла видъ какой-то стройности, какой-то мгновенной осѣдлости, съ своею архитектурою, съ полицейскимъ порядкомъ, съ улицами и площадями, которыми раздѣлялись части войскъ. Въ это время вся жизнь образуется вокругъ бивачныхъ огней — это самый веселый, самый необходимый клубъ воиновъ. Живописными группами располагаются они вокругъ кипящихъ котловъ и, въ ожиданіи ужина, мѣняются дневными впечатлѣніями, тасуютъ карты, заводятъ и унылую пѣсню и веселый разсказъ, и въ то же время перевязываютъ раны, исправляютъ оружіе, чинятъ одежду, сушатъ походное имущество, брѣютъ бороды, начальники частей раздаютъ приказанія, нетерпѣливый голодъ хватается за гречневую кашу, а мечтательная юность задумывается надъ прошедшимъ: тайные взгляды, нѣмыя рѣчи, напутная слеза... какое безконечное блаженство затаено въ этихъ думахъ!

Отчего сердце воина бьется такъ весело, такъ отрадно, при воспоминаніи о бивачномъ огнѣ? — Оттого, что въ этотъ огонь бросается и неуклюжая береза, и дамскій прихотливый туалетъ, и драгоцѣнная фамильная скрипка, и знаменитый барельефъ, хотя ничто лучше не питаетъ этого огня, какъ дубовый пень, въ которомъ выводятъ ульи.

Я любилъ твое роскошное, разрушительное пламя, мой бивачный товарищъ! Скоро понялъ я твой горячій лепетъ, твои фантастическіе цвѣты и формы, твою бурную, широкую жизнь. Роднымъ привѣтомъ встрѣтила тебя дикая душа моя. Какъ часто разсвѣтъ заставалъ насъ въ нѣмой, неразлучной бесѣдѣ. Тогда сердце, полное живыхъ упованій, безпечно играло опасностію; дни отмѣчались событіями, грядущее мелькало вдали ароматнымъ, поющимъ полуднемъ юга, по которому жизнь разбрасывалась роскошными цвѣтами калейдоскопа.

Эта чудная, восхитительная жизнь угасла на всегда съ послѣднимъ огнемъ бивака. Другая жизнь потекла въ ничтожествѣ напомаженнаго свѣта, въ безлюдьи — среди пестрой толпы; въ бездѣйствіи, среди общей, истерической дѣятельности; въ ничтожествѣ — среди блистательныхъ похвалъ и привѣтствій. Эта образованная, роскошная, европейская жизнь течетъ при свѣтѣ однообразнаго, жалкаго, измученнаго старика...

Упала ночь — отрядъ сталъ; разметавшись подъ соломенными шатрами, осиротѣлые огни едва дымились; вдали перекликалась сторожевая цѣпь; за цѣпью по всѣмъ дорогамъ тянулись кавалерійскіе разъѣзды. Луна вышла изъ-за-тучь и бросила на воиновъ серебряное покрывало.

Я не могъ заснуть и неподвижно смотрѣлъ на древній замокъ, нѣкогда спокойное жилище богатаго вельможи, гдѣ въ освѣщенныхъ залахъ безпечно мелькала молодость и красота подъ звуки бѣшеной мазурки и распаленная весельемъ бала, довѣрчиво передавала сердечныя признанія въ безконечныхъ аллеяхъ сада. Воображеніе

вызывало прошедшее и нашептывало мнѣ одну изъ чудныхъ сказокъ, въ родѣ Шехеразады.

Къ сѣверному фасу замка примыкала высокая башня. Въ одномъ изъ оконъ ея мелькнуло что-то похожее на женщину. Я устремилъ туда все вниманіе. Мнѣ было извѣстно, что въ замкѣ никого не было, кромѣ двухъ или трехъ старыхъ служителей, оставленныхъ въ немъ на произволъ судьбы. Черезъ нѣсколько времени повторилось видѣніе; я схватилъ фуражку; воображеніе обѣщало мнѣ таинственное свиданіе.

Съ трудомъ отыскалъ я дверь, которая вела къ башнѣ; но тутъ встрѣтило меня новое препятствіе: начальныя ступени лѣстницы сняты были выше человѣческаго роста; надобно было устроить подмостки. Черезъ полчаса работа моя была окончена и, притаивъ дыханіе, пошелъ я по узкой, винтообразной лѣстницѣ, ощупывая каждую ступеньку. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, я началъ прислушиваться. Въ башнѣ царствовала мертвая тишина; лѣстница вилась также узко, также безконечно и ничего похожаго на двери не попадалось мнѣ подъ руки. Поднявшись на послѣднюю ступеньку, я сильно ударился объ стѣну и узналъ только, что тутъ конецъ лѣстницы. Нѣсколько разъ повторилъ я мое неудачное путешествіе; утомившись нетерпѣніемъ и переходами, я сѣлъ отдыхать. Вниманіе мое было напряжено чрезвычайно сильно: мнѣ казалось, что я слышу, какъ рыбы шепчутся на днѣ Нѣмана. Черезъ нѣсколько минутъ за стѣною я услышалъ боязливые шаги; со всею осторожностью началъ я ощупывать стѣну: ни малѣйшей впадины, ни малѣйшаго признака двери; надо было доходить однимъ слухомъ. Немного спустя, я могъ разслушать тяжелые вздохи и нѣсколько несвязныхъ словъ. Сильный ударъ сабли, по произволу направленный по стѣнѣ, заставилъ завести со мною переговоры. Женскій голосъ просилъ о защитѣ и снисхожденіи. Я успокоилъ обѣщаніями; дверь тихо отворилась.

У самаго порога комнаты меня встрѣтила на колѣняхъ старушка. Добрыя черты лица ея выражали страхъ и сильную душевную скорбь; она обняла мои ноги и умоляла о состраданіи. Въ противоположномъ углу комнаты неподвижно стояла молодая дѣвушка, благоговѣйно преклонившись предъ св. Распятіемъ. Луна освѣтила мнѣ чудное лицо ея и длинную косу, распустившуюся по бѣлому пеньюару.

Черезъ нѣсколько минутъ все измѣнилось: страхъ превратился въ начало пріязни. Покойно усѣлись мы въ старинныя кресла; дѣвушка довѣрчиво подала мнѣ дрожащую руку; старушка начала подробный разсказъ, въ который я вслушивался безъ всякаго вниманія, узнавъ скоро все то, что относилось до моей юной и прекрасной хозяйки. Это была племянница владѣтеля замка, дѣвушка знатной фамиліи, которую тяжкая болѣзнь постигла въ то время, когда военныя дѣйствія перешли въ Литву, и потому родственники принуждены были оставить ее на попеченіи старой няни. Аниелѣ было 16 лѣтъ, и въ 16 лѣтъ у нея не было уже ни отца, ни матери.

Трудно передать впечатлѣніе юной, прекрасной дѣвушки на офицера, который привыкъ къ биваку, по мѣсяцу не входилъ въ избу, по суткамъ не оставлялъ сѣдла и, по свойству человѣческой природы, пересталъ вѣрить, что въ жизни есть другой міръ, кромѣ загорѣлаго улана, эфеса сабли, да ушей своего измученнаго коня. Я не могъ скрыть моей живой радости, не спускалъ глазъ съ прекрасной Аниелы и, любуясь ея очаровательнымъ лицомъ, слушалъ ее, какъ пѣніе райской птички. Преждевременное горе ея трогало меня до глубины души. Мое участіе расположило

ее къ довѣрчивости; я сдѣлался веселъ, любезенъ, болтливъ; передавалъ ей много занимательныхъ новостей; мы, то смѣялись, то горевали, спѣша пересказать свои впечатлѣнія. Мало-по-малу кругъ нашихъ идей началъ уменьшаться и ограничился, наконецъ, стѣнами нашей комнаты; рѣчи становились медленнѣе и несвязнѣе и когда показалась заря, мы сидѣли молча, опустившись въ глубокія кресла и задумчиво смотрѣли другъ на друга.

Заря вывела меня изъ моего волшебнаго міра. Надо было оставить очаровательную башню, гдѣ судьба неожиданно приготовила мнѣ минутный клочекъ счастія. Увѣривъ моихъ новыхъ друзей въ совершенной ихъ безопасности, я разстался съ ними тяжело и грустно. Прекрасная Аниела позволила мнѣ поцѣловать свое лилейное чело.

Черезъ нѣсколько часовъ отрядъ снялся съ позиціи. Уланы оставались въ аррьергардѣ. Никто не замѣтилъ ни безмолвныхъ рѣчей моихъ съ башнею, ни напутныхъ благословеній, которыми провожали меня и старая няня и прекрасная Аниела.

БАЛЪ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ.

Это было 22 января; вся площадь и Михайловская улица уставлены были каретами. На подъѣздахъ и по лѣстницамъ дремали разноцвѣтныя ливреи, держа въ рукахъ роскошныя шубы. Оркестръ игралъ мазурку; по всему залу мелькали блистательныя пары, раздѣлившись на нѣсколько круговъ; на пунсовыхъ скамейкахъ отдыхали зрители, утомленные жаромъ, общимъ движеніемъ, пестротою цвѣтовъ и нарядовъ; на хорахъ начали показываться черныя домино...

Въ это время вокругъ одной пары образовалась толпа. Любопытные лорнеты жадно пожирали высокую, стройную даму въ бѣломъ воздушномъ платьѣ; головной уборъ ея состоялъ изъ алмазовъ и бирюзы. Роскошные свѣтлорусые локоны придавали ей необыкновенную нѣжность, а черные глаза, полные веселія и жизни, напоминали нѣгу Востока. Бѣлизна матовой шеи ея была ослѣпительна. Движенія ея были медленны и граціозны; въ мазуркѣ она приводила въ восторгъ... Она была предметомъ общаго выбора въ танцѣ и общаго удивленія восторженной толпы, ее окружавшей.

Оркестръ замолчалъ. Въ залѣ началось движеніе. Прекрасная дама скрылась въ пестрой толпѣ.

Молва разсказала мнѣ, что она польская графиня, недавняя гостья въ столицѣ.

Балъ кончился. Черныя домино смѣнили разноцвѣтные блестящіе наряды. Со всѣхъ сторонъ запищали маски и увлекали по заламъ любопытныхъ кавалеровъ.

Желая отвязаться отъ скучныхъ и безцвѣтныхъ интригъ, я сѣлъ въ уединенный уголъ скамьи и разсѣянно смотрѣлъ на общее движеніе. Дама въ бѣломъ платьѣ не выходила у меня изъ памяти. Кромѣ очаровательной наружности, мнѣ особенно нравилась эта внутренняя домашняя радость, которая постоянно оживляла прекрасное лицо ея. Я былъ увѣренъ, что это одна изъ самыхъ счастливыхъ женщинъ, а счастье рѣдко живетъ съ людьми, въ особенности въ раззолоченныхъ палатахъ; потому то видѣть его такъ утѣшительно.

Въ это время мимо меня проходило черное домино; два генерала почтительно провожали его. Посмотрѣвъ на меня пристально, дама поспѣшно оставила своихъ спутниковъ, подошла ко мнѣ и подала руку. Бирюзовый браслетъ съ алмазами мелькнулъ изъ-подъ домино. Какая странность! Такой же браслетъ былъ на рукѣ прекрасной незнакомки и тѣ же черныя очи горѣли изъ-подъ маски.

О чемъ ты задумался?

Если этотъ браслетъ не обманываетъ меня, то я думалъ о тебѣ, прекрасная маска.

Развѣ ты знаешь меня?

Я думалъ о прекрасной незнакомкѣ, которая въ мазуркѣ очаровала все собраніе.

И эта незнакомка не напомнила тебѣ ничего прошедшаго?

Ровно ничего; до сегодняшняго вечера я не имѣлъ понятія о красотѣ женщины.

Эта незнакомка обязана тебѣ всѣмъ своимъ счастіемъ, продолжала маска, крѣпко сжимая мою руку. Помнишь ли ты страшную ночь, башню на Нѣманѣ...

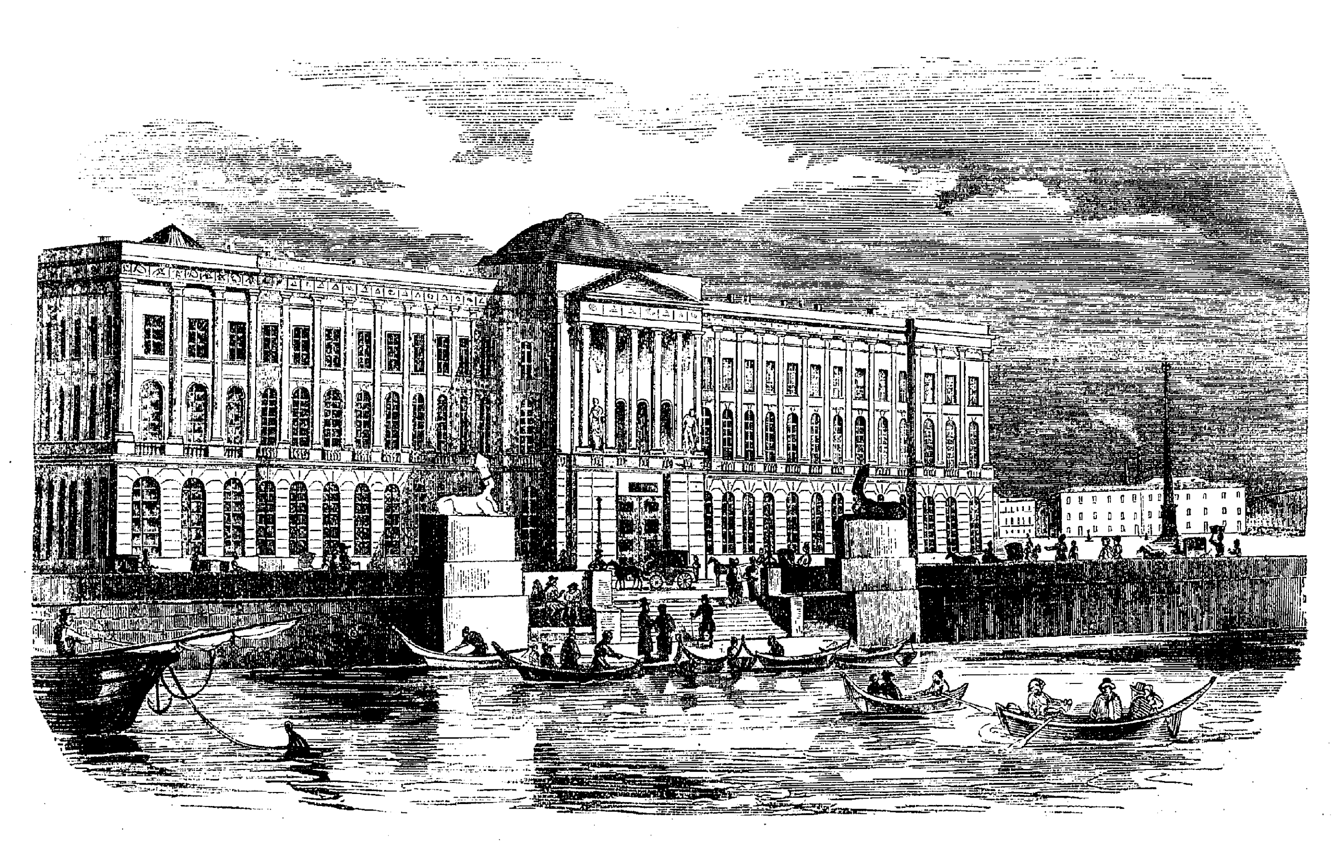
Анжела! неужели это ты? вскричалъ я, обнимая ее въ порывѣ радости.

Да, да, твоя бѣдная плѣнница; убитая болѣзнію и горемъ — и теперь одна изъ самыхъ счастливыхъ женщинъ, окруженная всевозможною роскошью, самою нѣжною заботливостью и безпредѣльною любовью очаровательнаго мужа...

Одинъ изъ генераловъ что-то шепталъ моей вдохновенной дамѣ; двѣ маски подошли ко мнѣ съ пошлыми вопросами.

Я разстался съ графинею, обѣщая быть у нея на другой день.

═



Императорская Академія Художествъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Академія Художествъ. — Выставка. — Лоттерея Художественныхъ Произведеній. — Война за вафли. — Несчастный случай. — Отъ Редакціи.

═

Мы со всѣхъ сторонъ слышимъ вопросы о томъ скоро ли начнется выставка. На это отвѣчать довольно трудно. Во-первыхъ ожидаютъ возвращенія Е. И. Высочества Герцога Лейхтенбергскаго, Президента Академіи, а во-вторыхъ носятся слухи, что по причинѣ короткихъ и насмурныхъ дней, не выгодныхъ для освѣщенія картинъ, выставка будетъ отложена до будущей весны. Если эти слухи оправдаются, то у насъ выставка будетъ въ одно время съ заграничными, то есть, въ концѣ апрѣля или началѣ мая. Какъ бы то нибыло, но такъ какъ теперь уже въ прекрасныхъ залахъ Академіи собрано множество вещей, болѣе или менѣе изящныхъ, скучающихъ въ одиночествѣ и нетерпѣливо ожидающихъ минуты, когда имъ можно будетъ предстать предъ судъ публики, то мы скажемъ нѣсколько словъ объ самой Академіи Художествъ и пусть эти слова послужатъ введеніемъ къ статьѣ о выставкѣ, если послѣдняя состоится въ нынѣшнемъ году.

Первая мысль о водвореніи и распространеніи въ Россіи Художествъ въ истинномъ ихъ значеніи, принадлежитъ Петру Великому. До того времени Россія имѣла художниковъ или иностранцевъ, изъ коихъ немногіе были съ отличными дарованіями, или хотя и Русскихъ, но не произведшихъ ничего особенно важнаго и достойнаго вниманія. Петръ посылалъ молодыхъ людей учиться Художествамъ въ чужіе краи, и имѣлъ удовольствіе видѣть плоды этой мѣры. Со смертію его остановились или замедлились успѣхи многихъ полезныхъ начинаній. Правда, при учрежденіи Академіи Наукъ обращено было вниманіе и на распространеніе Художествъ, ибо въ указѣ объ учрежденіи Академіи Наукъ 20 января 1724 года послѣдовавшемъ, именно сказано, чтобы въ ней учили языкамъ, Наукамъ и *знатнымъ Художествамъ*; впрочемъ до царствованія Елисаветы Петровны, хотя были уже у насъ нѣкоторые достойные Русскіе и иностранные художники, но мало было сдѣлано замѣчательнаго въ пользу Художествъ. При ней предпринято построеніе многихъ великолѣпныхъ зданій, вновь вызваны извѣстные художники, архитекторы, живописцы, ваятели, и нашлись люди, думавшіе о необходимости учрежденія Академіи Художествъ.

Русскому предоставлено было положить основаніе этой Академіи въ Россіи, и этотъ Русскій былъ вельможа просвѣщенный и пламенно любившій свое отечество.

Генералъ-Поручикъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, учредивъ по волѣ Монархини Московскій Университетъ, съ Высочайшаго соизволенія приступилъ и къ основанію Академіи Художествъ съ тѣмъ, чтобы ученики и студенты Московскаго Университета, *способные къ Художествамъ*, могли поступать въ нее для развитія своихъ дарованій и дальнѣйшаго художественнаго образованія. Въ 1757 году онъ получилъ у Правительствующаго Сената разрѣшеніе привести въ дѣйство сіе намѣреніе. Въ 1758 и 1759 годахъ, приглашенные изъ чужихъ краевъ профессоры живописи: Лорренъ (чрезъ годъ потомъ умершій) и Лагрене, скульптуры Жиле, гравированія Шмидтъ, архитектуры Валленъ де ла Моттъ и проч., приняты въ Академію по контрактамъ для обученія воспитанниковъ.

Архитекторъ А. Ѳ. Какориновъ опредѣленъ въ Академію вмѣстѣ съ другими чиновниками и художниками Русскими; изъ Московскаго Университета взяты около 30 человѣкъ учениковъ и въ теченіе 1758, 1759 и 1760 приняты были другіе молодые люди, такъ, что въ декабрѣ 1761 года было всѣхъ питомцевъ уже 68 человѣкъ.

Ученіе началось въ Академіи Художествъ въ началѣ 1758 году. Академія устроивалась; пособія умножались; съ успѣхами учащихся учреждались классы рисованія съ антиковъ и съ натуры, и ученики раздѣлялись по Художествамъ. Новое заведеніе росло.

Академія, съ самаго основанія своего (1758), помѣщалась въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ по набережной Васильевскаго Острова между 3 и 4 линіею, т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится. Домы сіи скуплены въ казну и сдѣлана была къ нимъ временная деревянная пристройка. Въ 1764 году 11 ноября Императрица Екатерина посѣтила Академію, и положивъ первый камень въ основаніе обширнаго и великолѣпнаго зданія академическаго, которое долженствовало быть воздвигнутымъ по проекту Какоринова, въ присутствіи Академіи подписала привилегію, уставъ и штатъ ея. Бецкой опредѣленъ Президентомъ.

Отсюда начинается прочное бытіе Академіи и обширнѣйшій кругъ ея дѣятельности, въ 70 лѣтъ съ небольшимъ, возведшей Художества въ Россіи

на ту же степень, на коей находятся они въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы.

Художникамъ, выходящимъ изъ Академіи, дарована *совершенная и вѣчная свобода* съ ихъ потомствомъ. «Никакому правительству, сказано въ привиллегіи, ни въ военную, ни въ штатскую службу ихъ не принуждать и безъ добровольнаго съ ними договора, ни къ какой работѣ не приневоливать, но во всемъ непремѣнно поступать съ ними какъ съ вольными и свободными людьми, а въ случаяхъ оказывать имъ всевозможное защищеніе во всей нашей имперіи;» воспрещено: записывать ихъ въ крѣпостные люди, «хотя бы то случилось даже по уговору или доброй волѣ;» повелѣно допускать художниковъ и мастеровъ Академіи во всей Имперіи «свободно и безпрепятственно ко всѣмъ казеннымъ и публичнымъ работамъ, равно и въ службы, гдѣ кто пожелаетъ и надобенъ будетъ; и дабы они никакихъ обидъ или притѣсненій, а особливо препятствій въ производимыхъ ими работахъ, не терпѣли, то, по приносимымъ отъ нихъ письменнымъ жалобамъ о произшедшихъ спорахъ по договорамъ, или въ неплатежѣ за ихъ работы,» предоставлено Академіи право разбирать и рѣшать сіи жалобы, и требовать удовлетворенія; «о всякихъ же другихъ обидахъ и притѣсненіяхъ сообщать въ тѣ мѣста, до которыхъ оное слѣдуетъ, почему имъ въ силѣ законовъ чинить наискорѣйшее удовольствіе; когда же изъ принадлежащихъ къ Академіи кто окажетъ себя въ какомъ либо преступленіи, то, по маловажнымъ дѣламъ, судить въ сей же Академіи, а въ важнѣйшихъ отсылать куда надлежитъ по законамъ; впрочемъ никакое мѣсто не можетъ взять его безъ вѣдома и сношенія съ Академіею» и проч.

Мудрая законодательница все даровала: покровительство Академіи, свободу и защиту художникамъ, неприкосновенность правъ ихъ и, наконецъ, право избирать въ покровители художествъ особъ, любящихъ, понимающихъ искуства и могущихъ споспѣшествовать усовершенію ихъ.

Классъ рисованья и живописи получилъ надлежащее направленіе только съ возвращеніемъ, въ 1770 году, изъ чужихъ краевъ Лосенка, ученика Академіи, отличнаго рисовальщика, и необыкновенно преданнаго своему искуству художника. Русская школа, можно сказать, имъ именно основана и пріобрѣла характеръ, ее отличающій: твердость и правильность рисунка. Къ сожалѣнію, этотъ художникъ, жилъ весьма недолго.

25 іюня 1765 года, Наслѣдникъ Престола Великій Князь Павелъ Петровичъ, *согласно полученному отъ Его Высочества письму*, признанъ почетнымъ любителемъ Академіи, и съ тѣхъ поръ постоянно присутствовалъ почти во всѣхъ академическихъ собраніяхъ и подписывалъ журналы оныхъ до 1779 года.

При Бецкомъ, правительство приняло мѣры къ составленію Академическаго Музеума. Картины оригинальныя, и въ числѣ ихъ нѣсколько отличныхъ, богатое собраніе формъ и отливковъ съ образцовыхъ Греческихъ ваятельныхъ твореній, собраніе эстамповъ и оригинальныхъ рисунковъ, библіотека книгъ относящихся къ художествамъ, словомъ, ничто не забыто. Музеумъ былъ обогащаемъ и частыми приношеніями. Имя Шувалова и въ сей отношеніи памятно, какъ благодѣтеля. Онъ пожертвовалъ Академіи собственное собраніе оригинальныхъ картинъ, между коими были нѣкоторыя весьма замѣчательныя. Нѣкоторыя статуи были выписаны еще при немъ.

По весьма преклоннымъ лѣтамъ своимъ, Бецкой, послѣ собранія, бывшаго 2 апрѣля 1789 года, болѣе уже не присутствовалъ, но продолжалъ почти до самой кончины своей заботиться о благѣ Академіи, столь много ему обязанной.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1794 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи президентомъ тайнаго совѣтника Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, повелѣно быть президентомъ Академіи тайному совѣтнику графу Шуазелю-Гуфье. Въ кратковременное царствованіе Государя Павла Петровича художества получили сугубую жизнь. Сооруженъ Михайловскій замокъ и украшенъ, равно какъ и другіе дворцы, картинами, особенно Петергофскій садъ и другіе, многими ваятельными работами Русскихъ художниковъ, или отлитыми по формамъ съ антиковъ. Академія удостоилась Монаршаго вниманія, и къ числу особенныхъ попеченій Его Величества о семъ разсадникѣ художествъ должно приписать: увеличеніе классовъ медальернаго и гравированія на мѣди, и потомъ по назначеніи, 26 февраля 1799, въ новое званіе вице-президента Академіи, извѣстнаго архитектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Баженова, данное ему повелѣніе представить Его Величеству мнѣніе о тѣхъ новыхъ улучшеніяхъ въ Академіи, которыя время и опытъ указывали нужными для пользы художествъ.

23 января 1800 года, повелѣно быть президентомъ Академіи дѣйствительному тайному совѣтнику и оберъ-камергеру графу Александру Сергѣевичу Строганову.

22 сентября 1802, Императоръ Александръ соизволилъ даровать Академіи Художествъ дополнительныя статьи къ Уставу и новый штатъ.

Президентъ графъ Строгановъ оставилъ память между художниками, какъ добрый вельможа и любитель художествъ, умѣвшій цѣнить и ободрять дарованія, и давать имъ ходъ. Академія была бы счастлива, если бы онъ жилъ долѣе; но онъ управлялъ ею съ небольшимъ двѣнадцать лѣтъ, и скончался 27 сентября 1811 года.

Послѣ смерти графа Строганова, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, объявилъ Высочайшую волю, дабы впредь до повелѣнія управлялъ Академіею вице-президентъ Чекалевскій, подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія.

Достойный уваженія вице-президентъ, не имѣя средствъ, не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы желалъ. Отечественная война препятствовала правительству обратить вниманіе на положеніе Академіи, и такимъ образомъ она пришла въ разстройство, побудившее, наконецъ, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, съ Высочайшаго соизволенія составить, въ 1816 г., при Академіи особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника А. Н. Оленина, для разсмотрѣнія причинъ такого состоянія ея.

Попеченія сего начальника о ввѣренномъ управленію его заведеніи должны быть оцѣнены.

Нынѣ царствующій Государь Императоръ, любя все полезное, высокое и изящное, обратилъ на Академію и художества особенно благотворный взоръ свой. Исчислимъ милости, донынѣ излитыя Его Величествомъ на Академію. Первая состояла въ Высочайшемъ соизволеніи на принятіе въ почетные любители Академіи Его Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника (1827). Въ 1 день февраля 1829 года, Государь Императоръ соизволилъ осчастливить Академію посѣщеніемъ, и этотъ незабвенный день въ лѣтописяхъ сего заведенія рѣшилъ будущую судьбу его. 9-го февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Правительствующаго Сената, коимъ Всемилостивѣйше повелѣно состоять Академіи Художествъ подъ особеннымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, и быть подъ главнымъ начальствомъ министра Императорскаго Двора. Вслѣдъ за тѣмъ назначены значительныя перестройки въ главномъ академическомъ зданіи, по проэктамъ архитектора К. Тона, украсившія залы, по главной лицевой сторонѣ въ бель-этажѣ расположенныя; пожалованы копіи съ превосходнѣйшихъ картинъ Рафаэля Санціо и другихъ мастеровъ великихъ, дѣланныя Русскими художниками, находившимися въ чужихъ краяхъ, К. Брюлловымъ, Басинымъ, Бруни и проч., и въ томъ числѣ Аѳинская Школа, превосходно и вѣрно списанная Брюлловымъ съ лучшаго изъ твореній Рафаэля; въ разное время доставлены въ Академію многія оригинальныя картины, большія и драгоцѣнныя собранія эстамповъ, мастерскихъ рисунковъ, и Греческихъ и Этрускихъ вазъ, заключающія вещи рѣдкія и въ художественномъ отношеніи важныя и полезнѣйшія.

А. О. Петровъ.

Академія Художествъ, со времени ея основанія, образовала 1451 человѣка художниковъ и не художниковъ. Всѣ они болѣе или менѣе были полезны; но въ числѣ ихъ явилось нѣсколько людей съ дарованіями отличными, могущихъ стать на ряду съ лучшими художниками Европы, и если такихъ художниковъ мы имѣли и имѣемъ не одинъ десятокъ (въ какой землѣ они встрѣчаются сотнями?), то всякій рѣшитъ самъ степень услуги, принесенной Россіи Императорскою Академіею Художествъ.

А. Н. Оленинъ, человѣкъ ученый, усердно и съ любовію дѣйствовалъ на пользу ввѣренной ему

Академіи. При немъ образовались многіе замѣчательные таланты.

Послѣ смерти А. Н. Оленина, въ званіе президента вступилъ Е. И. Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій.

Прилагаемъ для нашихъ иногородныхъ читателей видъ Императорской Академіи Художествъ, одного изъ лучшихъ зданій С. Петербурга въ архитектурномъ отношеніи.

Слухомъ земля полнится, и какъ не плотно заперты двери на выставку, какъ не строго запрещенъ входъ въ завѣтныя залы храма искуствъ, мы однако жъ узнали, что кромѣ картоновъ, которыми всѣ съ нетерпѣніемъ желаютъ полюбоваться, на выставкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ: статуя Ангела — Ставассера; Буря — Голландскаго живописца Мейера, которую многіе ставятъ гораздо выше многихъ современныхъ колоритно-эффектныхъ, радужныхъ произведеній картины Гайвазовскаго, братьевъ Черенцовыхъ; прелестные ландшафты — Мейера, Дорогова и пейзажъ, присланный изъ Италіи — Сократа Воробьева; картины — Тыранова; Нарва — Коцебу; и наконецъ программы — Канкова, Тихобразова, Чмутова, Григоровича и Васильева.

— Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ долгомъ извѣстить читателей нашихъ, чтобы они посп[illegible]ли запастись билетами на шестую лоттере[illegible]ственныхъ произведеній отъ Высочайше[illegible]ленпаго Общества Поощренія Художниковъ, розыгрышъ которой назначенъ будущаго 2-го декабря, въ Музеумѣ графа Румянцова.

Предметы, входящіе въ составъ лоттереи суть слѣдующіе:

a) Оригинальныя картины

1. Морской видъ *Гайвазовскаго*; 2. Итальянская дѣвушка, *Тыранова*; 3. Жрица Цереры, *Деладеза*; 4. Видъ въ Субіако, *Н. Чернецова*; 5. Видъ Дудергофа, *Солнцева 2-го*; 6. Кузнецы, *Алексѣева*; 7. Нищій съ Мальчикомъ, *Горецкаго*; 8. Морской видъ, *Круговихина*; 9. Греки защищающіе тѣло Патрокла, *Канкова*; 10. Перспективный видъ лѣстницы въ Зимнемъ Дворцѣ; 11. Перевозъ чрезъ Неву, *Антонова*; 12. Другой видъ въ Субіако, *Г. Чернецова*; 13. Голова старика, *Корицкаго*; 14. Пейзажъ, *Иванова*; 15. Пейзажъ *его же*; 16. Голова старика, *Меликова*; 17. Весталка, *Смирнова*; 18. Св. Іеронимъ, *Бурдина*; 19. Іоаннъ Креститель, *его же*; 20. Голова старика, *Липина*; 21. Битая дичина, *Синицова*; 22. Внутренность комнаты, *Чеботорева*; 23. Голова мальчика, *Лаврова*; 24. Мальчикъ съ подсолнечникомъ, *Бурдина*.

b) Копіи съ оригинальныхъ картинъ:

25. Пейзажъ съ картины Шедрина, *Иванова*; 26. Пейзажъ съ картины Остаде, *Антонова*; 27. Положеніе во гробъ, съ картины Караваджіо, *Ѳедорова*; 28. Іоаннъ Богословъ съ картины Доминикина, *Богданова*; 29. Турчанка, съ картины К. Брюлова, *Липина*; 30. Ночь, съ картины І. Вернета, *Волоскова*; 31. Купецъ Иголкинъ съ картины Шебуева, *Агафонова*; 32. Невѣста съ картины Моллера, акварельная копія, *Ершова*; и 33. Меркурій, играющій на флейтѣ, барельефъ изъ воску, *Пономарева*.

Означенныя картины можно видѣть на выставкѣ Общества Поощренія Художниковъ, по Невскому проспекту, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви, и тамъ же получать билеты по $1\frac{1}{2}$ руб. сер., у коммиссіонера Общества, почетнаго гражданина Андрея Прево.

Мы слышали, что билетовъ осталось не много, почему совѣтуемъ желающимъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ поспѣшить.

— Отъ художествъ перейдемъ къ болѣе вещественному искуству — къ печенію вафлей. Кто изъ нашихъ столичныхъ читателей не видалъ замѣчательной кухни — кареты, въ которую смѣшная мода влечетъ толпы любопытныхъ. Подумаешь, ухитрятся же люди! Не знаешь, чему болѣе удивляться, изобрѣтательности ли человѣческаго ума и умѣнью его пользоваться слабостями ближнихъ, или странности тѣхъ, которые, имѣя у себя отличныхъ поваровъ, стряпающихъ вафли лучше всякихъ поварихъ въ мірѣ, стремятся-таки за рѣшетку Александринскаго сквера. Но этого мало: Голландская вафля затронула гордость русскаго; она прилипла къ сердцу его, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя. Наконецъ, въ одно прекрасное утро русская гордость не вытерпѣла и создала вафлю, уничтожившую, низвергнувшую въ прахъ Голландскую вафлю!... Восторжествовала русская гордость и мы не безъ улыбки прочитали слѣдующее объявленіе въ прибавленіяхъ къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ, объявленіе, въ которомъ торжествующая гордость съ трудомъ подчиняется условіямъ скромности:

ВАФЛИ.

Пріѣзжая пекарка вафлей, печеніе которыхъ требуетъ особеннаго искуства, привлекла публику; нельзя не отдать справедливости искуству: (?) но чтобы убѣдиться въ совершенствѣ печенія, Трактиръ Херсонскій, состоящій у Каменнаго моста въ домѣ Арсеньева, рекомендуетъ вафли приготовляемыя въ ономъ со всею изящностію для самаго прихотливаго вкуса и надѣется оправдать предъ публикою превосходное искуство своего печенія, съ которымъ ничто сравниться не можетъ; (!?) входъ съ канавы.

Спѣшите, любители всякаго печенья... арена открыта... бойцы выступили... борьба завязалась... вафли затемняютъ воздухъ...

— У одного отпущенника, проживающаго въ Саратовскомъ уѣздѣ, случилось слѣдующее несчастное происшествіе:

20 числа іюня, довольно рано по утру, 15 лѣтняя дочь его Марія, вышла на дворъ, и сѣла на ступень крыльца. Близь крыльца сидѣла домашняя кошка, часто ею ласкаемая. Дѣвушка стала звать ее къ себѣ; но кошка, какъ бы не слыша зова ея, сидѣла спокойно. Она сошла съ крыльца, взяла кошку на руки, принесла въ избу, налила въ плошку молока, поставила его передъ кошкою, а сама присѣла къ ней и гладила ее по спинѣ. Къ молоку подошелъ котенокъ; дѣвушка хотѣла отогнать его рукою; но кошка ощетинилась, замурчала, прыгнула на нее, и такъ сильно впѣпилась зубами въ ея ладонь, что дѣвушка изо всей мочи начала кричать. Въ эту пору прибѣжалъ со двора отецъ ея, отнялъ руку отъ зубовъ, и кошку въ ту жъ минуту убилъ ухватомъ. Оказалось, что кошка прежде, недѣли за двѣ, была укушена бѣшеною собакою, пробѣжавшею черезъ селеніе и скрывшеюся не извѣстно куда. Пригласили врача: растравили раны, и потомъ чрезъ нѣсколько времени залечили ихъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ дѣвушкою ничего не было. 7-го сентября она была на рѣкѣ и мыла бѣлье. Пришедши съ рѣки, она стала жаловаться на боль въ головѣ и сердцѣ. Родители въ другой разъ прибѣгли къ врачу. Ей пущена была кровь изъ руки и употреблены другія медицинскія пособія противу водобоязни, но не было отъ нихъ легче. Позвали священника, пріобщить ее; больной не говорили о родѣ болѣзни, но она говорила, что скоро умретъ и просила, чтобы родители благословили ее и приготовили къ смерти. Послѣ этого стала тосковать, кричать и рваться; бѣшенство обнаружилось во всей силѣ. Въ предосторожность, сочли необходимымъ привязать ее кушаками къ кровати. Въ такомъ положеніи она пробыла сутки, и 9 ч. сентября, въ сильныхъ конвульсіяхъ, умерла.

При быстромъ развитіи водобоязни, лицо у несчастной было блѣдно, опало и покрывалось холоднымъ потомъ; глаза были мутные, дыханіе трудное, сопровождаемое вздрагиваніемъ; изъ рта текла слюна бѣлая и клейкая.

— Въ заключеніе мы должны сообщить нашимъ читателямъ, что съ будущаго, 31-го нумера, Редакція Иллюстраціи издастъ особое *Приложеніе*, въ которомъ новый французскій романъ, вышедшій въ газетѣ «La Presse» и написанный четырьмя авторами, а именно гг. *Мери, Теофиломъ Готье, Виконтомъ де Лонэ и Жюлемъ Сандо*. Переводъ этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ романа взялъ на себя сотрудникъ нашъ, Н. Р. Фурманъ. Поводомъ къ этому распоряженію есть желаніе сообщать нашимъ читателямъ интереснѣйшія новости иностранной литературы, которыя по объему своему не могутъ войдти въ столбцы Иллюстраціи. Надѣемся, что, по-крайней-мѣрѣ, хоть въ этомъ отношеніи никто не будетъ бранить Иллюстраціи. А впрочемъ кто знаетъ!..

ДРАМАТУРГІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

— Многіе письменно и словесно спрашиваютъ, почему Иллюстрація до сихъ поръ не помѣщаетъ подробныхъ разборовъ о нашихъ театрахъ. На это одинъ отвѣтъ въ этомъ нумерѣ заключается отчетъ о первомъ дебютѣ г-жи Арну-Плесси; другой отвѣтъ — Италіянская опера, за исключеніемъ Рубини и Альбони, до сихъ поръ та же, что и въ прошломъ году. Неужели повторять пошлыя фразы восхищенія, удивленія и набивать столбцы всякой всячиной? Мы еще не слышали оперы нашей вполнѣ. Г. Сальви дебютировалъ всего въ двухъ операхъ; г-жа Мольтини еще не появлялась на сценѣ; гг. Ферратери и Коррадм также. Слѣдственно, въ чемъ же будетъ заключаться наша критика. Въ разборѣ пѣнія одной г-жи Віетти; потому что она пѣла въ трехъ операхъ, изъ коихъ въ Семирамидѣ занимала уже такую роль, по которой можно уже судить о ея талантѣ. — На Нѣмецкомъ театрѣ — до сего времени еще не было особенно важныхъ новостей. О г-жѣ Новакъ и г. Левенбергѣ не преминемъ отдать подробный отчетъ. Русскій театръ — раздѣляется на три части: Драма, Комедія и Опера. Въ первой нѣтъ Каратыгина и нѣтъ драмы. Въ Комедіи много прекрасныхъ талантовъ, но пора занимательныхъ бенефисовъ еще не наступила. Сентябрскія и октябрскія піесы обыкновенно не такъ занимательны, какъ піесы, играемыя съ ноября до карнавала. Отчего бы это? Причины ясны и не требуютъ истолкованія. Впрочемъ, нынѣшніе сентябрь и октябрь богаче прежнихъ. Драма: Расинъ, Заколдованный принцъ, Новая школа мужей, Мачиха и Падчерица, четыре большія новыя піесы, и десятокъ водевилей все-таки если и не обогатили, то умножили нашъ репертуаръ. Изъ этого вы можете заключить, что каждое отдѣленіе нашего театра заслуживаетъ особенной статьи, которыя и послужатъ такъ-сказать, введеніемъ, въ еженедѣльную нашу драматургію, которая до окончанія театральнаго сезона будетъ идти неразрывно. Остается упомянуть о Русской Оперѣ. Кромѣ того, что мы слушали легкую оперу г. Бернарда съ удовольствіемъ; и старыя любимицы публики даются изрѣдка, а публика все-таки еще довольна. Признаемся, и мы принадлежимъ къ этой публикѣ; съ нетерпѣніемъ всегда ожидаемъ субботней афиши. Что будетъ въ воскресенье на Большомъ театрѣ: не Жизнь ли за Царя, не Русланъ ли и Людмила, не Фрейшицъ или Робертъ? Право, эти оперы доставляли намъ такъ много удовольствія, что мы готовы ходить изъ одной благодарности слушать нашихъ заслуженныхъ артистовъ.

На прошедшей недѣлѣ было на Большомъ театрѣ представленіе въ пользу нашего любимаго пѣвца. О. А. Петрова. Пріятно было видѣть, что вниманіе, которое артистъ заслужилъ трудомъ и стараніемъ, не уменьшилось. Напротивъ, публика нѣсколько разъ обнаруживала громкими рукоплесканіями и вызовами, что умѣетъ цѣнить истинную заслугу, готова поддерживать отечествен-

ные таланты и не руководствуется судомъ тѣхъ исключительныхъ критиковъ, которые увѣрили себя, будто кромѣ Италіянскаго пѣнія и Французской декламаціи ничего не могутъ слушать. Для этихъ не многихъ, но истинныхъ любителей музыки, для тѣхъ, на комъ основаны прочныя, необманчивыя надежды существованія Русской Оперы, и Русскаго театра вообще, мы сочли нашею обязанностію помѣстить, при этомъ случаѣ портретъ бенефиціанта и увѣрить ихъ, что въ отношеніи къ каждому Русскому таланту Иллюстрація будетъ съ удовольствіемъ исполнять тотъ же долгъ, тѣмъ болѣе, что онъ пріятенъ и утѣшителенъ. Suum quique.

Теперь обратимся къ Французскому театру.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

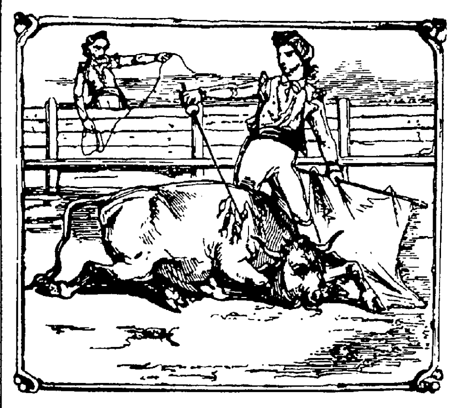
ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ Г-ЖИ АРНУ-ПЛЕССИ.

Грѣхъ сказать, что мы не умѣемъ привѣтствовать знаменитаго артиста, при первомъ его появленіи на нашу сцену; нѣтъ, мы не хуже другихъ хлопаемъ въ ладоши, и даже иногда не разбираемъ, кому. Бывало, мы встрѣчали громкими, неумолкаемыми рукоплесканіями и такихъ артистовъ, которые не вѣдали, откуда и за что имъ такая почесть, — и тогда казалось, что мы это дѣлали потому только, что намъ весело бить въ ладоши, что намъ нравится самый процессъ рукоплесканій. Отчего же, при первомъ появленіи г-жи Арну-Плесси, руки наши поднимались такъ лѣниво, отчего мы ей не захотѣли показать нашего сочувстія аплодисментами?

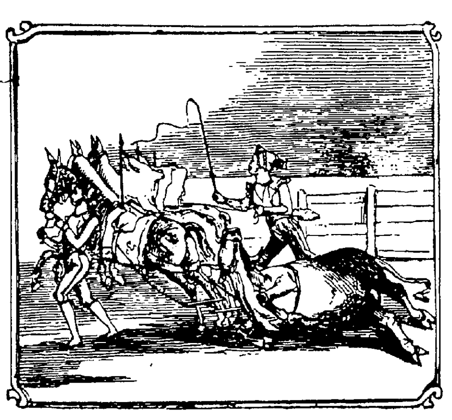
Или мы наконецъ одумались? Или не рѣшились повѣрить на-слово славѣ женщины, которая замѣнила мѣсто безсмертной Марсъ? Или насъ было мало, которые знали, кто она, которые слышали объ имени первой актрисы Франціи? Но въ театрѣ не было мѣста пустаго, но въ ложахъ и креслахъ собралась наша лучшая публика, именно та публика, которой имя г-жи Плесси давно знакомо. Или эта женщина, молодая и прекрасная, полная жизни и таланта, не стоила нашего теплаго привѣта, она, которая для насъ оставила блистательнѣйшую сцену Европы, для насъ пожертвовала славой своего имени и удивленіемъ цѣлой Франціи? Или она не заслуживала этой встрѣчи, бѣдная, прекрасная женщина, которую въ эту минуту за насъ бранятъ и упрекаютъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ ожесточеннаго Парижа?

Тѣмъ болѣе чести для нея, что она съ первыхъ словъ, съ первой сцены умѣла побѣдить наше равнодушіе своей высокой и благородной игрой. И что же мы видѣли? чему же мы удивлялись въ этой игрѣ, чему аплодировали съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ, когда, наконецъ упала съ насъ эта странная ледяная кора? что поразило насъ? Не безумные крики, не отчаянныя тѣлодвиженія, нефигярные скачки съ одного конца сцены на другой, которые когда-то, въ игрѣ г-жи Альберъ принимались нѣкоторыми наивными поклонниками ея таланта за высочайшее выраженіе драматическихъ страстей; не дикія гримасы, не коверканье лица, не закатыванье глазъ, что иные изъ насъ величаютъ почетнымъ именемъ *мимики*.

Читатели наши знаютъ эту умную комедію Скриба Le verre d'eau; стало быть: намъ не для чего разсказывать ея содержаніе. Главная сила ея не въ ультро-романтическихъ ситуаціяхъ, не въ отчаянныхъ движеніяхъ страстей, а въ тонкости придворной интриги, въ аристократическомъ тонѣ разговора, въ выраженіи каждаго слова и каждаго намека. Здѣсь каждая роль — задача артиста, потому что онъ не можетъ прибѣгать къ тѣмъ громкимъ и дешевымъ эффектамъ, которые дѣйствуютъ на массу; онъ долженъ разсчитывать на каждое слово, на каждый оттѣнокъ своей роли, и не выходить изъ нея, не забывать ни на минуту, ни своего имени, ни своего характера. А здѣсь имена все такія громкія, что не всякому съ руки быть ихъ представителемъ, и въ этомъ отношеніи игра г-жи Арну-Плесси поразила насъ своимъ высокимъ искуствомъ. Тутъ мы видѣли и королеву и женщину, которая скучаетъ подъ бременемъ своихъ тяжелыхъ обязанностей; женщину, не рѣшительную и слабую, но добрую и чувствительную. Эти благородныя движенія, эти аристократическіе пріемы сдѣлали ее достойной представительницей той роли, которую она занимала; и это умѣнье давать каждому слову настоящій вѣсъ и значеніе, выразить взглядомъ, ударсніемъ, паузой и самый маленькій оттѣнокъ каждаго положенія, изобличали великаго артиста, который не на обумъ разъигрываетъ свои роли, но изучаетъ ихъ съ любовью и искуствомъ и передаетъ ихъ такъ, а не иначе, по глубокому артистическому соображенію. Для того чтобы оцѣнить вполнѣ эту благородную игру, нужно бы выписать каждую отдѣльную фразу и умѣть высказать осязательнымъ образомъ, какое выраженіе, какую интонацію она ей давала; но мы отказываемся отъ подобнаго опредѣленія ея игры, потому что у насъ не станетъ на это ни словъ ни умѣнья. Эта высокая и благородная игра оживляла всю нашу публику; вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца; намъ, кажется, хотѣлось загладить равнодушіе нашего пріема.



Быкъ — трусъ.



Побѣда.

Бой съ флагомъ.

Г-нъ Алланъ занималъ въ этой піесѣ роль Болинброка; но не смотря на наше уваженіе къ этому даровитому артисту, мы должны сказать, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ; мы не видали въ немъ ни хитраго придворнаго, ни благороднаго аристократа; впрочемъ, роль эта принадлежитъ Брессану, который именно пользуется тѣми качествами, которыя составляютъ необходимыя условія этого характера. Но какъ г-нъ Алланъ взялъ на себя только временное исполненіе этой роли, за отсутствіемъ Брессана, то мы должны благодарить его и за это снисхожденіе. Объ игрѣ г-жи Алланъ мы должны сказать то же самое, что говорили объ игрѣ ея мужа. Публика встрѣтила ее громкими и вполнѣ заслуженными рукоплесканіями; но г-жа Алланъ, въ благодарность ли за этотъ пріемъ, или въ ожиданіи новой, молодой и блистательной актрисы, кажется, ужъ *слишкомъ много* старалась, а потому и перехитрила. Г-жа Александръ-Мейеръ была, по обыкновенію, мила и граціозна, роль свою она съиграла просто и безъ всякой претензіи.

Вслѣдъ за комедіей Скриба давали піесу, тоже давно уже извѣстную публикѣ, подъ именемъ Faute de [illegible]ndre. Тутъ мы увидѣли г-жу Арну-Плес[illegible] и молоденькой и наивной дѣвушки, своенравной и избалованной, въ которой всѣ маленькія волненія души мѣняются съ необыкновенною быстротою. И опять мы удивлялись и восхищались ея свободной, непринужденной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благородной и высокой игрой, ея граціозными движеніями, ея умѣнью говорить и произносить самыя простыя слова, самую обыкновенную фразу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отдали и полную справедливость тому удивительному искуству, тому гибкому таланту, съ какимъ она умѣла въ одинъ и тотъ же вечеръ отдѣлить и обрисовать двѣ такія противоположныя роли. И если бы насъ спросили, какую изъ этихъ ролей она лучше съиграла, мы бы то же сказали въ простотѣ сердечной: обѣ лучше.

По окончаніи спектакля, знаменитую артистку вызывали нѣсколько разъ сряду съ необыкновеннымъ и вполнѣ заслуженнымъ восторгомъ; цвѣты и букеты посыпались изъ ложъ и креселъ и мы до сихъ поръ не понимаемъ, откуда взялось ихъ такое множество, потому что, судя по первому пріему, кажется никакихъ предварительныхъ приготовленій быть немогло. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ представленій и непремѣнно подѣлимся съ нашими читателями тѣми высокими впечатлѣніями, которыя производитъ на насъ эта прекрасная и благородная артистка.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Полезныя открытія. Г. Делакроа представилъ въ Парижскую Академію Наукъ донесеніе объ измѣненіи, придуманномъ имъ въ способѣ, обыкновенно употребляемомъ для воспроизведенія растеній черенками. Опуставъ, какъ то обыкновенно дѣлается, обрѣзанную вѣтку въ маленькій сосудъ, наполненный водою, онъ съ помощію нитки плотно сжимаетъ кору въ части, находящейся внѣ сосуда; потомъ онъ зарываетъ вѣтку въ землю такимъ образомъ, чтобы сжатая частица находилась на нѣсколько линій надъ поверхностью земли. Въ этой точкѣ, вслѣдствіе скопленія спускающагося сока образуется нѣкотораго рода опухоль, изъ которой вскорѣ выходятъ отростки, опускающіеся въ землю. Но, смотря потому произведена ли перевязка на отросткѣ настоящаго года или на части коры, принадлежащей къ отростку прошедшаго года, и результаты

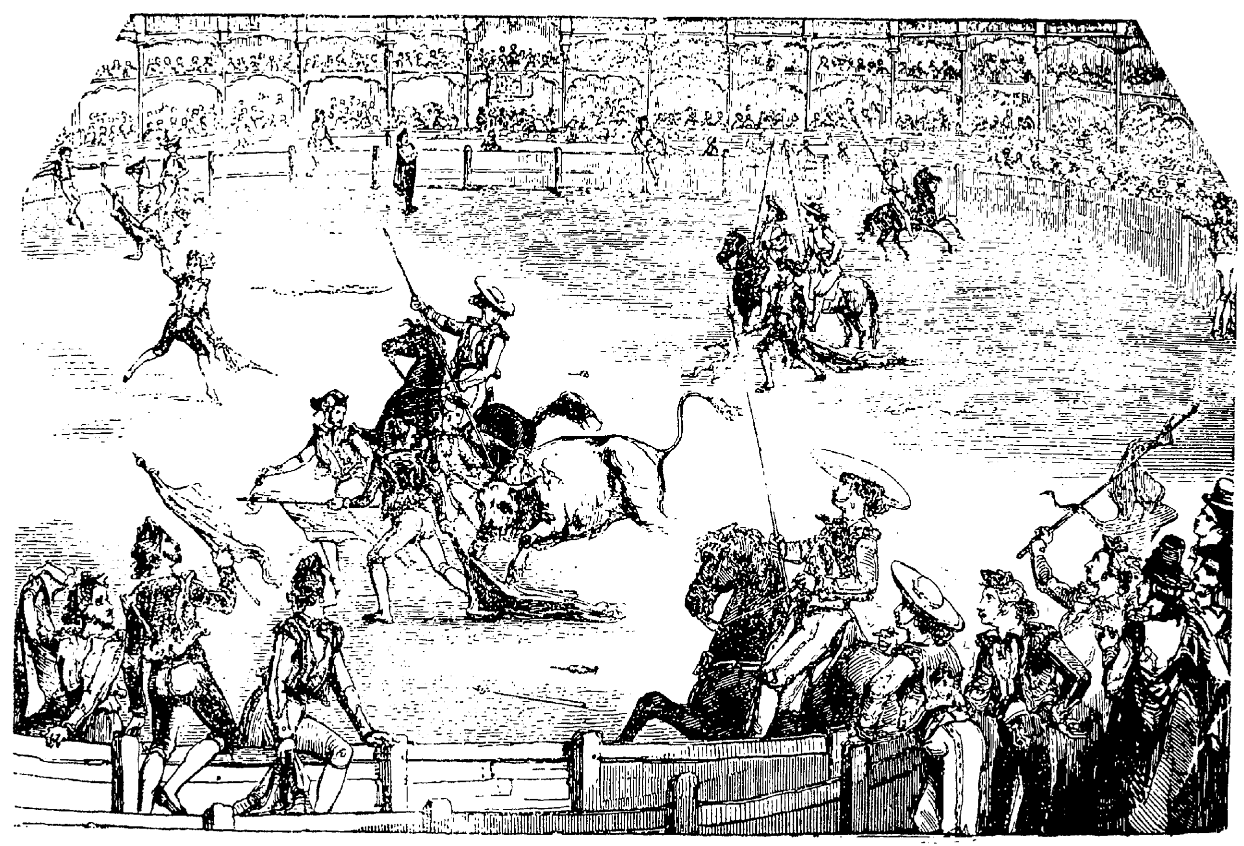
бываютъ различны: въ первомъ случаѣ черенокъ сначала сильный, перестаетъ вскорѣ расти и совершенно засыхаетъ; въ послѣднемъ растительность начинается весьма слабо, вяло, но по прошествіи нѣсколькихъ дней оживляется и развивается съ большею силою.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы извѣщали объ изобрѣтеніи перемѣннаго руля господиномъ Фукомъ. Мы сообщали и рѣшеніе комитета работъ при морскомъ министерствѣ, а именно то, что морской министръ приказалъ испытать этотъ руль на корветтѣ или *шлюпъ*, какъ нѣкоторые говорятъ, хотя и то и другое слово не русское и равно употребляются. Мѣстомъ производства опытовъ была назначена Тулонская гавань. Прибывъ туда, г. Фукъ каждый день встрѣчалъ новыя препятствія; наконецъ, послѣ долгой борьбы, не желая долѣе терять напрасно времени и убѣжденный въ пользѣ своего изобрѣтенія, воротился въ Парижъ съ намѣреніемъ снова обратиться къ министру и твердо рѣшившись уѣхать въ Лондонъ, предложить свое открытіе тамошнему адмиралтейству, если министръ не захочетъ или не будетъ умѣть заставить уважить приказаній, имъ же данныхъ.

Иностранные театры. Въ Парижѣ, на театрѣ, «La Gaieté» производитъ furore новая мелодрама театральнаго поставщика г. Бушарди. Мелодрама эта называется «Сестра погонщика лошаковъ.» Что сказать объ ней? Въ какую дверь вступить въ этотъ лабиринтъ и потомъ, съ помощію какой нити выдти изъ него? Эта сестра погонщика также сестра господъ Гаспардо и Лазаря. Очень хорошо — что же дальше? Извольте прислушать: въ первомъ дѣйствіи ее (сестру погонщика муловъ) бросаютъ въ воду и спасаютъ. Во второмъ — отравляютъ и разотравляютъ. Въ третьемъ — вѣшаютъ; веревка рвется. Въ четвертомъ — бросаютъ въ огонь, но проливной дождь спасаетъ ее. Страшно! Но за что же ее такъ ужасно мучаютъ, эту бѣдную сестру? За то — между нами будь сказано — что, извольте видѣть, того требуетъ политика! Вотъ что-съ!.. Удивительныя вещи бываютъ на свѣтѣ — виноватъ, въ мелодрамахъ.

Кромѣ сего, иностранные театры обстоятъ благополучно.

Ушеніе за коня.


Бой съ быками.

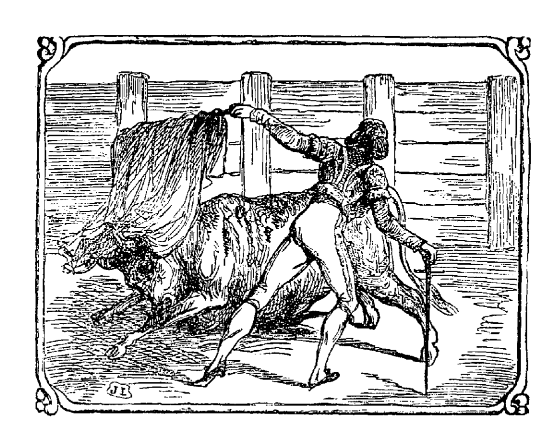
Разныя извѣстія. Въ Каирѣ теперь устроиваются великолѣпныя празднества по случаю бракосочетанія дочери вице-короля съ Кіамиль-Пашой. Ибрагима Пашу тоже ожидаютъ туда со дня на день. [illegible] отличающейся по пре-

красному мѣстоположенію, дѣлаютъ величайшія приготовленія. Цитадель лежитъ на вершинѣ холма и господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ; съ одной стороны видны въ отдаленіи пирамиды и Нилъ, а съ другой прекрасные сады. Г-жа Барро-Бенедеттъ и многія другія европейскія дамы приглашены на бракосочетаніе. Празднества въ гаремѣ будутъ продолжаться, по-крайней-мѣрѣ, недѣлю и во все это время европейскія дамы будутъ заключены въ немъ, не имѣя никакихъ сношеній даже со своими мужьями. — Съ нѣкоторыхъ поръ разливы Нила были весьма благодѣтельны; была надежда, что онъ будетъ таковъ же и въ нынѣшнемъ году, но вмѣсто того, чтобы достигнуть обыкновеной высоты въ 21—22 фута, вода достигла только вышины въ 20 футовъ, а потому она покрываетъ Нижній Египетъ, но весьма недостаточнымъ образомъ орошаетъ Верхній, отчего жатвы могутъ значительно пострадать. Правительство обратило вниманіе на это обстоятельство и послало приказанія ко всѣмъ губернаторамъ, собрать справки о количествѣ имѣющагося провіанта; если оно окажется незначительнымъ, то правительство воспретитъ вывозъ его.

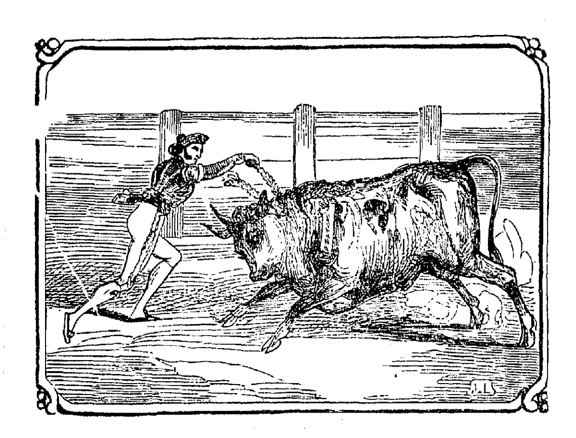
— Копенгагенскія газеты извѣщаютъ слѣдующее объ изверженіи Геклы :

«Въ ночь на 2-ое сентября послышался страшный подземный грохотъ, поразившій всѣхъ жителей ужасомъ. Этотъ грохотъ продолжался безпрерывно до полудня 2-го сентября; тогда въ горѣ съ ужаснымъ трескомъ образовались щели и изъ нихъ хлынуло пламя. Прежнія изверженія обыкновенно происходили изъ самой вершины (въ Геклѣ по настоящему нѣтъ совсѣмъ кратера); но въ этотъ разъ пламенныя рѣки полились изъ боковъ горы. Частныя письма изъ Рейкьявика, отъ 15-го октября сообщаютъ, что до сихъ поръ изверженіе не произвело особеннаго опустошенія въ окрестностяхъ, такъ какъ разсѣлины, изъ которыхъ стремятся огненныя массы, находятся, по счастію, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ горы, но сосѣдству съ которой находятся однѣ безплодныя пустыни. Кромѣ того вѣтеръ, безпрестанно дувшій съ юга и юго-востока, нагналъ къ сѣверу золу и пемзу, которую во множествѣ извергала гора. Въ парахъ и дымѣ не видно было вершины горы. Нѣкоторыя стада, пасшіяся на равнинѣ сгорѣли. Вода въ сосѣднихъ рѣкахъ до того нагрѣлась, что форели выскакивали на берегъ или всплывали мертвыя. Хотя лава и зола летѣли къ сѣверу, однакожъ даже 11-го сентября сѣверные жители, а 15-го и сѣверо-восточные ничего не знали объ изверженіи. ни замѣтили только весьма легкое землетрясеніе. Въ восточной же сторонѣ явственно слышали грохотъ и ревъ, сопровождавшій изверженіе, но его приняли за отдаленный громъ.»

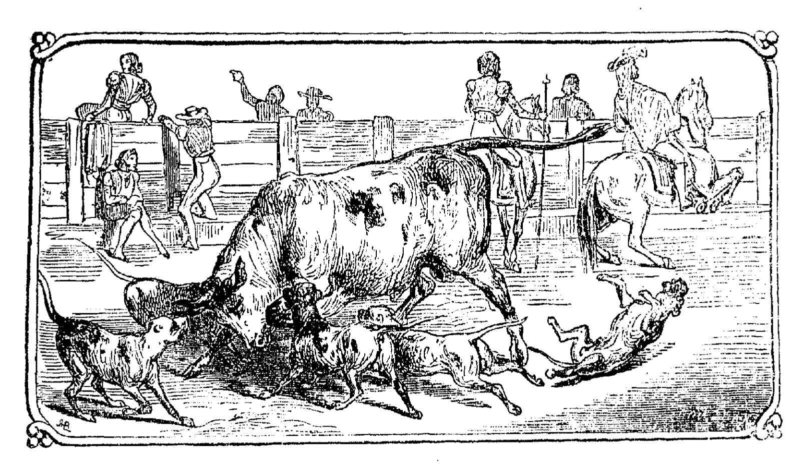
— Въ Мадритѣ не давно былъ бой быковъ, на которомъ погибъ молодой неустрашимый Хуанъ де Вальдивіеро, принадлежащій къ знатной фамиліи и любителемъ выступившій на арену. Хуанъ де Вальдивіеро служилъ въ послѣдніе два года въ Алжирской арміи, гдѣ онъ, какъ говорятъ, тщетно искалъ смерти. Наконецъ онъ встрѣтилъ ее на аренѣ въ любимомъ игрищѣ Испанцевъ. Говорятъ, что несчастная любовь заставила Хуана искать смерти и — онъ умеръ при неистовыхъ рукоплесканіяхъ тысячи зрителей. Впрочемъ это уже не первый случай подобнаго рода. Вельможи испанскіе, подобно древнимъ Римлянамъ, часто выходятъ на арену, соперничествовать въ ловкости и смѣлости съ торреадорами и оспаривать у нихъ рукоплесканія публики. Членъ одной изъ знатнѣйшихъ Португальскихъ фамилій недавно погибъ подъ рогами быка; этотъ знаменитой торреадоръ только что перескочилъ черезъ быка, какъ послѣдній скоро оборотился, боднулъ его сзади и убилъ на мѣстѣ. Во время нашествія Французовъ на Испанію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ изъ начальниковъ Французской арміи захотѣлъ также сразиться съ быками; его сила, ловкость и храбрость доставили ему честь быть причисленнымъ къ любимѣйшимъ торреадоромъ испанской публики: честь не маловажную и высоко-цѣнимую въ Испаніи. Непонятно, какъ испанцы, народъ благородный и вовсе не жестокій отъ природы, могутъ быть такъ страстно привязаны къ этимъ игрищамъ, сопровождаемымъ пролитіемъ крови людей и животныхъ. Бой съ быками, столько же любопытенъ въ своихъ подробностяхъ и столько же замѣчателенъ, какъ черта народнаго характера, какъ побоища гладіаторовъ и дикихъ звѣрей, боровшихся въ циркахъ древнихъ римскихъ городовъ. Хотя побоища быковъ, также какъ игры



Бой съ флагомъ



Безоружный Торреадоръ.



Бой съ собаками.

Римлянъ, причислены къ увеселеніямъ простаго народа, однакожъ всѣ Испанцы бѣгутъ смотрѣть на нихъ; каждое сословіе имѣетъ своихъ представителей на скамьяхъ амфитеатра, наполненнаго даже знатнѣйшими женщинами. Эти побоища подчинены извѣстнымъ законамъ, извѣстнымъ правиламъ; *торреадоры* или противники быковъ бываютъ конные или пѣшіе, вооруженные или невооруженные. Въ первомъ случаѣ нѣсколько всадниковъ, вооруженныхъ копьями, на подобіе уланскихъ пикъ, выстраиваются въ одну линію, одинъ за другимъ, на пятьдесятъ шаговъ разстоянія, устремивъ взоры на дверь, находящуюся на противуположномъ концѣ мѣста битвы. Эта дверь ведетъ къ нѣкотораго роду стойламъ, въ которыхъ содержатся быки. Когда всадники займутъ свои мѣста, то сторожа быковъ колютъ ихъ желѣзными иглами, чтобы привесть ихъ въ бѣшенство и вскорѣ ревъ, причиненный болью и вмѣстѣ яростью, даетъ знать зрителямъ, что минута, столь нетерпѣливо ожидаемая, приближается.

Дверь отворяется и на арену выходитъ быкъ. Онъ съ яростію вырывается изъ стойла. При видѣ всадника, неподвижно его ожидающаго, онъ останавливается, какъ бы довольный тѣмъ, что находитъ, на комъ отомстить претерпѣнныя страданія; быкъ роетъ землю передними копытами, изрѣдка, отрывисто, дико вскрикиваетъ, потомъ вдругъ, съ ужасающею быстротою, бросается на своего противника. Тотъ неустрашимо ожидаетъ его.

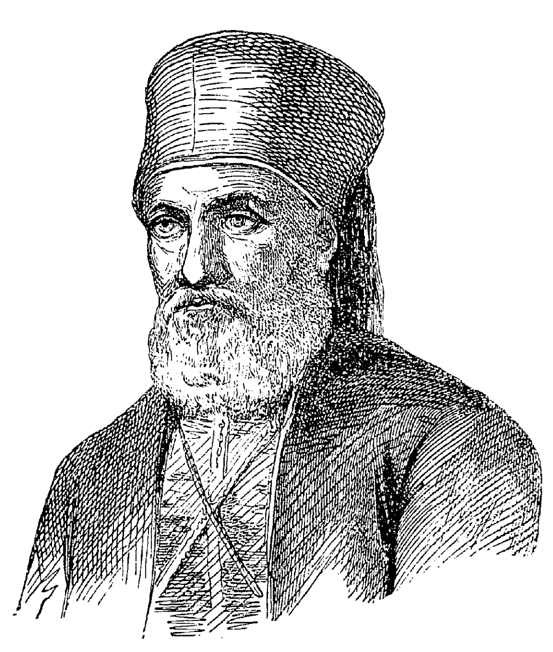
Въ то самое мгновеніе когда быкъ, приближаясь къ своему сопернику, наклоняетъ голову, чтобы боднуть его, всадникъ отскакиваетъ съ лошадью въ сторону, пускаетъ ее въ галопъ и разламываетъ пику, вонзая ее въ шею быка. Еще болѣе разъяренный полученной раной, быкъ вскорѣ встрѣчается лицомъ къ лицу со вторымъ всадникомъ и бросается на него. Этотъ поступаетъ также, какъ и первый; несчастное животное получаетъ новый ударъ и съ большею еще яростію бросается на третьяго своего противника. Этотъ не ровный бой продолжается до тѣхъ поръ, пока быкъ, изнуренный злобой, болью и потерею крови, падаетъ на мѣстѣ.

Иногда, однако же, встрѣчи его со всадниками имѣютъ другую развязку. Если всадникъ не много оплошаетъ въ критическую минуту, то лошадь его, пораженная рогами быка, падаетъ; тогда, чтобы избѣгнуть стыда и безчестія, торреадоръ, выбитый изъ сѣдла, долженъ пѣшій и со шпагою въ рукѣ сражаться съ быкомъ, и отомстить за смерть своего коня. Во все время этого боя зрители, отъ вниманія которыхъ не ускользаетъ ни одно движеніе сражающихся, судятъ съ величайшимъ безпристрастіемъ, аплодируя то быку, то торреадору и крича: браво, быкъ! или: браво, всадникъ! съ одинакимъ восторгомъ.

Когда же торреадоры сражаются пѣшіе, то бой кажется болѣе равнымъ, потому что одинъ человѣкъ выходитъ на арену, чтобы помѣряться ловкостью и силой съ быкомъ. Торреадоръ тогда бываетъ вооруженъ шпагой и держитъ въ лѣвой рукѣ шестъ, къ которому привязанъ маленькій красный флагъ; онъ также становится напротивъ дверей. Лишь только разъяренный быкъ завидитъ красный флагъ, развѣвающійся предъ его глазами, какъ увлеченный природной антипатіей своей ко всѣмъ яркимъ цвѣтамъ, бросается не на человѣка, но на флагъ, который торреадоръ держитъ нѣсколько въ сторону. Еслибъ торреадоръ захотѣлъ, то могъ бы въ ту же минуту окончить бой, вонзивъ шпагу свою въ горло животнаго, но чтобъ показать, что онъ не страшится его, онъ удерживается, показывая, однако же, всякій разъ, что онъ могъ бы убить быка. Смертельный же ударъ онъ наноситъ утомившись самъ и утомивъ быка. Иногда торреадоръ, недовольствуясь опасностію, которой подвергается во время нападеній быка на флагъ, упираетъ одну ногу между рогами въ голову быка, когда тотъ ее наклоняетъ и перескакиваетъ черезъ него, къ величайшему удовольствію зрителей. Часто быкъ, какъ бы самъ забавляясь этой игрой, продолжаетъ бросаться на флагъ, но случается и то, что быки, болѣе смирные или смышленые, понимаютъ, что ихъ дразнятъ и перестаютъ напрасно нападать на развѣвающійся флагъ. Ни крики, ни горькія насмѣшки зрителей, ни оскорбительныя названія, сыпящіяся на быка со всѣхъ ступеней амфитеатра, ни удары торреадора не могутъ расшевелить мирнаго расположенія духа бѣднаго животнаго, спокойно прохаживающагося по аренѣ; но этимъ самымъ онъ рѣшаетъ свою участь. Когда публика замѣчаетъ, что всѣ старанія ея возбудить храбрость быка напрасны, то, раздосадованная, она произноситъ приговоръ его и со всѣхъ сторонъ раздаются крики на смерть! на смерть! Приговоръ тотчасъ же приводится въ исполненіе: торреадоръ, почтительно поклонившись зрителямъ, вонзаетъ шпагу по эфесъ въ горло быка, по тѣлу котораго пробѣгаетъ легкая дрожь... онъ остается еще минуту на ногахъ и, наконецъ, упадаетъ мертвый на землю.

Когда торреадоры должны сражаться невооруженные, то ихъ бываетъ не менѣе двѣнадцати и всѣ они бросаются на быка, аттакуя его спереди, сзади и съ боковъ. Они однакоже довольно долго должны бѣгать отъ быка, пока не найдутъ удобной минуты напасть на него: тогда они бросаются на него со всѣхъ сторонъ, схватываютъ его за ноги, за хвостъ, за рога, и наконецъ соединенными силами опрокидываютъ. Но рѣдко проходитъ безъ того, чтобы нѣкоторые изъ нападающихъ не получили ранъ, и даже часто быкъ отомщаетъ побѣду непріятелей смертію одного изъ нихъ.

За трагедіей слѣдуетъ водевиль: бой въ кото-



Ибрагимъ-Паша.

Мехмедъ-Али.

ромъ одинъ торреадоръ долженъ сражаться съ быкомъ пѣшъ, вмѣсто всякаго оружія, одну бочку, которая служитъ ему убѣжищемъ. Онъ прячется въ нее при приближеніи быка, который ударяетъ въ нее рогами, подымаетъ ее на рога, бросаетъ вверхъ или катитъ передъ собою. Ударъ шпагой въ сердце животнаго оканчиваетъ эту игру, когда она надоѣдаетъ зрителямъ.

Иногда къ рогамъ быка, къ самому острому концу ихъ прицѣпляютъ деревянные шары, а въ рукахъ у торреадоровъ пики и шпаги съ тупыми концами. Они совершенно довольны только тогда, когда должна пролиться кровь, когда штукъ двадцать быковъ должны быть убиты и когда есть надежда, что нѣсколько торреадоровъ останутся на мѣстѣ. Въ эти торжественные случаи ни одно мѣсто въ амфитеатрѣ не остается незанятымъ и бой быковъ служитъ предметомъ разговоровъ для всего города.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

МОГИЛА.

Надъ одинокою могилой
Верба зеленая стоитъ;
Подъ той вербою старецъ хилый
Съ малюткой-внучкою сидитъ.

Поетъ рѣзвушка надъ могилой —
Въ лицѣ горитъ огонь живой;
Вздыхаетъ молча старецъ хилый,
Качая грустно головой.

— О чемъ ты, дѣдушка, вздыхаешь?
Спросила внучка у него:
Въ могилѣ этой — вѣдь ты знаешь —
Намъ нѣтъ роднаго никого.

«Въ могилѣ этой нѣтъ роднаго;
Сама могила мнѣ родня,
И каждый часъ она готова
Принять въ объятія меня.»

И онъ прибавилъ втихомолку:
«Родня могила и тебѣ, —
И эту русую головку
Когда-нибудь возьметъ себѣ.

К. Картамышевъ.

=

ПРИЗРАКИ.

Есть люди въ памяти моей,
Которыхъ видѣлъ я когда-то,
Судьба меня и тѣхъ людей
Ничѣмъ не связывала свято.
Любви не могъ я ждать отъ нихъ,
Боятся ихъ едва ли можно.
Труда не стоитъ помнить ихъ,
А позабыть ихъ не возможно.

С. Дуровъ.

ПЕРЕПИСКА.

Въ Редакцію поступила статья подъ заглавіемъ: Путешествіе по чужимъ изданіямъ; по содержанію принадлежитъ къ перепискѣ и ниже слѣдуетъ:

Путешествіе по чужимъ изданіямъ.

На дняхъ, все съ тою же газетой, случилось истинное несчастіе: у нея пивоваръ упалъ въ котелъ и не потонулъ, а «задохся,» отъ разныхъ причинъ, и между прочимъ также отъ «давленія воздуха.» Это уже точно несчастіе, и иначе выразиться нельзя; единственный случай въ своемъ родѣ: всѣхъ насъ душитъ и давитъ атмосфера наша, всею тяжестію своею, и мы не задыхаемся; а тутъ— какъ нарочно, она бѣднаго пивовара задавила. Случай во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный—«задохся» отъ «давленія!»—Во первыхъ, давленіе можетъ только задавить; а во вторыхъ, давленіе воздуха въ котлѣ тоже, что и надъ котломъ и подлѣ котла и подъ котломъ... Это истинное несчастіе!

Но бѣда, точно, не по лѣсу ходитъ, а по людямъ; а пойдетъ бѣда—растворяй ворота! По этому та же самая газета открыла, на бѣду свою, такую серебряную руду, которая даетъ «съ фунта 36-ть лотовъ серебра...» Да, эта руда богатѣйшая въ мірѣ, безъ всякаго сомнѣнія, потому что вы вѣроятно еще видомъ не видали, слыхомъ не слыхали о фунтѣ, въ которомъ, за исключеніемъ не менѣе вѣсомыхъ землянистыхъ и другихъ частей, одного серебра «36-ть лотъ!» Укладистъ былъ, покойникъ, этотъ фунтъ—нечего сказать!

Въ No 228-мъ Полицейскихъ Вѣдомостей, одинъ Саратовецъ потрудился сдѣлать полезное и добросовѣстное изысканіе, о степени справедливости замѣчанія, что погоду можно предсказывать, судя по направленію вѣтра 30-го Марта и 12-го Сентября н. ст. Въ концѣ статьи сказано: «И такъ, изъ пятилѣтнихъ наблюденій въ нашемъ климатѣ, одно только въ 1842 году не оправдываетъ правила метеорологовъ англійскихъ.» Одинъ профессоръ физики сталъ показывать и объяснять извѣстное орудіе, водяной таранъ. Объяснивъ все и пустивъ его въ ходъ, профессоръ къ удивленію своему видитъ, что вода не бѣжитъ. Отчего бы это? Слушателей много, совѣстно стать предъ ними въ пень — и профессоръ мой пустился въ предлинныя объясненія, о вліяніи погоды на дѣйствія тарана и отправился было взглянуть на барометръ, который-де вѣрно опустился. Но прислужникъ остановилъ его преспокойно замѣчаніемъ, что онъ «еще и не наливалъ воды въ таранъ,» а по этому она и не можетъ подняться. Тоже случилось съ Саратовскимъ наблюдателемъ: 30-го Марта и 12-го Сентября н. ст., онъ перекладываетъ на наше счисленіе не такъ какъ люди дѣлаютъ, вычтя по 12-ти дней,—а онъ «прибавляетъ» еще по 12-ти дней, удалившись такимъ образомъ отъ того дня, на которомъ должно быть основано наблюденіе, почти на цѣлый мѣсяцъ — на 24 дня!..

Впрочемъ, это ничего; благо расчетъ вышелъ вѣренъ и наблюденія подтверждаются на дѣлѣ. Одинъ только 42-й годъ не много заупрямился. Можетъ быть это былъ годъ необыкновенный.

Г. Русопяту. Если бы вашего «Батрака» маленько почистить отъ нѣкоторыхъ не ловкихъ для Иллюстраціи словъ, то мы бы помѣстили его съ удовольствіемъ. Содержаніе забавно.

Г. Д. Г. Р. Право хорошо. Да небрежность портитъ и хорошее.

Г. Д. А. Также хорошо. Но побольше отдѣлки.

Г. А. В—скому на письмо отъ 7-го Октября. Многія изъ вашихъ обязательныхъ сожалѣній справедливы. За сообщеніе — благодаримъ. Очень было бы намъ пріятно, если бы ваше желаніе исполнилось, а это не такъ трудно какъ вамъ кажется. Сообщайте не обработанные матеріалы; очерки всего достопримѣчательнаго, по вашему мнѣнію; остальное лежитъ на обязанности нашей.

Г. Н. П. К. Псковской губерніи въ г. Холмъ. Будетъ помѣщено.

Г. Л. д. л. Г... Вашъ «Отвѣтъ» будетъ помѣщенъ, коль скоро откроется для него мѣсто; потому что въ Иллюстраціи въ этомъ отдѣленіи — давка. Не знаешь какъ удовлетворить всѣмъ, и потому заводимъ очередь.

Г. Картамышеву въ Одессу. Будутъ помѣщены.

Н. Ѳ. Антипину. — Муза ваша очень хороша и поставлена по выше объявленному правилу на очередь. Не сердитесь что мы не позволяемъ себѣ исключеній.

Г. Мих. Михайлову: поступили на очередь.

Г. Н. П—ову. Странно если думаете, что Иллюстрація увлекается духомъ личности, и потому только, что творецъ всякой всячины съ приличною ему горячностью нападаетъ на нашихъ наборщиковъ, мы уже готовы помѣстить все, чѣмъ только раздраженное самолюбіе авторовъ желаетъ поразить творца всякой всячины. Такимъ образомъ пожалуй еще творецъ всякой всячины разсердится и перестанетъ писать объ Иллюстраціи; остановится подписка; съ тѣхъ поръ, какъ послѣ каникулъ всякая всячина вооружилась противу Иллюстраціи, прибавилось сто пятьдесятъ подписчиковъ. Это фактъ, а не шутка! Такъ неужели вы хотите разссорить насъ со всякой всячиной? — Что мы вамъ сдѣлали такого? Чѣмъ обидѣли? Извините!

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

На французскомъ Театрѣ идутъ дебюты г-жи Арну-Плесси. На нѣмецкомъ дебюты г-жи Новакъ и г-на Левенберга. На русскомъ на будущей недѣлѣ въ бенефисъ г-на Григорьева б. пойдутъ водевили: 1) Букетъ или Петербургское цвѣтобѣсіе, сочиненіе одного изъ любимѣйшихъ нынѣ писателей въ юмористическомъ родѣ. Это первый его драматическій

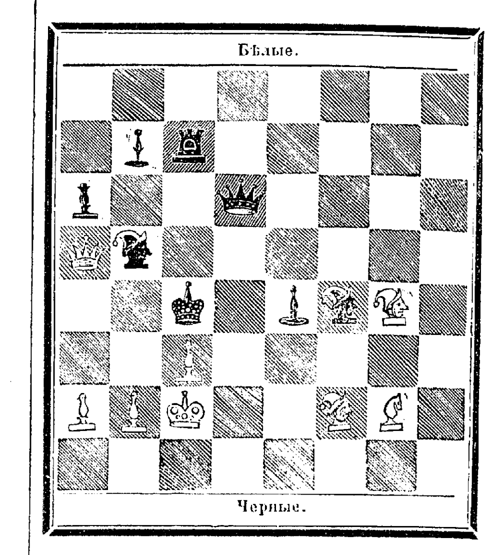
опытъ. 2) Смѣхъ и горе съ домашнимъ Театромъ и 3) Мужъ! достань мнѣ собачку! —

Г. Сальви уже оправился послѣ болѣзни и вчера пѣлъ въ оперѣ Elisir d'amore, партію Неморино. На слѣдующей недѣлѣ пойдетъ опера Верди I Lombardi (г-жа Молтини, гг. Тамбурини и Сальви). Опера, какъ мы слышали обставлена великолѣпно; много новыхъ декорацій; изъ нихъ съ особенною похвалою отзываются о двухъ, представляющихъ виды Іерусалима.

=

ЗАДАЧА № 29.

Бѣлые даютъ матъ въ три хода.



=

РАЗГАДКА № 28.

1) Часъ. — То. — Те сами падаютъ. — Котъ. — орые въ Ы. — сокъ. — осмотръ — ягъ.

2) Часто тѣ сами падаютъ, которые высоко смотрятъ.

=

ВѢНСКАЯ КАРЕТА.

Скоро въ экипажахъ и домахъ совершенно оставятъ эстетику; а будутъ думать объ одномъ только удобствѣ. Чѣмъ отличается въ наружномъ видѣ прилагаемая вѣнская карета отъ нашихъ древнихъ колымагъ?.. право изящества не больше, но за то необыкновенное удобство весьма много способствуетъ распространенію этихъ экипажей.

ИГРЫ.

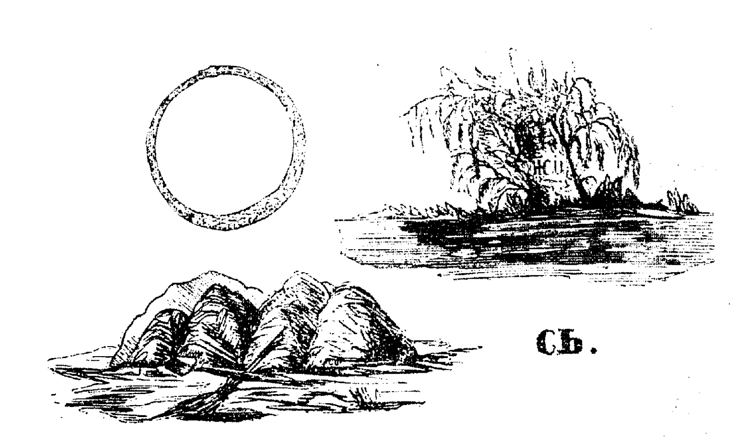
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 27.

Бѣлые.	Черные.
1. Ф. бер. Пѣшку	П. бер. Фер. (лучш. ходъ).
2. П. С. Ф. 1 мѣсто.	Ф. б. П. Л. что на 3 м. Л. Кор.
3. Сл. Ф. на 7 м. Коня	Кор. бер. Слона.
4. П. С. Ф. на 8 м. К. (Ф.)	Кор. на прежнее мѣсто.
5. Ф. на 8 м. св. Л. и матъ.	

=

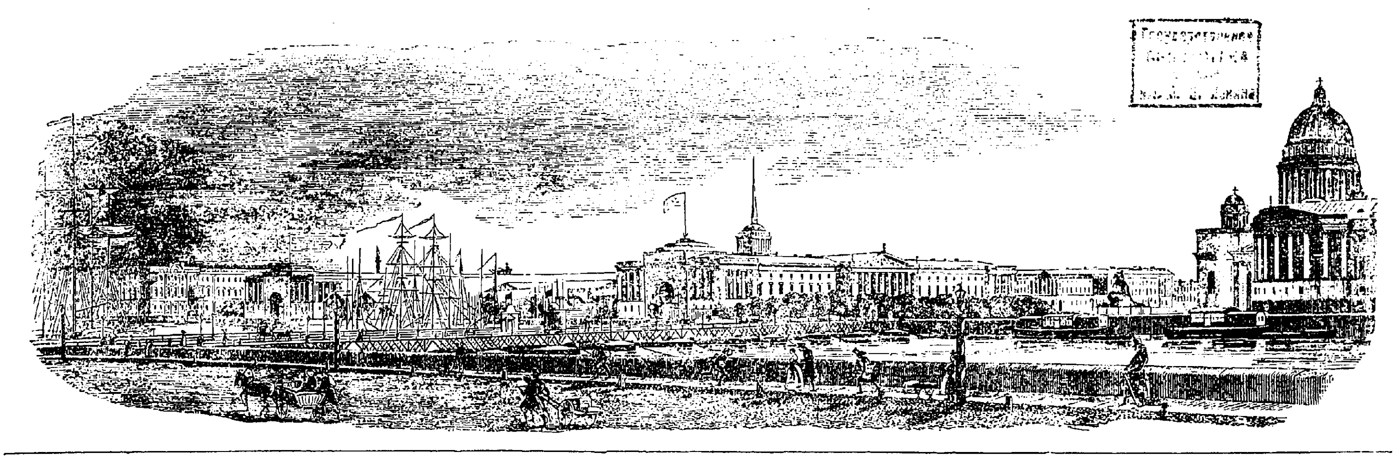
ЗАГАДКА № 29.



Печатать позволяется. С. Петербургъ, Октября 26 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою:	На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.	**Т. I. № 50. — Суббота, 3 Ноября 1845.**	Безъ доставки и пересылки:	На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

КЛАВИ-ОРКЕСТРЪ,

НОВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ,

изобрѣтенный въ Петербургѣ.

Въ прошломъ нумерѣ Иллюстраціи мы только мимоходомъ упомянули объ этомъ чудномъ и могущественномъ инструментѣ, которому навѣрное нѣтъ подобнаго въ мірѣ. Не зная какъ назвать, мы окрестили его Universal Klavier; но теперь, вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, предпочитаемъ дать ему имя клави-оркестръ. Въ самомъ дѣлѣ, это полный оркестръ, который приводится въ дѣйствіе посредствомъ клавитуры. Два даровитые артиста, ученый капельмейстеръ В. М. Кажинскій. и превосходный фортепіанистъ, Ф. Н. Шиллеръ, разъиграли при насъ почти всего Моцартова «Донъ-Жуана», и мы не можемъ высказать эффекта, произведеннаго въ насъ этимъ волшебнымъ инструментомъ, который, спѣшимъ прибавить, созданъ русскимъ умомъ и исполненъ здѣсь подъ руководствомъ изобрѣтателя. Мы слушали съ удивленіемъ и восторгомъ эти чистые, вѣрные, полные, безконечно разнообразные звуки, то сильные какъ громъ, то нѣжные и сладкіе какъ весенній воздухъ; звуки, которыхъ timbre безпрерывно измѣняется по волѣ музыканта, раздаваясь попеременно или вмѣстѣ всѣми извѣстными инструментами оркестра, и не рѣдко представляя изумленному слуху тоны какихъ-то новыхъ, невѣдомыхъ инструментовъ, удивительной пріятности и силы. Замысловатость весьма сложнаго, но вмѣстѣ прочнаго, механизма, посредствомъ котораго всѣ эти перемѣны совершаются подъ пальцами играющаго, не менѣе удивляла насъ, слушателей. Прибавимъ, что инструментъ еще не вполнѣ оконченъ: онъ построенъ необыкновенно скоро, если принять въ соображеніе, сколько нужно было сдѣлать опытовъ, сколько разъ передѣлать сдѣланное, сколько преодолѣть акустическихъ и механическихъ трудностей, чтобы для каждой изъ безчисленныхъ подробностей добиться до желаемаго совершенства въ дѣлѣ, не забудьте, небываломъ, не имѣющемъ образца, не извѣстномъ употребляемымъ работникамъ. Все время постройки, съ опытами, продолжалось не болѣе двадцати шести мѣсяцевъ; но изобрѣтатель, такъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе наслаждаться своимъ созданіемъ, что нѣкоторые весьма интересные регистры, уже совсѣмъ готовые, не поставлены на свои мѣста, для того только, чтобы на прочихъ можно было играть въ день переѣзда семейства его съ дачи въ городъ. Инструментъ будетъ совершенно оконченъ только будущимъ лѣтомъ, когда владѣльцы его снова удалятся на дачу, наигравшись въ теченіе зимы на томъ, что уже приведено въ порядокъ и что само по себѣ производитъ эффектъ богатаго оркестра, оправдывая названіе, выставленное нами въ началѣ этой статьи.

Мы сказали, въ прошломъ нумерѣ, что многіе «инструменты» клави-оркестра превосходнѣе тѣхъ, которымъ они стараются «подражать». Это требуетъ поясненія. Подражанія настоящаго тутъ нѣтъ: почти всѣ инструменты — натуральные, то есть, такіе, на которыхъ играютъ въ оркестрѣ. Кларнеты клави-оркестра — подлинные, неподдѣльные кларнеты, устроенные по формѣ и образцу обыкновенныхъ кларнетовъ. Флейты — подлинныя флейты. Гобои, валторны, трубы, тромбоны, офиклеиды, фаготы, и проч., тоже подлинники, по устройству своему, а не подражанія. Струнные инструменты (контрабасы, віолончели, альто, скрыпки и арфы) играютъ на чистыхъ струнахъ. Но звуки, которые издаются этими различными инструментами, за прижатіемъ клавиша или педали, часто, превосходнѣе звуковъ настоящихъ оркестрныхъ инструментовъ: они, или полнѣе, или мягче или разнообразнѣе. Важнѣе всего то, что каждый регистръ, или рядъ инструментовъ, который въ оркестрахъ всегда имѣетъ только одинъ timbre, здѣсь измѣняетъ свой timbre при помощи педалей по три и по четыре раза, становясь, то рѣзче, то нѣжнѣе, то полнымъ и сильнымъ, то поющимъ и вибрирующимъ. Возьмемъ, напримѣръ, регистръ флейтъ: онъ четыре раза перемѣняетъ свой тембръ: сперва «обыкновенная флейта», отлично-хорошая; потомъ та же флейта съ «поющимъ» страннымъ тембромъ, удивительно сладкимъ, съ переливами и дрожаніями, которыхъ въ подлинной флейтѣ нѣтъ; наконецъ, флейта съ «тенорнымъ фистульнымъ тембромъ, очень звучнымъ, очень поющимъ и вибрирующимъ. Оба «поющіе» тембра флейты позволяютъ дѣлать legatissimo и даютъ хроматическіе гаммы съ такою быстротою, котораго не достигнетъ doigté отличнѣйшаго флейтиста. Изъ этого вы видите, что уже на одномъ этомъ регистрѣ, употребляя поперемѣнно четыре разные тембра, можно очень пріятно инструментировать разъигрываемую піэсу и произвесть удивительный эффектъ. Каждый изъ читателей, хоть нѣсколько знакомый со свойствомъ обыкновенныхъ инструментовъ, конечно замѣтилъ уже въ этомъ описаніи многое несбыточное для обыкновенной флейты и превосходящее всѣ ея средства; но мы сохранили на самый конецъ самое важное обстоятельство: флейты клави-оркестра «дѣлаютъ crescendo,» производятъ «переливы голоса» (portamento), какъ скрыпка, и даютъ баснословное «pianissimo». Объ этомъ на обыкновенной флейтѣ и понятія получить невозможно. Вы знаете, что коренное свойство всякой клавитуры — staccato, болѣе или менѣе рѣзкое. Получить настоящее legato на клавитурѣ почитается величайшею трудностью въ инструментальномъ дѣлѣ: не только фортепіано, но даже и органы, не имѣютъ настоящаго legato. Какимъ образомъ изобрѣтатель клави-оркестра умудрился, чтобы его клавитуры давали не только legato, но legatissimo, и даже переливы звуковъ однихъ въ другіе, съ вибраціями? Это такая задача, передъ которою столбенѣютъ умы инструментальныхъ мастеровъ. Секретъ долженъ, конечно, быть такъ простъ, какъ «желаю вамъ здравствовать», потому что, не однѣ флейты, но вообще регистры клави-оркестра, дѣлаютъ то же самое съ удивительною легкостью, коль скоро играющій знаетъ, какое должно употреблять touché для каждаго случая: но въ простотѣ и сила! Тутъ даже нѣтъ никакого секрета. Если бы мы не боялись утомить читателей множествомъ техническихъ подробностей непонятной для нихъ механики, мы бы взялись сами объяснить имъ его. Но за трудностью объясненія тѣмъ, которые не видѣли клави-оркестра, дѣло покамѣстъ, должно остаться секретомъ. Въ инструментѣ этомъ есть, между прочимъ, еще другой секретъ, отъ котораго у музыкантовъ умъ за разумъ заходитъ, и который заставляетъ васъ смѣяться надъ своей недогадливостью, когда посмотришь какъ дѣло дѣлается. Вообразите: одинъ и тотъ же клавишъ, безъ перемѣны педалей, даетъ вамъ за однимъ пожатіемъ (touché) продолжительный звукъ струннаго инструмента, а за другимъ, нѣсколько различнымъ, pizzicato на той же струнѣ! Вы можете въ одно и то же время играть на віолончели и на арфѣ, ничего не передвигая, и эффектъ этой арфы, которой нижніе звуки имѣютъ силу контрабаснаго pizzicato, превосходитъ всякое описаніе. Понятно ли, напримѣръ чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ могъ, въ одно и то же время играть на флейтѣ и аккомпанировать себѣ на арфѣ?.. или играть на

кларнетѣ и аккомпанировать на арфѣ? Сказать это — парадоксъ, а между тѣмъ мы слышали собственными ушами это чудо. Господинъ Кажинскій и господинъ Шиллеръ играли передъ нами такимъ образомъ, съ несказанною прелестью, одинъ арію Grace, другой прекрасный отрывокъ изъ своей фантазіи на арію Ніобы, Паччини, и оба вмѣстѣ, въ четыре руки, серенаду Донъ-Жуана (арію съ мандолиною), причемъ, въ пѣніи на какомъ-то регистрѣ, всѣхъ поразилъ чудесный баритонный тембръ съ переходами изъ груднаго голоса въ головной, и обратно. Извѣстно, что сказалъ Керубини: «Одна флейта — скука, а двѣ флейты вмѣстѣ — ужасъ». Но это не прилагается къ флейтамъ клави-оркестра: не только двѣ флейты, но даже восемь и десять флейтъ превосходно идутъ здѣсь вмѣстѣ, и эффектъ флейтныхъ аккордовъ истинно очарователенъ, что, конечно, должно приписать великому преимуществу этихъ флейтъ, состоящему въ возможности измѣнять ихъ тембръ по произволу и превращать тоны дудокъ съ дырками, то есть, опредѣленные и неизмѣнные, въ звуки поющіе и скользящіе четвертями и осьмушками тона вверхъ и внизъ, смотря по требованію экспрессіи.

Мы распространились о флейтахъ съ намѣреніемъ: тѣ же преимущества и удобства повторяются во всѣхъ прочихъ регистрахъ, и, списавъ довольно подробно регистръ флейтъ, намъ уже нѣтъ нужды повторяться. Послѣ флейтъ идутъ, естественно, кларнеты. Это также одинъ изъ самыхъ плѣнительныхъ регистровъ. Кларнеты клави-оркестра отмѣнно чисты и хороши; они дѣлаютъ crescendo и pianissimo какъ кларнетъ Блаза; но первая перемѣна тембра этого регистра въ мягкій, поющій тембръ совершенно поражаетъ васъ: кажется, слышишь свѣжій дѣвичій голосъ! Вторая перемѣна тембра кларнетовъ, которая въ особенности восхитила Серве, представляетъ звукъ очень сильнаго кларнета. Но нашему, однако жъ, самая удивительная изъ всѣхъ третья перемѣна: чистый контръ-альтный тембръ! Кларнеты, какъ и флейты, идутъ отъ fa на четвертой басовой линейкѣ до sol надъ пятою сопранною, но могутъ идти выше: изобрѣтатель и владѣлецъ клави-оркестра приказалъ заклеить бумагой отверзтія семи или осьми высшихъ кларнетныхъ трубокъ, находя, что кларнетовъ уже слишкомъ много при охотѣ и склонности каждаго играющаго брать на каждомъ регистрѣ полные аккорды. Стоитъ только проткнуть пальцемъ бумагу, и заклеенный кларнетъ играетъ снова. То же самое можно сдѣлать съ каждымъ регистромъ, чтобы уменьшить или распространить его, если угодно, для каждой піэсы; ненадо даже и заклеивать: довольно закрыть лишнія октавы бумажными колпаками. За инструментъ этотъ садятся, обыкновенно люди, привыкшіе къ фортепіанной игрѣ, и первое ихъ движеніе — хватить обѣими руками двѣ пригоршни нотъ, очень близкихъ другъ къ другу: это побудило владѣльца пожертвовать, съ прискорбіемъ сердца, прекраснѣйшею октавою фаготовъ, потому что она приходилась на самой серединѣ клавитуры. Она теперь плотно закрыта. Регистръ этотъ такъ силенъ и полнозвученъ, что отъ одной ноты contra-re діезъ дрожатъ стекла въ окошкахъ залы: можно себѣ представить, что выходитъ, когда кто нибудь изъ играющихъ, не зная инструмента, — а до сихъ поръ никто еще не знаетъ его какъ слѣдуетъ, — и, слѣдовательно, сбиваясь въ педаляхъ, вдругъ по ошибкѣ, въ ненужномъ мѣстѣ, откроетъ фаготный регистръ и заревётъ въ восемь или десять такихъ фаготныхъ трубъ! Полный регистръ мѣдныхъ инструментовъ — верхъ чистоты и силы, отъ самой низкой до самой высокой ноты; но для комнатной игры, при страсти играющихъ къ аккордамъ, онъ ужасно шумитъ и по необходимости заглушалъ всѣ прочіе регистры: нужно было слегка прикрыть всѣ мѣдные инструменты, чтобы смягчить ихъ оглушительную звучность въ рукахъ, обильныхъ нотами. Вообще не должно на этомъ инструментѣ брать много нотъ: фортепіанная игра не идетъ сюда; надо брать нотъ не болѣе того, какъ беретъ оркестръ, вводя въ аккордъ различные инструменты.

Пропустимъ многіе регистры, которыхъ полное исчисленіе будетъ представлено ниже, и перейдемъ къ самому интересному изъ всѣхъ, къ тому, надъ которымъ трудилось уже столько механиковъ, акустиковъ и инструментальныхъ мастеровъ, никогда не достигнувъ полнаго успѣха. Вы догадываетесь, что мы говоримъ о регистрѣ «звуковъ тренія», régistre à friction, Streich-Register, словомъ, о регистрѣ струнно-смычковыхъ, или квартетныхъ инструментовъ. Какъ изобрѣтатель клави-оркестра рѣшилъ эту капитальную задачу? Какъ выпутался онъ изъ трудностей, о которыя разбились искуство и терпѣніе другихъ. Очень просто. Онъ двинулъ впередъ всѣ тайны новѣйшей акустики, поискалъ средствъ въ наукѣ, и нашелъ. Намъ извѣстно, что сначала и онъ имѣлъ намѣреніе употребить бараньи струны и смычки, и получилъ превосходные звуки посредствомъ особеннаго устройства резонансоваго ящика и очень затѣйливаго механизма. Но вскорѣ замѣтилъ онъ, что, слѣдуя по старой колеѣ, нельзя сдѣлать ничего порядочнаго въ отношеніи къ прочности и удобству. Бараньи струны безпрерывно разстроиваются, и содержаніе въ исправности семидесяти трехъ смычковъ для семидесяти трехъ струнъ или нотъ представляетъ столько хлопотъ, что все удовольствіе пропадаетъ. Бараньи струны, кромѣ того, далеко неудовлетворительны въ музыкальномъ отношеніи: витыя имѣютъ тембръ сухой, полу-металлическій; не витыя даютъ несносный носовой звукъ, гнусятъ, такъ, что всѣ квартетныя струны до скрипичной квинты (струны mi) должны бы въ нашемъ изобрѣтательномъ вѣкѣ быть изгнаны изъ квартета. Изобрѣтатель подумалъ: зачѣмъ понапрасну возиться съ негодными бараньими струнами, когда въ акустикѣ давно уже извѣстенъ звукъ тренія, гораздо выше достоинствомъ всѣхъ контрабасныхъ, віолончельныхъ и скрипичныхъ звуковъ? Когда деревянная струна, приводимая въ вибрацію посредствомъ маленькаго деревяннаго же смычка, натертаго калифоніей, даетъ звукъ удивительной красоты, нѣжности, сладости, силы, звукъ, принимающій всѣ тонкіе оттѣнки скрипичнаго и чистый, не гнусящій? Еще со времени покойнаго Хладни извѣстенъ въ акустикѣ фактъ, развитый впослѣдствіи любопытными опытами профессора Витстона, что деревянная палочка, приведенная особеннымъ образомъ въ вибрацію посредствомъ тренія о другую палочку, натертую калифоніей, можетъ издать точно такой же звукъ какъ струна подъ смычкомъ, и еще сильнѣе, чище, пріятнѣе. Эта «деревянная струна» представляетъ передъ бараньей еще и то важное преимущество, что она постоянно не вытягивается, не разстроивается. Извѣстно, что Хладни сдѣлалъ-было инструментъ съ клавитурою; секрета своего онъ не открывалъ даже Парижской Академіи: звукъ его инструмента былъ удивительно-пріятный и сладкій, и надобно думать, что тутъ играли такія деревянныя струны или, какъ профессоръ Витстонъ называлъ ихъ, «вибрирующія палочки». По смерти Хладни и, особенно, послѣ опытовъ Витстона, мысль, приспособить вибрирующія палочки къ клавитурѣ и сдѣлать изъ нихъ музыкальный инструментъ занимала многихъ въ Германіи и въ Англіи. Самымъ счастливымъ изъ этихъ искателей новаго звука былъ, какъ слышно, нѣкто Бушманнъ; но инструменты его, исполненные разныхъ недостатковъ, не обратили на себя вниманія музыкальнаго свѣта. Бушманнъ, говорятъ, сдѣлалъ нѣсколько десятковъ такихъ инструментовъ, которые, если мы не ошибаемся, называлъ онъ «терподеонъ» и преимущественно продавалъ въ Англію. Они разсѣялись безъ вѣсти: можно себѣ представить слабость и несовершенство этихъ инструментовъ, вспомнивъ, что нестерпимые мелодиконы и фисъ-гармоники были предпочтены имъ играющимъ народомъ. Сколько извѣстно, въ Петербургъ не попалъ ни одинъ изъ инструментовъ этого рода, по-крайней-мѣрѣ, не слышно нигдѣ объ немъ. Изобрѣтатель клави-оркестра, для своихъ соображеній, не могъ поэтому воспользоваться даже результатами опытности, пріобрѣтенной Бушманномъ въ употребленіи вибрирующихъ палочекъ. Ему пришлось начинать съ начала: взять чистый акустическій фактъ, раскрытый Хладни и Витстономъ, и прилагать его самому къ дѣлу, сообразно съ потребностями огромнаго инструмента, въ составъ котораго деревянныя струны должны войти съ большою пользою. Качество звука одно и то же, какъ здѣсь, такъ и въ струнахъ подъ смычкомъ: оно въ обоихъ случахъ — результатъ тренія. Но само собою разумѣется, что замѣна бараньихъ струнъ, поминутно разстроивающихся, деревянными, съ весьма чувствительнымъ и вмѣстѣ весьма постояннымъ звукомъ, удобство чрезвычайно важное для такого существеннаго регистра въ оркестрѣ, каковъ квартетный. Послѣ множества опытовъ, изобрѣтатель наконецъ достигъ цѣли съ превосходнымъ успѣхомъ. Оказалось, что различное «насажденіе» или постановка деревянныхъ струнъ можетъ дать два различные тембра, оба невыразимой красоты: одинъ совершенно струнный, со струннымъ шипѣніемъ, но гораздо звучнѣе, пѣвучѣе и чище всѣхъ извѣстныхъ струнныхъ инструментовъ; а другой, тихій, необыкновенно сладкій и нѣжный, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно. Послѣ этого, дѣло рѣшено; но задача, относящаяся до примѣненія деревянныхъ струнъ къ такому могущественному инструменту, каковъ клави-оркестръ, еще представляла много затрудненій. Правда, что хорошо насажденная на хорошій резонансъ деревянная струна, при отлично вибрирующей трущей поверхности, издаетъ звукъ силою въ двѣ віолончели или четыре скрыпки; но что значатъ четыре скрыпки при такихъ могучихъ регистрахъ духовыхъ инструментовъ, каковы описанные нами! Первая труба, или валторна заглушитъ ихъ. Въ обыкновенномъ оркестрѣ играетъ скрыпокъ до двадцати, не считая альтъ, віолончелей и контрабасовъ, и то едва ихъ слышно, когда загудятъ два или три мѣдные инструмента. Въ клави-оркестрѣ слѣдовало по этому усилить регистръ инструментовъ съ треніемъ до того, чтобы въ нужномъ случаѣ одна деревянная струна издавала звукъ, равный звуку по-крайней-мѣрѣ, двадцати-осьми бараньихъ струнъ. Изобрѣтатель поступилъ слѣдующимъ образомъ: въ основаніе взять тихій регистръ деревянныхъ струнъ, съ малымъ резонансомъ, поставленный подъ клавитурой и со всѣхъ сторонъ закрытый, для уменьшенія звучности. Къ нему прибавленъ, вверху, подъ клавитурой, другой регистръ деревянныхъ струнъ съ сильнымъ резонансомъ: каждая нота здѣсь равна звукамъ десяти бараньихъ струнъ. Для усиленія этой звучности, за большимъ резонансовымъ ящикомъ стоитъ могучій регистръ «крытыхъ» органныхъ трубъ, подведенныхъ подъ тембръ деревянныхъ струнъ. Резонансовый ящикъ уже сотрясается самъ собою при звукѣ этихъ трубъ; но въ дополненіе, въ ящикѣ натянуты еще бараньи струны для арфы: унисонная струна приходитъ въ вибрацію сама собою, какъ скоро заиграетъ деревянная струна и крытая труба, и вы слышите въ ящикѣ эхо настоящихъ струнныхъ инструментовъ. Возможность мгновенно получить

сильное pizzicato на струнахъ арфы, довершаетъ очарованіе: когда всѣ три регистра въ дѣйствіи подъ надлежащимъ touché, вы совершенно увѣрены, что играютъ струнные смычковые инструменты. Одинъ только недостатокъ можно замѣтить въ этомъ тройственномъ регистрѣ: звуки его чище, полнѣе, музыкальнѣе звуковъ всѣхъ обыкновенныхъ смычковыхъ инструментовъ: они вовсе не гнусятъ. Но есть уши, такія рутинныя, такія неподвижныя, что недовольны звуками тренія, пока не услышатъ въ нихъ носоваго отголоска, заражающаго віолончели, альты и, отчасти скрипки. Для удовлетворенія такихъ ушей, изобрѣтатель прибавилъ еще одинъ регистръ: есть средство придать «открытой» органной трубѣ совершенно носовой, гнусящій тонъ, даже со скрипомъ канифоли; отдѣльно, онъ заставляетъ слушателя при нѣкоторыхъ нотахъ смѣяться надъ его, такъ сказать «скрипичностію», но, прибавленный къ чудному звуку двойныхъ деревянныхъ трубъ, поддерживаемыхъ регистромъ «крытыхъ» деревянныхъ трубъ, онъ смѣшивается съ ними и придаетъ имъ легкій отливъ гнушенія и шипѣнія бараньихъ струнъ подъ канифоліей, такъ что не предупрежденный человѣкъ могъ бы побиться объ закладъ, что тутъ играютъ настоящіе контрабасы, віолончели, альты и скрипки. Такимъ образомъ квартетный регистръ состоитъ собственно изъ четырехъ регистровъ: изъ полнаго регистра въ шесть октавъ тихихъ деревянныхъ струнъ,—изъ такаго регистра звучныхъ деревянныхъ струнъ, —изъ полнаго же регистра крытыхъ органныхъ трубъ, — и изъ четырехъ октавъ открытыхъ гнусящихъ трубъ. Можно еще причислить сюда и пятый полный регистръ, именно, регистръ бараньихъ струнъ арфы, которыя служатъ вмѣстѣ и для струннаго pizzicato, и звучность всѣхъ ихъ оцѣнить въ тридцать или тридцать два смычковые инструмента. Нынѣ два изъ этихъ регистровъ вынуты: регистръ со звучными деревянными струнами передѣлывается въ болѣе уютномъ видѣ, а гнусящій регистръ лежитъ возлѣ инструмента, какъ, покамѣстъ, не нужный. Но всѣ квартетныя піэсы можно разыгрывать на соединенныхъ и удобно разъединяющихся двухъ регистрахъ: регистрѣ тихихъ деревянныхъ струнъ и крытыхъ органныхъ трубъ, одинаковаго тембра съ ними. Въ настоящемъ видѣ своемъ, квартетный двойной регистръ не силенъ въ сравненіи съ духовыми инструментами, но удивительно пріятенъ и звукомъ гораздо чище настоящихъ смычковыхъ инструментовъ: все, что выдѣлывается кунштикъ-мейстерами смычкомъ на струнахъ, можно безъ труда произвесть на этомъ регистрѣ: звуки отвѣчаютъ такъ быстро, что можно играть цѣлыя варіаціи tremolo; pizzicato и legato всегда готово, и нѣтъ ничего легче какъ заставить каждую деревянную струну вибрировать подъ пальцемъ, потому что при сильнѣйшемъ нажатіи клавиша, каждый звукъ понижается четвертью тона.

Изъ этого видно, что постановка квартетнаго регистра по своей сложности стоила многихъ трудовъ, опытовъ и соображеній: четыре, или правильнѣе пять разныхъ регистровъ входятъ въ составъ одного; но это же самое составляетъ и богатство и разнообразіе клави-оркестра: всѣ пять вмѣстѣ даютъ одинъ звукъ въ разныхъ степеняхъ силы; но вы можете играть въ то же время и на каждомъ регистрѣ порознь. Угодно ли имѣть органы? Откройте одинъ регистръ крытыхъ трубъ и вы имѣете чудесный органъ. Регистръ тихихъ деревянныхъ струнъ отдѣльно поетъ какъ сирена и въ то же время присоединяясь къ разнымъ другимъ регистрамъ, сообщаетъ имъ удивительную мягкость и пѣвучесть. Регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ самъ по себѣ чудесный квартетъ. Даже гнусящія открытыя трубы не безполезны: прибавивъ къ нимъ кларнеты съ половиннымъ вѣтромъ, вы получаете англійскій рожокъ. Сочетанія этихъ многочисленныхъ регистровъ такъ разнообразны и производятъ такія неожиданные эффекты, что нужно долгое время, чтобы вполнѣ исчерпать и изучить ихъ.

Желая соединить въ своемъ созданіи всѣ акустическія чудеса, изобрѣтатель рѣшился еще поставить въ клави-оркестръ три съ половиною октавы «человѣческихъ горлъ.» Это не шутка и не парадоксъ. Послѣ остроумныхъ изслѣдованій Миллера, Мажанди, Витстона, Ричи, Капіяръ-Латура, и другихъ, часть акустики, относящаяся къ производству человѣческаго голоса и къ его органамъ, такъ хорошо обработана, что представляется возможность устроить человѣческое горло изъ дерева, которое будетъ пѣть совершенно вокальнымъ тембромъ. Изобрѣтатель самъ весьма много занимался этою частью акустики и былъ вполнѣ доволенъ результатомъ своихъ опытовъ. Регистръ этотъ еще не испытанъ: для него оставлено мѣсто.

Перечтемъ теперь всѣ регистры клави-оркестра.

1) Квартетный регистръ, или регистръ звуковъ тренія: онъ состоитъ изъ соединенія четырехъ разныхъ регистровъ, которые играютъ и каждый отдѣльно, и обнимаетъ шесть октавъ, отъ самаго низкаго контрабаснаго mi до самаго высокаго mi скрипичнаго.

2) Регистръ тихихъ деревянныхъ струнъ. Онъ же служитъ регистромъ vox angelica для органной игры.

3) Регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ. Оба эти регистра идутъ отъ самаго низкаго віолончельнаго ut до самаго высокаго mi (еще не поставленъ).

4) Регистръ крытыхъ органныхъ трубъ, того же объема какъ и квартетный.

5) Регистръ открытыхъ гнусящихъ трубъ, отъ низшаго віолончельнаго fa на четыре октавы вверхъ (еще не поставленъ).

6. Регистръ бараньихъ струнъ, служащій вмѣстѣ арфою и орудіемъ pizzicato; тоже полный въ шесть октавъ.

7) Регистръ кларнетовъ, отъ fa на четвертой басовой линейкѣ до sol надъ пятою сопранною.

8) Регистръ флейтъ, того же объема.

9) Регистръ флейточекъ (piccolo), отъ средняго si до безконечно высокаго mi: ни какая птичка не поетъ такъ высоко; послѣдняя нота почти цѣлою октавою выше самой высокой фортепіанной ноты. Этотъ регистръ играетъ всегда октавою выше.

10) Регистръ гобоевъ, того же объема.

11) Регистръ мѣдныхъ инструментовъ, заключающій въ себѣ офиклеиды, тромбоны, трубы и валторны, въ пять октавъ, считая отъ contra si-bemol.

12. Регистръ фаготовъ, въ три октавы, считая отъ contra si-bémol. Верхняя октава теперь закрыта, потому что регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ вынутъ и нужно было уменьшить число инструментовъ съ язычками, à anches, которые такимъ образомъ брали бы перевѣсъ надъ безъязычными звуками, производимыми треніемъ и простымъ духомъ.

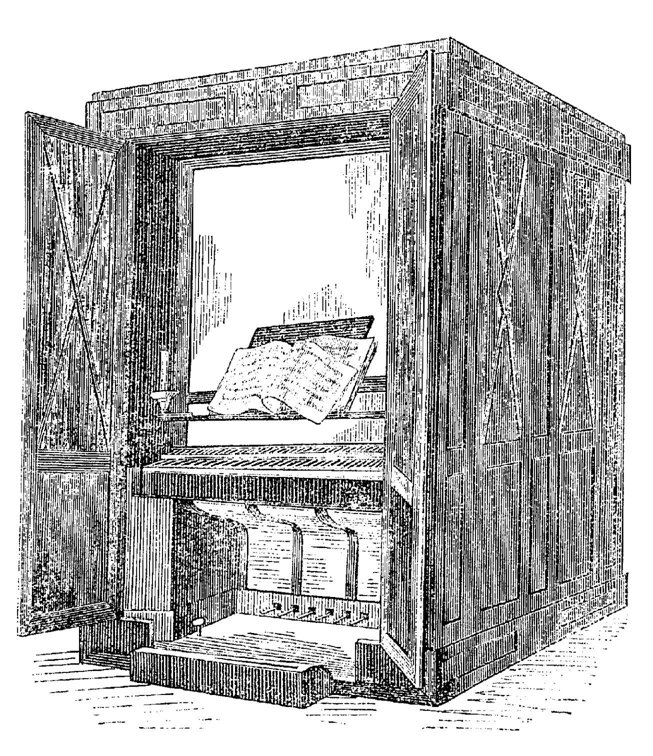
12) Регистръ человѣческихъ горлъ (vox humana), въ три съ половиною октавы, считая отъ si-bemol на второй басовой линейкѣ (еще не поставленъ).

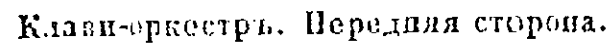
14) Барабаны, янычарскія тарелки, тріангли и прочія мелочи (еще не поставлены).

Такимъ образомъ клави-оркестръ заключаетъ въ себѣ всѣ роды звуковъ, какіе только можетъ произвесть настоящій оркестръ, а именно, звуки тренія, звуки духовые и звуки отъ удара, во всѣхъ употребительныхъ формахъ. Чтобы имѣть настоящее понятіе могуществѣ этого инструмента, въ которомъ однихъ трубъ и трубочекъ болѣе пяти сотъ и почти столько же струнъ деревянныхъ и бараньихъ, нужно слышать хорошую игру въ четыре руки. Для удобства инструментировки сдѣланы двѣ клавитуры, но такъ близко одна къ другой, что одною рукою можно взять въ аккордѣ двѣ ноты на одной клавитурѣ и двѣ ноты на другой. На нижней клавитурѣ помѣщены всѣ струнные регистры, въ томъ числѣ и арфа съ человѣческимъ голосомъ; на верхней всѣ духовые. Когда хотите ввести въ игру новый инструментъ соло или вмѣстѣ съ другими, стоитъ только пожать соотвѣтствующую ему педаль. За пожатіемъ другой педали, обѣ клавитуры соединяются или разъединяются мгновенно, такъ что, не перемѣняя ни клавиша ни пальца, звукъ инструментовъ верхней клавитуры присоединяется къ звуку нижней, и обратно. Когда вводится новый инструментъ для игры соло, клавитуры разъединяются и одна рука переходитъ на ту клавитуру, къ которой онъ принадлежитъ: если же новый инструментъ требуется только для подкрѣпленія другихъ, тогда клавитуры соединяются, обѣ руки остаются на мѣстѣ и клавиши прибавленной клавитуры прижимаются сами собою, посредствомъ особеннаго механизма. Это уже одно изъ весьма любопытныхъ механическихъ соображеній. Но это еще не все. Обѣ клавитуры раздѣлены на двѣ половины, которыя движутся одна независимо отъ другой: въ первой половинѣ заключаются всѣ ноты ключа fa, или басовыя, во второй—всѣ ноты ключа sol, или сопранныя: такимъ образомъ въ одно мгновеніе басы одного регистра могутъ быть присоединены къ сопрану другаго. Можно себѣ представить, сколько сочетаній различныхъ инструментовъ выходитъ изъ этого! Четырежды тринадцать = 52. Въ каждомъ можно перемѣнить тембръ посредствомъ новыхъ сочетаній, по-крайней-мѣрѣ, три раза: трижды 52 = 156. Сто пятьдесятъ шесть различныхъ рядовъ звука! Можно ли желать болѣе въ комнатномъ инструментѣ? Вы играете въ четыре руки и прижимаете 16 клавишей въ четырехъ аккордахъ: когда всѣ регистры, такъ-какъ ихъ всего 13, не считая барабановъ и тому подобнаго, инструментъ издастъ (13 X 16 = 208) страшный звукъ «двухъ сотъ восьми отдѣльныхъ оркестрныхъ инструментовъ». Присутствіе двухъ клавитуръ одна возлѣ другой и раздѣливъ ихъ на ключи, дастъ еще неоцѣненное удобство брать въ аккордъ одною рукою четыре различные инструмента, и какъ инструментъ заключаетъ въ себѣ всѣ роды звуковъ, отъ самыхъ хрипящихъ и жидкихъ, то подумайте, какое тутъ разнообразіе аккордовъ, и какія должны быть crescendo и diminuendo.

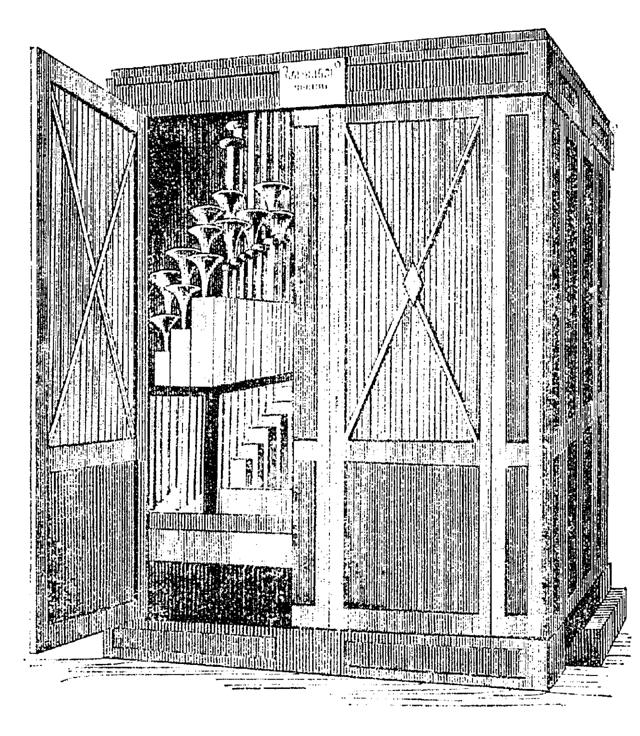
Ноги играющаго стоятъ между двумя рядами педалей, которыхъ всего 20; десять впереди, и прижимаются носкомъ ноги; и десять позади, и прижимаются пятою. Переднія педали принадлежитъ къ регистрамъ съ треніемъ и съ ударомъ, и къ движущимся клавитурамъ; заднія — къ духовымъ регистрамъ. Изъ числа послѣднихъ теперь только семь въ полномъ дѣйствіи: три остальныя ожидаютъ возвращенія своихъ регистровъ. Изъ переднихъ, въ дѣйствіи только пять: прочія предназначены для человѣческаго голоса, барабановъ, янычарскихъ тарелокъ, и такъ далѣе, которыя, за краткостью времени, не могли быть поставлены къ сроку. Педали распредѣлены такъ удобно, что послѣ нѣсколькихъ минутъ упражненія, нога находитъ сама нужную педаль: на доскѣ, гдѣ вы ставите ноги, есть три значка, ощутительные для каждой обуви, которые руководствуютъ ногу.

Изобрѣтатель клави-оркестра — простой любитель музыки, вовсе не мастеровой и не инструментальный фабрикантъ: по званію





Клави-оркестръ. Передняя сторона.



Клави-оркестръ. Боковая сторона.

своему онъ — ученый, по занятіямъ литераторъ, по образу жизни — практическій философъ. Нынѣшніе оркестрные и домашніе инструменты не удовлетворяли его, и онъ хотѣлъ доказать, что при современномъ состояніи акустики почти всѣ эти инструменты можно сдѣлать лучше; и сверхъ того ввести въ музыку множество совершенно новыхъ звуковъ, тембровъ и средствъ. Составить планъ, изобразить всѣ подробности, предначертать механику, указать, руководствовать, онъ могъ: но нужны были искусные исполнители; понятливые, ловкіе и трудолюбивые инструментальные мастеровые, которые бы удачно и вѣрно осуществили всѣ его предположенія. Къ мастерамъ нечего было бы и обращаться: они дѣлаютъ только то, чему однажды выучились. Нужно было найти смѣтливыхъ людей, которые рѣшились бы вмѣстѣ съ составителемъ плана учиться невѣдомому, добиваться до новаго и небывалаго. Счастливый случай помогъ ему отъискать двухъ умныхъ и дѣятельныхъ молодыхъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ по званію былъ подмастерье фортепіаннаго дѣла, отрекомендованный г. Лихтенталемъ, а другой подмастерье органнаго ремесла, работавшій прежде при постройкѣ великолѣпныхъ органовъ Лютеранской Петропавловской церкви. Оба они избрали себѣ поприще настройщиковъ: одинъ (Х. И. Генчъ) настраивалъ фортепіаны, а другой церковные органы, и дѣлалъ новый органъ для Кронштатской католической церкви. Съ ними двумя, придавъ имъ нужное число работниковъ, изобрѣтатель принялся за дѣло: начали съ акустическихъ опытовъ надъ улучшеніемъ звука каждаго рода инструментовъ, съ тѣмъ чтобы избрать и приспособить къ клави-оркестру самые удовлетворительные результаты. Г. Генчу поручены были регистры съ треніемъ и ударомъ, г. Гиберу духовые. Какъ эти два молодые человѣка исполнили свое дѣло, торжественно свидѣтельствуетъ великолѣпный клави-оркестръ, на которомъ золотыми буквами красуется нынѣ двойная надпись, съ одной стороны, Gentsch et Hieber, St.-Petersburg, а съ другой, Hieber et Gentsch, St.-Petersburg. Исполненіе этого инструмента приноситъ величайшую честь и тому и другому: здѣсь на каждомъ шагу приходится удивляться ихъ понятливости, аккуратности и точности въ отдѣлкѣ безчисленныхъ подробностей. Но если изобрѣтатель былъ счастливъ найти такихъ людей, надо сказать, что и они были счастливы трудиться надъ такимъ дѣломъ, гдѣ на каждомъ шагу понятія и опытность ихъ развертывались въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: такая школа не всякому мастеровому случается. Изъ нея вышли они, можно сказать, самыми учеными и свѣдущими инструментальными мастерами, какихъ мы имѣемъ въ Петербургѣ. Что они умѣли воспользоваться рѣдкимъ случаемъ для развитія своихъ понятій и пріобрѣтенія драгоцѣнныхъ теоретическихъ свѣдѣній, доказательствомъ служатъ ихъ собственные успѣхи. Во время этой работы, г. Гиберъ сдѣлался примѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ фабрикантовъ мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ, получилъ въ свое вѣдѣніе и распоряженіе извѣстныя мастерскія Регезера (въ домѣ Алексѣева, противъ Михайловскаго манежа) и произвелъ разныя важныя усовершенствованія въ инструментахъ военной музыки. Послѣдніе его хроматическіе рожки (cornet à pistons et à cilindres) отличаются удивительно чистымъ и яснымъ звукомъ, какого донынѣ у насъ еще не слыхали, до того, что не только не уступаютъ знаменитымъ этого рода инструментамъ Сакса въ Парижѣ, но едва-ли не превосходятъ ихъ и музыкальнымъ достоинствомъ и легкостью амбушюра. Мы посвятимъ особую статью изобрѣтеніямъ этого отличнаго мастера. Г. Генчъ (во второй Подьяческой, домъ Карла Леона, № 12) дѣлаетъ теперь на свой счетъ небольшіе инструменты въ родѣ клави-оркестра, которые будутъ стоить не дороже обыкновеннаго флигеля: прелесть этихъ инструментовъ увлечетъ каждаго. Кому угодно, тотъ можетъ заказать гг. Гиберу и Генчу вмѣстѣ точно такой же клави-оркестръ, какъ тотъ, который мы описали: изобрѣтатель самъ говоритъ, что второй клави-оркестръ, который они сдѣлаютъ, будетъ еще лучше этого, потому что теперь они уже знаютъ въ чемъ вся важность и чего должно избѣгать. Г. Генчъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе, а именно, что дурныхъ, старыхъ, разбитыхъ фортепіановъ отнынѣ впредь быть не можетъ. Бывъ самъ настройщикомъ, онъ знаетъ по опыту, какъ настройщики, своимъ искусствомъ, быстро разрушаютъ фортепіаны и рѣшился основать предпріятіе всеобщей настройки: кто хочетъ ввѣрить ему постройку своего или своихъ инструментовъ постоянно, съ условіемъ настроивать разъ въ двѣ недѣли и съ платою по рублю серебромъ за каждый разъ, тому обязуется онъ фортепіаны, или рояли его, какъ бы они плохи, стары и разбиты ни были, привесть въ самое лучшее состояніе безденежно: онъ отвѣчаетъ, что клавитура всегда будетъ ровна и легка, молотки исправны, строй вѣренъ и проченъ. Хорошіе инструменты онъ берется такимъ же образомъ сохранить всегда въ первоначальномъ ихъ видѣ посредствомъ одной настройки. Для двухъ случаевъ только онъ сдѣлаетъ исключеніе: 1) если худой звукъ инструмента происходитъ отъ худыхъ струнъ, то владѣлецъ долженъ дать 15 рублей серебромъ на покупку и навязку новыхъ англійскихъ струнъ; если главный порокъ инструмента происходитъ отъ старой, истлѣвшей или вогнувшейся резанансовой доски, то исправленіе будетъ отдѣльно стоить 30 руб. сер. Исключая двухъ этихъ случаевъ, всякія фортепіаны могутъ быть отлично хороши безъ малѣйшей издержки для владѣльца, за простую цѣну постоянной и періодической настройки. При этихъ условіяхъ, и посредствомъ пріобрѣтенной имъ опытности, г. Генчъ дѣлается настоящимъ благодѣтелемъ семействъ и ихъ гостей: кромѣ самыхъ новыхъ, нѣтъ почти ни одного инструмента въ Петербургѣ, который не былъ бы какъ нибудь испорченъ въ звукѣ и часто такъ неровенъ въ клавитурѣ, что играть не возможно.

Но возвратимся къ клави-оркестру. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ его наружности.

Клави-оркестръ занимаетъ въ комнатѣ менѣе мѣста нежели обыкновенный флигель: онъ имѣетъ два съ половиною аршина въ квадратѣ, слѣдовательно почти аршиномъ корочѣ флигелей. Въ высоту онъ равенъ обыкновеннымъ дверямъ, имѣя три съ половиною аршина вышины. Наружность его гладка, безъ всякихъ украшеній: вездѣ чистое палисанд-

ровое дерево, почти безъ примѣси металловъ. Какъ мебель, клави-оркестръ отлично хорошъ и превосходно убираетъ комнаты. Со всѣхъ четырехъ сторонъ—прозрачныя створчатыя двери позволяютъ видѣть внутренность, наполненную множествомъ деревянныхъ и мѣдныхъ инструментовъ. Одни только струнные инструменты закрыты кругомъ отъ пыли и спереди заслонены рамкою, обтянутою тафтой нѣжно-голубаго цвѣту и возвышающеюся надъ клавитурой. Къ той же рамкѣ придѣланъ нотный мольбертъ съ двумя бронзовыми подсвѣчниками.

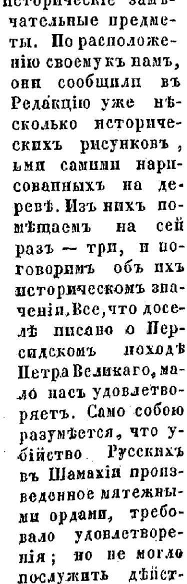
Возлѣ клави-оркестра стоитъ превосходное піанино Лихтенталя, звонкое, поющее, единственный инструментъ, который можно слушать съ удовольствіемъ послѣ клави-оркестра и даже съ клави-оркестромъ. Одинъ изъ отличнѣйшихъ инструментовъ Эрара, какіе есть въ Петербургѣ, стоящій въ смежной комнатѣ, кажется, послѣ чудесныхъ звуковъ клави-оркестра, сухимъ, жесткимъ, несноснымъ. Похвалы лучше этой не могъ бы и самъ г. Лихтенталь придумать инструментамъ своей работы. Такимъ образомъ, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ соединены рѣшительно всѣ роды инструментовъ, и четыре человѣка, два у клави-оркестра и два у піанино, могутъ разъигрывать самые чудесно оркестрированные и инструментированные квартеты, концерты, симфоніи, оперы и такъ далѣе.

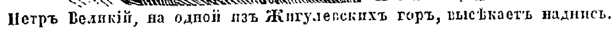
Вы спросите: кто же изобрѣтатель клави-оркестра? Мы уже сказали — простой любитель музыки, по званію ученый, а по занятіямъ литераторъ. Онъ же и владѣлецъ клави-оркестра. Его зовутъ—Осипомъ Ивановичемъ Сенковскимъ.

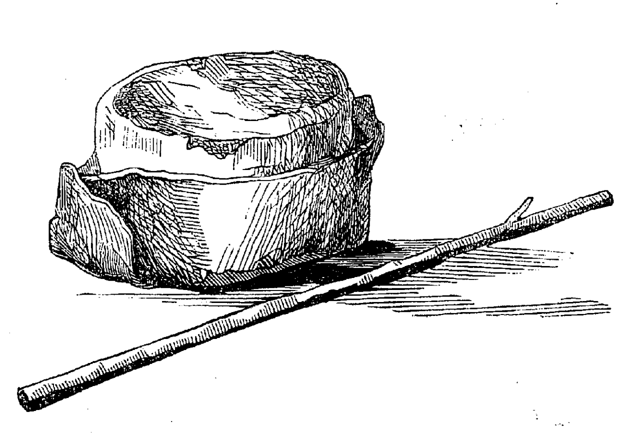
ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССІИ.

историческія замѣтки.

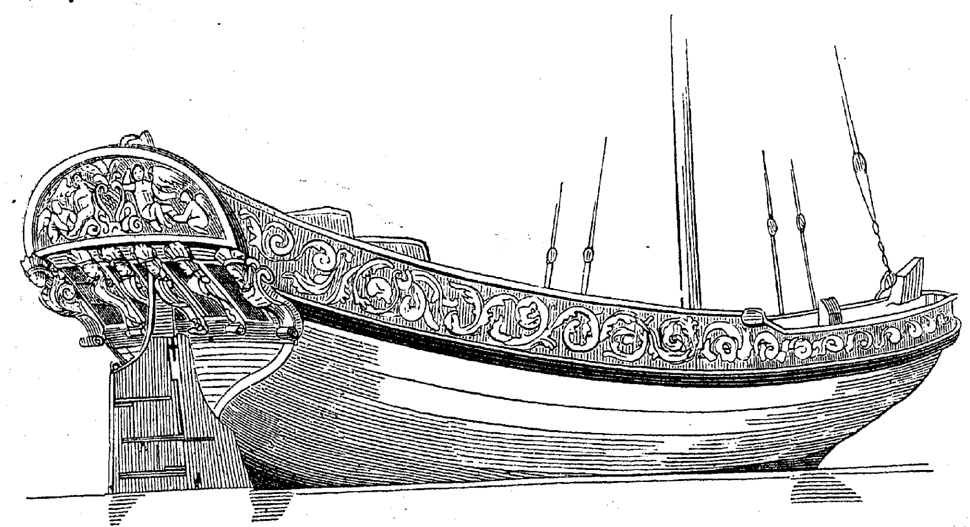
Исторія Россіи также обширна какъ и сама матушка Россія. На пространствѣ, которому нѣтъ еще вѣрной мѣры и не скоро будетъ, разбросано по малой мѣрѣ тысячь десять городовъ, урочищъ и такихъ мѣстъ, съ которыми соединяется множество историческихъ воспоминаній; но эти воспоминанія какъ-то не составляютъ одного цѣлаго; каждое существуетъ какъ будто само по себѣ. Напримѣръ, какой нибудь городъ сохраняетъ воспоминаніе объ отдѣльной битвѣ, о событіи, которое въ общей Исторіи, конечно имѣетъ мѣсто, но въ подробностяхъ своихъ принадлежитъ только этому городу, или урочищу; эти подробности только и понятны на мѣстѣ. Предпринятое нами путешествіе, по всей Россіи обширно по плану, но главный интересъ заключается въ рисункахъ. Надежды Иллюстраціи съ каждымъ днемъ возростаютъ въ томъ отношеніи, что она въ состояніи будетъ вмѣщать болѣе и болѣе оригинальныхъ рисунковъ; оригинальные рисунки троякаго рода: одни имѣютъ рѣшительно одинъ только интересъ современности; другіе, современности и важности исторической; третьи, только исторической. Галлерея этихъ рисунковъ въ началѣ не могла быть особенно богата. Нѣсколько видовъ Нарвы, Финляндіи, Остзейскихъ провинцій, Новгорода Великаго, послужили началомъ этому отдѣленію; но теперь историческіе рисунки болѣе и болѣе прибываютъ; способы гравированія облегчаются; не сомнѣваемся, что изъ отдаленныхъ угловъ нашихъ провинцій будутъ присылать рисунки съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности и съ любопытнѣйшихъ предметовъ современныхъ. У многихъ любителей есть драгоцѣннѣйшіе альбомы, въ которыхъ собрано множество отечественнаго, любопытнаго. Но едва ли какой либо Русскій альбомъ можетъ сравниться съ альбомокъ гг. академиковъ Чернецовыхъ, которые, совершивъ любопытное путешествіе по Волгѣ, перенесли въ альбомъ свой всѣ лучшіе виды, всѣ историческіе замѣчательные предметы. По расположенію своему къ намъ, они сообщили въ Редакцію уже нѣсколько историческихъ рисунковъ, ими самими нарисованныхъ на деревѣ. Изъ нихъ помѣщаемъ на сей разъ — три, и поговоримъ объ ихъ историческомъ значеніи. Все, что доселѣ писано о Персидскомъ походѣ Петра Великаго, мало насъ удовлетворяетъ. Само собою разумѣется, что убійство Русскихъ въ Шамахіи произведенное мятежными ордами, требовало удовлетворенія; но не могло послужить дѣйст-




Петръ Великій, на одной изъ Жигулевскихъ горъ, высѣкаетъ надпись.



Картузъ и трость Петра Великаго.



Яхта Петра Великаго.

вительной причиной къ началу войны, которую уже давнымъ-давно рѣшила воля безсмертнаго строителя Россіи. Описаніе Каспійскаго моря и береговъ, инструкція, данная Волынскому, и всѣ другія распоряженія къ этому краю относившіяся, съ самаго почти начала новаго XVIII-го вѣка, доказываютъ положительно, что Персидскій походъ былъ весь соображенъ давно, обдуманъ и что убійство Шамахійское было только наружнымъ поводомъ, предлогомъ справедливости (Justus titulus) къ исполненію важнаго предпріятія, которое не получило своего полнаго развитія за кончиною Императора. Не мѣсто здѣсь входить въ ближайшее разсмотрѣніе намѣреній Великаго на счетъ Персіи и всего востока. Мы, согласно плану, составленному нами для историческихъ замѣтокъ, напомнимъ только о фактахъ, относящихся къ предлагаемымъ рисункамъ. Императоръ отправился въ походъ Персидскій водою, на Москворѣцкомъ стругѣ, какъ сказано въ нашихъ исторіяхъ. Этотъ стругъ едва ли не былъ тотъ же самый Плезиръ, яхта, которая донынѣ хранится при Астраханскомъ портѣ; яхта «Плезиръ» для Каспійскихъ водъ, можетъ быть, была бы тѣмъ же, чѣмъ Ботикъ Петра Великаго для Балтійскаго флота, если бы жизнь Императора продлилась еще на нѣсколько лѣтъ. Не забудемъ, что и адмиральтейство и гавань въ Астрахани заложены во время того же похода, въ 1722 г. На кормѣ и по бортамъ яхты вы безъ сомнѣнія замѣтите рѣзныя украшенія. Они слишкомъ драгоцѣнны, если народное преданіе справедливо. На мѣстѣ увѣряютъ, что фигуры на кормѣ собственныхъ трудовъ Петра Великаго. Если это справедливо, то не слѣдуетъ ли бояться, чтобы вліяніемъ погоды не пропали эти драгоцѣнныя украшенія? Переѣздъ Императора отъ Москвы до Астрахани богаче различными распоряженіями, нежели многія другія путешествія Петра I. Въ Коломнѣ Петръ судилъ Скоропадскаго съ Меншиковымъ, въ Елатьмѣ внялъ просьбѣ простолюдина, и такъ далѣе, до самой Астрахани, во всѣхъ городахъ и городкахъ оставилъ по себѣ память. На возвратномъ пути изъ Персидскаго похода не было уже возможности ѣхать водою, за позднимъ временемъ. «Объявляю вамъ» писалъ Петръ къ Апраксину: «что мы замерзли, не дошедъ до Царицына 113 верстъ». — Возвращаясь сухимъ путемъ, Государь съ Императрицею пріѣхалъ въ Царицынскую крѣпостцу. Переходя съ Государынею черезъ рѣчку, Петръ Великій остановился на помостьѣ и сказалъ: «это рѣчка Царица, и потому я жалую Вашему Величеству Царицынскую крѣпость». Государь пробылъ тутъ десять дней. Царицынъ по этому ли случаю, или потому, что сюда переселились и хорошо обжились Азовцы, пользовался особеннымъ благоволѣніемъ Петра Великаго. Должно однако же полагать, что кромѣ изложенныхъ поводовъ, Царицынцы отличились какимъ либо особеннымъ подвигомъ, потому что милость Императора къ нимъ до того была велика, что онъ подарилъ имъ свой картузъ и трость, сказавъ: «Какъ никто не смѣетъ этотъ картузъ съ головы его величества снять, такъ никто не смѣетъ ихъ изъ Царицина выводить «а отдавая трость: «Вотъ вамъ трость: какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею отъ враговъ». — Длина трости 2 аршина 4 вершка; вѣсомъ 4 фунта. Вы безъ сомнѣнія знаете, что по Волгѣ простирается довольно значительный хребетъ известковыхъ горъ, которыя отъ деревни Жигъ зовутся Жигулевскими, отъ горы Маркнасъ, Маркнасскими. Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно высоки и служатъ притономъ огромнымъ чайкамъ хищныхъ птицъ; на одной изъ этихъ горъ сохранились слѣды надписи; разобрать содержаніе трудно, но годъ явственъ и соглашается съ преданіемъ, которое приписываетъ высѣченную на скалѣ надпись рукѣ Петра Великаго. Священна и эта надпись; но ея здѣсь не нужно. По всей Россіи, въ каждомъ мѣстѣ, все еще говорятъ о Петрѣ Великомъ и едва ли когда умрутъ объ немъ преданія. Нельзя при этомъ случаѣ не засвидѣтельствовать гг. Чернецовымъ искреннѣйшей признательности, какъ за сообщеніе этихъ рисунковъ, такъ и за то въ особенности, что они въ альбомахъ своихъ собрали все, что только малѣйше замѣчательнаго встрѣчали на пути. Еще не скоро соберутся всѣ достопримѣчательности Россіи; многія затеряются; мы уже не разъ просили, и повторяемъ нашу просьбу, о доставленіи къ намъ рисунковъ со всего, что сколько нибудь замѣчательно въ какомъ бы то ни было отношеніи. При всѣхъ успѣхахъ Редакція не можетъ пока исполнять этого сама. Много у насъ рисунковъ, литографій, гравюръ; но нѣтъ возможности ручаться за ихъ точность. Не одинъ, а три примѣра имѣетъ Иллюстрація, какъ трудно довѣрять этимъ издѣліямъ промышленности. Правда, каждую ошибку Иллюстрація исправитъ и замѣнитъ не точную гравюру, другою, болѣе исправною; но это двойная работа, двойныя издержки. Гораздо было бы лучше, если бы мы могли получать подлинные рисунки съ натуры. — Вотъ, напримѣръ, мы съ особенною признательностію помѣщаемъ, какъ историческую достопримѣчательность, видъ дома князя Потемкина въ Екатеринославлѣ, обращенный, если не ошибаемся, въ домъ для дворянскихъ собраній. Екатеринославль существуетъ всего 60 лѣтъ. Онъ возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во время путешествія Императрицы Екатерины II архіепископъ Екатеринославскій и Херсонеса Таврическаго совершалъ литургію въ полковой церкви. Весьма вѣроятно, что это одно изъ первыхъ зданій въ Новомъ Городѣ; этотъ домъ, можетъ быть, самая старая древность въ Екатеринославлѣ.

Домъ Князя Потемкина въ Екатеринославлѣ.

ДВИЖУЩІЙСЯ КУСТЪ.

(РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА).

(Кіев. Г. В.)

........Горецъ хитеръ, какъ кошка; за то и Русскій солдатъ не-промахъ: какъ разъ усадитъ хитреца въ западню.

Изрѣченіе князя Цицiанова.

Недавно я познакомился съ однимъ почтеннымъ и заслуженнымъ штабъ-офицеромъ, прибывшимъ съ Кавказа. Восемь лѣтъ онъ прожилъ въ землѣ мирныхъ и враждебныхъ горцевъ, и перешелъ Кавказъ вдоль и поперегъ. Онъ участвовалъ во многихъ битвахъ съ горцами, начиная съ 1837 года до настоящихъ блистательныхъ побѣдъ князя М. С. Воронцова. Его раны и знаки отличія, заслуженные трудами и храбростію, доказываютъ, что онъ не даромъ прожилъ восемь лѣтъ на Кавказѣ. Много онъ разсказывалъ мнѣ занимательнаго о войнѣ на Кавказѣ, и въ особенности о хитростяхъ горцевъ, употребляемыхъ при нападеніяхъ на наши военные посты. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ:

— 29-го мая 1837 года, прибылъ я къ враждующимъ берегамъ Кубани. Здѣсь, близь Ольгинскаго укрѣпленія, былъ расположенъ отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова. Къ отряду этому я былъ прикомандированъ. На другой день явился я къ генералу, а отъ него отправился къ офицерамъ, въ которыхъ нашелъ добрыхъ товарищей и храбрыхъ солдатъ. Тотъ, кто служилъ подъ знаменами Марса, знаетъ, долго-ли военному сблизиться съ военнымъ. Весьма-просто, при первой встрѣчѣ, безъ всякаго этикета, привѣтливое ты соединяетъ офицера съ офицеромъ неразрывною цѣпью дружбы. Таковое точно привѣтствіе и радушіе встрѣтилъ я и отъ офицеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

Черезъ два дня по прибытіи моемъ на Кавказъ, былъ я назначенъ къ отряду, отправлявшемуся въ крѣпости Абинъ и Николаевскъ.

3-го іюня отрядъ нашъ тронулся изъ Ольгинскаго укрѣпленія. Сначала мы шли по гладкой и богатой равнинѣ, но чѣмъ далѣе подвигались, дорога становилась хуже и хуже, — и наконецъ сдѣлалась почти непроходимою. Пошелъ дождь ливмя, трудно было идти намъ; но для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. При мысли, что онъ сражается за Вѣру, Царя и Отечество, онъ забываетъ труды и опасности. Нашъ храбрый солдатъ никогда не унываетъ духомъ, мужественно презираетъ опасности, съ веселымъ духомъ встрѣчаетъ непріятеля въ полѣ, и когда нужно, безстрашно умираетъ за Отечество. — Такъ и нашъ отрядъ шелъ безостановочно, и, побѣдивъ всѣ трудности пути, достигъ рѣки Кунипса, и расположился лагеремъ на ночлегъ.

4-го іюня, съ первыми лучами восходящаго солнца, отрядъ нашъ тронулся далѣе. Здѣсь дорога шла гладкая — мы шли спокойно; вдали тянулись Кавказскія горы, а за перелѣсками и оврагами шныряли горцы, и посылали иногда намъ выстрѣлы, на которые мы не отвѣчали. У крѣпости Абина собралось человѣкъ до ста горцевъ, и между ними и нашими боковыми цѣпями завязалась перестрѣлка. Перестрѣлка эта кончилась пустяками: одинъ оборванный горецъ сорвался съ крутаго оврага, и нашъ Донской казакъ притащилъ его на арканѣ.

Крѣпость или, лучше сказать, крѣпостца, Абинъ, построена на равнинѣ, при рѣкѣ сего же имени. Она довольно хорошо укрѣплена отъ нападенія горцевъ. Здѣсь очередуются полки Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и смѣняются два раза въ годъ. Въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости мы расположились лагеремъ. Въ этотъ день я отряженъ былъ въ секретъ: это отдѣльный постъ, который въ войнахъ противу горскихъ народовъ употребляется съ пользою для обезпеченія отряда отъ ночнаго нападенія. Совершенная извѣстность горцамъ мѣстоположенія не позволяетъ ставить посты въ далекомъ разстояніи отъ отряда; въ противномъ случаѣ, часовые были бы вѣрною жертвою горцевъ, которые, подкравшись къ нимъ, могли-бы ихъ перехватать по одиначкѣ.

Уже было за полночь. Часовые были разставлены по мѣстамъ, и я, возвратившись къ своему посту, прилегъ на траву, въ надеждѣ отдохнуть и подкрѣпить утомленныя свои силы. Въ это время солнце показалось изъ-за горъ, и посылая привѣтливые лучи свои на землю, казалось, хо-

тѣло сорвать улыбку съ нахмуреннаго чела дикаго Кавказа. Картина была безподобная! Долго я любовался этою угрюмою, но великолѣпною природою. Мечты свѣтлыя, чистыя оковали мою душу, и я, исполненный удивленія и благоговѣнія къ Творцу вселенной, перенесся мыслью на мою родину, въ Финляндію, гдѣ я провелъ въ тишинѣ и спокойствіи первыя лѣта моей юности. Вдругъ громкое: «Ваше благородіе!» вывело меня изъ поэтическаго забвенія; быстро вскочилъ я на ноги, покинулъ небеса, мечты, и снова возвратился на нашу бѣдную землю,

— Что такое!.. что... горцы... гдѣ?—спросилъ я у унтеръ-офицера, стоявшаго передо мною.

— Нѣтъ, ваше благородіе, не горцы, будьте спокойны.

— Что-жъ такое, Вишняковъ?—Я думалъ, что на насъ напали горцы.

— А вотъ видите, ваше благородіе, стоящій на посту казакъ замѣтилъ движущійся кустъ, то не прикажете-ли выстрѣлить по немъ.

— Движущійся кустъ? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, движущійся кустъ. Это для васъ, кажись, страннымъ; но вы еще недавно на Кавказѣ, а потому не знаете хитростей горца. Вотъ видите, они срубаютъ кусты, и, прикрывая ими себя, подвигаются къ нашимъ часовымъ, и подойдя на вѣрный выстрѣлъ, стрѣляютъ. Но не прикажете-ли выстрѣлить по этому кусту?

Я пошелъ удостовѣриться въ справедливости словъ унтеръ-офицера; когда я пришелъ на мѣсто, гдѣ стояли посты, мнѣ часовой осторожно указалъ, чтобы Черкесъ не замѣтилъ, на кустъ, и что-же? онъ точно медленно двигался. Но надобно было имѣть слишкомъ зоркій и быстрый взглядъ, дабы замѣтить движеніе куста, а вмѣстѣ съ нимъ Черкеса. Онъ двигался по прямому направленію, такъ осторожно и вѣрно, что если бы мнѣ не указали, я никогда бы не замѣтилъ его движенія впередъ, къ нашимъ постамъ. — Я приказалъ выстрѣлить часовому... выстрѣлъ раздался, кустъ и за нимъ скрывшійся Черкесъ, неожидавшій выстрѣла, повалился.

А. Гренъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

=

Вотъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Бетховенѣ, которыя мы заимствуемъ изъ письма нашего соотечественника, князя Г., къ редактору французской газеты la Presse.

«Бетховенъ всю свою жизнь прожилъ въ бѣдности. При вступленіи на музыкальное поприще, онъ дебютировалъ такими піесами, которыя сдѣлали бы честь самому Моцарту. Этого было довольно, чтобы вооружить противъ себя всѣхъ пигмеевъ, которыхъ этотъ колоссъ грозилъ раздавить, при самомъ своемъ появленіи. Работая только изъ любви къ искусству и довольствуясь незначительнымъ вознагражденіемъ за свои труды, Бетховенъ не замѣчалъ, какъ самые близкіе его родственники извлекали свои выгоды изъ его таланта. Одинъ изъ его братьевъ, вѣнскій аптекарь, дорого продавалъ его произведенія, и между тѣмъ молодому маэстро удѣлялъ только ничтожную часть изъ денегъ, получаемыхъ отъ музыкальныхъ издателей. Много прошло времени прежде, чѣмъ Бетховенъ, увлеченный порывами вдохновенія, замѣтилъ эти разсчеты. Отсюда родилась та недовѣрчивость къ людямъ, которая никогда не оставляла великаго артиста, и впослѣдствіи времени, соединившись съ глухотою, запечатлѣла его музыкальный геній характеромъ, совершенно противоположнымъ его первымъ созданіямъ.

«Творенія Бетховена можно раздѣлить на двѣ различныя категоріи: первыя, чистыя, мелодическія, доступныя каждому музыкальному уху, носятъ отпечатокъ строгаго классицизма, оплодотвореннаго творческимъ геніемъ; послѣднія выказываютъ совершенно новое направленіе; они отличаются какимъ-то туманнымъ, меланхолическимъ настроеніемъ: это сліяніе мужественной энергіи и глубокаго мистицизма, чтобы вѣрно оцѣнить ихъ, необходимо напряженное вниманіе и въ особенности точное, строгое сужденіе.

«Я всегда любилъ чудесныя гармоніи, разсѣянныя въ первыхъ квартетахъ и квинтетахъ Бетховена, и сожалѣлъ объ одномъ, что репертуаръ знаменитаго композитора, въ этомъ родѣ музыки, былъ слишкомъ ограниченъ. Разъ, въ 1823 году, мнѣ пришла мысль обратиться прямо къ Бетховену и просить, чтобы онъ написалъ для меня три новыхъ квартета. Мѣсяцъ спустя, я получилъ отвѣтъ. Бетховенъ писалъ, что онъ готовъ исполнить мое желаніе; только не можетъ назначить срокъ, когда окончитъ обѣщанную работу, потому что онъ не принадлежитъ къ числу поденщиковъ, а пишетъ только въ минуты вдохновенія. Онъ назначилъ по пятидесяти червонцевъ за квартетъ. Послѣ этого письма, между нами установилась постоянная переписка.»

«Наконецъ, весною 1825 года, я получилъ первый изъ трехъ обѣщанныхъ квартетовъ. Но еще до этого времени, какъ-будто для вознагражденія моего терпѣливаго ожиданія, Бетховенъ прислалъ мнѣ свою обѣдню. Онъ писалъ, что это было его любимое сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился со всѣмъ усердіемъ и долгое время. Жители Петербуга познакомились съ этимъ колоссальнымъ произведеніемъ въ мартѣ 1824 года. Въ это время Бетховенъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая угрожала ему смертью. Почувствовавъ облегченіе, онъ тотчасъ принялся за другой квартетъ, въ которомъ дышитъ глубокое, теплое чувство. Быть можетъ, это самый лучшій квартетъ изъ всѣхъ написанныхъ Бетховеномъ; но какого совершенства требуетъ онъ отъ смычка, какой точности въ исполненіи цѣлой піесы! При посредственномъ исполненіи, эта музыка превращается въ настоящій хаосъ. Вскорѣ послѣ этого квартета, я получилъ и послѣдній, который былъ предсмертною пѣснью лебедя. Это самый длинный изъ всѣхъ трехъ: онъ состоитъ изъ шести частей и отличается рѣзкою оригинальностью.

«Кромѣ этихъ квартетовъ, Бетховенъ прислалъ мнѣ еще одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ твореній, тогда еще не изданныхъ въ свѣтъ; это увертюра, въ стилѣ Генделя, съ блестящею, великолѣпною инструментовкою; въ ней особенно послѣднее аллегро, исполняемое цѣлымъ оркестромъ, производитъ удивительный эффектъ. Эта увертюра, изданная впослѣдствіи Шоттомъ, въ Маинцѣ, безспорно составляетъ одинъ изъ безсмертныхъ памятниковъ генія Бетховена. Я желалъ подѣлиться со всѣмъ музыкальнымъ міромъ своимъ новымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и поспѣшилъ увѣдомить Бетховена, что позволилъ издать его прекрасныя творенія, въ его пользу. Въ самомъ дѣлѣ, его квартеты скоро были изданы въ Маинцѣ, Шоттомъ, который пріобрѣлъ ихъ въ свою собственность. Между тѣмъ, эти, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемые, квартеты были поводомъ къ ужаснымъ спорамъ между петербургскими виртуозами и дилетантами. Всѣ ожидали такой же музыки, какую привыкли слышать въ первыхъ произведеніяхъ великаго артиста; но вышло совсѣмъ иначе. Надо долго изучать эти піесы, чтобы исполнить ихъ въ совершенствѣ. Мысль автора скрывается въ противорѣчащихъ по видимому, фразахъ; но надо понять ее, и тогда развернутся вполнѣ рѣдкія сокровища, незамѣтныя для непосвященныхъ. Всякій разъ, какъ были у меня музыкальныя собранія, разыгрывались одни сочиненія Бетховена. Не смотря на насмѣшки и упреки за эту монотонію, мнѣ удалось наконецъ сроднить нашихъ лучшихъ артистовъ и дилетантовъ съ послѣдними произведеніями генія, опередившаго свой вѣкъ нѣсколькими десятками лѣтъ. Мое желаніе наконецъ исполнилось: не прошло десяти лѣтъ, какъ музыка Бетховена, считавшаяся, прежде неправильною, даже нелѣпою, проникла во всѣ салоны и концертныя залы нашей столицы, и дамы приходятъ въ восторгъ отъ тѣхъ музыкальныхъ красотъ, которыя прежде были порицаемы лучшими артистами.

«Получивъ первый квартетъ, я поспѣшилъ переслать его въ оригиналѣ, въ Парижъ къ господину Бальо (Balliot). Я былъ увѣренъ, что этотъ знаменитый артистъ съумѣетъ оцѣнить новыя произведенія знаменитаго композитора. Господинъ Бальо, возвративъ мнѣ рукопись, выразился такъ: «Бетховенъ вводитъ васъ въ новый міръ; вы проходите по дикимъ странамъ, по окраинамъ ст[illegible], когда насъ захватываетъ ночь; но пробуждаетесь, и вы перенеслись уже въ очаровательныя мѣста; кругомъ васъ земной эдемъ; солнце разсыпаетъ яркіе лучи и освѣщаетъ передъ вами великолѣпныя картины природы.» Ничто не можетъ дать болѣе точнаго понятія о послѣднихъ произведеніяхъ Бетховена, какъ эти метафоры. Въ нихъ дѣйствительно, разливается мѣстами какой-то мракъ; но онъ только усиливаетъ красоту небесныхъ гармоній, которыя исторгаются мгновенно какъ-будто изъ нѣдръ хаоса. Не отражается ли въ этомъ характерѣ музыки внутреннее настроеніе духа великаго артиста. Вообразите себѣ, какъ долженъ былъ страдать этотъ человѣкъ, непризнанный своими современниками, чуждый всему свѣту и, наконецъ, лишенный главнаго органа, который могъ доставлять ему отраду! Создавать образцы искусства и не имѣть способности слышать ихъ — это пытка Тантала!»

— Старая монастырская церковь въ Берлинѣ. Въ нынѣшнемъ году возобновлена въ Берлинѣ церковь, принадлежавшая нѣкогда къ древнему «Сѣрому Монастырю». Церковь эта построена въ 1290 году Яковомъ фонъ Нибеле и по близости ея находилось древнѣйшее мѣстопребываніе курфирстовъ Бранденбургскихъ. Въ этой церкви покоится прахъ герцога Саксонскаго Эрнста, скончавшагося въ 1500 году. Внутренность ея возобновлена и украшена согласно древнему стилю ея; 13-го апрѣля былъ день освященія и открытія ея, на которомъ присутствовала королевская фамилія.

— Къ замѣчательнымъ памятникамъ зодчества принадлежитъ также древняя церковь въ Дронтгеймѣ. Она построена также въ концѣ XIII столѣтія и прекрасно сохранилась до нашихъ временъ.

— Въ бытность Австрійскаго Императора въ Грецѣ, тамошнее начальство учредило въ честь его празднество, напоминавшее торжества среднихъ вѣковъ. Заимствуемъ изъ тамошней газеты описаніе празднества:

«Ихъ императорскія величества отправились въ сопровожденіи всего двора къ загородному дворцу, портикъ и фасадъ котораго были иллюминованы великолѣпнымъ образомъ. На обширномъ дворѣ, при яркомъ свѣтѣ факеловъ, стояли рыцари въ полномъ вооруженіи. Зрѣлище было великолѣпное. Раздалась громкая военная музыка. Воины, дотолѣ стоявшіе неподвижно, подобно статуямъ, вдругъ тронулись и турниръ начался. Вскорѣ тучи, покрывавшія небо, разсѣялись, и луна освѣтила дивную картину. Послѣ многихъ, весьма оригинальныхъ эволюцій, герольдъ при звукѣ трубъ и литавръ возвѣстилъ объ окончаніи боя, и празднество заключилось великолѣпнымъ ужиномъ.

— Давно уже говорятъ о проэктахъ прорыть Панамскій перешеекъ, чтобы посредствомъ канала соединить Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Но, кажется, только въ настоящее время, въ Англіи, составляется одна компанія, которая берется исполнить это громадное предпріятіе, съ тѣмъ, чтобы всѣ выгоды были предоставлены исключительно Великобританіи. Въ началѣ сентября, въ Лондонъ прибылъ какой-то англійскій инженерный офицеръ, и свой планъ о проведеніи канала черезъ перешеекъ предложилъ знаменитѣйшимъ англійскимъ банкирамъ, которые составили комитетъ для подробнаго разсмотрѣнія этого дѣла и рѣшительнаго заключенія. Компанія, принимающая на себя издержки по этому предпріятію, предполагаетъ завести пароходы, изъ которыхъ одни будутъ ходить между портами Англіи и Чагреса, тогда какъ другіе должны плавать по Тихому океану отъ Панамскаго перешейка до Чили и другихъ прибрежныхъ странъ Южной Америки.

— Кажется, что болѣзнь, замѣченная въ сахарномъ тростникѣ, въ Бурбонѣ, не представляетъ большой опасности. Эта болѣзнь обнаружилась только на нѣкоторыхъ болотистыхъ плантаціяхъ, мало обогрѣваемыхъ солнцемъ. Губернаторъ ограничился тѣмъ, что приказалъ вырвать и сжечь больныя растенія.

— Вольное Эрское общество, въ общемъ собраніи, въ апрѣлѣ будущаго года, назначитъ золотую медаль, въ триста франковъ, тому, кто напишетъ лучшее стихотвореніе на тему: *Николай Пуссенъ и его памятникъ.* Это стихотвореніе будетъ прочитано при торжественномъ открытіи статуи Пуссена, въ Андели, весною 1846 года.

Сочинители должны прислать свои рукописи на имя секретаря общества, не позже 31 декабря 1845 года. Сочинители не должны подписывать своихъ именъ, но написать въ началѣ стихотворенія какое-нибудь изрѣченіе, либо девизъ; тотъ же самый девизъ долженъ быть написанъ въ запечатанной записочкѣ, съ именемъ и адресомъ автора. Эта записочка будетъ распечатана только въ томъ случаѣ, когда авторъ будетъ признанъ достойнымъ награды. Всѣ остальныя будутъ сожжены.

— Въ Gazette des Tribunaux напечатано: «Одна бѣдная дѣвушка изъ окрестностей Мо, Виргинія Вольe, со стыда и раскаянія отъ перваго проступка, оставила свою родину и унесла съ собою ребенка — плодъ преступной любви. Три года тому назадъ, она пришла въ Парижъ, съ твердымъ намѣреніемъ собственными трудами зарабатывать насущный хлѣбъ и возвратить себѣ, примѣрнымъ поведеніемъ, прежнее уваженіе своего семейства. Будучи связана попеченіями о ребенкѣ, она не могла никуда поступить на службу, и рѣшилась заняться шитьемъ. Она скоро выучилась чинить кашмиры, и, при помощи труда и лишеній, успѣла накопить небольшую сумму денегъ.

Четыре мѣсяца тому, является къ ней молодой человѣкъ, съ свѣтскими манерами и красною ленточкою въ петлицѣ. Онъ назвался офицеромъ Африканской арміи, уволеннымъ за ранами, впредь до выздоровленія.

— Вашъ братъ, произведенный теперь въ капралы, сказалъ онъ Виргиніи, спасъ мнѣ жизнь въ томъ дѣлѣ, гдѣ я былъ такъ тяжело раненъ, и въ награду за эту услугу требовалъ только, чтобы я постарался отъискать ваше убѣжище и сказалъ вамъ, что несчастье, постигшее васъ, нисколько не уменьшило его любви къ вамъ. Я бы перерылъ весь Парижъ, чтобы только исполнить долгъ этотъ. Къ счастью у меня есть друзья, занимающіе значительныя мѣста, которые облегчили мнѣ этотъ трудъ. Теперь я считаю себя тысячу разъ счастливымъ, что нашелъ васъ, и прошу позволить мнѣ иногда навѣщать васъ, чтобы вмѣстѣ говорить о вашемъ братцѣ.

Виргинія была въ восторгѣ, потому что очень любила своего брата, и этотъ поступокъ казался ей началомъ семейнаго примиренія. Посѣщенія мнимаго офицера становились все чаще и чаще: короче сказать, любовь вмѣшалась въ дѣло, и офицеръ предложилъ молодой дѣвушкѣ свою руку, обѣщая усыновить ея ребенка. Это была любимая мечта бѣдной Виргиніи. Короткость между молодыми людьми съ каждымъ днемъ увеличивалась. Уже офицеръ нѣсколько разъ занималъ деньги у своей невѣсты, въ ожиданіи, какъ говорилъ онъ, пока ему вышлютъ значительную часть назначеннаго жалованья, которое не могутъ долѣе задерживать. Несчастная дѣвушка была очень далека отъ малѣйшаго подозрѣнія на счетъ честности этого великодушнаго человѣка, который вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться отцомъ ея дитяти; она взяла, изъ угожденія къ нему, свои деньги, находившіяся въ сберегательной кассѣ, и продала акцію на желѣзную Руанскую дорогу.

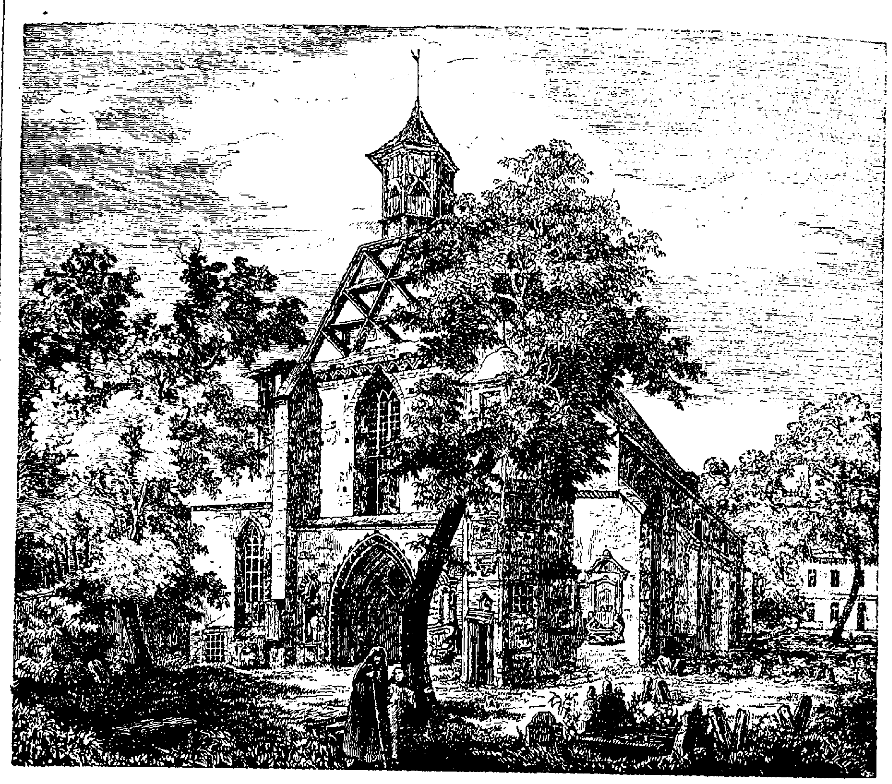
Когда, вѣроятно, плоды всѣхъ этихъ пожертвованій истощились, ложный офицеръ явился къ Виргиніи, сильно, по-видимому, опечаленный.

— Большое несчастье поразило насъ, сказалъ онъ; Африканская армія потерпѣла жестокое и неожиданное пораженіе; всѣ отставные офицеры призываются на службу и мнѣ только позволили остаться на двое сутокъ въ Парижѣ.

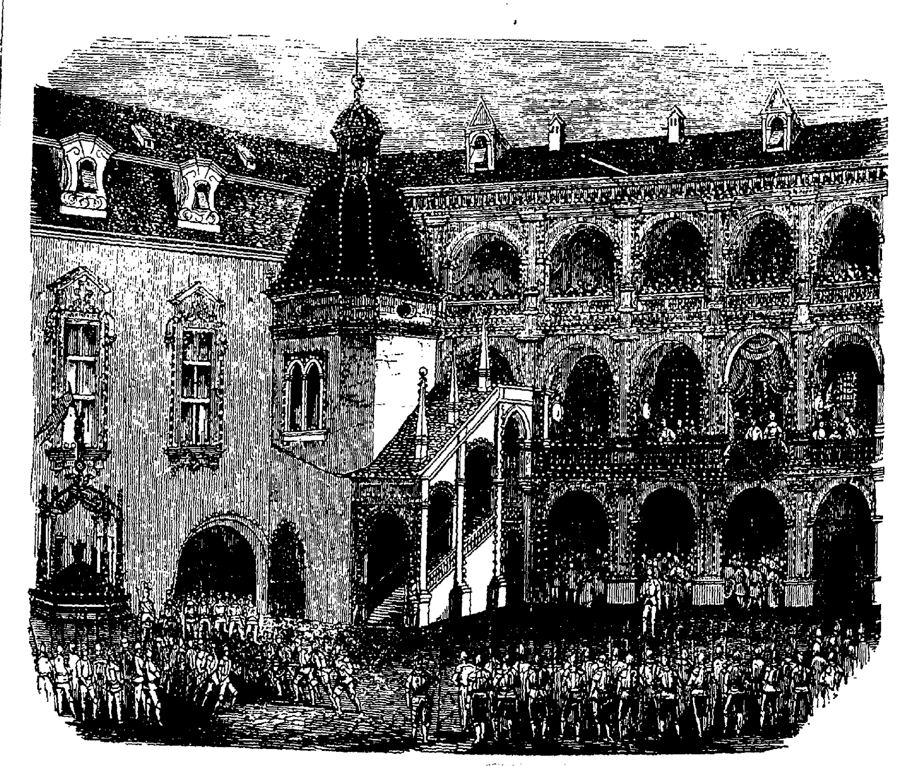
Послѣ первыхъ минутъ горести, любовники начали совѣтываться о томъ, какъ бы отклонить угрожавшій имъ ударъ.

— Можно было бы найти средство, сказалъ офицеръ; ежели бы у меня было довольно денегъ, я бы взялъ тебя съ собою, и пріѣхавъ въ Алжиръ, выпросилъ бы у полковника, который любитъ меня какъ сына, позволеніе жениться на тебѣ. Къ несчастію, у меня нѣтъ теперь ни одного франка въ карманѣ.

— О, за этимъ дѣло не станетъ, воскликнула Виргинія; продавъ всю свою мебель и золотыя вещи, я могу набрать 1200 или 1500 франковъ.



Древняя монастырская церковь въ Берлинѣ.

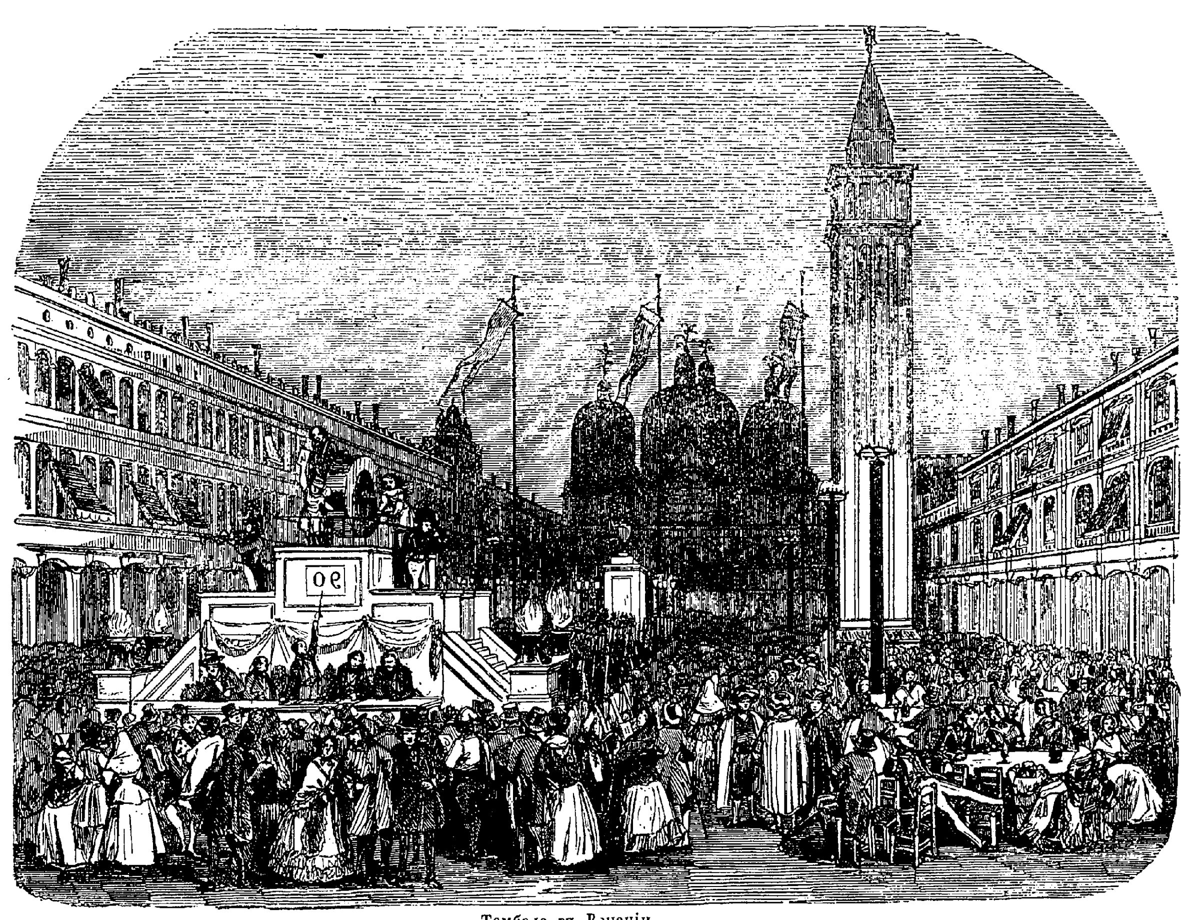


Турниръ въ Грецѣ.

— Такъ продай же, моя милая, ежели только это пожертвованіе не будетъ тебѣ слишкомъ въ тягость; продай, намъ нужно поторопиться.

Все было продано. Виргинія наняла въ гостинницѣ комнату на остальные два дня, которые ей должно было провести въ Парижѣ, и послѣ шила взять себѣ паспортъ. Наконецъ все было готово; женихъ и невѣста, собираясь ѣхать, отправились обѣдать въ одно заведеніе, не далеко отъ Новаго моста. Когда былъ поданъ дессертъ, офицеръ сказалъ, что ему нужно сходить за нѣкоторыми мелочными покупками. Виргинія отдала ему кошелекъ, въ которомъ было все ея богатство, и онъ вышелъ, обѣщая черезъ нѣсколько минутъ возвратиться; но онъ исчезъ.

Нельзя вообразить себѣ отчаянья несча-


Томбола въ Венеціи.

Древняя церковь въ Дронтгеймѣ.

тной дѣвушки, когда послѣдняя надежда ея рушилась. Особы, принимающія въ ней участіе, употребили всѣ средства къ отысканію того, кто избралъ ее своею жертвой; но всѣ усилія были напрасны, и должно полагать, что этотъ человѣкъ тотчасъ же оставилъ Парижъ.

— Тому нѣсколько дней, два студента, изъ Вервье, отправились, по желѣзной дорогѣ, въ Брюссель. Въ Льежѣ, присоединился къ нимъ какой-то господинъ съ довольно-выразительною физіономіею. Между сосѣдями тотчасъ завязался разговоръ. Одинъ изъ студентовъ сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Брюссель, съ намѣреніемъ держать экзаменъ, и что имѣетъ рекомендательное письмо къ одному изъ членовъ конференціи. Незнакомецъ полюбопытствовалъ видѣть это письмо. Взглянувъ на адресъ, онъ принялъ важный видъ и сказалъ: что онъ самъ и есть тотъ членъ конференціи М., къ которому адресовано письмо. Потомъ, онъ распечаталъ интересное посланіе, прочиталъ и снова продолжалъ бесѣду съ молодыми людьми. Онъ обнадеживалъ ихъ въ своемъ покровительствѣ, давалъ совѣты и говорилъ все такимъ академическимъ тономъ, что нельзя было усомниться въ его ученомъ санѣ. Ему надо было остановиться, по какимъ-то дѣламъ, въ Малинѣ. Здѣсь, онъ простился съ молодыми студентами, но потомъ, какъ будто одумавшись, предложилъ имъ вмѣстѣ провести время, до прибытія паровоза, и пригласилъ ихъ въ одинъ кофейный домъ, чтобы распить бутылку вина за успѣхъ будущаго экзамена. Предложеніе было принято. Приходятъ въ кофейный домъ, пьютъ, говорятъ; между тѣмъ настаетъ время отъѣзда; надо было разстаться.

Профессоръ призываетъ слугу, требуетъ счетъ. Но въ эту минуту, онъ узнаетъ печальную истину, что у него похитили кошелекъ. Это несчастіе поразило его тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ закупить книги для одного изъ своихъ товарищей по службѣ. Онъ не можетъ скрыть своего безпокойства; натурально, что молодые собесѣдники спѣшатъ предложить свои услуги, и еще натуральнѣе, что онъ принимаетъ ихъ съ чувствомъ признательности. Ему нужно не болѣе двухъ сотъ пятидесяти франковъ и то только до завтрашняго свиданія на экзаменѣ.

На другой день студенты ожидаютъ увидѣть своего кредитора. Но кредиторъ не является. Между тѣмъ они узнаютъ, что профессоръ М. и не думалъ никуда отлучаться изъ Брюсселя. Теперь они поняли, что попали въ просакъ.

Впрочемъ заимодавецъ доказалъ, что онъ былъ не совсѣмъ лишенъ деликатности, потому что,

кромѣ новой Польки А. С. Даргомыжскаго, не нашли ничего интереснаго. За то эта Полька истинно прекрасна; легка, граціозна, исполнена нѣги; рисунки всѣхъ частей милы, въ особенности четвертой, а для колориту переходная фраза къ началу, въ славянскомъ родѣ. Мы слышали, что А. С. Даргомыжскій занимается теперь Кантатой обширнаго размѣра на нѣсколько голосовъ съ оркестромъ. Давай Богъ! Но Александръ Сергѣевичъ, мы ждемъ отъ васъ оперы, оперы, оперы! Одна только опера развиваетъ народную музыку; ее слушаютъ всѣ; мотивы ваши разносятъ нѣсколько тысячь людей различнаго состоянія и образованія; невидимо устанавливается народный, свой вкусъ, который вліяніемъ Италіянской оперы можетъ только очищаться, а не созидаться. Италіянская опера роскошь, Русская — народная нужда. Чтобы ни говорили и ни писали люди имѣющіе притязаніе на европейскую образованность, и не понимающіе хорошенько предмета своихъ притязаній, а мы всегда того мнѣнія, что образованность есть усовершеніе врожденныхъ качествъ и способностей, а не прививка чужихъ; слѣдственно въ образованности каждой націи существо должна быть ея народность. Желаніе казаться Французомъ не есть желаніе образованія. Напротивъ, намъ всегда пріятно видѣть, когда Русскіе стараются всѣмъ и каждому показать, что они Русскіе и національныхъ своихъ добродѣтелей не только не стыдятся, но берегутъ и пестуютъ ихъ, какъ святое наслѣдіе предковъ.

— Странно, а случилось такъ. Въ самое то время когда мы оканчивали предшествующую фразу, принесли письмо и рисунокъ. Мы поспѣшили рисунокъ награвировать и помѣстить его тутъ же, а письмо прочтите!

Милостивой Государь!

Не разъ въ газетѣ вашей вы печатали статьи о нашемъ добромъ и благотворительномъ милліонерѣ, коммерціи совѣтникѣ В. Г. Жуковѣ, и потому, надѣюсь, не откажете помѣстить нѣсколько строкъ о праздникѣ, который видѣлъ я случайно у Жукова 21-го числа этого мѣсяца; этотъ праздникъ былъ въ Петербургѣ, былъ шуменъ и веселъ, и на немъ, увы! не было ни польки, ни преферанса, не было пышно-разряженныхъ дамъ, ни затянутыхъ кавалеровъ; объ этомъ праздникѣ не говорятъ здѣсь въ *обществѣ*, но будутъ знать далеко на Руси, не разъ, не два порасскажетъ о немъ, какъ о сказочномъ пирѣ, какой нибудь бѣднякъ плотникъ или каменщикъ, далеко отсюда на своей родинѣ при свѣтѣ лучины, подъ шумъ веретена и клики удивленія своихъ родныхъ.

9-го августа этого года, на углу Садовой и Гороховой начали ломать старый каменный домъ, а около половины октября, на этомъ мѣстѣ уже красовался подъ крышей новый каменный домъ, въ четыре этажа съ подвалами, изящной, благородной архитектуры, словно волшебствомъ созданный капиталомъ и стараніями Жукова и талантомъ молодаго нашего архитектора, Н. П. Гренки. Глядя на этотъ громадный домъ, имѣющій длины въ фасадъ около шестидесяти саженей, состроенный красиво, роскошно и прочно всего въ пятьдесятъ рабочихъ дней, по неволѣ скажешь: трудъ и деньги чего не сдѣлаютъ!..

При быстрой постройкѣ невольно раждается мысль о ея непрочности; Жуковъ, какъ добрый христіанинъ, самъ объ этомъ думалъ, и ежедневно съ утра до ночи самъ присутствовалъ при постройкѣ дома, часто тамъ и обѣдалъ, часто, говорятъ, самъ своими руками исправлялъ кладку камней, училъ рабочихъ, ободрялъ ихъ и обѣщалъ, коли окончатъ домъ благополучно, сдѣлать для нихъ праздникъ.

Утромъ въ воскресенье, 21 числа, были розданы отъ Жукова всѣмъ рабочимъ подарки, каждому по красной рубахѣ и синимъ шароварамъ — а всѣхъ рабочихъ, говорятъ, было около 800 человѣкъ! — и они были собраны въ новомъ домѣ; въ 12 часу пріѣхалъ туда самъ хозяинъ въ сопровожденіи священника; принесли икону Николая Чудотворца, и праздникъ начался по Русскому, православному, обычаю — молитвой. Послѣ молебна, работники, всѣ одѣтые въ новыя красныя рубахи, выпили по чаркѣ и стали обѣдать. Хозяинъ ходилъ между ними, говорилъ съ ними по ихнему, шутилъ, шутя давалъ совѣты, ставилъ себя въ примѣръ, какъ Богъ награждаетъ трудъ, и напѣнивъ бокалъ шампанскаго, пилъ за ихъ здоровье.

Восторга гостей добрыхъ мужичковъ описать невозможно.

Послѣ обѣда, на широкомъ дворѣ новаго дома, выстланномъ досками, собрались извѣстные Жуковскіе пѣсенники. Рабочіе красиво группировались кругомъ въ видѣ амфитеатра; окна всѣхъ четырехъ этажей были биткомъ набиты зрителями.

Сначала пѣсенники запѣли заунывную Русскую пѣсню... но постепенно звуки лились все живѣе и живѣе, тактъ ускорялся и, наконецъ, перешелъ въ *плясовую*; загремѣли бубны, залился рожекъ и, быстро раздвигая толпу, выскочилъ на площадку ловкій бѣлокурый парень, поклонился вправо, влѣво, подбоченился, вскинулъ руки кверху и закружился въ пляскѣ. Крики одобренія привѣтствовали плясуна — и точно, движенія плясуна, вольныя, размашистыя, безпечныя, какъ жизнь Русскаго человѣка, были полны огня и вдохновенія.

Пирушка рабочихъ на дворѣ новаго дома В. Г. Жукова.

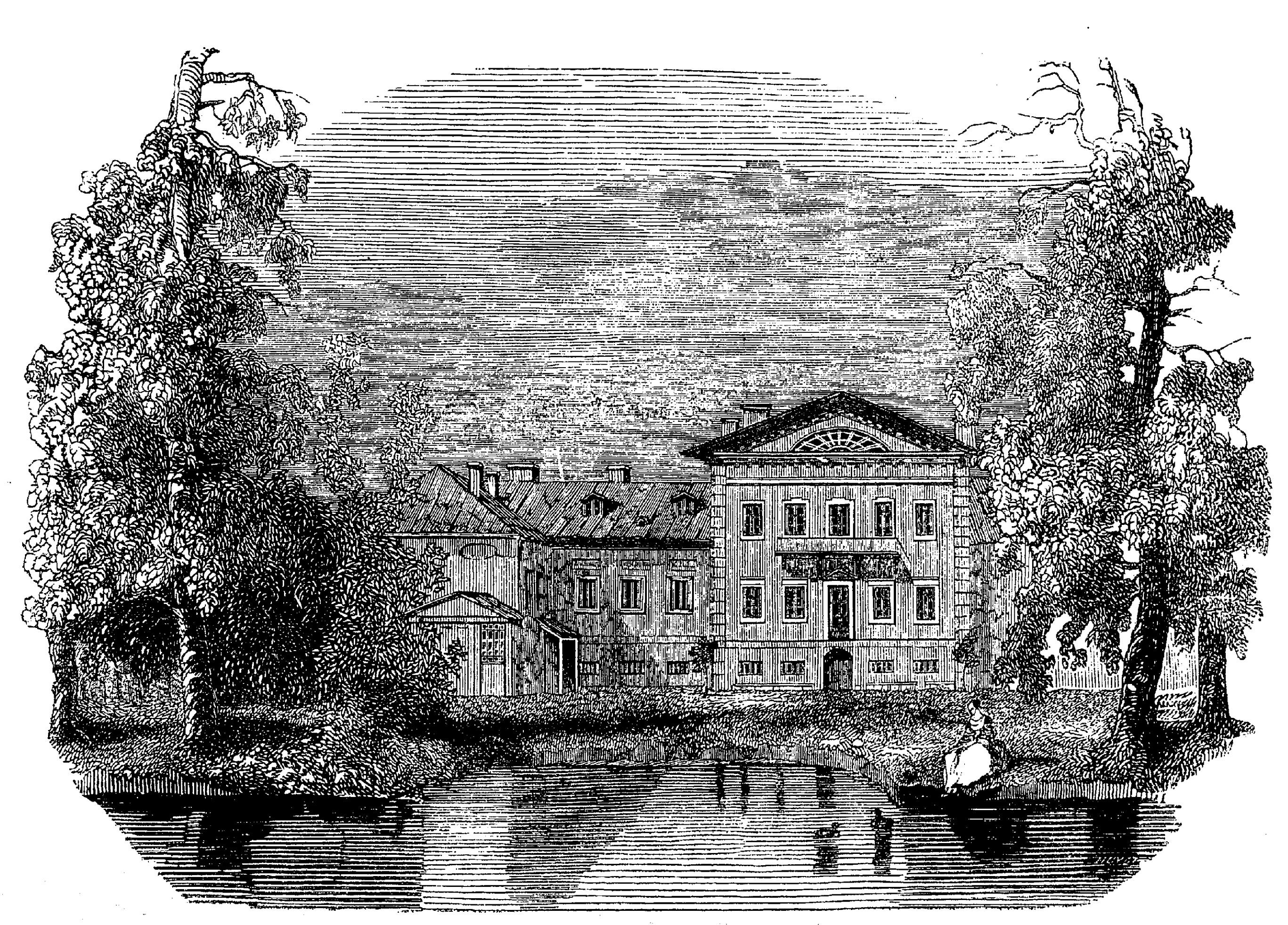
Долго смотрѣла изъ толпы на плясуна, рыжая бородка, шевеля то однимъ, то другимъ плечомъ, наконецъ не выдержала: шляпу о землю, присвиснула, притопнула и пошла плясать!.. Примѣръ заразителенъ, слѣдовательно, можете представить сколько тутъ являлось охотниковъ, и какъ это все отъ души плясало!..И не удивительно: эти люди-труженики, окончивъ свои работы, идутъ на отдыхъ домой, къ *своимъ*; у нихъ въ карманѣ есть деньги, обезпечивающія ихъ семейства; у нихъ есть отъ добраго хозяина цѣнные подарки, которыми можно прихвастнуть въ деревнѣ; притомъ они сытно пообѣдали, выпили по чаркѣ, а можетъ быть, и по двѣ, и пируютъ у человѣка, говорящаго съ ними ихъ рѣчью, пьющаго ихъ здоровье и обѣщающаго имъ свою помощь и покровительство: а они знаютъ, что обѣщанія Жукова говорятся не на вѣтеръ. Какъ тутъ не быть веселыми?

Долго тѣшились рабочіе на-распашку, всякій придумывалъ танецъ своей стороны, своей де-

ревни, и плясали его до упаду. Наконецъ, Жуковъ приказалъ на прощанье запѣть: *Боже, Царя храни!* и нѣсколько сотъ голосовъ чинно, благоговѣйно запѣли этотъ прекрасный, торжественный гимнъ. Вслѣдъ за этимъ загремѣло ура, шапки полетѣли кверху и Жуковъ ушелъ домой, напутствуемый кликами радости, благодарности, молитвъ и благословеній!..

25 октября
1845.

Мы совершенно раздѣляемъ и мысли и чувствованія нашего почтеннаго корреспондента. Дѣйствительно, постройка такого огромнаго дома въ такое короткое время нѣчто баснословное. Правду сказалъ кто-то, что въ Петербургѣ дома ростутъ какъ грибы, за то и прочность ихъ грибная. Но этого нельзя сказать о домѣ В. Г. Жукова. Тутъ каждый камень ложился на свое мѣсто подъ личнымъ ежедневнымъ надзоромъ и хозяина и архитектора. Самые красивые дома принадлежатъ нашимъ боярамъ; самые огромные и прочные, нашему купечеству. Нельзя того же сказать и о дачахъ: самыя огромныя принадлежатъ боярамъ; дачи нашего купечества гораздо меньше и не такъ нарядны. Мы должны, однако же, сдѣлать нѣкоторыя исключенія, а именно дачи В. Г. Жукова, которую читатели Иллюстраціи уже видѣли, и дачи коммерціи совѣтника Понамарева, съ которой прилагаемъ гравюру.



Дача Г. Понамарева.

На этой недѣлѣ возвѣщено было первое представленіе давно ожидаемой оперы Верди: I Lombardi alla prima crocciata, сирѣчь, Ломбарды въ первомъ Крестовомъ походѣ. Новый композиторъ, новая примадонна Мольтини, новыя декораціи, — все это въ слушателяхъ Италіянской оперы втораго абонимента возбудило живѣйшее любопытство и нетерпѣніе. Обыкновенно любители, и притомъ страстные, Италіянскаго пѣнія, съѣзжаются въ театръ тогда уже, когда прошла первая половина перваго акта; это случается именно изъ сильной любви къ Италіянской музыкѣ. На этотъ разъ не пробило еще и семи часовъ, театръ уже былъ полонъ; букетовъ не мало въ бѣленькихъ ручкахъ, но больше бѣленькихъ книжекъ, этой необходимой предосторожности для слушанья новыхъ оперъ. Къ несчастію, и эта предосторожность не всегда бываетъ дѣйствительна... Замѣтивъ, что пріѣхали рано, мы рѣшились воспользоваться временемъ и прочитали либретто. Изъ онаго уразумѣли, что въ Миланѣ жили два брата, Арвино и Пагано. Первый женился на Виклиндѣ и возбудилъ ревность брата, который изранилъ Арвино, но неловко; тотъ остался живъ, а Пагано изгнанъ. Ложный миръ возстановилъ ложную тишину. Пагано для того только и примирился, чтобы убить брата; но опять ошибся и убилъ отца. Во второмъ актѣ является Аччіано, владыка Антіохіи; у него сынъ Оронтъ, сынъ отъ христіанки, а въ плѣну неизвѣстно какимъ образомъ Жизельда, дочь Арвино. Слышно, что крестоносцы уже близко. Пустынникъ ихъ ожидаетъ, и въ это вр мя встрѣчаетъ ренегата, нѣкогда сообщника злаго Пагано. Ренегатъ кается, а пустынникъ велитъ ему отворить христіанамъ врата Антіохіи. Являются крестоносцы подъ начальствомъ Арвино, берутъ Антіохію, освобождаютъ Жизельду; но она не рада своей свободѣ, потому что ложный слухъ, будто бы крестоносцы убили Оронта, доводитъ ее до изступленія. Въ третьемъ актѣ, Жизельда прогуливается по стану, встрѣчается съ Оронтомъ, котораго по ошибкѣ не убили, и убѣгаетъ съ нимъ. Но погоня настигла бѣглецовъ; они успѣли уйти въ пещеру, но Оронтъ смертельно раненъ; приходитъ пустынникъ, наврашаетъ Оронта, который за тѣмъ безошибочно умираетъ. Въ четвертомъ актѣ Жизельда сидитъ на скалѣ и видитъ во снѣ Оронта и ангеловъ. Между тѣмъ начинается приступъ къ Іерусалиму; пустынникъ смертельно раненъ; его приводятъ въ пещеру; тутъ узнаютъ, что онъ Пагано. Онъ умираетъ покойно, потому что видитъ знамена крестоносцевъ на стѣнахъ Іерусалимскихъ. Не правда ли, либретто обѣщало много эффектовъ, ожиданіе возрасло; оркестръ заигралъ печально и съ первыхъ тактовъ мы узнали Люкрецію Борджіа. Поднялась занавѣсъ, не оставалось болѣзнь сомнѣнія; болѣзнь г. Тамбурини заставила перемѣнить спектакль. Въ Лукреціи, публика услышала въ третій разъ г. Сальви и въ первый разъ г. Коради.

— Въ литературѣ все обстоитъ по прежнему. Всякая величина осыпаетъ своимъ огнемъ всѣ другіе журналы и газеты, но преимущественно Иллюстрацію. Новыхъ сочиненій мало; и даже въ виду не имѣется. Поговариваютъ о какихъ-то Запискахъ, въ которыхъ ярко писана дружба автора со всѣми покойными знаменитостями нашей литературы. Но кто вѣритъ Запискамъ, которыя сочиняются за-живо, съ цѣлію — издать или, лучше сказать, продать свои воспоминанія. Поговариваютъ еще о десяткѣ подобныхъ спекуляцій; но всѣ эти изданія не принадлежатъ къ литературѣ. Это все — нѣчто въ родѣ маленькаго базара у воротъ литературы, а литература, будто оставленное зданіе, никѣмъ необитаемое, на глухо заколоченное, дичаетъ все болѣе и болѣе.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе.

Благотворительною заботливостью с. с-ва, князя М. С. Воронцова о Новороссійскомъ краѣ, возникъ въ недавнее время, на сѣверо-восточномъ берегу Азовскаго моря, прекрасный портовой городъ *Бердянскъ*. Флаги купеческихъ кораблей оживили удобную бухту и привлекли торговыхъ людей къ берегу, на которомъ еще недавно стояли однѣ бѣдныя хижины Ногайцевъ и рыбаковъ. Теперь замѣнили ихъ красивыя капитальныя зданія, и, судя по началу, можно надѣяться, что скоро Бердянскъ будетъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Новороссійскаго края.

Попеченія князя М. С. Воронцова не ограничились доставленіемъ Бердянску выгодъ со стороны моря. Его сіятельство желалъ привлечь къ этому городу людей, промышляющихъ сухопутною торговлею и перевозкою разныхъ продуктовъ и матеріяловъ въ губерніяхъ юго-восточной Россіи. Въ этомъ предположеніи, онъ обратилъ вниманіе на главнѣйшее произведеніе Крыма, соль.

Хотя вблизи Бердянска, въ 3-хъ и 4-хъ верстахъ, находится нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ, но въ нихъ рожденіе соли бываетъ весьма рѣдко и притомъ въ количествѣ очень ограниченномъ. Источники эти, съ 1805 года, Высочайше предоставлены въ пользу Ногайцевъ, безъ права вызова за черту земли, симъ народомъ обитаемой. Такъ какъ по этому соль, добываемая иногда изъ Бердянскихъ источниковъ, не могла осуществить мысли о привлеченіи къ этому городу сухопутныхъ транспортовъ, то его сіятельство, по сношенію съ г. министромъ финансовъ, исходатайствовалъ, въ 1842 году, въ первый разъ для города Бердянска 200 тысячъ пудъ соли отъ Крымскихъ соляныхъ запасовъ.

Количество это составило первый Бердянскій соляной магазинъ, изъ котораго производилась продажа, сперва нѣсколько медленно, но въ скоромъ времени, двухъ-сотъ тысячный запасъ соли оказался весьма ничтожнымъ, когда въ сухопутныхъ торговыхъ сношеніяхъ отозвалась польза прекрасной мысли генералъ-губернатора. Первая соль была перевезена въ Бердянскъ отъ Ѳеодосійскаго за г. Керчью. До Керченскаго порта надобно было везти ее на фурахъ, и тамъ уже нагружать на суда, для отправки въ Бердянскъ. Дальняя перевозка, съ перегрузкою съ фуръ на суда, представляла и затрудненія и траты денегъ довольно значительныя; ближайшихъ же пунктовъ, откуда была бы возможность отправлять соль, не имѣлось, потому что лежащее въ 15-ти верстахъ отъ г. Керчи соляное Чокракское озеро, бывшее нѣкогда богатымъ источникомъ, съ нѣкотораго времени, чрезвычайно оскудѣло. Не смотря, однако же, на отдаленную перевозку, сбытъ соли въ Бердянскѣ оказался полезнымъ, и въ прошедшемъ 1844 году надобность соли въ тамошнемъ магазинѣ утроилась. Къ несчастію, Крымское соляное правленіе, заботясь о доставленіи соли въ Бердянскъ, уже не имѣло возможности ассигновать къ отпуску 200 тысячъ пудъ вновь требуемой соли, даже и изъ запасовъ Ѳеодосійскаго Экленскаго озера, по причинѣ совершеннаго ихъ истощенія. Оставалось одно средство: отправить соль изъ Эвпаторіи отъ озера Сакскаго. При исполненіи этой перевозки погибли два судна, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ каботажныхъ судовъ, истребленныхъ бурями несчастнаго мореплаванія 1844 года. Въ такомъ положеніи находилась статья о снабженіи солью Бердянскаго магазина отъ Крымскихъ запасовъ.

Между тѣмъ, извѣстно, что Азовское море къ западу сливается съ Сивашемъ или Гнилымъ моремъ, соединяясь съ нимъ проливомъ Геническимъ на сѣверной оконечности узкой Арабатской Стрѣлки. Въ 15-ти верстахъ отъ пролива, на Стрѣлкѣ лежитъ богатое Геническое озеро, при коемъ запасы соли могутъ въ счастливое добываніе простираться до 2-хъ милліоновъ пудъ и болѣе. Мѣстечко Геническъ, гдѣ помѣщенъ смотритель озера, лежитъ на крутыхъ берегахъ морей Азовскаго и Сиваша, при самомъ проливѣ, через который ходитъ паромъ саженяхъ на 30-ти

Близость разстоянія этого пункта отъ Бердянска, лежащаго на берегахъ того же моря, и изобиліе соли въ запасахъ Геническихъ, при первомъ взглядѣ приводили къ мысли о пользѣ, какую могла бы доставить связь этихъ пунктовъ, съ помощью каботажнаго судоходства; тогда исчезли бы затрудненія снабжать солью Бердянскъ, благодѣтельная цѣль его сіятельства князя Михаила Семеновича была бы достигнута и самое мѣстечко Геническъ, приходящее годъ отъ году болѣе къ бѣдности, могло бы воскреснуть, войдя въ сношенія съ богатымъ новымъ портомъ Азовскаго моря.

Управляющій Крымскимъ солянымъ правленіемъ, статскій совѣтникъ Озерецковскій, еще въ 1842 году, доложилъ объ этомъ князю М. С. Воронцову, и его сіятельство одобрилъ это предположеніе, предоставивъ ему озаботиться изысканіемъ средствъ къ приведенію въ дѣйствіе плана столь полезнаго. Не смотря на всю важность и предвидимую пользу подобнаго дѣйствія, исполненіе сего проэкта казалось сначала невозможнымъ, потому что часть Азовскаго моря на обширное пространство до Арабатской Стрѣлки и Геническа, признана была не судоходною и обмелѣвшею съ давняго времени. Геническъ стоялъ какъ бы на сухомъ матерꙗкѣ, при узкомъ проливѣ и мелководныхъ берегахъ Азовскаго моря, собирая свѣдѣнія и продолжая узнавать о потребностяхъ, до каботажнаго судоходства относящихся, г-нъ Озерецковскій узналъ, что въ Геническѣ есть еще жители, которые помнятъ, что лѣтъ 30 тому назадъ, къ ихъ проливу приходили за солью суда, но что впослѣдствіи наносные морскіе пески засыпали обширными мысами эту часть моря, и съ тѣхъ поръ прекратилось тамъ плаваніе, а съ тѣмъ и благоденствіе Геническа.

Воспользовавшись этимъ свѣдѣніемъ, г. Озерецковскій придумалъ обратиться къ градскому главѣ города Бердянска, 1-й гильдіи купцу. Н. С. Кобозеву, и убѣдилъ его испытать на опытѣ — нѣтъ ли какой нибудь возможности возобновить каботажное судоходство между двумя означенными пунктами Азовскаго моря? Г. Кобозевъ, человѣкъ извѣстный своими способностями и живымъ стремленіемъ къ пользамъ правительства и торговли, *рѣшился принять на себя* попытку, и, заключивъ контрактъ о поставкѣ соли въ Бердянскъ съ Крымскимъ правленіемъ, выстроилъ нарочно для этого опыта два каботажныхъ судна. Результатъ его усердія доказалъ удивительную несообразность всѣхъ прежнихъ мнѣній на счетъ невозможности каботажнаго плаванія между Геническомъ и Бердянскомъ. 11-го минувшаго мая, суда съ солью поплыли въ Бердянскъ отъ Геническаго пролива.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что примѣръ г-на Кобозева, измѣнивъ всѣ прежнія понятія о затрудненіи нагрузки соли въ Геническѣ, заставилъ тотчасъ другихъ солепромышленниковъ обратиться къ тому же пункту, и менѣе нежели въ мѣсяцъ, весь запасъ соли Геническаго озера, простиравшійся до 800 тысячъ пуд., поднятъ большею частію на суда и отправленъ въ Бердянскъ и Ростовъ, за исключеніемъ 150 тысячъ пуд., оставленныхъ въ запасѣ для казенныхъ надобностей при Генической дистанціи. Наконецъ послѣдствіе этихъ дѣйствій открыло г-ну Кобозеву обстоятельство, заслуживающее удивленія: оказалось, что песчаныя насыпи, сдѣланные морскимъ приливомъ, образовали въ одномъ мѣстѣ у берега родъ косы, за которою фарфатеръ столько удобенъ, что теперь суда, поднимающія до 3-хъ тысячъ пудъ соли, подходятъ къ самому берегу.

Столь неожиданный успѣхъ въ дѣлѣ, такъ важномъ для благоденствія двухъ городовъ — Бердянска и Геническа, признававшемся невозможнымъ, — успѣхъ, которымъ эти города обязаны благородному усердію и находчивости гг. Озерецковскаго и Кобозева, заслуживаетъ быть общеизвѣстнымъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

═

ДОРОГА.

Черными вѣтвями
Машетъ мнѣ сосна,
Тусклыми лучами
Свѣтитъ мнѣ луна,

И какъ вихрь несется
Тройка черезъ лѣсъ...
Сердце тихо бьется...
Мраченъ сводъ небесъ, —

Вторитъ откликъ дальній
Пѣснѣ ямщика, —
Будто вздоръ печальный,
Мнѣ звучитъ она.

Колоколъ унылый!
Сонъ навѣлъ ты мнѣ,
И край сердцу милый
Вижу я во снѣ.

Вижу домъ знакомый,
Вижу, кругъ родной,
Вижу будто дома
Отданъ мнѣ покой;

И въ саду завѣтномъ,
Я опять брожу,
Вновь въ рѣчахъ привѣтныхъ
Радость нахожу...

Но не долго тѣшилъ
Меня чудный сонъ;
Скоро все умчалось, —
И я пробужденъ...

Темная дорога
По лѣсу бѣжитъ,
Подъ дугой уныло
Колоколъ звенитъ, —

Мрачно ель киваетъ
Мнѣ издалека...
Сердце замираетъ,
Душу рветъ тоска.

М. Михайловъ

═

ДВѢ ПѢСНИ.

I.

Снова я, раздумья полный,
Въ книгу прошлаго гляжу,
Но страницъ отрадныхъ сердцу
Въ ней не много нахожу.

Здѣсь напрасныя стремленья,
Тамъ напрасная любовь;
И сильнѣе годъ отъ году
Холодѣетъ въ сердцѣ кровь!

А порой, и мнѣ казалось,
Счастье было найдено.
То же горе! Только счастьемъ
Притворилося оно!

Съ каждымъ днемъ дорога жизни
Все становится скучнѣй;
Но послушный волѣ рока,
Вяло я бреду по ней!

Безъ надежды, безъ желанья,
Какъ волна катится въ даль;
Впереди не вижу цѣли
И былаго мнѣ не жаль!..

II.

Доброй ночи! Ты сказала,
Подавая руку мнѣ.
И желала много счастья
Много радостей во снѣ.

Пусть до самаго разсвѣта
Спятся милыя черты,
Улыбаяся лукаво
Говорила другу ты.

И сбылось твое желанье!
И тебя увидѣлъ я...
Все твои мнѣ снились взоры,
Взоры полные огня!

Снилось—въ комнаткѣ уютной
Мы сидимъ съ тобой вдвоемъ;
На полу чертитъ узоры
Мѣсяцъ палевымъ лучемъ.

Ты меня лилейной ручкой
Привлекла на грудь свою,
Нѣжно въ очи цѣловала
И шептала мнѣ: люблю!...

И еще такъ много снилось!
Что за дивный сладкій сонъ..,
Пожелай, чтобы со мною
На яву случился онъ!..

А. Плещеевъ.

РУЧНЫЕ МЕДВѢДИ.

(*Выдержки изъ путевыхъ записокъ Г. и Н. Чернецов.*)

Гг. академики Чернецовы посѣтили живописнѣйшія мѣста, какъ Россіи, такъ Италіи и Востока. Путевыя ихъ записки истинный кладъ любопытнѣйшихъ замѣтокъ о разныхъ историческихъ и другихъ предметахъ. Мы надѣемся, что не разъ будемъ дѣлиться съ нашими читателями этими замѣтками, иллюстрованными самими художниками. Прекрасные рисунки ихъ, изображающіе нѣкоторые важнѣйшіе остатки старины и преданія помѣщены выше или еще гравируются, между тѣмъ мы спѣшимъ въ смѣси нашей подѣлиться забавною исторіею о медвѣдяхъ... Предоставляемъ разсказывать самимъ путешественникамъ.

«Отплывъ отъ Василь-Сурска, мы бросили якорь противъ Хмѣлевской слободы.— Рабочій разсказалъ намъ о любопытномъ промыслѣ крестьянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи. Они ловятъ сами и покупаютъ медвѣжатъ; платя отъ 10 до 20 р. ас. за медвѣженка, откармливаютъ, и когда медвѣжата нѣсколько подростутъ, продѣваютъ имъ въ губу желѣзное кольцо, называемое больницею. Это вступленіе въ ученье; съ помощью больницы медвѣжонокъ дѣлается послушнымъ, покорнымъ и учится разнымъ медвѣжьимъ наукамъ. Понятливые быстро успѣваютъ, такъ что въ полгода дѣлаются совершенно образованными медвѣдями. Лѣнивцы и съ тупыми способностями продолжаютъ курсъ годъ и даже два; бываютъ примѣры, что наука совсѣмъ не идетъ въ прокъ; ученикъ отбивается отъ рукъ; тогда изъ ученика дѣлаютъ шубу, и кончено. Для медвѣдя, съ успѣхомъ окончившаго курсъ наукъ, нанимаютъ мальчика, который играетъ роль козы, а въ медвѣжьей пляскѣ — коза необходимая принадлежность. Съ такимъ спутникомъ медвѣдь отправляется путешествовать во всѣ концы Россіи, иногда за тысячу верстъ и болѣе. Зимою строятъ для ученаго медвѣжьяго сословія анбары и кормятъ ихъ почти одною мякиною; къ веснѣ они по-неволѣ отощаютъ. Послушные и смѣтливые живутъ у хозяевъ лѣтъ по десяти и болѣе, разстаются уже въ старости и на память оставляютъ свои шкуры; съ хожалыми свыкаются и даже пріобрѣтаютъ къ нимъ искреннюю признательность. Намъ самимъ случалось видѣть роздыхъ путешественниковъ; всѣ трое, хожалый, медвѣдь и коза отдыхали; мы не могли не подивиться довѣренности хожалаго. Съ нимъ рядомъ спалъ медвѣдь, обнявъ друга лапою. Въ селѣ Ключищахъ, Сергацскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, до 80-ти медвѣдей, составляющихъ главный ихъ промыселъ. Не очень давно, весною, одинъ хожалый съ мишкой долженъ былъ переправиться черезъ рѣчку. Лодка была такъ мала, что обоимъ путникамъ нельзя было помѣститься. Хожалый поступилъ не по-дружески: самъ сѣлъ въ лодку, а медвѣдя привязалъ къ кушаку и поѣхалъ. Миша, которому не преподавали морской науки, вздумалъ пересѣсть въ лодку, ухватился за бортъ, и опрокинулъ лодку. Связанный съ медвѣдемъ хожалый захлебнулся, но медвѣдь вытащилъ его на берегъ; видя, что онъ не встаетъ, медвѣдь поднялъ хожалаго и давай ставить его на ноги. Хожалый не стоялъ... Медвѣдь, вѣроятно, понялъ, что случилось; легъ возлѣ друга и сталъ ревѣть изо всей мочи. Мальчикъ, перевозившій хожалаго, счастливо выплылъ на берегъ, далъ знать о случившемся въ деревню, — сбѣжались; медвѣдь лежалъ на томъ же мѣстѣ и ревѣлъ неутѣшно!

Отдыхъ хожалаго и его медвѣдя.

ПЕРЕПИСКА.

Въ Редакцію. М. Г. Н. В. Я довольно знакомъ съ сочиненіями Доктора Распайля и увѣренъ, что всѣ читавшіе его, вмѣстѣ со мною, не одобрятъ заносчивости Сѣв. Пч., а потому прошу васъ покорно помѣстить прилагаемую статейку въ вашей Иллюстраціи. Съ п... и пр. И. Р.

КАМФОРНЫЯ СИГАРКИ.

Въ N 155 Іюля 12, сего года «безпристрастной» газеты Сѣверной Пчелы была напечатана статья «Сигары, приготовленныя съ камфорою,» и притомъ слѣдующее замѣчeніе въ выноскѣ:» На дняхъ прочли мы: Manuel annuaire de la santé, ou Médicine et pharmacie «domestique, par Raspail. Paris. 1845. Книга «эта въ краткомъ видѣ простымъ, вразуми«тельнымъ языкомъ, сообразно новѣйшему «состоянію науки, излагаетъ страданія че«ловѣческія и представляетъ способы исцѣ«ленія простыми, дешевыми средствами. Въ «домашнемъ быту «руководство это весьма «полезно и необходимо.» Изъ этой книги мы «извлекаемъ предлагаемую статью, желая «ближе познакомить читателей съ «пользою «камфорныхъ сигаръ», о которыхъ было го«ворено въ Сѣверной Пчелѣ въ прошедшемъ «году (1844. N N 89 и 99) въ статьѣ Доктора «Распаля: о «пищѣ» человѣка.»

И что же! — Та же Сѣверная Пчела, въ N 243, октября 27 нынѣшняго года, говоритъ: «Сочиненіе Распаля есть «бредъ раз«горяченной головы,» и цѣль этого бреда — «пріобрѣтеніе «извѣстности ведущей къ бо«гатству»... Эти сигары безъ огня и «табаку» «были бы «смѣшны»... отъ которыхъ Сѣвер«ной Пчелѣ «должно» предостеречь неопыт«ныхъ и легковѣрныхъ людей...»

Еще выше Сѣверная Пчела или сочинитель «всякой всячины» величаетъ Распайля «уличнымъ бунтовщикомъ... трактирнымъ заговорщикомъ... сумашедшимъ...» который «посмѣвается да собираетъ денежки»... наконецъ «дерзкимъ шарлатаномъ...» и «безмысленнымъ изчадіемъ невѣжества...» и проч. и проч.

За что же бѣдный Распайль навлекъ на себя, послѣ похвалъ и рекомендацій его книги, такія жестокія ругательства отъ сочинителя всякой всячины! Отчего такая несообразность? — А вотъ отчего.

Сочинитель всякой всячины увидѣлъ «и конечно, ни вы, ни я, а онъ одинъ увидѣлъ,» что какіе то господа прогуливаясь по Невскому проспекту, разъѣзжая въ экипажахъ, даже дамы — держатъ въ зубахъ сигарки. Потомъ онъ самъ съ собою разговариваетъ, спрашиваетъ и отвѣчаетъ: какія это сигарки? — Сигарки Распаля!.. Самъ себѣ предлагаетъ прочесть книгу, изъ которой Сѣверная Пчела сдѣлала плохой переводъ о «камфорныхъ сигаркахъ» въ N 155; по сочинитель всякой всячины, хотя почитается хозяиномъ этой газеты, однако, видно, не читаетъ ее. — И вотъ приходитъ къ нему докторъ «не фабрикантъ ли табачныхъ сигаръ?«; этотъ докторъ убѣдилъ сочинителя разругать Распайля за камфорныя сигарки, которыя, чего добраго, подорвутъ фабрики табачныхъ сигаръ.

Мы хохотали отъ души, читая этотъ панегирикъ Распайлю и думали: вотъ гдѣ «Европейское образованіе, знаніе свѣтскихъ приличій, вѣжливость — если не изъ уваженія къ лицу, то изъ уваженія къ публикѣ и къ самому себѣ;» вотъ гдѣ «умѣренность въ выраженіяхъ и отступленіе отъ всякаго самохвальства», въ недостаткѣ чего сочинитель всякой всячины упрекаетъ другихъ литераторовъ. Пусть будетъ такъ; но сожалѣемъ

только, что Сѣверная Пчела такъ шутитъ довѣріемъ публики и позволяетъ печатать подобныя нелѣпости въ собственной типографіи.

Во-первыхъ, публика не позволитъ обольстить себя ни какою ложью; она не слушаетъ ни рекомендацій Сѣверной Пчелы, ни ея ругательствъ, потому что руководствуется собственнымъ здравымъ смысломъ. Вовторыхъ, докторъ Распайль столько извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями о естественныхъ наукахъ, химіи, медицинѣ, агрономіи, и проч., и такъ хорошо умѣетъ отражать нападки своихъ ученыхъ антагонистовъ, что для него ругательства русскаго фельетониста въ Сѣверной Пчелѣ покажутся въ Парижѣ «если только онъ удостоитъ взглянуть на нее» пискомъ комара.

Сожалѣемъ еще разъ, что Сѣверная Пчела прославляя свое безпристрастіе увлекается привычкою порицать, не только все то, что не ея собственнаго произведенія, или ея сотрудниковъ; но даже не рѣдко сама себѣ противурѣчитъ, и сама себя осуждаетъ.

Гораздо легче быть сочинителемъ всякой всячины, и, не написавши ничего дѣльнаго о какой либо наукѣ порицать произведенія людей, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ и заслужившихъ уваженіе публики, нежели самому дѣлать опыты и наблюденія для изслѣдованія какой либо истины, полезной человѣчеству. Распайль уже много открылъ такихъ истинъ не будучи членомъ Французской Академіи, и прославилъ науку; а сочинитель всякой всячины что сдѣлалъ и кого прославилъ?.. Н. Р.

О. К О. Можетъ быть. Біографіи поэтовъ весьма трудно составлять, потому что послужные ихъ списки мало доставляютъ матеріаловъ. Когда всѣ отдѣленія въ Иллюстраціи установятся, тогда и желаніе ваше будетъ исполнено. Конечно, и эти Poëtae minores достойны вниманія, достойны памяти. Нѣкоторыхъ портреты награвированы, а біографическихъ свѣдѣній собрать не можемъ.

Гг. А — у и Ак. — у. По письмамъ, относящимся до Иллюстраціи, мы отвѣчать иначе не можемъ, какъ чрезъ посредство самой Иллюстраціи. Указаніе адресса заставляетъ думать, что вы не желаете получить отвѣтъ такимъ путемъ, а другимъ намъ нельзя. Ждемъ вашихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Г. С — ву. Съ трубами и барабанами! Въ трудахъ тяжкихъ иногда пріятна и янычарская музыка, а ваши письма намъ иногда очень пріятны. Вы не участвуете во всякой всячинѣ. Вы сами по себѣ. Да кто же на этотъ счетъ и сомнѣвался. Право, мы не подали къ тому повода.

О. П. — Зри предъидущій отвѣтъ.

С... ф... ву. Можно положительно отвѣчать, что рисунки удовлетворительны, но по краткости описаній, по предметамъ совершенно отдѣльнымъ, рисунки войдутъ въ отдѣленіе Историческихъ Замѣтокъ.

Л. М. М. — О. С. И. — Г. Г. Р. — Ос — у: не могутъ быть напечатаны. Почему, не спрашивайте. —

Г. Х — ву. — Колокотрони.

Г. Б. — чу. — Совѣтуемъ обратиться къ другимъ редакціямъ.

=

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Италіянскій Театръ:

Въ слѣдующую пятницу 9-го ноября, назначенъ въ бенефисъ г. Ровере, Севильскій Цырюльникъ; партію Альмавивы будетъ пѣть г. Сальви.

Французскій Театръ: Въ слѣдующую субботу, 10 ноября, назначенъ бенефисъ режиссера г. Пейсара. Даны будутъ: Тартюфъ, комедія, въ коей приметъ участіе г-жа Арну-Плесси; Пикъ-никъ на Крестовскомъ, сочиненіе здѣсь проживающаго писателя, Г. Оже и Лапскене, водевиль, который въ Парижѣ имѣлъ успѣхъ.

Нѣмецкій Театръ. Въ понедѣльникъ, 5 ноября, въ бенефисъ г-жи Графъ, дана будетъ новая драма въ 5 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ Scheiben-Tony.

СОДЕРЖАНІЕ V ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 5 НОЯБРЯ.

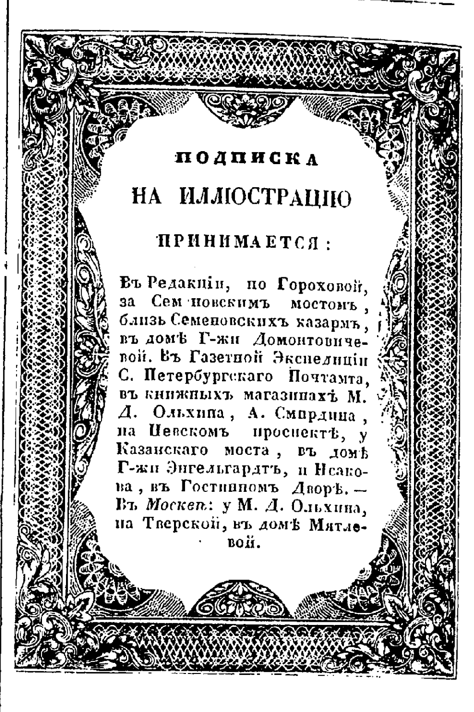
О заразительныхъ началахъ, развивающихся въ воздухѣ.

Инфекціи. Объясненіе источника развитія.

Контагіи. Способы проявленія.

Эндеміи. Объясненіе. Причины, источники. Географическое указаніе мѣстъ.

Эпидеміи. Объясненіе, способы проявленія.



=

РАЗГАДКА № 28.

1) Вѣкъ — жи въ нѣ — кучи — сь.

2) Вѣкъ живи, вѣкъ учись.

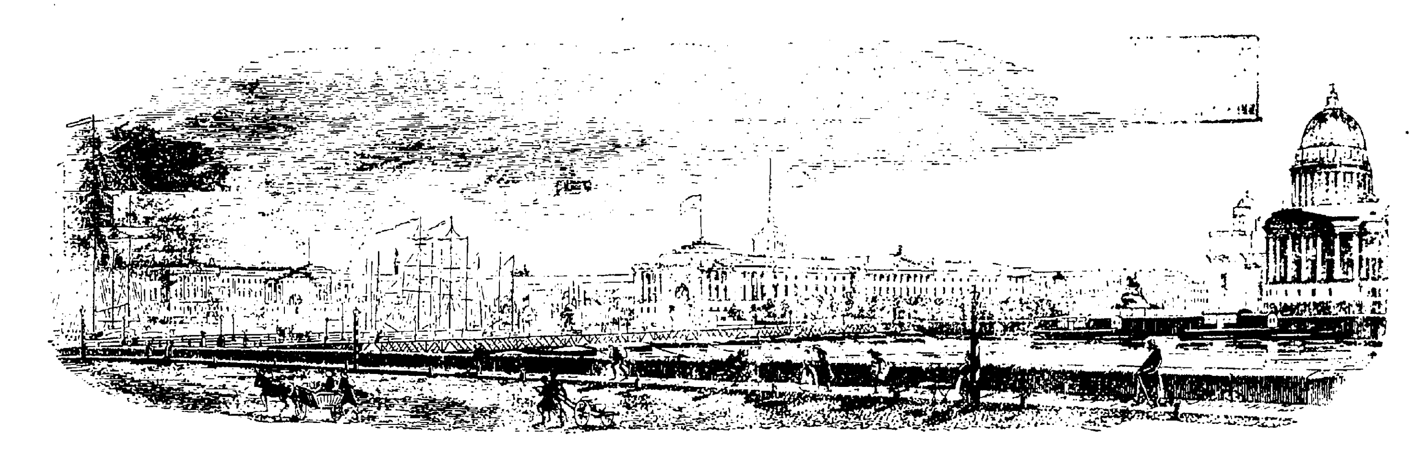
ЗАГАДКА № 29.

(Сообщена изъ безконнаго уѣзда).

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Ноября 2 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи **И. ФИШОНА.**

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 31.—Суббота, 10 Ноября 1845.

Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 р. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ДВѢ ИНТРИГИ.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Г. Оврè, генералъ и любезникъ въ отставкѣ, осаждалъ сердца въ то самое время, когда Французы осаждали Бастилію. Онъ былъ мужественъ, какъ Амадисъ и Донъ-Кихотъ; онъ былъ атлетическій рубака, мощный и здоровый, не смотря на свои лѣта. Генералъ во время оно бывалъ побѣдителемъ на войнѣ и въ любви; но когда состарѣлся, то по пословицѣ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро,—женился.

Мосьё Оврè сънгралъ очень не хорошую шутку съ молоденькой и хорошенькой дѣвушкой, женившись на ней.

Въ одно прекрасное утро, мосьё Оврè былъ очень не въ духѣ; онъ хмурилъ брови, топалъ ногой по паркету и стучалъ кулакомъ по этажеркамъ, на которыхъ стояли очень хорошенькія фарфоровыя бездѣлушки изъ Севрской фабрики.

Въ комнатѣ съ нимъ никого не было, кромѣ стараго слуги, отставнаго солдата, съ сѣдыми усищами.

— Мнѣ жаль, говорилъ послѣдній, огорчать ваше превосходительство; но дѣло было такъ, какъ я имѣлъ честь докладывать.

— Слѣдовательно, ты разбойникъ, смѣешь обвинять мою жену!..

— Осмѣлюсь повторить, ваше превосходительство, что недѣля тому, я былъ въ гостяхъ у товарища и возвращался отъ него, когда увидѣлъ, что барыня вошла въ одинъ домъ, сказавъ привратнику: Къ мосьё Оскару Морену.—Оба меня не замѣтила; я подошелъ къ привратнику, да и спросилъ:—Скажи мнѣ, любезнѣйшій, что за человѣкъ мосьё Оскаръ?—Мосьё Оскаръ? говоритъ; а кто его знаетъ? онъ недавно переѣхалъ къ намъ. Какой-то молокососъ; ему лѣтъ двадцать пять, не больше.

Генералъ стоялъ въ это время у этажерки; онъ схватилъ съ нея статуетку Тальони, бросилъ ее изо всей силы на полъ, и она разлетѣлась на мелкіе кусочки. Старый слуга продолжалъ:

— Такъ какъ я знаю, что вы, ваше превосходительство, очень дорожите супружеской дисциплиной, и такъ какъ постоянство есть пароль супружества, то я хотѣлъ узнать, не позабыла ли барыня пароля. Я сталъ, съ позволенія сказать, наблюдать за нею и замѣтилъ, что каждый день, аккуратно, ея превосходительство изволитъ выходить со двора и въ гости къ мосьё Оскару Морену; не хорошее дѣло! Но это еще не все...

Новый шумъ прервалъ слова усача; за Тальони полетѣла на полъ статуетка Бальзака.

— Ничего, ничего; сказалъ генералъ; продолжай, я слушаю.

— Извольте видѣть, хладнокровно продолжалъ инвалидъ; долгомъ считаю открыть вашему превосходительству, что тутъ двойная интрига. Пока барыня забываетъ пароль, мамзель Марта, ваша племянница, сирота, которую вы приняли къ себѣ въ домъ, изволитъ заниматься таинственною, а можетъ быть, и любовною перепиской.

Генералъ хотѣлъ было разбить Дюпрè; но; старикъ остановилъ его, сказавъ:

— Не троньте этого господина, ваше превосходительство, и такъ ужъ довольно жертвъ... мамзель Марта пишетъ къ Ліонелю Морвилю, этому рябчику... виноватъ, ваше превосходительство, этому красавцу, который приходитъ сюда. Я отдаю письма на почту и всегда вижу на нихъ одинъ и тотъ же адрессъ. Кромѣ того, и мамзель Марта получаетъ надушенныя записочки, вѣроятно, отъ мосьё Ліонеля. Вы изволили уѣзжать, на нѣсколько дней, ваше превосходительство, слѣдовательно, я счелъ долгомъ рапортовать вамъ о позиціи неприятеля.

— Моя племянница! вскричалъ генералъ, невинная молодая дѣвушка, воспитанная въ монастырѣ, гдѣ вмѣстѣ съ азбукой ей внушали правила нравственности! Это не можетъ быть!

— Клянусь Наполеономъ, ваше превосходительство, что я никогда не лгалъ!

— Это правда, мой добрый Робертъ. Теперь я самъ стану подсматривать за ними и — горе имъ!..

Генералу доложили, что его ждутъ къ завтраку. Онъ скрылъ свою горесть и ѣлъ съ отчаяніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ искоса посматривалъ на жену и племянницу. Обѣ были такъ хороши собою, что легко могли возбудить опасенія мужа и дяди.

— Что съ вами сегодня? спросила мадамъ Оврè мужа; вы смотрите на меня такъ сердито...

— Вы сегодня что-то черезъ-чуръ веселы, сударыня.

— А что я вамъ сдѣлала? спросила Марта; вы и на меня смотрите грозно...

— Ты слишкомъ печальна и задумчива.

Онѣ громко засмѣялись. Генералъ топнулъ ногой.

— Я говорю дѣло! вскричалъ онъ: молодая дѣвушка даромъ не задумывается.

— Полноте, другъ мой, не сердитесь, сказала мадамъ Оврè, ласкаясь къ нему; будьте любезны, Гекторъ!

Гекторъ!.. она назвала его Гекторомъ!.. у генерала волосы стали дыбомъ на головѣ.

— Вы хотите, чтобъ я былъ любезенъ. Тысячи бомбъ! вскричалъ онъ; я не терплю женщинъ, которыя ласкаются къ мужьямъ. У меня была бѣлая кошечка, которая всегда ласкалась ко мнѣ, когда хотѣла оцарапать.

Наступило молчаніе.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, мадамъ Оврè спросила небрежно:

—Что вы намѣрены дѣлать сегодня утромъ?

— Она хочетъ удалить меня, подумалъ онъ.—Я намѣренъ сидѣть дома... или нѣтъ, нѣтъ! у меня есть дѣло, по которому я долженъ отлучиться на цѣлый день.

— Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой? сказала она съ очаровательной улыбкой; это очень хорошо; вы привыкли къ дѣятельной жизни, вамъ нужно движеніе... но что съ вами? вы уронили вашу тарелку!..

—Проклятый поваръ!.. Онъ ко всему подливаетъ уксусъ! сказалъ генералъ; потомъ подумалъ:—какъ бы мнѣ узнать ловкимъ образомъ, пойдетъ ли она сегодня со двора?—А вы пойдете со двора?—спросилъ онъ вслухъ, и прикусилъ губу съ досады, что не съумѣлъ спросить хитрѣе.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣчала мадамъ Оврè; мнѣ что-то нездоровится.

— Коварная! подумалъ генералъ.

— Странно, сказала Марта, и мнѣ тоже нездоровится, а потому я попрошу у васъ позволенія уйдти въ свою комнату отдохнуть.

— За письменнымъ столикомъ, подумалъ генералъ. Ахъ, чортъ возьми! Лучше имѣть

дѣло съ сотней козаковъ, нежели съ двумя парижанками.

— Терпѣть не могу женщинъ, которымъ безпрестанно нездоровится, сказалъ онъ вслухъ. Однако, во время моего отсутствія вы были здоровёхоньки; я думаю, гостей пропасть было у васъ по вечерамъ?

— Почти никого, отвѣчала жена его; у насъ бывали мадамъ де Лестанжъ, мосьё Ліонель...

Генералъ посмотрѣлъ на Марту; она покраснѣла...

— Ліонель, проворчалъ генералъ, этотъ молокососъ!..

— За что вы его обижаете, дядюшка? сказала Марта.

— А ты заступаешься?.. Разумѣется, онъ молокососъ! я это ему въ глаза скажу. Посмотрѣлъ бы я, что сдѣлали бъ эти франтики, во время оно, на нашемъ мѣстѣ?

— Послушайте, другъ мой, сказала мадамъ Овре ласкательнымъ голосомъ, — нельзя же быть всѣмъ такими героями, какими вы были въ ваше время...

— Въ наше, ваше и во всякое время, чортъ возьми! вскричалъ генералъ съ бѣшенствомъ, оттолкнувъ стулъ, и вышелъ изъ столовой.

Часъ спустя, Робертъ пришелъ доложить ему, что барыня приказала горничной подать ей самое нарядное утреннее платье и собиралась выдти.

— Хорошо, сказалъ генералъ, оставь меня.

Когда мосье Овре остался одинъ, то съ отчаяніемъ всплеснулъ руками. Не было никакого сомнѣнія: его обманывали. Сказавшись сначала больною, мадамъ Овре выходила со двора; ясно, что она собиралась навѣстить своего Оскара.

— А я такъ нѣжно любилъ ее... какъ подругу, какъ дочь, сказалъ генералъ, когда горесть заступила мѣсто негодованія.

И слеза выкатилась изъ глазъ стараго воина... Эта единственная слезинка значила гораздо болѣе тысячи слезъ, ежеминутно проливаемыхъ женщиной, съ слишкомъ слабыми нервами. Генералъ плакалъ только два раза въ свою жизнь: при паденіи Наполеона и своей жены.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ вскочивъ, я пойду за нею, войду вмѣстѣ съ нею къ подлому обольстителю, и мы раздѣлаемся съ нимъ!

Онъ взялъ два пистолета и зарядилъ ихъ. Потомъ приподнялъ занавѣску и ожидалъ, чтобы жена его вышла. Онъ вскорѣ увидѣлъ ее: она поспѣшно перешла черезъ дворъ, ворота отворились и она исчезла.

Генералъ спряталъ пистолеты въ глубокіе карманы своего пальто, и послѣдовалъ за женою.

— Коварная! подумалъ онъ, издали любуясь женой; какъ она принарядилась!.. Вѣроломная! передъ мужемъ является въ папильоткахъ, а для любовника нарядилась какъ куколка!

— Какая хорошенькая! сказалъ прохожій, смотря вслѣдъ за мадамъ Овре.

— Еще бы! подумалъ генералъ. О! какъ я несчастливъ! Всѣ находятъ, что жена моя хороша, а между тѣмъ, она передъ моими глазами перебѣгаетъ къ непріятелю.

Мадамъ Овре приподняла платье, чтобы обойти лужу, и открыла прелестную ножку, обутую въ черную бархатную ботинку.

— Надо признаться, сказалъ мужъ, что у моей жены очаровательная ножка.

Нищій протянулъ къ ней руку; она подала ему монету.

— У нея доброе сердце, подумалъ генералъ... слишкомъ доброе! прибавилъ онъ, насупивъ брови.

Мосьё Овре обладалъ довольно величественною дородностью, а потому начиналъ уставать. Бѣдный генералъ не зналъ, чему подвергался, слѣдуя за быстроногой Парижанкой, которая порхала какъ бабочка, останавливаясь на каждомъ цвѣткѣ, развивавшемся на кашмирѣ, выставленномъ въ окнѣ магазина. Несчастный генералъ утиралъ потъ съ лица. Какая пытка для ногъ и терпѣнія его!

Вдругъ мадамъ Овре остановилась, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, и вернулась. Она шла прямо къ мужу... онъ пришелъ въ отчаяніе! Столько претерпѣнныхъ трудностей, и все напрасно!.. Но по счастію для него, она была такъ озабочена, что прошла возлѣ мужа, не замѣтивъ его, и вступила въ модный магазинъ.

— Опять ждать! произнесъ генералъ съ досадой.

Опасаясь потерять изъ виду жену, онъ рѣшился не отдаляться отъ магазина. Онъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, по временамъ произнося проклятія и топая ногой, для развлеченія. Онъ прождалъ четверть часа, полчаса; жена его не являлась; это начинало ему ужасно надоѣдать. Прошелъ цѣлый часъ, и терпѣніе его лопнуло!

Онъ не замѣтилъ уличнаго мальчишку, усѣвшагося на столбикѣ и слѣдившаго за этой сценой, то смѣясь, то приставляя пальцы къ носу и натягивая носъ генералу.

— Позвольте узнать, ваше превосходительство, спросилъ вдругъ мальчишка, давно ли вы изволите тутъ бѣсноваться, ожидая красавицу?

— Убирайся къ чорту! съ угрозой сказалъ ему мосьё Овре.

— Будьте великодушны, ваше сіятельство, и я скажу вамъ, куда дѣвалась ваша барынька!

— Ты это знаешь и молчишь! вскричалъ генералъ. Говори скорѣе: сто су или сто палокъ, выбирай.

—Сто су, ваша свѣтлость, вскричалъ мальчишка, схвативъ монету. И такъ узнайте... что я ничего не знаю... кромѣ того, что этотъ магазинъ имѣетъ другой выходъ на другую улицу... и что...

— Именно! вскричалъ генералъ, ударивъ себя въ лобъ, на ту самую улицу, въ которой живетъ Оскаръ!.. два выхода!.. да это безнравственно!

И онъ отправился бѣгомъ въ улицу, въ которой жилъ мосьё Оскаръ Моренъ.

— Бѣги, бѣги, старый крокодилъ! закричалъ ему вслѣдъ мальчишка, сдѣлавъ свой любимый жестъ.

Нѣсколько минутъ спустя, генералъ входилъ въ домъ, описанный ему Робертомъ.

— Мосьё Оскаръ Моренъ? спросилъ онъ привратницу.

— Выше, во второмъ этажѣ, отвѣчала старая мегера.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, одинъ ли живетъ мосьё Оскаръ? Женатъ ли онъ?

— Какой! онъ я думаю, никогда и не женится!

— Не приходила ли къ нему молодая дама въ розовой шляпкѣ? спросилъ мосьё Овре голосомъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

— Въ розовой шляпкѣ? Такая хорошенькая, что каждый день приходитъ къ мосьё Оскару? какъ же, приходила!... И даже ушла.

— Милліонъ чертей! заревѣлъ генералъ.

— Что прикажете? спросила привратница.

— Отложить до завтра мщеніе, подумалъ генералъ, и потерять опять слѣдъ жены! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я сегодня же хочу размозжить голову этому мосьё Оскару.

Онъ скоро вбѣжалъ во второй этажъ и позвонилъ. Слуга отворилъ дверь и просилъ его пожаловать въ залу.

Нѣсколько минутъ спустя генералъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ соперникомъ.

Не говоря ни слова, онъ устремилъ на него проницательный взглядъ, чтобы узнать, для какого Аполлона (по олимпійскому стилю) или для какого льва (по европейскому стилю) измѣнила ему жена.

Мосьё Оскаръ, какъ двѣ капли воды, походилъ на восковыя головки, напомаженныя и завитыя, которыя парикмахеры выставляютъ на своихъ окнахъ. Хотя онъ былъ дома, но на рукахъ его были надѣты перчатки желтоловиннаго цвѣта, на ногахъ лакированные сапожки; фракъ его сидѣлъ на немъ такъ плотно, что, казалось, каждую минуту готовъ былъ лопнуть. Онъ гордо выступалъ впередъ.

Генералъ разсудилъ, что не слѣдовало сразу открывать своего имени и сперва выпытать отъ своего соперника всю правду.

—Вы мосьё Оскаръ Моренъ? спросилъ онъ, поглаживая усы.

— Точно такъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, граціозно поклонившись.

— Мадамъ Овре была у васъ?

— Она сейчасъ только что вышла... Вы, вѣроятно, пришли за нею? Мадамъ Овре прелестная молодая женщина, и какъ легка... вы не повѣрите! вѣтеръ, сущій зефиръ, государь мой!

— Я надѣюсь, что вы на это пожаловаться не можете? сказалъ генералъ задыхающимся отъ гнѣва голосомъ.

— О, нисколько! Я въ восторгѣ отъ нея... и смѣло могу похвастать ею...

— Вы хотите хвастать! вскричалъ мужъ, пораженный этой дерзостью. Знаете ли, продолжалъ онъ съ подавляемымъ гнѣвомъ, что говорятъ, будто въ продолженіе цѣлой недѣли она каждый день ходитъ къ вамъ.

— Это совершенно справедливо. Но я никогда не былъ ею такъ доволенъ, какъ сегодня. Она была жива, игрива... Впрочемъ, вѣдь если сказать правду, такъ труденъ только первый шагъ.

— Первый шагъ!..

— Да, разумѣется, возразилъ Оскаръ, а послѣ все идетъ какъ на колесахъ... да, я очень, очень доволенъ и могу гордиться ею!..

— Я не понимаю, какъ вы можете такъ легко говорить о столь важномъ предметѣ?..

сказалъ генералъ, все еще скрывая кипѣвшее въ немъ бѣшенство.

— Я чрезвычайно радъ, что встрѣчаю человѣка, умѣющаго достойно оцѣнить этотъ предметъ, сказалъ молодой человѣкъ, поклонившись.

— А долго ли это будетъ еще продолжаться?

— О, недѣльку не болѣе... и сношенія наши кончатся.

— Какая дерзость и какое презрѣніе къ ней! подумалъ бѣдный мужъ съ отчаяніемъ. Надо проучить его.

Онъ скрестилъ руки на груди, подошелъ къ мосьё Оскару, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Знаете ли вы, кто я?

— Вѣроятно, батюшка мадамъ Овре.

— Ошибаетесь, сударь мой!

— Я такъ думалъ, судя по лѣтамъ...

— Что лѣта? вздоръ!.. Я мужъ ея.

Генералъ воображалъ, что поразитъ этими словами мосьё Оскара. Каково жъ было его изумленіе, когда тотъ отвѣчалъ очень спокойнымъ голосомъ, хотя съ нѣкоторымъ изумленіемъ:

— Неужели?.. А! я никакъ не думалъ... Очень радъ познакомиться съ вами...

Генералъ остолбенѣлъ. Полагая, что Оскаръ не понялъ его, онъ повторилъ:

— Говорятъ вамъ, государь мой, что я ея мужъ!.. Понимаете?..

Оскаръ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Понимаю! сказалъ онъ; вамъ угодно получить урокъ?

— Не получить, а дать! вскричалъ генералъ съ бѣшенствомъ.

— Виноватъ; сказалъ Оскаръ насмѣшливо, я не зналъ, что вы мой собратъ.

— Милостивый государь, я командовалъ...

— Летучимъ эскадрономъ, какъ нѣкогда нашъ знаменитый Вестрисъ...

— Я не знаю этого генерала... не слыхивалъ даже о Вестрисѣ... оставьте, пожалуйста, Римлянъ.

— Теперь я васъ не понимаю, сказалъ Оскаръ; что вамъ угодно?

— Чтобы вы назначили мнѣ день.

— Слѣдовательно, я не ошибся: дѣло идетъ объ урокѣ.

— Именно, сказалъ генералъ, грозно взглянувъ на молодаго человѣка; вашъ часъ?

— Хоть сей-часъ, если вамъ угодно.

— Ваше оружіе?

— Мое оружіе? сказалъ Оскаръ, улыбаясь, воображая, что генералъ хотѣлъ шутить. Сейчасъ я достану свое оружіе.

Генералъ отвернулся, готовясь выдти съ своимъ соперникомъ. Онъ вынулъ изъ кармана пистолеты.

Вдругъ за нимъ послышалось жалобное звучаніе настраиваемой скрыпки.

Онъ скоро оглянулся... оба вскрикнули, взглянувъ другъ на друга.

— Вы хотите посягнуть на мою жизнь! вскричалъ Оскаръ, бросившись къ двери.

— Что это значитъ? вскричалъ генералъ; что за глупая шутка! Ты не понялъ еще, что я хочу драться съ тобою!

— Драться!.. Да что я вамъ сдѣлалъ, жалобнымъ голосомъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— Что ты мнѣ сдѣлалъ!.. Ты обольстилъ мою жену!..

— Я! вскричалъ Оскаръ, уронивъ скрыпку на полъ... Я! повторилъ онъ съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ.

Дѣло объяснилось.

Мосье Оскаръ былъ танцовальный учитель. Генералъ былъ ревнивъ какъ Отелло; мадамъ Овре знала это, а потому рѣшилась тайкомъ выучиться мазуркѣ, которая возсѣла въ настоящее время на развалинахъ польки. Мы должны еще прибавить, что мосье Оскаръ жилъ съ матерью и что ради приличія мадамъ Овре уговорила нѣкоторыхъ изъ своихъ подругъ брать уроки вмѣстѣ съ нею.

Мосье Оскаръ вообразилъ, что генералъ, не смотря на свои сѣдины, рѣшился выучиться мазуркѣ изъ ревности, чтобы отнять у жены всякій предлогъ танцовать мазурку съ другими кавалерами.

Генералъ съ радостнымъ восторгомъ отправился домой.

Въ передней онъ встрѣтилъ стараго Роберта.

— Ну, что, ваше превосходительство? спросилъ Робертъ съ мрачнымъ видомъ; узнали наконецъ?..

— Что ты дуракъ!

— Ваше превосходительство!.. Хоть вы поступаете со мною несправедливо, но я считаю долгомъ открыть вамъ...

— Оставь меня... Ты принялъ муху за слона. Тебя нельзя посылать на рекогносцировку... ты примешь стадо барановъ за армію...

— Говорите, что угодно, ваше превосходительство; но я считаю долгомъ открыть вамъ, что слуга мосье Ліонеля принесъ письмо, которому мамзель Марта обрадовалась, какъ...

— А! она любитъ романы въ письмахъ! вскричалъ генералъ нахмурившись; пора кончить, а не то я заставлю мосье Ліонеля плясать... не мазурку!

Мосье Овре поставилъ себѣ за правило начинать всякое объясненіе съ женщиной слѣдующими словами: — «Я все знаю!» воображая, что этимъ способомъ всегда можно что нибудь узнать. И такъ, войдя въ комнату Марты, онъ вскричалъ:

— Я все знаю!

— О! простите, дядюшка! вскричала молодая дѣвушка.

— Ты сейчасъ получила письмо отъ мосьё Ліонеля?

— Получила; только, ради Бога, не сердитесь, дядюшка!

— Развѣ ты не видишь, что я спокоенъ? возразилъ онъ громовымъ голосомъ; слѣдовательно, вы вдоемъ обманывали меня!

— Ради Бога, простите!

— Теперь я не ошибся! подумалъ генералъ; тутъ въ самомъ дѣлѣ кроется нехорошее дѣло... Что жъ ты, по страсти... началъ онъ вслухъ.

— Да, дядюшка, по страсти! Когда я получаю письмо отъ мосьё Ліонеля голова моя горитъ, сердце мое бьется; о, если бъ вы знали, что я ощущаю!.. Это постоянная, пламенная идея; это золотые сны, блестящіе какъ Армидинъ дворецъ... дивныя мечты!..

— Ого! какое выспреннее краснорѣчіе, подумалъ генералъ. Впрочемъ, надо быть снисходительнымъ. Любовь такая натуральная вещь въ сердцѣ молодой дѣвушки.

— Мнѣ кажется, модмоазель, сказалъ онъ строго, что за неимѣніемъ матери, вы могли бы ввѣриться вашему дядюшкѣ; я принялъ бы мѣры противъ этой безразсудной страсти.

— Напрасно, дядюшка; мнѣ двадцать одинъ годъ; я совершеннолѣтняя.

— Ого! ты пускаешься въ эманципацію... но несчастная! Если ты разсоришься со своимъ дядей, то что изъ тебя станется? Кто захочетъ знать тебя? Въ какое общество примутъ тебя?

— Я уже принята въ обществѣ Розамеля.

— Что? Не понимаю... но я знаю навѣрное то, что ты погубишь себя. Помилуй! чѣмъ у тебя голова набита?.. Вздоромъ, химерами, парами!

— Именно такъ.

— Такъ! Что жъ ты шутишь со мной! вскричалъ генералъ съ бѣшенствомъ. Повторяю тебѣ, что ты погубишь себя... мосьё Ліонель собьетъ тебя съ прямой дороги!..

— Напротивъ, дядюшка, отвѣчала Марта, онъ наставляетъ меня на прямую дорогу. И точно, какая дорога можетъ быть прямѣе желѣзной?

— Это что значитъ? вскричалъ генералъ, остолбенѣвъ: я толкую ей о любви, а она отвѣчаетъ мнѣ о желѣзныхъ дорогахъ? О времена! о спекуляціи!..

— Какъ, дядюшка, вы могли подумать... О какой любви говорите вы? Мосьё Ліонель родственникъ банкиру и давно уже хлопочетъ о томъ, чтобы доставить мнѣ сотню акцій на желѣзную дорогу. Сегодня, наконецъ, онъ пишетъ мнѣ, что желаніе мое исполнилось. Вы напрасно сердитесь, дядюшка.

Генералъ захохоталъ. Въ это самое время въ комнату вошла его жена.

— Поди сюда, Габріель, сказалъ онъ ей; я подозрѣвалъ васъ обѣихъ...

— Подозрѣвали!

— Виноватъ и... и слава Богу! Но признаюсь тебѣ, Марта, что изъ двухъ вашихъ страстей, я предпочитаю страсть моей жены. Женщинѣ свойственно танцовать... у женщины же, которая пускается въ биржевой ажіотажъ должно быть холодное сердце...

— Но, дядюшка...

— Я говорю правду; танцуй, моя милая Габріель, танцуй и польку, и мазурку; только не пускайся въ спекуляціи желѣзныхъ дорогъ, какъ наша бѣдная Марта; паровыя машины идутъ скоро, слишкомъ скоро; еще нѣсколько лѣтъ и онѣ унесутъ на желѣзныя дороги всю грацію и поэзію женщинъ.

П. Ф.

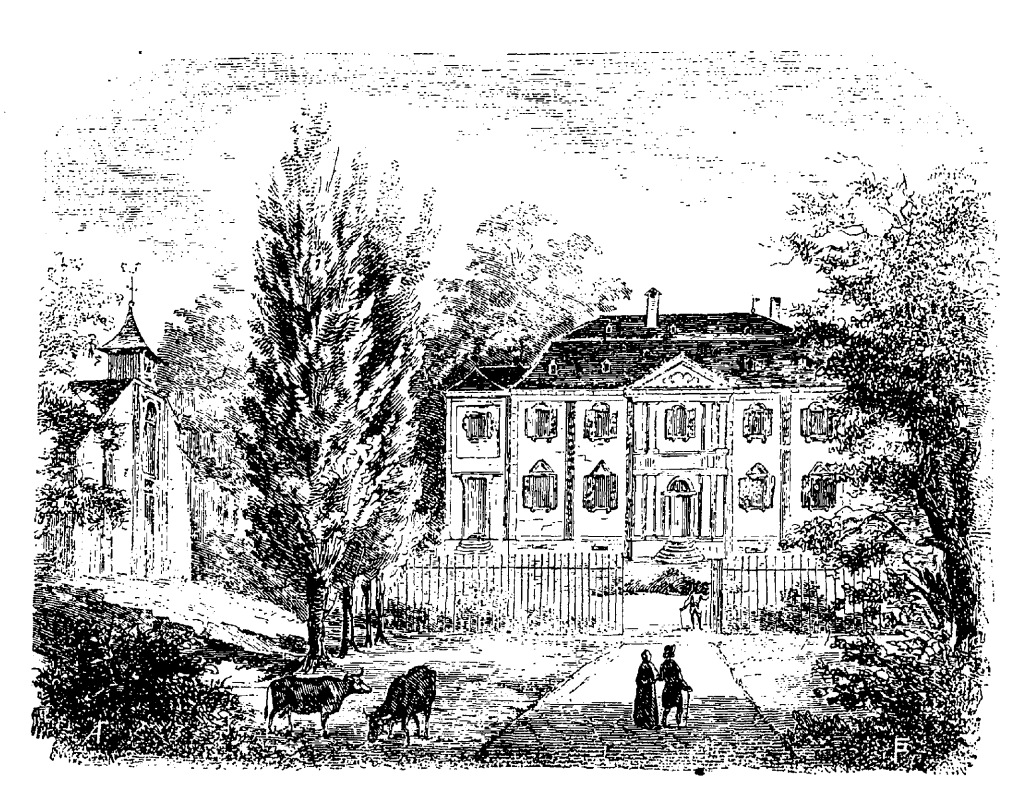
ФЕРНЕЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Въ Иллюстраціи уже упомянуто, что Ферней продается. Уже и нынѣшній владѣлецъ оставилъ въ немъ только одну комнату воспоминаній. Уже умеръ словоохотливый привратникъ, бывшій при Волтерѣ конюхомъ. Можетъ быть, скоро послѣдніе слѣды тѣхъ воспоминаній изгладятся. Разскажемъ, какъ мы нашли Ферней нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Лозана, Женева, Море въ недальнемъ разстояніи, но Вольтеръ избралъ Ферней. Ему нужна была не очаровательность природы, не то, что воспламеняетъ воображеніе, что питаетъ чувствительность, а уединеніе. Тамъ онъ вдали отъ шума могъ удовлетворять любознанію, острить умомъ. Онъ не заимствовалъ вдохновеній у изящной природы. Ни одна изъ поэмъ его не обрисовываетъ картинъ ретовъ: прекрасной прачки хозяина дома, Франклина и трубочиста, котораго Вольтеръ очень любилъ. Посреди сей стѣны родъ надгробнаго памятника съ надписью: Mes mânes sont consolés puisque mon coeur est au milieu de vous, и на самомъ памятникѣ: son esprit est partout et son coeur est ici.

Слово ici уже срѣзано сантиментальными путешественниками. Сердце его перешло къ маркизѣ Лавалетъ, воспитанницѣ его, получившей отъ него эпитетъ belle et bonne, а отъ нея въ Парижскій Пантеонъ. На третьей стѣнѣ, противоположной кровати, гравированные портреты: Томаса, Лейбница, Даламберта, Гельвеція, Мерана, герцога Шуазеля, Коласовъ, Дидерота, Ньютона, Климента XIV, Расина, Вашингтона, Корнеля, Делиля, Лафаэта и Мильтона. На четвертой стѣнѣ возлѣ кровати портретъ г-жи Дюшателе.

Лѣвая дверь вела въ кабинетъ. Тутъ сочиромъ наканунѣ послѣдняго его отъѣзда. Многія письма надоѣдали ему до того, что онъ пересталъ на нихъ отвѣчать и по печати узнавая лица, приказывалъ возвращать не распечатывая. Подъ нѣкоторыми изъ сихъ печатей есть даже надписи, напримѣръ, подъ печатью Руссо сказано: brouillon.

Въ многихъ журналахъ описано было забавное первое свиданіе Вольтера съ Гиббономъ. Любопытенъ разсказъ о семъ происшествіи очевидца старика, насъ провожавшаго: Гиббонъ жилъ тогда въ Лозанѣ не заботясь о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ. Ѣдкія слова, написанныя ими другъ противъ друга, кончились тѣмъ, что послѣдній, никогда не видавъ перваго, написалъ карикатуру на его наружность. Гиббонъ является въ Ферней съ непремѣннымъ желаніемъ видѣть автора брани. Предувѣдомленный Вольтеръ поручаетъ



Фернейскій Замокъ.

ея и Ферней также сухъ, также нелюдимъ, какъ и самъ Вольтеръ.

Дорога, обсаженная липами, ведетъ къ двухъ-этажному дому. Изъ него видны: Женевское озеро, Альпы, Монбланъ. Вамъ показываютъ любимую крытую аллею, мѣсто его мечтаній, вязъ, имъ самимъ посаженный, и потомъ спальню, просто убранную комнату: постель ясеневая, занавѣсы, до половины ощипанные путешественниками, желтые, шелковые съ узорами. Возлѣ столикъ простаго дерева, кресло и шесть стульевъ зеленаго истертаго бархата. Между занавѣсами портретъ Лекена; на лѣвой сторонѣ, Фридерика великаго, короля-поэта и короля-актеровъ; на правой сторонѣ изображеніе самаго Вольтера, въ то время, когда ему было 45 лѣтъ. На лѣвой сторонѣ, возлѣ кровати, портретъ Императрицы Екатерины II-й, вышитый шелкомъ и ею подаренный. Возлѣ двери странное соединеніе трехъ портнялъ онъ исторіи и сказки, трагедіи и легкія стихотворенія, дѣлалъ разборъ Ньютона и писалъ правила земледѣлія, открывалъ прибѣжище несчастнымъ, возстановилъ доброе имя Коласовъ, платилъ внукѣ Корнеля народный долгъ, велъ переписку съ Фридерикомъ и Екатериною Великою; но тутъ начертаны и богохульныя тревожныя страницы Философическаго Словаря.

Библіотека Вольтера находится въ нашемъ Эрмитажѣ; кабинетъ и всѣ прочія комнаты заняты самимъ владѣльцемъ дома. Возлѣ еще существуетъ небольшая церковь съ надписью Deo erexit Voltarius—надписью столь противною христіанскому смиренію. Въ саду былъ нѣкогда павильонъ на коемъ много находилось надписей, льстившихъ славолюбію хозяина; но во время революціи онъ былъ разрушенъ. Изъ сада привратникъ повелъ насъ въ свою комнату, чтобы показать любопытную вещь: книгу печатей, переданную Гиббону Вольтедомашнимъ принять его какъ можно вѣжливѣе, но самъ не показывается. Гиббонъ поселяется въ залѣ съ намѣреніемъ не уѣзжать, пока не достигнетъ своей цѣли. Проходитъ день, два и выведенный изъ терпѣнія хозяинъ дома пишетъ ему: «Милостивый государь, между вами и Донъ-Кихотомъ та разница, что онъ принималъ трактиры за замки, а вы замки за трактиры». На сіе далъ былъ какой-то отвѣтъ, лестный самолюбію Вольтера; но докучный гость выѣхалъ. Не оставляя, однако, намѣренія своего, онъ вывѣдалъ всѣ привычки Вольтера, пріѣхалъ въ конюшню подъ видомъ желанія купить лошадь и уговорилъ конюха пустить ее по аллеѣ. Вскорѣ явился Вольтеръ, чтобы вызвать лошадь, повиновавшуюся его голосу, и тутъ-то настигнулъ его Гиббонъ и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы и со всѣхъ сторонъ сказалъ: Ma foi, il n'est pas plus beau que moi.

Съ сими словами удалился; но тѣмъ еще не все окончилось. Вольтеръ посылаетъ въ погоню мальчика требовать платы 12 франковъ: pour avoir vu la bête. Гиббонъ даетъ 24 франка, говоря, что платитъ за два раза, и еще побываетъ; но учтивый зовъ на обѣдъ, сдѣланный Вольтеромъ, примирилъ ихъ.

Вотъ все, что путешественникъ узнаетъ на мѣстѣ. Много забытаго о Вольтерѣ. Къ счастію, нѣкоторыя изъ его сочиненій со временемъ будутъ рѣдко читаны. Но жители Фернея еще помнятъ его благотворительность и слова, которыя онъ имъ говаривалъ. «Jai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage».

Павелъ Десай.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

Отъ Чернаго Яра до Астрахани.

(Окончаніе.)

Въ Черноярскомъ уѣздѣ существуютъ замѣчательные остатки древности на Ахтубѣ, близь нынѣшняго Селитреннаго селенія, посрединѣ простирающейся на 10 верстъ цѣпи холмовъ, гдѣ добывалась во множествѣ селитра, образующаяся изъ соли, заключающейся въ землѣ; здѣсь находятся развалины какого-то древняго Монгольскаго города. Паллась видѣлъ тамъ остатки двухъ величественныхъ зданій, изъ которыхъ одно, по его мнѣнію, должно почитать за памятникъ, построенный для погребенія хановъ; стѣны его были покрыты нидѣ муравлеными украшеніями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готической штукатуркой. Нынѣ, по словамъ очевидцевъ, это стало безпорядочной грудой камней, и кое гдѣ виднѣются мелкіе обломки украшеній и колоннъ. Любитель старины конечно пожалѣетъ объ исчезнувшемъ памятникѣ мірскаго величія; но утѣшимся тѣмъ, что изъ развалинъ его воздвигнуты лучшія зданія Астрахани, такъ какъ нечего жалѣть о павшихъ царствахъ, вошедшихъ въ составъ нашего отечества. Близь Селитреннаго городка находится разрытый курганъ, къ которому Кундровскіе Татары ходятъ на поклоненіе. По ихъ преданію, здѣсь лежитъ святой Жигитъ — Хаджи, который и понынѣ, будто бы, творитъ чудеса. Это служитъ причиною, что и Селитренный городокъ называется Жигитъ.

Изъ Черноярскаго уѣзда я въѣхалъ въ Енотаевскій. Онъ заключаетъ къ себѣ 4,531,562 десятины, изъ коихъ подъ поселеніемъ, лѣсомъ и пастбищами находится 125,489 дес.; остальная часть представляетъ совершенно неудобную землю. Енотаевскъ, очень бѣдный по строенію городъ, заключаетъ въ себѣ до 1200 жителей. Здѣсь считается довольно купечества, но многіе изъ этого сословія живутъ въ другихъ городахъ. Онъ построенъ въ 1741-мъ году, на Волжскомъ протокѣ Енотаевкѣ, на правомъ берегу Волги, въ 6 верстахъ отъ главнаго русла рѣки. Онъ не имѣлъ сначала собственнаго герба, но потомъ для него составленъ и утвержденъ гербъ, изображающій остатки земляного вала, нѣкогда окружавшаго городъ. Въ немъ нѣтъ своего магистрата; граждане относятся по своимъ дѣламъ въ Черный Яръ. Въ торговомъ отношеніи городъ этотъ имѣетъ то значеніе, что здѣсь часто перекладываются товары, везомые сухимъ путемъ въ Астрахань, на суда, по трудности везти ихъ песчаной дорогой, потому что за Енотаевскомъ встрѣчаются цѣлыя горы песку и дорога идетъ по краю берега Волги, гдѣ песокъ отъ влажности покрѣпче. Замьяновскую станцію до того занесло пескомъ, что жители принуждены были выселиться оттуда. Въ уѣздѣ промышленность общая всѣмъ жителямъ Астраханской губерніи — рыболовство; земледѣліе едва удовлетворяетъ нуждамъ самихъ земледѣльцевъ; хлѣбъ получается большею частію изъ Саратовской губерніи. Къ сѣверу отъ Енотаевска растетъ лѣсъ годный для топлива; къ югу онъ мельчаетъ. Жителей въ цѣломъ уѣздѣ считается до 12000. Въ степяхъ кочуютъ Калмыки, а далѣе и Киргизы; постоянныхъ селеній съ хуторами 8.

Наконецъ, цѣль моего путешествія почти достигнута; я въѣхалъ въ Астраханскій уѣздъ. Здѣсь лента золотыхъ полей, окаймлявшая правую сторону степи, пресѣклась. Большая часть пространства сего уѣзда находится подъ поселеніемъ, садами, кустарникомъ, мелкимъ лѣсомъ, сѣнокосомъ, пастбищами и соляными озерами, болотами, протоками Волги, буграми, косами, обросшими камышомъ; а нѣкоторая часть подъ мѣстами совершенно безплодными и неудобными въ хозяйственномъ отношеніи. Промышленность здѣсь состоитъ въ рыболовствѣ, скотоводствѣ, и малою частію въ садоводствѣ. Жителей въ уѣздѣ считается до 20000; постоянныхъ селеній 85.

Быстро мчался я, стремясь скорѣе увидѣть Астрахань, городъ славный по торговлѣ и въ Исторіи. И вотъ верстъ за 16 она явилась передо мною озаренная заходящимъ солнцемъ; дома и церкви ея сіяли облитые розовымъ свѣтомъ зари, и надъ всѣмъ этимъ возвышались 5 главъ великолѣпнаго собора. Въ 12-ти верстахъ отъ Астрахани въ нагорной сторонѣ Волги находится груда развалинъ. Это было мѣсто древней Астрахани, перенесенной впослѣдствіи на 12 верстъ ниже княземъ Оболенскимъ Серебрянымъ, по случаю возмущенія Татаръ. Перенесеніе городовъ въ Исторіи ознаменовывается всегда важными переворотами, внутренними или внѣшними; и для здѣшняго края это событіе имѣло очень выгодныя послѣдствія. Татары не имѣли болѣе права считать Астрахань своимъ городомъ; историческое значеніе ея для нихъ утратилось, и они явились какъ будто отрѣшенными отъ своего края, своихъ воспоминаній и преданій. Но впрочемъ они были здѣсь только укоренившимися пришельцами; кто же были древнѣйшіе обитатели этого края? Могли ли знать объ нихъ Греческіе писатели основательно, не посѣщая этихъ странъ; тогда какъ у нихъ только и встрѣчаются объ этомъ свѣдѣнія. Видовыя названія одного народа они дѣлали часто родовыми, смѣшивали ихъ между собою, измѣняя ихъ сообразно формамъ языка своего. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ отечественныхъ писателей, эта земля принадлежала Славянамъ. Разобрать это — трудъ гигантскій, невозможный почти, при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ, которыя оставили намъ древніе историки. Но какую пользу принесетъ намъ это изысканіе? лучше и полезнѣе разсматривать народъ съ той поры, на которой застала его Исторія, и слѣдить за развитіемъ его жизни; подобное разысканіе принесетъ болѣе выгодъ, и въ такомъ случаѣ нечего уже страшиться чтенія сухихъ, безжизненныхъ хартій минувшаго. Изъ этихъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ, по-видимому безсвязныхъ фактовъ извлекается былая жизнь народа. Съ такой стороны должно смотрѣть и на исторію Астрахани, имѣющей важное отношеніе въ Исторіи Россіи и могущей пояснить темныя мѣста ея. Отнюдь не должно разсматривать ее отдѣльно; тогда можно потерять изъ виду цѣлое. Астрахань, по историческимъ событіямъ и по географическому положенію, находилась и находится въ непрерывной связи съ внутренней Россіею. Волга, опоясывая степь, несетъ на блестящихъ струяхъ своихъ къ ней жизнь и богатство изъ нѣдръ Россіи, и какъ Нилъ разлитіемъ своимъ оплодотворяющій поля Египта, оживляетъ разлитіемъ своимъ торговлю и открываетъ путь всему Востоку къ сердцу нашего отечества. Можетъ быть со временемъ и значеніе Волги прострется далѣе. Гдѣ ни протекаетъ она — на срединѣ ли Руси, по степямъ ли заселеннымъ инородцами, вездѣ одни Русскіе живутъ по берегамъ ея и стерегутъ матъ Русскихъ рѣкъ. Со временемъ, быть можетъ, отъ береговъ ея населеніе подвинется и далѣе въ глубь степей, и оживитъ ихъ. Намъ нечего бояться многолюдства; въ степяхъ Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерній, на Дону и въ пустыняхъ Сибири можно помѣститься цѣлой Европѣ. Обширность пространства, конечно, должна подавать понятіе о важности народа, заселяющаго оное. Человѣчество есть душа міра, а каждый отдѣльный народъ есть мысль той души. Какую же мысль должна выразить Россія? Непризвана ли она обнять собою цѣлый міръ и передать планетѣ, носящей ее, свое звучное, славное имя. Это во власти Царя Царей! Во всякомъ случаѣ, Астрахань есть какъ бы рука Россіи, простертая на Востокъ, или лучше, одна изъ звѣздъ Русскаго неба, долженствующая озарить его своимъ свѣтомъ. Вотъ она передо мною въ полномъ блескѣ красоты и величія. Къ ней несутся теперь мои думы и мечтанія, и, по мѣрѣ приближенія къ ней, нетерпѣніе достигнуть ее, во мнѣ возрастаетъ; и вотъ Волга, доселѣ стремившаяся рядомъ со мною, вдругъ перерѣзала мнѣ путь; переправясь черезъ нее, я былъ въ Астрахани.

Комната Вольтера.

РОССІЙСКОЕ МОРСКОЕ И РѢЧНОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО.

Все въ нашемъ положительномъ вѣкѣ, даже литература и художества, обнаруживаетъ какое то коммерческое направленіе. Можетъ быть, и мы въ этомъ отношеніи не отстаемъ отъ другихъ націй. Главнѣйшіе предметы нашихъ ежедневныхъ разговоровъ: золотые промыслы, желѣзныя дороги, пароходство, добывка каменнаго угля, страховыя общества, фабрики, литературныя спекуляціи, сельское хозяйство, и наконецъ уже въ родѣ дессерта, театръ и городскія сплетни. Если такое направленіе можетъ быть и гибельно для изящныхъ искуствъ, то за то въ высочайшей степени полезно для наукъ положительныхъ для выгодъ государственныхъ, для благосостоянія народнаго. Обращая особенное и постоянное вниманіе на современный ходъ всѣхъ предпріятій въ отечествѣ, въ настоящее время безпрекословно мы должны отдать преимущество возникающему на глазахъ нашихъ Россійскому морскому и рѣчному страховому обществу. — Есть частныя учрежденія, которыхъ успѣхъ въ будущемъ несомнителенъ; но за то польза весьма ограничена; есть другія, гдѣ польза огромна, очевидна, но по состоянію понятій о предметѣ учрежденія, по степени образованности тѣхъ, отъ участія коихъ зависитъ весь ходъ дѣла, учрежденіе не можетъ обѣщать вѣрнаго успѣха. Наконецъ, есть такія, въ которыхъ съ перваго взгляда вы можете предугадать и огромную народную пользу и огромный успѣхъ. Къ этимъ послѣднимъ частнымъ учрежденіямъ несомнительно принадлежитъ Россійское морское и рѣчное страховое общество. Страховыя отъ огня общества сравнительно съ этимъ представляютъ болѣе опасности; на сушѣ огонь истребляетъ цѣлые города. Давно ли Гамбургъ сгорѣлъ какъ стогъ сѣна; на водѣ этого случиться не можетъ; истребляли, правда, цѣлые непріятельскіе флоты, но когда превышающая морская сила, такъ сказать, присоединяла ихъ къ сушѣ, и корабли стояли такъ тѣсно какъ дома на улицахъ. Противъ войны нельзя застраховать ни имущества, ни жизни, ни на морѣ, ни на сушѣ. Застраховать можно и жизнь и имущество противу несчастнаго случая и въ этомъ отношеніи едва ли не слѣдуетъ отдать рѣшительнаго преимущества Россійскому морскому и рѣчному страховому обществу. — Надежда — разумъ глупцовъ, сказалъ кто-то; осторожность, не дочь, а мать мудрости изрекъ другой философъ. — Смѣшно въ разсчетахъ коммерческихъ гдѣ требуется положительная выкладка и число обстоятельствъ, положить въ основаніе ребяческое авось. Эта надежда — вредитъ торговлѣ, губитъ ее, и потому торговля не можетъ развиваться какъ бы слѣдуетъ. Сегодня у васъ благополучно пришла барка товаромъ, на будущій годъ двѣ, тамъ и десять пошли, да не дошли; дорогой грузъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, канулъ въ воду; вы стали бѣднѣе того, который не посылалъ въ торговый путь ни одной барки, ни одного зерна... А если бы у васъ было такое общество, вы бы заплатили сумму ничтожную въ сравненіи съ барышами, и тогда если бы сто вашихъ барокъ потонуло, сгорѣло, разбилось, вы бы ни на копѣйку не сдѣлались бѣднѣе прежняго. Въ этомъ истинно утѣшительномъ явленіи есть стороны, возбуждающія невольное удивленіе. Какъ столь простая мысль, которую, кажется, пойметъ дикій, таилась такъ долго подъ спудомъ; но еще удивительнѣе то, какъ мы, страстные обожатели и подражатели всего иноземнаго, до этихъ поръ не переняли такого общества у иноземцевъ, которые давно учредили у себя страховыя, съ этой цѣлію компаніи, достигшія самого цвѣтущаго, блистательнаго развитія. Не знали? этого сказать не можемъ, потому что мы сами сколько лѣтъ страховали наши товары за границей, платили подать во много милліоновъ чужимъ людямъ, обогащали и тѣшили чужихъ людей. Нечего говорить, что въ одномъ сохраненіи столь значительныхъ капиталовъ внутри государства — уже огромная польза; но сверхъ того, тутъ есть не меньшая польза и въ томъ, что подобное общество утверждая совершенную безопасность торговли, сообщаетъ ей всю возможность идти впередъ твердымъ шагомъ распространяя на всѣ роды *мануфактурной фабричной и промышленной дѣятельности*, самое *благодѣтельное вліяніе*. Трудно въ журнальной статьѣ исчислить всѣ выгоды отъ существованія подобнаго общества, неожидаемыя, но несомнѣнныя, непремѣнныя, очевидныя, осязаемыя. Много мы упустили времени; много выбросили даромъ денегъ; что прошло, того не воротить; объ утратахъ изъ большихъ избытковъ горевать нечего; но нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которые не воспользовались и заграничнымъ застрахованіемъ; утратили не избытки, а все свое состояніе, которое поглотили волны Двины, Волги, Днѣпра и другихъ судоходныхъ рѣкъ; разорились, потому что до Англіи далече, у себя подъ рукой не было средствъ къ обезпеченію собственности, а тутъ еще, ко всему этому присоединялось и пагубное авось, которое еще не скоро выйдетъ изъ домашняго словаря нашего. Еще была одна самая предубдительная сторона; слава Богу, она исчезла; но всетаки для исторіи нашей коммерціи мы хотимъ сохранить ее. Можетъ быть, вы не повѣрите; оно конечно, невѣроятно; но мы сами видѣли эту сторонку; ощущали смѣхъ и горе. Это истинно патріотическое, въ высшей степени полезное, вѣрное въ огромныхъ успѣхахъ своихъ предпріятіе — имѣло противниковъ! Не споримъ, что каждое обширное и новое начинаніе должно имѣть противниковъ. Зачѣмъ? спросите; на это отвѣчать не умѣемъ; если угодно, то этотъ духъ противорѣчія отнесемъ къ природѣ человѣка, которому, въ нѣкоторомъ возрастѣ, подъ извѣстными условіями образованности и просвѣщенія, свойственно сомнѣваться въ самыхъ очевидныхъ и простыхъ началахъ; но не менѣе того эти сомнѣнія, сколь они ни нелѣпы, гдѣ нибудь, а находятъ отголосокъ и останавливаютъ самыя благонамѣренныя дѣйствія. Но счастію, твердость, благоразумныя мѣры, знаніе дѣла и, наконецъ, даже пожертвованія учредителей довели предпріятіе до такой степени, что оно теперь можетъ безопасно открыть свои дѣйствія. Впрочемъ, можно ли было и въ этомъ сомнѣваться, зная, что въ числѣ основателей общества находятся его высокопревосходительство адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ и Николай Андреевичъ Харичковъ. Эти имена извѣстны, перваго на блистательномъ пятидесятилѣтнемъ поприщѣ службы и въ ученомъ мірѣ, другаго достояніемъ далеко превышающимъ капиталъ общества, необходимый для дѣйствій, и обширными торговыми оборотами; эти имена не требуютъ коментаріевъ, каждому Русскому знакомы и ручаются за несомнѣнный, блистательный успѣхъ предпріятія. Наступила пора пожать плоды продолжительныхъ трудовъ, предпринятыхъ на пользу общую...

Правленіе Россійскаго морскаго и рѣчнаго страховаго общества, полагая собранный капиталъ достаточнымъ для открытія дѣйствій своихъ, на основаніи § 18, Высочайше утвержденнаго Устава, приглашаетъ господъ акціонеровъ въ общее собраніе 18-го декабря текущаго года, въ 12 часовъ утра, въ контору правленія, состоящую въ Ст.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противу Малой Морской, въ домѣ Таля, подъ №7. Между тѣмъ, желающіе участвовать въ этомъ предпріятіи могутъ обращаться съ требованіями и вносить лично, или черезъ коммиссіонера, или же высылать съ почтою 25 руб. сер. на акцію. Въ замѣнъ выдаются, или препровождаются немедленно черезъ почту установленныя росписки. По открытіи дѣйствій общества объявлено будетъ въ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ о взносѣ еще по 25 руб. сереб. за акцію, срокомъ въ шесть мѣсяцевъ, считая со дня публикаціи. При этомъ взносѣ, вмѣсто росписокъ, на каждую акцію выдается особый, оригинальный актъ. Взносомъ пятидесяти руб. сер. ограничивается плата за каждую акцію. Остальные за тѣмъ 50 руб. сер., или только часть ихъ, могли бы быть потребны въ случаяхъ чрезвычайныхъ. — Огромное пространство, занимаемое Россійскою Имперіею, многоразличное состояніе мѣстностей, болѣе или менѣе сопряженныхъ со всякаго рода опасностями водоплаванія, времена года, когда рѣки, озера и моря бываютъ не совсѣмъ очищены отъ льда, или когда обыкновенно и преимущественно свирѣпствуютъ бури, качества товаровъ и вообще собственности, равно какъ и движеніе по водамъ значительныхъ партій вдругъ, или отдѣльными караванами по-крайней-мѣрѣ первоначально лишаютъ возможности опредѣлить количество преміи; но въ этомъ коммерческомъ обществѣ, подобномъ многимъ другимъ, процвѣтающимъ въ благоустроенныхъ государствахъ, цѣнность ея будетъ утверждаться взаимными и добровольными условіями полиса между страхователями и правленіемъ общества, или агентами его, снабженными на то письменнымъ уполномочіемъ, согласно съ §§ 42-го и 43-го Устава. Для личныхъ страхователей въ С. Петербургѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроятся своевременно конторы довѣренныхъ агентовъ, будутъ находиться и въ нѣсколько минутъ составляться изготовленныя печатныя объявленія. Самыя письма отсутствующихъ страхователей, содержащія въ себѣ необходимыя подробности о предлагаемой на страхъ собственности, примутся за объявленія. Коносаменты морскихъ судовъ или кораблей, какъ грузовые документы, равномѣрно могутъ замѣнять объявленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что желающіе обезпечить собственность свою отъ потери или ущерба не встрѣтятъ задержки, ни затрудненій въ формѣ застрахованія со стороны общества и не обременятся непомѣрною преміею.

Объ агентахъ общества, ихъ мѣстопребываніи и другихъ новыхъ учрежденіяхъ своевременно объявится въ вѣдомостяхъ.

Теперь еще осталось довольно времени для людей, желающихъ умножить свои капиталы честнымъ и безошибочнымъ средствомъ. Не сомнѣваемся, что ко времени открытія общества акціи будутъ разобраны до послѣдней. Мы увѣрены, что въ числѣ акціонеровъ окажутся и противники. Очевидная выгода убьетъ страсть къ голословнымъ умствованіямъ. Такова природа человѣка.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Литература: Напрасныя обѣты и ученость Финская. — Финскій Вѣстникъ. *Художества*: Колоны на новомъ бульварѣ. Памятникъ Петру Великому у красныхъ сосенъ. Г. Тимъ. — Гальванотипы. *Театры и Музыка*: Спектакли и спектакль-концертъ г. Гилью. *Провинціи*: Казань, Симферополь, Одесса, Саратовъ. *Разныя извѣстія*. Праздникъ въ Морскомъ корпусѣ.

Литература. Вся насущная Литература наша сосредоточена въ журналахъ; не желая подражать въ этомъ отношеніи нашимъ журналамъ, мы хотѣли допустить въ Иллюстрацію только разборы книгъ замѣчательныхъ и донынѣ не могли устроить особаго отдѣленія библіографіи. Пустота пустотъ и всяческая пустота. Наконецъ, къ особенному удовольствію, мы можемъ сообщить весьма пріятную новость. Сѣверная Пчела приноситъ искреннѣйшее покаяніе и обѣщаетъ исправиться. Пора! Она, въ 252-мъ нумерѣ, предписываетъ себѣ въ критикѣ слѣдующія условія: похвала достойному похвалы, указаніе на посредственное и слабое, СТРОГАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, УКЛОНЕНІЕ ОТЪ ПУСТОЙ ПОЛЕМИКИ, *безполезной* для искуства, *скучной* для читателей, журнальной перестрѣлки, совершенное отсутствіе всякой *личности* и *недоброжелательства* кому бы то ни было... Вотъ какъ громко, нарядно, изрядно возглашаетъ Сѣверная Пчела свою литературную присягу. Мы обрадовались, но въ то же время вспомнили, что эти обѣщанія повторялись уже многомножество разъ и нарушались въ тѣхъ же нумерахъ, самымъ страннымъ образомъ. Давно ли камфорныя сигарки расхвалены въ одномъ нумерѣ, а въ другомъ разруганы въ такихъ выраженіяхъ, что читать стыдно. Мало желанія быть безпристрастнымъ; для этого требуется еще кое-что, а между прочимъ, и ученость. Но гдѣ взять ее теперь? Не купишь, не займешь. Конечно, есть классъ людей, кото-

рый вѣритъ, что въ фунтѣ 36-ть лотовъ, что пивоваръ задохся отъ давленія атмосферы, что Фультонъ изобрѣлъ пары, что Proefectus castrensis— начальникъ евнуховъ, и тому подобной неисчислимой, необъятной учености, которая по всѣмъ правамъ можетъ назваться «всякой всячиной.» Давно ли еще, 25-го октября, Сѣверная Пчела возвѣстила удивительную историческую новость, что Марія, жена Вильгельма III, была сестрою Якова II. Совѣтуемъ исправить ошибку во всѣхъ ручныхъ исторіяхъ. Донынѣ Марія была дочерью Якова II; но ученость Сѣверной Пчелы чего не откроетъ? Просвѣщайтесь, читатели Сѣверной Пчелы! Вотъ вамъ еще одно важное историческое открытіе; просвѣщайтесь и утѣшайтесь! До сихъ поръ мы знали и вѣдали, что Георгъ, курфирстъ Ганноверскій и король Англійскій, съ помощью Вальполя царствовалъ благополучно, а былъ несчастливъ только въ своемъ семействѣ; умеръ, посѣщая свое курфиршество, въ Оснабрюкѣ, въ 1727 году. Сѣверная Пчела, 1-го ноября, гласитъ: «Онъ, какъ извѣстно, былъ низвергнутъ съ престола и изгнанъ; его должна судить исторія.» Какая? Не та ли, что низвергла его съ престола и изгнала вопреки всѣмъ другимъ исторіямъ. Но Англія далече; надо извинить Сѣверной Пчелѣ ея не промахи, а ужъ какъ хотите сами называйте эти очибочки, которыя вѣсятъ каждая фунтъ въ 36-ть лотовъ; случаются такія ученыя грезы отъ давленія атмосферы, отъ чего задохся и пивоваръ. Вотъ ужъ творецъ «всякой всячины» и сочинитель Россіи въ Русской Исторіи и Географіи не сдѣлаетъ промаха. — А Ифинская слобода... Какая Ифинская слобода? Мы о такой слободѣ не слыхали! Правда, въ 123-мъ нумерѣ напечатано: «Зыряне Ифинской слободы...» Просвѣщайтесь и утѣшайтесь необъятною ученостью Сѣверной Пчелы. Ненадо и театра, когда читаешь подобныя превращенія Ижемской слободы въ Ифинскую... Мы никогда бы не кончили, если бы вздумали удивляться всѣмъ открытіямъ учености Сѣверной Пчелы; но насъ отъ этого удивленія воздерживаетъ именно пріятельское расположеніе творца «всякой всячины», который ежедневно взводитъ на Иллюстрацію напраслины, хвастается за опечатки явныя, а самъ на каждомъ шагу дѣлаетъ, не промахи, а ошибки, которыя обнаруживаютъ, не случайную небрежность, а глубокую ученость, которая недовольна настоящимъ состояніемъ наукъ, идетъ впередъ своимъ шагомъ, хвалитъ себя и вѣритъ, что есть такіе, которые ей вѣрятъ. Можетъ быть, есть такіе; но мы, по многолѣтнему опыту, подтверждаемому и нынѣ ежедневными, грубыми примѣрами незнанія, только удивляемся и кланяемся. Вѣрить не можемъ и убѣждены, что выходка о справедливости, отсутствіи личности и проч., въ 252-мъ нумерѣ Сѣверной Пчелы, есть ошибка, недосмотръ, опечатка, промахъ въ 36-ть лотовъ, происшедшая отъ давленія атмосферы и отъ запаха камфоры; мы увѣрены, что этой выходкѣ повѣрятъ развѣ Зыряне Ифинской слободы, гдѣ ловятся *вкусные нельмы*. Вотъ это должна быть опечатка, потому что каждый Русскій знаетъ рыбу нельму точно также, какъ и осетрину, но не скажетъ: я ѣлъ вкусные осетрины и нельмы. Впрочемъ, такое давленіе атмосферы случается ежегодно, когда объявляется подписка на другіе журналы. Есть такія вещи, которыхъ забыть нельзя. Напримѣръ: китайскую комедію, помѣщенную въ Библіотекѣ для Чтенія, брошюры Косичкина, эпиграмы Пушкина, басни Кн. Вяземскаго и Измайлова, много, много есть такихъ вещей! Такъ точно нельзя забыть и этой новой Русской журналистики. Конецъ года, и Русскую журналистику сочиняютъ трое Я, Я и Я. *Они* плачутъ о литературѣ, вспоминаютъ золотое время литературы Русской! Увѣряютъ, что всѣ Русскіе литераторы враги! Достоинство литературы и литератора не позволяетъ молчать. Долгъ каждаго благонамѣреннаго журнала указать на эту явную напраслину; оправдать сословіе отъ упрека, котораго оно не заслуживаетъ. Если мы бы, напримѣръ, питали вражду ко всѣмъ литераторамъ, сколько ихъ ни есть въ Россіи, унижали ихъ труды, старались вредить ихъ изданіямъ, неужели мы бы получили чрезъ то право напечатать, что они всѣ между собою враги. Гдѣ видѣли *они* эту вражду? Можетъ быть, въ журнальныхъ муравейникахъ, гдѣ сочиняютъ низверженія съ престоловъ властителей, дѣлаютъ фунты въ 36 лотовъ, противу указнаго вѣса, сочиняютъ чужія ошибки и плодятъ свои, можетъ быть тамъ случается вражда съ своими послѣдствіями; но сословіе литераторовъ совершенно свободно отъ этой клеветы. Оно живетъ мирно, покойно, но *они* этого видѣть не могутъ. И теперь настоящіе литераторы посѣщаютъ другъ друга, собираются на литературные вечера, а чтобы не подражать *имъ*, не говорить голословно: укажемъ на вечера графа В. А. Сологуба, князя В. Ѳ. Одоевскаго, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и другихъ литератаровъ, къ которымъ сходятся литераторы, бесѣдуютъ, сообщаютъ свои мысли одинъ другому, читаютъ свои сочиненія... Но — *они* объ этомъ не знаютъ. Эти вечера не въ Ифинской слободѣ. Что дѣлать? Литераторы этому невиноваты, и не заботятся, что говорятъ объ нихъ—*они* всѣ трое. Русская журналистика раздѣлила писателей на *отдѣлываемыхъ и отдѣлывателей* (!); это они, отдѣлыватели, такъ думаютъ, дивя своею ученостію свой муравейникъ, а отдѣлываемые смѣются, понимая всю важность этой отдѣлки, которой, можетъ быть, удивляется Щукинъ дворъ да Ифинская слобода. Они говорятъ что-то и оприличіяхъ; но послѣ категорій, подъ которыя подведены Русскіе писатели, прилично ли будетъ упоминать о приличіяхъ въ *ихъ* статьѣ... Нѣтъ, господа отдѣлыватели, это у васъ остатокъ какого-то воинственнаго духа и недостатокъ именно тѣхъ достоинствъ, которыя въ милліонный разъ, и то всуе, вы обѣщаете публикѣ. Ваши *благонамѣренные* разборы, ваша *удивительная* ученость, ваше *дознанное* безпристрастіе, и пр. — не повредятъ подпискѣ ни одного журнала, ни одной газеты... Вы скажете: мы все это написали въ сердцахъ на Русскихъ литераторовъ. Выкушайте стаканъ холодной воды и раздумайте хорошенько. Вы увидите, что не Русскіе литераторы виноваты, зачѣмъ вы такъ осерчали. Для благовиднаго прикрытія преднамѣренной отдѣлки журналовъ и литераторовъ исторія начинается съ Библіотеки для Чтенія. Можно предсказать, что эта исторія разскажетъ о томъ или другомъ журналѣ. Объ Иллюстраціи и говорить нечего. Сколько разъ уже Сѣв. Пчела зарекалась не упоминать о ней—и говоритъ ежедневно. Видно, Иллюстрація особенно интересуетъ Сѣв. Пчелу... Любопытно одно: будетъ ли Русская журналистика отдѣлывать Финскій Вѣстникъ? Что-то они давно о немъ не упоминали. А право, слѣдовало бы хорошенько отдѣлать этотъ дерзкій Финскій Вѣстникъ, какъ онъ осмѣлился выходить съ отличною исправностію, соединить въ себѣ имена любимѣйшихъ писателей, заключить статьи истинно интересныя. О дерзкій Финскій Вѣстникъ, о Русскіе писатели *враги непримиримые*, зачѣмъ вы соединились тутъ въ немаломъ числѣ, съ удовольствіемъ стараясь каждый посильно поддержать предпріятіе благонамѣренное, начатое съ доброю цѣлію. Русскі литераторы, видно, нарочно помирились для этого случая—и Финскій Вѣстникъ вышелъ всѣ шесть разъ благополучно, и каждый разъ лучше и лучше; этого только не замѣтитъ строгая справедливость и совершенное отсутствіе всякой личности и недоброжелательства кому бы то ни было—*ихъ всѣхъ троихъ*. Но мы увѣрены, что Вѣстнику Финскому. Ифинская отдѣлка не обратится во вредъ. *Они* отдѣлывали Отечественныя Записки, кажется года четыре, и Отечественныя Записки достигли до 3500 подписчиковъ; Библіотеку для Чтенія отдѣлывали съ перемежками, и то пошло въ прокъ; желаемъ и предвѣщаемъ Финскому Вѣстнику тоже, а онъ того стоитъ. Въ шести книгахъ Финскаго Вѣстника вы найдете прекрасныя статьи М. Н. Загоскина, В. И. Луганскаго, А. П. Башуцкаго, Е. П. Гребенки и многихъ другихъ писателей. По части ученой мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли статьи А. И. Аненскаго и А. В. Старчевскаго. Финскій Вѣстникъ несправедливо считаютъ журналомъ спеціальнымъ. Конечно онъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью Сѣверныхъ литературъ, но большая часть и едва ли не двѣ трети листовъ посвящается нашей. На будущій годъ редакція сдѣлала много улучшеній относительно объема и распорядка нѣкоторыхъ отдѣленій. Опытъ укажетъ остальное; но пока, мы благодаримъ редакцію за старательность и за презрѣніе къ журнальной отдѣлкѣ. Финскій Вѣстникъ отдѣлался молчаніемъ. Но это не спасетъ его отъ нашествія *ихъ всѣхъ троихъ*... Подписка наслѣдующій годъ уже объявлена, а это какъ извѣстно формальное объявленіе войны, которая начнется съ *безпардоннымъ ожесточеніемъ*: это выраженіе заимствовано у *нихъ* всѣхъ троихъ; тамъ оно употреблено въ отношеніи къ врагамъ непримиримымъ, Русскимъ литераторамъ; но къ чему такія выраженія? Зыряне Ифинской слободы этого не поймутъ. Совѣтуемъ въ подобныхъ случаяхъ помѣщать и переводы въ скобкахъ для вящшаго назиданія Зырянъ.

Художества. На прошедшей недѣлѣ, на Исакіевской площади, между зданіями Синода и Конногвардейскаго манежа, при началѣ новаго бульвара, открыты двѣ прекрасныя колонны, съ двумя геніями. Статуи геніевъ, несущихъ вѣнки, отлитывъ Берлинѣ. — Эти колонны составляютъ пріятное украшеніе и дополняютъ какъ-то пустоту, которая была очень замѣтна на этомъ мѣстѣ площади.

— На лѣвомъ берегу Невы, верстъ за девять до Шлиссельбурга, есть небольшой лужокъ какъ-будто осаженный вѣковыми соснами. Здѣсь была раскинута палатка Петра Великаго во время осады Нотебурга. Таково мѣстное преданіе, которымъ воспользовались простые каменотесы братья Николай и Михайло Спиридоновы, Путиловскіе крестьяне, по завѣту отца Спиридона Кирилова и съ разрѣшенія правительства соорудившіе изъ плиты пирамиду съ чернымъ гранитнымъ на верху шаромъ. Когда получимъ рисунокъ, поговоримъ о памятникѣ и соорудителяхъ по подробнѣе. Теперь только сообщаемъ это истинно пріятное извѣстіе. Памятникъ Петру Великому — Русскихъ каменотесовъ!!.. Не засыпаетъ память о великомъ даже въ простомъ народѣ, потому что истинное величіе въ дѣлахъ безсмертныхъ.

—Выставка наша возрастаетъ. Мы видѣли картину нашего молодаго художника В. Тима, извѣстную тройку, которая была на Парижской выставкѣ и въ гравюрѣ помѣщена въ Парижской Иллюстраціи. Гравюра нисколько не похожа на картину; но тамъ это не составляетъ преступленія; мы помѣстимъ съ этой картины свою гравюру и поговоримъ о талантѣ художника въ свое время.

— Еще одно художественное извѣстіе, которое обратило наше вниманіе нечаянно; извѣстіе это не ново, но мы теперь только случайно увидали родъ объявленія, въ коемъ гг. Лампе и Ратке увѣдомляютъ, что они дѣлаютъ посредствомъ гальванизма стереотипы, «гравюры на деревѣ, Иллюстраціи, виньеты» и проч. Не входимъ въ сравненіе гальванотиповъ съ обыкновенными клише; въ преимуществѣ первыхъ нечего и сомнѣваться; прочность гальванопластическихъ произведеній теперь уже доказана. Равномѣрно не оспориваемъ заслугъ г. Лампе на этомъ пути; но съ тѣмъ вмѣстѣ мы обязаны замѣтить, что Иллюстрація съ самыхъ первыхъ нумеровъ печатаетъ многія изъ своихъ гравюръ съ гальваническихъ досокъ, изготовленныхъ съ такимъ совершенствомъ, что между гравюрой на деревѣ и мѣднымъ отливкомъ нельзя найти и микроскопической разницы. Тонкость линій изумительна; довольно указать на гравюры, изображающія дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, и зимній въ томъ же дворцѣ садъ. Изобрѣтеніе гальваническихъ осадковъ съ гравюръ теперь уже не новость; ихъ производятъ въ совершенствѣ уже давно многія мастерскія любителей. Иллюстрація, какъ сказано, постоянно пользуется этимъ способомъ. Заглавный видъ Петербурга выдержалъ около ста тысячь оттисковъ и пострадалъ незначительно, тогда какъ клише надо бы перемѣнить не одинъ разъ. Хотя это изобрѣтеніе и не новость, не принадлежитъ гг. Лампе и Ратке, но при всемъ томъ ихъ осадки заслуживаютъ большой похвалы и въ совершенствѣ не уступаютъ осадкамъ другихъ мастерскихъ. Вообще успѣхи гальванопластики теперь развиваются въ огромныхъ размѣрахъ. Мало уже осталось противниковъ этому способу, и тѣ болѣе противники изъ упрямства. Спорятъ противу очевидности, подвергаютъ сомнѣнію прочность произведеній гальванопластики, подкрѣпляя свои сужденія недостаткомъ лѣтъ для повѣрки. Жаль, что эти противники не проживутъ еще ста лѣтъ. Тогда бы имъ было очень совѣстно, что они замедляли успѣхи столь важной отрасли. Прочность по-крайней-мѣрѣ осадковъ съ гравюръ не оставляетъ и малѣйшаго сомнѣнія, Въ этомъ убѣждаетъ каждаго опытъ надъ заглавнымъ видомъ Петербурга въ нашей Иллюстраціи.

— Театры и музыка. Наступилъ ноябрь и спектакли Александринскаго театра становятся интереснѣе. Во ожиданіи собственно театральной статьи, изготовляемой нашимъ сотрудникомъ и опоздавшей къ настоящему нумеру, мы не можемъ не упомянуть, что на этомъ театрѣ, на прошедшей недѣлѣ, проявилась весьма пріятная новость, это «Букеты или Петербургское Цвѣтобѣсіе», шутка

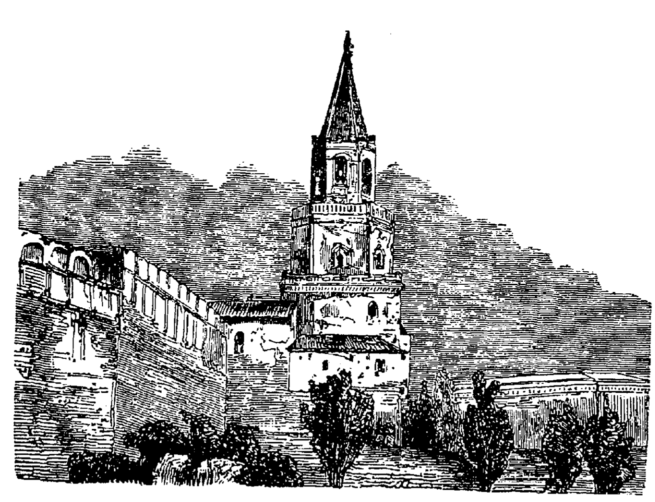
въ одномъ дѣйствіи, соч. графа В. А. Сологуба (см. Библіографію). На Большомъ театрѣ трижды дана была давно-ожиданная опера I. Lombardi, въ которой мы услышали Мольтини. Теперь мы можемъ отдать отчетъ о нашей Италіянской Оперѣ, и не замедлимъ.

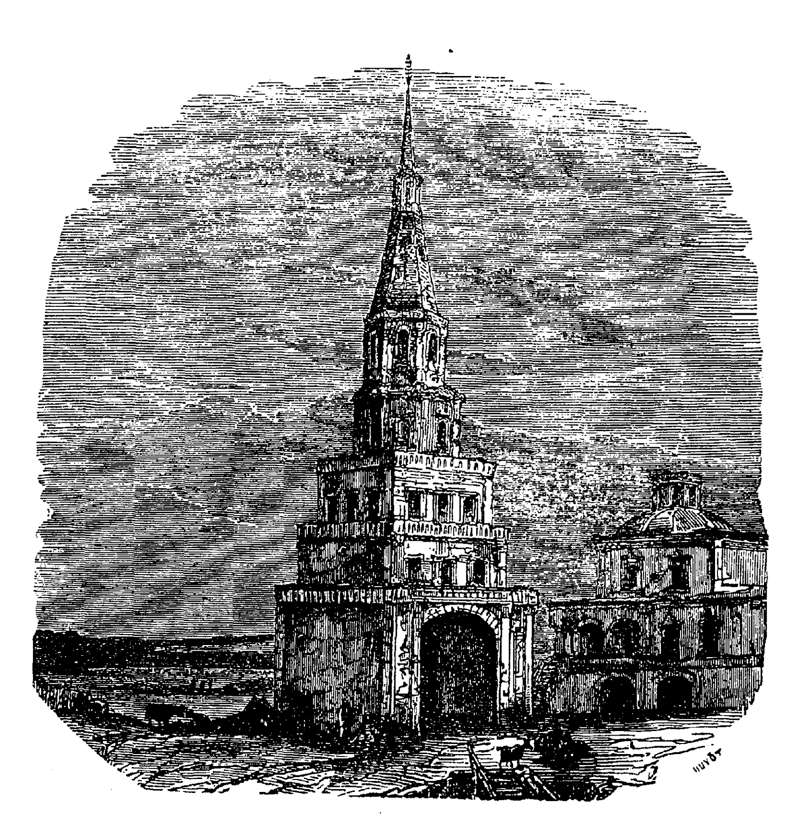
— Завтра въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, въ два часа ровно будетъ, еще что-то въ родѣ театра и музыки: музыкальное и драматическое утро, г. Гилью. Если не ошибаемся, г. Гилью извѣстенъ въ здѣшнемъ музыкальномъ мірѣ, какъ отличный виртуозъ на флейтѣ и какъ музыкантъ, знакомый съ таинствами музыкальной теоріи. Мы не знали, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и жрецъ Мельпомены. Утро его составлено весьма интересно. Часть первая, Пигмаліонъ, соч. Руссо, музыка г. Альбрехта. Пигмаліона изобразитъ самъ г. Гилью. Для новости, увертюру будутъ играть послѣ піесы. Затѣмъ г-жа Пажъ споетъ Италіянскую арію. Вторая часть: Говорунъ, Le parleur éternel, комедія Мориса. Какъ хотите, а подобные драматическіе концерты гораздо занимательнѣе настоящихъ музыкальныхъ концертовъ, о которыхъ какъ только подумаешь и дрожь и злость беретъ, а мадригалы имъ пиши! Желаемъ, чтобы всѣ музыканты подражали г. Гилью и разнообразили свои праздники, которые для многихъ, просто, черные дни.

Провинціи: Мы уже нѣсколько разъ обращали вниманіе читателей нашихъ на Губернскія Вѣдомости, которыя постоянно пересматриваемъ и часто находимъ статьи любопытныя, достойныя общей извѣстности. Которыя изъ нихъ болѣе занимательны? Отвѣчать трудно. Для насъ занимательны всѣ, потому что мы хотѣли бы знать, что дѣлается въ каждомъ уголкѣ Россіи, но увы, въ иныхъ находимъ только объявленія о выходѣ оффиціальныхъ книгъ, да журналовъ, перепечатки изъ Петербургскихъ повременныхъ изданій. Дѣло иное, если столичные журналы перепечатываютъ статьи изъ Губернскихъ Вѣдомостей. Тутъ прямая польза. Хорошая статья дѣлается общеизвѣстною, расходится во всѣ концы Россіи; а въ обратномъ случаѣ, тѣ изъ провинціальныхъ жителей, которые занимаются чтеніемъ, навѣрное уже прочли статью въ столичномъ изданіи. Казалось бы, лучше другихъ должны быть тѣ вѣдомости, которыя издаются въ городахъ, гдѣ есть университеты и вообще высшія учебныя заведенія; но это только такъ кажется. Во многихъ изъ этихъ вѣдомостей не найдете никакихъ любопытныхъ мѣстныхъ свѣдѣній. А какіе матеріалы для исторіи и топографіи могли бы сообщить многія изъ этихъ газетъ! — Но видно, время еще не пришло.

— Казань продолжаетъ отстраиваться. Вотъ городъ, котораго перестройка заставляетъ опасаться, чтобы не изгладились эти оригинальные черты древняго, татарскаго значенія Казани, эти свидѣтели возвышенія и распространенія Россіи. Мы при этомъ случаѣ помѣщаемъ двѣ гравюры съ рисунковъ Е. Е. Мейера, и надѣемся, что это послужитъ только началомъ иллюстраціи Казани. — Пусть себѣ «всякая всячина» возглашаетъ, что ей угодно, а мы будемъ идти своей дорогой, и увѣрены, что ни одинъ благомыслящій и знающій человѣкъ не позволитъ себѣ называть учениками — извѣстныхъ художниковъ. Кстати замѣтимъ, что корреспондентъ Сѣв. Пчелы, вооружившійся противъ гравюръ Иллюстраціи, не только передѣлываетъ наши гравюры, но и самыя имена. Объявляемъ всѣмъ и каждому кому то вѣдать слѣдуетъ, что въ числѣ нашихъ сотрудниковъ по художественной части никакого г. Кюна не имѣется, а потому переводъ фамиліи Кюна на Русскій языкъ въ значеніи «смѣльчака» возвращаемъ корреспонденту, для собственнаго употребленія. Смѣлость города беретъ! Что говорить о нашихъ столичныхъ судіяхъ литературы и художествъ? гораздо любопытнѣе и пріятнѣе толковать о крымскихъ сушеныхъ грушахъ и черносливѣ. На первый разъ въ видѣ опыта, изготовили сто пудъ, которые и проданы въ Симферополѣ до четырехъ рублей серебромъ за пудъ. Новая отрасль промышленности, и довольно важная, принявъ въ соображеніе, какъ человѣчество любитъ лакомиться.

— Вообще югъ нашей Имперіи въ высшей степени любопытенъ для наблюдателя. Тамъ военныя дѣйствія умножаютъ славу Россіи, тамъ торговля постоянно принимаетъ болѣе и болѣе утѣшительное направленіе. Съ 1-го января до половины истекшаго октября, къ Одесскому порту пришло 1,090, а отошло до 980 судовъ. Одной пшеницы отпущено до 1,400,000 четвертей, болѣе нежели во весь прошедшій годъ. Даже литература на югѣ плодовитѣе нашей сѣверной. Мы уже указали на нѣкоторыя замѣчательныя книги, вышедшія въ Одессѣ. Теперь возвѣщаютъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новой повѣсти г. Уманскаго, подъ заглавіемъ: Семейство Сибиряковыхъ.


Входъ въ крѣпость въ Казани.


Башня Сумбеки въ Казани.

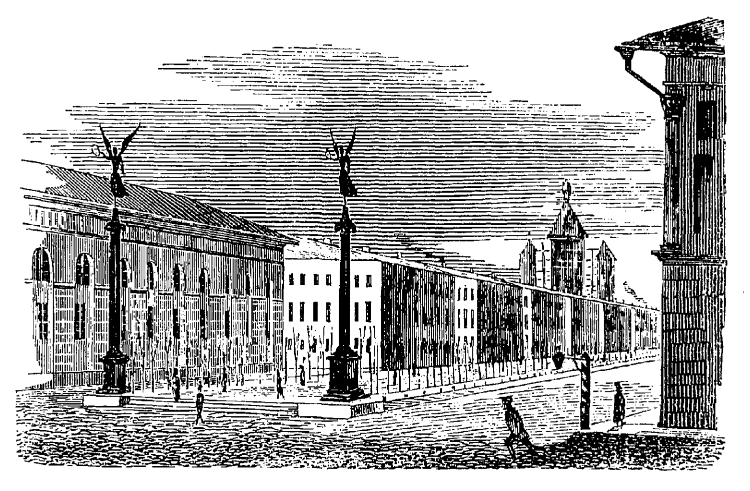
— Въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ, какъ всегда, много мѣстнаго интереса. Одно происшествіе на Волгѣ, стоитъ того, чтобы его пересказать нашимъ читателямъ. Мѣщанинъ Поповъ, на досчаникѣ, нагруженномъ желѣзомъ и другимъ товаромъ, плылъ по Волгѣ. Съ нимъ были: жена, дочь, и еще 19 человѣкъ разнаго рода. Середь дня сильный штурмъ ломаетъ мачту, рветъ парусъ; досчаникъ залпваетъ водою; въ это время мѣщанинъ Назаровъ плылъ съ 4 работниками, увидѣлъ погибающій досчаникъ, выбросилъ грузъ и поспѣшилъ на помощь; но волны не допускаютъ къ досчанику. Не смотря на то, ему удалось втащить въ лодку четырехъ человѣкъ. Тутъ выходитъ на сцену 16 лѣтній Персіанинъ, изъ Баку, круглый сирота. Онъ могъ спастись, могъ впрыгнуть въ лодку; но у него гибнетъ шестилѣтняя сестра; не могъ онъ ее спасти и поплылъ къ берегу, на пути его перехватила другая лодка. Прочіе всѣ погибли. Можетъ быть, Назаровъ успѣлъ бы спасти и больше народа, но во время похвальныхъ дѣйствій отъ неудачнаго поворота правила, получилъ ударъ въ високъ и самъ свалился въ воду. По счастью работники успѣли его вытащить.

Разныя извѣстія. Еженедѣльникъ, говоря обо всемъ примѣчательномъ, не можетъ пропустить безъ вниманія, оригинальный семейной вечеръ, въ которомъ участвовало болѣе тысячи человѣкъ.

Это было во вторникъ, 6-го ноября, въ Морскомъ корпусѣ, по случаю Церьковнаго праздника. Танцовали въ огромномъ залѣ, хорошо знакомомъ публикѣ по астрономическимъ лекціямъ.

Для посѣтителей открыта была также цѣлая анфилада комнатъ музеума, отдѣланнаго превосходно и съ большимъ вкусомъ, и особенно замѣчательнаго по богатымъ собраніямъ моделей кораблей и всего относящагося до моря. На этомъ вечерѣ все какъ нельзя лучше способствовало общему веселью: великолѣпное освѣщеніе, оркестръ Германна, самое угощеніе составляли прекрасный ансамбль. По одной причинѣ несправедливо назвать этотъ прекрасный вечеръ баломъ; на немъ не было гостей. Тутъ была одна семья, составленная изъ шести сотъ воспитанниковъ и по-крайней-мѣрѣ такаго же числа ихъ родныхъ. Непринужденная веселость дѣтей, соединенная съ строгимъ порядкомъ и видимое удовольствіе приглашенныхъ ими родственниковъ, дѣлали этотъ семейный праздникъ молодыхъ моряковъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собраній.

Подобныя удовольствія воспитанниковъ имѣютъ для нихъ и полезную сторону: они даютъ начало свѣтскаго образованія, пріучаютъ къ обществу, а это въ дѣлѣ воспитанія также не бездѣлица.



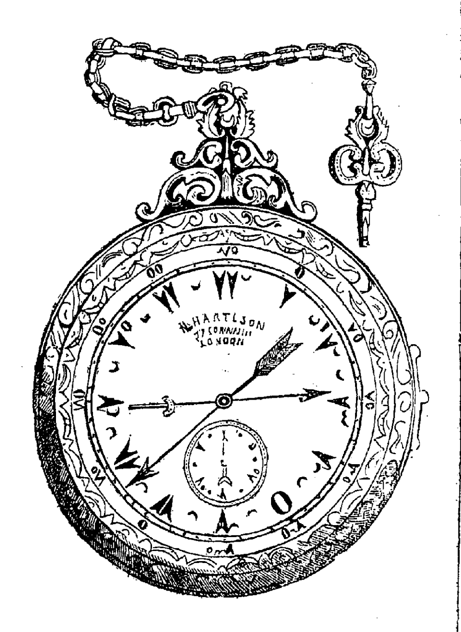
Колонны у новаго бульвара въ С. Петербургѣ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Происшествіе въ Каирѣ. — Часы Турецкаго Султана. — Жераръ волшебный стрѣлокъ. — Навуходоноссоръ и оперы. — La Charbonnière. — Ольга, опера Бернара. — Некрологъ. — Желѣзная бумага. — Всѣ звѣри въ человѣческой крови. — Рабочее заведеніе въ Парижѣ. — Віетанъ.

Странствователь, не обращающій никакого вниманія на политику, находится иногда въ самомъ затруднительномъ положеніи; онъ даже въ Тур-



ціи и Египтѣ долженъ ходить въ театры, слушать музыку, смотрѣть на художественныя и общественныя работы, на успѣхи просвѣщенія, отыскивать новыя изобрѣтенія. А если этого ничего нѣтъ, что дѣлать странствователю? Ужъ не подражать ли другимъ? не сочинять ли къ себѣ письма отъ разныхъ знаменитостей, не напасть

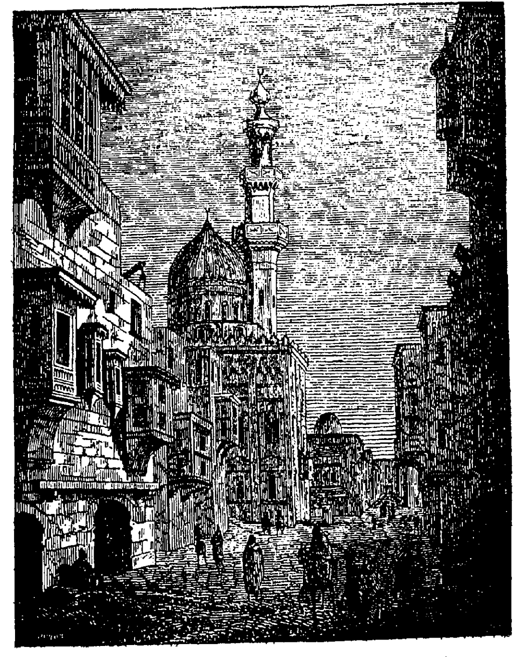
ли на кого либо изъ сонздателей, и наполнить столбцы всякою всячиною... Правда мало на этотъ разъ нашелъ странствователь; что нашелъ, о томъ доноситъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и ради.

— Въ Египтѣ есть городъ Каиръ — зри географію; въ Каирѣ есть улица, — зри гравюру по рисунку гг. Чернецовыхъ; въ этой улицѣ есть домъ, въ которомъ жилъ богатый купецъ съ пятью женами и многимъ потомствомъ; между женами первая была стара, послѣдняя молода, какъ весенній цвѣтокъ; между потомствомъ послѣдній говорить не умѣетъ еще, а первый, взрослый сынъ уже былъ съ товарами далече, видѣлъ свѣтъ и воротился домой въ самое то время, когда пятая жена была пріобрѣтена отцомъ и предпочтена всѣмъ прежнимъ. Сынъ узналъ пятую жену; онъ видѣлъ ее на какомъ-то базарѣ, полюбилъ, но поздно: она была откуплена для неизвѣстной особы. Сынъ не долго думая, пошелъ къ отцу и признался. Отецъ сына чубукомъ. Сынъ притворился послушнымъ и въ тотъ же вечеръ пробрался въ тайники, увелъ пятую жену своего отца и убѣжалъ съ нею внизъ по Нилу. Но отецъ догналъ ихъ, взялъ въ плѣнъ и былъ столько великодушенъ, что приказалъ утопить и жену и сына. Египетская юриспруденція стала въ тупикъ. Купцу такія штуки запрещены законами Но Египетская мудрость всѣмъ извѣстна и, вѣроятно, въ скоромъ времени мы узнаемъ чѣмъ рѣшится судъ.

— Въ Стамбулѣ теперь много политики. Паденіе Риза-паши всѣхъ занимаетъ; насъ занимали гораздо болѣе подарки господаря Валашскаго — двѣ великолѣпныя кареты, одна для султана, другая для Риза-паши. Послѣдняя опоздала и, вѣроятно поѣдетъ обратно въ Букурестъ. Еще мы видѣли тамъ двое англійскихъ часовъ, выписанныхъ для султана; съ однихъ *прилагаемъ гравюры*. Часы заказаны султаномъ, черезъ посредство Турецкаго посланника въ Лондонѣ, и стоятъ 1200 гиней. Какъ дорого время!

— Въ Алжирѣ проявился Фрейшюцъ, истинно волшебный стрѣлокъ, по имени Жераръ; онъ не хочетъ заниматься куропатками и мелкой дичью; подымайте выше; онъ не довольствуется волкомъ; выше; онъ охотится только на львовъ. И всегда одинъ. Онъ утверждаетъ, что одному со львомъ управиться ловчѣе. Товарищъ ему только мѣшаетъ. Этотъ волшебный стрѣлокъ, по увѣренію журналовъ, не миоъ. Въ Иллюстраціи помѣстили даже портретъ этого Немврода. Надо думать, что похожъ.

— Теперь всѣ націи перемѣшались. Въ Алжирѣ появился Фрейшюцъ, въ Парижѣ пришелъ Навуходоноссоръ, опера въ четырехъ актахъ, слова Оемистокла Солеры, музыка Верди, того самого композитора, который соорудилъ музыку и для оперы «Ломбардцы въ первомъ Крестовомъ Походѣ. Кому вѣрить? *не знаемъ*; одни отдаютъ преимущество Навуходоноссору, другіе Ломбардцамъ, третіе Іоаннѣ д'Аркъ. Сюжетъ второй вы знаете, послѣдней догадываетесь; но ужъ сюжета первой никакъ не отгадаете. Іерусалимъ осажденъ; но тамъ въ плѣну Ассиріянка, которая, по всѣмъ соображеніямъ Израильтянъ Фенена, дочь Навуходоноссора. Исмаилу поручена Фенена и они, натурально, влюбились другъ въ друга; напрасно, потому что госпожа Абигаиль, нѣчто въ родѣ Амазонки, беретъ городъ и сама желаетъ влюбиться въ Исмаила. Является и Навуходоноссоръ, съ войскомъ. Его не пускаютъ въ храмъ, но завоеватель смѣется надъ запретомъ; тогда Захарія беретъ Фенену и хочетъ ее заколоть. Но Исмаилъ не можетъ этого позволить и обезоруживаетъ Захарію. Второй актъ въ Вавилонѣ. Навуходонос-



Каиръ.

соръ все еще гоститъ въ Іудеѣ, а царствомъ правитъ Фенена. Абигаиль дѣлаетъ противъ нее заговоръ и снимаетъ съ чела ея вѣнецъ; но въ это мгновеніе Навуходоноссоръ на коврѣ самолетѣ, — тогда еще были такіе экипажи, — является совсѣмъ войскомъ, надѣваетъ вѣнецъ на свою голову и объявляетъ, что онъ самъ предметъ общаго обожанія, Захарія ни какъ съ этимъ не соглашается. Навуходоноссоръ велитъ его убить, Фенена вступается, но Навуходоноссоръ ведетъ ее къ своей статуѣ и велитъ ей поклониться. Тутъ громъ и Навуходоноссоръ сходитъ съума, а Абигаиль принимаетъ правленіе. Само собою разумѣется, что госпожа Абигаиль велитъ убить Захарію и Фенену; Навуходоноссоръ подписываетъ смертный приговоръ всѣмъ Жидамъ; но вспомнивъ, что Фенена приняла ихъ вѣру, умоляетъ Абигаила помиловать ее; тотъ смѣется. Навуходоноссоръ разсердился; пошелъ, взялъ свой разумъ и свой вѣнецъ обратно и даруетъ Іудеямъ свободу, вопреки Библіи. Абигаиль отправляется, и піэса кончается. Гдѣ же Исмаилъ? Увидавъ, что двѣ женщины влюбились въ него, онъ еще въ первомъ актѣ ушелъ изъ Азіи и донынѣ туда не возвращался. При всей колоссальной нелѣпости сюжета, опера нравится. Какъ себѣ хотятъ противники Верди, должно же быть что-нибудь такое въ музыкѣ Верди, что нравится и увлекаетъ. И Ломбарды не могутъ похвалиться сюжетомъ, а съ какимъ успѣхомъ обошли Европу. Вѣдь надо правду говорить: не одна новость распространила славу Верди, не одинъ недостатокъ новыхъ оперъ оставилъ Верди на просторѣ. Оперы Флотова уважаются и въ Парижѣ; Леонъ Пилле, директоръ королевской академіи, проситъ дозволенія поставить на сцену оперу Флотова: «Der Förster;» эта опера и еще другая того же автора: «Матросы», ставятся въ Вѣнѣ; въ Берлинѣ съ блистательнымъ успѣхомъ дана опера Франца Лахнера: «Катерина Корнаро.» Все-таки произведенія Верди больше нравятся. Должна быть причина, что бы ни говорили безчисленные его противники.

— Кстати объ операхъ: въ Парижѣ недавно дана была опера «Угольщица» (La Charbonnière). Либретто Скриба и Мельвиля, но это не помогло. Даже французскіе критики сознались, что это вальсъ-опера, или правильнѣе, вальсъ въ трехъ актахъ.

— Еще кстати объ операхъ: въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ напечатано, что «Ольга», опера г. Бернара, дана на Французскомъ Театрѣ потому, что композиторъ — Французъ, а либретто сочиняла Француженка. А кажется, мало ли у германскихъ издателей корреспондентовъ, которые безвыѣздно сидятъ въ Петербургѣ и сообщаютъ въ Германію *точныя* о Россіи извѣстія.

— Въ музыкальномъ мірѣ есть событіе важное, потому только, что оно принадлежитъ къ біографіи Россини. Изабелла Кольбранъ или Кольбрандъ, родомъ Испанка, была, какъ извѣстно, лѣтъ тридцать тому назадъ, одною изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ въ Европѣ. Россини собственно для нея написалъ «Отелло», «Donna del Lago» и «Семирамиду.» Сама по себѣ она была богата; Россини женился на Изабеллѣ, но не долго они прожили въ мирѣ. Разошлись. Огромное состояніе ея разсѣялось. Она двѣнадцать лѣтъ прожила въ Болоньи, въ уединеніи и недостаткѣ. Друзья уговорили супруговъ примириться, но не долго наслаждалась старушка и этимъ счастьемъ, и 7-го октября, на 60-мъ году отъ роду, Изабелла скончалась въ домѣ неутѣшнаго мужа, который послѣдніе дни горькой для жены жизни, усладилъ необыкновенною внимательностью и самопожертвованіемъ, проводя ночи безъ сна у одра супруги.

— А открытій, изобрѣтеній, спросите, нѣтъ никакихъ. Есть, какъ не быть, тьма, множество, на каждый день приходится по десятку изобрѣтеній, но всѣ любопытны для фабрикантовъ, промышленниковъ и т. п. Одно изобрѣтеніе — это желѣзная бумага, которая сколько нибудь можетъ интересовать всѣхъ и каждаго. Она явилась на Вѣнской выставкѣ. 300 листовъ этой бумаги вѣсятъ едва 20 фунтовъ; — всѣ эти триста листовъ сложены въ конвертъ изъ жести, на которомъ приличная надпись. И такъ желѣзная бумага есть, но что въ нашемъ вѣкѣ писать на ней Позднее, безнужное изобрѣтеніе.

— Другое открытіе, ученое, хуже нежели ученое, сдѣлано въ Америкѣ, источникѣ всѣхъ удивительныхъ выдумокъ. Нюйоркскій профессоръ Провсонъ старинную поговорку: что человѣкъ — есть маленькій міръ принялъ въ буквальномъ смыслѣ, и преслѣдуя свою идею, въ кислородно-водородный микроскопъ сталъ разсматривать человѣческую кровь... Увеличивъ каплю крови въ два милліона разъ, что увидѣлъ пр. Провсонъ! Всѣ возможные роды звѣрей, которые не только есть, но когда либо были на этой землѣ. Когда человѣкъ здоровъ всѣ звѣри покойны, играютъ себѣ и только. Въ больномъ — всѣ жильцы его бѣсятся; — вотъ гдѣ и отчего горячка, которую слѣдовало бы назвать Американскою. — Это что-то въ родѣ описанія луны, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣлало такъ много шума и обмануло даже людей ученыхъ. Всѣ эти мамонты, слоны, львы, тигры и прочіе звѣри обитающіе въ крови нашей вѣроятно хотятъ иногда кушать; любопытно было бы посмотрѣть на нихъ въ кислородно-водородный микроскопъ, когда человѣкъ голоденъ. Должно быть ужасно печальное зрѣлище. Боясь видѣть ярость кровяныхъ звѣрей, въ Парижѣ придумано прекрасное учрежденіе.

— Это — рабочія заведенія. Многіе, особенно женскаго пола, и готовы доставать хлѣбъ честнымъ трудомъ, да гдѣ взять работу. Избѣгаешь дни, износишь башмаковъ на столько, что расходовъ барышъ отъ работы не покроетъ и въ половину. Рабочее заведеніе, пока одно, заботится о снабженіи бѣдныхъ — работой. Но чтобы не повредить рукодѣльямъ, оно платитъ своимъ работницамъ бездѣлицей дешевле противу обыкновенныхъ цѣнъ, а продаетъ на равнѣ со всѣми мастерскими. Такимъ образомъ благодѣяніе не обременяетъ ни благодѣтелей, ни благодѣтельствуемыхъ. И мысль и развитіе рабочихъ заведеній заслуживаютъ похвалы и подражанія.

— Помните ли Вьетана, нашего любимѣйшаго скрипача? Въ Гаагѣ весь оркестръ поднесъ ему лавровый вѣнокъ съ надписью:

L'orchestre rend toujours hommage au vrai talent,
Mais jamais au genie on n'unit tant de grace;
Quand son temps esra vieux on dira de Vieuxtemps:
Il n'est rien encore qui l'efface.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) *Петербургскія вершины, описанныя Я. Бутковымъ. — Книга I-ая. С.-П.-бургъ*, 1845.

Всѣ четвертые, пятые и шестые этажи столичнаго города С.-Петербурга, попали подъ неумолимый ножъ г. Буткова. Онъ взялъ, отрѣзалъ ихъ отъ низовъ, перенесъ домой, разрѣзалъ по составчикамъ и выдалъ въ свѣтъ частичку своихъ анатомическихъ препаратовъ. Скользкій путь! Мы тяжелы на сатиру, которую едва ли жалуетъ наша публика. Вотъ, каррикатуры, приспособленныя ко времени, наша страсть. Что можетъ быть неправдоподобнѣе покойныхъ Выжигиныхъ, а Иванъ читался; Петръ Ивановъ прошелъ даже не замѣченнымъ, а дальнѣйшія каррикатуры того же автора не возбудили даже улыбки. Конечно, талантъ не старѣется; сочиненія Н. В. Гоголя также представляютъ, не сатиру, а каррикатуры современнаго міра. Того нѣтъ въ природѣ, что онъ описываетъ. Типы его — созданія веселой фантазіи; но дѣло мастера боится. Каррикатуры Гоголя читались съ удовольствіемъ, читаются и будутъ читаться. Одному шутнику говорили: «Перестань, любезный, острить; право не остро!» — Да я это нарочно такъ тупымъ притворился. Лучше вовсе не писать каррикатуръ, нежели писать ихъ плохо и лубочно. Въ Петербургскихъ вершинахъ нѣтъ притворства; всѣ статьи носятъ на себѣ печать неподдѣльнаго дарованія и проницательной наблюдательности; написаны чистымъ русскимъ слогомъ; однимъ словомъ, г. Бутковъ — прекрасная надежда съ надежною порукою. Но не можемъ не замѣтить, что тонъ, способъ изложенія нѣсколько монотоненъ; сначала вы читаете съ удовольствіемъ, слогъ и складъ рѣчи —. пріятная нечаянность; но къ концу книги уже угадываешь, какъ и что скажетъ авторъ. Отчего бы это? Полагаемъ, что это происходитъ отъ слишкомъ постояннаго желанія представлять тайную мысль и всѣ соприкосновенные съ нею предметы въ каррикатурѣ. Необходимое послѣдствіе — манерность. Всѣ лица получаютъ одинакій колоритъ и одинакіе размѣры. Чубукевичъ, въ первомъ разсказѣ, тотъ же Иванъ Анисимовичъ въ Ленточкѣ, тотъ же Пачкуновъ въ разсказѣ о Почтенномъ Человѣкѣ, тотъ же Самсонъ Самсоновичъ въ Биткѣ и Авдѣй, въ лучшей, по нашему мнѣнію, статьѣ: Сто рублей. Впрочемъ наше мнѣніе есть итогъ впечатлѣній перваго, быстраго чтенія. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ второй, десятой части. Первую, считаемъ удачнымъ опытомъ и совѣтуемъ каждому прочесть это оригинальное произведеніе русскаго ума. Въ подробностяхъ множество наблюдательности и мѣткихъ замѣчаній.

2) *Букеты, или Петербургское цвѣтобѣсіе, шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе гр. В. А. Соллогуба. С.-П.-бургъ*, 1845.

Опять таки шутка, а хорошенько разобрать, опять каррикатура.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Страсть бросать цвѣты Рубини, какъ всякая страсть развилась до изступленія; періодъ ея высшаго развитія принадлежитъ къ прошедшему сезону. Дѣйствіе въ цвѣточной лавкѣ. Чиновникъ Тряпка желая услужить начальнику, приходитъ въ лавку купить букетецъ, чтобы бросить его той, которую предпочитаетъ начальникъ. Но русская смѣтка сейчасъ наложила подать на барскую страсть, и букетъ, нѣчто въ родѣ шпината съ маргериткой по серединѣ, продаетъ по три цѣлковыхъ. Тряпка не сошелся въ цѣнѣ и ушелъ изъ лавки. Затѣмъ идутъ отдѣльные, побочные характеры; всѣ они хлопочутъ изъ-за букетовъ; всѣ они служатъ въ одномъ вѣдомствѣ. Между двумя чиновниками несогласіе въ мнѣніяхъ на счетъ пѣвицъ зажгло рѣшительную войну, которая доходитъ до драки, когда лавочникъ бросилъ имъ кость, т. е., корзину съ цвѣтами; но въ это мгновеніе пріѣзжаетъ начальникъ; чиновники оба заплатили за цвѣты, а начальникъ беретъ ихъ даромъ. Между тѣмъ приходитъ въ лавку, русская актриса, которая, за неимѣніемъ приверженцевъ, покупаетъ сама себѣ букеты, и потомъ, съ помощію домашнихъ средствъ, получаетъ ихъ на сценѣ публично, будто бы за правду она нравится кое кому до восторга. Является нѣкто влюбленный въ Марью Андреевну, невѣсту Тряпки, чтобы узнать, доставлены ли ей цвѣты; въ это время Лындина, матушка невѣсты, съ дочкой пріѣзжаютъ также закупить *произрастеній для* бала. Вы догадаетесь, что влюбленный любимъ, но Тряпка на перепутьѣ. По счастью съ Тряпкой случилось несчастье. Онъ бросилъ букетъ не той и заслужилъ гнѣвъ начальника. Онъ прибѣжалъ за букетомъ, чтобы исправить роковую ошибку; букетовъ нѣтъ но за то тутъ русская актриса. Она знакома Тряпкѣ, она съ нимъ разнѣжилась, взяла слово явиться въ театръ, бросить букетъ и пр. и пр. Лындина все слышала и тутъ же ему отказала а соизволила выдать дочку за влюбленнаго. Вотъ канва новой шутки, перваго опыта графа Соллогуба на драматическомъ поприщѣ. Много юмору, особенность въ складѣ рѣчи, много мѣткихъ замѣчаній, ловкій языкъ, неподдѣльная веселость, вотъ главныя качества шутки; но согласитесь, эта милая каррикатура все таки каррикатура. Страстишка бросать цвѣты въ прошломъ году дошла до смѣшнаго, правда, но не въ томъ классѣ, который авторъ избралъ для своей піэсы. — Исполненіе піэсы на сценѣ весьма понравилось публикѣ; но шутка эта произвела бы furore, если бы дана была въ прошломъ годѣ. Теперь она нравится болѣе какъ литературное произведеніе, утѣшаетъ какъ пріятная надежда для нашего театра. И признаться, очень бы желали мы, чтобы наши писатели юмористы удѣляли большую часть своего времени. сцены Театръ лучшая критика. Журнальнаго мнѣнія у насъ нѣтъ за то въ театрѣ вниманіе и участіе публики есть лучшая и справедливѣйшая критика. Не завидно ли многимъ сценическимъ комикамъ видѣть, что въ представленіяхъ «Горе отъ ума», въ амфитеатрѣ господствуетъ глубокая тишина, видимо напряженное вниманіе слушателей, тогда какъ въ представленіяхъ другихъ, даже знаменитыхъ, комедій, хохотъ оглашаетъ театръ и называется эффектомъ. Тамъ комедія, здѣсь удачная каррикатура. По нашимъ разсчетамъ, думаемъ, что талантъ графа Соллогуба могъ бы дойти до этой почетной тишины амфитеатра, до этого заботливаго вниманія слушателей. Мы видѣли піэсу и смѣялись, читали и смѣялись; и въ театрѣ и за чтеніемъ мы убѣдились, что Букеты проба пера и чернилъ для будущей большой театральной піэсы, и проба весьма удачная!..

Вотъ еще одна каррикатура:

Путешествіе по солнцу. Демокрита Терпиновича. Санктпетербургъ, 1845.

Какая скучная жизнь на солнцѣ! Теперь даже совѣстно смотрѣть на величественное свѣтило дня, на которомъ живутъ такіе люди, какъ изображаетъ ихъ Демокритъ Терпиновичъ. Эти люди, къ досадѣ земныхъ читателей, выпустили изъ своихъ рукъ Демокрита Терпиновича; они не разгадали, что онъ земной писатель, и что онъ выдастъ ихъ, выдастъ на позоръ всему земному человѣчеству. И Демокритъ Терпиновичъ рѣшительно одурачилъ солнечныхъ жителей! Онъ написалъ уже одну книжечку и еще не кончилъ своего «путешествія...» въ концѣ книжки, онъ обѣщаетъ... продолженіе...

Изъ настоящихъ разсказовъ Демокрита Терпиновича, мы узнаемъ, какимъ образомъ онъ «ввалился» въ солнечную атмосферу, подобно яйцу, наполненному росою, хотя и «не былъ съ обоихъ концовъ залѣпленъ воскомъ.» Увидѣвшись съ солнечными жителями, онъ обнаружилъ свое земное любопытство; но одинъ изъ солнечныхъ обитателей отвѣчалъ ему: — «Больно ты заумничалъ, братецъ; если станешь вмѣшиваться въ наши дѣла, то я вложу тебя къ себѣ въ носъ, чихну и ты опять полетишь на свою землю.» Впрочемъ, это не испугало Демокрита Терпиновича; онъ «низехонько» поклонился какому-то ученому, который нагородилъ такую чепуху, что не стоило бы и помнить. Потомъ, онъ увидѣлъ, какъ нѣкоторые изъ солнечныхъ жителей, въ наказаніе, ходятъ на четверинкахъ тогда, какъ другимъ набиваюсь носъ стручковатымъ перцомъ пополамъ съ толченою горчицей... Онъ хотѣлъ-было вступиться за какихъ-то обиженныхъ; но побоялся, чтобы его не раздавили какъ «клопа.» Онъ узналъ, что солнечные женихи сначала удостовѣряются, не имѣютъ ли ихъ невѣсты тѣлесныхъ недостатковъ, и потомъ, надѣвъ веревку на шею, отводятъ ихъ домой, «какъ у насъ водятъ коровъ.» Онъ видѣлъ солнечные журналы, которые печатаются плоскими, растянутыми литерами, «очень похожими на раздавленныхъ лягушекъ.» Посѣтивъ солнечныя учебныя заведенія, онъ замѣтилъ, какъ ученикамъ «набиваютъ науками брюхо,» иногда до такой степени, что ученика стошнитъ; въ такомъ случаѣ, «чтобы удержать науку на своемъ мѣстѣ, натираютъ ему животъ и поясницу ежевичнымъ сокомъ...» Изъ всѣхъ замѣтокъ Демокрита Терпиновича видно, что жители солнца имѣютъ только одно умное обыкновеніе, когда у нихъ идетъ дѣло о тѣхъ членахъ общества, которые шалятъ черезъ-чуръ.» Когда ихъ шалости превосходятъ мѣру, говоритъ путешественникъ, тогда сѣкутъ ихъ просто розгами и намазываютъ имъ языкъ горчицею съ стручковымъ перцомъ.» Мы думали, гадали нѣтъ ли чего въ этой солнечной литературѣ и нашего земнаго, нѣтъ ничего. Ни капли. По крайней мѣрѣ мы не догадались. Отдайте земное землѣ, солнечное солнцу. Пусть оно распорядится какъ знаетъ. Кстати замѣтимъ, что одинъ шутникъ прочитавъ эту книжку, сказалъ: это солнечное затмѣніе. О немъ слѣдуетъ говорить въ календарѣ, а не въ библіографіи.

ЭТО ТАКЖЕ ЛЮДИ.

Милостивый государь!

«Вы никогда не читали бы письма этого, если бы горькая необходимость не заставила меня искать вашего участія. Вы помните, въ какомъ положеніи остался я послѣ потери своего имѣнія; съ тѣхъ поръ прошло не много времени, но много испыталъ я.

Читать исторію моихъ несчастій не весело; но простите меня, если во зло употреблю ваше терпѣніе; я долженъ вамъ разсказать, что со мной случилось, для того, чтобъ имѣть поводъ надѣяться на вашу помощь. Оставшись нищимъ, съ матерью и двумя малютками сестрами, я схватился за все, ѣздилъ въ ......, ѣздилъ въ ......, издержалъ на это послѣдній остатокъ денегъ и наконецъ, получилъ мѣсто въ 1,000 р. асс. жалованья. Судите сами, каково было наше положеніе: имѣть всего на все 1,000 р. въ годъ, тогда какъ прежде мы могли проживать до 30,000!

Всякаго рода лишенія, сырая квартира и дурная пища, постепенно уничтожали здоровье моей матушки; у ней открылась водяная въ груди; сестры, бѣдныя сестры, какая участь ждетъ ихъ, онѣ остаются безъ матери, безъ крова, безъ друзей, безъ воспитанія. тому нужда сноснѣе, кто не привыкъ къ удобствамъ; но моя добрая мать жила всегда въ роскоши. О, сколько она теперь терпитъ!

Я бросался вездѣ, дѣлалъ всё, что могъ, и мы до-сихъ-поръ кой-какъ жили; но передъ глазами умирающая мать, безсонныя ночи, усильныя постоянныя занятія, тоска и заботы, все это гибельно подавляло мой умъ и силу воли; мнѣ начали представляться какіе-то странные фантомы, я началъ слышать странные звуки... немного спустя, меня почти мертваго вытащили изъ веревочной петли... еще не совсѣмъ зажили слѣды бритвы, которою я перерѣзалъ себѣ горло; мнѣ спасли жизнь, но развѣ этимъ сдѣлали мнѣ благодѣяніе? я опять живу только для того, чтобъ понимать весь ужасъ нашего положенія; смерть матушки близка, близокъ и мой пагубной конецъ: я это чувствую; а мои сестры, невинныя малютки, быть можетъ, будутъ подростать нищими, бродягами, будутъ по улицамъ просить мірскаго подаянія; быть можетъ, ихъ ожидаетъ домъ разврата, страшно! страшно! Боже мой! у меня нѣтъ воли управлять собою; я не знаю, что со мною дѣлается. Спасите меня! умоляю васъ, спасите бѣдную мать мою—она умираетъ. Спасите сестеръ моихъ! Мнѣ отказали отъ должности за то, что я сталъ страннымъ человѣкомъ; деньги всѣ вышли, намъ нечего ѣсть; нѣтъ ничего, ничего, ничего; ни крошки хлѣба! Краска стыда выступила на щекахъ моихъ, стыдъ жжетъ лицо мое, но я протягиваю руку, прошу у васъ; мать моя умираетъ; у всѣхъ у насъ третій день... ни крошки хлѣба! О, какъ тяжело просить!»

Письмо это писалъ молодой человѣкъ (назовемъ его хоть) Ровальскій, хорошо образованный, съ прекраснымъ сердцемъ и очень умный. Онъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, бывалъ въ лучшихъ гостинныхъ обѣихъ столицъ, имѣлъ хорошее состояніе, былъ самолюбивъ и зналъ свои достоинства. Онъ не рѣдко говаривалъ, что умъ есть вѣчное никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемое приданое человѣка, всегдашнее его богатство; мы скоро увидимъ, справедливы ли подобныя предположенія; увидимъ можно ли кому нибудь вполнѣ надѣяться на неизмѣнность ума своего и гордиться имъ, а между тѣмъ будемъ продолжать разсказъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства отняли у Ровальскаго его хорошее имѣніе, онъ не показывался ни въ Петербугскомъ, ни въ Московскомъ обществѣ, и какъ всегда водится, всѣ объ немъ забыли.

Разныя разности заставили меня заѣхать въ... и тамъ, узналъ, что бѣдность и отчаяніе довели Ровальскаго до помѣшательства; что этотъ несчастный молодой человѣкъ въ домѣ помѣшанныхъ, въ совершенномъ безсмысліи, въ такомъ состояніи, которое ставитъ человѣка на ряду съ безсловесными животными. Въ самомъ дѣлѣ, сердце изнывало при взглядѣ на Ровальскаго. Боже мой! какъ страшно можетъ за живо разрушиться человѣкъ! Кто бы узналъ въ этой автоматической движущейся массѣ, въ этомъ слюнявомъ, нечистоплотномъ, жалкомъ созданіи, Ровальскаго, прекраснаго, статнаго, ловкаго молодаго человѣка, полнаго ума и жизни? Его свѣтлый умъ рановременно угасъ; его сила воли исчезла и замѣнилась скотскимъ, безсознательнымъ послушаніемъ всякому, кто только захочетъ управлять имъ; его глаза, на которые заглядывались свѣтскія львицы, утратили свое обворожительное выраженіе, въ нихъ свѣтится глупость и безцѣльность; прекрасное лице Ровальскаго нельзя узнать: выраженіе изгладилось, осталась какая-то ничего не значущая глупая улыбка, болѣе похожая на гримасу; стройный станъ опустился, согнулся; руки какъ плети повисли по бокамъ туловища; атмосфера, его окружающая, напитана отвратительнымъ запахомъ... страшно, больно видѣть этого несчастнаго! страшно выговорить слово: безсмысленный, когда понимаешь его унизительное значеніе! Безсмысленный, это не такой помѣшанный, котораго всѣ движенія быстры, живы, перемѣнчивы, слова безъ связи льются какъ искры, жизнь кипитъ какъ лава; безсмысленный, не такой помѣшанный, которой затаилъ себѣ одну какую нибудь мысль, ее бережетъ, лелѣетъ, не разстается съ нею ни во снѣ ни на яву, всегда одинъ, всегда мраченъ; но не затрогивайте его завѣтной идеи, иначе онъ вспыхнетъ, жизнь загоритъ въ каждомъ движеніи, изъ подъ пепла возникнетъ волканъ; наконецъ, безсмысленный, не такой помѣшанный, которой все шутитъ, балагуритъ, шутовски одѣвается, прыгаетъ на одной ногѣ, кривляется, смѣется самъ и смѣшитъ другихъ; нѣтъ, безсмысленный, это самый жалкій изъ людей, самой жалкій изъ помѣшанныхъ.

Такъ какъ теперь во Франціи, Англіи, Германіи, однимъ словомъ, во всей просвѣщенной Европѣ, начали заниматься и занимаются улучшеніемъ участи помѣшанныхъ, такъ какъ у насъ правительство уже обратило на это особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что еще въ 1840 году въ Россіи было болѣе 16,000 помѣшанныхъ, оффиціально извѣстныхъ правительству, наконецъ, такъ какъ это имѣетъ большую занимательность въ физіологическомъ и психологическомъ отношеніи, то взглянемъ слегка на безсмысленныхъ, на этихъ существъ, самыхъ ничтожныхъ изъ существъ человѣческихъ.

Есть два рода безсмыслія: неврожденное и врожденное; сперва познакомимся съ первымъ.

Иногда человѣкъ съ замѣчательными способностями, съ обширнымъ и глубокимъ умомъ, съ твердою волею, вдругъ становится безпокойнымъ, раздражительнымъ, не спитъ ночи, измѣняется въ характерѣ, является суетная дѣятельность безъ всякой цѣли и вдругъ всѣ его способности слабѣютъ и угасаютъ, и человѣкъ впадаетъ въ безсмысліе; но рѣдко эта болѣзнь обнаруживается быстро, но большей же части она развивается постепенно: или въ старости, отъ одряхлѣнія, когда мозгъ теряетъ свою силу и энергію, въ этомъ случаѣ болѣзнь называется старческою глупостью; или же безсмысліе развивается какъ слѣдствіе помѣшательства; умъ, сила воли, память и воображеніе мало по малу слабѣютъ, и иногда тянутся цѣлые годы, пока несчастный помѣшанный впадетъ въ безсмысліе.

У пораженныхъ безсмысліемъ проявленіе душевныхъ способностей чрезвычайно слабое; нѣкоторые изъ этихъ людей могутъ понимать только самые обыкновенные, самые употребительные вещи и предметы; способны только къ механическимъ занятіямъ, гдѣ они работаютъ, не какъ мыслящіе люди, а какъ машины; другіе не могутъ дѣлать даже и этого.

Дѣйствія безсмысленныхъ безъ цѣли, слова безъ связи; эти больные немогутъ ни понимать, ни сравнивать, ни обсуживать; не знаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ; впечатлѣнія ихъ слабы, темны, несовершенны, а потому и страстей у нихъ нѣтъ; они не имѣютъ ни желаній, ни отвращенія, ни любви, ни ненависти, ни воспоминаній, ни надеждъ; родныхъ и друзей видятъ безъ удовольствія, разстаются съ ними безъ сожалѣнія, иногда даже не узнаютъ ихъ; радости ихъ не радуютъ, печали не печалятъ, они смѣются ког-

да надобно плакать, плачутъ когда всѣ веселятся.

У этихъ несчастныхъ даже нѣтъ гармоніи между словами и жестами; иной запоетъ веселую пѣсню со слезами на глазахъ, съ видомъ человѣка сильно опечаленнаго; другіе говорятъ цѣлыя фразы безъ всякаго выраженія, не даютъ значенія и вѣсу словамъ и въ то же время дѣлаютъ жесты совершенно противорѣчащіе тому, что говорятъ они.

Безсмысленные сохраняютъ способность говорить, но по недостатку памяти говорятъ не полныя фразы или не оканчиваютъ того,

что хотѣли сказать, или выпускаютъ нѣсколько словъ въ срединѣ рѣчи, или же смѣшиваютъ слова въ безсвязицу.

Письмо безсмысленныхъ тоже замѣчательно: во фразахъ выпущены слова, въ словахъ буквы, написано дурно, почти невозможно разобрать, строка идетъ на строку, слово на слово, смысла нѣтъ; одно и то же слово одна и та же буква повторяется нѣсколько разъ безъ всякой цѣли и не имѣя ни къ чему никакого отношенія.

Память этихъ больныхъ не повторяетъ имъ полученныхъ впечатлѣній, воли у нихъ нѣтъ, они не дѣйствуютъ, не рѣшаются; но повинуются безсознательно, дѣйствуютъ такъ какъ имъ велятъ; ихъ повиновеніе страдательное, рѣшимость безъ цѣли: пустая; эти больные чрезвычайно уступчивы; они игрушки тѣхъ, которые хотятъ играть ими.

Если безсмысленныхъ раздражать, то они сердятся; но ихъ вспыльчивость минутная: ихъ органы слишкомъ слабы, чтобъ дѣйствовать хоть въ чемъ нибудь долго и постоянно.

Если нужно что нибудь сдѣлать, то эти жалкія существа не разсуждаютъ, какъ сдѣлать, такъ или иначе: для нихъ всегда и все, все-равно; они чужды всему ихъ окружающему, чужды самимъ себѣ, не безпокоятся о своихъ потеряхъ и лишеніяхъ, происшествія жизни для нихъ не существуютъ; если ихъ собственное положеніе несносно, тягостно, то и тогда они не могутъ ничего сдѣлать, что бы его улучшить.

Безсмысленные хотя имѣютъ и сохраняютъ полное физическое развитіе; но дѣйствіе головнаго мозга и нервовъ у нихъ въ ослабленіи, въ отупѣніи, безъ силы, безъ энергіи.

Лицо этихъ людей по большей части блѣдное одутлое, обвислое; глаза мутные, влажные, слизистые; взглядъ блуждающій, зрачки расширены, физіономія глупая, улыбающаяся или кислая безъ всякаго выраженія; слюнявость, неопрятность, тѣло тощее, слабое, кожа въ морщинахъ, нѣкоторые же больные бываютъ довольно тучны, съ краснымъ лицомъ и короткою, толстою шеею.

Форма головы часто не совсѣмъ правильная. Сонливость, лѣность, прожорливость, походка медленная, движенія вялыя; естественныя нужды часто совершаются не произвольно и поэтому безсмысленные распространяютъ около себя зловоніе.

Между этими несчастными есть такіе, которые всегда повторяютъ одно и то же утомительно-однообразное движеніе: иной проводитъ мѣсяцы, даже годы сидя на одномъ мѣстѣ, то поднимая, то опуская свои плеча; другой свернувшись лежитъ какъ животное; третій стоитъ на колѣнахъ и кланяется; иные безпрестанно твердятъ какія нибудь слова или шевелятъ губами, бормочутъ, урчатъ; другіе качаются взадъ и впередъ сидя на своихъ деревянныхъ диванахъ; тотъ, день и ночь хлопаетъ въ ладоши и дѣлаетъ гримасы, а этотъ, то плачетъ то смѣется, то поетъ, то начнетъ завывать.

Не рѣдко безсмысліе бываетъ соединено съ параличемъ, который сперва обнаруживается въ языкѣ; больной начинаетъ съ трудомъ выговаривать нѣкоторыя слова, какъ будто заикается; послѣ поражаются параличемъ мускулы задерживающіе excrementa, потомъ пищевое горло и черезъ это затрудняется глотаніе; наконецъ, параличъ распространяется дальше, походка становится затрудненною, слабою, неровною; руки начинаютъ дѣйствовать вяло, и иногда это полупаралическое состояніе разливается по всему тѣлу и потой причинѣ, несчастные безсмысленные сидясь у огня, иногда сильно обжигаютъ свои члены, тупо чувствуя въ нихъ боль, и будучи не въ состояніи отодвинуть отъ огня обгорающую руку или ногу; отъ этого же паралическаго состоянія они иногда падаютъ съ постели при вставаньѣ, задушаются кусками пищи, которыхъ не могутъ проглотить. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, многіе безсмысленные страдаютъ падучей болѣзнью.

Головной мозгъ безсмысленныхъ довольно часто бываетъ измѣненъ; иногда весь; а чаще мѣстами размягченъ или отвердѣлъ, мозговые завитки малы, чахлы; внутри мозга слѣды бывшихъ крово-изліяній, изліянія пасоки въ желудочки и въ существо мозга, сращенія мозговыхъ оболочекъ, утолщеніе и тонкость костей черепа, неправильность формы черепной полости, и множество другихъ измѣненій; но какая причина собственно производитъ безсмысліе, это до сихъ поръ извѣстно одному Богу!

Не правда ли, тяжело смотрѣть на безсмысленныхъ; тяжело знать, что это были тоже люди; какъ и всѣ, владѣли умомъ, строили планы на будущность, мечтали о славѣ, о почестяхъ, о богатствахъ, мечтали оставить послѣ себя безсмертное имя генія; въ нихъ также кипѣли страсти, желанія, надежды; они также любили и ненавидѣли, также гордились своими дѣйствительными и мнимыми достоинствами—и куда все это дѣвалось? Превратилось въ автомата, въ живую грязную могилу, въ отвратительную, массу.

Великій урокъ гордынѣ человѣческой!

Теперь взглянемъ на «безсмысліе врожденное», взглянемъ на «Идіотовъ».

Прежде смѣшивали безсмысліе неврожденное и идіотство; но между ними, не смотря на видимое сходство, огромная разница.

Безсмысліе неврожденное есть болѣзнь; — безсмысліе врожденное, или идіотство, есе несовершенство въ развитіи организма.

Первое, хотя весьма рѣдко, но иногда излечивается; послѣднее никогда.

Несчастные, сдѣлавшіеся безсмысленными физически, развиты правильно и совершенно; они пользовались душевными способностями и такъ сказать пережили свои способности; въ нихъ остались слѣды человѣка совершеннаго: это богачи, ставшіе бѣдняками; а идіоты развиты физически несовершенно и уродливо; у нихъ никогда не было достаточнаго проявленія душевныхъ способностей; они всегда были жалки и ничтожны.

Пришедшіе въ безсмысліе могутъ жить довольно долго; ихъ болѣзнь можетъ измѣняться, ожесточаться и облегчаться; у нихъ развиты проводники ума и другихъ способностей, но эти проводники болѣзненно измѣняясь, ослабѣли; идіоты рѣдко переживаютъ за 30 лѣтъ; они всегда въ одномъ состояніи и никакая сила не сдѣлаетъ ихъ умными, потому что проводники мысли, или неразвиты, или искажены.

Безсмысліе неврожденное поражаетъ человѣка послѣ его физическаго и моральнаго развитія. Идіотство начинается съ рожденіемъ на свѣтъ или въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, до развитія способностей.

Въ черепахъ людей, сдѣлавшихся безсмысленными, встрѣчаются измѣненія болѣзненныя; въ черепахъ идіотовъ недостатки и пороки организаціи.

Въ безсмысліи неврожденномъ виденъ человѣкъ, потерявшій свое бывшее величіе; въ идіотствѣ, видѣнъ человѣческій образъ на существѣ, которое всегда было, есть и будетъ ниже безсловесныхъ животныхъ.

У идіотовъ нѣтъ ни понятій, ни воображенія, ни сужденій; даже самый инстинктъ у нихъ ослабленъ, не развитъ. У идіотовъ даже нѣтъ самопознанія, нѣтъ своего я.

Большая часть этихъ несчастныхъ не умѣютъ говорить, не умѣютъ составить ни одного слова; да и начто имъ слова? Словами передаютъ мысли, а у нихъ нѣтъ мысли; имъ говорить не о чемъ, они чужды всему, они недоноски, выброшенные природою изъ цѣпи существъ мыслящихъ.

Голова идіотовъ неправильна: или очень велика или очень мала; лицо тоже неправильно: то вытянуто наискось, то сплющено; лобъ малъ: часто одна сторона лба выдалась больше другой, или онъ весь сдвинутъ назадъ; темя или приплюснуто или клиномъ; затылокъ не круглый; глаза не равномѣрные: одинъ больше другаго, косые; губы толстыя, большія; ротъ широкій, слюнявый; десны рыхлыя, зубы матовые, нечистые; чувства тупыя; не рѣдко слѣпота или глухота; голосъ хриплый; вмѣсто словъ, произносятъ только острые, непріятные звуки и рычанія.

Формы тѣла идіотовъ тоже неправильныя: руки иногда разной длины, изворочены, кривы, чахлы; пальцы сведены; ноги, одна короче другой; походка неровная, утиная, трудная; кожа на тѣлѣ толстая, грубая, малочувствительная; осязаніе тупое; обонянія и вкуса почти нѣтъ.

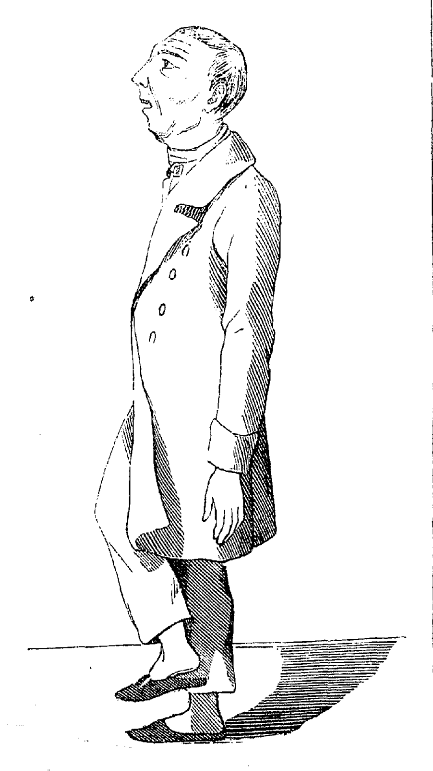
Идіоты вообще обжорливы; они жуютъ все, что попадетъ въ ротъ: солому, бѣлье, бумагу, траву, мочалки, и другіе нечипредметы; пьютъ болотную воду, помои; валяются въ нечистотахъ не чувствуя отзапаха.

Они неловки, неспособны; часто, если хотятъ что нибудь взять, то протягиваютъ руку не прямо, но долгорука блуждаетъ прежде, нежели конвульсивно схватитъ предметъ, и часто схваченное не моугтъ удержать.

У многихъ идіотовъ одинъ крикъ для выраженія пріятнаго и непріятнаго; рѣдкіе между ними перенимаютъ нѣкоторыя слова для выраженія первыхъ нуждъ своихъ.

Большая часть этихъ несчастныхъ существъ похожи на заведенныя машины: иной вѣчно ходитъ вокругъ одного и того же мѣста; другая лижетъ стѣну; третій пересыпаетъ съ руки на руку схваченный имъ песокъ; четвертый грызетъ свой стулъ; пятая цѣлую жизнь свою, то присѣдаетъ то выпрямляется. Многіе изъ нихъ не умѣютъ ни одѣться, ни раздѣться; не знаютъ какъ пройти въ столовую, неумѣютъ черпать ложкой, жуютъ только тогда когда пищу положатъ имъ въ ротъ; сидятъ гдѣ ихъ посадятъ, лежатъ, гдѣ положатъ, удовлятворяютъ естественнымъ нуждамъ, гдѣ попало,—чувства стыда у нихъ нѣтъ.

У нѣкоторыхъ идіотовъ нѣтъ ощущеній: ни удовольствія, ни боли; они не обнаруживаютъ даже голода; даже кусаютъ себя, на-



рапаютъ, не показывая боли. Одна идіотка ногтемъ проткнула себѣ щеку; долго забавлялась, всунувши палецъ въ эту рану, и кончила тѣмъ, что разодрала свою щеку до угла рта. Эти несчастные не понимаютъ въ ихъ ли тѣлѣ боль, которую они чувствуютъ, не знаютъ, имъ ли принадлежитъ часть тѣла и поэтому иногда сами себя уродуютъ.

Если идіоты дѣлаются больными, они иногда даже незнаютъ больны ли они или нѣтъ; лежатъ свернувшись, не показывая никакого страданія, не даютъ ни одного знака, по которому бы можно было судить, что они больны и что у нихъ болитъ, и часто умираютъ въ такомъ состояніи, что нельзя подать помощи.

Между идіотами есть не мало золотушныхъ, подверженныхъ англійской болѣзни, падучей и параличу.

Должно ли называть идіотовъ людьми? Это какіе-то уроды, носящіе человѣческой образъ, пародія на человѣчество.

Но вотъ что странно: большая часть идіотовъ и идіотокъ имѣютъ склонность къ музыкѣ, и услышавши нѣсколько разъ какую нибудь пѣсню, повторяютъ въ тактъ звуки, не смотря на то, что не умѣютъ говорить.

Въ черепахъ идіотовъ которые относительно къ росту тѣла или велики, или очень малы (чаще), по большей части встрѣчаются сильные пороки; мозгъ малъ, затвердѣлъ, или иногда преставляетъ видъ кашицы; завитки мозга плоски, малы, малочисленны, отдалены другъ отъ груга; боковые желудочки мозга какъ-бы стянуты; даже случалось, что вмѣсто верхнихъ долей мозга находили безформенную полужидкую, полустуденистую массу, къ классу идіотовъ можно прибавить еще двѣ странности въ физическомъ и моральномъ устройствѣ человѣка; это: «Кретины и Альбиносы;» у тѣхъ и другихъ душевныя способности по большей части бываютъ слабы, тупы, ничтожны.

ГРАВЮРЫ:

N 1. Этотъ человѣкъ пользовался умомъ, но несчастная страсть къ вину довела его до помѣшательства, которое въ теченіе 7 лѣтъ перешло въ совершенное безсмысліе. Лицо этого больнаго блѣдное, одутлое, глаза безъ выраженія; онъ по большей части лежитъ на правомъ боку, на полу; изрѣдка встаетъ, кружится нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и топаетъ ногами, повторяя: «дуля, дуля,

пика, ухъ! ухъ!» и; потомъ снова ложится; ѣстъ очень много и почти всегда; три пальца правой руки держитъ во рту.

N 2. Дѣвушка, обманутая своимъ любовникомъ; она еще мо лода, впала въ совершенное безсмысліе ничего не говоритъ, глупо улыбается, когда ее спрашиваютъ, или проходятъ мимо ея; обжорлива, ѣстъ всякія нечистоты и гадости, не узнаетъ своей комнаты, ложится на чужія постели.

N 3. Чухонецъ идіотъ; голова его, какъ видно изъ рисунка, неправильная темя поднялось конусомъ; глаза косы, малы; на лицѣ всегда глупая гримаса; онъ не умѣетъ говорить; иногда хлопаетъ въ ладоши, а по большей части, положивши обѣ ноги на деревянный диванъ, качается съ переда назадъ, произнося по временамъ острыя, неприятныя вскрикиванья. Прежде онъ всё грызъ ручки у своего дивана, но теперь отвыкъ.

N 4. Идіотка. Голова ея очень велика, но неправильна; лобъ большой, широкій, выпуклый и, выпуклость лѣвая больше правой. Уголъ лицо болѣе 90 градусовъ, глаза косые, физіономія конвульсивная, лѣвая сторона тѣла въ полупараличномъ состояніи Эта больная умѣетъ произносить «па-па-мама» и запомнила голосъ одной пѣсни.

N 6. Идіотъ. Лобъ его сдвинутъ назадъ, темя приплюснуто и вообще черепъ уродливъ руки разной длины; тотъ несчастный ничего не умѣетъ говорить и глухъ; табакъ ѣстъ съ жадностью; онъ всегда переступаетъ съ ноги на ногу, фыркаетъ, или, поднявъ голову вверхъ поетъ: у — у — у! и, въ этомъ проходитъ вся его жизнь.

N 5. Идіотъ. Голова его какъ-бы сдавлена назадъ; прочіе члены довольно пропорціональны; лицо не выражаетъ ничего; этотъ идіотъ иногда забавляется, скрежеща зубами говорить не умѣетъ и только произноситъ «ба — ба — ба», повторяя это при всякомъ случаѣ. Онъ однаковъ умѣетъ воровать. За воровство одинъ помѣшанный хотѣлъ его поколотить, идіотъ въ борьбѣ упалъ и сломалъ себѣ руку; во время операціи перевязокъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго чувства боли.

П. Малиновскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІЯЛЫ.

(*Изъ записокъ З. Ф. Кербера*).

ЧУМА 1710 ГОДА.

Въ 1710 году въ царствованіе Императора Петра I. Когда Русскія войска подъ начальствомъ генерала Бауера, осаждали Ревель, въ Эстляндіи, въ Великомъ округѣ, открылась чума. Быстро и сильно распространилась она по всей губерніи, и 2-го Августа того же года перешла въ Ревель. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ она занесена была въ этотъ городъ, но первые признаки чумы оказались въ домѣ ландрата Киппера, на четырнадцати-лѣтней дѣвицѣ Елизѣ Бухау, родной племянницѣ Киппера. Приглашенный для леченія этой дѣвицы докторъ Миллиусъ, осматривая ее, открылъ у ней чумную желѣзу за ухомъ. Сдѣлавъ нужныя по этому случаю распоряженія, онъ въ тоже время, 2-го Августа 1710 года, донесъ о зараженной главному бургомистру города. Въ Магистратѣ былъ собранъ по этому случаю совѣтъ и рѣшено было послать въ домъ ландрата Киппера, для освидѣтельствованія больной, двухъ медиковъ, штатфизика Гапеля и доктора Пордстрема. Они осмотрѣвъ больную, объявили, что дѣвица Бухау имѣетъ простой кровяной нарывъ, и что опасаться на счетъ ея болѣзни нечего. Однако же, не смотря на это, дѣвица Бухау умерла, а въ слѣдъ за нею, чрезъ шесть дней, и всѣ живущіе въ домѣ ландрата Киппера, одинъ за другимъ вымерли, исключая одной пятидесяти-лѣтней старухи, которая осталась въ живыхъ.

Необыкновенная смерть эта заставила во второй разъ доктора Миллиуса войдти съ представленіемъ въ Магистратъ о принятіи предосторожностей отъ появившейся въ Ревелѣ чумы; но Магистратъ снова, по совѣту штатфизика Гапеля, не принялъ никакихъ спасительныхъ мѣръ, и болѣзнь эта быстро распространилась по Ревелю. Наконецъ, 24-го Августа, Магистратъ по просьбѣ городскаго духовенства, позволилъ назначеннымъ отъ консисторіи проповѣдникамъ хоронить умершихъ отъ чумы на особомъ кладбищѣ и накрывать ихъ при погребеніи чорнымъ покровомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ строгія мѣры къ отвращенію этого несчастія; но было уже поздно.

Сначала, какъ видно изъ хранящихся въ Ревельскомъ Магистратѣ списковъ, записывали число умирающихъ, но съ 12-го Сентября 1710 года до 5-го Января 1711 года этихъ списковъ не имѣется, ибо число несчастныхъ жертвъ отъ чумы было такъ огромно, что не было никакой возможности записывать ихъ; имѣются только донесенія тамошняго духовенства, что по случаю множества умершихъ, она не можетъ соблюдать обряды похоронные, и что не достаетъ ни гробовъ, ни носильщиковъ мертвыхъ тѣлъ.

Время это было ужасное. Магистратъ распустилъ роту солдатъ, содержимыхъ на иждивеніи его, ибо изъ числа 50 человѣкъ, составлявшихъ эту роту, остались только въ живыхъ 15 человѣкъ. И, къ довершенію несчастія, въ это-же время генералъ Бауеръ съ русскими войсками осаждалъ Ревель.

Ревельское рыцарство, стесненное осадою, чумою и голодомъ, принуждено было войдти съ представленіемъ чрезъ шведскаго вице-губернатора, Графа Горна, къ королю Карлу XII. Оно просило короля шведскаго принять рѣшительныя мѣры къ снятію осады, ибо состояніе города дошло до ужаснаго положенія. «Чума свирѣпствуетъ» писало рыцарство: «цѣлыя семейства вымираютъ, общественныя связи разрываются до того, что родители боятся и убѣгаютъ дѣтей своихъ; бѣдныя остаются непохороненными, и не только въ домахъ, но и на улицахъ лежатъ мертвыя тѣла, которыхъ нѣтъ возможности, по множеству ихъ, хоронить.»

Карлъ XII, занятый войною и стѣсненный обстоятельствами, не отвѣчалъ на представленіе Ревельскаго рыцарства, и наконецъ, уже 30-го Сентября, городъ началъ просить у русскаго генерала Бауера капитуляціи, а наканунѣ сдачи города русскимъ войскамъ, остатокъ шведскаго гарнизона сѣлъ на суда и отправился въ Швецію.

Когда генералъ Бауеръ вступилъ въ Ревель, и принялъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ чумы, болѣзнь эта мало-по-малу стала уменьшаться, такъ, что 20-го Января 1711 года зараза совершенно прекратилась и сообщеніе города съ другими мѣстами было возобновлено.

Изъ исчисленій, доставленныхъ Магистратомъ генералу Бауеру, видно, что въ продолженіе пяти мѣсяцовъ, съ 2-го Августа 1710 года до 20-го января 1711 года умерло: 11,990 чел.

Заразу сію должно причислить, говоритъ докторъ Керберъ, къ настоящимъ восточнымъ чумамъ. Возникшая, въ 1703-мъ году, въ Венгріи, она въ 1705-мъ году явилась въ Польшѣ; въ 1706, черезъ Торнъ, перешла въ Данцигъ и другія мѣста Пруссіи. Отсюда занесена она была, въ 1709 году, въ Лифляндію. По наблюденіямъ доктора Кербера, она обнаруживалась чрезвычайнымъ, жгучимъ жаромъ, соединеннымъ съ сильною головною болью и большою слабостью желудка, доводившею больнаго до безчувствія. Все это сопровождалось обыкновенно помѣшательствомъ ума. Лицо больнаго обезображивалось; всѣ они имѣли желѣзы въ мягкихъ мѣстахъ и на шеѣ; немногіе имѣли карбункулы. Переломъ былъ на четвертый или на пятый день. Изъ имѣвшихъ желѣзы въ мягкихъ частяхъ тѣла оставались въ живыхъ немногіе, еще меньшее число изъ тѣхъ, у которыхъ были желѣзы на шеѣ, а съ карбункулами умирали всѣ.

Изъ всей Эстляндіи Ревель пострадалъ больше всѣхъ. Острова Даго, Руноэ, Наргенъ и Вульфъ и имѣніе графа Палена остались незараженными. Островъ Вормсъ лишился немногихъ жителей.

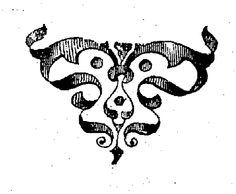
Замѣчательно, что послѣ чумы въ 1711-мъ году, въ теченіе пяти дней, сочеталось въ Ревелѣ, въ приходѣ церкви св. Николая, бракомъ 84 пары, тогда какъ въ этой церкви въ 1700 году было обвѣнчано только 18 паръ, въ 1706 — 11 п. и въ 1710 — 15 паръ.

АНЕКДОТЪ.

Вотъ одно изъ рѣдкихъ психологическихъ явленій, извѣстныхъ мнѣ изъ расказовъ человѣка, бывшаго очевидцемъ произшествія и смотрѣвшаго на него вовсе не глазами ученаго наблюдателя.

Въ незабвенный 1812 годъ 4-го Августа предъ сраженіемъ подъ Смоленскомъ, 6-го Корпуса Генералу Дохтурову, который назначенъ былъ смѣнить на другой день корпусъ Раевскаго, приказано было всѣхъ больныхъ и раненыхъ, находящихся при ротахъ, отправить въ обозъ, трудно было сдѣлать это, не употребляя мѣръ строгости. Всѣ солдаты хотѣли драться и грудью своею отстоять «*Ключь въ Россію*» (такъ обыкновенно называли тогда Смоленскъ). Съ слезами не притворной горести должны были повиноваться солдаты, назначаемые. Начальствомъ за слабостію здоровья въ обозъ. Изъ числа таковыхъ откомандированы были Либавскаго пѣхотнаго полка, (что нынѣ Принца Карла Прусскаго) Унтеръ-офицеръ *Язевъ* и старшій Ефрейтеръ *Макаренко*. Они были совершенно здоровы, но должны были слѣдовать туда по волѣ Начальника, любившаго и старавшагося сберечь ихъ, какъ храбрыхъ и отличнѣйшихъ солдатъ, годныхъ всего болѣе для обученія рекрутовъ; они тужили, плакали, умаливали оставить ихъ и пустить въ дѣло: но обнадеженные своимъ Командиромъ, что дѣло только начинается, и что при болѣе важномъ случаѣ ихъ не забудутъ, отправились въ обозъ, продолжая горевать и сѣтовать. 5-го Августа, когда вся рота находилась въ стрѣлкахъ съ 4-хъ часовъ утра до 9-ти вечера, потерявъ убитыми только 2-хъ человѣкъ и имѣя раненыхъ 33, донесли ротному Командиру, что *Язевъ* и *Макаренко*, отправленные въ обозъ, умерли оба въ одно и тоже время тихо и спокойно, безъ всякой посторонней причины. Изъ расказовъ больныхъ, находившихся съ ними въ обозѣ, видно было только, что они тосковали и крѣпко порывались въ битву.

Викторъ А—ій.



ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Русскій театръ. Въ четвергъ, 15 ноября, въ бенефисъ г. Каратыгина м., даны будутъ слѣдующія піэсы: 1) Вицъ-Мундиръ, водев. въ 1 акт. 2) Нечего дѣлать, ком. съ куплетами, переводъ съ Французскаго, П. Каратыгина. 3) Женскій Эгоизмъ или не шути огнемъ, обожжешся, вод. въ 1 акт. и 4) Поль и Полина или братъ за сестру, сестра за брата.

Италіянскій театръ. Въ субботу 17-го ноября, въ бенефисъ г. Боріоне, пойдетъ въ первый разъ опера Beatrice di Tenda, опера Беллини.

ПЕРЕПИСКА.

Г. П. Р—ну. Съ прискорбіемъ извѣщаемъ, что находимъ Ивана Андреевича ужаснымъ волокитой, а вдовушку Людмилу прегордой женщиной. Не хотимъ мы съ ними знакомить другихъ. Впрочемъ если бы побольше отдѣлки, не той отдѣлки отъ которой Боже васъ упаси, и которою занимаются *они* судьи строгіе, справедливые, безпристрастные, ученые, и доброжелательные, нѣтъ, а отдѣлки художественной, тогда можетъ быть мы бы помирились и съ героемъ и героиней.

Г. С. Р—ву. Приказаніе ваше въ точности исполнено.

Гг. Н. З—рову и И. М—скому. Съ удовольствіемъ прочитали мы ваши стихотворенія. Не мы, а наши читатели взыскательны, и мы и они правы. Мы однакоже надѣемся, что современемъ а можетъ быть и скоро, Иллюстрація подѣлится съ читателями своими пѣснями вашихъ музъ. Все растетъ и зрѣетъ на свѣтѣ...

N. N. На письмо отъ 8-го ноября. Мы сами замѣтили въ Странствователѣ превращеніе г. Солонцына во Французскую даму, но все таки благодаримъ за указаніе.

Г. С—ву. Мы слышали, что въ одной редакціи требуется отдѣлыватель; собственныхъ силъ нехватаетъ. Вотъ вамъ вакансія; а мы не нуждаемся. Мы никого не хотимъ отдѣлывать. Дрянная процессія.

О. П. Idem.

А. А. О—му. Мы чѣмъ виноваты, что вы и дождь пошли по Исакіевской площади; что дождь подмочилъ ваши подошвы, вы купили отъ насморка калоши, въ одномъ изъ трехъ магазиновъ и не замѣтили хорошенько въ которомъ именно. Право странная претензія, чтобы Иллюстрація объявила во всеуслышанье о приключившемся вамъ несчастіи. Зачѣмъ вы носили калоши въ дождливое время; калоши расклеились; виноваты не магазины, а дождь, слякоть и вы, потому что не умѣли сберечь калошъ. Впрочемъ вы ихъ носили, какъ пишете три дни; въ день по рублю серебромъ износить—это много; видно вы много гуляете. Потеря на калошахъ, за то выигрышь въ здоровьи. Покупайте лучше не промокаемые сапоги! И легче и обойдется дешевле... Но если и съ сапогами случится несчастіе, то пожалуйста замѣтьте какой, сапожникъ ихъ дѣлалъ...

S. S. I Lombardi alla prima crocciata.

О. Наймите квартиру не подъ, а надъ вашимъ сосѣдомъ и танцуйте мазурку.

СОДЕРЖАНІЕ VI ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 12 НОЯБРЯ.

Аналитическій разборъ предметовъ, входившихъ при разсмотрѣніи о воздухѣ.

Измѣняющіе дѣятели атмосферы:

Гроза: мѣры предосторожности; пособія пораженнымъ громомъ. Свѣтъ: средства къ отвращенію вреднаго дѣйствія естественнаго и искуственнаго свѣта. Періодичность: совѣты, какъ себя держать во время сутокъ, въ которые совершаются важнѣйшія отправленія жизни.

Предохранительныя средства къ очищенію воздуха, портящагося въ открытыхъ мѣстахъ, спертомъ пространствѣ и отъ вліянія вредныхъ газовъ.

А. *Мѣры опытныя, основанныя на здравомъ разсудкѣ.*

Сообразное построеніе жилищъ, провѣтриваніе, безусловная чистота внутри и внѣ жилищъ, своевременное и правильное очищеніе различныхъ мѣстъ, осторожность при газоосвѣщеніи, предохраненіе отъ вредныхъ испареній въ различныхъ заведеніяхъ.

В. *Мѣры, дарованныя наукою.*

Механическія. Дыхательныя трубки; уголь, гнилушки, сажа.

Химическія. Хлоръ, кислоты, щелочи.

Мѣшаныя. Огонь.

Профилактика или предохраненіе отъ заразительныхъ болѣзней вообще.

Общія предосторожности. Истребленіе источниковъ зараженія. Лазареты, карантины, очищенія. Предохраненіе специфическое, или собственно-дѣйствующее.

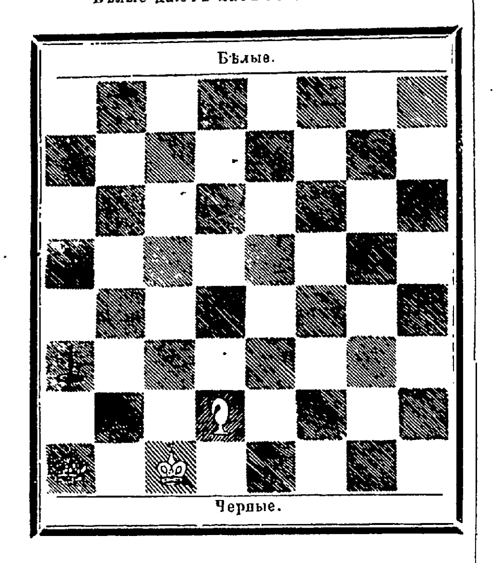
ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 29.

Бѣлые.	Черные.
1) Сл. что на бѣломъ на 6 м. Кор.	Ф. бер. Сл.
2) Конь беретъ слона	Какой угодно ходъ. Лучшій: Сл. что на бѣломъ на 4 м. Л. Ф., тогда по-крайней-мѣрѣ не будетъ мата пѣшкой.
3) Ф. беретъ Слона и Матъ.	

Бѣлые даютъ матъ въ 6-ть ходовъ.



РАЗГАДКА № 30.

1) Не трозвый — лошади — въ Ц, — домъ — округъ — Ѣ, на шемъ.

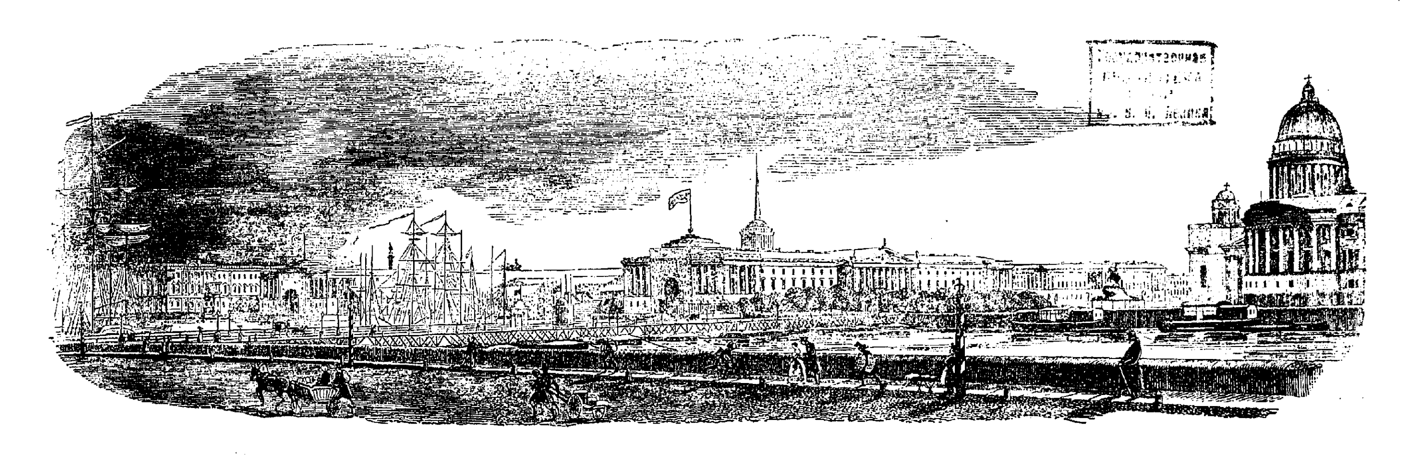
2) Нѣтъ рѣзвой лошади въ цѣломъ округѣ нашемъ.

ЗАГАДКА № 31.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Ноября 6 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 32. — Суббота, 17 Ноября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 руб. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ДРАМАТУРГІЯ.

═

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА.

Вкусъ человѣка похожъ на своего хозяина. Онъ отъ природы дикъ, непокоренъ, буйный: сживается съ обществомъ, испытываетъ различное вліяніе внѣшнихъ предметовъ, измѣняется, согласуясь съ ними, и оттого ни человѣкъ, ни его вкусъ никогда не бываютъ одни и тѣ же; сегодня нравится одно, завтра другое. Все это давно извѣстно: но отъ чего же есть вещи, которыя нравятся всегда, почитаются образцовыми, служатъ академіей для художниковъ того же искусства? отъ чего же Венера Медицейская и Донъ Жуанъ Моцарта признаются такъ давно образцами и никто этого не оспоривалъ? Потому, смѣемъ думать, что есть вѣчная красота, понятная отъ дикаря до германскаго философа, отъ варвара до утонченнѣйшаго знатока. Въ музыкѣ это явственнѣе, нежели въ другихъ искусствахъ; въ музыкѣ нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ. Въ живописи и литературѣ вкусъ своевольничаетъ; сегодня презираетъ Пуссеномъ и Шекспиромъ, завтра ставитъ ихъ на высшую художественную ступень, послѣ завтра они летятъ съ этой лѣстницы, чтобы опять взбѣжать туда же; въ музыкѣ этого не случается; тамъ другое явленіе; тамъ національность иногда препятствуетъ общей извѣстности, но временно; достоинство достигаетъ быстро заслуженнаго торжества. Нѣтъ ничего смѣшнѣе этихъ исключительныхъ любителей того или другаго рода музыки; если иной жалуетъ италіянскую, то ужъ достается отъ него нѣмецкой и французской; еще забавнѣе Германцы, когда говорятъ или пишутъ о музыкѣ Италіянской. Подумаешь съ Гофманомъ, что италіянское пѣніе крикъ кошекъ на крышѣ. Но всѣ эти исключительные любители несправедливы, и вотъ почему: есть разныя чувства, или, лучше сказать, чувства разныхъ родовъ. Къ первому безъ сомнѣнія принадлежатъ чувства любви и мести (ненависти). Эти чувства въ высочайшей степени музыкальны, потому, что относительная теплота ихъ превышаетъ теплоту всѣхъ другихъ чувствъ. Конечно, эти чувства общія, но можно указать по народамъ, что одни любятъ пламенно, другіе — благоразумно, разсчетливо, третьи — шутя, наконецъ, послѣдніе, любятъ по обычаю предковъ, more majorum. То же раздѣленіе и въ ненависти. Осмѣливаемся думать, что эти различія послужили основаніемъ и различію четырехъ музыкальныхъ школъ, господствующихъ на всѣхъ европейскихъ театрахъ. Чувства пламенныя — родили и развили оперу италіянскую; благоразумныя и разсчетливыя — оперу нѣмецкую; подъ корою шутки, развилась французская; тамъ, гдѣ обычай еще спорить съ общимъ просвѣщеніемъ, гдѣ тоска любви сливается съ памятью старинной пѣсни, какъ въ Испаніи, Богеміи, Швеціи и Россіи, тамъ еще существуетъ національная опера, покрайней-мѣрѣ національная музыка. Начала, нами указанныя, служатъ источникомъ и всѣхъ достоинствъ и всѣхъ недостатковъ каждаго рода. Осмѣлимся ближе взглянуть на предложеніе наше.

— Пламенныя чувства изливаются богатымъ, блестящимъ потокомъ въ тѣ минуты, когда горячка сердца достигаетъ своего кризиса; тогда и слова обильны, и мысли вѣрны, могущественны, и выраженія просты, но величественны, жарки; но взгляните издали на человѣка, который, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, нападаетъ на врага, или въ страданіяхъ любви угадываетъ мгновеніе, когда онъ можетъ признаться; вы посторонній, непричастный ни къ гнѣву ни къ любви его, не сочтете ли его издали сумасшедшимъ; вы не найдете ни правильности, ни даже приличія въ его тѣлодвиженіяхъ; но подойдите поближе, послушайте, о чемъ говоритъ онъ, и вы забудете все, кромѣ темы его пламенной рѣчи. Отсюда, намъ кажется, въ италіянской музыкѣ вы встрѣчаете широкое, одушевленное пѣніе именно въ тѣхъ только м[illegible], гдѣ возвышаются страсти, и чѣмъ сильнѣе ихъ борьба, чѣмъ болѣе напрягаются супротивныя ихъ силы, тѣмъ ближе къ сердцу, понятнѣе для души и прекраснѣе для искусства становятся ихъ мелодіи. За то уже въ промежуткахъ, въ этихъ переходныхъ сценахъ, необходимыхъ только для наружной связи драмы, не ищите прекраснаго и довольствуйтесь, если оно сколько-нибудь сносно. Ждите этихъ перипетій, этихъ переломовъ страстей; тамъ навѣрно, почти всегда изъ васъ италіянская музыка добудетъ слезы. По тѣмъ же самымъ причинамъ не требуйте отчетливой отдѣлки партій оркестра; тамъ набросано нѣсколько мотивовъ, хорошенькихъ музыкальныхъ фразъ, склеенныхъ какъ стеклянные кусочки съ обрѣзками металловъ и черепками безъ всякой музыкальной логики. Вы не можете понять, отъ чего эта фраза слѣдуетъ за другою, отъ чего она подкрашена фаготомъ, тромбономъ или арфой, а не другимъ инструментомъ. Причинности никакой, и этотъ безпорядокъ и безсмыслица въ оркестрахъ чаще всего замѣчаются въ мѣстахъ, въ которыхъ разгарающаяся страсть изливается въ самыхъ изящныхъ и вѣрныхъ мелодіяхъ; даже, напротивъ того, въ мѣстахъ переходныхъ, по мелодіямъ, не заслуживающимъ особеннаго вниманія, гораздо больше гармонической отдѣлки, которою впрочемъ вообще Италіянцы, съ самыми малочисленными исключеніями, похвастать не могутъ. И все это не заслуживаетъ обвиненія, не подлежитъ укору; все основалось на природѣ и свойствѣ страсти пламенной, безпокойной, которая глубокомысленнымъ разсчетамъ разума подчиняться не можетъ.

— Можно любить и ненавидѣть столь же глубоко, столь же сильно, но въ другихъ формахъ, подъ неотступнымъ руководствомъ разсудка, обращая самое подробное вниманіе на всѣ окружающіе предметы. Тутъ все благоразумно, разсчитано и обдумано. Выраженіе любви искренно, но оно соглашено со всѣми условіями общественной жизни, со всѣми приличіями; оно не оскорбитъ, не испугаетъ ни предмета любви, ни посторонняго слушателя; оно тронетъ и ту и другаго, но потому, что и она и онъ привыкли къ условіямъ выраженія любви и ненависти, и совершенно знаютъ, что дѣлается въ любящей или ненавидящей душѣ. Тутъ нѣтъ безумнаго увлеченія, тутъ нѣтъ отчаяннаго крика страсти, потому что и въ природѣ, окружающей пѣвца и слушателя, ихъ нѣтъ; недостатокъ наружнаго жара замѣняется, такъ сказать глубокостію и постоянствомъ страсти. Велика, прекрасна эта страсть; но пораженный ею, еще не теряетъ разсудка; во всѣхъ движеніяхъ его порядокъ и приличіе, въ словахъ логика, въ эпитетахъ точность. Мелодіи красивы, часто очаровательны, но въ тоже время въ оркестрѣ разумная соотвѣтственность; ходъ мелодіи и гармоніи развитъ правильно и соглашенъ съ психологіей; мотивы, темы и фразы расположены въ систематическомъ порядкѣ; инструменты оркестра каждый на мѣстѣ и каждый имѣетъ моральное значеніе; не брошенъ въ жару какъ нибудь, эффекта, или правильнѣе испуга ради. Сцены промежуточныя, нумера переходные обдуманы, отдѣланы и большею частію списаны съ нату-

ры, точно также какъ и главныя; таже логика въ мелодіи и оркестровкѣ. — Все это не заслуживаетъ обвиненія, не подлежитъ укору; все это основано на свойствѣ страстей слушателей, которые, не смотря ни на какія обстоятельства, не могутъ выдти изъ предѣловъ приличія, изъ-подъ опеки и руководства разсудка.

— Не подумайте также, что кто шутитъ, тотъ уже не умѣетъ чувствовать глубоко и тепло. Нѣтъ, лыбовь и ненависть могутъ волновать и весельчака, но по своему; въ признаніе страстное, въ упрекъ горькій, въ угрозу смертельную, онъ подкинетъ шуточку, но отъ того измѣняется ли значеніе признанія, упрека, угрозы? Существо—тоже, но форма иная. Часто въ выраженіяхъ самыхъ шутливыхъ слышится трогательная любовь; часто ропотъ въ шуткѣ поражаетъ васъ ужасомъ; но все-таки способъ выраженія остается легкимъ, игривымъ, исполненъ тонкихъ намековъ, щегольства и нѣкотораго чванства. Мелодіи красивы; рѣдко широкаго, грандіознаго размѣра; чаще и почти всегда мелки, плясовыя, безъ исключенія для всякаго понятны, легко перенимаются памятью, иногда сложены съ изысканностію. — Въ оркестровкѣ—мало соотвѣтственности и логики; инструменты подражаютъ голосамъ и одинъ передъ другимъ чванятся и щеголяютъ. — Но и это все не заслуживаетъ обвиненія, не подлежитъ укору, потому что слушатель привыкъ чувствовать шутя и прикрывать шуткой самыя сильныя движенія сердца.

Эти три рода составляютъ оперы италіянскую, нѣмецкую и французскую. Исключичите названія націй—начала останутся тѣже: страсть, глубокомысліе, шутка; не тутъ, такъ тамъ опера должна была развиться съ этихъ трехъ началъ и развилась. Она должна была гдѣ нибудь сосредоточиться во всѣхъ своихъ трехъ видахъ, и въ одномъ произведеніи какъ въ фокусѣ сложить свои начала. И это случилось. Донъ-Жуанъ, Моцарта, есть сокровищница образцовъ для всѣхъ трехъ родовъ. Эта опера, и рѣшительно только эта одна опера, не принадлежитъ ни одной націи исключительно; это — опера космополитъ. Осмѣлимся замѣтить, что это явленіе могло быть и есть только въ музыкѣ. Въ Донъ-Жуанѣ женскія роли составляютъ какъ будто представительницъ всѣхъ трехъ родовъ: Донна-Анна—Германія, Донна Эльвира—Италія, Церлина — Франція. Но подобное явленіе могло случиться единожды. Каждый родъ долженъ былъ отдѣлиться и пойти своимъ путемъ, постоянно усовершаясь и развиваясь.

Четвертый родъ, какъ мы сказали, есть родъ мѣстный, національный. Онъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ память первыхъ впечатлѣній любви и ненависти еще сильно сохраняется въ музыкальныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. — Музыкальное достоинство оперъ сего рода рѣшительно зависитъ отъ достоинства самыхъ мелодій и обширности таланта въ композиторѣ. Въ общемъ, опера можетъ подчиниться одному изъ трехъ первыхъ родовъ. Но, на-оборотъ, и оперы всѣхъ трехъ родовъ не могутъ избѣгнуть содѣйствія четвертаго. Этого требуетъ мѣстный колоритъ. И въ этомъ отношеніи, опера Донъ-Жуанъ можетъ быть принята въ образецъ. Сколько испанскихъ особенностей въ музыкальной формѣ разсѣяно по всей партитурѣ.

Мы осмѣлились изложить наши мысли о родахъ сценической музыки, полагая, что эти предварительныя соображенія послужатъ намъ оправданіемъ при дальнѣйшемъ изложеніи нашего мнѣнія о Петербургской Италіянской Операѣ и вообще и въ частностяхъ. Въ слѣдующей статьѣ поговоримъ о ея репертуарѣ и исполнителяхъ.

=

КАРДИНАЛЪ МЕЦОФАНТИ.

Мецофанти родился въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ Болонскомъ легатствѣ, въ отчизнѣ стольких знаменитыхъ людей, каковы: Россини, Либри, Меллони, Оріоли и наконецъ Росси, который даже былъ товарищемъ Мецофанти въ Болонскомъ университетѣ.

Эти два экс-професора недавно встрѣтились въ Римѣ; но положеніе ихъ въ обществѣ нѣсколько измѣнилось со дня ихъ разлуки; да, одинъ изъ нихъ теперь французскій посланникъ, а другой князь Римской церкви.

Родители Мецофанти были люди бѣдные, неизвѣстные; но они твердо вѣрили въ счастливую звѣзду своего сына и не противились его любви къ наукамъ. — Рано стали развиваться его необыкновенныя способности: на восьмомъ году онъ началъ учиться. — Въ одинъ годъ выучился онъ языкамъ греческому и латинскому, потомъ принялся за еврейскій и въ короткое время изучилъ всѣ мертвые языки; тогда сталъ онъ учиться по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-русски, по-польски и такъ далѣе.

Въ Италіи, гдѣ такъ мало занимаются политикой и литературой, а всѣ высшія должности почасти государственнаго управленія — въ рукахъ духовенства, почти всѣ даровитые и ученые молодые люди поступаютъ въ духовное званіе. — Мецофанти также избралъ это поприще и вскорѣ ему представился случай развить и усовершенствовать свои способности. Италія занята была тогда французскими и австрійскими войсками и болонскія больницы наполнены были ранеными всѣхъ почти европейскихъ націй. — Многіе изъ солдатъ не знали по-италіански, и когда, чувствуя приближеніе смерти, они требовали духовной помощи, священники ихъ не понимали.—Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, прибѣгали къ Мецофанти, и онъ являлся между страдальцами какъ посланникъ неба: приносилъ имъ утѣшенія, былъ исполнителемъ ихъ послѣдней воли. — Онъ говорилъ съ Французомъ по-французски, съ Испанцемъ по-испански, съ Полякомъ по-польски и т. д. — Но чтобы еще болѣе угодить этимъ несчастнымъ, увѣряютъ, что онъ старался изучить всѣ многоразличныя нарѣчія каждой страны, и достигъ наконецъ до такого совершенства, что могъ бесѣдовать съ каждымъ изъ нихъ на томъ именно нарѣчіи, на какомъ говорятъ въ его деревнѣ. — Какже пріятно было этимъ храбрымъ воинамъ найти земляка на чужбинѣ; слыша родные звуки, они забывали свои страданія, переносились воображеніемъ въ свои мирныя хижины; имъ казалось, что они въ кругу своихъ семействъ, что они никогда не покидали своей родины. — Вотъ какія чудеса творилъ Мецофанти. Онъ одинъ заступалъ, для стольких людей вдругъ, мѣсто брата, друга, соотечественника...

Такія заслуги и блестящія способности Мецофанти не могли остаться безъ вознагражденія. Папа назначилъ его профессоромъ восточныхъ языковъ въ Болонскомъ университетѣ. — Тогда то обнаружилъ онъ всю свою дѣятельность и обширность познаній. — Лекціи его привлекали многочисленныхъ слушателей, желавшихъ видѣть и слышать этого новаго Протея.

Около того времени лордъ Байронъ посѣтилъ Болонію и первымъ желаніемъ поэта, было, посѣтить знаменитаго профессора, съ намѣреніемъ испытать его. — Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ путевыхъ запискахъ объ этомъ свиданіи. «Мецофанти, замѣ«чательнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. — «Много чудеснаго видѣлъ я въ Италіи, но все «видѣнное мною, въ сравненіи съ нимъ, ни«что. — Представьте себѣ, что онъ говоритъ «на всѣхъ языкахъ также свободно, какъ на «своемъ родномъ. — Я испыталъ это на ан«глійскомъ. — Послѣ продолжительной бе«сѣды о разныхъ предметахъ, я захотѣлъ ис«пытать, знаетъ ли онъ и простонародный «англійскій языкъ и заговорилъ съ нимъ на «нарѣчіи лондонскихъ ремесленниковъ. — «Что же? онъ не только понялъ мой вопросъ, «но даже отвѣчалъ мнѣ на томъ же нарѣчіи не «хуже природнаго Англичанина. — Это меня «такъ изумило, что я принужденъ былъ при«знать его побѣдителемъ.—Не постигаю, гдѣ «выучился онъ этому языку; онъ никуда не «выѣзжалъ изъ Италіи и учился только по «книгамъ.»

Въ 1836 году профессоръ Мецофанти былъ возведенъ въ санъ кардинала вмѣстѣ съ знаменитымъ филологомъ Майи (Маї).

Лишь только пронеслась вѣсть о возвышеніи Мецофанти, какъ всѣ италіанскіе города отправили къ нему своихъ депутатовъ съ искренними поздравленіями; но пріятнѣе всѣхъ были для него тѣ поздравленія, которыхъ онъ не могъ и ожидать. — Въ Болоніи стоялъ австрійскій гарнизонъ составленный, какъ и вся австрійская армія, изъ Венгерцевъ, Богемцевъ, Трансильванцевъ, Италіанцевъ и другихъ.

Офицеры этого гарнизона вздумали поздравить знаменитаго филолога, каждый на своемъ родномъ языкѣ; — сказано, сдѣлано. — Они являются къ кардиналу и поочередно поздравляютъ его, кто по-венгерски, кто по-тирольски, кто по-богемски, по-нѣмецки и т. д., а Кардиналъ отвѣчаетъ каждому на его же нарѣчіи съ необыкновенною быстротою и весьма удачно.

Мецофанти знаетъ въ совершенствѣ до сорока двухъ языковъ, со всѣми ихъ оттѣнками; онъ говоритъ и пишетъ на нихъ какъ нельзя лучше... Онъ изучилъ всѣ древнія и новѣйшія литературы: нѣтъ книги, которой бы онъ не прочиталъ, нѣтъ ни одной классической поэмы, которой бы онъ незналъ на изустъ. — Османъ Гундолы, Шахъ-Намегъ Фирдоусси, Магабгората санскритская поэма и т. д. ему также понятны, какъ намъ оды Державина и Ломоносова.

Кардиналъ Мецофанти до сихъ поръ служитъ предметомъ любопытства и удивленія ученыхъ путешественниковъ. Изъ этого можете заключить, что Мецофанти геній совершенно особеннаго рода; но мы не можемъ согласиться, что Мецофанти въ своемъ родѣ явленіе единственное. Исторія представляетъ намъ весьма многихъ поли-историковъ; въ древнія времена еще возникла на счетъ такихъ ученыхъ поговорка: Ab omnibus aliquid, in toto nihil. Всего понемножку, а въ сущетвѣ ничего. Но эта пословица не можетъ примѣниться къ Мецофанти, Крихтону и еще нѣкоторымъ. Крихтонъ (Джемсъ) происходилъ отъ королевскаго рода Стюартовъ и родился въ 1551 году въ Пертскомъ графствѣ въ Шотландіи. Ему еще не исполнилось 20 лѣтъ, а онъ писалъ и говорилъ весьма правильно на 10 языкахъ и былъ первый во всѣхъ гимнастическихъ играхъ и упражненіяхъ. Въ Парижѣ онъ привелъ въ изумленіе ученый міръ. «Сюда пріѣхалъ» писали тогда, «молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати не больше. Первые профессоры академіи свидѣтельствуютъ, что онъ во всѣхъ наукахъ имѣетъ совершенныя свѣдѣнія; никто не можетъ съ нимъ состязаться въ вокальной и инструментальной музыкѣ. Въ танцахъ, въ рисованьи, живописи и верховой ѣздѣ у него нѣтъ соперника. Онъ умѣетъ владѣть рапирой обѣими руками, и такъ искусно, что никто не можетъ нанести ему удара. Присутствіе духа невозмутимое; недавно онъ держалъ диспуту передъ тремя тысячами слушателей; правильностью и точностью отвѣтовъ и ученостію онъ изумилъ, испугалъ всѣхъ. Онъ говоритъ полатыни, по-гречески, по-еврейски, по-сирійски по-арабски, по-испански, по-французски, по-Англійски, по-Славянски, по-Фламандски (!) и на всѣхъ языкахъ весьма хоро-

шо. Во-истинну нельзя вѣрить, чтобы человѣкъ, хотя бы ему было сто лѣтъ, хотя бы онъ никогда не ѣлъ и не спалъ, могъ соединить въ себѣ столько познаній. Его присутствіе вселяетъ въ окружающихъ паническій страхъ, потому что онъ знаетъ больше нежели сколько человѣкъ можетъ знать; опасаются, ужъ не антихристъ ли онъ.» Изъ Парижа онъ поѣхалъ въ Италію, посѣтилъ Римъ, Венецію, Падую и Мантую. Здѣсь герцогъ Гонзаго пригласилъ Крихтона быть учителемъ его сына. Незабудьте, что тогда Джемсу Крихтону было 32 года; пора самыхъ блистательныхъ побѣдъ не только въ области ученыхъ трудовъ, но и въ свѣтѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что женщины были неравнодушны къ этому такъ сказать, усѣянному талантами человѣку; во время карнавала нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ нападаютъ на Крихтона; онъ защищается съ обычнымъ искуствомъ, выбиваетъ изъ рукъ убійцъ шпаги; срываетъ съ послѣдняго маску: то Виченцо Гонзаго, сынъ герцога, ученикъ его; Крихтонъ почтительно возвращаетъ ему шпагу, но ревность увлекла юношу къ такому поступку; великодушіе Крихтона довело эту ревность до бѣшенства, и Гонзаго вонзилъ шпагу въ учителя, когда тотъ ужъ никакъ не ожидалъ такой благодарности. Крихтонъ умеръ отъ раны въ 1583 году. Какъ угодно, Крихтонъ, какъ явленіе, еще удивительнѣе кардинала Мецофанти. Санъ и образъ жизни послѣдняго весьма много благопріятствовали занятіямъ. У того жизнь похищала много времени, отвлекала отъ трудовъ и развлекала въ трудахъ; не смотря на то, онъ успѣлъ сочинить нѣсколько книгъ. Спекуляція умножила его сочиненія послѣ смерти; при всемъ томъ теперь съ точностью извѣстны подлинныя и далеко превышаютъ современную ученость.

Кардиналъ Мецофанти теперь назначенъ ректоромъ учебной части въ Римѣ. Это званіе можно сравнить съ званіемъ министра просвѣщенія въ другихъ европейскихъ государствахъ. Какое вліяніе будетъ имѣть ректорство знаменитаго кардинала на просвѣщеніе въ папскихъ владѣніяхъ, предугадать трудно; но во всякомъ случаѣ, это назначеніе свидѣтельствуетъ, въ какомъ уваженіи ученые люди у нынѣшняго римскаго первосвященника.

Кстати замѣтить, что Мецофанти и нѣкорыхъ другихъ, не только наши, но и французскіе журналы, называютъ полиглотами. Это, по нашему мнѣнію весьма неправильно. Полиглотами называли книги одного и того же текста на разныхъ языкахъ. За что же человѣка обращаютъ въ книгу!..

ОХТЯНКА.

I.

Въ одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете странные дома, созданные незатѣйливой фантазіей какого нибудь зодчаго съ топоромъ за поясомъ, и состоящіе изъ подвала и чердака, въ одной изъ тѣхъ улицъ, былъ домикъ, выкрашенный съ крыши до фундамента зеленой краской. Домикъ этотъ красовался между полуразвалившимися избушками, окружавшими его, и хозяевамъ его всѣ сосѣди кланялись съ особеннымъ почтеніемъ. Хозяева были — Кузьма Ивановичъ и Агафья Спиридоновна Вечинкины.

Кузьма Ивановичъ былъ человѣкъ почтенный. Съ чистою, спокойною совѣстью посматривалъ онъ иногда на знакъ безпорочной службы, красовавшійся въ петличкѣ его вицъ-мундира возлѣ крестика, ясно говорившаго, что служба его не довольствовалась своею безпорочностью, и кромѣ того еще была полезна; неопровержимымъ доказательствомъ тому служилъ зеленый домикъ съ мезониномъ. Кузьма Ивановичъ былъ прекрасный мужъ. Онъ нѣжно любилъ свою Агафью Спиридоновну, которая впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживала любовь его.

Въ жизни почтенныхъ супруговъ были, какъ читатели сами видятъ, всѣ элементы безмятежнаго счастія; но увы! со множествомъ поэтовъ и мы должны повторить, что счастья нѣтъ на землѣ!.. Нѣтъ, потому что люди сами изгнали его. Эту мысль мы тоже заимствуемъ у поэтовъ.

Облако, тучу, тѣнь или пятно — назовите какъ хотите—въ жизни Вечинкиныхъ составлялъ человѣкъ, который, по законамъ природы, долженъ бы, напротивъ, служить дополненіемъ ихъ счастья. Этотъ человѣкъ былъ единственное дѣтище, единородный сынъ ихъ — Степа.

Степану Кузьмичу или, какъ его всѣ называли, Стенѣ было ровно двадцать лѣтъ. Не смотря на то, онъ нигдѣ еще не служилъ, къ крайнему огорченію отца, который не хотѣлъ однако жъ принуждать сына, потому что онъ былъ слабой комплекціи. И точно, Степа былъ чрезвычайно высокъ ростомъ, но худощавъ какъ спичка; всегда задумчивое лицо его было покрыто легкимъ румянцемъ; голубые глаза съ безсмысленнымъ выраженіемъ блуждали по сторонамъ; длинные волосы неровными клочками закрывали и безъ того уже не высокій лобъ его. Впрочемъ все лицо Степы дышало кротостью и добротою.

Отдохнувъ послѣ обѣда и не зная чѣмъ заняться до чая, Кузьма Ивановичъ часто призывалъ съ себѣ Степу и читалъ ему наставленія.

Степа слушалъ почтительно.

Агафья Спиридоновна сидѣла у окна съ вязаньемъ въ рукѣ, клубкомъ подъ мышкой и по временамъ вздыхала.

— Другъ мой, вѣдь тебѣ двадцатый годъ, говорилъ Кузьма Ивановичъ съ приличнымъ достоинствомъ; пора избрать родъ жизни. Не вѣкъ же тебѣ таскаться по бѣлу-свѣту. Хорошо теперь «у насъ есть», а какъ насъ не будетъ, тогда что?

— Домъ останется, отвѣчалъ философически Степа.

— Что домъ, братецъ!.. Можетъ сгорѣть.

— Застрахованъ.

— А страховое общество лопнетъ?

— Не лопнетъ.

— Ну, а какъ лопнетъ?

— А пускай себѣ!..

— Что же ты тогда станешь дѣлать, какъ дома не будетъ?

— Земля останется.

— Да что толку въ пустопорожней землѣ? Не огородъ же разводить?

— Отчего же нѣтъ? Будто огородникъ не такой же человѣкъ?

— Полно тебѣ, Степа, вздоръ молоть! — восклицалъ съ досадой Кузьма Ивановичъ; вотъ ужъ не люблю, какъ ты завираться станешь!.. Ну, какъ это тебѣ не стыдно говорить? Скажи самъ, прилично ли сыну надворнаго совѣтника заниматься огородничествомъ? Слышишь, Агафья Спиридоновна, что сынокъ-то нашъ городитъ?

— Онъ шутитъ, отвѣчала мать, нѣжно взглянувъ на сынка.

Степа отрицательно и задумчиво качалъ головой, какъ-будто бы въ умѣ его таилась какая-то сокровенная мысль. Отецъ не замѣчалъ этого движенія и продолжалъ:

— У меня есть въ виду хорошее мѣстечко, Степа; хочешь, просьбу подадимъ? Тебя опредѣлятъ; за это я ручаюсь.

— Трудно служить.

— Разумѣется, сначала будетъ трудно, а тамъ попривыкнешь.

— Вы меня не поняли, папенька; трудно — не по вашимъ, а по моимъ идеямъ.

— По какимъ, по твоимъ идеямъ?

— Я хочу приносить пользу.

— Ну, и будешь приносить пользу... на то вѣдь и служба.

— Нѣтъ, папенька, это не то; такую пользу можетъ приносить всякій, а я бы хотѣлъ дѣйствовать въ широкомъ, обширномъ кругу, принявъ въ основаніе добродѣтель... А что я могу сдѣлать, если вы меня и опредѣлите какимъ-нибудь писаремъ?

— Ого! да ты мѣтишь, кажись, прямо въ министры!.. Ну, положимъ, тебѣ не нравится штатская служба; ступай въ военную.

— Ой, нѣтъ, Кузьма Ивановичъ, въ военную страшно! восклицала, замотавъ руками, Агафья Спиридоновна.

— Отчего? съ мужественнымъ видомъ спрашивалъ мужъ ея.

— Убьютъ, пожалуй!

— Нѣтъ, маменька, замѣчалъ тогда Степанъ Кузьмичъ; это бы не страшно, что убьютъ, а то ужасно, что самъ убивать долженъ!.. Притомъ же мнѣ дѣлается дурно, когда я увижу каплю крови.

— Такъ куда же больше? спрашивалъ Кузьма Ивановичъ.

Громкій визгъ, послышавшійся на улицѣ, прерывалъ его слова. Степа немедленно вскакивалъ, выбѣгалъ изъ комнаты и возвращался съ собакой, грязной, безобразной, которую онъ спасалъ изъ рукъ немилосердыхъ уличныхъ мальчишекъ...

Таковъ былъ Степанъ Кузьмичъ. Природа одарила его добрымъ, кроткимъ сердцемъ, способнымъ сочувствовать страданіямъ ближнихъ, но недостатокъ образованія и праздность превратили эти качества въ безсмысленную, безсознательную и смѣшную манію. Степанъ Кузьмичъ бредилъ добродѣтелью и, подобно новому Донъ-Кихоту, въ меньшихъ размѣрахъ и на менѣе обширномъ поприщѣ дѣйствія, онъ преслѣдовалъ идею, которая, подобно всякой другой идеѣ, не утвержденной на прочномъ основаніи, становилась смѣшной каррикатурой.

II.

Наступилъ великій переворотъ въ жизни Степы. Онъ влюбился.

Къ Вечинкинымъ лѣтъ десять носила молоко старая Охтянка. Они къ ней такъ привыкли, что весной и осенью, когда по Невѣ шелъ ледъ и не было перевоза, ни Кузьма Ивановичъ, ни Агафья Спиридоновна не могли пить ни кофе, ни чая. Въ эти дни надо было брать сливки изъ лавки, и хотя лавочникъ, питая глубокое уваженіе къ хозяевамъ зеленаго дома съ мезониномъ, посылалъ имъ сливки, только разбавленныя молокомъ, безъ примѣси воды и крахмала, не смотря на то, они далеко не могли сравниться съ отличными сливками, которыми снабжала почтенныхъ супруговъ старая Охтянка.

Но въ одинъ прекрасный зимній день, когда Нева была покрыта толстымъ льдомъ и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣшеходовъ, кухарка съ какимъ-то отчаяніемъ доложила своимъ господамъ, что Охтянка не пришла, а, слѣдовательно, не было сливокъ.

Прошелъ еще день — Охтянки все нѣтъ. Наконецъ, на третій день въ зеленую калитку зеленыхъ воротъ зеленаго дома съ зеленымъ мезониномъ вошла молодая дѣвушка съ коромысломъ черезъ плеча и кувшинами, лоснившимися какъ серебро. То была младшая дочь старой Охтянки. Она пришла извѣстить знакомыхъ господъ о смерти матери и о томъ, что если угодно будетъ, она замѣнитъ ее.

Здоровая, свѣжая, краснощекая дѣвушка

произвела какое-то странное впечатлѣніе на сердце Степана Кузьмича. Онъ самъ не могъ объяснить себѣ, что съ нимъ происходило.

Молодая Охтянка должна была приходить

два раза въ недѣлю; но къ крайнему изумленію Агафьи Спиридоновны, сынокъ ея особенно полюбилъ сливки и молоко, такъ что прежняго количества стало недостаточно и молочницу уговорили приходить по три раза въ недѣлю.

Этого Степану Кузьмичу и хотѣлось. Онъ всегда выходилъ на встрѣчу Ѳеклѣ, робко, стыдливо кланялся ей, но не осмѣливался вступить съ нею въ разговоръ. Ѳекла улыбалась, искоса поглядывала на молодаго человѣка, и этотъ взглядъ еще болѣе разжигалъ рождавшуюся въ сердцѣ его любовь. Пройдя мимо, Степа нѣсколько разъ оглядывался и, какъ бы по симпатическому влеченію, въ тоже время оглядывалась и молодая молочница.

Такимъ образомъ прошло около мѣсяца.

Однажды молодой человѣкъ, воротившись домой по слѣдамъ Охтянки услышалъ въ кухнѣ голосъ ея; Степанъ Кузьмичъ остановился у двери... не для того, чтобы слышать разговоръ молочницы съ кухаркой... нѣтъ! что ему до этого разговора! Онъ хотѣлъ только прислушаться къ голосу, гармонія котораго производила сладостное ощущеніе въ сердцѣ его.

— Наливай-ка полнѣе, говорила кухарка, чтобъ маленько и на мою долю досталось, а то «попича» молодой баринъ все одинъ выпиваетъ.

— Нешто онъ такой лакомка? спросила молочница.

— Не то, что лакомка, а говоритъ, что ему дохтуръ приказалъ пить; онъ не больно здоровъ, сердешный!

— А съ виду-то онъ словно яблочко наливное. А что, продолжала Охтянка, подика, и гулять-то спозаранку ему дохтуръ приказалъ?

— Кажись такъ; только онъ гуляетъ не каждый день.

— Впрочемъ, сказала молочница, дай Богъ ему здоровье; онъ, кажись, баринъ добрый.

Степа поспѣшно отскочилъ отъ двери, потому что послышались чьи-то шаги. Спрятавшись за шкапъ, онъ видѣлъ, какъ молочница подошла къ своимъ салазкамъ и стала доливать только что опорожненный кувшинъ.

Нетвердыми шагами подошелъ онъ къ молодой дѣвушкѣ. Она замѣтила его только тогда, когда онъ былъ уже возлѣ нея. Она вздрогнула, чуть не уронила кувшина, потомъ громко засмѣялась, выставивъ на показъ два ряда зубовъ, бѣлыхъ какъ бусы изъ слоновой кости....

— Охъ, баринъ! Какъ вы меня напугали! сказала она, бросивъ на молодаго человѣка взглядъ, отъ котораго онъ чуть не растаялъ.

— Извини... я не хотѣлъ... я только... я хотѣлъ сказать тебѣ одно слово... заговорилъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

Ѳекла улыбнулась, опустила глазки, но не спросила Степана Кузьмича, какое онъ хотѣлъ сказать ей слово. Видно была не любопытна.

— Тебѣ должно быть очень трудно тащить за собою эти салазки? началъ Степанъ Кузьмичъ.

— Что дѣлать, баринъ? Не сложа же руки сидѣть!

— А между тѣмъ ты достойна лучшей участи... Ѳеклуша! если бъ ты знала...

— Э, геве, геве!.. раздался въ нѣсколькихъ шагахъ рѣзкій голосъ мясника, прервавшій разговоръ Степана Кузьмича въ самомъ интересномъ мѣстѣ.

Молодой человѣкъ отскочилъ съ досадой. Ѳеклуша скрыла улыбку. Но разговора нельзя было продолжать; мясникъ, покачиваясь, пришаркивая и склонивъ нѣсколько голову на одно плечо, отъ привычки носить на другомъ лотокъ, скоро приближался.

— Прощай, Ѳеклуша, до свиданья! проговорилъ молодой человѣкъ, удаляясь съ грустнымъ видомъ.

Степанъ ушелъ въ свою комнату. Ему было очень грустно. Куда дѣвалась прежняя безмятежность его думъ? Его уже не занимали голуби, которыхъ онъ кормилъ и лелѣ-

ялъ, какъ символъ добродѣтели; двѣ дворняжки, которыхъ онъ спасъ изъ рукъ буйныхъ мальчишекъ, ходили повѣся хвостъ и не смѣли приласкаться къ нему; даже нищіе тщетно канючили передъ окномъ... Степанъ не слышалъ жалобныхъ напѣвовъ ихъ. Во снѣ и на яву онъ видѣлъ только образъ своей милой Ѳеклы, въ ситцевомъ зеленомъ платьицѣ, съ передникомъ съ огромными узорами въ видѣ пестрыхъ букетовъ, съ шелковымъ платочкомъ, яркіе цвѣта котораго казались полинялыми въ сравненіи со свѣжимъ колоритомъ лица, которое платочекъ обрамливалъ. И что влекло Степана къ Охтянкѣ?.. Если вы, читатель, не понимаете этого, то я долженъ сказать вамъ, что въ библіотекѣ Кузьмы Ивановича, состоявшей (говоря слогомъ книгопродавцевъ) изъ тридцати разрозненныхъ «званій» и составленной до рожденія Степана Кузьмича, онъ нашелъ третью часть какого то сочиненія, безъ заглавнаго листа. Въ этомъ сочиненіи какой-то нѣмецкій умозритель преподробно толковалъ о симпатіи, антипатіи и созвѣздіяхъ. Степанъ долго изучалъ эту книгу и почти выучилъ ее наизусть.

Едва онъ увидалъ Ѳеклу, едва новое ощущеніе овладѣло его сердцемъ, какъ онъ догадался, что вѣроятно родился съ нею подъ однимъ созвѣздіемъ и что, вслѣдствіе этого, онъ чувствовалъ къ ней симпатическое влеченіе.

У Степана Кузьмича, какъ вы видите, совершенно свои идеи.

Когда онъ опустился на клеенчатый диванъ и, закрывъ лицо руками, погрузился въ мечтанія о своей симпатіи, дверь тихо отворилась.

Степа скоро поднялъ голову... на порогѣ стояла его симпатія съ кружкой сливокъ въ рукахъ. Она улыбалась и вмигъ съ лица молодаго человѣка исчезло уныніе. Онъ вскочилъ, но не смѣлъ ступить впередъ. Ѳекла переступила за порогъ и какъ бы нечаянно захлопнула за собою дверь.

— Степанъ Кузьмичъ, сказала она, я принесла вамъ кружечку самыхъ густыхъ сливочекъ; извольте выкушать на здоровье; вѣдь вы, я слышали, любите сливки.

Степа не сразу могъ отвѣчать, грудь его поднялась высоко и, наконецъ, облегчилась глубокимъ вздохомъ.

— Ѳекла, я люблю не сливки! вскричалъ онъ.
— А что же? молоко?
— Нѣтъ, и не молоко!.. А тебя!..
— Полноте, балагурить! возразила Ѳеклуша, засмѣявшись и притворившись, будто бы не ожидала подобнаго отвѣта.

— О, Ѳекла! если бы ты знала!..
— Что такое?
— Какъ я тебя люблю!.. и съ этими словами добродѣтельный молодой человѣкъ схватилъ руку молочницы.
—Полноте, баринъ, мнѣ не приходится это слушать!
Степана Кузьмича бросило въ жаръ; лицо его горѣло; онъ весь дрожалъ; Ѳекла, не отнимая руки, стояла передъ нимъ и только изрѣдка бросала на него взгляды изъ подлобья.
—Скажи, Ѳеклуша, спросилъ молодой человѣкъ, вѣришь ли ты моей любви?
— Знаемъ мы!.. нынче господа всѣ толкуютъ о любви... мнѣ не въ первый разъ приходится это слышать, неосторожно отвѣчала Охтянка.
— Какъ!... вскричалъ Степанъ и сердце его сжалось; такъ тебя уже любили?.. И ты сама, можетъ быть?..
Ѳекла съ рѣдкимъ тактомъ поняла скрытый смыслъ этихъ словъ и съ достоинствомъ поднявъ голову, отвѣчала:

— Нельзя же всѣмъ зажать ротъ... но я никого не слушала, потому что очень хорошо знаю, что барину не слѣдъ любить крестьянскую дѣвушку!
— О, какъ я счастливъ! вскричалъ Степа съ сіяющимъ лицомъ; слѣдовательно, ты добродѣтельна?

Ѳеклуша съ изумленіемъ посмотрѣла на Степу; ей показалось, что глаза его имѣли странное выраженіе.
— Повѣрь, Ѳеклуша, продолжалъ молодой человѣкъ, повѣрь моей любви!..
— Перестаньте, Степанъ Кузьмичъ! возразила молодая дѣвушка, опустивъ глаза и жеманясь.
Степа съ быстротою молніи обхватилъ талію молочницы и запечатлѣлъ страстный опцѣлуй на пухленькой, твердой щечкѣ ея.
— Что вы дѣлаете? вскричала Ѳеклуша съ притворнымъ негодованіемъ, но не сопротивляясь.
Степанъ Кузьмичъ отскочилъ отъ нея, какъ будто бы обжегся и, помолчавъ секунду, произнесъ тихимъ голосомъ:
— Прости мнѣ, милая дѣва, мою смѣлость... Но пусть этотъ чистый, непорочный поцѣлуй послужитъ залогомъ будущаго нашего блаженства. Вѣришь ли ты теперь моей любви?
— Не вѣрю; ты, баринъ, смѣешься надо мной, отвѣчала Охтянка.
— Такъ я же докажу тебѣ свою любовь...
— Ну, докажи.
— Скажи мнѣ только одно слово... любишь ли ты меня? Ѳеклуша стыдливо опустила глаза и проговорила вполголоса:
— Да что это ты меня допрашиваешь?
—Не стыдись, Ѳеклуша, говори откровенно.

Охтянка подняла глаза, съ нѣжной улыбкой посмотрѣла на Степу и отвѣчала:
— Да какъ тебя не любить? ты такой хорошій...
Молодой человѣкъ еще разъ обнялъ Охтянку, но въ этотъ разъ съ большимъ жаромъ, съ большею страстью... въ этотъ разъ и она отвѣчала на поцѣлуй его...
У Степана Кузьмича закружилась голова... въ глазахъ потемнѣло... въ ушахъ раздавался звонъ тысячи колокольчиковъ...

. . . .

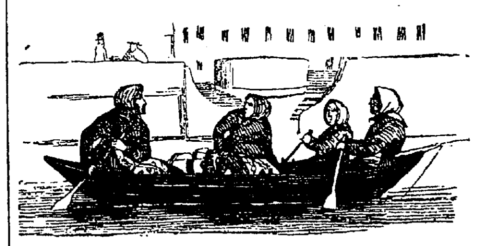
— Прости, прости, моя дѣва, говорилъ Степа раскраснѣвшейся Охтянкѣ; прости, я докажу тебѣ свою любовь... Я надѣюсь, что ты останешься довольна мною... прости!
— Прощай, отвѣчала тихимъ голосомъ дѣвушка и осторожно выскользнула въ дверь, оставивъ въ рукѣ молодаго человѣка широкое серебряное кольцо.

III.

Прошло нѣсколько дней.
Однажды послѣ обѣда, Кузьма Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и зѣвалъ, готовясь заснуть..

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ Степа.
На лицѣ молодаго человѣка была написана рѣшимость. Онъ пришелъ объясниться съ отцомъ.

— Папенька, сказалъ онъ остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана, я пришелъ поговорить съ вами о весьма важномъ для меня дѣлѣ.
— Ладно, ладно, отвѣчалъ отецъ, потягиваясь; вотъ, высплюсь, такъ и потолкуемъ.
— Нѣтъ, папенька, послѣ выспитесь, рѣшительно возразилъ молодой человѣкъ; сперва выслушайте меня. Дѣло идетъ о счастіи моей жизни.
—Что такое? говори, говори! вскричалъ отецъ, поспѣшно вскочивъ и понюхавъ табаку, чтобы разогнать овладѣвшій имъ сонъ.
— Батюшка, — началъ Степанъ Кузьмичъ, по важности предмета считавшій необходимымъ замѣнить простое названіе «папеньки» болѣе приличнымъ «батюшки»; батюшка, мнѣ теперь двадцать лѣтъ.
Отецъ утвердительно кивнулъ головою и прибавилъ:
— Какъ тебѣ это не знать; я оттого и твержу каждый день, что тебѣ пора на службу.
— Я думаю, что мнѣ пора пристроиться, возразилъ Степа, не обращая вниманія на слова отца.
— Я тоже думаю.
— Я хочу жениться.
— Что ты?.. Полно врать!! Кто за тебя пойдетъ?



— Сердце мое избрало уже себѣ подругу.
— Этого мало; избрала ли подруга твое сердце?
— Она меня любитъ.
— А родители ея?
— Я увѣренъ, что отецъ ея согласится.

— Гмъ!.. Кузьма Ивановичъ задумался, повертѣлъ табакеркой, пожалъ плечами, и продолжалъ: — А кто же эта красавица?

— Она добродѣтельная дѣвушка.

— Прекрасно; но есть ли у нея приданое?

— Мало.

— Это плохо.

— Отчего? Кчему приданое? Развѣ мы не довольно богаты?

Отецъ опять пожалъ плечами.

— Ну, а какъ ее зовутъ?

— Ѳеклой.

— А фамилія?

Степа остановился въ недоумѣніи. Онъ никогда не справлялся о фамиліи молодой Охтянки.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Не знаешь? Хорошъ гусь! сказалъ отецъ, громко захохотавъ; такъ и я не знаю; полно шутить, прибавилъ онъ, ложась опять на диванъ; я вижу, что дѣло не такъ важно, а потому успѣемъ еще поговорить, когда я высплюсь.

— Батюшка, продолжалъ Степа умоляющимъ голосомъ; кчему вамъ знать ея фамилію? послѣ узнаемъ... вы очень хорошо знаете эту дѣвушку... мою Ѳеклу.

— Никакой я Ѳеклы не знаю, возразилъ отецъ; да и знать не хочу... кромѣ нашей молочницы, прибавилъ онъ смѣясь.

— Она и есть та, которую избрало мое сердце...

Лицо Кузьмы Ивановича вытянулось; онъ опять привсталъ и не зналъ, сердиться или смѣяться; но взглянувъ на лицо сына и замѣтивъ, что тотъ и не думалъ шутить, онъ поспѣшно вскочилъ съ дивана:

— Что ты съ ума сошелъ, что ли?.. вскричалъ онъ; мало того, что ты съ утра до вечера тунеядствуешь, такъ вотъ еще что задумалъ? Ты меня, кажется, хочешь въ гробъ положить. Прочь съ глазъ монхъ!.. Пошелъ вонъ!.. Куда идешь, подожди!.. Слушай, по неволѣ взбредетъ всякая дурь въ голову, коли ты сидишь безъ всякаго дѣла, а потому ты у меня смотри!.. Даю тебѣ двѣ недѣли сроку — это мое послѣднее рѣшеніе — или на службу, или вонъ изъ моего дому; я тебя знать не хочу...

— Батюшка, сжальтесь! проговорилъ умоляющимъ голосомъ Степа.

— Идешь на службу?

— Позвольте жениться... я далъ слово... болѣе того... я... о! вы не знаете...

— И знать не хочу! Пошелъ вонъ!.. Ровно черезъ двѣ недѣли ты дашь мнѣ отвѣтъ, а до тѣхъ поръ я съ тобой и говорить не буду!..

Степа опустилъ голову... двѣ слезинки выкатились изъ глазъ его... угнѣтенная добродѣтель вышла изъ комнаты.

VI.

Ни угрозы отца, ни слезы матери не поколебали рѣшимости Степы. Онъ впалъ въ глубокое уныніе, не выходилъ изъ своей комнаты, ничего почти не ѣлъ и цѣлыя ночи просиживалъ въ темнотѣ, проливая слезы.

Кузьма Ивановичъ запретилъ Ѳеклѣ носить къ нимъ молоко и послалъ за отцомъ ея. Михайло былъ столяръ по ремеслу, пьяница по наклонностямъ. Кузьма Ивановичъ разсказалъ ему все дѣло и требовалъ, чтобы онъ рѣшилъ, что дѣлать.

Михайло почесалъ затылокъ и отвѣчалъ:

— Что дѣлать? А то, что это все господскія шалости; и если я увижу, что вашъ Степанъ Кузьмичъ будетъ ухаживать за моей Ѳеклушкой, такъ я ей косу вырву, а ему ребра переломаю.

Агафья Спиридоновна испугалась рѣшительныхъ мѣръ Охтянина и старалась задобрить его.

Дѣла были въ такомъ положеніи, когда наступилъ день, въ который должна была рѣшиться участь Степы. Онъ проплакалъ всю ночь и, какъ бы страшась первой встрѣчи съ отцомъ, рано утромъ, когда всё еще спали, вышелъ изъ дому.

Это было въ концѣ апрѣля. Первые лучи солнца освѣщали блѣдно-розовымъ цвѣтомъ крыши домовъ... снѣгъ таялъ на крышахъ и капалъ на деревянный тротуаръ. Заспанные мальчики отворяли мелочныя лавочки, съ изумленіемъ засматриваясь на ранняго прохожаго.

Не смотря на то, что Степа былъ въ одномъ длиннополомъ сюртукѣ, безъ шинели, онъ не чувствовалъ холода. Онъ шелъ медленно... куда? Къ Охтенскому перевозу... Онъ зналъ, что въ этотъ день Ѳекла бывала въ городѣ и хотѣлъ увидѣться съ нею... поговорить съ нею, сказать ей еще разъ люблю, а потомъ?.. далѣе не простирались мысли Степы. Настоящее безнадежное положеніе было такъ тягостно, что ему невозможно было думать о будущемъ...

Не доходя перевоза, онъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи толпу Охтянокъ... и, о радость! Ѳекла была между ними. Степа хотѣлъ бѣжать къ ней, но остановился во время и рѣшился лучше обождать, чтобы она отдѣлилась отъ толпы.

Онъ ждалъ не долго; Ѳекла ушла, но, къ крайнему его сожалѣнію, не одна; онъ былъ принужденъ слѣдовать за нею въ нѣкоторомъ разстояніи.

Но вотъ на перекресткѣ молочница, шедшая съ Ѳеклой, поворотила въ другую улицу... Кто выразитъ радость Степана Кузьмича! Почти бѣгомъ сталъ онъ догонять молодую Охтянку... но вдругъ съ ужасомъ остановился...

На томъ самомъ углу, за который поворотила молочница, была извощичья биржа, возлѣ которой прохаживался красивый парень, похлопывая рукавицами. Лишь только Ѳекла осталась одна, какъ онъ ловко подскочилъ къ ней и обхватилъ одной рукой ея талью... Ѳекла не противилась; напротивъ, она весело смѣялась...

Волосы стали дыбомъ на головѣ Степы; онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ... хотѣлъ бѣжать, кричать, но ни голосъ, ни ноги не повиновались ему.

Между тѣмъ Ѳекла сѣла въ сани извощика, который занялъ мѣсто возлѣ нея. Они поѣхали шажкомъ, нѣжно разговаривая. Только тогда опомнился Степанъ Кузьмичъ. Глухой стонъ вырвался изъ груди его... Такъ вотъ дѣвушка, для которой онъ хотѣлъ всѣмъ пожертвовать! Вотъ та, которую онъ любилъ первою, пламенною любовью!.. И рушилась, страшно рушилась вѣра молодаго человѣка въ добродѣтель...

— Что же я ей сдѣлалъ? — думалъ молодой человѣкъ въ простотѣ своей души; за что же она меня такъ жестоко обманула?.. О, какъ ужасенъ свѣтъ!.. не даромъ я инстинктивно избѣгалъ всякаго столкновенія съ нимъ... а папенька еще хочетъ, чтобы я поступилъ на службу, жилъ съ людьми... никогда! Лучше умереть.

Сани поворотили въ другую улицу. Степа, удвоивъ шаги, хотѣлъ догнать ихъ, чтобы еще разъ взглянуть на вѣроломную. Поворотивъ за уголъ, онъ увидѣлъ близь самаго троттуара тѣ же сани, выкрашенныя охрой съ темными жилочками; ту же пѣгую лошадку съ свѣтлой, чистенькой сбруей... ни въ саняхъ, ни возлѣ нихъ никого не было. Но въ двухъ шагахъ было крылечко, и надъ нимъ красовалась вывѣска съ золочеными узорами и съ надписью: «Ресторацыя.»

Степа подошелъ къ одному окну и не смотря на всю горесть, сжимавшую уже сердце его, готовъ былъ вскрикнуть съ отчаяніемъ, когда увидѣлъ въ комнатѣ, на диванѣ, обитомъ темно-зеленымъ барканомъ, и Ѳеклу и извощика... Они пили чай... Ѳекла подняла глаза, но узнавъ Степу, тотчасъ же опустила ихъ, и продолжала улыбаться прикусывая сахаръ и слушая шуточки извощика, который, для большаго удобства, снялъ кафтанъ и съ наслажденіемъ затягивался изъ длиннаго чубука съ мундштукомъ изъ черной кости...

Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный чувствительности Степы...

Онъ опрометью пустился бѣжать отъ ресторацiи... бѣжалъ... бѣжалъ...

Съ тѣхъ поръ Степа домой не возвращался.

V.

Утро было туманное, холодное.

По Невѣ плыли еще мѣстами бѣлыя льдинки, освѣщенныя тусклымъ розовымъ свѣтомъ, разливаемымъ солнечными лучами, пробивавшимися сквозь туманъ.

Близь Смольнаго монастыря, у Охтенскаго перевоза, толпился народъ...

Къ перевозу подъѣзжала простая лодочка, въ которой сидѣли четыре женщины; дно лодки было покрыто корзинками, кувшинами и кружками, наполненными сливками и молокомъ.

Лодка причалила къ берегу. Три женщины вышли, а четвертая медленно поѣхала назадъ.

Охтянки съ любопытствомъ подошли къ толпѣ народа.

На рогожѣ лежалъ трупъ, прибитый волнами къ берегу... то была какая-то распухшая, безобразная масса. Не было возможности узнать по лицу кто былъ несчастный утопленникъ; но платье его, напитанное водою, еще уцѣлѣло... то былъ длинный, сѣрый сюртукъ, исподнее платье того же цвѣта и синій атласный жилетъ... въ одинъ распухшій палецъ правой руки врѣзалось серебряное кольцо...

— Ахти, свѣты! вскричала одна изъ молочницъ, молодая красивая дѣвушка, и поблѣднѣла.

— Что съ тобой, Ѳекла? спросила ее подруга.

— Ничего... ничего... отвѣчала первая; ничего... я испужалась... такія страсти! Пойдемте, дѣвушки, жалость беретъ!

Онѣ удалились.

Никѣмъ не узнанный, не оплаканный, бѣдный утопленникъ былъ зарытъ въ землю.

Когда Агафья Спиридоновна плачетъ, вспоминая о сынѣ, пропавшемъ безъ вѣсти, Кузьма Ивановичъ утѣшаетъ ее, говоря:

— Полно горевать, Агафья Спиридоновна, я головой ручаюсь, что Степа уѣхалъ на Кавказъ. Мои убѣжденія тронули его. Смотришь, мѣсяца черезъ три получимъ отъ него письмо. Еще отличится, пожалуй. Вѣдь онъ малый не глупый.

П. Фурманъ.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

Если мы затѣмъ, независимо отъ сказаннаго, разберемъ нѣкоторыя повѣрья о порчѣ и сглазѣ, то найдемъ, что они принадлежатъ вовсе къ иному разряду, и именно, къ повѣрьямъ, гдѣ, какъ объяснено было выше, полезный обычай усвоилъ себѣ силу закона, посредствомъ небольшаго подлога. Напримѣръ: новорожденное дитя безъ всякаго сомнѣнія должно держать первое время въ теплѣ, кутать и сколько можно оберегать отъ простуды; существо это еще не окрѣпло; оно должно еще научиться дышать воздухомъ и вообще витать въ немъ. Но такой совѣтъ не всякимъ будетъ принятъ; ничего, авось и небось — у насъ великое дѣло. Что же придумали искони старики или старухи? Они рѣшили, что ребенка до шести недѣль нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де, его тотчасъ сглазятъ. Это значитъ, другими словами: дайте новорожденному покой, не развертывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатамъ, а накрывайте слегка совсѣмъ, и съ головою. Вотъ другой подобный случай: не хвалите ребенка — сглазите. Неумѣстная похвала, изъ одной только вѣжливости къ родителямъ, безспорно, балуетъ ребенка; чтобы хозяину разъ навсегда избавиться отъ нея, а съ другой стороны уволить отъ этого и гостя, не совсѣмъ глупо придумали настращать обѣ стороны сглазомъ.

Средства, употребляемыя знахарями отъ сглазу или порчи, относятся большею частію къ разряду тѣхъ повѣрьевъ, гдѣ человѣкъ придумываетъ что нибудь, лишь бы въ бѣдѣ не оставаться праздньимъ и успокоить совѣсть свою поданіемъ мнимой помощи. Прикусить себѣ языкъ, показать кукишъ, сплевывать запросто или въ важныхъ случаяхъ, съ особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать — нашептывать, прямо или съ воды, которою велятъ умыться или даютъ ее пить, надѣвать бѣлье на-изнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другимъ, подкуривать волосомъ, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговоромъ и пр., — во всемъ этомъ мы не можемъ найти никакого смысла, если не допустить тутъ, и то въ весьма рѣдкихъ и сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствіе той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что безсмысленное, въ глазахъ просвѣщенныхъ сословій, нашептываніе на воду, которой долженъ испить недужный, въ сущности близко подходитъ къ магнетизированію воды, посредствомъ придыханія, чему большая часть ученыхъ и образованныхъ врачей вѣрятъ, приписывая такой водѣ различныя чудесныя, а иногда и цѣлебныя, свойства!

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки — должно сказать, что простолюдинъ всякое необыкновенное для него явленіе надъ человѣкомъ, какъ напр., падучую болѣзнь, пляску св. Вита, параличи разныхъ родовъ, косноязычіе, дрожаніе членовъ, малоуміе, нѣмоту и пр., называетъ порчей или изуроченьемъ. Не зная причины такихъ припадковъ, не постигая ихъ и, отыскивая, по природному побужденію, ключъ къ загадкѣ, народъ все это приписываетъ вліянію злыхъ духовъ или злыхъ людей. Но повѣрье, что въ человѣка заползаютъ иногда гадины, змѣи, лягушки, жабы — повѣрье это, какъ въ послѣднее время дознано вполнѣ положительными и нисколько несомнительными опытами, не есть суевѣріе, а основано на довольно рѣдкихъ, истинныхъ случаяхъ. Я имѣлъ случай наблюдать сходное съ этимъ явленіе: солдатъ проглотилъ двѣ или три піявки, напившись ночью изъ какой-то лужи, и эти животныя спокойно жили, вѣроятно, въ желудкѣ человѣка, нѣсколько недѣль, покуда ихъ не извели ложкою соли, и ихъ выкинуло рвотой. Нѣсколько лѣтъ тому, не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ, въ Ораніенбаумскомъ госпиталѣ пользовали человѣка, наблюдая за нимъ строжайшимъ образомъ, и болѣзнь кончилась тѣмъ, что его, въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, вырвало змѣей, которая, вѣроятно, до сего дня сохраняется въ спиртѣ; весьма недавно въ Кіевской губерніи одинъ Жидъ, напившись болотной воды, сталъ чувствовать различные припадки, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; страшную боль въ животѣ, движеніе, царапанье въ желудкѣ и пр., а между тѣмъ животъ вздувало. Наконецъ, отъ постояннаго употребленія простокваши и скипидара, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вышло рвотой 35 лягушекъ, разной величины и всѣхъ возрастовъ; свидѣтелей было при этомъ много, неоднократно, и между прочимъ самъ врачъ. Лягушки принадлежали къ одному обыкновенному виду, но отличались блѣдностью и нѣжностью кожи.

Заговоръ отъ крови, отъ поруба, или вѣрнѣе, отъ кровотеченія, по моему мнѣнію, объясняется всего проще тѣмъ, что почти всякое кровотеченіе изъ кровяной (не боевой) жилы, изо всѣхъ подкожныхъ и вообще мелкихъ сосудовъ, останавливается черезъ нѣсколько времени самою природою, и что это именно дѣлается тогда, когда на рану ляжетъ кровяная печенка, а подъ нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянетъ всю поверхность раны. Опасно только кровотеченіе изъ разрѣзанныхъ крупныхъ боевыхъ сосудовъ, кои вообще лежатъ довольно глубоко и потому рѣдко подвергаются такому насилію. Изъ нихъ алая кровь брызжетъ перемежающеюся струей, согласно съ ударами сердца. Кто не знаетъ этого во всей подробности, у кого нѣтъ въ этомъ дѣлѣ достаточной опытности и вѣрнаго взгляда — тотъ въ испугѣ готовъ вѣрить, что каждая рана угрожаетъ смертельнымъ кровотеченіемъ, а потому онъ и готовъ приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многіе, свѣдущіе и опытные люди, хотя, можетъ быть, и не гласно, утверждаютъ, будто они сами были свидѣтелями успѣшнаго заговора крови; но мы все-таки еще въ правѣ, вполнѣ довѣряя ихъ добросовѣстности, не довѣрять однако же ихъ опытности и вѣрности взгляда. Впрочемъ, если допустить, что глазъ, придыханіе, извѣстное движеніе рукъ или пальцевъ и сильная воля человѣка могутъ возмутить равновѣсіе или вообще направленіе жизненныхъ силъ другаго, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой примѣненіе магнетизма и къ этому частному случаю, т. е., къ кровотеченію? Я не утверждаю, чтобы это было такъ; я даже думаю, что нужно еще много добросовѣстныхъ и весьма затруднительныхъ розысканій на дѣлѣ, для рѣшенія этого вопроса; но я предостерегаю только отъ лжепросвѣщеннаго отрицанія всезнайки, которое всегда и во всякомъ случаѣ вредно. Не вѣрю, покуда меня не убѣдятъ; но самую возможность отрицать не смѣю. Я съ крайнею недовѣрчивостью буду слѣдить за дѣйствіями знахаря, заговаривающаго кровь; но не менѣе того, буду наблюдать и розыскивать, полагая, что предметъ этотъ достоинъ вниманія и розысканія.

Есть также повѣрье, что при сильномъ теченіи изъ носу, должно взять замкнутый висячій замокъ и дать крови капать сквозь дужку: кровь должна остановиться. Это, вѣроятно, придумано, чтобы успокоить человѣка, дать ему болѣе терпѣнья, давъ забаву въ руку, и усадить спокойно на одно мѣсто. Другіе совѣтуютъ, вмѣсто того, взять въ каждую руку по ключу и по куску мѣлу и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочекъ бумажки, или дробинку подъ языкъ и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть въ это время безъ дѣла и безъ совѣта, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человѣка и успокоить его. При кровотеченіи изъ носу, дѣлаютъ также слѣдующее: рукою противной стороны, изъ которой ноздри идетъ кровь, достаютъ, подъ локоть другой руки, поднятой къ верху, мочку уха; вскорѣ, какъ увѣряютъ, кровь останавливается. Само собою разумѣется, что всѣ средства эти тогда только могли бы быть признаны дѣльными, если бы они, при опасныхъ или продолжительныхъ кровотеченіяхъ, оказались дѣйствительными; въ чемъ конечно нельзя не усомниться.

На заводахъ уральскихъ есть особый способъ заговаривать кровь, если во время работъ кто нибудь по неосторожности бываетъ сильно раненъ. Способъ этотъ относится до извѣстныхъ во всей Европѣ симпатическихъ средствъ, о коихъ, частію будетъ говориться ниже, а частію уже говорилось выше. Если кто порубится или порѣжется сильно при работѣ, то на заводахъ есть для этого такъ называемая «тряпка»: это простая, бѣлая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносятъ, напояютъ кровью изъ раны и просушиваютъ исподоволь у горна или печи, на огнѣ. Какъ тряпка высохнетъ, такъ, говорятъ, и кровь должна остановиться. При этомъ наблюдаютъ только, чтобы сушить тряпку *не круто*, чтобъ съ нея паръ не валилъ: иначе-де, рана будетъ болѣть, разсорится.

По случаю этого страннообразнаго средства, нельзя не вспомнить повѣрья нашихъ предковъ, которое творило разныя чудеса и чары надъ человѣкомъ, посредствомъ крови его, волосъ, или другихъ частей. На этомъ основано и у насъ повѣрье, особенно въ простонародьи, чтобы волосъ своихъ никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, какъ говорятъ въ народѣ, могутъ-де попасться во всякія руки. Иные даже собираютъ во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, съ тѣмъ, чтобы ихъ взять съ собою въ гробъ, считая необходимымъ имѣть все принадлежащее къ тѣлу при себѣ; иначе потребуется въ томъ отчетъ. Суевѣрные раскольники дѣлаютъ это и съ другою, еще болѣе безсмысленною цѣлію, о коей будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ. Врачи прежнихъ временъ предостерегали,

не ставить кровь, послѣ кровопусканія, на печку, или на лежанку, утверждая, что тогда жаръ или воспаленіе въ больномъ усилится. Я впрочемъ и нынѣ зналъ образованнаго и опытнаго врача, который былъ того же мнѣнія и увѣрялъ, что дѣлалъ неоднократно опыты, которые его въ истинѣ этого дѣла вполнѣ убѣдили. По нынѣ извѣстнымъ и общепринятымъ законамъ природы, все это ни съ чѣмъ не вяжется и не можетъ быть допущено. Въ наше время кудесничество этого рода также извѣстно кой-гдѣ въ народѣ, и именно въ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло къ намъ отъ Чуди, отъ Финскихъ племенъ, кои сами въ теченіе вѣковъ обрусѣли. Тамъ безпрестанно слышишь о чудесахъ, о порчѣ, по злобѣ или мести, посредствомъ клока отстриженныхъ волосъ или чаръ надъ поднятымъ съ земли слѣдомъ человѣка, или надъ частицею крови его.

БИБЛІОГРАФІЯ.

4) *Краткое обозрѣніе Успенскаго Святогорскаго и Свято-Троицкаго общежительныхъ монастырей; Издано Д—чъ. С. Петербургъ. 1843.*

Эта брошюра, изданна при двухъ литографированныхъ видахъ поименованныхъ монастырей, принадлежитъ къ нашей библіографіи, какъ историческое напоминовеніе о мѣстахъ, примѣчательныхъ въ лѣтописяхъ нашихъ. Имѣя постоянною цѣлью собирать въ Иллюстраціи всѣ замѣчательнѣйшіе виды нашего отечества, мы сочли обязанностью перенести на листы наши главное въ этихъ литографіяхъ, и присовокупить къ тому, что литографіи исполнены весьма хорошо и, вѣроятно, займутъ почетное мѣсто въ собраніяхъ любителей всего отечественнаго. Положеніе Святогорскаго монастыря истинно живописное; главное зданіе въ долинѣ; ниже течетъ Донецъ, черезъ него перекинутъ мостъ; направо холмъ съ храмомъ — истинно живописнаго эффекта; налѣво горы и лѣса; на одной изъ горъ домъ А. М. Потемкина. Внизу, по дорогѣ, ведущей отъ усадьбы къ монастырю, страннопріимный домъ, построенный г. Потемкинымъ. — Со Святой горы можно обозрѣвать окрестность на сорокъ слишкомъ верстъ. Это—стражъ гора. Честные иноки сторожили и высматривали отсюда непріятелей, а непріятели ходили тутъ долго, съ тою разницею, что измѣнялись только народы: въ XII вѣкѣ, иноки видѣли приближеніе Половцевъ, и побѣду надъ ними князей Русскихъ; въ XVII тутъ буйствовали Крымскіе Татары. И такъ древность обители этой, въ особенности ея пещеръ, доходитъ, по малой мѣрѣ, до семи столѣтій. По возстановленіи, обитель открыта 15 августа 1844 года.

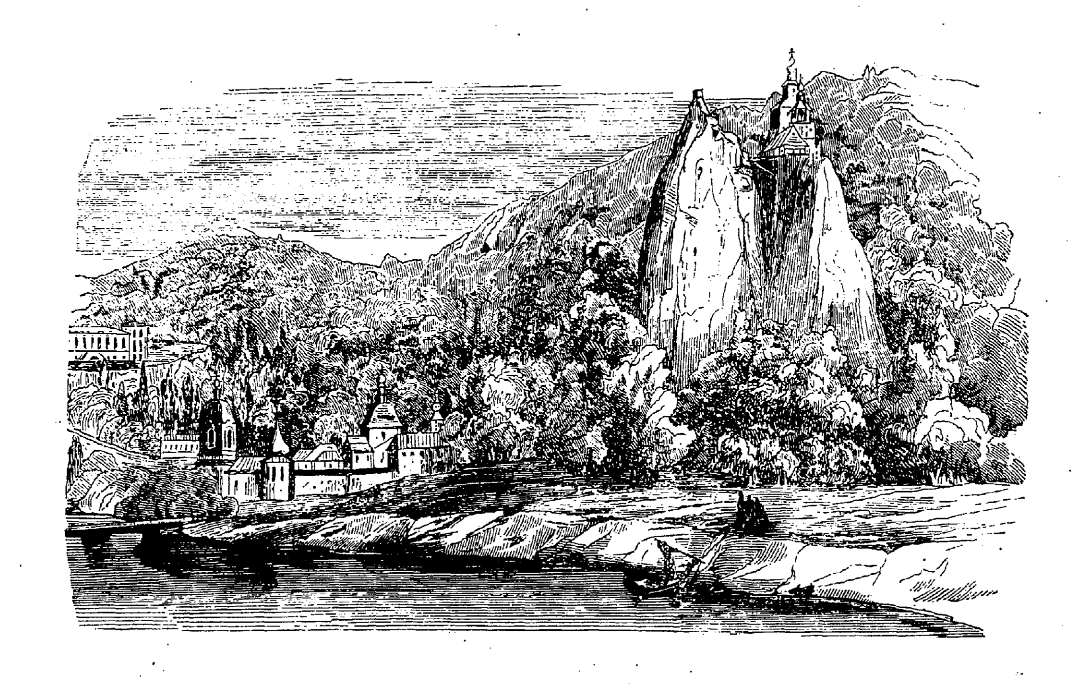
На берегу Ворсклы возвышается конусомъ гора Ахтырь, отъ которой и близь лежащій городъ получилъ названіе Ахтырки. Монастырь, здѣсь находящійся, также помнитъ первыя времена христіанства въ Россіи. Поляки сожгли его, но игуменъ Іоанникій возстановилъ его, а по случаю построенія духовникомъ Императора Петра I, Тимоѳеемъ Надоржинскимъ, въ иночествѣ Товіемъ, Троицкой церкви, и монастырь названъ Троицкимъ.

Брошюра эта, хотя и заключаетъ только историческія напоминовенія, заслуживаетъ признательности. Мы холодны ко всему отечественному; насъ больше интересуетъ постройка храма Магдалины въ Парижѣ, нежели отечественное зодчество. Похвальный трудъ скромнаго помѣщика, означившаго свою фамилію двумя буквами, прошелъ не замѣченнымъ... За то ни одинъ «романецъ» какъ говорятъ Малороссіяне, не остается безъ добраго или худаго слова...

5) *Кочубей, генеральный судья, историческая повѣсть, Николая Сементовскаго. С. Петербургъ,* 1845.

Безъ предисловія! Въ наше время сочиненіе безъ предисловія такая рѣдкость, что мы искали его вездѣ, въ серединѣ, въ концѣ книги; смотрѣли, не склеились ли первыя страницы; нѣтъ. Повѣсть такъ и начинается съ повѣсти, или съ исторіи, какъ угодно, потому что повѣсть Сементовскаго есть не что иное, какъ исторія въ лицахъ.

Есть сюжеты несчастные! Есть имена безсмертныя, потому что ихъ терзаютъ тысячью смертей, поминаютъ ужасными литературными тризнами. Больше всѣхъ досталось Дмитрію Самозванцу и Мазепѣ. Но вотъ что удивительно, эти два лица, дѣйствительно весьма интересныя въ нашей исторіи, волновали вдохновеніе чужеземныхъ поэтовъ, и должно признаться, иноземныя творенія на обѣ темы — гораздо выше Русскихъ. Мазепа Байрона выше всѣхъ Мазепъ; Дмитрій Самозванецъ, недоконченная трагедія Шиллера, образцовое произведеніе; то, что написано — превосходно. За Мазепу, а слѣдственно, и за Кочубея принялись и наши писатели. Полтава Пушкина не уронила славы знаменитаго поэта, но за то и не умножила ее. Мазепа г. Булгарина — ниже критики; другія произведенія на ту же тему также не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Дмитрій Самозванецъ г. Хомякова, подобно Полтавѣ Пушкина, не уронилъ репутаціи поэта. Трагедія обильна первоклассными красотами, но въ общемъ не выдержана. Дмитрій Самозванецъ г. Булгарина



появившійся въ то время, когда М. Н. Загоскинъ утѣшилъ Русскую литературу первымъ русскимъ романомъ: «Юрій Милославскій», не только не выдержалъ соперничества съ Милославскимъ, но даже не имѣлъ успѣха новости. Читатели съ удивленіемъ спрашивали: что это такое? Многіе остроумно называли этотъ романъ каталогомъ, описью имущества Царя Бориса; о другихъ попыткахъ и не упоминаемъ. Прошла пора этихъ исторій! Какимъ образомъ пришло на мысль г. Сементовскому воскресить сюжетъ, который, подобно многимъ книгамъ, отжилъ свое время и отложенъ въ сторону. Авторъ понадѣялся на свои силы, не вникъ въ дѣйствительныя причины неудачь предшественниковъ и написалъ романъ на избитую тему. Исторія начинается съ самого начала, то есть, съ того времени, какъ на гетманствѣ еще сидѣлъ Самуйловичъ, т. е. съ Крымскаго Голицынскаго похода. Повѣсть г. Сементовскаго каждый уже знаетъ, кто читалъ Исторіи Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и другія позднѣйшія историческія сочиненія, къ этому предмету относящіяся. Это повѣсть интригъ Кочубея и Мазепы, ихъ неравной борьбы, ихъ неравнаго жребія; повѣсть началась съ самого начала, какъ мы указали, и окончилась, какъ вы догадаетесь, могилами всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. По этому, скажете вы, тутъ и читать нечего. Этого не скажемъ. Въ толстой повѣсти есть много мѣстныхъ описаній, написанныхъ съ одушевленіемъ, смѣлою кистью, хорошимъ языкомъ; множество интерес-

ныхъ подробностей обращаютъ повѣсть въ вѣрную историческую картину. Чтеніе этого романа полезно, потому что, повторяя исторію, въ то же время вы познакомитесь съ нравами, обычаями, костюмами и разными особенностями старой Украйны. Лица здѣсь не похожи на героевъ прежняго романа: Мазепа, гдѣ самъ Мазепа похожъ на Польскаго шляхтича, а не на Малороссіянина, какимъ былъ дѣйствительно Мазепа, потому что продолжительная служба въ войскѣ заставила его вжиться въ бытъ мѣстный; передѣлать себя въ уровень съ тѣми, которыхъ задумалъ онъ обманывать; украйнскій типическій характеръ, изъ разсчета заимствованный, отъ лѣтъ и привычки срошійся съ нимъ, не утраченъ авторомъ. Вліяніе воспитанія обнаружено естественно и искусно; словомъ, это исторія, въ лицахъ, какъ сказали мы, и притомъ исторія которая читается легко и пріятно. — Не припоминаемъ теперь, являлся ли авторъ уже на поприщѣ литературы; если нѣтъ, то повѣсть его для перваго дебюта слишкомъ хороша. Она — совѣстливый этюдъ, а не подражаніе романамъ Мазепѣ, Димитрію Самозванцу и подобнымъ произведеніямъ которыхъ справедливо называли романами-самозванцами.

6) *Краткая учебная Метеорологія для Сельскихъ и Реальныхъ школъ. Составилъ Н. Д.* Спб. 1845 г.

Блудящіе огни «сказано въ оной Метеорологіи» издали кажутся горящими свѣчами въ самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ дѣйствія болотнаго воздуха, состоящаго изъ многихъ горючихъ веществъ.

Солнечныя *уши* являются около солнца только въ жестокій холодъ.

Сіе и тому подобное писано или составлено для Сельскихъ и Реальныхъ школъ. Мы, кажется ошибаемся на счетъ Сельскихъ и Реальныхъ школъ, точно также, какъ прежде ошибались на счетъ дѣтей. — Бывало, да и теперь еще случается, соберутъ какую нибудь нелѣпицу, снабдятъ лубочными картинками, пожалуй размалюютъ красками и издаютъ — для дѣтей. Молоды еще больно для порядочныхъ книгъ, могутъ читать и это. Конечно, могутъ, но какой вредъ непримѣтно распространяется въ *цѣломъ поколѣніи*, когда первыя впечатлѣнія не вѣрны, и не красивы. Педагогика когда-то доказывала, и не безъ основанія, что первыя впечатлѣнія ребенка образуютъ его воображеніе. Положимъ, что впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ зависятъ отъ распорядительности родителей. Не совѣтовали давать ребенку въ руки безобразныхъ игрушекъ; не совѣтовали позволить глядѣть на уличныя игры и шалости, хотя бы въ нихъ ничего предосудительнаго и не было; а прійдетъ время ученія, не совѣтовали давать въ руки азбуки, дурно напечатанной, съ не красивыми рисунками. Тщательный выборъ въ дѣтскихъ учебныхъ пособіяхъ на половину облегчаетъ ученіе и благодѣтельно дѣйствуетъ на воображеніе. Понятія — что кирпичи въ домѣ; на дурные кирпичи, чѣмъ больше будете класть самыхъ лучшихъ, тѣмъ хуже: нижніе не удержатъ. Сельскія и Реальныя школы на лѣстницѣ общественнаго просвѣщенія тѣ же дѣти. Объемъ, въ какомъ тамъ преподаются науки, не измѣняютъ, не уменьшаютъ значенія самыхъ наукъ. Если предполагается, что тамъ должны быть преподаны только начала наукъ, то само собою разумѣется, что изложеніе этихъ началъ должно быть просто, удобопонятно и главное — точно и опредѣлительно: не то у бѣднаго ученика выростутъ солнечныя уши; тѣмъ и кончится Сельское и Реальное его воспитаніе.

Есть книги, по наружности — ничтожныя; но примѣненію своему — онѣ важнѣе всѣхъ романовъ, драмъ, поэмъ, газетъ и журналовъ. Не бѣда если люди взрослые прочтутъ Мазепу или Димитрія Самозванца, потеряютъ время, которое бы провели за картами; но весьма вредно, когда дитя будетъ заучивать не точныя, не опредѣлительныя объясненія, освящаемыя именемъ какой либо науки. Ему со временемъ придется сказать съ Декартомъ: Надо отказаться отъ всѣхъ моихъ знаній, забыть ихъ и начинать снова; но, къ сожалѣнію, чтобы исполнить этотъ совѣтъ, надо быть Декартомъ.

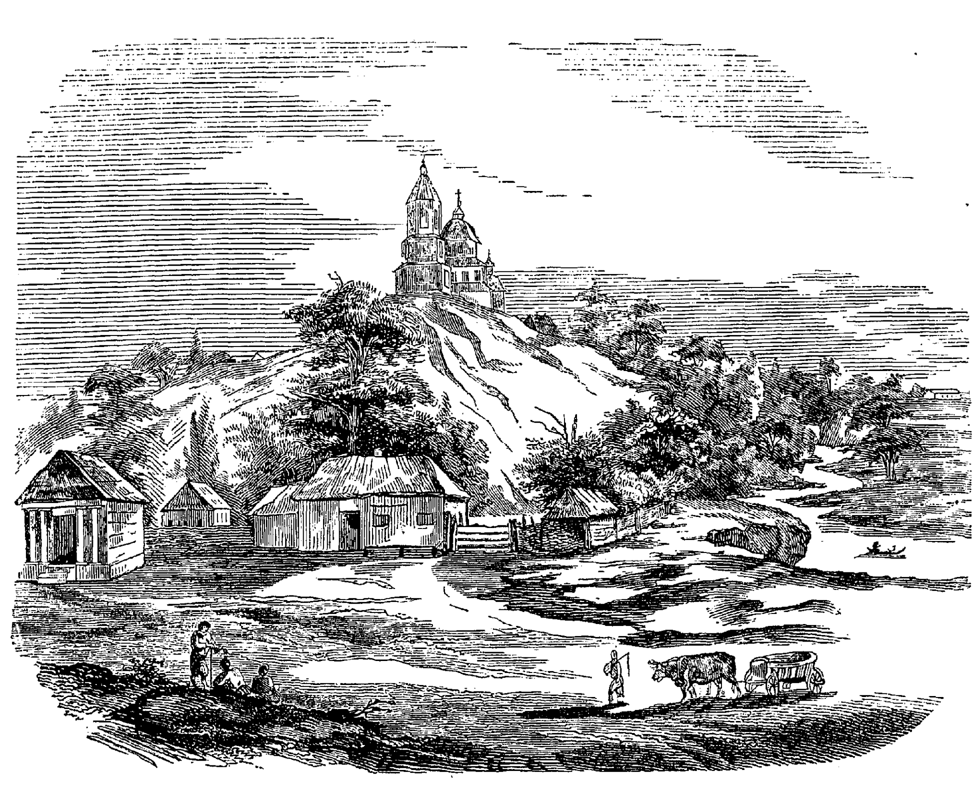
7) *Отрывки въ стихахъ и прозѣ.* Спб. 1845 г.

«Изданы въ пользу одного бѣднаго благороднаго семейства.» Передъ этимъ предисловіемъ всякая критика преклоняется. Но для того, чтобы дать понятіе о содержаніи брошюры и слогѣ автора приведемъ помѣщенное въ ней стихотвореніе князю Воронцову на взятіе Дарго.

Гроза Кавказа — вождь Россійскій,
Гдѣ смѣло твой раскинутъ станъ?
У ногъ твоихъ хребетъ Андійскій.
Дрожитъ мятежный Дагестанъ.
Шагнулъ — раздвинулись ущелья!
Ударилъ громъ твой на горахъ,
И въ прахъ Шамиля ополченья.
Ура! отгрянуло въ скалахъ.
Громадой тучь себя скрывая
Орелъ Кавказа трепеталъ,
Когда ты знамя Николая
На темѣ Дарго водружалъ.

Иллюстрація не любитъ выставлять цѣнъ книгамъ и мѣстъ, гдѣ онѣ продаются. Это не дѣло газеты. Но тутъ дѣло иное. Можетъ быть, въ комъ либо вспыхнетъ чувство благотворительности; эти движенія мгновенны; тутъ помощь наша не излишня и потому увѣдомляемъ, что Отрывки можно получать въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина и М. Д. Ольхина, а цѣна — цѣну и безъ насъ угадаютъ благотворители.

Примѣчаніе. О переводахъ Библіографія наша будетъ упоминать весьма въ рѣдкихъ случаяхъ. На сей разъ таковаго не представляется.



Ахтырскій монастырь.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІЯЛЫ.

ОСТРОВЪ ЧЕРЕПАХА.

Ни на одной изъ географическихъ картъ стараго и новаго свѣта не найдете вы того острова, о которомъ я хочу повести съ вами рѣчь. Этотъ островъ не былъ открытъ ни случаемъ, ни нарочно сформированной на этотъ предметъ какой-нибудь экспедиціей: онъ, за два столѣтія тому назадъ, не существовалъ, и не былъ извѣстенъ даже и тогда, когда на «Таганьемъ-рогѣ», или, если вамъ угодно; на Таганрогскомъ мысѣ возвышался маякъ, поставленный Генуэзцами, для безопаснаго плаванія къ Танаису; а между тѣмъ этотъ самый островъ, не попавшій ни на одну карту, былъ резиденціей русскаго монарха и свидѣтелемъ многихъ переворотовъ азовскихъ.

Въ 1698 году, Петръ I-й, по возвращеніи изъ перваго своего путешествія по Англіи, Голландіи и нѣмецкой землѣ, предположилъ устроить на Азовскомъ морѣ флотъ, съ тою цѣлью, чтобы, очистивъ прибрежье азовское отъ Турокъ, проложить свободный путь въ Эвксинскій Понтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учредить портъ для заграничной торговли.

Таганій-рогъ, у котораго Азовское море восточнымъ концомъ своимъ образуетъ небольшой заливъ, въ видѣ треугольника или рога, обратилъ на себя вниманіе монарха по самому своему положенію, удобному, какъ къ отраженію непріятельскихъ нападеній, такъ и къ устроенію гавани.

Прежде чѣмъ стала производиться обстановка сцены, на которой должна была разыгрываться великая драма, еще, быть можетъ, слегка только набросанная, въ виду этого театра, по волѣ великаго монарха былъ поставленъ островъ, посредствомъ насыпи хряща, песку и камня, плиты котораго были спаяны свинцомъ; на поверхности острова была земляная насыпь. Деревянный домикъ, сколоченный изъ брусьевъ донскихъ барокъ, шесть-семь вербъ *) и мачта явились на этомъ неподвижномъ понтонѣ, у береговъ котораго, спустя нѣкоторое время, стали появляться легкія русскія судёнца и неуклюжія турецкія суда.

И отсюда-то великій творецъ драмы самъ слѣдилъ за правильнымъ воплощеніемъ своей идеи, и здѣсь-то обдумывалъ онъ и дорисовывалъ чудную картину грядущаго торжества...

Петръ I-й находился на этомъ островѣ, какъ во все продолженіе крѣпостныхъ работъ и постройки гавани, такъ и впослѣдствіи, когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ возникающихъ уже крѣпостныхъ валовъ сдѣланы были, въ предохраненіе отъ набѣга татарскихъ ордъ, три полевыя укрѣпленія и проведена на 8 верстъ линія **) между моремъ и лиманомъ, образовавшимся отъ впаденія р. Міуса.

Въ 1711 году, по силѣ прутскаго мирнаго трактата, заключеннаго Петромъ I съ Оттоманскою Портою, Азовъ былъ возвращенъ туркамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участь Таганрога была рѣшена: жители изъ него были выведены и островъ покинутъ.

Послѣ такого событія, въ продолженіе 57 лѣтъ волны азовскія грызли каменные берега его, покуда, наконецъ, въ 1768 году, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, не вспыхнула война съ Турками. Крѣпость была снова возобновлена, часть военной гавани исправлена, и самый островъ, принявъ военный видъ, былъ укрѣпленъ пушками и служилъ нѣкоторымъ образомъ военной брандвахтой.

Но вскорѣ опять, по заключеніи съ Портою мира, все было оставлено, и островъ, такъ сказать, послѣ вторичнаго своего возрожденія, до нашего времени остается безъ всякаго поддержанія. Верхняя часть его почти въ уровень съ горизонтомъ воды — смыта, и, вѣроятно, усвоенное ему названіе «Черепаха», онъ получилъ въ позднѣйшее время отъ разительнаго своего сходства съ черепахой, выдвинувшей изъ воды гигантскую спину свою.

Недавно на островѣ Черепахѣ поставлена мачта, напоминающая тотъ лѣсъ мачтъ, на которыхъ гордо развѣвались флаги Петра Великаго.

*) Послѣдняя изъ этихъ деревьевъ, какъ видно изъ переписки по этому предмету, хранящейся въ архивѣ градоначальства, затерто льдами въ 1817 году; между тѣмъ, какъ одна верба, можетъ быть; сверстница вербамъ острова, еще и понынѣ существуетъ на оконечности гавани Петра I-го, совершенно затопленной водою, около 30-ти лѣтъ.

**) Слѣды этихъ укрѣпленій и самыя линіи сохранились и понынѣ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Ученыя извѣстія: Значеніе Египетскихъ пирамидъ. — Натуральная ткань. — Нижне-Тагильская Метеорологія. — Зала Шиллера. — Крисна, Индійская картина. — Парижская болш. опера. — Разныя извѣстія.

=

Ученыя извѣстія. Г. Персиньи давно представилъ въ Парижскую Академію Наукъ весьма замѣчательное сочиненіе, о назначеніи и постоянной пользѣ египетскихъ и нубійскихъ пирамидъ. Донынѣ ихъ считали памятниками тщеславія фараоновъ; теперь это препполезные стражи Египта, защищающіе всю долину Нила отъ набѣговъ безводной рѣки, то есть отъ нашествія песчаной степи. Въ этомъ огромномъ сочиненіи г. Персиньи собралъ и вооружилъ исторію и всѣ науки, чтобы доказать гипотезу, съ которою нельзя не согласиться. Дѣйствительно, мѣсто нахожденія пирамидъ совершенно согласуется съ мыслью, которую г. Персиньи вскрылъ размышленіемъ и ученымъ трудомъ. Удивительно одно, что ни одному путешественнику эта мысль не пришла въ голову, тогда какъ г. Персиньи дошелъ до своего открытія сидя подъ стражей за участіе въ страсбургскихъ замѣшательствахъ. Газеты и журналы, въ томъ числѣ и Парижская Иллюстрація, съ рисунками, возвѣстила о новой мысли. Академія еще не произнесла своего мнѣнія.

— Мартинецъ дель Ріо прислалъ изъ Мексики въ Парижъ образецъ натуральной ткани необыкновенно тонкой и съ тѣмъ вмѣстѣ довольно крѣпкой; она образуется надъ кучами маиса, если онъ лежитъ весьма долго, нѣсколько лѣтъ; полагаютъ что эту ткань выработываютъ насѣкомыя, какъ паутину; но какія это насѣкомыя и прочее — покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Если этой тканью вздумаютъ замѣнять искуственную, то сколько придется сгноить этой пшеничкн, чтобы получить нѣсколько аршинъ?..

— Г. Демидовъ сообщилъ Парижской Академіи таблицу метеорологическихъ наблюденій въ Нижне-Тагильскѣ за 1844 годъ и первые три мѣсяца 1845. Мы не припомнимъ, были ли эти наблюденія сообщены Санктпетербургской Академіи Наукъ.

— Мудрствованія о болѣзни картофеля еще не прекратились.

— Художества. Въ замкѣ великаго герцога въ Веймарѣ, какъ извѣстно, отдѣлывается живописью зала Шиллера. Мысль прекрасная; исполненіе очень хорошо; мы выписали гравюры съ картинъ, украшающихъ эту залу; когда получимъ ихъ, помѣстимъ въ Иллюстраціи и сообщимъ нѣкоторыя подробности. Шиллеръ, какъ Моцартъ и Веберъ, принадлежатъ всѣмъ націямъ. Всѣ народы привыкли его считать своимъ поэтомъ. Менѣе другихъ съ нимъ знакома Франція. Переводчики передѣлывали и сокращали Шиллера по своимъ понятіямъ.

— Лордъ Эльфингстонъ подарилъ другу своему графу Альфреду Орсай индійскую картину, которую, назвали Крисна. Графъ подарилъ ее правительству. Евгеній Сю передалъ ее, отъ имени приносителя, г. Сальванди, и картину поставили въ Византійскую залу. Отъ чего же, спросите, въ Византійскую? Догадываемся, что византійскія художества считаются въ Парижѣ индійскими во второмъ колѣнѣ. На эту тему представлены и ученыя доказательства въ томъ же родѣ; мы не опровергаемъ ихъ, потому только, что въ такомъ случаѣ потребовались бы и рисунки какъ этой картины, такъ и нѣкоторыхъ другихъ; еще и потому, что этотъ совершенно частный споръ не общезанимателенъ. Если повѣрите на слово, то эта картина столько же похожа на византійскія, какъ послѣдняя на китайскія.—Эта картина имѣетъ рѣшительное сходство съ Каминцами живописными произведеніями, между коими есть многія весьма замѣчательной работы.

Театры. Парижъ наслаждается драмой Дюма и Маке, Мушкатеры. Пока эта драма передѣлается, а этого ей не миновать, для нашей сцены, — любители могутъ наслаждаться романомъ въ двухъ переводахъ, изъ коего родилась и возрасла драма. Въ Оперѣ двѣ новости: г. Матье, теноръ, который спѣлъ партію Отелло въ первый дебютъ и весьма не дурно, а это ужъ очень хорошо, и дѣвица Гальберъ, въ Консерваторіи дѣвица Пижонъ; дѣвица Пижонъ въ Консерваторіи получила за пѣніе первую награду; дѣвица Гальберъ на сценѣ оказалась слабою и не поворотливою пѣвицею... Что будетъ съ нею дальше, невѣдомо. Третья новость — также надежда. Въ тотъ же театръ ставятъ оперу Царь Давидъ, музыка Мерме, и ожидаютъ большаго успѣха. Да сбудутся ожиданія, и намъ будетъ веселѣе.

Разныя извѣстія. Во французскихъ газетахъ напечатано, будто герцогъ Веллингтонъ отдалъ приказъ, чтобы во всей арміи были уничтожены общества трезвости. Видно часійцы плохіе воины. Впрочемъ. если подобный приказъ дѣйствительно существуетъ, то весьма любопытно знать поводы, по коимъ эта мѣра принята.

— Въ заключеніе, разскажемъ вамъ довольно забавную исторіетку, принадлежащую къ ежедневной, современной хроникѣ Парижа:

Мужъ по дѣламъ проживалъ въ сѣверныхъ департаментахъ, а жена отъ скуки, познакомилась съ начальникомъ гарнизона, расположеннаго по близости. Въ качествѣ героя или даже самаго Юпитера, гость взялъ себѣ Меркурія или по просту, дюжаго мушкатера, и когда черезъ тайную калитку отправлялся къ женѣ Амфитріона, Меркурій запиралъ калитку на замокъ и съ мушкетеромъ стоялъ на часахъ. Меркурію дана была точная инструкція. Между тѣмъ, каждому извѣстно, что за поколѣніе друзья; они, подъ маской притворнаго участія, ради-радехоньки огорчить друга; Амфитріонъ узнаетъ отъ друзей непріятность своего положенія; беретъ почтовыхъ лошадей; летитъ; домъ кругомъ запертъ; нѣтъ возможности войти; развѣ черезъ огородъ, но тамъ стѣна; какъ на нее взлѣзть? Амфитріонъ вскочилъ на лошадь, перекинулъ одну ногу за стѣну...

«Стой!» раздался звучный голосъ Меркурія, и дуло поднялось и прицѣлилось прямо въ грудь незванаго гостя.

— Ого! сказалъ Амфитріонъ: тутъ все на военной ногѣ! Хорошо, что я не вошелъ въ домъ; нечего дѣлать — ретируюсь!

«Стой! Нельзя! Шагъ впередъ, шагъ назадъ — и я стрѣляю.»

— Да я же не могу сидѣть верхомъ на этой стѣнѣ...

«Можешь! Сиди! Комендантъ сейчасъ выйдетъ...»

Комендантъ вышелъ утромъ. Послѣдовало живое объясненіе; ушли куда-то; Амфитріона принесли съ пулей въ плечѣ; жена пришла въ отчаяніе и расточала самую нѣжную заботливость. Но, увы! ничто не можетъ утѣшить Амфитріона... Дальнѣйшихъ извѣстій не получено.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Экономическое Общество.— Лекціи И. Я. Шюца.— Гимнастика. — В. А. Каратыгинъ. — Бенефисъ И. Каратыгина. — Мебель Гамбса. — Памятникъ Петру Великому.

Полезныя предпріятія, изобрѣтенія и открытія. Безъ сомнѣнія, любопытный читатель, взглянувъ на заглавіе, подумаетъ, неужели опять бесѣда о всякой всячинѣ? Многіе благонамѣренные люди письменно просили насъ оставить эту бесѣду, а въ доказательство, приводили одно выразительное слово: стоитъ ли? — Конечно, не стоитъ для тѣхъ, которые проникли достоинства всякой всячины, не читаютъ ее вовсе, или читая, лукаво улыбаются; но вѣдь всѣ стихіи въ природѣ идутъ слоями. Чѣмъ слой выше, тѣмъ чище, благороднѣе; есть слои, въ которыхъ не перевелась еще безусловная вѣра во все печатное. Этому слою читателей указали мы, чему онъ иногда вѣритъ и, право, съ неудовольствіемъ; ожесточеніе Сѣверной Пчелы противу Иллюстраціи не каждый можетъ понять; требуется толкованіе и исполняя долгъ, иногда, какъ обязанный врачъ, зайдешь туда, куда бы безъ обязанности и не заглядывалъ. Извините великодушно; знаемъ, чего вы требуете отъ Иллюстраціи, и спѣшимъ подѣлиться съ вами наблюденіями нашими за истекшую недѣлю.

У насъ новости не многообразны; мы ихъ подводимъ подъ слѣдующія категоріи: полезныя открытія и труды въ отечествѣ нашемъ, литература, художества, музыка, театры, мануфактуры, фабрики и промышленность, городскія новости, провинціальныя извѣстія. Начнемъ съ полезнаго. Постоянно слѣдуя за дѣятельностью нашихъ ученыхъ обществъ, нельзя не замѣтить съ истиннымъ удовольствіемъ, какое развитіе дѣятельность эта принимаетъ въ здѣшнемъ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Это общество кипитъ трудомъ, увлекаетъ другихъ къ труду, средствами вѣрными, дѣйствительными. Это явленіе именно утѣшительно въ настоящее время, когда эгоизмъ очерствилъ даже добрыхъ отъ рожденія людей; когда собственныя выгоды исключаютъ всякую безвозмездную помощь, когда добро дѣлается, или съ тщеславною цѣлію, или за проценты другаго рода. Когда за похвалу платятъ, за усилія безкорыстныя бранятъ, надъ благодѣяніемъ смѣются. Вѣкъ такой! Странное оправданіе, будто вѣкъ можетъ имѣть вліяніе на сердце; будто измѣна одного друга, можетъ пятнать всѣхъ друзей; несчастная необходимость одного, будто можетъ, какъ эпидемія, заразить всѣхъ; и люди, прикрываясь какимъ-то вѣкомъ, какою то образованною разсчетливостью, запираются въ твердой корѣ эгоизма, какъ улитка, раскрываются, чтобы прошипѣть хулу на каждое доброе начинаніе и опять запереться въ свою непроницаемую раковину. Эти зоофиты расплождаются не хуже устрицъ; но за то при такомъ видимо-печальномъ направленіи человѣчества, благодѣтельные подвиги, высокія усилія, труды безкорыстные и дѣйствительное пособіе полезному —все это становится замѣтнѣе, колоссальнѣе и утѣшительнѣе. Съ жадностью прочитали мы извлеченіе изъ журналовъ совѣта Вольнаго Экономическаго Общества со 2 мая по 19 сентября 1845. Тутъ тма интереснаго, пропасть утѣшительнаго. Вы не потребуете отъ насъ оффиціальнаго изложенія; вы дозволите сдѣлать только указанія на замѣчательнѣйшее.

Давно уже у насъ поговаривали о проэктѣ: какимъ образомъ посредствомъ денежныхъ подъ залогъ хлѣба ссудъ, содѣйствовать къ удержанію среднихъ на него цѣнъ. Проэктъ этотъ имѣлъ весьма много хода, какъ говорится. Толкамъ не было конца. Теперь видимъ, что приступлено къ осуществленію столь важнаго предположенія. Люди благонамѣренные, любящіе отечество, какъ родительницу, конечно употребятъ съ своей стороны всякое содѣйствіе, чтобы дать жизнь и развитіе этому предпріятію; но за то сколько у насъ зоофитовъ, залежавшихся въ своихъ раковинахъ, изъ которыхъ едва ли добудутъ ихъ умѣренныя выгоды. Эгоизмъ, изъ пустяковъ, какъ онъ изъясняется, не станетъ и рукъ марать. Для нарушенія его летаргіи, ему нужны сотни тысячь.

Докторъ Бетцольдъ, въ Варшавѣ, изобрѣлъ новый способъ выдѣлывать изъ свекловицы сахаръ, посредствомъ одной вымочки, не употребляя многостоящихъ машинъ для рѣзки и прессованія. Это изобрѣтеніе чрезвычайно важно. Этотъ родъ промышленности у насъ поднимается и справедливо заслуживаетъ всякаго содѣйствія и облегченія. Можетъ быть, распространеніе свекловичнаго сахаропроизводства со временемъ уволитъ нашу торговлю отъ необходимости выписывать сахарный матеріалъ изъ-за моря и освободитъ значительные капиталы въ пользу отечественной промышленности. — Сколько у насъ производительныхъ силъ въ нѣдрахъ земли, того не исчислитъ, неизмѣритъ никакое воображеніе; между тѣмъ эти силы не дѣйствуютъ, потому что не достаетъ капиталовъ, которые бы могли привести ихъ въ движеніе; напримѣръ, г. Гуляевъ обратилъ вниманіе Вольнаго Экономическаго Общества на три продукта: слабительную сибирскую соль, Алтайскій ревень и *кошениль*; а сколько драгоцѣнныхъ произведеній природы покоятся въ нѣдрахъ Россіи, въ то самое время, когда огромные капиталы употребляются на выписку тѣхъ же продуктовъ изъ-за границы. Укажемъ на одинъ только каменный уголь.

Мнѣнія о прививной оспѣ измѣняются. Вчера, такъ сказать, хотѣли ставить памятникъ изобрѣтателю; сегодня стараются доказать явный вредъ оспы. Конечно, оспа, болѣзнь ея же не минуешь, должна имѣть свое время въ организмѣ человѣка; можетъ быть, она отдѣляетъ весну человѣка отъ лѣта; можетъ быть преждевременное введеніе оспеннаго яда въ кровь младенца, имѣетъ вредное вліяніе на его дальнѣйшее возрастаніе и развитіе; всѣ эти, можетъ быть, въ настоящее время послужили темами къ доказанію вреда отъ прививной оспы; того же мнѣнія придерживается и членъ Вольнаго Экономическаго Общества баронъ Боде; но противъ такого мнѣнія сильно возстали. И pro и contra еще не напечатаны. За то въ послѣдней книжкѣ трудовъ Общества помѣщена статья о четырехъ предложеніяхъ г. Стенжицкаго «о постройкѣ неудобосгараемыхъ домовъ, новомъ покрытіи строеній» и главное «о устройствѣ печей и очаговъ съ теплопроводниками и угароотводами.» О первыхъ давно уже толковала агрономическая архитектура; но мнѣнія до сихъ поръ раздѣлены; опыты не рѣшили спора. Что же касается до печей, то этотъ вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Иллюстрація уже помѣстила статью «о пневматическихъ печахъ» съ рисунками; теперь изготовляются рисунки къ обширнымъ статьямъ, относящимся до отопленія и вообще до состоянія комнатнаго воздуха.

Вольное Экономическое Общество, согласно предложенію его сіятельства кн. В. В. Долгорукова, нынѣшняго вице-президента, приступило къ предпріятію, въ высшей степени полезному; именно, къ изданію народныхъ руководствъ, по разнымъ отраслямъ промышленности. На первый разъ предположено издать руководства по части химіи и механики. Предпріятія на этомъ поприщѣ частныхъ лицъ явственно доказываютъ, что Россія нуждается въ подобныхъ элементарныхъ книгахъ; но къ несчастію, за это дѣло берутся недоучившіеся ученые, по заказамъ книгопродавцевъ и вольнопрактикующихъ спекуляторовъ. Цѣль не достигается; напротивъ того, распространяются книжонки, которыя бы слѣдовало подарить Скалозубу и Фамусову на всесожженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что такія руководства требуютъ руководства и надзора ученаго общества; и этого мало: для такихъ трудовъ нужно время, а чѣмъ оно вознаграждено будетъ? Премія въ 2—3 тысячи рублей, предлагаемая его сіятельствомъ, за составленіе лучшаго руководства, устраняетъ и это послѣднее затрудненіе.

Мы указали на главнѣйшее; никогда бы мы не кончили, если бы вздумали познакомить васъ въ подробности съ содержаніемъ 5-й книжки Трудовъ Общества, которая лучше всего изображаетъ всю дѣятельность этого учрежденія и его направленіе. Не можемъ, однако же, умолчать объ одномъ предметѣ, который, по нашему мнѣнію, весьма важенъ; это публичныя лекціи, читаемыя членами Общества. Въ нынѣшнемъ году четыре курса: г. Вавилова «о торговлѣ и товаровѣдѣніи»; г. Кана «о натуральной исторіи человѣка» на французскомъ языкѣ; г. Максимовича «о популярной механикѣ»; и г. Шюца «о гигіенѣ общественной.» Забавенъ родъ людской! Когда свѣдали, что И. Я. Шюцъ будетъ читать лекціи «о способахъ сохраненія здоровья», всѣ съ участіемъ заговорили о пріятной новости; изъ этихъ всѣхъ, весьма многіе поспѣшили въ залу Общества; выслушали вступительную лекцію и обрадовались, думая, что на каждой лекціи услышатъ разомъ все, что до человѣческаго здоровья принадлежитъ. Но когда по необходимости, преподаватель, раздѣливъ предметъ свой на мелкія части, вступилъ въ изложенія отдѣльно каждой, когда по необходимости долженъ былъ для полноты и связи говорить о многомъ, что каждому извѣстно изъ ежедневной жизни, слушатели опечалились, такъ что мы стали сомнѣваться въ ихъ прежней радости. Мы подумали, что всякое доброе начинаніе у насъ имѣетъ усердныхъ противниковъ, которые не только не думаютъ о пользѣ общей, а рады истоптать первые ея зародыши. Впрочемъ, періодъ этой борьбы, кажется, миновался. И. Я. Шюцъ на послѣдней лекціи свелъ итоги предъидущихъ чтеній; тогда только обнаружилась система, которой онъ слѣдуетъ. Въ отдѣльныхъ лекціяхъ, онъ говорилъ о воздушныхъ вліяніяхъ въ разныхъ отношеніяхъ; въ послѣдней изложилъ средства и способы противу вредныхъ вліяній. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе важной части гигіены о воздухѣ окончилось; слушатели опять утѣшились. Каковы бы ни были толки и сужденія о лекціяхъ И. Я. Шюца, мы безъ боязни скажемъ наше мнѣніе, что считаемъ чтенія эти весьма полезными; изложеніе достаточно подробнымъ и пріятнымъ, и убѣждены, что чтенія г. Шюца постоянно будутъ болѣе и болѣе возрастать въ занимательности и округляться въ изложеніи. — Нѣтъ худа безъ добра! И эти минувшіе толки, можетъ быть, прошли не безъ пользы для преподавателя: они указали ему современныя требованія публики.

— Люди большіе эгоисты, сказали мы: но это *названіе едва ли правильно. Они любятъ не себя*, а свои выгоды; до себя какое имъ дѣло. Вотъ, напримѣръ они хлопочутъ о барышахъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, а о здоровьѣ своемъ и не думаютъ. Захвораю, вылечатъ; за деньги, чего добраго, еще воскресятъ, пожалуй... Но увы, за деньги всего достать можно, кромѣ здоровья, и раковина зоофита-себялюбца раскрывается для поглощенія цѣлой аптеки и погреба минеральныхъ водъ; для путешествія къ цѣлебнымъ источникамъ, а оттуда на кладбище; не потому, чтобы медицинская помощь была не дѣйствительна, а потому, что эти средства не всегда могутъ возстановить силы утраченныя, исправить существенныя поврежденія организма. Въ Европѣ давно догадались, что лечить должно не одного больнаго, но и здороваго, чтобы не былъ боленъ; медицина, въ числѣ самыхъ надежныхъ предохранительныхъ средствъ, ежедневно напоминаетъ о движеніи. Въ особенности это средство важно для жителей Петербурга, преданныхъ по необходимости сидячей жизни; да когда и гдѣ гулять въ Петербургѣ? Погода двѣ трети года рѣшительно тому противится. И что жъ! У насъ подъ рукою есть спасительное средство — гимнастика; отличный, одинъ изъ первыхъ учителей въ Европѣ, г. де Ронъ; весьма удобное заведеніе въ правомъ флигелѣ инженернаго заведенія, что близь Симіоновскаго моста, входъ изъ сквера. И что же, едва ли десять человѣкъ взрослыхъ и до двадцати дѣтей пользуются благодѣяніями гимнастики, посѣщая это заведеніе ежедневно отъ половины втораго до трехъ часовъ. На гимнастику еще весьма многіе глядятъ какъ на гаерство, и это препятствовало ея развитію даже въ чужихъ краяхъ; теперь просвѣщеніе побѣдило этотъ предразсудокъ, и гимнастика обратилась въ науку. Другіе признаютъ ея пользу, но считаютъ достаточнымъ поставить въ комнатѣ палку и ломаться по желанію. Въ этомъ видѣ, безъ помощи знающаго и хорошо образованнаго руководителя, гимнастика можетъ обратиться во вредъ. Предметъ этотъ столь важенъ, что мы посвятимъ нѣсколько времени его изученію и сообщимъ подробный отчетъ нашихъ наблюденій на благоусмотрѣніе читателей.

Литература наша въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы ее оставили на прошедшей недѣлѣ. Ничего новаго, и въ виду не имѣется. Удивительно, чѣмъ намѣревается жить наша книжная торговля. Неужели одними журналами и газетами ?!

Ни одного сколько-нибудь значительнаго предпріятія... Неужели изданіе первыхъ частей двухъ романчиковъ можетъ утѣшить публику; и тѣ не успѣли показаться на свѣтъ, уже вступили въ соперничество. Два мушкатера теперь точно два *два*; публика можетъ прочесть сначала одинъ переводъ, потомъ тотчасъ другой, и вотъ что всего забавнѣе: въ обоихъ она найдетъ что-нибудь новое. Такова судьба всѣхъ переводовъ. Литература совершенно перевелась, и мы переходимъ къ театру.

Тутъ важная новость; Русскій театръ оживился; Русская драма проснулась. Василій Андреевичъ Каратыгинъ, возвратился 14 ноября въ Среду изъ-за границы. На другой день мы любовались бенефисомъ П. А. Каратыгина. Этотъ вечеръ заслуживаетъ подробной статьи; а между четвергомъ и субботой для того мало времени. По неволѣ отлагаемъ удовольствіе это до слѣдующаго нумера.

О художествахъ до выставки говорить нечего. Въ залахъ Академіи сосредоточились всѣ произведенія нашихъ артистовъ; двери Академіи, вѣроятно, въ скоромъ времени откроются...

Пока откроется выставка художественныхъ произведеній, чтобы пріятно дразнить глаза, любоваться какимъ-нибудь изяществомъ, лучше всего, по нашему мнѣнію, глядѣть на костюмы дамъ, на блестящіе экипажи, на красивую мебель; для послѣдней у насъ есть постоянная выставка, магазинъ Гамбса.

Памятникъ Петру Великому у Красныхъ сосенъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, молодой и достаточный женихъ хлопоталъ о красивой и выгодной квартирѣ; нашелъ квартиру и сталъ хлопотать о мебели; меблировать домъ въ Петербургѣ не трудно; угодно, можно въ одинъ день убрать мебелью цѣлую улицу; но какою мебелью?.. это весьма затруднительный вопросъ. Натурально, что молодой и достаточный человѣкъ, если женится, гдѣ же ему закупить мебель, если не у Гамбса. Онъ такъ и сдѣлалъ, но ужъ за то, что мы должны были отъ него переслушать. Дорого! кричалъ онъ, ужасно дорого! непомѣрныя цѣны! и тому подобныя восклицанія. Съ тѣхъ поръ молодые супруги перемѣнили не одну квартиру, не разъ закупали мебель и мужъ безпрестанно восклицалъ: Представь, какъ дешево; просто, даромъ. Недавно мы посѣтили эту чету на новосельи. Мебель намъ чрезвычайно понравилась. Что любуетесь? сказалъ онъ; вѣдь это опять Гамбсъ! — Видно вы разбогатѣли? — Совсѣмъ нѣтъ, я нашелъ, что дешевая мебель вдвое дороже Гамбсовской. — Какъ такъ? — Весьма просто. Выборъ матеріала и прочность работы сообщаютъ ей многолѣтнюю цѣнность. Вкусъ, отдѣлка — это въ придачу; я ужъ этого и не считаю. — Все это подстрекнуло наше любопытство; мы посѣтили магазинъ Гамбса и, признаться, не могли довольно налюбоваться красотою отдѣлки каждой бездѣлицы. Въ этомъ мы и не сомнѣвались; но вотъ, что насъ удивило; спрашивая о цѣнахъ, мы увидѣли, что слухъ о дороговизнѣ Гамбсовской мебели, только слухъ, не имѣющій никакого основанія. Конечно, вдругъ за кресло орѣховаго дерева, обитое малиновымъ бархатомъ, спрашиваютъ 270 руб. ассигнаціями. У другихъ можно бы купить, кажется, за 200 рублей; такъ, да только это кресло изъ цѣльнаго дерева, изъ котораго вы можете нарѣзать листовъ для оклейки на двадцать креселъ; кресло сдѣлано такъ крѣпко, какъ будто изъ желѣза; оно изотрется, но не испортится; вы издержите, искрошите шесть креселъ, а это все будетъ цѣло; и потомъ продайте еще какъ цѣнный матеріалъ. Такія же весьма умѣренныя цѣны мы встрѣтили и въ другихъ статьяхъ. Напримѣръ, двѣ односпальныя кровати цѣльнаго краснаго дерева, пятьдесятъ рублей серебромъ; слѣдственно, едва ли не дешевле всѣхъ другихъ магазиновъ; дюжина столовыхъ стульевъ, также плотныхъ, цѣльнаго дерева, отличной отдѣлки, двѣсти десять рублей ассигнаціями. Мы съ любопытствомъ входили въ разныя подробности, именно потому что Иллюстрація въ этомъ отношеніи никому подражать не будетъ; недостойнаго не похвалитъ, дорогаго не удешевитъ; она ручается за правду своихъ словъ, и потому о предметахъ мануфактуръ, фабрикъ и промышленности, говоритъ тогда только, когда изучитъ самые предметы. Мебель, согласно этимъ двумъ требованіямъ, двоякаго рода: мебель для домашняго быта должна быть крѣпка и удобна; пріятно видѣть, если къ этому приспособлены и хорошія формы. Этотъ родъ мебели въ магазинѣ Гамбса, по нашимъ понятіямъ и сравнительно, совершенно не дорогъ; если вы заплатите на мелкой вещи пять, на вещи покрупнѣе десять лишнихъ рублей, то можно расчесть и исчислить, что вы платите едва ли одинъ процентъ лишній и получаете 10 проц. лишнихъ въ качествѣ матеріала, въ крѣпости работы, въ безопасности вашей персоны, и, наконецъ, въ красивой формѣ. Другой родъ мебели, удовлетворяя требованіямъ нашего общественнаго быта, не подлежитъ никакимъ положительнымъ таксовымъ цѣнамъ. Вамъ угодно имѣть зеркала, облитые ярко-золоченою бронзою; вамъ угодно разставить въ вашей гостиной кресла, убранные рѣзьбою сверху, снизу съ боковъ и т. п. Тутъ цѣна такая же фантазія какъ и ваша роскошная мебель. Можетъ быть и дорого и дешево берутъ за нее въ магазинѣ Гамбса: но вкусъ съ какимъ все это отдѣлано безъ сомнѣнія одобритъ всякій, кто сколько нибудь обладаетъ художественнымъ чувствомъ. Эти фантастическія произведенія, можетъ быть, пугаютъ покупателей; но мебель домашняя на которую больше запроса, съ которой больше и прихода, заставляетъ думать, что и въ этомъ отношеніи слухи о дороговизнѣ Гамбсовской мебели — несправедливы. — Домъ Гамбсовъ существуетъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ въ Россіи и славится въ 2-мъ поколѣніи. Здѣшніе жители могутъ видѣть великолѣпный магазинъ ежедневно собственными глазами; для жителей провинціи прилагаемъ двѣ гравюры: одна представляетъ видъ части магазина; другая внутренность одной комнаты гг. Гамбсовъ, какъ образецъ меблировки. Иллюстрація, сколько понимаетъ свою обязанность, должна знакомить и съ успѣхами вкуса по всѣмъ частямъ нашего домашняго быта и не оставитъ помѣщать лучшія въ этомъ родѣ новости, какому бы магазину и мастеру онѣ ни принадлежали. Въ это посѣщеніе, мы замѣтили чрезвычайно красивыя зеркала; они переплетены тонкимъ деревяннымъ аграмантомъ, который отражаясь не скрываетъ размѣровъ зеркала, но даетъ возможность посрединѣ зеркала укрѣплять кронштейны для употребленія ad libitum. Наверху лампа, отражающаяся въ зеркалѣ; все это вмѣстѣ производитъ сильный эффектъ. — Въ мебели многіе не хотятъ цѣнить вкуса числительно; это ошибка; сочинить новое и въ мебели конечно не такъ трудно какъ, сочинить историческую картину, но все же таки изобрѣтательное воображеніе должно употреблять не мало времени на созданіе и обработку новой формы, особенно, если эта форма такъ рѣзко и такъ выгодно отбиваетъ мебель одного мастера отъ мебели другихъ. Нѣтъ, по нашему мнѣнію такого ремесла или производства, въ которомъ производитель не могъ бы возвыситься на степень художника. Посуда, стекло, все, все можетъ достигнуть значенія художественныхъ произведеній. Вспомните Этрусскіе горшки, которыхъ мы и горшками называть не смѣемъ, а почтительно величаемъ вазами; вспомните металлическіе сосуды древнихъ, которые славились не рельефной работой, а формой, контуромъ; вещь того же металла, но не той формы, стоила вполовину меньше, употреблялась всѣми, а сосудъ съ изящною формой хранился у хозяина со вкусомъ въ лучшемъ покоѣ, на мраморномъ пьедесталѣ въ особенной нишѣ. То же можно сказать и о мебели: есть на свѣтѣ мебель ординарная, какой вездѣ тма; есть мебель художественная; отъ этого не только значеніе, но и цѣнность ея измѣняется.

Исполняемъ обѣщаніе, данное въ послѣднемъ нумерѣ, и помѣщаемъ гравюру съ памятника Петру Великому у Красныхъ Сосенъ.

МЫЗА ЛИГОВО.

Въ послѣдней книжкѣ трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества, помѣщено любопытное описаніе Мызы Лигово, составленное нѣкоторыми членами этого общества. Посѣтившими мызу нынѣшнимъ лѣтомъ. Мы увѣрены, что статья и мыза обратитъ на себя вниманіе хозяевъ, и считаемъ обязанностію передать ее съ нѣкоторыми сокращеніями нашимъ читателямъ.

Подгородное, а именно подстоличное, въ окрестностяхъ Петербурга хозяйство, имѣетъ совсѣмъ не тѣ основанія, какъ хозяйство губерній центральныхъ, и особенно хозяйство степное. Петербургскій климатъ суровъ и непостояненъ; почва, большею частію холодная, для которой необходимо сильное удобреніе; растительность блѣдная; уборка, требующая дѣятельности и сноровки значительной. Но за то сбытъ вѣрный и хорошо вознаграждающій труды и издержки. Кто положитъ здѣсь въ землю капиталъ съ знаніемъ дѣла, тотъ навѣрное получитъ значительные проценты. Но для этого необходимы: трудъ, искуство и званіе мѣстныхъ обстоятельствъ. Убѣдительнымъ этому доказательствомъ можетъ служить мыза «Лигово», лежащая на 13-й верстѣ по Петергофской дорогѣ, на поворотѣ въ Красное Село. Мыза эта пріобрѣтена нынѣшнимъ ея владѣльцемъ, графомъ Г. Г. Кушелевымъ въ 1842 г., который увеличилъ ее пріобрѣтеніемъ смежныхъ дачъ купца Бландона и тайн. сов. М. П. Позена въ 1844 году. Черезъ это, имѣніе округлилось и получило значительныя выгоды. Теперь все имѣніе состоитъ изъ 2700 десятинъ земли, подъ пашнею, лу-

гами, лѣсомъ, болотомъ, строеніями, садами и проч. Оно поручено управленію З. З. Маклотлина, члена Вольнаго Экономическаго Общества, завѣдывающаго уже 25 лѣтъ всѣми помѣстьями графа Г. Г. Кушелева.

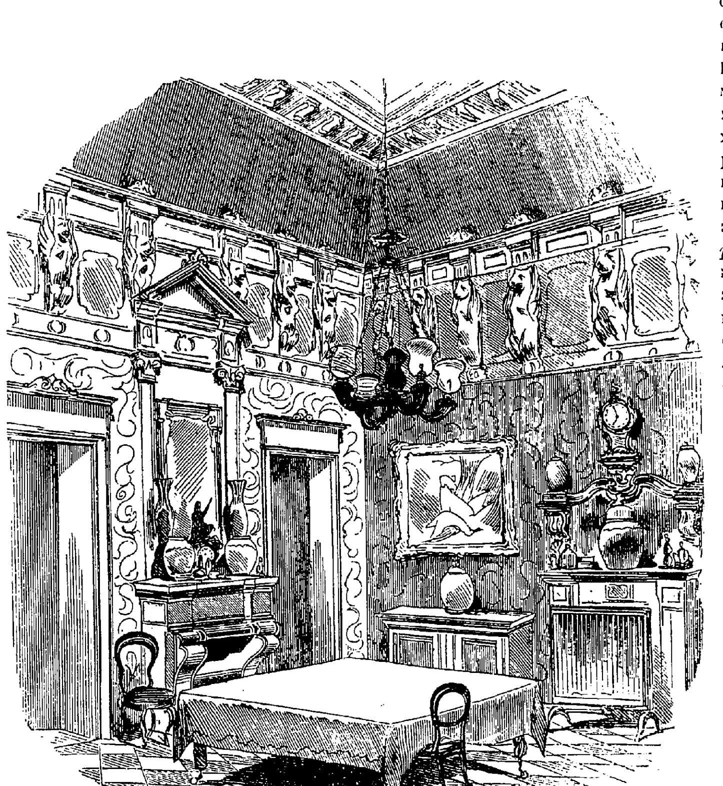
Прежде всего вниманіе посѣтителей было поражено хорошо обработанными полями, на которыхъ водосточныя канавы и борозды проведены и обдѣланы съ особеннымъ искуствомъ и аккуратностью. Посѣтители останавливались дорогою и любовались на яровую рожь, на овесъ, на сѣянную траву. Все это было въ полномъ цвѣту и силѣ, не смотря на позднюю весну и на продолжительные холода въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ. На всѣхъ поляхъ разставлены окрашенные столбики, съ деревянными дощечками, на которыхъ означены названія хлѣбовъ и травъ и количества высѣва. Даже на готовыхъ стогахъ съ сѣномъ поставлены палочки съ деревянными ярлыками. Довольно замѣчательно, что здѣсь производится весьма умѣренный посѣвъ травъ. Обыкновенно у насъ высѣвается на десятину до пуда и болѣе сѣменъ. Здѣсь же идетъ 8 ф. клевера и отъ 18 до 20-ти ф. тимофеевой травы. Г. Маклотлинъ находитъ, что болѣе сѣять на его землѣ вредно : отъ излишней густоты многія зерна глохнутъ.

Грунтъ здѣсь глинистый и суглинистый, мѣстами покрытый булыжными камнями и отчасти стоячею водою, которая до прорытія водоспусковъ тамъ оставалась и образовала тонкій болотистый слой.

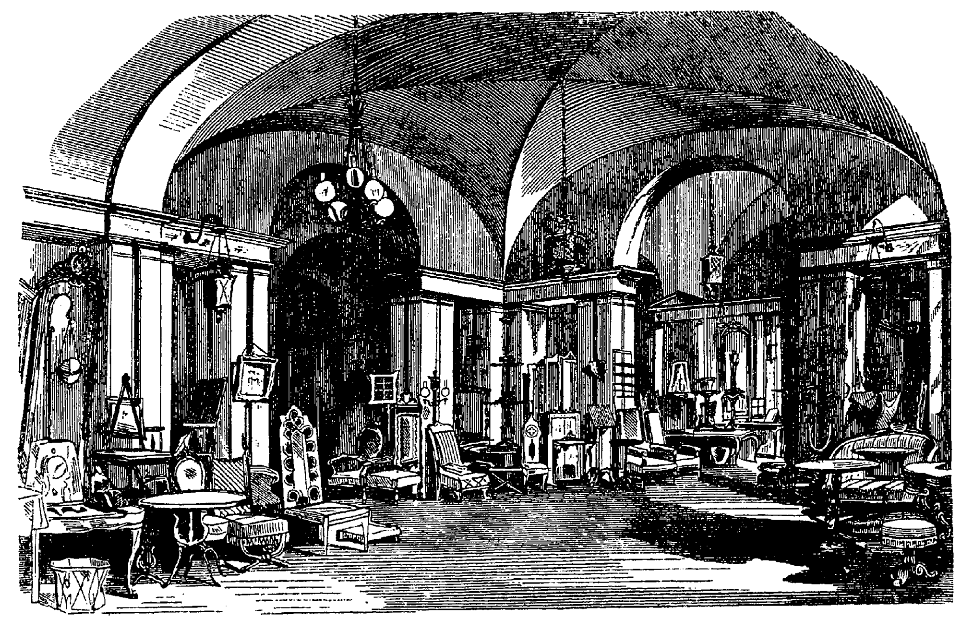
Здѣсь наибольшее вниманіе обращено на овесъ, сѣно и картофель. Послѣдній занимаетъ 8 десятинъ, и за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ огромнаго дома, продается въ значительномъ количествѣ. Замѣчателенъ употребляемый здѣсь способъ сохраненія картофеля. Дѣло въ томъ, чтобы складывать картофель въ подвалы сырой, и даже съ землей, а отнюдь не сухой, и убирать его въ дождливое время или когда уже пала роса. Это совершенно противно всѣмъ доселѣ существовавшимъ о семъ предметѣ правиламъ. Посѣтители удостовѣрились въ томъ, что прошлогодній картофель, такимъ образомъ сохраненный, совершенно свѣжъ и даже вкуснѣе новаго молодаго картофеля,

Овесъ въ Лиговѣ посѣтители видѣли еще въ зелени, но онъ обѣщалъ хорошій урожай. Вообще колеръ былъ очень яркій и на видъ здоровый; колосъ сильный, богатый. Овесъ здѣсь, большею частію, англійскій и, такъ называемый, «картофельный», (potatoe oat), отличающійся силою роста и крупностію мучнистаго зерна. Здѣшній овесъ имѣетъ отъ 7-ми до 8-ми пудовъ вѣса въ четверти. Подъ овсомъ здѣсь всего 120 десятинъ. Уборка производится серпомъ. Такой густой овесъ, кажется, лучше бы косить. Но обычай противъ этого. Не нужно бы смотрѣть на обычай, но у всякаго свой взглядъ, свой толкъ.

Сѣнная трава здѣсь также важное дѣло. Большая часть десятинъ дастъ не менѣе какъ отъ 200 до 300 пудовъ сѣна, а нѣкоторыя, можетъ быть, и до 500, хотя лѣто не совсѣмъ благопріятное и хотя на тимотеѣ, во время самаго его цвѣтенія, показалась мошка. Клеверъ здѣшній достоинъ вниманія : это шотландскій. Онъ весьма крупенъ и высокъ. Лиговская экономія продаетъ клеверныя сѣмена по 6 р. сер. за пудъ. До нынѣ не находили выгоды добывать въ Петербургскихъ окрестностяхъ сѣмена клевера: ибо онъ худо вызрѣвалъ, но г. Маклотлинъ, помощію хорошей обработки, получилъ хорошія сѣмена. Депо сѣменъ Вольнаго Экономическаго Общества могло бы принять на себя сбытъ этихъ прекрасныхъ, *акклиматизированныхъ* сѣменъ. Въ Лиговѣ есть мѣсто, называемое *Ковровскій лугъ*, занимающее пространство въ нѣсколько десятокъ десятинъ. Это мѣсто еще недавно было залито болотною водою ; теперь оно сухо, часто вспахивается и перепахивается, и засѣяно овсомъ и травою, которые здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо на мызѣ. Правда, что бѣложелтоватая глина здѣсь нѣсколько доброкачественнѣе, нежели на другихъ поляхъ, и была покрыта тонкимъ слоемъ растительной болотной земли; правда и то, что здѣсь лѣтомъ пасутся стада бойнаго скота, слѣдующія въ столицу. Они оставляютъ изрядное удобреніе. Здѣшнее землеупотребленіе производится раціонально: навозъ свѣжій не кладется на поля ; ему даютъ перепрѣвать въ огромной ямѣ, поливая *золотомъ* ; въ яму сваливается всякій соръ, и такимъ образомъ составляется компостъ, и этимъ-то составомъ, столь дѣйствительнымъ, земля удабривается, и совершенствуется хорошею обработкою. Здѣсь въ употребленіи для поднятія земли большой передковый плугъ, запрягаемый четверкою рослыхъ коней. Люди, ими управляющіе, мастера своего дѣла. Ихъ этому выучилъ самъ г. Маклотлинъ. Достойно вниманія умѣніе обращаться здѣсь съ рабочимъ скотомъ. Здѣсь пашутъ на лошадяхъ, которыя въ другое время года употребляются въ господскіе



Комната въ квартирѣ у гг. Гамбсовъ.



Мебельный магазинъ Гамбса.

экипажи. Разумѣется, онѣ нѣсколько спадаютъ съ тѣла, но за два мѣсяца до обращенія ихъ въ ѣзду, имъ дадутъ отдыхъ, имъ пустятъ кровь, и лошади опять сдѣлаются столь же свѣжи, какъ были прежде. Иныхъ плужная работа отлучаетъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и дурныхъ привычекъ. Надобно сказать, что здѣсь вообще содержаніе лошадей доведено до совершенства. Знатоки ѣздятъ смотрѣть и въ Лиговѣ, и въ городѣ конюшни Графа Г. Г. Кушелева. Коноводство главный предметъ г. Маклотина.

Кромѣ большаго, плуга здѣсь въ употребленіи Смалевъ плугъ, нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ котораго выписаны изъ Англіи, чрезъ г. Роберта Уорти, смотрителя казенной Охтенской фермы, который, по указанію квакеровъ, давно ввелъ эти плуга въ употребленіе. Они вѣрнѣе и дешевлѣ здѣшнихъ плуговъ. Ярославская косуля, картофельный двукрылый плужокъ, экстирпаторъ, глыбодробъ, катокъ, бороны съ желѣзными зубьями и проч., здѣсь также въ употребленіи. Оттого земля хорошо обработана, а отъ хорошей обработки и даетъ такіе замѣчательные урожаи.

Крестьяне начинаютъ обращать вниманіе на всѣ эти орудія, которыми они работаютъ на барщинѣ, потому что здѣсь шептель помѣщичій, что гораздо лучше и удобнѣе. Крестьяне лиговскіе, которыхъ болѣе 300 душъ, просятъ, какъ милости, дать имъ то плугомъ новь поднять, то на вѣялкѣ пропустить посѣвныя сѣмена, то каткомъ пригладить всходы. У нѣкоторыхъ замѣтны хозяйственныя улучшенія. Иные сѣютъ уже картофель, и вообще всѣ имѣютъ картофель въ изрядномъ количествѣ. Многіе изъ зерновыхъ хлѣбовъ и травяныхъ посѣвовъ. засорены не очень вредною, но все таки сорною травою, *желтякомъ*, или дикою горчицею, сѣмена которыхъ наносятся съ нѣкоторыхъ; хуже другихъ обработанныхъ крестьянскихъ полей. Для избѣжанія этого надобно было бы пропускать весь посѣвъ, какъ господскій, такъ и крестьянскій чрезъ вѣялку. Говоря о вѣялкѣ, нельзя не сказать, что здѣсь молотьба машинная, и что вѣялка употребляется та самая, которая, подъ названіемъ *американской*, распространена изъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Вѣялка эта работаетъ съ необычайною скоростію и чистотою. Такъ называемый *американскій плужокъ* также здѣсь въ употребленіи. То и другое работалъ бывшій воспитанникъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища Иванъ Кочневъ, хозяинъ Красносельской образцовой усадьбы.

Лиговскій шептельный дворъ въ порядкѣ: онъ занимаетъ большое пространство, примыкая къ дому, занимаемому сельскою конторою и прикащикомъ. Тутъ всѣ орудія земледѣльческія, экипажи лѣтніе и зимніе, снарды и проч. расположены какъ нельзя тщательнѣе, съ какимъ-то агрономическимъ щегольствомъ.

Но еще нѣсколько словъ о поляхъ и лугахъ. По 11 Іюля было убрано и остожено съ Лиговѣ, по увѣренію г. Маклотина до 10,000 пудовъ луговаго и сѣянаго сѣна. Это только часть того, что собирается здѣсь сѣномъ; сѣяное продается по 40 к. сер., съ своей подвозкой, въ столицѣ. Великолѣпная конюшня Графа Д. Н. Шереметева другаго сѣна не употребляетъ, какъ лиговское, и чрезъ употребленіе этого сѣна дѣлаетъ себѣ въ годъ значительную экономію на овсѣ. Здѣсь трава, овесъ, картофель, — главные предметы хозяйства, но есть въ сѣвооборотѣ 11 десятинъ подъ озимою рожью вазою, которая, вопреки нѣкоторымъ мнѣніемъ, здѣсь не перерождается и даетъ очень хорошую солому, состовляющую изрядный предметъ сбыта; 8 десятинъ подъ рожью яровою. Эти посѣвы даютъ возможность, при своей водяной мельницѣ, имѣть свою муку для домашняго обихода и отчасти для крестьянъ, въ случаѣ не урожая. Сверхъ всего этого, 11 десятинъ подъ пшеницею арнауткою, американскою яровою рожью, голымъ ячменемъ, гималайскимъ ячменемъ, русскимъ ячменемъ, льномъ и проч. Все это, большею частію, идетъ на сѣмена для продажи, или сѣется въ видѣ опыта. Скотоводство здѣсь не большое. Штукъ 14 довольно крупныхъ, большею частію холмогорскихъ коровъ, составляютъ стадо, которое всю зиму содержится на стойлѣ и ночуетъ лѣтомъ въ коровнѣ. На землѣ, пріобрѣтенной отъ г. Позена, есть скотный дворъ, построенный по бельгійскому способу, но онъ, завѣтхостію, обращенъ нынѣ въ сарай для соломы, а скотъ помѣщается временно въ одномъ изъ свободныхъ отдѣловъ конской конюшни, впредь до отстройки фермы, которая будетъ роскошна и чрезвычайно удобна. Теперь она вчернѣ отдѣлана. Коровня, молочная, подвалы; водопроводы, дворокъ, — все придумано и устроено, какъ нельзя лучше. Молочный скопъ удовлетворителенъ. Уходъ за молокомъ самый тщательный. Ежедневно потребляется много молока и молочныхъ произведеній въ домѣ, да еще продаютъ въ городъ, по 6 к. сер. кружку или штофъ. Постройки здѣсь производятся изъ своего кирпича. Здѣшній кирпичный заводъ извѣстенъ въ окрестностяхъ. Онъ приготовляетъ до 600,000 очень хорошаго кирпича. Говоря о строеніяхъ, нельзя не упомянуть о весьма замѣчательныхъ здѣшнихъ крышахъ, которыя покрываютъ большую часть зданій. Это бумажныя крыши, которыя дешевле желѣзныхъ, легче всякихъ другихъ и весьма прочны. Бумажныя крыши требуютъ большой аккуратности.

Еще остается сказать о здѣшнихъ мѣстахъ, устроенныхъ черезъ всѣ канавы, большія и малыя. Мосты эти чрезвычайно прочны; можно сказать, что они вѣковѣчны: они сложены изъ того камня, которымъ покрыты были поля, связаны мохомъ, котораго подъ руками много, и такимъ образомъ соединяютъ въ высшей степени простоту и прочность. Замѣчателенъ также новый деревянный мостъ, заимствованный г. Маклотинымъ изъ Mechanic's Magazine. Онъ изобрѣтенъ въ Америкѣ и называется поэтому «американскомъ. Устройство его чрезвычайно просто, легко и прочно. Онъ не имѣетъ арки, а прямъ, можетъ идти на огромное пространство и весь состоитъ изъ взаимно поддерживающихъ себя брусковыхъ связей. Инженеры и механики восхищаются этимъ мостомъ.

Вотъ краткій очеркъ замѣчательныхъ предметовъ въ хозяйствѣ, которое можетъ служить, въ иномъ случаѣ, даже образцемъ подстоличнаго, національно устроеннаго имѣнія.

Этимъ очеркомъ лиговскаго хозяйства не ограничатся свѣдѣнія о немъ, и конечно всегда найдутъ мѣсто въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, долженствующихъ служить отголоскомъ всего хорошаго, всего полезнаго.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

ОТВѢТЪ.

Не улыбайся мнѣ такъ мило,
Не трать со мной такъ много словъ;
Напрасно дѣва полюбила,
Повѣрь, я испыталъ любовь!
Повѣрь мнѣ, милое созданье,
Я муки страсти испыталъ;
И повѣсть горькую страданья,
Я сердцемъ жаднымъ прочиталъ;
Я испыталъ до иступленья,
Всѣ муки бѣшенной любви;
А ты мой другъ, ты безъ сомнѣнья
Не знала ихъ, не правда ли?
Когда бъ ты знала какъ ужасенъ,
Порывъ взволнованныхъ страстей;
Какъ онъ губительно-опасенъ
Душѣ младенческой твоей —
Тогда бъ ты дѣва полюбила,
Ты бы страшилась нѣжныхъ словъ;
Ты бъ даръ небесный затаила,
Что бъ не носить земныхъ оковъ!

И что теперь на зовъ сердечный,
Тебѣ въ замѣнъ могу я дать?
Душой унылый и безпечный,
Мнѣ страсти трудно отвѣчать;
Я не пойму твой страстный лепетъ,
Не оцѣню твой разговоръ,
И не вдохнетъ, бывалый трепетъ,
Въ меня чарующій твой взоръ!
Я умеръ дѣва... страсть увяла,
Въ душѣ хладѣющей моей;
Увы! напрасно ты искала
Отзвучья пламеннаго въ ней!
Я не хочу въ мой бытъ холодный,
Восторгъ твой дѣвственный зарыть;
И первый лучь любви свободной,
Обманомъ мрачнымъ подарить;
Я не хочу души небесной,
Къ душѣ изношенной привить...
Безжалостно твой перлъ чудесный,
Холоднымъ камнемъ раздавить;
Я не хочу цвѣточикъ милый,
Тебя отъ стебля оторвать,
Что бъ бросить на своей могилѣ,
И тлѣнью грустному отдать...

Лети на встрѣчу шуму свѣта,
Ты дѣва юная, — и въ немъ,
Забудь отшельника-поэта,
Въ полетѣ ангельскомъ твоемъ;
Забудь, что ты его любила,
Въ моментъ восторженной мечты,
И что душа въ немъ говорила,
Такъ холодно, — тогда какъ ты
Въ восторгѣ перваго признанья,
Хотѣла жизнь ему отдать;
И встрѣтила лишь состраданье;
Онъ чудный даръ не могъ принять!..
Забудь его! когда же снова,
Любовь вскипитъ въ груди твоей,
Тогда ты вспомни, какъ сурово,
Онъ говорилъ тебѣ объ ней!

Л. д. л. Г.....

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

В. А. Каратыгинъ возвратился въ среду изъ-за границы и на слѣдующей недѣлѣ опять выйдетъ на сценѣ Александринскаго театра. — Множество піэсъ, безъ него не игранныхъ, оживятъ репертуаръ.

— Италіянская труппа приступила къ репетиціямъ оперы Доницетти: Maria di Rohan, писанной для Вѣны, имѣвшей тамъ большой успѣхъ и впослѣдствіи игранной и въ Парижѣ Въ ней участвуютъ: г-жи Віардо и Віетти гг. Тамбурини и Сальви.

— На Нѣмецкомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Альбрехтъ, вод.: Die Regimentstochter, подражаніе оперы Доницетти.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Шарадову въ Москву. И да и нѣтъ. Часть пойдетъ, часть пропадетъ, если позволите.

О—л—н—у. Право намъ надоѣли сплетни и анекдоты. Въ сообщеніи подобныхъ Гисторій мы видимъ ваше доброе къ намъ расположеніе, но за чѣмъ же сердитесь за насъ, когда мы сами не сердимся?

14X13=18. Постараемся на досугѣ,

Г. Б. М. Федорову. Спѣшимъ принести искреннѣйшую признательность и за печатную статью и за очеркъ.—На счетъ будущаго года—съ удовольствіемъ, на счетъ остальнаго,—съ благодарностью. — Наконецъ послѣдній отвѣтъ, если не успѣемъ сами, не взыщите; если сдѣлаете намъ честь—утромъ.

Г. А—у. Исполняя и ваше и наше желаніе, симъ увѣдомляемъ, что мы знали, что архитекторомъ дома В. Г. Жукова былъ г. Гребенка. Мы поздно увидѣли ошибку и потому запоздали ее исправить. Благодаримъ за благонамѣренное замѣчаніе. Просимъ не оставлять вашимъ вниманіемъ и на предки.

К.—А—у. Прочтите Ксенофонта. Хорошій писатель и это дѣло разумѣлъ. Моро не оставилъ своихъ записокъ.

Г. С—ву. Кто кого любитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Благодаримъ за усердіе.

О. П. Id.

Гг. двумъ Иванамъ, братьямъ Сыръ-барамъ. Приложеніе 1-е, если позволите пойдетъ съ небольшими перемѣнами, 2-е — цѣликомъ. Насчетъ всего остальнаго скажемъ русское спасибо. Всегда ради; зачѣмъ откладывать?

СОДЕРЖАНІЕ VII ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 19 НОЯБРЯ.

О водѣ.

Общій взглядъ. Различныя воды, ихъ свойство и составныя части: дождевая, морская, ключевая, рѣчная, колодезная, прудовая, болотистая, озерная.

Признаки хорошей воды. Причины измѣняющія воду; примѣси.

Гигіеническія мѣры къ охраненію воды отъ разныхъ вредныхъ примѣсей и къ возвращенію испорченной водѣ ея естественныхъ хорошихъ качествъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

На объявленіи «О изданіи на 1846 годъ Литературной Газеты», напечатанъ каталогъ русскихъ газетъ и журналовъ, на кои принимается подписка у М. Д. Ольхина, съ примѣчаніями. Въ послѣднія вкрались, безъ вѣдома М. Д. Ольхина, двѣ ошибки и, по желанію его спѣшимъ ихъ исправить. М. Д. Ольхинъ отвѣтствуетъ за исправный выходъ и доставку только тѣхъ газетъ и журналовъ, коихъ онъ издатель или участникъ, а не просто коммиссіонеръ, что и весьма справедливо. Равномѣрно отвѣтствуетъ за исправную доставку всѣхъ журналовъ и газетъ тѣмъ, которые у него подписались, не принимая только отвѣтственности на себя за исправный выходъ оныхъ; что также весьма справедливо. Подписчики, въ случаѣ неисправности выхода журнала, издаваемаго не М. Д. Ольхинымъ, приходятъ въ магазины его и требуютъ обратно денегъ. Да М. Д. Ольхинъ чѣмъ виноватъ, что гг. издатели не исправны? Онъ принялъ подписку, получилъ деньги, передалъ ихъ издателю, и дѣло съ концемъ. Вся обязанность его ограничивается правильною доставкою, если изданіе выходитъ исправно. Другая ошибка заключается въ томъ, что объявлено, будто-бы «Памятная книжка» и «Календари» уже продаются въ его магазинахъ. Слѣдовало сказать: принимается на нихъ подписка. Это объявленіе представляетъ вмѣстѣ итогъ нашей журнальной дѣятельности, почему мы не излишнимъ считаемъ допустить его въ нашей газетѣ въ альфавитномъ порядкѣ:

	безъ перес. р.	к.	*съ пересылкою.* р.	к.
Библіотека для Чтенія (12-ть книгъ), съ 6-ю картинками парижскихъ модъ	15	—	16	50
Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи	3	50	4	50
Военно-Энциклопедическій лексиконъ (4-е книжки въ годъ)	3	—	3	15
Военный Журналъ	2	86	4	36
Горный Журналъ (12-ть книгъ)	7	57	9	—
Журналъ Мануфактуръ и Торговли (12-ть книгъ)	7	—	7	—
Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (12-ть книгъ)	7	15	7	15
Journal politique et littéraire de St.-Pétersbourg: съ прибавленіями	11	50	13	—
безъ прибавленій	10	50	12	—
Журналъ Министерства Государственныхъ Имущ. (12-ть книгъ)	7	15	8	50
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (12-ть книгъ)	10	—	11	50
Журналъ Коннозаводства и Охоты (12-ть книгъ)	9	—	10	—
Журналъ врачебныхъ наукъ (4-е книжки)	4	50	4	50
Журналъ Военно-Медицинскій	5	—	5	—
Журналъ Ветеринарной Медицины	11	50	13	—
Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній	4	30	5	—
Звѣздочка, дѣтскій журналъ, изд. А. Ишимовой: Отдѣленіе старшаго возраста . 3 р. — к. съ пересыл. 4 р. 50 к. Отдѣленіе младшаго возраста . 3 р. — к. съ пересыл. 4 р. 50 к. — а за оба вмѣстѣ платится	6	—	7	50
Земледѣльческая Газета (2 раза въ недѣлю)	2	—	2	—
Императоръ Александръ I-й и его сподвижники, (52 тетради текста и столько же портретовъ. Съ пересылкою сихъ портретовъ въ жестяномъ футлярѣ)	15	—	21	50
Иллюстрація, изд. Н. В. Кукольникомъ, (48 нумеровъ, 96 печатныхъ листовъ, съ 700 гравюръ)	10	—	11	50
Коммерческая Газета на русскомъ или нѣмецкомъ языкахъ	7	—	7	—
Литературная газета	11	50	13	—
Лѣсной журналъ	4	50	4	50
Мануфактурныя и Горнозаводскія извѣстія (еженедѣльно)	3	—	3	—
Маякъ, журналъ современнаго просвѣщенія (12-ть книгъ)	12	—	13	50
Messager de St.-Pétersbourg	5	—	5	—
Музыкальная Пчела	13	50	13	50
Нувелистъ, музыкальный журналъ (12-ть тетрадей)	10	—	11	50
Отечественныя Записки (12 кн.) издав. А. А. Краевскимъ	15	—	16	50
Посредникъ, газета промышлен. и реальныхъ наукъ	5	—	3	—
Репертуаръ и Пантеонъ (12 кн. съ парижс. карт., портретами и нотами)	10	—	11	50
Репертуаръ, или собраніе концертовъ для фортепіано	10	50	11	50
Русскій Инвалидъ, или Военныя вѣдомости	13	—	15	—
Репертуаръ или собраніе концертовъ двумя фортепіано	10	50	11	50
Русскій пѣвецъ издав. Алекс. Варламовымъ 100 № въ годъ	15	—	16	50
Сѣверная пчела издаваемая Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ	12	—	15	—
Современникъ литературный журналъ 12 книжекъ	7	15	8	60
С. Петербургскія вѣдомости издаваемыя Академіею наукъ	11	—	—	—
Сѣнатскія вѣдомости	6	—	8	—
» объявленія	6	—	8	—
» объявленія о запрещ.	7	2	9	20
Tygodnik	14	50	14	50
Финскій вѣстникъ 6 книжекъ	10	—	11	50
Христіанское чтеніе издаваемое при Спб. Духовной академіи 12 книгъ	6	—	6	13
Экономъ хозяйствен. общественная библіотека 52 тетрад. съ рисунками	6	—	7	—

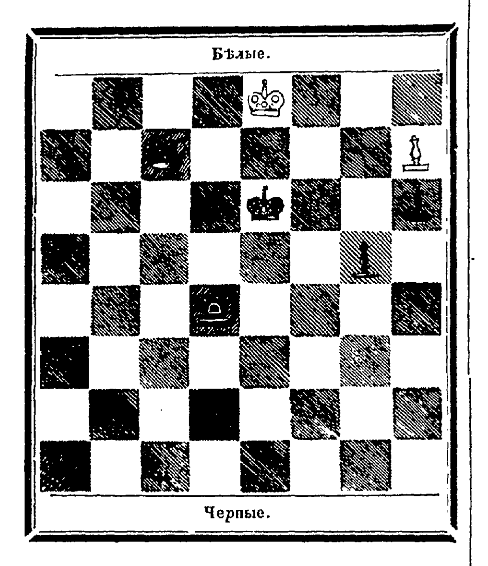
ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

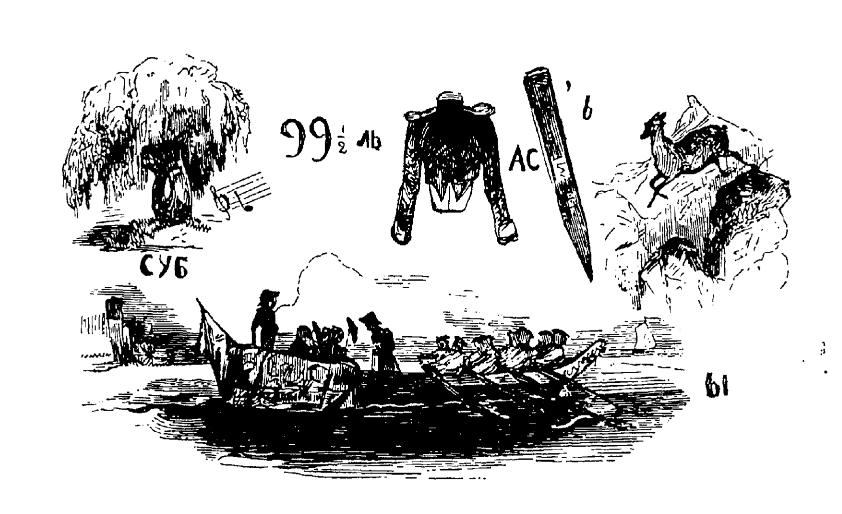
РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 30.

Бѣлые.	Черные.
1) Король на 2 м Сл.	Принужденные ходы.
2) Конь на 3 м. Сл. Кор.	
3) Конь на 4 м. Ф.	
4) Конь на 2 м. Кор,	
5) Конь на 1 м. Сл. Ф.	П. одно мѣсто.
6) Конь на 3 м. свое и матъ.	

Бѣлые даютъ матъ въ 6-ть ходовъ.



ЗАГАДКА № 32.



РАЗГАДКА № 31.

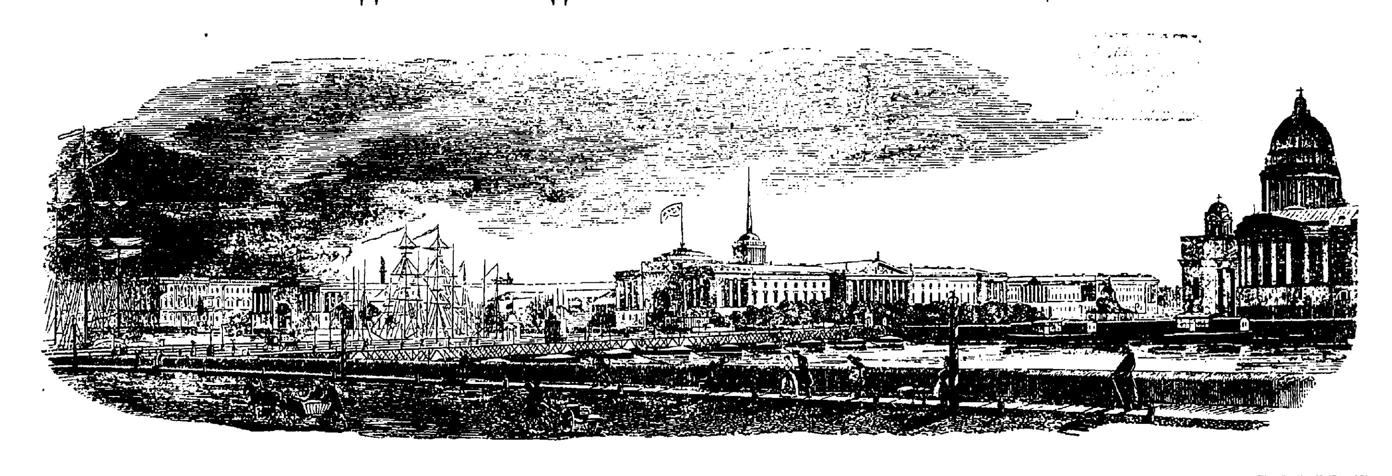
Печь, Али, р, ад, ость, оставъ, ля, ютъ въ сердцѣ, равно, с, лад, кій, я, воз, по, ми на нія.

Печаль и радость оставляютъ въ сердцѣ равно сладкія воспоминанія.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Ноября 16 дня 1845 года. Цензоры : А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 33. — Суббота, 24 Ноября 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 руб. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

МЕДАЛЬОНЪ.

СЛУЧАЙ.

Это было въ іюнѣ 1829 года.

Русскій отрядъ, составлявшій часть первой колоны войскъ, подъ личнымъ начальствомъ знаменитаго покорителя Ахалциха, весь день поднимался на крутизны Соганлугскаго хребта, отдѣляющаго Арзрумскій пашалыкъ отъ Карскаго. Этотъ фланговый маневръ былъ суворовскимъ дѣломъ графа Эриванскаго. Турки, напуганные блистательною кампаніею 1828 года, когда Карсъ, Ахалцихъ, Ахалхалаки и проч. преклонились передъ горстью Русскихъ, готовились къ отчаянной оборонѣ. Сераскиръ Арзрумскій долженъ былъ встрѣтить насъ съ 50 тысячами, а по мехжингертской дорогѣ, единственному удобному пути сообщенія отъ Карса въ Арзрумъ, устроены были громадные завалы, которые Турки работали цѣлую весну. За этими завалами находился ихъ сильно укрѣпленный лагерь съ 20 тысячами подъ начальствомъ храбраго Гагки-паши. — Но увы! надежда на эти приготовленія исчезла. Графъ Эриванскій фланговымъ движеніемъ по трудной дорогѣ зивинской обошелъ непріятельскую позицію и сталъ твердою ногою на вершинѣ Соганлуга.

Картина была восхитительная: между вѣковыхъ деревьевъ кой гдѣ мелькали огоньки, отражая огромныя тѣни пушекъ, лошадей и людей въ разныхъ положеніяхъ. Небо было чисто и милліоны звѣздъ роскошно блистали на темно-лазуревомъ сводѣ. Ущелія были одѣты какимъ то страннымъ полусвѣтомъ.

Ночь была прекрасная, но холодная. Не смотря на іюнь мѣсяцъ, холодъ былъ такъ чувствителенъ, что кто запасся буркой, не разъ поблагодарилъ себя за благоразумную предосторожность. Солдаты пожимаясь говорили: Ну, сторонка! и лѣтомъ морозъ!

У одного огонька, на разосланномъ коврѣ полулежали два офицера, завернувшись въ бурки. Передъ ними стоялъ благодѣтельный чайникъ, этотъ другъ военнаго въ походѣ, два стакана и связка кренделей. Это былъ весь запасъ, ими съ собою взятый, потому что тяжести остались назади, а войска шли налегкѣ.

Оба молча пили чай.

Одинъ былъ уже пожилой, давно находящійся на Кавказѣ, знакомый съ войною, знакомый съ горемъ; а другой, юноша въ полномъ цвѣтѣ жизни, но безъ надежды на будущее, и уже знакомый съ разочарованіемъ. Называли перваго Чалкинымъ, а втораго Могоньковымъ.

«Могоньковъ, Могоньковъ! сказалъ Чалкинъ, у тебя, братецъ, чай совсѣмъ простылъ. Ты опять замечтался. Полно, полно, кавказскому воину не годится фантазировать».

Могоньковъ взглянулъ на него и продолжалъ мечтать.

«Да перестань! ты скуку нагонишь! сейчасъ видно, что ты у насъ новичекъ. Погоди немного: когда загремятъ пушки, дымъ разстелется по горамъ, Русскіе, скрестя штыки съ крикомъ ура! бросятся на Турокъ, тогда проснется въ душѣ твоей сознаніе долга и чести и всѣ фантазіи разлетятся какъ дымъ.

— Правда, правда! Я жду этого роковаго часа, жду съ радостью; можетъ быть, найдется пуля, которая положитъ конецъ моимъ страданіямъ.

«Вотъ что! Понимаю: ты влюбленъ?»

— Безъ отрады и надежды.

«Общая пѣсня всѣхъ влюбленныхъ. А богиня твоя хороша?»

— Идеалъ красоты! Это одно изъ тѣхъ существъ, которыя благое провидѣніе даруетъ рѣдко нашему печальному міру...

«И прочая и прочая. А какъ ея имя?»

— Не знаю.

«Не дурно; по-крайней-мѣрѣ, кто она: дѣвица, дама, вдова?»

— И этого не знаю.

«Часъ отъ часу не легче! — Говорилъ ли ты съ нею?»

— Да, около часу.

«А потомъ.»

— Потомъ... не видалъ ее болѣе... Могоньковъ вздохнулъ.

«Ну, поздравляю! Я думалъ, что въ наше время исторія Ламангскаго рыцаря и Дульсинеи Тобозской не можетъ возобновиться, а теперь вижу, что ошибся.»

— Смѣйся, смѣйся, а мнѣ право не до смѣху... Я жестоко страдаю.

«Будь другъ, разскажи это необыкновенное событіе, этотъ рыцарскій романъ нашихъ временъ.»

— Хотя за твои насмѣшки и не слѣдуетъ разсказывать; но такъ и быть, изволь. Это меня облегчитъ нѣсколько. А если ты будешь надо мною смѣяться, то я пожелаю тебѣ такъ же влюбиться, какъ я. Хуже этого ничего быть не можетъ.

«Нѣтъ, братъ, въ мои лѣта это трудненько. — Разсказывай; я слушаю. — Только выпей напередъ чай. Промочивъ горло, говорится легче.»

Могоньковъ взялъ стаканъ, чай простылъ, и онъ выпилъ разомъ.

— Слушай, господинъ насмѣшникъ! Въ прошломъ году, когда вы здѣсь безъ пощады колотили Турокъ и брали крѣпость за крѣпостью, какъ карточные домики, я былъ въ отпуску въ Москвѣ по домашнимъ обстоятельствамъ, для приведенія въ порядокъ дѣлъ по наслѣдству послѣ дяди. У меня въ бѣлокаменной столько родни и знакомыхъ, что я едва успѣвалъ быть на именинахъ и на вечеринкахъ — веселился на пропалую. Прошла осень, наступила зима, а съ нею балы и маскарады. Злой геній шепнулъ мнѣ отправиться въ маскарадъ, который ежегодно бываетъ въ Новый годъ въ театральныхъ залахъ. Отправляюсь, вхожу, народу тма; есть и порядочные костюмы, только немного. Не будучи расположенъ сумасбродничать, я прохаживался весьма степенно по залѣ. Вдругъ вижу двухъ женщинъ, одѣтыхъ въ темныя домино съ желтой подкладкой. На лицахъ шелковыя полумаски. «Мнѣ очень дурно, сестрица», сказала одна, голосомъ, отъ котораго сердце мое запрыгало какъ птичка въ клѣткѣ, — «поѣдемъ домой». Съ этими словами обворожительная незнакомка зашаталась и, едва дойдя до стѣны опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Сопровождавшая ее маска въ испугѣ обратилась ко мнѣ; на бѣду, кромѣ меня никого тутъ не случилось. «Ради Бога, простите, что я осмѣлюсь васъ безпокоить; сестрѣ дурно, я не могу ее оставить; достаньте намъ стаканъ воды, извините...» Но я уже не слыхалъ словъ ея, а бѣжалъ въ буфетъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ графинъ воды и графинъ лимонаду. Интересная незнакомка уже открыла глаза и была безъ маски. Боже мой! что я увидѣлъ? Едва оба графина не вылетѣли у меня изъ рукъ. Описывать прелестныя черты незнакомки я не въ силахъ. Это было одно изъ совершеннѣйшихъ существъ, которое когда либо представлялось воображенію поэта. — Сестрица взяла у меня изъ рукъ графины, разсыпалась въ извиненіяхъ и благодарности, дала пить красавицѣ, намочила виски, и она обратила на меня свои голубыя глаза съ такимъ выраженіемъ, что я совер-

шенно растерялся. Нѣсколько времени разговоръ нашъ былъ безсвязенъ; потомъ, мало-по-малу, онъ принялъ тонъ обыкновеннаго разговора гостиныхъ. Но я не могъ свести глазъ съ ангельскаго личика моей незнакомки; она это замѣтила и что то пошептала своей сестрѣ, взглянувъ на меня съ какимъ-то особымъ выраженіемъ. Сестрица красавицы опять обратилась ко мнѣ: «Вы были такъ добры, что помогли намъ въ затруднительномъ положеніи; будьте такъ добры, чтобъ подать вашу руку моей сестрѣ и походить съ ней немного по залѣ; я тотчасъ возвращусь. Она еще такъ слаба, что не можетъ одна идти. Извините, что не имѣя чести лично быть съ вами знакомыми, мы безпокоимъ васъ.» — Помилуйте! я почту себя отмѣнно счастливымъ, подхватилъ я съ восторгомъ, и подалъ руку очаровательной незнакомкѣ. Еще не оправясь отъ обморока, она, по слабости, должна была опираться на мою руку, и я чувствовалъ себя неизъяснимо счастливымъ, ощущая прикосновеніе милой ручки. Сердце мое сильно билось, кровь кипѣла въ жилахъ; но это была самая восхитительная минута въ моей жизни. Мы прогуливались тихо, разговаривали, но о чемъ? не могу тебѣ сказать. Я былъ подъ вліяніемъ непостижимаго очарованія.

Прошло около получаса, сестрица возвратилась и моя незнакомка поспѣшно надѣла маску; обѣ поблагодарили меня за вниманіе и исчезли въ толпѣ.

Я остался на одномъ мѣстѣ, какъ пораженный громомъ. Меня толкали, глядѣли на меня съ усмѣшкою; я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ: былъ похожъ на статую. Думаю, что долго я былъ въ этомъ положеніи, потому что когда опомнился, зала была почти пуста. Я выбрался кое-какъ, машинально отыскалъ свой экипажъ, отправился домой и бросился одѣтый на постель. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Я былъ влюбленъ, влюбленъ до безумія! Но въ кого? Я ударилъ себя въ лобъ при этой мысли. Какъ не узнать кто она, не спросить о томъ прогуливаясь съ нею около часа? Глупо, очень глупо! Гдѣ я найду ее въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва? Любовь дѣлаетъ человѣка безумцемъ. Это не новое!

Едва только показался день, я схватилъ кисти, краски и нарисовалъ миніатюрный портретъ моей очаровательницы; сходство было поразительно. Черты ея отражались въ моемъ воображеніи, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ. Я отнесъ портретъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, велѣлъ сдѣлать роскошный медальонъ и надѣлъ на шею, какъ талисманъ благодѣтельнаго генія. Онъ не оставляетъ меня никогда.

Могоньковъ разстегнулъ сюртукъ и показалъ медальонъ Чалкину. Тотъ взглянулъ на черты красавицы при свѣтѣ догоравшаго костра, и сознался, что она была прелестна. —Мѣсяца два сряду, продолжалъ Могоньковъ, я отыскивалъ въ Москвѣ мой безподобный идеалъ, не пропускалъ ни одного публичнаго собранія, ни одного театральнаго представленія, ни одного бала. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Она исчезла, какъ метеоръ, оставя въ сердцѣ моемъ неизлечимую рану. Я возненавидѣлъ свѣтъ и людей, выпросился на Кавказъ, и теперь мое единственное желаніе, пасть со славою въ первомъ сраженіи, прижавъ къ груди въ послѣднюю минуту жизни портретъ моего незабвеннаго генія и пожелать ей всѣхъ благъ въ жизни.

Могоньковъ тяжело вздохнулъ.

Чалкинъ не смѣялся болѣе. Онъ крѣпко сжалъ руку товарища и сказалъ: «Я душевно о тебѣ сожалѣю.»

Свѣтало; раздались командныя слова. Войска тронулись.

—

Ярко блистало солнце 19-го іюня надъ высотами Соганлуга, когда русскія колонны, въ стройномъ порядкѣ шли аттаковать твердую позицію сераскира у селенія Каинлы. Огромныя массы турецкой кавалеріи покрывали скаты горъ и, какъ вихрь, устремлялись на Русскихъ; но встрѣченныя губительнымъ огнемъ нашей артиллеріи, устилали поле своими трупами. Жарко кипѣлъ бой, но графъ Эриванскій искуснымъ маневромъ разрѣзалъ на-двое непріятельскія силы; съ этой минуты участь сраженія была рѣшена. Турки дрогнули и побѣжали, бросая свои орудія по дорогѣ. Русскіе преслѣдовали ихъ около тридцати верстъ, и въ ночь на 20-е число возвратились на прежнюю позицію. Это чисто посуворовски! Утромъ, 20-го числа, грозныя колонны двинулись противъ укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Одно появленіе Русскихъ уже рѣшило дѣло безъ боя. Непріятель бросилъ лагерь и разсѣялся. Гагчи-паша со всею свитою взятъ въ плѣнъ.

Войска сосредоточились у Зивинскаго замка. На полугорѣ стояли отбитыя у Турокъ знамена, близь нихъ роскошная палатка Гагкипаши, въ которой задумчиво сидѣлъ этотъ военачальникъ, еще утромъ повелитель многихъ тысячь — теперь одинокій плѣнникъ. Еще ниже, окруженные цѣпью часовыхъ, отдыхали турецкіе плѣнники, взятые въ дѣлѣ съ сераскиромъ. Все громко говорило о славѣ русскаго оружія.

Чалкинъ и Могоньковъ встрѣтились у стѣнъ Зивинскаго замка.

— Мнѣ пріятно видѣть тебя по-веселѣе, сказалъ Чалкинъ; побѣда радуетъ русское сердце.

«Да, я счастливъ тѣмъ, что исполнилъ долгъ свой, счастливъ тѣмъ, что могу тебѣ доказать, что «она», какъ благодѣтельный геній хранитъ меня въ минуты опасностей.» Онъ показалъ Чалкину на своемъ сюртукѣ прожженное отверзтіе и, вынувъ медальонъ, показалъ верхнюю его доску сильно вдавленную: «Видишь, кто защитилъ меня: когда вражеская пуля ударила мнѣ въ грудь, — не будь этого медальона, — я бы уже не существовалъ.» И онъ съ жаромъ поцѣловалъ изображеніе своей очаровательной незнакомки.

—

Происшествія быстро слѣдовали одни за другимъ: іюня 25 покорена крѣпость Гассанъ-Кале; 27 столица Анатоліи, богатый и многолюдный Арзрумъ, отворилъ ворота; вслѣдъ за тѣмъ разбитіе Лазовъ и взятіе Байбурта заключило рядъ блистательныхъ побѣдъ въ Азіятской Турціи. Адріанопольскій миръ положилъ конецъ войнѣ, прославившей русское оружіе.

—

Войска Кавказскаго корпуса, за исключеніемъ отряда генерала Панкратьева, оставшагося въ Арзрумѣ, получили повелѣніе возвратиться въ свои предѣлы. Чалкинъ, подружась съ Могоньковымъ и принимая въ немъ искреннее участіе, уговорилъ его взять отпускъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Москву, обѣщая общими силами отыскивать романическую незнакомку. Этого было достаточно, чтобъ убѣдить Могонькова, и они зимою 1830 явились въ Москвѣ.

—

Въ половинѣ января, въ одномъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Москвы былъ балъ въ полномъ разгарѣ, когда Чалкинъ и Могоньковъ, также приглашенные, вошли въ залу. Танцовали кадриль, и они подошли къ очарованному кругу отдыхающихъ красавицъ, ожидавшихъ своей очереди скользить по паркету. Вдругъ Могоньковъ задрожалъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, схвативъ за руку Чалкина, молча указалъ на прелестно-одѣтую даму, стоявшую почти противъ нихъ въ нарѣ съ кавалергардскимъ офицеромъ. Тотъ взглянулъ и узналъ оригиналъ портрета — очаровательную незнакому, тихо пожалъ ему руку и шепнулъ: «Будь покоенъ; я познакомлюсь съ нею, я все узнаю.»—Могоньковъ въ восторгѣ готовъ былъ броситься въ его объятія, задушить своею благодарностью. Едва, едва чувство приличія удержало въ границахъ благоразумія его пламенную признательность. Котильонъ кончился и Чалкинъ проворно подскочилъ къ очаровательной незнакомкѣ. «Позвольте просить васъ на слѣдующій кадриль.»

—Съ удовольствіемъ.

Чалкинъ подошелъ къ Могонькову и сообщилъ ему успѣхъ своихъ переговоровъ.

Счастливый Могоньковъ былъ внѣ себя отъ восторга. Пока танцовали, онъ стоялъ у окна и съ восхищеніемъ смотрѣлъ какъ идеалъ его скользилъ по паркету. Онъ ни съ кѣмъ не промѣнялся бы своимъ настоящимъ положеніемъ; заиграли кадриль и онъ весь обратился въ зрѣніе. Чалкинъ повелъ свою даму, и они начали танцовать. Во время «антракта», чалкинъ посадилъ свою даму на стулъ, сталъ подлѣ нее; у нихъ завязался довольно бѣглый разговоръ, Могоньковъ съ робостью подошелъ, какъ приговоренный къ казни. Увидя его, Чалкинъ сказалъ своей дамѣ: «Вотъ мой кавказскій товарищъ, который имѣетъ честь быть вамъ знакомымъ. Узнаете ли вы его?»

Дама взглянула очень равнодушно на Могонькова и тихо сказала: «Не имѣю этого удовольствія.»

Бѣднаго Могонькова обдало холодомъ.

Въ это время подошелъ къ нимъ какой-то толстый господинъ съ рыжими бакенбардами. Дама Чалкина улыбнулась.

«Это мой мужъ, сказала она Чалкину, рекомендую.» Оба поклонились другъ другу довольно сухо.

Могоньковъ былъ какъ на огнѣ.

Господинъ съ рыжими бакенбардами ушелъ.

— à propos, сказала дама, обратясь къ Могонькову; гдѣ же я имѣла удовольствіе познакомиться съ вами?

— Прошлаго года, въ театральномъ маскарадѣ,—едва произнесъ тотъ, когда вамъ сдѣлалось дурно...

Дама подумала съ минуту и сказала. «А! помню; вы были такъ добры, что принесли мнѣ воды; благодарю. Извините, что не вспомнила съ перваго раза. Эти случаи такъ обыкновенны...»

Могоньковъ былъ совершенно уничтоженъ.

Въ эту минуту, молодцоватый кавалергардъ подошелъ къ дамѣ Чалкина и довольно фамильярно сказалъ: «На слѣдующую кадриль.»

Дама очаровательно улыбнулась и сказала: — «О! непремѣнно, съ особеннымъ удовольствіемъ.»

Могоньковъ зашатался и отошелъ къ окну. Ему сдѣлалось дурно. Едва онъ могъ дождаться окончанія кадриля.

Когда Чалкинъ посадилъ свою даму и откланялся, онъ подошелъ къ нему, крѣпко сжалъ руку и сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Ради Бога, поѣдемъ домой.»

Въ каретѣ, они оба молчали, одинъ потому что боялся растравить сердечную рану своего товарища, другой отъ избытка чувствъ.

Вдругъ Могоньковъ отворилъ окно кареты, сорвалъ съ себя медальонъ и выбросилъ его на улицу.

«Что ты дѣлаешь?» спросилъ Чалкинъ.

Могоньковъ судорожно сжалъ его руку и сказалъ: «Я не люблю ее болѣе, я никого не буду любить.»

На другой день обнаружилась сильная горячка у Могонькова; на пятый день его не стало.

П. З

ВОЕННАЯ ИГРА.

Военная игра есть изобрѣтеніе весьма древнее. Въ описаніи осады Трои упоминается, что греческіе воины, во время отдыха, занимались игрою, называвшеюся πεττεία, которая представляла, въ маломъ видѣ, аттаку крѣпости или укрѣпленнаго лагеря. У Римлянъ существовала подобнаго же рода игра, которая называлась Lusus latruncalorum. Нѣкоторымъ изъ древнихъ восточныхъ народовъ извѣстны были также игры въ родѣ новѣйшей «военной»; между ними, замѣчательнѣйшая, безъ сомнѣнія, есть шахматная, которую и донынѣ многіе считаютъ средствомъ къ упражненію въ военныхъ соображеніяхъ. Во времена рыцарства, слѣды военной игры мало-по-малу затерялись, потому что тогда успѣхъ войны болѣе зависѣлъ отъ умѣнья владѣть оружіемъ и личной храбрости воиновъ, нежели отъ искусныхъ соображеній полководца; впрочемъ и въ ту эпоху мы находимъ въ «турнирахъ» подражаніе настоящей войнѣ. Но послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія, когда военное искусство получило совершенно новое направленіе, и когда умѣнье вести войну сдѣлалось наукою сложною, требующею глубокихъ соображеній, военная игра начала болѣе и болѣе совершенствоваться, и приняла наконецъ тотъ обширный объемъ и правильный видъ, въ которомъ она нынѣ существуетъ.

Военная игра, въ началѣ текущаго столѣтія, получила свое возрожденіе въ Австріи и Пруссіи, отколь и мы ее первоначально заимствовали; но вскорѣ мы превзошли нашихъ наставниковъ, и въ настоящее время, военная игра достигла въ Россіи блестящей степени развитія.

Главная цѣль военной игры состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ условныхъ знаковъ, представить, въ уменьшенномъ видѣ, подробности военныхъ дѣйствій, и дать возможность играющимъ упражняться въ стратегическихъ и тактическихъ соображеніяхъ. Планъ военныхъ дѣйствій основывается на весьма многихъ и разнородныхъ элементахъ, или началахъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ болѣе или менѣе важное вліяніе на успѣхъ войны: но ни одно изъ нихъ не должно ускользнуть отъ вниманія полководца. По этому и военная игра, какъ представляющая картину настоящихъ военныхъ дѣйствій, должна быть также ведена сообразно со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя могутъ имѣть вліяніе на ходъ войны. Это показываетъ, сколь обширными сдѣлались бы предѣлы военной игры, если бы играющіе имѣли возможность выполнить всѣ ея требованія, съ строгою точностью. Многіе старались довести военную игру; именно до этой степени совершенства: но разбирая внимательно всѣ трудности, нераздѣльныя съ подобнаго рода игрою, легко убѣдиться, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются почти непреодолимыми. Достаточно обратить вниманіе на одну токмо мѣстность той страны, въ которой ведется война, какъ на предметъ, имѣющій особенно важное вліяніе на ходъ дѣйствій. Для совершеннаго удовлетворенія, въ этомъ отношеніи, требованій военной игры, надлежало бы имѣть самый подробный топографическій планъ театра дѣйствій, что если несовершенно невозможно, то по-крайней-мѣрѣ сопряжено съ большими трудностями и значительными издержками. Употребленіе же плана, не представляющаго всѣхъ подробностей, не принесло бы желаемой пользы, потому что вліяніе самыхъ даже незначительныхъ измѣненій мѣстности, въ особенности при дѣйствіяхъ малыхъ отрядовъ, оказывается, во многихъ случаяхъ, весьма важнымъ. Другое, не меньшее затрудненіе встрѣчается въ томъ, что играющіе должны имѣть удовлетворительныя статистическія свѣдѣнія о театрѣ войны, для соображенія всѣхъ дѣйствій войскъ, соотвѣтственно средствамъ края. Эти два обстоятельства, то есть, недостатокъ подробныхъ плановъ и невозможность имѣть точныя статистическія свѣдѣнія, сдѣлались причиною, что въ новѣйшее время, при военной игрѣ, довольствуются такими топографическими планами, на которыхъ обозначены важнѣйшія измѣненія мѣстности, имѣющія особенное вліяніе на тактическія дѣйствія войскъ; что же касается до статистическаго состоянія страны, то играющіе руководствуются, обыкновенно, общими свѣдѣніями и токмо въ необходимыхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ свѣдѣніямъ болѣе подробнымъ.

Здѣсь предлагается краткое описаніе принадлежностей военной игры и примѣрнаго ея хода, въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ существуетъ у насъ.

Принадлежности военной игры суть слѣдующія: 1) Топографическій планъ театра дѣйствій. 2) Условные знаки или шашки, изображающія войска. 3) Маасштабъ для опредѣленія движеній войскъ. 4) Маасштабъ для опредѣленія дальности выстрѣловъ. 5) Кости для рѣшенія сомнительныхъ случаевъ, не подлежащихъ точному разсчету и 6) таблица для отмѣтки убыли, убитыми и ранеными.

1) Планъ и 2) войска. Главную принадлежность военной игры составляетъ обыкновенный ситуаціонный планъ, на которомъ неровности мѣстности представлены такъ, чтобы, по первому взгляду, можно было опредѣлить покатости и оцѣнить ихъ вліяніе на дѣйствіе и движеніе войскъ. Для изображенія же самыхъ частей войскъ, употребляются особеннаго рода условные знаки или шашки, (обыкновенно оловянныя или свинцовыя), прямоугольнаго вида, различной величины, и раскрашенныя различнымъ образомъ, для означенія всѣхъ родовъ войскъ. Достаточно одинъ разъ взглянуть на эти шашки, чтобы получить ясное понятіе о ихъ значеніи и употребленіи. Само собою разумѣется, что маасштабъ для плана и для войскъ долженъ быть одинаковый: онъ обыкновенно бываетъ $= 1/_{8400}$, то есть, сто саженъ въ англійскомъ дюймѣ. При этомъ маасштабѣ, шашки, изображающія самыя даже малыя части войскъ, могутъ имѣть удовлетворительный размѣръ.

3) Маасштабъ для опредѣленія движеній войскъ. Время, потребное для совершенія какого нибудь походнаго или боеваго движенія, раздѣляется, въ военной игрѣ, на части, называемыя ходами. — Каждый ходъ (zug) изображаетъ двѣ минуты времени, и на этомъ раздѣленіи основываются всѣ разсчеты при движеніяхъ и дѣйствіяхъ войскъ. — Разстояніе, пройденное войсками въ теченіе одного хода, соотвѣтствуетъ тому протяженію, которое дѣйствительно можетъ быть пройдено въ двѣ минуты. Такъ какъ вся точность игры зависитъ отъ правильнаго разсчета времени, потребнаго для движеній и дѣйствій войскъ, то для сего употребляется особый маасштабъ, на которомъ означено, какое протяженіе можетъ проходить каждый родъ войскъ, въ данное время и съ опредѣленною скоростью, соотвѣтственно мѣстности, свойствамъ самыхъ войскъ и цѣли движенія. По этому маасштабу, принято разсчитывать ходы (въ 2 минуты каждый), слѣдующимъ образомъ:

Скорость движенія походной колонны, состоящей изъ одного или нѣсколькихъ родовъ войскъ, 200 шаговъ.

Скорость движенія пѣхоты и пѣшей артиллеріи въ бою, 250 шаговъ.

Скорость движенія пѣшей артиллеріи на отвозахъ, а пѣхоты бѣглымъ шагомъ, 400 шаговъ.

Скорость движенія кавалеріи и конной артиллеріи рысью, и пѣшей артиллеріи на малыхъ разстояніяхъ съ посаженіемъ прислуги на орудія, 600 шаговъ.

Скорость движенія кавалеріи и конной артиллеріи въ галопъ, аттака тяжелой кавалеріи и скорость ѣзды адъютантовъ и ординарцевъ, посылаемыхъ съ приказаніями, 800 шаговъ.

Аттака легкой кавалеріи, движеніе конной артиллеріи въ карьеръ, 900 шаговъ.

При построеніяхъ соблюдается тотъ же самый разсчетъ, принимая въ соображеніе разстояніе, которое должны проходить перестраивающіяся части.

Исчисленныя выше разстоянія опредѣлены при томъ предположеніи, что мѣстность, на которой войска двигаются и дѣйствуютъ, не представляетъ особенныхъ препятствій. Но если бы мѣстность была гористая, лѣсистая, болотистая и т. п., тогда скорость движеній должна быть уменьшаема соотвѣтственно встрѣчаемымъ препятствіямъ. Степень этого уменьшенія опредѣляется особыми таблицами, при составленіи которыхъ принимаются въ соображеніе всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на скорость походныхъ и боевыхъ движеній войскъ.

4) Маасштабъ для опредѣленія дальности выстрѣловъ, раздѣленъ на части величиною во 100 шаговъ, и показываетъ, съ какого разстоянія должно открывать стрѣльбу ядрами, гранатами, ближнею и дальнею картечью, какъ изъ легкихъ, такъ и изъ батарейныхъ орудій. При употребленіи этого маасштаба принимается также въ соображеніе, производится ли стрѣльба прицѣльная, рикошетная, настильная или навѣсная. Для ружейной и штуцерной стрѣльбы употребляется тотъ же самый маасштабъ, принимая 400 шаговъ за самое дальнее разстояніе для ружейнаго и 600 для штуцернаго выстрѣла.

5) Кости. На войнѣ случается не рѣдко, что успѣхъ или неудача происходятъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть подчинены никакому разсчету. Такъ напримѣръ, хорошій нравственный духъ войскъ не рѣдко даетъ перевѣсъ надъ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ. Это вліяніе нравственной силы дѣлается особенно ощутительнымъ подъ огнемъ артиллеріи и при аттакахъ холоднымъ оружіемъ. Для опредѣленія результата такихъ дѣйствій, невозможно прибѣгать къ точнымъ разсчетамъ; а потому, въ военной игрѣ, въ подобныхъ случаяхъ, употребляются кости, имѣющія видъ обыкновенныхъ игральныхъ костей. Онѣ приспособлены ко всѣмъ обстоятельствамъ, болѣе или менѣе благопріятствующимъ успѣху дѣйствій, такъ, что каждый изъ играющихъ, для рѣшенія сомнительнаго случая, беретъ нумеръ кости, соотвѣтствующей положенію, въ которомъ онъ находится. Для лучшаго объясненія приложенъ здѣсь чертежъ, который изображаетъ всѣ пять костей и можетъ дать понятіе о ихъ наружномъ видѣ и употребленіи. (См. чертежъ.) Римскія цифры означаютъ нумеръ кости. Бѣлые и черные кружки служатъ для опредѣленія содержанія между выгодами и невыгодами положенія, въ которомъ находятся обѣ стороны, аттакующая и обороняющаяся. Для рѣшенія сомнительнаго случая, посредникъ *) избираетъ кость, приличную положенію обѣихъ сторонъ, и назначаетъ каждой изъ нихъ соотвѣтствующій цвѣтъ кружковъ. И такъ, напримѣръ, если обѣ стороны дѣйствуютъ при равныхъ выгодахъ, тогда употребляется кость № 1 (3 черные и 2 бѣлые кружка); если выгоды одной стороны относятся къ выгодамъ другой, какъ 3 : 2, тогда должно взять кость № 2 (3 черные и 2 бѣлые кружка). Содержаніе черныхъ кружковъ къ бѣлымъ, во всѣхъ пяти костяхъ, есть слѣдующее:

---

*) Обязанности его описаны ниже.

Кость № 1 . . . . . 1:1
— № 2 . . . . . 3:2
— № 3 . . . . . 2:1
— № 4 . . . . . 3:1
— № 5 . . . . . 4:1.

Когда выгоды и невыгоды обѣихъ сторонъ находятся еще въ большей несоразмѣрности, тогда аттака въ игрѣ не допускается и слабѣйшая сторона должна отступить.

Для означенія содержаній 3:2, 3:1, 4:1, необходимо было оставить нѣкоторыя стороны костей *порожними*; если случится, что кость падетъ порожнею стороною кверху, то должно бросать ее вторично.

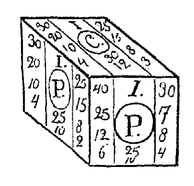
Находящіяся внутри кружковъ буквы О, Р, С, (отступленіе, разбитіе, совершенное пораженіе), опредѣляютъ, въ какомъ видѣ должна производить отступленіе побѣжденная часть. Въ «первомъ» случаѣ, она отступаетъ въ порядкѣ, и можетъ, послѣ нѣсколькихъ ходовъ, снова вступить въ бой; во «второмъ», потеря считается уже столь значительною, что отступившая часть, съ большимъ токмо трудомъ, можетъ снова вступить въ дѣло; наконецъ, въ «послѣднемъ» случаѣ, разбитая часть считается обращенною въ бѣгство и неспособною къ возобновленію боя.

Потеря отъ аттакъ холоднымъ оружіемъ, въ пѣхотѣ и кавалеріи, опредѣляется числами, находящимися подъ кружкомъ: «первое», означаетъ потерю, претерпѣнную полубаталіономъ пѣхоты (силою въ 450 человѣкъ), а «второе», эскадрономъ кавалеріи (въ 120 лошадей). Потеря, претерпѣваемая аттакующимъ отъ огня обороняющагося, считается всегда вполовину противъ потери побѣжденнаго.

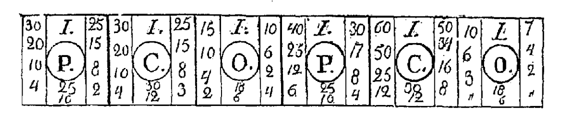
Числа, находящіяся по обѣимъ сторонамъ кружковъ, означаютъ потерю, понесенную отъ огнестрѣльнаго дѣйствія ручнымъ оружіемъ и артиллеріею. Для оцѣнки первой, назначаются кости № 1 и 2: цифры, находящіяся на лѣвой сторонѣ, означаютъ убыль, произведенную огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ сомкнутой, а на правой сторонѣ, разсыпной пѣхоты, на разстояніи 100, 200, 300 и 400 шаговъ. Для опредѣленія потери отъ огня орудій, назначаются кости №№ 3 и 5. Первая изъ нихъ употребляется, когда батарея дѣйствуетъ при выгодныхъ, а вторая, при невыгодныхъ обстоятельствахъ. Цифры на лѣвой сторонѣ кружка означаютъ уронъ, произведенный батареею изъ 8-ми батарейныхъ, а на правой, батареею изъ 8-ми легкихъ орудій, при дѣйствіи ближнею картечью, дальнею картечью, навѣсными и рикошетными выстрѣлами.

Должно вообще замѣтить, что цифры, выражающія потерю, означаютъ, не число людей, а число «очковъ»; каждое же очко имѣетъ различное значеніе, смотря по роду войскъ и ихъ строю. И такъ:

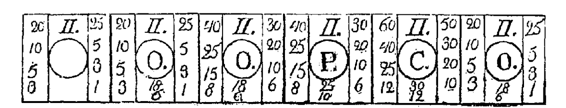
въ сомкнутой пѣхотѣ, одно очко значитъ 5 человѣкъ,
въ разсыпной пѣхотѣ, 2 очка значатъ 3 человѣка,
въ сомкнутой кавалеріи, 2 очка значатъ 3 всадника,
въ артиллеріи, 12½ очковъ, знач. 1 орудіе.



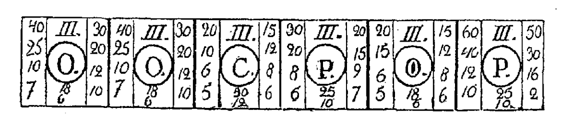
КОСТЬ № I.



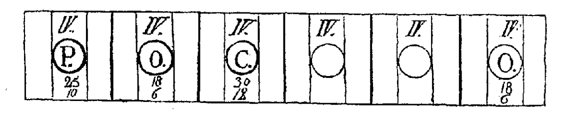
КОСТЬ № II.



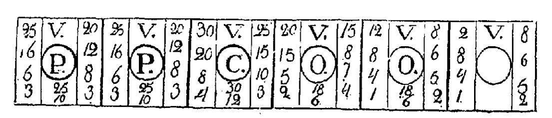
КОСТЬ № III.



КОСТЬ № IV.



КОСТЬ № V.



Кости употребляемые при военной игрѣ.

Слѣдовательно, если потеря одной стороны составитъ 180 очковъ пѣхоты, тогда играющій снимаетъ одинъ баталіонъ, который считается уже уничтоженнымъ, и т. д. При менѣе значительной потерѣ, шашка, означающая баталіонъ, замѣняется меньшею, соотвѣтствующею числу людей уцѣлѣвшихъ въ баталіонѣ. То же самое соблюдается и въ другихъ родахъ войскъ.

б) *Таблицы для отмѣтки убыли.* Потеря, понесенная въ продолженіе одного или нѣсколькихъ ходовъ, отъ огнестрѣльнаго дѣйствія или отъ аттакъ холоднымъ оружіемъ, и выраженная числомъ очковъ, на костяхъ, бросаемыхъ играющими, отмѣчается каждый разъ на особой для того таблицѣ. Эта таблица раздѣлена на два главныя отдѣленія, для показанія убыли обоихъ противныхъ корпусовъ; каждое отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ графъ, соотвѣтствующихъ различнымъ родамъ войскъ. Когда число отмѣченныхъ на таблицѣ очковъ составитъ полубаталіонъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи или взводъ (2 орудія) артиллеріи, тогда шашки, выражающія уничтоженныя части, снимаются съ плана и исключаются изъ игры.

Примѣрный ходъ игры. Для военной игры потребно не менѣе трехъ лицъ. Одно изъ нихъ, избранное въ посредники, составляетъ общее предположеніе, опредѣляетъ число войскъ для каждой стороны, назначаетъ главныхъ начальниковъ въ оба противные корпуса, даетъ назначеніе остальнымъ лицамъ, участвующимъ въ игрѣ, и наконецъ сообщаетъ каждой сторонѣ такія свѣдѣнія о силѣ и первоначальномъ расположеніи непріятельскихъ войскъ, которыя дѣйствительно могутъ быть получены, въ военное время, посредствомъ рекогносцировокъ, лазутчиковъ, и т. п.

На основаніи этихъ первоначальныхъ свѣдѣній, каждая изъ играющихъ сторонъ составляетъ диспозицію и сообщаетъ ее посреднику, который, согласно съ тѣмъ, дозволяетъ выставить на планѣ тѣ части обоихъ корпусовъ, которыя дѣйствительно могутъ находиться въ виду другъ у друга. Потомъ каждый изъ играющихъ, по собственному усмотрѣнію и съ согласія посредника, дѣлаетъ одинъ или нѣсколько ходовъ. По мѣрѣ сближенія войскъ выставляются на планъ тѣ части, которыя могутъ быть видимы противникомъ. Въ продолженіе игры принимается въ соображеніе и время, необходимое для передачи приказаній въ тѣ части войскъ, которыя находятся въ значительномъ разстояніи отъ главныхъ силъ.

Всѣ движенія и дѣйствія войскъ производятся не иначе, какъ съ согласія посредника, который имѣетъ всегда рѣшительный голосъ: играющіе должны безпрекословно ему повиноваться, хотя бы они даже и не соглашались съ нимъ въ мнѣніи. Обязанности же посредника суть слѣдующія: а) наблюдать, чтобы всѣ движенія войскъ производимы были правильно и сообразно съ маасштабомъ. b) Своевременно увѣдомлять одну изъ играющихъ сторонъ о скрытныхъ движеніяхъ другой, и выставлять на планъ тѣ части, которыя должны находиться въ виду другъ у друга. с) Вести точный разсчетъ убыли обѣихъ сторонъ, отмѣчать ее на таблицѣ, и исключать уничтоженныя части войскъ изъ игры. d) Рѣшать безпристрастно всѣ сомнительные и затруднительные случаи, встрѣчающіеся въ игрѣ, и опредѣлять, какія кости, въ какихъ обстоятельствахъ, должны быть бросаемы каждою изъ играющихъ сторонъ.

Что касается до правилъ военной игры, то мы не находимъ возможности объяснить ихъ здѣсь удовлетворительнымъ образомъ: во-первыхъ, потому, что даже краткое ихъ изложеніе заставило бы насъ выйти изъ предѣловъ журнальной статьи; а во-вторыхъ, потому, что для ихъ уразумѣнія необходимы спеціальныя свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ, въ особенности въ тактикѣ. — Эти соображенія заставили насъ ограничиться поверхностнымъ описаніемъ военной игры, удобопонятнымъ для читателей Иллюстраціи, не занимающихся военными науками.

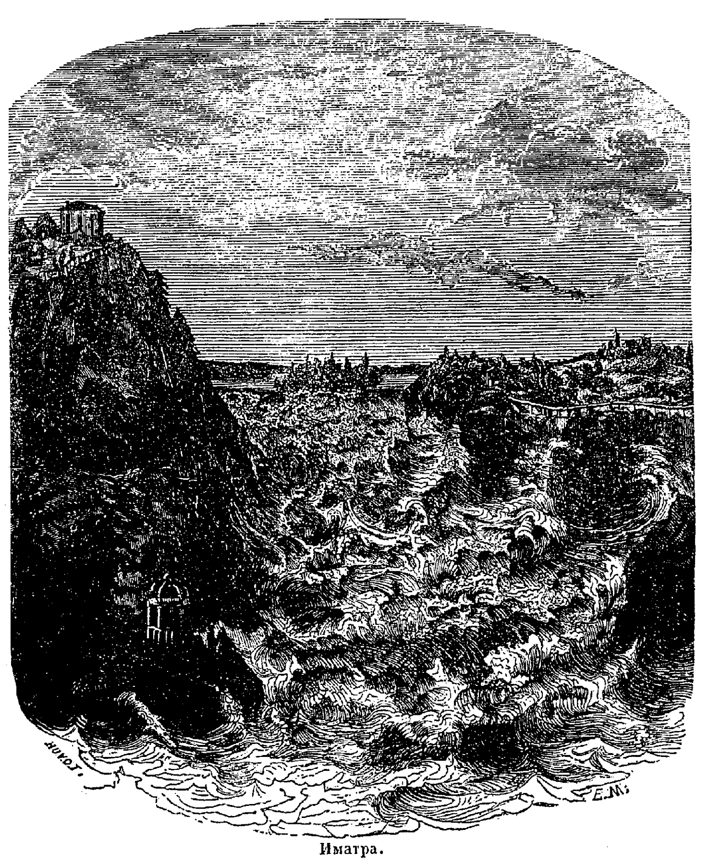
Ал. Кузминскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССІИ.

ИМАТРА.

«...Мы возвращались въ августѣ изъ Гельсингфорса; погода стояла прекрасная, какъ будто нарочно благопріятствуя, не путешествію, а прогулкѣ нашей по живописной Финляндіи. И правду сказать, Финляндія стоитъ внимательной и продолжительной прогулки, съ одного конца до другаго. До Лапландіи мы небольшіе охотники, но за то окрестности Тавастгуста, Вильманштранда, прибрежные города старой и новой Финляндіи, озеро Сайма съ своимъ архипелагомъ и водопадомъ у Иматры, образуемымъ однимъ истокомъ этого озера, займутъ, поправятся и запечатлѣются на всегда въ памяти, хотя бы вы объѣхали уже всѣ страны свѣта. Въ этихъ видахъ есть особая физіономія, исполненная дикой, но высокой поэзіи. И такъ мы гуляли по Финляндіи и къ вечеру добрались до Фридрихсгама. Времени оставалось еще довольно, чтобы успѣть въ Петербургъ къ сроку; мы рѣшились повернуть на Вильманштрандъ, чтобы посмотрѣть на Иматру... Темнѣло. На козлы коляски взмостился Пойга, мальчикъ, не смотря на всѣ наши протесты. Дорога ужасно гориста, темно, но смотритель не смотрѣлъ на всѣ наши представленія, и мы не безъ страха тронулись въ путь. Мы не отъѣхали и трехъ верстъ, какъ уже совершенно стемнѣло. Пойга, болтая на неизвѣстномъ языкѣ, управлялъ четверкой съ удивительнымъ искуствомъ; право, казалось, что у него кошечьи глаза; дороги не видно, да и днемъ тутъ трудно бы видѣть дорогу, потому что во многихъ мѣстахъ дороги вовсе не было; по темени гранитной скалы экипажъ катился, пугая насъ страннымъ звукомъ колесъ; по совершенно голому камню Пойга умѣлъ угадывать свой путь, спускался съ ужасныхъ высотъ съ искуствомъ и плутовствомъ. Онъ зналъ, что на станціи запугали насъ горами; онъ, какъ умѣлъ, такъ разсказалъ, что всего двѣ горы трудны; мы давно уже проѣхали эти опасныя мѣста, а Пойга все еще увѣрялъ, что горы впереди. Вотъ мы уже на станціи. — А горы?.. Проѣхала! отвѣчалъ плутоватый Пойга, не измѣняясь въ лицѣ. Мы очень обрадовались умному обману, но не рѣшились ѣхать дальше. На другой день, довольно уже поздно, мы съ высокихъ горъ увидѣли Сайму; это чудное озеро какъ будто вырыто по хитрому плану архитектора въ огромномъ саду; кажется, передъ вами прудъ, не больше, но по этому пруду ходятъ большія мачтовыя суда. Мы вспомнили о проэктѣ прорытія канала отсюда къ Выборгской бухтѣ, и намъ представилась картина всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, отъ исполненія этого важнаго предпріятія. Намъ было весело, не смотря на погоду, которая стала хмуриться и за Вильманштрандомъ, не дождь, а какая-то сырость тихо лилась съ неба, закутаннаго въ сплошную сѣрую тучу. Далече слышали мы шумъ воды и воображали, что это Иматра; не видавъ ее никогда, ни въ натурѣ, ни на картинѣ, мы надѣялись найти паденіе воды, отвѣсно летящей съ огромной высоты; пріѣхали, ночь; въ большой бесѣдкѣ, не такъ давно построенной, на самомъ высокомъ пунктѣ скалъ, приставленныхъ къ рѣкѣ, — гости, и само-собою разумѣется, петербургскіе. Экипажи у крыльца. Входимъ — знакомые; они также смѣнили другихъ гостей и, полюбовавшись на водопадъ, уступили вамъ мѣсто; содержателя не было. На столѣ и подъ столомъ въ прихожей наставлено бутылокъ; выбирайте любое вино, пейте, никто объ этомъ не заботится; на ярлыкахъ, для вашего свѣдѣнія и памяти, написана цѣна, чтобы, если вздумаете разсчитываться, такъ не позабыли заплатить и за вино. Васъ не спросятъ; извольте помнить сами. Павильонъ состоитъ изъ довольно большой залы, обращенной окнами на водопадъ, да изъ двухъ спальныхъ комнатъ, раздѣленыхъ узкими сѣнями; комнаты убраны даже роскошно. Сверхъ того, для посѣтителей есть еще хорошія помѣщенія, тутъ же въ домахъ обывательскихъ.

Пока ставили самоваръ, стряпали ужинъ, мы побѣжали смотрѣть на водопадъ, но по ночи мы увидали только широкую и длинную бѣлую ленту, которая вволновалась на глазахъ нашихъ съ оглушительнымъ шумомъ, къ которому легко привыкнуть; по-крайней-мѣрѣ мы скоро съ нимъ освоились, и подъ этотъ поэтическій шумъ спали преспокойно; но за то утромъ этотъ шумъ волшебной силой увлекалъ наше любопытство. Мы поспѣшно одѣлись и отошли къ водопаду. Употребляемъ это слово за неимѣніемъ другаго; но отвѣснаго паденія воды здѣсь нѣтъ. Справедливо называютъ это паденіе: Wasserström, водостремленіемъ; истокъ Саймы за нѣсколько верстъ до Иматры стремится по наклонной поверхности; здѣсь эта наклонность теряетъ свою постепенность; вода, добѣжавъ до этого мѣста, чтобы соскочить въ долину, въ нѣдрахъ скалъ на отлогости въ полверсты, выкопала, вырыла, вырвала себѣ неровное ложе; волны точно бѣшеныя бросаются съ горы, встрѣчаются съ тайными камнями, которые ихъ подбрасываютъ на значительную высоту и расхлестываютъ въ мелкія брызги; на этомъ довольно значительномъ пространствѣ — ужасная суматоха. Волны мечутся и взадъ, и впередъ, и на берегъ, то проваляется въ неизмѣримую неизвѣстную бездну; но тамъ уже есть жильцы, и новыхъ посѣтителей прогоняютъ съ яростію подбрасывая вверхъ фонтаномъ; иныя переливаются черезъ тайную скалу, стекляннымъ колпакомъ; сами волны округлили бѣдный камень. Сила стремленія невѣроятна; Финнъ, который провожалъ насъ къ навѣсу, поставленному у подошвы этого водоската, поднялъ огромное бревно; двѣ руки не охватывали бревна; Финнъ не безъ труда бросилъ его въ воду: мгновеніе, бревно сломало на двое, еще мгновеніе, и вода, раскидываясь стекляннымъ колпакомъ, какъ мы выразились, пронесла только щепки. И что можетъ бренное дерево, когда вода обтачиваетъ огромные булыжники въ мелкіе разныхъ и довольно красивыхъ формъ камешки, которыми запасается почти каждый посѣтитель, чтобы потомъ бросить за окошко. Это водостремленіе вселяетъ сначала ужасъ, но потомъ такъ чаруетъ глазъ, такъ увлекаетъ умъ и воображеніе, что глядишь на эту вѣчную, неумолкающую бурю съ удовольствіемъ, съ жадностью; можно засмотрѣться, забыться и простоять надъ стремниной безъ мысли — долго, долго. Погода и тутъ намъ благопріятствовала; угождая намъ, она была утромъ насмурна, къ обѣду вышло изъ тучь солнце, облило своимъ золотомъ сѣдую массу воды, изукрасило ее безчисленными разноцвѣтными огнями. Казалось, что вода играетъ драгоцѣнными камнями; эффектъ величественный, ослѣпительный. Едва къ вечеру мы рѣшились разстаться съ этой дивной Иматрой; прощаясь, мы опять вспомнили о проэктѣ соединенія Саймы съ моремъ; а что, подумали мы, если необходимая убыль воды осушитъ истокъ Саймы, который столько вѣковъ рылъ себѣ эти великолѣпныя ворота? Намъ стало грустно... Выборгъ и садъ барона Николаи едва на другой день развѣяли грусть нашу...



Иматра.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Ученыя извѣстія. — Феноменъ. — Электрическій смерчъ. — Двѣ лошади. — Замокъ Ферней. — Братъ и сестра. — Забавная ошибка. — Новыя изобрѣтенія. — Новый журналъ. — Кормилица. — Дуэль за лошадь. — Освистаный пѣвецъ. — Авторъ Трехъ Мускетеровъ. —

Ученыя извѣстія. Гальванисмъ въ послѣдніе годы зашелъ въ области разныхъ наукъ. Медицина давно пользуется его помощью, а теперь и хирургія находитъ въ немъ могущественнаго и благодѣтельнаго сотрудника. Многіе жаловались намъ на краткость ученыхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ Иллюстраціи; повторяемъ, что мы странствуя, только указываемъ на важныя открытія, а объяснять ихъ въ подробности дѣло спеціальныхъ и энциклопедическихъ журналовъ. Многія изобрѣтенія дѣйствительно заслуживаютъ обширныхъ техническихъ статей, что по возможности и дѣлается; но какимъ образомъ можемъ мы войти въ подробности, напримѣръ, этого хирургическаго открытія. Довольно если скажемъ, главный хирургъ главной ліонской, больницы, г. Петркенъ достигъ до того, что безъ операціи лечитъ аневризмы посредствомъ гальвано-пунктуры или вкалыванія двухъ стальныхъ булавокъ, соединяя ихъ головки съ полюсами гальваническаго столпа. Эти леченія производилъ онъ въ присутствіи многихъ врачей и зрителей. Изъ трехъ приведенныхъ имъ примѣровъ, одинъ послѣдній, былъ совершенно удаченъ и не оставляетъ сомнѣнія въ дѣйствительности средства. Аневризма разошлась отъ одного сеанса! Другіе два были менѣе удачны, но при всемъ томъ проблема разрѣшена; опытъ озаботится о благодѣтельномъ примѣненіи способа и тѣмъ избавитъ отъ кровавыхъ операцій, которыя при всемъ искуствѣ врача, при удачѣ даже самого производства, не всегда вѣнчаются благополучнымъ исходомъ.

— Картофель, послѣ пріѣзда своего изъ Америки, жилъ долго въ Европѣ весело и здорово; но отъ старости захворалъ и привелъ въ ужасъ народы своимъ опаснымъ недугомъ. Тутъ гальванизмъ не могъ оказать никакой помощи; отправились на родину больнаго картофеля и нашли тамъ аракагу, растеніе, давно извѣстное, имѣющее также весьма питательный корень. Оно плодится еще въ большемъ числѣ, нежели картофель, и можетъ быть легко оклиматизировано въ Европѣ. Теперь обдумываютъ средства о переселеніи аракага. Вѣроятно, картофель выздоро-

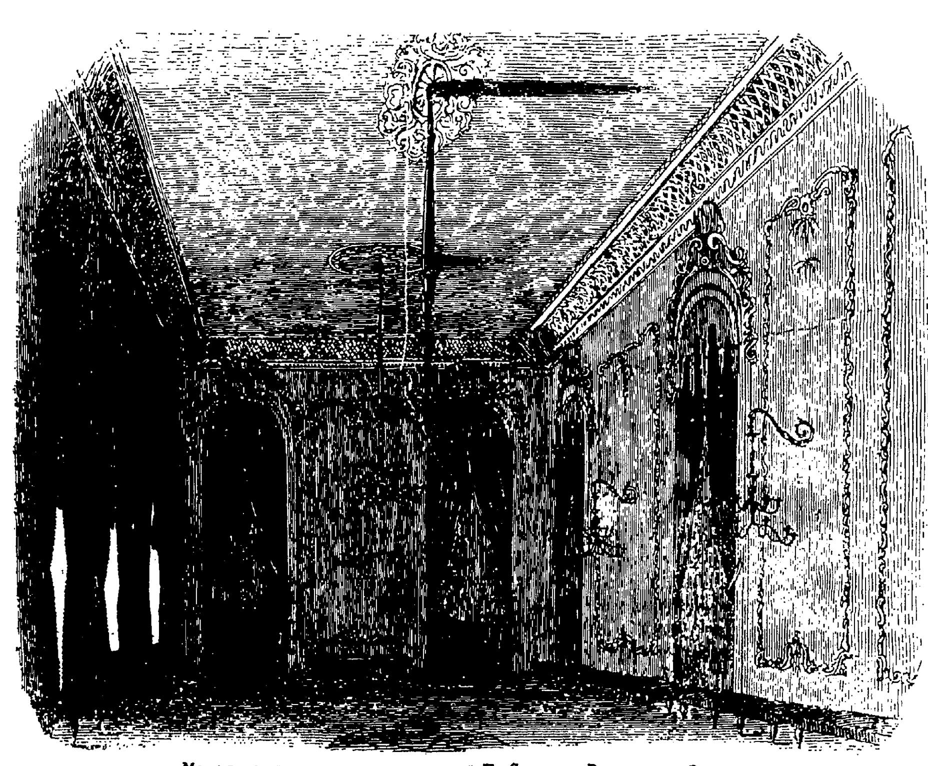
мѣткой и вѣрной наблюдательности; но этого мало и въ прошлыхъ годахъ онъ писалъ водевили; онъ приложилъ руку и къ другимъ піэсамъ; комедія «Нечего дѣлать» появилась — нельзя сказать въ переводѣ; — она приняла оригинальный видъ; она усыпана блестками остроумія и прекрасными куплетами; во всемъ спектаклѣ замѣтили мы стараніе бенефиціанта угодить публикѣ; на цѣлой афишѣ мы не нашли ни одного гаерскаго выраженія, ни одной погремушки бенефиснаго шарлатанства — и театръ былъ наполовину пустъ. Вотъ вамъ, Петръ Андреевичъ, награда за вашу добросовѣстность, за ваше стараніе угодить публикѣ. Прискорбно, да мы уже такъ привыкли къ измѣнчивости вкуса нашей публики, что не удивились неожиданному явленію; а такъ какъ мы дали себѣ слово никогда ничѣмъ не огорчаться, то и приказали себѣ подумать: какая скверная погода! *Она, видно, виновата.*

Да, ужасная погода! Она уморила всѣ городскія новости. А если и оставила одну новость, такъ и та печальная, похоронная. Руская исторія, руское просвѣщеніе лишились вѣрнаго, неутомимаго дѣятеля. Дмитрій Ивановичъ Языковъ скончался на прошедшей недѣлѣ, здѣсь, въ С. Петербургѣ, текущаго 13-го ноября. Д. И. Языковъ родился въ Москвѣ 1773 года, 14 октября, воспитывался дома и въ частномъ пенсіонѣ служилъ въ гвардіи и перешелъ въ гражданскую службу въ 1802 году; на этомъ поприщѣ все время службы провелъ по министерству просвѣщенія, былъ директоромъ департамента, потомъ непремѣннымъ секретаремъ Императорской Россійской Академіи, наконецъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи, по отдѣленію рускаго языка и словесности. Д. И. много трудился для Руской Исторіи; онъ издалъ Шлецерова Нестора на рускомъ языкѣ, Лерберга, Путешествія Плано, Карпини и Асцелина, Записки В. А. Нащокина и Дюка Лирійскаго. Онъ приготовилъ къ печати начало весьма важнаго Церковнаго Словаря, но кончина не допустила исполнить прекраснаго намѣренія. *Мы обязаны Дмитрію Ивановичу многими полезными* историческими трудами. Читатели извинятъ насъ, если мы въ одно время съ извѣщеніемъ о кончинѣ замѣчательнѣйшихъ лицъ не помѣщаемъ ихъ біографій. Жизнеописаніе кого бы то ни было у насъ едва ли не самый трудный отдѣлъ. Собрать матеріалы сколько нибудь полные для біографіи, стоитъ процесса въ самомъ старомъ генеральномъ судѣ. Впрочемъ мы не теряемъ надежды. — Послѣдній историческій трудъ Д. И. Языкова былъ переводъ Записокъ Дюка де Лирія. Вѣроятно не мало осталось не конченныхъ работъ въ портфеляхъ. Можетъ быть, имъ никогда не суждено показаться на свѣтъ Божій. Изъ остатковъ послѣ всѣхъ нашихъ писателей могла бы образоваться обширная и весьма занимательная посмертная литература; мы знаемъ о существованія весьма многихъ сочиненій не напечатанныхъ и принадлежащихъ лучшимъ нашимъ писателямъ. Біографія автора не заключается въ одномъ его послужномъ спискѣ или въ номенклатурѣ его сочиненій, которыя онъ самъ обрекъ тисненію; въ закулисныхъ его сочиненіяхъ, въ домашнихъ экспромтахъ, иногда найдете объясненіе и характера и образа жизни, и откроете поводы, по коимъ талантъ автора принялъ то или другое направленіе. Но у насъ литература какъ мебель. — Зачѣмъ у васъ стоитъ биллиардъ? спросили мы у одного знакомаго, вѣдь вы никогда не играете... «Нельзя, батюшка! Держу для вида! У многихъ, я видѣлъ есть бильярды... Пусть себѣ будетъ и у меня...» Посмертныя сочиненія года два интересуютъ издателей современниковъ; а потомъ самое лучезарное имя теряетъ свой свѣтъ... Прискорбно! Вотъ, напримѣръ вспомните, какъ нравились, и по достоинству, комедіи Н. И. Хмѣльницкаго. Современники если не провозглашали его Мольеромъ, то ужъ навѣрно не отказались бы назвать его Реньяромъ, если бы на подобныя произволства была тогда *нынѣшняя* мода а теперь и кончина его пришла едва замѣченною, а о жизни никто и не вспомнилъ. Это у насъ такой уже благодарный нравъ; какъ будто онъ не для насъ, не для нашего отечества трудился и трудился съ честью, съ усердіемъ, до самой могилы изумляя дѣятельностію своею окружающихъ. Послѣ Н. И. Хмѣльницкаго осталось много сочиненій, нигдѣ не напечатанныхъ. Между прочимъ «Царское слово или Сватовство Румянцева» ком. въ 3 дѣйствіяхъ; «Зиновій Богданъ Хмѣльницкій» историческое представленіе въ пяти картинахъ «Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабинетъ», ком. въ 2 дѣйствіяхъ, «Оберъ-кухмистеръ Фельтенъ», изъ временъ Петра I, въ 3 дѣйствіяхъ; наконецъ Тартюфъ Мольера въ переводѣ Хмѣльницкаго, стоитъ *многихъ* оригинальныхъ произведеній. Тартюфъ игранъ на сценѣ, но также нигдѣ не напечатанъ. Не упоминаемъ о другихъ статьяхъ оставшихъ послѣ Н. И. Хмѣльницкаго по разнымъ отраслямъ; довольно и тѣхъ, которыя мы исчислили. И все это не извѣстно публикѣ! Намъ кажется, что изданіе этихъ сочиненій не должно устрашать тѣхъ, кто имѣетъ на то право — и обязанность. Книги не идутъ; да какимъ же книгамъ идти, когда нѣтъ книгъ, а только спекуляціи; но мы не можемъ приказать себѣ думать, что въ 60 милліонахъ, а можетъ быть, и больше, составляющихъ народонаселеніе Имперіи не отыщется тысячи человѣкъ, согрѣтыхъ прямою, неподдѣльною любовью къ русской литературѣ и театру. Правда, на прошедшей недѣлѣ былъ бенефисъ П. А. Каратыгина; играли, между прочимъ, Вицъ-Мундиръ, оригинальную комедію-водевиль... Но на прошедшей недѣлѣ, да и теперь еще ужасная погода, а она то всему злу и причина. А мы... о, мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы готовы поддержать все хорошее на Руси; мы всѣ бывали въ Европѣ, видѣли, что у многихъ есть литература и театръ. Пусть себѣ и у насъ будутъ...

Будутъ ли, полно? — Сомнительно. У насъ будутъ торговыя общества, компаніи; но литература, художества...

Художества будутъ. Это можно сказать положительно, за это ручается актъ Академіи Художествъ, бывшій въ прошедшее воскресенье. Число розданныхъ медалей, между коими три золотыя перваго достоинства, не слова, не надежды, а факты. Для художествъ сіяетъ самая свѣтлая, ясная, теплая погода. Выставка, какъ вы уже знаете изъ Академическихъ газетъ, по особо уважительнымъ причинамъ, согласно распоряженію высшаго начальства Академіи, отлагается впредь до приказанія; о

Д. И. Языковъ.

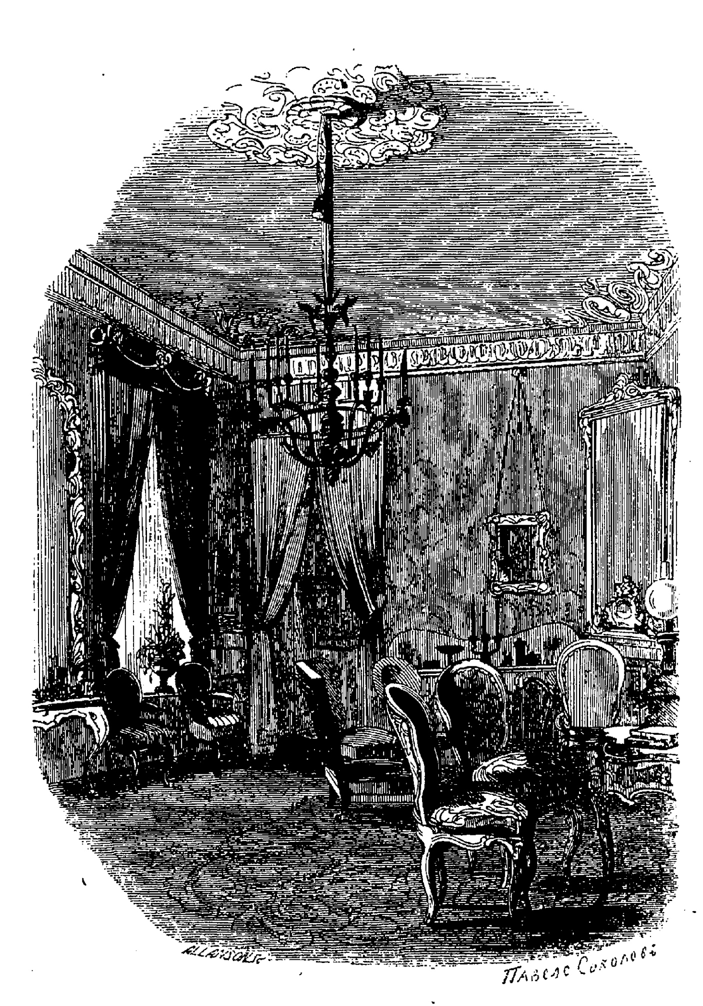


Малая танцовальная зала въ домѣ Е. С. графа Воронцова-Дашкова.

чемъ въ свое время и будетъ объявлено.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о томъ, что въ Иллюстраціи будемъ помѣщать гравюры съ домовъ нашихъ бояръ. Не такъ это легко было сдѣлать, какъ намъ казалось; едва на прошедшей недѣлѣ получили мы гравюры съ великолѣпныхъ покоевъ его сіятельства графа Воронцова-Дашкова, исполненныя за границей по рисункамъ гг. Мейера и Соколова. По истинѣ, немного такихъ отелей можно видѣть и за границей. Здѣсь роскошь подчинена высокому вкусу; обои, украшенія, люстры, занавѣсы, мебель, все какъ будто вылилось вдругъ изъ вдохновеннаго воображенія художника. Мы весьма затруднились въ выборѣ покоевъ для Иллюстраціи; слѣдовало бы иллюстрировать весь домъ, всѣ комнаты, купно съ лѣстницей; тутъ все изящно. Полюбуйтесь на виды двухъ гостинныхъ и малой танцовальной залы, и не забывайте, что гравюра безъ красокъ представляетъ только общее. Кстати скажемъ, что въ Редакцію поступили рисунки съ домовъ его сіятельства князя Воронцова въ Одессѣ и на Южномъ берегу, исполненные г. Дороговымъ, недавно возвратившимся съ нашего юга. На югѣ, тамъ гдѣ недавно гремѣли громы русскаго оружія, теперь совершаются мирныя празднества.

Гостинная въ домѣ Е. С. Гр. Воронцова-Дашкова.



Гостинная въ домѣ Е. С. Гр. Воронцова-Дашкова.

БЕЗУМЬЕ И ЛЮБОВЬ.

Изъ записокъ доктора.

Посвящено: Е. П. ЕК. М.

Часовъ въ 7 послѣ обѣда, въ бильярдной комнатѣ у генерала Вазова собралось нѣсколько человѣкъ гостей; двое изъ нихъ играли, а остальные, усѣвшись на высокихъ диванахъ, смотрѣли на игру и разговаривали. Дамъ здѣсь не было; онѣ всѣ сидѣли въ будуарѣ генеральши, которая чувствовала себя не совсѣмъ здоровою и ожидала доктора. Прозвенѣлъ колокольчикъ и лакей доложилъ, что пріѣхалъ докторъ, который черезъ минуту былъ уже въ комнатѣ.

Онъ сдѣлалъ генеральшѣ нѣсколько вопросовъ, посмотрѣлъ ея пульсъ, языкъ, заставилъ нѣсколько разъ вздохнуть какъ можно глубже, сказалъ, что къ завтрашнему утру пройдетъ все ея нездоровье и не далъ никакого лекарства.

Разумѣется, докторской визитъ этимъ не кончился. Генеральша и дамы, теперь, въ свою очередь, начали распрашивать доктора: «Нѣтъ ли въ городѣ какого-нибудь повѣтрія? Не очень ли много больныхъ? Не очень ли многіе умираютъ? Видѣлъ ли онъ сегодня мадамъ Т..? Поправляется ли графиня В..? Долго ли можетъ прожить баронъ К..?»

Послѣ разныхъ отвѣтовъ на разные вопросы, докторъ хотѣлъ уже уйти, но въ это время, въ дверяхъ будуара, показался хозяинъ дома, генералъ Вазовъ; онъ подошелъ къ доктору, дружески взялъ его подъ руку и повелъ въ другія комнаты.

— Что, жена моя не опасна?

— Нисколько.

— Эта болѣзнь не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій?

— Никакихъ. По моему, ваша супруга даже не больна.

— Но зачѣмъ же она жалуется на нездоровье?

— Не знаю.

Надобно сказать, что докторъ былъ не шарлатанъ; онъ не любилъ кричать о пустякахъ, какъ о важной, смертельной болѣзни; не давалъ оржадовъ или подцвѣченныхъ и подслащенныхъ водицъ, не выхвалялъ косметическихъ составовъ, не имѣлъ своихъ особенныхъ аптекарей; дѣлалъ свое дѣло добросовѣстно; если вмѣсто болѣзни находилъ капризъ, или видѣлъ, что болѣзнь служитъ только вмѣсто ширмы для скрытія какой нибудь цѣли, то уѣзжалъ, не оставляя никакого рецепта; однимъ словомъ, для XIX-го вѣка, этотъ докторъ былъ слишкомъ прямой человѣкъ.

Поэтому-то онъ и говорилъ генералу объ его женѣ, такъ какъ думалъ, да не только такъ какъ думалъ, онъ говорилъ даже отрывисто, и на это была своя причина; сегодня докторъ былъ разстроенъ, опечаленъ; даже по голосу можно было замѣтить его внутреннее волненіе; оно не ускользнуло отъ генерала, и когда они оба вошли въ бильярдную и когда, послѣ обыкновенныхъ фразъ и привѣтствій, докторъ, противъ обыкновенія, оставался молчаливымъ, угрюмымъ, Вазовъ спросилъ его:

— Да скажите, ради Бога, докторъ, что сегодня съ вами? Вы не въ своей тарелкѣ.

— Да, генералъ, и очень не въ своей тарелкѣ!

— Но что же такое? скажите, если это не секретъ.

Докторъ сдѣлалъ усиліе, чтобъ подавить глубокой вздохъ; губы его сжались, брови сдвинулись, съ полминуты онъ не отвѣчалъ, наконецъ сила воли взяла верхъ надъ сердцемъ.

— Секрета тутъ нѣтъ никакого. Я сегодня хоронилъ бывшаго моего товарища.

— То есть, тоже медика?

— Да!

— Но, что же дѣлать? Вѣдь и они умираютъ также, какъ всѣ люди!

— Правда; но этотъ несчастный умеръ совсѣмъ не такъ, какъ всѣ; и причина его смерти, и самая смерть, были слишкомъ необыкновенны, слишкомъ трогаютъ душу.

— Да полноте, докторъ, какъ вамъ не стыдно; у васъ на глазахъ чуть-чуть не слезы. Разскажите-ка лучше намъ, что такое случилось?

Партія была кончена. Докторъ прислонился спиною къ бильярду; другіе подошли къ нему слушать.

— Долоновъ, про котораго я теперь разсказываю, учился вмѣстѣ со мною въ медицинской академіи. Это былъ мальчикъ съ огненными способностями, дѣльный, умный и не дуренъ собой; воображеніе его вѣчно кипѣло, вѣчно онъ создавалъ утопіи и во всемъ искалъ несбыточныхъ совершенствъ; правда, онъ часто и обжигался, да это не шло ему въ прокъ. Онъ, ни по своему характеру, ни по своимъ наклонностямъ, никогда не желалъ быть медикомъ; но домашнія обстоятельства, или лучше сказать, разстроенныя домашнія обстоятельства заставили его выбрать эту дорогу. Изъ родныхъ у него оставалась только мать.

— Студенческіе годы идутъ быстро; Долоновъ не видалъ какъ кончилъ курсъ, съ честью, славою и золотою медалью.

— Виноватъ, я забылъ разсказать одно обстоятельство, очень важное въ жизни Долонова.

— Однажды осенью, онъ отправился на лекцію и шелъ себѣ шапка на бекрень, мурлыкая gaudeamus igitur juvenes dum sumus; шелъ, шелъ и чуть не наткнулся на крестьянскую женщину, которую вела малютка-дѣвочка.

— Долоновъ взглянулъ на женщину и остановился. Губы у нея запеклись, ссохлись; мутные глаза едва движутся, лицо посинѣло, ноги заплетаются одна за другую; несчастная, казалось, ежеминутно готова была упасть и испустить послѣдній вздохъ.

— Послушай, голубушка, куда ты идешь?

— Въ бо...о...льни...цу.

— Да вѣдь ты не въ силахъ итти.

— Женщина хотѣла отвѣчать, но не могла; малютка-дѣвочка плакала.

Долоновъ надѣлъ свою шинель въ рукава, взялъ женщину подъ руку и повелъ ее къ больницѣ.

— Кормилецъ ты мой, благослови тебя Господь! шептала больная.

— Вотъ пришли они. Долоновъ бросился къ дежурному врачу и просилъ принять больную. Ее приняли.

— Куда же дѣвать мнѣ мою дочку? съ боязнью и опасеніемъ спрашивала больная.

— Отошли ее на квартиру.

— Батюшки вы мои, у меня нѣтъ квартиры; я ужъ давно хвораю; деньги, что заработала, всѣ вышли, и меня прогнали съ квартиры.

— Ну, такъ отошли ее къ роднымъ.

— Свѣтики вы мои, у меня нѣтъ родни!

— А мужъ?

— Онъ умеръ, ужъ четвертый годъ.

— Хорошо, сказалъ Долоновъ, пока ты будешь здѣсь въ больницѣ, твою малютку я отведу къ своей матушкѣ; она будетъ у насъ.

Больная поцѣловала у него руку.

— А какъ зовутъ твою малютку?

— Ольгой, батюшка!

— Сколько ей лѣтъ?

— Седьмой годокъ.

— Долоновъ взялъ за руку малютку, простился съ больною, просилъ дежурнаго врача, чтобъ онъ обратилъ на эту несчастную свое вниманіе, и вышелъ изъ больницы; скоро шелъ онъ, лицо его было ясно, душѣ легко и весело, онъ чуть не плакалъ отъ радости, что Богъ привелъ ему сдѣлать истинно доброе дѣло. А знаете ли вы, господа, что въ жизни человѣческой нѣтъ чувства, нѣтъ ощущенія выше и пріятнѣе того чувства, которое теперь было въ душѣ молодого человѣка. Ни восторги взаимной любви, ни удовлетворенное самолюбіе и честолюбіе, ни сокровища для скупца, ничто не даетъ намъ этого высокаго, невыразимо-пріятнаго, небеснаго утѣшенія, ничто такъ не радуетъ душу, какъ чувство сдѣланнаго нами для другихъ добра. Уже одно это чувство есть истинная, неоцѣнимая награда за наше добро...

Мать Долонова, добрая старушка, была рада видѣть въ сынѣ своемъ растущую склонность къ добру и охотно взяла малютку Ольгу. Черезъ нѣсколько дней, мать Ольги въ больницѣ умерла, и сиротка осталась у Долоновыхъ.

II.

— Простившись съ Академіей, Андрей Николаевичъ Долоновъ вступилъ въ свѣтъ; счастье ему улыбалось, практики становилось больше и больше — и въ теченіе шести лѣтъ, у него появились порядочныя деньжонки. Кромѣ счастья въ практикѣ, молодой докторъ былъ счастливъ и въ женщинахъ; но ими скоро пресыщался, не потому что онъ былъ похожъ на нашихъ скороспѣлокъ XIX-го вѣка, которые всѣмъ пресыщаются, не насладившись; все знаютъ, не доучившись; въ тринадцать лѣтъ становятся математиками, въ шестнадцать толкуютъ объ акціяхъ и спекуляціяхъ, ничему не удивляются, любятъ себя да деньги и торопятся жить... Дай Богъ, чтобъ это рановременное напряженное развитіе нашей молодежи, дай Богъ, чтобъ эта скороспѣлость не отозвалась дурными послѣдствіями въ будущемъ поколѣніи, потому что отъ истощенныхъ и невызрѣвшихъ сѣмянъ, бываютъ плохіе плоды... Такъ я сказалъ, что Долоновъ пресыщался скоро, не потому что онъ былъ скороспѣлка, нѣтъ, а потому что во всемъ любилъ искать хорошаго очень много, а находилъ мало.

— Еще съ самыхъ первыхъ дней, какъ Ольга осталась сироткою, у нашего молодаго фантазёра мелькнула мысль самому воспитать ее; воспитать своими мыслями и чувствами, воспитать такъ, чтобъ она могла съ нимъ во всемъ гармонировать. Долоновъ такъ и дѣлалъ. Еще въ первые годы своего студенчества, онъ началъ удѣлять сироткѣ часть своего времени, самъ понемногу училъ ее; дѣвочка была понятлива, добра и до безконечности предана своему благодѣтелю, а между тѣмъ подростала. Когда Андрей Николаевичъ сдѣлался медикомъ, ей было уже одиннадцать лѣтъ. Хорошая практика дала Долонову возможность нанимать для Ольги учителя музыки; старушка, мать нашего доктора, тоже любила сиротку Ольгу какъ свою дочь. Но странное дѣло: не смотря на то, что Ольга была очень хорошенькая, кроткая, преданная, уже почти пятнадцати лѣтъ и начинала роскошно развиваться, Долоновъ къ ней ничего не чувствовалъ, кромѣ дружбы или любви брата, и самъ этому удивлялся.

— Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разныя обстоятельства заставили Андрея Николаевича, съ своею матерью и Ольгой, поѣхать на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ деревню.

— Вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они тамъ прожили почти полтора года, и въ это время я о Долоновѣ ничего не слыхалъ,

— Но скажите, докторъ, Ольга не любила Долонова? спросилъ кто-то изъ гостей.

— А вотъ сейчасъ узнаете. Черезъ полтора года мы опять увидѣлись; я, какъ старый товарищъ, заѣхалъ къ Андрею Николаевичу, усѣлся у него въ кабинетѣ, толковалъ о разныхъ разностяхъ, потомъ вдругъ привсталъ и минуты двѣ оставался въ этомъ положеніи, полный удивленія и... и, право, самъ не знаю еще какого-то чувства, похожаго на благоговѣніе. Вы спросите отчего? Отъ того, что въ это время вошла Ольга... Привлекательность и красота ея были ослѣпительны; отъ нея вѣяло свѣжестью и непорочностью; черты лица, сохраняя рѣдкую нѣжность, были одушевлены мыслью; въ глазахъ вмѣстѣ съ умомъ сверкала сила страсти. Гибкость стройнаго стана, правильность и красота всѣхъ формъ тѣла, легкость движеній, все въ ней изумляло. Скитаясь по свѣту, много видалъ я красавицъ, много слышалъ пріятныхъ женскихъ голосовъ; но ни одинъ изъ нихъ не звучалъ такъ сладко, ни одинъ не падалъ въ душу такъ глубоко, какъ голосъ Ольги. Скоро она ушла изъ кабинета и мы опять остались вдвоемъ съ Долоновымъ.

— Неужели ты устоялъ противъ этого искушенія? Признайся, вѣрно за ней ухаживаешь? спросилъ я.

— Полно тебѣ болтать о пустякахъ, отвѣчалъ очень равнодушно Андрей, и болѣе на этотъ предметъ нашъ разговоръ не возвращался; только изъ словъ Долонова я видѣлъ, что онъ нисколько не увѣрился въ несбыточности совершенствъ, которыхъ онъ искалъ въ людяхъ, и особенно въ женщинѣ; напротивъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь онъ вѣрилъ въ эти совершенства.

— Прошло довольно времени, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Долонова; но Ольги не встрѣчалъ нигдѣ; она никуда не ѣздила, брала уроки пѣнія и музыки, и всегда оставалась дома.

— Однажды вечеромъ, я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ про чудеса водянаго леченія, какъ вдругъ, не вошелъ, а вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату блѣдный, разстроенной Долоновъ.

— Послушай, другъ мой Поль, не откажись почаще навѣщать меня; моя Ольга очень нездорова.

— Но отчего же ты такой блѣдной, разстроенной?

— Какъ отчего? я говорю тебѣ: Ольга больна.

— Что у нея?

— Кажется, тифъ.

— Тифъ?

— Да, и быть можетъ, она не перенесетъ его. Послѣднія слова Андрей едва могъ выговорить; все тѣло его дрожало; онъ опустился на стулъ.

— Да скажи, ради Бога, что съ тобой?

— Что со мной? Ничего; но Ольга можетъ умереть... И Андрей болѣе не могъ владѣть собою; двѣ слезы упали съ рѣсницъ его.

— Да развѣ ты ее любишь?

— Послѣ того, что я разскажу тебѣ, суди самъ, Поль, могъ ли бы кто нибудь не любить и не уважать Ольги. Ты знаешь, что когда она осталась сиротой, я ее выкупилъ у ея помѣщика, оставилъ у себя, воспитывалъ, видѣлъ, что она будетъ умненькая, добрая, видѣлъ ея привязанность къ моей матушкѣ и ко мнѣ, зналъ, что она меня любитъ, какъ благодѣтеля, какъ друга; она занимала меня, и только... Притомъ же она была еще дитя.

— Не задолго передъ отъѣздомъ нашимъ въ деревню, я, по пылкости своего характера, завлекся въ игру и проигрывалъ много; это печалило мать мою, а Ольгу я часто видѣлъ съ заплаканными глазами; я сердился и продолжалъ играть.

— Разъ пріѣзжаю домой изъ клуба и готовъ былъ уже раздѣться, какъ вошла Ольга. Я былъ удивленъ и довольно суровымъ взглядомъ спросилъ, что ей угодно?

— Андрей Николаевичъ, я хочу просить васъ: будьте такъ добры, исполните мою просьбу.

— Какую?

— Не играйте больше.

— Такъ исполните же и вы мою просьбу: не мѣшайтесь не въ свое дѣло.

— Андрей Николаевичъ, другъ мой, благодѣтель мой, бросьте игру, ради Бога, умоляю васъ, перестаньте играть! И съ этими словами она заплакала, бросилась передо мною на колѣна, схватила и готова была цѣловать мои руки. — Если у васъ есть хоть капля любви къ вашей матушкѣ, бросьте игру; раздавайте лучше бѣднымъ, хоть пятую долю того, что вы проигрываете, это дѣло будетъ болѣе достойно васъ; а теперь игрою кому и какую пользу вы приносите?

— Слова Ольги изумили и пристыдили меня; я хотѣлъ поднять ее, но она, заливаясь слезами, говорила, что не встанетъ до тѣхъ поръ, пока я не дамъ честнаго слова, что не буду играть.

— Я далъ слово, и этимъ быть можетъ спасъ себя отъ нищеты.

— На Ольгу я уже сталъ смотрѣть другими глазами; но поступокъ ея приписывалъ дружбѣ и преданности; правда, я видѣлъ, что она во всемъ была ко мнѣ чрезвычайно внимательна, старалась угадывать и предупреждать каждое мое желаніе, каждый взглядъ; но это, я думалъ, дѣлалось изъ благодарности.

— По пріѣздѣ въ деревню, Ольга часто бывала очень грустна; мнѣ казалось, что она думаетъ о своей будущности; мнѣ было жаль ее. Изъ любопытства, пошелъ я посмотрѣть, что дѣлаетъ Ольга въ своей комнатѣ, въ минуты грусти; — и очень удивился, когда увидѣлъ, что она перебирала клочки и обрывки бумагъ, разсматривала, цѣловала ихъ и потомъ опять укладывала въ ящичекъ; уложивши, она печально опустила голову, по щекамъ ея покатились слезы...потомъ она поднялась и начала молиться. Я ушелъ, ничего не понимая, и долго старался узнать, что въ ящичкѣ; наконецъ дождался случаю, взглянулъ... и вообрази мое изумленіе: это были клочки бумаги, на которыхъ, иногда, въ разсѣянности, я рисовалъ перомъ прихоти своей фантазіи. Съ этихъ поръ, я началъ думать, что Ольга, быть можетъ, меня любитъ, но не показывалъ виду, что узналъ ея тайну.

— Тамъ же, въ деревнѣ, я любилъ иногда кататься на лодкѣ. Однажды, подъ вечеръ, я взялъ съ собой человѣка; сѣли въ лодку и поѣхали. Ты знаешь, Волга не узка; мы были уже у другаго берега, какъ началъ задувать вѣтеръ, облака, становились гуще и темнѣе, вдали слышался громъ, смеркалось больше и больше; мы назадъ къ своему берегу, а волны все ростутъ; мы подъѣзжаемъ къ срединѣ рѣки, а лодку начинаетъ заплескивать водою; времени прошло много, стало совсѣмъ темно, а мы отъ своего берегу еще далеко; надъ нами повисли тучи, молніи бороздили небо, раскаты грома повторялись поминутно; изъ тучь упалъ сильной ливень, и я, признаюсь, при каждой молніи съ безпокойствомъ смотрѣлъ, далеко ли берегъ, и всякій разъ мнѣ казалось, что на берегу стоитъ что-то похожее на человѣка, но стоитъ, не смотря на громъ, на молнію, на ливень — неподвижно, какъ камень; вотъ, мы еще ближе къ берегу, молнія опять освѣтила небо и землю... да, это былъ человѣкъ, и, кажется, женщина; еще блеснула молнія, мнѣ кажется, это стоитъ Ольга... Тутъ, не смотря на бурю, сердце мое сильно забилось; я началъ понимать высокую душу этой дѣвушки. Вотъ, мы уже выходимъ на берегъ, женская фигура быстро побѣжала къ нашему дому. Это она, это непремѣнно Ольга.

— Я пошелъ прямо въ комнату Ольги, дверь заперта; стучусь, отвѣчаютъ: нельзя. Я настаиваю, чтобъ отворили; дверь отперлась; я не ошибся: это была Ольга; на ней платье совершенно промокло.

— Олинька, другъ мой! какъ вамъ не стыдно такъ мало дорожить своимъ здоровьемъ.

— Андрей Николаевичъ, ради Бога,не ѣздите въ такую погоду; съ вами можетъ случиться несчастье, отвѣчала она, смутившись.И въ ея взглядѣ виднѣлась покорная мольба и любовь.

— Я едва могъ выдержать; пожалъ ей руку и скорѣй ушелъ.

— Съ этого вечера я уже любилъ Ольгу; но еще не довѣрялъ, ни ей, ни самому себѣ, хотѣлъ посмотрѣть, что будетъ.

— Мѣсяца три спустя за мной прислали изъ сосѣдней деревни. Тамъ явилась бѣшеная собака и многихъ перекусала. Возвратившись домой, послѣ обѣда я пошелъ съ Ольгою гулять, въ поле, разсказывалъ про несчастныхъ, къ которымъ меня сегодня звали на помощь, и показывалъ ей траву Genista tinctoria, которая полезна въ этой ужасной болѣзни. Вдругъ Ольга вскрикнула; я неуспѣлъ поднять голову, какъ большая, желтая собака бросилась мнѣ на грудь, укусила въ лѣвое плечо и побѣжала дальше. Я потерялся. Но надо было видѣть Ольгу: глаза ея метали огонь, въ ней кипѣла напряженная, неестественная жизнь. Она бросилась съ быстрою молніи къ моему плечу, вмигъ разорвала сюртукъ, бѣлье и впилась въ мою рану, высасывая вмѣстѣ съ кровью ядъ. Наконецъ, когда она высосала довольно крови, я остановилъ ее.

— Ольга, другъ мой, ангелъ мой, ты спасла меня; но знаешь ли, что ты рискуешь своею жизнью?

— Андрей Николоевичъ, я была бы счастлива, если бъ могла умереть за васъ: моя жизнь принадлежитъ вамъ; не вы ли пріютили меня, дали мнѣ возможность жить, воспитали меня, научили думать, старались развивать мои способности, всегда были моимъ благодѣтелемъ и другомъ? Вы дали мнѣ жизнь души: чѣмъ же я могу заплатить за это? Жизни моей для этого мало; да и кому нужна, кому полезна жизнь ничтожной сироты? А вы,вы еще много будете дѣлать добра. Живите, будьте счастливы, Андрей Николаевичъ! да благословитъ васъ Богъ... а я... Но слезы помѣшали говорить ей; она схватила мои руки и сжимала въ своихъ рукахъ; она вся была полна любви безпредѣльной... Испытаніе было выше силъ моихъ; я забылъ, и боль и рану, и, быть можетъ,близкую смерть; я блаженствовалъ; Ольга была въ моихъ объятіяхъ; ея чистое дыханіе вѣяло на мою щеку.

— Ольга моя, радость моя! съ этой минуты мы принадлежимъ другъ другу на всегда!

— Какъ? Вы меня любите! АндрейНиколаевичъ, вы любите нищую, безродную сироту. — Нѣтъ, оставьте меня; на васъ будутъ указывать пальцами; скажутъ, что вы женились Богъ знаетъ накомъ.

— Душа моя! брось эти мысли... я твой! твой на всегда.

— Мой?.. мой!.. да, я вѣрю, я тебѣ вѣрю: ты меня ни въ чемъ не обманывалъ; ты мой, мой, Андрей! О, если бъ ты зналъ, какъ давно и какъ сильно я любила и люблю тебя!..

— Я снялъ кольцо съ руки Ольги и надѣлъ ей свое. Мы обручились, быть можетъ, за два дня до смерти.

— Прошло шесть недѣль и, слава Богу, и Ольга и я остались здоровыми и... счастливыми...да, Поль, я счастливъ, счастливъ, сколько желалъ; въ Ольгѣ нашелъ я совершенство, котораго искалъ; о, какъ она меня любитъ! Я увѣренъ въ ней болѣе, нежели въ самомъ себѣ; нѣтъ жертвы, которой бы она для меня не сдѣлала. Да, я счастливъ и, Боже мой, если я утрачу это счастье, что со мною будетъ?.. Долоновъ опустилъ голову и закрылъ руками лицо.

— Я сколько могъ успокоилъ его, и мы вмѣстѣ отправились къ нему.

У Ольги въ самомъ дѣлѣ былъ тифъ; она была плоха. Не смотря на болѣзнь, эта дѣвушка была прекрасна; и какъ сильно она любила Долонова! казалось, она жила и дышала только имъ и для него.

Андрей Николаевичъ просиживалъ ночи у постели Ольги, прислушивался къ каждому ея движенію, предупреждалъ каждое ея желаніе; подавляя скорбь, старался казаться веселымъ, занималъ, развлекалъ ее, а между тѣмъ, угадывая худой конецъ, плакалъ въ душѣ кровавыми слезами.

День ото дня здоровье Ольги становилось хуже, и съ тѣмъ вмѣстѣ Долоновъ примѣтно измѣнялся; щеки его впали, глаза помутились, блѣдность, какъ у мертвеца. Скоро онъ сталъ отчаяваться въ жизни своей Ольги; какихъ страшныхъ мукъ стоила ему одна мысль эта, теперь-то онъ вполнѣ узналъ всю силу любви своей; теперь у него не было другой мысли, кромѣ мысли, объ Ольгѣ; онъ не спалъ ночи, почти не ѣлъ; передъ нимъ раскрывалась страшная бездна.

Созвали консиліумъ.

Доктора съѣхались, посмотрѣли больную; она была уже въ безпамятствѣ, и только въ бреду говорила изрѣдка: Андрей, ты мой! мой... я тебя люблю... о, какъ люблю!.. Осмотрѣвши больную, всѣ пошли въ другую комнату.

— Господа, сказалъ Долоновъ, помоему мнѣнію, больная безъ всякой надежды; прошу васъ, скажите откровенно, что вы думаете? но говорите правду: вѣдь вы знаете, что меня трудно утѣшить пустыми словами.

— Кажется, безнадежна, сказали врачи.

— Такъ она должна скоро умереть?

— Да.

— Должна умереть непремѣнно?.. непремѣнно! повторилъ Долоновъ, и съ этимъ словомъ тихо поднялся; во всемъ его тѣлѣ началисъ едва замѣтныя подергиванья, глаза горѣли огнемъ и дико сверкали, волосы приподнялись, лицо стянулось, по всему тѣлу выступилъ холодный клейкій потъ, грудь то поднималась, то упадала; онъ былъ страшенъ; въ немъ совершалось внутреннее перерожденіе; наконецъ онъ глухо, протяжно застоналъ...

— Андрей Николаевичъ, что съ вами? спросилъ одинъ изъ медиковъ.

Долоновъ вздрогнулъ. Ничего, отвѣчалъ онъ разсѣянно улыбаясь и садясь на свое мѣсто.

Врачи переглянулись. Больная плоха, да и онъ не лучше, говорили они шопотомъ.

— Что вы, господа толкуете? вы увѣряете, что Ольга умретъ. Не правда, она умереть не можетъ, она не умретъ! И съ этими словами Долоновъ ушелъ въ комнату Ольги.

— На другой день я пріѣхалъ навѣстить больную и даже не думалъ найти ее въ живыхъ; но мнѣ сказали, что ей лучше, что Андрей Николаевичъ заперся съ больною въ ея комнатѣ, не выходилъ оттуда цѣлый день и ночь,и не впускаетъ туда никого, даже не впускаетъ и мать свою.

Я постучался. Долоновъ тихо подошелъ къ двери и не отворяя ее, шопотомъ сказалъ: «Нельзя.»

Лѣкарства подавали черезъ дверь, которую Долоновъ для этого немного отворялъ; отъ обѣда онъ отказался.

На слѣдующій день, я опять заѣхалъ.

Долоновъ въ этотъ разъ, то же черезъ дверь, сказалъ мнѣ: «Не безпокойся больше пріѣзжать.»

— Я не зналъ; что и думать. Говорили, что больной лучше. Такъ прошло еще восемь дней.

— На девятый за мной прислала мать Долонова. Бѣдная старушка, въ слезахъ разсказала мнѣ, что сынъ ея заперся въ комнатѣ Ольги, ничего не ѣстъ, день и ночь говоритъ съ своей Ольгой, но что она ни слова не отвѣчаетъ ему; что Долоновъ никого туда не впускаетъ, даже и ее, свою мать; и что она не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось и умоляла меня узнать.

Я съ самаго своего пріѣзда былъ удивленъ запахомъ креозота,по всѣмъ комнатамъ; на вопросъ отчего этотъ запахъ? мнѣ сказали: отъ лекарства; я потребовалъ копію съ рецепта; въ самомъ дѣлѣ, растворъ креозота; тутъ же узналъ я, что Долоновъ, назадъ тому пять дней, потребовалъ сифонъ и полоскательную чашку. Странная мысль мелькнула въ головѣ моей.

Я подошелъ къ дверямъ, постучался. Долоновъ опять черезъ дверь отвѣчалъ: «Оставьте меня въ покоѣ!»

Я хотѣлъ взглянуть въ замочную скважину, но она изнутри была завѣшена. Дѣлать было нечего я велѣлъ осторожно, безъ шуму прорѣзать въ дверяхъ небольшое отверзтіе, и когда все было готово, взглянулъ въ комнату.

Долоновъ сидѣлъ на постели, держалъ Ольгу за руку и что-то тихо говорилъ ей... А она? она сидѣла какъ-то странно, неловко, молча, блѣдная; глаза ея стояли неподвижно, ротъ полураскрытъ, одна рука лежала на плечѣ Долонова, другую онъ держалъ въ рукѣ своей... мнѣ показалось... я протеръ глаза, сталъ всматриваться... и... ужаснулся... вмѣсто Ольги подлѣ Долонова сидѣлъ трупъ... тутъ все объяснилось; несчастный Андрей Николаевичъ сошелъ съ ума; на консультаціи съ нимъ сдѣлался, этотъ гибельный переворотъ, это перерожденіе, которымъ разрушилась связь его душевныхъ способностей, которымъ исказилось его внутреннее я.

Вскорѣ Долоновъ потребовалъ лекарство; ему подали; я сталъ опять смотрѣть. Помѣшанный взялъ сифонъ, втянулъ въ него растворъ креозота и сталъ бальзамировать трупъ; судя по рецептамъ, онъ дѣлалъ эту операцію уже шестой разъ; уже шесть дней Ольги не было въ живыхъ.

Послѣ бальзамированія, онъ опять посадилъ трупъ, положилъ мертвую руку себѣ на плечо, говорилъ ей о любви своей... но всему этому должно было положить конецъ.

Позвали слесаря, дверь отворили.

Долоновъ вскочилъ, бросился къ двери и закричалъ: «Прочь отсюда!»

Тяжко и больно мнѣ было смотрѣть на своего товарища; онъ исхудалъ, обросъ бородою; впалые глаза дико блуждали, волосы всклочены.

— Андрей, что ты дѣлаешь? развѣ не видишь, что въ рукахъ у тебя мертвое тѣло?

— Вздоръ! Ольга умереть не можетъ!

— Но ты самъ же ее бальзамируешь.

— Не правда, я лечу ее!

— Андрюша, дружокъ, опомнись, говорила мать.

— Опомнитесь вы всѣ! отвѣчалъ помѣшанный.

— Не упрямься же, Андрей! Ольгу надо похоронить; если не согласишься, мы употребимъ силу.

— Какъ, какъ? что ты говоришь, предатель! Съ этимъ словомъ онъ прыгнулъ къ ножу, схватилъ его и, размахивая, говорилъ: «Посмотримъ, кто отниметъ у меня мою Ольгу?»

Надо было взять другія мѣры. Двери сняли съ петель и Долонову показывали видъ, что на него не обращаютъ никакого вниманія, а между тѣмъ принесли укротительную фуфайку, которую обыкновенно употребляютъ для помѣшанныхъ, и дожидались ночи; ночь прошла, а Долоновъ не смыкалъ глазъ, онъ все стерегъ свое драгоцѣнное сокровище; все разговаривалъ съ своею ненаглядною Ольгою.

Прошелъ и еще день.

На слѣдующую ночь Долоновъ задремалъ.

Въ эту минуту люди осторожно подкрались, набросили на него укротительную фуфайку и стали вязать; другіе выносили тѣло Ольги.

Быстро вспрянулъ Долоновъ, мощно сопротивлялся онъ, рвался, метался; но шестеро сильныхъ людей и ремнями спутанные ноги удержали его; неистово закричалъ онъ: «Предатели, изверги, что я вамъ сдѣлалъ! за что вы хотите разлучить меня съ моей Ольгой?... Ольга, душа моя! не печалься! мы скоро будемъ вмѣстѣ, скоро, скоро!.. не перестану любить тебя никогда, никогда!.. Добрые люди, братья мои пустите меня къ Ольгѣ! отдайте мнѣ мою Ольгу; если бъ вы знали, какъ чиста и непорочна душа ея; если бъ вы знали, какъ кротка и добра моя Ольга! она спасла мнѣ жизнь. Не обижайте ее; отдайте ее мнѣ! За что вы отнимаете у меня мое счастье? какое зло я вамъ сдѣлалъ. Отдайте мнѣ ее! умоляю васъ, ради Бо-га, ради дѣтей вашихъ, ради вашей будущей жизни, отдайте мнѣ мою Ольгу!.. То снова несчастный приходилъ въ раздраженіе и осыпалъ насъ проклятіями; наконецъ, онъ вдругъ стихъ ему стало слышаться, что Ольга съ нимъ разговариваетъ; онъ приложилъ къ стѣнѣ свое ухо, началъ вслушиваться и отвѣчать на мнимыя слова Ольги. Такъ прошелъ остатокъ этого дня.

Положеніе Долонова заставляло опасаться за его жизнь; десятый день онъ ничего не ѣлъ и упорно отказывался отъ пищи для того, чтобъ скорѣе увидѣться съ Ольгой.

Всѣ убѣжденія были напрасны; я посовѣтовался съ другими врачами и принялись поддерживать жизнь несчастнаго противъ его воли. Ротъ Долонова былъ стиснутъ; всякую пищу, если бъ она и попала въ ротъ, помѣшанный выдувалъ и выплевывалъ; мы обратились къ послѣднему средству: голову и руки больнаго держали сильные служители ему; вставили черезъ ноздри и заднія носовыя отверзтія эластическую пищепроводную трубку и черезъ нее полилась питательная жидкость въ пищевое горло и желудокъ больнаго; онъ долженъ былъ глотать ее по неволѣ. Кромѣ того, ему назначили питательныя ванны и божусь вамъ, я ужаснулся, когда его стали опускать въ ванну: онъ исхудалъ безъ мѣры, остались только кости да кожа, это былъ живой скелетъ: глаза глубоко впали и горѣли какъ два раскаленные угля; вмѣсто щекъ двѣ темныя впа-

дины; шея вытянулась, ребры торчатъ почти наружи, большая часть волосъ на головѣ выпала; на лицѣ написано невыносимое страданіе души; онъ весь былъ уже слабъ, а все еще разговаривалъ съ своей вѣчной подругой души, съ своей Ольгой; все ему слышался ея голосъ.

Глядя на него, у меня сжалось сердце. Ванна кончилась, его опять одѣли. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, я подошелъ.

— Пустите меня къ Ольгѣ, не кормите меня, отдайте ее мнѣ; товарищъ, другъ, братъ! отдай мнѣ мою Ольгу; вѣдь она не полюбитъ тебя: молю тебя, не мучь, ради Господа Бога, отдай мнѣ ее! я вѣдь живу только ею и для нея, она душа моей жизни... товарищъ сжалься же надо мной, вспомни прежнюю дружбу, пусти меня къ Ольгѣ!.. и несчастный бросился передо мною на колѣни и глухо рыдалъ... въ иссохшихъ глазахъ его слезъ уже не было.

Признаюсь вамъ, я самъ почти плакалъ и старался утѣшить и разувѣрить страдальца. Онъ больше не отвѣчалъ на слова мои, и, казалось о чемъ-то задумался. Я вышелъ.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ, что въ комнатѣ помѣшаннаго полъ заскрипѣлъ отъ прыжковъ... потомъ какъ-будто большой костяной шаръ сильно ударился объ стѣну... потомъ что-то тяжелое рухнуло на полъ... Я туда бросился, но уже все было кончено. Долоновъ бездыханный лежалъ на полу: онъ разбѣжался и объ стѣну раскололъ свою голову.

П. Малиновскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Въ наше время не въ одной Россіи мало выходитъ книгъ, а въ цѣлой Европѣ. Журналы все поглощаютъ. Романы, исторія — все превратилось въ фельетонъ. Не только хорошія, но даже дурныя книги не расходятся. Впрочемъ, причина упадка книжной торговли очевидная. Множество спекуляторовъ, безъ всякихъ познаній, безъ вкуса, даже безъ чести и честности, думали найдти неистощимую руду въ довѣрчивости, или, лучше сказать, въ легковѣріи публики. Нѣсколько ничтожныхъ предпріятій, исполненныхъ недобросовѣстно, какъ-нибудь, на скорую руку или даже вовсе не исполненныхъ, завлекли публику въ издержки, которыя ничѣмъ не вознаградились. Основаніе, на которомъ утвердились спекуляторы, было самое ложное, самое вредное. Это мы сейчасъ объяснимъ. Публика жалуется на дороговизну книгъ; издатели жалуются на то, что книгъ ихъ не раскупаютъ и, разсчитывая на извѣстное число покупателей, они печатаютъ, положимъ, 1200 экземпляровъ книги; каждый экземпляръ приходится, положимъ, по 2 рубля; чтобы труды издателя были вознаграждены, щедро вознаграждены, онъ имѣетъ право желать получить 100 процентовъ. Слѣдовательно долженъ продавать каждый экземпляръ по 4 р. Кажется хорошо? Ничего не бывало. Издатель весьма наивно объявляетъ, что книги его разойдется не болѣе 300 экзем.; слѣдовательно, на этихъ-то 300 онъ и долженъ наверстать 100 процентовъ — и книга, за которую всякій охотно далъ бы 4 рубля, стоитъ уже до 16 рублей! Но зачѣмъ же, спросите вы, онъ печатаетъ 1200, коли не надѣется продать болѣе 300? Затѣмъ, что остальные онъ ужъ навѣрное продастъ и, какъ онъ говоритъ, съ *чистымъ барышемъ*. Это вамъ кажется нѣсколько темнымъ, читатель? А между-тѣмъ дѣло очень просто.

Случалось ли вамъ когда-нибудь замѣчать по Большой-Садовой, внизу, точно въ подвалахъ, сжатыя, узенькія лавчонки, отъ которыхъ распространяется какой-то затхлый, сырой запахъ? Эти лавчонки, вмѣстѣ съ такъ называемыми *ларями* на Толкучемъ рынкѣ — задній дворъ книжной торговли, куда выкидываютъ всякій хламъ, всякую дрянь! Иногда, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ хламомъ залетаетъ туда и хорошее... а все-таки виновата въ томъ не публика, а все тѣ же издатели. Хозяева этихъ лавченокъ и ларей образуютъ особый классъ книгопродавцевъ, какое-то товарищество, избравшее себѣ девизомъ: *дешевизна* и *мѣна*. Къ нимъ же издатели отправляютъ излишекъ напечатанныхъ ими экземпляровъ, и почтенные букинисты, почесывая затылокъ и лукаво мигая глазами, поговариваютъ:

— Дешево купилъ! *Копѣйку за рубль.*

Къ величайшему вреду, въ послѣднее время число этихъ чужеядныхъ издателей, живущихъ въ литературѣ какъ червь въ плодѣ, чрезвычайно

Мусье Родинъ всталъ, заложилъ перо за ухо и сложилъ руки.

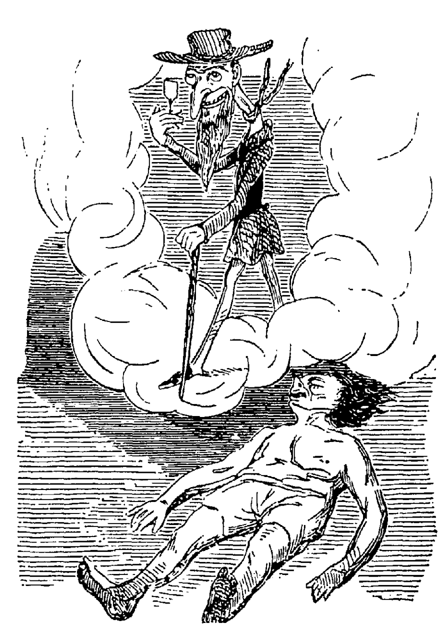
размножилось. Они изобрѣли новый родъ торговли. Типографщикъ не получаетъ денегъ; бумагу берутъ въ кредитъ, автора обманываютъ — ясно, что послѣ этого издателю *чистый барышъ*. Повторяемъ,

У него (д'Эгриньи) борода была чистенько выбрита; всѣ движенія его были очень граціозны.

что подобная книжная торговля не можетъ и не будетъ никогда пользоваться ни довѣріемъ, ни

Онъ не идетъ... а бѣжитъ...
Это бѣжитъ... Жидъ...

уваженіемъ публики. За одного терпятъ невинные, а потому мы первые вызываемъ всѣхъ литераторовъ, въ которыхъ есть чувство уваженія къ своему званію, и которые дорожатъ мнѣніемъ публики, возстать соединенными силами противу этой язвы русской литературы! Доколѣ не будутъ употреблены рѣшительныя мѣры, язва эта будетъ постепенно увеличиваться и сдѣлается неизлечимою. Мы сами видѣли все это вблизи, а потому смѣло можемъ сказать, что теперешняя книжная торговля ничто иное какъ своего рода ажіотажъ, но самаго низкаго разряда, грязный, отвратительный!..



И съ тѣхъ поръ лишь только Фарина приляжетъ отдохнуть, Вѣчный Жидъ предъ нимъ тутъ, какъ тутъ!..

И послѣ всего этого обвиняютъ публику въ равнодушіи? Берегитесь, господа, чтобы это равнодушіе не превратилось въ отвращеніе. Едва ли гдѣ-нибудь образованный классъ народа такъ довѣрчивъ, такъ горячо готовъ содѣйствовать всему доброму, какъ въ Россіи. Мы видѣли тому тысячи примѣровъ и изъ нихъ девятьсотъ разъ довѣрчивость и усердіе публики были употребле-

Дюпонъ очень вѣжливо принялъ Родина.

ны во зло, скажемъ прямо — публика была обманута недостойнымъ образомъ.

Говорятъ еще, что у насъ не любятъ читать? Это также несправедливо. Конечно, не всякій можетъ дать 8, 6 даже 4 руб. сереб. за романъ, который прочтутъ, да и... оставятъ. Пріятно имѣть хорошую библіотеку, но при настоящихъ цѣнахъ на книги, это невозможно. Доказательствомъ того, что у насъ много и очень много чи-

таютъ служатъ сотни букинистовъ, которые расходятся по всей Россіи съ дешевыми книгами. Каковы эти книги, о томъ не спрашивайте. Иныя изъ нихъ до того плохи, что совѣстливые издатели не пускаютъ ихъ даже въ продажу въ столицахъ, а *пускаютъ* по губерніямъ. Еще язва, которая есть неизбѣжное слѣдствіе дороговизны порядочныхъ книгъ. Пусть онѣ будутъ дешевле и никто не станетъ смотрѣть на вздорные романы, ихъ не будутъ покупать, а слѣдовательно не будутъ и *сочинять*

Кстати, не угодно ли вамъ знать, какъ *сочиняются* подобнаго рода романы? Извольте прислушать.

Въ одну изъ книжныхъ лавчонокъ, о которыхъ мы упоминали, является человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ изодранномъ сюртукѣ, растрепанный, запач-

Съ Дагобера текла вода ручьями.

канный, съ краснымъ носомъ, оловяными глазами и съ связкой книгъ подъ мышкой. Хозяинъ лавчонки сразу узнаетъ своего человѣка — son homme, какъ говорятъ Французы, и сколько хозяинъ этотъ низкопоклонничаетъ, расшаркивается и любезничаетъ съ покупателемъ, столько же онъ гордъ, важенъ и дерзокъ съ продавцомъ по нуждѣ.

Человѣкъ въ изодранномъ сюртукѣ таинственно отводитъ хозяина въ сторону.

— Не хотите ли вы купить у меня книжечекъ? спрашиваетъ онъ съ робостью.

— А позвольте взглянуть-съ.

Жемчужина съ излишнею, неумѣстною выпуклостію-

Бѣднякъ развязываетъ книги. Это какая-то смѣсь неполныхъ, оборванныхъ книгъ, русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, латинскихъ.

— Хламъ-съ! Никуда не годится! Не нужныя книги-съ! говоритъ книгопродавецъ, съ живостью разсматривая одну книжку за другою. Не имѣемъ надобности-съ, у насъ своихъ много-съ.

— Я вамъ очень дешево уступлю, говоритъ бѣднякъ, который, можетъ быть, два дня уже не бралъ въ ротъ — капли настойки.

— Даромъ не нужно-съ, небрежно отвѣчаетъ хозяинъ, завязывая книги.

— За цѣлковый всѣ отдамъ. Деньги очень нужны.

Книгопродавецъ смягчается, съ боку посматриваетъ на книги и говоритъ :

— Двугривенный дамъ-съ! И то только, чтобъ вамъ не тащиться-съ.

— Помилуйте! да вотъ тутъ одна французская книга стоитъ болѣе цѣлковаго!

— Можетъ быть-съ!.. А что, вы изволите знать по-французски?

— Знаю, и по-нѣмецки, и по-*аглицки*, и по-латыни. Я былъ учителемъ, да вотъ теперь ужъ два года безъ мѣста.

— Эка подумаешь!.. А вы и писать на этихъ языкахъ знаете-съ?

— Какъ же.

И книгопродавецъ поласковѣе смотритъ на бѣдняка, наклоняется къ нему и говоритъ :

— А что бы, таво-съ... не хотите ли вы составить мнѣ самоучителя-съ?

— Какого?

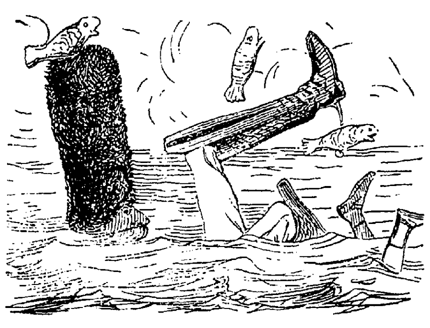
— Разныхъ, знаете-съ... французскаго, аглицкаго и другихъ-съ. Я бы вамъ за это заплатилъ-съ.

Слово за словомъ, и бѣднякъ дѣлается закадычнымъ пріятелемъ книгопродавца. Они говорятъ о чемъ-то съ удивительнымъ жаромъ; бѣднякъ воспламеняется, а хозяинъ безпрестанно потираетъ руки, приговаривая :

— Ей Богу-съ, чудесно-съ! Отличную *аферу* сдѣлаемъ-съ! Какъ я радъ, что познакомился съ вами-съ. Ей Богу-съ !

— А меня, отвѣчаетъ бѣднякъ, вотъ такъ и тянуло къ вамъ. Мнѣ ужасно нравится ваше лицо, и хоть на васъ много клевещутъ, но я вижу, что вы благороднѣйшій человѣкъ!

И новые друзья крѣпко жмутъ одинъ другому руки.



Дагоберъ возится въ водѣ съ двумя дочерьми его превосходительства и неопредѣленнымъ числомъ окуней.

— Вы преумный, смѣтливый книгопродавецъ! продолжаетъ бѣднякъ.

— Помилуйте-съ... знаете-съ... мы мужички-съ, отвѣчаетъ хозяинъ, почесывая затылокъ и стараясь говорить по-мужицки.

Довольно замѣчательно то обстоятельство, что мелочные книгопродавцы, какъ и вообще всѣ почти апраксинскіе купцы, стараются «представлять» очень неудачно Григорьева меньшаго, который ихъ, какъ они говорятъ, передразниваетъ.

Наконецъ новые друзья отправляются въ Низокъ. Такъ называютъ книгопродавцы этого разряда ресторацію въ Толмасовомъ переулкѣ, находящуюся въ одно-этажномъ домикѣ.

Въ пылу разговора и будущихъ проэктовъ, хозяинъ вдругъ спрашиваетъ у бѣдняка, у котораго носъ раскраснѣлся пуще прежняго :

— А что? можете ли вы написать романъ?

Бѣднякъ дѣлаетъ значительное движеніе головою, и отвѣчаетъ продолжительнымъ вздохомъ.

— Э — эхъ, эхъ, эхъ !

— А что-съ? Неужто можете?

— Есть у меня, батюшка, романъ готовый!..

— Неужто? Написанный-съ?

— Нѣтъ еще! Да что, долго ли написать! Вотъ онъ гдѣ сидитъ! И красноносый бѣднякъ ударяетъ себя ладонью по лбу. Хотите, разскажу вамъ сюжетъ?

— Сдѣлайте *одолженіе*-съ !.. Эй, мальчикъ!.. Хотите еще рюмочку настоечки?

— Э, что, настойка!.. Дайте-ко мнѣ опериться, восклицаетъ бѣднякъ, вдохновленный выпитымъ количествомъ рюмочекъ, и у меня польется шампанское! Дѣвы будутъ прислуживать мнѣ!.. Я взойду въ славный храмъ и сѣвши на возвышеніи, увижу у подножія своего гордецовъ, кои теперь и не взираютъ на меня бѣднаго... и не сказывая ни слова, а только махнувши рукой, я произведу во всѣхъ новиновеніе къ своей особѣ.

Книгопродавецъ, пораженный этимъ образчикомъ краснорѣчія, велитъ подать настоечки.

И — мѣсяца два или три спустя выходитъ въ свѣтъ романъ... оберточная, грубая, сѣрая бумага, грязная печать, орѳографическія ошибки и опечатки котораго находятся въ совершенной гармоніи съ сюжетомъ. .

Вотъ что дѣлается въ нашей книжной торговлѣ, вотъ язвы, объ уничтоженіи которыхъ долженъ заботиться всякій благородный, всякій благомыслящій человѣкъ.

Агриколъ Бодунъ разсказываетъ о своей бѣдѣ мамзель Картофели.

8) Софія, послѣдняя изъ княженъ Слуцкихъ. *Историческая повѣсть изъ временъ царствованія короля Сигизмунда III.—Сочиненіе Іозефины О***, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго* Ал. Пл...во. *Москва. Въ типографіи Степанова.* 1843.

Родинъ не спускалъ съ двуцвѣтныхъ сиротокъ своего ястребинаго взгляда.

Дѣвушка эта, княжна Софія, невѣста князя Януса Радзивилла, котораго она и въ глаза не видала. Но все равно; она «была еще въ колыбели, когда распорядились ея жребіемъ и рукою.» Между-тѣмъ въ Радзивилла влюблена крестьянская дѣвушка, Катерина. Софія случайно встрѣчается съ молодымъ человѣкомъ и, ни съ того, ни съ сего, влюбляется въ него. Этого мало : *полюбивши* молодаго человѣка, она ушла *вообразивши*, что онъ Радзивиллъ. И такъ Софія любитъ Радзивилла,

но не Радзивилла. А Радзивиллъ любитъ Катерину и Софью. Въ послѣднюю же, кромѣ шутокъ, влюбленъ Балтазаръ, сѣдобородый старикъ, для большаго эффекта романа, а въ сущности молодой Сигизмундъ Баторій.

Изъ такого сцѣпленія обстоятельствъ, г-жа Іозефина О*** сочинила довольно длинный, довольно скучный и весьма резонерный романъ. Не понимаемъ, что за охота переводить подобныя сочиненія? Писать можно—это простительно, по пословицѣ: «у другаго мы видимъ въ глазу щепку, а у себя бревна не видимъ» — но ужъ переводить, т. е., не видѣть бревна въ чужомъ глазу — непростительно!

Переводъ мѣстами хорошъ, мѣстами весьма плохъ, особенно тамъ, гдѣ «взходятъ» въ хижину, «вздымается» грудь, гдѣ бѣлая ручка «не есть принадлежность» крестьянки, гдѣ письмо «вложено посредствомъ Катерины» и пр. и пр.

10) Вицмундиръ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе П. Каратыгина, С. П. Б. Въ типографіи Ильи Глазунова и Комп. 1845.

Много ли у насъ въ настоящее время драматическихъ писателей? Одинъ, два, три, да и обсчитался. Мы недавно говорили, что графъ Салогубъ съ успѣхомъ выступилъ на этомъ, новомъ для него, поприщѣ. Пьеска графа Сологуба привлекла въ Александринскій театръ много публики она понравилась; смѣялись, аплодировали и слава Богу! Первый шагъ сдѣланъ, милости просимъ дальше; тогда и сужденіе критики можетъ быть серьознѣе.

Такому сужденію не подлежатъ пьесы П. А. Каратыгина. Онъ давно уже и съ большимъ, почти постояннымъ успѣхомъ трудится для театра. Новая пьеса его, маленькая комедія, исполненная живости, дѣйствія и остроумія. Она не держится, подобно многимъ другимъ новѣйшимъ пьесамъ, куплетами или фарсами. Отбросьте куплеты въ водевилѣ «Вицмундиръ,» и онъ нисколько оттого не потеряетъ. Характеръ Разгильдяева весьма хорошо очерченъ, безъ излишнихъ фарсовъ; безъ несообразностей. Это не карикатура — это типъ. Комедія эта имѣла на сценѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ, а въ печати всякій прочтетъ ее съ удовольствіемъ.

Жаль только, что она напечатана со многими опечатками; вѣдь это не журнальное дѣло, можно бы просмотрѣть потщательнѣе.

10) **Вѣчный жидъ.** *Пародія. Часть II-я.*

Мы уже говорили о первой части. Вторая также забавна. Насъ просятъ извѣстить, что *вторая* часть не выходила такъ долго по причинамъ, не зависящимъ ни отъ сочинителя, ни отъ издателя. *Третья* же часть выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Во *второй* картинки еще лучше, нежели въ первой, нѣкоторыя изъ нихъ даже очень хороши.

На двухъ предъидущихъ страницахъ читатели видѣли уже нѣкоторыя изъ нихъ.

ФЕРМА

въ Тверской губерніи, г. Кавалье.

(Изъ Т. В. Э. О.)

На обратномъ пути изъ Москвы, я познакомился съ помѣщикомъ Андреемъ Андреевичемъ Кавалье (Cavalier). Онъ получилъ въ наслѣдство отъ дяди своего нѣсколько помѣстьевъ въ разныхъ губерніяхъ, но оставилъ себѣ только въ Тверской губерніи село «Ивановское»; прочія же продалъ и вырученныя деньги положилъ въ ломбардъ для приращенія процентами. Крестьянъ Тверской губерніи, съ потребною для нихъ частью земли, онъ заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ, на 37 лѣтъ, обязавъ крестьянъ выплачивать сей долгъ, съ обѣщаніемъ сдѣлать ихъ свободными хлѣбопашцами, и кромѣ уплаты сего долга, онъ отъ нихъ ничего не требуетъ.

На выдѣленной себѣ землѣ, до 1500 десятинъ, онъ устроилъ ферму. Всѣ работы на ней производитъ онъ наемными людьми, въ числѣ которыхъ находится и нѣсколько человѣкъ изъ числа отпущенныхъ имъ на волю. И самъ г. Кавалье и его крестьяне остаются весьма довольными такимъ распоряженіемъ. Крестьяне его очень любятъ, почитаютъ, и онъ, какъ говорятъ, часто служитъ имъ судьею въ домашнихъ ихъ спорахъ. Весьма любопытно видѣть это хозяйство, тѣмъ болѣе, что это новое устройство въ Россіи. Г. Кавалье говорилъ мнѣ, что ему весьма пріятно будетъ принять всякаго желающаго посѣтить его, и посмотрѣть на его хозяйство. Селеніе «Ивановское» находится въ 40 верстахъ отъ Торжка, гдѣ всѣ ямщики знаютъ туда дорогу, а отъ Твери оно только въ 24 верстахъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

I.

Друзья! Недаромъ грустенъ я;
Мнѣ жизнь лукаво измѣнила;
Хоть на смѣхъ, въ тридцать лѣтъ меня
Живая страсть не посѣтила...

Искусственно я жить спѣшилъ,
Искалъ любви, ея страданій;
Меня металъ недужный пылъ
Неутоляемыхъ желаній;

Я изнемогъ, я жить усталъ
За пиромъ чуждаго веселья,
Я опрокинулъ мой бокалъ
И жду инаго новоселья...

О—нъ.

II.

ОБЛАКО.

Куда ты несешься одно, сиротою,
Дитя океана, земли и громовъ?
Зачѣмъ не сольешься ты жизнью одною
Съ летящей по небу толпой облаковъ?

Или, прихотливо, въ раздольѣ безбрежномъ
Ты ищешь границу незримой дали?
Иль вѣтра порывы, бушуя мятежно,
Отъ тучи родимой тебя унесли?

Оторвано бурей отъ родины милой,
Отъ свѣтлаго роя друзей — облаковъ,
Несусь по лазури, — и, въ странствіи силы
Громовыя тратя, не брошу громовъ!

Какъ слиться могу я съ толпой, мнѣ чужою?
Замѣны былаго въ ней страннику нѣтъ!
По небу кочуя одно, сиротою,
Не знаю, гдѣ мой остановится слѣдъ!

Взволновано жаромъ, найду ли въ лазури
Отраду, тоскуя по милыхъ друзьяхъ?
Иль новымъ ударомъ рушительной бури
Развѣюсь, исчезну одно въ небесахъ!»

И. Нагибинъ.

ПЕРЕПИСКА.

Милостивой государынѣ Вѣрѣ... Б. Письмо ваше такъ мило, что мы его перечитали нѣсколько разъ и себѣ и нашимъ знакомымъ, и, вѣроятно, будемъ перечитывать его не разъ, не два добрымъ людямъ. Кто васъ научилъ такому увлекательному и простодушному разсказу. Мы бы напечатали ваше письмо, если бы не побоялись оскорбить вашу скромность. Обязанность вести переписку Иллюстраціи безъ нарушенія экономіи мѣста заставляетъ насъ отвѣчать вамъ, милостивая государыня, какъ можно короче, а право, жаль; хотѣлось бы бесѣдовать съ вами за-очно, въ объемѣ цѣлаго нумера Иллюстраціи. Знаете ли о чемъ у насъ идетъ споръ? Женщина вы или мужчина? Я положительно утверждаю, что вы женщина, живая, простодушная, откровенная... а если вы мужчины, то вамъ должно быть непремѣнно сто лѣтъ, потому что для того, чтобы поддѣлаться такъ искусно, надо имѣть столѣтнюю опытность, и въ придачу талантъ Макферсона. И такъ, вы женщина. Теперь мы должны вамъ отвѣчать... но на что? Гдѣ ваши вопросы? Я не нахожу вопросовъ въ письмѣ вашемъ; я любуюсь разсказомъ и только самъ себѣ дѣлаю вопросы: кто эта удивительная незнакомка? неужели это мистификація? и т. п. А нѣтъ, нѣтъ, вспомнилъ, вы спрашиваете: похожъ ли? отвѣчаю положительно: былъ похожъ, но очень давно. Вы спрашиваете о романахъ и повѣстяхъ. Даръ Божій не долженъ быть ни ремесломъ ни занятіемъ отъ скуки, отъ нечего дѣлать. Въ немъ есть сладость; но увы, сладость страданій невиннаго. Даръ Божій не падаетъ отъ щедротъ Всевышняго втунѣ; всегда имѣетъ цѣль, которая технически называется — призваніемъ. Чернило на дамскихъ пальчикахъ, съ умысломъ не смытое, и рубецъ сабли на нѣжномъ дамскомъ лицѣ — не украсятъ женщины. Она половина человѣка. Пусть она предоставитъ подвиги ему, себѣ ихъ оцѣнку. Впрочемъ трудно совѣтовать; жаль, если желаніе почетной извѣстности займетъ много мѣста въ вашемъ сердцѣ. И жалко отсовѣтовать. Мы не будемъ получать такихъ писемъ. Въ нихъ намъ не нравится одно: зачѣмъ они тайна отъ тѣхъ, отъ которыхъ не должно быть тайны.

Г. Оресту...... Шуману. Весьма благодарны за всякое замѣчаніе, особенно въ статьяхъ техническихъ, гдѣ ошибка можетъ вводить въ убыточную ошибку другихъ. Къ счастью, названіе обоза осликомъ, а шины ободомъ, допущенныя въ статьѣ о колесахъ, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій. На счетъ послѣдняго замѣчанія мы не можемъ съ вами согласиться. Письмо ваше мы передавали на заключеніе самыхъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ каретниковъ и получили такой отзывъ: Взмачиваніе или охлажденіе нагрѣтой шины весьма древнее, и давно вышло изъ употребленія; наступилъ второй періодъ погруженія всего колеса, обтянутаго нагрѣтой шиной, вдругъ для того, чтобы шина легла и сократилась вездѣ ровно, какъ и упомянуто въ статьѣ нашей. Но и этотъ періодъ прошелъ; наступилъ третій: шину нагрѣваютъ ~~всю — вдругъ~~ нолько ободъ взмачиваютъ легонько и тогда уже обтягиваютъ колесо одновременно; ободъ не обжигается, сырость отъ нагрѣтаго желѣза, исчезаетъ мгновенно, и дѣло съ концемъ. Эпоха третьяго періода весьма недавняя, о чемъ по принадлежности и доносимъ.

Г. С. — М—лу. Мы вамъ сообщимъ стихотвореніе гораздо лучше,

Кліо точны бытія
Въ память предаетъ, поя.
Мельпомена восклицаетъ
И въ трагедіи рыдаетъ.
Талія, да будетъ правъ;
Осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пажить, равно жатву серпа
Во свирѣль гласитъ Эвтерпа.
Эрата, смычкомъ, ногами,
Пляшетъ также и стихами;
Уранія звѣздъ предѣлъ
Знаетъ свойство и раздѣлъ.
Каліопа всѣхъ трубою

Чтитъ героевъ всезлатою;
Упражняясь наконецъ
Въ преклоненіи сердецъ,
Полигимнія нарядно
Извѣщаетъ все изрядно.
Движетъ превыспренній умъ
Девяти музъ купно шумъ;
Посрединѣ Θебъ самъ внемлетъ
И собою все объемлетъ.

Одна Терпсихора убѣжала изъ нашей памяти и объятій Θеба.

Г. Б—к—р.— ...Извините! Мы не виноваты! Съ вашими стихами случился старый анекдотъ. Форточка была растворена, вѣтеръ дулъ сильно, мы развернули ваши стихи; они были такъ легки, воздушны... извините, улетѣли, право, улетѣли...

Въ Одессу, г. Золотову. Съ огорченіемъ узнали мы, изъ письма вашего, что нѣкоторые нумера получаются протертыми. Просимъ васъ и каждаго о томъ увѣдомить насъ; пока можемъ, будемъ перемѣнять ихъ изъ отдѣленнаго на то запаса. За все прочее приносимъ нашу признательность.

Г. Н—ву. Носъ, не повѣсть Гоголя, а просто носъ.

Г. Добросовѣстному. Мы разгадали программу вашей загадки, и удивились вашей изобрѣтательности. Можно ли такому загадочному таланту пребывать *подъ спудомъ*? О, неблагодарный вѣкъ!

Въ Новочеркаскъ, г. *Александру... Попову*. Съ истинною признательностью мы получили вашу занимательную статью и прекрасный рисунокъ. Онъ переводится на дерево въ ту же величину и будетъ помѣщенъ вмѣстѣ съ статьею, коль скоро успѣетъ его окончить граверъ. Не оставляйте и напредки такими присылками. Онѣ украсятъ Иллюстрацію, соотвѣтствуя вполнѣ той мысли, которую мы положили въ основаніе нашего предпріятія.

Г. Л. д. л. Г. Стихи прекрасны, но есть вещи, которыя лишаютъ это стихотвореніе очереди; а именно 22 снизу до 30-таго включительно.

Г. Of. З. Не наша вина. Выхлопочемъ позволеніе, такъ и обѣщанное исполнимъ; а если вамъ угодно повѣрить слова наши, можно легко справиться.

Въ Астрахань, г. Е. И. К. въ К. С. С., съ передачею г. N. N. Съ истиннымъ удовольствіемъ прочитали мы вашу интродукцію въ исторію. Но помѣщеніе такой Исторіи, не будетъ ли слишкомъ продолжительно для Иллюстраціи. Съ большею частію мыслей вашихъ мы согласны; но вотъ одинъ вопросъ: Кювье очень умный человѣкъ, но былъ ли онъ при потопѣ? Кажется, не былъ. Есть вещи очень умныя, но ихъ нельзя допускать. Нельзя ли удостоить Редакцію сообщеніемъ отдѣльнаго сочиненія въ такомъ родѣ; только безъ потопа; страшно... потонемъ! Ужасно боимся и наводненія, а ужъ не только что потопа.

Гг. С—ву и О. П. Мы васъ сохранимъ pour la bonne bouche, Magen zu schlieszen, на закуску. Ваши письма вкусны, хотя и не со вкусомъ. Мы съ вами старые знакомые, по этому и обращаемся безъ церемоніи.

Примѣчаніе и совѣтъ редакціямъ. Очередь великое дѣло; оплотъ противу стиховнаго наводненія. Въ прошломъ нумерѣ объявлена очередь; въ теченіе недѣли получено только одно стихотвореніе—и то хорошее!!

VI. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТТЕРЕЯ.

Розыгрышъ 6-й лоттереи художественныхъ произведеній, съ Высочайшаго соизволенія отъ Общества Поощренія Художниковъ учрежденной, имѣетъ быть въ воскресенье 2-го будущаго декабря, въ часъ по полудни, въ одномъ изъ залъ Румянцовскаго Музеума (на Англійской набережной), въ присутствіи гг. Членовъ Комитета Общества.

Участвующіе въ этой лоттереѣ, имѣютъ право быть при розыгрышѣ, по предъявленіи у входа билетовъ на означенную лоттерею.

О послѣдствіяхъ розыгрыша будетъ безъ замедленія публиковано; послѣ чего предъявитель билета можетъ получить отъ коммиссіонера Общества Поощренія Художниковъ почетнаго гражданина Прево, на выставкѣ Общества (на Невскомъ проспектѣ, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви) павшій на тотъ билетъ выигрышъ.

На той же выставкѣ, до самаго розыгрыша, можно видѣть художественныя произведенія входящія въ составъ лоттереи.

СОДЕРЖАНІЕ VIII ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 26 НОЯБРЯ.

Бальнеографія минеральныхъ водъ русскихъ.

Общій взглядъ на минеральныя воды. Описаніе водъ, по мѣстности и преобладающимъ составнымъ частямъ. Дѣйствіе водъ; цѣлительная сила каждой воды въ различныхъ страданіяхъ.

Минеральныя грязи; ихъ мѣстность, воды польза.

Діэтетическое содержаніе на водахъ.

Купанье въ морѣ; польза.

Гидропатія или леченіе водою; способъ употребленія, достоинство.

Искуственныя минеральныя воды; сравненіе съ естественными; заключеніе.

Гимнастика. Уроки лечебной и педагогической гимнастики, продолжаются ежедневно отъ половины втораго до трехъ часовъ по полудни. Число посѣтителей примѣтно умножается. Гимнастическое заведеніе г. де Рона помѣщается въ правомъ павильонѣ Инженернаго замка, что близъ Караванной, входъ изъ сквера.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

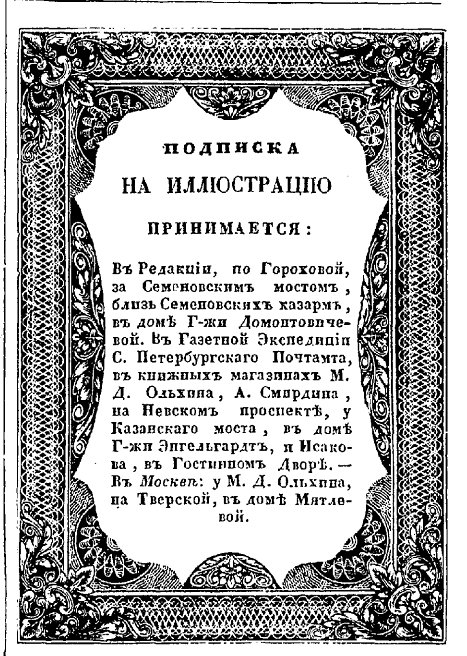
Русскій театръ. В. А. Каратыгинъ, во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ, въ первый разъ по возвращеніи изъ-за границы, играть будетъ въ ком. Кинъ.

— Въ четвергъ, 29-го ноября, въ бенефисъ г-жи Вальберховой, представлена будетъ вновь обставленная лучшими артистами трагедія Шекспира: «Гамлетъ», въ косій, роль Гамлета, будетъ играть В. А. Каратыгинъ.

Италіянскій театръ. Къ субботѣ, 1-му декабря, для бенефиса г-жи Віетти ставится «Maria di Rohan», опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка Донидзетти, въ ней участвовать будутъ г-жа Віардо, г-да Тамбурини, Сальви и бенефиціянтка. Опера эта, писанная для Вѣны, года три тому назадъ, была представлена съ большимъ успѣхомъ и послѣ того игралась и въ Парижѣ, гдѣ въ ней чрезвычайно нравился нашъ Сальви.

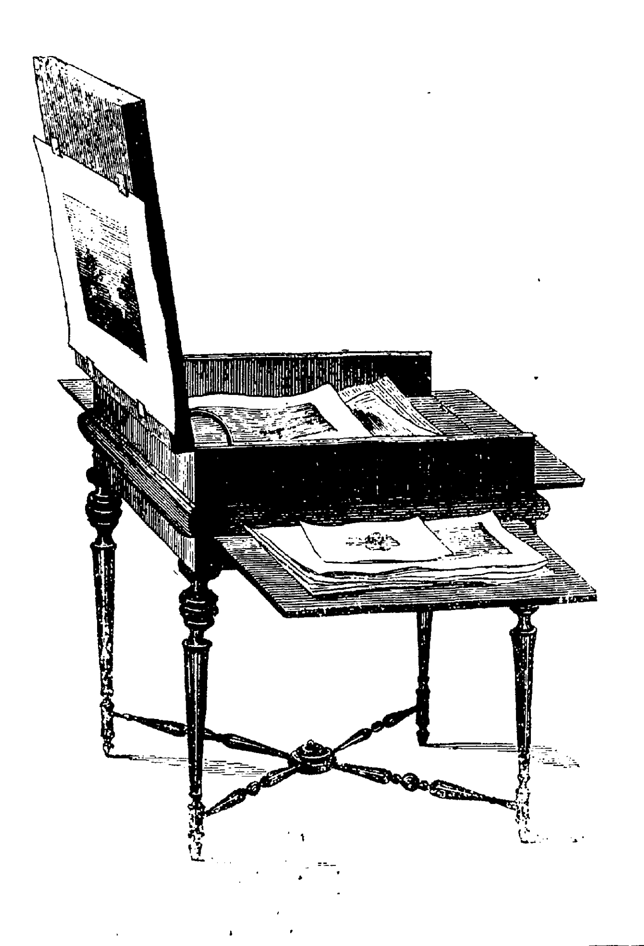
Нѣмецкій театръ. Въ понедѣльникъ, 26-го ноября, въ бенефисъ заслуженной нѣмецкой актрисы г-жи Ферзингъ, дана будетъ въ первый разъ драма: «Die Marquise von Vilette», съ большимъ успѣхомъ игранная на первыхъ театрахъ въ Германіи и составляющая основу репертуара въ Берлинѣ даже теперь.

Циркъ. Представленія въ циркѣ Гверры откроются сегодня, въ субботу. 1-е представленіе начнется въ $4\frac{1}{2}$ часа по полудни. Завтра, въ воскресенье, 1-е представленіе въ 2 часа, а второе въ 6-ть часовъ по полудни.



МЕБЕЛЬ.

Мы хотѣли вамъ сообщить, парижскія моды; но что вы будете съ ними дѣлать милостивые государыни и государи? Куда вы поѣдете въ нашу погоду верхомъ, а послѣднія полученныя моды именно относятся къ верховой ѣздѣ. Теперь и въ каретѣ страшно ѣхать. Въ клѣткѣ подъ стекломъ душно, а отворить опасно, да и зачѣмъ? Для воздуха? Теперь нѣтъ воздуха, теперь только дождь. Нечего дѣлать, по неволѣ усядетесь у окна днемъ, у камина вечеромъ, и станете читать французскіе романы;—и это надоѣстъ. Надо занятіе полегче. Пересматривайте вашъ альбомъ, или альбомы, потому что нынѣ однимъ альбомомъ никто не доволься. Но всѣ наши и ваши альбомы въ книгахъ и сумкахъ ужасно не ловки. Гамбсъ первый проникъ это неудобство и подарилъ и альбому давно заслуженную «самостоятельность.» Теперь альбомъ не нуждается въ опорѣ. У него собственныя свои ноги. Онъ можетъ ѣздить по комнатѣ не хуже какого нибудь флигеля. У него свой собственный откидной столъ; на крышкѣ также мѣсто для гравюръ; теперь альбомъ не есть прилагательное, а существительное и весьма удобное созданіе. Вы согласитесь съ нами взглянуть на гравюры съ альбома, видѣннаго нами въ одномъ домѣ и купленнаго у Гамбса.



Задача N 31 неправильно задана. Слѣдовало сказать: бѣлые ходять, а черные дають мать непремѣнно пѣшкой ладьи, не обращая пѣшки въ фигуру. По сему разрѣшеніе отлагается до слѣдующаго нумера.

РАЗГАДКА № 32.

На, суб, нва, ють, не сто ль, колеть, ас, кол, ь, коза, боть, ы.

Насъ убиваютъ не столько лѣта, сколько заботы.

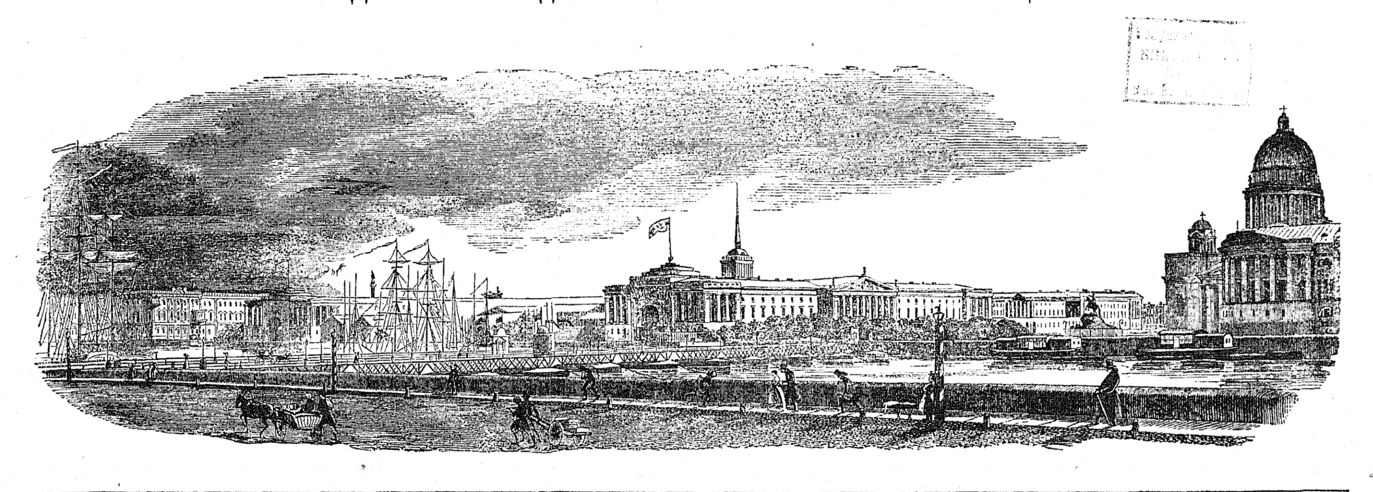
=

ЗАГАДКА № 33.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Ноября 23 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 34.—Суббота, 1 Декабря 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 руб. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ПОСЛѢДНІЙ ПАРИКМАХЕРЪ.

Кто болѣе парикмахеровъ пострадалъ отъ французской революціи? Какой классъ смертныхъ былъ сперва возведенъ такъ высоко, а потомъ такъ глубоко униженъ? Кто имѣетъ болѣе права требовать страшнаго отчета отъ ненасытныхъ возмутителей, поставившихъ вверхъ дномъ всю Францію? Гдѣ, наконецъ, можно найдти болѣе разительный и страшнѣйшій примѣръ ничтожности системъ, которыя въ продолженіе полувѣка смѣняются одна другою? У парикмахера отняли разомъ и права его, и привиллегіи, и почести, и богатство; мало этого: люди потеряли даже воспоминаніе о старинномъ его блескѣ, позабыли его имя... потому что слово «парикмахеръ» теперь уже не имѣетъ никакого значенія; а скажите, пожалуйста, что значитъ «куафёръ?» Позвольте перевести это слово по-русски—«головоубиратель.» Развѣ не одинакія права имѣютъ на это названіе и шляпочникъ, и колпачникъ, и модистка, и тысячи другихъ, которые болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, содѣйствуютъ къ охраненію или украшенію головы человѣческой?

О любезное сословіе парикмахеровъ! У кого дикое собраніе 1789 года похитило болѣе правъ? У кого сѣкира 1793 года срубила болѣе головъ? Надъ кѣмъ сильнѣе тяготѣло варварское иго революціонной тираніи? Ужели твоей минувшей славѣ суждено было пасть подъ однимъ ударомъ съ монархіей? Подобно Іудеямъ, ты теперь разсѣянъ по всей земной поверхности! Въ одномъ Петербургѣ, въ странѣ снѣга и льда, ты размножилась до неимовѣрности!

О униженное поколѣніе! О жалкіе выродки безсмертнаго Севильскаго цирюльника! Ежели бы знали, что вы теперь и чѣмъ были, то робкія ножницы выпали бы у васъ изъ рукъ, и вы возстали бъ съ щипцами въ десницѣ противъ постановленій безумной эпохи, которая еще правитъ вами.

Все это я говорилъ про-себя, проходя по Севрской улицѣ, мимо лавки, которая даже не была выкрашена синей краской... Они забыли даже цвѣтъ своего герба; а можетъ ли быть что лучше «лазореваго поля» съ разными эмблемами? Они забыли значеніе гасконскаго афоризма, характеризовавшаго ихъ сословіе: «Toutes les voutiques des varviers sont varvouillées de vleu.»

Однажды, не знаю съ какой стати, вздумалось мнѣ убрать себѣ голову, причесаться (не могу равнодушно произнести этого слова). Я былъ увѣренъ, что если пойду на Биржевую площадь, то дорогой у меня пройдетъ охота причесываться; притомъ же я вспомнилъ, что на Биржевой площади также дурно убираютъ голову, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. И такъ я рѣшился войти въ лавку, не выкрашенную даже синей краской, о которой я уже упоминалъ.

Увы! полъ въ ней дурно вымощенъ плитами, первобытный цвѣтъ которыхъ исчезъ подъ брызгами мыла и подъ грязью, наносимою тяжелыми, подбитыми гвоздями, башмаками посѣтителей.

Семья хозяина сидѣла за обѣдомъ въ сосѣдней комнатѣ; по этому меня встрѣтилъ только какой-то неуклюжій мальчикъ, съ пошлой физіономіей, огромными красными ручищами. Онъ посадилъ меня передъ развалинами зеркала, побѣжалъ за перегородку, потомъ возвратился и сталъ передо мною, глупо сложивъ руки. Мнѣ показалось, что онъ положилъ свои щипцы въ огонь; я вскричалъ нетерпѣливо:

— Стало быть, щипцы твои не готовы?

— Они только что простыли, сударь; цѣлый день лежали въ огнѣ; но въ такую пору рѣдко случается, чтобы кто заходилъ... Они скоро нагрѣются; въ одну минуту.

Мы нѣсколько времени оставались въ прежнемъ положеніи; подмастерье стоялъ передо мною, сложивъ руки на животѣ, а я сидѣлъ какъ чурбанъ передъ старымъ зеркаломъ, и думалъ о сеансахъ Мольера у пезенаскаго цирюльника; думалъ про тѣ старинныя лавчонки, куда собирались всѣ остряки; я перебиралъ въ умѣ цѣлый репертуаръ парикмахерскихъ гасконадъ и подумалъ: какая удобная минута для мыльнаго краснорѣчія! Какой внезапный восторгъ развязалъ бы языкъ этому цирюльнику, еслибъ длинные зубцы его гребня вонзились въ «тупѐ», убѣленный завѣтной пудрой! И какой удобный случай для меня повѣрить на опытѣ блестящую болтовню, о которой мы знаемъ только по преданію!

Подмастерье съ глупою улыбкой, которую, вѣроятно, находилъ приличною для сей оказіи, поднялъ глаза на старый барометръ, загрязненный мухами.

— Стрѣлка поднимается... значитъ, будетъ хорошая погода... я думалъ... что... попѣтъ... надоѣла дурная погода.

Что отвѣчать на это?

Подмастерье и самъ это чувствовалъ; поэтому онъ опустилъ мнѣ на голову свои тяжелыя ручища и приступилъ къ дѣлу, но не много разчесывая и разбирая мнѣ волоса съ каждой стороны.

— Не угодно ли вамъ, сударь, постричься? Кстати бы ужъ...

— Нѣтъ, я хочу только причесаться.

— А, право, было бы кстати... и не долго... покуда щипцы нагрѣются...

Я очень хорошо зналъ, что ему хотѣлось только выиграть время.

— Прикажете, сударь?

— Нѣтъ! не хочу, говорятъ тебѣ!

Толстыя руки подмастерья опустились съ видомъ испуга и сожалѣнія. Онъ ушелъ посмотрѣть, не готовы ли щипцы. Я печально озирался кругомъ въ этой уединенной лавчонкѣ и сильно, горько раскаявался въ томъ, что вошелъ въ нее. Могильный холодъ и удушливая влажность падали мнѣ на грудь; но я былъ плотно окутанъ тремя салфетками, и не было никакой возможности думать о бѣгствѣ. Я увидѣлъ, что былъ не одинъ: за прилавкомъ на скамейкѣ, обитой желтымъ полинялымъ плисомъ, сидѣлъ какой-то старичекъ, съ огромными очками на носу, державшій въ рукахъ толстую книгу; глаза его были почти зажмурены и мнѣ невозможно было опредѣлить съ достовѣрностью, читалъ ли онъ эту книгу, или спалъ надъ нею. Онъ казался очень пожилыхъ лѣтъ; унылое, оцѣпенѣніе и глубокая печаль этого лица остановили на минуту мое вниманіе.

Мальчикъ возвратился съ раскаленными щипцами, одинъ видъ которыхъ заставилъ меня содрогнуться отъ ужаса.

— Потише, пожалуйста! Осторожнѣе!

— О! не бойтесь, сказалъ онъ съ прежней улыбкой; они въ минуту простываютъ! И въ доказательство своей ловкости, онъ повернулъ щипцы раза два или три въ рукахъ.

Я былъ всегда того мнѣнія, что не должно мѣшать мастеровому человѣку замѣчаніями на счетъ его дѣла, которое онъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаетъ лучше перваго встрѣчнаго. Я боюсь показаться вмѣстѣ невѣждою и докучливымъ; но сколько непріятностей, сколько досады причинила мнѣ эта деликатная скромность!

Подмастерье расчесалъ одинъ изъ самыхъ густыхъ клочковъ моихъ волосъ, стиснулъ его въ щипцахъ и сталъ навертывать на нихъ,

Раздался какой-то странный трескъ, и по лавкѣ пронесся непріятный запахъ жженыхъ перьевъ, какъ бы пародируя благоуханіе, издаваемое, какъ говорятъ, волосами Юпитера, когда онъ поднималъ свое державное чело.

Я понялъ, что дуралей сжегъ мнѣ волоса по самый корень, и быстро схватился за голову рукою, но еще быстрѣй отдернулъ ее: я обжегся о раскаленное желѣзо.

— Ничего, сказалъ мнѣ парикмахеръ... ничего, это отъ сырости... иногда думаешь, что волосы сожжены... ничего не бывало... это отъ сырости.

Мнѣ оставалось только увѣрить себя, что сырость же обожгла мнѣ пальцы. Я покорился, вслѣдствіе того расположенія, о которомъ я уже говорилъ, и котораго я себѣ не ставлю въ достоинство: оно происходитъ, просто, отъ непобѣдимой робости, застѣнчивости, которая впрочемъ нисколько не мѣшаетъ мнѣ бѣситься въ глубинѣ души, тѣмъ болѣе, что я стараюсь скрывать это бѣшенство. Слѣдовательно, я въ такихъ случаяхъ, бѣшусь на самаго себя, и на другихъ.

Я долженъ объяснить причины того непреодолимаго отвращенія, которое я питаю къ завивкѣ и причесыванію: во-первыхъ, это потеря времени; во-вторыхъ, не видать, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ на головѣ, которую отдаешь ему въ полное распоряженіе; и наконецъ это положеніе, прикосновеніе двухъ чуждыхъ рукъ и ихъ медленная работа. О, это для меня невыносимо, нестерпимо, убійственно! По этому объясненію можно судить, старался ли я вырваться поскорѣе изъ рукъ своего мучителя; прибавьте къ этому, что мальчикъ, вѣроятно, только что всталъ-изъ-за стола и что руки его, почти касавшіяся моего лица, были какъ бы проникнуты запахомъ вареной говядины и капусты. И теперь еще, когда я пишу эти строки, мнѣ становится дурно, какъ вспомню! Впрочемъ, я не могу пристально смотрѣть на предметъ, который съ перваго взгляда возбудилъ во мнѣ какое либо непріятное ощущеніе; такъ и тогда я не могъ смотрѣть на руки подмастерья, а потому не могу сказать, какого они были цвѣта, краснаго или чернаго.

— Ваши волосы, сударь, маленько сухи, сказалъ онъ мнѣ... вы, вѣрно, не помадитесь... если прикажете, сударь...

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня есть хорошая помада, къ которой я привыкъ.

— Этого мало, сударь, что вы привыкли; этого очень мало... потому что помада всегда должна быть хорошая... напримѣръ, такая какъ у насъ... настоящая мозговая, чистѣйшая, безъ малѣйшей примѣси сала...

— Я самъ употребляю чистую мозговую.

— А... вѣрно вы, сами, сударь, ее дѣлаете? Это все равно... Попробуйте нашу, она всетаки будетъ лучше.

Я удержалъ его во время, потому что онъ преспокойно сталъ строить мнѣ какую-то допотопную прическу.

— А! понимаю! понимаю! вскричалъ онъ. Вамъ сударь, угодно, чтобы я завилъ васъ большими буклями... Это тоже очень красиво.

— Какими большими буклями?

Онъ сталъ очень подробно объяснять мнѣ, что замышлялъ сдѣлать съ моей головой.

— Нѣтъ, любезный, возразилъ я, ты только пригладь и расчеши мнѣ волосы, а ужъ я самъ уберу ихъ.

— А! понимаю! На натуральный манеръ?.. Не такъ ли? Знаемъ и это... А что, сударь, моете ли вы руки мыломъ?.. У насъ есть отличнѣйшее.

— Мою ли я руки мыломъ?.. Хорошъ вопросъ!.. Впрочемъ, что жъ тутъ удивительнаго? Быть можетъ все жалованье этого бѣдняка заключалось въ скромныхъ процентахъ отъ продажи вонючихъ мылъ и помадъ, которыя плесцѣвѣли за стеклами шкаповъ? Конечно, мнѣ бы слѣдовало купить у него мыла, или помады; но отъ рукъ его несло капустой!.. притомъ же, онъ отжегъ мнѣ цѣлый клокъ волосъ...

Чтобы перемѣнить разговоръ, я указалъ на старика, сидѣвшаго неподвижно за прилавкомъ, и тихо спросилъ у работника:

— Это твой хозяинъ?

— Да.. и хозяинъ и не хозяинъ; это старый хозяинъ; оно, если хотите, все равно: потому что новый хозяинъ женился на его дочери и принялъ его къ себѣ на житье; но онъ съ тѣхъ поръ уже ничего не работаетъ; сидитъ себѣ цѣлый день. Онъ человѣкъ стараго покроя... Слѣдовательно, вы изволите видѣть, что онъ только тесть хозяина..: того, что теперь хозяиномъ...

Мнѣ показалось, что я коснулся наконецъ пружины, развязывавшей языкъ прежнимъ парикмахерамъ; и хотя дѣйствіе ея показалось мнѣ довольно ничтожнымъ, но я былъ уже доволенъ тѣмъ, что оно дѣйствуетъ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда подмастерье опять заговорилъ:

—Чистите ли вы, сударь, ваши щетки... то есть, головныя щетки?

— Случается.

— Если угодно... такъ я буду вамъ ихъ чистить... какъ слѣдуетъ... наилучшимъ маперомъ, и не дорого возьму...

Я невольно вскрикнулъ. Онъ наложилъ мнѣ вдругъ на голову какую-то жидкость, отъ которой волосы мои склеились.

—Отъ этого волосы будутъ лучше держаться и станутъ глаже, сказалъ онъ мнѣ нѣсколько струсивъ.

— Я думаю, что ты ошибся, мой милый; этотъ составъ, вѣроятно, приготовленъ для сапоговъ.

Взглянувъ въ зеркало я, увидѣлъ, что голова моя, въ самомъ дѣлѣ, была гладка и блестяща, какъ лакированный сапогъ. Подмастерье старался возстановить милый безпорядокъ, который, по его мнѣнію, мнѣ нравился. Онъ придавалъ моимъ волосамъ странныя формы и непремѣнно хотѣлъ подстричь ихъ. Я не соглашался; но вдругъ почувствовалъ холодное прикосновеніе стали и страшную боль, которая холодною дрожью пробѣжала по всему моему тѣлу. Что ты дѣлаешь? вскричалъ я, и въ то же мгновеніе понялъ все дѣло и холодный потъ выступилъ у меня на лбу; я понялъ, что несчастный срѣзалъ небольшую бородавку, которая была у меня на затылкѣ. Онъ не отвѣчалъ ни слова и старался унять своими грязными, толстыми пальцами кровь, которая холодною струею текла по воротнику моей рубахи. Ничего... это такъ... я только оцарапалъ... кровь уже перестала...

Я коснулся до раны пальцами и увидѣлъ, что она была вся въ крови. Этого было довольно. Я уже долго терпѣлъ невыносимую пытку, но теперь терпѣніе мое лопнуло, а потому, когда несчастный парикмахеръ подошелъ ко мнѣ съ роковымъ орудіемъ въ рукахъ, то я отклонилъ его отъ себя.

— Довольно, сказалъ я; остальное я самъ кончу.

Я холодно всталъ, завязалъ галстухъ и, взявъ гребень изъ рукъ подмастерья, сталъ передъ зеркаломъ, висѣвшимъ у прилавка, желая уйти отъ своего мучителя какъ можно дальше. Не берусь описать своего ужаса, когда глазамъ моимъ предстало въ зеркалѣ вѣрное изображеніе моей особы. Самыя карикатурныя сравненія, какія только можетъ отыскать перо мое, не въ силахъ представить вамъ моего образа. Я былъ похожъ на хохлатаго попугая, котораго перья, вслѣдствіе какого нибудь сильнѣйшаго внутренняго волненія, поднялись дыбомъ. Въ такое-то состояніе повергъ меня этотъ жестокосердый мальчишка!

Старикъ, дремавшій за прилавкомъ, открылъ глаза и устремилъ на меня тусклый, удивленный взоръ, въ которомъ попремѣнно изображалось, то глубочайшее презрѣніе, то насмѣшливое состраданіе... такъ, что я совершенно смѣшался и смотрѣлъ на него улыбаясь, какъ будто бы призывая его въ свидѣтели моего бѣдствія.

— Вы причесаны какъ дикарь какой нибудь, сказалъ мнѣ старикъ съ грубымъ равнодушіемъ.

— Ахъ! воскликнулъ я, стараясь принять слова его за шутку, не такъ бы поступили со мною въ ваше время, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Старикъ выпрямился.

— Разумѣется, не такъ! Вы бы вышли отсюда съ щегольскою прической; и если вы помните... но гдѣ вамъ! присовокупилъ онъ, пристальнѣе посмотрѣвъ на меня: вы слишкомъ молоды, чтобы помнить то время.

Онъ опустился на скамью съ грустнымъ унылiемъ.

— Я не жилъ, правда, въ тѣ времена; но знаю изъ книгъ, изъ картинъ, разсказовъ, что значила тогда прическа порядочнаго человѣка, и что значилъ тогда парикмахеръ.

Весь жаръ молодости снова запылалъ въ глазахъ старца; онъ сдвинулъ съ головы бѣлокурый парикъ, который скорѣе служилъ ему колпакомъ.

— Парикмахеръ, сударь! Это было самое почетное званіе во Франціи!.. Мы носили шпаги, государь мой! Мы имѣли свои привиллегіи, какъ дворянство, милостивый государь! Самые знатные господа проходили черезъ наши руки и обращались съ нами какъ съ равными себѣ. Ни одна умная голова не миновала нашихъ рукъ! А тогда ихъ было не то что теперь! Однажды, въ день опернаго представленія, принцъ Ламбескъ прислалъ за мною; я приказалъ сказать ему, что мнѣ невозможно быть у него; онъ обѣщалъ мнѣ шесть луидоровъ — шесть луидоровъ значило тогда сорокъ-четыре ливра; но я отказался, потому что далъ слово маркизу де Булье!.. Парикмахеръ, сударь! Въ тѣ времена это было важное лицо, безъ котораго ничего не дѣлалось. Я жилъ тогда въ улицѣ Сентъ-Антоанъ, гдѣ жили всѣ родовые дворяне; всякій день передъ моею дверью стояло нѣсколько каретъ, съ шестью лакеями каждая! Мы иначе не выходили изъ дому: за нами всегда присылали. По этому то нужно было и вести себя приличнымъ образомъ; мы носили шелковые чулки, башмаки съ золотыми пряжками, жабо и манжеты. Въ то время простой подмастерье показался бы вамъ герцогомъ или перомъ, а теперь!..

Извощикъ, запачканный по колѣни грязью, грубо толкнулъ дверь, вошелъ въ цирюльню и, снявъ съ себя галстухъ, безъ церемоніи усѣлся на стулъ. Подмастерье принялся его брить.

— А теперь, продолжалъ старикъ, указывая на необходительнаго извощика, вотъ что мы значимъ! За три су брѣемъ всякаго бродягу. Деревенскіе цирюльники!

Бѣднякъ глубоко вздохнулъ и, поднявъ руку, продолжалъ съ жаромъ:

— На что похожи ваши нынѣшнія прически? Есть, говорятъ, нѣсколько жалкихъ мальчишекъ, которые роскошно надѣются возстановить прежнюю славу нашего званія! Жалко подумать! Своихъ учениковъ они зовутъ «клерками», посѣтителей — «головами», и когда идетъ рѣчь о волосахъ, то говорятъ «волосъ»,—что это за выраженія? Развѣ это не доказываетъ, что языкъ французскій погибъ вмѣстѣ съ нашимъ изящнымъ искуствомъ? Я былъ свидѣтелемъ кончины этого высокаго искуства! Оно умерло вмѣстѣ со всѣмъ, что только было лучшаго и прекраснѣйшаго во Франціи. Я причесывалъ маршала де Брогли, когда онъ собирался ѣхать въ

Версаль къ Людовику XVI, на другой день по взятіи Бастиліи. Возвратившись, онъ мнѣ разсказывалъ свое посѣщеніе. Король сидѣлъ облокотясь на столъ, покрытый зеленымъ ковромъ. — Ваше величество, сказалъ ему маршалъ, предоставьте мнѣ свободу, и я берусь возстановить спокойствіе въ Парижѣ до захода солнечнаго. — Но будетъ ли пролита хоть капля крови? — Нѣсколько капель, ваше величество, возразилъ маршалъ; но эти капли избавятъ Францію отъ цѣлыхъ потоковъ крови. — И король твердымъ голосомъ произнесъ: — Нѣтъ! Маршалъ вынулъ шпагу, подалъ ее королю и возвратился въ Парижъ. Но послѣдняя минута еще не наступала... Придворная прическа позже умерла на моихъ рукахъ...

Свирѣпый огонь заблисталъ въ глазахъ старика, устремленныхъ на меня; онъ понизилъ голосъ и сказалъ мнѣ съ силою, ударяя себя кулакомъ въ грудь:

— Я, я причесывалъ во Франціи послѣднюю голову...

Это слово, не знаю почему, тогда заставило меня вздрогнуть... мнѣ стало страшно, но я молчалъ, надѣясь, что старикъ будетъ продолжать; и точно, помолчавъ съ минуту, онъ опять заговорилъ:

— Однажды я сидѣлъ въ мастерской (кажется, я уже говорилъ вамъ, что моя лавка была на Сентъ-Антоанской улицѣ) и поправлялъ парикъ одного стараго сосѣда, какъ помнится, прокурора, который уже умеръ; я работалъ и напѣвалъ пѣсеньку; въ молодости у меня былъ довольно пріятный голосъ. Я пѣлъ, хотя и не слѣдовало бы пѣть; потому что дѣла шли плохо, очень плохо!.. Торговля остановилась; Парижъ былъ въ волненіи и всякій день, бывало, разносились слухи о новыхъ злодѣяніяхъ. Особенно въ тотъ день (это было 2-го сентября 1792 года), съ самаго утра былъ слышенъ на улицахъ какой-то зловѣщій гулъ; вооруженныя шайки проходили взадъ и впередъ мимо нашихъ дверей и тихо разговаривали между собою о чемъ-то страшномъ. Вдругъ послышался страшный вой; толпы освирѣпѣвшаго, разъярившагося народа стремились съ верхняго конца улицы; я видѣлъ, что сосѣди, жившіе черезъ улицу, спѣшили запирать лавки. Страшный ревъ быстро приближался. Не успѣлъ я притворить за собою двери, какъ стекла посыпались мнѣ въ лицо и въ грудь; я упалъ и не успѣлъ еще опомниться, какъ лавка была уже наполнена ревущею и вооруженною толпою. Одинъ изъ этихъ людей — чудовище въ лохмотьяхъ, облитое кровью, — схватилъ меня за горло и занесъ уже ножъ надъ моей головой. Я съ ужасомъ слышалъ, какъ онъ закричалъ: Ты причешешь ее!.. и голосъ его былъ заглушенъ дикимъ восмъ толпы. Открываю глаза, и вижу передъ собою на концѣ пики, которую мнѣ поднесли подъ носъ... голову! отрубленную голову, влажную, съ сомкнутыми глазами и длинными бѣлокурыми волосами, запятнанными кровью... А что за волосы!.. Это была голова принцессы де Ламбаль!.. Я сейчасъ узналъ ее... Откуда взялась у меня страшная смѣлость и какъ я не сошелъ съ ума? Самъ не знаю!..

Изверги терли мнѣ водкой носъ и виски, и размахивали острыми ножами. Я исполнилъ ихъ требованіе... и кончивъ работу, почтительно поклонился благородной головѣ, какъ будто бы я убиралъ саму принцесу въ ея версальскомъ будуарѣ. Наконецъ изверги съ криками и дикимъ, адскимъ смѣхомъ выбѣжали на улицу. Это, какъ я вамъ говорилъ, была послѣдняя прическа... При томъ же съ тѣхъ поръ я не работаю, потому что меня ударилъ параличъ и я не владѣю этой стороной тѣла.

Старикъ замолчалъ, а я ушелъ, не думая больше о своей ужасной прическѣ. Я узналъ причину, почему она не могла быть лучше. Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда мнѣ случается проходить мимо этой скромной лавчонки, наивно украшенной насмѣшливой вывѣской «Salon de coiffure,» сердце мое сжимается вздохомъ и жалостью къ затмившемуся блеску этого погибшаго изящнаго искуства.

В. Ш.

МАЛОДЕРБЕТЕВСКІЙ УЛУСЪ.

Горный хребетъ, — спутникъ Волги, сдѣлавъ съ нею крутой, послѣдній изворотъ близь г. Царыцина, откуда она прямо устремляется къ морю,—какъ будто оскорбясь на непостоянство ея за безпрестанныя уклоненія, наконецъ самъ отклоняется отъ Волги къ югу, и снова потомъ подходя высокимъ мысомъ къ колоніи Сарептѣ, у подножія котораго цвѣтетъ этотъ уголокъ мирной и трудолюбивой Германіи, бросаетъ послѣдній прощальный взглядъ на свою столь долго неразлучную спутницу, и потомъ, пройдя Астраханскую Калмыцкую степь, идетъ, на Кавказскихъ исполиновъ «Ташъ—бета, Эльбруса» и «Казбека!»

Хребетъ этотъ имѣетъ здѣсь то видоизмѣненіе, что онъ уже не составляетъ непрерывной цѣпи горъ, какъ при Волгѣ, но съ с. на ю. идетъ отдѣльными хребтами, одинъ отъ другаго верстахъ въ 10, 20 и 30, симметрически, какъ будто бы разставленными въ размѣренномъ разстояніи.

Такъ виднѣются они верстъ за 70 со степи, со стороны Каспійскаго моря. Съ каждой точки этого разстоянія простымъ глазомъ видно до 7 и 8 хребтовъ; вооруженнымъ же зрительною трубою до 12. Со стороны противоположной, т. е., отъ Дона они не видны, потому что правая площадь земли этихъ горъ есть возвышенная, въ сравненіи съ лѣвой, и эти горы какъ будто бы представляютъ ступень пониженія земли отъ Дона къ Касп. морю. При видѣ этого положенія не чужда мысль, какъ говоритъ преданіе здѣшнихъ мѣстъ, что эти горы нѣкогда отражали бурныя волны Каспійскаго моря.

Всѣхъ валовъ — горъ отъ перваго мыса «Монъ,» что при колоніи Сарептѣ, до хребта по музульмански «Ташъ бурукъ» (каменный хребетъ) при р. Маньичѣ, считаютъ до 30. Каждый изъ нихъ имѣетъ собственное названіе между Калмыками, потому что давно они кочуютъ по этимъ мѣстамъ и названы ими отъ вида, напримѣръ: «буру—халясынъ» (неправильно смотрящій,) и проч., или отъ рѣчекъ, изъ нихъ вытекающихъ, напримѣръ «Альматинъ Хамуръ,» т. е., хребетъ Альматинскій, или отъ озеръ при подножіи ихъ, наприм. «гурбунъ—нуръ» (хреб. у трехъ озеръ) — и проч. Горы эти не имѣютъ въ себѣ никакой особенности, кромѣ прекрасныхъ водъ, часто бьющихъ фонтаномъ изъ земли и камней булыжника. Говорятъ, что мѣстами находятъ признаки торфа (камен. угля,) по объ этомъ положительныхъ свѣдѣній Калмыки, владѣльцы этихъ мѣстъ, не имѣютъ.

Послѣдній мысъ по эту сторону Маныча, какъ сказано, «ташъ — бурунъ» особенно замѣчателенъ на равнинѣ необозримыхъ степей высотою, огромными камнями и пещерами. Въ горѣ этой кавказскіе сосѣдніе магометане (Трухмяне и Кара-Нагаи) вырѣзываютъ изъ дикаго камня статуи въ полроста, которыя обыкновенно они ставятъ надъ могилами умершихъ и которыя часто встрѣчаются на курганахъ въ здѣшнихъ степяхъ. Древнѣйшіе памятники восходятъ до 140 лѣтъ.

При подножіи горъ этихъ была дорога съ Волги на Кавказъ, называемая томскимъ шляхомъ, которую еще нынѣ означаютъ на картахъ; но какъ лѣтомъ воды, необходимыя для напоенія обознаго скота, изсыхаютъ, и обозчики претерпѣвали крайность, то дорога эта оставлена, а вмѣсто ея открыта другая, по горамъ. Это удобный и кратчайшій путь на Кавказъ: здѣсь правительство предполагаетъ сдѣлать поселенія, что принесло бы рѣдкія выгоды, какъ для поселенцовъ, такъ и для удобнаго и безопаснаго сообщенія; ибо всѣ принесенныя Волгою и слѣдующія на Кавказъ произведенія разгружаются въ посадѣ Дубовкѣ или Царицынѣ и черезъ колонію Сарепту препровождаются этимъ путемъ на Кавказъ. Во все лѣто здѣсь проходитъ безпрерывная цѣпь обозовъ съ желѣзомъ, спиртомъ, лѣсомъ и многими другими произведеніями.

Этотъ хребетъ раздѣляетъ землю Малодербетевскаго улуса отъ с. на ю. на двѣ полосы, изъ коихъ правая, отъ полудня обращенная, прорѣзана рѣчками, изъ хребта вытекающими: «Червленною,» двумя Аксаями: — «Есауловскимъ и Курмаярскимъ, — Харасаломъ, Якшибеемъ, Зегестою, Джурукъ — Саломъ — » изъ коихъ пять послѣднихъ, склоняясь къ западу, впадаютъ одна въ другую и тотчасъ, за границею земли Войска Донскаго, составляютъ общее соединеніе, называемое «Саломъ», впадающимъ въ Донъ. Другая покатость, или склонъ горъ, обращена на полдень; прорѣзана рѣчками, кромѣ многихъ небольшихъ: «Аршаномъ и Амта зельменями, Яльматою» и другими, кои впадаютъ въ Сарпу; однако жъ не только онѣ, но и самая Сарпа маловодна; порою, на обсохшемъ руслѣ ея сѣютъ хлѣбъ, и только въ заливахъ, или озерахъ, соединяется вода; но въ иной годъ, она полна воды и рыбы. Замѣчательно, что Сарпа, такъ какъ и Манычь, имѣетъ противныя теченія. Отъ сильнаго разлива она течетъ вправо и влѣво, въ двѣ противуположныя стороны.

По склонамъ горъ и по рѣчкамъ кочуютъ Малодербетевскіе Калмыки. Нѣкоторые сѣютъ хлѣбъ, картофель и роды овощныхъ произведеній, разводятъ табачныя плантаціи, ибо имѣютъ случай научиться и пріобрѣсти сѣмена отъ сосѣднихъ сарептскихъ колонистовъ. Бьющіе съ верху родники проходя по склону долины, на которой сѣютъ табакъ, представляютъ превосходную поливу безъ всякихъ трудовъ и издержекъ на искуственное добываніе. Эти большія удобства, изъ которыхъ всякій хозяинъ-экономъ умѣлъ бы извлечь рѣдкія выгоды, кажется, даны дикимъ сынамъ степей съ намѣреніемъ, дабы они, оставя бродячую жизнь свою, такъ сказать на авось, до первой гибельной зимы, занялись бы болѣе прочными и основательными осѣдлостію и хлѣбопашествомъ. Одни зимуютъ по рѣчкамъ при своихъ заведеніяхъ, а большая часть подъ горами, въ камышахъ р. Сарпы, гдѣ запасаютъ на зиму сѣно и камышъ. Весеннею порою они выкочевываютъ въ горы

тогда подходятъ къ подножіямъ ихъ Калмыки улусовъ Эркетеневскаго, Икицокуровскаго и Харахусовскаго, — и здѣсь временно пользуются превосходными, въ сравненіи съ своими бѣдными центральными степями, травами и водами.

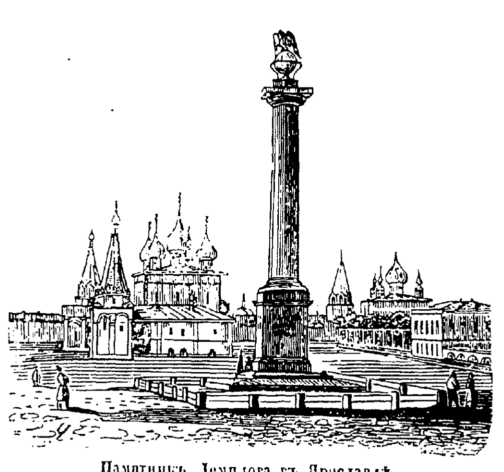
Почва земли столь разнообразна, что общимъ именемъ опредѣлить ея нельзя: по горамъ на песчано-глинистомъ слоѣ ростетъ дикая полынь, щетка и ковыльникъ, и земля для хлѣбопашества вовсе неудобна; по низменности травянисты и мѣстами черноземны. Жители ближайшихъ селеній сѣютъ хлѣбъ по рѣчкамъ и балкамъ; пограничные Малодербетевскому улусу Донскіе жители имѣютъ превосходно богатые хутора, гдѣ безпрепятственно ростетъ посѣваемый лѣсъ и родятся хлѣба, не уступающіе своими урожаями и по Донскимъ землямъ. Къ югу, при Манычѣ, пустыя безводныя степи больше солончаки.

Вообще говоря, погорное пространство, — доставшееся на долю Калмыкамъ Малодербетевскаго улуса, въ сравненіи съ безжизненными вѣчно-мертвыми степями центральными, — земля благословенная. Пріятно видѣть, что Калмыки подъ особеннымъ попеченіемъ благонамѣреннаго владѣльца, князя Тундутова, начинаютъ понимать и пользоваться дарами земель своихъ. Въ 3-мъ году, по распоряженію владѣльца, въ видѣ опыта, было разсажено до 1000 разнаго рода деревъ, вывезенныхъ изъ верхнихъ колоній. Искусный садовникъ-колонистъ, выбравъ превосходное мѣсто для сада, разрылъ и очистилъ источники. — Растенія удачно принялись и обѣщаютъ плоды и сѣнь среди пустынь, что будетъ рѣдкимъ и благодѣтельнымъ въ осиротѣлой землѣ явленіемъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Города и желѣзныя дороги. — Кавказскій календарь. — Календари и альманахи. — Исторія смутнаго времени въ Россіи. — Военная игра. — В. А. Каратыгинъ. — Гверра. — Театръ въ Одессѣ и Харьковѣ. — Италіанская графиня.

Мы получаемъ съ нѣкотораго времени пучки писемъ; изъ нихъ большая часть стихотворенія, потомъ разсужденія о желѣзныхъ дорогахъ, золотыхъ промыслахъ, рыбныхъ ловляхъ, каменномъ углѣ, страховыхъ и другихъ обществахъ на акціяхъ, о фабрикахъ и мануфактурахъ, наконецъ, уже виды городовъ, но рѣдко съ описаніемъ; часто при письмѣ въ десять строчекъ сказано: а вотъ и нашъ городъ. Многіе ужасно велерѣчиво разсуждаютъ, то о такомъ, то объ иномъ направленіи художественной части въ Иллюстраціи. Мы не можемъ согласиться съ ними и помѣщаемъ часто виды безъ подробнаго описанія. Что можно сказать о Витебскѣ, напримѣръ, а между тѣмъ видъ этого города не безъ интересса. Или отдаленный Иркутскъ, или уже на конецъ свѣта заброшенная Камчатка. Виды ихъ любопытны, но до Топографіи еще очень далеки, и когда Иллюстрація въ путешествіи своемъ по всей Россіи въ со-



Памятникъ Демидова въ Ярославлѣ.

стояніи будетъ дать подробную описательную статью каждаго города; тогда можетъ быть и самые города измѣнятъ свою физіономію. Напрасно, намъ кажется, вооружаются противу мысли заковать всю Россію въ желѣзныя дороги. Одна бѣда, какимъ образомъ можно осуществить эту мысль. Не видимъ зла въ соединеніи Витебска съ Орломъ или Москвы съ Ярославлемъ, или Астрахани съ Дономъ, отъ облегченія путей сообщенія зависитъ внутреннее благосостояніе государства; Витебскъ — представитель Бѣлой Россіи, бѣдной по своей почвѣ; желѣзная дорога изъ хлѣбородныхъ губерній въ сердцѣ Бѣлой Россіи сначала могла бы облегчить и сдѣлать безопаснымъ продовольствіе этого края, а потомъ продолжиться до границы и примкнуть къ какой либо военной системѣ желѣзнаго пути. Менѣе кажется нужнымъ желѣзный путь отъ Москвы до Ярославля. Волга достаточно облегчаетъ сообщеніе. Недаромъ говоритъ пословица: Ярославль городокъ, Москвы уголокъ. Ярославль будто предмѣстіе старой столицы. Видъ Ярославля истинно живописенъ; мы помѣщаемъ гравюру, исполненную по рисунку Чернецова и представляющую видъ памятника Демидова. — Русскіе города по разстояніямъ и плохимъ дорогамъ можно назвать дѣтьми огромной семьи, но живущими врозь; поневолѣ ихъ соединять, скрѣпять рельсы не только матеріально, но и нравственно. Не должно, по нашему мнѣнію, охуждать какихъ бы то ни было начинаній и попытокъ въ этомъ родѣ. Ни одно не пропадетъ безъ пользы; напротивъ, каждое принесетъ менѣе или болѣе общихъ выгодъ, хотя бы со временнымъ ущербомъ частныхъ лицъ. Желѣзныя дороги и вообще предпріятія, имѣющія цѣлью возвышеніе или облегченіе фабричности, торговли и промысловъ, не пустыя книжныя спекуляціи, а плоды разсчета, съ которымъ иногда въ согласіи и любовь къ отечеству. Если бы кому вздумалось составить проэктъ желѣзнаго пути въ Камчатку, и тогда бы мы не старались выставить на смѣхъ предпріятія. Въ Камчаткѣ иногда приходится ѣсть бѣлый хлѣбъ вмѣсто ржанаго; и права пословица: нужда велитъ калачи ѣсть.

Видъ Иркутска.

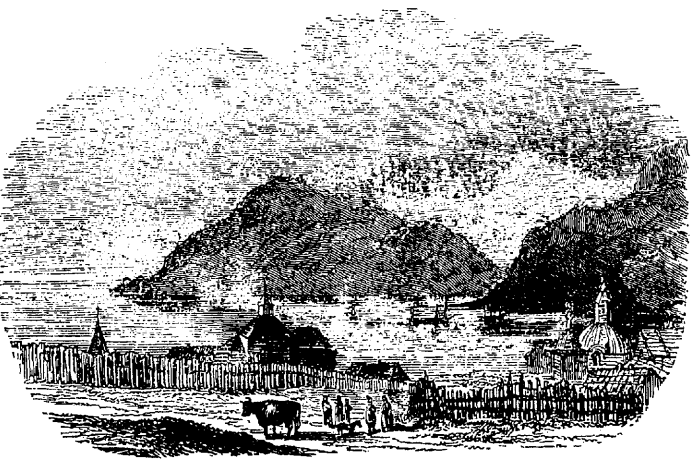
Россія — terra incognita, земля не извѣстная. Ваша память не вмѣститъ всѣхъ ея средствъ и богатствъ, ваше воображеніе, ея обширности. Кто бы подумалъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, что огромное пространство земель рускихъ, прилегающихъ къ Черному и Азовскому морямъ, въ нѣдрахъ своихъ хранятъ неистощимые запасы каменнаго угля, — и притомъ высшаго качества. Между родами этого ископаемаго горючаго матеріала, огромное пространство, сказали мы, потому что по нѣкоторымъ положительнымъ свѣдѣніямъ, каменный уголь занимаетъ на незначительной глубинѣ площадь до 1,000 кв. верстъ, если не болѣе. Изслѣдованія г. Воскресенскаго, о которомъ мы уже упоминали, положительно опредѣлили высокое его достоинство.

А Кавказъ?

Кавказъ съ давняго уже времени сдѣлался поприщемъ русскаго оружія, и, по природѣ своей и по будущей судьбѣ, возбуждаетъ живой интересъ и Россіи и Европы. Кавказъ особенно близокъ намъ по судьбѣ многихъ славныхъ сыновъ Россіи, и, послѣ нынѣшней блистательной экспедиціи, привлекаетъ особенное наше вниманіе. По этому всякое извѣстіе, всякая замѣтка объ этомъ краѣ читаются нами съ живѣйшимъ любопытствомъ. Мы имѣемъ о Кавказѣ сочиненіе Зубова: Картина Кавказскаго края и сопредѣльныхъ оному земель (4 части, С. П. Б. 1834), и другое — Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ, изданное по Высочайшему повелѣнію (4 части, С. П. Б. 1836). Сверхъ того, есть нѣсколько мелкихъ сочиненій, касающихся этого края, какъ напр.: Краткое обозрѣніе Кавказской губерніи и уѣзднаго города Кизляра, сочиненіе Павлова. Кромѣ того, по русскимъ журналамъ разбросаны кое-какія замѣтки разныхъ частныхъ лицъ, проѣздомъ взглянувшихъ на Кавказъ. Съ будущаго года, въ самомъ краю, о которомъ говоримъ мы, получаетъ начало изданіе, которое особенно должно привлечь общее вниманіе современностью и свѣжестью фактовъ о Кавказѣ.

Видъ Витебска.

Съ 1846-го года, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, при канцеляріи г-на Кавказскаго намѣстника, будетъ издаваться Кавказскій календарь. Редакція этого изданія, имѣя подъ рукою самый обильный источникъ офиціяльныхъ свѣдѣній, конечно, не упуститъ воспользоваться всѣми данными, которыя она почтетъ достойными вниманія любознательныхъ людей, и навѣрно представитъ своимъ читателямъ весьма интересную книгу. Вотъ программа Кавказскаго календаря на 1846-й годъ:



Видъ на Камчаткѣ.

Отдѣленіе первое. 1) Мѣсяцесловы: Православно-Каѳолическій, Армяно-Григоріанскій и Армяно-Католическій. 2) Церковное счисленіе. 3) Роспись праздничнымъ и торжественнымъ днямъ. 5) Кавалерскіе праздники. 6) Викторіальные дни. 7) Магометанскій календарь. 8) Начало временъ года. 9) Небесныя явленія.

Отдѣленіе второе. 1) Краткій историческій очеркъ Закавказскаго края. 2) Таблица географическаго положенія нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ Закавказскаго края и Кавказской области. 3) Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій въ Кавказскомъ краѣ и главнѣйшихъ постановленій правительства, относящихся къ этому краю. 3) Таблица разстояній главныхъ городовъ Закавказскаго края и Кавказской области отъ обѣихъ столицъ, Одессы и губернскихъ и областныхъ городовъ. 5) Кавказскій дорожникъ, съ почтовою картою. 6) Пріемъ и приходъ почтъ. 7) Почтовыя таксы. 8) Пароходныя сообщенія. 9) Таблица курса ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи. 10) Монеты, вѣсы и мѣры, употребляемые въ Закавказскомъ краѣ, въ сравненіи ихъ съ русскими.

Отдѣленіе третье. Статьи о Кавказскомъ краѣ.

Отдѣленіе четвертое. а) Кавказскій адресъ-календарь, гражданскій и военный. 2) Тифлисскіе адресы.

Если не ошибаемся, это будетъ первая русская книга, напечатанная въ Тифлисѣ, или, если не первая русская, то, навѣрно, первая напечатанная тамъ и, по содержанію, исключительно относящаяся къ Кавказскому краю. Появленіемъ ея мы будемъ обязаны той же рукѣ, которая такъ недавно вела русскихъ воиновъ въ кровавыя схватки съ горцами, и которая, начертывая планы обширныхъ дѣйствій, въ странѣ, гремящей оружіемъ, покровительствуетъ мирнымъ трудамъ науки.

Вообще провинціальные календари наши, тамъ гдѣ они есть, пріятное явленіе. Они наполняются мѣстными извѣстіями высшаго интереса. Жаль, что этихъ календарей немного: ихъ появленіе обращается въ періодическую обязанность; годичный срокъ изданія даетъ возможность быть строгимъ въ выборѣ статей, отчетливымъ въ ихъ обработкѣ. Календари обращаются въ учебныя полезныя книги; они замѣняютъ древніе наши альманахи, которые одно время весьма занимали публику; альманаховъ нѣтъ, а календари имѣютъ немногихъ читателей, потому что статьи, въ нихъ помѣщаемыя, любопытны для ученаго только сословія; читающая публика въ убыткѣ. На будущій годъ и мы надѣемся видѣть литературные альманахи. Новоселье скоро выйдетъ; Вчера и сегодня, говорятъ также печатается; мы слышали о какомъ-то альманахѣ «Скалозубъ...» И все то благо, все добро; но вся эта изящная литература едва ли доставитъ столько пользы, какъ народные календари, издаваемые въ Англіи и Германіи. Volks Kalender Губица на 1846 годъ не уступаетъ прежнимъ годамъ ни въ какомъ отношеніи. Занимательныхъ статей тьма, картинокъ множество, все это стоитъ — грошъ, такъ нечего и удивляться преуспѣянію просвѣщенія у сосѣдей. У насъ литература и книжное дѣло — только спекуляціи... Тутъ ужъ нельзя сказать: и все благо, все добро.

Есть однако же и утѣшительныя извѣстія; третій томъ Исторіи Смутнаго Времени уже изготовленъ къ печати; подробное описаніе съ изложеніемъ правилъ Военной Игры также скоро выйдетъ въ свѣтъ. Статья, помѣщенная въ прошедшемъ нумерѣ Иллюстраціи въ общихъ чертахъ, знакомитъ съ существомъ этой игры; для адептовъ военнаго искусства требуются болѣе подробныя свѣдѣнія. Хотя не наше поприще, не наше ремесло — война, но, убѣжденные въ пользѣ этой геройской забавы, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ этого военнаго труда Г. Кузминскаго.

Во вторникъ, съ трепетомъ сердечнымъ,

съ душевнымъ безпокойствомъ, мы едва, едва дождались 7 часовъ вечера. Когда вошли мы въ Александринскій теат, невольно подумали: охъ какъ тѣсно, для Петербурга: или, лучше сказать, для Каратыгина надо выстроить Колоссей. Василій Андреевичъ былъ въ Римѣ, былъ въ Колоссеѣ—какое чувство должно было волновать его душу; на этой сценѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ мухи ходили актеры, возглашая въ трубы дебелыя пентаметры; тогда рабы и вольноотпущенники имѣли обязанность тѣшить гордую публику, которая дерзко хвалилась своею образованностью, называя всѣ народы міра варварами; наше столѣтіе, встрѣчая Василія Андреевича съ любовью, восторгомъ и уваженіемъ, не имѣетъ ли права назвать гордыхъ Римлянъ варварами, не можетъ ли смѣло сказать, что нашъ Александринскій театръ — сто разъ огромнѣе, важнѣе Колоссея. То былъ вертепъ посмѣшища—это храмъ искуства. И правду сказать, артистъ стоилъ и встрѣчи, и пріема, и проводовъ; Эленшлегеръ видѣлъ Женни-Линдъ; жаль, что ему не удалось видѣть Каратыгина. Это представленіе можетъ служить утѣшительнымъ доказательствомъ, какъ уважаетъ публика своего геніальнаго артиста; вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца. — Да, во вторникъ въ Александринскомъ театрѣ было жарко, но не душно; напротивъ, если зрители видятъ передъ собою артиста, которымъ могутъ справедливо гордиться, тогда представленіе обращается въ праздникъ; всѣ дышутъ легко, грудь подымается, но отъ теплоты нравственной; правда, есть и такіе, которымъ было жарко; ихъ не согрѣвало торжество отечественной знаменитости... Лукавые сосѣди имъ совѣтовали поѣхать прохладиться въ ново-открытый циркъ Гверры.

Кто посовѣтовалъ этому цирку открыться въ обѣденное время? Въ Петербургѣ обѣдаютъ въ два, въ три, въ четыре часа (большею частію) въ пять, въ шесть, и даже въ девять часовъ. Поздно обѣдающіе едва ли поѣдутъ въ циркъ деревянный, въ нашу неудобную погоду. Рано обѣдающіе едвали пожертвуютъ обѣдомъ для подобнаго представленія; мы до сихъ поръ еще не были въ циркѣ, и признаемся — обѣда ради.

Что дѣлается въ провинціи? — Въ Одесскомъ вѣстникѣ, напечатано слѣдующее:

Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшу извѣстить васъ о событіи, которое третьягодня обрадовало всѣхъ жителей нашего города. Я разумѣю прибытіе въ Тифлисъ намѣстника кавказскаго, котораго мы не видѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ простился съ нами, отправляясь въ походъ, навсегда знаменитый въ лѣтописяхъ тысячелѣтняго Кавказа, знаменитый, — какъ по трудностямъ, которыя преодолѣлъ нашъ доблестный вождь, по истинно-геройскому его самоотверженію, такъ и потому, что русскіе штыки въ первый разъ сверкали въ ичкеринскихъ лѣсахъ, считавшихся доселѣ непроходимыми. Мы увидали его, наконецъ, послѣ этого похода, въ который онъ такъ славно доказалъ, что для Рускаго нѣтъ ничего невозможнаго и что слово нашего Царя — законъ и на вершинахъ горъ, которыя въ облакахъ скрываются отъ взоровъ. Встрѣча князя, возвратившагося къ намъ, была проникнута патріотизмомъ и успокоительною любовью со стороны туземцевъ. Она была шумна и восторженна, какъ встрѣча дѣтьми любимаго отца. Вотъ вамъ всѣ подробности этого дня, въ который нашъ городъ увидалъ опять князя М. С. Воронцова въ своихъ стѣнахъ.

Прибывшій фельдъегерь возвѣстилъ намъ, что князь-намѣстникъ будетъ въ Тифлисъ 15-го числа сего мѣсяца. Узнавши это, народъ, не смотря на небольшой дождь и грязь, съ ранняго утра пошелъ на встрѣчу его сіятельству и, въ главѣ его, губернскій предводитель дворянства съ почетнѣйшими изъ гражданъ. Они встрѣтили намѣстника за Мцхетомъ, верстахъ въ 20-ти за Тифлисомъ. На всемъ этомъ пути князь встрѣчалъ безпрестанно народныя толпы, стремившіяся ему на встрѣчу съ шумными и искренними привѣтами. Пѣсни, крики и звуки зурны не умолкали ни на минуту.

Наконецъ въ 5-ть часовъ по полудни взвившіяся ракеты и пушечные выстрѣлы съ Метехской крѣпости возвѣстили всему Тифлису о прибытіи давно желаннаго всѣми. Князь въѣхалъ въ городъ верхомъ, окруженный густыми толпами. Недалеко отъ своего дома онъ былъ встрѣченъ всѣмъ генералитомъ. Тутъ сошелъ онъ съ коня и приблизился къ выстроившемуся почетному караулу. Отдана была честь, загремѣло громкое русское ура — и князь, окруженный всѣми встрѣтившими его генералами, пѣшкомъ сталъ пробираться къ своему дому среди многочисленной, густой толпы собравшагося и тутъ народа. Передъ нимъ шла грузинская милиція, которая несла свои знамена и зеленыя вѣтви деревьевъ, обвитыя и тѣ и другія цвѣтами, которые теперь, по времени года, здѣсь очень рѣдки. Вплоть до своего дома намѣстникъ шелъ, привѣтствуемый громкимъ ура, этимъ всеобщимъ выраженіемъ радости и восторга видѣвшихъ его вновь, послѣ всѣхъ совершенныхъ имъ великихъ и доблестныхъ подвиговъ. Русская военная музыка сливалась съ туземною и съ зыкомъ древняго царскаго рога, котораго столько лѣтъ уже не слыхали въ Тифлисѣ, и все это покрывалось криками воодушевленнаго народа. Наконецъ князь взошелъ на ступени крыльца своего дома, благодарилъ поклономъ весь народъ, столь радостно встрѣчавшій его, и, въ сопровожденіи всѣхъ генераловъ, вошелъ въ свои покои.

Вечеромъ весь городъ, крѣпость и окрестныя горы были иллюминованы. Съ крыши одного дома, откуда я имѣлъ случай видѣть всю иллюминацію, картина была великолѣпна. Этотъ неправильный, прихотливо расположенный городъ по скату горъ и который теперь блестѣлъ огнями, эти красноватые огни на окрестныхъ горахъ, среди мрака черной, южной ночи, — все это имѣло что-то волшебное, сильно говорящее воображенію. Присоедините къ этому, что въ душѣ каждаго изъ насъ было какое-то сладкое, успокоительное чувство исполнившагося завѣтнаго желанія, то чувство, которое ощущаемъ мы по возвращеніи отца своего, котораго мы нѣжно любимъ. Да, на всѣхъ лицахъ видна была радость, весь городъ оживился, и все стало какъ-то гораздо веселѣе, чѣмъ прежде, когда его не было между нами. Однимъ словомъ, скажу вамъ, что въ этой встрѣчѣ намѣстника ясно выразилась эта непритворная, неподдѣльная любовь, которую невольно внушаетъ онъ всѣмъ, и на ней лежалъ отпечатокъ искренней преданности ему народа. Отрадно было смотрѣть на это всякому Рускому, истинному патріоту, и наша національная гордость имѣла свое торжество въ этотъ день.

Что еще дѣлается въ провинціи?

Два года тому назадъ, на сценѣ Одесскаго городскаго театра былъ данъ балетъ воспитанницами и воспитанниками школы, учрежденной княземъ П. И. Гагаринымъ. Публика благосклонно приняла юныхъ артистовъ и артистокъ, и это было первымъ и единственнымъ вознагражденіемъ учредителю школы, о благонамѣренности учрежденія которой и о пользѣ, какую она можетъ доставить впослѣдствіи, мы поговоримъ въ свое время. Въ прошломъ году былъ отстроенъ театръ кн. Гагарина; тѣ же молодые артисты явились на сценѣ новаго театра, и судя по одобренію публики, еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый годъ. Теперь кн. Гагаринъ рѣшился ускорить ходъ своей школы; для этого онъ пригласилъ изъ Москвы и Петербурга нѣсколько сюжетовъ на первыя роли.

Мы ничего теперь не скажемъ о достоинствахъ вновь прибывшихъ артистовъ; спектакли скоро начнутся и общій голосъ публики рѣшитъ вѣрнѣе насъ; но самое предпріятіе основать постоянный русскій театръ въ Одессѣ, кажется, нельзя оставить безъ вниманія, безъ благодарности.

А въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ, въ статьѣ, написанной съ знаніемъ дѣла и отчетливостью, какихъ мы въ нашихъ театральныхъ критикахъ не замѣтили, возвѣщаютъ о появленіи на тамошнемъ театрѣ даровитой четы г. Горева и г-жи Ѳедоровой; мы бы сообщили нѣкоторыя подробности; но долгъ скромности лишаетъ насъ этого удовольствія, потому что г. Горевъ и г-жа Ѳедорова отличились такимъ необыкновеннымъ образомъ въ драмѣ Скопинъ-Шуйскій. Похвалы воздаваемыя, г. Гореву, заставляютъ полагать, что Харьковъ пріобрѣлъ въ немъ первостепеннаго артиста.

Что дѣлается дальше? Гдѣ дальше? Что дѣлается за предѣлами Россіи, пусть о томъ разсказываетъ странствователь; но онъ въ чужихъ изданіяхъ не найдетъ слуховъ и сплетней, а если найдетъ, такъ печатныя, а еженедѣльникъ не только ихъ читаетъ, но и не слышитъ. Тамъ, за границей, роскошная италіянская графиня, увлекавшая тогда-то красотой своей кисть первоклассныхъ живописцевъ, лишилась недавно мужа. Извѣстно, это такая бездѣлица, что о ней и говорить не стоитъ. Мужей на свѣтѣ ужасно много. Утѣшиться не трудно. Италіянская графиня однако же не знала на чторѣшиться; она подражала Жоржу-Зандъ, но путь подражанія ей надоѣлъ; она рѣшилась быть оригинальною и вышла замужъ за актера. И такъ она не графиня, но съ деньгами въ тѣхъ земляхъ можно пріобрѣсти титло и безъ заслугъ. Мы бы совѣтовали бывшей графинѣ, купить мужу титло маркиза; это будетъ новѣе и болѣе похоже на комедію.

ЦАРСКАЯ СВѢЧА,

Бастыльникъ, Кулина.

Трава эта, по мѣстамъ извѣстна въ Саратовской губерніи, въ простомъ народѣ подъ различными названіями: иные называютъ ее царскою свѣчею, другіе бастыльникомъ, а иные кулиною.

Она ростетъ на всякой почвѣ, по всей губерніи, но преимущественно въ нагорныхъ округахъ, на залежахъ и даже среди хлѣбовъ яровыхъ. Цвѣтъ на ней желтый; сѣмена похожи на макъ и ихъ на каждомъ стволѣ родится очень много; листья на немъ продолговатые, по краямъ съ зубчиками, кожа на стволѣ нѣсколько красноватая; въ вышину до $2^1/_2$ аршинъ; толщина у корня около вершка, кверху постепенно тонѣе. Растеніе однолѣтнее, и созрѣваетъ въ концѣ августа или въ сентябрѣ.

Траву эту должно собрать около 1-го іюля, т. е., вскорѣ послѣ Петрова дня, срѣзывая ножемъ, или топоромъ, или косою подъ корень, связывать въ мелкіе снопы и класть въ воду, связывая вплоть, подобно коноплѣ, недѣли на двѣ или на три, смотря по теплотѣ времени и воды; ибо въ теплой водѣ она скорѣе можетъ умокнуть, а въ холодной долѣе не вымокаетъ. Послѣ того надобно разставить на солнцѣ и просушить. По просушкѣ, она сдѣлается бѣлаго цвѣта и годною для лучины. Оболочка или шелуха на стволѣ сама собою спадетъ. Лучина эта горитъ свѣтлѣе древесной, продолжительнѣе и менѣе испускаетъ дыма. Позже же связанная, менѣе удобна для этого употребленія.

Траву эту можно разводить посредствомъ посѣва сѣменъ, весною или осенью. Чтобы она не вышла слишкомъ часта, сѣмена должно мѣшать съ пескомъ; 6 Фунтовъ ихъ довольно на десятину. При урожаѣ, девять частей срѣзывать на лучину или топливо; одну часть оставлять до совершеннаго созрѣнія, для сѣменъ. Одна десятина этой травы можетъ дать лучины на 40 крестьянскихъ домовъ, на круглый годъ. Въ мѣстахъ лѣсныхъ она послужитъ средствомъ къ сбереженію лѣса, а въ безлѣсныхъ устранитъ издержки, дѣлаемыя на покупку лучины и топлива.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Затмѣніе. — Затруднительное положеніе. — Услужливый молодой человѣкъ. — Электрическіе часы. — Извержение Геклы. — Англійская шуточка. — Лавина. — Голубь-вѣстникъ. — Корабль безъ экипажа. — Бракъ въ Гретна-Гринѣ. —

Затмѣніе. Въ ночь на 14-е ноября было въ Парижѣ видимое лунное затмѣніе: оно началось въ 20 минутъ 12-го часа вечера, а кончилось въ 38 минутъ 3-го часа по полуночи.

Затруднительное положеніе. «Gazette des Tribunaux» разсказываетъ слѣдующее происшествіе:

«Нѣкто, г. N*** спокойно возвращавшійся вечеромъ домой былъ внезапно остановленъ женщиной, волосы которой были распущены, платье въ безпорядкѣ:

— Ради самаго неба, вскричала она дрожащимъ голосомъ, спасите меня, спасите!

— Отъ кого, сударыня? спросилъ N***, чѣмъ могу я помочь вамъ?..

— Дайте мнѣ вашу руку, и я спасена!

— Съ удовольствіемъ; однако жъ я желалъ бы знать...

— Ни слова! пойдемте, пойдемте!

Съ этими словами она взяла подъ руку г. N*** и скоро потащила его за собою. Удалившись на довольно далекое разстояніе, въ уединенное мѣсто, N*** остановился.

— Позвольте мнѣ хоть теперь узнать, что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Что мнѣ угодно! вскричала женщина; развѣ вы не узнаете меня, презрѣнный! Вашъ послѣдній часъ пробилъ!

Не понимая, что это значило, N*** полагалъ, что незнакомка ошибалась, и хотѣлъ объяснить ей, что она принимала его за другаго. Но она ничего не хотѣла слышать и продолжала грознымъ голосомъ:

— Измѣнникъ! Поручи душу свою Господу и готовься умереть!

Положеніе г. N*** было чрезвычайно затруднительно, потому что незнакомка вцѣпилась въ его платье и огненные глаза ея сверкали во мракѣ. Онъ готовился уже звать на помощь, когда вдругъ изъ-за угла показались два человѣка. Они скоро подбѣжали, схватили женщину и стали завязывать ей руки.

Въ то же время подъѣхала карета, въ которую они ее усадили. Потомъ они объяснили г. N*** и нѣсколькимъ собравшимся любопытнымъ, что эта женщина убѣжала изъ дома сумасшедшихъ, гдѣ она находилась въ отдѣленіи неизлечимыхъ.

Услужливый молодой человѣкъ. Въ прошлое лѣто одинъ богатый парижскій купецъ, мучимый ревматизмомъ, упорно противившимся всѣмъ усиліямъ врачей, отправился на Нерисскія воды. Тамъ онъ съ самаго начала ощутилъ значительное облегченіе, но по мѣрѣ того какъ ревматическая боль проходила, его начало мучить другое зло, а именно — скука. Чтобы преодолѣть этого новаго врага, выздоравливавшій прибѣгнулъ къ героическому средству, всегда почти опасному на водахъ — къ игрѣ!

Онъ сталъ играть и вскорѣ проигралъ значительную сумму. По счастію, онъ познакомился въ это время съ милымъ молодымъ человѣкомъ, который сначала давалъ ему совѣты въ игрѣ, а потомъ открылъ, что онъ попался въ руки шулерамъ.

— Вы думаете? спросилъ изумленный негоціантъ.

— Я въ томъ увѣренъ и, если хотите, сейчасъ же обнаружу плутни мнимаго барона, который вчера еще выигралъ у васъ двадцать наполеондоровъ. Впрочемъ лучше не дѣлать шуму, и если вамъ угодно повѣрить мнѣ это дѣло, то я заставлю этихъ господъ возвратить вамъ большую часть денегъ, которыя они у васъ выиграли.

Негоціантъ согласился съ признательностью, и на другой же день новый другъ его принесъ ему 7000 франковъ, которые онъ вытребовалъ у шулеровъ.

Эта услуга сблизила купца и услужливаго молодаго человѣка, и по окончаніи сезона они разстались, обѣщавъ непремѣнно сойдтись опять въ Парижѣ.

Купецъ возвратился въ Парижъ и, можетъ быть, забылъ уже о своемъ другѣ, когда тотъ явился къ нему. Парижанинъ принялъ его радушно и настоялъ на томъ, чтобы онъ остановился у него въ домѣ. Молодой человѣкъ долго отказывался, но наконецъ согласился.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ, а потому уходилъ съ утра и возвращался только къ обѣду или вечеромъ. Такимъ образомъ прошло два дня. На третій онъ не пришелъ ночевать.

— Онъ вѣрно кутитъ, подумалъ негоціантъ, и не дождавшись его, пошелъ спать.

Но каково же было его удивленіе, когда, войдя къ себѣ въ спальню, онъ увидѣлъ, что замокъ у его бюро былъ сломанъ... Съ ужасомъ открылъ онъ, что значительная сумма, которую онъ недавно положилъ туда, пропала.

Съ тѣхъ поръ услужливый молодой человѣкъ не показывался и не смотря на всѣ старанія полиціи, его до сихъ поръ не отъискали.

Электрическіе часы. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ, г. Араго представилъ, отъ имени изобрѣтателя г. Бэна (Bains) рапортъ касательно башенныхъ электрическихъ часовъ.

Въ 1837 году, Бэну пришла мысль, что всѣ башенные часы цѣлаго города могутъ быть заведены съ помощью электрическаго тока, такимъ образомъ, что всѣ, въ одно время, будутъ вѣрно показывать время. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1841 году, онъ открылъ, что зарывъ въ землю цинковыя и мѣдныя пластинки, можно получать достаточно сильные электрическіе токи. Впослѣдствіи онъ замѣнилъ мѣдныя пластинки древеснымъ углемъ, а цинковыя газо — или водопроводными трубами и достигнулъ такимъ образомъ неизмѣннаго и постояннаго источника электричества.

Теперь онъ объявляетъ, что 5-го августа 1844 года онъ устроилъ первые электрическіе часы въ Лондонѣ, которые съ того времени почти не измѣнялись.

Изверженіе Геклы. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Исландіи, отъ 12-го октября, изверженіе Геклы, о которомъ мы уже упоминали, продолжалось съ прежнею силою; лава не переставала течь изъ юго-восточнаго кратера; она пробѣжала уже по протяженію 3 миль и накопилась въ долинѣ, у подножія горы, на 30 или 40 локтей вышины.

Въ темныя ночи этотъ потокъ лавы представлялъ величественное, магическое зрѣлище. Представьте себѣ пламенно-огненную рѣку, стремящуюся съ высокой горы и по мѣрѣ удаленія отъ кратера, принимающую болѣе красноватый или фіолетовый цвѣтъ. Три громадные огненные столба высились надъ тремя образовавшимися кратерами. До сихъ поръ лава не разрушила еще ни одной фермы, но пепелъ, падавшій на долины, началъ уже производить пагубное дѣйствіе на скотъ, преимущественно на коровъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ скотъ падаетъ десятками. Хотя до сихъ поръ вредъ, нанесенный этимъ изверженіемъ, еще не такъ великъ, но если оно будетъ еще долго длиться, то лава дойдетъ до обработанныхъ полей, отъ которыхъ она уже не далека.

Англійская шуточка. Англійская газета «Jersey-Times» недавно разсказывала своимъ читателямъ забавный, по ея мнѣнію, анекдотъ, подъ названіемъ «*Любовная мистификація*». Послѣдствія этого были ужасны. Разскажемъ все дѣло.

Молодая дѣвушка, миссъ Эмилія Бондъ поселилась недавно съ своими родными въ Джерсеѣ, гдѣ имѣла случай встрѣтиться съ отставнымъ англійскимъ офицеромъ, г. Тидомъ. Послѣдній оставался въ Джерсеѣ не долго; онъ уѣхалъ въ Парижъ; но едва прибывъ туда получилъ отъ миссъ Бондъ письмо, въ которомъ молодая дѣвушка открывала ему свое сердце и сознавалась въ любви къ нему. Нѣкоторые изъ знакомыхъ миссъ Бондъ увѣрили ее, ради шуточки — весьма англійской, — что Тидъ былъ безъ ума отъ нея, и даже вручили ей письмо, какъ будто бы написанное Тидомъ.

Послѣдній, получивъ странное письмо миссъ Бондъ, вообразилъ, что это мистификація, и не счелъ нужнымъ отвѣчать. Несмотря на то, бѣдная дѣвушка постоянно получала письма, будто бы писанныя отставнымъ офицеромъ. Она отвѣчала на эти письма, но мистификаторы задерживали ея отвѣты. Однакожъ другое письмо, отданное на почту самой миссъ Эмиліей, опять дошло до Тида, который въ этотъ разъ счелъ нужнымъ написать отвѣтъ и извѣстить миссъ Бондъ, что она стали жертвой мистификаціи. Но это письмо было перехвачено.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда мистеръ Тидъ воротился въ Джерсей и пошелъ къ миссъ Бондъ просить ее, чтобы она объяснила ему, что все это значило. Она покраснѣла и отвѣчала, что изъ осторожности сожгла полученныя отъ него письма. Открывъ ей все дѣло, Тидъ удалился, обѣщавъ ей открыть и наказать виновниковъ этой гнусной интриги.

Но страшная катастрофа приближалась. Нѣсколько дней спустя, всѣ подробности этой мистификаціи были разсказаны въ газетѣ «Jersey-Times».

На другой день служанка, явившаяся чтобы убрать комнату миссъ Эмиліи, нашла что дверь, противъ обыкновенія, была заперта. Она долго стучалась, но ей не отворяли. Тогда она увѣдомила обо всемъ хозяина, который немедленно приказалъ разломать дверь. Несчастная дочь его, обвивъ шею шалью, повѣсилась на перекладинѣ, къ которой были прикрѣплены занавѣсы кровати!..

Дѣло это поступило теперь въ судъ. Отъискиваютъ виновниковъ этого неумышленнаго преступленія, которыхъ ожидаетъ однако жъ строгое наказаніе. Редакторъ газеты «Jersey-Times» получилъ уже строгій выговоръ.

Лавина. Съ вершины Сенъ-Бернарда сорвалась огромная лавина, убившая монаха и двухъ служекъ, устанавливавшихъ по дорогѣ зимнія вѣхи. Тотчасъ же приступили къ отрытію тѣлъ несчастныхъ, и три дня спустя, ихъ нашли.

Голубь-вѣстникъ. На дняхъ въ не дальнемъ разстояніи отъ Діеппа, на мачту рыболовнаго судна опустился голубь. Силой вѣтра снесло бѣднаго путешественника въ море; но онъ поднялся опять и сѣлъ на палубу судна, гдѣ матросы его поймали. Къ ножкамъ его были привязаны три писанные экземпляра цѣнъ на акціи и промессы новыхъ желѣзныхъ дорогъ, отъ 12-го ноября. Подъ

однимъ изъ крыльевъ голубя былъ выставленъ № 25. Этотъ голубь, посланный, вѣроятно, изъ Парижа англійскимъ корреспондентомъ въ какой либо лондонскій комерческій домъ, остался на суднѣ «Минерва».

Корабль безъ экипажа. 30-го октября англійская шкуна *Бризъ* готовилась къ отплытію отъ Александріи съ экипажемъ, состоявшимъ изъ пяти человѣкъ не считая капитана. Послѣдній былъ такъ пьянъ, что едва держался на ногахъ. Прибывъ *на шкуну*, онъ отправилъ къ берегу своего лейтенанта съ матросомъ, чтобы они привезли ему нѣкоторыя вещи, оставленныя имъ въ прежней его квартирѣ. Многочисленные кредиторы капитана, которые не могли получить отъ него уплаты, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы овладѣть шлюпкой, на которой пріѣхалъ лейтенантъ съ матросомъ.

Наскучивъ ждать своихъ посланныхъ, капитанъ приказалъ тремъ остававшимся матросамъ и наемному лоцману поднять паруса и, при благопріятномъ, попутномъ вѣтрѣ, судно выѣхало изъ гавани съ этимъ малочисленнымъ экипажемъ.

Выплывъ счастливо изъ фарватера, капитанъ отослалъ лоцмана, разсердившись на него. Матросы, опасаясь гнѣва начальника, воспользовались этимъ случаемъ, тайно отъ капитана сѣли на шлюпку и покинули корабль.

Капитанъ остался рѣшительно одинъ.

Матросы отправились въ англійское консульство и объявили причины, заставившія ихъ оставить шкуну. Консулъ поспѣшилъ немедленно отправить *ихъ обратно*, но... шкуна на всѣхъ парусахъ удалилась и только на горизонтѣ виднѣлось бѣлое пятнышко...

Сильный вѣтеръ, поднявшійся съ 30 на 31 октября, заставляетъ опасаться, что капитанъ сдѣлался жертвой своей отчаянной неосторожности.

Шкуна *Бризъ*, съ капитаномъ Эрчибальдомъ, отправлялась въ Англію съ грузомъ въ 60 бочекъ льну. Она была нанята александрійскимъ коммерческимъ домомъ Бригса и компаніи.

До сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ участи несчастнаго капитана.

Греческій судовщикъ разсказываетъ, однако жъ, что онъ видѣлъ англійскую шкуну близъ Кандіи, которая выкидывала сигналы, но такъ какъ она была въ совершенной цѣлости и не было причинъ *крушенія*, то *онъ* проѣхалъ *мимо*, а шкуна продолжала свой путь.

Бракъ въ Гретна-Гринѣ. Судя по тому, что говорили въ послѣднее время англійскіе журналы, браки въ Гретна-Гринѣ должно бы отнести въ міръ романовъ. Но вдругъ дѣйствительность ихъ подтверждается самымъ разительнымъ образомъ.

Молодая, прелестная и знатная леди, Адель Вильерсъ, младшая дочь графа Джерсея, оберъ-шталмейстера двора англійской королевы, явилась не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ къ жилищу знаменитаго кузнеца. Она отправилась изъ Брейтона въ Лондонъ, оттуда въ Ньюкестль, Карлейль и наконецъ въ Гретна-Гринъ.

Капитанъ Фредерикъ Вильерсъ, пустившійся въ погоню за сестрой, узналъ, прибывъ въ Гретна-Гринъ, что за два дня былъ заключенъ бракъ между капитаномъ Чарльсомъ-Перкъ Иббетсономъ и леди Аделью-Коріандрой-Маріей Вильерсъ. Бракъ этотъ, благодаря скорости сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, могъ быть заключенъ двадцать-три часа спустя послѣ бѣгства молодыхъ людей изъ Брейтона. Послѣ церемоніи, они отправились въ Эдинбургъ.

Иббетсонъ съ 1843 года служитъ капитаномъ въ 11-мъ гусарскомъ полку, принадлежащемъ принцу Альберту.

Капитанъ Фредерикъ Вильерсъ поспѣшилъ сообщить своимъ родителямъ собранныя имъ свѣдѣнія.

Говорятъ, что леди Адель и капитанъ видѣлись въ первый разъ въ Альмакѣ, въ прошлый лѣтній сезонъ.

Это приключеніе произвело сильное впечатлѣніе во всемъ фешьонебельномъ обществѣ. Графъ Джерсей получилъ отъ шефа письмо, въ которомъ онъ хвалитъ поведеніе капитана Иббетсона. Леди Вильерсъ семнадцать лѣтъ, капитану двадцать семь; онъ находился въ отпуску, которому срокъ былъ 14-го ноября, когда онъ долженъ былъ возвратиться въ свой полкъ, стоящій въ Ирландіи. Капитанъ жилъ одинъ съ матерью, близъ дома, занимаемаго графомъ Джерсеемъ. Семейство графа было въ отсутствіи, и леди Адель оставалась одна съ отцомъ. Въ день бѣгства ея, отецъ тщетно ждалъ ее къ обѣду, и послѣ довольно долгихъ поисковъ, узналъ, куда она бѣжала.

Въ двадцать три часа молодые люди проѣхали 400 миль.

Замѣчательно, что бабушка леди Адели, съ материнской стороны, также бѣжала съ покойнымъ графомъ Уестморлендомъ, въ 1782 году. Мистеръ Чайльдъ, богатый банкиръ, отецъ бабушки Адели, пустился за ними въ погоню и уже догонялъ ихъ, потому что въ то время не было желѣзныхъ дорогъ; но лордъ Уестморлендъ, видя, что ему приходится плохо, высунулся изъ своей коляски и застрѣлилъ коренную лошадь изъ припряженныхъ въ экипажѣ Мистера Чайльда; оттого произошла суматоха, которою графъ воспользовался, и когда банкиръ прискакалъ въ Гретна-Гринъ, то бракъ былъ уже заключенъ.

Отъ 18-го ноября изъ Лондона пишутъ:

»Похищеніе леди Адели Вильерсъ не имѣло тѣхъ послѣдствій, которыхъ опасались. Родители ея не требовали уничтоженія брака. Женщины, правда, требовали, чтобы были приняты рѣшительныя мѣры, но графъ Джерсей не хотѣлъ увеличивать этой, и безъ того уже скандалезной, исторіи.

Онъ пошелъ къ отцу Иббетсона, прокурору и нотаріусу, и объявилъ, что готовъ помириться съ дочерью и признать капитана зятемъ, лишь бы смѣшная Гретна-Гринская исторія была подтверждена бракомъ англиканской церкви.

Это желаніе было исполнено; капитанъ Иббетсонъ и молодая жена его были обвѣнчаны вчера въ церкви св. Панкратія, въ Мидльсекскомъ графствѣ. Капитанъ долженъ былъ представиться 14 числа въ свой полкъ, но вѣроятно получилъ отсрочку.

Хотя графъ Джерсей самъ желалъ и устроилъ этотъ бракъ, ни одинъ изъ членовъ фамиліи его не присутствовалъ на бракосочетаніи исполненномъ просто и въ тишинѣ. Леди Адель была сопровождаема своей тещей, мистриссъ Иббессонъ, и двумя родственницами своего мужа. Отецъ Иббетсона также присутствовалъ на церемоніи.

На леди Адель было богатое бѣлое атласное платье, а отъ косы ея ниспадалъ драгоцѣнный кружевной вуаль.

Немедленно послѣ брачной церемоніи, молодые отправились за городъ.

БЕВЕРИНЪ.

ЛАТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Лѣта, тысяча двѣсти седьмаго, на берегу Буртнекскаго озера торчали скромныя башни Беверинскаго замка, срубленныя изъ благородныхъ соснъ святаго бора. Гмару, дочь безстрашнаго Ломонта, охраняли высокія башни. Бѣлокурая Гмара славилась далече, отъ предѣловъ Литвы, до рѣки русской и волнъ Скандинавскаго моря своею красотою. — Но подвиги Ломонта обрекли Гмару на страшную участь.

Ломонтъ съ горстью храбрыхъ, на раззолоченномъ кораблѣ скандинавскаго князя ходилъ походомъ въ неизвѣстную землю; запылали имъ во слѣдъ села и деревни; но въ крѣпкомъ замкѣ властителя наѣздники встрѣтили отпоръ; сильная погоня пресѣкла имъ возвратный путь. Ихъ взяли въ плѣнъ, но умный баронъ даровалъ свободу своимъ плѣнникамъ. Поступокъ барона ихъ поразилъ, тронулъ и былъ поводомъ, что дикари узнали, что баронъ послѣдовалъ совѣту капеллана своего Ромуальда; они хотѣли видѣть монаха и крещеніе было слѣдствіемъ свиданія... Новообращенные просили Ромуальда къ себѣ и — Ромуальдъ третій годъ уже сидѣлъ въ Беверинѣ, проповѣдуя слова Божія.

Ломонтъ не слушалъ уже совѣтовъ Ромуальда. Усердіе его, подстрекаемое союзными Нѣмцами, не знало предѣловъ; окрестные села приняли вѣру Ломонта; но Эсты противились. Тогда Ломонтъ возсталъ противу нихъ войною; губилъ многихъ; но заплатилъ жизнію за свои подвиги. Эсты не удовольствовались его смертію. Гмара обречена была на жертву такой же участи. Беверинъ осадили толпы Эстовъ подъ предводительствомъ храбраго Палласа; отъ дикаго звѣря могли защитить беверинскія стѣны, но отъ Палласа не устоялъ бы и камень. Эсты уже были на стѣнахъ замка; Гмара спѣшила спасти слугъ отца своего; вышла на крыльце, и готова была предаться въ руки убійцъ; но въ то же мгновеніе, когда руки свирѣпыхъ враговъ Ломонта уже простирались къ вожделѣнной добычѣ, вышелъ Ромуальдъ съ слугами замка и съ любимой арфой. Онъ ударилъ въ струны и толпы вздрогнули. Звучный, пріятный голосъ раздался и поразилъ вниманіе Палласа и его сообщниковъ. Оружіе опустилось. Дикари молча слушали торжественное пѣніе Ромуальда; онъ смолкъ; Палласъ вложилъ мечь въ ножны и сказалъ:

— Люди, этотъ не злодѣй. Злая душа изъ тѣла не выходитъ, а душа его въ сладкихъ звукахъ ходила надъ нами. Спой старикъ, мы тебя послушаемъ и уйдемъ. Заплати намъ за Ломонта пѣсней...

Ромуальдъ пропѣлъ торжественный гимнъ и Палдасъ, подаривъ ему мѣшокъ золота, поспѣшно оставилъ Беверинъ, къ которому до позднихъ временъ суевѣрные Эсты сохраняли какое-то чувство благоговѣнія какъ къ очарованному мѣсту...

Много такихъ легендъ, еще живетъ между народомъ того края, но эту мы сообщили читателямъ потому, что отыскали старую гравюру неизвѣстнаго времени, которую и помѣщаемъ въ переводѣ на дерево.

Осада Беверина въ 1207 году.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ.

Императорская Академія Художествъ, на основаніи устава своего, имѣла 18 ноября сего 1845 года публичное собраніе.

Для сего Его Императорское Высочество Президентъ Герцогъ Лейхтенберскій, почетные и дѣйствительные члены и прочіе приглашенные посѣтители, въ часъ пополудни, собрались въ академической конференцъ залѣ при играніи на трубахъ кантаты: Боже, Царя храни!

По занятіи мѣстъ всѣми гг. членами и посѣтителями, Его Императорское Высочество объявилъ о предметахъ собранія и предложилъ конференцъ-секретарю читать журналъ предварительнаго засѣданія академическаго совѣта, бывшаго предъ публичнымъ собраніемъ; за тѣмъ конференцъ-секретарь читалъ списокъ лицъ, удостоенныхъ академическихъ званій и другихъ наградъ въ теченіе 1844—1845 академическаго года, и вновь избранные члены приглашены къ занятію мѣстъ своихъ.

Его Императорское Высочество Президентъ при звукѣ трубъ раздалъ золотыя медали художникамъ и ученикамъ Академіи, по удостоенію академическаго совѣта, за исполненныя по программамъ работы; именно:

1-го достоинства, художникамъ 14-го класса: Николаю Тихобразову, Якову Капкову и Егору Мейеру.

2-го достоинства, ученикамъ: Константину Григоровичу, Алексѣю Бѣлову и Павлу Рицциони.

Золотую, установленную для награды за экспрессію, ученику Өаддею Горецкому.

Также розданы Его Высочествомъ и серебряныя медали удостоеннымъ оныхъ художникамъ и ученикамъ, а именно:

1-го и 2-го достоинствъ, ученикамъ: Александру Станкевичу, Евграфу Сорокину, Александру Дорогову, Давиду Гримму и Августу Петцольду, и послѣднимъ двоимъ объявлена при томъ похвала.

1-го достоинства: художнику Өедору Максимову, ученикамъ: Ивану Иванову, Ильѣ Щеткину, Ернесту Фольрату, Ивану Горностаеву и Егору Винтергальтеру, которому притомъ объявлена похвала.

2-го достоинства, ученикамъ: Ивану Макарову, Василію Гофсту, Өедору Стречкову, Густаву Будковскому, Александру Корицкому, Николаю Куниллакису, Андрею Гороновичу, Прокофію Пушкареву и Тимофею Дмитріеву.

Также объявлена похвала ученикамъ Стуккею, Шумахеру, Ульянову, Скарну, Павловскому, Верту, Куншелю, Дютилю и Долганову.

Кромѣ того удостоены награды серебряными медалями 2-го достоинства, ученики Московскаго художественнаго общества: Тимофей Мягковъ и Николай Жаровъ, ученикъ Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго училища Петръ Ставровскій и ученикъ Арзамасской художественной школы академика Ступина, Николай Рачковъ.

По окончаніи раздачи медалей, Конференцъ-секретарь прочиталъ отчетъ о состояніи Академіи за 1844—1845 годъ и подписанъ журналъ публичнаго собранія Академіи Его Императорскимъ Высочествомъ Президентомъ и всѣми присутствовавшими членами при играніи кантаты: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.

За тѣмъ Его Императорское Высочество пригласилъ гг. почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и прочихъ посѣтителей къ завтраку, въ продолженіе котораго Его Императорское Высочество предложилъ тосты:

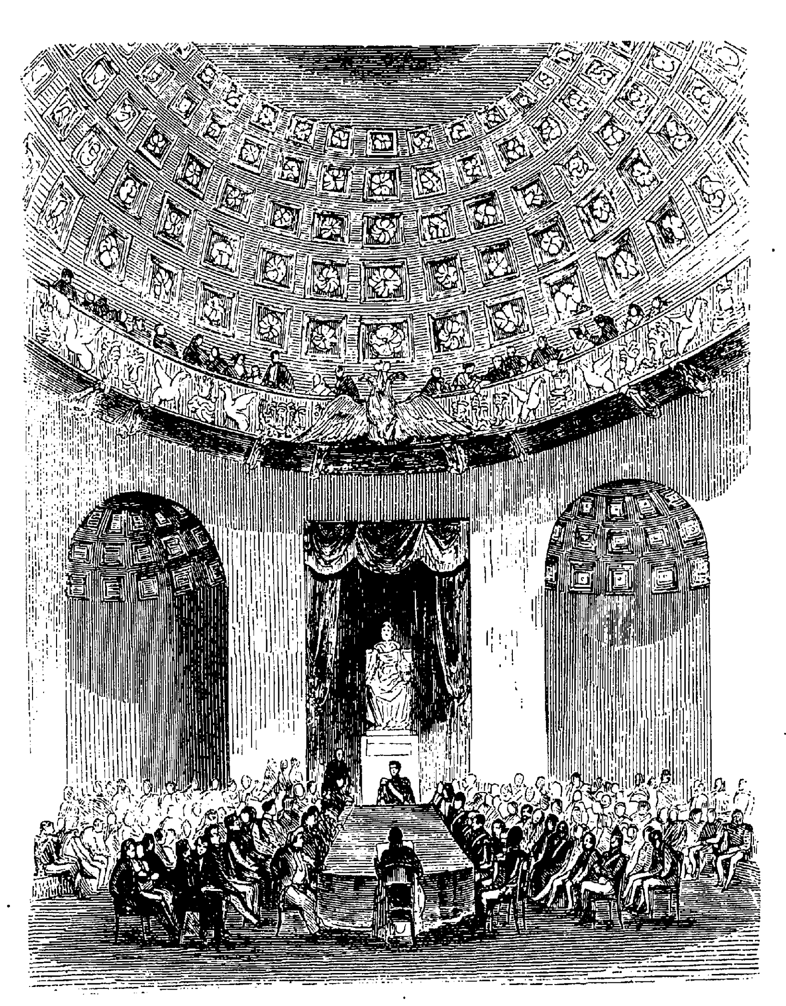
1. За здравіе Государя Императора.

2. За здравіе Государыни Императрицы и всей Императорской Фамиліи.

3-й тостъ провозглашенъ былъ конференцъ-секретаремъ за здравіе почетныхъ любителей членовъ Императорской Фамиліи и всѣхъ почетныхъ любителей и почетныхъ членовъ Академіи.

и 4-й господинъ почетный членъ Академіи дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Д. Н. Блудовъ провозгласилъ тостъ всѣхъ членовъ художниковъ Академіи съ желаніемъ успѣха Художествамъ въ Россіи и славы Академіи.

=



Публичное засѣданіе Имп. Академіи Художествъ.

Въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Художествъ 18 ноября 1845 года, утверждены въ академическихъ званіяхъ.

Почетными любителями:

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна, по предварительно изъявленному Ея Высочествомъ согласію принять это званіе. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Василій Алексѣевичъ Перовскій, тайный совѣтникъ Өедоръ Ивановичъ Прянишниковъ.

Почетными вольными общиками:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Корнилій Христіановичъ Рейсигъ, генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Иностранные:

Шванталеръ профессоръ скульптуры въ Мюнхенѣ, Гессъ, профессоръ баталической живописи въ Мюнхенѣ, Тенерани, скульпторъ въ Римѣ, Біенэме, скульпторъ въ Римѣ, Деларошъ, французскій живописецъ; Фельсингъ, дармштатдскій профессоръ гравированія, Андерлони, профессоръ гравированія миланской академіи; Каламъ живописецъ пейзажей и граверъ, въ Швейцаріи; Лемуэнъ, французскій скульпторъ; Майеръ, амстердамскій уроженецъ, живописецъ пейзажей и морскихъ видовъ, въ Парижѣ; Белле, французскій граверъ и рисовальщикъ; Гай, варшавскій архитекторъ; Ферстеръ, профессоръ вѣнской академіи художествъ; Берри, англійскій архитекторъ.

Профессоромъ:

Архитекторъ, Рудольфъ Желязевичъ.

Академиками:

ПО АРХИТЕКТУРѢ:

Владиславъ Львовъ, Михаилъ Львовъ, Андрей Гельшеръ, Генрихъ Штегеманъ, Генрихъ де Шуданъ, Вильгельмъ Роде, Александръ Гемеліанъ.

По живописи портретной:

Ксаверій Каневскій, Алексѣй Васильевичъ.

По живописи исторической и акварельной.

Михаилъ Скотти.

По живописи перспективной.

Андрей Раковичъ.

По живописи баталической.

Готфридъ Вилевальде.

По скульптурѣ.

Александръ Теребеневъ, Петръ Ставассеръ.

Художниками.

14-го класса :

Егоръ Мейеръ, по живописи пейзажной.

Не классными :

По живописи исторической и портретной.

Өедоръ Славянскій, Константинъ Оглоблинъ, Степанъ Ершовъ, Авдей Ермиловъ, Тарасъ Шевченко, Петръ Шмельковъ, Николай Ломтевъ.

По архитектурѣ.

Василій Штромъ, Францъ Моранди, Эдуардъ Шмитъ, Викторъ Рейеръ, Цесарь Кавосъ.

По скульптурѣ.

Өедоръ Максимовъ, Давидъ Іенсенъ.

По живописи акварельной.

Өедоръ Юркинскій, Карлъ Фидлеръ.

По живописи домашнихъ сценъ.

Германъ Шлихтингъ.

По живописи пейзажной.

Алексѣй Волосковъ, Вольдемаръ Крюгеръ, Антонъ Ивановъ.

По живописи перспективной.

Александръ Бѣляевъ.

По живописи морскихъ видовъ.

Владиміръ Шульманъ.

По гравированію на мѣди.

Андрей Моисѣевъ.

По медальерному искуству.

Павелъ Брусницынъ.

Кромѣ того, удостоены званія неклассного художника по живописи портретной, ученики Арзамазской художественной школы академика Ступина Николай Рачковъ и Иванъ Свѣшниковъ; но объ утвержденіи ихъ въ семъ званіи положено представить общему собранію Академіи, когда представятъ увольненія отъ мѣщанскаго общества, къ которому они принадлежатъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

8) Исторія консульства и имперіи, *соч. Тьера, бывшаго президента совѣта-министровъ, члена палаты-депутатовъ и французской академіи. Перев. съ французск. И. Д—ъ.* — Части I, II и III. — *Санктпетербургъ, въ новооткрытомъ книжномъ магазинѣ Ратькова и комп.* 1845.

Исторія Консульства и Имперіи неразлучна съ исторіей величайшаго изъ полководцевъ нашего времени, Наполеона. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору, сочиненія пробуждающаго столько великихъ и горестныхъ воспоминаній, должно представить первый очеркъ характера чуднаго человѣка, играющаго въ немъ первую роль.

Жизнь Наполеона — длинная драма, какъ бы сотканная изъ сотни другихъ различныхъ драмъ; въ ней столько же контрастовъ, сколько и великихъ бѣдствій. Этотъ человѣкъ, столь разнообразный по множеству своихъ качествъ и по странной судьбѣ, былъ всегда *единымъ* по неукротимой силѣ своей честолюбивой мысли. Взгляните на молодаго Корсиканца, брошеннаго недавнимъ завоеваніемъ въ нѣдра Франціи, на безвѣстнаго питомца Бріенской военной школы, съ задумчивымъ челомъ; на молодаго артиллерійскаго офицера, искреннею своею преданностью къ республикѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигающаго высшихъ чиновъ; на юнаго побѣдителя Англичанъ, изгнанныхъ имъ изъ укрѣпленій Тулона, разрушеннаго имъ; на искуснаго защитника ослабѣвавшей уже національной конвенціи; взгляните на него, онъ со временемъ возсядетъ на тронъ Людовика XIV, онъ распространитъ границы Франціи далѣе, нежели простиралась имперія Карла Великаго. Подобный Аннибалу въ Италіи, Александру въ Египтѣ, онъ касается одной рукою Восточной имперіи, а другою Западной. Благопріятное бѣгство предастъ ему во власть, вмѣсто Азіи Францію, и цѣлая нація, измученная безконечными безпорядками, принимаетъ его съ отверзтыми объятіями, какъ своего освободителя. Разрушитель республики, онъ становится укротителемъ анархіи. Подъ диктаторской ногой его вы видите верховнаго судью всѣхъ раздоровъ, которые въ цѣпяхъ лежатъ у ногъ его. Ненависть, неистовство и месть безмолвствуютъ передъ нимъ. Верховная власть народа сливается въ его власти — обыкновенная развязка демократическаго безумства: народъ любитъ того, кто его освобождаетъ отъ власти тирановъ, которымъ служилъ вмѣстѣ орудіемъ и жертвой. Представительная система становится въ рукахъ его только дерзкимъ призракомъ: впрочемъ, онъ возстановляетъ неслыханную дотолѣ гармонію въ законахъ гражданскихъ, судопроизводствѣ и администраціи. Это драгоцѣннѣйшія блага, которыя онъ завѣщалъ Французамъ и, изъ уваженія къ его законамъ, они прощаютъ ему его завоеванія.

Свѣтлость и ясность ума его болѣе всего поразительны въ пылу сраженій, среди барабаннаго боя, свиста пуль и грома тысячь орудій; побѣда служитъ ему только приступомъ къ трудамъ важнѣйшимъ и инымъ вдохновеніямъ; онъ врагъ и собственнаго отдыха и отдыха храбрѣйшихъ своихъ полководцевъ; онъ желаетъ, чтобы всѣ короли были члены его фамиліи, потому что надѣется встрѣтить въ нихъ покорныхъ вассаловъ, хотя иногда и ошибается въ этомъ.

Онъ высокомѣрно обращается съ мужчинами и даже съ женщинами. Его фамильярность поработительна, его любезность оскорбительна, или, по-крайней-мѣрѣ могла бы быть оскорбительною для тѣхъ, къ которымъ относится. Онъ любитъ примѣнять къ своей политикѣ стратагемы, употребляемыя имъ въ военномъ дѣлѣ. Если вы оскорбили въ немъ самаго грознаго изъ воиновъ, то должны еще страшиться его, какъ самаго опаснаго дипломата. Кого онъ не можетъ тотчасъ низвергнуть, того сперва приласкиваетъ, а потомъ покоряетъ.

Его нельзя назвать ни жестокимъ, ни мстительнымъ, но слава скрываетъ отъ взора его проливаемую кровь. Можно подумать, что онъ убѣжденъ въ томъ, что падающіе подъ его знаменами воины уносятся въ туманный рай Оссіана, миѳологію котораго онъ столько любилъ, будучи юношей. Привычка разсчета препятствуетъ изліянію его великодушія, которое избавило бы его отъ многихъ проступковъ и даже отъ великаго преступленія. Хотя онъ и не ораторъ, но иногда обладаетъ дивнымъ краснорѣчіемъ; хотя онъ и не поэтъ, но иногда въ немъ мелькаютъ возвышенные проблески поэзіи.

Г. Тьеръ описывая времена Консульства и Имперіи, часто увлекается величіемъ героя того періода. Не смотря на то, три вышедшія части его Исторіи прекрасны. Ждемъ окончанія перевода, заслуживающаго всѣхъ похвалъ, какъ по вѣрности, такъ и по чистотѣ изложенія, чтобы подробнѣе поговорить объ этомъ замѣчательномъ въ наше время сочиненіи.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

(Продолженіе.)

Близкое къ тому повѣрье, или вѣрнѣе суевѣріе, заключается въ заломѣ или закрутѣ хлѣба на корню. Эту штуку злаго знахаря, дѣлаемую изъ мести, не должно смѣшивать съ заломомъ травы, для заговора червей, о чемъ уже говорено было на своемъ мѣстѣ. Злой знахарь беретъ въ руку горсть стеблей хлѣбныхъ и произнося заклятіе на хозяина этой нивы, ломаетъ хлѣбъ въ правую сторону, а закручиваетъ его въ лѣвую. Обыкновенно въ самомъ узлѣ залома находятъ немного золы, которая берется изъ печи того же хозяина; иногда кладутъ подъ закрутъ, кромѣ золы, также соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, распаренныя хлѣбныя зерна, уголь. Закрутъ можетъ быть разведенъ, по суевѣрью народа, только хорошимъ знахаремъ; въ противномъ случаѣ хозяина нивы постигнетъ всякое бѣдствіе: домовины вымрутъ, домъ сгоритъ, скотъ падетъ и проч. Въ особенности опасно, по мнѣнію народа, сорвать или скосить закруто; если его недосмотрятъ во время и это сдѣлается, то бѣда не отвратима. Мнѣ самому случалось успокоивать мужика, на нивѣ коего сдѣланъ былъ закрутъ; я взялъ на себя развести его, увѣривъ испуганнаго мужика, что знаю это дѣло хорошо, а когда я вырвалъ весь кустикъ и зарылъ въ землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если не кому развести закрута, то осторожные хозяева обжинаютъ его.

Заговоры отъ ружья, отъ орудія вообще, не могутъ заключать въ себѣ никакого смысла. У стрѣлковъ, ловцовъ и охотниковъ есть однакоже, какъ у всѣхъ промышленниковъ, особаго рода пріемы и повѣрья, кои довольно трудно изслѣдовать, потому что сущность ихъ обыкновенно скрывается подъ какимъ-нибудь гаерствомъ. Травой Адамова голова окуриваютъ, въ Великій четвертокъ, силки и сѣти, коими ловятъ птицъ и самое ружье окуриваютъ травою клюквы (или колюки), увѣряя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытираютъ дегтемъ или коискимъ навозомъ, съ разными наговорами — и если въ этомъ пошептываніи нельзя признать толка, то навозъ и деготь безспорно служатъ къ тому, чтобы звѣрь не причулъ человѣческаго духа. Не только простолюдины, но люди образованные расказываютъ иногда, какъ очевидцы, престранныя вещи, близкіе къ предмету настоящаго нашего разсужденія; напримѣръ: у одного грека землепроходца, путешествовавшаго, по словамъ его ко Св. мѣстамъ, была какая-то ладонка, спасавшая отъ всякой пули. Надѣвъ на себя, онъ вызывалъ присутствовавшихъ офицеровъ стрѣлять по немъ; а когда никто на это не согласился, то онъ надѣлъ ладонку на лошадь, просилъ стрѣлять по ней и отвѣчалъ хозяину цѣну лошади. И на это не согласились, а избрали жертвой пѣтуха. За тѣмъ, пѣтуха привязали и сдѣлали по немъ, почти въ упоръ ружья, около десятка или болѣе выстрѣловъ дробью и пулей: пѣтухъ вскрикивалъ, подлеталъ, метался, но на немъ не было крови; онъ издохъ уже въ слѣдующую ночь, а ощипавъ его, нашли, что онъ весь покрытъ синебагровыми рубцами.

Охотники и промышленники въ Сибири, въ особенности на выѣздахъ, боятся недоброй встрѣчи. Если кто, не пожелавъ охотнику добра, проговоритъ встрѣтивъ его: ѣдетъ попъ, не стрѣлецъ — несетъ крестъ, не ружье; — то уже никакой удачи на промыслѣ не будетъ. По этому тамъ всегда выѣзжаютъ тайкомъ, до свѣту, и прячутъ ружье.. Самъ скажи о томъ, что ружье бываетъ съ чортикомъ; это значитъ, какъ станешь цѣлиться, такъ нечистый стоитъ прямо передъ тобой и держитъ утку за крылья, растопыривъ ихъ врозь: выстрѣлишь, убьешь—онъ броситъ и пойдетъ себѣ своимъ путемъ. Вобще заговоръ отъ ружья бываетъ различный; одинъ спасаетъ человѣка отъ всякаго оружія, другой портитъ извѣстное оружіе, лишаетъ только то или другое оружіе средства вредить, дѣлаетъ его негоднымъ. Въ числѣ множества разсказовъ объ этомъ предметѣ, находимъ между прочимъ также объясненіе, для чего заговоры эти такъ многословны; нѣкто заговорился отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, желѣзной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой — а отъ серебряной и золотой позабылъ, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здѣсь, что заговоръ ружья или пистолета фигляровъ состоитъ въ томъ, что они искусно подмѣнивают оружіе, или вынимаютъ изъ него зарядъ. Есть также повѣрье, что отъ пули, облѣпленной воскомъ, никто заговориться не можетъ.

Заговоръ змѣй — вѣроятно объясняется тѣмъ, что сказано объ этомъ выше, если только справедливо, что сила ясеневаго дерева, листа, коры и золы дѣйствуютъ описаннымъ образомъ на змѣю. Если это такъ, то едва ли это средство не можетъ служить намекомъ на разрѣшеніе загадки, относительно нѣкоторыхъ другихъ; онѣ точно послушались его и прыгали со всѣхъ сторонъ въ миску. Но этотъ ларчикъ открывается очень просто и всякій можетъ сдѣлать тоже: чувствуя издали теплоту, блохи полагаютъ, что это должно быть животное, спѣшатъ со всѣхъ ногъ на него взобраться и попадаютъ въ просакъ. Это для нихъ хорошая ловушка.

Заговоръ и нашептываніе употребительны при *вывихахъ, переломахъ* и многихъ болѣзняхъ. Тутъ также доселѣ еще вовсе ничего не изслѣдовано, въ какихъ случаяхъ это только обманъ съ одной стороны, а легковѣрное воображеніе съ другой, и въ какихъ случаяхъ кроется что нибудь болѣе: т. е. дѣйствительное вліяніе физическихъ или животныхъ силъ. Это такое дѣло, которое уже явно смѣшивается съ народнымъ врачеваніемъ и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма не рѣдко мы находимъ, подъ видомъ и названіемъ заговора отъ болѣзни, врачебныя средства, коимъ народъ охотнѣе вѣритъ подъ таинственной личиной заговора: напримѣръ, отъ криковъ младенцовъ, должно вытряхнуть изъ маковки всѣ зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердакъ, подъ насѣсть гдѣ сидятъ куры, нашептать заговоръ, перевернуть ребенка черезъ голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здѣсь ребенку дается легонькой сонный напитокъ; а чтобы онъ не перестоялся и не сдѣлался слишкомъ крѣпкимъ, то придумали опредѣлить время прогулкой на чердакъ, подъ насѣстъ и обратно. Собственно отъ вывиховъ и переломовъ конечно подобныя штуки представляютъ самую не надежную помощь — и если съ заговоромъ не соединяется работа костоправа, что не рѣдко бываетъ, — то нашептыванія эти приносятъ конечно много вреда, оставляя людей безъ помощи или устраняя всякое разумное пособіе.

В. Луганскій.

ДРАМАТУРГІЯ.

ИТАЛІЯНСКАЯ ОПЕРА.

Люкреція Борджіа, Линда ди Шамуньи, Любовный Напитокъ, Донъ Пасквале, Семирамида, Ломбарды, Севильскій Цырюльникъ, Беатриса ди Тенда.

Г-жи Віардо-Гарсія, Кастелланъ, Мольтини; гг. Тамбурини, Сальви, Ровере, Коррадн, Баріоне, Бонодетти.

Въ теченіе первыхъ девяти недѣль италіянскаго сезона мы услышали двѣ новыя оперы; одну Беллини и одну Верди, остальныя принадлежали Доницетти и Россини. — Такимъ образомъ мы отчасти вспомнили, отчасти познакомились со всѣми представителями Италіянской оперы нашего времени; но какіе у этого нашего времени огромные размѣры? — Россини — преобразователь музыки италіянской, Беллини, чувство въ звукахъ, Доницетти водевиль — возведенный въ достоинство оперы, и Верди... Четыре акта этого нашего времени сильно между собою разнствуютъ. Россини — гигантъ мелодій, изъ которыхъ рѣдкая останется въ душѣ вашей на вѣчное жительство; но за то каждая займетъ васъ пріятно, до тѣхъ поръ, пока не надоѣстъ отъ повтореній. Россини геній блистательный, увлекающій, обильный музыкальными силами, расточитель блестящихъ мыслей и шутокъ; но до глубины души онъ не то что не могъ, а не любилъ нисходить. Ему было некогда; онъ былъ счатливъ, богатъ, и лѣнивъ. Онъ писалъ и любовь и ревность; фраза, которою онъ начинаетъ мелодію любви, ревности или злобы, удостовѣряетъ васъ, что Россини очень хорошо понималъ и чувствовалъ музыкальную физіономію этихъ страстей, но за то въ дальнѣйшихъ фразахъ той же мелодіи вы видите, что онъ не даетъ себѣ труда углубиться въ переходы, изгибы и постепенное движеніе страсти, довольствуясь яркимъ и вѣрнымъ ея очеркомъ. Оттого его лучшія трагическія оперы утомительны, какъ исторіи въ однихъ очеркахъ, хотя бы они набросаны были рукою Рафаэля. Именно Психея Рафаэля, при всей роскоши изобрѣтенія, при всей сладости рисунка — ни дать ни взять опера Россини. Многосторонность генія Россини заставляла забывать его драматическое равнодушіе къ страданіямъ человѣчества; не углубляясь въ ходъ и постепенность страсти, онъ ослѣпляетъ васъ безчисленными блестками остроумія въ партитурѣ, веденіи голосовъ, въ украшеніяхъ, наконецъ, которыя рѣшительно можно сравнить только съ арабесками Альгамры. Повторяемъ, что тутъ былъ недостатокъ не силы, а воли; это доказываетъ романсъ Дездемоны, Речитативы Танкреда, Тріо въ Вильгельмѣ Теллѣ и еще нѣкоторыя, немногія, къ сожалѣнію, мѣста. Обиліе мелодій Россини изумительно, и въ то же время онъ цѣликомъ переносилъ ихъ изъ одной оперы въ другую, хотя по значенію ихъ, онъ могъ бы изобрѣсти десять такихъ мелодій для того же случая. И тутъ онъ лѣнился — изобрѣтать, лѣнился думать; такъ ужъ, что ему за охота страдать. Для этого надо быть Беллини; онъ страдалъ за каждое дѣйствующее лицо, съ каждымъ онъ хотѣлъ перечувствовать его страсть; по сердце чувствительное и чужія страданія понимаетъ по своему; Беллини не подражалъ Моцарту, который забывалъ свою личность, воплощался въ тѣло своего дѣйствующаго лица, и тогда это дѣйствующее лицо выражало свои чувства музыкой правильно, потому что оно, сохраняя свою собственную личность, обладало и музыкальнымъ талантомъ Моцарта; Беллини, напротивъ того, наврашалъ свои сюжеты въ свои вѣрованія; они теряли свою личность и превращались въ Беллини; не они, а Беллини воспѣвалъ ихъ ощущенія, но воспѣвалъ съ жаромъ, одушевленіемъ, талантомъ. Память оперы Донъ Жуанъ представляетъ вамъ всѣ лица отдѣльно; Моцарта нѣтъ и въ помнѣ. Память Нормы и Сомнамбулы, сливается въ представленіе одного лица, — Беллини. Доницетти, дѣло иное. Оперы его мы назвали, не безъ основанія, водевилями. Нумеровъ превосходныхъ высшаго значенія и развитія два, три въ двадцати, тридцати операхъ; но аріэтокъ, дуэтовъ ловкихъ и забавныхъ много; все прочее балластъ, принадлежащій прошедшему, обновленный кое гдѣ инструментами, вновь приложенными. Верди... опять точки. Одна опера не должна бы служить основаніемъ для полнаго сужденія. Почему будемъ говорить о Ломбардцахъ, какъ объ отдѣльнамъ явленіи. Сюжетъ склеенъ неестественно и не оправданъ ни въ одной сценѣ. Отдѣльныхъ арій, дуэтовъ и т. д. нѣтъ; а тѣ, что есть, не имѣютъ ни полныхъ темъ, ни даже фразеологическаго развитія. Это отрывки какихъ-то мыслей, часто чужихъ, раздробленные до нельзя входами хоровъ, которые всѣ очень хороши, потому что въ хорахъ не бываетъ полныхъ темъ, а достаточно одной фразы, искусно распущенной въ массѣ голосовъ и инструментовъ. Ломбардцы не заслуживаютъ ни европейской славы, ни обвиненій противниковъ. Это себѣ хоровая опера не безъ музыкальной занимательности. Во всемъ италіянскомъ репертуарѣ, какъ видите, есть и хорошее и дурное; но исполненіе выкупаетъ этотъ недостатокъ. О нѣкоторыхъ изъ артистовъ оперы мы говорили.

Тамбурини все тотъ же. Въ немъ ни актеръ, ни пѣвецъ не постарѣли ни на одну недѣлю. Въ голосѣ г-жи Віардо-Гарсіи мы съ ужасомъ въ нѣкоторыхъ звукахъ замѣтили измѣненіе. Правда, не въ каждомъ представленіи, но случалось, что въ иныхъ нотахъ проявлялось дребезжаніе, происходящее, по нашему мнѣнію, отъ чрезмѣрныхъ усилій груди. Пѣніе — гимнастика голоса; можно усиливать грудь постоянно, но постепенно; чрезвычайныя усилія могутъ принести пагубныя послѣдствія. Можно надѣяться, что въ эту зиму полнота голоса г-жи Віардо возстановится, потому что она поетъ рѣдко; изъ осьми оперъ, она пѣла только въ трехъ. Г-жа Кастелланъ сдѣлала примѣтные успѣхи. Хотя и теперь нельзя не находить, что въ исполненіи оперъ она нѣсколько холодна; но тамъ, гдѣ нужна только грація пѣнія, чистота отдѣлки пассажей, тамъ г-жа Кастелланъ очаровательна. Донынѣ мы полагаемъ, что лучшая ея роль — Линда.

Ровере въ эту зиму нравится больше. Онъ понравился бы еще болѣе, если бы амфитеатръ былъ наполненъ природными Италіянцами. Игра италіянскаго буффо есть нѣчто національное, требующее въ слушателяхъ привычки. Глядя на Ровере, мы невольно увлекались воспоминаніями о старой Русской оперѣ, когда на бѣдной тогда сценѣ играли у насъ: Ченерентолу, Деревенскихъ пѣвицы и другія оперы, когда роль буффо исполнялъ покойный Дюръ. Слабость груди перевела его въ водевиль и низвела въ могилу; но Дюръ буффо былъ выше Дюра, водевильнаго комика; онъ не перекрикивался съ оркестромъ, не проговаривалъ, съ быстротою и однообразіемъ вентилатора, на одной нотѣ сорока стиховъ, разбросанныхъ композиторомъ на двухъ сотняхъ нотъ; нѣтъ, онъ пѣлъ всѣ эти ноты съ неподражаемою вѣрностью интонаціи, а пѣлъ такъ, что казалось, будто онъ говоритъ... Простите невольнымъ воспоминаніямъ; содружество понятій увлекло насъ. Обратимся къ нашей оперѣ. Она въ нынѣшнемъ году пріобрѣла пѣвицъ Віетти и Мольтини, басовъ Корради и Ферратери, теноровъ Сальви, Боріоне и Бенедетти.

Контръ-альтъ есть самый рѣдкій голосъ. Діапазонъ этотъ есть пріятная, случайная неправильность природы. Замѣчательно, что контръальты являются въ музыкальномъ мірѣ періодически. Не очень давно, знаменитыхъ контръ-альтовъ было не мало. Боргондіо, Кольбранъ Россини. Нина Корнега, Бўржуа Скироли, Генсль, наконецъ Пизарони, всѣ славились почти въ одно время. Оттого въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, вы встрѣчаете много оперъ, написанныхъ съ партіями для контръ-альтовъ; теперь ихъ очень мало, потому что очень мало пѣвицъ съ контръальтовымъ голосомъ. Мы не будемъ упоминать о прекрасномъ контръ-альтѣ А. Я. Петровой: онъ не принадлежитъ къ Италіянской оперѣ, хотя

Семирамида Паста была очень довольна своимъ Арзаче — Петровой. Заслуженная слава А. Я. Петровой утвердилась оперою «Жизнь за Царя;» она принадлежитъ къ Русской оперѣ. Въ прошломъ году контръ-альтъ Италіянской оперы была г-жа Альбони. Голосъ у ней былъ страшенъ. Густота и сила безъ искуства, природныя богатства безъ отдѣлки. Они хороши для музеевъ и коллекцій, но не для общества. Голосъ г-жи Віэтти весьма мягокъ и пріятенъ, искуства много, нѣкоторыя піэсы она исполняетъ отмѣнно-хорошо, напримѣръ, застравную пѣсню въ Люкреціи. Но долгъ безпристрастія обязываетъ сказать, что г-жѣ Віэтти можно пожелать болѣе силы и вѣрности въ интонаціи. Намъ кажется, что силу пріобрѣсти еще благоразумнымъ упражненіемъ голоса въ постоянно-труднѣйшемъ исполненіи мудреныхъ сольфеджіо. На нашихъ глазахъ знаменитый Эльснеръ распространилъ діапазонъ и сообщилъ значительную силу голосу взрослой любительницы пѣнія. Для оперной пѣвицы сила необходима, какъ для того, чтобы выдержать продолжительныя партіи, такъ и для того, чтобы не лишать полноты звуковъ въ совмѣстномъ пѣніи.

Ѳ. Г. Волковъ.

И. А. Дмитревскій.

Г. Сальви поступилъ на мѣсто такого артиста, который въ славѣ не знаетъ себѣ равнаго. Мнѣніе общее, этотъ итогъ разныхъ сужденій, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ срослись плотно въ одну мысль, въ одно чувство, нельзя разрознить, разбить въ короткое время, хотя бы самъ Орфей вздумалъ возвратиться изъ ада. Слушатель не можетъ убить свою память или замѣнить ее новою. Критика не должна помнить даже Рубини. Предъ нею г. Сальви самъ по себѣ, съ своимъ прекраснымъ европейскимъ талантомъ и европейскою репутаціей. Голосъ сильный, грудной; искуство въ обширномъ объемѣ; есть мгновенія увлекательныя; посредственнаго исполненія вы не встрѣчаете. Передъ критикой г. Сальви правъ; но передъ баловнями амфитеатра онъ еще имѣетъ противниковъ, разумѣется, въ ущербъ противниковъ, несправедливо лишающихъ себя удовольствія наслаждаться пѣніемъ Сальви. Распространеніе истиннаго вкуса тогда дѣйствительно, тогда замѣтно, когда слушатели умѣютъ понимать и цѣнить достоинство каждаго не по сравненію. Дважды-два не потому четыре, что дважды три — шесть, а потому что дважды-два безъ всякаго сравненія четыре. Замѣтимъ еще, что признаки возрастающей образованности и распространенія вкуса, заключаются въ степеняхъ снисходительности. Это термометръ образованности. Одинъ путешественникъ нашелъ одну разницу между Парижемъ и Петербургомъ. Тамъ, сказалъ онъ, и въ посредственномъ хотятъ насильно отыскать хорошее; здѣсь, съ такимъ же усиліемъ и въ превосходномъ стараются найти дурное. Охъ! Чуть-ли путешественникъ не правъ.

Г-жа Мольтини пѣла въ двухъ только операхъ. Боимся быть опрометчивыми. Г. Коради низкій, звучный, сильный басъ. Пріобрѣтеніе весьма важное; г. Фератери мы еще не слыхали, а г. Боріоне обладаетъ прекраснымъ голосомъ и хорошею методою, такъ, что не послѣ Рубини и Сальви, онъ произвелъ бы и на Большомъ театрѣ большой эффектъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Изъ послѣднихъ бенефисовъ — мы помнимъ только два: бенефисы гг. Григорьева и Каратыгина. Намъ всегда странно читать подробные отчеты объ игрѣ артистовъ и о содержаніи піэсокъ, которыя не заслуживаютъ особеннаго, а часто и никакого вниманія. Говорятъ, будто это нравится публикѣ, полезно для артистовъ. О первомъ мы не собрали справокъ; со вторымъ не можемъ согласиться. Что за польза артисту знать, что г. рецензентъ нашелъ, будто онъ кричалъ, а кричать не надобно и т. п. общія фразы, которыми угощаютъ въ театральныхъ статьяхъ нашихъ. Это, говорятъ, условія журнализма, чтобы наговорить цѣлую статью разной разности и не сказать ничего. Публикѣ это, можетъ быть, и нравится, но ужъ для артистовъ совершенно безполезно, и вотъ почему; если бы артистъ и вздумалъ воспользоваться мнѣніемъ рецензента, то піэса уже упала, поздно, односторонняго совѣта онъ и примѣнить не успѣетъ. Наша водевильная труппа, право, уже не на такой степени, чтобы подавать ей ребяческіе совѣты. Оттого-то театральная критика потеряла у насъ важность, какъ и литературная. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ видѣли исполненіе и того и другаго бенефиса. Таланты артистовъ, конечно, не равны, но достоинства каждаго почти весьма замѣчательны, значительно развились и усовершились. Бенефисы, какъ корабли съ новымъ товаромъ, естественно, болѣе и чаще всего подвергаются критикѣ; но она не должна забывать, что эти корабли часто приходятъ съ балластомъ, правда, на всѣхъ парусахъ, убранные разноцвѣтными флагами; на иныхъ есть пушки; возвѣщаютъ о своемъ прибытіи такъ, что въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ; поздно догадаешься, что стрѣляли холостыми зарядами. А между тѣмъ нельзя обвинить и артистовъ, что прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ. Вотъ П. А. Каратыгинъ безъ выстрѣла бросилъ свой якорь; объявилъ, что у него четыре піэсы комическаго содержанія; добросовѣстная скромность обратилась ему же во вредъ. Видно дряной корабль — и полъ-театра было пусто. А посмотримъ, что пріѣхало на этомъ простенькомъ кораблѣ? Во-первыхъ, комедія «Женскій эгоизмъ»; по содержанію занимательная, по исполненію прекрасная. Комедія «Нечего дѣлать», весьма умная піэса, которая не нравилась нѣкоторымъ рецензентамъ, Богъ знаетъ, почему. «Поль и Полина», не хуже многихъ и «Вицъ-мундиръ», комедія-водевиль, которая навсегда останется на нашемъ театрѣ. Были такіе физіологи, которые

А. С. Яковлевъ.

Я. Г. Брянскій.

В. А. Каратыгинъ.

находили что сюжетъ утрированъ. Мы совершенно противнаго мнѣнія. Разсѣянность бываетъ разнаго рода: простая забывчивость, столкновеніе и постоянная борьба мыслей въ дѣятельной головѣ, безпорядокъ въ мышленіи отъ привычки, наконецъ мономанія: господство одной мысли, исключающей всѣ другія. Разсѣянность есть послѣдствіе того или другаго состоянія памяти; всѣ эти роды могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, и г. Каратыгинъ соединилъ ихъ въ своемъ типѣ разсѣяннаго. Забавно покажется мнѣніе наше, а мы однако же скажемъ, что Вицъ-мундиръ принадлежитъ къ высокой комедіи. Канва — не фарсъ — возможное сцѣпленіе случаевъ, а между тѣмъ въ каждой отдѣльной сценѣ превосходной живописи подробности. Посмотрите по порядку всѣ сцены, отдѣлите то, что принадлежитъ къ канвѣ, и согласитесь, что кухарка говоритъ другу разсѣяннаго рядъ эпиграммъ на чиновниковъ. Разсказъ разсѣяннаго о свиданіи съ директоромъ — стоитъ... страшно вымолвить; нѣтъ, скажемъ безъ сравненій: въ этомъ разсказѣ каждое слово — правда и каждое забавно; такого же достоинства разговоръ съ экзекуторомъ, бесѣда кухарки со вдовушкой; не упоминаемъ о мелочныхъ мѣткихъ эпиграммахъ посыпанныхъ лучшей аттической солью. — У П. А. Каратыгина былъ одинъ недостатокъ; это тотъ, что въ разговорѣ онъ заигрывался словами и помѣщалъ каламбуры, которые если проскакиваютъ случайно, не изъ существа дѣла или положенія, становятся приторными; въ Вицъ-мундирѣ такихъ каламбуровъ несравненно менѣе; чѣмъ во всѣхъ прежнихъ — и критика ставитъ этотъ водевиль ниже «Знакомыхъ незнакомцевъ». Скажите, можетъ ли такая критика быть полезна для артиста? Въ исполненіи — ни задоринки. Всѣ лица заставляютъ забыть, что вы въ театрѣ... Право, это не безусловная, а заслуженная похвала. У насъ нѣсколько тысячь свидѣтелей. — Русская комедія-водевиль нѣсколько разъ возвышалась, временно разстроивалась, но на самое короткое время. По нашему, одинъ недостатокъ въ этомъ отношеніи — вниманія публики. Нельзя сказать того о Русской драмѣ. Тутъ одинъ колоссальный артистъ. Прочихъ совсѣмъ нѣтъ. Они, прочіе, изъ комедіи, въ которой занимаютъ почетныя мѣста, приходятъ занять чуждыя имъ роли, исполнить ихъ сносно (и это уже хорошо) и убѣ-

жать въ свою любезную комедію. Боясь наскучить, отлагаемъ бесѣду о драмѣ до слѣдующихъ нумеровъ; беседа эта будетъ теперь кстати по случаю возстанія отъ сна нашей драмы съ возвращеніемъ изъ-за границы В. А. Каратыгина. Вообще драматическихъ талантовъ у насъ было не много; прилагаемъ гравюры съ портретовъ В. А. Каратыгина и другихъ артистовъ, пользовавшихся уваженіемъ въ прежнее время.

ШАФРАНЪ.

Въ окрестностяхъ городовъ Баку и Дербента производится значительное количество шафрана, который сбывается преимущественно за Кавказомъ и въ Персіи. Правительство заботясь о возвышеніи достоинства и цѣнности отечественнаго шафрана, посылало, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Ст.-Петербургъ образецъ шафрана, выдѣланнаго Бакинскимъ жителемъ, прапорщикомъ Багиръ-Бекъ-Салихмановымъ, для сравненія онаго съ таковымъ, доставляемымъ въ Россію изъ-за границы.

Этотъ шафранъ былъ переданъ въ Ст.-Петербургѣ 1-й гильдіи купцамъ Миллеру и Гауфу, производящимъ торгъ шафраномъ въ большомъ видѣ, и они нашли, что шафранъ сей собранъ съ раченіемъ и знаніемъ дѣла, и качествомъ своимъ не уступаетъ, если не лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, хорошимъ сортамъ иностраннымъ, каковы французскій, испанскій, италіянскій, изъ которыхъ съ послѣднимъ, доставляемымъ изъ провинціи Аквила, онъ имѣетъ большое сходство; но при этомъ они отозвались:

1) Что при сборѣ шафрана нужно обращать особенное вниманіе на то, чтобы оный произведенъ былъ въ пору полнаго цвѣта шафранныхъ деревъ, отчего шафранъ получаетъ болѣе яркости и свѣжести; но при семъ должно по возможности избѣгать излишней примѣси желтыхъ листковъ, коихъ въ доставленной пробѣ весьма много, хотя также не слѣдуетъ и совершенно выбрасывать ихъ, ибо безъ сихъ листковъ шафранъ лишается хорошаго вида; и въ иностранномъ шафранѣ самаго высокаго достоинства находятся желтые листки, но только въ умѣренной пропорціи.

2) Что при упаковкѣ и отправкѣ шафрана, особливо въ жаркое время года, нужно принимать всевозможныя мѣры для предохраненія онаго отъ засушки въ пути, сопряженной съ потерею надлежащаго вида и запаха шафрана; для достиженія сей цѣли; высылаемой изъ заграницы шафранъ привозится сюда обыкновенно въ жестянкахъ, а иногда даже (смотря по мѣстнымъ удобствамъ) въ сырыхъ необдѣланныхъ бараньихъ или телячьихъ кожахъ, обращенныхъ при упаковкѣ вверхъ.

3) Что шафранъ равнаго достоинства съ доставленнымъ образомъ, они готовы пріобрѣсть до 10 и даже до 15 пудовъ; цѣны же на оный съ точностію опредѣлительностью, въ настоящее время назначить не могутъ, какъ потому, что это будетъ зависѣть отъ доброты привезеннаго товара, отъ состоянія цѣнъ въ то время на шафранъ за границею, и отъ количества ввоза онаго въ Россію, такъ и по той причинѣ, что вообще цѣны на шафранъ весьма непостоянны, и въ послѣдніе десять лѣтъ упадали и называлися до невѣроятія, а именно: отъ 250 до 500 руб. сер. за пудъ; впрочемъ, еслибы шафранъ, равнаго съ пробою достоинства, былъ уже въ настоящее время доставленъ Санктпетербургъ, то они, Миллеръ и Гауфъ, были бы готовы принять оный, съ платою по 400 руб. сер. за пудъ.

Объ этомъ начальство объявляетъ всѣмъ промышленикамъ, выдѣлывающимъ шафранъ, съ тѣмъ что оно не оставитъ поощрять награжденіемъ медалями тѣхъ, кто первый отправитъ въ Россію не менѣе 10-ти пудовъ шафрану, сходнаго съ препровожденнымъ образцемъ, и что Министерство Государственныхъ Имуществъ изъявляетъ готовность принять на себя пріисканіе въ Санктпетербургѣ покупщиковъ на шафранъ, если бы торговцы не нашли въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, въ Москвѣ, или другихъ городахъ выгоднѣйшаго сбыта.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ПАРОХОДЪ, ВОЛГА.

Не давно спущенъ въ Рыбинскѣ отличный желѣзный пароходъ «Волга». Это есть первый пароходъ внутри Россіи. Онъ построенъ Голландскимъ инженеромъ Рендгеномъ. Пароходъ идетъ противъ теченія безъ помощи забрасываемыхъ якорей; проходитъ мели, которыя, при сильномъ пониженіи воды имѣютъ лишь 24 верш. глубины въ фарватерѣ. При слѣланной пробѣ, онъ въ 20 минутъ пробѣжалъ 8 верстъ противъ воды, и погрузился только на 17 вершковъ, имѣя на себѣ груза болѣе 10,000 пудъ. Слѣдовательно онъ замѣнитъ можетъ конныя машины, вредныя для людей и лошадей.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

—

I.

ЭЛЕГІЯ.

Я помню блаженные дни,
Часы безпредѣльнаго счастья,
Минуты высокой любви,
И дружбы святаго участья.
И все безвозвратно прошло,
И все, какъ мечта миновалось!
А сердце лишь горе нашло,
Съ любовью на вѣкъ распрощалось!..
Я долго и больно страдалъ,
Томимъ безъотчетной тоскою;
Веселыхъ друзей убѣгалъ,
Жилъ только моею мечтою.
Теперь я сталъ радостенъ вновь,
Здоровьемъ вновь блещутъ ланиты...
И думаютъ всѣ, что любовь
И горе, давно мной забыты.
Но если бы могъ кто нибудь,
Во время пировъ, хоть случайно,
Мнѣ въ сердце тайкомъ заглянуть,
Узнать заповѣдную тайну...
Тотъ вѣрно бы понялъ тогда,
Что можно желѣзною волей,
Скрыть сердца глубокое горе,
Подъ маской веселья, всегда.
Что можно шутить, веселиться,
Играть съ легковѣрной толпой...
За тѣмъ чтобъ ни съ кѣмъ не дѣлиться,
Хоть грустной, но милой мечтой!

Б. Г пъ.

II.

ДОЛЯ.

На долинѣ пустой
На Украйнѣ родной
Молодая черешня стояла.
Ту черешню весной
Соловей молодой
Полюбилъ; но черешня завяла.
Съ грустью спрашивалъ я:
То не доля-ль моя?
Но въ отвѣтъ мнѣ равнина молчала.

=

Разъ въ широкихъ степяхъ,
Къ небесамъ пыль и прахъ
Бурный вѣтеръ несъ быстро по волѣ.
И за быстрой рѣкой
Бури слышался вой,
Далеко, далеко на раздольѣ.
Снова спрашивалъ я:
Это-ль доля моя?
Но отвѣта мнѣ не было въ полѣ.

=

Видѣлъ я, и не разъ,
Взоры пламенныхъ глазъ
Юной дѣвы, подъ длинной рѣсницей.
И не разъ замѣчалъ,
Какъ межъ тучь пробѣгалъ
Яркой свѣтъ мимолетной зарницы;
Но на зовъ мой друзья:
То не доля-ль моя?
Все темнѣло кругомъ какъ въ темницѣ.

=

Разъ махая крыломъ,
Быстро въ небѣ родномъ
Черный воронъ леталъ одинокій.
А бурливой рѣкой
Шла волна за волной,
Разбиваясь о берегъ высокій.
И сказалъ смѣло я:
Вотъ гдѣ доля моя!
И темна и мрачна какъ могила.
И въ кипучей волнѣ,
Тоже слышалось мнѣ,
Тоже — эхо вдали повторило.

А. Урбановскій.

III.

КЪ ВИДѢНІЮ.

Не оставляй меня прелестное видѣнье
И день и ночь всегда со мною будь;
Ты нектаръ льешь святаго наслажденья;
Въ мою встревоженную грудь!..
Ты жизнь потухшую, опять въ ней возраждаешь
Огнемъ живительнымъ... и вновь
Ты сердце сильно биться заставляешь,
Опять горитъ во мнѣ любовь!
Видѣнье дивное, ты ангеломъ спасенья,
Слетѣло съ высоты обители святой;
Ты даровало мнѣ минуту примиренья
Съ давно отвѣрженной мечтой...
Опять во мнѣ надежды пробудились;
Твой взоръ чарующій мой трауръ разметалъ...
Волненія опять въ груди зашевелились;
Я жизнью новою, я страстью задышалъ!
Скажи: кто ты? — изъ бездны-ль океана,
Ты нимфа чудная, — плѣнительный обманъ!
Иль ты падучая звѣзда Ольдеборана.
На мигъ блеснувшая мнѣ въ сумрачный туманъ
Иль бредъ души? — дитя воображенья,
Больной мечты... взволнованной мечты?
Или жилица ты, небеснаго селенья...
Подруга звѣздъ?.. посланница, кто ты?!
О! не обманывай, — перелестный небожитель
Дай жить еще, и чаръ не отнимай!
Останься здѣсь, мой ангелъ, мой хранитель,...
Видѣнье дивное, — опять не улетай!

А де ла Гарде.

АНЕКДОТЫ.

Барыня жила не далеко отъ губернскаго города и получала губернскія газеты, неизвѣстно по какому поводу. Мало того что получала; это у насъ случается и нечаянно; не думаешь, не гадаешь, а сопричтутъ къ числу подписчиковъ; но барыня не получала ихъ только для вида, а читала весьма регулярно въ понедѣльникъ первое отдѣленіе офиціальной части, во вторникъ тоже; въ среду начало втораго отдѣленія, въ четвергъ окончаніе; въ пятницу начало неофиціальной части, въ субботу окончаніе; въ воскресеніе барыня отдыхала. Случись въ одну изъ субботъ прочла она въ вѣдомостяхъ слѣдующее: Возвѣщенная комета, по расчету времени, должна быть первый разъ видима въ нашемъ городѣ въ воскресеніе, такого то числа, ровно въ 10 часовъ вечера. Важность явленія заставляетъ насъ предувѣдомить о томъ нашихъ читателей...

Барыня не дочитала вѣдомостей, вскочила и закричала:

— Палашка, Марфушка! комета завтра будетъ въ городѣ... Комета, слышите! позовите кучера! а ты Палашка... надо о туалетѣ подумать. Что оно такое, комета! гдѣ она явится! у губернатора али у предводителя! Какое платье надѣть! Съ длинными, или съ короткими рукавами... Прохоръ! ты вытащи карету, почисти, подмажь, чтобы завтра мнѣ послѣ обѣда часовъ въ шесть выѣхать. Слышишь! Бѣда тебѣ, если опоздаю.

— Какъ опоздать матушка сударыня; далеко ли, и часу нѣтъ ѣзды...

— Ну тотоже, гляди!

Весь вечеръ субботы, и утро воскресенія прошелъ въ сборахъ. Въ семь часовъ барыня въѣхала въ городъ, остановилась у знакомыхъ и послѣ обычныхъ привѣтствій спросила:

— А гдѣ явится комета?..

— Какъ гдѣ явится?

— У Губернатора или у предводителя...

— Вы шутите! камета будетъ на небѣ...

— А понимаю; а откуда же спустятъ?

— Этого не знаемъ.

— А смотрѣть откуда?

— Да изъ нашихъ оконъ чай видно будетъ...

Барыня обидѣлась. Поѣхала къ предводителю. Тамъ уже собралось не малое общество, уже играли въ преферассъ; осторожная барыня молчала и выжидала пока другіе не начнутъ говорить про комету, но никто казалось о ней и не думалъ ровно въ десять, когда часы пробили, одинъ изъ гостей сказалъ:

— Вотъ теперь и комета должна быть видна. —

Всѣ подошли къ окнамъ. Барыня послѣдовала общему примѣру и взглянула.

— Вотъ чего не видали! подумала она, а еще губернскій городъ; Звѣзда съ хвостикомъ вотъ тебѣ и комета...

Барыня разсердилась и уѣхала. На хуторѣ на дворѣ стояла вся дворня и глядѣла на небо,..

— Гдѣ пожаръ! закричала барыня.

— Не пожаръ, а вонъ звѣзда не бывалая.

— Это изъ вѣдомостей... Да какъ же она изъ города сюда зашла? вотъ чему учатъ! людей пугать! И за чѣмъ я въ городъ ѣздила, когда и здѣсь видно...

Послѣднее замѣчаніе было совершенно справедливо. Барыня разогнала всю дворню, разорвала неофиціяльную часть вѣдомостей и съ тѣхъ поръ занималась только чтеніемъ офиціальныхъ извѣстій. —

Сія повѣсть, къ сожалѣнію, не выдумка.

II.

Другой примѣръ — того же. На одномъ экзаменѣ по части физики профессоръ спросилъ у испытуемаго: какое различіе между барометромъ и термометромъ. За отвѣтомъ дѣло не стало. Барометръ, отвѣчалъ тотъ самодовольно и бойко, виситъ въ комнатѣ, термометръ за окномъ.

И сіе не ложно.

ПЕРЕПИСКА.

Гр. Д. Н. Т—му. Печатная переписка, неизмѣняя отношеній, заставляетъ измѣнять пріемы письма. Душевно благодаримъ за присылку. Она оправдываетъ названіе Русскихъ буквъ: рцы слово твердо. Мы полюбовались надписями или прописями старыхъ временъ, но для помѣщенія ихъ въ Иллюстраціи должны ждать участія камня, потому что на деревѣ нѣтъ никакой возможности ихъ вырѣзать. У насъ теперь рѣшительно нѣтъ никакихъ другихъ новостей, кромѣ тѣхъ которыя напечатаны въ еженедѣльникѣ. Ждемъ слѣдующей почты, повторяя русскую азбуку: Рцы Слово Твердо.

Въ Редакцію Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Съ удовольствіемъ; объ исполненіи желанія вашего сдѣлано распоряженіе.

Въ Редакцію Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Съ удовольствіемъ. Объ исполненіи вашего желанія сдѣлано распоряженіе.

Г. П. М. Четыре первые съ благодарностію пріемлются. Пятый, яко Турецкій, — оставляется.

Г: М. М. Какъ же мы можемъ напечатать Волгу, переведенную съ Нѣмецкаго? — Впрочемъ подумаемъ.

Aut Luther, aut Huss. Чтобы прочесть тетрадь съ нѣкоторымъ вѣсомъ, надо не мало свободнаго времени. И такъ не сердитесь, если болѣе обстоятельный отвѣтъ отлагаемъ до слѣдующихъ нумеровъ.

Г. Д. Г—у. Поступила на очередь.

Г. Жаку Квинтѣ. Ваша правда. Ютъ вмѣсто утъ негодится; не досмотрѣли. Но въ вашей есть ошибка въ предпослѣднемъ словѣ: *а* вмѣсто *о*.

Милостивой государынѣ Вѣрѣ Б. За недостаткомъ мѣста, отвѣтъ отлагается. Извѣщаемъ для того только, чтобы увѣдомить васъ о полученіи вашего втораго письма.

S. Великій моголъ, о которомъ вы пишете, имѣлъ только одно ухо. Столь важный историческій фактъ и препровождаемъ по принадлежности.

Л. Л. Всякій куликъ свое болото хвалитъ.

Г. С. Н. Л. М. Гмъ! Смѣкаемъ! Ужъ не вы ли сочинили исторію Финикійскую? Что вамъ мѣшаетъ теперь приниятся за Греческую.

Г. Мал. — ... Возьмите уксусу, масла, перцу, сахару, все это смѣшайте, тогда можетъ быть и будетъ сносно:

Г. Янки. Стихотвореніе получено. Картинокъ къ стихотвореніямъ допустить нельзя. Тогда потребуютъ пожалуй иллюстрованной переписки.

Г. С—нскому. Секретъ. Нельзя. Вспомните пословицу и убойтесь преждевременной сѣдины.

Гг. С—ову и П. Дуэтъ хорошъ въ оперѣ, и то рѣдко, а въ литературѣ примѣрами доказана его негодность. — Этотъ разъ мы васъ повысили и поставили по хронологіи полученія писемъ.

Г. О—льту. Иллюстрація — Иллюстрація. Это такъ ясно какъ яснѣе быть не можетъ. Лишь бы рисунки были вѣрны, а предметъ любопытенъ.

Г. N. N. N. Обыкновенно подп сывались двумя N; вы хотите быть неизвѣстнѣе всѣхъ вашихъ предшественниковъ! Извольте.

Г. 17Х12=0 — Истина, спорить нечего, это каждый видитъ.

Г. П. п. п. Великонько, а занимательно.

Г. П—ку. Къ тебѣ Богиня о!
Иду деревню во...

Г. А—ну въ И. Едвали живопись можетъ преуспѣвать тамъ гдѣ нѣтъ ничего живописнаго. Петербургъ не указъ. Столица всегда можетъ питать воображеніе и кормить художника.

Г.. Ос—ну. Кокетка въ храмъ Andante ѣдетъ,
На балъ Prestissimo катитъ,
Но поздно ежели пріѣдетъ
Furioso съ лѣстницы летитъ
Не попадитесь подъ руку...

=

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Русскій театръ: Четыре русскихъ литератора составили бенефисъ любимца нашей публики, г-на Мартынова, назначенной въ Пятницу 7 декабря, на Александринскомъ театрѣ. Казанскій купецъ, Михляевъ, др. Квартиры на Бугоркахъ вод. Черный день на Черной рѣчкѣ, вод. Дѣвушка Морякъ вод.; послѣдніе двѣ піэсы, писаны молодыми людьми выступающими въ первый разъ на поприще драматургіи.

СОДЕРЖАНІЕ IX ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 3 ДЕКАБРЯ.

О пищѣ.

Общія понятія. Млекопитающія; породы животныхъ, употребляемыя въ пищу; срокъ, въ который различныя мяса сохраняютъ свою свѣжесть; способы приготовленія, сохраненія и заготовленія мяса въ прокъ.

Птицы; породы употребляемыя въ пищу; сроки, въ которые мясо птицъ, сохраняетъ свою свѣжесть.

Рыбы; породы рыбъ употребляемыя въ пищу; вредныя рыбы; способы приготовленія; совѣты объ употребленіи рыбной пищи вообще.

Гады, скорлупняки и слизняки; породы ихъ и употребленіе въ пищу:

Сваримость пищи животной и растительной; сколько потребно времени, для варенія каждой пищи въ желудкѣ?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Обѣщанный переводъ одного изъ лучшихъ современныхъ романовъ, по обстоятельствамъ, начнется съ слѣдующаго 35-го нумера. Гг. подписавшіеся на Иллюстрацію съ 1-го генваря 1846 года, получатъ всѣ листы сего романа, которые выйдутъ до новаго года, съ первымъ нумеромъ.

ИГРЫ.

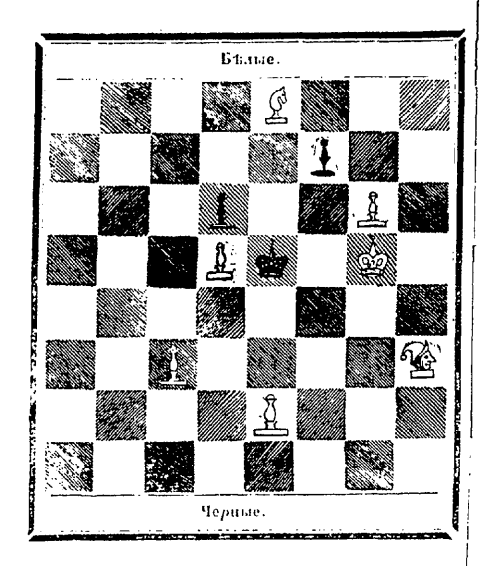
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 30.

	Бѣлые.	Черные.
1.	принужденные ходы.	1. Фер. на 7 м. Кор.
2.		2. Фер. на 7 м. свое.
3.		3. Кор. на 6 м. Сл. св.
4.		4. Ладья на 4 м. св. на право.
5.		5. Ладья на 5 м. св.
6.		6. Ф. на 7 м. Сл. Кор.
7.		7. Ф. на 6 м. К. Кор.
8.	П. бер. Фер.	8. П. одно мѣсто.
9.	П. бер. Ладью.	9. Кор. на 6 м. К. св.
10.	П. 1. м.	10. Кор. на 6 м. Л.
11.	П. 1 м.	11. П. К. Кор. 1 м.
12.	П. 1 м.	12. Таже Пѣшка 1 м. шахъ и матъ

Въ означеніи задачи въ N 32 вкралась ошибка. Въ этой задачѣ вся сила и заключается въ томъ, чтобы дать матъ не иначе, какъ пѣшкой, За эту ошибку помѣщаемъ задачу историческую. Одинъ маркизъ поссорился съ аббатикомъ и хотѣлъ его непремѣнно убить. Онъ искалъ его вездѣ и нашелъ — въ кофейномъ домѣ за шахматами. Когда онъ увидѣлъ какъ его врагъ прекрасно ведетъ свою игру, помирился и по окончаніи партіи протянувъ къ нему руку, сказалъ: Вы побѣдили и его и меня; будемъ друзьями. Аббатъ игралъ бѣлыми и въ четыре хода далъ матъ.

ЗАДАЧА № 34.

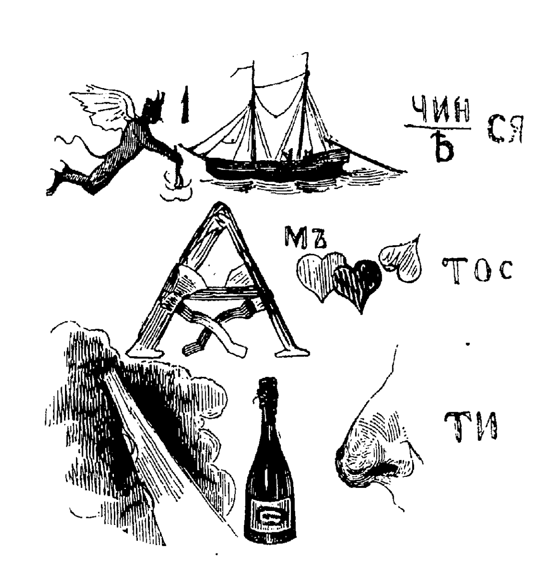


РАЗГАДКА № 33.

На ше по, — слѣдъ, — не, — сжъ ѣстъ, — кое, — ложе, — могила.

Наше послѣднее жесткое ложе могила.

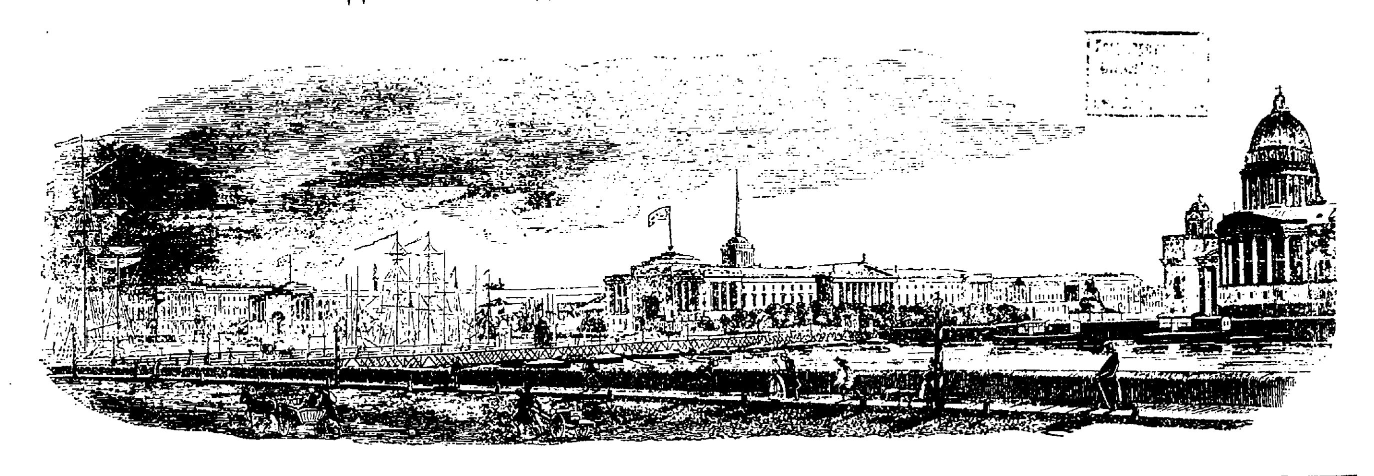
ЗАГАДКА № 34.



Печатать позволяется. С. Петербургъ Ноября 30 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ Типографіи И. ФИШОНА

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 45 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 35.—Суббота, 8 Декабря 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 руб. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ДВА ДИТРИХА.

—

ЛЕГЕНДА.

—

Въ прекрасной Ааской долинѣ, въ одной изъ горъ, составляющихъ цѣпь, служившую, быть можетъ, когда нибудь высокимъ берегомъ рѣки, теперь почти высохшей, есть пещера, знаменитая во всей Лифляндіи, подъ именемъ пещеры Добраго человѣка (Gutmanns-Höhle). На темно-красныхъ сводахъ ея, подернутыхъ мхомъ, испещренныхъ надписями нѣсколькихъ вѣковъ, между именами Паткулей и Тизенгаузеновъ, видны надписи XV и даже XIV столѣтія. Двойное преданіе объ этой пещерѣ сохранилось частью, въ лѣтописяхъ Ливонскихъ, частью въ изустныхъ преданіяхъ Латышей.

Въ концѣ XII столѣтія, во времена Мейнгарда на берегахъ Гауіи (Аа), въ Торрейдской землѣ, появился пришелецъ; его звали Дитрихомъ; народъ прозвалъ его добрымъ человѣкомъ. Кротостью, увѣщаніями, лечебною помощью, онъ снискалъ любовь дикихъ, необузданныхъ Ливовъ. Но, исцѣляя больныхъ, помогая бѣднымъ, привязывая къ себѣ сердца народа, онъ возбудилъ зависть жрецовъ. Они стали говорить Ливамъ, что Дитрихъ исцѣляетъ ихъ силою почнаго, мрачнаго духа; увѣряли, что они погибнутъ, если будутъ слушаться его совѣтовъ. Но слова не дѣйствовали на народъ, и пещера, гдѣ жилъ Дитрихъ, каждый день наполнялась новыми приверженцами, которые слушали его ученіе. Въ одно лѣто, у всѣхъ Торрейдскихъ жителей былъ неурожай; только поля Дитриха золотились полными, прекрасными колосьями. Жрецы воспользовались этимъ случаемъ, увѣрили народъ, что Дитрихъ своимъ чародѣйствомъ отнялъ всю силу отъ ихъ полей и перевелъ къ себѣ. Народъ повѣрилъ имъ; но все-таки не рѣшился, безъ воли боговъ, предать смерти того, кто еще недавно являлся отцомъ и другомъ между ними. Въ заповѣдномъ лѣсу, передъ святымъ дубомъ собрались жрецы, старшины и народъ. По древнему обычаю Ливовъ, судимаго должно было посадить на лошадь и, держа ее за узду передъ двумя скрещенными копьями, увидать, какою ногою она коснется ихъ: правая нога означала невинность судимаго, лѣвая осуждала его.—Уже косыя сѣкиры и копья блестѣли межъ топоровъ и булавъ, когда Дитрихъ, окруженный жрецами, явился на мѣсто казни. Тихо шелъ онъ, опираясь на посохъ; блѣдное лицо его было спокойно; онъ взглянулъ на собравшуюся толпу, хотѣлъ что то сказать народу; но жрецы схватили его, посадили на лошадь, и дали знакъ двумъ отрокамъ, державшимъ копья; въ одно мгновенье они скрестили ихъ передъ ногами лошади—и жадное вниманіе всѣхъ устремилось въ ту сторону. Удерживаемый за повода, нетерпѣливый конь рылъ землю лѣвымъ копытомъ — еще мгновеніе, и онъ ударитъ имъ о копья... радостная улыбка исказила лица жрецовъ, сѣкиры заиграли въ толпѣ дикарей. Руки Дитриха были сложены на груди; въ глазахъ, поднятыхъ къ небу, блистали слезы: Дитрихъ молился не о своемъ спасеніи, но о заблудшихъ овцахъ; онъ молилъ Бога не допустить ихъ до преступленія; и вдругъ конь отступилъ, еще сильнѣе рванулся впередъ и три раза ударилъ правымъ копытомъ скрещенныя копья... Въ безумной радости народъ бросился къ Дитриху, снялъ съ лошади, и въ торжествѣ отнесъ въ пещеру.—

Жрецы замолчали на время; но злоба ихъ на Дитриха не погасала. Не дѣйствуя болѣе на народъ, который, видя какъ Дитрихъ помогаетъ имъ во всемъ, улучшаетъ ихъ бытъ, дѣлится послѣднимъ съ бѣднымъ, не слушали больше ихъ наговоровъ, жрецы стали возмущать старшинъ противъ святаго старца. Одинъ изъ нихъ, именемъ Каупо, лежалъ на смертномъ одрѣ; ни заклинанія жрецовъ, ни цѣлебныя травы, собранныя подъ святыми дубами, ни жертвы богамъ — ничто не помогало; Каупо умиралъ. Видя невозможность спасти князя, жрецы хотѣли воспользоватся этимъ, чтобъ погубить Дитриха; будто изъ усердія, они напомнили Каупо про отшельника, такъ часто спасавшаго отъ смерти Торрейдскихъ жителей. Послали за Дитрихомъ, и объявили ему, что если онъ не спасетъ князя, то заплатитъ за это головой. Укрѣпленіе этого князя находилось тамъ, гдѣ теперь стоитъ церковь Кремонская, не далеко отъ замка Кремона, котораго развалины видны еще. Князь лежалъ на звѣриныхъ шкурахъ, окруженный жрецами, ближними и народомъ; воздухъ наполнялся воплями, между тѣмъ какъ жрецы приносили безпрерывно жертвы богамъ, передъ самымъ одромъ больнаго. Уже предсмертныя судороги начинали сводить его; увидя Дитриха, онъ приподнялся, взглянулъ на него дико и прошепталъ: «Знаешь ли что ожидаетъ тебя, если ты не вылечишь меня? Я умираю!»

—Князь, одинъ Богъ можетъ спасти тебя! — Что знаю, то употреблю для твоего исцѣленія...

Не удались происки жрецовъ. Князь, послѣ довольно продолжительнаго леченія, выздоровѣлъ.

Уже три вѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ Дитрихъ оставилъ свою пещеру. Торрейдская земля, гдѣ епископъ Альбертъ построилъ замокъ Фредландъ, впослѣдствіи переименованый въ Трейденъ, во время безпрерывныхъ смутъ и раздоровъ между духовенствомъ и орденомъ, переходила попеременно то къ эпископу, то къ мечепосцамъ. Въ 1501 году Польша, которой она тогда принадлежала, отдала замокъ Эллерту фонъ Крузе за услуги, ей оказанныя.

Тяжело было Торрейдскимъ жителямъ подъ игомъ алчнаго, безчеловѣчнаго Крузе; потомъ и кровью обливались поля его; вопли и стоны несчастныхъ вассаловъ раздавались на стогнахъ вмѣсто веселыхъ пѣсенъ. Но несчастнѣе

всѣхъ была прекрасная дочь Крузе, молодая Гедвига. Въ высокое окно ея комнаты часто долетали стоны несчастныхъ, о помилованіи которыхъ она не смѣла просить отца своего. Рѣдко видала она его, и тогда сердце ея замирало отъ страха, глядя на его мрачное, безжизненное лицо, на вѣчно сдвинутыя брови, широкій ножъ и бичъ, всегда находившійся при немъ. Никогда не видала Гедвига ласки отъ своего отца; казалось, ея присутствіе было ему въ тягость. Часто на широкомъ дворѣ замка, гдѣ обыкновенно онъ наказывалъ своихъ вассаловъ, среди крика этихъ несчастныхъ, ему слышались отчаянныя рыданія Гедвиги; тогда глаза его горѣли адскою злобою и рука его опускалась на ножъ.

Любимымъ, почти единственнымъ, собесѣдникомъ и товарищемъ Крузе былъ другъ его, рыцарь Видбальдъ фонъ Брейммъ, владѣтель замка Зегевольда. Жестокій, безчеловѣчный, какъ Эллертъ, казалось, одинакая чернота души была главною связью ихъ дружбы.

Гедвига ненавидѣла Видбальда столько же, сколько боялась отца; но каждый разъ, когда серебряный рогъ его звучалъ у подъемнаго моста Трейденскаго замка, Гедвига поспѣшно отворяла готическое окно своей комнаты и нетерпѣливымъ взоромъ ожидала появленія Брейма: въ толпѣ рыцарей, сопровождавшихъ его, сердце ея всегда узнавало бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ и стальной шлемъ Стефана Облица. Подвластный Видбальду, Стефанъ ненавидѣлъ и презиралъ его; но безумно любилъ Гедвигу. Только для того, чтобы видѣть ее иногда, чтобы жить въ Зегевольдѣ, находившемся въ верстѣ отъ Трейдена, оставался онъ подъ ненавистной властью фонъ Брейма.

Какъ сблизились молодые люди, какъ сдѣлалось короткимъ знакомство, начатое одними далекими взглядами — незнаю; но тамъ, гдѣ двое любятъ другъ друга, всегда найдутся посредники; да и влюбленные сами бываютъ очень ловки и хитры. Скоро Гедвига нашла способъ, въ отсутствіи отца, вечеромъ, въ сопровожденіи старой служанки, выходить не замѣченною или, по-крайней-мѣрѣ не узнанною изъ замка. Пугливая и легкая какъ лань, сбѣгала она съ крутой дорожки, вьющейся по горѣ въ Ааскую долину, и, скрытая тѣнью густыхъ дубовъ, спѣшила въ пещеру, всегдашнее мѣсто свиданія съ Облицомъ. Сердце ея замирало отъ страха и радости, когда на волнахъ рѣки вдругъ видѣлся челнокъ и въ немъ, при свѣтѣ мѣсяца, бѣлѣла мантія рыцаря...

Хороша Ааская долина, когда золотой мѣсяцъ высоко поднимется на небо и спокойныя струи рѣки заискрятся блестками, то тихо катясь по отлогимъ песчанымъ берегамъ, то звучно плескаясь о крутыя, покрытыя красивымъ кустарникомъ, темно-красныя скалы! Прелестны, очаровательны берега свѣтлой Гауіи; извиваясь змѣей, она будто выбираетъ мѣста самыя красивыя, чтобы отразить ихъ въ голубыхъ струяхъ своихъ; быстрая, она затѣйливыми изгибами течетъ по долинѣ, гдѣ множество ручьевъ, журча, бѣгутъ къ ней и звучными, но едва замѣтными водопадами, впадаютъ въ нее.

Гедвига и Стефанъ, сидя у входа пещеры, любили смотрѣть на долину, на Гауію и мечтать подъ звуки пещернаго ручья. Вытекая съ правой стороны пещеры изъ горы, онъ едва замѣтной струйкой проходитъ въ глубину ея, гдѣ образуетъ довольно пространный бассейнъ, изъ котораго чистыя какъ хрусталь воды дробясь о камни съ звучнымъ плескомъ обтекаютъ лѣвую сторону пещеры и, оттуда бросаясь въ долину, бѣгутъ въ Гауію. Сладки были ихъ мечтанья; но, будто предвѣстникъ горя, на противуположномъ берегу рѣки виднѣлись мрачныя башни Зегевольда и темно-красные кресты чернѣлись на бѣловатыхъ стѣнахъ его. Однажды, Стефанъ не пришелъ на свиданье: внезапно посланный Брейммомъ въ Варшаву, онъ на долго оставилъ Зегевольдъ.

Прошло полгода; готическія залы Зегевольда огласились шумомъ пиршества; при звукѣ трубъ и литавръ, сопровождаемый пышнымъ поѣздомъ, Видбальдъ привезъ въ Зегевольдъ Гедвигу фонъ Крузе; ни слезы ни мольбы не могли отвратить ея жребія. Гедвига сдѣлалась супругою Видбальда.

Уже двѣ недѣли пировали гости въ Зегевольдѣ; шуменъ, роскошенъ былъ свадебный пиръ фонъ Брейма. Всѣ веселились; одна молодая казалась приговоренною къ смерти; высоко подымалась грудь ея; темнорусая головка склонялась подъ тяжестью удара и голубые глаза съ безпокойствомъ искали когото въ толпѣ рыцарей. Въ концѣ третьей недѣли, возвратился изъ Варшавы Облицъ. Уже долетѣли къ нему слухи о женитьбѣ Видбальда; но онъ не вѣрилъ, или лучше, не хотѣлъ вѣрить имъ. Поспѣшно вошелъ онъ въ залу, въ ту самую минуту, когда Брейммъ держалъ въ одной рукѣ золотой кубокъ, другою нѣжно обнялъ Гедвигу и цѣловалъ ее, при шумныхъ кликахъ гостей. Стефанъ видѣлъ это, и черезъ минуту уже бѣлый конь его мчался далеко отъ замка. Никто не замѣтилъ быстраго ухода рыцаря; только Гедвига видѣла, какъ поблѣднѣло лицо его подъ стальнымъ шлемомъ; только она замѣтила грустный, полный укоризны, взглядъ его... Была уже ночь, когда, удаляясь изъ шумнаго собранія рыцарей, молодая супруга Видбальда заперлась въ своей комнатѣ. Рыцарь былъ въ полномъ разгулѣ пира; вино лилось рѣкою въ золотые кубки; готическіе своды залы оглашались пѣснями и заздравными тостами.

Одна, облокотясь о рѣшетчатое окно своей комнаты, Гедвига смотрѣла, какъ за высокой стѣной Зегевольда катилась быстрая Аа и за ней, въ глубинѣ долины, неясно чернѣлась знакомая пещера, прежній свидѣтель ея счастья...

Гедвига хотѣла забыться, закрыть глаза на настоящее и перейти жить хотя нѣсколько мгновеній въ прошедшемъ; но тогда долетали къ ней шумные клики полупьяныхъ рыцарей; очарованіе исчезало, и передъ нею являлось только блѣдное лицо Облица... послѣдній взглядъ его... Ночь была бурная; вѣтеръ вылъ подъ сводами замка; густыя, разорванныя облака, неслись по небу, то застилая совершенно, то мгновенно открывая полный мѣсяцъ, и тогда, при свѣтѣ его, видно было, какъ плескалась бѣлыми валами Аа и пѣнилась вода въ глубокихъ черныхъ рвахъ около замка. Вдругъ Гедвигѣ показалось, что противъ ея окна по стѣнѣ ползетъ кто-то... суевѣрный страхъ оковалъ ее... она хотѣла вглядѣться; но черныя тучи опять набѣжали на мѣсяцъ и закрыли все. Черезъ нѣсколько мгновеній желѣзные крючья веревочной лѣстницы ударились въ рѣшетку окна, еще мигъ, и въ немъ показался Облицъ, блѣдный, съ растрепанными волосами, безъ шлема и мантіи.—«Гедвига! прошепталъ онъ, Гедвига, не бойся, не трепещи такъ! Развѣ не узнаешь ты Стефана? Сегодня ревность увлекла меня: я хотѣлъ упрекать тебя; но теперь разсудокъ взялъ верхъ! Ты не можешь любить Брейма... ты несчастна, Гедвига! Слушай, я могъ бы убить Видбальда; но я знаю, ты никогда потомъ не согласилась бы быть женою того, кто убилъ человѣка, имя котораго ты носишь. Но бѣги со мной, бѣги, Гедвига! Мы найдемъ себѣ пріютъ, мы будемъ счастливы вездѣ... О, моя Гедвига, согласись, бѣги, бѣги со мной!...

И руки Облица страстно сжимали холодныя руки Гедвиги; неподвижная, блѣдная, она стояла передъ нимъ; темно-русые волосы густыми прядями падали до полу вокругъ нея; долго смутными глазами смотрѣла она на Облица. Стефанъ, сказала она наконецъ, прощай! Спасайся, пока рыцари еще пируютъ и бурная ночь скрываетъ тебя... Гедвига не пойдетъ съ тобою... я противилась, Стефанъ, противилась даже передъ алтаремъ; но когда меня принудили произнести клятву вѣрности супругу, когда я дала эту клятву—я должна быть вѣрна ей... я ненавижу Видбальда болѣе чѣмъ когда нибудь, но никогда не измѣню ему... Прощай, Стефанъ! Гедвига тебя любила! О, въ память этой любви, уйди, далеко! пусть никогда твое имя не коснется слуха Гедвиги и не смутитъ ее... у нее отняли все счастіе въ жизни—осталось ей послѣднее—чистая совѣсть...—Стефанъ исполнилъ желаніе милой; никто изъ рыцарей съ тѣхъ поръ не слыхалъ имени Облица.

Прошло два года. Вдругъ ужасное бѣдствіе, чума, постигла Торрейду. — Въ домахъ, на сельскихъ работахъ несчастные жители падали, умирая въ тяжкихъ мученіяхъ, безъ помощи, оставленные всѣми; страхъ заразы былъ сильнѣе узъ родства и дружбы; мать покидала умирающаго сына... сынъ бѣжалъ отъ отца, который угасающимъ голосомъ просилъ у него воды... Въ это самое время бѣдствій, въ Ааской пещерѣ появился отшельникъ; пренебрегая опасностью, онъ ходилъ помогать больнымъ, молился надъ умирающими, хоронилъ тѣла. Народъ со страхомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на безстрашнаго отшельника; преданіе о Дитрихѣ передавалось отъ отцовъ къ сыновьямъ и скоро Латыши, указывая на новаго отшельника, стали говорить, что это Дитрихъ воскресъ, чтобы спасти ихъ, какъ спасалъ ихъ отцевъ. Суевѣріе утвердило этотъ слухъ; такое пренебреженіе смерти казалось невозможно для человѣка обыкновеннаго. И скоро толпы народа стали сбираться къ пещерѣ воскресшаго Дитриха, прося заступленія отъ напастей. Дитрихъ молился съ ними, утѣшалъ ихъ и уговаривалъ. Вскорѣ чума стала утихать; но благодарный народъ умолялъ Дитриха, чтобы онъ не оста-

вялъ ихъ. Напрасно увѣрялъ ихъ пустынникъ, что онъ не Дитрихъ, а только соименникъ его, бѣдный отшельникъ, посвятившій жизнь свою несчастнымъ. Народъ всегда любитъ все необыкновенное, а суевѣріе еще болѣе утверждало ихъ въ томъ, чему они хотѣли вѣрить. Между тѣмъ молва о пустынникѣ разошлась по всей торрейдской землѣ. Слухи о немъ дошли до Зегевольда. Тамъ страдалица Гедвига, измученная ревностью мужа, который, подслушавъ ея сонный бредъ, узналъ тайну любви ея къ Облицу, и еще болѣе совѣстью, упрекавшею ее въ томъ, что она не могла забыть Стефана, проводила дни и ночи въ слезахъ; напрасно молилась несчастная: милый образъ того, котораго она любила, вѣчно становился между нею и Видбальдомъ. Въ чемъ искать помощи, гдѣ найти совѣтъ? И вдругъ слухъ о пустынникѣ дошелъ до нея. Мысль просить помощи у него, блеснула въ головѣ Гедвиги. Развѣ ея недугъ не былъ ужасенъ, и еще ужаснѣе тѣмъ, что онъ былъ душевный? Кто знаетъ, можетъ быть, какая нибудь чара лежитъ на ней, и онъ отгонитъ ее какимъ нибудь врачеваніемъ?—Гедвига рѣшилась; выбрала время, когда Бреймъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Маріенбургъ, и, полная надежды и страха, пошла къ пустыннику. Она нашла его у входа пещеры; какъ всегда лицо его было закрыто низко спущеннымъ капишономъ; высокій ростъ казался согнутымъ подъ тяжестью лѣтъ; голосъ его дрожалъ, когда онъ хотѣлъ встрѣтить привѣтствіемъ Гедвигу; но когда она со всей простотой невинной, страждущей души разсказала ему всю повѣсть любви своей къ Стефану и просила избавить ее отъ преступной мысли объ немъ, пустынникъ вскочилъ; капишонъ упалъ на плеча, и трепещущая Гедвига узнала Облица... Первымъ движеніемъ ея было бѣжать; Стефанъ удержалъ ее. «Не бойся, Гедвига, если до сихъ поръ я сдержалъ слово, то не измѣню ему и теперь! Но одно, что ты обѣщала мнѣ давно уже, исполни теперь! Дай мнѣ локонъ твоихъ чудныхъ волосъ! Ты должна была дать мнѣ его въ то свиданье, на которое я, посланный Видбальду въ Варшаву, не пришелъ; но слово осталось за тобою! Ты можешь, ты должна исполнить обѣщаніе, которое дала прежде, чѣмъ сдѣлалась женою Брейма! Ты не можешь отказать въ этомъ человѣку, который для твоего спокойствія, чтобы исполнить твою волю, отказался отъ тебя, отъ почестей, объ богатства и даже отъ мести! Оцѣни эти жертвы, Гедвига! Что значитъ для тебя одинъ локонъ? а мнѣ онъ будетъ замѣной всего...

Волосы Гедвиги въ безпорядкѣ выпадали изъ подъ высокой шапки, обшитой широкимъ соболемъ; чувствуя всю опасность своего положенія, желая спастись отъ самой себя и исполнить желаніе Стефана, Гедвига выхватила ножъ, висѣвшій за поясомъ Облица, быстро отрѣзала первую прядь волосъ, которая попалась ей въ руки и полумертвая выбѣжала изъ пещеры.

Черезъ нѣсколько дней Бреймъ возвратился. Каковъ былъ ужасъ Гедвиги, когда, не смотря на всѣ ея старанія скрыть неосторожно отрѣзанный локонъ, Бреймъ замѣтилъ и строго спросилъ, какъ это случилось. Неясные отвѣты Гедвиги, ея смущеніе, еще больше возбудили подозрѣніе Видбальда, а все, что пересказали ему лазутчики, вѣсть, что Гедвига тайкомъ была въ пещерѣ, возвратилась блѣдная, дрожащая оттуда и безъ локона, возбудили неистовую ревность въ Бреймѣ. Онъ не могъ вѣрить невинности своей жены въ то время общаго разврата. Гедвига отъ горя и безпокойства сдѣлалась больна и въ жару горячки, несчастная высказала мужу и тайну воскресшаго Дитриха и свою тайну! Всѣ сомнѣнія исчезли! «Ага, скрежсталъ Видбальдъ, вотъ для чего ты прикинулся воскресшимъ!»—Съ этой минуты одна месть заняла всѣ мысли его. Онъ могъ убить Облица; но что значила смерть человѣку, который искалъ ее въ ужасахъ чумы? Нѣтъ, Брейму нужна была месть ужаснѣе, и онъ обдумалъ ее вмѣстѣ съ Крузе. Всѣ старанія о возвращеніи къ жизни Гедвиги были употреблены; на горе воскресла бѣдная! Безчеловѣчный отецъ и мужъ поволокли ее за волосы въ долину, къ пещерѣ пустынника, заранѣе связаннаго слугами Видбальда, недалеко отъ всхода которой стоялъ высокій дубъ. Густою, темною косою привязали они ее къ дереву и, попеременно, не довѣряя никому другому, стояли на стражѣ. Страшны были проклятія, которыми осыпали они невинную жертву.

«Оторвись! твердили они, оторвись отъ дерева, и тогда даемъ клятву, что никто изъ насъ не удержитъ тебя итти къ твоему пустыннику! И въ минуты отчаянія несчастная думала имѣть силы оторваться и уйти! Она рвалась безумно, но ни одинъ волосъ не отсталъ отъ головы ея; казалось, какимъ-то колдовствомъ они приросли къ головѣ. Въ безсильномъ отчаяніи, простершись лицомъ къ землѣ на сыромъ полу пещеры, несчастный Облицъ слышалъ стоны Гедвиги, насмѣшки и проклятія ея злодѣевъ. Два дня безумно рвалась она; на третій, изнуренная голодомъ и отчаяніемъ, голова ея упала на грудь. Прошло еще два дня, и страшная судорога, на которую отвѣтили адскимъ смѣхомъ Видбальдъ и Крузе, показала имъ, что страданія несчастной жертвы прекратились. Оставя тѣло въ добычу воронамъ, двое друзей отправились пировать свою месть и утопить въ винѣ послѣдній ропотъ зачерствѣлой совѣсти. Настала ночь; освобожденный народомъ Облицъ, вырывъ могилу у Трейденской часовни и отвязавъ Гедвигу отъ дерева, отнесъ ее на гору, поцѣловалъ холодное чело несчастной и съ молитвой опустилъ въ землю.

Но тогда, разрѣшенный отъ обѣта смертью Гедвиги, онъ далъ волю ненависти и жаждѣ мщенія, которую до того старался заглушать въ доброй душѣ.

Между тѣмъ ненависть къ Крузе усиливалась день ото дня. Ходкѣвичъ съ досадою видѣлъ одинъ изъ лучшихъ и доходливыхъ замковъ во власти человѣка подлаго, бездушнаго, готоваго предаться врагамъ Польши точно также, какъ измѣннически продался ей. Секретарь Ходкевича, предпріимчивый Гансъ фонъ Бюрнингъ, также косо смотрѣлъ на Элерта и, въ 1576, въ началѣ ноября съ сотнею отчаянныхъ молодцовъ, между которыми былъ Стефанъ Облицъ, пришелъ изъ Риги въ окрестности Трейдена. Крузе долженъ былъ отлучиться на нѣсколько дней; Бирингъ, дождавшись его отъѣзда, велѣлъ наложить нѣсколько возовъ съ дровами, приставилъ къ нимъ воиновъ, переодѣтыхъ въ крестьянъ, и приказалъ ѣхать въ Трейденъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, нуждались въ дровахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали привоза. Лишь только стража, стоявшая у главныхъ воротъ, завидѣла возы, опустила подъемный мостъ; возы въѣхали; отперли ворота; когда первый возъ проходилъ черезъ ворота, что-то, изломалось; мнимый крестьянинъ сталъ суетиться, и между тѣмъ, какъ вниманіе всѣхъ было обращено туда, скрытый въ кустахъ отрядъ Бюрнига бросился на подъемный мостъ, въ открытыя ворота и прежде чѣмъ обезпамятѣвшая стража успѣла схватиться за оружіе, всѣ въ замкѣ были перерѣзаны или связаны, а побѣдители распивали, въ честь своей побѣды, лучшее вино изъ погребовъ Крузе изъ его же золотыхъ кубковъ. Эта побѣда была тѣмъ замѣчательнѣе, что Трейденъ считался неприступнымъ; а тутъ случай и выдумка доставили побѣду ничтожному числу людей. Всѣ веселились, одинъ Облицъ еще мучился жаждой неудовлетворенной мести: отмстивъ Крузе, онъ еще ужаснѣе хотѣлъ отмстить Видбальду. «Товарищи, сказалъ онъ, кто изъ васъ хочетъ пировать сегодня вечеромъ въ Зегевольдѣ? Погреба фонъ Брейма еще полнѣе погребовъ Крузе! Я знаю тайный ходъ изъ этого замка въ Зегевольдъ; но покажу вамъ его тогда только, если дадите обѣщаніе уступить мнѣ, вмѣсто добычи, плѣннаго Видбальда?» Съ шумною радостью приняли всѣ предложеніе Облица; гремя мечами пошли они вслѣдъ за нимъ по узкой лѣстницѣ. Дойдя до низу, Стефанъ остановился передъ стѣною, которая казалась глухою и преграждала путь; онъ сильно ударилъ въ нее и передъ нетерпѣливою толпою открылось темное отверзтіе, изъ котораго пахнуло на нихъ сыростью. Ощупью слѣдовали они за Облицомъ; скоро глухой шумъ надъ головами показалъ имъ, что они идутъ подъ рѣкою; мало-по-малу дорога стала подниматься вверхъ, ступени крутой лѣстницы слышались подъ ногами и, по приказанію Облица идти въ совершенной тишинѣ, они догадались, что цѣль близка. Стефанъ нажалъ пружину, знакомую ему, и потолокъ надъ головами воиновъ открылся безъ шума; они вошли въ высокую готическую комнату, украшенную бархатомъ, позолотой и дорогой рѣзьбой; тамъ, на роскошномо ложѣ, покоился Видбальдъ; Облицъ подошелъ къ спящему: Видбальдъ фонъ Бреймъ, проснись! Твой должникъ пришелъ отдать тебѣ долгъ! сказалъ онъ громовымъ голосомъ... Нужно-ли говорить все, что употребилъ подлый, безумный злодѣй, чтобы умолить своего врага? «Что мнѣ твоя жизнь! благородный мечъ мой осквернился бы твоею кровью! Я хочу только сдѣлать поминки Гедвигѣ. Веди меня въ ея комнату.» Видбальдъ молча повиновался; тамъ Облицъ велѣлъ сдѣлать въ стѣнѣ нишь поставилъ въ ней бархатный стулъ, позолоченный столъ и на немъ кусокъ хлѣба и кружку воды. Одѣвъ Видбальда въ полный рыцарскій нарядъ, онъ посадилъ его на бархатный стулъ и велѣлъ задѣлывать стѣну.

Испытаніе Дитриха жрецами.

Напрасно умолялъ Видбальдъ, напрасно порывался онъ выйдти изъ тѣсной ниши: «Помни Гедвигу, сказалъ Облицъ прежде чѣмъ заложили послѣдніе камни; умирай, злодѣй медленной смертью, какъ заставилъ умирать ее! умирай безъ покаянія, какъ оставилъ ее безъ погребенія.»

Облицъ былъ благороденъ и этотъ поступокъ можетъ показаться невѣроятнымъ; но если вспомнимъ нравы и понятія того времени, если вспомнимъ, что месть почиталась долгомъ, а подобныя наказанія были часты и не почитались злодѣйствомъ, то не удивимся, что Облицъ, увлеченный духомъ времени, ненавистью, несчастными воспоминаніями, видѣлъ въ своемъ поступкѣ только справедливую кару виновнаго. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, разбирая стѣну замка, которая разрушалась, точно нашли рыцаря во всемъ вооруженіи на стулѣ передъ столомъ, на которомъ была оловянная кружка; преданіе говоритъ еще, что не успокоенная тѣнь Гедвиги каждую полночь выходитъ изъ могилы, спускается съ Трейденской горы въ долину и идетъ въ пещеру, гдѣ напрасно ищетъ ножа, чтобы отрѣзать свою длинную косу. Она не успокоится, пока не отпадетъ эта коса, вина ея несчастій, на которой лежитъ проклятіе отца и мужа — и столѣтіе проходитъ, а коса ростетъ въ землѣ, а не отпадаетъ.

Нѣкоторые факты этой легенды, относящіеся къ исторіи, совершенно справедливы, и если преданіе перемѣшало кое-гдѣ годы, то надо вспомнить, что это разсказы людей, не заглядывающихъ въ хартіи и лѣтописи! Какъ бы то ни было, я старалась передать этотъ разсказъ во всей его простотѣ, не исправляя маленькихъ погрѣшностей, которыя могутъ найтись противъ исторіи.

Таково преданіе. Остатки двухъ грозныхъ замковъ стоятъ еще на противуположныхъ берегахъ Аа; подземные ходы заложены, но узкіе переходы въ стѣнахъ существуютъ; еще можно пройти ими къ готическому окну и смотрѣть изъ него на всю окрестность. Развалины Зегевольда живописнѣе Трейденскихъ, которыя обросли кругомъ густымъ лѣсомъ; но мѣстоположеніе обоихъ замковъ одинаково прекрасно: трудно повѣрить что это были притоны злодѣевъ. Только большой красный крестъ на восточной стѣнѣ Зегевольда

Пещера добраго человѣка.

Замокъ Зегевольдъ.

сохранился, какъ кровавое, неизгладимое пятно. Пещера Добраго человѣка манитъ прохладой въ жаркій день, свѣтлая «Аа» течетъ также быстро, какъ прежде; на берегахъ ея раскинулись поля и пастбища, веселая пѣсня Латыша несется по долинѣ, надъ которой широкими кругами вьется ястребъ и дикая утка съ крикомъ порхаетъ въ прибрежныхъ кустахъ.

В. А....я.

=

Соборный храмъ въ г. Новочеркаскѣ.

СОБОРНЫЙ ХРАМЪ

ВЪ Г. НОВОЧЕРКАСКѢ.

Новочеркаскъ 1), послѣ посѣщенія, коимъ удостоенъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, Его Императорскимъ Величествомъ и Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 2), — весьма много измѣнился, поднялись многія капитальныя строенія. До того же времени, возникшее изъ предположеній, бывшаго наказнаго атамана, генерала отъ кавалеріи Д. Е. Кутейникова, опасеніе жителей, что городъ переведутъ въ Аксайскую станицу, отнимало охоту предпринимать значительныя постройки, и огромная площадь, занимаемая городомъ, въ 8½ кв. верстъ, представляла, въ самыхъ выгодныхъ и даже главныхъ мѣстахъ, многіе пустыри. Во время пребыванія въ Новочеркаскѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: городу оставаться на своемъ мѣстѣ, и царское слово дало ему жизнь: дома, большею частію каменные, ростутъ ежегодно въ числѣ значительномъ 3).

Между новыми зданіями особенное заслуживаетъ вниманіе огромный въ три этажа корпусъ присутственныхъ мѣстъ и соборный храмъ, коему основаніе положено при самомъ началѣ города 18 мая 1805 года, въ день Вознесенія Господня.

Первая мысль о переселеніи города принадлежитъ покойному графу М. И. Платову: онъ лелѣялъ ее, какъ любимую идею, и хотѣлъ, чтобы соборный храмъ въ новомъ городѣ Донскаго Войска, былъ достойнымъ памятникомъ его времени и цѣлаго края; Казанскій соборъ въ С. Петербургѣ былъ ему идеаломъ. Графъ обратился съ предположеніемъ своимъ къ одному изъ знаменитыхъ тогдашняго времени зодчіевъ, къ придворному архитектору дѣйствительному статскому совѣтнику А. И. Руско, который, по просьбѣ Матвѣя Ивановича, проэктировалъ планъ нашего собора, и производителемъ работъ назначенъ его родной братъ, Іеронимъ Ивановичъ Руско. Началась постройка, и, подъ его вѣдѣніемъ и надзоромъ, продолжалась до 1817 года; строеніе собора доведено было до перекрыши или перемычекъ главныхъ оконъ. Мѣсто его въ 1819 году заступилъ г. Амвросимовъ (бывшій прежде Воронежскимъ губернскимъ архитекторомъ), при коемъ, до 1822 года, по наружности, дойдено до колонныхъ капителей, а по внутренности до главныхъ пяти арокъ и сводовъ; но тогда открылась трещина въ южной стѣнѣ и работы были остановлены. —

По этому обстоятельству возникла переписка, и по протеченіи значительнаго времени, распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, присланъ былъ въ 1830 году архитекторъ Колодинъ для освидѣтельствованія поврежденія. По его мнѣнію, нужно было ломать все строеніе до фундамента, что могло стоить Войску до 900,000 руб., не включая сюда весь каменный матеріалъ, изготовленный и доставленный на мѣсто рабочимъ

1) По чрезвычайному стѣсненію строеній въ Старомъ Черкаскѣ, и по случаю ежегоднаго затопленія полою водою, отъ разлитія р. Дона, главный городъ Войска-Донскаго, по представленію бывшаго атамана графа М. И. Платова, переведенъ на нынѣшнее мѣсто, которое называлось «Бирючій Кутъ» въ 1805 году. Основаніе новаго города, въ маѣ мѣсяцѣ, было торжественно, и праздновали это событіе, какъ народный праздникъ. Онъ начался освященіемъ мѣста нарочито для сего случая прибывшимъ изъ Воронежа Арсеніемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкаскимъ, коимъ тогда же заложены: соборъ, домъ войсковой канцеляріи, гимназіи и др. зданія. — Праздникъ окончился общими увеселеніями, между коими была здѣсь замѣчательная скачка, въ которую пущено 00 лошадей на дистанцію болѣе 25 верстъ. —

2) Это достопамятное, радостное для Донцевъ посѣщеніе Августѣйшихъ особъ ознаменовано важнымъ историческимъ событіемъ: врученіемъ въ войсковомъ кругу, на соборной площади, Государемъ Императоромъ Наслѣднику Цесаревичу пернача, главнаго знака атаманскаго достоинства. При семъ случаѣ Его Величество изволилъ произнесть слѣдующія незабвенныя слова: «Донцы! Назначивъ любезнѣйшаго сына Моего атаманомъ, Я далъ вамъ драгоцѣннѣйшій «залогъ Моего благоволенія... Да послужитъ это доказательствомъ, какъ вы близки Моему сердцу. Когда «же онъ Меня замѣнитъ, служите ему такъ же вѣрно, «какъ вы служили предкамъ Моимъ и мнѣ, а онъ васъ «не оставитъ.»

3) Вѣрнѣйшею мѣрою увеличенія построекъ служитъ умноженіе кирпичныхъ заводовъ, коихъ въ 1837 году было 6, а нынѣ 24. —

полкомъ. Несогласіе съ мнѣніемъ Колодина войсковаго архитектора г. Оомина, который доказывалъ противное, продолжало еще переписку до прибытія въ Новочеркаскъ Государя Императора, какъ сказано выше, въ 1837 году. Его Величество соизволилъ лично обозрѣть строющійся соборъ и разрѣшить достройку зданія, не снимая онаго до фундамента.—Для подробнѣйшаго осмотра поврежденія, по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ инженеръ-полковникъ Детловъ, который вполнѣ подтвердилъ мнѣніе г. Оомина.— Затѣмъ составлены были детальные чертежи на достройку, и Высочайше одобрены нѣкоторыя измѣненія въ наружномъ видѣ храма и его украшеніяхъ, болѣе соотвѣтственныя вкусу настоящаго времени.—

17 февраля прошлаго 1844 года, Высочайше утверждено: «Положеніе о коммисіи для достройки соборнаго храма въ Новочеркаскѣ» 4). Она начала дѣйствія свои тогда же, 27 апрѣля, молебствіемъ на западномъ порталѣ храма, которое совершено было высокопреосвященнымъ Игнатіемъ, архіепископомъ Донскимъ и Новочеркаскимъ, произнесшимъ при этомъ случаѣ слово, проникнутое свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и теплотою чувствъ 5). Бывши очевидцемъ этого событія, не могу не сказать здѣсь объ общемъ радостномъ чувствѣ Донцевъ, по случаю возобновленія соборнаго храма; помню: утро было прекрасное, свѣтлое, огромная площадь наполнена была народомъ; и не смотря на нѣсколько тысячь лицъ обоего пола, торжественная тишина господствовала на всемъ пространствѣ; все молилось и только въ весеннемъ, благодатномъ воздухѣ раздавались: пѣніе клира, молитвы духовенства и, наконецъ, краснорѣчивое слово любезнаго Донцамъ архипастыря...

Занятія коммисіи идутъ весьма дѣятельно и работы кипятъ, безъ всякаго преувеличенія этого выраженія. Число рабочихъ, болѣе тысячи человѣкъ, заняты ежедневно, кромѣ средствъ войсковыхъ или рабочаго полка, который занимается приготовленіемъ и доставкою камня. По смѣтному исчисленію *для докончанія* соборнаго храма опредѣлено: каменщиковъ, кузнецовъ, чернорабочихъ, плотниковъ, кровельщиковъ, столяровъ и проч. 468,240 человѣкъ.

Наружность зданія, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ рисунка, будетъ прекрасная и величественная; всѣ части гармонируютъ между собою (6), и съ украшеніями даютъ храму стиль Римской архитектуры. Длина зданія отъ линіи внѣшнихъ стѣнъ 25 саж. и 2 аршин., а съ порталомъ 32 саж. и 8 вершковъ; ширина 18 саж., и съ порталами 31 саж.; вышина отъ горизонта земли до яблока креста — 27 саж. 2 арш., а съ яблокомъ и крестомъ—30 саж. 1 арш. На каждомъ порталѣ по 6 колоннъ, вышиною въ $6^1/_2$ саж. и въ діаметрѣ 2 арш.; около алтарнаго выступа 6-ть трехчетвертныхъ колоннъ, а пилястръ наружныхъ съ угловыми 18. Всѣ колонны и пилястры коринѳскаго ордена, у коихъ капители будутъ чугунныя, золоченныя по гольдфарбѣ (вышина капителей 2 арш. 7 вершковъ) — Вокругъ главнаго трибуна, коего діаметръ снаружи $9^1/_2$ саж., 12 трехчетвертныхъ колоннъ, вышиною по 11 арш., а вокругъ малыхъ куполовъ, коихъ діаметръ по 5 саж. по 8 колоннъ, вышиною въ 8 арш. И здѣсь всѣ колонны коринѳскаго ордена и буталовъ. Окна храма имѣютъ въ вышину 10, а въ ширину 4 арш., двери $8^1/_2$ и 4, окна въ трибунѣ — $3^1/_2$ и $3^1/_4$, въ малыхъ куполахъ 6 и $2^1/_4$ арш.

Для цоколя употребленъ дикій камень, такъ называемый поцѣлуевскій (7); для колоннъ, главныхъ наружныхъ карнизовъ, наличниковъ оконныхъ, дверныхъ и сандриковъ, такъ же на ступеньки упорталовъ и половъ вообще дикій камень, именуемый калитвенскимъ (8); всѣ же прочія части сооружаются изъ камня грушевскаго (9), кромѣ сводовъ внутреннихъ, кои изъ кирпича съ прокладкою плитъ этого же камня, изъ коего устроены всѣ арки и парусные своды. Подъ всѣмъ зданіемъ находятся подвалы (гдѣ будутъ устроены пневматическія печи для нагрѣванія храма зимою); они имѣютъ въ свѣту вышины 5 и опущены въ землю на 3 арш., Глубина фундамента отъ горизонта земли на 8 арш. изъ коихъ на 5 забучено вплошь подъ известку камнемъ (для прочности зданія), исключая девяти колодцевъ, оставленныхъ для стока воды вовремя постройки.

На всемъ соборѣ устроены будутъ стропила желѣзныя и зданіе покроется красною мѣдью. Всѣ куполы вызолотятъ по гольдфарбе, а кресты съ шарами и крыши на фонаряхъ черезъ огнь, стѣнки фонарей, тоже черезъ огонь, будутъ посеребрены. На позолоту назначено, по смѣтѣ, до 24 тысячь руб. серебромъ.

Внутренніе коринѳскаго ордена колонны и пиластры, такъ же части стѣнъ будутъ одѣты фальшивымъ мраморомъ; лѣпныя украшенія зазолотятся, и значительная часть ихъ по сводамъ, вмѣсто алебастровыхъ, будутъ изъ бумажной массы (papier mâché). Оконные переплеты устроятся изъ дубоваго, а дверныя полотна съ тамбурами изъ ясеневаго дерева; всѣ они украсятся бронзою, а наружныя дверныя полотна закроются ею вплошь, съ барельефами священныхъ изображеній.

Ограды вокругъ храма не предположено, а вмѣсто оной поставятся на пьедесталяхъ отбитыя Донцами у Французовъ и пожалованныя Войску пушки, числомъ десять.

Всѣ работы будутъ исполнены въ-чернѣ въ 1847, а внутренняя выдѣлка въ 1849 году. На окончаніе зданія смѣтою опредѣлено 604,060 р. 28 к. сереб. Прежніе расходы можно полагать не-менѣе 2-хъ милліоновъ руб. ассигнац.

Иконостасъ проэктированъ изящный, въ новомъ вкусѣ, и внутренняя живопись будетъ соотвѣтствовать красотѣ и величію наружности зданія. Нѣкоторые образа, вѣроятно, напишутся нашими знаменитыми художниками. Утварь церковная и теперь уже богатѣйшая и многочисленная (10). Кромѣ всего этого, здѣсь, въ самомъ храмѣ, помѣстятся войсковыя регаліи, подобно какъ трофеи побѣдоносной арміи Русской — въ Петропавловскомъ, Преображенскомъ и Казанскомъ соборахъ, въ С. Петербургѣ, и въ Алексѣевскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

И такъ соборный храмъ, воздвигаемый въ Новочеркаскѣ, будетъ не токмо особеннымъ по красотѣ и созданію своему, но и достопримѣчательнымъ, историческимъ, по тѣмъ сокровищамъ, какія помѣстятся въ немъ. Это будетъ Новый Іерусалимъ Донцевъ, куда долженъ каждый изъ нихъ придти, какъ къ памятнику всего для нихъ драгоцѣннаго, соединяющему въ себѣ: религіозныя чувства края, благодатныя царствованія двухъ великихъ монарховъ, и славу, добытую кровью и преданностью къ престолу и отечеству.

Александръ Поповъ.

4) Коммисія состоитъ подъ предсѣдательствомъ начальника штаба, съ подчиненіемъ наказному атаману. Члены оно: войсковой депутатъ, войсковой прокуроръ, архитекторъ, предсѣдатель войсковаго коммерческаго суда, два почетные члена донскаго торговаго общества и членъ со стороны духовной, по назначенію мѣстнаго эпархіальнаго архіерея.

5) Оно помѣщено «въ Рѣчахъ христолюбивому Воинству Донскому. «Санктпетербургъ, 1845 года, стран. 57 и слѣд.

6) Наибольшая часть измѣненій противу прежняго плана и модели — проектированы предсѣдателемъ коммисіи генералъ-лейтенантомъ М. Г. Хомутовымъ. Нельзя несказать здѣсь, что они соображены съ большимъ вкусомъ и много возвысили красоту зданія, какъ въ общности, такъ и въ частяхъ его.

7) Крупно-зернистый песчаникъ, добываемый въ юрту Калитвенской Станицы въ горѣ Поцѣлуевой, въ 12 верстахъ потеченію Донца ниже Станицы.

8) Это превосходный мѣлко-зернистый песчаникъ, въ родѣ гранита; цвѣтомъ *болѣе* свѣтло-сѣрой; по есть и съ красножелтыми прожилками, на подобіе мрамора; въ отдѣлкѣ весьма красивъ. Добывается въ 3-хъ верстахъ отъ Калитвенской станицы, не въ далекѣ отъ лѣваго берега Донца, въ горѣ Соколовой.

9) Изъ роду извѣстныхъ камней; имѣетъ замѣчательную плотность и крѣпость; цвѣтъ его свѣтложелтоватый. Тоже въ одѣлкѣ красивъ и весьма чистъ. По этому самому предположено не штукатурить наружныя стѣны: это даетъ храму особенный видъ и болѣе величія. Грушевскій камень добывается въ 7-ми верстахъ отъ Новочеркаска въ горѣ, при подошвѣ коей поселена Грушевская Станица; отъ ней получилъ онъ свое названіе.

10) Неговоря о многихъ драгоцѣнныхъ сосудахъ, крестахъ, Евангеліяхъ, нельзя не упомянуть о замѣчательной дарохранительницѣ изъ литаго серебра вѣсомъ болѣе пуда съ золотыми украшеніями и каменьями въ приличныхъ мѣстахъ, сдѣланной въ 1823 г. въ Петербургѣ позаказу бывшаго атамана генералъ-лейтенанта А. В. Иловайскаго.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

О болѣзни скота. — О пользѣ воробьевъ. — Гретна-Гринъ. — Кладъ. — Охота за носорогомъ.

О болѣзни скота. Французскіе журналы распространили повсюду ужасъ предсказаніями о страшной повальной болѣзни скота; но скотоводы успокоились, узнавъ, что эта, въ самомъ дѣлѣ, страшная болѣзнь, развивающаяся на быкахъ, въ болотистыхъ степяхъ южной Россіи и занесенная оттуда въ Германію, была съ успѣхомъ и быстро прекращена въ нѣкоторыхъ частяхъ Богеміи и Моравіи. Во всякомъ случаѣ, убитіемъ зараженнаго скота или отдаленіемъ его отъ здороваго, и карантинными мѣрами, можно остановить распространеніе зла.

Сверхъ того, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ во французское центральное общество сельскаго хозяйства премію въ 1500 франковъ, назначаемую тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе о заразительной болѣзни крупнаго скота.

О пользѣ воробьевъ. Каждое существо приноситъ какую либо пользу. Воробей, болѣе всѣхъ другихъ птицъ подверженъ гоненію, какъ плебей птичьяго рода; разсчитано, что воробей съѣдаетъ въ годъ полчетверика ржи; что во Франціи 10 милліоновъ воробьевъ, съѣдающихъ, слѣдовательно, 5 милліоновъ четвериковъ ржи въ годъ, или 625,000 гектолитровъ, что — по 15 франковъ за гектолитръ, — составляетъ сумму въ 9 милліоновъ, 375 франковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитано, что воробей истребляетъ до 3,360 зерноядныхъ насѣкомыхъ въ недѣлю. Слѣдовательно, нельзя рѣшить болѣе ли вреденъ или полезенъ воробей.

Извѣстный фактъ долженъ, однако жъ, рѣшить вопросъ въ пользу воробьевъ. Въ Пфальцѣ, гдѣ земледѣльцы весьма жаловались на опустошенія, причиняемыя воробьями, за каждую голову убитаго воробья была положена награда. Но что же воспослѣдовало? Насѣкомыя до того размножились и причиняли столько же вреда, что скоро за первымъ рѣшеніемъ послѣдовало другое, по которому назначили премію за ввозъ тѣхъ самыхъ птицъ, которыхъ незадолго передъ тѣмъ преслѣдовали какъ враговъ и которые, въ сущности, не что иное, какъ нѣсколько дорого стоющіе помощники и дѣятельные, почти незамѣнимые слуги.

Гретна-Гринъ. Въ послѣднемъ нумерѣ Иллюстраціи мы говорили о бракѣ леди Адели Вильерсъ съ капитаномъ Ибботсономъ въ Гретна-Гринѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, незнакомые съ привилегіей кузнеца, требовали отъ насъ поясненій. Съ удовольствіемъ спѣшимъ удовлетворить этому требованію:

Гретна-Гринъ, гдѣ обыкновенно происходитъ развязка похищеній, находится въ Думфрійскомъ графствѣ, близь устья рѣки Эскъ, въ девяти миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Карлиля. Тамъ влюбленные могутъ быть обвѣнчаны безъ всякихъ предварительныхъ церемоній, рыбакомъ или кузнецомъ. Цѣна за эту услугу бываетъ отъ двухъ гиней до рюмки водки. Въ цѣнѣ обыкновенно условливаются съ карлильскими почтальонами или ямщиками, состоящими на жалованьѣ у *бракосотателей*, а въ экстренныхъ случаяхъ, и самые ямщики могутъ заключить бракъ.

Тщетно шотландское духовенство употребляетъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать этимъ бракамъ. Гретна-гринскіе священники мало заботятся объ этихъ усиліяхъ.

Первый, взявшій на себя эту обязанность, былъ нѣкто Скоттъ, жившій въ Риггѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ селенія, — въ 1750 году. Преемниками его были Джорджъ Гордонъ, старый солдатъ, и знаменитый Джозефъ Пэзли, назвавшій себя *кузнецомъ*, намекая этимъ на работу Вулкана. Онъ часто получалъ за бракосочетаніе до 200 гиней. Лордъ Уестморлендъ, лордъ Дурхерстъ и многіе другіе щедро вознаграждали его. Къ сожалѣнію, эти священники, которые могли бы очень разбогатѣть, придерживаются бутылочки.

Послѣ смерти Пэзли, въ Гретна-Гринѣ явилось нѣсколько претендентовъ на его мѣсто и теперь даже, тамъ двое или болѣе такихъ *бракосочетателей*.

=

Кладъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, бывшій столяръ вступилъ привратникомъ въ одинъ изъ древнѣйшихъ парижскихъ домовъ, принадлежавшихъ къ Сенъ-Северенскому монастырю.

Этотъ человѣкъ былъ почти нищій; у него давно уже не было никакой работы. Домовый хозяинъ, взявшій его съ собѣ въ услуженіе, сжалился надъ его бѣдственнымъ положеніемъ.

— Такъ какъ ты столяръ, сказалъ онъ ему, то я дамъ тебѣ исправить старую деревянную обивку стѣнъ въ двухъ комнатахъ нижняго этажа; у тебя есть инструменты; я самъ куплю дерево, и ты будешь работать, а жена твоя будетъ исправлять твою должность. По мѣрѣ того, какъ ты будешь исполнять работы, я буду платить тебѣ.

Дворникъ принялся за работу; въ первые дни онъ срывалъ полусгнившую обивку и работалъ съ рѣдкимъ прилежаніемъ. Но вдругъ онъ сталъ лѣниться и хотя хозяинъ не далъ ему еще ни одного су, онъ сталъ тратить много денегъ. Во-первыхъ, онъ купилъ новое платье себѣ и всей своей семьѣ; старые серебряные часы свои замѣнилъ золотыми, и подчивалъ встрѣчныхъ и поперечныхъ въ трактирахъ, которые онъ сталъ посѣщать.

Сосѣди терялись въ догадкахъ, не понимая причинъ столь внезапной перемѣны, происшедшей въ жизни бѣдняка.

— Не получилъ ли ты наслѣдства? спросилъ его одинъ изъ друзей, славно угощенный имъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ привратникъ, не получалъ и не получу никогда наслѣдства, хотя у меня богатые родственники; но нынче у родственниковъ нѣтъ никакого сострадания... и даже стѣны добрѣе ихъ!

— Что ты говоришь!

— Ладно, нечего толковать! Будемъ пить — оставимъ политику!

Онъ продолжалъ пить и вскорѣ до того воспламенился, что его не трудно было заставить проболтаться. Онъ сталъ хвастать, что нашелъ 27,000 франковъ золотомъ, за одной изъ стѣнъ, которыя ему поручили исправить.

Слухъ объ этой находкѣ быстро распространился и дошелъ до хозяина дома, который сталъ требовать у привратника возвращенія сокровища. Привратникъ сталъ отпираться; но такъ какъ онъ не могъ объяснить, откуда досталъ деньги, которыя тратилъ въ послѣднее время, то онъ выдумалъ другую отговорку.

— Правда, сказалъ онъ, я нашелъ кладъ, но не у васъ. Мнѣ дали чинить старую мебель, и въ секретномъ ящичкѣ я нашелъ нѣсколько свертковъ луидоровъ; я нашелъ ихъ, слѣдовательно, они принадлежатъ мнѣ.

— Несчастный! вскричалъ хозяинъ, ты не только не оправдываешься, но еще увеличиваешь свою вину, обвиняя себя въ преступленіи! Если бъ ты нашелъ кладъ у меня, то, по закону, тебѣ принадлежитъ половина; но ты не имѣешь рѣшительно никакого права на деньги, найденныя въ мебели, которую ты долженъ былъ возвратить въ томъ же видѣ, въ какомъ получилъ. Завладѣвъ ими, ты сдѣлалъ преступленіе, равное покражѣ!

Привратникъ испугался; онъ предложилъ хозяину подѣлиться, увѣряя сперва, что нашелъ только 4,000 франковъ, потомъ 10,000 и наконецъ 12,000. Остановившись на послѣдней суммѣ, онъ отдалъ половину ея хозяину.

Но впослѣдствіи послѣдній узналъ почти навѣрное, что найденная сумма была гораздо значительнѣе и готовился уже затѣять процессъ, когда явился новый хозяинъ деньгамъ.

То былъ старикъ, находившійся въ Бисетрской богадѣльнѣ. Этотъ человѣкъ ясно доказалъ, что старшій братъ его, священникъ одной изъ парижскихъ церквей, жилъ во время революціи въ квартирѣ, въ которой было найдено сокровище; что этотъ священникъ, обративъ въ началѣ 1793 года все свое имущество въ наличныя деньги, готовился уже удалиться за границу, когда былъ арестованъ, какъ человѣкъ подозрительный, и казненъ республиканцами 2 сентября того же года.

Процессъ завязался. Объ окончаніи его сообщимъ въ свое время.

=

Охота за носорогомъ. Странная охота за носорогомъ происходила недавно въ провинціи Уельсли, на западномъ берегу Малакскаго полуострова. Животное было замѣчено въ имѣніи Джави, на равнинѣ, заросшей кустарникомъ. Двѣсти человѣкъ Малайцевъ и Китайцевъ, вооруженныхъ заступами, дубинами и каменьями, немедленно окружили равнину. Владѣтель имѣнія, вооруженный ружьемъ, выступилъ впередъ и сталъ стрѣлять въ носорога всякій разъ, когда тотъ показывался изъ кустарника.

Наконецъ животное съ отчаянною рѣшимостью бросилось впередъ, чтобы вырваться изъ страшнаго круга; но лишь только оно вышло изъ кустарника, какъ одинъ изъ Китайцевъ ударилъ его заступомъ по затылку. Носорогъ обратился въ бѣгство, но нѣсколько выстрѣловъ повалили его наконецъ за-мертво.

Охотники немедленно наскочили на него и, не давъ опомниться, отрубили ему голову, которую поднесли въ подарокъ хозяину имѣнія.

По окончаніи этой церемоніи, Китайцы бросились на тѣло животнаго, стали пить струившуюся кровь его и вымазали себѣ ею все тѣло. Когда кровь перестала течь, животное разрѣзали на куски, отдѣлили мясо отъ костей и стали ѣсть сырое, съ большимъ аппетитомъ.

Китайцы воображаютъ, что кровь и мясо тигровъ и носороговъ обладаютъ скрытой силой, сообщающей нѣкоторыя качества тѣмъ, которые питаются ими.

ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Воздухочистительный приборъ. — Дыхательныя трубки.

Въ мѣстахъ многолюднаго помѣщенія, провѣтриваніе необходимо и производится помощію отворенія дверей, оконъ, форточекъ, отдушниковъ, особыхъ трубъ, хорошо-устроенныхъ печей, и т. п.; въ рудникахъ и копяхъ, помощію пробоевъ, буровыхъ скважинъ, отверстій въ шахтахъ и особыхъ воздухочиститeльныхъ приборовъ. Чѣмъ больше можетъ портиться внутренній воздухъ, тѣмъ тщательнѣе должно быть провѣтриваніе.

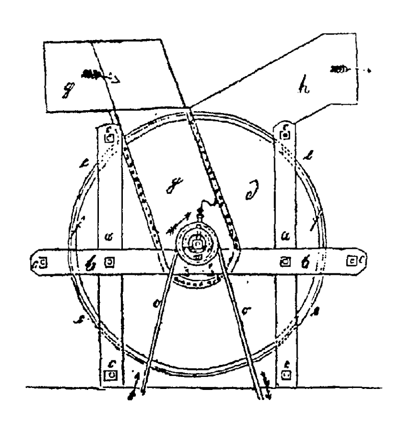
Въ рудникахъ и копяхъ, для удаленія духоты, употребляется особый приборъ, изобрѣтенный генераломъ Саблуковымъ и весьма похожій на приборъ Джона Дизеголіера. Приборъ этотъ состоитъ изъ круглаго жестяного ящика, въ которомъ обращаются взадъ и впередъ четыре крыла. Ящикъ этотъ имѣетъ два отверстія, соединяющіяся посредствомъ трубъ — одно съ испорченнымъ воздухомъ, другое съ наружною атмосферою. При дѣйствіи прибора, испорченный воздухъ привлекается сперва въ ящикъ, потомъ выгоняется наружу.

Вотъ описаніе прибора:

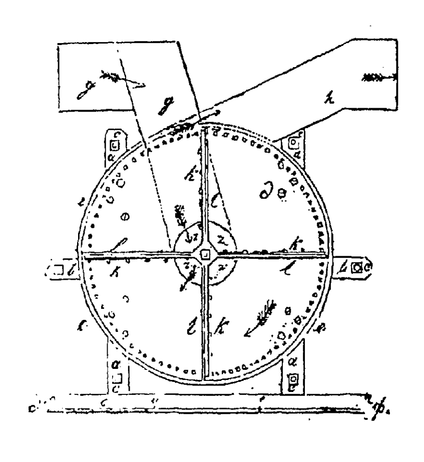
Фигура 1-я представляетъ приборъ съ боку; фиг. 2-я вертикальный разрѣзъ поперегъ оси; фиг. 3-я видъ съ короткой стороны, фиг. 4-я разрѣзъ по длинѣ оси. Части этого прибора: a, деревянныя стойки или ножки; b, поперечники; c, желѣзные винты для скрѣпленія ножекъ и поперечниковъ прибора; d, бока или стѣны оболочки изъ толстаго листоваго желѣза; e, окружная часть оболочки изъ тонкаго листоваго желѣза. f, деревянный ободокъ, къ коему привинчены оболочки и бока; g, воздухопроводная или втягивающая труба, раздѣленная на двое и приводящая воздухъ съ обѣихъ сторонъ стѣнокъ прибора къ центру; h, воздухо-выводная труба, соединенная съ оболочкою прибора: чрезъ нее вытѣсняется воздухъ; i, ось съ четырьмя радіусами или ручками k, и прикрѣпленными къ нимъ крыльями l. На концѣ этой оси мѣдный шкифъ m, который приводится въ быстрое вращательное движеніе помощію веревки o, соединенной съ маховымъ колесомъ; n, подшипники или лодыжка, въ конхъ вертится ось прибора; z, отверстія, соединяющія трубу g съ центромъ прибора. Если хотятъ изъ рудника вытянуть испорченный воздухъ, то приборъ устанавливается на поверхности земли, или и въ рудникѣ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ воздухъ еще хорошъ. Трубу g соединяютъ съ трубою, оканчивающеюся въ пространствѣ, наполненномъ испорченнымъ воздухомъ, который и долженъ течь по трубѣ въ приборъ. Ось a вмѣстѣ съ тѣмъ и крылья l, приводятся въ быстрое движеніе. Тогда, дѣйствіемъ центробѣжной силы, воздухъ въ приборѣ находящійся вытѣсняется вонъ по трубѣ h, въ центрѣ же прибора воздухъ разрѣжается, почему тотчасъ и замѣщается испорченнымъ воздухомъ, притекающимъ по трубѣ g, который опять, въ свою очередь, выгоняется крыльями изъ прибора. Такимъ образомъ, при обращеніи крыльевъ, безпрерывно воздухъ испорченный протекаетъ въ приборъ и вытѣсняется изъ него.

Дыхательныя трубки, употребляемыя обыкновенно въ рудникахъ и копяхъ, состоятъ изъ длинной кожаной кишки, которой одинъ конецъ прикрѣпленъ посредствомъ маски, къ носу или рту, а другой выводится, или въ подвижной пріемникъ, наполняемый воздухомъ, или наружу. Трубки эти полезны не только при подземныхъ работахъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно проникать въ мѣста, наполненныя удушливыми чадами, для поданія скорой помощи людямъ, находящихся уже въ обморокѣ.

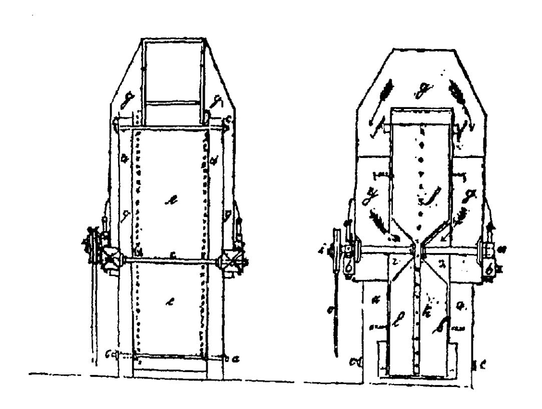
Кромѣ дыхательныхъ трубокъ, съ подобною цѣлію, употребляется болѣе простое, но также полезное средство именно: подвязываютъ ко рту



и носу холщевые мѣшечки (подушки), наполненные смѣсью изъ равныхъ частей сухой гашеной извести и сѣрнокислой соды; смѣсь эта всасы-



ваетъ удушливые часы съ такою жадностію, что дыша сквозь нее, можно безъ всякаго опасенія и довольно долго пробыть въ самой убійственной атмосферѣ.

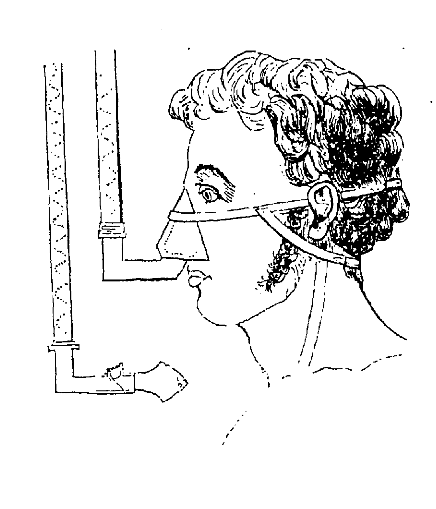


Какъ въ подобныхъ пространствахъ, гаснутъ свѣчи, лампы, факелы, то, для освѣщенія предметовъ полезно дѣлать особыя свѣтильни, напитываемыя Бертоллетовою солью т. е. хлоровато-кислымъ каліемъ.

Свѣтильни эти горятъ не только во всякомъ удушливомъ воздухѣ, но даже, нѣкоторое время, въ самой водѣ, и зажигаются однимъ сильнымъ выдергиваніемъ изъ ящичковъ, въ которые вправляются. Толщиною въ куриное перо, и аршина въ четыре длиною, свѣтильни эти горятъ до трехъ минутъ и болѣе.

Вотъ описаніе дыхательныхъ трубокъ:

Фигура 1. Маска (искуственный носъ), поддерживаемая тесьмою, и придѣланная къ дыхательной трубкѣ.



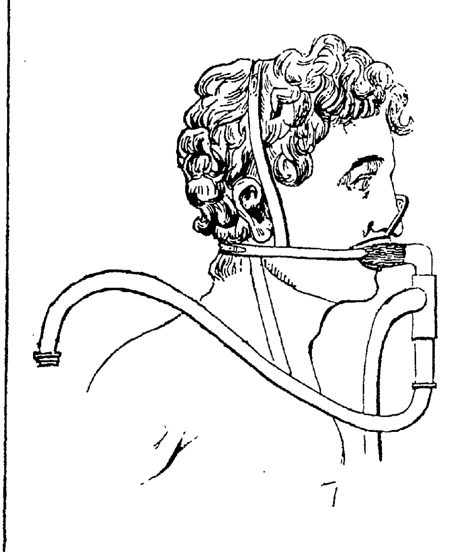
Фиг. 2 и 3. Мундштукъ или наустникъ, соединенный съ маленькою клапонною трубкою, и изображенный въ планѣ съ боку.

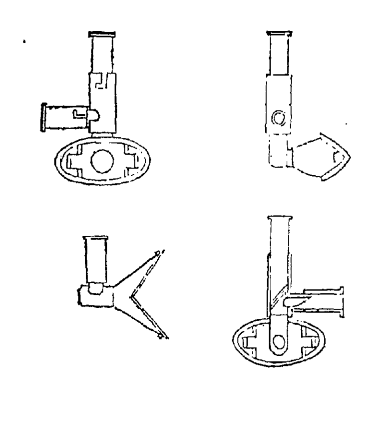
Фиг. 4. Разрѣзъ того же мундштука; но къ коему придѣлана трубочка въ видѣ птичьяго клева, вставляемаго въ ротъ и сжимаемая плотно губами.

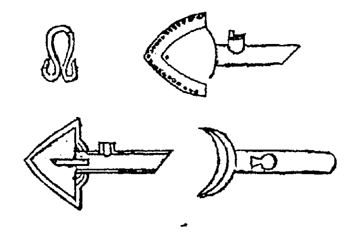
Фиг. 5. Мундштукъ, съ клапанами и съ двумя гибкими трубками для вдыханія и выдыханія воздуха.

Фиг. 6. a) Планъ этого мундштука съ верху; b) наружный видъ мундшука и разрѣзъ клапонныхъ трубокъ; c) внутренній видъ мундштука и d) боковый видъ мундштука.

Фиг. 7. Пружинка, сжимающая носъ и препятствующая дыханію чрезъ ноздри.







Фиг. 8. Мундштукъ снабженный двумя клапонами на шарнирахъ, и длинною гибкою трубкою, бывающею всегда отверстою на свободномъ воздухѣ.

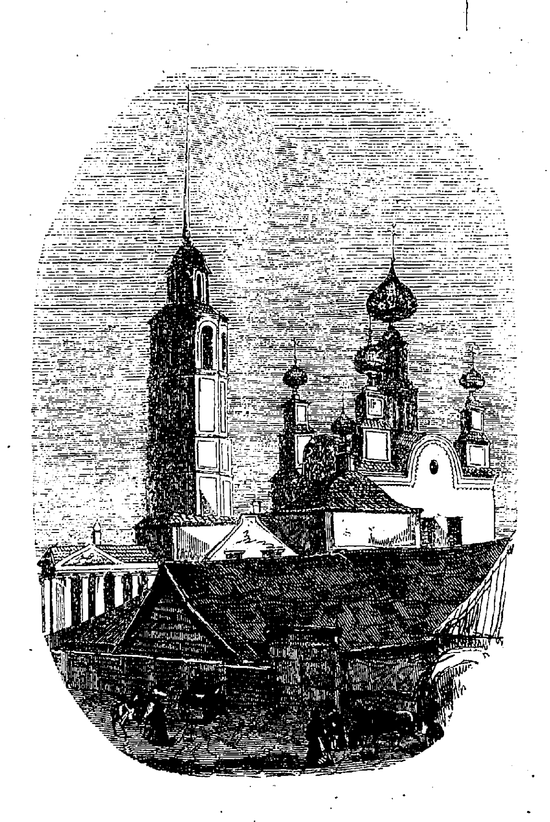
П. Шкцъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

12) Voyage Scientifique и проч.) *Ученое путешествіе на Восточный Алтай и въ страны, прилежащія къ Китайской границѣ, совершенное повелѣніемъ Его Величества Императора Всероссійскаго, Петромъ Чихачевымъ. Парижъ.* 1845.

13) The Geology of Russia in Europe и проч.) *Геологія Европейской Россіи и Уральскихъ горъ, составл. Родригомъ Мурчисономъ, Эд. де Вернейлемъ и графомъ А. Кайзерлингомъ. Два тома. Лондонъ и Парижъ* 1845.

Мы уже упомянули, и не разъ, о прекрасномъ трудѣ П. А. Чихачева, возбудившемъ живѣйшее вниманіе въ ученомъ мірѣ. Объ этомъ сочиненіи, мы встрѣтили менѣе болѣе отчетливыя критическія статьи въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ: Comptes Rendus hebdomadaires des seances de l'Academie des Sciences, Journal des Débats, Augsburger Zeitung, Preussische Staatszeitung, la France, и Revue de deux Mondes. Въ послѣднемъ была помѣщена про-



Соборный храмъ въ Кунгурѣ.

странная и весьма любопытная статья г. Катрфажа. Не знаемъ, что писано объ этомъ путешествіи въ другихъ современныхъ изданіяхъ и у насъ; но вѣроятно ни одинъ, сколько нибудь порядочный журналъ не оставилъ этого труда безъ вниманія. Мы увѣдомили о немъ, тотчасъ, какъ только онъ прошелъ карантинъ французской академіи; съ тѣхъ поръ мы успѣли ближе познакомиться съ превосходнымъ произведеніемъ нашего соотечественника, но признаемся, обширность и важность книги обращаетъ это знакомство въ трудъ продолжительный, хотя и пріятный.

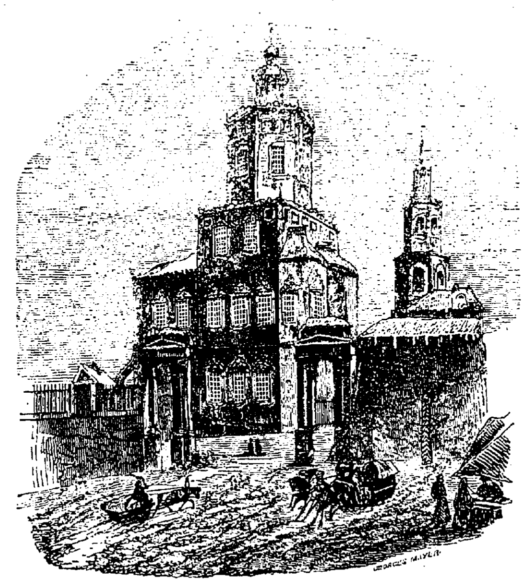
Иллюстрація не может войти въ подробный ученый разборъ труда спеціальнаго, тѣмъ болѣе, что достоинства книги г. Чихачева въ этомъ отношеніи опредѣлены экспертами къ чести и славѣ автора и его Отечества; но каждый спроситъ, что же въ этой книгѣ такого, что она надѣлала столько шума въ Европѣ. Безъ всякаго сомнѣнія — новость предмета и увлекательное хотя и отчетливое изложеніе.

П. А. Чихачевъ спѣшилъ застать Алтайскую природу при самомъ ея пробужденіи, и потому быстро проѣхалъ Европейскую Россію; но и этотъ быстрый переѣздъ не пропалъ даромъ. Отъ наблюдательности путешественника и тутъ сохранилось нѣсколько занимательныхъ замѣтокъ о Волгѣ, Казани, Ваткѣ, Перми, гдѣ уже почва измѣняетъ свою однообразную физіономію; городокъ Кунгуръ уже раскинутъ на живописномъ мѣстоположеніи; миновавъ Екатеринбургъ, и другія мѣста западной Сибири г. Чихачевъ пріѣхалъ въ Бійскъ. Съ этого пункта, такъ сказать, начинается ученое путешествіе г. Чихачева; тутъ уже на каждой точкѣ онъ дѣлаетъ геологическія, метеорологическія, палеонтологическія указанія, не забывая и нравовъ туземцевъ. Живописно разсказаны чудеса тамошней природы, теченіе Катуньи, Куруты и другихъ источниковъ. Съ переходомъ черезъ Катунью, міръ измѣняется; племена живущія имѣютъ рѣшительно Китайскія черты лица; кажется, что волшебствомъ попалъ путешественникъ въ Небесную Имперію. При всемъ томъ, это не Манджурцы, не Китайцы, нѣтъ, тѣже Калмыки, но ихъ измѣнила сама природа, которая здѣсь представляетъ также много живописныхъ видовъ и много опасностей; въ гравюрѣ будутъ понятнѣе трудности переѣзда въ одномъ мѣстѣ надъ потокомъ или, пожалуй, рѣкой: Чуя.

Эта рѣка обставлена великолѣпно-красивыми горами, по коимъ путешествіе имѣетъ сходство съ восхожденіемъ на Везувій. Но не думайте, что въ этихъ заповѣдныхъ лѣсахъ нѣтъ во все жителей. За р. Чуей есть жилища, которыя называются Русскими избами; онѣ построены Бійскими купцами, которые тутъ производятъ мѣновой торгъ съ Китайцами, находящимися недалеко отсюда на передовыхъ постахъ. Путешественникъ свелъ знакомство съ тамошними Зайсами, угощалъ ихъ краснымъ сукномъ и водкой, но къ сожалѣнію въ ученомъ отношеніи Зайсаны не могли оказать г. Чихачеву никакой помощи; даже сообщить какія либо положительныя извѣстія о источникахъ Чуи и Чулышмана. Путешественникъ довѣрился компасу и своей путеводной звѣздѣ, запасся всѣмъ нужнымъ для продолжительнаго путешествія и отправился въ неизвѣстную землю. По Чулышману, Чульгѣ и Улуудуку, онъ встрѣтилъ горы странныхъ формацій, которыя всѣ описаны съ подробностію, но страннѣе всего показались намъ песочные бугры на Улуудукѣ имѣющіе довольно правильный видъ конусовъ, покрытыхъ каменными шапками. Любопытно было бы знать какими силами природы образовалось это странное явленіе, какъ удержались эти плиты на тонкихъ вершинахъ бугровъ; неужели должно полагать, что ихъ головы покрыла каменями человѣческая рука отъ скуки, отъ нечего дѣлать?

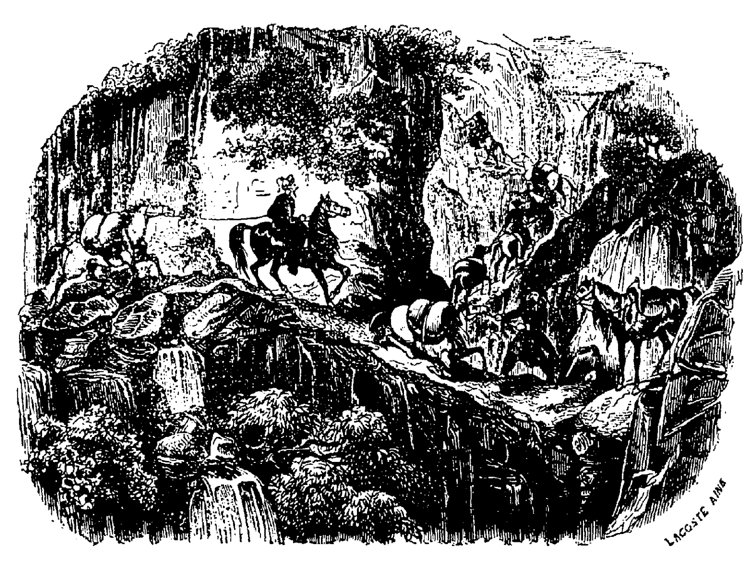
Палласъ и Гмелинъ посѣщали Абаканскія воды, но держали путь по Енисею, и такимъ образомъ входили въ устьѣ Абакана; П. А. Чихачевъ рѣшился отъискать абаканскій форпостъ и безъ проводниковъ продолжалъ свой опасный путь. Съ помощію старика охотника, путешественникъ сошли въ долину Алаха, совершенно неизвѣстную для географовъ и геологовъ. Г. Чихачевъ, пробывъ въ долинѣ пять дней, имѣлъ время начертать орографическую ея карту и войти въ ученое разсмотрѣніе почвы. Въ долинѣ этой обитаетъ племя, которое къ Енисею, по близости отъ границъ нашихъ, извѣстно между Русскими подъ именемъ Сойоновъ или Саянцевъ. Конечно отъ этого имени и горы, неопредѣлительно означенныя на нашихъ картахъ, названы Саянскими горами. Типъ Сойоновъ долины Алаха съ небольшою разностію тотъ же, что и типъ вообще Алтайскихъ Калмыковъ. Сойоны Алашскіе раздѣляются на два рода; одни состоятъ подъ общимъ управленіемъ Небесной Имперіи, другіе принадлежатъ Байзану Ургіиману, великому васалу Китая. Идолослуженіе у Сойоновъ тоже, что и у Калмыковъ, только съ большею примѣсью шаманства. Они знаютъ что въ свѣтѣ только и есть два народа: Китайцы и Русскіе, которыхъ они называютъ Урусами. Жители долины преимущественно занимаются разведеніемъ овецъ; лошади здѣсь весьма рѣдки, а ѣздятъ, на чемъ бы выдумали? На быкахъ, которыхъ сѣдлаютъ и взнуздываютъ; но вмѣсто мундштука, употребляютъ кольцо, которое вдѣвается въ ноздри животнаго. Быки алашскіе не велики, бѣгаютъ проворно, и довольно хорошо исполняютъ свою службу, но надо имѣть къ этой ѣздѣ большую снаровку.

Два раза надо было перейти Саянскія горы и Китайскую границу, чтобы найти Абаканскій Ка-



Соборный храмъ въ Казани.

Видъ на большой Улегомѣ.



Переѣздъ на р. Чуѣ.

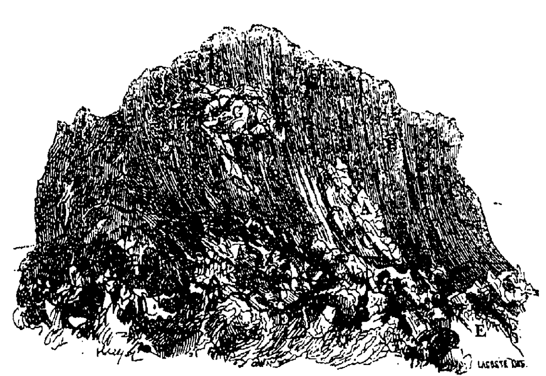
запній форпостъ. Появленіе каравана въ 84 лошади и Русскихъ естественно произвело волненіе между Казаками, но гораздо болѣе удивленія и такъ сказать испуга оказалось между Алтайскими Калмыками, сопровождавшими г. Чихачева. Что это такое? Что за строенія? Ихъ увѣрили, что наши избы неподвижныя юрты; это удовлетворило ихъ любопытство въ половину. Полагая, что всѣ окна — входы въ эти юрты, они полезли въ избы и опрокидывались на полъ. Не ловко, думали они, и новые предметы увлекали ихъ вниманіе. Они садились на столахъ и стульяхъ, безъ различія. Больше всего занимали ихъ печи; они лезли въ печки, чтобы разсмотрѣть внутреннее устройство; водку они очень хорошо понимали и поглощали, но свѣжій хлѣбъ возбуждалъ ихъ удивленіе; они ни какъ не хотѣли вѣрить, что сухари слѣланы изъ хлѣба и ныли его, что было силы. Замѣчательно что, и путешественники отъ употребленія мягкаго хлѣба чувствовали себя не со всѣмъ хорошо. Ихъ утѣшала возможность отдохнуть нѣсколько времени подъ человѣческимъ кровомъ; напротивъ того Калмыки не раздѣляли ихъ мнѣнія; тѣсно, душно; сначала было они хотѣли по срединѣ избы разложить огонь и употребить для того Казацкую мебель и деревянную рухлядь; но тѣснота спасла убранство избъ; Калмыки заночевали въ долинѣ, около большаго огня, подъ открытымъ небомъ.

Видъ горъ надъ р. Чуей.

По обслѣдованіи окрестностей абаканскаго форпоста, караванъ раздѣлился; часть отправлена водою, а г. Чихачевъ съ спутниками сухимъ путемъ достигъ деревни Монока, окруженной горами странно-правильной формаціи.

Отсюда путешествіе г. Чихачева продолжалось по странамъ нашей Европейской Сибири, въ которыхъ люди бывали и которыя менѣе или болѣе извѣстны, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ; при всемъ томъ нельзя не согласиться, что и эта часть не только въ геологическомъ и палеонтологическомъ, но и въ топографическомъ отношеніяхъ обилуетъ весьма важными и любопытными подробностями, какъ на счетъ мѣстности, такъ и на счетъ народовъ, тамъ обитающихъ и важнѣйшихъ промысловъ Сибирскаго края. Прочитавъ первую часть путешествія г. Чихачева, кажется, что только что прервался продолжительный, блестательный сонъ, въ которомъ вы летали тамъ, гдѣ рѣдкому смертному удалось быть, и то случайно. Судьбы Россіи принимаютъ гигантскіе образы; природа между Китаемъ и Россіей положила естественную границу; состороны Абакана и географія провела бѣлую полосу, которою разграничила двѣ имперіи; но невозможно, чтобы въ сто, двѣсти лѣтъ дѣвственное величіе Алтая не пало передъ молотомъ или корыстнымъ заступомъ промышленника; торговые и промысловые пути не легли на темени этихъ горъ или не проползли долинами и ущельями. Безмѣрныя эти надежды подтверждаются ходомъ настоящей промышленной дѣятельности Россіи; взглянуть на этотъ край даже чужими глазами въ высшей степени занимательно и потому нельзя не пожалѣть, что путешествіе г. Чихачева хотя въ извлеченіи, не переведено на Русскій языкъ. По роскоши изданія оно доступно не многимъ. Великолѣпный томъ въ двухъ частяхъ, in IV magn., отпечатанъ на лучшей парижской бумагѣ и украшенъ гравюрами на деревѣ въ текстѣ; сверхъ того приложено не малое число литографій, исполненныхъ въ Парижѣ по рисункамъ Егора Егоровича Мейера и превосходныя карты, которыми справедливо восхищалось все сословіе ученыхъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ г. Чихачевъ во всѣхъ отношеніяхъ, подарилъ ученому міру и всякому любознательному читателю превосходное творенiе; Россія для насъ сдѣлалась теперь больше, обширнѣе, потому что неизвѣстныя страны, гдѣ никто не бывалъ, которыя существовали въ наукѣ какъ мечты ученой догадливости, обратились въ существенность. Въ этомъ лѣсу горъ проложена дорога, которая дѣлаетъ доступными такъ сказать тайныя владѣнія Россіи, возбуждающей болѣе и болѣе внимательность цѣлой Европы. Мы сравниваемъ подобныя путешествія съ военными экспедиціями, въ которыхъ горсть опытныхъ воиновъ вѣнчается рядомъ побѣдъ надъ непріятелемъ, который считался непобѣдимымъ. Алтайская побѣда нашего соотечественника блестательна. Мы еще такого мнѣнія, что въ наше время, у насъ, она недовольно хорошо оцѣнена и понята. Но мы — Русскіе; мы неизвѣстно почему и чѣмъ такъ избалованы, что каждый изъ насъ, если говоритъ о путешествіи, смотритъ въ Палласы, въ Гумбольты, и какъ ему не говорить такъ, когда онъ на пароходахъ и паровозахъ объѣхалъ всю Европу въ четыре лѣтніе мѣсяца. Въ массѣ мы видимъ тому ежедневные примѣры и не чувствуемъ ни состраданія ни сожалѣнія къ этимъ резонерамъ, безполезнымъ, непрошеннымъ патріотамъ Англіи и Франціи. Съ упрекомъ смотрѣли мы на французскую одежду творенія г. Чихачева, но когда поразсудили, то согласились, что онъ весьма искусно оградилъ себя судомъ Европейскаго ученаго міра отъ хулы и умствованій нашихъ толковниковъ, которые глядятъ чужими глазами, думаютъ по чужимъ тетрадкамъ. Слухъ о путешествіи г. Чихачева ходитъ по-крайней-мѣрѣ тамъ и сямъ, а если бы это путешествіе было издано по Русски, то вѣроятно батареи нашихъ журналовъ произвели бы по немъ дружный залпъ и оно бы укрылось отъ тяжкой извѣстности въ библіотекѣ для

Китайскія Зайсаны.



Гора Камая на Чульчѣ.

чтенія А. Ф. Смирдина, гдѣ только теперь и можно еще находить важнѣйшія Русскія книги. Въ нашей литературѣ въ лицахъ разыгрывается комедія Школа Злословія. Да и къ чему намъ хорошія изданія; кто ихъ купитъ, кто къ нимъ пріохотитъ читающую публику; у насъ расхвалятъ какую нибудь карманную библіотеку романовъ, читающая публика накупила себѣ на первыхъ порахъ этихъ книжонокъ по четвертаку; за вторыми томиками неприходитъ; публика невиновата, а между тѣмъ это, дѣйствуя въ подрывъ всякаго довѣрія, дѣлаетъ изданіе важной книги совершенно невозможнымъ. Не очень еще давно у насъ издавались превосходныя путешествія на Русскомъ языкѣ и раскупались; а теперь надо изобрѣтать романтическую форму, чтобы заставить читать этого рода книги. Первая книга Странствователя по сушѣ и морямъ, благодаря только формѣ, имѣла успѣхъ; послѣдующія книги лучше первой повнутреннему достоинству, написаны тѣмъ же увлекательнымъ перомъ, но онѣ въ формѣ своей ближе подходятъ къ обыкновеннымъ путешествіямъ и въ успѣхѣ далеко отстали отъ первой. О Русь! О Rus! Романишки, повѣстушки — и то раздробленные въ фельетонные пріемы; вотъ мы что любимъ, потому что это любятъ и во Франціи. Но во Франціи каждую ложку романической микстуры можно закусить томомъ исторической или ученой книги по какой хотите наукѣ. Чтобы прочесть, что либо дѣльное о Россіи, надо и за этимъ, какъ за сукномъ и сигарками, обращаться къ иностранцамъ. Въ истекающемъ 1845 году вышла въ свѣтъ отпечатанная въ Лондонѣ и Парижѣ великолѣпная книга, коей заглавіе у насъ выписано подъ N 13. Библіографіи. Это плодъ путешествія и учености трехъ лицъ, принадлежащихъ тремъ націямъ. Г. Мурчисонъ, предсѣдатель Геологическаго общества, г. Вернейль, вице-президентъ Французскаго геологическаго общества, и Двора Его Величества Императора Всероссійскаго камеръ-юнкеръ графъ Кайзерлингъ, въ 1840 и 1841 годахъ совершили путешествіе по Россіи; разъѣзжались для того, чтобы дать болѣе объема своимъ наблюденіямъ и съѣзжались въ извѣстное время, чтобы сообщить другъ другу свои наблюденія и воспользоваться взаимными совѣтами. Оба тома занимаются исключительно Геологіей и Палеонтологіей Россіи и Уральскихъ горъ, ровно до тѣхъ предѣловъ, откуда начинается подробное изложеніе наблюденій г. Чихачева; такимъ образомъ если выйдетъ еще въ этомъ году путешествіе г. Миттендорфа, то мы въ одномъ году получимъ весьма полное Геологическое и Палеонтологическое описаніе всей Россіи. Первый томъ сего изданія написанъ по Англійски, второй по Французски; къ первому тому приложены сравнительные чертежи расположенія слоевъ въ разныхъ почвахъ и карта Урала съ означеніемъ гдѣ проходятъ золотая руда. Сверхъ того первый томъ украшенъ не малымъ числомъ великолѣпныхъ литографій, изображающихъ важнѣйшіе виды на Уралѣ. Ко второму тому приложенъ цѣлый атласъ литографій представляющихъ всѣ замѣчательнѣйшія молюски и растѣнія открытыя путешественниками. Это важное твореніе во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ подробнаго разбора — и перевода... Нѣтъ, послѣднее излишне, потому что... но мы уже изложили объ этомъ предметѣ наше мнѣніе.

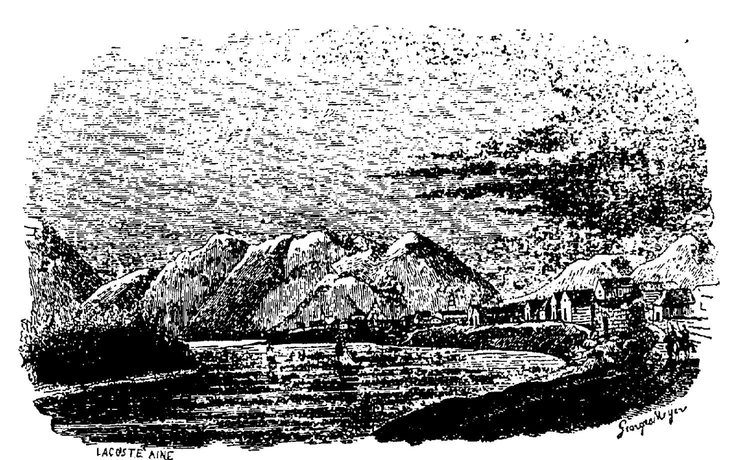
Видъ песочныхъ бугровъ на Улуудукѣ.

Сойоны.

Сойоны, ѣдущіе на охоту.

14) *Болгарскія грамоты, собранныя, переведенныя на Русскій языкъ и объясненныя Василіемъ Априловымъ, Одесса 1845.*

Славянофилы — это особенное племя Всероссійской Имперіи, которое всякое дерево, существующее въ природѣ признаетъ березой; каждое питье — называетъ квасомъ, каждую похлебку — щами; изъ всякаго зерна дѣлаетъ гречневую крутую кашу. Племя это обитаетъ въ области, предѣлы коей опредѣлить трудно; эта область существуетъ на воздухѣ, потому что Славонія есть нѣчто воображаемое, неуловимое, сѣверное сіяніе, которое видно даже въ Турской землѣ. Кто не знаетъ, кто споритъ, что Болгаре того же словянскаго происхожденія, что и мы Русскіе; кто не знаетъ, кто споритъ, что Англы Германскаго племени... Такъ что же? Ничего. Болгаре Словяне, Англы — Германцы. Вотъ и все тутъ. Но изъ этого оное племя Славянофиловъ составило цѣлую Библіотеку разысканій и разсужденій — для удовольствія обитателей воздушной области. Кто не знаетъ, кто споритъ, что каждый лоскутокъ принадлежащій прошедшему довольно отдаленному времени есть лоскутокъ живой всемірной Исторіи; кто не знаетъ, кто споритъ что открыть его — заслуга, перевести вторая, издать третія заслуга, но — всѣ эти заслуги тѣмъ и ограничиваются; мы благодарны за изданіе Болгарскихъ грамотъ и прочли ихъ не безъ усилія, какъ обыкновенно читаются отрывки изъ какихъ то поэмъ, но намъ показалось страннымъ предисловіе, въ которомъ сказано, что Болгарскія грамоты составляютъ одно изъ главныхъ желаній Словянофиловъ, а еще больше страннымъ показалось изрѣченіе: первый, появившій требованія Европейскаго Гуманизма былъ и проч... Горе! горе, если гуманизмъ зашелъ уже въ Одессу. Конечно онъ еще не гуманность, а только гуманизмъ, онъ еще не вросъ въ эту дебелую и непонятную форму, которая хороша для знатока Германской Философіи, но

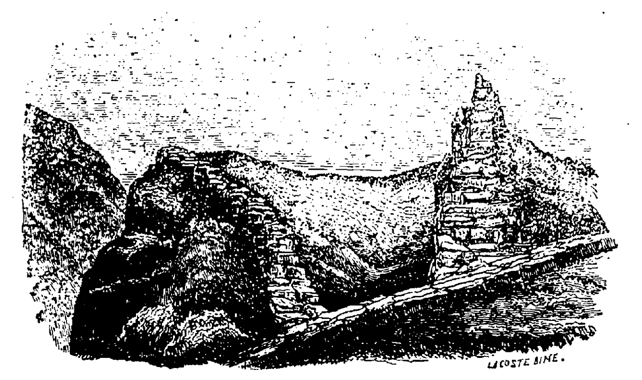


Абаканскій Форпостъ.

полезна ему только въ ученыхъ упражненіяхъ какъ алгебраическая формула, а употребленіе этихъ формъ современной Схоластики обнаруживаетъ Педантизмъ. Выразимся и мы на ученый маперъ и въ нашемъ выраженіи будетъ заключаться вѣковой афоризмъ. Этотъ афоризмъ гласитъ: Исторія — Космополитъ.

Самыя грамоты весьма интересны. Первая заключаетъ лѣтопись аѳонскаго зографскаго монастыря отъ начала до 1371 года; затѣмъ идутъ три грамоты и одинъ трактатъ, занимательные по частностямъ, собственно до Болгарской Исторіи относящиеся. Исторія Космополитъ. Для нея драгоцѣнны извѣстія, къ какому бы народу они ни относились. Исторія — Космополитъ.

=



Гора на р. Арбатѣ близъ Абакана.

15) *Стихотворенія Александръ Струговщикова, заимствованныя изъ Гете и Шиллера. Книга 1-я С. Петербургъ 1845.*

Это добрые и зрѣлые плоды чистой любви къ искуству, безъ мзды и соблазновъ славы; почтенный переводчикъ, читая Шиллера и Гете, невольно затаивалъ въ душѣ своей ихъ высокіе помыслы, носилъ ихъ въ себѣ, какъ родныя мысли и чувства и въ сладостныя мгновенія поэтическаго уединенія, когда читанное или слышанное развертывается непрерывнымъ писаніемъ памяти предъ нашимъ воображеніемъ, стихъ невольно обвивался вокругъ любимѣйшихъ образовъ и думъ и облекалъ ихъ въ художественную вторичную форму. Въ древнія времена когда знаніе нѣмецкаго языка не было такъ распространено какъ нынѣ, подобныя переводы были бы изданы безъ указанія источниковъ, переводчика возвели бы въ званіе дѣйствительнаго самобытнаго писателя, доставили бы ему славу и уваженіе. Неужели въ наше время переводчикъ уже не заслуживаетъ всѣхъ тѣхъ же почестей за то только, что онъ не скрылъ источниковъ своего вдохновенія? Нѣтъ. Мы отдаемъ полную справедливость переводамъ поэтическимъ подобнаго рода; уважаемъ ихъ гораздо болѣе, нежели собственно такъ называемые переводы стиховные, въ которыхъ русское слово стоитъ противъ нѣмецкаго, но по нѣмецки понятно, а по русски смысла нѣтъ. Любители поэзіи Шиллера и Гете конечно прочтутъ этотъ милой томикъ съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ нами порадуются, что г. Струговщиковъ приготовилъ къ печати томъ такихъ же прекрасныхъ статей въ прозѣ. Мы знаемъ статьи и несчитаемъ нескромностью подѣлиться этимъ извѣстіемъ съ читателями. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: 1) Признаніе прекрасной души небольшой романъ. 2) Боги, Герои и Виландъ. 3) Описаніе петергофскихъ картинъ и 4) Случай изъ жизни Гете. Во времена оны эти статьи составили бы славу велію, самобытную любаго Прозаика.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

=

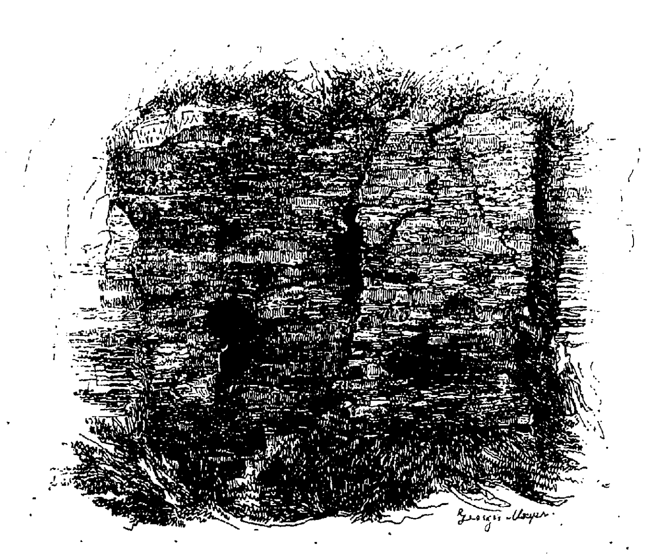
На этотъ разъ позвольте начать не съ Петербурга. У насъ случилось только одно важное происшествіе; и совершилось такъ благополучно, счастливо, весело, пріятно, хотя всѣ предшествовавшія обстоятельства не предвѣщали добраго. Но такъ устроено все въ природѣ; ждешь ясныхъ дней, а васъ лѣтомъ будто на Алтаѣ занесетъ снѣгомъ; соберутся черныя тучи; далече сверкаетъ молнія, громъ катается въ гармоническихъ переливахъ, ждешь грозы и ливня, а между тѣмъ пробѣжитъ дуга радости, которая изъ этихъ двухъ словъ сократилась въ благовѣстную радугу. Это важное событіе есть не что иное, какъ то, что мы называемъ: Нева стала. Хотя и не граматически, но весьма выразительно. Но важность событія заключается не въ томъ, что ледъ слился въ плотную и недвижную кору; это съ нимъ случается каждый годъ. А въ томъ, что послѣ ровной, гнилой погоды, похожей на Ломбардскую зиму, пришелъ морозъ, въ одинъ день затянулъ Неву, въ одну ночь закрѣпилъ ледъ, и на другой день уже потащились мостки. Въ понедѣльникъ къ вечеру возстановилось сообщеніе, такъ что Васильевскій островъ, съ Петербургомъ не былъ въ разлукѣ и двухъ сутокъ. — Кромѣ этого важнаго событія кажется на этой недѣлѣ ничего больше не случилось; но можетъ быть еще случится, пока мы доведемъ нашъ Еженедѣльникъ до окончанія. А пока мы взглянемъ на Москву. Наша корреспонденція съ Москвою до нынѣ какъ то не была удачна; почему, право незнаемъ. У бѣлокаменной свои привычки, отъ которыхъ она отстаетъ неохотно, забывая о томъ, что Иллюстрація во все не желаетъ быть Петербургскимъ изданіемъ, а Русскимъ, даже Россійскимъ въ томъ значеніи, какъ толковали нѣкогда различіе между Русью и Россіей. Москва во многихъ отношеніяхъ заслуживала и заслуживаетъ подражанія. И вотъ между прочимъ одинъ изъ многочисленныхъ тому примѣровъ; передъ нами небольшая брошюра подъ заглавіемъ *о воскресномъ обученіи на фабрикахъ въ Москвѣ.*

Деревня Монокъ.

Потокъ Бирикулъ.

Авторъ говоритъ: *Правительство* учредило Воскресныя Школы для малолѣтныхъ фабричныхъ и ремесленниковъ при Московскихъ рисовальныхъ школахъ предложило фабрикантамъ приступить къ заведенію такихъ же школъ при фабрикахъ своихъ, опредѣлило продолженіе времени рабочихъ часовъ, запретило малолѣтныхъ употреблять въ изнурительныя работы и въ ночныя смѣны, назначило содержать при фабрикахъ отдѣльныя помѣщенія для мужескаго и женскаго пола и малолѣтнихъ рабочихъ и наблюдать за чистотою воздуха въ мастерскихъ, за трезвостію рабочихъ, за употребленіемъ въ артеляхъ свѣжей и добротной пищи, а также имѣть отдѣльные покои для помѣщенія заболѣвающихъ и лекаря для наблюденія за состояніемъ здоровья фабричныхъ рабочихъ.

Такія благодѣтельныя попеченія *Правительства* не могли остаться безъ сочувствія фа-



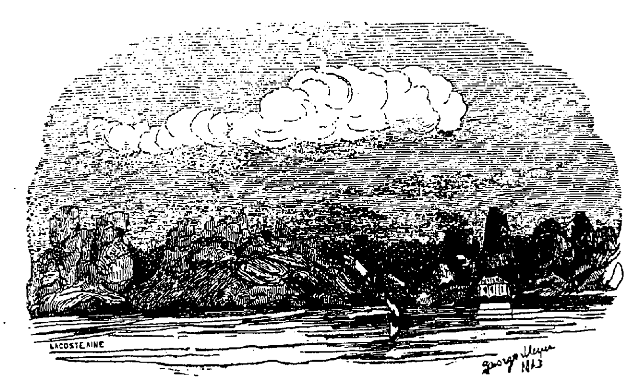
Формація горы на Енисеѣ.

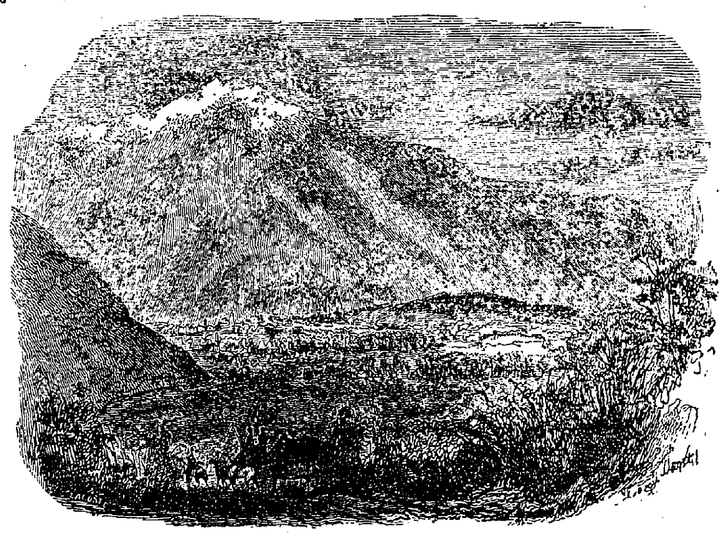
брикантовъ — патріотовъ! И тогда какъ въ западной Европѣ все еще идутъ толки объ улучшеніи участи рабочаго класса, и ни при одной еще фабрикѣ, сколько намъ извѣстно, ни въ Англіи, ни во Франціи, нѣтъ еще школы содержимой, на счетъ хозяина, у насъ эта часть общественнаго необходимаго благоустройства находится уже, относительно къ современному ея положенію, въ полномъ развитіи, и, не считая другихъ мѣстъ, въ одной Москвѣ находится болѣе двадцати частныхъ фабричныхъ школъ, содержимыхъ на счетъ хозяевъ фабрикъ, съ весьма значительными у нѣкоторыхъ съ ихъ стороны ежегодными денежными пожертвованіями.

Первые учредители частныхъ школъ при фабрикахъ были столь извѣстные поборники всего полезнаго, братья Тимофей и Константинъ Прохоровы, 1-й гильдіи московскіе купцы, мануфактуръ совѣтники и почетные граждане, которыхъ плисовыя набивныя издѣлія пріобрѣли значительный сбытъ, не только въ Россіи, но и въ Китаѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Италіи. Но съ половины 1843 года, при опредѣленіи единства нравственной цѣли и средствъ достиженія, началось собственно то развитіе школъ, до котораго онѣ теперь достигли и которое все болѣе и болѣе распространяется. Тогда, движимые отеческими попеченіями и заботливостію объ участи ввѣренныхъ имъ судьбою малолѣтныхъ, и соревнуя въ благодѣяніяхъ, московскіе фабриканты, мануфактуръ совѣтники Гучьковы и 1-й гильдіи московскіе купцы, дядя съ племянниками, Михаилъ, Ѳедоръ и Григорій Котовы, Новиковъ, столь извѣстный введеніемъ машиннаго тканья и прочностью при дешевизнѣ своихъ шерстяныхъ издѣлій, Моживскій, Щаповъ, Курдюковъ, Титовъ, Герасимовъ, Устиновъ, Алексѣевъ, Молчановъ и Каменскій, приступили къ учрежденію школъ и за ними послѣдовали, показавъ благородный и великодушный примѣръ споспѣшествованія общественной пользѣ, извѣстные московскіе фабриканты изъ иностранцевъ: Рошфоръ, Финкъ, Э. Кеннанъ, Музель, Остеридъ, Бернгардъ и Штейнбахъ.

Въ учрежденныхъ частныхъ фабричныхъ школахъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кромѣ высокоторжественныхъ, послѣ божественной литургіи, обученіе продолжается до трехъ часовъ; преподаются: Законъ Божій, четыре правила ариѳметики, чтеніе, письмо и церковное пѣніе. — Сверхъ того, независимо отъ праздничнаго обученія у Тимофея и Константина Прохоровыхъ, ученіе бываетъ ежедневно означеннымъ предметамъ и рисованью техническому; у Гучьковыхъ, кромѣ воскресныхъ дней, для мѣщанскихъ сиротъ, находящихся подъ ихъ особеннымъ попечительствомъ, ученіе бываетъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ; у Герасимова техническому рисованью обучаются ежедневно. — Способъ преподаванія означенныхъ предметовъ вводится по методѣ московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, которая, требуя постояннаго вниманія учениковъ и безпрерывно повѣряя его, имѣетъ самое благопріятное дѣйствіе на умственное развитіе, а потому и обученіе идетъ быстро и основательно.

Для малолѣтныхъ рабочихъ имѣются при фабрикахъ особыя спальныя помѣщенія и классныя комнаты; при нѣкоторыхъ же фабрикахъ малолѣтные помѣщаются въ отдѣльныхъ, удобныхъ, нарочно для нихъ устроенныхъ, зданіяхъ. Въ Преображенскомъ, у гг. Котовыхъ, Михаилы, Ѳедоровича, Григорія и Ѳедора Николаевичей, малолѣтные помѣщаются въ выстроенномъ собственно для нихъ, изъ прочнаго сухаго лѣсу, на каменномъ фундаментѣ, домѣ, въ два этажа, длиною 8, глубиною 6 и вышиною 4 сажени. Нижній этажъ занимаютъ классы, столовая и кухня, въ верхнемъ этажѣ устроены спальни на 70 мальчиковъ; отопленіе дома и очищеніе воздуха производится посредствомъ воздухонагрѣвательной печи, проэктированной гражданскимъ инженеромъ Ренчеромъ; чистота наблюдается примѣрная; устройство вообще до того прекрасно, что должно служить образцомъ для подобнаго роду заведеній. Число учащихся состоитъ изъ 70 мальчиковъ, которые ежедневно получаютъ въ обѣдъ и ужинъ весьма здоровую и вкусную пищу, собственно для нихъ приготовляемую; одежда ихъ весьма опрятная, по одному образцу; надзоръ за ними порученъ особому прикащику и тремъ его помощникамъ изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ военнаго званія.


Колыванское озеро.

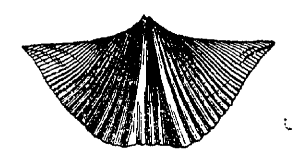

Заводъ Рыдерскъ.

Киргизскій купецъ въ юртѣ близь Семипалатинска.

Согласитесь, что примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія! Не помнимъ кто-то Москву назвалъ русскимъ Ліономъ. Это названіе намъ кажется довольно вѣрнымъ. Москва, по своему положенію и значенію въ семьѣ русскихъ городовъ, должна была ранѣе или позже обратиться въ мануфактурный городъ, съ самою блистательною будущностью. Эти школы весьма много будутъ способствовать развитію такого направленія. Число ихъ теперь уже весьма значительно; въ двадцати трехъ школахъ теперь 1540 учениковъ и ученицъ и сорокъ одинъ учитель. Это огромные зародыши огромныхъ послѣдствій.

Изъ другихъ городовъ Россійской Имперіи — одна Одесса быстрыми шагами идетъ къ важному значенію; она ростетъ не по днямъ, а по часамъ; не только море, но и самая отдаленность ея отъ обѣихъ столицъ способствуетъ ея возвышенію. Ей не съ кѣмъ спорить о первенствѣ во всемъ южномъ краѣ; интересы всѣхъ южныхъ городовъ какъ лучи бѣгутъ къ Одессѣ. Естественно, что и всѣ удобства городской жизни, согласно возрастающему народонаселенію, должны улучшаться, упрощаться. Теперь, напримѣръ, завелись омнибусы въ Николаевъ и Кишиневъ, съ платою за мѣсто по 4 и 6 рублей серебромъ. Такимъ образомъ облегчилось уже сообщеніе между тремя весьма важными въ томъ краѣ городами.

— Мы не ошиблись. Немаловажное извѣстіе перебѣжало намъ дорогу, и мы принуждены были воротиться въ Петербургъ. Какое же это извѣстіе? Театрально-литературное. Есть предпріятія, которыя при всей очевидной пользѣ не радуютъ. Соперничество у насъ въ литературныхъ предпріятіяхъ едва ли полезно. Два перевода Дюмонъ-Дюрвиля повредили одинъ другому. Репертуаръ и Пантеонъ лишали одинъ другаго подписчиковъ. Наконецъ соединились, слились въ одно единое, и чтожъ? смертельный ударъ угрожаетъ этому двойному театральному сборнику, который, правду сказать, съ нѣкотораго времени лишился своего спеціальнаго направленія, до того, что въ немъ помѣщаются юридическіе случаи изъ Gazette de Tribunaux. Какъ бы то ни было, драматическимъ писателямъ слѣдовало употребить всѣ усилія поддержать это изданіе и трудами своими содѣйствовать къ очищенію Репертуара отъ посторонняго, наноснаго балласта; и что же? возникаетъ Театральный расколъ



Авторы піесъ, играемыхъ на Александринскомъ театрѣ, съ будущаго 1846-го, будутъ издавать сами всѣ тѣ піесы, которыя имѣли *успѣхъ* на театрѣ. Онѣ будутъ печататься отдѣльными кни-

жками, всѣ подъ одинъ форматъ, и продаваться по самой умѣренной цѣнѣ. Къ концу года составится томъ избранныхъ лучшихъ піэсъ. Нельзя не похвалить этого предпріятія. Конечно, тѣ піэсы, которыя имѣли на театрѣ успѣхъ, должны быть лучше тѣхъ, которыя не имѣли успѣха, или опрокинулись съ перваго представленія. Для любителей домашняго театра облегчится выборъ піэсъ; но если всѣ піэсы, имѣвшія успѣхъ на сценѣ, будутъ изданы отдѣльно, то что же будетъ помѣщаться въ Репертуарѣ? Это лишитъ его всѣхъ средствъ, всей современной занимательности; отниметъ, такъ сказать, и душу и тѣло; останется только одежда, заглавіе и оглавленіе. Къ сожалѣнію, это предпріятіе не слухъ, не мечта; оно уже осуществляется. «Заколдованный Принцъ», комедія, которая имѣла большой успѣхъ на сценѣ, уже отпечатана; Дядюшка Болтушка — піэска, имѣвшая также успѣхъ, приготовляется къ изданію. И о наружномъ видѣ заботятся издатели. Къ нѣкоторымъ піэсамъ будутъ прилагаться портреты авторовъ и артистовъ, и ноты для куплетовъ; словомъ, это будетъ изданіе въ родѣ Парижскаго Репертуара, издаваемое иногими, но по взаимному условію, подъ одинъ форматъ, съ одинаковыми украшеніями. Мы возвѣстили объ этомъ, какъ о новости, но не можемъ скрыть нашего неудовольствія, предвидя послѣдствія для обоихъ изданій.

Людовика Спалачинская.

Елена Кремповъ.

Леопольдина Лезенская.

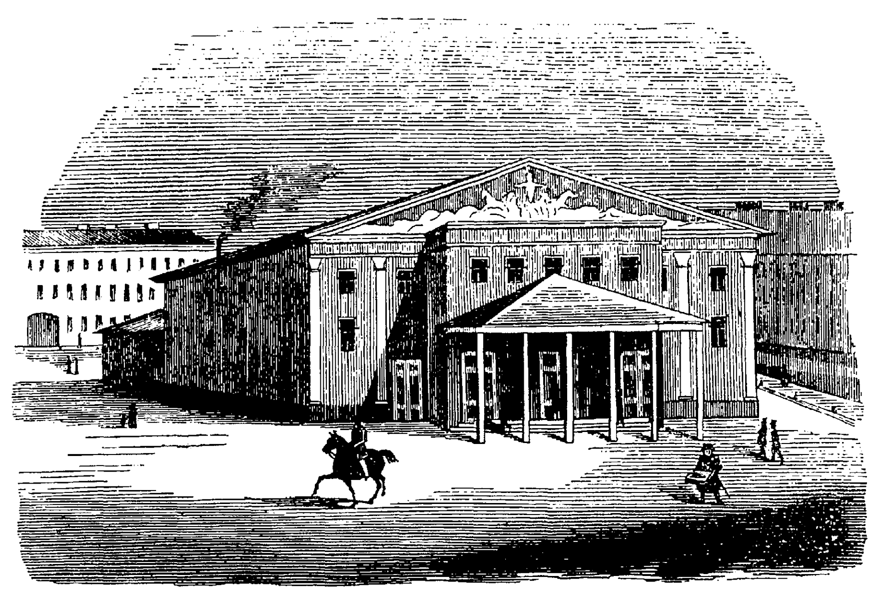
Луиза Летаръ.

Маріэта Орсанııго.

— Мы получили частное извѣстіе о смерти нашего даровитаго художника въ Италіи, г. Ш. Боимся, или, лучше сказать, не хочется выписывать полнаго имени. Можетъ быть, это письмо коварная или легкомысленная шутка отъ скуки. Но если это извѣстіе справедливо, то художества наши понесли потерю, едва ли не равную потерѣ Лебедева. Предшествовавшія обстоятельства, къ сожалѣнію заставляютъ вѣрить извѣстію. Г. Ш....ъ страдалъ уже давно, и такимъ недугомъ, который мало оставляетъ надежды на исцѣленіе. О. А. Бруни, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, говорилъ, что врачи считаютъ г. Ш.....а безнадежнымъ. Все вмѣстѣ подтверждаетъ извѣстіе, а все не хочется вѣрить.

— Перемѣна часовъ представленій въ циркѣ Гверры дала и намъ возможность заглянуть на этотъ Олимпъ особаго рода. Тутъ также есть свои музы, *правда, безъ Аполлона,* но за то со множествомъ пегасовъ. Музы, о которыхъ мы говоримъ, привлекали, нетолько искуствомъ но и красотою своею, многочисленныхъ посѣтителей во всѣхъ городахъ Европы. Глядя на нихъ вы не вольно вспомните прекрасный романъ Гете: Вильгельмъ Мейстеръ; правда, здѣсь нѣтъ Миньоны, но многія сцены этого романа вамъ непремѣнно придутъ въ голову, когда вы спокойно сидите въ циркѣ и вниманія вашего не развлекаетъ пустословіе словоохотныхъ знакомцевъ... Циркъ — новость, подумали мы; на всякую новость у насъ мода; парижскихъ модъ мы еще не получили, а тѣ что пришли, какъ говорятъ, не по сезону. Вездѣ портреты олимпійскихъ дѣвъ труппы Гверры возбуждали интересъ; почему же и намъ для удовольствія и нѣкотораго утѣшенія нашихъ читателей, не помѣстить ихъ портретовъ, вмѣстѣ съ портретомъ цирка? Сказано, сдѣлано. И вы вѣрно не разсердитесь за нашу угодливость.

— Мы обѣщали дать нашимъ читателямъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ романовъ; выборъ нашъ палъ на сочиненіе многихъ писателей, но у семи нянекъ дитя безъ глаза; пословица насъ испугала, а каррикатура, на этотъ романъ изданная въ Парижѣ, совершенно уничтожила нашу рѣшимость. Мы хотѣли напечатать одинъ изъ новѣйшихъ романовъ Дюма, но вспомнили, что на этихъ новѣйшихъ романахъ Дюма, — авторъ выставленъ только какъ вывѣска, и здѣсь, въ Петербургѣ невозможно знать, что принадлежитъ самому Дюма, а что фабрикѣ. Вслѣдствіе многихъ толковъ и соображеній, мы рѣшились помѣ-



Олимпійскій циркъ Гверры на площади Большаго театра.

стить сочиненіе одного изъ самыхъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи, Альфонса Карра, который и думаетъ и пишетъ самъ собственною своею головою и персоною. Лишняя форма Иллюстраціи убѣдитъ каждаго, что мы помѣщаемъ этотъ романъ не для того, чтобы наполнить нумеръ, а для вящшаго удовольствія нашихъ читателей. Романъ въ подлинникѣ называется Fort en thême; въ переводномъ заглавіи означено содержаніе главной мысли. Не подумайте, что этотъ романъ данъ безплатно на закуску года, такъ, по тайнымъ причинамъ, которыя иногда благопріятствуютъ помѣщенію цѣлымъ романовъ. Нѣтъ. Въ слѣдующемъ году, если намъ ни что не воспрепятствуетъ, мы повторимъ то же и не одинъ разъ. Что будетъ помѣщено иностранное; это зависитъ отъ того, что выйдетъ иностранное, а русскій оригинальный романъ изъ временъ Петра Великаго, подъ заглавіемъ: *Баронъ Фанфаронъ и Маркизъ Петиметръ* соч. Кукольника, будетъ помѣщенъ непремѣнно.

СТИХОТВОРЕНІЕ:

—

I.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Холодный, чистый и безгласный,
Перомъ нетронутый листокъ!
Я омрачилъ твой ликъ атласный.
Извивистою тѣнью строкъ.
Ты ужъ не нѣмъ: рукою вѣрной
Тебѣ я даровалъ языкъ,
И мысли темный лучъ проникъ
Въ тебя съ узоромъ рѣчи мѣрной.

Чредою мѣрной, съ ходомъ лѣтъ,
Такъ сердца новыя страницы,
Чертятъ строками мукъ и бѣдъ
Персты таинственной десницы.
Пусть менѣе такихъ стиховъ
Судьба вамъ въ сердцѣ начертаетъ,
Пускай побольше сохраняетъ
Оно нетронутыхъ листовъ

К. Картомышевъ.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Ш—о. Получивъ начало Чердыни мы бы желали имѣть и окончаніе. Неоткажите. При обширности переписки нѣтъ возможности увѣдомлять благорасположенныя къ намъ лица иначе, какъ чрезъ посредствомъ Иллюстраціи.

Г. И. А. Н—у въ Москву. Мы печатаемъ хорошее и безъ подписи автора; но въ театральныхъ статьяхъ это необходимое условіе, чтобы статья была подписана авторомъ четко, вразумительно, и не ложно. Тогда Иллюстрація приметъ услуги ваши съ признательностью. Въ статьѣ Вашей все хорошо, кромѣ подписи.

Г. С—Ну. Исполнено съ признательностію.

Г. З—рову. На очереди.

Г. Картамышеву. № 93-го мы еще не получали. Если возможно и удобно, исполнимъ; что же касается до Васъ, М. Г. лично, то позвольте увѣрить, что мы весьма признательны за Ваше вниманіе и постараемся всегда представлять очевидныя тому доказательства.

Г. П..т...м...у. Ухъ!

Г. Кл—ву. — Съ чѣмъ васъ и поздравляемъ.

Г. Д—он.... Имена склоняются, а глаголы спрягаются. Сіе бо камень есть на немъ же воздвигнута граматика, наука, нынѣ устарѣвшая. Теперь граматиковъ тьма, а граматики нѣтъ.

Г. А.—К—у. Нельзя отшутиться отъ такой обиды, отъ которой больно; нельзя отмолчаться отъ такого обвиненія, которое кричитъ хуже уличнаго продавца.

Г.... (фамиліи не разобрали). Ошибка, замѣченная Вами, усмотрѣна и Редакціей. Вмѣсто: Академики Ксаверій Каневскій, Алексѣй Васильевичь, слѣдовало сказать: Академики Ксаверій Каневскій, Алексѣй Васильевъ. Исправьте сдѣлайте одолженіе еще и другую важную ошибку. Напечатано Беверинъ Латинская легенда; совсѣмъ не Латинская, а Латышская. Удивляемся, какъ этого не замѣтили благопріятели, которые для того только и пересматриваютъ Иллюстрацію, чтобы находить типографическія ошибки. Забавно, если они подумали, что Беверинъ въ самомъ дѣлѣ Латинская Легенда, а это легко случиться можетъ. Вѣдь это по латынѣ. — Ученость ихъ дальше А О и О. А не простирается.

Г. С—усу, Крылатыхъ нимфъ подводныя скачки...

Г. О. И. Л. Незнаемъ и знать не желаемъ.

Г. Б.—ну. Получено и первое и послѣднее. Но вотъ въ двѣ недѣли не можемъ придумать отвѣта. Позвольте отложить до новаго года. Авось съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, намъ удастся изобрѣсти достойный отвѣтъ.

Г. Пр.—. А намъ какое дѣло?

Г. С—ву и Г. О. П. На этотъ разъ мы не хотимъ лишить васъ абонированныхъ мѣстъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

Въ субботу на слѣдующей недѣлѣ, въ бенефисъ г-жи Мольтини, предполагается первое представленіе италіянской оперы: «Templario», музыка для которой написана вѣнскимъ капельмейстеромъ Nicolai, весьма замѣчательнымъ композиторомъ. Опера эта, игранная въ Вѣнѣ, произвела величайшее впечатлѣніе превосходствомъ мелодіи и оркестровки; роль тенора писана для г. Сальви, бывшаго въ то время пѣвцомъ вѣнской италіянской оперы.—Мы слышали, что онъ въ этой партіи превосходенъ. — Роль примадоны занимаетъ г-жа Віардо, а самаго Templario, молодой артистъ bariton, о которомъ отзываются весьма выгодно.

Въ воскресенье, 16 декабря, въ бенефисъ актера французской труппы Руже, пойдутъ въ первый разъ піэсы «L'escadron volant de la Reine vaud., Les independans, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ которой г-жа Плесси-Арну, будетъ играть роль Эмиліи, игранную сю на французскомъ театрѣ, и Raphael et Croquinet vaud., написанный у насъ въ Петербургѣ.

Въ среду, въ бенефисъ актера нѣмецкой труппы Левенберга, будетъ идти въ первый разъ das Urbild von Moliere dr. in 5 act., соч. Гуцкова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комитетъ Общества поощренія художниковъ объявляетъ, что съ Высочайшаго соизволенія учрежденная 6 лотерея художественныхъ произведеній, въ воскресенье, 2 декабря сего года, разыграна, въ присутствіи гг. членовъ комитета и посѣтителей, въ домѣ Музеума графа Румянцова.

Билетовъ было роздано 2400, на сумму 3600 рублей серебромъ.

Вышли противъ нумеровъ билетовъ,

№	127,	выигрышъ	№	9.
»	231,	»	»	24.
»	397,	»	»	8.
»	406,	»	»	16.
»	571,	»	»	11.
»	644,	»	»	15.
»	755,	»	»	29.
»	888,	»	»	19.
»	939,	»	»	28.
»	973,	»	»	27.
»	1024,	»	»	4.
»	1111,	»	»	25.
»	1468,	»	»	17.
»	1635,	»	»	10.
»	1899,	»	»	13.
»	2256,	»	»	6.
»	2335,	»	»	34.
»	134,	»	»	3.
»	387,	»	»	12.
»	402,	»	»	18.
»	560,	»	»	14.
»	628,	»	»	1.
»	691,	»	»	5.
»	785,	»	»	23.
»	920,	»	»	7.
»	951,	»	»	22.
»	982,	»	»	32.
»	1058,	»	»	26.
»	1284,	»	»	2.
»	1526,	»	»	30.
»	1828,	»	»	20.
»	2172,	»	»	31.
»	2303,	»	»	33.
«	2359,	»	»	21.

Выигрышные предметы можно получить на выставкѣ художественныхъ произведеній, у коммиссіонера общества почетнаго гражданина Прево, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви, гдѣ, для нужныхъ справокъ, находятся двѣ таблицы, подписанныя г. вице-предсѣдателемъ и гг. членами комитета Общества; въ одной поименованы всѣ предметы, разыгранные въ лотереѣ, и порядокъ нумеровъ оныхъ, а въ другой нумера билетовъ и соотвѣтствующіе нумера выигрышей; первые написаны черными а послѣдніе красными чернилами.

Выигранные предметы будутъ выданы немедленно, но не иначе, какъ по предъявленіи билетовъ, которые и остаются у г. Прево.

=

СОДЕРЖАНІЕ X ЛЕКЦІИ О ГИГІЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 10 ДЕКАБРЯ.

Естественныя произведенія животныхъ, употребляемыя въ пищу.

Молоко; его виды и различныя приготовленія.

Масло; его приготовленіе.

Сыръ; его приготовленіе и виды.

Яйца; ихъ происхожденіе.

Икра; породы рыбъ, изъ которыхъ икра получается; приготовленіе.

Медъ; его происхожденіе и виды; воскъ; его образованіе.

Польза и вредъ этихъ естественныхъ произведеній животныхъ.

РАЗГАДКА № 34.

Бѣсъ, разъ, судно, подъчинъ ять, ся, топоры въ А., мъ, сердца, тос, лучь, ай, носъ, ти.

Безразсудно подчиняться то порывамъ сердца, то случайности.

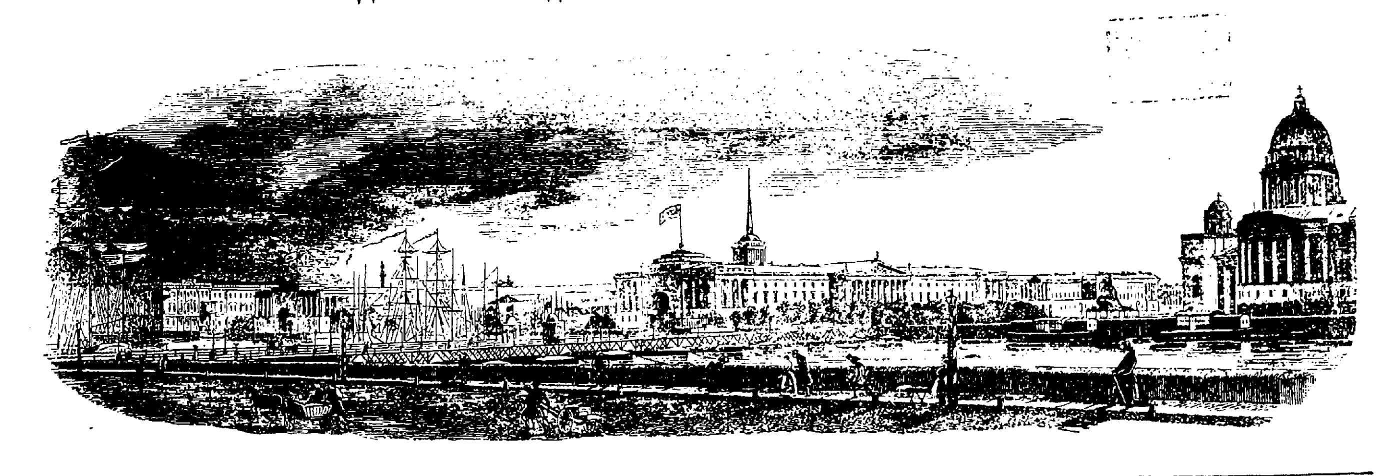
ЗАГАДКА № 35.

В КОСТЮМѢ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Декабря 7 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ типографіи И. Фишона.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.



Съ доставкою и пересылкою: На годъ 11 р. 43 к. сер. На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. **Т. I. № 36, — Суббота, 15 Декабря 1845.** Безъ доставки и пересылки: На годъ 10 руб. сер. На 3 мѣсяца 3 р. сер.

РАЗБОНИКЪ-СВАТЪ.

БЫЛЬ.

Вѣка перемѣняются. Прежде, во времена оны, такое происшествіе, какое мы разсказать собираемся, нравилось, восхищало. Безпорядокъ, стихія извѣстнаго возраста человѣческаго рода. Разбойники были и слѣдствіемъ и принадлежностью современной образованности. На нихъ смотрѣли, какъ на грѣшниковъ невольныхъ. Быль эта была воспѣта современными стихослагателями. Теперь разбойникъ все-таки разбойникъ. Никакіе подвиги великодушія не извинятъ одного чернаго дѣла. Вотъ термометрическое указаніе, до какой степени возрасла наша образованность. Быль занимательна сама по себѣ, и мы ее разскажемъ.

Графъ Брильянтино былъ одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ въ Папской области. Обладая обширными владѣніями и огромными капиталами, происходя отъ знаменитыхъ родителей, избалованный счастьемъ и льстивою покорностію вассаловъ, Брильянтино былъ гордъ и тщеславенъ въ высшей степени. Лишась супруги, которую *уважалъ* какъ единственную отрасль знаменитой флорентинской фамиліи, графъ сосредоточилъ всю свою нѣжность на единственной своей дочери Аврорѣ, которая льстила во всѣхъ отношеніяхъ его самолюбію. — Прекрасная душою и тѣломъ, она соединяла кротость съ пылкимъ воображеніемъ, скромность съ обширными свѣдѣніями. Увидя ее разъ, нельзя было не пожелать узнать покороче, а узнавъ, нельзя было не полюбить. Аврора была одникъ изъ лучшихъ цвѣтковъ роскошной Италіи, цвѣткомъ баснословнымъ—розою безъ шиповъ.

Брильянтино гордился своею дочерью. На нее онъ основывалъ самыя высокомѣрныя надежды. Обыкновенною мечтою его было видѣть свою Аврору на одномъ изъ троновъ Италіи. Союзъ съ владѣтельнымъ домомъ едва удовлетворялъ гордымъ мечтамъ графа.

Можно посудить о его гнѣвѣ, когда онъ узналъ, что графиня Аврора, чуждая тщеславія, отдала свое сердце молодому живописцу Фернандо.

Молодые люди, воспитанные вмѣстѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ поняли и оцѣнили другъ друга. Любовь ихъ, возрастая съ лѣтами, обратилась въ пылкую, неукротимую страсть, знакомую только жителямъ юга. Графъ ничего не подозрѣвалъ; въ ослѣпленіи своей гордости онъ не могъ и думать, что дочь его можетъ унизиться до любви къ *незнатному*, и что тотъ, кто всѣмъ ему обязанъ, вполнѣ отъ него зависитъ, осмѣлится имѣть виды на его дочь.

Аврора и Фернандо думали иначе: имъ казалось, что графъ втайнѣ одобряетъ любовь ихъ и ждетъ только удобнаго времени. — Любовь такъ довѣрчива, такъ мечтательна!

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней, которыми такъ богата роскошная природа Италіи, Аврора и Фернандо сидѣли въ уединенной бесѣдкѣ великолѣпнаго сада графской виллы. Аврора была одѣта просто, но очаровательно; вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ лежалъ на темнорусыхъ шелковистыхъ кудряхъ; Фернандо былъ внѣ себя отъ восторга; онъ рисовалъ портретъ своей очаровательницы ко дню ея рожденія: талантъ его выказывался во всемъ блескѣ; любовь управляла кистію вдохновеннаго художника.

Увлеченный очарованіемъ, Фернандо любовался попеременно, то оригиналомъ, то копіею. Часто, скрестя руки, останавливался въ безмолвномъ созерцаніи передъ восхитительною Авророю, изучая ея небесную улыбку и это гармоническое сочетаніе красотъ, которое такъ роскошно рисовалось на прекрасномъ лицѣ ея, и спѣшилъ передать полотну эти обворожительныя черты. О какъ онъ былъ счастливъ! счастливъ вдвойнѣ: какъ юноша любящій и любимый пламенно, и какъ истинный художникъ, обожающій свое искуство.

Въ одну изъ этихъ минутъ, когда восхитительная улыбка Авроры награждала успѣхи очарованнаго художника, Фернандо внѣ себя уронилъ кисть и палитру, упалъ къ ногамъ Авроры, схватилъ ея руку и осыпалъ жаркими поцѣлуями.

«Какъ ты прекрасна, моя Аврора! Боже мой! чѣмъ я заслужилъ такое счастье, что этотъ ангелъ любитъ меня?»

Аврора нѣжно склонила къ нему свою головку, а другой рукою играла кудрями своего милаго Фернандо.

Картина была восхитительная!

Любовники въ упоеніи блаженства забыли цѣлый міръ, и не слыхали какъ дверь бесѣдки хлопнула и графъ вошелъ.

Пораженный прямо въ сердце романическою картиною, представившейся глазамъ его, графъ остолбенѣлъ отъ бѣшенства и неожиданности. Долго не могъ онъ выговорить слова; только глаза его, сверкая какъ раскаленные угли, и судорожное движеніе мускуловъ на лицѣ показывали, до какой степени былъ раздраженъ гордый вельможа.

Страшно было разочарованіе нѣжныхъ любовниковъ, когда громовой голосъ графа раздался надъ ними:

«Дочь преступная! трепещи моего гнѣва! Ты не выйдешь изъ этой бесѣдки, изъ

этого мѣста твоего преступленія, пока я не найду тебѣ достойнаго жениха. Только передъ престоломъ Божіимъ, въ день брака ты получишь свободу, а до тѣхъ поръ ты мертва для свѣта...

Аврора упала безъ чувствъ. Фернандо хотѣлъ броситься ей на помощь; но графъ съ бѣшенствомъ схватилъ его за руку и почти выбросилъ изъ бесѣдки, заперъ дверь и положилъ ключь въ карманъ.

Фернандо былъ уничтоженъ: онъ былъ подобенъ оглушенному громомъ. Казалось, въ немъ умеръ даже инстинктъ самохраненія.

«Благодари Бога, презрѣнный», сказалъ графъ: «что я еще помню заслуги твоего отца и только изгоняю тебя. Эй, люди, выбросьте этого негодяя за ворота, и если онъ когда либо осмѣлится подойти близко къ моей виллѣ, уничтожьте его! Отвѣтственность я принимаю на себя.»

—

Когда опомнился Фернандо, было уже около полуночи. Ярко сверкали звѣзды на темноголубомъ сводѣ. Воздухъ былъ теплый, листья деревъ чуть чуть колебались отъ легкаго дуновенія вѣтра. Ночь была волшебная, истинно италіянская.

Фернандо взглянулъ вокругъ себя и замѣтилъ, что находится на полянѣ среди дремучаго лѣса.

Смутно припоминая прошедшее, въ порывѣ отчаянія онъ возвелъ глаза къ небу и молилъ спасенія или смерти.

Жизнь была ему въ тягость.

Вдругъ, раздавшійся вблизи пронзительный свистъ, на который также отвѣчали свистомъ, обратилъ вниманіе Фернандо.

Въ одно мгновеніе онъ былъ окруженъ четырьмя человѣками звѣрскаго вида, обвѣшанными оружіемъ.

«Кто ты таковъ?» сказалъ Фернанду одинъ изъ нихъ, Зачѣмъ ты зашелъ сюда? Что тебѣ здѣсь надобно?»

Фернандо понялъ, что имѣетъ дѣло съ съ разбойниками изъ шайки Мацарино, котораго имя наводило ужасъ на всю окрестность. Но онъ не испугался. Онъ слыхалъ, что Мацарино любитъ покровительствовать утѣсненныхъ и смирять гордыхъ, и въ встрѣчѣ своей съ разбойниками видѣлъ ясно намекъ, указывающій ему путь ко спасенію, а потому хладнокровно отвѣчалъ:

«Я ищу васъ!»

— Насъ! воскликнули разбойники въ изумленіи; зачѣмъ?

«Отведите меня къ Мацарино; мнѣ нужно сообщить ему важное дѣло.»

— Но почему ты знаешь, что атаманъ нашъ Мацарино и кто ты самъ таковъ?

«Этого я не могу вамъ сказать; но разскажу все самому Мацарино.»

Разбойники нѣсколько времени совѣтовались между собою; потомъ завязали Фернандо глаза и повели его съ собою въ глубь лѣса.

—

Когда разбойники остановились и сняли повязку съ Фернандо, онъ увидѣлъ себя въ пространной, ярко освѣщенной землянкѣ. Стѣны увѣшаны были разнымъ оружіемъ; но богатство мебели и даже многіе предметы роскоши, показывали, не только довольство, но даже избытокъ и нѣгу.

Проводники Фернандо ушли куда-то, и черезъ четверть часа вошелъ человѣкъ величественной наружности: это былъ Мацарино.

Онъ взглянулъ испытующимъ взоромъ на Фернандо и долго въ молчаніи его разсматривалъ. Неустрашимость и кротость, написанныя на челѣ Фернандо, казалось, нравились Мацарино. Онъ улыбнулся и сказалъ:

«Ты хотѣлъ меня видѣть, молодой человѣкъ! Говори, что тебѣ надобно? Я Мацарино!»

Фернандо поклонился.

— О тебѣ носится слухъ, что ты защищаешь невинность и смиряешь гордыхъ.

«Случается.»

— Выслушай мою исторію и помоги мнѣ.

«Садись и разсказывай!»

Когда Фернандо кончилъ свой разсказъ, Мацарино сказалъ:

«Конечно, графъ поступилъ дурно; но, что же я могу для тебя сдѣлать?»

— Могущество твое можетъ возвратить мнѣ потерянное благо, а признательность моя...

«Да знаешь ли ты, молодой человѣкъ, какія хлопоты я получу черезъ это пособіе. Графъ силенъ, въ связи со всѣми кардиналами, и я...»

— О! когда такъ, прервалъ его съ жаромъ Фернандо, я ошибся; ты не Мацарино. Онъ бы этого не сказалъ.

«Ты такъ думаешь?»

— Это всѣмъ извѣстно. Мужество и могущество Мацарино такъ велики, что для него нѣтъ препятствій, когда нужно помочь невинно-притѣсненнымъ.

«Чортъ возьми! ты задѣлъ за живое мое самолюбіе!—Ты славный малый! Будь по твоему. Вотъ тебѣ рука Мацарино: невѣста будетъ твоя...»

Фернандо съ жаромъ схватилъ поданную ему руку и съ восторгомъ пожалъ ее. Онъ слыхалъ, что слово Мацарино надежно.—

«Теперь ты мой гость; поди успокойся, а завтра подумаемъ вмѣстѣ о средствахъ помочь тебѣ. Прощай!»

По приказанію Мацарино, Фернандо отвели въ другую землянку, не менѣе роскошно убранную. Онъ бросился на постель и скоро заснулъ, лелѣемый утѣшительными мечтами и сладкой надеждой будущаго счастья.

На другое утро Мацарино, оставя Фернандо въ своей землянкѣ, отправился для собранія нужныхъ свѣдѣній и уже вечеромъ возвратился веселый и довольный.

«Радуйся, Фернандо! дѣла идутъ какъ нельзя лучше. Невѣста твоя заперта въ бесѣдкѣ; это пустяки! Садъ обнесенъ высокою стѣною; объ этомъ не стоитъ и думать. Но тебѣ надо подождать три дня. Это необходимо. Черезъ три дня у Брильянтино будетъ великолѣпный балъ, на который съѣдутся всѣ окрестные вельможи. Въ этотъ вечеръ участь твоя рѣшится: ты будешь мужемъ Авроры; а до того времени поскучай у меня, а твоя невѣста пусть поскучаетъ и попостится въ бесѣдкѣ: это мое послѣднее слово. Если же не хочешь ждать, то можешь идти куда тебѣ угодно; я противиться не стану.»

Что было дѣлать Фернандо?—Оставалось повиноваться.

Въ роскошныхъ залахъ великолѣпной виллы графа Брильянтино гремѣла музыка. Цвѣтъ италіянской знати въ блистательныхъ костюмахъ окружалъ гостепріимнаго хозяина. Всѣ веселились и никто не рѣшался спросить, отчего нѣтъ между ними графини Авроры: а она страдала въ заключеніи—жертвою гордости и тщеславія.

Тихо приближалась коляска, запряженная отличными лошадьми, къ садовой оградѣ виллы. Въ ней сидѣли два человѣка, закутанные въ плащи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны въ одномъ уединенномъ мѣстѣ коляска остановилась. Одинъ изъ сидящихъ выскочилъ поспѣшно и сказалъ: «Подожди меня здѣсь, Фернандо.»

То былъ Мацарино.

Посредствомъ веревочной лѣстницы перебрался онъ черезъ стѣну и, по извѣстнымъ ему примѣтамъ, добрался до бесѣдки. Инструментами отворилъ дверь накрѣпко запертую и вошелъ въ павильонъ.

Убитая грустью и безнадежностью своего положенія, несчастная Аврора сидѣла задумавшись на диванѣ. Горѣвшая тускло лампа слабо освѣщала павильонъ и придавала блѣдному лицу Авроры какой то могильный видъ.

Стукъ отбитыхъ дверей обратилъ ея вниманіе. Она закричала отъ ужаса, увидя передъ собой незнакомца, закутаннаго въ широкій плащъ темнаго цвѣта.

«Не бойтесь, несравненная Аврора сказалъ Мацарино; я посланникъ любви и счастья. Прочитайте эти строки отъ вашего Фернандо и вы все узнаете.»

При имени Фернандо краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Авроры. Она торопливо схватила записку, быстро пробѣжала ее глазами, еще быстрѣе вскочила и сказала:—Я готова! пойдемте!

«Прекрасно! Люблю такую рѣшительность. Вы стоите другъ друга.»

Сказавъ это, Мацарино задулъ лампу, притворилъ дверь бесѣдки и, дошедши съ Авророй до садовой стѣны, перебрался черезъ оную по веревочной лѣстницѣ, держа въ объятіяхъ прелестную графиню.

Замѣтя ихъ, Фернандо выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ на встрѣчу.

Любовники упали другъ другу въ объятія.

«Теперь не время медлить и восхищаться, сказалъ Мацарино; садитесь въ коляску, поѣзжайте къ отцу Іануарію, отдайте ему эту записку отъ меня. Онъ васъ обвѣнчаетъ; и тамъ подождите меня. Я черезъ нѣсколько часовъ буду.»

Мацарино посадилъ ихъ въ коляску. Лошади помчались.

«Теперь приступимъ къ финалу», сказалъ онъ съ улыбкою. Свиснулъ и, сказавъ нѣсколько словъ на ухо подошедшему къ нему человѣку, пошелъ къ виллѣ, откуда неслись громкіе звуки музыки.—

—

Всѣ гости графа Брильянтино собрались въ одну залу, для того чтобъ послушать восхитительное пѣніе синьоры Дульчіо. Акомпанируя себѣ на фортепіано, синьора пѣла одну изъ канцонетъ любимаго маэстро. Графъ, облокотясь на инструментъ восхищался и пѣніемъ и пѣвицею. Восторженныя рукоплесканія гостей не умолкали, когда Мацарино въ великолѣпномъ платьѣ италіянскаго вельможи непримѣтно пробрался въ залу и подошелъ къ графу.

Въ эту минуту синьора Дульчіо остановилась и небрежно раскинувшись на креслахъ, съ улыбкою принимала похвалы восторженныхъ дилетантовъ.

«Привѣтствую васъ, благородный синьоръ, сказалъ Мацарино графу.

Тотъ обернулся и изумился, увидя незнакое лицо.

— Благодарю, синьоръ! Извините, что не узнаю васъ. Ваше имя?

«Я скажу о немъ послѣ. Теперь позвольте мнѣ поговорить съ вами объ одномъ близкомъ для васъ и для меня дѣлѣ...»

— Что за дѣло, синьоръ, что вы выбрали такое время?

«Я кончу въ двухъ словахъ.»

— Говорите; я слушаю.

Появленіе незнакомаго, и эти слова заинтересовали все общество. Музыка прекратилась; составили кругъ около графа и Мацарино.

«И такъ, синьоръ приступимъ къ дѣлу» сказалъ Мацарино. «У васъ есть дочь?»

— А вамъ до этого какое дѣло?

«Очень большое: она дѣвушка на возратѣ; я выбралъ ей жениха.»

Графъ вспыхнулъ; но подумавъ немного улыбнулся и сказалъ:—А! этотъ синьоръ,— тутъ провелъ онъ пальцомъ по лбу,—немножко не въ своей тарелкѣ; онъ насъ позабавитъ.—Многіе засмѣялись.

—И такъ, синьоръ сказалъ графъ, вы были такъ добры, что сосватали мою дочь.

«Да, передалъ ее уже жениху, и они теперь обвѣнчаны, а самъ пришелъ за приданымъ. 50 тысячь червонныхъ, графъ, и я уйду. Вы богаты, а женихъ бѣденъ, а у васъ дочь одна.»

—Почему не такъ, сказалъ, засмѣявшись графъ, только не теперь, а когда нибудь въ другой разъ.

«Сію минуту!» произнесъ Мацарино громовымъ голосомъ, такъ, что всѣ вздрогнули. «Вы считаете меня бузумцемъ. Ошибаетесь: съ вами говоритъ Мацарино...»

При этомъ страшномъ имени всѣ бросились въ разныя стороны. Пользуясь паническимъ страхомъ гостей, Мацарино занялъ твердую позицію, прислонясь спиною къ окну и ожидалъ, что будетъ.

Не долго длилось изумленіе гостей. Они собрались снова въ кучку и начали разсуждать между собою, что имъ стыдно бояться одного человѣка и что теперь всего удобнѣе схватить его.

Принявъ это намѣреніе, толпа двинулась къ нему съ непріязненнымъ намѣреніемъ.

«Я ожидалъ, господа что съ вами добромъ не кончишь,» сказалъ Мацарино; «но за то, съ перваго, кто подойдетъ близко, слетитъ черепъ долой...»

Онъ уставилъ два пистолета противъ нападающихъ и пронзительно свиснулъ.

Въ каждомъ окнѣ явилось по два дула огромныхъ карабиновъ и сильный отрядъ разбойниковъ вошелъ въ залу и занялъ посты у дверей. Всѣ гости съ ужасомъ стѣснились въ одну сторону; многія дамы упали въ обморокъ.

«Я хотѣлъ кончить съ вами мирно, сказалъ Мацарино, а вы не хотѣли. Теперь вотъ мои условія: синьоръ графъ, вы дадите сію минуту 50 тысячь червонныхъ въ приданное вашей дочери, и столько же мнѣ, за труды сватовства, билетами на извѣстныхъ банкировъ; мой пріятель Брамберино проводитъ васъ въ кабинетъ и вы принесете сюда эту сумму. Не перемигивайтесь, не ожидайте помощи: ваши люди всѣ перевязаны и убраны...

Брамберино и графъ ушли въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ возвратились; графъ, блѣдный отъ злости вручилъ билеты Мацарино, который хладнокровно пересчиталъ ихъ и сказалъ: «Вѣрно! Теперь синьоры и синьорины, моя послѣдняя просьба: у васъ есть много лишнихъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей, которыя васъ безпокоютъ. Я ихъ очень люблю. Подарите на память.»

При этихъ словахъ онъ разослалъ платокъ на полу и всѣ поспѣшили исполнить желаніе Мацарино.

Свернувъ платокъ съ драгоцѣнностями, Мацарино улыбаясь сказалъ: «Спокойной ночи, синьоры; очень благодаренъ».

Когда графъ и гости оправились отъ испуга, разбойники были уже далече.—

—

Въ скромномъ домикѣ отца Іанурія, молодые супруги наслаждались восторгами счастливой любви, когда явился Мацарино. Они бросились къ нему на шею съ изъявленіемъ живѣйшей признательности.

«Очень радъ!» сказалъ Мацарино что хоть на что нибудь пригодился. Вотъ ваше приданое. Поѣзжайте во Францію, живите счастливо и вспомните когда нибудь и обо мнѣ.»

—Но чѣмъ же отблагодарить васъ заблагодѣяніе? вскричалъ Фернандо.

«Ненадо! Я себя никогда не забываю,» отвѣчалъ Мацарино. Онъ показалъ билеты и платокъ съ драгоцѣнностями.

Мацарино самому понравилась эта исторія; онъ захотѣлъ повторить ее, но по третьему разу самъ попался въ западню и справедливая казнь безъ шутокъ прекратила шутки Мацарино.

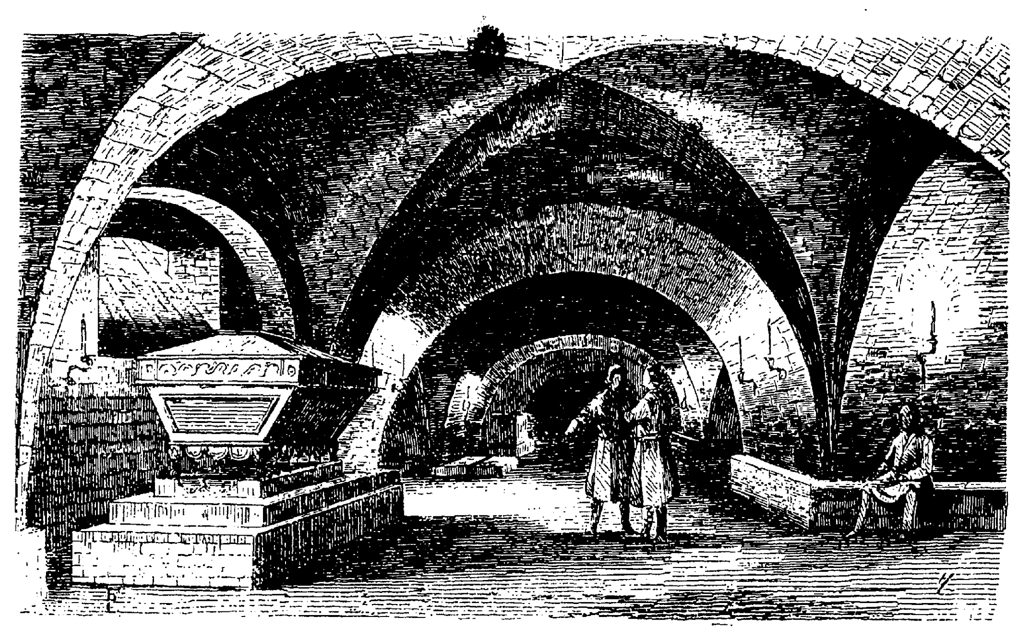
ПАМЯТНИКИ

МИНИНУ и ПОЖАРСКОМУ.

Въ Россіи сколько городовъ? На этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно, даже если бы и навести всѣ возможныя географическія справки, потому что городовъ прибываетъ каждый годъ, нѣкоторые упразднены или переведены на другія мѣста; но не менѣе того, они должны остаться для Исторіи. Многія села хранятъ важныя историческія событія, такъ что служатъ до сихъ поръ живыми памятниками прошедшему; почему ихъ должно считать наравнѣ съ колоннами, мавзолеями и пирамидами, указателями и свидѣтелями событій. Въ нашей Исторіи есть нѣкоторыя эпохи, которыя были поводомъ къ сооруженію монументовъ; но премущественно въ этомъ отношеніи важны два незабвенные года съ промежуткомъ двухъ вѣковъ. — Это 1612 и 1812. Странное сближеніе чиселъ! Далѣе 1612 монументальныя наши указанія, кажется, не простираются, за исключеніемъ св. Александра Невскаго, св. Равноапостольнаго князя Владиміра и завоевателя Сибири. Если бы наши города достигли важной степени торговаго и промышленнаго довольства и развитія, то несомнѣнно изъ нихъ могла бы возникнуть обширная галлерея памятниковъ, напоминающихъ Исторію до Романовскихъ и Романовскихъ временъ; донынѣ эра памят-

Село Пурехъ, мѣсторожденія князя Д. М. Пожарскаго.

никовъ принадлежитъ только новой Исторіи нашей. 1612 годъ помянутъ, сколько намъ извѣстно, тремя памятниками и возстановленіемъ и храненіемъ нѣкоторыхъ зданій, связанныхъ съ событіями того времени. Ипатьевскія царскія палаты съ принадлежащими къ нимъ остатками древности вы увидите позже. Героями этой эпохи были безъ сомнѣнія Гермогенъ, Палицынъ, архимандритъ Діонисій, князь Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ. Па-



Гробница гражданина Козьмы Минина.

мять осады Троицко-Сергіевской Лавры означена памятникомъ, съ котораго мы не имѣемъ еще рисунка; память освобожденія Москвы, памятникомъ Минину и Пожарскому на Красной площади; память возстанія низовыхъ земель — обелискомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; память подвига Сусанина — изготовляемымъ нынѣ монументомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и вѣрному Сусанину и особымъ памятникомъ этому достойному поселянину, который будетъ поставленъ въ Костромѣ. Достопамятный 1612-й годъ сохранится для поздняго потомства въ этихъ каменныхъ и металлическихъ свидѣтельствахъ; но какъ мы сказали, есть еще и другіе поводы къ воспоминаніямъ историческимъ. Благодаря гг. Чернецовымъ, мы можемъ представить нашимъ читателямъ нѣкоторые изъ нихъ. На первый разъ помѣщаемъ село Пурехъ и гробницу Минина. Село Пурехъ не описано въ нашихъ географическихъ словаряхъ, а оно весьма примѣчательно, потому что здѣсь родился князь Пожарскій. Преданіе утверждаетъ, что церковь въ Пурехѣ выстроена тѣмъ же княземъ. Донынѣ было извѣстно, что князь проживалъ въ селѣ Юринѣ, въ 30 верстахъ отъ Балахны, и что Жаркая Волость принадлежала ему же. Видъ Пуреха, какъ сами изволите видѣть, весьма живописенъ. Въ церкви находятся дорогіе вклады князя Пожарскаго: 1) икона Божіей Матери, обложенная жемчужною ризою и дорогими камнями: икона эта, по разсказамъ жителей, находилась съ княземъ во все время похода; въ церковь пурехскую она перенесена по завѣщанію; 2) другая икона, также украшенная жемчужною ризою; полагаютъ, что эта икона принадлежала матери князя; 3) золотой напрестольный крестъ; и 4) рѣзное деревянное Распятіе, присланное князю изъ Соловецкаго монастыря. Въ одномъ изъ предѣловъ находится рѣзное Распятіе собственныхъ трудовъ князя Пожарскаго. Прежде въ Пурехѣ хранилось и знамя, подъ которымъ вся Русь шла къ Москвѣ, чтобъ освободить ее изъ рукъ непріятельскихъ. Но это знамя, подлинное, перевезено въ Москву; на его мѣстѣ оставлена вѣрная копія.

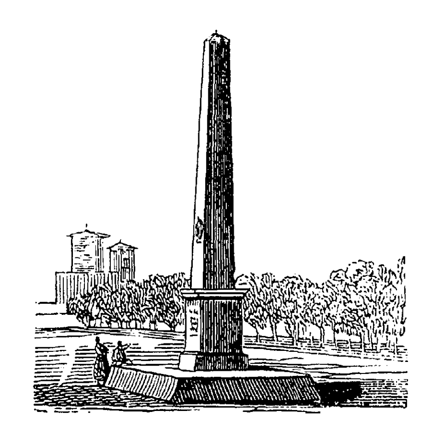
Мининъ былъ не только соотечественникомъ, но, такъ сказать, согорожаниномъ князя

Пожарскаго, потому что онъ родился въ Балахнѣ, и завѣдывалъ, какъ староста, Нижегородскимъ посадомъ. Онъ погребенъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ соборѣ Преображенія Господня. Здѣсь началась слава обоихъ, достигла высочайшей точки въ Москвѣ, и памятники означили эти два пункта. Памятникъ Минину и Пожарскому воздвигнутъ въ Нижнемъ Новгородѣ весьма просто, какъ просто было начало ихъ подвига. Обелискъ изъ цѣльнаго гранитнаго куска въ 5 саженъ вышиною, вотъ и все тутъ; напротивъ того, монументъ Московскій, воздвигнутый на Красной площади, не только важенъ по своей огромности, но и по художественному созданію и исполненію, и принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго И. П. Мартоса. О трудахъ незабвеннаго скульптора мы не разъ еще будемъ говорить въ Иллюстраціи.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

(*Продолженіе.*)

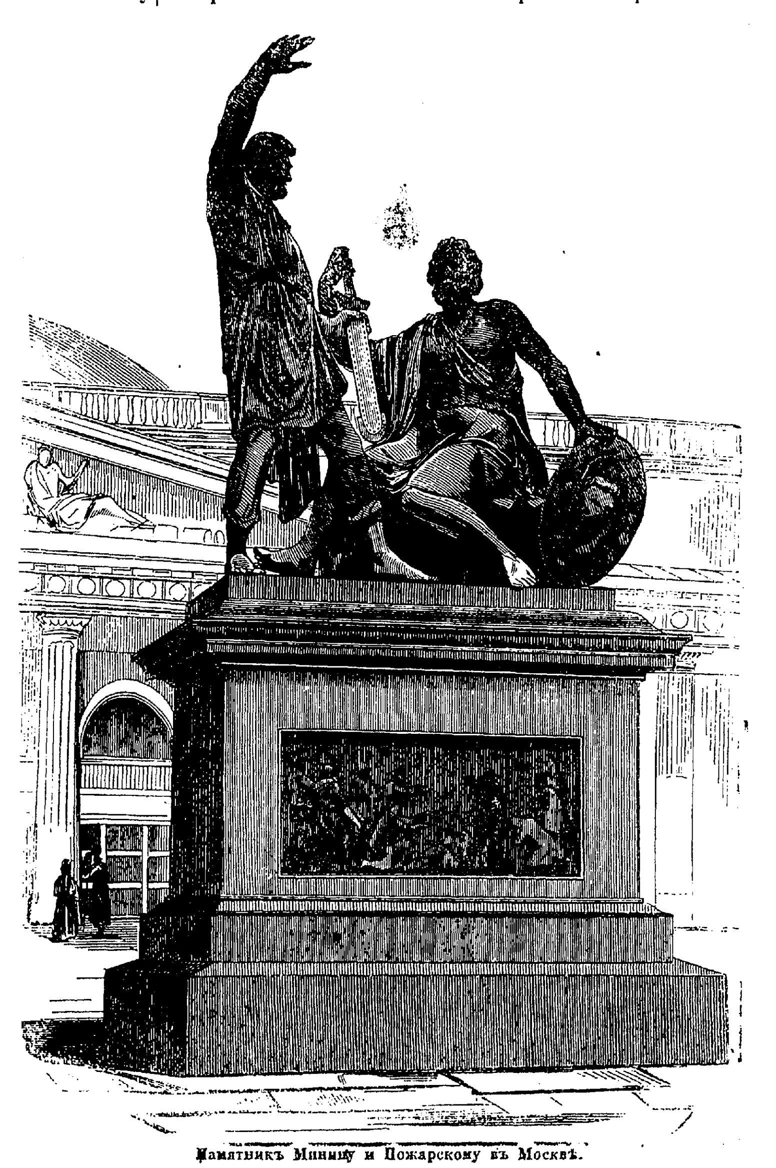
Заговоры отъ *зубной боли* принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ и находятъ много заступниковъ, кои, по словамъ ихъ, столько разъ на себѣ испытали силу ихъ, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажемъ тоже, что о такъ называемыхъ симпатическихъ средствахъ вообще: если тутъ кроется, что нибудь, то ученые наши объяснятъ это со временемъ, причисливъ сіи явленія къ животному магнетизму. Я бывалъ свидѣтелемъ тому, какъ заговоренная бумажка, или нашептываніе, или наложеніе руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не дѣйствовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорятъ, что если кто разувается, всегда начиная съ лѣвой ноги, то у него никогда не будутъ болѣть зубы; цѣлый рядъ подобныхъ повѣрьевъ помѣщенъ нами, ниже въ разрядъ шуточныхъ. Къ числу средствъ, кои даются отъ зубной боли съ наговорами, но помогаютъ иногда по естественнымъ причинамъ, принадлежитъ слѣдующее: положить на больной зубъ два обрубка круглаго корешка или прутикъ обыкновеннаго корня дикой земляники, и держать ихъ стиснувъ легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усиліе это и однообразное напряженіе нерѣдко доставляютъ скорое облегченіе. Иные вѣрятъ, что должно задушить крота двумя пальцами, или же вымазать пальцы кровью чернаго крота, чтобы пріобрѣсти силу исцѣлять зубную боль однимъ прикосновеніемъ руки. По опытамъ моимъ, это не подтвердилось.



Обелискъ Минину въ Нижнемъ Новгородѣ.

Заговоры разнаго рода *на пчелъ*, относятся до, такъ называемаго, пчелинаго знахарства, изложеннаго довольно подробно у Сахарова. Но объ этомъ одномъ предметѣ можно бы написать цѣлую книгу, въ коей дѣльныя замѣчанія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, но укутанныя въ таинственные и суевѣрные обряды, путались бы попеременно съ затѣйливыми или вовсе глупыми вымыслами празднаго воображенія. Есть, между прочимъ, повѣрье даже о томъ, что можно *дѣлать* пчелъ, наклавъ всякой всячины къ закупоренную бочку и поставивъ ее, съ извѣстными обрядами, на зиму въ омшеникъ.

Весьма близки, по значенію своему, къ заговорамъ, а часто вовсе съ ними сливаются, и притомъ не болѣе ихъ изслѣдованы такъ называемыя, *симпатическія средства*. Сюда же принадлежатъ подвѣски, привѣски, подвязки, талисманы, амулеты, ладонки и проч. Суевѣріе объ особенномъ значеніи и силѣ каждаго изъ самоцвѣтныхъ камней, перешло къ намъ съ Востока, изъ области поэзіи. Конечно, не можетъ настоять въ томъ никакого сомнѣнія, что большая часть повѣрій этого разряда также пусты и вздорны, какъ мнимое волшебное дѣйствіе самоцвѣтныхъ камней; но съ другой стороны, нельзя произнести приговоръ этотъ надъ всѣми сюда относящимся повѣрьями, хотя мы и не всегда находимъ удовлетворительное объясненіе загадки. Нѣкоторыя изъ сихъ средствъ только по странности своей и причудливому способу употребленія принадлежатъ, съ виду, къ симпатическимъ средствамъ, между тѣмъ какъ самое ихъ дѣйствіе основывается на давно извѣстныхъ законахъ природы. Такъ, напримѣръ, повязки на рукахъ и ногахъ, отъ лихорадки, не только признаны дѣйствительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь ихъ основана, по видимому, на законахъ обращенія крови: повязки на рукахъ и ногахъ останавливаютъ возвратъ крови къ сердцу, черезъ поверхностные кровеныя жилы (вены), и кровь не можетъ скопляться, во время озноба, во внутренностяхъ, отчего и происходитъ переломъ болѣзни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарусъ, коего девять нитокъ на шеѣ служатъ также предохраненіемъ для дѣтей отъ скарлатины и краснухи. Есть ли тутъ еще и своеродное дѣйствіе собственно краснаго гаруса, который преимущественно для сего употребляется, въ этомъ, конечно, должно усомниться. Я зналъ человѣка, который раздавалъ привѣски отъ лихорадки, нашептывая ихъ напередъ, и хотя онѣ мнѣ самому и нѣкоторымъ другимъ не помогали, но за то, подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ, много разъ немедленно прекращали



Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

болѣзнь, по-крайней-мѣрѣ, упорная лихорадка, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, съ того же дня, какъ таинственная ладонка была привѣшена, не возвращалась. Это былъ корень неизвѣстнаго растенія, указанный знахарю, по словамъ его, однимъ ссыльнымъ, которому онъ на пути слѣдованія оказалъ какую-то услугу. Замѣчательно было для меня вотъ что: испытавъ нѣсколько разъ силу этого корешка надъ больными и призадумавшись надъ нимъ по неволѣ, я могъ искать разрѣшенія загадки въ одномъ только воображеніи больныхъ. И такъ, я взялъ другой, первый попавшійся мнѣ, корешокъ, и сталъ его привѣшивать, выдавая за полученный отъ знахаря, къ лихорадочнымъ. Я повторилъ это, какъ нахожу въ запискахъ своихъ, на пяти различныхъ больныхъ, но безъ всякаго успѣха; всѣ они неохотно и безъ довѣренности дозволили повторить опытъ, привѣскою настоящаго корня; послѣ чего у двухъ изъ нихъ лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня самого была лихорадка, то мнѣ не помогла ни яичная пленка, ни привѣски, хотя я бралъ ихъ непосредственно отъ знахарей, исполняя строго всѣ ихъ предписанія. Привѣска отъ лихорадки, нетопыри, лягушки и проч., вѣроятно, дѣйствуютъ наиболѣе посредствомъ настроеннаго воображенія; надобно одолѣть обычное отвращеніе отъ этихъ тварей, и нравственное волненіе также производитъ физическій переломъ. Привѣска написанныхъ на клочкѣ бумажки таинственныхъ словъ, или абракадабры, или пріемъ бумажки этой внутрь, въ видѣ пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинетъ больнаго, по всей вѣроятности, также обнаруживаютъ силу свою посредствомъ воображенія, этого довольно могучаго рычага. Не иначе дѣйствуютъ, кажется: окачиваніе холодной водой черезъ оглоблю, или въ лѣсу, черезъ березку; привѣска птичьяго гнѣзда; бечевки, на которой удавлена собака; послѣдовательный пріемъ, прямо съ рѣки и на-тощакъ, нѣсколькихъ ложекъ воды, начиная въ первый день съ одной; также пріемъ замятой въ хлѣбномъ мякишѣ вши; впрочемъ насѣкомое это, какъ увѣряютъ, дѣйствуетъ врачебно и употребляется также для понужденія послѣда, послѣ родовъ. Варятъ также въ мочѣ больнаго три куриныя яйца, выносятъ ихъ, съ горшкомъ, въ муравейникъ, разбиваютъ и зарываютъ все вмѣстѣ. Когда муравьи уничтожатъ яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной долженъ проносить нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ въ рукавицѣ, на голой ладони, во время приступа; потомъ сѣютъ ихъ, а когда взойдутъ, больной долженъ ихъ раздавить и растоптать. Завязываютъ въ лѣсу надъ головой больнаго два сучка березы, приговаривая: покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь. Пишутъ на бумажку абракодабра, извѣстнымъ треугольникомъ, или имя больнаго, молитву, или другія таинственныя слова, и привѣшиваютъ къ больному; или остригаютъ волоса и ногти больнаго, просверливаютъ въ осинѣ дыру, затыкаютъ ее этимъ и заколачиваютъ камешкомъ; нечаянно, съ молитвой, окачиваютъ во время озноба водой, сажаютъ лягушку за пазаху и проч. Отъ судорогъ носятъ въ карманѣ мѣдный грошъ, кусочекъ сѣры и ржанаго хлѣба; или зашиваютъ въ подвязку сѣрный цвѣтъ.

В. Луганскій.

КАНАЛЪ СУРОВЦОВА.

Одесскій купецъ М. Суровцовъ, по торговымъ своимъ дѣламъ, переѣзжалъ, нѣсколько разъ, при селеніи Маякахъ, черезъ рѣку Днѣстръ. Во время этихъ переѣздовъ, у него родилась мысль, что если бы при впаденіи Днѣстра въ лиманъ, не было отмелей, то по рѣкѣ этой было бы возможно каботажное судоходство: тогда сообщеніе съ Одессою и съ прочими черноморскими портами развило бы значительную торговлю и принесло существенную выгоду, какъ купцамъ, такъ и помѣщикамъ, на всемъ протяженіи Днѣстра, протекающаго отъ самыхъ границъ Галиціи до Чернаго моря, по Подольской и Херсонской губерніямъ и по Бессарабской области. Въ такихъ предположеніяхъ, Суровцовъ, во время своихъ переѣздовъ, часто ходилъ по берегу Днѣстра въ Аккерманскомъ уѣздѣ, и въ одинъ счастливый обзоръ нашелъ слѣды малаго *ярика* или канала, Богъ вѣсть когда и кѣмъ прорытаго. *Ярикъ* этотъ шелъ отъ Днѣстра до рѣчки Таранчука, которая вытекаетъ изъ Днѣстровскаго лимана и имѣетъ при устьѣ отъ 7-ми до 8-ми футовъ глубины. Обрадовавшись такой находкѣ, Суровцовъ изслѣдовалъ мѣстность, и принялъ намѣреніе, на мѣстѣ этого ярика, устроить каналъ и, такимъ образомъ, открыть судоходное сообщеніе приднѣстровскихъ мѣстъ со всѣми черноморскими портами. Составивъ проэктъ, Суровцовъ при прошеніи представилъ его Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, князю М. В. Воронцову, въ мартѣ 1838-го г. Вслѣдствіе Высочайшаго утвержденія, послѣдовавшаго въ 5-й день ноября 1838 г., Суровцовъ получилъ позволеніе устроить, на свое иждивеніе, каналъ между Днѣстромъ и Таранчукомъ, и, въ вознагражденіе за издержки, ему дана десятилѣтняя привиллегія (начиная съ 1-го мая 1839-го г.) пользоваться добровольнымъ сборомъ съ проходящихъ по его каналу судовъ.

Каналъ былъ оконченъ и торжественно открытъ въ 1840-мъ году. Длина его между двухъ рѣкъ 160 саженей; ширина при Днѣстрѣ 10, а при Таранчукѣ 7 саженей; глубина отъ 5-ти до $6^1/_2$ футовъ.

Съ открытія канала по 1842-й годъ, прошло изъ Таранчука по каналу въ Днѣстръ и обратно, съ грузомъ, взятымъ въ Маякахъ, въ Одессу 20 мореходныхъ судовъ [illegible] 1842-мъ — 10; въ 1843-мъ — 5; въ 1844-мъ — [illegible] всего 54 коммерческихъ судна, поднимающихъ грузу отъ 25-и до 90-а ластовъ.

Съ открытіемъ канала Суровцова, водяной путь по Днѣстру сдѣлался возможнымъ на всемъ протяженіи этой рѣки, въ Русскихъ предѣлахъ до самыхъ береговъ Чернаго моря. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что по этому каналу до 1845 г. прошло судовъ въ Черное море не такъ много, какъ бы можно было ожидать того. Единственною причиною этого былъ недостатокъ судовъ и, главное, самое ихъ устройство. Большая часть этихъ судовъ состоитъ изъ австрійскихъ плоскодонныхъ галеръ, которыя не дерзаютъ пускаться въ море, и потому выгружаются, обыкновенно, въ Парканахъ у Бендеръ (150 верстъ отъ Одессы), или въ Маякахъ (45 верстъ верстъ отъ Одессы); кромѣ того, и до этого пункта они часто плутъ медленно, останавливаясь у береговъ и часто даже выгружаясь, гдѣ ни попало, въ случаѣ бури и опасности; притомъ же возвращеніе этихъ судовъ вверхъ по теченію совершенно невозможно. Къ этому должно прибавить недостатокъ хорошихъ шкиперовъ, и неимовѣрную дороговизну сухопутной доставки изъ Парканъ и Маякъ въ Одессу. — Устранить подобныя затрудненія могутъ хорошія каботажныя суда, которыя бы примѣнены были къ мѣстнымъ потребностямъ и могли бы свободно и смѣло ходить по Днѣстру и не опасаться плаванія у береговъ Чернаго моря. Суровцовъ понималъ это, и въ 1843-мъ г. составилъ проэктъ мореходной лодки, удобной для днѣстровскаго судоходства и могущей поднимать отъ 3,000 до 4,000 пудовъ соли; но стѣсненное положеніе, въ которомъ онъ находится, не позволило ему доселѣ привести этого проэкта въ исполненіе. Въ 1844-мъ году, *Приднѣстровскій помѣщикъ* построилъ въ Одессѣ лодку, которая принимаетъ 200 четв. хлѣба и которая, съ полнымъ грузомъ, прошла изъ Одессы въ Днѣстровскій лиманъ, отсюда, черезъ каналъ Суровцова, въ Днѣстръ и по Днѣстру до Могилева, и воротилась въ Одессу, съ грузомъ же и тѣмъ же путемъ. Въ настоящемъ году, въ Подольской губерніи, въ мѣстечкѣ Каменкѣ, построено княгиней Четвертинской два мореходныхъ судна, поднимающихъ по 700 чет. пшеницы. Одно изъ нихъ, съ грузомъ 525 чет. пшеницы, пройдя черезъ каналъ Суровцова изъ Днѣстра въ лиманъ, пришло въ Одессу 10-го октября; за другимъ отправленъ шкиперъ. Въ Одессѣ нынче строятся большія лодки (каботажныя суда), приспособленныя къ днѣстровскому судоходству. Г. Збышевскій построилъ три такихъ лодки (каждая поднимаетъ 600 чет.); опытъ княгини Четвертинской показываетъ, что и на самомъ Днѣстрѣ можетъ производиться постройка подобныхъ лодокъ. Нынче въ Одессѣ окончательно оснащенъ желѣзный пароходъ «Днѣстръ», который недавно отправился, для опыта, въ р. Днѣстръ, взявъ на буксиръ четыре лодки, три г-на Збышевскаго и одну княг. Четвертинской; этотъ пароходъ много облегчитъ плаваніе лодокъ по Днѣстру.

Число судовъ (какъ мы уже замѣтили), прошедшихъ черезъ каналъ Суровцова, весьма незначительно; но можно ли винить за это каналъ? Сдѣлаемъ маленькое примѣненіе, чтобы показать яснѣе причину этого. Предположимъ, что между двухъ весьма важныхъ торговыхъ пунктовъ, на разстояніи, напр., ста верстъ, мы проложили желѣзную дорогу и отдѣлали ее какъ нельзя лучше; дорога готова, — остается только ѣздить, остается пустить въ дѣло вагоны. Но у насъ нѣтъ вагоновъ, и мы на желѣзную дорогу, вмѣсто вагоновъ, пустили простыя телеги, которыя были у насъ въ запасѣ. Само собою разумѣется, что желѣзная дорога нисколько не помогла этимъ телегамъ, которыя не способны ходить по рельсамъ, и время доставки отъ того нисколько не ускорилось. Наконецъ, на нашей дорогѣ появилось съ десятокъ вагоновъ; но количество продуктовъ, ждущихъ транспортировки между двумя пунктами, требуетъ ихъ сотни. Что жъ выходитъ? Количество продуктовъ на обоихъ пунктахъ безпрестанно увеличивается, потому что хозяева ихъ надѣются воспользоваться вагонами; но масса товаровъ такъ велика, что только нѣкоторые могутъ пользоваться вагонами, а прочіе должны обращаться къ прежнимъ телегамъ, которыя возятъ по прежнему, а берутъ дороже отъ усилившихся требованій. Вотъ и объясненіе того, на что мы указали выше. Прошедшія черезъ каналъ Суровцова 54 судна удостовѣряютъ, что суда могутъ свободно тамъ плавать. Въ прошломъ году пришло съ верховьевъ Днѣстра въ Маяки до 500 галеръ (каждая съ грузомъ отъ 350 до 400 ч. пшеницы); но онѣ не прошли черезъ каналъ и не пошли въ море. Виноватъ, ужъ конечно, не каналъ, а суда, которыя не смѣютъ пускаться дальше; пусть бы они были устроены такъ, какъ тѣ 54 судна, и они бы смѣло пошли далѣе и прибыли въ Одессу.

И такъ большое число хорошо устроенныхъ, сообразныхъ съ требованіемъ мѣстности, лодокъ дастъ совершенно иной видъ днѣстровскому судоходству. Пусть богатые помѣщики послѣдуютъ примѣру княгини Четвертинской; пусть предпріимчивые капиталисты не побоятся употребить капиталы на устройство возможно большаго числа лодокъ, приспособленныхъ къ мѣстному плаванію, — и труды ихъ не замедлятъ вознаградиться. Но, употребляя значительныя деньги на судостроеніе, пусть не забываютъ хозяева ихъ, что въ дѣлѣ всякаго плаванія, главная порука успѣха — кормчій. У многихъ изъ нашихъ Русскихъ, занимающихся вообще промышленостію (къ счастью не у всѣхъ), существуетъ странная смѣсь европеизма съ азіятскою патріархальностью. Иной употребитъ огромный капиталъ на устройство какого-нибудь заведенія, а старается выиграть нѣсколько сотень на наймѣ прикащика, и, выигравъ жалкую сумму, теряетъ порою весь капиталъ отъ недальновидности, недобросовѣстности, или невѣжества и безпечности этого прикащика. То же бываетъ и съ судномъ, ввѣреннымъ неопытной или лѣнивой рукѣ. Пусть шкиперъ вашъ беретъ большую, значительную сумму, но за то ваше судно и товаръ, ввѣренный ему, обезпечены... Разумѣется и съ опытнымъ шкиперомъ случаются несчастія, въ которыхъ безсильны и его опытность, и его умъ и знаніе дѣла; но такія неизбѣжныя несчастія не уничтожаютъ важности хорошаго шкипера въ минуту опасности, которую можно отвратить. У насъ нельзя пожаловаться на недостатокъ такихъ людей: Херсонское училище торговаго мореплаванія ежегодно выпускаетъ своихъ воспитанниковъ и можетъ удовлетворять этой потребности; не жалѣйте жалованья — и люди найдутся.

Песчаныя косы лимана не могутъ служить препятствіемъ для днѣстровскаго судоходства. Подробная карта днѣстровскаго лимана и канала

Суровцова, изданная Черноморкимъ депо, съ показаніемъ якорныхъ мѣстъ и направленія фарватера, можетъ служить прекраснымъ руководствомъ хорошему мореходцу. Кромѣ того, въ будущемъ году, по распоряженію начальства, на этихъ отмеляхъ будутъ поставлены вѣхи, которыя уже означены на картѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года каналъ Суровцова былъ вновь освидѣтельствованъ, по указу Бессарабскаго областнаго правленія, и самая меньшая глубина его была тогда 6 футовъ и 5 дюймовъ. Хозяева лодокъ могли бы также исходатайствовать, чтобы, въ случаѣ бурной погоды и противнаго вѣтра на морѣ, суда ихъ были буксированы изъ моря въ лиманъ большими Крымскими пароходами, которые, приходя въ Одессу, дней нѣсколько стоятъ на мѣстѣ, и могли бы въ этомъ случаѣ принести большую пользу.

Въ заключеніе повторимъ, что чѣмъ болѣе будетъ въ днѣстровскомъ судоходствѣ являться судовъ, требуемыхъ мѣстностью и ввѣренныхъ хорошимъ шкиперамъ, тѣмъ яснѣе будетъ являться вся важность канала Суровцова. Отъ предпріимчивыхъ капиталистовъ зависитъ воспользоваться всѣми выгодами, которыя представляетъ этотъ каналъ для водянаго транспорта произведеній изъ приднѣстровскихъ мѣстъ въ Одессу, и тѣмъ способствовать развитію торговли и увеличенію собственныхъ капиталовъ. (О. В.)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Изданіе Иллюстраціи на 1846 г.—Пожаръ и маскарады.—Марія ди Роганъ.—Казанская выставка.—И. П. Шиповъ.—Художникъ Штернбергъ.

=

Годъ опыта и различныхъ испытаній для Иллюстраціи кончился. Не девять мѣсяцевъ, а ровно годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ главный редакторъ удостоился получить дозволеніе на изданіе Иллюстраціи. Съ тѣхъ поръ Редакція постоянно находилась въ борьбѣ съ противностями, затрудненіями; встрѣчала неудачи; подвергалась ошибкамъ, по возможности исправляла ихъ, и наконецъ достигла благополучнаго окончанія перваго, вступительнаго года изданія Иллюстраціи. Въ этотъ разъ вы не услышите отъ насъ укора, который иногда отзывался на страницахъ Иллюстраціи.Кто не роталъ на несправедливость людей?

Возрастающее вниманіе публики къ нашему изданію, содѣйствіе всѣхъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ литераторовъ къ *пользамъ* Иллюстраціи, обязательное усердіе художниковъ, вотъ что мы помнимъ, чего никогда не забудемъ; мы перенесли тяжкія испытанія, но не было ни одной минуты безъ сознанія и нравственнаго утѣшенія, что мы идемъ къ нашей цѣли путемъ безукоризненнымъ, по доброй совѣсти, употребляя къ тому всѣ средства наши безъ остатка. Насъ поддерживало убѣжденіе, что свойства нашихъ дѣйствій раньше или позже освободятся отъ предубѣжденій, которыми хотѣли повредить намъ кое-какіе люди... Но довольно объ этомъ! Первый томъ теперь у каждаго въ рукахъ; каждый можетъ пересмотрѣть его въ совокупности; видѣть наши старанія шагъ за шагомъ, счесть гравюры, оцѣнить ихъ достоинство, взглянуть на содержаніе, словомъ, безпристрастно, у кого есть безпристрастіе,справедливо,кто умѣетъ быть справедливымъ, произнести свой приговоръ.

На будущій 1846-й годъ мы даемъ одно только обѣщаніе. Употреблять тѣ же старанія, какія употребляли и въ истекающемъ году, чтобы постоянно улучшать наше любимое изданіе. Мы осмѣлились быть искренними, и повѣрьте, слово «любимое» самый вѣрный эпитетъ относительно насъ и нашей Иллюстраціи. Намъ грустно, что въ точности согласуясь съ програмкой и руководствуясь разсчетомъ времени, мы должны ждать три недѣли до выхода слѣдующаго нумера, которымъ начнется годичное изданіе и второй томъ Иллюстраціи.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ не такъ поняли условія подписки на 1846 годъ. Подписавшись на весь годъ, они присылаютъ по 11 р. 50 к. и на слѣдующій. Эта цѣна дѣйствительно назначена для тѣхъ, которые подписываются на Иллюстрацію 1846 года, *вновь на весь годъ*, и въ числѣ подписчиковъ на первый годъ не состояли. Тѣ же, которые подписались на полученіе Иллюстраціи съ 1-го апрѣля 1845 по 1-е апрѣля 1846-го года, возобновляютъ билеты на полученіе Иллюстраціи въ продолженіе послѣднихъ 9 мѣсяцевъ 1846 года, и платятъ съ пересылкою по 9-ти р. Такимъ образомъ всѣ гг. подписавшіеся будутъ удовлетворены одновременно и въ 1847-мъ году подписка откроется для всѣхъ съ 1-го января.

— Ежедневныя газеты сообщили уже всѣ подробности пожара, бывшаго въ зданіи здѣшняго Дворянскаго Собранія. По счастью и по усердію нашей пожарной команды, великолѣпная и удобная зала не пострадала, и безъ сомнѣнія, карнавальныя увеселенія — балы и маскерады, которыми мы и безъ того весьма бѣдны, начнутся въ свое время безотлагательно. Въ день пожара на лицахъ многихъ нашихъ дамъ мы замѣтили выраженіе ужаса, и легко прочли ихъ тайныя мысли и раздѣлили съ ними справедливыя опасенія. О Ужасъ! Страшно и подумать, что сталось бы съ любительницами танцевъ и невинныхъ маскерадныхъ шутокъ, если бы огонь завладѣлъ ихъ ареной. Но страшная буря миновалась. Молодые люди ѣздили къ молодымъ дамамъ съ поздравленіями, что страшное бѣдствіе прошло мимо самой залы, величіе ея не тронуто, не нарушено; говорятъ, даже не запачкано. Многимъ казалось, что ихъ только утѣшаютъ, пріятно обманываютъ, а въ существѣ — залы нѣтъ. Зала есть! Балы и маскерады будутъ! А если бы и не было? Будто ужъ у насъ и залъ нѣтъ, куда бы временно могло быть переведено поприще Терпсихоры и десятой музы, принадлежащей совершенно новому вѣку. У древнихъ Мельпомена носила маску; у насъ она въ страшной наготѣ, а маску передала новой музѣ, музѣ сладостнаго шепота, лукавой загадочности, невинныхъ таинственныхъ шутокъ, этого сна на яву, который мы называемъ маскерадомъ...

Маскерады въ Дворянскомъ Собраніи заключаютъ въ себѣ что-то величественное, заимствуемое отъ величественности самой залы. Маскерады въ большомъ театрѣ имѣютъ совершенно иную физіономію. Бывшій 6-го декабря былъ, какъ первенецъ, слабъ и малъ; ложи почти пусты; и неудивительно: въ этотъ день именинниковъ много на святой Руси, слѣдственно и въ столицѣ. У насъ есть обычай праздновать именины и отсутствующихъ. Въ этотъ день въ Петербургѣ на каждой улицѣ праздникъ. Къ тому же первый маскерадъ... Еще успѣемъ... Спѣшите, однако же вкусить это наслажденіе, потому что изъ Библіографіи нашей можете узнать, что въ этомъ году карнавалъ нашъ будетъ весьма кратокъ. Спѣшите насладиться и маскерадами, и балами, и оперой. Послѣдняя опера — была Марія ди Роганъ.

— Музыка этой оперы — музыка Доницетти. Каждый сколько нибудь ознакомившійся съ италіянской оперой, знаетъ, что музыка Доницетти есть ткань миловидныхъ бездѣлушекъ и совершенныхъ пустяковъ, каково бы ни было содержаніе піэсы. Вотъ почему комическія его оперы лучше трагическихъ. Сія — есть трагическая Она составлена тако: во времена Ришелье, нѣкто Рикардо графъ Шале влюбленъ въ нѣкую Марію ди Роганъ, а Марія тайно замужемъ за герцогомъ Шеврезъ; а герцогъ убилъ на поединкѣ племянника кардинала, за то, что и онъ осмѣлился влюбиться въ Марію. Марія умоляетъ Рикардо спасти герцога; Рикардо *великодушенъ* и выманиваетъ у короля прощеніе. Извѣстный Гонди, который мѣшался во всѣ исторіи, вмѣшался и въ эту оперу и повздоривъ съ графомъ Шале, вызываетъ его на дуэль. Между тѣмъ возвѣщаютъ о паденіи Ришелье; и герцогъ открываетъ передъ цѣлымъ двороиъ тайну, что Марія его жена. Рикардо въ отчаяньи и вѣроятно ему досадно, что онъ спасъ мужа Маріи отъ эшафота; въ оперѣ онъ что-то намѣкаетъ, но понять трудно, да и времени нѣтъ, потому что сочинитель либретто на мѣсто Ришелье дѣлаетъ первымъ министромъ графа Рикардо и уводитъ его къ королю самымъ торжественнымъ образомъ, съ большимъ спектаклемъ, какъ прежде говаривали.

Во второмъ актѣ Марія, узнавъ, что Ришелье вошелъ опять въ милость, прибѣгаетъ, натурально, въ маскѣ, и умоляетъ Шале спасаться отъ мести кардинала. Шале это предвидѣлъ, уже собрался бѣжать, но прежде хотѣлъ убить Гонди, а къ Маріи оставилъ въ конторкѣ письмо съ ея медальономъ. Во время этой бесѣды шествуетъ герцогъ. Марія должна спрятаться. Куда? въ домашній арсеналъ. Герцогъ, секундантъ графа, зоветъ Шале на мѣсто боя, но тотъ медлитъ; герцогъ находитъ маску, догадывается, что у Шале гости, и отправляется на мѣсто боя одинъ. Марія не пускаетъ Шале; онъ вырывается, но поздно; герцогъ дрался за него и за него же раненъ. Узнавъ, что городскіе стрѣлки пошли въ домъ графа, онъ даетъ ему наставленіе, какъ отъ нихъ уйти. Графъ ушелъ; но Фіэски, сыщикъ, осмотрѣвъ бумаги Шале, нашелъ письмо съ медальономъ. Герцогъ въ бѣшенствѣ, и въ свою очередь жалѣетъ что графъ ушелъ, но графъ не ушелъ; онъ хотѣлъ проститься съ Маріей, и наткнулся на соперника. Для окончанія драмы они пошли въ другую комнату, а на сцену явились городскіе стрѣлки. Выстрѣлъ. Гдѣ графъ? спрашиваютъ стрѣлки. — Герцогъ выходитъ и отвѣчаетъ: что графъ,спасаясь отъ позорной казни, застрѣлился. Фіэски идетъ повѣрить правду словъ герцога, а герцогъ говоритъ женѣ: а ты живи, на тебѣ позоръ... Конецъ, хотя тутъ нѣтъ драматическаго конца. Но какъ знать, можетъ быть, Доницети для финала напишетъ еще оперу; за этимъ дѣло не станетъ.—Вотъ и опера, которыя теперь пишутся дюжинами.Прежде композиторы хлопотали, чтобы достать либретто логическое, ясное, оправданное во всѣхъ драматическихъ положеніяхъ и согласное съ условіями музыки сценической. Лучшіе писатели составляли либретто для оперъ: Бомарше, Жуи, въ наше время Скрибъ и Романи, едва ли не лучшіе писатели для оперъ. Много оперъ упало, не музыки ради, а потому что зритель затруднялся и не могъ понять, что передъ нимъ происходитъ. Недавно у насъ опера достойная не имѣла успѣха, какого заслуживаетъ, по милости либретто. Теперь, за недостаткомъ происшествій въ столицѣ, отправляемся въ провинцію.

— Въ провинціи мы замѣтили весьма любопытное явленіе. Это губернскія выставки сельскихъ произведеній. Промышленность наша еще на весьма низкой степени развитія. Что грѣха таить? Она требуетъ, кромѣ всякаго другаго вспоможенія, и публичнаго одобренія. Отдѣльно мы могли бы представить множество подвиговъ на этомъ поприщѣ, но въ массѣ всѣ эти подвиги кусты, розъ, разбросанные по огромной пустынѣ, отчего они и дѣлаются незамѣтными. Централизація общей дѣятельности народа въ одномъ пунктѣ не можетъ быть такъ полезна, какъ централизаціи той же дѣятельности отдѣльно въ каждой провинціи. Важность послѣдствій какого-либо открытія или улучшенія, придуманнаго, напримѣръ въ Астрахани и приспособленнаго къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, почвѣ и климату, не можетъ быть оцѣнена публичнымъ судомъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ; ее понимаютъ тѣ, которые знакомы съ мѣстными требованіями края. На казанской выставкѣ, напримѣръ бывшей въ этомъ году было 498 нумеровъ; золотая медаль выдана за выдѣлку кожевеннаго товара, серебряныя за картофельную патоку и за сальныя свѣчи. Мы постоянно будемъ слѣдить за губернскими выставками, и увѣрены, что для многихъ эта статья будетъ всегда занимательна.

— Въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ Неофиціальной части, обыкновенно помѣщаются частныя извѣщенія. Въ N 47, однакоже мы нашли любопытную некрологію Ивана Павловича Шипова. Достойный воинъ, съ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя военному поприщу, И. П. Шиповъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, бывшихъ съ 1809-го года; взысканъ милостями нашихъ Государей, и двадцать восемь разъ имѣлъ счастіе получать Высочайшія благоволенія. Послѣдніе годы жизни проводилъ И. П. Шиповъ въ кругу семейства, снѣдаемый грудною водяною болѣзнью, отъ которой и умеръ 21-го октября текущаго года. Жители Ярославля отдали послѣдній долгъ генералу Шипову съ такимъ непритворнымъ сожалѣніемъ, которое останется на всегда свидѣтелемъ высокихъ достоинствъ покойнаго. Тѣло погребено въ Толгскомъ монастырѣ...

— Мы намекнули уже объ утратѣ, понесенной Русскими художествами. Письма изъ Италіи подтвердили вѣсть о смерти Штернберга. Въ молодости, самой нѣжной, онъ подавалъ уже блистательныя, необманчивыя надежды. У него былъ свой родъ, онъ смотрѣлъ на все своими глазами, глаза эти видѣли натуру въ юмористическомъ свѣ-

тѣ, безъ каррикатуры. Прекрасно умѣлъ онъ уловлять характеристическія черты народной физіономіи. Нѣкоторое время онъ проживалъ въ Малороссіи; къ этому періоду принадлежитъ едва ли не лучшая картинка: освященіе пасхи въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Не въ упрекъ покойному, мы должны сказать, что онъ мало воспользовался Малороссійскими типами; не въ упрекъ, потому что доброты онъ былъ необыкновенной и писалъ, изъ угожденія тщеславію, виды полубарскихъ садовъ и полубарскихъ затѣй, тогда какъ на каждомъ шагу въ Малороссіи онъ могъ встрѣчать картины совершенно въ его родѣ. Вторая поѣздка Штернберга была въ Хивинскую экспедицію. Объ этомъ періодѣ мы неимѣемъ никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, онъ отправился въ Италію. У насъ художники думаютъ, что безъ Италіи нѣтъ художества, не разбирая того, къ какому роду наклоняется ихъ талантъ. Впрочемъ, этотъ предразсудокъ пока общій, а между тѣмъ, если бы Штернбергъ спросилъ насъ, куда ему ѣхать, мы бы сказали: поѣзжайте въ Голландію и Бельгію. Проѣзжая Германію, зажмурьтесь, чтобы не засмотрѣться на лакировку Нѣмецкихъ картинъ, чтобы не заразиться трансцедентальною философіей Германской композиціи. Поѣзжайте въ Голландію и вступите въ клубъ первоклассныхъ художниковъ въ вашемъ родѣ. Тамъ и для васъ оставлено мѣстечко. Но — Италія... Не сбылись ожиданія безошибочныя, климатъ европейскаго рая не для каждаго благодатенъ; Штернбергъ страдалъ долго, страдалъ недугомъ и невозможностію написать что-либо такое, чтобы могло вполнѣ отвѣтить на ожиданія соотечественниковъ. Штернбергъ написалъ и много и мало. Много, потому что немного Русскихъ альбомовъ безъ его рисунковъ акварелью; мало — потому что не осталось и десятка картинъ галлерейныхъ. Грустно подумать: много художниковъ утратили мы въ одно десятилѣтіе. Кипренскій, Лебедевъ, Гальбергъ, Орловскій, Брюловъ меньшой, Петровскій, Штернбергъ — и всѣ эти потери понесены въ десять не сполна лѣтъ! И въ государствѣ, обильномъ художниками, такія потери были бы слишкомъ чувствительны, а у насъ — едва ли замѣнимы... Подробностей о кончинѣ Штернберга мы еще не получили; взгляните на портретъ его, на очеркъ альбомнаго рисунка, и пожалѣйте Русское художество. Владѣльцы картинъ Штернберга сдѣлаютъ намъ чувствительное одолженіе, если позволятъ снять вѣрные рисунки съ Штернберговыхъ картинъ для Иллюстраціи.

Художникъ Штернбергъ.

Малороссійская сцена, съ рисунка Штернберга.

БИБЛІОГРАФІЯ.

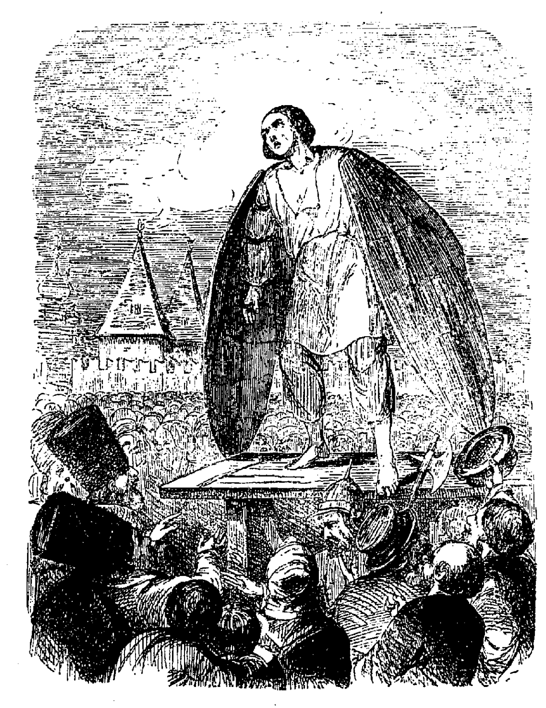
15) *Новоселье. Часть* 1 и 2. *Второе изданіе.*

Простой случай — перемѣщеніе книжнаго магазина А. Ф. Смирдина на Невскій проспектъ, 19 февраля 1832, послужилъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, поводомъ къ изданію сборника литературныхъ трудовъ всѣхъ тогда наличныхъ Русскихъ писателей. Статей собралось столько, что Александръ Филиповичъ могъ издать два толстые тома. Взглянемъ на соучастниковъ Новоселья.

Порфирій Байскій (Ор. М. Сомовъ) ум.
В. Н. Берхъ — ум.
О. В. Булгаринъ.
Н. И. Гречь.
Казакъ Луганскій.
К. П. Масальскій.
А. И. Михайло скій-Данилевскій.
Князь Вл. О. Одоевскій.
В. И. Панаевъ.
О. И. Сенковскій.
А. С. Шишковъ — ум.
Б. М. Оедоровъ.
Е. А. Баратынскій — ум.
Князь П. А. Вяземскій.
Н. И. Гнѣдичь — ум.
В. А. Жуковскій.
Зайцевскій.
И. И. Козловъ — ум.
И. А. Крыловъ — ум.
М. А. Лобановъ.
А С. Норовъ.
М. П. Погодинъ.
А. С. Пушкинъ — ум.
Баронъ Е. О. Розенъ.
Графъ Дм. И. Хвостовъ — ум.
Хомяковъ.
Н. В. Гоголь.
В. А. Ушаковъ.
Князь А. А. Шаховской.
И. М. Ястребцовъ.
Воскресенскій.
Князь Голицынъ.

Вотъ почти весь итогъ тогдашнихъ писателей Русскихъ. Не усматриваемъ только Гг. Загоскина, Лажечникова, Полеваго, Вельтмана, Хмѣльницкаго и немногихъ, выступившихъ на поприще литературы уже послѣ 1832 года. Смерть унесла изъ среды нашей, правда, не малое число писателей; потери эти чувствительны, незамѣнимы, но, числительно, сословіе литераторовъ не могло уменьшиться, и не уменьшилось. Прошло тринадцать лѣтъ, періодъ самой блистательной дѣятельности А. Ф. Смирдина и самыхъ тяжелыхъ испытаній, разрушившихъ его достояніе, заставившихъ его укрыться съ Невскаго проспекта и въ тишинѣ, подобно муравью, трудиться неусыпно, чтобы исполнить долгъ честнаго человѣка, очистить себя отъ накопившихся долговъ, образовавшихся, не отъ расточительности, а отъ желанія облагородить, возвысить книжное дѣло, составлявшее у насъ мелкій промыслъ, облегчить литераторовъ въ ихъ занятіяхъ. Многіе весьма несправедливо разсуждали: что же тутъ удивительнаго? Смирдинъ платилъ красно, потому что видѣлъ свои выгоды. Дѣло опровергаетъ эту мысль. Если бы однѣ выгоды руководствовали дѣятельностью А. Ф. Смирдина, то и онъ построилъ бы себѣ домы во множество этажей, издавалъ бы только *хлѣбенныя* книжки. Мы помнимъ и не рѣдко сравнивали сцены 1833 и 1843 годовъ; въ 1833 году, на Невскомъ проспектѣ у дома, въ коемъ помѣщалась, такъ называемая Библіотека для Чтенія А. Ф. Смирдина, цѣлый день тѣснились экипажи; въ магазинѣ толпились литераторы и посѣтители, неотходно, съ предложеніями, рукописями, проэктами и т. п. Въ 1843 году, въ опрятномъ, но скромномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, на Италіянской улицѣ въ домѣ Екатерининской Римско-Католической церкви, мы иногда не находили ни живой души, кромѣ прикащиковъ и хозяина, не терявшаго никогда бодрости духа, мечтавшаго о какомъ либо новомъ, и непремѣнно полезномъ, предпріятіи; а гдѣ же толпа, гдѣ эти рукописи, проэкты... И сердце сжималось, и страшно становилось за тѣхъ, которые, не дѣлая корыстныхъ разсчетовъ на будущее, повинуясь высшему влеченію къ добру и пользѣ, стремятся съ пожертвованіями и лишеніями къ исполненію благихъ предпріятій, утѣшаясь ихъ несомнѣнною общественною пользою и не гадая о послѣдствіяхъ, грозящихъ начинателю. Онъ думаетъ: дѣло мое право, полезно; придетъ бѣда, меня выручатъ тѣ, для пользы которыхъ я трудился... Это не легкомысліе; нѣтъ, это чистота дѣйствій и намѣреній, не отравленная недовѣріемъ къ свойствамъ и качествамъ другихъ. Въ Парижѣ и Германіи были примѣры, что богатѣйшіе книгопродавцы приходили въ затруднительное положеніе. На помощь имъ спѣшили — литераторы; каждый приносилъ въ даръ, т. е. давалъ даромъ, хорошую статью и затрудненіе книгопродавца исчезало. Конечно, если бы книгопродавцу пришлось всѣмъ заплатить за оригиналъ, и прилично издать книгу, то барыши, какъ-бы они значительны ни были, никогда бы не выручили его изъ затрудненія. Возвратимся къ А. Ф. Смирдину и его Новоселью. Личными усиліями, существенною помощію правительства, содѣйствіемъ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ лицъ изъ его сословія, А. Ф. Смирдинъ погасилъ въ большей мѣрѣ долги свои и, забывая прошедшее, опять хотѣлъ заняться книжнымъ дѣломъ, которое онъ возвысилъ въ Россіи; опять перешелъ на Невскій проспектъ, и мысль о третьемъ томѣ Новоселья родилась сама собою. Гг. литераторы, годъ тому назадъ, изъявили свое согласіе составить изъ трудовъ своихъ этотъ третій томъ...

Крестьянинъ и собака



Русскій Икаръ.

Сцена изъ похожденія Ревижской души.

Но пока вышли вторымъ изданіемъ только два первые. Изданіе это похоже на грустный памятникъ добраго дѣла, въ годину смутную свидѣтельствующій о добродѣтеляхъ предковъ. Пересматривая и перечитывая эти два тома, невольно говоришь: Да, у нашихъ предковъ была литература! Многіе изъ предковъ занимались литературой съ любовью. Правда, тогда было меньше шмелей, больше пчелъ; Новоселье Смирдина, было, по истинѣ, литературнымъ праздникомъ; это второе изданіе, эти поминки по предкамъ — укоръ нашему времени. И правду сказать, въ то время, въ этомъ Новосельи для А. Ф. Смирдина вовсе не было нужды; вся книжная торговля была въ рукахъ его; онъ былъ богатъ, помощи не требовалъ, а литература все-таки сдѣлала свое дѣло; эти два тома свидѣтельствуютъ, какъ тогда понимали пользы общія, обоюдныя выгоды. Слава нашимъ предкамъ!

Второе изданіе Новоселья, какъ изданіе, далеко превосходитъ первое во всѣхъ отношеніяхъ. Великолѣпный шрифтъ, прекрасная бумага и множество картинокъ, гравированныхъ на деревѣ, сообщили книгамъ истинно изящный видъ. О достоинствѣ послѣднихъ лучше всего судить глазами; почему мы и помѣстили нѣкоторыя изъ нихъ. Деревянная гравюра въ теченіе короткаго времени сдѣлала у насъ значительные успѣхи. Прежде, ничтожные очерки, въ родѣ мушекъ, украшающіе мелочныя изданія, надо было посылать въ Парижъ; теперь въ Иллюстраціи случаются нумера, въ коихъ гравюры всѣ исполнены въ Петербургѣ; теперь Новоселье, въ которомъ такъ много картинокъ, украшено гравюрами, также исполненными въ Петербургѣ. Послѣднія изготовлены г. Дерикеромъ, по собственнымъ его рисункамъ, со свойственною ему тщательностью и отчетливостью. Г. Дерикеръ хотя и гравировалъ для Иллюстраціи, но весьма немного, случайно, на первыхъ порахъ изданія; почему похвала наша не покажется лицепріятіемъ. Почему же, спросятъ, онъ не гравируетъ для Иллюстраціи теперь? Это другой вопросъ. Г. Дерикеръ не находитъ для себя выгоднымъ гравировать по тѣмъ цѣнамъ, какія установились для Иллюстраціи, какъ здѣсь, такъ и за границей, почему и Редакція не можетъ и не должна платить дороже того, во что ей обходятся гравюры и здѣсь и за границей. Вотъ единственная причина, по коей Иллюстрація лишена постояннаго сотрудничества г. Дерикера; таланту же его отдаетъ всегда полную справедливость.

=

16. *Руководство къ политической ариѳметикѣ, составл. г. Бруномъ. Одесса* 1845.

Теперь всѣ науки переиначились, перестроились; въ каждой возникла философія, или основная идея науки, развиваемая особо, a priori, или по-крайней-мѣрѣ съ желаніемъ развить ее изъ умозрѣній.

Политическія науки давно уже получили свои философіи, часто утопическія. Со временъ Филанджіери вышла, по-крайней-мѣрѣ, тысяча политическихъ философій, подъ разными только заглавіями. Въ политикѣ, которую можно назвать жизнью народа, важную роль играетъ счисленіе; тамъ гдѣ, въ соображеніе входятъ числа, необходимы и особенные законы, облегчающіе счисленіе иногда громадныхъ суммъ. Изъ этой необходимости возникла политическая ариѳметика, которая теперь въ торговыхъ городахъ преподается съ каѳедры. По нашему мнѣнію, она еще не достигла полнаго развитія и не имѣетъ плотнаго, на философскихъ началахъ построеннаго, состава. Статьи, нынѣ образующія политическую науку, сложены въ зданіе безъ цемента, какъ нибудь, безъ внутренней необходимой связи. Политическая ариѳметика, безъ всякаго сомнѣнія, покрайней-мѣрѣ, до сихъ поръ есть выкладка нѣкоторыхъ задачь изъ теоріи вѣроятностей. Правила сложныхъ процентовъ, вопросы о смертности и умноженіи народонаселенія, страхованія жизни, погашенія долговъ, лотереи, и выборы посредствомъ голосовъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ основаніи своемъ должны имѣть теорію вѣроятностей. Книга г. Бруна, конечно, есть только руководство при преподаваніи; она имѣетъ относительное и положительное достоинство, особенно для тѣхъ, которые не имѣютъ возможности и времени прочесть все, что писано объ этомъ предметѣ Тетенсомъ Лакроа, Бернулли, Яномъ, Пиперомъ, Литровымъ и другими. Кстати сказать, что въ Одессѣ издаются только хорошія книги, и притомъ издаются прекрасно. Что городъ, то норовъ.

17. *Воспоминанія Ѳаддея Булгарина, часть* 1. *С. Петербургъ*. 1846.

Такъ какъ эта книга вышла *въ будущемъ* 1846 году, то до Новаго года не слѣдовало бы ее развертывать; но вы не знаете, что сочиненія г. Булгарина такъ *быстро* расходятся, что заранѣе приготовленное *второе* изданіе *для* 1846 го года, должно было поступить въ продажу до срока. Иначе нельзя объяснить этого феномена. А чтобы читатели могли хорошо выразумѣть Воспоминанія г. Булгарина, то они изданы вдвойнѣ: въ Библіотекѣ для Чтенія и особо; а для большаго удобства вышли въ свѣтъ *въ одинъ день*. Феномены! Небывалые феномены! Должно быть очень пріятно журналу, когда иностранный романъ, въ немъ помѣщаемый, печатаютъ отдѣльно, не извѣстно за чѣмъ, и главную по объему статью оригинальную издаютъ въ то же время, также отдѣльно, и также не извѣстно за чѣмъ. Оригинально! Что же послѣ этого останется въ журналѣ? Конечно, все это дѣлается безъ вѣдома Редакціи, изъ безкорыстныхъ видовъ общей пользы, въ нравственное наставленіе, какъ слѣдуетъ спекуляторамъ подвизаться на литературномъ поприщѣ. — *Относительно содержанія*, мы находимся въ совершенномъ недоумѣніи, кому вѣрить: тому *ли*, что мы уже читали и слышали, или новымъ Воспоминаніямъ будущаго 1846-го года? Большую часть анекдотовъ, изъ коихъ Воспоминанія составлены, давно всѣ знаютъ; въ Литвѣ Радзивиловскіе анекдоты случались почти съ каждымъ отцемъ каждаго сына. Мы даже удивились, отчего въ Воспоминаніяхъ такъ мало анекдотовъ;

Кабардинецъ приноситъ голову сестры своей, ея обольстителю.

Кіевскія вѣдьмы.

Большой выходъ у Сатаны.

можно бы набрать побольше. Къ этому времени принадлежитъ и слѣдующій: одинъ Литовскій вельможа, имѣвшій въ гербѣ своемъ сто клѣтокъ, любилъ увлекаться воспоминаніями и разсказывалъ однажды, что на охотѣ поймалъ зайца за хвостъ. Оканчивая разсказъ, онъ имѣлъ привычку обращаться къ своему маршалку и спрашивать: не правда ли? Маршалокъ отвѣчалъ: *совершенная правда! И вотъ почему съ тѣхъ поръ всѣ зайцы безъ хвостовъ.* — И сюда же принадлежитъ слѣдующій анекдотъ: одинъ грамотный сельскій учитель разсказывалъ неграмотному сосѣду политическія извѣстія; между прочимъ разсказалъ, что *будущаго* 10 февраля Турки *побиты* на голову... Какъ будущаго?.. спросилъ сосѣдъ... Эхъ, любезный, ты только слушай, а не спрашивай! Ты ничего не знаешь. Теперь пароходы, желѣзныя дороги, почта летаетъ шибче вѣтра. — По этой почтѣ прилетѣли и новыя Воспоминанія г. Булгарина. И такъ до Новаго года. Всему свое время.

18) *Мѣсяцесловъ на* 1846 *годъ. С. Петербургъ.*

Вотъ книга, которая въ полномъ смыслѣ имѣла право выйти на будущій годъ. Календарь вмѣстѣ съ Воспоминаніями слышаннаго и проч. обогнали время. Мѣсяцесловъ дѣйствительно долженъ быть послѣднею книгою истекающаго и первою наступающаго года. Мы заключимъ Библіографію 1845 года Календаремъ.

Эти изданія за границею получили превосходное популярное направленіе. Календарь каждому нуженъ и этой потребностью весьма хорошо воспользовались люди смѣтливые и благонамѣренные, прилагая къ необходимымъ свѣдѣніямъ статьи полезныя для всѣхъ классовъ народа. Въ нашемъ Календарѣ, кромѣ ежегодно помѣщаемыхъ таблицъ и оффиціальныхъ указаній — одна статья и та — объ астрономіи!.. Кто споритъ, что предметъ и статья весьма любопытны; но для кого? Такую статью мы бы съ удовольствіемъ прочли въ ученомъ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, но въ Календарѣ, право, и читать неловко. Не смотря на то, мы принудили себя прочесть, и совѣтуемъ каждому сдѣлать себѣ такое же принужденіе. *Кажется*, и астрономія, а занимательнѣе старыхъ Радзивиловскихъ анекдотовъ и понятна для каждаго. Сочинитель статьи, профессоръ Савичъ, обозрѣвъ успѣхи практической астрономіи вообще, обратился къ состоянію ея въ Россіи, указалъ на мѣстонахожденія разныхъ нашихъ обсерваторій и остановился на Центральной Пулковской. Описавъ ея внутреннее расположеніе и находящіеся тамъ инструменты, г. Савичъ въ краткомъ обзорѣ указалъ на главнѣйшіе факты пятилѣтней дѣятельности астрономовъ Пулковской обсерваторіи.

Календарь, любимецъ Фамусова, книга важная. Въ ней много хорошаго, какъ говорилъ одинъ профессоръ про свою географію. Въ ней чего хочешь, того и просишь. Это маршрутъ земли и неба. Что случится на землѣ? Много хорошаго. Во-первыхъ, весна начнется 9 марта поутру въ 1 ч. 39 м. Непремѣнно начнется. Правда и послѣ 9 марта будутъ морозы, ѣздить будутъ на саняхъ, но весна все-таки начнется; цвѣты будутъ себѣ

цвѣсти подъ снѣгомъ. Лѣто начнется непремѣнно 9 іюня, осень 11 сентября, а зима 10 декабря. Вотъ что на землѣ... На небесахъ ничего не случится, ровно ничего, по-крайней-мѣрѣ, мы Русскіе, ничего не увидимъ. Чужеземцы будутъ наслаждаться двумя кольцеобразными затмѣніями солнца; но насъ къ этому спектаклю не допустятъ. Луна на 1846 годъ рѣшительно отказалась отъ всякихъ затмѣній и прекрасно сдѣлала...

Сцена изъ повѣсти Премiеръ-Маіоръ.

Но обо всемъ этомъ мало заботится родъ людской. Онъ думаетъ только о томъ, когда ему придется отдохнуть отъ заботъ, отъ хлопотъ, отъ труда ежедневнаго; и отдохнуть не день, не два, а недѣльку; на эту страничку Календаря вѣроятно заглянулъ каждый и прочелъ, что масленица окончится 17 февраля, а святая седьмица начнется 7 апрѣля.

Все есть въ Календарѣ. Недостаетъ одного извѣстія: когда выйдетъ 1-й нумеръ Иллюстрація на 1846-й годъ. Спѣшимъ пополнить этотъ недостатокъ и увѣдомить, что 1-й нумеръ на 1846-й годъ и 57-й въ общей нумераціи выйдетъ въ свое узаконенное время, то есть, въ первую субботу послѣ Новаго года; что придется въ 5-й день января. Будетъ ли Библіографія 1-го нумера 1846 года богаче! Врядъ-ли! Никакихъ особенно благопріятныхъ слуховъ. Впрочемъ движеніе литературы не подчиняется астрономическимъ исчисленіямъ. Желаемъ ошибиться.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Фанни Эльслеръ и Тальони. — Платоническая любовь. — Какъ приняли у насъ г-жу Плесси. — Мамлюкъ Наполеона. — Неожиданное наслѣдство. — Г-жа Андреянова въ Парижѣ. — Часы императрицы Жозефины. — Новый танецъ. — Трактирщикъ и плутъ. — Складной дворецъ.

═

Фанни Эльслеръ и Тальони. Фанни Эльслеръ прибыла въ Римъ и давала нѣсколько представленій на театрѣ Арджантина. Г-жа Тальони ангажирована, въ томъ же городѣ, на двадцать представленій, за 24,000 франковъ.

Платоническая любовь. Въ Парижѣ, въ улицѣ Копо строили домъ, который окончили въ прошломъ мѣсяцѣ.

Съ самаго начала постройки, старикъ, жившій въ той же улицѣ, приходилъ каждый день наблюдать за работами и съ чрезвычайною заботливостью слѣдилъ за успѣхами ихъ. То онъ критиковалъ, то подавалъ совѣты, то заставлялъ перемѣнять нѣкоторыя части, такъ что работники принимали его за хозяина и во всемъ повиновались ему.

Когда постройка была окончена, то домъ нанялъ кухмистеръ, содержавшій табль д'отъ, и чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать новоселье, онъ пригласилъ къ себѣ многихъ гостей.

Старикъ, по обыкновенію, пришелъ полюбоваться своимъ любезнымъ домомъ, но необыкновенная веселость и клики гостей, раздававшіеся по всему дому произвели на него горестное впечатлѣніе.

Сначала онъ только вздыхалъ и жаловался, но мало-по-малу, пришелъ въ неистовство.

— Что несчастный! восклицалъ онъ, обращаясь къ дому; тебя принарядили точно подъ вѣнецъ; они вырвали тебя изъ моихъ объятій!.. Они опозорятъ тебя!..

Сцена изъ повѣсти Призракъ.

Слова эти онъ сопровождалъ отчаянными жестами.

Слѣдя за работами, несчастный старикъ, вѣроятно, вообразилъ, что домъ принадлежалъ ему, и сошелъ съ ума. Онъ бывшій провинціальный актеръ, не безъ таланта; оставивъ прежнее занятіе свое, онъ помѣшался отъ бездѣйствія, а можетъ быть, и отъ другихъ обстоятельствъ.

Его посадили въ домъ умалишенныхъ.

Какъ приняли у насъ г-жу Плесси. Знаменитый фельетонистъ газеты «Le Siècle», г. Пьеръ Дюранъ, шутитъ очень остро, очень мило, но иногда не въ попадъ. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ фельетоновъ, онъ разсказываетъ слѣдующее о дебютахъ мадамъ Плесси на сценѣ нашего Михайловскаго театра.

«Г-жа Плесси не имѣла блистательнаго успѣха, передъ публикой, которая талантамъ высокой комедіи предпочитаетъ актрисъ хорошенькихъ, умѣющихъ переодѣваться въ мужское платье

прельщающихъ и льстящихъ чувственности, довольно неприличными танцами. Такимъ образомъ г-жа Эстеръ де Бонгаръ, покинувшая театръ Variétés, во мнѣніи Русскихъ, всегда будетъ стоять выше, г-жи Плесси.»

Вотъ наши судьи!

Мамлюкъ Наполеона. Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца скончался въ городкѣ Франціи, Дурланѣ, человѣкъ, имя котораго сохранилось въ Исторіи Французской Имперіи, а именно *Рустанъ*, мамлюкъ Наполеона. Онъ получалъ въ послѣднее время отъ 5 до 6,000 франковъ ежегоднаго дохода отъ капитала, который составилъ себѣ продажей подарковъ, полученныхъ имъ отъ Наполеона и другихъ членовъ императорской фамиліи. Извѣстно, что онъ не хотѣлъ слѣдовать за своимъ государемъ на Эльбу; послѣ того онъ жилъ скромно и уединенно въ городкѣ, въ которомъ и умеръ.

Неожиданное наслѣдство. Богатая Ирландка, миссъ Мери Флагерти, скончавшаяся недавно, на 84 году отъ рожденія, назначила лорда Брума полнымъ наслѣдникомъ своего имѣнія, изъ уваженія, какъ сказано въ духовной, къ его политическимъ правиламъ, уму и благороднымъ поступкамъ. Наслѣдство простирается какъ говорятъ, до 20,000 фунтовъ стерлинговъ (около полумилліона рублей ассигнаціями).

Г-жа Андреянова въ Парижѣ. Если г. Дюранъ не отдаетъ намъ справедливости въ томъ, что мы умѣли оцѣнить г-жу Плесси, то мы со своей стороны должны поблагодарить парижанъ за пріемъ, сдѣланный нашей танцовщицѣ, г-жѣ Андреяновой. Вотъ что пишетъ о ней Теофиль Готье, въ журналѣ «La Presse»:

«Г-жа Андреянова молодая Русская танцовщица, и фамилія ея не даромъ кончается на *офъ* (нельзя безъ шуточки! такой народецъ!). Она прибыла сюда изъ Петербурга на время, а совсѣмъ не съ цѣлію ангажироваться при нашемъ балетѣ. Она нарочно проѣхала 800 льё, потому что всякій артистъ, не признанный Парижемъ, не увѣренъ въ своемъ дарованіи. Онъ безпокоится, боится, нѣтъ ли въ немъ еще чего нибудь провинціальнаго.

«Провинціаломъ можно быть въ Лондонѣ, Мадритѣ, Вѣнѣ, Римѣ, словомъ, во всѣхъ большихъ столицахъ.»

«Какъ ученица г-жи Тальони, г-жа Андреянова достойна своей блистательной учительницы. Она блондинка; у нея голубые глаза, какъ у дщери сѣвера, и ножка, очень мило обрисованная. Въ ней есть грація, гибкость и не смотря на непобѣдимый страхъ, отъ котораго она дрожала какъ березовый листъ, она была легка, граціозна и мила.

«Гостепріимныя рукоплесканія послужили ей одобреніемъ и поощреніемъ.

«Мы слышали, что г-жа Андреянова появится еще въ характерномъ па.»

Часы Императрицы Жозефины. Во Франціи, въ Бургѣ, недавно происходила аукціонная продажа разныхъ вещей, между которыми находились часы, принадлежавшіе императрицѣ Жозефинѣ, подаренные ею одной изъ ея придворныхъ дамъ.

Часы эти, какъ увѣряютъ, сдѣланы по случаю развода Жозефины съ Наполеономъ, и аллегорія, изображенная на нихъ, соотвѣтствуетъ этому обстоятельству.

Передъ циферблатомъ представлена статуетка Времени, (вышиною около 35 сантиметровъ), вооруженнаго косой, лезвее которой переломлено и лежитъ на землѣ; возлѣ этого обломка лежитъ также переломленная корона. Напротивъ Времени крылатый геній указываетъ на большаго орла, увѣнчаннаго лаврами и находящагося надъ циферблатомъ.

Орелъ теперь уже не существуетъ; на мѣсто его поставили бюстъ Гомера, несоразмѣрный съ пропорціями часовъ и нисколько не соотвѣтствующій аллегоріи.

Часы эти проданы одному купцу за 715 франковъ.

Новый танецъ. Кажется, Парижъ рѣшился каждую зиму сочинять новый танецъ. Два года тому, господствовала *полька*, прошлаго году *мазурка*; въ нынѣшнемъ году начинаютъ танцовать *редову*.

Что за *редова*?

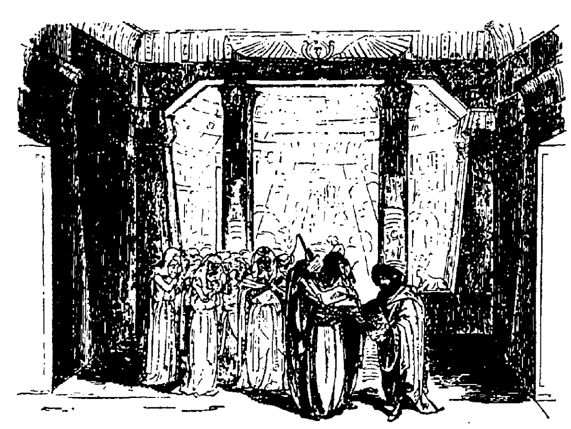
Мы сами еще не знаемъ.

Эти безпрестанныя нововведенія ставятъ въ большое затрудненіе записныхъ танцоровъ. Сколько трудовъ, сколько глубокихъ изученій предстоятъ имъ!... Бѣдные труженики! Впрочемъ есть танцоры, которые выше всѣхъ этихъ нововведеній. Они все танцуютъ и все *на одинъ манеръ*, или *на одну манеру*, какъ говорятъ нѣкоторые. Это *самая лучшая метода*. Покачивайтесь съ боку на бокъ, выступайте смѣлѣе впередъ, побольше дерзости, и все пойдетъ на *ладъ*. Важное дѣло быть смѣлымъ танцоромъ, Съ этимъ качествомъ вы можете быть дерзки, глупы, ничтожны, все что вамъ угодно — васъ будутъ терпѣть, потому что вы хорошій танцоръ. Учитесь же, господа, *редовѣ*, нашествіе которой на парижскіе салоны становится весьма ощутительнымъ.

Трактирщикъ и плутъ. — Часто случается, говоритъ Парижская Gazette des Tribunaux, что удивляются изобрѣтательности и находчивости воровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно сознаться, что имъ еще чаще помогаютъ сами жертвы. Вотъ тому примѣръ.

Это было въ концѣ прошлаго мѣсяца; красивый мужчина остановился въ кафе-ресторанѣ г. Жозефа въ Амьенѣ. Онъ приказываетъ подать себѣ отличный завтракъ; потомъ, вмѣсто того, чтобы потребовать счетъ, спрашиваетъ у хозяина, не можетъ ли тотъ указать ему поблизости меблированную квартиру, въ которой онъ могъ бы прожить недѣли двѣ, чтобы осмотрѣть городъ, окрестности и поближе ознакомиться съ тамошними па-стетами, пользующимися столь заслуженною славою.

Трактирщикъ, возъимѣвшій высокое мнѣніе о своемъ посѣтителѣ по одной уже небрежности, съ которою онъ приказывалъ подавать самыя дорогія блюда, не справляясь о цѣнѣ, отвѣчалъ что онъ самъ можетъ услужить ему, потому что у него есть премиленькая комнатка, очень хорошо меблированная.



Сцена изъ повѣсти Омаръ.

Пять минутъ спустя путешественникъ вступилъ во владѣніе своей новой квартирой, сказавъ хозяину, чтобы тотъ не удивлялся, что у него нѣтъ съ собой никакихъ вещей, потому что чемоданы его должны прибыть черезъ два дня съ Лильскимъ дилижансомъ.

Съ этой минуты красавецъ путешественникъ, назвавшій себя офицеромъ, сдѣлался постояннымъ жильцомъ трактирщика; онъ обѣдалъ у него, угощалъ посѣтителей, занималъ у хозяина деньги, чтобы идти въ театръ, такъ, что по прошествіи нѣсколькихъ дней, задолжалъ до двадцати наполеондоровъ.

А между тѣмъ чемодановъ его все еще не было и хозяинъ начиналъ безпокоиться. Замѣтивъ это путешественникъ воспользовался удобной минутой и отведя господина Жозефина въ сторону, объявилъ ему съ огорченнымъ видомъ, что онъ очень виноватъ предъ нимъ.

— Я употребилъ во зло вашу доброту, почтеннѣйшій мосье Жозефъ, сказалъ онъ; вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ совсѣмъ не слѣдовало останавливаться въ Амьенѣ, потому что меня нетерпѣливо ожидаютъ въ Парижѣ. Я вышелъ въ отставку и поступаю секретаремъ къ принцу де Линю, Бельгійскому посланнику въ Парижѣ. Хотите ли, что бы я вамъ въ подробности открылъ свое легкомысленное поведеніе?... Узнайте жъ, что у меня нѣтъ ни одного су, я все проматалъ здѣсь — и мнѣ не съ чѣмъ воротиться въ Парижъ!

Трактирщикъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Я въ этомъ не вижу ничего утѣшительнаго для себя!

— Конечно; но я не хочу оставить здѣсь долга; вы слишкомъ благородно поступили со мною... Знаете ли что, мой добрый мосье Жозефъ? Принесите мнѣ послѣднюю жертву! Докажите мнѣ еще разъ вашу дружбу; поѣдемте вмѣстѣ въ Парижъ; по пріѣздѣ мы вмѣстѣ отправимся въ посольство и изъ денегъ, въ которыя мнѣ, вѣроятно не откажутъ въ счетъ будущаго моего жалованья, я съ признательностію заплачу вамъ свой долгъ.

Честный трактирщикъ колебался. Ему не хотѣлось оставить безъ надзора свое заведеніе; но съ другой стороны ему нельзя же было отпустить и должника! Наконецъ онъ согласился ѣхать съ нимъ и въ тотъ же день они оправились, взявъ съ собою нѣсколько отличнѣйшихъ пастетовъ на счетъ будущаго секретаря который хотѣлъ подарить ихъ въ Парижѣ знакомымъ.

Во всю дорогу молодой человѣкъ былъ чрезвычайно милъ и любезенъ; ѣлъ и пилъ до сыта на каждой станціи, заставляя своего товарища платить за себя.

Наконецъ они прибыли въ Парижъ, но было еще слишкомъ рано, чтобы идти въ посольство, а потому они зашли въ ресторанъ, гдѣ молодой человѣкъ попотчивалъ трактирщика устрицами, за которыя послѣдній заплатилъ.

Послѣ завтрака они пошли въ посольство. Поворотивъ въ улицу Кастильонъ, будущій секретарь подвелъ трактирщика къ дому министерства финансовъ и сказалъ:

— Подождите меня здѣсь одну минуту; мнѣ надобно сперва зайдти одному, а потомъ, если хотите, я представлю и васъ. Подождите меня здѣсь у крыльца; я сейчасъ ворочусь съ денежками, и мы разсчитаемся.

Съ этими словами онъ исчезъ и — былъ таковъ!

Онъ успѣлъ пройдти дворомъ и выдти въ другой подъѣздъ на улицу Риволи.

Сцена изъ поэмы Анджело.

Прождавъ два часа, бѣдный трактирщикъ сталъ

справляться и ему объяснили ,что, вѣроятно, онъ попался въ руки смѣлаго плута.

Передъ отъѣздомъ изъ столицы онъ подалъ жалобу; но Парижъ великъ, объясненія трактирщика неопредѣленны; притомъ же онъ самъ долженъ уѣхать, а потому мало надежды поймать плута, который, по видимому, уже опытный малый.

Складной дворецъ. Въ Парижѣ былъ выстроенъ деревянный дворецъ, потомъ разобранъ, нумерованъ и нагруженъ для отсылки въ Таити. Дворецъ этотъ назначенъ для губернатора французскихъ поселеній въ Океаніи. Но во время переѣзда, отъ сырости и перемѣны температуры складной дворецъ значительно попортился, такъ что на мѣстѣ нужно было почти все передѣлать, и онъ обошелся почти вдвое дороже противъ первой смѣты, а именно въ 200,000 франковъ.

ОПЕРА ВЪ ЛУБНАХЪ.

Человѣкъ любитъ общество; почему? часто самъ не объяснитъ, а любитъ безсознательно; оно ему необходимо, какъ хлѣбъ насущный, какъ воздухъ... Вотъ причина, отчего ярмарки въ провинціи составляютъ величайшій современный интересъ для окрестныхъ жителей. Мало того, что на ярмаркахъ можно кое что необходимое продать дешево и много кое чего ненужнаго накупить дорого... на ярмаркѣ бываетъ публика; здѣсь барыня можетъ показать свою новую шляпку и заставить плакать отъ зависти свою сосѣдку, задушевнаго друга; сюда стремятся ремонтёры, народъ молодой и, по вѣроятности, богатый; сюда вывозятъ уѣздныя барышни свои наряды, свои мечты, маленькія причуды, капризы и фантазіи, взрощенныя въ тишинѣ деревенскаго сада, въ уединенной комнатѣ, которая такъ часто въ часы безсонныхъ ночей оглашалась глубокими вздохами «о немъ,» объ идеалѣ, ни мало

Сцена изъ поэмы Домикъ въ Коломнѣ.

не похожемъ на облизаннаго засѣдателя или растрепаннаго усача становаго, единственныхъ сосѣдей!... сюда матушка вмѣстѣ съ дочерьми вывозятъ свои надежды и чепчики, старики-помѣщики свои уродливые фраки, домашнюю скуку, картузы и слугъ въ короткихъ брюкахъ, свидѣтельствующихъ объ экономіи барина.

Словомъ, все стремится на ярмарку, болѣе или менѣе счастливое будущимъ. Тамъ общество, тамъ можно обнять пріятеля, котораго давно не видѣлъ, можно отвернуться очень эфектно отъ «врага», можно сторо-

Сцена изъ сказки о Царѣ Берендеѣ.

ной узнать что нибудь, или распустить необходимую ложь; тамъ бываютъ собранія, танцы, балаганы, театръ; туда пріѣзжаетъ ловкій Французъ съ «настоящимъ» клико, съ трюфельными колбасами изъ Страсбурга, съ парижскими сардинками... съ гаванскими сигарами... И всѣ спѣшатъ на ярмарку: и молодая дѣвушка, жаждущая веселья, танцовъ, любви, жизни, и старикъ, смотрящій въ гробъ, и ему надобно, и онъ торопится. Поѣзжайте, дядюшка!... совѣстно умереть, не покушавъ колбасы съ трюфлями. Въ августѣ этого года я былъ свидѣтелемъ подобной сумасохи. 6-го августа, въ городѣ Лубнахъ была ярмарка; всѣ окрестности взволновались, городокъ оживился, квартиры вздорожали до смѣшной крайности: за гадкую лачугу платили дороже, нежели въ Петербургѣ платятъ за прекрасный нумеръ въ лучшей гостинницѣ; по улицѣ въ облакѣ пыли мелькали разновидные картузы и гремѣли восклицанія:

— А!
— У!

— Вы ли?...
— Мое почтеніе!
— Ей Богу, я!!
— Покорно благодарю.
— Когда?
— Вотъ, какъ видите!
— Давно ли?
— Сейчасъ только!
— Съ утра, батюшка!
— Съ фамиліей?...
— Съ фамиліей!...
— Ого!!...
— Эге!...

Старыя дѣвы и пожилыя вдовы шныряли по городу съ ридикюлями въ рукахъ и съ вѣстями на языкѣ;— отъ нихъ скоро весь городъ узналъ, что собраніе врядъ ли состоится, потому что танцовать дѣвушкамъ не съ кѣмъ, кавалеровъ нѣтъ, нѣтъ полка на постоѣ и театра тоже не будетъ, уѣхалъ прямо съ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Елисаветградъ, играть во время смотра... городокъ пріуныль. И вдругъ, представьте себѣ всеобщее изумленіе, когда «въ одно прекрасное утро» явилась по городу слѣдующая афиша:

Съ дозволенія начальства, сего 1845 года, августа 6, то есть, въ Понедѣльникъ.

Труппа артистовъ оперы подъ дирекціею Вильгельма Фонъ Шмидкофъ будетъ имѣть честь представить комическую оперу въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія Бомарше, переводъ Г. Богуславскаго, музыка соч. Россини, подъ названіемъ:

СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ.

Дѣйствующія лица: Графъ Альмавива, г. Шмидкофъ. Докторъ Бартоло, г. Малевскій. Розина, его воспитанница, д-ца Шмидкофъ. Базилій, учитель музыки, г. Ярошевичъ. Берта, горничная Розины, г-жа Шмидкофъ. Фигаро,

Домикъ въ Коломнѣ.

Севильскій Цырюльникъ, г. Новогоньскій. Алькадъ, г. Семашко. Нотаріусъ, г. Ганеъ. Фіорилло, лакей Графа, г. Розвадовскій. Амброзій, Лука—слуги Бартола, гг. Демозырскій, Полюто. Офицеръ, г. Шухтъ. Солдаты. Музыканты.

И такъ въ Лубнахъ будетъ театръ, да еще

опера, зрѣлище современное, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ въ Петербургѣ; наконецъ Лубенцы услышатъ лучшее произведеніе Россини—Севильскаго цирюльника!... Вся публика устремилась къ полуразрушенному балагану, именуемому театромъ... я, грѣшный человѣкъ, люблю Севильскаго цирюльника, можетъ быть, потому что люблю хорошую музыку, а можетъ быть, и оттого, что слышалъ и видѣлъ въ немъ Рубини, Гарсію и неподражаемаго Тамбурини; а подобные люди не вспоминаются безъ чувства глубокаго удовольствія... и я пошелъ за билетомъ; но въ кассѣ билетовъ не оказалось. «Спросите у хозяина, на дому» сказали мнѣ. Я пошелъ къ хозяину, съ трудомъ досталъ билетъ — (видно вездѣ, на Руси не легко попасть въ оперу), — и случайно видѣлъ примадонну театра, мадамъ Шмидкофъ. Она очень простодушно гладила въ передней какое то платье, положивъ на спинки двухъ стульевъ длинную доску, обшитую холстомъ!...

Насталъ вечеръ. Театръ наполнился елико возможно зрителями, освѣтился «стеариновыми» свѣчами. И музыка, принадлежащая Шмидкофу, заиграла увертюру безъ грому, стуку, треску и прочихъ ужасовъ, но ровно, чисто и пріятно; затѣмъ поднялся занавѣсъ и началось представленіе. А опера? спросите вы. — На это я вамъ скажу вотъ что : по моему мнѣнію, множество ошибочныхъ сужденій происходятъ отъ неумѣнья людей судить о вещахъ; многіе изъ насъ очень часто судятъ, наперекоръ законамъ логики, судятъ, о предметѣ не такъ, какъ онъ есть; часто ищутъ въ сапожникѣ достоинствъ танцмейстера, охуждаютъ чижа за то, что онъ поетъ хуже соловья, а не вздумаютъ спросить себя : «да соловей ли онъ по натурѣ?... Я люблю соловья, когда онъ поетъ, окруженный пышными благоухающими декораціями весенней теплой ночи; но, воля ваша, невыразимо пріятно мнѣ слушать въ осиротѣлой рощѣ осенью свистъ и чиликанье веселой синички, прыгающей съ обнаженной вѣтки на вѣтку... — она такъ убѣдительно говоритъ о жизни среди всеобщаго запустѣнія, омертвѣнія!... Сравнивать труппу Шмидкофа съ Италіянской Оперой Петербургскаго Императорскаго Театра было бы нелѣпо, какъ нелѣпо сравнивать Лубны съ Петербургомъ... Но говоря относительно, она исполнила оперу очень порядочно; даже мадамъ Шмидкофъ, имѣющая не обширный, но пріятный и обработанный, голосъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была даже очень хороша... одинъ Новогоньскій казался мнѣ немного мужиковатымъ; въ его манерахъ было что то дубовое. Впрочемъ, можетъ быть, это оттого что противъ воли представлялся мнѣ въ это время неподражаемый Фигаро-Тамбурини...

Лубенская публика, благодаря Бога, показала, что она сочувствуетъ прекрасному — вызовамъ конца не было, и вызывали съ южнымъ энтузіазмомъ. На мадамъ Шмидкофъ посыпались цвѣты; видно, подобныя награды не часто достаются молодой артисткѣ, потому что она отъ этого немного смѣшалась... Правда, въ толпѣ были два, три голоса, которые, начитавшись газетъ, ворчали! гадко, мерзко! то ли дѣло Рубини, Альбони: и проч... — Они отроду не слыхали Рубини и «воображаютъ», что онъ поетъ не человѣческимъ голосомъ! — сказалъ мнѣ одинъ образованный Лубенскій помѣщикъ... Молодое воображеніе часто вводитъ человѣка въ ошибки; не сердитесь на нихъ... они добрые люди!

— Совершенно согласенъ; оставимъ ихъ. Но «общій» восторгъ показываетъ, до какой степени чувство музыки сродно Малороссіянамъ, и какую оперу имѣла бы Россія, если бъ гдѣ нибудь на югѣ (только не между Татарами) завести музыкальную консерваторію.

Е. Гребенка.

САДОВОДСТВО.

Письмо въ Редакцію Иллюстраціи.

Въ вашей Иллюстраціи вы странствуете по чужимъ изданіямъ, и извлекаете изъ нихъ все замѣчательное и любопытное; но еще не обратили вниманія на журналъ, издаваемый въ Москвѣ Россійскимъ обществомъ любителей садоводства, состоящимъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Этотъ журналъ, существующій съ 1838 года, кромѣ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся къ распространенію и улучшенію садоводства въ Россіи, заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о новыхъ открытіяхъ, цвѣточныхъ выставкахъ и другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ; наприм., въ № 4 нынѣшняго года вы бы нашли описаніе о *ваниль*, цвѣтущей и приносящей плоды съ сѣменами у насъ въ Россіи, Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, въ селѣ Качановкѣ, тогда какъ это явленіе почитается рѣдкостью даже въ европейскихъ садахъ; но покуда вы сами вздумаете во время вашего странствія заглядывать въ этотъ журналъ *), просимъ помѣстить прилагаемую выписку, о *Садоводствѣ въ Нерчинскѣ*. Причемъ не безполезнымъ почитаемъ увѣдомить васъ, что этотъ журналъ пользуется извѣстностью не только въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ, Дрезденѣ, Миланѣ и проч., но даже въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Америки, что должно быть весьма лестно для Русскихъ.

*) Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 6 книгъ, съ 12-ю иллюминованными рисунками, съ пересылкою во всѣ города Россіи, стоитъ 5 руб. серебр. Редакція въ Москвѣ, въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Іоанна Предтечи, въ домѣ Классена.

САДОВОДСТВО въ НЕРЧИНСКѢ.

Кто бы могъ подумать, что въ Сибири, въ Нерчинскѣ, есть любители ботаники и садоводства изъ природныхъ Русскихъ! и есть сады съ рѣдкими растеніями! Однако мы прочли въ № 5 сего года, журнала Садоводства, письма изъ Нерчинска, отъ почтеннаго гражданина Юренскаго, что онъ уже семь лѣтъ, путешествуя въ Дауріи, обогащаетъ свой садъ и гербарій новыми растеніями. Такъ, въ 1848 году, онъ нашелъ *красное дерево* въ окрестностяхъ Нерчинска на Баронскомъ островѣ; изъ этого дерева Тунгузы и Буряты дѣлаютъ разныя вещи, для украшенія юртъ и ящики для своихъ бурхановъ. Дерево кору имѣетъ черную, а древесину всю алую, листы блестящей зелени, цвѣты мелкіе и ягодки черныя. Въ Тибетской медицинѣ листы и кора употребляются въ лекарство; въ Китайскихъ медикаментахъ они всегда находятся и вмѣстѣ съ прочими у нихъ вымѣниваются.

Кромѣ того, г. Юренскій нашелъ въ Нерчинскомъ округѣ еще растеніе *женсинъ*, которое дорого цѣнится китайцами, и по ихъ мнѣнію, служитъ для всѣхъ болѣзней, даже молодитъ людей, возвращая имъ утраченныя физическія силы.

Еще говоритъ онъ о пунцовыхъ *лиліяхъ*, по 10 и 15 на одномъ стеблѣ, прекрасное растеніе, котораго луковицы, охваченныя морозомъ бываютъ очень пріятнаго вкуса и сахаристы. Буряты варятъ ихъ въ водѣ, Тунгусы дѣлаютъ изъ нихъ пироги, и кладутъ во щи, а Русскія дамы въ Нерчинскѣ, кушаютъ ихъ вмѣсто десерта. Но когда свалится листъ съ деревъ, то въ Даурскихъ степяхъ и въ окрестностяхъ Нерчинска часто встрѣчаются люди съ заостренными палками и длинными мѣшками; они раззоряютъ урганы полевыхъ мышей, и иногда загребаютъ въ одномъ мѣстѣ до 20 фунт. и болѣе этихъ луковицъ, которыми Буряты запасаются на цѣлую зиму.

Еще г. Юренскій говоритъ о сибирскомъ *ревенѣ*, котораго корень употребляется въ медицинѣ и вымѣнивается съ прочими медикаментами изъ Китая; о *желтомъ макѣ*, во множествѣ растущемъ около Нерчинска, который макъ въ цвѣтѣ употребляется, какъ превосходнѣйшее средство отъ желтой лихорадки или отъ желтизны въ глазахъ и въ тѣлѣ.

Наконецъ изъ приложеннаго при письмѣ прейсъ-куранта о Даурскихъ цвѣточныхъ, древесныхъ сѣмянахъ и луковицахъ, продающихся у г. Юренскаго, видно, что въ Нерчинскомъ саду его имѣется до 50 разныхъ сортовъ рѣдкихъ цвѣтовъ и деревъ.

Мы увѣрены, что это пріятное извѣстіе возбудитъ любопытство, не только Русскихъ, но и иностранныхъ читателей вашей Иллюстраціи и проч.

Отъ Редакціи. Благодаримъ и за доставленіе любопытнаго свѣдѣнія и за исключенное окончаніе письма. Вѣримъ доброжелательству каждаго истинно Русскаго человѣка.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
ГЛИНКА.

Кто не знаетъ достопочтеннаго ветерана нашей литературы, Сергѣя Николаевича Глинки? Недавно еще бодрый, живой, онъ въ преклонныхъ лѣтахъ застигнутъ такимъ несчастіемъ, котораго ничто вознаградить не можетъ; въ особенности для литератора, для кого чтеніе составляетъ нравственную необходимую пищу. Сергѣй Николаевичъ лишился зрѣнія. При весьма недостаточномъ состояніи, литературный трудъ до послѣдняго времени служилъ ему надежной опорой, потому что это средство было въ рукахъ его, но судьба отняла возможность трудиться для пользы отечества, для поддержанія своего существованія. С. Н. Глинка, самъ лицо историческое, неразрывно связанное съ блистательными событіями незабвеннаго 1812 года; онъ гремѣлъ словомъ убѣдительнымъ противу враговъ Россіи и Русскій Вѣстникъ обратился въ любимое народное чтеніе; Русская исторія С. Н. Глинки донынѣ еще не утратила достоинствъ; послѣднимъ изданіемъ маститаго Патріота было Русское Чтеніе. Это сборникъ весьма интересныхъ историческихъ статей, основанныхъ на документахъ и фактахъ. По нашему мнѣнію, теперь на каждомъ Русскомъ лежитъ двойная обязанность пріобрѣсти эту книгу. Неужели заслуги, подобныя заслугамъ С. Н. Глинки могутъ быть забыты русской публикой? Не вѣримъ и предлагаемъ посредничество наше для всѣхъ желающихъ пріобрѣсти Русское чтеніе. Цѣна книги въ двухъ частяхъ — 5 р. сер. За пересылку гг. иногородныхъ прилагается за 1 фунтъ. Имена обратившихся съ требованіями въ редакцію будутъ напечатаны. Ожидаемъ приказаній.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

—

I.

ЕЛКА.

Прощай, сосѣдка! — Ты куда,
Въ дорогу что ли? Да,
А ты какъ думаешь: все съ вами,
Да съ волками,
Сидѣть, небось?
Нѣтъ, вы сидите,
Коль хотите,
А я въ столицу!.. Ты, авось,
Хоть не увидишь,
Такъ услышишь,
Какая участь насъ ждала! —
Сказала гордо елка елкѣ,
И на чухонской одноколкѣ
Въ столицу прибыла.
Тамъ, точно,
Какъ нарочно,
Попала елка въ честь.
Вотъ елку холятъ, украшаютъ,
Свѣчами освѣщаютъ,
И на нее, Богъ вѣсть,
Чего не прицѣпляютъ!
Не шишки ужъ на ней,

Какъ прежде, смоляныя; —
Орѣхи золотые,
(Хоть иногда пустые),
Блестятъ среди огней,
И яблоки, ранеты,
Съ картинками конфеты;
Ну, словомъ, ей почетъ такой,
Что ей не вѣрится самой;
И такъ зазналась напослѣдокъ,
Что на сосѣдокъ
И не взглянула бы теперь.

Раскрылась дверь,
И съ нетерпѣньемъ,
Стоявшая у ней,
Толпа дѣтей
Вбѣжала съ восхищеньемъ,
И съ удивленьемъ,
И съ почтеньемъ,
На елку смотрятъ всѣ.
Ну, какъ же елкѣ не зазнаться?
Но ахъ! ея красѣ
Не скоро ль миноваться!
Какъ знать!..

Вотъ раздавать
Подарки стали,
И, наконецъ, все съ елки сняли,
Чѣмъ чванилась она;
И какъ была ужъ больше не нужна,
То приказали
Ее на черный бросить дворъ...

Тамъ елка вспомнила свой боръ.

Свѣчинъ.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Сементовскому. Получили съ признательностію.

Въ К. подъ буквами ZZ. Не хуже васъ и насъ, авторъ знаетъ достоинство своихъ воспоминаній и тѣ источники, кои питали его память. Если же вы непремѣнно хотите, извольте. Мы не любимъ этихъ мелочныхъ разборовъ мелочнаго. Не обинуясь, не обращая никакого вниманія на личность и поведеніе людей, говоримъ, что думаемъ. И если достанетъ терпѣнія, скажемъ и наше мнѣніе; но согласитесь, читать старое, давно извѣстное, слышанное еще въ дѣтствѣ, скучно; въ качествѣ издателя еженедѣльника, мы сдѣлаемъ себѣ принужденіе. —

О—о—о. Per visum multum
Cognoscere stultum.

Это такая Латинская пословица, а впрочемъ не всякое лыко въ строку.

- - - · - Вафельный домикъ все стоитъ на мѣстѣ; а вашего тюленя все нѣтъ, какъ нѣтъ. Мы и не видали вашего тюленя, а уже разсмотрѣли внутренность.

Г. К. И. Г. О. Мы не читали знаменитаго романа: Listopad, но слышали про него весьма много хорошаго. Не угодно ли вамъ прислать экземпляръ въ подлинникѣ, тогда мы дадимъ отвѣтъ на счетъ перевода.

Г. А — му. Плюйе. И нашъ, и вашъ.

Г. С.и.д.-му. Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ...

Г. И—му. Куда намъ думать о такомъ предпріятіи! Collection des documents inédits, relatifs à l'Histoire de France et les élements de Paleographie — издаются государственными средствами. Несомнѣнно, что Россія могла бы представить великолѣпнѣйшую и занимательную коллекцію монументовъ и документовъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы не сомнѣваемся. И вы не сомнѣвайтесь!

Г. Л—ку. Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ!

Г. О. Н. И. Нѣтъ никакой возможности. Въ вашей статьѣ по-крайней-мѣрѣ сто печатныхъ листовъ, а въ годовомъ изданіи Иллюстраціи всего 96. —

Г. С—ву и О. П. Желаемъ вамъ счастливо встрѣтить новый годъ. Намъ грустно думать, что порядокъ выхода NN Иллюстраціи, лишитъ насъ удовольствія читать ваши Еженедѣльники. И такъ до 5-го Января.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ИЗДАНІИ

ИЛЛЮСТРАЦІИ,

НА 1846 ГОДЪ.

—

Съ 36-мъ нумеромъ оканчивается первый вступительный годъ изданія Иллюстраціи. Въ 36 нумерахъ помѣщено до 500 статей, разнообразнаго содержанія: романы, повѣсти, путешествія, статьи ученыя, технологическія, хозяйственныя, художественныя, музыкальныя, театральныя и другія, съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ, числомъ до 600, почти вдвое противу числа обѣщаннаго первымъ объявленіемъ. Сверхъ того безплатно розданы прибавочные листы, изъ коихъ одинъ заключаетъ отчетъ Императорской Академіи Художествъ, другіе начало одного изъ лучшихъ Европейскихъ романовъ, извѣстнаго остроумнаго писателя Альфонса Карра. Впредь нѣкоторыя, какъ иностранныя, такъ и оригинальныя сочиненія, будутъ выдаваться гг. подписчикамъ, прибавочными листами въ неопредѣленные сроки. Въ будущемъ 1846-мъ году, такимъ образомъ, между прочимъ, безплатно будетъ выданъ оригинальный романъ Н. Кукольника изъ временъ Петра Великаго, подъ заглавіемъ: Баронъ Фанфаронъ и Маркизъ Петиметръ.

Гг. Подписавшіеся на полученіе Иллюстраціи съ 1-го Января 1846 года получатъ и прибавочные листы, въ коихъ заключается начало романа: Училище и Свѣтъ, А. Карра.

Подписка принимается.

Въ С. Петербургѣ: Въ Редакціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близь Семеновскихъ казармъ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ Проспектѣ, противу Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и у А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевой, и у книгопровцевъ Свѣчникова и Базунова въ книжныхъ магазинахъ на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета, и на Никольской улицѣ, подъ N N 4 и 5-мъ.
Въ Одессѣ, въ Библіотекѣ для чтенія и продажи книгъ, Золотова и Тотти.

Подписная цѣна.

	Безъ перес. и доставки.	*Съ перес. и достав.*
на 1846-й годъ: 48 нумеровъ, 96 печатныхъ листовъ, съ гравюрами, числомъ до 700. — — —	10 р. сер.	11 р. 50 к. р.
Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучатъ слѣдующіе имъ за первые три мѣсяца 1846 года, нумера и при возобновленіи своихъ билетовъ вносятъ только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по — — — —	7 р. 50 к. сер.	9 р. — —
Желающіе получить первый вступительный годъ Иллюстраціи, или 1 томъ, въ 36 нумеровъ въ 74 печатныхъ листа съ гравюрами числомъ до 600 платятъ — — —	7 р. 50 к.	9 р. — —
За тотъ же 1-й томъ въ простомъ переплетѣ —	8 р. сер.	9 р. 50
За тотъ же 1-й томъ, въ Англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ —	8 р. 50	10 р.
Утратившіе отдѣльные нумера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, внося особо за каждый нумеръ.		— 25

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

—

По случаю назначенія бенефиса г-жи Мольтини, вмѣсто субботы 15 декабря, въ понедѣльникъ 17 Декабря сего мѣсяца, 1-й абонементъ пойдетъ уже въ пятницу на слѣдующей недѣлѣ,—послѣ представленія J Templario, отъ котораго мы ожидаемъ много хорошаго, какъ отъ оперы принесшей славу композитору ея, пойдутъ репетиціи превосходной оперы Доницзетти La favorita.

Бенефисъ Замта вмѣсто понедѣльника назначенъ въ среду, онъ состоитъ изъ водевиля: Der Seifensiedler и ком. Die Studenten.

Г-жа Смирнова, оправившись отъ болѣзни, въ скоромъ времени опять явится на сцену въ балетѣ Дая.

Здоровье пѣвицы г-жи Кастелланъ, уже нѣсколько времени одержимой болѣзнію, значительно поправляется.

КВАДРАТНЫЙ ФЛИГЕЛЬ.

— Вы вѣрно слышали въ представленіяхъ Севильскаго Цырюльника, какъ поетъ романсы и пѣсенки г-жа Віардо Гарсія...

— Слышали.

— Вы вѣрно замѣтили, какъ она искусно акомпанируетъ себѣ, какъ блистательно дѣлаетъ прелюдіи, и притомъ безъ всякихъ претензій.

— Замѣтили.

— Но вѣрно не обратили вниманія, изъ какого инструмента она извлекаетъ могущественные, полные звуки, не по росту для обыкновеннаго фортепіано, потому что это и не фортепіано и не флигель, или лучше сказать, флигель, только не крылообразный, по образу и подобію всѣхъ флигелей въ свѣтѣ. Это флигель и силой и обширностью регистра, всѣмъ, всѣмъ флигель, только флигель квадратный (Royal carré). На этомъ флигелѣ тѣ же $7^{3}/_{4}$ октавъ, сила та же; вы не вѣрите? это легко объяснить. Ящикъ обыкновеннаго фортепіано такъ тѣсенъ, что струны, начиная съ дискантной октавы дѣлаются короче, короче, такъ, что послѣднія не имѣютъ длины дамской шпильки. Какой же тутъ можетъ быть звукъ? А о силѣ и говорить нечего. Г. Лихтенталь, которому это дѣло обязано многими значительными усовершенствованіями, какъ истинный артистъ въ душѣ, любя свое занятіе, какъ искуство, а не прибыльное ремесло, долго съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на недостаточныхъ покупателей обыкновенныхъ фортепіанъ, и рѣшился слѣ-

лать опытъ собственно для нихъ. Ящикъ нѣсколько расширенъ; струны басовыхъ октавъ легли по прежнему, но такъ какъ имъ дискантовыя уступили свое мѣсто, то и эти струны могли лечь удобнѣе; а дискантовыя, которыхъ перестали стѣснять грубые сосѣди, легли поперегъ на своемъ особенномъ мѣстѣ. Послѣ такого раздѣла оба регистра получили самостоятельность, а инструментъ пріобрѣлъ силу, ничѣмъ не уступающую силѣ флигеля, держитъ строй ничѣмъ не хуже крылообразнаго соперника, занимаетъ меньше мѣста и дешевле въ половину. Квадратный флигель, задуманный первоначально для людей недостаточныхъ, теперь удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и можетъ служить предметомъ роскоши, точно также, какъ и крылообразный. Мы не любимъ писать похвалъ гиперболическихъ. Все сказанное — истина, безъ малѣйшей прикрасы. Каждый можетъ убѣдиться собственными руками и ухомъ: стоитъ только во время прогулки по Невскому проспекту, завернуть въ Караванную и посѣтить мастерскія г. Лихтенталя.

Квадратный флигель г-на Лихтенталя.

ФИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Первая книжка журнала: Финскій Вѣстникъ на 1846-й годъ, выйдетъ 1-го наступающаго Января. Въ ней будутъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: Лѣсничій, повѣсть Е. П. Гребенки; Встрѣча на Невскомъ проспектѣ, разсказъ Виллламова; историческая статья П. Г. Буткова, правоописательныя статьи В. И. Луганскаго и А. П. Башуцкаго, нравы и обычаи Пруковъ Н. А. Ушакова, Военная статья А. П. Апенскаго и проч. Сверхъ того, гг. подписавшимся будетъ безплатно выданъ первый выпускъ одного изъ лучшихъ Европейскихъ Романовъ: Шведскіе Контрабандисты.

=

Императорское Вольное Экономическое Общество извѣщаетъ, что по его порученію, Членъ онаго Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Иванъ Савичъ Вавиловъ по миновавіи распутицы, вновь откроетъ публичное чтеніе полнаго практическаго курса коммерческихъ знаній и товаровѣдѣнія, по четвергамъ, отъ 7 часовъ вечера, начиная съ 13 декабря, въ домѣ Общества, на Обуховскомъ проспектѣ.

=

Первое общее собраніе гг. акціонеровъ Россійскаго морскаго и рѣчнаго **СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА**, назначено во вторникъ, 18 сего декабря, въ 12 часовъ утра, въ домѣ Таля, подъ N 7, на Невскомъ проспектѣ, противу Малой Морской.

=

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Отвѣты на нѣкоторыя письма, въ томъ числѣ и на письмо г. Булгарина, вчера полученное, не могли быть помѣщены въ этомъ нумерѣ, за позднимъ доставленіемъ этихъ писемъ въ Редакцію. До слѣдующаго нумера.

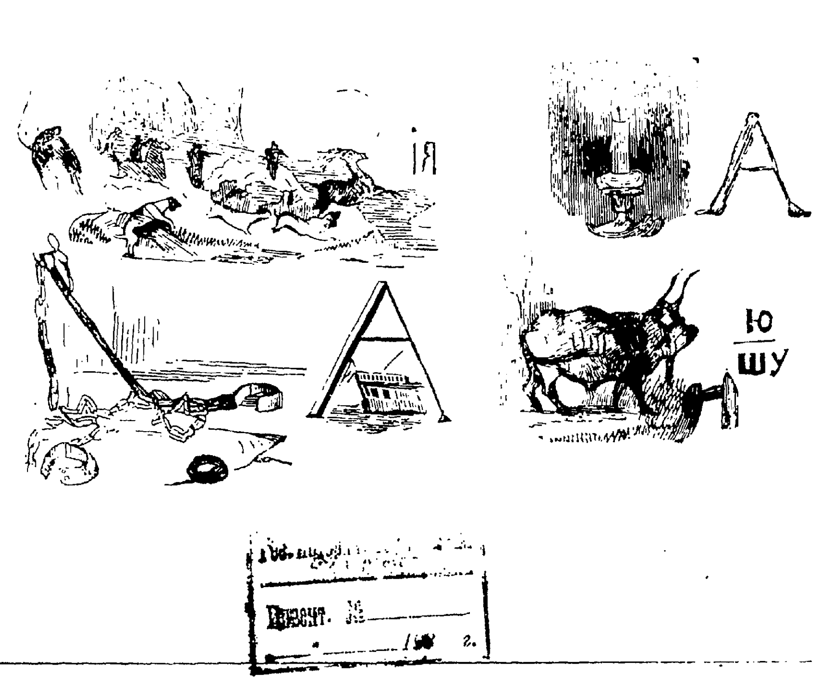
=

РАЗГАДКА № 35.

1) Ве — ръ, послѣднее въ костюмѣ.

2) Веръ послѣднее въ костюмѣ.

ЗАГАДКА № 36.



Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. Въ теченіи девяти мѣсяцевъ слѣдовало выдать, и выдано 36 нумеровъ. Изданіе Иллюстраціи на 46-й годъ начнется, само собою разумѣется, съ новаго года. Первый нумеръ (въ общей нумераціи 37-й) выйдетъ въ первую субботу послѣ новаго года т. е. 5-го января.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, Декабря 14 дня 1845 года. Цензоры: А. Никитенко и А. Очкинъ. Въ типографіи И. Фишона.